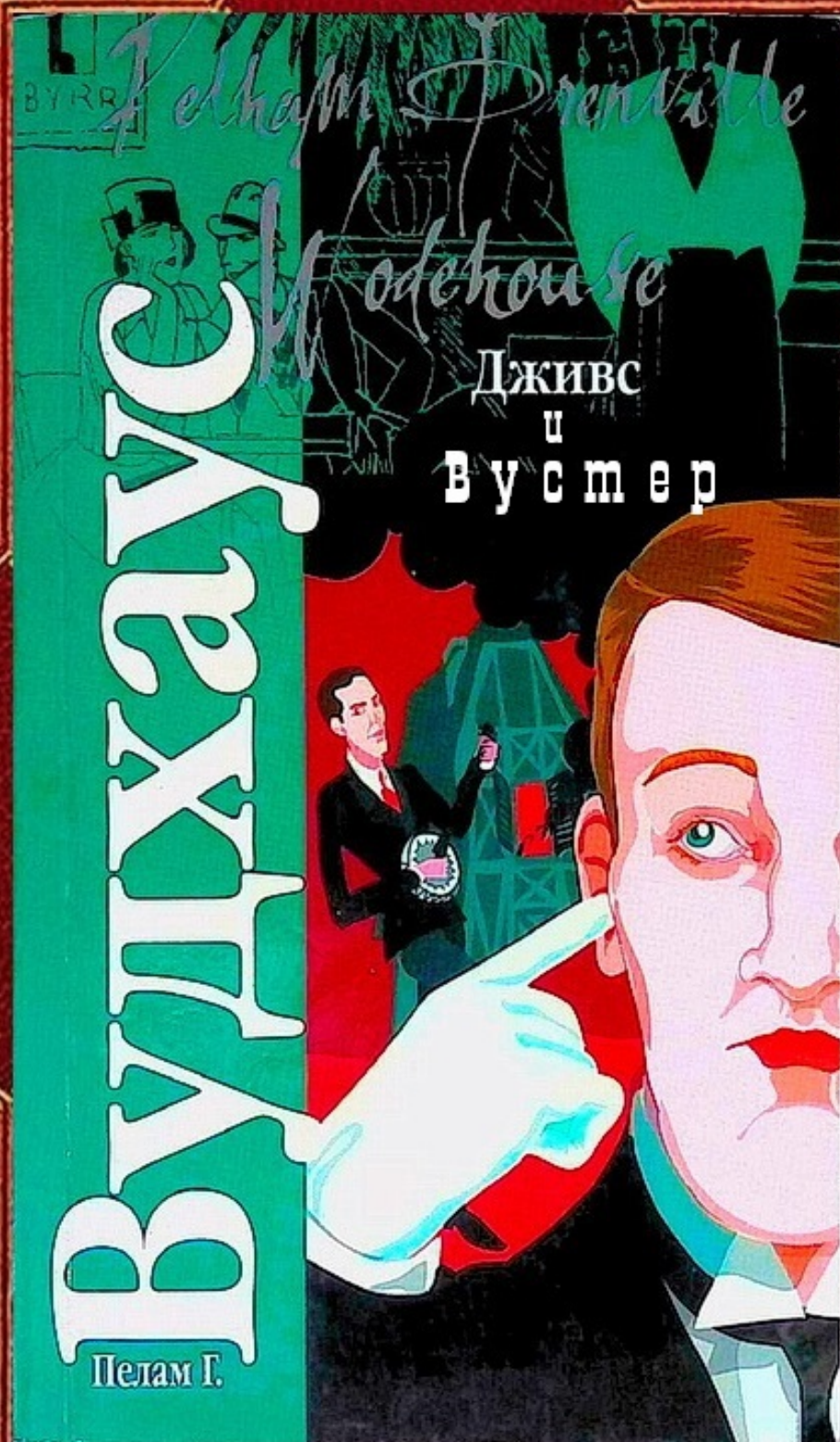

Пелам
Вудхаус

ВУДХАУС

Пелам Г.

Ю М О Р

Цикл юмористических рассказов и романов о молодом и богатом британском аристократе-бездельнике Бертраме Уилберфорсе Вустере и его находчивом слуге Реджинальде Дживсе. Берти отчаянно избегает женитьбы, к которой его склоняют его тетушки, и часто попадает в забавные передраги и авантюры, из которых его выручает только сообразительный и эрудированный Дживс. По мотивам произведений снят одноименный телесериал с участием Хью Лори в роли Вустера и Стивена Фрая в роли Дживса.

Содержание:

ДЖИВ И ФУСТЕР:

1. Этот неподражаемый Дживс (*Перевод: А. Балясников*)
2. Вперёд, Дживз! (*Перевод: Михаил Гилинский*)
3. Так держать, Дживз! (*Перевод: Михаил Гилинский*)
4. Дживс, вы - гений! (*Перевод: Юлия Жукова*)
5. Ваша взяла, Дживс (*Перевод: Иван Шевченко*)
6. Кодекс чести Вустеров
7. Радость поутру (*Перевод: Инна Бернштейн*)
8. Брачный сезон
9. Не позвать ли нам Дживса? (*Перевод: Инна Бернштейн*)
10. Дживс и феодальная верность
11. Дживз уходит на каникулы (*Перевод: Светлана Чулкова*)
12. Держим удар, Дживс! (*Перевод: Иван Шевченко*)
13. Тысяча благодарностей, Дживс! (*Перевод: Леонид Мотылев, Людмила Мотылева*)
14. Тетки – не джентельмены

Джив и Фустер. Рассказы:

1. Бинго Не Везет В Гудвуде (*Перевод: А. Балясников*)
2. Дживс шевелит мозгами (*Перевод: А. Балясников*)
3. Свадебные колокола отменяются (*Перевод: А. Балясников*)
4. Товарищ Бинго (*Перевод: А. Балясников*)
5. Без замены штрафом (*Перевод: Евгений Толкачев*)
6. Командует парадом Дживс (*Перевод: Инна Бернштейн*)
7. Дживс и дух Рождества (*Перевод: Евгения Канищева, Ян Шатино*)
8. Дживс и неумолимый рок (*Перевод: Евгения Канищева, Ян Шатино*)
9. Дживс и песнь песней (*Перевод: Валерий Генкин*)
10. Находчивость Дживса (*Перевод: Евгений Толкачев*)
11. Секретарь министра (*Перевод: Евгений Толкачев*)
12. Дживс готовит омлет (*Перевод: Алексей Круглов*)
13. Дживс и скользкий тип (*Перевод: Инна Бернштейн*)

- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
 -
 - [ГЛАВА 1. Дживс шевелит мозгами](#)
 - [ГЛАВА 2. Свадебные колокола отменяются](#)
 - [ГЛАВА 3. Коварные замыслы тети Агаты](#)
 - [ГЛАВА 4. Жемчуг – к слезам](#)
 - [ГЛАВА 5. Удар по самолюбию Бустеров](#)
 - [ГЛАВА 6. Награда герою](#)
 - [ГЛАВА 7. На сцене появляются Клод и Юстас](#)
 - [ГЛАВА 8. Сэр Родерик приходит обедать](#)
 - [ГЛАВА 9. Рекомендательное письмо](#)
 - [ГЛАВА 10. Нарядный лифтер](#)
 - [ГЛАВА 11. Товарищ Бинго](#)
 - [ГЛАВА 12. Бинго не везет в Гудвуде](#)
 - [ГЛАВА 13. Большой гандикап \[21\] проповедников](#)
 - [ГЛАВА 14. Честная игра](#)
 - [ГЛАВА 15. Столичные шутки](#)
 - [ГЛАВА 16. Долгие провода Клода и Юстаса](#)
 - [ГЛАВА 17. Бинго и его новая пассия](#)
 - [ГЛАВА 18. Все хорошо, что хорошо кончается](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
 -
 - [ГЛАВА 1. Дживз берёт бразды правления в свои руки](#)
 - [ГЛАВА 2. Карьера художника Корки](#)
 - [ГЛАВА 3. Дживз и незванный гость](#)
 - [ГЛАВА 4. Дживз и жмот](#)
 - [ГЛАВА 5. Тётушка и лежебока](#)
 - [ГЛАВА 6. Забавный случай со стариной Биффи](#)
 - [ГЛАВА 7. Вместо штрафа](#)
 - [ГЛАВА 8. Как уладить дело Фредди?](#)
 - [ГЛАВА 9. Бинго Литтл попадает в переплёт](#)
 - [ГЛАВА 10. Берти меняет своё решение](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
 -
 - [ГЛАВА 1. Дживз и неотвратимость судьбы](#)
 - [ГЛАВА 2. Комплекс неполноценности старины Сиппи](#)
 - [ГЛАВА 3. Дживз и весёлый дух рождества](#)
 - [ГЛАВА 4. Дживз и Песня Песней](#)

- [ГЛАВА 5. Эпизод с собакой Макинтошем](#)
- [ГЛАВА 6. Производство искусства](#)
- [ГЛАВА 7. Дживз и девочка Клементина](#)
- [ГЛАВА 8. Любовь, которая очищает](#)
- [ГЛАВА 9. Дживз и старая школьная подруга](#)
- [ГЛАВА 10. Бабье лето дяди Джорджа](#)
- [ГЛАВА 11. Мучения Тяпы Глоссопа](#)

- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)

-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)

- [Вудхауз Пэлем Грэнвил](#)

- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)

- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [Пелам Гренвилл Вудхаус](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)

- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)

- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)

-
- [Глава I](#)
- [Глава II](#)
- [Глава III](#)
- [Глава IV](#)
- [Глава V](#)
- [Глава VI](#)
- [Глава VII](#)
- [Глава VIII](#)
- [Глава IX](#)
- [Глава X](#)
- [Глава XI](#)
- [Глава XII](#)
- [Глава XIII](#)
- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Глава XVI](#)
- [Глава XVII](#)
- [Глава XVIII](#)
- [Глава XIX](#)
- [Глава XX](#)
- [Глава XXI](#)
- [Глава XXII](#)

- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

- [Комментарии](#)

- [Пәлем Грэнвилл Вудхауз](#)

-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)

- [Пелам Гренвилл Вудхаус](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)

- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)

- [Пелам Гренвилл Вудхаус](#)

- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)

- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)

- [ПРИМЕЧАНИЯ](#)

- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
- [Пэлем Гринвел Вудхауз](#)
- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)

- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)

- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)

- [152](#)
 - [153](#)
 - [154](#)
 - [155](#)
 - [156](#)
 - [157](#)
 - [158](#)
 - [159](#)
 - [160](#)
 - [161](#)
 - [162](#)
 - [163](#)
 - [164](#)
 - [165](#)
 - [166](#)
 - [167](#)
 - [168](#)
 - [169](#)
 - [170](#)
 - [171](#)
 - [172](#)
 - [173](#)
 - [174](#)
 - [175](#)
 - [176](#)
 - [177](#)
 - [178](#)
 - [179](#)
 - [180](#)
 - [181](#)
 - [182](#)
 - [183](#)
 - [184](#)
 - [185](#)
 - [186](#)
 - [187](#)
 - [188](#)
 - [189](#)
 - [190](#)
 - [191](#)
-
-

Пэлем Гринвел Вудхауз
Этот неподражаемый Дживс

Pelham Grenville Wodehouse. The Inimitable Jeeves

Перевод с английского А. Балясникова

ГЛАВА 1. Дживс шевелит мозгами

– А Дживс, привет, привет! – сказал я.

– Доброе утро, сэр.

Дживс бесшумно ставит на столик рядом с кроватью чашку чая, и я с наслаждением делаю первый глоток. Самое «то» – как и всегда. Не слишком горячий, не слишком сладкий, не чересчур слабый, но и не излишне крепкий, молока ровно столько, сколько требуется, и ни единой капли не пролито на блюдце. Поразительная личность этот Дживс. Безупречен во всем до чертиков. Всегда это говорил и сейчас повторю. К примеру, все мои прежние слуги вваливались по утрам в комнату, когда я еще спал, – и весь день испорчен. Другое дело Дживс – у него это словно телепатия: всегда точно знает, когда я проснулся. И wpłyвает в комнату с чашкой чая ровно через две минуты после того, как я возвращаюсь в этот мир. Просто никакого сравнения.

– Как погода, Дживс?

– Чрезвычайно благоприятная, сэр.

– Что в газетах?

– Небольшие трения на Балканах, сэр. Кроме этого, ничего существенного.

– Хотел спросить, Дживс... Вчера вечером в клубе один тип уверял меня, что можно смело ставить последнюю рубашку на Корсара в сегодняшнем двухчасовом забеге. Что скажете?

– Я бы не торопился следовать этому совету, сэр. В конюшнях не разделяют его оптимизма.

Все – вопрос исчерпан. Дживс знает. Откуда – сказать не берусь, но знает. Было время, когда я рассмеялся бы, поступил по-своему и плакали бы мои денежки, но это время прошло.

– Кстати о рубашках, – сказал я. – Те лиловые, что я заказывал, уже принесли?

– Да, сэр. Я их отослал обратно.

– Отослали?

– Да, сэр. Они вам не подходят, сэр.

Вообще-то мне эти рубашки очень понравились, но я склонил голову перед мнением высшего авторитета. Слабость характера? Не знаю. Считается, что слуга должен только уютить брюки и все такое прочее, а не распоряжаться в доме. Но с Дживсом дело обстоит иначе. С самого первого дня, как он поступил ко мне на службу, я вижу в нем наставника, философа и друга.

– Несколько минут назад вам звонил по телефону мистер Литтл, сэр. Я сообщил ему, что вы еще спите.

– Он ничего не просил передать?

– Нет, сэр. Упомянул о некоем важном деле, которое он хотел бы с вами обсудить, но не посвятил меня в детали.

– Ладно, думаю, мы увидимся с ним в клубе.

– Без сомнения, сэр.

Нельзя сказать, чтобы я, что называется, дрожал от нетерпения. Мы с Бинго Литтлом вместе учились в школе и до сих пор частенько видимся. Он племянник старого Мортимера Литтла, который недавно ушел на покой, сколотив неслабое состояние. (Вы наверняка слышали о «противоподагрическом бальзаме Литтла» – «Лишь только вспомнил о бальзаме

– затанцевали ноги сами».) Бинго ошивается в Лондоне на денюжки, которые в достаточном количестве получает от дяди, так что он ведет вполне безоблачное существование. И хотя Дживсу он говорил про какое-то важное дело, ничего мало-мальски важного у него случиться не могло. Открыл, наверное, новую марку сигарет и хочет со мной поделиться впечатлением, или еще что-нибудь в таком же роде. Словом, портить себе завтрак и беспокоиться я не стал.

После завтрака я закурил сигарету и подошел к открытому окну взглянуть, что творится в мире. День, вне всякого сомнения, обещал быть превосходным.

– Дживс, – позвал я.

– Сэр? – Дживс убирал со стола посуду, но, услышав голос молодого хозяина, почтительно прервал свое занятие.

– Насчет погоды вы абсолютно правы. Потрясающее утро.

– Бесспорно, сэр.

– Весна и все такое.

– Да, сэр.

– Весной, Дживс, живее радуга блестит на оперении голубки [1].

– Во всяком случае, так меня информировали, сэр.

– Тогда вперед! Давайте трость, самые желтые туфли и мой верный зеленый хомбург [2].

Я иду в парк кружиться в сельском хороводе.

Не знаю, знакомо ли вам чувство, которое охватывает человека в один прекрасный день где-то в конце апреля – начале мая, когда ватные облака бегут по светло-голубому небу, подгоняемые ласковым западным ветром. Испытываешь душевный подъем. Одним словом, романтика – ну, вы меня понимаете. Я не отношусь к числу горячих поклонников слабого пола, но в это утро я был бы не прочь, чтобы мне позвонила очаровательная блондинка и попросила, скажем, спасти ее от коварных убийц. И тут на меня словно выплеснули ушат ледяной воды: я столкнулся с Бинго Литтлом в нелепом малиновом галстуке с подковами.

– Привет, Берти, – сказал Бинго.

– Боже милостивый, старик! – гаркнул я. – Что это за ошейник? Откуда он у тебя? И зачем?

– А, ты про галстук? – Он покраснел. – Я... э-э-э... мне его подарили.

Видно было, что он смущен, и я переменял тему. Мы протопали еще немного и плюхнулись на стулья на берегу Серпантина [3].

– Дживс сказал, у тебя ко мне какое-то дело.

– А? Что? – Бинго вздрогнул. – Ах, да-да. Разумеется.

Я ждал, что он осветит наконец главный вопрос повестки дня, но он, похоже, не жаждал открывать прения на эту тему. Разговор совсем завял. Бинго сидел, остекленело уставившись в пространство.

– Послушай, Берти, – произнес он после паузы продолжительностью эдак в час с четвертью.

– Берти слушает!

– Тебе нравится имя Мейбл?

– Нет.

– Нет?

– Нет.

– А тебе не кажется, что в нем скрыта какая-то музыка, словно шаловливый ветерок

ласково шелестит в верхушках деревьев?

– Не кажется.

Мой ответ его явно разочаровал, но уже через минуту он снова воспрянул духом:

– Ну разумеется, не кажется. Всем известно, что ты бессердечный червь, лишенный элементарных человеческих чувств.

– Не стану спорить. Ладно, выкладывай. Кто она?

Я догадался, что бедняга Бинго в очередной раз влюбился. Сколько я его помню – а мы вместе учились еще в школе, – он постоянно в кого-то влюбляется, как правило по весне, она оказывает на него магическое действие. В школе у него скопилась уникальная коллекция фотографий актрис, а в Оксфорде его романтические наклонности стали притчей во языцех.

– Я договорился встретиться с ней во время обеда, если хочешь, пошли со мной, заодно и пообедаем вместе, – сказал он, взглянув на часы.

– Очень своевременное предложение, – согласился я. – Где вы обедаете? В «Рице»?

– Около «Рица».

Географически он был точен. Примерно в пятидесяти ярдах к востоку от «Рица» есть убогая забегаловка, где подают чай и кексы, таких заведений в Лондоне пруд пруди, и в нее-то – хотите верьте, хотите нет – мой школьный друг юркнул с проворством спешащего в родную норку кролика. Я и глазом моргнуть не успел, как мы уже протиснулись за столик и расположились над тихой кофейной лужицей, оставшейся от предыдущих посетителей.

Должен признаться, что я был в некотором недоумении. Нельзя сказать, что Бинго купается в деньгах, но все же с презренным металлом у него дело обстоит неплохо. Не говоря уж о том, что он получает приличную сумму от дяди, в этом году он удачно играл на скачках и закончил сезон с положительным балансом. Тогда какого дьявола он приглашает девушку в эту богом забытую харчевню? Во всяком случае, не оттого, что он на мели.

Тут к нам подошла официантка. Довольно миленькая девица.

– А разве ты не собираешься подождать... – начал было я, решив, что это уж слишком даже для Бинго: мало того, что он приглашает девушку на обед в такую дыру, так еще набрасывается на корм до ее прихода. Но тут я взглянул на его лицо и осекся.

Старик сидел, выпучив глаза. Циферблат его стал пунцово-красным. Все это очень напоминало картину «Пробуждение души», выполненную в алых тонах.

– Здравствуйте, Мейбл, – сказал он и судорожно глотнул воздух.

– Здравствуйте, – сказала девушка.

– Мейбл, это мой приятель Берти Вустер, – сказал Бинго.

– Рада познакомиться, – сказала она. – Прекрасное утро.

– Замечательное.

– Вот, видите, я ношу ваш галстук, – сказал Бинго.

– Он вам очень к лицу, – сказала девушка.

Лично я, если бы мне кто-то сказал, что подобный галстук подходит к моему лицу, тотчас же встал и двинул бы ему как следует, невзирая на пол и возраст; но бедолага Бинго прямо-таки зашелся от радости и сидел, самодовольно ухмыляясь самым омерзительным образом.

– Что вы сегодня закажете? – спросила девушка, переводя разговор в практическое русло.

Бинго благоговейно уставился в меню:

– Мне, пожалуйста, чашку какао, холодный пирог с телятиной и ветчиной, кусок

фруктового торта и коржик. Тебе то же самое, Берти?

Я взглянул на него с возмущением. Подумать только, он был моим другом все эти годы, неужели он воображает, что я могу нанести такую обиду собственному желудку?!

– Или, может, возьмем по куску мясного пудинга и зальем все это газировкой? – продолжал Бинго.

Знаете, даже страшно становится, как подумаешь, до чего может довести человека любовь. Ведь я хорошо помню, как этот убогий, который сидел сейчас предо мной и как ни в чем не бывало рассуждал о коржиках и газировке, подробно объяснял метрдотелю ресторана «Клэриджс», как именно шеф-повар должен приготовить для него *«жареный морской язык под соусом из королевских креветок и шампиньонов»*, пообещав, что отошлет блюдо обратно на кухню, если окажется что-то не так. Чудовищно! Просто чудовищно!

Булочка с маслом и кофе показались мне единственным мало-мальски безвредным кушаньем из всего меню, составленного явно самыми зловредными членами семейства Борджиа для того, чтобы свести счеты со своими заклятыми врагами, поэтому я выбрал только булочку и маленькую чашку кофе, и Мэйбл наконец ушла.

– Ну как? – спросил Бинго с восторженным выражением лица.

Я догадался, что ему не терпится узнать мое мнение о только что покинувшей нас деве-отравительнице.

– Очень мила, – сказал я.

Но этого ему показалось мало.

– Признайся, что ты в жизни не встречал такой изумительной девушки, – с блаженной улыбкой произнес он.

– Да-да. Разумеется, – ответил я, желая успокоить дуралея. – Где вы познакомились?

– На благотворительном балу в Камберуэлле.

– Но что, ради всего святого, ты делал на благотворительном балу в Камберуэлле?

– Твой Дживс предложил мне пару билетов. Сказал, что это на какие-то благотворительные цели, уже не помню, на что именно.

– Дживс? Вот уж не думал, что подобные вещи его интересуют.

– Ему тоже нужно иногда встряхнуться. Как бы то ни было, он был там и развлекался на все сто. Я сперва не собирался идти, а потом зашел просто так, из любопытства. Господи, Берти, как подумаю, что я мог пропустить!

– А что ты мог пропустить? – спросил я; он совсем заморочил мне голову, и я туго соображал.

– Мейбл, тупица. Если бы я не пошел, так не встретил бы Мейбл.

– А... Ну да.

После этого Бинго впал в транс и вышел из него, только чтобы затолкать в себя пирог и коржик.

– Берти, – произнес он. – Мне нужен твой совет.

– Валяй.

– Вернее, совет, но не твой, поскольку от твоих советов еще никому не было проку. Ведь всем известно, что ты законченный осел. Только не подумай, что я хочу тебя обидеть.

– Нет, что ты. Какие обиды...

– Не мог бы ты изложить все своему Дживсу – а вдруг он что-нибудь придумает? Ты же мне рассказывал, как он не раз помогал твоим друзьям выходить из самых безнадежных ситуаций. Насколько я понял, он у тебя вроде домашнего мозгового центра.

– До сих пор еще ни разу не подводил.

– Тогда изложи ему мое дело.

– Какое дело?

– Мою проблему.

– А в чем проблема?

– Ну как же, недотепа, – в моем дяде, разумеется. Как ты думаешь, что на все это скажет мой дядя? Да ведь если я все ему так, с бухты-барухты, выложу, с ним родимчик случится прямо на каминном коврик.

– Заводится с полоборота?

– Его непременно нужно подготовить. Только вот как?

– Да, как?

– Я ведь говорил, от тебя не будет никакого проку. Ты что, не знаешь, что, если он урежет мое содержание, я останусь на бобах? Так что изложи все Дживсу, и посмотрим, не выгонит ли он на меня такую редкую дичь, как счастливый конец. Скажи, что мое будущее в его руках и что, если прозвонят свадебные колокола, он может рассчитывать на мою признательность, вплоть до полцарства. Ну, скажем, до десяти монет. Согласится Дживс пошевелить мозгами, если ему будут светить десять фунтов?

– Вне всякого сомнения, – сказал я.

Меня несколько не удивило, что Бинго вздумал посвятить Дживса в сугубо личную проблему. Я и сам бы в первую очередь подумал о Дживсе, если бы попал в какую-то переделку. Как я не раз имел возможность убедиться, у него всегда полно блестящих идей. Уж если кто может помочь бедняге Бинго, так это Дживс.

В тот же вечер я изложил ему суть проблемы.

– Дживс!

– Сэр?

– Вы сейчас ничем не заняты?

– Нет, сэр.

– Я имею в виду – я вас ни от чего не оторвал?

– Нет, сэр. Я взял себе за правило читать в это время суток какую-нибудь поучительную книгу, но, если вам требуются мои услуги, я вполне могу прервать это занятие или отложить его вовсе.

– Дело в том, что мне нужен ваш совет. Насчет мистера Литтла.

– Молодого Литтла, сэр, или старшего мистера Литтла, его дяди, проживающего на Паунсби-Гарденз?

Впечатление такое, что Дживс знает все. Просто поразительно. Я дружу с Бинго, можно сказать, всю жизнь, но понятия не имею, где именно обитает его дядя.

– Откуда вы знаете, что он живет на Паунсби-Гарденз? – спросил я.

– Я в добрых отношениях с поварихой мистера Литтла-старшего, сэр. Точнее, у нас достигнуто взаимопонимание.

Признаюсь, я был потрясен. Мне и в голову не приходило, что Дживса занимают такие вещи.

– Вы хотите сказать... вы помолвлены?

– Можно сказать, что это равнозначно помолвке, сэр.

– Ну и ну!

– У нее выдающиеся кулинарные таланты, сэр, – сказал Дживс, словно считая себя

обязанным оправдаться. – А что вы меня хотели спросить насчет мистера Литтла?

Я выложил ему все как есть.

– Вот так обстоят дела, Дживс, – сказал я. – Думаю, наш долг немного сплотиться и помочь Бинго положить этот шар в лузу. Расскажите мне о старом Литтле. Что он за гусь?

– Весьма своеобразная личность, сэр. Удалившись от дел, он стал большим затворником и теперь по большей части предается радостям застолья.

– Короче говоря – обжирается, как свинья?

– Я бы не взял на себя смелость воспользоваться подобным определением, сэр. Скорее он из тех, кого принято называть гурманом. Очень трепетно относится к тому, что ест, и потому особенно высоко ценит искусство мисс Уотсон.

– Поварихи?

– Да, сэр.

– Тогда лучше всего запустить к нему Бинго сразу после хорошего ужина. Когда он будет в размягченном состоянии.

– Сложность в том, сэр, что в настоящее время мистер Литтл на диете в связи с сильным приступом подагры.

– Это может спутать нам карты.

– Вовсе нет, сэр. Я полагаю, что несчастье, случившееся со старшим мистером Литтлом, можно обратить на пользу вашему молодому другу. Не далее как вчера я разговаривал с камердинером мистера Литтла, и тот сообщил мне, что сейчас его основная обязанность – читать мистеру Литтлу вслух по вечерам. На вашем месте, сэр, я бы посоветовал молодому мистеру Литтлу начать самому читать своему дяде.

– Понимаю: операция «Преданный племянник». Старикан тронут благородством юноши, верно?

– Отчасти так, сэр. Но в еще большей степени я рассчитываю на выбор литературы, которую будет читать своему дяде молодой мистер Литтл.

– Ну нет, тут особенно не разгуляешься. У Бинго симпатичная физиономия, но в литературе он дальше спортивного раздела в «Таймс» не пошел.

– Это препятствие можно преодолеть. Я был бы счастлив сам выбирать книги для чтения мистеру Литтлу. Возможно, мне следует несколько пояснить мою мысль.

– Признаться, пока я не уловил, в чем суть.

– Метод, который я беру на себя смелость вам предложить, называется в рекламном деле «методом прямого внедрения» и состоит во внушении какой-либо идеи путем многократного повторения. Вы, возможно и сами сталкивались с действием этой системы.

– Ну да, это когда тебе все время талдычат, что то или иное мыло лучшее в мире, ты попадаешь под влияние, бросаешься в ближайшую лавку и покупаешь целую дюжину?

– Абсолютно верно, сэр. Тот же метод лежит в основе всех успешных пропагандистских кампаний, проводившихся во время последней войны. И мы смело можем им воспользоваться, чтобы изменить отношение дяди вашего друга к проблеме классовых различий. Если мистер Литтл-младший начнет изо дня в день читать своему дяде рассказы, повести и романы, в которых брак с особой более низкого социального положения считается не только возможным, но и достойным восхищения, я думаю, это подготовит мистера Литтла-старшего к восприятию известия о том, что его племянник собирается жениться на простой официантке.

– А разве есть такие книги? В газетах пишут только о тех, где супруги ненавидят друг

дружку и спят и видят, как бы поскорее разбежаться в разные стороны.

– Да, сэр, существуют и другие книги. Рецензенты редко удостоивают их вниманием, но широкая публика охотно читает. Вам никогда не попадалась в руки «Все ради любви» Розы М. Бэнкс?

– Нет.

– А «Алая роза лета» того же автора?

– Нет, не попадалась.

– Моя тетья, сэр, является обладательницей полного собрания сочинений Розы М. Бэнкс. Мне не составляет никакого труда позаимствовать у нее их столько, сколько может потребоваться младшему мистеру Литтлу. Это очень легкое и увлекательное чтение,

– Что ж, пожалуй, стоит попробовать.

– Во всяком случае, я настоятельно рекомендовал бы этот метод, сэр.

– Значит, договорились. Завтра же чешите к тете и тащите две-три штуки, да позабористее. Попытка не пытка.

– Истинная правда, сэр.

ГЛАВА 2. Свадебные колокола отменяются

Три дня спустя Бинго доложил, что Роза М. Бэнкс – именно то, что требуется и несомненно годится для применения во всех воинских частях и соединениях. Старый Литтл сперва было взбрыкнул и попытался противиться смене литературной диеты – он, дескать, не большой любитель беллетристики и всю жизнь придерживался исключительно солидных периодических изданий; но Бинго сумел усыпить его бдительность и прочел ему первую главу «Все ради любви» прежде, чем тот успел опомниться, и после этого книги мисс Бэнкс пошли на ура. С тех пор они прочли «Алую розу лета», «Сумасбродку Мертл», «Фабричную девчонку» и добрались до середины «Сватовства лорда Стратморлика».

Все это Бинго сообщил мне охрипшим голосом, глотая гоголь-моголь на хересе. Он признался, что наш план, превосходный во всех отношениях, обладает одним недостатком: чтение вслух пагубно отражается на его здоровье, голосовые связки не выдерживают напряжения и начинают сдавать. Он смотрел в медицинской энциклопедии и по симптомам определил, что его болезнь называется «лекторский синдром». Но зато главное – дело явно шло на лад, и, кроме того, после вечерних чтений его всякий раз оставляли ужинать, а, как я понял с его слов, никакие, самые красноречивые рассказы не дают даже отдаленного представления о кулинарных шедеврах поварами старого Литтла. Когда страдалец живописал кристальную прозрачность бульонов, в глазах у него стояли слезы. И то сказать – после того как он несколько недель перебивался с коржика на газировку, любая нормальная пища должна была доставлять ему райское наслаждение.

Старик Литтл был лишен возможности принимать действенное участие в этих пиршествах, но, по словам Бинго, выходил к столу и, покончив со своей порцией овсяной затирухи, вдыхал запах подаваемых блюд и рассказывал о деликатесах, которые ему доводилось пробовать в прошлом, а также обсуждал меню роскошного ужина, который он закатит, когда врачи снова приведут его в форму; так что, думаю, он по-своему тоже получал от всего этого удовольствие. Как бы там ни было, дела шли очень даже неплохо, и Бинго признался, что у него есть план, с помощью которого он надеется успешно завершить операцию. В чем состоит его план, он мне рассказывать не стал, но заверил, что это верняк.

– Мы добились определенных успехов, Дживс, – сказал я.

– Мне доставляет большое удовлетворение это слышать, сэр.

– Мистер Литтл говорит, когда они дошли до финала «Фабричной девчонки», его дядюшка ревел, как новорожденный теленок.

– Вот как, сэр?

– Когда лорд Клод заключает девушку в свои объятия и говорит...

– Я знаком с этой сценой, сэр. Бесспорно, трогательный эпизод. Моя тетя тоже его очень любит.

– Мне кажется, мы на верном пути.

– Думаю, что так, сэр.

– Похоже, это еще один ваш триумф, Дживс. Я всегда говорил и никогда не устану повторять, что по мощи интеллекта вы на голову выше всех великих мыслителей нашего времени. Прочие – лишь толпа статистов, провожающих вас почтительными взглядами.

– Большое спасибо, сэр. Я стараюсь.

Примерно через неделю после этого ко мне ввалился Бинго и сообщил, что подагра

перестала мучить его дядю и врачи разрешают ему с завтрашнего дня есть нормальную пищу без всяких ограничений.

– Между прочим, – сказал Бинго, – он приглашает тебя завтра на обед.

– Меня? С какой стати? Он же понятия не имеет о моем существовании.

– А вот и имеет. Я ему про тебя рассказывал.

– Что же ты, интересно, ему наплел?

– Ну, много чего. Как бы там ни было, он хочет с тобой познакомиться. И мой тебе совет, дружище, – приходи, не пожалеешь. Завтрашний обед, могу тебя заверить, будет сногшибательный.

Не знаю отчего, но уже тогда мне почудилось в словах Бинго что-то подозрительное, я бы даже сказал, зловещее. Он явно темнил и недоговаривал.

– Тут что-то нечисто, – сказал я. – С чего это вдруг твой дядя приглашает на обед человека, которого в глаза не видел?

– Уважаемый мистер олух, я тебе только что объяснил: он знает, что ты мой самый близкий друг, что мы вместе учились и так далее.

– Ладно, допустим. Но ты-то с чего так об этом хлопочешь?

Бинго замялся:

– Я же сказал, у меня есть одна идея. Я хочу, чтобы ты сообщил дяде о моих намерениях. У меня просто духу не хватит.

– Что?! Еще чего!

– И это говорит мой друг!

– Да, но всему есть предел!

– Берти, – с укором произнес он. – Когда-то я спас тебе жизнь.

– Когда это?

– Разве нет? Значит, кому-то другому. Но все равно, мы вместе росли, и все такое. Ты не можешь меня подвести.

– Ну ладно, ладно. Но когда ты заявляешь, будто у тебя не хватит духу на какую-то наглость, ты себя недооцениваешь. Человек, который...

– Значит, договорились, – сказал Бинго. – Завтра в час тридцать. Смотри не опаздывай!

Должен признаться, что чем больше я размышлял о предстоящей мне миссии, тем меньше мне нравилась вся эта затея. Допустим, Бинго прав, и обед действительно будет шедевром кулинарного искусства. Не все ли равно, какие кулинарные изыски значатся в меню, если тебя спустят с лестницы прежде, чем ты успеешь покончить с супом. Однако слово Вустеров свято, нерушимо и прочее и прочее, и на следующий день ровно в час тридцать я нетвердой походкой поднялся по ступеням крыльца дома номер шестнадцать по Паунсби-Гарденз и позвонил. А через полминуты я уже стоял в гостиной и пожимал руку самому толстому человеку, какого мне в жизни доводилось видеть.

Вне всякого сомнения, девизом семьи Литтл было «разнообразие видов». Сколько я помню Бинго, он всегда был долговязым и тощим, кожа да кости. Зато его дядя сумел повысить среднестатистический вес членов семьи до уровня гораздо выше нормы. Когда мы обменялись рукопожатием, моя рука буквально утонула в его ладони, и я всерьез забеспокоился, удастся ли ее оттуда извлечь без специального водолазного снаряжения.

– Мистер Вустер, я счастлив... я польщен... большая честь...

Я понял, что Бинго – с какой-то тайной целью – расхвалил меня сверх всякой меры.

– Ну что вы... – смутился я.

Толстяк отступил на шаг, по-прежнему не выпуская моей руки:

– Вы так молоды и уже столько успели сделать!

Я был совершенно сбит с толку. У нас в семье, это в первую очередь относится к тете Агате, которая жучит меня с самого рождения, принято считать, что я полный ноль, впустую растративший жизнь, и что с тех пор, как в первом классе я получил приз за лучший гербарий полевых цветов, я не сделал ничего, чтобы вписать свое имя на скрижали славы. Вероятно, он меня с кем-то спутал, решил я, но тут в холле зазвонил телефон, вошла горничная и сказала, что меня просят к аппарату. Я пошел, взял трубку и услышал голос Бинго.

– Привет, – сказал он. – Прибыл? Молодец! Я знал, что на тебя можно положиться.

Послушай, старик, дядя очень тебе обрадовался?

– Просто без ума от счастья. Ничего не понимаю.

– Все идет как надо. Я звоню, чтобы тебе объяснить. Дело в том, старина, что я сказал ему, будто ты – автор книг, которые я ему читал. Ты ведь не против?

– Что?!

– Я сказал, что Розы М. Бэнкс – твой литературный псевдоним, так как ты человек очень скромный и застенчивый и не хочешь, чтобы на обложке стояло твое имя. Теперь он тебя послушается. Будет внимать каждому твоему слову. Блестящая идея, верно? Думаю, даже сам Дживс не сумел бы придумать ничего лучше. Так что давай, дружище, поднажми хорошенько и, главное, помни, что он должен прибавить мне содержание. Когда я женюсь, я не смогу прожить на ту сумму, которую сейчас от него получаю. Если предполагается, что в финальных кадрах фильма я держу свою невесту в объятиях, содержание должно быть по крайней мере удвоено. В общем, ты все понял. Счастливо!

И он повесил трубку. В этот момент прозвучал гонг, и радушный хозяин затопал вниз по лестнице с таким грохотом, словно в подвал ссыпали тонну угля.

Вспоминая об этом обеде, я всегда испытываю чувство горечи и сожаления. Такой пир выпадает на долю простого смертного раз в жизни, а я оказался не в состоянии его по достоинству оценить. Подсознательно-то я понимал, что это выдающееся произведение кулинарного искусства, но так нервничал из-за положения, в которое попал по милости Бинго, что не мог прочувствовать его до конца – с таким же успехом я мог жевать осиновы опилки.

Старый Литтл с места в карьер залопотал о литературе.

– Мой племянник, вероятно, рассказывал вам, что я за последнее время прочел много ваших книг, – начал он.

– Да, он об этом упоминал. Ну и... э-э-э... как вам мои опусы-покусы?

Он посмотрел на меня с нескрываемым благоговением:

– Должен признаться, мистер Вустер, когда племянник читал мне вслух ваши романы, слезы то и дело наворачивались мне на глаза. Я поражен, что такой молодой человек, как вы, сумел так глубоко проникнуть в самую суть человеческой природы, так умело играть на струнах сердца своих читателей, создать книги столь правдивые, столь трогательные и столь злободневные!

– Ничего особенного, у меня это врожденное... Крупные капли пота катились у меня по лбу. В жизни не попадал в более идиотское положение.

– В столовой слишком жарко? – участливо спросил он.

– Нет-нет, что вы. Ничуть,

– Значит, дело в перце. Если есть изъян в искусстве моей поварики – хотя я в этом сомневаюсь, – то это склонность излишне педализировать перцовую ноту в мясных блюдах. Кстати, как вы находите ее кухню?

Я обрадовался, что разговор ушел от моего вклада в сокровищницу мировой литературы, и с воодушевлением воспел хвалу ее кулинарным талантам.

– Рад это слышать, мистер Вустер. Я, возможно, слишком пристрастен, но, по-моему, эта женщина – гений.

– Вне всякого сомнения!

– Она служит у меня семь лет и за все время ни на йоту не опускала планку высочайших кулинарных стандартов. Разве что однажды, зимой семнадцатого года, придирчивый гурман мог бы упрекнуть ее в недостаточной воздушности соуса. Но тот случай особый. Тогда на Лондон было совершено несколько воздушных налетов, и они не на шутку напугали бедную женщину. Однако в этом мире за все удовольствия надо платить, мистер Вустер, и я в этом смысле не исключение. Семь лет я жил в постоянном страхе, что кто-то переманит ее к себе на службу. Я знал, что она получала подобные предложения – и весьма щедрые. Можете представить себе мое смятение, мистер Вустер, когда сегодня утром гром все-таки грянул. Она официально известила меня об уходе.

– О господи!

– Ваше участие лишний раз свидетельствует о выдающихся душевных качествах автора «Алой розы лета». Но я счастлив вам сообщить, что худшее позади. Дело только что улажено. Джейн остается.

– Молоток!

– Действительно, молоток – хотя я не знаком с этим выражением. Не помню, чтобы оно попадалось мне на страницах ваших произведений. Кстати, возвращаясь к книгам, должен признать, что наряду с пронзительной трогательностью повествования на меня огромное впечатление произвела ваша жизненная философия. Лондон весьма и весьма выиграл бы, мистер Вустер, если бы в этом городе жило побольше таких людей, как вы.

Это заявление полностью противоречило жизненной философии тети Агаты: она никогда не упускала возможности подчеркнуть, что именно из-за таких типов, как я, Лондон становится все менее и менее подходящим местом для жизни нормальных людей.

– Позвольте вам сказать, мистер Вустер, что я восхищен вашим полным пренебрежением пережитками одряхлевшего общественного строя. Да, восхищен! У вас достало широты взгляда заявить, что общественное положение – лишь штамп на золотом и что, если воспользоваться замечательными словами лорда Блетчмора из «Фабричной девчонки», «каким бы низким ни было происхождение женщины, если у нее доброе сердце – она ничем не хуже самой знатной дамы».

– Я рад. Вы действительно так считаете?

– Да, мистер Вустер. Стыдно признаться, но было время, когда я, подобно многим другим, был рабом идиотских предрассудков, придавал значение классовым различиям. Но с тех пор, как прочел ваши книги...

Можно было не сомневаться. Это была очередная победа Дживса.

– Значит, вы не видите ничего предосудительного в том, что молодой человек, занимающий высокое общественное положение, женится на девушке, принадлежащей к так называемым «низшим классам»?

– Совершенно ничего предосудительного, мистер Вустер.

Я сделал глубокий вдох, чтобы сообщить ему радостную новость:

– Бинго – ну знаете, ваш племянник – хочет жениться на официантке.

– Это делает ему честь, – сказал старый Литтл.

– Вы его не осуждаете?

– Наоборот, одобряю.

Я сделал еще один глубокий вдох и коснулся меркантильной стороны вопроса.

– Надеюсь, вы не сочтете, будто я лезу не в свое дело, но... э-э-э... как насчет... этого самого? – выговорил я.

– Боюсь, что не совсем вас понимаю.

– Ну, я имею в виду его содержание и все такое. В смысле денег, которые вы так любезно ему выплачиваете. Он рассчитывает, что вы ему немножко подкинете сверх прежней суммы.

Старый Литтл с видом глубокого сожаления отрицательно покачал головой:

– Увы, это невозможно. Видите ли, в моем положении приходится экономить каждый пенни. Я готов и впредь выплачивать племяннику прежнее содержание, но никак не смогу его увеличить. Это было бы несправедливым по отношению к моей жене.

– Жене? Но ведь вы не женаты!

– Пока нет. Но я рассчитываю сочетаться браком в самое ближайшее время. Женщина, которая в течение стольких лет так замечательно меня кормила, сегодня утром оказала мне честь и приняла мое предложение руки и сердца. – Его глаза торжествующе сверкнули. – Теперь пусть попробуют у меня ее отнять! – с вызовом произнес он.

– Молодой мистер Литтл несколько раз пытался связаться с вами по телефону, сэр, – сообщил мне Дживс, когда вечером я вернулся домой.

– Ничего удивительного, – сказал я. – Вскоре после обеда я отправил ему с посыльным записку, в которой изложил результаты переговоров.

– Мне показалось, он чем-то взволнован.

– Еще бы! Кстати, Дживс, призовите на помощь все ваше мужество, стисните зубы: боюсь, у меня для вас плохая новость. Этот ваш план насчет чтения книжек старому Литтлу дал осечку.

– Книжки его не переубедили?

– В том-то и беда, что переубедили. Дживс, мне очень неприятно вам это говорить, но ваша невеста – мисс Уотсон, словом, эта повариха, – так вот, она, если выразиться кратко, предпочла богатство скромному достоинству, если только вы понимаете, что я имею в виду.

– Сэр?

– Она оставила вас с носом и выходит замуж за старого Литтла.

– В самом деле, сэр?

– Вы, я гляжу, не слишком расстроены.

– Честно говоря, сэр, я предвидел подобный поворот событий.

Я взглянул на него с удивлением:

– Тогда чего ради вы сами предложили этот план?

– Сказать по правде, сэр, я ничего не имею против разрыва дипломатических отношений с мисс Уотсон. Более того, я этого очень даже хочу. При всем бесконечном уважении, которое я питаю к мисс Уотсон, я давно понял, что мы не подходим друг другу. Так вот, другая юная особа, с которой у меня достигнуто взаимопонимание...

– Черт меня подери, Дживс! Так есть и другая?

– Да, сэр.

– И давно?

– Уже второй месяц, сэр. Она сразу же произвела на меня неизгладимое впечатление, когда мы познакомились на благотворительном балу в Камберуэлле.

– Чтоб мне провалиться! Но ведь это не...

Дживс многозначительно кивнул.

– Именно так, сэр. По странному совпадению, это та самая девушка, которую молодой мистер Литтл... Я положил сигареты на журнальный столик. Спокойной ночи, сэр.

ГЛАВА 3. Коварные замыслы тети Агаты

Другой на моем месте наверняка бы казнился и страдал после провала матримониальных планов Бинго. Я хочу сказать, будь у меня более тонкий душевный склад и возвышенная натура, я бы ужасно расстроился. А так, среди разных прочих забот, я особенно не огорчился. К тому же не прошло и недели после этого трагического события, как Бинго уже снова радостно бил копытом, точно дикая газель.

Никто так легко не оправляется после неудач, как Бинго. Его можно сбить с ног, но невозможно нокаутировать. Пока он увивается вокруг очередной пассии, он томится и вздыхает с полной отдачей. Но как только получает от ворот поворот и дама сердца просит его – в порядке личного одолжения – оставить ее в покое, он вскоре снова беззаботно насвистывает как ни в чем не бывало. Мне доводилось наблюдать это не раз и не два, так что можете мне поверить.

Так что я из-за Бинго особенно не расстраивался. Впрочем, если говорить честно, и ни по какому иному поводу. Да и вообще в то время настроение у меня было превосходное. Все шло как нельзя лучше. В трех забегах лошади, на которых я поставил приличные суммы, пришли к финишу первыми, вместо того чтобы присесть отдохнуть в середине дистанции, как обычно поступают четвероногие, когда я делаю на них ставки.

Добавлю к этому, что погода по-прежнему стояла наивысшего качества, мои новые носки были признаны широкой общественностью как «самое то», и, в довершение всего, тетя Агата укатила во Францию и по крайней мере в ближайшие полтора месяца не будет меня поучать и воспитывать. А те, кто знаком с тетей Агатой, согласятся со мной, что уже одно это – неопишное счастье.

Вот почему, принимая утреннюю ванну, я вдруг с особой остротой ощутил, что в целом свете нет ничего, что могло бы испортить мне настроение, и, орудуя губкой, запел ну прямо как соловей. Мне казалось, что все положительно к лучшему в этом лучшем из миров.

Но вы замечали, что слишком хорошо в жизни долго не бывает? Только разомлеешь от блаженства – и тут же получишь по шее. Не успел я вытереться, одеться и притопать в гостиную – как вот оно, началось: на каминной полке лежало письмо от тети Агаты.

– О господи, – простонал я, когда прочел его.

– Сэр? – переспросил Дживс. Он неслышно хлопотал по хозяйству в глубине комнаты.

– Это от тети Агаты, Дживс. От миссис Грегсон.

– Да, сэр.

– Вы бы не отзывались так равнодушно, если бы знали, что она пишет, – сказал я с горьким смехом. – Проклятие пало на наши головы, Дживс. Она хочет, чтобы я приехал к ней в... как бишь этот чертов курорт называется... в Ровиль-сюр-Мер. О господи!

– Полагаю, мне следует начать укладывать вещи, сэр?

– Боюсь, что так.

Очень трудно объяснить людям, не знакомым с тетей Агатой, каким образом ей удалось забрать надо мной такую власть. Я от нее не завишу ни в финансовом отношении, ни вообще. Но такой уж у нее характер. Еще когда я был совсем маленьким и позже, когда пошел в школу, тете стоило бровью повести – и я исполнял все, чего она требовала, и я до сих пор не вышел из-под гипноза. У нас в семье народ по преимуществу рослый, в тете Агате пять футов девять дюймов росту, крючковатый нос, волосы с сильной проседью – общее

впечатление довольно внушительное. Как бы там ни было, мне даже в голову не пришло отказаться под каким-нибудь благовидным предлогом. Раз она сказала ехать в Ровиль, ничего другого не остается, как послать за билетами.

– Как вы думаете, в чем дело, Дживс? Зачем я ей понадобился?

– Затрудняюсь вам сказать, сэр.

Ну да что там говорить. Мне оставалось лишь одно призрачное утешение, что-то вроде голубого проблеска между черными грозowymi тучами: в Ровиле я смогу продемонстрировать шелковый кушак, который купил полгода назад, да так ни разу и не решился надеть. Такой широкий, наподобие шарфа, его наматывают вокруг талии и носят вместо жилета. До сих пор я не смог набраться смелости, чтобы выйти в нем на люди, так как знал, что Дживс встанет на дыбы: кушак был довольно яркого малинового цвета. Но я надеялся, что в таком месте, как Ровиль, где веселье бьет ключом и царит свойственная французам *joie de vivre* ^[4], глядишь, как-нибудь и проскочит.

На следующее утро, получив положенную порцию качки на пароме и тряски в вагоне ночного поезда, я прибыл в Ровиль – довольно симпатичный городок, в котором джентльмен, не обремененный такой обузой, как тетка, мог бы славно скоротать недельку-другую. Он похож на большинство французских курортов – бесконечные пляжи, отели и казино. Гостиница, которой выпало несчастье попасться на глаза моей тете, называлась «Отель Де-Люкс», и к тому моменту, когда я туда прибыл, среди персонала не осталось ни одного человека, который бы не ощутил на себе ее присутствия. Я им сочувствовал. Я прекрасно знал, как тетя Агата ведет себя в гостиницах. К моему приезду основная воспитательная работа была завершена, и по тому, как все перед ней лебезили, я понял, что для начала она потребовала, чтобы ее перевели в другой номер, с окнами на юг, вскоре переехала в третий, потому что во втором скрипела дверца шкафа, потом без обиняков высказала все, что думает о здешних поварах, официантах, горничных и прочих. Теперь она прочно держала всю шайку под каблуком. Управляющий, здоровенный малый с густыми бакенбардами и бандитской физиономией, готов был вывернуться наизнанку, стоило ей на него взглянуть.

Столь полный триумф привел ее в состояние мрачного удовлетворения, и она встретила меня чуть ли не с материнской нежностью.

– Я так рада, что ты смог приехать, Берти, – сказала она. – Свежий воздух пойдет тебе на пользу. Хватит таскаться по прокуренным ночным клубам.

Я хмыкнул что-то неопределенное.

– И с людьми интересными познакомишься, – продолжала она. – Хочу представить тебя мисс Хемингуэй и ее брату, я с ними здесь очень подружилась. Уверена, что мисс Хемингуэй тебе понравится. Милая, кроткая девушка, не то что эти современные бойкие лондонские девицы. Ее брат – приходский священник в Чиплиин-де-Глен в Дорсетшире. Он говорит, что они в родстве с кентскими Хемингуэями. Очень добропорядочная семья. А Алин – очаровательная девушка.

Я насторожился. Подобные дифирамбы были совсем не в духе тети Агаты: всему Лондону известно, что она имеет обыкновение поливать всех направо и налево. Я кое-что заподозрил. И, черт подери, оказался прав!

– Алин Хемингуэй – как раз такая девица, какую я хотела бы видеть твоей женой, Берти, – сказала тетя Агата. – Тебе пора жениться. Тогда, может быть, из тебя и получится что-то путное. Лучшей жены, чем милая Алин, я себе не представляю. Она будет оказывать

на тебя хорошее влияние.

– Еще чего! – не выдержал я, похолодев при мысли о подобной перспективе.

– Берти! – прикрикнула тетя Агата, сбросив маску материнской нежности и смерив меня ледяным взглядом.

– Да, но...

– Такие молодые люди, как ты, Берти, приводят меня в отчаяние; и не только меня, а всех, кому небезразлично будущее рода человеческого. Ты погряз в праздности и себялюбии, ты растрачиваешь жизнь попусту вместо того, чтобы прожить ее с пользой для себя и для других. Ты трагишь лучшие годы на сомнительные развлечения. Ты – антиобщественное животное, трутень. Берти, ты просто обязан жениться.

– Но, будь я проклят...

– Плодиться и размножаться – священный долг каждого...

– Ради бога, тетя, – сказал я и густо покраснел. Тетя Агата – член нескольких женских клубов и иногда забывается, думая, что она в клубной гостинной.

– Берти, – повысила голос тетя и уже собиралась как следует прочистить мне мозги, но ей помешали. – А, вот и они, – сказала тетя. – Алин, милая!

Я увидел девушку и молодого человека, подгребавших в нашу сторону с приторными улыбками на лицах.

– Хочу представить вам моего племянника, Берти Вустера, – сказала тетя Агата. – Он только что приехал. Решил сделать мне сюрприз. Я понятия не имела, что он собирается в Ровиль.

Я затравленно взглянул на парочку, чувствуя себя точно кот, попавший на псарню. Знаете, такое чувство, что тебя загнали в угол. Внутренний голос нашептывал мне, что Бертраму все это совершенно ни к чему.

Брат оказался кругленьким коротышкой с овечьим лицом. От него за версту веяло благодетельностью, он носил пенсне и пасторский воротничок – ну, такой, с застежкой сзади.

– Добро пожаловать в Ровиль, мистер Вустер, – сказал он.

– Ах, Сидней! – воскликнула девушка. – Ты не находишь, что мистер Вустер как две капли воды похож на каноника Бленкинсопа, который читал проповедь нас в Чипли на прошлую Пасху?

– В самом деле! Просто поразительное сходство! Они вытаращили на меня глаза, словно я был диковинным экспонатом за музейной витриной, а я, в свою очередь, уставился на них и разглядел барышню во всех деталях. Вне всякого сомнения, она разительно отличалась от тех представительниц слабого пола, которых тетя Агата назвала современными бойкими лондонскими девицами. Никаких тебе коротких стрижек и сигарет. Мне в жизни не приходилось встречать столь благопристойной – не могу подобрать иного слова – внешности. Простое платье, волосы гладко зачесаны, выражение лица кроткое, почти ангельское. Я не претендую на лавры Шерлока Холмса, но, как только я ее увидел, я тотчас сказал себе: «Эта барышня играет на органе в сельской церкви».

Мы вдоволь попялились друг на дружку, пощебетали о том о еем, и я слинял. Но перед этим вынужден был пообещать после обеда прокатиться на автомобиле вместе с девицей и ее братцем. И мысль о предстоящей прогулке нагнала на меня такую тоску, что я решил хоть как-то поднять настроение. Я отправился в номер, достал из чемодана шелковый кушак и обмотал его вокруг талии. Когда я повернулся, Дживс шарахнулся от меня, точно дикий мустанг от грузового автомобиля.

– Прошу прощения, сэр, – сказал он, отчего-то понизив голос до шепота. – Вы ведь не собираетесь появиться на людях в таком виде?

– Вы это про кушак? – спросил я непринужденным благодушным тоном, делая вид, что не замечаю застывшего на его лице ужаса. – Да, думаю пройтись.

– Я бы вам не советовал этого делать, сэр, ни в коем случае не советовал.

– А что такое?

– Непозволительно кричащий цвет, сэр, слишком бросается в глаза.

На этот раз я отважился дать Дживсу отпор. Никто лучше меня не знает, что он гений и все такое, но, черт побери, мне надоело вечно зависеть от чужого мнения. Нельзя быть рабом своего слуги. Кроме того, у меня было ужасное настроение, и кушак – единственное, что могло меня хоть немного утешить.

– Знаете, что я вам скажу, Дживс, – начал я. – Ваша беда в том, что вы замкнулись на ограниченном пространстве Британского архипелага. Мы не на Пиккадилли. На французском курорте требуется немного яркости и романтики. Не далее как сегодня утром я встретил в вестибюле джентльмена в костюме из желтого вельвета.

– И тем не менее, сэр...

– Дживс, – твердо сказал я. – Я так решил. У меня сегодня тоскливо на душе, мне нужно взбодриться. И вообще, чем это плохо? Мне кажется, этот кушак сюда так и просится. Он придает костюму испанский колорит. Этаким идальго Висенте-и-Бласко-и-как-то-там-еще. Молодой испанский гранд направляется на бой быков.

– Хорошо, сэр, – холодно ответил Джинс.

Терпеть не могу такие сцены. Если меня что-то может по-настоящему огорчить, так это размолвки в собственном доме; я чувствовал, что какое-то время мы с Дживсом будем в натянутых отношениях. Мало мне жуткой затеи тети Агаты насчет Алин Хемингуэй, теперь еще это... признаюсь, у меня возникло горькое чувство, что никто на свете меня не любит.

Автомобильная прогулка получилась, как я и ожидал, из рук вон. Пастор трещал без умолку ни о чем, девица любовалась пейзажем, а у меня от всего этого началась мигрень, зародившаяся в левой пятке и разыгрывавшаяся все сильнее по мере продвижения вверх. Я проковылял в свой номер, чтобы переодеться к ужину, чувствуя себя как лягушка, по которой прошла борона. Если бы не стычка из-за кушака, я мог бы поплакаться Дживсу в жилетку и излить свои горести. Я все-таки не мог в одиночку пережить свалившиеся на мою голову несчастья.

– Послушайте, Дживс! – не выдержал я.

– Сэр?

– Плесните мне бренди с содовой, только покрепче.

– Да, сэр.

– Покрепче, Дживс. Поменьше содовой, побольше бренди.

– Хорошо, сэр.

Промочив горло, я почувствовал себя чуточку веселее.

– Дживс, – позвал я.

– Сэр?

– По-моему, я здорово влип, Дживс.

– В самом деле, сэр?

Я пристально на него взглянул. Вид у него был чертовски неприступный. Все еще дует

на меня.

– Вляпался по самые уши, – сказал я, засунув в карман врожденную гордость Вустеров и взывая к его дружеским чувствам. – Вы обратили внимание на барышню, которая здесь крутилась со своим братом-пастором?

– Мисс Хемингуэй? Да, сэр.

– Тетя Агата хочет, чтобы я на ней женился.

– В самом деле, сэр?

– Ну, что будем делать?

– Сэр?

– Я имею в виду – вы можете что-нибудь предложить?

– Нет, сэр.

Жуткий тип – говорил так холодно и недружелюбно, что мне осталось только стиснуть зубы и изобразить полнейшее безразличие:

– Ну что ж... ладно... Тра-ла-ла-ла!

– Вот именно, сэр, – подтвердил Дживс.

Только, как говорится, и всего.

ГЛАВА 4. Жемчуг – к слезам

Давным-давно, скорее всего еще в школе – теперь-то я этими делами не особенно увлекаюсь, – я прочел одно стихотворение про что-то там такое, и там были, помнится, строки насчет того, как «все явственней тень мрачная тюрьмы сгущалась над невинной головой» [5]. Это я к тому, что на протяжении последующих двух недель нечто похожее наблюдалось и над головой вашего покорного слуги. Уже слышался, день ото дня все громче, звон свадебных колоколов, и разрази меня гром, если я представлял себе, как из этого выпутаться. Дживс, понятное дело, сразу бы выложил с десяток гениальных планов, но он по-прежнему держался холодно и отчужденно, и у меня не хватало духу обратиться к нему за помощью. Ведь он же прекрасно видел, что молодой хозяин угодил в переделку, и если ему этого мало, чтобы закрыть глаза на малиновый кушак вокруг талии, значит, былой феодальный дух угас в его груди, и тут уж ничего не поделаешь.

Просто поразительно, до чего эти Хемингуэи ко мне прониклись! Я никогда не утверждал, что обладаю способностью располагать к себе людей, а большинство моих знакомых считают, что я законченный осел, но факт остается фактом: у этой барышни и ее братца я шел на ура. Без меня они чувствовали себя несчастными. Я теперь и шагу не мог ступить без того, чтобы кто-то из них тотчас не появился бог весть откуда и не вцепился в меня как репей. Дело дошло до того, что я начал прятаться в своем номере, чтобы хоть ненадолго от них передохнуть. Я занимал на третьем этаже вполне приличный люкс с видом на набережную.

Как-то вечером я укрылся в номере и в первый раз за день ощутил, что жизнь, в конце концов, не такая уж скверная штука. Сразу после обеда тетя Агата отправила меня с барышней Хемингуэй на прогулку, и я не мог избавиться от прилипчивой девицы до самого вечера. И вот сейчас, глядя из окна на залитую вечерними огнями набережную и толпу людей, беззаботно спешащих в рестораны, или в казино, или еще бог знает куда, я испытал чувство щемящей зависти. Как здорово я мог бы здесь провести время, если бы не тетя Агата и ее занудные приятели!

Я тяжело вздохнул, и в этот момент раздался стук в дверь.

– Кто-то стучит, Дживс, – сказал я.

– Да, сэр.

Он отворил дверь, и я увидел Алин Хемингуэй и ее брата. Этого еще не хватало! Я искренне надеялся, что заслужил на сегодня право на отдых.

– А, привет, – сказал я.

– Ах, мистер Вустер, – сказала девушка срывающимся от волнения голосом. – Просто не знаю, с чего начать.

Тут только я заметил, что вид у нее совершенно потерянный, а что касается ее братца, то он похож на овцу, которую терзают невыразимые душевные муки.

Я поднялся и приготовился внимательно слушать. Я понял, что они пришли не просто поболтать – видимо, стряслось нечто из ряда вон выходящее. Хотя непонятно, почему они с этим делом обращаются ко мне.

– Что случилось? – спросил я.

– Бедный Сидней! Это я во всем виновата, мне не следовало оставлять его без присмотра, – пролепетала Алин. Видно, что взвинчена до чертиков.

Тут ее братец, который не проронил ни звука после того, как сбросил с себя мятое пальто и положил на стул шляпу, жалобно кашлянул, как овца, застигнутая туманом на вершине горы.

– Дело в том, мистер Вустер, – сказал он, – что, к величайшему сожалению, со мной произошла весьма прискорбная история. Сегодня днем, когда вы столь любезно вызвались сопровождать мою сестру во время прогулки, я, не зная, чем себя занять, поддался искушению и, к несчастью, зашел в казино.

Впервые с момента нашего знакомства я почувствовал к нему что-то вроде симпатии. Оказывается, в его жилах течет кровь спортсмена; выходит, что и ему не чужды человеческие страсти. Жаль, что я не знал об этом раньше, мы могли бы гораздо веселее проводить время.

– Ну и как, – сказал я, – сорвали банк?

Он тяжело вздохнул:

– Если вы хотите спросить, была ли моя игра успешной, я вынужден дать вам отрицательный ответ. Я ошибочно посчитал, что, раз выигрыш уже выпал на красное не меньше семи раз подряд, дальше должна прийти очередь черного. Я ошибся и потерял все то немногое, что у меня было, мистер Вустер.

– Да, не повезло, – сказал я.

– Я вышел из казино, – продолжал он, – и вернулся в гостиницу. Там я встретил одного из моих прихожан, полковника Масгрейва, который по воле случая приехал сюда в отпуск. Я убедил его дать мне сто фунтов и выписал на его имя чек для предъявления в одном из лондонских банков, где у меня открыт счет на скромную сумму.

– Выходит, все не так уж плохо, – я призвал его взглянуть на вещи с приятной стороны. – Хочу сказать, вам здорово повезло: не так-то просто с первой попытки найти желающего раскошелиться.

– Наоборот, мистер Вустер, это лишь усугубило мое положение. Мне очень стыдно в этом признаться, но я тотчас вернулся в казино и проиграл все сто фунтов: на этот раз я ошибочно предполагал, что на красное должна, как выражаются игроки, «пойти полоса».

– Ну и ну, – сказал я. – Ничего себе – скоротали вечерок!

– И самое ужасное, – заключил он, – это то, что на моем банковском счете нет достаточных средств и мой чек, предъявленный полковником, оплачен не будет.

К этому моменту я уже понял, что он собирается обратиться ко мне с просьбой, которая вряд ли меня обрадует; но тем не менее я невольно испытал к нему теплое чувство. Я слушал его со все возрастающим интересом и восхищением. Никогда еще мне не доводилось встречать младших приходских священников, готовых так легко пуститься во все тяжкие. Хоть он и неказист с виду, но, похоже, парень хоть куда, жаль, что я не имел возможности узнать об этом раньше.

– Полковник Масгрейв, – продолжал он срывающимся голосом, – не из тех, кто посмотрит на это сквозь пальцы. Он человек суровый. Он все расскажет нашему первому приходскому священнику. А тот тоже суровый человек. Короче говоря, мистер Вустер, если полковник Масгрейв предъявит этот чек в банк – я погиб. А он отправляется в Англию сегодня вечером. Как только он смолк, вступила девица, которая все это время, пока ее братец изливал мне душу, судорожно вздыхала и кусала скомканный носовой платочек.

– Мистер Вустер, – воскликнула она, – умоляю вас, спасите! О, скажите, что вы нас спасете! Нам нужны деньги, чтобы получить обратно чек у полковника Масгрейва до девяти

вечера – он уезжает на поезде девять двадцать. Я чуть с ума не сошла, ломая себе голову, как нам быть, и тут вспомнила, что вы всегда были к нам так добры. Мистер Вустер, одолжите Сиднею эту сумму и возьмите вот это в качестве залога. – И прежде чем я успел возразить, она достала из сумочки прямоугольный футляр. – Это мое жемчужное ожерелье, – сказала она. – Я не знаю, сколько оно стоит – это подарок моего бедного отца...

– Ныне, увы, покойного... – вставил ее брат.

– ...но я уверена, что его стоимость намного превосходит сумму, которую мы у вас просим.

Чертовски неловко. Я почувствовал себя ростовщиком. Как будто ко мне пришли заложить часы.

– Нет, что вы, зачем это, – запротестовал я. – Не нужно никакого залога, что за вздор. С удовольствием одолжу вам эти деньги. Они у меня, кстати, с собой. Как нарочно снял сегодня со счета немного наличных.

И я извлек из бумажника сотню и протянул брату. Но тот отрицательно покачал головой.

– Мистер Вустер, – сказал он. – Мы глубоко признательны вам за вашу щедрость; мы польщены и тронуты вашим доверием, но не можем согласиться с таким предложением.

– Сидней хочет сказать, – пояснила девушка, – что вы ведь, если разобраться, ничего о нас не знаете. Вы не должны рисковать такими деньгами, ссужая их без залога фактически незнакомым людям. Если бы я не была уверена, что вы отнесетесь к нашему предложению как деловой человек, я бы ни за что не осмелилась к вам обратиться.

– Как вы прекрасно понимаете, нам претит мысль о том, чтобы отнести жемчуг в ломбард, – сказал брат.

– Если бы вы согласились дать нам расписку – просто для порядка...

– Конечно, разумеется...

Я написал расписку и положил на стол рядом с деньгами, чувствуя себя круглым идиотом.

– Вот, пожалуйста, – сказал я.

Девушка взяла расписку, спрятала ее в сумочку, передала деньги брату и, прежде чем я понял, что происходит, бросилась ко мне, поцеловала и выбежала прочь из комнаты.

Признаюсь, я просто обалдел. Это было так внезапно и неожиданно. Я хочу сказать – такая девушка... Тихая, скромная и все такое – не из тех, которые целуют посторонних мужчин направо и налево. Словно в тумане я увидел, как из-за кулис появился Дживс и подал брату пальто; помню, я еще подумал про себя: «Что на свете могло бы заставить меня напялить на себя подобный балахон, больше всего похожий на мешок из-под муки?» Тут он подошел ко мне и горячо сжал мою руку:

– Не знаю, как вас благодарить, мистер Вустер!

– Ну что вы, какие пустяки.

– Вы спасли мое доброе имя. Доброе имя мужчины или женщины – наидрагоценнейший перл душ человеческих, – сказал он, со страстью разминая мою верхнюю конечность. – Тот, кто похитит у меня деньги, – похитит безделицу. Они были моими – теперь они служат ему, как уже прежде рабски служили тысячам других. Но тот, кто похитит мое доброе имя, – отнимет у меня то, что его не обогатит, а меня оставит самым жалким бедняком. Я от всего сердца благодарю вас. До свидания, мистер Вустер.

– До свидания, старина, – сказал я.

Когда дверь за ним закрылась, я повернулся к Дживсу.

– Грустная история, Дживс, – сказал я.

– Да, сэр.

– Хорошо, что у меня деньги оказались под рукой.

– Ну... э-э-э... да, сэр.

– Вы говорите так, словно вам что-то не нравится.

– Мне не подобает критиковать ваши действия, сэр, но все же возьму на себя смелость утверждать, что вы поступили опрометчиво.

– Одолжив им эти деньги?

– Да, сэр. Эти модные французские курорты так и кишат мошенниками.

Ну, это уже было слишком.

– Знаете, что я вам скажу, Дживс, – не выдержал я. – Я многое готов стерпеть, но когда вы выступаете с ин... с иней... – черт, все время забываю это слово, – одним словом, возводите напраслину на представителя духовенства...

– Возможно, я чересчур подозрителен, сэр. Но я достаточно повидал этих курортов. Когда я был на службе у лорда Фредерика Рейнила, незадолго до того, как поступить к вам, его светлость очень ловко обманул в Монте-Карло мошенник, известный под кличкой Святоша Сид, завязавший с ним знакомство при помощи сообщницы. Я хорошо номию, как в тот день...

– Извините, что прерываю вечер воспоминаний, Дживс, – холодно сказал я, – но в данном случае вы городите чушь. Что может быть подозрительного в такой сделке? Ведь они же оставили мне жемчуг в залог, верно? Так что впредь думайте, что говорите. Вы бы лучше спустились вниз и спрятали ожерелье в сейф отеля. – Я открыл футляр, чтобы еще раз взглянуть на жемчуг. – О господи!

Футляр был пуст!

– Черт меня побери! – не в силах поверить своим глазам, воскликнул я. – Да ведь это грабеж среди бела дня!

– Совершенно верно, сэр. Именно так был обманут лорд Фредерик в тот день, о котором я только что вам рассказывал. Когда сообщница в знак благодарности обняла его светлость, Святоша Сид подменил футляр с жемчугом на точно такой, но пустой, и скрылся вместе с ожерельем, деньгами и распиской. На основании расписки он потом потребовал, чтобы его светлость вернул жемчуг, и его светлость, не имея возможности это сделать, был вынужден заплатить ему значительную сумму в качестве компенсации. Это очень простой, но действенный прием.

И тут меня осенило:

– Святоша Сид? Сид! Сидней! Братец Сидней! Разрази меня гром! Так вы полагаете, Дживс, что этот пастор – Святоша Сид?

– Да, сэр.

– Просто невероятно! Этот воротничок с застежкой сзади и все такое – он бы и епископа ввел в заблуждение. Так вы уверены, что это Святоша Сид?

– Да, сэр. Я узнал его, как только он вошел в комнату. У меня глаза на лоб полезли от удивления.

– Вы его узнали?

– Да, сэр.

– Но тогда какого дьявола, – воскликнул я в сильном волнении, – какого дьявола вы

меня не предупредили?!

– Я решил избавить вас от неприятной сцены и просто извлек футляр с жемчугом из кармана этого господина, когда подавал ему пальто, сэр. Вот он.

Он положил футляр на стол рядом с первым, и, готов поклясться, они были похожи как две капли воды. Я раскрыл футляр – и вот оно, это дивное ожерелье, казалось, оно приветливо улыбается мне каждой своей жемчужиной. Я растерянно посмотрел на Дживса. У меня голова шла кругом.

– Дживс, – произнес наконец я. – Вы гений. – Да, сэр.

Только теперь я почувствовал теплые волны облегчения. Если бы не Дживс, пришлось бы выложить несколько тысяч, не меньше.

– Вы спасли от разорения наш домашний очаг, Дживс. Думаю, даже такой наглец, как Сид, закованный в носорожью броню бесстыдства, не осмелится потребовать, чтобы я вернул ему жемчуг.

– Несомненно, сэр.

– Ну что ж... Послушайте, а вдруг он фальшивый?

– Нет, сэр. Это настоящий жемчуг, и притом очень ценный.

– Выходит, я остался в выигрыше. Да еще в каком! Пусть я потерял сотню фунтов, зато приобрел прекрасную нитку жемчуга. Ведь так, верно?

– Боюсь, что нет, сэр. Думаю, вам придется вернуть ожерелье.

– Что? Сиду? Я пока что в своем уме!

– Вы меня не поняли, сэр. Я имел в виду – вернуть жемчуг законному владельцу.

– А кто его законный владелец?

– Миссис Грегсон, сэр.

– Как? С чего вы взяли?

– Вот уже час, как вся гостиница знает, что у миссис Грегсон пропало жемчужное ожерелье. Незадолго до вашего прихода я разговаривал с горничной миссис Грегсон, и она сказала мне, что управляющий гостиницы находится в апартаментах миссис Грегсон.

– Представляю, как ему там сейчас весело.

– Вполне разделяю ваши опасения, сэр.

Постепенно до меня стала доходить суть случившегося.

– Значит, я сейчас пойду и верну ей жемчуг, так? Это изменит счет в мою пользу.

– Совершенно верно, сэр. И если вы позволите дать вам совет, мне представляется не лишним подчеркнуть то обстоятельство, что жемчуг был украден...

– Великий боже! Этой чертовой девицей, на которой тетя пыталась меня женить, будь я проклят!

– Именно так, сэр.

– Дживс, это будет самое сокрушительное поражение, какое когда-либо за всю историю человечества пришлось испытать моей дражайшей родственнице.

– Вполне возможно, что так, сэр.

– Может, поутихнет немного, а? Перестанет важничать и смотреть на меня сверху вниз?

– У вас есть все основания на это рассчитывать, сэр.

Я с радостным воплем вылетел из комнаты.

Уже на подступах к берлогу тети Агаты я понял, что веселье в полном разгаре. Какие-то типы в униформе и стаи перепуганных горничных околачивались в коридоре, а за стеной был слышен нестройный гул голосов, перекрывааемый зычным контральто тети Агаты. Я

постучался, но никто не обратил на мой стукникакого внимания, поэтому я просочился в номер. Среди присутствующих я разглядел бьющуюся в истерике горничную, тетю Агату с грозно взъерошенными волосами и типа с бакенбардами, похожего на бандита, – управляющего гостиницы.

– Привет, – сказал я. – Всем-всем привет.

Тетя Агата сердито на меня шикнула. Бертрам у нее не удостоился приветливой улыбки.

– Ради бога, оставь меня в покое, Берти, – отмахнулась она, и по ее взгляду я понял, что мой приход – последняя капля, переполнившая чашу.

– Что-то случилось?

– Да, да, да! У меня пропал жемчуг!

– Жемчуг? Вы говорите – жемчуг? – сказал я. – Ну да? Неприятная история. А где вы в последний раз его видели?

– Какая разница, где я в последний раз его видела? Его украли.

Тут Уилфред – Король Бакенбардов, который, как видно, отдыхал в перерыве между раундами, – снова выскочил на ринг и быстро-быстро залопотал по-французски. Видно, эта история задела его за живое. В углу безутешно рыдала горничная.

– Вы уверены, что везде смотрели? – спросил я.

– Ну конечно уверена.

– Знаете, как это бывает – я, например, сто раз терял запонку для воротничка, а потом...

– Не своди меня с ума, Берти. У меня и без твоих глупостей голова идет кругом. Помолчи, пожалуйста. Замолчите все! – гаркнула она голосом, которому позавидовал бы старший сержант морской пехоты; такой голос был, вероятно, у той Мэри, которой приходилось скликать домой стадо, пасущееся на другом берегу реки Ди ^[6]. И, повинувшись мощному магнетическому импульсу, излучаемому ее стальной волей, Уилфред тотчас замолк, словно на полном скаку налетел на кирпичную стену. Слышны были лишь стенания горничной.

– Послушайте, – сказал я. – У меня впечатление, что эта девушка чем-то расстроена. Мне кажется, она плачет. Вы, возможно, этого не заметили, но я, знаете ли, очень наблюдателен.

– Она украла мой жемчуг! Я абсолютно уверена. Ее слова вывели из комы управляющего, но тетя Агата с ледяным спокойствием прервала лопотание француза и протянула тоном великосветской дамы, которым она привыкла отчитывать нерадивых официантов:

– Я вам в сотый раз повторяю, любезнейший...

– Послушайте, – сказал я, – неловко прерывать вас, вы уж простите, но вы не это ищете?

Я достал из кармана ожерелье и поднял его над головой:

– Похоже на жемчуг, верно?

В жизни не испытывал такого удовольствия. О таких мгновениях рассказывают внукам и правнукам; впрочем, в тот миг шансы, что у меня когда-нибудь появятся внуки и правнуки, казались весьма низкими – примерно один против ста. Из тети Агаты словно выпустили воздух, как из продырявленного воздушного шарика.

– Но где... где... где ты его... – забулькала она.

– У вашей приятельницы, мисс Хемингуэй.

Но она еще не усекла:

– У мисс Хемингуэй? Мисс Хемингуэй?! Но... Но как оно к ней попало?

– Как? – повторил я. – Она его украла. Стащила! Слямзила! Потому что она воровка и именно так зарабатывает на жизнь – знакомится с простаками в гостиницах и похищает их драгоценности. Я не знаю, под какой кличкой она прославилась в воровском мире, но ее прелестный братец, который носит пасторский воротничок с застежкой сзади, известен в криминальных кругах как Святоша Сид.

Она растерянно захлопала глазами:

– Мисс Хемингуэй – воровка! Я... Я... – Она запнулась и взглянула на меня в полном недоумении. – Но как тебе удалось вернуть жемчуг, дорогой Берти?

– Не важно, – небрежно бросил я. – У меня свои методы.

Я собрал в кулак все отпущенное мне богом мужество, прошептал про себя краткую молитву и вмазал ей, что называется, от души и по первому разряду.

– Должен вам сказать, тетя Агата, – сурово произнес я, – что вы вели себя чертовски неосмотрительно. В каждой комнате отеля висит объявление, что у управляющего имеется сейф, куда следует помещать ювелирные украшения и прочие ценности, но вы легкомысленно пренебрегли этим советом. И к чему это привело? Первая же воровка, появившаяся в отеле, вошла в номер и украла ваш жемчуг. А вы, вместо того чтобы признать свою вину, набросились на ни в чем не повинного управляющего. Вы были к нему страшно несправедливы.

– Да-да, – простонал бедняга.

– А эта несчастная девушка? Ей бы надо возбудить дело о... ну, вы понимаете о чем... и содрать с вас изрядную сумму.

– Mais oui, mais oui, c'est trop fort! [\[7\]](#) – поддержал меня разбойник с бакенбардами, а в глазах горничной мелькнула надежда, словно первый робкий луч солнца сквозь грозовые тучи.

– Я ей возьму, – окончательно сдалась тетя Агата.

– И лучше это сделать немедленно. Если дело дойдет до суда, у вас нет никаких шансов, и на ее месте я потребовал бы двадцать монет, не меньше. Но это еще не все: вы бросили тень на доброе имя этого честного человека и пытались подорвать репутацию его гостиницы.

– Да, черт дерит! Это очень плохой! – закричал бакенбардист. – Вы легкомысленная старая дама. Вы говорили дурно про мою отель. Завтра вы съезжаете из моей отель, разрази меня молний!

И много еще чего в том же духе, прямо сердце радовалось его слушать. Наконец, вдоволь отведав душу, он ушел и увел с собой горничную, в ладошке которой была крепко зажата хрустящая десятка. Я думаю, они с предводителем разбойников потом ее поделили. Ни один управляющий французского отеля не в состоянии спокойно смотреть, как деньги плывут мимо него в чужой карман.

Я повернулся к тете Агате. Вид у нее был такой, словно на нее сзади налетел курьерский поезд, когда она мирно собирала на рельсах ромашки.

– Мне не хочется сыпать вам соль на раны, тетя Агата, – ледяным тоном сказал я, – но не могу не отметить, что ожерелье украла та самая особа, на которой вы пытались меня женить с самого первого дня моего приезда. Боже милостивый! Ведь если бы вам удалось настоять на своем, у меня могли бы родиться дети, способные стащить часы из жилетного кармана у родного отца, пока он качает их на коленях! Я не злопамятный, но, надеюсь, вы

теперь, если вздумаете меня женить, подойдете к делу с большей осмотрительностью.

И, бросив на нее уничтожающий взгляд, я резко повернулся и вышел из номера.

– «Часы бьют десять, ночь ясна, жизнь прекрасна», Дживс, – сказал я, снова оказавшись в моем милom уютном номере.

– Мне доставляет большое удовольствие это слышать, сэр.

– Я думаю, Дживс, двадцать монет вам не помешают...

– Благодарю вас, сэр.

Мы помолчали. Потом... это решение далось мне не без труда, но я заставил себя это сделать. Я размотал кушак и протянул его Дживсу.

– Вы хотите, чтобы я его выгладил, сэр?

Я в последний раз с горечью взглянул на малиновую ленту. Эта вещь была мне очень дорога.

– Нет, – сказал я. – Заберите его совсем – можете отдать нуждающимся и малоимущим. Я его больше никогда не надену.

– Большое спасибо, сэр, – сказал Дживс.

ГЛАВА 5. Удар по самолюбию Бустеров

Все, что мне нужно для счастья, – это спокойная жизнь. Я не из тех, кто места себе не находит или впадает в уныние, если за день с ним не приключится чего-то необыкновенного. По мне – чем тише, тем лучше. Регулярное питание, время от времени хороший мюзикл да пара-тройка закадычных приятелей для совместных выходов – о большем я не прошу.

Вот почему это событие, нарушившее мерное течение моей жизни, так неприятно на меня подействовало. Смотрите сами. Я вернулся из Ровиля с уверенностью, что отныне ничто не нарушит мой покой. Тете Агате думал я тогда, потребуется не меньше года, чтобы оправиться после провала с Хемингуэями, а кроме тети Агаты досаждать мне некому. Словом, будущее рисовалось мне безоблачным и небеса голубыми.

Я и не предполагал, что... Впрочем, послушайте, что случилось, и скажите: о какой спокойной жизни может после этого идти речь?

Раз в год Дживс берет отпуск и сваливает на пару недель на море или еще куда-нибудь для восстановления угасших сил. Мне, конечно, нелегко обходиться без Дживса. Но приходится терпеть, и я терплю; к тому же он обычно подбирает какого-нибудь приличного малого, чтобы тот заботился обо мне в его отсутствие.

Вот в очередной раз подошло время отпуска, и Дживс на кухне давал руководящие указания своему дублеру. Мне понадобилась почтовая марка, и я вышел из комнаты, чтобы попросить у Дживса. Дверь на кухню он сдуру оставил открытой, и я еще в коридоре, к ужасу своему, услышал, как он говорит:

– Вам понравится мистер Вустер. Весьма приятный и любезный молодой джентльмен, но вот что касается ума... Умом он не отличается, его интеллектуальные ресурсы весьма незначительны. Ну, что вы на это скажете?

Строго говоря, я, наверное, должен был бы ворваться на кухню и в недвусмысленных выражениях отчитать наглеца. Но, боюсь, не родился еще человек, который способен в недвусмысленных выражениях поставить на место Дживса. Я лично даже и не пытался. Я подчеркнуто холодно попросил подать мне шляпу и трость и выкатился на улицу. Но слова его занозой засели в памяти. Мы, Вустеры, не из забывчивых. Вернее, мы легко забываем назначенные встречи, дни рождения, забываем отправить письма, и все такое, но не такие вопиющие оскорбления.

Я шел мрачный до чертиков и в таком подавленном состоянии завернул в бар пропустить рюмку для бодрости. В тот момент мне просто необходимо было укрепить дух глотком спиртного: мне предстоял обед с тетей Агатой. Тяжкое испытание, можете мне поверить, даже если – как полагал я – после Ровиля она будет тише воды, ниже травы. Я залпом осушил первую рюмку, не спеша просмаковал вторую и почувствовал, как настроение у меня поднялось, насколько это возможно в данных обстоятельствах. Вдруг из угла меня кто-то окликнул, и, обернувшись, я увидел Бинго Литтла, уплетавшего здоровенный бутерброд с сыром.

– Привет, – сказал я. – Сколько лет, сколько зим! Где это ты пропадал?

– Меня не было в Лондоне, я жил за городом.

– За городом? – удивился я: всем известно, что Бинго не большой охотник до прелестей сельской жизни. – Это где же?

– В Хемпшире, в местечке под названием Диттеридж.

– Что ты говоришь! У моих знакомых дом в этих местах. Глоссопы. Ты с ними не знаком?

– Я как раз у них и живу, – сказал Бинго. – В качестве гувернера юного Глоссопа.

– Чего ради? – спросил я. Не представляю себе Бинго в роли учителя. Хотя, с другой стороны, у него худо-бедно оксфордский диплом, так что кого-то он на короткое время может одурачить.

– Чего ради? Ради денег, разумеется! Представляешь, стопроцентный верняк накрылся во втором заезде в Хейдок-Парке, – с горечью сказал Бинго, – а с ним вместе и все мое содержание за месяц вперед. У меня духу не хватило просить у дяди, так что пришлось обзванивать агентства по найму и искать работу. Я пашу у Глоссопов уже три недели.

– Я не знаком с юным Глоссопом.

– Твое счастье, – буркнул Бинго.

– Из всей семьи я хорошо знаю только дочь. – Едва я произнес эти слова, как лицо Бинго чудесным образом преобразилось. Он вспыхнул, как маков цвет, глаза едва не вывалились из орбит, а кадык запрыгал, словно каучуковый шарик на фонтанчике в тире.

– О Берти! – сдавленным голосом простонал он. Я не на шутку испугался. Я знал, что он постоянно в кого-нибудь да влюбляется, но влюбиться в Гонорию Глоссоп – на это, по моим понятиям, был не способен даже он. На мой вкус, эта девица – чистая отравка. Этакая здоровенная, жутко интеллектуальная, энергичная особа – теперь таких девиц развелось в Англии видимо-невидимо. Она окончила Гертон [\[8\]](#), где не только развила свой мозг до кошмарных размеров, но и занималась всеми возможными видами спорта, в результате чего достигла физической формы профессионального борца средней весовой категории. Не удивлюсь, если окажется, что она выступала за университетскую команду по боксу. Едва она появляется на горизонте, мне хочется спуститься в подвал и затаиться до отбоя воздушной тревоги.

Тем не менее Бинго явно от нее без ума. Ясно как день. В глазах его сияло пламя Великой Любви.

– Я боготворю ее, Берти! Я благословляю землю, по которой она ступает, – громовым голосом затрубил несчастный; уверен, что его было слышно на другом конце зала. В бар только что зашел Фред Томпсон, потом еще пара знакомых, а Мак-Гарри – парень за стойкой – и вовсе слушал, разинув рот и развесив уши. Но не в привычках Бинго скрывать свои чувства. Точь-в-точь герой оперетты, который, выйдя на середину сцены, собирает в кружок приятелей и во всю глотку распевает о своей любви.

– Ты ей уже об этом сказал?

– Нет, у меня не хватает духу. Мы каждый вечер гуляем вместе по парку и, когда она смотрит на меня... Знаешь, она похожа...

– ...на сержанта морской пехоты.

– Ничего подобного! На юную богиню.

– Одну секунду, старина, – сказал я. – Ты уверен, что мы говорим об одной и той же мисс Глоссоп? Ту, которую я имею в виду, зовут Гонория. Может быть, у нее есть сестра, о которой я не слышал?

– Ее имя действительно Гонория, – с дрожью благоговения в голосе подтвердил Бинго.

– И, на твой взгляд, она похожа на юную богиню?

– Похожа.

– Благослови тебя бог! – сказал я.

– «Она идет во всей красе. Светла, как ночь ее страны. Вся глубь небес и звезды все в ее очах заключены» ¹⁹¹. Еще один бутерброд с сыром, – сказал он бармену.

– Я гляжу, отсутствием аппетита ты не страдаешь!

– Это мой обед. В час пятьдесят должен встретить Освальда на вокзале Ватерлоо, чтобы успеть на обратный поезд. Я возил его к зубному врачу.

– Освальд? Это что – юный Глоссоп?

– Да. Поганец порядочный.

– Поганец? Кстати, я же сегодня обедаю с тетей Агатой. Извини, я поскакал, а не то опоздаю.

Я не виделся с тетей Агатой после той самой истории с жемчугом; и хотя и не предвкушал особого удовольствия от совместного пережевывания пищи, я был твердо уверен, что уж одной темы она, во всяком случае, не станет касаться – а именно, темы семьи и брака. Если бы я сел в такую калошу, как тетя Агата в Ровиле, элементарный стыд не позволил бы мне даже заикаться об этом как минимум несколько месяцев.

Но, оказалось, я недооценивал женщин. В смысле бесстыдства. Вы не поверите – она, можно сказать, с этого начала. Клянусь! Не успели мы перекинуться парой фраз о погоде, как она, не моргнув глазом, ринулась в атаку.

– Берти, – сказала она. – Я много думала и окончательно поняла, что тебе совершенно необходимо жениться. Признаю – я жестоко ошиблась, доверившись той ужасной обманщице в Ровиле, но на этот раз ошибки быть не может. Мне посчастливилось найти для тебя именно такую невесту, как тебе нужно. Я недавно познакомилась с этой девушкой, но она из прекрасной семьи, так что тут не может быть никаких сомнений. К тому же она очень богата; для тебя, впрочем, это не важно. Главное, что это сильная, самостоятельная и благоразумная девушка, которая сможет уравновесить все твои многочисленные слабости и недостатки. Она с тобой знакома и, хотя, естественно, не одобряет твой образ жизни, относится к тебе с симпатией. Я в этом уверена, потому что уже прощупала почву – естественно, очень деликатно – и думаю, что стоит тебе сделать первый шаг...

– Кто она? – Мне следовало давно задать этот вопрос, но с перепугу у меня кусок булочки попал не в то горло, я посинел от недостатка кислорода и только теперь снова получил возможность нормально дышать. – Кто она?

– Гонория, дочь сэра Родерика Глоссопа.

– Нет, только не она! – закричал я, и щеки мои под здоровым летним загаром побледнели.

– Не глупи, Берти. Это как раз та жена, которая тебе требуется.

– Но послушайте...

– Она сформирует твой характер.

– Но я вовсе не хочу, чтобы кто-то формировал...

Тетя Агата взглянула на меня так, словно мне пять лет и она опять застучала меня с банкой джема в буфетной:

– Берти! Ради бога, не спорь, пожалуйста.

– Да, но я хочу сказать...

– Леди Глоссоп любезно пригласила тебя погостить в Диттеридж-Холле. Я сказала, что ты с удовольствием завтра же к ним приедешь.

– Мне очень жаль, но на завтра у меня чертовски важная встреча.

– Что еще за встреча?

– Ну... это...

– Нет у тебя никакой встречи. А если и есть, ты ее отменишь. И отправишься в Диттеридж-Холл, а не то, Берти, я очень сильно рассержусь.

– Ну хорошо, хорошо, – сказал я.

Едва я расстался с тетей Агатой, как во мне проснулся бойцовский дух Бустеров. Как ни ужасна была нависшая надо мной угроза, я чувствовал почти что радостное возбуждение. Меня загнали в угол, но чем безнадежнее мое положение, тем слаще будет торжество над Дживсом, когда я сумею выпутаться из ловушки без малейшей помощи с его стороны. Прежде я бы спросил у него совета и действовал в соответствии с его инструкциями; но после того, что я услышал на кухне, будь я проклят, если стану унижаться.

Вернувшись домой, я как бы между прочим сказал:

– Знаете, Дживс, я попал в чертовски затруднительное положение.

– Мне очень жаль, сэр.

– Да, мое дело дрянь. По правде говоря, я на краю гибели, один на один с безжалостным роком.

– Если я могу вам чем-нибудь помочь, сэр...

– Нет, спасибо. Не стану вас беспокоить. Уверен, что сам справлюсь.

– Очень хорошо, сэр.

Тем все и кончилось. Другой на его месте принялся бы расспрашивать, что да как, но такой уж Дживс человек. Сама сдержанность во всем.

Когда я на следующий день приехал в Диттеридж, Гонорию я там не застал. Ее мать сказала, что она гостит у Брейтуэйтов и вернется завтра, а с ней вместе придет и ее подруга, мисс Брейтуэйт. Еще она сообщила, что Освальда я найду в парке, и – что значит материнская любовь – это прозвучало так, словно присутствие ее чада служит к украшению парка и составляет едва ли не главную его достопримечательность.

Неплохой у них там парк, в Диттеридже. Террасы, большой кедр посреди лужайки, кусты и небольшой, но живописный пруд с перекинутым через него каменным мостом. Выйдя в парк, я обогнул кустарник и заметил Бинго, который курил, прислонясь к перилам моста. На каменных перилах сидел с удочкой в руках некий представитель отряда несовершеннолетних – как я понял, это и был Освальд Морозов Язва.

Бинго был приятно удивлен моим приездом и представил меня мальчишке. Если тот и был приятно удивлен, то умело скрыл это, как заправский дипломат. Только взглянул на меня, слегка вздернул брови и продолжал удить. Видно было, что он из тех высокомерных юнцов, которые дают вам почувствовать, что школа, где вы учились, совсем не та и костюм на вас сидит плохо.

– Это Освальд, – сказал Бинго.

– Рад познакомиться, – приветливо произнес я. – Как поживаешь?

– Нормально, – ответил мальчик.

– У вас тут очень красиво.

– Нормально, – ответил мальчик.

– Хорошо клюет?

– Нормально, – ответил мальчик.

Бинго отвел меня в сторонку, чтобы мы могли спокойно пообщаться.

– Скажи, а у тебя никогда не звенит в ушах от беспрестанного щебета милого Освальда?

Бинго вздохнул:

– Да, это тяжкий труд.

– Что – тяжкий труд?

– Любить его.

– Так ты его любишь? – с удивлением спросил я. – Вот уж никогда бы не подумал, что такое возможно.

– Пытаюсь, – сказал Бинго. – Ради Нее. Берти, завтра Она приезжает!

– Так мне сказали.

– Она приезжает, любовь моя, моя...

– Да-да, конечно, – сказал я. – Но возвращаюсь к юному Освальду. Тебе что, приходится нянчиться с ним с утра до ночи? Я бы давно рехнулся!

– С ним не так много хлопот. После уроков он все время сидит здесь, на мосту, удит малявок.

– Отчего бы тебе не спихнуть его в пруд?

– Спихнуть в пруд?

– По-моему, это самое разумное, – сказал я, с неприязнью взглянув на оболтуса. – Может, наконец проснется и почувствует интерес к жизни.

Бинго тоскливо покачал головой.

– Очень заманчивое предложение, – сказал он. – Но, боюсь, неосуществимое. Видишь ли. Она никогда мне этого не простит. Она очень привязана к этому паршивцу.

– Ура! – воскликнул я. – Нашел!

Не знаю, знакомо ли вам это чувство, когда вас вдруг осеняет гениальная идея и дрожь бежит вниз по позвоночнику' от мягкого, как теперь носят, воротничка до самых подошв? Дживс наверняка испытывает это чувство по нескольку раз на дню, но на меня оно нисходит довольно редко. И вот сейчас я услышал, словно чей-то голос возвестил: «Вот оно!» Я схватил руку Бинго выше локтя с такой силой, что ему, наверное, показалось, будто его укусила лошадь. Тонкие черты его лица исказила гримаса страдания, и он поинтересовался, какого черта я решил отрабатывать на нем приемы джиу-джитсу.

– Что бы сделал Дживс? – спросил я у Бинго.

– В каком смысле «что бы сделал Дживс?»?

– Что бы он посоветовал в такой ситуации? Тебе нужно произвести впечатление на Гонорию Глоссоп, верно? Так вот, если хочешь знать, он посоветовал бы тебе спрятаться вон за тем кустом, а мне – заманить Гонорию к мосту и в условленный момент дать мальчишке крепкого пинка пониже спины, чтобы он слетел с моста в воду. После чего ты прыгаешь за ним и вытаскиваешь его из воды на берег. Ну, что скажешь?

– Берти... не может быть, чтобы ты сам до этого додумался, – почтительным шепотом выдохнул Бинго.

– Сам. Не у одного Дживса рождаются гениальные мысли.

– Но это же бесподобно!

– Хотелось тебе помочь.

– Единственное, что меня смущает, это в каком ты окажешься положении. Я хочу сказать – допустим, этот чертов мальчишка успеет оглянуться и всем расскажет, что ты нарочно столкнул его в пруд. Ты можешь на всю жизнь испортить отношения с Ней.

– Я готов даже на это.

Видно было, что он глубоко тронут:

– Берти, это так благородно с твоей стороны!

– Ну что ты.

Он молча пожал мне руку, а потом хмыкнул – звук был такой, как будто последние капли воды, булькнув, ушли в отверстие ванны.

– Что тебя так развеселило?

– Я вдруг представил себе, – сказал Бинго, – какой дурацкий вид будет у мокрого Освальда. О господи, что за счастливый день!

ГЛАВА 6. Награда герою

Вы замечали, что совершенство никогда не бывает полным? Вот и в моем великолепном во всех прочих отношениях плане был один небольшой изъян: Дживс не увидит меня в деле. Однако в остальном мой замысел был безупречен. Главное, тут невозможны никакие сбои и накладки. Знаете, как бывает, когда требуется, чтобы некто А прибыл в пункт Б в ту самую минуту, когда некто В находится в точке Г. Обязательно где-нибудь что-то да сорвется. Возьмем, к примеру, генерала, планирующего крупное наступление. Он приказывает одному полку занять холм с ветряной мельницей точно в тот момент, когда другой полк овладеет плацдармом или еще чем-то там в долине; на деле, однако, все идет наперекосяк. Вечером генерал собирает офицеров, и командир первого полка говорит: «Ах, извините! Разве вы сказали «холм с мельницей»? А мне послышалось «холм, где пасется стадо овец». Вот так-то. Но в данном случае нам ничего подобного не грозит, потому что Освальд и Бинго непременно будут находиться там, где требуется, так что мне оставалось лишь своевременно заманить туда Гонорию. И я прекрасно, с первого же захода, справился со своей задачей: предложил ей прогуляться со мной по парку, намекнув, что мне необходимо сообщить ей нечто важное.

Она прикатила на автомобиле сразу же после обеда, вместе с дочерью Брейтуэйтов. Гонория меня ей представила – подруга оказалась довольно высокой блондинкой с голубыми глазами. Мне она даже понравилась: полная противоположность Гонории, будь у меня побольше времени, я бы с удовольствием с ней поболтал. Но дело прежде всего: мы договорились, что Бинго заступит на свой пост за кустом ровно в три, поэтому я поспешил увести Гонорию в парк и как бы невзначай начал подгрести вместе с ней в сторону пруда.

– Вы сегодня так молчаливы, мистер Вустер, – сказала она.

Я вздрогнул от неожиданности – так глубоко я ушел в свои мысли о предстоящей операции. Мы приближались к пруду, и я зорким оком оглядывал поле предстоящего боя. Пока все шло по плану. Юный Освальд, сгорбившись, восседал на перилах моста, Бинго не было видно, из чего я заключил, что он уже в засаде. На моих часах было две минуты четвертого.

– Что? – переспросил я. – Извините. Я просто задумался.

– Вы говорили, что вам необходимо сообщить мне что-то важное?

– Совершенно верно, – сказал я, решив, что не мешает взрыхлить почву для Бинго, Я имею в виду, не называя его по имени, приготовить барышню к мысли, что на свете есть человек, который – как это ни удивительно – давно любит ее издали, и все такое прочее. – Дело вот в чем, – сказал я. – Вы, может быть, удивитесь, но один человек в вас страшно влюблен и так далее – ну, один мой друг.

– Ах, вот как – друг?

– Да.

Она рассмеялась:

– Что же он мне сам об этом не скажет?

– Такой уж он человек. Ужасно робкий, застенчивый. Никак не может набраться смелости. Считает, что вы настолько выше его, ну, вы понимаете... Смотрит на вас как на божество. Благославляет землю, по которой вы ступаете, но ему не хватает пороку вам об этом сказать.

– Очень любопытно.

– Да. Он, по-своему, неплохой парень. Вообще-то осел, каких мало, но славный малый. Вот такие, значит, дела. Просто имейте это в виду, ладно?

– Господи, какой вы смешной!

Она откинула голову назад и расхохоталась. Смех у нее был зычный. Что-то вроде грохота товарного поезда в туннеле. На мой вкус – не слишком музыкальный, и юному Освальду он, как видно, тоже пришелся не по душе. Он оглянулся на нас с нескрываемой неприязнью.

– Какого черта вы тут разорались, – сказал он. – Всю рыбу распугаете.

Его замечание несколько сбilo высокий романтический строй нашей беседы. Гонория переменяла тему.

– Меня беспокоит, что Освальд сидит на перилах, – сказала она. – По-моему, это опасно. Он может свалиться в воду.

– Пойду скажу ему, – предложил я.

Меня отделяло от Освальда всего пять ярдов, но мне казалось, что все сто. Я шел, и мне чудилось, что в моей жизни уже было нечто подобное. Я даже вспомнил, что это было. Много лет назад в одном загородном доме меня уговорили сыграть роль дворецкого в любительском благотворительном спектакле в пользу кого-то или чего-то там, сейчас уже не помню. Так вот, в самом начале спектакля я должен был пройти через всю сцену слева направо и поставить на стол поднос. На репетиции мне объяснили, чтобы я ни в коем случае не старался пройти дистанцию в максимальном темпе и что мой проход не должен походить на финишный спурт в состязаниях по спортивной ходьбе. В результате я изо всех сил жал на тормоза, и мне казалось, что я никогда не дойду до этого чертова стола. Сцена превратилась в бескрайнюю пустыню, а в зале стояла такая мертвая тишина, словно вся Вселенная следит за мной, затаив дыхание. Точно так я чувствовал себя и теперь. Во рту пересохло от страха, мне казалось, что с каждым шагом проклятый мальчишка отодвигается от меня все дальше и дальше, как вдруг каким-то чудом я оказался прямо у него за спиной.

– Привет, – сказал я с болезненной улыбкой, которую, впрочем, он не мог оценить, поскольку не потрудился обернуться, а лишь раздраженно повел левым ухом. Мне еще не приходилось встречать человека, которому было бы на меня настолько наплевать.

– Привет, – повторил я. – Рыбачишь? – И с нежностью старшего брата я положил руку ему на плечо.

– Эй, поосторожнее, – сказал он и покачнулся на узких перилах.

В таких случаях надо действовать без промедления. Я закрыл глаза и толкнул его в спину. Послышались странные звуки, будто кошка точит когти о перила моста, кто-то взвизгнул у меня за спиной, раздался сдавленный возглас, потом громкий всплеск.

Я открыл глаза. Мальчишка как раз только что вынырнул на поверхность.

– На помощь! – закричал я, кося глазом на куст, из-за которого по плану должен был выскочить Бинго.

Но тщетно. Никакой Бинго ни из-за какого куста и не думал выскакивать.

– Скорее! Помогите! – еще громче протрубил я.

Вам, наверное, уже надоели воспоминания о моей театральной карьере, но я все же вернусь к тому эпизоду, когда я исполнял роль дворецкого. По пьесе предполагалось, что, когда я поставлю поднос на стол, на сцене должна появиться героиня, прошебетать несколько слов и отослать меня прочь. Но бедная женщина забыла, что дальше ее выход, и

не встала наготове за кулисами – пока ее нашли и вытолкали на сцену, прошла целая минута. И все это время я вынужден был стоять столбом и ждать. Отвратительное состояние, можете мне поверить, и вот сейчас я испытывал нечто подобное, только еще хуже. Теперь я понял, что имеют в виду литераторы под выражением «время словно остановилось».

Между тем юный Освальд погибал ни за грош во цвете лет, и мне стало ясно, что пора принимать срочные меры. Не то чтобы я успел к нему так уж сильно привязаться, но не смотреть же, как его поглотит пучина. С моста вода казалась на редкость грязной и холодной – но куда деваться? Я сбросил пиджак и сиганул через перила.

Вы замечали, что вода почему-то гораздо мокрее, если ныряешь в одежде; отчего – не знаю, но можете мне поверить. Я пробыл под водой секунды три, не более, но всплыл с ощущением, что мое тело, как пишут в криминальной хронике, «очевидно, находилось в воде несколько суток». Я чувствовал себя распухшим и липким.

В довершение всех бед, дело приняло неожиданный оборот. Я полагал, что, как только вынырну, сразу же храбро схвачу мальчишку за шиворот и отбуксирую к берегу. Но он и не думал дожидаться, пока его отбуксируют. Когда я отфыркался и смог наконец снова различать, что происходит вокруг, то увидел, что он уже в десяти ярдах впереди меня и движется на всех парах по направлению к берегу австралийским кролем. У меня упало сердце. Ведь суть спасательной операции состоит в том, что спасаемый находится в беспомощном положении и в одном месте. Если он в состоянии плыть сам, да еще может дать вам сорок ярдов форы на стоярдовой дистанции, то на кой черт ему ваше спасение? Вся затея теряет смысл. Мне оставалось только плыть к берегу. И я поплыл к берегу. К тому моменту, когда я ступил на твердую сушу, мальчишка был уже на полпути к дому. Короче говоря, с какой стороны ни глянь, затея моя закончилась полным провалом.

Мои размышления прервал звук, похожий на грохот проносащегося под мостом Шотландского экспресса. Это смеялась Гонория Глоссоп. Она стояла рядом со мной и смотрела на меня с каким-то странным выражением.

– Ах, Берти, какой вы смешной! – сказала она. Ее слова пробудили в моей душе тоскливые предчувствия. Прежде она никогда не обращалась ко мне иначе, как «мистер Вустер». – И какой мокрый!

– Да, я промок.

– Бегите скорее в дом и переоденьтесь.

– Хорошо.

Я отжал несколько галлонов воды из прилипшей к телу одежды.

– Нет, все-таки вы ужасно смешной, – повторила она. – Сначала делаете предложение таким необычным окольным образом, а потом сталкиваете Освальда в пруд, чтобы затем спасти и произвести на меня впечатление...

Я уже достаточно освободил органы дыхания от воды, чтобы возразить и вывести ее из этого пагубного заблуждения:

– Нет-нет, вам показалось!

– Брат сказал, что вы его нарочно столкнули, да я и сама видела. Я нисколько на вас не сержусь за это, Берти. Это так мило с вашей стороны. Но, думаю, мне пора всерьез вами заняться. За вами нужен глаз да глаз. Вы смотрите слишком много кинофильмов. В следующий раз еще надумаете поджечь дом, чтобы вынести меня из огня. – Она окинула меня хозяйским взглядом. – Думаю, мне удастся сделать из вас что-то путное, – сказала она. – Конечно, ваша жизнь до встречи со мной прошла впустую, но вы еще молоды, и в вас

есть много хорошего.

– Нет-нет... во мне нет абсолютно ничего хорошего.

– Есть, Берти. И это скоро проявится. А сейчас бегите скорее домой и переоденьтесь, а не то простудитесь.

В голосе ее прозвучали материнские нотки, которые яснее слов сказали мне, что я пропал.

Я переоделся и, когда спускался по лестнице, столкнулся с Бинго. У него был какой-то странный, восторженный вид.

– Берти, – проговорил он. – Как хорошо, что я тебя встретил. Случилась удивительная вещь!

– Скотина! – вскричал я. – Куда ты делся? Ты знаешь, что...

– А, это ты насчет того, что меня не было там, в кустах? Я просто не успел тебя предупредить. Все отменяется.

– Что отменяется?

– Берти, я как раз направлялся к пруду, чтобы спрятаться в условленном месте, когда произошло нечто необыкновенное. Я шел по лужайке и вдруг увидел самую прекрасную, самую изумительную девушку на свете. Другой такой просто нет! Берти, ты веришь в любовь с первого взгляда? Ведь ты же веришь, я знаю, Берти, старик, ты не можешь не верить! Как только я на нее взглянул, меня потянуло к ней как магнитом. Я забыл обо всем на свете. Мне показалось, что мы одни в мире, полном музыки и солнца. Я подошел к ней. Я заговорил с ней. Ее зовут мисс Брейтуэйт, Берти, – Дафна Брейтуэйт. Как только наши взгляды встретились, я понял, что чувство, которое я принимал за любовь к Гонории Глоссоп, было лишь минутным увлечением. Берти, ведь ты же веришь в любовь с первого взгляда, верно? Она такая изумительная, такая добрая. Похожа на юную богиню...

Я молча повернулся и ушел к себе в комнату.

Два дня спустя я получил письмо от Дживса.

«Погода, – писал он, – по-прежнему стоит превосходная. Сегодня я искупался с особенным удовольствием».

Я горько рассмеялся и спустился в гостиную, где меня ждала Гонория. Она собиралась почитать мне вслух Рескина [\[10\]](#).

ГЛАВА 7. На сцене появляются Клод и Юстас

Гром среди ясного неба грянул ровно в час сорок пять пополудни. Спенсер, дворецкий тети Агаты, поставил на стол блюдо с жареным картофелем, как вдруг Гонория сказала нечто, заставившее меня подпрыгнуть на месте и катапультировать ложкой шесть кусков картошки прямо на буфет. Я был потрясен до глубины души.

Заметьте, что моя нервная система к этому времени была сильно расшатана. Вот уже две недели, как я был помолвлен с Гонорией Глоссоп, и не проходило дня без того, чтобы она не пыталась меня «формировать», как выражается тетя Агата. Я до рези в глазах читал мудреные книжки; бок о бок мы Прошагали не менее сотни миль по залам картинных галерей; и вы никогда не поверите, какое количество концертов классической музыки мне пришлось за это время прослушать. Естественно, я был не в состоянии стойко держать удар, тем более удар столь сокрушительной силы. Гонория загостила меня на обед к тете Агате, и я в отчаянии твердил про себя: «Смерть, ну где твое спасительное жало!» [\[11\]](#), и вдруг – как обухом по голове.

– Берти, – внезапно произнесла она с таким видом, словно ей только сейчас это пришло в голову. – Этот ваш слуга – как его...

– Слуга? Дживс, а что?

– По-моему, он оказывает на вас дурное влияние, – сказала Гонория. – Когда мы поженимся, вам придется от него избавиться.

Вот тут я и запулил ложкой шесть отменных поджаристых ломтиков картофеля на буфет, а Спенсер кинулся за ними с проворством хорошо натасканного ирландского сеттера.

– Избавиться от Дживса? – Я задохнулся от возмущения.

– Да. Он мне не нравится.

– И мне он не нравится, – сказала тетя Агата.

– Но это невозможно. Я... да я и дня не смогу прожить без Дживса.

– Придется, – сказала Гонория. – Мне он положительно не по нутру.

– И мне он положительно не по нутру, – сказала тетя Агата. – Я давно об этом твержу.

Жуть, верно? Я всегда подозревал, что брак связан с лишениями, но мне и в кошмарном сне не могло привидеться, что он сопряжен со столь страшными жертвами. До конца обеда я пребывал в полубморочном состоянии.

Предполагалось, что после обеда я буду сопровождать Гонорию в качестве носильщика по магазинам на Риджент-стрит. Однако, когда она поднялась, чтобы идти, прихватив меня и прочие предметы экипировки, тетя Агата ее остановила.

– Поезжайте одна, дорогая, – сказала она. – Мне нужно кое о чем поговорить с Берти.

В результате Гонории пришлось отправиться за покупками без меня. Как только она ушла, тетя Агата под села ко мне поближе.

– Берти, – сказала она. – Милая Гонория ничего об этом пока не знает, но на пути к вашему браку возникло небольшое препятствие.

– Да что вы? Не может быть! – воскликнул я, ослепленный внезапно блеснувшим лучом надежды.

– О, ничего серьезного, разумеется. Всего лишь досадное недоразумение. Дело в сэре Родерике.

– Решил, что поставил не на ту лошадь? Собирается аннулировать ставку? Что ж,

наверное, он прав.

– Умоляю, перестань молоть чушь, Берти. Это вовсе не так серьезно. Просто профессия сэра Родерика заставляет его быть... ну... сверхосторожным.

– Сверхосторожным? – не понял я.

– Ну да. Полагаю, это неизбежно. У специалиста по нервным болезням со столь обширной практикой поневоле должно сложиться несколько искаженное представление о людях.

Теперь до меня стало наконец доходить, к чему она клонит. Сэра Родерика Глоссопа, отца Гонории, обычно называют специалистом по нервным болезням, хотя на самом деле все прекрасно знают, что большинство его клиентов – самые настоящие психи. Если ваш дядюшка-герцог начинает заговариваться и вы, войдя в голубую гостиную, обнаружите, что у него солома в волосах, вы вызываете папашу Глоссопа. Он является, с глубокомысленным видом осматривает больного, долго разглагольствует насчет перенапряжения нервной системы и рекомендует полный покой, уединение и прочую чепуху. В Англии нет благородного семейства, которое бы раз-другой не прибегало к услугам сэра Родерика, и надо полагать, что такое занятие – когда изо дня в день заговариваешь пациентам зубы, пока любящие родственники вызывают санитарную карету из желтого дома – действительно способствует формированию «несколько искаженного представления о людях».

– Ты хочешь сказать, он считает меня чокнутым, а ему не нужен чокнутый зять? – спросил я.

Моя способность схватывать все на лету почему-то только раздражила тетю Агату:

– Глупости, ничего подобного он, разумеется, не считает. Я же тебе говорю – он просто сверхосторожный человек. Хочет убедиться, что ты абсолютно нормален. – Тут она на некоторое время замолчала, потому что Спенсер принес кофе. Когда он ушел, она продолжила свою мысль: – Ему рассказали какую-то немислимую историю, будто ты столкнул его сына Освальда в пруд в Диттеридже. Разумеется, это неправда – на такое даже ты не способен.

– Я просто к нему прислонился, а он возьми да и свались с моста.

– Освальд настаивает, что ты его нарочно спихнул. Сэра Родерика это не может не беспокоить, он начал наводить справки и узнал про бедного дядю Генри.

Она посмотрела на меня, и я скорбно отхлебнул кофе. Мы заглянули в старый домашний шкаф с фамильным скелетом. Мой покойный дядя Генри – темное пятно на гербе Вустеров. Симпатичный такой старикан, я к нему хорошо относился, когда я учился в школе, он щедро подкидывал мне на карманные расходы. Но за ним и в самом деле водились кое-какие странности: например, он держал у себя в спальне одиннадцать ручных кроликов и, конечно, в строгом смысле слова, был не в своем уме. Если уж совсем начистоту, жизнь свою он закончил в соответствующем заведении, совершенно счастливый в окружении бесчисленных кроликов.

– Все это просто нелепо, потому что если кто-то в семье и мог унаследовать эксцентричность бедного Генри – а это была не более чем эксцентричность, – так это Клод и Юстас, а в Лондоне трудно найти других таких умных молодых людей.

Клод и Юстас – близнецы, учились когда-то в той же школе, что и я, но были в начальных классах, когда я уже завершал свое образование. И, помнится, в то время слово «умный» к ним нельзя было применить даже с очень большой натяжкой. Последний триместр я был занят почти исключительно тем, что помогал им выпутываться из

бесчисленных скандальных историй.

– Ты посмотри, какой у них успех в Оксфорде. Твоя тетька Эмили на днях получила письмо от Клода, где он сообщает, что они надеются вступить в очень престижный клуб, который называется «Искатели».

– «Искатели»? Не помню, чтобы в Оксфорде был клуб с таким названием. И что же они, интересно, ищут?

– Об этом он не пишет. Истину или знания, я полагаю. Видимо, это очень аристократический клуб: Клод упомянул, что вместе с ним в члены клуба баллотируется лорд Рейнсби, сын графа Дачета. Однако мы отклонились от темы. Я хотела сказать, что сэр Родерик желал бы переговорить с тобой наедине в спокойной обстановке. Я надеюсь, Берти, что ты проявишь – я не скажу «весь свой ум», но, по крайней мере, благоразумие. Постарайся обойтись без идиотских смешков, не пялься на него с остекленелым выражением лица, как ты имеешь обыкновение; не зевай во весь рот и не дергайся, как паяц. И не забудь, что сэр Родерик состоит в «Лиге борьбы с азартными играми» – он президент отделения в Западном Лондоне, – так что не заводи с ним разговоры о скачках. Завтра в час тридцать он придет к тебе на обед. Имей в виду, что он не пьет вина, категорически против курения и ест только самую простую пищу из-за проблем с пищеварением. И не предлагай ему кофе – он считает кофе причиной половины нервных заболеваний.

– Должно быть, собачьи сухарики и стакан воды будут ему в самый раз.

– Берти!

– Шучу, шучу...

– Вот благодаря таким идиотским шуточкам у сэра Родерика и могут зародиться сомнения в твоей умственной полноценности. Пожалуйста, постарайся воздержаться от этого твоего игривого тона в его присутствии. Он очень серьезный человек... Ты уже уходишь? Запомни все, что я сказала. Я на тебя полагаюсь, и если ты все испортишь, я тебе этого никогда не прощу.

– Ладно, – сказал я.

И побежал домой – впереди меня ждал целый день свободы.

На следующий день я позавтракал очень поздно, а потом вышел пройтись. Я решил принять все меры, чтобы привести голову в нормальное состояние, а свежий воздух рассеивает туман, окутывающий мой мозг в первые несколько часов после пробуждения. Я побродил по парку, повернул назад и уже дошел до Гайд-парк-Корнер [\[12\]](#), когда кто-то хлопнул меня промеж лопаток. Я оглянулся и увидел кузена Юстаса. Он шел под руку с двумя другими бездельниками: с краю шагала его сестра Клод, а в середине – какой-то тип с розовой, как у поросенка, физиономией, редкими волосами и виноватым выражением лица.

– Берти, старичок! – радостно воскликнул Юстас.

– Привет, – ответил я, впрочем, без особого воодушевления.

– Какая фантастическая удача – встретить в Лондоне единственного человека, который может нас накормить в соответствии с нашими утонченными вкусами. Кстати, ты ведь не знаком с Песым Носом? Песий Нос, это мой кузен Берти. Лорд Рейнсби – мистер Вустер. Мы только что заходили к тебе на квартиру. Ужасно жалели, что тебя не застали, но старина Дживс оказал нам самый радушный прием. Этому малому просто цены нет. Береги его, Берти.

– А что вы делаете в Лондоне? – поинтересовался я.

– Так, просто болтаемся. Заскочили ненароком. Что называется, с кратким

неофициальным визитом. Отчаливаем в три десять. Так как же насчет обеда, которым ты так любезно вызвался нас угостить: куда мы пойдём? В «Ритц»? В «Савой»? В «Карлтон»? А если ты состоишь членом в «Сайро» или в «Эмбасси», то тоже неплохо.

– Нет, сегодня ничего не получится. У меня деловая встреча. Господи, я уже опоздал! – Я подождал такси. – Как-нибудь в другой раз.

– Тогда как мужчина мужчине: не одолжишь пятерку?

Мне некогда было с ним препираться. Я отстегнул ему пять фунтов и нырнул в машину. Когда я ввалился в квартиру, было уже без двадцати два. Я ринулся в гостиную – комната была пуста.

Из глубин кухни выплыл Дживс:

– Сэр Родерик еще не прибыл, сэр.

– Слава богу, – сказал я. – Я боялся, что он уже раскрошил всю мебель от злости. – По своему опыту могу вам сказать: чем меньше вы жаждете видеть гостя, тем он пунктуальнее. Я уже мысленно представлял себе, как сэр Родерик, постепенно закипая, мерит шагами ковер в гостиной. – Ну как, все готово?

– Смею надеяться, что вы останетесь довольны, сэр.

– Чем собираетесь нас кормить?

– Консоме, телячья отбивная и лимонный сок с содовой.

– Ну что ж, я не вижу тут ничего, что представляет опасность для самого деликатного желудка. Главное, чтобы вы не забылись и сгоряча не притащили нам кофе.

– Нет, сэр.

– И следите, чтобы у вас не было на лице остекленелого выражения, а не то оглянуться не успеете, как окажетесь в обитой войлоком палате.

– Хорошо, сэр.

В прихожей задребезжал звонок.

– Все по местам, Дживс, – сказал я. – Ну, с богом!

ГЛАВА 8. Сэр Родерик приходит обедать

Мне, разумеется, и прежде приходилось встречаться с сэром Родериком Глоссопом, но всегда в присутствии Гонории, а одно из удивительных свойств Го-нории состоит в том, что всякий, находящийся с ней в одном помещении, отчего-то кажется меньше и незначительнее, чем на самом деле. До сегодняшнего дня я не подозревал, что у старикана чертовски впечатляющая внешность. Косматые брови придают его взгляду пронзительное выражение, особенно неприятное натошак. Роста он высокого, сложения массивного, но больше всего поражает его огромная голова, фактически лишенная растительности, отчего она выглядит еще огромней и походит на купол собора Святого Павла. Думаю, он носил шляпу девятого размера, не меньше. Это доказывает, что слишком развивать свои мозги опасно.

– Салют! Салют! Салют! – прокричал я, стараясь создать атмосферу непринужденности и радушия, но тут же спохватился, что тетя Агата как раз от этого меня и предостерегала. Чертовски трудно в такой ситуации с самого начала задать правильный тон: в смысле приветствий возможности у обитателя городской квартиры весьма ограничены. Будь я молодым помещиком и владельцем загородного дома, я мог бы приветствовать гостя какой-нибудь звучной фразой, вроде «Добро пожаловать в усадьбу «Райские кущи». Но ведь не скажешь же: «Добро пожаловать в квартиру шесть «а», дом Крайтона по Беркли-стрит».

– Кажется, я немного опоздал, – произнес сэр Родерик, когда мы сели за стол. – Меня задержал лорд Алистер Хангерфорд, сын герцога Рамферлайна. Он пожаловался, что у его милости снова возобновились симптомы, доставившие в свое время столько огорчений его близким. Я не мог уйти, не переговорив с ним. Это и явилось причиной моей непунктуальности, которая, надеюсь, не причинила вам слишком больших хлопот.

– Ну что вы, вовсе нет! Так вы говорите, герцог снова слетел с катушек?

– Признаюсь, я бы не решился употребить столь эмоционально окрашенное выражение, говоря о старейшине одного из самых знатных семейств Англии, но не могу не согласиться с вами, что в данном случае наблюдается значительная расторможенность отдельных мозговых центров. – Он вздохнул – насколько это возможно проделать, одновременно пережевывая телячью отбивную. – Моя профессия требует огромных душевных сил.

– Могу себе представить!

– Порой я просто в отчаянии от того, что мне приходится видеть. – Он вдруг замолчал и насторожился: – Вы держите кошку, мистер Вустер?

– Что? Кошку? Нет, никаких кошек.

– Я со всей определенностью слышал мяуканье кошки – либо в этой комнате, либо где-то совсем близко от того места, где мы с вами находимся.

– Вероятно, это автомобили на улице.

– Боюсь, я не совсем вас понимаю.

– Ну, знаете, как гудят автомобили. Иногда здорово смахивает на кошачьи вопли.

– Никогда не замечал подобного сходства, – холодно сказал он.

– Позвольте предложить вам лимонного сока с содовой, – сказал я. Разговор явно не клеился.

– Спасибо. Полстакана, пожалуйста. – Эта дьявольская смесь, видимо, его несколько успокоила, потому что он заговорил более дружелюбным тоном. – Видите ли, я испытываю к

кошкам непреодолимое отвращение. Так что, бишь, я говорил? Ах да, иногда я решительно прихожу в отчаяние от того, что вижу вокруг. Речь идет не только о моей медицинской практике, хотя и тут, конечно, многое удручает. Я имею в виду то, что приходится ежедневно наблюдать на улицах Лондона. Порой мне кажется, что большую часть населения планеты составляют люди психически неуравновешенные. Не далее как сегодня утром, по дороге в клуб, случилась совершенно беспрецедентная и весьма неприятная история. По случаю теплой погоды я приказал шоферу поднять верх и откинулся на сиденье, пользуясь приятной возможностью погреться на солнце, как вдруг движение остановилось из-за затора, как это нередко случается в Лондоне вследствие перегруженности центральных транспортных магистралей.

Видимо, я задумался и немного отвлекся: когда он сделал паузу, чтобы глотнуть лимонного сока с содовой, мне показалось, будто я на митинге и надо как-то отреагировать.

– Правильно! Правильно! – воскликнул я.

– Простите?

– Нет, ничего. Так вы говорили...

– Автомобили, двигавшиеся в противоположном направлении, тоже остановились, но вскоре возобновили движение. Я сидел, погрузившись в свои мысли, когда произошло нечто совершенно из ряда вон выходящее: у меня с головы внезапно сорвали шляпу! Оглянувшись, я успел заметить, как кто-то издевательски машет мне моей шляпой с заднего сиденья такси, которое воспользовалось освободившимся проездом и скрылось из виду.

Я не расхохотался, но это стоило таких усилий, что я явственно услышал, как затрещали нижние ребра.

– Наверное, кто-то просто пошутил, – сказал я.

Мое объяснение его явно не удовлетворило.

– Смею надеяться, – сказал он, – я не обделен способностью воспринимать юмор, но мне трудно найти в этой безобразной выходке что-то, хотя бы отдаленно похожее на веселую шутку. Вне всякого сомнения, эти действия совершены психически неуравновешенным субъектом. Психические отклонения могут проявляться в самых неожиданных формах. Например, герцог Рамферлайн, о котором я уже упоминал сегодня в нашем разговоре, считает – но это, разумеется, строго между нами, – что он канарейка, и приступ, так огорчивший лорда Алистера, случился у него из-за нерадивого лакея, который забыл принести ему утром кусочек сахара. Нередки случаи, когда больные подстерегают женщин, чтобы отрезать у них прядь волос. Склонен предположить, что напавший на меня сегодня субъект страдает манией, относящейся именно к этому виду. Могу лишь надеяться, что он будет помещен под надлежащий врачебный контроль прежде, чем... Мистер Вустер, где-то поблизости все же есть кошка! Это уже не на улице! Я уверен, что мяуканье слышится из соседней комнаты.

Должен признаться, что теперь и у меня не оставалось на этот счет никаких сомнений. Из спальни совершенно явственно доносились кошачьи вопли. Я нажал кнопку звонка, и в комнату вплыл Дживс, всем своим видом выражая почтение и преданность.

– Сэр?

– Вот что, Дживс, – сказал я. – Я насчет кошек. У нас что, в квартире кошки?

– Только те три, что в вашей спальне, сэр.

– Что?!

– Кошки в спальне? – простонал сэр Родерик, и глаза его впились в меня, точно два буравчика.

– Ничего не понимаю, – сказал я. – Какие еще три кошки?

– Черная, полосатая и маленькая светло-рыжая, сэр.

– Какого черта...

Я вскочил и бросился вокруг стола к двери. На беду, сэр Родерик тоже рванул к двери, обегая стол в противоположном направлении. В результате мы на всем скаку столкнулись в дверях и, обнявшись, вместе ввалились в прихожую. Он проворно вышел из клинча и схватил стоящий у вешалки зонт.

– Не подходите! – закричал он, замахиваясь зонтом. – Не подходите, сэр! Я вооружен!

Я решил, что пора приступать к мирным переговорам.

– Ужасно сожалею, что налетел на вас, – сказал я. – Я не нарочно. Я просто решил сбежать посмотреть, что происходит в спальне.

Он немного успокоился и опустил зонт. Но в этот миг в комнате грянул душераздирающий кошачий концерт. словно все кошки Лондона плюс делегаты из близлежащих пригородов собрались вместе, чтобы раз и навсегда разрешить свои разногласия. Что-то вроде сводного кошачьего хора и оркестра.

– Что за несносный шум! – завопил сэр Родерик. – Я не слышу даже собственного голоса!

– Осмелюсь высказать предположение, сэр, – почтительно сказал Дживс, – что животные пришли в столь сильное возбуждение, поскольку обнаружили рыбу под кроватью мистера Вустера.

Старик пошатнулся:

– Рыбу? Я не ослышался?

– Сэр?

– Вы сказали, что у мистера Вустера под кроватью рыба?

– Да, сэр.

Сэр Родерик издал слабый стон и, ни слова не говоря, схватил шляпу и трость.

– Как, вы уже уходите? – спросил я.

– Да, мистер Вустер, ухожу! Предпочитаю проводить досуг не в столь эксцентрическом обществе.

– Но постойте! Я пойду с вами. Уверен, что сумею вам все объяснить. Мою шляпу, Дживс.

Дживс протянул мне шляпу. Я ее сразу же надел... И – о ужас! Прямо чуть не утонул в ней, представляете? Еще надевая, я почувствовал, что она какая-то слишком просторная, но стоило опустить руки, как она села мне прямо на плечи, точно ведро.

– Эй! Это же не моя шляпа!

– Шляпа моя, – произнес сэр Родерик таким ядовитым тоном, какого мне в жизни не доводилось слышать. – Это та самая шляпа, которую с меня сорвали сегодня утром.

– Но...

Возможно, Наполеон или кто-нибудь вроде него на моем месте не растерялся бы, но для меня это было уже слишком: я впал в оцепенение и стоял, выпучив глаза. А старик Глоссоп снял с меня шляпу и сказал Дживсу:

– Я бы попросил вас, любезнейший, выйти со мной на пару минут. Мне нужно кое о чем вас спросить.

– Хорошо, сэр.

– Но послушайте... – забормотал было я, но Глоссой повернулся и торжественно вышел в сопровождении Дживса. Тут кошачий концерт в спальне грянул с новой силой.

Пора было положить этому конец. Ни с того ни с сего у тебя в спальне появляются кошки – куда это годится? Как эти чертовы твари туда попали, я понятия не имел, но был полон решимости немедленно прекратить их затянувшееся пиршество. Я распахнул дверь – на полу посреди комнаты сцепились в клубок штук сто кошек всех цветов и раскрасок, в следующее мгновение они прыснули друг за дружкой мимо меня из квартиры, а в спальне осталась только рыба голова внушительных размеров – она валялась на ковре и строго взирала на меня, словно требуя извинения в письменной форме.

Укоризненное выражение на морде злосчастной рыбины меня окончательно доконало: я на цыпочках вышел из спальни и закрыл за собой дверь, но при этом наткнулся спиной еще на кого-то.

– Ах, простите, – произнес этот кто-то.

Я повернулся и увидел того самого малого с розовой физиономией, которого я встретил сегодня утром в компании Клода и Юстаса – лорд Как-его-там.

– Послушайте, – извиняющимся тоном сказал он. – Неловко вас беспокоить, но это не мои кошки пробежали сейчас вниз по лестнице? Похожи на моих.

– Они выбежали из моей спальни.

– Тогда это точно мои, – печально сказал он. – Проклятье!

– Так это вы запустили туда кошек?

– Нет, это ваш слуга. Он любезно предложил подержать кошек в спальне до нашего отъезда. Я как раз пришел их забрать. А они сбежали. Ну что ж, ничего не поделаешь. В таком случае, я заберу рыбу и шляпу.

Этот тип нравился мне все меньше и меньше.

– Так эту чертову рыбу тоже вы приволокли?

– Нет, рыбу – это Юстас. А шляпу оставил Клод. Я без сил опустился в кресло:

– Послушайте, вы не объясните, зачем?

На розовом лице юного лорда выразилось удивление:

– Так вы ничего не знаете? Вот так дела! – Он густо покраснел. – Что ж, в таком случае понятно, почему все это кажется вам несколько странным.

– Станным – это по меньшей мере.

– Видите ли, это все для «Искателей».

– «Искателей»?

– Ну да, это такой новый классный клуб в Оксфорде, мы с вашими кузенами хотим в него вступить. Для того чтобы тебя приняли в клуб, нужно что-то украсть. Ну, на память. Скажем, каску у полицейского или дверной молоток, словом, вы понимаете. Раз в год, во время торжественного ужина, устраивается выставка украденных предметов, каждый произносит по этому поводу речь и все такое. В общем, здорово весело. Мы решили раздобыть что-нибудь поэффектнее и специально приехали для этого в Лондон – надеялись найти здесь нечто из ряда вон. И с самого начала нам здорово повезло. Клоду удалось достать вполне недурной цилиндр из встречного автомобиля, Юстас унес из «Хэрродса» здоровенного лосося, или как там он называется, а я отловил трех отличнейших кошек, и все за какой-то час. Мы, что называется, были в ударе. А потом встал вопрос: куда все это девать до отхода поезда? Неудобно гулять по Лондону с кошками и с большой рыбиной, знаете ли,

привлекает внимание. Тут Юстас вспомнил про вас, мы взяли такси и поехали к вам. Вас дома не оказалось, но ваш человек сказал, что можно оставить здесь. А когда мы вас встретили, вы так спешили, что мы не успели ничего объяснить. Что ж, тогда, если не возражаете, я заберу шляпу.

– Шляпы тоже нет.

– Нет?

– Тот, с кого вы ее сорвали, обедал у меня сегодня.

Он ее и забрал.

– Это надо же! Бедняга Клод ужасно расстроится. Ладно, а как насчет того замечательного лосося, или как там он называется?

– Желаете обозреть останки?

Увидев масштаб нанесенного ущерба, он совсем сник.

– Да, вряд ли комитет примет экспонат в таком виде, – грустно констатировал он. – От бедной рыбины почти ничего не осталось.

– Остальное сожрали кошки.

Он глубоко вздохнул:

– Ни кошек, ни рыбы, ни шляпы. Выходит, мы старались впустую. Тяжелый удар, ничего не скажешь. И в довершение всех бед... Послушайте, мне, право, неловко, но вы не могли бы одолжить мне десятку?

– Десятку? А на что вам?

– Мне нужно срочно внести залог, чтобы освободить Клода и Юстаса из кутузки. Их арестовали.

– Арестовали?

– Да. Видите ли, их здорово возбудил наш успех со шляпой и лососем, плюс мы еще замечательно пообедали... короче говоря, они явно погорячились: попытались угнать грузовик. Дурацкая затея, конечно, – не представляю, как они собирались представить его комитету клуба. Но они и слушать ничего не желали, а когда водитель грузовика поднял шум, Клод и Юстас ввязались в потасовку и в результате томятся теперь в полицейском участке на Вайн-стрит и просидят там до тех пор, пока я не принесу залог. Так что если вы можете ссудить мне десятку... О, спасибо, это очень любезно с вашей стороны. Мы же не можем бросить их в беде, верно? Знаете, они оба чертовски замечательные юноши. У нас все их ужасно любят.

– Еще бы, не сомневаюсь! – сказал я.

Я с нетерпением ждал возвращения Дживса, чтобы устроить ему хороший нагоняй. Я был полон решимости высказать все, что я о нем думаю.

– Итак? – спросил я.

– Сэр Родерик задал мне несколько вопросов, сэр, насчет ваших привычек и образа жизни, на которые я отвечал со всей возможной осмотрительностью.

– Меня сейчас не это интересует. Почему вы не объяснили ему все с самого начала? Достаточно было одного вашего слова, и все стало бы ясно.

– Да, сэр.

– А теперь он ушел в полной уверенности, что у меня не все дома.

– Судя по тому, о чем он меня спрашивал, сэр, я бы не исключал возможности, что подобная мысль и вправду пришла ему в голову.

Не успел я ему на это ответить, как зазвонил телефон. Дживс подошел к аппарату и снял

трубку:

– Нет, мадам, мистера Вустера нет дома. Нет, мадам, я не знаю, когда он вернется. Нет, мадам, он не оставлял для вас никаких сообщений. Да, мадам, я ему передам. – Он повесил трубку. – Это миссис Грегсон, сэр.

Тетя Агата! Этого-то я больше всего и боялся. С той самой минуты, как стало ясно, что обед закончился для меня полным провалом, ее тень незримо витала над моей несчастной головой.

– Она уже знает? Так быстро?

– Я полагаю, что сэр Родерик сообщил ей обо всем по телефону, сэр, и...

– Свадебные колокола мне не светят?

Дживс смущенно кашлянул:

– Миссис Грегсон про это не упомянула, сэр, но мне представляется, что такой исход вполне вероятен.

Вы не поверите, но я настолько ошалел от всего этого безумия – папаша Глоссоп, кошки, недообглоданные рыбы, гигантские шляпы и розоволикие юнцы, – что мне лишь сейчас открылась другая сторона медали. Господи, у меня словно камень с плеч свалился! Из груди моей вырвался глубокий вздох облегчения.

– Дживс, – сказал я. – Признайтесь, это ведь ваших рук дело?

– Сэр?

– Уверен, что вы сами все это подстроили.

– Видите ли, сэр... Спенсер, дворецкий миссис Грегсон, которому невольно довелось присутствовать при вашем разговоре во время обеда, действительно посвятил меня в кое-какие детали этой беседы, и, признаюсь – хотя вы можете расценить это как излишнюю вольность с моей стороны, – я питал надежду, что возникнут обстоятельства, которые смогут помешать этому браку. Мне всегда казалось, что юная леди не слишком для вас подходит, сэр.

– И вы знали, что она выставит вас из дому через пять минут после свадебной церемонии.

– Да, сэр. Спенсер уведомил меня, что она обмолвилась о подобных планах. Миссис Грегсон требует, чтобы вы явились к ней немедленно, сэр.

– Вот как, требует? И что же вы мне посоветуете, Дживс?

– Полагаю, что поездка за границу может оказаться как нельзя более кстати.

Я с сомнением покачал головой:

– Она до меня и там доберется.

– Смотря как далеко вы уедете, сэр. Комфортабельные океанские лайнеры на Нью-Йорк отплывают по средам и субботам.

– Вы, как всегда, правы, Дживс, – сказал я. – Заказывайте билеты.

ГЛАВА 9. Рекомендательное письмо

Чем дольше живу на свете, тем больше убеждаюсь, что едва ли не половина всех бед происходит из-за того, с какой легкостью люди, не задумываясь, преспокойно пишут рекомендательные письма другим людям для передачи их третьим. Поневоле пожалеешь, что живешь не в каменном веке. В том смысле, что, если бы нашему пращуру приспичило снабдить другого пращура рекомендательным письмом, ему потребовалось бы не меньше месяца, чтобы вытесать его на гранитной глыбе, а второму пращуру наверняка надоело бы волочить на себе тяжелую каменюгу под палящим солнцем, и он выбросил бы ее, не протацив и мили. Но в наши дни писание рекомендательных писем не требует большого труда, вот все и раздают их направо и налево, а ни в чем не повинные люди вроде меня вляпываются из-за этого в весьма неприятные истории.

Впрочем, это я сейчас говорю, умудренный, что называется, горьким житейским опытом. А тогда, под свежим впечатлением, спустя три недели после того, как мы сошли на берег американского континента, поначалу, когда Дживс сообщил, что некий Сирил Бассингтон-Бассингтон желает меня видеть и у него оказалось рекомендательное письмо от тети Агаты... Да, так о чем я? Честно признаюсь, что это меня скорее обрадовало. Видите ли, после той неприятной истории, из-за которой мне пришлось спешно покинуть Англию, я не ждал писем от тети Агаты, по крайней мере писем, выдержанных в пристойном тоне. И был приятно удивлен, когда письмо оказалось почти любезным. Местами, возможно, суховатое, но в целом вполне вежливое. Оно показалось мне добрым знаком. Вроде оливковой ветви. Или надо говорить «пальмовой»? Как бы там ни было, но сам факт, что тетя Агата прислала письмо, не содержащее прямых оскорблений в мой адрес, показался мне важным шагом на пути к миру.

А я всей душой стремился к миру с тетей Агатой, и чем скорее, тем лучше. Нет, я ничего не имею против Нью-Йорка. Замечательный город, и я здесь отлично проводил время. Но факт остается фактом – тот, кто, подобно мне, прожил всю жизнь в Лондоне, не может не скучать по нему на чужбине. И мне не терпелось поскорее вернуться в милую моему сердцу уютную квартиру на Беркли-стрит, а это станет возможно, лишь когда тетя Агата остынет и простит мне историю с Глоссопом. Вы скажете, что Лондон – большой город, но, можете мне поверить, он недостаточно велик, чтобы находиться там одновременно с тетей Агатой, когда она вышла на трону войны. Короче говоря, этот дурень Бассингтон-Бассингтон представлялся мне тогда чем-то вроде голубя мира, и я испытывал к нему всяческое расположение.

По свидетельствам очевидцев, он возник из утреннего тумана в семь сорок пять утра – именно в этот омерзительно ранний час ссаживают с лондонского парохода несчастных пассажиров. Дживс его почтительно выставил, предложив зайти часика через три, когда, по его расчетам, я уже пробужусь ото сна, чтобы радостным криком приветствовать новый божий день. Что, кстати, свидетельствует о выдающемся великодушии Дживса, (потом) что у нас с ним в ту пору случилась небольшая размолвка, некая холодность в отношениях, короче говоря, мы с ним тогда находились в ссоре из-за совершенно изумительных лиловых носков, которые я носил против его воли, и другой на его месте воспользовался бы возможностью мне отплатить, запустив Сирила в спальное помещение в час, когда я не в состоянии поддержать беседу даже с закадычным другом. До тех пор, пока я не выпью утреннюю чашку

чая и не поразмышляю в одиночестве о смысле жизни, я не большой охотник до разговоров.

Итак, Дживс хладнокровно выставил Сирила на улицу наслаждаться утренней прохладой, и я узнал о его существовании, лишь когда Дживс принес мне его визитную карточку вместе с чашкой китайского чая.

– Это еще кто такой, Дживс? – спросил я, недоуменно глядя на совершенно незнакомое имя.

– Насколько я понял, этот джентльмен только что приплыл из Англии, сэр. Он заходил сегодня утром, часа три назад.

– Господи, Дживс! Вы что, хотите меня убедить, что в такую рань на дворе уже утро?

– Он просил передать, что зайдет попозже, сэр.

– Никогда о нем прежде не слышал. А вы, Дживс? Вы о нем что-нибудь слышали?

– Фамилия Бассингтон-Бассингтон мне знакома, сэр. Существует три ветви Бассингтон-Бассингтонов – шропширские Бассингтон-Бассингтоны, гэмширские Бассингтон-Бассингтоны и кентские Бассингтон-Бассингтоны.

– Похоже, Англия владеет крупными запасами Бассингтон-Бассингтонов.

– Весьма приличными, сэр.

– Так что необходимость импортировать Бассингтон-Бассингтонов из других стран нам в ближайшее время не угрожает?

– Скорее всего, нет, сэр.

– Ну, а этот – что он за гусь?

– Не берусь ничего утверждать на основании столь краткого знакомства, сэр.

– И все же, Дживс, какое он производит впечатление? Вы готовы поставить два к одному, что этот тип не прохиндей и не зануда?

– Нет, сэр. Я не могу позволить себе столь рискованные ставки.

– Так я и знал. Что ж, тогда остается выяснить, к какому именно типу зануд он принадлежит.

– Время покажет, сэр. Этот джентльмен передал для вас письмо, сэр.

– Ах, вот как? – сказал я и взял в руки конверт. И тотчас узнал почерк. – Послушайте, Дживс, да ведь это же от тети Агаты!

– В самом деле, сэр?

– Не говорите так равнодушно. Разве вы не понимаете, что это для нас значит! Тетя просит меня присмотреть за этим умником, пока он гостит в Нью-Йорке. Господи, Дживс, да ведь, если мне удастся его как следует ублажить, чтобы он отправил в Ставку благоприятный отзыв, я могу поспеть в Англию к началу Гудвудских скачек. Так что сейчас, Дживс, «настало время, когда каждый честный человек должен прийти на помощь нашей партии» ^[13]. Нам следует сплотиться под знаменами и холить и лелеять этого типа, не жалея сил и средств.

– Да, сэр.

– Он не собирается долго задерживаться в Нью-Йорке, – продолжал я, дочитав письмо до конца. – Покатит в Вашингтон – хочет познакомиться с тамошними важными шишками, прежде чем начнет тянуть лямку на дипломатической ниве. Как вы считаете, сумеем мы завоевать любовь и уважение этого типа парой хороших обедов?

– Думаю, это как раз то, что требуется, сэр.

– Самое радостное событие за все время, как мы покинули Англию. Первый луч солнца сквозь тучи.

– Похоже на то, сэр.

Он стал доставать из шкафа мою одежду, и тут на минуту воцарилось неловкое молчание.

– Не эти носки, Дживс, – сказал я, весь внутренне напрягшись, но стараясь говорить небрежным, беззаботным тоном. – Дайте мне, пожалуйста, те, лиловые.

– Прошу прощения, сэр?

– Мои любимые лиловые носки, Дживс.

– Очень хорошо, сэр.

Он извлек из ящика носки с брезгливостью вегетарианца, вынимающего гусеницу из салата. Видно было, что он принимает это очень близко к сердцу. Мне тоже было чертовски неприятно и больно – но ведь должен же человек хоть изредка настоять на своем, как вам кажется?

После завтрака Сирил так и не появился, я подождал несколько часов и в начале второго потащился в клуб «Барашки» предаваться радостям желудка в обществе некоего Джорджа Каффина, с которым я сдружился сразу же после приезда в Нью-Йорк, он пишет драмы и тому подобное. Вообще у меня в Нью-Йорке завелась уйма друзей: в этом городе полно симпатичных людей, наперебой протягивающих руку дружбы и помощи заезжему страннику.

Каффин немного запоздал, сказал, что задержался на репетиции своей музыкальной комедии «Спроси у папы». Мы принялись дружно работать ножами и вилками. Подошла уже очередь кофе, когда официант сообщил, что меня хочет видеть Дживс.

Дживс дожидался в вестибюле. Он с болью покосился на мои носки и отвел глаза:

– Вам только что звонил мистер Бассингтон-Бассингтон, сэр.

– Вот как?

– Да, сэр.

– И где он сейчас?

– В тюрьме, сэр.

Я пошатнулся и ухватился за стену. Чтобы такое случилось с протеже тети Агаты в первое же утро, как он прибыл под мое крылышко, – это уж, признаюсь...

– В тюрьме?!

– Да, сэр. Он сообщил мне по телефону, что его арестовали и что он будет рад, если вы зайдете и внесете залог.

– Арестовали? За что?

– Он не соизволил поделиться со мной, сэр.

– Плохо дело, Дживс.

– Именно так, сэр.

Старина Джордж любезно вызвался поехать вместе со мной, мы впрыгнули в такси и рванули на выручку. В полицейском участке нас попросили подождать, и мы уселись на деревянную скамью в комнате, служившей чем-то вроде передней; наконец появился полицейский, а с ним – как я догадался – Сирил.

– Привет, привет, привет, – сказал я. – Ну как?

По личному опыту знаю, что человек, выходя из тюремной камеры, бывает, как правило, не в самом лучшем виде. В Оксфорде моей постоянной обязанностью было выкупать из кутузки приятеля, который в ночь после гребных гонок [\[14\]](#) неизменно попадал за решетку, и

он всегда выглядел как лягушка, по которой несколько раз прошлись бороной. Сирил вышел ко мне в плачевном состоянии: под глазом огромный синяк, воротник оторван; словом, картина такая, которую не станешь описывать в письме на родину, тем более если пишешь тете Агате. Сирил оказался тощим, долговязым юношей с копной светлых волос и слегка выпученными бледно-голубыми глазами, делавшими его похожим на диковинную глубоководную рыбу.

– Мне передали, что вы хотели меня видеть, – сказал я.

– А, так вы Берти Вустер?

– Совершенно верно. А это мой приятель, Джордж Каффин. Пишет пьесы.

Мы обменялись рукопожатиями, а полицейский, достав комок жевательной резинки, припрятанной на черный день под сиденьем стула, отошел в угол комнаты и меланхолично устался в пустоту.

– Что за дурацкая страна! – сказал Сирил.

– Ну, знаете ли, не знаю... вы просто не знаете! – сказал я.

– Мы стараемся, – сказал Джордж.

– Старина Джордж – американец, – пояснил я. – Пишет пьесы, и все такое – ну, вы понимаете.

– Конечно, не я эту страну выдумал, – сказал Джордж. – Это все Колумб. Но готов выслушать любые разумные предложения по ее усовершенствованию и довести до сведения соответствующих официальных лиц.

– Хорошо, скажите: отчего полицейские в Нью-Йорке не одеваются как положено?

Джордж осмотрел издали жующего полицейского:

– По-моему, все на месте.

– Я имел в виду – почему они не носят каску, как в Лондоне? Они же у вас одеты как почтальоны. Так нечестно. Сбивает с толку. Я мирно стою посреди мостовой, гляжу по сторонам, а тут подходит парень, по виду почтальон, и тычет меня в бок дубинкой. С какой стати я должен терпеть такое от почтальона? Стоило тащиться за три тысячи миль, чтобы почтальоны тыкали тебя дубинкой!

– Протест принят, – сказал Джордж. – И что же вы сделали?

– Разумеется, пихнул его как следует! У меня ужасно вспыльчивый нрав. Все Бассингтон-Бассингтоны отличаются вспыльчивым нравом. В ответ он подбил мне глаз, приволок сюда и запер за решетку.

– Сейчас я все улажу, сынок, – сказал я, извлек из кармана бумажник и отправился на переговоры, оставив Сирила беседовать с Джорджем. Не стану отрицать, я был не на шутку встревожен, меня томили самые мрачные предчувствия. Пока этот фрукт околачивается в Нью-Йорке, я отвечаю за него головой, а у меня сложилось впечатление, что ни один разумный человек не согласился бы нести за него ответственность дольше пяти минут.

В тот вечер, вернувшись домой и выпив заключительную порцию виски, принесенную Дживсом на сон грядущий, я задумался о Сириле. Я не мог отделаться от предчувствия, что его первый визит в Америку грозит нам всем суровыми испытаниями. Я еще раз перечитал письмо тети Агаты. Не было никакого сомнения: по какой-то причине она покровительствует этому охломону и считает, что единственное мое предназначение на этом свете – грудью заслонять его от любых опасностей и невзгод во время пребывания на борту. Хорошо еще, что Сирил проникся к Джорджу Каффину: старина Джордж – парень благоразумный и осмотрительный. После того как я вызволил страдальца из темницы,

Сирил и Джордж отправились на дневную репетицию «Спроси у папы», оживленно болтая на ходу, словно братья после долгой разлуки. Мне кажется, они даже договорились поужинать вместе. Пока за ним присматривает Джордж, я мог быть спокоен.

Мои размышления прервал Дживс, который принес мне телеграмму. Точнее, даже не телеграмму, а каблограмму, потому что она пришла из Англии от тети Агаты, и вот что в ней говорилось:

«Приходил ли к тебе Сирил Бассингтон-Бассингтон? Ни в коем случае не подпускай его близко к театру. Жизненно важно. Подробности письмом».

Я несколько раз перечитал текст:

– Все это очень странно, Дживс.

– Да, сэр.

– Странно и явно не к добру.

– Будут еще какие-нибудь распоряжения на сегодня, сэр?

Конечно, если он решил держать официальный тон, тут уж ничего не поделаешь. А я-то собирался показать ему телеграмму и попросить совета. Что ж, если он затаил такую смертельную обиду из-за лиловых носков, железный принцип Вустеров – *noblesse oblige* [\[15\]](#) – не позволяет мне унижаться перед слугой. Ни за что на свете! Поэтому я не стал ему ни о чем рассказывать.

– На сегодня все, спасибо.

– Спокойной ночи, сэр.

– Спокойной ночи.

Он отчалил на покой, а я снова углубился в размышления. Я уже битых полчаса изо всех сил напрягал котелок, пытаюсь разгадать скрытый смысл таинственной телеграммы, когда в прихожей раздался звонок. Я открыл дверь и увидел Сирила, который явно пребывал в приподнятом настроении.

– Я зайду ненадолго, если позволите, – сказал он. – Хочу сообщить одну забавную новость.

Он резво проскакал мимо меня в гостиную, и когда я, затворив входную дверь, последовал за ним, то увидел, что он читает письмо тети Агаты и как-то странно при этом похохатывает.

– Мне, конечно, не следовало его читать, но я случайно увидел свое имя и как-то незаметно прочел все остальное. Послушайте, дорогой мой Вустер... Я бы что-нибудь выпил, если вы не против. Большое спасибо и прочее... Да, насчет того, что я собирался вам рассказать, – это и впрямь ужасно забавно. Старина Каффин дал мне небольшую роль в своей музыкальной комедии «Спроси у папы». Совсем крошечную, конечно, но в целом, можно сказать, замечательную. Знаете, я готов прыгать от радости!

Он осушил свой стакан и продолжал, не обращая никакого внимания на то, что я при этом известии не прыгаю от радости и не кричу от счастья.

– Видите ли, я всю жизнь мечтал стать актером, – сказал он. – Но мой предок и слышать об этом не хочет. Стучит тростью и багровеет, как закат перед ветреной погодой, всякий раз, когда я завожу об этом речь. Вот почему, если хотите знать, я и поехал в Америку. В

Лондоне я появиться на сцене не могу, кто-нибудь из знакомых меня обязательно засечет и настучит предку. Поэтому я пошел на хитрость: наплел ему, будто мне позарез нужно в Вашингтон – это, дескать, расширит мой кругозор. Ну а здесь мне бояться некого, путь открыт. Я попытался урезонить дуралея:

– Но ведь рано или поздно ваш отец об этом узнает.

– Ну и пусть. К тому времени я стану звездой мировой величины, и ему просто нечем будет крыть.

– Вас-то, может быть, и нечем, а вот меня он наверняка будет крыть самыми последними словами.

– А вы-то здесь при чем? Какое вы к этому имеете отношение?

– Я познакомил вас с Джорджем Каффином.

– Верно, старина, именно вы. Я и забыл. Должен был с самого начала вас за это поблагодарить. Ну что ж, до свидания. Завтра мне с утра пораньше на репетицию «Спроси у папы», так что я поскакал. Забавно, что эта штука называется «Спроси у папы», – именно спрашивать у папы я и не собираюсь. Понимаете меня? Ну, хоп-хоп!

– Хоп-хоп, – печально отозвался я, и он исчез. Я бросился к телефону и набрал номер Джорджа Каффина:

– Послушайте, Джордж, что это еще за история с Сирилом Бассингтон-Бассингтоном?

– Какая история?

– Он утверждает, что вы дали ему роль в своем спектакле.

– Дал. Всего несколько строк.

– А я только что получил из дома пятьдесят семь телеграмм, где мне приказывают всеми правдами и неправдами и близко не подпускать его к сцене.

– Мне очень жаль. Сирил как раз тот типаж, что мне нужен для этой роли. Все, что от него требуется, – играть самого себя.

– Но, Джордж, старина, войдите в мое положение. Моя тетя прислала его ко мне с рекомендательным письмом, так что она потом с меня спросит.

– Вычеркнет из завещания?

– Тут дело не в деньгах. Но... впрочем, вы не знакомы с тетей Агатой, так что мне сложно вам объяснить. Дракула и Цезарь Борджиа – просто бойскауты по сравнению с моей тетей; когда я вернусь в Англию, она меня со света сживет. У нее ужасная манера заявляться без приглашения рано утром, когда я еще сплю, и читать натошак мораль.

– Ну так не возвращайтесь в Англию. Оставайтесь здесь – может, станете президентом.

– Но, Джордж, старичок...

– Спокойной ночи!

– Джордж, послушайте...

– Вы пропустили мою последнюю реплику. Я сказал: «Спокойной ночи!» Возможно, вам, праздным богачам, спать не обязательно, но мне к утру нужно быть бодрым и свежим. Будьте здоровы.

Мне стало очень горько: на всем свете у меня не осталось ни единого друга. Я был настолько подавлен, что не выдержал и постучал в дверь комнаты Дживса. Я никогда такого себе не позволяю, но мне казалось, что настало время, когда каждый честный человек должен прийти на помощь нашей партии, и Дживс мог бы сплотиться вокруг молодого хозяина, пусть даже для этого ему и придется прервать сладкий сон.

На пороге комнаты появился Дживс в коричневой пижаме:

– Сэр?

– Чертовски неловко будить вас, Дживс, но тут столько всего приключилось за последнее время.

– Я не спал, сэр. Поставил себе за правило: покончив со своими обязанностями, прочитывать перед сном несколько страниц какой-нибудь поучительной книги.

– И правильно поставили. Я хочу сказать, если вы только что закончили упражнять котелок, он должен быть в отличной форме, и вам не составит труда найти выход из положения. Дело в том, что мистер Бассингтон-Бассингтон решил стать актером.

– В самом деле, сэр?

– Ах, вы не знаете, в чем тут суть. Иначе не говорили бы так равнодушно. А дело вот в чем: его семья категорически против того, чтобы он пошел на сцену. Если ему не помешать, это обернется для всех неисчислимыми бедами и несчастьями. И что хуже всего – тетя Агата обвинит в этом меня, понимаете?

– Понимаю, сэр.

– Вам не приходит в голову, каким образом можно было бы ему помешать?

– Пока, признаться, нет, сэр.

– Что ж, может, позже?

– Я постараюсь тщательно обдумать проблему, сэр. На сегодня все, сэр?

– Надеюсь, что все. Мне кажется, на сегодня я уже получил более чем достаточно.

– Хорошо, сэр.

И он скрылся за дверью.

ГЛАВА 10. Нарядный лифтер

Роль, которую Джордж дал Сирилу, умещалась на двух машинописных страничках, но бедняга вкладывал в работу над образом столько сил, словно ему предстоит играть по меньшей мере Гамлета. За первые два дня он декламировал мне свой текст не меньше двенадцати раз. При этом он отчего-то был искренне убежден, что встречает в ответ лишь восторженное восхищение, одобрение и сочувствие. Днем меня терзали мысли о том, что со мной сделает тетя Агата, а по ночам Сирил то и дело вырывал меня из сладкого забытья, чтобы узнать мое мнение о его очередной актерской находке; нетрудно догадаться, что скоро от меня осталась лишь тень. И все это время Дживс по-прежнему держался со мной очень холодно и отчужденно из-за лиловых носков. Вот такие невзгоды и старят человека, и у кипучей молодости начинают по-старчески дрожать коленки.

А тут еще подоспело письмо от тети Агаты. На первых шести страницах она расписывала переживания родных Сирила в связи с его намерением пойти в актеры, а на последующих шести подробно перечисляла, что именно она подумает, скажет и сделает, если я не сумею оградить ее протеже от пагубных соблазнов на американском континенте. Письмо пришло с дневной почтой, и содержание его меня так напугало, что я не мог держать его про себя. Не в силах дожидаться, пока Дживс придет на мой звонок, я пулей понесся на кухню, жалобно бляя, как осиротевший ягненок, и на всем скаку остановился на пороге: на кухне происходило что-то вроде званого чаепития. За столом сидел унылого вида мальчик, похожий на слугу, а рядом с ним мальчик в норфолкской куртке [\[16\]](#). Унылый пил виски с содовой, а мальчик алчно поглощал кусок кекса с джемом. – Ах, извините, Дживс, – сказал я. – Неловко прерывать ваш праздник разума и пир духа, но...

И тут я почувствовал на себе взгляд мальчишки, прошивший меня навывлет, точно пуля. Ну, вы знаете – такой холодный, враждебный и осуждающий взгляд, который заставляет проверить, не съехал ли у вас на сторону галстук. Так смотрят на дохлую крысу, которую кот притащил в дом после очередного турне по местным помойкам. Мальчик был не в меру толст, с веснушками по всему лицу, в настоящий момент сильно перепачканному джемом.

– Привет! Привет! Привет! – сказал я. – Что? – На этом мое красноречие иссякло.

Веснушчатый отрок все так же, не мигая, глядел на меня. Может быть, конечно, это он так выражал свою любовь, но мне лично показалось, что он обо мне очень невысокого мнения и в будущем не ждет от меня ничего хорошего. По-моему, я ему был неприятен, как остывший гренок с сыром.

– Тебя как звать? – спросил он.

– Звать? А, как моя фамилия? Вустер.

– Мой папа богаче тебя!

После этого я, по-видимому, перестал для него существовать. Покончив со мной, он снова принялся за джем. Я повернулся к Дживсу:

– Послушайте, Дживс, можно вас на минутку? Мне надо вам кое-что показать.

– Хорошо, сэр.

Мы вместе прошли в гостиную.

– Это еще что за милый крошка, Дживс?

– Вы говорите о юном джентльмене, сэр?

– По-вашему, слово «джентльмен» ему подходит?

– Надеюсь, это не слишком большая вольность с моей стороны – пригласить его в дом, сэр?

– О нет, нисколько. Если у вас такое представление о приятном времяпрепровождении – ради бога.

– Я случайно встретил юного джентльмена, когда он гулял с отцовским лакеем, сэр, которого я близко знал в Лондоне, и я взял на себя смелость пригласить обоих на чашку чая.

– Ладно, бог с ним, Дживс. Взгляните лучше на это. Он пробежал письмо глазами от начала до конца.

– Да, весьма неприятно, сэр. – Вот и все, что он счел нужным сказать.

– Что будем делать?

– Жизнь может сама подсказать решение.

– Но может и не подсказать, верно?

– Совершенно верно, сэр.

Тут раздался звонок в дверь. Дживс растаял в воздухе, а в гостиную ввалился Сирил, излучая безудержное веселье и радость бытия.

– Вустер, старина, – сказал он. – Мне нужен ваш совет. Вы же хорошо знаете мою роль, верно? Какой мне выбрать костюм? В первом акте действие происходит в отеле, время – три часа дня. Что мне надеть, как вы думаете?

Я был совершенно не в настроении обсуждать с ним детали мужского туалета.

– Лучше поговорите на эту тему с Дживсом, – сказал я.

– Отличная мысль! А где он?

– Думаю, вернулся на кухню.

– Тогда, может быть, я позвоню? Вы не возражаете?

– Валяйте.

В гостиную бесшумно вплыл Дживс.

– Послушайте, Дживс, – начал Сирил. – Мне нужен ваш совет. Дело в том, что... Привет! Кто это?

Тут я заметил, что вслед за Дживсом в гостиную проник толстый мальчик и смотрит на Сирила с таким выражением, как будто самые худшие его опасения подтвердились. Стало тихо. С минуту ребенок внимательно разглядывал Сирила, потом огласил свой вердикт: – Рыба!

– А? Что? – сказал Сирил.

Мальчик, которого, как видно, с младых ногтей приучили говорить правду, и ничего, кроме правды, охотно пояснил, что именно он имеет в виду:

– У тебя рожа рыба.

Сказано это было скорее с жалостью, чем в осуждение, что было, я считаю, благородно с его стороны. Я, например, когда смотрю на Сирила, не могу отделаться от мысли, что ответственность за такое лицо несет, главным образом, он сам. В моей душе впервые шевельнулось теплое чувство к юному правдолюбцу. Нет, в самом деле. Разговор начинал доставлять мне удовольствие.

Прошло несколько секунд, прежде чем до Сирила дошел смысл сказанного устами младенца, и тогда мы услышали, как закипела кровь Бассингтон-Бассингтонов.

– Черт меня побери! – сказал он. – Будь я проклят!

– Я бы не согласился иметь такое лицо, – продолжал мальчик с подкупающей искренностью в голосе, – даже за миллион долларов. – Он немного подумал и удвоил цену: –

Даже за два миллиона долларов!

Что произошло после этого, точно описать не берусь, но события развивались с ошеломляющей быстротой. По-видимому, Сирил бросился на ребенка. Во всяком случае, воздух был явно перенасыщен мельканьем рук, ног и неопознанных предметов. Что-то сильно ударило Вустера чуть ниже третьей жилетной пуговицы, он рухнул на канапе и потерял интерес к происходящему. Восстав из пепла, я обнаружил, что Дживс с мальчишкой уже ретировались с поля боя, а Сирил стоит посреди комнаты и сердито фыркает:

– Вустер, откуда взялся этот возмутительный наглец?

– Понятия не имею. Никогда его прежде не видел.

– Я успел-таки влить ему пару горячих, прежде чем он сбежал. Послушайте, Вустер, этот мальчишка сказал одну чертовски странную вещь. Он заявил, будто Дживс пообещал дать ему доллар, если он назовет меня... ну, словом, скажет то, что он сказал.

Мне это показалось совершенно неправдоподобным:

– С чего бы вдруг?

– Да, мне это тоже показалось странным.

– Зачем это Дживсу?

– Мне тоже непонятно.

– Дживсу-то что до того, какая у вас физиономия?

– Верно, – сказал он, как мне показалось, довольно холодно. Почему – не знаю. – Ладно, я поскакал. Хоп-хоп!

– Хоп-хоп!

Примерно через неделю после этого странного происшествия мне позвонил Джордж Каффин и пригласил на прогон спектакля. Премьера «Спроси у папы» должна была состояться в Скенектеди в следующий понедельник, а сейчас это что-то вроде предварительной генеральной репетиции. Предварительная генеральная репетиция, объяснил мне старина Джордж, – то же самое, что и настоящая генеральная репетиция, и заканчивается, как правило, далеко за полночь. Только еще интереснее, чем настоящая, добавил он: время прогона не ограничено, и все участники спектакля, которые накануне премьеры всегда сильно возбуждены, имеют возможность высказывать все, что они друг о друге думают; короче говоря, удовольствие получают все без исключения.

Прогон был назначен на восемь, поэтому я подрулил в начале одиннадцатого, чтобы не слишком долго ждать начала. И оказался прав. Джордж еще торчал на сцене и что-то обсуждал с каким-то типом в рубашке; рядом стоял еще один – в огромных очках, с круглым брюшком и абсолютно лысым черепом. Я его уже раза два видел вместе с Джорджем в клубе и знал, что это их директор Блюменфилд. Я помахал Джорджу и сел в последний ряд, чтобы не подвернуться кому-нибудь под горячую руку, когда начнут выяснять отношения. Потом Джордж спрыгнул со сцены в зал и подсел ко мне, сравнительно скоро после этого опустили занавес. Пианист, как умел, отбарабанил несколько вступительных тактов, и занавес подняли снова.

Сюжета «Спроси у папы» я не помню, могу только сказать, что действие вполне успешно развивалось и без Сирила. Сначала я был этим сильно озадачен. Наслушавшись, как Сирил зубрит свою роль и высказывает глубокомысленные соображения о подходе к такому-то месту и о трактовке такого-то образа, я вообразил, что Сирил и вправду становой хребет спектакля, а остальные члены труппы выходят лишь для того, чтобы как-то заполнить паузы, когда его нет на сцене. Я добрых полчаса ждал его выхода, пока не обнаружил, что он с

самого начала находился на подмостках: я узнал его в странном, криминального вида субъекте, который стоит, прислонившись к пыльной кадке с пальмой, и с сочувственным видом слушает, как главная героиня поет про то, что любовь похожа на что-то там, сейчас уж не помню, на что именно. А после второго куплета он принялся приплясывать вместе с десятком других столь же нелепых уродцев. Жуткое зрелище – я живо представил себе, как тетя Агата расчехляет свой томагавк, а Бассингтон-Бассингтон-старший натягивает подбитые гвоздями сапоги, чтобы дать мне хорошего пинка пониже спины. Едва пляска закончилась и Сирил со товарищи уволоклись за кулисы, как из темноты справа от меня прозвучал звонкий голос:

– Папа!

Блюменфилд хлопнул в ладоши, и главный герой, начавший монолог, сконфуженно умолк. Я взгляделся в полутьму зала и узнал того самого веснушчатого парнишку, Дживсова знакомца. Руки в карманах, он вразвалочку шел по проходу с таким видом, словно он тут хозяин. Все почтительно затихли.

– Папа, – громко произнес веснушчатый, – этот номер не годится.

Старый Блюменфилд нежно улыбнулся:

– Тебе не нравится, дорогой?

– С души воротит.

– Ты совершенно прав.

– Тут требуется что-то позабористее. Побольше перца!

– В самую точку, мой мальчик. Я себе помечу. Хорошо. Поехали дальше!

Я повернулся к Джорджу, который что-то раздраженно пробормотал себе под нос.

– Скажите, старина, это еще что за чудо природы? В ответ Джордж издал глухой страдальческий стон:

– Вот принесла нелегкая! Это сын Блюменфилда. Теперь он нам устроит веселую жизнь!

– Он что, всегда тут распоряжается?

– Всегда.

– Но почему Блюменфилд его слушает?

– Этого никто не знает. Может, из-за слепой родительской любви, а может, он смотрит на мальчишку как на талисман, который приносит удачу спектаклю. А скорее всего, он считает, что у его чада умственное развитие как у среднего зрителя, и то, что нравится ему, будет пользоваться успехом у публики. И наоборот, что не одобрил его сын, то и никому в зале не придется по вкусу. Это не мальчишка, а настоящая моровая язва, ехидная и ядовитая гадина, я готов задушить его собственными руками.

Репетиция продолжалась. Главный герой отбарабанил свой монолог. Затем последовала короткая, но страстная перепалка между помощником режиссера и голосом по имени Билл, звучавшим откуда-то с верхотуры, на тему «Когда Билл, черт бы его совсем побрал, научится вовремя давать желтый?» После чего спектакль возобновился и шел без особых приключений до тех пор, пока не настала очередь сцены, в которой играл Сирил.

Я по-прежнему смутно представлял себе сюжет пьесы, но, насколько я понял, Сирил изображал английского пэра, приехавшего в Америку – по-видимому, из самых лучших побуждений. До этого момента он произнес на сцене всего две реплики. Первая была: «Но послушайте!», а вторая – «Да, черт возьми!», но, насколько я помнил по тому, что он при мне декламировал, ему вскоре предстояло показать себя во всей красе. Я откинулся в кресле

и стал ждать, когда он вырвется на авансцену.

И через пять минут действительно вырвался. К этому времени на сцене бушевали нешуточные страсти. «Голос» и помощник режиссера повторили «ссору влюбленных» – теперь на тему «Почему этот чертов Билл не переключает на голубой?» Вслед за этим с карниза свалился цветочный горшок и чудом не раскроил череп главному герою. Короче говоря, когда Сирил, который до этого болтался где-то на заднем плане, выкатился в центр сцены и занял стартовую позицию для своего главного забега, атмосфера была накалена не на шутку. Героиня что-то там такое проговорила по тексту пьесы, не помню что, и вся труппа с Сирилом во главе радостно заскакала вокруг, как полагается перед началом очередного номера.

Первая реплика Сирила была: «О нет, нет, не говорите так!», и, на мой взгляд, он выкрикнул ее достаточно энергично, напористо и вообще. Но не успела героиня открыть рот для ответной тирады, как наш веснушчатый приятель снова поднялся, чтобы заявить протест:

– Папа!

– Да, дорогой?

– Вот тот никуда не годится.

– Который из них, дорогой?

– Этот, с рыбьей рожей.

– Но там у всех рыбы рожи, дорогой. Мальчик вынужден был признать справедливость этого замечания. Поэтому он уточнил:

– Вон тот урод.

– Какой урод? Вот этот? – спросил Блюменфилд, указывая пальцем на Сирила.

– Ага. Полная бездарь.

– Мне и самому так показалось.

– Меня от него просто тошнит.

– Ты, как всегда, прав, мой мальчик. У меня точно такое же чувство.

Пока они обменивались репликами, Сирил слушал разинув рот. Теперь он выбежал на авансцену. Даже с того места, где я сидел, было видно, что грубые слова нанесли фамильной гордости Бассингтон-Бассингтонов чувствительный удар. У него покраснели уши, потом нос, потом щеки, и через четверть минуты он стал похож на человека, уцелевшего после взрыва на фабрике томатной пасты.

– Что это значит, черт побери?

– А это что значит, черт побери?! – закричал Блюменфилд. – Кто вам позволил орать на меня со сцены?

– Честно говоря, я подумываю, не спуститься ли в зал и не отшлепать ли мне этого маленького нахала!

– Что?!

– Всерьез подумываю.

Блюменфилд начал раздуваться, словно кто-то накачивал его насосом, и стал еще больше похож на шар.

– Послушайте, мистер... не знаю, как вас там...

– Бассингтон-Бассингтон, а древний род Бассингтон-Бассингтонов... мы, Бассингтон-Бассингтоны, не привыкли, чтобы...

Блюменфилд в краткой, но доходчивой форме изложил ему все, что он думает о Бассингтон-Бассингтонах и об их привычках. Послушать их собралась вся труппа, актеры явно получали огромное удовольствие. Одни с любопытством выглядывали из-за кулис, другие высовывались из-за бутафорских деревьев.

– Ты должен стараться, если хочешь работать на моего папу, – произнес толстый отрок и укоризненно покачал головой.

– Какая неслыханная наглость! – закричал Сирил срывающимся голосом.

– Что такое? – рявкнул Блюменфилд. – Вы что, не понимаете, что он мой сын?

– Прекрасно понимаю, – сказал Сирил. – И приношу вам обоим соболезнования.

– Вы уволены, – завопил Блюменфилд, раздуваясь еще больше прежнего. – Вон из моего театра!

На следующее утро, примерно в половине одиннадцатого, когда я уже успел прополоскать гортань чашкой доброго «Оолонга» [\[17\]](#), в спальне бесшумно возник Дживс и сообщил, что в гостиной меня дожидается Сирил.

– Ну и как он на вид, Дживс?

– Я полагаю, мне не пристало критиковать внешность ваших друзей, сэр.

– Я не это имею в виду. Я хотел спросить, показался ли он вам раздраженным, обиженным и все такое.

– Я бы не сказал, сэр. Он выглядит вполне спокойным.

– Странно!

– Сэр?

– Ничего. Пригласите его сюда, пожалуйста.

По правде говоря, я ожидал, что вчерашний скандал не пройдет для него без следа, и готовился увидеть потухший взгляд, дрожащие пальцы и так далее. Но Сирил выглядел как обычно и, казалось, даже пребывал в прекрасном расположении духа.

– Вустер, старина, здравствуйте.

– Привет!

– Зашел с вами попрощаться.

– Попрощаться?

– Да. Через час уезжаю в Вашингтон. – Он присел на кровать. – Знаете что, дружище, – продолжал он. – Я вчера долго думал и решил, что поступлю несправедливо по отношению к моему предку, если стану актером. Как вам кажется?

– Прекрасно вас понимаю.

– Я хочу сказать, ведь он отправил меня в Америку, чтобы я расширил свой кругозор и все такое прочее, и я не могу отделаться от мысли, что старик был бы в шоке, если бы я его наколот и поступил на сцену. Не знаю, согласитесь вы со мной или нет, но, по-моему, это вопрос элементарной порядочности.

– А ваш отказ от участия в спектакле не сорвет премьеру?

– Да нет, думаю, они как-нибудь обойдутся. Я все объяснил старине Блюменфилду, и он со мной согласился. Конечно, ему очень жаль со мной расставаться: он сказал, что не представляет, кто сможет меня заменить; но, с другой стороны, даже если мой уход и создаст ему проблемы, мне кажется, я поступаю правильно. А вы как считаете?

– Я того же мнения.

– Я был уверен, что вы со мной согласитесь. Что ж, мне пора. Ужасно рад был

познакомиться с вами, и все такое прочее. Хоп-хоп!

– Хоп-хоп!

И он отчалил. Самое удивительное, что всю эту лапшу он навешивал мне на уши, с подкупающей искренностью глядя на меня своими детскими голубыми навывкате глазами. После вчерашних событий я поднапряг котелок, и мне стало многое понятно.

– Дживс!

– Сэр?

– Это ведь вы натравили блюменфилдского отпрыска на мистера Бассингтон-Бассингтона?

– Сэр?

– Вы прекрасно понимаете, о чем я. Это вы подучили его сделать так, чтобы мистера Бассингтон-Бассингтона выставили из труппы?

– Я бы ни за что на свете не позволил себе такой вольности, сэр. – Он принялся доставать из шкафа мою одежду. – Возможно, юный Блюменфилд догадался по некоторым моим случайным замечаниям, что я не считаю профессию актера подходящей карьерой для мистера Бассингтон-Бассингтона.

– Знаете, Дживс, вы просто чудо.

– Всегда готов сделать для вас все, что в моих силах, сэр.

– Я вам чертовски обязан, Дживс. Если бы нам не удалось отвадить его от сцены, тетя Агата сожрала бы меня вместе с потрохами, верхней одеждой и обувью.

– Я полагаю, некоторые трения и эксцессы и вправду могли бы иметь место, сэр. Я приготовил для вас синий костюм в тонкую красную полоску, сэр. По-моему, это именно то, что требуется.

Я позавтракал и отправился прогуляться, но, дойдя до лифта, вспомнил, как именно я собирался вознаградить Дживса за неоценимую помощь в этой дурацкой истории с Сирилом. Хотя сердце мое и обливалось кровью при мысли о предстоящей потере, я решил уступить Дживсу и навсегда расстаться с лиловыми носками. В конце концов, в жизни бывают моменты, когда человек обязан идти на жертвы. Я хотел было вернуться, чтобы объявить ему благую весть, но тут подошел лифт, и я решил, что сделаю это после прогулки.

Чернокожий парнишка-лифтер взглянул на меня с выражением тихой преданности и обожания.

– Хочу поблагодарить вас за вашу доброту, сэр, – сказал он.

– А? Что?

– Мистер Дживс передал мне лиловые носки, как вы ему велели. Большое вам спасибо, сэр.

Я взглянул на его нижние конечности. От верхнего края щиколоток до ботинок разливалось упоительное лиловое сияние. Никогда в жизни не видел ничего прекраснее.

– А, нуда... Пожалуйста... Рад, что они вам нравятся, – сказал я.

Ну что тут скажешь, а? Вот именно.

ГЛАВА 11. Товарищ Бинго

Все началось в Гайд-парке, в той его части, где по воскресеньям собираются чудаки всех мастей и оттенков и произносят длинные речи, взгромоздившись на ящик из-под мыла. Я редко туда захожу, но случилось так, что в первое воскресенье после моего возвращения в милый старый Лондон я отправился навестить знакомых на Манчестер-сквер; чтобы не прийти раньше условленного срока, я сделал небольшой крюк и попал в самую гущу.

Сейчас Британская империя уже не та, что прежде, и парк в воскресный день представляется мне истинным сердцем Лондона. Я хочу сказать, что именно здесь изгнанник, возвратившись в родные пенаты, осознает, что он действительно в Англии. После вынужденных каникул в Нью-Йорке я с удовольствием вдыхал сладкий дым отечества. Приятно было слушать, как они все разглагольствуют, и радоваться, что все закончилось благополучно и Бертрам снова дома.

В дальнем конце поляны группа миссионеров в цилиндрах готовилась к службе на открытом воздухе, слева распинался атеист, красноречиво, но немного гундосо, поскольку у него была заячья губа; а впереди собрались по-настоящему серьезные мыслители со знаменем, на котором значилось «Провозвестники красной зари», и в момент моего прихода один из провозвестников – бородастый тип в твидовом костюме и надвинутой на брови шляпе – задавал такого жару Праздным Толстосумам, что я поневоле остановился послушать. И тут рядом со мной раздался чей-то голос:

– Мистер Вустер?

Предо мной стоял какой-то толстяк. Сперва я не мог сообразить, кто он такой. Потом вспомнил: это дядя моего друга Бинго, мистер Литтл, у которого я как-то обедал еще в то время, когда Бинго был влюблен в официантку из забегаловки на Пиккадилли. Неудивительно, что я его не сразу узнал. Когда мы в последний раз виделись, это был неряшливо одетый пожилой господин, спустившийся в столовую в шлепанцах и мятом вельветовом пиджаке, тогда как теперь моим глазам предстал в пух и прах разодетый франт. Шелковый цилиндр, сверкающий на солнце, щегольская визитка, бледно-лиловые короткие гетры и клетчатые брюки по последней моде. Элегантный до умопомрачения.

– Добрый день, – сказал я. – Как здоровье?

– Я нахожусь в прекрасном здравии, благодарю вас. А вы?

– В полном порядке. Только что вернулся из Америки.

– А, понимаю! Собирали материал для нового романа?

– Как? – Мне потребовалось время, прежде чем я понял, что он имеет в виду. – Нет-нет, – сказал я. – Просто захотелось ненадолго сменить обстановку. А как поживает Бинго? – поспешил я задать вопрос, чтобы отвлечь его от моего литературного творчества.

– Бинго?

– Ваш племянник.

– Ах, Ричард. Мы редко видимся в последнее время. После моей женитьбы у нас довольно прохладные отношения.

– Мне очень жаль. Значит, с тех пор как мы в последний раз виделись, вы вступили в брак? Как здоровье миссис Литтл?

– Моя жена также в самом добром здравии. Только... она не миссис Литтл. Недавно нашему всемилостивейшему монарху было угодно отметить меня высочайшим знаком своей

милости, пожаловав мне звание пэра. После публикации последнего «Списка» я стал лордом Битлшемом.

– Что вы говорите! В самом деле? Что ж, мои самые горячие поздравления. Прекрасная новость! – сказал я. – Лорд Битлшем... Так выходит, вы – владелец Морского Ветерка?

– Да. Женитьба открыла мне новые горизонты. Жена увлекается скачками, и я теперь держу небольшую конюшню. Как мне объяснили, у Морского Ветерка неплохие шансы на победу в конце этого месяца на ипподроме Гудвуд, неподалеку от суссекской резиденции герцога Ричмонда.

– Гудвудский кубок! Ну как же! Я собираюсь поставить последнюю рубашку на вашу лошадь.

– В самом деле? Надеюсь, она оправдает ваше доверие. Сам я далек от этих материй, но, если верить жене, по мнению знатоков, моя лошадь – то, что в этих кругах называют «верняк».

Тут я обратил внимание, что публика с интересом оборачивается в нашу сторону, а бородач указывает на нас пальцем.

– Нет, вы только полюбуйтесь на них! Присмотритесь к ним внимательно! – вопил он, перекрывая голос гундосого атеиста и полностью заглушая молитвы миссионеров. – Перед вами типичные представители класса, который веками угнетал трудящихся. Праздные! Не производящие материальных ценностей! Взгляните на того, длинного и тощего, у которого рожа как у паяца. Проработал ли он за свою жизнь хотя бы один день? Нет! Паразит, бездельник, кровопийца! Готов поспорить, что он до сих пор не заплатил портному за эти шикарные брючки!

Сказать по правде, мне не понравилось, что он перешел на личности, его манера начинала меня раздражать. Старик Битлшем, напротив, слушал его с явным удовольствием и интересом.

– Да, в выразительности им не откажешь, – довольно хмыкнул он. – Очень ядовито.

– А второй, толстяк? – не унимался бородастый. – Вы только посмотрите на него! Знаете, кто это? Лорд Битлшем! Один из самых злостных. Что он делал всю свою жизнь кроме того, что набивал себе брюхо с утра до вечера? Его бог – это его утроба, и лишь этому богу он приносит жертвы четыре раза в день. Если вскрыть ему сейчас брюхо, там найдется достаточно пищи, чтобы прокормить десяток рабочих семей в течение недели.

– А вот это действительно неплохо сказано, – заметил я, но старикан, по-видимому, не разделял моего мнения. Он побагровел и забулькал, словно закипающий чайник.

– Уйдемте отсюда, мистер Вустер, – сказал он. – Я всегда стоял и стою за свободу слова, но положительно не желаю слушать грубую брань.

И мы молча, но с достоинством удалились, а этот тип продолжал выкрикивать нам вслед все новые оскорбительные замечания. Я чувствовал себя чертовски неуютно.

На следующий день я заглянул в клуб и в курилке встретил Бинго.

– Привет, Бинго, – сказал я и подсел к нему, преисполненный самых теплых чувств: я был искренне рад видеть этого дуралея. – Ну, как ты?

– Перебиваюсь помаленьку.

– Видел вчера твоего дядю.

Широчайшая улыбка поделила лицо Бинго на две неравные части:

– Я знаю, что ты с ним встречался, бездельник. Что ж, садись, старина, попей крови. Ну, что нового, паразит из числа господствующих классов?

– Господи! Но ведь тебя же там не было!

– А вот и был.

– Я тебя не видел.

– Видел, да не узнал – меня скрывала пышная растительность.

– Растительность?

– Борода, мой мальчик. Я за нее недешево заплатил, но она того стоит. С этой бородой я становлюсь совершенно неузнаваемым. Противно, правда, что в бороде застревают хлебные крошки и прочее, но тут уж ничего не поделаешь.

Я удивленно на него уставился:

– Ничего не понимаю!

– Это долгая история. Закажи себе мартини или стаканчик крови с содовой, и я тебе все расскажу. Но прежде скажи мне, только честно: приходилось ли тебе видеть более красивую девушку?

И жестом фокусника, достающего кролика из шляпы, он неведь откуда извлек фотографию и помахал ею у меня перед носом. Я успел разглядеть лишь старательно вытарщенные глаза и улыбку, демонстрирующую больше зубов, чем требуется человеку в повседневной жизни.

– Боже милосердный, – сказал я. – Ты что, опять влюбился?

Я заметил, что мои слова его задели.

– Что значит «опять»?

– По самым скромным подсчетам, с весны ты был влюблен не менее шести раз, а сейчас лишь июль. Сначала официантка, потом Гонория Глоссоп, потом...

– Фу! Я бы даже сказал «фи»! Что значат все эти девицы! Не более чем минутное увлечение. На этот раз речь идет о настоящем чувстве.

– Где ты с ней познакомился?

– На империале автобуса. Ее зовут Шарлотта Корде Руботем.

– О господи!

– Она в этом не виновата, бедняжка! Так ее окрестил отец, он сторонник революции, а та, настоящая Шарлотта Корде занималась, оказывается, тем, что закалывала тиранов в ванне, за что ее полагается любить и уважать. Берти, ты обязательно должен познакомиться со стариной Руботемом. Милейший старикан. Мечтает перерезать всех буржуев, разграбить Парк-лейн [\[18\]](#) и выпустить кишки потомственной аристократии. Вполне справедливое желание, верно? Но вернемся к Шарлотте. Мы оказались вместе на империале автобуса, внезапно пошел дождь. Я предложил ей свой зонт, мы немного поболтали о том о сем. Я влюбился в нее, узнал, где она живет, а через пару дней купил фальшивую бороду и полетел знакомиться с ее семейством.

– Но при чем тут борода?

– Еще в автобусе она рассказала мне о своем отце, и я понял, что, если хочу добиться его расположения, мне нужно вступить в эту чертову «Красную зарю», и, если придется произносить обличительные речи в парке, где в любой момент можно встретить кого-нибудь из знакомых, нужна маскировка. Ну, я и купил бороду. Ты не поверишь, старик, но я к ней, можно сказать, привязался. Когда я ее снимаю, чтобы, например, пойти в клуб, то чувствую себя просто голым. И в глазах Руботема я выиграл благодаря бороде. Он думает, что я большевик и скрываюсь от полиции. Ты, Берти, и вправду должен познакомиться со стариной Руботемом. Послушай, у тебя есть на сегодня какие-то планы?

– Вроде нет. А что?

– Отлично! Тогда мы все завалимся к тебе на чай. Я обещал отвести всю ораву в народное кафе после митинга, а теперь мне удастся сэкономить; и поверь, дружище, в моем положении сейчас не сэкономить – не проживешь. Мой дядя сказал тебе, что он женился?

– Да. Говорит, у вас с ним прохладные отношения.

– Прохладные? Да я просто на нуле! С тех пор как дядя женился, он буквально сорит деньгами и тратит их бог знает на что, а экономит на мне. Думаю, покупка звания пэра обошлась старому дурню в кругленькую сумму. Мне говорили, сейчас даже за баронета надо выложить прорву денег. А он еще завел скаковых лошадей. Кстати, можешь смело ставить последний шиллинг на Морского Ветерка на Гудвудских скачках. Стопроцентный верняк.

– Я так и собираюсь.

– Тут промаха быть не может. Рассчитываю выиграть достаточно денег, чтобы жениться на Шарлотте. Ты ведь поедешь в Гудвуд?

– А как же!

– Мы тоже. Собираемся провести митинг прямо на ипподроме.

– Послушай, зачем так рисковать? Твой дядя наверняка будет в Гудвуде, А вдруг он тебя узнает? Он же просто рассвирепеет, если обнаружит, что ты и есть тот наглец, который честил его в парке.

– С чего это он вдруг меня узнает? Ты пошевели мозгами: несчастный паразит, живущий за счет красных кровяных телец трудового народа. Если он вчера меня не узнал, почему он должен узнать меня в Гудвуде? Что ж, спасибо за любезное приглашение, старина. Мы его с удовольствием принимаем. Как говорится, дай – и тебе воздастся... Кстати, тебя, быть может, ввело в заблуждение слово «чай». Не думай, что тебе удастся отделаться тонюсенькими ломтиками хлеба с маслом. Мы – дети революции и отсутствием аппетита не страдаем. Нам подавай яичницу, оладьи, ветчину, джем, кексы и сардины. Мы будем у тебя ровно в пять.

– Но погоди... Я не уверен, что...

– Уверен, уверен... Как ты не понимаешь, глупая твоя голова, что тебе это здорово пригодится, когда грянет революция? Если на Пиккадилли ты нарвешься на старину Роуботема с окровавленным ножом в каждой руке, ты сможешь ему напомнить, что когда-то угощал его сардинами. Нас будет четверо – Шарлотта, я, старик Роуботем и товарищ Бат. Боюсь, от него отделаться не удастся.

– Какой еще, к черту, товарищ Бат?

– Ты заметил вчера типа слева от меня? Такой плюгавый сморчок. Похож на вяленую треску на последней стадии туберкулеза. Это и есть Бат. Мой соперник, черт бы его побрал. Он вроде как помолвлен с Шарлоттой. До моего прихода занимал вакантную роль сказочного принца. У него голос как парходная сирена, старик Роуботем о нем очень высокого мнения. Ноя буду не я, если не обойду этого Бата на повороте и не оставлю его с носом. Хоть голос у него зычный, ему не хватает выразительности. В свое время я был рулевым на оксфордской восьмерке и по части выражений дам фору любому. Ладно, мне пора бежать. Послушай, не знаешь, случайно, где можно раздобыть пятьдесят фунтов?

– Может, попробовать заработать?

– Заработать? – удивленно спросил Бинго. – Мне? Нет, надо придумать что-нибудь получше. Мне позарез нужно поставить пятьдесят монет на Морского Ветерка. Ладно, до завтра. Будь здоров, старичок, и не забудь про оладьи.

Не знаю отчего, но еще со школьных лет, с первого дня нашего знакомства я постоянно чувствую ответственность за Бинго. Ведь он мне, слава богу, не сын, не брат, и даже не дальний родственник. У меня нет перед ним никаких обязательств, и тем не менее вот уже многие годы я нянчусь с ним, как курица с цыплятами, и то и дело вызволяю из неприятностей. Видимо, дело в благородстве моей натуры. Его последнее увлечение меня не на шутку встревожило. Во-первых, он собирается породниться с семейством явных психов, а во-вторых, как, черт его подери, не имея ни гроша за душой, он собирается прокормить жену, пусть даже умственно неполноценную? Если Бинго и вправду женится, старик Битлшем тотчас лишит его содержания, а лишить содержания такого охلامона – это все равно что раскроить ему топором череп.

Вот почему, вернувшись домой, я позвал Дживса.

– Дживс, – сказал я, – у меня к вам просьба. – Сэр?

– Меня беспокоит мистер Литтл. Не буду вам пока ничего говорить, завтра он приведет к чаю своих друзей, и тогда вы сами поймете, в чем дело. Все, что от вас требуется, – это внимательно наблюдать и делать выводы.

– Хорошо, сэр.

– И вот еще что: припасите побольше оладий. – Да, сэр.

– Нам потребуются также джем, ветчина, кексы, яичница и пять или шесть вагонов сардин.

– Сардин, сэр? – содрогнулся Дживс.

– Сардин.

Последовало неловкое молчание.

– Не вините меня, Дживс, – сказал я. – Видит бог, я тут ни при чем.

– Понимаю, сэр.

– Такие вот дела. – Да, сэр.

Видно было, что он не на шутку озадачен.

Я давно заметил, что, когда ждешь чего-то ужасного, на деле, как правило, все оказывается не так уж скверно; однако в случае с чаепитием, устроенным в честь Бинго и его друзей, это правило не сработало. С той самой минуты, как Бинго навязался ко мне в гости, меня томили самые мрачные предчувствия, и, увы, они оправдались. Самое чудовищное в этой истории было то, что в первый раз за время нашего знакомства мне довелось наблюдать, как Дживс едва не потерял самообладание. Даже в самой крепкой броне имеются щели, и Дживс чуть с копыт не слетел, когда в дверях появился Бинго в каштановой бороде по пояс. Я забыл предупредить Дживса насчет бороды, и от неожиданности удар оказался особенно сокрушительным. Челюсть у него отвисла, он ухватился за край стола. Что меня лично несколько не удивляет. Мне в жизни не приходилось видеть более омерзительного зрелища, чем бородатый Бинго. Дживс слегка побледнел; потом огромным усилием воли ему удалось овладеть собой. Но я видел, что он потрясен.

Бинго был слишком занят, представляя членов своей шайки, и ничего не заметил. Живописная у нас собралась компания, ничего не скажешь. Товарищ Бат был похож на гриб той особой разновидности, что появляются на мертвых деревьях после дождя. Для описания старика Роуботема я бы употребил эпитет «траченный молью». А Шарлотта показалась мне существом из страшного, потустороннего мира. Не скажу даже, что она была особенно некрасива. Если бы она исключила из рациона блюда с повышенным содержанием крахмала и начала заниматься шведской гимнастикой, то, наверное, могла бы стать вполне ничего. Но

ее было слишком много. «Пышнотелая» и «не меру упитанная» – вот подходящие для нее определения. Возможно, у нее было золотое сердце, но первое, что бросалось в глаза, – это золотые зубы. Я знал, что, когда Бинго находится в хорошей форме, он в состоянии влюбиться чуть ли не в любую особу женского пола, но на этот раз я не в силах был найти никаких смягчающих обстоятельств.

– А это мой друг, мистер Вустер, – сказал Бинго, завершая церемонию знакомства.

Роуботем посмотрел на меня, потом внимательно оглядел гостиную, и видно было, что и то и другое произвело на него не слишком приятное впечатление. Нельзя сказать, чтобы моя квартира была обставлена с восточной роскошью, но мне удалось сделать ее достаточно уютной, и, очевидно, именно это ему и не понравилось.

– Мистер Вустер? – спросил Роуботем. – А могу я называть вас «товарищ Вустер»?

– Простите?

– Разве вы не член нашего движения?

– Ну...э-э-э...

– Но вы всем сердцем сочувствуете революции?

– Не сказал бы, что всем. Ведь суть революции в том, чтобы перерезать горло таким, как я, а меня такая перспектива не устраивает.

– Я над ним работаю, – вмешался Бинго. – Я с ним борюсь. Еще несколько сеансов – и он наш.

Старик Роуботем с некоторым сомнением взглянул на меня.

– Товарищ Литтл обладает незаурядным красноречием, – признал он.

– Он просто чудо как говорит, – сказала девушка, и Бинго взглянул на нее с таким обожанием, что я чуть не треснул его по лбу от досады. И товарища Бата это замечание изрядно расстроило. Он хмуро уставился на ковер и пробормотал что-то насчет игры с огнем.

– Кушать подано, сэр, – объявил Дживс.

– Кушать, папа! – встрепенулась Шарлотта, точно старая полковая лошадь при звуке кавалерийской трубы; и все поскакали к столу.

Забавно, как люди меняются с годами. В школьные годы я без колебаний отдал бы свою бессмертную душу за яичницу и сардины в пять часов пополудни; но в более зрелом возрасте мой аппетит поутих; должен признаться, я был потрясен, когда увидел, с каким пылом дети революции принялись метать в рот все, что было на столе. Даже товарищ Ват позабыл на время про свою печаль и был целиком поглощен яичницей, выныривая на поверхность лишь для того, чтобы попросить еще чашку чая. Вскоре у нас вышел весь кипяток, и я повернулся к Дживсу:

– Принесите кипяток, Дживс.

– Слушаюсь, сэр.

– Эй! Это что еще такое? – Роуботем поставил чашку на стол и сурово взглянул на меня. Потом потрепал Дживса по плечу: – К чему это раболепие, сынок?

– Простите, сэр?

– И не говори мне «сэр». Называй меня просто «товарищ». Знаешь, кто ты такой, сынок? Ты типичный пережиток распавшейся феодальной системы отношений.

– Как прикажете, сэр.

– У меня просто кровь закипает в жилах, когда...

– Возьмите еще сардину, – вмешался Бинго – первый разумный поступок за долгие годы

нашего знакомства. Старик Роуботем взял три и забыл, что хотел сказать, а Дживс удалился на кухню. Но видно было по выражению его спины, какие чувства он испытывает.

И вот, когда мне уже стало казаться, что эта пытка никогда не кончится, чаепитие подошло к концу. Я очнулся и увидел, что гости собираются уходить.

Сардины и шесть чашек чая смягчили суровость старого Роуботема. Пожимая мне на прощание руку, он взглянул на меня вполне дружелюбно.

– Позвольте поблагодарить вас за гостеприимство, товарищ Вустер, – сказал он.

– Ну что вы! Не стоит... Всегда рад...

– Гостеприимство? – фыркнул Бат, и его зычный голос ударил по моим барабанным перепонкам, точно взрывная волна от фугасной бомбы. Он мрачно уставился на Бинго и девушку, которые весело хохотали около окна. – Удивляюсь, как только у вас кусок не застрял в горле! Яйца! Оладьи! Сардины! Все это вырвано изо рта изголодавшихся бедняков!

– Ну что вы! Как вы могли подумать!

– Я пришлю вам литературу о целях нашего движения, – сказал Роуботем. – И надеюсь, что вскоре вы примете участие в наших митингах.

Когда Дживс пришел убирать со стола, он застал лишь дымящиеся руины. Несмотря на гневные филиппики, которые товарищ Бат произнес по поводу кулинарных излишеств, он благополучно прикончил всю ветчину, а оставшегося джема не хватило бы даже на то, чтобы смазать тонким слоем последний уцелевший кусочек хлеба и положить в рот изголодавшегося бедняка.

– Ну как, Дживс, – спросил я. – Что скажете?

– Я предпочел бы не высказывать своего мнения, сэр.

– Мистер Литтл влюблен в эту женщину, Дживс.

– Я это понял, сэр. Она только что отшлепала его в коридоре.

– Отшлепала?!

– Да, сэр. В шутку, сэр.

– Боже милостивый! Я и не знал, что дело зашло так далеко. И как воспринял это товарищ Бат? Или он ничего не заметил?

– Заметил, сэр. Он присутствовал там на протяжении всей процедуры. Мне показалось, что он был вне себя от ревности.

– Его можно понять! Хорошо, Дживс, что же нам делать?

– Не могу вам сказать, сэр.

– По-моему, это уж слишком.

– Именно так, сэр.

Вот и все утешение, которое я получил от Дживса.

ГЛАВА 12. Бинго не везет в Гудвуде

Я пообещал Бинго встретиться с ним на следующий день и сообщить свое мнение об этой жуткой Шарлотте и вот теперь тащился по Сент-Джеймс-стрит, ломая голову над тем, как, не нанеся смертельной обиды, объяснить ему, что на всем свете нет более омерзительной особы. Вдруг из дверей Девонширского клуба вышел старый Битлшем, а с ним Бинго – собственной персоной. Я прибавил шагу и нагнал их.

– Вот так встреча! – сказал я.

Это невинное приветствие отчего-то произвело неожиданный эффект. Старый Битлшем весь затрясся с головы до ног, словно бланманже на палочке, выпучил глаза и позеленел.

– Мистер Вустер! – воскликнул он с облегчением, узнав меня, – очевидно, встреча со мной представлялась ему не самым худшим из возможных несчастий. – Как вы меня напугали.

– Ах, извините.

– Дядя немного расстроен, – сказал Бинго полупшепотом, словно у постели тяжелобольного. – Он получил письмо с угрозами.

– Письмо с угрозами?

– Написанное явно безграмотной рукой, – сказал Битлшем, – и в недвусмысленно угрожающих выражениях. Мистер Вустер, вы помните того злобного бородатого субъекта, который набросился на меня с оскорблениями в Гайд-парке в минувшее воскресенье?

Я вздрогнул и украдкой покосился на Бинго. Его лицо не выражало ничего, кроме озабоченности и участия.

– Что? А... нуда, – сказал я. – Бородатый субъект. Тот тип с бородой.

– Вы смогли бы его опознать, если потребуется?

– Ну... э-э-э... То есть как это?

– Видишь ли, Берти, – сказал Бинго, – мы подозреваем, что письмо – дело рук бородатого. Вчера вечером я проходил по Паунсби-Гарденз мимо дома, где живет дядя Мортимер, и увидел, как с крыльца крадучись спустился незнакомец. Видимо, это он принес письмо. Я заметил, что у него была борода. Я вспомнил об этом, когда дядя Мортимер рассказал мне про письмо и про тот инцидент в парке. Я решил во всем разобраться.

– Нужно известить полицию, – сказал лорд Битлшем.

– Нет, – твердо сказал Бинго, – на этой стадии расследования полиция мне только помешает. Не волнуйтесь, дядя. Я уверен, что сумею выследить этого типа. Предоставьте дело мне. Сейчас я посажу вас в такси, и мы как следует все обсудим с Берти.

– Ты славный мальчик, Ричард, – сказал старик Битлшем, после чего мы запихнули его в проезжавшее такси и помахали ему ручкой. Я повернулся к Бинго и смерил его суровым взглядом.

– Это ты написал письмо? – спросил я.

– Разумеется! Жаль, Берти, что ты его не видел! Лучшее угрожающее письмо всех времен и народов!

– Но какой во всем этом смысл?

– Очень даже большой смысл, дорогой мой Берти, – сказал Бинго и с чувством взял меня за рукав. – Что ни скажут обо мне потомки, в одном они не смогут меня упрекнуть: что, мол, у меня не было деловой хватки. Взгляни на это! – Он помахал у меня перед носом какой-то

бумажкой.

– Ух ты! – Это был чек, самый настоящий, недвусмысленный чек на пятьдесят монет, подписанный лордом Битлшемом и выданный на имя Р. Литтла.

– Это за какие же заслуги?

– На расходы, – сказал Бинго и положил чек в карман. – Ведь всякое расследование требует денег, верно? Сейчас побегу в банк – то-то они там рот разинут, потом отправлюсь к букмекеру и поставлю всю сумму на Морского Ветерка. В таких делах, Берти, главное – такт. Если бы я пришел к дяде и попросил у него пятьдесят фунтов, получил бы я их? Да никогда в жизни! А проявив такт, я... Кстати, что ты скажешь о Шарлотте?

– Ну... э-э-э...

Бинго любовно массировал рукав моего пиджака.

– Понимаю, старик, понимаю. Даже и не пытайся подыскать слова. Она сразила тебя наповал, верно? Ты просто онемел, ведь так? Уж я-то знаю. Она на всех так действует. Ладно, дружище, мне пора... Да, и последнее: что ты скажешь о Бате? Роковая ошибка природы, ты не находишь?

– Должен признаться, мне доводилось встречать людей и поприветливее.

– По-моему, я его обскакал, Берти. Сегодня Шарлотта идет со мной в зоопарк. Одна. А после этого я веду ее в кино. Мне кажется, что это начало конца, а? Ладно, хоп-хоп, старичок. Если тебе сегодня нечего делать, можешь пробежаться по Бонд-стрит [\[19\]](#) и присмотреть мне свадебный подарок.

После этого я потерял Бинго из виду. Пару раз я оставлял для него записки в клубе с просьбой позвонить, но без всякого результата. Я понял, что он слишком занят, чтобы откликнуться на мои призывы. И дети «Красной зари» исчезли из моей жизни, хотя Дживс как-то сказал, что однажды встретился с Батом и имел с ним краткий разговор. Дживс сообщил, что Бат стал еще мрачнее прежнего. Его шансы на победу в борьбе за пышнотелую Шарлотту резко пошли вниз.

– Похоже, что мистер Литтл полностью затмил его, сэр, – сказал Дживс.

– Плохо дело, Дживс, очень плохо.

– Да, сэр.

– Боюсь, что, когда Бинго покончит с артподготовкой и пойдет в штыковую, нет такой силы ни на небе, ни на земле, которая помешала бы ему свалить грандиозного дурака.

– Похоже, что так, сэр, – сказал Дживс.

Потом подоспели Гудвудские скачки, я облачился в свой лучший костюм и полетел на ипподром.

Когда о чем-то рассказываешь, всегда встает вопрос: стоит ли ограничиться голыми фактами или развести пожиже и украсить рассказ всякими мелкими деталями, передать атмосферу и все такое? Я хочу сказать, что многие на моем месте, прежде чем дойти до развязки этой истории, описали бы Гудвуд, голубое небо, живописные холмы, веселые стайки карманников, а также толпы тех, чьи карманы они обчистили, ну и так далее. Но лучше все это опустить. Даже если бы я и захотел подробно описать те злополучные скачки, у меня просто рука не поднимается. Рана еще слишком свежа. Боль до сих пор не утихла. Дело в том, что Морской Ветерок (будь он трижды неладен!) пришел последним. Представляете? Последним!

«Настало время испытаний, когда проверяется сила духа каждого из нас» [\[20\]](#). Проигрывать всегда неприятно, но на этот раз я был настолько уверен в победе этого чертова

Ветерка, что полагал, будто сам забег – пустая формальность, своего рода причудливая устаревшая церемония, которую полагается совершить, прежде чем прогуляться к букмекеру и получить свой выигрыш. Я побрел к выходу с ипподрома на поиски средства, позволяющего приглушить боль и забыться, и вдруг наткнулся на Битлшема. У него был настолько убитый вид, физиономия такого свекольного оттенка, а глаза горестно скосились к переносице под таким невообразимым углом, что я лишь молча пожал ему руку.

– Я тоже, – сказал я. – И я тоже. А вы – сколько вы продули?

– Продул?

– На Морском Ветерке?

– Но я не ставил на Морского Ветерка.

– Как? Владелец фаворита Гудвудского кубка не ставит на собственную лошадь!

– Я никогда не играю на скачках. Это противоречит моим принципам. Мне сообщили, что моя лошадь не победила в сегодняшних состязаниях.

– Не победила! Да она настолько отстала от всех, что чуть было не пришла первой в следующем забеге!

– Ну и ну! – сказал Битлшем.

– Вот именно, что «ну и ну», – согласился я. Тут только до меня дошло, что здесь что-то не так. – Но если вы ничего не проиграли, отчего у вас такой убитый вид?

– Этот субъект здесь.

– Какой субъект?

– Тот, бородатый.

Представляете, до какой степени я был сокрушен проигрышем – до сих пор ни разу не вспомнил про Бинго. Только сейчас до меня дошло, что он тоже собирался в Гудвуд.

– Он как раз произносит подстрекательскую речь лично против меня. Идемте! Видите, какая там собралась толпа. – Он потянул меня за собой и, умело используя преимущества супертяжелой весовой категории, пробрался – а вместе с ним и я – в первые ряды. – Слушайте! Слушайте!

Бинго и вправду был в ударе. Горечь разочарования, оттого что проклятая кляча, на которую он поставил последние деньги, не вошла в первую шестерку, распалила его красноречие. Он с беспощадной яростью обрушился на бессердечных плутократов – владельцев скаковых лошадей, которые вводят в заблуждение публику и уверяют, будто их животные находятся в отличной форме, а они едва способны доковылять до ворот конюшни. Потом он широкими мазками набросал душераздирающую картину, наглядно продемонстрировав, как подобная бесчестность отражается на положении трудящихся масс. Простой рабочий, доверчивый и полный радужных надежд, свято верит каждому слову, напечатанному в газетах о великолепных статьях Морского Ветерка; он морит голодом жену и детей, чтобы иметь возможность поставить на расхваленную лошадь; отказывает себе в кружке пива, лишь бы сэкономить лишний шиллинг; накануне скачек он взламывает шляпной булавкой детскую копилку – и в конце концов оказывается обманутым самым бессовестным образом. Очень выразительно все это у Бинго получилось. Я видел, как старый Роуботем одобрительно кивает головой, а Бат с плохо скрытой завистью злобно глядит на оратора. Публика слушала Бинго, развесив уши.

– Но какое дело лорду Битлшему до того, что бедный рабочий потеряет свои сбережения, нажитые непосильным трудом? – заливался Бинго. – Вот что я вам скажу,

дорогие товарищи и друзья, мы можем сколько угодно здесь митинговать, мы можем сколько угодно спорить и принимать резолюции, но единственное, что нам требуется, – это действовать! Действовать! Чтобы простые честные люди завоевали себе достойное место в этом мире, кровь лорда Битлшема и ему подобных должна хлынуть на мостовую Парк-лейн!

Его речь была встречена одобрительным ревом; видимо, многие тоже поставили на Морского Ветерка и потому приняли его слова близко к сердцу. Битлшем бросился к дюжему полицейскому с печальной физиономией, который меланхолично наблюдал за происходящим, и, судя по всему, стал побуждать его вмешаться. Полицейский потерял усы, печально улыбнулся -

этим его вмешательство и ограничилось, и старый Битлшем вернулся назад ко мне, громко фыркая от возмущения:

– Чудовищно! Мне открыто угрожают, а полисмен не желает пальцем шевельнуть. Говорит, пустые слова. Ничего себе «слова»! Просто чудовищно!

– Вот именно! – подтвердил я, но мне показалось, я его не слишком утешил.

Слово взял товарищ Бат. Голос у него был как труба архангела Гавриила, дикция великолепная, но завоевать расположение публики ему почему-то не удалось. Мне кажется, ему не хватало конкретных фактов. После речи Бинго слушателям хотелось чего-нибудь позабористее, чем абстрактные рассуждения про Общее Дело. Публика начала бесцеремонно перебивать оратора, и тут Бат замолк на полуслове и уставился на Битлшема.

В толпе решили, что у него сел голос.

– Пососи таблетку с ментолом! – крикнул кто-то. Товарищ Бат судорожным усилием взял себя в руки, и даже издали я увидел, как злобно засверкали его глаза.

– Ладно, товарищи! – прокричал он. – Можете надо мной смеяться, можете глумиться, можете издеваться, сколько вам вздумается. Но знайте: движение наше растет и крепнет с каждым днем и с каждым часом. В него включаются представители так называемых высших классов. Чтобы не быть голословным, скажу, что сегодня здесь, вот на этом самом месте, среди нас присутствует один из самых стойких наших борцов, племянник лорда Битлшема – того самого лорда Битлшема, чье имя вызвало ваше справедливое негодование всего несколько минут назад.

И прежде чем Бинго успел сообразить, что сейчас произойдет, Бат сорвал с него фальшивую бороду. Как ни велик был успех, выпавший на долю Бинго, он ни в какое сравнение не шел с бурей восторга, обрушившейся на голову товарища Бата. Я услышал, как старый Битлшем крикнул от изумления, но все последующие его комментарии – если таковые были – потонули в громе аплодисментов.

Должен признаться, что в этой непростой ситуации Бинго проявил завидную решительность и присутствие духа. Недолго думая, он схватил товарища Бата за горло, явно желая оторвать ему голову. Впрочем, ему не удалось достичь на этом поприще сколько-нибудь ощутимых результатов, поскольку печальный полисмен очнулся от гипноза и вступил в игру: в следующую минуту он уже пробирался сквозь толпу с Бинго в правой руке и с товарищем Батом в левой.

– Пожалуйста, позвольте пройти, сэр, – вежливо попросил он, натолкнувшись на стоящего у него на пути лорда Битлшема.

– А? Что? – пролепетал Битлшем: он еще не вышел из ступора.

Услышав дядин голос, Бинго выглянул из-под правой руки держащего его за шиворот полисмена, и в тот же миг вся его храбрость улетучилась, точно газ из проткнутого иглой

воздушного шарика. Он поник, как увядшая водяная лилия, и молча прошаркал мимо. У него был вид человека, которому только что крепко накостыляли по шее.

Когда Дживс приносит мне утром чашку чая и ставит на столик рядом с кроватью, он либо молча выскальзывает из спальни, оставляя меня в одиночестве смаковать «Оолонг», либо почтительно топчется на ковре, и это значит, что ему нужно мне что-то сообщить. Проснувшись на следующий день после возвращения из Гудвуда, я лежал на спине и глядел в потолок и вдруг заметил, что Дживс все еще в спальне.

– А, Дживс, – сказал я. – Хотите мне что-то сказать?

– Мистер Литтл заходил час назад, сэр.

– В самом деле? Он рассказал вам иро вчерашнее?

– Да, сэр. Его приход к вам как раз и был связан с последними событиями. Он решил уехать из Лондона и пожить некоторое время на лоне природы.

– Весьма разумная мысль.

– Именно так я ему и сказал, сэр. Однако на пути к осуществлению этого плана встала финансовая проблема. Я взял на себя смелость ссудить ему от вашего имени десять фунтов на текущие расходы. Надеюсь, вы ничего не имеете против, сэр?

– Разумеется, нет. Возьмите десятку на туалетном столике.

– Хорошо, сэр.

– Дживс, – сказал я.

– Сэр?

– Никак не могу взять в толк, как все это произошло. Я хочу сказать, как этому Багу удалось разнюхать, кто такой Бинго?

Дживс кашлянул:

– Боюсь, в какой-то мере это моя вина, сэр.

– Ваша? Каким образом?

– Кажется, я нечаянно раскрыл имя мистера Литтла в разговоре с мистером Батом.

Я сел на кровати:

– Что-о?!

– Да, сэр, теперь я со всей определенностью припоминаю, как говорил ему, что преданность мистера Литтла Общему Делу заслуживает широкого общественного признания. Я горько сожалею, что стал невольной причиной временной размолвки между мистером Литтлом и его светлостью. Боюсь, в этом деле есть еще одна сторона. Я также несу ответственность за разрыв отношений между мистером Литтлом и юной леди, которая приходила к нам на чай.

Я снова сел на постели. Как ни странно, я до сих пор не подумал о положительных последствиях вчерашнего инцидента.

– Вы хотите сказать, что между ними все кончено?

– Окончательно и бесповоротно, сэр. Насколько я понял со слов мистера Литтла, он потерял надежду на успех в этом предприятии. Даже если бы не было иных препятствий, отец юной леди считает его обманщиком и шпионом, так сказал мне мистер Литтл.

– Будь я проклят!

– Сам того не желая, я доставил всем столько неприятностей, сэр.

– Дживс! – сказал я.

– Сэр?

– Сколько денег на туалетном столике?

– Помимо тех десяти фунтов, которые вы велели мне взять, сэр, там остались две пятифунтовые банкноты, три банкноты по одному фунту, десять шиллингов, две полкроны, флорин, четыре шиллинга, шесть пенсов и полпенса, сэр.

– Забирайте все, – сказал я. – Вы их честно заработали.

После завершения сезона в Гудвуде я обычно впадаю в состояние тоскливого беспокойства. Я не большой любитель тенистых дубрав, цветущих лугов, щебетания птиц и прочих сельских радостей, но в августе Лондон – не лучшее место на свете, и поневоле начинаешь думать: а не свалить ли куда-нибудь на природу да переждать, пока климат изменится к лучшему? Через две недели после феерического провала Бинго, о котором я вам рассказывал, Лондон превратился в пахнущую раскаленным асфальтом пустыню. Все мои приятели разъехались, театры позакрывались, а Пиккадилли перекопали вдоль и поперек.

Жара стояла адская. Я сидел у себя вечером в гостиной, собираясь с силами, чтобы добрести до спальни, и вдруг почувствовал, что дольше не выдержу. Когда из кухни появился Дживс с подносом, уставленным укрепляющими тело и душу напитками, я принял решение.

– Что за чудовищная жара, Дживс, – сказал я, утирая лоб и хватая ртом воздух, точно выброшенный на сушу карась.

– Погода и в самом деле угнетающая, сэр.

– Не одну содовую, Дживс.

– Хорошо, сэр.

– Хватит торчать в столице, Дживс, пора на волю. Ну что, двинем?

– Как скажете, сэр. Что-нибудь еще прикажете, сэр? – сказал Дживс и поставил на стол поднос с письмом.

– Черт побери, Дживс, вы начали говорить стихами. У вас получилось в рифму – вы не заметили? – Я распечатал конверт. – Это надо же!

– Сэр?

– Вы бывали в Твинг-Холле?

– Да, сэр.

– Так вот, мистер Литтл сейчас там.

– В самом деле, сэр?

– Собственной персоной. Ему пришлось снова поступить в гувернеры.

После того жуткого скандала в Гудвуде, когда Бинго, оставшись без средств к существованию, стрельнул у меня десятку и усвистал в неизвестном направлении, я долго повсюду разыскивал, справлялся у общих знакомых, но никто ничего не знал. Аон, оказывается, все это время скрывался в Твинг-Холле. Поразительно. Объясню, что здесь поразительного. Дело в том, что Твинг-Холл принадлежит лорду Уикеммерсли, давнему другу моего покойного папаши, поэтому мне разрешается приезжать туда в любое время без приглашения. Я каждое лето заваливаюсь к ним на пару недель и как раз решил направить туда свои стопы, а тут Дживс подает мне письмо.

– Мало того, мои кузены Клод и Юстас – вы помните их, Дживс?...

– Прекрасно помню, сэр.

– Так вот, они тоже там, готовятся к какому-то экзамену под руководством местного священника. Я в свое время тоже с ним занимался. Он большой мастак натаскивать учеников, не отягощенных избытком интеллекта. Да что говорить, даже мне удалось с его помощью проскочить вступительные в Оксфорд, неудивительно, что слава о нем разошлась далеко за пределы Глостершира. Но вообще это поразительное совпадение.

Я перечел письмо. Письмо было от Юстаса. Клод и Юстас – близнецы и известны

широкой общественности как проклятие рода человеческого.

«Дом священника, Твинг, Глостершир

Дорогой Берти!

Хочешь разжиться денежками? Думаю, хочешь – я слышал, ты не очень успешно выступил в Гудвуде. Приезжай как можно скорее, у тебя есть шанс принять участие в самом крупном спортивном событии сезона. Все объясню при встрече, но можешь мне поверить: дело стоящее.

Мы с Клодом занимаемся в группе по подготовке к экзаменам у старины Хеппенстола. Нас тут девять человек, не считая твоего приятеля Бинго, который служит гувернером в Твинг-Холле.

Не упusti свой шанс – такой случай выпадает раз в жизни. С нетерпением ждем твоего приезда.

Юстас».

Я протянул письмо Дживсу. Тот его внимательно изучил.

– Страннейшее послание. Вы что-нибудь понимаете? – спросил я.

– Мистер Клод и мистер Юстас весьма пылкие юные джентльмены, сэр. Позволю себе высказать предположение: они снова что-то затеяли.

– Да, но что именно?

– Затрудняюсь сказать, сэр. Смею обратить ваше внимание, что на другой стороне тоже что-то написано.

– В самом деле? – Я выхватил у него письмо и на обороте обнаружил следующее.

«ГАНДИКАП ПРОПОВЕДНИКОВ ВОЗМОЖНЫЕ УЧАСТНИКИ И СТАВКИ

Прен. Джозеф Такер (Баджвик), без форы.

Преп. Ленард Старки (Стейплтон), без форы.

Преп. Александр Джонс (Верхн. Бингли), фора три минуты.

Преп. У. Дике (Литтл-Кликтон-он-де-Уолд), фора пять минут.

Преп. Фрэнсис Хеппенстол (Твинг), фора восемь минут.

Преп. Катберт Диббл (Баустед-Парва), фора девять минут.

Преп. Орло Хаф (Баустед-Магна), фора девять минут.

Преп. Дж. Дж. Роберте (Фейл-бай-де-Уотер), фора десять минут.

Преп. Г. Хейворд (Нижн. Бингли), фора двенадцать минут.

Преп. Джеймс Бейтс (Гэндл-бай-де-Хилл), фора пятнадцать минут.

Ставки: Такер, Старки – 5:2; Джонс – 3:1; Дике – 9:2; Хеппенстол, Диббл, Хаф – 6:1; все прочие – 100:8».

Абракадабра какая-то.

– Дживс, вы что-нибудь понимаете?

– Нет, сэр.

– Как бы там ни было, пожалуй, стоит съездить и разузнать подробнее.

– Вне всякого сомнения, сэр.

– Тогда вперед! Заверните в газету пару свежих воротничков и зубную щетку, пошлите лорду Уикеммерсли телеграмму о нашем приезде, слетайте на Паддингтонский вокзал и купите билеты на завтрашний пятичасовой поезд.

Пятичасовой поезд, как всегда, опоздал, и, когда я добрался до Твинг-Холла, все уже переоделись к ужину. Побив национальный рекорд по надеванию смокингов и белых жилетов, я вихрем слетел вниз по лестнице в столовую и поспел к супу. Плюхнулся на свободный стул и обнаружил, что сижу рядом с Синтией – младшей дочерью лорда Уикеммерсли.

– Привет, старушка, – сказал я.

Мы с Синтией дружны с детства. Одно время мне даже казалось, будто я в нее влюблен. Впрочем, потом все само собой рассосалось. На редкость хорошенькая, веселая и привлекательная барышня, ничего не скажешь, но помешана на разных там идеалах. Может, я к ней несправедлив, но, по-моему, она считает, что мужчина должен делать карьеру и прочее. Помню, она с большой похвалой отзывалась о Наполеоне. Как бы там ни было, безумства юности растаяли как дым, и теперь мы всего лишь хорошие друзья. Я считаю, что она классная девушка, а она считает меня чокнутым, так что мы прекрасно ладим.

– Привет, Берти. Значит, приехал?

– Выходит, так. Явился, не запылится. И прямо к ужину. Просвети, кто есть кто.

– В основном местная публика. Ты их почти всех знаешь. Ты наверняка помнишь полковника Уиллиса, Спенсеров...

– Еще бы. А вот и старина Хеппенстол. А этот другой священник, рядом с миссис Спенсер?

– Мистер Хейворд, из Нижнего Бингли.

– У вас здесь полным-полно священников. Вон еще один, рядом с миссис Уиллис.

– Это Бейтс, племянник мистера Хеппенстола. Преподает в Итоне. На время летних каникул замещает мистера Спеттигью, священника в Гэндл-бай-де-Хилл.

– То-то смотрю – знакомое лицо. Он учился на четвертом курсе в Оксфорде, когда я туда поступил. Пользовался большим успехом. Входил в сборную Оксфорда по гребле. – Я еще раз оглядел собравшихся за столом и заметил Бинго. – А, вот и он, – сказал я. – Вот он где, дурья башка.

– Кто?

– Бинго Литтл. Мой старый друг. Гувернер твоего брата.

– С ума сойти! Так он твой друг?

– Еще какой! Мы с ним с детства знакомы.

– Послушай, Берти, как у него с головой?

– А что с головой?

– Я не потому, что он твой приятель. Он так странно себя ведет...

– Что значит – странно?

– Ну, смотрит на меня с таким видом...

– С каким видом? Как именно? Можешь показать?

– Нет, тут полно народу.

– Ничего, я закрою тебя салфеткой.

– Хорошо, только быстро. Вот так.

Учитывая, что в ее распоряжении было всего полторы секунды, должен признать, что

она отлично справилась: разинула рот, выпучила глаза, горестно склонила голову набок и стала удивительно похожа на страдающего диспепсией теленка. Я мгновенно узнал симптомы.

– Ничего страшного, – сказал я. – Можешь не волноваться. Он просто в тебя влюблен.

– Влюблен? В меня? Какие глупости.

– Старушка, ты просто не знаешь Бинго. Он способен влюбиться в кого угодно.

– Спасибо за комплимент.

– Господи, я совсем не о том. Меня ничуть не удивляет, что он в тебя втрескался. Я и сам был в тебя когда-то влюблен.

– Когда-то? А теперь, значит, все быльем поросло? Да, Берти, ты сегодня явно в ударе!

– Ласточка моя, но ты сама, черт подери, дала мне от ворот поворот и чуть не померла от смеху, когда я сказал тебе...

– Ладно, чего уж там. Признаю – мы оба хороши... А он очень красивый, верно?

– Красивый? Бинго? Ну, знаешь!

– По сравнению с некоторыми, – сказала Синтия.

Немного погодя леди Уикеммерсли подала сигнал, и дамы очистили помещение. Я хотел поговорить с Бинго, но мне не удалось, а когда мы перешли в гостиную, он куда-то исчез. В конце концов я нашел Бинго в его комнате: он валялся на кровати, задрал ноги на спинку, и курил. На покрывале рядом с ним лежал блокнот.

– Здорово, бездельник.

– Привет, Берти, – унылым тоном отозвался Бинго.

– Я и не подозревал, что ты окопался в Твинг-Холле. Стало быть, дядя перекрыл тебе кислород после заварушки в Гудвуде? Пришлось наняться в гувернеры?

– Верно, – лаконично подтвердил Бинго.

– Мог хотя бы сообщить свой адрес.

Он мрачно нахмурился:

– Я нарочно никому не сказал. Хотелось от всех спрятаться. Сказать по правде, Берти, мне было очень паршиво. Солнце померкло...

– Странно. А в Лондоне стояла дивная погода.

– ...птицы умолкли...

– Какие птицы?

– Черт подери, не все ли равно какие! – с раздражением воскликнул Бинго. – Просто птицы. Местные пернатые твари. Может, мне еще выписать для тебя их латинские названия? Признаюсь, Берти, это был страшный удар.

– Что за удар? – Я не поспевал за извивами его мысли.

– Я говорю о гнусном предательстве Шарлотты.

– А, ну да! – Бесчисленные любовные истории Бинго перепутались у меня в голове, и я совсем забыл про эту особу. Ну конечно! Шарлотта Корде Роуботем! После скандала в Гудвуде она оставила его с носом и ушла к товарищу Бату.

– Я пережил адские муки. Впрочем, в последнее время я немного... э-э-э... утешился. Послушай, Берти, а как здесь оказался ты? Я не знал, что ты знаком с владельцами Твинг-Холла.

– Я? Да я их знаю с детства.

Бинго с громким стуком сбросил ноги со спинки кровати:

– Ты хочешь сказать, что давно знаком с леди Синтией?

– Конечно. Мне еще семи лет не было, когда мы повстречались.

– Ну и ну! – воскликнул он и в первый раз в жизни взглянул на меня чуть ли не с уважением. Он даже поперхнулся дымом от волнения. – Я люблю эту девушку, Берти, – прокашлявшись, объявил он.

– Что ж, она очень славная.

Он бросил на меня гневный взгляд:

– Как ты можешь говорить о ней таким обыденным тоном! Она – ангел. Ангел! Она ничего не говорила про меня во время обеда?

– Говорила.

– И что же она сказала?

– Я запомнил одну ее фразу. Она сказала, что считает тебя красавцем.

Бинго в экстазе закрыл глаза. Потом взял в руки блокнот.

– А теперь проваливай, старина, будь другом, – сказал он, и лицо его приняло отсутствующее выражение. – Мне нужно кое-что написать.

– Написать?

– Стихи, если тебе непременно нужно знать. Господи, я бы все отдал, – с горечью сказал Бинго, – чтобы ее звали не Синтия, а как-то иначе. Просто рехнешься, пока подберешь рифму. Как бы я развернулся, если бы ее звали Джейн!

На следующий день, когда за окном сияло раннее утро, а я еще лежал в постели, жмурясь от блеска солнечных лучей на туалетном столике, и поджидал Дживса с утренним чаем, что-то тяжелое плюхнулось мне на ноги и голос Бинго оскорбил мой слух. Бездельник, как видно, поднялся пи свет ни заря.

– Выметайся, – сказал я. – Оставь меня в покое. Я не в состоянии никого видеть, пока не выпью чаю.

– Если Синтия смеется, – сказал Бинго, – голубеют небеса; как алмаз, блестит роса; вторит соловьиной трели свист пастушеской свирели, если Синтия смеется. – Он откашлялся и переключился на вторую передачу: – Если Синтия грустит...

– Что за чушь ты несешь?

– Это стихотворение, я написал его прошлой ночью для Синтии. Хочешь послушать дальше?

– Не хочу!

– Не хочешь?

– Нет. Я еще не пил чай.

В эту секунду вошел Дживс, и я с радостным криком принял из его рук чашку с животворным напитком. После нескольких глотков я взглянул на окружающий мир более благосклонно. Даже Бинго уже не так сильно осквернял пейзаж. После первой чашки я ощутил себя другим человеком и не только позволил дурню дочитать до конца его чертову ахинею, но даже раскритиковал рифмовку четвертой строчки пятого стиха. Мы все еще препирались по этому поводу, когда дверь распахнулась и в комнату ввалились Клод и Юстас. Вот что меня убивает в сельских нравах: в такую несусветную рань жизнь в доме уже бьет ключом. Мне доводилось гостить в загородных домах, где хозяйева регулярно вторгались в мои безгрешные сны в шесть тридцать утра и предлагали сбегать на озеро искупаться. Слава богу, что в Твинг-Холле меня хорошо знают и дают спокойно позавтракать в постели.

Близнецы явно были рады меня видеть.

– Берти, старичок! – воскликнул Клод.

– Молодчина! – воскликнул Юстас. – Преподобный сказал нам, что ты приехал. Так и знал, что мое письмо тебя расшевелит.

– Можешь всегда смело ставить на Берти, – сказал Клод. – Спортсмен до мозга костей. Ну как, Бинго тебе уже все рассказал?

– Ни единого слова. Он...

– Мы обсуждали другую тему, – поспешно перебил меня Бинго.

Клод ухватил с подноса последний кусок хлеба с маслом, а Юстас налил себе чашку чая.

– Дело вот в чем, Берти, – сказал Юстас, поудобнее устраиваясь в кресле. – Ты уже знаешь из письма, что в этом богом забытом месте нас здесь девять несчастных, мы готовимся к экзаменам под началом Хеппенстола. Конечно, приятно потеть над латынью и греческим, когда жара градусов под сорок в тени, но иногда человеку нужно расслабиться. А в этой дыре, как на грех, нет никаких условий для культурного отдыха. Так вот, у Стеглза родилась идея. Стеглз тоже из нашей группы, и, между нами, довольно мерзкий тип. Но нужно отдать ему должное – это была его идея.

– Какая идея?

– Ты ведь знаешь, сколько в здешних краях священников. В радиусе шести миль больше десяти деревушек, в каждой деревушке своя церковь, в каждой церкви по приходскому священнику, и по воскресеньям все они произносят проповеди. На следующей неделе – в воскресенье, двадцать третьего августа – мы открываем тотализатор и проводим гандикап местных проповедников. Принимать ставки будет Стеглз. Продолжительность проповеди каждого из священников будет засекается доверенным судьей-хронометристом, и выигрывает тот, кто прочтет самую длинную проповедь. Ты получил программу скачек?

– Я ни черта в ней не понял.

– Ну и болван: там же указаны форы и текущие ставки для каждого из участников. Если у тебя нет программы под рукой, вот тебе еще одна. Взгляни на нее внимательно. Тут все разжевано. Дживс, дружище, не хотите попытать счастья?

– Сэр? – спросил Дживс: он только что вплыл в спальню с моим завтраком.

Клод объяснил ему схему. Дживс, как всегда, все моментально понял, но в осветлишь отечески улыбнулся:

– Спасибо, сэр, пожалуй, нет.

– Но ты-то примешь участие, Берти? – спросил Клод, запихивая в рот булочку с беконом. – Просмотрел список? Теперь скажи: ты ничего особенного не заметил?

Разумеется, заметил. Сразу же, едва взглянул.

– Это же верная победа старины Хеппенстола, – сказал я. – На блюдечке и с бесплатной доставкой. В здешней округе нет ни одного проповедника, кто бы мог дать ему восемь минут форы. Ваш приятель Стеглз, я вижу, просто осел, если оценил его шансы подобным образом. Когда я занимался с Хеппенстолом перед поступлением в Оксфорд, он редко говорил в церкви меньше получаса, а его коронная проповедь на тему «О любви к ближнему» длилась по крайней мере сорок пять минут. Он что, утратил былой пыл?

– Ничего он не утратил, – сказал Юстас. – Расскажи ему, Клод, как все вышло.

– Значит, так, – сказал Клод, – в первое воскресенье, как мы приехали в Твинг, мы пошли в здешнюю церковь, и Хеппенстол произнес проповедь, которая не длилась и двадцати минут. А дело вот в чем. Стеглз не обратил внимания, да и сам преподобный сперва не заметил, но мы с Юстасом видели, как по пути на кафедру он выронил из папки с текстом проповеди несколько страниц. Потом он, конечно, обнаружил брешь, на секунду

запнулся, но быстро нашелся и дочитал проповедь до конца. Вот почему у Стегла сложилось впечатление, будто двадцать минут – это его предел. В следующее воскресенье мы прослушали Такера и Старки, оба разливались соловьем больше тридцати пяти минут, и Стеглз составил программу скачек в том виде, в каком ты ее видишь. Ты непременно должен участвовать, Берти. Беда в том, что я сейчас на мели, у Юстаса ни гроша за душой, и у Бинго в кармане пусто, поэтому тебе придется выступить в качестве спонсора нашего синдиката. И не надо, пожалуйста, корчить такую физиономию! Это же верное дело, осталось лишь нагнуться и подобрать наши денежки. Ладно, нам пора.

Подумай и к вечеру позвони мне. И если ты нас подведешь, Берти, мое кузенское проклятие да падет... Идем, Клод.

Чем дольше я размышлял, тем больше мне эта затея нравилась.

– Ну как, не соблазнились, Дживс? – спросил я.

Дживс ласково улыбнулся и выплыл из комнаты.

– Дживс напрочь лишен спортивного азарта, – заключил Бинго.

– Зато я не лишен. И готов участвовать. Клод прав – деньги, можно сказать, сами плывут в руки.

– Вот и молодец! – воскликнул Бинго. – Теперь и для меня забрезжил свет в конце тоннеля. Скажем, я ставлю десятку на Хеппенстола и выигрываю. Тогда я смогу поставить через две недели на Белую Стрелу в двухчасовом забеге в Гатвике. Получаю выигрыш и ставлю все на Выхухоль в забеге час тридцать в Льюисе. Выигрываю кругленькую сумму, с которой отправляюсь десятого сентября в Александра-Парк, где мне обещали шепнуть на ухо стопроцентный верняк.

Это напоминало «Быстрый и надежный способ заработать миллион фунтов».

– А уж тогда, – продолжал Бинго, – я могу смело идти к дяде. Ведь он большой сноб и, когда узнает, что я беру в жены графскую дочь...

– Послушай, старик, – не выдержал я, – тебе не кажется, что ты несколько опережаешь события?

– Нет, отчего же. Конечно, окончательно еще ничего не решено, но она призналась, что я ей нравлюсь.

– Что?!

– Она сказала, что ее привлекают самостоятельные, мужественные, красивые мужчины, при этом спортивные, деятельные, обладающие сильным характером и честолюбием.

– Ради всего святого, проваливай, – сказал я. – Дай мне спокойно доесть яичницу.

Встав с постели, я сразу же поскакал к телефону и велел Юстасу прервать на время свои штудии и срочно поставить на твингского рысака – по десятке за каждого члена синдиката. После обеда Юстас позвонил мне и доложил, что сделал все, как я сказал, причем по более выгодной ставке – семь к одному: расценки повысились по причине слухов из хорошо осведомленных кругов, что преподобный подвержен сенной лихорадке и сильно рискует, совершая утренние прогулки по цветущему лугу. В воскресенье утром я убедился, что мы на верном пути: старина Хеппенстол закусил удила и выдал на-гора тридцатиминутный монолог «О вреде суеверий». Во время проповеди я сидел рядом со Стеглазом и заметил, что он побледнел. Стеглаз был недомерок с крысиной мордочкой и бегающими глазками, весьма недоверчивый тип. Не успели мы выйти из церкви, как Стеглаз официально заявил, что впредь ставки на преподобного Хеппенстола будут приниматься из расчета пятнадцать к восьми, и с раздражением добавил, что не мешало бы обратить внимание «Жокей-клуба» [\[22\]](#)

на такой подозрительный разброс в результатах, хотя теперь, конечно, уже ничего не докажешь. Такая грабительская ставка мгновенно охладила пыл игроков – ясно было, что большие денежки нам тут не светят. Наступило затишье, но во вторник после обеда, когда я прогуливался перед домом с сигаретой, к крыльцу подкатили на велосипедах Клод и Юстас, и я сразу понял: им не терпится сообщить важные новости.

– Берти, мы должны действовать, – взволнованно выпалил Клод. – Надо что-то придумать, иначе мы влипли!

– А что случилось?

– Не что, а кто: Г. Хейворд, – мрачно сказал Юстас. – Участник из Нижнего Бингли.

– Мы его с самого начала не принимали в расчет, – сказал Клод. – Проглядели его. Вот всегда так. Стегльз его проглядел. Мы все его проглядели. А сегодня утром проезжаем мы с Юстасом через Нижний Бингли и видим: в церкви венчание. Надо, думаем, зайти проверить, в какой Г. Хейворд форме, вдруг это темная лошадка.

– Слава богу, что мы там оказались, – сказал Юстас. – Он толкнул речь на двадцать шесть минут – Клод засек по своему хронометру. И это на деревенской свадьбе! Представляешь, что будет, когда он развернется по-настоящему?

– У нас только один выход, Берти, – сказал Клод. – Ты должен выделить дополнительные средства, нам нужно подстраховаться и поставить на Хейворда.

– Но...

– Это наш последний шанс.

– Мы столько поставили на Хеппенстола – а теперь все псу под хвост!

– Но что же делать? Ты же не станешь утверждать, что наш преподобный в состоянии выиграть у Хейворда при такой форе?

– Вот оно, нашел! – воскликнул я.

– Что ты нашел?

– Я понял, как обеспечить выигрыш фавориту. Сегодня же загляну к Хеппенстола и попрошу в качестве личного одолжения прочесть в воскресенье его коронную – «О любви к ближнему».

Клод и Юстас посмотрели друг на друга, как те парни в стихотворении, – «в немом оцепенении» [\[23\]](#).

– Послушай, а ведь это выход! – сказал Клод.

– При чем гениальный выход, – сказал Юстас. – Кто бы мог подумать, Берти, что ты на такое способен.

– И все же... – сказал Клод. – Допустим, эта проповедь и вправду нечто, но четыре минуты форы...

– Ничего страшного, – возразил я. – Я сказал, что проповедь на сорок пять минут, но я ошибся. Теперь я вспомнил, что никак не меньше пятидесяти.

– Тогда действуй! – сказал Клод.

Вечером я все уладил. Старик Хеппенстол с радостью согласился. Он был польщен и тронут тем, что я до сих пор помню его проповедь. Признался, что ему давно хочется снова ее прочесть, но он опасается, не длинновата ли она для сельской паствы.

– В наше суетное время, мой дорогой Вустер, – сказал он, – даже деревенские прихожане, которые не столь сильно заражены извечной спешкой, как столичные жители, – даже они предпочитают проповеди покороче. Мы частенько спорим с моим племянником Бейтсом – к нему скоро перейдет приход моего давнего друга Спеттигью в Грэндлбай-де-

Хилл. Он считает, что в наш век проповеди нужно писать в форме яркого, краткого и доходчивого обращения к пастве, минут на десять-двенадцать, не более.

– Я и сам не люблю длинных речей, – сказал я. Но при чем тут ваша проповедь «О любви к ближнему»? Уж ее-то длинной никак не назовешь.

– Целых пятьдесят минут.

– Не может этого быть!

– Ваше удивление, мой дорогой Вустер, для меня чрезвычайно лестно. Тем не менее смею вас уверить, что именно столько эта проповедь длится. А может быть, ее стоит несколько сократить, как вам кажется? Так сказать, подрезать ветви и проредить крону? К примеру, я мог бы опустить пространный экскурс в проблему брачных отношений у древних ассирийцев.

– Оставьте все как есть, слово в слово, иначе вы все испортите, – совершенно искренне сказал я.

– Что ж, мне очень приятно, что вы так думаете, я непременно прочту эту проповедь в ближайшее воскресенье.

Я всегда говорил и буду повторять до конца моих дней, что делать ставки, не располагая достоверной информацией из конюшни, безрассудно, бессмысленно и просто глупо. Никогда не знаешь, что из этого выйдет. Если бы все придерживались золотого правила ставить на «заряженную» лошадь ^[24], гораздо меньше молодых людей сбивалось бы с пути истинного. В субботу утром, когда я доедал завтрак в постели, в комнату вошел Дживс:

– Мистер Юстас просит вас к телефону, сэр.

– Господи, Дживс, что стряслось, как вы думаете? – Должен признаться, что к этому времени нервы у меня уже стали ни к черту.

– Мистер Юстас не просветил меня на этот счет, сэр.

– Как вам показалось, он чем-то встревожен?

– Судя по голосу – в высшей степени, сэр.

– Знаете, что я думаю, Дживс? Наверняка что-то случилось с фаворитом.

– А кто фаворит, сэр?

– Мистер Хеппенстол. У него все шансы на победу. Он собирается прочесть свою знаменитую проповедь «О любви к ближнему» и должен опередить прочих участников с большим отрывом. Боюсь, с ним что-то случилось.

– Вы все узнаете, если поговорите по телефону с мистером Юстасом, сэр. Он ждет.

– И в самом деле!

Я накинул халат и вихрем промчался по лестнице в холл. Едва я услышал голос Юстаса, я понял: мы влипли. В голосе Юстаса звучала мука:

– Берти?

– Да, привет.

– Целый час тащишься к телефону! Слушай, Берти, все накрылось. Фаворит спекся.

– Не может быть!

– Увы. Всю ночь кашлял у себя в конюшне.

– Этого только не хватало!

– Случилось то, чего мы боялись. У него сенная лихорадка.

– Черт бы его побрал!

– Сейчас у него врач, и через несколько минут его официально вычеркнут из списка участников. Вместо него на старт выйдет младший священник прихода, а на него надежды

никакой. За него предлагают сто против шести, и никто до сих пор не поставил. Что будем делать?

Я молча обдумывал ситуацию.

– Послушай, Юстас, сколько сейчас дадут за Г. Хейворда? – спросил я.

– Всего четыре к одному. Думаю, произошла утечка информации, и Стеглиз что-то пронюхал. Вчера вечером он вдруг резко снизил расценки.

– Ладно, четыре против одного должно хватить. Поставь еще по пятерке на Г. Хейворда за каждого члена синдиката. Так мы на крайней мере не прогорим.

– Если он победит.

– Что значит «если»? Ты говорил, он верняк, второй после Хеппенстола.

– Я начинаю сомневаться, что на свете вообще есть такая штука, как верняк, – мрачно отозвался Юстас. – Говорят, вчера преподобный Джозеф Такер показал великолепное время в тренировочном забеге на собрании матерей [\[25\]](#) в Баджвике. Как бы там ни было, это наш единственный шанс. Ну, пока.

Я не входил в число официальных судей-хронометристов и имел возможность отправиться на следующее утро в любую церковь по своему усмотрению; естественно, я без колебаний выбрал Нижний Бингли. Правда, это в десяти милях от нас, и, значит, придется встать ни свет ни заря, но я одолжил у одного из слуг велосипед и покатил в церковь. До сих пор мне приходилось верить Юстасу на слово, что этот Г. Хейворд такой резвый скакун; я опасался, что в тот день, во время венчания, они переоценили его форму. Однако все мои сомнения рассеялись, едва он поднялся на кафедру. Юстас не ошибся – это было нечто. Высоченный, тощий, с седой бородой, он прямо со старта продемонстрировал высокий класс: после каждой фразы делал длиннейшие паузы, без конца откашливался, и уже через пять минут я не сомневался, что предо мной – победитель. Его привычка неожиданно замирать и в недоумении оглядывать церковь принесла нам несколько лишних минут, а на финишной прямой он меня окончательно покорила: уронил пенсне и долго молча шарил руками по полу. На двадцатиминутной контрольной отметке он лишь по-настоящему вошел в темп, двадцатипятиминутный рубеж он миновал без малейших признаков усталости. И когда он финишировал великолепным спуртом, секундомер показывал тридцать пять минут четырнадцать секунд. При положенной ему форе можно было не сомневаться, что победа у него в кармане. Преисполненный чувства благожелательности и *bonhomie* [\[26\]](#) ко всему человечеству, я вскочил на велосипед и покатил домой обедать. Когда я вернулся, Бинго разговаривал по телефону.

– Прекрасно! Отлично! Замечательно! – радостно восклицал он. – Что? Нет, насчет него можешь не беспокоиться. Ладно, я передам Берти. – Он повесил трубку. – А, Берти, привет, – сказал он. – Это Юстас звонил. Все в порядке, старина. Поступило сообщение из Нижнего Бингли. С большим отрывом победил Г. Хейворд.

– Я и не сомневался. Сам только что приехал оттуда.

– А, так ты там был? А я ездил в Баджвик. Такер отлично прошел всю дистанцию – но что он мог сделать при такой форе? У Старки заболело горло, и он сошел с круга. Роберте из Фейлбай-де-Уотер пришел третьим. Молодчина Хейворд! – с нежностью произнес Бинго, и мы вместе вышли из дома на лужайку.

– Значит, известны уже все результаты? – спросил я.

– Все, кроме Гэндлбай-де-Хилл. Но насчет Бейтса можно не беспокоиться. У него ни малейшего шанса. Кстати, бедняга Дживс продул свою десятку. Ну не дуралей?

– Дживс? Что ты хочешь сказать?

– Подошел ко мне сегодня утром, когда ты уже уехал в Бингли, и попросил поставить за него десять фунтов на Бейтса. Я объяснял ему, какая это глупость – все равно что выбросить деньги в помойку, но он и слушать не хотел.

– Прошу прощения, сэр. Эту записку принесли для вас сегодня утром после вашего отъезда.

Рядом стоял неизвестно откуда взявшийся Дживс.

– А? Что? Какую записку?

– Ее принес дворецкий преподобного мистера Хеп-пенстола, сэр. Она пришла слишком поздно, и я не смог вам ее вручить, сэр.

Бинго принялся отечески наставлять Дживса – советовал впредь не делать ставок, не разузнав, в какой форме находится лошадь. Мой вопль заставил его прикусить язык на середине фразы.

– Какого черта? – недовольно спросил он.

– Все пропало! Ты только послушай! И я прочитал ему записку.

«Твинг, Глостершир

Дорогой Вустер!

Как вы, вероятно, уже знаете, по не зависящим от меня обстоятельствам я не смогу выступить с проповедью «О любви к ближнему», которую вы, со столь лестной для меня настойчивостью, просили меня прочесть. Тем не менее мне не хочется лишать вас этого удовольствия, так что если вы придете на утреннюю службу в церковь в Гэндл-бай-де-Хилл, вы сможете услышать, как эту проповедь прочтет мой племянник Джеймс Бейтс. По его настоятельной просьбе я передал ему текст проповеди – честно говоря, у меня были для этого дополнительные причины. Дело в том, что племянник претендует на должность директора престижной частной школы, и к настоящему времени список кандидатов сократился до двух человек, так что речь идет о выборе между ним и его соперником.

Вчера вечером Джеймс случайно узнал, что председатель правления школы собирается в воскресенье прийти на службу в его церковь, чтобы оценить его ораторские способности – решающий критерий при выборе кандидата на этот пост. Я пошел ему навстречу и передал текст проповеди «О любви к ближнему», о которой он, подобно вам, всегда отзывался самым лестным образом. У него не хватит времени, чтобы написать полноценную проповедь вместо той краткой речи, с которой он – в соответствии со своей ложной, как мне кажется, теорией – собирался обратиться к сельской пастве, и я решил помочь мальчику.

Надеюсь, что после его проповеди у вас останутся столь же приятные воспоминания, как – но вашим словам – у вас сохранились после моей.

Засим остаюсь искренне ваш,

Ф. Хеппенстол.

P.S. Из-за сенной лихорадки у меня сильно слезятся глаза, поэтому я диктую это письмо моему дворецкому, Брукфилду, который и доставит его вам».

Когда я дочитал до конца, наступила тишина, всеобъемлющая и почти осязаемая, как зимний туман в горах. Бинго несколько раз беззвучно икнул, на его лице отразилась целая гамма самых разнообразных чувств. Дживс негромко, деликатно кашлянул, точно овца, у которой в дыхательное горло попала травинка, и продолжал безмятежно любоваться пейзажем. Первым заговорил Бинго.

– Чтоб мне провалиться, – хрипло прошептал он. – Значит, вы ставили на "заряженную» лошадь!

– Полагаю, что это именно так называется, сэр, – сказал Дживс.

– Но каким образом, черт побери, вам удалось получить секретную информацию из конюшни? – сказал Бинго.

– Все очень просто, сэр, – ответил Дживс. – Когда Брукфилд принес для вас записку, он рассказал мне о ее содержании. Мы с ним давние приятели.

Лицо Бинго изобразило одновременно тоску, муку, ярость, отчаяние и обиду.

– Ну, знаете, я вам скажу, это уж слишком! – закричал он. – Читать чужую проповедь! Это нечестно! Непорядочно!

– Нет, старичок, – сказал я, – ты несправедлив. Не вижу здесь никакого нарушения правил. Священники сплошь и рядом так поступают. Вовсе не обязательно, чтобы они сами сочиняли свои проповеди.

Дживс снова кашлянул и невозмутимо взглянул мне в лицо:

– В данном случае, сэр, если мне позволено будет высказать свое мнение, следует быть особенно снисходительным. Не надо забывать, что место директора школы очень много значит для молодой четы.

– Для четы? Какой еще четы?

– Для преподобного Джеймса Бейтса и леди Синтии, сэр. Как мне сообщила горничная ее светлости, они уже несколько недель помолвлены – так сказать, в предварительном порядке: его светлость дал свое согласие с условием, что мистер Бейтс сумеет получить солидную и хорошо оплачиваемую должность.

Бинго позеленел, как болотная трава:

– Она выходит за него замуж?

– Да, сэр.

Снова наступило молчание.

– Пожалуй, я пойду пройду, – сказал Бинго.

– Как же так, старичок, – сказал я, – время обедать, вот-вот прозвенит гонг.

– Не нужны мне никакие обеды! – сказал Бинго.

ГЛАВА 14. Честная игра

Жизнь в Твинге потекла своим чередом. Заняться здесь нечем, особых развлечений и чего-то из ряда вон ждать не приходится. Самым крупным событием здешней культурной жизни в обозримом будущем был ежегодный школьный праздник. Оставалось лишь бродить по окрестностям, играть в теннис и всеми силами избегать общества Бинго.

Последнее особенно важно для всякого, кому дорог душевный покой: после помолвки Синтии бедняга Бинго едва не рехнулся от горя; он то и дело подкарауливал меня, чтобы излить свою скорбь. Наконец я не выдержал – он ввалился ко мне в спальню, когда я наслаждался завтраком в постели. После обеда или после хорошего ужина я могу стерпеть его стоны, но только не во время завтрака. Мы, Вустеры, всегда готовы к состраданию и сочувствию, но всему есть предел.

– Послушай, старина, – сказал я. – Знаю, твое сердце разбито и все такое прочее, и с удовольствием послушаю об этом как-нибудь в другой раз, но...

– Я хотел поговорить совсем о другом.

– О другом? Вот это молодец!

– Я похоронил прошлое, – сказал Бинго. – И не будем больше о нем вспоминать.

– Хорошо, не будем.

– Душа моя разрывается от горя, но, прошу тебя, не надо об этом.

– Договорились.

– Не обращай внимания на мои муки. Забудь о них.

– Уже забыл.

Наконец-то он начал рассуждать разумно.

– Берти, я пришел спросить, – сказал он и вытащил из кармана листок бумаги, – не хочешь ли ты снова попытаться счастья.

Чем-чем, а спортивным азартом бог Бустеров не обидел. Я проглотил последний кусок сосиски, подложил под спину подушку и приготовился слушать.

– Продолжай, бледнолицый, – сказал я. – Твои слова меня не на шутку заинтересовали.

Бинго развернул листок и положил его на кровать.

– Как тебе известно, на следующей неделе проводится ежегодный школьный праздник, – сказал он. – Лорд Уикеммерсли предоставляет свое поместье. Будут разные игры, метание кокосовых орехов, фокусник, чай под навесом. А также спортивные состязания.

– Да. Синтия мне говорила.

Бинго поморщился:

– Пожалуйста, не упоминай при мне это имя. Я же не каменный.

– Извини.

– Как я уже говорил, эта петрушка начнется в следующий понедельник. Ну как – рискнем?

– Рискнем? Чем рискнем?

– Я про спортивные состязания. Стеглз так хорошо заработал на проповедниках, что решил устроить тотализатор на школьных состязаниях. Пари будут приниматься как по первоначальным ставкам, так и перед выходом на старт, по желанию игроков. Мне кажется, дело стоящее.

Я нажал на кнопку звонка:

– Мне нужно посоветоваться с Дживсом. Я никогда не ввязываюсь ни в какие игры, не узнав его мнения. Дживс, – сказал я, когда он бесшумно вплыл в спальню. – Как насчет того чтобы сплотиться?

– Сэр?

– Приведите ваш мозг в боевое положение. Нам требуется ваш совет.

– Хорошо, сэр.

– Давай, Бинго, расскажи, в чем дело.

Бинго изложил суть.

– Что вы на это скажете, Дживс? – спросил я. – Стоит рискнуть?

Дживс задумался.

– Я склонен поддержать эту идею, сэр, – сказал он.

Этого для меня достаточно.

– Отлично, – сказал я. – Значит, мы создаем синдикат. Я предоставляю деньги, вы – ваш гениальный мозг, а Бинго... А что ты можешь вложить в общее дело, Бинго?

– Если ты за меня поставишь, я подскажу победителя в беге в мешках для матерей, – сказал Бинго. – А после выигрыша с тобой рассчитаюсь.

– Прекрасно. Ты возглавишь отдел информации. А какие виды включены в программу?

Бинго сверился с бумажкой:

– Первым пунктом стоит забег на пятьдесят ярдов для девочек младше четырнадцати.

– Что вы на это скажете, Дживс?

– Ничего не могу сказать, сэр. Полное отсутствие информации.

– Следующий вид программы?

– «Животное и картошка», смешанные пары, мальчики и девочки всех возрастов.

Что-то новенькое, во всяком случае для меня. Никогда не слышал о таких состязаниях.

– А что это?

– Очень азартная штука, – сказал Бинго. – Участники выступают парами, каждой паре дается картофелина и присваивается имя какого-нибудь животного. Предположим, ты выступаешь в паре с Дживсом. Дживс стоит неподвижно и держит в руках картофелину. Тебе на голову надевают мешок, твоя цель – найти Дживса; при этом ты мяукаешь, как кошка, и Дживс тоже мяукает. Другие участники мычат, как коровы, хрюкают, как свиньи, или лают, как собаки, и так далее.

Я прервал его монолог.

– Для любителей домашних животных, может, оно и весело, – сказал я. – Но в целом...

– Совершенно справедливо, сэр, – сказал Дживс. – Я бы не рискнул.

– Невозможно ничего предсказать.

– Вот именно, сэр. Очень сложно оценить форму участников.

– Продолжай, Бинго. Что там дальше?

– Состязание матерей – бег в мешках.

– Ага! Это уже лучше. Тут у тебя есть какие-то сведения.

– Верная победа миссис Пенуорти, жены владельца табачной лавки, – сказал Бинго. – Вчера я зашел купить сигарет, и она призналась, что три раза выигрывала подобные соревнования на ярмарке в Вустершире. Она совсем недавно переехала в эти края, и здесь никто не догадывается о ее талантах. Миссис Пенуорти пообещала пока держаться в тени, так что расценки могут оказаться весьма выгодными.

– Ну что, поставим по десятке, Дживс?

– Стоит попробовать, сэр.

– «Яйцо на ложке», открытый забег для девочек, – прочел Бинго.

– Как насчет яиц?

– Думаю, пустая трата средств, сэр, – сказал Дживс. – Все в один голос утверждают, что победит прошлогодняя чемпионка. Сара Миллз, и ставки на нее будут соответствующие.

– Она и впрямь так хороша?

– В деревне говорят, что она безукоризненно несет яйцо, сэр.

– Есть еще бег с препятствиями, – сказал Бинго. – На мой взгляд, рискованная штука.

Все равно что делать ставки на Гранд-нэшнл [\[27\]](#). Конкурс отцов на лучшее украшение шляпы – тут тоже трудно что-либо предсказать. Остается бег на сто ярдов для певчих церковного хора мальчиков на приз приходского священника; к состязанию допускаются все участники хора, у которых ко второму воскресенью после Крещения не сломался голос. В прошлом году легко победил Уилли Чамберз при форе пятнадцать ярдов. В этом году его, скорее всего, не допустят к соревнованиям. Не знаю,

что и сказать.

– Позвольте мне высказать свои соображения по этому поводу, сэр.

Я с интересом наблюдал за Дживсом. Никогда прежде я не видел его в таком возбуждении.

– У вас такой вид, словно вы получили туза в прикупе, Дживс.

– Получил, сэр.

– Козырного?

– Именно так, сэр. Могу со всей уверенностью утверждать, что победитель забега на сто ярдов находится с нами под одной крышей, сэр. Я говорю про мальчика-слугу, Харольда.

– Харольд? Это тот жирный коротышка в пуговицах, что целыми днями слоняется по дому? Ну знаете, Дживс, никто больше меня не ценит ваше мнение по части спортивной формы, но будь я проклят, если у Харольда есть хоть малейшие шансы. Он похож на перекормленного купидона и, как ни посмотришь, вечно спит на ходу. – У него фора тридцать ярдов, а он может победить и без фора. Мальчишка – прирожденный спринтер. – С чего вы взяли?

Дживс прочистил горло, и в глазах у него появилось мечтательное выражение:

– Я не меньше вашего удивился, сэр, когда впервые обнаружил у него эти феноменальные способности. Как-то утром я погнался за ним, хотел дать ему подзатыльник...

– Господи, Дживс! Вы?!

– Да, сэр. Мальчик чрезмерно прямодушен, он позволил себе оскорбительные замечания по поводу моей внешности.

– И что же он сказал?

– Не помню, сэр, – сухо сказал Дживс. – Но нечто оскорбительное. Я хотел его проучить, но он без труда опередил меня на добрых двадцать ярдов и скрылся.

– Но это же просто фантастика, Дживс! Хотя постойте – если он такое чудо природы, почему никто в деревне об этом не знает? Он же наверняка играет с другими мальчиками?

– Нет, сэр. Харольд – слуга его светлости и не желает водиться с деревенскими.

– Ага, он к тому же сноб.

– Он придает большое значение различию между классами, сэр.

– А вы твердо уверены в его выдающихся спринтерских способностях? – спросил Бинго. – Я хочу сказать, в таких делах нужно знать наверное.

– Если вы желаете лично убедиться, сэр, мне ничего не стоит устроить пробный забег.

– Признаться, так мне было бы спокойнее, – сказал я.

– Тогда, если мне будет позволено взять шиллинг из тех денег, что лежат на туалетном столике...

– Зачем вам шиллинг?

– Я дам его Харольду с условием, что он сделает какое-нибудь оскорбительное замечание по поводу величественной походки второго лакея, сэр. Сам Чарльз чрезвычайно высокого мнения о своей выправке и наверняка заставит нашего бегуна показать все, на что тот способен. Если вы сообразоволяете подойти через полчаса к окну в коридоре на втором этаже, которое выходит на задний двор...

Никогда в жизни я так быстро не одевался, как в тот раз. Обычно я наряжаюсь не спеша, с большой тщательностью: по нескольку раз перевязываю галстук, разглядываю, как сидят брюки; но в то утро я был так возбужден, что мне было не до галстуков. Я надел первое, что подвернулось под руку, и уже за четверть часа до назначенного срока стоял у окна вместе с Бинго.

Окно в коридоре выходит на мощный внутренний двор, обнесенный высокой оградой с проходом в виде арки. До арки ярдов двадцать, за стеной начинается дорога и через тридцать ярдов скрывается в густом кустарнике. Я поставил себя на место парнишки и попытался представить, что бы я стал делать, если бы за мной гнался второй лакей. Очевидно, мне бы не оставалось ничего иного, как дунуть со всех ног к кустарнику и спрятаться в чаще. А для это нужно пробежать не менее пятидесяти ярдов. Что ж, превосходная проверка. Если старине Харольду удастся добежать до кустов прежде, чем его настигнет второй лакей, ни один певчий в Англии не сможет дать ему тридцать ярдов форы на стоярдовой дистанции. Я дрожал от нетерпения, мне казалось, что прошла целая вечность, как вдруг снаружи послышались неясные звуки и на задний двор выкатилось нечто похожее на голубой шар, облепленный множеством пуговиц, и понеслось к арке с резвостью мустанга-трехлетки. Через две секунды на сцене появился второй лакей и изо всех сил припустил за ним.

Это было великолепно. Просто великолепно. Мальчишка не оставил сопернику никаких шансов. Задолго до того, как второй лакей пробежал половину дистанции, Харольд уже скрылся в зарослях и швырял оттуда камни в своего преследователя. Я отошел от окна, потрясенный до глубины души; встретив на лестнице Дживса, я от волнения едва не схватил его за руки.

– Дживс, – сказал я. – Вы меня убедили. Вустер ставит на этого мальчика последнюю рубашку.

– Очень хорошо, сэр, – сказал Дживс.

Игра на тотализаторе в небольшом местечке имеет один недостаток: напав на золотую жилу, нельзя по-настоящему развернуться – другие игроки тотчас пронюхают и заподозрят неладное. Физиономия у Стеглза прыщавая, но котелок варит нормально, и если бы я поставил на Харольда действительно крупную сумму, он тотчас же понял бы, что тут дело нечисто. Я все же рискнул сделать приличные ставки для всех участников синдиката, хотя гораздо меньше, чем мне хотелось. Стеглз явно забеспокоился. Он даже начал

расспрашивать в деревне о Харольде, но ничего не узнал и в конце концов, видимо, решил, что я полагаюсь на тридцатиярдовую фору. Больше всего ставок делалось на победу Джимми Гуда, получившего фору в десять ярдов (выплата семь к одному) и на Александра Батлerta с форой в шесть ярдов (одиннадцать к четырем). За прошлогоднего фаворита Уилли Чамберса предлагали два к одному, но никто пока на него не поставил.

Мы решили не полагаться на волю случая в таком серьезном деле и, оформив пари на прекрасных условиях – сто к двенадцати, принялись серьезно тренировать Харольда. Это оказалось весьма утомительным делом, теперь я понимаю, отчего все знаменитые тренеры так угрюмы, молчаливы, с печатью пережитых страданий на лицах. Оказалось, что мальчишку ни на секунду нельзя оставлять без присмотра. Мы твердили ему о грядущей славе, о том, как будет гордиться его мать, когда узнает, что он выиграл настоящий кубок, – все без толку. Как только он понял, что тренироваться означает не курить, не обжираться макаронами и делать физические упражнения, он всеми силами старался увильнуть от тренировок, и только благодаря неусыпной бдительности нам удавалось держать его хоть в какой-то форме. Что касается собственно тренировок, мы – с помощью второго лакея – наладили отработку коротких спуртов по утрам. Пришлось, конечно, раскошелиться, но тут уж ничего не поделаешь. Гораздо труднее было заставить его соблюдать спортивный режим. Попробуйте держать мальчишку в форме, если, стоит дворецкому отвернуться, он прикладывает к бутылке в буфетной или кладет в карман пригоршню турецких сигарет из курительной комнаты. Оставалось надеяться лишь на его выдающийся спринтерский талант.

Однажды вечером Бинго вернулся после гольфа и рассказал историю, которая меня не на шутку встревожила. После обеда он – со спортивно-оздоровительными целями – брал с собой на гольф Харольда в качестве подносчика клюшек.

Сначала дуралей Бинго воспринял это происшествие лишь с комической стороны. Можно сказать, весь искрился весельем, когда мне рассказывал.

– Послушай, сегодня днем я чуть со смеху не лопнул, – сказал он. – Ты бы видел физиономию Стеглза.

– Стеглза? А что случилось?

– Он буквально остолбенел, когда увидел, как бегают Харольд.

Сердце у меня сжалось от мрачных предчувствий:

– Только этого не хватало! Ты что же, позволил Харольду бежать при Стеглзе?

У Бинго лицо вытянулось.

– Черт возьми, я, кажется, сваял дурака, – мрачно сказал Бинго. – Впрочем, я тут ни при чем. Мы со Стеглзом играли в гольф и, когда закончили партию, зашли в бар гольф-клуба выпить, а Харольд остался на улице с клюшками. Через пять минут выходим, смотрим – мальчишка на гравиевой дорожке отрабатывает дальний удар: изо всей силы лупит по камням лучшей клюшкой Стеглза. Когда он нас увидел, то бросил клюшку и с быстротой молнии скрылся за горизонтом. Стеглз просто онемел. Должен сказать, я и сам был поражен. Он еще никогда так не бегал. Досадно, конечно, что так вышло; но, с другой стороны, – повеселел Бинго, – какое это имеет значение? Ставки сделаны, причем на отличных условиях. Даже если все узнают о талантах Харольда – не велика беда. Он выйдет на старт фаворитом, нам это никак не повредит.

Мы с Дживсом переглянулись:

– Повредит, если он вовсе не выйдет на старт.

– Совершенно верно, сэр.

– Что вы хотите сказать? – спросил Бинго.

– А то, что Стеглз может вывести его из строя до начала забега, – ответил я.

– Ах, черт! Об этом я не подумал. – Бинго побледнел. – Ты это серьезно?

– Вполне. Во всяком случае, попытается. Стеглз на все способен. Отныне, Дживс, мы будем беречь Харольда как зеницу ока.

– Конечно, сэр.

– Неусыпная бдительность, верно?

– Именно так, сэр.

– Дживс, а вы не согласитесь ночевать в его комнате?

– Нет, сэр.

– Понятно, я бы и сам не согласился, если на то пошло. Но, черт меня подери, – сказал я, – мы сами себе накручиваем бог знает что! Нервы совсем развинтились. Так не пойдет. Как может Стеглз навредить Харольду, даже если решится?

Но Бинго был безутешен. С ним всегда так: чуть что – ему сразу все видится в мрачном свете.

– Есть множество способов вывести фаворита из строя, – замогильным голосом произнес он. – Ты просто не читаешь романы про скачки. В книге «Смерть на финише» лорд Джеспер Молверерас чуть было не вывел из игры Красотку Бетси: подкупил главного конюха, чтобы тот подложил в седло кобру в ночь перед скачками.

– Как велики шансы, что Харольда укусит кобра, Дживс?

– Полагаю, они ничтожно малы, сэр. И даже если это произойдет, будучи близко знакомым с этим молодым человеком, смею утверждать, что опасность угрожает исключительно самой змее.

– И все же – неустанная бдительность, Дживс.

– Разумеется, сэр.

Должен признаться, что после этого Бинго стал просто невыносим. Согласен, когда у тебя в конюшне фаворит предстоящих крупных скачек, нужно принять меры предосторожности; но, на мой взгляд, Бинго явно перестарался. Башка у него была битком набита романами про скачки. А в этих книжках, насколько я понял, прежде чем лошадь дойдет до старта, делается не менее десятка попыток вывести ее из игры. Бинго буквально не отлипал от Харольда. Ни на секунду не выпускал беднягу из виду. Конечно, для него выигрыш значил очень много: он сможет бросить работу гувернера и вернуться в Лондон. И тем не менее совсем не обязательно было две ночи подряд будить меня в три часа: в первый раз ему пришло в голову, что Харольда могут отравить и поэтому мы должны сами готовить для него пищу, а во второй раз ему послышались подозрительные шорохи в кустах.

В довершение всех бед, он заявил, что в воскресенье, накануне состязаний, я должен пойти на вечернюю службу в местную церковь.

– Какого черта мне туда идти? – возмутился я; должен признаться, я не большой любитель вечерних проповедей.

– Видишь ли, сам я пойти не могу. Меня здесь в воскресенье не будет. Сегодня уезжаю в Лондон с Эгбер-том. – Эгберт – это сын лорда Уикеммерсли, подопечный Бинго. – Он едет в гости куда-то в Кент, и мне нужно посадить его на поезд на Чаринг-Кросском вокзале. Ужасно досадно. Я вернусь только в понедельник днем. Скорее всего, пропущу большую часть состязаний. Так что теперь все зависит от тебя, Берти.

- Но почему кто-то из нас должен тащиться на вечернюю службу?
- Осел! Ты забыл, что Харольд поет в церковном хоре?
- Ну и что с того? Я что, должен следить, чтобы он не свернул себе шею, когда будет брать верхнее ля?
- Дурак! Стеглз тоже поет в хоре. А вдруг он замыслил какую-то подлость?
- Какая чушь!
- Ты полагаешь? – сказал Бинго. – А вот в романе «Фенни, девушка-жокей» злодей похитил наездника, который должен был скакать на фаворите, в ночь накануне скачек, а лошадь никого другого не подпускала, и если бы героиня не переделалась в его форму...
- Ну хорошо, хорошо. Впрочем, может, проще вообще не пускать Харольда в церковь в это воскресенье?
- Нет, он обязательно должен там быть. Ты, должно быть, воображаешь, что этот треклятый отрок – кладезь добродетелей и всеобщий любимец? Репутация у него в деревне самая скверная. Он столько раз пропускал занятия в хоре, что священник пообещал: еще один прогул – и он его выставит. Хороши мы будем, если его исключат из хора накануне состязаний! Возразить на это было нечего, пришлось мне тащиться в церковь.

Ничто не вызывает такого умиротворения и такой дремоты, как вечерняя служба в деревенской церкви. Чувство заслуженного покоя после прекрасного дня. Старина Хеппенстол возвышался на кафедре, и его монотонный блеющий голос навевал приятные мысли. Дверь в церковь была открыта, и аромат деревьев и жимолости смешивался с запахом плесени и воскресной одежды прихожан. Вокруг в покойных позах посапывали фермеры; дети, которые в начале службы ерзали и вертелись, в изнеможении откинулись на спинки скамеек и впали в коматозное состояние. Сквозь витражные стекла в церковь проникали лучи заходящего солнца, с деревьев доносилось щебетание птиц, в тишине чуть слышно шуршали платья прихожанок. Полное умиротворение. Именно это я и хотел сказать. На душу мою снизошли мир и покой. И надуши всех присутствующих тоже. Вот почему, когда грянул взрыв, показалось, что наступил конец света.

Я говорю «взрыв», потому что по произведенному впечатлению это можно сравнить лишь со взрывом. Только что вокруг царила дремотная тишина, нарушаемая лишь блеянием Хеппенстола, толкующего о долге перед ближними, и вдруг истошный пронзительный вопль штопором ввинчивается вам промеж глаз, пробегает по позвоночнику и выходит наружу через подошвы башмаков.

– И-и-и-и-и-и! О-о-и-и! И-и-и-и-и-и! Казалось, нескольким тысячам порсят одновременно прищемили хвосты; в действительности это визжал наш друг Харольд, с ним случился какой-то странный припадок. Он подпрыгивал на месте, хлопал себя рукой между лопаток и, набрав полные легкие воздуха, принимался визжать с новой силой.

В разгар проповеди во время вечерней службы такое не может остаться незамеченным. Прихожане вышли из транса и полезли на скамейки, чтобы лучше видеть. Хеппенстол замолк посреди фразы и обернулся. И только церковные сторожа не потеряли присутствия духа, бросились по проходу к Харольду, который все еще продолжал вопить, и вывели его прочь. Они скрылись в ризнице, а я взял шляпу и направился к служебному входу, полный самых мрачных предчувствий. Я так и не понял, что же произошло, но что-то подсказывало мне: без Стеглза здесь не обошлось.

Служебный вход оказался заперт, а когда его наконец открыли, служба уже закончилась. Хеппенстол стоял в окружении певчих и церковных служащих и с жаром отчитывал злосчастного Харольда. Я застал конец его пылкой речи:

– Паршивый мальчишка! Как ты посмел...

– У меня очень чувствительная кожа!

– Какое мне дело до твоей кожи!...

– Кто-то сунул мне жука за шиворот!

– Какая чепуха!

– Я чувствовал, как он там ползает...

– Чушь!

– Да, звучит не слишком убедительно, – услышал я чей-то голос.

Рядом со мной стоял Стеглз, черт бы его побрал. На нем был белоснежный стихарь, или сутана, или как там это у них называется, выражение лица строгое и укоризненное. Я сурово на него взглянул, но этот наглец даже бровью не повел.

– Это вы сунули ему жука за шиворот? – закричал я.

– Я? – сказал Стеглз. – С чего вы взяли!

Судьба Харольда была решена, и Хеппенстол огласил приговор:

– Я не верю ни единому твоему слову, дрянной мальчишка! Я тебя предупреждал, хватит, мое терпение лопнуло. Ты исключен из хора. Ступай прочь, несчастный!

Стеглз потянул меня за рукав.

– В таком случае, – сказал он, – эти ваши ставки... вы понимаете... Мне очень жаль, но плакали ваши деньги, старина. Надо было делать ставку прямо перед забегом. Я всегда говорил, что это самый надежный способ.

Я смерил его долгим взглядом. Не скажу, чтобы очень любезным.

– А еще говорят о Честной Игре! – сказал я, постаравшись вложить в свои слова как можно больше яда.

Дживс принял удар стойко, но, думаю, в глубине души он был уязвлен:

– Мистер Стеглз весьма изобретательный молодой джентльмен, сэр.

– Вы хотите сказать – жулик, каких свет не видел?

– Пожалуй, это более точное определение. Тем не менее в большом спорте сплошь и рядом прибегают к подобным трюкам, тут уж ничего не поделаешь.

– Я восхищен вашей несокрушимой стойкостью, Дживс.

Дживс поклонился:

– Теперь вся надежда на миссис Пентуорти, сэр. Если она оправдает восторженные отзывы мистера Литтла и подтвердит свой высокий класс, наш выигрыш компенсирует наши потери.

– Слабое утешение, ведь мы рассчитывали сорвать большой куш.

– У нас есть возможность закончить сезон с положительным балансом, сэр. Перед отъездом я убедил мистера Литтла поставить от имени нашего синдиката, в который вы столь любезно согласились меня включить, сэр, небольшую сумму на победителя в беге с яйцом.

– На Сару Миллз?

– Нет, сэр. На темную лошадку, за нее предлагают очень хорошие выплаты. Я говорю о Пруденс Бакстер, сэр, дочери главного садовника его светлости. Ее отец уверяет, что у нее

очень твердая рука. Она ежедневно носит ему из дома кружку пива на обед и, по его словам, ни разу не расплескала ни капли.

Что ж, видно, рука у этой Пруденс и вправду твердая. Но вот скорость? С такими опытными соперницами, как Сара Миллз, все решит скорость, тут без хороших спринтерских данных делать нечего.

– Я прекрасно понимаю, что у нее не слишком много шансов на победу, сэр. И тем не менее, мне кажется, стоит рискнуть.

– Вы, надеюсь, поставили и на призовое место?

– Да, сэр. И на победу, и на призовое место.

– Тогда все в порядке. Я знаю, что вы никогда не ошибаетесь.

– Большое спасибо, сэр.

Обычно я стараюсь держаться от школьных праздников подальше. Тоска смертная. Но тут дело было настолько серьезным, что я пересилил себя и направился в парк. Мои опасения насчет убогости мероприятия оправдались в полной мере. День выдался погожим, и в парке было не протолкнуться от окрестных крестьян. Дети сновали взад и вперед. Я стал пробираться сквозь толпу к месту финиша бега в мешках, как вдруг какая-то девочка взяла меня за руку. Мы не были представлены, но она, видимо, сочла, что мне будет интересно послушать про ее куклу, которую она только что выиграла в лотерею «Тяни на счастье» [\[28\]](#), и принялась болтать о ней без умолку.

– Ее зовут Гертруда, – сказала она. – Каждый вечер я буду ее раздевать и укладывать спать, а утром будить и одевать, а вечером снова раздевать и укладывать спать, а на следующее утро будить и одевать...

– Послушай, дорогуша, – сказал я. – Все, что ты говоришь, ужасно интересно, но нельзя ли покороче? Мне обязательно надо посмотреть, как закончится этот забег. Вустер поставил на него все свое состояние.

– Я тоже участвую в состязаниях, – сказала она, решив на время отойти от кукольной тематики и поддержать светскую беседу.

– Вот как? – спросил я. Я слушал ее вполуха, пытаюсь разглядеть сквозь просветы в толпе, что делается на финише. – В каких состязаниях?

– В беге с яйцом на ложке.

– В самом деле? Ты, случайно, не Сара Миллз?

– Еще чего, – с презрением сказала она. – Я Пруденс Бакстер.

Естественно, это сообщение перевело наши отношения в другую плоскость. Я взглянул на нее с интересом. Так, значит, она из нашей конюшни. Должен признаться, вид у нее совсем не спринтерский. Маленького роста и весьма упитанная. Немного не в форме, на мой взгляд.

– Значит, ты Пруденс, – сказал я. – Знаешь что, ты бы не носилась без толку по жару. Побереги силы, старушка. Присядь в тенечке и отдохни.

– Мне не хочется сидеть.

– Во всяком случае, успокойся.

У Пруденс, как видно, была манера перепархивать с одной темы на другую, как бабочка с цветка на цветок.

– Я хорошая девочка, – сказала она.

– Не сомневаюсь. Надеюсь, что ты хороша и в беге с яйцом на ложке.

– Харольд – плохой мальчик. Харольд шумел в церкви, и ему не разрешили прийти на праздник. Так ему и надо, – продолжала эта достойная представительница прекрасного пола, с добродетельным видом наморщив носик, – потому что он плохой мальчик. Он дергал меня за волосы в пятницу. Харольд не пойдет на праздник. Харольд не пойдет на праздник. Харольд не пойдет на праздник, – пропела она, да так ловко, что получилась настоящая песенка.

– Пожалуйста, не сыпь мне соль на рану, милая дочь садовника, – взмолился я. – Сама того не подозревая, ты затрагиваешь весьма болезненную тему.

– А, дорогой Вустер! Я вижу, вы уже подружились с этой юной леди?

Хенпенстол прямо-таки сиял от радости. Этаким радушный хозяин – душа общества.

– Как приятно видеть, мой дорогой Вустер, – продолжал он, – что молодые люди принимают такое горячее участие в наших скромных сельских праздниках.

– Вы так считаете? – сказал я.

– Уверяю вас. Даже Руперт Стеглз. Должен признаться, за сегодняшний день мое мнение о Стеглзе значительно изменилось к лучшему.

Мое – нет. Но я промолчал.

– Между нами говоря, прежде я считал Руперта Стеглза эгоцентричным юношей, мне казалось, он не способен просто так, по доброте душевной, сделать приятное ближнему. А сегодня я наблюдал, как он дважды за прошедшие полчаса угощал в буфете миссис Пенуорти, жену нашего уважаемого владельца табачной лавки.

Я пошатнулся, но устоял на ногах. Я вырвал свою руку из цепкой ручонки юной Бакстер и как заяц понесся к тому месту, где должен был состояться финиш бега в мешках. У меня было ужасное предчувствие, что и здесь не обошлось без подлых трюков. Неожиданно я увидел Бинго и ухватил его за рукав:

– Кто победил?

– Не знаю. Я не заметил, – с горечью сказал он. – Во всяком случае, не миссис Пенуорти, черт бы ее побрал. Знаешь, Берти, такого мерзавца, как Стеглз, еще свет не видел. Как он про нее пронюхал – ума не приложу, но он догадался, что она опасна. И знаешь, что сделал? Заманил бедную женщину в буфет за пять минут до старта и так обкормил тортом с чаем, что она спеклась через двадцать ярдов. Разлеглась отдохнуть прямо на дорожке. Слава богу, у нас есть Харольд.

У меня рот раскрылся от изумления:

– Харольд? Так ты ничего не знаешь?

– О чем я не знаю? – Бинго позеленел. – Ничего я не знаю. Я пять минут как приехал. Прилетел сюда прямо со станции. А что случилось?

Я ему все рассказал. Он уставился на меня невидящим взглядом, потом издал глухой стон, нетвердой походкой зашагал прочь и скрылся в толпе. Бедняга. Для него это страшный удар. Неудивительно, что он так расстроился.

Тут объявили о начале забега с яйцом, и я решил, что, раз уж я тут, останусь и дождусь финиша. Не скажу, чтобы у меня были большие надежды. Малышка Пруденс – прекрасная собеседница, но, что касается физических данных, на победительницу она явно не тянет.

Сквозь толпу я разглядел, что участницы благополучно стартовали. Бег возглавляла невысокая рыжая девчушка, за ней пристроилась веснушчатая блондинка, а третьей уверенно шла Сара Миллз. Наша кандидатка затерялась в толпе прочих участниц, далеко позади лидеров. Уже сейчас было ясно, кто победит. Грация и приобретенная за время долгих

тренировок уверенность, с которой Сара Миллз держала ложку, говорили сами за себя. Она бежала в хорошем темпе, но яйцо ни разу не шелохнулось. Прирожденная бегунья с яйцом, ничего не скажешь.

И, как всегда, высокий класс взял свое. За тридцать ярдов до финишной ленточки рыжая бегунья зацепилась ногой за ногу и выронила яйцо. Веснушчатая блондинка мужественно боролась до последнего, но выдохлась на середине финишной прямой, Сара Миллз обошла ее и уверенно закончила бег, опередив соперницу на три корпуса. Блондинка финишировала второй. Громко сопящая барышня в голубой футболке отобрала призовое место у девочки в розовом с круглым, как блин, лицом. А протезе Дживса Пруденс Бакстер пришла не то пятой, не то шестой – я не разглядел.

После этого толпа повлекла меня к тому месту, где Хеппенстол готовился вручать призы победителям. Рядом со мной оказался Стеглз.

– Добрый день, старина, – сияя от радости, приветливо сказал он. – Похоже, у вас сегодня не слишком удачный день.

Я молча метнул на него презрительный взгляд. Впрочем, с него все как с гуся вода.

– Всем крупным игрокам сегодня не повезло, – продолжал он. – Вот и бедняга Бинго продул кучу денег на беге с яйцом.

Я не собирался пускаться с ним в разговоры, но, услышав его последние слова, насторожился.

– Что значит «кучу денег»? – сказал я. – Мы... он же поставил какой-то пустяк.

– Для кого-то, может, и пустяк. По тридцать фунтов – на победу и на призовое место для Бакстер.

Мне показалось, что земля уходит у меня из-под ног:

– Не может быть!

– Тридцать монет при выплате десять к одному. Я сперва подумал, что он что-то разнюхал, но, видимо, он просто свалил дурака. Забег закончился именно так, как мы и предполагали.

Я принялся складывать в уме и уже заканчивал подсчет убытков, понесенных нашим синдикатом, но тут раздался голос Хеппенстола. Пока он вручал призы в других видах программы, он был по-отечески ласков, но теперь в его голосе звучали боль и гнев. Он скорбно взирал на толпу.

– Теперь о состязаниях в беге с яйцом, – сказал он. – Как ни тяжело, но я вынужден исполнить свой долг. Мне стали известны некоторые обстоятельства, утаить которые я не вправе. Не будет преувеличением сказать, что я потрясен.

Он дал своим слушателям пять секунд, чтобы они поломали голову, чем именно он потрясен, и продолжил свою речь:

– Три года назад я был вынужден исключить из спортивной программы нашего ежегодного праздника бег на четверть мили для отцов, поскольку до меня дошли слухи, что в местном трактире заключаются пари, и у меня возникло подозрение, что по крайней мере в одном случае фаворит был подкуплен. Хотя эта неприятная история и пошатнула мою веру в человечество, я полагал, что одного вида состязаний не коснулись миазмы профессионального спорта. Я говорю о состязаниях в беге с яйцом для девочек. Увы, я ошибался. – Он снова сделал паузу, чтобы справиться со своими чувствами. – Не стану вдаваться в отвратительные подробности. Скажу лишь, что до начала состязаний один человек – это приезжий, состоящий в услужении у одного из гостей в усадьбе, я не стану

называть его имя – предложил нескольким участницам забега по пять шиллингов с тем, чтобы они... э-э-э... закончили бег в определенной последовательности. Запоздалое чувство раскаяния заставило его в этом мне признаться, но было уже слишком поздно. Зло свершилось, и теперь пришла очередь возмездия. Нужно принять самые жесткие меры. Я должен проявить твердость. Сара Миллз, Джейн Паркер, Бесси Клей и Розы Джукс – четыре участницы, которые первыми пересекли линию финиша – лишаются любительского статуса и дисквалифицируются, а эта прекрасная сумка для рукоделия, дар лорда Уикеммерсли, присуждается Пруденс Бакстер. Пруденс, шаг вперед!

ГЛАВА 15. Столичные штучки

Я всегда говорил и сейчас повторяю, что во многих отношениях Бинго Литтл – замечательный малый. Мы знакомы со школьной скамьи, и без него жизнь была бы гораздо скучнее. Когда мне хочется развлечься и приятно скоротать время, я предпочту его обществу любому другому. Но при этом у него есть и кое-какие недостатки. Во-первых, он влюбляется во всех девушек, имевших неосторожность попасться ему на глаза. А во-вторых, влюбившись, трубит на весь свет о своих чувствах. Застенчивость и сдержанность свойственны Бинго в столь же малой степени, как сочинителям рекламных текстов.

Вот послушайте, какую телеграмму я получил от него в ноябре, примерно через месяц после возвращения из Твинг-Холла.

«Берти, старина, я наконец влюбился. Самая замечательная девушка на свете, Берти, старина. На этот раз все действительно серьезно, Берти. Приезжай немедленно и захвати Дживса. Послушай, ты знаешь табачный магазин на Бонд-стрит, слева, если идти к центру. Купи сотню их фирменных сигарет и пришли мне. У меня все вышло. Уверен, когда ты ее увидишь, ты согласишься: она самая замечательная девушка на свете. Обязательно привези Дживса. Не забудь сигареты. Бинго».

Телеграмма была отправлена на твингской почте. Я представил, как эту жуткую ахинею, раскрыв рот, читает деревенская почтмейстерша, главная разносчица местных сплетен; не сомневаюсь, что она уже растрезвонила новость по всей округе. Посылать такую телеграмму с деревенской почты – все равно что нанять глашатая. Помню, мальчишкой я читал про рыцарей, викингов и всяких там менестрелей, которые без тени смущения вставали во время многолюдного пира и принимались распевать про то, как они обожают свою прекрасную и ненаглядную. Думаю, Бинго нужно было родиться в ту эпоху.

Дживс принес телеграмму вместе со стаканом виски на сон грядущий, и я дал ему ее прочесть.

– Этого следовало ожидать, – сказал я. – Бинго не влюблялся целых два месяца. Интересно, кого он откопал на этот раз?

– Мисс Мэри Берджесс, сэр, племянницу преподобного мистера Хеппенстола, – сказал Дживс. – Она гостит у своего дяди в Твинге.

– Черт подери! – Я привык, что Дживс знает все на свете, но это уже похоже на ясновидение. – Как вы узнали?

– Когда мы жили в Твинг-Холле этим летом, сэр, я подружился с дворецким мистера Хеппенстола. Время от времени он любезно сообщает мне местные новости. По его словам, сэр, это весьма достойная молодая леди, очень серьезная и положительная. Мистер Литтл очень в нее влюблен, сэр. Брукфилд, мой корреспондент, утверждает, что видел на прошлой неделе, как лунной ночью он целый час не спускал глаз с его окна.

– С чьего окна? Брукфилда?

– Да, сэр. По всей видимости, он полагал, что это окно юной леди.

– А какого дьявола Бинго делает в Твинге?

– Мистеру Литтлу пришлось снова занять должность домашнего учителя сына лорда Уикеммерсли, сэр. Дело в том, что он много проиграл на скачках в Херст-Парке в конце октября.

– Послушайте, Дживс, есть что-то, чего вы не знаете?

– Не могу вам сказать, сэр.

Я перечел телеграмму:

– Похоже, он хочет, чтобы мы протянули ему руку помощи.

– Думаю, именно это побудило его отправить настоящее послание, сэр.

– Ну и что же нам делать? Ехать?

– Я бы высказался в пользу такого решения, сэр. Мне кажется, стоит поощрить намерения мистера Литтла.

– Думаете, на этот раз он поставил на победителя?

– Я слышал о ней лишь самые лестные отзывы, сэр. В случае счастливой развязки она несомненно окажет самое благотворное влияние на мистера Литтла. Кроме того, этот союз поможет мистеру Литтлу вернуть благосклонность своего дяди, поскольку юная леди из хорошей семьи и располагает приличными средствами. Короче говоря, сэр, если мы в состоянии ему чем-то помочь, наш долг сделать все, что в наших силах.

– Уверен, что с вашей помощью он сумеет положить этот шар в лузу, – сказал я.

– Спасибо за ваши добрые слова, сэр, – сказал Дживс.

На следующий день Бинго встретил нас на станции в Твинге; по его просьбе я отослал Дживса с багажом на автомобиле, а мы с Бинго решили прогуляться и направились в Твинг-Холл на своих двоих. Мы и двух шагов не прошли, как он забубнил про свою пассию:

– Она просто чудо, Берти. Не то что эти нынешние пустые, легкомысленные девицы. Она очаровательно искренна и восхитительно серьезна. Она похожа на... Господи, как ее...

– На Мари Ллойд [\[29\]](#)?

– На святую Цецилию, – сказал Бинго и метнул на меня негодующий взгляд. – Она похожа на святую Цецилию. С ней мне хочется стать лучше, добрее и великодушнее.

– Никак не могу понять, – сказал я, – по какому принципу ты их выбираешь? Я имею в виду девиц, в которых ты влюбляешься. Должна же у тебя быть какая-то система. Ни одна из них не похожа на другую. Сначала Мейбл-официантка, потом Гонория Глоссоп, затем эта кошмарная Шарлотта Корде Руботем...

К чести Бинго следует признать, что при этом имени он вздрогнул. Я тоже вздрагиваю всякий раз, как вспоминаю Шарлотту.

– Ты что же, хочешь сказать, будто можно сравнить чувство, которое я испытываю к Мэри Берджесс, тот священный трепет, ту духовную...

– Ну хорошо, хорошо... – сказал я. – Послушай, старик, а тебе не кажется, что мы делаем большой крюк?

Если мы действительно направлялись в Твинг-Холл, мы явно выбрали не самый короткий путь. От станции до поместья две мили по шоссе, мы же пошли по тропинке, потом долго шагали по каким-то буеракам, два раза переходили через изгороди, а теперь пересекали большое поле, за которым начиналась другая тропинка.

– Она иногда гуляет здесь с братом, – объяснил Бинго. – Я надеялся – вдруг мы ее встретим? Я ей поклонюсь, ты ее увидишь, и мы пойдем домой.

– Что и говорить, заманчивая перспектива, – сказал я. – Стоило тащиться лишних три мили по пашне в тесных башмаках. Все ради того, чтобы раскланяться? Почему бы не

подойти к барышне и не поболтать о том о сем?

– Ты с ума сошел! – искренне удивился Бинго. – Ты что же, воображаешь, что у меня хватит духу? Я лишь издали на нее люблюсь, и... Господи! Это она! Нет, показалось.

Это напоминало песенку Харри Лодера [\[30\]](#): «Вот она! Нет, это кролик». Бинго заставил меня проторчать под ледяным северо-восточным ветром целых десять минут; несколько раз он поднимал ложную тревогу, и в конце концов мне все это порядком надоело. Я уже собирался протрубить отбой, но тут из-за угла выскочил фокстерьер, и Бинго задрожал, как осиновый лист. Потом показался маленький мальчик, и Бинго затрясся, как желе. Наконец, точно примадонна, выходу которой предшествует выступление кордебалета, на сцене появилась юная дама, и у Бинго сделался такой жалкий вид, что на него было больно смотреть. Лицо его покраснело, и в сочетании с белой рубашкой и посиневшим от ветра носом он стал похож на французский флаг. Он весь обмяк, как при размягчении костей.

Бинго трясущейся рукой потянулся к кепке и тут заметил, что девушка пришла не одна. Ее сопровождал господин в костюме с пасторским воротничком, и его появление подействовало на Бинго не лучшим образом. Лицо его еще больше покраснело, а нос еще больше посинел, и только когда они уже прошли мимо, ему удалось справиться с кепкой.

Девушка кивнула, священник сказал: «А, Литтл. Скверная погода», собака твякнула, и они пошли своим путем – представление закончилось.

Появление на сцене священника в корне меняло ситуацию. Добравшись до Твинг-Холла, я доложил о нашей встрече Дживсу. Разумеется, Дживс уже все знал.

– Это преподобный мистер Уингем, новый младший священник из прихода мистера Хеппенстола, сэр. Насколько я понял со слов Брукфилда, он соперник мистера Литтла, и в настоящее время юная леди отдает предпочтение ему. У мистера Уингема важное преимущество – он свой человек в доме. После обеда они с юной леди музицируют, это способствует сближению. Мистер Литтл в это время со страдальческим лицом вышагивает взад-вперед по дороге перед домом.

– Как видно, бедняга на большее не способен, черт бы его побрал. Что толку страдать, тут нужно действовать. Он потерял кураж. Ему недостает напора. Да что там говорить, у него не хватило элементарного мужества сказать ей «Добрый вечер».

– Дело в том, что в чувствах, которые мистер Литтл питает к юной леди, преобладает благоговение, сэр.

– Как же мы можем ему помочь, если он такой кролик? У вас есть какие-то соображения? Мы договорились встретиться после обеда, и он сразу спросит, что вы посоветовали.

– Мне кажется, сэр, мистеру Литтлу следует заняться юным джентльменом.

– Младшим братом? Я что-то не понял...

– Подружиться с ним, сэр, вместе гулять и тому подобное.

– По-моему, это не самая плодотворная из ваших идей. Честно говоря, я ожидал большего.

– Это послужит началом, сэр, а впоследствии может привести к чему-то более серьезному.

– Ладно, я ему передам. Мне барышня понравилась, Дживс.

– Весьма достойная молодая леди, сэр.

Вечером я ознакомил Бинго с мнением высшего авторитета и с радостью отметил, что он заметно приободрился.

– Дживс никогда не ошибается, – сказал он. – Я мог бы и сам додуматься. Завтра же начну действовать.

Вы не поверите, до чего он расхрабрился. Еще до моего возвращения в Лондон он несколько раз разговаривал с девушкой и уже начал воспринимать это, как должное. В смысле, не впадал при встрече в проstration. Теперь их связывал брат, и связь эта оказалась важнее совместных музыкальных экзерсисов со священником. Они вместе водили брата на прогулки. Я спросил Бинго, о чем они разговаривают, и он сказал, что обсуждают будущее Уилфреда. Она хочет, чтобы Уилфред стал приходским священником, но Бинго эту идею не поддержал: сказал, что в последнее время приходские священники ему почему-то не нравятся.

В день отъезда Бинго пришел нас провожать вместе с Уилфредом, они весело болтали, точно старые друзья после долгой разлуки. Когда поезд тронулся, я увидел, как Бинго покупает ему шоколадку в автомате на платформе. Умилительная, радующая сердце картина. Черт возьми, неплохое начало, подумал я.

Вот почему телеграмма, которую я получил от него две недели спустя, застала меня врасплох. В ней говорилось следующее.

«Берти, старина, послушай, Берти, приезжай как можно скорее. Все пошло прахом, Берти. Черт подери, Берти, ты обязательно должен приехать. Я в полном отчаянии, и мое сердце разбито. Пришли мне еще сотню тех же сигарет. Прихвати с собой Дживса, когда приедешь. Ты обязательно должен приехать, Берти. Я на тебя надеюсь. Не забудь привезти Дживса.
Бинго».

В жизни не встречал человека, который составляет телеграммы с такой расточительностью, как Бинго, и это при том, что он постоянно стеснен в средствах. Он совершенно не умеет сжато излагать свои мысли. Этот дуралей не задумываясь изливает израненную душу по два пенса за слово, или сколько там это стоит.

– Нет, как вам это нравится, Дживс? – сказал я. – Черт знает что такое. Я не могу каждые две недели бросать все и нестись сломя голову в Твинг, чтобы сплотиться вокруг Бинго. Телеграфируйте ему: пусть утопитя в деревенском пруду и оставит нас в покое.

– Если вы сообразоволяете отпустить меня на сегодняшний вечер, сэр, я готов съездить туда на разведку.

– Черт бы побрал этого Бинго! Боюсь, ничего другого не остается. В конце концов, ему нужны вы, а не я. Ладно, действуйте.

Дживс вернулся на следующий день поздно вечером.

– Ну что? – спросил я.

Было видно, что Дживс взволнован. Его левая бровь чуть заметно поднялась, что придавало его лицу озабоченное выражение.

– Я сделал все, что мог, сэр, – сказал он, – но, боюсь, дела у мистера Литтла обстоят неважно. Со времени нашего отъезда, сэр, произошли события, изменившие счет не в его пользу.

– Что там еще стряслось?

– Помните мистера Стеглза, сэр, – юного джентльмена, готовящегося к экзаменам у мистера Хеппенстола?

– Какое Стеглз имеет к этому отношение? – спросил я.

– Брукфилд случайно услышал один разговор и утверждает, что у мистера Стеглза свой интерес в этой истории.

– Этого еще не хватало! Вы хотите сказать, что он принимает ставки на победителя?

– Насколько я понял, он заключил пари с другими учениками мистера Хеппенстола. На поражение мистера Литтла – он весьма невысокого мнения о его шансах на успех.

– Мне это совсем не нравится, Дживс.

– Мне тоже. Это не к добру, сэр.

– Насколько я знаю Стеглза, он наверняка подстроит какую-нибудь пакость.

– Уже подстроил, сэр.

– Уже?

– Да, сэр. В соответствии со стратегией, которую я с любезного разрешения мистера Литтла осмелился ему предложить, мистер Литтл повел мастера Берджесса на церковный благотворительный базар, и там они встретили мистера Стеглза в компании с мастером Хеппенстолом, младшим сыном преподобного мистера Хеппенстола; мальчик только что оправился от свинки и приехал из Рагби [\[31\]](#) домой на каникулы. Встреча произошла в буфете, где мистер Стеглз угощал мастера Хеппенстола. Короче говоря, сэр, джентльмены обратили внимание, с какой незаурядной энергией подкрепляют свои силы их подопечные, и мистер Стеглз поставил десять фунтов на то, что младший Хеппенстол «переест» мастера Берджесса. Позже мистер Литтл признался мне, что у него мелькнула мысль о том, что мисс Берджесс вряд ли будет в восторге, если узнает о подобном состязании, но спортивный азарт оказался сильнее благоразумия, и он принял вызов. Итак, состязание состоялось, оба мальчика проявили незаурядные бойцовские качества, мастер Берджесс оправдал надежды мистера Литтла и победил, впрочем, лишь после упорной борьбы. На следующий день оба участника маялись животами; начались расспросы, дети во всем признались, и у мистера Литтла – мне рассказал об этом Брукфилд, случайно проходивший мимо раскрытой двери в гостиную, – состоялся крупный разговор с юной леди: она недвусмысленно заявила мистеру Литтлу, что впредь не желает его видеть.

Да, с таким коварным типом, как Стеглз, нужно постоянно быть начеку. Он мог бы давать платные уроки Макиавелли [\[32\]](#).

– Все было заранее подстроено, Дживс, – сказал я. – Стеглз сделал это нарочно – обычный трюк, чтобы вывести из строя фаворита.

– Я ни секунды в этом не сомневаюсь, сэр.

– Что ж, как видно, он оставил Бинго в дураках.

– Таково всеобщее мнение, сэр. По словам Брукфилда, в местной пивной «Бык и конь» ставки против мистера Уингема принимают из расчета один к семи, и до сих пор нет желающих.

– Ну и ну! Так в деревне тоже заключают на них пари?

– Да, сэр. И в Твинге, и в соседних селениях. История эта вызвала широкий интерес. Мне говорили, что даже в столь отдаленных местах, как Нижний Бингли, наблюдается всплеск спортивного азарта.

– Что ж, просто не знаю, чем мы можем ему помочь. Если Бинго такой болван...

– Мне кажется, нужно всегда бороться до конца, сэр, и я взял на себя смелость

предложить мистеру Литтлу план действий, который может изменить счет в его пользу. Я порекомендовал ему заняться благими делами.

– Благими делами?

– В масштабах нашей деревни, сэр. Читать прикованным к постели, беседовать со страждущими – ну, вы понимаете, сэр. Можно не сомневаться, что положительные результаты не заставят себя ждать.

– Да, конечно, – с сомнением сказал я. – Но, черт подери, если бы я оказался прикован к постели, мне не доставило бы большого удовольствия видеть перед собой физиономию такого шизика, как Бинго, и слушать его несусветную чушь.

– Этот аспект, безусловно, нельзя сбрасывать со счетов, сэр, – сказал Дживс.

Две недели от Бинго не было ни слуху ни духу, и я решил, что он сошел с дистанции и признал свое поражение. И вот как-то незадолго до Рождества я протанцевал весь вечер в «Эмбасси» и вернулся домой далеко за полночь. Я честно отплясал без перерыва до двух ночи, с ног валился от усталости и мечтал поскорее добраться до постели. Вообразите мое разочарование и досаду, когда, войдя в спальню и включив свет, я увидел на своей подушке физиономию Бинго. Паршивец спал в моей постели безмятежным сном младенца со счастливой, мечтательной улыбкой на устах.

Ну, знаете, всему есть предел. Мы, Вустеры, свято чтим вековые традиции гостеприимства, но, когда гость оккупирует вашу постель, тут уж не до традиций. Я запустил в него башмаком, Бинго приподнялся на постели и издал какие-то булькающие звуки:

– А? Что? Что такое?...

– Какого дьявола ты улегся в мою постель?

– А, привет, Берти. Это ты!

– Да, это я. Почему ты улегся в мою постель?

– Я приехал в Лондон по делам и решил остаться на ночь.

– Прекрасно, но почему ты улегся в мою постель?

– Черт тебя подери, Берти, – с раздражением сказал Бинго, – перестань бубнить про эту чертову постель. В соседней комнате есть еще одна. Я своими глазами видел, как Дживс ее стелил. Скорее всего, она предназначалась для меня, но я же знаю, какой ты радушный хозяин, вот и зарулил сюда. Послушай, Берти, – сказал он, явно устав от дискуссии на постельную тему, – я вижу свет.

– Ничего удивительного, уже три утра, вот-вот начнет светать.

– Я выразился фигурально, дубина. Я хотел сказать, что для меня забрезжила надежда. Насчет Мэри Берджесс. Присаживайся, я тебе сейчас все расскажу.

– Не сяду. Я иду спать.

– Прежде всего, – сказал Бинго, подложив под спину подушку и закуривая сигарету из моего настольного портсигара. – надо еще раз воздать должное гению Дживса. Новый Соломон. Я был на грани поражения, когда обратился к нему за помощью, а теперь благодаря ему веду с большим счетом – говорю это тебе после трезвого и непредвзятого анализа. Как ты знаешь, он посоветовал мне отыграть очки за счет благих дел. Берти, старик, – с чувством сказал Бинго, – за последние две недели я ублажил стольких страждущих, что, если бы у меня был брат и меня попросили утешить его на смертном одре, клянусь, я бы прибил его кирпичом. Впрочем, как ни тяжело мне это далось, наш план сработал безукоризненно. Недели не прошло – и она заметно смягчилась. Снова стала кивать мне при встрече на улице и все такое. Два дня назад, когда мы случайно повстречались

около их дома, она мне улыбнулась – такой, знаешь, слабой, ангельской улыбкой. А вчера... Ты помнишь этого священника, Уингема? Того носатого парня?

– Конечно помню. Твой соперник.

– Соперник? – Бинго удивленно вскинул брови. – Ну, может быть, когда-то его можно было называть моим соперником. И то с большой натяжкой.

– Вот как? – спросил я, раздраженный его отвратительным самодовольством. – Если хочешь знать, совсем недавно в «Быке и коне» в Твинге, да и в других селениях вплоть до Нижнего Бингли, давали семь к одному, что ты проиграешь.

Бинго вздрогнул всем телом, обильно осыпав одеяло сигаретным пеплом.

– Ставки? – прохрипел он. – Ставки! Ты хочешь сказать, они заключают пари на самое сокровенное, на священное чувство... Проклятье! Неужели люди настолько утратили стыд и для них уже нет ничего святого?... Выходит, ничто в мире уже не свободно от посягательств их омерзительной, животной алчности? Послушай, – задумчиво сказал Бинго, – а может, и мне поучаствовать? Семь к одному! Ничего себе! А кто предлагает такую цену? Впрочем, лучше не стоит. Могут превратно истолковать.

– Ты, я гляжу, совершенно уверен в победе, – сказал я. – Мне казалось, что Уингем...

– Он мне больше не страшен, – сказал Бинго. – Как раз собирался тебе рассказать. Уингем заболел свинкой и выбыл из игры по меньшей мере на месяц. Но это еще не все. Он должен был ставить в Твинге «Школьное рождественское представление», а теперь это поручили мне. Вчера вечером я зашел к старику Хеппенстолу и подписал контракт. Ты понимаешь, что это для меня значит! Целых три недели я буду в центре здешней культурной жизни, а потом меня ждет небывалый триумф во время премьеры. Все будут смотреть на меня с уважением, заискивать и все такое. Представляешь, какое это произведет впечатление на Мэри? Она увидит, что я способен трудиться, что во мне скрыта бездна достоинств, что я не легкомысленный мотылек, как она прежде думала, а...

– Я понял, понял, можешь не продолжать...

– В сельской глуши рождественское представление – очень важное событие. Старик Хеппенстол только им сейчас и занят. Со всей округи слетятся здешние шишки. Будет сам сквайр с семейством. Берти, дружище, это мой звездный час, и я его не упущу. Плохо, конечно, что я не принимал в этом участия с самого начала. Ты не поверишь: тупица священник, начисто лишенный воображения, выбрал для постановки кретинскую сказку из детской книжки столетней давности – ни единой хохмы, нет даже намек на юмор. Сейчас уже поздно менять пьесу, но я по крайней мере добавлю перца. Впишу забавные реплики и уморительные диалоги, надеюсь, это ее немного оживит.

– Ты же отродясь ничего не писал.

– Когда я сказал «впишу», я имел в виду «позаимствую». Для этого я и прискакал в Лондон. Ходил в «Палладиум» ^[33] на ревью «Обними меня, детка». Там масса находок. Конечно, не так-то просто создать яркое театральное зрелище в сельском актовом зале, без настоящих декораций, с толпой дебилов от девяти до четырнадцати лет вместо труппы, но у меня кое-что уже вырисовывается. Ты ходил на «Обними меня»?

– Дважды.

– В первом действии есть просто классные места, можно передрать оттуда все эстрадные номера. Потом это шоу в «Паласе». Завтра перед отъездом схожу на утреннее представление. Уверен, там тоже найдется что-то стоящее. Короче, можешь не переживать насчет того, что я не в состоянии написать ни строчки. Все будет в лучшем виде, старина, в

самом лучшем виде. А теперь, дружище, – сказал Бинго, уютно сворачиваясь под одеялом, – извини, но я не могу болтать с тобой всю ночь. Тебе-то что, ты завтра будешь бить баклуши, а я человек занятой. Спокойной ночи, старик. Закрой за собой поплотнее дверь и погаси свет. Завтрак в десять, я полагаю? Ну, пока. Спокойной ночи.

После этого я три недели не видел Бинго. Зато голос его слышал постоянно – он завел манеру названивать мне по междугородному и советоваться по разным поводам: во время репетиций у него то и дело возникали вопросы. Это продолжалось до тех пор, пока однажды он не поднял меня с постели в восемь утра, чтобы спросить, нравится ли мне название «Счастливого Рождества!». Я решительно потребовал, чтобы он прекратил это издевательство, после чего он утомился и на какое-то время исчез из моей жизни. И вот в один прекрасный день я зашел переодеться к ужину и увидел, что Дживс рассматривает здоровенное бумажное полотнище, наброшенное на спинку кресла.

– Это еще что такое, Дживс? – воскликнул я. Я с утра чувствовал слабость, и эта штука меня доконала окончательно.

– Это афиша, сэр, ее прислал мне мистер Литтл с просьбой обратить на нее ваше внимание.

– Что ж, считайте, что вам это удалось.

Я еще раз взглянул на афишу. Ничего не скажешь – она и вправду бросалась в глаза. Длинной она была не меньше семи футов, и большая часть текста была выполнена красной тушью такого яркого оттенка, какого мне в жизни не приходилось видеть.

Вот что на ней значилось.

Твинг
Сельский актовый зал
Пятница, 23 декабря
РИЧАРД ЛИТТЛ
представляет
Новое оригинальное ревю под названием
ВИВАТ, ТВИНГ!!
Либретто Ричарда Литтла
Текст песен Ричарда Литтла
Музыка Ричарда Литтла
В исполнении
твингской драматической труппы, хора и балета
Сценические эффекты Ричарда Литтла
Постановка Ричарда Литтла

– Что вы об этом скажете, Дживс? – спросил я.

– Признаться, я несколько озадачен, сэр. Думаю, мистеру Литтлу стоило последовать моему совету и сосредоточиться на благих делах.

– По-вашему, представление провалится?

– Я предпочел бы воздержаться от прогнозов, сэр. Но, насколько я знаю, не все, что нравится лондонской публике, подходит для сельского зрителя. Эти столичные штучки могут не снискать должного успеха в провинции.

– Видимо, мне придется тащиться в Твинг на это чертово представление?

– Полагаю, мистер Литтл сочтет себя оскорбленным, если вы не приедете, сэр.

В тесноватом помещении твингского актового зала пахло свежими яблоками. К моему приходу зал был уже полон, я специально пришел за несколько минут до начального свистка. Мне уже приходилось бывать на сельских спектаклях, и я не хотел, чтобы меня запихнули на почетное место в передних рядах, откуда нельзя в случае необходимости незаметно ускользнуть на свежий воздух. Я занял прекрасную стратегическую позицию рядом с дверью в задней части зала.

Отсюда мне была хорошо видна собравшаяся публика. Как всегда в подобных случаях, в передних рядах сидели Важные Шишки: сквайр ^[34] – краснолицый, спортсменского вида пожилой джентльмен с седыми усами, члены его семьи, многочисленные местные священнослужители и именитые прихожане. За ними следовала плотная группа зрителей, которых можно отнести к нижнему среднему классу. А в задних рядах социальный статус публики круто опускался на несколько ступеней – эту часть зала облюбовали Деревенские Заводилы, которые пришли не столько из любви к драме, сколько польстившись на бесплатный чай после представления. Одним словом, в зале в этот вечер собрались представители всех слоев твингского общества. Шишки перешептывались с любезными улыбками, Нижне-Средние сидели с прямыми спинами, словно одежда у них была из жести, а Заводилы щелкали орехи и обменивались солеными крестьянскими шутками. Мэри Берджесс играла на фортепьяно вальс. Рядом с ней стоял этот священник, Уингем, – как видно, он уже оправился от болезни. Температура в зале была градусов пятьдесят, если не больше.

Кто-то крепко ткнул меня в бок, я оглянулся и увидел Стеглза.

– Привет, – сказал он. – Оказывается, и вы здесь.

Я терпеть не могу Стеглза, но Вустеры умеют скрывать свои чувства. Я изобразил на своем лице что-то вроде улыбки.

– Да вот, Бинго уговорил приехать на его представление, – сказал я.

– Говорят, он приготовил нечто грандиозное, – сказал Стеглз. – Специальные эффекты и прочее.

– Я тоже так слышал.

– Ну да, этот спектакль для него много значит, верно? Он вам, конечно, рассказывал про Мэри Берджесс?

– Рассказывал. А еще я слышал, будто вы принимаете пари семь к одному, что у него ничего не получится, – сказал я и смерил паршивца строгим взглядом.

Он и бровью не повел.

– Невинное развлечение, надо же как-то скрасить монотонность деревенской жизни, – сказал он. – Но вас неверно информировали. Это в деревне дают семь к одному. Я готов предложить вам гораздо лучшие условия. Не хотите рискнуть десяткой из расчета сто к восьми?

– Сто к восьми?! Вы шутите!

– Вовсе нет. У меня ощущение, – задумчиво сказал Стеглз, – своего рода предчувствие: что-то сегодня произойдет. Вы же знаете Литтла. Обязательно где-то напортачит. Сердце подсказывает мне, что представление провалится. А это сильно уронит его в глазах девушки. Его положение всегда было шатким.

– Решили сорвать спектакль? – сурово спросил я.

– Я? – сказал Стеглз. – Господь с вами, да и что я могу сделать? Извините, мне нужно кое с кем переговорить.

Он слинял, а я не на шутку встревожился. Он явно снова замыслил какую-то пакость, и я подумал, что нужно предупредить Бинго. Но сделать это у меня не хватило времени. Не успел Стеглиз уйти, как подняли занавес.

В первых сценах спектакля я не заметил никаких следов режиссерской деятельности Бинго, его творческий вклад ограничивался ролью суфлера. Заурядная постановка волшебной сказки, из тех, что продаются перед Рождеством под заголовком «Двенадцать коротких пьес для малышей», или что-нибудь в этом роде. Дети кривлялись на сцене по мере сил, когда юные тупицы забывали текст, из-за кулис гудел голос Бинго, публика, как всегда в таких случаях, пребывала в летаргическом состоянии. Но вот дело дошло до первой задуманной Бинго вставки. Эта была песенка, которую эта... как бишь ее... исполняет в новом ревю в «Паласе»; вы ее сразу вспомните, если я напою вам мелодию, все время вылетает из головы. В «Паласе» эту песню исполняют три раза на бис, и здесь ее хорошо приняли, несмотря на то, что писклявая исполнительница то и дело перескакивала из одной октавы в другую, точно альпийская серна с утеса на утес. Даже Заводимая песенка пришлась по душе. В конце второго куплета весь зал кричал «бис», и девочка с комариным голоском набрала побольше воздуха и принялась исполнять куплет сначала. И тут погас свет.

Это произошло совершенно неожиданно. Лампочки не мигали, свет не слабел постепенно, как это бывает. Он просто разом пропал. Зал погрузился в непроглядную тьму.

Разумеется, это несколько разрушило чары. Люди начали перекликаться в темноте, Заводилы застучали ногами и приготовились повеселиться на славу. Бинго, естественно, тотчас не замедлил выставить себя полным идиотом. Из крошечной темноты до меня донесся знакомый голос:

– Леди и джентльмены, что-то случилось со светом...

Заводилы пришли в восторг от такой ценной информации из официальных источников. Они подхватили его слова словно боевой клич. Через пять минут свет зажегся, и представление было продолжено.

Потребовалось минут десять, чтобы вернуть аудиторию в летаргическое состояние, наконец публика успокоилась, и все шло гладко до тех пор, пока мальчик с плоским, как у камбалы, лицом не занял место перед занавесом, опустившимся после довольно нудной сцены не то про волшебное кольцо, не то про какое-то заклятие, и не запел песню Джорджа Тингамми из «Обними меня, детка!». Ну, вы ее знаете. Она называется «Слушайте маму, девушки!», Джордж всегда заставляет публику подпевать припев. Классная песенка, я сам нередко распеваю ее в ванной, но – и это понятно каждому, кроме такого законченного олуха, как Бинго, – она никоим образом не подходит для рождественского детского праздника в деревенском актовом зале. Уже после первого куплета слушатели оцепенели от удивления и стали нервно обмахиваться программками, потрясенная Мэри Берджесс по инерции продолжала аккомпанировать, а стоящий рядом с ней священник стыдливо отвел глаза. Зато Заводилам песня пришлась по душе.

Закончив второй куплет, мальчик попытался улизнуть за кулисы. После чего зрители услышали следующий диалог.

Бинго (*гулкий голос из-за сцены*): Ты куда?! Давай дальше!

Мальчик (*застенчиво*): Не буду.

Бинго (*еще громче*): Дальше, паршивец, а не то я тебе голову оторву!

Мальчик почувствовал, что Бинго и вправду исполнит свою угрозу, и почел за благо подчиниться. Он прошаркал обратно к рампе, закрыл глаза и, нервно хихикая, произнес:

– Леди и джентльмены, а сейчас давайте попросим сквайра Трессидера любезно исполнить припев.

Несмотря на теплые чувства, которые я питаю к Бинго, бывают минуты, когда мне кажется, что его следует держать в определенном рода заведении. Бедняга, видимо, представлял, что это будет кульминацией всего шоу. Он воображал, что сквайр, сияя от счастья, вскочит со своего места, из груди его полетится радостная песня, и всеобщему ликованию не будет конца. На самом деле Трессидер – и заметьте, я его за это не осуждаю – остался сидеть там, где сидел, и с каждой секундой все больше багровел и раздувался как шар. Нижнесредние застыли в молчаливом ужасе, словно ждали, что на голову вот-вот рухнет потолок. Во всем зрительном зале только Заводилам эта идея понравилась, и они громкими воплями поддержали это предложение. Для Деревенских Заводил это был настоящий праздник.

И тут свет снова погас.

Когда через несколько минут свет зажегся, все увидели, как сквайр с каменным лицом шагает прочь из зала вместе со всем семейством, Мэри Берджесс сидит за роялем бледная, с застывшим взглядом, а на лице священника написано, что, как ни прискорбно все произошедшее, нет худа без добра.

Представление снова пошло своим чередом. Последовало еще несколько длиннейших кусков из «Пьес для малышей», после чего зазвучало вступление к песенке «Девушка с апельсинами» – коронному номеру из нового ревю в «Паласе». Как я понял, Бинго выбрал его в качестве заключительной сцены первого действия. Вся труппа вышла на сцену, и чья-то рука уже держала край занавеса, чтобы задернуть его в нужный момент. Одним словом, все говорило о том, что это финал. Но очень скоро я понял, что это не просто финал – это финиш.

Вы наверняка видели этот номер в «Паласе». Помните:

Ах, почему бы там чего-то апельсины,
Мои чего-то там чего-то апельсины.
Ах, отчего бы что-то что-то я забыл,
Чего-то там чего-то там еще мой пыл.

Что-то в этом роде. Чертовски забавные слова, и музыка что надо; но главное, из-за чего этот номер пользуется таким успехом, – девушки достают из корзинки апельсины и бросают в зал. Вы, возможно, заметили, что публике ужасно нравится, когда ей что-то бросают со сцены. Всякий раз, когда я смотрел этот номер в «Паласе», зрители визжали от восторга.

Разумеется, в «Паласе» апельсины сделаны из выкрашенной в оранжевый цвет ваты, и девушки не швыряют их изо всех сил, а легким движением кидают зрителям первого или второго ряда. Но в этом спектакле, как видно, пошли другим путем – я понял это, когда начиненный мякотью и семечками болид просвистел мимо моего уха и разбился о стену. Другой с чавкающим звуком угодил в шею какой-то Шишке в третьем ряду. Третий попал мне прямо в нос, и на какое-то время я утратил интерес к происходящему.

Когда я очистил лицо от апельсиновой мякоти и глаза мои перестали слезиться, я увидел, что обстановка в зале напоминает горячую ночь в Белфасте. Воздух был наполнен отчаянными воплями и летящими фруктами. Бинго метался по сцене от одного актера к

другому, а те явно получали от всего этого огромное удовольствие. Они понимали, что долго это продолжаться не может, и старались не упустить момент. Заводилы стали подбирать уцелевшие апельсины и бросать их обратно на сцену, так что зрители оказались под перекрестным огнем. Короче говоря, в зале царил полный хаос, и когда всеобщее смятение достигло апогея, свет вырубился в третий раз.

Я решил, что мне пора, и проскользнул к двери. Как только я оказался на улице, публика дружно повалила из зала. Парами и по трое они проходили мимо меня, и мне еще не приходилось видеть зрителей, столь единодушных во мнении. Все как один, независимо от возраста и пола, проклинали беднягу Бинго, причем особой популярностью пользовалась идея подстеречь Бинго у выхода из зала и утопить в деревенском пруду.

Энтузиастов этого научного направления собралось столько и настроены они были так решительно, что я счел своим долгом предупредить дуралея и посоветовать, подняв воротник повыше, слинять через боковой выход. Я вернулся в зал и увидел, что Бинго сидит на каком-то ящике за кулисами, весь мокрый от пота; он напоминал место катастрофы, отмеченное крестом. Волосы у него стояли дыбом, уши печально повисли; было видно, что одно резкое слово – и он заплачет.

– Это все мерзавец Стеглиз, Берти, – глухим голосом произнес он. – Я поймал одного мальчишку, прежде чем они все разбежались, и он во всем признался. Стеглиз подложил настоящие апельсины вместо ватных шаров, которые я с таким трудом достал, да еще выложил за них целую гиную. Сейчас пойду и разорву этого поганца на мелкие кусочки. Это меня немного отвлечет.

Жаль было прерывать сладкие грезы, но у меня не было выхода.

– Послушай, дружище, – сказал я. – У тебя нет времени на легкомысленные забавы. Тебе нужно убираться отсюда, да поживее!

– Берти, – безжизненным голосом произнес Бинго, – я только что с ней говорил. Она сказала, что это я во всем виноват и что она больше не желает меня видеть. Она, мол, всегда подозревала, что я любитель низкопробных шуток, и ее подозрения подтвердились. Короче, разделала меня под орех.

– Нашел о чем сейчас печалиться, – сказал я. Я никак не мог втолковать дуралею всю серьезность положения. – Ты лучше подумай о том, что у выхода тебя поджидают две сотни дюжих деревенских молодцов с твердым намерением утопить в пруду.

– Не может быть!

– Увы, но это так.

На миг показалось, что бедняга раздавлен. Но лишь на миг. В Бинго есть что-то от английского бульдога. На лице его расцвела безмятежная улыбка.

– Ничего страшного, – сказал он. – Выберусь через подвал и перелезу через стену за домом. Меня им не запугать!

Прошло не больше недели, и вот как-то Дживс, поставив на столик чашку чая, деликатно отвлек меня от изучения спортивного раздела в «Морнинг пост» и обратил мое внимание на объявление в колонке «Помолвки и свадьбы».

Это было краткое сообщение о том, что в скором времени состоится бракосочетание его преподобия достопочтенного Хьюберта Уингема, третьего сына достопочтенного графа Старриджа, и Мэри, единственной дочери покойного Мэтью Берджесса из Уэзерли-Корт, Гэмпшир.

– Ну что ж, – сказал я, пробежав глазами заметку. – Этого следовало ожидать.

– Да, сэр.

– Она не простила ему спектакля.

– Нет, сэр.

– Не сомневаюсь, – сказал я и отхлебнул глоток ароматного горячего напитка, – что Бинго быстро оправится. С ним уже сто раз такое случалось. Мне вас жалко.

– Меня, сэр?

– Ну как же, черт подери, разве вы забыли, сколько усилий потратили для победы Бинго в том забеге? Жаль, что ваши труды оказались бесплодными.

– Не совсем бесплодными, сэр.

– Как это?

– Мои попытки устроить брак мистера Литтла с юной леди и вправду не увенчались успехом, но тем не менее я испытываю чувство удовлетворения от участия в этом деле.

– Понимаю: вы сделали все, что в ваших силах.

– Не только из-за этого, сэр, хотя, разумеется, эта мысль доставляет мне удовольствие. Я в первую очередь имел в виду материальную выгоду.

– Материальную выгоду? Что вы хотите сказать?

– Когда я узнал, что мистер Стеглиз заинтересовался борьбой претендентов на руку юной леди, я на паях с моим другом Брукфилдом перекупил тотализатор, который устроил по этому случаю владелец пивной «Бык и конь». И предприятие оказалось чрезвычайно прибыльным. Ваш завтрак готов, сэр. Тосты с почками и грибами. Я подам, как только вы позвоните.

ГЛАВА 16. Долгие проводы Клода и Юстаса

Это утро, когда тетя Агата неожиданно объявилась в моей берлоге и сообщила, какое страшное испытание готовит мне судьба, я понял, что удача от меня отвернулась. Видите ли, до сих пор мне удавалось держаться в стороне от Внутрисемейных Проблем. Когда тетушки трубят, точно мастодонты на доисторических болотах, а письмо дяди Джеймса об эксцентричном поведении кузины Мейбл циркулирует по семейным каналам («Пожалуйста, прочтите внимательно и перешлите Джейн»), про меня, как правило, клан Вустеров не вспоминает. Вот еще одно преимущество того, что я холостяк, да к тому же, как считают мои дражайшие родственники, холостяк придурковатый. «Вряд ли Берти это будет интересно» – такое мнение прочно укоренилось в нашем семействе, и, должен признаться, я его всячески поддерживаю. Все, что мне нужно, – это спокойная жизнь. И потому меня охватили самые мрачные предчувствия, когда тетя Агата возникла у меня в гостиной, где я безмятежно курил утреннюю сигарету, и заговорила о Клоде и Юстасе.

– Благодарение богу, – сказала она, – наконец-то мы пришли к соглашению насчет Клода и Юстаса.

– К соглашению? – переспросил я, не имея ни малейшего понятия, о чем речь.

– В пятницу они уплывают в Южную Африку. Мистер Ван Элстин, друг бедняжки Эмили, берет их в свою фирму в Йоханнесбурге, и мы надеемся, что они там приживутся и сумеют сделать достойную карьеру.

Я никак не мог взять в толк, о чем она:

– В пятницу? Это выходит – послезавтра?

– Да.

– В Южную Африку?

– Да. Они отплывают на «Эдинбургской ладье».

– Но с чего вдруг? Я хочу сказать – сейчас еще только середина семестра.

Тетя Агата бросила на меня ледяной взгляд:

– Ты хочешь меня уверить, Берти, что настолько не интересуешься жизнью ближайших родственников? Вот уже две недели, как Клод и Юстас отчислены из Оксфорда.

– Не может быть!

– Берти, ты безнадежен. Мне казалось, что даже ты...

– За что их выставили?

– Они вылили лимонад на голову младшему преподавателю колледжа... Не нахожу ничего забавного в этой возмутительной выходке, Берти.

– Ну, конечно, разумеется, – поспешно согласился Я – Я вовсе не смеюсь. Это я так кашляю – что-то першит в горле.

– Бедняжка Эмили! – продолжала тетя Агата. – Такие, как она, губят детей слепой, безрассудной любовью. Хотела оставить их в Лондоне, надеялась пристроить на военную службу. Но я проявила твердость. Колонии – единственное подходящее место для таких необузданных юнцов, как Юстас и Клод. Так что в пятницу они уплывают. Последние две недели они жили у дяди Клайва в Вустершире. Завтра переночуют в Лондоне, а в пятницу с утренним поездом придут на корабль.

– Довольно рискованная затея. Я хочу сказать – в Лондоне они запросто могут пуститься во все тяжкие, если оставить их без присмотра.

– Они не останутся без присмотра. За ними присмотришь ты.

– Я?!

– Да, ты. Они переночуют у тебя на квартире, и ты проследишь, чтобы они не проспали на поезд.

– Но послушайте...

– Берти!

– Да нет, они славные ребята, и тот и другой, но... не знаю. Они же чокнутые. Конечно, я всегда рад их видеть, но впустить на ночь в квартиру...

– Берти, ты настолько очерствел и погряз в беспробудном эгоизме, что не в состоянии ни на йоту поступиться своими удобствами ради...

– Хорошо, хорошо, – сказал я. – Бог с ними. Согласен.

Спорить не имело смысла. В присутствии тети Агаты мне всегда начинает казаться, что у меня вместо позвоночника желе. Она из разряда железных женщин. Вероятно, королева Елизавета Первая была на нее похожа. Достаточно тете грозно сверкнуть глазами и рывкнуть: «А ну-ка, живо!» – как я тут же, без пререканий, делаю все, что велят. Она ушла, и я тотчас позвал Дживса.

– Вот что, Дживс, – сказал я, – мистер Клод и мистер Юстас будут завтра у нас ночевать.

– Очень хорошо, сэр.

– Рад, что вы так считаете. Меня эта перспектива скорее удручает. Вы же знаете, что это за охламоны.

– Чрезвычайно резвые молодые джентльмены, сэр.

– Шалопай, Дживс. Шалопай, каких свет не видел!

– Будут еще какие-нибудь распоряжения, сэр?

Не скрою, после этих его слов я придал своему лицу высокомерное выражение. Мы, Вустеры, сразу замыкаемся в себе, когда в поисках сочувствия нарываемся на ледяную сдержанность. Я прекрасно понимал, в чем дело. Вот уже два дня, как мы с Дживсом находились в натянутых отношениях из-за того, что я приобрел себе сногшибательные гетры в Берлингтонском пассаже [\[35\]](#). Какой-то мозговитый малый, видимо тот самый, кто придумал расцветенные портсигары, недавно начал выпускать такие же гетры. Вместо обычных серых и белых вы можете выбрать цвета своего полка или своей школы. И, скажу честно, я не смог отказать себе в удовольствии и купил пару итонских [\[36\]](#), которые приветливо подмигивали мне с витрины. Я бросился в магазин и заплатил за них и только потом сообразил, что Дживс вряд ли одобрит мое приобретение. Как я и опасался, он встретил новые гетры, что называется, в штыки. Во всех прочих отношениях Дживс – лучший камердинер в Лондоне, но он слишком консервативен. Законченный ретроград, враг прогресса.

– Пока все, Дживс, – со сдержанным достоинством произнес я.

– Очень хорошо, сэр.

Он бросил на гетры ледяной взгляд и выплыл из комнаты. Черт бы его побрал!

Близнецы ввалились в квартиру на следующий вечер, когда я переодевался к обеду, – мне давно не приходилось видеть людей в столь радостном и безмятежном расположении духа. Я всего на шесть лет старше Клода и Юстаса, но в их присутствии чувствую себя глубоким старцем, терпеливо ждущим близкого конца. Они тут же развалились в креслах,

распечатали пачку моих лучших сигарет, плеснули себе виски с содовой и принялись трещать так весело и жизнерадостно, словно добились в жизни выдающихся успехов, никому бы и в голову не пришло, что они потерпели полное фиаско и приговорены к позорной ссылке.

– Берти, здорово, дружище, – сказал Клод. – Спасибо, что согласился нас приютить.

– Пустяки, – сказал я. – Жаль, что вы не можете задержаться подольше.

– Слышишь, Юстас? Он хочет, чтобы мы задержались подольше.

– Как знать – может, наш визит и не покажется ему таким уж кратким, – философски заметил Юстас.

– Ты уже в курсе, Берти? Ну, насчет того, что нас выставили.

– Да, тетя Агата мне рассказала.

– Мы покидаем отечество на благо отечества, – сказал Юстас.

– «Пусть киль не скрипит о коварную мель, когда мы отправимся в путь» [\[37\]](#), – сказал Клод. – А что тетя Агата тебе рассказывала?

– Сказала, что вы вылили лимонад на голову младшему преподавателю колледжа.

– Почему, черт побери, люди вечно все путают! – возмутился Клод. – Это был не младший преподаватель, а старший наставник.

– И вылил я на него не лимонад, а содовую, – сказал Юстас. – Старик оказался как раз под нашим окном, когда я выглянул наружу с сифоном в руках. Он взглянул вверх и – ну, ты понимаешь, что мне оставалось делать? Такая удача выпадает раз в жизни. Я бы никогда себе не простил, если бы не воспользовался случаем и не прыснул ему двойную порцию прямо в физиономию.

– Такой шанс грех упускать, – согласился Клод.

– Может, в жизни больше не представится, – сказал Юстас.

– Сто против одного, что нет, – сказал Клод.

– Послушай, Берти, – сказал Юстас, – а какую развлекательную программу ты приготовил своим дорогим гостям?

– Как вы смотрите на то, чтобы поужинать дома? – сказал я. – Дживс как раз начал накрывать на стол.

– А потом?

– Ну, поболтаем о том о сем, а затем... вам же завтра к десяти утра на поезд, вы наверняка хотите закруглиться пораньше.

Близнецы недоуменно переглянулись.

– Ты замечательно рассудил, Берти, но не все учел, – сказал Юстас. – Я предлагаю несколько иное развитие событий: после ужина мы завалимся в «Спрос». Ведь это наш прощальный вечер! Там, с божьей помощью, мы сумеем продержаться часов до трех утра.

– А после, глядишь, что-нибудь подвернется, – сказал Клод.

– Но вам надо как следует выспаться перед дорогой.

– Выспаться? – сказал Юстас. – Послушай, старичок, ты что же, в самом деле воображаешь, что мы собираемся сегодня спать?

Видимо, я уже не тот, что прежде. В том смысле, что всеобщие бдения не доставляют мне такого удовольствия, как несколько лет назад. Когда я учился в Оксфорде, то бал в «Ковент-Гардене» до шести утра, завтрак в «Хаммамсе» и драка с рыночными торговцами [\[38\]](#) в качестве бесплатного приложения было именно то, что доктор прописал. Теперь мне редко удается продержаться дольше двух ночи, а к двум часам близнецы только-только

успели разойтись.

Насколько я помню, после «Спроса» мы отправились играть в железку с каким-то типом, которого никто из нас прежде в глаза не видел, и до дома добрались лишь около девяти. Должен признаться, к этому часу я почувствовал, что теряю былую бодрость. У меня едва хватило сил попрощаться с близнецами, пожелать им приятного путешествия и успешной карьеры в Южной Африке, после чего я рухнул в постель. Уже проваливаясь в сон, я слышал, как юные шалопаи расппевают под холодным душем, точно жаворонки, покрикивая время от времени на Дживса, чтобы тот скорее тащил яичницу с беконом.

Проснулся я во втором часу дня. Судя по внутренним ощущениям, у меня не было ни малейшего шанса получить сертификат Комитета по контролю за свежестью продуктов, но душу мою согревала мысль, что в это самое время близнецы, облокотясь на перила верхней палубы океанского лайнера, бросают прощальный взгляд на родную землю. Вот почему меня чуть удар не хватил, когда дверь распахнулась и в спальню вошел Клод.

– Привет, Берти, – сказал он. – Ну как, выспался? Как насчет того, чтобы перекусить?

Я еще не отошел от кошмаров, которые мучили меня с той самой минуты, как я погрузился в тяжкий сон, и поначалу решил, что это еще один кошмар – самый ужасный из всех. И только когда Клод уселся мне на ноги, я убедился, что имею дело с суровой действительностью.

– О, черт! – простонал я. – Какого дьявола ты тут делаешь?

Клод укоризненно покачал головой.

– Разве так встречают гостей, Берти? – с осуждением сказал он. – Ведь только вчера ты жалел, что я не могу задержаться подольше. Ну вот, твоя мечта сбылась. Я задержался.

– Но почему ты не уплыл в Южную Африку?

– Так и знал, что ты об этом спросишь, – сказал Клод. – Дело вот в чем, старина. Помнишь девушку, с которой ты познакомил меня вчера в «Спросе»?

– Девушку? Какую девушку?

– Там была всего одна девушка, – холодно сказал Клод. – Во всяком случае, одна, достойная внимания, Мэрион Уорддор. Я еще танцевал с ней все время, если помнишь.

Тут я начал смутно припоминать. Я давно знаком с Мэрион Уорддор. Замечательная девушка. Сейчас она играет в этой оперетке, которую дают в «Аполлоне». Да, точно, она действительно была с компанией в «Спросе», и близнецы упростили, чтобы я их представил.

– У нас с ней полное родство душ, Берти, – сказал Клод. – Я понял это в начале первого, и чем больше о ней думаю, тем больше убеждаюсь, что это так. Такое иногда случается. Ну, когда два сердца бьются как одно, и так далее. Короче говоря, на вокзале Ватерлоо я ускользнул от Юстаса и прискакал сюда. Мне совсем не улыбается тащиться в Южную Африку и оставить такую девушку в Англии. Я знаю, ты скажешь, что надо думать об интересах империи, что наши колонии нуждаются в помощи, и все такое, но я ничего не могу с собой поделать. В конце концов, – резонно заметил Клод, – Южная Африка обходилась до сих пор без меня, думаю, обойдется и впредь.

– А как же Ван Элстин – или как там его? Он же тебя ждет?

– Он получит Юстаса. И хватит с него. Юстас – замечательный парень. Наверняка станет там финансовым магнатом. Я буду с интересом следить за его головокружительной карьерой. А сейчас ты должен меня извинить, Берти. Пойду попрошу Дживса приготовить его знаменитую тонизирующую смесь. По какой-то непонятной причине у меня побаливает голова.

Хотите верьте, хотите нет, но не успела за ним закрыться дверь, как в спальню влетел Юстас с такой сияющей физиономией, что я на секунду зажмурился.

– Что б мне провалиться! – сказал я.

Юстас довольно захихикал.

– Чистая работа, Берти, – сказал он. – Высший класс. Жаль старину Клода, но другого выхода не было. Я ускользнул от него на вокзале, поймал такси и рванул сюда. Думаю, этот дуралей до сих пор гадает, куда я делся. Но что мне оставалось делать? Если ты в самом деле хотел, чтобы я отправился в Южную Африку, тебе не следовало знакомить меня с мисс Уордор. Я тебе сейчас все расскажу, Берти. Ты знаешь, я не из тех, кто влюбляется в каждую встречную-поперечную, – продолжал он, присаживаясь на мою постель. – Думаю, ключевые слова для описания моего характера – это «волевой» и «немногословный». Но когда встречаешь женщину, настолько близкую по духу, надо действовать быстро и решительно. Я...

– О господи! Ты тоже влюбился в Мэрион Уордор?

– Тоже? Что значит «тоже»?

Не успел я открыть рот, чтобы рассказать ему про Клода, как тот появился собственной персоной, возрожденный из пепла, как птица Феникс. Я всегда говорил, что знаменитая смесь Дживса способна мгновенно вернуть к жизни любого, за исключением разве что египетской мумии. Тут все дело в специях – кажется, он добавляет вустерский соус ^[39] или еще что-то. Клод воспрял, точно поставленный в воду цветок, но, едва увидел любимого брата, удивленно тарашившегося на него поверх спинки кровати, тут же завял.

– Какого черта ты здесь делаешь? – спросил он.

– А какого черта ты здесь делаешь? – сказал Юстас.

– Ты вернулся, чтобы преследовать мисс Уордор?

– Так вот почему ты вернулся!

Минут десять их диалог развивался в виде вариаций на эту тему.

– Хорошо, – сказал наконец Клод. – Ничего не поделаешь. Ты здесь, и никуда от этого не денешься. Пусть победит сильнейший!

– Но черт вас всех подери! – не выдержал я. – Просто чушь собачья! Хорошо, вы решили остаться в Лондоне, но жить-то вы где будете?

– Как где? Здесь, – удивленно сказал Юстас.

– А где же еще? – недоуменно приподняв брови, спросил Клод.

– Ведь ты не откажешься нас приютить, Берти? – спросил Юстас.

– Все знают, что ты не бросишь друга в беде! – сказал Клод.

– Но послушайте, вы, идиоты безмозглые, а вдруг тетя Агата узнает, что я вас тут прячу, когда вы должны быть в Южной Африке? Представляете, что мне будет?

– А что ему будет? – спросил Клод у Юстаса.

– Думаю, он как-нибудь выкрутится, – ответил Юстас Клоду.

– Ну конечно, – окончательно приободрился Клод. – Уж он-то выкрутится.

– Какие могут быть сомнения, – сказал Юстас. – Берти такой находчивый парень! Непременно выкрутится.

– А теперь, – переменял тему Клод, – вернемся к нашим баранам: как насчет того, чтобы пообедать, Берти? Зелье, которое влил в меня Дживс, вызвало зверский аппетит. Загустить этот пожар смогут только полдюжины отбивных и огромный кусок пирога, никак не меньше.

Думаю, в жизни каждого человека порой случается черная полоса, о которой он потом не может вспоминать без содрогания, холодного пота и зубовного скрежета. Если судить по современным романам, кое у кого эти полосы так и мелькают одна за другой, как на железнодорожном шлагбауме. У меня, счастливого обладателя солидного дохода и отменного пищеварения, такие периоды бывают исключительно редко. Но о днях, последовавших за вторым пришествием близнецов в мою квартиру, я стараюсь вспоминать как можно реже. Я жил с ощущением, будто из меня вытянули все нервы и намотали на катушку для телефонного провода. Жуткое состояние, можете мне поверить. Дело в том, что мы, Вустеры, невероятно правдивы, прямодушны и прочее, и для нас просто нож в сердце кого-то обманывать.

Двадцать четыре часа на берегах Потوماка все было спокойно, потом ко мне снова нагрянула тетя Агата. Прийди она минут на двадцать раньше, она успела бы увидеть, как близнецы с радостными возгласами уплетают за обе щеки яичницу с беконом. Она молча опустила в кресло, и я заметил, что она, вопреки обыкновению, смущена и растеряна.

– Берти, у меня что-то очень беспокойно на душе, – сказала она.

У меня тоже на душе было беспокойно: я понятия не имел, как долго она собирается проторчать, а эти чертовы близнецы могли вернуться в любую минуту.

– Я все думаю, – сказала она, – может быть, я поступила с Клодом и Юстасом слишком сурово?

– Такое просто невозможно.

– Что ты хочешь сказать?

– Я... э-э-э... я хотел сказать, что на вас это не похоже – проявлять суровость к кому бы то ни было. – Совсем недурно, вот так, навскидку, без подготовки. Престарелая родственница просияла от удовольствия и взглянула на меня с чуть меньшим отвращением, чем обычно.

– Очень приятно, что ты так говоришь, Берти, но как по-твоему – им ничего не угрожает?

– Это им-то?!

Нашла за кого тревожиться – этим милым деткам ничего угрожать не может, а вот они опасны для окружающих, как молодые жизнерадостные тарантулы.

– Ты думаешь, с ними ничего не случилось?

– Почему вы об этом спрашиваете?

Взгляд тети Агаты как-то странно затуманился.

– Берти, тебе никогда не приходило в голову, – спросила она, – что твой дядя Джордж – экстрасенс?

Я подумал, что она решила сменить тему.

– Экстрасенс?

– Ты допускаешь, что он может видеть то, что недоступно взгляду обычных людей?

Я это не только допускал, но даже считал вполне естественным. Не знаю, знакомы ли вы с моим дядей Джорджем. Развеселый старый хрыч таскается с утра до вечера из одного клуба в другой и в каждом пропускает пару рюмок с такими же развеселыми старыми хрычами. Стоит ему замаячить на горизонте, как официанты делают стойку, а сомелье начинает радостно поигрывать штопором. Дядя Джордж открыл, что алкоголь заменяет пищу, задолго до того, как это стало известно современной медицинской науке.

– Вчера я ужинала с дядей Джорджем, так вот, он был в страшном возбуждении.

Утверждает, что, когда он шел из «Девонширского клуба» в «Будлз» ^[40], ему явился призрак Юстаса.

– Что ему явилось?

– Призрак. Привидение. Он видел его настолько ясно, что на миг ему показалось, будто это сам Юстас. Видение скрылось за углом, но, когда дядя Джордж дошел до перекрестка и заглянул за угол, там никого не оказалось. Все это очень странно и неприятно. И сильно подействовало на беднягу Джорджа. За обедом он ничего не пил, кроме ячменного отвара, и видно было, что он страшно встревожен. Так ты уверен, что нашим бедным дорогим мальчикам ничего не грозит? Они не пали жертвами какой-нибудь ужасной катастрофы?

При мысли о такой перспективе у меня радостно забилося сердце, но я ответил:

– Нет, я уверен, что они не пали жертвами ужасной катастрофы.

Про себя я подумал, что Юстас – сам хуже любой катастрофы, да и Клод ему под стать, но вслух ничего не сказал. В конце концов она отчалила, так окончательно и не успокоившись.

Когда вернулись близнецы, я тут же им все высказал. Сколь ни соблазнительна перспектива довести дядю Джорджа до инфаркта, хватит в открытую шляться по Лондону, где их могут встретить знакомые.

– Но послушай, старичок, – возразил Клод. – Ты сам-то головой подумай. Не можем мы ограничить наши перемещения в пространстве.

– Совершенно исключено! – поддержал его Юстас. – Для нас это жизненно необходимо, – сказал Клод. -

Мы должны свободно порхать, как птички – туда-сюда.

– Вот именно, – сказал Юстас. – Сперва туда, потом сюда.

– Но черт бы вас побрал...

– Берти, – укоризненно сказал Юстас. – Умоляю тебя, не надо при детях!

– С другой стороны, его тоже можно понять, – сказал Клод. – Думаю, что лучший выход из положения – купить средства маскировки.

– Гениально! – сказал Юстас, с восхищением глядя на брата. – Первая путная мысль, которую я от тебя услышал за долгие годы нашего знакомства. Уверен, что ты не сам до нее додумался.

– По правде говоря, мне ее подсказал Берти.

– Я?

– На днях ты рассказывал про Бинго Литтла – как он нацепил фальшивую бороду, чтобы дядя его не узнал.

– Вы воображаете, я допущу, чтобы у двери моей квартиры то и дело появлялись два бородатых урода?

– Что ж, он прав, – согласился Юстас. – Хорошо, пусть будут бакенбарды.

– И фальшивый нос, – сказал Клод.

– Верно, и фальшивый нос. Ну вот, Берти, старина, надеюсь, тебе стало легче. Нам не хочется доставлять тебе ни малейшего беспокойства во время нашего краткого пребывания в твоём доме.

Позже, когда я кинулся за утешением к Дживсу, он сказал что-то насчет горячих молодых голов. Никакого сочувствия.

– Хорошо, Дживс, – сказал я. – Пойду прогуляться по парку. Будьте добры, принесите мне мои итонские гетры.

– Хорошо, сэр.

Дня через два, незадолго до пятичасового чая, ко мне вдруг пожаловала Мэрион Уорддор. Прежде чем сесть, она с опаской огляделась.

– Надеюсь, ваших кузенов нет дома? – спросила она.

– Слава богу, нет.

– Тогда скажу вам, где они сейчас находятся. У меня в гостиной, злобно таращатся друг на друга из противоположных углов комнаты и поджидают, когда я вернусь. Берги, пора положить этому конец.

– Вам, как я понимаю, приходится много времени проводить в их обществе?

В эту минуту Дживс принес нам чай, но несчастная девушка была так измучена, что не стала дожидаться, пока он выкатится из комнаты, а продолжала изливать душу. Вид у бедняжки был совершенно затравленный.

– Я шагу не могу ступить, чтобы не натолкнуться на одного из них, а то и на обоих вместе, – сказала она. – Как правило, на обоих. Они теперь повадились приходить вдвоем: усядутся с мрачным видом по разным углам, кто кого пересидит. Вы не представляете, какая это мука.

– Представляю, – с сочувствием сказал я. – Очень даже представляю.

– Но что же мне делать?

– Ума не приложу. Велите горничной говорить, что вас нет дома.

Она подавила нервную дрожь:

– Пробовала. Они уселись на лестнице, и я весь день не могла выйти из дома. А у меня было назначено много важных встреч. Пожалуйста, уговорите их уехать в Южную Африку, насколько я понимаю, там их очень ждут.

– Чувствуется, вы произвели на них сильное впечатление.

– Ох, и не говорите. Теперь они дарят мне подарки. Во всяком случае, Клод. Вчера вечером он настоял, чтобы я приняла от него этот портсигар. Пришел ко мне в театр и не уходил до тех пор, пока я не согласилась. Надо признать, очень недурная вещица.

Вещица и вправду была недурна. Массивная золотая штукавина с брильянтом посередине. У меня возникло странное чувство, будто я что-то очень похожее где-то видел. Оставалось только гадать, где Клоду удалось раздобыть денег на такой дорогой подарок.

На следующий день была среда, предмет обожания был занят в дневном спектакле, и близнецы оказались, что называется, свободны от вахты. Клод надел бакенбарды и пошел прогуляться в Херст-Парк, а мы с Юстасом сидели в гостиной и болтали. Вернее, говорил он, а я молил бога, чтобы он тоже куда-нибудь слинял.

– Что может быть прекраснее на свете, Берти, – говорил он, – чем любовь добродетельной женщины. Иногда... Господи! Что это?

Мы услышали, как дверь в квартиру открылась, и в прихожей зазвучал голос тети Агаты. Голос у тети Агаты очень высокий, пронзительный, и в первый раз в жизни я поблагодарил за это создателя. В нашем распоряжении оставалось всего две секунды, но Юстасу этого оказалось достаточно, чтобы юркнуть под диван. Вторая туфля скрылась под диваном в то самое мгновение, когда тетя входила в комнату.

Вид у нее был озабоченный. Мне в те дни казалось, что у всех на свете озабоченный вид.

– Берти, что ты собираешься делать в ближайшее время? – спросила она.

– Я? А что? Сегодня я ужинаю с...

– Нет, я не имела в виду сегодня. Ты свободен в ближайшие дни? Ну конечно свободен, – продолжала она, не дожидаясь моего ответа. – Ты же никогда ничего не делаешь. Вся твоя жизнь протекает в праздности и... впрочем, мы поговорим об этом позже. Я пришла сказать, что ты должен поехать на несколько недель в Харрогит [\[41\]](#) с несчастным дядей Джорджем. Чем скорее вы туда отправитесь, тем лучше.

Это была последняя соломинка, и я взвыл, как верблюд с переломленным хребтом. Дядя Джордж волен ехать куда ему заблагорассудится – но при чем здесь я? Я попытался ей это втолковать, но она и слушать не стала.

– Берти, если в твоём сердце осталась хоть капля сострадания, ты сделаешь то, о чем я тебя прошу. Бедный Джордж только что пережил страшное потрясение.

– Как, еще одно?

– Только полный покой и тщательный врачебный уход могут вернуть его нервную систему в нормальное состояние. В прошлом минеральные воды в Харрогите приносили ему заметное облегчение, и он решил снова туда съездить. Его нельзя отпускать одного, и я решила, что сопровождать его будешь ты.

– Но послушайте...

– Берти!

Наступила томительная пауза.

– А что у него было за потрясение? – спросил я.

– Между нами говоря, – многозначительно понизив голос, проговорила тетя Агата, – я склонна думать, что это лишь плод его возбужденного воображения. Ты член семьи, Берти, поэтому я могу говорить с тобой откровенно. Ты не хуже меня знаешь, что бедный дядя Джордж на протяжении многих лет не был... у него нередко... ну, в общем, развилась своего рода привычка... не знаю, как это сказать...

– То, что называется, любит залудить?

– Как ты сказал?

– В смысле – не просыхает.

– Мне претит твоя манера выражаться, Берти, но следует признать, что он и вправду не всегда соблюдает должную умеренность. Он так легко возбудим и... Короче говоря, он пережил страшное потрясение.

– Да, но какое?

– Я так и не смогла от него ничего толком добиться. В минуты сильного душевного волнения бедный Джордж, при всех его достоинствах, выражается довольно бессвязно. Насколько я поняла, его ограбили.

– Ограбили?

– Он утверждает, что некий незнакомец с бакенбардами и огромным носом проник в его комнату на Джермин-стрит и похитил принадлежавшую ему вещь. Он сказал, что, вернувшись домой, застал этого человека в гостиной. Он тотчас же выбежал из комнаты и исчез.

– Кто, дядя Джордж?

– Да нет же, тот человек. И если верить дяде Джорджу, он украл у него дорогой портсигар. Но, хочу подчеркнуть еще раз, я склонна думать, что все это лишь плод его воображения. Он был не в себе с того самого дня, когда ему показалось, что он встретил на улице Юстаса. Поэтому, Берти, я хочу, чтобы ты отправился с ним в Харрогит не позже субботы.

Она ускакала, и Юстас вылез из-под дивана. Он явно был сильно расстроен. Да я и сам, признаться, тоже. Перспектива провести несколько недель в Харрогите в обществе дяди Джорджа мне совсем не улыбалась.

– Так вот откуда у него портсигар! – с горечью воскликнул Юстас. – Нет, каков негодяй! Ограбить близкого родственника! Да его место на каторге!

– Его место в Южной Африке, – сказал я. – И твое, кстати, тоже.

И с красноречием, которого я сам от себя не ожидал, я целых десять минут распинался насчет долга перед семьей и прочего. Я взывал к его порядочности. С жаром расписывал прелести Южной Африки. Я сказал все, что только можно сказать, и даже вдвое больше. Но паршивец в ответ только бубнил насчет низости своего чертова брата, который обошел его с этим портсигаром. Видно, считал, что, навязав девушке дорогой подарок, Клод повел в счете, и, когда тот вернулся из Херст-парка, между близнецами разыгралась бурная сцена. Я ушел спать, а они еще полночи ругались за стеной. В жизни не встречал людей, которые могли бы обходиться столь малым количеством сна, как эти двое.

После этого Клод и Юстас перестали разговаривать друг с другом, и обстановка стала окончательно невыносимой. Я люблю, когда в доме царит сердечная, дружеская атмосфера, и мне тяжело находиться в одной квартире с субъектами, каждый из которых делает вид, что другого не существует.

Ясно было, что долго так продолжаться не может, и вскоре этому действительно пришел конец. Если бы мне накануне сказали, что такое случится, я бы лишь недоверчиво усмехнулся в ответ. Я окончательно смирился с мыслью, что ничто, кроме динамита, не выдворит этих обалдуев из квартиры, и потому ушам своим не поверил, когда в пятницу утром Клод подгрел ко мне и огорошил неожиданным сообщением.

– Берти, я все обдумал, – сказал он.

– Все что? Что все? – спросил я.

– Что я торчу в Лондоне, когда мне следует быть в Южной Африке. Это несправедливо, – с жаром сказал Клод, – Это неправильно. Короче говоря, Берти, старичок, завтра я уезжаю.

Я чуть с катушек не слетел.

– Уезжаешь? – выдохнул я.

– Да, – сказал Клод. – Ты не возражаешь, если я пошлю Дживса за билетом? Боюсь, мне придется стрельнуть у тебя денег на проезд. Ты ведь не против, старина?

– Какой разговор! – воскликнул я и с жаром стиснул его руку.

– Вот и отлично. Да, и еще – ни слова Юстасу, обещаешь?

– А он разве не едет?

Клод возмущенно фыркнул:

– Слава богу, нет! Меня тошнит от мысли, что я могу оказаться на одном корабле с этим подонком. Нет, ни слова Юстасу. Послушай, а вдруг на завтра не осталось ни одной свободной каюты?

– Осталось, осталось, – сказал я. Я согласен был купить весь пароход, лишь бы от него избавиться.

– Дживс! – влетев в кухню, закричал я. – Врубайте четвертую скорость, дуйте в «Юнион касл» [\[42\]](#) и купите билет на завтрашний пароход для мистера Клода. Он от нас уезжает, Дживс.

– Да, сэр.

– Мистер Клод не хочет, чтобы об этом стало известно мистеру Юстасу.

– Хорошо, сэр. Мистер Юстас выразил такое же пожелание, когда просил меня заказать каюту на завтрашний рейс для него самого.

Я с изумлением уставился на Дживса:

– Так он тоже уезжает?

– Да, сэр.

– Ничего не понимаю.

– Я тоже, сэр.

При других обстоятельствах я бы наверняка долго обсуждал эту замечательную новость с Дживсом. Издавал бы радостные вопли, приплясывал вокруг него и все такое. Но проклятые гетры по-прежнему разделяли нас незримым барьером, и с сожалением вынужден признаться, что я не упустил случая уколоть Дживса. Он держался со мной так холодно и не выказывал никакого сочувствия, хотя прекрасно знал, что молодой хозяин попал в переплет и неплохо бы немного сплотиться вокруг него в такую минуту; короче говоря, я не удержался от искушения и дал ему понять, что мне удалось привести дело к благополучному концу самостоятельно, без его помощи.

– Вот так-то, Дживс, – сказал я. – Как видите, все успешно разрешилось. Я знал, что все образуется, если не суетиться и не поднимать волну. А ведь многие на моем месте начали бы поднимать волну.

– Да, сэр.

– Рвать на себе волосы и просить у других совета и помощи.

– Вполне возможно, сэр.

– Но только не я, Дживс.

– Нет, сэр.

С тем я и ушел, оставив его размышлять в одиночестве над моими словами.

Даже мысль о предстоящей поездке в Харрогит с дядей Джорджем не могла отравить мою радость, когда я оглядел в субботу свою старую милую квартиру и окончательно осознал, что не увижу здесь больше ни Клода, ни Юстаса. Они тайно ускользнули по одному сразу же после завтрака: Юстас поспешил в Ватерлоо на десятичасовой поезд, а Клод направился в гараж, где я держу мой автомобиль. Я опасался, что они случайно встретятся на вокзале и передумают, и убедил Клода ехать до Саутгемптона на машине.

Я валялся на канаве в гостиной, умиротворенно разглядывал сидящих на потолке мух и размышлял, до чего же все-таки прекрасная штука жизнь, и тут вошел Дживс и подал мне письмо.

– Только что передали с посыльным, сэр.

Я распечатал конверт, и оттуда выпала пятифунтовая банкнота.

– Господи, – сказал я. – Это еще что такое?

Написанное карандашом письмо оказалось кратким.

«Дорогой Берти!

Передайте, пожалуйста, эти деньги вашему камердинеру – я сожалею, что не могу прислать больше. Он спас мне жизнь. Сегодня первый счастливый день за последнюю неделю.

Дживс поднял упавшую на пол банкноту.

– Можете забрать ее себе, – сказал я. – Она для вас.

– Сэр?

– Я говорю, что эти пять фунтов ваши. Их прислала для вас мисс Уорддор.

– Крайне любезно с ее стороны, сэр.

– За какие подвиги, черт подери, она раздаривает вам столь крупные суммы? Она пишет, будто вы спасли ей жизнь.

Дживс мягко улыбнулся:

– Она преувеличивает мою услугу, сэр.

– Но какую услугу вы ей оказали, хотел бы я знать?

– Это связано с отъездом мистера Клода и мистера Юстаса, сэр. Я надеялся, что она не станет вам об этом рассказывать. Мне не хотелось, чтобы вы подумали, будто я позволяю себе слишком большие вольности, сэр.

– Что вы хотите сказать?

– Я случайно оказался в комнате, когда мисс Уорддор жаловалась на мистера Клода и мистера Юстаса, что они самым nepозволительным образом навязывают ей свое общество. И счел, что в данных обстоятельствах будет простительно посоветовать мисс Уорддор пойти на маленькую хитрость, которая поможет ей избавиться от назойливого внимания со стороны юных джентльменов.

– Ах ты черт! Вы что же, хотите сказать, что это благодаря вам они отсюда убрались?

Я чувствовал себя полным идиотом – а я-то его подкалывал и хвастался, что добился успеха без его помощи.

– Я посоветовал мисс Уорддор сообщить по отдельности мистеру Клоду и мистеру Юстасу, будто ей предложили ангажемент в Южную Африку и она собирается ехать туда на гастроли. И, как видите, я все правильно рассчитал, сэр. Юные джентльмены на это клюнули, если позволительно будет так выразиться.

– Дживс, – сказал я, – мы, Вустеры, можем ошибаться, но мы всегда готовы это признать. Вам нет равных, Дживс!

– Большое вам спасибо, сэр.

– Но погодите! – Меня поразила ужасная мысль. – Когда они придут на судно и увидят, что ее там нет, разве они не бросятся сломя голову обратно в Лондон?

– Я предусмотрел такую возможность, сэр. По моему совету мисс Уорддор объявила юным джентльменам, что предполагает часть пути проделать по суше и присоединится к ним уже на Мадейре.

– А куда судно заходит после Мадейры?

– Это последний заход, сэр.

Несколько минут я неподвижно лежал на спине, осмысливая то, что сообщил мне Дживс. Мне удалось найти лишь один маленький изъян.

– Жаль только, – сказал я, – что на большом судне у них будет возможность держаться врозь. Было бы особенно приятно, если бы Клоду приходилось постоянно пребывать в обществе Юстаса, а Юстасу наслаждаться тесным общением с Клодом.

– Полагаю, что именно так все и будет, сэр. Я позаботился, чтобы у них была одна

каюта на двоих. Одну койку будет занимать мистер Клод, а другую – мистер Юстас.

Теперь я чувствовал себя почти наверху блаженства. Вот если бы еще не нужно было тащиться в Харрогит с дядей Джорджем!

– Вы уже начали укладывать мои вещи, Дживс? – спросил я.

– Укладывать вещи, сэр?

– Для поездки в Харрогит. Я уезжаю туда сегодня с сэром Джорджем.

– Ах, извините, сэр. Забыл вам сказать. Сегодня утром, когда вы еще спали, позвонил сэр Джордж и просил передать, что у него изменились шины. Он решил отказаться от поездки в Харрогит.

– Но ведь это же просто великолепно!

– Я так и думал, что вы обрадуетесь, сэр.

– А почему он вдруг передумал? Он вам не сказал?

– Нет, сэр. Но я узнал от его камердинера, Стивенса, что сэр Джордж чувствует себя гораздо лучше и больше не нуждается в лечении и отдыхе. Я взял на себя смелость сообщить Стивенсу рецепт моего фирменного тонизирующего коктейля, о котором вы всегда отзывались с такой похвалой. Как передал мне Стивенс, сэр Джордж сказал ему сегодня утром, что чувствует себя другим человеком.

Что ж, мне оставалось только сделать то, что я должен был сделать. Не скажу, что это далось мне без душевной боли, но другого выхода не было.

– Дживс, – сказал я. – Одним словом... эти гетры...

– Да, сэр?

– Они вам и вправду так не нравятся?

– Ужасно не нравятся, сэр.

– И вы не думаете, что со временем сможете с ними смириться?

– Нет, сэр.

– Что ж, ничего не поделаешь. Хорошо. Ни слова больше. Можете их сжечь.

– Благодарю вас, сэр. Я уже их сжег. Сегодня утром, еще до завтрака. Спокойный серый цвет идет вам гораздо больше, сэр. Спасибо, сэр.

ГЛАВА 17. Бинго и его новая пассия

Через неделю после отъезда Клода и Юстаса я неожиданно натолкнулся на Бинго Литтла в курительной «Клуба почетных либералов». Он сидел, развалившись в кресле, рот приоткрыт, выражение лица довольно бессмысленное, а из соседнего кресла на него с неприязнью тарасился какой-то седобородый субъект: видимо, Бинго занял его любимое место. Вот почему я терпеть не могу чужие клубы – сам того не подозревая, ты нарушаешь священные права Старейших Обитателей.

– Привет, дуралей, – сказал я.

– Здорово, чучело, – откликнулся Бинго, и мы заказали по маленькой перед обедом.

Раз в год администрация «Трутней» вспоминает, что клуб не мешает слегка помыть и почистить, и выставляет всех на несколько недель пастись в каком-нибудь другом заведении. На этот раз нас откомандировали к «Почетным либералам», и для меня это оказалось мукой мученической. У нас в «Трутнях» обстановка царит самая непринужденная: хочешь за столом привлечь чье-то внимание – можешь просто запустить в него куском хлеба. Как после этого прижиться в клубе, где самому молодому члену никак не меньше восьмидесяти семи и где считается неприличным заговорить с человеком, если не участвовал вместе с ним в битве при Ватерлоо. Поэтому я страшно обрадовался, увидев здесь Бинго. Мы принялись болтать, понизив на всякий случай голос.

– Не клуб, а богадельня, – сказал я.

– Да, настоящий паноптикум, – согласился Бинго. – По-моему, вон тот старикан около окна умер еще три дня назад, но здесь, видимо, это никого не удивляет.

– Ты здесь прежде обедал?

– Нет. А что?

– У них тут официантки вместо официантов.

– С ума сойти! Я думал, после войны такого уже не встретишь. – Бинго задумался и рассеянно поправил галстук. – И что же, есть хорошенькие? – спросил он.

– Нет.

Он, казалось, был разочарован, потом приободрился:

– Я слышал, здесь лучшая кухня в Лондоне.

– Так, во всяком случае, говорят. Ну что, пошли?

– Пошли, – сказал Бинго. – Кстати, в конце обеда, а может быть, в начале, официантка спросит: «Посчитать вам вместе, сэр?» Так вот, отвечай утвердительно. Я гол как сокол.

– Дядя тебя до сих пор не простил?

– Нет, чтоб ему пусто было!

Мне стало жаль Бинго. Чтобы как-то утешить беднягу, я решил побаловать его по кулинарной части, и, когда официантка принесла меню, я изучил его со всей тщательностью.

– Как ты насчет такой программы, – после некоторого раздумья сказал я. – Для затравки – перепелиные яйца, потом суп, немного холодной семги, карри из курицы, крыжовенный пирог со сливками и ассорти сыров в качестве завершающего аккорда.

Не скажу, чтобы я ожидал услышать вопль восторга, хотя я старался выбрать его любимые блюда, но я ждал, что он хоть что-нибудь скажет в ответ. Я взглянул на него и увидел, что ему сейчас не до меня. Он смотрел на официантку точно бродячий пес, который

внезапно вспомнил, где он накануне зарыл кость.

Это была довольно высокая девушка с большими задумчивыми карими глазами. Неплохая фигурка и все такое прочее. Руки тоже вполне пристойные. Не помню, чтобы я ее здесь раньше видел, но должен признать, что ее появление значительно повысило среднестатистический уровень привлекательности здешнего персонала.

– Так что ты на это скажешь, приятель? – спросил я, желая поскорее покончить с заказом, потому что мне не терпелось поработать ножом и вилкой.

– А? Что? – очнулся Бинго.

Я еще раз огласил весь список.

– Да-да, хорошо, – сказал Бинго. – Мне все равно. – Девушка исчезла, а он повернулся ко мне, и в его глазах я заметил знакомый лихорадочный блеск. – А ты уверял, что здесь нет хорошеньких, – с упреком сказал он.

– Силы небесные! – воскликнул я. – Только не говори мне, что снова влюбился, причем в девушку, которую видишь в первый раз!

– Знаешь, Берти, порой бывает довольно одного взгляда, – сказал Бинго. – Мелькнут в толпе чьи-то глаза – и некий голос шепнет тебе...

Тут подоспели перепелиные яйца, он прервал тираду и алчно набросился на еду.

Вернувшись домой, я сразу позвал Дживса.

– Готовьтесь, Дживс, – сказал я.

– Сэр?

– Приведите в боевое положение мыслительный аппарат и ждите сигнала к атаке. Подозреваю, что мистеру Литтлу в скором времени потребуется не только моя моральная поддержка, но и ваша помощь.

– У мистера Литтла неприятности, сэр?

– Можно сказать и так. Он влюбился. В пятьдесят третий раз. Скажите честно, Дживс, как мужчина мужчине: вам доводилось в жизни встречать такого влюбчивого субъекта?

– Вне всякого сомнения, у мистера Литтла весьма пылкое сердце, сэр.

– Пылкое? Да его нужно в законодательном порядке обязать носить асбестовый жилет! Словом, Дживс, готовьтесь.

– Хорошо, сэр.

И, как я и предсказывал, не прошло и десяти дней, как этот безмозглый идиот с жалобным блеяньем прискакал в поисках добровольцев, готовых прийти на помощь.

– Берти, – сказал он, – если ты мне друг, настало время доказать это.

– Продолжай, несчастный, – ответил я. – Мы готовы благосклонно выслушать твои бредни.

– Помнишь, несколько дней назад мы с тобой обедали в «Почетных либералах»? Нас тогда обслуживала...

– Помню. Высокая расторопная девица.

Он задрожал от негодования:

– Я попросил бы, черт тебя побери, не говорить о ней в подобных выражениях. Она – ангел.

– Очень хорошо. Что дальше?

– Я люблю ее.

– Отлично. Дальше.

– Перестань подгонять меня! Дай мне рассказать все по порядку. Так вот, как я уже говорил, я люблю ее и прошу тебя, Берти, как верного друга отправиться к моему дяде с важной дипломатической миссией. Дядя должен снова начать выплачивать мне содержание, и как можно скорее. Более того, содержание должно быть увеличено.

– Но послушай, почему бы немного не подождать, – сказал я: мне совсем не улыбалось тащиться к его дяде с подобным поручением,

– Подождать? А какой смысл?

– Сам знаешь, как у тебя это обычно бывает. Что-нибудь пойдет не так – глядишь, от любви и следа не осталось. Лучше предпринять атаку на дядю, когда дело будет решено окончательно и бесповоротно.

– Все и так решено окончательно и бесповоротно: сегодня утром она дала мне согласие.

– Ну и ну! Быстрая работа. Ты же с ней двух недель не знаком.

– В этой жизни – да, – сказал Бинго. – Но она считает, что мы встречались в предыдущей жизни. Я был царем в Вавилоне, а она – рабыней-христианкой. Сам-то я ничего такого не помню, но, может, все так и было.

– Потрясающе! – воскликнул я. – Официантки теперь все так изъясняются?

– Откуда мне знать, как изъясняются официантки?

– Кому и знать, как не тебе. Если помнишь, я с твоим дядей познакомился, когда ты послал меня прощупать, не хочет ли он сплотиться под знаменами и помочь тебе жениться на Мейбл из забегаловки на Пиккадилли.

Бинго вздрогнул. Безумный блеск вспыхнул в его глазах. Не успел я понять, что он собирается сделать, он изо всех сил хлопнул меня рукой по колену, я даже подскочил от боли, точно горный козел:

– Эй, полегче!

– Извини, – сказал Бинго. – Не рассчитал. Увлекся. Берти, ты подал мне отличную мысль. – Он подождал, пока я закончу массировать травмированную конечность, и продолжил свою речь: – Ты очень кстати вспомнил ту историю. Не забыл гениальный план, который я тогда придумал? Сказать дяде, что ты как-там-бишь-ее – ну, словом, та самая писательница, помнишь?

Такое не забывается. Проклятая эпопея каленым железом выжжена на скрижалях моей памяти.

– Вот как нам следует действовать, – сказал Бинго. – Это именно то, что надо. Розы М. Бэнкс снова в бою.

– Нет, ничего не выйдет, старина. Извини, но это исключено. Я не в состоянии пройти через такое еще раз.

– Даже ради меня?

– Даже ради сотни таких, как ты.

– Никогда не думал, – скорбно произнес Бинго, – что мне доведется услышать эти слова из уст Берти Вустера.

– Однако ж слышал. Можешь даже записать для памяти, в назидание потомкам.

– Берти, мы учились с тобой в одной школе.

– Это не моя вина.

– Уже пятнадцать лет мы близкие друзья.

– Знаю. И мне предстоит искупать этот грех всю оставшуюся жизнь.

– Берти, старина, – не сдавался Бинго. Он придвинул стул поближе ко мне и принялся

массировать мою лопатку. – Пожалуйста, послушай! Пойми же наконец...

И, разумеется, не прошло и десяти минут, как я сдался на уговоры этого паршивца. Вот так всегда. Меня кто хочешь уговорит. Если бы я попал в траппистский монастырь, то первый же монах за пять минут убедил бы меня в чем угодно при помощи азбуки глухонемых [43].

– Ладно, что я должен сделать? – спросил я, когда понял, что сопротивление бесполезно.

– Для начала пошлешь старикану экземпляр своего последнего романа с автографом и льстивой надписью. Он расчувствуется до чертиков. Потом отправишься к нему и выложишь все как есть.

– А какой у меня последний?

– «Одна против всех», – сказал Бинго. – Этот роман продают сейчас на каждом углу, им забиты все витрины книжных магазинов и киоски. Судя по картинке на обложке – весьма забористая штука. Разумеется, дядя захочет обсудить с тобой роман.

– Вот видишь, – обрадовался я. – Ничего не выйдет. Я же понятия не имею, что там написано.

– Значит, тебе придется его прочитать.

– Прочитать? Но послушай...

– Берти, мы учились в одной школе.

– Ну хорошо, хорошо, – сказал я.

– Я знал, что на тебя можно положиться. У тебя золотое сердце. Дживс, – сказал Бинго, когда мой верный слуга появился в гостиной, – у мистера Вустера золотое сердце.

– Хорошо, сэр, – ответил Дживс.

В последнее время я мало читаю, разве что в «Розовую газету» [44] загляну, и страдания мои во время неравной борьбы с текстом романа «Одна против всех» не поддаются описанию. Впрочем, мне удалось одолеть роман до конца, и, как оказалось, вовремя: едва я дошел до места, где «губы их слились в долгом страстном поцелуе, и наступила волшебная тишина, нарушаемая лишь легким шорохом ночного ветерка в макушках раки», пришел посыльный и принес письмо от лорда Битлшема с приглашением пожаловать к нему на обед.

Старика я застал в совершенно размягченном состоянии. Рядом с ним на столе лежал присланный мной томик, он ел заливное и перелистывал страницы.

– Мистер Вустер, – сказал он, отправив в рот изрядный кусок форели, – позвольте вас поблагодарить. И позвольте вас поздравить. Вы идете от победы к победе. Я читал «Все ради любви», я читал «Всего лишь фабричная девчонка»; «Сумасбродку Мертл» я помню наизусть. Но ваша последняя книга превосходит их все. Она меня тронула до глубины души.

– Правда?

– Истинная правда! Я прочел ее три раза после того, как вы столь любезно мне ее прислали – еще раз огромное спасибо за очаровательную надпись, – и могу смело сказать, что стал лучше, мудрее и милосерднее. Мою душу переполняет чувство признательности и любви ко всему роду человеческому.

– В самом деле?

– Клянусь вам.

– Ко всему роду?

– Ко всем без исключения.

– Значит, и к Бинго тоже? – спросил я, чтобы прижать его к стенке.

– К моему племяннику? Ричарду? – Он на мгновение заколебался, но потом, видимо, решил, что мужчине не пристало брать свои слова назад. – Да, даже к Ричарду. Вернее... то есть... возможно... да, все-таки и к Ричарду тоже.

– Очень рад это слышать, потому что как раз хотел о нем поговорить. Он очень нуждается.

– Находится в стесненных денежных обстоятельствах?

– Совершенно на мели. И без труда сумел бы найти применение некоторому количеству денежных знаков, если бы вы согласились возобновить ежеквартальные выплаты.

Он задумался и, прежде чем ответить, разделался с внушительным куском холодной цесарки. Потом в который раз взял в руки книгу, и она раскрылась на странице двести пятнадцать. Я не помнил, что было написано на странице двести пятнадцать, но, видимо, что-то очень трогательное, потому что выражение его лица смягчилось, и он посмотрел на меня повлажневшими глазами – я даже решил, что он намазал слишком много горчицы на кусок ветчины, который он перед этим отправил себе в рот.

– Хорошо, мистер Вустер, – сказал он. – Я все еще нахожусь под свежим впечатлением от вашего гениального творения и не в состоянии проявить жестокосердие по отношению к кому бы то ни было. Ричард, как прежде, будет получать от меня денежное содержание.

– Вот что значит истинная тонкость! – сказал я. И тотчас пожалел о своих словах: человек с таким невероятным брюхом мог решить, что я над ним издеваюсь. – Я хотел сказать, что у вас очень тонкая душа. Теперь я спокоен за Бинго. Вы знаете, он ведь собрался жениться.

– Нет, я ничего об этом не знал. И не уверен, что это удачная идея. Кто же его избранница?

– Она официантка.

Он подпрыгнул на стуле:

– Не может быть! Подумать только! Очень рад это слышать, мистер Вустер. Честно говоря, я не ожидал от мальчика такой настойчивости в достижении поставленной цели. Превосходное качество, я прежде за ним такого не замечал. Прекрасно помню, что полтора года назад, когда мне посчастливилось с вами познакомиться, Ричард как раз мечтал о женитьбе на этой самой официантке.

Мне пришлось открыть ему глаза:

– Ну, не совсем на этой. Честно говоря, совсем на другой. Но все-таки на официантке.

Снисходительное, добродушное выражение тотчас исчезло с дядюшкиного лица. Он недоверчиво хмыкнул:

– А я уж было решил, что Ричард являет собой пример постоянства, столь редко встречающегося у современных молодых людей. Я... Мне нужно все хорошенько обдумать.

С тем мы и расстались, а я пришел к Бинго и рассказал ему, как обстоят дела.

– С содержанием все в порядке, – сказал я. – А вот с благословением туго.

– Старик не желает слышать про свадебные колокола?

– Сказал, что ему нужно подумать. Если бы у меня была букмекерская контора, я бы принимал ставки сто к восьми, что он не согласится.

– Ты просто не сумел найти к нему подход. Так и знал, что ты все испортишь! – сказал Бинго.

После всего, что мне пришлось ради него претерпеть, его слова уязвили меня больше жала змеиного.

– Ах, как это некстати, – сказал Бинго. – Ужасно некстати! Я сейчас не могу тебе всего объяснить, но... Да, ужасно некстати.

Он с удрученным видом сгреб из коробки горсть моих сигар и ушел.

После этого я не видел его два дня. На третий день он влетел ко мне с цветком в петлице и с таким выражением лица, будто его стукнули по затылку кирпичом:

– Здорово, Берти.

– Привет, дуралей. Куда это ты пропал?

– Да так, знаешь ли, то одно, то другое. Потрясающая сегодня погодка, верно?

– Да, неплохая.

– Банковская учетная ставка снова упала.

– Что ты говоришь?

– И в Нижней Силезии созревает какая-то заварушка...

– Вот черт!

Некоторое время он бесцельно бродил по гостиной, что-то бормоча себе под нос. Мне показалось, что бедняга спятил.

– Вот что, Берти, – сказал он и уронил на пол вазу, которую перед этим снял с каминной полки и долго вертел в руках. – Я вспомнил, что хотел тебе сообщить. Я женился.

ГЛАВА 18. Все хорошо, что хорошо кончается

Я с изумлением на него уставился. Цветок в петлице... Безумный взгляд... Да, все симптомы указывают на то, что он говорит правду, но я все равно не мог в это поверить. Ведь я был свидетелем стольких любовных увлечений Бинго: они начинались с восторженных восклицаний и пылких заверений, но вскоре от всего этого оставался один пшик, и у меня не укладывалось в голове, что на этот раз он сумел доскакать до финиша.

– Женился?

– Мы зарегистрировались сегодня утром в Холборне. Я пришел к тебе прямо со свадебного завтрака.

Я выпрямился в кресле и принял серьезный, деловой вид. Тут нужно во всем как следует разобраться.

– погоди, давай по порядку. Ты действительно женат?

– Да.

– На той самой девушке, в которую был влюблен позавчера?

– Что за странный вопрос!

– Кто тебя знает. Ладно, что заставило тебя решиться на столь опрометчивый шаг?

– Я попросил бы тебя, черт побери, не говорить со мной в подобном тоне. Я женился, потому что люблю ее, – сказал Бинго. – Она самая прелестная женщина в – Хорошо, хорошо, верю. Но ты подумал, что на это скажет твой дядя? В последний раз, когда я его видел, он отнюдь не горел желанием сыпать конфетти на головы новобрачных.

– Буду с тобой предельно откровенен, Берти, – сказал Бинго. – Она сама вынудила меня к этому шагу, если хочешь знать. Я рассказал, как отнесется к браку мой дядя, и она заявила, что мы должны расстаться: если бы я действительно любил ее, сказала она, я бы не испугался дядюшкиного гнева и немедленно с ней обвенчался. Так что у меня не было выбора. Мне ничего не оставалось, как купить бутоньерку и отправиться на регистрацию.

– И что ты теперь собираешься делать?

– Я уже все продумал. После того как ты сходишь к дяде и сообщишь ему о моей женитьбе...

– Что?!

– После того как...

– Ты что же, рассчитываешь втянуть в это дело меня?

Он взглянул на меня с оскорбленным видом библейского пророка, которому прохожий положил в руку камень.

– И это говорит Берти Вустер? – с горечью произнес Бинго.

– Он, он самый.

– Берти, старина, – сказал Бинго, ласково поглаживая меня по плечу. – Опомнись! Мы же с тобой учились...

– Хорошо, согласен...

– Вот и молодец! Всегда знал, что на тебя можно положиться. Она ждет нас внизу в холле. Захватим ее и мигом летим на Паунсби-Гарденз.

Прежде мне доводилось видеть новобрачную лишь в униформе официантки, и я ожидал, что по случаю венчания она вырядится во что-нибудь невообразимое. Первый луч надежды с начала этой крошечной истории забрезжил у меня в душе, когда вместо бархата и шляпки с

цветами в облаке дешевых духов я увидел перед собой женщину, одетую с безукоризненным вкусом. Строго. Ничего кричащего. Глядя на нее, можно было подумать, что она явилась сюда прямо с Беркли-сквер [\[45\]](#).

– Милая, это мой старый приятель, Берти Вустер, – сказал Бинго. – Мы с ним учились в одной школе. Правда, Берти?

– Учились, учились, – сказал я. – Очень приятно познакомиться. Мы кажется... э-э-э... мы как-то обедали вместе.

– Да, верно. Мне тоже очень приятно.

– Мой дядя души в Берти не чаёт, – объяснил Бинго. – Поэтому Берти поедет с нами и попытается подготовить почву. Эй, такси!

По дороге мы почти не разговаривали. Все чувствовали себя скованно. Наконец такси остановилось, и мы выгрузились около вигвама старого Битлшема. Я оставил Бинго и его жену в холле, а сам поднялся в гостиную и стал ждать, пока дворецкий доложит обо мне вождю.

Пока я слонялся по гостиной, мне на глаза попала эта идиотская «Одна против всех». Книга была раскрыта на странице двести пятнадцать, и я обратил внимание на отрывок, жирно обведенный карандашом. Я прочел его и понял, как мне следует действовать, чтобы преуспеть в моей деликатной миссии.

А написано там было вот что.

«Что может противостоять... – Милисент смело встретила взгляд сурового старца, и глаза ее сверкнули. – Что может противостоять чистой и всепоглощающей любви? Милорд, она не страшится ни громких титулов, ни высоких званий, ее не остановят тщетные запреты опекунов и родителей. Я люблю вашего сына, лорд Майн-дермер, и ничто на свете не в силах нас разлучить. Задолго до сотворения мира нам суждено было полюбить друг друга, разве вы вправе идти против воли Судьбы?»

Граф пытливо посмотрел на нее из-под кустистых бровей.

– Хм, – произнес он».

Я не успел выяснить, что именно сказала Милисент в ответ на хмыканье графа, ибо запахнулась дверь и в гостиную вкатился старик Битлшем. Как всегда – само радушие и любезность.

– Мой дорогой мистер Вустер, какой приятный сюрприз! Садитесь, прошу вас. Чем могу служить?

– Видите ли, на этот раз я выступаю в роли посла. Представляю интересы старины Бинго.

Мне показалось, что радушие у него несколько поубавилось, но, поскольку он не выставил меня за дверь, я продолжал гнуть свое.

– Я всегда считал, – сказал я, – что ужасно трудно противостоять тому, что принято называть чистой и всепоглощающей любовью. Нередко я спрашивал себя: есть ли на свете нечто, способное ей помешать? Мне кажется, что нет.

Не думаю, что мои глаза сверкнули, когда я смело встретил взгляд сурового старца, но, во всяком случае, я выразительно поиграл бровями. В ответ он только засопел, вид у него при этом был весьма скептический.

– Мистер Вустер, мы уже обсуждали этот вопрос во время нашей прошлой встречи. И по

этому поводу...

– Да, но с тех пор дело приняло новый оборот. Сегодня утром Бинго решился и сунул голову в петлю.

– О господи! – Он вскочил с кресла, разинув от изумления рот. – Как в петлю? Какой ужас! Где это произошло?

Я понял, что он не просек, о чем речь.

– Это всего лишь метафора, если, конечно, я правильно понимаю, что такое метафора. Я хотел сказать, что ваш племянник женился.

– Женился?!

– Надел на шею хомут, самым форменным образом. Надеюсь, вы не станете держать на него за это зуб, верно? Сами понимаете – горячая молодая кровь... Два любящих сердца и все такое прочее.

Он возмущенно запыхтел:

– Я весьма обеспокоен этим известием. Я... Я считаю, что со мной... э-э-э... не посчитались. Да, не посчитались!

– Но разве вправе вы идти против воли Судьбы? – сказал я, косясь краем глаза на раскрытую страницу книги.

– Простите?

– Видите ли, им суждено было полюбить друг друга. Так сказать, задолго до сотворения мира.

Должен признаться, что, если бы он в ответ сказал «Хм!», я бы оказался в чрезвычайно затруднительном положении. К моему счастью, этого не произошло. Он сидел молча, видимо обдумывал мои слова, потом взгляд его упал на книгу. Старик вздрогнул:

– Господи, мистер Вустер, это же из вашего последнего романа!

– Более или менее.

– То-то ваши слова показались мне знакомыми. – Он просиял от удовольствия и издал несколько звуков, похожих на приглушенное кудахтанье. – Боже мой, боже мой, вы знаете мое слабое место. – Он взял в руки роман и погрузился в чтение. Я уже начал думать, что он забыл о моем существовании. Наконец он положил книгу на стол и вытер глаза носовым платком. – Ладно, так и быть! – произнес он.

Я молча ерзал на стуле и уповал на лучшее.

– Так и быть, – повторил он. – Не могу же я поступить, как лорд Уиндермер. Скажите, мистер Вустер, вы списали этого надменного старика с живой модели?

– Да нет, просто решил, что здесь нужен именно такой герой, – и готово.

– Гений! – пробормотал Битлшем. – Гений! Что ж, мистер Вустер, я побежден. В самом деле: разве я вправе идти против воли Судьбы? Сегодня же напишу Ричарду о моем согласии на брак.

– Вы можете лично открыть ему благую весть, – сказал я. – Он ждет в холле вместе с новобрачной. Я сейчас же пришлю их к вам. Всего вам доброго и большое спасибо. Бинго просто обалдеет от радости.

И я кубарем скатился по лестнице. Бинго и его благоверная сидели на краешках стульев в холле, словно пациенты в приемной зубного врача.

– Ну что? – бросился ко мне Бинго.

– Дело в шляпе, – ответил я и крепко хлопнул балбеса по спине. – Вам остается лишь подняться наверх и слиться в семейном экстазе. Пока, дети мои. В случае чего, вы знаете,

где меня найти. Тысячу поздравлений, и все такое прочее.

И я ускакал, не дожидаясь, пока они начнут рассыпаться в благодарностях.

В этой жизни никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. «Себя забыв – другим помочь, и сон ночной блажен» [\[46\]](#) – именно такое чувство я испытал, вернувшись в свою обитель; я поудобнее устроился в кресле, положил ноги на каминную решетку и принялся прихлебывать чай, поданный верным Дживсом. Я не раз убеждался, что судьба может нанести удар уже на финишной прямой, и верные ставки могут полететь к черту в последнюю секунду, но сейчас не ждал никакого подвоха. После того как я оставил Бинго на Паунсби-Гарденз, ему оставалось лишь подняться по лестнице вместе с милой женушкой и принять дядюшкино благословение. Я был совершенно уверен в благополучном исходе дела, и, когда через полчаса он ввалился в гостиную, я решил, что он просто хочет поблагодарить меня срывающимся от волнения голосом и рассказать, какой я замечательный друг. Поэтому я милостиво улыбнулся и уже собирался предложить ему сигарету, когда понял, что тут что-то не так. Вид у него был такой, словно кто-то изо всех сил двинул ему в солнечное сплетение.

– Бог мой, старина, – сказал я. – В чем дело?

Бинго нервно прошелся по комнате.

– Я должен успокоиться, – сказал он и налетел на журнальный столик. – Спокойно, черт подери. – Он опрокинул стул.

– Надеюсь, ничего страшного не стряслось?

Бинго издал глухой замогильный стон:

– Ничего страшного? Стряслось самое страшное из всего, что могло стрястись. Знаешь, что произошло после того, как ты ушел? Помнишь эту идиотскую книжку, которую тебе взбрело в голову послать моему дяде?

На самом деле это ему взбрело в голову, чтобы я ее послал, но я видел, что бедняга страшно расстроен, и решил не цепляться по пустякам.

– «Одна против всех»? – спросил я. – Она весьма кстати подвернулась мне в гостиной. Именно с помощью цитат из этой книги мне удалось уломать твоего дядю.

– Возможно. Но когда мы поднялись к дяде, она подвернулась совсем некстати. Мы вошли в гостиную, принялись очень мило болтать о том о сем, и все шло как нельзя лучше до тех пор, пока моя жена не заметила проклятую книжку. «Ах, вы читаете этот роман, лорд Битлшем?» – спросила она. «Прочел уже три раза», – ответил дядя. «Очень рада это слышать», – сказала она. «Как, вы тоже поклонница Розы М. Бэнкс?» – просиял дядюшка. «Я и есть Розы М. Бэнкс», – ответила моя жена.

– Ах ты черт! Не может быть!

– Увы.

– Ничего не понимаю! Она же работала официанткой в «Клубе почетных либералов».

Бинго с чувством лягнул канапе:

– Она пошла в клуб официанткой, чтобы собрать материал для новой книги – «Мервин Кин, клубный завсегда».

– Могла бы тебе об этом сказать.

– Ее так потрясло, что я полюбил ее, невзирая на скромный социальный статус, что она не спешила открыть мне правду. Сказала, что собиралась признаться позже.

– Ну и как развивались события дальше?

– Последовала ужасно неприятная сцена. Старика чуть удар не хватил. Обругал ее самозванкой. Потом оба стали одновременно орать друг на друга, и в конце концов она полетела в издательство за доказательствами своего авторства, чтобы заставить дядю прислать ей письменное извинение. Даже представить себе не могу, чем все кончится. Дядя лопнет от злости, узнав, что мы его водили за нос; но это еще что: представлять, какой жена поднимет шум, когда выяснится, что мы использовали этот трюк с книжками Розы М. Бэнкс, чтобы помочь мне жениться на другой? Ведь она впервые обратила на меня внимание после того, когда я сказал ей, что до нее ни разу не был ни в кого влюблен.

– Ты ей так сказал?

– Да.

– Ну знаешь!

– Ну, я и вправду не был... во всяком случае, по-настоящему. Разве можно сравнивать чувства, которые... Ладно, сейчас это уже не имеет значения. Что мне теперь делать – вот в чем штука.

– Не знаю.

– Спасибо, – сказал Бинго. – Всегда знал, что могу рассчитывать на твою помощь.

На следующее утро он позвонил мне по телефону, когда я только начал переваривать яичницу с беконом, – короче говоря, в то время, когда хочется без помех поразмышлять о смысле жизни.

– Берти!

– Слушаю.

– Ситуация накаляется.

– Что еще стряслось?

– Дядя ознакомился с представленными доказательствами и признал ее требования справедливыми. Я только что провел пять незабываемых минут, разговаривая с ним по телефону. Он кричал, что мы выставили его дураком, даже начал заикаться от бешенства. Но, несмотря на заикание, он недвусмысленно дал понять, что мое содержание накрылось.

– Какая жалость.

– Лучше себя пожалей, – мрачно буркнул Бинго. – Он собирается сегодня прийти к тебе за объяснениями.

– Ужас!

– И моя жена собирается сегодня прийти к тебе за объяснениями.

– Кошмар!

– Желаю тебе приятно провести время, – сказал Бинго и повесил трубку.

Я завопил:

– Дживс!!!

– Сэр?

– Дживс, я пропал.

– В самом деле, сэр?

Я вкратце обрисовал ситуацию:

– Что вы мне посоветуете?

– На вашем месте, сэр, я бы немедленно принял приглашение мистера Питта-Уолли. Если помните, сэр, он приглашал вас поохотиться с ним на этой неделе в Норфолке.

– Верно, приглашал! Клянусь честью, Дживс, вы, как всегда, правы. Привезите мои вещи

к первому поезду после обеда. А до тех пор я залягу на дно в моем клубе.

– Вы предпочитаете, чтобы я сопровождал вас во время этой поездки, сэр?

– А вы сами хотите поехать?

– Если позволите высказать мое мнение, сэр, будет лучше, если я останусь здесь и постараюсь помочь молодому мистеру Литтлу. Возможно, мне удастся найти способ примирить враждующие стороны, сэр.

– С богом. Но если вам это и вправду удастся, вы совершите чудо.

Не могу сказать, что я хорошо провел время в Норфолке. Почти все время лил дождь, а когда не лил, я все равно был слишком взвинчен, чтобы во что-то попасть. К концу недели мое терпение лопнуло. Глупо, подумал я, похоронить себя в норфолкской глуши за много миль от дома лишь оттого, что дядя моего друга и его жена хотят перебросятся со мной парой слов. Я решил вернуться в Лондон и смело, как подобает мужчине, встретить опасность: затаюсь у себя в квартире и велю Дживсу отвечать всем, что меня нет дома.

Я послал Дживсу телеграмму и прямо с вокзала поехал к Бинго узнать что и как. Но дома его не застал. Я позвонил несколько раз в дверной звонок и уже собирался уйти, когда услышал шаги в прихожей, и дверь

распахнулась. Должен признаться, это был не самый счастливый миг в моей жизни: я увидел перед собой круглую, как луна, физиономию лорда Битлшема.

– А-а-а... э-э-э... здравствуйте, – сказал я.

Последовало томительное молчание.

Я плохо представлял себе, как поступит старикан, если мне, не дай бог, доведется с ним когда-нибудь встретиться, – наверное, нальется кровью и мокрого места от меня не оставит. А он, к моему изумлению, лишь робко улыбнулся. Какой-то болезненной улыбкой. Глаза у него выпучились, он забулькал, словно у него комок застрял в горле.

– Э-э-э... – выдавил из себя он. Я ждал продолжения, но, видимо, на этом он свою речь закончил.

– Бинго дома? – спросил я после весьма неловкой паузы. Он покачал головой и снова улыбнулся. Наш оживленный диалог опять завял, после чего – хотите верьте, хотите нет – он вдруг неуклюже скакнул обратно в квартиру и захлопнул за собой дверь.

Я ничего не мог понять. Но поскольку аудиенция, как видно, была окончена, мне ничего не оставалось, как уйти.

Я начал спускаться по лестнице и вдруг увидел Бинго: перепрыгивая через три ступеньки, он поднимался ко мне навстречу.

– Привет, Берти! – сказал он. – Откуда ты свалился? Я думал, ты уехал из Лондона.

– Только что вернулся. Хотел зайти к тебе, разузнать, как обстоят дела.

– Какие дела?

– Ну как же! Вся эта история.

– А, вот ты про что, – с беспечным видом отозвался Бинго. – Все давно уладилось. Голубь мира осеняет крылом наше жилище. Все отлично, лучше и быть не может. Все устроил Дживс. Я всегда говорил, Берти, что твой камердинер – настоящее сокровище. За полминуты разрешил все проблемы с помощью очередной гениальной идеи.

– Но это же здорово!

– Я знал, что ты будешь рад.

– Поздравляю.

– Спасибо.

– Но как Дживсу удалось? Лично я ничего бы не смог придумать.

– Он взял дело в свои руки и уладил все в два счета. Дядя и моя жена теперь лучшие друзья. Часами разглагольствуют о литературе и подобных материях. Он частенько заходит к нам поболтать.

Тут я вспомнил.

– Кстати, он и сейчас у тебя, – сказал я. – Послушай, Бинго, а как он вообще в последнее время?

– Как обычно. А почему ты спрашиваешь?

– Может, он переутомился или еще что? Мне показалось, он как-то странно себя ведет.

– Так ты его уже видел?

– Он открыл мне дверь, когда я позвонил в твою квартиру. Сперва молча глядел на меня, выпучив глаза, потом захлопнул дверь прямо у меня перед носом. Меня это, честно говоря, озадачило. Понимаю, если бы он меня отчитал, и все такое прочее, но, черт побери, у него был ужасно испуганный вид.

Бинго беззаботно рассмеялся.

– Да нет, все в порядке, – сказал он. – Я забыл тебе сказать. Хотел написать, да так и не собрался. Он думает, что ты сумасшедший.

– Он... что?

– Видишь ли, это была идея Дживса. Она блестящим образом разрешила все проблемы. Он предложил сказать дяде, что я совершенно искренне представил ему тебя как Розы М. Бэнкс что я неоднократно слышал от тебя, будто ты – автор всех этих книг, и у меня не было оснований сомневаться в том, что так оно и есть. А потом выяснилось, что ты страдаешь галлюцинациями и вообще чокнутый. Мы пригласили сэра Родерика Глоссоба – помнишь, ты еще как-то столкнул его сынишку в пруд в Диттеридж-Холле, и он очень кстати поведал всем, как он пришел к тебе на обед, а у тебя в спальне оказалось полным-полно кошек и рыбы, и про то, как ты, проезжая мимо на такси, сорвал у него с головы шляпу. После этого ни у кого не осталось ни малейших сомнений на твой счет. Я всегда говорил и не устану повторять: положиись на Дживса, и тебе не страшны никакие удары судьбы.

Я многое могу стерпеть, но всему на свете есть предел:

– Ну знаешь, такой неслыханной наглости...

Бинго взглянул на меня с удивлением:

– Ты что, сердишься?

– Сердишься?! Значит, теперь весь Лондон считает, будто я чокнутый? Черт бы вас всех побрал...

– Берти, ты меня удивляешь и обижаешь, – сказал Бинго. – Вот уж не думал, что тебе трудно поступиться такой малостью ради счастья человека, который был твоим другом целых пятнадцать лет...

– Но послушай...

– Разве ты забыл, – сказал Бинго, – что мы учились в одной школе?

Я стрелой полетел домой, кипя от возмущения и обиды. Одно я знал твердо: с Дживсом надо расстаться. Первоклассный слуга, лучший в Лондоне, но это не смягчит мое сердце. Я ворвался в квартиру, точно тихоокеанский тайфун и... увидел пачку сигарет на маленьком столике, иллюстрированные еженедельники на большом столе, а на полу стояли наготове домашние туфли, и все было настолько так, как надо, что я сразу же начал успокаиваться. Ну

знаете, как в той пьесе, когда один тип готовится совершить преступление и вдруг слышит забытую мелодию песенки, которую пела ему мать, когда качала его в колыбели. Я хочу сказать, что я смягчился. Да, именно смягчился.

А когда в дверях возник старина Дживс, держа в руках поднос со всеми необходимыми ингредиентами...

Тем не менее я собрал свою стальную волю в кулак и попытался действовать по намеченному плану.

– Дживс, я только что разговаривал с мистером Литтлом, – сказал я.

– В самом деле, сэр?

– Он... э-э-э... он сказал, что вы ему помогли.

– Я постарался сделать все, что в моих силах, сэр. Счастлив, что теперь все уладилось самым удовлетворительным образом. Виски, сэр?

– Спасибо. Э-э-э... Дживс.

– Сэр?

– В другой раз...

– Сэр?

– Нет, ничего. Не одну содовую, Дживс.

– Хорошо, сэр.

Он направился к двери.

– Дживс!

– Сэр?

– Я хотел бы... то есть... я думаю... я хотел сказать, что... нет, ничего!

– Очень хорошо, сэр. Сигареты на столике справа. Ужин будет готов ровно без четверти восемь, если только вы не собирались ужинать в другом месте.

– Нет. Я поужинаю дома.

– Да, сэр.

– Дживс!

– Сэр?

– Нет, ничего, – сказал я.

– Хорошо, сэр, – сказал Дживс.

Пэлем Гринвел Вудхауз
Вперёд, Дживз!

Pelham Grenville Wodehouse. Carry on, Jeeves! 1925.

Пер. М. И. Гилинского

ГЛАВА 1. Дживз берёт бразды правления в свои руки

Хотите немного порассуждать о старине Дживзе — это мой личный слуга, да будет вам известно, — и узнать, в каких мы с ним отношениях? Куча людей считают, что я слишком сильно от него завишу. А моя тётя Агата зашла так далеко, что назвала его моей нянькой. Скажу вам прямо: что тут такого? Этот человек — гений. От воротничка и выше ему нет равных. Я перестал тревожиться о своих делах через неделю после того, как он у меня появился. А произошло это лет шесть назад, во время одной чудной истории с Флоренс Крайе, книгой моего дяди Уиллоуби и Эдвином, бой-скаутом.

Началось всё тогда, когда я вернулся в Изби, имение моего дядюшки в Шропшире. Я всегда отдыхаю там недельку-другую летом, но на этот раз пришлось прервать свой визит и вернуться в Лондон, чтобы нанять нового камердинера. Я обнаружил, что Мэдоуз, прислуживающий мне в Изби, ворует мои шёлковые носки, а такого ни один уважающий себя джентльмен не потерпит ни за какие деньги. Помимо всего выяснилось, что он и в доме прибирает к рукам всё, что плохо лежит, и я с большой неохотой указал бедняге, сбившемуся с пути истинного, на дверь и отправился в Лондон в контору по найму, чтобы они подыскали мне какого-нибудь кандидата на испытательный срок. Мне прислали Дживза.

Я никогда не забуду то утро, когда он пришёл. Так получилось, что накануне я допоздна засиделся на одной весёлой вечеринке и поэтому чувствовал себя преотвратно. К тому же, несмотря на плачевное состояние, я пытался читать книгу, которую дала мне Флоренс Крайе. Она тоже гостила в Изби, и за два или три дня до того, как я отбыл в Лондон, мы обручились. Я должен был вернуться в имение в конце недели, а Флоренс — насколько я её знал — наверняка не сомневалась, что к этому времени я книгу прочту. Видите ли, дело в том, что она поставила перед собой задачу поднять меня до своего интеллектуального уровня. Эта девушка обладала изумительным профилем и по горло была напичкана серьёзными намерениями. Чтобы понять наши отношения, достаточно сказать, что книга, которую она дала мне почитать, называлась «Модель теории этики», и что, открыв её наугад, я прочитал:

«Постулат общего понимания, содержащийся в разговорной речи, безусловно является протяжённым во времени и несёт в себе определённые обязательства по отношению к общественной организации, инструментом которой является язык, содействующий её дальнейшему развитию.»

Несомненно, каждое слово здесь было правдой, но, согласитесь, это не совсем то, чего хочется с похмелья.

Я усердно листал страницы этой замечательной книги в весёленькой обложке, когда раздался звонок. Я сполз с софы и открыл дверь. На пороге стоял в почтительной позе ничем не примечательный малый.

— Я из конторы по найму, сэр, — сказал он. — Мне дали понять, что вам требуется камердинер.

В тот момент мне больше требовался гробовщик, но я велел ему входить и не стесняться, и он бесшумно скользнул в дверь, словно освежающий зефир. Это с самого начала произвело на меня впечатление. Мэдоуз страдал плоскостопием и топал как слон. У этого парня, казалось, вообще не было ног. Он просто вплыл в прихожую. На его серьёзном лице появилось сочувственное выражение, как будто он тоже знал, что значит засиживаться

допоздна с бандой друзей.

— Простите, сэра, — мягко сказал он и, хотите верьте, хотите нет, исчез. По крайней мере только что он стоял рядом со мной, а через секунду уже возился на кухне. Я не успел и глазом моргнуть, как он вернулся со стаканом на подносе.

— Не угодно ли вам выпить, сэра? — Поведение и манеры делали его похожим на придворного доктора, который потчует микстурой больного принца. — Этот коктейль — моё изобретение. Уорчестерский соус придаёт ему цвет. Сырое яйцо делает его питательным. Красный перец придаёт ему остроту. Джентльмены, поздно возвращавшиеся домой, говорили, что находят его весьма стимулирующим.

В то утро я готов был выпить всё, что угодно, лишь бы полегчало. Я проглотил смесь одним глотком, и на мгновение мне показалось, что кто-то взорвал бомбу в моей черепушке, а затем спустился вниз по горлу с зажжённым факелом. Внезапно мир пробудился. Солнышко светило в окно, птички пели на деревьях, и надежда, как говорят поэты, ожила в моей груди.

— Я вас беру, — сказал я, как только ко мне вернулся дар речи. Мне сразу стало ясно, что этот малый — великий труженик и находка для кого угодно.

— Благодарю вас, сэра. Меня зовут Дживз.

— Когда ты можешь приступить к работе?

— Незамедлительно, сэра.

— Я должен быть в Изби, в Шропшире, послезавтра.

— Слушаюсь, сэра. — Он посмотрел поверх моей головы на каминную полку. — Какая прекрасная фотография леди Флоренс Крайе, сэра. Прошло два года с тех пор, как я последний раз видел её светлость. Одно время я был в услужении лорда Уорплздона, но вынужден был отказаться от должности из-за взглядов его светлости, который желал обедать в домашних штанах, фланелевой рубашке и охотничьей куртке.

Он не сказал мне ничего нового. Лорд Уорплздон, эксцентричный дурень, был отцом Флоренс. Это он в одно прекрасное утро спустился к завтраку, сорвал салфетку с первого попавшегося блюда, негодующим голосом воскликнул: «Яйца! Яйца! Яйца! К чёрту яйца!» и тут же умотал во Францию, чтобы никогда больше не возвращаться в лоно семьи. И не сомневайтесь ни на минуту, что лону семьи крупно повезло, так как старый забулдыга отличался самым скверным характером во всей округе.

В детстве я часто гостил в их доме, и с юношеских лет старикашка вселял в меня священный ужас. Время — великий целитель, но я никогда не забуду, как он застукал меня — юнца пятнадцати лет от роду — в конюшне с одной из его любимых сигар. Он погнался за мной с хлыстом как раз в ту минуту, когда я больше всего на свете хотел одиночества и покоя, и преследовал меня больше мили по пересечённой местности. Если что-то и омрачало, так сказать, мою неизбывную радость от помолвки с Флоренс, так это тот факт, что она была очень похожа на своего отца непредсказуемым вулканическим характером. Впрочем, у неё был изумительный профиль.

— Мы с леди Флоренс обручены, Дживз, — небрежно заметил я.

— Вот как, сэра?

Знаете, как-то чудно он себя повёл. Нет, манеры у него были безупречные, но чего-то недоставало. Энтузиазма, что ли? У меня почему-то возникло ощущение, что он не слишком жалуется Флоренс. Ну, в конце концов это меня не касалось. Наверное, пока он служил у старика Уорплздона, она не раз наступала ему на больные мозоли. Флоренс была дорогушей,

а в профиль — просто красавицей, но она обладала одним-единственным недостатком: несколько деспотично относилась к домашней прислуге.

В этот момент в дверь опять позвонили. Дживз исчез и через мгновение вернулся с телеграммой следующего содержания:

«Немедленно возвращайся. Срочно. Первым же поездом. Флоренс»

— Ого! — сказал я.

— Сэр?

— Нет, ничего!

Это говорит о том, как плохо я тогда знал Дживза. Сейчас мне и в голову не придёт, получив срочную телеграмму, тут же не обратиться к нему за советом. А та, что я держал в руках, действительно была чертовски странной. Если вы помните, Флоренс прекрасно знала, что послезавтра я в любом случае должен приехать в Изби, так что же случилось? На этот вопрос я ответа найти не мог, как ни старался.

— Дживз, — сказал я. — Нам надо уехать в Шропшир сегодня днём. Успеем?

— Безусловно, сэр.

— Ты все запакуешь и приготовишь?

— Нет никаких проблем, сэр. Какой костюм вы наденете?

— Этот.

В то утро на мне был такой яркий костюм в клетку, который мне очень нравился; можно даже сказать, я им гордился. Возможно, с первого взгляда он производил несколько ошеломляющее впечатление, но тем не менее сидел на мне как с иголочки, и мои клубные приятели, да и не только они, не переставали им восхищаться.

— Слушаюсь, сэр.

И снова тон у него был какой-то не такой. Знаете, как будто чего-то недоставало. Ему не нравился мой костюм. Я решил проявить твёрдость характера. Чутьё подсказывало, что если я хоть в чем-то ему уступлю, он сядет мне на шею. Уж слишком сильно этот малый смахивал на неисправимого упрямца.

Сами понимаете, терпеть я этого не собирался. Слава те господи, повидал парней, попавших в полную зависимость от своих камердинеров. Помню, как однажды вечером в клубе старина Обри Фотергил рассказывал мне — со слезами на глазах, бедняга! — что ему пришлось отказаться от своих любимых коричневых ботинок только потому, что они не понравились Микину, его личному слуге. Знаете, этих малых надо держать в узде, вот как я считаю. Если только им как-там-это-называется, они тут же сами-знаете-что.

— Тебе не нравится мой костюм, Дживз? — холодно спросил я.

— Что вы, сэр!

— Итак, что тебе в нём не нравится?

— Это очень хороший костюм, сэр.

— Что в нём плохого? Выкладывай начистоту, разрази меня гром!

— Если позволите, сэр, коричневая или синяя ткань с почти незаметной диагональной нитью...

— Какая чушь!

— Слушаюсь, сэр.

— Полный идиотизм, дорогой мой.

— Как скажете, сэр.

Я почувствовал себя, как человек, который собирается схватиться за узду и вдруг

обнаруживает, что лошадь не взнуздана. В моей груди кипело негодование, но, как выяснилось, повода негодовать у меня не было.

— Хорошо, Дживз. Это все, — сказал я.

— Да, сэр.

И он ушёл складывать вещи, а я вновь уткнулся в книгу, в главу под названием «Психофизиологическая этика».

* * *

Сидя в поезде, я не переставал размышлять, что такое могло стрястись за время моего отсутствия. В голову мне так ничего и не пришло. Изби не был одним из тех загородных домов, где, как в романах о высшем свете, молоденьких девушек заманивали перекинуться в баккара и обчищали до нитки — я хочу сказать, до последней драгоценности. Когда я уезжал, общество там состояло из законопослушных граждан, таких, как я сам.

Кроме того, мой дядя не потерпел бы никаких фокусов. Он был довольно чопорным стариком, обожавшим спокойную жизнь, и в данный момент заканчивал писать историю своей семьи, или что-то в этом роде, над которой ему пришлось изрядно попотеть весь последний год. Он почти не выходил из библиотеки и вроде как изливал на бумаге свою душу, каясь в старых грехах. Поговаривали, что в молодости дядя Уиллоуби был гулякой и мотом. Если б вы посмотрели на него сейчас, то и представить себе этого не смогли бы.

Когда наконец я добрался до имения, Оукшот, дворецкий, сообщил мне, что Флоренс находится у себя в комнате и присматривает за служанкой, укладывающей вещи. По-видимому, соседи, жившие в двадцати милях от нас, устраивали вечером танцы, и моя невеста собиралась отправиться туда в компании дядюшкиных гостей и остаться там на день-другой. Оукшот сказал, что она велела сразу же сообщить ей о моем прибытии, поэтому я прошёл в курительную комнату и стал ждать. Флоренс появилась через несколько минут, и с первого взгляда стало ясно, что она чем-то крайне недовольна, даже раздражена. Глаза у неё, я бы сказал, были вытарашены, и, судя по всему, она кипела внутри.

— Дорогая! — воскликнул я и попытался исправить ей настроение добрым старым испытанным способом. но она выскользнула из моих рук, как угорь.

— Не смей!

— В чём дело?

— Во всём! Берти, помнишь, перед отъездом ты попросил меня быть полюбезней с твоим дядей?

Надеюсь, вы поняли мою мысль, — ведь в то время я более или менее зависел от своего дяди Уиллоуби и не очень-то мог жениться без его согласия. И хоть я знал, что он не станет возражать против моего брака с Флоренс, так как дружил с её отцом ещё в Оксфорде, мне не хотелось рисковать, поэтому я и обратился к ней с просьбой сделать все возможное, чтобы очаровать старика.

— Ты сказал, что больше всего он обрадуется, если я попрошу почитать мне главы из истории его семьи.

— Разве он не обрадовался?

— Он был счастлив. Твой дядя закончил рукопись вчера днём и читал мне её почти всю прошлую ночь. Ни разу в жизни я не испытывала такого потрясения. Эта книга возмутительна! Она отвратительна! Она ужасна!

— Но, разрази меня гром, не может быть, чтобы в нашей семье всё было настолько плохо!

— История семьи здесь не при чём! Твой дядя написал воспоминания! Он назвал их «Опыт долгой жизни»!

Я начал понимать, в чём здесь дело. Как я уже говорил, в юные годы дядя Уиллоуби любил погулять, и, наверное, ему было чем похвастаться, раз он решил поделиться с другими своим опытом.

— Если половина того, что он написал, правда, — продолжала Флоренс, — молодость твоего дяди была сплошным кошмаром! В первой же истории говорится, как его с моим отцом выкинули из мюзик-холла в 1887 году!

— За что?

— Я отказываюсь отвечать, за что!

Видимо, дел они натворили будьте-нате. Насколько я знал, в 1887 году людей из мюзик-холлов вообще не выкидывали.

— Твой дядя особо подчёркивает, что мой отец выпил полторы кварты шампанского, прежде чем они отправились веселиться. Вся книга состоит из подобного рода историй. Одна из них, о лорде Эмсуорте, просто неприлична.

— О лорде Эмсуорте? Это не тот, которого мы знаем? Из Бландингза?

— Он самый. Именно поэтому книга невыносима. В ней полно рассказов о людях, в настоящее время являющихся столпами общества, которые вели себя в восьмидесятые годы хуже пьяной матросни с китобойного судна! Твой дядя помнит отвратительные подробности о каждом, кому было тогда двадцать с небольшим лет. Приключение сэра Жервез-Жервеза в Рошервильских садах описывается в мельчайших деталях. Оказывается, сэр Стэнли... нет, я не могу тебе этого рассказать!

— Да ну, брось!

— Нет!

— Хорошо, хорошо, не волнуйся. И вообще я уверен, раз всё так плохо, как ты говоришь, ни один издатели этой книги не опубликует.

— Напротив. Твой дядя сказал, что у него существует окончательная договорённость с «Риггз и Беллинджер», и что он отправляет им рукопись бандеролью завтра днём. Они специализируются на литературе такого сорта. Недавно у них вышла книга леди Карнаби «Мемуары восьмидесятилетней женщины».

— Я их читал!

— В таком случае знай, что мемуары леди Карнаби не идут ни в какое сравнение с опытом твоего дяди! Надеюсь, теперь ты понимаешь, почему я в таком состоянии. Мой папа фигурирует чуть ли не в каждом рассказе! Я потрясена его ужасным поведением в молодости!

— Что ты предлагаешь?

— Бандероль необходимо перехватить прежде, чем она попадёт в издательство, и уничтожить!

Я посмотрел на неё с уважением. Она не потеряла присутствия духа и, по всей видимости, приготовилась к решительным действиям.

— Что ты собираешься предпринять?

— Что я собираюсь предпринять? Разве я не говорила тебе, что твой дядя отсылает рукопись завтра днем? Я уезжаю сегодня к Мургатройдам на танцы и вернусь только в понедельник. Этим делом займёшься ты. Именно поэтому я и послала тебе телеграмму.

— Что?!

Она бросила на меня странный взгляд.

— Ты хочешь сказать, что отказываешься мне помочь, Берти?

— Нет, но... послушай!

— Это очень просто.

— Но если я... то есть... конечно, всё, что в моих силах... но... видишь ли, я имею в виду...

— Ты говорил, что хочешь жениться на мне, Берти?

— Да, конечно, но...

В эту минуту она как две капли воды была похожа на своего отца.

— Я никогда не выйду за тебя замуж, если «Опыт долгой жизни» твоего дяди будет опубликован.

— Но Флоренс, старушка!

— Я не шучу. Можешь считать это испытанием, Берти. Если ты проявишь находчивость и мужество и сумеешь добиться успеха, я буду знать, что ты вовсе не такой вялый и беспомощный, каким тебя все считают. Если же ты меня подведёшь, я пойму, что твоя тётя Агата была права, когда называла тебя мягкотелым беспозвоночным и советовала мне ни в коем случае не выходить за тебя замуж. Похитить рукопись совсем несложно, Берти. От тебя требуется лишь немного решимости.

— А вдруг дядя меня застукает? Я глазом не успею моргнуть, как он лишит меня наследства.

— Ну, если деньги для тебя важнее, чем я...

— Нет, нет! Конечно, нет!

— Что ж, тогда решено. Пакет, естественно, будет лежать завтра утром на столе в холле вместе с письмами, которые Оукшот относит в деревню на почту. Тебе не составит большого труда забрать его и уничтожить. Твой дядя решит, что он потерялся во время пересылки.

Это показалось мне сомнительным.

— Разве у него нет второго экземпляра?

— «Опыт долгой жизни» не отпечатан на машинке. Твой дядя посылает рукописный текст.

— Но он может написать его заново.

— Как будто у него хватает сил!

— Но...

— Если ты не способен ни на что, кроме абсурдных возражений, Берти...

— Я только пытаюсь всё учесть.

— Не надо! Последний раз спрашиваю, сделаешь ты для меня это доброе дело или нет?!

Её слова подали мне блестящую мысль.

— Почему бы тебе не обратиться к Эдвину? Решить вопрос, так сказать, в семейном кругу. К тому же ты просто благодетельствуешь ребёнка.

По— моему, я здорово придумал. Эдвин был её младшим братом, проводившим в Изби летние каникулы. Он сильно смахивал на хорька, и я терпеть его не мог. Строго

придерживаясь фактов -раз уж мы заговорили о мемуарах и жизненном опыте, должен признаться, что именно этот чёртов Эдвин девять лет назад привёл своего отца в конюшню, где я курил сигару, чем доставил мне несколько незабываемых минут. Сейчас ему стукнуло четырнадцать, и он вступил в бой-скауты. Ребёнок он был старательный и очень серьёзно относился к своим обязанностям. Ему положено было делать определённое количество добрых дел в день, но он вечно отставал от графика и пытался догнать самого себя, рыская по всему имению и превращая жизнь и людей, и животных в сущий ад.

Флоренс, казалось, не пришла от моей идеи в восторг.

— Я никогда этого не сделаю, Берти. Меня удивляет, что ты не оценил доверия, которое я тебе оказала.

— Нет, что ты, конечно, оценил, но я имел в виду, что у Эдвина это получится куда лучше, чем у меня. Бой-скауты, знаешь ли, только тем и занимаются, что повсюду прячутся и чего-то выискивают. Они умеют замечать следы, лазать по деревьям, скрываться от погони и всякое такое.

— Берти, ты выполнишь или не выполнишь мою более чем пустяковую просьбу? Если нет, скажи прямо и давай покончим с этим фарсом. По крайней мере станет ясно, что я значу для тебя не больше, чем пустой звук.

— Дорогая моя старушка, я люблю тебя всей душой!

— В таком случае, ты выполнишь или не выполнишь...

— Ох, ну хорошо, — сказал я. — Хорошо! Хорошо! Хорошо!

И я пошёл к себе, чтобы тщательно всё обдумать. В коридоре мне повстречался Дживз.

— Прошу прощения, сэр. Я всюду вас искал.

— В чём дело?

— Я должен поставить вас в известность, сэр, что кто-то почистил ваши коричневые ботинки чёрным гуталином.

— Что?! Кто? Зачем?

— Не могу знать, сэр.

— И ничего нельзя сделать?

— Ничего, сэр.

— Проклятье!

— Слушаюсь, сэр.

* * *

С тех пор я часто задумывался, каким образом бедолагам убийцам удаётся нормально жить и работать, замыслив новое преступление. Мне предстояло куда более лёгкое дело, но мысль о нём не давала мне покоя, и я всю ночь проворочался в постели, а наутро встал совсем разбитым. Даю вам честное слово, у меня появились тёмные круги под глазами! Мне даже пришлось обратиться к Дживзу за помощью и попросить его приготовить очередной спасительный коктейль.

По прошествии нескольких часов после завтрака я начал понимать, что чувствует на железнодорожной платформе вор, выхватывающий сумки из рук. Я слонялся по холлу в

ожидании рукописи, а её всё не приносили и не приносили. Дядя Уиллоуби не вылезал из библиотеки, по всей видимости добавляя последние штрихи к своему произведению, и чем больше я думал о предстоящем похищении, тем меньше оно мне нравилось. Я расценивал свои шансы на успех как два к трём, а при мысли о том, что будет, если я попадусь, холодные мурашки бегали по моей спине. Дядя Уиллоуби был, как правило, старичком покладистым, но я несколько раз видел его в гневе и, клянусь своими поджилками, даже думать боялся, как он взбеленится, если узнает, что я посягнул на дело его жизни.

Было около четырёх часов, когда он вприпрыжку выбежал из библиотеки, положил пакет на стол и вприпрыжку же умчался обратно. Я в это время прятался к юго-востоку от места событий, а именно, за рыцарскими доспехами. Как только горизонт очистился, я в два прыжка очутился у стола, схватил бандероль и сломя голову кинулся по ступенькам к себе в комнату, чтобы как можно скорее запрятать свою добычу. Я нёсся, как мустанг, и, распахнув дверь, чуть не налетел на молодого Эдвина, бой-скаута, будь он трижды проклят. Он стоял у комода, прах его побери, и рылся в моих галстуках.

— Приветик! — сказал Эдвин.

— Что ты здесь делаешь?

— Прибираю твою комнату. Это моё последнее доброе дело за субботу.

— Ты имеешь в виду прошлую субботу?

— Я отстал на пять дней. Вчера было шесть, но я почистил твои ботинки.

— Так это ты...

— Да. Ты их видел? Хорошо получилось, верно? Я зашёл в комнату, потому что, когда тебя не было, здесь жил мистер Беркли. Вот я и подумал, если он чего-нибудь забыл, я смогу отослать ему это по почте. Мне часто приходилось совершать добрые дела такого рода.

— Я вижу, ты всем стараешься угодить!

С каждой минутой мне всё сильнее и сильнее хотелось отделаться от этого поганца. Бандероль я спрятал за спину и думаю, он её не заметил, но мне необходимо было положить пакет в комод, пока меня не застукал кто-нибудь другой.

— Не утруждай себя уборкой, — сказал я. — Пойди отдохни.

— Мне нравится наводить порядок. Это совсем нетрудно.

— Но в моей комнате замечательный порядок.

— Он станет ещё замечательнее, когда я закончу уборку.

Дело пахло жареным. Мне не хотелось убивать ребёнка, но в данный момент другого способа вытурить его отсюда я не видел. Затем я поднатужился и нашёл-таки выход.

— Ты можешь сделать для меня дело куда добрее уборки, — сказал я. — Видишь коробку сигар? Отнеси их в курительную комнату и обрежь концы. Ты здорово мне поможешь. Топай скорее, мой мальчик.

Какое— то мгновение он колебался, затем, слава всевышнему, потопал. Я быстро запер пакет в ящик комода, сунул ключ в карман брюк и сразу почувствовал себя намного лучше, чем раньше. Может, я и олух, но, прах побери, не до такой же степени, чтобы не обвести вокруг пальца сопливого мальчишку с лицом хорька. Со спокойной душой я спустился вниз и не успел пройти нескольких шагов, как из дверей курительной комнаты, словно чёртик из коробочки, выпрыгнул Эдвин. Думаю, если б ему действительно хотелось сделать настоящее доброе дело, он покончил бы жизнь самоубийством.

— Я их обрезаю, — сказал он.

— Прекрасно! Обрезай дальше!

— А много обрезать или мало?

— Средне.

— Ну, я пошёл.

— Валяй.

И на этом мы расстались.

* * *

Люди сведущие — детективы и прочие законники — скажут вам, что самое трудное на свете — избавиться от трупа. Помню, когда я был ребёнком, меня заставили выучить наизусть поэму об одном несчастном негодяе по имени Эжен Арам, который чуть не свихнулся, занимаясь этим делом. Сейчас-то я все забыл, пожалуй, кроме двух следующих строк:

Но содержание запечатлелось в моей памяти, и могу сказать вам, что бедолага тратил кучу драгоценного времени, кидая труп в воду, зарывая его в землю и тому подобное, а покойник с ослиным упрямством возвращался к нему вновь и вновь. Я сообразил, что мне предстоит не меньшие муки, чем этому Араму, примерно через час после того, как спрятал пакет в ящик комода.

Флоренс сказала об уничтожении рукописи как о чём-то само собой разумеющемся, но, если вдуматься, будь оно проклято, как можно уничтожить огромное количество бумаги в чём-то загородном доме в разгар лета? Я не мог попросить растопить камин в моей комнате при тридцатиградусной жаре. А если пакет нельзя сжечь, каким ещё образом от него избавиться? Солдаты на поле брани поедали свои неприкосновенные запасы, чтобы они не достались врагу, но мне потребовался бы минимум год, чтобы слопать манускрипт дяди Уиллоуби.

Должен вам признаться, я растерялся и, так ничего и не придумав, решил оставить пакет в запертом ящике и надеяться на лучшее.

Не знаю, испытывал ли кто-нибудь из вас это ощущение, но мне было жутко совестно чувствовать себя преступником. К вечеру один вид комода вызывал у меня глубокую депрессию. Нервы мои окончательно сдали; когда дядя Уиллоуби бесшумно зашёл в курительную комнату, где я отдыхал в одиночестве, и задал мне какой-то вопрос, я, должно быть, побил мировой рекорд по прыжкам в высоту с места.

В моём мозгу засела мысль, что дядюшка рано или поздно заметит, что со мной творится неладное, и спросит, в чем дело. Я не думал, что он начнёт подозревать о пропаже раньше субботнего утра, когда, естественно, должно было прийти подтверждение от господ Риггза и Беллинджера в получении рукописи. Но ранним вечером в пятницу он вышел из библиотеки, когда я проходил мимо, и попросил меня зайти. Вид у него был ошарашенный.

— Берти, — сказал он (старикан обожал говорить напыщенно-трагическим тоном), — произошло ужасное событие. Как ты знаешь, вчера вечером я отправил рукопись моей книги издателям, господам Риггзу и Беллинджеру. Они должны были получить её сегодня утром. Не могу тебе объяснить, почему я разволновался, но мне не давала покоя мысль о том, что с бандеролью может что-нибудь случиться. Поэтому несколько минут назад я позвонил

господам Риггзу и Беллинджеру по телефону. К своему ужасу, я услышал, что мой манускрипт они не получали.

— Как странно!

— Я отчётливо помню, что вовремя положил его на стол в холле. Тут дело нечисто. Я разговаривал с Оукшотом, который относил письма на почту, и он не помнит, чтобы на столе лежал пакет. Более того, он категорически заявляет, что, когда он поднялся в холл за письмами, никакого пакета на столе не было.

— Очень странно!

— Берти, сказать тебе, что я думаю?

— Что?

— Моё предположение наверняка покажется тебе невероятным, но оно объясняет известные нам факты. Я склоняюсь к мнению, что бандероль была украдена!

— О, это уж слишком! Не может быть!

— Подожди! Выслушай меня внимательно. Хотя я раньше ничего не говорил ни тебе, ни кому другому, факт остаётся фактом: за последние две недели в моём доме пропало несколько вещей, как ценных, так и безделушек. Вывод, к которому я вынужден был прийти, однозначен: в нашем обществе появился клептоман. Как тебе, несомненно, известно, особенность клептомании заключается в том, что больной не может распознать истинную ценность предмета. Он с одинаковой готовностью присваивает и старую куртку, и бриллиантовое кольцо или, скажем, курительную трубку, стоящую несколько шиллингов, и кошелёк с золотыми монетами. А так как моя рукопись не может иметь никакой ценности ни для кого, кроме...

— Но дядя, подожди, я знаю о вещах, которые у тебя пропали. Это мой камердинер Мэдоуз тащил всё, что плохо лежало. Он спёр у меня шелковые носки! Я застукал его на месте преступления!

Мои слова произвели на дядю потрясающее впечатление. Он с уважением на меня посмотрел.

— Я поражён, Берти! Немедленно пошли за своим человеком и допроси его.

— Но его здесь нет. Понимаешь, как только я обнаружил, что он — носочный вор, я тут же выставил его за дверь. Я для того и ездил в Лондон, чтобы нанять нового камердинера.

— В таком случае — если Мэдоуза больше нет в моём доме — он не мог присвоить себе мою рукопись. Загадочная история.

Долгое время мы молчали. Дядя Уиллоуби бегал по библиотеке с растерянным выражением на лице, а я сидел в кресле, пыхтя сигаретой. Я чувствовал себя точь-в-точь как один малый в книге, который убил другого малого и запрятал тело под стол, а потом должен был обедать и развлекать гостей за этим самым столом. Чувство вины давило на меня с такой силой, что я больше не мог оставаться с дядюшкой в библиотеке. Закурив ещё одну сигарету, я вышел прогуляться в сад, чтобы немного успокоиться.

Стоял один из тех тихих летних вечеров, когда за милую слышно, если улитка чихнёт. Солнце садилось за холмы, комары носились как угорелые, пахло просто потрясающе, на траве выступила роса — и только-только я начал приходить в себя, как услышал свое имя.

— Я хотел поговорить о Берти.

Это был омерзительный голос поганого мальчишки, Эдвина! Я растерянно огляделся по сторонам, затем поднял голову и в нескольких ярдах от себя увидел открытое окно библиотеки.

Меня всегда интересовало, как разного рода деятели в книгах умудряются за несколько секунд успеть сделать столько, что нормальному человеку и за десять минут не под силу. Так вот, хотите верьте, хотите нет, но я одновременно выплюнул сигарету, выругался, прыгнул за куст, растущий у окна, прижался к стене и вытянул шею. У меня не было сомнений, что сейчас я услышу о себе кучу гадостей.

— О Берти? — раздался удивлённый голос дяди Уиллоуби.

— О Берти и о вашем пакете. Я слышал, о чём вы только что разговаривали. Мне кажется, пакет у Берти.

Если я скажу вам, что в это время мне за шиворот свалился отдыхавший на кусте жук или таракан — в общем, кто-то большой, — а я даже не шелохнулся, надеюсь, вы поймёте, в каком я находился состоянии. Казалось, всё было против меня.

— Что ты имеешь в виду, дитя? Я действительно только что обсуждал с Берти пропажу моей рукописи, и он был поражён её загадочным исчезновением не меньше меня.

— Понимаете, вчера вечером я делал ему доброе дело — прибирал у него в комнате, — когда он туда вошёл с пакетом. Я видел пакет, хоть Берти и прятал его за спину. А затем он попросил меня уйти в курилку и обрезать кончики сигар, но двух минут не прошло, как он сошёл вниз, и в руках у него ничего не было. Поэтому пакет должен быть у него в комнате.

Мне кажется, они специально заставляют этих чёртовых бой-скаутов развивать наблюдательность, проводить расследования и тому подобное. Очень необдуманно и неразумно с их стороны. Сами видите, к чему это может привести.

— Невероятно! — сказал дядя Уиллоуби, одним словом вселяя в меня надежду.

— Хотите, я пойду поищу у него в комнате? — спросил поганец Эдвин. — Я уверен, что пакет там.

— Но для чего Берти воровать совершенно ненужную ему вещь?

— А может, он... ну как его, тот, о ком вы говорили.

— Клептоман? Не может быть!

— Наверное, это Берти похитил все ваши вещи, — довольным тоном произнёс сопливый негодяй. — Он, должно быть, такой же, как Ваффлз.

— Ваффлз?

— Я читал о нём в книге. Он воровал всё подряд.

— Я не верю, что Берти... э-э-э... ворует всё подряд.

— Я точно знаю, пакет у него. Хотите скажу, что можно сделать? Объявите ему, что мистер Беркли — он жил в комнате Берти, пока его не было, — прислал телеграмму с просьбой прислать какую-нибудь вещь, которую он забыл.

— Гм-м. Возможно...

Я не стал ждать, чем закончится их разговор. Дела мои были плохи. Я осторожно выбрался из куста, помчался к входной двери и через минуту стоял у комода. И вот тут выяснилось, что у меня нету ключа. Внезапно я сообразил, что вчера вечером, переодеваясь к обеду, я положил его в другие брюки.

Куда запропастился мой вечерний костюм? Я перерыл всю комнату, пока мне не пришло в голову, что Дживз мог забрать его, чтобы почистить и привести в порядок. Я кинулся к звонку, дёрнул за шнурок, и в эту минуту на лестнице послышались шаги и на пороге появился дядя Уиллоуби.

— Ах, Берти, — сказал он, даже не покраснев. — Я, видишь ли, получил телеграмму от Беркли, который здесь жил во время твоего отсутствия. Он забыл в Изби портсигар. Внизу

его нет, поэтому я подумал, что он в этой комнате.

— Я... э-э-э... посмотрю.

Честно вам признаюсь, зрелище было отвратительное: седовласый старик, которому не мешало бы подумать о загробной жизни, стоял передо мной как ни в чем не бывало и лгал направо.

— Я не видел здесь портсигара, — сказал я.

— Тем не менее, я поищу. Я должен приложить все усилия, чтобы... э-э-э... вернуть вещь её владельцу.

— Если б он здесь был, я наверняка бы его заметил. Что?

— Ты мог, гм-м, просто не обратить на него внимания. А вдруг он в комод? И он принялся выдвигать один ящик за другим, обнюхивая каждую мою вещь, как легавая, и время от времени что-то несвязно бормоча о Беркли и его портсигаре жутким, гнусавым голосом. Я стоял как вкопанный и каждую минуту терял в весе.

Наконец дядя добрался до ящика, в котором лежала рукопись.

— Заперто, — пробормотал он, изо всех сил дёргая за ручку.

— Да, там можешь не искать. Он... он... заперт, и вообще закрыт.

— У тебя нет ключа?

Тихий почтительный голос за моей спиной произнёс:

— Простите, сэр, мне кажется, вам требуется этот ключ. Он лежал в кармане ваших брюк.

Это был Дживз. Как всегда, он появился бесшумно и сейчас стоял с моей вечерней парой в одной руке и ключом в другой. Если б я мог, я придушил бы его на месте.

— Благодарю вас, — сказал дядюшка.

— Не за что, сэр.

В следующее мгновение дядя Уиллоуби открыл ящик. Я зажмурился.

— Нет, — услышал я его голос. — Здесь тоже ничего. Пусто. Спасибо, Берти. Надеюсь, я не очень тебя потревожил. Наверное... э-э-э... Беркли ошибся.

Когда он ушёл, я тщательно запер дверь. Потом повернулся к Дживзу. Он аккуратно вешал мой костюм на спинку стула.

— Э-э-э... Дживз!

— Сэр?

— Нет, ничего.

По правде говоря, я не знал, с чего начать.

— Э-э-э... Дживз!

— Сэр?

— Ты... там... ты случайно не...

— Я вынул бандероль из ящика сегодня утром, сэр.

— Наверное, моё поведение кажется тебе несколько странным, Дживз?

— Вовсе нет, сэр. Я случайно слышал ваш разговор с леди Флоренс позавчера вечером, сэр.

— Да ну, прах его побери?

— Да, сэр.

— Знаешь... э-э-э... Дживз, я думаю, что вообще-то, если ты, так сказать, оставишь рукопись у себя, пока мы не вернёмся в Лондон...

— Безусловно, сэр.

— А затем мы... э-э-э... попросту говоря, забросим её куда-нибудь, и дело с концом.

Что?

— Вне всякого сомнения, сэр.

— Я поручаю это тебе, Дживз.

— Можете не беспокоиться, сэр.

— Знаешь, Дживз, а ты малый не промах.

— К вашим услугам, сэр.

— Один на миллион, клянусь своими поджилками!

— Вы очень добры, сэр.

— В таком случае на сегодня всё, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

* * *

Флоренс вернулась в понедельник, но я увидел её только в столовой, куда гости собрались на чаепитие, так что нам удалось поговорить не раньше, чем они разбрелись кто куда.

— Ну, Берти? — спросила она.

— Порядок.

— Ты уничтожил рукопись?

— Не совсем, но...

— Как это не совсем?

— Понимаешь, дело в том...

— Берти, ты увливаешь от ответа.

— Да нет, всё в порядке. Просто...

И я собрался рассказать ей, что произошло, когда из библиотеки вприпрыжку выбежал дядя Уиллоуби, сияя, как двухлетний ребёнок. Старика было не узнать.

— Удивительное событие, Берти! Я только что разговаривал по телефону с мистером Риггзом, и он сказал мне, что получил мою рукопись сегодня утром! Представить себе не могу, чем была вызвана такая задержка. Загородные почтовые отделения работают из рук вон плохо. Надо будет написать жалобу в центральное управление. Нельзя допустить, чтобы ценные посылки не приходили в срок!

Всё это время Флоренс сидела ко мне в профиль, когда же дядюшка закончил говорить и упрыгал обратно в библиотеку, она резко повернулась и бросила на меня взгляд, который резал не хуже кухонного ножа. Наступила тишина, настолько ощутимая, что её можно было хлебать ложками.

— Ничего не понимаю, — сказал я, не выдержав долгого молчания. — Нет, не понимаю, клянусь всеми святыми!

— Зато я понимаю. Я очень хорошо понимаю, Берти. Ты струсил. Тебе не захотелось рисковать...

— Нет, нет! Конечно, нет!

— Ты предпочёл потерять меня, а не деньги. Возможно, ты не поверил тому, что я

сказала. Но каждое моё слово было правдой. Наша помолвка расторгнута.

— Но послушай!

— Ни слова!

— Но Флоренс, старушка!

— Я не желаю больше с тобой разговаривать. Теперь я понимаю, что твоя тётя Агата была абсолютно права. Прошло то время, когда я считала, что из тебя может получиться что-то путное. Теперь я вижу, что это невозможно!

И она вышла из столовой, оставив меня страдать в одиночестве. Когда я немного отошёл от полученной встряски, я отправился к себе и дёрнул за шнурок звонка. Дживз появился в комнате с таким видом, как будто ничего не произошло и не могло произойти. Я никогда не видывал более спокойных малых, чем он.

— Дживз! — в отчаянии воскликнул я. — Дживз, эта бандероль пришла по почте в Лондон!

— Да, сэр?

— Эго ты её послал?

— Да, сэр. Я действовал в ваших интересах, сэр. Я думаю, и вы, и леди Флоренс переоценили опасность того, что люди оскорбятся, прочитав о себе в воспоминаниях лорда Уиллоуби. По собственному опыту я знаю, сэр, что любой нормальный человек гордится, когда его или её имя появляется в печати, независимо от того, что о нём или о ней пишут. У меня есть тётя, сэр, у которой несколько лет назад стали сильно опухать ноги. Она попробовала лечиться «Несравненным бальзамом Уолкиншоу» и испытала такое облегчение, что тут же послала фирме письмо с благодарностью. Её радость при виде фотографии в газете своих нижних конечностей до (зрелище более чем отвратительное, сэр) и после лечения была так велика, что это натолкнуло меня на следующую мысль: большинство людей хочет, чтобы сведения о них были опубликованы. Кроме того, если бы вы изучали психологию, сэр, вы поняли бы, что почтенные старые джентльмены будут крайне польщены, если кто-то напишет о том разгульном образе жизни, который они вели в молодости. У меня есть дядя...

Я проклял его тётей и дядей, а заодно всю семью до седьмого колена.

— Ты знаешь, что леди Флоренс расторгла нашу помолвку?

— Вот как, сэр?

И ни капли сочувствия! С тем же успехом я мог сказать ему, что сегодня хорошая погода.

— Ты уволен!

— Слушаюсь, сэр.

Он деликатно кашлянул.

— Раз я больше у вас не служу, сэр, я могу высказать своё мнение, не боясь показаться навязчивым. Я считаю, что ваш союз с леди Флоренс был бы крайне неудачен. Её светлость своевольна и деспотична, полная противоположность вам, сэр. Я находился в услужении у лорда Уорплздона около года, и за это время у меня было много возможностей изучить характер её светлости. Прислуга отзывается о ней далеко не благоприятно. Вспыльчивость её светлости вошла у нас в поговорку. Вы не были бы счастливы в браке, сэр!

— Убирайся!

— Я также считаю, что метод, который она выбрала для вашего обучения, пришёлся бы вам не по вкусу. Я пролистал книгу, которую вам дала её светлость, — книга лежала на

столе с тех пор, как мы приехали в Изби, — и, по моему мнению, такая литература вам не подходит. Вы не получили бы удовольствия от подобного чтения. И я слышал от горничной, которая ненароком подслушала разговор её светлости с одним отдыхающим здесь джентльменом, что на днях она собирается заставить вас проштудировать труды Ницше. Вам бы не понравился Ницше, сэр. Его идеи в корне порочны.

— Убирайся!

— Слушаюсь, сэр.

* * *

Я никогда не перестану удивляться тому, что, ложась спать в одном настроении, почему-то просыпаешься совершенно в другом. Со мной это тысячу раз происходило. Когда я проснулся на следующее утро, мне уже не казалось, что сердце моё разбито навек. День стоял просто шикарный, и было что-то такое в солнце, светившем в окно, и в птицах, устроивших гвалт на стеблях плюща, отчего мне вдруг стало казаться, что Дживз в чем-то был прав. В конце концов, несмотря на изумительный профиль, была ли Флоренс Крайе такой ценной находкой, если судить со стороны? Не было ли доли истины в том, что Дживз говорил о её характере? Внезапно я понял, что мне нужна совсем другая жена: хлопотливая, расторопная, домашняя, уютная, ну и всё такое прочее. На этом месте мои размышления прервались сами собой, потому что взгляд мой случайно упал на «Модели теории этики». Я открыл книгу и, даю вам честное слово, прочитал следующее:

«Из двух антитетических терминов в греческой философии только один является реальным и имеющим право на существование, а именно Абстрактная Мысль, противопоставленная конкретному явлению, которое она должна распознать и определённым образом сформировать. Другой термин, соответствующий человеческой природе, следует рассматривать как воспринимаемый чувствами, а следовательно, нереальный, не имеющий перманентной основы, подразумевающий возможность противоречивых утверждений, одним словом, пытающийся познать истину через её отрицание, а также отрицание действительности, рамками которой данная истина ограничена.»

Э— э-э... я хочу сказать -что? А Ницше, если поразмыслить, был ещё хуже!

— Дживз, — сказал я, когда он скользнул в комнату с моим утренним чаем. — Я тут подумал и решил, что снова тебя беру.

— Благодарю вас, сэр.

Я с наслаждением сделал глоток живительной влаги. Внезапно я почувствовал, что начинаю испытывать большое уважение к этому малому, высказывающему столь здравые суждения.

— Э-э-э... Дживз, — сказал я, — это насчёт моего клетчатого костюма.

— Да, сэр.

— Скажи, он действительно не годится?

— Немного кричащий, сэр, с моей точки зрения.

— Но куча приятелей спрашивали у меня, кто мой портной.

— Вне всякого сомнения, чтобы никогда не заказывать у него костюмов, сэр.

— Считается, что лучше него нет в Лондоне!

— Я не могу сказать ничего плохого о его характере и моральных устоях, сэр.

Я заколебался. У меня возникло такое чувство, что этот малый прибирает меня к рукам и что если я сейчас уступлю, то стану похож на беднягу Обри Фотергила, который даже свою душу не считал собственной. С другой стороны, Дживз, несомненно, обладал редким умом, и мне было бы куда спокойнее во многих отношениях, если бы он начал думать за меня. Я решил.

— Хорошо, Дживз, — сказал я. — Знаешь что? Отдай это безобразие кому хочешь!

Он посмотрел на меня, как смотрит нежный отец на ребёнка-несмышлёныша.

— Благодарю вас, сэр. Я подарил его помощнику садовника вчера вечером. Ещё чашку чая, сэр?

ГЛАВА 2. Карьера художника Корки

Перелистывая эти мои воспоминания, вы наверняка заметите, что время от времени место действия происходит в Нью-Йорке, и, возможно, это заставит вас вздрогнуть от неожиданности и изумлённо спросить: «Что это Бертрам делает так далеко от своей любимой родины?»

Ну, по правде говоря, это долгая история, и чтобы вам не было скучно, скажу в двух словах, что моя тётя Агата как-то послала меня в Америку помешать моему юному кузену Гусику жениться на актрисе, играющей в водевилях, а я так всё запутал, что счёл более разумным задержаться в Нью-Йорке, чем возвращаться домой и долгими часами выслушивать нравоучения тёти.

Итак, я решил смириться со своей добровольной ссылкой и послал Дживза снять мне квартиру.

Должен вам сказать, в Нью-Йорке ссыльным живётся вполне сносно. Приняли меня просто прекрасно, скучать мне вообще не приходилось, и я не совру, если признаюсь, что трудностей я не преодолевал. Одни малые представили меня другим малым, и скоро я обзавёлся кучей вполне приличных знакомых. Одни из них были нафаршированы деньгами, как кабачки, и жили в особняках у парка, другие сэкономили на газовом отоплении и снимали помещения на площади Вашингтона. Последние, само собой, были художниками, писателями, в общем, ребятами с мозгами.

Малыш Корка, чью историю вы сейчас узнаете, был одним из художников. Он называл себя портретистом, но, по правде говоря, ещё не открыл своим картинам счёт. Понимаете, вся загвоздка в том — я немного изучал этот вопрос, — что ты не можешь писать портретов, если люди к тебе не приходят и не просят этого сделать, а они никогда к тебе не придут, если ты уже не написал кучу портретов. Именно поэтому тщеславному молодому художнику стать портретистом очень трудно, если не сказать невозможно.

Корка выкручивался, как мог, изредка рисуя комические шаржи для различных газет и журналов — у него был талант подмечать всякие забавные вещи, — а также плакаты, рекламирующие пружинные матрасы и мягкие кресла. Однако основной статьёй его дохода было пособие, которое он выуживал у своего богатого дяди, Александра Уорпла, занимавшегося торговлей джутом. Честно признаться, я плохо себе представляю, что такое джут, но, видимо, население Америки никак не могло без его обойтись, потому что Александр Уорпл грёб деньги лопатой.

Знаете, наша молодёжь считает, что, имея богатого дядюшку, можно жить себе припеваючи, но Корка опровергал это мнение. Его дядюшка был дюжим малым, который, казалось, будет жить вечно. Ему недавно стукнул пятьдесят один год, но выглядел он ненамного старше племянника. Однако бедняга Корка расстраивался не по этому поводу: он не был ханжой и не имел ничего против, чтобы его дядя жил, сколько ему вздумается. Корка возмущался тем, что Уорпл, как это говорится, все время его подзуживал.

Видите ли, дядя Корки не хотел, чтобы его племянник был художником, так как считал, что у него нет никакого таланта. Александр Уорпл всё время убеждал его плюнуть на Искусство и заняться джутом, начав с самого низу и постепенно продвигаясь по службе. А Корка на это отвечал, что он не представляет себе, о каком низе идет речь, но догадывается, что ничего омерзительное в жизни не бывает. Более того, Корка свято верил, что станет

великим художником. Когда-нибудь, утверждал он, я добьюсь колоссального успеха. Тем временем, используя весь свой такт и силу убеждения, он умудрялся вытряхивать из Уорпла небольшое ежеквартальное пособие.

Не видать бы Корке этих денег, как своих ушей, если бы не одно обстоятельство. Дело в том, что Александр Уорпл был человеком со странностями и имел своё хобби. Согласно моим наблюдениям, американский командор индустрии ничем не занимается в свободное от работы время. Когда он закрывает свою лавочку вечером, он погружается в транс, из которого выходит только утром, чтобы снова стать командором индустрии. Но мистер Уорпл в свободное от работы время увлекался наукой под названием орнитология. Он написал книгу «Птицы Америки» и, по слухам, писал вторую, которую хотел озаглавить «Другие птицы Америки». Поговаривали, он и на этом не успокоится и будет выпускать книги до тех пор, пока запас американских птиц не иссякнет. Как бы то ни было, из Уорпла можно было веревки вить, попросив его рассказать что-нибудь о птицах, и Корка умело этим пользовался. Но как он страдал! Во-первых, это отнимало у него массу сил, а во-вторых, он признавал птиц только на блюде и только в обществе холодной бутылки вина.

Заканчивая портрет мистера Уорпла, скажу, что человек он был вспыльчивый и относился к своему племяннику со снисходительной жалостью, считая его слабоумным дурачком, не способным принять ни одного правильного решения. Мне иногда кажется, что Дживз относится ко мне точно так же.

Поэтому, когда однажды днём Корка просочился ко мне в квартиру, толкая впереди себя девушку, и сказал: «Берти, я хочу познакомить тебя со своей невестой, мисс Сингер», я сразу понял, о чём он пришёл о мной посоветоваться, и первым делом спросил:

— Корка, а как же твой дядя?

Бедняга невесело рассмеялся. Он выглядел взволнованным и расстроенным, как человек, который убить-то убил, а куда девать труп, не знает.

— Мы так боимся, мистер Вустер, — сказала девушка. — Мы надеялись, вы подскажете нам, как помягче сообщить ему о нашей помолвке.

Мюриэль Сингер относилась к числу тех обаятельных, трогательных девушек, которые глядят на вас широко открытыми невинными глазами, словно не сомневаются, что вы — самый замечательный человек на всём белом свете, но почему-то сами этого не понимаете. Она скромно сидела в кресле и смотрела на меня, говоря своим взглядом яснее всяких слов: «О, я уверена, этот прекрасный мужественный человек никогда меня не обидит». От неё исходили волны, заставляющие мужчину думать о её защите и вызывающие в нём желание подойти к ней, потрепать по руке и сказать что-нибудь вроде: «Ну, ну, малышка, успокойся!». Глядя на неё, я чувствовал, что готов выполнить любую её просьбу. Мюриэль Сингер можно было сравнить разве что с американскими коктейлями, которые пьёшь, как сладкую водичку, и прежде чем понимаешь, что случилось, твёрдо решаешь преобразовать мир силой, если потребуется, — и подходишь к человеку в два раза шире тебя в плечах, угрожая свернуть ему голову на сторону, если он ещё раз на тебя так посмотрит. Понимаете, что я хочу сказать? Мисс Сингер заставила меня почувствовать себя рыцарем какого-то там стола. Я готов был пойти на всё, чтобы угодить ей.

— Не понимаю, чего ты боишься, — сказал я. — Мне кажется, твой дядя придёт от мисс Сингер в полный восторг.

Корка не развеселился.

— Ты не знаешь дядю. Даже если ему понравится Мюриэль, он никогда в жизни в этом

не признается. Прежде всего он подумает о том, что я сделал решительный шаг, предварительно с ним не посоветовавшись. Затем он устроит грандиозный скандал. Не в первый раз.

Я поднатужился, пытаюсь найти выход.

— Тебе надо устроить так, чтобы он познакомился с мисс Сингер, не подозревая о том, что ты её знаешь. Потом ты...

— Как ты предлагаешь это устроить?

Об этом я как-то не подумал.

— Нам остается одно, — сказал я.

— Что?

— Поручить это дело Дживзу.

И я нажал на кнопку звонка.

— Сэр? — сказал Дживз, появляясь в комнате. Одна из чудных особенностей Дживза заключается в том, что, если не наблюдать за ним, как коршун за добычей, практически невозможно заметить, когда он входит в комнату. Он похож на этих-как-их-там в Индии, которые растворяются в воздухе, а потом собирают себя по частям в том месте, где им захочется. У меня есть кузен, из тех что называют теософами, который утверждает, что ему почти удалось то же самое, но не до конца, так как в детстве он питался мясом убиенных животных, содержащим злобу и страх.

Как только я увидел Дживза, стоявшего в почтительном ожидании, у меня словно гора с плеч свалилась. Я чувствовал себя, как потерявшийся ребёнок, наконец-то увидевший своего отца.

— Дживз, — сказал я, — нам нужен твой совет.

— Слушаюсь, сэр.

Я в нескольких словах выложил ему историю страдальца Корки.

— Теперь ты знаешь, в чем дело, Дживз. Нам надо, чтобы мистер Уорпл встретился с мисс Сингер, не подозревая о том, что Корка с ней знаком. Ты понял?

— Безусловно, сэр.

— Ну, тогда думай, что можно сделать.

— Я придумал, сэр.

— Как! Уже?

— План, который я осмелюсь предложить, наверняка окажется успешным, но вы можете забраковать его, сэр, так как в нём имеется один изъян, а именно: он требует определённых финансовых затрат.

— Он хочет сказать, — перевёл я Корке, — что дело выгорит на все сто, если раскошелиться.

Естественно, у бедняги вытянулось лицо. Любой план, где надо было тратить деньги, не был для Корки успешным. Но я все ещё находился под влиянием обжигающего взгляда Мюриэль и чувствовал себя тем самым рыцарем.

— Можешь рассчитывать на меня, Корка, — сказал я. — Буду рад помочь, чем могу. Продолжай, Дживз.

— Я считаю, сэр, мистер Коркоран должен сыграть на увлечении мистера Уорпла орнитологией.

— Откуда, во имя неба, ты знаешь, что он помешан на птицах?

— Квартиры в Нью-Йорке, сэр, отличаются от домов в Англии. Перегородки между

комнатами здесь изготовлены из тонких материалов. Сам того не желая, я иногда слышал, как мистер Коркоран выражает свое мнение об упомянутом мной предмете.

— О! Ладно, поехали дальше.

— Почему бы молодой леди не написать небольшое сочинение под названием, ну, скажем, «Птицы Америки. Путеводитель для детей» и не посвятить его мистеру Уорплу? Ограниченный тираж может быть выпущен за ваш счёт, сэр, и, само собой разумеется, на каждой странице книги должны быть соответствующие сноски на фундаментальный труд мистера Уорпла на ту же тему. Я порекомендовал бы сразу по выходе в свет отправить один экземпляр книги мистеру Уорплу с сопроводительным письмом, в котором молодая леди попросит разрешения познакомиться с человеком, сыгравшим такую значительную роль в её жизни. Мне кажется, таким образом мы добьёмся желаемого результата, но, как я уже говорил, финансовые затраты будут значительными.

Я чувствовал себя как владелец дрессированной собаки, только что проделавшей очередной ловкий трюк. Я с самого начала сделал ставку на Дживза и знал, что он меня не подведёт. До меня просто не доходит, почему этот гениальный человек нянчится со мной, чистит мои костюмы, ну и всё такое прочее. Будь у меня половина его мозгов, я давно бы стал премьер-министром или кем-нибудь в этом роде.

— Дживз, — сказал я, — это сногшибательно! Лучшее, что ты мог придумать!

— Благодарю вас, сэр.

Мюриэль ему возразила:

— Как я смогу сочинить книгу, если я даже писем не умею писать?

— У моей невесты, — кашлянув, произнёс Корка, — не писательский, а драматический талант. До сих пор я об этом не упоминал, но меня всегда немного беспокоило, как дядя Александр отнесётся к тому, что она — хористка в водевиле «Выбирай входную дверь», который сейчас поставлен в Манхэттене. Наверное, это глупо с нашей стороны, но нам обоим почему-то кажется, что, узнав эту новость, дядя Александр прошибёт головой потолок.

Я понял, что он имел в виду. Не знаю почему — пусть в этом разбираются знатоки, — но дяди и тётки как класс всегда категорически возражают против разного рода драм, как в жизни, так и на сцене. А молоденьких актрис они просто на дух не переносят. Но у Дживза, само собой, был готов ответ и на этот вопрос.

— Мне кажется, сэр, не составит труда найти нуждающегося писателя, который с радостью согласится составить небольшой томик о птицах за умеренное вознаграждение. Необходимо только, чтобы на титульном листе стояло имя молодой леди.

— Верно! — воскликнул Корка. — Сэм Паттерсон займётся этим за сотню долларов. Он каждый месяц сочиняет для различных журналов и под разными именами одну повесть, три коротких рассказа и десять тысяч слов сериала. Такую мелочь, как путеводитель по птицам, он сможет написать, стоя на голове. Я немедленно к нему пойду.

— Прекрасно!

— Больше я вам не нужен, сэр? — спросил Дживз. — Слушаюсь, сэр. Спасибо, сэр.

Я всегда думал, что у издателей масса серого вещества со множеством мозговых извилин, но теперь-то я знаю, кто они такие на самом деле. Всё, чем должен заниматься издатель, это время от времени выписывать чеки, в то время как куча усердных, старательных малых делают всю основную работу. Теперь я сам побывал издателем, и меня не проведёшь. Я просто сидел у себя в квартире с авторучкой в руке, и по прошествии определённого времени выпустил книгу в свет.

Я был в гостях у Корки, когда принесли первые экземпляры «Путеводителя». Мюриэль Сингер сидела с нами, и мы болтали о всякой всячине, когда в дверь громко постучали, и рассыльный передал нам пакет.

Книга произвела на меня впечатление. На ярко-красной обложке с изображением какой-то птицы имя девушки было написано крупными золотыми буквами. Я открыл книгу наугад.

— Ранним весенним утром, — прочитал я в начале двадцать первой страницы, — когда вы бродите по полям, вам часто доводится слышать нежную, мелодичную, небрежно льющуюся трель лиловой зябликовой коноплянки. Когда вы станете старше, вам следует подробно прочитать о ней в замечательной книге мистера Уорпла «Птицы Америки».

Вот так— то! Реклама для дяди, лучше не придумаешь. И всего через несколько страниц он вновь оказался в центре внимания в связи с желтоклювой кукушкой. Умопомрачительная книга! Чем больше я читал, тем больше восхищался малым, который её написал, и Дживзом, подкинувшим нам эту гениальную идею. Теперь дядя был готов. Не мог человек, которого называли самым выдающимся авторитетом по желтоклювым кукушкам, не растаять как воск.

— Верняк! — сказал я.

— Дело в шляпе! — сказал Корка.

И через день или два он заявился ко мне и сообщил, что всё идёт по плану. Дядя прислал Мюриэль письмо, настолько сентиментальное и слюнявое, что Корка никогда не поверил бы в его подлинность, если б не знал почерка мистера Уорпла. В любое время, которое устроит мисс Сингер, писал дядя, он будет счастлив с ней познакомиться.

* * *

Вскоре после этого мне пришлось уехать из города. Спортсмены-ныряльщики пригласили меня погостить на побережье, и прошло несколько месяцев, прежде чем я снова вернулся в Нью-Йорк. По правде говоря, я часто вспоминал Корку, гадая, чем у него всё закончилось, и представьте себе моё изумление, когда в первый же вечер после возвращения я зашёл в тихий ресторанчик, куда часто навещался, чтобы избежать шума и суеты, и увидел Мюриэль Сингер, сидевшую в одиночестве за столиком. Корка, решил я, вышел позвонить по телефону. Я подошёл к ней, сгорая от любопытства.

— Так, так, так! Что? — сказал я.

— О, мистер Вустер! Здравствуйте!

— Корка здесь?

— Простите?

— Вы ведь ждёте Корку?

— О, я вас сразу не поняла. Нет, я его не жду. Мне показалось, в голосе её было что-то не то, знаете, словно чего-то не хватало.

— Может, вы поскандалили?

— Поскандалили?

— Ну, перекинулись парой тёплых слов. Поссорились. Не поняли друг друга, и все такое прочее.

— О господи, с чего вы взяли?

— Но ведь его здесь нет, что? Я думал, так сказать, он обедает вместе с вами, а потом провожает вас в театр.

— Я оставила сцену.

Внезапно меня осенило. Я совсем забыл, что долгое время отсутствовал.

— Ах да, конечно, теперь я понял. Вы вышли замуж?

— Да.

— Это просто здорово! Я от всей души желаю вам счастья!

— Большое спасибо. О, Александр, — сказала она, глядя через моё плечо, — познакомься с моим другом, мистером Вустером.

Я резко повернулся. Рядом со мной стоял краснощёкий здоровяк с коротко подстриженными седеющими волосами. Он сильно смахивал на вышибалу, хотя в данный момент лицо у него было миролюбивым.

— Я хочу представить вас своему мужу, мистер Вустер. Мистер Вустер — друг Брюса, Александр.

Старикан схватил меня за руку и принялся её трясти, тем самым не дав мне упасть в обморок. Честное слово. Пол ходил подо мной ходуном, как при землетрясении.

— Вы знакомы с моим племянником, мистер Вустер? — услышал я издалека его голос. — Может, нам удастся научить его уму-разуму и заставить отказаться от этой бредовой затеи стать художником. Впрочем, мне кажется, он начал постепенно взрослеть. Знаешь, дорогая, я заметил это в тот вечер, когда мы пригласили его на обед, чтобы он с тобой познакомился. По-моему, Брюс стал спокойнее и серьезнее относиться к жизни. Что-то на него повлияло. Возможно, мистер Вустер, вы доставите нам удовольствие и отобедаете с нами сегодня вечером? Или вы уже пообедали?

Я сказал, что обедал. В данный момент мне нужна была не еда, а глоток свежего воздуха. Я чувствовал, мне необходимо было собраться с силами, чтобы переварить то, что произошло.

Вернувшись домой, я услышал, как Дживз возится на кухне, и позвал его.

— Дживз, — сказал я, — пришла пора собирать камни. Сначала принеси мне б и с, только покрепче, а потом я сообщу тебе кое-какие новости.

Он вернулся с подносом, на котором стоял бокал бренди с содовой.

— Советую тебе тоже выпить, Дживз. Не помешает.

— Может быть, позже. Благодарю вас, сэр.

— Как знаешь. Но предупреждаю, у тебя будет шок. Ты помнишь моего друга, мистера Коркорана?

— Да, сэр.

— А девушку, которая сочинила книгу о птицах?

— Конечно, сэр.

— Ну так вот, она его надула. Вышла замуж за дядю.

Он и глазом не моргнул. Дживза невозможно выбить из колеи.

— Подобное развитие событий можно было предвидеть, сэр.

— Ты хочешь сказать, тебя это не удивляет?

— Возможность данного исхода приходила мне в голову, сэр.

— Да ну, Дживз? Клянусь небом, тебе следовало нас предупредить!

— Вряд ли я мог позволить себе такую вольность, сэр.

* * *

Само собой, после того, как я перекусил и несколько успокоился, я понял, что моей вины тут не было. В самом деле, не мог же я предугадать, что этот бесподобный план провалится с таким треском. И тем не менее, признаюсь вам честно, мне не особо хотелось встречаться с Коркой, пока время, великий целитель, не подлечит его душевные раны. В течение следующих нескольких месяцев я обходил площадь Вашингтона за милю. А затем, когда я совсем было собрался ходить прежним маршрутом, время, вместо того чтобы подлечить Корку, нанесло ему предательский удар в спину. Открыв как-то утром газету, я прочитал, что миссис Александр Уорпл подарила своему супругу сына и наследника.

Мне стало так обидно за старину Корку, что даже завтракать расхотелось. Это был кошмарный сон. Конец света. Хуже не придумаешь.

Я совершенно растерялся. Мне, конечно, хотелось броситься к бедному страдальцу и молчаливо пожать ему руку, но, честно говоря, я попросту струсил. Затем я решил не бередить его раны. И начал обходить площадь Вашингтона за две мили.

Но примерно через месяц с небольшим мной опять овладело беспокойство. Я подумал, что веду себя просто по-свински, скрываясь от бедолаги, который сейчас больше всего нуждается в поддержке верных друзей. Я представил себе, как он сидит в своей мастерской наедине со своими горькими мыслями, и мне стало так стыдно, что я тут же схватил первое попавшееся такси и помчался на площадь.

Когда я ворвался в мастерскую, Корка стоял у мольберта на полусогнутых и водил кистью по полотну, а напротив него в кресле сидела суровая матрона средних лет с грудным ребёнком на руках.

В жизни надо быть готовым ко всяким неожиданностям.

— Э-э-э... гм-м-м... — сказал я, пятясь. Корка оглянулся через плечо.

— Привет, Бerti. Не уходи. Я почти закончил. Это всё, — сказал он, обращаясь к матроне, которая встала и положила ребёнка в стоявшую у стены коляску.

— Завтра в то же время, мистер Коркоран?

— Да, пожалуйста.

— До свидания.

— До свидания.

Корка стоял, провожая их взглядом, а потом повернулся ко мне и начал изливать душу. К счастью, он принял как само собой разумеющееся, что я обо всем осведомлён, и поэтому

не поставил меня в неловкое положение.

— Это дядюшкина затея, — сообщил он. — Мюриэль пока ещё ничего не знает. Он хочет сделать ей сюрприз на день рождения. Няня делает вид, что уходит погулять с ребёнком, а на самом деле мчится в мастерскую. Если хочешь знать, что такое ирония судьбы, Берти, задумайся, в какое положение я попал. Наконец-то мне удалось получить первый в жизни заказ на портрет, а позирует мне это недоваренное яйцо всмятку в облике ребёнка, который дал мне коленом под одно место, захапав наследство! Каково! Каждый день я получаю мордой об стол, глядя на этого грудного уродца, лишившего меня всех надежд на будущее. Я не могу отказаться писать портрет, потому что тогда дядя перестанет выдавать мне пособие, но каждый раз, когда я поднимаю голову и вижу тупой детский взгляд, я испытываю смертные муки. Говорю тебе, Берти, в те минуты, когда он смотрит на меня как бы снисходительно, а затем отворачивается и срыгивает, словно я вызываю у него отвращение, мне стоит огромных усилий сдержаться и не дать газетчикам повода для сенсации. Иногда мне кажется, я так и вижу заголовки крупными буквами: «Многообещающий молодой художник проламывает ребёнка череп!».

Я молча потрепал его по плечу. Мои чувства были так сильны, что я не смог выразить их словами. После этого случая я довольно долго не был в мастерской, не желая показаться бесцеремонным. Кроме того, должен честно признаться, няня ребёнка вызывала во мне суеверный ужас. Слишком уж сильно она смахивала на тетю Агату. Даже взгляд у неё был такой же пронзительный и буравящий.

Но однажды утром Корка позвонил мне по телефону.

— Берти!

— Алло!

— Что ты делаешь сегодня днём?

— Ничего особенного.

— Ты не мог бы прийти ко мне в мастерскую?

— А в чём дело? Что-нибудь случилось?

— Я закончил портрет.

— Молодчага! Так держать!

— Да, — с сомнением в голосе сказал он. — Знаешь, Берти, что-то в нём не так, понимаешь? Мне трудно объяснить, но портрет... Дядя придет через полчаса, чтобы посмотреть на него, и — сам не знаю почему — я бы хотел, чтобы ты был рядом. Мне нужна твоя моральная поддержка!

Я начал понимать, что меня ждут большие неприятности. Все указывало на то, что без Дживза я не обойдусь.

— Ты думаешь, он взбеленится?

— Он может.

Я попытался представить себе взбеленившегося краснощёкого вышибалу, которого я видел в ресторане. Мне это с лёгкостью удалось. Я сказал в телефонную трубку твёрдым голосом:

— Я приду.

— Замечательно!

— Но только в том случае, если ты разрешишь мне привести с собой Дживза.

— Почему Дживза? При чем здесь Дживз? Кому нужен Дживз? Дживз — болван, предложивший этот дурацкий...

— Послушай, Корка, старина! Если ты думаешь, я встречу с этим твоим дядей без Дживза, ты глубоко ошибаешься. Скорее я суну голову в пасть льва и укушу его за язык.

— Ох, ну ладно, — сказал Корка. Тон у него был недовольный, но тем не менее он согласился, поэтому я позвал Дживза и объяснил ему ситуацию.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Дживз.

* * *

Корка стоял у дверей и смотрел на свое произведение, выставив вперёд руку, словно боялся, что портрет может захватить ему по физиономии.

— Стой, где стоишь, Берти, — сказал он, не поворачивая головы. — А теперь говори честно, что ты о нём думаешь.

Свет из большого окна падал прямо на картину. Я уставился на неё. Затем подошёл ближе и снова уставился. Потом я вернулся на прежнее место, потому что отсюда она выглядела не такой страшной.

Некоторое время я колебался, потом осторожно сказал:

— Видишь ли, старина, я видел ребёнка всего один раз, да и то какое-то мгновение, но... ведь он был уродливым ребёнком, правда?

— Таким, как на портрете?

Я вновь посмотрел на картину, и врождённая честность не позволила мне соврать.

— Я думаю, это просто невозможно, старина.

Бедняга Корка запустил пятерню в волосы с темпераментом истинного художника и застонал.

— Ты абсолютно прав, Берти. Где-то я дал промашку. Лично у меня сложилось такое впечатление, что, сам того не зная, я проделал то же, что и великий Саржен, писавший души своих натурщиков. Я посмотрел в суть явления и изобразил на холсте душу этого ребёнка.

— Но откуда у ребёнка в столь нежном возрасте такая душа? Я не понимаю, как он успел так низко опуститься всего за несколько месяцев. Что скажешь, Дживз?

— Совершенно верно, сэр.

— Он... оно смотрит с вожделением, ты не находишь?

— Ты тоже это заметил? — спросил Корка.

— По-моему, это невозможно не заметить.

— Я пытался придать лицу мальчика весёлое выражение. Не знаю почему, но он выглядит как спившийся бабник.

— Вот именно, старина. Такое ощущение, что он пустился в колоссальный загул и наслаждается каждой его минутой. Как тебе кажется, Дживз?

— Он определённо похож на пьяного, сэр.

Корка собрался что-то сказать, но в это время дверь распахнулась, и на пороге показался его дядя.

В течение примерно трёх секунд в мастерской царили радость и веселье. Старикан потряс мне руку, хлопнул Корку по спине, сказал, что сегодня выдался прекрасный денёк, и постучал себе по ноге тростью. Дживз на мгновение исчез и материализовался у стены, так

что он его не заметил.

— Ну, Брюс, мой мальчик, наконец-то портрет готов. Ведь он готов, да? Принеси его скорее, я хочу на него посмотреть. Какой удивительный сюрприз я сделаю твоей тётке. Где же портрет? Я хочу...

А затем его желание внезапно исполнилось, и так как бедняга не был подготовлен, он покачнулся и чуть было не упал.

— У-у-у-у! — взвыл он, после чего примерно в течение минуты в комнате стояла мёртвая тишина. Честно говоря, такую неприятную тишину мне редко приходилось слышать.

— Это розыгрыш? — прогрохотал мистер Уорпл, и мне показалось, что в мастерской разорвалась бомба. Я подумал, что мне следует хоть как-то заступиться за несчастного Корку.

— Вам следует отойти немного подальше от картины, — посоветовал я.

— Вы абсолютно правы! — Он фыркнул. — Следует! Мне следует отойти от этой картины так далеко, чтобы я не смог разглядеть её в телескоп! — Он повернулся к Корке, как тигр в джунглях, учуявший запах свежего мяса. — И это... это... на это ты тратил своё время и мои деньги все эти годы? Художник! Я не позволил бы тебе покрасить мой дом! Я выдал тебе аванс за картину, думая, что ты человек компетентный, и эта... эта... пародия из юмористического журнала — всё, что ты написал? — Он резко повернулся к двери, рыча себе под нос. — Хватит! Если ты желаешь продолжать делать вид, что ты художник, только для того, чтобы оправдать собственную лень, это твоё личное дело! Но послушай, что я тебе скажу. Либо ты покончишь со своим идиотизмом, явишься ко мне в понедельник в контору и будешь работать, начав с самого низу и постепенно продвигаясь по службе, что тебе следовало сделать много лет назад, либо я не дам тебе больше ни одного цента... ни одного цента... ни одного... у-у-у-у!

Затем дверь захлопнулась, и Александр Уорпл нас покинул. Я выполз из своего личного бомбоубежища.

— Корка, старичок, — слабым голосом пробормотал я.

Корка стоял, уставившись на картину. Взгляд у него был тоскливый.

— Это конец, — с надрывом прошептал он.

— Что ты собираешься делать?

— Делать? Что я могу сделать? Мне не удастся писать картины, если у меня не будет денег на еду. Ты ведь слышал, что он сказал. Мне придётся идти в понедельник в его контору.

Я промолчал, не представляя, чем его можно утешить. Я прекрасно знал, как он относится к конторе и ко всему, что с ней было связано. Чувствовал я себя ужасно неловко. Как можно успокоить своего приятеля, если его только что приговорили к двадцати годам каторжных работ?

Затем мягкий, успокаивающий голос нарушил молчание.

— Если вы разрешите мне внести предложение, сэр!

Это был Дживз. Он отошёл от стены и внимательно разглядывал картину. Поверьте, я не смогу лучше выразить словами то впечатление, которое произвёл на меня Александр Уорпл, чем если просто скажу, что он заставил меня забыть о существовании Дживза.

— Я не помню, упоминал ли я когда-нибудь, сэр, о мистере Дигби Тистлтоне, в чьём услужении я одно время находился? Возможно, вы с ним знакомы? Он был финансистом. Сейчас его зовут лорд Бриджуорт. Больше всего на свете он любил повторять, что из любого

положения есть выход. Впервые я услышал от него это выражение после неудачи, постигшей его с патентованным средством для удаления волос.

— Дживз, — сказал я, — о чём это ты?

— Я упомянул мистера Тистлтона, сэр, потому что настоящая ситуация мало чем отличается от той, в которой он тогда оказался. Его средство для удаления волос не пользовалось спросом, но он не отчаялся и выставил его на продажу как шампунь против облысения, гарантирующий бурный рост волос в течение нескольких месяцев. Если помните, это средство было широко разрекламировано с помощью забавного рисунка биллиардного шара до и после применения шампуня. В конечном итоге мистер Тистлтон нажил огромный капитал, и вскоре после этого его сделали пэром Англии за услуги, оказанные короле. Мне кажется, если мистер Коркоран задумается над происшедшим, он, как и мистер Тистлтон, поймёт, что из любого положения есть выход. Кстати, его подсказал сам мистер Уорпл. В пылу гнева он заметил, что картина напоминает ему пародию из юмористического журнала. Портрет, написанный мистером Коркораном, мог вызвать неудовольствие отца ребёнка, но я не сомневаюсь, что издатели с радостью возьмут его, чтобы сделать серию юмористических рисунков. Если мистер Коркоран позволит мне высказать своё мнение, я скажу, что у него всегда был талант юмориста. Эта картина смела, энергична и наверняка привлечёт внимание публики. Я предчувствую её небывалую популярность.

Корка смотрел на портрет, и изо рта у него текли слюни. Лицо его было измученным. А затем внезапно он дико расхохотался.

— Корка, старина! — воскликнул я, массируя ему шею. Я боялся, что у бедняги началась истерика.

Корка начал бегать по студии.

— Он прав! Этот малый абсолютно прав! Дживз, ты мой спаситель! Ты сделал самое великое изобретение века! Явиться к нему в контору в понедельник! Начать с самого низу! Да я куплю его контору, если мне захочется! Я знаю редактора, заведующего отделом юмора в «Воскресной Звезде». Он отхватит у меня картину с руками и ногами! Только позавчера он говорил мне, как трудно найти хороший рисунок для серии. Он заплатит мне столько, сколько я попрошу! Я сижу на золотой жиле. Где моя шляпа? Мне обеспечен годовой доход до конца жизни! Где эта треклятая шляпа? Берти, одолжи мне пятёрку. Я возьму такси!

Дживз отечески улыбнулся. Вернее, у него отечески дёрнулся мускул в уголке рта — самое большее, на что он способен, когда улыбается.

— Если позволите, мистер Коркоран, я предложил бы вам следующее заглавие серии: «Приключения карапуза Губошлёпа».

Мы с Коркой благоговейно посмотрели на портрет, потом друг на друга. Дживз был прав. Лучшего названия было не придумать.

* * *

— Дживз, — сказал я. Прошло несколько недель, и я только что закончил просматривать юмористический отдел «Воскресной звезды». — Я оптимист. Я всегда был

оптимистом. Шекспир и ещё как-его-там утверждают, что за тьмой наступает рассвет, а в плохом можно найти хорошее и что выиграешь в одном, потеряешь в другом. Возьмём, к примеру, мистера Коркорана. Он вляпался по уши. По всему было видно, что ему уже никогда не выкарабкаться, а посмотри на него сейчас! Ты видел газету?

— Я позволил себе просмотреть её, прежде чем подал вам, сэр. Исключительно забавные картинки.

— Знаешь, они пользуются небывалым успехом.

— Я предвидел это, сэр.

— Должен тебе сказать, Дживз, что ты — гений. Тебе следует брать комиссионные за советы.

— В этом отношении я не могу пожаловаться, сэр. Мистер Коркоран был очень щедр. Я приготовил вам коричневый костюм, сэр.

— Нет, лучше я надену голубой с красной искрой.

— Только не голубой с красной искрой, сэр.

— Но он мне очень идёт.

— Только не голубой с красной искрой, сэр.

— Ох, ну хорошо, делай, как знаешь.

— Слушаюсь, сэр. Благодарю вас, сэр.

ГЛАВА 3. Дживз и незванный гость

Я не совсем уверен, но, по-моему, это Шекспир — или, по крайней мере, не менее толковый парень — сказал, что именно в тот момент, когда ты начинаешь чувствовать все прелести жизни, Судьба подкрадывается к тебе сзади с куском свинцовой трубы. Вы поняли, куда я клоню? Кто бы это ни сказал, он был абсолютно прав. Возьмите, к примеру, случай с леди Мальверн и её сыном Уилмотом. За минуту до того, как они вторглись в мою жизнь, я наслаждался ею лучше некуда.

Я всё ещё проживал в Нью-Йорке, а в это время года Нью-Йорк особенно прекрасен. Утро стояло шикарное, и я только что вышел из холодного душа, чувствуя себя свеженьким, как огурчик. По правде говоря, у меня было превосходное настроение ещё и потому, что не далее как позавчера я поставил Дживза на место. Нет, действительно я его обрезал как полагается и настоял-таки на своём. Знаете, что я вам скажу? Если бы я позволил событиям идти своим чередом, то просто превратился бы в раба. Этот малый угнетал меня, как хотел. Я ещё не возражаю, когда он отдаёт кому-нибудь мой очередной новый костюм, потому что Дживз здорово разбирается в костюмах, и в этом отношении на него можно положиться.

Но я чуть было не восстал, когда он не позволил мне надеть ботинки с суконным верхом, которые я любил, как своих братьев. А когда он попытался раздавить меня, как какого-то червяка, из-за шляпы, я вспомнил, что меня зовут Вустер, топнул ногой и показал ему, кто есть кто.

Эго долгая история, и у меня нет времени сейчас её вам рассказывать, но смысл заключается в том, что он хотел надеть мне на голову Чудо Белого Дома

— такую же, как у президента Кулиджа, — а я мечтал о Специальной Бродвейской, которую носят представители молодого поколения, и закончился наш спор тем, что после довольно неприятного разговора я купил Специальную Бродвейскую. Так обстояли дела в это самое утро, и я чувствовал себя мужественным и независимым.

Итак, я стоял в ванной комнате, гадая, что будет на завтрак, и одновременно массируя себе спину грубым полотенцем и напевая под нос, когда в дверь почтительно постучали. Я перестал петь и высунул в дверь голову.

— Привет! Жизнь прекрасна! — сказал я.

— К вам леди Мальверн, сэр.

— А?

— Леди Мальверн, сэр. Она ожидает в гостиной.

— Возьми себя в руки, Дживз, мой милый, — сурово сказал я, потому что никогда не любил розыгрышей до завтрака. В гостиной меня никто не ожидает. Ещё и десяти нет.

— Насколько я понял, сэр, леди Мальверн сошла с парохода рано утром.

Это звучало правдоподобно. Я припомнил, что по прибытии в Америку около года назад мне пришлось проснуться до неприличия рано, чуть ли не в шесть, а на берег я сошёл в районе восьми.

— Кто такая, разрази её гром, леди Мальверн, Дживз?

— её светлость не почтила меня своим доверием, сэр.

— Она одна?

— Её светлость сопровождает лорд Першор, сэр. Я думаю, его светлость — сын её светлости.

— О! Ладно, давай мои одеяния, и я облачусь в шесть секунд.

— Наша пёстрая шерстяная пиджачная пара готова, сэр.

— В таком случае веди меня к ней!

Одеваясь, я пытался сообразить, кто такая, будь она неладна, леди Мальверн. Но вспомнил я её, только когда заправил рубашку в брюки и потянулся за запонками.

— Я вспомнил, Дживз. Она подружка моей тёти Агаты.

— Вот как, сэр?

— Да. Я познакомился с ней у тёти Агаты на ланче, прежде чем уехать из Лондона. Вредная старуха. Писательница. Недавно вернулась из Дунбара и написала книгу о социальной справедливости в Индии.

— Да, сэр? Простите, сэр, другой галстук.

— А?

— К пёстрой шерстяной пиджачной паре требуется другой галстук, сэр.

Я был шокирован. Мне казалось, я усмирил этого малого. Момент был ответственный. Я хочу сказать, если б я сейчас смалодушничал, все мои труды можно было бы выкинуть псу под хвост. Я выпрямился во весь рост.

— Чем тебе не нравится этот галстук? Я не раз замечал, ты и раньше на него косо смотрел. Говори откровенно! Будь мужчиной! Что в нём плохого?

— Слишком цветастый, сэр.

— Глупости! Весёленький галстук, очень мне к лицу.

— Он не подходит к костюму, сэр.

— Дживз, я надену этот галстук!

— Слушаюсь, сэр.

Чертовски неприятно. Неловко получилось. Я видел, что малый уязвлён до глубины души. Тем не менее я повязал галстук твёрдой рукой, надел пиджак и вышел в гостиную.

— Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте — сказал я. — Что?

— Ах! Здравствуйте, мистер Вустер. Вы не знакомы с моим сыном, Уилмотом? Мотти, дорогой, это мистер Вустер.

Леди Мальверн была дамой энергичной, бодрой, непреклонного вида и поперёк себя шире. Она устроилась в самом большом моём кресле, словно специально изготовленном модельером, который знал, что в этом сезоне кресла носят в обтяжку по бёдрам. Её выпученные глаза сверкали, жёлтые волосы на голове напоминали стог сена, а когда она разговаривала, то показывала всему миру примерно шестьдесят семь передних зубов. Глядя на эту женщину, мне захотелось втянуть голову в плечи. Я чувствовал себя как десятилетний мальчишка, которого привели воскресным утром в гостиную поздороваться с гостями. Согласитесь, такие посетители — это не совсем то, что хочется видеть у себя в доме перед завтраком.

Мотти, её сын, двадцати трёх лет от роду, был высоким и тощим недотёпой. У него были такие же, как у матери, выпученные глаза, которые, однако, не сверкали, и жёлтые прилизанные волосы с прямым пробором. Ресниц у него я вообще не заметил, так же как и подбородка.

— Рад познакомиться, — сказал я, хоть это было неправдой. У меня возникло предчувствие, что впереди меня ждут большие неприятности. — Так вы переплыли океан? Надолго в Америку?

— Примерно на месяц. Ваша тётя дала мне ваш адрес и наказала обязательно вас

навестить.

Я был рад это слышать. Видимо, тётя Агата немного отошла. По-моему, я уже говорил вам, что мы были не в ладах в связи с тем, что она послала меня в Америку вытащить моего кузена Гусика из цепких когтей актрисы мюзик-холла. Если я скажу вам, что в результате моих стараний Гусик не только женился на девушке, но и сам стал с успехом выступать на сцене, вы поймёте, что отношения между тётей и племянником были несколько натянутыми.

У меня просто не хватало смелости вернуться в Англию и встретиться с ней, поэтому я испытал облегчение, услышав, что время залечило её раны настолько, что она попросила свою подружку меня навестить. Сами понимаете, хоть мне очень нравилась Америка, я бы не хотел навсегда лишиться возможности вернуться в родные пенаты, и можете мне поверить, Англия слишком мала, чтобы там можно было ужиться с тётей Агатой, если старуха встала на тропу войны. Поэтому я обрадовался, услышав ответ леди Мальверн, и добродушно ей улыбнулся.

— Ваша тётя сказала, что вы сделаете все возможное, чтобы нам помочь.

— Конечно! Само собой! Не сомневайтесь!

— Большое спасибо. Я хочу, чтобы вы какое-то время позаботились о моем дорогом Мотти.

Сначала я её не понял.

— Позаботился? Вы хотите, чтобы я записал его в свои клубы?

— Нет, нет! Мой Мотти — домашнее животное. Правда ведь, Мотти, дорогуша? Мотти, сосредоточенно сосавший набалдашник трости, распрямился как пружина.

— Да, мама, — сказал он и снова уткнулся в трость.

— Я совсем не хочу, чтобы он был членом клубов. Я имела в виду, что на время моего отсутствия он поселится вместе с вами, а вы о нем позаботитесь.

Она произнесла эти кошмарные слова как ни в чём не бывало. Эта женщина просто не желала понять, какое бредовое предложение она мне сделала. Я искоса посмотрел на Мотти. Он продолжал сидеть как истукан, запихав набалдашник трости в рот. Мысль о том, что это существо пытаются навязать мне на неопределённое время, привела меня в ужас. Я задрожал как осиновый лист, даю вам честное слово. Я только собрался открыть рот и заявить, что этот номер не пройдёт ни за какие деньги и что при первом же шаге Мотти в направлении моей квартиры я вызову полицию, как леди Мальверн вновь заговорила, оглушив меня раскатами своего голоса. От этой женщины с ума можно было сойти.

— Сегодня днем я уезжаю из Нью-Йорка на поезде. Мне необходимо посетить тюрьму Синг-Синг. Меня интересует социальная справедливость в тюрьмах Америки. Далее я намерена посетить места заключения по всему побережью. Видите ли, мистер Вустер, я в Америке с деловой поездкой. Вы, конечно, читали мою книгу «Индия и индийцы»? Так вот, мои издатели требуют, чтобы я написала второй том серии о Соединённых Штатах. Я не смогу провести в этой стране больше месяца, так как мне необходимо вернуться в Англию к открытию сезона, но месячный срок вполне меня устраивает. В Индии я прожила меньше месяца, а мой дорогой друг, сэр Роджер Креморн, написал свою книгу «Америка, взгляд изнутри», пробыв здесь менее двух недель. Я была бы счастлива взять с собой моего дорогого Мотти, но бедняжку укачивает в поездах. Я заберу его сразу по возвращении.

С кресла, на котором я сидел, было видно, как Дживз накрывает на стол в столовой. Мне ужасно хотелось хоть на минутку остаться с ним наедине. Я не сомневался, что он

нашёл бы способ заставить эту женщину заткнуться.

— Мне будет так спокойно на душе, мистер Вустер, от сознания того, что Мотти находится с вами. Я хорошо знаю соблазны большого города. До сих пор Мотти был ограждён от них. Мы жили тихой деревенской жизнью в моём загородном доме. Я уверена, что вы присмотрите за ним, мистер Вустер. Он не причинит вам хлопот. — Она говорила о слюнявом идиотике, как будто его здесь не было. Впрочем, Мости, по всей видимости, было на это наплевать. Он перестал сосать набалдашник и сидел с широко открытым ртом. — Мой Мотти вегетарианец, трезвенник и больше всего на свете любит читать. Дайте ему хорошую книгу, мистер Вустер, и он будет счастлив. Пойдем, Мотти. До отхода поезда мы успеем осмотреть несколько достопримечательностей. Кстати, дорогой, я надеюсь, за время моего отсутствия ты соберёшь побольше информации о Нью-Йорке. Мне она очень пригодится для книги, так что смотри, слушай и записывай свои впечатления. Я на тебя полагаюсь, Мотти! До свидания, мистер Вустер. Я пришлю вам Мотти к вечеру.

Они ушли, а я в ту же секунду кинулся к Дживзу.

— Дживз!

— Сэр?

— Что можно сделать? Ты ведь слышал? Ты не выходил из столовой, пока мы разговаривали. Этот прыщ собирается жить в моей квартире.

— Прыщ, сэр?

— Задохлик.

— Прошу прощенья, сэр?

Я подозрительно посмотрел на Дживза. Это было на него не похоже. Затем я понял, в чем дело. Этот малый решил отыграть на мне из-за галстука.

— С сегодняшнего дня лорд Першор будет здесь жить, — сказал я ледяным тоном.

— Слушаюсь, сэр. Завтрак подан, сэр.

Я готов был пролить слёзы прямо в яичницу с беконом. То, что Дживз даже не посочувствовал мне, окончательно меня доконало. По правде говоря, я чуть было не поддался минутной слабости и не велел ему выкинуть шляпу вместе с галстуком, раз уж они ему так не нравились, но потом я взял себя в руки. Будь я проклят, если позволю Дживзу вести себя как завязтому гангстеру!

Грустные размышления о Дживзе и о Мотти окончательно меня расстроили. Чем больше я думал о своём положении, тем мрачнее оно мне казалось. И главное, я был бессилён что-либо изменить. Если я дам Мотти пинка под одно место, он наябедничает на меня маме, а та пожалуется тётке Агате. Рано или поздно я захочу вернуться в Англию, а мне совсем не улыбалось сойти на пирс и первым делом увидеть тётю Агату с плёткой-семихвосткой в руках. Я просто обязан был приютить этого придурка и ублажать его по мере сил.

Примерно в полдень прибыл багаж Мотти, а затем рассыльный принёс большой пакет, в котором, по всей видимости, находились те самые хорошие книги. Пакет был достаточно велик, чтобы уgomонить Мотти не меньше чем на год. Заметно повеселев, я нацепил шляпу — Специальную Бродвейскую, — поправил узел цветастого галстука и отправился на ленч со своими друзьями. Мы отлично перекусили, поболтали, обсудили кое-какие слухи, ну и всё такое прочее. Время текло незаметно, и я почти забыл о существовании Мотти.

Я пообедал в клубе, затем пошёл в театр и вернулся домой довольно поздно. Мотти нигде не было видно, и я решил, что он отправился спать. Правда, мне показалось странным,

что пакет с книгами, перевязанный шпагатом, всё ещё лежал в прихожей. Наверное, Мотти, проводив маму, так устал, что сразу завалился в постель.

Дживз принёс мне в спальню рюмку виски с содовой, которую я всегда выпиваю на ночь. По его поведению было ясно, что он всё ещё дуется.

— Лорд Першор спит, Дживз? — спросил я вежливо, но с достоинством, короче, сами понимаете, каким тоном.

— Нет, сэр. Его светлость ещё не вернулся.

— Не вернулся? То есть как?

— Его светлость зашёл после половины седьмого, переоделся и снова вышел.

В этот момент у входной двери послышались какие-то звуки, словно кто-то в неё царапался. Затем раздался тупой удар.

— По-моему, надо выяснить, в чем там дело. Взгляни, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

Он исчез и через мгновение появился.

— Если вас не затруднит помочь мне, сэр, я думаю, вдвоём мы сможем его внести.

— Внести?

— Его светлость лежит на коврик у двери, сэр.

Я пошёл вслед за Дживзом. Малый оказался прав. Мотти лежал на резиновом коврике, и из его горла вырывались слабые стоны.

— Боже мой, у него припадок! — сказал я и наклонился, вглядываясь в белое как мел лицо. — Дживз! Кто-то накормил его мясом!

— Сэр?

— Ты ведь знаешь, он вегетарианец. Должно быть, ему подсунули бифштекс или что-нибудь в этом роде. Немедленно вызови доктора!

— Вряд ли его светлости необходим доктор, сэр. Если вы возьмётесь за ноги, а я...

— Разрази меня гром, Дживз! Не думаешь ли ты... не мог же он...

— Я склоняюсь к этому мнению, сэр.

И, будь оно всё неладно, Дживз оказался прав! Как только он подал мне эту здравую мысль, я прозрел. Мотти был пьян. В стельку!

Я был шокирован до глубины души.

— Кто бы мог подумать, Дживз!

— Никто, сэр.

— Избавившись от неусыпного ока, сразу пустился во все тяжкие!

— Вот именно, сэр.

— Неизвестно, где он шлялся допоздна, и всё такое. Что?

— Вы абсолютно правы, сэр.

— Придётся его внести.

— Да, сэр.

Мы втащили Мотти за руки и за ноги, и Дживз уложил его в постель, а я закурил сигарету и начал обдумывать ситуацию. У меня опять появились дурные предчувствия. Видимо, мои неприятности только начинались.

На следующее утро, выпив чашку чая, я отправился в комнату Мотти на разведку. Я думал, что застаю стонущего инвалида, но он сидел на кровати как ни в чём не бывало и увлечённо читал «Забавные истории».

— Привет! — сказал я.

— Привет! — сказал Мотти.

— Привет! Привет!

— Привет! Привет! Привет!

После чего я попал в затруднительное положение, не зная, как продолжить нашу беседу.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— Великолепно! — радостно объявил Мотти, сияя улыбкой. — Послушайте, что я скажу, этот ваш малый, как его, Дживз, парень что надо! С утра у меня трещала голова, но он принёс мне странный тёмный напиток — сказал, это его собственное изобретение, — и я сразу стал как новенький! Надо будет почаще с ним консультироваться. Таких, как он, раз-два и обчёлся!

Я смотрел и не верил своим глазам. Неужели это был тот самый придурок, который вчера сидел и сосал трость?

— Наверное, вы съели вчера что-нибудь для вас непривычное? — сказал я, давая ему шанс с честью выйти из положения. Но Мотти и не подумал воспользоваться моим благородством.

— Нет! — твердо сказал он. — Ничего подобного. Я слишком много выпил. Чересчур много. Так много, что даже не помню. А сегодня я опять выпью. Я буду пить каждый день. Если когда-нибудь вы увидите меня трезвым, старина, — произнёс он со священным трепетом в голосе, — похлопайте меня по плечу и скажите «Ай-яй-яй». Я тут же извинюсь и исправлю свою ошибку.

— Но послушайте, а как же я?

— При чём здесь вы?

— Ведь я, так сказать, в какой-то степени за вас отвечаю. И если вы, знаете ли, будете себя так вести, я, грубо говоря, окажусь в дурацком положении.

— Ничем не могу вам помочь, — непреклонным тоном заявил Мотти. — Видите ли, мой дорогой, впервые в жизни у меня появился шанс поддаться соблазнам большого города. Какой смысл большому городу иметь соблазны, если на них никто не будет поддаваться? Нельзя обижать большой город. Кроме того, мама поручила мне собрать побольше информации и записать мои впечатления.

У меня закружилась голова, и я присел на краешек кровати.

— Я знаю, что вы думаете, — сочувственно сказал Мотти. — И если б не мои принципы, я пошёл бы вам навстречу. Но долг прежде всего! Впервые в жизни я остался один, и я не намерен терять ни минуты своего драгоценного времени. Мы молоды раз в жизни. Зачем губить молодость? Молодые, возрадуйтесь молодости! Тра-ля-ля! Ура!

В общем — то, мне трудно было с ним спорить.

— всю свою жизнь, дорогой мой, — продолжал Мотти, — я проторчал в доме предков в Матч Миддлфолде, в Шропшире, и если вы никогда не торчали в Матч Миддлфолде, вы не представляете себе, что значит там торчать. Развлекаемся мы только в том случае, когда мальчишку из церковного хора застукают сосущим конфету во время проповеди. Заметьте, это единственное наше развлечение. Мы обсуждаем этот случай несколько недель подряд. А сейчас я остался один в Нью-Йорке на целый месяц, и я постараюсь накопить как можно больше счастливых воспоминаний, дабы легче было коротать долгие зимние вечера. А теперь скажите мне, старина, как мужчина мужчине, что надо предпринять, чтобы вызвать этого изумительного малого, Дживза? Позвонить? Громко крикнуть? Мне бы хотелось обсудить с ним важную проблему виски с содовой.

Знаете, пораскинув мозгами, я подумал, что неплохо было бы мне ходить вместе с Мотти, чтобы, так сказать, несколько умерить его пыл. Мне казалось, если он окончательно зарাপортуется, а я посмотрю на него с упрёком, ему станет стыдно и он несколько угомонится. Поэтому вечером я пригласил его поужинать. В первый и последний раз. Я тихий, смирный молодой человек, всю жизнь проживший в Лондоне, и мне не угнаться за здоровяками, выросшими в захолустье на свежем воздухе. Поймите меня правильно, я ничего не имею против весёлых вечеринок, но мне кажется, не стоит излишне привлекать к себе внимание, швыряя яйцами всмятку в электрический вентилятор. Против танцев я тоже не возражаю, но мне непонятно, как можно плясать на столе, а затем бегать от официантов, управляющего и вышибал вместо того, чтобы спокойно сидеть и переваривать пищу.

Как только мне удалось удрать из ресторана и вернуться домой, я дал себе честное слово, что больше никуда с Мотти не пойду. После этого случая я встретил его всего один раз. Поздно вечером, проходя мимо кабачка с сомнительной репутацией, я отскочил в сторону, чтобы не столкнуться с ним в тот момент, когда он летел по воздуху на противоположную сторону улицы, а мускулистый парень, стоявший в дверях, следил за его полётом с умиротворённым выражением на лице.

Честно говоря, мне было жалко Мотти. Он старался за четыре недели наверстать десять упущенных лет, и поэтому не терял ни минуты. Наверное, на его месте я вёл бы себя точно так же. Тем не менее я попал в щекотливое положение. Если б меня не грызла мысль о тёте Агате и леди Мальверн, я следил бы за быстрым образованием, которое получал Мотти, со снисходительной улыбкой. Но меня не покидало ощущение, что рано или поздно расплачиваться за его подвиги придётся мне. Волнуясь всё больше и больше, поджидая по ночам, когда он приползёт и свалится на коврик у дверей, втаскивая его в квартиру и проверяя на следующее утро, как он себя чувствует, я начал худеть. Всего за несколько дней я превратился в тень самого себя. Честное слово. К тому же я вздрагивал от каждого шороха и стал плохо спать.

И никакого сочувствия со стороны Дживза. Это окончательно выбило меня из колеи. Мальый просто зациклился на шляпе и галстукe, и его ничем было не прошибить. Однажды утром мне так захотелось, чтобы меня утешили, что я зачихал гордость Вустеров поглубже и обратился к нему напрямик.

— Дживз, — сказал я, — это уже ни в какие ворота не лезет!

— Сэр?

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Этот парень плюнул на всё, чему его учила мама. Он словно белены объелся!

— Да, сэр.

— Ну? Обвинят-то меня. Ты ведь знаешь мою тётю Агату.

— Да, сэр.

— Вот видишь.

Я замолчал, но он остался непоколебим.

— Дживз, — сказал я, — у тебя случайно нет про запас какого-нибудь плана, как избавиться от этого придурка?

— Нет, сэр.

И он исчез. Чёртов упрямец! Просто глупо, иначе не назовёшь. И ведь главное, ничего такого особенного в Специальной Бродвейской не было. Прекрасная шляпа, от которой все мои приятели приходили в восторг. Только потому, что Дживзу, видите ли, больше нравилось Чудо Белого Дома, он ничем не хотел мне помочь.

Вскоре Мотти пришла в голову блестящая мысль приводить собутыльников домой после закрытия питейных заведений. Это меня окончательно доконало. Дело в том, что я живу в такой части города, где к шуму относятся неодобрительно. Я знаю кучу парней, проживающих на площади Вашингтона, — художников, писателей и прочих деятелей, — которые начинают веселиться примерно в два часа ночи, а заканчивают утром, когда им доставляют молоко. Там это в порядке вещей. Они говорят, что соседи не могут уснуть, если над их головами не орут и не пляшут гавайские танцы. Но на Пятьдесят Седьмой улице царил несколько иная атмосфера, и когда Мотти заявился ночью с развесёлыми ребятами, которые перестали петь песни своих колледжей только после того, как хором затянули «Старое дубовое корыто», жильцы недвусмысленно высказали свое мнение по этому поводу. Разъярённый менеджер позвонил мне, когда я завтракал, и мне стоило больших усилий успокоить его.

На следующий день я пообедал в одиночестве, тщательно выбрав ресторан, где Мотти никогда бы не появился, и рано вернулся домой. В гостиной было темно, и я направился к торшеру, чтобы включить свет, когда кто-то схватил меня за ногу. События последних дней сделали из меня полного психопата, поэтому я громко завопил и бросился обратно в холл, чуть не столкнувшись с Дживзом, вышедшим посмотреть, что случилось.

— Вы меня звали, сэр?

— Дживз! Там кто-то кусается за ноги!

— Вы имеете в виду Ролло, сэр?

— Что?

— Я предупредил бы вас о нем, но я не слышал, как вы вошли. В настоящее время его поведение непредсказуемо, так как он не привык к новому месту.

— Кто такой, разрази его гром, этот Ролло?

— Бультерьер его светлости, сэр. Его светлость выиграл его в кости и привязал к ножке стола. Если вы позволите, сэр, я пойду с вами и включу свет.

Все— таки таких, как Дживз, больше нет. Он вошел в гостиную так же бесстрашно, как Даниил в логово льва. Более того, его магнетизм, или как там это называется, так подействовал на проклятого пса, что вместо того, чтобы цапнуть малого за ногу, он успокоился, словно напился валерьянки, и упал на спину, задрав кверху лапы. Будь Дживз его богатым дядюшкой, он вряд ли смог бы выказать ему большее уважение. Но стоило псу увидеть меня, он тут же вскочил, оскалился и попытался свернуть стол, явно намереваясь дожевать мою ногу до конца.

— Ролло к вам ещё не привык, сэр, — сказал Дживз, восхищённо глядя на четвероногую скотину. — Бультерьеры — прекрасные сторожевые собаки.

— Мне не нужна сторожевая собака, которая не пускает меня в мою собственную комнату.

— Да, сэр.

— Ну, что мне делать?

— Несомненно, со временем животное научится отличать вас от других, сэр. Оно запомнит присущий вам запах.

— В каком это смысле — присущий мне запах? Не думаешь ли ты, что я собираюсь провести полжизни в холле, пока эта гадина не решит наконец, что я пахну, как положено? — Я задумался. — Дживз!

— Сэр?

— Я уезжаю завтра утром. Первым поездом. Остановлюсь в загородном доме мистера Тодда.

— Прикажете сопровождать вас, сэр?

— Нет.

— Слушаюсь, сэр.

— Я не знаю, когда вернусь. Если мне придут письма, переправь их по почте.

— Да, сэр.

* * *

Должен вам признаться, что я вернулся в Нью-Йорк через неделю. Рок Тодд, приятель, у которого я остановился, был чудачком, предпочитавшим жить в одиночестве в глуши Лонг-Айленда. Более того, такая жизнь была ему по душе, в то время как я считал её хуже каторги. Старина Рок — прекрасный парень, и всё такое, но через неделю, проведённую в его доме вдали от цивилизации, Нью-Йорк начал казаться мне раем несмотря на то, что в нём ошивался Мотти.

Сутки на Лонг-Айленде состояли из сорока восьми часов; сверчки по ночам не давали спать; чтобы пропустить рюмку, надо было пройти две мили, а чтобы добыть газету — не меньше шести. Я поблагодарил Рока за гостеприимство, сел на единственный поезд, который останавливался в тех местах, прибыл в Нью-Йорк примерно к обеду и сразу отправился к себе домой. Меня встретил Дживз. Я огляделся по сторонам в поисках Ролло.

— Где этот пёс, Дживз? Ты его привязал?

— Животное здесь больше не проживает, сэр. Его светлость отдал собаку швейцару, который её продал. Его светлость отнёсся к ней с большим предубеждением после того, как она укусила его за ляжку.

Я никогда не думал, что такая мелочь может так сильно меня обрадовать. Я понял, что был несправедлив к Ролло. Если б я поближе с ним познакомился, то наверняка понял бы, что у него золотое сердце.

— Прекрасно! — сказал я. — Лорд Першор у себя, Дживз?

— Нет, сэр.

— Ты ждёшь его к обеду?

— Нет, сэр.

— Где он?

— В тюрьме, сэр.

— В тюрьме!

— Да, сэр.

— Ты хочешь сказать, он в тюрьме?

— Да, сэр.

Я бессильно опустил в кресло.

— Почему?

— Он избил констебля, сэр.

— Лорд Першор избил констебля?

— Да, сэр.

Я молча переварил то, что услышал.

— Но, Дживз, как же так? Это ужасно!

— Сэр?

— Что скажет леди Мальверн, когда узнает?

— Я не думаю, что леди Мальверн что-нибудь узнает, сэр.

— А если все-таки?

— В таком случае, сэр, будет благоразумным слегка уклониться от истины.

— Как?

— Если вы позволите, сэр, я проинформирую её светлость о том, что его светлость ненадолго уехал в Бостон.

— Почему в Бостон?

— Весьма интересный и уважаемый центр, сэр.

— Дживз, по-моему, ты попал в яблочко.

— Хочу надеяться, сэр.

— Послушай, прах меня побери, а ведь нам здорово подфартило! Если б Мотти не упекли, он в два счета оказался бы в больнице!

— Совершенно справедливо, сэр.

Чем больше я думал на эту тему, тем сильнее радовался, что Мотти упрятали за решётку. Там ему было самое место. Мне было жалко бедолагу, но в конце концов парню, прожившему всю жизнь с леди Мальверн в небольшой деревушке в глуши Шропшира не придётся привыкать к тюрьме как к чему-то особенному. Короче говоря, я снова почувствовал себя на все сто. Как сказал один как-его-там знаменитый поэт, жизнь была протяжной сладкой песней. В течение примерно двух недель мне было так хорошо и спокойно, что я думать забыл о Мотти, и мою радость омрачало только то, что Дживз продолжал на меня дуться. Нет, нет, поймите меня правильно, он ничего такого не говорил и не делал и вообще вёл себя безупречно, но в нём чувствовалась какая-то, как бы это сказать, натянутость. Однажды, повязывая цветастый галстук, я поймал в зеркале его напряжённый взгляд.

А затем, задолго до назначенного срока, вернулась леди Мальверн. Я совсем её не ждал, потому что попросту забыл, как быстро летит время. Она притадилась ко мне утром, когда я лежал в постели и с наслаждением прихлёбывал чай, размышляя о том о сём. Дживз вплыл в спальню и объявил, что леди Мальверн ждёт меня в гостиной. Я оделся на скорую руку и вышел к ней.

Старуха, сидевшая всё в том же кресле по бедрам, ничуть не изменилась, разве что на этот раз она решила не показывать мне своих зубов.

— Доброе утро, — сказал я. — Вернулись, значит? Что?

— Да. Я вернулась.

Что— то резануло мне слух; голос у неё был какой-то странный. Потом мне пришло в голову, что она, наверное, ещё не завтракала. Лично я вообще ни на что не способен, если не перехвачу с утра пару яиц и чашку-другую кофе.

— Вы, должно быть, ещё не завтракали?

— Да. Я не завтракала.

— Хотите яйцо и ещё что-нибудь? Или сосиску с чем-нибудь? Или ещё что-нибудь?

— Нет, благодарю вас.

Она сказала это таким тоном, будто была членом антисосисочного общества или лиги яйцененавистников. Наступила тишина.

— Я звонила вам вчера вечером, — ледяным тоном произнесла леди Мальверн, — но вас не было дома.

— О, как неудачно получилось. Нормально съездили?

— Благодарю вас, вполне.

— Осмотрели достопримечательности? Ниагарский водопад, знаете ли, Йеллоустонский парк, этот, как его, Гранд Каньон, ну и всё прочее?

— Я осмотрела все, что сочла нужным.

И вновь наступила довольно неприятная тишина. Дживз молча вплыл в столовую и начал накрывать на стол.

— Я надеюсь, Уилмот не был вам в тягость, мистер Вустер?

— О, что вы! Сразу сошлись, друзья до гроба, и всё такое.

— Значит, вы были его постоянным спутником?

— Не расставались ни на минуту. Всегда были вместе, знаете ли. По утрам бегали по музеям, потом, так сказать, завтракали в вегетарианской столовой, а днём это, как его, посещали концерты духовной музыки. Обедали только дома, потом, как там его, играли в домино и пораньше ложились спать. В общем, веселились вовсю. Я дико огорчился, когда он уехал в Бостон.

— Ах! Уилмот в Бостоне?

— Точно. Я, конечно, хотел вам написать, но мы, само собой, не знали вашего адреса. Вы рыскали по всей стране, как... я хочу сказать, вы рыскали по всей стране, сами понимаете, по всей стране рыскали, и нам не удалось с вами связаться. Да, Мотти уехал в Бостон.

— Вы уверены, что он уехал в Бостон?

— О, на все сто. — Я громко окликнул Дживза, который гремел в столовой ножами и вилками. — Дживз, лорд Першор не передумал ехать в Бостон? Ведь он уехал в Бостон?

— Да, сэръ.

— Так я и думал. Да, Мотти уехал в Бостон.

— В таком случае, мистер Вустер, как вы объясните тот факт, что вчера, посетив тюрьму на Блэквелл-Айленд, чтобы собрать материал для моей книги, я своими глазами видела, как бедный Мотти в полосатой одежде сидит рядом с грудой камней и колотит по ним кувалдой?

Я попытался придумать, что сказать, но у меня ничего не вышло. Знаете, чтобы выкрутиться из такой передраги, надо иметь больший, чем у меня, размер шляпы. Я напрягся, но ничего, кроме треска в моей бедной черепахе, не услышал. Сплошные помехи от воротничка до пробора. Меня заколотило. И слава богу, что заколотило, потому что в любом случае мне не удалось бы произнести ни одного слова. Леди Мальверн прорвало.

— Значит, вот как вы заботились о моём бедном дорогом мальчике, мистер Вустер! Значит, вот как вы оправдали моё доверие! Я оставила его под вашим присмотром, надеясь, что вы уберёжете его от зла! Он пришёл к вам невинным, несведущим в мирских делах, неискушённым в соблазнах большого города, и вы развратили его!

У меня пропал дар речи. Перед моими глазами стояла тётя Агата, с упоением слушающая каждое слово своей подруги. Если я не хотел быть зарезанным, мне и думать нечего было о возвращении в Англию.

— Вы намеренно...

Издали, как сквозь туман, я услышал мягкий голос:

— Если вы позволите мне объяснить, леди Мальверн...

Дживз исчез из столовой и материализовался на ковре в гостиной. Леди Мальверн попыталась превратить его в глыбу льда своим взглядом, но с Дживзом такие номера не проходят. Он взглядонепроницаем.

— Мне кажется, ваша светлость, вы неправильно поняли мистера Вустера, заключив из его слов, что он находился в Нью-Йорке, когда его светлость... увели. Когда мистер Вустер проинформировал вашу светлость о том, что его светлость уехал в Бостон, он руководствовался тем сообщением о местоположении его светлости, которой передал ему я. В то время мистер Вустер гостил у своего друга за городом и ничего не знал о событии, только что упомянутом вашей светлостью.

Леди Мальверн издала горлом звук, похожий на хрюканье. На Дживза это не произвело ни малейшего впечатления.

— Я побоялся, что мистер Вустер огорчится, узнав правду, так как он сильно привязался к его светлости и самозабвенно помогал ему во всём, поэтому я позволил себе вольность сказать мистеру Вустеру, что его светлость уехал в Бостон. Мистеру Вустеру трудно было бы поверить, что его светлость отправился в тюрьму добровольно, руководствуясь самыми возвышенными чувствами, но вашей светлости, которая так хорошо знает своего сына, понять его поступок будет совсем не трудно.

— Что?! — Выпученные глаза леди Мальверн выпучились ещё сильнее. — Вы сказали, лорд Першор отправился в тюрьму добровольно?

— Если разрешите, я объясню, ваша светлость. Мне кажется, прощальные слова вашей светлости произвели неизгладимое впечатление на его светлость. Я часто слышал, как он говорил мистеру Вустеру, что желает во что бы то ни стало выполнить поручение вашей светлости и собрать информацию для книги вашей светлости об Америке. Мистер Вустер подтвердит, что его светлость часто страдал при мысли о том, что он почти ничем не может вам помочь.

— Точно, разрази меня гром! Ещё как страдал! — сказал я.

— Мысль о том, чтобы лично исследовать социальные условия в тюрьме, бросить на них взгляд изнутри, пришла его светлости однажды ночью. Он загорелся этой идеей. Остановить его было невозможно.

Леди Мальверн посмотрела на Дживза, затем на меня, потом опять на Дживза. На лице её отразилось сомнение.

— Естественно, ваша светлость, — сказал Дживз, — куда более разумно предположить, что такой джентльмен, как его светлость, отправился в тюрьму по своей воле, чем считать, что он нарушил закон и был арестован?

Леди Мальверн моргнула. Затем она встала с кресла.

— Мистер Вустер, — сказал она, — примите мои извинения. Я не должна была сомневаться в Уилмоте. Мне ли было не знать его чистую, непорочную душу!

— Точно! — ответил я.

* * *

— Завтрак подан, сэр, — сказал Дживз.

Я сел за стол и, всё ещё плохо соображая, начал разбивать яйцо чайной ложкой.

— Дживз, — произнёс я. — Ты просто спаситель.

— Благодарю вас, сэр.

— Ничто не убедило бы тётю Агату, что это не я втянул этого придурка в разгульную жизнь.

— Мне кажется, вы правы, сэр.

Я продолжал рассеянно ковыряться в яйце. Знаете, я был необычайно тронут тем, как Дживз пришёл мне на подмогу. Меня так и подмывало сделать ему что-нибудь хорошее. Какое-то мгновение я колебался, потом решился. Он это заслужил.

— Дживз!

— Сэр?

— Мой цветастый галстук.

— Да, сэр?

— Сожги его.

— Благодарю вас, сэр.

— И ещё, Дживз.

— Да, сэр?

— Возьми такси и купи мне Чудо Белого Дома, такую же, как у президента Кулиджа.

— Большое спасибо, сэр.

Я почувствовал, что родился заново. Я почувствовал, что облака разошлись и всё вернулось на круги своя. Я почувствовал, что понимаю того парня, который в последней главе романа перестал закатывать жене скандалы и всё ей простил. Я почувствовал, что мне хочется сделать тысячу вещей, чтобы показать Дживзу, как я его ценю.

— Дживз, — сказал я, — этого недостаточно. Говори, что ещё тебе надо?

— Если позволите, пятьдесят долларов, сэр.

— Пятьдесят долларов?

— Это даст мне возможность заплатить долг чести, сэр. Я должен деньги его светлости.

— Ты должен лорду Першору пятьдесят долларов?

— Да, сэр. Я случайно встретил его светлость на улице в ту ночь, когда его арестовали. Его светлость был сильно возбуждён и по ошибке принял меня за одного из своих приятелей. Я позволил себе вольность, сэр, поспорить с его светлостью на пятьдесят долларов, что он не засветит проходящему мимо полисмену в глаз. Его светлость с радостью принял пари и выиграл его.

Я вытащил из кармана бумажник и отсчитал сотню.

— Возьми, Дживз, — сказал я. — Знаешь, ты... нет, тебе нет равных!

— Всегда к вашим услугам, сэр.

ГЛАВА 4. Дживз и жмот

Очень часто по утрам, когда я лежу в постели, прихлёбываю чай и наблюдаю за Дживзом, хлопочущим над моими одеяниями, я задумываюсь, как смогу я без него обойтись, если ему, упаси господи, втемяшится в голову меня оставить. По правде говоря, в Нью-Йорке мне не так страшно об этом думать, но в Лондоне волноваться приходится постоянно. Уму непостижимо, как низко пали эти прохвосты, так и норовившие переманить его к себе. Я точно знаю, что Рог Фолджамбл предложил ему вдвое больше, чем я, а Алистер Баингам-Ривз, чей камердинер любил заглаживать складки на брюках сбоку, дошёл до того, что специально заходил ко мне в гости, чтобы посмотреть на Дживза голодным волчьим взглядом. Проклятые пираты!

А дело в том, сами понимаете, что Дживз чертовски компетентный малый. Это заметно в каждом его движении, даже когда он вдевает запонки в рубашку.

Я во всём полагаюсь на Дживза, и он ни разу ещё меня не подвёл. К тому же он частенько напрягал свои мозги, вытягивая из передряг моих друзей, которые постоянно вляпывались то в одну историю, то в другую. Возьмём, к примеру, случай со стариной Бякой и его дядей, старым упрямым ослом.

Произошло это через два-три месяца после того, как я приехал в Америку. Я вернулся домой довольно поздно, и Дживз принёс мне рюмку виски с содовой, которую я всегда пью перед сном.

— Пока вас не было дома, сэр, — сказал он, — к вам заходил мистер Бикерстет.

— Да ну? — произнёс я.

— Дважды, сэр. Он выглядел расстроенным.

— Думаешь, попал в переделку?

— Весьма возможно, сэр.

Я отхлебнул виски. Мне было жаль старину Бяку, но, по правде говоря, я очень обрадовался, что у нас с Дживзом появилась тема для разговора. Видите ли, в то время отношения у нас были несколько натянутыми, потому что мне — уж не знаю, прав я был или нет, — взбрело в голову отрастить усы, а Дживз никак не мог этого пережить. Поймите меня правильно, у меня нет и тени сомнения, что Дживз — дока во всем, что касается одежды, и что к советам его необходимо прислушиваться, но не мог же я, прах его побери, позволить, чтобы он указывал мне, что носить, а что не носить на лице! Малый явно хватил через край. Я часто уступал ему, когда речь шла о пиджаке или галстукке, но как только он посягнул на мою верхнюю губу, я осадил его, как положено, и никаких гвоздей!

— Мистер Бикерстет просил передать, что зайдёт позже, сэр.

— Должно быть, что-то серьезное, Дживз.

— Да, сэр.

Я задумчиво дёрнул себя за ус, увидел, как по телу Дживза пробежала нервная дрожь, и опустил руку, чтобы не обижать беднягу.

— Я прочитал в газете, сэр, что дядя мистера Бикерстета прибывает в Америку на «Кармантике».

— Да?

— Его милость герцог Чизвикский, сэр.

Для меня это было новостью. Я и не подозревал, что дядя Бяки был герцогом. Чудно,

как мало приятели знают друг о друге. Я познакомился с Бякой в одной из квартир на площади Вашингтона сразу после того, как приехал в Нью-Йорк. Должно быть, я в то время сильно скучал по дому, потому что, узнав, что Бяка англичанин и к тому же учился со мной в Оксфорде, я сразу почувствовал к нему расположение. Да и вообще он был отличным парнем, и пока мы трепались с ним в углу, где было не слишком много всяких скульпторов и художников, он ещё больше возвысился в моих глазах, необычайно талантливо изобразив бультерьера, от которого кошка драпанула на дерево. Мы здорово подружились, но я ничего о нём не знал, кроме разве того, что он вечно сидел без денег и имел дядю, который время от времени посылал ему какие-то гроши.

— Если герцог Чизвикский его дядя, — спросил я, — почему у него нет титула? Почему он не лорд как-его-там?

— Мистер Бикерстет — сын покойной сестры его милости, сэр, которая вышла замуж за капитана Королевской стражи Ролло Бикерстета.

Дживз знает всё.

— А отец Бяки тоже умер?

— Да, сэр.

— Оставил наследство?

— Нет, сэр.

Я начал понимать, почему у старины Бяки было туго с деньгами. Со стороны может показаться, что, имея дядю герцога, жить можно припеваючи, но Чизвик, владевший половиной Лондона и пятью графствами на севере в придачу, заслужил скандальную славу скряги, каких мало. Насколько и знаю, американцы называют таких людей жмотами. Если родители не оставили Бяке ни цента и он жил только на то, что ему удавалось выуживать из старика герцога, дела его были плохи. Впрочем, это не объясняло, с какой стати я ему вдруг понадобился. Бяка никогда и ни у кого не брал в долг. Он утверждал, что хочет сохранить друзей и потому не щиплет их чисто принципиально.

В этот момент в дверь позвонили, и Дживз выплыл из комнаты.

— Да, сэр, мистер Вустер вернулся, — услышал я и через несколько секунд увидел Бяку. Выглядел он хуже некуда.

— Привет, Бяка, — сказал н. — Дживз передал, что ты меня ищешь. Что стряслось, Бяка?

— Я погорел, Берти. Мне нужен твой совет.

— Валяй, старина.

— Берти, завтра приезжает мой дядя.

— Да, Дживз говорил.

— Видишь ли, он — герцог Чизвикский.

— Да, Дживз говорил.

Бяка выглядел удивлённым.

— Похоже, твой Дживз всё знает.

— Хочешь верь, хочешь нет, но всего несколько минут назад мне пришла в голову та же мысль.

— Я бы не отказался, — мрачно заявил Бяка, — чтобы Дживз знал, как мне вылезти из навозной кучи, куда я вляпался по уши.

— Мистер Бикерстет по уши вляпался в навозную кучу, Дживз, — сказал я. — Он хочет, чтобы ты пошевелил мозгами и помог ему оттуда вылезти.

Бяка посмотрел на меня с сомнением.

— Знаешь, Берти, это всё-таки личное, ну, сам понимаешь.

— Не бери в голову, старина. Могу поспорить, Дживз знает, в чём тут дело. Верно, Дживз?

— Да, сэр.

— А? — растерянно спросил Бяка.

— Вы можете меня поправить, сэр, но, насколько я осведомлён, ваша дилемма заключается в том, что вы не представляете себе, как объяснить его милости, почему вы находитесь в Нью-Йорке, а не в Колорадо.

Бяку качнуло, как корабль в шторм.

— Откуда, прах побери, ты это знаешь?

— Я случайно разговорился с дворецким его милости перед тем, как мы покинули Англию. Он сообщил мне, что, проходя мимо библиотеки, невольно слышал ваш разговор с его милостью.

Бяка рассмеялся замогильным смехом.

— Ну, раз про меня всё всем известно, я не буду темнить. Старик меня выпер, Берти, сказал, что я — безмозглый бездельник. Он согласился выдавать мне какие-то крохи, если я отправлюсь в эту дыру под названием Колорадо, чтобы заняться там то ли посевами, то ли скотом, то ли ещё чем на ферме, ранчо или ещё где-нибудь. Послушай, ты можешь себе представить, что я скачу на лошади, преследуя какую-то корову? Но, как бы это сказать, от денег я тоже не мог отказаться.

— Старина, я прекрасно тебя понимаю.

— Ну вот, я попал в Нью-Йорк, а так как он показался мне вполне сносным городом, я решил, что самое разумное будет здесь и остаться. Я дал дяде телеграмму, что мне подфартило с работой, и попросил разрешения не ездить ни на какие ранчо. Он написал мне, что не возражает, и на этом всё закончилось. Сам понимаешь, у меня и в мыслях не было, что он припрётся сюда собственной персоной. Что, пропади всё пропадом, мне делать, Берти?

— Дживз, — сказал я, — что, пропади всё пропадом, делать мистеру Бикерстету?

— Видишь ли, — продолжал Бяка, — я получил от него телеграмму, где он сообщает, что намерен остановиться у меня — должно быть, чтобы не платить за гостиницу. По правде говоря, в письмах я всегда делал вид, что дела у меня идут лучше не придумаешь. Я не могу поселить его в меблированной комнате в пансионе!

— Придумал что-нибудь, Дживз? — спросил я.

— В какой мере, если мой вопрос не покажется вам неделикатным, сэр, вы готовы оказать помощь мистеру Бикерстету?

— Бяка, старина, естественно, я сделаю для тебя всё, что могу.

— В таком случае, сэр, осмелюсь предложить вам одолжить...

— Нет, будь оно неладно! — твёрдо заявил Бяка. — Я ни разу не клянчил у тебя, Берти, и сейчас тоже не собираюсь этого делать. Может, я и бездельник, но горжусь тем, что не должен ни пенса ни одной живой душе, за исключением, разумеется, торговцев всякой всячиной.

— Я намеревался предложить вам, сэр, одолжить мистеру Бикерстету свою квартиру. Мистер Бикерстет может сделать вид, что он — её владелец. Я, с вашего разрешения, прикинусь камердинером мистера Бикерстета. Вы скажете, что проживаете здесь временно,

как гость мистера Бикерстета. Его милость займёт вторую свободную спальню. Мне кажется, мой план не вызовет ваших возражений, сэр.

Бяка перестал раскачиваться и устался на Дживза с открытым ртом.

— Я посоветовал бы отправить его милости телеграмму на борт парохода с уведомлением о перемене адреса. Мистер Бикерстет может встретить его милость на пирсе и сразу же привезти в квартиру. Вас устраивает такое решение вопроса, сэр?

— Вне всяких сомнений.

— Благодарю вас, сэр.

Бяка следил за Дживзом до тех пор, пока дверь за ним не закрылась.

— Как это у него получается, Берти? — спросил он. — Хочешь скажу, что я по этому поводу думаю? По-моему, все дело в форме его головы. Ты когда-нибудь обращал внимание на его голову, Берти, старина? Она торчит сзади!

* * *

На следующее утро я поднялся ни свет ни заря, чтобы быть в полной боевой готовности к приезду важного гостя. По опыту я знал, что океанские лайнеры швартуются в ранний до неприличия час, поэтому после девяти, выпив чай и одевшись, я высунулся из окна и стал высматривать Баку и его дядю. Утро выдалось тихое и прекрасное, такое, знаете ли, что любого прохвоста могло заставить задуматься о своей душе, и я только начал размышлять над смыслом жизни, как услышал внизу дикую перебранку. Под моими окнами остановилось такси, и вылезший оттуда старикан в цилиндре вопил как резаный. Насколько я понял, он пытался убедить таксиста взять деньги не по нью-йоркской, а по лондонской таксе, а таксист, казалось, впервые в жизни узнал о существовании Лондона, а узнав, остался о нём весьма невысокого мнения. Старикан крикнул, что в Лондоне поездка стоила бы ему не больше шиллинга, после чего таксист послал его в Лондон. Я окликнул Дживза.

— Герцог приехал, Дживз.

— Да, сэр?

— Открой дверь, он сейчас позвонит.

Дживз исчез и через минуту вернулся со стариком.

— Здравствуйте, сэр, — сказал я, радушно улыбаясь. — Ваш племянник уехал вас встречать. Наверное, вы разминулись. Меня зовут Вустер, знаете ли. Я лучший друг Бяки и всё такое. Я временно у него остановился. Не желаете ли чашечку чая? Дживз, принеси чашечку чая.

Старикан утонул в кресле и завертел головой, осматривая гостиную.

— Неужели эта шикарная квартира принадлежит моему племяннику Френсису?

— Точно.

— Должно быть, он дорого за неё платит.

— Ну, немало, конечно. В Нью-Йорке всё стоит недёшево, знаете ли.

Он застонал. Дживз незаметно появился с чашкой чая. Старикан отхлебнул глоток, смачивая пересохшее от криков горло, и удовлетворённо кивнул.

— Ужасная страна, мистер Вустер! Ужасная! Восемь шиллингов за поездку на такси.

Безобразия! — Он снова завертел головой. Казалось, гостиная привлекала его, как удав кролика. — Вы случайно не знаете, мистер Вустер, сколько мой племянник платит за эту квартиру?

— Кажется, около двухсот долларов.

— Что?! Сорок фунтов в месяц?

Я начал понимать, что если я сейчас не совру что-нибудь правдоподобное, наш план с треском провалится. Мысли герцога понять было нетрудно. Он пытался увязать всю эту роскошь с тем, что он знал о бедном Бяке. И поверьте мне на слово, увязать это было практически невозможно, потому что Бяка — парень хоть куда и к тому же бесподобно подражающий бультерьерам и кошкам — во многих отношениях был непреходимым тупицей, хорошо разбиравшемся разве что в нижнем мужском белье.

— Наверное, вам покажется это странным, — сказал я, — но Нью-Йорк, знаете ли, вроде как подхлестывает парней, заставляет их крутиться с утра до вечера. Должно быть, воздух тут такой. Может, когда вы знали Бяку, он и был растяпой, но сейчас всё круто переменялось. Такой деловой стал, спасу нет. В финансовых кругах его давно держат за своего.

— Поразительно! А какое дело открыл мой племянник, мистер Вустер?

— О, самое обычное, знаете ли. Такое же, как у Рокфеллера и всех прочих.

— Я бочком скользнул к двери. — Мне очень жаль, что я вынужден вас покинуть, но у меня назначена встреча, и всё такое.

Выйдя из лифта, я увидел Бяку, сломя голову несущегося по улице.

— Привет, Берти. Я его прозевал. Он приехал?

— Сидит наверху и пьёт чай.

— Ну и как?

— Старина, он просто в восторге.

— Блеск! Я помчался. Салют, Берти, старичок. Увидимся позже.

— Держи хвост трубой, Бяка, старина.

Он запрыгнул в лифт, как жизнерадостный молодой козлик, а я отправился в клуб, уселся у окна и стал глазеть на машины, которые шли в одну сторону и возвращались в другую. Был ранний вечер, когда я вернулся домой, чтобы переодеться к обеду.

— Куда все подевались, Дживз? — спросил я, убедившись, что в квартире никого нет. — Вышли прогуляться?

— Его милость захотел осмотреть достопримечательности города, сэр. Мистер Бикерстет служит ему провожатым. В первую очередь они отправились к гробнице Гранта.

— Должно быть, мистер Бикерстет на седьмом небе, что?

— Сэр?

— Я хочу сказать, мистер Бикерстет, наверное, сам не свой от счастья.

— Не совсем, сэр.

— А что такое?

— План, который я осмелился предложить мистеру Бикерстету и вам, к сожалению, оказался неудовлетворительным.

— Разве герцог не поверил, что у Бяки дела идут лучше некуда?

— К сожалению, поверил, сэр. И тут же прекратил выплачивать ему ежемесячное пособие, заявив, что мистер Бикерстет зарабатывает много денег и поэтому не нуждается в дополнительных средствах.

— Святые угодники и их тётушка, Дживз! Это ужасно!

— Весьма неприятно, сэр.

— Я не ожидал ничего подобного!

— Должен признаться, я тоже не предвидел такого исхода, сэр.

— Наверное, Бяка совсем пал духом.

— Мистер Бикерстет выглядел весьма расстроенным, сэр.

Мне до боли в сердце стало жаль несчастного страдальца.

— Мы должны что-то предпринять, Дживз.

— Да, сэр.

— Ты можешь что-нибудь придумать?

— В данный момент нет, сэр.

— Неужели ему нельзя помочь?

— Мой бывший хозяин, лорд Бриджвуд, сэр, — по-моему, я упоминал о нём раньше, — любил повторять, что из любого положения есть выход. Несомненно, рано или поздно нам удастся решить проблему мистера Бикерстета, сэр.

— Давай, Дживз, действуй!

— Сделаю всё возможное, сэр.

Я пошёл переодеваться. Если хотите знать, как сильно я огорчился, могу сказать вам, что я чуть было не надел к обычному костюму белый галстук, но, к счастью, вовремя заметил свою оплошность. Затем я отправился в ресторан, но не для того, чтобы поесть, — во-первых, у меня пропал аппетит, а во-вторых, мне казалось неприличным набивать себе желудок, когда Бяка лишился последнего куска хлеба, — а просто потому, что хотелось побыть на людях.

Когда я вернулся домой, старикан Чизвик уже спал, а Бяка, сгорбившись, сидел в кресле, изо рта у него свисала сигарета, и он смотрел в пол отсутствующим взглядом.

— Чертовски неприятно, старичок, что? — сказал я.

Он поднял бокал и осушил его одним глотком, не заметив, что в нём не было ни капли жидкости.

— Это конец, Берти, — сказал он и вновь осушил тот же самый бокал. Не похоже было, что ему полегчало. — Если б только он приехал на неделю позже, Берти! Я должен был получить очередное пособие в субботу. Я б вложил деньги в одно дело, о котором прочитал в объявлении. Стопроцентный верняк! Оказывается, можно грести монеты лопатой, затратив всего несколько долларов на организацию птицефермы. Курицы, это просто здорово! — Глаза у него загорелись, потом вновь потухли. — Что толку болтать, — угрюмо сказал он, — когда у меня нет ни цента наличными.

— Ты же знаешь, Бяка, старина, одно твоё слово, и я к твоим услугам.

— Большое спасибо, Берти, но я не собираюсь на тебе паразитировать.

Так уж устроен мир. Парни, которым ты с удовольствием дашь в долг, ничего у тебя не берут, а парни, которым ты не хочешь давать в долг, делают всё, чтобы тебя выпотрошить, разве что не ставят на голову и не трясут за ноги. Я относился к числу тех, у кого проблем с деньгами никогда не было, и поэтому очень хорошо знал разного рода деятелей, которым не хотел давать в долг. Помнится, в Лондоне мне не раз приходилось улепётывать от очередного вымогателя по Пикаддили, слыша за спиной громкое дыхание и отчаянные оклики. Всю жизнь мне приходилось раскошелиться на прохвостов, которые трясли меня при каждом удобном случае, а сейчас я готов был осыпать дублонами, а он не хотел брать у

меня деньги ни за какие деньги.

— Что ж, когда у нас осталась одна надежда.

— Какая ещё надежда?

— Дживз!

— Сэр?

Я оглянулся. Дживз стоял позади меня, излучая бодрость и энергию. Нет, я никогда не пойму, как ему удастся материализовываться. Представьте, что вы спокойно сидите в кресле, думая о смысле жизни, а затем поднимаете голову и видите его перед собой. Бедный Бяка поперхнулся от неожиданности. Сейчас-то я привык к Дживзу, но в первые дни я часто прикусывал язык, подпрыгивая чуть ли не до потолка, когда он внезапно появлялся ниоткуда.

— Вы меня звали, сэр?

— А, вот ты где!

— Да, сэр.

— Что-нибудь придумал, Дживз?

— О да, сэр. Я надеюсь, мне удалось найти решение проблемы, о которой мы говорили, сэр. Если вы позволите мне некоторую вольность, сэр, я замечу, что мы недооценили его милость как источник дохода.

Бяка рассмеялся. В книгах такой смех называется саркастическим, я сам читал, но мне он напомнил кашель чахоточных.

— Я не имел в виду, сэр, — пояснил Дживз, — что господина герцога можно уговорить расстаться с деньгами. Я позволил себе рассматривать его милость — простите за кажущуюся нескромность, сэр, — как своего рода собственность, которую можно превратить в капитал.

Бяка беспомощно на меня посмотрел. Должен признаться, я тоже ничего толком не понял.

— Ты не мог бы объяснить попроще, Дживз?

— По сути, сэр, я имею в виду следующее: его милость, в определённом смысле, — выдающаяся личность. Жители этой страны, о чём вам хорошо известно, сэр, очень любят обмениваться рукопожатиями с выдающимися личностями. Мне пришло в голову, что мистер Бикерстет или вы знаете людей, готовых заплатить — скажем, два-три доллара — за привилегию быть представленными его милости.

На Бяку этот план не произвёл должного впечатления.

— Ты хочешь сказать, найдутся болваны, которые захотят пожать руку дяде за наличные?

— У меня есть тётя, сэр, которая дала одному молодому человеку пять шиллингов за то, что он привёл к ней на воскресный чай киноактёра. Это возвысило её в глазах соседей.

Бяка заколебался.

— Если ты считаешь, кто-то согласится...

— Я убеждён в этом, сэр.

— А ты как думаешь, Берти?

— Старина, я — за. Двух мнений быть не может. Толковый план.

— Спасибо, сэр. Я вам больше не нужен? Спокойной ночи, сэр.

И он исчез, а мы с Бякой принялись обсуждать детали.

Пока мы не открыли своего дела, пытаюсь запродать старикана герцога, я даже не подозревал, какую ужасную чёрную работу приходится выполнять на фондовой бирже бедолагам, которые пытаются всучить акции и всё такое прочее людям, не желающим расставаться с деньгами ни за какие коврижки. Теперь, когда я читаю в финансовых новостях: «На бирже всё спокойно», я от души сочувствую бедным трудягам, потому что по собственному опыту знаю цену этому спокойствию. Вы не поверите, как трудно было заинтересовать народ в старикане Чизвике. К концу недели в нашем списке значился всего один человек

— хозяин деликатесной лавки с площади Вашингтона, — да и тот вместо наличных предлагал ветчину, так что нас это не устроило. Луч надежды забрезжил, когда брат ростовщика, у которого Бяка постоянно закладывал вещи, предложил десять долларов за знакомство с Чизвиком, но сделка не состоялась, так как выяснилось, что парень был анархистом, и не столько хотел пожать герцогу руку, сколько отдубасить его, чтоб другим неповадно было. К слову, Бяка вцепился в эту десятку, как клещ, утверждая, что события должны идти своим чередом, и мне с трудом удалось отговорить его от опрометчивого шага. По-моему, он до сих пор считает, что анархист был рискованным парнем, желавшим облагодетельствовать человечество.

Я считаю, мы так и остались бы с носом, если бы не Дживз. Нет сомнения, он — единственный и неповторимый. Умом, находчивостью Дживз кого хочешь за пояс заткнёт. Однажды утром он скользнул в спальню с чашкой чаю и сразу взял быка за рога.

— Могу я поговорить с вами относительно дела его милости, сэр?

— Всё отменяется, Дживз. Мы больше этим не занимаемся.

— Сэр?

— Ничего не вышло. Нам не удалось найти ни одного клиента.

— Если не возражаете, эту сторону дела я возьму на себя, сэр.

— Неужели ты знаешь придурков, готовых выложить наличные?

— Да, сэр. Восемьдесят семь джентльменов из Бэрдсбурга, сэр.

Я подскочил и пролил чай на постель.

— Из Бэрдсбурга?

— Из Бэрдсбурга, штат Миссури, сэр.

— Откуда ты их знаешь?

— Вчера вечером, сэр, когда вы сказали мне, что вас не будет дома, я пошёл на театральное представление и в перерыве между актами разговорился с человеком, сидевшим рядом со мной. Я обратил внимание, что к лацкану его фрака приколот большой голубой значок с надписью красными буквами: «Вперёд, Бэрдсбург», — украшение, отнюдь не соответствующее вечернему костюму джентльмена. К своему удивлению, я заметил, что половина зрителей в зале носила точно такие же значки. Я попросил своего собеседника объяснить мне, в чём дело, и получил ответ, что восемьдесят семь человек из Бэрдсбурга, штат Миссури, приехали в Нью-Йорк на экскурсию. Далее джентльмен довольно долго рассказывал мне о программе их развлечений и похвастался, что недавно их депутацию представили известному боксёру, который каждому из них пожал руку. Как вы понимаете, сэр, я тут же подумал о его милости и договорился — разумеется, в том случае, если будет

получено ваше согласие, — что завтра утром их представят господину герцогу.

Я был поражён.

— Восемьдесят семь, Дживз! Почём с головы?

— Я был вынужден сделать скидку на опт, сэр. В конечном итоге мы сошлись на ста пятидесяти долларах.

Я задумался.

— Деньги вперёд?

— Нет, сэр. Я попытался получить аванс, но у меня ничего не вышло.

— Ладно, неважно. Когда нам заплатят, я добавлю своих денег. Скажем, до пятисот долларов. Бяка ничего не узнает. Как ты думаешь, Дживз, мистер Бикерстет заподозрит неладное, если я отдам ему пятьсот долларов?

— Вряд ли, сэр. Мистер Бикерстет очень приятный молодой человек, но не слишком смьшлёный.

— Значит, решено. После завтрака сбегай в банк и добудь мне денег.

— Да, сэр.

— Знаешь, Дживз, ты просто чудо.

— Благодарю вас, сэр.

— Ну, вроде бы всё.

— Слушаюсь, сэр.

Сразу после завтрака я отозвал Бяку в сторонку и сообщил ему хорошие новости. Бедняга чуть не расплакался и тут же бросился в гостиную, где старикан Чизвик сидел и читал юмористический журнал с угрюмым выражением на лице.

— Дядя, — обратился к нему Бяка, — ты не занят завтра утром? Понимаешь, я хотел познакомить тебя со своими друзьями.

Чизвик подозрительно покосился на своего племянника.

— Среди них будут репортёры?

— Репортёры? Почему репортёры?

— Я категорически отказываюсь давать интервью. Пароход не успел пришвартоваться, как меня окружили молодые люди бандитского вида и назойливо стали задавать всякие дурацкие вопросы. Безобразие! Я больше не намерен терпеть подобной наглости!

— Нет, нет, дядя, все будет в ажуре. Среди моих друзей нет ни одного газетчика.

— В таком случае рад буду с ними познакомиться.

— Ты ведь пожмёшь им руки, ну и всё такое?

— Естественно, моё поведение будет соответствовать общепринятым нормам. Бяка поблагодарил его от всего сердца и отправился со мной в клуб на ленч, за которым, не закрывая рта ни на секунду, рассказывал о курицах, инкубаторах и прочей дряни.

После долгих размышлений мы решили впускать к герцогу по десять туземцев из Бэрдсбурга за раз. Дживз привёл к нам своего театрального знакомого, и мы всё с ним обговорили. Он был довольно приличным парнем, хоть и оказался жутким болтуном, так и норовившим перевести разговор на новую систему канализации в своём родном городе. В конце концов мы договорились, что даём им час времени, по семь минут на каждую группу, и что в конце каждого периода Дживз будет заходить в комнату и многозначительно кашлять. Затем мы расстались, обменявшись, как полагается, любезностями: парень из Бэрдсбурга пригласил нас посетить их город и осмотреть новую систему канализации, а мы поблагодарили его за приглашение.

На следующий день мы принимали депутацию. В первой группе был наш знакомый, специалист по канализации, и ещё девять человек, похожих на него как две капли воды. У каждого из них был пронизательный взгляд и деловой вид, словно они с детства работали в конторе, норовя попасться на глаза своему боссу. Они обменялись со стариканом рукопожатиями и остались очень довольны собой — за исключением, пожалуй, одного парня, который всё время хмурился.

— Что бы вы хотели пожелать Бэрдсбургу, герцог? — спросил наш знакомый.

Старикан опешил.

— Я никогда не был в Бэрдсбурге.

Специалист по канализации явно расстроился.

— Вам следовало бы нанести нам визит, — сказал он. — Бэрдсбург — самый перспективный город в Америке. Вперёд, Бэрдсбург!

— Вперёд, Бэрдсбург! — радостно подхватил хор голосов.

Парень, который всё время хмурился, внезапно заговорил.

— Эй!

Физиономия у него была круглая, глаза решительно блестели, а подбородок выдавался вперёд.

— Как бизнесмен, — сказал он, — только поймите меня правильно, я никого не обвиняю и ещё раз подчёркиваю, что говорю исключительно как бизнесмен, — я считаю, что джентльмен должен для порядка подтвердить перед свидетелями, что он — герцог.

— Что вы хотите этим сказать, сэр? — вскричал старикан, медленно багровея.

— Только не обижайтесь, бизнес есть бизнес. Заметьте, я ничего такого не утверждаю, хотя многое кажется мне странным. Насколько я понял, вот этого джентльмена зовут мистер Бикерстет. Если вы герцог Чизвикский, почему он не лорд Перси как-его? Я читывал английские романы, мне известно, как там у вас бывает.

— Это чудовищно!

— Ну-ну, не надо так распаляться. Я всего лишь задал вам вопрос, потому что имею право знать, кто вы такой на самом деле. Вы собираетесь получить с нас деньги, а прежде чем купить товар, надо видеть, за что платишь. Всё должно быть по-честному.

Специалист по канализации кивнул.

— Вы абсолютно правы, Симмс. Я как-то совсем упустил этот момент из виду, когда договаривался. Видите ли, джентльмен, каждый бизнесмен имеет право на определённые гарантии. Мы платим мистеру Бикерстету сто пятьдесят долларов и, естественно, хотим знать правду.

Старикан бросил на Бяку испытующий взгляд, затем повернулся к специалисту по канализации.

— Уверю вас, мне ничего об этом не известно, — очень вежливо произнёс он. — Я буду чрезвычайно признателен, если вы объясните мне, в чём дело.

— Согласно договору с мистером Бикерстетом, восемьдесят семь жителей Бэрдсбурга получили привилегию пожать вам руку за определённую плату. Мистер Симмс — и я к нему присоединяюсь — считает, что мы не можем полагаться на одно слово мистера Бикерстета — ведь мы его совсем не знаем, — который утверждает, что вы — герцог Чизвикский.

Старикан с трудом проглотил слюну.

— Позвольте уверить вас в том, сэр, — сказал он каким-то чудным голосом,

— что я — герцог Чизвикский.

— Ну, тогда всё в порядке, — с облегчением заявил специалист по канализации. — Этого нам достаточно. Можно продолжать.

— Мне очень жаль, — сказал Чизвик, — но я не могу продолжать. Я немного устал. Вам придётся меня извинить.

— Но семьдесят семь наших парней стоят за углом и ждут своей очереди, герцог!

— Боюсь, мне придётся их разочаровать.

— В таком случае наша сделка будет расторгнута.

— Я предлагаю вам обсудить этот вопрос с моим племянником.

Специалист по канализации явно разволновался.

— Может, вы всё-таки встретитесь с нашими ребятами?

— Нет!

— Что ж, тогда мы пойдём.

Когда мы остались одни, наступила тишина. Потом старикан Чизвик повернулся к Бяке.

— Ну?

Бяка, казалось, проглотил язык.

— Тот человек сказал правду?

— Да, дядя.

— Зачем ты это сделал?

Бяка, по— видимому, находился в полной прострации, поэтому я решил прийти ему на помощь.

— Послушай, старина, по-моему, тебе надо сказать дяде правду.

Адамово яблоко бедолаги несколько раз подпрыгнуло, затем он заговорил.

— Понимаешь, дядя, ты лишил меня пособия, а мне позарез понадобились наличные, чтобы организовать птицеферму. Я хочу сказать, это стопроцентный верняк, и всего за несколько долларов. Сначала ты покупаешь курицу, а потом она начинает нести по одному яйцу семь дней в неделю, и ты продаёшь эти яйца, скажем, по семьдесят пять центов за штуку. Курица сразу же себя оправдывает. Прибыль...

— Что за чушь ты несёшь? Какая курица? Ты дал мне понять, что твои дела идут более чем успешно!

— Старина Бяка несколько преувеличил, — снова вмешался я, решив не бросать друга в беде. — Ваш племянник, знаете ли, целиком зависит от этого вашего пособия, и когда вы перестали его выплачивать, бедняга попал впросак и решил немного подзаработать. Вот мы и придумали план с рукопожатиями.

— Значит, ты мне солгал! Ты намеренно обманул меня, прикинувшись деловым человеком!

— Бедный Бяка не хотел ехать на ранчо, — объяснил я. — Ему, знаете ли, не нравятся коровы и лошади, но в курицах он уверен на все сто. И если б вы немного помогли ему...

— После того, что произошло? После того, как он выставил меня на посмешище? Ни цента!

— Но...

— Ни цента!

Внезапно я услышал, как позади меня кто-то почтительно кашлянул.

— Если позволите, сэр, я могу внести одно предложение. Если мистеру Бикерстету срочно понадобились наличные и он не знает, где их достать, ему не составит труда получить необходимую сумму, рассказав о событиях, происшедших сегодня утром, репортёру

одной из центральных газет, специализирующихся на скандальной светской хронике.

— Боже праведный! — сказал я.

— Будь я проклят! — сказал Бяка.

— Великие небеса! — сказал старикан Чизвик.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Дживз.

Глаза у Бяки заблестели, и он резко повернулся к своему дяде.

— Дживз абсолютно прав! Так я и сделаю! «Кроникл» оторвёт у меня эту историю с руками и ногами. Они заплатят столько, сколько я захочу!

Из горла старикана вырвалось нечто среднее между стоном и воем.

— Френсис, я категорически запрещаю тебе обращаться в газету!

— Тебе хорошо говорить, — сказал Бяка, воодушевляясь всё больше и больше,

— но если мне негде взять денег...

— Подожди! Э-э-э, подожди, мой мальчик! Ты такой нетерпеливый! Быть может, мы с тобой что-нибудь придумаем...

— Я не поеду ни на какое дурацкое ранчо!

— Нет, конечно, нет! Нет, нет, мой мальчик! У меня и в мыслях этого не было! Я... я думаю, — на мгновение он заколебался, — я думаю, лучше всего будет, если ты вернёшься со мной в Англию. Я... я могу... мне кажется, что у тебя получится... э-э-э... воспользоваться твоими услугами в качестве моего личного секретаря.

— Это мне подходит.

— Естественно, я не буду платить тебе жалования, но, как ты знаешь, в политической жизни Англии личный секретарь пользуется всеми привилегиями...

— Единственная привилегия, которой я намерен воспользоваться, — твёрдо сказал Бяка, — это пятьсот фунтов стерлингов в год, выплачиваемых мне ежеквартально.

— Мой дорогой мальчик!

— И ни пенсом меньше!

— Но, Френсис, подумай о тех великолепных возможностях, которые перед тобой откроются, когда ты станешь моим личным секретарём. Ты наберёшься опыта, станешь тонким политиком, короче, э-э-э, окажешься в исключительно выгодном положении, которое полностью компенсирует тебе отсутствие жалования.

— Пять сотен в год! — заявил Бяка, смакуя каждое слово. — И вообще, эта сумма — ничто по сравнению с тем, что я мог бы заколотить, организовав птицеферму. Сам посуди. Допустим, у тебя есть дюжина куриц. Каждая курица родит дюжину цыплят. Потом цыплята вырастут, станут курицами и тоже начнут рожать цыплят, а затем все они начнут нести яйца! Да это целое состояние! За яйца в Америке можно получить всё, что угодно. Парни выдерживают их на морозе год за годом и ни за какие деньги не соглашаются продавать их дешевле, чем по доллару за штуку. Неужели ты думаешь, я откажусь стать миллионером меньше чем за пятьсот весёлых в год, что?

На мгновение лицо старого Чизвика нервно задёргалось, потом он сдался.

— Хорошо, мой мальчик, — сдавленным голосом сказал он.

— Ну и чудненько! — заявил Бяка. — Считай, я тоже согласен.

— Дживз, — сказал я. Бяка со стариканом отправились в ресторан, чтобы отпраздновать Бякино назначение на новую должность. — Дживз, ты превзошёл самого себя.

— Благодарю вас, сэр.

— Ума не приложу, как тебе это удаётся.

— Да, сэр?

— Жаль только, что тебе ничего не перепало.

— Насколько я понял из слов мистера Бикерстета, сэр, он намеревается вознаградить меня за мои скромные усилия несколько позже, когда у него появится такая возможность.

— Этого недостаточно, Дживз!

— Сэр?

Мне, как вы сами понимаете, не хотелось ему уступать, но другого способа отблагодарить честного малого я не знал.

— Принеси мои бритвенные принадлежности.

Глаза его радостно вспыхнули, но на лице отразилось сомнение.

— Осмелюсь спросить зачем, сэр?

— И сбрей мои усы.

На мгновение наступила тишина. Я видел, что он был тронут до слёз.

— Большое, большое спасибо, сэр. — сказал Дживз приглушённым голосом.

ГЛАВА 5. Тётушка и лежебока

Теперь, когда всё закончилось, я могу откровенно вам признаться, что в деле Рокметеллера Тодда бывали минуты, когда я думал, что Дживз меня подведёт. Глупо, конечно, тем более, что я достаточно хорошо его знаю, но тем не менее подобные мысли не раз приходили мне в голову. По правде говоря, какое-то время я вообще был уверен, что Дживз дал маху.

История Рока Тодда началась ранним весенним утром. Я лежал в постели, восстанавливая своё здоровье девятичасовым крепким сном без сновидений, когда кто-то ткнул меня под рёбра и начал трясти за плечо самым возмутительным образом. С трудом продрав глаза и всё ещё туго соображая, я увидел Рока и первым делом решил, что мне приснился кошмарный сон.

Видите ли, Рок жил где-то на Лонг-Айленде, во многих милях от Нью-Йорка, и дело не только в этом; много раз он говорил мне, что никогда не встаёт раньше двенадцати и редко раньше часу. Будучи самым ленивым молодым человеком во всей Америке, он избрал себе профессию, которая позволяла ему бездельничать, сколько влезет. Дело в том, что Рок был поэтом. По крайней мере, если он чем-то и занимался, так это писал поэмы, но основную часть времени, насколько я мог судить, он проводил в своего рода транс. Однажды Рок сказал мне, что может часами сидеть на заборе и наблюдать за червяком, гадая, что ему, червяку, нужно в этом мире.

Рок идеально отрегулировал свою жизнь. Примерно раз в месяц он тратил три дня на то, чтобы написать несколько поэм, а остальные триста двадцать девять дней в году отдыхал. Я никогда не думал, что поэзия может прокормить, даже если вести такой образ жизни, какой вёл Рок, но, по-видимому, достаточно избегать рифм как огня и при этом призывать молодое поколение вкалывать, не жалея сил, чтобы американские издатели стали драться за право тебя напечатать. Как-то Рок показал мне одно из своих произведений. Оно начиналось следующим образом:

Будь!
Будь!
Прошлое мертво.
Будущее не рождено.
Будь сегодня!
Сегодня!
Будь каждым нервом,
Будь каждым фибром,
Каждой каплей красной крови!
Будь!
Будь!

Там было ещё три куплета, и вся эта хреновина была напечатана на обложке журнала по краям, а в центре стоял полуголый мужчина с мускулами, радостно глядевший на солнце. Рок сказал, что ему заплатили за поэму сто долларов, после чего он целый месяц валялся в постели до четырёх.

О будущем ему можно было особо не беспокоиться, так как где-то в Иллинойсе он имел про запас богатую тётушку. Для меня всегда оставалось загадкой, почему так много моих приятелей зависят от своих дядей и тётей. Взять, к примеру, Бяку и герцога Чизвикского, или Корку, который находился на иждивении Александра Уорпла, птичьего специалиста, пока они не рассорились. А скоро я расскажу вам историю моего ближайшего друга Оливера Сипперли, чья тётя живет в Йоркшире. Знаете, это не может быть простым совпадением. Наверное, так задумано. Я имею в виду, Провидение, должно быть, заботится о бедолагах на этом свете, и лично я считаю, что оно поступает абсолютно правильно. Я с детства воспитывался у тёток, которые шпыняли меня почём зря, и поэтому я всегда радуюсь за своих друзей, имеющих более или менее сносных родственников.

Однако я заболтался. Вернёмся к Року и его тёте, проживающей в Иллинойсе. Так вот, если учесть, что беднягу называли Рокметеллер в её честь (а это само по себе, согласитесь, давало ему право на солидную денежную компенсацию) и что он был единственным её наследником, положение его было достаточно прочным. Он признался мне, что, получив наследство, вообще бросит работать, и добавил что, может быть, когда-нибудь напишет поэму, в которой призовет всех молодых людей с утра до вечера наслаждаться жизнью, задрать ноги на каминную полку и покуривая трубку.

И этот вот человек спозаранку тыкал меня в рёбра!

— Прочти, Берти! — несвязно выкрикнул он. Я с трудом разглядел, что он машет перед моим лицом каким-то листом бумаги, скорее всего письмом. — Проснись и прочти!

Пока я не выпью с утра чаю и не выкурю сигарету, я не умею читать. Я нашарил на столике кнопку звонка. В спальне появился Дживз, свежий как огурчик. Не представляю себе, как это у него получается.

— Чай, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

Рок всё ещё нависал надо мной, размахивая своим отвратительным письмом.

— Прочти!

— Я не могу. Я ещё не выпил чай.

— Тогда слушай.

— От кого письмо?

— От моей тётушки.

В эту минуту я снова заснул и проснулся, когда он говорил:

— Так что же мне теперь делать?

Дживз вплыл в спальню с подносом, и мне сразу полегчало.

— Рок, старина, прочти всё сначала, — сказал я. — Мне хочется, чтобы Дживз тоже послушал. Тётушка мистера Тодда написала ему какое-то чудное письмо, Дживз, и нам нужен твой совет.

— Слушаюсь, сэр.

Он стоял посередине комнаты, всей своей позой выражая готовность целиком и полностью посвятить себя правому делу. Рок вновь начал читать:

"Мой дорогой Рокметеллер,

Я давно думала и пришла к выводу, что я совершенно напрасно медлила с решением, которое приняла сейчас".

— Что скажешь, Дживз?

— В настоящий момент трудно сказать что-либо определённое, сэр. Несомненно, в

дальнейшем всё будет значительно понятнее.

— Продолжай, старина, — произнёс я, пережевывая хлеб с маслом.

«Ты знаешь, как всю свою жизнь я стремилась приехать в Нью-Йорк и своими глазами увидеть кипучую жизнь этого города, о котором я так много читала. Боюсь, теперь мою мечту осуществить будет невозможно: я старая, дряхлая женщина. У меня совсем не осталось сил».

— Печально, Дживз, что?

— Вне всяких сомнений, сэр.

— Как же, печально! — воскликнул Рок. — Она просто ленива до безобразия. Я был у неё на Рождество, и смею тебя уверить, она пышет здоровьем. Её доктор сказал мне, что с ней всё в порядке, но она без устали твердит о своём безнадежном состоянии, и ему приходится с ней соглашаться. Тётушка вбила себе в голову, что поездка в Нью-Йорк её убьёт, и поэтому сидит дома, хотя всю жизнь мечтала сюда приехать.

— Совсем как тот парень, чьё сердце в горах скакало за оленем. Я прав, Дживз?

— Ситуации сходные, сэр.

— Продолжай, Рок, старина.

«Не имея возможности наслаждаться чудесами Нью-Йорка лично, я решила, что по крайней мере смогу сделать это с твоей помощью. Эта изумительная мысль пришла мне в голову только вчера, когда я прочитала в воскресном выпуске газеты поэму о молодом человеке, всю свою жизнь тосковавшем по одной вещи и получившем её только на склоне лет, когда он больше не мог ею воспользоваться. Я даже прослезилась и подумала, что ничего не пожалела бы, лишь бы ему помочь».

— Мне не удалось выдавить из неё ни слезинки, — с горечью сказал Рок, отрываясь от письма, — на протяжении десяти лет.

"Ты знаешь что, когда я умру, тебе достанется всё моё состояние, но до сих пор я не считала возможным помогать тебе в финансовом отношении. Сейчас я решила выплачивать тебе содержание, но при одном условии. Мои поверенные будут ежемесячно передавать в твоё распоряжение крупную сумму денег, если ты переедешь в Нью-Йорк и станешь там развлекаться вместо меня. Я хочу, чтобы ты был моим представителем. Я хочу, чтобы ты испытал всё, чего мне уже не суждено испытать. Я хочу, чтобы ты с головой погрузился в сказочно-весёлую жизнь Нью-Йорка. Я хочу, чтобы ты был душой блестящего общества.

И кроме того, я хочу — вернее, настаиваю, — чтобы ты писал мне письма по меньшей мере раз в неделю и рассказывал обо всех своих приключениях. Если моё злосчастное здоровье не позволяет мне самой испытать радости жизни, по крайней мере я удовлетворюсь, наслаждаясь ими из вторых рук. Помни, что меня интересуют мельчайшие подробности, даже те, которые могут показаться тебе тривиальными.

Твоя любящая тётушка Изабель Рокметеллер."

— Что делать? — спросил Рок.

— Что делать? — спросил я.

— Да. Что, чёрт побери, мне делать?

Только сейчас до меня дошло, что старина Рок вёл себя несколько странно, если учесть, что на него с неба свалилась куча денег. С моей точки зрения, он должен был улыбаться до ушей и прыгать до потолка, а не стоять с таким видом, словно судьба съездила ему по физиономии. Его поведение меня поразило.

— Разве ты не рад? — спросил я.

— Рад?

— Если б я был на твоём месте, то визжал бы от восторга. По-моему, тебе крупно повезло.

Он взвыл как волк, дико на меня посмотрел и начал выдавать о Нью-Йорке такое, что я невольно вспомнил Джимми Мунди, который называл себя то ли реформатором, то ли душеспасителем, то ли ещё кем-то, точно не помню. Джимми путешествовал с лекциями по всей стране и недавно прибыл в Нью-Йорк. Несколько дней назад я забежал на полчаса в Мэдисон Сквер Гарден, чтобы его послушать. Можете мне поверить, Джимми не стеснясь высказал Нью-Йорку всё, что он о нём думал, видимо, невзлюбив его с первого взгляда, но, клянусь чем хотите, это просто детский лепет по сравнению с тем, что сейчас говорил о городе Рок.

— Крупно повезло! — вскричал он. — Переехать в Нью-Йорк! Жить в Нью-Йорке! Бросить мой маленький домик ради душной вонючей дыры под названием квартира в этой богом проклятой загнивающей Геенне! Вечер за вечером проводить в толпе, где каждый придурок считает жизнь Пляской Святого Витта и думает, что всюду развлекается, так как шумит за шестерых, а пьёт за десятерых! Нью-Йорк вызывает у меня отвращение, Берти! Я никогда не приезжал бы сюда, если б мне не надо было встречаться с издателями. Этот город омерзителен. Его душа больна белой горячкой. При одной мысли о том, что мне надо остаться здесь хотя бы на день, меня тошнит. И ты говоришь, что мне крупно повезло!

Я чувствовал себя примерно так, как друзья Лота, которые забежали к нему на огонёк поболтать о всякой всячине и неожиданно услышали критику в адрес Содомы и Гоморры. Я даже не подозревал, что старина Рок такой искусный оратор.

— Если я буду жить в Нью-Йорке, это меня убьёт, — продолжал он. — Дышать одним воздухом с шестью миллионами людей! Всё время носить крахмальные воротнички и новые костюмы! Выхо... — Он вздрогнул. — Боже великий! Должно быть, мне придётся каждый вечер переодеваться к обеду! Какой ужас!

Я был шокирован, по-настоящему шокирован.

— Дорогой мой! — с упрёком сказал я.

— Берти, ты всегда переодеваешься к обеду?

— Дживз, — холодно произнёс я, — сколько у нас вечерних туалетов?

— У нас три фрака, сэр, два смокинга...

— Три.

— Практически два, сэр. Если помните, мы не можем носить третий. У нас также имеется семь белых жилетов.

— А рубашек?

— Четыре дюжины, сэр.

— А белых галстуков?

— Первые две полки платяного шкафа отведены под наши белые галстуки, сэр.

Я повернулся к Року.

— Вот видишь?

— Я не согласен! Я не могу согласиться! Я скорее повешусь, чем соглашусь! Откуда, чёрт побери, мне знать, как носят все эти костюмы? Ты хоть понимаешь, что я почти никогда не снимаю пижамы раньше пяти часов пополудни, а затем чаще всего просто надеваю свеху свитер?

Я заметил, что Дживз поморщился. Бедный малый. Эти откровения оскорбляли его в лучших чувствах.

— В таком случае, что ты собираешься делать? — спросил я.

— Именно это я и хотел бы знать.

— В конце концов ты можешь написать тётушке, объяснить ей все обстоятельства и отказаться.

— Могу... если плюну на наследство. Она в два счёта переписет завещание.

Тут он был прав.

— Что скажешь, Дживз? — спросил я.

Дживз почтительно откашлялся.

— Основное затруднение, сэр, насколько я понимаю, возникло вследствие того, что, согласно условиям договора, мистер Тодд за ежемесячное содержание обязан писать подробные письма мисс Рокметеллер обо всех своих приключениях, а единственный способ добиться желаемого результата, если мистер Тодд не желает жить в Нью-Йорке, заключается в том, чтобы найти ему на замену человека, который ходил бы повсюду и подмечал бы все детали, интересующие мисс Рокметеллер, а затем передавал бы свои заметки мистеру Тодду для литературной обработки — что ему нетрудно будет сделать при его богатом воображении — и дальнейшей отправки мисс Рокметеллер.

Сказав эту фразу на одном дыхании, Дживз умолк.

Рок беспомощно на меня посмотрел. Он не был вскормлен на Дживзе, как я, и, естественно, растерялся.

— Послушай, он не мог бы выразиться яснее, Берти? — сказал Рок. — Сначала мне показалось, я что-то понял, но потом у меня всё перепуталось.

— Дорогой мой, это предельно просто. Я знал, что мы можем положиться на Дживза. Тебе надо попросить кого-нибудь пошляться по городу и записать свои впечатления, которые ты потом литературно обработаешь и пошлешь своей тётушке. Верно, Дживз?

— Именно так, сэр.

В глазах Рока зажёгся луч надежды. Он изумлённо посмотрел на Дживза, наверняка поражаясь огромному интеллекту славного малого.

— Но к кому мне обратиться? — спросил он. — Тут нужен человек умный и наблюдательный, умеющий подмечать мельчайшие подробности.

— Дживз! — сказал я. — Пусть этим займётся Дживз!

— А он согласится?

— Ты ведь согласишься, Дживз, не правда ли?

Впервые с тех пор, как Дживз у меня появился, я увидел на его лице нечто, напоминающее улыбку. Уголок его рта сдвинулся на четверть дюйма, а рыбы глаза, обычно созерцавшие мир, лукаво блеснули.

— Я буду рад помочь вам, сэр. Должен признаться, в свой выходной я посетил несколько мест в Нью-Йорке, представляющих интерес, и мне будет крайне приятно продолжить знакомство с ними.

— Прекрасно! Я абсолютно точно знаю, чего хочется твоей тёте, Рок. Она жаждет услышать о кабаре. В первую очередь, Дживз, сходи к Райгельхаймеру. Ресторан на Сорок Второй улице. Его каждый знает.

Дживз покачал головой.

— Простите, сэр. К Райгельхаймеру давно никто не ходит. Сейчас самое модное кабаре

— «Шалости на крыше».

— Видишь? — сказал я Року. — Положись на Дживза. Он знает, что делает.

* * *

Не часто бывает, что ты сам и те, кто вокруг тебя, счастливы, но мы доказали всему миру, что это возможно. Можно сказать, всем нам подфартило. С самого начала всё сложилось крайне удачно.

Дживз был счастлив потому, что, во-первых, ему нравится упражнять свой гигантский мозг, а во-вторых, он развлекался за чужой счёт, не жалея денег и сил. Однажды вечером я встретил его в «Полуночниках». Он сидел за столиком у танцплощадки и жевал толстую сигару. Лицо его выражало небрежную снисходительность, и он делал какие-то пометки в записной книжке. Если говорить обо мне, я был счастлив тем, что помог Року, которого очень любил. О самом Роке и говорить не приходится. Он был счастлив вдвойне, потому что ничто теперь не мешало ему сидеть на заборе и смотреть на червяков. Что же касается его тётушки, она была на седьмом небе от счастья — иначе не скажешь. Бродвейские впечатления доходили до неё издалека, но ей, видимо, это было всё равно. Первое письмо, которое она прислала Року, состояло из одних восторженных восклицаний. Впрочем, это было не удивительно, потому что Рок, основываясь на заметках Дживза, отправлял ей письма одно чище другого. Чудно! Возьмем, к примеру, меня, человека, знающего толк в жизни, от которой Рока мутит. А теперь возьмём письмо, которое я написал приятелю в Лондон:

"Дорогой Фредди,

Ну вот, я в Нью-Йорке. Неплохой город. Я неплохо провожу время. Кабаре очень даже ничего. Дела у меня идут неплохо. Не знаю, когда вернусь. Как там ребята?

Салют!

Твой Берти.

R.S. Давно не видел старину Теда?"

И ещё учтите, что старина Тед интересовал меня как прошлогодний снег, и я ввернул его, чтобы проклятое письмо получилось хоть чуть длиннее.

А теперь прочтите, что писал на ту же тему Рок:

"Дорогая тётушка Изабель,

Смогу ли я когда-нибудь отблагодарить вас за то, что вы предоставили мне чудесную возможность жить в этом удивительном городе? С каждым днём я восхищаюсь Нью-Йорком всё больше и больше. Особенно хороша Пятая авеню. Одеваются здесь бесподобно."

Далее шло описание нарядов. Я никогда не думал, что Дживз такой дока во всём, что касается одежды.

"Вчера вечером мы с приятелями зашли в «Полуночники». Сначала посмотрели шоу, а после обеда отправились на Сорок Третью улицу. Весёлая подобралась компания. Джорджи Коен присоединился к нам после полуночи и рассказал забавную историю, приключившуюся с Уилли Колье. Фред Стоун забегал на минутку, а Дуг Фэрбэнкс показал нам несколько фокусов, и мы хохотали до слёз. Эд Винн и Лаурет Тэйлор гуляли рядом в своей компании. Шоу в «Полуночниках» мне понравилось. Посылаю тебе программку.

Вчера вечером мы сидели в «Шалостях на крыше...»

И так далее, и тому подобное. Трудно сосчитать, сколько ярдов бумаги он исписал. Должно быть, тут дело в артистическом темпераменте. Я имею в виду, что парню, сочиняющему поэмы и прочую дребедень, легче добавить перцу в письма, чем мне. Во всяком случае, Рок писал именно то, что требовалось. Я позвал Дживза и поздравил его с успехом.

— Дживз, ты просто чудо!

— Благодарю вас, сэр.

— Ума не приложу, как тебе это удаётся. Я много раз бывал там же, где ты, но помню только, что неплохо провёл время.

— Дело привычки, сэр.

— Уверен, письма мистера Годда приведут мисс Рокметеллер в восторг, что?

— Несомненно, сэр, — согласился Дживз.

И, пропади всё пропадом, они привели её в восторг! Её восторг, прах его побери, был неопишем! Хотите знать, что случилось? Однажды вечером, примерно через месяц после того, как началась эта история, я сидел в гостиной и курил сигарету, давая отдых своей бедной головушке, когда дверь открылась и голос Дживза нарушил тишину, произведя на меня впечатление разорвавшейся бомбы.

Поймите меня правильно, Дживз никогда не говорит громко и тем более не кричит. У него мягкий спокойный голос, который как бы доносится издалека и тем не менее звучит отчётливо. Но то, что он сказал, заставило меня подпрыгнуть, как молодую газель, учувшую охотника.

— Мисс Рокметеллер!

В гостиную вошла высокая, крепкого сложения женщина.

Я потерял дар речи, честно в этом признаюсь. Должно быть, Гамлет чувствовал себя так же, как я, когда дух отца нагрянул к нему в гости. Я настолько привык к мысли, что тетюшка Рока и Иллинойс неотделимы друг от друга, что сначала не поверил собственным ушам. Затем я посмотрел на Дживза. Он стоял с отрешённым видом, бесчувственная скотина, вместо того чтобы броситься на выручку своему молодому господину.

Тётушка Рока напоминала безнадежно больную меньше всех, кого я знал, за исключением, пожалуй, тёти Агаты. К слову, она была похожа на тётю Агату как две капли воды. Её внешний вид не оставлял сомнений в том, что она может быть крайне опасна, если её надуть, и внутреннее чутьё подсказывало мне, что она наверняка решит, что её надули, если когда-нибудь узнает, как поступил с ней Рок.

— Доброе утро, — с трудом выдавил из себя я.

— Здравствуйте. Мистер Коэн?

— Э-э-э, нет.

— Мистер Фред Стоун?

— Не совсем. Вообще-то меня зовут Вустер, Берти Вустер, знаете ли.

На её лице отразилось разочарование. Прекрасное древнее имя Вустеров ничего не значило в её глазах.

— А где Рокметеллер? — спросила она. — Разве его нет дома?

Она попала в цель с первого выстрела. Я не знал, что ответить. Ничего путного мне в голову не пришло. Ведь не мог же я сказать ей, что Рок остался за городом наблюдать за червяками.

Я едва уловил какой-то тихий звук. Это был почтительный кашель, с помощью которого Дживз даёт понять, что собирается заговорить несмотря на то, что к нему никто не обращался.

— Если помните, сэр, мистер Тодд уехал утром с друзьями покататься на автомобиле.

— Совершенно верно, Дживз, совершенно верно, — сказал я, бросив взгляд на часы. — Он не говорил, когда вернётся?

— Мистер Тодд дал мне понять, сэр, что приедет очень поздно.

Дживз исчез, а тётушка уселась на стул, который я забыл ей предложить, и посмотрела на меня, как на обглоданную кость, которую собака за ненадобностью утащила из дома, чтобы зарыть на досуге. Моя тётя Агата, проживающая в Англии, часто на меня так смотрит, и каждый раз по моей спине бегают мурашки.

— Неплохо устроились, молодой человек. Скажите, вы друг Рокметеллера?

— О, да, конечно!

— Должно быть, так, раз вы расположились здесь, как у себя дома.

Даю вам честное слово, этот неожиданный удар послал меня в нокаут. Я начисто перестал соображать. Я собирался повести себя как радушный хозяин, и неожиданно оказался в роли незваного гостя. Надеюсь, вы поняли, что голос мисс Рокметеллер выражал отнюдь не радость по поводу того, что я зашёл навестить её племянника. Она разговаривала со мной таким тоном, будто я был чем-то средним между взломщиком и водопроводчиком, который пришёл прочистить засорившуюся ванну. Моё присутствие её раздражало.

Говорить нам больше было не о чем, и я не знаю, чем это всё закончилось бы, если б в голову мне не пришла спасительная мысль. Чай — прекрасная тема для разговора.

— Не хотите ли чашечку чая? — спросил я.

— Чая?

Она сказала это так, словно первый раз в жизни слышала о подобном напитке.

— Нет ничего лучше чашечки чая после долгого путешествия, — объяснил я. — Здорово подхлёстывает, знаете ли. Взбодряет лучше некуда. Я имею в виду, чай восстанавливает силы, ну и всё такое. Пойду скажу Дживзу.

Я пулей вылетел в коридор и ворвался в каморку Дживза. Малый сидел и читал газету с беспечным видом, словно ничего особенного не произошло.

— Дживз, — сказал я, — нам нужен чай.

— Слушаюсь, сэр.

— Знаешь, Дживз, это уж слишком, что? — Я хотел, чтобы он мне посочувствовал, ну, сами понимаете, в такие минуты легче становится, когда тебя пожалеют. — Она вбила себе в голову, что квартира принадлежит мистеру Тодду. С чего, пропади всё пропадом, она это взяла?

Джин, держась с большим достоинством, налил воду в чайник.

— Несомненно, мисс Рокметеллер пришла к подобному выводу, — сказал он, — основываясь на письмах мистера Тодда. Если помните, сэр, мы дали обратный адрес этой квартиры. Таким образом, создалось впечатление, что мистер Тодд живёт в центре города.

Я вспомнил. Тогда эта мысль показалась нам очень удачной.

— Да, Дживз, но, знаешь ли, неловко всё получилось. Она смотрит на меня, как на незваного гостя! Великие небеса! Не удивлюсь, если она считает меня нахлебником, который кланчит у её племянника рубашки и напрашивается на бесплатные обеды!

— Вполне вероятно, сэр.

— Куда уж хуже, должен тебе сказать.

— Весьма неприятно, сэр.

— И ещё, Дживз. Что нам делать с мистером Тоддом? Надо как можно скорее вытащить его из Лонг-Айленда. Как только принесёшь чай, пойдёшь и дай ему телеграмму. Пусть срочно приезжает.

— Я уже сделал это, сэр. Я позволил себе написать записку и отослать её с мальчишкой-рассыльным на почту.

— Разрази меня гром, ты обо всём позаботился, Дживз!

— Благодарю вас, сэр. Подать к чаю тосты? Да, сэр. Слушаюсь, сэр.

Я вернулся в гостиную. Она так и сидела на краешке стула, не поменяв позы. Спина у неё была прямая, словно она аршин проглотила, а зонтик в её руках был направлен на меня, как копьё. Когда я вошёл, она одарила меня ещё одним взглядом, от которого мурашки бегают по спине.

И дураку было ясно, что я пришёлся не по душе миссис Рокметеллер. Должно быть, она не могла мне простить, что я не Джордж М. Коен. Согласитесь, это ни в какие ворота не лезет.

— Удивительно, что? — сказал я примерно после пятиминутного молчания, пытаюсь хоть как-то наладить с ней отношения.

— Что удивительно?

— Ну, то, что вы приехали, и всё такое.

Она подняла брови и посмотрела на меня поверх очков.

— Вас удивляет, что я приехала навестить своего единственного племянника?

— Нет, нет, что вы! Конечно, нет! Ни в коем случае! Я только хотел сказать...

В этот момент в гостиной материализовался Дживз с чаем. Я был ужасно рад его видеть. Когда ищешь, как выкрутиться из дурацкого положения, лучше всего заняться делом. Я налил ей чай. Она отхлебнула глоток, и, задрожав с головы до ног, поставила чашку на стол.

— Молодой человек, — ледяным тоном спросила тётушка Рока, — неужели вы считаете, что эту бурду можно пить?

— О, конечно! Здорово подхлестывает, знаете ли.

— Что означает выражение «здорово подхлестывает»?

— Ну, бодрит, знаете ли. Освежает на все сто. Одним словом, воодушевляет.

— Я не поняла ни единого вашего слова. Скажите, вы англичанин?

— Э-э-э, да.

Она промолчала, но молчание её было таким красноречивым, что я предпочёл бы услышать, как она ругается. Каким-то непонятным образом ей удалось довести до моего сведения, что она не любит англичан вообще и меня в частности.

Пауза затянулась.

Затем я сделал вторую попытку, хотя всё больше склонялся к мнению, что невозможно вести оживлённый разговор тет-а-тет, когда один из собеседников выдавлиывает из себя слова в час по чайной ложке.

— Вам понравилось в отеле? — спросил я.

— В каком отеле?

— В котором вы остановились.

— Я не останавливалась в отеле.

— Собираетесь погостить у друзей, что?

— Естественно, я буду жить у своего племянника.

Сначала я просто не понял, о чём она говорит, затем меня прошиб холодный пот.

— Как?! Здесь?! — прохрипел я.

— Конечно! Зачем мне куда-то идти?

Внезапно я осознал весь ужас своего положения. Я просто не знал, что мне делать. Если б я объяснил ей, что Рок здесь не живёт, то выдал бы бедолагу с головой, потому что она потребовала бы у меня его адрес, и на этом всё закончилось бы. Я едва успел оправиться от потрясения, как тетушка снова заговорила.

— Вас не затруднит попросить слугу моего племянника приготовить мне постель? Я хочу прилечь.

— Слугу вашего племянника?

— Человека, которого вы называли Дживзом. Если Рокметеллер уехал на автомобиле, вам необязательно его дожидаться. Как вы понимаете, он захочет побыть со мной наедине, когда вернётся.

Эта женщина меня добила. Я не помню, как вышел из гостиной и очутился в каморке Дживза.

— Дживз! — прошептал я.

— Сэр?

— Поддай мне б и с, только покрепче. Я сейчас упаду.

— Слушаюсь, сэр.

— Всё хуже и хуже, Дживз.

— Сэр?

— Она считает тебя слугой мистера Тодда. Она уверена, что квартира и всё в квартире принадлежит мистеру Тодду. Я думаю, тебе ничего не остаётся, как поддерживать её в этом заблуждении, Дживз. Мы не можем ничего ей сказать, потому что она сразу унюхает, что её надули, а мне не хочется подводить мистера Тодда. Кстати, Дживз, она требует, чтобы ты приготовил ей постель.

Он укоризненно на меня посмотрел.

— Вряд ли мне пристало, сэр...

— Знаю, Дживз, знаю. Но прошу, сделай это ради меня. Уж если на то пошло, мне тоже не пристало уходить из собственного дома и снимать номер в отеле. Что?

— Вы намереваетесь жить в отеле, сэр? А во что вы будете одеваться?

— Святые угодники и их тётушка! Об этом я как-то не подумал! Ты не мог бы сложить мне небольшой чемодан, когда она уснёт, и притащить его в «Аврору»?

— Я не премину это сделать, сэр.

— Ну, кажется всё, Дживз. Когда мистер Тодд приедет, скажи ему, где я.

— Слушаюсь, сэр.

Я огляделся по сторонам. Пришла пора расставания. Знаете, мне стало грустно. Я почему-то вспомнил одну мелодраму, где кого-то выкинули за что-то холодной зимой из собственного дома.

— Прощай, Дживз, — сказал я.

— До свидания, сэр.

И я ушёл, спотыкаясь на каждом шагу. Честное слово.

Знаете, я всё больше склоняюсь к мнению, что этот-как-его-там поэт или философ был абсолютно прав, когда утверждал, что каждый парень должен прыгать от радости, если он попал в передрагу. Этот, как его, вообще много чего говорил о страданиях, которые тебя очищают. И ведь так оно и есть. Когда страдаешь, поневоле сочувствуешь ближнему, потому что ты уже подцепил несчастье, а ему это ещё предстоит.

Когда я стоял в одиночестве перед зеркалом в номере отеля, пытаюсь самостоятельно повязать галстук, меня вдруг как обухом по головехватило. Я внезапно понял, что на свете живут толпы парней, вынужденных ухаживать сами за собой, потому что у них нет камердинеров. Я всегда считал Дживза естественным феноменом, но — прах побери! — если задуматься, в мире существует множество молодых людей, которые сами гладят брюки, наливают себе чай по утрам, и так далее, и тому подобное. Знаете, от этой мысли мне стало жутковато. Я хочу сказать, с этого момента я начал понимать, в какой ужасной нужде живут бедняки.

С грехом пополам я оделся. Дживз ничего не забыл, в чемодане лежало всё необходимое — до последней запонки. Честно говоря, от этого моё настроение только ухудшилось. Я загрустил ещё больше, как будто — не помню, кто это сказал, — получил послание с того света.

Я пообедал в маленьком ресторанчике, затем отправился на какое-то представление, но мне всё было безразлично. У меня просто не осталось сил, чтобы пойти поужинать. Никогда в жизни я не чувствовал себя так отвратительно. Я полежал на диване, потом принялся ходить по комнате, стараясь двигаться бесшумно, как будто у меня умер ближайший родственник. Если б рядом со мной находился собеседник, я разговаривал бы шёпотом; и когда зазвонил телефон, я ответил так печально и тихо, что парень на другом конце провода пять раз повторил «алло», видимо решив, что нас не соединили.

Звонил Рок. Бедолага был взволнован донельзя.

— Берти! Это ты, Берти? Проклятье! Я умираю!

— Откуда ты говоришь?

— Из «Полуночников». Мы торчим здесь целый час и, по-моему, застрянем на всю ночь. Я сказал тёте Изабель, что позвоню другу и попрошу его к нам присоединиться. Она просто приклеилась к стулу, а на её лбу крупными буквами написано: «Вот это жизнь!» Она в полном восторге, а я сейчас сойду с ума!

— Что стряслось, старина?

— Ещё немного — и я улизну отсюда, доберусь до реки и утоплюсь! Неужели ты хочешь сказать, Берти, что каждый вечер добровольно отправляешься на эту каторгу? Такое в кошмарном сне не приснится! Я только успел задремать, прикрывшись меню, как откуда ни возьмись появились тысячи визжащих девиц, одетых в воздушные шарики! Здесь два оркестра, и каждый пытается доказать, что может играть громче другого. Я превратился в дебильного калеку! Когда пришла твоя телеграмма, я как раз собирался прилечь и выкурить трубку. В моей душе царили тишина и покой. Мне пришлось одеться на скорую руку и две мили мчаться, как угорелому, чтобы не опоздать на поезд. Я чуть не умер от разрыва сердца; и в довершение ко всему совсем заврался, не зная, что сказать тётушке Изабель. А затем мне пришлось втиснуться в этот твой проклятый фрак!

Крик ужаса вырвался из моей груди. До меня только сейчас дошло, что Року придётся пользоваться моим гардеробом.

— Ты его загубишь!

— Надеюсь, да, — мстительным голосом произнёс Рок. По-видимому, за несколько последних часов характер его резко испортился. — Должен же я хоть как-то отомстить ему за то, что он со мной сделал. Твой фрак на три размера меньше, чем нужно, и я жду не дождусь, когда в нём что-нибудь лопнет. Чем скорее, тем лучше. Тогда у меня появится шанс свободно вздохнуть. Я вообще не дышу с половины восьмого. Если б Дживзу не удалось купить мне воротничок, я давно стал бы трупом, а если бы не оторвалась верхняя пуговица рубашки, я получил бы кровоизлияние в мозг! Берти, это сущий ад! Тётушка всё время уговаривает меня потанцевать. Проклятье! С кем мне танцевать, когда я никого здесь не знаю? Я уж не говорю о том, что каждое движение в твоих брюках — огромный риск. Я вынужден был сказать ей, что подвернул ногу. Она каждые пять минут спрашивает, куда подевались Коен и Стоун: думаю, пройдет немного времени, прежде чем она узнает, что Стоун сидит в двух столиках от нас. Надо что-то предпринять, Берти! Придумай, что хочешь! Это ты заварил всю эту кашу!

— Я?! Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, не ты, так Дживз. Это одно и то же. В конце концов именно ты сказал, чтобы я на него положился. Если б не письма, которые я сочинял по его заметкам, всё было бы в порядке. Я перестарался. Тётушка только что рассказала мне, что находилась при смерти, когда начали приходить мои послания, одно за другим, и воспряла духом, читая о сказочной жизни в Нью-Йорке, до такой степени, что поправилась и решила сюда приехать. Она говорит, что исцелилась благодаря чуду. Берти, с меня хватит! Я этого не вынесу!

— А Дживз ничем не может тебе помочь?

— Нет. Кроме «Весьма прискорбно, сэр», из него слова не вытянешь. Хорош помощничек!

— Знаешь, старина, — сказал я, — в конце концов мне куда хуже, чем тебе. Ты живёшь в комфортабельной квартире, и у тебя есть Дживз. К тому же ты экономишь кучу денег.

— Экономлю? В каком это смысле?

— Ведь ты получаешь содержание, а все расходы, я полагаю, тётушка взяла сейчас на себя.

— Ничего я больше не получаю. Сегодня днём она отправила письмо своему поверенному. Тётушка говорит, что теперь мы всегда будем вместе, и поэтому ей проще самой оплачивать все счета. Клянусь тебе, Берти, я изучил бочку дёгтя с помощью микроскопа и не нашёл в ней ни одной капли мёда!

— Но, Рок, старина, ты не понимаешь! Ты даже представить себе не можешь, как я страдаю в этом жутком отеле без Дживза. Мне необходимо вернуться в квартиру.

— Не смей подходить к ней на пушечный выстрел!

— Но это моя квартира.

— Ничем не могу тебе помочь. Тёте Изабель ты не понравился. Она спросила меня, как ты зарабатываешь на жизнь, а когда я ответил, что ты вообще не работаешь, сказала, что поняла это с первой минуты, так как ты — типичный представитель никчемной, гнивающей аристократии. Так что если тебе кажется, что она от тебя без ума, — перекрестись. Мне надо идти, Берти. Если я задержусь, тётушка выйдет проверить, куда я пропал. До свидания.

На следующее утро меня навестил Дживз. Когда он вплыл в номер, я на мгновение почувствовал себя в домашней обстановке и чуть было не расплакался.

— Доброе утро, сэр. Я принёс кое-что из ваших вещей, — сказал он и начал распаковывать чемодан, поставив его на стол.

— Трудно тебе было незаметно умыкнуть их, Дживз?

— Нелегко, сэр. Всё время приходилось быть начеку. Мисс Рокметеллер исключительно наблюдательная леди, сэр.

— Знаешь, Дживз, что ни говори, а это всё-таки свинство. Ты согласен?

— С подобной ситуацией я сталкиваюсь впервые, сэр. Я принёс вам шерстяную клетчатую пиджачную пару, соответствующую погоде. Завтра я постараюсь доставить коричневый пиджачный костюм с зелёной искрой.

— Долго я не выдержу, Дживз.

— Мы должны надеяться на лучшее, сэр.

— Неужели ты ничего не можешь придумать?

— Я потратил много времени на обдумывание создавшегося положения, сэр, но пока что не нашёл выхода. Я положу три шёлковые рубашки — темно-голубую, светло-голубую и розовато-лиловатую — в верхний ящик комода, сэр.

— Ты хочешь сказать, что так-таки ничего и не придумал?

— До настоящего момента нет, сэр. Дюжину носовых платков и коричневые носки я кладу во второй ящик слева. — Он закрыл чемодан и поставил его на стул. — Мисс Рокметеллер — любопытная леди, сэр.

— Мягко сказано, Дживз.

Он задумчиво посмотрел в окно.

— Во многих отношениях мисс Рокметеллер напоминает мне одну мою тётю, которая живёт в юго-восточной части Лондона. Они обладают сходными темпераментами, сэр. Моя тётя тоже без ума от городских развлечений. Её страсть — двухколесные экипажи. Если за ней не уследить, она обязательно сбежит из дома и весь день будет кататься в кэбах. Бывали случаи, когда ради удовлетворения этой прихоти она воровала деньги из детских копилочек.

— Мне очень нравится болтать с тобой о твоих родственниках по женской линии, но я не понимаю, какое отношение они имеют к моему несчастью, — холодно сказал я. Малый меня подвёл, и я не желал больше его слушать.

— Прощу прощенья, сэр. Я положил несколько галстуков на каминную полку, чтобы вы смогли выбрать тот, который вам по вкусу. Я порекомендовал бы вам голубой в красную клетку, сэр.

Он подплыл к двери и бесшумно выскользнул в коридор.

Я часто слышал, что после того, как тебе дали по голове и ты немного очухался, жизнь постепенно входит в колею и у тебя появляются прежние интересы. Время — великий целитель. Природа берет своё, и прочее, и прочее. По собственному опыту я знаю, что так оно и есть. День-другой, и я начал приходить в себя. Конечно, то, что я потерял Дживза, было ужасно, и ни о каком спокойствии не могло идти речи, но по крайней мере я обнаружил, что снова могу потихоньку наслаждаться жизнью. Я как бы вострепнулся и даже начал посещать кабаре, дабы хоть ненадолго забыть о постигшем меня несчастье.

Нью— Йорк -маленький городишко, когда речь идёт о тех местах, которые пробуждаются, когда остальные отходят ко сну, и вскоре наши с Роком пути начали пересекаться. Как-то я видел его в «Пиле», а потом в «Шалостях на крыше». Оба раза он сидел за столиком вдвоём с тётушкой и изо всех сил делал вид, что веселится вовсю, но мне, зная обстоятельства дела, нетрудно было заметить, как сильно он страдает. Я смотрел на беднягу, и сердце моё обливалось кровью. По крайней мере той частью крови, которой оно не обливалось, когда я думал о самом себе. По внешнему виду Рока было видно, что долго он так не протянет.

Тётушка, как ни странно, тоже выглядела достаточно озабоченной. Мне показалось, она начинает задумываться, куда подевались все знаменитости, о которых писал ей племянник, и почему в его поведении нет той небрежной лёгкости, которой он хвастался на каждой странице. Я её не винил. Я читал всего два или три письма, но у меня сложилось впечатление, что бедняга Рок был душой нью-йоркского общества, кумиром ночных ресторанов, завсегдатаем кабаре, которые просто отказывались начинать представление, если по какой-то причине Рок отсутствовал.

Два дня я их не встречал, но на третий, сидя в одиночестве «У Пьера», вдруг почувствовал, как кто-то колотит меня по лопаткам. За моим стулом стоял Рок с тоскливым выражением на багрово-красном лице. Как он умудрялся из вечера в вечер носить мои костюмы, до сих пор остаётся для меня загадкой, хотя позднее Рок мне признался, что распорол жилетку сзади и сразу же почувствовал огромное облегчение. В первый момент я подумал, что сегодня ему удалось улизнуть от тётушки, но, присмотревшись, увидел её за одним из столиков у стены. Она смотрела на меня так, словно собиралась устроить метрдотелю скандал по поводу того, что в ресторан пускают кого ни попадя.

— Берти, дружище, — сказал Рок тихим дрожащим голосом, — ведь мы всегда были друзьями, правда? Ты ведь знаешь, я всё для тебя сделал бы, если б ты попросил.

— Рок, старина, — растроганно сказал я.

— В таком случае, ради всего святого, посиди за моим столиком, пока ресторан не закроется.

Ну, знаете ли, всякой дружбе есть предел.

— Дорогой мой, — сказал я, — понимаешь, я, конечно, готов помочь тебе, чем могу, но...

— Прошу тебя, Берти. Ты не можешь меня бросить. Её надо как-то отвлечь. Последние два дня тётя Изабель очень сильно чем-то озабочена. По-моему, она начинает меня подозревать. Давеча я встретил двух репортёров, с которыми когда-то был хорошо знаком, и представил их ей как Дэвида Беласко и Джима Корбетта. Она успокоилась, но ненадолго. Надо что-то делать, Берти. Если всё откроется, я могу поспорить с тобой на любую сумму, что не получу от неё ни цента. Ради бога, пойдём со мной. Облегчи мои муки.

Я сдался. Несчастья на то и существуют, чтобы помогать своим приятелям из них выпутываться. Тётя Изабель сидела, по своему обыкновению, на краешке стула, и спина у неё была прямая, как струна. Лицо её определённо потеряло то восторженное выражение, с которым она начала исследовать Бродвей. Сейчас она была похожа на женщину не только озабоченную, но и чем-то крайне недовольную.

— Ты знакома с Берти Вустером, тётя?

— Да.

— Присаживайся, Берти, — сказал Рок.

Так начался наш вечер. Это был один из тех прекрасных, весёлых, радостных вечеров, когда ты дважды откашливаешься, прежде чем что-то сказать, а потом решаешь на всякий случай ничего не говорить. Примерно через час этого мрака тётушка Изабель заявила, что желает пойти домой. Зловещий признак. Насколько я знал, раньше её арканом было из ресторана не вытащить. Должно быть, Рок тоже почувствовал неладное, потому что он бросил на меня умоляющий взгляд.

— Ты ведь зайдёшь к нам на рюмку, Берти?

Вообще — то так мы не договаривались, но не мог же я оставить бедного малого наедине с тётушкой.

С той минуты, как мы сели в такси, у меня появилось предчувствие, что развязка близка. Мёртвая тишина царила в углу, где восседала мисс Рокметеллер, и хотя Рок вертелся на переднем сиденье, как уж, изо всех сил пытаюсь поддерживать разговор, назвать нас весёлой компанией было невозможно.

Когда мы вошли в квартиру, я мельком увидел Дживза в каморке, и мне ужасно захотелось позвать его на подмогу. Почему-то у меня возникло такое ощущение, что он может нам понадобиться. Мы зашли в гостиную, и Рок взял со стола графин.

— Скажи, когда хватит, Берти.

— Остановись! — вскричала тётушка, и он выронил графин из рук.

Я видел его лицо, когда он наклонился. Эго было лицо человека, который понял, что его разоблачили.

— Оставь всё, как есть! — воскликнула тётя Изабель, и Рок покорно выпрямился.

— Пришло нам время поговорить, — торжественно произнесла она. — Я не могу спокойно стоять и смотреть, как молодой человек обрекает себя на вечные муки!

В горле у Рока что-то булькнуло; звук очень напоминал тот, с которым виски вытекало из графина на мой ковер.

— А? — сказал он, растерянно моргая.

Тётушка продолжала говорить.

— Я виню только себя. Я не видела света истины. Но сейчас глаза мои открылись, и я поняла, какую ужасную ошибку совершила. Мне становится страшно при мысли о том, какой вред я причинила тебе, Рокметеллер, понукая тебя окунуться в разврат этого чудовищного города.

Я увидел, что Рок шарит рукой по воздуху. Пальцы его нащупали поверхность стола, и он облегчённо вздохнул. Я прекрасно понимал, что он чувствует.

— Но когда я написала тебе письмо, Рокметеллер, требуя, чтобы ты отправился в Нью-Йорк и жил его жизнью, я не имела чести слышать лекции мистера Мунди о том, что представляет собой этот город.

— Джимми Мунди! — вскричал я.

Знаете, как это бывает, когда всё непонятно и неожиданно у тебя появляется маленькая зацепка, которая всё объясняет? Когда тётушка Рока упомянула Джимми Мунди, я более или менее разобрался, что к чему. Помню, однажды в Лондоне камердинер, который служил у меня до Дживза, отправился как-то вечером на одну лекцию, а вернувшись, разоблачил меня при дюжине ребят, собравшихся ко мне на вечеринку, заявив, что я — паразит на теле общества. Тётушка окинула меня презрительным взглядом.

— Да, Джимми Мунди! — сказала она. — Я поражена, что такой человек, как вы, о нём слышал. На его лекциях нет ни музыки, ни пьяных танцующих мужчин, ни бесстыдных, выставяющих себя напоказ женщин; так что вам это не подходит. Но другим, менее погрязшим в грехах, его слова западают в душу. Он прибыл сюда, чтобы, по его образному выражению, спасти Нью-Йорк от Нью-Йорка, выставить зло вон. Впервые я услышала мистера Мунди, Рокметеллер, три дня назад. Случай привёл меня на его лекцию. Как часто бывает, что жизнь наша зависит именно от случая! Тебя тогда не было дома: ты уехал к мистеру Беласко и не смог отвезти меня на ипподром, как мы договорились. Я попросила твоего слугу, Дживза, проводить меня туда. Этот человек глуп, как пробка. Он даже не понял, о чём я говорю, но за это я ему благодарна. Он доставил меня

— о чём я узнала позже — в Мэдисон Сквер Гарден, проводил до места и ушёл. Я обнаружила ошибку только после того, как лекция уже началась. Я сидела в середине ряда и не могла уйти, не потревожив людей, поэтому мне пришлось остаться.

Она судорожно вздохнула.

— Рокметеллер, никогда в жизни я не была так счастлива! Мистер Мунди был просто великолепен! Он напомнил мне одного из библейских пророков, наставляющих людей на путь истинный. Его воодушевление было так велико, он так отчаянно жестикулировал и выражал негодование всем своим телом, что я испугалась, как бы ему не стало плохо. Я не всегда понимала, о чём он говорит, но каждое его слово было более чем убедительно. Он показал мне Нью-Йорк таким, какой он есть. Он показал мне ничтожность тех, кто обжирается чёрной икрой, когда всем порядочным людям давно пора спать. Он сказал, что танго и фокстрот — слуги дьявола, которые утащат грешников в геенну огненную. Он сказал, что человек, который хотя бы в течение десяти минут слушает негритянский джаз, губит свою душу куда сильнее, чем тот, кто пировал с утра до вечера в древних Ниневии и Вавилоне. И когда, стоя на одной ноге, он вытянул руку и указал пальцем на то место, где я сидела, воскликнув: «Речь идет о тебе!», я готова была сквозь землю провалиться. Я ушла оттуда другим человеком, Рокметеллер. Ты, конечно, заметил, как сильно я переменялась? Разве ты не понял, что я перестала быть той бездумной, легкомысленной женщиной, которая раньше всё время уговаривала тебя танцевать и веселиться в этих гнёздах разврата?

Рок вцепился в стол, как будто он был его единственной опорой в жизни.

— Да, — пробормотал он. — Я... я подумал, ты заболела.

— Заболела? Я выздоровела, Рокметеллер! Окончательно выздоровела. И ты тоже должен спастись, пока не поздно. Ты лишь пригубил чашу зла, но не испил её до конца. Я понимаю, скачала тебе придётся очень трудно, но ты должен бороться с искушениями и закалить своё сердце, чтобы справиться с тягой к порочному великолепию этого ужасного города. Ты сделаешь это ради меня, Рокметеллер? Поедешь завтра же за город и начнёшь бороться с самим собой? Шаг за шагом, руководствуясь святостью, завещанной нам...

Я до сих пор уверен, что именно слово «завещанной» сыграло роль трубного гласа и привело Рока в чувство. Должно быть, оно напомнило ему о том, что чудо свершилось и

тётушка по-прежнему собирается завещать ему всё своё состояние. По крайней мере, услышав это слово, он выпрямился, отпустил стол и уставился на тётушку горящим взглядом.

— Ты хочешь, чтоб я уехал за город, тётя Изабель?

— Да.

— Чтоб я жил за городом?

— Да, Рокметеллер.

— Чтоб я жил за городом всё время? Никогда не приезжал в Нью-Йорк?

— Да, Рокметеллер. Я так хочу. Это единственный путь к спасению. Только в глуши сможешь ты избежать соблазнов. Ты ведь выполнишь мою просьбу, Рокметеллер? Уедешь отсюда... ради меня?

Рок снова уцепился за стол, словно черпал из него неведомые силы.

— Уеду! — сказал он.

* * *

— Дживз! — сказал я. Дело происходило на следующий день, и я сидел в своем старом уютном кресле, положив ноги на свой старый уютный стол. Я только что проводил старину Рока, который, в свою очередь, часом раньше распрощался с тётушкой, отбывшей на место жительства, где её наверняка считали проклятьем Иллинойса. Наконец-то мы с Дживзом остались одни. — Дживз! Ничего нет лучше дома, что?

— Совершенно справедливо, сэр.

— Дома и стены помогают, и всё такое прочее, а?

— Несомненно, сэр.

Я закурил сигарету.

— Дживз.

— Сэр?

— Знаешь, какое-то время мне казалось, что ты дал маху.

— Вот как, сэр?

— Как ты додумался отвести мисс Рокметеллер на лекцию Джимми Мунди? Гениально!

— Благодарю вас, сэр. Эта мысль пришла мне в голову внезапно, когда однажды утром я размышлял о своей тёте, сэр.

— Тёте? Той самой, которая свихнулась на кэбах?

— Да, сэр. Я вспомнил, что перед очередным её приступом помешательства мы всегда посылали за приходским священником. Нам было известно, что разговоры на возвышенные темы заставляют её забыть о двухколесных экипажах. Я подумал, что в случае мисс Рокметеллер следует применить такое же лечение.

Я был поражен изобретательностью этого малого.

— Ты — голова, Дживз! — сказал я. — Могучий ум! Послушай, как тебе удалось стать таким умным? Должно быть, ты каждый день ешь рыбу или ещё чего-нибудь. Ты ведь ешь много рыбы, Дживз?

— Нет, сэр.

— Ну, значит, это дар свыше. Так я и думал. Если у тебя есть мозги, то слава богу, а если

нет, нечего и беспокоиться.

— Совершенно справедливо, сэр, — сказал Дживз. — Если позволите, сэр, на вашем месте я снял бы этот галстук. Зелёный цвет придает вашему лицу болезненный вид. Я настоятельно рекомендую вам надеть голубой в красную сетку, сэр.

— Хорошо, Дживз, — покорно сказал я. — Тебе виднее.

ГЛАВА 6. Забавный случай со стариной Биффи

— Дживз, — сказал я, выбираясь из старой доброй ванны, — побудь со мною.

— Да, сэр.

Я радостно улыбнулся славному малому, не скрывая от него своего ликования. Дело в том, что я приехал в Париж отдохнуть недельку-другую, а в Париже я почему-то всегда полон *espieglerie* и *joie de vivre*.

— Приготовь мне одеяния, достойные богемного пира, — сказал я. — Знакомый художник, который живёт по ту сторону реки, пригласил меня на ленч.

— Слушаюсь, сэр.

— И если кто-нибудь позвонит, Дживз, скажи, что я убежал и раньше вечера не вернусь.

— Да, сэр. Пока вы принимали ванну, вам звонил мистер Биффен.

— Мистер Биффен? Разрази меня гром!

Просто поразительно, как всегда натыкаешься на приятелей в иностранных городах, я имею в виду, сталкиваешься нос к носу с парнями, которых ты сто лет не видел и уж здесь-то точно не собирался с ними встретиться. Когда-то мы с Биффи были не разлей вода, завтракали и обедали вместе почти каждый день, но примерно полтора года назад у него умерла бабушка, которая оставила ему в наследство загородный дом, и он переехал в деревню; теперь он носил гетры, тыкал коров под рёбра, короче, вёл жизнь сквайра и землевладельца, и мы с ним почти не виделись.

— Старина Биффи в Париже? Что он здесь делает?

— Не могу знать, сэр, — ответил Дживз, как мне показалось, довольно холодно, словно он недолго любил Биффи. Странно. Насколько я помнил, они всегда ладили.

— Где он остановился?

— В отеле «Авенида», на *Rue de Colisee*, сэр. Он сообщил, что отправляется погулять и зайдёт к вам сегодня днём.

— Если я ещё не вернусь, пусть подождёт. А сейчас, Дживз, *mes gants, mon chapeau, et le whangee de monsieur*. Пока-пока.

День стоял такой потрясающий, что я попросил шофёра такси остановиться у Сорбонны. Времени у меня было навалом, и я решил пройтись пешком. Но не успел я сделать и трёх с половиной шагов, как столкнулся лицом к лицу со стариной Биффи, стоявшим на тротуаре. Ещё полшага, и я сбил бы его с ног.

— Биффи! — вскричал я. — Ну и ну!

Он уставился на меня, растерянно моргая, — должно быть, совсем как одна из его хертфортширских коров, которую неожиданно ткнули под рёбра, когда она завтракала.

— Берти! — воскликнул он дрожащим от счастья голосом. — Слава богу! — Он вцепился в мою руку. — Не оставляй меня, Берти. Я потерялся.

— В каком это смысле потерялся?

— Я вышел погулять, и через милю-другую вдруг понял, что не представляю себе, где нахожусь. Я уже около часа брожу кругами.

— Почему ты не спросил дороги?

— Я ни слова не знаю по-французски.

— В таком случае, почему ты не взял такси?

— Понимаешь, я неожиданно обнаружил, что забыл все свои деньги в номере.

— Ты мог бы расплатиться с шофёром в отеле.

— Да, но я забыл его название.

Вот теперь вы знакомы с Чарлзом Эдвардом Биффеном, самым рассеянным и бестолковым бедолагой из всех, кто когда-либо носил брюки. Видит бог — и моя тётя Агата подтвердит, — меня нельзя назвать гением, но по сравнению с Биффи я — великий мыслитель современности.

— Я не пожалел бы шиллинга, — тоскливо сказал Биффи, — чтобы узнать название этого отеля.

— Считай, ты должен мне шиллинг. Отель «Авенида», Rue de Colisee.

— Берти! Это чудо! Как, разрази меня гром, ты догадался?

— Ты сообщил свой адрес Дживзу, когда звонил сегодня утром.

— Верно. Я совсем забыл.

— Ладно, пойдём пропустим по рюмочке, а потом я посажу тебя в такси. Я приглашён на ленч, но у меня куча свободного времени.

Мы зашли в одно из одиннадцати кафе, расположенных на небольшой улочке, и я заказал горячительные напитки.

— Что ты делаешь в Париже? — спросил я.

— Берти, старина, я приехал сюда, чтобы попытаться всё забыть.

— По-моему, тебе это удалось.

— Ты не понимаешь. Дело в том, Берти, что сердце моё разбито. Сейчас я всё тебе расскажу.

— Эй! Подожди! — запротестовал я, но его уже понесло.

— В прошлом году, — сказал Биффи, — я решил поехать по Канаде и половить лосося.

Я заказал ещё один коктейль. Я не могу слушать рыболовные истории без стимулирующих напитков.

— На пароходе, идущем в Нью-Йорк, я встретил девушку. — Он издал горлом звук, совсем как бульдог, который пытается как можно скорее сожрать полкотлеты, пока у него не отняли второй половины. — Берти, старина, я не в силах её описать. Просто не в силах.

Хоть тут мне повезло.

— Такой красавицы я ещё не видел! Мы каждый день прогуливались по верхней палубе после обеда. По профессии она была кем-то вроде актрисы.

— Что значит кем-то вроде актрисы?

— Понимаешь, она позировала художникам, работала манекенщицей, ну и всё такое. Затем она скопила немного денег и отправилась в Нью-Йорк, чтобы подыскать там работу. Она мне всё про себя рассказала. Её отец был хозяином бакалейной лавки в Клэпхеме. А может, в Чизлвуде. По крайней мере это была либо бакалейная лавка, либо сапожная мастерская.

— Легко спутать.

— Я пытаюсь тебе объяснить, — недовольно сказал Биффи, — что она принадлежала к добропорядочному среднему классу общества. Такой женой каждый мог бы гордиться.

— Ну и кто ей гордился?

— Никто. В том-то всё и дело. Я хотел, чтобы она вышла за меня замуж, и я её потерял.

— Ты хочешь сказать, вы поссорились?

— Нет, я не хочу сказать, что мы поссорились. Я хочу сказать, что потерял её в буквальном смысле слова. В последний раз мы виделись в таможне за грудой наваленных

чемоданов. Я попросил её стать моей женой, она согласилась, и всё было просто замечательно, но вдруг какой-то наглый придурок в фуражке пристал ко мне с разговорами о каких-то сигаретах, которые я забыл занести в таможенную декларацию. Мы и так здорово задержались, тем более что пароход прибыл в половине одиннадцатого, поэтому я отправил Мэйбл в гостиницу и обещал зайти за ней на следующее утро, чтобы вместе позавтракать. С тех пор я её не видел.

— Ты хочешь сказать, в гостинице её не было?

— Может, и была. Но...

— Ты хочешь сказать, ты за ней не пришёл?

— Берти, старина, — произнёс Биффи угрожающим голосом, — ради всего святого, прекрати говорить мне, что я хочу и чего не хочу сказать. Если ты будешь мне мешать, я окончательно запутаюсь, и мне придётся начать всё сначала.

— Я не буду мешать, — торопливо произнёс я.

— Ну вот. Короче, я забыл, как называлась гостиница. После того, как я полчаса объяснялся насчёт сигарет, у меня начисто отшибло память. Мне казалось, я где-то записал, куда она поехала, но, видимо, я ошибался, потому что я просмотрел все свои бумаги, но адреса так и не нашёл. Всё было бесполезно. Я потерял её навсегда.

— Но почему ты не навёл справок?

— Видишь ли, Берти, дело в том, что я забыл, как её зовут.

— Ну, знаешь! — Такого я не ожидал даже от Биффи. — Ты не мог забыть, как её зовут. К тому же ты только что назвал её по имени. Кажется, Мюриель. Или нет?

— Мэйбл, — холодно сказал Биффи. — Я забыл не имя, а фамилию. Нет, Берти. Всё было кончено, и я уехал в Канаду.

— Подожди, — сказал я. — Ведь ты наверняка сообщил ей, кто ты такой. Если ты не мог её разыскать, ей-то не составляло труда тебя найти?

— Вот именно. Поэтому я и говорю, что потерял её навсегда. Она знает моё имя, где я живу и всё остальное, но я не получил от неё ни одной весточки. Мне кажется, когда я не пришёл в гостиницу на следующее утро, она решила, что тем самым я отказался от своих слов, то есть раздумал на ней жениться, и просто постеснялся сказать правду в глаза.

— Может быть, — согласился я. Он, конечно, был прав, другого объяснения я не видел. — Знаешь, тебе надо развлечься, чтобы залечить свою сердечную рану. Как насчёт ужина в Аббатстве или ещё где-нибудь?

Биффи покачал головой.

— Не поможет. Я уже всё перепробовал. Кроме того, я сегодня уезжаю четырёхчасовым поездом. Завтра я обедаю с человеком, который хочет купить мой дом в Хертфордшире.

— Ты продаёшь свой дом? Мне всегда казалось, ты от него в восторге.

— Верно. Но мысль о том, что мне придётся жить одному в этой огромной конюшне, сводит меня с ума. После того, что произошло, я сам не свой, Берти. И когда сэр Родерик Глоссоп предложил мне...

— Сэр Родерик Глоссоп? Ты имеешь в виду этого психомана?

— Да, он знаменитый невропатолог. Откуда ты его знаешь?

День был жаркий, но меня прошиб холодный пот.

— В течение одной или двух недель я был обручён с его дочерью, — дрожащим голосом сказал я. — Мне удалось отвертеться от брачных уз в последнюю секунду, и воспоминания об этом кошмаре до сих пор мучают меня по ночам.

— Разве у него есть дочь? — рассеянно спросил Биффи.

— Есть. Сейчас я расскажу тебе...

— Прости, старина, но мне некогда, — Биффи встал из-за столика. — Мне надо вернуться в отель и уложить вещи, не то я опоздаю на поезд.

Как вам это понравится? А ведь только что он целый час плакался мне в жилетку! Чем старше я становлюсь, тем больше убеждаюсь, что принцип «живи сам и давай жить другим» постепенно исчезает из нашего сознания. Ну и ладно. Я посадил Биффи в такси и отправился на ленч к художнику.

* * *

Со дня нашей встречи прошло не более десяти дней, когда однажды утром, наслаждаясь чаем и тостами, я чуть было не получил разрыв сердца. Дживз принёс мне «Таймс», положил газету на столик рядом с кроватью и не торопясь пошёл к двери, а я начал лениво перелистывать страницы, чтобы просмотреть спортивную хронику, когда один заголовок бросился мне в глаза:

ПРЕДСТОЯЩИЕ БРАКОСОЧЕТАНИЯ

М-р Ч. Э. Биффен и мисс Глоссоп

Помолвка объявлена между Чарлзом Эдвином Биффеном, единственным сыном покойного м-ра Э. Ч. Биффена и миссис Биффен, II Пэнслоу Сквер, Мэйфер, и Гонорией Глоссоп, единственной дочерью сэра Родерика Глоссопа и леди Глоссоп, 66 Харлоу Стрит, В.

— Великие небеса! — воскликнул я.

— Сэр? — сказал Дживз, оборачиваясь.

— Дживз, ты помнишь мисс Глоссоп?

— Отчётливо, сэр.

— Она обручилась с мистером Биффеном!

— Вот как, сэр? — сказал Дживз и выскользнул за дверь.

Должен признаться, его поведение меня изумило и потрясло. Я даже не подозревал, что этот малый может оказаться таким бесчувственным. Уж кто-кто, а он прекрасно знал Гонорию Глоссоп.

Я снова перечитал заметку, и у меня возникло какое-то странное ощущение. Не знаю, приходилось ли вам читать когда-нибудь в газете, что ваш приятель женится на девушке, от брака с которой вам с невероятным трудом удалось отвертеться в последнюю секунду. Это ощущение... мне трудно передать его словами, но, к примеру, допустим, вы идёте по джунглям с другом своего детства и на вас нападает тигр, ягуар или ещё кто-нибудь, а вы, естественно, тут же взлетаете на дерево и, глядя вниз, видите, как этого самого друга детства хватают и волокут в кусты. Само собой, вы перво-наперво испытаете чувство огромного облегчения, а потом уже повздыхаете над своим погибшим другом. Примерно такое ощущение я и испытывал. Я был неизмеримо счастлив, что избавился от Гонории, но в то же

время сочувствовал Биффи, который ничем не заслужил такой доли. Я отхлебнул чай и предался грустным размышлениям.

Наверное, в мире найдётся много парней — сильных, мужественных, с волевыми подбородками и сверкающими глазами, — которые с удовольствием женятся на этой заразе по имени Глоссоп и будут счастливы, но Биффи не принадлежал к их числу. Дело в том, что Гонория была здоровой энергичной девушкой с мускулами боксёра второго полусреднего веса, а смеялась она так, что, закрыв глаза, можно было себе представить, как кавалерийский эскадрон скачет по железнодорожному мосту. Когда я думаю, что кому-то придётся всю жизнь сидеть с этим существом за одним столом во время завтраков, мне становится жутковато. К тому же она была ужас какой умной. Короче, Гонория относилась к тем девушкам, которые сначала загоняют тебя до полусмерти на теннисном корте и на поле для гольфа, а потом как ни в чём не бывало усадутся обедать, ожидая, что ты будешь развлекать их беседами о Фрейде. Если б моя помолвка продлилась лишнюю неделю, у её отца объявился бы ещё один пациент, — а Биффи мало чем от меня отличался. Он тоже любил тишину, покой и мирную жизнь. Я был потрясён, нет, честное слово, потрясён.

И, как я уже говорил, больше всего меня потрясло поведение Дживза. В эту минуту он как раз вновь скользнул в спальню, и я дал ему ещё один шанс доказать мне, что он не бесчувственный чурбан.

— Ты хорошо расслышал имя, Дживз? — спросил я. — Мистер Биффен собирается жениться на Гонории Глоссоп, дочери старикана, у которого голова яйцом и кудри вместо бровей.

— Да, сэръ. Какой костюм приготовить вам сегодня утром?

Заметьте, так говорил человек, который напрягал каждую клеточку своего мозга, чтобы вытащить меня из беды, когда я был обручён с Гонорией Глоссоп. Непонятно.

— Голубой с красной искрой, — холодно сказал я. Я намеренно говорил сухо, чтобы он видел, как я в нём разочаровался.

Примерно через неделю я вернулся в Лондон, и только успел расположиться в своей старой квартире, как ко мне ворвался Биффи. Одного взгляда на него было достаточно: я сразу понял, что его старая рана стала кровоточить. Малый выглядел совсем скверно. На его лице словно застыло растерянное идиотское выражение, которое я часто видел в зеркале для бритья, когда был помолвлен с Гонорией Глоссоп. Однако, не желая соваться не в своё дело, я пожал ему руку со всей теплотой, на которую был способен.

— Ну-ну, молодой человек, — шутливо произнёс я. — Прими мои поздравления.

— Спасибо, — сказал Биффи безжизненным голосом. Наступила тишина.

— Берти, — нарушил он молчание, продолжавшееся минуты три.

— Слушаю тебя, старичок.

— Это правда...

— Что?

— Нет, ничего, — сказал Биффи, и мы опять замолчали.

Через полторы минуты он вновь заговорил:

— Берти.

— Я здесь, старина. Что стряслось?

— Послушай, Берти, это правда, что когда-то ты был помолвлен с Гонорией Глоссоп?

— Правда.

Биффи кашлянул.

— Как тебе удалось... я хочу сказать, по какой причине расстроилась ваша помолвка?

— Мне помог Дживз. Он придумал блестящий план.

— Прежде чем уйти, — задумчиво сказал Биффи, — я хотел бы перекинуться с Дживзом парой слов.

Я решил до конца прояснить ситуацию.

— Биффи, старый плут, — спросил я, — скажи мне, как мужчина мужчине, ты хочешь расторгнуть помолвку?

— Берти, старый дурень, — лихорадочно произнёс Биффи, — между нами, мальчиками, говоря — хочу!

— Тогда, прах его побери, зачем ты обручался?

— Не знаю. А ты?

— Я... так получилось.

— У меня тоже так получилось. Сам знаешь, как бывает, когда сердце навек разбито. Тобой овладевает апатия. Ты становишься рассеянным и забываешь об осторожности, а в результате не успеваешь оглянуться, как попадаешься на крючок. Я не знаю, как это произошло, старина, но факт остается фактом, я помолвлен. И ты должен сказать мне, как надо действовать.

— Ты имеешь в виду, чтобы выкрутиться?

— Вот именно. Я не хочу оскорблять ничьих чувств, Берти, но будь я проклят, если женюсь. Первый день и половину второго мне ещё казалось, что я выдержу, но сейчас... ты помнишь, как она смеётся?

— Да.

— Ну вот. К тому же от неё не отвязаться. Так и липнет со своими нравоучениями...

— Я знаю, старина.

— Вот и отлично. Так что ты посоветуешь? Какой такой блестящий план придумал Дживз?

— Видишь ли, сэр Родерик, который был, есть и будет психоманом, сколько ни называй его невропатологом, обнаружил, что в моей семье наблюдались случаи ненормальности. Ничего страшного. Просто один мой дядя держал в спальне кроликов. Старикан Родерик решил проверить, здоров я или нет, и напросился ко мне на ленч. Он ушел, твёрдо уверенный в том, что у меня окончательно поехала крыша, а подстроил всё это Дживз.

— Понятно, — задумчиво сказал Биффи. — К сожалению, в моей семье не было ненормальных.

— Никого?

Я просто не поверил своим ушам. Не могло такого быть, чтобы бестолковщина не передалась Биффи по наследству.

— Никого, — печально ответил он. — Мне всегда не везло, Берти. Кстати, старикан напросился ко мне завтра на ленч. Теперь мне понятно почему. А я никогда не находился в более здоровом уме, чем сейчас.

Я задумался. При мысли о том, что мне снова придётся встретиться с сэром Родериком, у меня мурашки побежали по спине; но когда появляется возможность помочь другу в беде, мы, Вустеры, не считаемся с собой.

— Послушай, Биффи, я тебе вот что скажу. Я закачусь к тебе на этот твой ленч. Очень даже может быть, старикан, увидев, что я твой друг, наложит запрет на брачный союз, и дело с концом!

— Что-то в этом есть, — сказал Биффи, просияв. — Ужасно благородно с твоей стороны, Берти.

— Пустяки, — небрежно бросил я. — А тем временем я проконсультируюсь с Дживзом. Обо всём ему расскажу и спрошу у него совета. Пока ещё он меня не подводил.

Биффи ушёл от меня в явно приподнятом настроении, а я отправился на кухню.

— Дживз, — сказал я, — мне опять нужна твоя помощь. Я только что разговаривал с мистером Биффеном на очень неприятную тему.

— Вот как, сэр?

— Дело вот в чём, — со вздохом произнёс я и всё ему рассказал. Чудно, но с первого слова я почувствовал, что Дживз как бы превратился в ледяную глыбу. Я часто прошу его решать то одну, то другую мою проблему, и он всегда хлопочет, выражает сочувствие и подаёт гениальные идеи, но сегодня его словно подменили.

— Боюсь, сэр, — сказал он, когда я закончил свой рассказ, — я не имею права вмешиваться в личные дела, касающиеся...

— Да брось ты!

— Нет, сэр. Я не могу позволить себе такой вольности.

— Дживз, — спросил я малого прямо в лоб, — сознайся, что ты имеешь против бедняги Биффи?

— Я, сэр?

— Да, ты.

— Уверяю вас, сэр!

— Ну, как хочешь. Я, конечно, не могу заставить тебя шевелить мозгами, чтобы помочь ближнему. Но учти, я сейчас пойду в гостиную, сяду в кресло и буду думать. Ты будешь очень глупо выглядеть, когда узнаешь, что я спас Биффи без твоей помощи. Ты будешь выглядеть исключительно глупо, должен тебе сказать.

— Да, сэр. Подать вам бренди с содовой, сэр?

— Нет! Принеси мне кофе. Крепкий чёрный кофе! И если ко мне придут, я занят и никого не принимаю.

Примерно через час я дёрнул за шнурок звонка.

— Дживз, — высокомерно произнёс я.

— Да, сэр?

— Будь любезен, позвони мистеру Биффену по телефону и скажи, что мистер Вустер его приветствует и просит передать, что дело в шляпе.

* * *

Когда на следующее утро я неторопливо шёл к Биффи, настроение у меня было приподнятое. Как правило, блестящие идеи, осеняющие тебя вечером, почему-то кажутся нелепыми и глупыми с утра, но на сей раз этого не произошло. После завтрака я обмозговал мысль, пришедшую мне в голову накануне, и не нашёл в ней ни одного изъяна. Всё должно было пройти без сучка и без задоринки.

А теперь я расскажу, что произошло несколько дней назад. Гарольду, сыну моей тёти

Эмилиии, исполнилось шесть лет, и, будучи поставлен перед необходимостью сделать ему какой-нибудь подарок, я зашёл по дороге в детский магазин и купил одну забавную вещицу, способную доставить ребёнку удовольствие и одновременно развить его умственные способности. Это был букет с искусно запрятанной в него резиновой грушей, которая при нажатии выплёскивала полторы пинты чистой колодезной воды в физиономию каждому, кто сдуру решил бы понюхать цветочки. Я был убеждён, что такой подарок не может не понравиться любознательному шестилетнему мальчику, и поэтому схватил его, не раздумывая.

На моё несчастье, Гарольда завалили подарками столь дорогими и шикарными, что у меня не хватило духу отдать ему вещицу, разорившую меня на одиннадцать с половиной пенсов. Демонстрируя редкое присутствие ума — когда это необходимо, мы, Вустеры, соображаем мгновенно, — я заменил визитку дяди Джеймса, лежавшую в игрушечном аэроплане, на свою, так что букет с грушей остался у меня. Сейчас пришло время пустить его в ход.

— Ну? — взволнованно спросил Биффи, как только я зашёл к нему в столовую. У бедняги был тошнотворно-зелёный цвет лица, и вообще выглядел он хуже

некуда. Я прекрасно понимал его состояние, потому что чувствовал себя точно так же, когда ждал к ленчу сэра Родерика. Как, пропади оно пропадом, люди с больными нервами могут с ним разговаривать, я просто не понимаю, и тем не менее у старикана была самая большая практика в Лондоне. Дня не проходит, чтобы он не напяливал на кого-нибудь смирительную рубашку. В силу своей профессии сэр Родерик держит за психов всех и каждого, поэтому я не сомневался, что стоит Биффи в нужный момент нажать на грушу, как его тут же объявят безнадёжно помешанным, или как там это называется.

Итак, я потрепал бедолагу по плечу и сказал:

— Всё в порядке, старина!

— Что говорит Дживз? — нетерпеливо спросил Биффи.

— Дживз ничего не говорит.

— Но ведь ты сказал, что всё в порядке.

— Дорогой мой, Дживз не единственный мыслитель в доме Вустеров. Я обдумал твою небольшую проблему, и должен тебе сообщить, что держу ситуацию под контролем.

— Ты? — спросил Биффи.

Его тон мне безусловно не понравился. Я всегда считал, что лучше один раз продемонстрировать, чем тысячу раз объяснить, поэтому я сунул букет ему под нос.

— Ты любишь цветы, Биффи?

— А?

— Понюхай.

Бедный дурачок покорно наклонился, и я нажал на грушу согласно инструкции.

Я всегда радуюсь, когда мои затраты себя оправдывают. Заплати я за игрушку не одиннадцать с половиной пенсов, а вдвое больше, это всё равно было бы дёшево. Реклама на коробке утверждала, что «эффект неописуемо забавен», и я могу присягнуть, что так оно и есть. Бедняга Биффи подскочил на три фута и при падении вдребезги расколошматил маленький столик.

— Вот оно! — воскликнул я.

Несколько секунд старина Биффи бормотал что-то невнятное, затем довольно горячо выразил всё, что обо мне думал.

— Успокойся, мой мальчик, — сказал я, когда он на мгновение умолк, чтобы перевести дыхание. — Я вовсе не хотел подшутить над тобой от нечего делать. Это была демонстрация. Налей воды в грушу, Биффи, возьми букет, дай понюхать его сэру Родерику и, с моего благословения, сожми пальцы покрепче. Гарантирую, ты никогда не станешь членом его семьи.

Биффи уставился на меня.

— Ты предлагаешь мне облить водой сэра Родерика?

— Точно. Облей его с ног до головы. Облей его так, как никогда и никого не обливал до сих пор.

— Но... Он всё ещё смотрел на меня испуганным остекленевшим взглядом, когда раздался звонок в дверь.

— Великий боже! — вскричал Биффи, задрожав как осиновый лист. — Поговори с ним, пока я переоденусь.

Я едва успел налить воду в резиновую грушу и положить букет на стол рядом с прибором Биффи, как в столовую вошёл сэр Родерик. В тот момент я попытался прислониться к стене обломки маленького столика, и старикан весёлым голосом сказал мне в спину:

— Добрый день. Надеюсь, я не... мистер Вустер!

Должен честно признаться, мне стало немного не по себе. Всё-таки в старикане есть нечто такое, что может вселить ужас в самое храброе сердце. Если на свете существует тип, чьё имя вызывает у людей дрожь в коленках, так это сэр Родерик Глоссоп. Он обладатель огромной лысой головы, потому что все волосы, отпущенные ему природой, выросли у него на бровях, а его глаза пронзают, как два смертоносных луча.

— Здравствуйте! Здравствуйте! Здравствуйте! — сказал я, с трудом преодолевая желание сделать шаг назад и сигануть из окна. — Тыщу лет, тыщу зим, что?

— Тем не менее я отчётливо вас помню, мистер Вустер.

— Спасибо! Спасибо! Старина Биффи пригласил меня на ленч. Втроём веселее, знаете ли.

— Вы дружите с Чарлзом Биффеном?

— О, конечно. С самого детства. Друзья до гроба, и всё такое.

Старикан с шумом втянул в себя воздух, и я увидел, что акции Биффи упали на несколько пунктов; затем он посмотрел на пол, усеянный обломками столика и спросил:

— Что случилось?

— О, ничего серьёзного, — объяснил я. — Со стариной Биффи случился то ли припадок, то ли приступ, и он расколошматил стол.

— Припадок!

— Или приступ.

— Он подвержен припадкам?

Я не успел ответить, потому что в столовую торопливо вошёл Биффи. Он забыл причесаться, и вид у него был несколько дикий. Я заметил, что старикан подозрительно на него покосился. Что ж, предварительная работа, на мой взгляд, была проведена удовлетворительно, и я не сомневался, что после нажатия на резиновую грушу успех будет полным. Камердинер Биффи вошел с блюдами, и мы уселись за стол.

В первые минуты у меня создалось такое впечатление, что наша трапеза пройдёт в полном молчании. Биффи, гостеприимный хозяин, вместо того, чтобы затеять светский разговор, изредка икал, пережёвывая пищу, а когда я пытался что-нибудь сказать, сэр Родерик пронзал меня своим взглядом, и я тут же закрывал рот. К счастью, на второе нам подали фрикасе из цыплячьих лапок, приготовленных настолько отменно, что старикан, умяв полную тарелку, попросил добавки и немного подобрел.

— Можно сказать, Чарльз, — произнёс он чуть ли не приветливо, — я пришёл к вам сегодня с определённой миссией. Да, с миссией. Цыплёнок просто превосходен.

— Я рад, что он вам нравится, — пробормотал Биффи.

— Исключительно вкусный, — сказал сэр Родерик, отправляя в рот очередную порцию. — Да, как я уже говорил, с миссией. Вы, молодые люди, живёте в самом центре метрополии, равной которой нет в мире, и, как мне доподлинно известно, совсем не интересуетесь её чудесами. Я мог бы заключить пари, если бы был азартным игроком (которым я не являюсь), на крупную сумму денег, что вы никогда не осматривали даже такой исторический памятник, как Вестминстерское аббатство. Я прав?

Биффи пробормотал, что как раз на днях собирался его осмотреть.

— И в лондонском Тауэре вы, конечно, тоже никогда не были?

Нет, в лондонском Тауэре он тоже никогда не был.

— А сейчас, в эту самую минуту, не более чем в двадцати минутах езды на кэбе от Гайд-парка, проводится исключительно интересная общеобразовательная выставка образцов как живой, так и неживой материи, собранных со всех уголков империи и имеющих необычайно важное историческое значение. Я говорю о Британской Королевской Выставке в Уэмбли.

— Вчера мне рассказали анекдот об Уэмбли, — вставил я, чтобы повеселить компанию. — Может, слышали? Один тип подходит к другому типу, глухому, как пень, и спрашивает: «Это Уэмбли?» «Что?» — говорит глухой. «Это Уэмбли?» — спрашивает тип. «Что?» — говорит глухой. «Это Уэмбли?» — спрашивает тип. «Нет, девица», — говорит глухой. Ха, ха, ха, вы поняли, в чем тут дело, что?

Весёлый смех замер у меня на губах. Старикан вроде как шевельнул бровью в мою сторону, дав понять, что с Бертрамом ему всё ясно. Я не встречал второго такого человека, у которого так ловко получалось заставить своего ближнего почувствовать себя ненужным хламом.

— Вы уже посетили Уэмбли, Чарльз? — спросил сэр Родерик. — Нет? Так я и предполагал. По-моему, я уже говорил, что пришёл к вам с определенной миссией. Так вот, Гонория хочет, чтобы я сводил вас на выставку. Она считает, это расширит ваш кругозор, и должен признаться, я с ней вполне солидарен. Мы поедем в Уэмбли сразу после ланча.

Биффи бросил на меня умоляющий взгляд.

— Ты ведь присоединишься к нам, Берти?

В его глазах отражалась такая смертельная мука, что я колебался не более секунды. К тому же я чувствовал, что, если резиновая груша оправдает мои ожидания, наша экспедиция не состоится.

— Спасибо, старина. С удовольствием.

— Мне кажется, мы не должны злоупотреблять великодушием мистера Вустера, — сказал старикан, надуваясь как индюк.

— О, ничего страшного, — сказал я. — Мне давно хотелось прогуляться по старой доброй выставке. Я быстренько сбегая домой, переоденусь и заеду за вами на машине.

Воцарилось молчание. Биффи не мог произнести ни слова от счастья, что ему не придётся целый день торчать вдвоём со старикашкой, а сэр Родерик молчал, чтобы выказать своё неудовольствие. А затем он увидел рядом с тарелкой Биффи букет.

— Ах, цветы! — воскликнул он. — Мышиный горошек, если не ошибаюсь. Прекрасное растение: и глаз радует, и пахнет сладостно.

Я многозначительно посмотрел на Биффи. В глазах у него появился лихорадочный блеск.

— Вы любите цветы, сэр Родерик? — ломающимся голосом спросил он.

— Необычайно люблю.

— Понюхайте эти.

Старикан сунул нос в букет и втянул в себя воздух. Я видел, как пальцы Биффи медленно сомкнулись на резиновой груше. Я зажмурился и уцепился за край стола изо всех сил.

— Какой приятный аромат, — услышал я голос сэра Родерика. — Очень нежный и душистый.

Я открыл глаза. Белый как мел Биффи сидел, откинувшись на спинку стула, а букет лежал на прежнем месте рядом с тарелкой. Мне всё стало ясно. В самый критический момент, когда его счастье зависело от одного нажатия пальцев, а на карту была поставлена вся дальнейшая жизнь, Биффи, это мягкотелое беспозвоночное, попросту струсил. Мой превосходный план лопнул, как мыльный пузырь.

Когда я вернулся домой, Дживз возился с геранью в длинном узком ящике, стоявшем на подоконнике в гостиной.

— Цветы придают комнате совсем другой вид, сэр, — довольным голосом произнёс он, оглядывая растения отеческим взглядом.

— Не говори мне о цветах, — сказал я. — Дживз, теперь я знаю, как чувствует себя генерал, который разработал гениальный, научно обоснованный план, а солдаты не выполнили его в последнюю минуту.

— Вот как, сэр?

— Да. — Я вздохнул и рассказал ему всё, что произошло. Он слушал меня очень внимательно.

— Мистер Биффен весьма легкомысленный и непостоянный молодой джентльмен,

— прокомментировал он мой рассказ. — Вам потребуются мои услуги сегодня днём, сэр?

— Нет. Я уезжаю в Уэмбли. Зашёл домой, чтобы переодеться и взять машину. Подбери мне какую-нибудь прочную одежду, Дживз, — мало ли что в толпе может случиться, — а затем позвони в гараж.

— Слушаюсь, сэр. Мне кажется, вам следует надеть серую шевиотовую пиджачную пару. Осмелюсь ли я попросить довести меня на машине, сэр? Дело в том, что сегодня я тоже собирался посетить выставку.

— А? Ну конечно.

— Благодарю вас, сэр.

Я быстро переоделся, и мы заехали за Биффи, который уселся вместе с сэром Родериком на заднее сиденье. Дживз сел рядом со мной. У Биффи было такое выражение лица, что мне

от всей души стало жалко беднягу, и я в последний раз попытался усовестить Дживза.

— Послушай, Дживз, — сказал я, — честное слово, ты меня здорово разочаровал.

— Мне очень жаль, сэр.

— Тем не менее я разочарован. Разрази меня гром, я в тебе разочаровался дальше некуда, Дживз. Мне кажется, ты должен был пошевелить мозгами и помочь мистеру Биффену выпутаться из этой передряги. Ты видел его лицо?

— Да, сэр.

— Ну и как?

— Простите, сэр, но я могу лишь сказать, что мистер Биффен сам виноват в том, что взял на себя брачные обязательства, которые ему тяжело выполнить.

— Ты несёшь какую-то чушь, Дживз. Ты не хуже меня знаешь, что Гонория Глоссоп — наказание божье. С тем же успехом можно сказать, что пострадавший сам виноват в том, что его переехал автомобиль.

— Да, сэр.

— Вот именно. Кроме того, несчастный осёл был не в том состоянии, чтобы оказать мисс Глоссоп достойное сопротивление. Он потерял единственную девушку, которую любил, а ты сам понимаешь, как это действует на любого мужчину.

— А что случилось, сэр?

— Насколько мне известно, мистер Биффен влюбился в какую-то девушку на пароходе, и они расстались в таможне, договорившись встретиться на следующее утро в гостинице. Ну, ты знаешь Биффи. Он через раз забывает своё собственное имя. У него начисто вылетело из головы название отеля, где она остановилась, а адреса он не записал. Бедняга всё это время жил как во сне, а когда проснулся, внезапно обнаружил, что обручён с Гонорией Глоссоп.

— Всего этого я не знал, сэр.

— По-моему, кроме меня об этом никто не знал. Биффи рассказал мне эту историю, когда мы были в Париже.

— Мне кажется, ему следовало навести о ней справки, сэр.

— Я сказал ему то же самое. Но он забыл, как её зовут.

— Непостижимо, сэр.

— Это я тоже сказал. Но факт остаётся фактом. Он помнил лишь её имя — Мэйбл. Сам понимаешь, не мог же он рыскать по всему Нью-Йорку в поисках девушки по имени Мэйбл, что?

— Это было бы затруднительно, сэр.

— Ну, вот видишь.

— Да, сэр.

В это время мы попали в поток машин, и мне пришлось применить всё своё искусство, чтобы из него выбраться, поэтому я не стал продолжать разговор с Дживзом. К тому же мы приехали в Уэмбли, и, отыскав место стоянки, я остановил машину.

Мы вышли, и Дживз, по своему обыкновению, сразу куда-то исчез, а сэр Родерик тут же взялся быть нашим гидом и решительно зашагал к Промышленному Павильону. Мы с Биффи плелись следом. Знаете, по правде говоря, я не знаток и не любитель разного рода выставок. Большое количество граждан отбивает у меня всякую охоту смотреть на экспонаты, и когда меня толкают со всех сторон, мне через полчаса начинает казаться, что я хожу по раскалённым углям. Что же касается балагана, в котором я тогда оказался, ничего заслуживающего внимания там, с моей точки зрения, не было. Нет, нет, я не спорю,

несомненно, миллионы людей визжат от восторга и приходят в возбуждение при виде чучела ежа-рыбы под стеклянным колпаком или зерна из Западной Австралии, но Бертрам к их числу не относится. Да, Бертрам не из их числа, можете мне поверить.

К тому времени, как мы закончили осмотр типичной деревни Золотого Берега и направились к Индустриальному Павильону, все признаки указывали на то, что скоро я потихоньку улизну и отправлюсь в бар «Упрямая Лошадь», расположенный в секторе Вест-Индии. Сэр Родерик даже не взглянул в его сторону и промчался мимо, увлекая нас за собой, но я успел рассмотреть стоявшего за стойкой любителя скачек, который азартно наполнял из разных бутылок бокалы, добавляя туда кубики льда и длинные соломинки. Мне ужасно вдруг захотелось поближе познакомиться с этим человеком, и я начал незаметно отставать от компании, когда Биффи дёрнул меня за рукав. По внешнему виду бедняги было ясно, что он тоже сыт выставкой по горло.

В жизни существуют определённые минуты, когда разговаривать не обязательно. Я посмотрел на Биффи; Биффи посмотрел на меня. Наши души поняли друг друга без слов.

— ?

— !

Через три минуты мы очутились в «Упрямой Лошади». Я никогда не был в Вест-Индии, но теперь могу засвидетельствовать, что они там обскакали Европу на несколько голов. Парень за стойкой — хотел бы я, чтобы все были такими, как он, — угадал наши желания, едва мы появились на горизонте. Не успели наши локти опереться о деревянную поверхность, любитель скачек начал носиться как угорелый, наливая в бокалы то из одной бутылки, то из другой. По-моему, он считал, что напиток никуда не годится, если в нём нет по меньшей мере семи разнообразных жидкостей, и, обратите внимание, я не стану утверждать, что он был не прав. Называлась эта смесь «Зелёный Змий», и если я когда-нибудь женюсь и у меня родится сын, я запишу его в регистрационную книгу под именем Зелёный Змий Вустер в память о том дне, когда чудодейственный напиток спас жизнь его отца в Уэмбли.

После третьего бокала Биффи блаженно вздохнул.

— Как ты думаешь, где сейчас сэр Родерик? — спросил он.

— Биффи, старый пень, — честно признался я, — по правде говоря, мне это до лампочки.

— Берти, старый хрыч, — сказал Биффи, — по правде говоря, мне тоже.

Он снова вздохнул и попросил у любителя скачек новую соломинку.

— Берти, — задумчиво произнёс он. — Я только что вспомнил одну непонятную мне странность. Ты знаешь Дживза?

Я сказал, что Дживза я знаю.

— Так вот, непонятная странность приключилась, когда мы вышли из машины. Эту самую странность старина Дживз потихоньку шепнул мне на ухо. Хочешь угадать, что он сказал?

— Нет.

— Он сказал — учти, что я его цитирую, — Дживз сказал: «Мистер Биффен», — обращаясь ко мне, сам понимаешь...

— Понимаю.

— «Мистер Биффен, — сказал он, — я настоятельно советую вам пойти...»

— Куда? — спросил я примерно после минутного молчания.

— Берти, старина, — Биффи изо всех сил наморщил лоб, — честно говоря, я забыл!
Я уставился на него.

— Знаешь, я никак не могу понять, как тебе удаётся вести дела в Хертфордшире хотя бы в течение одного дня. Как ты, разрази меня гром, умудряешься вовремя доить коров, подавать свиньям обед, и всё такое?

— Проще простого. В поместье куча работников.

— Ах! — воскликнул я. — В таком случае, давай пропустим ещё по Зелёному Змию, а потом пройдем туда, где аттракционы.

* * *

Поймите меня правильно, когда я раньше произносил горькие слова о выставках, я не имел в виду более приближенные к жизни экспонаты, о которых речь пойдёт ниже. Например, я снимаю шляпу перед каждым, кто за шиллинг решит прокатиться по скользкому жёлобу на коврике. Мне нравится прыгать наперегонки, и я готов сколько угодно пытаться с завязанными глазами обрезать нитки, на которых висят фантики, марки или грецкие орехи.

Но каким бы я ни был азартным игроком, я в подмётки не гожусь старине Биффи. То ли Зелёный Змий на него так подействовал, то ли он радовался тому, что смылся от сэра Родерика, но бедолага кинулся в самую гущу пролетариев с энергией, которая показалась мне устрашающей. Я с трудом оттащил его от силомера; что же касается американских гор — он, по-видимому, собирался провести на них остаток жизни. В конце концов мне удалось его увести, и теперь он шагал со мной рядом, поглядывая то на шатёр гадалки, то на чёртово колесо. Внезапно он сжал мою руку и заревел, как бык.

— Берти!

— Ну, что ещё?

Биффи указал пальцем на большую светящуюся надпись над павильоном.

— Посмотри! Дворец Красоты!

Я попытался его урезонить. По правде говоря, я начал уставать. Что делать, мы стареем с каждым годом.

— Тебе туда не надо, — сказал я. — Ребята в клубе говорили, что кроме сотни-другой девиц там ничего нет. Не станешь же ты смотреть на девиц?

— Я стану смотреть на девиц, — решительно заявил Биффи. — И на сотню девиц, и на две, и чем меньше они будут похожи на Гонорию, тем лучше. Кроме того, я вдруг вспомнил, что Дживз настоятельно советовал мне посетить именно Дворец Красоты. Как сейчас помню. «Мистер Биффен, — сказал он, — я настоятельно советую вам посетить Дворец Красоты». Должен признаться, я не понимаю, что он имел в виду и какие такие цели преследовал, но, Берти, ответь мне прямо, разве это мудро, разве это безопасно, разве это разумно не прислушиваться к советам Дживза, пусть даже непонятным? Давай войдём вон в ту дверь слева.

Я не знаю, были ли вы когда-нибудь во Дворце Красоты? Он напоминает аквариум, содержащий вместо рыбы особей изящного пола. Вы заходите внутрь и первым делом видите

девицу, вылупившуюся на вас из-за зеркального стекла. На неё накинута какая-то прозрачная одежда, а над её стеклянной клеткой висит табличка: «Елена Прекрасная». Вы идёте дальше и видите следующую особь, обучающую змею приёмам джиу-джитсу, а надпись сообщает вам, что это Клеопатра. Тогда вам становится понятно, что перед вами — знаменитые женщины всех веков и народов. Должен признаться, подобные экспонаты не приводят меня в восторг. Я не могу любоваться женщиной, когда она сидит в клетке. Кроме того, у меня возникло ощущение, что я подглядываю в чью-то спальню, и поэтому я мчался по рядам, стараясь как можно скорее выбраться из этого кошмара, когда Биффи внезапно овладело буйное умопомешательство.

По крайней мере выглядело это именно так. Он завопил как резаный, вцепился в мою руку крокодилей хваткой и остановился как вкопанный с отвисшей нижней челюстью.

— Ик! — сказал он, видимо за неимением других слов.

Вокруг нас начала собираться толпа заинтересованных зрителей. Мне кажется, они решили, что девиц сейчас будут кормить. Биффи не обратил на них ни малейшего внимания и вытянул руку, указывая на одну из клеток. Я забыл, на какую именно, но у девицы в клетке был на шее круглый плоёный жёсткий воротничок, так что она изображала то ли королеву Елизавету, то ли Боадицею, в общем, одну из знаменитостей того периода. Она была довольно хорошенькой и смотрела на Биффи такими же выпученными глазами, какими он смотрел на неё.

— Мэйбл! — взвыл Биффи над моим ухом, и мне показалась, что в моей голове разорвалась бомба.

Не могу сказать, чтобы я пришёл в восторг; нет, я ничего не имею против драм, но терпеть не могу становиться их участником в общественных местах, а мне только сейчас стало ясно, насколько общественным было место, где мы очутились. За последние пять секунд толпа, казалось, увеличилась вдвое, и хотя большинство людей смотрели на Биффи, некоторые косились в мою сторону, словно считали меня режиссёром-постановщиком, который в любую секунду может заставить главного героя сделать сногшибательную сцену для развлечения трудящихся масс.

Биффи подпрыгивал на месте, как козлёнок, которого вытурили из стойла за слабоумие.

— Берти! Это она! Это я! Это я её! — Он дико огляделся по сторонам. — Где, пропади она пропадом, дверь? — вскричал он. — Где тут самый главный? Я немедленно желаю видеть директора павильона!

А затем внезапно он кинулся вперёд и начал колотить по зеркальному стеклу своей тростью.

— Послушай, старина! — сказал я, но он меня отпихнул.

Я давно заметил, что шустрые ребята, живущие в своих загородных домах, привыкли пользоваться толстыми палками вместо изящных тросточек, без которых не может обойтись ни один хорошо одетый джентльмен в метрополии; а в Хертфордшире, по-видимому, в моде были дубинки с тяжёлыми набалдашниками. После первого же удара стекло разлетелось вдребезги, а после следующих трёх Биффи окончательно расчистил себе путь и вошёл в клетку, не рискуя порезаться. Прежде чем толпа сообразила, что всего за шиллинг входной платы они смотрят спектакль, билеты на который стоят бешеных денег, он вступил с девушкой в переговоры. В этот момент на сцене появились двое полицейских.

Блюстителей порядка не заставишь придерживаться романтических взглядов. Они не остановились, чтобы украдкой смахнуть набежавшие слёзы, потому что им было не до слёз.

Я и глазом не успел моргнуть, как Биффи выволокли из клетки и повели на выход. Я поспешно зашагал за ним, чтобы хоть как-то скрасить последние минуты друга, и бедняга, сияя как медный таз, повернулся ко мне и крикнул голосом, полным страсти:

— Чизвик 60873! Ради всего святого, запиши, Берти! Чизвик 60873! Это её телефон!

Затем он исчез в сопровождении одиннадцати тысяч возбуждённых зрителей, а я неожиданно услышал над своим ухом голос:

— Мистер Вустер! Как... как прикажете это понимать?

Сэр Родерик стоял рядом со мной, усиленно двигая бровями, которые, как мне показалось, за последний час значительно увеличились в размерах.

— Полный порядок, — утешил я старикана. — У бедняги Биффи крыша поехала, но сейчас ему уже лучше.

— Что?

— Я хочу сказать, с ним случился припадок или приступ, ну, сами понимаете.

— Как? Опять! — Сэр Родерик с шумом втянул носом воздух. — И за этого человека я собирался отдать свою дочь, — пробормотал он.

Я ласково потрепал его по плечу, хотя, смею вас заверить, далось мне это нелегко.

— Если б я был на вашем месте, — сказал я, — я бы резко передумал. Мой вам совет, снимите данный вопрос с повестки дня. Отмените церемонию раз и навсегда, вот вам мой совет.

Он посмотрел на меня с отвращением.

— Я не нуждаюсь в ваших советах, мистер Вустер! Независимо от вас я уже принял решение, о котором вы говорили. Мистер Вустер, вы являетесь другом этого человека — факт, который сам по себе должен был послужить мне достаточным предупреждением. Вам, в отличие от меня, ещё не раз посчастливится с ним увидеться. Будьте так любезны, передайте ему при встрече, что он может считать помолвку с моей дочерью расторгнутой.

— Нет проблем, — сказал я и поспешил вслед за толпой. Внутренний голос подсказывал мне, что надо постараться как можно скорее внести за Биффи залог.

* * *

Прошло не меньше часа, прежде чем я наконец протолкался к тому месту, где оставил свой автомобиль. Дживз сидел на переднем сиденье, задрал голову и, видимо, думая думу о космосе. При моём приближении он вежливо поднялся на ноги.

— Вы собираетесь уезжать, сэр?

— Да.

— А сэр Родерик, сэр?

— Не поедет. Я не открою тебе секрета, Дживз, если скажу, что мы с ним разругались в пух и прах.

— Вот как, сэр? А мистер Биффен? Его вы тоже не станете ждать?

— Нет. Он в тюрьме.

— Неужели, сэр?

— Да. Я пытался внести за него залог, но, по зрелому размышлению, фараоны решили

не выпускать его на ночь глядя.

— Какое обвинение ему предъявлено, сэр?

— Помнишь девицу, о которой я тебе рассказывал? Так вот, он увидел её во Дворце Красоты в стеклянной клетке и решил к ней присоединиться кратчайшим путем, то бишь через зеркальное стекло. Его тут же замели и уволокли в полицейский участок. — Я искоса посмотрел на своего личного слугу. Трудно пронзить человека взглядом, когда так на него смотришь, но, по-моему, мне это удалось. — Дживз, — сказал я, — тут что-то не так. Ты посоветовал мистеру Биффену пойти во Дворец Красоты. Тебе было известно, что он найдёт там свою девушку?

— Да, сэр. Поразительно! Хоть плачь, хоть смейся!

— Разрази меня гром, Дживз, неужели ты знаешь всё?

— О нет, сэр, — сказал Дживз, снисходительно улыбаясь.

И наверняка соврал, чтобы сделать приятное своему молодому господину.

— В таком случае, откуда тебе было известно, что она там?

— Дело в том, что я знаком с будущей миссис Биффен, сэр.

— Понятно. Значит, ты был в курсе того, что произошло в Нью-Йорке?

— Да, сэр. И поэтому я не был расположен оказывать услуги мистеру Биффену, когда вы были так добры, что обратились ко мне с просьбой ему помочь. Я ошибочно предположил, что он сыграл на чувствах неопытной девушки, а потом бросил её. Но когда вы рассказали мне истинную суть дела, я понял, что несправедливо отнёсся к мистеру Биффену, и постарался загладить перед ним свою вину.

— Теперь он твой должник до гроба. Старый осёл любит её до беспамятства.

— Я очень рад это слышать, сэр.

— Кстати, ей тоже не мешало бы выразить тебе свою благодарность. У старины Биффи пятнадцать тысяч фунтов в год дохода, не говоря уже о коровах, свиньях, курицах и утках, которых ему некуда девать. Породниться с птицей такого полёта — счастье для любой семьи.

— Да, сэр.

— Скажи мне, Дживз, — спросил я, — откуда ты знаешь эту девушку?

Дживз мечтательно посмотрел на встречные автомобили.

— Она — моя племянница, сэр. Если вы позволите, я осмелюсь попросить вас, сэр, не дёргать так резко руль. Мы чуть было не столкнулись с omnibusом.

ГЛАВА 7. Вместо штрафа

Улики были неопровержимы. Механизм закона сработал безупречно. Крюкотвор, поправив пенсне, грозившее слететь с носа, откашлялся, словно он был чахоточным, и сообщил нам дурные вести.

— Подсудимый Вустер, — сказал он (мне трудно передать словами, какие муки совести и какой стыд испытал Бертрам, услышав это обращение), — приговаривается к пяти фунтам штрафа.

— Ох, конечно! — сказал я. — О чём речь! Нет вопросов!

Я ужасно обрадовался, что дело разрешилось на такой разумной цифре. Посмотрев на то, что называют морем лиц, я увидел в последнем ряду Дживза.

Надёжный малый пришёл к своему молодому господину в трудный час, чтобы оказать ему поддержку.

— Послушай, Дживз, — крикнул я, — у тебя найдётся пятёрка? Я немного поиздержался.

— Молчать! — рявкнул придурок пристав.

— Нет, вы не поняли, — объяснил я. — Мне необходимо уточнить некоторые финансовые детали. Ты при деньгах, Дживз?

— Да, сэр.

— Молодчага!

— Вы друг подсудимого? — спросил крюкотвор.

— Я нахожусь в услужении у мистера Вустера, ваша честь, в качестве его камердинера.

— В таком случае заплатите штраф судебному клерку.

— Слушаюсь, ваша честь.

Крюкотвор холодно мне кивнул, как бы давая понять, что теперь меня можно не обувать в кандалы, и, ещё раз поправив съехавшее пенсне, одарил беднягу Сиппи одним из самых раздражённых взглядов, какие только доставались арестантам в полицейском суде на Бошер-стрит.

— Дело подсудимого Льва Троцкого, который, — он вновь неодобрительно покосился на Сиппи, — по моему глубокому убеждению, назвался вымышленным, фиктивным именем, кажется мне куда более серьёзным, чем предыдущее. Он обвиняется в неоправданном и жестоком избиении стража порядка. Свидетельские показания полицейского неопровержимо доказывают, что подсудимый ударил его в живот, причинив сильную боль и, кроме того, помешав исполнению служебного долга. Я осведомлён, что в ночь ежегодной регаты между университетами Оксфордом и Кембриджем определённые поблажки традиционно гарантируются властями всем отдыхающим, но применение насилия и грубое хулиганство, допущенное подсудимым Троцким, не могут остаться безнаказанными. Таким образом, я приговариваю его вместо штрафа к тридцати дням тюремного заключения.

— Нет, послушайте... будь оно проклято, нельзя же так! — запротестовал бедняга Сиппи.

— Молчать! — рявкнул придурок пристав.

— Слушается следующее дело, — заявил крюкотвор. Так началась эта история.

Должен сказать, нам просто не повезло. Правда, я смутно помню некоторые детали, но произошло примерно следующее.

Хотя я, как правило, человек воздержанный, одну-единственную ночь в году я позволяю себе расслабиться и вспомнить, так сказать, утраченную молодость. Как вы уже догадались, ночь, о которой я говорю, наступает после регаты или, попросту говоря, лодочных гонок между студентами Оксфорда и Кембриджа. Каждый год в это время вы можете увидеть меня навеселе, а на этот раз, честно признаюсь, я немного перебрал, и когда встретил Сиппи на улице, был уже тёпленьким.

Сиппи, один из самых бесшабашных кутил, выглядел как в воду опущенный, и меня словно ножом по сердцу резануло. У меня сложилось впечатление, что он сильно озабочен, и мне стало жаль его до слёз.

— Берти, — сказал он, шагая рядом со мной по Пикадилли. — Душа, томясь под гнётом скорби, питается любой надеждой. — Должен вам сообщить, что Сиппи считает себя литератором (хотя во всём, что касается предметов первой необходимости, он полностью зависит от тёти, проживающей в загородном доме) и поэтому частенько разговаривает поэтическим языком. — Но моя душа не может питаться, потому что мне нечем её кормить. У меня не осталось надежды. Я погорел, Берти.

— Что стряслось, старина?

— Завтра я должен покинуть Лондон и уехать на три недели к совершенно жутким — я пойду дальше, — абсолютно невыносимым друзьям моей тёти Веры. Она мне это подстроила, и пусть проклятье племянника загубит все бутоны в её саду.

— Кто же эти исчадия ада? — спросил я.

— Семейство Принглов. В последний раз я гостил у них, когда мне было десять лет, но даже тогда они показались мне самыми занудными самодурами во всей Англии.

— Тяжёлый случай. Неудивительно, что ты совсем скис.

— Мир, — заявил Сиппи, — окрашен в серые тона. Как мне стряхнуть с себя грусть-тоску?

Именно в этот момент меня осенило. Мысль, пришедшая мне в голову, была достойна ночи после окончания регаты.

— Старина, — сказал я, — всё, что тебе нужно, это полицейский шлем.

— Ты думаешь?

— Я в этом уверен. Был бы я на твоём месте, я перешёл бы на другую сторону улицы и взял бы вон тот шлем, не тратя лишних слов.

— Но внутри него стоит полицейский. Я отчётливо его вижу.

— Что с того? — удивлённо спросил я. Мне был непонятен ход его мыслей.

Сиппи углубился в размышления.

— Мне кажется, ты абсолютно прав, — сказал он в конце концов. — Странно, что я не додумался до этого раньше. Ты действительно считаешь, что от шлема мне полегчает?

— Двух мнений быть не может.

— Тогда я пошёл, — сказал Сиппи, на удивление быстро приходя в прекрасное расположение духа.

Теперь вы разобрались в ситуации и понимаете, почему, перестав быть тюремной пташкой, я чувствовал угрызения совести. На двадцать пятом году жизни, в то время как перед ним открывались блестящие перспективы, все двери, и так далее, и тому подобное, Оливер Рэджинальд Сипперли угодил за решётку, а виноват в этом был я и никто кроме меня. Ведь это я смешал его с грязью, и теперь передо мной стоял один вопрос: как искупить свой грех?

Очевидно, первым делом необходимо было повидаться с Сиппи, чтобы узнать его последнее желание, ну и всё такое прочее. Потолкавшись и наведя справки, я в конце концов оказался в полутёмной комнате с белыми стенами и длинной скамьёй, на которой, закрыв голову руками, сидел Сиппи.

— Ну, как ты, старина? — спросил я голосом, которым принято говорить у постели умирающего.

— Я конченный человек, — заявил страдалец, становясь похожим на растёкшуюся яичницу-глазунью.

— Перестань. Всё не так плохо, как кажется с первого взгляда. По крайней мере у тебя хватило ума не назвать своего имени, так что никто не прочтёт о твоём аресте в газетах.

— Плевать я хотел на газеты. Меня волнует, как мне провести с Принглами три недели, начиная с сегодняшнего дня, если я буду сидеть в тюрьме, закованный в цепи и обутый в кандалы?

— Ты сам говорил, что не хочешь к ним ехать.

— Дело не в том, чего я хочу и чего не хочу, оболтус! Я должен к ним ехать! Если я у них не появлюсь, тётя Вера всё узнает. А как только она обнаружит, что вместо штрафа мне дали тридцать дней тюрьмы, со мной будет покончено.

Я, конечно, понимал, о чём он говорит.

— Знаешь, нам всё равно не придумать, как выкрутиться, — сказал я. — Тут нужен мощный ум. Мы должны посоветоваться с Дживзом.

И, разузнав у него кое-какие подробности, я пожал ему руку и пошёл домой.

— Дживз, — сказал я, когда в голове у меня немного прояснилось после особого коктейля, который он предусмотрительно приготовил к моему приходу, — я должен кое-что тебе рассказать, кое-что исключительно важное, кое-что затрагивающее жизненные интересы того, на кого ты всегда смотрел как... к которому ты всегда относился с... с кем ты... одним словом, так как сегодня я туго соображаю, о мистере Сипперли.

— Да, сэр?

— Мистер Сяпперли влипался, Дживз.

— Сэр?

— Я хочу сказать, мистер Сипперли вляпался.

— Вот как, сэр?

— И всё благодаря мне. По доброте сердечной, желая развеселить беднягу и занять его ум каким-нибудь делом, я посоветовал ему умыкнуть полицейский шлем.

— Неужели, сэр?

— Послушай, Дживз, ты не можешь не переспрашивать? — сказал я. — Это очень запутанная история, а у меня раскалывается голова, и если ты будешь перебивать, я забуду, о

чём говорил. Прошу тебя, сделай одолжение и прекрати задавать дурацкие вопросы. Лучше кивай, когда тебе всё понятно.

Я закрыл глаза и собрался с мыслями.

— Начнём с того, Дживз, что мистер Сипперли — не знаю, известно тебе об этом или нет, — целиком и полностью зависит от своей тёти Веры.

— Вы имеете в виду мисс Сипперли из Пэддока, Бэкли-на-Угодьях, в Йоркшире, сэр?

— Как! Ты её знаешь?

— Лично я — нет, сэр. Но в деревне поблизости живёт мой троюродный брат, который слегка с ней знаком. Он говорил мне, что мисс Сипперли — властная пожилая леди со вспыльчивым характером... Но я прошу прощенья, сэр. Мне следовало кивнуть.

— Совершенно верно, тебе следовало кивнуть. Вот именно, Дживз, тебе следовало кивнуть. Но сейчас уже слишком поздно.

И я кивнул. В переносном смысле слова, потому что прошлой ночью я не спал положенных мне восьми часов, и сейчас меня время от времени охватывало какое-то летаргическое состояние.

— Да, сэр? — сказал Дживз.

— Э-э-э... ах... да! — Я встряхнулся. — Так на чём мы остановились?

— Вы говорили, что мистер Сипперли целиком и полностью зависит от своей тёти Веры, сэр.

— Неужели я так сказал?

— Да, сэр.

— Ты абсолютно прав, именно так я и сказал. Так вот, Дживз, ему ни в коем случае нельзя ей перечить. Я понятно объяснил?

Дживз кивнул.

— А теперь слушай внимательно. Несколько дней назад она написала Сиппи письмо с просьбой приехать и спеть что-нибудь на деревенском концерте, который она устраивает в благотворительных целях. Сам понимаешь, такая просьба равносильна королевскому приказу, и Сиппи не мог просто взять и отказаться. Но он как-то раз уже выступал на организованном ею концерте, и после того, как его закидали гнилыми помидорами и тухлыми яйцами, не жаждал повторить свой успех. Ты всё понял, Дживз?

Дживз кивнул.

— Так вот, Сиппи придумал, как ему тогда казалось, гениальный план. Он сообщил тётушке, что счастлив был бы приехать, но, к сожалению, подписал с издателем договор на серию статей о Кембридже и поэтому должен был немедленно туда отправиться на три недели. Тебе ясно, Дживз?

Дживз наклонил свою тыкву.

— После чего мисс Сипперли написала ему очередное письмо, похвалила его за то, что он в первую очередь думает о работе, а потом уже об удовольствиях

— под последним она, видимо, подразумевала пение песен на концертах, где тебя закидывают тухлыми яйцами, — и заявила, что, если он едет в Кембридж, ему, естественно, придётся остановиться у её друзей, Принглов, живущих неподалёку от города. Затем она послала Принглам телеграмму, извещая их о прибытии своего племянника двадцать восьмого числа, и получила ответ, что они рады будут принять его. А теперь Сиппи попал в кутузку. Ты понимаешь, чем это может закончиться, Дживз? Нам нужен твой совет. Напряги свой могучий ум, Дживз. Я в тебя верю.

— Я сделаю всё возможное, чтобы оправдать ваше доверие, сэр.

— Вперёд, Дживз! А тем временем опусти занавески, принеси мне пару подушек и пододвинь этот стул так, чтобы я мог положить на него ноги. А сейчас иди, предайся размышлениям и сообщи мне результат — ну, допустим, через два, а ещё лучше через три часа. Если кто-нибудь придёт и захочет меня видеть, передай, что я умер.

— Умерли, сэр?

— Умер. Ты будешь недалёк от истины.

Проснулся я к вечеру, и хотя шея у меня поворачивалась со скрипом, мне стало значительно легче жить на свете. Я нажал на кнопку звонка.

— Я дважды заходил к вам, сэр, — сказал Дживз, — но вы спали, и мне не хотелось вас беспокоить.

— Молодец. Всегда так поступай... Итак?

— Я тщательно обдумал проблему, о которой вы говорили, сэр, и вижу только одно решение.

— Одного вполне достаточно, Дживз. Что ты предлагаешь?

— Я могу посоветовать вам отправиться в Кембридж вместо мистера Сипперли, сэр.

Я уставился на безумного малого. Понятно, я чувствовал себя значительно лучше, чем несколько часов назад, но всё-таки недостаточно хорошо, чтобы выслушивать бред сумасшедшего.

— Дживз, — сурово сказал я, — очнись, пока не поздно. Ты соображаешь, что несёшь?

— Боюсь, сэр, я не могу предложить другого плана, который разрешил бы дилемму мистера Сипперли!

— Но Дживз! Подумай хорошенько! Пошевели мозгами! Даже я, несмотря на бессонную ночь, беспокойное утро и тяжесть с крючкотворами, понимаю, что твой план ни в какие ворота не лезет. Твоя первая дурость, не говоря о прочих дуростях, сразу бросается в глаза: ведь эти люди ждут не меня, а мистера Сипперли. Обо мне они и слыхом не слыхивали.

— Тем лучше, сэр. Моё предложение заключается в том, чтобы вы отправились в Кембридж к Принглам и представились им как мистер Сипперли.

— Дживз, — сказал я, чувствуя, как на мои глаза наворачиваются слёзы, — ты сам знаешь, что городишь чушь. Зачем ты приходишь к умирающему и устраиваешь ему головную боль? На тебя это не похоже.

— Я считаю предложенный мною план практичным, сэр. Пока вы спали, мне удалось переговорить с мистером Сипперли, и он проинформировал меня, что профессор и миссис Прингл видели его в последний раз, когда ему было десять лет.

— Верно. Мне он тоже об этом говорил. Но всё равно, они наверняка начнут расспрашивать меня о моей тёте — вернее, о его тёте. И что тогда?

— Мистер Сипперли любезно сообщил мне некоторые факты о мисс Сипперли, которые я записал. Если вы просмотрите их на досуге, а я сообщу вам о привычках миледи, известных мне от моего троюродного брата, вы без труда сможете ответить на любой обычный вопрос.

Всё— таки Дживз -продувная бестия. Со дня нашего знакомства он вновь и вновь предлагал мне очередной идиотский план, проект или программу действий, а примерно через пять минут умудрялся убедить меня в том, что лучше их нет на свете. Сейчас ему пришлось попотеть не менее получаса, но тем не менее он меня доконал. Я держался до тех пор, пока этот малый не привёл самый веский свой аргумент.

— Я осмелюсь предположить, сэр, что вам лучше всего покинуть Лондон как можно скорее и скрыться на некоторое время в укромном месте, где вас нельзя будет разыскать.

— А? Это ещё зачем?

— В течение последних двух часов, сэр, миссис Спенсер звонила трижды, каждый раз требуя срочно позвать вас к телефону.

— Тётя Агата! — вскричал я и побледнел как полотно, несмотря на загар.

— Да, сэр. Насколько я понял из её слов, она прочла в вечернем выпуске газеты отчёт об утреннем судебном заседании.

Я вскочил с кресла, как ужаленный. Если тётя Агата была в воинственном настроении, мне следовало улепётывать, не теряя ни секунды.

— Дживз, — сказал я, — время слов прошло, пора действий наступила. Немедленно упакуй мои чемоданы.

— Они упакованы, сэр.

— Выясни, когда отправляется ближайший поезд на Кембридж.

— Через сорок минут, сэр.

— Вызови такси.

— Такси стоит у двери, сэр.

— Прекрасно! — сказал я. — Поехали как можно скорее.

* * *

Загородный дом Принглов стоял на Трампингтонской дороге примерно в двух милях от Кембриджа. Когда я туда прибыл, все переодевались к обеду, поэтому я встретился с семейством только после того, как привёл себя в порядок и спустился в столовую.

— Здравствуйте! Здравствуйте! — сказал я и сделал шаг вперёд, словно бросился в пропасть.

Я пытался говорить отчётливым, громким голосом, но, по правде говоря, чувствовал себя прескверно. Застенчивому и неуверенному человеку всегда становится не по себе, когда он при этом изображает из себя кого-то другого. У меня почему-то возникло ощущение, что я тону, а при виде Принглов оно только усилилось.

Сиппи назвал их самыми занудными самодурами во всей Англии, и я с первого взгляда пришёл к выводу, что он не ошибся. Профессор Прингл был тощим, лысым, страдающим желудком типом с глазами, как у трески, а призрак миссис Прингл имел такой вид, будто в молодости его напугали и он до сих пор не может прийти в себя. И едва я успел собраться с силами после знакомства с этой парой, как меня представили двум древним особям женского пола, с ног до головы закутанным в шали.

— Несомненно, вы помните мою маму? — печально спросил профессор, указывая на экспонат А.

— Э-э-э, гм-м-м! — сказал я, выдавливая из себя жалкое подобие улыбки.

— И мою тётю, — жалобно вздохнул профессор, словно жизнь становилась всё мрачнее и мрачнее.

— Так, так! — сказал я, выдавливая из себя ещё одно жалкое подобие улыбки в сторону

экспоната Б.

— Только сегодня утром они говорили мне, что прекрасно вас помнят, — простонал профессор, видимо, потеряв всякую надежду.

Наступила тишина. Вся эта честная компания глазела на меня, напоминая персонажей из бредовых рассказов Эдгара Аллана По, и я почувствовал, что моя *joie de vivre* засохла на корню.

— Я помню Оливера, — сказал экспонат А и вздохнул. — Он был таким прелестным ребёнком. Какая жалость! Какая жалость!

Очень тактично, и, главное, рассчитано на то, чтобы гость чувствовал себя как дома.

— Я помню Оливера, — сказал экспонат Б, глядя на меня примерно так же, как крючокотвор смотрел на Сиппи, прежде чем усадить его на тридцать дней в тюрьму. — Скверный мальчишка! Он мучил моего кота.

В этот момент из-под софы появился кот. Задрав хвост, он подошёл ко мне и принялся. Я всегда нравился кошкам; тем печальнее было, что мне пришили уголовное прошлое Сиппи. Я наклонился, намереваясь почесать его за ухом, — такой политики я неизменно придерживаюсь со всеми котами, — и экспонат Б тут же завизжал:

— Держи его! Держи!

Она кинулась ко мне очень даже резво для своих лет, схватила своего любимца на руки и посмотрела на меня с горьким негодованием, словно говоря: попробуй сделай пакость, если осмелишься! Ужасно неловко.

— Я люблю кошек, — смущённо пробормотал я.

Номер не прошёл. Симпатии присутствующих были явно не на моей стороне. По правде говоря, я готов был сквозь землю провалиться, и в этот момент в комнату вошла девушка.

— Моя дочь Элоиза, — мрачно сказал профессор, как будто ему ненавистно было в этом признаваться.

Я повернулся, чтобы поприветствовать молодую представительницу изящного пола, и у меня отвалилась нижняя челюсть. Я не помню, когда в последний раз был так потрясён, как сейчас.

Наверное, каждому из вас доводилось встречать человека, который напомнил бы вам какую-нибудь ужасную личность из ваших знакомых. Вот я, к примеру, однажды отправился поиграть в гольф — дело было в Шотландии — и в отеле столкнулся нос к носу с женщиной, как две капли воды похожей на мою тётю Агату. Может, она была приличной дамой, но я не стал этого выяснять и тут же умотал обратно в Лондон, не в силах вынести столь кошмарного зрелища. А однажды я перестал ходить в один из клубов только потому, что главный официант смахивал на моего дядю Перси.

Возвращаясь к этой истории, докладываю вам, что Элоиза Прингл самым свинским образом напомнила мне Гонорию Глоссоп.

По— моему, я уже рассказывал вам о Гонории, божьем наказании. Она была дочерью сэра Родерика Глоссоба, психомана, и я был обручён с ней примерно в течение трёх недель, пока старикан, к моему великому счастью, не записал меня в сумасшедшие и не расторгнул помолвку. С тех пор при одной мысли об этой девушке я просыпался в холодном поту от собственного крика. А Элоиза Прингл была её точной копией.

— Э-э-э, здравствуйте, — сказал я.

— Добрый вечер.

Её голос добил меня окончательно. Если б я закрыл глаза, то ни на секунду не

усомнился бы, что слышу Гонорию, которая разговаривала, как укротительница львов, делающая выговор одному из своих питомцев за неприличное поведение. Я инстинктивно попятился и подпрыгнул чуть ли не до потолка, почувствовав под ногой что-то живое и мягкое. Раздался дикий мям; затем послышался крик негодования и, обернувшись, я увидел тётю Джейн, стоявшую на четвереньках и пытавшуюся договориться с котом, который удрал под софу. Она бросила на меня взгляд, яснее всяких слов говоривший, что её худшие опасения подтвердились.

В эту минуту нас позвали обедать.

* * *

— Дживз, — сказал я, когда малый зашёл ко мне вечером. — Ты знаешь, я не слабак, но в этом дурдоме мне долго не протянуть.

— Вы не получаете удовольствия от визита, сэр?

— Нет. Ты видел мисс Прингл?

— Да, сэр. Издалека.

— Тебе крупно повезло. Ты хорошо её рассмотрел?

— Да, сэр.

— Она никого тебе не напомнила?

— Мне кажется, мисс Прингл удивительно похожа на свою кузину, мисс Гонорию Глоссоп.

— Кузину! Ты хочешь сказать, она кузина Гонории?

— Да, сэр. Старшая сестра миссис Прингл, урождённая мисс Блатервик, вышла замуж за сэра Родерика Глоссоба.

— Разрази меня гром! Теперь понятно, почему они так похожи.

— Да, сэр.

— Как две капли воды, Дживз! Она даже разговаривает в точности, как мисс Глоссоп.

— Неужели, сэр? Я не слышал голоса мисс Прингл.

— Ты ничего не потерял, Дживз. И вообще, хотя ничто не заставит меня подвести старину Сиппи, помяни моё слово, я здесь долго не протяну. На худой конец профессора и его жену ещё можно терпеть. Если постараться изо всех сил, можно даже смириться с существованием тёти Джейн. Но встречаться каждый день с девицей Элоизой — более того, пить при этом лимонад, единственный напиток, который подают к обеду, — выше моих сил. Что мне делать, Дживз?

— По-моему, вам следует избегать общества мисс Прингл, сэр.

— Это первое, что пришло мне в голову, — сказал я.

Как вы понимаете, легко говорить о том, что общества женщины надо избегать; но когда вы живёте с ней в одном доме, а она не желает избегать вашего общества, дела ваши плохи. Странно устроен мир: чем больше ты стараешься держаться подальше от какой-нибудь особы, тем сильнее она к тебе липнет. Я не пробыл у Принглов и двадцати четырёх часов, а уже не знал, как мне избавиться от этой заразы. Она была одной из тех девиц, на которых вечно натыкаешься то в коридоре, то на лестнице. Я не мог войти в столовую, гостиную или

курительную без того, чтобы она в ней не появилась через минуту. А если я прогуливался по саду, можно было не сомневаться, что она прыгнет на меня из-за каких-нибудь кустов или неожиданно вырастет рядом с луковой грядкой. Короче, не прошло и десяти дней, как я понял, что она окончательно меня доконала.

— Дживз, — сказал я, — она окончательно меня доконала.

— Сэр?

— Эта женщина преследует меня хуже любого привидения. Я ни на минуту не могу остаться один. Предполагалось, что старина Сиппи должен изучить колледжи в Кембридже, и хочешь верь, хочешь нет, сегодня мы с ней объездили по меньшей мере пятьдесят семь этих заведений. Днём я решил отдохнуть в саду на скамейке, но она тут же свалилась мне на голову чуть ли не в буквальном смысле слова. Вечером ей удалось загнать меня в угол на террасе. Я не удивлюсь, если, принимая ванну, нашарю её в мыльнице вместо куска мыла.

— Тяжёлое испытание, сэр.

— Тяжелей не придумаешь. Послушай, Дживз, у тебя случайно нет средства, чтобы от неё избавиться?

— В данный момент нет, сэр. Мисс Прингл определённо вами заинтересовалась. Сегодня утром она подробно расспрашивала меня о вашем образе жизни в Лондоне.

— Что?!

— Да, сэр.

Я в ужасе на него уставился. Страшная мысль пришла мне в голову. Я задрожал, как осиновый лист.

Во время ленча произошло одно любопытное событие. Мы только что покончили с котлетами, и я откинулся на спинку стула, чтобы перевести дух, прежде чем приняться за варёный пудинг, когда, случайно подняв голову, я встретился глазами с Элоизой, смотревшей на меня в упор. Тогда я не придавал этому значения, потому что варёный пудинг — такое блюдо, которое требует к себе исключительного внимания, если ты и вправду хочешь получить от него удовольствие; но сейчас, после слов Дживза, я понял, что означал этот злобный взгляд.

Только теперь до меня дошло, почему за ленчем выражение её лица показалось мне до странности знакомым. Точно так же смотрела на меня Гонория Глоссоп за несколько дней до того, как мы обручились. Это был взгляд голодной тигрицы, учуявшей добычу.

— Дживз, знаешь, что я думаю?

— Сэр?

Я с трудом проглотил слюну.

— Дживз, — сказал я, — выслушай меня внимательно. Я не отношу себя к числу неотразимых мужчин, перед которыми женщины падают направо и налево. Скорее наоборот, в моем присутствии они, как правило, поднимают брови и кривят губы. Значит, меня нельзя обвинить в том, что я понапрасну бью тревогу, когда говорю о ком-то, кто желает меня заарканить. Ты согласен, Дживз?

— Да, сэр.

— Тем не менее, Дживз, некоторые девушки — и это научно обоснованный факт

— почему-то увлекаются именно такими мужчинами, как я.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Я хочу сказать, мне прекрасно известно, что в моей черепушке нет и половины того, что должно быть у обычного парня. И когда девица, у которой мозгов вдвое больше нормы,

со мной знакомится, она тут же начинает пожирать меня страстным взглядом. Я не знаю, почему так происходит, но тем не менее это случается не в первый раз.

— Быть может, природа таким образом заботится о сохранении равновесия среди особей одного вида, сэр.

— Весьма возможно. По крайней мере, Гонория Глоссоп, одна из самых способных выпускниц Гиртона, заглотнула меня, как собака кусок мяса.

— Мне говорили, сэр, что мисс Прингл отличилась в науках куда больше, чем мисс Глоссоп.

— Вот видишь! Дживз, она на меня смотрит.

— Да, сэр?

— Я всё время натыкаюсь на неё на лестнице и в коридоре.

— Вот как, сэр?

— Она советует мне, какие надо читать книги, чтобы расширить мой кругозор.

— Весьма подозрительно, сэр.

— А сегодня за завтраком, когда я ел сосиску, она сказала, что я не должен этого делать, так как современная медицина доказала, что в четырёхдюймовой сосиске содержится столько же микробов, сколько в дохлой крысе. Значит, в девице проснулся материнский инстинкт, и она занялась моим здоровьем.

— Доказательства неопровержимы, сэр.

Я упал в кресло, лишившись последних сил.

— Что делать, Дживз?

— Мы должны подумать, сэр.

— Вот ты и думай. Мне нечем.

— Я приложу все усилия, сэр, чтобы вы остались мной довольны.

Туманный ответ, но по крайней мере он меня утешил, хоть я и чувствовал себя не в своей тарелке. Да, куда не денешься: Бертрам чувствовал себя не в своей тарелке.

* * *

На следующее утро мы объездили ещё шестьдесят три колледжа, и после ленча я сказал, что хочу пойти к себе и прилечь. Терпеливо выждав полчаса, я сунул в карман книгу, сигареты и спички, выбрался из окна и спустился в сад по очень удобной водосточной трубе. Мне хотелось посидеть в летней беседке, где можно было хоть немного отдохнуть в одиночестве.

Погода стояла прекрасная. Солнце светило, крокусы благоухали, а Элоизы Прингл не было ни слышно, ни видно. Кот играл сам с собой на лужайке, но когда я сказал «кыс-кыс», заурчал и подбежал ко мне, задрав хвост. Я едва успел взять его на руки и почесать за ухом, как раздался дикий визг. Подняв голову, я увидел тётю Джейн, наполовину высунувшуюся из окна. Жутко неприятно.

— Хорошо, хорошо, — пробормотал я и отпустил кота, который галопом умчался обратно на лужайку. После недолгих размышлений, отказавшись от мысли запустить в старушеницу кирпичом, я зашёл за кусты, убедился, что за мной никто не следит, и

прокрался к беседке. Хотите верьте, хотите нет, не успел я закурить сигарету и удобно расположиться с книжкой в руке, как на страницу упала тень и ко мне присоединилась мисс Банный Лист собственной персоной.

— Вот вы где, — сказала Липучка и, усевшись рядом, игриво выхватила мою сигарету из мундштука и выкинула её на тропинку. — Вы слишком много курите,

— сказала она тоном невесты, по уши влюблённой в жениха, чем привела меня в неописуемый ужас. — Как бы я хотела, чтобы вы бросили эту дурную привычку. Курить вредно. И напрасно вы вышли на улицу без летней куртки. Вам просто необходимо, чтобы за вами кто-нибудь ухаживал.

— За мной ухаживает Дживз.

Она слегка нахмурилась.

— Он мне не нравится.

— А? Почему?

— Не знаю. Как бы мне хотелось, чтобы вы от него избавились.

У меня мороз пошел по коже. Знаете почему? Когда я обручился с Гонорией Глоссоп, она первым делом потребовала, чтобы я выгнал Дживза, потому что он ей не понравился. Мысль о том, что эта зараза похожа на Гонорию не только телом, но и чёрной душой, окончательно выбила меня из колеи.

— А что вы читаете?

Она взяла книгу из моих рук и снова нахмурилась. Уезжая из Лондона, я прихватил с собой потрясный детектив, который назывался «Следы крови». Она листала страницы, презрительно скривив рот.

— Не понимаю, как вы можете читать такую чушь... — Она умолкла. — Великий боже!

— Что случилось?

— Вы знакомы с Берти Вустером?

Внезапно я увидел своё имя, написанное на титульном листе, и моё сердце сделало тройное сальто.

— Э-э-э, гм-м-м, видите ли, слегка знаком.

— Должно быть, он — чудовище. Мне странно, что вы с ним дружите. Не говоря уже обо всём прочем, этот человек почти полный дебил. Одно время он был обручен с моей кузиной, Гонорией, но помолвка расстроилась по причине его душевного заболевания. Он кандидат в сумасшедший дом. Слышали бы вы, что говорит о нём мой дядя Родерик!

Я не стал проявлять любопытство.

— Вы часто с ним видитеесь?

— Бывает.

— Недавно я прочитала в газете, что его оштрафовали за непристойное поведение на улице.

— Да, я тоже читал.

Она посмотрела на меня, как насадка на яйцо.

— Он не может оказать на вас хорошего влияния. Как бы мне хотелось, чтобы вы перестали с ним встречаться. Ведь вы больше не будете с ним встречаться, правда?

— Ну... — протянул я, и в этот момент Катберт, тот самый кот, которому, по-видимому, надоело играть самому с собой, вошёл в беседку, дружелюбно на меня посмотрел и запрыгнул ко мне на колени. Я приветствовал его от всей души. Хоть он и был котом, всё-таки теперь нас стало трое; к тому же его появление позволило мне переменить тому

разговора.

— Коты — отличные ребята, — сказал я.

Сбить её с намеченного курса оказалось невозможно.

— Вы перестанете встречаться с Берти Вустером? — спросила она, не желая вести со мной кошачьих разговоров.

— Это будет трудно.

— Глупости! Вам понадобится лишь немного силы воли. Этот человек не может быть интересным собеседником. Дядя Родерик говорит, он просто никчемный прожигатель жизни.

Я тоже мог бы кое-что сказать о сэре Родерике, но, к сожалению, вынужден был промолчать.

— Вы сильно изменились с тех пор, как мы в последний раз виделись, — с упрёком заявила мне зараза Прингл. Она наклонилась и начала чесать кота за вторым ухом. — Помните, когда мы были детьми, вы говорили, что сделаете для меня всё, о чём я вас попрошу?

— Я так говорил?

— А однажды вы заплакали, потому что я рассердилась и не позволила вам меня поцеловать.

Я не поверил ей тогда, не верю и сейчас. Сиппи во многих отношениях был олухом царя небесного, но не до такой же степени. Даже в десять лет он не мог быть таким безмозглым идиотом. Я не сомневался, что девица нагло лжёт, но от этого мне не стало легче. Я отодвинулся от неё на несколько дюймов и уставился перед собой невидящим взглядом, чувствуя, как моё чело покрывается испариной.

А затем, вдруг... ну, сами знаете, как это бывает. Наверное, каждый из нас испытывал в жизни желание сделать какую-нибудь глупость. Ну, скажем, когда сидишь в театре, иногда хочется крикнуть «пожар!» и посмотреть, что будет. Или разговариваешь с человеком и думаешь: «Интересно, а что он сделает, если я засвечу ему в глаз?»

А говорю я всё это потому, что в тот момент, когда её плечо ходило ходуном рядом с моим, а её чёрные волосы почему-то щекотали мне нос, у меня внезапно появилось идиотское желание её поцеловать.

— Правда? — прохрипел я.

— Неужели вы забыли?

Она подняла свою тыкву с мозгами и посмотрела мне прямо в глаза. Я почувствовал, что скольжу в пропасть, и зажмурился. А затем из дверей до меня донёсся самый прекрасный голос, который я когда-либо слышал в своей жизни.

— Отдайте моего кота!

Я открыл глаза. Милая, добрая тётя Джейн, королева всех женщин, стояла передо мной с таким выражением на лице, будто я был живодёром и она застучала меня на месте преступления. Как эта жемчужина среди особей своего пола умудрилась меня выследить, я не знаю, но факт остаётся фактом: она меня нашла, благослови бог её древнюю душу, и спасла от жуткой доли, совсем как в последней сцене фильма о потерпевших кораблекрушение. Я не стал ждать. Меня расколдовали, и я умотал из беседки в ту же секунду. Уже в дверях я снова услышал её дивный голос:

— Он стрелял в моего Тибби из лука.

В течение нескольких следующих дней ничто не нарушало моего спокойствия. Элоизу я почти не видел. Я обнаружил, что со стратегической точки зрения водосточная труба у моего окна оказалась бесценной. Я редко теперь выходил из дома другим маршрутом. Мне казалось, что если я и дальше окажусь таким же везучим, то продержусь здесь три недели, к которым меня приговорили.

А тем временем... как говорится в сказках.

Когда однажды вечером я спустился в гостиную, вся семья была в сборе. Профессор, профессорша, два Экспоната и девица Элоиза сидели по разным углам, кот спал на ковре, канарейка сидела в клетке. Ничто не предвещало бури.

— Так, так, так! — весело сказал я. — Здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!

Я всегда говорю что-нибудь в этом роде, когда вхожу в помещение, где присутствуют люди. Мне кажется, так легче всего завязать непринужденную беседу.

Девица Элоиза с упрёком на меня посмотрела.

— Где вы пропадали весь день? — спросила она.

— После ленча я отдыхал у себя в комнате.

— В пять часов вечера вас там не было.

— Верно. Я чуток поработал над статьёй о добрых старых колледжах, а потом пошёл прогуляться. Физические нагрузки, знаете ли, очень полезны для здоровья.

— *Mens sana in corpore sano*, — объявил профессор.

— Ничего удивительного, — вежливо согласился я.

В эту минуту, когда всё шло лучше некуда и я чувствовал себя как кум королю, миссис Прингл внезапно из всех сил стукнула меня кастетом по голове. Нет, нет, поймите меня правильно. Я говорю в переносном смысле слова.

— Родерик сильно задерживается, — сказала она.

Возможно, вам покажется странным, что это имя оглушило меня, как динамит рыбу. Поверьте мне на слово: для человека, который хоть раз имел дело с сэром Родериком Глоссом, в мире существует только один Родерик, причём на одного больше, чем хотелось бы.

— Родерик? — прохрипел я.

— Мой свояк, сэр Родерик Глосс, приезжает в Кембридж, — сказал профессор. — Завтра он читает лекции в Сент-Люке, а сегодня мы ждём его к обеду.

И пока я стоял, чувствуя себя как главный герой, загнанный в ловушку преступниками, дверь отворилась.

— Сэр Родерик Глосс, — объявила служанка или горничная, не помню кто, и Он вошёл.

Одна из причин, по которой старого хрыча не любили лучшие умы общества, заключалась в том, что у него была огромная лысая голова, размером с купол собора Святого Павла, и заросли кустов вместо бровей, которые следовало бы долго стричь секатором, чтобы привести их в приличный вид. Когда к тебе приближается голый череп с глазами, торчащими из кустов, невольно начинаешь жалеть, что заранее не подумал об отступлении.

Сэр Родерик вошёл в комнату, а я попятился и встал за софу, вверив свою душу Господу. Мне не нужно было обращаться к гадалке, чтобы узнать, что в будущем меня ждут

неприятности.

Сначала он меня не заметил. Пожав руки профессору и его жене, сэр Родерик поцеловал Элоизу и кивнул Экспонатам.

— Боюсь, я немного задержался, — сказал он. — Моя машина сломалась в дороге, но шофёр...

Тут он увидел меня за софой и, вздрогнув, сморщился, словно наелся кислоты.

— Это... — начал профессор, махнув рукой в моём направлении.

— Я давно знаком с мистером Вустером.

— Это, — как ни в чём не бывало продолжал профессор, — племянник мисс Сипперли, Оливер. Вы помните мисс Сипперли?

— Что вы имеете в виду? — рявкнул сэр Родерик. Видимо, частое общение с психами выработало у него властную, резкую манеру поведения. — Этого злосчастного молодого человека зовут Берти Вустер. Что за чушь вы несёте о каких-то Оливерах и Сипперли?

Профессор посмотрел на меня с вполне объяснимым любопытством. Остальные участники сцены последовали его примеру. Я выдавил из себя жалкую улыбку.

— Видите ли, дело в том... — сказал я.

Профессор напряжённо обдумывал ситуацию. Мне показалось, я слышу, как в голове у него трещало и щёлкало.

— Этот человек сказал, что его зовут Оливер Сипперли, — произнёс он.

— Эй, вы! — рявкнул сэр Родерик. — Должен ли я понять, что вы навязали своё общество людям, прикинувшись племянником старого друга семьи?

Точнее сказать было невозможно.

— Ну, в общем, да, — ответил я.

Сэр Родерик выстрелил в меня взглядом, который попал мне в грудь, пронзил лёгкие и вышел со спины.

— Душевнобольной! Абсолютно ненормален, как я и предполагал с первого взгляда!

— Что он сказал? — спросила тётя Джейн.

— Родерик говорит, этот молодой человек — душевнобольной, — проревел профессор.

— Ах! — сказала тётя Джейн, кивая. — Так я и думала. Он спускается в сад и входит в дом по водосточной трубе.

— Что?!

— Я сама его видела — ах! — много раз.

Сэр Родерик грозно фыркнул.

— За ним следует установить строгий надзор. Преступно оставлять человека в таком состоянии на свободе. На следующей стадии болезни его может охватить мания убийства.

Я подумал, что, как это ни печально, мне придётся продать старину Сиппи, чтобы опровергнуть это ужасное обвинение. В конце концов наш обман всё равно открылся.

— Позвольте мне объяснить, — сказал я. — Сиппи попросил меня погостить здесь вместо него.

— Что вы имеете в виду?

— Ему не удалось приехать, потому что он отдубасил полицейского в ночь после лодочных гонок, и его сцапали.

Должен признаться, мне с большим трудом удалось втолковать им, что произошло, а когда они всё поняли, их отношение ко мне не изменилось к лучшему. Между нами появилась некоторая натянутость, поэтому, вежливо откланявшись, я отказался от обеда,

хотя умирал с голоду, и поднялся к себе.

— Дживз, — сказал я, когда он вплыл в комнату, — мы погибли.

— Сэр?

— Врата ада дрожат, Дживз. Наша карта бита. — И я всё ему рассказал.

Он внимательно меня выслушал.

— От роковых случайностей, сэр, никто не застрахован, но к ним надо быть готовым.

Следующий наш шаг, который необходимо предпринять, очевиден.

— О чём это ты?

— Надо повидаться с мисс Сипперли, сэр.

— Разрази меня гром! Зачем?

— Предпочтительнее, если она узнает факты из ваших уст, сэр, чем из письма, которое ей обязательно напишет профессор Прингл. Ведь вы не оставили мысль сделать всё возможное, чтобы помочь мистеру Сипперли, сэр?

— Я не могу подвести Сиппи. Значит, ты считаешь...

— Да, сэр. У меня есть мнение, что мисс Сипперли снисходительно отнесётся к проступку мистера Сипперли.

— Почему?

— Мне так кажется, сэр.

— Ну, раз так... А как нам туда добраться?

— Мисс Сипперли живёт примерно в ста пятидесяти милях от Кембриджа, сэр. Быстрее всего мы доедем к ней на машине.

— В таком случае немедленно закажи машину, Дживз.

Мысль о том, что я буду в ста пятидесяти милях от Элоизы Прингл, не говоря уже о тёте Джейн и сэре Родерике, была настолько приятна, что мне сразу полегчало.

* * *

Пэддок, Бекли-на-Угодьях, находился недалеко от деревни, и на следующее утро, плотно позавтракав, я отправился туда пешком. Я почти не волновался: должно быть, испытания меня закалили. Неудивительно, если вспомнить ту встряску, которую я получил за последние две недели. Впрочем, какой бы ни оказалась тётушка Сиппи, по крайней мере она не была сэром Родериком Глоссопом.

Пэддок оказался средних размеров загородным строением с прекрасно ухоженным садом и посыпанной гравием широкой тропинкой, огибающей кусты, которые выглядели так, словно их только что пропылесосили; короче, глядя на всю эту красоту, можно было с уверенностью сказать: «Здесь живёт чья-то тётя».

Сразу за поворотом я увидел женщину с лейкой в руках, поливавшую клумбу с цветами. Ни секунды не сомневаясь, что передо мной искомая тётушка, я остановился, откашлялся и произнёс:

— Мисс Сипперли?

Она стояла ко мне спиной и, услышав мой голос, подпрыгнула и отскочила в сторону, словно была босоногой танцовщицей, которая изображала Саломею, и внезапно наступила

на ржавую консервную банку. Едва удержав равновесие, она ошарашено на меня уставилась. Крепкая, здоровая женщина с красными щеками.

— Надеюсь, я не испугал вас? — спросил я.

— Кто вы?

— Меня зовут Вустер. Я приятель вашего племянника, Оливера.

Её дыхание постепенно пришло в норму.

— Вот как? Когда я услышала ваш голос, я приняла вас за другого.

— Нет, это я. Мне необходимо сообщить вам новости об Оливере.

— Что случилось?

Мной овладели сомнения. Теперь, когда мы подошли к самой сути, соли или как там это называется, я потерял былую уверенность в себе.

— Я должен предупредить вас, что это довольно грустная история, знаете ли.

— С Оливером произошёл несчастный случай? Он заболел?

Она говорила взволнованно, и мне было приятно видеть, что ничто человеческое ей не чуждо. Я решил не ходить вокруг да около, а рубануть с плеча.

— О нет, он здоров, — сказал я. — Что же касается вашего первого вопроса, это как посмотреть. Он в каталажке.

— Где?

— В тюрьме.

— В тюрьме!

— Видите ли, он попал за решётку исключительно по моей вине. Мы прогуливались ночью после лодочных гонок, и я посоветовал ему умыкнуть полицейский шлем.

— Я вас не понимаю.

— Ну, Сиппи выглядел жутко расстроенным, знаете ли, и — не знаю, прав я был или нет, — я подумал, он развеселится, если перейдёт на другую сторону улицы и свистнет у полицейского шлем. Ему тоже показалось, что мысль неплоха, и он начал действовать, а полисмен поднял шум, и Оливер ему врезал.

— Врезал?

— Саданул, въехал, стукнул в живот.

— Мой племянник, Оливер, ударил полицейского в живот?

— Именно в живот. А на следующее утро крючоктвор вместо штрафа засадил его в бастилию на тридцать дней.

Сообщив эту новость, я, по правде говоря, поглядел на неё с некоторой опаской, не зная, чем всё обернётся. Внезапно лицо её, казалось, раскололось напополам. Какое-то мгновение я видел один только рот, затем она начала приплясывать на траве, заливаясь смехом и размахивая лейкой во все стороны.

Я подумал, ей здорово повезло, что рядом не было сэра Родерика Глоссопа. Он в одну секунду уселся бы ей на голову и велел бы своему помощнику принести смирительную рубашку.

— Вы не рассердились? — спросил я.

— Рассердилась? — Она счастливо улыбнулась. — Я никогда в жизни не получала таких приятных известий!

Я обрадовался и успокоился. Я надеялся, она не закатит истерики, услышав об аресте Сиппи, но никогда не думал, что эта новость приведёт её в полный восторг.

— Я им горжусь! — заявила она.

— Рад слышать.

— Если б каждый молодой англичанин бил полицейских в животы, наша страна процветала бы!

По правде говоря, я не понял, почему она пришла к такому выводу, но свою задачу я выполнил, поэтому, откланявшись, я ушёл.

* * *

— Дживз, — сказал я, вернувшись в гостиницу, — всё в порядке. Но, должен тебе признаться, я ничего не понимаю.

— Вас не затруднит рассказать мне, сэр, что произошло, когда вы встретились с мисс Сипперли?

— Я объяснил ей, что Сиппи засадили в тюрьму за нападение на полицейского, после чего она весело расхохоталась, замахала лейкой и объявила, что она им гордится.

— Поведение мисс Сипперли кажется эксцентричным только с первого взгляда, сэр. Дело в том, что в течение последних двух недель местный констебль причинил ей массу неприятностей. Несомненно, именно поэтому она стала предвзято относиться к полиции в целом.

— Да ну, Дживз? Расскажи, как было дело?

— Констебль переусердствовал в исполнении своих обязанностей, сэр. Не менее трёх раз за последние десять дней он посылал мисс Сипперли повестки: за превышение скорости на автомобиле, за выгуливание собаки без ошейника в общественном месте и за несоблюдение противопожарной безопасности при топке дымящегося камина. Будучи, если так можно выразиться, диктаторшей в деревне, мисс Сипперли привыкла вести себя безнаказанно, и неожиданное служебное рвение констебля заставило её возненавидеть полицейских как класс, а вследствие этого взглянуть на действия мистера Сипперли одобрительно и с пониманием.

Я понял, что он имел в виду.

— Какое удивительное везение, Дживз!

— Да, сэр.

— А откуда ты всё это знаешь?

— От констебля, сэр. Он — мой троюродный брат.

У меня отвалилась нижняя челюсть. Как говорят поэты, пелена спала с моих глаз.

— Великий боже, Дживз! Ты его подкупил?

— О нет, сэр. Правда, на прошлой неделе он праздновал свой день рождения, и я сделал ему скромный подарок. Я всегда очень любил Эгберта, сэр.

— Сколько?

— Всего пять фунтов, сэр.

Я сунул руку в карман.

— Возьми. И вот тебе ещё пятёрка на счастье.

— Большое спасибо, сэр.

— Дживз, — сказал я, — загадочны твои пути, и дивны чудеса. Ты не возражаешь, если

я немного попою?

— Что вы, сэр, — сказал Дживз.

ГЛАВА 8. Как уладить дело Фредди?

— Дживз, — сказал я. Дело было вечером, и я только что вернулся домой из клуба. — Я не хочу тебе мешать.

— Нет, сэр?

— Но я хочу с тобой поговорить.

— Да, сэр?

Он выпрямился и застыл в позе почтительного ожидания, бросив упаковывать чемодан предметами первой необходимости, которые должны были понадобиться мне на морском курорте.

— Дживз, — сказал я, — один мой приятель попал в весьма затруднительное положение.

— Вот как, сэр?

— Ты знаешь мистера Булливана?

— Да, сэр.

— Так вот, сегодня с утра я забежал в «Трутень», чтобы перекусить, и увидел бедолагу в самом тёмном углу курительной комнаты. Он был похож на увядшую осеннюю розу. Сам понимаешь, я удивился дальше некуда. Ты ведь знаешь, какой мистер Булливан весельчак. Душа общества. Без него ни одна вечеринка не обходится.

— Да, сэр.

— Рубаха-парень, и всё такое.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Ну вот. Естественно, я расспросил его, что к чему, и он сказал, что в пух и прах разругался со своей невестой. Ты знал, что он был обручён с мисс Элизабет Викерс?

— Да, сэр. Если мне не изменяет память, объявление о помолвке появилось недавно в «Морнинг пост».

— Помолвка расторгнута, Дживз. Он не сказал мне, из-за чего они поскандалили, но факт остаётся фактом, она выставила его за дверь. Он нигде не может её поймать, она отказывается разговаривать с ним по телефону и отсылает обратно его письма нераспечатанными.

— Тяжёлый случай, сэр.

— Необходимо срочно принять меры, Дживз. Но какие?

— Я затрудняюсь ответить, сэр.

— Ну, для начала я собираюсь захватить его с собой в Мэрвис Бэй. В конце концов он не первый, кого отфутболила любимая девушка. В таких случаях лучше всего переменить обстановку.

— В том, что вы говорите, скрыт большой смысл, сэр.

— Да. Перемена обстановки — самое лучшее лекарство. Я слышал об одном парне. Девушка ему отказала. Парень уехал за границу. Через два месяца девушка прислала ему телеграмму: «Вернись, Мюриель». Парень начал писать ответ и внезапно понял, что забыл её фамилию, после чего он порвал письмо и жил долго и счастливо. Я не удивлюсь, Дживз, если, отдохнув несколько недель в Мэрвис Бэй, Фредди Булливан снова станет самим собой.

— Весьма вероятно, сэр.

— А если он не оправится, я надеюсь, что от свежего морского воздуха и простой пищи

тебя осенит какая-нибудь идея и ты придумаешь план, который поможет этим двум влюблённым идиотам помириться.

— Я сделаю всё, что в моих силах, сэр.

— Знаю, Дживз, знаю. Не забудь положить побольше носков.

— Да, сэр.

— И не жалея теннисных рубашек.

— Слушаюсь, сэр.

Я не стал ему больше мешать, и через несколько дней мы уехали в Мэрвис Бэй, где я снял коттедж на июль и август.

Вы когда—нибудь бывали в Мэрвис Бэй? Курорт находится в Дорсетшире, и хотя его нельзя назвать сногшибательным, в нём есть свои положительные стороны. Целый день вы проводите, купаясь и сидя на песке, а вечером прогуливаетесь по пляжу в обществе комаров. В девять часов вас натирают мазью от ожогов, после чего вы ложитесь спать. Одним словом, простая, здоровая жизнь, которая как нельзя больше подошла Фредди. Когда на небе появлялась луна и ветерок начинал нежно вздыхать в ветвях деревьев, его за уши было не оттащить от пляжа. Он стал самым ручным любимцем комаров. Они ждали его с нетерпением, не обращая внимания на других гуляющих, чтобы в полной мере выказать ему свою любовь, как только он появится на горизонте.

Если говорить честно, старина Фредди сильно меня утомлял. Наверное, нельзя особо придирается к парню, чьё сердце разбито, но, поверьте, трудно жить под одной крышей с человеком, раздавленным обстоятельствами, который демонстрирует своё отчаяние на каждом шагу. Когда Фредди не жевал мундштук трубки, мрачно уставившись в пол, он сидел у фортепьяно и одним пальцем наигрывал «Чижика-пыжика». Ничего, кроме этого, бедолага играть не умел, да и как исполнитель «Чижика-пыжика» тоже не блистал. Обычно после третьего удара по клавише он глубоко задумывался, а затем начинал всё сначала.

Когда однажды я вернулся после купания, он, по своему обыкновению, сидел у фортепьяно, умудряясь извлекать из него ещё более тошнотворные звуки, чем обычно. У меня возникло нехорошее предчувствие, и оно меня не обмануло.

— Берти, — сказал он, выдавливая из клавиш предсмертные крики боли, — я её видел.

— Как?! Ты видел Элизабет Викерс? Не может этого быть. Она в Лондоне.

— Нет. Она здесь. Должно быть, гостит у своих родственников, или ещё где-нибудь. Я ходил сегодня на почту за письмами, и мы столкнулись в дверях.

— И что?

— Ничего. Она даже не посмотрела в мою сторону.

Он ударил по клавише с такой силой, что чуть было не сломал палец.

— Берти, — сказал он, — напрасно ты меня сюда привёз. Я должен уехать.

— Уехать? Не говори глупостей. Я считаю, тебе просто повезло. Это замечательно, что она здесь. Теперь ты в два счёта добьёшься своего.

— Она даже не посмотрела в мою сторону.

— Плевать. Где твой спортивный дух? Покажи ей, на что ты способен.

— Она посмотрела на меня, как на пустое место.

— Тоже плевать. Берись за дело. Раз уж она здесь, ты должен устроить так, чтобы она оказалась перед тобой в долгу. Ты должен добиться, чтобы она благодарила тебя со слезами на глазах. Ты должен...

— С чего это она будет благодарить меня со слезами на глазах?

Я задумался. Несомненно, Фредди вскрыл существо проблемы. На какое-то время я растерялся, если не сказать, почувствовал своё бессилие, но затем меня осенило.

— Ты должен дождаться, когда она будет тонуть, и спасти её.

— Я не умею плавать.

Вот теперь вы познакомились с Фредди Булливаном по-настоящему. Прекрасный парень, но помощи от него не дождёшься, если вы понимаете, что я имею в виду.

Он снова принялся мучить фортепьяно, а я потихоньку улизнул.

Я прогуливался по пляжу и обдумывал сложившуюся ситуацию. Мне, конечно, очень хотелось посоветоваться с Дживзом, но славный малый исчез на весь день. Надеяться на то, что Фредди сам предпримет какие-нибудь шаги, не имело смысла. Поймите меня правильно, я вовсе даже не хочу сказать, что у старины Фредди не было достоинств. Он, к примеру, неплохо играл в поло, и я слышал, о нём говорили как о восходящей звезде бильярда. Но человеком предприимчивым его никак нельзя было назвать.

Итак, я прогуливался по пляжу, обходя камни и напряжённо думая, когда в глаза мне бросилось голубое платье и я увидел девушку, о которой размышлял. Я никогда с ней не встречался, но спальня Фредди была унавожена шестнадцатью её фотографиями, поэтому ошибиться я не мог. Она сидела на пляже и помогала маленькому жирному ребёнку строить песчаный замок. Рядом в шезлонге сидела престарелая женщина с книгой в руках. Я расслышал, как девушка назвала её тётей. Применяв дедуктивный метод, я тут же сообразил, что жирный мальчик не мог быть ни кем иным, как её кузеном. Помнится, я подумал, что, будь здесь Фредди, он мгновенно стал бы сюсюкать с малышом, имевшим прямое отношение к предмету его любви, и восхищаться им почём зря. Я этого никогда не смог бы сделать. Пожалуй, мне ещё не доводилось видеть детей, которые вызвали бы во мне более неприятные ощущения. Жир с него, казалось, так и капал.

Закончив строить замок, он заскучал и, недолго думая, разревелся. Девушка, видимо, зная мальчика как облупленного, взяла его за руку и подвела к разносчику сладостей. Я продолжал прогуливаться.

А теперь мне хочется поговорить немного о самом себе. Все, кто меня знают, скажут вам, что я оболтус. Моя тётя Агата с удовольствием подтвердит это под присягой, так же как мой дядя Перси, да и прочие дражайшие — если вы не возражаете против этого слова — и ближайшие. Я на них не в обиде. Более того, я с ними согласен. Я действительно оболтус. Но — тут я прошу вас сосредоточиться и самым внимательным образом отнестись к следующему моему заявлению — когда от меня перестают ждать любых проявлений интеллектуальной деятельности, когда начинают считать, что я человек не только умственно отсталый, но и во всех отношениях пропащий, на меня вдруг снисходит нечто вроде озарения. Так произошло и на этот раз. Сомневаюсь, что осенившая меня мысль смогла бы прийти в голову одному из дюжины самых толковых типов за всю историю человечества. Возможно, до Наполеона сразу дошло бы, как поступить, но могу поспорить на что угодно, ни Дарвин, ни Шекспир, ни Томас Гарди никогда до такого не додумались бы.

Я шёл по пляжу, возвращаясь домой, когда увидел жирного ребёнка, который сосредоточенно колотил детской лопаткой по медузе. Девушки рядом с ним не было. Тёти рядом с ним не было. По правде говоря, с ним никого не было. План действий созрел у меня мгновенно. Внезапно я понял, как помирить бедолагу с его возлюбленной.

Совершенно очевидно, девушка обожала своего кузена, поэтому я сказал сам себе: если я ненадолго украду этого юного тяжеловеса и Элизабет Викерс, сама не своя от горя,

бросится его искать, а в это время Фредди внезапно подойдёт к ней, ведя ребёнка за руку, и расскажет, как он нашел его вдали от дома, и спас ему жизнь, благодарность девушки не будет иметь границ, и она всё ему простит.

Я огляделся по сторонам, схватил ребёнка в охапку и был таков.

Старина Фредди не сразу оценил мою идею по достоинству. Лицо его не озарилось радостью, когда я приволок мальчишку в коттедж и бросил его в гостиной. Проклятый шкет, которому мой план тоже не понравился, тут же разревелся, и Фредди пришёл в ярость.

— Какого чёрта? — спросил он, с отвращением глядя на нашего маленького гостя.

Ребенок издал вопль, от которого задрожали стёкла, и я понял, что пришла пора поменять тактику. Бросившись на кухню, я схватил банку мёда и в мгновение ока вернулся в гостиную. Моя догадка оказалась верной. Он прекратил орать и взялся за дело, сопя и чавкая.

— Ну? — сказал Фредди, когда наступила тишина.

Я объяснил ему, что к чему. Сначала он хмурился, но потом потерял присущий ему похоронный вид и впервые с тех пор, как мы прибыли в Мэрвис Бэй, улыбнулся.

— В этом что-то есть, Берти.

— Верняк, старина.

— Должно сработать, — согласился Фредди. Он отделил ребенка от мёда и увёл его, пробормотав на прощанье. — Должно быть, Элизабет на пляже.

Наконец — то, можно сказать, я почувствовал душевный покой. Я очень любил старину Фредди и искренне радовался, что скоро он вновь обретёт счастье. Я вышел на веранду, уселся в кресло, закурил сигарету и приготовился насладиться жизнью, когда внезапно увидел Фредди, бредущего обратно с ребёнком на руках.

— Привет! — сказал я. — Ты её не нашёл?

Только теперь я заметил, что у бедолаги был такой вид, будто кобыла лягнула его в живот.

— Нет, я её нашёл, — ответил он с горькой усмешкой, о которой так часто пишут в книгах.

— Ну?

Фредди упал в кресло и застонал.

— Это не её кузен, идиот несчастный. Он ей вообще никто, обычный ребёнок, которого она случайно встретила на пляже. Она видела его первый раз в жизни.

— Но она помогала ему строить песчаный замок.

— Что с того? Она даже не знает, как его зовут.

Сейчас очень много пишут о современных девицах. Так вот, если они, не будучи должным образом представлены, строят песчаные замки с мальчиками, которых знают всего пять минут, то всё, что о них говорят, правда. Бесстыдство, вот как я это называю.

Примерно то же самое я попытался объяснить Фредди, но он не стал меня слушать.

— В таком случае, кто этот злосчастный ребёнок? — спросил я.

— Не знаю. О боже, ну и влип же я! Слава богу, следующие несколько лет ты проведёшь в Дартмуре за похищение младенца. Это единственное, что меня утешает. По выходным я буду к тебе приходить и корчить тебе рожи через решётку.

— Расскажи, что стряслось, старина, — попросил я.

Рассказ получился долгим, потому что через слово он высказывал всё, что обо мне думал, но в конце концов я разобрался в сути дела. Девица Элизабет выслушала его с

каменным лицом, а затем... она, конечно, не назвала его брехуном в глаза, но дала понять, что он жалкий червь и ничтожество. А потом он ушёл с ребёнком, жалея, что не провалился сквозь землю.

— И учти, — заключил он, — не вздумай впутывать меня в эту историю. Я чист перед законом. Если хочешь, чтобы тебя не упрятали за решётку или, на худой конец, скостили тебе срок, немедленно отправляйся к родителям мальчика и верни им сына, пока за тобой не пришли.

— Кто его родители?

— Понятия не имею.

— Где они живут?

— Понятия не имею.

Ребёнок этого тоже не знал. Исключительно вялый и тупой мальчик. Он признался мне, что отец у него был, но дальше этого дело не пошло. Ему в голову никогда не приходила мысль, что, болтая по вечерам со своим стариком, он мог бы хоть разок спросить его фамилию и адрес. Потеряв примерно десять минут и ничего не добившись, я взял его за руку, и мы отправились, как говорится, куда глаза глядят.

Даю вам честное слово, до тех пор, пока я не ввязался в эту историю, мне было невдомёк, как трудно возвратит сына его родителям. Для меня остается загадкой, каким образом похитители умудряются попадаться. Я обрыскал Мэрвис Бэй вдоль и поперёк, но никто не захотел признать младенца своим. Все без исключения проявляли к нему столь незначительный интерес, что можно было подумать, он приехал сюда один и жил в собственном коттедже. И только когда меня вновь осенило и я обратился к разносчику сластей, мне удалось напасть на след. Продавец, который видел мальчишку по многу раз в день, сказал, что его фамилия Кегворт, а родители его живут в коттедже «Отдых у океана».

Теперь мне осталось только найти «Отдых у океана». И, пройдя «Вид на океан», «Панораму океана», «Океанский бриз», «Коттедж у океана», «Бунгало рядом с океаном», «Приют на океане» и «Океанскую усадьбу», я наконец добрался до цели.

Я постучал в дверь. Мне никто не ответил. Я постучал сильнее. Изнутри до меня донёсся какой-то шум, но никто не вышел. И только я собирался замолотить в дверь по-настоящему, чтобы до обитателей коттеджа наконец дошло, что я не в игры с ними играю, как голос сверху крикнул: «Эй!»

Я поднял голову и увидел в окне второго этажа круглое лицо с седыми бакенбардами к востоку и западу от пухлых розовых щёк.

— Эй! — вновь крикнул обладатель лица. — К нам нельзя войти.

— Я не хочу к вам входить.

— Потому что... никак это Пупсик?

— Я не Пупсик. Вы — мистер Кегворт? Я привёл вашего сына.

— Вижу. Здластвуй, Пупсик, папочка тебя видит, солныско моё.

Я услышал какие-то голоса. Внезапно лицо исчезло и через несколько секунд вновь появилось.

— Эй!

Этот придурок начал действовать мне на нервы.

— Вы здесь живёте? — спросило лицо.

— Я снял коттедж на несколько недель.

— Как вас зовут?

— Вустер.

— Да ну! А как по буквам? Я не расслышал. У-о-р-ч-е-с-т-е-р или В-у-с-т-е-р?

— В-у-с-...

— Я спрашиваю потому, что когда-то был знаком с мисс Вустер. В-у-с-...

Мне осточертело разговаривать с ним по буквам.

— Послушайте, может, вы откроете дверь и заберёте своего ребёнка?

— Я не могу открыть дверь. Мисс Вустер, которую я знал, вышла замуж за человека по имени Спенсер. Она случайно не ваша родственница?

— Она — моя тётя Агата. — Я постарался своим презрительным тоном показать ему, что, по моему мнению, он был именно тем придурком, который мог знать мою тётю Агату.

Лицо расплылось в улыбке.

— Это просто замечательно. Мы как раз волновались, что нам делать с Пупсиком. Понимаете, у нас свинка. Моя доченька, Мусик, только что заболела. Нельзя допустить, чтобы Пупсик от неё заразился. Мы сидели и ломали голову, что с ним делать. Нам просто повезло, что вы его нашли. Он удрал от няни. Я бы никогда не доверил его незнакомцу, но вы — другое дело. Я безоговорочно доверяю любому племяннику миссис Спенсер. Вам придется забрать Пупсика к себе. Идеальное решение вопроса. Я написал брату в Лондон, так что через несколько дней, возможно, он у вас его заберёт.

— Возможно?

— Мой брат, естественно, человек занятой, но в любом случае он приедет сюда не позже, чем через неделю. А тем временем Пупсик поживёт у вас. Превосходный план. Очень вам благодарен. Ваша жена будет в восторге от Пупсика.

— У меня нет жены! — взвыл я, но окошко со стуком захлопнулось, словно бакенбарды ущучили пытавшегося удрать микроба и в последнюю секунду отрезали ему путь к отступлению.

Я глубоко вздохнул и дрожащей рукой отёр пот со лба.

— Эй!

Окошко распахнулось, и пакет, весивший не меньше тонны, упал мне на голову и разорвался, как бомба.

— Поймали? — спросило лицо, выглядывая из окна. — Ай-яй-яй, что же вы так? Ладно, ничего страшного. Зайдите к бакалейщику и купите гранулированные чипсы Бейли. Пупсик обожает их на завтрак с молоком. Не со сливками. С молоком. И только Бейли!

Лицо исчезло, и окошко снова захлопнулось. Я немного подождал, но в коттедже всё было тихо, поэтому я взял Пупсика за руку и пошёл домой.

И не успели мы свернуть за поворот дороги, как встретили девушку Элизабет.

— Привет, малыш, — сказала она, увидев ребёнка. — Твой папуля тебя нашёл, да? — Она посмотрела на меня. — Мы с вашим мальчиком играли сегодня на пляже и стали большими друзьями.

Это был конец света. Получив столь сокрушительный удар сразу после разговора с лунатиком в бакенбардах, я настолько растерялся, что она попрощалась со мной и скрылась за горизонтом, прежде чем я пришёл в себя и смог категорически опровергнуть своё отцовство.

Я не ждал, что Фредди запрыгает от радости, увидев меня с ребёнком, но по крайней мере рассчитывал, что он покажет себя мужчиной и проявит спортивный дух, присущий английским джентльменам. Когда мы вошли, он подскочил на месте, с отчаянием уставился на мальчика и обхватил голову руками. Долгое время он молчал, потом его прорвало и в течение нескольких минут мне не удавалось вставить в его речь ни одного слова.

— Ну! — произнёс он напоследок, исчерпав весь запас имеющихся у него ругательств. — Скажи хоть что-нибудь! Великие небеса, почему ты всё время молчишь?

— Если ты хоть на секунду заткнёшься, то всё узнаешь. — И я сообщил ему плохие новости.

— Ну, и что ты собираешься делать? — спросил он. Отрицать, что говорил он раздражённо, было бы глупо.

— А что нам остается делать?

— Нам? В каком это смысле нам? Я не собираюсь нянчить этого прыща. Я возвращаюсь в Лондон.

— Фредди! — вскричал я. — Фредди, старина! — Мой голос дрожал. — Ты ведь не оставишь меня в такую минуту?

— Оставлю.

— Фредди, — сказал я, — ты не можешь бросить друга в беде. Ты должен мне помочь. Разве ты не понимаешь, что этого ребёнка надо раздевать, купать и снова одевать? Неужели ты допустишь, чтобы я остался с ним один на один?

— Дживз тебе поможет.

— Нет, сэр, — сказал Дживз, который в этот момент как раз накрывал на стол. — Боюсь, я вынужден буду устраниваться от какого бы то ни было участия в этом деле. — Он говорил почтительно, но твёрдо. — У меня нет никакого опыта в обращении с детьми.

— Самое время его приобрести, — попытался уговорить я упрямого малого.

— Нет, сэр. Мне очень жаль, но я ничем не смогу вам помочь.

— В таком случае, Фредди, ты не имеешь права меня бросить.

— Имею.

— Но Фредди! Одумайся, старина! Мы дружим много лет. К тому же я нравлюсь твоей маме.

— Ничего подобного.

— Ну, всё равно. Мы вместе учились в школе, и ты должен мне десятку.

— Ох, ну ладно, — сдался Фредди.

— Кроме того, старина, — напомнил ему я, — не забывай, что всё это я сделал ради тебя.

Он как — то странно на меня посмотрел и тяжело вздохнул.

— Бerti, — сказал он, — выслушай меня внимательно. Я многое готов стерпеть, но не жди, что я буду испытывать к тебе чувство благодарности.

Возвращаясь к этой истории, я теперь понимаю, что от преступления меня спасла гениальная мысль скупить все кондитерские изделия в ближайшей лавке. Скармливая ребёнку сласти одни за другими, мы довольно успешно и без особых хлопот дотянули до вечера. В восемь часов он уснул в кресле, и мы расстегнули на нём все пуговицы, которые нашли, и стянули бельё, на котором пуговиц не было, а затем уложили его в постель.

Фредди стоял, глядя на груды одежды на полу, и глаза его как-то странно блестели. Я знал, о чём он думает. Раздеть ребёнка было просто: для этого требовалась лишь грубая физическая сила. Но как запихнуть его обратно в одежду? Я пошевелил груды белья ногами. Сверху лежала узкая полоска льняной ткани, которая могла быть чем угодно. Из-под неё торчал квадратный кусок розовой фланели, вообще ни на что не похожий. Жутко неприятная картина.

Но наутро я вспомнил, что в соседнем бунгало жила многодетная семья, и, отправившись туда перед завтраком, я одолжил у них няню. Женщины — удивительные создания, разрази меня гром! Просто удивительные! Няня мгновенно разобралась во всём этом тряпье, и не прошло и восьми минут, как ребёнок выглядел так, что его можно было показывать в Букингемском дворце. Я осыпал её золотыми дублонами, и она обещала приходить к нам по утрам и вечерам, так что я уселся завтракать в прекрасном расположении духа. Наконец-то облака над моей головой начали потихоньку рассеиваться.

— В конце концов, — заметил я, — многие считают, что иметь в доме малыша не так уж плохо. Сам понимаешь, он создаёт уют, ну и всё такое, что?

Как раз в этот момент ребёнок опрокинул на новые брюки Фредди стакан с молоком, и когда бедолага вернулся к столу, переодевшись, он не был расположен вести со мной разговор.

Сразу после завтрака Дживз подошёл ко мне и попросил уделить ему несколько минут наедине.

* * *

Только не думайте, что последние события заставили меня забыть о том, зачем мне вообще понадобился Фредди; и, должен вам признаться, что в то время, как дни проходили за днями, я постепенно стал разочаровываться в Дживзе. Если помните, наш план заключался в том, что малый будет дышать свежим морским воздухом, питаться простой пищей и тем самым приведёт свои мозги в боевую готовность, чтобы придумать способ, как вновь соединить сердца Фредди и Элизабет.

А что произошло на самом деле? Он прекрасно ел и прекрасно спал, но ни на дюйм не приблизил события к счастливому концу. В полном одиночестве, не имея никакой поддержки, я попытался что-то сделать для Фредди, хотя честно должен признаться, что моя попытка с треском провалилась. Но факт остаётся фактом, именно я, а не Дживз, проявил находчивость и сообразительность. Соответственно, когда он заявил, что желает поговорить со мной наедине, я отнёсся к этому с прохладцей. Одним словом, без особой душевной теплоты. Короче говоря, холодно.

— Итак, Дживз, — сказал я. — Ты хотел меня видеть?

— Да, сэр.

— Я тебя слушаю.

— Благодарю вас, сэр. Я осмелился обратиться к вам, сэр, чтобы сообщить следующее: вчера вечером я посетил местный кинотеатр.

Я поднял бровь. Я был поражён, нет, честное слово. Зная о нервной обстановке в доме и о том, как страдает его молодой господин, он пришёл поболтать со мной о своих развлечениях. Естественно, я не мог стерпеть такого к себе отношения.

— Надеюсь, ты хорошо отдохнул, — несколько раздражённо произнёс я.

— Да, сэр, благодарю вас. Показывали супер-супер фильм в семи сериях о страстях в высшем обществе Нью-Йорка с Бертой Блевич, Орландо Мурфи и Бэби Бобби в главных ролях. Исключительно познавательный фильм, сэр.

— Рад за тебя, — сказал я. — Если ты сегодня от души повеселишься, играя на пляже в песочек, не забудь мне об этом рассказать. Моя жизнь так скучна и однообразна, что я с удовольствием послушаю, как ты проводишь отпуск.

Каков сарказм, вы меня понимаете? Сарказм, лучше не придумашь. Крепкое словечко, в котором чувствуется какая-то горечь, если пораскинуть мозгами.

— Фильм назывался «Крошечные пальчики», сэр. Мать и отец ребёнка, которого играл Бэби Бобби, к несчастью, разошлись...

— Скверно, — сказал я.

— И не видали друг друга до тех пор, пока...

— Дживз, — я неприязненно посмотрел на него. — Зачем, будь оно неладно, ты мне всё это рассказываешь? Неужели ты всерьёз решил, что после того, как на меня свалился этот проклятуший ребёнок, не говоря уже обо всём прочем, мне интересно слушать о...

— Прошу прощения, сэр. Я никогда не осмелился бы докучать вам, если бы кинофильм не навёл меня на одну мысль.

— Мысль!

— Мысль, сэр, которая, надеюсь, поможет нам устроить будущее счастье мистера Булливана. О чём, сэр, если вы не запомнили, вам угодно было меня...

— Дживз! — воскликнул я. — Я был к тебе несправедлив.

— Что вы, сэр.

— Да. Я был к тебе несправедлив. Мне казалось, ты с головой погрузился в удовольствия и плюнул на это дело. Я не имел права сомневаться в тебе, Дживз. Говори, я внимательно тебя слушаю.

Он благодарно мне поклонился. Я ласково ему улыбнулся. И хотя мы не упали друг другу в объятия, каждый из нас понял, что наши отношения стали прежними.

— В супер-супер фильме «Крошечные пальчики», сэр, — сказал Дживз, — мать и отец ребёнка, о чем я уже упоминал, разошлись.

— Разошлись. — Я кивнул. — А дальше?

— Настал день, сэр, когда маленький мальчик заставил их помириться.

— Как?

— Если мне не изменяет память, сэр, он произнёс: «Лазве папотька больсе не любит мамотьку?»

— А потом?

— Их страсть разгорелась с новой силой, сэр. На экране появились сцены — в кино это,

по-моему, называется обратный кадр — их прежней жизни: как они ухаживали друг за другом перед свадьбой, как счастливо провели медовый месяц; затем показали несколько эпизодов из истории любви прошлых веков, а закончился фильм свадебной органной музыкой и пылкими объятиями родителей, на которых ребёнок смотрел с обожанием и слезами на глазах.

— Продолжай, Дживз, — сказал я. — Ты очень интересно рассказываешь, и мне кажется, я начинаю улавливать твою мысль. Ты имеешь в виду...

— Я имею в виду, сэр, что с помощью молодого джентльмена, проживающего сейчас в нашем доме, мы смогли бы организовать *devoeuement* подобно сцене из фильма с целью примирить мистера Булливана и мисс Викерс.

— А ты, часом, не забыл, что наш мальчик не имеет к ним ни малейшего отношения?

— Несмотря на эту трудность, сэр, я убеждён, что мы сможем добиться желаемого результата. Мне кажется, если нам удастся на некоторое время свести мистера Булливана и мисс Викерс в присутствии ребёнка, который произнесёт что-нибудь трогательное...

— Ну ты даёшь, Дживз! — вскричал я. — Просто здорово! Верняк! Знаешь, как я себе это представляю? Мы сыграем сцену в гостиной. Мальчик в центре. Девушка *loco citato*, Фредди на заднем плане за фортепьяно. Нет, не пойдёт. Ничего, кроме «Чижика-пыжика», да и то одним пальцем, он играть не умеет, а такая музыка нам не подходит. Ладно, неважно. Смотри, Дживз. Допустим, эта чернильница — мисс Викерс. Эта кружка с надписью «Привет из Мэрвис Бэй» — ребёнок. Этот нож для разрезания бумаги — мистер Булливан. Первым делом мальчик должен что-то сказать. К примеру, он говорит: «Такая класивая девотька не мозет не любить папотьку». Он протягивает руки. Все замирают. Затем Фредди подходит к *loco citato* и робко дотрагивается до плеча девушки. Мы видим, как он плотает комок, застрявший в горле. Затем речь: «Ах, Элизабет, не затянулась ли наша ссора? Смотри! Даже ребёнок укоряет нас!» И так далее, и тому подобное. Сам понимаешь, Дживз, я рисую лишь общую картину. И мы должны придумать для ребёнка что-нибудь особенное. «Такая класивая девотька не мозет не любить папотьку» недостаточно сильно сказано. Нам необходимо...

— Если разрешите предложить, сэр?

— Ну?

— Я бы предложил невинную, но хлётскую фразу, сэр, вроде: «Чмокни Фредди». Коротко, легко запомнить, звучит по-детски наивно и наверняка окажет желаемое действие.

— Ты гений, Дживз.

— Благодарю вас, сэр.

— «Чмокни Фредди». Так и порешим. Но послушай, Дживз, как, разрази меня гром, мы устроим их встречу? Мисс Викерс слышать не хочет о мистере Булливане. Она обходит его за милю.

— Тяжёлый случай, сэр.

— Ладно, разберёмся. Придётся свести их вне дома. Мы запросто прихватим её где-нибудь на пляже. А тем временем займёмся обучением ребёнка.

— Да, сэр.

— Замётано! Первая репетиция завтра в одиннадцать утра.

Бедняга Фредди находился в таком мрачном расположении духа, что я решил ничего ему не говорить, пока мы не доведём ребёнка до нужной кондиции. Если бы бедолага узнал о нашем замысле, он только всё испортил бы. Поэтому мы занялись Пупсиком. И с самого начала нам стало ясно, что заставить Пупсика говорить возможно только с помощью сладкого.

— Основная трудность, сэр, — сказал Дживз после первой репетиции, — заключается в том, что молодой джентльмен пока ещё не осознал связи между фразой, которую он произносит, и последующим вознаграждением в виде лакомства.

— Точно, — согласился я. — Как только до придурка дойдёт, что за два отчётливо произнесённых слова он получит нугу в шоколаде, ему просто удержу не будет.

Я всегда считал, что быть дрессировщиком и наблюдать, как тупые животные постепенно начинают шевелить мозгами, очень интересно. Доложу вам, мы сейчас занимались не менее интересным делом. Иногда нам казалось, что мы добились успеха. Пацан выпаливал фразу, как актёр-профессионал. А затем его опять заедало, и из него слова было не вытянуть. А время шло.

— Мы должны поторопиться, Дживз, — сказал я. — В любой день может приехать его дядя, и тогда наш план рухнет.

— Да, сэр.

— А дублёра у нас нет.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Нам надо работать не покладая рук! Должен тебе сказать, Дживз, я немного разочаровался в ребёнке. За то время, что мы на него потратили, эту фразу смог бы выучить и глухонемой.

Впрочем, я должен отдать мальчику должное: он был тружеником. Если в его поле зрения попадало сладкое, он пытался сказать хоть что-нибудь и не умолкал до тех пор, пока не получал желаемого. Главная беда заключалась в том, что он не был уверен в себе. Несмотря на это, я хотел пригласить основных актёров на сцену, но Дживз сказал «нет».

— Я не советовал бы вам излишне торопиться, сэр. Пока в памяти молодого джентльмена не закрепится нужная фраза, мы сильно рискуем. Сегодня, сэр, если помните, он сказал: «К чёуту Фуэдди». Вряд ли с помощью данных слов удастся завоевать сердце молодой леди, сэр.

— Ты прав, Дживз, — согласился я. — Мы должны подождать.

Но, будь оно всё неладно, оказалось, что ждать мы не могли. Занавес поднялся на следующий день.

* * *

Никто не был виноват, и, уж конечно, не я. Так распорядилась судьба. Дживз вышел за покупками, и я остался дома с Фредди и ребёнком. Фредди уселся за фортепьяно, а я взял малыша за руку и отправился с ним на прогулку. Не успели мы выйти на веранду, как

увидели идущую по пляжу девицу Элизабет. Заметив свою давнишнюю подругу, ребёнок издал радостный вопль, и девушка остановилась.

— Привет, малыш, — сказала она и кивнула мне. — Доброе утро. Можно войти? Ответа она ждать не стала и тут же вбежала по ступенькам на веранду.

Видимо, Элизабет Викерс была ещё из тех девушек. Не обращая на меня внимания, она принялась сюсюкать с ребёнком. И не забудьте, пожалуйста, что в гостиной, в шести футах от нас, Фредди мучил фортепьяно. Ситуация, поверьте Бертраму, была не из приятных. В любую секунду Фредди могло взбрести в голову припереться на веранду, а я даже не объяснил ему, какую роль он должен был сыграть.

Я решил не допустить до трагического развития событий.

— Мы как раз собирались пойти на пляж, — сообщил я девице.

— Да? — рассеянно спросила она и наклонила голову, прислушиваясь. — Вы настраиваете фортепьяно? Моя тётя давно пытается найти настройщика. Вы не возражаете, если я зайду и попрошу его прийти к нам, когда он закончит здесь?

Я вытер лоб.

— Э-э-э, я бы не стал сейчас туда заходить, — сказал я. — Только не сейчас, когда он работает, знаете ли. Нет, лучше не сейчас. Эти парни просто не переносят, когда их отрывают от работы. Артистический темперамент, и всё такое. Я ему сам всё скажу.

— Хорошо. Попросите его зайти в «Бунгало у сосен». Наша фамилия Викерс... О, кажется, он закончил. Должно быть, сейчас выйдет. Я подожду.

— Вам не кажется... вы не хотите прогуляться по пляжу? — спросил я.

Она разговаривала с ребёнком, не обращая на меня ни малейшего внимания, и рылась в своей сумочке.

— Пляж... — пробормотал я.

— Смотри-ка, что у меня есть, малыш, — сказала девица. — Я так и знала, что тебя встречу.

И, разрази меня гром, она потрясла перед носом ребёнка ириской размером с небоскрёб!

Это был конец. Мы только что закончили репетировать, и ребёнок работал, как вол, стараясь ничего не напутать. Он не ошибся и сейчас.

— Чмокни Фуэдди! — завопил он.

И в этот момент дверь распахнулась, и Фредди вышел на веранду, словно он наконец-то дождался своего часа.

— Чмокни Фуэдди! — взвизгнул ребёнок.

Фредди уставился на девушку. Девушка уставилась на Фредди. Я уставился в пол. Ребёнок уставился на конфету.

— Чмокни Фуэдди! — взвыл он. — Чмокни Фуэдди!

— Что это значит? — спросила девушка, поворачиваясь ко мне.

— Лучше не дразните его, — посоветовал я. — Он, знаете ли, не остановится, пока вы не отдадите ему конфету.

Она сунула ему ириску, и он заткнулся. Фредди, несчастный осёл, стоял с отвалившейся нижней челюстью и молчал.

— Что это значит? — повторила девушка. Лицо её покраснелось, а в глазах появился огонёк, который, знаете ли, заставляет парня почувствовать, что его режут на маленькие кусочки. Да, должен вам признаться, Бертраму показалось, что из него сделали отбивную.

Вам никогда не приходилось во время танцев наступать своей даме на платье — само собой, я говорю о тех временах, когда женщины носили платья такой длины, что на них можно было наступить, — и слышать треск рвущейся материи, и видеть, как дама ангельски тебе улыбается со словами: «Пожалуйста, не извиняйтесь. Какие пустяки», а затем смотрит на тебя невинными голубыми глазами, и ты ощущаешь, что наступил на вилы, а рукоятка подпрыгнула и изо всей силы ударила тебя по физиономии. Ну вот, примерно таким взглядом одарила меня девица Элизабет.

— Я вас слушаю, — сказала она и отчётливо лязгнула зубами.

Я судорожно сглотнул слюну. Затем я сказал: «Ничего». Затем я сказал: «Ничего особенного». Затем я сказал: «Видите ли, дело в том...» — и всё ей объяснил. И пока я говорил, идиот Фредди продолжал стоять с отвисшей нижней челюстью и молчать. Ни единого слова не вымолвил этот болван с тех пор, как появился на сцене.

Девушка тоже молчала. Она слушала меня, не перебивая.

А потом она расхохоталась. Я никогда не слышал, чтобы девушки так смеялись. Она прислонилась к стене веранды и визжала от хохота. Фредди, чемпион глухонемых придурков, продолжал стоять, как истукан.

Я потихоньку начал спускаться по ступенькам. По-моему, сценарий требовал, чтобы я незаметно удалился. Относительно Фредди я больше не питал никаких надежд. Если бы бедный дурачок догадался сказать хоть что-нибудь, положение ещё можно было бы исправить. Но он словно воды в рот набрал.

На пляже я встретил Дживза, возвращавшегося с покупками.

— Дживз, — сказал я, — всё пропало. Наш план рухнул. Бедняга Фредди оказался ни на что не годен и провалил спектакль.

— Вот как, сэр? А что произошло?

Я рассказал ему, как было дело.

— Он не сумел сыграть свою роль, — заключил я. — Вместо того, чтобы пылко объясниться ей в любви, он... Великий боже!

За разговором мы незаметно подошли к нашему коттеджу, у которого столпились шестеро детей, няня, двое любопытных, ещё одна няня и мальчишка из бакалейной лавки. Они глядели на веранду, не отрываясь. К месту происшествия, не желая лишиться привлекательного зрелища, неслись ещё пятеро детей, собака, трое мужчин и подросток. А на крыльце, даже не подозревая о зрителях, страстно обнимались Фредди и Элизабет.

— Великий боже! — повторил я.

— Мне кажется, сэр, — сказал Дживз, — что несмотря ни на что, всё закончилось благополучно.

— Да, — согласился я. — Может, Фредди и плохой актер, но своё дело он знает.

— Совершенно справедливо, сэр, — сказал Дживз.

ГЛАВА 9. Бинго Литтл попадает в переплёт

Я промакнул последнюю страницу рукописи и с облегчением откинулся на спинку кресла, чувствуя, что поработал на славу. Я вновь начал перечитывать своё сочинение, напряжённо думая, дополнить его ещё одним абзацем или нет, когда в дверь постучали, и в комнату вошёл Дживз.

— Миссис Траверс на проводе, сэр.

— Да? — рассеянно сказал я, всё ещё занятый, как вы понимаете, своими мыслями.

— Да, сэр. Она передаёт вам привет и интересуется, как продвигается статья, которую вы для неё пишете.

— Дживз, я могу упомянуть о мужском нижнем белье в журнале для дам?

— Нет, сэр.

— Тогда передай ей, что статья готова.

— Слушаюсь, сэр.

— И сразу возвращайся. Я хочу, чтобы ты просмотрел мой труд одним глазком.

Моя тётя Делия, которая издаёт журнал для дам под названием «Будуар миледи», недавно припёрла меня к стенке и заставила пообещать, что я черкну несколько достоверных слов для отдела «Мужья и братья» на тему «Что носит хорошо одетый мужчина». Я считаю, тётушек надо поощрять, когда они того заслуживают, а так как в метрополии таких, как тётя Делия, раз-два и обчёлся, я беспечно согласился ей помочь. Но, даю вам честное слово, если б я только знал, на что подписался, я плюнул бы на это дело, невзирая ни на какие родственные чувства. Мне пришлось вкалывать с утра до вечера, позабыв о сне и покое. Теперь-то мне понятно, почему у всех писателей измученные лица и лысины.

— Дживз, — сказал я, когда он вернулся. — Ты когда-нибудь читал «Будуар миледи?»

— Нет, сэр. Этот журнал мне не попадался.

— Не пожалей шестипенсовика, купи его на следующей неделе. В нём выйдет моя статья о том, что должен носить хорошо одетый мужчина.

— Вот как, сэр?

— Именно так, Дживз. Я считаю, что превзошёл самого себя. Думаю, абзац о носках тебе понравится.

Он взял рукопись, углубился в чтение и улыбнулся мягкой, одобрительной улыбкой.

— Всё, что вы пишете о носках, неоспоримо, сэр.

— Точно выражено, что?

— Вне всяких сомнений, сэр.

Я внимательно за ним следил и увидел — что не было для меня неожиданностью, — как свет в его глазах, если можно так выразиться, погас.

— Дошёл до шёлковых рубашек к вечернему туалету, Дживз? — небрежно опросил я.

— Да, сэр, — ответил он таким тоном, словно лучший друг укусил его за ногу. — И если позволите...

— Ты со мной не согласен?

— Нет, сэр. Категорически не согласен. Шёлковые рубашки с вечерними туалетами не носят, сэр.

— Значит, — сказал я, пытаюсь пронзить его взглядом, — их будут носить, разрази меня гром! Раз уж на то пошло, учти, что я заказал дюжину таких рубашек у «Пибоди и Симза», и

можешь на меня так не смотреть, потому что я непреклонен.

— Если не возражаете, сэр...

— Нет, Дживз, — сказал я, поднимая руку. — Спорить бесполезно. Никто больше меня не уважает твоего мнения о носках, галстуках и — я пойду ещё дальше — пиджачных парах, но когда дело доходит до рубашек к вечерним туалетам, тебя подводит отсутствие воображения. Ты недалновиден. У тебя реакционный, предвзятый взгляд. Синий чулок, вот ты кто. Если тебе интересно, могу сообщить, что, когда я был в Ле Тукэ, как-то вечером в казино зашёл принц Уэльский, щеголяя именно шёлковой рубашкой, и ничем иным.

— Его королевское высочество, сэр, может позволить себе определённую вольность, в то время как в вашем случае...

— Нет, Дживз, — твердо сказал я, — спорить бессмысленно. Когда мы, Вустеры, непреклонны, мы, э-э-э, непреклонны, и говорить тут не о чем.

— Слушаюсь, сэр.

Я видел, что малый травмирован до глубины души, и, конечно, разговор получился тяжёлым и неприятным; но, сами понимаете, иногда надо проявить характер. В конце концов, раб человек или не раб? Вот в чём вопрос, вот к чему всё сводится.

Прижав Дживза к ногтю, я переменял тему разговора.

— У меня к тебе ещё один вопрос, — сказал я. — Ты случайно не знаешь каких-нибудь горничных?

— Вам требуется горничная, сэр?

— Не мне, а мистеру Литтлу. Пару дней назад я встретил его в клубе, и он сказал, что миссис Литтл готова щедро заплатить тому, кто подыщет ей горничную с гарантией, что у неё легкая рука на фарфор.

— Вот как, сер?

— Да. Та, что работает у них сейчас, колотит *objets d'art*, словно она тайфун, самум или сирокко.

— Мне известны многие горничные, сэр. Одних я знаю близко, с другими просто знаком.

— Вот и покопайся в своих старых приятельницах. А теперь — шляпу, трость, ну и всё остальное. Я пошёл относить статью.

Контора, где располагался журнал «Будуар миледи», находилась в здании на одной из скромных улочек неподалёку от Ковент Гарден; и не успел я подойти к двери, пробравшись мимо ящиков с капустой и помидорами, как из неё вышла не кто иная, как миссис Литтл. Она тепло приветствовала меня, как и подобает приветствовать друга семьи, хотя я не навещал их целую вечность.

— Как тебя занесло в эти края, Берти? Никогда не думала встретиться с тобой восточнее Лейкерстерской площади.

— Я принёс статью для тёти Делии. Она издатель журнала «Будуар миледи», а её контора находится в этом здании на втором этаже.

— Какое совпадение! Я только что пообещала написать для её журнала статью!

— Откажись, пока не поздно, — от всей души посоветовал я. — Ты просто представить себе не можешь, какой адский труд... Ох, господи, я совсем забыл. Тебе ведь это раз плюнуть.

Глупо, конечно, с моей стороны. Малыш Бинго Литтл, если помните, женился на знаменитой романистке, Розе М. Бэнкс, авторе несусветной чепухи, которая была очень

популярна и расходилась массовым тиражом. Естественно, написать какую-то жалкую статью ей ничего не стоило.

— Да, меня это не затруднит, — сказала она. — К тому же твоя тётя подсказала мне блестящую идею.

— Прекрасно. Кстати, я разговаривал с Дживзом насчёт горничной. Он обещал кого-нибудь тебе подыскать.

— Спасибо, Берти. Кстати, что ты делаешь завтра вечером?

— Свободен, как пташка.

— Тогда приходи к нам на обед. Я пригласила твою тётю, и она надеется, что уговорит прийти твоего дядю. Я очень хотела бы с ним познакомиться.

— Спасибо. С удовольствием приду.

Я не кривил душой. Может, в доме Литтлов было туго с горничными, но с поварами они затруднений не испытывали. Где-то, когда-то, как-то повелительница Бинго откопала француза, обладающего сверхъестественными способностями. Потрясающий повар: одно его *raguot* чего стоило. Старина Бинго прибавил не меньше десяти фунтов с тех пор, как Анатоль появился у них на кухне.

— Жду тебя ровно в восемь.

— Замётано. Ещё раз спасибо за приглашение.

Она упорхала, а я поднялся наверх, чтобы отдать экземпляр — как мы, журналисты, его называем — рукописи. Когда я вошёл, тётя Делия сидела, зарывшись в бумаги по уши.

По правде говоря, я не очень-то жалую своих родственников, но тётя Делия была исключением. Она вышла замуж за моего дядю Тома — между нами, жуткого брюзгу — в тот год, когда «Василёк» выиграл скачки в Кембриджшире, и помню, не успели они сойти со ступенек церкви, как я сказал сам себе: «Эта женщина слишком хороша для старого хрыча». У тётки Делии большая, добрая душа, какие бывают у заядлых охотников. К слову сказать, прежде чем выйти замуж за дядю Тома, она почти не вылезала из седла, но он не пожелал жить в загородном доме, поэтому сейчас тётя Делия с головой ушла в издание своего журнала.

Когда я вошёл, она вынырнула из своих бумаг и приветливо на меня посмотрела.

— Привет, Берти. Послушай, неужели ты действительно закончил статью?

— До последней запятой.

— Пай-мальчик! Могу поспорить, ты всё там переврал.

— А вот и нет. Если хочешь знать, статья получилась, что надо, даже Дживз её одобрил. Правда, он немного поспорил со мной насчет шёлковых рубашек, но я тебе точно говорю, это последний крик моды. Скоро весь высший свет Лондона будет надевать их по торжественным случаям.

— Этот твой Дживз, — тётя Делия выкинула какую-то статью в корзинку для бумаг, — ни на что не годный старый пень. Можешь ему передать, что я так сказала.

— Перестань, тётя Делия, — возразил я. — Он, конечно, не дока в шёлковых рубашках, но...

— Я говорю о другом. Прошла целая неделя с тех пор, как я попросила его подыскать мне хорошего повара, а от него ни ответа, ни привета.

— Боже всемогущий! Разве Дживз бюро по найму прислуги? Только что я встретил миссис Литтл, которая просила его найти ей хорошую горничную. Кстати, она сказала, что пишет для тебя статью.

— Слава богу, да. Я очень надеюсь, это позволит мне продать тираж. Лично я не могу читать её белиберду, но почти все женщины от неё в восторге. Думаю, с её именем на обложке журнал расхватают. А нам нужны деньги.

— «Будуар миледи» не пользуется успехом?

— Может, и пользуется, но его плохо покупают.

— Мне кажется, тебе должно повезти.

— Хорошо бы мне удалось убедить в этом твоего дядю Тома, когда у него наступит минута просветления, — сказала тётя Делия, выкидывая очередную статью в корзинку для бумаг. — В последнее время на старого оболтуса напала хандра. А всё из-за этой мымры, которая называет себя поварихой. Ещё два-три её мнимых обеда, и Том откажется платить по типографским счетам.

— Ты шутишь!

— Если бы! Вчера вечером она приготовила *gis de veau a la tenaciere*, после чего он три четверти часа говорил о выкинутых на ветер деньгах.

Я прекрасно понимал тётю Делию и очень ей сочувствовал. Мой дядя Том заработал на Востоке огромную кучу денег, но при этом вконец испортил себе пищеварение и поэтому был непредсказуем. Очень часто он садился за стол весёлый, как птичка, и щебетал вплоть до рыбных блюд, а когда подавали сыр, неожиданно синел, зеленел и становился зол, как чёрт.

Как звали того типа, книги которого меня заставляли изучать в Оксфорде? Шип... Шоп... Шопенгауер. Да, именно так. Брюзга, не приведи господи. Так вот, когда желудочный сок дяди Тома обжигал ему рёбра, он мог дать этому самому Шопенгауеру сто очков форы. И самое страшное — с точки зрения тёти Делии, — в эти минуты он считал, что находится на грани банкротства, и начинал на всём экономить.

— Тяжёлый случай, — сказал я. — Как бы то ни было, завтра ему обеспечат хороший обед у Литтлов.

— Ты мне это гарантируешь, Берти? — взволнованно спросила тётя Делия. — Я просто не могу рисковать идти с ним в гости, если его накормят там какой-нибудь дрянью.

— У них сказочный повар. Правда, я не заходил к ним пару месяцев, но если он не потерял своей формы, дядя Том запомнит этот обед на всю свою жизнь.

— И разозлится ещё больше, когда вернётся домой к подгоревшим бифштексам,

— сказала тётя Делия тоном, вновь напомнившим мне о Шопенгауере.

* * *

Маленькое гнёздышко, которое свили себе Бинго и его жена, находилось в «Лесу Святого Иоанна», где у них был небольшой аккуратный домик, окружённый садом. Когда на следующий вечер я постучал к ним в дверь, оказалось, что я пришёл последним. Тётя Делия болтала с Розы в углу, а дядя Том стоял с Бинго у камина, потягивая коктейль с таким подозрительным видом, словно он был в гостях у Цезаря Борджиа и прекрасно понимал, что, если его не отравят на этот раз, всё равно скоро его песенка будет спета.

Впрочем, я не ожидал от дяди Тома *joie de vivre*, поэтому не обратил на него особого

внимания. Но мрачное лицо Бинго меня поразило. Знаете, малыш никогда не блистал достоинствами, но по крайней мере я не припомню, чтобы он на кого-нибудь наводил тоску. Когда Бинго был холостяком, его дела не всегда шли успешно, тем не менее он всегда оставался жизнерадостным. А сейчас они с дядей Томом стоили друг друга. Бинго выглядел измождённым и измученным, совсем как Борджиа, который внезапно вспомнил, что с минуты на минуту прозвучит гонг на обед, а он совсем забыл сдобрить цианистым калием *consomme*.

И загадка не разрешилась после единственной фразы, которую Бинго произнёс перед тем, как беседа стала общей. Наливая мне коктейль, он внезапно наклонился и лихорадочно прошептал:

— Берти, мне необходимо с тобой увидеться. Дело жизни и смерти. Я зайду к тебе завтра утром.

Больше он ничего не успел сказать, так как в эту минуту нас пригласили на пир богов, и я позабыл обо всём на свете, потому что бесподобный Анатолий, воодушевлённый тем, что пришли гости, превзошёл самого себя.

Поверьте, в делах такого рода я никогда не сужу поспешно. Прежде чем высказать своё мнение, я тщательно всё взвешиваю. Тем не менее я готов повторить, что Анатолий в самом деле превзошёл самого себя. Такой вкуснятины я давно не пробовал, что же касается дяди Тома, он ожил, как увядший цветок после поливки. Когда мы садились за стол, он высказал о правительстве мнение, которое правительству явно пришлось бы не по душе. После *consomme pate d'Italie* он сказал, что в настоящее время ничего иного от правительства нельзя ожидать, а отведав *panpiettes de sole a la princesse*, признался, что правительство, по крайней мере, нельзя винить в плохой погоде. Потом он принялся за *caneton Aylesbury a la broche* и стал разглагольствовать о том, что в крайнем случае мог бы оказать правительству поддержку.

И всё это время Бинго сидел как сыч и молчал. Конец света!

Я размышлял о том, что с ним стряслось, пока шёл домой. Я надеялся, он не притащится плакать мне в жилетку спозаранку. У бедолаги был такой вид, словно он собирался вломиться в мою квартиру не позже пяти утра.

Когда я вернулся к себе, Дживз меня ждал.

— Хороший был обед, сэр? — спросил он.

— Восхитительный!

— Рад слышать, сэр. Почти сразу после того, как вы ушли, вам звонил мистер Джордж Траверс. Он настоятельно просил вас поехать с ним в Харроугэйт, сэр. Его поезд отходит завтра утром.

Мой дядя Джордж, обжора и выпивоха каких мало, любит пускаться во все тяжкие, а в результате Харроугэйт или Бакстон вечно висят над ним как этот-как-его меч. Ко всему прочему, он терпеть не может ездить на воды в одиночестве.

— Это невозможно, Дживз, — сказал я. — Дядю Джорджа трудно вынести даже в Лондоне, и я не собираюсь развлекать его на лечебном курорте.

— Он настаивал, сэр.

— Нет, — твёрдо сказал я. — Мне нравится помогать людям, но дядя Джордж... нет, и ещё раз нет! Я имею в виду, что?

— Слушаюсь, сэр, — сказал Дживз.

Мне стало тепло на душе, когда я услышал, каким тоном он произнёс эти слова. Малый

постепенно становился ручным, абсолютно ручным. А всё почему? Я вовремя прижал его к ногтю с шёлковыми рубашками.

* * *

Когда на следующее утро ко мне пришёл Бинго, я уже выпил чай и был готов его принять. Дживз впустил малыша в спальню, и он тут же присел на краешек кровати.

— Доброе утро, Берти, — сказал он.

— Доброе утро, старина, — вежливо ответил я.

— Не уходи, Дживз, — загробным голосом произнёс Бинго. — Подожди.

— Сэр?

— Останься. Постой. Побудь с нами. Ты мне нужен.

— Слушаюсь, сэр.

Бинго закурил сигарету и мрачно уставился на обои.

— Берти, — сказал он, — произошла катастрофа. Если ничего не предпринять, причём в срочном порядке, моё имя будет смешано с грязью и я никогда не посмею показаться в Вест-Энде Лондона.

— Святые угодники и их тётушка! — воскликнул я, поражённый до глубины души.

— Вот именно. — На сей раз Бинго засмеялся утробным смехом. — Все мои неприятности от твоей проклятущей тётушки.

— Какой именно? Говори конкретно, старина. У меня их много.

— Миссис Траверс. Той самой, которая издаёт этот свинский журнал.

— Ох нет, старина, это ты маленько загнул, — запротестовал я. — Она — единственная приличная тётя, которая у меня есть. Ты со мной согласен, Дживз?

— Должен признаться, у меня сложилось такое же впечатление, сэр.

— В таком случае избавься от него, — решительно заявил малыш Бинго. — Эта женщина — угроза обществу, разрушительница семейного очага и просто чума. Ты знаешь, что она сделала? Заставила Розы написать статью в свой помойный листок.

— Знаю. Ну и что?

— А ты знаешь о чём?

— Нет. Кажется, Розы говорила, что тётя Делия подала ей какую-то блестящую идею.

— Обо мне!

— О тебе?

— Да, обо мне! Обо мне! А знаешь, как называется статья? Она называется: «Как я сберегла любовь моего мужа-малютки».

— Моего кого?

— Мужа-малютки!

— Кто такой муж-малютка?

— По всей видимости, я, — с горечью сказал Бинго. — То, что там написано, элементарные правила приличия не позволяют мне повторить даже такому старому другу, как ты. Это непристойная история об интимных семейных отношениях, от которых женщины придут в полный восторг. В ней говорится о Розе и обо мне и о том, как она себя

ведёт, когда я прихожу домой в плохом настроении, и так далее, и тому подобное. Говорю тебе, Берти, я до сих пор краснею, когда вспоминаю второй абзац.

— А что в нём особенного?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос. Но можешь мне поверить, хуже не бывает. Никто так не любит Розы, как я; она прекрасная, разумная женщина в обыденной жизни, но стоит ей усесться перед диктофоном, она становится до ужаса сентиментальной. Берти, эта статья не должна появиться на свет!

— Но...

— Если она выйдет, мне придётся отказаться от всех своих клубов, отрастить бороду и стать отшельником. Я не смогу больше показаться на людях.

— Послушай, старина, а ты не преувеличиваешь? — спросил я. — Дживз, тебе не кажется, что он преувеличивает?

— Видите ли, сэр...

— Я преуменьшаю, — мрачно заявил Бинго. — Я слышал эту пакость, а ты — нет. Вчера вечером перед обедом Розы включила диктофон, и я чуть с ума не сошёл, когда аппарат стал выдавать одну фразу хуже другой. Если статья появится, все мои друзья засмеют меня до смерти. Берти, — хрипло сказал он, снизив голос до шёпота, — у тебя воображение не богаче, чем у кабана, но даже ты можешь себе представить, как отреагируют Джимми Боулз и Таппи Роджерс, не говоря уже о других, когда прочтут в журнале, что я «полубог, полудитя, капризное и избалованное».

Воображение меня не подвело.

— Неужели она так сказала? — в ужасе воскликнул я.

— Слово в слово. И учти, я привел в пример единственное её выражение, которое в состоянии произнести вслух.

Я поправил одеяло. Бинго был моим другом много лет, а я никогда не бросаю друзей в беде.

— Дживз, — спросил я, — ты всё слышал?

— Да, сэр.

— Положение серьёзное.

— Да, сэр.

— Мы должны помочь.

— Да, сэр.

— У тебя появилась какая-нибудь идея?

— Да, сэр.

— Как?! Уже?

— Да, сэр.

— Бинго, — сказал я. — Солнце всё ещё светит. У Дживза появилась идея.

— Дживз, — произнёс Бинго дрожащим голосом. — Если ты сможешь мне выпутаться из этой истории, проси у меня чего хочешь, и ещё полцарства впридачу.

— Решить данный вопрос, сэр, — сказал Дживз, — очень легко благодаря той миссии, которую возложили на меня сегодня утром.

— Что ты имеешь в виду?

— Перед тем, как я подал вам завтрак, сэр, миссис Траверс позвонила по телефону и поручила мне уговорить повара мистера Литтла отказаться от места у мистера Литтла и перейти к ней на службу. Она сообщила, что мистер Траверс был так восхищён искусством

месяе Анатоля, сэр, что полночи говорил не умолкая о его сверхъестественных способностях.

Из горла малыша Бинго вырвался мучительный крик.

— Что?! Эта... эта стервятница хочет умыкнуть нашего повара?

— Да, сэр.

— После того, как она ела у нас хлеб-соль? Проклятье!

Дживз вздохнул.

— Боюсь, сэр, леди не задумываются о нравственных устоях, когда рѣчь идет о поварах.

— Постой, Бинго, — сказал я, чувствуя, что малыш собирается разразиться речью. —

Какое отношение имеет повар миссис Литтл к её статье?

— Видите ли, сэр, я по опыту знаю, что леди не прощают друг другу, когда одна из них переманивает хорошего повара у другой. Я убеждён, что, если мне удастся выполнить поручение миссис Траверс, отношения между нею и миссис Литтл мгновенно испортятся. Не вызывает сомнений, что миссис Литтл рассердится на миссис Траверс и категорически откажется печататься в её журнале. Таким образом, мы не только окажем услугу миссис Траверс, но также не позволим статье увидеть свет. Это называется поймать двух зайцев, если вы позволите употребить данное выражение, сэр.

— Само собой, Дживз, употребляй его сколько влезет, — добродушно сказал я. — Тем более, что придумал ты просто замечательно. Один из лучших твоих планов.

— Да, но послушай, знаешь ли, — проблеял малыш Бинго. — Я имею в виду... старина Анатоля... я имею в виду, ну, в общем, сам понимаешь, таких, как он, больше нет.

— Олух царя небесного, если б таких было много, у нас ничего бы не вышло.

— Да, но я имею в виду, мне его будет недоставать, знаешь ли. Ужасно недоставать.

— Великие небеса! — вскричал я. — Ты хочешь сказать, что в такое время думаешь о своём брюхе?

Бинго тяжело вздохнул.

— Ох, ну хорошо, — сдался он. — Должно быть, это тот самый случай, когда без хирургического вмешательства не обойтись. Хорошо, Дживз, действуй. Да, действуй, Дживз. Да, да, Дживз, действуй. Я найду завтра утром, и ты расскажешь мне, как идут дела.

И он ушёл с опущенной головой.

* * *

На следующее утро он явился ни свет ни заря. По правде говоря, он пришёл в такой до неприличия ранний час, что Дживз категорически отказался меня разбудить. К тому времени как я проснулся и был в состоянии принимать гостей, они с Дживзом обо всём переговорили на кухне, и когда Бинго бочком вошёл ко мне в спальню, я сразу понял, что у него неприятности.

— Всё отменяется, — сказал он, плюхаясь на кровать.

— Отменяется?

— Я имею в виду план с умыканием повара. Дживз говорит, он беседовал с Анатодем вчера вечером, и Анатоля отказался от нас уйти.

— Надеюсь, у тётки Делии хватило ума предложить ему больше, чем он получает у вас?

— Она была готова заплатить сколько угодно, но тем не менее он не согласился.

Понимаешь, выяснилось, что Анатолий влюблён в нашу служанку.

— У вас нет служанки.

— У нас есть служанка.

— Я никогда её не видел. Позавчера вечером нам прислуживал за столом какой-то тип, смахивающий на провинциального гробовщика.

— Это местный зеленщик, который помогает нам от случая к случаю. Служанка сейчас в отпуске, вернее, была в отпуске до вчерашнего дня. Она вернулась за десять минут до того, как пришёл Дживз, и, насколько я понял, Анатолий так обрадовался, увидев её после долгой разлуки, что не расстался бы с ней, предложи ему станок для печатания денег.

— Но послушай, Бинго, — сказал я, — всё это ерунда. Решение очевидно. Я удивлен, что малый с мозгами Дживза так опростоволосился. Тётя Делия должна нанять служанку вместе с Анатолием, и дело с концом.

— Естественно, я об этом тоже подумал.

— Могу поспорить, что врёшь.

— Нет, не вру.

— Тогда в чём проблема?

— К сожалению, это невозможно. Если твоя тётя наймёт нашу служанку, ей придётся уволить свою, верно?

— Ну и что?

— Если она уволит свою служанку, от неё уйдёт шофёр. Он в неё влюблён.

— В мою тётю?

— Нет, в служанку. А насколько я понял, это единственный шофёр, с которым может ездить твой дядя Джордж, потому что все остальные водят машину неаккуратно.

Я сдался. Я никогда не подозревал, что жизнь низших классов общества так сильно зависит от того, что современные ученые называют сексуальными комплексами. Слуги и служанки, казалось, объединялись в пары, подобно актёрам на сцене в музыкальной комедии.

— Ох! — сказал я. — Значит, нас связали по рукам и ногам. Похоже, статья всё-таки выйдет, что?

— Нет, не выйдет.

— У Дживза возникла ещё одна идея?

— Нет, зато у меня появился план. — Бинго наклонился ко мне и нежно потрепал меня по колену. — Послушай, Берти, — сказал он. — Мы с тобой вместе учились в школе. Ты помнишь?

— Да, но...

— И ты всегда выручишь друга, если потребуется. Это всем известно, правда?

— Да, но я...

— Ты в лепёшку расшибёшься, чтобы помочь другу. Конечно, расшибёшься. — Он презрительно усмехнулся. — Можно подумать, я в этом хоть на секунду сомневался! Ты никогда не бросишь старого школьного друга в беде. Только не ты. Только не Берти Вустер. Нет, только не он!

— Да, но я хотел бы знать, о каком плане идёт речь.

Бинго нежно помассировал мне плечо.

— Задача как раз по тебе, Берти, ты справишься с ней в два счёта. К слову, ты уже проделал нечто подобное, когда стянул рукопись своего дядюшки в Изби. Я внезапно вспомнил, как ты мне об этом рассказывал, и...

— Эй! Послушай!

— Я всё устроил, Берти. Тебе не о чем беспокоиться. Абсолютно не о чем. Теперь я понимаю, какую мы сделали ошибку, решив идти ненадёжным окольным путем, который предложил Дживз. Куда лучше действовать напрямик, без всяких там экивоков. Поэтому...

— Да, но послушай...

— Поэтому сегодня я иду с Розы на дневной спектакль. Я оставлю окно её кабинета открытым. Пока нас не будет дома, ты заберёшься внутрь, стащишь бобину с плёнкой и спокойно уйдёшь. До смешного просто.

— Да, но...

— Я знаю, что ты хочешь спросить, — заявил Бинго, поднимая руку. — Где находится плёнка, верно? Можешь не беспокоиться. Тебе не придётся её искать. Совсем не придётся. Она лежит в левом верхнем ящике письменного стола. Ящик не будет заперт, потому что машинистка Розы должна прийти в четыре часа, чтобы перепечатать статью.

— А теперь послушай, Бинго, — твёрдо сказал я. — Я, конечно, очень тебе сочувствую, и всё такое, но я категорически отказываюсь становиться грабителем.

— Но, прах побери, я прошу тебя сделать не более того, что ты сделал в Изби!

— Ничего подобного. Я жил в Изби. Мне только и пришлось, что забрать бандероль со стола в холле. Я не залезал в чужой дом. Прости, но я не стану грабить твой дурацкий кабинет ни за какие коврижки!

Он посмотрел на меня удивлённо и обиженно.

— Неужели это говорит Берти Вустер?

— Вот именно!

— Но, Берти, разве ты забыл, что мы вместе учились в школе?

— Наплевать.

— В школе, Берти. В доброй, старой школе.

— Наплевать. Я не...

— Берти!

— Я не буду...

— Берти!

— Нет!

— Берти!

— Ох, ну ладно, — сдался я.

— Вот теперь, — торжественно провозгласил малыш Бинго, нежно потрепав меня по плечу, — я слышу Бертрама Вустера!

* * *

Не знаю, приходило ли вам когда-нибудь в голову, что сообщения о кражах с взломом должны действовать на людей толковых успокаивающе. Я имею в виду, конечно, если они

заботятся о престиже Великобритании и всё такое. Я хочу сказать, не может быть немощной нация, чьи сыны не останавливаются даже перед кражами со взломом, потому что по собственному опыту знаю: для такой работы нужны железные нервы. Мне кажется, я ходил перед домом Литтлов не менее получаса, прежде чем рискнул юркнуть в калитку и пулей пронестись по саду; после чего я минут десять стоял, прижавшись к стене и недоумевая, почему не слышны полицейские свистки.

В конце концов мне удалось немного успокоиться, и я взялся за дело. Кабинет находился на первом этаже; и, самое главное, большое удобное окно было распахнуто настежь. Я опёрся коленом о подоконник, подтянул вторую ногу, ободрав дюйм кожи на щиколотке, и запрыгнул внутрь. Надеюсь, мне не надо объяснять, что я при этом чувствовал.

Некоторое время я стоял, не шевелясь. Вроде бы всё было тихо. Я остался один на всём белом свете.

Поймите правильно, у меня действительно возникло такое ощущение, причём, должен вам сказать, довольно неприятное. Вы ведь наверняка знаете, как это бывает. Часы медленно тикали на каминной полке, и от равномерного звука мурашки побежали у меня по спине. А над часами висел огромный портрет старика, смотревшего на меня с неприязнью и подозрением. Наверное, это был чей-то дедушка, вот только не уверен, Бинго или Роза. Но кроме дедушки он никем не мог быть, разве что прадедушкой. Стоячий воротничок, казалось, впился в его шею, потому что он откинул подбородок и смотрел на меня вдоль собственного носа, словно хотел сказать: «Ты заставил меня нацепить эту чёртову удавку!»

Итак, до письменного стола было всего несколько шагов, которые мне предстояло сделать по пушистому коричневому ковру; поэтому, призвав на помощь всю силу воли Вустеров и избегая стариковского взгляда, я пошёл вперёд. И в эту минуту передний угол ковра внезапно отделился от остальной его части и чихнул.

Знаете, чтобы повести себя в подобном случае с достоинством, надо быть одним из мужественных, немногословных, флегматичных парней, которые всегда готовы ко всяким неожиданностям. Подобный парень, мне кажется, просто поднял бы бровь, глядя на ковёр, и сказал бы сам себе: «Ах, пекинка! Неплохая собачка!», а затем наверняка наладил бы с ней отношения, чтобы добиться от неё сочувствия и моральной поддержки. Должно быть, я принадлежу к поколению нервных молодых людей, о которых так много пишут в газетах, потому что, как выяснилось через секунду, я не был мужественным флегматиком. К сожалению, безмолвным я тоже не был. Обуреваемый вполне понятными чувствами, я завопил как резаный и отпрыгнул в сторону фута на четыре, после чего мне показалось, что в комнате разорвалась бомба.

Зачем писательнице нужен в кабинете столик, на котором стоят ваза, две фотографии под стеклом, блюдце, лаковая шкатулка и горшочек с ароматичной жидкостью из цветочных лепестков, этого я не знаю; но он там стоял, и я сбил его правым бедром, откинув к стене. На мгновение мне показалось, что весь мир состоит из осколков стекла и фарфора. Несколько лет назад, когда я умотал в Америку, чтобы не встречаться с тётёй Агатой, которая имела на меня зуб, я, помнится, посетил Ниагарский водопад. Так вот, шума от него было столько же, сколько от упавшего столика, а может, чуть-чуть поменьше.

И в ту же самую секунду собака залаяла. Она была маленькой собачкой, и, по идее, должна была издавать звуки не громче, чем грифель, шуршащий по бумаге, но, поверьте мне на слово, эта пекинка мало чем отличалась от волка. Она попятилась, прижавшись к стене, выкатила глаза, задрала голову и начала реветь, как паровой котёл.

Знаете, я умею признавать себя побеждённым. Мне было жалко Бинго и не хотелось его подводить, но я чувствовал, что пришла пора улепётывать. «Отступай, Бертрам», — сказал мне внутренний голос. Я бросился к окну и в два счёта спустился в сад.

На тропинке, словно я назначил им здесь свидание, меня ждали полицейский и служанка. Момент был крайне неприятный.

— О, э-э-э, здравствуйте! — сказал я.

Какое — то время они задумчиво на меня смотрели.

— Я ведь говорила вам, что там кто-то есть, — сказала служанка.

Полисмен оглядел меня с ног до головы.

— Что всё это значит? — спросил он.

Я улыбнулся ему своей ангельской улыбкой.

— Понимаете, мне трудно объяснить.

— Понимаю! — сказал полисмен.

— Я, э-э-э, просто зашёл в гости, знаете ли. Старый друг семьи, и всё такое.

— Как вы попали в дом?

— Залез в окно. Сами понимаете, как старый друг семьи, и вообще.

— Вот как? Вы старый друг семьи?

— О, конечно. Конечно. Очень старый. Я старый друг. Да, старый-престарый друг семьи.

— Я никогда в жизни его не видела, — заявила служанка.

* * *

Я неприязненно уставился на девицу. Как она могла вдохновить кого-то на любовь к себе, пусть даже французского повара, было выше моего понимания! Нет, я не назвал бы её уродиной, поймите меня правильно. Вовсе нет. Быть может, встретиться я с ней в иной обстановке и при других обстоятельствах, она показалась бы мне хорошенькой. Но сейчас я был убеждён, что в жизни не встречал более неприятной женщины.

— Да, — сказал я. — Вы никогда меня не видали. Но я старый друг семьи.

— Тогда почему вы не позвонили в дверь?

— Я никого не хотел беспокоить.

— Мне платят за то, чтобы я открывала входную дверь, и это не может меня беспокоить, — заявила служанка, демонстрируя свою добродетель, и без всякой причины повторила. — Я никогда в жизни его не видела.

Ужасная девица.

Внезапно меня осенило.

— Вот что, — сказал я, — гробовщик может подтвердить, что он меня знает.

— Какой гробовщик?

— Деятель, который прислуживал за столом два дня назад, когда я здесь обедал.

— Шестнадцатого числа сего месяца, — сказал полисмен, глядя на служанку,

— гробовщик прислуживал у вас за столом во время обеда?

— Конечно, нет!

— По крайней мере он сильно смахивал на... разрази меня гром, вспомнил! Это был зеленщик.

— Шестнадцатого числа сего месяца, — забубнил полисмен (чванливый осёл),

— зеленщик...

— Да, прислуживал, — перебила его служанка. Вид у неё был недовольный и растерянный, как у тигрицы, которая неожиданно поняла, что добычу увели у неё из-под носа. Затем она просияла: — Этот парень запросто мог узнать о зеленщике от соседей.

Не девица, а кобра какая-то.

— Как вас зовут? — спросил полисмен.

— Видите ли, вы не будете, так сказать, против, если я не назову вам своего имени, потому что...

— Дело ваше. Вам придётся назвать его мировому судье.

— Ох, нет, знаете ли, будь оно неладно!

— Пройдёмте со мной.

— Но послушайте, правда, я ведь старый друг семьи, и всё такое. Убей меня бог, вспомнил! В гостиной есть моя фотография. Вот, теперь сами убедитесь!

— Да, если она там есть.

— Я никогда её там не видела, — заявила служанка.

Я определённо возненавидел эту девицу.

— Вы бы её видели, если бы добросовестно вытирали пыль, — сурово сказал я. Мне хотелось её как следует проучить, разрази меня гром!

— В обязанности служанки не входит вытирать пыль в гостиной. — Она высокомерно фыркнула.

— Да, — с горечью сказал я, — наверное, в обязанности служанки входит всюду рыскать, за всеми подглядывать, совать свой нос куда не надо и вообще, э-э-э, терять время, прохладяясь в саду с полисменами, вместо того чтобы заниматься своими делами.

— В обязанности служанки входит открывать входную дверь посетителям. Тем, которые не лазят в окна.

Я почувствовал, что проигрываю спор, и решил её умиротворить.

— Дорогуша, — сказал я, — давайте не будем опускаться до вульгарной ссоры. Я лишь пытаюсь вам втолковать, что в гостиной имеется моя фотография, и хотя я не знаю, кто стирает с неё пыль, она, надеюсь, докажет всем и каждому, что я являюсь старым другом семьи. Вы согласны, сержант?

— Да, если она там имеется.

— Конечно, имеется. Можете не сомневаться, что имеется.

— Что ж, пойдём посмотрим.

— Вот это по-мужски, дорогой мой полисмен, — одобрительно сказал я.

* * *

Гостиная находилась на первом этаже, а моя фотография стояла на столике у камина. Только, надеюсь, вы поймёте меня правильно, её там не было. Я хочу сказать, камин стоял

на месте, и столик стоял на месте, но моей фотографии и след простыл. Фотография Бинго — да. Фотография его дяди, лорда Биттлхэма, — вне всяких сомнений. Фотография миссис Бинго, три четверти, с нежной улыбкой на устах, — безусловно. Но фотография, хотя бы отдалённо напоминающая Бертрама Вустера, — нет и ещё раз нет.

— Хо-хо! — сказал полисмен.

— Но я видел её здесь два дня назад, разрази меня гром!

— Хо-хо, — повторил полисмен, словно пьяный запевала в комической опере.

— Хо-хо!

— Кто вытирает здесь пыль? — спросил я, поворачиваясь к служанке.

— Только не я.

— Я не говорил, что вы её вытираете. Я спросил, кто это делает.

— Естественно, горничная. Мэри.

— Вот именно. Так я и думал. Так я и предполагал. Мэри, сержант, печально известна всему Лондону как разбивальщица номер один. Она колотит всё подряд направо и налево. На неё все жалуются. Наверняка она разбила стекло на моей фотографии и, не желая честно, по-мужски в этом признаться, куда-нибудь её засунула.

— Хо-хо! — сказал полисмен, видимо всё ещё изображая из себя пьяного запевалу.

— Спросите её. Сходите к ней и спросите.

— Пусть она сходит, — сказал полисмен, кивая служанке, — если вам от этого полегчает.

Девушка фыркнула и вышла из гостиной, бросив на меня через плечо вредительский взгляд. По-моему, она тоже сказала «хо-хо». А затем наступило нечто вроде затишья перед бурей. Полицейский занял стратегическую позицию у дверей, перегородив их своими широкими плечами, а я начал бездумно слоняться по комнате: взад, вперёд, вправо, влево и из угла в угол.

— Чего это вам неймётся? — недовольно спросил полисмен.

— Ищу фотографию. Может, её поставили на другое место.

— Хо-хо!

И вновь наступило затишье перед бурей. Внезапно я увидел, что стою у окна, и, клянусь своими поджилками, оно было открыто снизу на шесть дюймов. Мир показался мне таким весёлым и праздничным; солнце светило, птички щебетали и... В общем, я не стану утверждать, что я — человек сообразительный, но внутренний голос словно опять прошептал мне: «Отступай, Бертрам». Я незаметно ухватился за скользящую раму и рванул её вверх. В следующее мгновение, пролетев между небом и землёй, я угодил в лавровый куст.

Из окна высунулось сердитое красное лицо. Я вскочил на ноги и затрусил к калитке.

— Эй! — крикнул мне вдогонку полисмен.

— Хо-хо! — ответил я, прибавляя скорость.

— Никогда, — сказал я сам себе, поймав такси и удобно расположившись на заднем сидении. — Никогда в жизни я больше не свяжусь с малышом Литтлом.

Примерно то же самое, только в значительно более резких выражениях, я высказал Дживзу, сидя в гостиной и потягивая виски с содовой, чтобы хоть немного успокоиться.

— Никогда, Дживз! — сказал я. — Никогда в жизни!

— Видите ли, сэр...

— Нет, никогда!

— Видите ли, сэр...

— Что ты заладил одно и то же? Как прикажешь тебя понимать?

— Видите ли, сэр, мистер Литтл очень настойчивый молодой человек, а у вас, если позволите, сэр, мягкий, уступчивый характер.

— Не думаешь ли ты, что у малыша Бинго хватит наглости втравить меня ещё в какую-нибудь непристойную историю?

— К сожалению, сэр, это весьма вероятно.

Я быстро скинул ноги с каминной полки и вскочил с кресла, задрожав с головы до ног.

— Дживз, что ты мне посоветуешь?

— Мне кажется, перемена обстановки окажет на вас благотворное действие, сэр.

— Ты считаешь, я должен дать дёру?

— Очень метко сказано, сэр. Почему бы вам не поменять своего решения, сэр, и не присоединиться к мистеру Джорджу Траверсу в Харроугэйте?

— Ну, знаешь!

— Там вы будете в полной безопасности от посягательств мистера Литтла, сэр.

— Возможно, ты прав, Дживз, — задумчиво произнёс я. — Да, вероятно, ты прав. Сколько миль от Харроугэйта до Лондона?

— Двести шесть, сэр.

— Да, я думаю, ты прав. Сегодня туда идёт какой-нибудь поезд?

— Да, сэр. Вы с лёгкостью на него успеете.

— Ладно, Дживз. Уложи меня на скорую руку.

— Чемодан упакован, сэр.

— Хо-хо! — сказал я.

* * *

Чудно, конечно, но, если задуматься, Дживз всегда оказывается прав. Провожая меня на станцию, он попытался исправить мне настроение, уверяя, что я не буду скучать в Харроугэйте, и, разрази меня гром, он не ошибся. Отправляясь на лечебный курорт, я совсем упустил из виду, что буду находиться в самой гуще типов, проходящих курс лечения, в то время как мне не придётся этого делать. Вы даже представить себе не можете, какое глубокое чувство удовлетворения я испытывал.

Возьмём, к примеру, дядю Джорджа. Лекаришка, обстукав старикана со всех сторон, категорически запретил ему пить любые спиртные напитки и, кроме того, велел каждое утро в половине девятого ходить на холм в зал для питья минеральной воды и принимать двенадцать унций тёплого солевого раствора опици магна. Может, это звучит безобидно,

но, судя по разговорам, я сделал вывод, что данное пойло соответствует коктейлю из двух прошлогодних тухлых яиц, взбитых в стакане морской воды. А мысль о том, что дядя Джордж, не дававший мне проходу, когда я был ребёнком, поглощает эту гадость и при этом вынужден каждый день вставать с постели в четверть девятого, была исключительно приятна и действовала на меня благотворно.

В четыре часа пополудни он снова трусил на холм, чтобы повторить лечение, а вечером мы обедали вместе, и я потягивал вино, откинувшись на спинку кресла, и слушал, как он кроет минеральную воду почём зря. Короче говоря, на жизнь мне жаловаться не приходилось.

Как правило, мне удавалось днём сопровождать дядю Джорджа и наблюдать за тем, как он глотает причитающуюся ему дозу. Мы, Вустеры, ничем не отличаемся от других и тоже любим повеселиться. Однажды, в середине второй недели, когда я, по обыкновению, стоял с ним рядом, наслаждаясь бесплатным представлением, женский голос назвал меня по имени. Я обернулся и увидел тётю Делию.

— Привет! — сказал я. — Что ты здесь делаешь?

— Я приехала вчера с Томом.

— Том будет проходить курс лечения? — спросил дядя Джордж, с надеждой глядя на неё поверх стакана со своей отравой.

— Да.

— Ты тоже?

— Да.

— Ах! — сказал дядя Джордж, счастливо улыбаясь и допивая последние капли жидкости. Затем он нас покинул, чтобы по предписанию врача пройтись быстрым шагом перед массажем.

— Я думал, ты не можешь надолго оставить свой журнал, — сказал я и, поражённый приятной мыслью, неожиданно пришедшей мне в голову, добавил: — Он не лопнул?

— Лопнул? Конечно, нет! Сейчас за ним присматривает одна моя приятельница. «Будуар миледи» крепко стоит на ногах. Том дал мне несколько тысяч и обещал подкинуть ещё, а мне удалось купить права на серийный выпуск книги леди Бэблукхит «Честные воспоминания моей долгой жизни». Берти, это то, что надо. Пальчики оближешь. Не сомневаюсь, тираж журнала удвоится, а с половиной самых известных людей в Лондоне случится истерика.

— О! — сказал я. — Значит, дела у тебя пошли в гору, что? Я имею в виду, теперь ты напечатаетшь не только статью миссис Литтл, но и «Честные воспоминания».

В эту минуту тётя Делия пила жидкость, от которой пахло, как от прохудившейся газовой трубы, и я подумал, что лицо её перекосила гримаса из-за неприятных ощущений во рту. Я ошибся.

— Не упоминай при мне имени этой женщины, Берти! — сказала она. — Пренеприятнейшая особа!

— Но мне казалось, вы были подругами.

— В прошлом. Представляешь, она категорически отказывается отдать мне свою статью...

— Что?!

— ...только по той причине, что она якобы на меня обиделась, когда её повар ушёл от неё и поступил ко мне на службу.

— Анатолий от неё ушёл? — спросил я. — А как же служанка?

— Берти, приди в себя. Ты бредишь. Какая служанка?

— Но ведь насколько я знаю...

— Могу поспорить, ты ничего толком не знаешь. — Она поставила стакан и облегчённо вздохнула. — Слава богу! Одно меня утешает, теперь я смогу посмотреть, как эту гадость будет пить Том. Бедняга, он так ненавидит минеральную воду! Но я его развеселю. Напомню, что, вылечившись, он сможет кушать любые блюда Анатолия. И должна тебе сказать, Берти, его кухня стоит того, чтобы подлечиться. Этот человек — великий мастер. Неудивительно, что миссис Литтл так кипит. Она не имела права мне отказывать из-за того, что наши личные отношения испортились. По крайней мере продать свою статью ей не удастся, потому что это была моя идея, и у меня есть тому свидетели! Если миссис Литтл попытается напечатать её в другом журнале, я подам на неё в суд и смешаю с... А говоря о... что-то Том задерживается. Ему давно пора пить серную воду.

— Но послушай...

— Да, кстати, Берти, — сказала тётя Делия. — Я забираю обратно свои слова о Дживзе. Если помнишь, я тогда отозвалась о нём довольно резко. Исключительно способный мальчик!

— Дживз?

— Да. Он вёл все переговоры. Очень ловко у него получилось. И можешь не сомневаться, он не остался внакладе. Я лично за этим проследила. Я очень ему признательна. Сам посуди, если сейчас Том отвалил мне две тысячи и даже не поперхнулся, что будет, когда Анатолий начнёт регулярно для него готовить? Он будет подписывать мне чеки во сне.

Я поднялся на ноги. Тётя Делия попыталась уговорить меня остаться и посмотреть, как дядя Том пьёт воду, уверяя, что такого зрелища я ещё никогда не видел, но я не мог ждать. Быстро вернувшись в гостиницу, я оставил дяде Джорджу прощальную записку и уехал на следующем поезде в Лондон.

* * *

— Дживз, — сказал я, смыв с себя пыль и копоть от долгого путешествия, — расскажи мне честно, что произошло. Будь так же честен, как леди Бэбллокхит.

— Сэр?

— Если ты её не знаешь, то и не надо. Объясни, как тебе удалось всё это повернуть. Когда я уезжал, Анатолий любил служанку — один бог знает за что!

— до такой степени, что категорически отказывался уходить от миссис Литтл. Ну, что случилось дальше?

— Должен признаться, сэр, что первое время я был в растерянности. Затем, к счастью, мне удалось сделать одно важное открытие.

— Какое именно?

— Видите ли, сэр, я случайно разговорился с горничной миссис Траверс и, вспомнив, что миссис Литтл просила меня подыскать ей именно такую прислугу, спросил у девушки, не желает ли она уйти от миссис Траверс и получить более высокооплачиваемое место у

миссис Литтл. Горничная согласилась, и, повидавшись с миссис Литтл, я сообщил ей, что выполнил её просьбу.

— А в чём заключалось твоё важное открытие?

— В том, сэр, что горничная в недалёком прошлом работала у одних господ вместе с Анатодем. А Анатоде, сэр, как положено у французов, вскружил ей голову. Насколько я понял, их отношения зашли так далеко, что они собирались пожениться, но в одно прекрасное утро Анатоде исчез, не оставив адреса, и девушка больше его не видела. Вы, конечно, догадались, сэр, что такой поворот событий значительно облегчил мою задачу. Девушка больше не испытывала к Анатоде чувства привязанности, но мысль о том, что он будет находиться под одной крышей с двумя женщинами, одну из которых он бросил, а вторую...

— Святые угодники и их тётушка! — воскликнул я. — Это всё равно, что выгнать из норы кролика, запустив туда хорька!

— Принцип тот же, сэр. Анатоде ушёл от миссис Литтл и поступил на службу к миссис Траверс через полчаса после того, как узнал, что скоро ему предстоит встретиться со своей старой знакомой. Непостоянный человек, сэр. Впрочем, как все французы.

— Дживз, — сказал я, — это супергениально!

— Вы очень добры ко мне, сэр.

— А что говорит мистер Литтл?

— По-моему, он остался мной доволен, сэр.

— Если перейти на язык цифр, он...

— Да, сэр. Двадцать фунтов. В прошлую субботу ему повезло на скачках.

— Моя тётя сказала, что она...

— Да, сэр. Очень великодушно с её стороны. Двадцать пять фунтов.

— Великий боже, Дживз! Ты загрёб кучу денег!

— Благодарю вас, сэр, я значительно увеличил свои сбережения. Миссис Литтл была так добра, что подарила мне десять фунтов за то, что я подыскал ей такую хорошую горничную. А потом мистер Траверс...

— Дядя Том?

— Да, сэр. Он тоже был очень щедр, без ведома миссис Траверс. Ещё двадцать пять фунтов. И мистер Джордж Траверс...

— Только не говори мне, что дядя Джордж тоже тебе заплатил! За что, будь оно неладно?

— Трудно сказать, сэр, но я получил от него чек на десять фунтов. Кажется, у него сложилось впечатление, что благодаря мне вы уехали в Харроугэйт, сэр.

Я уставился на малого, позабыв закрыть рот.

— Ну, раз все словно сговорились, — произнёс я в конце концов, — мне придётся к ним присоединиться. Держи пятёрку.

— О, благодарю вас, сэр. Это необычайно...

— Мизерная сумма по сравнению с той, которую ты получил.

— Что вы, сэр.

— Тем не менее, бери.

— Большое спасибо, сэр. Я поднялся на ноги.

— Сейчас уже поздно, — сказал я, — но мне всё-таки хочется немного пройтись. Забегу ненадолго в ресторан. После двух недель в Харроугэйте я хочу развеяться.

— Да, сэр. Я распакую ваш чемодан.

— Кстати, Дживз, — спросил я. — Мне принесли шёлковые рубашки от Пибоди и Симза?

— Да, сэр. Я отослал их обратно.

— Обратно?!

— Да, сэр.

Я посмотрел на него. Понимаете, что я имею в виду? Я имею в виду, что толку?

— Ох, ну хорошо, — сказал я. — Давай обычную, накрахмаленную.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Дживз.

ГЛАВА 10. Берти меняет своё решение

В течение последних нескольких лет молодые люди, желающие овладеть моей профессией, так часто обращались ко мне за советом, что мне пришлось изложить свою систему в сжатой формуле. «Изобретательность и тактичность» — вот мой девиз. Тактичность, естественно, всегда была для меня *sine qua non*; что же касается изобретательности, мне обычно удавалось с достаточной долей *finesse* разрешать те небольшие *contretemps*, которые время от времени неизбежно возникают в жизни личного слуги джентльмена. В пример я могу привести вам эпизод, происшедший в Школе для молодых леди неподалёку от Брайтона; а история эта началась, можно сказать, однажды вечером, когда я принёс мистеру Вустеру виски с содовой, а он заговорил со мной необычайно раздражённым тоном.

Последние несколько дней мистер Вустер — как правило, человек беззаботный — находился в дурном расположении духа. Впрочем, я отнёс его плохое настроение за счёт гриппа, от которого он не совсем ещё оправился. Я продолжал исправно исполнять свои обязанности, не обращая внимания на его недовольный вид, когда однажды вечером, о чем я уже упомянул, он обратился ко мне необычайно раздражённым тоном.

— Будь оно всё проклято, Дживз, — сказал он, сверкая глазами. — По крайней мере ты мог бы для разнообразия поставить поднос на другой столик?

— Сэр?

— Каждый вечер, пропади всё пропадом, — мрачно продолжал мистер Вустер, — тыходишь ко мне в одно и то же дурацкое время с одним и тем же дурацким подносом и ставишь его на один и тот же дурацкий столик. От этого омерзительного однообразия я чувствую себя омерзительно!

Должен признаться, его слова меня насторожили. Когда джентльмены, в чьём услужении я раньше находился, начинали разговаривать подобным образом, это практически всегда означало, что они задумываются о женитьбе. Поэтому я не стану скрывать, что поведение мистера Вустера меня обеспокоило. Мне не хотелось прерывать нашу связь, столь приятную во многих отношениях, а по собственному опыту я знал, что, когда жена входит с парадного входа, камердинер холостяка выходит с заднего.

— Ты, конечно, не виноват, — продолжал мистер Вустер, несколько успокаиваясь. — Я тебя ни в чем не упрекаю. Но, разрази меня гром, я имею в виду, ты должен понять... я хочу сказать, последние несколько дней я много думал, Дживз, и пришёл к выводу, что жизнь моя пуста. Я одинок, Дживз.

— У вас много друзей, сэр.

— Что толку в друзьях?

— Эмерсон, — напомнил я ему, — говорит, что друга можно рассматривать как венец творения, сэр.

— Когда в следующий раз увидишь Эмерсона, можешь ему передать от меня, что он осёл.

— Слушаюсь, сэр.

— Нет, Дживз, мне нужно... ты видел пьесу как-она-там-называется?

— Нет, сэр.

— Она идет на сцене этого-как-его там. Я был там вчера вечером. Главный герой —

весёлый малый, который порхает туда-сюда, и всё такое, а затем откуда ни возьмись появляется ребёнок и заявляет, что она его маленькая дочурка, которая появилась на свет в первом акте, когда он об этом ничего не знал. Ну, сам понимаешь, все начинают шуметь и говорить: «Как так?», а он говорит: «Что?», а ему говорят: «Что, что?», а он говорит: «Ладно, пусть будет так!», а потом он забирает малышку и повсюду её за собой таскает. И знаешь что, Дживз, я позавидовал этому малому. Маленькая девочка была такой симпатичной, и доверчивой, и очень трогательно не отходила от отца ни на шаг. Я имею в виду, он теперь мог о ком-то заботиться. Как бы я хотел, чтобы у меня была дочка! Ты случайно не знаешь, что для этого надо сделать?

— Насколько мне известно, сэр, предварительно вам необходимо жениться.

— Нет, нет, ты меня не понял. Я хочу удочерить малышку. Ты ведь знаешь, Дживз, девочек удочеряют. Мне хотелось бы уточнить, какие шаги следует для этого предпринять.

— По-моему, сэр, процедура очень длительна и сложна. Она отнимет у вас всё свободное время.

— Ну, тогда я вот что сделаю. На следующей неделе из Индии возвращается моя сестра с тремя своими дочурками. Я брошу свою квартиру, куплю загородный дом и перееду туда жить вместе с ними. Разрази меня гром, Дживз, а ведь я здорово придумал, что? Весёлое щебетанье детских голосов. Неумолчное топотанье милых детских ножек. Красота!

Я скрыл свою тревогу, но мне пришлось приложить максимум усилий, чтобы сохранить *sang froid*. То, что собирался сделать мистер Вустер, означало конец нашей спокойной холостяцкой жизни, и другой на моем месте наверняка выразил бы своё недовольствие. Я не сделал такой ошибки.

— Если позволите, сэр, — предположил я, — мне кажется, вы ещё не совсем оправились после болезни. Простите, что осмеливаюсь высказывать своё мнение, но я считаю, вам необходимо несколько дней отдохнуть у моря. Я порекомендовал бы вам Брайтон.

— Ты хочешь сказать, я рехнулся и не соображаю, что говорю?

— Что вы, сэр. Я лишь посоветовал вам ненадолго отправиться в Брайтон, чтобы поправить своё физическое здоровье.

Мистер Вустер задумался.

— Знаешь, может, ты и прав, — в конце концов пробормотал он. — Я действительно чувствую себя не самым лучшим образом. Ладно, Дживз, собери мои пожитки и отвези меня завтра туда на машине.

— Слушаюсь, сэр.

— Вернусь как новенький, и мы сразу займёмся детскими ножками, и всё такое.

— Совершенно справедливо, сэр.

По крайней мере я получил отсрочку, и мне стало легче на душе. Тем не менее я понимал, что для разрешения наступившего кризиса потребуется всё моё искусство. Мистер Вустер был настроен весьма решительно, а такое с ним случалось крайне редко. Последний раз он проявил подобное упрямство, когда, несмотря на моё явное неодобрение, стал носить фиолетовые носки. Однако мне удалось успешно выйти из того затруднительного положения, и я не сомневался, что рано или поздно найду приемлемый выход из ситуации, создавшейся сейчас. В этом отношении хозяева похожи на лошадей. Их необходимо держать в узде. У одних камердинеров такое умение в крови, у других — нет. Мне, слава богу, жаловаться не приходится.

Пребывание в Брайтоне доставило мне огромное удовольствие, и я не отказался бы отдохнуть там недельку-другую, но мистер Вустер, всё ещё находясь в нервном состоянии, на третий день приказал мне упаковать вещи и подогнать машину к отелю. Мы отправились обратно в Лондон около пяти часов пополудни, и не успели проехать и двух миль, как я увидел на дороге юную леди, голосующую обеими руками. Нажав на тормоз, я остановил машину.

Мистер Вустер, погружённый в глубокие раздумья, поднял голову.

— Какая муха тебя укусила, Дживз? — спросил он.

— Я увидел юную леди, которая пыталась привлечь наше внимание, посылая сигналы руками, сэр, — ответил я. — Сейчас она спешит к нам по дороге.

Мистер Вустер обернулся.

— Вижу. Наверное, ей хочется, чтобы мы её подбросили.

— Мне тоже так показалось, сэр.

— Какая симпатичная малышка, — сказал мистер Вустер. — Интересно, как она здесь оказалась?

— По-видимому, юная леди прогуливает школьные занятия, сэр.

— Привет-привет! — жизнерадостно воскликнул мистер Вустер, глядя на подошедшее к нам создание. — Ты хочешь, чтобы мы тебя подвезли?

— Ой, а вы можете? — спросила юная особа, просияв от удовольствия.

— Куда тебе?

— Примерно через милю будет поворот налево. Если вы меня там высадите, дальше я сама дойду. Большое, большое вам спасибо. У меня гвоздь в туфле.

Она забралась на заднее сиденье. Курносая молодая особа, с рыжими волосами и ухмылкой до ушей. Ей было лет двенадцать, не больше. Выставив ногу, она наклонилась к нам и принялась болтать.

— Ну и влетит же мне! — невинно сообщила она. — Мисс Томлинсон задаст мне жуткую взбучку.

— Нет, правда? — сказал мистер Вустер.

— Нас отпустили на полдня, и я улизнула в Брайтон, чтобы сходить на пирс в зал игровых автоматов по пенни. Я думала, что успею вовремя вернуться и никто не заметит, но у меня в туфле вылез гвоздь, и теперь мне всыпят по первое число. Ох, — философски заметила она, невольно вызывая к себе уважение, — ничего не попишешь. А какая у вас машина? Санбим? У моего отца Вулсли.

Мистер Вустер явно разволновался. Как я уже говорил, он находился в нервном состоянии и особенно болезненно воспринимал всё, что касалось маленьких девочек. Её печальный рассказ тронул его до глубины души.

— Ну, знаешь ли, это непорядок, — запротестовал он. — Неужели ничего нельзя сделать? Послушай, Дживз, ты не можешь что-нибудь придумать?

— Я не осмелился высказать подобное предположение, сэр, но раз уж вы сами об этом

заговорили, мы смогли бы помочь юной леди. Я думаю, вполне искусной отговоркой послужило бы, сэр, если бы вы проинформировали директора школы, что являетесь старым другом отца юной леди. В этом случае вы могли бы сообщить мисс Томлинсон, что, проезжая мимо школьных ворот, увидели юную леди и решили покатасть её на машине. При подобных обстоятельствах, сэр, мисс Томлинсон либо рассердится на юную леди не слишком сильно, либо вообще не станет на неё сердиться.

— А вы душка! — вскричала юная особа, просияв от удовольствия. И в ту же секунду она наклонилась и чмокнула меня в щёку. К сожалению, она только что ела конфету, и губы у неё были липкие.

— Дживз, это то, что надо! — воскликнул мистер Вустер. — Прекрасный, замечательный план. А теперь скажи мне своё имя и кто твой отец, дитя моё.

— Меня зовут Пегги Мэйнверинг, — сообщила юная особа, — а мой отец — профессор Мэйнверинг. Он написал кучу книг.

— Автор известных философских трактатов, сэр, — объяснил я, позволив себе заговорить несмотря на то, что ко мне не обращались. — Они чрезвычайно популярны, но — пусть юная леди простит меня за дерзость — лично мне многие суждения профессора кажутся эмпиричными. Мы едем в школу, сэр?

— Да. Вперёд, Дживз! Послушай, знаешь о чём я подумал? Мне никогда в жизни не доводилось бывать в школе для девочек.

— Вот как, сэр?

— Наверное, это жутко интересно, Дживз, что?

— Безусловно, сэр.

Мы свернули с дороги, проехали полмили и, следуя указаниям юной особы, миновали большие чугунные ворота и вскоре остановились у дверей огромного, импозантного дома. Мистер Вустер и девочка вошли в школу, и через некоторое время оттуда вышла служанка.

— Вам велено поставить машину сзади у конюшен, — сказала она мне.

— Ах! Значит, всё в порядке? — спросил я. — А где мистер Вустер?

— Мисс Пегги знакомит его со своими подругами. А повар велел вам передать, что вы можете прийти на кухню и выпить стакан чая.

— Очень ему признателен. Скажите, прежде чем поставить машину, могу ли я переговорить с мисс Томлинсон?

Примерно через минуту я очутился в гостиной. Красивая женщина с большой силой воли — так я определил мисс Томлинсон с первого взгляда. Чем-то она напоминала мне тётю мистера Вустера Агату. У неё были такие же пронизательные глаза и повелительный вид.

— Простите меня за смелость, мадам, — обратился к ней я, — но, надеюсь, вы позволите мне сказать несколько слов о моем господине. Наверное, я не ошибусь, предположив, что мистер Вустер мало что рассказал вам о себе.

— Он ничего о себе не рассказал, просто представился как друг профессора Мэйнверинга.

— Он не говорил вам, что он тот самый Вустер?

— Тот самый?

— Бертрам Вустер, мадам.

Должен вам сказать, что, хотя умственные способности мистера Вустера практически равнялись нулю, имя у него было настолько звучное, что невольно вызывало уважение. Оно

как бы предполагало, что за ним стоит Кто-то, в особенности если вам только что сообщили, что человек, его носящий, является другом профессора Мэйнверинга. Естественно, вы не могли сразу сообразить, идёт ли речь о мистере Вустере, знаменитом писателе, или о мистере Вустере, выдающемся мыслителе; но у вас возникало неприятное чувство неполноценности, и поэтому вы, чем показать своё невежество, предпочитали сделать вид, что прекрасно знаете, о ком идёт речь. Мисс Томлинсон, как я и предполагал, многозначительно кивнула.

— О, Бертрам Вустер! — сказала она.

— Он исключительно застенчивый молодой джентльмен, мадам, и никогда в жизни не предложит этого сам, но, хорошо его зная, я не сомневаюсь, что он почтёт за честь, если вы обратитесь к нему с просьбой выступить перед юными леди. Он прекрасный оратор и блестяще говорит экспромтом.

— Прекрасная мысль, — решительно заявила мисс Томлинсон, — и вы очень вовремя мне её подали. Я обязательно попрошу его сказать несколько слов моим девочкам.

— А если он сделает вид — из скромности, — что...

— Я буду настаивать!

— Благодарю вас, мадам. Очень вам признателен. Вы ведь не упомянете о нашем с вами разговоре? Мистер Вустер может решить, что я вмешался не в своё дело.

Я доехал до конюшен и остановился в небольшом дворике. Затем я вышел и посмотрел на машину задумчивым взглядом. Это была хорошая, новая машина в идеальном состоянии, но почему-то у меня возникло такое чувство, что скоро она сломается, причём неисправность окажется такой серьёзной, что починка займёт несколько часов. У каждого могут возникнуть дурные предчувствия.

* * *

Я курил, прислонившись к машине и наслаждаясь тишиной, когда мистер Вустер вошёл во дворик быстрым шагом.

— Нет, нет, не обращай на меня внимания, Дживз, — сказал он, увидев, что я собираюсь выкинуть окурок. — По правде говоря, я пришёл стрельнуть у тебя сигарету.

— Боюсь, у меня дешёвый сорт, сэр.

— Давай какие есть, — несколько нервно произнёс мистер Вустер. Я заметил, что руки у него слегка дрожали, а глаза бегали из стороны в сторону. — Странная история, Дживз. По всей видимости, я потерял свой портсигар. Нигде не могу его найти.

— Мне очень жаль, сэр. В машине его нет.

— Да? Тогда, должно быть, я где-нибудь его обронил. — Он глубоко затянулся. — Забавные создания эти маленькие девочки, Дживз, — заметил он после непродолжительной паузы.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Некоторые даже считают, что они утомительны, э-э-э...

— En masse, сэр?

— Вот-вот. Утомительны en masse.

— Должен признаться, сэр, у меня давно сложилось такое впечатление. В юные годы я начинал свою карьеру, работая посыльным в школе для девочек, сэр.

— Да ну, Дживз? Первый раз слышу. Послушай, а в твоё время, э-э-э, милые проказницы, гм-м-м, тоже непрерывно хихикали?

— Практически не останавливаясь, сэр.

— Должно быть, ты чувствовал себя вроде как старым ослом, что? Не удивлюсь, если они время от времени на тебя пялились, а?

— В школе, где я служил, сэр, юные леди придумали игру, которой они постоянно развлекались, когда к ним в класс приходил какой-нибудь мужчина. Они смотрели на него не моргая и хихикали, а та юная леди, которая заставляла незнакомца покраснеть, получала небольшой приз.

— Ох нет, послушай, Дживз, правда?

— Да, сэр. Они получали огромное удовольствие, проводя время подобным образом.

— Я никогда не думал, что маленькие девочки такие жестокие.

— Намного беспощаднее мальчиков, сэр.

Мистер Вустер достал платок и вытер лоб.

— Через несколько минут мы будем пить чай, Дживз. Может, после чая мне станет лучше.

— Будем надеяться, сэр.

Но я не питал по этому поводу никаких иллюзий.

* * *

На кухне меня напоили отменным чаем. Тосты тоже были очень вкусными, а горничные оказались милыми девушками, хоть и немногословными. Служанка, которая присоединилась к нам в конце трапезы — после того как окончила подавать на стол господам, — сообщила мне, что мистер Вустер держится нормально, но выглядит несколько возбуждённым. Я вернулся во дворик и только собрался прислониться к машине, как ко мне подошла юная дочь профессора Мэйнверинга.

— Эй! — сказала она, протягивая мне портсигар. — Передайте, пожалуйста, мистеру Вустеру, когда его увидите. Наверное, он выронил его из кармана. Представляете, какая хохма, — продолжала она, не переводя дыхание, — он собирается прочесть нам лекцию.

— Вот как, мисс?

— Мы обожаем лекции. Мы сидим и смотрим на бедняжек, не моргая, пока они не засохнут. В прошлый раз нам попался один тип, который стал икать. Как вы думаете, мистер Вустер будет икать?

— Мы должны надеяться на лучшее, мисс.

— Вот будет хохма, правда?

— Вне всяких сомнений, мисс.

— Ну, мне пора. Я хочу сесть в первом ряду.

И она убежала. Обаятельный ребёнок. С огоньком.

Не успела она уйти, как раздался топот ног и из-за угла выскочил мистер Вустер. Вид у

него был ошарашенный.

— Дживз!

— Сэр?

— Заводи машину!

— Сэр?

— Мы уезжаем!

— Сэр?

Мистер Вустер начал пританцовывать на месте.

— Прекрати стоять как истукан и повторять «сэр?». Говорю тебе, мы уезжаем. Сматываемся! Положение отчаянное! Проклятье, Дживз, знаешь, что случилось? Директорша Томлинсон сейчас выдала мне, что я должен прочесть перед девочками речь! Перед всем выводком, пропади они пропадом! Представляю, как я буду выглядеть на сцене! Заводи машину, Дживз, будь она проклята! Скорее! Не медли!

— Боюсь, это невозможно, сэр. Автомобиль сломался.

У мистера Вустера открылся рот. Глаза его остекленели.

— Сломался?

— Да, сэр. Какая-то неисправность. Возможно, мелкая, но, может быть, придётся повозиться. — Мистер Вустер принадлежал к числу молодых джентльменов, которые умеют водить машину, но абсолютно не разбираются в технике, поэтому я добавил: — Должно быть, не в порядке дифференциал или выхлопная труба.

Я очень привязан к мистеру Вустеру и, должен признаться, глядя на него, я чуть было не отказался от своего плана. Он смотрел на меня в немом отчаянии, которое тронуло бы сердце самого закоренелого преступника.

— Тогда я погиб! А может... — внезапно в его глазах появился слабый луч надежды. — Как ты думаешь, Дживз, я успею улизнуть и добраться до шоссе пешком?

— Боюсь, вы опоздали, сэр, — незаметным кивком головы я указал на высокую фигуру мисс Томлинсон, уверенным шагом приближавшуюся к мистеру Вустеру сзади.

— Ах, вот вы где, мистер Вустер!

Он выдавил из себя жалкую улыбку.

— Да, э-э-э, я здесь.

— Мы ждём вас в зале.

— Но, послушайте, я... я... не совсем знаю, что говорить.

— О, всё, что угодно, мистер Вустер. Всё, что вы сочтёте нужным. Будьте весёлым и непринуждённым.

— Весёлым и непринуждённым?

— Можете рассказать им несколько забавных анекдотов из вашей биографии. Но в то же время не забывайте о нравоучительности. Помните, мои девочки стоят на пороге жизни и рады будут услышать что-нибудь ободряющее, полезное, поощрительное, что бы запомнилось на долгие годы. Впрочем, вы сами прекрасно знаете, что им надо, мистер Вустер. Пойдёмте. Мои питомицы вас ждут.

Ранее я уже говорил об изобретательности и о том, какую роль она играет в жизни личного слуги джентльмена. Это качество особенно необходимо, если вы намерены не отставать от событий, в которых вам не положено принимать участия. Слишком много интересного происходит за закрытыми дверями, и личный слуга джентльмена, если он не хочет оставаться в стороне, должен развивать свою сообразительность, чтобы иметь возможность стать если не зрителем, то по крайней мере слушателем, когда ему нужно получить определённую информацию. Я презрительно отношусь к несолидному, вульгарному методу подслушивания у замочных скважин и, никогда не опускаясь так низко, обычно нахожу способ находиться в курсе дел.

В данном случае это не составило особого труда. Большой зал находился на первом этаже, а так как погода стояла прекрасная, двухстворчатые окна были распахнуты настежь. Незаметно встав за колонной на веранде, я не только слышал, но и видел всё, что происходило. И, должен вам сказать, я очень рад, что не пропустил этого зрелища. Мистер Вустер превзошёл сам себя.

Мистер Вустер — молодой джентльмен, обладающий всеми достоинствами, кроме одного. Я не имею в виду ум, потому что для слуги умный господин нежелателен. Качество, о котором я говорю, трудно определить словами, но, возможно, его следует назвать умением справляться с нестандартными ситуациями. Когда происходит что-либо неожиданное, мистер Вустер сразу теряется, а потом начинает жалко улыбаться и таращить глаза. В нём нет Величия. Я часто жалел, что не могу наделить его хотя бы частью *savior fair*, которой обладал мой бывший господин, мистер Монтегю-Тодд, известный финансист, в настоящее время отбывающий срок в тюрьме. Я знавал людей, врывавшихся к мистеру Тодду с намерением отхлестать его кнутом и через полчаса выходявших из кабинета с весёлым смехом и одной из его сигар в зубах. Для мистера Тодда не составило бы ни малейшего труда произнести речь перед залом, битком набитым юными леди; более того, я думаю, что под конец он убедил бы их вложить все деньги, выданные им на карманные расходы, в одно из его многочисленных предприятий; но для мистера Вустера предстоящее испытание было хуже каторги. Он бросил на молодых особ быстрый взгляд, увидел, что они уставились на него не моргая, и тут же отвёл глаза и принялся дёргать себя за рукав. Его можно было сравнить разве что с молодым человеком, который добровольно вызвался помогать фокуснику и не знал, куда ему деться, когда из его шляпы стали доставать кроликов, а из ушей — яйца.

Мисс Томлинсон произнесла короткое вступительное слово.

— Девочки, — сказала она. — Некоторые из вас уже познакомились с мистером Вустером, мистером Бертрамом Вустером, и все вы, надеюсь, знаете, кто он такой. — С сожалением должен отметить, что после этих слов мистер Вустер засмеялся каким-то ужасающим, неприличным смехом и, поймав на себе взгляд мисс Томлинсон, покраснел как рак. Мисс Томлинсон продолжала. — Он был так добр, что согласился сказать вам несколько напутственных слов перед своим отъездом, и я не сомневаюсь, что вы выслушаете их с должным вниманием. А сейчас начали.

Она взмахнула правой рукой, и мистер Вустер, по всей видимости решив, что последняя фраза относится к нему, откашлялся и начал говорить. Но, как оказалось, мисс Томлинсон обратилась к девочкам, которые по её сигналу как одна встали с мест и затянули нечто вроде песни. К счастью, я помню её слова, хотя мотив вылетел у меня из головы.

Вам сердечный привет!
Вам сердечный привет!
Вам сердечный привет, дорогой наш гость!
Сердечный привет,
Сердечный привет,
Вам сердечный привет!
Вам сердечный привет!
Вам!

Широта диапазона показалась мне неограниченной, и я бы не сказал, что юные особы пели дружно. Каждый ребёнок пытался спеть предложение как можно скорее, а затем стоял и ждал, когда его догонят остальные. Это было необычное представление, и лично мне оно показалось довольно весёлым. Мистер Вустер, однако, выглядел потрясённым до глубины души. Он отступил на несколько шагов и вытянул вперёд руку, словно защищаясь от нападения. Затем рёв в зале стих и наступила мёртвая тишина. Мисс Томлинсон сверкнула на мистера Вустера глазами, и он моргнул, несколько раз сглотнул слюну и семенящей походкой вышел вперёд.

— Дело в том, знаете ли... — сказал он.

Затем ему, видимо, показалось, что подобное обращение не отвечает требованиям этикета.

— Леди...

Серебристый смех в первом ряду вновь заставил его умолкнуть.

— Девочки! — произнесла мисс Томлинсон. Она сказала это тихим, мягким голосом, но шум в зале мгновенно прекратился. Я не могу не отметить, что, несмотря на поверхностное знакомство с мисс Томлинсон, я восхищался этой женщиной как никакой другой. У неё была хватка.

Мне кажется, мисс Томлинсон к этому времени разобралась в ораторских способностях мистера Вустера и пришла к выводу, что на пылкие речи он не способен.

— Возможно, — сказала она, — в связи с поздним временем и занятостью мистера Вустера он просто даст вам небольшой совет, который вы сможете использовать в будущей жизни, а затем мы споём гимн школы и начнём вечерние занятия.

Она посмотрела на мистера Вустера. Он засунул палец за воротничок рубашки.

— Совет? Будущая жизнь? Что? Ну, я не знаю...

— Какое-нибудь короткое наставление, мистер Вустер, — твёрдо сказала мисс Томлинсон.

— Ох, ну ладно... да, ладно... Ну... — Больно было смотреть, как мистер Вустер мучается, стараясь хоть что-нибудь придумать. — Тогда я расскажу вам одну шутовину, которая здорово пригодилась мне в жизни, только учтите, об этом мало кто знает. Мой дядя Генри подкинул мне эту идею, когда я приехал в Лондон. «Запомни, мой мальчик, — сказал он, — если встанешь у кабачка Романо, ты увидишь часы на здании суда на Флит-стрит. Мало кто этому верит, потому что по дороге стоит пара церквух, но это так. Ты сможешь выиграть кучу денег, заключая пари с ребятами, которые ещё не в курсе дела!» И, клянусь своими поджилками, он оказался прав! Я не забыл его наставления и выиграл не один фунт...

Мисс Томлинсон сухо откашлялась, и он умолк, не закончив фразы.

— Возможно, мистер Вустер, — холодно сказала она, — будет лучше, если вы расскажете моим девочкам какой-нибудь забавный, нравоучительный анекдот из вашей биографии. То, что вы говорили, безусловно, крайне интересно, но...

— О, э-э-э, конечно, — сказал мистер Вустер. — Анекдот? Анекдот? Не знаю, вы уже слышали о священнике и девице лёгкого поведения?

— А сейчас мы споём школьный гимн, — сказала мисс Томлинсон, поднимаясь со стула. Она была похожа на айсберг.

Я не стал дожидаться, когда юные леди закончат пение. Мне казалось, мистеру Вустеру скоро потребуются машина, поэтому я вернулся во дворик и приготовился ко всяким неожиданностям.

Ждать мне пришлось недолго. Через несколько минут мистер Вустер выбежал из-за угла. Мистер Вустер не относится к числу людей, которые умеют скрывать свои чувства. Напротив, по его лицу можно прочесть всё, что с ним случилось. Он был для меня раскрытой книгой и сказал именно то, что я ожидал услышать.

— Дживз, — хрипло выкрикнул он, — ты уже починил этот проклятый автомобиль?

— Только что, сэр. Я работал над ним, не покладая рук.

— Тогда, ради всего святого, поехали!

— Но, насколько я понял, вы должны выступить перед юными леди, сэр.

— Уже! — воскликнул мистер Вустер, моргая с необычайной быстротой. — Уже выступил!

— Надеюсь, успешно, сэр?

— О, конечно. Несомненно. Грандиозный успех. Как по маслу. Но, э-э-э, нам пора. Мне не хочется быть назойливым, что?

— Безусловно, сэр.

Я сел за руль и собрался включить зажигание, когда раздались чьи-то голоса. Видимо, мистер Вустер тоже их услышал, потому что он с удивительной ловкостью заскочил в машину, и, обернувшись, я увидел, как он закрывается ковром, лёжа на полу между сиденьями. Какое-то мгновение из-под ковра торчал его умоляющий глаз, потом и он исчез.

— Вы не видели мистера Вустера, мой милый?

Мисс Томлинсон зашла во дворик в сопровождении особы, которая, судя по её произношению, была француженкой.

— Нет, мадам.

Француженка что-то пробормотала на своём родном языке.

— Что-нибудь случилось, мадам? — спросил я.

Мисс Томлинсон, будь она в обычном настроении, никогда не стала бы обсуждать свои дела с личным слугой джентльмена, даже если она ему симпатизировала. То, что она ответила мне не задумываясь, показывало, в какое возбуждённое состояние привели её события последнего часа.

— Да, случилось. Мадемуазель только что обнаружила, что несколько моих девочек курили в кустах. Когда их допросили, они сознались, что сигареты им дал мистер Вустер. — Она резко повернулась. — Наверное, он в саду или в доме. Мне кажется, этот человек — сумасшедший. Пойдёмте, мадемуазель.

Должно быть, прошло не меньше минуты, прежде чем мистер Вустер высунул голову из-под ковра, как черепаха из панциря.

— Дживз!

— Сэр?

— Заводи машину! Вперёд! Езжай и не останавливайся. Скорее!

Я включил зажигание.

— Я не могу ехать быстро, сэр, пока мы находимся на территории школы, — сказал я. — Мы можем задавить одну из юных леди, сэр.

— Почему тебя это беспокоит? — недовольно спросил мистер Вустер.

— Или мисс Томлинсон.

— Не надо, — мечтательно сказал мистер Вустер. — Не дразни меня, Дживз.

* * *

— Дживз, — сказал мистер Вустер. Прошла неделя, и я, как обычно, принёс ему вечером виски с содовой. — Жизнь прекрасна.

— Сэр?

— Прекрасна и удивительна, если хочешь знать. Я имею в виду, глядишь на часы и гадаешь, вовремя или не вовремя ты принесёшь доброе старое виски, а затем тыходишь с подносом, всегда вовремя, ни на минуту не опоздав, и ставишь поднос на столик, и уходишь, а на следующий вечер... Я имею в виду, начинаешь чувствовать уверенность в себе. Очень успокаивает. Вот именно. Успокаивает.

— Да, сэр. Кстати...

— Ну?

— Вы уже подыскали удобный загородный дом, сэр?

— Дом? В каком смысле дом?

— Вы дали мне понять, сэр, что намерены бросить квартиру и купить загородный дом, чтобы жить там со своей сестрой и тремя её дочурками.

Мистер Вустер задрожал с головы до ног.

— Отменяется, Дживз, — сказал он.

— Слушаюсь, сэр, — ответил я.

Пэлем Гринвел Вудхауз
Так держать, Дживз!

Pelham Grenville Wodehouse. Very good, Jeeves!

1930

Пер. М. И. Гилинского

ГЛАВА 1. Дживз и неотвратимость судьбы

Не стану скрывать, что в то утро я уселся завтракать с тяжёлым сердцем. Дело в том, что сегодня мне предстояло отправиться на три недели в загородный особняк тёти Агаты в Уллэм Черси в Херефордшире. Мы, Вустеры, обладаем железной волей, и внешне я был абсолютно спокоен, но в душе моей затаился страх.

— Дживз, — сказал я, — сегодня утром мне невесело.

— Вот как, сэр?

— Да, Дживз. Совсем невесело. Так невесело, что дальше некуда.

— Мне очень жаль, сэр.

Он снял крышку с тарелки, и моему взору предстала весьма аппетитная яичница с беконом, в которую я угрюмо ткнул вилкой.

— Почему, — вот о чём я всё время себя спрашиваю, Дживз, — почему моя тётя Агата ни с того ни с сего пригласила меня погостить в свою усадьбу?

— Не могу сказать, сэр.

— Только не потому, что она меня любит.

— Нет, сэр.

— Всем известно, что тётя Агата терпеть меня не может, так как считает, что во всех её неприятностях виноват я один. Сам не знаю почему, но как только наши пути пересекаются, если так можно выразиться, проходит совсем немного времени, прежде чем я совершу какой-нибудь жуткий промах, после чего она, так сказать, начинает гоняться за мной с топором. В результате тётя Агата считает меня жалким, ничтожным червём. Я прав или нет, Дживз?

— Безусловно, сэр.

— И тем не менее сейчас она категорически настаивает, чтобы я плюнул на все свои дела и примчался к ней в Уллэм Черси. Должно быть, она задумала что-то злое, Дживз. Теперь ты понимаешь, почему я невесел?

— Да, сэр. Простите, сэр, по-моему, к нам пришли. Звонок в дверь, сэр.

Он исчез, а я ещё раз мрачно ткнул вилкой в яичницу с беконом.

— Телеграмма, сэр, — сказал Дживз, материализовавшись у моего локтя.

— Вскрой её, Дживз, и прочти вслух. От кого она?

— Телеграмма не подписана, сэр.

— Ты хочешь сказать, в конце нету имени?

— Именно это я и имел в виду, сэр.

— Дай посмотреть.

Я пробежал телеграмму глазами. Более чудного сообщения я в жизни не получал. Именно чудного, другого слова мне не подобрать.

Текст был следующий:

«Помни когда сюда приедешь жизненно важно ты меня не знаешь»

Мы, Вустеры, не отличаемся большой сообразительностью, в особенности за завтраком, и я почувствовал, как у меня тупо заломило затылок.

— Что это значит, Дживз?

— Не могу сказать, сэр.

— Тут написано «когда сюда приедешь». Куда сюда?

— Обратите внимание, сэр, что телеграмма отправлена из Уллэм Черси.

— Ты абсолютно прав. Из Уллэм, как ты справедливо заметил, Черси. Это нам кое о чём говорит, Дживз.

— О чём, сэр?

— Понятия не имею. Как ты думаешь, могла тётя Агата отправить эту телеграмму?

— Вряд ли, сэр.

— И опять ты прав. Тогда мы можем с уверенностью утверждать только одно: неизвестная личность, проживающая в Уллэм Черси, считает жизненно важным, что я её не знаю, Так, Дживз?

— Не могу сказать, сэр.

— Однако, если взглянуть на дело другими глазами, с какой стати я должен её знать?

— Совершенно справедливо, сэр.

— Значит, нам остается надеяться, что эта загадочная история со временем прояснится.

Мы будем терпеливо ждать, и рано или поздно тайное станет явным.

— Я не смог бы выразиться точнее, сэр.

Я прикатил в Уллэм Черси около четырёх и нашёл тётю Агату в её логове. Она писала письма, и, насколько я её знал, письма агрессивные с ругательными постскриптумами. Когда она меня увидела, лицо её не озарилось радостью.

— А, это ты, Берти.

— Да, это я.

— У тебя нос испачкан.

Я полез в карман за платком.

— Хорошо, что ты приехал рано. Я хочу поговорить с тобой, прежде чем ты встретишься с мистером Филмером.

— С кем?

— С мистером Филмером, членом кабинета министров. Он у меня гостит. Даже ты должен был слышать о мистере Филмере.

— Ах да, конечно, — сказал я, хотя, честно признаться, понятия не имел, что он за птица. Занимаясь то одним, то другим, я как-то забываю следить за карьерой политических деятелей.

— Я настоятельно прошу, чтобы ты произвёл на мистера Филмера хорошее впечатление.

— Нет проблем.

— Не смей разговаривать таким тоном, словно для тебя нет ничего легче, чем произвести на кого-то хорошее впечатление. Мистер Филмер человек серьёзный, волевой, цельный, а ты один из легкомысленных, никчемных прожигателей жизни, к которым он относится с большим предубеждением.

Суровые слова, — в особенности когда их произносит, так сказать, твоя плоть и кровь, — но вполне в её духе.

— Таким образом, пока ты находишься в моём доме, ты сделаешь всё возможное, чтобы тебя не приняли за никчемного, легкомысленного прожигателя жизни. И прежде всего ты бросишь курить.

— Ох, послушай!

— Мистер Филмер — президент «Антитабачной лиги». Кроме того, тебе придётся воздержаться от употребления алкогольных напитков.

— Ох, проклятье!

— И, помимо всего прочего, будь любезен, не заводи разговоров на темы о барах, бильярдных и актрисах. Естественно, мистер Филмер составит о тебе своё мнение в основном по разговорам.

Я решил прояснить ситуацию.

— Но зачем мне производить на мистера Филмера хорошее впечатление?

— Затем, — сказала моя престарелая родственница, пронзая меня взглядом, — что я настоятельно об этом тебя прошу.

Неостроумный ответ, но по крайней мере она ясно дала мне понять, что говорить нам больше не о чем, и я ушёл от неё, испытывая адские душевные муки.

Решив прогуляться, я вышел в сад и, прах меня побери, первым делом увидел малыша Бинго Литтла, стоявшего ко мне спиной.

Мы с Бинго дружили чуть ли не с пелёнок. Родились мы с разницей в несколько дней в одном и том же местечке под названием Лондон, вместе прошли Итон и Оксфорд, а в зрелые годы от души порезвились в доброй, старой Метрополии. Если кто и мог скрасить весь ужас моего существования в Уллэм Черси, так это Бинго.

Правда, я никак не мог понять, как он здесь очутился. Видите ли, недавно малыш женился на знаменитой писательнице, Розе М.Бэнкс, и когда я видел его в последний раз, собирался ехать с ней в Америку, куда она направлялась, чтобы прочитать курс лекций. Я совершенно четко помнил, что Бинго клял всех на свете, так как из-за поездки вынужден был пропустить скачки в Аскоте.

И тем не менее, хотите верьте, хотите нет, он стоял передо мной собственной персоной. Горя желанием увидеть дружеское лицо, я вскричал сам не свой от восторга:

— Бинго!

Он резко повернулся, и, прах побери, лицо у него было совсем не дружеское. Скорее оно было (это выражение часто употребляется в детективных романах) искажено яростью. Он замахал руками, словно регулировщик на оживлённом перекрестке.

— Шшшш! — прошипел он. — Ты хочешь меня погубить?

— А?

— Разве ты не получил моей телеграммы?

— Так это была твоя телеграмма?

— Естественно, это была моя телеграмма.

— Почему ты не подписался?

— Я подписался.

— Нет, не подписался. Я не понял в ней ни единого слова.

— Но ведь ты получил моё письмо?

— Какое письмо?

— Моё письмо.

— Я не получал твоего письма.

— Значит, я забыл его отправить. Я писал тебе, что устроился гувернёром к твоему кузену Томасу, и что при встрече ты должен сделать вид, будто мы с тобой незнакомы.

— Но почему?

— Если твоя тётя заподозрит, что я твой друг, она в ту же секунду даст мне коленом под одно место.

— Почему?

Бинго поднял брови.

— Почему? Сам посуди, Берти. Если б ты был твоей тётей и знал бы, кто ты есть на самом деле, ты позволил бы типу, оказавшемуся твоим лучшим другом, обучать твоего сына?

В моей бедной черепушке всё помутилось, но в конце концов я с грехом пополам понял, о чём он говорит, и должен был согласиться, что в чём-то он прав. Тем не менее для меня многое осталось неясным.

— Я думал, ты в Америке, — сказал я.

— Как видишь, нет.

— Почему?

— Неважно, почему. Нет, и всё тут.

— Но зачем ты устроился работать гувернёром?

— Неважно, зачем. У меня были на то причины. И я хочу, чтобы ты вбил в свою голову, Берти, — в тот бетон, которым ты пользуешься вместо мозгов, — что никто не должен видеть нас вместе. Твоего омерзительного кузена позавчера застукали в кустах с сигаретой, после чего моё положение стало достаточно шатким, так как твоя тётя заявила, что если б я следил за ним надлежащим образом, этого никогда бы не произошло. Как только она узнает, что я твой друг, меня ничто не спасёт, а я не могу допустить, чтобы меня уволили.

— Почему?

— Неважно, почему.

В этот момент ему, видимо, показалось, что кто-то идёт, потому что он с необычайной живостью прыгнул за лавровый куст. А я отправился к Дживзу, чтобы проконсультироваться у него по поводу происшедших событий и послушать, что он скажет.

— Дживз, — сказал я, входя в спальню, где трудолюбивый малый распаковывал мои чемоданы, — ты помнишь ту телеграмму?

— Да, сэр.

— Её отправил мистер Литтл. Оказывается, он обучает моего кузена Тома.

— Вот как, сэр?

— По правде говоря, я в растерянности. Бинго ни от кого не зависит, если ты понимаешь, что я имею в виду; но разве человек независимый станет по своей воле жить в доме, где обитает тётя Агата?

— Это кажется странным, сэр.

— Более того, разве кто-нибудь по своей воле, ради удовольствия захочет обучать моего кузена Тома, скандально известного пакостника и врага рода человеческого в облике ребёнка?

— Крайне сомнительно, сэр.

— Тут что-то не так, Дживз.

— Совершенно справедливо, сэр.

— И самое жуткое, мистер Литтл считает необходимым обращаться со мной, как с чумным, чтобы не потерять работу. Он отнимает у меня последнюю возможность хоть как-то скрасить моё жалкое существование в этом кошмарном месте, где царит мерзость запустения. Знаешь ли ты, Дживз, что моя тётя запретила мне курить, пока я нахожусь у неё в доме?

— Вот как, сэр?

— И пить тоже.

— Почему, сэр?

— Потому что она желает, — по какой-то причине, мрачной и таинственной, о которой она отказывается мне сообщить, — чтобы я произвёл хорошее впечатление на деятеля, которого зовут Филмер.

— Мне очень жаль, сэр. Однако, как я слышал, многие врачи утверждают, что воздержание полезно для здоровья. Они считают, что никотин и алкоголь нарушают кровообращение и делают сосуды хрупкими.

— Неужели? Так вот, Дживз, когда в следующий раз увидишь своих врачей, передай им от моего имени, что они ослы.

— Слушаюсь, сэр.

* * *

С того дня начался (оглядываясь на достаточно богатое событиями прошлое, я могу смело это утверждать) самый отвратительный период моей жизни.

Испытывая агонию от отсутствия живительного коктейля перед обедом, мучаясь каждый раз, когда мне хотелось спокойно покурить, потому что я был вынужден ложиться на пол и дымить в камин, болезненно вздрагивая при виде тёти Агаты, которая почему-то попадалась мне на каждом шагу, умирая со скуки от разговоров с достопочтенным А. Б. Филмером, я, грубо говоря, дошёл до ручки.

С достопочтенным мы играли каждый день в гольф, и только закусив губу до крови и сжимая руки в кулаки так, что белели костяшки пальцев, я выдерживал эту пытку. В гольф достопочтенный играл хуже не придумаешь, от его высказываний меня мутило, одним словом, мне было жаль себя до слёз. А затем, однажды вечером, когда я переодевался к обеду, ко мне ввалился малыш Бинго и отвлёк меня от моих забот.

Понимаете, дело в том, что мы, Вустеры, забываем о своих несчастьях, когда наши друзья попадают в переделки, а Бинго, судя по его внешнему виду (он был похож на кота, которого ткнули носом в его безобразие и собираются проделать это во второй раз), вляпался в какую-то неприятность по уши.

— Берти, — сказал он, усаживаясь на кровать и угрюмо оглядываясь по сторонам, — Дживз сейчас в состоянии шевелить мозгами?

— По-моему, да. По крайней мере мне на него жаловаться не приходится. Как твое серое вещество, Дживз? С клеточками всё в порядке?

— Да, сэр.

— Слава богу, — с облегчением произнёс малыш Бинго. — Мне просто необходимо получить какой-нибудь гениальный совет. Если люди умные не вытащат меня из этой передраги, моё имя будет смешано с грязью.

— Что стряслось, старина? — сочувственно спросил я.

Бинго погладил покрывало.

— Сейчас расскажу. Я также объясню вам, почему живу в этом треклятом доме и

вожусь с ребёнком, который нуждается не в изучении греческого и латыни, а в хорошем ударе кирпичом по голове. Я работаю гувернёром, Берти, потому что у меня нет другого выхода. В последнюю минуту перед отъездом в Америку моя жёнушка решила, что мне лучше остаться и ухаживать за её пекижкой. Роза выдала мне двести фунтов на расходы, этой суммы вполне должно было хватить нам с собачкой на то время, пока она не вернётся. На ведь ты знаешь, как это бывает.

— Как это бывает?

— Когда некто подсаживается к тебе в клубе и говорит, что такая-то кляча не может не прийти первой, даже если подхватит люмбаго и задержится на старте, чтобы почесать себя за ухом. Говорю тебе, я не сомневался, что очень надёжно и удачно вложил свои деньги.

— Ты хочешь сказать, что поставил всю сумму на лошадь?

Бинго горько рассмеялся.

— Если это можно назвать лошадью. Если б она перебирала ногами чуть медленней, то пришла бы первой в следующем заезде. Короче, я оказался в щекотливом положении. Мне необходимо было любым способом раздобыть денег, чтобы Роза, вернувшись из Америки, ничего не узнала бы. Моя жена — самая прекрасная женщина в мире; но если б ты был женат, Берти, то понял бы, что лучшая из жён перевернёт дом вверх тормашками, когда выяснит, что её муж просадил шестинедельное содержание, поставив всё до гроша на одну лошадь. Верно я говорю, Дживз?

— Да, сэр. Женщины странные создания.

— Мне пришлось действовать с быстротой молнии. Я наскрёб денег, чтобы пристроить пекижку, и в результате отдал её в «Комфортабельный собачий приют» в Кенте, а сам устроился гувернёром к твоему кузену Томасу. И вот я здесь.

История была печальной, спору нет, но мне казалось, Бинго неплохо выкрутился из практически безнадёжного положения, хоть и заплатил ужасную цену, постоянно находясь в обществе тёти Агаты и молодого Тома (по кличке Тос).

— Тебе осталось потерпеть несколько недель, и твоё дело в шляпе, — сказал я.

Бинго громко фыркнул.

— Несколько недель! Мне повезет, если я продержусь два дня! Помнишь, я говорил тебе, что вера твоей тёти в мои способности сильно пошатнулась, когда выяснилась, что её придурок-сын курит? Так вот, только что я узнал, что его застукал Филмер. А десять минут назад Том сообщил мне, что собирается страшно отомстить Филмеру, который настучал на него твоей тёте. Я понятия не имею, что он задумал, но если мальчишка выкинет какой-нибудь фокус, меня вытурят в ту же секунду. Твоя тётя самого высокого мнения о Филмере и уволит меня, глазом не моргнув. А Роза вернётся только через три недели.

Теперь я всё понял.

— Дживз, — сказал я.

— Сэр?

— Я всё понял. А ты?

— Да, сэр.

— В таком случае выкладывай, что нам делать.

— Боюсь, сэр...

Бинго застонал.

— Только не говори мне, Дживз, — произнёс он ломающимся голосом, — что тебе ничего не пришло в голову.

— В данный момент ничего, сэр, к великому моему сожалению.

Бинго взвыл как бульдог, которому не дали пирожное.

— В таком случае, — мрачно заявил он, — мне остаётся только одно: ни на секунду не выпускать этого веснушчатого маленького разбойника из виду.

— Точно, — согласился я. — Надо вести за ним непрерывное наблюдение. Как думаешь, Дживз?

— Совершенно верно, сэр.

— Но тем временем, Дживз, — умоляюще сказал Бинго, — ты ведь приложишь все усилия, чтобы что-нибудь придумать?

— Вне всяких сомнений, сэр.

— Спасибо, Дживз.

— Не за что, сэр.

* * *

Должен вам сказать, что, взявшись за дело, Бинго проявил необычайные энергию и изобретательность. Мне кажется, в течение следующих двух дней в распоряжении молодого Тоса не было минуты, когда он мог бы облегчённо воскликнуть: «Наконец-то я остался один!» Но в конце второго дня тётя Агата объявила, что завтра к нам приезжают гости поиграть в теннис, и я понял, что всё пропало.

Видите ли, дело в том, что Бинго состоит в обществе маньяков, которые, взяв ракетку в руки, впадают в транс и не видят ничего, кроме корта. Если вы подойдёте к Бинго в середине сета и сообщите, что пантеры пожирают его лучшего друга в саду, он посмотрит на вас отсутствующим взглядом и скажет что-нибудь вроде: «Ох, ах». Я знал, что он не вспомнит ни о Тосе, ни о достопочтенном Филмере до тех пор, пока не будет сыгран последний мяч. Когда я переодевался к обеду, у меня возникло предчувствие неминуемой беды. Почему-то в моей голове засела мысль о неотвратимости судьбы, и эта мысль не давала мне покоя.

— Дживз, — спросил я, — ты когда-нибудь задумывался о Судьбе?

— Время от времени, сэр.

— Суровая штука, что?

— Суровая, сэр?

— Я имею в виду, никогда не знаешь, что тебя ждёт.

— Мне кажется, брюки необходимо подтянуть на четверть дюйма, сэр. Этого легко добиться, слегка укоротив подтяжки. Вы говорили, сэр?

— Возьмём, к примеру, жизнь в Уллэм Черси. На первый взгляд здесь царят тишь да гладь, да божья благодать. Но на самом деле, Дживз, под спокойной поверхностью бушуют незримые подводные течения. Вот, скажем, достопочтенный. Глядя, как он уплетает лосося под майонезом, кажется, что беззаботней его нет человека на свете. И тем не менее над ним висит проклятье, и неизмеримые несчастья подкрадываются к нему всё ближе и ближе. Как ты думаешь, какую гадость устроит ему молодой Тос?

— В ходе непринуждённой беседы с юным господином сегодня днём, сэр, я узнал, что он читает роман под названием «Остров сокровищ» и восхищается личностью и поступками

некоего капитана Флинта.

— Великие небеса, Дживз! Насколько я помню книгу, этот Флинт только тем и занимался, что резал кортиком всех подряд. Ты думаешь, Тос собирается зарезать мистера Филмера кортиком?

— Возможно, у него нет кортика, сэр.

— Ну, тогда чем-нибудь другим.

— Поживём — увидим, сэр. Узел, если позволите, сэр, следует затянуть чуть туже. Необходимо добиться идеального сходства с бабочкой, сэр.

— Какое значение имеют в данный момент бабочки, Дживз? Разве ты не понимаешь, что семейное счастье мистера Литтла висит на волоске?

— Нет таких моментов, сэр, когда бабочки не имеют значения.

Я видел, что бедный малый потрясён до глубины души, но не стал лить бальзам на его раны. Какое слово так и вертится у меня на языке? Удручён. Вот-вот, я был удручён. Поглощён своими мыслями. И к тому же измучен заботами.

* * *

Я всё ещё был измучен заботами, когда на следующий день в половине второго соперники встретились на теннисном корте. Стоял жаркий, душный день, небо заволакивало, где-то вдалеке гремел гром, и мне казалось, в воздухе пахнет крупным скандалом.

— Бинго, — спросил я перед тем, как мы вышли играть с ним в паре, — как ты думаешь, что сделает Тос, когда неожиданно поймёт, что за ним никто не наблюдает?

— А? — рассеянно спросил мальш. Он уже впал в теннисный транс, и глаза у него остекленели. Взмахнув не сколько раз ракеткой, он что-то пробормотал себе под нос.

— Я нигде его не вижу.

— Чего ты не видишь?

— Его нигде нет.

— Кого?

— Тоса.

— При чём тут Тос?

Я понял, что разговаривать с ним бессмысленно.

Единственным утешением мне служил тот факт, что почтенный сидел среди зрителей, зажатый между двумя полными дамами в шляпках с вуалетками. Разум подсказывал мне, что даже такой поднаторевший в пакостях ребёнок, как Тос, вряд ли сможет найти способ атаковать человека, выбравшего столь сильную стратегическую позицию. С облегчением вздохнув, я отдался игре и с увлечением гонял по корту викария, когда гром прогремел, казалось, над моим ухом, и буквально через минуту хлынул проливной дождь.

Мы спаслись в доме и, естественно, первым делом пошли в гостиную пить чай. Внезапно тётя Агата, не донеся до рта сэндвич с огурцом, спросила:

— А где же мистер Филмер?

Такого шока я давно не испытывал. Резко посылая мяч над сеткой, используя кручёные удары, с которыми викарию никак было не справиться, я какое-то время жил в другом мире. Сейчас я спустился с небес на землю и выронил из рук кусок пирога, мгновенно сожранный спаниелем тёти Агаты. И вновь мне в голову почему-то пришла мысль о неотвратимости судьбы.

Понимаете, Филмер был не из тех, кто относится к еде легкомысленно. Скорее наоборот, он был не дурак покушать; что же касается чая в пять часов пополудни, я не помню такого случая, чтобы distinguished на нём не присутствовал, так что, вне всяких сомнений, только злые происки врагов могли помешать ему сидеть сейчас за столом и уплетать пироги за обе щёки.

— Должно быть, его застал дождь, и он укрылся в каком-нибудь строении, — сказала тётя Агата. — Берти, походи и найди его. Захвати с собой плащ.

— Бегу! — лихорадочно воскликнул я. Единственным моим желанием в этот момент было разыскать distinguished. Я надеялся, что не наткнусь в кустах на его хладный труп.

Надев на себя плащ и сунув второй плащ под мышку, я ринулся в сад, но в холле наткнулся на Дживза.

— Дживз, — сказал я, — боюсь, произошло непоправимое несчастье. Мистера Филмера нигде нет.

— Да, сэр.

— Я собираюсь перевернуть небо и землю, чтобы найти его.

— Я могу сэкономить вам время, сэр. Мистер Филмер находится на островке посередине озера.

— В такой дождь? Почему он не вернулся?

— У него нет лодки, сэр.

— Тогда каким образом он очутился на островке?

— Он приплыл туда на лодке, сэр. Но господин Томас поплыл за ним следом и отвязал её. Несколько минут назад он рассказал мне, что произошло. Как выяснилось, сэр, капитан Флинт всегда оставлял своих врагов на необитаемых островах, и господин Томас решил, что не может не последовать его примеру.

— Великий боже, Дживз! Должно быть, distinguished промок до нитки.

— Да, сэр. Господин Томас с явным удовлетворением отметил этот факт.

Необходимо было срочно предпринять решительные действия.

— Пойдём со мной, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

Мы побежали к лодочной стоянке.

Муж моей тёти Агаты, Спенсер Грегсон (он занимается какими-то махинациями на фондовой бирже), сорвал недавно огромный куш на акциях суматранского каучука, и тётя Агата, выбирая себе загородное имение, действовала с размахом. Приусадебный парк занимал несколько квадратных миль, и многочисленные деревья были в изобилии снабжены разнообразными птицами, в том числе воркующими дикими голубями; в огромном саду цвело около сотни сортов роз; в окрестностях находились хозяйственные пристройки, конюшни и надворные строения, — короче, всё вместе составляло живописный *tout ensemble*. Но гвоздём, так сказать, программы было озеро.

Оно находилось к востоку от поместья и располагалось на нескольких акрах. Посередине озера лежал небольшой остров. Посередине острова стояло восьмиугольное

здание, которое так и называлось: Октагон. А на крыше Октагона, точно посередине, сидел достопочтенный А. Б. Филмер, напоминающий городской фонтан: вода текла с него ручьями. Подплывая к острову (я сидел на вёслах, а Дживз правил рулём), мы слышали отчаянные крики, доносившиеся до нас всё громче и громче, а причаливая к кустам, я увидел достопочтенного в том виде, о котором уже говорил. Помнится, я подумал, что даже у члена кабинета министров могло бы хватить ума укрыться от дождя внутри здания, а не на его крыше.

— Чуть правее, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

Я ловко причалил.

— Подожди меня здесь, Дживз.

— Слушаюсь, сэр. Главный садовник говорил мне сегодня утром, сэр, что недавно на острове гнезвился лебедь.

— Мне некогда выслушивать досужие истории из области естествознания, Дживз, — холодно сказал я, удивляясь бестолковому малому, который нёс ахинею в то время, как дождь хлестал всё сильнее, а брюки его молодого хозяина промокали всё больше и больше.

— Слушаюсь, сэр.

Я начал продираться сквозь кусты. Под ногами у меня чавкало, и через два ярда стало ясно, что мне придётся разориться на новые теннисные туфли. Тем не менее я не сдался и в скором времени вышел на небольшую площадку перед Октагоном.

Я слышал, это здание было построено в конце прошлого века, чтобы дедушка покойного владельца мог упражняться в игре на скрипке. Насколько мне известно, этот инструмент издаёт душераздирающие звуки, но, по-моему, они не могли сравниться с теми визгами, которые сейчас доносились с крыши. Достопочтенный, не заметив спасательной экспедиции, по всей видимости хотел, чтобы его слышали в особняке на той стороне озера, и должен вам сказать, я бы не удивился, если б он добился своего. У А. Б. Филмера был превосходный тенор, и его вопли проносились над моей головой подобно снарядам.

Я подумал, что необходимо как можно скорее сообщить ему хорошие вести, пока он не сорвал голосовых связок.

— Эй! — крикнул я, дождавшись перерыва между воплями.

— Эй! — взревел он, глядя куда угодно, но только не в мою сторону.

— Эй!

— Эй!

— Эй!

— Эй!

— Ох! — сказал он, наконец-то меня увидев.

— Здесь! — сказал я, подтверждая, что горести его позади.

Должен признаться, до сих пор нашу беседу никак нельзя было назвать содержательной, но, возможно, мы разговорились бы через несколько секунд, если бы, — как раз в тот момент, когда я собирался изречь какую-то дельную мысль, — до меня не донеслось шипение по меньшей мере сотни кобр и из-за кустов слева не выползло нечто белое и длинное. Я стартовал, как вспугнутый фазан, и взлетел на стену, прежде чем понял, что делаю. В дюйме от моей левой лодыжки послышался тупой удар, и я окончательно убедился в том, что на земле мне делать нечего. Кто, невзирая на бураны, не бросил флаг с девизом странным «Эксельсиор!», послужил примером для Вустера.

— Осторожней! — взвыл достопочтенный.

Он мог бы меня не предупреждать.

По всей видимости Октагон был выстроен как раз на случай подобного кризиса, По крайней мере в стене между кладкой камней находились углубления, словно специально сделанные для рук и ног, и я в мгновение ока оказался рядом с достопочтенным, оставив внизу одного из самых больших и свирепых лебедей, которых мне когда-либо приходилось видеть. Он вытянул шею, напоминая пожарную кишку, явно напрашиваясь на то, чтобы в него запустили кирпичом.

Я запустил в него кирпичом и не промахнулся.

Достопочтенный остался мной недоволен.

— Не дразните его! — сказал он.

— Пусть не дразнит меня.

Лебедь вытянул шею ещё на восемь футов и издал звук, похожий на шипение пара, с силой бьющего из лопнувшей трубы. Дождь продолжал хлестать с неопишуемой яростью, если так можно выразиться, и мне было жаль, что, испытав вполне естественное возбуждение, когда пришлось внезапно карабкаться на стену, я уронил запасной плащ, предназначавшийся для моего соседа на крыше. На секунду мне пришла в голову мысль предложить ему свой, но затем здравый смысл взял верх.

— Вы вовремя успели от него удрать? — спросил я.

— Ещё секунда, и мне бы не поздоровилось, — пожаловался он, с неприязнью глядя вниз. — Я с большим трудом взобрался по стене.

Достопочтенный, да будет мне позволено так сказать, был человечком маленьким и кругленьким, словно его, как виски в бокал, лили в одежду, пока не наполнили до краёв. Представив себе, как он ползёт по стене, я получил огромное удовольствие.

— Не вижу ничего смешного, — недовольно произнёс он, перенеся свою неприязнь с лебеда на меня.

— Простите.

— Я мог получить серьёзную травму.

— Хотите, я засвечу ему ещё одним кирпичом?

— Не вздумайте! Вы его только рассердите!

— С какой стати с ним церемониться? Ему-то на нас наплевать.

Достопочтенный переменял тему разговора.

— Не понимаю, как могла уплыть моя лодка. Я надёжно привязал её к ивовому пню.

— Загадочная история.

— Я начинаю подозревать, её отвязали намеренно.

— О, ну что вы, вряд ли такое возможно. Вы наверняка увидели бы злодеев, знаете ли.

— Нет, мистер Вустер. Из-за кустов разглядеть что-нибудь невозможно. К тому же, чувствуя сонливость по такой жаре, я задремал вскоре после того, как приплыл на остров.

Мне совсем не хотелось, чтобы он продолжал рассуждать на эту тему.

— Сильный дождь, что? — сказал я.

— Какое точное наблюдение, — произнёс он с горечью и недовольством в голосе. — Спасибо, что поставили меня в известность.

Погоду, как я понял, ему обсуждать не хотелось. Я переключился на птиц.

— Вы обратили внимание, — спросил я, — что брови у лебеда сходятся на переносице?

— У меня была возможность обратить внимание на всё, что касается лебедей.

— Придаёт им сварливый вид, что?

— Это тоже не ускользнуло от моего внимания.

— Чудно! — с энтузиазмом произнёс я. — Кто бы мог подумать, что семейная жизнь так плохо влияет на настроение лебедей!

— Я предпочел бы, чтобы вы поменяли тему разговора.

— Нет, послушайте, это действительно интересно. Я имею в виду, наш приятель внизу наверняка смиреннее овечки при обычных обстоятельствах.

Домашнее животное, знаете ли. И только потому, что его женушка гнездилась на острове...

Я умолк. Вы можете мне не поверить, но, взбираясь по стенам и вообще, я начисто забыл, что, пока мы торчим на крыше, неподалёку находится тот, чей гигантский мозг, — если поставить его в известность о происшедшем, — мгновенно найдёт дюжину способов избавить нас от всех неприятностей.

— Дживз! — крикнул я.

— Сэр? — послышался далёкий, почтительный голос.

— Мой личный слуга, — объяснил я достойному. — Безгранично проникательный и изобретательный малый. Он спасёт нас в шесть секунд. Дживз!

— Сэр?

— Я сию минуту на крыше.

— Да, сэр.

— Что толку от твоего «да, сэр?» Помоги нам. Мы с мистером Филмером не можем сойти с места.

— Слушаюсь, сэр.

— Что толку от твоего «слушаюсь, сэр?» Поспешите, мы окружены лебедями.

— Я незамедлительно выполню ваше указание, сэр.

Я повернулся к достойному и от избытка чувств даже похлопал его по спине. Мне показалось, рука моя утонула в мокрой губке.

— Полный порядок, — сказал я. — Дживз сейчас будет здесь.

— Чем он нам поможет?

Я слегка нахмурился. Его министерский тон мне не понравился.

— Этого мы не знаем и знать не можем, — довольно холодно ответил я, — пока не увидим его в действии. Нам неизвестно, тот он изберёт способ или иной. Но в одном мы твёрдо можем быть уверены: Дживз что-нибудь придумает. Он с утра до вечера ест рыбу, и у него могучий ум.

Я наклонился и крикнул в зияющую пустоту:

— Следи за лебедем, Дживз.

— Я ни на секунду не выпускаю его из виду, сэр.

Лебедь, который вытянул шею ещё на несколько футов в нашем направлении, резко повернулся. Голос с тыла ему явно не понравился. Подвергнув Дживза быстрому, но тщательному осмотру, он набрал полную грудь воздуха, чтобы зашипеть погромче, подпрыгнул на месте и ринулся в атаку.

Знаете, я заранее мог сказать этому лебедю, что номер у него не пройдёт. Может, среди своих он и считался интеллигентом, но до Дживза ему было как до луны. Бедняга попросту потерял время; уж лучше бы он сразу отправился к себе домой.

Каждый молодой человек, начинающий самостоятельную жизнь, должен знать, как

справиться с разъярённым лебедем, поэтому я вкратце опишу порядок действий. Сначала подберите плащ, который кто-нибудь обронил, потом, с точностью определив расстояние, накиньте этот плащ на голову лебедя, и, взяв лодочный багор, который вы благоразумно захватили с собой, подсуньте его птице под брюхо и дёрните изо всех сил. Лебедь заваливается в кусты и пытается сообразить, что с ним произошло, а вы тем временем бегом возвращаетесь к лодке, прихватив с собой друзей, до сих пор сидевших на крыше. Именно этим методом воспользовался Дживз, и мне кажется, ничего умнее вы всё равно не придумаете.

Я и представить себе не мог, что почтенный рванёт с места не хуже спринтера. Не прошло и минуты, как мы сидели в лодке.

— Вы действовали весьма разумно, мой милый, — произнёс он, когда мы отчалили.

— К вашим услугам, сэр.

Казалось, почтенный сказал всё, что хотел. Он сидел нахохлившись и о чём-то размышлял. Прямо-таки был поглощён своими мыслями, знаете ли. Даже когда я неловко взмахнул веслом и вылил ему за шиворот с полведра воды, он не обратил на это никакого внимания.

И только когда мы причалили к лодочной станции, он вновь вернулся к жизни.

— Мистер Вустер.

— Да-да?

— Я думал о проблеме, которую мы недавно обсуждали, а именно, об исчезновении моей лодки.

— Очень сложная проблема, — сказал я. — Советую вам не ломать над ней голову. Всё равно она неразрешима.

— Напротив, я пришёл к заключению, причём, смею вас заверить, единственно возможному заключению. Я убеждён, что мою лодку отвязал не кто иной, как Томас, сын хозяйки дома.

— О нет, не может быть! Зачем?

— Он хотел мне отомстить. А на такую выходку способен либо ребёнок, либо полный дебил.

И с этими словами почтенный пошёл к дому, а я в ужасе уставился на Дживза. Да, именно в ужасе.

— Ты слышал, Дживз?

— Да, сэр.

— Что делать?

— Возможно, мистер Филмер по зрелому размышлению поймёт, что его подозрения не обоснованы.

— Но они обоснованы.

— Да, сэр.

— Так что же делать?

— Не могу сказать, сэр.

Я вернулся в дом, доложил тёте Агате, что с почтенным А. Б. Филмером всё в порядке, и отправился наверх, чтобы принять ванну, так как в результате моих походов промок до нитки. Я наслаждался, лёжа в горячей воде, когда в дверь постучали.

Это был Пурвис, дворецкий тёти Агаты.

— Миссис Грегсон велела передать, сэр, что она желает вас видеть, как только вы

освободитесь.

— Но она только что меня видела.

— Насколько я понял, сэр, она вновь желает вас видеть.

— Ох, ну, хорошо. Скажи, что скоро приду.

Понаслаждавшись горячей ванной ещё несколько минут, я насухо вытерся и пошёл по коридору в свою комнату. Дживз раскладывал на кровати моё нижнее бельё.

— А, это ты, Дживз, — сказал я. — Знаешь, я подумал, может, мистеру Филмеру дать хину или какое другое средство? Милосердие прежде всего, Дживз.

— Я уже отнёс ему лекарство, сэр.

— Прекрасно. Не могу сказать, что я в восторге от этого деятеля, но мне бы не хотелось, чтобы он простудился. — Я натянул носок. — Послушай, Дживз, тебе не кажется, что нам необходимо срочно принять какие-нибудь меры? Ты ведь понимаешь, в каком мы оказались положении? Мистер Филмер подозревает Тоса абсолютно справедливо, и если он нажалуется на него тёте Агате, она немедленно уволит мистера Литтла, а тогда миссис Литтл узнает о проступке мистера Литтла; и чем всё это закончится, Дживз? Я скажу тебе, чем всё это закончится. Миссис Литтл получит такой козырь в отношениях с мистером Литтлом, что (хоть я и холостяк, но могу с уверенностью это утверждать) сможет потом вертеть им, как захочет. Нарушится баланс семейной жизни, Дживз, так сказать, пройдёт пора взаимных уступок, необходимых для полного семейного счастья. Женщины любят попрекать, Дживз. Они не умеют забывать и прощать.

— Совершенно справедливо, сэр.

— Ну, так что же ты посоветуешь?

— Я уже уладил это дело, сэр.

— Как?! Уже?

— Да, сэр. Мы не успели с вами расстаться, как я нашёл решение данной проблемы. Последняя фраза мистера Филмера натолкнула меня на нужную мысль.

— Дживз, ты чудо!

— Большое спасибо, сэр.

— Какое же ты нашёл решение?

— Я взял на себя смелость пойти к мистеру Филмеру и сказать, что это вы украли у него лодку, сэр.

Лицо малого затуманилось перед моими глазами. Я вцепился в носок, который не успел натянуть.

— Сказать... что?

— Сначала мистер Филмер с недоверием отнёсся к моим словам, сэр. Но я указал ему на тот факт, что только вы знали, где он находится, и мистер Филмер согласился с важностью этой улики. Далее я объяснил ему, что вы легкомысленный молодой человек, который обожает розыгрыши. В результате, сэр, я убедил его в своей правоте и отвёл опасность, грозящую юному господину Томасу.

Мне казалось, я сплю.

— И ты считаешь, что ловко всё уладил? — спросил я.

— Да, сэр. Теперь миссис Грегсон не уволит мистера Литтла. У него всё будет в порядке.

— А у меня?

— Вы тоже остались в выигрыше, сэр.

— Ах, вот как?

— Да, сэр. Я выяснил причину, по которой миссис Грегсон пригласила вас погостить в её имени. Она познакомила вас с мистером Филмером для того, чтобы он взял вас к себе личным секретарём.

— Что?!

— Да, сэр. Пурвис, дворецкий миссис Грегсон, совершенно случайно услышал, как она разговаривала на эту тему с мистером Филмером.

— Стать личным секретарём этого жирного зануды? Дживз, я бы этого не пережил.

— Нет, сэр. Мне кажется, вам не подошла бы подобная роль. Вряд ли мистер Филмер составил бы вам приятную компанию. И тем не менее, если б миссис Грегсон удалось устроить вас к нему на службу, вам было бы неловко отказаться от должности.

— «Неловко» не то слово, Дживз.

— Да, сэр.

— Но, послушай, по-моему, ты упустил из виду одну деталь. Что теперь будет со мной?

— Сэр?

— Я имею в виду, Пурвис только что передал мне требование тёти Агаты немедленно к ней явиться. Возможно, в данную минуту она как раз точит нож.

— Вы поступите благоразумно, сэр, если какое-то время не будете встречаться с миссис Грегсон.

— Но как такое возможно?

— Сразу за окном вашей комнаты, сэр, находится очень прочная водосточная труба. Я смогу подать вашу машину к воротам парка через двадцать минут.

Я восхищённо посмотрел на смышлёного малого.

— Дживз, — воскликнул я, — ты, как всегда, прав! Послушай, а за пять минут ты не справишься?

— Скажем, за десять, сэр.

— Пусть за десять. Приготовь мне одеяния для долгого путешествия и можешь за меня больше не беспокоиться. Где водосточная труба, о которой ты так хорошо отзывался?

ГЛАВА 2. Комплекс неполноценности старины Сиппи

Я смерил упрямого малого одним из своих взглядов. Я был поражён и шокирован.

— Ни слова, Дживз, — сказал я. — Ты зашёл слишком далеко. Шляпы — да. Носки — да. Пиджаки, брюки, рубашки, галстуки и штрипки — вне всяких сомнений. Что касается этих предметов моего туалета, я полагаюсь на тебя целиком и полностью. Но когда дело доходит до ваз — нет, и ещё раз нет.

— Слушаюсь, сэр.

— Ты говоришь, эта ваза не гармонирует с обстановкой комнаты, и хотя, по правде говоря, я не понимаю, что ты имеешь в виду, я отрицаю твое утверждение *in toto*. Мне нравится эта ваза. Я считаю, она декоративная, живописная и стоит куда дороже пятнадцати шиллингов, которые я за неё заплатил.

— Слушаюсь, сэр.

— Это всё, Дживз. Если кто-нибудь позвонит мне по телефону, в течение следующего получаса меня можно будет найти в редакции «Мейферского вестника» у мистера Сипперли.

Я ушёл с гордо поднятой головой, холодно кивнув Дживзу. Я был крайне недоволен строптивым малым. Вчера вечером, прогуливаясь по Стрэнду, я случайно зашёл в одно из крохотных помещений, где парни с громоподобными голосами целый день, ни разу не присев, продают с аукциона всякую всячину. Вообще-то я смутно представляю себе, как это получилось, но неожиданно я стал владельцем большой китайской вазы, расписанной красными драконами. Кроме драконов на ней были нарисованы птицы, собаки, змеи, а также зверь, похожий то ли на леопарда, то ли на кого-то другого. И весь этот зверинец стоял сейчас на полке над дверью в мою гостиную.

Я был очень доволен покупкой. Ваза сверкала и переливалась. Она радовала глаз и не могла не привлечь внимания. Поэтому, когда Дживз, сморщив нос, начал высказываться о ней хуже любого художественного критика, я резко его оборвал. *Ne sutor ultra*, — сказал бы я ему, если б знал, что это значило. Я имею в виду, где это видано, чтобы камердинер подвергал цензуре вазы? Разве в его обязанности входит подбирать фарфор для своего молодого господина? Естественно, нет, и я недвусмысленно дал понять Дживзу, чтобы он не совал нос не в своё дело.

Я всё ещё был в плохом настроении, когда вошёл в редакцию «Мейферского вестника», чтобы излить душу старине Сиппи, моему закадычному другу, который наверняка меня понял бы и не преминул бы мне посочувствовать. Но когда мальчик-посыльный провёл меня в святая святых и я увидел бедолагу, с головой погружённого в работу, у меня не хватило духу посетовать ему на мою жизнь.

Должно быть, все деятели, которые что-нибудь издают, очень быстро превращаются в задохликов. Шесть месяцев назад Сиппи был весёлым, жизнерадостным парнем, но в то время его называли внештатным журналистом. Он писал рассказы, стихи и прочую дребедень в разные журналы и наслаждался жизнью. Сейчас же бедняга стал издателем дурацкой газетёнки, и его было не узнать.

Сегодня он выглядел ещё более измученным, чем всегда, поэтому, позабыв о своих неприятностях, я решил развеселить его и сказал, что пришёл в полный восторг от последнего номера «Мейферского вестника». По правде говоря, я его не читал, но мы, Вустеры, способны прибегнуть к любым уловкам, чтобы подбодрить наших друзей.

Моё лекарство возымело действие. Он оживился, и глаза у него заблестели.

— Тебе действительно понравилось?

— Просто блеск, старина.

— Хорошая подборка, верно?

— Потрясающая.

— А как тебе поэма «Одиночество»?

— Шикарная вещь.

— Настоящий шедевр.

— Жемчужина из жемчужин. Кто её сочинил?

— Там стояла подпись, — несколько холодно ответил Сиппи.

— У меня плохая память на имена.

— Её написала, — с лёгкой дрожью в голосе произнёс бедолага, — мисс Гвендолен Мун. Ты не знаком с мисс Мун, Берти?

— По-моему, нет. Приятная девушка?

— Боже всемогущий! — воскликнул Сиппи.

Я пристально на него посмотрел. Если вы спросите мою тётю Агату, она вам скажет, — по правде говоря, она вам скажет, даже если вы её не спросите, — что я тупой бесчувственный бездельник. Едва разумное существо — так она однажды меня окрестила, и должен вам признаться, по большому счету в чём-то она права. Но есть область, в которой я разбираюсь не хуже детектива по кличке «Ястребиный Глаз». Влюблённых я распознаю быстрее, чем любой парень моего веса и возраста в Метрополии. За последние несколько лет я перевидал такое количество своих знакомых, поражённых этой болезнью, что теперь узнаю её за милю в густом тумане. Сиппи сидел, откинувшись на спинку кресла, и грыз карандаш, глядя в стену отсутствующим взглядом, так что мне нетрудно было поставить ему диагноз.

— Выкладывай, что у тебя стряслось, — сказал я.

— Берти, я её люблю.

— Ты ей признался?

— Что ты! Как я могу?

— Не вижу ничего сложного. Когда будешь с ней разговаривать, упомяни о своей любви между делом.

Сиппи глухо застонал.

— Знаешь ли ты, Берти, что значит чувствовать своё ничтожество?

— Конечно! Иногда это чувство возникает у меня, когда я беседую с Дживзом. Но сегодня он зашёл слишком далеко. Представляешь, у него хватило наглости раскритиковать вазу...

— Она намного выше меня.

— Да ну? Высокая девица?

— Духовно. Она небесное создание. А я кто? Жалкий, земляной червь.

— Ты в этом уверен?

— Да. Разве ты забыл, что год назад мне дали тридцать дней тюрьмы вместо штрафа за то, что я украл полицейский шлем?

— В то время ты был под мухой.

— Вот именно. Какое право имеет пьяница и закоренелый преступник мечтать о богине?

Я смотрел на бедолагу, и сердце моё обливалось кровью.

— Послушай, старина, а ты не преувеличиваешь? — спросил я. — Все, кто получает достойное воспитание, веселятся от души в ночь после регаты, и лучшие из нас имели неприятности с законом.

Он покачал головой.

— Не утешай меня, Берти. Это очень благородно с твоей стороны, но слова ничего не изменят. Нет, я могу лишь поклоняться ей издали. Когда я вижу её, мной овладевает странное оцепенение. Язык мой словно прилипает к гортани. Я так же не могу сделать ей предложение, как... Войдите! — крикнул он.

Только бедняга немного разговорился, как ему помешал стук в дверь. Вернее, не стук, а удар, причём весьма сильный. В комнату вошёл дородный, важного вида деятель с пронзительным взглядом, римским носом и высокими скулами. Властный тип, вот как я бы его назвал. Мне не понравился его воротничок, а Дживз наверняка неодобрительно отнёсся бы к его мешковатым штанам, но тем не менее вид у него был властный. В нём чувствовалась непреодолимая сила, совсем как в полисмене-регулировщике.

— А, Сипперли! — сказал он.

Старина Сиппи разволновался, дальше некуда. Он вскочил с кресла и встал по стойке смирно, закатив глаза.

— Садитесь, Сипперли, — милостиво разрешил регулировщик. Я не произвёл на него ни малейшего впечатления. Бросив на меня пронзительный взгляд и пошевелив носом, он раз и навсегда позабыл о существовании Бертрама. — Я принес вам ещё одно — ха! — приношение на алтарь искусства. Прочтёте мою статью, как только освободитесь, мой мальчик.

— Да, сэр, — сказал Сиппи.

— Думаю, вы получите огромное удовольствие. Но я вот на что хотел обратить ваше внимание: мою новую статью следует поместить на более достойное место, чем предыдущую. Я, конечно, понимаю, что в еженедельнике это сделать нелегко, но мне совсем не нравится, когда мой труд печатают вместе с рекламой всяких там увеселительных заведений. — Он на мгновение умолк, и в его глазах появился угрожающий блеск. — Вы ведь учтёте моё пожелание, Сипперли?

— Да, сэр.

— Очень вам обязан, мой мальчик, — снисходительно произнёс регулировщик, благодушно улыбаясь. — Вы должны простить меня за настойчивость. Я никогда в жизни не стану диктовать издателю, как надо — ха! — издавать, но... Это всё, Сипперли. До свидания. Я зайду узнать о вашем решении завтра в три часа пополудни.

Он удалился, оставив после себя дыру в воздухе размером примерно десять на шесть футов. Когда, по моим подсчётам, дыра затянулась, я уселся на стул и спросил:

— Что это было?

Внезапно мне показалось, что старина Сиппи спятил. Он поднял руки над головой, затем вцепился себе в волосы, изо всех сил пнул стол ногой и повалился в кресло.

— Будь он проклят! — воскликнул бедолага. — О боже, сделай так, чтобы по дороге в церковь он поскользнулся на банановой кожуре и вывихнул обе лодыжки!

— Кто он такой?

— О боже, сделай так, чтобы он осип и не смог больше сказать ни слова!

— Да, но кто он такой?

— Директор моей школы.

— Знаешь, старина, может, тебе лучше...

— Директор школы, в которой я учился, — поправился Сиппи и смущённо на меня посмотрел. — О, господи! Ты хоть понимаешь, как я влип?

— По правде говоря, не очень.

Сиппи вскочил с кресла и забегал по комнате.

— Что ты чувствуешь, — спросил он, — встречаясь с директором школы, в которой ты учился?

— Я с ним не встречаюсь. Он давно умер.

— Тогда я скажу тебе, что чувствую я. Мне кажется, я снова стал учеником, и учитель вытурил меня из класса за учинённые мной беспорядки. Однажды так и случилось, Берти, и я не забыл об этом до сих пор. Словно вчера помню, как я стучу в дверь кабинета старика Уотербери и слышу: «Войдите», напоминающее рык льва при встрече с первыми христианами; а затем я вхожу и останавливаюсь перед ним и объясняю, за что меня выгнали, переминаясь с ноги на ногу, и наклоняюсь, ожидая целую вечность, и получаю шесть смачных ударов по одному месту тростью, жалящей хуже гадюки. И когда сейчас я вижу Уотербери, моя старая рана начинает ныть, и я могу лишь сказать ему «Да, сэр» или «Нет, сэр», чувствуя себя при этом четырнадцатилетним мальчишкой.

Теперь я разобрался, что к чему. Беда таких парней, как Сиппи, занимающихся писаниной и всем прочим, заключается в том, что они обладают артистическим темпераментом и поэтому могут упасть духом в любую секунду.

— Он заваливает меня статьями вроде «Школы в старых монастырях» или «Малоизученные выражения Тацита» и требует, чтобы я напечатал эту дребедень, а у меня не хватает силы воли ему отказать. При этом считается, что мой еженедельник должен служить интересам высшего общества.

— Ты должен быть твёрд, Сиппи. Твёрд и непреклонен, старина.

— Не могу. Рядом с ним я чувствую себя изжёванной промокашкой. Когда он смотрит на меня, выставив нос, моя душа уходит в пятки и я снова становлюсь школьником. Он меня просто преследует, Берти. И как только владелец «Мейферского вестника» обнаружит в газете хоть одну такую статью, он справедливо решит, что я свихнулся, и уволит меня в ту же секунду.

Я задумался. Проблема была не из лёгких.

— А что, если?... — предложил я.

— Ничего не выйдет.

— А жаль, — произнёс я со вздохом.

* * *

— Дживз, — сказал я, вернувшись домой — напряги свой ум.

— Сэр?

— Тебе придётся пошевелить мозгами. Дело необычайно сложное. Ты когда-нибудь слышал о мисс Гвендолен Мун?

— Поэтессе, написавшей «Осенние листья», «Это было в Англии в июне» и другие

ПОЭМЫ?

— Великие небеса, Дживз! По-моему, ты знаешь всё!

— Большое спасибо, сэр.

— Ну так вот, мистер Сипперли влюбился в мисс Мун.

— Да, сэр.

— Но он боится сказать ей о своей любви.

— Частый случай, сэр.

— Считает себя недостойным её.

— Вот именно, сэр.

— Но это ещё не всё! Запомни то, что я тебе сейчас сказал, и слушай дальше. Мистер Сипперли, как ты знаешь, издает еженедельную газету, выражающую интересы высшего общества. А в последнее время директор его бывшей школы повадился ходить к нему в редакцию и заваливать его статьями о монастырях и Тацитах, на которые высшему обществу наплевать. Тебе всё ясно?

— Я внимательно слежу за ходом вашей мысли, сэр.

— И эту ахинею мистер Сипперли вынужден печатать, потому что у него не хватает духу послать старого директора сам понимаешь куда. Вся беда в том, Дживз, что у старины Сиппи эта самая штука, которая так часто бывает у многих парней... у меня на кончике языка вертится название.

— Комплекс неполноценности, сэр?

— Вот-вот. Комплекс неполноценности. У меня он тоже имеется, Дживз, по отношению к моей тётке Агате. Ты ведь знаешь меня, Дживз. Тебе известно, что, если потребуются добровольцы для спасения утопающих, я первый брошусь в лодку. Если кто-нибудь скажет: «Не спускайся в шахту, там опасно», я не обращаю на...

— Несомненно, сэр.

— И тем не менее, — слушай меня внимательно, Дживз, — когда я узнаю, что тётка Агата точит топор, что бы изрубить меня на мелкие кусочки, я бегу, как испуганная лань. А почему? Потому что она вызывает во мне комплекс неполноценности. И мистер Сипперли находится точно в таком же положении. Он бросится в бушующее море, и на лице его не дрогнет ни один мускул, но он не может заставить себя объясниться с мисс Мун и указать на дверь директору своей бывшей школы, потому что у него комплекс неполноценности. Ну, что ты посоветуешь, Дживз?

— Боюсь, сэр, я не смогу предложить план действий экспромтом.

— Ты имеешь в виду, тебе нужно время для обдумывания?

— Да, сэр.

— Думай, Дживз, думай. Может, к утру в мозгах у тебя прояснится. Что Шекспир говорит о сне, Дживз?

— «Естества утомлённого нежный целитель», сэр.

— Вот-вот. Именно это я и хотел сказать.

Знаете, если всласть выпасться, любая проблема утром кажется простой, дальше некуда. Не успел я открыть глаза, как понял, что составил во сне шикарный план действий, которым мог бы гордиться сам Фуше. Я нажал на кнопку звонка, недоумевая, почему Дживз не подал мне вовремя чай.

Затем я позвонил ещё раз, но прошло не меньше пяти минут, прежде чем забывчивый малый принёс мне чашку живительной влаги.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он, выслушав мой справедливый упрёк. — Я находился в гостинной, сэр.

— Ах! — произнёс я, с наслаждением делая первый глоток. — Занимался важными делами, что?

— Я вытирал пыль с вашей новой вазы, сэр.

Хотите верьте, хотите нет, я сразу оттаял. На душе у меня потеплело. Если мне кто и нравится, так это тот, кто, забывая о гордости, смело признаётся в своей ошибке. Само собой, Дживз прямо ничего не сказал, но мы, Вустеры, умеем читать между строк. Я видел, что он готов полюбить мою вазу.

— Ну, и как она тебе?

— Да, сэр.

Немного загадочный ответ, но я не стал ничего уточнять.

— Дживз, — сказал я.

— Сэр?

— Помнишь дело, о котором мы вчера говорили?

— Вы имеете в виду комплекс неполноценности мистера Сипперли, сэр?

— Точно. Так вот, можешь больше не беспокоиться. Дай своим мозгам отдохнуть. Я нашёл решение проблемы, так что мне твои услуги не понадобятся, Меня осенило.

— Вот как, сэр?

— Да, осенило. В делах такого рода первым делом надо изучить... какое слово я хочу сказать?

— Не могу знать, сэр.

— Очень частое слово, хоть и длинное.

— Психология, сэр?

— Совершенно верно. Именно это существительное вертелось у меня на кончике языка. Ведь это существительное, Дживз?

— Да, сэр.

— Молодец! Так вот, Дживз, обрати внимание на психологию старины Сиппи. Мистер Сипперли, так сказать, находится в положении человека, у которого пелена не упала с глаз. Передо мной, Дживз, стояла задача найти способ заставить эту пелену упасть, Ты меня понял?

— Не совсем, сэр.

— Сейчас объясню. В настоящий момент этот бывший директор, этот Уотербери, кажется бедолаге величественным, дальше некуда, если ты понимаешь, что я имею в виду. Прошли годы, сейчас мистер Сипперли бреется каждый день и занимает ответственный пост редактора, но он никак не может забыть, что когда-то получил от вышеупомянутого деятеля шесть смачных ударов по одному месту. Результат — комплекс неполноценности, а бороться с этим комплексом можно единственным способом: надо заставить мистера Уотербери предстать перед мистером Сипперли в жалком виде. Тогда пелена упадёт с его глаз. Ты не

можешь не понимать, о чём я говорю, Дживз. Возьмём, к примеру, тебя. Несомненно, некоторые твои друзья и родственники относятся к тебе с большим уважением. А теперь допустим, что однажды вечером они увидят, как ты, в стельку пьяный, танцуешь чарльстон в нижнем белье на Пикаддили.

— Вероятность этого весьма мала, сэр.

— Да, но допустим, что тебя увидят. Пелена упадёт с их глаз, что?

— Возможно, сэр.

— Возьмём другой случай. Ты помнишь, как примерно год назад моя тётя Агата обвинила служанку французского отеля в краже её драгоценностей, а затем обнаружила их в ящичке туалетного столика?

— Да, сэр.

— После чего моя тётя Агата выглядела глупее не придумаешь. Ты согласен, Дживз?

— Несомненно, я видел миссис Грегсон в более выгодном для неё свете, чем тогда, сэр.

— А теперь, следи за каждым моим словом, как кошка за мышкой, Дживз. Глядя на тётю Агату в минуты её падения, наблюдая, как лицо её медленно наливается краской, слушая, как владелец гостиницы на прекрасном французском языке высказывает всё, что о ней думает, а она при этом молчит, словно воды набрала в рот, я почувствовал, что с моих глаз упала пелена. Впервые в жизни, Дживз, страх, который эта женщина внушала мне с детства, пропал. Позже, не скрою, он вновь ко мне вернулся, но в ту минуту я увидел тётю Агату такой, как она есть на самом деле: не рыбиной, которая питается человечинной и чьё имя заставляет самых мужественных деятелей дрожать, как осиновые листья, а жалкой, ничтожной личностью, севшей в лужу. В ту минуту, Дживз, я смог бы послать её куда угодно, и только моё воспитание, а также уважение к слабому полу помешали мне так поступить. Надеюсь, ты не будешь спорить, что я верно обрисовал ситуацию?

— Нет, сэр.

— Ну вот, я твердо убеждён, что пелена упадёт с глаз мистера Сипперли, когда он увидит, как этот Уотербери, этот бывший директор, зайдёт к нему в редакцию с ног до головы обсыпанный мукой.

— Мукой, сэр?

— Мукой, Дживз.

— Но почему вы считаете, что он решится на такой опрометчивый шаг, сэр?

— Потому что у него не будет выхода. Пакет с мукой, сбалансированный на дверном косяке, упадёт вниз по закону земного притяжения. Я собираюсь устроить этому Уотербери ловушку, Дживз.

— Простите, сэр, я бы не рекомендовал вам...

Я поднял руку.

— Подожди, Дживз, я ещё не закончил. Ты помнишь, что мистер Сипперли любит мисс Гвендолен Мун, но боится признаться ей в своей любви? Могу поспорить, что забыл.

— Нет, сэр.

— Ну так вот, я уверен, что как только Сиппи перестанет испытывать благоговейный ужас перед директором Уотербери, он взбодрится до такой степени, что ему просто удержу не будет. Бедолага побежит прямо к ней и положит своё сердце к её ногам.

— Видите ли, сэр...

— Дживз, — довольно сурово произнёс я, — стоит мне предложить план, или проект, или программу действий, как ты тут же заявляешь «Видите ли, сэр» очень неприятным

тоном, Это дурная привычка, Дживз, и я советую тебе от неё избавиться. В плане, или проекте, или программе действий, которую я предложил, нет ни одного изъяна. А если он есть, я рад буду услышать, какой именно.

— Видите ли, сэр...

— Дживз!

— Прошу прощения, сэр. Я лишь хотел заметить, что, по моему мнению, вы приступили к решению проблемы мистера Сипперли не с того конца.

— В каком смысле «не с того конца»?

— Мне кажется, сэр, прежде всего необходимо, чтобы мистер Сипперли сделал предложение мисс Мун. Если молодая леди ответит согласием, я думаю, мистер Сипперли так воспрянет духом, что без труда справится со своим страхом перед мистером Уотербери.

— Да, но ты забываешь о самом главном. Как добиться, чтобы он сделал ей предложение.

— Мне пришло в голову, сэр, что мисс Мун, являясь поэтессой, обладает романтической натурой, поэтому она бросится к мистеру Сипперли, как только узнает, что он получил тяжёлую травму и в бессознательном состоянии всё время повторяет её имя.

— Ломающимся голосом?

— Совершенно верно, сэр, ломающимся голосом.

Я сел на кровати и довольно небрежно ткнул в направлении малого чайной ложкой.

— Дживз, — сказал я, — можешь поверить, никто, как я, не ценит твоих умственных способностей. Но сейчас ты несешь ахинею. Это на тебя непохоже, Дживз. Ты потерял форму. Твои мозги перестали шевелиться. Прежде чем мистер Сипперли получит тяжёлую травму, может пройти много лет.

— Безусловно, данное обстоятельство следует учесть, сэр.

— Я не верю своим ушам, Дживз. Ты ли это? От кого-кого, а от тебя я никак не ожидал совета покорно ожидать год за годом, в расчёте на то, что в один прекрасный день мистер Сипперли попадёт под грузовик. Нет! Мы станем придерживаться моего плана действий. Будь любезен, сразу после завтрака купи мне полтора фунта самой лучшей муки. Остальное я беру на себя.

— Слушаюсь, сэр.

* * *

Любой генерал вам скажет, что в делах такого рода самое важное — точное знание местности. Допустим, вы не знаете местности, и что дальше? Помните, как подвела Наполеона под Ватерлоо грязная дорога? Тупой осёл!

Местность редакции Сиппи я знал прекрасно. Я не собираюсь рисовать вам никаких планов, потому что по собственному опыту знаю: когда в детективах начерчены планы с крестиком, где лежит труп и как туда пройти, читатель обычно переворачивает страницу. Поэтому я объясню вам суть дела в двух словах.

Редакция «Мейферского вестника» находилась на втором этаже замшелого дома недалеко от Коvent Гарден. На первом этаже в конце длинного коридора располагалась

контора «Братьев Беллами», торговавших семенами, рассадой и инвентарём для садоводов. Если вы подниметесь по лестнице, не доходя до конторы, то окажетесь перед двумя дверьми. На одной из них висит табличка: «Посторонним вход запрещён», и она ведёт в святая святых, а именно, в кабинет старины Сиппи; на второй написано «Редакция», и за ней находится небольшая комната, где сидит мальчик-посыльный, лузгая семечки и читая приключения Тарзана. В этой комнате есть ещё одна дверь, через которую тоже можно пройти в кабинет Сиппи. До смешного просто.

Пакет с мукой я намеревался установить над дверью в редакцию.

Чтобы устроить ловушку такому уважаемому господину, как директор школы (хоть и не такой престижной, как та, в которой я учился), надо подготовиться самым тщательным образом. По-моему, я ещё никогда так придирчиво не выбирал блюда, сидя за ленчем. А после отменной трапезы, перед которой я выпил два сухих мартини, я заказал полбутылки сухого шампанского и рюмку бренди. Теперь я был готов поймать в западню самого архиепископа.

Труднее всего было избавиться от мальчика-посыльного, но, естественно, я не собирался работать при свидетелях. В конце концов мне удалось отправить его домой за небольшое вознаграждение, и я, не теряя времени, встал на стул и взялся за дело.

Прошло много лет с тех пор, как я занимался подобными вещами, но старые навыки меня не подвели. Установив пакет с мукой таким образом, что он должен был упасть чуть ли не от прикосновения к двери, я спрыгнул со стула и через кабинет Сиппи вышел на улицу. Насколько мне было известно, бедолага приходил в редакцию где-то без пяти три. Я слонялся неподалёку от здания и вскоре увидел, как из-за угла появился старикан Уотербери. Мне не хотелось становиться участником событий, которые должны были произойти в недалёком будущем, поэтому я со спокойной совестью отправился погулять.

Побродив по Ковент Гарден около двадцати минут (по моим подсчётам пелена должна была упасть с глаз Сиппи что-то около четверти четвертого по Гринвичу), я вернулся в редакцию. Представьте себе моё изумление, когда, открыв дверь с табличкой «Посторонним вход запрещён», я увидел старикана Уотербери, который сидел за столом Сиппи и читал газету с таким видом, словно кабинет принадлежал ему лично. Более того, даже при самом тщательном осмотре на его костюме нельзя было бы обнаружить малейших следов муки.

— Боже всемогущий! — сказал я.

Меня постигла участь Наполеона. Но, прах побери, как мне могло прийти в голову, что у него хватит наглости войти в дверь с табличкой «Посторонним вход запрещён»? Ни один добропорядочный гражданин такого себе не позволил бы.

Он уставился на меня и пошевелил носом.

— Я вас слушаю?

— Я зашёл проведать старину Сиппи.

— Мистер Сипперли ещё не пришёл.

Он говорил раздражённым тоном, как человек, не привыкший ждать.

— Ну, как дела? — спросил я, чтобы поддержать разговор.

Он уже успел уткнуться в газету и теперь снова поднял голову и пошевелил носом, ясно давая понять, что я здесь лишний.

— Простите?

— Нет, ничего.

— Вы что-то сказали.

— Я спросил, как дела, знаете ли.

— Какие дела?

— Вообще дела.

— Я вас не понимаю.

— Не будем об этом, — сказал я.

Поддерживать светский разговор с этим деятелем было необычайно трудно. Он не отличался многословием.

— Прекрасная стоит погода, — заметил я.

— Да, хорошая.

— Впрочем, говорят, посевам нужен дождь.

— Что?

— Посевам необходим дождь.

— Посевам?

— Посевам.

— Каким посевам?

— Вообще посевам.

Он отложил газету в сторону.

— Мне кажется, вы желаете сообщить мне нечто важное о посевах. Я вас слушаю.

— Говорят, им нужен дождь.

— Неужели?

На этом наша светская беседа закончилась. Он снова уткнулся в газету, а я сел на стул и принялся сосать набалдашник трости. Время шло.

Может, через два часа, а может, через пять минут на лестнице послышались какие-то странные завывания, — такие звуки издают существа, испытывающие мучительную боль. Уотербери встрепенулся. Я встрепенулся.

Вой слышался всё отчетливее. Затем дверь распахнулась настежь, и в кабинет ввалился Сиппи, поющий во весь голос: «...тебя люблю я, и это всё, что я хочу сказать. Тебя люблю, лю-у-блю я-аа. И это всё...»

Увидев нас, бедолага, слава богу, заткнулся.

— Привет! — жизнерадостно воскликнул он.

Я был потрясён до глубины души. Если помните, когда я в последний раз видел Сиппи, он имел жалкий вид. Осунувшееся лицо. Мученический взгляд. Круги под глазами. А сейчас, спустя всего двадцать четыре часа, он сиял, как медный таз. Глаза его сверкали. Он счастливо улыбался. Его запросто можно было сфотографировать на обложку журнала для преуспевающих мужчин.

— Привет, Берти! — сказал он. — Привет, Уотербери, старина! Извините, что опоздал!

Уотербери, более чем когда-либо напоминавший полисмена-регулировщика, явно не пришёл в восторг от фамильярного к нему обращения. Он поджал губы. — Вы значительно опоздали, Сипперли. Думаю, мне следует упомянуть, что я прождал вас более получаса, а мне время дорого.

— Простите, простите, простите, простите, простите! — весело произнёс Сиппи. — Вы хотели меня видеть насчёт статьи о драматургах Елизаветинской эпохи, верно? Я её прочитал, и, как мне ни прискорбно, дорогой мой Уотербери, она Н.П.

— Прошу прощенья?

— Не пойдёт. Нам она абсолютно не подходит. Не тот жанр. Наша газета представляет

интересы высшего общества. А высшее общество, знаете ли, интересуют цвета жокеев в заездах на гудвудский кубок или, к примеру, леди Бетти Буттль, невестка герцогини Пибблз, которую близкие друзья называют «кукушкой». Вот такие пироги, дорогой мой Уотербери. Мои читатели и слышать не хотят о драматургах Елизаветинской эпохи.

— Сипперли!...

Старина Сиппи вытянул руку и снисходительно похлопал старикана по плечу.

— Дорогой мой, — добродушно сказал он, — можете поверить, мне жутко не хочется отказывать такому старому другу, как вы, но служебный долг превыше всего. Тем не менее не отчаивайтесь. Проявляйте настойчивость, и у вас всё будет хорошо. Вы многообещающий автор, но вам следует получше изучить рынок спроса и предложения. Держите ухо востро, Уотербери, и следите за тем, что нужно издателям. Вот, кстати, могу сделать вам деловое предложение. Напишите статью о комнатных собачках. Сейчас как раз в моду входят пекинки. Не сомневаюсь, если вы от души поработаете...

Старикан решительным шагом направился к выходу.

— У меня нет желания «поработать от души», благодарю вас, — чопорно заявил он. — Если вам не подходит моя статья о драматургах Елизаветинской эпохи, я, вне всяких сомнений, найду другого издателя, который сумеет оценить мой труд по достоинству.

— Вы умница! — воскликнул Сиппи и задушевно добавил: — Абсолютно правильное решение. Кто ищет, тот всегда найдёт. Если вашу статью примут, пошлите этому издателю другую статью. Если вашу статью не примут, пошлите её другому издателю. Вперёд, Уотербери, я с большим интересом буду следить за вашей карьерой.

— Благодарю вас, — с горечью в голосе произнёс директор-регулировщик. — Я не премину воспользоваться вашим ценным советом.

И он умотал, с силой хлопнув дверью, а я посмотрел на Сиппи, который носился по комнате как угорелый.

— Старина...

— А? Что? Прости, Берти, мне некогда. Забежал сюда только для того, чтобы сообщить тебе последние новости. Я пригласил Гвендолен на чашку чая в «Карлтон». Я самый счастливый человек на свете, Берти. Я помолвлен. Я обручился. Окончательно и бесповоротно. Свадьба первого июня в одиннадцать ноль-ноль, в церкви Святого Петра на Итон-сквер. Не забудь про подарок.

— Но, Сиппи! Угомонись хоть на секунду. Как это случилось? Я думал...

— Это долгая история, а у меня совсем нет времени. Спроси у Дживза. Он пришёл со мной и ждёт тебя внизу. Но когда я увидел, как она плачет, склонившись надо мной, я понял, что одно моё слово, и всё будет в порядке. Я взял её маленькую ручку...

— В каком это смысле, склонившись над тобой? Где?

— В твоей квартире.

— Почему?

— Что «почему?»

— Почему она над тобой склонилась?

— Потому, что я лежал на полу, осёл. Как может девушка не склониться над парнем, если он лежит на полу? Пока, Берти. Я убегаю.

И он исчез в мгновение ока. Я бросился за ним следом, но он выбежал из здания раньше, чем я успел спуститься по лестнице. Когда я вышел на улицу, там никого не было.

Впрочем, это неверно. Дживз стоял на тротуаре, мечтательно глядя на рассаду

брюссельской капусты, выставленную в витрине.

— Мистер Сипперли только что ушёл, сэр, — сообщил он мне, когда я пулей вылетел из здания.

Я остановился и вытер своё чело.

— Дживз, — спросил я, — что произошло?

— Если вы имеете в виду любовный роман мистера Сипперли, сэр, я счастлив сообщить вам, что он закончился благополучно. Мистер Сипперли и мисс Мун обручились. Свадьба назначена на первое июня.

— Это я уже знаю. Но как это случилось?

— Я позволил себе позвонить мистеру Сипперли от вашего имени, сэр, и попросил его немедленно к вам прийти.

— Так вот почему он оказался в моей квартире! А дальше?

— Я также позволил себе позвонить мисс Мун, сэр. Я сообщил ей, что мистер Сипперли получил тяжёлую травму. Как я и предполагал, молодая леди чрезвычайно разволновалась и высказала пожелание немедленно провести мистера Сипперли. Когда она приехала, на заключение помолвки ушло практически несколько секунд. Выяснилось, что мисс Мун давно любит мистера Сипперли, сэр, и...

— Неужели, приехав и убедившись, что он не получал никакой травмы, она не пришла в ярость?

— Но мистер Сипперли получил травму, сэр.

— Правда?

— Да, сэр.

— Странное совпадение. Я имею в виду, после того, о чём мы говорили сегодня утром.

— Не совсем так, сэр. Прежде, чем позвонить мисс Мун, я позволил себе ударить мистера Сипперли по голове клюшкой для гольфа, которая, к счастью, стояла в углу гостиной. Если помните, вы упражнялись с ней утром, оттачивая свой удар, сэр.

У меня отвалилась нижняя челюсть. Я всегда знал, что Дживз необычайно проникновен и умён; он, безусловно, был докой во всём, что касалось галстуков и штрипок; но до сих пор я даже не подозревал, что для решения проблемы он способен применить грубую физическую силу.

— Великие небеса, Дживз!

— Я пошёл на этот шаг с болью в сердце, сэр. Мне казалось, другого выхода нет.

— Но, послушай, Дживз, разве мистер Сипперли не всыпал тебе по первое число, когда пришёл в себя и понял, что ты поработал над ним клюшкой для гольфа?

— Мистер Сипперли ничего не понял, сэр. Я принял необходимые меры предосторожности и нанёс удар, когда он повернулся ко мне спиной.

— Но ведь он не мог не догадаться, что его стукнули по голове?

— Я объяснил, сэр, что на него свалилась ваша новая ваза.

— С какой стати он тебе поверил? Если б это произошло, ваза разбилась бы вдребезги.

— Она разбилась вдребезги, сэр.

— Что?!

— Желая добиться полной правдоподобности, я, к великому моему сожалению, вынужден был уронить вазу на пол, сэр.

Я распрямил плечи.

— Дживз!

— Простите, сэр, но, по-моему, вам следует надеть шляпу. Дует холодный ветер.

— Разве на мне нет шляпы?

— Нет, сэр.

Я поднял руку и дотронулся до своей черепушки. Дживз был абсолютно прав.

— Прах побери! Должно быть, я оставил её в редакции. Подожди меня здесь, Дживз, я сейчас вернусь.

— Слушаюсь, сэр.

— Я ещё не всё тебе сказал.

— Благодарю вас, сэр.

Я помчался наверх, перепрыгивая через две ступеньки, и распахнул дверь. Что-то мягкое посыпалось мне за воротник, и в следующую секунду мир предстал передо мной в белом свете. Повсюду, куда хватало глаз, я видел только муку. Находясь в возбуждённом состоянии, я открыл не ту дверь, а вывод для себя я сделал следующий: если у кого-нибудь из моих друзей вдруг появится комплекс неполноценности, пусть избавляется от него сам. С Бертрама довольно.

ГЛАВА 3. Дживз и весёлый дух рождества

Письмо пришло шестнадцатого утром. В тот момент я как раз ублажал себя завтраком, и, чувствуя необычайный прилив сил от кофе и бутербродов с копчёной рыбой, решил незамедлительно сообщить Дживзу свежие новости. Как говорит Шекспир, — если вы взялись за дело, валяйте, вкалывайте смело. Я, конечно, понимал, что моё сообщение жутко огорчит бедного малого, но без разочарований жить на свете невозможно. Как сказал какой-то там поэт, — жизнь сурова, жизнь серьёзна.

— Вот кстати, Дживз, — сказал я.

— Сэр?

— Я получил письмо от леди Уикхэм. Она приглашает меня в Скелдингз на рождество, так что начинай укладывать предметы первой необходимости. Мы уезжаем двадцать третьего. Побольше белых галстуков, Дживз, и не забудь пару костюмов для загородных прогулок. Надеюсь, мы там задержимся. Наступило молчание. Я чувствовал, что он пытается заморозить меня взглядом, и поэтому принялся намазывать повидло на хлеб, не глядя в его сторону.

— Я предполагал, сэр, сразу после рождества вы намеревались поехать в Монте-Карло.

— Да, помню. Мои планы изменились.

— Слушаюсь, сэр.

В это время зазвонил телефон, и я с облегчением вздохнул. Звонок раздался как нельзя кстати и разрядил обстановку. Дживз снял трубку.

— Да?... Да, мадам... Слушаюсь, мадам. — Он подал мне аппарат. — Миссис Спенсер Грегсон, сэр.

Знаете, что я вам скажу? Последнее время мне кажется, что Дживз постепенно теряет свою форму. В былые времена он, не задумываясь, сказал бы тёте Агате, что меня нет дома. Я укоризненно посмотрел на недогадливого малого и взял трубку.

— Алло? — сказал я. — Да? Алло? Алло? Берти у телефона. Алло? Алло? Алло?

— Прекрати твердить «Алло», — взвыла моя престарелая родственница в свойственной ей агрессивной манере. — Ты не попугай. Иногда я об этом сильно сожалею, — по крайней мере, попугаи обладают хоть каким-то разумом. Тяжело выслушивать такое с утра пораньше, но выхода у меня не было.

— Берти, леди Уикхэм говорит, что пригласила тебя в Скелдингз на рождество. Ты поедешь?

— Безусловно!

— В таком случае веди себя прилично. Леди Уикхэм моя старая приятельница.

Знаете, это уж было слишком.

— Естественно, тётя Агата, — холодно произнёс я, — моё поведение и манеры будут строго соответствовать общепринятым нормам, которые английский джентльмен...

— Что ты сказал? Повтори. Я ничего не слышу.

— Я сказал «хорошо».

— Смотри, не забудь. Есть ещё одна причина, по которой я хочу, чтоб в Скелдингзе ты не строил из себя, по своему обыкновению, полного идиота. Там будет гостить сэр Родерик Глоссоп.

— Что?!

— Не смей орать. Ты меня оглушил.

— Ты сказала, сэра Родерик Глоссоп?

— Совершенно верно.

— Может, ты имела в виду Тяпу Глоссоба?

— Я имела в виду сэра Родерика Глоссоба и поэтому сказала, сэра Родерик Глоссоп. А сейчас, Берти, слушай меня внимательно. Куда ты пропал? Алло?

— Я здесь.

— Тогда слушай. Я почти убедила сэра Родерика, хоть это было невероятно трудно, что ты не сумасшедший. По крайней мере, он согласился не записывать тебя в безнадёжно больные, пока ещё раз с тобой не увидится. Таким образом, от твоего поведения в Скелдингзе...

Я повесил трубку. По правде говоря, я был потрясён до глубины души. Вне всяких сомнений, потрясён и, безусловно, до глубины души.

Остановите меня, если слышали об этом раньше, но если вы не в курсе, я вкратце расскажу вам об этом Глоссобе. Он был мрачным типом с лысой головой и кустами вместо бровей, который лечил психов. Как это произошло, мне и сейчас непонятно, но когда-то мы обручились с его дочерью, Гонорией, необычайно динамичной особой, обожавшей Ницше и смеявшейся диким смехом, который напоминал грохот волн, разбивающихся о скалы. Наша помолвка расстроилась после определённых событий, убедивших старикана, что у меня не все дома; с тех пор он записал моё имя первым в списке психов, которые приглашали его на ленч.

Я подумал, что даже рождество — праздник, обязывающий всех и каждого любить друг друга, — не в силах будет изменить что-либо в наших отношениях с сэром Родериком. Если б у меня не было веской причины поехать в Скелдингз, я отменил бы поездку, не сходя с места.

— Дживз, — сказал я дрожащим голосом. — Знаешь, что? В гостях у леди Уикхэм будет сэра Родерик Глоссоп.

— Вот как, сэра? Если вы закончили завтракать, я, с вашего разрешения, уберу со стола.

Холодный, учтивый тон. Никакого сочувствия. Полное нежелание поддержать своего господина в трудную минуту. Как я и предвидел, узнав, что мы не поедим в Монте-Карло, он разобиделся не на шутку. В Дживзе сильно развит спортивный дух, и он наверняка предвкушал, что сорвёт хороший куш за игорными столами. Мы, Вустеры, умеем носить маски. Я сделал вид, что не заметил в поведении обидчивого малого ничего необычного.

— Разрешаю, Дживз, — величественно произнёс я. — Убирай, и чем скорее, тем лучше.

Наши отношения оставались натянутыми до конца недели. Даже чай по утрам Дживз подавал мне с отсутствующим видом. Когда двадцать третьего числа мы отправились в Скелдингз на машине, он отчуждённо сидел на краешке сиденья. Вечером, перед обедом, упрямец явно вызывающе вдел запонки в мою рубашку. Короче, мне стало так неудобно, что утром двадцать четвёртого я решил сделать единственно возможный шаг: объясниться с Дживзом, в надежде, что природное чутьё поможет ему разобраться в моих чувствах.

В то утро у меня было прекрасное настроение. Вчерашний день прошёл без сучка и без задоринки. Леди Уикхэм, носатая особа, сильно смахивающая на тётю Агату, приняла меня довольно любезно. Её дочь, Роберта, приветствовала меня так радостно, что, не скрою, сердце моё затрепетало от восторга. А сэра Родерик Глоссоп, на моё удивление, был,

казалось, пропитан весёлым духом рождества. Когда он меня увидел, уголки его губ искривились в каком-то подобии улыбки, и он воскликнул: «Ха! Это вы, молодой человек!» По правде говоря, наша беседа на этом практически закончилась, но тем не менее он говорил со мной вполне благодушно и, с моей точки зрения, повёл себя, как волк, который после некоторого раздумья решил не лакомиться ягнёнком.

Итак, в данный момент у меня всё шло как по маслу, и я решил поговорить с Дживзом начистоту.

— Дживз, — сказал я, когда он принёс мне дымящуюся живительную влагу.

— Сэр?

— Хочу объяснить тебе причину, по которой мы сюда приехали. Я считаю, ты имеешь право знать, в чём дело.

— Сэр?

— Боюсь, мой отказ поехать в Монте-Карло задел тебя за живое, Дживз.

— Что вы, сэр.

— Да ну, Дживз, Уж я-то знаю. Ты спал и видел, что на всю зиму закатаешься в Монте-Карло. В твоих глазах появился блеск, когда я сообщил тебе, что мы туда едем. Ты слегка вздохнул и пошевелил пальцами. Я тебя насквозь вижу. А когда мои планы изменились, твоя душа оделась в броню.

— Что вы, сэр.

— Да ну, Дживз. Уж я-то знаю. Так вот, хочу сообщить тебе, что в данном случае мною руководил отнюдь не простой каприз. И я вовсе не повёл себя, как легкомысленный мальчишка, когда согласился принять приглашение леди Уикхэм. По правде говоря, я давно собирался здесь погостить, руководствуясь вполне определёнными мотивами. Во-первых, ответь мне, разве в Монте-Карло царит весёлый дух рождества?

— Разве весёлый дух рождества так необходим, сэр?

— Естественно. Лично я голосую за него обеими руками. Но это во-первых, А теперь во-вторых. Мне необходимо было очутиться на рождество в Скелдингзе, Дживз, так как я знал, что здесь будет Тяпа Глоссоп.

— Сэр Родерик Глоссоп, сэр?

— Его племянник. Может, ты заметил, что по дому слоняется такой светловолосый парень с улыбкой, как у Чеширского Кота? Это и есть Тяпа, а я давно хочу с ним поквитаться. Он должен получить по заслугам. Слушай внимательно, Дживз, и скажи, прав ли я, планируя страшную месть. — Вспомнив, как несправедливо со мной обошлись, я разволновался до такой степени, что сделал большой глоток чая. — Несмотря на то что Тяпа является племянником сэра Родерика Глоссоба (из-за которого, как тебе известно, Дживз, я достаточно пострадал), я его не чуждался, и мы часто веселились в клубе «Трутень» и других местах, Я говорил себе, что человек не отвечает за своих родственников. Лично мне, например, не хотелось бы, чтобы мои приятели винили меня за то, что на свете живёт тётя Агата. Тебе не кажется, что я поступал великодушно, Дживз?

— Вне всяких сомнений, сэр.

— Ну, так знай, я пригрел змею на своей груди. Как ты думаешь, что сделал Тяпа?

— Не могу сказать, сэр.

— Тогда я тебе скажу. Однажды вечером после обеда, — дело было в «Трутне», — он предложил мне заключить пари, что я не переберусь на другой конец бассейна по кольцам, свисавшим с потолка. Я, естественно, согласился и заскользил по воздуху с ловкостью

акробата, но, добравшись до последнего кольца, обнаружил, что этот враг рода человеческого зацепил его за крюк в стене, таким образом оставив меня висеть над водой без всякой надежды попасть на берег к моим родным и близким. Мне ничего не оставалось делать, как пуститься вплавь. Тяпа сказал мне, что надул таким образом не одного парня; и, можешь мне поверить, Дживз, если я не поквитаюсь с ним, я себе этого никогда не прощу. Сам понимаешь, в Скелдингзе, как в любом загородном доме, мне представится для этого куча возможностей.

— Я вас понял, сэр.

Знаете, по его манере держаться было видно, что он не проявил должного понимания и не сочувствует мне по-настоящему, поэтому, несмотря на деликатность вопроса, я раскрыл перед ним все карты.

— А сейчас, Дживз, я назову тебе самую важную причину, по которой я решил провести рождество в Скелдингзе. Дживз, — сказал я, невольно краснея и делая глоток доброго, старого чая для бодрости духа, — дело в том, что я влюбился.

— Вот как, сэр?

— Ты видел мисс Роберту Уикхэм?

— Да, сэр.

— Ну, вот.

Я сделал паузу, давая Дживзу время на размышления.

— Пока мы будем гостить в Скелдингзе, Дживз, — произнёс я примерно через минуту, — тебе наверняка часто придётся общаться со служанкой мисс Уикхэм. Будь с ней поразговорчивее.

— Сэр?

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Скажи ей, какой я славный парень. Намекни, что я человек необычный. Она наверняка передаст это своей госпоже. Не забудь отметить мою сердечную доброту и обязательно упомяни, что я один из лучших игроков в теннис среди завсегдатаев «Тругня». Чем больше ты будешь меня нахвалять, тем лучше. Реклама ещё никому не мешала.

— Слушаюсь, сэр. Но...

— Что «но»?

— Видите ли, сэр...

— Когда ты прекратишь говорить «Видите ли, сэр» своим дурацким тоном? Я уже делал тебе замечание по этому поводу, Дживз. От дурных привычек надо избавляться. Проследи за собой. Так что ты хотел мне сказать?

— Вряд ли я могу осмелиться...

— Валяй, Дживз. Мы всегда рады тебя выслушать. Говори, не бойся.

— Я лишь хотел заметить, сэр, что мисс Уикхэм, простите меня за вольность, неподходящая...

— Дживз, — холодно произнёс я, — если ты собираешься сказать хоть одно слово против мисс Уикхэм, не советую тебе делать этого в моём присутствии.

— Слушаюсь, сэр.

— И в присутствии других тоже. Почему ты взъелся на мисс Уикхэм?

— О, сэр!

— Я настаиваю, Дживз. Не виляй. Ты взбрыкнул, услышав о мисс Уикхэм, и я желаю знать, почему.

— Мне пришло в голову, сэр, что для джентльмена вашего склада мисс Уикхэм неподходящая пара.

— В каком это смысле «для джентльмена моего склада»?

— Видите ли, сэр...

— Дживз!

— Прошу прощения, сэр. Выражение вырвалось у меня невольно. Я лишь хотел воспроизвести...

— Чего ты хотел?

— Я лишь хотел выразить свои взгляды, которыми вы заинтересовались...

— Я ими не интересовался.

— У меня сложилось мнение, сэр, что вы пожелали выслушать моё мнение по данному вопросу.

— Вот как? Что ж, послушаем.

— Слушаюсь, сэр. В двух словах, если позволите, сэр; хотя мисс Уикхэм очаровательная молодая леди...

— Так держать, Дживз! Вот теперь ты попал в самую точку. Какие глаза!

— Да, сэр.

— Какие волосы!

— Совершенно верно, сэр.

— Я уж не говорю о *espieglerie*. Кстати, я правильно употребил это слово?

— Да, сэр.

— Ну, хорошо, Дживз. Продолжай.

— Мисс Уикхэм безусловно обладает всеми достоинствами, которые вы перечислили, сэр. Тем не менее, рассматривая её в качестве жены для такого джентльмена, как вы, я пришёл к выводу, что она вам не пара. С моей точки зрения, мисс Уикхэм не очень серьёзно относится к жизни. Она слишком непостоянна и легкомысленна. Джентльмен, который захочет стать мужем мисс Уикхэм, должен обладать железным характером и властной натурой.

— Вот именно!

— Я бы поостерёгся рекомендовать кому бы то ни было в спутницы жизни молодую леди с огненно-рыжими волосами, сэр. Рыжеволосые, сэр, очень опасны.

— Дживз, — сказал я, — ты несёшь чушь.

— Да, сэр.

— Ахинею.

— Да, сэр.

— Чепуху на постном масле.

— Да, сэр.

— Да, сэр... Я хотел сказать, да, Дживз. Это всё. Можешь идти.

Я свысока на него посмотрел и допил остатки чая.

Мне не часто удаётся доказать Дживзу, что он ошибается, но уже к обеду мне представилась такая возможность, и я не преминул ею воспользоваться.

— Не забыл, о чём мы говорили утром, Дживз? — спросил я, выходя из ванной и наблюдая, как он колдует над моей рубашкой. — Я буду рад, если ты уделишь мне минутку внимания. Хочу тебя предупредить, что после моего сообщения ты почувствуешь себя самым последним глупцом на свете.

— Вот как, сэр?

— Да, Дживз. Ты почувствуешь себя глупее некуда. Может, это научит тебя в будущем сначала думать, а потом высказываться по поводу характера той или иной особы. Утром, если мне не изменяет память, ты утверждал, что мисс Уикхэм легкомысленна, непостоянна и относится к жизни несерьёзно. Я прав?

— Вполне, сэр.

— В таком случае то, что я тебе сейчас скажу, заставит тебя пойти на попятную. После ленча мы с мисс Уикхэм решили побродить по саду, и во время прогулки я рассказал ей, как Тяпа Глоссоп надул меня с плавательным бассейном в «Трутне». Она ловила каждое моё слово, Дживз, и переживала за меня изо всех сил.

— Вот как, сэр?

— Слушала со слезами на глазах. И это ещё не всё. Я не успел закончить свой рассказ, а она уже предложила мне самый шикарный, самый потрясающий, самый толковый план мести. Надеюсь, теперь Тяпа не забудет меня до седых волос.

— Приятные новости, сэр.

— Вот-вот. Приятнее не бывает. Оказывается, Дживз, в школе для девочек, где училась мисс Уикхэм, большинству учениц приходилось время от времени учить уму-разуму несознательных особ, отколовшихся от их дружного коллектива. Знаешь, что они делали?

— Нет, сэр.

— Они брали длинную палку, Дживз, и — слушай меня внимательно — привязывали к концу палки штопальную иглу. Затем, глубокой ночью, они проникали в комнату, где спала выдавшая их праведница, и сквозь одеяло протыкали иглой её грелку. Девочки куда толковее мальчиков в делах такого рода, Дживз. В моей доброй, старой школе мы иногда выливали на кого-нибудь ночью кувшин воды, но нам никогда не приходило в голову, что тех же результатов можно добиться с помощью научного метода. Итак, Дживз, как видишь, мисс Уикхэм предложила этот замечательный план, а ты посмел назвать её легкомысленной и несерьёзной. Любая девушка, которая способна в мгновение ока подсказать такую блестящую идею, не может не быть идеальной спутницей жизни. Короче говоря, Дживз, после обеда жди меня в этой комнате с длинной, крепкой палкой, к концу которой будет привязана штопальная игла.

— Видите ли, сэр...

Я поднял руку.

— Дживз, — сказал я, — ни слова больше. Одну палку и одну штопальную, добрую, старую, острую иглу к одиннадцати тридцати в эту комнату. Будь любезен, не задерживайся.

— Слушаюсь, сэр.

— Ты, случайно, не знаешь, где спит Тяпа?

— Я могу выяснить, сэр.

— Выясни, Дживз.

Через несколько минут он вернулся с необходимой мне информацией.

- Мистер Глоссоп занимает Крепостную комнату, сэр.
- Где это?
- Вторая дверь этажом ниже, сэр.
- Прекрасно, Дживз. Ты вдел запонки в воротничок?
- Да, сэр.
- А в манжеты?
- Да, сэр.
- В таком случае давай сюда рубашку.

* * *

Чем больше я думал об этом предприятии, тем больше оно мне нравилось. По натуре я человек не мстительный, но я чувствовал, — как чувствовал бы любой на моём месте, — что если парням вроде Тяпы спускать подобные проделки с рук, рано или поздно наша цивилизация погибнет. Задача, которую я перед собой поставил, была достаточно трудной и требовала жертв, так как мне предстояло дожидаться глубокой ночи, а затем идти по холодному коридору, но я твёрдо решил выполнить свой долг перед человечеством. Мы, Вустеры, не прятались за чужие спины даже во времена крестовых походов.

Сегодня был сочельник, поэтому неудивительно, что все веселились на славу. После обеда деревенский хор спел рождественский гимн под окнами, затем кто-то предложил потанцевать; в общем, мы шикарно провели время, и я вернулся к себе около часа ночи. Учитывая все обстоятельства, я не сомневался, что раньше половины третьего никто не утомится, и только твёрдая решимость выполнить задуманное помешала мне завалиться в постель и уснуть сном младенца. Я уже не тот, что был раньше, и по ночам предпочитаю спать.

К половине третьего в доме стояла мёртвая тишина. Я встряхнулся, прогоняя остатки сна, схватил добрую, старую палку с иглой и вышел в коридор. Спустя совсем немного времени, я уже стоял перед Крепостной комнатой. Дверь, к счастью, оказалась незапертой, и, осторожно открыв её, я переступил через порог.

Я думаю, что грабитель — само собой, профессионал, работающий шесть ночей в неделю круглый год, — оказавшись глубокой ночью в чьей-нибудь спальне, и глазом не моргнул бы. Но такого новичка, как я, не имевшего никакого воровского опыта, запросто можно было бы оправдать, если б он плюнул на это дело, закрыл бы потихоньку дверь и отправился бы спать в уютную постель. И только призвав на помощь всю храбрость Вустеров, а также напомнив себе, что второй такой возможности может не представиться, я преодолел то, что называется минутной слабостью, и не бросился наутёк. Когда слабость прошла, Бертрам снова стал самим собой.

Сначала мне показалось, что в комнате было темно, как в погребке, но через некоторое время мои глаза привыкли к темноте, и я стал кое-что различать. Свет проникал сквозь неплотно закрытые шторы. Кровать стояла изголовьем к стене, а другим концом — к двери, так что у меня появилась прекрасная возможность сделать, так сказать, своё дело и быстро отступить. Теперь мне оставалось лишь разрешить довольно мудрёную проблему: как

обнаружить грелку. Сами понимаете, в подобных случаях, когда надо действовать тихо и незаметно, нельзя наугад тыкать штопальной иглой в одеяло. Прежде чем предпринять решительные шаги в этом направлении, необходимо найти грелку.

В эту минуту, должен признаться, я воспрял духом, потому что услышал со стороны подушек сильный храп. Разум подсказывал мне, что парень, выдающий такие рулады, не проснется без веской на то причины. Осторожно приблизившись к кровати, я провёл рукой по одеялу и почти сразу же наткнулся на выпуклое место. Приставив к нему штопальную иглу, я крепко сжал палку и резко нажал на неё. Затем, вытащив своё грозное оружие, я заскользил к двери и через секунду очутился бы в коридоре и упорхнул бы в свою уютную постель, но внезапно раздался оглушительный удар, от которого, казалось, мой позвоночник отделился от скелета; а содержимое кровати выскочило из-под одеяла, как чёртик из коробочки, и спросило:

— Кто здесь?

Для себя я сделал один вывод: самые ловкие стратегические ходы очень часто приводят к краху всей кампании. Для того чтобы подготовить себе отступление, я оставил дверь открытой, и сейчас она захлопнулась с грохотом взорвавшейся бомбы.

По правде говоря, взрыв ошеломил меня куда меньше, чем неожиданно сделанное мною открытие. Кем бы ни был деятель, соскочивший с постели, к Тяпе он не имел никакого отношения. Тяпа обладал высоким, писклявым голосом, звучащим примерно так, как если бы тенор в деревенском хоре неожиданно дал петуха. Я же слышал нечто среднее между Трубным Гласом и рёвом тигра, требующего подать ему завтрак после нескольких дней воздержания. Это был очень неприятный, резкий голос, без малейших признаков доброты, благодушия и тепла, которые заставляют вас почувствовать, что наконец-то вы обрели друга.

Я не стал медлить. Развив с места бешеную скорость, я выбежал из комнаты, громко хлопнув дверью, и помчался по коридору со всех ног. Быть может, я и олух царя небесного, что с удовольствием подтвердит моя тётя Агата, но не до такой степени, чтобы не понимать, когда моё присутствие нежелательно.

И я, вне всяких сомнений, добежал бы до лестницы в считанные доли секунды, побив все рекорды, когда моё продвижение остановил сильный рывок. Какое-то мгновение я был подобен метеору, несущемуся с космической скоростью, а затем непреодолимая сила мгновенно прервала мой бег и, хотя я по инерции пытался мчаться вперёд, удержала меня на месте.

Вы знаете, иногда мне кажется, что если Судьба решила специально сделать тебе какую-нибудь пакость, лучше ей не перечить. Так как ночь перед рождеством выдалась на редкость холодной, я надел на себя халат, прежде чем отправиться в путь. Дверь защемила полу этой домашней одежды, а в результате я попался как кур в ощи́п.

В следующую секунду дверь распахнулась настежь, залив коридор ярким светом, и деятель с грозным голосом схватил меня за руку.

Это был сэ́р Родерик Глоссо́п.

На какое-то мгновение наступило загише перед бурей, если вы понимаете, что я имею в виду. Три секунды с четвертью, а может, больше, мы, так сказать, ошарашенно смотрели друг на друга, и при этом он вцепился в мой локоть бульдожьей хваткой. Если б на мне не было халата, а на нём розовой пижамы в голубую полоску, и если б он не сверкал глазами, словно прожекторами, как будто собирался меня убить, мы выглядели бы как рекламная картинка в одном из журналов, где многоопытный старец держит за руку молодого человека и ласково говорит: «Мой мальчик, если ты попросишь прислать тебе платный курс лекций из школы Матт-Джеффа в Освего, штат Канзас, как когда-то сделал я, в один прекрасный день ты сможешь стать, подобно мне, третьим помощником вице-президента фирмы „Шенектади“, выпускающей пилочки для ногтей и щипчики для бровей».

— Вы! — сказал, наконец, сэр Родерик. И в связи с этим я хочу заявить следующее: деятели, утверждающие, что невозможно прошипеть слово, если в нём нет букв "с" или "ш", врут и не краснеют. По крайней мере «Вы!» старикана Глоссоба прозвучало как шипение разъярённой кобры, и я не открою вам тайны, если признаюсь, что у меня затряслись поджилки.

По идее, в этот трагический момент мне надо было хоть что-нибудь сказать, однако с моих уст сорвалось нечто вроде жалкого бляения. На большее меня не хватило. Даже в нормальной обстановке, встречаясь с этим типом лицом к лицу, я, несмотря на свою чистую совесть, чувствовал себя крайне неудобно, а в данный момент, глядя на угрожающе нависшие надо мной брови-кусты, я не смог вымолвить ни слова.

— Зайдите ко мне, — сказал он и потянул меня в комнату. — Нам незачем будить весь дом. А сейчас, — тут он отпустил мой локоть, закрыл дверь и вновь грозно пошевелил кустами, — будьте любезны объяснить мне, как понимать ваше безумное поведение?

Мне показалось, если я легко и непринуждённо рассмеюсь, обстановка разрядится. Я ошибался.

— Прекратите стонать! — заявил мой радушный хозяин. Вообще-то он в чём-то был прав: с лёгкостью и непринуждённостью у меня ничего не вышло.

С огромным трудом я взял себя в руки.

— Ради бога извините меня, и всё такое, — сказал я, стараясь говорить как можно более задушевно. — Понимаете, я думал, что вы Тяпа.

— Будьте любезны, когда обращаетесь ко мне, не вставляйте в свою речь идиотские жаргонные словечки. Что означает определение «тяпа»?

— По-моему, это вовсе даже не определение, знаете ли. Скорее уж существительное, если хорошенько поразмыслить. По правде говоря, я думал, что вы это не вы, а ваш племянник.

— Вы думали, я не я, а мой племянник? Почему я должен быть моим племянником?

— Я имею в виду, я считал, что попал к нему в комнату.

— Мы с племянником поменялись комнатами. Я всегда сильно нервничаю, когда сплю на последнем этаже. В загородных домах нередко бывают пожары.

Впервые с начала нашего разговора я немного пришёл в себя. Несправедливость того, что произошло, взволновала меня до такой степени, что я почувствовал себя человеком, а не жабой, попавшей под колесо телеги. Я осмелел до такой степени, что даже посмотрел на этого отъявленного труса в розовой пижаме с презрением и отвращением. Только потому, что он панически боялся пожара и предпочитал, чтобы Типа сгорел вместо него, мой план с треском провалился. Я бросил на него уничтожающий взгляд и, кажется, слегка фыркнул.

— Я не сомневался, что ваш камердинер сообщил вам о моём решении поменяться комнатами с племянником, — сказал сэр Родерик. — Я встретил его незадолго до ленча и попросил передать вам, что мой племянник будет занимать помещение на последнем этаже.

Я покачнулся. Хотите верьте, хотите нет, у меня за кружилась голова, и я не стесняюсь в этом признаться. Я не был подготовлен к этому известию, и оно ошеломило меня, дальше некуда. Значит, Дживз знал, что этот старый хрыч будет спать в постели, которую я собирался протыкать штопальными иглами, и позволил мне отправиться на верную смерть, даже не предупредив об опасности. Это было невероятно. Я пришёл в ужас. В полный ужас.

— Вы сказали Дживзу, что будете спать в этой комнате? — задыхаясь, спросил я.

— Да, конечно. Я знал, что вы дружны с моим племянником, и не хотел, чтобы вы зашли ко мне по ошибке. Должен признаться, я не мог себе представить, что вы зайдёте в три часа ночи. Какого чёрта, — внезапно рявкнул он, распаяясь от собственных слов, — вы бродите по дому в столь позднее время? И что у вас в руке? Я опустил глаза и понял, что всё ещё изо всех сил сжимаю палку со штопальной иглой на конце. Клянусь вам чем угодно, в вихре обуревавших меня эмоций, вызванных известием о предательстве Дживза, я по-настоящему удивился, увидев своё грозное оружие.

— В руке? — переспросил я. — Ах да.

— В каком смысле «Ах да?» Что это такое?

— Видите ли, это долгая история...

— Ничего, у нас вся ночь впереди.

— Тут дело вот в чём. Я попрошу вас представить себе, как несколько недель назад, после обеда в «Трутне», я тихо-спокойно наслаждался сигаретой и...

Я умолк. Старикан меня не слушал. Глаза у него выпучились, и он, тяжело дыша, смотрел на струйку воды, которая потихоньку текла с кровати на ковёр.

— Великий боже!

— ...наслаждался сигаретой и болтал с друзьями о том, о сём...

Я снова умолк. Он поднял одеяло и уставился на труп грелки.

— Это вы сделали? — спросил он придушенным голосом.

— Э-э-э... да. По правде говоря, да. Я как раз рассказывал вам...

— А ваша тётя ещё пыталась убедить меня, что вы не сумасшедший!

— Я нормальный. Абсолютно нормальный. Если вы разрешите объяснить...

— Молчать!

— Всё началось...

— Молчать!

— Как скажете.

Он проделал несколько дыхательных упражнений, втягивая воздух носом.

— Моя постель промокла насквозь.

— Всё началось с того...

— Молчать! — Он зашевелил своими кустами. — Вы, жалкий, несчастный идиот!

Будьте любезны, сообщите мне, где находится ваша комната?

— Этажом выше.

— Благодарю вас. Я найду дорогу.

— А?

Он поднял один из кустов.

— Я намереваюсь провести остаток ночи в вашей постели, которая, надеюсь, находится в надлежащем состоянии для сна. Желая вам расположиться здесь со всеми удобствами. Спокойной ночи.

И он умотал, оставив меня с носом.

* * *

Мы, Вустеры, старые вояки и стойко переносим превратности судьбы. Взглянув на постель, я убедился, что спать в ней могла золотая рыбка, но не Бертрам. Оглядевшись, я пришёл к выводу, что удобнее всего будет провести ночь в кресле. Я умыкнул с кровати несколько подушек, укрыл ноги пледом и принялся считать овец.

Это не помогло. Моя бедная черепушка гудела от мыслей, которые не давали мне уснуть. Чёрная неблагодарность и предательство Дживза приходили мне на ум каждый раз, когда я начинал дремать; кроме того, в комнате становилось всё холоднее, и я уже начал думать, что вообще не усну, когда в районе моего левого локтя кто-то сказал: «Доброе утро, сэр», и я подскочил в кресле.

Я мог бы поклясться, что всю ночь не сомкнул глаз, но, по-видимому, я всё-таки спал. Шторы были подняты, и дневной свет заливал комнату, а Дживз стоял рядом со мной с чашкой чая на подносе.

— Весёлого рождества, сэр!

Я с трудом поднял руку, взял чашку, сделал несколько глотков живительной влаги и слегка приободрился. У меня болело всё тело, а черепушка, казалось, была налита свинцом, но мыслительные способности ко мне вернулись. Я посмотрел на предателя ледяным взглядом и приготовился всыпать ему по первое число.

— Чего ещё ты мне пожелаешь? Многое, смею тебя уверить, зависит от того, как ты понимаешь определение «весёлого». Более того, если ты предполагаешь, что тебе будет весело, ты глубоко заблуждаешься. Дживз, — непреклонным тоном произнёс я, делая очередной глоток чая, — я хочу задать тебе один вопрос. Ты знал, что прошлой ночью в этой комнате будет спать сэр Родерик?

— Да, сэр.

— Ты признаешься!

— Да, сэр.

— И ты ничего мне не сказал!

— Нет, сэр. Я счел более благоразумным промолчать.

— Дживз...

— Если вы позволите, я всё объясню, сэр.

— Объяснишь!

— Я предполагал, что мой поступок может поставить вас в неловкое положение, сэр...

— Ах, вот как?

— Да, сэр.

— Твое предположение подтвердилось, — мрачно произнёс я, прикладываясь к чашке.

— Но мне казалось, сэр, что бы ни случилось, всё будет к лучшему.

Я хотел сказать ему пару тёплых слов, но он не дал мне такой возможности.

— Я думал, по зрелому размышлению, сэра, учитывая ваши взгляды, вы предпочтёте не иметь с сэром Родериком Глоссомом и его семьёй близких отношений.

— Мои взгляды? В каком смысле мои взгляды?

— На брак с мисс Гонорией Глоссом.

У меня возникло такое ощущение, что я получил электрический шок. Толковый малый заставил меня посмотреть на дело другими глазами. Внезапно я понял, к чему он клонит, и догадка озарила меня, как вспышка молнии: оказывается, я зря плохо подумал о своем преданном слуге. Пока я негодовал, считая, что попал из-за него в переплёт, он изо всех сил старался вытащить меня из беды. Мне на ум невольно пришла одна из историй, которую я читал в детстве, где путешественник брёл однажды ночью, а собака схватила его за ногу, и он сказал: «Лежать, скотина! Как ты смеешь, негодная!», а собака продолжала висеть у него на ноге, как он на неё ни ругался, и в это время луна выглянула из-за туч, и он увидел, что стоит на краю пропасти... Ну, в общем, вы меня поняли, а говорю я это к тому, что сейчас со мной произошла примерно такая же история.

Просто удивительно, как парень может потерять всякую осторожность и позабыть, что опасности подстерегают его на каждом шагу. Даю вам честное слово, у меня и в мыслях не было, что тётя Агата, как самая настоящая интриганка, подсунула меня сэру Родерику, чтобы впоследствии его дочка надела мне хомут на шею.

— Великий боже, Дживз! — воскликнул я, бледнея.

— Вот именно, сэра.

— Ты думаешь, я рисковал?

— Да, сэра. Сильно рисковали.

Мне пришла в голову ужасная мысль.

— Но, Дживз, разве сэра Родерик, немного успокоившись, не поймёт, что моей жертвой должен был стать Тяпа, и что протыкание грелок — одна из веселых забав в рождественском духе, к которой следует отнестись со снисходительной улыбкой и не более того? Молодая, горячая кровь, и всё такое, знаешь ли. Я имею в виду, если до него дойдёт, что я не хотел ничего плохого, все твои труды пойдут насмарку.

— Нет, сэра. Я так не думаю. Возможно, сэра Родерик и пришёл бы к выводу, который вы сделали, но произошёл ещё один инцидент.

— Какой ещё инцидент?

— Сегодня ночью, сэра, когда сэра Родерик спал в вашей кровати, кто-то проник в комнату, проткнул его грелку острым предметом и скрылся под покровом темноты.

По правде говоря, я ничего не понял.

— Что?! Может, ты считаешь, я лунатик?

— Нет, сэра. Грелку проткнул молодой мистер Глоссом. Я встретил его сегодня утром, сэра, незадолго до того, как сюда пришёл. Он был в крайне весёлом расположении духа и поинтересовался, как вам спалось в мокрой постели. Мистер Глоссом не подозревал, что его жертвой стал сэра Родерик.

— Но, Дживз, какое удивительное совпадение!

— Сэра?

— Ну, как же, Дживз. Ведь Тяпе пришла в голову та же мысль, что и мне. Вернее, мисс Уикхэм. Чудно, да и только. Самое настоящее чудо, вот что я тебе скажу.

— Не совсем, сэра. Насколько мне известно, эту мысль подала ему молодая леди.

— Мисс Уикхэм?

— Да, сэр.

— Ты имеешь в виду, она посоветовала мне проткнуть грелку Тяпы, а затем пошла прямо к нему и предложила проткнуть мою грелку?

— Совершенно верно, сэр. У молодой леди сильно развито чувство юмора.

Я сидел, как громом поражённый. Когда я подумал, что чуть было не предложил свои руку и сердце девушке, способной предать искреннюю любовь мужественного человека, я задрожал с головы до ног.

— Вам холодно, сэр?

— Нет, Дживз. Я просто вздрогнул.

— Простите меня за смелость, сэр, но случившееся подтверждает точку зрения, высказанную мною вчера. Если помните, сэр, я утверждал, что хотя мисс Уикхэм очаровательная молодая леди...

Я поднял руку.

— Ни слова больше, Дживз, — сказал я. — Моя любовь умерла.

— Слушаюсь, сэр.

На некоторое время я предался грустным размышлениям.

— Значит, ты видел сэра Родерика сегодня утром?

— Да, сэр.

— Ну, и как он?

— Несколько возбуждён, сэр.

— Возбуждён?

— Эмоционально неуравновешен. Он выразил желание немедленно встретиться с вами, сэр.

— Что ты мне посоветуешь?

— Если вы выйдете с чёрного хода как только оденетесь, сэр, вам с лёгкостью удастся незаметно пройти полем в деревню, где вы сможете нанять автомобиль для поездки в Лондон. Тем временем я соберу вещи и вернусь домой на вашей машине.

— А в Лондоне, Дживз? Разве я буду там в безопасности? Неужели ты забыл, что в Лондоне живёт тётя Агата?

— Нет, сэр.

— Так что же делать?

Какое-то мгновение он смотрел на меня своими бездонными глазами.

— Мне кажется, сэр, вам лучше всего ненадолго покинуть Англию, тем более что сейчас зимний сезон. Я не смею указывать вам, сэр, но так как вы уже заказали билеты на Голубой Экспресс, отправляющийся в Монте-Карло послезавтра...

— Но ведь ты отменил заказ?

— Нет, сэр.

— А мне казалось, что отменил.

— Нет, сэр.

— Я определённо помню, что поручил тебе отменить заказ.

— Да, сэр. Я допустил небрежность, но я совсем забыл о вашем поручении.

— Да?

— Да, сэр.

— Ну, хорошо, Дживз. Пусть будет Монте-Карло.

— Слушаюсь, сэр.

— Знаешь, нам сильно повезло, что ты забыл отменить заказ.

— Это большая удача, сэр. Если вас не затруднит подождать меня несколько минут, я сейчас вернусь в вашу комнату и принесу вам одежду, сэр.

ГЛАВА 4. Дживз и Песня Песней

Наступил ещё один дивный, жаркий день, и, следуя недавно появившейся у меня привычке, я пел «Солнечного мальчика», плескаясь в ванной, когда за дверью послышались лёгкие шаги, и до моих ушей донёлся голос Дживза:

— Прошу прощенья, сэр.

Я как раз дошёл до того места, где говорится об одиноких ангелах, и прилагал все усилия, чтобы концовка получилась трагической, но из вежливости перестал петь.

— Да, Дживз? Я тебя слушаю.

— Мистер Глоссоп, сэр.

— Что с ним?

— Он ждёт вас в гостиной, сэр.

— Тяпа Глоссоп?

— Да, сэр.

— В гостиной?

— Да, сэр?

— Он меня ждёт?

— Да, сэр.

— Гмм.

— Сэр?

— Я сказал «гмм».

И я объясню вам, почему я сказал «гмм» Дело в том, что сообщение Дживза привело меня в недоумение. Тяпа прекрасно знал, что в этот час я принимаю ванну, а следовательно, занимаю прекрасную стратегическую позицию для того, чтобы запустить в него мокрой губкой. И тем не менее он пришёл ко мне в гости. Удивительно.

Я завернул свои торс и конечности в несколько полотенец и отправился в гостиную. Тяпа сидел за пианино и одним пальцем наигрывал «Солнечного мальчика».

— Привет! — сказал я, глядя на него сверху вниз.

— А, это ты, Берти. Салют, — рассеянно произнёс Тяпа. — Послушай, Берти, мне надо сообщить тебе одну очень важную вещь.

Мне показалось, придурок сильно нервничает. Он подошёл к каминной полке и первым делом уронил фарфоровую статуэтку, разлетевшуюся вдребезги.

— Понимаешь, Берти, я помолвлен.

— Помолвлен?

— Помолвлен, — смущённо ответил Тяпа, смахивая фотографию в рамке на каминную решетку. — Практически помолвлен.

— Практически?

— Да. Она тебе понравится, Берти. Её зовут Кора Беллинджер. Она учится на оперную певицу. У неё изумительный голос и большая добрая душа. Глаза у неё тоже изумительные, чёрные и блестящие.

— В каком смысле «практически»?

— Видишь ли, прежде чем заказать подвенечное платье, она хочет выяснить для себя одну маленькую деталь. Дело в том, что, обладая большой доброй душой, ну, и всем прочим, Кора очень серьёзно относится к жизни и категорически не приемлет юмора. Я имею в виду

розыгрыши, и так далее. Она сказала, что если б я был человеком, способным сыграть над кем-нибудь шутку, нашим отношениям пришёл бы конец. К несчастью, кто-то рассказал ей о бассейне в «Трутне»... впрочем, наверное, ты уже обо всём забыл, Берти?

— Даже не надейся!

— Нет, нет, не то чтобы забыл, но ведь ты сам от души смеёшься, вспоминая этот забавный случай, верно? И я очень прошу тебя, старина, при первой возможности отведи Кору в сторонку и поклянись ей, что всё это вранье. Моё счастье, Берти, в твоих руках.

Сами понимаете, после подобного обращения что мне оставалось делать? На карту была поставлена честь Вустеров.

— Ну, хорошо, — согласился я, хоть и с явной неохотой.

— Ты настоящий друг!

— Когда ты познакомишь меня с этой особью женского пола?

— Не называй её «особью женского пола», Берти, старина. Я всё предусмотрел. Сегодня мы придём к тебе на ленч.

— Что?!

— В час тридцать. Прекрасно. Замечательно. Великолепно. Спасибо. Я знал, что могу на тебя положиться. И он упорхнул из гостиной, а я повернулся к Дживзу, который принёс мой завтрак.

— Ленч на троих, Дживз, — сказал я.

— Слушаюсь, сэр.

— Знаешь, Дживз, это переходит всякие границы. Помнишь, я рассказывал тебе, как мистер Глоссоп поступил со мной в «Трутне»?

— Да, сэр.

— Несколько месяцев я вынашивал планы мести, мечтая с ним поквитаться. А сейчас он собирается прийти ко мне со своей невестой, и, вместо того, чтобы посадить его в лужу, я вынужден буду кормить их обоих изысканными блюдами, и вообще, играть роль доброго ангела.

— Такова жизнь, сэр.

— Верно, Дживз. Что у нас на завтрак? — спросил я, внимательно глядя на поднос.

— Копчушки, сэр.

— Я не удивлюсь, — сказал я, настраиваясь на философский лад, — если у копчушек тоже бывают неприятности.

— Весьма возможно, сэр.

— Я имею в виду, кроме тех, что их коптят.

— Да, сэр.

— Ничего не поделаешь, Дживз, ничего не поделаешь.

* * *

Не могу сказать, что я разделил восхищение Тяпы этой Беллинджер женского пола. Когда он доставил её в мою квартиру в час двадцать пять, я увидел перед собой мощную особу примерно тридцати зим отроду, с фигурой штангиста-средневеса, пронзительным

взглядом и квадратным подбородком, от которой лично я постарался бы держаться как можно дальше. Она была бы точной копией Клеопатры, если б та вдруг раздобрела от жирной и мучной пищи. Не знаю почему, но женщины, имеющие хоть какое-то отношение к опере, — даже если они только учатся, — всегда обладают пышными формами.

Тяпа, однако, явно был влюблён в неё по уши. Его поведение до и во время ленча доказывало, что он изо всех сил стремился быть достойным её большой, доброй души. Когда Дживз предложил ему коктейль, он отшатнулся от бокала, словно туда всыпали яду. Мне тошно было видеть, как любовь изменила этого человека. При одном взгляде на него кусок застревал у меня в горле.

В половине третьего Беллинджер покинула нас и отправилась на урок пения. Тяпа проводил её до двери, подпрыгивая на каждом шагу и что-то бормоча блеющим голосом, а затем вернулся в гостиную и посмотрел на меня осоловелыми глазами.

— Ну, Берти?

— Что «ну»?

— Настоящее чудо, правда?

— Правда, — согласился я, чтобы успокоить придурка.

— А как тебе её глаза?

— Блеск.

— А фигура?

— Не то слово.

— А голос?

С этим я не мог спорить. По просьбе Тяпы, Беллинджер спела несколько песен, прежде чем кинуться к накрытому столу, как свинья к корыту, и вряд ли кто-нибудь посмел бы отрицать, что горло у неё было лужёное. Извёстка до сих пор сыпалась с потолка.

— Потрясающий, — сказал я.

Тяпа вздохнул и, налив себе в бокал на четыре пальца виски и на один содовой, сделал большой глоток.

— Ах! — воскликнул он. — Какое счастье!

— Почему ты отказался выпить за ленчем?

— Видишь ли, — признался Тяпа, — я ещё не выяснил, как Кора относится к употреблению спиртных напитков, и на всякий случай решил не рисковать. Как ты знаешь, я вишу на волоске, и сейчас каждая мелочь может сыграть роль, а поняв, что я не пью, она наверняка увидит во мне человека с глубоким умом.

— Как можно увидеть то, чего нету? С каких это пор у тебя появился ум, тем более глубокий?

— Не беспокойся, я знаю, что мне делать. У меня есть план.

— Могу поспорить, ты придумал какую-нибудь чушь.

— Ах, вот как? — заявил Тяпа, явно разгорячившись. — Позволь мне заверить тебя, мой мальчик, что я держу ситуацию под контролем не хуже любого генерала. Ты помнишь Говядину Бингхэма, который учился с нами в Оксфорде?

— Как раз вчера встретил его на улице. Он стал священником.

— Да. В Ист-энде. Ну так вот, он организовал нечто вроде клуба для местной молодёжи. Они сидят в читальном зале, пьют какао, играют в триктрак и изредка ходят в концертный зал на всякого рода представления, Я помогаю Говядине, чем могу. За последние несколько недель я каждый вечер только и делал, что играл в триктрак. Кора ужасно мной довольна.

Теперь я должен уговорить её спеть во вторник на одном из концертов, который устраивает Говядина.

— Зачем?

— Затем, что в моей голове созрел гениальный план. Я тоже буду там петь, Берти.

— С чего ты взял, что это тебе поможет?

— Уверяю тебя, я буду петь так, что Кора не сможет не понять всей глубины моих чувств. Она увидит, как грубая, некультурная публика будет плакать, не стесняясь, и скажет себе: «О да! У моего избранника большая, добрая душа!» Дело в том, Берти, что я не собираюсь кривляться на сцене. Буффонада не в моём стиле. Я исполню песню об одиноких ангелах. которые...

Я вскрикнул от изумления.

— Не хочешь ли ты сказать, что собираешься спеть «Солнечного мальчика»?

— Вот именно.

Я был шокирован. Да, разрази меня гром, шокирован, дальше некуда. Видите ли, по поводу «Солнечного мальчика» у меня сложилось определённое мнение. Я считал, что исполнять его могут только избранные и только в своих ваннах. Мысль о том, что песню собирается выставить на посмешище в каком-то концертном зале не кто иной, как парень, который подложил своему другу свинью в «Трутне», была мне отвратительна. Да, именно отвратительна. Однако я не успел выразить своего ужаса и негодования, потому что в эту минуту в комнату вошёл Дживз.

— Миссис Траверс только что звонила по телефону, сэр. Она просила передать, что скоро к вам зайдёт.

— Хорошо, Дживз, — сказал я. — Послушай, Тяпа...

Я умолк. Тяпа исчез.

— Что ты с ним сделал, Дживз? — спросил я.

— Мистер Глоссоп ушёл, сэр.

— Ушёл? Как он мог уйти? Он сидел в этом кресле...

— Входная дверь захлопнулась, сэр.

— Но с какой стати он удрал?

— Возможно, мистер Глоссоп не захотел встречаться с миссис Траверс, сэр.

— Почему?

— Не могу сказать, сэр. Но при упоминании имени миссис Траверс он мгновенно встал с кресла.

— Странно, Дживз.

— Да, сэр.

Я перевел разговор на более понятную для меня тему.

— Дживз, — сказал я, — в следующий вторник мистер Глоссоп собирается петь «Солнечного мальчика» на концерте в Ист-энде.

— Вот как, сэр?

— Перед аудиторией, состоящей в основном из торговцев овощами, владельцев мясных лавочек, официантов питейных заведений и третьесортных боксёров.

— Вот как, сэр?

— Напомни мне, чтобы я туда пошёл. Вне всяких сомнений, он с треском провалится, а я хочу при этом присутствовать.

— Слушаюсь, сэр.

— А когда придёт миссис Траверс, проводи её в гостиную.

* * *

Те, кто хорошо знаком с Берти Вустером, знают, что он путешествует по жизни в окружении эскадрона крикливых, надоедливых, высокомерных тётушек. Но среди них есть одно исключение, а именно, моя тётя Делия. Она вышла замуж за Тома Траверса в тот год, когда Василёк выиграл скачки в Кембридшире, и должен сказать, старики повезло, дальше некуда. Мне всегда доставляет удовольствие поболтать с ней о том о сём, и я радостно приветствовал её, когда в два пятьдесят пять она ворвалась ко мне в гостиную.

Она выглядела очень возбуждённой и приступила к делу, не откладывая его в долгий ящик. У моей тётки Делии большая, добрая душа. В своё время она была заядлой охотницей, и до сих пор, обращаясь к собеседнику, разговаривает так, словно увидела на холме в полумиле лисицу.

— Берти! — вскричала она голосом, от которого свора борзых наверняка понеслась бы со скоростью ветра. — Мне нужна твоя помощь!

— И ты её получишь, тётя Делия, — учтиво произнёс я. — Даю тебе честное слово, никому другому я не окажу услугу с такой готовностью, никому другому я не буду так счастлив...

— Кончай трепаться, Берти, — умоляющим тоном сказала она. — Ты видишься с этим своим другом, молодым Глоссопом?

— Он только что был у меня на ленче.

— Ах, вот как? Жаль, ты не подсыпал яду в его суп.

— Мы не ели суп. И когда ты говоришь о нём, как о моём друге, ты, мягко говоря, искажаешь факты. Со всем недавно после обеда в «Трутне»...

В эту минуту тётя Делия, — как мне показалось, несколько резко, — заявила, что предпочитает узнать историю моей жизни из книги, которую я напишу на склоне лет. Теперь я твёрдо убедился, что сегодня ей изменило весёлое расположение духа, которым она славилась, и поэтому, позабыв о своих неприятностях, спросил, что у неё стряслось.

— Всё дело в этом смрадном псе, Глоссопе, — объяснила она.

— Что он натворил?

— Разбил сердце Анжелы. — (Анжела. Дочь вышеупомянутой. Моя кузина. Классная девушка).

— Разбил сердце Анжелы?

— Да... разбил... сердце... АНЖЕЛЫ!

— Ты говоришь, он разбил сердце Анжелы?

Тут она дрожащим голосом попросила меня не разыгрывать комических сцен из водевиля.

— Чем он разбил её сердце? — спросил я.

— Своим пренебрежением. Своей низостью, бессердечностью, бесчувственностью и двуличностью.

— Двуличностью, это здорово сказано, тётя Делия, — согласился я. — Когда речь идет

о Тяпе Глоссопе, другого слова не подберёшь. Позволь мне рассказать, что он однажды сделал со мной вечером в «Трутне»...

— Несколько месяцев подряд от него просто отбоя не было. Он увивался за Анжелой с утра до вечера. В моё время люди сказали бы, что он искал её расположения...

— Попросту говоря, волочился.

— Волочился или искал расположения, как тебе больше нравится.

— Как тебе больше нравится, тётя Делия, — вежливо произнёс я.

— Как бы то ни было, он, словно привидение, бродил по нашему дому, каждый день приезжал на ленч, танцевал с ней ночи напролет, пока бедная девочка не втюрилась в него по уши и не стала считать само собой разумеющимся, что вскоре они пойдут по жизни в одной упряжке и будут кормиться из одних яслей. А недели три назад он неожиданно исчез и бросил её, как перчатку. Я слышала, он потерял голову из-за какой-то девицы, с которой познакомился на чаепитии в Челси... как же её зовут?...

— Кора Беллинджер.

— А ты откуда знаешь?

— Сегодня она была у меня на ленче.

— Он привел её с собой?

— Да.

— Что она из себя представляет?

— Мощная особа. Её фигура чем-то напоминает Альберт-холл.

— Как тебе показалось, он её очень любит?

— Не отрывал взгляда от её форм.

— Современный молодой человек, — заявила тётя Делия, — страдает врождённым идиотизмом. Ему не обойтись без няньки, которая должна водить его за руку, и сиделки, чтобы та каждые четверть часа вытирала ему нос.

Я попытался объяснить, что нет худа без добра.

— Если хочешь знать моё мнение, тётя Делия, — сказал я, — Анжеле сильно повезло. Этот Глоссоп придурок, каких мало. Во всем Лондоне таких раз-два и обчёлся. Я только что пытался рассказать тебе, как он поступил со мной однажды вечером в «Трутне». Поставив мне бутылку самого лучшего вина, он подождал, пока во мне пробудится спортивный дух, и предложил заключить пари, что я не смогу перебраться через бассейн по кольцам, свисавшим с потолка. Само собой, я с ним поспорил (ведь для меня такая задача — пара пустяков) и заскользил по воздуху, словно птица, когда вдруг обнаружил, что подлый обманщик убрал последнее кольцо, зацепив его за крюк в стене. Мне ничего не оставалось, как броситься в воду и поплыть к берегу в полном вечернем облачении.

— Да ну?

— Вот именно. С тех пор прошло несколько месяцев, но когда я надеваю по вечерам фрак, мне всё ещё кажется, что он мокрый. Ведь не хочешь же ты, чтобы твоя дочка вышла замуж за человека, способного на такой поступок?

— Напротив, твой рассказ восстановил мою веру в юного щенка. Оказывается, не так уж он и плох. Берти, я хочу, чтобы мистер Глоссоп перестал сумасбродничать и порвал с Беллинджер. Займись этим.

— Да, но как?

— Как хочешь. Детали меня не интересуют.

— Что же мне сделать?

— Только не вздумай что-нибудь делать, Берти. Объясни ситуацию Дживзу. Дживз найдёт выход. Один из самых толковых малых, которых я когда-либо встречала. Расскажи Дживзу всё без утайки и попроси его как следует пошевелить мозгами.

— Это мысль, тётя Делия, — задумчиво произнёс я.

— Естественно. Такую пустячную проблему Дживз решит, и глазом не моргнув. Пускай поднапряжётся, а я зайду завтра, чтобы узнать результат.

Она распрощалась и ушла, а я призвал к себе Дживза.

— Дживз, — спросил я, — ты всё слышал?

— Да, сэр.

— Так я и думал. У моей тёти Делии, мягко говоря, командирский голос. Тебе никогда не приходило в голову, что, если она когда-нибудь разорится, ей удастся зарабатывать неплохие деньги, подавая сигналы путникам, заблудившимся в пустыне?

— Я об этом не задумывался, сэр, но, вне всяких сомнений, вы правы.

— Ну, что скажешь? Как твое мнение? Мне кажется, мы должны сделать всё возможное, чтобы ей помочь.

— Да, сэр.

— Я прекрасно отношусь к моей тёте Делии, Дживз. Более того, я прекрасно отношусь к моей кухне Анжеле. Одним словом, я прекрасно отношусь к ним обеим. Но мне непонятно, Дживз, что бедная дурочка нашла в Тяпе, и тебе наверняка это тоже непонятно. Однако не вызывает сомнений, что она его любит, — хотя у меня до сих пор в голове не укладывается, как можно любить Тяпу, — и чахнет по нему, и ждёт его, как... э-э-э...

— Воплощённое терпение, сэр.

— Вот именно, Дживз. Воплощённое, как ты справедливо заметил, терпение. А поэтому мы не можем остаться в стороне. Напряги свой мозг, Дживз, и брось все усилия на решение данной проблемы.

* * *

На следующий день тётя Делия зашла, как обещала, и я нажал на кнопку звонка, призывал Дживза. Хотите верьте, хотите нет, когда он вошёл в гостиную, лицо его светилось разумом, и я сразу понял, что гигантский мозг Дживза работал без устали всю ночь.

— Говори, Дживз, — сказал я.

— Слушаюсь, сэр.

— Ты размышлял над решением проблемы?

— Да, сэр.

— Успешно?

— У меня появился план, сэр, который, мне кажется, поможет добиться желаемого результата.

— Нельзя ли поконкретнее, — попросила тётя Делия.

— В делах такого рода, мадам, прежде всего необходимо изучить психологию индивида.

— Чего изучить у индивида?

— Психологию, мадам.

— Он имеет в виду психологию, — пояснил я. — А под психологией, Дживз, ты подразумеваешь?...

— Характер и нрав лиц, участвующих в деле, сэр.

— То есть кого они из себя представляют?

— Совершенно верно, сэр.

— Послушай, Берти, когда вы остаетесь вдвоём, он тоже так с тобой разговаривает? — спросила тётя Делия.

— Иногда. Не часто. В общем, по-всякому бывает. Продолжай, Дживз.

— Не взыщите, сэр, наблюдая за мисс Беллинджер, мне сразу бросилось в глаза, что у неё крутой нрав и нетерпимый характер. Я могу представить себе, как мисс Беллинджер аплодирует человеку, добившемуся успеха, но не вижу её в роли женщины, сочувствующей неудачнику. Возможно, вы помните, сэр, как она отреагировала, когда мистер Глоссоп попытался дать ей прикурить сигарету от своей зажигалки? Мне показалось, она не скрыла нетерпения, когда зажигалка несколько раз не сработала.

— Верно, Дживз. Она обдала Типу презрением.

— Именно так, сэр.

— Я бы хотела кое-что уточнить, — вмешалась тётя Делия, растерянно переводя взгляд с меня на Дживза и обратно. — Вы имеете в виду, если она всё время будет прикуривать от его зажигалки, рано или поздно ей это надоест и она укажет ему на дверь? Я правильно поняла?

— Я просто упомянул данный эпизод, мадам, чтобы подчеркнуть безжалостный характер мисс Беллинджер.

— Безжалостный — лучше слова не придумаешь, — согласился я. — Эта Беллинджер — прожженная бестия. Одни её глаза чего стоят. И подбородок. Короче говоря, безжалостность у неё на лбу написана. Железная женщина.

— Совершенно справедливо, сэр. Таким образом, мне кажется, если мисс Беллинджер станет свидетельницей публичного позора мистера Глоссоба, она потеряет к нему всякий интерес. Например, в том случае, если зрители неодобрительно отнесутся к его выступлению во вторник...

Я прозрел.

— Клянусь своими поджилками, Дживз! Ты хочешь сказать, если он с треском провалится на концерте, она порвёт с ним всякие отношения?

— Я сильно удивлюсь, если этого не произойдёт, сэр.

Я покачал головой.

— Мы не можем рассчитывать только на случай, Дживз. Само собой, Тяпа, поющий «Солнечного мальчика», это — конец света, но... ты сам должен понимать, что нам может просто не повезти.

— Я и не рассчитываю на везение, сэр. Я хочу предложить, чтобы вы обратились к своему другу, мистеру Бингхэму, и сообщили ему, что готовы принять участие в концерте. Нетрудно будет организовать дело таким образом, что вы выступите непосредственно перед мистером Глоссопом. Я думаю, сэр, если мистер Глоссоп споёт «Солнечного мальчика» сразу после того, как вы исполните ту же песню, аудитория отреагирует определённым образом. Мне кажется, когда мистер Глоссоп начнёт петь, страсти накалятся до предела.

— Дживз! — воскликнула тётя Делия. — Ты просто чудо!

— Благодарю вас, мадам.

— Дживз! — воскликнул я. — Ты просто осёл!

— С какой стати ты называешь его ослом? — вспыхнула тётя Делия. — Самый шикарный план, который можно было придумать!

— Чтобы я спел «Солнечного мальчика» на концерте, который устраивает Говядина Бингхэм? Не смешите меня.

— Вы поёте эту песню каждый день, принимая ванну, сэр. У мистера Вустера, — тут Дживз повернулся к тёте Делии, — очень приятный баритон.

— Я никогда в этом не сомневалась, — проворковала тётя Делия.

— Одно дело петь в ванной, Дживз, и совсем другое — перед торговцами и лавочниками.

— Берти! — угрожающе сказала тётя Делия. — Ты выступишь, как миленький!

— И не подумая.

— Берти!

— Ничто не заставит меня...

— Берти, ты споёшь «Солнечного мальчика» во вторник, где полагается, и будешь петь, как жаворонок, или проклятье твоей тётушки...

— Я не буду петь!

— Подумай об Анжеле!

— Прах побери Анжелу!

— Берти!

— Нет, разрази меня гром, ни за что!

— Не будешь?

— Не буду.

— Это твое последнее слово?

— Окончательное. Раз и навсегда, тётя Делия, ничто не заставит меня спеть на этом концерте ни одной ноты.

И поэтому, примерно в полдень, я послал телеграмму Говядине Бингхэму, предложив ему свои услуги, и к вечеру дело решилось положительно. Я выступал вторым после перерыва, непосредственно перед Тяпой, а сразу после него на сцене должна была появиться мисс Кора Беллинджер — известное колоратурное сопрано.

— Дживз, — сказал я в тот вечер, и, можете мне поверить, тон у меня был ледяной, — будь любезен, сходи в нотный магазин и купи мне ноты «Солнечного мальчика». Теперь я вынужден буду выучить не только куплеты, но и припев. О том, сколько нервов мне придётся потратить, я не хочу даже говорить.

— Слушаюсь, сэр.

— Тем не менее я хочу сказать...

— Если я немедленно не уйду, сэр, нотный магазин может закрыться.

— Ха! — воскликнул я, и, можете мне поверить, тон у меня был иронический,

* * *

Хотя я заранее подготовился к предстоящему испытанию и находился в состоянии

ледяного спокойствия, которое помогает человеку совершать героические поступки с небрежной улыбкой на устах, должен признаться, что в тот момент, когда я вошёл в концертный зал на Бэрмонди-ист и бросил взгляд на ищущую развлечений публику, мне потребовалось призвать на помощь всё мужество и бульдожье упрямство Вустеров, чтобы пулей не выскочить на улицу и не отправиться на первом попавшемся такси обратно в лоно цивилизации. Когда я приехал, концерт был в полном разгаре, и деятель, напоминавший местного гробовщика, с увлечением декламировал «Дом, который построил Джек», а зрители, хоть и не топали ногами в буквальном смысле слова, хмурились и, вообще, выглядели довольно угрожающе, что мне крайне не понравилось. Глядя на них, я, должно быть, испытывал те же чувства, что грешники, перед тем как войти в геенну огненную.

Внимательно осмотрев зрительный зал, я пришёл к выводу, что публика временно отсрочила исполнение приговора. Вам никогда не приходилось стучать в дверь одного из увеселительных мест в Нью-Йорке? Сначала в этой двери открывается окошко, и в нём появляется Лицо. Секунду, длящуюся вечность, Оно смотрит вам прямо в глаза, и вы неожиданно вспоминаете всю свою жизнь. Затем вы говорите о своем друге Зинзинхаймере, который прислал вас сюда и обещал, что при упоминании его имени с вами будут обращаться надлежащим образом, после чего обстановка разряжается. Так вот, торговцы овощами и владельцы мясных лавок очень сильно напомнили мне это Лицо. «Попробуй, выкинь какой-нибудь номер, — казалось, говорили они, — и тогда узнаешь, почём фунт лиха». А я никак не мог отделаться от ощущения, что, когда я начну петь «Солнечного мальчика», они решат, что я выкинул тот самый номер.

— Полный зал, сэр, свободных мест нет, — послышался голос у моего локтя. Дживз материализовался рядом со мной и стоял, снисходительно наблюдая за представлением.

— Ты здесь, Дживз? — холодно спросил я.

— Да, сэр. Я присутствую на концерте с самого начала.

— Вот как? Несчастные случаи были?

— Сэр?

— Ты прекрасно понимаешь, что я имею в виду. Кого-нибудь уже освистали?

— О нет, сэр.

— Думаешь, я буду первым?

— У меня нет причин полагать, что вы провалитесь, сэр. Я не сомневаюсь, что вас хорошо примут.

Внезапно мне в голову пришла одна мысль.

— Значит, ты уверен, что всё пойдёт по плану? — спросил я.

— Да, сэр.

— А я в этом не уверен. И сейчас я объясню тебе, почему. В твоём мерзком плане есть изъян.

— Изъян, сэр?

— Да. Неужели ты считаешь, что мистер Глоссоп, услышав, как я пою эту дурацкую песню, выйдет через минуту после меня и тоже её споёт? Пораскинь мозгами, Дживз. Он поймёт, что стоит на краю пропасти, и вовремя остановится. Скорее всего он просто не станет выступать.

— Мистер Глоссоп не услышит, как вы поёте, сэр. По моему совету он зашёл в «Кувшин и бутылку» на другой стороне улицы и собирается остаться там до тех пор, пока его не пригласят на сцену.

— Вот как? — сказал я.

— Неподалеку отсюда, сэр, находится ещё одно заведение — «Козёл и виноград». Мне кажется, вы поступили бы разумно...

— ...если бы дал трактирщику заработать?

— Это снимет с вас нервное напряжение, сэр, и поможет незаметно провести время до вашего выступления.

По правде говоря, я был крайне недоволен Дживзом, который втравил меня в эту свинскую историю, но, услышав от него дельный совет, я несколько смягчился. На сей раз Дживз попал в самую точку — видимо, он недаром изучал психологию индивида. Я чувствовал, что мой нрав и характер просто мечтали спокойно провести минут десять в «Козле и винограде». Добраться до свободного столика и опрокинуть несколько стаканчиков виски с содовой было для Бертрама Вустера делом нескольких секунд.

Мне стало легче, как по волшебству. Не знаю, что они добавляли в напиток, кроме серной кислоты, но мои взгляды на жизнь резко переменялись. Я больше не чувствовал странного комка в горле. У меня прошло ощущение слабости в коленях. Мои руки и ноги перестали дрожать, язык начал нормально ворочаться, а позвоночник приобрёл былую твёрдость. Задержавшись на мгновение, чтобы пропустить ещё один стаканчик той же жидкости, я весело пожелал официантке доброй ночи, приветливо кивнул двум-трём посетителям за стойкой, которые пришлись мне по душе, и вприпрыжку отправился обратно в концертный зал, ни капельки не волнуясь.

Вскоре я стоял на сцене, а на меня уставился миллион выпученных глаз. В ушах у меня как-то чудно звенело, а затем сквозь этот звон послышались далёкие звуки фортепиано, и, вверив Господу свою душу, я набрал полную грудь воздуха и ринулся в бой.

* * *

Должен вам сказать, я висел на волоске. По правде говоря, я не слишком хорошо помню своё выступление, но, по-моему, в зале зашептались, когда я запел припев. Помнится, я в то время подумал, что публика пытается петь вместе со мной хором, и меня это сильно воодушевило. Я напряг голосовые связки, взял высокую ноту и благополучно добрался до концовки. Я не стал выходить на сцену, чтобы ещё раз поклониться. Потихоньку выбравшись из-за кулис, я занял своё место в зале рядом с Дживзом, который стоял в задних рядах.

— Ну, Дживз, — сказал я, вытирая со своего чела честно заработанный пот, — по крайней мере они не сделали из меня отбивную.

— Нет, сэр.

— Но ты можешь сообщить всем и каждому, что я пел перед публикой в последний раз. Моя лебединая песня, Дживз. Если теперь кому-нибудь захочется меня послушать, пусть приходит к дверям ванной и прикладывает ухо к замочной скважине. Может, я ошибаюсь, но мне показалось, что к концу моего выступления они заволновались. Я чувствовал, что проваливаюсь. По моему, я даже слышал треск.

— Аудитория, сэр, была действительно несколько возбуждена. Видимо, зрители слегка устали от этой мелодии, сэр.

— А?

— Я должен был сообщить вам раньше, сэр, что эту песню исполняли дважды до вашего выступления.

— Что?!

— Да, сэр. Одна леди и один джентльмен. Это очень популярная песня, сэр.

У меня отвалилась нижняя челюсть. Мысль о том, что Дживз, заранее зная об опасности, спокойно отправил своего молодого господина на верную смерть, парализовала мой мозг. Значит, в нём совсем не осталось старого феодального духа. Я только собрался высказать ему всё, что о нём думаю, как на сцене, невеста откуда, появился Тяпа.

По Тяпе сразу было заметно, что он только что посетил «Кувшин и бутылку». Услышав приветственные выкрики из зала — видимо, кричали его партнеры по триктраку, считавшие, что дружба превыше всего, — он улыбнулся так широко, что уголки его губ, казалось, дотянулись до мочек ушей. Не вызывало сомнений, что Тяпа накачался до горла и перестал пить только для того, чтобы впоследствии устоять на ногах. Милостиво помахав рукой своим сторонникам, он величественно поклонился публике, — такой поклон отвечает какой-нибудь восточный монарх, принимающий восхваления толпы.

Девушка за фортепиано ударила по клавишам, заиграв вступление к «Солнечному мальчику», и Тяпа раздулся, как воздушный шар, молитвенно сложил руки на груди, закатил глаза таким образом, чтобы никто не сомневался в наличии у него Души, и начал петь.

* * *

Я думаю, в первую минуту присутствующие были слишком потрясены и поэтому не приняли соответствующих мер. Это кажется невероятным, но я даю вам честное слово, что, пока Тяпа пел первый куплет, в зале царила мёртвая тишина. Но потом зрители опомнились.

Разъярённый торговец овощами — человек страшный. До сих пор мне не доводилось видеть народных волнений, и, должен признаться, вид разгневанного пролетариата вселил в меня ужас. Я имею в виду, теперь я осознал весь кошмар Великой французской революции. Не было такого места в зале, откуда не доносился бы рёв, который можно разве что услышать (по крайней мере так утверждают знатоки) во время боксерского поединка на ринге в Ист-энде, когда судья дисквалифицирует любимца публики, а потом уносит ноги, пока цел. А затем аудитория перешла от слов к делу.

Не знаю, почему, но я был убежден, что прежде всего в Тяпу полетит гнилая картофелина. Такое уж у меня возникло предчувствие. Однако, строго придерживаясь фактов, я должен сказать, что сначала в него запустили бананом, и я сразу понял, что выбор сделан тем, кто соображал куда лучше меня. С детства привыкшие реагировать непринуждённо, если чьё-либо выступление обмануло их надежды, эти ребята инстинктивно знали, как выразить свои чувства наилучшим образом, и в тот момент, когда я увидел, как банан разлетелся брызгами по белой рубашке Тяпы, я понял, что эффект от него неизмеримо живописнее, чем от картофелины.

Впрочем, у картофельной школы мысли тоже были последователи. По крайней мере, в самый разгар страстей я заметил двух деятелей довольно интеллигентного вида, которые

швырялись исключительно гнилым картофелем.

Реакция Тяпы была удивительной. Глаза у него вылезли из орбит, а волосы, казалось, встали дыбом, но он продолжал открывать и закрывать рот, и по движению его губ было понятно, что он автоматически продолжает петь «Солнечного мальчика». Затем он вышел из транса и опрометью бросился за кулисы, на доли секунды опередив помидор, попавший в закрытую дверь на уровне его головы.

Через некоторое время шум и крики утихли. Я повернулся к Дживзу.

— Тягостное зрелище, Дживз, — сказал я. — Но так было надо.

— Да, сэр.

— Хирургическое вмешательство, что?

— Совершенно верно, сэр.

— Ну, после того как он с треском провалился на её глазах, можно считать, роман Глоссоп — Беллинджер за кончился.

— Да, сэр.

В этот момент старина Говядина вышел на сцену.

— Леди и джентльмены, — сказал он.

Я думал, он сейчас упрекнёт свою паству за слишком сильное проявление чувств. Я ошибся. Видимо, пастырь понимал, что его подопечных нельзя ругать за проявление здравомыслия, и поэтому не возражал против небольшого оживления в зале.

— Леди и джентльмены, — сказал старина Говядина, — следующим номером нашей программы должна была быть песня в исполнении мисс Кору Беллинджер, известного колоратурного сопрано, но мисс Беллинджер только что позвонила по телефону и сообщила мне, что у неё сломалась машина. Однако она взяла кэб и скоро к нам приедет. Тем временем наш друг, мистер Енох Симпсон, прочтет нам поэму «Преступник Дан Макгроу».

Я покачнулся и уцепился за Дживза, чтобы не упасть.

— Дживз! Ты слышал?

— Да, сэр.

— Её здесь не было!

— Нет, сэр.

— Она его не видела!

— Нет, сэр.

— Твой дурацкий план с треском провалился!

— Да, сэр.

— Пойдем отсюда, Дживз, — сказал я, и зрители, стоявшие рядом, вне всяких сомнений сильно удивились, не понимая, почему моё благородное чело вдруг стало бледным и хмурым. — Я пережил нервное потрясение, которое выпадало на долю разве что первых мучеников. Я потерял несколько фунтов в весе и десять лет жизни. Я прошёл сквозь пытки. Воспоминания о них заставят меня кричать во сне и просыпаться в холодном поту. И всё впустую. Пойдем.

— Если вы не возражаете, сэр, я останусь. Мне бы хотелось досмотреть концерт.

— Как знаешь, Дживз, — мрачно произнёс я. — Лично у меня не осталось никаких желаний, поэтому я зайду в «Козёл и виноград», пропущу ещё один стаканчик цианистого калия и отправлюсь домой.

Около половины десятого я сидел в своей доброй, старой гостиной, потихоньку потягивая последний за день бокал восстанавливающей силы жидкости, когда раздался звонок в дверь и передо мной предстал Тяпа. Он выглядел как человек, переживший встречу со своим Создателем. Под глазом у Тяпы был синяк.

— Привет, Берти, — рассеянно сказал он и подошёл к каминной полке с таким видом, словно не знал, что ему покрутить в руках или сломать. — Я только что выступал на концерте Говядины Бингхэма, — сообщил он после минутного молчания. — Пел «Солнечного мальчика».

— Да? — спросил я. — Ну и как?

— Полный порядок. Зрители пришли в полный восторг.

— Ты их сразил?

— Наповал. Плакали навзрыд.

Заметьте, это говорил человек, получивший прекрасное воспитание, которому мама, укачивая его на коленях, наверняка долгие годы твердила, что врать грешно.

— Я полагаю, мисс Беллинджер довольна?

— О да. Счастлива.

— Значит, теперь у тебя всё в порядке?

— О, вполне. — Тяпа потупил глаза. — С другой стороны, Берти...

— Да?

— Видишь ли, я долго думал и пришёл к выводу, что мисс Беллинджер всё-таки мне не пара.

— Не пара?

— Не пара.

— Почему не пара?

— Ну, трудно сказать. Такие вещи понимаешь внезапно. Я уважаю мисс Беллинджер, Берти. Я восхищаюсь ею. Но... э-э-э... меня не оставляет мысль о том, как добрая, милая девушка... э-э-э... например, твоя кузина Анжела, Берти... повела бы себя... э-э-э... короче говоря, я хочу обратиться к тебе с просьбой. Позвони, пожалуйста, Анжеле и выясни, как она отнесётся к тому, что я приглашу её сегодня в «Беркли» поужинать и немного потанцевать.

— Звони. Вот телефон.

— Нет, я всё-таки предпочёл бы, чтобы её спросил ты, Берти. Так получилось, что... в общем, если ты, так сказать, протопчешь мне тропинку... видишь ли, а вдруг она... я имею в виду, ты ведь знаешь, какие бывают недоразумения... и... одним словом, Берти, старина, я попросил бы тебя немного мне помочь и всё-таки протоптать тропинку, если не возражаешь.

Я снял трубку и позвонил тёте Делии.

— Можешь прийти. Она тебя ждёт, — сказал я.

— Передай ей, — преданно прошептал Тяпа, — что я лечу к ней со скоростью ветра.

Через несколько минут после того, как он умотал, послышался щелчок ключа в замочной скважине, и я услышал в коридоре лёгкие шаги.

— Дживз! — позвал я.

— Сэр? — сказал Дживз, появляясь рядом со мной.

— Дживз, произошло нечто невероятное, У меня только что был мистер Глоссоп, Он

говорит, у него с мисс Беллинджер всё кончено.

— Да, сэр.

— По-моему, тебя это не удивляет.

— Нет, сэр. Должен признаться, я предвидел подобный исход.

— А? Почему?

— Мне показалось, они разойдутся, когда я увидел, как мисс Беллинджер ударила мистера Глоссопа в глаз.

— Ударила?

— Да, сэр.

— В глаз?

— В правый глаз, сэр.

Я сжал голову руками.

— Но с какой стати она его ударила?

— Я думаю, мисс Беллинджер разнервничалась после приёма, который оказала ей публика.

— Великий боже! Ты хочешь сказать, она тоже с треском провалилась?

— Да, сэр.

— Но почему? Ведь у неё шикарный голос.

— Да, сэр. По всей видимости, публике не понравился её репертуар.

— Дживз! — Меня словно обухом по голове ударили. — Ты имеешь в виду, мисс Беллинджер тоже исполнила «Солнечного мальчика»?

— Да, сэр. И — с моей точки зрения, весьма необдуманно — она вынесла на сцену большую куклу, которую аудитория почему-то приняла за атрибут чревоугодника. Зал сильно волновался, сэр.

— Но, Дживз, какое удивительное совпадение!

— Не совсем, сэр. Я позволил себе вольность обратиться к мисс Беллинджер, когда она приехала на концерт, и напомнил ей, где она меня видела. Затем я сказал, что мистер Глоссоп попросил меня передать ей его просьбу: сделать ему одолжение и спеть «Солнечного мальчика». А когда мисс Беллинджер выяснила, что вы и мистер Глоссоп исполнили ту же песню непосредственно перед её выступлением, она, по всей видимости, решила, что стала жертвой неумной шутки мистера Глоссопа. Я вам ещё нужен, сэр?

— Нет, Дживз.

— Спокойной ночи, сэр.

— Спокойной ночи, Дживз, — благоговейно сказал я.

ГЛАВА 5. Эпизод с собакой Макинтошем

Мой сон без сновидений нарушили звуки, напоминающие отдалённые раскаты грома, и, когда туман в моей голове несколько рассеялся, я понял, откуда они доносятся и что из себя представляют. Собака моей тёти Агаты, Макинтош, царапалась в дверь спальни. Вышеупомянутый пёс, абердинский терьер недалекого ума, был оставлен на моё попечение престарелой родственницей, уехавшей лечиться в Aixles-Bains, и мне никак не удавалось убедить упрямое четвероногое, что рано вставать — глупо. Взглянув на часы, я убедился, что ещё не было и десяти утра.

Я нажал на кнопку звонка, и вскоре в спальню вплыл Дживз с подносом, а за Дживзом вбежал пёс, который прыгнул на кровать, лизнул меня в правый глаз и тут же погрузился в глубокий сон, свернувшись клубком. И, прах побери, я никак не пойму, какой смысл вставать ни свет ни заря и царапаться в чью-то дверь, если при первой же возможности ты собираешься снова завалиться спать. Тем не менее каждый день в течение последних пяти недель это свихнувшееся животное строго придерживалось данной тактики, и, по правде говоря, я от него немного устал.

На подносе лежало несколько писем, и, влив в себя примерно полчашки живительной влаги, я почувствовал, что у меня появились силы посмотреть, что мне пишут. Первое письмо было от тёти Агаты.

— Ха! — сказал я.

— Сэр?

— Я сказал «ха», Дживз. И я имел в виду «ха», и ничего другого. Мой возглас выражал облегчение, которое я испытываю. Моя тётя Агата возвращается сегодня домой. Она прибудет в свою городскую резиденцию между шестью и семью вечера и надеется, что там её встретит Макинтош, живой и здоровый.

— Вот как, сэр? Мне будет не хватать малыша.

— Мне тоже, Дживз. Несмотря на его привычку вставать с петухами и мешать мне завтракать, этот пёс — славный малый. Тем не менее, когда я отправлю его в родные пенаты, мне станет легче на душе. Пока он находился под моей опекой, у меня не было ни одной спокойной минуты. Ты ведь знаешь мою тётю Агату. Она окружила пса любовью, которую ей лучше было бы потратить на племянника, и, если бы с ним что-нибудь случилось, пока я был *in loco parentis*, если бы, находясь в моём ведении, он заболел бы бешенством, оспой или туберкулёзом, вся вина лежала бы на мне.

— Совершенно верно, сэр.

— И, как тебе известно, Дживз, Лондон недостаточно велик, чтобы жить в нём с тётей Агатой, если она сочтёт тебя в чём-то виноватым.

Я вскрыл второе письмо, пробежал его глазами и поднял бровь.

— Ха! — сказал я.

— Сэр?

— Я опять сказал «ха», Дживз, но на этот раз мой возглас выражал лёгкое изумление. Письмо от мисс Уикхэм.

— Вот как, сэр?

Я почувствовал, — если в данном случае можно употребить это слово, — озабоченность в тоне преданного малого, и мне стало ясно, что он спрашивает себя: «Неужели мой

молодой господин вновь поскользнётся на том же самом месте?» Видите ли, было время, когда сердце Вустера в некоторой степени находилось в плену у Роберты Уикхэм, а Дживзу она никогда не нравилась. Он считал её легкомысленной, непостоянной и весьма опасной особой. По правде говоря, факты более или менее подтвердили его правоту.

— Мисс Уикхэм хочет, чтобы я угостил её ленчем.

— Вот как, сэр?

— Она пишет, что приедет с двумя друзьями.

— Вот как, сэр?

— Сюда. В час тридцать.

— Вот как, сэр?

Должен признаться, я разозлился.

— Прекрати изображать из себя попугая, Дживз, — сказал я, сурово помахав перед его носом куском хлеба с маслом. — Тебе нет необходимости стоять и твердить «Вот как, сэр?». Я знаю, о чём ты думаешь, и смею тебя заверить, ты ошибаешься. Мои чувства к мисс Уикхэм мертвы. Моё сердце одето в броню. Но с какой стати я должен отказывать ей в пустяковой просьбе? Вустер может разлюбить, но это не мешает ему быть учтивым.

— Слушаюсь, сэр.

— Можешь посвятить всё утро покупкам. Запасись необходимой провизией. Устроим ленч в духе короля Венчеслава. Помнишь, Дживз? Дай мне рыбу, дай мне дичь...

— Дай мне мяса, дай вина, сэр.

— Как скажешь, так и будет. Тебе лучше знать. Ах да, не забудь пудинг с вареньем.

— Сэр?

— Пудинг с вареньем, и чтоб варенья было как можно больше. Мисс Уикхэм специально упоминает о нём в письме. Загадочно, что?

— Безусловно, сэр.

— А также устрицы, мороженое и шоколадные конфеты с белой, слизкой начинкой внутри. О них даже говорить противно, а?

— Да, сэр.

— Вот-вот. Но она просит, чтобы эти блюда были поданы на стол. Должно быть, сидит на какой-нибудь диете. Как бы то ни было, купи всё, что полагается, ладно?

— Да, сэр.

— Ленч ровно в час тридцать.

— Слушаюсь, сэр.

— Так держать, Дживз.

* * *

В половине первого я вывел Макинтоша на утреннюю прогулку в Гайд-парк и, вернувшись домой в десять минут второго, увидел в гостиной Бобби Уикхэм, которая курила сигарету и болтала с Дживзом, внимавшем ей со сдержанной вежливостью.

Мне кажется, я уже рассказывал вам о Бобби Уикхэм. Она была рыжеволосой девицей, беззастенчиво обманувшей меня в деле Тяпы Глоссопа и грелки, когда я приехал на

рождество в загородное имение её матери в Хертфордшире. Её мама — леди Уикхэм, писательница, пользующаяся большим успехом у тех, кто любит глупо-сентиментальные романы. Мощная женщина, внешне напоминающая мою тётю Агату. Бобби совсем на неё не похожа, так как является обладательницей примерно такой же фигуры, как Клара Боу. Когда я вошёл в гостиную, она радостно меня приветствовала, — настолько радостно, что Дживз, отправившийся смешивать коктейли, остановился в дверях и бросил на меня предупреждающий взгляд, — так мудрый, старый отец смотрит на заблудшего сына, потерявшего голову из-за местной роковой женщины. Я кивнул славному малому, как бы отвечая на его невысказанную мысль: «Моё сердце одето в броню!», и он выплыл за дверь, предоставив мне возможность играть роль гостеприимного хозяина.

— Очень мило с твоей стороны, Берти, что ты согласился пригласить нас на ленч, — сказала Бобби.

— Не стоит благодарности, старушка, — ответил я. — Всегда рад тебя видеть.

— Ты купил то, о чём я тебя просила?

— Все перечисленные тобой отбросы находятся на кухне. С каких это пор ты предалась поеданию пудингов с вареньем?

— Это не для меня. С нами за столом будет сидеть маленький мальчик.

— Что?!

— Ради бога, прости, — произнесла она, заметив моё волнение. — Я понимаю твои чувства и не собираюсь делать вид, что к тебе в гости придёт какой-нибудь ангелочек. Честно говоря, по этому ребёнку давно ремень плачет. Капризуля, каких мало. Но мне необходимо, чтобы ты приветствовал его, как почётного гостя, потому что от него всё зависит.

— В каком смысле?

— Сейчас объясню. Ты знаешь маму?

— Чью маму?

— Мою маму.

— Да, конечно. Я думал, ты спрашиваешь о его маме.

— У него нет мамы. Он живет с отцом, одним из крупнейших театральных деятелей в Америке. Я познакомилась с ним на вечеринке.

— С отцом?

— Да, с отцом.

— Не с мальчиком?

— Нет, не с мальчиком.

— Тогда понятно. Продолжай.

— Ну вот, мама — моя мама — написала пьесу по одному из своих романов, и, когда я встретила отца — театрального деятеля, — я, между нами, произвела на него потрясающее впечатление, и поэтому сказала себе: «А почему бы нет?»

— Что «почему бы нет?»

— Почему бы не всучить ему пьесу мамы?

— Твоей мамы?

— Да, именно моей, а не его мамы. У него, как и у ребёнка, нет мамы.

— Странное совпадение. Должно быть, это у них наследственное, что?

— Видишь ли, Берти, так получилось, что я сейчас не слишком высоко котируюсь в нашей семье. Совсем недавно я вдребезги разбила машину, ну, в общем, по разным причинам

мама не совсем мной довольна. Вот я и подумала, что у меня появился шанс уладить с ней отношения. Я ворковала со стариком Блуменфилдом...

— Это имя кажется мне знакомым.

— О да, он большой человек в Америке. Приехал в Лондон, чтобы присмотреться и, быть может, купить несколько пьес. Поэтому я ворковала с ним до тех пор, пока мне не удалось упросить его послушать мамину пьесу. Он согласился, и я договорилась, что прочту ему этот шедевр после ленча.

— Ты собираешься читать пьесу твоей мамы здесь? — спросил я, бледнея.

— Да.

— Боже великий!

— Я тебя понимаю. Вообще-то, конечно, пьеса довольно занудная. Но мне кажется, дело выгорит. Всё зависит от того, понравится ли она ребёнку. Понимаешь, старик Блуменфилд, непонятно почему, всегда полагается на его мнение. Я думаю, он считает, что ума у мальчика не больше, чем у среднего зрителя...

Я громко вскрикнул, и Дживз, вошедший в гостиную с коктейлями, укоризненно на меня посмотрел. Я вспомнил.

— Дживз!

— Сэр?

— Ты помнишь, когда мы были в Нью-Йорке, нам довелось иметь дело с таким круглолицым ребёнком по имени Блуменфилд? Он ещё отвадил Сирила Бассингтон-Бассингтона от театра?

— Очень живо помню, сэр.

— Тогда приготовься выслушать пренеприятнейшее известие. Он придёт к нам на ленч.

— Вот как, сэр?

— Я рад, что ты в состоянии говорить столь небрежным тоном. Я видел этого мерзопакостного мальчишку всего несколько минут, но, не стану скрывать, перспектива снова с ним встретиться заставляет меня дрожать как осиновый лист.

— Вот как, сэр?

— Прекрати твердить «Вот как, сэр?» Ты наблюдал этого сорванца в действии, и тебе прекрасно известно, на что он способен. Ребёнок заявил Сирилу Бассингтон-Бассингтону, парню, которому он не был даже представлен, что у него лицо как у дохлой рыбины. И заметь, с начала их знакомства не прошло и тридцати секунд. Я честно тебя предупреждаю, если он скажет, что у меня лицо как у дохлой рыбины, я сверну ему шею.

— Берти! — вскричала девица Уикхэм, разволновавшись, дальше некуда.

— Сверну ему шею на другую сторону, и глазом не моргну.

— Ты спутаешь мне все карты.

— Ну и пусть! У нас, Вустеров, своя гордость.

— Возможно, молодой джентльмен не обратит внимания, что у вас лицо как у дохлой рыбины, сэр, — предположил Дживз.

— Тогда другое дело.

— Но мы не можем рисковать, — сказала Бобби. — Возможно, это будет первое, на что он обратит внимание.

— В таком случае, мисс, — заметил Дживз, — мистеру Вустеру лучше не присутствовать на ленче.

Я просиял. Толковый малый, как всегда, нашёл единственный выход из создавшегося

положения.

— Но мистеру Блуменфилду это покажется странным.

— Объясни ему, что я человек эксцентричный. Скажи, что я подвержен частой смене настроений и не могу находиться в присутствии людей. В общем, наври, что хочешь.

— Он оскорбится.

— Он оскорбится куда больше, если я отстегаю его сына ремнём по одному месту.

— Мне кажется, так будет лучше всего, мисс.

— Ох, ну хорошо, — сдалась Бобби. — Делай, как знаешь. Но я хотела, чтобы ты слушал мамину пьесу и восхищался в удачных местах.

— Нет там никаких удачных мест. — И с этими словами я кинулся в прихожую, нахлобучил на себя шляпу и выскочил на улицу как раз в тот момент, когда у дверей дома остановилась машина, из которой вышли папаша Блуменфилд и его отпрыск. У меня сильно заколотилось сердце, когда я понял, что мальчишка меня узнал.

— Привет! — сказал он.

— Привет! — буркнул я.

— Куда это ты собрался? — спросил ребёнок.

— Ха, ха! — ответил я и умотал в мгновение ока.

* * *

Заказав себе ленч в «Трутне», я плотно поел и довольно долго сидел за столиком, смакуя кофе и куря сигареты. В четыре часа я решил, что пора возвращаться домой, но, чтобы не рисковать, сначала позвонил Дживзу.

— Горизонт очистился, Дживз.

— Да, сэр.

— Блуменфилда-младшего нет поблизости?

— Нет, сэр.

— Он случайно не спрятался в шкафу или под диваном?

— Нет, сэр.

— Ну, и как всё прошло?

— Мне кажется, вполне удовлетворительно, сэр.

— Обсуждали, почему меня не было?

— Я думаю, мистер Блуменфилд и юный господин Блуменфилд были несколько удивлены вашим отсутствием, сэр. Очевидно, они встретили вас, когда вы выходили из дома.

— Совершенно верно. Неловко получилось, Дживз. Ребёнок хотел со мной поговорить, но я глухо рассмеялся и пролетел мимо него не останавливаясь. Они говорили что-нибудь по этому поводу?

— Да, сэр. Юный господин Блуменфилд не преминул выразить своё мнение.

— Что он сказал?

— Точно не помню, сэр, но он сравнил вас с кукушкой.

— С кукушкой?

— Да, сэр. Он предположил, что вы значительно уступаете птице в умственном

развитии.

— Вот как? Теперь ты понимаешь, как я был прав, что ушёл? Если б он ляпнул что-нибудь и этом роде мне в лицо, я взялся бы за ремень не задумываясь. Ты очень вовремя предложил мне не присутствовать на ленче.

— Благодарю вас, сэр.

— Слава богу, теперь я могу вернуться домой.

— Вас не затруднит, сэр, сначала позвонить мисс Уикхэм? Она настоятельно просила меня передать, чтобы вы немедленно с ней связались.

— Ты имеешь в виду, она хочет, чтобы я ей позвонил?

— Совершенно верно, сэр.

— Нет проблем. Какой у неё телефон?

— Слоан, 8090. Насколько мне известно, это резиденция тёти мисс Уикхэм на Итон-сквер.

Я набрал номер, и вскоре до моих ушей донёлся голос Бобби. Судя по её тону, она была взбуждена, дальше некуда.

— Алло? Это ты, Берти?

— Собственной персоной. Как дела?

— Замечательно! Всё получилось просто здорово. Ленч был великолепен. Ребёнок слопал столько сладкого, что любая пьеса, — даже пьеса моей мамы, — не могла не показаться ему восхитительной. Я начала читать, пока он ел третье мороженое, чтобы не упустить момента, а он слушал, глядя на меня остекленевшим взглядом, и, когда в конце старик Блуменфилд спросил: «Ну, что скажешь, сынок?», ребёнок с трудом улыбнулся, словно не мог забыть пудинга с вареньем, и ответил: «О'кэй, папка», после чего всё пошло как по маслу. Сейчас старик Блуменфилд повёл его в кино, а я должна прийти к ним в «Савой» в пять тридцать, чтобы подписать контракт. Я только что разговаривала с мамой по телефону, и она сказала, у неё нет слов, чтобы выразить своё удовольствие.

— Блеск!

— Я знала, что ты за меня порадуешься. Да, кстати, Берти, я совсем забыла упомянуть об одной маленькой детали. Помнишь, ты когда-то говорил, что нет такой вещи в мире, которую ты для меня не сделал бы?

Из осторожности я задумался, прежде чем ответить. Не стану скрывать, когда-то я выражал свои чувства подобным образом, но это было до эпизода с Тяпой и грелкой, а сейчас я находился в трезвом уме и здравой памяти. Вы ведь понимаете, о чём я говорю. Пламя Любви вспыхивает и гаснет, Разум возвращается на свой трон, и вам больше не хочется бросаться очертя голову с моста, как вы поступили бы в порыве обуревающих вас страстей.

— Что я должен сделать?

— Нет, нет, ты меня не понял, делать тебе ничего не придётся. Я сама всё сделала, и, надеюсь, ты не будешь на меня дуться. Понимаешь, прежде чем я начала читать пьесу, в гостиную вошёл твой пес, абердинский терьер. Ребёнок пришёл от него в полный восторг и сообщил, многозначительно на меня поглядев, что всю жизнь мечтал иметь такую собаку. Естественно, при подобных обстоятельствах я просто вынуждена была ответить: «Она твоя».

Я покачнулся.

— Ты... ты... что ты сказала?

— Я отдала ему твою собаку. Я знала, ты не станешь возражать. Видишь ли, мне

необходимо было ублажить его. Если б я ему отказала, он разъярился бы, и тогда от пудинга с вареньем и всего прочего не было бы никакого толку. Понимаешь...

Я бросил трубку. Челюсть у меня отвалилась, а глаза, казалось, вылезли из орбит. Опрометью бросившись на улицу, я поймал такси и, влетев в квартиру, первым делом позвал Дживза:

— Дживз!

— Сэр?

— Знаешь что?

— Нет, сэр.

— Собака... собака моей тёти Агаты... Макинтош...

— Его давно не видно, сэр. Он куда-то скрылся после ленча. Я полагаю, сэр, он в вашей спальне.

— Можешь не сомневаться, его нет в моей спальне. Если хочешь знать, где он, я тебе скажу. В одном из номеров «Савоя».

— Сэр?

— Мисс Уикхэм только что сообщила мне, что отдала его Блуменфилду-младшему.

— Сэр?

— Говорю тебе, она отдала его Блуменфилду-младшему. Подарила. Насовсем. С наилучшими пожеланиями.

— Но с какой целью, сэр?

Я объяснил обстоятельства дела. Дживз почтительно зацокал языком.

— Если помните, сэр, я всегда утверждал, — сказал он, когда я закончил свой рассказ, — что хотя мисс Уикхэм — очаровательная молодая леди...

— Да, да, Дживз, это уже не имеет значения. Что нам делать? Вот в чём вопрос. Тётя Агата возвращается между шестью и семью вечера. Она обнаружит, что в её хозяйстве недостаёт одного абердинского терьера. А так как после морского путешествия её наверняка сильно укачало, можешь себе представить, как она отреагирует на сообщение, что её любимца навсегда отдали в чужие руки.

— Я понимаю, сэр. Неприятная история.

— Как ты сказал?

— Неприятная история, сэр.

Я фыркнул.

— Неужели? Должно быть, если б ты находился в Сан-Франциско во время землетрясения, ты небрежно покрутил бы пальцами и произнёс бы нечто вроде: «Ха, ха! Хо, хо! Ну-ну! Надо же!» Английский язык, как мне постоянно твердили в школе, самый богатый в мире; он напичкан миллионами сверхмощных определений. А ты умудрился выбрать самое жалкое из них: «Неприятная история». История здесь вовсе даже ни при чём, Дживз. Это... какое слово я хочу сказать?

— Катаклизм, сэр?

— Я бы не удивился. Ну, так что же нам делать?

— Я принесу вам виски с содовой, сэр.

— Чем мне поможет виски с содовой?

— Он освежит вас, сэр. А тем временем, если желаете, я обдумаю сложившуюся ситуацию.

— Думай, Дживз, думай.

— Слушаюсь, сэр. Я предполагаю, в ваши намерения не входит нарушить только что возникшие сердечные отношения мисс Уикхэм с мистером Блуменфилдом и молодым господином Блуменфилдом?

— А?

— Я имею в виду, сэр, вы не собираетесь пойти в «Савой» и потребовать, чтобы вам вернули собаку?

Мысль была очень соблазнительной, но я покачал своей старой, доброй черепушкой. Есть поступки, на которые Вустер способен, и есть поступки, если вы внимательно следите за ходом моих рассуждений, на которые Вустер не способен. Свою проблему я, безусловно, решил бы, но проклятый ребёнок наверняка надулся бы, как индюк, и тут же забраковал бы пьесу. И хотя я не сомневался, что публика только выиграет, если не посмотрит произведения, написанного мамой Бобби, я просто не мог, так сказать, выбить почву из под ног этой придурковатой девицы, будь она неладна. По-моему, в моём положении французы говорят: «Noblesse oblige».

— Нет, Дживз, — ответил я. — Но если ты придумаешь, как мне незаметно проникнуть в гостиничный номер и умыкнуть оттуда пса, я буду тебе очень признателен.

— Я приложу все усилия, чтобы составить необходимый план, сэр.

— Составляй побыстрее. Говорят, рыба полезна для мозгов. Съешь побольше сардин, а затем доложи мне, что ты придумал.

— Слушаюсь, сэр.

Хотите верьте, хотите нет, прошло не больше десяти минут, прежде чем он открыл дверь и вплыл в гостиную.

— Я полагаю, сэр...

— Да, Дживз?

— Я полагаю, сэр, мне удалось составить план действий.

— Или программу.

— Или программу, сэр. Мой план или программа действий поможет решить данную проблему. Если я понял вас правильно, сэр, мистер Блуменфилд и молодой господин Блуменфилд сейчас находятся в кино?

— Верно.

— Значит, они вряд ли вернутся в гостиницу раньше, чем в пять пятнадцать?

— Ещё раз, верно. Мисс Уикхэм должна прийти к ним в половине шестого, чтобы подписать контракт.

— В таком случае, сэр, в данный момент в номере никого нет.

— Кроме Макинтоша.

— Кроме Макинтоша, сэр. Соответственно, всё зависит от того, велел ли мистер Блуменфилд гостиничной прислуге впустить мисс Уикхэм в номер, если она прибудет до его возвращения из кино.

— Почему от этого всё зависит?

— Если моё предположение верно, сэр, дело решается крайне просто. Необходимо, чтобы мисс Уикхэм приехала в гостиницу к пяти часам. Она поднимется в номер. Вы тоже придёте в гостиницу к пяти часам, сэр, и будете ждать в коридоре. Если мистер Блуменфилд и молодой господин Блуменфилд ещё не вернулись, мисс Уикхэм откроет дверь, и вы войдёте, заберёте собаку и покинете отель.

Я уставился на сметливого малого.

— Сколько банок сардин ты съел, Дживз?

— Ни одной, сэр. Я не люблю сардин.

— Ты хочешь сказать, что придумал эту изумительную, эту блестящую, эту гениальную программу действий, не питая свой мозг рыбой?

— Да, сэр.

— Ты единственный и неповторимый, Дживз.

— Благодарю вас, сэр.

— Но, послушай!

— Сэр?

— Допустим, собака откажется со мной пойти? Ты ведь знаешь, ум у неё недалёкий. К этому времени, в особенности, если пёс привык к новому месту, он спокойно мог забыть о моём существовании и запросто облает меня, как чужого.

— Я подумал об этом, сэр. Вам следует обрызгать брюки анисовыми каплями.

— Анисовыми каплями?

— Да, сэр. Они широко применяются организованными преступниками, ворующими собак.

— Но, Дживз... прах побери... анисовыми каплями?

— Я считаю, это необходимо, сэр.

— Где я их достану?

— В любой аптеке, сэр. А пока вы ходите и покупаете небольшой пузырёк, сэр, я позвоню мисс Уикхэм, чтобы сообщить ей о ваших намерениях и узнать, приказал ли мистер Блуменфилд впустить её в номер до своего возвращения.

* * *

Я не знаю мирового рекорда при покупке анисовых капель, но, должно быть, я его побил. Мысль о том, что тётя Агата с каждой минутой приближается к Метрополии, заставила меня развить такую бешеную скорость, что, вернувшись, я чуть было не столкнулся в дверях с самим собой, бегущим в аптеку.

Дживз сообщил мне хорошие новости.

— Всё, как я полагал, сэр. Мистер Блуменфилд велел впустить мисс Уикхэм в номер, если он не придёт вовремя. В настоящий момент молодая леди уже находится на пути в гостиницу. Когда вы приедете, она будет там.

Знаете, что бы вы не имели против Дживза (лично я, к примеру, никогда не изменю своего мнения, что его взгляды на рубашки, которые следует носить с фракком или смокингом, — устаревшие и в некоторой степени даже реакционные), надо отдать ему должное: толковый малый блестяще составляет планы всевозможных кампаний. Наполеону не мешало бы у него поучиться. Когда Дживз излагает программу действий, вам надлежит строго ей следовать, и, можете считать, ваше дело в шляпе.

Итак, всё получилось согласно его плану. Я даже не подозревал, что собак так легко воровать. Мне казалось, для этого требуются ледяное спокойствие и стальные нервы. Теперь я понял, что умыкнуть пса может грудной ребёнок, если, конечно, им будет руководить

Дживз. Я крадучись вошёл в отель, бесшумно поднялся по лестнице и встал в коридоре, стараясь выглядеть, как пальма в кадке, на тот случай, если кто-нибудь вдруг обратит на меня внимание. Через некоторое время дверь в номер открылась, и на пороге появилась Бобби, а спустя несколько секунд мимо неё стрелой пронёсся Макинтош и страстно принялся обнюхивать мои брюки, причём по его виду было понятно, что он испытывает райское наслаждение. Если б я был сахарной косточкой, он вряд ли проявил бы ко мне больший интерес. Лично меня запах аниса не приводит в восторг, но в душе Макинтоша он, видимо, затронул какие-то собачьи струны.

После того как мои отношения с псом были налажены, я не испытал с ним никаких затруднений. Я спустился по лестнице, и животное шло за мной следом. Мы благополучно миновали холл (я, благоухая, а пес — вдыхая божественный аромат) и через несколько тревожных минут поймали такси и поехали домой. Любой вор в Лондоне одобрительно кивнул бы мне, хваля за прекрасно проделанную работу.

Очутившись в своей квартире, я попросил Дживза запереть Макинтоша в ванной или ещё где-нибудь, чтобы пёс немного протрезвел. Когда исполнительный малый вернулся, выполнив моё поручение, я воздал ему должное.

— Дживз, — решительно произнёс я, — мне не раз доводилось высказывать своё мнение по этому поводу, и я не побоюсь высказать его ещё раз: тебе нет равных.

— Благодарю вас, сэр. Я рад, что это недоразумение улажено.

— С начала и до конца всё прошло без сучка и без задоринки. Признайся, Дживз, ты всегда таким был или на тебя внезапно накатило?

— Сэр?

— Я имею в виду твои мозги. Твоё серое вещество. Скажи, ты был очень талантливым мальчиком?

— Моя мать считала меня умным, сэр.

— Ну, это ничего не значит. Моя мать считала меня умным. Ну, ладно, поговорим на более приятную тему. Надеюсь, тебе пригодится пятёрка?

— Большое спасибо, сэр.

— Пустяки, Дживз. Пятёрка — это ничто по сравнению с тем, что ты сделал. Ты только попробуй представить себе, — если у тебя получится, — как повела бы себя тётя Агата, если б я пришёл к ней между шестью и семью вечера и сказал бы, что Макинтош исчез навечно. Мне пришлось бы уехать из Лондона и отрастить бороду.

— Я с лёгкостью могу представить себе, сэр, что миссис Грегсон сильно возмутилась бы.

— Вот именно, Дживз. А когда моя тётя Агата возмущается, бесстрашные герои спускаются на улицу по водосточным трубам, лишь бы не попасться ей на глаза. Однако всё закончилось благополучно, и... великий боже!

— Сэр?

По правде говоря, я не решился сразу ему ответить. Мне не хотелось огорчать старательного малого, который так благородно пришёл мне на выручку в трудную минуту. Но делать было нечего.

— Ты кое-чего не учёл, Дживз.

— Неужто, сэр?

— Да, Дживз. Мне очень жаль, но твой план действий, выручив меня из беды, здорово навредил мисс Уикхэм.

— Каким образом, сэр?

— Неужели не понимаешь? Блуменфилды, отец и сын, сразу поймут, что собаку могли украсть только в те минуты, когда Бобби находилась в номере, и, соответственно, справедливо сочтут её соучастницей преступления, после чего ни о каком контракте нельзя будет даже мечтать. Я удивлён, что ты не сообразил такой простой вещи, Дживз. Лучше бы ты последовал моему совету и как следует поел сардин, прежде чем предлагать какие бы то ни было планы.

Я печально покачал головой, и в этот момент раздался звонок в дверь. Причём, должен вам сказать, звонок был настойчивый. Какой-то деятель нажал на кнопку и не хотел её отпускать, ясно давая понять, что он явился с недобрыми намерениями. Я подскочил на месте. Моя нервная система была вконец расшатана событиями минувшего дня.

— Боже всемогущий, Дживз!

— Звонок в дверь, сэр.

— Да.

— Возможно, это Блуменфилд-старший, сэр.

— Что?!

— Незадолго до вашего возвращения, сэр, мистер Блуменфилд позвонил по телефону и велел передать, что он к вам зайдёт.

— Надеюсь, ты шутишь?

— Нет, сэр.

— Что мне делать, Дживз?

— Я считаю, сэр, вы поступите весьма разумно, если спрячетесь за диваном.

Я мгновенно понял, насколько хорош был его совет. Мы никогда не встречались с Блуменфилдом в компании, но я видел его издали, когда у него произошла стычка с Сирилом Бассингтон-Бассингтоном, и у меня сложилось впечатление, что с этим театральным деятелем, если он разъярён, лучше не связываться. С моей точки зрения, мощному толстяку было достаточно упасть на человека, чтобы от того осталось мокрое место.

Я быстро спрятался за диван, и примерно через пять секунд по гостиной загулял сильный ветер, и я ощутил неподалёку от себя присутствие чего-то необъятного.

— Этот Вустер, — прогремел голос, привыкший повелевать актёрами во время репетиций с заднего ряда зала. — Где он?

Дживз почтительно ответил:

— Не могу сказать, сэр.

— Он украл собаку моего сына.

— Вот как, сэр?

— Вошёл в мой номер, как в свой собственный, забрал пса и был таков, чёрт его побери!

— Неприятная история, сэр.

— И вы не знаете, где он?

— Мистер Вустер может находиться где угодно, сэр. Его поведение непредсказуемо.

Блуменфилд шумно втянул носом воздух.

— Какой странный здесь запах!

— Да, сэр?

— Чем это пахнет?

— Анисовыми каплями, сэр.

— Анисовыми каплями?

— Да, сэр. Мистер Вустер смачивает ими свои брюки.

— Смачивает ими свои брюки?

— Да, сэр.

— Господи боже мой, зачем?

— Не могу сказать, сэр. Поступки мистера Вустера трудно понять. Он эксцентричен.

— Эксцентричен? Да он просто сумасшедший.

— Да, сэр.

— Вы имеете в виду, он действительно сумасшедший?

— Да, сэр.

Наступило молчание, причём весьма продолжительное.

— Ох, — выдохнул Блуменфилд, и голос его, как мне показалось, потерял былую мощь.

Он вновь помолчал, затем спросил:

— А он... опасен?

— Да, сэр, в особенности когда находится в возбуждённом состоянии.

— Э-э-э... вы не подскажете, что приводит его в возбуждённое состояние?

— Одна из странных особенностей мистера Вустера заключается в том, что он ненавидит дородных джентльменов, сэр, Их вид приводит его в ярость.

— Вы хотите сказать, он не любит толстяков?

— Да, сэр.

— Почему?

— Этого никто не знает, сэр.

И вновь наступило молчание.

— Я толстяк, — задумчиво произнёс старик Блуменфилд.

— Я не осмелился обсуждать с вами данный вопрос, сэр, но раз уж вы сами об этом заговорили... Возможно, вы помните, как мистер Вустер убежал из квартиры, испугавшись, что не сможет с собой справиться, когда узнал, что вы придёте на ленч?

— Верно. Мы встретили его у подъезда, и он пронёсся мимо нас пулей. Тогда мне показалось это странным. Моему сыну это тоже показалось странным. Нам обоим это показалось странным.

— Да, сэр. Мистер Вустер, я полагаю, хотел избежать неприятностей, с которыми ему неоднократно приходилось сталкиваться... Что касается запаха анисовых капель, сэр, моему я теперь догадываюсь, откуда он исходит. Если, конечно, я не ошибаюсь, источник находится за диваном. Несомненно, мистер Вустер там спит.

— Что он делает?

— Спит, сэр.

— И часто он спит на полу?

— Почти каждый вечер, сэр. Вы желаете, чтобы я его разбудил?

— Нет!!!

— Мне казалось, вы намеревались о чём-то поговорить с мистером Вустером, сэр.

Старик Блуменфилд с шумом втянул в себя воздух.

— Мне тоже так казалось, — дрожащим голосом произнёс он, — но теперь я понял, что ошибался. Выпустите меня отсюда, это всё, о чём я прошу.

Я услышал шаги, и через некоторое время входная дверь захлопнулась. Я выбрался из-за дивана. От долгого пребывания в неудобной позе у меня ломило тело, и я был рад вновь

очутиться на свободе. Вскоре в гостиную вплыл Дживз.

— Он уже ушёл, Дживз?

— Да, сэр.

Я одобрительно посмотрел на находчивого малого.

— Одна из твоих лучших выдумок, Дживз.

— Благодарю вас, сэр.

— Одного я никак не могу понять: с какой стати он пришёл именно ко мне? С чего он взял, что это я украл у него собаку?

— Я позволил себе вольность, сэр, дать мисс Уикхэм совет. Я рекомендовал ей сообщить мистеру Блуменфилду, что она видела, как вы забрали пса из его номера. Тот факт — вы о нём упоминали, сэр, — что её могут счесть соучастницей преступления, не ускользнул от моего внимания. Я не сомневался, что откровенность мисс Уикхэм будет высоко оценена мистером Блуменфилдом и поможет ей подписать контракт.

— Понимаю. Риск, конечно, был, но риск оправданный. Да, более или менее оправданный. Что это у тебя в руке?

— Банкнот в пять фунтов, сэр.

— А, тот, что я тебе дал?

— Нет, сэр. Я получил его от мистера Блуменфилда.

— Что? С какой стати он дал тебе пятёрку?

— Мистер Блуменфилд великодушно подарил мне пять фунтов, сэр, после того как я вручил ему собаку.

У меня отвалилась нижняя челюсть.

— Ты... ты...

— Нет, сэр, не Макинтоша. Макинтош в настоящий момент находится в моей спальне. Я отдал мистеру Блуменфилду животное той же породы, которое купил в магазине на Бонд-стрит, пока вы находились в гостинице. Только любящий глаз может отличить одного абердинского терьера от другого, сэр. Мистер Блуменфилд, к счастью, не заметил подмены.

— Дживз, — сказал я, и, не боюсь признаться, в голосе моём слышались слёзы, — ты единственный и неповторимый.

— Благодарю вас от всего сердца, сэр.

— Только потому, что голова у тебя имеет выпуклости в самых неожиданных местах, и поэтому ты соображаешь в два раза быстрее двух самых толковых деятелей в мире, счастье, можно сказать, улыбнулось всем и каждому. Тётя Агата в выигрыше, я в выигрыше, Уикхэмы, мать и дочка, в выигрыше, Блуменфилды, отец и сын, в выигрыше. Куда ни посмотри, большая часть человечества в выигрыше, и всё благодаря тебе, Дживз. Если кто-нибудь подумает, что я оцениваю твои услуги в какую то жалкую пятёрку, я не смогу смотреть людям в глаза. Надеюсь, тебе пригодится ещё одна?

— Благодарю вас, сэр.

— А ещё?

— Большое спасибо, сэр.

— Не откажешься от третьей, на счастье?

— Ну, что вы, сэр, исключительно вам признателен. Простите, сэр, мне кажется, звонит телефон.

Дживз вышел в холл, и я услышал, как он говорит: «Да, мадам», «Конечно, мадам», и всё такое. Затем он вернулся.

— Миссис Спенсер Грегсон просит вас к телефону, сэр.

— Тётя Агата?

— Да, сэр. Она звонит с вокзала «Виктория». Миссис Грегсон выразила желание поговорить с вами о Макинтоше. Насколько я понял, сэр, она хочет услышать из ваших уст, что с малышом всё в порядке.

Я поправил галстук. Я одёрнул полы фрака. Я выпустил манжеты из рукавов. Я чувствовал себя на все сто.

— Подай мне телефон, — сказал я.

ГЛАВА 6. Производство искусства

Я сидел за ленчем у тётки Делии и, несмотря на то, что Анатолий, её выдающийся повар, превзошёл себя, должен честно признаться, каждый кусок застревал у меня в горле. Понимаете, мне надо было сообщить тётке Делии плохие новости, и мысль об этом лишила меня аппетита. Я знал, что, выслушав меня, она не обрадуется; а когда тётка Делия чем-то недовольна, ей не приходит в голову скрывать свои чувства, и она выражает их как женщина, большую часть жизни проведшая в седле и обожающая охоту.

— Тётка Делия, — сказал я, набравшись храбрости.

— Чего тебе?

— Ты помнишь о круизе?

— Да.

— О круизе, в который ты собиралась отправиться?

— Да.

— О шикарном круизе по Средиземному морю на твоей яхте? Помнишь, ты меня на него любезно пригласила, а я с радостью принял твоё приглашение?

— Послушай, тупица, чего ты хочешь?

Я прожевал очередную порцию *cotelette-supreme-aux-choux-fleurs* и сообщил ей неприятную информацию:

— Мне очень жаль, тётка Делия, но я не смогу к тебе присоединиться.

Как я и предполагал, она уставилась на меня вытаращенными глазами.

— Что?!

— Прости, но не смогу.

— Ты, жалкий, несчастный олух царя небесного, в каком это смысле ты не сможешь ко мне присоединиться?

— Никак не смогу.

— Почему?

— Дела чрезвычайной важности не позволяют мне покинуть Метрополию.

Она фыркнула.

— А если говорить попросту, без затей, ты вновь волочишься за какой-нибудь юбкой?

По правде говоря, мне не понравилось, как она это сказала, но я был потрясён её проникновенностью, — по-моему, я правильно употребил данное слово. Я имел в виду качество, которым обладают все детективы.

— Да, тётка Делия, — сказал я. — Ты угадала мой секрет. Я действительно люблю.

— Кто она?

— Мисс Пендлбери. У неё очень красивое имя: Глэйдис. Пишется через "й".

— В каком смысле через "й"?

— После "э" идет "й".

— Ты хочешь сказать, она не Глэдис, а Глэйдис?

— Вот именно.

Моя родственница издала охотничий клич.

— И тебе не совестно объявлять во всеуслышание, что у тебя не хватило ума за милую обойти девицу, которая называет себя Глэйдис? Послушай, Берти, — проникновенно сказала тётка Делия, — я куда более опытная женщина, чем ты... в общем ты понял, что я имела в

виду; и я с радостью дам тебе несколько полезных советов. Так вот: не жди ничего хорошего от девушек, которые называют себя Глэйдис, или Изабель, или Мэйбл, или Катрин. И, смею тебя уверить, самые опасные из них именно Глэйдис. Что она из себя представляет?

— Нечто божественное.

— Это не та особа, которая катала тебя вчера по Гайд-парку со скоростью шестьдесят миль в час? На красном двухместном автомобиле?

— Вчера она катала меня по Гайд-парку. Факт весьма обнадеживающий. И у неё красный «виджен-семь».

Тётя Делия с облегчением вздохнула.

— Ну, тогда всё не так страшно. Скорее всего, она сломает твою дурацкую шею, прежде чем ей удастся притащить тебя к алтарю. Хоть какое-то утешение. Где ты с ней познакомился?

— На чаепитии в Челси. Она художница.

— О, боги!

— Прекрасная художница, смею тебя уверить. Кисть у неё ходуном ходит. Она написала мой портрет, и мы с Дживзом повесили его сегодня в моей квартире. Мне кажется, Дживзу портрет не понравился.

— Если существо на портрете хоть немного похоже на тебя, он никому не может понравиться. Художница! Называет себя Глэйдис! Водит машину как гонщик, опаздывающий на свидание! — Тётя Делия задумалась. — Всё это, конечно, очень печально, но я не понимаю, почему ты не можешь отправиться со мной в круиз.

Я объяснил.

— Надо быть сумасшедшим, чтобы покинуть Метрополию в такой ответственный момент. Ты ведь знаешь девушек. Если всё время не мелькать у них перед глазами, они тебя сразу забудут. А у меня и так на душе неспокойно из-за одного деятеля, которого зовут Люций Пим. Во-первых, он тоже художник, что немаловажно, а во-вторых, у него выются волосы. Должен тебе сказать, тётя Делия, что выющиеся волосы никак нельзя скидывать со счетов. К тому же у этого парня деспотический характер. Люций Пим обращается с Глэйдис как будто он такси, а она грязь под его колёсами. Он критикует её шляпки и говорит совершенно ужасные вещи по поводу какой-то светотени. Я часто замечал, что по непонятной причине такое поведение всегда восхищает девушек, а так как я рыцарь без страха и упрёка, если ты понимаешь, о чём я говорю, существует опасность, что мне дадут от ворот поворот. Принимая во внимание все перечисленные мною факты, я не могу мотаться по Средиземному морю, предоставив Пиму свободу действий. Надеюсь, ты согласна?

Тётя Делия рассмеялась. Смех у неё был неприятный, я бы даже сказал, презрительный.

— И чего я волнуюсь? — спросила она. — Неужели ты хоть на секунду предполагаешь, что Дживз даст согласие на этот брак?

Я был оскорблён в лучших чувствах.

— Ты намекаешь, — тут я постучал вилок по столу, а может, нет, точно не помню, но всё-таки, кажется, постучал, — что Дживз командует мной, как ему вздумается? Или ты считаешь, я позволю ему помешать мне жениться на моей избраннице?

— А разве он не помешал тебе носить усы? И лиловые носки? И шёлковые рубашки с фракком?

— Это совсем другое дело.

— Знаешь, Берти, я готова заключить с тобой небольшое пари. Дживз не даст тебе

жениться на этой девушке.

— Какая чушь!

— И если ему не нравится твой портрет, он от него избавится.

— Большой глупости я в жизни не слышал.

— И, наконец, ты, влюблённый оболтус, Дживз доставит тебя на борт моей яхты в назначенный день и час. Не знаю, как он это сделает, но ты там будешь.

— Давай поговорим на другую тему, тётя Делия — холодно сказал я.

* * *

Находясь во взвинченном состоянии из-за поведения моей, так сказать, крови и плоти, я решил после ленча немного прогуляться по Гайд-парку, чтобы привести в порядок свою нервную систему. Примерно в четыре тридцать мои ганглии перестали вибрировать, и я пошёл домой. Дживз стоял в гостиной и смотрел на портрет.

Глядя на бедного малого, я почувствовал некоторое смущение, так как утром, перед уходом, оповестил его, что круиз отменяется, и он принял это весьма близко к сердцу. Видите ли, ему очень хотелось отправиться в далёкое плавание. С той самой минуты, как я принял приглашение тёти Делии, глаза его загорелись тоской по морю, и, хоть я в этом не уверен на все сто, мне показалось, он тихонько напевал на кухне какие-то морские песни. Должно быть, один из его предков служил матросом или кем-нибудь ещё у Нельсона, потому что тяга к солёным просторам была у Дживза в крови. К примеру, когда мы плыли в Америку, я несколько раз видел, как он разгуливал по верхней палубе с таким видом, словно собирался выбирать грота-блок или сплеснивать нактоуз.

Поэтому, — хоть я ничего от него не скрыл и подробно объяснил причину, по которой не мог присоединиться к тёте Делии, — я знал, что Дживз находится в расстроенных чувствах. Войдя в гостиную, я подошел к нему, стараясь держаться как можно непринуждённое, и тоже стал смотреть на портрет.

— Неплохо смотрится, Дживз, что?

— Да, сэр.

— Произведения искусства украшают дом, лучше некуда.

— Да, сэр.

— Они придают комнате... как бы это сказать...

— Да, сэр.

Отвечал он, как полагается, но манеры у него были какие-то странные, если вы меня понимаете, и я решил всыпать ему по первое число. Я имею в виду, прах меня побери! Я имею в виду, мне неизвестно, есть ли у вас дома свой собственный портрет, но если есть, вы меня поймёте. Вид вашего портрета, который висит на стене, вызывает у вас по отношению к нему отцовские чувства, и от зрителей требуются одобрение и энтузиазм, а не поджатые губы, сморщенные носы и остекленевшие взгляды, совсем как у дохлых селёдок. В особенности, если данный портрет написан девушкой, к которой вы испытываете чувства куда более глубокие, чем просто дружеские.

— Дживз, — сказал я, — тебе не нравится это произведение искусства.

— Ну, что вы, сэр.

— Нет. Притворяться бесполезно. У тебя на лбу всё написано. По какой-то причине данное произведение искусства не произвело на тебя должного впечатления. Что тебе в нём не нравится?

— Не слишком ли яркие краски, сэр?

— Я этого не заметил, Дживз. Что ещё?

— Видите ли, сэр, по моему мнению, мисс Пендлбери придала вашему лицу голодное выражение.

— Голодное?

— Как у собаки на цепи, сэр, которая смотрит на лежащую вдалеке кость.

Я резко возразил непонятливому малому:

— Никакого сходства с собакой на цепи, которая смотрит на кость, нет и в помине, Дживз. Взгляд, о котором ты упомянул, мечтательный, он выражает состояние Души.

— Да, сэр.

Я перевёл разговор на другую тему.

— Мисс Пендлбери говорила, что собирается навестить меня днём, чтобы посмотреть на портрет. Она заходила?

— Да, сэр.

— И уже ушла?

— Да, сэр.

— Ты имеешь в виду, она ушла, что?

— Совершенно верно, сэр.

— Она случайно не просила передать, что вернётся?

— Нет, сэр. Мне показалось, это не входило в её намерения. Мисс Пендлбери была несколько взволнована, сэр, и выразила желание пойти к себе в студию и отдохнуть.

— Взволнована? Что её взволновало?

— Авария, сэр.

Я не схватился за голову, но в моей черепушке всё помутилось, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Ты хочешь сказать, она попала в аварию?

— Да, сэр.

— В какую?

— В автомобильную, сэр.

— Она получила травму?

— Нет, сэр. Пострадал джентльмен.

— Какой джентльмен?

— Мисс Пендлбери, к великому её несчастью, сбила своей машиной джентльмена напротив вашего дома, сэр. У джентльмена перелом ноги.

— Не повезло бедняге! Но с мисс Пендлбери всё в порядке?

— Её физическое состояние кажется весьма удовлетворительным, сэр. Но она испытала тяжёлое душевное потрясение.

— Вполне естественно, ведь у неё тонкая, артистичная натура. Иначе и быть не может. Девушке, Дживз, очень тяжело жить в мире, где вереницы парней так и норовят броситься под колёса её автомобиля. Должно быть, она получила самый настоящий шок. А что с придурком?

— С джентльменом, сэр?

— Да.

— Он в спальне для гостей, сэр.

— Что?!

— Да, сэр.

— В спальне для гостей?

— Да, сэр. Мисс Пендлбери выразила желание, чтобы его перенесли в вашу квартиру.

Она велела мне телеграфировать о случившемся сестре джентльмена, проживающей сейчас в Париже. Я также взял на себя смелость вызвать врача, который высказал мнение, что пациент некоторое время должен находиться *in statu quo*.

— Ты имеешь в виду, в обозримом будущем тело нельзя будет отсюда вынести?

— Да, сэр.

— Дживз, это уж слишком.

— Да, сэр.

Я хочу сказать, прах меня побери! Я хочу сказать, девушка может быть очень даже божественной, и всё такое, но она не имеет права превращать квартиру своего обожателя в морг. Должен честно признаться, на какую-то долю секунды моя страсть несколько поутихла.

— Что ж, наверное, мне надо сходить к придурку и представиться. В конце концов, я хозяин. У него есть имя?

— Мистер Пим, сэр.

— Пим!

— Да, сэр. Я слышал, как молодая леди называла его Люций. Мистер Пим направлялся к вам, чтобы посмотреть на портрет, написанный мисс Пендлбери, и она сбила его машиной, когда сворачивала за угол.

Я прошёл в спальню для гостей. По правде говоря, я чувствовал себя не в своей тарелке. Не знаю, любили ли вы когда-нибудь и был ли у вас соперник с вьющимися волосами, но, можете не сомневаться, меньше всего мне хотелось видеть этого калеку в моей спальне. Помимо всего прочего, преимущество, которое давало ему нынешнее положение, было огромным. Как можно сравнить прикованного к постели бледного парня с томным взглядом, предмет заботы и жалости сбившей его девушки, с розовощёким здоровяком, одевающим по утрам костюм для прогулок и штрипки? Мне начало казаться, что весь мир ополчился против меня.

Когда я вошёл в спальню, Люций Пим лежал в постели. На нём была моя пижама, он курил мою сигарету и читал детективный роман. Он помахал мне сигаретой, с моей точки зрения весьма покровительственно, будь он проклят!

— Ах, Вустер! — сказал он.

— Обойдусь без ваших «Ах, Вустер!», — недовольно произнёс я. — Когда вас можно будет отсюда увезти?

— Через неделю, неделю с лишним.

— Через неделю?!

— Неделю с лишним. Доктор говорит, мне необходим абсолютный покой. Так что простите меня, старина, но я попросил бы вас не повышать голос. Громкие разговоры мне противопоказаны, поэтому постарайтесь не шуметь. А сейчас, Вустер, обсудим эту аварию. Нам с вами необходимо прийти к соглашению.

— Вы уверены, что вас нельзя перевезти к себе?

— Уверен. Врач категорически запретил мне двигаться.

— Я считаю, надо пригласить другого врача.

— Дорогой мой, это бессмысленно. Диагноз поставлен человеком, который знает своё дело. Не беспокойтесь, мне здесь очень удобно. Постель достаточно мягкая. Лучше поговорим о том, что произошло. Моя сестра приедет завтра и будет крайне огорчена. Я её любимый брат.

— Любимый?

— Да.

— Сколько у неё братьев?

— Шесть.

— И вы любимый?

— Да.

Должно быть, остальные пять были полными идиотами, но я этого не сказал. Мы, Вустеры, умеем держать язык за зубами.

— Она вышла замуж за деятеля по имени Слингсби. Может, слышали о «Суперсупах Слингсби»? Денег у него куры не клюют. Думаете, он время от времени хоть немного помогает нуждающемуся брату своей жены? — с горечью произнёс Пим. — Нет, сэр, от него гроша ломаного не дождёшься! Однако я увлёкся. Мы говорили, что сестра меня обожает, и, боюсь, она проходу не даст бедной малышке Глэйдис, как только узнает, что несчастная девочка сбила меня своим автомобилем. А поэтому моя сестра должна остаться в неведении, Вустер. Я прошу вас, как человека благородного, ничего ей не говорить.

— Естественно.

— Я рад, что вы так быстро всё поняли, Вустер. Оказывается, вы совсем не такой дурак, каким вас считают.

— Кто это считает меня дураком?

Пим слегка приподнял брови.

— Разве кто-нибудь считает вас умным? — спросил он. — Ну-ну. Значит, решено. Если мне не придёт в голову ничего более дельного, скажу сестре, что меня сбил автомобиль, который не остановился, и я не успел записать его номер. А теперь можете оставить меня в одиночестве. Доктор ясно дал понять, что мне нужны тишина и покой. К тому же я отложил книгу на самом интересном месте. Преступник только что бросил кобру в печную трубу, и я должен находиться рядом с героиней. Эдгар Уоллес — это класс! Если мне что-нибудь потребуется, я позвоню.

Я вернулся в гостиную. Дживз стоял на прежнем месте и продолжал смотреть на портрет с таким видом, словно у него разболелись зубы.

— Дживз, — сказал я, — мистер Пим обосновался здесь надолго.

— Да, сэр.

— По крайней мере сейчас его отсюда не выгнать. А завтра мы будем иметь счастье лицезреть миссис Слингсби, жену Суперсупов Слингсби.

— Да, сэр. Я телеграфировал миссис Слингсби около четырёх. Если предположить, что она находилась в своем отеле, когда пришла телеграмма, ей не составит труда попасть на пароход, прибывающий в Дувр (или Фолькстоун, если она предпочтет этот маршрут) за час до отхода поезда, который приходит в Лондон около семи. Вероятно, миссис Слингсби сначала поедет в свою лондонскую резиденцию...

— Да, Дживз, конечно, — перебил я болтливое малого. — Захватывающая история, и ты очень интересно рассказываешь. Советую тебе написать её в стихах и сочинить к ней музыку. А тем временем послушай, что я скажу. Миссис Слингсби ни в коем случае не должна узнать, что мисс Пендлбери переехала её брата. Таким образом, я попросил бы тебя, перед тем как она приедет, осведомиться у мистера Пима, какую историю он придумал на этот счёт. Будь любезен, подтверди всё, что он ей наврёт.

— Слушаюсь, сэр.

— А теперь, Дживз, как насчет мисс Пендлбери?

— Сэр?

— Вне всяких сомнений, она придёт проведать мистера Пима.

— Да, сэр.

— Ну вот, она не должна меня видеть. Скажи, Дживз, ты всё знаешь о женщинах?

— Да, сэр.

— Тогда ответь мне на один вопрос. Прав я или нет, предполагая, что если мисс Пендлбери долгое время проведёт с бледным, интересным инвалидом, а затем, пока воспоминания о нём ещё не стерлись из её памяти, увидит меня, здоровяка в брюках со штрипками, сравнение будет не в мою пользу? Ты понимаешь, что я имею и виду? С одной стороны — романтичный юноша, а с другой...

— Вы абсолютно правы, сэр. Именно на этот момент я хотел обратить ваше внимание. Вид инвалида, несомненно, пробуждает материнские чувства, которые живут в сердце каждой женщины. Ради инвалидов женщины готовы пойти на любые жертвы. Это свойство женской души очень точно определил поэт Скотт: «О, Женщина, когда с тобой шалишь, скромна, капризна ты, тебе не угодишь... Когда же видишь ты страданье, боль...»

Я поднял руку.

— В другой раз, Дживз, — сказал я, — мне будет приятно послушать, как ты читаешь стихи, но сейчас я не в настроении. Одним словом, в создавшейся ситуации я намереваюсь завтра уйти из дома рано утром и вернуться только к ночи. Возьму машину из гаража и съезжу на денёк в Брайтон.

— Да, сэр.

— Я ведь прав, Дживз, как ты думаешь?

— Вне всяких сомнений, сэр.

— Мне тоже так кажется. Морские бризы успокоят мою нервную систему, которая нуждается в успокоении, дальше некуда. Я оставляю квартиру в полном твоём распоряжении, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

— Передай мои извинения мисс Пендлбери, вырази ей моё сочувствие и скажи, что я вынужден был уехать по неотложным делам.

— Да, сэр.

— Если Слингсби захочет освежиться, мой бар к её услугам.

— Слушаюсь, сэр.

— И не клади в суп мистера Пима мышьяк. Сходи к аптекарю и выбери яд, который не оставляет следов.

Я вздохнул и скосил глаза на портрет.

— Моё положение весьма шатко, Дживз.

— Да, сэр.

— Когда она писала этот портрет, я был счастливым человеком.

— Да, сэр.

— Что поделаешь, Дживз.

— Вы совершенно правы, сэр.

Больше мы на эту тему не разговаривали.

* * *

На следующий день я вернулся домой поздно. Надышавшись озоном, прекрасно пообедав и налюбовавшись лунным светом по дороге домой (мотор моей старой, доброй машины работал, как часы), я пришёл в прекрасное расположение духа. По правде говоря, проезжая Пурли, я даже начал петь. Дух Вустеров — жизнерадостный дух, и в груди Вустера вновь воцарился оптимизм.

Как следует поразмыслив, я пришёл к выводу, что ошибался, считая девушку способной полюбить парня только потому, что он сломал ногу. Само собой, в первый момент у Глэйдис Пендлбери возникнет странное чувство привязанности к несчастному калеке, но пройдёт совсем немного времени, и она задумается. Ей наверняка придёт в голову мысль, что нельзя доверить счастье всей своей жизни человеку, у которого не хватило ума отскочить в сторону, когда он увидел на дороге автомобиль. Она скажет себе, что, если это могло случиться один раз, нет никаких гарантий, что он не будет кидаться под колеса год за годом в течение долгих лет. И она придёт в ужас, поняв, что, выйдя замуж за Пима, ей придётся всё время ходить по больницам и носить ему передачи. Она осознает, как много выиграет, если отдаст предпочтение Берти Вустеру, который, хоть и не хватает звёзд с небес, ходит только по тротуарам и, прежде чем перейти улицу, внимательно смотрит по сторонам. Одним словом, я был в прекрасном расположении духа. Поставив машину в гараж, я пошёл домой, продолжая весело напевать себе под нос. Биг Бен пробил одиннадцать, когда я удобно расположился в гостиной и нажал на кнопку звонка. Дживз, в очередной раз прочитавший мои мысли, вплыл в комнату с подносом, на котором стояли бутылка с виски и сифон.

— Вот я и дома, Дживз, — сказал я, наливая себе освежающий напиток.

— Да, сэр.

— Что произошло за время моего отсутствия? Мисс Пендлбери заходила?

— Да, сэр. Около двух.

— А ушла?

— Около шести, сэр.

Мне это совсем не понравилось. Четырёхчасовой визит показался мне зловещим признаком. Однако теперь ничего нельзя было сделать.

— А миссис Слингсби?

— Она сидела у своего брата с начала девятого до десяти, сэр.

— Вот как? Возмущалась?

— Да, сэр. В особенности перед уходом. Она выразила желание непременно с вами увидеться, сэр.

— Со мной?

— Да, сэр.

— Должно быть, хочет со слезами на глазах поблагодарить меня за то, что я любезно позволил её любимому брату лечить ноги в моей квартире. Верно я говорю, Дживз?

— Возможно, сэр. Но тем не менее миссис Слингсби высказывалась о вас более чем неодобрительно.

— Что?!

— «Безответственный идиот» — одно из выражений, которое она употребила, сэр.

— Безответственный идиот?

— Да, сэр.

По правде говоря, я растерялся. Мне было непонятно, на каком основании эта женщина пришла к подобному заключению. Моя тётя Агата часто говорит обо мне похлеще этого, но она знает меня с детства.

— Я должен разобраться, в чём тут дело, Дживз. Мистер Пим уже спит?

— Нет, сэр. Несколько минут назад он вызвал меня и поинтересовался, нет ли в доме более дорогих сигарет.

— Ах, вот как?

— Да, сэр.

— Видимо, перелом не излечил его от нахальства.

— Нет, сэр.

Когда я вошёл в спальню для гостей, Люций Пим сидел в подушках и читал детектив.

— Ах, Вустер! — сказал он. — Добро пожаловать. Да, кстати, если вы переживали насчет кобры, можете больше не волноваться. Оказывается, преступник не знал, что герой выдернул у неё ядовитые зубы. В результате, когда змеюга упала в камин и попыталась ужалить героиню, все её попытки оказались безуспешными. Должно быть, она чувствовала себя последней дурой.

— Меня не интересуют кобры.

— Легко вам говорить «Меня не интересуют кобры», — с упрёком сказал Люций Пим. — Вас очень даже интересовали бы кобры, если бы у них не выдернули ядовитые зубы. Кого угодно спросите. Между прочим, ко мне приходила сестра. Ей необходимо с вами переговорить.

— А мне необходимо переговорить с ней.

— «Одна и та же дума в двух умах». Вообще-то она желает побеседовать с вами об аварии. Не забыли, что я собирался ей сказать? Об уехавшем автомобиле? Если помните, мы договорились, что я расскажу ей эту историю, если мне не придёт в голову ничего более дельного. К счастью, в голову мне пришло нечто куда более дельное. Я лежал и смотрел в потолок, и вдруг меня осенило. Видите ли, рассказ об уехавшем автомобиле был шит белыми нитками. Кто поверит, что человека сбили, сломали ему ногу и даже не остановились? Поэтому я сказал, это вы на меня наехали.

— Что?!

— Я сказал, вы стукнули меня своей машиной. Куда более правдоподобно. Очень даже ловко получилось. Я знал, что вы одобрите мою мысль. Любой ценой мы должны скрыть от моей сестры правду насчет Глэйдис. Я попытался облегчить вашу участь, объяснив, что вы были пьяны, когда меня сбили, и поэтому вас нельзя судить слишком строго. Это я здорово придумал. Однако, — тут Люций Пим тяжело вздохнул, — сестра не слишком вами довольна.

— Не слишком довольна, вот как?

— Да, не слишком. И я настоятельно вам советую, если, конечно, вы хотите, чтобы завтра ваша с ней беседа протекала мирно, как следует её ублажить.

— В каком это смысле, ублажить?

— Я бы предложил вам послать ей цветы. Очень даже элегантно. Больше всего на свете она любит розы. Пошлите ей букет по адресу Хилл-стрит, номер три, и, возможно, вам будет легче жить на свете. Видите ли, старина, я считаю своим долгом предупредить вас, что моя сестра Беатрис — настоящая фурия, когда рассердится. Её муж должен вот-вот приехать из Нью-Йорка, и опасность, насколько я знаю, заключается в том, что Беатрис, если вы её не ублажите, не отстанет от него, пока он не подаст на вас в суд за гражданское правонарушение, совершение неправомерного действия и всё прочее. Это может обойтись вам в кругленькую сумму. Лично меня этот Суперсуп терпеть не может, и, предоставленный самому себе, он с удовольствием пожал бы руку каждому, кто сломал бы мне ногу, но он без ума от Беатрис и готов выполнить любую её просьбу. Поэтому я рекомендую вам закупить розы, пока ещё не поздно, и со всевозможной скоростью доставить их на Хилл-стрит, номер три. В противном случае, вы и глазом не успеете моргнуть, как дело Слингсби — Вустер будет слушаться в суде.

Я бросил на него убийственный взгляд, но придурок, естественно, не обратил на это ни малейшего внимания.

— Жаль, вы не подумали о последствиях раньше, — сказал я, стараясь не словами, а тоном выразить своё презрение к наглецу.

— То есть как не подумал? — сказал Люций Пим. — Ведь мы договорились, что любой ценой...

— Ох, ну, хорошо! — воскликнул я. — Хорошо! Хватит!

— Вы, случайно, не сердитесь? — с удивлением спросил Люций Пим.

— О нет!

— Ну и чудненько, — с облегчением произнёс он. — Я знал, вы поймёте, что я принял единственно правильное решение. Это было бы ужасно, если бы Беатрис хоть на секунду заподозрила Глэйдис. Надеюсь, вы замечали, Вустер, что, когда у женщины появляется возможность устроить скандал другой женщине, она ведёт себя в два раза агрессивнее, чем если бы имела дело с мужчиной. А вы, Вустер, являясь особой мужского пола, запросто сможете выкрутиться. Пара килограммов самых свежих роз, несколько улыбок, комплимент-другой — и она растает, как воск. Если не опростоволоситесь, через пять минут вы с Беатрис будете весело смеяться, держась за руки. Кстати, не дай бог, Суперсуп Слингсби застукает вас за этим занятием. Во всём, что касается Беатрис, он ревнив, как чёрт. А сейчас, простите меня, старина, но я попросил бы вас удалиться. Доктор сказал, что день-два мне нельзя много разговаривать.

Чем больше я думал, тем привлекательнее мне казалась мысль послать миссис Слингсби розы. Люций Пим мне совсем не нравился (я скорее подружился бы с тараканом), но его совет был хорош, и я решил им воспользоваться. На следующее утро я встал в десять пятнадцать и, подкрепив силы плотным завтраком, отправился в цветочный магазин на Пикадилли. Я не мог доверить это дело Дживзу, так как считал, что разбираюсь в розах куда лучше, чем он. Выложив несколько фунтов за весьма солидный букет, я послал его вместе с моей визитной карточкой на Хилл-стрит, а затем зашёл в «Трутень», чтобы освежиться. По утрам я обычно не пью, но сегодня был особый случай.

Вернувшись домой примерно в полдень, я удобно устроился в гостиной и попытался настроиться на предстоящий разговор. Уйти от него, само собой, было невозможно, но, сколько я ни твердил себе, что всё закончится благополучно, и мне не раз ещё доведется с удовольствием вспомнить эту историю, когда, состарившись, я буду греться у камина, в голову мне лезли самые мрачные мысли. Всё зависело от роз. Если они ублажат Слингсби, моё дело будет в шляпе; если нет — Бертам попадётся, как кур в ощи́п.

Часы тикали, а её всё не было. Должно быть, Беатрис любила поваляться в постели, и этот факт вселял в меня надежду. Насколько я знаю по собственному опыту, женщины, вскакивающие с кровати ни свет ни заря, вечно чем-то озабочены. Моя тётя Агата, например, поднимается вместе с жаворонками, а поглядите-ка на неё.

Тем не менее не бывает правил без исключений, и через некоторое время мне стало совсем невмоготу. Чтобы хоть как-то отвлечься от вышеупомянутых мрачных мыслей, я вынул из чехла клюшку для гольфа и начал оттачивать ближний удар, загоня мяч в стакан, лежавший на полу. Даже если мои дурные предчувствия насчёт Слингсби оправдаются, я, по крайней мере, немного повышу свой класс игры в гольф.

В самый разгар моей тренировки раздался звонок в дверь.

Я поднял стакан с пола и спрятал клюшку за диван. Мне пришло в голову, что женщина, застав меня за легкомысленным — с её точки зрения — занятием, может посчитать, что я не раскаиваюсь в содеянном и не чувствую угрызений совести. Я поправил воротничок, одёрнул полы фрака и чуть искривил губы в улыбке, которая должна была одновременно изображать удовольствие (по поводу её визита) и лёгкую грусть (по поводу сломанной ноги). Посмотрев в зеркало, я убедился, что улыбка получилась. В этот момент Дживз открыл дверь в гостиную.

— Мистер Слингсби, сэ́р, — объявил он и вышел, оставив нас наедине.

* * *

Если б я сказал вам, что мы тут же начали непринуждённо болтать, это было бы неправдой. Шок, который я испытал, ожидая увидеть миссис Слингсби и неожиданно оказавшись лицом к лицу с кем-то абсолютно на неё непохожим, парализовал мои голосовые связки. А мой посетитель, казалось, вообще не желал вести светских бесед. Он стоял молча, с гордо поднятой головой. Наверное, так должен держаться каждый, кто хочет заняться производством никому не известных супов.

Суперсуп Слингсби чем-то напоминал римского императора. У него был пронзительный взгляд и орлиный нос. Он буквально сверлил меня глазами и, если не ошибаюсь, при этом ещё и скрежетал зубами. По какой-то причине я, видимо, ужасно ему не понравился, и, по правде говоря, меня это несколько удивило. Я вовсе даже не считаю, что являюсь одним из обладателей Неотразимой Внешности, чьи фотографии пестрят на обложках рекламных брошюр, но мне не припомнить второго такого случая, чтобы кто-нибудь, увидев меня впервые в жизни, загорелся бы ненавистью до такой степени, что, если можно так выразиться, стал бы брызгать слюной. В компании, когда люди со мной знакомятся, они, как правило, сразу же забывают о моём существовании.

Однако я сделал всё возможное, чтобы сыграть роль радушного хозяина.

— Мистер Слингсби?

— Вы не ошиблись.

— Должно быть, только что из Америки?

— Не далее, как сегодня утром.

— Вернулись раньше, чем думали?

— Вот именно.

— Очень рад вас видеть.

— Недолго вам радоваться.

На некоторое время я умолк, пытаюсь проглотить комок в горле. Теперь я понял, в чём было дело, Суперсуп побывал дома, поговорил с женой, услышал об аварии и примчался ко мне, чтобы выяснить со мной отношения. Очевидно, розы не ублажили разгневанную особу женского пола. Мне оставалось постараться ублажить мужчину.

— Рюмку виски?

— Нет.

— Сигарету?

— Нет.

— Может, присядете?

— Нет.

Я вновь умолк. С непьющими, некурящими и нежелающими садиться деятелями трудно вести разговор по душам.

— Не смейте ухмыляться, сэр!

Я быстро взглянул на себя в зеркало и понял, что он имел в виду. Моя приветственная улыбка с оттенком грусти, так сказать, съехала на сторону, и я скорее скалился, чем улыбался. Я привёл своё лицо в порядок.

— А сейчас, сэр, — заявил Суперсуп, — к делу. Надеюсь, мне не придётся объяснять, зачем я здесь.

— Нет, нет! Конечно! Само собой! Мы обязательно уладим это небольшое недоразумение...

Он фыркнул с такой силой, что фарфоровая вазочка на каминной полке покачнулась.

— Небольшое недоразумение? Вы считаете, произошло небольшое недоразумение?

— Видите ли...

— Позвольте заметить, сэр, что, когда я узнаю о незнакомом мужчине, докучающем моей жене в моё отсутствие, я не считаю это небольшим недоразумением. И я сделаю всё от меня зависящее, — тут глаза Суперсупа загорелись ещё ярче, и он потёр руки (жест крайне неприятный, я бы даже сказал, угрожающий), — чтобы вы приняли мою точку зрения.

По правде говоря, я растерялся. Ход его мысли был мне абсолютно непонятен. В моей бедной черепушке начал сгущаться туман.

— А? — спросил я. — Вашей жене?

— Я не намерен повторять.

— Но здесь какая-то ошибка.

— Вот именно. И сделали её вы.

— Но я не знаю вашей жены.

— Ха!

— Я никогда в жизни её не видел.

— Чушь!

— Нет, правда.

— Бред!

В течение нескольких секунд он сверлил меня глазами.

— Вы отрицаете, что послали ей цветы?

Я почувствовал, как моё сердце сделало двойное сальто. Я прозрел.

— Розы! — продолжал он. — Мясистые, мерзкие розы! Огромный букет, который и в машину не поместится. Ваша визитная карточка...

Он поперхнулся, умолк и уставился поверх моей головы. Я обернулся. В дверях спальни для гостей, — я не слышал, как дверь открылась, потому что во время нашей беседы с Суперсупом потихоньку пятился, готовя себе путь к отступлению, — стояла женщина. Мне с первого взгляда стало ясно, кто она такая. Ни одна особа женского пола не могла быть так печально похожа на Люция Пима, если она не была его родственницей. Передо мной была сестрица Беатрис, фурия. Я всё понял. Она ушла из дома прежде, чем ей доставили цветы, и проникла, так сказать, неублажённая, в мою квартиру, пока я освежался в «Трутне».

— Э-э-э, — протянул я.

— Александр! — воскликнула женщина.

— Гр-р! (а может, «бр-р»), — сказал Суперсуп.

Впрочем, это не имело особого значения, так как и «гр-р» и «бр-р» означали начало военных действий. Худшие подозрения Суперсупа подтвердились. Глаза его зажглись странным светом. Квадратный подбородок выдвинулся на несколько дюймов. Он несколько раз сжал и разжал кулаки, словно проверяя, достаточно ли у него гибкие пальцы, чтобы быстро и без шума удушить обидчика. Затем вновь издав свой боевой клич («гр-р» или «бр-р»), он бросился вперёд и наступил на мяч для гольфа, с которым я практиковался перед его приходом. Такое потрясающее падение редко когда приходится видеть. Захватывающее зрелище. В течение нескольких сек. в воздухе мелькало множество рук и ног, а затем Суперсуп грохнулся о стену с такой силой, что в квартире чуть было не рухнул потолок.

А я, чувствуя, что сыт всем по горло, взял с вешалки в прихожей шляпу и собрался удалиться, когда рядом со мной материализовался Дживз.

— Мне показалось, я слышал шум, сэр, — сказал Дживз.

— Весьма возможно, — согласился я. — Это был мистер Слингсби.

— Сэр?

— Мистер Слингсби упражнялся в исполнении русских народных танцев, — объяснил я. — По-моему, он сломал себе несколько рук и ног. Сходи проверь, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

— Если он тоже стал инвалидом, помести его в моей спальне и пошли за доктором. Моя квартира быстро заполняется разными родственниками и свойственниками Пима. Верно я говорю, Дживз?

— Да, сэр.

— Я думаю, их запас исчерпан, но если вдруг его тётушки или дядюшки придут в гости и сломают свои конечности, уложи их на диване в гостиной.

— Слушаюсь, сэр.

— Что же касается меня, Дживз, — сказал я, открывая дверь и останавливаясь на пороге, — я уезжаю в Париж. Адрес я сообщу тебе письмом. Уведоми меня, когда квартира освободится от Пимов и окончательно очистится от Слингсби, и тогда я вернусь. Да, кстати,

Дживз.

— Сэр?

— Не жалею сил, чтобы как-то утихомирить всех этих особ. Они считают, — по крайней мере Слингсби (женского пола), — что это я переехал машиной мистера Пима. За время моего отсутствия сделай всё возможное, чтобы как-то ублажить их.

— Слушаюсь, сэр.

— Ну, а теперь иди к инвалидам, Дживз. Я забегу на ленч в «Трутень» и уеду в два часа с вокзала «Чаринг-кросс». Принеси мне к поезду чемодан со всем необходимым.

* * *

Прошло не меньше трёх недель, прежде чем Дживз дал мне знать, что горизонт очистился. Я очень неплохо провёл время в Париже и вдоволь нагулялся по его предместьям. Мне очень нравится этот город, но я обрадовался, что снова могу вернуться в добрую, старую Англию. Купив билет на подвернувшийся аэроплан, я через несколько часов очутился в Кройдоне и тут же направил свои стопы в центр мироздания. На большие рекламные щиты я обратил внимание где-то в районе Слоан-сквер.

Такси попало в пробку, и я лениво оглядывался по сторонам, когда внезапно увидел что-то очень знакомое. Прошло несколько долгих секунд, пока я сообразил, в чём дело.

На глухую стену был наклеен плакат со сторонами не менее ста футов каждая. Яркие краски — в основном красная и синяя — сразу бросались в глаза.

Наверху было написано:

СУПЕРСУПЫ СЛИНГСБИ

Внизу шла надпись:

ВКУСНО И ПИТАТЕЛЬНО

А посередине красовался я. Да, прах побери, Берти Вустер собственной персоной. Это была репродукция портрета Пендлбери, увеличенного в несколько раз.

Я думаю, любой на моём месте, увидев такое, моргнул бы. Я тоже моргнул. Можно сказать, — и, по-моему, так говорят, — глаза мои затуманились. Затем туман рассеялся, и я стал разглядывать плакат, пока такси не тронулось с места.

Из всех омерзительных зрелищ, которые мне когда-либо доводилось видеть, эта картина бесспорно заняла первое место. Портрет был поклёпом на Вустера, но он вне всяких сомнений изображал меня и никого другого. Теперь я понял, что имел в виду Дживз, когда

говорил, что у меня голодное выражение лица. На плакате я со скотской алчностью, словно крошки не имел во рту целую неделю, смотрел на большую, чуть продолговатую тарелку супа. Казалось, реклама переносила вас в иной мир, странный и пугающий.

Я вышел из транса (или из комы?), когда такси остановилось у подъезда. Я понёсся вверх по лестнице и через несколько секунд очутился в своей квартире.

Дживз выплыл в холл и приветствовал меня почтительной улыбкой.

— Я рад, что вы вернулись, сэр.

— Об этом позже, — задыхаясь, произнёс я. — Как понять...

— Вы имеете в виду рекламные плакаты, сэр? Я как раз хотел поинтересоваться, обратили вы на них внимание или нет.

— Обратил!

— Разительное сходство, сэр, вы не находите?

— Нахожу! А сейчас, возможно, тебя не затруднит объяснить мне...

— Если помните, сэр, вы приказали мне сделать всё возможное, чтобы ублажить мистера Слингсби.

— Да, но...

— Задача оказалась не из лёгких, сэр. Некоторое время мистер Слингсби по настоятельному совету миссис Слингсби собирался подать на вас в суд, а насколько мне известно, сэр, судебные разбирательства вам отвратительны.

— Да, но...

— А затем, — в тот день, когда доктор разрешил ему встать с постели, — мистер Слингсби увидел портрет, и я счёл разумным указать, что данное произведение искусства можно с большой выгодой использовать в качестве рекламы. Мистер Слингсби сразу понял открывающиеся перед ним блестящие возможности и, заручившись моим словом, что вы охотно позволите ему использовать ваше изображение, если он откажется от мысли подать на вас в суд, вступил в переговоры с мисс Пендлбери, чтобы купить у неё авторские права.

— Правда? Надеюсь, она не прогадала?

— Нет, сэр. Мистер Пим, действовавший в качестве агента мисс Пендлбери, заключил очень выгодную сделку.

— Агента?

— Да, сэр. Мисс Пендлбери доверила переговоры своему жениху.

— Жениху!

— Да, сэр.

Должно быть, вы поверите, что история с рекламой просто-напросто сидела у меня в печёнках, если я скажу, что, услышав сообщение Дживза, не потерял сознания, а всего лишь пробормотал «ха» или «хо», а может, «гм-мм». После того, как я увидел плакат, ничто уже не имело для меня значения.

— После того, как я увидел плакат, Дживз, — сказал я, — ничто больше не имеет для меня значения.

— Нет, сэр?

— Нет, Дживз. Женщина посмеялась над моими чувствами, ну и что с того?

— Вот именно, сэр.

— Любовь постучалась в мои двери, но она ошиблась адресом. Разве это меня убьёт?

— Нет, сэр.

— Нет, Дживз. Не убьёт. Но то, что моё лицо расклеено по всей Метрополии, а мои

глаза со звериной жадностью смотрят на тарелку «Суперсупа Слингсби», имеет значение. Мне придётся покинуть Лондон. Ребята в «Трутне» мне проходу не дадут, а я не намерен выслушивать их идиотские шуточки.

— Да, сэр. И миссис Спенсер Грегсон...

Я заметно побледнел. Я совсем забыл о тёте Агате, которой ничего не стоило сжить меня со свету, рассуждая о престиже нашей семьи.

— Ты имеешь в виду, она мне звонила?

— Миссис Грегсон требует вас к телефону по нескольку раз в день, сэр.

— Дживз, мне необходимо бежать, и как можно скорее.

— Да, сэр.

— Обратно в Париж, что?

— Я бы не советовал, сэр. Насколько мне известно, плакаты скоро появятся и в Париже, рекламируя «Bouillon-Supreme». Во Франции у мистера Слингсби дела идут очень хорошо. Вид плакатов будет вам неприятен, сэр.

— В таком случае куда мне скряться?

— Если позволите высказать предположение, сэр, почему бы вам не выполнить ваше первоначальное намерение и не отправиться в круиз по Средиземному морю на яхте миссис Траверс? Там вы будете избавлены от необходимости видеть своё изображение на рекламных плакатах.

Я решил, что бедный малый свихнулся.

— Но яхта ушла несколько недель назад. Сейчас она может быть где угодно.

— Нет, сэр. Круиз отложили на месяц из-за недомогания повара мистера Траверса, Анатоля, который заболел инфлюэнцей. Мистер Траверс отказался отплыть без него.

— Ты имеешь в виду, они ещё в Англии?

— Да, сэр. Яхта уходит из Саутгемптона в следующий вторник.

— Но, послушай, ведь это просто здорово!

— Да, сэр.

— Позвони тёте Делии и скажи, что мы обязательно к ней присоединимся.

— Я взял на себя смелость сообщить ей об этом незадолго до вашего возвращения, сэр.

— Правда, Дживз?

— Да, сэр. Я подумал, вы одобрите мои действия.

— И ты был абсолютно прав! Я с самого начала хотел отправиться в круиз по Средиземному морю.

— Я тоже, сэр. Путешествие будет исключительно приятным.

— Солонватый запах морских бризов, Дживз!

— Да, сэр.

— Лунная дорожка на воде!

— Да, сэр.

— Ленивые, убаюкивающие волны!

— Вот именно, сэр.

Я почувствовал себя на все сто. Глэйдис — пфуй! Плакаты — ха! Вот как я себя почувствовал.

— Йо-хо-хо, Дживз! — воскликнул я и подёрнул брюки.

— Да, сэр.

— Я пойду ещё дальше. Йо-хо-хо, и бутылка рому!

— Слушаюсь, сэр. Сейчас принесу.

ГЛАВА 7. Дживз и девочка Клементина

Те, кто хорошо знают Бертрама Вустера, скажут вам, что хоть иногда он и увиливает от участия в спортивных состязаниях, не было такого случая, чтобы он не играл в гольф на турнире, который ежегодно проводит клуб «Трутень». Однако, должен честно признаться, услышав, что на этот раз игры состоятся в Бингли-на-море, я долго колебался, прежде чем туда поехать. И даже накануне турнира, стоя у окна своего номера в гостинице «Сплendid», я чувствовал себя не своей тарелке, если вы понимаете, что я имею в виду, и думал, что сделал довольно опрометчивый шаг.

— Дживз, — сказал я, — с тех пор как мы сюда приехали, меня не оставляет мысль, что я поступил неразумно.

— Бингли-на-море очень приятный курорт, сэр.

— Тут всё радует глаз, — согласился я. — Но, хотя Бингли овевают живительные бризы, мы не должны забывать, что именно здесь старая подруга моей тётки Агаты, мисс Мэйплтон, руководит школой для девочек. И если б моя престарелая родственница знала, что я в Бингли, она наверняка потребовала бы, чтобы я навестил мисс Мэйплтон.

— Совершенно верно, сэр.

Я задрожал.

— Мне довелось видеть её всего один раз, Дживз. На ленче у тётки Агаты первого августа, в праздник урожая. И я надеюсь больше никогда с ней не встретиться, по крайней мере добровольно.

— Вот как, сэр?

— Кроме того, ты помнишь, что произошло, когда я случайно попал в школу для девочек?

— Да, сэр.

— В таком случае никому ни слова, Дживз. Будем считать, я здесь инкогнито, или как там это называется. Если тётка Агата вдруг спросит тебя, где я провёл эту неделю, скажи, что я ездил в Харроугэйт на лечение.

— Слушаюсь, сэр. Прошу прощенья, сэр, вы собираетесь появляться в данном предмете одежды в общественных местах?

До этого момента наша беседа была дружеской и сердечной, но сейчас я почувствовал, что Дживз бросил мне вызов. За последние полчаса я не раз задавал себе вопрос, когда же, наконец, он начнёт обсуждать мои новые брюки для гольфа, и приготовился защищать их, как тигрица детёнышей.

— Естественно, Дживз, — сказал я. — А в чём дело? Они тебе не нравятся?

— Нет, сэр.

— Ты считаешь их слишком яркими?

— Да, сэр.

— Может, они даже кажутся тебе несколько кричащими?

— Да, сэр.

— Ну, а я о них самого высокого мнения, Дживз, — твёрдо произнёс я.

Так как теперь уже между нами определённо пробежала чёрная кошка, я решил сообщить ему новость, которую некоторое время тщательно от него скрывал.

— Э-э-э, Дживз.

— Сэр?

— Несколько дней назад я совершенно случайно встретился с Бобби Уикхэм. Мы поболтали о том о сём, и она пригласила меня присоединиться к ней и нескольким её знакомым, которые едут отдыхать на Антильские острова.

— Вот как, сэр?

Теперь он определённо стал похож на Синий Чулок. Дживз, — кажется, я упоминал об этом раньше, — крайне неодобрительно относится к Бобби Уикхэм.

Наступило, если можно так выразиться, напряжённое молчание. Я распрямил плечи с твёрдым намерением продемонстрировать непреклонность, присущую всем Вустерам. Я имею в виду, время от времени каждому необходимо за себя постоять. Беда Дживза заключается в том, что иногда он слишком много о себе мнит. Только потому, что упрямый малый находился рядом со мной и — не стану скрывать — неплохо потрудился на благо своего господина в нескольких критических случаях, у него появилась манера делать вид, что он заботится о Бертраме Вустере, как о слабоумном идиоте, который без его, Дживза, помощи померёт в расцвете лет.

— Я принял её приглашение, Дживз, — сказал я спокойным, ровным тоном и небрежно закурил сигарету.

— Вот как, сэр?

— Тебе понравятся Антильские острова.

— Да, сэр?

— И мне тоже.

— Да, сэр?

— Значит, решено.

— Да, сэр.

Я остался очень доволен собой. Моя непреклонность, — теперь я в этом не сомневался, — сделала своё дело. Упрямый малый был раздавлен моей волей, — если вы меня понимаете, — и согнулся под её тяжестью.

— Так держать, Дживз! — воскликнул я.

— Слушаюсь, сэр.

* * *

Я думал, что вернусь с поля боя не раньше, чем к вечеру, но обстоятельства сложились таким образом, что уже в три часа мне пришлось его покинуть. В самом скверном настроении я прогуливался по пирсу и неожиданно увидел Дживза, который, по своему обыкновению, подплывал ко мне по воздуху.

— Добрый день, сэр, — сказал он. — Если б я знал, что вы вернётесь так рано, я обязательно дождался бы вас в гостинице.

— Я тоже не знал, что вернусь так рано, — тут я слегка вздохнул. — К сожалению, меня нокаутировали в первом раунде.

— Вот как, сэр? Мне очень жаль, что так получилось.

— И кто, Дживз? Стыдно признаться, но я проиграл придурку, который объелся за

ленчем и к тому же слишком много выпил. Сегодня я был явно не в ударе.

— Возможно, вы забывали поглядывать на мяч, сэр?

— Должно быть, так, Дживз. Как бы то ни было, я вылетел из... — Я умолк и замер на месте. — Великий Боже, Дживз! Посмотри на девушку, которая идёт к нам по пирсу. Она удивительно похожа на мисс Уикхэм. Хотел бы я знать, чем можно объяснить столь поразительное сходство?

— В данном случае оно объясняется тем, сэр, что эта молодая леди — мисс Уикхэм.

— А?

— Да, сэр. Обратите внимание, она машет вам рукой.

— Но что, разрази меня гром, она здесь делает?

— Не могу сказать, сэр.

Тон у него был ледяной, словно он доводил до моего сведения, что по какой бы причине Бобби Уикхэм не оказалась в Бингли-на-море, ничего хорошего, с его точки зрения, ждать от неё не приходилось. Он сделал шаг назад, а я снял шляпу и весело ей помахал.

— Привет! — воскликнул я.

Бобби, образно говоря, встала на якорь рядом со мной.

— Салют, Берти, — сказала она. — Я не знала, что ты здесь.

— А я здесь, — уверил я свою старую знакомую.

— В трауре? — спросила она, глядя на мои брюки для гольфа.

— Классные, правда? — похвастался я, проследив направление её взгляда. — Дживзу они не нравятся, но он печально известный реакционер во всём, что касается брюк. Каким ветром тебя занесло в Бингли?

— Моя кузина, Клементина, учится здесь в школе. Сегодня у неё день рождения, и я решила приехать, чтобы поздравить её лично. Как раз сейчас я к ней иду. Ты останешься в Бингли до завтра?

— Да. У меня номер в гостинице.

— Можешь угостить меня обедом, если хочешь.

Дживз стоял за моей спиной, и я его не видел, но внезапно у меня возникло такое ощущение, что он пронзил меня между лопатками предупреждающим взглядом. Я прекрасно знал, что старательный малый пытается мне внушить, чтобы я не искушал Провидение и не имел никаких дел с Бобби Уикхэм, даже таких невинных, как пребывание с ней за одним столом. Чушь несусветная — таков был мой вердикт. Я ещё готов согласиться, что с Бобби нельзя связываться в загородном доме, где из-за неё запросто можно попасть в любой переплёт; но до меня не доходит, как можно опасаться каких-нибудь каверз, когда обедаешь с ней в ресторане. Поэтому я не обратил на Дживза никакого внимания.

— Конечно. Само собой. Непременно. Буду рад, — сказал я.

— Вот и хорошо. Вечером мне обязательно надо быть в Лондоне — меня пригласили на пирушку в Беркли, — но если я немного задержусь, ничего страшного не произойдёт. Мы зайдём к тебе в семь тридцать, а после обеда можешь сводить нас в кино.

— Мы? Нас?

— Клементину и меня.

— Ты хочешь сказать, что приведёшь свою кошмарную кузину?

— А как же иначе? Разве ты не хочешь, чтобы ребёнок хоть немного развлёкся в свой день рождения? И она вовсе даже не кошмарная. Клементина — душка и не причинит тебе никаких хлопот. Тебе всего лишь придётся проводить её вечером до школы. Надеюсь, ты не

перетрудишься, сделав несколько лишних шагов?

Я бросил на неё пытливый взгляд.

— К чему это меня обяжет?

— В каком смысле, к чему это тебя обяжет?

— Когда я в последний раз посетил школу для девочек, директриса с буравчиками вместо глаз потребовала, чтобы я обратился к группе юных бандиток с речью об Идеалах их Будущей Жизни. Ты уверена, что сейчас не повторится то же самое?

— Конечно, уверена. Ты подойдёшь к двери, позвонишь, подождёшь, пока откроют, и на этом твоя миссия будет окончена.

Я задумался.

— Такая задача нам вполне по плечу. Верно, Дживз?

— Возможно, вы правы, сэр.

Упрямый малый говорил холодным, подчёркнуто вежливым тоном, а на его лице появилось выражение «Если-б-только-вы-ко-мне-прислушались». По правде говоря, я разозлился, дальше некуда. В иные минуты Дживз как две капли воды становится похож на мою тётушку, вы догадываетесь, какую.

— Хорошо, — сказал я Бобби, вновь не обращая на Дживза никакого внимания. — В таком случае жду тебя в семь тридцать. Не опаздывай. И предупреди ребёнка, — добавил я, ясно давая понять, что под моей улыбочивой внешностью скрывается человек с железной волей, — чтобы она помыла руки и не хлюпала носом.

* * *

Должен вам честно признаться, я не испытывал ни малейшего желания развлекать кухню Бобби Уикхэм, Клементину, но, не стану вас обманывать, мои худшие опасения не подтвердились. Я заметил, что маленькие девочки, как правило, при общении со мной без конца хихикают. Они фыркают, если вы меня понимаете, и смотрят на меня не моргая, причём каким-то очень странным взглядом, словно никак не могут поверить в то, что я существую на свете. Я сильно подозреваю, они пытаются запомнить присущие мне одному особенности в манере поведения, чтобы потом устроить представление, передразнивая меня перед своими подругами.

Клементина ничего подобного себе не позволила. Она была тихим, спокойным ребёнком лет тринадцати (вернее, если учесть, что сегодня она праздновала свой день рождения, ровно тринадцати лет), с ангельским личиком и взглядом, который выражал молчаливое восхищение. Руки у неё были безупречно чистыми, она не хлюпала носом, а за обедом, в течение которого поведение её не оставляло желать лучшего, она слушала меня, так сказать, с открытым ртом и старалась не пропустить ни единого слова, в особенности когда я показал ей фокус с вилкой и двумя горошинами, а потом объяснил, как утром мой соперник выбил меня из игры на десятой лунке.

В кино она также вела себя выше всяких похвал, а после сеанса очень трогательно и душевно поблагодарила меня за чудесно проведённый вечер. Короче, я остался доволен ребёнком и не преминул отметить этот факт, помогая Бобби усесться в её двухместный

автомобиль.

— Я же говорила тебе, что она душка, — сказала Бобби, заводя машину и готовясь умчаться на свою пирушку в Лондон. — Я всегда утверждала, что в школе к ней просто придираются. Они вечно ко всем придираются. Когда я там училась, ко мне тоже придирались.

— Придираются? За что?

— Да за всё, что хочешь. Впрочем, в такой дыре, как школа Святой Моники, другого отношения к себе не дождёшься.

У меня отвалилась нижняя челюсть.

— Школа Святой Моники?

— Она самая.

— Ты имеешь в виду, ребёнок учится в школе мисс Мэйплтон?

— Ну и что с того?

— Но мисс Мэйплтон — закадычная подруга моей тёти Агаты.

— Знаю. Именно твоя тётя Агата в своё время заставила маму послать меня на эту каторгу.

— Послушай, — озабоченно спросил я, — когда ты забирала Клементину, ты никому не говорила, что видела меня в Бингли?

— Нет.

— Слава богу! — с облегчением воскликнул я. — Видишь ли, если б мисс Мэйплтон узнала, что я здесь, она непременно решила бы, что я нанесу ей визит. Я уезжаю завтра утром, так что мне осталось продержаться совсем недолго. Но, прах побери, — сказал я, поражённый неожиданной мыслью. — Как же мне выкрутиться сегодня вечером?

— В каком смысле?

— Ведь мне придётся с ней встретиться. Я не могу позвонить в дверь, распрощаться с ребёнком и просто-напросто уйти. Тётя Агата съест меня живьём.

Бобби как-то странно на меня посмотрела. Взгляд у неё был то ли задумчивый, то ли оценивающий.

— Честно говоря, Берти, — вкрадчиво произнесла она, — я как раз собиралась поговорить с тобой по этому поводу. Знаешь, на твоём месте я не стала бы звонить в дверь.

— А? Почему?

— Видишь ли, тут вот в чём дело. Считается, что Клементина уже спит. Её отправили в кровать в семь вечера. Подумать только! В день рождения, — а она ещё и отметить-то его не успела! — наказать ребёнка за то, что она положила преподавательнице шербет в чернила!

Я покачнулся и едва устоял на ногах.

— Ты имеешь в виду, бессовестная девчонка ушла из школы без разрешения?

— Вот именно. Ты угадал. Она потихоньку встала с кровати и улизнула, когда её никто не видел. Ей ужасно хотелось пообедать по-человечески. Я, конечно, должна была сразу всё рассказать, но мне не хотелось портить тебе настроение.

Как правило, общаясь со слабым полом, я рыцарь без страха и упрёка — галантный, вежливый, обходительный. Но при случае я могу сказать что-нибудь резкое и язвительное.

— Вот как? — резко и язвительно сказал я.

— Ничего особенного. Всё будет в полном порядке.

— Да, — произнёс я, насколько помню, сквозь стиснутые зубы, — что уж тут особенного? Никаких хлопот и волнений, что? Я приведу ребёнка в школу к Мэйплтон,

которая окинет меня взглядом сквозь очки в стальной оправе и, очень мило со мной побеседовав, кинется к своему секретеру и напишет полный отчёт о том, что произошло, моей тётке Агате. А моё воображение недостаточно богато, чтобы представить себе, как разъярится тётка Агата. Думаю, на этот раз она превзойдёт себя.

Девушка осуждающе прищёлкнула языком.

— Не кипятись, Берти. Тебе пора научиться сдерживать свои чувства.

— Пора?

— Говорю тебе, всё будет в порядке. Я не утверждаю, что тебе не придётся прибегнуть к маленькой хитрости, чтобы Клементина могла незаметно пробраться в школу, но всё дело не стоит выеденного яйца, если ты внимательно выслушаешь, что я тебе скажу. Прежде всего тебе понадобится крепкая, длинная верёвка.

— Верёвка?

— Верёвка. Даже ты, Берти, должен знать, что такое верёвка.

Я вздрогнул и высокомерно на неё посмотрел.

— Естественно. Ты имеешь в виду верёвку.

— Вот именно. Верёвку. Ты берешь её с собой...

— И пытаюсь смягчить сердце Мэйплтон, прыгая через неё, как через скакалку?

Я знаю, мой тон был слишком резок. Но она выбила меня из колеи.

— Ты берёшь с собой верёвку, — терпеливо продолжала Бобби, — отправляешься в школьный сад и идёшь по нему, пока не доходишь до теплицы — она находится рядом с школьным зданием. Тыходишь в теплицу и видишь там цветочные горшки. Ты ни с чем не путаешь цветочный горшок, Берти?

— Я прекрасно знаю цветочные горшки. Если, конечно, ты имеешь в виду горшки, откуда торчат цветы.

— Именно эти горшки я и имею в виду. Значит, так. Набери побольше цветочных горшков, выйди из теплицы и подойди к ближайшему дереву. Заберись на дерево, привяжи верёвку к одному из горшков и установи его на ветке, которая свисает над теплицей, а затем (не забудь только оставить Клем у двери в школу) отойди на некоторое расстояние и дёрни за верёвку. Горшок упадёт и разобьёт стекло в теплице. Кто-нибудь услышит шум и выйдет разузнать, в чём дело, а Клем тем временем незаметно проскользнёт в дверь и отправится к себе.

— А если никто не выйдет?

— Тогда ты повторишь всю процедуру со вторым горшком.

В том, что она говорила, был смысл.

— А ты уверена, что осечки не будет?

— Её просто не может быть. Когда я училась в школе Святой Моники, я не раз использовала этот метод, и всегда успешно. Ты уверен, что правильно всё запомнил, Берти? Давай повторим всё сначала, после чего я уеду со спокойной совестью. Итак, верёвка.

— Верёвка.

— Теплица.

— Или парник.

— Цветочный горшок.

— Цветочный горшок.

— Дерево. Карабкаешься на дерево. Ветка. Спускаешься с дерева. Дёргаешь за верёвку. Звон битого стекла. А затем возвращаешься в гостиницу и ложишься в мягкую постельку. Ты

всё усвоил?

— Само собой. Но, — резко добавил я, — позволь мне заметить...

— У меня нет времени, Если хочешь что-то сказать, напиши мне письмо, желательно на одной стороне листа. Пока-пока.

И она умчалась, а я, проследив за удаляющейся машиной горящим взглядом, повернулся к Дживзу, который в некотором удалении от меня показывал Клементине, как сделать кролика из носового платка. По правде говоря, моё настроение несколько улучшилось, так как я только сейчас понял, что мне представилась прекрасная возможность утереть Дживзу нос и доказать ему, что он не единственный, у кого есть мозги и кто умеет ими шевелить.

— Дживз, — сказал я, — несомненно, ты удивишься, узнав, что произошло небольшое недоразумение.

— Нет, сэр.

— Нет?

— Нет, сэр. Когда дело касается мисс Уикхэм, я готов к любым недоразумениям, Если помните, сэр, я неоднократно отмечал, что хотя мисс Уикхэм — очаровательная молодая леди...

— Да, да, Дживз. Знаю.

— Могу я осведомиться, что случилось на этот раз, сэр?

Я объяснил ситуацию:

— Девочка находится в самовольной отлучке. Её отправили в кровать за то, что она положила шербет в чернила. Воспитательница считает, что она давно спит и видит десятый сон. А негодница слопала обед из восьми перемен за семь с половиной шиллингов, а потом отправилась на Морской плац и больше часа не отрывала глаз от серебряного экрана. Наша задача состоит в том, чтобы помочь ей незаметно проникнуть в здание школы. Хочу обратить твоё внимание, Дживз, что школой, где отбывает наказание эта маленькая преступница, заведует лучшая подруга моей тёти Агаты, мисс Мэйплтон.

— Вот как, сэр?

— Сложная проблема, Дживз, что?

— Да, сэр.

— Можно даже сказать, очень сложная проблема, верно?

— Несомненно, сэр. Если позволите, я бы посоветовал...

Я ожидал этих слов и поднял руку.

— Я не нуждаюсь в советах, Дживз. Дело не стоит выеденного яйца. Я урегулирую его сам.

— Я лишь хотел предложить вам, сэр...

Я вновь поднял руку.

— Успокойся, Дживз. Я держу ситуацию под контролем. Когда я обо всем узнал, в моей голове сразу возник шикарный план. Возможно, тебя заинтересует работа моей мысли. После недолгих размышлений я пришёл к выводу, что рядом с таким учреждением, как школа Святой Моники, обязательно должна стоять теплица, где находятся цветочные горшки. А затем меня осенило. Я намереваюсь обзавестись длинной, крепкой верёвкой, привязать один её конец к цветочному горшку, поставить горшок на ветку, — неподалёку наверняка растёт дерево с ветвями, свисающими над теплицей, — и отойти на некоторое расстояние, держа в руке другой конец верёвки. Тем временем вы с ребёнком подойдёте к входной двери и спрячетесь. Я дерну за верёвку, цветочный горшок разобьёт стекло, на шум

кто-нибудь выйдет из школы, а ты уллучишь момент и дашь девчонке знать, когда горизонт очистится. Она проскользнёт в дверь, а там ей и карты в руки. Обрати внимание, тебе почти ничего не придётся делать. Грубая, черновая работа не переутомит твой мозг. Что скажешь, Дживз?

— Видите ли, сэр...

— Дживз, я неоднократно указывал на твою дурацкую привычку говорить «Видите ли, сэр», когда я предлагаю какой-нибудь план или программу действий. Должен заметить, с каждым разом это выражение нравится мне всё меньше и меньше, Но если тебе удалось найти в моих рассуждениях какой-то изъян, я с удовольствием тебя выслушаю.

— Я лишь хотел выразить мнение, сэр, что ваш план кажется мне слишком сложным.

— В таком ответственном деле, Дживз, простого решения не существует.

— Не обязательно, сэр. Альтернативный план, который я могу вам предложить...

Я четко поставил назойливого малого на место:

— В альтернативных планах нет нужды, Дживз. Мы в точности будем следовать моей программе действий. Ты немедленно отправишься к школе и займёшь выгодную позицию у дверей. Я тем временем достану верёвку. На всё, про всё даю тебе десять минут. Затем я начну действовать. И хватит об этом. Бери ноги в руки, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

* * *

Я чувствовал необычайный прилив сил, взбираясь на холм, где располагалась школа Святой Моники. Сил у меня не убавилось, когда я открыл калитку и вступил в тёмный сад. Но после нескольких шагов по лужайке у меня возникло какое-то странное ощущение: мне вдруг показалось, что все кости в моём теле превратились в макароны. Я остановился.

Не знаю, доводилось ли вам когда-нибудь чувствовать в начале пирушки приятное возбуждение, — по-моему, это так называется, — которое неожиданно пропадает, словно кто-то щёлкает выключателем. Примерно то же самое произошло со мной сейчас, и, должен признаться, такое неприятное ощущение можно испытать лишь в скоростном лифте в Нью-Йорке, когда садишься в него, ни о чём не подозревая, и, мгновенно оказавшись на двадцать седьмом этаже, внезапно понимаешь, что свои внутренности ты оставил на тридцать пятом, а вернуться за ними уже невозможно.

Холодок пробежал по моей спине, и, можно сказать, я протрезвел. Глаза мои открылись. Только теперь я понял, что повёл себя, как последний болван, и для того, чтобы утереть нос Дживзу, обрёл себя на мучения, хуже не бывает. Чем ближе я подходил к школе, тем сильнее я жалел, что высокомерно отказался выслушать альтернативную программу действий толкового малого. Я печёнками чувствовал, что нуждаюсь в альтернативной программе больше всего на свете, причём чем альтернативнее она будет, тем лучше для меня.

В этот момент я увидел теплицу. Не прошло и минуты, как цветочные горшки оказались у меня в руках.

А затем вперёд, к дереву; и, невзирая на бураны, не бросить флаг с девизом странным

Я хочу сказать, что дерево, должно быть, вырастили здесь специально для этой цели. Мои взгляды на лазание по веткам в саду, принадлежащем лучшей подруге тёти Агаты, остались неизменными, но я должен признаться, лазать по этим веткам было одно удовольствие. Я опомниться не успел, как очутился на вершине мира и увидел внизу стеклянную крышу теплицы. Зажав цветочный горшок между колен, я начал привязывать к нему верёвку.

И, пока я завязывал узлы, в голову мне почему-то полезли мрачные мысли о Женщине, как таковой.

Само собой, к этому времени мои добрые, старые нервы окончательно разгулялись, и я понимаю, что судил слишком строго, но, сидя в темноте на кедре, или как там он назывался, я решил, что чем больше умный мужчина имеет дело с женщинами, тем сильнее он удивляется, как этому полу позволили болтаться по нашей земле.

Женщины, по моему глубокому убеждению, ни на что не пригодны. Возьмём, к примеру, особ женского пола, замешанных в этой истории. Тётя Агата, куда более известная под именем Чума Понт-стрит, — черепаха-людоедка в человеческом облике. Мисс Мэйплтон, которую я видел единственный раз в жизни, и которую можно охарактеризовать одной фразой: лучшая подруга тёти Агаты. Бобби Уикхэм — девушка, вечно впутывающая людей с чистой совестью в разного рода авантюры. И, наконец, Клементина — юное создание, которое, вместо того, чтобы прилежно учиться и готовиться стать хорошей женой и матерью, проводит самые счастливые годы отрочества, подкладывая воспитательницам шербет в чернила...

Ну и компания! Ну и компания!

Я имею в виду, ну и компания!

Я накрутил себя до такой степени, что преисполнился негодования и мог бы наговорить о женщинах невесть что, но в это время яркий свет внезапно ударил мне в лицо, и мои барабанные перепонки сотряслись от звука голоса.

— Хо! — сказал голос.

Он не мог принадлежать никому, кроме полисмена. Я не сомневался в этом по двум причинам: во-первых, у него был фонарь, а во-вторых, он сказал «Хо!». Не знаю, помните ли вы мой рассказ о том, как однажды я проник в дом Бинго Литтла (мне поручили украсть магнитофонную плёнку, где была записана слащаво-сентиментальная статья, написанная о малыше его женой) и, выбравшись из окна, попал в руки блюстителю порядка? Тогда первым делом он сказал «Хо!» и продолжал повторять «Хо!» на протяжении всего нашего разговора, так что, по всей видимости, полисменов обучают этому слову во время спецподготовки. В конце концов, не так уж и плохо в отдельных случаях говорить «Хо!».

— Эй, вы, как вас там! Слезайте! Я вам говорю!

Я слез. Мне только что удалось установить цветочный горшок на ветке, и я понимал, что оставляю за собой мину замедленного действия. Теперь всё зависело от того, упадёт

горшок или нет. Если он грохнется, я окажусь в идиотском положении, если нет — быть может, мне удастся отболтаться. Впрочем, по правде говоря, я очень смутно представлял себе, как я буду отбалтываться.

Однако другого выхода у меня не было.

— А, сержант! — сказал я.

Это прозвучало неубедительно. Я повторил ту же фразу, сделав ударение на "а". Это прозвучало ещё неубедительнее. Мне стало ясно, что Бертраму необходимо срочно что-нибудь придумать.

— Всё в порядке, сержант, — объяснил я.

— В порядке?

— О да. В полном порядке.

— Чего вы там делали?

— Кто, я?

— Да, вы.

— Ничего, сержант.

— Хо!

Мы оба замолчали, но молчание это было, если так можно выразиться, не мирным и успокаивающим, как бывает в беседе двух старых друзей, а тревожным и беспокойным.

— Пройдёмте, — сказал жандарм.

Последний раз я слышал эту фразу из уст полисмена на Лестер-сквер, в ночь после регаты между Оксфордом и Кембриджем, когда, по моему совету, мой старый приятель Оливер Рэндольф Сипперли попытался умыкнуть полицейский шлем, внутри которого находился полицейский. Тогда она была обращена к Сиппи, но всё равно прозвучала не слишком приятно для моих ушей. Сейчас же у меня мороз побежал по коже.

— Но, послушайте, прах побери, это уж не знаю, знаете ли! — воскликнул я.

В этот момент, когда Бертрам находился в критической ситуации и, честно признаться, готов был сквозь землю провалиться, послышались мягкие шаги, и негромкий голос нарушил тишину:

— Вы схватили их, сержант? Я вижу, нет. Это мистер Вустер.

Полисмен резко повернулся, светя перед собой фонарём.

— А вы кто такой?

— Я камердинер мистера Вустера.

— Чей?

— Мистера Вустера.

— Этого человека зовут Вустер?

— Этого джентльмена зовут мистер Вустер. Я служу у него в качестве камердинера.

Совершенно очевидно, сержант был потрясён величественными манерами великолепного малого, но он не сдался.

— Хо! — заявил он. — Так вы не служите у мисс Мэйплтон?

— Мисс Мэйплтон не нуждается в услугах камердинера.

— Тогда чего вы делаете у неё в саду?

— Я совещался с мисс Мэйплтон в здании школы, и она выразила желание, чтобы я пошёл и разузнал, удалось ли мистеру Вустеру помешать незваным гостям.

— Каким незваным гостям?

— Подозрительным личностям, которых мы увидели, когда вошли в сад.

— А чего вам понадобилось в саду?

— Мистер Вустер собирался нанести визит мисс Мэйплтон, которая является близким другом его семьи. Мы заметили, как подозрительные личности шли по лужайке. Увидев этих подозрительных личностей, мистер Вустер отправил меня предупредить о них мисс Мэйплтон, а сам остался следить за ними.

— Он сидел на дереве.

— Если мистер Вустер взобрался на дерево, он, несомненно, имел на то веские причины и действовал исключительно в интересах мисс Мэйплтон.

Полисмен наморщил лоб и зашевелил губами.

— Хо! — сказал он. — Если хотите знать, я не верю ни одному вашему слову. К нам в участок позвонили по телефону и сообщили, что кто-то пробрался в сад мисс Мэйплтон, а этот парень сидел на дереве. По мне, оба вы соучастники преступления, и я сейчас отведу вас к уважаемой леди на опознание.

Дживз слегка наклонил голову.

— Я буду счастлив сопровождать вас, сержант, если вы на этом настаиваете. И я убеждён, что смело могу сказать то же самое в отношении мистера Вустера. Он также, вне всяких сомнений, не станет чинить вам никаких препятствий. Если вы считаете, что волей обстоятельств мистер Вустер попал в двусмысленное положение и оказался скомпрометированным, естественно, самым горячим его желанием будет реабилитировать себя...

— Эй! — воскликнул полисмен, глядя на Дживза вытаращенными глазами.

— Сержант?

— Немедленно прекратите.

— Как скажете, сержант.

— Чем болтать всякие глупости, пойдёмте со мной.

— Да, сержант.

Должен признаться, получив огромное удовольствие от разговора Дживза с сержантом, я шёл к зданию школы в мрачном настроении. Должно быть, злой рок, как говорится, преследовал меня, и я лишь сожалел, что доблестная попытка Дживза вытащить меня из беды с треском провалилась. Толковый малый блестяще всё объяснил; его рассказ даже мне показался местами правдоподобным, но, к великому несчастью, человек с фонарём не попался на крючок, как попался бы любой на его месте. Нет никаких сомнений, что полисмены страдают чем-то похожим на заворот мозгов, а это мешает им верить в чистоту человеческих намерений. Поэтому характеры у них несносные, и тут уже ничего нельзя поделать.

Самое главное, я не видел выхода из создавшегося положения. Мисс Мэйплтон, конечно, подтвердит, что я племянник её старой подруги, и мне не придётся идти в участок и ночевать в камере, но это, если как следует разобраться, меня не спасало. Клементина, по всей видимости, всё ещё пряталась в саду, и, когда её приведут и всё откроется, меня ждёт горящий взгляд, несколько слов ледяным тоном и обещание написать длинное письмо тёте Агате. Я вовсе не был уверен, что отсидеть в тюрьме несколько лет — худший вариант.

От таких мыслей, как вы понимаете; моя душа, по мере того как мы приближались к месту назначения, постепенно уходила в пятки. Очутившись в здании школы, мы миновали длинный коридор и вошли в кабинет, где за письменным столом, сверкая очками в стальной оправе так же неистово, как и на ленче у тёти Агаты, стояла директриса собственной

персоной. Я бросил на неё один только взгляд и крепко зажмурился.

— Ах! — сказала мисс Мэйплтон.

Высказанное с определённой интонацией, начинающейся с высокой ноты и заканчивающейся низкой, как бы выплюнутое, — если вы понимаете, что я имею в виду, — слово «Ах!» звучит не менее зловеще, чем «Хо!» По правде говоря, можно поспорить, какое из этих слов забористей. Но я был просто потрясён, услышав, что мисс Мэйплтон произнесла «Ах!» совсем другим тоном. Если уши меня не обманывали, это было настоящее «Ах!», дружелюбное «Ах!»; «Ах!», которое говорят друг другу солдаты-однопольчане. Потрясение моё было настолько сильным, что, забыв об осторожности, я осмелился посмотреть на неё ещё раз. И хотите верьте, хотите нет, Бертрам коротко вскрикнул. Грозный экспонат, стоявший передо мной, не вышел ростом. Я хочу сказать, мисс Мэйплтон не могла высокомерно смотреть на окружающих сверху вниз. Но нехватку дюймов ей с успехом возмещал величественный вид, присущий всем женщинам, руководящим школами. Глядя на неё, становилось ясно, что она не потерпит никаких глупостей. Директор школы, в которой я когда-то учился, обладал таким же даром вселять в людей ужас, и помнится, *in statu pupillary*, я готов был признаться во всех своих грехах, стоило мне почувствовать на себе огненный взгляд его глаз. У армейских майоров точно такой же вид. А также у полисменов-регулирующих и некоторых девушек, работающих на почте. Должно быть, тут дело в том, что они как-то по-особому поджимают губы и умеют смотреть сквозь собеседника.

Одним словом, посвятив долгие годы воспитанию молодёжи (выговаривая Изабель, со строгой серьёзностью делая замечание Гертруде, ну, и всё такое), мисс Мэйплтон с течением времени стала похожей на укротительницу львов, что и заставило меня в первый момент крепко зажмуриться и прочитать про себя коротенькую молитву. Но сейчас, хотя она всё ещё напоминала укротительницу львов, я видел перед собой дружелюбную укротительницу, которая недавно уложила своих зверей спать и решила расслабиться в компании друзей.

— Я вижу, вам не удалось их обнаружить, мистер Вустер, — сказала она. — Тем не менее я ценю вашу храбрость и хочу выразить вам признательность за проявленную заботу и внимание. На мой взгляд, ваше поведение было безупречным.

Я почувствовал, что рот у меня открылся, а голосовые связки зашевелились, но я не смог выдавить из себя ни слова. Ход её мысли остался для меня тайной за семью печатями. Я был поражён до последней степени. Изумлён донельзя. Короче, я попросту обалдел.

Цербер закона издал горлом какой-то нечленораздельный звук, похожий на завывание волка, от которого в последний момент ускользнул русский крестьянин.

— Вы опознаёте этого человека, мэм?

— Опознаю? В каком смысле я должна его опознать?

В беседу включился Дживз:

— Насколько я понимаю, мадам, сержант находится под впечатлением, что мистер Вустер забрался в ваш сад с преступной целью. Я уведомил сержанта, что мистер Вустер — племянник вашей подруги, миссис Спенсер Грегсон, но он отказался мне поверить.

Наступило молчание. Мисс Мэйплтон бросила на полисмена такой взгляд, словно она застучала его за сосанием леденцов во время урока Священного Писания.

— Вы хотите сказать, сержант, — произнесла она голосом, который пронзил полисмена в районе третьей пуговицы и вышел между лопатками, — что из-за вашего идиотизма настоящим преступникам удалось скрыться, так как вы приняли мистера Вустера за

грабителя?

— Он сидел на дереве, мэм.

— Ну и что с того? Ведь вы забрались на дерево, чтобы лучше видеть, мистер Вустер?

Теперь я смог ей ответить. Я оправился от шока, и моё присутствие духа ко мне вернулось.

— Да. Вот именно. Так оно и есть. Конечно. Безусловно. Точно, — сказал я.

— Чтобы лучше видеть. Как дважды два.

— Я попытался объяснить сержанту то же самое, мадам, но он счёл мои теории неправдоподобной.

— Сержант — болван, — заявила мисс Мэйплтон. На мгновение мне показалось, она сейчас возьмёт в руки указку и стукнет полисмена по костяшкам пальцев. — Благодаря его кретинизму, настоящие нарушители наверняка успели убежать. И за такую работу мы платим коммунальные и государственные налоги!

— Ужасно! — воскликнул я.

— Полное беззаконие.

— Стыд и срам.

— Вопиющее безобразие, — решительно произнесла мисс Мэйплтон.

— Хуже не придумаешь, — согласился я.

По правде говоря, мы всё больше и больше напоминали пару воркующих голубков; и в это время сквозь открытое окно кабинета до нас донёсся шум.

Должен признаться, рассказчик из меня никудышный, потому что я всегда теряюсь, когда приходится описывать какие-нибудь события. В конце моих школьных сочинений преподаватели обычно писали: «Практически или совсем не имеет способностей, но очень старается». Правда, с течением лет я поднахватался слов у Дживза, но, несмотря на это, я, грубо говоря, слишком слаб в коленках, чтобы красноречиво рассказать вам о раздавшемся грохоте. Попробуйте представить себе, как Альберт-холл падает на Хрустальный Дворец, и тогда вы примерно поймёте, что я имею в виду.

Мы все, даже Дживз, подскочили на несколько дюймов. Полисмен издал тревожное «Хо!»

Величественный вид вернулся к мисс Мэйплтон через долю секунды.

— Один из нарушителей, очевидно, разбил крышу теплицы, — сказала она. — Возможно, хотя бы сейчас, сержант, вы оправдаете своё жалкое существование и начнёте расследование, немедленно отправившись к месту происшествия.

— Да, мэм.

— И на этот раз постарайтесь не ошибиться.

— Нет, мэм.

— В таком случае поторопитесь. Или вы собираетесь таращить на меня глаза всю ночь?

— Да, мэм. Нет, мэм. Да, мэм.

Слушать его было одно удовольствие.

— По странному совпадению, мистер Вустер, — произнесла мисс Мэйплтон, становясь добродушной укротительницей львов, как только отверженный покинул кабинет, — перед вашим приходом я как раз закончила письмо вашей тётушке. Теперь мне придётся вскрыть конверт и приписать, как галантно вы повели себя сегодня вечером. До сих пор я была довольно невысокого мнения о современной молодёжи, но вы заставили меня изменить мои взгляды. Следить за преступниками ночью, в тёмном саду, не имея оружия, — признак

необычайной храбрости. И с вашей стороны было очень любезно нанести мне визит. Поверьте, я оценила ваше внимание. Вы надолго в Бингли?

На этот вопрос я уже смог ответить.

— Нет, — сказал я. — К сожалению, завтра мне необходимо быть в Лондоне.

— Возможно, вы не откажетесь прийти ко мне на ленч перед отъездом?

— Боюсь, что нет. Огромное вам спасибо. У меня очень важная встреча, которую я никак не могу отменить. Верно, Дживз?

— Да, сэр.

— Нам обязательно надо успеть на поезд в десять тридцать, что?

— Опаздывать нельзя, сэр.

— Очень жаль. — Мисс Мэйплтон вздохнула, — Я надеялась, вы скажете несколько слов моим девочкам. Возможно, в другой раз?

— Само собой. Двух мнений быть не может.

— Непременно дайте мне знать, когда соберетесь ещё раз приехать в Бингли.

— Когда соберусь, я непременно дам вам знать.

* * *

— Если не ошибаюсь, сэр, в ближайшее время в вашем расписании посещение Бингли не предусмотрено.

— И не только в ближайшее, Дживз, — заметил я.

Когда дверь за нами закрылась, я отёр чело дрожащей рукой.

— Выкладывай, Дживз, — сказал я.

— Сэр?

— Я говорю, выкладывай. У меня туман в голове.

— Всё очень просто, сэр. Я взял на себя ответственность и осмелился привести в исполнение альтернативный план, о котором, если помните, я хотел поставить вас в известность.

— Ну?

— Мне пришло в голову, сэр, что разумнее всего будет, если я постучусь с чёрного хода и попрошу, чтобы мисс Мэйплтон меня приняла. Я предполагал, что, пока служанка пойдёт обо мне докладывать, юная леди сможет беспрепятственно проникнуть в здание школы.

— Получилось?

— Да, сэр. Её никто не заметил, и она благополучно прошла к себе в комнату.

Я нахмурился. Мысль о девочке Клементине вызывала у меня раздражение.

— Благополучно? Чума её побери, Дживз, и пусть в следующее воскресенье её поставят в угол за незнание молитв. А затем ты увиделся с мисс Мэйплтон?

— Да, сэр.

— И сказал ей, что я остался в саду выслеживать бандитов, чтобы расправиться с ними голыми руками?

— Да, сэр.

— И поэтому сейчас она пишет постскриптом тёте Агате, восхваляя меня до небес?

— Да, сэр.

Я перевёл дыхание. Было слишком темно, и мне не удалось разглядеть лицо Дживза, наверняка светившееся сверхчеловеческим разумом. Я честно попытался это сделать, но у меня ничего не получилось.

— Дживз, — сказал я, — мне следовало прислушаться к тебе с самого начала.

— Это помогло бы вам избежать временных неприятностей, сэр.

— Вот именно, неприятностей, Дживз. Когда в полной тишине, сразу после того, как я установил на ветке цветочный горшок, свет фонаря ударил мне в лицо, я подумал, что настал конец света. Дживз!

— Сэр?

— Экспедиция на Антильские острова отменяется.

— Рад слышать это, сэр.

— Если Бобби Уикхэм умудрилась подложить мне свинью в таком тихом, спокойном месте, как Бингли-на-море, страшно подумать; что ей взбредёт в голову со мной сделать на весёлых Антильских островах.

— Совершенно справедливо, сэр. Я уже упоминал, что хотя мисс Уикхэм — очаровательная...

— Да, да, Дживз. Тебе вовсе не обязательно сыпать соль на мои раны. Глаза Вустера открылись раз и навсегда.

Должен вам честно признаться, что, прежде чем вновь заговорить, я довольно долго колебался.

— Дживз.

— Сэр?

— Мои брюки для гольфа.

— Да, сэр?

— Можешь подарить их беднякам.

— Большое спасибо, сэр.

Я вздохнул.

— У меня сердце кровью обливается, Дживз.

— Я ценю вашу жертву, сэр. Но когда первая боль разлуки пройдёт, вам сразу станет легче, сэр.

— Ты в этом уверен?

— Убежден, сэр.

— Да будет так, Дживз, — сказал я. — Тебе виднее.

ГЛАВА 8. Любовь, которая очищает

Я всегда со страхом жду той минуты, когда раз в году, примерно в начале августа, Дживз настаивает на том, чтобы взять отпуск и побездельничать, после чего уматывает на какой-нибудь морской курорт, бросая меня на произвол судьбы. Эта минута сейчас наступила, и мы принялись обсуждать, что нам делать с молодым господином.

— У меня сложилось впечатление, сэр, — сказал Дживз, — что вы намеревались принять приглашение мистера Сипперли и погостить несколько недель в его хэмпширском поместье.

Я засмеялся. Смех мой был горьким и отрывистым.

— Ты прав, Дживз. Ещё как намеревался. Но, к счастью, мне удалось вовремя узнать коварные замыслы Сиппи. Знаешь, что?

— Нет, сэр.

— Мои шпионы донесли мне, что в Хэмпшире будут гостить мать и маленький брат мисс Мун, невесты Сиппи. Теперь ты понимаешь, какое страшное вероломство таится за этим приглашением? Ты понимаешь, что задумал этот подлец? Не вызывает сомнений, Сиппи считает, что я стану развлекать миссис Мун и Себастьяна Муна, в то время как он сам будет целыми днями шляться по прекрасным лугам и полям со своей кошмарной девицей, болтая о том о сём. Я избежал ужасной участи в последнюю секунду, Дживз. Ты помнишь маленького Себастьяна?

— Да, сэр.

— А его выпученные глаза и золотые кудри?

— Да, сэр.

— Не знаю, почему, но я всегда терпеть не мог мальчиков с золотыми кудрями. Когда мальчик с золотыми кудрями попадает на моём пути, у меня руки чешутся уронить ему на голову что-нибудь тяжёлое.

— Многие сильные личности выражали подобное желание, сэр.

— А поэтому ни о каких Сиппи не может быть и речи, Дживз. Это звонок в дверь?

— Да, сэр.

— Значит, кто-то пришёл?

— Да, сэр.

— Сходи, посмотри.

— Да, сэр.

Он исчез и вернулся буквально через несколько секунд с телеграммой на подносе. Я прочитал её, и на моих губах заиграла улыбка.

— Просто удивительно, как часто в жизни происходят приятные совпадения, Дживз. Тётя Делия приглашает меня в своё поместье в Вустершире.

— Очень удачно, сэр.

— Да. Уму непостижимо, как я мог забыть о ней, подыскивая райский уголок. Я там буду как сыр в масле кататься. Живописные окрестности, собственный водоём и лучший повар в Англии. Ты не забыл Анатоля?

— Нет, сэр.

— И главное, Дживз, у тёти Делии мне не грозит общество этих жутких подростков, Правда, к ней на каникулы вроде бы приехал её сын, Бонзо, но я ничего не имею против

Бонзо. Сходи, пошли телеграмму, что я принимаю её приглашение.

— Да, сэр.

— А затем упакуй предметы первой необходимости, включая клюшки для гольфа и теннисные ракетки.

— Слушаюсь, сэр. Я рад, что всё закончилось так благополучно.

* * *

Мне кажется, я уже упоминал, что в полку моих кошмарных тётушек тётя Делия всё равно, что луч света во тьме. Она тётя, что надо, и женщина, хоть куда. Если вы помните, это именно она вышла замуж за старикана Тома Траверса и, с помощью Дживза, переманила от миссис Бинго Литтл французского повара, Анатоля. Гостить у неё в имении — одно удовольствие. Там всегда полно весёлых лиц, и ни одному дураку не придёт в голову вытащить вас из постели к завтраку, как это принято почти во всех загородных домах.

Соответственно, я с лёгким сердцем поставил свой двухместный автомобиль в гараж Бринкли-корта и отправился в дом напрямик, через кустарник и лужайку для игры в теннис, чтобы сообщить о своём прибытии. Я уже подходил к дверям, когда из окна курительной комнаты высунулась голова, и я увидел сияющее от счастья лицо.

— А, мистер Вустер! — сказала голова. — Ха, ха!

— Хо, хо! — ответил я, не желая показаться неучтивым.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить, где я раньше встречался с этой головой. Она принадлежала побитому молью старикану семидесяти лет, закадычному другу покойного отца тётя Делии. Очень милый старикан, но вечно страдающий нервными расстройствами.

— Только что приехали? — спросил он, сияя как медный таз.

— Сию минуту, — ответил я, на всякий случай тоже сияя.

— Если не ошибаюсь, вы найдёте нашу очаровательную хозяйку в гостиной.

— Спасибо, — сказал я и, посяяв для приличия ещё немного, вошёл в дом.

Тётя Делия действительно оказалась в гостиной и, когда я переступил через порог, с энтузиазмом меня приветствовала, что было мне очень лестно. Она тоже сияла. Должно быть, это погода на всех так действовала.

— Привет, урод, — сказала она. — Явился, не запылился. Слава богу, что тебе удалось ко мне выбраться.

Она взяла со мной верный тон, чего, к несчастью, я не мог ждать от других членов нашей семьи, в особенности, от тётя Агаты.

— Я всегда рад принять приглашение такой гостеприимной хозяйки, — любезно сказал я. — Не сомневаюсь, что прекрасно проведу у тебя время. Насколько я понял, к тебе приехал погостить мистер Анструтер? Кто-нибудь ещё?

— Ты знаком с лордом Снэттишэмом?

— Мы встречались на скачках.

— Он здесь вместе с леди Снэттишэм.

— И Бонзо, конечно, тоже?

— Да. И ещё Том.

— Дядя Том?

— Нет. Он в Шотландии. Твой кузен, Том.

— Ты имеешь в виду этого кошмарного сына тёти Агаты?

— Естественно. Олух царя небесного, как ты думаешь, сколько у тебя кузенов по имени Том? Агата уехала в Гамбург и подбросила мне своё чадо.

— Но, тётя Делия! Ты понимаешь, что ты натворила? У тебя есть хоть малейшее представление о биче божьем, который будет жить у тебя в доме? В обществе юного Тоса самые смелые люди бледнеют от страха. Он первый в Англии враг рода человеческого в облике мальчика. Нет такой пакости, на которую он не был бы способен.

— Я тоже так думала, — согласилась моя родственница. — Но сейчас, будь он неладен, Том ведёт себя как образцовый ученик воскресной школы. Понимаешь, когда мистер Анструтер (в последнее время бедняга совсем ослаб) узнал, что будет жить в доме с двумя подростками, он действовал быстро и решительно, предложив награду в пять фунтов тому из них, кто будет лучше себя вести во время его пребывания в Бринкли-корте. С той самой минуты из лопаток юного Тома выросли большие белые крылья. — На мгновение её лицо затуманилось, и она с горечью сказала: — Коротышка маленький негодяй! В жизни своей не видела такого тошнотворно прилежного ребёнка. Ещё немного, и я вообще разочаруюсь в детях.

Честно говоря, я немного удивился.

— Разве тебя не радует, что он стал пай-мальчиком?

— Нет.

— Не понимаю, почему. С моей точки зрения, спокойный, тихий Тос куда лучше, чем Тос, носящийся по всему дому и вытворяющий бог знает что. По-моему, тут двух мнений быть не может.

— Ещё как может! Видишь ли, Берти, награда за Хорошее Поведение несколько усложнила дело. Во всей этой истории есть скрытый смысл. Соперничество двух детей пробудило в леди Снэттишэм спортивный дух, и она настояла на том, чтобы заключить со мной пари.

Я прозрел. Наконец-то мне стало понятно, о чём шла речь.

— Ах! — сказал я. — Теперь я уловил. Теперь я уразумел. Теперь я постиг. Она поставила на Тоса, верно?

— Да. И, естественно, хорошо его зная, я решила, что моё дело в шляпе.

— Само собой.

— Я не сомневалась, что выиграю. Видит бог, у меня нет иллюзий в отношении моего дорогого сыночка. Бонзо всегда был несносным ребёнком. Но поставить на него в состязании с Томом за Хорошее Поведение казалось мне делом беспроектным.

— Точно.

— Мой Бонзо — обычный бедокур и проказник, в то время как Том — пакостник, каких мало.

— Вот именно. Я не вижу причин для волнений, тётя Делия. Тос долго не продержится. Вот увидишь, скоро он начнёт откалывать один номер за другим.

— Да, но прежде может случиться большая беда.

— Беда?

— Игра ведётся нечисто, Берти, — хмуро сказала тётя Делия. — Когда я заключала

пари, я не приняла во внимание чёрных душ Снэттишэмов. Вчера, например, мне стало доподлинно известно, что Джек Снэттишэм уговаривал Бонзо забраться на крышу и проухать филином в трубу камина, который находится и комнате мистера Анструтера.

— Не может быть!

— Да. Мистер Анструтер — больной, несчастный старичок, и это напугало бы его до полусмерти. Он, несомненно, сразу же дисквалифицировал бы Бонзо и объявил бы победителем Тома.

— Но Бонзо не стал ухать филином?

— Нет, — ответила тётя Делия, и в голосе её прозвучала материнская гордость. — Он наотрез отказался ухать. К счастью, в настоящий момент он влюблён, и это в корне изменило его характер. Он ведёт себя, как шёлковый.

— Влюблен? В кого?

— В Лилиан Гиш. Неделю назад в деревенском синематографе крутили один из старых фильмов, и Бонзо впервые увидел её на экране. Он вышел из кино бледный, с горящим взором и с тех пор изо всех сил старается вести себя так, чтобы быть достойным своего кумира. Так что беда меня миновала.

— Вот и отлично.

— Да. Но теперь моя очередь. Надеюсь, ты не думаешь, что я всё так оставлю? Когда со мной поступают по справедливости, честнее меня на свете не сыщешь, но если я получаю удар ниже пояса, то отвечаю тем же. Не бойся, в долгу не останусь. Раз уж пошла грубая игра, я докажу, что умею играть не хуже других. Ставка слишком высока, чтобы я стала миндальничать.

— Ты поспорила на крупную сумму?

— Я могу проиграть куда больше, чем деньги. Я поставила на кон Анатоля против судомойки Джейн Снэттишэм.

— Святые угодники и их тётушка! Дядя Том скажет тебе пару ласковых, если вернётся и обнаружит, что Анатоля больше нет.

— И не только скажет!

— Уж слишком не равны ставки, тётя Делия. Я имею в виду, Анатолий известен по всей Англии, как повар без страха и упрёка.

— Ну, судомойку Джейн Снэттишэм тоже не на помойке подобрали. Говорят, таких, как она, днём с огнём не найти, а хорошие судомойки в наши дни так же редки, как подлинники Гальбейна. Кроме того, я вынуждена была предложить Джейн более выгодные условия. Она на этом настаивала. Но вернёмся к нашим баранам. Если оппозиция устанавливает препятствия на пути Бонзо, то Тому придётся преодолеть в сто раз больше препятствий, Так что позови Дживза, и пусть он начинает шевелить мозгами.

— Но я приехал один.

— То есть как?

— Очень просто. В это время года Дживз всегда берёт отпуск. Он уехал в Богнор ловить креветок.

— В таком случае немедленно пошли за ним! Зачем ты мне сдался без Дживза? Какой от тебя толк?

Я распрямил плечи и вытянулся во весь рост. Я, конечно, уважаю Дживза, дальше некуда, но гордость Вустеров была уязвлена.

— Дживз не единственный, у кого есть мозги, — холодно произнёс я. — Поручи это

дело мне, тётя Делия. Надеюсь, к обеду я представлю тебе для утверждения подробный план действий. Если мне не удастся вывести Тоса из игры, я, как истый англичанин, съем свою шляпу.

— Вряд ли тебе придётся есть что-нибудь ещё, если я проиграю Анатоля, — пробормотала тётя Делия. Она была мрачнее тучи, и, по правде говоря, её настроение совсем мне не понравилось.

* * *

Выйдя из гостиной, я стал напряжённо думать. Я сильно подозревал, что тётя Делия (хоть она всегда была со мной дружелюбна и искренне радовалась моему обществу) была довольно невысокого мнения о моих умственных способностях. Уж слишком часто она говорила, обращаясь ко мне, «тупица», «оболтус» или «олух царя небесного»; и хотя в тоне её сквозило чувство привязанности, должен честно признаться, эти слова меня ранили. Сейчас, например, она прозрачно намекнула, что на меня нельзя положиться в критической ситуации, требующей находчивости и решительности. Я хотел доказать, что она глубоко заблуждается.

Самое главное в делах такого рода, — так скажет вам Дживз, — вникнуть в психологию индивида. Как следует изучите индивида, и вы добьётесь от него, чего хотите. Можете мне поверить, я изучал Тоса долгие годы и знал его, как облупленного. Мой кузен Томас принадлежит к числу тех подростков, которые никогда не угомонятся, если вы понимаете, что я имею в виду. Попробуйте разозлить или раздражить этого несовершеннолетнего преступника, и он при первой же возможности страшно вам отомстит. В прошлом году, например, он оставил члена кабинета министров на необитаемом острове посередине озера в поместье моей тётя Агаты в Херефордшире, причём под проливным дождём и в компании одного из самых злобных лебедей, которых мне когда-либо доводилось видеть. А всё потому, что, застукав Тоса в кустах с сигаретой, кабинетный министр донёс на него матери. Ну, как оно вам?

Поэтому я пришёл к заключению, что несколько удачно подобранных колкостей в его адрес, бьющих по самым чувствительным местам, заставят Тоса придумать мне какую-нибудь потрясающую месть. А если вас удивляет, что я готов был подвергнуть свою жизнь опасности во имя спокойствия тётя Делии, я должен вам сказать, что мы, Вустеры, не умеем иначе.

Теперь мне оставалось уточнить одну маленькую деталь, а именно: сочтёт ли старикан Анструтер пакость, сделанную Бертраму Вустеру, достаточным основанием, чтобы снять Тоса с соревнований, или он просто по стариковски захихикает и заявит, что все мальчишки — непоседы? В последнем случае, как вы сами понимаете, мой план отменялся. Я решил обратиться к старику и выяснить, что к чему.

Мистер Анструтер, более чем когда-либо напоминавший божий одуванчик, всё ещё сидел в курительной комнате и читал «Таймс». Я сразу взял быка за рога.

— О, мистер Анструтер, — сказал я. — Здравствуйте!

— Меня волнует положение дел на американской бирже, — сообщил он. — Поведение

Медведей мне совсем не нравится.

— Да? А я как раз пришёл поговорить с вами о соревновании на приз за Хорошее Поведение.

— Ах, вы уже слышали о моей выдумке? — расцвёл старикан.

— Я не совсем понимаю, как вы судите.

— О, сейчас объясню. Я придумал свою систему оценок. С утра каждый из мальчиков получает по двадцать баллов. Затем, в течение дня, за различные проделки вычитаются определённые суммы. Так, например, за крики у моей спальни снимается три балла, а за свист — два. Соответственно, чем серьёзнее проступок, тем суровее наказание. Вечером, перед сном, я заново оценки в свою записную книжку. Просто, но гениально, вы не находите, мистер Вустер?

— Точно.

— Хочу вам доложить, пока что результаты меня обнадеживают. До сих пор оба мальчика не потеряли ни одного балла, и мои нервы (я и мечтать об этом не мог, узнав, что буду жить в доме с двумя детьми) постепенно начали успокаиваться.

— Понятно, — сказал я. — Это вы здорово придумали. А как вы оценили бы аморальные поступки по отношению к остальному человечеству?

— Простите?

— Я имею в виду, если речь идёт не о вас лично. Допустим, один из них сделает мне какую-нибудь пакость. Натянет верёвку на моём пути, знаете ли, или ещё что-нибудь. Или подложит мне в постель жабу.

Старикан был явно шокирован.

— В таком случае я вычту из общей суммы целых десять баллов.

— Только десять?

— Ну, пятнадцать.

— Двадцать — круглая, ровная цифра.

— Возможно, даже двадцать. Я испытываю неподдельный ужас при мысли о подобных злых шутках.

— Полностью с вами согласен.

— Если произойдёт такой возмутительный случай, вы ведь поставите меня в известность, мистер Вустер?

— Вы первый о нём узнаете, — пообещал я.

А затем я отправился в сад на поиски юного Тоса. Теперь я выяснил всё, что хотел. Бертрам почувствовал твердую почву под ногами, и ему не о чем было беспокоиться.

Мне не пришлось долго искать Тоса. Он сидел в беседке и читал какую-то поучительную книгу.

— Привет, — сказал мой кузен, улыбаясь ангельской улыбкой.

Этот злой дух человечества был, мягко говоря, полным ребёнком, которому снисходительные люди позволили засорять собой землю на протяжении вот уже четырнадцати лет. У него были зелёные глаза, нос картошкой и внешность гангстера. Я никогда не считал Тоса красавцем, но от ангельской улыбки его физиономия приобрела совсем жуткое выражение.

Я быстро перебрал в уме несколько вариантов колкостей.

— Привет, молодой человек, — сказал я. — Не ожидал с тобой здесь встретиться. Да ты разжирел, как свинья.

Неплохо для начала, верно? По опыту я знал, что Тос никогда добродушно не относился к весёлым шуткам о появившемся у него с некоторых пор брюшке. В последний раз, когда я сделал ему замечание по этому поводу, он — тогда ещё несмышленный ребёнок — ответил мне в таких выражениях, которыми я, человек взрослый, с удовольствием пополнил свой словарный запас. Но сейчас, хотя на мгновение взгляд его стал тоскливым, он улыбнулся мне ещё более ангельской улыбкой, чем прежде.

— Да, мне кажется, я опять немного прибавил в весе, — мягко сказал он. — Видно, придётся вплотную заняться физическими упражнениями, пока я здесь отдыхаю. Не хочешь ли присесть, Берти? — Он поднялся с кресла. — Должно быть, ты устал после долгой дороги. Я принесу тебе подушку. У тебя есть сигареты? И спички? Если надо, я могу быстренько сбежать за ними в курительную комнату. А может, ты хочешь выпить какой-нибудь прохладительный напиток?

Можете мне поверить, я был поражён, дальше некуда. Несмотря на рассказ тёти Делии, мне не верилось, что в отношении великого пакостника к ближним могли произойти такие сенсационные перемены. Однако я не сдался.

— Ты всё ещё учишься в своей никудышной школе? — спросил я.

Возможно, Тос был непроницаем для шуток о *embonpoint*, но мне казалось невероятным, что он ради денег пропустит мимо ушей шпильку в адрес его *alma mater*. Я ошибся. Видимо, решимость моего кузена заработать пятёрку была непоколебимой. Он просто покачал головой.

— Я оттуда ушёл. С осени буду учиться в Ревенхэрсте.

— Там носят академические шапочки с плоским квадратным верхом?

— Да.

— С розовыми кисточками?

— Да.

— Представляю, каким ослом ты будешь выглядеть! — сказал я и весело рассмеялся, хотя, по правде говоря, у меня уже не было особой надежды на успех.

— Ещё бы! — воскликнул он и рассмеялся ещё веселее, чем я.

— Академическая шапочка!

— Ха, ха!

— Розовая кисточка!

— Ха, ха!

Я бросил это дело.

— Ну, пока-пока, — мрачно произнёс я и вышел из беседки.

Через несколько дней я понял, что Тос заболел куда серьёзнее, чем я предполагал. Ребёнок был просто безнадежен.

Плохие новости сообщил мне мистер Анструтер.

— О, мистер Вустер, — сказал он, встретив меня на лестнице, когда я спускался в сад, как следует подкрепившись завтраком. — Вы были так любезны, что проявили интерес к организованному мною соревнованию на приз за Хорошее Поведение.

— О, а?

— Помнится, я объяснил вам мою систему оценок. Ну так вот, сегодня утром я вынужден был внести в неё некоторые коррективы. Этого потребовали обстоятельства. Совершенно случайно я увидел, как племянник нашей хозяйки, Томас, возвращается домой усталый и весь в пыли. Я спросил, почему он на ногах в столь ранний час — дело было

задолго до завтрака, — и ребёнок ответил, что слышал, как вы вчера выразили сожаление по поводу своей забывчивости, поскольку не перевели из Лондона в Бринкли-корт «Спортивные новости», и поэтому он ходил на вокзал, — а это больше трёх миль в один конец, — чтобы купить вам газету.

Старикан поплыл перед моими глазами. Неожиданно я увидел двух мистеров Анструтеров, которые колебались, как туман.

— Что?!

— Я понимаю ваши чувства, мистер Вустер. Более того, я глубоко ценю их. Редко когда можно встретить доброту и отзывчивость в сердце современного ребёнка. Я был так тронут его удивительным поступком, что допустил отклонение от своей системы и наградил его пятнадцатью лишними баллами.

— Пятнадцатью!

— Вообще-то вы, конечно, правы. Пусть будет двадцать. Как вы сами справедливо заметили, это — круглая, ровная цифра.

Он засеменял в направлении курительной комнаты, а я отправился на поиски тёти Делии.

— Тётя Делия! — воскликнул я. — Дело принимает угрожающий оборот.

— Можно подумать, я не в курсе, — мрачно произнесла моя родственница. — Знаешь, что произошло? Этот жулик Снэттишэм, которого давно пора выкинуть из всех его клубов, предложил Бонзо десять шиллингов, если он хлопнет бумажным пакетом за спиной мистера Анструтера во время завтрака. Хвала всевышнему, любовь чистой женщины победила и на этот раз. Мой дорогой Бонзо многозначительно поглядел на негодея, повернулся и ушёл. Зато теперь окончательно стало ясно, какая тяжёлая борьба нам предстоит.

— Куда тяжелее, чем ты думаешь, — вздохнул я и передал ей свой разговор с мистером Анструтером.

Она была ошеломлена. Можно сказать, поражена ужасом.

— И это сделал Томас?

— Тот собственной персоной.

— Прошагал шесть миль, чтобы купить тебе газету?

— Шесть с небольшим.

— Наглый щенок! Великие небеса, Берти, ты понимаешь, что теперь он каждый день будет творить Добрые Дела? Неужели его никак нельзя остановить?

— Не знаю, тётя Делия. Честно признаться, я совсем сбит с толку. По-моему, нам остаётся один выход: послать за Дживзом.

— Давно пора, — не очень любезно заявила моя тётушка, — Тебе следовало сделать это с самого начала. Телеграфируй ему немедленно.

* * *

Дживз — малый, что надо. У него золотое сердце высшей пробы. Другой бы на его месте, получив телеграмму, вызывающую его из отпуска, поднялся бы на дыбы, и всё такое. Но к Дживзу это не относится. На следующий же день, бронзовый от загара и пышущий

здоровьем, он приехал в Бринкли-корт, и я без промедления изложил ему суть дела.

— Вот такие пироги, Дживз, — заключил я, перечислив вышеупомянутые факты. — Тебе придётся поднапрячься, как никогда. Сейчас иди отдыхать, а вечером, слегка перекусив, удались в уединённое место и начинай шевелить мозгами. Тебе понадобятся какие-нибудь возбуждающие блюда или напитки на обед? Такие, знаешь ли, которые подхлестнут твои старые, добрые мозги? Скажи, чего ты хочешь, и у тебя всё будет.

— Большое спасибо, сэр, но я уже составил план, который, как мне кажется, поможет решить данную проблему.

Я посмотрел на него чуть ли не со страхом.

— Уже?

— Да, сэр.

— Как, уже?!

— Да, сэр.

— Что-нибудь связанное с психологией индивида?

— Совершенно верно, сэр.

Я разочарованно покачал головой. По правде говоря, меня одолели сомнения.

— Ладно, Дживз, выкладывай свой план, — сказал я. — Но вряд ли ты предложишь что-нибудь путное. Ведь ты только что приехал и не знаешь, какие ужасные перемены произошли в юном Тосе. Должно быть, ты судишь о нём по тому ребёнку, которого видел в последний раз. Бесплезно, Дживз. Желая во что бы то ни стало заполучить пятёрку, проклятый сорванец стал таким добродетельным, что спасу нет. Я посмеялся над его животиком, презрительно отозвался о его школе, а в ответ он улыбнулся улыбкой умирающей утки. Однако послушаем, что ты придумал.

— Мне пришло в голову, сэр, что в данной ситуации вам обязательно надо попросить миссис Траверс ненадолго пригласить к себе в гости молодого Себастьяна Муна.

Я вновь покачал своей черепушкой. План Дживза показался мне бредом комара, а ещё точнее, бредом комара в лунную ночь.

— Что это изменит, прах побери? — Честно признаться, я говорил несколько раздражённо. — Почему Себастьяна Муна?

— У него золотые кудри, сэр.

— Ну и что с того?

— Самые сильные личности часто не могут сдержаться при виде золотых кудрей, сэр.

Вообще-то мысль была неплоха, но я не могу сказать, что, услышав её, задрожал от восторга. Конечно, увидев Себастьяна Муна, Тос может дрогнуть и сделать ему какую-нибудь пакость, но я мало на это надеялся.

— Возможно, ты прав, Дживз.

— Мне кажется, я не слишком самонадеян, сэр. Если вы помните, помимо золотых кудрей молодой господин Себастьян обладает крайне неуживчивым характером. Он любит весьма категорично выражать своё мнение по любому поводу, а это вряд ли понравится молодому господину Томасу, который на несколько лет старше молодого господина Себастьяна.

Меня всё время не оставляло чувство, что в плане Дживза был какой-то изъян, и сейчас я понял, в чём он заключался.

— Послушай, Дживз. Допустим, как ты говоришь, при виде маленького Себастьяна у всех руки чешутсясыпать ему по первое число. Почему ты решил, что им займётся Тос, а не

Бонзо? Хороши мы будем, если наш ставленник вдруг свернёт Себастьяну шею на другую сторону и скажет, что так и было. Не забудь, Бонзо уже отстал от Тома на двадцать баллов, и мы можем проиграть пари в любую секунду.

— То, чего вы боитесь, маловероятно сэр. Молодой господин Траверс влюблён, а любовь в возрасте тринадцати лет — мощный сдерживающий фактор.

— Гм-мм, — протянул я. — Что ж, Дживз, попробуем. Другого выхода всё равно нет.

— Да, сэр.

— Я скажу тётке Делии, чтобы она сегодня же написала Сиппи,

* * *

Должен вам признаться, что, когда маленький Себастьян приехал к нам через несколько дней, я воспрял духом. С моей точки зрения, любой нормальный, уважающий себя мальчишка при виде Себастьяна Муна просто не мог не отвести его куда-нибудь в сторонку и как следует не отлупить. Он был очень похож на маленького лорда Фаунтлероя. Я пристально наблюдал за Тосом в момент их встречи, и, если не ошибаюсь, в глазах моего кузена зажёгся огонёк, который наверняка загорался у индейского вождя Чингакчука или, скажем, Сидящего Быка в тот момент, когда руки их тянулись за ножом, которым снимают скальпы.

Впрочем, пожимая Себастьяну руку, Тос ничем не выдал своих чувств. Только проникательный наблюдатель смог бы заметить, что он потрясён до глубины души. Но я всё видел и тут же призвал к себе Дживза.

— Дживз, — сказал я, — если тебе показалось, что я не совсем одобрительно отзывался о твоём плане, то я беру свои слова обратно. По-моему, ты попал в яблочко. Я внимательно следил за Тосом. Когда он увидел Себастьяна Муна, его глаза странно заблестели.

— Вот как, сэр?

— Он нерешительно переступил с ноги на ногу и пошевелил ушами. Уж не знаю, какие героические усилия он приложил, чтобы сдержаться.

— Да, сэр?

— Да, Дживз. У меня сложилось определённое впечатление, что ещё секунда, и он вспыхнет, как порох. Попрошу тётю Делию, чтобы завтра она отвезла их обоих на какой-нибудь пикник и оставила в уединённом месте. В остальном, я думаю, мы можем положиться на матушку-природу.

— Хорошая мысль, сэр.

— Это не просто хорошая мысль, Дживз, — сказал я. — Это верняк.

* * *

Знаете, чем старше я становлюсь, тем больше убеждаюсь, что на свете вообще не

существует верняков. Я столько раз видел, как с первого взгляда стопроцентные дела лопались, словно мыльные пузыри, что стал сам настоящим равнодушным скептиком. Парни подсаживаются ко мне в «Трутне», да и в других местах, предлагая поставить на лошадь, которая должна прийти первой, даже если на старте в неё ударит молния, но Бертрам Вустер лишь качает головой. Он слишком хорошо знает жизнь, чтобы хоть в чём-то быть уверенным.

Если б кто-нибудь сказал мне, что мой кузен Тос, оставшись наедине, причём надолго, с таким уродом, как Себастьян Мун, не только не обкорнает ему перочинным намеком локоны, не выкупает в пруду и всё такое, а вернётся домой с отвратительным мальчишкой на закорках, я бы презрительно рассмеялся. Я знал Тоса, я знал, на что он способен. Я видел его в деле. И я не сомневался, что мысль о жалких пяти фунтах не заставит моего кузена сдерживать свои чувства.

Знаете, что произошло? Тихим вечером, когда птицы распелись вовсю, а природа, казалось, расцвела, одаривая всех надеждой и счастьем, пришла беда. Я болтал со стариканом Анструтером на террасе, когда неожиданно из-за поворота тропинки показались двое мальчишек. Себастьян сидел на спине Тоса, размахивая шляпой, и его золотые кудри развевались по ветру. Он во всё горло пел, перевирая слова, комическую песню, а Тос, сгибаясь под его тяжестью, упорно шагал вперёд, улыбаясь своей омерзительной ангельской улыбкой. Аккуратно ссадив златокудрое дитя на ступеньки крыльца, он подошёл к нам.

— У Себастьяна гвоздь в ботинке, — объяснил мой кузен тихим, благоговейным голосом. — Ему было больно идти, поэтому я принёс его на закорках.

Я услышал, как мистер Анструтер судорожно вздохнул.

— Ты нёс его всю дорогу?

— Да, сэр.

— По такой жаре?

— Да, сэр.

— Но разве тебе не было тяжело?

— Немного, сэр, — тут Тос вновь одарил нас своей ангельской улыбкой. — Но он очень мучился от боли в ноге.

Я ушёл. Судя по блеску в глазах, семидесятилетний старец собирался выдать очередные премиальные, а мне вовсе не хотелось присутствовать при раздаче премий. Я отправился к себе в комнату и застал там Дживза, который возился с моими галстуками и всем прочим.

Выслушав моё сообщение, он поджал губы.

— Серьёзный случай, сэр.

— Очень серьёзный, Дживз.

— Я этого боялся, сэр.

— Да ну? А я, наоборот, был убеждён, что Тос сделает из Себастьяна свиную отбивную. По крайней мере, я на это рассчитывал. Вот что деньги делают с человеком, Дживз. Наступил коммерческий век. В моё время я разделал бы такого ребёнка, как Себастьян, под орех и получил бы удовольствие куда большее, чем от обещанных пяти фунтов.

— Вы ошибаетесь, сэр, полагая, что молодым господином Томасом движет страсть к деньгам. Он подавил свои естественные желания вовсе не из стремления заработать пять фунтов.

— А?

— Я выяснил истинную причину перемен, происшедших в душе молодого господина Томаса.

По правде говоря, я несколько растерялся.

— В чём же дело, Дживз? В религии?

— Нет, сэр. В любви.

— В любви?

— Да, сэр. Молодой джентльмен поведал мне о своей любви в короткой беседе незадолго до ленча. Мы стояли в холле и разговаривали о пустяках, когда внезапно он сильно покраснел и после некоторого колебания спросил меня, не считаю ли я Грету Гарбо самой прекрасной женщиной в мире.

Я прижал ладонь к своему челу.

— Дживз! Только не говори мне, что Тос влюблён в Грету Гарбо!

— Да, сэр. К несчастью, так оно и есть. Молодой господин Томас дал мне понять, что увлекался ей всё больше и больше, а после последней её картины полюбил навек. Голос его дрожал от избытка чувств. Из его объяснений было абсолютно ясно, что он предполагает провести всю свою жизнь так, чтобы стать достойным её.

Это был нокаут. Это был конец.

— Это конец, Дживз, — сказал я. — Теперь уже Бонзо отстал на добрые сорок баллов. Только из ряда вон выходящее преступление против человечества, сделанное Тосом на глазах у всех, может вывести его из лидеров. А сейчас, насколько я понимаю, он не захочет совершать преступлений.

— Нет, сэр. Это маловероятно.

Я предался грустным размышлениям.

— Дядю Тома кондрашка хватит, когда он вернётся и узнает, что Анатоля больше нет.

— Да, сэр.

— Тёте Делии придётся испить горькую чашу до последней капельки.

— Да, сэр.

— И, с точки зрения эгоиста, я навсегда потеряю возможность есть самые вкусные блюда во всей Англии. Ведь Снэттишэмы вряд ли пригласят меня в гости просто так, от нечего делать.

— Да, сэр.

— Тогда остается лишь гордо поднять голову и смириться с неизбежным.

— Да, сэр.

— Подобно одному из аристократов во времена французской революции, который умотал в крытой двуколке, что? Презрительная улыбка. Выпяченная нижняя губа.

— Да, сэр.

— Так держать, Дживз! Запонки в рубашке?

— Да, сэр.

— Галстук выбран?

— Да, сэр.

— Воротнички и нижнее бельё приготовлены?

— Да, сэр.

— В таком случае я пошёл принимать ванну. Ты и оглянуться не успеешь, как я вернусь.

Хорошо говорить о презрительных улыбках и выпяченных нижних губах, но по собственному опыту я знаю (и думаю, многие со мной согласятся), что это куда легче сказать, чем сделать. Честно вам признаюсь, что в течение следующих нескольких дней, несмотря на невероятные усилия, я был мрачнее тучи. И, как назло, на Анатоля вдруг напал стих, и он начал готовить одно блюдо вкуснее другого, явно превзойдя самого себя.

Вечер за вечером мы сидели за обеденным столом, и пища таяла в наших ртах, и тётя Делия бросала на меня взгляд, а я бросал взгляд на тётю Делию, и мужчина Снэттишэм спрашивал женщину Снэттишэм утробным голосом, едала ли она когда-нибудь нечто подобное, а женщина Снэттишэм ухмылялась мужчине Снэттишэму и отвечала, что никогда в жизни не пробовала такой вкуснятины, а я бросал взгляд на тётю Делию, а тётя Делия бросала взгляд на меня, и наши глаза наполнялись невыплаканными слезами, если вы понимаете, что я имею в виду.

И с каждым днём отъезд мистера Анструтера приближался.

Конец, можно сказать, был не за горами.

А затем, в последний день пребывания старца в Бринкли-корте, произошло непредвиденное.

* * *

Это был теплый, сонливый, мирный день. Я трудился в своей комнате, корпя над письмом, которое давно должен был написать, и с того места, где я сидел, прекрасно была видна тенистая лужайка, окружённая весёлыми цветочными клумбами. Две-три птички прыгали по земле, две-три бабочки порхали туда-сюда, эскадрон пчёл носился взад-вперёд. В шезлонге на лужайке почивал почтенный старец, мистер Анструтер. Это зрелище, не будь я так отягощён заботами, безусловно подействовало бы успокаивающе на мою старую, добрую душу. Пейзаж портила разве что Снэттишэм, которая шлялась между клумбами и, очевидно, составляла в уме будущие меню своих обедов, чтоб ей пусто было.

Время словно остановилось. Птички прыгали, бабочки порхали, пчёлы носились, а старикан Анструтер храпел, — короче, всё шло по расписанию. А я добрался до того места в письме к моему портному, где следовало употребить весьма резкие выражения по поводу оттопыренного правого рукава моего смокинга.

Раздался стук в дверь, и в комнату вошёл Дживз с дневной почтой. Я безразлично положил письма рядом с собой на стол.

— Вот такие пироги, Дживз, — грустно сказал я.

— Сэр?

— Мистер Анструтер уезжает завтра.

— Да, сэр.

Я бросил взгляд на спящего старикана.

— В дни моей юности, Дживз, — сказал я, — как бы я не был влюблён, я никогда не смог бы устоять при виде пожилого джентльмена, заснувшего на лужайке в шезлонге. Я бы обязательно над ним подшутил, чего бы мне это не стоило.

— Вот как, сэр?

— Да. Скорее всего, выстрелил бы в него горохом из трубки. Но современный ребёнок — дегенерат. Он не умеет радоваться прелестям жизни. Должно быть, Тос в этот прекрасный день торчит дома и показывает Себастьяну свою коллекцию марок или что-нибудь ещё. Ха! — воскликнул я, и восклицание моё прозвучало достаточно презрительно.

— Насколько мне известно, молодой господин Томас играет с молодым господином Себастьяном у конюшен, сэр. Я недавно встретил молодого господина Себастьяна, который сообщил мне, что он туда идёт.

— Серебряный экран, Дживз, — заметил я, — проклятье нашего века. Если бы не кино, и если б Тос вдруг остался вдвоём с Себастьяном в таком уединённом месте, как...

Я умолк, не закончив фразы, Откуда-то с юго-запада, из места, скрытого от моего взора, раздался дикий визг. Он разрезал воздух, как горячий нож масло, и старый мистер Анструтер подскочил на месте, словно ему всадили заряд соли в мягкое место. В следующую секунду в моём поле зрения появился Себастьян, улепётывающий со всех ног от Тоса, который нёсся как угорелый. Несмотря на то, что в правой руке Тос держал тяжёлое ведро, из которого поят лошадей, он явно должен был выиграть забег. Мой кузен уже почти догнал Себастьяна, когда тот, с редкой для ребёнка его лет сообразительностью, отпрыгнул и спрятался за мистера Анструтера, после чего в действии наступил перерыв.

Правда, ненадолго. Тос, совершенно очевидно потрясённый каким-то происшествием до глубины души, ловко отскочил в сторону, взял ведро за доньшко левой рукой и в мгновение ока выплеснул всё его содержимое. Мистер Анструтер, который в этот момент отскочил в ту же самую сторону — насколько я мог судить издали, — чуть было не захлебнулся. В долю секунды, нежданно-негаданно, он стал самым мокрым человеком во всём Вустершире.

— Дживз! — вскричал я.

— Вот именно, сэр, — сказал Дживз, в двух словах определяя ситуацию, лучше некуда.

На лужайке события развивались своим чередом. Быть может, мистер Анструтер и был немощным старцем, но в критическую минуту он умел постоять за себя. Мне редко доводилось видеть, чтобы человек его лет действовал так энергично. Рядом с шезлонгом лежала его трость, и, схватив её, он самозабвенно ринулся в бой. Мгновением позже они с Тосом исчезли за углом дома. Судя по доносившимся звукам, Тос отдал борьбе все силы, но оказался недостаточно выносливым в беге на длинные дистанции.

Постепенно крики утихли, и я с нескрываемым удовольствием посмотрел на Снэттишэм, которая стояла с таким видом, словно её ударили пыльным мешком по голове, и смотрела с открытым ртом, как её ставленник сходит с дистанции. Я повернулся к Дживзу. Мне не часто удаётся утереть ему нос, но сейчас моя правота была доказана окончательно и бесповоротно.

— Вот видишь, Дживз, — сказал я. — Ты ошибся, а я оказался прав. Кровь гуще, чем водица. Тос остаётся Тосом, несмотря ни на что. Разве леопард может избавиться от своих пятен, а эфиоп от чего-то там ещё? Как это говорится в том стихе об изгнании Природы, который нас заставляли зубрить в школе?

— Можно изгнать природу вилами, сэр, но она обязательно вернётся? В латинском оригинале...

— Латинский оригинал здесь ни при чём. Я утверждал, что Тос не сможет сдержать своих чувств при виде золотых кудрей, вот в чём суть. А ты со мной спорил и толковал про любовь.

— Я не думаю, что причиной раздора послужили золотые кудри, сэр.

— Наверняка кудри.

— Нет, сэр. Мне кажется, молодой господин Себастьян неуважительно отозвался о мисс Гарбо.

— А? С чего ты взял?

— Не так давно, сэр, я предложил ему поступить подобным образом. Я встретил молодого господина Себастьяна, когда он шёл к конюшням. Мой совет он воспринял с радостью, так как, по его мнению, мисс Гарбо сильно уступает в красоте и таланте мисс Кларе Боу, к которой он относится с чрезвычайной симпатией. Судя по тому, что мы сейчас видели, сэр, молодой господин Себастьян недолго ждал, прежде чем заговорить на эту тему.

Я бессильно откинулся на спинку кресла. Вустеры не двужилые.

— Дживз!

— Сэр?

— Ты хочешь сказать, что Себастьян Мун, молокосос с золотыми кудрями, который своим видом вызывает гнев толпы, влюблён в Клару Боу?

— И довольно давно, насколько я понял из его слов, сэр.

— Дживз, современные дети — самые настоящие сорвиголовы.

— Да, сэр.

— Ты тоже был таким?

— Нет, сэр.

— И я таким не был, Дживз. В возрасте четырнадцати лет я написал Мэри Ллойд письмо с просьбой прислать мне автограф, но за исключением этого факта моя жизнь чиста. Однако дело не в этом. А дело в том, Дживз, что я вновь должен отдать тебе дань восхищения.

— Большое спасибо, сэр.

— Ты снова пришёл мне на выручку и разогнал сгустившиеся тучи. Ты великий человек, Дживз.

— Я рад, что сумел оказаться вам полезен, сэр. В настоящее время вы больше не нуждаетесь в моих услугах?

— Ты имеешь в виду, тебе не терпится вернуться в Богнор к криветкам? Поезжай, Дживз, и оставайся там ещё на две недели, если пожелаешь. Пусть твоим сетям сопутствует успех.

— Большое спасибо, сэр.

Я в упор уставился на гениального малого. Голова у него выпирает сзади, если вы понимаете, что я имею в виду, а в глазах его светится чистый разум, и ничего больше.

— Мне жаль криветку, которая попытается тебя надуть, Дживз, — сказал я.

Хотите верьте, хотите нет, я говорил искренне.

ГЛАВА 9. Дживз и старая школьная подруга

Осенью того года, когда Йоркширский Пудинг выиграл ноябрьские скачки в Манчестере, успехи моего старого приятеля Ричарда Литтла достигли своего... какое слово я хочу сказать? Короче, малыш как сыр в масле катался. Он прекрасно ел, прекрасно спал, был счастливо женат; и в довершение ко всему, после того как его дядюшка Уилберфорс, уважаемый всеми и каждым, приказал долго жить, стал обладателем большого годового дохода и весьма недурного поместья примерно в тридцати милях от Норвича. Смотавшись туда на несколько дней, я вернулся домой твёрдо убеждённым, что Бинго наконец-то удалось крепко ухватить счастье за хвост.

Мне надо было ехать в Лондон, так как мои родственники настаивали, чтобы я отправился в Харроугэйт и присмотрел за дядей Джорджем, у которого вновь взбунтовалась больная печень. Но, сидя за завтраком в день моего отъезда, я с готовностью принял приглашение нанести визит семье Бинго ещё раз, как только мне удастся вернуться к цивилизации.

— Постарайся успеть к скачкам в Лейкенхэме, — посоветовал мне малыш, во второй раз загружая свою тарелку сосисками и беконом. Бинго всегда был не дурак поесть, а на свежем воздухе, видимо, его аппетит разыгрался вовсю. — Мы поедем туда на машине, захватим с собой корзинку с ленчем и развлечёмся от души.

Я собрался было ответить, что приму его предложение к сведению, но в это время миссис Бинго, просматривавшая почту за чашкой кофе, радостно взвизгнула.

— Ты только послушай, мой сладенький поросёночек! — воскликнула она.

Миссис Б., если помните, до замужества была знаменитой писательницей, Розы М. Бэнкс, и именно таким жутким именем она довольно часто называет свою половину. Я думаю, это вошло у неё в привычку потому, что всю жизнь она писала слащаво-сентиментальные романы для народа. Впрочем, малыш не возражает. Мне кажется, зная, что его жёнушка — автор такой непревзойдённой белиберды, как «Простая заводская девчонка» и «Мервин Кин, завсегдагай клубов», он ещё благодарен, что она не придумала для него чего похлеще.

— Мой сладенький поросёночек, какая прелесть!

— Что?

— К нам хочет приехать Лаура Пайк.

— Кто?

— Ты не мог не слышать от меня о Лауре Пайк. Она была моей лучшей школьной подругой. Я просто боготворила её. У неё потрясающий ум. Она просит разрешения погостить у нас недельку-другую.

— Нет проблем. Тащи её сюда.

— Ты правда не рассердишься?

— Ну, конечно, нет, Любая твоя подруга...

— Дорогой! — вскричала миссис Бинго, посылая ему воздушный поцелуй.

— Ангел мой! — с чувством ответил малыш, наваливаясь на сосиски.

Очень трогательная сцена, должен вам сказать. Я имею в виду, уютная, домашняя обстановка. Взаимные уступки, и всё такое. Возвращаясь в Лондон на машине, я заговорил на эту тему с Дживзом.

— В наши беспокойные дни, — сказал я, — когда женщины пытаются доказать свою самостоятельность, а мужчины бегают за угол, занимаясь неположными делами, в результате чего семья становится похожа на растревоженный муравейник, приятно встретить пару, которая живёт душа в душу.

— Вне всяких сомнений, сэр.

— Я имею в виду Бинго, мистера и миссис.

— Понимаю, сэр.

— Что говорил поэт о таких парах, Дживз?

— «Одна и та же дума в двух умах, два сильных сердца бьются, как одно», сэр.

— Здорово сказано, Дживз.

— Насколько мне известно, данную фразу часто цитируют, сэр.

И тем не менее разговор, на котором я присутствовал тем утром, был первым раскатом начинающейся грозы. Невидимая судьба, подкравшись к беззаботной парочке сзади, незаметно засунула кусок свинца в боксёрскую перчатку.

Мне удалось довольно быстро избавиться от дяди Джорджа, и, оставив его поглощать минеральные воды, я послал Бинго телеграмму о своём возвращении. Из Харроугэйта путь был не близкий, но я приехал как раз вовремя, чтобы переодеться к обеду. В предвкушении коктейля и вкусной пищи у меня засосало под ложечкой. Неожиданно дверь отворилась, и в комнату вошёл Бинго.

— Привет, Берти, — сказал он. — А, Дживз.

Голос у него был какой-то безжизненный, и, поймав на себе взгляд Дживза, я поправил свой добрый, старый галстук и вопросительно посмотрел на толкового малого. По выражению его лица я понял, что нас обоих потрясла одна и та же мысль: наш хозяин, молодой сквайр, выглядел далеко не лучшим образом. Чело его хмурилось, в глазах отсутствовал блеск, и он скорее напоминал утопленника, чем живого человека.

— Что-нибудь случилось, Бинго? — спросил я, вполне естественно волнуясь за друга моего детства. — У тебя какой-то странный вид. Ты случайно на заболел?

— Заболел.

— Чем?

— Чумой.

— В каком это смысле?

— Она поселилась в моём доме, — ответил малыш и рассмеялся очень неприятным кашляющим смехом.

Честно признаться, я ничего не понял. Мне показалось, старый дурень говорит загадками.

— Мне кажется, старый дурень, — сказал я, — ты говоришь загадками. Тебе не кажется, что он говорит загадками, Дживз?

— Да, сэр.

— Я говорю о Пайк.

— Что такое пайк?

— Лаура Пайк. Разве ты не помнишь...

— Ах да. Конечно. Школьная подруга, причём лучшая. Она всё ещё здесь?

— Да. И у меня такое впечатление, что она никогда отсюда не уедет. Розы от неё без ума. Слушает её с открытым ртом.

— Очарованье прежних дней, и всё такое?

— Не то слово! — воскликнул малыш. — Наверное, мне никогда не понять женской дружбы. Гипноз какой то, да и только. У мужчин всё по-другому. Мы с тобой тоже вместе учились в школе, Берти, но я, прах побери, вовсе не считаю тебя выдающимся умом.

— Неужели?

— И я не отношусь к каждому твоему высказыванию, как к перлу мудрости.

— Это ещё почему?

— Тем не менее Розы именно так ведет себя с Пайк. В её руках она словно воск. Если тебе хочется увидеть, во что превратился первоклассный Райский Сад после того, как в нём на славу потрудились Змей, поживи в моём доме.

— Да что же, в конце концов, случилось?

— Лаура Пайк, будь она проклята, — с невероятной горечью сказал Бинго, — чокнулась на пищу. Она утверждает, что мы едим слишком много, слишком быстро и слишком неправильно. Её послушать, нам вообще следует питаться пастернаком и прочей дрянью. А Розы вместо того, чтобы послать эту дуру куда подальше, восхищённо на неё смотрит и ловит каждое её слово. В результате ни о какой хорошей кухне в нашем доме не может идти и речи, а я постепенно превращаюсь в ходячий скелет. Если я скажу тебе, что мясным пудингом за нашим столом не пахло уже несколько недель, ты поймёшь, что я имею в виду.

В это время прозвучал гонг к обеду. Бинго нахмурился.

— Не понимаю, к чему бить в этот идиотский гонг? Зачем обманывать самих себя? Кстати, Берти, хочешь коктейль?

— Спасибо, не откажусь.

— Так вот, ты его не получишь. В нашем доме больше не подают коктейлей. Школьная подруга говорит, что они разъедают желудочные ткани.

Я был потрясён. Мне и в голову не могло прийти, что дело зашло так далеко.

— У вас не подают коктейлей?

— Нет. И тебе крупно повезет, если сегодня обед не будет вегетарианским.

— Бинго! — вскричал я, взволнованный до глубины души. — Ты должен действовать! Ты должен отстаивать свои права! Ты должен топнуть ногой! Ты должен быть непреклонен! Ты должен стать хозяином в своём доме!

Он как-то странно на меня посмотрел.

— Ты ведь не женат, Берти?

— Ты прекрасно знаешь, что нет.

— Если б даже не знал, то легко догадался бы. Пойдём.

* * *

Вообще-то обед нельзя было назвать вегетарианским, но и обедом его тоже нельзя было назвать. Скучная пища ни в коей мере не могла утолить мой голод после долгого путешествия. К тому же кусок застревал у меня в горле от разговоров, которые вела Лаура Пайк.

При более удачном стечении обстоятельств, и если б я не был предупреждён о её

чёрной душе, эта женщина с первого взгляда безусловно произвела бы на меня впечатление. Она была очень даже привлекательной, хотя её несколько портили довольно резкие черты лица. Но даже если б она была писаной красавицей, ей никогда не удалось бы покорить сердце Вустера. От такой болтливой особы, будь она Еленой Прекрасной, отшатнулся бы любой здравомыслящий человек.

В течение обеда Лаура Пайк не умолкала ни на секунду, и мне понадобилось немного времени, чтобы понять, почему Бинго ожесточил против неё своё сердце. Практически вся её речь была посвящена пище и склонности Бинго поглощать её в невероятных количествах, тем самым нанося удар его желудочным тканям. Мои желудочные ткани её абсолютно не интересовали, и по ней было видно, что, если Бертрам лопнет, она и глазом не моргнёт. Но на малыше она сконцентрировала всё своё внимание, явно собираясь спасти его от геенны огненной. Глядя на него, как настоятельница храма на любимую, но заблуждающуюся ученицу, она рассказывала, какой кошмар творится в его внутренностях, потому что он увлекается пищей, в которой отсутствуют растворимые в жирах витамины. Она не смущаясь говорила о протеинах, углеводах и физиологических потребностях человеческого организма. Эту девицу, видимо, мало заботили правила приличия, и пикантный анекдот о человеке, отказавшемся есть чернослив, который она рассказала, отбил у меня аппетит до конца обеда.

— Дживз, — сказал я, вернувшись поздно вечером в свою комнату, — мне не нравится, что здесь происходит.

— Нет, сэр?

— Нет, Дживз. Совсем не нравится. Сложившаяся ситуация сильно меня беспокоит. Всё куда хуже, чем я думал. После высказывания мистера Литтла перед обедом у тебя могло сложиться впечатление, что Пайк просто читает лекции о пище, рекламируя какую-нибудь диету. Однако теперь я знаю, что это не так, Дживз. Доказывая свою правоту, она всё время приводит в пример безобразное поведение мистера Литтла. Пайк без конца критикует его, Дживз.

— Вот как, сэр?

— Да. Открыто. Она не переставая твердит, что он слишком много ест, слишком много пьёт и глотает пищу. Жаль, ты не слышал, как эта особа, рассуждая о тщательном пережёвывании, сравнила малыша с покойным мистером Глэдстоном. Смею тебя уверить, сравнение было не в пользу Бинго, который сидел как оплётанный. И самое ужасное, что миссис Бинго одобряет поведение своей подруги. Ты не знаешь, все жёны такие? Я имею в виду, им всем нравится, когда критикуют их господ и повелителей?

— Как правило, они любят прислушиваться к советам со стороны, когда речь идёт о совершенствовании их мужей, сэр.

— И поэтому все женатые мужчины такие бледные, Дживз?

— Да, сэр.

К счастью, до обеда я предусмотрительно попросил Дживза принести мне в комнату тарелку песочного печенья. Задумчиво сжевав рассыпчатый квадратик, я сказал:

— Знаешь, что я думаю, Дживз?

— Нет, сэр.

— Я думаю, мистер Литтл не до конца осознаёт угрозу, нависшую над его семейным очагом. Кажется, я начинаю понимать, что такое брак. Кажется, я разобрался, с чем его едят. Хочешь послушать, что я думаю по поводу брака, Дживз?

— Чрезвычайно, сэр.

— Ну, я так считаю. Возьмём, к примеру, двух птичек. Эти две птички женятся и первое время чистят друг другу пёрышки, и всё такое. Птичка-женщина смотрит на своего супруга, как на единственного и неповторимого. Он её король, если ты понимаешь, что я имею в виду. Она его уважает и души в нём не чаёт. Радость и веселье, можно сказать, царят в их гнёздышке. Верно я говорю?

— Вне всяких сомнений, сэр.

— Затем, постепенно, шаг за шагом, потихоньку-полегоньку, — если тут подходит это выражение, — приходит разочарование. Она видит, как он ест яйцо всмятку, и дымка очарования рассеивается. Она смотрит, как он жуёт котлету, и дымка рассеивается ещё больше. И прочее, и прочее, если ты следишь за ходом моей мысли, и так далее, и тому подобное.

— Я очень внимательно слежу за ходом вашей мысли, сэр.

— А теперь поговорим о главном, Дживз. Так сказать, о сути. Короче, о том, в чём вся загвоздка. Как правило, ничего страшного не происходит, потому что, как я уже упоминал, разочарование наступает медленно, и женщина успевает приспособиться к новым условиям. Но в случае с малышом, благодаря непристойной болтовне Пайк, события происходят стремительно. Без всякой подготовки, практически мгновенно, миссис Бинго представили её супруга как какого-то удава, напичканного неприятными внутренними органами. Пайк рисует перед её глазами картину одного из тех мужчин, которых часто можно встретить в ресторанах: с тремя подбородками, выпученными глазами и вздувшимися на лбу венами. Ещё немного, и её любовь увянет, Дживз.

— Вы так думаете, сэр?

— Уверен. Никакая любовь не выдержит такого издевательства. Сегодня во время обеда Пайк дважды сказала о прямой кишке Бинго такое, чего, с моей точки зрения, просто нельзя говорить в смешанной компании даже в наш распущенный век. Ну вот, ты понимаешь, что я имею в виду. Если всё время тыкать жену носом в прямую кишку мужа, жена обязательно задумается. Опасность, насколько я понимаю, заключается в том, что миссис Бинго рано или поздно может решить, что чем совершенствовать мужа, проще отправить его на свалку и приобрести новую модель.

— Неприятная история, сэр.

— Нужно что-то предпринять, Дживз. Ты должен действовать. Если ты не найдёшь способ вытурить отсюда эту Пайк как можно скорее, малышу крышка. Видишь ли, дело усугубляется ещё и тем, что миссис Бинго — романтическая натура. Женщины, которые, подобно ей, считают день потраченным впустую, если они не испачкали бумагу пятью тысячами слов сентиментальной белиберды, не любят долго ждать. У них в голове чернила вместо мозгов. Я не удивлюсь, если с самого начала миссис Бинго втайне не сожалела, что малыш не принадлежит к числу сильных, мужественных, волевых англичан, о которых она пишет в своих книгах как о героях с печальным, загадочным взглядом, тонкими чувствительными пальцами, и в ботинках для верховой езды. Ты меня понимаешь?

— Безусловно, сэр. Вы предполагаете, что критические замечания мисс Пайк сыграют определённую роль в переходе из подсознания в сознание до этого времени несформулировавшегося в мозгу разочарования, о котором вы говорили выше, сэр.

— Тебя не затруднит повторить всё сначала, Дживз? — спросил я, пытаюсь, так сказать, поймать мяч с лёту и промахиваясь на несколько ярдов.

Он повторил и ни разу не запнулся.

— Да, должно быть, ты прав, — согласился я. — Но как бы то ни было, суть в том, чтобы выжить Лауру Пайк из этого дома любым способом. Что ты намерен предпринять, Дживз?

— Боюсь, сэр, в данный момент я не могу предложить вам никакого плана действий.

— Да ну, брось.

— Боюсь, что нет, сэр. Возможно, после того, как я увижу леди...

— Ты имеешь в виду, тебе надо изучить психологию индивида, и всё такое?

— Совершенно верно, сэр.

— Ну, тут я тебе не помощник. Я имею в виду, чтобы услышать болтовню Пайк, ты должен вертеться у обеденного стола, а это, сам понимаешь, невозможно.

— Затруднительное положение, сэр.

— Мне кажется, у тебя появится шанс понаблюдать за ней, когда во вторник мы отправимся в Лейкенхэм на скачки. У нас с собой будет корзинка с ленчем, а когда мы приступим к трапезе на свежем воздухе, ничто не мешает тебе разносить сэндвичи. Мой тебе совет, держи ухо востро, Дживз, и смотри в оба глаза.

— Слушаюсь, сэр.

— Действуй, Дживз. Не отходи от нас ни на шаг и не проморгай чего-нибудь важного. А сейчас сбегай вниз и попробуй раздобыть мне ещё немного печенья. Я голоден как волк.

* * *

Утро перед скачками в Лейкенхэме выдалось ярким и сочным, дальше некуда. Сторонний наблюдатель мог бы отметить, что Бог, живущий на небесах, был сегодня доволен своими созданиями. Поздно осенью иногда выдаются такие дни, когда солнышко сверкает, птички чирикают, а воздух напоён живительной силой, разгоняющей кровь по жилам.

Лично меня, однако, эта живительная сила несколько беспокоила. Дело в том, что я чувствовал себя таким сильным и бодрым, как никогда, и поэтому, не успев позавтракать, сразу начал думать, что у нас будет на ленч. А мысль о том, что у нас будет на ленч, если Лаура Пайк настоит на своём, повергала меня в уныние.

— Я приготовился к худшему, Дживз, — сказал я. — Вчера вечером за обедом мисс Пайк битый час твердила, что морковь — самый хороший овощ на свете, так как он оказывает потрясающее действие на кровь и придаёт лицу здоровый цвет. Пойми меня правильно, я целиком и полностью за те средства, которые горячат кровь Вустера, и ничего не имею против того, чтобы доставить удовольствие туземцам видом своих гладких, розовых щёк, но только не за счёт сырой морковки на ленч. Поэтому, во избежание недоразумений, я попросил бы тебя вернуть в твой пакет несколько лишних сэндвичей для твоего молодого господина.

— Слушаюсь, сэр.

В этот момент к нам подошёл Бинго. Я давно не видел его таким жизнерадостным.

— Я только что закончил присматривать за тем, как укладывают корзинку с ленчем, Берти, — сообщил он. — Я стоял у дворецкого за спиной и следил, чтобы он не наделал

глупостей.

— Всё в порядке? — спросил я, вздыхая с облегчением.

— Можешь не сомневаться.

— Морковки не будет?

— Морковки не будет, — заверил меня малыш. — Мы упаковали сэндвичи с ветчиной, — тут в глазах у него появился странный блеск, — и сэндвичи с языком, и яйца вкрутую, и крабов, и холодного цыплёнка, и пирог, и пару бутылок Боллинджера, и бутылку старого бренди...

— Звучит неплохо, — сказал я. — А если мы потом проголодаемся, зайдём в бар.

— Какой бар?

— Разве на ипподроме нет бара?

— На несколько миль вокруг не найти ни одной закуской. Вот почему я так тщательно следил, чтобы с нашим ленчем не намудрили. Местность, где происходят скачки, можно назвать пустыней в оазисе. Ипподром — самая настоящая ловушка. Недавно я разговаривал с одним парнем, который рассказал мне, как, приехав в прошлом году в Лейкенхэм, он распаковал корзинку с ленчем и обнаружил, что из шампанского вылетела пробка и оно вылилось на салат, сэндвичи и плавленый сыр. Дороги здесь ухабистые, а ехал мой знакомый долго, так что в результате его ленч превратился в некое подобие пасты.

— Он его выкинул?

— Съел до последней крошки. У него не было выхода. Но он говорит, что до сих пор иногда ощущает во рту этот неповторимый вкус.

* * *

При обычных обстоятельствах я вряд ли остался бы доволен тем, как мы разделились для поездки в Лейкенхэм: Бинго с миссис Бинго в своей машине, а Лаура Пайк — в моей, с Дживзом на заднем откидном сиденье. Но в сложившейся ситуации такое положение вещей меня устраивало. Теперь Дживз получил возможность изучать затылок девицы и с помощью своего дедуктивного метода сделать надлежащие выводы, а я мог вовлечь её в разговор, чтобы он собственными ушами услышал рассуждения этой особы.

Соответственно, я задал ей какой-то вопрос, как только сел за руль, и она не умолкала до тех пор, пока мы не приехали на ипподром. С чувством глубокого удовлетворения я остановил машину у дерева и вышел на зелёную травку.

— Ты всё слышал, Дживз? — спросил я.

— Да, сэр.

— Тяжёлый случай?

— Вне всяких сомнений, сэр.

К нам подошли Бинго и миссис Бинго.

— Первый заезд начнётся через полчаса, — сообщил малыш. — Мы успеем перекусить. Доставай корзинку, Дживз.

— Сэр?

— Тащи сюда корзинку с ленчем, — благоговейно произнёс Бинго и облизнул губы.

— Корзинки нет в машине мистера Вустера, сэр.

— Что?!

— Я предполагал, вы захватили её с собой, сэр.

Мне никогда не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь мрачнел так быстро.

— Роза! — взвыл Бинго нечеловеческим голосом.

— Что, мой сладенький?

— Кенч! Лорзинка!

— В чём дело, дорогой?

— Корзинка с ленчем!

— Что с ней, моё сокровище?

— Мы её забыли!

— Правда? — спросила миссис Бинго.

Должен признаться, никогда ещё она так низко не падала в моих глазах. Я знал, что у неё был прекрасный аппетит, ничуть не хуже, чем у моих знакомых. Несколько лет назад, когда тётя Делия умыкнула у неё французского повара, Анатоля, она произвела на меня глубокое впечатление, обозвав тётушку такими именами, о существовании которых я даже не подозревал. А сейчас, очутившись, можно сказать, на необитаемом острове и выслушав сообщение о том, что провиант остался на континенте, она безразлично спросила «Правда?», словно ничего страшного не произошло. До сих пор я не подозревал, что несчастная окончательно попала под пагубное влияние мисс Пайк и позволила ей обвести себя вокруг пальца.

Пайк, со своей стороны, осталась верна себе.

— Вот и прекрасно, — заявила она. — Ленч, как трапезу, вообще желательно отменить, и уж в любом случае он должен состоять не более чем из горсти изюма, одного банана и тёртой моркови. Широко известен тот факт...

И пошло, и поехало. Она прочитала нам целую лекцию о желудочном соке, причём в выражениях, которые непозволительно употреблять в присутствии джентльменов.

— Вот видишь, дорогой, — сказала мисс Бинго. — Ты будешь чувствовать себя только лучше, если не поешь пищи, которая совсем не переваривается. Считай, тебе просто повезло.

Бинго посмотрел на неё долгим, тоскливым взглядом.

— Понятно, — без всякого выражения произнёс он. — Вы меня извините, я отойду куда-нибудь в сторонку и порадуюсь своему везению в одиночестве.

Тем временем Дживз незаметно отделился от нашей группы, многозначительно на меня посмотрев, и я пошёл за ним следом, надеясь на лучшее. Я не ошибся в сметливом малом. Он захватил с собой сандвичей на двоих. Вернее, на троих. Я сделал знак Бинго, и через несколько минут мы уже сидели за кустом, расстелив на земле салфетку, и восстанавливали свои силы. Затем Бинго отправился к букмекерам, чтобы сделать ставку на первый заезд, а Дживз осторожно кашлянул.

— Подавился крошкой? — поинтересовался я.

— Нет, сэр, благодарю вас за внимание. Я лишь хотел сказать, что, надеюсь, вы не осудите меня за допущенную мной вольность.

— Какую?

— Я вынул корзинку с ленчем из вашей машины, прежде чем мы отправились на ипподром, сэр.

— Ты, Дживз? — спросил я голосом, которым, как мне кажется, Цезарь задал вопрос

Бруту, когда тот тыкал в него то ли ножом, то ли ещё чем. — Ты хочешь сказать, что преднамеренно... я правильно употребил это слово?

— Да, сэр. Я считаю, мой поступок был продиктован разумной необходимостью, сэр. С моей точки зрения, было бы крайне нежелательно, чтобы миссис Литтл, учитывая её нынешнее расположение духа, увидела, как мистер Литтл поглощает тот ленч, о котором он рассказывал нам утром.

Я понял, что он имел в виду.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, — задумчиво сказал я. — Ты прав, Дживз. Среди множества достоинств у малыша имеется один недостаток: в обществе сэндвича он звереет. По правде говоря, я не раз бывал с ним на пикниках и знаю, что при виде сэндвичей с языком или ветчиной он набрасывается на них, как лев, царь зверей, на антилопу. Такое зрелище кого угодно приведёт в шоковое состояние, а если учесть, что в корзинке ещё лежали холодный цыпленок и крабы... Однако... И всё же... Тем не менее...

— Этот вопрос можно рассмотреть и с другой стороны, сэр.

— В каком смысле?

— День, проведённый без пищи на свежем, осеннем воздухе, может заставить миссис Литтл пересмотреть свои взгляды на диету мисс Пайк.

— Ты имеешь в виду, чувство голода заставит её послать свою подругу куда подальше, когда та начнёт объяснять, что желудочному соку необходим выходной?

— Совершенно верно, сэр.

Я покачал головой. Мне ужасно не хотелось огорчать бедного малого, который проявил такое усердие, но его необходимо было вразумить.

— Даже не мечтай, Дживз, — сказал я. — Боюсь, ты не так глубоко, как я, изучил женский пол. Для особ женского пола ленч ничего не значит. Особы женского пола относятся к ленчу безразлично. Ты просто перепутал ленч с чаепитием в пять часов пополудни, вот где собака зарыта. Все чёрты в аду шумят не так сильно, как женщина, которая хочет выпить чай и неожиданно понимает, что она его не получит. В такие минуты самые дружелюбные особы становятся похожими на бомбы с подожжёнными фитилями. Но ленч, Дживз, для них — пустой звук. Мне кажется, тебе следовало бы знать такие вещи, ведь всем известно, что у тебя ума палата.

— Несомненно, вы правы, сэр.

— Вот если бы тебе как-нибудь удалось устроить, чтобы миссис Литтл опоздала на чаепитие к пяти часам пополудни... но не будем строить воздушных замков, Дживз. К пяти часам она будет у себя дома, где есть всё, что нужно для души. Дорога отнимает не больше часа. Последний заезд заканчивается около четырёх. Ровно в пять миссис Литтл сядет за стол, устроится поудобнее и начнёт наслаждаться чаем с тостами. Мне очень жаль, Дживз, но твой план с самого начала никуда не годился. Зряшный план. Прямо скажем, пустышка.

— Я ценю ваши замечания, сэр. Всё, о чём вы говорили, не вызывает сомнений.

— К несчастью, да. Что ж, делать нечего. Нам остаётся пойти на ипподром, разорить двух-трёх букмекеров и временно позабыть о неприятностях.

День тянулся медленно, если вы понимаете, что я имею в виду. Не могу сказать, чтобы скачки доставили мне особое удовольствие. Я был рассеян. Занят своими мыслями. Время от времени фермеры на местных клячах стартовали небольшими группами, но я следил за ними вполглаза. Чтобы субъект проникся духом какого-либо сельского мероприятия, он в первую очередь должен быть сытым. Отнимите у него ленч, и что? Скука смертная. Хотите верьте, хотите нет, в тот день я не раз поминал Дживза недобрый словом. Бестолковый малый начал терять свою форму. Любому ребёнку было ясно, что его план не стоил выеденного яйца.

Я имею в виду, если подумать, что практически любая женщина, съедая две макаронины, половинку шоколадного эклера и выпивая рюмку вина, считает ленч роскошным, разве она станет переживать по поводу того, что ей не удалось наесться до отвала сэндвичами с языком и ветчиной? Ну, конечно же, нет. Просто смешно. Не о чем говорить. Глупость, да и только. А теперь мне казалось, что мои внутренности грызут сотни лисиц, и я хотел только одного: как можно скорее усесться за обеденный стол — единственное, чего добился Дживз, желая показать себя умнее других.

Поэтому, когда тени удлинились и миссис Бинго выразила желание покинуть ипподром, я испытал самое настоящее облегчение.

— С удовольствием к тебе присоединюсь! — радостно воскликнул я. — Последний заезд вряд ли сможет в корне изменить мою жизнь. К тому же пока что я выигрываю один шиллинг и шесть пенсов, и мне не хочется их потерять.

— Мы с Лаурой решили вернуться домой пораньше. Я немного озябла и с удовольствием выпью чашечку чая. Бинго говорит, что останется до конца. Я подумала, ты мог бы отвезти нас на нашей машине, а Бинго с Дживзом потом приедут на твоей.

— Нет проблем.

— Ты знаешь дорогу?

— Да, конечно. По шоссе до пруда, а там повернуть налево.

— Ну, а дальше я тебе покажу, куда ехать.

Я послал Дживза за машиной, и вскоре мы тронулись в путь. Погода явно испортилась; вечер был холодным и туманным, и мне невольно пришла в голову мысль о горячем виски с содовой и лимоном. Я нажал на педаль газа.

Проехав пять или шесть миль по шоссе, мы свернули у пруда к востоку, и я сбавил скорость. Я не знаю другой такой части Англии, где сельские дороги пролегали бы в такой глуши. Всё вокруг словно вымерло, лишь изредка мы видели пасущихся на полях коров.

Я вновь подумал о горячем виски. Чем больше я о нём думал, тем сильнее мне хотелось его выпить. Странное дело, но в критических ситуациях каждый выбирает себе напиток по вкусу. Дживз обязательно сказал бы, что секрет заключается в психологии индивида. Наверняка на свете существуют парни, которые на моём месте и слышать бы не захотели ни о чём, кроме эля. Что же касается зануды Пайк, она считала подкрепляющей силы жидкостью (если верить лекции, прочитанной ею по дороге на ипподром) тёплую воду или, на худой конец, фруктовую настойку следующего приготовления: в холодной воде надо было замочить изюм, а затем выжать туда сок лимона. Я полагаю, она приглашала на этот напиток своих друзей и устраивала оргии, а тела хоронила утром.

Лично меня сомнения не мучили. Я не колебался ни секунды. Горячий виски с содовой — то, что доктор прописал, и приготовить его надо таким образом, чтобы в нём было как можно меньше H₂O, если вы понимаете, что я имею в виду. Мне казалось, бокал с янтарным

содержимым подмигивает мне издалека и говорит: «Крепись, Бертрам! Тебе осталось недолго ждать!» С удвоенной энергией я надавил на педаль газа, решив выжать из автомобиля всё, на что он был способен.

Но проклятая железка, ожив на какое-то мгновение, видимо, не захотела себя переутруждать. На скорости тридцать пять миль в час мотор фыркнул, словно выражая своё неудовольствие, и заглох. Смеркалось. Холодный ветер пронизывал до костей и доносил до нас запахи удобрений и гниющей кормовой свеклы. Мы затерялись где-то в Норфолке.

Пассажирки на заднем сиденье заговорили разом:

— В чём дело? Что случилось? Почему вы (ты) не едете (едешь)? Зачем вы (ты) остановились (остановился)?

Я объяснил.

— Я тут ни при чём. Машина сама остановилась.

— Почему?

— Ах! — ответил я с грубой мужской откровенностью, которая так нравится женщинам. — Этого я не знаю.

Видите ли, я принадлежу к тем любителям, которые помногу водят машину, но ничего в ней не смыслят. Мой метод очень прост: я сажусь за руль, включаю зажигание, а в остальном полагаюсь на господ бога. Если происходит какая-нибудь поломка, я тут же поручаю мастеру её исправить. Такая система ни разу не подводила, но в данном случае произошла осечка, так как на много миль вокруг не было ни одного мастера. Я объяснил ситуацию моему благородному грузу и в ответ услышал от Лауры Пайк громкое «пфуй», которое чуть меня не оглушило. По правде говоря, обладая отрядом родственниц женского пола, которые с детства считали меня безмозглым идиотом, я привык выслушивать «пфуй» в свой адрес, но «пфуй» Пайк, по timbre и brio превзошёл все остальные, за исключением, пожалуй, «пфуй» тёти Агаты.

— Возможно, я смогу устранить неисправность, — сказала она, несколько успокаиваясь. — Я разбираюсь в машинах.

Она вышла на дорогу и тут же полезла во внутренности автомобиля. Мне захотелось сказать, что его желудочный сок, должно быть, не справился с поставленной перед ним задачей из-за нехватки растворимых в жирах витаминов, но я промолчал. Я довольно неплохо разбираюсь в людях, и мне показалось, что мисс Пайк лучше сейчас не трогать.

И тем не менее, если уж на то пошло, моя догадка оказалась абсолютно верной. Поковырявшись с озабоченным видом в моторе, девица выпрямилась, словно её осенило, и, проверив пришедшую ей в голову мысль, убедилась в своей правоте. В баке не было ни капли бензина. Горючее закончилось. Одним словом, машине не хватило растворимых в жирах витаминов. Единственное, что нам оставалось, чтобы добраться до дому, это заставить её двигаться с помощью силы воли.

Чувствуя, что ко мне нельзя придраться ни с какой стороны, я немного приободрился и даже довольно добродушно произнёс «так-так-так».

— Нет бензина, — сказал я. — Подумать только!

— Но Бинго говорил мне сегодня утром, что зальёт полный бак! — воскликнула миссис Бинго.

— Должно быть, забыл, — фыркнула Пайк. — Ничего удивительного.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросила миссис Бинго, и в тоне её проскользнули как-там-они-называются нотки.

— Я хочу сказать, он именно тот человек, которому ничего не стоит забыть о бензине, — ответила Лаура Пайк голосом, который также не предвещал ничего хорошего.

— Я буду крайне тебе признательна, Лаура, — объявила миссис Бинго, как и положено преданной жене, — если ты воздержишься от критики моего мужа.

— Пфуй! — сказала Пайк.

— И не смей говорить мне «пфуй».

— Я буду говорить, что хочу.

— Леди, леди! — воскликнул я. — Леди, леди, леди!

Я поступил опрометчиво. Теперь я это понимаю. Один из основных уроков жизни заключается в том, что, услышав перепалку двух особ женского пола, мужчина должен отойти куда-нибудь в угол и свернуться клубком, а ещё лучше воспользоваться мудрой тактикой опоссума, который притворяется мёртвым, как только в воздухе запахнет жареным, и иногда заходит так далеко, что собирает вокруг своих друзей и заставляет их причитать над его телом. Попытавшись успокоить разгорячившихся дам, я добился одного: Пайк набросилась на меня, как раненая леопардиха.

— Ну! — выкрикнула она. — Вы так и собираетесь просиживать штаны, мистер Вустер?

— Чем я могу помочь?

— Вон там стоит дом. Я считаю, даже вы способны дойти до него и одолжить у хозяина канистру бензина.

Я посмотрел в указанном направлении. У дороги действительно стоял дом, и освещённое окно на первом этаже говорило, что там кто-то есть.

— Здравая, разумная мысль, — с воодушевлением произнёс я. — Сначала я немного погужу, чтобы дать знать о нашем присутствии, а потом начну действовать.

Я нажал на гудок и сразу же добился блестящих результатов. Практически мгновенно в окне возникла человеческая фигура, которая замахала руками, как мне показалось, подружески и приветливо. Чувствуя прилив сил, я поспешил к двери дома и ударил в неё дверным молотком. Я не сомневался, что наконец-то мы были спасены.

На мой первый стук никто не ответил. Я поднял молоток во второй раз, когда дверь неожиданно распахнулась с такой силой, что он вылетел у меня из руки. На пороге стоял парень в очках и с мученическим выражением на лице. Он явно тайно страдал.

Я, конечно, очень ему сочувствовал, но у меня хватало своих неприятностей, поэтому я сразу взял быка за рога.

— Послушайте... — начал я.

— Это вы гудели почём зря? — спросил он.

— Э-э-э... да, — признался я. — Я гудел.

— Посмейте нажать на гудок ещё раз, — один только раз, — и я разорву вас на кусочки голыми руками, — сказал он тихим, сдавленным голосом. — Моя жена ушла в гости, и после нескольких часов упорного труда мне, наконец, удалось убаюкать ребёнка. Он только что заснул, и тут явились вы с вашим дурацким гудком. С какой стати вам понадобилось гудеть, будьте вы прокляты?

— Э-э-э...

— Зарубите себе на носу, — заявил парень, подводя итоги, — ещё один гудок, самый маленький, самый крохотный, самый тихий, самый неслышный, самый коротенький гудок, и можете проститься с жизнью.

— Я хочу одолжить у вас бензин, — сказал я.

— А в лоб не хотите? — спросил он и, закрыв дверь с осторожностью смертного, отгоняющего мух от спящей Венеры, скрылся из виду.

Особы женского пола почему-то недолголюбивают потерпевших поражение воинов. Когда я вернулся в машину, меня приняли не слишком любезно. Мне явно дали понять, что я недостойн имени своих предков, сражавшихся в крестовых походах. Я попытался успокоить дам, но, как нетрудно догадаться, у меня ничего не вышло. Если вы вдруг очутились бы в безлюдном месте, не имея крошки во рту с утра и явно опаздывая на вечернее чаепитие, хорошие манеры не смогли бы заменить вам чашечку живительной влаги.

По правде говоря, атмосфера так накалилась, если вы понимаете, о чём я говорю, что, пробормотав о необходимости отправиться за помощью, я вышел из машины и пошёл назад по дороге. И, прах меня побери, не успел я прошагать и полмили, как увидел вдалеке, в самом центре этой богом забытой пустыни, свет фар.

Я встал посередине дороги и закричал громче, чем когда-либо в жизни.

— Эй! Погодите! Эй! Минутку! Эй! Стойте! Погодите! Стойте! Эй! Секундочку!

Машина подъехала ко мне и остановилась.

— Это ты, Берти? — осведомился знакомый голос.

— Бинго! Слава богу! Бинго, мы сломались.

Малыш вышел из машины.

— Дай нам пять минут, Дживз, — сказал он, — а затем медленно поезжай за нами.

— Слушаюсь, сэр.

Бинго подошёл ко мне.

— Ты с ума сошёл? — спросил я. — Зачем нам идти пешком?

— Ты пойдёшь пешком, как миленький, — заявил Бинго. — Мне надо кое в чём убедиться. Скажи, Берти, как обстояли дела, когда ты ушёл? Страсти разгорелись?

— В определённой степени.

— Ты не заметил симптомов ссоры, скандала, разрыва отношений? Тебе не показалось, что Розы и Пайк разругались в дым?

— Они слегка повздорили.

— Выкладывай.

Я рассказал, что произошло. Малыш напряжённо меня слушал.

— Берти, — взволнованно произнёс он, шагая рядом со мной, — в жизни твоего старого приятеля наступил кризис. Возможно, пребывание со своей подругой в сломавшейся машине заставит мою жёнушку понять то, что она должна была понять много лет назад: мисс Пайк невозможно переварить ни на сытый, ни на голодный желудок, и место её во тьме, где плач и скрежет зубовой. Я, конечно, не уверен, что моё предположение оправдается, но в жизни всякое бывает. Лучше Розы на свете не сыщешь, но, как и все женщины, она всегда немного нервничает, пока не выпьет чашечку чая. А сегодня у неё с утра во рту маковой росинки не... Тихо!

Он схватил меня за руку, и мы остановились. Замерли. Постарались не дышать. До нас донёлся звук голосов, и нам мгновенно стало ясно, что миссис Бинго и мисс Пайк выясняют отношения.

По правде говоря, я раньше никогда не слышал, как ругаются две женщины, и, должен признаться, это произвело на меня глубокое впечатление. К настоящему времени враждующие стороны дошли до той стадии, когда копаются в прошлом и вспоминают былые обиды.

Миссис Бинго говорила, что мисс Пайк никогда не приняли бы в хоккейную команду школы Святой Эдилы, если б она не строила глазок капитану и не унижалась бы перед ним так непристойно, что даже спустя все эти годы ей, миссис Бинго, стыдно было об этом вспоминать. Мисс Пайк отвечала, что хоть она и не хотела упоминать об этом раньше, считая, что кто старое помянет, тому глаз вон, но если миссис Бинго надеется, что ей, Лауре Пайк, неизвестно, как миссис Бинго получила первую премию за знание Священного Писания, засунув себе в блузку список Царей Иудейских, она, миссис Бинго, глубоко заблуждается.

Более того, продолжала Пайк, миссис Бинго также ошибочно полагает, надеется и воображает, что Пайк намерена провести хотя бы ещё одну ночь под крышей её дома. В минуту слабости, из жалости, не сомневаясь, что миссис Бинго чувствует себя одинокой и нуждается в умной собеседнице, Пайк решила нанести ей визит. А сейчас, если только Провидение пошлёт им помощь, она немедленно сложит чемоданы и уедет следующим же поездом, даже если это будет товарный поезд. И вообще, она готова пойти в Лондон пешком, лишь бы не лицезреть миссис Бинго лишнюю минуту.

Ответ миссис Бинго был пространным и красноречивым; он касался случая, происшедшего в последнем классе «Святой Эдилы», когда девочка по имени Симпсон сказала ей (миссис Бинго), что девочка по имени Уэдсли сказала ей (Симпсон), что Лаура Пайк, делая вид, что является её (Бинго) лучшей подругой, сказала ей (Уэдсли), что она (Бинго) покрывается пятнами по всему телу, когда ест клубнику со сливками, и, кроме того, в манере, достойной разве что девицы лёгкого поведения, обсуждала форму её носа. Вообще-то, с моей точки зрения, их диалог можно было сильно сократить примерно следующим образом: «Дура», «Сама дура», «От дуры и слышу».

Но когда зловредная Пайк начала говорить, что никогда так сильно не смеялась, когда прочла в книге миссис Бинго о маленьком ребёнке героини, скончавшемся от крупа, мы решили вмешаться, прежде чем пролилась кровь. В это время к нам подъехал Дживз, и Бинго, достав из багажника канистру бензина, спрятал её за придорожным кустом. Затем мы очень эффектно появились на сцене.

— Привет, привет, привет! — жизнерадостно воскликнул малыш. — Берти сказал мне, у вас сломалась машина.

— Ох, Бинго! — вскричала миссис Бинго, и в каждом произнесённом ею слогe сквозила любовь преданной жены. — Какое счастье, что ты здесь!

— Наконец-то мне предоставилась возможность, — воскликнула Пайк, — вернуться в дом и упаковать чемоданы. Если мистер Вустер разрешит мне воспользоваться его автомобилем, я успею уехать на шесть пятнадцать. Слуга мистера Вустера меня отвезёт.

— Неужели вы нас покидаете? — осведомился Бинго.

— Да.

— Ах! — сказал малыш.

Она уселась рядом с Дживзом, и через несколько секунд они скрылись из виду. Было слишком темно, и я не видел лица миссис Бинго, но я чувствовал, что в ней происходит борьба между любовью к своему супругу и желанием сказать ему пару тёплых слов по поводу того, что он не заправил машину. Победила, как всегда, разумная осторожность.

— Знаешь, мой сладенький, — сказала она, — ты ведь забыл залить бензин сегодня утром. Помнишь, ты обещал, что заправишь бак, дорогой?

— Но я заправил бак, дорогая.

— Но он пуст, дорогой.

— Этого не может быть, дорогая.

— Лаура сказала, что бензин закончился.

— Лаура — старая ослица, — решительно произнёс Бинго. — В машине — море бензина. Скорее всего, цепные колёса выскочили из дифференциала. Так часто бывает. Я устраню неисправность в шесть секунд, но мне вовсе не хочется, чтобы ты мёрзла, пока я занимаюсь ремонтом. Почему бы тебе не постучаться вон в тот дом? Тебя наверняка пустят погреться на десять минут и, быть может, угостят стаканом чая.

С губ миссис Бинго сорвался стон, и я услышал, как она прошептала:

— Чай!

Мне пришлось разочаровать Бинго.

— Прости, старина, — сказал я, — но, боюсь, старое, доброе английское гостеприимство отсутствует в этом доме. В нём живёт самый настоящий бандит. Никогда не встречал таких неприветливых типов. Его жена ушла в гости, и ему совсем недавно удалось ублажить ребёнка, так что он всё видит в чёрном цвете. Ты подвергнешь свою жизнь опасности, даже если слегка постучишь в дверь.

— Глупости, — заявил Бинго. — Пойдём.

Он решительно взялся за дверной молоток и добился немедленных результатов.

— Проклятье! — прошипел бандит, выскакивая из дома, как чёртик из коробочки.

— Послушайте, — сказал Бинго, — я тут ремонтирую машину, а моя жена замёрзла. Вы не возражаете, если она зайдёт к вам погреться минут на десять?

— Возражаю, — немедленно ответил бандит.

— Заодно можете угостить её чаем.

— Могу, но не угощу.

— Не угостите?

— Нет. И ради всего святого, говорите потише. Я знаю этого ребёнка.

Иногда от малейшего шёпота начинается такое...

— Давайте разберёмся, — предложил Бинго. — Значит, вы отказываетесь угостить мою жену чаем?

— Да.

— Вы в состоянии спокойно смотреть, как женщина умирает с голоду?

— Да.

— Ну, этот номер у вас не пройдёт, — сказал малыш. — Если вы немедленно не отправитесь на кухню, не поставите чайник и не начнёте намазывать хлеб маслом, я заорю и разбужу ребёнка.

Лицо бандита стало пепельно-серым.

— Вы ведь этого не сделаете?

— Сделаю.

— Неужели у вас нет сердца?

— Нет.

— Разве можно быть таким бесчувственным?

— Можно.

Бандит повернулся к миссис Бинго. По всему было видно, что его дух сломлен.

— Ваши туфли скрипят? — смиренно спросил он.

— Нет.

— Тогда заходите.

— Благодарю вас, — сказала миссис Бинго.

Затем она повернулась к малышу и бросила на него взгляд. Таким взглядом, должно быть, попавшая в беду дева одаривала рыцаря, который небрежно поправлял кружевные манжеты, отходя от убитого им дракона. Лицо миссис Бинго выражало восхищение, обожание, бесконечное уважение. Короче, мужчины одобрительно относятся к жёнам, которые на них так смотрят.

— Дорогой! — воскликнула она.

— Дорогая! — воскликнул Бинго.

— Ангел мой! — воскликнула миссис Бинго.

— Сокровище моё! — воскликнул малыш. — Пойдём, Берти. Поможешь мне чинить машину.

Пока Бинго доставал канистру из-за куста, заливал бензин и прикручивал крышку бака, он не произнёс ни слова. Затем, с облегчением вздохнув, он сказал:

— Знаешь, Берти, мне стыдно в этом признаться, но за долгий период нашего знакомства были минуты, когда я терял веру в Дживза.

— Ну, знаешь! — Я был шокирован, дальше некуда.

— Да, Берти, такие минуты были. Иногда я колебался в своей вере. Я говорил себе: «Сохранил ли он свою форму, не растратил ли свой могучий ум?» Больше я никогда так не скажу. Я буду верить в него, как в бога. Идея Дживза блестяще подтвердилась, Берти. Он не сомневался, что две женщины переругаются в пух и прах, если, отправившись на чаепитие, внезапно увидят, образно говоря, как чашки с чаем уплывают у них из-под носа. Результат налицо.

— Но, будь я проклят, Дживз не мог знать, что проклятая железка сломается!

— Когда ты послал его за машиной, он вылил из бака почти весь бензин, оставив лишь немного горючего, чтобы вы отъехали подальше от шоссе и застряли где-нибудь в глуши. Он предвидел, что произойдёт. Говорю тебе, Берти, таких как Дживз больше нет.

— Точно.

— Он чудо.

— Единственный и неповторимый.

— Волшебник.

— Малый, что надо, — согласился я. — В нём полно растворимых в жирах витаминов.

— Именно это я имел в виду, — Бинго кивнул. — А теперь пойдём и доложим Розе, что мы починили автомобиль. Чем раньше мы попадём домой, тем скорее выпьем по кружечке эля.

— Только не эля, старина, — решительно возразил я. — Горячего виски с содовой и ломтиком лимона.

— Ты абсолютно прав, — сказал малыш. — В этих делах ты дока, Берти. Пусть будет горячий виски с содовой.

ГЛАВА 10. Бабье лето дяди Джорджа

Спросите кого угодно в «Трутне», и вам скажут, что надуть Бертрама Вустера — задача тяжёлая, дальше некуда. Глаз у меня намётанный. Я наблюдаю и делаю выводы. Я взвешиваю улики и прихожу к определённом мнению. И поэтому дядя Джордж не пробыл в моём обществе и двух минут, как я, так сказать, разгадал его секрет. Человеку с моим опытом это было раз плюнуть.

Само собой, ситуация сложилась, глупее не придумаешь. вспомните факты, если вы понимаете, что я имею в виду.

Я имею в виду, на протяжении многих лет, с тех самых пор, как я пошёл в школу, моего дядю Джорджа считали бельмом на глазу Лондона. Он и тогда был толстым, и день за днем жирел, как свинья, так что сейчас портные измеряют его вместо зарядки по утрам. Дядя Джордж принадлежит к числу людей, которых называют завсегдатаями лондонских клубов; он один из деятелей в обтягивающих фигуру визитках и серых цилиндрах, разгуливающих по утрам (естественно, если стоит хорошая погода) по Сент-Джеймс-стрит. Забросьте невод в любой из престижных клубов от Пикадилли до Пэлл-мэлл, и вы вытащите с дюжину дядей Джорджей.

Всё своё время он проводит в «Старых ребятах», где в промежутке между ленчем и обедом сидит в курительной комнате и рассказывает каждому, кто соглашается его слушать, подробности о своём желудке. Примерно два раза в год печень дяди Джорджа начинает протестовать против его образа жизни, и он отправляется в Хэрроугэйт или Карлсбад, чтобы немного её утихомирить.

Затем он возвращается и как ни в чём не бывало берётся за старое. Короче, о ком, о ком, а о дяде Джордже никак нельзя подумать, что он может стать жертвой божественной страсти. И тем не менее, хотите верьте, хотите нет, все признаки были налицо.

В то утро вредный старик ввалился в мою квартиру сразу после завтрака, как раз в тот момент, когда я собрался покурить в тишине и покое.

— Послушай, Берти, — сказал он.

— В чём дело?

— Где ты покупаешь галстук?

— У Блюхера, в арлингтонском Пассаже.

— Спасибо.

Он подошёл к зеркалу, остановился и начал внимательно себя разглядывать.

— Испачкал нос? — вежливо осведомился я. Внезапно до меня дошло, что он самодовольно ухмыляется, и, должен признаться, кровь заледенела у меня в жилах. Мой дядя Джордж не слывёт красавцем; попросту говоря, на него тошно смотреть, и самодовольная ухмылка придала его лицу какое-то жуткое выражение.

— Ха! — сказал он и, глубоко вздохнув, повернулся ко мне.

По-моему, он отошёл от зеркала вовремя. Ещё секунда, и оно не выдержало бы и покрылась бы трещинами.

— Я не так стар, — задумчиво произнёс он.

— Как кто?

— Здраво рассуждая, я в расцвете сил. Кроме того, молодой и неопытной девушке нужен зрелый мужчина, обладающий весом в обществе, чтобы она могла на него

положиться. Могучий дуб, а не молодое деревце.

Именно в этот момент, как уже говорилось выше, я разгадал его секрет.

— Святые угодники и их тётушка, дядя Джордж! — вскричал я. — Надеюсь, ты не хочешь жениться?

— Это кто не хочет жениться? — осведомился он.

— Это ты не хочешь жениться.

— Нет, хочу. Что тут такого?

— Ну, видишь ли...

— Брак почётен.

— О, конечно.

— Брак сделает из тебя человека, Берти.

— Это кто сказал?

— Это я сказал. Вступив в священный союз, ты запросто сможешь превратиться из легкомысленного бездельника в... э-э-э... нелегкомысленного бездельника. Да, прах тебя побери, я хочу жениться, и если Агата попробует сунуть свой нос куда не следует, я... я... я знаю, что я с ней сделаю.

И с этими словами он величественно удалился, а я нажал на кнопку звонка, вызывая Дживза. Мне казалось, данную ситуацию необходимо обсудить как можно скорее.

— Дживз, — сказал я.

— Сэр?

— Ты знаешь моего дядю Джорджа?

— Его светлость знаком мне много лет.

— Я не о том тебя спрашиваю. Я имею в виду, знаешь ли ты, что надумал мой дядя Джордж?

— Его светлость собирается вступить в брачный союз, сэр.

— Боже великий! Он тебе сам сказал?

— Нет, сэр. Как ни странно, я совершенно случайно знаю невесту.

— Девушку?

— Да, сэр. Молодая особа живет со своей тётей, которая и сообщила мне о предложении, сделанном его светлостью.

— Кто она такая?

— Мисс Платт, сэр. Мисс Роза Платт. Проживает в меблированных комнатах Вистэрии Лодж, на Кичинер-роуд, в Восточном Дульвиче.

— Молоденькая?

— Да, сэр.

— Старый осёл.

— Да, сэр. Естественно, я никогда в жизни не позволил бы себе употребить это выражение, но, должен признаться, я считаю, что его светлость сделал неправильный выбор. Однако не следует забывать, что джентльмены, достигшие определённого возраста, нередко поддаются сентиментальным порывам. У них начинается период, который называют бабьим летом, когда они переживают свою вторую молодость. Данный феномен, как мне говорили, чаще всего можно наблюдать в Соединённых Штатах Америки среди самых богатых людей Питтсбурга. Печально известные факты повествуют о том, что рано или поздно, если их не остановить, они обязательно женятся на хористках. Почему так происходит, я не могу объяснить, но...

Я понял, что это надолго, и решительно перевёл разговор на нужные мне рельсы.

— Судя по высказываниям дяди Джорджа, Дживз, в особенности когда он говорил о тётке Агате, я сделал вывод, что невеста не из noblesse.

— Нет, сэр. Она работает официанткой в ресторане клуба его светлости.

— Боже великий! Пролетарка!

— Мещанка, сэр.

— Ну, с натяжкой можно и так её назвать. Тем не менее ты понимаешь, что я имею в виду.

— Да, сэр.

— Чудно, Дживз, — задумчиво произнёс я. — По правде говоря, я никак не могу понять, почему сейчас так модно жениться на официантках. Если помнишь, Бинго всё время пытался это сделать, пока не остепенился.

— Да, сэр.

— Странно.

— Да, сэр.

— Ну, с модой не поспоришь. Нам следует рассмотреть другой вопрос: как отнесётся к женитьбе дяди Джорджа тётка Агата? Ты ведь, знаешь её, Дживз. Она совсем на меня не похожа. Я человек широких взглядов. Если дядя Джордж хочет жениться на официантках, пускай себе женится. Я считаю, что чин — не более, чем марка за два пенса...

— Марка за гинею, сэр.

— Пусть будет за гинею. Хоть я и не верю, что марка может стоить так дорого. Лично я не видел ни одной дорожке пяти шиллингов. Итак, возвращаясь к сказанному, я считаю, что чин — не более, чем марка за гинею, а девушка — небесное создание.

— «Созданье», сэр. Поэт Бернс писал на северо-британском диалекте.

— Ну, созданье, если тебе так больше нравится.

— Я не оказываю предпочтение тому или иному варианту, сэр. Но поэт Бернс...

— Поэт Бернс здесь ни при чём.

— Нет, сэр.

— Забудь о поэте Бернсе.

— Слушаюсь, сэр.

— Выкинь поэта Бернса из своей головы.

— Уже выкинул, сэр.

— Нам следует обсуждать не поэта Бернса, а мою тётку Агату. Она взбрыкнёт, Дживз.

— Вероятнее всего, сэр.

— И, что ещё хуже, она обязательно впутает меня в эту историю. У нас остается единственный выход, Дживз. Упакуй мою зубную щётку, и давай умотаем отсюда, пока не поздно.

— Слушаюсь, сэр.

В этот момент раздался звонок в дверь.

— Ха! — сказал я. — Кто-то пришёл.

— Да, сэр.

— Наверное, дядя Джордж решил вернуться. Я открою, Дживз, а ты иди укладывать чемоданы.

— Слушаюсь, сэр.

Я прошёл по коридору, беззаботно насвистывая, и, открыв дверь, увидел перед собой

тётю Агату собственной персоной.

— Ох! — невольно вырвалось у меня. — Здравствуй.

Если б я сказал ей, что уехал из Лондона и вернусь через несколько недель, она всё равно мне не поверила бы, поэтому я не стал врать.

— Мне необходимо поговорить с тобой, Берти, — заявило Проклятье нашей семьи. — Я крайне обеспокоена.

Она проплыла в гостиную и спланировала в кресло. Я шёл за ней следом, с тоской думая о чемоданах, которые Дживз укладывал в спальне. Само собой, ни о каком отъезде теперь не приходилось и мечтать. Я знал, с чем ко мне пожаловала тётя Агата.

— Только что от меня ушёл дядя Джордж, — сообщил я, чтобы помочь ей начать разговор.

— Я его видела рано утром. — Тётя Агата передернула плечами, выражая своё возмущение. — Он поднял меня с постели, чтобы сообщить о своем намерении жениться на какой-то непристойной девице из Южного Норвуда.

— Я имею информацию от cognoscenti, что она из Восточного Дульвича.

— Пусть из Восточного Дульвича. Какая разница? А кто тебе сказал?

— Дживз.

— Откуда, скажи на милость, об этом знает Дживз?

— В нашем мире мало такого, чего не знает Дживз, — проникновенно произнёс я. — Он знаком с невестой.

— Кто она?

— Официантка в ресторане «Старые ребята».

Я не сомневался, что моё сообщение произведёт эффект, и, как выяснилось, оказался прав. Моя родственница взревела, как корнуэльский экспресс, входящий в тоннель.

— Как я понял, тётя Агата, — сказал я, когда в ушах у меня перестало звенеть, — ты не хочешь, чтобы этот брак состоялся.

— Естественно, он не должен состояться.

— Тогда я знаю, что делать. Необходимо позвать Дживза и спросить его совета.

Тётя Агата вздрогнула, поджала губы и приняла позу *grande dame* старого *regime*.

— Ты собираешься обсуждать интимные семейные дела с твоим слугой? Надеюсь, ты шутишь.

— Ничуть. Дживз найдёт выход из положения.

— Я всегда знала, что ты идиот, Берти, — сообщила мне моя плоть и кровь, и температура в комнате сразу упала до трёх градусов по Фаренгейту, — но я предполагала, что у тебя сохранилась капля гордости, капля собственного достоинства, капля чести. Я думала, ты осознаёшь своё положение в обществе.

— Ну, ты ведь помнишь, что сказал по этому поводу поэт Бернс.

Она бросила на меня свой знаменитый взгляд, и я прикусил язык.

— Совершенно очевидно, — заявила тётя Агата, — нам следует предложить этой девице деньги.

— Деньги?

— Безусловно. За твоего дядю не в первый раз приходится давать откупного.

Некоторое время мы сидели молча, предаваясь грустным размышлениям. В нашей семье всегда предаются грустным размышлениям, когда речь заходит о первой любви дяди Джорджа. Я тогда был слишком молод, чтобы принимать участие в семейном совете, но с

тех пор я слышал эту романтическую историю много раз, в частности, от самого дяди Джорджа. Он очень любит рассказывать её в мельчайших подробностях, иногда дважды за вечер, когда выпьет лишнюю рюмку. Девушка была буфетчицей в «Крэйтерионе», а он тогда ещё не имел титула. Её звали Мод, и он был от неё без памяти, но семья и слышать не хотела о браке. Родитель запустил руку в чулок, и всё было кончено. Короче, душещипательная история, если вы понимаете, что я имею в виду.

План тёти Агаты мне не понравился.

— Делай, конечно, как знаешь, — сказал я, — но ты сильно рискуешь. Во всех романах и пьесах люди, которые предлагают в подобных ситуациях деньги, остаются в дураках. Она выпрямляется во весь рост и смотрит на них чистым, ясным взором. Симпатии зрителей всегда на стороне девушки. Был бы я на твоём месте, я бы не торопился. Природа возьмёт своё.

— Я тебя не понимаю.

— Сама подумай, как выглядит дядя Джордж? Он не Грета Гарбо, смею тебя уверить. Ну и пусть девушка смотрит на него, сколько ей вздумается. Я изучал человеческую натуру, тётя Агата, и, можешь не сомневаться, знаю, о чём говорю. Нет такой женщины в мире, которая, глядя каждый день на дядю Джорджа в облегающем фраке, не дала бы ему от ворот поворот. Кроме того, невеста каждый день видит его во время еды, а когда дядя Джордж с головой зарывается в тарелку...

— Если тебя не затруднит, Берти, будь так любезен, сделай милость, прекрати пороть чушь.

— Как скажешь, тётя Агата. Но всё равно я считаю, ты попадешь в ужасно неловкое положение, когда начнёшь предлагать девушке деньги.

— Я не попаду в неловкое положение. Деньги предлагать будешь ты.

— Я?!

— Естественно. Мне кажется, сто фунтов — достаточная сумма. Тем не менее я выдам тебе незаполненный чек, и, если потребуется, ты заплатишь ей больше. Сколько бы это ни стоило, твоего дядю необходимо спасти.

— Значит, ты решила впутать меня в эту историю?

— Тебе давно пора сделать хоть что-нибудь для нашей семьи.

— А когда девушка выпрямится во весь рост и посмотрит на меня чистым, ясным взором, что прикажешь мне делать?

— Я больше не желаю обсуждать этот вопрос. Ты сможешь доехать до Восточного Дульвича за полчаса. Поезда идут каждые пять минут. Я подожду тебя здесь. Когда вернёшься, доложишь мне о результате переговоров.

— Но, послушай!

— Берти, ты немедленно отправишься к этой девице.

— Да, но, прах побери!

— Берти!

Я выбросил полотенце.

— Ох, ну хорошо, будь по-твоему.

— Иначе и быть не может.

— Хорошо, хорошо, уже иду.

Не знаю, ездили ли вы когда-нибудь в Восточный Дульвич, чтобы предложить незнакомой девице сотню монет за то, что она оставит в покое вашего дядю Джорджа. Если не ездили, могу сообщить вам, что на свете существует множество куда более интересных развлечений. Я чувствовал себя не в своей тарелке, когда ехал на вокзал. Я чувствовал себя не в своей тарелке, сидя в пригородном поезде. И я чувствовал себя не в своей тарелке, когда шёл по Кичинер-роуд. Но больше всего я чувствовал себя не своей тарелке после того, как нажал на кнопку звонка и неряшливого вида служанка, открыв дверь, проводила меня по длинному коридору в комнату с розовыми обоями, где в углу стояло пианино, а на каминной полке красовалось множество фотографий.

Если не брать в расчёт приёмную зубного врача, нигде не испытываешь столь тягостных ощущений, как в общей комнате одного из пригородных домов. Как правило, в таких комнатах на столиках стоят чучела птиц под стеклянными колпаками, и у человека чувствительного душа уходит в пятки каждый раз, когда он ловит на себе укоризненный взгляд какой-нибудь куропатки, которую лишили внутренних органов для того, чтобы засунуть туда опилки.

В общей комнате Вистэрии Лодж было три таких столика, и в какую бы сторону вы не посмотрели, перед вашим взором вставало одно из чучел. Под двумя стеклянными колпаками находилось по одной птице, а под третьим — семейная группа, состоящая из папы-снегиря и мамы-снегиря и ребёнка-снегиря. Этот последний выглядел как самый настоящий бандит и, по правде говоря, испортил мне настроение больше, чем все остальные чучела вместе взятые.

Я подошёл к окну и уставился в сад, чтобы избежать кровожадного взгляда, когда дверь открылась, и, обернувшись, я увидел особу, настолько непохожую на девушку, что она могла быть только её тётей.

— Э-э-э, здравствуйте, — сказал я. — Доброе утро.

Слова дались мне с большим трудом, потому что я внезапно почувствовал себя как рыба, вытасченная из воды. Я имею в виду, комната была такой маленькой, а особа — такой необъятной, что на мгновение мне стало нечем дышать. Должно быть, на свете есть люди, не предназначенные для нахождения с ними в одном помещении, и эта тётушка явно принадлежала к их числу. Её тело колыхалось, если вы понимаете, что я хочу сказать. Я подумал, что в молодости она была очень хорошенькой, хотя и тогда, по всей видимости, обладала пышными формами. Сейчас же, мягко говоря, она набрала лишний вес и выглядела совсем как одна из оперных певиц восьмидесятых на старых фотографиях. К тому же у неё были жёлтые волосы и ярко-красное платье.

И тем не менее она была добрячкой, потому что при виде Бертрама расплылась в улыбке. Бертрам пришёлся ей по душе.

— Наконец-то! — воскликнула она.

Честно признаться, я ничего не понял.

— А?

— Вот только к племяннице вам лучше зайти немного попозже. Она только что уснула.

— О, в таком случае...

— Не стоит её будить, как вы думаете?

— Конечно, нет, — с облегчением сказал я. — Из-за инфлюэнцы она промучилась всю ночь, а утром задремала. Пускай немного поспит, вы не возражаете?

— У. мисс Платт инфлюэнца?

— Это мы с ней так решили. Но, конечно, ваше мнение решающее. Знаете что, не будем терять времени даром. Раз уж вы здесь, взгляните на моё колено.

— Колено?

Я ничего не имею против коленей, но в определённое время и, если так можно выразиться, в определённом месте, а сейчас, как мне казалось, момент был неподходящий. Однако она привела свой план в исполнение.

— Что вы думаете об этом колене? — спросила она, открывая мне тайну за семью печатями.

Само собой, вежливость — прежде всего.

— Жуть! — восхищённо сказал я.

— Вы не поверите, как оно меня мучает.

— Правда?

— Простреливает из всех сил. Адская боль. И знаете, что самое забавное?

— Что? — спросил я, чувствуя, что смех пойдёт мне на пользу.

— В последнее время я испытываю точно такую же боль в конце позвоночника. Может, посмотрите?

— На ваш позвоночник?

— Да.

Я покачал головой. Я люблю повеселиться, как никто другой, и ничего не имею против божьего образа жизни, ну, и всего прочего. Но существуют определённые границы, и мы, Вустеры, никогда их не переходим.

— Это невозможно, — сурово произнёс я. — Только не позвоночник. Колени — да. Позвоночники — нет.

Она удивлённо на меня посмотрела.

— Вы какой-то странный. Впервые вижу такого доктора.

— Доктора?

— Но ведь вы доктор?

— Кто сказал, что я доктор?

— А разве вы не доктор?

— Неужели я похож на доктора?

Наконец-то мы выяснили отношения. Наши глаза раскрылись. Мы разобрались, что к чему.

Я с самого начала подумал, что у неё добрая душа, и сейчас моё предположение оправдалось. Я никогда не слышал, чтобы женщина так сердечно смеялась.

— Ох, давно мне не было так смешно! — всхлипнула она, одалживая у меня платок, чтобы вытереть глаза. — Ну, вы даёте! Но если вы не доктор, кто вы такой?

— Меня зовут Вустер. Я пришёл поговорить с мисс Платт.

— О чём?

Наступил решающий момент. Сейчас я должен был вытащить чек и сделать всё возможное, чтобы тётушка невесты его взяла. Но, хотите верьте, хотите нет, рука отказалась мне повиноваться. Сами знаете, как это бывает. Предлагать деньги за то, чтобы твоего дядюшку оставили в покое — задача не из лёгких, а в определённых ситуациях она просто

невыполнима.

— О, ни о чём, знаете ли. Просто решил её навестить. — Внезапно мне в голову пришла блестящая мысль. — Мой дядюшка узнал, что она прихворнула, вот в чём дело, и поручил мне проведать её, чтобы узнать, как она себя чувствует.

— Ваш дядюшка?

— Лорд Яксли.

— О! Вы племянник лорда Яксли?

— Он самый. Должно быть, дядюшка у вас днюет и ночует, что?

— Напротив. Я ни разу его не видела.

— Ни разу?

— Ни разу. Розы, конечно, мне всё о нём рассказывает, но почему-то никак не хочет пригласить в гости, даже на чашечку чая.

Я начал понимать, что Розы — девица не промах. Если б я был девушкой и на мне хотели бы жениться, а я знал бы, что в моей квартире обитает такой экспонат, как эта тётушка, я бы тоже крепко подумал, прежде чем пригласить своего жениха к себе домой до того, как брачная церемония завершится и он поставит свою подпись где полагается. Я имею в виду, у тётушки, несомненно, были добрая душа и золотое сердце, но тем не менее не стоило демонстрировать ей Ромео раньше срока.

— Наверное, вы были поражены, когда обо всём узнали? — спросила она.

— Это уж точно.

— Само собой, окончательно ничего не решено.

— Вот как? Я считал...

— О нет. Розы пока ещё не дала согласия.

— Ясно.

— Она, конечно, понимает, что ей оказали большую честь, но иногда её беспокоит мысль, что он слишком стар.

— Моя тётя Агата придерживается того же мнения.

— И всё-таки титул — это титул.

— Вы правы. А сами-то вы что об этом думаете?

— Ну, меня никто не спрашивает. Разве современные девушки слушаются старших?

— Должно быть, не очень.

— Вот и я говорю. Боюсь, ничего хорошего их не ждёт. Но нам с вами от этого не легче.

— Вы опять правы.

Я подумал, что наша беседа может продолжаться до бесконечности. У неё был такой вид, словно она решила проболтать весь день. Но в эту минуту служанка вошла в комнату и доложила, что прибыл доктор.

Я поднялся на ноги.

— Ну, мне пора.

— Жаль, что вы так торопитесь.

— Дела, знаете ли.

— Что ж, будьте здоровы.

— Пока-пока.

Я вышел на улицу и полной грудью вдохнул свежий воздух.

Зная, что ждёт меня дома, я с удовольствием отправился бы в клуб и провёл бы там остаток дня. Но опасности следует встречать лицом к лицу.

— Ну? — спросила тётя Агата, как только я появился в дверях гостиной.

— И да, и нет, — ответил я.

— Что ты имеешь в виду? Она отказалась взять деньги?

— Не совсем.

— Значит, взяла?

— Ты не понимаешь.

И я объяснил, что произошло. Я не ждал, что она придёт от моего сообщения в восторг, и поэтому не огорчился, когда моё предчувствие сбылось. По правде говоря, во время моего рассказа она отпускала в мой адрес всё более колкие замечания, а когда я закончил, издала шипящий звук такой силы, что в комнате задребезжали стёкла. По-моему, она собиралась воскликнуть «сукин сын», но вовремя спохватилась, вспомнив о своём благородном происхождении.

— Приношу свои извинения, — сказал я. — Я готов честно признаться, что струсил. Мне стало совестно. Такое с каждым может случиться.

— Ты самое мягкотелое беспозвоночное из всех, кого я знаю.

Я задрожал, как воин, которому разбередили старую рану.

— Я буду крайне тебе признателен, тётя Агата, — попросил я, — если ты в моём присутствии воздержись от упоминаний о позвоночнике. Это слово будит во мне неприятные воспоминания.

Дверь открылась, и на пороге показался Дживз.

— Сэр?

— Да, Дживз?

— Мне показалось, вы меня звали, сэр.

— Нет, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

В моей жизни бывают минуты, когда даже под пристальным взглядом тёти Агаты я могу проявить твердость характера. Я видел, что каждая чёрточка лица Дживза светится разумом, и неожиданно понял, какую невероятную глупость совершаю, отказываясь воспользоваться этим целительным источником в угоду предрассудкам тёти Агаты, не желавшей обсуждать семейные дела с прислугой. Возможно, она зашипит на меня сильнее прежнего, но я решил обратиться к Дживзу за советом, что, кстати, мне следовало сделать с самого начала.

— Дживз, — сказал я. — Ты знаешь моего дядю Джорджа?

— Да, сэр.

— Ты знаешь, что произошло?

— Да, сэр.

— Ты знаешь, чего мы хотим?

— Да, сэр.

— В таком случае дай нам совет. И не мешкай, Дживз. У нас мало времени. Давай, шевели мозгами.

— Насколько я понимаю, вы навещали молодую особу у неё дома, сэр?

— Только что оттуда вернулся.

— В таком случае вы, вне всяких сомнений, видели её тётушку?

— Дживз, это единственное, что я там видел.

— Тогда моё предложение должно вам понравиться, сэр. Я порекомендовал бы вам познакомиться его светлость с этой женщиной. Она всегда намеревалась остаться жить со своей племянницей, когда та выйдет замуж. Если его светлость узнает об этом после того, как встретится с тётушкой невесты, он крепко задумается, прежде чем связать себя брачными узами. Вы не могли не заметить, сэр, что тётя мисс Платт, несмотря на свою добрую душу, самая настоящая простолюдинка.

— Дживз, ты абсолютно прав. Не говоря обо всём прочем, у неё жёлтые волосы.

— Вот именно, сэр.

— И ярко-красное платье.

— Совершенно верно, сэр.

— Я завтра же приглашу её на ленч и познакомлю с дядей Джорджем. Вот видишь, — обратился я к тётя Агате, которая всё ещё извергала лаву за моей спиной, — Дживз попал в яблочко, не сходя с места. Разве я тебе не говорил...

— Это всё, Дживз, — сказала тётя Агата.

— Слушаюсь, мадам.

Когда он ушёл, тётя Агата в течение нескольких минут высказывала своё мнение по поводу того, как Вустер роняет престиж всего клана, позволяя слуге мнить о себе бог весть что. Затем она вновь вернулась, если так можно выразиться, к основной теме разговора.

— Берти, — заявила моя престарелая родственница, — завтра ты опять поедешь к девушке и на этот раз поступишь так, как я тебе велела.

— Но, прах побери! У нас имеется шикарный альтернативный план, основанный на психологии индивида...

— Хватит, Берти. Я всё тебе сказала. Мне пора. До свидания.

И она удалилась, даже не догадываясь, что Бертрама Вустера на испуг не возьмёшь. Едва дверь за ней затворилась, я позвал Дживза.

— Дживз, — сказал я, — моя тётушка, — ты знаешь, о ком я говорю, — и слышать не хочет о твоём шикарном альтернативном плане, но я, тем не менее, намерен привести его в исполнение. Я считаю, это верняк. Ты сможешь устроить так, чтобы эта женщина пришла ко мне завтра на ленч?

— Да, сэр.

— Прекрасно. А я тем временем позвоню дяде Джорджу, Мы сделаем тётя Агате доброе дело помимо её воли. Как там говорит поэт, Дживз?

— Поэт Бернс, сэр?

— Нет, не поэт Бернс. Какой-то другой поэт. О добрых делах украдкой.

— «Дела благие, не оставшиеся в памяти», сэр.

— Вот-вот. В самое яблочко.

Должно быть, тот, кто делает доброе дело украдкой, должен радоваться, дальше некуда, но, честно признаться, я не горел желанием усестыся за один стол с дядей Джорджем. Мой дядя Джордж зануда, каких мало, и во время ленча рта никому не даёт раскрыть, рассуждая о симптомах своей болезни, причём ему невозможно объяснить, что присутствующие отнюдь не жаждут слышать подробностей о его желудке. Прибавьте, так сказать, к дядюшке Джорджу тётушку мисс Платт, и вы поймёте, что в подобном обществе трудно находиться даже самому мужественному воину. Когда на следующий день я проснулся, у меня возникло какое-то зловещее предчувствие, и тучи, если вы понимаете, о чём я говорю, продолжали сгущаться над моей головой всё утро. Когда пришло время коктейлей, я совсем упал духом.

— Если б мне предложили ломаный грош, Дживз, чтобы я плюнул на это дело и умчал бы на весь день в «Трутень», я согласился бы не раздумывая.

— Я понимаю, вам предстоит тяжёлое испытание, сэр.

— Откуда ты знаешь этих людей, Дживз?

— Меня привёл к ним домой мой старый знакомый, сэр, камердинер полковника Мэйнуэринг-Смита. Когда между молодой особой и моим старым знакомым возникло взаимопонимание, он пригласил меня в Вистэрии Лодж.

— Они были помолвлены?

— Нет, сэр. Но к тому моменту у них возникло взаимопонимание.

— А почему они поссорились?

— Они не ссорились, сэр. Когда его светлость начал ухаживать за молодой особой, она, вполне естественно, почувствовала себя польщённой, и в ней стала происходить борьба между любовью и честолюбием. Но даже сейчас она ещё не приняла окончательного решения.

— Ты имеешь в виду, если дядя Джордж от неё отвяжется, твоему приятелю крупно повезёт?

— Да, сэр. Смитхэрст, — его зовут Смитхэрст, сэр, — сочтёт такой исход дела осуществленьем всех его мечтаний.

— Здорово сказано, Дживз. Сам придумал?

— Нет, сэр. Это «Бард Эйвона», сэр.

В этот момент кто-то невидимый позвонил в дверь, и я собрался с силами, приготовившись играть роль гостеприимного хозяина. Испытание началось.

— Миссис Уилберфорс, сэр, — объявил Дживз.

— Ума не приложу, как мне удержаться от смеха, когда ты будешь стоять за моей спиной и говорить: «Мадам, не хотите ли ещё картошечки?» — сказала тётушка невесты. Почему-то она показалась мне ещё необъятнее, желтее и дружелюбнее, чем в прошлый раз. — Я его знаю, вот в чём дело, — тыкая в Дживза пальцем, объяснила она. — Этот молодой человек не раз заходил к нам на чашечку чая.

— Он мне говорил.

Она окинула гостиную взглядом.

— А у вас тут недурно. Хотя лично мне больше нравятся розовые обои.

Обожаю что-нибудь весёленькое. Что это у вас? Коктейли?

— Мартини с абсентом, — ответил я, наливая в бокал подкрепляющую силы жидкость.

Она взвизгнула, совсем как девочка.

— Не вздумайте угощать меня этой дрянью! Вы не представляете, что со мной будет, если я выпью хоть капельку. Да я просто загнусь от боли! Для желудка нет ничего вреднее

коктейлей.

— Ну, не знаю.

— А я знаю. Если б вы поработали с моё буфетчицей, тоже знали бы.

— Э-э-э... вы работали буфетчицей?

— Много лет подряд, когда была молодой. В «Крэйтерионе».

Я уронил бокал с коктейлем на пол.

— Вот! — торжественно воскликнула она. — Теперь поняли, что значит пить коктейли? У вас дрожат руки. Я всегда говорила мальчикам: «Пейте портвейн. Портвейн полезен. Я сама пью только портвейн. Ни к чему вам глотать эту новомодную американскую гадость». Но они меня не слушали.

Я смотрел на неё во все глаза. В своё время в «Крэйтерионе» наверняка были тысячи буфетчиц, но всё равно я получил некоторый шок. Много воды утекло с тех пор, как дядя Джордж пытался вступить в мезальянс, — тогда он ещё не получил титул, — но при упоминании «Крэйтериона» Вустер всё ещё дрожал с головы до ног.

— Э-э-э, когда вы работали в Кр., — спросил я, — к вам не заходил парень с такой же фамилией, как у меня?

— Знаете, а я забыла вашу фамилию. У меня жуткая память на имена.

— Вустер.

— Вустер! А мне вчера показалось Фостер. Вустер! Не заходил ли ко мне парень по имени Вустер? Ну, вы даёте. Да Джордж Вустер и я, — Свинюшка, вот как я его называла, — собирались пожениться, и обязательно поженились бы, если б его папаша не прослышал бы про это и не вмешался бы. Он предложил мне кучу денег, чтобы я его бросила, а я, как последняя дура, дала ему себя уговорить. Я часто вспоминала Свинюшку; всё думала, куда он подевался. Неужто он ваш родственник?

— Ради бога простите, — сказал я. — Совсем забыл, что мне надо дать последние указания Дживзу.

Я быстро прошёл на кухню.

— Дживз!

— Сэр?

— Знаешь, что?

— Нет, сэр.

— Эта женщина...

— Сэр?

— Она буфетчица дяди Джорджа!

— Сэр?

— Ох, прах побери, ты не мог не слышать о буфетчице дяди Джорджа. Ты в курсе всей нашей семейной истории. Та самая буфетчица, на которой он собирался жениться много лет назад.

— Ах да, сэр.

— Она единственная женщина, которую дядя Джордж когда-либо любил. Он говорил мне об этом миллион раз. После четвертого бокала виски с содовой он всегда плачет пьяными слезами, вспоминая эту особу. Нам не повезло, дальше некуда. Мы и оглянуться не успеем, как в дяде Джордже проснутся воспоминания молодости. Я это печёнками чувствую, Дживз. Она именно та особа, которая придётся ему по сердцу. Знаешь, о чём она мне сообщила, едва мы успели начать разговор? О своём желудке. Зловещий признак, Дживз.

Любимая тема дяди Джорджа — его желудок. У них родственные души. Они похожи друг на друга, как...

— Две половинки одного яблока, сэр?

— Вот именно.

— Неприятная история, сэр.

— Что же делать?

— Не могу сказать, сэр.

— В таком случае я немедленно позвоню дяде Джорджу и сообщу ему, что ленч отменяется.

— Вряд ли это возможно, сэр. По-моему, его светлость уже пришёл. Звонок в дверь.

Дживз, как всегда, оказался прав, и, поздоровавшись с дядей Джорджем, я пошёл следом за ним в гостиную. Когда он переступил через порог, на мгновение наступила мёртвая тишина, а затем оба моих гостя наперебой стали обмениваться восклицаниями, как закадычные друзья, которые не виделись тысячу лет.

— Свинюшка!

— Моды!

— Вот это да!

— Будь я проклят!

— Надо же, как!

— Господи прости!

— Подумать только, теперь ты лорд Якли!

— Получил титул вскоре после того, как мы расстались.

— Ну, ты даёшь!

— Сколько лет, сколько зим.

Я стоял в сторонке, переминаясь с ноги на ногу. Впрочем, если бы Бертрам Вустер растаял в воздухе, они этого не заметили бы.

— Моды, ты совсем не изменилась, прах меня побери!

— Ты тоже, Свинюшка.

— Как ты жила все эти годы?

— Совсем неплохо. Вот только желудок меня беспокоит.

— Да что ты говоришь? Будь я проклят! Желудок — моё больное место.

— Как поем, сразу испытываю тяжесть.

— И я, как поем, испытываю тяжесть. Что ты принимаешь?

— Таблетки Перкинса.

— Дрянь. Дрянь, каких мало. Дорогая моя девочка, я принимал их много лет, и всё без толку. Если хочешь знать, единственное лекарство:...

Я выскользнул из гостиной, в то время как дядя Джордж уселся рядом со своей буфетчицей на диван и начал что-то убеждённо ей доказывать.

— Дживз, — сказал я, заходя на кухню.

— Сэр?

— Накрой стол на двоих. Меня можешь не принимать в расчёт. Если они заметят моё отсутствие, объясни, что меня вызвали по срочному делу. Ситуация оказалась сильнее Бертрама, Дживз. Если я тебе понадобится, я в «Трутне».

— Слушаюсь, сэр.

Было довольно поздно, когда один из лакеев вошёл в бильярдную, где я в одиночестве

играл снукер, и сообщил мне, что тётя Агата требует меня к телефону.

— Берти!

— Слушаю?

Честно признаться, я удивился, потому что она разговаривала голосом тётки, которая довольна жизнью, дальше некуда. Прямо-таки щебетала, как птичка.

— Берти, ты ещё не заполнил мой чек?

— Нет?

— Можешь его порвать. Он тебе больше не понадобится.

— А?

— Я говорю, разорви мой чек. Я только что беседовала с твоим дядей по телефону. Он отказался от своего намерения вступить в брак с той ужасной особой.

— Отказался?

— Окончательно и бесповоротно. Оказывается, после долгих размышлений он понял, что она ему не пара. Но, знаешь, что самое удивительное? Твой дядя всё-таки женится!

— Женится?

— Представь себе. На своей давнишней знакомой, миссис Уилберфорс, судя по его словам, женщине весьма разумного возраста. Интересно, из каких она Уилберфорсов? Существуют две основные семейные ветви: эсекские Уилберфорсы и кумберлендские Уилберфорсы. Насколько я помню, есть ещё младшая линия, где то в Шропшире.

— И ещё одна в Восточном Дульвиче.

— Что ты сказал?

— Нет, ничего. Тебе послышалось.

Я повесил трубку и отправился домой. Я чувствовал себя так, словно меня стукнули пыльным мешком по голове.

— Ну, Дживз, — спросил я, осуждающе на него глядя, — ты считаешь, дело сделано?

— Да, сэр. Между сладким блюдом и сыром его светлость официально объявил о своей помолвке с миссис Уилберфорс.

— Официально?

— Да, сэр.

Я сурово посмотрел на недогадливого малого.

— Возможно, тебе невдомёк, Дживз, — произнёс я холодным, строгим тоном, — но после происшедших событий твои акции сильно упали. Я привык видеть в тебе советчика, которому нет равных. Я, можно сказать, ловил каждое твоё слово. А ты вот что натворил, и всё потому, что твой дурацкий план основывался на психологии индивида. Мне кажется, встречаясь с той женщиной не один раз и даже сидя с ней за одним столом, ты обязан был догадаться, что она — буфетчица дяди Джорджа.

— Я догадался об этом, сэр.

— Что?!

— Упомянутый вами факт был мне известен, сэр.

— Тогда почему ты не предвидел, что он на ней женится?

— Я это предвидел, сэр.

— Ну, знаешь!

— Если позволите, я всё вам объясню, сэр. Молодой человек, Смитхэрст, — мой близкий друг. Недавно он обратился ко мне с просьбой придумать какой-нибудь план, чтобы молодая особа, которая близка его сердцу, прислушалась бы к своим чувствам, а не к разуму,

отуманенному звоном золота и социальным положением его светлости. Теперь на пути двух молодых людей не осталось преград.

— А как насчёт дяди Джорджа? Тебе не кажется, что ты подложил ему большую свинью?

— Нет, сэр. Простите, что осмеливаюсь вам возразить, но я считаю, что миссис Уилберфорс — идеальная партия для его светлости. Если говорить об образе жизни лорда Якли, можно отметить его чрезмерную любовь к яствам...

— Ты имеешь в виду, он обжора, каких мало.

— Я никогда не посмел бы употребить данное выражение, сэр, но вы, безусловно, правы. К тому же врач его светлости вряд ли одобрительно относится к тому количеству спиртных напитков, которые его светлость поглощает каждый день. Пожилые, богатые холостяки, не знающие, чем заняться, часто ведут подобный образ жизни, сэр. Будущая леди Якли поможет его светлости взять себя в руки. Когда я подавал рыбу, она недвусмысленно на это намекнула. Заметив, что у его светлости одутловатое лицо, она заявила, что за ним нужен хороший уход. Я убеждён, сэр, что их брак окажется весьма удачным.

Это звучало — какое слово тут подойдёт? — правдоподобно, да, правдоподобно, но тем не менее я покачал своей черепушкой.

— Тут есть одно «но», Дживз.

— Сэр?

— Ты сам говорил, что она простолюдинка.

Он посмотрел на меня с упрёком.

— Представительница мелкой буржуазии, сэр, крепко стоящая на ногах.

— Гм-мм.

— Сэр?

— Я сказал «гм-мм», Дживз.

— Кроме того, сэр, вспомните слова поэта Теннисона: «Добрые сердца важнее, чем короны на гербе».

— А кто из нас объяснит это тёте Агате?

— Если позволите, сэр, я посоветовал бы вам какое-то время не общаться с миссис Спенсер Грегсон. Ваши чемоданы уже уложены. Буквально через несколько минут можно сесть в вашу машину...

— И умчаться в дальние дали?

— Совершенно верно, сэр.

— Дживз, — сказал я. — Я не уверен, что твои действия были правильными. Ты считаешь, что всех облагодетельствовал, — в этом я тоже не уверен. Но твоё последнее предложение не лишено смысла. Внимательно его изучив, я пришёл к выводу, что в нём нет ни одного изъяна. Оно именно то, что доктор прописал. Я немедленно иду в гараж. За мной, Дживз!

— Слушаюсь, сэр.

— Помнишь, что сказал поэт Шекспир, Дживз?

— Что, сэр?

— «Быстро уходит, уводя за собой медведя». Ты можешь прочесть это в одной из его пьес. Я прекрасно помню, как нарисовал на полях книги медведя, когда учился в школе.

ГЛАВА 11. Мучения Тяпы Глоссопа

— Привет, Дживз, — сказал я, входя в комнату, где старательный малый стоял по колено в рубашках, костюмах и зимней одежде, напоминая пингвина, затерявшегося в скалах. — Укладываешь чемоданы?

У нас с Дживзом нет друг от друга секретов, поэтому он ответил мне честно и прямо:

— Да, сэр.

— Укладывай дальше! — одобрительно произнёс я. — Укладывай, Дживз, укладывай.

Продолжай в том же духе, и ты не ошибёшься. — И по-моему, я добавил: «тра-ля ля», потому что настроение у меня было прекрасное. Каждый год, примерно в середине ноября, среди уважаемых владельцев самых роскошных имений Англии начинаются споры и пересуды, кому из них принимать у себя в рождественские каникулы Бертрама Вустера. Возможно, он окажет предпочтение одному из них, а быть может, другому. Как говорит моя тётя Делия, никогда не знаешь, где найдёшь, где потеряешь.

Однако в этом году я принял решение, не колеблясь ни секунды. Уверен, что не позднее десятого ноября вздохи облегчения вырвались из горл дюжины уважаемых владельцев самых роскошных имений Англии, когда им стало известно, что Бертрам Вустер остановил свой выбор на сэре Реджинальде Уиверспуне, баронете, из Бличинг-корта, Верхний Бличинг, Гемпшир.

Приняв решение оказать честь своим посещением этому Уиверспуну, я руководствовался несколькими соображениями, не считая того, что, женившись на Катерине, младшей сестре мужа тётки Делии, сэр Реджинальд в некотором роде приходился мне дядей. Во-первых, у него был прекрасный повар и не менее прекрасный погреб. Во-вторых, в его конюшнях стояли прекрасные лошади: фактор немаловажный. И в-третьих, в его имении никто не заставил бы вас на рождество шляться по улицам в группе парней и петь разгульные песни.

Перечисленные факты сыграли важную роль в моём выборе, но главная причина, по которой я собрался в Бличинг-корт, заключалась в том, что в настоящее время там гостил Тяпа Глоссоп.

Я уверен, что уже рассказывал вам об этом типе с чёрной душой, но на всякий случай повторюсь, чтобы мой отчёт был полным. Тяпа, если помните, позабыв о долгих годах дружбы, в течение которых он ел мои хлеб-соль, однажды вечером в «Трутне» заключил со мной пари, что я не смогу перебраться на другую сторону бассейна по кольцам, свисавшим с потолка, а затем поступил как настоящий предатель, зацепив последнее кольцо за крюк в стене и тем самым вынудив меня прыгнуть в воду и испортить один из самых удачно сшитых фраков во всей Метрополии.

С тех пор я поставил перед собой задачу отомстить Тяпе при первом же удобном случае.

— Надеюсь, ты помнишь, Дживз, — сказал я, — что в настоящий момент в Бличинге находится мистер Глоссоп?

— Да, сэр.

— Соответственно, ты не забыл упаковать Водяной Пистолет?

— Нет, сэр.

— А Светящегося Кролика?

— Нет, сэр.

— Замечательно! Я возлагаю большие надежды на Светящегося Кролика, Дживз. О Светящемся Кролике я слышал лестные отзывы со всех сторон. Его надо завести и подкинуть ночью в чью-нибудь спальню, где он будет прыгать и светиться в темноте, издавая странные звуки. Надеюсь, Тяпа долго будет заикаться.

— Весьма возможно, сэр.

— А если Светящийся Кролик подведёт, у меня в запасе имеется Водяной Пистолет. Мы должны использовать все способы, Дживз, чтобы устроить Тяпе весёлую жизнь. На карту поставлена честь Вустера.

Я мог бы говорить на эту тему часами, но в этот момент раздался звонок в дверь.

— Я открою, — сказал я Дживзу. — Должно быть, пришла тётя Делия. Мы разговаривали по телефону, и она обещала навестить меня сегодня утром.

Но это была не тётя Делия. Мальчик-посыльный принёс мне телеграмму. Я вскрыл её, прочитал и вернулся в спальню. По правде говоря, я испытывал некоторое замешательство.

— Дживз, — обратился я к толковому малому. — Мне пришла чудная телеграмма. От мистера Глоссоба.

— Вот как, сэр?

— Сейчас я тебе её прочту. Отправлена из Верхнего Бличинга. Послушай, что здесь написано: «Когда приедешь, привези мои футбольные бутсы, а также сделай всё возможное, чтобы достать ирландского ватер-спаниеля. Срочно. Привет. Тяпа». Как ты думаешь, что всё это значит, Дживз?

— Насколько я понял, сэр, мистер Глоссоб просит вас, когда вы приедете, привезти его футбольные бутсы, а также сделать всё возможное, чтобы достать ирландского ватер-спаниеля. Он утверждает, что дело срочное и передаёт вам свой привет.

— Ты прав, Дживз. Но зачем ему футбольные бутсы?

— Возможно, мистер Глоссоб собирается играть в футбол, сэр.

Я задумался.

— Должно быть, так оно и есть. Но как может человек, мирно отдыхающий в шикарном имении, загореться желанием играть в футбол?

— Не могу сказать, сэр.

— И при чём здесь ирландский ватер-спаниель?

— Боюсь, у меня недостаточно данных, чтобы прийти к верному заключению, сэр.

— А что за порода ирландский ватер-спаниель?

— Ватер-спаниель, выведенный в Ирландии, сэр.

— Ты так думаешь?

— Да, сэр.

— Ну, не буду спорить. Но с какой стати я должен носиться по всему Лондону, выискивая для Тяпы собак, какой бы национальности они ни были? Может, он принимает меня за Санта-Клауса? Или ему кажется, что я с добродушной снисходительностью отношусь к инциденту, происшедшему в «Трутне?» Ирландские ватер-спаниели, будь они прокляты! Пфуй!

— Сэр?

— Пфуй, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

Вновь раздался звонок в дверь.

— Ни минуты покоя, Дживз.

— Нет, сэр.

— Ну, хорошо. Я открою.

На этот раз пришла тётя Делия. Она ворвалась ко мне в квартиру с решительным видом и заговорила прямо с порога.

— Берти! — грохотнула она своим зычным голосом, от которого лопаются оконные стёкла и качаются вазочки на каминной полке. — Я пришла поговорить с тобой об этом наглom щенке, Глоссопе.

— Можешь не беспокоиться, тётя Делия, — заверил я свою плоть и кровь. — Я держу ситуацию под контролем. Водяной Пистолет и Светящийся Кролик уже упакованы.

— Я не знаю, о чём ты говоришь, и уверена, что сам ты тоже этого не знаешь, — довольно грубо заявила моя родственница, — но если ты хоть на секунду перестанешь нести околесицу, я объясню тебе, в чём дело. Я получила от Катерины очень неприятное письмо. Об этом аспиде. Естественно, я не сказала Анжеле ни слова. Если бы бедная девочка хоть что-нибудь заподозрила, она подпрыгнула бы до потолка.

Анжела — дочь тёти Делии. Предполагается, что Анжела и Тяпа в некотором роде помолвлены, хотя «Морнинг Пост» пока ещё скромно об этом молчит.

— Почему?

— Что почему?

— Почему она подпрыгнула бы до потолка?

— А ты не подпрыгнул бы, если б вдруг узнал, что твой так называемый жених умотал погостить в имение и там всюду флиртует с какой-то собачницей?

— Повтори? С кем он что делает?

— Флиртует с собачницей. С одной из тех особ, которые носят мужские брюки и сапоги. Они наводнили собой сельскую местность и шляются где ни попадя в окружении свор собак всевозможных пород. Уж я-то знаю, как опасны эти собачницы — сама такой была. Её зовут Долглиш. Она дочь полковника Долглиша. Они живут неподалёку от Бличинг-корта.

Передо мной забрезжил свет.

— Так вот где собака зарыта! Понимаешь, Тяпа только что прислал мне телеграмму с просьбой достать ему ирландского ватер-спаниеля, даже если для этого придётся расшибиться в лепёшку. Несомненно, он хочет сделать рождественский подарок своей новой пассии.

— Не удивлюсь. Катерина пишет, он от неё без ума. Вертится вокруг неё, как котёнок, не разговаривает, а блеет, как овца, и ходит за ней по пятам, словно одна из её собак.

— Теперь она сможет открыть частный зоопарк, что?

— Берти, — сказала тётя Делия, и я заметил, что в глазах у неё появился опасный блеск, — ещё одно идиотское замечание в этом роде, и я забуду, что ты мой племянник и дам тебе в ухо.

Я решил успокоить разбушевавшуюся родственницу. Одним словом, пролить бальзам на её раны.

— На твоём месте я бы так не расстраивался, — посоветовал я. — Скорее всего, ничего серьёзного там нет. Наверняка слухи о его похождениях сильно преувеличены.

— Ты так думаешь? Уж кому-кому, а тебе должно быть прекрасно известно, кого он из себя представляет. Помнишь, как мы намучились, когда ему взбрело в голову приударить за певичкой?

Я собрался с мыслями и вспомнил, как было дело. Кстати, вы найдёте его в моих архивах. Кора Беллинджер, вот как звали ту особу. Она обучалась на оперную певицу, и Тяпа был о ней самого высокого мнения. Однако после концерта, организованного Говядиной Бингхэмом в Бермондси, она поставила ему фонарь под глаз, и его любовь умерла.

— Кроме того, — продолжала тётя Делия, — ты ещё не всё знаешь. Перед самым его отъездом в Бличинг-корт они с Анжелой разругались в дым.

— Да ну?

— Вот именно. Анжела призналась мне в этом сегодня утром. Она все глаза себе выплакала, бедняжка. Они поссорились из-за её последней шляпки. Насколько я поняла, он заявил, что она выглядит в ней как болонка, а она сообщила, что не хочет больше видеть его в этой жизни и надеется не встретит в загробной. После чего, радостно воскликнув: «Вот и чудненько!», он был таков. Нетрудно догадаться, что произошло дальше. Едва собачница узнала, что он свободен, она тут же прибрала его к рукам, и, если не принять срочных мер, всякое может случиться. Так что изложи все факты Дживзу, и пусть он примет меры, как только окажется на месте преступления.

Я всегда досаую, если вы меня понимаете, когда моя родственница говорит, как о само собой разумеющемся, что на Дживзе свет клином сошёлся. Поэтому, должен признаться, мой ответ прозвучал несколько резко.

— Услуги Дживза тебе не потребуются, — уверенно произнёс я. — Мне не составит труда урегулировать данный вопрос, тётя Делия. Когда я покончу с Тяпой, ему будет не до любовных утех. При первом же удобном случае я намереваюсь подкинуть ему в спальню Светящегося Кролика. Светящийся Кролик светится в темноте, прыгает и издаёт странные звуки. Тяпа наверняка решит, что это — голос его Совести, и я предвижу, после первой же ночи ему придётся несколько недель серьёзно лечиться. А потом, уверяю тебя, он и не вспомнит об этой собаководке.

— Берти, — сказала тётя Делия каким-то странным, ровным голосом. — Выслушай меня внимательно. Ты безнадёжный идиот. Только потому, что я всё-таки тебя люблю и у меня большие связи в Комиссии по делам душевнобольных, тебя до сих пор не упрятали в психушку. Если б не я, ты давно сидел бы в отдельной палате, обитой войлоком. Посмей только выкинуть какой-нибудь фокус, и можешь больше не рассчитывать на моё покровительство. Неужели ты не понимаешь, что положение слишком серьёзное, и твои дурацкие шуточки могут всё испортить? На карту поставлено счастье Анжелы. Делай, что тебе говорят, и поручи Дживзу пошевелить мозгами.

— Как скажешь, тётя Делия, — нарочито вежливо произнёс я.

— Уже сказала. Отправляйся к нему немедленно. Я тебя подожду.

Я вернулся в спальню.

— Дживз, — я говорил, не скрывая своего разочарования, — можешь не упаковывать Светящегося Кролика.

— Слушаюсь, сэр.

— Водяной пистолет тоже можешь не упаковывать.

— Слушаюсь, сэр.

— Мою программу действий подвергли уничтожающей критике, и мой пыл иссяк. Да, кстати, Дживз.

— Сэр?

— Миссис Траверс высказала пожелание, чтобы по прибытии в Бличинг-корт ты

разлучил мистера Глоссоба с собаководкой.

— Слушаюсь, сэр. Я сделаю всё возможное, чтобы оказаться вам полезным.

* * *

На следующий же день я убедился, что тётя Делия не преувеличила нависшую над Анжелой угрозу. Мы с Дживзом отправились в Бличинг-корт на моём двухместном автомобиле и на полпути между деревней и имением неожиданно увидели впереди море собак, в котором Тяпа плавал вокруг краснощёкой девицы, явно вскормленной на каше с молоком и свежем деревенском воздухе. Тяпа то и дело наклонялся к ней, всей своей позой выражая преданное обожание, и даже на почтительном расстоянии было заметно, что уши него покраснелись, дальше некуда. Вне всяких сомнений, он стремился понравиться ей изо всех сил, а когда я подъехал ближе и увидел на девице мужские брюки и сапоги, мои сомнения рассеялись, как дым.

— Ты обратил внимание, Дживз? — многозначительно спросил я.

— Да, сэр.

— Девица, что?

— Да, сэр.

Я окликнул их и немного погудел. Они подняли головы, и по лицу Тяпы я понял, что он не пришёл в восторг от нашей встречи.

— А, это ты, Берти, — сказал он. — Привет.

— Салют.

— Мой друг, Берти Вустер, — представил меня Тяпа своей знакомой таким тоном, словно он извинялся перед ней за то, что я существую на свете.

— Здравствуйте. — Девица кивнула.

— Здравствуйте. — Я поклонился.

— Привет, Дживз, — сказал Тяпа.

— Добрый день, сэр.

Наступило напряжённое молчание.

— Ну, до свидания, Берти. Ты, должно быть, торопишься, — заявил Тяпа.

Мы, Вустеры, понимаем намёки с полуслова.

— Увидимся позже, — сказал я.

— Да, конечно, — рассеянно ответил Тяпа.

Я тронул машину с места.

— Зловещие симптомы, Дживз, — мрачно произнёс я, когда мы отъехали на некоторое расстояние. — Ты обратил внимание, что подозреваемый был похож на надутого индюка?

— Да, сэр.

— В таком случае начинай шевелить мозгами, Дживз.

— Слушаюсь, сэр.

Я не видел Тяпу до вечера. Он просочился ко мне в комнату, когда, переодевшись к обеду, я поправлял галстук перед зеркалом.

— Привет! — сказал я.

— Привет! — буркнул Тяпа.

— Сегодня утром ты прогуливался с девушкой. Кто она? — как бы между прочим спросил я. Безразличным тоном, знаете ли. Словно мне это было совсем неинтересно.

— Мисс Долглиш, — ответил Тяпа и густо покраснел.

— Она тоже здесь гостит?

— Нет. Мисс Долглиш живёт неподалеку. Ты привёз мои футбольные бутсы?

— Да. Забери их у Дживза.

— А ватер-спаниеля?

— Извини, ватер-спаниелей в наличии не оказалось.

— Проклятье! Она всю жизнь мечтала об ирландском натер-спаниеле.

— Тебе-то что за дело?

— Я хотел сделать ей подарок.

— Зачем?

Тяпа высокомерно на меня посмотрел. Я бы даже сказал, презрительно. Одним словом, с осуждением.

— С тех пор как я здесь живу, — нравоучительно произнёс он, — полковник и миссис Долглиш были исключительно любезны со мной. Я не раз бывал у них дома. Естественно, мне совсем не хочется выглядеть в их глазах неблагодарным молодым человеком, одним из тех, о которых так часто пишут в газетах. Когда люди чуть ли не каждый день приглашают тебя то на ленч, то на чай, то ещё на что-нибудь, они, несомненно, ждут, что ты тоже окажешь им внимание, например, сделав подарок, пусть скромный.

— Подари им свои футбольные бутсы, — предложил я. — Кстати, зачем они тебе понадобились?

— Я играю в матче, который состоится в следующий четверг.

— Где, здесь?

— Да. Верхний Бличинг против Хокли-на-Местоне. Как мне объяснили, это самое важное событие года.

— Ты согласился под дулом пистолета?

— Позавчера, беседуя с мисс Долглиш, я упомянул, что в Лондоне я обычно играл по субботам за Остин, и она попросила, чтобы я принял участие в матче и помог деревне победить.

— Какой деревне?

— Естественно, Верхнему Бличингу.

— Значит, ты собираешься играть за Хокли?

— Неостроумно, Берти. Да будет тебе известно, что на поле я зверь, а не человек. А, Дживз.

— Сэр? — спросил Дживз, двигаясь к нам по правому краю.

— Мистер Вустер сказал, мои бутсы у тебя.

— Да, сэр. Я отнёс их в вашу комнату.

— Спасибо, Дживз. Хочешь немного заработать?

— Да, сэр.

— Тогда поставь на Верхний Бличинг в матче против Хокли-на-Местоне, — важно произнёс Тяпа и выпятил грудь.

— Мистер Глоссоп собирается играть в матче, который состоится в следующий четверг, — объяснил я Дживзу, когда дверь за Тяпой закрылась с другой стороны.

— Мне сообщили об этом в помещении для слуг, сэра.

— Да ну? И что они говорят?

— Все склоняются к мнению, сэра, что мистер Глоссоп совершает опрометчивый поступок.

— Почему?

— Мистер Малреди, дворецкий сэра Реджинальда, сэра, рассказал мне, что данное состязание довольно сильно отличается от общепринятой игры в футбол. Благодаря тому, что в течение многих лет между жителями двух деревень сохраняются натянутые отношения, борьба на поле происходит по более свободным и примитивным правилам, чем при обычной встрече спортивных команд. Основная задача игроков, как мне дали понять, заключается не в открытии или увеличении счёта, а в том, чтобы нанести увечья своим соперникам.

— Боже великий, Дживз!

— Дело обстоит именно так, сэра. Игра представляет интерес разве что для историков. Впервые она состоялась во времена правления короля Генриха Восьмого и продолжалась с полудня до захода солнца на площади в несколько квадратных миль. Было зарегистрировано семь смертельных исходов.

— Семь!

— Не считая гибели двух зрителей, сэра. Однако последние годы несчастные случаи ограничивались переломами конечностей и прочими мелкими травмами. В помещении для слуг все пришли к единодушному заключению, что было бы куда разумнее, если б мистер Глоссоп воздержался от участия в матче.

По правде говоря, я пришёл в ужас. Я хочу сказать, хоть цель моей жизни и заключалась в том, чтобы отомстить Тяпе за свинство, учинённое им в «Трутне», во мне всё ещё оставались некоторые рудименты, — если рудименты то слово, которое здесь подходит, — старой дружбы. Кроме того, всему есть предел, знаете ли. Само собой, Тяпин отвратительный поступок до сих пор вызывал в моей душе бурю негодования, но это вовсе даже не значило, что я желал придурку безмятежно выйти на арену и быть растерзанным разгневанными сельчанами. Тяпа, до смерти напуганный Светящимся Кроликом, — да. Лучше не придумаешь. Счастливый конец, и всё такое. Но Тяпа, унесённый по частям на носилках, — нет. Хуже не бывает. Не из той оперы. Двух мнений быть не может.

Совершенно очевидно, бедолагу необходимо было предупредить, пока не поздно. Не медля ни секунды, я отправился к нему в комнату. Тяпа сидел на кровати и с мечтательным выражением на лице гладил свои ботсы.

Я объяснил ему ситуацию.

— Ты можешь с честью выйти из положения (кстати, в помещении для слуг все так считают), — посоветовал я, — если накануне игры скажешь, что подвернул ногу.

Он как-то странно на меня посмотрел.

— Ты предлагаешь мне, в то время как мисс Долглиш полагается на меня, верит в мои силы, ждёт с девичьим энтузиазмом, что я помогу её деревне выиграть, плюнуть на неё и побережь свою шкуру?

Я был очень доволен, что он поймал мою мысль на лету.

— Вот именно, — сказал я.

— Фу! — воскликнул Тяпа, и, должен признаться, это слово я услышал впервые в жизни.

— В каком смысле «фу»? — спросил я.

— Берти, — воодушевлённо произнёс Тяпа, — твой рассказ только укрепил меня в моих намерениях. Чем темпераментнее будет игра, тем лучше. Я приветствую спортивный дух соперников. Я хочу, чтобы они играли грубо. Это даст мне возможность показать всё, на что я способен. Неужели ты не понимаешь — сказал он, весь пылая, словно в лихорадочном бреду, — что Она будет на меня смотреть? Знаешь, какие чувства я испытаю, Берти? Такие же, как средневековый рыцарь, дерущийся на глазах у дамы своего сердца. Неужели ты думаешь, что, узнав о турнире, который должен состояться в следующий четверг, сэры Ланселот или сэры Галахад заявили бы в среду о своих подвёрнутых ногах, испугавшись каких-то там трудностей?

— Не забудь, что во времена правления короля Генриха Восьмого...

— Меня не волнует правление короля Генриха Восьмого. Зато меня волнует, что Верхний Бличинг будет играть в разноцветной форме, и значит, я смогу надеть свою старую остинскую футболку. Светло-голубую, Берти, с широкими оранжевыми полосами. Представляешь, как я буду выглядеть?

— Но...

— Берти, — безумно сверкая глазами, заявил окончательно свихнувшийся Тяпа, — я не стану от тебя скрывать, что наконец-то полюбил по-настоящему. Я нашёл свою подругу, свою половинку. Я всегда мечтал встретить нежную, свежую, одухотворённую девушку, живущую в гармонии с природой, и вот я её нашёл. Как сильно она отличается, Берти, от фальшивых девиц, прозябающих в душных домах Лондона! Разве лондонская девица придёт зимой в слякоть на стадион, чтобы посмотреть футбольный матч? Разве она знает, как помочь восточно-европейской овчарке, у которой начались судороги? Разве она сможет пройти десять миль по полям и выглядеть при этом свеженькой, как огурчик?

— Прости, а для чего тебе такая девица?

— Берти, я жду четверга, как манны небесной. Мне кажется, в настоящий момент она считает меня слабаком, потому что позавчера я натёр себе мозоль и вернулся из Хокли в Бличинг на автобусе. Но когда она увидит, как я расшвыриваю соперников направо и налево, ей придётся задуматься. Её глаза откроются. Что?

— Что?

— Я спросил, «что?»

— А я спросил «Что, что?»

— Я имел в виду, разве я не прав?

— О, конечно.

Тут, слава богу, прозвучал гонг на обед.

* * *

Осторожные расспросы в течение следующих нескольких дней убедили меня в правоте слуг Бличинг-корта, которые считали, что Тяпе, рождённому и возвращённому в мягкой атмосфере Метрополии, ни к чему вмешиваться в местные диспуты и выходить на футбольное поле, где они должны были проводиться. Слуги знали, о чём говорили. Страсти жителей двух деревень были накалены до предела.

Сами знаете, как бывает в глухой сельской местности. Иногда кажется, что время словно остановилось. Долгими зимними вечерами вам остаётся лишь слушать радио и размышлять о том, какая дрянь ваш сосед. Вы неожиданно вспоминаете, что фермер Гайлз надул вас при продаже свиньи, а фермер Гайлз припоминает, что ваш сын, Эрнст, запустил кирпичом в его лошадь в третье Воскресенье перед Великим Постом. И так далее, и тому подобное. Трудно представить себе, с чего именно началась вражда этих двух деревень, но сейчас она была в полном разгаре. В Верхнем Бличинге только и говорили, что о футбольном матче, причём в таких выражениях, которые я назвал бы непристойными. И в Хокли-на-Местоне происходило то же самое.

Я отправился в Хокли-на-Местоне в среду, чтобы посмотреть на противника своими глазами, и получил самый настоящий шок, глядя на деревенских громил, каждый из которых запросто смог бы уложить местного кузнеца одной левой. Вместо мышц у них были стальные канаты, а компания из нескольких человек в «Зелёной свинье», куда я заглянул инкогнито, чтобы выпить кружечку пива, обсуждала предстоящее состязание так красочно, что кровь заледенела у меня в жилах. Они были похожи на Аттилу с гуннами перед решающим сражением.

Я принял твёрдое решение не сидеть сложа руки и, вернувшись в Бличинг, первым делом пошёл к Дживзу.

— Дживз, — сказал я, — тебе, которому без конца приходится возиться с моими костюмами, лучше чем кому либо другому известно, какие страдания причинил мне Тяпа Глоссоп. Должно быть, по законам божеским, мне следует радоваться, что скоро его постигнет небесная кара. Но я, как ни странно, придерживаюсь мнения, что Небеса несколько перестарались. Попросту говоря, я не согласен с Небесами в выборе наказания для Тяпы. Даже в минуту гнева я никогда не желал, чтобы бедолага принял мученическую смерть. А судя по разговорам в Хокли-на-Местоне, гробовщику в Бличинге придётся трудиться после матча в поте лица. Сегодня я видел в «Зелёной свинье» рыжеволосого парня, который, если верить всему, что он говорил, просто находится в сговоре с этим гробовщиком. Мы должны действовать быстро и решительно, Дживз. Тяпу необходимо спасти помимо его воли.

— Что вы предлагаете, сэр?

— Сейчас скажу. Тяпа не желает прислушаться к голосу разума, потому что собирается своей игрой произвести неотразимое впечатление на девицу, которая обещала ему прийти на стадион. Поэтому мы должны пойти на хитрость. Тебе придётся сегодня же вернуться в Лондон, а завтра утром ты пошлешь телеграмму следующего содержания, подписанную «Анжела». Записывай, Дживз. Ты готов?

— Да, сэр.

— «Прости...» — Я задумался. — Что может сказать девушка, Дживз, которая со скандалом выгнала своего парня, когда он заявил, что в новой шляпке она похожа на болонку?

— Насколько мне известно, сэр, «Прости, я погорячилась», — обиходное выражение.

— Думаешь, это сильно сказано?

— Возможно, для большей правдоподобности следует добавить «дорогой».

— Точно. Давай, записывай, Дживз. «Дорогой, прости, я погорячилась...» Нет, подожди. Вычеркни, что написал. Я теперь понял, где мы дали маху. Я знаю, как можно сразить Типу наповал. Подпиши телеграмму не «Анжела», а «Траверс».

— Слушаюсь, сэр.

— А ещё лучше «Делия Траверс». Текст такой: «Пожалуйста, возвращайтесь как можно скорее».

— «Немедленно» — куда экономнее, сэр. Всего одно слово. К тому же оно подчёркивает серьёзность ситуации.

— Верно. Давай, пиши: «Пожалуйста, возвращайтесь немедленно. Анжела в жутком состоянии».

— Я бы предложил «серьёзно больна», сэр.

— Ну, хорошо. «Серьёзно больна». «Анжела серьёзно больна. Всё время вас вспоминает и утверждает, что вы были правы насчет шляпки».

— Если позволите, сэр...

— Говори, Дживз.

— Мне кажется, следует написать так: «Пожалуйста, возвращайтесь немедленно. Анжела серьёзно больна. Высокая температура. В бреду всё время жалобно повторяет ваше имя и говорит, вы были совершенно правы насчёт какой-то шляпки. Бросайте все дела и приезжайте первым поездом. Делия Траверс».

— Звучит неплохо.

— Да, сэр.

— Ты настаиваешь на «жалобно»? Может лучше «беспрестанно»?

— Нет сэр. Жалобно — non juste.

— Ладно. Тебе виднее. Сделай так, чтобы он получил телеграмму в половине третьего.

— Слушаюсь, сэр.

— В два тридцать, Дживз. Понимаешь в чём тут хитрость?

— Нет, сэр.

— Сейчас объясню. Если телеграмма придёт раньше, Тяпа прочтёт её до начала игры. В два тридцать, однако, он выйдет на поле, и я вручу ему наше послание при первой возможности. Думаю, к тому времени он поймёт, в какой футбол играют Верхний Бличинг и Хокли-на-Местоне, и будет готов воспользоваться любым предложением, чтобы улизнуть с поля. Теперь ты понял?

— Да, сэр.

— Так держать, Дживз!

— Слушаюсь, сэр.

* * *

На Дживза всегда можно положиться. Я сказал «в два тридцать», и телеграмма пришла в два тридцать, минута в минуту. Я сунул её в карман и пошёл переодеться во что-нибудь тёплое, а затем сел в машину и отправился на стадион. Когда я приехал, команды уже выстроились на поле, и буквально через полминуты раздался свисток.

По правде говоря (ни в школе, ни в колледже мы в эту игру не играли, знаете ли), я плохо разбираюсь в тонкостях американского футбола, или регби, если вы понимаете, что я имею в виду. Само собой, общие правила мне известны. Я хочу сказать, я знаю, что главная

задача игроков — любым способом донести мяч до конца поля и бросить его за линией ворот противника, и что для выполнения данной задачи им разрешается наносить друг другу оскорбления действием и совершать прочие поступки, за которые в нормальной жизни, помимо суровой отповеди судьи, можно получить четырнадцать дней тюрьмы без права замены штрафом. Научная же, если так говорят, сторона регби для Бертрама Вустера — тайна за семью печатями. Впрочем, специалисты позже объяснили мне, что в той игре ни о какой науке не могло быть и речи.

Последние несколько дней шли проливные дожди, и, хотите верьте, хотите нет, я видел в своей жизни несколько болот, куда более сухих, чем это поле. Рыжеволосый парень, которого я заметил в «Зелёной свинье», подкинул мяч и заехал по нему ногой под одобрительные возгласы толпы, а мяч полетел прямо в Тяпу, сверкавшего голубой футболкой с оранжевыми полосами. Тяпа ловко его поймал и тоже заехал по нему ногой, после чего я понял, что матч Верхний Бличинг — Хокли-на-Местоне резко отличается от соревнований, проводимых по этому виду спорта.

Тяпа, сделав своё дело, с гордым видом продолжал стоять на месте, когда раздался топот огромных ног и рыжеволосый парень, схватив Тяпу за шею, швырнул его на землю и упал на него сверху. Я мельком увидел лицо бедолаги, на котором отразились неподдельный ужас, растерянность и недовольство положением вещей, а затем он пропал из виду. К тому времени как страдалец выбрался из грязевой ванны, толпа дралась на другом конце поля. Два отряда деревенских игроков, нагнув головы, пихались изо всех сил, а мяч находился где-то между ними.

Тяпа протёр глаза, отряхнулся, как собака, расшвыривая комья гемпширской земли, огляделся по сторонам и ринулся в гущу событий, где двое тяжеловесов схватили его под мышки и вновь бросили лицом в грязь под ноги третьему тяжеловесу, который не упустил своего шанса и пнул его под рёбра бутсой размером с футляр для скрипки. Затем рыжеволосый навалился на него всей своей тяжестью. Вообще, с того места, где я стоял, игра выглядела довольно живописной.

Понаблюдав за матчем несколько минут, я понял, в чём заключалась Тяпина ошибка. Он был одет слишком броско. В случаях, подобных этому, безопаснее выглядеть незаметным, а голубая с оранжевыми полосами рубашка поневоле привлекала к себе внимание. Скромный бежевый цвет, сливающийся с землёй, подошёл бы для этой игры лучше некуда. И помимо того, что Тяпина форма бросалась в глаза, я думаю, футболисты Хокли-на-Местоне возмущались тем, что он вообще появился на поле. Они наверняка считали, что ему не следовало совать свой нос куда не следует и вмешиваться в местные выяснения отношений.

Как бы то ни было, у меня сложилось впечатление, что Тяпе уделяли внимания больше, чем всем остальным игрокам вместе взятым. Каждый раз после того, как два отряда пихались, склонив головы (о чём я говорил выше), а потом падали друг на друга, последним всегда поднимался Тяпа. А в те редкие минуты, когда ему удавалось выпрямиться, кто-нибудь, — как правило, это был рыжеволосый, — обязательно накидывался на него и вновь сбивал его с ног.

По правде говоря, мне уже начало казаться, что жизнь Тяпы оборвётся прежде, чем он успеет прочесть телеграмму, когда в игре наступил короткий перерыв. Команды пихались рядом с тем местом, где я стоял, и, после того как игроки в очередной раз устроили кучу малу (Тяпа, как всегда, встал последним), один из громил в футболке, которая когда-то была

белой, остался лежать на поле. Радостный вопль вырвался из горл сотен патриотов при известии, что Верхний Бличинг пустил первую кровь.

Жертву унесли на носилках его друзья, а остальные игроки уселись на землю, чтобы поправить гетры и, видимо, поразмышлять о жизни. Я решил, что настал момент удалить Тяпу с поля боя, и, перешагнув через канаты, подошёл к бедолаге, который тоже сидел на земле и пытался протереть глаза. Он был похож на человека, перенёвшего мучительные пытки. Залежи грязи покрывали его с ног до головы, и с первого взгляда становилось ясно, что в обычной ванне он никогда не отмоеется. Чтобы Тяпа смог занять прежнее место в обществе, его необходимо было отправить в чистку. Впрочем, вопрос был спорным: многие посчитали бы, что проще выбросить его на помойку.

— Тяпа, старина, — сказал я.

— А?

— Тебе телеграмма.

— А?

— Я принёс тебе телеграмму, которую доставили, когда ты ушёл из дома.

— А?

Я ткнул в него кончиком трости и добился немедленных результатов.

— Поосторожней, олух царя небесного, — произнёс Тяпа слабым голосом, приходя в себя. — На мне нет живого места. Что ты там бормотал?

— Тебе пришла телеграмма. По-моему, очень важная.

Он фыркнул, как мне показалось, с горечью.

— Неужели ты думаешь, у меня есть время читать телеграммы?

— А вдруг это что-нибудь срочное? Обязательно прочти.

И я сунул руку в один карман, потом в другой, но телеграммы там и в помине не было. Не знаю, как я умудрился допустить такую промашку, но, видимо, переодеваясь, я оставил наше с Дживзом послание в другом пальто.

— О, господи, — сказал я. — Забыл твою телеграмму дома.

— Это не имеет значения.

— Нет, имеет. Я думаю, тебе следует узнать, о чём там написано, как можно скорее. Одним словом, немедленно. Будь я на твоём месте, я тут же распрощался бы с этими убийцами и поспешил бы вернуться домой.

Тяпа поднял брови. Вернее, мне показалось, что он поднял брови, потому что корка грязи на его лбу шевельнулась, как будто под ней что-то произошло.

— Неужели ты воображаешь, — сказал он, — что я способен улизнуть с поля у Неё на глазах? Боже великий! Кроме того, — продолжал бедолага тихим, задумчивым голосом, — нет на земле такой силы, которая заставила бы меня выйти из игры, пока я не посчитаюсь с этим рыжеволосым вышибалой. Ты заметил, как он всё время атакует меня, когда я не владею мячом?

— Разве так нельзя?

— Естественно, нет. Ну, да ладно! Этот тип скоро узнает, почём фунт лиха. С меня хватит. Больше я не собираюсь с ним миндальничать.

— Знаешь, я немного путаюсь в правилах этой игры. Скажи, ты можешь его укусить?

— Это мысль, — заявил Тяпа, явно прибодрившись. — Я попробую, а там видно будет.

В этот момент вернулись носильщики, и битва вновь закипела по всему полю.

Для испачканного с ног до головы грязью атлета нет ничего лучше короткого отдыха и, если вы понимаете, о чём я говорю, короткого раздумья. Итак, после небольшого перерыва хулиганство на поле возобновилось, а душой команды Верхнего Бличинга стал Тяпа.

Знаете, встречаясь с парнем за ленчем, или на скачках, или в загородных домах, и так далее, трудно, если так можно выразиться, представить себе, что находится у него внутри. До настоящей минуты, если б меня спросили, представляет ли Типа Глоссоп опасность для окружающих, я ответил бы, что он довольно безобидное существо и совсем не кусается. Но сейчас Тяпа носился по всему полю как ветер, напоминая то ли огнедышащего дракона, то ли тигра в джунглях.

Я не преувеличиваю. Воодушевлённый тем, что судья либо придерживался точки зрения «Живи сам и не мешай жить другим», либо забыл прочистить свисток от набившейся туда грязи, и в результате почти полностью отрешился от игры, Тяпа развил бурную деятельность. Даже мне, ничего не понимавшему в тонкостях регби, стало ясно, что, если футболисты Хокли-на-Местоне хотят выиграть, им необходимо устранить Тяпу во что бы то ни стало. И, должен признаться, они сделали для этого всё возможное, а в особенности старался рыжеволосый. Но Тяпа был неуправляем. Каждый раз, когда ловкий соперник швырял его на землю и усаживался ему на голову, он поднимался, как Феникс из пепла, и, если вы следите за ходом моей мысли, кидался в бой с удвоенной силой. А спустя некоторое время падать лицом в грязь начал рыжеволосый.

Я не могу точно сказать, как это произошло, потому что начали сгущаться сумерки и появился туман. Я видел только, как рыжеволосый беззаботно бежит по полю, а в следующую секунду откуда-то сверху на него падает невесть откуда взявшийся Тяпа и вцепляется ему в шею.

Они упали с грохотом, от которого задрожала земля, а немного позже рыжеволосого, прыгающего на одной ноге, увели под руки его друзья.

Исход матча был предрешён. Футболисты Верхнего Бличинга, воодушевлённые дальше некуда, взялись за дело, засучив рукава. Они теснили противника по всему полю, а затем приливной волной хлынули за линию ворот. Когда груда человеческих тел рассыпалась, а крики и рёв толпы умолкли, я увидел Тяпу, лежавшего на мяче. На этом, — если не считать, что за последние пять минут ещё несколько игроков получили увечья, — игра закончилась.

Я вернулся в Бличинг-корт, как вы сами понимаете, в скверном расположении духа. Над тем, что случилось, раз уж так случилось, следовало серьёзно поразмышлять. Проходя через холл, я попросил одного из слуг принести в мою комнату виски с содовой, желательно покрепче. Я чувствовал, что мои добрые, старые мозги нуждаются во встряске. Не прошло и десяти минут, как раздался стук в дверь и через порог переступил не кто иной, как Дживз с подносом в руках.

— Привет, Дживз, — удивлённо сказал я. — Ты вернулся?

— Да, сэр.

— Давно?

— Не очень, сэр. Интересная была игра?

— В определённом смысле, Дживз. — Я вздохнул. — Весьма зрелищная, и всё такое, если ты понимаешь, что я имею в виду. Но, боюсь, из-за допущенной мной небрежности случилась беда. Переодеваясь, я оставил телеграмму в старом пальто, и поэтому Типа участвовал в битве до последней минуты.

— Он получил травму, сэр?

— Хуже того, Дживз. Тяпа был звездой матча. Не сомневаюсь, что в каждом деревенском кабаке сейчас произносят тосты в его честь. Он играл так блестяще, справлялся со своими соперниками с такой лёгкостью, что девица просто не сможет перед ним устоять. Не сомневаюсь, что при встрече она бросится ему на шею с криком «Ты герой!», а он обнимет её своими корявыми руками.

— Вот как, сэр?

Мне не понравилось поведение бездушного малого. Он был слишком спокоен. Можно сказать, безразличен. Выслушав моё сообщение, он по меньшей мере должен был бы мне посочувствовать, и я собрался сурово с ним поговорить, когда дверь открылась, и в комнату, хромая на обе ноги, вошёл Тяпа. Поверх формы на нём был ульстер, и, честно признаться, я удивился, что он решил нанести мне визит вместо того, чтобы напрямик отправиться в ванну. Оглядевшись по сторонам, Тяпа с жадностью уставился на поднос.

— Виски? — хрипло спросил он.

— С содовой.

— Принеси мне бокал, Дживз, — сказал Тяпа. — Полный.

— Слушаюсь, сэр.

Пошатавшись из угла в угол, Тяпа подошёл к окну и уставился в сгустившиеся сумерки, а я вдруг обратил внимание, что с ним творится что-то неладное. Когда на парня нападает хандра, это всегда видно по его спине. Он горбится, знаете ли. Одним словом, сутулится. Сгибается под тяжестью душевных мук, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Что у тебя стряслось? — спросил я.

Тяпа рассмеялся замогильным смехом.

— О, ничего особенного. Моя вера в женщин умерла, только и всего.

— Умерла?

— Окончательно и бесповоротно. Все женщины — ничтожества, Берти. В будущем они вымрут как класс. Я их презираю. Они прыщи на теле человечества.

— Э-э-э, и твоя Догбишь тоже?

— Её зовут Долглиш, если тебя это интересует, — сухо произнёс Тяпа. — И, чтобы до конца удовлетворить твоё любопытство, скажу, что она хуже их всех.

— Старина!

Тяпа отвернулся от окна. Лицо у него было осунувшимся. Образно говоря, измождённым.

— Знаешь, что, Берти?

— Что?

— Она не пришла.

— Куда?

— На стадион, дубина стоеросовая.

— Не пришла на стадион?

— Нет.

— Ты имеешь в виду, её не было среди зрителей?

— Естественно, я имею в виду, её не было среди зрителей. Или ты думаешь, я ожидал, что она окажется среди игроков?

— Но я считал, ты согласился играть для того...

— Я тоже так считал. О, боже! — Он вновь рассмеялся замогильным смехом. — Я из кожи лез вон, чтобы ей угодить. Ради неё я позволил толпе маньяков крушить мне рёбра и ходить по моему лицу. А затем, когда я перенёс мучения, худшие чем смерть, чтобы, так сказать, доставить ей удовольствие, я неожиданно узнал, что она не удосужилась прийти на матч. Кто-то, видите ли, позвонил ей из Лондона, сообщил, что нашёл для неё ирландского ватер-спаниеля, и она тут же умотала на своей машине, оставив меня в дураках. А сейчас, представь себе, её беспокоит только то, что она съездила впустую. Вместо ирландского ватер-спаниеля ей попытались всучить самого обычного английского ватер-спаниеля. Страшно подумать, я воображал, что люблю эту девушку. «Когда чело омрачено страданиями и болью, ты, ангел мой, спасёшь меня своей большой любовью...» Это надо же! Да если парень женится на такой девушке, а потом серьёзно заболит, разве она станет сидеть у его изголовья или поить его прохладительными напитками? Ни в жизнь! Она наверняка умчится покупать каких-нибудь сибирских пекинок! Нет, Берти, с женщинами покончено.

Я понял, что настал момент выставить наш товар на продажу.

— Моя кузина, Анжела, не так уж и плоха, Тяпа, — произнёс я назидательным тоном мудрого, старшего брата. — Классная девушка, Анжела, если к ней приглядеться повнимательней. По правде говоря, я всегда надеялся, что она и ты... И, насколько мне известно, тётя Делия тоже ничего не имеет против. От презрительного смеха Тяпы корка грязи на его лице покрылась мелкими трещинами.

— Анжела! — с придыханием воскликнул он. — Не смей говорить мне об Анжеле! Если хочешь знать, она задавала, зануда, капризуля и жеманница, каких на всем свете не сыщешь! Твоя Анжела меня вытурила. Да, именно вытурила. Я ей не подошёл только потому, что у меня хватило мужества честно высказаться по поводу крышки от кастрюли, которую ей взбрело в голову нацепить вместо шляпки. В этом безобразии она стала похожа на болонку, и я сказал ей, что она похожа на болонку. Но вместо того, чтобы восхититься моими честностью и мужеством, она выставила меня за дверь. Фу!

— Выставила?

— Представь себе. В четыре часа шестнадцать минут пополудни, семнадцатого числа, во вторник.

— Кстати, старина, — сказал я. — Я нашёл твою телеграмму.

— Какую телеграмму?

— Помнишь, я тебе говорил?

— А, ты о той телеграмме.

— Да, о той самой.

— Ладно, давай её сюда, будь она проклята.

Я протянул ему листок бумаги и принялся исподтишка за ним наблюдать. Внезапно на лице Тяпы отразилось смятение. Совершенно очевидно, он был потрясён до глубины души.

— Что-нибудь важное? — спросил я.

— Берти, — дрожащим от волнения голосом произнёс Тяпа. — Забудь, что я сейчас говорил о твоей кухне, Анжеле. Выкинь мои слова из головы. Считай, ты ничего не слышал. Твоя кузина — девушка, что надо. Ангел в человеческом облике, это я официально тебе заявляю. Берти, мне необходимо как можно скорее вернуться в Лондон. Анжела больна.

— Больна?

— Высокая температура и бред. Телеграмма от твоей тёти. Она хочет, чтобы я бросил все дела и немедленно приехал. Можно, я возьму твою машину?

— Конечно.

— Спасибо, — выпалил Тяпа и был таков.

Буквально через секунду после его ухода в комнату вошёл Дживз с полным бокалом восстанавливающей силы жидкости.

— Мистер Глоссоп уехал, Дживз.

— Вот как, сэр?

— В Лондон.

— Да, сэр?

— На моей машине. Чтобы проведать мою кузину, Анжелу. Солнце снова сияет, Дживз.

— Я рад, что всё закончилось благополучно, сэр.

Я искоса на него посмотрел.

— Скажи, Дживз, это ты позвонил Дог-пес-её-знает-как-дальше и сообщил о продаже ирландского ватер-спаниеля?

— Да, сэр.

— Так я и думал.

— Вот как, сэр?

— Да, Дживз. Как только мистер Глоссоп сказал мне, что Загадочный Голос позвонил собаководке относительно ирландского ватер-спаниеля, я сразу понял, что это твоих рук дело. Я узнал твой почерк, Дживз. Я знаю тебя, как облупленного. Ведь ты догадался, что она тут же умчится в Лондон.

— Да, сэр.

— И ты не сомневался, что Тяпа в ней разочаруется. Ни один рыцарь, сражающийся на турнире ради дамы своего сердца, не простит ей, если она не явится на поединок.

— Да, сэр.

— И всё-таки, Дживз.

— Сэр?

— Остается одно «но». Что скажет мистер Глоссоп, когда увидит мою кузину Анжелу, которая пышет здоровьем?

— Я подумал об этом «но», сэр, И взял на себя смелость позвонить миссис Траверс по телефону. Я объяснил ей, как обстоят дела. К приезду мистера Глоссоба всё будет готово.

— Дживз, — сказал я, — ты ничего не забыл. Ты обо всём позаботился.

— Благодарю вас, сэр. В отсутствие мистера Глоссоба вы не откажетесь выпить бокал виски с содовой, который я принёс?

Я покачал головой.

— Нет, Дживз. Только один человек достоин осушить этот бокал. Я имею в виду тебя, Дживз. Ты его заслужил, как никто другой. Пей до дна, Дживз.

— Большое спасибо, сэр.

— Твоё здоровье, Дживз.

— Ваше здоровье, сэр, простите меня за вольность.

Пэлем Гринвел Вудхауз
Ваша взяла, Дживс

Pelham Grenville Wodehouse Right Ho, Jeeves

Перевод с английского И. Шевченко

- Дживс, – сказал я, – могу я говорить откровенно?
- Вне всякого сомнения, сэр.
- Боюсь, то, что я скажу, будет вам неприятно.
- Ничуть, сэр.
- Видите ли...

Хотя нет, постойте. Минуту терпения. Я начал не с того конца.

Не знаю, как вы, а я вечно ломаю себе голову, с чего начать рассказ. Чертовски трудная для меня задача. Тут ни в коем случае нельзя оплошать. Один неверный шаг, и все пропало. Если вы, ради того чтобы создать настроение, подходящую атмосферу и прочий вздор, слишком затянете со вступлением, то слушатели разбредутся.

С другой стороны, если рвануть с места в карьер, публика растеряется и не сможет взять в толк, о чем речь.

Начав излагать эту весьма запутанную историю, где замешаны Гасси Финк-Ноттл, Мадлен Бассет, кузина Анджела, тетушка Далия, дядя Томас, Таппи Глоссоп и повар Анатолий, с вышеприведенного диалога, я впал во вторую крайность.

Придется себя осадить. Взяв во внимание только главное и не отвлекаясь на мелочи, скажу, что, пожалуй, история эта началась с поездки в Канны. Не отправься я в Канны, не встретить бы мне эту самую Бассет и не купить белый клубный пиджак, Анджеле в глаза бы не видеть акулы, а тетушке Далии не пуститься играть в баккара.

Да, вне всяких сомнений, Канны – point d'appui [\[47\]](#).

Ну вот, теперь полный порядок. Приступаю к рассказу.

Итак, в начале июня я устремился в Канны без Дживса – он намекнул, что не хотел бы пропустить скачки в Аскоте. Вместе со мной поехали тетушка Далия и ее дочь Анджела. Таппи Глоссоп, с которым Анджела была помолвлена, тоже хотел ехать с нами, но в последний момент что-то его задержало в Лондоне. Дядюшка Том, муж тети Далии, остался дома: его на юг Франции калачом не заманишь.

Это завязка: в начале июня мы отбываем в Канны в следующем составе – тетушка Далия, кузина Анджела и ваш покорный слуга.

Вроде бы пока все ясно, правда?

Мы пробьли на Ривьере около двух месяцев и, если не считать того, что тетушка Далия в пух и прах проигралась в баккара, а кузину Анжелу – она каталась на акваплане – едва не проглотила акула, мы, можно сказать, прекрасно провели время.

Двадцать пятого июля, полный сил и бронзовый от загара, в обществе тети Далии и ее чада я отправился в Лондон. Двадцать шестого в семь вечера мы вышли из поезда на вокзале «Виктория». А примерно в семь двадцать обменялись любезностями и распрощались – они уселись в автомобиль и укатили в Бринкли-Корт, тетушкино Вустерширское поместье, куда через день-другой должен был явиться Таппи, а я поехал к себе оставить багаж, привести себя в порядок, переодеться к обеду и ринуться в «Трутни».

Когда я промокал торс полотенцем после столь необходимого и обязательного омовения и болтал о том о сем с Дживсом, вновь входя в привычный круг столичных новостей, в разговоре вдруг всплыло имя Гасси Финк-Ноттла.

Если память мне не изменяет, у нас состоялся приблизительно такой диалог.

Я: Ну, такие вот дела, Дживс.

Дживс: Да, сэр.

Я: В том смысле, что наконец-то я дома.

Дживс: Безусловно, сэр.

Я: Кажется, сто лет прошло.

Дживс: Да, сэр.

Я: Приятно провели время в Аскоте?

Дживс: В высшей степени приятно, сэр.

Я: Что-нибудь выиграла?

Дживс: Вполне удовлетворительную сумму, благодарю вас, сэр.

Я: Рад за вас. Ну, Дживс, что новенького? Кто-нибудь мне звонил? Или, может, заходил?

Дживс: Довольно часто заходил мистер Финк-Ноттл, сэр.

Я вытаращил глаза. Не будет преувеличением сказать, что я даже разинул рот.

– Мистер Финк-Ноттл?

– Да, сэр.

– Вы имеете в виду мистера Финк-Ноттла?

– Да, сэр.

– Разве мистер Финк-Ноттл в Лондоне?

– Да, сэр.

– Провалиться мне на этом месте!

Сейчас объясню, почему я так удивился. Вообще-то я просто ушам своим не верил. Видите ли, Финк-Ноттл – один из тех чудаков, кто не выносит Лондона, подобные экземпляры нет-нет да и попадаются вам на жизненном пути. Если Финк-Ноттл проводит в Лондоне год, то потом на год забирается в глушь, в свое имение где-то в Линкольншире, обрастает мхом и не является даже на традиционные спортивные соревнования между Итоном и Хэрроу. Однажды я его спросил, не тоскливо ли ему в этакой-то глуши, а он говорит: ни-

чуть, ведь у меня в саду есть пруд, я наблюдаю за тритонами и изучаю их повадки.

Я не представлял себе, чего ради Гасси вдруг прикатил в Лондон. Готов был поспорить, что пока тритоны у него в пруду не вымрут все до последнего, никакая сила не заставит его покинуть милый его сердцу медвежий угол.

– Дживс, вы уверены?

– Да, сэр.

– Может быть, вы что-то перепутали? Точно Финк-Ноттл?

– Да, сэр.

– Совершенно невероятный случай! Ведь он уже лет пять не был в Лондоне. Как известно, здесь он не в своей тарелке. Все время торчит у себя в деревне в обществе тритонов.

– Прошу прощения, сэр?

– Да, представьте себе, Дживс, именно тритонов. Видите ли, мистер Финк-Ноттл помешан на тритонах. Вы, должно быть, слышали о тритонах. Это такие маленькие ящерицы, они водятся в прудах.

– Как же, как же, сэр. Водоплавающая разновидность семейства саламандровых,

биологический подвид Molde.

– Вот именно. Понимаете, Гасси с детства души в них не чаёт. Он и в школе всегда с ними возился.

– Думаю, среди юных джентльменов, сэр, подобные увлечения не редкость.

– Он держал их у себя в комнате в большой стеклянной банке. Довольно противное зрелище. Уже тогда было ясно, чем все это кончится, но вы ведь знаете, Дживс, что такое мальчишки. В голове ветер, на все плевать, заняты только собой. Мы и значения не придавали тихому помешательству Гасси. Так иногда кто-нибудь походя бросит, что на свете еще и не такое увидишь, вот и все. Можете себе представить последствия. Дурь все больше и больше захватывала Гасси.

– В самом деле, сэр?

– Увы, Дживс. Он совсем спятил. Им овладела три-тономания. А когда стал взрослым, забился в глушь и посвятил жизнь этим дурацким тварям. Наверное, поначалу думал, что, если захочет, может в любую минуту их бросить. Но не тут-то было – слишком поздно.

– Явление довольно распространенное, сэр.

– Совершенно верно, Дживс. Словом, последние пять лет он безвылазно живет в своем Линкольнширском поместье, отшельник отшельником, людей избегает, через день меняет воду своим тритонам и видеть никого не желает. Вот почему я так удивился, когда услышал от вас, что Гасси вдруг всплыл на поверхность. Просто не верится. Может быть, все-таки вышла ошибка, может быть, приходил какой-то другой Финк-Ноттл? Гасси носит очки в роговой оправе, лицо, как у рыбины. Ну что, сходится?

– Джентльмен, который сюда приходил, носит очки в роговой оправе, сэр.

– И похож на экспонат рыбного прилавка?

– Кажется, в его лице действительно можно усмотреть нечто рыбье, сэр.

– Значит, это Гасси. Но, черт побери, чего ради его занесло в Лондон?

– Вероятно, я мог бы объяснить, сэр. Мистер Финк-Ноттл посвятил меня в причины, побудившие его посетить столицу. Он приехал сюда из-за молодой леди.

– Из-за молодой леди?

– Да, сэр.

– Уж не думаете ли вы, что он влюбился?

– Да, сэр.

– Ну, знаете, Дживс, это уж слишком. Чтобы я такому поверил? Да никогда.

Я и в самом деле был ошарашен. То есть шутки шутками, но надо и честь знать!

Однако мое внимание привлекла и другая сторона этого странного дела. Даже если допустить, вопреки всем законам логики и здравого смысла, что Гасси влюблен, почему он повадился ходить именно ко мне? Когда человек влюбляется, ему необходимо дружеское участие, но почему он выбрал в поверенные меня?

Будь мы с ним закадычными друзьями, тогда другое дело. Конечно, когда-то мы виделись довольно часто, но за последние два года он не удосужился прислать мне ни одной открытки.

Я изложил свои соображения Дживсу.

– Странно, что он зачастил ко мне. Впрочем, чего не бывает, приходил и приходил. Дело не в этом. Должно быть, бедняга огорчился, узнав, что я в отъезде.

– Нет, сэр. Мистер Финк-Ноттл приходил не к вам.

– Полно, Дживс! Вы только что сказали, что он ко мне приходил, и не один раз.

– Мистер Финк-Ноттл желал побеседовать со мной, сэр.

– С вами? Я не знал, что вы знакомы.

– Я познакомился с мистером Финк-Ноттлом, когда он пришел сюда, сэр. До этого момента я не имел удовольствия его знать. Оказывается, мистер Сипперли, университетский товарищ мистера Финк-Ноттла, порекомендовал мистеру Финк-Ноттлу посвятить в свои дела меня.

Тайна раскрылась. Я все понял. Надеюсь, вы помните, что среди моих друзей за Дживсом давно установилась репутация непревзойденного мастера по части мудрых советов. Если кто-то из нас попадал в передрагу, то первым делом бежал к Дживсу и выкладывал ему свои заботы. Стоило Дживсу вытащить из беды мистера А, как тот отправлял к нему мистера В. Спасенный мистер В посылал к Дживсу мистера С. Ну и пошло, и поехало.

Думаю, подобным же образом сделали себе карьеру все крупные консультанты. Старина Сиппи, я знаю, был потрясен тем, как ловко Дживс устроил его помолвку с Элизабет Мун. Ничего странного, что Сиппи

посоветовал Гасси обратиться за помощью к Дживсу. По проторенной, так сказать, дорожке.

– А, значит, вы ему помогаете?

– Да, сэр.

– Понял. Теперь мне все ясно. А что стряслось с Гасси?

– Как ни странно, сэр, но в точности то же самое, что с мистером Сипперли, которому я имел удовольствие оказать помощь. Вы, безусловно, помните, в чем заключались затруднения мистера Сипперли, сэр. Испытывая глубокую привязанность к мисс Мун, он страдал от неуверенности в себе и потому не мог с ней объясниться.

Я кивнул:

– Как же, помню. Отлично помню. У бедняги Сиппи не хватало мужества решиться. Душа уходила в пятки. Помнится, вы тогда сказали, что ему чего-то очень хочется, что... не помню, как дальше. Там еще кошка замешана, если не ошибаюсь.

– И хочется, и колется, сэр.

– Вот-вот. А кошка при чем?

– Как кошка в пословице, сэр.

– Точно. И как это вы все помните, поразительно. Значит, говорите, Гасси тоже трусит?

– Да, сэр. Всякий раз, как он собирается сделать предложение юной леди, мужество его покидает.

– Однако, если он желает, чтобы девица стала его женой, ему все-таки придется ей об этом сообщить, как вы считаете? Как-никак, но приличия этого требуют.

– Вне всякого сомнения, сэр.

Я задумался.

– Знаете, Дживс, по-моему, так и должно было случиться. Признаться, я не ожидал, что Финк-Ноттл падет жертвой нежной страсти, но уж коль так вышло, ничего удивительного, что он струсил.

– Да, сэр.

– вспомните, какую жизнь он ведет.

– Да, сэр.

– Думаю, он лет сто ни с одной девушкой не разговаривал. Дживс, какой урок всем нам

– нельзя сидеть сиднем у себя в поместье, в глуши и глазеть на аквариум с тритонами. Эдак никогда не станешь настоящим мужчиной. Одно из двух: или вы сидите с тритонами у себя в глуши, или кружите головы девицам. Таков выбор.

– Да, сэр.

Я снова задумался. Мы с Гасси, как я уже упоминал, вроде бы давно потеряли связь друг с другом, и все равно я искренне сочувствовал бедному тритоману, как, впрочем, и всем моим друзьям, и далеким и близким, кому судьба кидает под ноги банановую кожуру. По моему, Гасси сейчас был как никто близок к тому, чтобы на этой самой кожуре поскользнуться.

Я стал вспоминать, когда мы с ним виделись последний раз. Кажется, года два назад. Я путешествовал на автомобиле и завернул к нему в поместье. Помнится, он мне вконец испортил аппетит – притащил за стол пару этих зеленых тварей с лапками и кудахтал над ними – ни дать ни взять молодая мамаша со своими малютками. В конце концов, один из гадов сбежал от Гасси и нырнул в салат. Признаться, когда эта картина вновь встала у меня перед глазами, я засомневался, что несчастный придурок способен ухаживать за барышней и тем более добиться в этом деле успеха. Особенно если его пленила современная девица, развязная, с накрашенными губами и дерзким насмешливым взглядом.

– Послушайте, Дживс, – сказал я, готовясь узнать, что мои наихудшие предположения оправдываются, – что представляет собой девица?

– Я не имею чести знать молодую леди, сэр. По словам мистера Финк-Ноттла, она чрезвычайно привлекательна.

– Он ведь в нее влюблен, да?

– Да, сэр.

– Не называл ли он ее имени? Возможно, я с ней знаком.

– Это некая мисс Бассет, сэр. Мисс Мадлен Бассет.

– Что?!

– Да, сэр.

У меня от изумления челюсть отвисла.

– Разрази меня гром! Подумать только! Как тесен мир, а?

– Молодая леди вам знакома, сэр?

– Не то слово. Ну, Дживс, камень упал с души. Кажется, положение Гасси не совсем безнадежно.

– Вот как, сэр?

– Уверен. Признаться, пока вы не сообщили мне эту новость, я сильно сомневался, что бедняге Гасси удастся поведсти к алтарю хоть какую-нибудь завалющую девицу. Ведь он не из тех, о ком говорят «красавец мужчина», надеюсь, вы не станете со мной спорить?

– Нет, сэр. Ваши слова исполнены тонкой наблюдательности, сэр.

– Клеопатре он вряд ли бы понравился.

– Пожалуй, что так, сэр.

– Сомневаюсь, что он приглянулся бы и Теллуле Банкхед [\[48\]](#).

– Да, сэр.

– Но когда вы мне сказали, что предмет его страсти мисс Бассет, во мне возродилась надежда. За такого, как он, Мадлен Бассет ухватится с большим удовольствием.

Эта самая Бассет, должен вам сказать, нередко по-приятельски захаживала к нам в гости в Каннах. У них с Анджелой сразу завязалась пылкая дружба – между девицами это

принято, – поэтому я виделся с Мадлен Бассет довольно часто. Когда на меня напала хандра, мне даже казалось, что я шагу не могу ступить, чтобы не наткнуться на упомянутую Мадлен Б.

Но самое скверное – чем чаще мы с ней встречались тем труднее мне становилось поддерживать разговор.

Сами знаете, как бывает, когда общаешься с некоторыми барышнями. Вас как будто выпотрошили. В их присутствии голосовые связки вам не повинуются, а в голове словно бы опилки. Именно такие ощущения вызывала у меня эта Бассет. Доходило до того, что Бертрам Вустер переминался с ноги на ногу, теребил галстук – словом, вел себя как последний болван и тупица. Поэтому легко представить, как обрадовался Бертрам, когда Мадлен Бассет отбыла в Лондон двумя неделями раньше нас.

Заметьте, вовсе не ее несказанная красота вызывала у меня этот столбняк. Хотя надо отдать ей должное, она была красива – этакая томная блондинка с огромными глазищами, однако от ее прелестей дух у меня не захватывало.

Нет, причина, по которой Бертрам, непревзойденный мастер изящной светской болтовни с представительницами прекрасного пола, лишился при виде Мадлен Бассет дара слова, крылась в странном, мягко говоря, образе мыслей означенной девицы. Не хочу ни на кого возводить напраслину, поэтому не стану утверждать, что она кропает стишки, но ее манера разговаривать вызывает живейшие подозрения на этот счет. Когда девица ни с того ни с сего брякает вам, что звезды на небе это ромашки на лугах господ бога, тут невольно призадумаетесь.

Поэтому ни о каком слиянии душ у нас с этой Бассет и речи не шло. А вот Гасси – иное дело. Если меня ставит в тупик, что девица по уши набита всякими бреднями и сентиментальным вздором, то Гасси наверняка придет от этого в восторг.

Он всегда был мечтатель и размазня, иначе не заточил бы себя в глуши и не посвятил свою жизнь тритонам. Если какое-то чудо поможет Гасси прошептать слова признания, уверен, они с Бассет составят идеальную пару, вроде яичницы с ветчиной.

– Она создана для него, – сказал я.

– Чрезвычайно приятно это слышать, сэр.

– А он создан для нее. Дело стоящее, и надо во что бы то ни стало его провернуть. Дживс, напрягите интеллект.

– Слушаюсь, сэр, – отвечал усердный малый. – Я немедленно примусь выполнять ваше поручение.

До этой минуты – думаю, вы со мной согласитесь, – у нас с Дживсом царило совершенное согласие. Мы дружески болтали о том о сем, в доме тишь, гладь и божья благодать. Однако – говорю об этом с сожалением – в один миг все резко переменялось. В воздухе повеяло грозой, налетели тучи, и не успели мы опомниться, как послышались раскаты грома. Подобные сцены случаются в доме Вустера.

Первым намеком на то, что обстановка накаляется, было раздавшееся в окрестностях ковра удрученно-осуждающее покашливание. Надо вам сказать, что во время приведенного ранее разговора я, обтеревшись после ванны, начал неспешно одеваться – носки, брюки гольф, туфли, сорочка, жилет, галстук, а Дживс, стоя на коленях и находясь, так сказать, в партере, распаковывал мои вещи.

И вдруг он поднялся на ноги, держа в руках нечто белое. Взглянув на это нечто, я понял, что назревает еще один домашний кризис, еще одно неизбежное столкновение двух сильных

личностей, и, если Бертрам не вспомнит предков-воинов и не встанет на защиту своих прав, он будет повержен.

Не знаю, были ли вы в Каннах тем летом. Если были, то вы, разумеется, помните: каждый, кто рассчитывал стать душой общества, неизменно посещал вечера в казино в обычных фрачных брюках, к северу от которых располагался клубный пиджак с золотыми пуговицами. И с той минуты, как я сел в Каннах в «Голубой экспресс», меня тревожил вопрос, как примет этот пиджак Дживс.

Понимаете, во взглядах на вечерние костюмы Дживс крайне ограниченная личность, настоящий ретроград. У нас с ним уже случались распри по поводу сорочек с мягкой манишкой. А белые клубные пиджаки были тогда на Лазурном берегу предметом повального увлечения, *tout se qu'il y a de chic*. И щеголяя в казино «Палм-Бич» шикарным белым пиджаком, который, конечно же, был поспешно мною куплен, я отдавал себе отчет, что дома мое приобретение скорее всего будет встречено в штыки.

И приготовился дать отпор.

– Да, Дживс? – сказал я. И хотя голос у меня звучал мягко, внимательный наблюдатель заметил бы в моих глазах стальной блеск. Никто не питает к интеллекту Дживса большего почтения, чем я, однако следует искоренить эту его привычку направлять руку, которая его кормит. Белый пиджак был дорог моему сердцу, и я приготовился сражаться за него с мужеством, достойным моего великого предка сеньора де Вустера, отличившегося в битве при Азенкуре [\[49\]](#).

– Да, Дживс? Вы хотели что-то сказать? – спросил я.

– Боюсь, что, покидая Канны, вы нечаянно захватили одежду, принадлежащую другому джентльмену, сэр.

Я добавил в свой взгляд еще немного стального блеску.

– Нет, Дживс, – спокойно возразил я, – предмет, о котором вы говорите, принадлежит мне. Я купил его в Каннах.

– И вы его надевали, сэр?

– Каждый вечер.

– Но вы, вне всяких сомнений, не предполагаете носить его в Англии, сэр?

Вот мы и подобрались к главному.

– Собираюсь, Дживс.

– Но, сэр...

– Вы хотите что-то сказать, Дживс?

– Данный предмет – совершенно неподобающая для вас одежда, сэр.

– Дживс, я с вами не согласен. Представляю, какой колоссальный успех будет иметь этот пиджак. Завтра на вечеринке по случаю дня рождения Понго Туистлтона я намерен его обнародовать. Уверен, все будут визжать от восторга. И не спорьте со мной, Дживс. Довольно обсуждать эту тему. Я надену пиджак вопреки всем вашим возражениям.

– Очень хорошо, сэр.

И он снова принялся разбирать вещи. Я не проронил больше ни слова. Победа осталась за мной, а мы, Вустеры, не торжествуем над поверженным противником. Завершив туалет, я весело попрощался с Дживсом и от доброты душевной отпустил его на весь вечер: ведь я обедаю в клубе, пусть малый развлечется, посмотрит, например, какой-нибудь возвышающий душу фильм. Словом, протянул ему оливковую ветвь.

Однако он ее не принял.

– Благодарю вас, сэр. Я останусь дома.

Я изучающе на него посмотрел.

– Что, обиделись?

– Нет, сэр. Мне нельзя отлучаться. Мистер Финк-Ноттл известил меня, что придет сегодня вечером.

– А, так вы ждете Гасси? Привет ему.

– Передам, сэр.

– Предложите ему виски с содовой и прочее.

– Слушаюсь, сэр.

– Так держать, Дживс.

Я отбыл в клуб «Трутни», где сразу встретил Понго Туистлтона. Он так пространно расписывал предстоящую по случаю своего дня рождения пирушку, о которой я уже знал из писем друзей, что домой я вернулся только около одиннадцати.

Едва отворив дверь, я услышал голоса, а войдя в гостиную, обнаружил, что принадлежат они Дживсу и, как мне сначала показалось, Сатане.

Приглядевшись, я понял, что это Гасси Финк-Ноттл в костюме Мефистофеля.

– Привет, Гасси, – проговорил я.

Разумеется, вида я не подал, однако, честно сказать, почувствовал некоторое замешательство. Такое зрелище кого угодно озадачит. Понимаете, Финк-Ноттл, сколько я его помню, малый робкий, нерешительный – пригласите его на субботнее чаепитие в Церкви, он смутится и задрожит как осиновый лист. Однако, если мои глаза меня не обманывали, это был Гасси, одетый для костюмированного бала, а это развлечение по плечу только самым стойким.

К тому же, заметьте, он надел не костюм Пьеро, как сделал бы на его месте любой уважающий себя англичанин, а вырядился Мефистофелем, то есть на нем были – хочу особо это подчеркнуть – не только обтягивающее красное трико, но и паскудного вида накладная борода.

Зрелище, как вы понимаете, не для слабонервных. Однако выставлять напоказ свои чувства не принято. Я скрыл пошлое удивление под маской светской непринужденности и дружески поздоровался со старым приятелем.

Он сконфуженно усмехнулся под гадкой растительностью.

– Привет, Берти.

– Давненько мы с тобой не виделись. Выпьем?

– Нет, благодарю. Я, собственно, на минутку. Заехал справиться у Дживса, как я выгляжу. Берти, а ты что скажешь, каков у меня вид?

Разумеется, ответ мог быть только один: «Совершенно непотребный». Однако мы, Вустеры, всегда отличались деликатностью, к тому же роль хозяина дома накладывает ограничения. Под гостеприимной сенью своей квартиры Вустеры не говорят старым друзьям, что они выглядят непотребно. И я уклонился от ответа.

– Слышал, ты живешь в Лондоне? – как бы между прочим сказал я.

– Да.

– Должно быть, сто лет здесь не был.

– Да.

– Решил повеселиться сегодня вечером?

Гасси нервно передернул плечами. Вид у него был затравленный.

– Повеселиться!

– Разве тебе не хочется идти на этот бал?

– Да, наверное, там будет весело, – уныло проговорил он. – Во всяком случае, мне пора. Начало около одиннадцати. Меня ждет такси... Дживс, взгляните, пожалуйста, не уехало ли оно.

– Да, сэр.

Дверь за Дживсом затворилась, и наступило молчание. Несколько натянутое молчание. Я смешал себе коктейль, а Гасси, будто в приступе мазохизма, принялся разглядывать себя в зеркале. Наконец я решил дать ему понять, что готов разделить его трудности. Возможно, ему станет легче на душе, если он поверит свои сердечные тайны доброжелательному и искушенному в таких делах другу. Я давно заметил: если человека поразила любовная лихорадка, ему нужно только одно – чтобы кто-то выслушал его бред.

– Послушай, Гасси, старый греховодник, – начал я, – мне все известно о твоих

похождениях.

– А?

– В смысле – о твоих проблемах. Дживс мне рассказал.

По-моему, он не слишком обрадовался. Вообще довольно трудно о чем-либо судить, когда человек по уши зарылся в бороду, но мне показалось, что он слегка покраснел.

– Зря Дживс болтает обо мне с каждым встречным-поперечным. Мне казалось, наши беседы строго конфиденциальны.

Я не мог допустить, чтобы Гасси продолжал в том же духе.

– Значит, по-твоему, беседовать со своим господином о разных пустяках означает выбалтывать секреты первому встречному? – с упреком проговорил я. – Как бы то ни было, я в курсе твоих дел, мне известно все. И для начала хочу сказать, что Мадлен Бассет очаровательная барышня, – продолжал я. Чтобы поддержать и поощрить этого придурка, я подавил в себе естественное желание назвать означенную девицу сентиментальной дурочкой. – Экстра-класс! И как раз в твоём вкусе.

– Разве ты с ней знаком?

– Разумеется. Меня удивляет, как ты-то с ней познакомился?

– На позапрошлой неделе она гостила у своих друзей в Линкольншире, неподалеку от моего поместья.

– Ну и что? Ведь ты не общаешься с соседями.

– Не общаюсь. Я ее встретил, когда она гуляла с собакой. Видишь ли, животному в лапу вонзилась колючка, и, когда Мадлен попыталась ее вытащить, собака едва ее не укусила. Разумеется, я бросился на помощь.

– Вытащил колючку?

– Да.

– И влюбился с первого взгляда?

– Да.

– Господи! Ведь тебе так повезло, почему ты сразу этим не воспользовался?

– Духу не хватило.

– И что дальше?

– Мы немного поговорили.

– О чем?

– О птичках.

– О птичках? С какой стати?

– Понимаешь, кругом как раз порхали птички. Ну и пейзаж, и прочее. Она сказала, что собирается в Лондон и что если я тоже там буду, то могу ее навестить.

– Неужели после этого ты не сжал ее ручку?

– Как можно!

Ну что тут скажешь! Если судьба подносит человеку счастье на серебряном блюде, а он трусит как заяц, пиши пропало. И все же я напомнил себе, что с этим нескладехой мы вместе учились в школе. Помогать старым школьным друзьям – святая обязанность.

– Ну, ладно, – сказал я, – посмотрим, что тут можно сделать. Еще не все потеряно. Во всяком случае, радуйся, что я к твоим услугам. Можешь рассчитывать на Берти Вустера.

– Спасибо, старик. И тебе, и Дживсу; ему, конечно, цены нет.

Не стану отрицать, меня от этих слов слегка передернуло. Едва ли Гасси хотел нанести мне обиду, но, должен сказать, его бестактное заявление меня здорово задело. Признаться, я

все время терплю подобные оскорбления. Мне постоянно дают понять, что Бертрам Вустер нуль и единственный в моем доме, у кого есть голова на плечах, это Дживс.

Мне подобное отношение действует на нервы. А уж сегодня тем более. Сегодня я был сыт Дживсом по горло. Я имею в виду наши расхождения во взглядах на клубный пиджак. Правда, я заставил Дживса уступить, бестрепетно подавил его силой своей личности, однако мною все еще владела легкая досада на то, что он вообще затеял разговор на эту тему. Пора взять Дживса в ежовые рукавицы.

– И что же предложил тебе Дживс? – холодно спросил я.

– Он очень тщательно все продумал.

– Неужели?

– По его совету я еду на бал-маскарад.

– Зачем?

– Там будет она. На самом деле это она прислала мне пригласительный билет. И Дживс счел...

– Но почему не в костюме Пьеро? – спросил я, ибо этот вопрос давно вертелся у меня на языке. – Почему ты пренебрег добрыми старыми традициями?

– Дживс особенно настаивал на том, чтобы я оделся Мефистофелем.

Я чуть не подпрыгнул.

– Дживс? Настаивал? Именно на этом костюме?!

– Да.

– Ха!

– Что?

– Ничего. Просто я сказал «ха!».

Объясню, почему я сказал «ха!». Этот Дживс поднимает шторм из-за обыкновенного белого клубного пиджака, который не только *tout se qu'il y a de chic*, но совершенно *de reguet*, а сам глазом не моргнув подстрекает Гасси Финк-Ноттла натянуть красное трико, что нельзя расценить иначе как оскорбление общественному вкусу. Он что, издевается? Такие штуки вызывают подозрение.

– Что он имеет против Пьеро?

– По-моему, в принципе он не против Пьеро. Просто он подумал, что в моем случае Пьеро не годится.

– Почему? Не понимаю.

– Дживс сказал, что костюм Пьеро радует глаз, но ему недостает той значительности, которой обладает наряд Мефистофеля.

– Все равно не понимаю.

– Дживс сказал, все упирается в психологию. Было время, когда подобное высказывание меня бы

озадачило. Но долгое общение с Дживсом сильно обогатило лексикон Берти Вустера. Дело в том, что Дживс большой знаток в области психологии, в частности психологии личности. Но и я теперь хватаю все на лету, едва он заикнется насчет психологии.

– А, в психологию?

– Да. Дживс убежден, что одежда оказывает воздействие на психику. Он считает, что такой эффектный наряд придаст мне смелости. По его мнению, хорош был бы и пиратский костюм. Вообще-то Дживс с самого начала советовал его надеть, но мне не подходят ботфорты.

Я все понял. В жизни и так хватает огорчений, а тут еще Гасси Финк-Ноттл в пиратских ботфортах.

– Ну и как, прибавилось у тебя смелости?

– Видишь ли, Берти, старина, если честно, то нет.

Меня буквально потряс порыв сострадания к бедному придурку. Пусть в последнее время мы с ним почти не встречались, но разве забудешь, как в школьные годы мы запускали друг в друга дротики, предварительно обмакнув их в чернила.

– Гасси, – сказал я, – послушай совет старого друга и на пушечный выстрел не подходи к этому балу-маскараду.

– Но это единственная возможность ее увидеть. Завтра она уезжает из Лондона. И потом, никто не знает...

– Чего не знает?

– А если расчет Дживса оправдается? Сейчас я чувствую себя как последний дурак, это верно, но кто знает, что случится, когда я смешаюсь с толпой в маскарадных костюмах. Такое со мной было в детстве на Рождество. Меня нарядили кроликом, и я просто сгорал от стыда. Но когда пришел на праздник и оказался в толпе детей, костюмы которых были еще отвратительнее моего, я, к моему удивлению, воспрял духом, веселился вовсю и так объелся за ужином, что по дороге домой меня дважды стошнило в такси. Трудно заранее сказать, как все обернется.

Звучит довольно убедительно, подумал я.

– Да и вообще, в принципе, Дживс совершенно прав. В этом экстравагантном мефистофельском одеянии я способен совершить поступок, который всех поразит. Понимаешь, тут цвет делает погоду. Возьмем, например, тритонов. В брачный период окраска самцов становится очень яркой. Великое дело, знаешь ли.

– Но ты-то не самец тритона.

– К сожалению. Известно ли тебе, Берти, как тритон делает предложение своей возлюбленной? Он становится перед ней, изгибается дугой и трясет хвостом. Это я бы сумел. Нет, Берти, будь я самец тритона, все было бы куда проще.

– Но тогда Мадлен Бассет на тебя и не взглянула бы. В смысле, влюбленным взглядом.

– Еще как взглянула бы, если бы была самкой тритона.

– Но она не самка тритона.

– Допустим, она самка тритона.

– Согласен, только ты бы в нее тогда не влюбился.

– Спорим, влюбился бы, если бы был самцом тритона.

У меня в висках застучало, и я понял, что наша дискуссия достигла точки насыщения.

– Послушай, – сказал я, – к черту фантазии насчет махания хвостами и прочей чепухи, давай рассматривать голые факты. Ты приглашен на бал-маскарад, вот что главное. И я, как искушенный участник этого вида развлечений, предупреждаю тебя, Гасси: никакого удовольствия ты не получишь.

– Но я и не надеюсь получить удовольствие.

– Воля твоя, но я бы не пошел.

– Придется идти. Я же тебе говорю, она завтра уезжает.

Я сдался.

– Ладно, ступай, – сказал я. – Дело твое... Да, Дживс?

– Такси для мистера Финк-Ноттла, сэр.

– Что? Ах, такси... Гасси, такси тебя ждет.

– А? Такси? Ну да, конечно, такси... Благодарю вас, Дживс. До скорого, Берти.

Вымученно улыбнувшись – так улыбался цезарю римский гладиатор, выходя на арену, – Гасси удалился. Я обернулся к Дживсу. Пришло время поставить его на место, и я был во всеоружии.

Конечно, всегда трудновато начать. Да, я твердо решил показать ему, где раки зимуют, но мне не хотелось слишком сильно задевать его чувства. Даже демонстрируя железную хватку, мы, Вустеры, сохраняем доброжелательность.

Однако, поразмыслив, я понял, что если примусь за дело слишком уж деликатно, то ничего не добьюсь. Зачем ходить вокруг да около?

– Дживс, – сказал я, – могу я говорить откровенно?

– Вне всякого сомнения, сэр.

– Боюсь, то, что я скажу, будет вам неприятно.

– Ничуть, сэр.

– Видите ли, как я узнал из беседы с мистером Финк-Ноттлом, эта мифистофельская затея принадлежит вам.

– Да, сэр.

– Послушайте, давайте внесем ясность. Насколько я понял, вы считаете, что, обтянув себя красным трико, мистер Финк-Ноттл при виде предмета своего обожания начнет трясти хвостом и гикать от радости.

– По моему мнению, мистер Финк-Ноттл избавится от присущей ему робости, сэр.

– Не могу с вами согласиться, Дживс.

– Не можете, сэр?

– Не могу. Скажу напрямик: много я слышал в жизни глупостей, но эта бьет все рекорды. Ничего у вас не выйдет. И не надейтесь. Единственное, чего вы добились, – обрекли мистера Финк-Ноттла на кошмарные мучения, и все впустую. И такое вы проделываете уже не в первый раз. Честно говоря, Дживс, я замечаю у вас склонность к... как это называется?

– Не могу сказать, сэр.

– Вертится на языке... к излишней изо... изобретательности? Нет, не то...

– Изошренности, сэр?

– Вот-вот, именно изошренности. Излишняя изошренность – вот в чем ваша беда, Дживс. Ваши планы лишены простоты и прямоты. Вы все только запутываете своими фантазиями. Единственное, что нужно мистеру Финк-Ноттлу, – мудрый совет более опытного друга, искушенного в тонкостях света. Поэтому теперь этим делом займусь я.

– Очень хорошо, сэр.

– А вы отдохните, Дживс, и посвятите время домашним делам.

– Очень хорошо, сэр.

– Уж я-то буду действовать напрямик, я сразу добьюсь результата. Завтра же повидаюсь с Гасси.

– Очень хорошо, сэр.

– Пока все, Дживс.

Однако наутро посыпались телеграммы, и, занятый своими собственными делами, я, честно говоря, целый день не вспоминал о Гасси.

Первая телеграмма пришла вскоре после полудня. Дживс принес ее мне вместе с аперитивом перед ленчем. Телеграфировала тетушка Даля из Маркет-Снодсбери, небольшого городка милях в двух от ее поместья, если ехать по шоссе.

В послании значилось:

«Немедленно приезжай. Траверс».

Сказать, что я был до чертиков озадачен, – значит ничего не сказать. Мне еще не приходилось получать более загадочной телеграммы. Я изучал ее в глубокой задумчивости на протяжении двух стаканов сухого мартини. Прочел справа налево. Прочел слева направо. Помнится, даже понюхал. Но так ничего и не понял.

Послушайте, давайте рассуждать здраво. Ведь мы расстались вчера вечером после двух месяцев непрерывного общения. И вдруг – «немедленно приезжай», хотя мой прощальный поцелуй, можно сказать, еще не остыл на ее щеке. Бертрам Вустер не привык, чтобы кто-то столь алчно домогался его общества. Спросите любого, кто меня знает, и вам скажут: два месяца в моей компании для нормального человека срок более чем достаточный. Признаться, кое-кто и нескольких дней не выдерживает.

Поэтому, прежде чем сесть за отменно приготовленный ленч, я отправил тетушке следующую телеграмму:

«Удивлен. Жду объяснений. Берти».

Едва прилег вздремнуть после ленча, пришел ответ:

«Чем ты, черт подери, удивлен, балда? Немедленно приезжай. Траверс».

Три сигареты, несколько кругов по комнате, и текст эпистолы был готов:

«Что означает «немедленно»? Суважением. Берти».

Тетушкин ответ гласил:

«Немедленно» означает немедленно, дуралей несчастный. А что еще, по-твоему, это может означать? Приезжай немедленно, иначе завтра с первой же почтой на твою голову падет теткин проклятье. Целую. Траверс».

Желая расставить все точки над «і», я отправил тетушке следующее послание:

«Когда вы говорите «приезжай», вы имеете в виду «приезжай в Бринкли-Корт»? А когда говорите «немедленно», означает ли это «немедленно»? Растерян. Озадачен до крайности. С наилучшими пожеланиями. Берти».

Телеграмму я отправил по дороге в «Трутни», где провел полдня, состязаясь с достойными противниками в метании карт в цилиндр. Вернувшись домой в закатной тиши, я обнаружил, что меня ждет ответ:

«Да, да, да, да, да, да. Неважно, что ты ничего не понимаешь. Просто приезжай немедленно, я тебя прошу. И, ради бога, хватит со мной пререкаться. По-твоему, у меня денег куры не клюют и я в состоянии посылать тебе телеграммы каждые десять минут? Вот упрямый осел. Немедленно приезжай. Целую. Траверс».

Тут я понял, что мне необходимо с кем-то посоветоваться, и нажал кнопку звонка.

– Дживс, нас накрыло цунами, зародившееся в Вустершире. Прочтите, – сказал я и протянул ему кипу телеграмм.

Он пробежал их глазами.

– Как вы это понимаете, Дживс?

– Думаю, миссис Траверс желает, чтобы вы немедленно к ней приехали, сэр.

– Значит, вы тоже так поняли?

– Да, сэр.

– Вот и я сделал такой же вывод. Но зачем, скажите на милость? Ведь мы с тетушкой только что провели бок о бок почти два месяца.

– Да, сэр.

– Многие считают, что средневзвешенная доза общения для взрослых – два дня.

– Да, сэр. Я понимаю, о чем вы говорите. И тем не менее миссис Траверс проявляет исключительную настойчивость. Мне кажется, было бы разумнее выполнить ее желание.

– То есть мчаться на всех парах в Бринкли-Корт?

– Да, сэр.

– Ну, хорошо. Но я решительно не готов лететь туда сию минуту. Сегодня вечером у нас в «Трутнях» чрезвычайно важная встреча. День рождения Понго Туистлтона, надеюсь, вы не забыли.

– Нет, сэр.

Наступила небольшая пауза. Мы оба вспомнили о нашей размолвке. Самое время, подумал я, вернуться что-нибудь этакое.

– Дживс, все-таки вы заблуждаетесь насчет клубного пиджака.

– Дело вкуса, сэр.

– Когда я его надевал в казино в Каннах, самые шикарные дамы подталкивали друг друга локтем и шепотом спрашивали: «Кто это? Кто это?»

– Континентальные казино печально известны своим дурным тоном, сэр.

– А вчера вечером я описал пиджак Понго, и он пришел в дикий восторг.

– В самом деле, сэр?

– И не он один. Все сошлись на том, что я отхватил классную вещь. Подчеркиваю – все.

– В самом деле, сэр?

– Убежден, Дживс, со временем вы этот пиджак полюбите.

– Вряд ли это случится, сэр.

Я выкинул белый флаг. В таких случаях бессмысленно пытаться урезонить Дживса. Так и хочется назвать его тупым упрямым. Но ничего не поделаешь. Вздохнешь и отступишься.

– Ладно, вернемся к тому, с чего начали. Не могу я сейчас мчаться ни в Бринкли-Корт, ни вообще куда бы то ни было – и точка. Вот что, Дживс. Дайте мне перо и бумагу. Телеграфирую, что буду или на следующей неделе, или еще через неделю. Гори все белым пламенем, пусть тетушка обойдется несколько дней без меня. Надеюсь, у нее хватит силы воли.

– Да, сэр.

– Тогда вперед, Дживс. Значит, так: «Ждите меня завтра через две недели». Это как раз то, что требуется. Прогуляйтесь в ближайшее почтовое отделение, отправьте послание, и дело с концом.

– Хорошо, сэр.

Так я скоротал этот длинный день, а потом пришло время переодеваться и топать на день рождения Понго.

Вчера вечером мы с ним болтали на эту тему, и он меня уверял, что устроит нечто грандиозное. И должен сказать, он в грязь лицом не ударил. Домой я вернулся в пятом часу с единственной мыслью – поскорее спать. Едва помню, как добрался до постели и заполз в нее. У меня было такое чувство, будто, только я коснулся подушки головой, как меня разбудил звук отворяющейся двери.

Вряд ли я что-нибудь соображал в ту минуту, однако ухитрился приоткрыть один глаз.

– Дживс, это что? Чай?

– Нет, сэр. Это миссис Траверс.

Просвистел порывистый ветер, и в спальню на всех парах, со скоростью пятьдесят миль в час влетела моя престарелая родственница.

Бертрам Вустер, как известно, взирает на своих родственников более пронизательным и безжалостным оком, чем кто бы то ни было. Тем не менее он охотно отдает дань восхищения тем из них, кто этого заслуживает. Если вы с должным вниманием читали мои мемуары, то, конечно, знаете, что моя тетушка Далия, как я не раз повторял, – прелесть.

Она, как вы, наверное, помните, вышла замуж *en secondes nocces* ^[50] – так, кажется, говорится, если я ничего не путаю, – за старину Тома Траверса в тот год, когда на Кембриджширских скачках Колокольчик пришел первым. Она же как-то подбила меня написать статью «Что носит хорошо одетый мужчина» для своего журнала «Будуар знатной дамы». Тетушка Далия – добрая душа, проводить время в ее обществе одно удовольствие. Ей совсем не свойственны ни гнусное коварство, ни подлость, которыми славится, например, другая моя тетка, Агата, ужас и проклятье Мидлсекса, Эссекса, Кента, Суррея, а также Хартфордшира и Суссекса. Тетушку Далию я сердечно люблю и ценю за ее добродушие, спортивный дух и за то, что она такой славный малый.

Ввиду вышесказанного можете себе представить, как я удивился, увидев ее ни свет ни заря у своего ложа. Я сто раз у нее гостил, и ей известны мои привычки. Ведь знает, что я не принимаю по утрам, пока не выпью чашку чаю. А теперь она врывается ко мне в ту минуту, когда я больше всего на свете жажду уединения и покоя. Изменяет нашим старым добрым традициям.

И вообще с какой стати она явилась в Лондон? Вот вопрос, который я себе задавал. Когда заботливая хозяйка возвращается под родной кров после двухмесячного отсутствия, она не мчится из него прочь на следующий же день. Понимает, что надо сидеть дома, хлопотать вокруг мужа, совещаться с поваром, кормить кошку, расчесывать шпича и прочее. Хотя глаза мне застилал туман, я собрался с силами и бросил на тетушку суровый, укоризненный взгляд. Правда, слипшиеся веки помешали мне добиться нужной выразительности.

Она, казалось, не заметила ни суровости, ни укоризны.

– Да проснись же ты, Берти, дубина стоеросовая! – заорала она голосом, который навьлет, от лба до затылка, пробил мне череп.

Если у тетушки Далии и есть недостаток, так это ее манера адресоваться к своему *vis-a-vis* так, будто он со сворой гончих скачет верхом в полумиле от нее. Атавизм, разумеется, с тех времен, когда она считала день потерянным, если не затравила на охоте несчастную лисицу.

Я снова послал ей суровый, исполненный укоризны взгляд, который на этот раз не остался незамеченным ею, однако особого впечатления на нее не произвел. Она перешла на личности.

– Хватит мне подмигивать! Это даже неприлично, – заявила тетушка. – Послушай, Берти, – продолжала она, разглядывая меня; должно быть, Гасси вот так же разглядывает какого-нибудь второсортного тритона. – Ты хоть представляешь, какой омерзительный у тебя вид? Нечто среднее между классическим забулдыгой – таких обычно в кинематографе изображают – и простейшим земноводным. Наверное, всю ночь кутил?

– Да, был на приеме, – сухо сказал я. – По случаю дня рождения Понго Туистлтона. Не мог же я предать друга. *Nobless oblige*.

– Ладно, вставай и одевайся.

Мне показалось, я ослышался.

– Вставать и одеваться?

– Да.

Со слабым стоном я повернул голову, и в это время вошел Дживс с чашкой живительного китайского чая. Я вцепился в нее, как утопающий в соломенную шляпу. Глоток-другой, и я почувствовал... Нет, не скажу, что я воскрес, ибо день рождения Понго Туистлтона не такое мероприятие, после которого вас может оживить глоток чая. Однако старина Бертрам оказался в силах сообразить, что на него обрушилось нечто ужасное.

И чем усерднее я старался сообразить, что именно на меня обрушилось, тем меньше понимал, откуда ветер дует.

– Тетя Даля, что такое? – спросил я.

– Мне кажется, чай, – отвечала тетушка. – Впрочем, тебе виднее.

Без сомнения, я бы нетерпеливо взмахнул рукой, но побоялся пролить целебный напиток. Признаться, меня так и подмывало сделать нетерпеливый жест.

– Я не о чае! При чем здесь чай? Вы чуть свет вторгаетесь ко мне, требуете, чтобы я вставал и одевался. Нелепость какая-то.

– Я к тебе, как ты выражаешься, вторглась, потому что телеграммы не произвели на тебя никакого впечатления. А велела тебе встать и одеться, потому что хочу, чтобы ты встал и оделся. Поедешь со мной в Бринкли-Корт. Что за наглость! Заявлять, что явишься ко мне чуть ли не через год! Дудки, поедешь немедленно. Для тебя есть работа.

– Но я не хочу работать.

– Мало ли что! Никто тебя не спрашивает. В Бринкли-ли есть работа для настоящего мужчины. И чтобы через двадцать минут ты был как штык.

– Не могу я через двадцать минут быть как штык. Я при последнем издыхании.

Тетя Даля задумалась.

– Ладно, – сказала она. – По своей доброте дам тебе день-другой, чтобы ты очухался. Договорились, жду тебя самое позднее тридцатого.

– Но, черт подери, что стряслось? О какой работе вы говорите? Зачем мне работа? Что еще за работа такая?

– Если ты помолчишь минуту, объясню. Работа нетрудная и очень приятная. Тебе понравится. Ты когда-нибудь слышал о Маркет-Снодсберийской средней классической школе?

– Никогда.

– Это средняя классическая школа в Маркет-Снодсбери.

Я довольно сухо заметил, что нетрудно догадаться.

– Откуда мне знать, что ты со своими умственными способностями на лету все хватаешь? – парировала тетушка Даля. – Ну, ладно. Маркет-Снодсберийская средняя классическая школа, как ты догадался, это классическая средняя школа в Маркет-Снодсбери. И я – одна из ее попечительниц.

– В смысле, одна из надзирательниц?

– Берти, довольно молоть вздор! Послушай, олух царя небесного. Помнишь, у вас в Итоне был попечительский совет? Нечто подобное существует и в Маркет-Снодсберийской средней классической школе, и я в нем состою. Мне поручено организовать церемонию вручения призов за летний семестр. Она состоится в последний день месяца, то есть

тридцать первого. Ты все понял?

Я отпил еще немного живительной влаги и утвердительно кивнул. Столь очевидные вещи были доступны моему пониманию даже после вчерашней попойки.

– Разумеется. Что тут мудреного? Маркет... Снодсбери... средняя школа... попечительский совет... вручение призов... Уж куда проще... Но при чем тут я?

– Ты будешь вручать призы.

Я захлопал глазами. Бред какой-то. Чтобы ляпнуть такую чушь, надо весь день просидеть на солнцепеке без шляпы.

– Я?

– Ты.

Я еще больше выпучил глаза.

– Вы хотите сказать – я?

– Именно.

Глаза у меня полезли на лоб.

– Вы надо мной смеетесь, тетенька.

– Еще чего! Будто у меня дел других нет. Призы должен был вручать викарий, но, когда приехала домой, я нашла от него письмо: он подвернул ногу и вынужден отказаться. Представляешь, в каком я положении? Всех обзвонила, никто не может. И тогда я вспомнила о тебе.

Я решил в зародыше пресечь эту безумную затею. Бертрам Вустер готов угождать любимым тетушкам, но всему есть предел, есть черта, которую переступать нельзя.

– И надеетесь, я соглашусь раздавать призы в этой вашей «Дотбойз-холл» [\[51\]](#) для придурков?

– Надеюсь.

– И держать речь?

– Само собой.

Я иронически рассмеялся.

– Ради бога, перестань булькать. Я с тобой серьезно разговариваю.

– Я не булькал. Я смеялся.

– В самом деле? Приятно, что моя просьба так тебя радует.

– Это был иронический смех, – объяснил я. – Никаких призов я вручать не собираюсь. Не буду, и все. Точка.

– Будешь, мой дорогой, или никогда больше тебе не переступить порог моего дома. Ты понимаешь, что это значит. Не видать тебе обедов Анатоля как своих ушей.

Я содрогнулся. Тетушка говорила о своем поваре, выдающемся маэстро. Царь и бог в своем деле, единственный и непревзойденный, творящий из продуктов нечто божественное, тающее во рту, Анатолий магнитом притягивал меня в Бринкли-Корт. Стоит мне о нем вспомнить – и сразу слюнки текут. Счастливейшие минуты жизни я провел, поедая жаркое и рагу, сотворенные этим великим человеком, и мысль о том, что меня больше никогда не подпустят к кормушке, была невыносима.

– Опомнитесь, тетя Даля! По-моему, вы хватили через край!

– Ага, знала, что тебя проймет, обжора несчастный.

– При чем здесь обжора, – с достоинством возразил я. – Тот, кто отдает должное кулинарному искусству гения, вовсе не обжора.

– Не стану скрывать, я сама в восторге от его стряпни, – призналась тетушка. – Но, имей

в виду, если ты откажешься выполнить эту простую, легкую и приятную работу, тебе не перепадет ни кусочка. Даже понюхать не дам. Намотай это себе на ус.

Я понял, что меня, как дикого зверя, загнали в ловушку.

– Но почему я? Кто я такой? Ну подумайте сами.

– Думала, и не раз.

– Послушайте, я совсем не тот, кто вам нужен. Чтобы вручать призы, надо быть важной птицей. Помнится, у нас в школе это делал, кажется, премьер-министр.

– Ох, ну ты же учился в Итоне. Мы у себя в Маркет-Снодсбери не столь разборчивы. Нам подойдет любой, кто носит краги.

– Почему бы вам не обратиться к дяде Тому?

– К дяде Тому?!

– Ну да. Ведь он же носит краги.

– Ладно, объясню, – сказала тетушка. – Помнишь, в Каннах я спустила в баккара все до нитки? Теперь мне надо подольститься к Тому и выложить все начистоту. Если сразу после этого я приступлю к нему с просьбой надеть пропахшие лавандой перчатки и цилиндр, дабы вручить призы ученикам Маркет-Снодсберийской классической школы, дело дойдет до развода. Том приколет записочку к игольнику и был таков. Нет уж, мой милый, ты и никто другой, так что мужайся.

– Но, тетушка, прислушайтесь к голосу разума. Вы ошиблись в выборе, поверьте мне. В таких делах от меня никакого проку. Спросите Дживса, он вам расскажет, как меня вынудили держать речь в школе для девочек. Я выглядел как последний идиот.

– От души надеюсь, что тридцать первого ты тоже будешь выглядеть как последний идиот. Именно поэтому я тебя и выбрала. Раз уж все процедуры вручения призов все равно обречены на провал, пусть публика хотя бы от души посмеется. Я получу истинное удовольствие, глядя, как ты вручаешь призы. Ну, не стану тебя задерживать, ты, наверное, хочешь заняться шведской гимнастикой. Жду тебя через день-другой.

Произнеся этот безжалостный монолог, тетушка удалилась, оставив меня в растерзанных чувствах. Мало того, что Бертрам не оправился после вчерашней попойки, так его постиг новый сокрушительный удар, и не будет преувеличением сказать, что я совсем скис. В душе у меня царил беспросветный мрак, и тут дверь отворилась и появился Дживс.

– Мистер Финк-Ноттл, сэръ, – возвестил он.

Я выразительно на него посмотрел.

– Дживс, уж этого я никак от вас не ожидал. Я вернулся домой на рассвете, вы это отлично знаете. Вам известно, что я едва успел выпить чаю. Вы прекрасно понимаете, как громоподобный голос тети Далии действует на больную голову. И тем не менее вы мне докладываете о каких-то Финк-Ноттлах. По-вашему, сейчас время принимать Финков и разных прочих Ноттлов?

– Но разве вы не дали мне понять, сэр, что желаете видеть мистера Финк-Ноттла, чтобы дать ему совет касательно его дела?

Признаться, при этих словах мои мысли приняли совсем иной оборот. За собственными неприятностями я напрочь забыл, что взвалил на себя заботу о Гасси. Это в корне меняло дело. Нельзя относиться к своему клиенту наплевательски. Шерлок Холмс никогда бы не отказался принять посетителя только потому, что накануне допоздна кутил по случаю дня рождения доктора Ватсона. Конечно, Гасси мог бы выбрать более подходящее время для визита, но, если твой клиент-жаворонок ни свет ни заря покинул свое теплое гнездо, ты не имеешь права ему отказывать.

– Вы правы, Дживс, – сказал я. – Делать нечего. Впустите его.

– Хорошо, сэр.

– Но прежде принесите мне этот ваш коктейль для воскрешения из мертвых.

– Хорошо, сэр.

Не успел я и глазом моргнуть, как Дживс вернулся с живительным бальзамом.

Кажется, я уже рассказывал о Дживсовых коктейлях для воскрешения из мертвых и об их влиянии на несчастного, чья жизнь в похмельное утро висит на волоске. Не берусь сказать, из чего состоит это чудотворное зелье. Некий спиртной напиток, говорит Дживс, в него добавляется сырой яичный желток и чуть-чуть кайенского перца, однако, сдается мне, все не так просто. Как бы то ни было, стоит проглотить этот напиток, и вы немедленно ощутите его чудотворное действие.

Возможно, в первую долю секунды вы ничего не почувствуете. Все ваше естество будто замрет, затаит дыхание. Потом внезапно раздастся трубный глас, и вы понимаете, что настал судный день со всеми вытекающими отсюда страстями. В каждой косточке вашего тела вспыхивает пожар. Чрево наполняется расплавленной лавой. Шквальный ветер сотрясает окружающую среду, и нечто вроде парового молота колотит вас по затылку. В ушах оглушительно бьют колокола, глаза вылетают из орбит, лоб покрывается испариной. Вы осознаете, что пора позвонить юристу и отдать ему последние распоряжения, и тут вдруг наступает просветление. Стихает ураганный ветер. Смолкает колокольный звон в ушах. Птички щебечут. Играют духовые оркестры. Над горизонтом вскакивает солнце. И воцаряется великий покой.

Осушив стакан, я почувствовал, что во мне распускается бутон новой жизни. Знаете, хотя Дживс частенько попадает пальцем в небо, когда речь идет, скажем, об одежде или о сердечных делах, но за словом в карман он не полезет. Однажды, например, здорово сказал об одном несчастном, который, ступив на прежнего себя, вознесся в высшие пределы. Точь-в-точь как я сейчас. Бертрам Вустер, который лежал, бессильно откинувшись на подушки, стал сейчас не только более здоровым и сильным, но и более совершенным.

– Благодарю вас, Дживс, – сказал я.

– Не за что, сэр.

– Ваше снадобье действует безотказно. Теперь я готов щелкать как орешки любые задачи, которые ставит перед нами жизнь.

– Рад это слышать, сэр.

– И почему я не принял ваше снадобье перед разговором с тетей Далией! Непростительная глупость. Впрочем, после драки кулаками не машут. Скажите мне, что там с Гасси? Как прошел бал-маскарад?

– Он не был на балу, сэр.

Я неодобрительно посмотрел на Дживса.

– Дживс, – сказал я, – не стану скрывать, после вашего коктейля для воскрешения из мертвых мне стало значительно лучше, но не настолько, чтобы я мог выслушивать вздор, который вы тут несете. Мы запихнули Гасси в такси и отправили прямоком на костюмированный бал. Значит, он туда прибыл.

– Нет, сэр. Насколько я понял из рассказа мистера Финк-Ноттла, он думал, что увеселительное мероприятие, на которое его пригласили, состоится по адресу Саффолк-сквер, 17, между тем как на самом деле мистеру Финк-Ноттлу надлежало прибыть на Норфолк-террас, 71. Подобные aberrации памяти весьма характерны для тех, кого, как и мистера Финк-Ноттла, можно назвать мечтателями.

– А также олухами царя небесного.

– Да, сэр.

– Ну а потом?

– Прибыв по адресу Саффолк-сквер, 17, мистер Финк-Ноттл хотел достать деньги, чтобы заплатить шоферу.

– Что же ему помешало?

– То обстоятельство, что денег у него при себе не оказалось, сэр. Он понял, что оставил бумажник, и пригласительный билет на каминной полке в спальне, в доме своего дядюшки, где он обычно останавливается, когда приезжает в Лондон. Мистер Финк-Ноттл позвонил в дверь, а когда появился дворецкий, объяснил ему, что приглашен на бал, и попросил заплатить шоферу. Дворецкий заявил, что ни о каком бале не знает и что в доме никого не ждут.

– И отказался раскошелиться?

– Да, сэр.

– Ну а дальше?

– Мистер Финк-Ноттл велел шоферу отвезти его обратно в дом дяди.

– Как, разве на этом его злоключения не кончились? Осталось только взять кошелек, пригласительный билет и спокойно ехать на бал-маскарад.

– Я забыл упомянуть, сэр, что мистер Финк-Ноттл также оставил на каминной полке в спальне и ключ от парадной двери.

– Мог бы позвонить.

– Он и звонил, сэр, целых пятнадцать минут. А потом вспомнил, что разрешил сторожу – в доме в это время никто не живет и вся прислуга в отпуске – съездить в Портсмут навестить сына-матроса.

– Ну и ну, Дживс!

– Да, сэр.

– Ох уж эти мечтатели, верно, Дживс?

– Да, сэр.

– Ну а дальше?

– Тут мистер Финк-Ноттл понял, что попал в затруднительное положение. Показания на счетчике такси достигли довольно значительной суммы, а расплатиться мистеру Финк-Ноттлу было нечем.

– Он мог все объяснить шоферу.

– Объяснять что-либо шоферу такси бесполезно, сэр. Когда мистер Финк-Ноттл попытался это сделать, шофер усомнился в его честных намерениях.

– Я бы просто удрал.

– Именно такой образ действий показался мистеру Финк-Ноттлу наиболее предпочтительным. Он ринулся прочь, но таксист успел схватить его за полу. Мистеру Финк-Ноттлу удалось сбросить с себя плащ. Вид мистера Финк-Ноттла в маскарадном костюме вызвал у таксиста шок. Мистер Финк-Ноттл услышал, по его словам, у себя за спиной что-то вроде предсмертного хрипа, оглянулся и увидел, что парень закрыл лицо руками и привалился к ограде. Мистер Финк-Ноттл решил, что он молится. Чего же еще от него ждать, сэр. Необразованный, суеверный малый. Возможно, пьяница.

– Даже если он не был пьяницей, то, уверен, теперь станет. Наверное, едва дождался, когда откроются пивные.

– Возможно, ему действительно требовалось средство, чтобы привести себя в чувство, сэр.

– Думаю, Гасси оно бы тоже не помешало. Что еще, черт побери, с ним стряслось? Лондон ночью – впрочем, и днем тоже, – не то место, где можно разгуливать в красном трико.

– Да, сэр.

– Вас не поймут.

– Да, сэр.

– Представляю, как бедняга крался переулками, прятался во дворах, шмыгал за мусорные ящики.

– Из рассказа мистера Финк-Ноттла, сэр, я понял, что так все и было. В конце концов на исходе этой мучительной ночи ему удалось достичь особняка мистера Сипперли, где его приютили и где он смог переодеться.

Я поудобнее устроился в подушках, чело у меня было слегка нахмурено. Облагодетельствовать старого школьного друга – занятие весьма похвальное, однако я понял, что зря взялся устраивать дела такого придурка, как Гасси. Он способен погубить на корню все благие начинания, а я взваливаю на свои плечи непомерную ношу. Гасси нужны не столько советы бывалого светского льва, сколько обитая войлоком палата в психушке и парочка дюжих надзирателей, чтобы он не устроил там пожар.

Честно говоря, у меня мелькнула мысль выйти из игры и снова передать дело Дживсу. Но фамильная гордость Вустеров удержала меня от этого шага. Мы, Вустеры, не вкладываем меч в ножны, даже если идем за плугом. Кроме того, после инцидента с пиджаком всякое проявление слабости с моей стороны будет иметь роковые последствия.

– Надеюсь, Дживс, вы отдаете себе отчет, что сами кругом виноваты? – холодно проговорил я, ибо подобные поступки нельзя спускать с рук, хотя, честно сказать, терпеть не могу сыпать соль на раны.

– Сэр?

– Что толку твердить «сэр»? Вы прекрасно все понимаете. Если бы вы не заставили Гасси идти на бал – вот уж дурацкая затея, я с самого начала говорил, – ничего бы не случилось.

– Да, сэр, я должен признаться, что не мог предвидеть...

– Всегда и все следует предвидеть, Дживс, – строго сказал я. – Другого не дано. Если бы вы хоть не возражали против костюма Пьеро, события не приняли бы такого печального оборота. В костюме Пьеро имеются карманы. Однако, – продолжал я менее суровым тоном, – что было, то прошло. Теперь вы представляете, во что выливаются прогулки по Лондону в красном трико, и это уже неплохо. Так вы говорите, Гасси в гостиной?

– Да, сэр.

– Немедленно подайте его сюда. Посмотрим, чем ему можно помочь.

Облик Гасси все еще хранил следы злоключений, которые ему пришлось претерпеть. Лицо бледное, глаза воспаленные, уши поникли, вид такой, будто его сунули в печь огненную, а потом подвергли машинной обработке. Я приподнялся на подушках и испытующе на него посмотрел. Недотепе необходимо оказать первую помощь, это ясно, и я приготовился вплотную заняться его делами.

- Привет, Гасси.
- Здравствуй, Берти.
- Салют!
- Салют!

Обмен любезностями закончился, и я понял, что пора осторожно коснуться больного места.

- Слышал, тебе здорово не повезло.
- Да.
- И все по вине Дживса.
- Дживс не виноват.
- Еще как виноват.
- Не понимаю, при чем здесь Дживс. Я забыл деньги и ключ от парадной двери...

– А теперь, сделай милость, забудь и о Дживсе. Тебе, я думаю, интересно будет узнать, – сказал я, сочтя, что лучше сразу ввести его в курс дела, – что Дживс больше не будет заниматься твоими проблемами.

Эта весть поразила Гасси. Он разинул рот, уши у него совсем опали. Он стал похож на дохлую рыбину. Не просто дохлую, а давно протухшую, ее еще в прошлом году выбросило на пустынный берег, а там ветры, дожди...

- Как?!
- Так.
- В смысле, Дживс больше не собирается...
- Не собирается.
- Но, черт подери...

Я был доброжелателен, но тверд.

– Прекрасно обойдешься без него. Дживсу надо отдохнуть. Разве ужасный опыт нынешней ночи не убедил тебя в этом? Даже самый острый ум порой дает сбой. Вот и с Дживсом случилось нечто подобное. Я еще раньше заметил, что он сдает. Теряет форму. Ему следует заново отточить свой интеллект. Понимаю, для тебя это удар. Ведь ты сюда пришел, чтобы посоветоваться с Дживсом, так?

- Конечно.
- О чем?

– Понимаешь, Мадлен уехала в поместье к своим друзьям, и я хотел спросить Дживса, что мне теперь делать.

– Послушай, я ведь тебе уже сказал – Дживс отстранен от дела.

– Но, Берти, черт побери...

– С этой минуты Дживс здесь ни при чем, – сказал я довольно резко. – Я беру все в свои руки.

– Берти, ради бога! Ну какой от тебя прок?

Я подавил чувство обиды. Мы, Вустеры, великодушны. Мы готовы сделать скидку тем, кто всю ночь разгуливал по Лондону в обтягивающем красном трико.

– Посмотрим, – спокойно парировал я. – Садись, и давай все обсудим. Твое дело, должен сказать, яйца выеденного не стоит. Значит, барышня отправилась в поместье к своим друзьям. Совершенно очевидно, что ты должен последовать за ней и пчелкой роиться вокруг своей избранницы. Просто, как дважды два.

– Не могу я навязывать свое общество совершенно посторонним людям.

– Разве ты с ними не знаком?

– Конечно, нет.

Я поджал губы. Дело несколько осложнилось.

– Знаю только, что их фамилия Траверс, а поместье называется Бринкли-Корт, это где-то в Вустершире.

Лоб у меня сразу разгладился.

– Гасси, – начал я, отечески улыбаясь, – благослови тот день, когда Бертрам Вустер занялся твоими проблемами. Я с самого начала знал, что мне это раз плюнуть. Ты сегодня же отправишься в Бринкли-Корт в качестве почетного гостя.

Бедняга затрясся, как малиновое желе. Ничего удивительного – когда новичок впервые видит, как Бертрам Вустер властной рукой берет быка за рога, он должен испытывать трепет.

– Берти, неужели ты знаком с этими самыми Траверсами?

– Эти самые Траверсы – моя тетушка Далия и мой дядюшка Том.

– Вот это да!

– Теперь, надеюсь, ты понял, как тебе повезло, что я занимаюсь твоими делами? – веско сказал я. – Ты обратился к Дживсу, и что из этого вышло? Он уговорил тебя вырядиться в красное трико, наклеить гнуснейшую бороденку и отправиться на бал-маскарад. Результат – муки смертные и никакого продвижения к цели. Но тут я беру все в свои руки и вывожу тебя на верную дорогу. Мог ли Дживс отправить тебя в Бринкли-Корт? Никогда. Тетя Далия не его тетушка, а моя. Я просто констатирую факты.

– Честное слово, Берти, не знаю, как тебя благодарить.

– Пустяки, мой друг.

– Но послушай, Берти...

– Ну что еще?

– Как мне себя вести, когда я приеду в Бринкли-Корт?

– Если бы ты бывал в Бринкли-Корте, ты бы об этом не спрашивал. В таком райском уголке все пойдет как по маслу. Уже не один век самые грандиозные любовные страсти обязаны своим зарождением именно Бринкли-Корту. Атмосфера там просто пагубная. Ты прогуливаешься с девицей по тенистым аллеям. Сидишь с ней на зеленых лужайках. Катаешь ее на лодке по озеру. Сам не заметишь, как ты...

– Ей-богу, Берти, ты прав.

– Конечно, прав. Я сам уже три раза обручался в Бринкли. Правда, без последствий, но факт налицо. И ведь когда я туда приезжал, я не помышлял об амурах. А уж делать предложение... И, тем не менее, стоило мне ступить на эту романтическую землю, как я устремлялся к первой попавшейся девице и шмякал сердце к ее ногам. Видно, там это в воздухе витает.

– Я тебя понял. Это как раз то, что мне нужно. Понимаешь, у меня должно быть время, чтобы собраться с духом. А в Лондоне – будь он проклят! – все несутся сломя голову, и нет никакого шанса добиться успеха.

– Точно. Ты встречаешься с девицей на бегу, в твоём распоряжении каких-нибудь пять минут, и если ты вознамеришься предложить ей руку и сердце, ты должен отбарабанить весь текст с пулеметной скоростью.

– Вот именно. Лондон нагоняет на меня страх. На природе я совсем другой человек. Какое счастье, что эта Траверс оказалась твоей теткой.

– Что значит «оказалась»? Она всегда была моей теткой.

– Я хочу сказать, поразительно, что Мадлен поехала именно к твоей тетке.

– Что тут особенного? Мадлен очень дружна с моей кузиной Анджелой. В Каннах они не расставались ни на минуту.

– А, так ты познакомился с Мадлен в Каннах? Боже мой! Берти, – благоговейно проговорил бедный тритоман, – как мне хотелось бы увидеть ее там! Должно быть, в пляжном костюме она выглядит восхитительно. Ах, Берти...

– Само собой, – рассеянно проронил я. Несмотря на то что я воскрес от Дживсовой взрывной смеси глубинного действия, все же после такой убойной ночи мне было не до излияний Гасси. Я позвонил и, когда Дживс явился, потребовал у него телеграфный бланк и карандаш. Черкнул учтивое послание тетушке Далии о том, что направляю своего друга Огастуса Финк-Ноттла, дабы он мог насладиться ее гостеприимством, и вручил листок Гасси.

– Отправь из первого же почтового отделения, – сказал я, – тетушка вернется в Бринкли, а телеграмма ее уже ждет.

Гасси ринулся вон, размахивая телеграммой, – ну прямо Джоан Кроуфорд [\[52\]](#), – а я обратился к Дживсу, чтобы дать ему *précis* [\[53\]](#) своих действий.

– Видите, Дживс, как все просто. Никакой изощренности.

– Да, сэр.

– Никакой зауми. Ничего вымученного и экстравагантного. Природа сама все устроит.

– Да, сэр.

– Единственно правильный подход, который следовало избрать в данном случае. Как вы думаете, Дживс, что происходит, когда двое людей противоположного пола живут нос к носу в уединенном месте?

– Вы имеете в виду процесс сближения, сэр?

– Именно, Дживс. На него-то я и делаю ставку. В нем, если хотите, весь фокус. Сейчас, как вам известно, Гасси в присутствии девицы дрожит, как желе на ветру. Спросим себя, что произойдет через неделю-другую, если они день за днем будут есть из одной кормушки? Брать за завтраком сосиски из одного блюда, отрезать ломтики от одного куска ветчины, вычерпывать почки и бекон одним половником... Ах ты, черт!

Я осекся на полуслове. На меня нашло озарение, со мной такое случается.

– Ни в коем случае, Дживс!

– Сэр?

– Вот вам пример того, как надо все предвидеть. Вы слышали, я только что упомянул сосиски, почки, бекон и ветчину?

– Да, сэр.

– Так вот, со всем этим надо покончить. Раз и навсегда. Еще чуть-чуть – и произошло бы

непоправимое. Подайте мне телеграфный бланк и карандаш. Надо немедленно предупредить Гасси. Его задача – вбить барышне в голову, что он, Гасси, чахнет от любви к ней. А если он станет обжираться сосисками, ему не достичь цели.

– Да, сэр.

– Ну вот.

Взяв карандаш, я начертил на бланке следующее:

«Финк-Ноттлу

Бринкли-Корт

Маркет-Снодсбери

Вустершир

Откажись от сосисок. Избегай ветчины. Берти».

– Дживс, отправьте немедленно.

– Очень хорошо, сэр.

Я откинулся на подушки.

– Вот видите, Дживс, как я веду дела. Замечаете, какая у меня хватка? Надеюсь, теперь вы поняли, что вам не мешало бы изучить мои методы.

– Вне всякого сомнения, сэр.

– Однако и сейчас вы не в состоянии постичь всей глубины моей необычайной прозорливости. Знаете, зачем сегодня утром пожаловала к нам тетушка Далия? Объявить, что я должен вручать награды в этой дурацкой школе в Маркет-Снодсбери, она там попечительствует.

– Вот как, сэр? Боюсь, вы вряд ли сочтете подобное занятие подходящим для вас.

– Да я и не собираюсь этим заниматься. Хочу спихнуть все на Гасси.

– Сэр?

– Телеграфирую тете Далии, что не смогу приехать, и пусть она натравит на своих малолетних преступников Гасси.

– А если мистер Финк-Ноттл откажется, сэр?

– Откажется? Вы думаете, ему удастся? Представьте себе такую картину, Дживс. Место действия – гостиная в Бринкли. Гасси забивается в угол, а тетя Далия подступает к нему, издавая охотничьи кличи. Теперь скажите, Дживс, сможет он отказаться?

– Вы правы, сэр, едва ли ему это удастся. Миссис Траверс очень властная личность.

– У него нет ни малейшего шанса отвертеться. Единственный выход – тихонько улизнуть из Бринкли-Корта. Но он на это не пойдет, потому что не захочет расстаться с мисс Бассет. Нет, Гасси придется подчиниться, а я избавлюсь от теткинго поручения. Признаться, при одной мысли о нем у меня душа в пятки уходит. Выйти на кафедру и держать напутственную речь перед оравой скверных мальчишек! Нет уж, увольте. Однажды мне выпало пройти через подобное испытание. В школе для девочек, припоминаете?

– Весьма живо, сэр.

– Ну и осрамился же я!

– Вне всяких сомнений, это было не самое удачное ваше выступление, сэр.

– Знаете, Дживс, мне бы не помешал еще один коктейль для воскрешения из мертвых.

Опасность, которой я чудом избежал, вконец подорвала мои силы.

Должно быть, у тети Далии ушло на обратную дорогу часа три, потому что ее телеграмму я получил сразу после ленча. Видно, старушка настрочила ее под горячую руку через две минуты после того, как прочла мою депешу.

Тетушкино послание гласило:

«Советуюсь с юристом, дабы выяснить, может ли удушение племянника-идиота квалифицироваться как убийство. Если нет, то берегись. Ведешь себя – хуже некуда. Чего ради ты подсовываешь мне своих мерзких друзей? Считаешь, что Бринкли-Корт лепрозорий? Кто такой этот твой Спирт-Боттл? Целую. Траверс».

Ничего другого я поначалу и не ожидал. Ответ мой был весьма сдержан:

«Не Спирт-Боттл, а Финк-Ноттл. С наилучшими пожеланиями. Берти».

Вероятно, сразу после того, как у тетушки вырвался из души приведенный выше вопль, в Бринкли прибыл Гасси, потому что не прошло и двадцати минут, как мне принесли следующее сообщение:

«Получил шифровку за твоей подписью: «Откажись от сосисок. Избегай ветчины». Немедленно телеграфируй ключ. Финк-Ноттл».

Я ответил:

Я делал ставку на то, что Гасси произведет на тетю Далию благоприятное впечатление, ведь он был застенчивый, безотказный малый, всегда готовый услужить, такие с первого взгляда вызывают неизменное расположение у дам того типа, к которому принадлежит моя тетушка. Очередная ее телеграмма, которая, не скрою, весьма меня порадовала, источала бальзам доброты и, бесспорно, свидетельствовала о том, что я не переоценил своей проницательности.

Привожу тетушкино послание:

«Твой протеже прибыл, и, признаюсь честно, он не такой недоумок, как можно было ожидать от твоего друга. Пучеглаз и малость косноязычен, но в целом порядочный и воспитанный юноша, а уж о тритонах знает все на свете. Прикидываю, не пустить ли его с циклом лекций для соседей. Однако какая наглость с твоей стороны! По-твоему, мой дом курортная гостиница? Когда явишься, выскажу тебе все, что думаю по этому поводу. Жду тебя тридцатого.

Прихвати краги. Обнимаю. Траверс».

Я телеграфировал:

«Просмотрев свой календарь неотложных встреч, убедился, что приехать в Бринкли не смогу. Глубоко сожалею. Привет. Берти».

В тетушкином ответе зазвучали зловещие нотки:

«А, так ты, стало быть, вот как? Просмотрел, видите ли, календарь неотложных встреч? Глубоко сожалеешь? Чушь! Позволь сказать тебе, мой милый, если не приедешь, то будешь сожалеть куда сильнее. Если ты вообразил, что сумеешь уклониться от вручения призов, то сильно заблуждаешься. К несчастью, Бринкли-Корт в ста милях от Лондона, не то запустила бы в тебя кирпичом. Целую. Траверс».

Тогда я решил испытать судьбу и поставить все на карту. Сейчас не время думать о мелочной экономии. Я отвечал, не считаясь с расходами:

«Но послушайте, черт побери! Честное слово, вы прекрасно без меня обойдетесь. Пусть Финк-Ноттл вручает призы. Он прирожденный мастер в этом деле, и заполучить его – большая честь. Будьте уверены, тридцать первого в роли ведущего торжественной процедуры Огастус Финк-Ноттл произведет настоящий фурор. Не упускайте этого редкого шанса, второго не будет. Пока-пока. Берти».

Целый час я, затаив дыхание, томился неизвестностью, и вот наконец пришла благая весть:

«Ладно уж, так и быть. Кажется, в твоих словах есть резон. Тем не менее ты жалкий предатель, малодушный размазня и червь презренный. Ангажирую Виски-Боттла. Бог с тобой, сиди в своем Лондоне. Хоть бы тебя омнибус переехал! Целую. Траверс».

Представляете, какое облегчение я испытал. С души свалился увесистый булыжник. Как будто в меня влили бочонок Дживсова зелья для воскрешения из мертвых. Я весело напевал, переодеваясь к обеду. А в «Трутнях» так разошелся, что кое-кто даже попросил меня угомониться. Потом я вернулся домой, улегся в постель и через минуту спал, как младенец. Казалось, все мои тревоги остались позади.

Поэтому вы поймете мое удивление, когда наутро я проснулся, сел в постели, чтобы прикинуть к чашке чаю, и вдруг снова обнаружил на подносе телеграмму.

Сердце у меня упало. Неужели тетушка Далия за ночь передумала? Вдруг Гасси испугался предстоящего ему испытания и удрал, спустившись под покровом ночи по водосточной трубе? Все эти мысли промелькнули в моей черепушке, пока я разрывал конверт. Прочтя текст, я даже вскрикнул от удивления.

– Сэр? – сказал Дживс, остановившись в дверях.

Я еще раз прочел послание. Да, удивился я недаром. Сомнений быть не могло.

– Дживс, – сказал я, – представляете, что случилось?

– Нет, сэр.

– Вы ведь знаете мою кузину Анджелу?

– Да, сэр.

– А Таппи Глоссопа?

– Да, сэр.

– Ну так вот, они расторгли помолвку.

– Я очень сожалею, сэр.

– Вот телеграмма тети Далии, здесь именно об этом говорится. Не понимаю, в чем дело.

– Не могу сказать, сэр.

– Разумеется, не можете. Не будьте ослом, Дживс.

– Хорошо, сэр.

Я задумался. Известие до крайности меня взволновало.

– Стало быть, Дживс, мы должны сегодня же ехать в Бринкли. Тетушка Далия, видно, совсем выбита из колеи, и мой долг – быть подле нее. Пакуйте чемоданы и поезжайте с вещами поездом, он отходит без четверти час. У меня за ленчем деловая встреча, поэтому я приеду позже на автомобиле.

– Хорошо, сэр.

Я опять задумался.

– Дживс, не стану скрывать, я потрясен.

– Вне всяких сомнений, сэр.

– Страшно потрясен, Анджела и Таппи... Ну и ну! Казалось, они не разлей вода. Жизнь полна печали, Дживс.

– Да, сэр.

– Что поделаешь...

– Несомненно, сэр.

– Держим удар, Дживс... Приготовьте мне ванну.

– Хорошо, сэр.

В тот же день к вечеру я ехал по направлению к Бринкли в своем любимом спортивном автомобиле, без усталости размышляя о случившемся. Весть о размолвке или, может быть, даже ссоре между Анджелой и Таппи чрезвычайно меня встревожила.

Понимаете, я всегда смотрел на предстоящий брак весьма одобрительно. Когда твой приятель женится на знакомой тебе барышне, ты, как правило, невольно начинаешь хмурить брови и в сомнении покусывать губы, ибо чувствуешь, что необходимо призвать его, или ее, или их обоих одуматься, пока не поздно.

Однако вышесказанное ни в коей мере не относилось к Таппи и Анджеле. Таппи, когда не валяет дурака, классный малый. И Анджела, само собой, классная девица. Что касается их

взаимной привязанности, то два их сердца бьются как одно, точнее не скажешь.

Правда, у них случались маленькие размолвки. Однажды, например, Таппи, движимый похвальной беспристрастностью – это он так считает, лично я назвал бы это непроходимой тупостью, – заявил Анджеке, что в новой шляпке она похожа на китайского мопса. Однако ни одна любовная история не обходится без ссор, и я считал, что Таппи получил хороший урок и теперь их жизнь польется, как сладостная песнь.

И вдруг внезапный и совершенно непредвиденный разрыв дипломатических отношений.

Все то время, что Бертрам Вустер ехал в Бринкли, отборные силы его незаурядного интеллекта были направлены на решение неожиданно возникшей проблемы. Почему стороны начали военные действия – вот над чем я, не переставая, ломал себе голову. Тем временем моя нога усердно давила на акселератор – мне не терпелось поскорее увидеть тетю Далию и узнать горячие новости из первых рук. И так как вся мощь шести-цилиндрового двигателя отзывалась на мои усилия, я развил приличную скорость, и еще до вечернего коктейля мы с тетушкой уединились для конфиденциальной беседы.

По-моему, тетя Далия мне обрадовалась. Она даже сама сказала, что рада меня видеть, – единственная из всего инвентарного списка моих теток, кто мог решиться скомпрометировать себя подобным признанием. Когда я навещаю моих ближайших и дражайших родственников, они обычно испытывают ужас и тоску.

– Как мило, что ты приехал, Берти, – сказала она.

– Тетушка, мое место подле вас, – отвечал я.

С первого взгляда мне стало ясно, что печальное событие не прошло для нее бесследно. Всегда сияющая, приветливая физиономия вытянулась, радушной улыбки как не бывало. Я сочувственно пожал ей руку – пусть знает, что сердце у меня кровью обливается.

– Скверно, дорогая тетенька, – сказал я. – Боюсь, настали черные дни. Вы, должно быть, совсем выбились из сил.

Она громко фыркнула. Лицо скривилось, будто она проглотила тухлую устрицу.

– Еще бы! С тех пор, как вернулась из Канн, ни минуты покоя. Едва переступила порог этого треклятого дома, – сказала тетушка, – все пошло вверх дном. Сначала морока с вручением призов.

Она сделала паузу и бросила на меня выразительный взгляд.

– Я собиралась хорошенько тебя отчитать за твое поведение, – сказала тетя Далия. – У меня на душе накипело. Но раз уж ты прикатил, так и быть – прощаю. Может быть, оно и к лучшему, что ты нахально уклонился от своего прямого долга. Сдается мне, этот твой Спирт-Боттл пройдет «на ура». Если на минутку выкинет из головы своих тритонов.

– Он рассказывал вам о тритонах?

– Конечно. Уставился на меня, глаза сверкают, как у Старого моряка [\[54\]](#). Если бы все беды этим ограничились, куда ни шло. Меня больше всего тревожит, что скажет Том, когда рано или поздно разговор зайдет о деньгах.

– Дядя Том?

– Послушай, не называй ты его «дядя Том», придумай что-нибудь другое, – раздраженно сказала тетя Далия. – Каждый раз, как ты произносишь «дядя Том», я жду, что он обернется негром и заиграет на банджо... Ладно, пусть дядя Том, если тебе так хочется. Не сегодня-завтра мне придется ему сказать, что я просадила все деньги в баккара. Он взвьется к потолку.

– Однако время – великий целитель и, безусловно...

– Пропади оно пропадом, это время. Мне надо не позднее третьего августа получить от Тома чек на пятьсот фунтов для «Будуара знатной дамы».

Тут я тоже встревожился. Мне, как племяннику тети Далии, был небезразличен ее изысканный еженедельник «Будуар знатной дамы», но я и сам питал к этому журналу теплые чувства с тех пор, как написал для него статью «Что носит хорошо одетый мужчина». Какая сентиментальность, скажете вы, но нам, старым журналистам, эти чувства хорошо знакомы.

– Ваш «Будуар» на мели?

– Будет на мели, если Том не раскошелится. Пока мы не окрепнем, нам требуется помощь.

– Но ведь два года назад вы тоже были на мели.

– Были. И мы все еще нуждаемся в поддержке. Если речь идет о дамском еженедельнике, никто не может сказать, когда он станет на ноги.

– И вы считаете, вам не удастся заставить дядю... моего дядюшку тряхнуть мошной?

– Понимаешь, Берти, до сих пор я легко, не задумываясь, могла обратиться к Тому за деньгами и никогда не получала отказа, как избалованная дочка, которая играючи выманивает у снисходительного отца шоколадку. Но сейчас налоговая инспекция требует у него в дополнение к прежнему еще пятьдесят восемь фунтов один шиллинг и три пенса, и с самого моего приезда он только и говорит, как разрушительно и пагубно для империи социалистическое законодательство, да и вообще, твердит он, ничего хорошего нам ждать не приходится.

Я охотно верил тете Далии. Мой дядюшка отличается той же странностью, какую я нередко замечал за другими толстосумами. Обсчитайте его на пенс, и он завопит как резаный. Денег у него куры не клюют, но он терпеть не может раскошелиться.

– Если бы не кулинарные изыски Анатоля, не знаю, как бы Том выдержал этот удар. Слава богу, что у нас есть Анатолий.

Я почтительно склонил голову.

– Старый добрый Анатолий! – сказал я.

– Аминь, – сказала тетя Далия.

Выражение трепетного восторга, которым мгновенно осветилось тетушкино лицо при упоминании об

Анатоле, исчезло.

– Давай не будем отвлекаться от главного, – сказала она. – Я говорю об этих треклятых заботах, которые на меня свалились, едва я вернулась домой. Сначала вручение призов, затем объяснение с Томом, а в заключение эта дурацкая ссора между Анджелой и Глоссопом.

Я сочувственно кивнул:

– Не могу передать, как я огорчен. Ужасный удар. В чем все-таки дело?

– В акулах.

– А?

– В акулах. Точнее, в одной отдельно взятой акуле. В той самой, что напала на бедную девочку в Каннах, когда она каталась на акваплане, ты ведь помнишь?

Еще бы мне не помнить. Разве может человек, наделенный тонкими чувствами, забыть, как его кузину чуть не сожрали морские чудовища? Эта страшная история была еще слишком свежа в моей памяти.

Расскажу вкратце, что произошло. Надеюсь, вы знаете, что такое акваплан. Впереди мчится моторная лодка и тащит за собой веревку. Вы стоите на доске, держитесь за эту веревку, и лодка волочет вас за собой. Вы то и дело выпускаете веревку из рук, плюхаетесь в воду и вплавь добираетесь до доски.

Ничего глупее невозможно придумать, однако многим это занятие нравится.

Так вот, едва Анджела взгромоздилась на доску после очередного плюханья в море, как вдруг откуда ни возьмись огромная, зверского вида акула. Мчится прямо к Анджеле и на полном ходу врезается в доску. Анджела опять летит хлебать соленую воду. К счастью, ей удалось снова вскочить на доску и послать лодочнику сигнал бедствия. Он понял, что произошло, и втащил Анджелу в лодку. Думаю, вам понятно, в каком она была состоянии.

Как потом Анджела рассказывала, чудовище все время пыталось цапнуть ее за ногу, так что, когда подоспела помощь, девочка была ни жива ни мертва. Потрясенная тем, что ей пришлось испытать, она долгое время ни о чем другом не могла говорить.

– Конечно, помню, и очень живо, – сказал я. – Но разве можно из-за этого поссориться?

– Вчера Анджела рассказывала об этом Глоссопу.

– Ну и что?

– Она, бедняжка, так волновалась – глаза блестят, кулачки сжаты, как у ребенка.

– Еще бы!

– Но вместо понимания и сочувствия, на которые девочка по праву могла рассчитывать, этот болван Глоссоп, будь он проклят... Знаешь, как он себя повел? Сидел, как пень, будто она ему о погоде рассказывает, потом вынул изо рта мундштук и говорит: «По-моему, это была не акула, а бревно».

– Не может быть!

– И тем не менее. А когда Анджела дошла до того места, как чудовище выпрыгнуло из воды и чуть ее не укусило, он снова вынимает изо рта мундштук и говорит: «А-а, значит, это камбала. Совершенно безобидное существо. Наверное, ей хотелось поиграть». Представляешь?! Что бы ты сделал на месте Анджелы? Она такая гордая, такая ранимая, и это вполне естественно для добропорядочной девушки. Она ему и выложила: ты, говорит, осел, дурак, идиот и сам не знаешь, что мелешь.

Должен заметить, я вполне разделяю мнение Анджелы. Такое необыкновенное приключение выпадает только раз в жизни, и, уж если вам повезло, вы не хотите, чтобы кто-то покушался на ваши лавры. Помню, в школе нас заставляли читать «Отелло». Так там один тип, Отелло, жалуется знакомой девушке, как невыносимо ему было жить среди каннибалов. Представьте, он ей рассказывает леденящую кровь историю о вожде племени каннибалов и ожидает, само собой, что барышня, охваченная благоговейным ужасом, воскликнет: «Ой! Какая жуть! Просто кошмар!» А она вместо этого спокойненько заявляет, что все его рассказы – сплошное преувеличение и что этот самый вождь, скорее всего, не людоед, а известнейший в округе вегетарианец.

Да, я целиком разделял точку зрения Анджелы.

– Неужели старина Глоссоп не пошел на попятную, ведь он видел, что Анджела не в себе?

– Даже не подумал. Стал с пеной у рта доказывать, что он прав. И так слово за слово, пока оба не пришли в бешенство. В конце концов она спросила, понимает ли он, что разжиреет, как свинья, если не перестанет объедаться пирогами и не начнет делать гимнастику по утрам. Он в долгу не остался и начал поносить нынешних девиц, которые

накладывают на лицо слишком много косметики, а он этого не переносит. Они продолжали в том же духе, потом раздался громкий треск, и их помолвка разлетелась на мелкие осколки. Разумеется, я этим до крайности огорчена. Слава богу, Берти, что ты приехал.

– Я просто не мог не приехать, – растроганно отвечал я. – Чувствовал, что я вам нужен.

– Да, очень нужен.

– Понимаю, тетя Даля.

– Не ты, конечно, а Дживс, – сказала она. – Я о нем думаю с той минуты, как все случилось. Без Дживса нам не обойтись. Никто и никогда так остро не нуждался в помощи этого человека с его незаурядным умом.

Если бы я не сидел, а стоял, я бы, наверное, пошатнулся. Однако, сидя в кресле, пошатнуться трудно. Поэтому только по лицу Бертрама можно было заметить, как глубоко уязвили его эти слова.

Пока тетя Даля их не произнесла, в моей душе царили сочувствие и любовь, я был готов на все, лишь бы ей помочь. А сейчас я превратился в ледышку. Лицо у меня окаменело.

– Дживс! – просвистел я сквозь стиснутые зубы.

– Будь здоров, – сказала тетушка.

Видно, она ничего не поняла.

– Я не чихнул. Я сказал: «Дживс!»

– Вот именно. Что за ум! Второго такого нет на свете. Хочу изложить ему все как есть.

По-моему, моя холодность стала еще заметнее.

– Позволю себе поспорить с вами, тетя Даля.

– Что-что?

– Поспорить с вами.

– Поспорить? Со мной?

– Вот именно. Дело в том, что Дживс безнадежен.

– Что?!

– Совершенно безнадежен. Он утратил свою былую хватку. Не далее как два дня назад я был вынужден отстранить его от дела по причине полной беспомощности. Во всяком случае, ваше утверждение, что Дживс – единственный умный человек на свете, меня возмущает. Терпеть не могу, когда сразу бросаются к нему, нет чтобы сначала посоветоваться со мной, может, я и сам сумею вам помочь.

Тетушка хотела что-то сказать, но я остановил ее властным жестом.

– Не стану отрицать, раньше я иногда считал уместным обращаться к Дживсу за советом. Возможно, и в дальнейшем я когда-нибудь прибегну к его помощи. Однако оставляю за собой право лично вникать в те проблемы, которые могут возникнуть у меня или у моих друзей, и нечего вести себя так, будто Дживс – единственный свет в окошке. Порой мне кажется, что своими успехами – бесспорно, у него случались в прошлом удачные решения – Дживс обязан скорее простому везению, чем выдающемуся уму.

– Ты с ним поссорился?

– Ничего подобного.

– Ты на него словно бы дуешься.

– Ничуть не бывало.

Однако, должен признаться, в ее словах была доля правды. В тот день я испытывал к Дживсу довольно сильную неприязнь, сейчас объясню, почему.

Как вы, наверное, помните, он с моим багажом выехал в Бринкли поездом, который

отходит в двенадцать сорок пять, а я остался в Лондоне – у меня была назначена встреча за ленчем. Ну так вот, перед тем как отправиться в путь, я прошелся по квартире, и вдруг – не могу объяснить, почему мне в душу закралось подозрение, может быть, что-то в поведении Дживса меня насторожило, – таинственный голос мне шепнул: «Бертрам, загляни в платяной шкаф».

Да, мои опасения подтвердились. В шкафу висел белый клубный пиджак. Коварный малый нарочно его оставил.

Но не тут-то было! Спросите в «Трутнях», вам всякий скажет, что Бертрама Вустера не проведешь. Я упаковал пиджак в пакет из плотной бумаги, положил на заднее сиденье автомобиля, и теперь он лежал на стуле в холле. Однако факт остается фактом – Дживс попытался меня обмануть, и, уверяя тетю Далию, что не сержусь на него, я, признаться, покривил душой.

– Никаких размолвок не было, – сказал я. – Некоторое мимолетное охлаждение, не более того. Понимаете, мы с ним не сходимся во взглядах на белый клубный пиджак с золотыми пуговицами, и мне пришлось настоять на своем. Но...

– Довольно, все это не имеет значения. Ты мелешь вздор. Стало быть, по-твоему, Дживс потерял хватку? Чепуха! Я только что его видела, у него во взгляде, как всегда, светится ум. Положись на Дживса, сказала я себе, и не отступлю от своих слов.

– Тетя Далия, гораздо разумней было бы доверить устройство ваших дел мне.

– Ради бога, Берти, не вмешивайся не в свое дело. Ты только все испортишь.

– Как раз напротив. Если хотите знать, по дороге сюда я серьезнейшим образом все обдумал и даже разработал план, основанный на изучении психологии личности. Предлагаю привести его в действие, и чем раньше – тем лучше.

– О господи!

– Человеческая природа для меня открытая книга, поэтому мой план даст блестящие результаты.

– Берти! – вскричала тетя Далия в каком-то удивившем меня лихорадочном возбуждении. – Прошу тебя, уймись! Сделай милость, отступись. Знаю я твои планы. Наверняка мечтаешь, чтобы Анджела нырнула в озеро, а Глоссоп бросился ее спасать, или еще какой-нибудь вздор придумал.

– Ничуть не бывало.

– Чего еще от тебя ждать!

– Мой план гораздо изощреннее. Позвольте изложить.

– Спасибо, не стоит.

– Я сказал себе...

– Спасибо, что не мне.

– Да послушайте вы!

– Не хочу.

– Ладно. Я нем как рыба.

– Давно бы так.

Мне стало ясно, что препираться с тетушкой не имеет смысла. Пожав плечами, я безнадежно махнул рукой.

– Ну что ж, тетя Далия, – с достоинством проговорил я, – раз вы пренебрегаете собственным благом, дело ваше. Но, отказываясь выслушать мои соображения, вы лишаете себя редкого удовольствия, которое способна доставить тонкая игра изощренного ума.

Можете сколько угодно прикидываться глухим аспидом из Священного Писания, который, как вы, конечно, помните, ни в какую не желал слушать заклинателя, тем не менее я намерен осуществить свой план. Анджела мне очень дорога, и я ничего не пожалею, лишь бы у нее на душе снова стало радостно.

– Берти, урод ты этакий, ради бога, прошу тебя, уймись. Неужели ты не можешь уgomониться? Ты такую кашу заваришь, что потом век не расхлебаешь.

Помнится, в каком-то историческом романе я читал об одном типе, он был аристократ, то ли английский, то ли французский. Ну так вот, когда ему бросали в лицо обидные или оскорбительные слова, он только лениво усмехался и небрежно смахивал пылинку с безупречных манжет брабантского кружева. В тот момент я поступил, как он. Поправил галстук и одарил тетушку неизъяснимой улыбкой. Потом поднялся со стула и не спеша вышел в сад.

Не успел я шагу ступить, как наткнулся на Таппи. Вид у него был хмурый, лоб бороздили морщины. Он уныло швырял камешки в цветочный горшок.

Уверен, я уже рассказывал вам о Таппи Глоссопе. Это он, если вы помните, однажды вечером в «Трутнях» поспорил со мной, что мне слабо перебраться через плавательный бассейн, хватаясь руками за кольца, свисающие с потолка, – детская забава при моей-то ловкости, – а когда я почти достиг цели, он, коварно предав нашу детскую дружбу, закинул последнее кольцо за перекладину и тем самым заставил меня прыгнуть в воду в одном из моих лучших фраков.

Сказать, что эта подлая выходка, которую я назвал бы преступлением века, оставила меня равнодушным, значит покривить душой. Я был страшно возмущен, оскорблен до глубины души и месяца два не мог успокоиться.

Но, сами знаете, раны затягиваются, душевная боль притупляется.

Только не подумайте, что я упустил бы случай швырнуть Таппи в физиономию мокрую губку, подсунуть в постель ужа или еще как-нибудь отыграться. Подвернись мне такая возможность, я бы с восторгом ею воспользовался в любой момент, но только не теперь. Как ни уязвлен я был коварной Таппиной проделкой, мне не доставляло никакого удовольствия сознавать, что этот балда ломает себе жизнь, если расстанется с девушкой, которую, несомненно, любит без памяти, несмотря на эту глупейшую ссору.

Более того, я от души хотел положить конец их размолвке; кажется, все бы отдал, только пусть у этих двух придурков дело снова пойдет на лад. Вы, наверное, уже догадались об этом из моего разговора с тетей Далией, а если бы у вас оставались какие-то сомнения на этот счет, то полный самого искреннего сочувствия взгляд, который я сейчас послал Таппи, окончательно бы их развеял.

Итак, я бросил на него проникновенный взгляд, крепко пожал руку и дружески похлопал по плечу.

– Привет, Таппи. Как дела, старик?

Я преисполнился к нему еще большего сочувствия, ибо взгляд у него был потухший, на мое рукопожатие он ответил вяло, иными словами, увидев старого друга, он не выразил ни малейшего желания пуститься в пляс. Беднягу будто обухом по черепушке хватили. Видно, меланхолия накрыла его своим крылом, как, помнится, однажды выразился Дживс о Понго Туистлтоне, когда тот пытался бросить курить. Сказать по правде, я не удивился. В сложившихся обстоятельствах подобная хандра была, безусловно, вполне естественна.

Я отпустил его руку, прекратил дружеское похлопывание по плечу и, достав из кармана портсигар, открыл его и протянул Таппи.

Он нехотя взял сигарету.

– Приехал, Берти? – сказал он.

– Приехал.

– Проездом или останешься?

Я медлил с ответом. Можно было бы признаться, что я примчался в Бринкли-Корт с твердым намерением вновь воссоединить их с Анджелой, связать порванные узы и так далее и тому подобное. Закуривая сигарету, я чуть было не выложил ему все начистоту. Но потом решил, что, пожалуй, не стоит. Брякнуть в открытую, что я собираюсь играть на их чувствах, как на контрабасе, было бы неразумно. Кому понравится, что на нем играют, будто он какой-нибудь контрабас?

– Пока не знаю, – сказал я. – Может, останусь, может, нет. Как получится.

Он равнодушно кивнул, дескать, останусь я или уеду – ему один черт, и уставился куда-то вдаль, поверх залитых солнцем деревьев. Надо сказать, наружностью и телосложением Таппи здорово похож на бульдога, а в данный момент он был похож на это породистое животное, которому не дали пирожного. Для человека, столь проницательного, как Бертрам Вустер, не составляло труда догадаться, что у него сейчас на уме, поэтому меня совсем не удивило, когда он коснулся вопроса, отмеченного в повестке дня галочкой.

– Наверное, ты уже слышал про нас с Анджелой?

– Да, Таппи, я в курсе, дружище.

– Мы расстались.

– Знаю. Кажется, вы немного не сошлись во взглядах на акулу?

– Да. Я сказал, что это, скорее всего, была камбала.

– Наслышан.

– Кто тебе сказал?

– Тетя Далия.

– Наверное, ругала меня на чем свет стоит.

– Ничего подобного. Разве что как-то мимоходом обмолвилась: «этот чертов Глоссоп», а в остальном, по-моему, ее лексика отличалась исключительной сдержанностью, в особенности если учесть ее охотничье прошлое. Ведь в свое время она состояла в клубах «Ку-орн» и «Пайтчли». Однако – ты, конечно, извини меня, старина, – тебе, по мнению тетушки, следовало выказать немного больше такта.

– Такта!

– И я склонен отчасти с ней согласиться. Скажи на милость, Таппи, ну зачем ты развенчал акулу, обозвав ее камбалой? Разве ты поступил великодушно? Эта акула дорога Анджеле, девочка в ней, можно сказать, души не чает. И вдруг человек, которому она отдала свое сердце, утверждает, что это не акула, а камбала. Какой удар для бедного создания!

Я видел, что Таппи обуревают противоречивые чувства.

– А меня ты сбрасываешь со счетов? – спросил он срывающимся от волнения голосом.

– Тебя?

– Да. Меня. Неужели не понимаешь, – проговорил Таппи, все больше распаляясь, – что не будь веских причин, я бы, конечно, не назвал эту чертову акулу камбалой, хотя она и в самом деле была камбала? Анджела, дерзкая девчонка, сама меня спровоцировала. Каких только гадостей мне не наговорила. Вот я и воспользовался случаем отыграться.

– Каких таких гадостей?

– Самых отвратительных. И все оттого, что я в разговоре мимоходом, только чтобы поддержать беседу, поинтересовался, какие блюда Анатолий приготовил к обеду. И тут она вдруг заявляет, что я только о еде и думаю и что физические потребности для меня главное. Так и ляпнула – физические потребности! Черт подери, Берти, ты же знаешь, я по своей природе человек духовный.

– Бесспорный факт.

– Ну спросил я так, между прочим, что Анатолий собирается приготовить к обеду. По-моему, ничего страшного. А по-твоему?

– По-моему, тоже. Просто дань уважения великому маэстро.

– Конечно.

– И все-таки...

– Что?

– Я хочу сказать, жаль, что хрупкая ладья любви так бездарно идет ко дну, ведь достаточно всего лишь нескольких слов, чуть-чуть раскаяния...

Он вперил в меня подозрительный взгляд.

– Ты, кажется, предлагаешь, чтобы я пошел на уступки?

– Знаешь, Таппи, старина, это было бы просто замечательно и так великодушно с твоей стороны.

– И не мечтай!

– Но послушай, Таппи...

– Нет. Ни за что.

– Ведь ты ее любишь, правда?

Я наступил на большую мозоль. Он вздрогнул, губы у него задергались. Он явно испытывал нестерпимые душевные муки.

– Не буду отрицать! – пылко воскликнул он. – Я без памяти влюблен в это ничтожество. И тем не менее считаю, что ее надо хорошенько отшлепать.

Ни один Вустер на свете такого не потерпит.

– Таппи, опомнись!

– И не подумаю!

– Повторяю, опомнись, Таппи. Ты меня поражаешь. Впору недоуменно поднять бровь. Где благородный рыцарский дух Глоссопов?

– Не волнуйся, благородный рыцарский дух Глоссопов в полном порядке. А вот как обстоят дела у Анджел? Где их нежная женская душа? Сказать человеку, что у него растет второй подбородок! Как у нее язык повернулся!

– Так и сказала?

– Вот именно.

– О господи! Девицы есть девицы, что с них возьмешь. Таппи, забудь об этом. Иди к ней и помирись.

Он помотал головой:

– Нет. Поздно. Она такого наговорила о моем животе... Никогда ей этого не прощу.

– Таппи, это несправедливо. Ты забыл, как сам однажды сказал Анджеле, что она в новой шляпке – вылитый китайский мопс?

– Но это истинная правда. У меня и в мыслях не было ее оскорблять. Я чистосердечно, по-доброму сказал то, что думал. Мною руководило искреннее желание удержать ее и не выставлять себя на посмешище. А она без всяких оснований пустилась обвинять меня, что я пыхчу, когда поднимаюсь по лестнице. Это совсем другое дело.

Тут я понял – чтобы помирить этих двух придурков, от меня потребуются вся моя недюжинная изобретательность, ловкость и такт. Свадебные колокола в маленькой церкви Маркет-Снодсбери прозвонят только в том случае, если Бертрам умно и тонко выполнит свою миссию. Из разговора с тетей Далией мне стало ясно, что высокие договаривающиеся стороны допустили весьма откровенные высказывания в адрес друг друга, но я не предполагал, что они зашли так далеко.

Эта печальная история глубоко меня тронула. Таппи открыто признался, что любовь к Анджеле по-прежнему живет в его сердце, и я был убежден, что Анджела тоже все еще его любит, несмотря на размолвку. Безусловно, сейчас она жаждет запустить в него бутылкой, но, готов поспорить, в глубине ее души теплится былая нежность. Только уязвленная

гордость заставляет двух влюбленных избегать друг друга. Я чувствовал, что стоит Таппи сделать первый шаг, и все у них пойдет на лад.

Я решил предпринять еще одну попытку.

– Таппи, ты разбиваешь сердце Анджелы.

– С чего ты взял? Ты ее видел?

– Нет, но я уверен.

– А по ней не скажешь.

– Притворяется, не сомневайся. Как Дживс, когда я начинаю отстаивать свои права.

– Представляешь, стоит нам встретиться, она морщит нос, будто дохлую крысу увидела.

– Напускное. Уверен, она тебя все еще любит. Одно ласковое слово, и лед растает.

Я понял, что он дрогнул. Видимо, мне все-таки удалось тронуть его сердце. Он ковырнул дерн носком ботинка и проговорил срывающимся голосом:

– Ты уверен?

– На все сто.

– Гм-м.

– Тебе надо только подойти к ней...

Он покачал головой:

– Не могу. Это было бы роковой ошибкой. Я сразу потеряю свой престиж. Знаю я этих девиц. Стоит один раз уступить, и она сядет тебе на шею. – Он помолчал. – Единственный выход – как-то косвенно намекнуть, что я готов с ней поговорить. Может, мне при встрече с ней надо тяжело вздыхать, как ты считаешь?

– Она подумает, что ты отдуваешься.

– Да, ты прав.

Снова закурив сигарету, я принялся напряженно шевелить извилинами. И с первой попытки нашел решение, ибо мы, Вустеры, отличаемся быстротой ума. Мне вспомнился совет, который я дал Гасси по поводу сосисок и ветчины.

– Придумал! Есть один верный способ убедить девушку, что ты ее любишь. Действует безотказно и нам подходит как нельзя лучше. Сегодня за обедом не прикасайся к еде. Увидишь, какое впечатление это произведет на Анджелу. Она же знает, какой ты обжора.

– Ничего подобного! – взвился Таппи. – Я не обжора!

– Ну хорошо, хорошо.

– И вообще я к еде совершенно равнодушен.

– Согласен. Я только хотел...

– Пора положить конец этим разговорам, – кипятился Таппи. – Я молод, здоров, и у меня хороший аппетит, но это не значит, что я обжора. Я восхищаюсь Анатоном как великим мастером своего дела, и мне всегда интересно знать, чем он собирается нас попотчевать, но когда ты называешь меня обжорой...

– Хорошо, хорошо. Я только хотел сказать, если Анджела увидит, что ты отодвигаешь тарелку, не съев ни кусочка, она поймет, как ты страдаешь, и, скорее всего, сама сделает первый шаг.

Таппи задумался, нахмутив брови.

– Говоришь, совсем отказаться от обеда?

– Да.

– От обеда, приготовленного Анатоном?

– Да.

– Не отведав ни кусочка?

– Да.

– Не понял. Давай сначала. Сегодня вечером, за обедом, когда дворецкий поднесет мне зобные железы двухнедельных телят а la financière или еще что-то, с пылу с жару, прямо из рук Анатоля, по-твоему, я должен отказаться, не попробовав ни кусочка?

– Да.

Таппи задумчиво покусывал губы. Невооруженным глазом было видно, как жестоко он борется с собой. Внезапно лицо у него просветлело. Ну прямо как у первых мучеников-христиан.

– Ладно.

– Ты согласен?

– Согласен.

– Отлично.

– Конечно, это будет пыткой.

Я поспешил напомнить Таппи, что у тучки есть светлая изнанка.

– К счастью, недолгой. Ночью, когда все уснут, ты спустишься вниз и совершишь набег на кладовую.

Таппи просиял.

– И правда! Вот это мысль!

– Думаю, там найдутся холодные закуски.

– Конечно, найдутся, – сказал сразу повеселевший Таппи. – Например, пирог с телятиной и почками. Его сегодня подавали на ленч. Один из шедевров Анатоля. Знаешь, что меня в нем особенно подкупает, – благоговейно проговорил Таппи, – и чем я безмерно восхищаюсь? Хоть он и француз, он не привержен исключительно французской кухне, не то что все эти известные повара. Анатолю никогда не пренебрегает старой доброй простой английской пищей, такой, как, например, пирог с телятиной и почками, о котором я тебе говорил. Не пирог, а что-то сказочное. За ленчем мы съели только половину. Знаешь, Берти, этот пирог – как раз то, что надо.

– А от обеда ты отказываешься, как договорились?

– Нет вопросов.

– Отлично.

– Блестящая идея. По-моему, одна из лучших идей Дживса. Передай ему, когда с ним увидишься, что я чрезвычайно ему признателен.

Я выронил сигарету. Меня будто хлестнули по лицу мокрым кухонным полотенцем.

– Неужели тебе взбрело в голову, что этот план предложил Дживс?

– А как же иначе? Знаешь, Берти, не вешай мне лапшу на уши. Тебе до такого век не додуматься.

Я не стал ему отвечать. Только гордо выпрямился во весь рост, но, когда понял, что Таппи на меня не смотрит, плечи у меня снова поникли.

– Ладно, Глоссоп, – холодно проговорил я, – идем. Пора переодеваться к обеду.

Я шел к себе в комнату, а обидные слова придурка Таппи все еще отдавались болью у меня в сердце. И когда я снимал свитер и потом, облаченный в халат, шел по коридору в *salle de bain* [55], уязвленное самолюбие терзало меня с неослабевающей силой.

Сказать, что обида прошила меня навылет, значит ничего не сказать.

Я не жду аплодисментов. Низкопоклонство толпы гроша ломаного не стоит. И все равно, когда вы берете на себя труд создать превосходный план, чтобы помочь попавшему в беду другу, то крайне оскорбительно обнаружить, что этот придурок приписывает все заслуги вашему камердинеру, да еще такому, который всячески норовит не уложить в чемодан ваши белые клубные пиджаки с золотыми пуговицами.

Однако, поплескавшись в ванне, я вновь обрел душевное спокойствие. В те минуты, когда у вас на сердце тяжело, ничто так не успокаивает, как хорошая ванна, это я всегда знал. Не скажу, что я сейчас запел во весь голос, но, кажется, был к этому весьма близок.

Гнев и обида, вызванные наглým заявлением этого придурка Таппи Глоссопа, заметно поутихли.

К тому же гуттаперчевый утенок, видимо, забытый каким-то малышом и обнаруженный мною в мыльнице, немало способствовал тому, чтобы я вновь развеселился. Вот уже много лет мне по разным причинам не случалось играть в ванне гуттаперчевыми утятами, и теперь я понял, какое это увлекательное занятие. Для тех, кого оно заинтересует, сообщаю, что если вы с помощью губки погрузите утенка в воду, а потом отпустите, он тотчас вынырнет на поверхность, и, уверяю, ничто так не утешает измученную заботами душу. Десять минут такой забавы, и к Бертраму вернулась его прежняя жизнерадостность.

В спальне я застал Дживса, который готовил вечернюю выкладку. Он, как всегда, учтиво со мной поздоровался.

– Добрый вечер, сэра.

Я ему ответил столь же любезно:

– Добрый вечер, Дживс.

– Надеюсь, поездка была приятной, сэра.

– Благодарю вас, Дживс, весьма приятной. Дайте мне, пожалуйста, носок или, если вас не затруднит, сразу оба.

Я начал одеваться.

– Ну что, Дживс, – сказал я, надевая белье, – вот мы и снова в Бринкли-Корте, графство Вустершир.

– Да, сэра.

– Хорошенькая кутерьма заварилась в этой сельской глуши.

– Да, сэра.

– Таппи Глоссоп и кузина Анджела, кажется, не на шутку рассорились.

– Да, сэра. В людской сложившуюся ситуацию расценивают как весьма серьезную.

– И вы, конечно, считаете, что я не в состоянии уладить дело, а потому умываю руки?

– Да, сэра.

– А вот и ошибаетесь, Дживс. У меня все схвачено.

– Я удивлен, сэра.

– Знал, что вы удивитесь. Да, Дживс, пока ехал сюда, я все время напряженно думал, и

вот результат налицо. Только что мы с мистером Глоссопом побеседовали. Считайте, дело в шляпе.

– Вот как, сэр? Могу ли я поинтересоваться...

– Дживс, вы знаете мою методику. Попробуйте ее использовать. А вы сами, Дживс, – сказал я, надев рубашку и приступая к завязыванию галстука, – вы вообще-то всем этим обеспокоены?

– О да, сэр. Я очень привязан к мисс Анджеле и был бы чрезвычайно рад оказаться ей полезным.

– Весьма похвальные чувства, Дживс. Но, полагаю, так ничего и не придумали?

– Не совсем так, сэр. У меня родилась одна мысль.

– Интересно, какая же?

– Мне показалось, что можно достичь примирения между мистером Глоссопом и мисс Анджелой, если воззвать к инстинкту, который в минуту опасности заставляет джентльмена броситься на помощь...

Я был потрясен. Мне даже пришлось отвлечься от завязывания галстука и негодующе вздеть руки.

– Неужели вы предлагаете затасканную схему вроде «она тонет, а он ее спасает»? Неужели вы опустились до такой пошлости? Дживс, я крайне удивлен. Удивлен и огорчен. Когда я сюда приехал, мы с тетей Далией обсуждали создавшееся положение, и она презрительно сказала, что я наверняка придумал какую-нибудь ахиною, например, утопить Анджелу в озере, а потом столкнуть туда Таппи, чтобы он ее спас. Я недвусмысленно дал тетушке понять, что считаю подобное предположение оскорбительным для себя. А теперь, если я вас правильно понял, именно это вы и собираетесь предложить. Опомнитесь, Дживс!

– Нет, сэр. Не совсем так. Прогуливаясь по парку, я заметил строение, где висит пожарный колокол, и у меня мелькнула мысль, что если вдруг ночью раздастся сигнал тревоги, то мистер Глоссоп, вне всяких сомнений, приложит все усилия, чтобы помочь мисс Анджеле укрыться в безопасном месте.

Меня всего передернуло.

– Бредовая мысль, Дживс.

– Тем не менее, сэр...

– Бесполезно. Все это чепуха.

– Мне кажется, сэр...

– Нет, Дживс. Довольно. Хватит. Оставим эту тему.

Я молча завязал галстук. Меня обуревали чувства, которые невозможно выразить словами. Конечно, я знал, что в последнее время Дживс потерял былую хватку, но не подозревал, до чего он докатился. Вспоминая его прошлые выдающиеся находки, я содрогнулся от ужаса при виде его нынешней беспомощности. Или глупости? Я говорю об этой его крайне неприятной манере вбить себе в голову совершенный вздор и с ослиным упорством настаивать на своем. Впрочем, по-моему, случай весьма банальный. Человеческий интеллект подобен автомобилю, который годами мчится с предельной скоростью. И вдруг, представьте себе, что-то ломается в коробке передач, и автомобиль летит в кювет.

– Сложновато, Дживс, – сказал я мягко, делая вид, что не замечаю полной несостоятельности его плана. – Вы всегда этим грешите. Разве вы сами не видите, что план сложноват?

– Вероятно, предложенный мною вариант решения может быть подвергнут критике, но *faute de mieux*...

– Дживс, я вас не понимаю.

– Французское выражение, сэр, означает «за неимением лучшего».

Минуту назад я испытывал к бедняге, утратившему свой некогда блистательный интеллект, лишь глубокую жалость. Однако это его замечание уязвило гордость Вустеров, и я заговорил довольно резко:

– Дживс, мне отлично известно, что означает выражение *faute de mieux*. Я не зря недавно провел два месяца у наших галльских соседей. К тому же я со школьной скамьи помню это выражение. Меня повергло в недоумение совсем другое – почему вы его употребили, прекрасно зная, что это ваше идиотское *faute de mieux*, черт его побери, совершенно неуместно? Откуда вы его взяли? Разве я вас не заверил, что у меня все схвачено?

– Да, сэр, однако...

– Что значит «однако»?

– Но, сэр...

– Валяйте, Дживс. Я готов вас выслушать, более того, с нетерпением жду, что вы скажете.

– Видите ли, сэр, если бы я взял на себя смелость напомнить вам, что в прошлом ваши планы не всегда оказывались одинаково успешными...

Наступило напряженное молчание, во время которого я с подчеркнутой неторопливостью надел жилет, аккуратно поправил пряжку на спине и только тогда заговорил.

– Вы правы, Дживс, – холодно проговорил я, – в прошлом, возможно, я раз-другой попадал впросак. Однако я отношу эти провалы исключительно на счет невезения.

– В самом деле, сэр?

– Что касается данного случая, то здесь неудача исключается, и я вам объясню почему. Дело в том, что мой план основан на знании человеческой природы.

– В самом деле, сэр?

– Он элементарно прост. Никаких выкрутасов. И, более того, он учитывает психологию личности.

– В самом деле, сэр?

– Дживс, – сказал я, – ну что вы заладили это ваше: «В самом деле, сэр?» Не сомневаюсь, что вы не намерены выразить ничего, кроме заинтересованности, однако ваша привычка проглатывать первое слово и делать ударение на втором приводит к тому, что мне каждый раз слышится: «Обалдели, сэр?» Возьмите это на заметку, Дживс.

– Хорошо, сэр.

– Итак, повторяю, у меня все схвачено. Хотите знать, какие шаги я предпринял?

– Я весь внимание, сэр.

– Тогда слушайте. Я посоветовал Таппи отказаться сегодня вечером от обеда.

– Сэр?

– Полно, Дживс! Вы прекрасно понимаете, о чем речь, хотя вам самому никогда бы до этого не додуматься. Вы ведь помните мою телеграмму Гасси Финк-Ноттлу, где я предписывал ему отказаться от сосисок и ветчины? Здесь то же самое. Отодвигать блюда, не попробовав ни кусочка, – во всем мире это считается верным признаком того, что человек

умирает от любви. Действует безотказно. Теперь вам понятно?

– Видите ли, сэр...

Я нахмурился.

– Дживс, пусть вам не покажется, будто я постоянно подвергаю критике вашу манеру выражать свои мысли, – сказал я, – однако должен довести до вашего сведения, что выражение «Видите ли, сэр...» со всех точек зрения почти столь же неприятно, как и «В самом деле, сэр?». Оно тоже изрядно отдает скепсисом. В нем сквозит неверие в мою проницательность. Услышишь раз-другой это ваше «Видите ли, сэр...», и складывается впечатление, будто все, что я говорю, с вашей точки зрения, не более чем бред сумасшедшего, и если бы не старый добрый феодальный дух, который вас сдерживает, вы, наверное, вместо «Видите ли, сэр...» говорили бы «А идите-ка вы, сэр...».

– О нет, сэр.

– Но звучит именно так. Почему вы считаете, что мой план провалится?

– Боюсь, мисс Анджела сочтет, что мистер Глоссоп воздерживается от пищи по причине расстройства пищеварения, сэр.

Признаться, я упустил из виду подобную возможность и в первый момент дрогнул. Однако мне удалось быстро овладеть собой. Я понял, откуда ветер дует. Уязвленный сознанием собственной беспомощности, Дживс попросту пытается сорвать мой блестящий план. Я решил сразу же сбить с него спесь.

– Да? Вы полагаете? – сказал я. – Ладно, оставим эту тему, я хочу обратить ваше внимание, что вы мне подали совсем не тот пиджак. Будьте столь добры, Дживс, – продолжал я, указывая на вечерний пиджак, – или смокинг, как мы его называли на Лазурном берегу, – висящий на вешалке на ручке гардероба, – засуньте это черное страшилище в чулан и принесите мой белый клубный пиджак с золотыми пуговицами.

Дживс многозначительно на меня посмотрел. В том смысле, что его взгляд был полон уважения, и все же глаза у него дерзко блеснули, а по лицу скользнула затаенная улыбка. В то же время он негромко кашлянул.

– Весьма сожалею, сэр, но я ненароком забыл упаковать упомянутый вами предмет одежды.

Мысленным взором я увидел бумажный пакет, лежащий в холле, и лукаво ему подмигнул. Кажется, я даже промурлыкал себе под нос такт-другой. Впрочем, не уверен.

– Знаю, что забыли, Дживс, – сказал я и усмехнулся, устало опуская веки и стряхивая пылинку с безукоризненных манжет брабантского кружева. – Зато я не забыл. Бумажный пакет с пиджаком лежит на стуле в холле.

Известие о том, что его коварные уловки не удались и что упомянутый предмет числится в списочном составе, должно быть, потрясло Дживса, но в его тонко очерченном лице не дрогнул ни один мускул. Признаться, игра чувств редко отражается у Дживса на лице. Попадая в неловкое положение, он, как я уже говорил Таппи, надевает на себя маску и становится похож на чучело американского лося, такой же безразличный и напыщенный.

– Не могли бы вы спуститься в холл и принести пакет?

– Очень хорошо, сэр.

– Вперед, Дживс!

И вот я уже не спеша направляюсь в гостиную, с удовольствием ощущая, как любимый белый пиджак уютно облегает мне плечи.

В гостиной я застал тетю Далию, она бросила в мою сторону внимательный взгляд.

– Привет, чучело, – сказала она. – На кого ты похож? Ну и вырядился!

Я не понял, на что она намекает.

– Это вы про пиджак? – с удивлением осведомился я.

– Ну да. Точь-в-точь хорист из провинциального мюзик-холла.

– Вам не нравится пиджак?

– Конечно, нет.

– Но в Каннах нравился.

– Здесь не Канны.

– Но, черт подери...

– Да нет, пожалуйста. Если хочешь насмешить моего дворецкого, о чем речь. Впрочем, все это не имеет значения. Теперь ничто уже не имеет значения.

«Смерть, где твое спасительное жало! [\[56\]](#)» – вот что мне послышалось в тоне, каким были сказаны эти слова. Тетушкино настроение неприятно меня поразило. Не часто мне удается так классно обставить Дживса, я торжествовал победу, и мне хотелось видеть вокруг веселые, улыбающиеся лица.

– Тетя Даля, держите хвост пистолетом! – жизнерадостно вскричал я.

– К черту хвост вместе с пистолетом, – мрачно сказала она. – Я только что говорила с Томом.

– И все ему рассказали?

– Нет, это он мне рассказывал. У меня пока язык не повернулся.

– Возмущался подходными налогами?

– Не то слово. Говорит, что цивилизация катится в пропасть, и все мыслящие люди уже могут прочесть начертанные на стене письма.

– На какой стене?

– Вспомни Ветхий Завет, осел. Валтасаров пир [\[57\]](#).

– Ах да, конечно. Меня всегда интересовало, как они проделали такую штуку? Наверное, с помощью системы зеркал.

– Вот бы мне такую систему. Чтобы Том сам как-нибудь догадался о моем проигрыше.

У меня были в запасе слова утешения для тетушки Далии. После нашей с ней последней беседы я все время ломал себе голову и наконец понял, как ей выкрутиться. Ее ошибка, на мой взгляд, состояла в том, что она хочет все рассказать дядюшке Тому. А по-моему, ей следует спокойно хранить молчание.

– Не понимаю, зачем вам нужно заводить разговор о вашем проигрыше в баккара.

– А что ты предлагаешь? Пусть «Будуар знатной дамы» катится в пропасть вместе со всей цивилизацией? Этим и кончится, если на следующей неделе не получу от Тома чек. В типографии и так уже несколько месяцев мною недовольны.

– Послушайте, тетя Даля, вы меня не поняли. Дядюшка Том, ясное дело, оплачивает счета вашего «Будуара». Если этот ваш журналчик два года не может стать на ноги, дядюшка за это время, должно быть, уже привык выкладывать денежки. Вот и попросите у него денег для типографии.

– Просила. Как раз перед отъездом в Канны.

– И он отказал?

– Ну что ты. Нет, конечно. Был щедр, как истинный джентльмен. Именно эти деньги я и спустила в казино.

– Да ну? Я не знал.

– Много ли ты вообще знаешь.

Из любви к тетушке я пропустил эту колкость мимо ушей.

– Уф! – сказал я.

– Что ты сказал?

– Я сказал: «Уф!»

– Еще раз скажешь, и я тебя отшлепаю. Нечего тут пыхтеть. У меня и без того забот хватает.

– В самом деле.

– Право говорить «уф» оставляю за собой. То же относится и к цоканью языком, учти это.

– Непременно.

– То-то же.

Я задумался. Тревога сжала сердце. Оно, если вы помните, сегодня один раз уже обливалось кровью от сострадания к тетушке. И сейчас снова принялось обливаться. Я знал, как глубоко тетя Далия привязана к своему журналу. Ужасно сознавать, что он идет ко дну, как будто любимое дитя у тебя на глазах в третий раз тонет в озере или, например, в пруду.

Само собой, дядя Том гроша ломаного не даст, если его как следует не подготовить, пусть хоть сто журналов пойдут ко дну.

И тут я понял, что надо делать. Тетушка должна стать в строй наравне с другими моими клиентами. Таппи Глоссоп отказывается от обеда, чтобы тронуть сердце Анджелы. Гасси Финк-Ноттл отказывается от обеда, чтобы произвести впечатление на дуреху Бассет. Тетя Далия должна отказаться от обеда, чтобы умиловить дядю Тома. Вся прелесть этого метода в том, что число моих подопечных не ограничено. Хоть десять, хоть двадцать, чем больше, тем веселее, и каждому гарантируется успех.

– Придумал! – сказал я. – У вас есть только один выход. На диету надо сесть и поменьше мяса есть.

Тетя Далия вперила в меня жалобный взгляд. Не уверен, но, по-моему, в ее глазах стояли невыплаканные слезы. Однако могу засвидетельствовать со всей определенностью, что она умоляюще заломила руки.

– Берти, не довольно ли нести чушь? Хоть сегодня ты можешь угомониться? Доставь своей тетке такое удовольствие.

– Но я несу совсем не чушь.

– Если подходить с твоими высокими мерками, может, и не чушь, но...

До меня наконец дошло. Просто я недостаточно ясно выразился.

– Все в порядке, – сказал я. – Оставьте свои опасения. То была риторическая фигура, только и всего. Когда я сказал «...и поменьше мяса есть», я подразумевал, что сегодня за обедом вам надо отказаться от пищи. Будете сидеть с видом страдальницы и бессильным мановением руки отсылать все блюда нетронутыми. Увидите, что будет. Дядюшка заметит, что у вас нет аппетита, и, готов спорить, в конце обеда подойдет к вам и скажет: «Далия, дорогая», – по-моему, он вас называет: «Далия» – «Далия, дорогая, – скажет он, – я заметил, что сегодня за обедом ты ничего не ела. Что-нибудь случилось, Далия, дорогая?» – «Ах, Том, дорогой, да, случилось, – ответите вы. – Как мило, что ты так внимателен, дорогой. Дорогой, я ужасно встревожена». – «Моя дорогая», – скажет он...

В этом месте тетя Далия меня прервала, заметив, что, судя по их диалогу, эти самые Траверсы – пара сюсюкающих кретинов. Она пожелала узнать, когда я перейду к делу.

Я только посмотрел на нее и продолжал:

– «Моя дорогая, – нежно скажет он, – могу ли я чем-нибудь помочь?» Вы ответите, что да, конечно, а именно – пусть он возьмет чековую книжку и начнет писать.

Говоря это, я внимательно наблюдал за тетушкой и, к своему большому удовольствию, вдруг обнаружил, что она смотрит на меня с уважением.

– Берти, это просто гениально.

– Я же говорю, не у одного только Дживса голова на плечах.

– Думаю, номер пройдет.

– Еще как пройдет. Я и Таппи его рекомендовал.

– Глоссопу?

– Ну да, чтобы разжалобить Анджелу.

– Потрясающе!

– А также Гасси Финк-Ноттлу, чтобы произвести впечатление на Бассет.

– Ну и ну! Ты, я смотрю, хорошо поработал.

– Стараюсь, тетя Далия, стараюсь.

– Ты совсем не такой балда, как я думала.

– Это когда же вы думали, что я балда?

– Ну, прошлым летом, например. Правда, не помню, почему именно. Берти, твой план – просто блеск. Сдается мне, без Дживса тут не обошлось.

– Как раз напротив. Дживс здесь вообще ни при чем. Ваши подозрения просто оскорбительны.

– Ладно, ладно, успокойся. Да, думаю, все получится. В конце концов, Том мне предан.

– Еще бы.

– Решено.

Тут подоспели остальные чада и домочадцы, и мы направились в столовую.

При сложившихся в Бринкли-Корте обстоятельствах – имеется в виду, что это благословенное место было выше ватерлинии нагружено разбитыми сердцами и страждущими душами, – я не ожидал, что вечерняя трапеза будет искриться весельем. Так оно и случилось. За столом царило мрачное молчание, ну прямо рождественский обед на Дьявольском острове. [\[58\]](#)

Я едва дождался, когда он кончится.

Поскольку напасти, обрушившиеся на тетю Далию, увенчались еще и необходимостью держаться подальше от обеденного стола, моя дорогая родственница совсем утратила свойственную ей живость и блестящее остроумие. Дядюшка Том и всегда смахивал на птеродактиля, снедаемого тайной печалью, теперь же он окончательно впал в черную меланхолию, ибо понес убыток, исчисляемый пятьюдесятью соверенами, и с минуты на минуту ожидал гибели цивилизации. Девица Бассет молча крошила хлеб. Анджела походила на мраморное изваяние. У Таппи был вид преступника перед казнью, который добровольно отказывается от положенного в таких случаях обильного завтрака.

Что до Гасси Финк-Ноттла, то, глядя на него, даже искушенный в своем деле гробовщик наверняка бы обманулся и принялся его бальзамировать.

Гасси я видел впервые с тех пор, как мы расстались у меня дома, и, должен признаться, его поведение крайне меня разочаровало. Я ожидал, что в Бринкли-Корте этот придурок хоть немного оживится.

Во время нашей последней встречи у меня дома Гасси, если вы помните, клятвенно

заверял, что его может расшевелить только сельская обстановка. Однако я не заметил ни малейших признаков того, что он собирается выйти из спячки. Всем своим видом он по-прежнему напоминал ту самую кошку, которая так долго не могла на что-то там осмелиться, что даже вошла в поговорку [\[59\]](#). Поэтому, сразу решил я, как только улизну из этой покойницкой, отведу олуха Гасси в сторонку и постараюсь вселить в него боевой дух.

Если кто-то нуждался в призывном звуке горна, так это Финк-Ноттл.

Однако во время исхода участников похоронной трапезы из столовой я потерял его из виду и не смог тотчас броситься на поиски, так как тетя Далия усадила меня играть в триктрак. И только когда вошел дворецкий и сообщил тетушке, что с ней хотел бы поговорить Анатолий, мне удалось дать деру. Минут десять спустя я убедился, что в доме и не пахнет Финк-Ноттлом, забросил сети в саду и вскоре выловил этого дуралея в розарии.

Он стоял и с отсутствующим видом нюхал розу, но, увидев меня, отпрянул от цветка.

– Салют, Гасси.

Я приветливо просиял, я всегда приветливо сияю, когда встречаю старого друга. Однако он, вместо того чтобы приветливо просиять мне в ответ, бросил на меня неприязненный взгляд. Я был озадачен. Казалось, он совсем не рад Бертраму. Постояв еще с минуту и по-прежнему не сводя с меня неприязненного взгляда, он заговорил.

– Только тебя здесь не хватало! – процедил он.

Когда человек цедит слова сквозь зубы, это верный признак отсутствия с его стороны дружеского расположения. Тут я почувствовал, что совсем сбит с толку.

– В каком смысле меня здесь не хватало?

– Нравится мне эта наглость. Прискакать ко мне со своим: «Салют, Гасси». Очень нужен мне твой «салют», Вустер. И нечего таращить на меня глаза. Ты прекрасно понимаешь, о чем речь. О вручении призов, будь оно трижды проклято! Какова подлость, спихнуть это на меня. Скажу тебе прямо, без обиняков – ты поступил трусливо и нечестно.

Хотя, как я уже упоминал, по дороге в Бринкли мои умственные усилия сосредоточивались главным образом на деле Анджелы – Таппи, я не упускал из виду, что мне предстоит объяснение с Гасси. Более того, я предвидел, что, когда мы встретимся, могут возникнуть временные недоразумения, а Бертрам Вустер любит вступать в неприятные объяснения во всеоружии.

Поэтому теперь я мог ответить на упреки Гасси смело и обезоруживающе искренне. Правда, неожиданное вступление темы вручения призов застало меня врасплох, ибо под давлением недавних событий эта тема, само собой, отошла у меня на задний план; однако я быстро нашелся и, как уже упомянул, отвечал Гасси смело и обезоруживающе искренне.

– Послушай, старик, – сказал я, – я-то думал, ты понимаешь, что вручение призов – главная составная часть моего плана.

Он буркнул что-то насчет моего плана, но я не разобрал.

– Неужели ты не врубился? Спихнуть на тебя – как тебе такое в голову пришло? Неужели ты мог подумать, что я уклоняюсь от вручения призов? Да если хочешь знать, для меня нет более приятного занятия. Но я великодушно пожертвовал собой и уступил почетное право тебе. Я же знаю, как это важно для тебя. Неужели ты не понимаешь, какой успех тебя ждет?

В ответ он грубо выругался. Я даже не подозревал, что ему известны подобные выражения. Оказывается, можно зарыть себя в глуши и тем не менее успешно пополнять свой словарный запас. Конечно, чего-то нахватывается от соседей – викария, доктора,

разносчика молока и так далее.

– Черт подери, Гасси, – сказал я, – неужели ты не понимаешь, как тебе повезло? Твои акции взлетят до небес. Представь себе, ты стоишь на кафедре, романтическая, яркая личность, гвоздь программы, к тебе прикованы все взоры. Мадлен Бассет будет в восхищении. Она увидит тебя совсем в ином свете.

– Как же, увидит!

– Конечно, увидит. Ты ей известен как Огастус Финк-Ноттл, друг тритонов. Она также знает тебя как отважного мозольного оператора, способного вынуть занозу из собачьей лапы. Но Огастус Финк-Ноттл в роли оратора убьет ее наповал, или я совсем не знаю женщин. Девушки помешаны на общественных деятелях. Ты даже не представляешь себе, какую услугу я тебе оказываю, возложив на тебя столь почетную миссию.

Кажется, мое красноречие на него подействовало. Конечно же, он не смог устоять. Перестал метать в меня молнии из-за очков в роговой оправе, в глазах появилось прежнее выражение – как у испуганной рыбины.

– М-м-да, – задумчиво произнес он. – Послушай, Берти, а тебе когда-нибудь приходилось держать речь?

– Сто раз. Для меня это пара пустяков. Плевое дело. Например, однажды я выступал в школе для девочек.

– И не трусил?

– Ни капельки.

– Ну и как сошло?

– Барышни смотрели мне в рот. Они были в моих руках как мягкий воск.

– Неужели не закидали тебя яйцами?

– Еще чего!

Гасси испустил глубокий вздох и сколько-то времени стоял, молча уставившись на ползущего слизня.

– Вообще-то, – заговорил он наконец, – может, и обойдется. Наверное, я просто заикнулся на этом дурацком вручении призов. Может, я не прав, но мне казалось, легче умереть. Понимаешь, мысль о предстоящей тридцать первого процедуре превратила мою жизнь в сплошной кошмар. Я не могу ни спать, ни думать, ни есть... Кстати, вспомнил. Ты так и не объяснил мне, что означает твоя шифровка по поводу сосисок и ветчины.

– Это не шифровка. Я не хотел, чтобы ты пообедался, тогда Мадлен поймет, как сильно ты в нее влюблен.

Он глухо рассмеялся.

– Понял. Можешь не волноваться, старик, у меня совсем аппетит отшибло.

– Да, за обедом я это заметил. Высший класс.

– При чем тут высший класс, какой мне от него прок! Я никогда не решусь сделать ей предложение. Духу не хватит, даже если до конца жизни просижу на одних сухарях.

– Послушай, Гасси, так нельзя. Ведь вокруг сплошная романтика. Я думал, шелест листвы...

– Можешь думать что угодно. Не решусь, и все тут.

– Глупости!

– Не могу я. Она такая далекая, такая неприступная.

– Чепуха.

– Нет, не чепуха. Особенно если смотреть на нее сбоку. Берти, ты смотрел на нее сбоку?

Какой тонкий, благородный профиль. Сердце так и замирает.

– Ничего подобного.

– А я тебе говорю, замирает. Как посмотрю на нее в профиль, так теряю дар речи.

Он говорил с безнадежным отчаянием, я не видел в нем ни намека на воодушевление и боевой дух. Признаться, я стал в тупик. Эту заливную рыбину расшевелить невозможно. Однако внезапно у меня мелькнула догадка. С присущей мне молниеносной быстротой я понял, что надо делать, чтобы у этого тюфяка развязался язык.

– С ней надо провести артподготовку, – сказал я.

– Что провести?

– Артподготовку. Или удобрить почву. Или протоптать тропинку. Необходима кропотливая подготовительная работа. Вот что я тебе предлагаю: сейчас я вернусь в дом и вытащу твою Бассет на прогулку. Начну толковать о разбитых сердцах, намекну, что одно из них находится неподалеку, прямо здесь, в доме. Не жалея сил, распишу ей все как можно красочней, тут не надо бояться преувеличений. Ты тем временем будешь сидеть в засаде, а примерно через четверть часа появишься на сцене и всюду пустишься флиртовать. К этому времени чувства у барышни разыграют, и ты с легкостью доверишь дело. Это как вскочить в автобус на ходу.

Помню, нас в школе заставляли учить стихотворение про одного типа по имени Пигмалион, он был скульптором и изваял статую девицы. А эта чертова девица в одно прекрасное утро вдруг возьми да оживи. Представляете, какое страшное потрясение для Пигмалиона? Впрочем, вспомнил я эту историю вот к чему. В стихотворении были такие строчки, если только я ничего не напутал:

Трепет. Легкое движенье.

Глядь – уж шквал

У нее в крови разыграл.

Вы поняли, куда я клоню: чтобы описать разительную перемену, произошедшую на моих глазах с Гасси, лучше не скажешь. Лоб у него разгладился, глаза загорелись, рыбьего взгляда как не бывало; он посмотрел на слизня, который все еще вершил свой бесконечно долгий путь, почти дружелюбно. Чудесное превращение!

– Да, понял. Ты протопчешь тропинку.

– Совершенно верно. Проведу кропотливую подготовительную работу.

– Потрясающая мысль, Берти. Совсем другое дело.

– Верняк. Но помни, потом ты сам должен постараться. Не зевай, не трусь, куй железо, пока горячо, иначе все мои усилия пойдут прахом. Главное, не молчи.

Гасси снова сник. Задыхал с трудом, как выброшенная на берег рыбина.

– Понятно. Но о чем, черт побери, мне говорить? Я с трудом сдержал раздражение. Ведь мы с этим дуралеем вместе учились в школе.

– Господи! Существуют сотни тем. Заговори, например, о закате.

– О закате?

– Вот именно. Половина из твоих женатых знакомых начинала с разговора о закате.

– Но что я скажу о закате?

– Знаешь, на днях Дживс такое о нем отмочил – закачаешься. Мы с ним встретились

вечером, когда он выгуливал собаку в парке, и он мне говорит: «Мерцая, гаснет вечерний свет, сэр, торжественным покоем воздух дышит» [\[60\]](#). Можешь прямо так ей и выложить.

– Как-как гаснет?

– Мерцая. Мясо, ель, растяпа...

– А-а, мерцая? Да, неплохо. Мерцая, гаснет... торжественным покоем... Очень даже неплохо.

– Потом скажи, что, по-твоему, звезды – это ромашки на лугах господ бога. Признайся ей, что ты часто об этом думаешь.

– Но мне подобный вздор никогда в жизни в голову не приходил.

– Разумеется, не приходил. Зато ей приходил. Сморозь ей эту чушь, и пусть только она попробует не почувствовать, что вы с ней родственные души.

– Ромашки на лугах господ бога, говоришь?

– Да. Именно. Потом продолжай в том же духе, скажи, что сумерки всегда навевают на тебя грусть. Знаю, ты сейчас возразишь, что ничего они тебе не навевают. Но в данном случае должны навевать как миленькие.

– Почему?

– Вот и она тоже спросит, почему. Тут ты воспользуешься случаем. Скажешь, что влачишь одинокую жизнь. Неплохо бы описать ей вкратце, как ты проводишь вечера в своем Линкольнширском поместье, как уныло бродишь по лугам.

– Обычно я сижу дома и слушаю радио.

– Ничего подобного. Ты уныло бродишь по лугам, грезя о родственной душе, которая бы тебя любила. Потом заговори о том дне, когда она впервые появилась в твоей жизни.

– Как сказочная принцесса.

– Умница, – одобрил я. Признаться, не ожидал подобной прыти от такого сапога. Сказочная принцесса! Здорово завернул!

– А дальше?

– Дальше проще простого. Признайся, что хочешь ей сказать нечто важное, и вперед. Уверен, все пойдет как по маслу. На твоём месте я бы проделал все эти глупости здесь, в розарии. Общеизвестно, что самый разумный шаг – в сумерки затащить предмет своего обожания в розарий. А тебе неплохо бы для начала немного взбодриться.

– Взбодриться?

– Ну да, пропустить рюмку-другую.

– В смысле, выпить спиртного? Но я не пью.

– То есть как?

– За всю жизнь ни капли не выпил.

Признаться, мною овладели сомнения. Насколько мне известно, чтобы развязать язык, настоятельно рекомендуется влить в себя умеренный мех вина.

Однако, если дело действительно обстоит так, как утверждает Гасси, ничего не напишешь.

– Ладно, придется перебиться газировкой, но тебе необходимо показать все, на что ты способен.

– Я пью только апельсиновый сок.

– Хорошо, пусть будет апельсиновый сок. Скажи, Гасси, положи руку на сердце, неужели ты действительно любишь эту мерзость?

– Очень люблю.

– Тогда и говорить не о чем. А теперь давай вкратце повторим, надо убедиться, что ты правильно запомнил основные положения. Итак, мерцая, гаснет вечерний свет...

– Затем – звезды – ромашки на лугах господа бога.

– Сумерки навевают на тебя грусть.

– Потому что я влачу одинокую жизнь.

– Далее следует описание одиноких вечеров.

– Затем вспоминаю день, когда впервые ее увидел.

– Не забудь вернуть про сказочную принцессу. Потом скажи, что хочешь сообщить ей нечто важное. Испусти пару тяжелых вздохов. Затем хватай ее за руку и приступай к делу. Молодец, все запомнил.

Удостоверившись, что недотепа усвоил сценарий и процесс, можно надеяться, пойдет в предусмотренном мною направлении, я припустил к дому.

Войдя в гостиную и бросив беспристрастный взгляд на девушку Бассет, я почувствовал, что благодушное легкомыслие, с которым я ввязался в эту авантюру, слегка пошло на убыль. Узрев ее перед собой в непосредственной близости, я внезапно осознал, что влип по уши. При одной мысли о прогулке с этой малохольной особой я ощутил крайне неприятную слабость. Невольно мне вспомнилось, как в Каннах, оказываясь в ее обществе, я тупо на нее таранился, втайне мечтая, чтобы какой-нибудь спасительный автомобилист-лихач избавил меня от мучений, врезавшись в несносную зануду пониже спины. Кажется, я уже яснее ясного дал понять, что эту барышню никак нельзя отнести к числу моих приятельниц, о которых так и хочется сказать: свой в доску парень.

Однако слово Вустера нерушимо. Вустеры могут дрогнуть, но никогда не отступят от взятых на себя обязательств. Только самое изощренное ухо уловило бы дрожь у меня в голосе, когда я спросил Мадлен, не хочет ли она немного погулять.

– Чудный вечер, – сказал я.

– Да, прелестный, не правда ли?

– Прелестный. Прямо как в Каннах.

– Ах, какие прелестные вечера стояли в Каннах!

– Прелестные, – сказал я.

– Прелестные, – вздохнула девушка.

– Прелестные, – сказал я.

Тема погоды вообще и на Французской Ривьере в частности была исчерпана. Тем временем мы вышли на открытые просторы, и Бассет принялась ворковать, восхищаясь красотами пейзажа, а я бубнил: «О да... Чудно... Изумительно... Прелесть...», ломая голову, как ловчее приступить к делу.

Все сложилось бы иначе, невольно думал я, будь на месте придурочной Бассет нормальная девушка, которой можно запросто звякнуть по телефону и пригласить прокатиться с ветерком в моем спортивном авто. Я бы тогда глазом не моргнув сказал: «Послушай!», а она бы ответила: «Что?» И я бы сказал: «Знаешь Гасси Финк-Ноттла?» А она бы сказала: «Да». И я бы сказал: «Он. в тебя по уши влюблен». А она бы захихикала: «Как! Этот недотепа? Ну, спасибо, ты меня насмешил» или, может быть, заинтересовалась: «Слушай, вот здорово! Выкладывай подробности».

В любом случае я бы в два счета все выяснил. А с Бассет так не поговоришь, и думать нечего. С ней надо тянуть резину, и чем дольше, тем лучше. Из-за вечных глупостей с переходом на летнее время мы вышли на открытые просторы в тот час, когда сумерки не спешат уступать место вечерним теням и краешек солнца все еще выглядывает из-за горизонта. Звезды только начинают проклевываться, в воздухе снуют летучие мыши, сад полон удушающего аромата тех белых цветов, которые только к концу дня дружно принимаются за работу, – словом, «мерцающая, гаснет вечерний свет, торжественным покоем воздух дышит», и на Бассет все это, видимо, производило самое пагубное действие. Глаза у нее расширились, и на физиономии откровенно обозначилась готовность к восторгам, которых вождедела ее душа.

Весь ее вид недвусмысленно говорил, что она ждет от Бертрама чего-то упоительного.

При таком раскладе разговор, сами понимаете, не клеился. В тех случаях, когда обстоятельства требуют от меня душевных излиятий, я не могу выжать из себя ни слова, как, впрочем, и все мои приятели по клубу «Трутни». Помнится, Понго Туистлтон рассказывал, как однажды лунной ночью они с барышней плыли в гондоле и он всего один раз заставил себя открыть рот: рассказал бородатый анекдот об итальянце, который так хорошо плавал, что его взяли регулировщиком уличного движения в Венеции.

Понго уверял, что чувствовал себя последним идиотом, а девица вскоре заявила, что становится прохладно и пора возвращаться в гостиницу.

Итак, наша беседа увяла на корню. Легко было наобещать Гасси, что подготовлю девицу разглагольствованиями о разбитых сердцах, однако теперь я не представлял себе, как завести разговор. Между тем мы подошли к пруду, и тут ее наконец прорвало. Представьте себе мою досаду – эта дуреха принялась восхищаться звездами.

Мне-то какой от них толк.

– О, посмотрите! Посмотрите! – верещала она.

Как вы, наверное, уже догадались, девица Бассет была профессиональной созерцательницей красот. Я заметил за ней эту черту еще в Каннах, где она со свойственной ей глупой восторженностью непрерывно привлекала мое внимание к разным разностям: «О, посмотрите, французская актриса! Ой, посмотрите, бензоколонка! Ах, какой закат! О, Мишель Арлен! ^[61] О, продавец темных очков! О, какое бархатно-синее море! Ой, смотрите, бывший мэр Нью-Йорка в полосатом купальном костюме!»

– О, посмотрите, какая хорошенькая звездочка, там, в вышине, совсем одна!

Я посмотрел, куда она указывала, и действительно увидел небольшую звезду, обособленно болтавшуюся над купой деревьев.

– Ну да, – сказал я.

– Наверное, она ужасно одинока.

– Ну, это вряд ли.

– Должно быть, какая-нибудь фея лила слезы...

– А?

– Разве вы не знаете? «Когда фея роняет слезинку, на Млечном Пути рождается звездочка». Вы когда-нибудь размышляли над этим, мистер Вустер?

Не размышлял, но, по-моему, это весьма маловероятно, к тому же никак не вяжется с прежними утверждениями этой дурехи о том, что звезды – это ромашки на лугах господ бога. Не могут же звезды быть и тем и другим одновременно.

Однако мне не хотелось ни анализировать, ни подвергать критике эту абракадабру. Впрочем, я ошибался, полагая, что звезды – неподходящий предмет, чтобы навести разговор на интересующую меня тему. До меня вдруг дошло, что они дают прекрасную зацепку:

– Когда говоришь о слезах...

Но девица уже переключилась на кроликов, которые прыгали в траве справа от нас.

– О, посмотрите! Малютки крольчата!

– Я хотел заметить, что, говоря о слезах...

– Вы любите этот час, мистер Вустер, когда солнышко ложится спать, а малютки кролики выбегают из норок, чтобы полакомиться травкой? Когда я была маленькая, я думала, что кролики – это гномики, и если затаить дыхание и не шевелиться, то можно увидеть сказочную принцессу.

Сдержанно кивнув в знак того, что ничего другого я от нее и не ожидал, я вернулся на исходные позиции.

– Так вот, если говорить о слезах, – твердо произнес я, – то вам, наверное, будет интересно узнать, что в Бринкли-Корте есть разбитое сердце.

Кажется, ее задело за живое. Она тотчас закрыла кроличью тему. Лицо, до этой минуты пылавшее, надо полагать, восторгом, сразу приняло кислое выражение. Она надрывно вздохнула, издав шипяще-свистящий звук, будто кто-то сжал рукой резинового утенка.

– О да! Жизнь полна печали, правда?

– Да. Например, для того, у кого разбито сердце.

– Ах, у бедняжки такая тоска в глазах! Теперь они полны невыплаканных слез, а прежде так и сияли от счастья. И все это из-за глупого недоразумения с акулой. Боже, как печальны эти недоразумения! Такой чудный роман трагически оборвался только потому, что мистер Глоссоп осмелился утверждать, что это камбала.

Все ясно, дуреха ничего не поняла.

– Я говорю не об Анджеле.

– Но ведь это у нее разбито сердце.

– Знаю. Но не только у нее.

Она тупо уставилась на меня.

– У кого же еще? У мистера Глоссоба?

– Нет, я говорю не о нем.

– Значит, у миссис Траверс?

Меня удержал только строжайший кодекс изысканной вежливости Бустеров, иначе я непременно врезал бы ей по уху. Тупица будто нарочно задалась целью не понимать моих намеков.

– Нет, и не у тетушки Далии.

– Я уверена, она ужасно страдает.

– Это правда. Но сердце, о котором я говорю, разбито не оттого, что Таппи и Анджела поссорились. Оно разбито совсем по другой причине. В смысле... проклятье! Ну вы же знаете, отчего разбиваются сердца!

Она прямо вся затряслась и проговорила срывающимся шепотом:

– Вы говорите о... о любви?

– Точно. Не в бровь, а в глаз. Конечно, о любви.

– О-о! Мистер Вустер!

– Я думаю, вы верите в любовь с первого взгляда?

– О! Конечно, верю.

– Ну вот, это самое и произошло с тем разбитым сердцем, о котором я говорю. Оно влюбилось с первого взгляда и с тех пор буквально сгорает от любви.

Последовала немая сцена. Она отвернулась и сделала вид, что наблюдает за уткой, жадно поедающей водоросли в пруду. Никогда не понимал, как может нравиться такая гадость. Впрочем, уж если на то пошло, чем водоросли хуже шпината? Внезапно утка встала на головку и нырнула в воду. И тут у Бассет развязался язык.

– О, мистер Вустер! – простионала она, и по ее голосу я понял, что довел ее до нужной кондиции.

– Сгорает от любви к вам, – внес я уточняющую подробность.

Думаю, вы поняли, что в подобных обстоятельствах самое главное – внедрить в сознание основополагающую идею, закрепить, так сказать, общий ее абрис. Все остальное – детали. Не буду утверждать, что ко мне вернулась прежняя бойкость речи, но, безусловно, с этой минуты я стал гораздо красноречивее.

– Испытывает адские муки. Не может ни есть, ни спать, и все из-за любви к вам. А самое скверное, что оно – я имею в виду разбитое сердце – не может набраться смелости и открыться вам, потому что, когда оно, то есть сердце, видит ваш профиль, у него душа уходит в пятки. Только оно соберется заговорить, как посмотрит на вас сбоку – и тотчас лишается дара речи. Глупость, разумеется, но ничего не попишешь.

Девушка громко сглотнула, и я увидел, что глаза у нее повлажнели. Полны непролитых слез, если вы ничего не имеете против данного выражения.

– Позвольте предложить вам носовой платок?

– О нет, благодарю вас. Со мной все в порядке.

О себе я бы этого не сказал. Я совсем выбился из сил. Не знаю, знакомы ли вам подобные муки, но у меня от всей этой слащаво-сентиментальной дребедени возникают колики, я сгораю от стыда и вдобавок обливаюсь потом.

Помню, однажды у тети Агаты, в ее Хартфордширском поместье, я попал в дурацкое положение – меня заставили играть в живых картинах на исторические темы роль короля Эдуарда Третьего, который прощается с дамой сердца, прекрасной Розамундой. Театральное представление давалось в пользу бедствующих дочерей лиц духовного звания. Помнится, в моей роли были довольно пикантные реплики, характерные для простодушно-откровенного Средневековья, ведь тогда вещи называли своими именами. К тому времени, когда прозвучал гонг, я находился в состоянии куда более жалком, чем самая бедствующая из упомянутых дочерей. Я так вспотел, что на мне нитки сухой не было.

Вот и сейчас случилось то же. Моя собеседница, икнув пару раз, кажется, собралась говорить, и Бертрам, который, можно сказать, перешел в жидкое состояние, наострил уши.

– Мистер Вустер, умоляю вас, не продолжайте!

Вообще-то я и не собирался.

– Я поняла.

До чего приятно было это слышать.

– Да, я поняла. Я не настолько глупа, чтобы притворяться, будто не понимаю, о чем вы говорите. Я еще в Каннах догадывалась, когда вы стояли и смотрели на меня, не говоря ни слова, но ваши глаза вас выдавали.

Если бы акула отхватила Бертраму ногу, он бы, наверное, не испытал такого шока, как сейчас. Я слишком увлекся, помогая Гасси, и мне в голову не пришло, что мои слова можно истолковать столь пагубным для меня образом. Пот, покрывавший мой лоб, превратился в Ниагарский водопад.

Я прекрасно понимал, что моя судьба висит на волоске. В том смысле, что дороги назад нет.

Если барышня решила, что молодой человек предлагает ей руку и сердце и на этом основании считает его своей собственностью, может ли порядочный человек пуститься объяснять, что она попала пальцем в небо и что у него ничего подобного и в мыслях не было? Нет, он должен просто сказать: будь что будет. Но перспектива обручиться с девицей, которая всерьез разглагольствует о феях, которые рождаются в тот момент, когда звездочки чихают, повергла меня в ужас.

Барышня продолжала тарыхтеть, а я молча слушал, сжав кулаки так, что костяшки пальцев у меня, должно быть, побелели. Похоже, она никогда не доберется до сути.

– Да, в Каннах я все время чувствовала, что вы собираетесь со мной поговорить. Девушки всегда это чувствуют. А потом вы последовали за мной сюда, и когда мы встретились, я снова поймала устремленный на меня немой, умоляющий взгляд. И вы стали так настойчиво приглашать меня погулять с вами. И вот теперь вы, робко заикаясь, произнесли слова признания. Да, я ждала этого признания. Но, к сожалению...

Последние ее слова подействовали на меня, как Дживсов коктейль для воскрешения из мертвых. Я будто осушил стакан чудодейственной смеси изпряного соуса, красного перца и яичного желтка – впрочем, между нами, я убежден, что дело здесь не только в перечисленных ингредиентах, – и расцвел, как цветок под лучами солнца. Слава богу, я спасен. Мой ангел-хранитель не дремал на своем посту.

– ...боюсь, не смогу ответить вам согласием.

Девушка помолчала.

– Увы, не смогу, – повторила она.

Я был поглощен ощущением счастья, как осужденный, чудом избежавший эшафота, и не сразу сообразил, что девушка ждет от меня ответа.

– Да-да, само собой, – торопливо проговорил я.

– Ах, мне так жаль!

– Ничего, все в порядке.

– У меня нет слов, чтобы выразить, как мне грустно.

– Да не берите в голову.

– Но мы можем остаться друзьями.

– Непременно.

– Не надо больше об этом говорить. Пусть это будет маленькой трепетной тайной, сокрытой в глубине наших душ, согласны?

– Еще бы!

– Мы станем вечно хранить ее, эту нежную и благоуханную тайну.

– Именно – благоуханную.

Последовала долгая пауза. Девушка уставилась на меня с такой жалобной миной, будто я улитка, случайно раздавленная кончиком ее французской туфельки. Я же всей душой хотел дать ей понять, что все отлично, что Бертрам и не думает отчаиваться, напротив, он никогда еще не испытывал такой пьянящей радости. Но, разумеется, брякнуть ей все это напрямую я не мог. И потому молчал, всем своим видом показывая, что мужественно принял удар.

– Ах, мне бы так хотелось... – чуть слышно проговорила она.

– Хотелось бы? – переспросил я рассеянно, не понимая, к чему она клонит.

– Испытывать к вам те чувства, о которых вы мечтаете.

– О! А-а...

– Но я не могу. Мне так жаль...

– Да бросьте, какой разговор.

– Потому что вы мне нравитесь, мистер... нет, не могу, так хочется называть вас Берти.

Можно, я буду называть вас Берти?

– Нет вопросов.

– Ведь мы настоящие друзья.

– Бесспорно.

– Я так искренне к вам привязана, Берти. И если бы все сложилось по-другому... не знаю, не знаю, может быть...

– А? Что?

– В конце концов, мы с вами настоящие друзья... И у нас есть наша маленькая тайна...

Вы имеете право знать... Я не хочу, чтобы вы думали... Жизнь так запутана, так сложна, не правда ли?

Несомненно, подобное сбивчивое высказывание кое-кому показалось бы полной чепухой, которую можно пропустить мимо ушей. Но Вустеры отличаются редкой проницательностью и умеют читать между строк. Я сразу смекнул, что у нее на уме.

– Вы хотите сказать, что у вас уже есть избранник? Она кивнула.

– Вы в него влюблены?

Она снова кивнула.

– И уже обручились?

На этот раз она отрицательно потрясла головой.

– Нет, мы не обручены.

Так, подумал я, это уже что-то. Тем не менее, судя по ее тону, старине Гасси придется, скорее всего, вычеркнуть свое имя из списка претендентов на ее руку и сердце, и меня совсем не радовала перспектива оглушить бедолагу дурной новостью. Я его слишком хорошо знаю и убежден, что несчастный придурок не выдержит такого удара.

Понимаете, Гасси не такой, как остальные мои приятели. Первым из них на ум приходит, конечно, Бинго Литтл, который, потерпев неудачу, говорит себе: «Не беда, перебьемся!» – и бодро отправляется на поиски новой пассии. Гасси же, совершенно очевидно, получив один раз от девушки отставку, поставит на этом деле крест и всю оставшуюся жизнь посвятит разведению тритонов. Обрастет длинной седой бородой, прямо как герой какого-нибудь романа, который, удалившись от света, живет затворником в огромном белом доме, скрытом от любопытных глаз купами деревьев, и на его бледном лице

лежит печать страдания.

– Боюсь, он не питает ко мне никакого интереса. Во всяком случае, он ничего не говорит. Понимаете, я вам об этом рассказываю только потому...

– О, конечно, конечно.

– Удивительно, что вы меня спросили, верю ли я в любовь с первого взгляда. – Она опустила ресницы. – «Разве тот, кто влюблен, усомнится ли он, что влюбляются с первого взгляда?» [62] – провыла она дурным голосом, и я снова вспомнил благотворительные живые картины, о которых уже рассказывал, и тетю Агату в роли Боадицеи [63]. – Все началось с маленького трогательного происшествия. Я гостила у друзей в их поместье и вышла погулять с моим песиком. И представьте, Берти, мой ужас, когда мерзкая острая заноза вонзилась в лапку моему бедному малютке. Я совсем растерялась. И вдруг появляется молодой человек...

Мне снова вспомнилось благотворительное представление в поместье у тети Агаты. Описывая связанные с ним чувства, я открыл для вас только мрачную их сторону. Однако следует упомянуть и о радостном завершении столь тягостного для меня события, когда я выкарабкался из кованой кольчуги, улизнул в ближайший трактир, направился напрямиком в бар и потребовал хорошую порцию горячительного. Минуту спустя я уже держал в руках огромную кружку особого напитка местного приготовления. Восторг, охвативший меня после первого глотка, до сих пор жив в моей памяти. Воспоминание о муках, через которые мне пришлось пройти, придавало этому восторгу особую остроту.

Примерно те же чувства охватили меня и сейчас, когда я сообразил, что она говорит о Гасси, – вряд ли в тот день целый взвод молодых людей вытаскивал занозы из лапы ее пса, в конце концов, он же не подушечка для булавок, – шансы которого всего минуту назад, судя по всему, приближались к нулю и который, как теперь оказалось, вышел победителем. Меня охватила такая радость, и с моих губ невольно сорвался такой громкий возглас: «Вот здорово!» – что девица Бассет подскочила на добрых полтора дюйма над земной твердью.

– Простите? – сказала она.

Я беспечно махнул рукой.

– Да нет, ничего, – сказал я. – Просто так. Вспомнил, что надо непременно сейчас же, не откладывая, написать письмо. Если вы не против, я, пожалуй, пойду. Кстати, вот идет Гасси Финк-Ноттл. Он с радостью составит вам компанию.

В этот момент Гасси робко выглянул из-за дерева.

Я убрался, оставив их вдвоем. Теперь за этих двух придурков душа у меня была спокойна. Не терять присутствия духа и не торопить события – вот все, что Гасси должен был делать. Шагая к дому, Бертрам предчувствовал, что счастливый конец не за горами. Я хочу сказать, если девица и молодой человек остаются наедине в непосредственном соседстве друг с другом, да к тому же еще в сумерках, и если она (он) допускает с большей долей вероятности, что он (она) к ней (к нему) равнодушен, то им ничего не остается, как начать объясняться в любви.

Я решил, что мои усилия, увенчавшиеся успехом, заслуживают вознаграждения в виде небольшой попойки.

И посему направился в сторону курительной.

Разнообразные напитки были заботливо приготовлены и расставлены на столике у окна, и плеснуть в стакан на четверть неразбавленного виски и немножко содовой было делом одной секунды. Я развалился в кресле, задрал ноги на журнальный столик и принялся с наслаждением потягивать освежающий напиток – прямо Цезарь, отдыхающий в своей палатке от ратных подвигов в день победы над нервиями [\[64\]](#).

Когда я обратился мыслями к тому, что происходит сейчас в благоуханном саду, то почувствовал, как меня охватывает восторг. Я ни минуты не сомневался, что Природа сказала свое последнее слово, сотворив такого отпетого олуха, как Огастус Финк-Ноттл, но я искренне его любил, желал ему счастья и так страстно надеялся, что эпопея ухаживания завершится успешно, будто не он, а я сам мечтал об этой малохольной девице.

Мысль, что он, наверное, уже покончил с предварительными *pourparlers* [\[65\]](#) и теперь они вовсю пустились строить планы на медовый месяц, доставляла мне огромную радость.

Конечно, с учетом особенностей девицы Бассет – я имею в виду звездочки, малюточек кроликов и все прочее, – вы можете сказать, что сдержанные соболезнования были бы куда уместнее. Однако не следует забывать, что о вкусах не спорят. При виде Мадлен Бассет любой здравомыслящий человек бросился бы бежать куда глаза глядят, лишь бы подальше от нее. Но по неведомой причине придурка Гасси неудержимо влекло к указанной девице, и тут уж ничего не попишешь.

Только я пришел к этому выводу, как мои размышления были прерваны стуком отворившейся двери. Кто-то вошел и стремительным шагом направился к столику с напитками. Я опустил ноги, обернулся и узрел Таппи Глоссопа.

При виде его я почувствовал угрызения совести – целиком захваченный устройством сердечных дел Гасси, я совсем забыл о том, что у меня есть еще один клиент. Такое случается сплошь и рядом, когда берешься сразу за два дела.

Однако Гасси я теперь мог, слава богу, выбросить из головы, и поэтому решил полностью посвятить себя делу «Глоссоп – Анджела».

Я был весьма удовлетворен тем, как Таппи выполнил свою задачу во время обеда. А задача была не из легких, могу вас заверить, ибо все без исключения яства и напитки отличались превосходными качествами, в особенности одно блюдо, а именно *ponnettes de poulet Agnes Sorel* [\[66\]](#), перед которым не устоял бы даже человек с железной волей. Но Таппи выдержал испытание, будто всю жизнь только и делал, что постился. Признаться, я был горд за него.

– А, Таппи, привет, – сказал я. – Ты-то мне и нужен. Он со стаканом в руке повернулся в мою сторону, и по его лицу я понял, какие жестокие страдания он испытывает. Вид у него был, как у голодного степного волка, на глазах которого его жертва – русский крестьянин – стрелой взмывает на дерево.

– Да? – недовольно буркнул он. – Я тут.

– Ну и как?

– Что «как»?

– Давай отчитывайся.

– В чем?

– Разве тебе нечего рассказать об Анджеле?

– Нечего, кроме того, что она зануда.

Я пришел в замешательство.

– Разве она еще не толпится вокруг тебя?

– И не думает.

– Странно.

– Что тут странного?

– Она должна была заметить, что у тебя нет аппетита.

Он надрывно кашлянул.

– Нет аппетита! Я бы съел столько, сколько может вместить Большой Каньон.

– Мужайся, Таппи. Вспомни Ганди.

– При чем здесь Ганди?

– Он годами ничего не ел.

– Я тоже. Могу поклясться, что сто лет ничего не ел. Твой Ганди мне в подметки не годится.

Я понял, что разумнее оставить тему Ганди и вернуться к исходному пункту.

– Может быть, она тебя как раз сейчас ищет.

– Кто? Анджела?

– Ну да. Она не могла не заметить, что ты жертвуешь собой.

– Как же! По-моему, ничего она не заметила. Готов поспорить, она в мою сторону и не взглянула.

– Послушай, Таппи, – наставительно проговорил я, – нельзя быть таким впечатлительным. Чего ты раскис? Вспомни, ведь ты отказался от *nonnettes de poulet Agnes Sorel*, уж что-что, а это Анджела должна была отметить. Отречься от *nonnettes*! Неслыханный подвиг! Он вопиет, как больная мозоль. А *skres a la Rossini*... [\[67\]](#)

Хриплый вопль сорвался с трясущихся Таппиных губ:

– Берти, заткнись! По-твоему, я каменный? Представляешь, что я испытал, когда один из лучших обедов, приготовленных Анатодем, уносили блюдо за блюдом, а я не мог воздать ему должное! И не говори мне о *nonnettes*. Мне этого не выдержать.

Я постарался ободрить и утешить его:

– Крепись, Таппи. Думай о пироге с телятиной и почками, который ждет тебя в кладовой. Как сказано в Библии, радость придет поутру [\[68\]](#).

– Вот именно, поутру. А сейчас только половина десятого вечера. И к чему ты приплел пирог, я только и делаю, что стараюсь о нем не думать!

Мне были понятны его чувства. Действительно, должно пройти несколько часов, прежде чем он сможет добраться до пирога. Я прекратил разговор на эту тему, и мы довольно долго сидели в молчании. Потом он встал и принялся нервно расхаживать по комнате, как лев в зоопарке, который слышал звон гонга и с опаской ждет, как бы смотритель о нем не забыл. Я деликатно отцвел взгляд, но слышал, как Таппи пинает стулья и другие предметы, попавшиеся ему под руку, точнее, под ногу. Очевидно, он испытывал тяжкие душевные страдания, а кровяное давление у него зашкаливало.

Наконец он бросился в кресло и вперил в меня пристальный взгляд. По его виду я понял, что он собирается сообщить мне нечто важное.

И я не ошибся. Похлопав меня по колену для пущей выразительности, он сказал:

– Берти.

– Да?

– Могу я говорить с тобой откровенно?

– И ты еще спрашиваешь, старик! – сердечно ответил я. – Мне как раз кажется, нам с тобой есть что сказать друг другу.

– Это касается Анджелы и меня.

– Да?

– Я много об этом думал.

– Правда?

– Я подверг ситуацию строгому анализу, и кое-что мне стало ясно как день. Тут затевается скверное дело.

– Не понял.

– Послушай, давай по порядку. До отъезда в Канны Анджела меня любила. Души во мне не чаяла. Я был для нее свет в окошке в полном смысле слова. Согласен?

– Безусловно.

– А как только она вернулась, все полетело в тартарары.

– Верно.

– Из-за пустяка.

– Нет уж, извини, старик. Как это из-за пустяка? Ты не слишком деликатно поступил с Анджелой, точнее, с ее акулой.

– Зато искренне и честно. Убежден. Неужели ты вправду считаешь, что из-за такого вздора девица может отвергнуть человека, которого она по-настоящему любит?

– Разумеется, может.

Меня поражало, как он этого не понимает. Впрочем, старина Таппи всегда отличался тупостью по части восприятия тонких материй. Он был из породы крупных, крепких молодых людей – как правило, хороших футболистов, – явно обделенных деликатными чувствами, так однажды отозвался о них Дживс. Отбить лобовой удар или съездить тяжелой бутсой по физиономии противника – это пожалуйста, но понять тонкую женскую психологию – нет уж, увольте. Ему даже невдомек, что девица скорее пожертвует счастливым будущим, чем откажется от своей мифической акулы.

– Вздор! Это всего лишь предлог.

– Что «это»?

– Акула. Ей просто нужно от меня отделаться, вот она и хватается за первую попавшуюся акулу.

– Ничего подобного.

– А я тебе говорю: акула – только предлог.

– Черт побери! Зачем ей от тебя отделяться?

– Вот именно. Именно этот вопрос и я себе задал. Ответ: она в кого-то влюбилась. Это видно невооруженным глазом. Другого объяснения нет. Когда она уезжала в Канны, она была влюблена в меня, а теперь разлюбила. Видно, за эти два месяца втрескалась в какого-то гнусного негодяя, которого там встретила.

– Ничего подобного!

– Что ты твердишь «ничего подобного», когда я знаю точно. Слушай, я тебе сейчас скажу одну вещь. Считай, что это официальное заявление. Если мне встретится этот подонок, змея подколодная, пусть он заранее заказывает себе место в инвалидном доме, потому что я намерен с ним разделаться. Я сверну ему шею, вытрясу из него душу, переломлю кости и выпущу из него кишки.

С этими словами Таппи выскочил вон, а я, выждав минуту, чтобы он убрался с дороги, пошел в гостиную. Зная дамскую привычку торчать после обеда в гостиной, я рассчитывал застать там Анджелу. Хотел перемолвиться с ней словом.

В Таппины измышления насчет того, что какой-то тип втерся в доверие к Анджеле и похитил ее сердце, я, как уже говорилось, не слишком верил. По-моему, бедолага от огорчения немного тронулся умом. Разумеется, из-за акулы, и только из-за акулы любовная лихорадка временно пошла на убыль, и я не сомневался, что в два счета все улажу, надо только поговорить с кузиной.

Чтобы девица с таким добрым сердцем и нежной душой не была потрясена и растрогана тем, что происходило сегодня за обедом? Никогда не поверю. Даже Сеппингс, дворецкий тети Далии, холодный, бесчувственный истукан, разинул рот и пошатнулся, когда Таппи отверг *nonnettes de poulet Agnes Sorel*, а ливрейный лакей, державший блюдо с картофелем, побледнел, будто увидел привидение. Не допускаю и мысли, что такая тонкая чувствительная девушка, как Анджела, не заметила всего этого. Я твердо знал, что сердце у нее обливается кровью и что она вполне созрела, чтобы немедленно начать примирение.

Однако в гостиной я узрел одну лишь тетю Далию. Когда я показался на горизонте, она бросила на меня ядовитый взгляд, который я, только что наблюдавший мучения Таппи, отнес на счет недоедания за обедом. В конце концов, голодная тетушка не может быть такой же приветливой, как тетушка, сытно пообедавшая.

– А-а, это ты, – сказала она.

Разумеется, это был я.

– Где Анджела? – спросил я.

– Легла спать.

– Уже?

– Сказала, что у нее голова болит.

– Хм.

Не стану утверждать, что обрадовался, услышав это. Девица, на глазах которой отвергнутый ею возлюбленный только что произвел фурор, демонстративно отказавшись от пищи, не отправится спать, сославшись на головную боль. При условии, конечно, что любовь возродилась в ее сердце. Напротив, она будет увиваться вокруг него, бросать на него нежные, полные раскаяния взгляды из-под полуопущенных ресниц и всеми способами даст ему понять, что, если он желает сесть за стол переговоров, она вполне к этому готова. Да, признаться, я счел укладывание спать тревожным симптомом.

– Пошла спать, говорите? – озадаченно произнес я.

– Зачем она тебе понадобилась?

– Подумал, может, она захочет прогуляться со мной и поболтать.

– Ты хочешь прогуляться? – живо заинтересовалась тетя Далия. – Куда?

– Ну, туда-сюда.

– Тогда, если ты не против, сделай мне одолжение.

– Охотно, только скажите.

– Это не займет у тебя много времени. Ты ведь знаешь тропинку, которая идет мимо теплиц к огороду. Если по ней пойдешь, то выйдешь к пруду.

– Ну да.

– Прихвати с собой прочную веревку или шнур и дойди по этой тропинке до пруда...

– До пруда. Понял.

– ...найди тяжелый камень. Кирпич тоже подойдет.

– Понял, – сказал я, хотя на самом деле не мог взять в толк, куда она клонит. – Значит, найти камень или кирпич. А потом?

– А потом, – сказала тетя Далия, – потом, как пай-мальчик, обвяжи кирпич веревкой, сделай петлю, накинь ее на свою дурацкую шею, прыгни в пруд и утопись. Через несколько дней я велю тебя выловить и похоронить, потому что хочу сплясать на твоей могиле.

Тут я пришел в полное замешательство. Кроме того, был обижен и возмущен. Помню, где-то читал, цитирую: «Девушка поспешно выбежала из комнаты в страхе, что с ее губ сорвутся ужасные слова. Она не желала долее оставаться в доме, где ее никто не понимает и где она подвергается оскорблениям». Я сейчас испытывал те же чувства.

Но потом напомнил себе, что следует проявить снисхождение к женщине, у которой в желудке плещется разве что пол-ложки супа, и подавил полные едкого сарказма слова, которые вертелись у меня на языке.

– О чем вы, тетушка? – мягко сказал я. – Кажется, Бертрам вас чем-то огорчил?

– Огорчил!

– Ну да. Откуда эта плохо скрытая враждебность?

Из глаз ее вырвалось пламя и чуть не опалило мне волосы.

– Кто этот осел, чурбан, идиот, который уговорил меня вопреки здравому смыслу отказаться от обеда? Мне следовало предвидеть...

Я понял, что правильно угадал причину ее странного поведения.

– Тетя Далия, не волнуйтесь. Мне понятны ваши чувства. Вы голодны, правда? Но все можно уладить. На вашем месте я бы прокрался в кладовую, надо только дождаться, когда прислуга уляжется спать. Мне говорили, там есть превосходный пирог с телятиной и почками, ради него стоит предпринять вылазку. Поверьте, тетя Далия, – убежденно говорил я, – еще немного – и дядя Том, исполненный сочувствия, начнет вас заботливо расспрашивать...

– Как бы не так! Знаешь, где он?

– Нет, я его не видел.

– Сидит у себя в кабинете, обхватил руками голову и завел свою старую песню о цивилизации, которая катится в пропасть.

– Да? Почему?

– Потому что Анатолий от нас уходит. Я собралась с духом и сообщила об этом Тому.

Признаться, я едва удержался на ногах.

– Что?!

– Да, уведомил, что уходит. А все ты со своей дурацкой затеей! Ну чего еще можно ждать от чувствительного, пылкого француза, ведь ты всех убедил отказаться от обеда. Мне сообщили, что, когда первые два блюда вернулись на кухню нетронутыми, Анатолий был потрясен, он расплакался, как ребенок. А когда за первыми двумя последовали все остальные блюда, он счел, что все это – заранее продуманная, спланированная акция с целью нанести ему оскорбление, и заявил об уходе.

– С ума сойти!

– Ты уже давно сошел. Анатолий, этот подарок судьбы, утешение наших желудков, испарился, как роса с лепестка розы, и все из-за твоей дурачности. Может, теперь поймешь, почему я хочу, чтобы ты утопился. Когда ты явился сюда со своими бредовыми затеями, мне следовало догадаться, какая страшная беда разразится над нашим домом.

Горько слышать такие слова от родной тетки, но я не затаил на нее обиды. Все зависит от того, с какой стороны посмотреть на дело, и, наверное, можно было счесть, что Бертрам попал впросак.

– Тетя Далия, я не хотел.

– Мне от этого не легче.

– Я ведь действовал из лучших побуждений.

– В другой раз попробуй действовать из худших. Тогда мы, возможно, отделаемся царапинами.

– Так вы говорите, дядя Том расстроен?

– Вздыхает так, что сердце разрывается. Теперь никаких денег от него не дождешься.

Я задумчиво потер подбородок. Она была права. Уж мне-то известно, что уход Анатоля для дяди Тома настоящая трагедия.

Я уже упоминал в своих записках, что этот уморительный представитель класса земноводных, с которым тетя Далия связала себя брачными узами, похож на страждущего птеродактиля. Причина его страданий заключается в несварении, которое он приобрел, сколачивая миллионы на Ближнем Востоке. Единственный повар, способный протолкнуть пищу через дядюшкин пищеварительный тракт, не вызывая в области третьей пуговицы жилета жжения, сравнимого по силе с пожаром в Москве, это несравненный Анатолий. Теперь, когда дядя Том лишился услуг Анатоля, тетя Далия может получить от него разве что полный укоризны взгляд. Да, слов нет, кругом воцарились хаос и запустение. Признаться, в эту минуту, когда следовало предпринять срочные меры, у меня в голове не было ни одной толковой мысли.

Однако нос я не вешал, ибо был уверен, что вскоре меня осенит какая-нибудь блестящая идея.

– Скверно, – сочувственно сказал я. – Хуже некуда. Тяжелый удар для всех нас. Но не отчаивайтесь, тетя Далия, я все устрою в лучшем виде.

Кажется, я уже раньше упоминал, что очень трудно пошатнуться, если ты сидишь, во всяком случае, я не в состоянии проделать подобный трюк. К моему изумлению, тетя Далия проделала его без всяких усилий. Сидя в глубоком кресле, она не моргнув глазом пошатнулась. На лице появилось испуганное выражение.

– Посмей только еще раз влезть со своими дурацкими планами...

Я понял, что бесполезно ее урезонивать. Она сейчас не в таком настроении. Поэтому, выразив улыбкой свою любовь и сочувствие, я молча покинул комнату. Не берусь утверждать наверное, но, по-моему, тетушка швырнула в меня увесистый том сочинений лорда Альфреда Теннисона в красивом кожаном переплете. Я видел, что книга лежала рядом на столике, а когда я затворял дверь, мне послышалось, что с другой стороны в нее ударили тяжелым предметом, однако я был слишком занят своими мыслями и не обращал внимания на то, что творится вокруг.

Я обвинял себя в том, что не подумал об Анатоле с его горячим провансальским нравом, не предвидел, как на него подействует внезапная и почти всеобщая голодовка. Как я мог забыть, что галлы не выносят подобного обхождения. Их склонность вспыхивать по пустячным поводам общеизвестна. Анатолий, несомненно, вложил всю душу в эти *nonnettes de poulet*, и вернуть их на кухню нетронутыми было все равно что пырнуть его ножом.

Но что пользы махать кулаками после драки и без конца пережевывать одно и то же. Сейчас передо мной стоит задача уладить недоразумение, и я мерил шагами лужайку,

обдумывая, как приняться за дело, когда вдруг услышал душераздирающий стон. Наверное, подумал я, его издал дядя Том, наверное, ему надоело сидеть взаперти и он вышел стонать в сад.

Я посмотрел вокруг, но птеродактилей поблизости не обнаружил. Несколько озадаченный, я вернулся было к своим размышлениям, но стон повторился. Приглядевшись, я увидел на одной из скамеек, разбросанных тут и там, неясную фигуру. Рядом с ней маячила вторая неясная фигура. Еще один столь же внимательный взгляд, и я все понял.

Неясные фигуры принадлежали: первая – Гасси Финк-Ноттлу, вторая – Дживсу. Что Гасси здесь делает и почему оглашает окрестности стонами, было выше моего понимания.

Может, он поет, подумал я. Но нет, ошибиться было невозможно, потому что, когда я подошел, он снова испустил стон. Более того, теперь я хорошо разглядел беднягу, виду него был, точно его дубиной оглушили.

– Добрый вечер, сэр, – сказал Дживс. – Мистер Финк-Ноттл не слишком хорошо себя чувствует.

Я, кстати, тоже не слишком хорошо себя чувствовал. Теперь Гасси начал издавать низкие булькающие звуки. Я не мог долее обманывать себя – должно быть, случилось что-то ужасное. Конечно, женитьба – шаг ответственный, и когда понимаешь, что пути назад нет, можно немного взгрустнуть, но мне еще не случалось видеть, чтобы сразу же после помолвки жених так запаниковал.

Гасси поднял голову и посмотрел на меня. Взгляд у него был мутный. Он схватился за голову.

– Прощай, Берти, – сказал он и встал со скамьи.

Мне показалось, он оговорился.

– Ты хочешь сказать: «Привет, Берти!»?

– Нет, не хочу. Я говорю: прощай, Берти. Я уйду.

– Куда?

– В огород. Топиться.

– Что за глупые шутки!

– Я не шучу... Дживс, я ведь не шучу?

– Возможно, вы хотите совершить немного опрометчивый поступок, сэр.

– Опрометчивый?

– Да, сэр.

– Считаете, мне не стоит топиться?

– Я бы не советовал, сэр.

– Хорошо, Дживс. Как скажете. Миссис Траверс, наверное, огорчится, если в пруду будет плавать распухшее тело.

– Да, сэр.

– Она была так добра ко мне.

– Да, сэр.

– И вы, Дживс, были так добры ко мне.

– Благодарю вас, сэр.

– И ты, Берти, был так добр ко мне. Очень добр. Все были очень добры ко мне. Очень, очень добры. По-настоящему добры. Мне не на что пожаловаться. Хорошо, не пойду топиться. Пойду погуляю.

Вытаращив глаза, я смотрел, как он неверной походкой движется прочь и исчезает во

тьме.

– Дживс, – взволнованно сказал, точнее, проблеял я, как ягненок, который хочет привлечь к себе внимание родительницы, – ради бога, что все это значит?

– Мистер Финк-Ноттл немного не в себе, сэр. Ему пришлось испытать тяжелое нервное потрясение.

Я второпях стал припоминать, что произошло сегодня вечером.

– Я оставил их здесь вдвоем с мисс Бассет.

– Да, сэр.

– Предварительно подготовил ее к разговору.

– Да, сэр.

– Гасси точно знал, что ему следует делать. Я с ним основательно все отрепетировал.

– Да, сэр. Мистер Финк-Ноттл информировал меня об этом.

– Но в таком случае...

– С сожалением должен констатировать, сэр, что произошла небольшая заминка.

– В смысле все пошло прахом?

– Да, сэр.

Я ничего не понимал. В голове у меня помутилось.

– Но как оно могло пойти прахом? Ведь мисс Бассет его любит.

– Вот как, сэр?

– Она сама мне об этом сказала. Ему надо было только сделать ей предложение.

– Да, сэр.

– Он его не сделал?

– Нет, сэр.

– Тогда о чем же, черт побери, он с ней говорил?

– О тритонах, сэр.

– О тритонах?

– Да, сэр.

– О тритонах?!

– Да, сэр.

– Почему вдруг его потянуло на тритонов?

– Он не хотел говорить о тритонах, сэр. Как я понял из объяснений мистера Финк-Ноттла, он был весьма далек от мысли начинать о них разговор.

Честно сказать, я никак не мог врубиться в суть.

– Нельзя же силой заставить человека говорить о тритонах.

– К несчастью, мистер Финк-Ноттл стал жертвой внезапного нервного срыва, сэр. Оставшись наедине с юной леди, он, по его признанию, утратил контроль над своим душевным состоянием. В подобных обстоятельствах джентльмены довольно часто действуют наобум и начинают говорить на первую попавшуюся тему. В рассматриваемом нами случае такой темой оказались тритоны, уход за ними и их лечение в случае болезни.

Пелена спала с моих глаз. Я все понял. Со мной тоже в чрезвычайных обстоятельствах случалось нечто подобное. Помню, однажды я никак не давал дантисту, вооруженному бором, начать сверлить мне пятый нижний зуб – минут десять подряд рассказывал ему анекдот о шотландце, ирландце и еврее. Причем я совершенно этого не желал. Как только он подступался ко мне, я кричал: «Тьфу! Проклятье! Ой-ей-ей!» Когда сдают нервы, несешь что попало.

Я легко мог представить себя на месте Гасси. Вся сцена будто стояла у меня перед глазами. Вот они с Бассет вдвоем в саду. Сумерки. Тишина. Он по моему совету отливает ей пулю о закатах, сказочных принцессах и тому подобных материях. Потом подходит момент, когда он произносит реплику: «Мадлен, я должен вам что-то сказать...» Она опускает глаза и лепечет: «Да?»

Тут он, вероятно, уточняет: «...что-то очень важное». Можно предположить, она в ответ произносит: «Правда?» или «Неужели?» или глубоко, со всхлипом вздыхает. Их глаза встречаются, как тогда у меня с дантистом, и внезапно Гасси ощущает спазм под ложечкой, в глазах у него темнеет, и он слышит свой собственный голос, несущий несусветную чушь о тритонах. Да, психологическая сторона явления мне понятна.

Тем не менее я не мог не винить Гасси. Сообразив, что тритоновая тема доминирует в его монологе, он обязан был остановиться, на худой конец замолчать совсем. В каком бы нервном возбуждении он ни находился, ему следовало понимать, что он своими руками роет себе могилу. Девица ждет, что молодой человек в пылу страсти начнет изливать душу, а он вдруг пускается читать лекцию о водных представителях отряда саламандр.

– Скверно, Дживс.

– Да, сэр.

– И как долго этот абсурд продолжался?

– Насколько я могу судить, довольно долго, сэр. Мистер Финк-Ноттл, как он мне сообщил, снабдил мисс Бассет исчерпывающей информацией, касающейся не только обычных тритонов, но также двух их разновидностей, а именно: гребешковых тритонов и тритонов, оснащенных плавательной перепонкой. Мистер Финк-Ноттл дал достаточно полное описание превращения личинки в тритона, рассказал, как они живут в воде, питаются головастиками, личинками насекомых и ракообразными, как потом они выходят на сушу и начинают питаться слизнями и червями, и о том, что новорожденные тритоны имеют три пары длинных, похожих на перья наружных жабер. Далее мистер Финк-Ноттл обратил внимание мисс Бассет на то, что тритоны отличаются от саламандр, в частности, формой хвоста, который у них как бы сдавлен, и на то, что у большинства видов преобладает выраженный половой диморфизм, но в этот момент молодая леди поднялась со скамьи и сказала, что хочет вернуться в дом.

– А потом?

– Она ушла, сэр.

Я задумался. Видно, такому олуху, как Гасси, ничем уже не поможешь. Он начисто лишен энергии и напористости. С невероятным трудом протаптываешь для него тропинку, ему остается только шагать по ней до счастливого конца, а он сворачивает в сторону – и никаких тебе счастливых концов.

– Плохо дело, Дживс.

– Да, сэр.

При более благоприятных обстоятельствах я, разумеется, выяснил бы мнение Дживса по этому поводу. Но после его возмутительной выходки по отношению к моему белому пиджаку на мои уста легла печать молчания.

– Что ж, надо все обдумать.

– Да, сэр.

– Поломать голову и найти выход.

– Да, сэр.

– Покойной ночи, Дживс.

– Покойной ночи, сэр.

И он растворился, оставив Бертрама Вустера, задумчивого и неподвижного, как изваяние, в ночной тишине. Я даже отдаленно не представлял себе, с чего начать.

Не знаю, случалось ли такое с вами, но за собой я не раз замечал, что, когда меня мучит, казалось бы, неразрешимая задача, стоит мне ночью хорошенько выспаться, как наутро решение приходит само собой.

Вот и теперь произошло то же самое.

Ученые утверждают, что эти фокусы проделывает наше подсознание, и, возможно, они правы. Я бы не взялся с ходу уверять вас, что у меня есть это самое подсознание, но, должно быть, все-таки есть, хоть я сам ничего о нем не знаю. И, несомненно, этой ночью мое подсознание трудилось в поте лица, тогда как материальное воплощение Бертрама Вустера было погружено в безмятежный восьмичасовой сон.

Наутро, едва открыв глаза, я узрел свет. И в прямом смысле, так как было утро, и в переносном, так как увидел мысленным взором готовое решение вчерашней проблемы. Мое доброе старое подсознание произвело именно то, что нужно, и теперь я отчетливо понимал, какие шаги следует предпринять, чтобы поставить Огастуса Финк-Ноттла в ряды неусыпных Ромео.

Хотелось бы, если вы можете уделить мне минуту вашего драгоценного времени, напомнить вам разговор, который мы с Гасси вели в саду накануне вечером. Не тот его фрагмент, где речь идет о гаснущем вечернем свете и прочих глупостях, а заключительный пассаж. Помните, Гасси мне сообщил, что в рот не берет алкогольных напитков. Я тогда только покачал головой и про себя подумал, что Гасси сам себе враг, ибо нечего соваться к барышне с предложением, пока не приложился к бутылке.

Дальнейшие события показали, что мои опасения были не напрасны.

Гасси пошел на подвиг, не имея за душой ничего, кроме апельсинового сока, и потерпел позорное фиаско. Тут требовались речи, исполненные кипящей страсти и способные пронзить сердце Мадлен Бассет с легкостью, с какой раскаленный докрасна нож пронзает брусок масла, а он не смог выжать из себя ни слова, от которого бы ее щеки вспыхнули стыдливым румянцем. Куда там, вместо этого он прочел блестящую, но совершенно неуместную лекцию о тритонах.

Романтическую девицу подобными приемами не проймешь. Ясно как дважды два: прежде чем приступать к дальнейшим действиям, Огастуса Финк-Ноттла надо отучить от пагубных привычек и хорошенько накачать горячительным. Во втором раунде поединка Финк-Ноттл – Бассет должен выступить уверенный в себе, по горлышко запроваженный и готовый к бою Гасси.

Только тогда «Morning Post» сможет разжиться десятью шиллингами или сколько там полагается за публикацию объявления о предстоящей свадьбе.

Придя к такому выводу, я почувствовал блаженное облегчение. Когда Дживс вплыл в спальню с утренним чаем, я приготовился изложить ему разработанный до мельчайших подробностей план и уже произнес вступительные слова: «Послушайте, Дживс...» – но был прерван появлением Таппи.

Он вошел, едва передвигая ноги, и у меня сжалось сердце при виде его несчастной физиономии, на которой явственно читались следы бессонной ночи. Вообще-то я бы даже сказал, что сегодня он выглядит еще более изможденным, чем вчера. Вообразите бульдога, который схлопотал хороший пинок под ребра и который к тому же еще и голоден, потому

что его обед съела кошка, и вы получите представление о Гильдебранде Глоссопе, каким он явился передо мной в то утро.

– Черт подери, Таппи, старая калоша, – озабоченно сказал я, – на тебе лица нет.

Дживс со свойственной ему деликатностью тотчас неслышно, как угорь, выскользнул из комнаты, а я жестом пригласил останки Таппи сесть в кресло.

– Что стряслось? – спросил я.

Он плюхнулся на кровать и принялся молча теревить одеяло.

– Берти, я прошел сквозь ад, – наконец произнес он.

– Сквозь что?

– Сквозь ад.

– Ах, ад! Каким ветром тебя туда занесло?

Он снова замолчал, уставясь в пространство невидящим взором. Проследив его взгляд, я понял, что он смотрит на увеличенную фотографию дяди Тома в странном, вроде бы масонском одеянии, стоящую на каминной полке. Я много лет уговариваю тетю Далию, предлагая ей на выбор два варианта: первый – сжечь эту мерзость, второй – если она непременно желает ее сохранить, то отводить мне, когда я приезжаю в Бринкли-Корт, другую комнату. Но тетушка упрямо отклоняет оба варианта. Тебе полезно, говорит она, смотреть на эту фотографию. Она тебя дисциплинирует, напоминает, что в жизни не одни только цветочки и что мы приходим в этот мир не ради собственного удовольствия.

– Если тебе очень противно, поверни ее лицом к стенке, – великодушно предложил я.

– А? Что?

– Я говорю про фотографию дяди Тома в костюме капельмейстера.

– К черту фотографии. Я не затем к тебе пришел. Я пришел за сочувствием.

– И ты его сполна получишь. Что случилось? Анджела снова тебе насолила? Не волнуйся. У меня созрел еще один превосходный план, как справиться с этой девчонкой. Ручаюсь, еще до захода солнца она в слезах бросится тебе на шею.

Он хрипло хохотнул.

– От нее дождешься!

– Не кипятись, Таппи. Обещаю, я все улажу. Как раз перед твоим приходом я собирался изложить Дживсу свой новый план. Хочешь, расскажу?

– Не хочу. Какая польза от твоих дурацких планов? Говорю тебе, она меня бросила, влюбилась в какого-то типа, теперь ей и смотреть на меня тошно.

– Чушь.

– Нет, не чушь.

– Послушай, Таппи, для меня женское сердце – открытая книга, и я тебе говорю: Анджела все еще тебя любит.

– Что-то я этого не заметил, когда ночью встретил ее в кладовой.

– А, ты ходил в кладовую?

– Ходил.

– И там была Анджела?

– Да. И твоя тетушка. И твой дядя.

Я понял, что многого не знаю. Это что-то новенькое. Столько раз бывал в Бринкли-Корте, но даже не подозревал, что теперь по ночам в кладовой собирается общество. Похоже, это уже не кладовая, а что-то вроде бистро на ипподроме.

– Расскажи мне все по порядку, – сказал я, – во всех подробностях, пусть даже на

первый взгляд незначительных, ведь иногда какой-нибудь пустяк оказывается решающим.

Он снова с мрачным видом уставился на фотографию дяди Тома.

– Ладно, – сказал он. – Дело было так. Ты знаешь, как мне хотелось пирога.

– Конечно.

– Ну вот, около часа ночи я решил, что время настало. Выскользнул из комнаты и спустился вниз. Пирог меня манил.

Я кивнул. Мне известно, как умеют манить пироги.

– Вошел в кладовку. Достал пирог. Сел за стол. Взял нож и вилку. Приготовил соль, горчицу, перец. Там еще оставалась холодная картошка. Я ее тоже взял. Только собрался приналечь, как слышу за спиной какой-то шум. Оборачиваюсь – в дверях твоя тетка в голубом халате с желтыми цветочками.

– Ты, конечно, смутился.

– Еще бы.

– Наверное, не знал, куда глаза девать.

– Знал. Я смотрел на Анджелу.

– Она пришла с тетей?

– Нет. С дядей, минуты две спустя. На нем был лиловый шлафрок, в руке револьвер. Ты когда-нибудь видел своего дядю в шлафроке и с револьвером?

– Никогда.

– Ты ничего не потерял.

– Подожди, Таппи, – сказал я озабоченно, так как хотел выяснить все до конца, – а что Анджела? Когда она тебя увидела, у нее хоть на миг взгляд потеплел?

– Она на меня не смотрела. Она смотрела на пирог.

– Что-нибудь сказала?

– Не сразу. Сначала заговорил твой дядя. Он сказал твоей тете: «Господи помилуй! Далия, что ты здесь делаешь?» А она отвечает: «Если на то пошло, что здесь делаешь ты, лунатик этакий?» Тогда твой дядюшка говорит: «Я услышал шум и подумал, в дом влезли грабители».

Я снова понимающе кивнул. За дядюшкой такое водится. С тех пор как окно в буфетной оказалось настезь распахнутым, а случилось это в ту осень, когда на скачках в Нью-Маркете дисквалифицировали Ясный Свет, у дяди Тома появился пунктик – грабители. Помню свои ощущения, когда приехал в Бринкли-Корт после того, как дядюшка приказал установить решетки на всех окнах, и захотел подышать деревенским воздухом, сунулся в окно и чуть не проломил себе череп о железные прутья, какими запирали средневековые тюрьмы.

– «Что за шум?» – спрашивает тетушка. «Какие-то странные звуки», – отвечает твой дядя. И тут Анджела, дерзкая девчонка, говорит таким противным, металлическим голосом: «По-моему, это мистер Глоссоп чавкает, когда ест». И мерит меня взглядом. Удивленным, презрительным взглядом, так смотрят интеллектуальные дамы на толстых мужчин, жадно заглатывающих еду в ресторанах. Сразу чувствуешь себя тушей шестидесятого размера, у которой складки жира на шее свешиваются сзади на воротник. А потом добавляет таким же противным тоном: «Хочу сказать тебе, папочка, что мистер Глоссоп имеет обыкновение раза три-четыре за ночь как следует поесть. Чтобы продержаться до завтрака. У него чудовищный аппетит. Посмотри, он уже доедает этот огромный пирог с телятиной и почками». Когда Таппи произнес эти слова, его охватило лихорадочное возбуждение. В глазах загорелся дикий огонь, он изо всей силы двинул

кулаком по кровати и чуть не раздробил мне ногу.

– Берти, ты хоть понимаешь, как мне обидно! Как оскорбительно! Я ведь еще не притронулся к пирогу. Вот они, женщины.

– Все они таковы.

– Представляешь, она на этом не успокоилась и говорит: «Ты не знаешь, папочка, как мистер Глоссоп любит поест. Он только для того и живет на свете. Ест шесть-семь раз в день, а когда все лягут спать, он снова начинает есть. Это просто поразительно!» Твоя тетушка тоже заинтересовалась и сказала, что я напоминаю ей боа-констриктора. «А может, питона?» – говорит Андже́ла. И они принялись спорить, на кого я больше похож. А дядюшка знай размахивает своим чертовым револьвером, того и гляди ухлопает. Да еще и пирог лежит на столе, а я не могу к нему притронуться. Теперь ты понимаешь, что я прошел сквозь ад?

– Еще бы. Ну и досталось же тебе.

– Потом твоя тетка и Андже́ла закончили дискуссию, решили, что Андже́ла права, я напоминаю им питона, и мы пошли наверх. Причем Андже́ла все время уговаривала меня не спешить, поднимаясь по лестнице. После семи-восьми плотных трапез, говорила она, человек моей комплекции должен быть очень осторожен, ибо ему угрожает апоплексический удар. И собакам тоже, говорит. Когда они слишком раскормлены и жирны, они не могут бегать вверх по лестнице, они пыхтят, задыхаются, и у них случается разрыв сердца. А потом спрашивает у твоей тетушки, помнит ли она покойного спаниеля Амброуза. Тетушка говорит: «Бедный Амброуз, его, бывало, от помойки не оттащишь». И тогда Андже́ла снова мне говорит: «Вот именно, так что, пожалуйста, мистер Глоссоп, будьте поосторожнее». А ты уверяешь, что она меня любит!

Я попытался его приободрить.

– Да она просто тебя дразнит.

– Ничего себе дразнит! Нет, она меня разлюбила. Раньше она во мне видела героя, а сейчас воротит нос. Какой-то тип в Каннах вскружил ей голову, теперь она и вида моего не выносит.

Я недоуменно поднял брови:

– Таппи, дорогой, все, что ты говоришь об Андже́ле и каком-то типе, – вздор. Где твой здравый смысл? У тебя, извини за выражение, *idée fixe* [\[69\]](#).

– Что?

– *Idée fixe*, ну, знаешь, такая штука, она с любым может случиться. Например, дяде Тому кажется, будто все, кто на примете у полиции, сидят в засаде у него в саду и ждут случая ворваться в дом. Ты все твердишь о каком-то типе в Каннах, а там не было никакого типа, я скажу тебе, почему так в этом уверен. Все эти два месяца на Ривьере мы с Андже́лой были неразлучны. Если бы кто-то увивался вокруг нее, я бы сразу заметил. Он вздрогнул. Казалось, мои слова его поразили.

– Значит, все это время в Каннах вы были неразлучны?

– Думаю, она и слова ни с кем не сказала, если не считать пустой болтовни за обеденным столом. Ну, может, бросит иной раз замечание в толпе в казино.

– Понимаю. Значит, во время морских купаний и прогулок при луне ты был ее единственным спутником?

– Вот именно. В отеле над нами даже подшучивали.

– И тебе это было приятно.

– Конечно. Я всегда очень нежно относился к Андже́ле.

– В самом деле?

– В детстве Анджела любила говорить, что она моя невеста.

– Так и говорила?

– Вот именно.

– Понимаю.

Он погрузился в задумчивость, а я, довольный тем, что рассеял его сомнения, продолжал чаепитие. Вскоре внизу зазвонил гонг, и Таппи встрепенулся, как боевой конь при звуках трубы.

– Завтрак! – сказал он, и его как ветром сдуло, а я принялся размышлять и обдумывать планы. И чем больше я размышлял и обдумывал, тем яснее мне становилось, что все идет на лад. Таппи, как я убедился, несмотря на ужасную сцену в кладовой, с прежним пылом любит Анджелу.

Значит, чтобы добиться успеха, мне надо придерживаться того плана, о котором я уже упоминал. А так как решение проблемы Гасси – Бассет я тоже нашел, то мне было не о чем больше беспокоиться.

Поэтому я с легкой душой заговорил с Дживсом, который пришел, чтобы унести поднос.

– Дживс, – сказал я.

– Сэр?

– Я только что беседовал с Таппи. Вам не показалось, что сегодня у него не слишком радостный вид?

– Да, сэр. Мне показалось, что лицо мистера Глоссо-па болезненно и на челе его печать тяжелой думы.

– Точно. Ночью в кладовой он лицом к лицу столкнулся с кузиной Анджелой, и она ему наговорила гадостей.

– Я огорчен, сэр.

– А уж как огорчен Таппи. Анджела застала его в кладовой один на один с пирогом и пустилась язвить насчет толстых мужчин, которые живут на свете только ради того, чтобы объедаться.

– Крайне тревожные сведения, сэр.

– Крайне. Многие сказали бы, что у Анджелы и Таппи дело зашло слишком далеко и уже невозможно навести мосты через пропасть. Многие сказали бы, что любовь давно умерла в сердце девицы, которая может сравнить своего возлюбленного с питоном, заглатывающим пищу по десять раз в день, и посоветовать ему помедленнее подниматься по лестнице во избежание апоплексического удара. Вы согласны, Дживс?

– В высшей степени, сэр.

– И они, те самые многие, ошиблись бы.

– Вы так думаете, сэр?

– Убежден. Ибо я знаю женщин. Никогда нельзя верить тому, что они говорят.

– Вы полагаете, что высказывания мисс Анджелы нельзя воспринимать *au pied de la lettre*, сэр?

– А?

– По-английски мы бы сказали «буквально», сэр.

– Буквально. Именно это я и имел в виду. Вы же знаете, каковы девицы. Маленькая размолвка – и они кричат, что все кончено. Но в глубине их души живет прежняя любовь. Я прав?

– Совершенно правы, сэр. Поэт Скотт...

– Проехали, Дживс.

– Хорошо, сэр.

– Чтобы вытащить эту любовь на поверхность, необходимы соответствующие меры.

– Под «соответствующими мерами», сэр, вы понимаете...

– Умный и тонкий подход к делу, Дживс. Кропотливая работа и немного хитрости. Я знаю, как вернуть Анджелу к состоянию влюбленности. Изложить вам мою точку зрения?

– Если вы будете столь добры, сэр.

Я закурил сигарету, выпустил облачко дыма и устремил на Дживса пронизательный взгляд. Он замер в почтительном ожидании, приготовившись на лету хватать мои мудрые мысли. Должен сказать, что Дживс, если он не начинает, по своему обыкновению, ставить мне палки в колеса, придирается и подвергает критике все, что я делаю, – очень благодарный слушатель. Главное, он жадно ловит каждое мое слово, правда, я не уверен, что

он не притворяется, но все равно приятно.

– Представьте себе, Дживс, что вы гуляете в джунглях и вдруг встречаете тигренка.

– Вероятность подобной встречи ничтожно мала, сэр.

– Не имеет значения. Давайте себе это представим.

– Очень хорошо, сэр.

– Теперь давайте представим, что вы окатили этого тигренка грязью, а затем представим, что слух о вашем поступке дошел до тигрицы-мамы. Как она к вам отнесется? Какое расположение духа у нее будет, когда вы увидите?

– Я бы рискнул предположить, что она выкажет некоторое неудовольствие, сэр.

– И правильно сделает. Это называется материнский инстинкт.

– Да, сэр.

– Прекрасно, Дживс. Теперь вообразим, что недавно тигрица и тигренок немного повздорили. Скажем, они несколько дней не разговаривают друг с другом. Как вы считаете, будет тигрица столь же яростно защищать тигренка?

– Вне всякого сомнения, сэр.

– Вот-вот. Следовательно, мой план в кратком изложении таков. Уведу кузину Анджелу в какое-нибудь уединенное место и примусь за Таппи – разнесу его в пух и прах.

– Разнесете, сэр?

– Начну его ругать, поносить, высмеивать, оскорблять. Обвиню во всех смертных грехах. Буду лапидарен. Скажу, что он похож на африканского кабана, а не на выпускника одной из лучших и старейших привилегированных школ Англии. А в результате? Когда Анджела все это услышит, сердце у нее обольется кровью. В ней проснется тигрица-мать. Не имеет значения, в чем они там не сошлись взглядами, она будет помнить только, что это человек, которого она любит, и бросится его защищать. Следующий шаг – размолвка предана забвению, она падает в его объятия. Что вы на это скажете?

– Очень остроумная мысль, сэр.

– Мы, Вустеры, остроумны, Дживс, на редкость остроумны.

– Да, сэр.

– Кстати, я почерпнул эту премудрость не только из книг. Я на опыте ее проверил.

– В самом деле, сэр?

– Да, лично проверил. И получил блестящее подтверждение. Как-то месяц назад стою я на скале Эдем в Антибе и слежу рассеянным взглядом, как в воде резвятся купальщики. Вдруг девица, с которой я был едва знаком, указывает на одного типа и говорит: «Смотрите, до чего смешные ноги, в жизни не видела ничего подобного». Я с ней согласился и принялся глумиться над нижними конечностями этого типа. И вдруг меня будто смерч подхватил. Девица охаяла мои конечности, о которых, по ее словам, при всем желании ничего хорошего не скажешь, потом взялась за мои манеры, нравственность, внешность, ум и привычку жевать спаржу с громким хрумканьем. В общем, когда она закончила, стало ясно: Бертрам повинен во всех смертных грехах, разве что пока еще он никого не убил и не поджег сиротского приюта. Как я выяснил впоследствии, девица была помолвлена с тем типом, и накануне они слегка повздорили насчет того, стоило ли пойти с двойки пик, имея на руках семерку, но без туза. В тот же вечер я видел, как они вместе сидят за обедом, довольные и веселые, размолвки как не бывало. Они не могли наглядеться друг на друга. Вот, Дживс, очень поучительный пример.

– Да, сэр.

– Думаю, кузина Андже́ла поведет себя так же, когда услышит, как я последними словами крою Таппи. К ленчу, надеюсь, помолвка снова войдет в силу и бриллиант в платине опять засверкает у нее на безымянном пальце. Или на среднем?

– К ленчу едва ли, сэ́р. Горничная мисс Андже́лы мне сообщила, что мисс Андже́ла сегодня утром отбыла в своем автомобиле с намерением провести день в компании друзей, живущих поблизости.

– Хорошо, тогда через час после того, как она вернется. Какая разница, Дживс. Не будем размениваться на мелочи.

– Хорошо, сэ́р.

– Главное, мы можем быть уверены, что вскоре у Андже́лы и Таппи все снова будет тип-топ. Эта мысль согревает мне душу, Дживс.

– Истинная правда, сэ́р.

– Чего я не выношу, так это разрыва двух любящих сердец.

– Я могу оценить ваши чувства, сэ́р.

Я положил окурок в пепельницу и закурил новую сигарету, знаменуя таким образом окончание первой главы.

– Итак, Западный фронт нам тревог не внушает. Перейдем к Восточному.

– Сэ́р?

– Я говорю иносказательно, Дживс. Это означает, что теперь мы переходим к делу Гасси и Мадлен Бассет.

– Да, сэ́р.

– Здесь требуются радикальные меры. Когда имеешь дело с Огастусом Финк-Ноттлом, следует помнить, что он придурок.

– Или мимоза стыдливая, если воспользоваться более мягким выражением, сэ́р.

– Нет, Дживс, он придурок. А с придурками следует придерживаться жесткой, крутой политики, политики с позиции силы. Психологией здесь не обойдешься. Мне не хотелось бы задевать ваши чувства, но позвольте вам напомнить, что вы впали в ошибку – развели психологию в случае с этим самым Финк-Ноттлом и потерпели сокрушительный провал. Вы пытались заставить его разговориться, нарядив Мефистофелем и послав на бал-маскарад, надеялись, что красное трико придаст ему храбрости. Тщетно, Дживс.

– Но ведь до дела не дошло, сэ́р.

– Не дошло, потому что он не попал на маскарад, это только подтверждает мою позицию. Человек, который садится в такси, чтобы ехать на бал, и в конце концов туда не попадает, – придурок высшего разбора. Второго такого я не знаю. А вы?

– Я тоже, сэ́р.

– Не забывайте об этом, потому что я хочу, чтобы вы поняли следующее: даже если бы Гасси приехал на бал; даже если бы красное трико вкуче с очками в роговой оправе не довели девицу Бассет до судорог; даже если бы она оправилась от шока и пошла с ним танцевать; даже если бы ему удалось с ней заговорить, то и тогда ваши усилия оказались бы напрасны, потому что в костюме ли Мефистофеля или без костюма Огастус Финк-Ноттл не в состоянии расхрабриться и сделать ей предложение. Все равно кончилось бы лекцией о тритонах, только на несколько дней раньше. А почему, Дживс? Хотите скажу, почему?

– Да, сэ́р.

– Потому что на апельсиновом соке далеко не уедешь. И пытаться не стоит.

– Сэ́р?

– Гасси апельсиновый сокоголик. Ничего больше не пьет.

– Я этого не знал, сэр.

– А я знаю от него самого. То ли наследственная болезнь, то ли он поклялся своей матушке не брать в рот горячительных напитков, а может, ему просто не нравится вкус спиртного, только Гасси Финк-Ноттл никогда в жизни не проглотил ни капли элементарного джина с тоником. И он надеется – этот придурок надеется, Дживс, – этот косноязычный, малодушный, трусливый кролик в человеческом обличье надеется сделать предложение девице, которую любит. Тут не знаешь, то ли плакать, то ли смеяться.

– Вы считаете, что полное воздержание от употребления спиртных напитков является препятствием для джентльмена, который желает сделать брачное предложение, сэр?

Вопрос поставил меня в тупик.

– Какого черта! – удивился я. – Вам следовало бы это знать. Подумайте хорошенько, Дживс. Что значит сделать предложение? Достойный, уважающий себя молодой человек вынужден произносить бог знает что, услышь он такое с экрана кинематографа, бросился бы без оглядки в кассу и потребовал назад свои деньги. Попробуйте проделать это на апельсиновом соке. Каков будет результат? От стыда и рта не раскроете, а если и раскроете, то в тот же миг растеряетесь и начнете лопотать неведомо что. Гасси, как мы знаем, мелет вздор о тритонах с козырьками.

– С гребешками, сэр.

– С козырьками, с гребешками – не имеет значения. Загвоздка в том, что он мелет вздор, и если представится случай, то снова будет молоть вздор. До тех пор, пока – теперь, Дживс, следите очень внимательно за ходом моей мысли, – пока не будут приняты соответствующие меры. Только немедленные и решительные действия помогут несчастному малодушному придурку обрести храбрость. Вот почему я намерен завтра запасть бутылкой джина и щедро разбавить им апельсиновый сок, который Гасси пьет за ленчем.

– Сэр?

Я поцокал языком.

– Дживс, мне уже случалось высказывать вам свое мнение, – укоризненно сказал я, – по поводу того, как вы произносите эти ваши «Да, сэр, но...» и «В самом деле, сэр?». Пользуясь случаем, хочу вам сказать, что столь же решительно возражаю против вашего «Сэр?». Вы произносите его таким тоном, будто я, по вашему мнению, несу чепуху, от которой у вас уши вянут. В данном случае ваше «Сэр?» вообще ни к селу ни к городу. План, который я предложил, исключительно разумен, безупречен с точки зрения логики и не может вызывать у вас никаких «сэров?». Согласны?

– Да, сэр, но...

– Дживс!

– Прошу прощения, сэр. Это выражение вырвалось у меня нечаянно. Я только хотел сказать, коль скоро вы на этом настаиваете, что действие, которое вы намерены предпринять, представляется мне несколько необдуманном.

– Необдуманном? Дживс, я вас не понимаю.

– Оно несет в себе, как мне кажется, некоторый элемент риска, сэр. Влияние алкоголя на субъект, не приученный к подобным видам стимуляции, зачастую с трудом поддается прогнозированию. Насколько мне известно, на попугаев, например, алкоголь оказывает пагубное воздействие.

– На попугаев?

– Да, сэр. Я имел в виду случай, которому был свидетелем еще до того, как поступил в услужение к вам. В то время я служил у покойного лорда Бранкастера. Этот джентльмен был очень привязан к своему попугаю. Однажды его светлости показалось, что птица несколько вялая, и его светлость с самыми добрыми намерениями, желая вернуть своему любимцу обычную живость, дал ему бисквит с тмином, пропитанный портвейном урожая 1884 года. Птица благосклонно отнеслась к лакомству и с удовольствием проглотила кусочек бисквита. Однако почти сразу же в ее поведении появились признаки болезненного возбуждения. Укусив его светлость за палец и проорав куплет из хоровой матросской песни, она опрокинулась на дно клетки лапами кверху и довольно долго пролежала без движения. Я рассказал об этом случае, сэр, чтобы...

Я сразу нашел слабое место в его рассуждениях.

– Но Гасси не попугай.

– Да, сэр, но...

– По-моему, сейчас самое время хорошенько разобраться в том, кто такой на самом деле Гасси Финк-Ноттл. Он сам, похоже, думает, что он самец тритона, а вы сейчас предположили, что он попугай. На самом же деле он обычный заурядный придурок и позарез нуждается в бодрящей дозе горячительного. Поэтому довольно дискутировать, Дживс. Я принял решение. Случай трудный, к нему существует только один правильный подход, и я наметил в общих чертах, что следует предпринять.

– Очень хорошо, сэр.

– Итак, решено. Вперед, Дживс! И вот еще что: из моих слов вы, наверное, уже поняли, что я собираюсь осуществить свой план завтра. Вы, должно быть, спрашиваете себя, а почему именно завтра. Так почему, Дживс?

– Вероятно, потому, что коль суждено тебе свершенье, верши его без промедленья, сэр?

– Отчасти, Дживс, только отчасти. Главная причина, почему я назначил именно завтрашний день, состоит в том, что завтра – вы, конечно, об этом забыли – состоится вручение призов в классической средней школе в Маркет-Снодсбери, на котором, как вы знаете, Гасси должен быть звездой первой величины, распорядителем торжества. Таким образом, разбавив сок джином, мы не только придадим придурку храбрости, чтобы он сделал предложение мисс Бассет, но и приведем его в такое состояние, что он очарует всю маркет-снодсберийскую публику.

– Вы убьете сразу двух зайцев, сэр.

– Правильно, Дживс. Вы уловили самую суть. Теперь поговорим о мелочах. Хорошенько подумав, я решил, что будет гораздо лучше, если не я разбавлю сок джином, а вы.

– Сэр?

– Дживс!

– Прошу прощения, сэр.

– И я вам объясню, почему это гораздо лучше. Потому что вам куда легче получить доступ к излюбленному напитку Гасси. Как я заметил, его подают отдельно, в кувшине. Завтра перед ленчем этот кувшин будет стоять, скорее всего, в кухне или где-то поблизости от нее. И вам ничего не стоит плеснуть туда на три-четыре пальца джина.

– Да, сэр, но...

– Дживс, я вас просил избегать этих слов.

– Боюсь, сэр...

– «Боюсь, сэр...» ничем не лучше.

– Я хотел бы вам сказать, сэ́р, что мне очень жаль, но, боюсь, я должен выдвинуть *polle prosequi* [\[70\]](#).

– Что-что?

– Данное выражение – юридический термин, сэ́р, означающий, что одна из сторон решает прекратить ведение дела. Другими словами, хотя я обычно с готовностью выполняю ваши приказания, сэ́р, в данном случае я должен почтительнейше отклонить ваше предложение о сотрудничестве.

– Вы отказываетесь?

– Совершенно верно, сэ́р.

Я был поражен. Теперь я понимал, что чувствует генерал, когда отдает приказ стрелять, а ему говорят, что полк сегодня не в духе.

– Дживс, этого я от вас не ожидал.

– Вот как, сэ́р?

– Никак не ожидал. Естественно, я понимаю, что разбавление джином апельсинового сока не входит в ваши повседневные обязанности, за которые вы ежемесячно получаете жалованье, и если вы желаете строго придерживаться буквы нашего соглашения, я ничего не могу с вами поделать. Но позвольте заметить, ваш поступок не укладывается в рамки, предписываемые добрым старым кодексом вассальной верности.

– Мне очень жаль, сэ́р.

– Ничего, Дживс, все в порядке. Я не сержусь, я только немного огорчен.

– Да, сэ́р.

– Пока, Дживс.

Расследование показало, что друзья Анджелы, некие Стретчли-Бадды, у которых она провела день, обитали в своем старинном поместье в Кингем-Мэнор, примерно в восьми милях от Бринкли, если ехать по направлению к Першору. Не знаю, что они за люди, но, должно быть, их общество очень приятно, раз Анджела проторчала у них почти до самого вечера и едва успела переодеться к обеду. Так что мне удалось приступить к выполнению своего плана только после кофе. Анджелу я застал в гостиной и, не теряя времени, взялся за дело.

Сейчас мною владели совсем иные чувства, чем сутки назад, когда я здесь же, в гостиной, приближался к Бассет с теми же намерениями, как теперь к Анджеле, а именно затащить девицу в укромный уголок в саду. Как я говорил Таппи, я всегда обожал Анджелу, и прогуляться с ней для меня одно удовольствие.

Едва на нее взглянув, я понял, что ей как воздух нужны моя поддержка и утешение.

Честно сказать, ее вид меня поразил. В Каннах это была истинная юная англичанка в своем лучшем воплощении, счастливая, полная жизни и искрящегося веселья. Теперь лицо у нее побледнело и осунулось, как у центр-форварда девчачьей хоккейной команды, которой чуть не перебили ногу да еще и наказали за подсечку. В любой нормальной компании ее вид тотчас привлек бы всеобщее внимание, однако в Бринкли-Корте царил такой мрак, что никто на нее и не взглянул. Я бы не удивился, если бы дядя Том, скукожившийся в своем углу в ожидании конца света, упрекнул Анджелу в разнузданной веселости.

Я приступил к делу со свойственной мне непосредственностью:

– Привет, Анджела, привет, старушка!

– Привет, Берти, дорогой.

– Рад, что ты наконец вернулась. Я по тебе соскучился.

– Правда, дорогой?

– Конечно. Не хочешь прогуляться?

– С большим удовольствием.

– Мне надо так много тебе сказать, однако разговор не для посторонних ушей.

В этот момент старину Таппи поразил приступ какой-то болезни, вроде падучей. Он сидел неподалеку от нас, рассеянно глядел в потолок, а тут вдруг затрепыхался, как пойманный на крючок лосось, и опрокинул столик, на котором стояли ваза, блюдо с ароматической смесью из сухих цветочных лепестков, две фарфоровые собачки и лежал томик рубай Омара Хайяма в мягком кожаном переплете.

Тетя Далия издала испуганный охотничий клич. Дядя Том, видимо, решил, что светопреставление уже началось, и внес в него свою лепту, вдребезги расколов кофейную чашку.

Таппи начал извиняться. Тетя Далия с предсмертным вздохом заверила его, что ничего страшного не случилось. Анджела бросила на Таппи надменный взгляд, будто принцесса, удивленная неловкой выходкой плебея, и мы с ней вышли за дверь. Я повел ее в парк, усадил на скамейку, сел рядом и приготовился действовать по разработанному мною плану.

«Однако, – подумал я, – прежде чем приступить к делу, стоит непринужденно поболтать. Нельзя же так, сплеча замахнуться на столь деликатную тему». И сколько-то времени мы говорили о том о сем. Анджела объяснила, почему она так долго гостила у

Стретчли-Баддгов. Оказывается, Хилда Стретчли-Бадд попросила Анджелу помочь с устройством завтрашнего бала для слуг, и Анджела не могла ей отказать, поскольку весь штат домашней прислуги Бринкли-Корта тоже должен был присутствовать на празднике. Я сказал, что веселая пирушка как нельзя более кстати: поможет Анатолию развеселиться и выбросить из головы черные мысли. Анджела ответила, что Анатолий не собирается идти на бал. На все уговоры тети Далии он только печально качал головой и твердил, что хочет вернуться в родной Прованс, где его оценят по достоинству.

Мы грустно помолчали, и Анджела сказала, что трава мокрая и лучше вернуться в дом.

Это, разумеется, совсем не входило в мои планы.

– Нет, подожди. С тех пор как ты приехала, мы так и не поговорили.

– Я испорчу туфли.

– Положи ноги мне на колени.

– Идет. Можешь растереть мне лодыжки.

– С большим удовольствием.

Таким образом мы переключились на другие темы и несколько минут вели бессвязный разговор, который постепенно иссяк. Я промямлил что-то насчет живописной тишины, царящей в сумерки, мерцания звезд, блеска воды в озере, и Анджела мне поддакнула. В кустах перед нами что-то зашуршало, и я сказал, что это, наверное, ласка, и она вяло проронила: «Да, наверное». Несомненно, мысли ее витали где-то далеко. И я решил не терять больше времени.

– Анджела, старушка, я слышал, у вас случился небольшой скандалчик. Похоже, теперь свадебные колокола не прозвонят?

– Не прозвонят.

– Это окончательно?

– Да.

– Ну, старушка, если хочешь знать мое мнение, то невелика потеря. Думаю, ты счастливо отделалась. Не понимаю, как ты могла так долго терпеть этого Глоссоба. Ни рыба ни мясо, тряпка, а не человек. А вид-то какой – настоящая свиная туша. Мне жаль ту дурочку, которая свяжет свою жизнь с этим боровом.

Я коротко презрительно хохотнул.

– А я думала, вы друзья, – сказала Анджела.

Я снова хохотнул, на этот раз еще презрительнее:

– Друзья? Ничего подобного. Конечно, я с ним учтив, но назвать его своим другом? Никогда. Клубное знакомство, не более того. К тому же мы с ним учились в школе.

– В Итоне?

– Ну что ты. Таких, как он, у нас в Итоне не держали. Я говорю про начальную школу. Как сейчас помню, он был неряха и грубиян. Вечно в грязи и чернилах, никогда не мылся. Настоящий изгой, никто не хотел с ним знаться.

Я умолк. Мне было сильно не по себе. Говорить такие гадости о закадычном друге, которого я люблю и ценю – когда он, конечно, не завязывает веревки с кольцами и не заставляет меня нырять в бассейн в полной вечерней выкладке, – само по себе уже мука мученическая, к тому же еще я, по-моему, ничего не добился. Дело оказалось дохлое. Анджела сидела, уставясь в кусты, и молчала как рыба. Мои гнусные выпады и мерзкую клевету выслушала совершенно невозмутимо, даже бровью не повела.

Я решил сделать еще одну попытку.

– Одним словом, неряха. В жизни такого не видел. Спроси любого, кто знал его в то время, и каждый тебе скажет: неряха. Он и теперь такой же. Обычная история. Мальчик – отец мужчины.

Она, казалось, не слышит.

– Мальчик, – повторил я, чтобы она могла оценить мою мысль, – отец мужчины...

– О чем это ты?

– О Глоссопе.

– Мне послышалось, ты говоришь о каком-то отце.

– Я говорю, мальчик – отец мужчины.

– Какой мальчик?

– Глоссоп.

– У него нет отца.

– Я и не говорю, что у него есть отец. Я говорю, он – отец мальчика... Э-э, постой, наоборот – отец мужчины.

– Какого мужчины?

Я понял, что мы уперлись в стену и, если не принять пожарных мер, мы заблудимся в трех соснах.

– Анджела, послушай, я хочу тебе объяснить, – сказал я, – что мальчик Глоссоп – отец мужчины Глоссопа. Другими словами, все отвратительные пороки, из-за которых другие мальчики сторонились Глоссопа, живут теперь во взрослом Глоссопе, из-за них все от него с презрением отворачиваются – я сейчас говорю уже о взрослом Глоссопе – в таких местах, как, например, «Трутни», где от членов клуба требуется определенный уровень благопристойности. Спроси любого в «Трутнях» – и тебе скажут, что для старого уважаемого клуба тот день, когда Глоссоп втерся в наши ряды, стал черным днем. Кому-то противна его физиономия, другому наплевать на физиономию, но ужасают его манеры. Однако все сходятся во мнении, что он развязен, шумлив, несносен и что в тот момент, когда он выразил намерение вступить в клуб, следовало прибегнуть к *nolle prosequi* и единодушно его забаллотировать.

Тут я снова умолк, отчасти перевести дух, отчасти собраться с силами, потому что говорить такие гадости про старину Таппи – настоящая пытка.

– Знаешь, встречаются чудачки, – проговорил я, заставив себя снова взяться за свою тошнотворную работу, – у которых такой вид, будто они спят не раздеваясь, и все же с ними приятно иметь дело, потому что они дружелюбны и обходительны. Бывают нескладные толстяки, про которых не грех отпустить ехидную шутку, но они при этом вполне симпатичны благодаря, например, уму и чувству юмора. Но Глоссоп, с сожалением должен сказать, не относится ни к тем ни к другим. Урод уродом, так еще и туп как пень. Ни поговорить с ним по душам, ни поболтать, ни посмеяться. Короче, девушка, которая, стгоряча обручившись с ним, вовремя опомнится и сбежит, должна считать, что ей крупно повезло.

Я опять умолк и скосил глаза на Анджелу, стараясь понять, как на нее действует курс лечения. Пока я говорил, она молча смотрела на кусты перед собой. И все равно я ждал, что она бросится на меня, подобно разъяренной тигрице, как положено по сценарию. Удивительно, почему она уже давно не бросилась. Наговори я тигрице про любимого тигра малую толику того, что наговорил Анджеле, она – я имею в виду тигрицу – уже пробилась бы потолок.

Однако минутой спустя она – я имею в виду Анджелу – сразила меня наповал.

– Да, – сказала она, задумчиво кивнув, – ты совершенно прав.

– Что?

– Я и сама так думаю.

– Как?!

– Туп как пень. Этим все сказано. Второго такого во всей Англии не сыщешь.

Я молчал и отчаянно призывал все свои умственные способности, чтобы оказать себе неотложную медицинскую помощь.

Признаться, такого сюрприза я не ожидал. Обдумывая свой блестящий план, который только что привел в действие, я не учел одного обстоятельства: мне и в голову не приходило, что Анджела может меня поддержать. Я был готов к взрыву чувств. Ожидал слез, истерики, обвинений и прочих мер устрашения, которые имеются в запасе у девиц.

Но никак не предвидел, что она охотно со мной согласится, и теперь потерял дар речи.

А она продолжала в том же духе, да так горячо, с воодушевлением, будто села на любимого конька. Дживс бы тотчас нашел слово, которого мне не хватает. Кажется, «ажитация» (не путать с агитацией, это вроде бы предвыборная пропагандистская кампания). И если я ничего не напутал, то Анджела именно в ажитации всячески поносила бедного Таппи. Вслушавшись в ее голос и интонации, можно было подумать, что это придворная поэтесса, слагающая вирши в честь какого-то восточного монарха, или, на худой конец, Гасси Финк-Ноттл, изливающий свои чувства по поводу последней полученной им партии тритонов.

– Ах, Берти, как приятно поговорить с человеком, который может здраво судить об этом самом Глоссопе. Мама считает, что он порядочный молодой человек, но это просто абсурд! Невооруженным глазом видно, что он совершенно невыносим. Тщеславен, самодоволен, все время спорит и пререкается, даже когда сам понимает, какую несет околесицу, и без конца курит, и все время ест, и слишком много пьет, и вообще, мне не нравится цвет его волос. Не говоря уж о том, что через год-другой он совсем облысеет, у него и сейчас уже макушка светится, скоро голова станет голая, как коленка, представляешь, как ему пойдет лысина? И, по-моему, просто отвратительно, что он все время объедается. Знаешь, Берти, я застала его в кладовой в час ночи, он буквально погряз в пироге с телятиной и почками. Весь его умял до последней крошки. А ты помнишь, сколько он съел за обедом? Просто омерзительно... Послушай, Берти, не могу же я тут всю ночь сидеть и говорить о людях, которые и одного слова не заслуживают и у которых не хватает ума отличить акулу от камбалы. Все, иду домой.

Поправив на хрупких плечиках шаль, которую она накинула, чтобы уберечься от ночной прохлады, Анджела упорхнула, оставив меня в одиночестве среди ночной тишины.

Как вскоре выяснилось, не совсем в одиночестве, потому что минуту спустя кусты передо мной раздвинулись и появился Таппи.

Я уставился на него во все глаза. Темнота сгущалась, и видимость была не слишком хорошая, но достаточная, чтобы отчетливо его разглядеть. Я сразу смекнул, что мне будет куда спокойнее, если мы окажемся по разные стороны массивной садовой скамьи. Я снялся с места, взмыл, как фазан, и приземлился по другую сторону упомянутого объекта.

Неожиданное проворство, с каким был проделан этот маневр, произвело на Таппи впечатление. Он растерялся. Замер на месте и все то время, которое потребовалось, чтобы капля пота сползла у меня со лба на кончик носа, стоял и молча глядел на меня.

– Sic! ^[71] – наконец произнес он, и я удивился, что человек способен в обыденной жизни сказать: «Sic!» Я привык думать, что подобные выражения можно вычитать только в книгах. Наравне с «Sic passim» ^[72] или «Vide supra» ^[73].

Человек менее проникательный, чем Бертрам Вустер, может, и не заметил бы, что его старый приятель Таппи разводит пары: глаза горят, кулаки сжимаются, челюсти мерно ходят, будто он все еще пережевывает ужин.

В волосах у него запутались веточки и листья, а сбоку свисал жук, который наверняка заинтересовал бы мистера Огастуса Финк-Ноттла. Однако все это я заметил краем глаза. Ибо есть время замечать жуков, а есть время их не замечать.

– Sic! – снова проговорил Таппи.

Тот, кто хорошо знает Бертрама Вустера, скажет вам, что в момент опасности он не теряет головы, напротив, становится еще более проникательным и сообразительным. Кто несколько лет тому назад, в ночь после гребных гонок, будучи схвачен служителем закона и доставлен в полицейский застенок на Вайн-стрит, с ходу назвался Юстасом Г. Плимсоллом, Лабурнум, Аллейн-Роуд, Вест Далидж и тем самым не позволил замарать грязью и предать широкой огласке нежелательного толка древнее благородное имя Бустеров? А кто, скажите...

Впрочем, не стоит продолжать. Моя репутация говорит сама за себя. Будучи три раза задержан железной рукой закона, я ни разу не понес наказания под своим настоящим именем. Спросите кого угодно в «Трутнях».

Вот и теперь, когда мое положение с каждой минутой становилось все более сложным, я не потерял головы. Напротив, сохранял полное хладнокровие. Искренне и дружелюбно улыбаясь в надежде, что сейчас еще не слишком темно и моя улыбка будет зафиксирована, я весело проговорил:

– Привет, Таппи. Ты тут?

Он ответил, что да, он тут.

– И давно ты тут?

– Давно.

– Вот и славно. Я как раз хотел тебя повидать.

– Твое желание исполнилось. Выходи из-за скамьи.

– Да нет, спасибо, старик. Мне удобно на нее опираться. Позвоночный столб отдыхает.

– Через две минуты, – сказал Таппи, – я вышибу твой позвоночный столб через макушку.

Я поднял брови. При таком освещении не слишком действенный прием, зато хорошо вписывается в общую композицию.

– И это говорит Гилдебранд Глоссоп? – осведомился я.

Он самый, сказал Таппи, добавив, что если я желаю в этом удостовериться, то могу подойти поближе, при этом он непотребно обложил меня.

Я снова поднял брови.

– Ну-ну, Таппи, не будем браниться. Как ты думаешь, Таппи, глагол «браниться» тут к месту?

– Не знаю, – буркнул он и начал бочком обходить скамейку.

Если я хочу успеть что-нибудь сказать, подумал я, нельзя терять ни минуты. Он уже продвинулся футов на шесть. И хотя я, в свою очередь, тоже бочком двигался вдоль скамейки в противоположном направлении, кто мог предвидеть, долго ли сохранится столь благополучное равновесие.

Поэтому я приступил к делу.

– Догадываюсь, что у тебя на уме, Таппи, – сказал я. – Если ты сидел в кустах, когда мы с Анджелой болтали, то наверняка слышал, что я о тебе говорил.

– Слышал.

– Понял. Давай не будем углубляться в обсуждение этической стороны дела. Конечно, некоторые назвали бы твой поступок подслушиванием и подглядыванием. Я уверен, строгие блюстители нравственности сурово осудили бы тебя. Ибо твой поступок, Таппи, – мне не хочется задевать твои чувства – не типичен для англичанина. Не типичен и недостойн англичанина. И ты, старик, не можешь не признать этого.

– Я шотландец.

– Да ну? Вот не знал. Странно, живешь и не подозреваешь, что твой друг шотландец, если он, конечно, не Мак-как-его-там. Кстати, – продолжал я, чувствуя, что научная дискуссия на нейтральную тему способна разрядить обстановку, – не поможешь ли ты разрешить проблему, которая давно меня занимает? Что шотландцы кладут в телячьи рубцы? Я часто задаюсь этим вопросом.

Вместо ответа он перемахнул через скамейку и попытался вцепиться в меня, и я догадался, что тема телячьих рубцов его совсем не увлекает.

– Однако, – сказал я, в свою очередь перепрыгивая через скамейку, – я не тороплю тебя с ответом. Давай вернемся к нашему разговору. Значит, ты сидел в кустах и слышал, что я о тебе говорил...

Таппи начал двигаться вокруг скамейки в направлении северо-северо-восток. Я последовал его примеру, взяв курс на юго-юго-запад.

– Представляю, как ты удивился.

– Ничуть не удивился.

– Как? Разве мои высказывания не показались тебе странными?

– А чего еще ожидать от предателя, труса и фискала!

– Таппи, старик, – сказал я, – ты сегодня не в себе. Туговато соображаешь. Я думал, ты сразу догадаешься, что это часть моего тщательно разработанного плана.

– Сейчас я с тобой разделаюсь, – сказал Таппи, покачнувшись после внезапной попытки схватить меня за горло.

Тут я понял, что нельзя медлить ни секунды, и стал поспешно выкладывать ему все по порядку, не забывая между тем двигаться на юго-юго-запад.

Я ему рассказал, как огорчился, получив телеграмму от тети Далии; как сломя голову бросился на театр военных действий, обдумывая дорогой, что предпринять, чтобы помочь

ему, Таппи; как составил свой окончательный блестящий план. Говорил я хоть и быстро, но четко и ясно, и потому был сильно озадачен, когда Таппи процедил сквозь зубы, что не верит ни единому моему слову.

– Ну почему, Таппи? – сказал я. – Почему? Ведь это все чистая правда. Почему ты не веришь? Объясни.

Он остановился, тяжело переводя дух. Вопреки издевательским утверждениям Анджелы, Таппи совсем нетолстый. Всю зиму он оголтело гоняет в футбол, а летом не выпускает из рук теннисную ракетку.

Но сегодня за вечерней трапезой он наверстал упущенное, понимая, что после безобразной сцены в кладовой воздержание потеряло смысл. А после обеда, приготовленного Анатодем, человек, даже столь сильный и тренированный, как Таппи, на какое-то время теряет привычную подвижность. Пока я излагал свой план, как осчастливить их с Анджелой, в нашем хождении вокруг скамейки наметилось видимое оживление, так что последние несколько минут мы гонялись друг за другом, будто заведенные, – так огромная механическая борзая и хитрый механический заяц носятся по кругу на потеху толпе.

В конце концов Таппи заметно выдохся, что меня порадовало. Я и сам забегался, и временная передышка была мне очень кстати.

– Слушай, Таппи, меня поражает, почему ты мне не веришь. Ведь мы с тобой столько лет дружим. За исключением того раза, когда мне по твоей милости пришлось нырять в бассейн во фраке, – случай, который я давно выкинул из головы и предал забвению, надеюсь, ты следишь за ходом моей мысли, – так вот, за исключением того случая, черная кошка ни разу не пробежала между нами, и я всегда дорожил твоей дружбой, ты и сам знаешь. Ну скажи, зачем мне было чернить тебя перед Анджелой, если не для твоей же пользы? Ответь мне. Только выбирай выражения.

– В каком таком смысле «выбирай выражения»?

Вообще-то я понятия не имел, в каком смысле. Эту фразу произнес судья, когда я стоял перед ним под именем Юстаса Плимсолла, и она произвела на меня сильное впечатление; сейчас я ее ввернул, чтобы придать разговору должную значительность.

– Ладно, говори, как умеешь. Просто ответь мне на один вопрос. Если бы я не принимал твои интересы близко к сердцу, зачем мне было плести все эти небылицы?

Таппи задрожал всем телом. Жук, который все это время гнезился в волосах у Таппи, видно, потерял надежду устроиться получше и решил оставить убежище. Он снялся с насиженного места, и ночь его поглотила.

– Ой! Жук! – объяснил я. – Ты, наверное, ничего не подозревал, а у тебя на голове уже давно припарковался жук. Сейчас ты его согнал.

Таппи фыркнул:

– Что еще за жуки!

– Нет-нет, всего один жучок.

– Какая наглость! – заорал Таппи, вибрируя всем телом, точно Гассин тритон, у которого наступил брачный период. – Он еще смеет говорить о жуках! Предатель! Трусливая собака!

Вопрос, по-моему, спорный. Если ты предатель и трусливая собака, это не значит, что ты лишен права говорить о жуках. Полагаю, в компетентных кругах могли бы дать по этому поводу пространный комментарий.

Но я не стал спорить.

– Послушай, ты второй раз называешь меня предателем и трусом. И я настаиваю, – твердо проговорил я, – на объяснении. Тебе ведь уже было сказано, что только из самых лучших и самых добрых побуждений я в разговоре с Анджелой ругал тебя последними словами. Думаешь, мне было легко? Я сносил эти адовы муки только во имя нашей многолетней дружбы. А ты заявляешь, что не веришь мне, и оскорбляешь меня; притащи я тебя в суд, тебе за такие слова припаяли бы штраф на кругленькую сумму. Надо бы проконсультироваться у моего юриста, но я и так знаю, что дело верное. Послушай, Таппи, ну пошевели ты мозгами. Зачем мне было затевать всю эту канитель, если не во имя твоего блага? Назови причину. Хоть одну.

– И назову. Думаешь, я не знаю? Ты сам влюблен в Анджелу.

– Что?!

– Ты меня очернил, чтобы настроить ее против меня и убрать соперника с дороги.

Ничего более абсурдного я в жизни не слышал. Черт побери, я же знаю Анджелу с пеленок. Нельзя влюбиться в близких родственниц, которых знаешь с пеленок. Кроме того, закон запрещает жениться на кузинах. Или я что-то перепутал? Может, речь идет о бабушках?

– Таппи, старый осел! – воскликнул я. – Что ты мелешь? Видно, совсем рехнулся.

– Да?

– Я влюблен в Анджелу? Ха-ха-ха!

– Ты своими «ха-ха-ха» не отделаешься. Она называла тебя «дорогой».

– Ну и что? Кстати, я этого не одобряю. Меня коробит, когда современные девицы расточают «дорогой» направо и налево. По-моему, это распущенность.

– А кто растирал ей лодыжки?

– Таппи, но ведь я растирал исключительно по-братски. Даже не придавал этому никакого значения. Послушай, черт тебя подери, с теми намерениями, в которых ты меня подозреваешь, я к Анджеле и близко бы не подошел.

– Это почему? Недостаточно хороша для тебя?

– Нет, ты не понял, – торопливо сказал я. – Когда я говорю, что и близко не подойду к Анджеле, я имею в виду, что питаю к ней только теплые родственные чувства. Другими словами, ты можешь быть совершенно уверен: между нами нет и не может быть никаких других отношений, кроме дружеских.

– Наверняка это ты ей намекнул, что я ночью собираюсь в кладовку, хотел, чтобы она меня там застукала один на один с пирогом и чтобы я окончательно упал в ее глазах.

– Таппи! В своем ли ты уме? – Я был потрясен. – Неужели ты думаешь, что Вустер на такое способен?

Он тяжело перевел дух.

– Послушай, – сказал он, – спорить бессмысленно. Против фактов не пойдешь. В Каннах кто-то у меня ее похитил. А ты сам мне признался, что там она все время была с тобой и, кроме тебя, ни с кем не виделась. Ты бахвалился, что вы вместе купались, гуляли при луне...

– Совсем не бахвалился. Просто упомянул – и все.

– Надеюсь, теперь ты понял, почему я собираюсь с тобой разделаться, вот только вытащу тебя из-за проклятой скамейки? И зачем их в саду нагородили? – злобно сказал Таппи. – Не понимаю. Торчат повсюду и мешают.

И он снова на меня набросился, чуть не схватил за горло.

Надо было немедленно что-то придумать. В такие минуты, как я уже упоминал, Бертрам

Вустер на высоте. Мне вдруг вспомнился дурацкий казус с этой Бассет, и в мгновенном озарении я увидел, как он мне может сейчас пригодиться.

– Таппи, ты не так все понял, – проговорил я, огибая скамейку. – Мы с Анджелой действительно все время были неразлучны, но отношения у нас с ней от начала до конца самые что ни на есть товарищеские, чистые и абсолютно целомудренные. Могу это доказать. Когда мы были в Каннах, я влюбился совсем в другую девушку.

– Что?!

– Влюбился. В другую девушку. В Каннах.

Наконец-то я подобрал ключик к этому придурку. Он перестал кружить вокруг скамьи. Руки у него разжались.

– Это правда?

– Официально заявляю: чистая правда.

– Кто она?

– Таппи, разве джентльмен может позволить себе всуе упоминать имя дамы?

– Может, если не хочет получить по шее.

Я понял, что тут клинический случай.

– Мадлен Бассет, – сказал я.

– Кто?!

– Мадлен Бассет.

Он был потрясен.

– Неужели ты хочешь сказать, что любишь это ходячее недоразумение?

– Таппи, я бы не стал называть ее «ходячее недоразумение». Это неуважительно.

– А мне плевать. Мне нужны факты. Значит, ты, будучи в здравом уме, утверждаешь, что любишь эту малохоленную Бассет, пронеси меня, господи?

– Не понимаю, почему ты ее называешь «малохоленная Бассет, пронеси меня, господи».

Очаровательная девушка, красавица. Может, самую малость странная. Между нами, довольно трудно разделить ее точку зрения на звезды и кроликов, но «малохоленная Бассет, пронеси меня, господи» – это уж слишком.

– Ладно, значит, ты утверждаешь, что влюблен в нее?

– Само собой.

– Не верится, Вустер, ох, не верится.

Я понял: надо нанести на полотно последний мазок.

– Прошу тебя, Глоссоп, это строго конфиденциально, но уж, так и быть, скажу тебе.

Двадцать четыре часа назад я сделал ей предложение, и она меня отфутболила.

– Отфутболила?

– Как мяч. На этом самом месте.

– Двадцать четыре часа назад?

– Может, двадцать пять. Неважно. Теперь ты понимаешь, что я не тот тип – если он вообще существует, – который похитил у тебя Анджелу в Каннах.

Я снова чуть было не брякнул, что и близко к ней не подойду, но вспомнил, что уже произносил эту фразу и, кажется, попал пальцем в небо. Поэтому решил воздержаться.

Моя мужественная откровенность вроде бы произвела на дураля Таппи впечатление. Он перестал кровожадно сверкать глазами. У него был вид наемного убийцы, который остановился, чтобы еще раз подумать.

– Понятно, – наконец проговорил он. – Извини, что набросился на тебя.

– Ладно, забудем, старик, – великодушно сказал я.

С тех пор как кусты начали извергать Глоссопов, Бертрам Вустер впервые смог перевести дух. Нет, из-за скамьи я не вышел, но перестал за нее хвататься и почувствовал облегчение, как те трое ветхозаветных молодчиков, которым удалось слинять из печи огненной [74]. Я даже попытался нащупать в кармане портсигар. Однако Таппи вдруг громко фыркнул, и я отдернул руку, будто коснулся раскаленного утюга. К моему ужасу, придурок снова впал в неистовство.

– Какого дьявола ты натрепался Анджеле, что в детстве я был неряхой?!

– Но, Таппи, старик...

– Я же был патологическим чистюлей, можно сказать, образец стерильной чистоты.

– Да-да, конечно. Но...

– А этот вздор, будто я лишен духовности?! Да у меня ее хоть отбавляй! А уж про то, что в «Трутнях» со мной знаться не хотят...

– Таппи, дорогой, я же тебе объяснил. Все это не более чем уловка, составная часть моего плана.

– Да? Сделай милость, в дальнейшем избавь меня от твоих идиотских уловок.

– Как скажешь, старик.

– Ладно. Надеюсь, ты меня понял.

Он снова замолчал. Стоял, скрестив руки на груди, и глядел в пространство, как романтический герой, сильный и немногословный, которому дама сердца дала отставку, и вот он решает отправиться в Скалистые горы и завалить десяток-другой медведей. У него был такой убитый вид, что я, преисполнившись сострадания, отважился его утешить:

– Послушай, Таппи, хоть тебе и незнакомо выражение *au pied de la lettre*, но, по-моему, ты не должен принимать близко к сердцу весь тот вздор, который Анджела только что тут несла.

Он, кажется, немного оживился.

– О чем, черт подери, ты толкуешь?

Я понял, что следует высказаться яснее.

– Не надо понимать буквально весь этот вздор. Ты же знаешь, на что способны девицы.

– Знаю. – Он снова фыркнул, причем с таким звуком, который, казалось, идет от самых его подошв. – Но лучше бы мне этого не знать.

– Я хочу сказать, она наверняка догадалась, что ты сидишь в кустах, и нарочно принялась тебя пиявить. Видишь ли, с точки зрения психологии ее поведение понятно. Девицы всегда поддаются порывам. Она воспользовалась случаем и решила тебя подразнить, но в каждой шутке есть доля правды, горькой правды.

– Горькой правды?

– Ну да.

Он опять фыркнул, и я почувствовал себя членом королевской фамилии, в честь которой флотилия дает

двадцать один залп. Кажется, не встречал человека, который бы так замечательно фыркал из обоих стволов.

– В каком смысле «горькая правда»? Я не толстый.

– Конечно, нет!

– И что плохого в цвете моих волос?

– Ничего плохого, Таппи. Волосы у тебя – что надо.

– И макушка у меня не светится... Какого черта ты скалишь зубы?

– Я не скалю. Просто слегка улыбаюсь. Представил, как ты, по словам Анджелы, выглядишь. Пузатый и с лысиной на макушке. Довольно забавно.

– Значит, тебе забавно?

– Нет-нет, что ты!

– То-то же. Не советую забавляться на мой счет.

– Как скажешь, Таппи, старина.

Мне показалось, наша беседа вновь принимает дурной оборот. Больше всего я хотел положить ей конец. И мое желание сбылось, ибо в этот момент сквозь заросли лавра замаячила неясная фигура, в которой я без труда узнал Анджелу.

Лицо у нее сияло ангельской добротой, а в руке она держала тарелку с сэндвичами. Как я выяснил позже, это были сэндвичи с ветчиной.

– Берти, если ты встретишь мистера Глоссоба, – проговорила она, мечтательно глядя прямо на Таппи, – пожалуйста, передай ему это. Боюсь, он, бедняжка, голоден. Ведь уже почти десять часов, а у него после ужина крошки во рту не было. Я оставлю тарелку здесь, на скамейке.

Она направилась к дому, и я подумал, что мне лучше пойти с ней. Здесь мне делать было нечего. Едва мы отошли, ночную тишину прорезал звук разлетевшейся на куски тарелки, по которой, должно быть, изо всей силы поддали ногой, и приглушенные злобные проклятия.

– Какая тишина и покой вокруг, – сказала Анджела.

Когда я утром пробудился навстречу новому дню, солнце золотым светом заливало Бринкли-Корт и ухо ловило щебетанье птиц в зарослях плюща. Однако Бертрам Вустер, который, сидя в постели, потягивал душистый чай, не находил у себя в душе ответного щебетанья, равно как и золотого солнечного света. Перебирая в памяти события вчерашнего вечера, Бертрам не мог не признать, что в деле Таппи – Анджела он сел в лужу. Как ни старался я увидеть у тучки светлую изнанку, мне становилось все более понятно, что пропасть между этими двумя гордецами стала бездонной и навести через нее мосты не под силу даже мне.

Судя по тому, в каком бешенстве Таппи растоптал тарелку с сэндвичами, я, как человек проницательный, понял, что он долго не простит Анджеле ее выходку.

В сложившихся обстоятельствах я счел за лучшее временно отложить проблему Таппи – Анджела и вернуться к делу Гасси, которое рисовалось мне в более радужном свете.

Тут у меня все шло как по маслу. Патологическая щепетильность Дживса, не пожелавшего сдобрить джином апельсиновый сок, доставила мне массу хлопот, но я со свойственной Вустерам твердостью преодолел все препятствия. В избытке запаса спиртного, бутылка с которым была припрятана в моей комнате, в ящике туалетного стола. Кроме того, я убедился, что около часа дня кувшин, должным образом наполненный соком, будет стоять на полке в буфетной. Взять его с полки, прокрасться к себе в комнату, влить джину и в нужное время, к дневной трапезе, вернуть на место – задача, несомненно, требующая ловкости, но отнюдь не обременительная.

Испытывая удовольствие сродни тому, с каким припасаете лакомство для ребенка, заслуживающего поощрения, я допил чай и устроился поудобнее в подушках, чтобы хорошенько отдохнуть. Когда предстоит серьезная мужская работа и голова должна быть ясной, нет ничего лучше, как еще немного вздремнуть.

Спустившись вниз эдак через час, я убедился, что был трижды прав, когда разрабатывал свой блистательный план по оживлению Гасси. С этим дуралеем я столкнулся на лужайке и с первого взгляда понял, что ему как воздух необходимо стимулирующее средство мгновенного действия. В то утро, как я уже упоминал, солнце своими лучами золотило окружающий мир, птички щебетали и все в природе сияло улыбкой. Все, кроме Гасси Финк-Ноттла. Он ходил кругами по лужайке и бормотал себе под нос, что не хотел бы злоупотреблять вниманием почтеннейшей аудитории, однако, пользуясь столь благоприятным случаем, чувствует себя обязанным сказать несколько слов.

– А-а, Гасси, – проговорил я, останавливая его, ибо он собирался начать новый круг. – Чудесное утро, правда?

Даже не зная я заранее, что бедный придурок сам не свой, я тотчас бы все понял по той грубости, с какой он послал к черту чудесное утро. Я немедленно приступил к выполнению нелегкой задачи: вернуть румянец на щеки злосчастного тритомана.

– Послушай, Гасси, я принес тебе хорошие вести. Он взглянул на меня с внезапно пробудившимся живым интересом.

– Сгорела школа в Маркет-Снодсбери?

– С чего ты взял?

– Разразилась эпидемия свинки? Или началась корь, и школу закрыли?

– Да нет же, нет.

– Тогда что ты мелешь про хорошие вести?

Я попытался его успокоить.

– Гасси, не стоит делать из всего трагедию. Зачем так убиваться из-за такого пустяка, как вручение призов в школе?

– По-твоему, это пустяк? Как ты не понимаешь, я целыми днями мучаюсь, сочиняя свою речь, и ничего не могу придумать, кроме одной фразы о том, что не хотел бы злоупотреблять вниманием почтеннейшей аудитории. Я прохронометрировал свою речь, она занимает пять секунд. Черт подери, Берти, что я должен говорить? Что, например, говоришь ты, когда вручаешь призы?

Я задумался. Однажды, еще в начальной школе я получил приз за отличное знание Библии, и предполагалось, что вся подноготная этой процедуры должна быть мне знакома до мельчайших подробностей. Увы, я ничего не мог вспомнить.

Внезапно из тумана всплыла одна фраза.

– Скажи, например, что тише едешь – дальше будешь.

– Почему?

– Ну-у... не знаю, все так говорят. Звучит здорово.

– Я не о том. Я хочу знать, почему. Почему если тише едешь, то дальше будешь?

– Послушай, что ты ко мне пристал? Все умные люди так говорят.

– Но что это означает?

– По-моему, считается, что эта мысль должна утешить тех, кто не получил призов.

– Плевал я на них. Мне-то какая польза от этой мысли? Я должен думать о тех, кто получил призы, о тех обормотах, которые выйдут на сцену. А если они начнут строить мне рожи?

– Не начнут.

– Откуда ты знаешь? Они только об этом и думают. И даже если не начнут, то... Берти, можно, я тебе скажу одну вещь?

– Валяй.

– Я решил последовать твоему совету и пропустить глоток спиртного.

Я не смог сдержать улыбки. Если бы дуралей догадывался, что я задумал.

– Брось, Гасси, все будет хорошо, – сказал я.

Его снова затрясло в лихорадке.

– Откуда ты знаешь? Я уверен, что собьюсь.

– Тьфу!

– Или уроню приз.

– Глупости!

– Или еще чего-нибудь натворю. Я это нутром чувствую. Сегодня что-то произойдет, и все будут надо мной смеяться до колик. Уже сейчас слышу, как они смеются. Как гиены... Берти!

– Берти слушает, старик.

– Помнишь ту школу, где мы учились перед тем, как поступить в Итон?

– Еще бы. Там я получил приз за знание Библии.

– Отстань ты со своим призом. Не о нем речь. Помнишь случай с Бошером?

Как не помнить. Одно из самых ярких впечатлений детства.

– Помнишь, как генерал-майор сэр Уилфред Бошер приехал к нам в школу вручать

призы, – продолжал Гасси тусклым безжизненным голосом. – Он уронил книгу. Наклонился ее поднять. И в этот момент брюки у него на заду лопнули.

– Как мы тогда хохотали!

У Гасси по лицу прошла судорога.

– Негодники! Свиньи! Хохотали, вместо того чтобы промолчать, выказать сочувствие доблестному генералу. Он тогда так смутился, а мы вопили и всю веселились. И я громче всех. Берти, сегодня со мной будет то же самое. Бог меня покарает, и надо мной будут хохотать, как мы хохотали над генерал-майором сэром Уилфредом Бошером.

– Брось, Гасси. Не лопнут у тебя брюки.

– А ты откуда знаешь? Брюки лопаются у таких людей – не чета мне. Возьми генерала Бошера – кавалер ордена «За отличную службу», доблестно защищал северо-западные границы Индии, а брюки лопнули. Вот увидишь, из меня сделают посмешище, козла отпущения. Поверь, Берти, я это чувствую. А ты, прекрасно понимая, что меня ждет, болтаешь о каких-то хороших новостях. Сейчас единственная радость для меня – это весть о том, что среди школьников вспыхнула эпидемия бубонной чумы и им всем предписан строгий постельный режим.

Настал момент, когда я должен был сказать Гасси свое веское слово. Я мягко положил руку ему на плечо. Он ее сбросил. Я повторил свой жест. Он снова сбросил мою руку. Когда я в третий раз попытался мягко положить руку ему на плечо, он отпрянул от меня и с явным раздражением осведомился, уж не вообразил ли я себя, черт подери, остеопатологом.

Я счел его поведение вызывающим, однако сделал скидку на его неменяемое состояние. Я напомнил себе, что совсем скоро, после ленча, передо мной предстанет иной, преображенный Огастус Финк-Ноттл.

– Слушай, старик, я сказал «хорошие новости», имея в виду Мадлен Бассет.

Лихорадочный блеск в его глазах погас, уступив место глубочайшей скорби.

– Ни о каких хороших вестях не может быть речи. Я потерпел полный провал.

– Ничего подобного. Убежден, если ты еще раз попытаешь счастья, у тебя все получится.

И я торопливо пересказал наш вчерашний разговор с дурехой Бассет.

– Тебе нужно еще раз с ней увидеться, и при всем желании ты уже не сможешь завалить это мероприятие. Пойми, она только о тебе и мечтает.

Он покачал головой.

– Нет.

– Что «нет»?

– Все бесполезно.

– В каком смысле «бесполезно»?

– Не стоит и пытаться.

– Но ведь она сама сказала...

– Не имеет значения. Может, она когда-то меня и любила. А вчера я убил ее любовь.

– Ничего ты не убил.

– Нет, убил. Теперь Мадлен меня презирает.

– Ничуть не бывало. Она понимает, что у тебя от волнения душа в пятки уходит.

– И снова уйдет, если попытаюсь с ней увидеться. Бесполезно, Берти. Я безнадежен, и это конец. По своей природе я из тех, кто и мухи не обидит.

– Дело не в мухе. Муха здесь ни при чем. Вопрос в том...

– Понимаю, понимаю. Но все бесполезно. У меня ничего не получится. Это конец. Не хочу еще раз пережить вчерашний позор. Ты говоришь, надо снова попытаться, но ты не представляешь, что это такое. Ты не прошел через этот ужас, когда готовишься сделать девушке предложение и вдруг ни с того ни с сего начинаешь молотить о плюмажеобразных наружных жабрах новорожденных тритонов. Второй раз я такого не вынесу. Нет, я смирился со своей судьбой. Все кончено. А теперь, Берти, будь другом, проваливай отсюда. Мне надо сочинить речь. Я не могу сочинять, когда ты мозолишь мне глаза. Но раз уж ты все равно мозолишь, подкинь мне пару каких-нибудь историй. Эти маленькие негодники, конечно, ждут чего-нибудь такого.

– Ты слышал анекдот про...

– Не надо. Мне не нужны твои скабрзные анекдоты из курительной «Трутней». Мне надо что-нибудь возвышенное. Что поможет им в дальнейшей жизни. Хотя, само собой, плевал я на их дальнейшую жизнь, пусть подавятся.

– На днях мне рассказали один забавный анекдот.

Подробностей не помню, но речь об одном типе, который храпел, потому что у него были аденоиды, и мешал соседям. А конец такой: «Он своим храпом взял всех нахрапом».

Гасси безнадежно махнул рукой.

– И ты хочешь, чтобы я вставил этот анекдот в свое выступление перед мальчишками? Да каждый из них наверняка напичкан этими самыми аденоидами. Они же сцену разнесут. Ради бога, Берти, уймись, оставь меня в покое. Давай чеши отсюда... Леди и джентльмены, – возопил Гасси низким утробным голосом, – я не хотел бы злоупотреблять вниманием столь благоприятного случая...

Оставив несчастного придурка в одиночестве, мудрый Вустер удалился, от души поздравляя себя с тем, что у него хватило здравого смысла сделать необходимые приготовления, теперь остается только в нужный момент нажать кнопку, чтобы запустить в действие тонко разработанный план.

Видите ли, до настоящей минуты я питал надежду, что, если открою Гасси глаза на то, как относится к нему Мадлен Бассет, остальное доделает сама природа – Гасси воспарит, и искусственные стимуляторы ему не потребуются. Потому что кому хочется носиться по дому с кувшином апельсинового сока, если в этом нет острой необходимости.

Но сейчас, как я убедился, следовало привести мой план в действие. Ни живости, ни бодрости духа, ни нравственных сил – ничего этого Гасси во время нашего разговора не выказал, и я решил принять самые суровые меры. Расставшись с несчастным, я направился к буфетной, дождался, когда дворецкий выйдет по какой-то своей надобности, проскользнул внутрь и завладел заветным кувшином. Украдкой поднялся по лестнице, шмыгнул к себе в комнату и первом делом увидел Дживса, колдовавшего над моими брюками.

Он бросил на кувшин взгляд, который показался мне – как потом выяснилось, ошибочно, – осуждающим. Я выпрямился во весь рост. Не потерплю от Дживса никаких глупостей.

– Да, Дживс?

– Сэр?

– У вас такой вид, будто вы хотите высказать свое мнение.

– О нет, сэр. Как я заметил, у вас в руках кувшин с апельсиновым соком для мистера Финк-Ноттла. Я хотел бы заметить, что, по моему мнению, было бы неосмотрительно добавлять в сок алкогольный напиток...

– Это и есть высказывание своего мнения, Дживс, и...

– Потому что я уже об этом позаботился, сэр.

– Как?!

– Да, сэр. В конечном счете я решил согласиться с вами.

Я смотрел на него, вытаращив глаза. Я был глубоко тронут. Думаю, любой на моем месте был бы тронут, если бы вдруг обнаружил, что старый добрый дух вассальной верности, который он считал давно похороненным, на самом деле живехонек.

– Дживс, – сказал я, – я тронут.

– Благодарю вас, сэр.

– Тронут и обрадован.

– Я очень вам благодарен, сэр.

– Однако почему вы переменили решение?

– Я случайно встретил в саду мистера Финк-Ноттла, сэр, когда вы еще спали, и мы с ним немного побеседовали.

– И вы почувствовали, что живительная влага ему необходима?

– В высшей степени, сэр. Его настроение крайне меня огорчило. Он себя ведет, как капитулянт.

Я кивнул:

– У меня точно такое же чувство. Именно капитулянт, очень подходящее слово. А ему вы сказали, что его настроение показалось вам капитулянтским?

– Да, сэр.

– Но все бесполезно?

– Да, сэр.

– Ну что ж, Дживс. Надо действовать. Сколько джина вы влили в кувшин?

– Полную стопку, сэр.

– Достаточно ли этого для взрослого капитулянта, как вы считаете?

– Думаю, вполне достаточно, сэр.

– Сомневаюсь. Кашу маслом не испортишь. Добавлю-ка и я столько же.

– Я бы не советовал этого делать, сэр. Например, попугай лорда Бранкастера...

– Дживс, вы повторяете прежнюю ошибку. Гасси не попугай. Вам необходимо последить за собой. Итак, я добавлю унцию.

– Очень хорошо, сэр.

– Да, кстати, Дживс. Чтобы оживить свою речь, мистеру Финк-Ноттлу нужна парочка свеженьких анекдотов. Не знаете чего-нибудь подходящего?

– Я знаю анекдот о двух ирландцах, сэр.

– Пэт и Майк?

– Да, сэр.

– Они еще гуляют по Бродвею?

– Да, сэр.

– То, что надо. А еще чего-нибудь в том же духе?

– Нет, сэр.

– Ладно, обойдется. А сейчас можете пойти рассказать ему про Пэта и Майка.

– Хорошо, сэр.

Дживс вышел, а я открутил пробку и щедро плеснул в кувшин из бутылки. Едва я успел это сделать, в коридоре послышались шаги. Мне ничего не оставалось, как сунуть кувшин

за фотографию дяди Тома, стоящую на каминной полке. Дверь отворилась, и хорошим аллюром, пригарцовывая, как цирковая лошадь, в комнату ворвался Гасси.

– Привет, Берти! – крикнул он. – Привет! Привет! И еще раз привет! Берти, как прекрасен мир! Никогда не видел таких прекрасных миров!

Я лишился дара речи и только в изумлении таращил глаза. Мы, Вустеры, соображаем со световой скоростью, и я тотчас понял: что-то произошло.

Я ведь вам рассказывал, как он кружил по лужайке. Описал сцену, которая там между нами произошла. И если я проделал это с надлежащим мастерством, вы должны были понять, что Огастус Финк-Ноттл – нервнобольной, с дрожащими коленками, что вид у него – краше в гроб кладут и что в припадке малодушного страха он все время судорожно теребит лацкан пиджака. В общем, законченный капитулянт. Лягушка, по которой проехала борона, – таков был Гасси, когда мы с ним разговаривали на лужайке.

Теперь передо мной предстал совсем другой человек. Уверенность в себе, казалось, сочится из каждой его поры. Лицо пылает, глаза радостно блестят, рот растянут в самодовольной ухмылке. А когда он добродушно хлопнул меня по спине – к несчастью, я не успел увернуться, – мне показалось, что меня лягнул мул.

– Ах, Берти, спешу тебя обрадовать – ты был совершенно прав, – весело затарахтел он, прямо как коноплянка, у которой нет ни единой заботы. – Твоя теория, проверенная практикой, блестяще подтвердилась. Я чувствую себя, как бойцовый петух.

Я перестал хлопать ушами. Я все понял.

– Значит, ты пропустил стаканчик?

– Ну да. Как ты советовал. Препротивная штука. Похожа на лекарство. Обжигает горло, после нее чертовски хочется пить. Удивляюсь, как люди пьют эту гадость и еще получают удовольствие, вот ты, например. Но не буду отрицать – действует безотказно. Кажется, я мог бы укунить тигра.

– Что ты пил?

– Виски. По крайней мере, судя по этикетке, это был виски, и у меня нет оснований подозревать, что такая женщина, как твоя тетушка – благородная, высоконравственная, истинная британка, – станет преднамеренно вводить публику в заблуждение. Исключено. И если в ее доме на графине этикетка «Виски», считаю, что в графине виски.

– Виски с содовой, да? Молодец! Лучшего и выдумать невозможно.

– Содовая? – задумчиво проговорил Гасси. – То-то мне казалось, будто я забыл что-то важное.

– Выходит, ты не разбавил виски?

– Даже в голову не пришло. Зашел в столовую и выпил прямо из графина.

– Много?

– Ну, глотков десять... Может, двенадцать. Или четырнадцать. Ну, скажем, шестнадцать средних глотков. Фу, черт, умираю от жажды.

Он подошел к умывальному столу, взял бутылку с водой и отпил прямо из горлышка. Я украдкой бросил взгляд на фотографию дяди Тома за спиной Гасси. Впервые с того времени, как это страшилище вошло в мою жизнь, я порадовался, что оно такое крупномасштабное. Оно надежно хранило тайну. Если бы Гасси увидел графин с апельсиновым соком, он бы впился в него, как черт в грешную душу.

– Я рад, что ты ожил, – сказал я.

Гасси пружинистым шагом отошел от раковины и снова попытался хлопнуть меня по

спине. Однако я ловко подставил ему подножку, он пошатнулся и с размаху плюхнулся на кровать.

– Ожил! Я тебе говорил, что могу укусить тигра?

– Говорил.

– Я себя недооценивал. Подайте сюда двух тигров. Или стальную дверь, я ее изжую до дыр. Послушай, тогда, в саду я, должно быть, показался тебе настоящим ослом. Теперь я понимаю, что ты надо мной смеялся про себя.

– Ну что ты, Гасси.

– Да-да, – настаивал он. – Еще как смеялся. Но я тебя не осуждаю. Не представляю, почему я так паниковал из-за вручения каких-то дурацких призов в какой-то дурацкой занюханной школе. А ты представляешь, Берти?

– Нет.

– Правильно. И я не представляю. Такой пустяк.

Влезу на сцену, скажу несколько благосклонных фраз, вручу маленьким негодьям их призы и соскочу со сцены под восторженные аплодисменты. И никаких лопнувших брюк, ни-ни. И почему брюки должны лопнуть? Не представляю. А ты представляешь?

– Нет.

– Вот и я тоже не представляю. Уж я в грязь лицом не ударю. Я знаю, что нужно публике – простое, мужественное, полное здорового оптимизма слово, а главное – рубить сплеча. С этого плеча, – сказал Гасси, похлопывая себя по лацкану пиджака. – И чего я так утром разнервничался, не представляю. Что может быть проще – раздать несколько дешевых книжонок кучке чумазных детей. И все же, Берти, я себе не представляю, почему я так разнервничался. Но теперь я в порядке – в порядке! в полном порядке! – говорю тебе как старому другу. Потому что ты – мой старый друг, я теперь ясно вижу, что ты – мой старый друг. По-моему, ты мой самый старый друг. Берти, ведь ты давно мой старый друг?

– Давно, давно.

– Подумать только! Хотя, конечно, наверняка было время, когда ты был моим новым другом... А! Гонг на ленч. Идем, дружище.

И, вскочив с кровати, как дрессированная блоха, он бросился к двери.

Я в задумчивости последовал за ним. Конечно, то, что произошло с придурком, можно записать в доходную часть гроссбуха. В том смысле, что я хотел преобразить Гасси. Преображенный Финк-Ноттл был моей конечной целью. Но теперь, видя, как он съезжает по перилам, я немного встревожился, не переборщил ли

он с преобразованием. Пожалуй, еще начнет за ленчем швыряться хлебом, с него станется.

К счастью, всеобщее уныние, царившее за столом, немного охладило его пыл. Чтобы веселиться в таком обществе, следовало наклюкаться более основательно. Я говорил этой малохольной Бассет, что в Бринкли-Корте навалом страдающих сердец, однако, похоже, в скором времени здесь будет навалом страдающих желудков. Анатолий, как я узнал, слег в постель с приступом меланхолии, и ленч приготовила судомойка – самая бездарная особа из всех, кто когда-либо стоял у плиты.

Эта последняя капля в чаше горестей, постигших обитателей Бринкли-Корта, повергла всех нас в молчание, и гробовую тишину в столовой не рискнул нарушить даже Гасси. Если не считать, что он все-таки промурлыкал куплет какой-то песенки, ничем из ряда вон выходящим наша трапеза отмечена не была, и вскоре мы поднялись из-за стола,

напутствуемые тетей Далией, которая велела всем облачиться в праздничные одеяния и явиться в Маркет-Снодсбери не позднее половины четвертого. У меня хватило времени выкурить сигарету-другую под сенью беседки на берегу пруда, и я вернулся к себе в комнату около трех.

Дживс трудился, наводя последний лоск на мой цилиндр, и только я собрался известить его о новостях в деле Огастуса Финк-Ноттла, как он меня опередил, сообщив, что мистер Финк-Ноттл недавно покинул мою спальню.

– Когда я пришел в вашу комнату, чтобы приготовить для вас одежду, мистер Финк-Ноттл сидел в кресле, сэр.

– В самом деле? Значит, Гасси сюда заходил?

– Да, сэр. Мистер Финк-Ноттл вышел отсюда несколько минут назад. Он поехал в школу с мистером и миссис Траверс в их автомобиле.

– Вы рассказали ему анекдот о двух ирландцах?

– Да, сэр. Он оглушительно смеялся.

– Хорошо. А еще что-нибудь для него придумали?

– Я взял на себя смелость, сэр, посоветовать мистеру Финк-Ноттлу, чтобы он напомнил юным джентльменам, что науки сокращают нам опыты быстротекущей жизни. Покойный лорд Бранкастер был большой любитель процедуры раздачи призов в школах и каждый раз непременно произносил эту фразу.

– А как Гасси к ней отнесся?

– Он оглушительно смеялся, сэр.

– Вы, наверное, удивились, что он веселится напропалую?

– Да, сэр.

– Наверное, подумали, с чего бы это. Ведь когда вы с ним виделись в последний раз, он был законченным капитулянтom.

– Да, сэр.

– Хотите, объясню, Дживс? С тех пор, как вы видели Гасси в последний раз, он ударился в разгул. Когда он сюда приходил, он был под мухой.

– В самом деле, сэр?

– Несомненно. У него сдали нервы, он прокрался в столовую и приложился к бутылке. Накачался виски по самую ватерлинию. Опорожнил, я думаю, полграфина. Вот счастье, Дживс, что он не добрался до апельсинового сока с джином!

– Вне всякого сомнения, сэр.

Я посмотрел на кувшин. Фотография дяди Тома валялась на каминной решетке, и кувшин стоял на виду, так что Гасси не мог его не заметить. Слава богу, он был пуст.

– Если позволите, сэр, вы поступили чрезвычайно благоразумно, вылив апельсиновый сок.

Я выпучил глаза.

– Как?! Разве его вылили не вы?

– Нет, сэр.

– Дживс, давайте внесем ясность. Значит, вы говорите, что сок вылили не вы?

– Да, сэр. Когда я вошел в спальню и увидел, что кувшин пуст, я предположил, что апельсиновый сок с джином вылили вы.

Мы в ужасе уставились друг на друга. Два разума, но мысль одна их гложет.

– Я очень боюсь, сэр...

– И я боюсь, Дживс.

– Вряд ли можно сомневаться...

– Можно не сомневаться. Давайте взвесим факты. Проанализируем данные. Кувшин стоял на каминной полке, доступный для всеобщего обозрения. Гасси все время жаловался, что умирает от жажды. Вы застали его здесь, и он оглушительно смеялся. Боюсь, Дживс, что сомневаться не приходится – в данный момент все содержимое кувшина лежит поверх того груза, который находился в желудке этого уже и так не в меру раскованного субъекта. Весьма тревожно, Дживс.

– Крайне тревожно, сэр.

– Давайте не будем терять головы и еще раз сопоставим факты. Вы влили в кувшин, ну, скажем, стопку?

– Полную стопку, сэр.

– И я от всей души добавил не меньше.

– Да, сэр.

– Не успеем мы и глазом моргнуть, как Гасси вместе со всей взрывоопасной смесью, что плещется у него внутри, выйдет вручать призы перед самой достойной и изысканной публикой в графстве.

– Да, сэр.

– Дживс, кажется, нам предстоит довольно интересное зрелище.

– Да, сэр.

– Как по-вашему, что будет?

– Боюсь, довольно трудно представить себе эту картину, сэр.

– Воображение отказывает?

– Да, сэр.

Тогда я обратился к собственному воображению. Дживс был прав. Мне оно тоже отказало.

– И все-таки, Дживс, – говорил я, в задумчивости крутя баранку, – нет худа без добра.

Минут через двадцать после нашего разговора я в своем двухместном авто подъехал к парадной двери, где меня ждал Дживс, и мы покатали в живописный городок под названием Маркет-Снодсбери. После того как мы с Дживсом расстались – он направился в свою комнату за шляпой, а я остался в спальне, чтобы облачиться в парадный костюм, – я продолжал напряженно думать.

И вот теперь излагал свои выводы Дживсу.

– В каком бы мрачном свете ни рисовалось нам будущее, какие бы черные тучи ни собирались над нашими головами, пронизательный взгляд всегда различит вдали синюю птицу счастья. Скверно, разумеется, что через десять минут Гасси придется вручать призы в состоянии сильного алкогольного отравления, но мы не должны забывать, что каждое явление имеет как минимум две стороны.

– Вы полагаете, сэр...

– Совершенно верно. Думаю, у него прибавилось шансов добиться успеха у Мадлен Бассет. Предложить ей руку и сердце теперь для него – раз плюнуть. Я буду сильно удивлен, если Гасси не превратится в пещерного человека, эдакого Джеймса Кагни. Вы когда-нибудь его видели в кинематографе?

– Да, сэр.

Я услышал характерное покашливание и скосил на Дживса глаза. Он явно хотел что-то мне сообщить.

– Значит, вы еще не знаете, сэр?

– А?

– Вы не слышали, что в скором будущем состоится свадьба мистера Финк-Ноттла и мисс Бассет?

– Что?!

– Да, сэр.

– Когда он успел?

– Сразу после того, как покинул вашу комнату, сэр.

– О! Значит, в постапельсиновую эру?

– Да, сэр.

– А вы уверены? Откуда вам известно?

– Информация получена мною от самого мистера Финк-Ноттла, сэр. У меня сложилось впечатление, что мистеру Финк-Ноттлу очень хотелось объявить мне эту новость. Он говорил несколько бессвязно, но у меня не возникло трудностей с пониманием сути. Предварив свой рассказ замечанием о том, что этот мир прекрасен, он оглушительно расхохотался и сообщил, что официально помолвлен.

– А подробности?

– Мистер Финк-Ноттл на них не останавливался.

– Картину нарисовать нетрудно.

– Да, сэр.

– Думаю, в данном случае воображение не подведет.

– Да, сэр.

И правда, воображение меня не подвело. Я отчетливо видел мысленным взором, что произошло. Если залить щедрую порцию смеси двух спиртных напитков в недра непьющего субъекта, он обретает сокрушительную силу. Он не стоит столбом, стараясь скрыть дрожь в руках, не заикается на каждом слове. Он действует. Гасси, должно быть, отыскал эту Бассет и сгреб ее в охапку, наподобие того, как портовый грузчик хватается мешок с углем. Легко представить, какое впечатление производят такие приемы на романтическую девицу.

– Ну и ну, Дживс.

– Да уж, сэр.

– Отличные новости.

– Да, сэр.

– Теперь видите, что я был прав.

– Да, сэр.

– Ловко я справился с этим делом, вы, должно быть, удивились.

– Да, сэр.

– Простой, прямой подход никогда не даст сбой.

– Да, сэр.

– Не то что сложный и надуманный.

– Да, сэр.

– Вперед и прямо, Дживс!

Мы подъехали к главному входу классической школы. Я припарковал автомобиль и вошел в здание. Настроение у меня было превосходное. Правда, проблема Таппи – Анджела по-прежнему требовала решения, и пятьсот фунтов для тети Далии даже не маячили на горизонте, но утешало, что по крайней мере дело старины Гасси благополучно уладилось.

Классическая средняя школа Маркет-Снодсбери была построена в тысяча четыреста шестнадцатом году, и ее парадный зал, где сегодня проходила торжественная церемония, хранил, как часто случается в старинных зданиях, ощутимый дух веков. День стоял знойный, и хотя кто-то попробовал отворить окна, характерный неистребимый смрад так и бил в нос.

В этом зале день за днем на протяжении пятисот лет ученики поедали свои насущные ленчи, запах которых, казалось, пропитал все вокруг. Тяжелая духота зала пахнула на меня Старой Англией, вареной говядиной и морковкой.

Тетя Далия, сидевшая во втором ряду в обществе местной знати, увидела, как я вошел, и замахала рукой, подзывая к себе, но меня не проведешь. Я затесался среди публики, стоявшей в задних рядах, и прислонился к какому-то парню, судя по запаху, булочнику. Когда попадаешь на подобные мероприятия, главное – держаться как можно ближе к выходу.

Зал был ярко украшен флажками и цветной бумагой; глаз радовался при виде пестрой толпы мальчиков, их родителей и еще невесть кого. Дети сияли лицами и крахмальными отложными воротничками, дамы демонстрировали приверженность черному атласу, у джентльменов был такой вид, точно фраки жмут им под мышками.

Вскоре раздалась жидкие – спорадические, как потом назвал их Дживс, – аплодисменты, и я увидел Гасси, которого какой-то бородатый тип в мантии подводил к креслу в центре сцены.

Я представил себе, что если бы не милость божия, то на месте Гасси был бы Бертрам Вустер, и меня всего затрясло. Вспомнилось, как я держал речь в школе для девиц.

Подходя беспристрастно, должен отметить, что сидевшая в зале публика, которую почти без натяжки можно было назвать доброжелательной, не шла ни в какое сравнение с

диким сборищем малолетних девиц с косичками, и это чистая правда. Тем не менее представшее моим глазам зрелище вызывало во мне чувство, будто я наблюдаю, как Гасси засунули в бочку и сбросили в Ниагарский водопад, и при мысли, что я чудом избежал подобной участи, голова у меня закружилась и в глазах потемнело.

Когда я вновь обрел способность видеть, Гасси уже сидел в кресле. Руки на коленях, локти в стороны, взгляд уставлен в пространство, на губах застыла улыбка. Думаю, ни у кого не возникло ни малейших сомнений на его счет – бедняга залил в себя столько горячей жидкости, что она чуть не плещется о его передние зубы.

Тетя Далия, в свое время неприменная участница всех охотничьих обедов и потому слишком хорошо осведомленная о печальных симптомах сильного алкогольного опьянения, вздрогнула и уставилась на Гасси изучающим взглядом. Потом повернулась к дяде Тому, который сидел слева от нее, и начала что-то ему говорить. В это время бородатый тип подошел к рампе и стал держать речь. Говорил он так, будто у него во рту лежала горячая картофелина, но никто в зале даже не фыркнул, из чего я заключил, что это директор школы.

Едва он начал говорить, аудитория впала в состояние изможденной покорности. Я уютно привалился к своему булочнику и рассеянно слушал бормотание директора. Он бубнил о том, что делалось в школе в прошлом семестре, и о том, кому и за что будут розданы призы. Подобные сведения обычно ускользают от внимания случайных посетителей. Вы, конечно, представляете себе, как это происходит. Публике сообщают, например, что Д. Б. Браун получает стипендию для изучения латыни и греческого в Кембридже, в колледже Св. Екатерины, но вам невдомек, сколько всяких забавных событий может быть связано с этим самым Брауном, потому что вы его в глаза не видели. Так же, как и Д. Биллета, удостоенного стипендии леди Джей Уикс в Бирмингемском ветеринарном колледже.

Признаться, мы с булочником, который казался таким утомленным, будто все утро до упаду торговал булками, уже начали подремывать, но аудитория вдруг встрепенулась – в игру вступил Гасси.

– Сегодня мы счастливы приветствовать гостя, почтившего своим присутствием наше скромное торжество. Позвольте представить вам мистера Фитц-Чоттла...

С начала выступления бородача Гасси, видимо, погрузился в состояние трансцендентальной медитации и сидел, как истукан, с открытым ртом. Однако где-то к середине торжественной речи он начал подавать признаки жизни. А последние пять минут тщетно силился положить ногу на ногу, но, увы, нога все время падала. При последних словах бородача Гасси продемонстрировал беспримерную активность. Он, судорожно дернувшись, выпрямился и открыл глаза.

– Финк-Ноттла, – сказал он.

– Фитц-Ноттла.

– Финк-Ноттла.

– Вот я и говорю, Финк-Ноттла.

– Давно бы так, старый осел, – добродушно сказал Гасси. – Ладно, валяй дальше.

Он закрыл глаза и снова принялся укладывать ногу на ногу.

По-моему, эта маленькая стычка немного смутила бородача. Он постоял с минуту, теребя дрожащими пальцами растительность у себя на подбородке. Но, видно, директора школ – ребята не робкого десятка. Бородач быстро оклемался и снова пошел чесать как по писаному:

– Мы все счастливы приветствовать гостя, почтившего своим присутствием наше скромное торжество. Позвольте представить вам мистера Финк-Ноттла, который любезно согласился принять участие в церемонии раздачи призов. Эта почетная обязанность, как вы знаете, была возложена на уважаемого и всеми любимого видного деятеля попечительского совета преподобного Уильяма Пломера, и все мы, с уверенностью заявляю, глубоко сожалеем, что болезнь в последний момент помешала ему присутствовать здесь сегодня. Но если мне будет позволено позаимствовать известный афоризм, то я вам напомню: «Нет худа без добра».

Он умолк и лучезарно улыбнулся, желая показать, что это была шутка. Но не тут-то было. Зря стараешься – вот что я сразу мог бы сказать бородачу. В зале ни смешка. Правда, булочник наклонился ко мне и тихонько спросил: «Чегой-то он?» Вот и все.

Да, приятного мало – ты ждешь, что публика будет смеяться и рукоплескать, а в ответ гробовая тишина. Бородач заметно скис. Однако он бы, наверное, снова вышел сухим из воды, если бы на свою беду не потревожил Гасси.

– Иными словами, хоть мы и лишились мистера Пломера, зато приобрели мистера Финк-Ноттла. Уверен, что имя мистера Финк-Ноттла – одно из тех славных имен, которые не нуждаются в представлении. Оно, смею выразить уверенность, всем нам знакомо...

– Кроме тебя, – ввернул Гасси.

В следующую минуту я понял, как прав был Дживс, назвав смех Гасси оглушительным. Оглушительный – вот *mot juste*. Гасси буквально взорвался хохотом, как баллон с газом.

– Ты его, похоже, слыхом не слыхивал, что? – сказал Гасси. Произнеся «что?», он, видимо, вспомнил, как бородач окрестил его мистером Чтоттлом, и раз пятнадцать кряду, забирая все выше, проорал: «Чтоттл!»

– Ладно, валяй дальше, осел, – заключил он.

Но бородач, видимо, себя исчерпал. Выдохся наконец. Я за ним внимательно наблюдал, и мне было ясно, что он не знает, как поступить. Я так четко представлял себе, о чем он думает, будто он сам нашептал мне это на ухо. Ему до смерти хотелось сесть на свое место и умыть руки, но одна мысль заставляла его держать паузу – если он сядет, то надо или выпустить Гасси на волю, то есть дать ему слово, или считать, что тот уже произнес свой спич, и перейти прямо к раздаче призов.

Конечно, задача хитрая, экспромтом ее не решить. На днях я читал в газете о деятелях, которые пытаются расщепить атом. Суть в том, что они даже отдаленно не представляют себе, что их ждет, если они его расщепят. Возможно, все сойдет им с рук. Но, с другой стороны, может и не сойти. Довольно глупо расщепить атом и при этом самому вместе со своим домом взлететь на воздух, расщепившись на мелкие атомы.

Примерно в таком же положении пребывал и бородач. Не знаю, была ли ему известна вся подоплека происходящего, но, очевидно, к этому времени он уже догадался, что здорово влип. Пробы показали, что Гасси предпочитает свой собственный стиль ведения торжественной церемонии. Его реплики по ходу не оставляли сомнений для проницательного наблюдателя, что на сцене сидит пьяный в стельку субъект и, если дать ему слово, он пойдет нетрадиционным путем и, скорее всего, внесет эпохальные перемены в избитую процедуру вручения призов.

С другой стороны, если сковать инициативу этого субъекта, накинуть, так сказать, на него смирительную рубаху, к чему это приведет? Торжественное мероприятие окажется урезанным почти на полчаса.

Да, сложная задача, и не знаю, к какому решению пришел бы бородатый, будь он предоставлен самому себе. Вероятно, предпочел бы более безопасный вариант. Однако он был лишен права выбора, так как в этот момент Гасси потянулся, зевнул, включил на лице лучезарную улыбку, встал и взял курс на рампу.

– Речь, – радостно сообщил он, заложив большие пальцы за вырезы жилета под мышками, и стал терпеливо ждать, когда смолкнут аплодисменты.

А смолкли они не сразу, ибо публика принимала Гасси «на ура». Думаю, не так уж часто ученикам классической школы в Маркет-Снодсбери удавалось встретить человека, настолько проникшегося духом демократии, что ему ничего не стоило назвать их директора старым ослом, поэтому они не скупились в выражении своих чувств. Им было плевать, что Гасси лыка не вяжет, для них он стал героем.

– Мальчики, – начал Гасси, – в смысле леди, джентльмены и мальчики, я не хотел бы злоупотреблять вниманием почтеннейшей аудитории, однако, пользуясь случаем, чувствую себя обязанным сказать несколько благоприятных слов. Леди!... И мальчики, и джентльмены... мы все с большим интересом прослушали выступление нашего друга, который сегодня утром забыл побриться. Я не знаю его имени, но ведь и он моего не знал... Фитц-Чоттл, по-моему, чушь, совершенный бред... Так что мы с ним почти что квиты... И мы все страшно огорчены, что преподобный – как-его-там – умирает, потому что у него аденоиды, но, в конечном счете, никуда не денешься: сегодня ты жив, а завтра – коньки отбросил, и всякая плоть – трава ^[75] и чего-то там еще, но это совсем не то, что я хочу вам сказать. А хочу я вам сказать вот что... я говорю это с полной уверенностью, не боясь, что меня могут опровергнуть... Говорю, я счастлив, что я здесь, пользуясь благоприятной возможностью, и для меня несказанное удовольствие наградить вас призами в виде хороших книжек, они выложены здесь, на столе. Как сказал Шекспир, в книгах – поученья, а в бегущих ручьях – камень ^[76] или, может, наоборот. Короче, все это яйца выеденного не стоит.

Выступление Гасси произвело на аудиторию самое благоприятное впечатление, что меня совсем не удивило. Правда, я не всегда улавливал его мысль, но и ему понятно, что речь Гасси – плод зрелого мастерства. Меня потрясло, что курс алкогольной терапии, пусть даже не совсем удачной, сделал из такого косноязычного придурка, как Гасси, заправского оратора.

Любой член парламента скажет вам то же самое: хочешь покорить аудиторию – первым делом пропусти стаканчик-другой. Пока хорошенько не приложишься к бутылке, не надейся овладеть вниманием публики.

– Джентльмены, – произнес Гасси, – то есть леди и джентльмены и, конечно, мальчики тоже, как прекрасен мир. Прекрасен и полон счастья, откуда на него ни посмотри. Позвольте рассказать вам маленькую историю. Два ирландца, Пэт и Майк, гуляли по Бродвею, и один говорит другому: «Гром и молния! Тише едешь – дальше будешь», а другой отвечает: «Тысяча чертей! Образование сокращает нам опыты быстротекущей жизни».

Не буду скрывать, более нелепой истории в жизни не слыхивал, и меня поразило, что Дживс счел возможным вставить подобную чушь в Гассину речь. Но когда я потом начал отчитывать Дживса, он объяснил, что Гасси в корне изменил фабулу, и мне все стало ясно.

Однако вышеизложенная версия вызвала в зале радостный смех, из чего вы поймете, что Гасси стал настоящим любимцем масс. Вероятно, бородачу, а также определенному кругу лиц во втором ряду хотелось, чтобы Гасси утомился и сел на место, однако аудитория

стояла за него горой.

Раздались аплодисменты, голос из зала крикнул: «Браво! Браво!»

– Да, – сказал Гасси, – мир прекрасен. Небо голубеет, птички поют, и все радуются. А почему нам не радоваться, мальчики, и леди, и джентльмены? Я счастлив, вы счастливы, мы все счастливы. Счастлив даже кретин ирландец, который гуляет по Бродвею. Хотя, кажется, их там было двое – Пэт и Майк, один спешил, другой смешил. Мальчики, я хочу, чтобы вы по моей команде прокричали троекратное «ура» этому прекрасному миру. Давайте все вместе.

Когда пыль осела и с потолка перестала сыпаться штукатурка, Гасси продолжал:

– Тот, кто говорит, что мир не прекрасен, сам не знает, что мелет. Когда я сегодня ехал сюда в автомобиле вручать призы, я был невольно вынужден хорошенько пропесочить старину Тома Траверса, джентльмена, у которого я гощу. Вот он тут сидит во втором ряду рядом с представительной дамой в бежевом.

Для наглядности Гасси ткнул указующим перстом, и сотня с лишним обитателей Маркет-Снодсбери вытянули шеи и уставились на покрасневшего как рак дядю Тома.

– Уж я его отделал, будьте уверены. Представляете, он заявил, что мир катится в пропасть. «Не мелите вздор, старина», – сказал я ему. «Я никогда не мелю вздора», – отвечает он. «Однако для начинающего у вас это здорово получается», – говорю я. Думаю, вы со мной согласитесь, мальчики, и леди, и джентльмены, вправил я ему мозги.

Аудитория радостно согласилась и горячо поддержала оратора. Из зала снова закричали: «Браво! Браво!» – а мой булочник принялся яростно колотить в пол своей увесистой тростью.

– Ну вот, мальчики, – проговорил Гасси с противной самодовольной ухмылкой и одернул манжеты. – Вот и наступил конец летнего семестра, и многие из вас, без сомнения, покинут школу. И я вас не обвиняю, потому что невооруженным глазом видно: скука тут у вас смертная. А впереди вас ждет огромный мир. Скоро многие из вас пойдут гулять по Бродвею. Хочу, чтобы вы зарубили себе на носу: как бы ни досаждали вам аденоиды, упаси вас бог стать пессимистами, которые мелют вздор, как старина Том Траверс. Посмотрите, вот он во втором ряду, с багровой физиономией.

Гасси умолк, чтобы дать возможность желающим еще раз взглянуть на дядю Тома и освежить в памяти его образ, а я, ощущая некоторую растерянность, невольно задумался вот о чем. Не первый год общаясь с завсегдатаями «Трутней», я успел хорошо изучить, как по-разному влияет на людей чрезмерная доза сока Иппокрены [\[77\]](#), но еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь распоясался так, как Гасси.

С нокаутирующей раскованностью он откалывал такие номера, что, по-моему, переплюнул самого Барми Фотерингея-Фиппса, блиставшего в канун Нового года.

Позже мы с Дживсом обсуждали выходки Гасси, и Дживс объяснил, что тут весь фокус в торможении и в подавлении эго, если я ничего не перепутал. Насколько я понял, он хотел сказать, что в течение пяти лет строгого уединения среди тритонов в Гасси копился весь тот идиотизм, который должен был бы в эти годы понемногу растрачиваться, и вот теперь он, идиотизм, в одночасье выплеснулся наподобие девятого вала или приливной волны, как вам больше нравится.

Видимо, так оно и случилось. Обычно Дживс знает, что говорит.

Как бы то ни было, я радовался, что у меня хватило ума не сесть во втором ряду. Возможно, я нанес некоторый урон престижу Вустеров, затесавшись в среду пролетариев, стоявших в задних рядах, но по крайней мере чувствовал, что нахожусь вне опасности. Гасси

так разошелся, что если бы увидел меня, то мог бы, наплевав на нашу старую школьную дружбу, отпустить на мой счет какую-нибудь подлую шуточку.

– Чего я не выношу, так это пессимизма, – разглагольствовал Гасси. – Мальчики, будьте оптимистами. Вы все знаете разницу между оптимистом и пессимистом. Оптимист – это человек, который... Впрочем, возьмем двух ирландцев, гуляющих по Бродвею. Один оптимист, другой пессимист, так же, как один Пэт, другой Майк... Смотрите-ка, Берти! Привет, не знал, что ты здесь.

Я хотел спрятаться за булочника, но обнаружил, что его и след простыл. Наверное, вдруг вспомнил, что его ждут приятели, а может, обещал жене вернуться домой к чаю. Короче говоря, пока я зевал по сторонам, он слинял, оставив меня без прикрытия.

Между мной и Гасси, который самым оскорбительным образом тыкал в мою сторону пальцем, зияло пустое пространство, все повернули головы и с любопытством уставились на меня.

– Вот перед вами наглядный пример, – обрадованно заорал Гасси, продолжая тыкать пальцем, – того, о чем я говорил. Мальчики, леди и джентльмены, внимательно посмотрите на этого типа, он стоит там, позади: визитка, брюки, все с иголки, уважаемый серый галстук, гвоздика в петлице – ошибиться невозможно. Это Берти Вустер, самый гнусный пессимист из всех, кого я знаю. Говорю вам, я презираю этого типа. А почему я его презираю? Я вам скажу, мальчики, и леди, и джентльмены. Потому что он пессимист. У него психология капитулянта. Когда я ему сообщил, что намерен сегодня выступить перед вами, он пытался меня отговорить. Вы знаете, почему он пытался меня отговорить? Потому, сказал он, что брюки у меня на заду непременно лопнут.

Зал взорвался бурными аплодисментами. Тема лопнувших брюк нашла живой отклик в простодушных сердцах юных воспитанников классической школы. Мальчики, сидевшие в последнем ряду, покраснели, начали перешептываться, и один из них, малыш с веснушками на лице, попросил у меня автограф.

– Позвольте мне, мальчики, леди и джентльмены, рассказать вам одну историю о Берти Вустере.

Вустеры могут многое вынести, но не потерпят, чтобы их имя сделали предметом публичного обсуждения. Я начал потихоньку просачиваться к двери, когда понял, что бородач все-таки решил положить конец затянувшемуся выступлению многоуважаемого мистера Финк-Ноттла.

Почему он не сделал этого раньше, для меня загадка. Видимо, был в шоке. И, разумеется, если оратор увлек слушателей, как Гасси, чертовски трудно вмешаться и остановить его. Однако перспектива выслушать еще один анекдот в Гассином исполнении заставила бородачего пустить в ход всю свою изобретательность. Вскочив с места не менее стремительно, чем я со скамьи, когда увидел Таппи, вылезавшего из кустов, бородач бросился к столу, схватил книгу, устремился к оратору и тронул его за руку.

Гасси круто обернулся, увидел упитанного бородачего молодчика с увесистой книгой в руке и, видимо, решив, что тот собирается его поколотить, отпрянул в сторону и занял оборонительную позицию.

– Время идет, мистер Финк-Ноттл, и, я думаю, нам следует...

– Ах да, – сказал Гасси с облегчением. – Призы. О да, конечно. Да-да. Самое время. Приступим. Что там?

– Правописание и орфография. П. К. Первис, – объявил бородач.

– Правописание и орфография. П. К. Первис, – повторил Гасси укоризненным тоном, будто делал П. К. Первису выговор. – П. К. Первис, на выход.

Теперь, когда бесчинствам Гасси положили конец, мне показалось, что уже нет необходимости в стратегическом отступлении, которое я планировал. Мне совсем не хотелось уходить, коль скоро обстоятельства меня к тому не вынуждали. Как я и предсказал в разговоре с Дживсом, зрелище было сногшибательное. Приемы Гасси действовали на публику безотказно, он приковывал к себе всеобщее внимание, если, конечно, не допускал личных выпадов. Итак, я решил остаться и вскоре услышал мелодичное поскрипывание ботинок – это П. К. Первис карабкался на сцену.

Чемпион по правописанию и орфографии был розовощекий, рыжий малыш трех с половиной футов ростом в новых, со скрипом башмаках. Гасси погладил его по головке. Кажется, он с первого взгляда проникся к ребенку симпатией.

– Вас зовут П. К. Первис?

– Сэр, да, сэр.

– Мир прекрасен, П. К. Первис.

– Сэр, да, сэр.

– А, значит, вы уже успели это заметить? Правильно. Вы случайно не женаты?

– Сэр, нет, сэр.

– Женитесь, П. К. Первис, – настоятельно посоветовал Гасси. – Только женившись, человек начинает... Впрочем, вот ваша книга. Судя по названию, ужасная чепуха, но уж какая есть. Вот, держите.

П. К. Первис заскрипел прочь, сопровождаемый жидкими аплодисментами, однако нельзя было не заметить, что вслед за ними наступила напряженная тишина, которая неоспоримо свидетельствовала о зреющем в преподавательских кругах Маркет-Снодсбери новом настроении. Родители начали переглядываться. У бородатого физиономию перекосило, будто он проглотил тухлую устрицу. У тети Далии был такой вид, который яснее всяких слов говорил, что у нее исчезли последние сомнения и она вынесла приговор. Я видел, как она что-то шепнула дурехе Бассет, которая сидела справа от нее. Девица кивнула с печальным видом и стала похожа на фею, которая вот-вот прольет слезинку, чтобы зажечь на Млечном Пути еще одну звездочку.

После ухода П. К. Первиса Гасси снова погрузился в медитативное состояние и стоял, засунув руки в карманы, с открытым ртом. Внезапно обнаружив рядом с собой толстого мальчика в бриджах, он сильно вздрогнул.

– Привет! – сказал он удивленно. – Кто вы такой?

– Это Р. В. Сметерст, – сказал бородатый.

– Что ему здесь нужно? – подозрительно осведомился Гасси.

– Вы награждаете его призом за успехи в рисовании, мистер Финк-Ноттл.

Объяснение показалось Гасси правдоподобным, и лицо у него прояснилось.

– Как же, как же, само собой... – спохватился он. – Ну вот, держите, пострел вы этакий. Что? Уже уходите? – сказал он, видя, что мальчик собирается покинуть сцену.

– Сэр, да, сэр.

– Погодите, Р. В. Сметерст. Не спешите. Я хотел бы кое о чем вас спросить.

Однако бородатый, видимо, задался целью поскорее свернуть церемонию. Он осторожно вытеснил Р. В. Сметерста со сцены – так трактирный вышибала с сокрушенным видом выставляет из заведения старого

почтенного завсегда – и стал выкликать Дж. Дж. Симмонса. Мгновение спустя Дж. Дж. Симмонс вскочил и двинулся к сцене. Представьте себе мои чувства, когда объявили, что предмет, в котором преуспел Дж. Дж. Симмонс, – Священное Писание. В нашем полку прибыло.

Дж. Дж. Симмонс оказался противным, нахального вида юнцом с неровно торчащими передними зубами и очками на носу, но я горячо ему хлопал. Мы, знатоки Священного Писания, горой стоим друг за друга.

С сожалением отмечаю, что Гасси его сразу невзлюбил. Во взгляде, устремленном на Дж. Дж. Симмонса, не было и тени того расположения, которым он так щедро одарил П. К. Первиса и, правда, в меньшей степени, Р. В. Сметерста. Теперь Гасси продемонстрировал холодную отстраненность.

– Итак, Дж. Дж. Симмонс.

– Сэр, да, сэр.

– Что это значит – сэр, да, сэр? Черт знает как глупо, если разобраться. Итак, вы получили приз как лучший знаток Священного Писания?

– Сэр, да, сэр.

– Действительно, от вас можно этого ожидать, судя по вашему виду. Однако... – Гасси помолчал и подозрительно посмотрел на юнца, – откуда нам знать, может, вы все списали? Давайте-ка я вас проверю, Дж. Дж. Симмонс. Как звали того, как его там... который родил... как бишь его? Можете вы мне ответить, Дж. Дж. Симмонс?

– Сэр, нет, сэр.

Гасси посмотрел на бородатого.

– Сомнительно, – сказал он. – Очень сомнительно. Похоже, мальчик вообще не знает Священного Писания.

Бородатый отер лоб.

– Мистер Финк-Ноттл, уверяю вас, нами были приняты все меры, чтобы обеспечить объективность оценок, и Симмонс значительно опередил своих конкурентов.

– Что ж, если вы настаиваете, – с сомнением проговорил Гасси. – Ладно, Дж. Дж. Симмонс, получайте свой приз.

– Сэр, благодарю вас, сэр.

– Однако позвольте вам сказать, что не стоит особенно гордиться вашим призом. Берти Вустер...

Вот скотина, надо же нанести такой удар. Я исходил из предположения, что, оборвав выступление Гасси на полуслове, у него, как у змеи, вырвали жало. Я вжал голову в плечи и бочком пробрался к двери. Только меня и видели.

– Берти Вустер получил приз как лучший знаток Священного Писания, когда мы с ним вместе учились в начальной школе. Вы знаете, что собой представляет Берти Вустер. Конечно же, он смошенничал. Ему удалось похитить награду у более достойных претендентов, потому что он пользовался самыми бесстыдными, нечестными и низкими приемами, редкими даже для тех школ, где подобные методы процветают всюду. Когда он пришел на экзамен, карманы у него были так набиты шпиргалками, в частности перечнем царей иудейских, что...

Продолжения я не слышал, так как вышел на свежий воздух. Минуту спустя я уже сидел в автомобиле, нащупывая дрожащей ногой педаль стартера.

Мотор заработал, я включил передачу. Посигналил и рванул.

Когда я загонял автомобиль в конюшни Бринкли-Корта, все мои нервные узлы продолжали вибрировать. Потрясенный до основания Бертрам проковылял к себе в комнату снять визитку. Надев фланелевый костюм, я прилег на кровать и, наверное, задремал, потому что, очнувшись, увидел Дживса.

Я сел.

– Что, Дживс, чай?

– Нет, сэр. Скоро обед.

Дурман рассеялся.

– Должно быть, я спал.

– Да, сэр.

– Когда организм изнурен, природа берет свое.

– Да, сэр.

– И силы восстанавливаются.

– Да, сэр.

– Стало быть, скоро обед? Очень хорошо. Настроение, честно говоря, не обеденное, но тем не менее приготовьте переодеться.

– В этом нет надобности, сэр. Сегодня к обеду никто не переодевается. К столу будут поданы только холодные закуски.

– Это еще почему?

– Так пожелала миссис Траверс, дабы освободить прислугу, которая собирается сегодня вечером посетить танцевальный вечер в имении сэра Персиваля Стретчли-Бадда.

– Ах да, конечно. Помню. Кузина Анджела мне говорила. Сегодня вечером, да? А вы идете?

– Нет, сэр. Я не слишком привержен подобным развлечениям в сельской глуши.

– Я вас понимаю. Эти деревенские танцульки все одинаковы. Фортепиано, скрипка и шершавый пол. Не знаете, Анатолий идет? Анджела говорила, он вроде бы не собирается.

– Мисс Анджела права, сэр. Месье Анатолий в постели.

– Ох уж эти французы, до чего чувствительны.

– Бесспорно, сэр.

Мы помолчали.

– Да, Дживс, – сказал я, – ну и денек у меня сегодня выдался.

– Совершенно верно, сэр.

– Другого такого не припомню – с утра до вечера напичкан неприятностями. Конца я не дождался, ушел раньше.

– Да, сэр. Я видел, как вы ушли.

– По-моему, мне этого нельзя поставить в вину.

– Да, сэр. Мистер Финк-Ноттл, вне всякого сомнения, самым непозволительным образом перешел на личности.

– И долго вся эта канитель тянулась после моего ухода?

– Нет, сэр. Церемония вскоре завершилась. Высказывания мистера Финк-Ноттла по адресу юного мистера Дж. Дж. Симмонса привели к тому, что торжество пришлось закончить раньше времени.

– Но ведь Гасси разделался с Симмонсом еще до моего ухода.

– Так казалось, сэр. После вашего ухода мистер Финк-Ноттл снова принялся за юного мистера Дж. Дж. Симмонса. Если помните, сэр, он и раньше выражал сомнения по поводу

bona fides юного джентльмена, а потом начал его обвинять в самых суровых выражениях, утверждая, что он не завоевал бы приза за хорошее знание Священного Писания, если бы не прибегал к постоянному мошенничеству в крупных масштабах. Мистер Финк-Ноттл даже выразил предположение, что юный мистер Симмонс состоит на заметке в полиции.

– О господи!

– Да, сэр. Слова мистера Финк-Ноттла произвели сенсацию. Реакцию присутствующих на выдвинутые мистером Финк-Ноттлом обвинения я бы расценил как неоднозначную. Юные учащиеся школы выразили удовлетворение и поддержали оратора бурными аплодисментами, а матушка мистера Дж. Дж. Симмонса встала и в резкой форме выразила мистеру Финк-Ноттлу свое возмущение.

– Неужели Гасси не пошел на попятную?

– Нет, сэр. Мистер Финк-Ноттл заявил, что теперь он все понял, и намекнул на преступную связь матушки юного джентльмена с директором школы, который, по выражению мистера Финк-Ноттла, состряпал хорошие оценки юному мистеру Дж. Дж. Симмонсу, дабы завоевать расположение вышеупомянутой леди.

– Не может быть!

– Увы, сэр.

– Ну и ну, Дживс! А потом?

– Они спели государственный гимн, сэр.

– Что вы говорите?!

– Да, сэр.

– В такой момент?

– Да, сэр.

– Ну да, ведь вы там присутствовали и своими глазами все видели, однако я бы никогда не подумал, что в подобных обстоятельствах Гасси и эта дама начнут петь дуэтом.

– Вы меня не поняли, сэр. Гимн пели все присутствующие. Директор школы подошел к органисту и что-то тихо ему сказал. После чего органист заиграл государственный гимн, и процедура завершилась.

– Очень вовремя.

– Да, сэр. Миссис Симмонс была настроена чрезвычайно агрессивно.

Я задумался. Конечно, то, что я услышал, было крайне неприятно и достойно сожаления. Более того, я упал духом, и меня охватили дурные предчувствия. Короче, я бы погрешил против правды, если бы сказал, что доволен положением дел. Но, с другой стороны, все дурное было уже позади, и мне казалось, что сейчас уместнее не скорбеть о происшедшем, а думать о светлом завтра. В том смысле, что хоть Гасси побил вустерширский рекорд идиотизма и потерял шансы стать любимцем Маркет-Снодсбери, однако он сделал предложение Мадлен Бассет и она его предложение приняла, этого нельзя сбрасывать со счетов.

Я изложил свои соображения Дживсу.

– Безобразная история, – сказал я, – о ней, наверное, будут здесь рассказывать из поколения в поколение. Но мы не должны забывать, Дживс, что, хотя Гасси выставил себя последним идиотом, зато у него несомненный успех на другом фронте.

– Нет, сэр. Я не понял.

– Дживс, когда вы говорите: «Нет, сэр», вы подразумеваете: «Да, сэр»?

– Нет, сэр. Я подразумеваю «нет, сэр».

- То есть он не преуспел на другом фронте?
- Нет, сэр.
- Но ведь он помолвлен.
- Уже нет, сэр. Мисс Бассет расторгла помолвку.
- Вы шутите?
- Нет, сэр.

Интересно, заметили ли вы в моих мемуарах одну странную особенность? В тот или иной момент практически все действующие лица хватаются за голову. Мне не раз приходилось быть участником самых драматических событий, но чтобы все вокруг то и дело хваталось за голову – такого я пока не наблюдал.

Надеюсь, вы помните, как дядюшка Том хватался за голову. И Гасси хватался. И Таппи тоже. И хотя я не располагаю точной информацией, думаю, что Анатолий еще как хватался, а уж плакса Бассет и подавно. Тетя Даля тоже схватилась бы, уверен, только она боится помять свою аккуратную прическу.

Да, так вот, я хочу сказать, что теперь и я схватился за голову. Руки взлетели вверх, голову потянуло вниз, и Бертрам пополнил сплоченные ряды хватающихся за голову.

Я все еще тер свою черепушку, задаваясь вопросом, что теперь делать, когда кто-то забарабанил в дверь, будто вознамерился ее высадить.

– Вероятно, это мистер Финк-Ноттл, сэр, – сказал Дживс.

Однако чутье его подвело. Это был не Гасси, а Таппи. Он ворвался в комнату, дыша с трудом, как астматик. Невооруженным глазом было видно, что придурок взволнован до крайности.

Я внимательно в него взгляделся. Его вид мне совсем не понравился. Я хочу сказать, что никогда не считал его красавцем, ибо Природа, творя этого благородного англичанина, подсунула ему нижнюю челюсть куда более массивную, чем требуется, и глаза-буравчики, какие нужны разве что столпу Британской империи да регулировщику уличного движения. А в данный момент его физиономия не только оскорбляла мое эстетическое чувство, но еще и имела явно угрожающее выражение, так что я пожалел, что Дживс, черт его подери, чересчур тактичен.

Разумеется, весьма похвально, что он, как привидение, бесследно растворяется в воздухе, стоит только какому-нибудь визитеру у меня появиться, но бывают минуты – сдается мне, что сейчас как раз именно такая минута, – когда тактичнее всего сплотиться вокруг Бертрама и, случись потасовка, протянуть своему молодому господину руку помощи.

Итак, Дживс испарился. Я не видел и не слышал, как он уходил, но его уже и след простыл. Насколько хватало глаз, везде был только Таппи. И, как я уже упомянул, его вид вселял тревогу. По-моему, он пришел, чтобы вновь поднять вопрос о лодыжках Анджелы, которые я растирал.

Однако его вступительное слово рассеяло мои опасения. Оно звучало вполне миролюбиво, и я вздохнул свободно.

– Берти, – сказал он, – я должен перед тобой извиниться. Для этого и пришел.

Когда я понял, что нет и намека на лодыжки Анджелы, я, как вы уже знаете, почувствовал огромное облегчение. Однако удивился еще больше. Со времени прискорбного случая в «Трутнях» прошло несколько месяцев, и до сих пор Таппи не выказывал никаких признаков раскаяния или сожаления о содеянной им пакости. Более того, как я узнал из достоверных источников, на обедах и званых вечерах он постоянно рассказывает о своей идиотской проделке, хвастает и хохочет как сумасшедший.

Поэтому я не мог взять в толк, как это он столько времени спустя докатился до того, чтобы просить у меня прощения. Возможно, у него совесть заговорила, но с чего бы вдруг?

И тем не менее факт остается фактом.

– Таппи, дружище, – со свойственным мне великодушием сказал я, – забудем об этом.

– Как это «забудем»? Я не забуду.

– В том смысле, что не стоит вспоминать. И думать не стоит. Все мы порой теряем голову и делаем глупости, а потом жалеем. Ты ведь тогда был сильно навеселе.

– О чем, черт подери, мы говорим?

Мне его тон не понравился. Что за бесцеремонность!

– Поправь меня, если я ошибаюсь, – сухо сказал я, – но мне казалось, ты извиняешься за свою дурацкую шутку в «Трутнях», когда ты закинул кольцо за стойку и мне пришлось прыгать в бассейн во фраке.

– Вот осел! Я совсем о другом.

– О чем же?

– Об истории с этой Бассет.

– О какой истории?

– Берти, когда вчера ты мне сказал, что любишь Мадлен Бассет, я сделал вид, будто верю, но на самом деле усомнился. Уж очень невероятно. Но потом я навел справки, и твои

слова подтвердились. Я пришел извиниться за то, что не поверил тебе.

– Говоришь, навел справки?

– Я спросил Бассет, делал ли ты ей предложение, и она сказала, да, делал.

– Таппи! Ты с ума сошел!

– Еще чего!

– Это же верх бестактности, неужели ты не понимаешь?

– Нет.

– Нет? Ну тогда конечно. Хотя, по-моему, тебе следовало бы вести себя деликатнее.

– К черту деликатность. Я должен был убедиться, что не ты похитил у меня Анджелу.

Теперь я знаю, что не ты. Ладно, раз уж речь идет об этом, не стоит его упрекать в отсутствии деликатности.

– А, ну тогда все в порядке, слава богу.

– Я выяснил, кто похитил Анджелу.

– Что-что?!

Он мне не ответил. В глазах у него разгорался мрачный огонь. Он угрожающе выдвинул челюсть, и теперь она выпирала, не уступая Дживсову затылку.

– Берти, – сказал он, – помнишь мою клятву? Помнишь, что я хотел сделать с тем гадом, который отбил у меня Анджелу?

– Если не ошибаюсь, ты собирался оторвать ему голову...

– ...и выпустить кишки. Правильно. Программа остается в силе.

– Но, Таппи, уверяю тебя, никто не похищал у тебя Анджелу в Каннах, готов засвидетельствовать под присягой.

– Ее похитили, когда она вернулась сюда.

– Что?!

– Перестань чтокать.

– Но после возвращения она ни с кем не виделась.

– Ни с кем? А тритонофил?

– Гасси?

– Ну да. Финк-Ноттл, змея подколодная. Нет, это уже полный бред.

– Послушай, ты бредишь! Он влюблен в Бассет.

– Не может быть, чтобы вы все были влюблены в эту малохолдную Бассет. По-моему, в нее вообще невозможно влюбиться. Говорю тебе, он влюблен в Анджелу. А она в него.

– Но Анджела дала тебе отставку еще до приезда Гасси.

– В том-то и дело, что два часа спустя.

– Не мог же он в нее влюбиться за два часа.

– Почему? Я в нее влюбился за две минуты. Я ее боготворил, эту лупоглазую зазнайку.

– Но послушай...

– Не спорь, Берти. Факты говорят сами за себя. Она любит этого кретина.

– Чушь, старик. Совершеннейшая чушь.

– Да? – Он в ярости топнул ногой. Раньше я про такое только в романах читал, но собственными глазами никогда не видел. – Тогда объясни мне, как вышло, что они помолвлены?

Меня будто дубиной по голове шарахнули.

– Помолвлены?!

– Она сама мне сказала.

– Пошутила.

– Нет, не пошутила. Сразу после того как закончилась эта дурацкая комедия в школе, он сделал ей предложение, и она согласилась, даже глазом не моргнула.

– Послушай, здесь какая-то ошибка.

– Именно ошибка. Со стороны Финк-Ноттла, змеи подколодной. Сейчас я живо ему это объясню. Вот дай только поймаю. Гоняюсь за ним с половины шестого.

– Гоняешься?

– Все обегал. Хочу оторвать ему голову.

– Ага. Понимаю.

– Ты случайно его не видел?

– Нет.

– Если увидишь, поскорей с ним простиись и беги заказывать похоронный венок... А-а, Дживс.

– Сэр?

Я не слышал, как отворилась дверь, но Дживс уже снова оказался в спальне. Лично я уверен, как уже раньше упоминал, что Дживсу двери вообще не нужны. Он вроде индийских йогов, которые могут зашвыривать свои астральные тела куда им заблагорассудится – например, растворится в воздухе где-нибудь, скажем, в Бомбее, а потом соберет свои составные части и через пару минут, глядишь, появился уже в Калькутте. Только такая гипотеза может объяснить, как Дживс ухитряется возникать там, где его только что не было. Видимо, просто-напросто перемещает свое эфирное тело из точки А в точку В, вот и все.

– Дживс, вы не видели мистера Финк-Ноттла?

– Нет, сэр.

– Хочу его прикончить.

– Очень хорошо, сэр.

Таппи выскочил вон, хлопнув дверью, а я изложил последние новости.

– Представьте себе, Дживс, мистер Финк-Ноттл обручился с моей кузиной Анджелой.

– В самом деле, сэр?

– Что вы на это скажете? Вам понятен этот психологический феномен? В чем тут фокус? Ведь всего несколько часов назад он был помолвлен с мисс Бассет.

– Весьма распространенный случай, сэр. Джентльмен, получивший отставку у одной молодой леди, сразу же устремляется к другой и начинает добиваться ее расположения. Иными словами, становится в позу.

До меня начало доходить.

– А-а, понимаю. Становится в позу и бросает вызов.

– Да, сэр.

– Вроде того, что, мол, пожалуйста, не хочешь – не надо, найдутся другие.

– Совершенно верно, сэр. Мой кузен Джордж...

– Дживс, давайте сейчас не будем вспоминать о вашем кузене Джордже.

– Хорошо, сэр.

– Поговорим о нем в долгие зимние вечера, идет?

– Как пожелаете, сэр.

– Во всяком случае, готов поспорить, что ваш кузен Джордж не был такой трусливой медузой, как Гасси. И этот наш Гасси оказался способен стать в позу и бросить вызов! Вот что меня особенно поражает, Дживс.

– Вы, вероятно, помните, сэр, что мистер Финк-Ноттл впал в состояние болезненного нервного возбуждения.

– Что правда, то правда. Он теперь сам не свой.

– Очень точно подмечено, сэр.

– Знаете, что я вам скажу, Дживс? Если Таппи до него доберется, он впадет в куда более болезненное состояние... Который час?

– Ровно восемь, сэр.

– Стало быть, Таппи гоняется за ним вот уже два с половиной часа. Дживс, мы должны спасти нашего незадачливого дуралея.

– Да, сэр.

– Все-таки человеческая жизнь – это человеческая жизнь, верно?

– В высшей степени, сэр.

– В таком случае первым делом надо отыскать придурка. А затем мы сможем обсудить план дальнейших действий. Приступайте к делу, Дживс, и хорошенько прочешите окрестности.

– В этом нет необходимости, сэр. Если вы обернетесь, вы увидите мистера Финк-Ноттла. Он выбирается из-под вашей кровати, сэр.

Клянусь Юпитером, Дживс был совершенно прав.

Гасси собственной персоной выползал, как справедливо заметил Дживс, из-под моей кровати. Весь в пыли, он напоминал черепаху, высунувшую голову, чтобы глотнуть воздуха.

– Гасси! – сказал я.

– Дживс, – прошептал Гасси.

– Сэр?

– Дживс, дверь заперта?

– Нет, сэр, но я немедленно ее запру.

Гасси рухнул на кровать, и на миг мне показалось, что он собирается по примеру прочих обитателей Бринкли схватиться за голову. Но оказалось, он просто смахнул со лба дохлого паука.

– Дживс, вы заперли дверь?

– Да, сэр.

– Кто может поручиться, что этому чертову Глоссо-пу не взбрдет в голову снова сюда я...

Гасси хотел сказать «явиться», но слово замерло у него на губах. Едва он произнес «я...», как дверная ручка залязгала и задергалась. Гасси вскочил с кровати и замер, живо напомнив картину Ландсеера «Загнанный олень», висящую в столовой у тетки Агаты. Мгновение постояв в нерешительности, Гасси нырнул в платяной шкаф и забился в угол, прежде чем мы с Дживсом поняли, что происходит. По-моему, пассажиры, опаздывающие к поезду в 9.15, мчались бы не столь стремительно.

Я взглянул на Дживса. Он слегка приподнял правую бровь, только так он и позволял себе проявить обуревавшие его чувства.

– Кто там? – рявкнул я.

– Открывай, черт подери! – заорал Таппи за дверью. – Зачем ты заперся?

Я проконсультировался с Дживсом на языке мимики, то есть с помощью бровей. Он вздернул одну бровь. Я тоже вздернул одну бровь. Он вздернул вторую. Я проделал то же

самое. Потом мы оба вздернули обе брови. Что ж, делать нечего – я отворил дверь, и в спальню ворвался Таппи.

– Ну что там еще? – спросил я как можно беспечнее.

– Почему дверь была заперта? – прорычал Таппи.

Находясь в отличной форме по части вздергивания бровей, я с успехом продемонстрировал свое умение.

– По-твоему, человек лишен права уединиться, Глоссоп? – строго осведомился я. – Хочу переодеться, поэтому распорядился, чтобы Дживс запер дверь.

– Подходящий предлог! – злобно прошипел Таппи и, кажется, еще добавил: «Идиот несчастный!» – Думаешь, я поверю, будто ты боишься, что толпы любопытных вдруг нагрянут полюбоваться тобой в исподнем? Ты запер дверь потому, что прячешь Финк-Ноттла, эту змею подколодную. Я сразу тебя заподозрил и вернулся проверить. Обшарю всю комнату дюйм за дюймом. Уверен, он где-то здесь... Что у тебя в шкафу?

– Одежда, – сказал я, снова пытаюсь взять небрежный тон, хотя вряд ли моя попытка увенчалась успехом. – Обычная одежда английского джентльмена, приехавшего погостить в загородный дом.

– Лжешь!

Вряд ли ему удалось бы уличить меня во лжи, замешкайся он со своим обвинением секунду-другую, потому что едва оно успело сорваться с его губ, как Гасси в шкафу уже не было. Я высказывался по поводу скорости, с которой он нырнул в шкаф. Так вот, она была ничтожно малой в сравнении со скоростью, с которой Гасси оттуда вынырнул. Что-то неясное со свистом пронеслось мимо меня, и оказалось, что Гасси уже нет среди нас.

Думаю, Таппи удивился. Вообще-то я даже в этом уверен. Несмотря на апломб, с которым он заявил, что в шкафу хранится Финк-Ноттл, он был явно ошарашен, когда Гасси просвистал мимо нас со скоростью света. Таппи громко булькнул и отскочил футов на пять. Однако в следующий миг самообладание к нему вернулось, и он стремглав вылетел из комнаты в погоне за Гасси. Не хватало только тетушки Далии, вопящей: «Ату его!» – или что там у них полагается вопить в таких случаях, чтобы вы получили картину под названием «Члены охотничьего клуба «Куорн» на лисьей травле».

Я рухнул в первое попавшееся кресло. Бертрам не из тех, кого можно с легкостью обескуражить, но тут заварилась такая каша, которую вовек не расхлебаешь.

– Дживс, – сказал я, – это уж слишком.

– Да, сэр.

– Голова идет кругом.

– Да, сэр.

– Думаю, будет лучше, если вы меня оставите. Надо хорошенько все обдумать.

– Да, сэр.

Дверь затворилась. Я закурил сигарету и принялся размышлять.

Уверен, любой на моем месте весь вечер ломал бы голову без всякого толку, но мы, Вустеры, одарены сверхъестественной способностью ухватывать суть вещей, и, думаю, от силы минут через десять я уже знал, что надо делать.

По моему разумению, дело можно было уладить, только поговорив с Анджелой по душам. Ведь именно она устроила весь этот тарарам, повела себя, как глупая гусыня, сказав «да» вместо «нет», когда Гасси под воздействием спиртного, с одной стороны, и нервного возбуждения, с другой, предложил ей соединиться в браке. Надо всыпать Анджеле по первое число и заставить ее дать Гасси отставку. Четверть часа спустя я набрел на негодницу в беседке, где она пила что-то прохладительное, и сел с ней рядом.

– Анджела, – начал я, и если вы сочтете, что мой голос звучал слишком сурово, хотел бы я послушать, как звучал бы на моем месте ваш голос, – все это совершенный бред.

Она вышла из задумчивости. Потом вопросительно на меня посмотрела:

– Прости, Берти, я не слышала. Ты сказал, что у тебя бред?

– Я говорю не о себе.

– Ох, прости, значит, мне показалось.

– Если бы у меня был бред, я пришел бы разговаривать с тобой?

– Конечно.

Я понял, что лучше отступить, и взялся за дело с другого конца.

– Я только что видел Таппи.

– Да?

– И Гасси Финк-Ноттла.

– Вот как?

– Оказывается, ты наплевала на Таппи и обручилась с Гасси.

– Совершенно верно.

– Именно в этом смысле я и сказал, что все это полный бред. Не можешь ты полюбить такого идиота, как Гасси.

– Почему же?

– Не можешь – и все тут.

Я хочу сказать, что, конечно же, не могла она полюбить Гасси. Никто не может полюбить этого малохольного придурка, разве что такая же малохольная и придурочная девица вроде Мадлен Бассет. На черта он Анджеле? Нет, конечно, Гасси отличный малый во всех отношениях, обходительный, дружелюбный, и окажись у вас на руках больной тритон, никто лучше Гасси не посоветует, какие процедуры нужно ему делать до прихода доктора. Что же до свадебных колоколов и марша Мендельсона, тут Гасси не находка. Нисколько не сомневаюсь, можно часами метать камешки в самых густонаселенных местах Англии без малейшего риска попасть в девицу, которая бы согласилась стать миссис Огастус Финк-Ноттл, разве что под наркозом.

Я изложил Анджеле эти свои соображения, и она вынуждена была признать их справедливость.

– Пусть так. Может, и правда не люблю.

– Тогда зачем вы с ним обручились, дитя ты неразумное?

– Да так, шутки ради.

– Шутки ради?!

– Именно. Меня это ужасно позабавило. Посмотрел бы ты, какое у Таппи было лицо, когда я ему все выложила.

Внезапно меня осенило.

– А! Так ты стала в позу?

– Что?

– Обручилась с Гасси, чтобы насолить Таппи?

– Да.

– Вот я и говорю, ты стала в позу.

– Да. Наверное, можно выразиться и так.

– Знаешь, как еще это называется? Низкий обман. Барышня, вы меня удивляете.

– Почему? Не понимаю.

Я скривил губы:

– Не понимаешь, потому что ты женщина. Все вы таковы. Режете по живому, и совесть вас не мучит. И еще гордитесь собой. Вспомни Хеверову жену Иаиль [\[78\]](#).

– Где это ты слышал про Иаиль?

– Разве тебе не ведомо, что в школе я получил приз за отличное знание Библии?

– Ах да. Действительно, Огастус об этом упоминал в своем выступлении.

– Ну да, – торопливо сказал я. У меня не было ни малейшего желания вспоминать речь Гасси. – Вот я и говорю, посмотри на Иаиль, Хеверову жену. Вонзила острый кол в голову спящего гостя и пошла бахвалиться везде своим подвигом, тоже мне скаут. Недаром говорят: «О женщины, женщины!»

– Кто говорит?

– Мужчины, кто же еще! Да, жалкие вы создания. Однако ты не собираешься упорствовать, правда?

– Упорствовать в чем?

– В этой бредовой затее с вашим обручением.

– Очень даже собираюсь.

– Просто чтобы выставить Таппи в глупом свете.

– Думаешь, он выглядит глупо?

– Да.

– Так ему и надо.

Я понял, что топчусь на месте. Помнится, приз за знание Библии я получил, когда отвечал на вопросы о Валаамовой ослице. Что это были за вопросы, не могу точно сказать, однако вроде бы речь шла о животном, которое упиралось всеми ногами, прядало ушами и отказывалось внять уговорам. По-моему, сейчас Анджела вела себя точь-в-точь как Валаамова ослица. По-моему, они с Анджелой просто сестры-близнецы. Упрямы до глупости. В общем, Анджела показала себя во всем блеске.

– Вздорная девчонка, вот ты кто, – сказал я.

Она слегка покраснела.

– Никакая я не вздорная девчонка.

– Нет, ты вздорная девчонка. Сама знаешь.

– Ничего подобного.

– Ломаешь жизнь Таппи, ломаешь жизнь Гасси, только чтобы потешить свое самолюбие.

– А это не твое дело.

Я с жаром ее осадил:

– Как это не мое дело? На моих глазах разбиваются жизни моих школьных друзей! Ха! К тому же ты по уши влюблена в Таппи, и тебе самой это отлично известно.

– Ничего подобного!

– Да? Если бы каждый раз, как я ловлю полные любви взгляды, которые ты на него бросаешь, я получал по соверену...

Она смирила меня взглядом, в котором светилась отнюдь не любовь.

– Слушай, Берти, катись ты ко всем чертям!

Я выпрямился во весь рост.

– Именно это и собираюсь сделать, – с достоинством сказал я. – Во всяком случае, я ухожу. Я все сказал.

– И слава богу.

– Однако позволь заметить...

– Не позволю.

– Очень хорошо, – холодно сказал я. – В таком случае пока-пока.

Я надеялся, что уязвил Анджелу.

Подавленный и обескураженный – этими словами можно было бы описать мое состояние, когда я покидал беседку. Не стану отрицать, от разговора с Анджелой я ожидал куда более утешительных результатов.

Признаться, она меня удивила. Мы почему-то всегда забываем, что любая девица становится настоящей мегерой, если сердечные дела у нее не ладятся. Мы с кузиной Анджелой, можно сказать, неразлучны с тех пор, когда я еще носил матросский костюмчик, а она была малявкой, у которой менялись молочные зубы, однако только теперь я начал прозревать тайные глубины ее души. Милая добрая резвушка, она всегда меня поражала своим простодушием. И вот теперь она, Анджела, безжалостно смеется – у меня в ушах стоит холодный издевательский смех, который никак не вяжется со свойственной ей деликатной и изысканной манерой общения. Казалось, я вижу, как она потирает руки в предвкушении, что сведет в могилу поседевшего от горя Таппи.

Всегда говорил и снова готов повторить: девицы странные создания. Ох, прав был старик Киплинг, когда шутил, что слабый пол куда более непреклонен, чем сильный.

В сложившихся обстоятельствах, как мне показалось, единственное, что я мог сделать, это направиться в столовую и ударить по холодной закуске, о которой говорил Дживс. Я чувствовал настоятельную необходимость подкрепиться, ибо разговор с Анджелой вконец меня измотал. Эти беседы на обнаженном нерве выкачивают из человека всю его энергию и рождают сильное желание наброситься на бифштексы и ветчину.

Вот я и потащился в столовую и, едва переступив порог, заметил тетушку Далию, которая стояла у буфета и уплетала лососину под майонезом.

В смущении я пробормотал: «Ой, ай, ах!» Когда мы с дражайшей родственницей последний раз имели удовольствие говорить tkte-a-tkte, она, должен вам напомнить, изъявляла желание утопить меня в пруду за огородами, и я не знал, чем для меня обернется эта встреча.

Увидев, что тетушка пребывает в добром расположении духа, я почувствовал большое облегчение. Невозможно описать ту сердечность, с которой она помахала мне вилкой.

– Привет, Берти, оболтус ты эдакий, – дружелюбно сказала она. – Так и знала, что

встречу тебя у кормушки. Попробуй лососины. Знатная штука.

– Анатолий? – спросил я.

– Нет, он все еще в постели. Но судомойка была в ударе. До нее вдруг дошло, что она обслуживает не стаю канюков в пустыне Сахара, и она состряпала нечто вполне пригодное для человека. Славная девушка. Надеюсь, на танцах она от души повеселится.

Я положил себе порцию лососины, и мы принялись оживленно болтать о бале для прислуги у Стретчли-Баддов и упражняться в остроумии, прикидывая, как будет смотреться дворецкий Сеппингс, отплясывающий румбу.

Я покончил с первой порцией и собирался положить себе еще, когда всплыла тема Гасси. С учетом нынешних событий в Маркет-Снодсбери, я ожидал, что тетушка коснется ее раньше. Когда же она заговорила, я понял, что ей ничего не известно о помолвке Анджели.

– Послушай, Берти, – сказала она, задумчиво пережевывая фруктовый салат, – этот твой Виски-Боттл...

– Финк-Ноттл.

– Виски-Боттл, – настойчиво повторила она. – После его сегодняшнего представления он во веки веков Виски-Боттл, так я теперь и буду его звать. Когда увидишь его, скажи, что он отлично меня повеселил. Когда он прямо со сцены вдруг начал шерстить Тома – это было потрясающе, ничего забавнее не видела с тех пор, как викарий наступил на развязавшийся шнурок и растянулся на ступенях кафедры. В самом деле, твой Виски-Боттл устроил нам первоклассное представление.

Я не мог с ней согласиться.

– А выпад в мой адрес...

– Они мне тоже понравились. Молодец он. Признайся, ведь ты смошенничал, когда получил приз за знание Библии?

– Ну что вы. Победа далась мне ценой всемерных и непрестанных усилий.

– А как насчет пессимизма, о котором нам толковал Виски-Боттл? Берти, ты пессимист?

То, что творится в этом доме, мог бы я ответить тетушке, успешно превращает меня в пессимиста, но я сказал, нет, я не пессимист.

– Вот и славно. Не будь пессимистом. Все к лучшему

в этом лучшем из миров. Жизнь прожить – не поле перейти. Перед рассветом всегда тьма сгущается. Наберись терпения, и все будет хорошо. Туманен день, однако солнце воссияет... Отведай этого салата.

Я последовал ее совету и хотя усердно работал вилкой, мысли мои были далеко. Я был сильно озадачен. Оттого что в последнее время мне так часто приходилось водить компанию с разбитыми сердцами, теткина жизнерадостность казалась неуместной, да, именно неуместной.

– Я думал, вы будете немного раздосадованы, – сказал я.

– Раздосадована?

– Ну да, выходками Гасси на сцене. Признаюсь, я ожидал, что вы станете топтать ногами и метать молнии.

– Ерунда. Почему я должна досадовать? Напротив, я польщена и горжусь, что вина из моих подвалов могут произвести такое магическое действие. Это мне возвращает веру в послевоенный виски. Кроме того, сегодня вечером я не могу ни на что досадовать. Я как дитя, которое хлопает в ладоши и пляшет под солнцем. Наконец-то оно выглянуло из-за туч.

Пусть звонят колокола радости. Анатолий остается.

– Что?! Поздравляю, тетенька.

– Благодарю. Да, едва я вернулась домой, я принялась уговаривать его, трудилась, как усердный бобер, и наконец Анатолий, клянясь, что не уступит, уступает [\[79\]](#). Он остается, хвала господу, и, по-моему, теперь можно сказать: «Улыбается бог в небесах, в этом мире все так хорошо...» [\[80\]](#)

Тетушка не успела договорить, как двери отворились и к нашей честной компании присоединился дворецкий.

– Привет, Сеппингс, – сказала тетя Далия. – Я думала, вы ушли.

– Пока еще нет, мадам.

– Надеюсь, вы хорошо повеселитесь.

– Благодарю вас, мадам.

– Вы зачем-то хотели меня видеть?

– Да, мадам. Дело касается месье Анатолия. Разве вы бы позволили, мадам, мистеру Финк-Ноттлу корчить гримасы месье Анатолию из окна в крыше?

Наступило долгое молчание. Кажется, такое молчание называется немой сценой. Тетушка смотрела на дворецкого. Дворецкий смотрел на тетушку. Я смотрел на них обоих. Жуткая тишина ватным одеялом накрыла комнату. У меня на зубах хрустнул ломтик яблока, который попался во фруктовом салате, и раздался такой звук, будто с Эйфелевой башни сбросили булыжник на стеклянную теплицу для выращивания огурцов. Тетя Далия тяжело привалилась к буфету и хрипло проговорила:

– Гримасы?

– Да, мадам.

– Из окна в крыше?

– Да, мадам.

– Вы хотите сказать, Финк-Ноттл сидит на крыше?

– Да, мадам. Это обстоятельство чрезвычайно огорчает месье Анатоля.

Думается, именно глагол «огорчает» задел тетю Далию за живое. Она по горькому опыту знала, что бывает, когда Анатоля огорчили. Мне было известно, что тетушка скоро на ногу, но я не подозревал, что она способна совершить столь стремительный бросок. Помедлив ровно столько, сколько потребовалось, чтобы выпалить облегчающий душу залп отборной охотничьей брани, она вылетела из комнаты и бросилась вверх по лестнице, я даже не успел проглотить кусочек какого-то фрукта, кажется, банана. Как и в тот раз, когда я получил телеграмму об Анджеле и Таппи, мне показалось, что мое место – подле тетушки, и поэтому, оставив салат, я помчался за ней. Позади нас тяжелым галопом скакал Сеппингс.

Мое место, как я только что сказал, подле тетки, однако выполнить это намерение было чертовски трудно, ибо она развила невероятную скорость. К концу первого пролета она вела забег, опережая участников на добрые десять корпусов, и когда повернула на второй пролет, я бы все еще не рискнул бросить ей вызов. Однако на следующем марше изнурительная гонка начала сказываться, тетушка слегка замедлила темп, обнаружив признаки запала, и на финишную прямую мы вышли почти ноздря в ноздю. В комнату к Анатолю мы влетели вместе, во всяком случае, наблюдатель затруднился бы отдать кому-либо из нас пальму первенства.

Результат забега таков:

1. Тетушка Далия.

2. Бертрам.

3. Сеппингс.

Победитель оторвался на полголовы. Номер второй опередил номер третий на половину лестничного марша.

Вбежав, мы все воззрились на Анатоля. Магистр поваренного искусства был мал ростом, толст и пузат, с невероятными усами, причем между ними и эмоциональным состоянием их владельца прослеживалась прямая зависимость. Если носитель усов пребывал в добром расположении духа, их кончики загибались кверху, как у старшего сержанта. Когда же в душе Анатоля царил мрак, усы опадали.

Сейчас они совсем обвисли, что служило зловещим знаком. И если бы на этот счет оставалась хоть тень сомнения, то поведение Анатоля ее бы тут же развеяло. Он стоял возле кровати в розовой пижаме и, глядя в окно, потрясал кулаками. Сквозь стекло на Анатоля

пялился Гасси. Глаза у него были выпучены, рот широко разинут, весь его вид поражал сходством с диковинной аквариумной рыбиной, которую хотелось поскорее накормить муравьиными яйцами.

Если сравнивать махавшего кулаками Анатоля и глазеющего на него Гасси, то, должен сказать, мои симпатии, безусловно, принадлежали первому. По-моему, он имел полное право махать всеми имеющимися у него в наличии кулаками.

Давайте обратимся к фактам. Вот Анатолий лежит в постели у себя в спальне, лениво размышляя о том, о чем обычно размышляют повара-французы, лежа в постели, и вдруг видит за окном жуткую физиономию. Такое зрелище способно вывести из себя самого закоренелого флегматика. Я бы просто взбесился, если бы, лежа в постели, вдруг узрел перед собой физиономию Гасси. Ваша спальня – ваша крепость, надеюсь, вы не станете этого оспаривать, и вы имеете все основания выказать неодобрение, если какая-то горгулья [\[81\]](#) пялится на вас в окно.

Пока я предавался раздумьям, тетушка Далия со свойственной ей решительностью перешла к делу.

– Что это значит?

В ответ Анатолий проделал нечто вроде упражнения из шведского гимнастического комплекса – сначала затряс задом, потом плечами и в заключение встряхнул своими черными волосами.

Потом заговорил.

Мне не раз приходилось беседовать с этим выдающимся человеком, и я всегда считал, что он говорит по-английски свободно, но не слишком вразумительно. Если помните, прежде чем появиться в Бринкли, он состоял в услужении у миссис Бинго Литтл и, без сомнения, кое-чего поднабрался у старины Бинго. А перед этим пару лет прожил в одном американском семействе в Ницце, где прошел курс языкового обучения у хозяйского шофера, в прошлом борца-тяжеловеса из Бруклина. Таким образом, соединив школы старины Бинго и бруклинца, Анатолий обрел способность изъясняться по-английски бегло, но непонятно.

Итак, великий человек изрек следующее:

– Bravo! Вы спрашиваете, что это? Слушайте. Имейте немного внимания. Я ложился на боковую, но я не спал хорошо и сейчас пробудился, в окно смотрел, а через окно, черт побери, он строит гримасы на меня. Разве так хорошо? Разве так удобно? Если вы думаете, мне нравится, вы сильно заблуждаете себя. Я взбесился, как мокрая курица. Разве нет? Я не какой-нибудь! Это спальня или что? Или дом для обезьян? Зачем эти негодники так нахально, как огурцы, на мой окно садятся и корчат гримасы?

– Справедливо, – сказал я. – По-моему, он совершенно прав.

Анатолий сверкнул глазом на Гасси и проделал экзерсис номер два, состоящий в том, что вы хватаете себя за ус, дергаете, а затем принимаетесь ловить мух.

– Однако немного ждите. Я не собираюсь закончить. Говорю, вижу этот тип в окошке, который строит несколько рож. Но что затем? Разве он удаляется, когда я испускаю крик, и оставляет меня миролюбивым? Нет, никогда в жизни. Он остается, населенный здесь, плевать с высокого дерева, сидит и смотрит на меня, как кот в сметане. Он делает гримасы против меня и опять делает гримасы против меня, и я сильно приказывал ему идти к черту, а он совсем не идет к черту отсюда. Он кричит и кричит мне, а я требую узнать, что он желает, но он не объяснял. О нет, это не наступает никогда на свете. Он только и знает

пожимать своей головой. Какая чертова глупость! Думаете, это для меня забава? Думаете, я это обожаю? Я недоволен совсем этим глупым выходком. Я думаю, этот глупый дурак сильно помешанный. Je me fiche de ce type infect. C'est idiot de faire comme за l'oiseau... Allez-vous-en, louffier... [82] Велите этому глупому дураку идти вон прочь. Он совсем полоумный, как мартовский кошка.

Должен сказать, Анатолий прекрасно изложил суть вопроса, и тетя Далия, кажется, вполне разделяла мою точку зрения. Она положила дрожащую руку ему на плечо.

– Велю, непременно велю, месье Анатолий, незамедлительно велю, – сказала тетя Далия, и я не поверил своим ушам – ее трубный голос звучал, как нежное голубиное воркование. Не тетя Далия, а горлица, зовущая своего голубка. – Теперь все будет хорошо.

Увы, тетушка совершила ошибку. Анатолий выполнил экзерсис номер три.

– Хорошо?! Nom d'un nom d'un nom! [83] Какой черт ты говоришь «все хорошо»? Разве польза тянуть резину, пока горячо? Ждете одну половину момента. Совершенно не так быстро, мой славный малый. Ниоим образом ни дать ни взять хорошо все. Однако снова поглядите в окно немного. Видите, это есть ужасные рыбные блюда на моем окошке. Но я не таков, я еду-еду – не пищу, а наеду – освищу. Это чистая правда, я не нахожу приятно, когда в мое окно корчат рыбные блюда против меня. Нельзя это делать. Неприятно, нет. Я серьезный человек. Я не желаю смотреть шутки в моем окне. Лучше горькая редька, чем эти шутки. Совсем мало хорошего. Если этот рыбный витрин продолжается, я не остаюсь в доме больше навек. Быстро убегаю и никогда не поселяюсь.

Да, это была страшная угроза, и я не удивился, что после таких слов тетушка завопила, как доезжачий, на глазах которого застрелили лису. Анатолий снова начал потрясать кулаками, тетя Далия тоже присоединилась к акции протеста. Сеппингс, почтительно пыхтевший в сторонке, кулаками не размахивал, но бросал на Гасси суровые, осуждающие взгляды. Любому здравомыслящему человеку было ясно, что, взобравшись на крышу, Огастус Финк-Ноттл совершил ужасный, непростительный проступок. Должно быть, даже в доме Дж. Дж. Симмонса его реноме не упало столь низко, как в Бринкли-Корте.

– Пошел прочь, сумасшедший! – заорала тетя Далия набатным голосом, от которого особо впечатлительные члены «Куорна», бывало, теряли стремяна и вылетали из седел.

В ответ Гасси обреченно вздернул брови, и тут я понял, что именно несчастный тшится нам сообщить.

– По-моему, – сказал мудрый Бертрам, никогда не упускающий случая вылить бочку масла в бушующие волны, – он хочет сказать, что не может убраться прочь, а если попытается, то свалится с крыши и сломает шею.

– Ну и что из того? – сказала тетя Далия.

Ее, конечно, можно было понять, но, по моим представлениям, существовало и более гуманное решение. Как известно, все окна в доме, кроме слухового, дядя Том распорядился забрать этими дурацкими решетками. Думаю, дядюшка рассудил, что раз грабитель набрался храбрости вскарабкаться на эдакую высоту, то пусть расплачивается.

– Если открыть окно, Гасси сможет сюда спрыгнуть. Тетя Далия схватила идею на лету.

– Сеппингс, как открывается окно?

– С помощью шеста, мадам.

– Принесите шест! Два шеста! Десять шестов!

Вскоре Гасси присоединился к нашей компании.

Пользуясь расхожим газетным выражением, замечу, что несчастный глубоко осознавал

свою вину.

Должен сказать, ни взгляд, ни поза тети Далии отнюдь не способствовали тому, чтобы к бедному придурку вернулось самообладание. От дружелюбия, которое она источала, когда мы с ней за фруктовым салатом обсуждали речь Гасси, не осталось и следа, поэтому я не удивился, что у него язык прилип к гортани. Тетя Далия, с неизменным добродушием воодушевлявшая на подвиг свору гончих, редко дает волю гневу, но когда такое случается, даже отчаянные смельчаки, опережая друг друга, карабкаются на деревья.

– Ну?! – сказала она.

В ответ Гасси только сдавленно пискнул.

– Ну?!!

Лицо у тети Далии потемнело. Охота, если не отказывать себе в этом удовольствии много лет, обычно придает лицу весьма насыщенный цвет, и самые преданные тетушкины друзья не посмели бы отрицать, что даже в благостные минуты ее лицо напоминает переспелую клубничину. Но такой густо-красной я тетю Далию еще никогда не видел. Сейчас она была похожа на помидор, который желает во весь голос заявить о себе.

– Ну?!!!

Гасси старался изо всех сил. На мгновение мне показалось, что он вот-вот заговорит. Но попытка закончилась чем-то вроде предсмертного хрипа.

– Берти, уведи его прочь да положи ему на голову лед, – не выдержав, распорядилась тетя Далия. Теперь ей предстоял непосильный труд – умиловить Анатоля, который торопливо вполголоса продолжал разговаривать сам с собой.

Сообразив, что в данном случае Бинго-бруклинским англо-американским гибридом не обойдешься, он отдал предпочтение родному языку. Словечки вроде *marmiton de Domange*, *pignouf*, *hurluberlu* и *roustisseur* ^[84] вылетали из него, как летучие мыши из амбара. Правда, для меня все это пустой звук. Хоть в Каннах я и попотел над французским, но дальше *est-que vous avez* не пошел. А жаль, потому что звучали эти словечки классно.

Я свел Гасси по лестнице. Не такая горячая голова, как тетя Далия, я уже угадал тайные мотивы и движущие силы, которые загнали несчастного на крышу. Тетушка видела в Гасси распоясавшегося гуляку, отколовшего с пьяных глаз дурацкий номер, а я – затравленного оленя.

– За тобой гнался Таппи? – сочувственно спросил я. Его пробрал *frisson* ^[85], если я не путаю.

– Чуть не сцапал меня на верхней площадке. Я вылез через окно в коридоре и взобрался наверх по какому-то выступу.

– Таппи остался с носом?

– Да. Но я сам попал в ловушку. Крыша, куда ни посмотри, очень крутая. Назад я вернуться не мог. Пришлось карабкаться по этому выступу. А потом оказался у слухового окна. Что это был за тип?

– Анатолий, повар тети Далии.

– Француз?

– До мозга костей.

– Теперь ясно, почему я не мог ничего ему объяснить. Ну и ослы эти французы. Простых вещей не понимают. Если человек видит, что человек заглядывает в слуховое окно, человек должен понять – этого человека надо впустить. Не тут-то было – стоит как пень.

– И размахивает дюжиной кулаков.

– Вот именно. Полный идиот. Кажется, я выпутался.

– Да, выпутался – временно.

– А?

– Думаю, Таппи тебя где-то тут подстерегает.

Гасси подпрыгнул, как барашек по весне.

– Что же делать?

У меня с ходу возник план.

– Прокрадись к себе в комнату и забаррикадируй дверь. Как настоящий мужчина.

– А если он меня подстерегает в моей комнате?

– Тогда забаррикадируйся в другой комнате.

Но никакого Таппи в спальне не обнаружилось, видимо, он кишел где-то в другом месте. Гасси юркнул в комнату, и я услышал, как поворачивается ключ. Сочтя, что мне здесь больше делать нечего, я вернулся в столовую, чтобы все хорошенько обдумать за фруктовым салатом. Едва успел наполнить тарелку, как дверь отворилась, вошла тетя Далия и плюхнулась в кресло. Вид у нее был измученный.

– Берти, налей мне.

– Чего именно?

– Все равно, лишь бы покрепче.

Дайте Бертраму Вустеру подобное поручение – и увидите, на что он способен. Альпийские сенбернары, самоотверженно спасающие путешественников, вряд ли действуют проворнее. После того как я исполнил приказание, несколько минут царил тишина, нарушаемая лишь звучным хлопаньем, – это тетушка восстанавливала изрядно подорванные силы своего организма.

– Плюньте, тетя Далия, – сочувственно сказал я. – Не то можно свихнуться. Конечно, умастить Анатоля – задача не из легких, – продолжал я развивать тему, намазывая на тост анчоусный паштет. – Но теперь, надеюсь, полный порядок?

Тетушка посмотрела на меня долгим тяжелым взглядом, задумчиво хмуря лоб.

– Аттила, – наконец вымолвила она. – Слово найдено. Гуннов царь Аттила.

– Что-что?

– Все старалась вспомнить, кого ты мне напоминаешь. Был такой негодяй, он сеял вокруг разруху и запустение, превращал в руины дотоль счастливые и мирные жилища. Его звали Аттила. Удивительно, – продолжала она, вновь смерив меня взглядом. – Глядя на тебя, можно подумать, что ты просто безобидный кретин, клинический идиот, но при этом совершенно безвредный. А на поверку выходит, ты хуже чумы. Когда я о тебе думаю, на меня будто обрушиваются все мирские скорби и горести, да с такой силой, точно я в фонарный столб врезалась.

Пораженный и уязвленный в самое сердце, я хотел было заговорить, но то, что я считал паштетом из анчоусов, залепило мне рот клейкой и вязкой субстанцией, обволокло язык, и я не смог издать ни звука, будто у меня кляп во рту. Пока я тщетно пытался прочистить голосовые связки, тетя Далия снова заговорила.

– Понимаешь ли ты, что учинил, запустив сюда своего Виски-Боттла? Бог с ним, что напился в стельку и превратил церемонию вручения призов в комический сериал, тут я молчу, потому что от души повеселилась. Но едва я с великим трудом, проявив чудеса дипломатического искусства, уговорила Анатоля отозвать свое уведомление об уходе, твой Виски-Боттл начал строить ему гримасы сквозь слуховое окно. Он привел Анатоля в ярость,

тот теперь и слышать не хочет, чтобы остаться...

Тут я проглотил замазку и наконец подал голос:

– Что?!

– Да, Анатолий завтра уходит, и теперь бедный Том до конца своих дней обречен на несварение. Но это еще не все. Я только что говорила с Анджелой. Она обручилась с твоим Виски-Боттлом.

– Да, но это ненадолго, – нехотя признался я.

– Как бы не так. Всерьез обручилась и нахально объявила мне, что свадьба в октябре. Вот так-то. Явись сюда пророк Иов, мы бы с ним до ночи наперебой пеняли друг другу на свои несчастья. Хотя этому Иову до меня далеко.

– У него были чирьи.

– Какие еще чирьи?

– Ужасно болезненные, насколько я знаю.

– Ерунда. Готова взять все чирьи в мире в обмен на свои заботы. Неужели ты не понимаешь? Я лишилась лучшего повара в Англии. Муж, несчастный страдалец, теперь умрет от несварения. Единственная дочь, счастливое будущее которой всегда было моей заветной мечтой, собирается выйти замуж за одержимого тритомана. А ты мне толкуешь о каких-то чирьях!

Я немного поправил тетю Далию:

– Не о чирьях. Просто я упомянул, что Иов ими страдал. Да, тетушка, согласен с вами, дела у нас сейчас далеко не тип-топ, однако не теряйте бодрости духа. Бертрам тотчас все уладит.

– Собираешься преподнести очередной план?

– Всегда готов.

Она обреченно вздохнула.

– Так я и думала. Только этого не хватало. Кажется, хуже некуда, но ты сумеешь все окончательно погубить. С твоими способностями это раз плюнуть. Давай, Берти. Принимайся за дело. Мне уже безразлично. Отчасти даже любопытно, как тебе удастся свергнуть наш дом в еще более темные и глубокие бездны ада. Вперед, мой мальчик... Что ты там ешь?

– Трудно сказать. Тост с каким-то паштетом. Похоже на клей с запахом говяжьего экстракта.

– Дай, – вяло проронила она.

– Только жуйте осторожно, – предупредил я. – К зубам прилипает теснее, чем брат [\[86\]](#).
Что, Дживс?

Дживс материализовался на ковре. Как всегда, совершенно бесшумно.

– Записка для вас, сэр.

– Для меня, Дживс?

– Для вас, сэр.

– От кого, Дживс?

– От мисс Бассет, сэр.

– От кого, от кого, Дживс?

– От мисс Бассет, сэр.

– От мисс Бассет, Дживс?

– От мисс Бассет, сэр.

Тут тетя Далия, проглотив кусочек тоста то ли с замазкой, то ли с клеем, отложила его в сторону и, по-моему, несколько раздраженно попросила нас, ради всего святого, не разыгрывать водевильных сцен, ибо она и так слишком много выстрадала, чтобы выслушивать, как мы подражаем двум Макам [\[87\]](#). Желая, как всегда, услужить тетушке, я кивком отпустил Дживса, и он, мелькнув, испарился. Любое привидение позавидует.

– Интересно, о чем может писать мне эта барышня? – удивился я, вертя конверт в руках.

– Вскрой, черт подери, и прочти.

– Прекрасная мысль, – сказал я и последовал совету.

– А если тебе интересно, что собираюсь делать я, – продолжала тетя Далия, направляясь к двери, – то знай: пойду в свою комнату, выполню несколько дыхательных упражнений по системе йогов и постараюсь забыться.

– Хорошо, – рассеянно отвечал я, пробегая глазами страницу номер один. Перевернув ее, я не смог сдержать дикого вопля, сорвавшегося с моих губ. Тетя Далия шарахнулась от меня, как испуганный мустанг.

– Перестань орать! – воскликнула она, вся дрожа.

– Но, черт побери...

– До чего же ты несносен, урод несчастный, – вздохнула тетушка. – Помню, много лет назад тебя оставили в колыбели одного и ты чуть не подавился пустышкой, весь посинел. И я, дурища такая, вытащила пустышку и спасла тебе жизнь. Вот что, Берти, случись тебе еще раз подавиться пустышкой, на мою помощь не рассчитывай.

– Но, черт побери! – вскричал я. – Вы даже не представляете, что случилось! Мадлен Бассет пишет, что выходит за меня замуж!

– Поделом тебе, – выходя из комнаты, бросила тетушка. Прямо что-то такое из рассказа Эдгара Аллана По.

Я и сам, наверное, сильно походил сейчас на что-то такое из рассказа Эдгара Аллана По, поскольку полученное последнее известие, как вы сами понимаете, чувствительно меня потрясло. Раз эта чертова Бассет, исходя из ложного предположения, будто сердце Вустера издавна и безраздельно принадлежит ей и готово выйти на замену по первому свистку, надумала выпустить запасного игрока, значит, я, согласно требованиям душевной тонкости и чести, обязан сделать шаг вперед и соответствовать. Другого выбора нет. Тут просто так не отмахнешься. Налицо все признаки того, что пришел мой конец, притом навеки.

И все-таки, хоть я и сознавал, что ситуация сложилась не совсем так, как хотелось бы, я не терял надежды найти путь к спасению. Человек более ничтожный, угодив в подобную передрагу, наверняка сразу же выбросил бы на ринг полотенце и прекратил борьбу; но в том-то и дело, что мы, Вустеры, не из таких.

Начал я с того, что перечитал записку. Не то чтобы я рассчитывал при повторном прочтении найти для нее иное истолкование, но это помогло мне убить время, пока мозг как следует раскочегарится. Затем, чтобы стимулировать мыслительный процесс, я съел еще порцию фруктового салата, а заодно и ломоть торта. И только когда дошел до сыра, колесики заработали. Я понял, что делать. На вставший передо мной вопрос, а именно: под силу ли Бертраму справиться с этой трудностью, я теперь уверенно мог ответить: запросто!

Главная штука в таких делах, как разбой на большой дороге, – это не потерять голову, сохранить хладнокровие и постараться определить заводилу. Когда главари известны, можно правильно оценить обстановку.

В данном случае заводилой была бесспорно Бассет. Она начала первая, изгнав Гасси, и, совершенно очевидно, чтобы все распутать и прояснить, надо первым делом заставить ее пересмотреть свою позицию и вернуть Гасси на прежнюю роль. Тем самым освободится Анджела, Таппи частично спустит пары, и можно будет надеяться, что все постепенно придет в порядок.

Я принял решение, что вот сейчас, только съем еще кусочек сыра, сразу же разыщу эту злосчастную Бассет и пушу в ход все свое красноречие.

И тут как раз входит она. Этого, конечно, следовало ожидать. Ну, то есть понятное дело – сердечная драма и все такое, но если знаешь, что на столе в столовой выставлены разные холодные закуски, рано или поздно ты туда явишься, как ни крутись.

Взор ее с порога устремился на семгу под майонезом, и она рванула бы к столу прямо с места, если бы в эту минуту я от волнения не опрокинул стакан с виски, которым пытался успокоить душевное волнение. Она обернулась на звон, и воцарилось минутное замешательство. Лицо ее несколько порозовело, глаза вылупились.

– О! – произнесла она.

Я давно замечал, что в минуту неловкости главное – заняться делом. Займи чем-нибудь руки, и битва наполовину выиграна. Я схватил тарелку и бросился наперерез.

– Положить вам семги?

– Благодарю.

– И чуточку салата?

– Если вам не трудно.

– И налить что-нибудь выпить? Какого яду?

– Я бы вышила апельсинового соку.

Тут она вдруг задохнулась – не поперхнулась апельсиновым соком, я еще не успел ей поднести, а от избытка чувств под наплывом нежных воспоминаний, которые в ней пробудили эти два слова: «апельсиновый» и «сок». Все равно как если бы упомянуть спагетти в разговоре со старым шарманщиком из Италии. Лицо ее порозовело еще гуще, в чертах выразилась мука, и стало очевидно, что дальше ограничивать разговор такой нейтральной тематикой, как семга под майонезом, не получится. Она, видимо, это тоже поняла, так как, когда я собрался было взять быка за рога и перейти к делу и произнес уже: «Э-э-м-м-м», – она в это же самое время тоже произнесла: «Э-э-м-м-м», – и оба эти невнятных возгласа, прозвучав одновременно, столкнулись в воздухе на полпути.

– Извините.

– Прошу прощения.

– Вы хотели что-то сказать?

– Вы хотели что-то сказать?

– Нет, вы, пожалуйста, договорите.

– Ну, ладно.

Я поправил галстук, я всегда его поправляю, когда разговариваю с барышнями, и, очертя голову, выговорил:

– Гм, по поводу вашей записки от сегодняшнего числа...

Она снова покраснела и с великим напряжением отправила в рот кусок семги.

– Вы получили мою записку?

– Да, я получил вашу записку.

– Я поручила Дживсу вам передать.

– Ну да. Он мне и передал.

Снова последовало молчание. А так как она демонстративно не желала заговорить по существу, мне пришлось взять это на себя. Кому-то же надо было перейти к делу. А то глупо получается: стоят друг против друга двое, он и она, и жуют в два рта, не произнося ни слова.

– Так что я ее получил.

– Понятно. Значит, вы ее получили.

– Угу. Получил. Сейчас только прочел. И как раз собирался спросить, если бы мы случайно повстречались, – как же так?

– Как же так?

– Ну да, я и хотел спросить, как же так?

– Но ведь там все ясно сказано.

– О да. Вполне. Четко выражено, прекрасный слог. Но... я имею в виду... я, конечно, глубоко тронут, сознаю оказанную честь, и все такое. Но... черт меня подери!

Она разделалась с семгой и поставила на стол пустую тарелку.

– Фруктового салату?

– Нет, спасибо.

– Ломтик пирога?

– Нет, благодарю.

– Может, вот этой замазки на тосте?

– Нет, спасибо.

Она взяла сырную палочку. Я нашел холодное яйцо, которого раньше не заметил. А потом собрался с духом и проговорил:

– Я хочу сказать...

Одновременно и она тоже собралась с духом и проговорила:

– Мне кажется, я знаю...

Получилось опять столкновение в воздухе.

– Пардон.

– Прошу прощения.

– Говорите, пожалуйста.

– Нет, это вы говорите.

Я галантно повел недоеденным яйцом в знак того, что уступаю трибуну ей. И тогда она сказала:

– Мне кажется, я знаю, что вы начали говорить. Вы очень удивлены.

– Да.

– Вы думаете о...

– Именно.

– ...о мистере Финк-Ноттле.

– О нем самом.

– И находите мое решение странным.

– Крайне странным.

– Я не удивляюсь.

– А я удивляюсь.

– Между тем все объясняется очень просто. – Она взяла еще одну сырную палочку.

Видно, они ей нравились. – Очень просто, поверьте. Я хочу осчастливить вас.

– Чрезвычайно любезно с вашей стороны.

– Я намерена остаток жизни посвятить вашему счастью.

– Вот это по-дружески!

– По крайней мере это я могу. Но... можно мне говорить с вами совсем откровенно, Берти?

– Валяйте.

– Тогда я должна вам сказать вот что. Я к вам хорошо отношусь. Я пойду за вас замуж. И постараюсь быть вам хорошей женой. Но моя симпатия к вам никогда не сравнится с той пламенной страстью, какую я питала к Огастусу.

– Я как раз эту тему и хотел затронуть. Тут-то и есть вся закавыка. Почему бы вам не выкинуть из головы мысль о том, чтобы выйти за меня? Забудьте об этом. Ведь если вы любите старину Гасси...

– Уже нет.

– Ну что вы.

– Нет, после того что произошло сегодня, моя любовь умерла. Безобразное пятно затмило то, что было так прекрасно, и я уже никогда не смогу любить его, как прежде.

Разумеется, я понял, о чем она. Гасси швырнул свое сердце к ее ногам, и она его подобрала. А после этого выясняется, что все это время он был в стельку пьян. Для нее это, конечно, был жестокий удар. Какой девушке понравится, если жених должен был напиться до одури, чтобы сделать ей предложение? Это уязвляет ее самолюбие.

Тем не менее я не отступился.

– А вы не подумали, – сказал я, – что вы могли неверно истолковать его сегодняшнее поведение? С виду и вправду все улики налицо, ну а вдруг это просто солнечный удар? У

мужчин ведь тоже бывают солнечные удары, особенно когда жарко.

Она посмотрела на меня, и я увидел, что сейчас произойдет новое глазное наводнение.

– Как это похоже на вас, Берти. Я вас за это бесконечно уважаю.

– Ну что вы.

– Да, да. У вас прекрасное, благородное сердце.

– Вовсе нет.

– Я знаю, кого вы мне напоминаете. Сирано.

– Кого-кого?

– Сирано де Бержерака.

– Это у которого нос?

Сказать честно, это мне не очень-то понравилось. Я украдкой пощупал свой паяльник. Немного, может быть, и выдающийся, но, черт побери, до Сирано ему далеко. Я все-таки не Шнозл Дуранте [\[88\]](#).

– Он любил, но хлопотал за другого.

– А-а, тогда понятно.

– Это мне в вас нравится чрезвычайно, Берти. Это прекрасно. Прекрасно и великодушно. Но бесполезно. Есть вещи, которые убивают любовь. Я никогда не забуду Огастуса, но моя любовь к нему умерла. Я буду вашей.

Ну, что тут скажешь? Надо быть вежливым.

– Отлично, – говорю я ей. – Благодарю.

На этом диалог наш опять как-то выдохся, и вот мы стоим и молча жуем каждый свое – она сырную палочку, я крутое яйцо. И чувствуется некоторая неопределенность насчет того, что же дальше.

По счастью, неловкость еще не успела занять доминирующие позиции, как входит Анджела, и на этом кончился наш тет-а-тет. Чертова Бассет объявила ей о нашей помолвке, Анджела ее расцеловала и сказала, что Бассет обязательно будет очень-очень счастлива, а Бассет расцеловала Анджелу и сказала, что и она будет очень-очень счастлива с Гасси, и Анджела сказала, что обязательно будет, ведь Огастус такой душка, Бассет поцеловала ее еще раз, а Анджела – ее, и, словом, дело приняло такой беспросветно женский оборот, что я рад был потихоньку унести ноги.

Я бы все равно был рад удрать, при любых обстоятельствах, ибо если и пришло время Бертраму задуматься, и задуматься хорошенько, то именно теперь.

По-моему, это был конец. Еще ни разу в жизни, даже когда несколькими годами раньше по оплошности обручился с Гонорией, ужасной кузиной Таппи, у меня не было такого ощущения, будто я провалился по пояс в трясину и вот-вот бесследно уйду в нее с головой. Я побрел прочь, вышел в сад, нервно мусоля в зубах дымящуюся сигарету и чувствуя, как клинок все глубже вонзается в сердце. Я шел как во сне и пытался представить себе, каково это будет – постоянно, до конца дней лицезреть перед собой эту самую Бассет, и одновременно прилагал усилия, чтобы не представлять себе этого, если вы меня понимаете, и вдруг наткнулся на что-то, что могло быть деревом, но не было – потому что это был Дживс.

– Прошу прощения, сэр, – произнес он. – Мне следовало вовремя посторониться.

Я не ответил. Я просто стоял и молча смотрел на него, так как его вид изменил направление моих мыслей.

Кого мы видим перед собой? Дживса, думал я. Правда, последнее время, как мне

казалось, хватка у него стала уже не та и он частично утратил былое могущество, но ведь возможно, что я ошибался, разве нет? – спрашивал я себя. Что, если подтолкнуть его на поиски ходов и выходов, а вдруг он нащупает путь, по которому я смогу выбраться на свободу, и всем привет? Я сам же себе ответил, что да, это вполне возможно.

Ведь вон как у него затылок сзади выпирает, ничуть не меньше, чем прежде. И глаза так осмысленно поблескивают.

Конечно, после всего, что произошло между нами из-за белого клубного пиджака с золотыми пуговицами, я не расположен был так уж безоглядно на него полагаться. Но можно ведь просто выслушать его мнение. Вспоминая его былые триумфы – дело Сипперли, эпизод с тетей Агатой и собачкой Макинтошем, и блестяще проведенная операция с дядей Джорджем и племянницей барменши среди прочих первыми встают в памяти, – я решил, что будет, пожалуй, только справедливо, если я дам ему шанс прийти на помощь молодому хозяину в час смертельной опасности.

Но прежде всего надо, чтобы между нами была полная ясность и никаких недомолвок.

– Дживс, – вымолвил я. – Мне надо вам кое-что сказать.

– Сэр?

– Тут у меня возникли некоторые сложности.

– Мне грустно это слышать, сэр. Могу ли я быть полезен?

– Не исключено. Если только вы не утратили хватку. Признайтесь честно, Дживс, вы сейчас в хорошей форме, умственно?

– Вполне, сэр.

– По-прежнему управляетесь рыбой?

– Да, сэр.

– Тогда возможно, что все еще устроится. Но сначала я должен обговорить с вами одну деталь. В прошлом, когда вы выручали из затруднений меня самого или кого-нибудь из нашей компании, вы нередко норовили воспользоваться моим чувством благодарности в своих личных целях. Вспомните, например, фиолетовые носки. Или итонские гамашки. Хитрейшим образом выбрав момент, когда я размяк от облегчения, вы вынудили меня от них отказаться. Так вот, я предупреждаю: если вы и теперь добьетесь успеха, то чтобы никаких разговоров насчет моего белого клубного пиджака.

– Очень хорошо, сэр.

– Вы не явитесь ко мне после всего с просьбой, чтобы я его выбросил вон?

– Ни в коем случае, сэр.

– Ну, тогда, при этом условии, продолжим разговор. Дживс, я обручен.

– Желаю вам большого счастья, сэр.

– Не придуривайтесь. Я обручен с мисс Бассет.

– Вот как, сэр? Мне не было известно, что...

– И мне тоже. Это оказалось для меня полной неожиданностью. Но как бы то ни было, что есть, то есть. Официальное уведомление содержалось в той записке, которую вы мне передали.

– Это странно, сэр.

– Что именно?

– Странно, если содержание записки было таково, как вы говорите. У меня сложилось впечатление, что мисс Бассет, отдавая мне ее, была далеко не в радостном настроении.

– Она так и есть далеко не в радостном настроении. Думаете, она в самом деле хочет

выйти за меня? Да вы что, Дживс?! Она просто притворяется. В Бринкли-Корте вообще от бесконечного притворства уже нет житья ни зверю, ни человеку. Долой притворство, вот мое глубокое убеждение.

– Да, сэр.

– Ну, так что же делать?

– Вы полагаете, сэр, что мисс Бассет, несмотря на последние события, все еще питает сердечную склонность к мистеру Финк-Ноттлу?

– Да она только о нем и думает.

– В таком случае, сэр, по-видимому, самое лучшее – это чтобы они помирились.

– Но как? Как это сделать? Вот видите, Дживс. Вы молчите и только крутите пальцами.

У вас нет ответа.

– Напротив, сэр. Я крутил пальцами просто потому, что это стимулирует мысль.

– Тогда крутите дальше.

– В этом нет необходимости, сэр.

– То есть рыбка уже на крючке?

– Да, сэр.

– Я потрясен, Дживс. Выкладывайте скорее.

– Напомню, что о способе, который я имею в виду, я вам уже говорил, сэр.

– Когда это вы мне говорили о каких-то способах?

– Если вы обратитесь мыслью к вечеру нашего приезда сюда, сэр, то вспомните, что вы тогда поинтересовались, как я собираюсь помирить мисс Анджелу с мистером Глоссопом, и я позволил себе выдвинуть предложение...

– Господи! Вы снова про пожарный колокол?

– Именно так, сэр.

– Вы все еще не отказались от этой мысли?

– Нет, сэр.

Можете себе представить, как меня оглушил перенесенный удар: вместо того, чтобы просто отмахнуться, сказать: «Тьфу!» или что-то в этом роде, я всерьез задумался, а вдруг тут все же что-то есть.

Когда он в первый раз выдвинул свой план пожарной тревоги, я, если помните, сразу же его пресек, решительно и бесповоротно. «Чепуха!» – так я сформулировал свое мнение и с прискорбием усмотрел тут признак деградации некогда великого ума. Но вот теперь мне показалось, что, может быть, не так уж это и бессмысленно. Дело в том, что я уже дошел до такой крайности, когда человек готов испробовать любую идею, даже самую бредовую.

– Ну-ка, еще раз напомните мне, Дживс, что именно вы тогда предложили, – призадумавшись, попросил я. – Помнится, я тогда счел, что это вздор, но, возможно, какой-то нюанс от меня ускользнул.

– Вы тогда раскритиковали мой план, сэр, как слишком замысловатый, но я полагаю, что на самом деле это не так. Как я себе представляю, сэр, обитатели дома, услышав колокол, решат, что где-то горит.

Я кивнул. Это показалось мне убедительным.

– Да, пожалуй.

– И тогда мистер Глоссоп бросится спасать мисс Анджелу, а мистер Финк-Ноттл с тем же намерением поспешит к мисс Бассет.

– Это все основано на психологии, Дживс?

– Да, сэр. Быть может, вы припомните, что, согласно аксиоме Шерлока Холмса, вымышленного героя книг покойного сэра Артура Конан Дойла, при пожарной тревоге каждый человек инстинктивно бросается спасать то, что ему всего дороже.

– А не может получиться, что Таппи вынесет из горящего дома большой кус пирога с телятиной и почками? Однако продолжайте, Дживс. Вы думаете, что таким образом все разрешится?

– После такого происшествия взаимоотношения внутри двух пар едва ли могут остаться холодными, сэр.

– Возможно, вы и правы. Но черт подери, если мы поднимем трезвон среди ночи, мы ведь можем до родимчиков перепугать домашний персонал. Тут есть одна горничная – кажется, ее зовут Джейн, – она и так уже подпрыгивает до потолка, когда столкнешься с ней в коридоре.

– Нервная девушка, сэр, ваша правда. Я тоже заметил. Но если приступить к делу не откладывая, такой неприятности удастся избежать. Сегодня весь штат, исключая месье Анатоля, будет до полуночи на балу в Кингем-Мэноре.

– Ну конечно! Видите, до чего меня довели все эти переживания. Хорошо, еще своего имени не забыл. Ну ладно, давайте представим себе, как это все будет. Звонит колокол: бу-мм, бу-мм! Гасси бежит и хватает в охапку Бассет... Одну минуточку. Почему бы ей просто не сойти вниз по лестнице?

– Вы упускаете из виду воздействие внезапной тревоги на женский темперамент, сэр.

– Да, верно.

– Первым порывом мисс Бассет, вероятно, будет выброситься в окно.

– Нет, это уж никуда не годится. Нельзя допустить, чтобы она разбилась в лепешку на газоне. Недостаток вашего плана, Дживс, состоит в том, что так мы весь парк усеем искалеченными трупами.

– Нет, сэр. Вы забываете, что мистер Траверс из страха перед грабителями все окна забрал толстой решеткой.

– Ах да, верно. Что ж, тогда у меня вопросов больше нет, – сказал я не совсем уверенным голосом. – Может быть даже, все и получится. Но у меня такое предчувствие, что где-нибудь что-нибудь да сорвется. Впрочем, в моем положении не приходится пренебрегать хотя бы одним шансом из ста. Я принимаю ваш план, Дживс, пусть, как я уже сказал, и не без некоторых сомнений. В котором часу будем звонить?

– После полуночи, сэр.

– То есть в начале первого ночи, вы хотите сказать?

– Да, сэр.

– Заметано. Ровно в двенадцать тридцать я ударю в колокол.

– Прекрасно, сэр.

Не знаю, в чем тут дело, но в загородных домах после наступления темноты мне становится как-то не по себе. В Лондоне я могу, не дрогнув, провести вне дома хоть всю ночь напролет и явиться под утро вслед за молоком; но в сельской местности оставьте меня одного в саду, когда основной состав гостей уже расселся по насестам и все двери на запоре, и у меня расползаются мурашки по коже. Ночной ветер раскачивает верхушки деревьев, сучья потрескивают, в кустах шуршит, оглянуться не успел, как уже всякое присутствие духа у тебя испарилось, того и жди, сзади подкрадется, рыдая, фамильное привидение.

Чертовски неприятное чувство. А от сознания, что тебе вскоре предстоит ударить в самый голосистый пожарный колокол, какой есть в Англии, и поднять в этом тихом, затененном доме панику и военную тревогу, легче на душе не становится, можете мне поверить.

Что собой представляет пожарный колокол в Бринкли-Корте, я знал. Трезвон он поднимает такой, что не дай бог. Дядя Том мало того что недолюбливает грабителей, но еще решительно не согласен испечься заживо в своей постели, поэтому, купив дом, он позаботился, чтобы у здешнего пожарного колокола был голос, от какого человека может хватить инфаркт, уж, во всяком случае, не подумаешь, что это чирикает сонная пташка в плюще.

Когда я в детстве приезжал погостить в Бринкли, нам нередко устраивали после отбоя учебную пожарную тревогу, и я, бывало, вскакивал очумелый от сна словно при звуке трубы архангела.

Признаюсь, при воспоминании о том, но что способен этот колокол, если возьмется за дело всерьез, я замедлил шаги у будки, в которой он помещался. При взгляде на веревку на фоне белой стены я представил себе, какой зверский рев сейчас разорвет мирную тишину ночи, и меня с новой силой охватило вышеописанное неприятное чувство.

Более того, поразмыслив на досуге, я вовсе разуверился в удачном осуществлении Дживсова замысла. Он-то был убежден, что перед лицом страшной опасности у Гасси и Таппи будет только одно на уме: спасти Бассет и Анджелу. Я не мог разделить его оптимизма, как ни старался.

Я ведь знаю, как поступают мужчины, когда им в лицо смотрит страшная опасность. Помню, мне рассказывал Фредди Уиджен, один из самых галантных наших «трутней», как в одном приморском отеле, где он отдыхал, случился пожар, так он не то что не бегал по этажам, спасая женщин, а за десять секунд съехал по пожарной лестнице на землю, и на уме у него было только одно: личное благополучие Ф. Уиджена.

А что до заботы о представительницах нежного пола, то, по его словам, он был согласен стоять под окнами и ловить их в растянутое одеяло, но не более того.

Почему же в таком случае от Огастуса Финк-Ноттла и Гильдебранда Глоссоба следует ждать иного?

Так я размышлял, теребя конец веревки, и, наверное, отменил бы всю эту затею, если бы мне вдруг не пришло в голову, что ведь чертова Бассет никогда еще не слышала нашего колокола, может быть, он как взревет, так она струсит и сразу на попятный? И до того мне это показалось соблазнительно, что я не стерпел, ухватился, не откладывая, за веревку, поустойчивее расставил ноги и рванул изо всех сил.

Я, естественно, не ждал, что после удара колокола воцарятся тишина и спокойствие. И ни спокойствие, ни тишина не воцарились. Последний раз, когда этот колокол звонил на моей памяти, я спал в дальнем флигеле; но даже и там я вылетел из постели словно пушечное ядро. Теперь же, стоя с ним нос к носу, я получил полный заряд, и могу вас уверить, что в жизни не слышал ничего оглушительнее.

Вообще-то я люблю громкие звуки. Как-то раз Ките-кэт Поттер-Перебрайт принес в клуб полицейский свисток и заверещал в него прямо у меня над ухом – а я лежу себе в кресле с блаженной улыбкой, откинулся на спинку, глаза прикрыл, как в оперной ложе. И то же самое когда сынок моей тети Агаты, юный Тос, поджег в гостиной связку цветных ракет, посмотреть, что получится.

Но пожарный колокол в Бринкли-Корте – это уж слишком, даже для меня. Я дернул веревку всего несколько раз и, решив, что все хорошо в меру, пошел к парадному крыльцу лично наблюдать зримые плоды своих дел.

Бринкли-Корт меня не подвел. Я с одного взгляда удостоверился, что народу собралось полно. Смотрю, там виднеется дядя Том в лиловом шлафроке, сям – тетя Далия все в том же желто-голубом. А вон Анатолий, Таппи, Гасси, Анджела, Бассет и Дживс в порядке перечисления. Все на месте как миленькие.

Однако – и это сразу же внушило беспокойство – никаких признаков начала спасательных работ не наблюдалось.

Я-то надеялся увидеть, как в одном углу Таппи заботливо склонился над Анджелой, а в противоположном Гасси обмахивает полотенцем свою Бассет. Вместо этого смотрю: Бассет вместе с тетей Далией и дядей Томом толпятся вокруг Анатолия и стараются указать ему на светлую изнанку, а что до Анджелы и Гасси, то они сидят одна с надменным видом на ограде солнечных часов, другой на траве, потирая ушибленное колено. Таппи же прохаживается взад-вперед по дорожке один-одинешенек.

Тревожная картина, согласитесь. Я довольно властным жестом подозвал Дживса.

– Ну, Дживс?

– Сэр?

Я строго смерил его взглядом с головы до ног. Вот тебе и «сэр».

– Бесплезно говорить: «Сэр?», Дживс. Посмотрите вокруг. Видите? Ваш план провалился.

– Действительно, может показаться, что все сложилось не совсем так, как мы предполагали, сэр.

– Мы?

– Как я предполагал, сэр.

– То-то. Говорил я вам, что ничего из этого не получится?

– Помнится, вы действительно выразили некоторое сомнение, сэр.

– Сомнение тут ни при чем, Дживс. Я с самого начала ни на грош не верил в этот ваш план. Когда вы только выдвинули его, я вам сразу же сказал: «Чепуха» – и оказался прав. Я вас не упрекаю, Дживс, не ваша вина, что вы надорвали мозги. Но в дальнейшем – простите, если это прозвучит для вас обидно, – в дальнейшем я буду знать, что на вас можно полагаться только в самых примитивных вопросах. Будем откровенны, так лучше всего, вы согласны? Искренность и прямота – вот истинное милосердие, не правда ли?

– Совершенная правда, сэр.

– Нож хирурга и все такое прочее.

– Вот именно, сэр.

– Я считаю...

– Простите, сэр, что перебиваю, но, по-моему, миссис Траверс делает вам знаки.

В этот же самый миг в подтверждение его слов раздалось звонкое: «Э-гей! Аттила!», которое могло исторгнуться только из глотки упомянутой родственницы.

– Подойди-ка сюда на минутку, чудовище! – прогудел такой знакомый и – при некоторых условиях – такой горячо любимый голос.

Я подошел. На душе у меня не сказать чтобы было совсем уж спокойно. Я только сейчас спохватился, что не придумал никакого убедительного оправдания своему странному поступку: ни с того ни с сего среди ночи поднять такой трезвон. А тетя Далия на моей памяти, бывало, не стеснялась в выражениях по менее значительным поводам.

Однако на этот раз она не выказала склонности к насилию. Ледяное спокойствие – вот что выразилось на ее лице. Сразу понятно, что перед вами женщина, которая много выстрадала на своем веку.

– Ну, дорогой Берти, – промолвила она. – Как видишь, мы все собрались.

– Вижу, – осторожно кивнул я.

– Отсутствующих нет?

– Кажется, нет.

– Замечательно. Чем киснуть в постели, куда как здоровее дышать свежим ночным воздухом. Я только-только задремала, и тут ты ударил в колокол. Ведь это ты звонил, милое дитя, верно?

– Да, это я звонил.

– С какой-то целью или просто так?

– Я подумал, что пожар.

– Почему же ты так подумал, дорогой?

– Мне показалось, что я вижу огонь.

– Где огонь, миленький? Покажи тете Далии.

– В одном окне, вон там.

– Понятно. Значит, нас всех подняли с постели и напугали до полусмерти просто потому, что у тебя галлюцинации.

На этом месте дядя Том издал восклицание, как будто из горлышка бутылки выдернули пробку, а Анатолий, чьи усы достигли рекордно низкого положения, пробормотал что-то такое насчет макак и еще прибавил одно слово, вроде «рогомье» ^[89], уж не знаю, в каком смысле.

– Признаю свою ошибку. Извините.

– Не извиняйся, крошка. Ты что, не видишь, как мы все рады-радехоньки? А что, собственно, ты тут делал?

– Да так, прогуливался.

– Ясно. И собираешься продолжить прогулку?

– Нет, теперь я, пожалуй, пойду спать.

– Чудесно. Потому что я тоже хочу спать, но не смогла бы глаз сомкнуть, зная, что ты бродишь под окнами и можешь в любую минуту снова дать волю своей буйной фантазии. Что, если тебе теперь примерещится розовый слон в гостиной на подоконнике и ты примешься швырять в него камнями?... Ну ладно, пошли, Том. Спектакль окончен... Хотя погодите, король тритонов хочет нам что-то сказать... Да, мистер Финк-Ноттл?

Подошел Гасси. Вид у него был встревоженный.

– Послушайте.

– Мы вас слушаем, Огастус.

– Послушайте, что вы намерены делать?

– Лично я намерена снова лечь в постель.

– Но дверь закрыта.

– Которая дверь?

– Парадная. Кто-то ее захлопнул.

– Я ее открою.

– Не открывается.

– Войду через другую дверь.

– Закрыты все двери.

– Как? Кто их закрыл?

– Не знаю.

– Наверное, ветер, – выдвинул предположение я. Тетя Далия посмотрела мне в глаза.

– Не испытывай так безжалостно мое терпение, – умоляюще попросила она. – Хотя бы сейчас.

Действительно, я вдруг заметил, что вокруг царит странная тишина.

Дядя Том сказал, что надо пролезть в окно. Тетя Далия со вздохом спросила:

– Каким образом? Теперь это не под силу ни Ллойд Джорджу, ни Уинстону, ни Болдуину, ведь ты забрал все окна железными решетками.

– М-да. Верно. Вот проклятье. В таком случае надо позвонить.

– В пожарный колокол?

– В дверной замок.

– А проку-то что, Томас? В доме никого нет. Все слуги на балу в Кингеме.

– Но, черт возьми, не можем же мы торчать тут всю ночь!

– Почему же? Очень даже можем. Мы ничего, совершенно ничего не способны предпринять для проникновения в дом, пока у нас тут орудует этот Атила. Ключ от задней двери Сеппингс, по всей видимости, взял с собой. Так что нам остается коротать время здесь, пока он не возвратится.

Тут поступило предложение от Таппи:

– А что, если вывести один из автомобилей, съездить в Кингем и взять у Сеппингса ключ?

Эти слова были встречены благосклонно, спорить не приходится. Озабоченное лицо тети Далии впервые осветила улыбка. Дядя Том одобрительно крякнул. Анатолий произнес нечто в положительном смысле на провансальском диалекте, и даже мордочка Анджели как будто бы слегка оттаяла.

– Хорошая мысль! – сказала тетя Далия. – Просто превосходная. Скорее бегите в гараж.

Таппи удалился, и во время его отсутствия на тему об его находчивости и уме были сказаны очень лестные слова, причем проводились возмутительно несправедливые сравнения между ним и Бертрамом. Мне, конечно, было больно это слышать. Но страдания мои оказались недолгими: не прошло и пяти минут, как он, крайне огорченный, уже снова был среди нас.

– Ничего не вышло, – понуро признался он.

– Почему же?

- Гараж заперт.
- Отоприте.
- Ключа нет.
- Тогда покричите и разбудите Уотербери.
- Кто такой Уотербери?
- Шофер, бестолковый. Он живет над гаражом.
- Шофер уехал в Кингем на бал.

Это был последний удар. До сих пор тете Далии удавалось сохранять ледяное спокойствие. Но теперь словно плотину прорвало, годы с нее слетели, и она снова стала прежней Далией Вустер, которая гикала и улюлюкала, вставая на стременах, и, переходя на личности, на чем свет стоит честила господ в красном, которые гнали собак.

– Черт бы драл всех танцующих шоферов! Нечего им делать на балах! Этот Уотербери с самого начала мне не понравился. Чувяла я, что он любитель танцев. Ну, все. Это конец. Теперь нам придется пробыть под открытым небом до самого завтрака. И я очень удивлюсь, если они явятся раньше восьми. Сеппингса от танцев не оторвешь, разве только если с лестницы его спустить. Я его знаю. Ему джаз в голову ударит, и он будет кричать «бис» и бить в ладоши, пока не набьет мозолей. Пропади пропадом все дворецкие, которые танцуют! Что он себе думает? Бринкли-Корт – приличный английский загородный дом или красная балетная школа? Не жизнь, а сплошной русский балет. Ну ладно, ничего не поделаешь. Мы все, конечно, закоченеем, кроме, – она устремила на меня не совсем дружественный взгляд, – кроме нашего дражайшего Атилы, который, как я вижу, одет тепло и тщательно. Надеяться не на что, мы погибнем, как детки в лесу из баллады ^[90], только выразим предсмертное желание, чтобы наш добрый друг Атила засыпал наши тела сухими листьями. И еще он, конечно, ударит из уважения к нам в свой любимый пожарный колокол... А вам что угодно, любезнейший?

Она оборвала свою речь и обернулась к Дживсу, который появился под самый конец и стоял на почтительном отдалении, делая попытки обратить на себя внимание.

– Не позволите ли мне высказать предложение, мэм?

Не могу сказать, чтобы за долгие годы нашего сотрудничества с Дживсом я всегда и во всем его одобрял. В его характере есть черты, из-за которых между нами порой возникает охлаждение. Он вообще из тех, кому, как говорится, только дай обшлаг, и они стянут весь рукав. Иногда он работает грубо, как-то он даже сказал, что мой ум – «пренебрежимо малая величина». И неоднократно, как я уже рассказывал, мне с сокрушением приходилось подавлять в нем склонность к зазнайству и к обхождению с молодым господином как с лицом подневольным или крепостным.

А это все серьезные недостатки.

Но в одном я всегда отдавал ему должное. В нем есть какой-то магнетизм, он умеет заморозить и успокоить. Насколько я знаю, ему не доводилось сталкиваться нос к носу с разъяренным носорогом, но, если бы такое и случилось, я уверен, что четвероногое, встретившись с ним взглядом, с разгону остановилось бы как вкопанное и повалилось на спину, мурлыча и дрыгая в воздухе ногами.

Во всяком случае, Дживс моментально усмирил тетю Далию, а она больше всех походила на разъяренного носорога. Он просто стоял в почтительной позе и выжидал, и хотя точной цифры я привести не могу, у меня не было при себе хронометра, но приблизительно через три с четвертью секунды в ней уже произошла заметная перемена к лучшему. Она

размягчилась прямо на глазах.

– Дживс! Вы что-то придумали?

– Да, мэм.

– Ваш великий ум включился и выдал результат, как всегда в трудную минуту?

– Да, мэм.

– Дживс, – проговорила тетя Далия дрожащим голосом, – я сожалею, что говорила с вами так резко. Я была сама не своя. Могла бы догадаться, что просто так, поболтать, вы бы не пришли. Сообщите же нам, что вы придумали, Дживс. Присоединитесь к нашей группе мыслителей и откройте нам, что у вас на уме. Не стесняйтесь, мы ждем ваших добрых вестей. Вы вправду знаете, как вызволить нас из этой передряги?

– Да, мэм. Если кто-нибудь из джентльменов согласится проехаться на велосипеде.

– На велосипеде?

– В сарае за огородом стоит велосипед, мэм. Может быть, один из джентльменов будет не против съездить на нем в Кингем-Мэнор и взять у Сеппингса ключ от задней двери?

– Великолепно, Дживс!

– Благодарю вас, мэм.

– Замечательно!

– Благодарю.

– Аттила! – обернувшись, тихо и властно позвала тетя Далия.

Этого я и опасался. С той самой минуты, как Дживс произнес эти необдуманные слова, у меня возникло предчувствие, что козлом отпущения постараются по возможности выбрать меня. И я приготовился воспротивиться и дать отпор.

Но пока я собирался с силами, мобилизуя все свое красноречие, чтобы отговориться, ссылаясь на то, что я и на велосипеде-то ездить не умею и никак не успею выучиться за короткий срок, имеющийся в моем распоряжении, – провалиться мне на месте, если этот злодей не зарезал меня прямо на корню.

– Да, мэм, мистер Вустер прекрасно справится. Он превосходный велосипедист. Он неоднократно рассказывал мне о своих триумфах за рулем.

Ничего подобного! Ни о каких победах я не рассказывал. Как можно так чудовищно исказить чужие слова! Я всего только один раз, когда мы с ним в Нью-Йорке смотрели шестидневные велогонки, между делом упомянул в разговоре как интересную подробность, что, когда мне было четырнадцать лет, я, живя летом в доме у священника, который должен был подтянуть меня по латыни, вышел победителем в гонке с препятствиями среди альтовых голосов местного церковного хора.

Ну, разве это значит неоднократно рассказывать о своих триумфах? Он же человек бывалый и не мог не понимать, как невысок уровень состязания среди учеников воскресных школ. И помнится, я ему еще специально рассказал, что у меня была фора в полкруга и что Уилли Пантинг, фаворит, которому все прочили первенство, был снят с дистанции, так как взял без спроса велосипед старшего брата, и старший брат явился как раз, когда дали старт, вклеил ему затрещину и увел велосипед, из-за чего он не смог стартовать и был вычеркнут из списка участников. Послушать Дживса, так я прямо чемпион, вся грудь в медалях с головы до ног, как на фотографии, что печатают в газете, когда кто-то проехал от уличного перехода у Гайд-Парка до города Глазго на три секунды раньше расписания.

И мало этого, еще Таппи подлил масла в огонь.

– Совершенно верно, – сказал он. – Берти всегда отлично ездил на велосипеде. Помню, в

Оксфорде после ужина в честь победителей в лодочных гонках он катался безо всего с песнями вокруг двора, быстро-быстро.

– Значит, сможет быстро-быстро съездить в Кингем, – удовлетворенно кивнула тетя Далия. – Чем быстрее, тем лучше. Можно даже и с песнями, если ему так больше нравится... И пожалуйста, раздевайся хоть догола, Берти, мой козленочек, сделай одолжение. Но, одетый или безо всего, с песнями или без, отправляйся немедленно.

Тут я обрел дар речи:

– Но я не ездил на велосипеде много лет.

– Тем более пора обновить прежние навыки.

– Я уже, наверное, забыл, как на нем ездят.

– Свалишься разок-другой и все припомнишь. Метод проб и ошибок самый надежный.

– Но до Кингема так далеко.

– Поэтому скорее в путь.

– Но...

– Берти, милый.

– Но черт подери...

– Берти, голубок.

– Да, но черт возьми...

– Берти, мое сокровище.

На том и порешили. И я двинулся в ночь по направлению к сараю, сопровождаемый Дживсом, а тетя Далия крикнула мне вдогонку, чтобы я вообразил себя гонцом, который вез добрую весть из Гента в Экс ^[91]. Не знаю, никогда о таком не слышал...

– Да, Дживс, – проговорил я с горечью и обидой, когда мы подошли к сараю, – вот чем обернулась ваша блестящая идея! Таппи, Анджела, Гасси и эта проклятая Бассет друг с другом не разговаривают, а я должен ехать восемь миль...

– Девять, сэр.

– ...девять миль туда, а потом еще девять обратно.

– Мне очень жаль, сэр.

– Что проку теперь жалеть. Где это орудие пытки на колесах?

– Сейчас я его выведу, сэр.

И вывел. Я с тоской душевной его оглядел.

– А где фонарь?

– Боюсь, что фонаря нет, сэр.

– Нет фонаря?

– Нет, сэр.

– Но без фонаря я могу так грохнуться... налечу на что-нибудь...

Я не договорил и устремил на него леденящий взор.

– Вы улыбаетесь, Дживс? Вам это кажется забавным?

– Прошу прощения, сэр. Я вспомнил историю, которую мне рассказывал мой дядя Сирил, когда я был маленький. Глупая историйка, сэр, но, признаюсь, меня она очень смешила. Двое мужчин, Николе и Джексон, рассказывал дядя Сирил, ехали в Брайтон на двухместном велосипеде и столкнулись на дороге с фургоном пивовара, такая незадача. Когда приехали их спасать, оказалось, что удар был такой силы, что не разберешь, где кто, что осталось от Николса, а что от Джексона. Поэтому собрали, что смогли, и написали на могиле: «Никсон». Помню, я ребенком ужасно смеялся, сэр.

Я не сразу смог взять себя в руки.

– Смеялись, значит? – переспрашиваю.

– Да, сэр.

– Вам это было смешно?

– Да, сэр.

– И вашему дяде Сирилу тоже было смешно?

– Да, сэр.

– Ну и семейка! Когда в следующий раз встретите вашего дядю Сирила, Дживс, передайте ему от меня, что у него нездоровое и отталкивающее чувство юмора.

– Его уже нет на свете, сэр.

– И то хоть слава богу... Ну ладно, давайте сюда эту проклятущую машину.

– Слушаю, сэр.

– Камеры накачаны?

– Да, сэр.

– Гайки затянуты, тормоза держат, переключение скоростей действует?

– Да, сэр.

– Ну, привет, Дживс.

Утверждение Таппи, будто в наши с ним университетские годы я якобы безо всего катался на велосипеде по окружности нашего внутреннего дворика, все-таки содержало некоторую долю правды. Однако хотя факты он привел верные, но ведь не в одних фактах дело. Он не упомянул, что во всех таких случаях я неизменно бывал в сильнейшем подпитии, а человек в подпитии способен на подвиги, против которых в трезвые мгновения его разум бы восстал.

Известно, что под воздействием горячительного можно даже на крокодиле верхом проехать.

Но сейчас, давя на педали, я выехал на простор ночи, трезвый как стеклышко, и былые велонавыки меня полностью покинули. Кое-как вихляясь, я катил по дороге, а в памяти теснились все когда-либо слышанные рассказы о велосипедных катастрофах со смертельным исходом, и возглавлял это траурное шествие веселый анекдотец дяди Дживса Сирила про Николса и Джексона.

Еду я с горем пополам сквозь ночную тьму, а сам думаю: ну как устроены мозги у таких людей, как этот дядя Сирил? Что смешного он усмотрел в дорожном происшествии, приведшем к полной гибели человека, вернее – половины одного человека и половины другого? Непонятно. По-моему, так это одна из самых душераздирающих трагедий, о каких мне доводилось слышать.

В таком духе я, наверное, размышлял бы еще долго, если бы ход моих мыслей не прервала внезапно возникшая необходимость сделать резкий поворот рулем, чтобы избежать столкновения с идущей мне навстречу свиньей.

Я уже подумал, что сейчас повторится вся история с Николсом и Джексонсом, но, по счастью, мой ловкий финт влево удачно совпал с энергичным свинским финтом вправо, благодаря чему я прорвался и благополучно покатил дальше, только сердце трепыхалось, как плененная пташка.

В результате этого чудесного спасения в последний миг нервы мои совсем расшатались. Оказывается, по ночам тут свиньи бродят на свободе! Только теперь я осознал, как опасна эта поездка. Сколько еще всяких других бед угрожает велосипедисту под открытым небом и

без фонаря после наступления темноты? Один знакомый мне когда-то рассказывал, что в некоторых сельских районах козы имеют обыкновение переходить через дорогу, до отказа натягивая веревку, на которой они привязаны, и на проезжей части получается такая ловушка, что не дай бог. У его приятеля козья веревка намоталась на педаль, так он семь миль проехал на буксире, вроде гонок с прицепом, и с тех пор стал сам не свой, человека узнать нельзя. А еще я слышал, один тип налетел на слона – бродячие циркачи его на дороге забыли.

Словом, как ни посмотри, нет такого вопиющего несчастья, кроме разве акульего укуса, которое не может произойти с человеком, если, уступив настояниям родных и близких, он, вопреки голосу здравого смысла, согласится выехать в неведомые ночные просторы на простом педальном велосипеде, и мне не стыдно признаться, что, осознав все вышеизложенное, я изрядно Впрочем, что касается коз и слонов, то с ними, вопреки ожиданиям, все обошлось. Ни те ни другие, как ни странно, мне не встретились. Но и только. В прочих же отношениях все складывалось хуже некуда. Мало того, что все время надо смотреть в оба, чтобы не налететь на слона, так где-то еще собаки лают. А какое нервное потрясение я пережил, когда, спешившись, подошел для проверки к дорожному указателю, смотрю, а на нем сидит сова, ну вылитая моя тетья Агата. Я так ужасно разволновался, что сначала даже подумал было, что это и вправду моя тетья. Но потом, поразмыслив здраво и рассудив, насколько не в ее характере лазить на дорожные указатели, я сумел взять себя в руки и унять дрожь в коленках.

Короче говоря, испытав все эти душевные муки да еще чисто физическую боль в икрах и лодыжках и тем более – в выпуклых частях, Бертрам Вустер, который наконец приземлился на пороге Кингем-Мэнора, был уже совсем не тот Берти Вустер, беззаботный весельчак-фланер, широко известный в прежние времена на Пиккадилли и Бонд-стрит.

Даже непосвященные во внутренние обстоятельства сразу поняли бы, что в эту ночь Кингем-Мэнор разгулялся вовсю. Окна ослепительно сияли, гремела музыка, и вблизи слух улавливал шарканье подошв: дворецкие, лакеи, шоферы, горничные и разная подсобная обслуга, а также, несомненно, повара самоуглубленно плясали и притоптывали. В общем и целом «гогот и гул – ночной разгул», как говорится у поэта [\[92\]](#).

Оргия происходила в одном из двух залов на нижнем этаже, там вдоль стены шли стеклянные двери, открывавшиеся прямо на аллею, и я устремился туда. Внутри играл оркестр, вовсю наяривая что-то танцевальное, при более благоприятных обстоятельствах мои ноги уже бы, конечно, задержались в такт. Но сейчас у меня была забота посерьезнее, чем в одиночестве бить копытом по гравию. Мне нужен был ключ от задней двери, притом безотлагательно.

Разглядывая с порога толпу танцующих, я не сразу заметил в ней Сеппингса. Но постепенно, выделявая умопомрачительные курбеты, он проник в мое поле зрения. Я было окликнул его раз-другой-третий, но он был слишком поглощен своим делом, и, только когда общая волна танца вынесла его на расстояние моей вытянутой руки, я сумел ткнуть его под ребро и тем привлечь его внимание.

От неожиданности он споткнулся об ноги своей дамы, грозно обернулся, однако же, сразу признав Бертрама, сменил враждебность на изумление.

– Ах! Мистер Вустер?!

Но я был не в настроении обмениваться любезностями.

– Поменьше ахов и побольше ключей, Сеппингс, – решительно произнес я. – Давайте

сюда ключ от задней двери.

Он как будто бы недопонял.

– Ключ от задней двери, сэр?

– Вот именно. От задней двери Бринкли-Корта.

– Но он там.

Я от досады прищелкнул языком.

– Насмешки тут неуместны, милейший. Не для того я проехал девять миль на велосипеде, чтобы слушать тут ваши малоудачные шутки. Он у вас в брючном кармане.

– Нет, сэр. Я оставил его у мистера Дживса.

– У кого, у кого?

– У мистера Дживса, сэр. Перед тем как ехать сюда.

Мистер Дживс сказал, что хочет перед сном прогуляться в саду. А потом положит ключ на кухонный подоконник. Я смотрел на Сеппингса и ничего не понимал. Взгляд у него был ясный, руки не дрожали. Ничего похожего на дворецкого, который хватил лишку.

– То есть все это время ключ находился у Дживса?

– Да, сэр.

Я был не в силах больше произнести ни слова. От избытка эмоций у меня пропал голос. Я растерялся и перестал соображать; одно лишь представлялось совершенно очевидным: по какой-то причине, покамест мне неизвестной, но надо будет разобраться, как только я проеду на этой проклятушей машине девять миль обратно по темной безлюдной дороге и изловлю Дживса, – по какой-то причине Дживс сделал мне пакость. Прекрасно сознавая, что легко может в любой момент спасти положение, он заставил тетю Далию и всех остальных куковать в *дезабилье* на лужайке перед домом и, мало того, хладнокровно наблюдал, как его молодой хозяин безо всякой нужды отправился в восемнадцатимильную велосипедную поездку.

Я не верил сам себе. Другое дело его дядя Сирил, от него, с его извращенным чувством юмора, можно было бы ожидать такого поступка. Но от Дживса!...

Я вскочил в седло, сдержав вскрик боли от соприкосновения жесткой кожи с потертостью на теле, и пустился в обратный путь.

Дживс когда-то говорил мне, не помню, по какому поводу, может быть, просто без всякой связи, есть у него такая привычка, мол, хочешь – верь, хочешь – нет, так вот, он говорил, что в аду нет фурии страшней, чем женщина, которую презрели ^[93]. И я все думал, что в этом что-то есть. Самому мне, правда, не доводилось презреть женщину, но Понго Туистлтон один раз презрел родную тетку – наотрез отказался встретиться на Паддингтонском вокзале ее сына Джеральда, накормить его обедом, посадить в поезд и отправить в школу; так потом разговорам и упрекам конца не было. Письма приходили такие, он рассказывал, что своим глазам не поверишь. Да еще две телеграммы укоризненного содержания и одна открытка с фотографией памятника павшим героям в деревне Литтл-Чилбери и с язвительной надписью.

Так что до сегодняшнего вечера я эту истину не подвергал сомнению. Женщины, которых презрели, бьют абсолютный рекорд, а все прочие – бог с ними, так я считал.

Но нынче вечером я вынужден был пересмотреть свои взгляды. Если хотите знать, что может вам предложить ад по части свирепых фурий, вам надо взглянуть на беднягу, которого обманом заставили темной ночью, без фонаря, отправиться в длинную и никому не нужную велосипедную поездку.

Я специально подчеркиваю слова: «никому не нужную». Именно это обстоятельство особенно больно язвило душу. Конечно, если бы потребовалось съездить за доктором для спасения ребенка, задыхающегося от крупа, или возникла бы нужда прокатиться до ближайшего кабака ради пополнения опустевшего погреба, тогда другое дело, я первый бы схватился за руль велосипеда, как юный Лохинвар ^[94]. Но когда тебя подвергли такому испытанию, просто чтобы удовлетворить нездоровое чувство юмора твоего собственного личного слуги, это уж, знаете ли, слишком, я ехал взбешенный с самого старта и до финиша.

Так что, хотя Провидение, всегда хранящее в пути хорошего человека, и позаботилось о том, чтобы я доехал живой и невредимый (кроме выпуклых частей), убрало с дороги всех коз, слонов и даже сов, похожих на тетю Агату, тем не менее Бертрам, бросивший наконец якорь у крыльца Бринкли-Корта, был сердит и расстроен. И при виде темной фигуры, шагнувшей со ступеней мне навстречу, я уже был готов раскупорить душу и дать излиться всей горечи, которая в ней бурлила.

– Дживс, – строго проговорил я.

– Это я, Берти.

Голос, произнесший это, был как подогретая патока, и даже если бы я не узнал сразу эту чертову Бассет, все равно было ясно, что он не принадлежит мужчине, которого я так жаждал увидеть. Ибо фигура была в простом шерстяном платье и называла меня по имени. А Дживс, при всех его недостатках, никогда не стал бы носить женское платье и звать меня Берти.

Как раз эту особу мне меньше всего хотелось видеть, тем более сейчас, после нескольких часов в седле, но я все же приветливо буркнул в ответ:

– Вот так так!

Последовала пауза, во время которой я тер колени – свои, понятное дело.

– Стало быть, в дом вы проникли? – намекнул я, имея в виду перемену костюма.

– Да, через четверть часа после вашего отъезда Дживс предпринял поиски и нашел ключ

от задней двери на кухонном подоконнике.

– Ха!

– Что?

– Ничего.

– Мне показалось, вы что-то сказали.

– Да нет, ничего.

И я так и остался стоять, не говоря ничего. Потому что на этом этапе, как нередко при моем общении с означенной девицей, разговор наш опять иссяк. Лепетал ночной ветерок – но не Бассет. Чирикнула пташка сквозь сон – но ни звука не сорвалось с уст Берти. Поразительно, как уже одно ее присутствие словно лишало меня дара речи, а с другой стороны, мое присутствие так же действовало на нее. Создавалось впечатление, что нашему будущему браку суждено вылиться в двадцать лет среди монахов-траппистов [\[95\]](#).

– Дживса не видели? – спросил я наконец, всплывая из глубин.

– Видела. Он в столовой.

– В столовой?

– Прислуживает за столом. Все едят яичницу с беконом и запивают шампанским... Что вы сказали?

А я ничего не сказал. Только фыркнул. Меня как отравленной стрелой пронзила мысль, что они там пируют и веселятся, и им горя мало, а меня, быть может, волокут через поля и луга козы или пожирают слоны. Нечто в этом же духе происходило, помнится, во Франции перед революцией: спесивые аристократы в своих замках обжирались и распивали вина, а снаружи те, кому не повезло, испытывали всякого рода лишения.

Тут, прервав мои укоризненные мысли, Бассет проговорила:

– Берти.

– А?

Молчание.

– Чего? – переспросил я.

Ответа не последовало. Получалось вроде такого телефонного разговора, когда на одном конце ты сидишь и кричишь: «Алло! Алло!» и не подозреваешь, что на другом конце уже ушли пить чай.

Но в конце концов она все же прорезалась:

– Берти, мне нужно вам кое-что сказать.

– Что?

– Мне нужно вам кое-что сказать.

– Это я понял. Я спрашиваю: «Что?»

– А-а. Я подумала, вы не расслышали, что я говорю.

– Что вы говорили, я прекрасно расслышал. Но что вы собираетесь сказать?

– Понятно.

– Вот и хорошо.

С этим мы разобрались. И тем не менее она, вместо того чтобы перейти к делу, опять взяла тайм-аут. Стоит, пальцами крутит и носком туфли разгребает гравий. А когда заговорила, то я едва на ногах устоял.

– Берти, вы читаете Теннисона?

– Только при крайней необходимости.

– Вы очень похожи на одного рыцаря Круглого Стола из «Королевских идиллий».

Я, понятно, слышал про них – Ланселот там, Гала-хад и вся их компания, но в чем сходство, ума не приложу. Может быть, она подразумевает каких-то других рыцарей?

– То есть в каком смысле?

– У вас такое щедрое сердце, такой деликатный характер. Вы такой великодушный, бескорыстный, благородный. Я всегда понимала, что вы один из немногих настоящих рыцарей среди всех моих знакомых.

Ну что можно сказать в ответ на такую лестную аттестацию? Я буркнул: «Вот как?» или что-то в этом смысле и не без смущения принялся растирать выпуклые части. Опять воцарилось молчание, нарушаемое только, когда я взвизгивал, надавив чересчур сильно.

– Берти.

– Да?

Она судорожно сглотнула:

– Берти, вы будете великодушны?

– Сделайте одолжение. Всегда рад. А в чем, собственно, дело?

– Я сейчас подвергну вас самому суровому, самому жестокому испытанию, какое только выпадало на чью-либо долю. Я должна...

Это мне сильно не понравилось. Я поспешил уточнить:

– Я, конечно, всегда готов вам услужить, но я только что после зверски тяжелого велопробега, и на мне живого места нет, особенно на... ну да, как я уже сказал, живого места нет. Если требуется что-то принести сверху, я...

– Нет-нет, вы не поняли.

– Д-да, не совсем.

– Видите ли... Ах, мне так трудно сказать... Вы сами не догадываетесь?

– Нет, провалиться мне, ни в одном глазу.

– Берти... Отпустите меня!

– Я вас где-то зацепил, что ли?

– Освободите меня!

– Осво...

И тут вдруг я все понял. Это я, наверное, от усталости так туго соображал.

– Что-о?! – воскликнул я и пошатнулся. Левая педаль провернулась и стукнула меня по голени. Но в порыве восторга я даже не крикнул.

– Освободить вас?

– Да.

Но в этом вопросе мне нужна была полная ясность.

– То есть вы хотите все отменить? Вы решили все-таки выйти за Гасси?

– Только если вы будете так добры и великодушны, что согласитесь.

– Да я пожалуйста.

– Я дала вам обещание.

– Да бог с ними, с обещаниями.

– Так, значит, вы в самом деле...

– Вполне.

– О, Берти!

Она вся затрепетала сверху донизу, как молодое деревце. Кажется, это молодые деревца трепещут сверху донизу, если я не ошибаюсь.

– О, чистейший, безупречнейший рыцарь! – пролепетала она умирающим голосом.

И поскольку больше тут добавить было нечего, я откланялся, сославшись на то, что двести песчинки все же засыпались мне за шиворот и надо, чтобы слуги принесли мне перемену просторной одежды. А ей я порекомендовал немедленно отправиться к Гасси и сообщить ему, что все улажено.

В ответ она вроде как икнула, подскочила и чмокнула меня в лоб. Противно, конечно, но, как сказал бы Анатолий, можно перетерпеть неприятности вместе с приятностями. Через мгновение она уже умчалась в сторону столовой, а я, свалив велосипед в кусты, рванулся вверх по лестнице.

Как я ликовал, нет нужды распространяться, это легко себе представить. Когда человек стоит с петлей на шее и палач уже готов выбить из-под него доску, и вдруг мчится гонец на взмыленной лошади, размахивая повелением об отмене казни, – все это не идет в сравнение с тем, что пережил я. Ни в какое сравнение. Я был полон такого блаженства, что, идя через холл, даже про Дживса думал миролюбиво.

Но только ступил на первую ступеньку, как сзади меня окликнули, и я обернулся. Посреди холла у меня за спиной стоял Таппи. Похоже, он ходил в подвал за подкреплением: под мышкой у него виднелось несколько бутылок.

– Привет, Берти, – сказал Таппи. – Вернулся наконец? – Он весело рассмеялся. – Ну и вид у тебя, прямо «Гибель «Геспера» [\[96\]](#). Паровой каток тебя переехал, что ли?

В другое время его дурацкая грубая шутка меня бы возмутила. Но сейчас я был в таком приподнятом настроении, что только отмахнулся и сообщил ему радостную весть:

– Таппи, старина, чертова Бассет выходит за Гасси Финк-Ноттла.

– Да? Пожалуй, можно посочувствовать обоим.

– Ты что, совсем глупый? Не соображаешь, что из этого следует? Из этого следует, что Анджела опять свободна, тебе надо только продумать ходы, и...

Он жизнерадостно загоготал. Я заметил, что он чрезвычайно весел. Я сразу обратил на это внимание, еще раньше, но сначала приписал его настроение воздействию алкоголя.

– Господи! Как же ты отстал от жизни, Берти! Ничего удивительного, конечно, если кататься на велосипеде всю ночь напролет. Мы с Анджелой уже несколько часов как помирились.

– Ну? Правда?

– Мир, мир навсегда, все забыто, да-да-да. Минутная размолвка, и только. В таких случаях требуется лишь немного уступчивости и гибкости с обеих сторон, и все. Мы встретились с глазу на глаз, все обсудили. Она взяла назад мой двойной подбородок, я согласился с ее акулой. Проще простого. Всего-то дел на две минуты.

– Но...

– Прости, Берти. Некогда мне болтать с тобой всю ночь. Там в столовой затеялся славный выпивон, и меня ждут с боезапасами.

В подтверждение его слов из столовой сквозь закрытую дверь донесся громкий клич, и я узнал – да и кто бы затруднился узнать? – зычный голос моей тети:

– Глоссоп!

– Ау!

– Несите выпивку!

– Иду!

– Вот и идите! Гоните коней во весь опор!

– Да, да, улю-лю! И, конечно, ату-ату! Твоя тетя, Берти, сейчас вне себя от счастья. Как

и что было, я точно не знаю, но в общем и целом: Анатолий заявил об уходе, а потом согласился остаться, и, кроме того, твой дядя дал ей чек на журнал. Подробности мне неизвестны, но она просто ожила. Ладно, увидимся позже. Мне надо бежать.

Сказать четко и ясно, что Бертрам остался как в тумане, значит выразить самоочевидную истину. Я совершенно ничего не понимал. Когда я выехал из Бринкли-Корта, там царил беда, всюду, куда ни глянь, – разбитые сердца; но вот теперь, вернувшись, застаю здесь прямо-таки райское благоденствие. Сума можно сойти.

Растерянный, я плюхнулся в ванну. В мыльнице по-прежнему лежал гуттаперчевый утенок, но я впал в такую задумчивость, что мне было не до него. Возвращаюсь, недоумеваю, к себе в комнату, а там – Дживс. Можете себе представить, в каком я был умственном помрачении, если, вместо того чтобы бросить ему слова сурового укора, я обратился к нему с вопросом:

– Послушайте, Дживс...

– Добрый вечер, сэр. Меня уведомили о вашем возвращении. Надеюсь, вы приятно прокатились?

В любое другое время подобная шутка пробудила бы в Бертраме Вустере зверя. Но сейчас я пропустил ее мимо ушей. Мне нужна была разгадка тайны, а прочее – не имело значения.

– Послушайте, Дживс, как же так?

– Сэр?

– Что все это значит?

– Вы имеете в виду, сэр...

– Еще бы я не имел в виду! Вы же понимаете, о чем я. Что тут произошло после моего отъезда? Дом под завязку набит счастливыми концами.

– Да, сэр. Рад вам сообщить, что мои усилия увенчались успехом.

– Что значит ваши усилия? Уж не хотите ли вы сказать, что это все результат вашей дурацкой затеи с пожарным колоколом?

– Именно так, сэр.

– Не будьте ослом, Дживс. Ваш план провалился.

– Не совсем, сэр. Боюсь, что я был не вполне искренен, побуждая вас позвонить в колокол. Я не предполагал, что этого одного окажется достаточно для достижения желаемого эффекта. По моему замыслу, пожарная тревога должна была послужить лишь, так сказать, увертюрой, а далее воспоследовало бы собственно действие.

– Не заговаривайтесь, Дживс.

– Отнюдь, сэр. Было важно, чтобы дамы и господа покинули дом и я бы мог устроить так, чтобы они в течение необходимого времени оставались снаружи.

– Да зачем же?

– Мой план основывался на психологии, сэр.

– Как это?

– Общеизвестно, сэр, что никакие усилия так не сплачивают людей, имевших несчастье поссориться между собой, как совместная антипатия к одному и тому же третьему лицу. Скажем, в моем родном доме, если мне будет дозволено сослаться на столь ничтожный пример, при возникновении трений между домочадцами достаточно было пригласить в гости тетю Анни, и тут же происходило всеобщее примирение. Аксиома, сэр. Рассорившиеся члены семьи немедленно объединялись в общей вражде к тете Анни. Вот я и подумал, если

дамы и господа окажутся обреченными на ночевку под открытым небом и виновником подобного неудобства удастся выставить вас, то они исполнятся к вам такого недоброжелательства, что это общее чувство в конце концов их помирит.

Я хотел было возразить, но он продолжал:

– Так и получилось. Как видите, сэр, теперь все улажено. Когда вы уехали, рассорившиеся стороны принялись так дружно вас ругать, что возникло, как говорится, в человеках благоволение, и вскоре мистер Глоссоп уже прогуливался под деревьями с мисс Анджелой и раскалывал ей всякие неприятные случаи из вашей университетской жизни, а она ему – истории из вашего детства; мистер же Финк-Ноттл тем временем, облокотившись о солнечные часы, очень успешно развлекал мисс Бассет воспоминаниями о ваших школьных годах; а миссис Траверс между тем живописала месье Анатолю...

Тут уж я не вытерпел и сказал:

– Все понятно. В результате вашей проклятой психологии тетя Даля, конечно, так на меня разозлилась, что теперь пройдут годы и годы, прежде чем я осмелюсь снова здесь объявиться, – годы, Дживс, в течение которых Анатолий ежедневно будет создавать свои шедевры, а я...

– Нет, сэр. Именно в этих видах я и предложил, чтобы в Кингем-Мэнор поехали на велосипеде вы. Когда я объявил, что ключ нашелся, и все прониклись сознанием, что вы попусту прокатились среди ночи в такую даль, общее недоброжелательство немедленно улетучилось и сменилось веселым, добродушным смехом.

– Ах, смехом.

– Да, сэр. Возможно, что вы станете на некоторое время объектом беззлобных насмешек, но и только. Все, если мне будет дозволено так выразиться, прощено и забыто, сэр.

– М-да?

– Да, сэр.

Я задумался.

– Выходит, вы все уладили.

– Выходит, что да, сэр.

– Таппи с Анджелой снова жених и невеста. Гасси со своей Бассет тоже. Дядя Том раскошелится и выдал денег на «Будуар знатной дамы». И Анатолий остается.

– Да, сэр.

– Похоже, все хорошо, что хорошо кончается, а?

– Очень метко сказано, сэр. Я еще немного поразмыслил.

– Но все равно, Дживс, ваши приемы грубоваты.

– Невозможно приготовить омлет, не разбив яиц, сэр.

Я встрепенулся.

– Омлет! Как вы думаете, вы не могли бы мне его соорудить прямо вот сейчас?

– Конечно, сэр.

– И к нему полбутылочки чего-нибудь такого?

– Несомненно, сэр.

– Тогда давайте, да поскорее!

Я улегся в постель, откинулся на подушки. Мой праведный гнев, надо признать, заметно утих. Все тело, с ног до головы, у меня болело, особенно посередине. Но зато я уже больше не был обручен с Мадлен Бассет. А ради хорошего дела можно и пострадать. Да, как ни

посмотри на вещи, Дживс поступил правильно. И, придя к такому заключению, я встретил его одобрительной улыбкой, когда он возвратился с подносом.

Но он на мою улыбку не откликнулся. Выражение лица у него, как мне показалось, было довольно сумрачное. Я доброжелательно поинтересовался:

– Что-нибудь не так, Дживс?

– Да, сэр. Мне следовало признаться раньше, но сегодня вечером столько всего произошло, что из головы выскочило. Боюсь, я допустил небрежность, сэр.

– Вот как, Дживс? – отозвался я, уплетая за обе щеки.

– В связи с вашим клубным пиджаком.

Меня пробрал холодный ужас, и я чуть не подавился куском омлета.

– Весьма сожалею, сэр, но сегодня после обеда, когда я его гладил, я нечаянно оставил на нем горячий утюг. Боюсь, что больше вы уже не сможете его надеть, сэр.

Комнату наполнила так называемая многозначительная тишина.

– Я крайне сожалею, сэр.

Признаюсь, на мгновение меня снова охватил прежний праведный гнев, поигрывая мышцами и храпя ноздрями, но, как говорили на Ривьере, а *quoi sert-il* [\[97\]](#). Праведный гнев был теперь совершенно бесполезен.

Мы, Вустеры, умеем мужественно переносить неудачи. Я печально кивнул и нацепил на вилку еще кусок омлета.

– Да ладно, Дживс.

– Благодарю вас, сэр.

Вудхауз Пэлем Грэнвил
Кодекс чести Вустеров

Я выпростал руку из-под одеяла и нажал на кнопку звонка, призывая Дживза.

- Добрый вечер, Дживз.

- Доброе утро, сэр.

По правде говоря, я удивился.

- Разве сейчас утро?

- Да, сэр.

- Ты уверен? Смотри, какая темень за окном.

- Густой туман, сэр. Осмелюсь напомнить, наступила осень: сезон туманов и обильной жатвы.

- Сезон чего?

- Туманов, сэр, и обильной жатвы.

- Да? Тебе виднее. Послушай, а ты не мог бы приготовить мне один из твоих живительных коктейлей?

- Коктейль готов, сэр. Он стоит в холодильнике.

И Дживз мгновенно исчез, а я сел в постели, чувствуя, что умираю. Прошлой ночью, из дружеских побуждений, я дал обед в честь Гусика Финк-Ноттля, который собирался распрощаться с холостяцкой жизнью и соединить себя священными узами с Медлин, единственной дочерью сэра Уаткина Бассета, а обеды такого рода не проходят даром. Честно признаться, перед тем как в комнату вошёл Дживз, мне снилось, что какой-то громила вбивает в мою черепушку гвозди, причём не обычные, какими пользовалась Иезабель, жена Гебера, а докрасна раскалённые.

Дживз вернулся с бокалом спасительной жидкости. Я осушил его залпом, и после того, как волосы дыбом встали у меня на голове, а глаза отлетели к стенке и рикошетом вернулись в глазные впадины (фирменные коктейли Дживза способны произвести ещё и не такой эффект), почувствовал себя много лучше. Не стану врать, я не обрёл былую форму, но умирать раздумал, и к тому же обрёл способность рассуждать здраво.

- Ха! - воскликнул я, поправляя глаза, не совсем правильно вставшие на место. - Ну, Дживз, поделись со мной новостями. Что это у тебя в руках? Газеты?

- Нет, сэр. Рекламные брошюры из бюро путешествий. Мне пришло в голову, вам захочется их просмотреть.

- Да? - спросил я. - А больше тебе ничего в голову не пришло?

И на мгновенье наступила, если так можно выразиться, напряжённая тишина. Мне кажется, когда два человека с необычайной силой воли живут вместе, время от времени между ними должна пробегать чёрная кошка, и одна из таких кошек недавно начала бегать в доме Вустера. Дживз пытался уговорить меня отправиться в кругосветное плавание, а я и слышать об этом не хотел. И тем не менее, невзирая на мой категорический отказ, дня не проходило, чтобы строптивый малый не подсовывал мне под нос красочные проспекты, которые продувные бестии из бюро рассылают доверчивым олухам, соблазняя последних открытыми просторами. Подобно кошке (необязательно чёрной), которая, не желая прислушаться к голосу разума, с ослиным упрямством приносит вам на кровать дохлую мышь, Дживз, словно заведённый, всё время пичкал меня этой макулатурой.

- Дживз, - сурово произнёс я. - С меня хватит. Прекрати мне досаждать.

- Путешествия познавательны, сэр.

- Познаниями меня накачали по горло много лет назад. Новые познания в меня просто не влезут. Не хитри, Дживз, я прекрасно понимаю, где тут собака зарыта. В тебе вновь выиграла кровь викингов. Ты затосковал по солёным морским просторам. Ты спишь и видишь, как прохаживаешься по верхней палубе, нацепив морскую фуражку. Возможно, тебе не терпится увидеть танцовщиц острова Бали. Я тебя понимаю, и я тебе сочувствую. Но мне туда не надо. Не собираюсь хоронить себя на дурацком лайнере и таскаться по морям и океанам.

- Слушаюсь, сэр.

Он разговаривал с как-там-это-называется в голосе, и я понял, что хотя Дживз не высказал недовольства, довольным его тоже назвать было нельзя, поэтому со свойственным мне тактом я поменял тему.

- Знаешь, Дживз, пирушка вчера удалась на славу.

- Вот как, сэр?

- Представь себе. Повеселились от души. Кстати, Гусик передаёт тебе большой привет.

- Очень любезно с его стороны, сэр. Я надеюсь, мистер Финк-Ноттль был в хорошем расположении духа?

- В прекрасном, особенно если учесть, что время его на исходе и вскоре он станет зятем сэра Уаткина Бассета. Слава богу, им стану не я, Дживз.

Последнюю фразу я произнёс с чувством, и сейчас объясню вам, почему. Несколько месяцев назад в ночь лодочных гонок между Оксфордом и Кембриджем я попал в лапы Закона, когда попытался разлучить полисмена с его шлемом, и, проворочавшись всю ночь на тюремных нарах, предстал утром перед судьёй, который тут же воспользовался случаем содрать с меня пятёрку. Так вот, судья, огласивший этот чудовищный, несправедливый приговор, сопровождая его, должен вам сказать, весьма оскорбительными замечаниями в мой адрес, был не кто иной, как старикашка Бассет, отец гусиковой невесты.

Как выяснилось, я был одним из его последних клиентов, потому что через несколько недель он вышел в отставку и удалился в своё загородное имение, так как унаследовал кучу денег от какого-то дальнего родственника, приказавшего долго жить. По крайней мере, такие ходили слухи, но лично я считаю, он сам их распустил. Наверняка, не скупясь на штрафы и собирая дань с кого не лень, он вцеплялся в каждую пятёрку как клещ. Там пятёрка, тут пятёрка, сами понимаете, сколько денег можно нахапать.

- Ты ещё помнишь этого жуткого типа, Дживз? Грозный старикашка, что?

- Возможно, сэр Уаткин не так суров в обыденной жизни, сэр.

- Сомневаюсь. Чёрт он и есть чёрт, сколько не называй его ангелом. Ладно, бог с ним, с Бассетом. Писем сегодня нет?

- Нет, сэр.

- По телефону кто-нибудь звонил?

- Да, сэр. Миссис Траверс.

- Тётя Делия? Значит она в городе?

- Да, сэр. Миссис Траверс высказала пожелание, чтобы вы позвонили ей, как только встанете с постели.

- Чем звонить, - добродушно сказал я, - лучше пойду и навещу её. Она моя любимая тётя, и я хочу выказать ей своё уважение.

Примерно через полчаса я вошёл в дверь её лондонской резиденции и, весело

поприветствовал Сеппингза, дворецкого, даже не подозревая, что не успеет собака хвостом вильнуть, как я впутаюсь в пренеприятнейшую историю, которая потребует от Вустера столько душевных сил, какие он не тратил за всю свою жизнь. А чтобы вам было понятнее, речь пойдёт о зловещем деле, в котором главные роли сыграли Гусик Финк-Ноттль, Медлин Бассет, старикашка Бассет, Стефи Бинг, Преподобный Г. П. («Свинка») Пинкер, кувшинчик для сливок восемнадцатого века и маленькая записная книжка в коричневом кожаном переплёте.

* * *

Однако, должен честно признаться, когда я весело приветствовал Сеппингза, у меня не было предчувствия надвигающейся беды. Напротив, я с большим нетерпением ждал встречи с тётей Делией - моей, как я уже упоминал, любимой тётей (не путать с тётей Агатой, которая могла давить крыс зубами и есть хрустальные бокалы, не морщась). Я предвкушал удовольствие, которое получу, болтая с ней о том, о сём, и, не хочу скрывать, надеялся, что мне удастся напроситься к ней на ленч. А благодаря виртуозности Анатоля, её повара, любая трапеза в доме тёти Делии превращалась в пиршество богов, которому позавидовал бы любой гурман.

Проходя через холл, я обратил внимание, что дверь в комнату, где хранилась коллекция старинного серебра, была открыта, и краешком глаза увидел дядю Тома, по обыкновению возившегося со своими бесценными экспонатами. На мгновение мне в голову закралась мысль зайти посмотреть на дорогое его сердцу старье и заодно поинтересоваться, как у него дела с пищеварением, о котором он мог говорить часами, но моя осмотрительность взяла верх над любопытством. Моему дяде ничего не стоило загнать меня в угол и не выпускать до тех пор, пока он не сообщит всего, что знает, о завитках, гравировке, спиральях, чеканке, не говоря уже о листовных и романских орнаментах в виде цепи выпуклых овалов по бордюрам изделий, и я решил, что лучше мне с ним не связываться. Соответственно, я бесшумно проскользнул мимо открытой двери и направил свои стопы в библиотеку, где, если верить Сеппингзу, в данный момент свила гнездо тётя Делия.

Как выяснилось, моя ближайшая и дражайшая работала не покладая рук, зарывшись в валявшиеся по всему столу гранки. Всем известно, тётя Делия любезная и весьма популярная издательница еженедельного журнала для особ слабого пола «Будуар миледи». Однажды я внёс вклад в её дело, написав туда статью «Что носит хорошо одетый мужчина».

Когда я вошёл в библиотеку, она вынырнула из бумаг и поприветствовала меня гулким голосом, который снискал ей славу во всех охотничьих клубах, где ценилось умение строить каверзы несчастным британским лисам.

- Привет, урод, - сказала она. - Каким ветром тебя занесло?

- Мне передали, о моя престарелая плоть и кровь, ты хотела со мной поговорить.

- Но я не хотела, чтобы ты вламывался ко мне, как в трактир, и мешал работать.

Наверное, твоё чутьё тебе подсказало, что именно сегодня у меня дел по горло.

- Если тебя беспокоит, смогу ли я остаться на ленч, можешь не волноваться. Как всегда, я к твоим услугам. Чем нас порадует Анатоль?

- Тебя он ничем не порадует, мой юный козлик. Я жду на ленч известную писательницу, Помону Гриндл.

- Буду счастлив с ней познакомиться.

- Значит не видать тебе счастья как своих ушей. Нам надо поговорить tete-a-tete. Я должна вытянуть из неё сногсшибательный сериал для «Будуара». А тебе я всего-навсего хотела сказать, что ты должен сходить в антикварный магазин на Бромптон-Роуд - сразу за часовой, даже ты не заблудишься - и поиздеваться над кувшинчиком для сливок в форме коровы.

По правде говоря, я растерялся. На мгновение мне даже показалось, от непосильных трудов у тёти Делии поехала крыша.

- Что над чем я должен?

- Антиквар где-то раздобыл кувшинчик для сливок восемнадцатого века, и Том собирается его купить.

Туман перед моими глазами рассеялся.

- Ты имеешь в виду, он серебряный, что?

- Да. Нечто вроде кружки в форме коровы. Зайди в магазин, попроси, чтобы тебе показали серебряную корову, а затем обдай её презрением.

- Да, но зачем?

- Чтобы сбить с антиквара спесь, олух. Стоит только посеять в нём сомнения, он сбавит цену, а чем дешевле мой дражайший купит этот хлам, тем сильнее он обрадуется. Сам понимаешь, мне просто необходимо, чтобы он был в хорошем настроении, потому что, если я уломаю Гриндл и подпишу с ней контракт, мне придётся раскошелить Тома на кругленькую сумму. Эти новомодные писательницы совсем с ума посходили. Требовать такие безумные гонорары тяжкий грех. Короче, беги скорее в магазин и начинай презрительно трясти головой.

Я всегда рад оказать услугу доброй, старой тётушке, но на сей раз вынужден был, как выразился бы Дживз, заявить *polle prosequi*. Никто не спорит, опохмелительные коктейли Дживза - чудо из чудес, но даже после них презрительно трясти головой не рекомендуется.

- Сегодня я не могу презрительно трясти головой. Даже не проси.

Она подозрительно на меня посмотрела, приподняв левую бровь.

- Опять упился вчера до чёртиков? Что ж, если беспробудное пьянство лишило тебя возможности презрительно трясти головой, надеюсь, у тебя остались силы презрительно поджать губы?

- Сколько угодно.

- Тогда вперёд. И не забудь изумленно охнуть. Можешь поцокать языком. Ах да, и ещё обязательно скажи, что это датский новодел.

- Зачем?

- Понятия не имею. По-видимому, для кувшинчика в форме коровы ничего страшнее быть не может.

Она умолкла и окинула задумчивым взглядом моё, не стану скрывать, несколько измученное лицо.

- Значит вчера ты пустился в загул, мой юный цыплёночек? Просто удивительно, каждый раз, когда я тебя вижу, ты на ногах не стоишь после очередной попойки. Открой секрет, ты когда-нибудь отрываешься от бутылки, или даже по ночам во сне потихоньку тянешь из горла?

Я сделал вид, что обиделся.

- Ты клеветешь на меня, любезная родственница. Бертрам Вустер отмечает только

выдающиеся события. В остальных случаях он - само воздержание. Три-четыре коктейля, стакан вина за обедом и иногда пара рюмок ликёра к кофе это всё, что он себе позволяет. А вчера я устроил холостяцкую вечеринку в честь Гусика Финк-Ноттля.

- Да ну?! - Она расхохоталась, по правде говоря, несколько громче, чем могла выдержать моя расшатанная нервная система, но с этим ничего нельзя было поделать. Когда тётя Делия изумляется, извёстка, как правило, начинает сыпаться с потолка. - Ты кутил с Пеньком-Бутыльком? Дай бог ему здоровья. Как поживает наш тритономанчик?

- Очень даже неплохо.

- Надеюсь, он порадовал общество речью перед началом оргии?

- Представь себе, да. Я был просто поражён. Ни на минуту не сомневался, он покраснеет как рак и откажется. Не тут-то было. Когда мы выпили за его здоровье, он поднялся на ноги, и, холодный как льды в лунную ночь, пользуясь терминологией Анатоля, начал распинаться. Мы ушам своим не поверили.

- Наверное, был в стельку пьян?

- Напротив. Трезв как стёклышко.

- Приятно слышать.

Мы оба замолчали, вспомнив тот летний вечер в её вустерширском поместье, когда обстоятельства вынудили Гусика заправиться под завязку как раз перед его выступлением в Маркет-Снодберийской классической средней школе, где он вручал призы юным талантам.

По правде говоря, когда я начинаю рассказывать историю о парне, о котором рассказывал истории раньше, я никогда не знаю, что мне надо о нём объяснить, а что о нём объяснять не надо, если вы меня понимаете. С этой проблемой я вечно сталкиваюсь и каждый раз немного теряюсь. Я имею в виду, если я вдруг решу, что мои читатели в курсе всех последних событий и, так сказать, помчусь вперёд на всех парусах, бедолаги, которые пропустили мимо ушей мои прежние повествования, будут блуждать в потёмках. Если же я, к примеру, приторможу и начну пересказывать восемь томов приключений Огастеса Финк-Ноттля, другие бедолаги, слушавшие меня до сих пор с открытыми ртами, начнут сладко зевать и бормотать про себя: «Кончай трепаться. Старо как мир».

По-моему, из данного затруднительного положения существует один выход. Придётся мне коротко перечислить основные факты для одних бедолаг и извиниться перед другими бедолагами, предложив им вздремнуть несколько минут или попить чайку, или ещё что-нибудь.

Итак, Гусик, о котором идёт речь, был моим приятелем, сильно смахивающим на дохлую рыбину, который похоронил себя в глуши и всю свою жизнь посвятил изучению тритонов, разводя тупых тварей в стеклянных аквариумах и зорко следя за каждым их шагом. Вы запросто смогли бы назвать его законченным отшельником, если это слово вам знакомо, и оказались бы абсолютно правы. По всем законам божеским и человеческим Гусик никогда не должен был шептать в нежные ушки ласковых слов, которые рано или поздно приводят к неумеренной трате денег на обручальные кольца и свадебные пироги.

Но с Любовью не поиграешь в прятки. Как-то раз, случайно встретив Медлин Бассет, он втюрился в неё по уши, отказался от затворничества, выполз на свет божий и принялся рьяно за ней ухлёстывать, а добившись успеха, приготовился вдеть гардению в петлицу и отвести этот кошмар в юбке к алтарю.

Поймите меня правильно, Вустеры галантные кавалеры, но они не стесняются говорить правду. Я назвал Медлин Бассет кошмаром в юбке, потому что она была кошмаром в юбке:

слезливой, слюнявой, сопливо-сентиментальной особью женского пола, взирающей на мир глазами-блюдцами с поволокой, воркующей омерзительным слащавым голосом и имеющей весьма странные представления о звёздах и кроликах. Помню, однажды она доверительно мне сообщила, что кролики это гномы, которых фея-королева устроила на работу, а звёзды - гирлянда из маргариток, сотворённая Всевышним. Само собой, чепуха на постном масле. Быть того не могло.

Тётя Делия ухмыльнулась и раскатисто хохотнула, потому что речь Гусика в Маркет-Снодберийской классической средней школе была одним из самых приятных её воспоминаний.

- Добрый, старый Пенёк-Бутылёк! Где он сейчас?

- Гостит в загородном имении отца Медлин, Тотли-Тауэре, рядом с Тотли-на-нагорье в Глостере. Вернулся туда сегодня утренним поездом. Венчание состоится в местной церквушке.

- Ты идёшь?

- Упаси меня бог.

- Ах да, конечно. Тебе тяжело будет смотреть, как твоя любовь выходит замуж за другого.

Я вздрогнул.

- Любовь? К девице, которая убеждена, дети рождаются от того, что феи чихают?

- Ты был с ней помолвлен, я точно помню.

- В течение пяти минут, и не по своей вине. Дорогая моя тётушка, - сказал я, обиженный такой несправедливостью, - нехорошо с твоей стороны надо мной подтрунивать. Тебе прекрасно известны гнусные интриги, из-за которых я тогда попал в переделку.

И я поморщился, словно съел ломтик лимона. Честно признаться, я не люблю вспоминать об этом несчастном случае из моей биографии. В двух словах попытаюсь рассказать вам, что произошло. Долгое общение с тритонами окончательно сломило дух Гусика, и когда пришла пора признаться в своих чувствах Медлин Бассет, он струсил как заяц и попросил меня поговорить с ней вместо него. Но стоило мне сказать всего несколько фраз, тупоголовая девица решила, что я объясняюсь ей в любви, а в результате, дав Гусику от ворот поворот после церемонии вручения призов, она вцепилась в меня мёртвой хваткой, и мне ничего другого не оставалось, как смириться с неизбежным. Я имею в виду, если девушка вбила себе в черепушку, будто парень спит и видит, как бы на ней жениться, а затем отправила бывшего fiancée в отставку и сообщила тому парню, что теперь готова его осчастливить, куда бедолаге деться?

К счастью, недоразумение уладилось, и два недоумка помирились, но при мысли об опасности, которой я подвергался, меня до сих пор трясло как в лихорадке. Я не сомневался, что не буду спать спокойно, пока священник не произнесёт: «Согласен ли ты, Огастес?:», и Гусик стыдливо ответит: «Да».

- Если хочешь знать, я тоже не пойду на свадьбу, - сказала тётя Делия. - Я не в восторге от сэра Уаткина Бассета и не собираюсь его поздравлять. Он ещё тот фрукт!

- Ты знаешь этого крохобора? - удивлённо спросил я, хотя удивляться, собственно, было нечему. Я сам всегда утверждал, что мир тесен.

- Конечно, знаю. Он друг Тома. Они оба собирают старое серебро и грызутся друг с другом из-за каждого изделия. Прошлым месяцем сэр Уаткин гостил у нас в Бринкли. Хочешь послушать, чем он отплатил мне за то, что я принимала его как дорогого гостя?

Попытался за моей спиной украсть у меня Анатоля.

- О, боже! Только не это!

- К счастью, Анатолий остался мне верен, после того как я удвоила ему жалование.

- Удвой ему жалование ещё раз, - с чувством произнёс я. - Удваивай ему жалование каждый день. Чем лишиться непревзойдённого мастера соусов и подливок, лучше утопить его в деньгах.

По правде говоря, я разволновался, дальше некуда. Мысль о том, что Анатолий, этот гений кухни, чуть было не перестал колдовать над блюдами в Бринкли-корте, куда я всегда мог нагрянуть с визитом, и не начал обслуживать старикашку Бассета, который никогда не позаботился бы поставить на обеденный стол прибор для Бертрама, встревожила меня до глубины души.

- Да, - сказала тётя Делия, метнув глазами пару молний, - сэр Уаткин Бассет прохвост, проныра и жулик. Советую тебе предупредить Пенька-Бутылька, чтобы в день своей свадьбы он смотрел в оба. Стоит ему на мгновение отвернуться, и старый хрыч свистнет у него обручальное кольцо в самый ответственный момент. А сейчас, - продолжала она, подвигая к себе толстую пачку гранок, - проваливай. Ах да, и передай эту статью из раздела «Мужья» Дживзу. Тут полно заумных рассуждений о галунах на мужских брюках, а я в них разбираюсь, как свинья в апельсинах. Может, тут всё верно, а может, это коммунистическая пропаганда, так что пусть Дживз выскажет своё мнение. Значит я могу рассчитывать, что ты выполнишь моё поручение и ничего не напутаешь? Ну-ка повтори, что ты должен сделать?

- Пойти в антикварный магазин:

- :на Бромптон-Роуд:

- :вот именно, на Бромптон-Роуд. Попросить, чтобы мне показали серебряный кувшинчик для сливок в форме коровы:

- :и обдать его презрением. Всё верно. Выматывайся. Закрой дверь с другой стороны.

* * *

С лёгким сердцем и улыбкой на устах я вышел на улицу и поймал такси. Многие на моём месте огорчились бы, посчитав утро потраченным впустую, но я испытывал огромное удовольствие от того, что в моей власти было сделать доброе дело. Ковырните Бертрама Вустера поглубже, как я частенько говорю своим друзьям и знакомым, и вы откопаете в нём самого настоящего бой-скаута.

Антикварный магазин на Бромптон-Роуд оказался, как и предполагалось, антикварным магазином на Бромптон-Роуд. Подобно всем антикварным магазинам, за исключением шикарных заведений на Бонд-стрит, он был обшарпанным снаружи и мрачным, тусклым и полным разнообразных запахов внутри. Не знаю почему, но владельцы такого рода лавок вечно готовят себе пищу в задней комнате.

- Здравствуйте, - сказал я, переступив через порог, и тут же умолк, заметив, что тип за прилавком обслуживает каких-то двух клиентов.

«Прошу прощения», - чуть было не добавил я, пытаясь показать, что помешал ему невольно, но слова замерли на моих устах.

Обильные туманы вползли в дверь вслед за мной, но несмотря на плохую видимость, я обратил внимание, что хорошо знаю менее высокого и более пожилого из клиентов.

Это был старикашка Бассет. Собственной персоной.

* * *

Вустеры обладают одной чертой характера, о которой всё говорят: бульдожьей напористостью и хваткой. Человек слабовольный на моём месте попытался бы удалиться из магазина на цыпочках и как можно скорее скрыться за горизонтом, но я не сделал ни шагу назад. В конце концов, что было, то прошло. Разорившись на пятёрку, я сполна заплатил свой долг Обществу, и мне не следовало бояться этого старого сморчка. Поэтому я остался стоять у двери, исподтишка за ним наблюдая.

Когда я вошёл, он обернулся и бросил на меня быстрый взгляд, и с тех пор всё время наблюдал за мной краешком глаза. Я не сомневался, вскоре мозги у него сработают, и он вспомнит, что молодой человек незаурядной внешности, изящно опиравшийся на зонтик на заднем плане, был его старым знакомым. И точно, как только тип за прилавком удалился в заднюю комнату, старикашка подошёл ко мне и, сверкая своими лобовыми стёклами, осмотрел с головы до ног.

- Так, так, - произнёс он. - Я вас знаю, юноша. У меня прекрасная память на лица. Однажды вы мне попались.

Я слегка поклонился.

- Но только однажды. Это приятно. Получили хороший урок? Стали жить честно? Замечательно. А теперь вспомним, за что же я вас осудил. Только не подсказывайте. Я никогда ничего не забываю. Ах да, конечно, за воровство сумок.

- Нет, нет, я:

- За воровство сумок, - решительно повторил он. - Как сейчас помню. Но не будем ворошить прошлое. Мы ведь начали новую жизнь, верно? Превосходно. Родерик, подойдите ко мне. Это вас заинтересует.

Его приятель, рассматривавший поднос, поставил его на прилавок и присоединился к нашей компании.

Я с самого начала подметил, что при одном взгляде на этого парня у кого угодно перехватило бы дыхание. Глядя на громадину семи футов ростом и шести в плечах (по крайней мере, такое впечатление создавал просторный ульстер) невозможно было отвести от него глаз. Казалось, Природа решила сотворить гориллу, но в последний момент почему-то передумала.

Впрочем, не только его внушительные размеры производили неизгладимое впечатление. Вблизи больше всего поражало крупное лицо с квадратной челюстью и намёком на усики, причем весьма тонким. Взгляд у него был свирепым и пронзительным. Короче, его ничего не стоило спутать с каким-нибудь диктатором.

- Родерик, - сказал старикашка Бассет, - посмотрите на этого человека. Он яркий пример того, что я всегда утверждал: тюрьма не ожесточает преступников, не портит их характеры, не мешает им подниматься по ступеням самих себя к сияющим вершинам совершенства.

Я узнал остроту - она принадлежала Дживзу - и удивился, где он мог её услышать.

- Посмотрите на него внимательно. Совсем недавно он получил у меня три месяца за то, что выхватывал из рук сумки на вокзалах, и, совершенно очевидно, пребывание в тюрьме

оказало на него самое благоприятное действие. Он исправился.

- Да ну? - сказал диктатор.

Не стану спорить, «да ну?» звучит лучше, чем «ну да!», и тем не менее тон диктатора мне не понравился. Он смотрел на меня крайне подозрительно, если вы понимаете, что я имею в виду. Помню, мне тогда пришло в голову, что этот парень идеально подошёл бы для того, чтобы поиздеваться над кувшинчиком для сливок.

- С чего вы взяли, что он исправился?

- Естественно, он исправился. Судите сами. Выхолен, прекрасно одет, достойный член Общества. Не знаю, чем он сейчас занимается, но, совершенно очевидно, что не воровством сумок. Чем вы сейчас занимаетесь, молодой человек?

- По всей видимости, воровством зонтиков, - заметил диктатор. - Ваш он уже украл.

И я только собрался горячо запротестовать - и даже открыл рот, - когда внезапно у меня возникло ощущение, будто меня стукнули левее правого и правее левого уха чем-то тяжёлым, и я понял, что на самом деле сказать мне нечего.

Я имею в виду, я вдруг вспомнил, что вышел из дома без зонтика, однако в данную минуту я был в зонтике от нижней пуговицы жилета до пят. Что заставило меня взять этот предмет, прислонённый к креслу семнадцатого века, я понятия не имею, разве что тут сработал первобытный инстинкт, который заставляет цветы тянуться к солнцу, а homo sapiens без зонтика хватать первый, попавшийся ему под руку.

Естественно, как истинный джентльмен я обязан был принести свои извинения.

- Ох, ради бога, простите, - произнёс я, передавая злополучный предмет из рук в руки. - Мне очень жаль, что так получилось.

Старикашка заявил, что ему тоже очень жаль, и что он разочарован. Он сказал, подобные случаи не могут не нанести душевной травмы любому честному человеку.

Диктатор не преминул влезть в разговор. Он спросил, не позвать ли ему полисмена, и на мгновение глаза Бассета загорелись. Мысль о том, чтобы позвать полисмена, дорога сердцу любого судьи. В этом отношении судьи напоминают тигров, почуявших запах крови. Но старикашка покачал головой.

- Нет, Родерик. Не надо. Не хочу омрачать счастливейший день моей жизни.

Диктатор поджал губы, словно хотел возразить, что чем счастливее день, тем приятнее совершать добрые дела.

- Но, послушайте, - прерывающимся голосом сказал я. - Это досадное недоразумение.

- Ха! - воскликнул диктатор.

- Я решил, это мой зонтик.

- Основная твоя ошибка заключается в том, мой милый, - назидательно произнёс Бассет, - что ты абсолютно не способен отличить meum от tuum. На этот раз я не велю тебя арестовать, но впредь советую вести себя осмотрительнее. Пойдёмте, Родерик.

И они вышли из магазина, причем диктатор оглянулся на меня с порога и снова воскликнул «Ха!»

Сами понимаете, я прошёл через тяжелейшее испытание, а так как я человек чувствительный, мне первым делом захотелось вовсе даже не выполнять поручение тёти Делии, а помчаться к себе домой и выпить ещё один коктейль Дживза. Разгорячённые сердца мечтают о лесной прохладе, или как там, точно не помню. Только сейчас до меня дошло, что безумием было выходить на улицы Лондона, заправившись всего одним опохмелительным коктейлем, и я уже собрался потихоньку улизнуть и вернуться к

живительному источнику, когда владелец магазина вынырнул из задней комнаты и, распространяя вокруг себя ароматы жареного мяса и грязного белья, спросил, что мне угодно. Благо он заговорил первым, я ответил, что насколько мне было известно, у него имеется на продажу серебряный кувшинчик для сливок восемнадцатого века в форме коровы.

Он мрачно покачал головой. Он вообще был мрачным типом, а лицо своё тщательно скрывал за густой порослью седых бакенбард.

- Вы опоздали. Кувшинчик обещан постоянному клиенту.

- По имени Траверс?

- Ах!

- Ну, значит всё в порядке. О, достойнейший из достойных антикваров, сказал я, стараясь говорить как можно любезнее, - вышеупомянутый Траверс - мой дядя. Он прислал меня, чтобы я оценил его будущее приобретение. Так что показывайте скорее. Сильно подозреваю, оно никуда не годится.

- Вы не правы. Необычайно ценное и красивое изделие.

- Ха! - воскликнул я, решив, что подражание диктаторам может мне помочь. Это вы так говорите. Что ж, посмотрим!

Честно признаться, меня не волновало старое серебро, и хотя я из чувства жалости никогда не говорил об этом дяде Тому, мне казалось, его привязанность к древнему хламу может превратиться в тяжёлую душевную болезнь, если он не начнёт следить за собой самым тщательным образом. Поэтому, как вы понимаете, я не предполагал, что увижу нечто особенное, но когда старьёвщик в бакенбардах вернулся с этой штуковиной, я не знал, плакать мне или смеяться. Мысль о том, что дядюшка собирается платить наличными за данный предмет потрясла меня до глубины души.

Это была серебряная корова. Но когда я говорю «корова», не делайте скоропалительных выводов, потому что я не имел в виду приличное, порядочное, уважающее себя животное, уплетающее на лужайке причитающиеся ему зеленые витамины. Отнюдь. Перед моими глазами предстала нагло ухмыляющаяся зверюга, готовая в любой момент сплюнуть сквозь зубы и послать вас куда подальше, явно принадлежавшая к преступному миру. Она была примерно четыре дюйма в высоту и шесть в длину. Спина у неё открывалась на петельках, а хвост изгибался дугой и прикреплялся к спине, образуя ручку для любителей подобного рода кувшинчиков. По правде говоря, глядя на серебряное чудовище, я перенёсся в какой-то страшный, доселе неведомый мне мир.

Как вы понимаете, теперь я запросто мог выполнить программу действий, предписанную тётёй Делией. Я презрительно поджал губы и зацокал языком одновременно. Изумленно охнуть я тоже не забыл. Короче говоря, я обдал корову презрением и с большим удовольствием отметил, что заплесневевшие бакенбарды встопорщились, словно я наступил им на любимую мозоль.

- Ну и ну! - сказал я, вовсю цокая языком и продолжая презрительно поджимать губы. - Нет, так дело не пойдёт. Не то, совсем не то.

- Не то?

- Не то. Датский новодел.

- Датский новодел? - Не стану утверждать, что у него пошла пена изо рта, но бакенбарды задёргались в предсмертных судорогах, словно не вынесли страшной душевной травмы. - При чём тут датский новодел? Это восемнадцатый век, Англия. Взгляните на

клеймо.

- Не вижу никакого клейма.

- Вы ослепли? Выйдите на улицу. Там светлее.

- Ну, ладно, - милостиво согласился я, и сначала неторопливо пошёл к двери, изображая из себя коллекционера, которого даром заставляют терять время.

Должно быть, вам резануло слух слово «сначала». Но сказал я его не случайно. Не успел я сделать и двух шагов, как споткнулся о кошку, а изображать из себя коллекционера, даром трагического времени, и одновременно спотыкаться о кошку, задача непосильная, по крайней мере для меня. Мне пришлось резко переключить скорости, после чего я пулей вылетел из дверей, словно удирал со всех ног от полисменов, пытавшихся арестовать меня за вождение в нетрезвом виде. Серебряная корова, кувыркаясь в воздухе, шлепнулась на землю, а я, к счастью, столкнулся на улице с собратом-лондонцем, и поэтому не улетел в придорожную канаву.

Впрочем «к счастью» слишком сильно сказано, потому что мой полет остановил сэра Уаткин Бассет. Он стоял с отвисшей нижней челюстью, и в стеклах его пенсне отражались отвращение и негодование, как будто он мысленно загибал пальцы, перечисляя мои прегрешения. Сначала воровство сумок, затем умыкание зонтиков, а теперь новое безобразие. Казалось, чаша его терпения переполнилась.

- Родерик! - завизжал он. - Зовите полицию!

Диктатор радостно вскинулся и завопил:

- Полиция!

- Полиция! - козлиным тенором вторил ему старикашка Бассет.

- Полиция! - басом взревел диктатор.

И мгновением позже огромная чёрная дыра, возникшая в тумане, недовольно спросила:

- Что тут у вас?

По правде говоря, если бы я остался и всё объяснил бы, мне удалось бы уладить это маленькое недоразумение в шесть секунд, но дело в том, что я не собирался оставаться и всё объяснять. Резва отскочив в сторону, я бросился бежать сломя голову. Голос за моей спиной заорал: «Стой!», но как вы понимаете, ни о каких «Стой» не могло идти и речи. Я имею в виду, глупее они ничего не могли придумать. Нашли дурака. Я бежал закоулками и переулками, и в конце концов вынырнул в районе Слоун-сквер, где поймал кэб, на котором намеревался вернуться к цивилизации.

Вначале я решил отправиться в «Трутень», чтобы перекусить, но после недолгих размышлений понял, что такая задача была мне сейчас не по плечу. Больше чего бы то ни было я ценю клуб «Трутень»: остроумные беседы, дух товарищества, атмосферу всего самого ценного, что только имеется в Метрополии: но я прекрасно знал, что во время ленча через стол будут летать хлебные корки, а я был не в том состоянии, чтобы уклоняться от летящих в меня хлебных корок. Мгновенно поменяв стратегию, я приказал кэбмену отвезти меня в ближайшую турецкую баню.

Мне всегда нравилось подолгу задерживаться в турецких б., поэтому домой я вернулся довольно поздно. Мне удалось соснуть часок-другой в своей кабинке, а в комбинации с оздоравливающим потением в парной и последующим нырянием в бассейн с ледяной водой общая процедура, если так можно выразиться, оказала на меня самое благоприятное действие, вернув румянец моим щекам в лучшем виде. Хотите верьте, хотите нет, я с веселым «Тра-ля-ля» на устах открыл дверь ключом, а затем прошёл в гостиную.

В следующую секунду в голове моей вновь всё помутилось при виде кипы телеграмм, лежащих на столике.

Не знаю, принадлежите ли вы к тем бедолагам, которые читали мой отчёт о предыдущих приключениях Гусика Финк-Ноттля, но если вы из их числа, вам должно быть прекрасно известно, что в то время все мои неприятности начались вместе с приливной волной телеграмм, поэтому вряд ли вы сейчас удивитесь, узнав о смутном беспокойстве, которое я ощутил, глядя на груды конвертов. С некоторых пор я довольно подозрительно отношусь к большому количеству телеграфных сообщений, невольно ожидая от них какого-нибудь подвоха.

С первого взгляда мне показалось, на столике валялось не менее двадцати страшных предвестников несчастья, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что их было только три. Все они были отправлены из Тотли-на-нагорье и подписаны одним именем.

Сейчас сообщу вам их содержание.

Телеграмма первая:

Вустеру,

Беркли Меншнз,

Беркли-сквер,

Лондон

Немедленно приезжай. Серьёзно поспорился с Медлин. Жду ответа.

Гусик

Телеграмма вторая:

Удивлён, не получив ответа на телеграмму: «Немедленно приезжай серьёзно поспорился с Медлин жду ответа».

Гусик

Телеграмма третья и последняя:

Послушай, Берти, куда ты подевался? Послал тебе сегодня две телеграммы: «Немедленно приезжай серьёзно поспорился с Медлин жду ответа». Если не примчишься сюда на всех парах и срочно нас не помиришь, помолвка будет расторгнута. Жду ответа.

Гусик

Я уже говорил, что длительное пребывание в турецк. бане способствовало тому, что ко мне вернулся *mens sana in corpore* как-там-дальше. Ну так вот, после этих жутких сообщений у меня наступил рецидив. Мои страхи, как я и предвидел, оказались не напрасными. Внутренний голос, увидев мерзопакостные конверты, нашептал мне, что дело дрянь, и дело действительно оказалось дрянью.

Видимо, звук знакомых ему шагов вызвал Дживза из небытия, в котором он пребывал, потому что услужливый малый неожиданно материализовался в гостинной.

Одного взгляда на Бертрама Вустера оказалось для него достаточно, чтобы разобраться, в каком плачевном состоянии тот находился.

- Вам нездоровится, сэр? - участливо спросил он.

Я упал в кр. и дрожащей ру. отер вспотевшее че.

- Нет, Дживз, я здоров, но, может быть, скоро умру. Прочти.

Дживз пробежал досье глазами, затем поднял их на меня, и в его взгляде я прочитал волнение и беспокойство, которые он испытывал за своего молодого господина.

- Неприятное известие, сэр.

Голос у него был проникновенным, и я понял, он сразу уловил суть дела. Зловещий смысл телеграмм дошёл до него так же быстро, как до меня.

Сами понимаете, мы не обсуждаем эту тему, потому что не любим попусту трепать имя женщины, но Дживзу прекрасно известны все факты, касающиеся ситуации Вустер - Бассет, и он отдаёт себе полный отчёт, что в любую минуту меня может постигнуть страшная участь. Мне не было нужды объяснять ему, почему я достал сигарету дрожащей рукой и с трудом унял дрожь в коленках.

- Как ты думаешь, что случилось, Дживз?

- Мне трудно высказать определенное предположение, сэр.

- Он говорит, свадьба может не состояться. Почему? Вот в чем вопрос.

- Да, сэр.

- Не сомневаюсь, тебе тоже хочется сказать: «Вот в чем вопрос».

- Да, сэр.

- Тяжёлый случай, Дживз.

- Необычайно тяжёлый, сэр.

- Мы можем быть абсолютно уверены только в том, что Гусик в очередной раз отколол какой-то номер, - возможно, потом нам станет известно, какой именно, и, естественно, попал впросак.

Я задумался об Огастесе Финк-Ноттле, вспоминая, как он с детских лет был на несколько голов придурковатее всех известных придурков. Самые строгие судьи считали его таковым много лет. Даже в частной школе, где мы с ним познакомились, ребята тут же дали ему прозвище «Тупица», хотя он заслужил его в тяжёлой борьбе с Бинго Литтлом, Фредди Видженом и вашим покорным слугой.

- Что мне делать, Дживз?

- Мне кажется, вам следует отправиться в Тотли-Тауэр, сэр.

- Легко сказать. Старикашка Бассет меня на порог не пустит.

- Возможно, сэр, если вы телеграфируете мистеру Финк-Ноттлю и объясните ваше затруднительное положение, он сумеет найти какой-нибудь выход.

Идея была не дурна. Я тут же отправился на почту и послал следующую телеграмму:

Финк-Ноттль

Тотли-Тауэр

Тотли-на-нагорье

Тебе хорошо говорить, приезжай немедленно, но как, прах побери, я могу приехать? Ты не знаешь наших отношений с папашей Бассетом. Уверяю тебя, он не примет Бертрама с распростертыми объятиями, он спустит на него собак. Можешь не предлагать мне нацепить фальшивые бакенбарды и сделать вид, будто я пришёл чинить канализацию, старый дурень знает меня в лицо. Что посоветуешь? Что там у вас стряслось? Почему поссорились? Из-за чего поссорились? В каком смысле помолвка будет расторгнута? Чего ты опять натворил? Жду ответа.

Берти

Очередной конверт Дживз принес мне, когда я обедал.

Вустер

Беркли-сквер

Лондон

Понял. Постараюсь всё уладить. Несмотря на ссору, Медлин со мной разговаривает.

Скажу ей, получил от тебя срочное письмо, где ты умоляешь, чтобы тебе позволили приехать. Жди приглашения.

Гусик

А утром, проворочавшись полночи в постели, я получил сразу три телеграммы.

Первая:

Полный порядок. Приглашение в пути. Купи мне книгу «Мои друзья, тритоны» Лоретты Пибоди, издательство «Попгурд и Грули», продаётся во всех магазинах.

Гусик

Вторая:

Берти, ослиная твоя голова, слышала, ты едешь к нам в гости. Умничка. Ты мне позарез нужен.

Софи

Третья:

Конечно, приезжай, если хочешь, Берти, но, о Берти, разве это разумно? Разве тебе не больно видеть ту, которая никогда не будет твоей? Зачем, зачем ты бередишь свою рану?

Медлин

Пока я читал, Дживз подал мне чай, и я молча протянул ему телеграммы, а он молча их просмотрел. Заботливый малый заговорил только после того, как я выпил полчашки живительной влаги и немного пришёл в себя.

- Мне кажется, надо ехать немедленно, сэр.

- Должно быть, ты прав.

- Я упакую чемоданы, сэр. Прикажете позвонить миссис Траверс?

- Зачем?

- Сегодня утром, сэр, миссис Траверс пыталась несколько раз с вами связаться.

- Правда? Тогда звони.

- Возможно, я несколько поторопился, предложив вам свои услуги, сэр. Мне кажется, миссис Траверс здесь.

Долгий, непрекращающийся звонок, какой бывает, когда тётя жмет на кнопку и не желает её отпускать, раздался со стороны входной двери. Дживз наверняка всё увидел своим третьим глазом или чем там ещё, потому что и на сей раз он оказался прав. Громоподобный голос, который, объявляя о наличии лисы, когда-то чуть не выбивал охотников из сёдел и заставлял их хвататься за шляпы, прокатился по моей квартире.

- Щенок ещё спит, Дживз?: А, вот ты где!

И тётя Делия ворвалась в мою спальню.

* * *

Благодаря тому, что в своей юности, невзирая на погодные условия, моя ближайшая и дражайшая сутками не вылезала из седла, её лицо заметно потемнело и оставалось таковым во все времена года и при любых обстоятельствах, но сейчас я бы скорее назвал его побагровевшим. Моя тётушка тяжело дышала и с ненавистью сверкала глазами, так что люди, куда менее проницательные чем Бертрам Вустер, и те с первого взгляда поняли бы, что перед ними стоит особа женского пола, взбешённая, дальше некуда.

Очевидно, её так и подмывало высказать всё, что у неё накипело, но она сдержалась и

для начала накинута на меня, заявив с присущей ей простотой, что только последний лодырь может в столь поздний час дрыхнуть без задних ног.

- Я не дрыхну без задних ног, - с достоинством возразил я. - Если хочешь знать, я давно проснулся и как раз собираюсь позавтракать. Надеюсь, ты ко мне присоединишься? Само собой, можешь смело рассчитывать на яичницу с беконом, но одно твоё слово, и мы раздобудем тебе копчущек.

Она фыркнула с такой силой, что двадцать четыре часа назад я этого просто не вынес бы. Даже сейчас, более или менее восстановив форму, я воспринял её фыркание как взрыв той газовой колонки, при котором, как писали недавно в газетах, «погибли шестеро».

- Яичницы! Копчущки! Подай мне бренди с содовой. Пусть Дживз принесёт полный бокал. Если он забудет налить содовую, тоже не страшно. Берти, произошло нечто ужасное.

- Давай переберёмся в столовую, о моя бесценная тётя, - предложил я. - Там нам никто не помешает. Сейчас сюда придёт Дживз, чтобы упаковать чемоданы.

- Ты уезжаешь?

- Да. В Тотли-Тауэр. Представляешь, мне:

- В Тотли-Тауэр? Будь я проклята! Я как раз пришла сказать, чтобы ты прекратил валять дурака и немедленно ехал в Тотли-Тауэр.

- А?

- Дело жизни и смерти.

- В каком смысле?

- Сейчас узнаешь. Я всё объясню.

- Да, но сначала всё-таки перейдем в столовую. Итак, таинственная незнакомка, - шутливо продолжал я, когда Дживз принёс завтрак и удалился, что у тебя стряслось?

На мгновение наступила тишина, которую я нарушал, стучая чашкой кофе о блюдце, а тётя Делия - музыкально поглощая бренди с содовой. Затем она поставил пустой бокал на стол и перевела дыхание.

- Берти, - прогремела моя ближайшая и дражайшая, - первым делом я хочу сказать несколько слов о сэре Уаткине Бассете. Пусть тля сожрет все его розы. Когда к нему на обед соберутся гости, пусть его повар налижется как свинья. Пусть все его курицы передохнут.

- Разве он разводит куриц? - поинтересовался я.

- Пускай в его доме лопнут все водопроводные трубы. Пускай термиты разрушат Тотли-Тауэр. Пускай в церкви, когда он отдаст руку Медлин Пеньку-Бутыльку, его одолеет насморк, а платок он забудет дома.

Тётя Делия умолкла, явно облегчив душу, но я подумал, до сути она так и не дошла.

- Оно конечно, - осторожно произнёс я. Я полностью тебя поддерживаю, и согласен с тобой *in toto*, но в чём, собственно, дело?

- Сейчас скажу. Помнишь серебряную корову?

Я задрожал с головы до ног и ткнул вилкой в яичницу.

- Думаешь, я смогу её забыть? Ты не поверишь, но когда я зашел к антиквару, первым делом я столкнулся нос к носу со старикашкой Бассетом. Удивительное совпадение:

- Совпадение, держи карман шире. Негодяй пошёл в магазин специально, после того, как Том все уши ему своей коровой прожужжал. Представляешь, твой дядя ляпнул о своей покупке Бассету. Окончательно рехнулся. Естественно, подлец тут же начал строить козни, чтобы облапошить соперника. И ему это удалось. Вчера сэр Уаткин пригласил Тома на ленч в свой клуб, а в меню были омары, и этот Маккиавелли подсунул их Тому.

У меня отвалилась нижняя челюсть.

- Ты имеешь в виду, дядя Том ел омаров? - ошарашенно спросил я, потому что мне не хуже других было известно состояние капризного желудка дяди Тома. После того, как он чуть не загнулся от них на Рождество?

- Подлец Бассет подзуживал его, пока Том не сломался. Он съел не только сотню омаров, но ещё тонну свежих огурцов. Сегодня утром Том мне рассказал вчера он мог только стонать, - что сначала он проявил стойкость и мужество. Но обстоятельства оказались сильнее него. Оказывается, в клубе Бассета холодные закуски стоят на столе посередине комнаты, так что где бы ты ни сидел, тебе всё видно.

Я кивнул.

- В «Трутне» то же самое. Помню, однажды Конино Пирбрайт бросил в пирог с дичью шесть булочек от дальнего окна и ни разу не промахнулся.

- Сам понимаешь, Том не выдержал. Пока Бассет пытался его уломать, он ещё держался, но вид омаров окончательно доконал беднягу. Он сдался, накинулся на них как голодающий эскимос, и в шесть вечера мне позвонил швейцар и попросил прислать такси за останками, которые корчились в углу библиотечной комнаты. Том приехал через полчаса и, еле ворочая языком, попросил питьевой соды. Ха! воскликнула тётя Делия каким-то утробным голосом. - Питьевой соды, чтоб ему пусто было! Два доктора с трудом откачали его с помощью помпы!

- А тем временем? - спросил я, заранее зная, чем должна закончиться эта история.

- А тем временем подлец Бассет помчался в магазин со всех ног и купил кувшинчик. Антиквар обещал попридержать его для Тома до трёх часов и, естественно, расстался с ним не задумываясь, когда в три Том не пришёл, а другой клиент выразил желание совершить покупку. Ну, вот. Вчера вечером Бассет сунул корову под мышку и отбыл вместе с ней в Тотли-Тауэр.

Это была печальная история, которая только подтверждала моё мнение: судья, который способен содрать с парня пятёрку за пустяковый проступок вместо того, чтобы ограничиться упрёком в его адрес, способен на любую гадость. Но, по правде говоря, я не совсем понимал, как тётя Делия собирается помочь горю своего обожаемого супруга. В сложившейся ситуации оставалось только стиснуть зубы крепче, постараться всё забыть и начать жизнь сначала. Примерно так я и сказал, намазывая тост джемом.

- Да? Значит вот ты как?

- Что поделаешь, тётя Делия.

- Надеюсь, ты согласен, что по всем законам, божеским и человеческим, корова принадлежит Тому?

- О, конечно. Двух мнений быть не может.

- И ты собираешься оставить эту гнусность безнаказанной? Ты позволишь этому бандиту улизнуть от ответственности? Наблюдая, как на твоих глазах совершается жульничество, каких свет не видывал, ты намерен укоризненно покачать головой, пробормотать «ай-яй-яй» и ничего больше?

Я тщательно обдумал её слова.

- Ты не права, тётя Делия. Я не стану говорить «ай-яй-яй». Тут надо подобрать выражение похлеще. Но, не скрою, делать я ничего не буду, потому что просто не знаю, что тут можно сделать.

- А я знаю. Том имеет на корову всё права, и я умыкну её, чего бы мне это не стоило.

Я уставился на неё во все глаза. Честно признаться, хоть я и промолчал, в моём взгляде

она запросто могла увидеть, как я укоризненно качаю головой и бормочу «ай-яй-яй». Спору нет, её подставили в лучшем виде, но я не одобрял разбойничьих методов решения какой бы то ни было проблемы. Я только собирался спросить, как отнеслись бы к подобной идее её друзья-приятели из охотничьих клубов, когда она добавила:

- Вернее, не я, а ты!

В этот момент я как раз закуривал сигарету, которая, если верить рекламе, настраивала на благодушный лад, но, видимо, мне попалась не та сигарета, потому что, услышав её слова, я подскочил на кресле, словно в него было воткнуто шило.

- Кто, я?

- Вот именно. Сам видишь, как складно всё получается. Ты едешь в Тотли. У тебя будет куча возможностей незаметно стащить:

- Но, прах побери!

- :кувшинчик, а мне он позарез нужен, чтобы выудить у Тома чек для Помоны Гриндл. А если Том останется без коровы, я останусь без чека. Вчера я подписала с Помоной Гриндл контракт на баснословную сумму, и первую половину должна буду выплатить через неделю. Так что вперед, мой мальчик. Не понимаю, чего ты раскипятился. Плёвое дело. Мог бы и постараться для любимой тётки.

- Будь прокляты все плёвые дела для любимых тётки. Даже не мечтай, что я:

- О, нет, тебе не удастся отвертеться, потому что ты прекрасно знаешь, что произойдёт, если ты попробуешь удрать в кусты. - Она многозначительно на меня посмотрела. - Вы следите за ходом моей мысли, Ватсон?

Мне не надо было следить за ходом её мысли, я без того знал, на что она намекала. Тётка Делия не в первый раз показывала мне свои коготки. Сами понимаете, тут дело в том, что моя безжалостная родственница обладает совершенным оружием, которым она бессовестно пользуется, а я при этом чувствую себя как тот парень, - как же его звали? Дживз хорошо с ним знаком, - над чьей головой висел чей-то там меч. Короче говоря, тётка Делия всегда может настоять на своём, пригрозив, что если я не подчинюсь её воле, она больше на порог меня не пустит и таким образом навсегда отлучит от Анатоля. Я никогда не забуду, как однажды, в разгар сезона охоты на фазанов, она отказала мне от дома на целый месяц, и я сидел и глотал слюни, пока непревзойдённый гений фазаньих (и прочих) блюд не отходил от плиты.

Я сделал последнюю попытку её урезонить.

- Но для чего дяде Тому нужна эта жуткая корова? На неё смотреть противно. Уверяю тебя, без коровы ему будет куда спокойнее жить на свете.

- Том так не считает. А если ты не выполнишь моё пустяковое, простое поручение, гости за моим столом начнут спрашивать: «А почему к тебе больше не заходит Берти Вустер? Куда он подевался?» Боже, какой ленч приготовил нам вчера Анатолий! Бесподобный, другого слова не подобрать. Как ты любишь говорить, все его блюда буквально тают во рту.

Я сурово на неё посмотрел.

- Тётка Делия, это шантаж!

- Правда? Как ты догадался?

И она упорхнула из комнаты.

Я сжевал ломтик холодного бекона и угрюмо посмотрел на вошедшего Дживза.

- Чемоданы упакованы, сэр.

- Хорошо, Дживз. Не будем терять времени.

* * *

- Плохи мои дела, - сказал я, нарушая тревожное молчание, царившее на протяжении восьмидесяти семи миль. - Я побывал в разных передрягах, но сейчас для меня наступил конец света.

Мы продвигались по направлению к Тотли-Тауэр, я - за рулём, Дживз - рядом со мной, чемоданы - в багажнике. Из Лондона мы уехали в половине двенадцатого, и пока мы катили по шоссе, погода разгулялась, лучше не придумаешь. Стоял погожий, солнечный день, терпким воздухом дышалось легко и приятно, короче, если бы будущее не казалось мне таким мрачным, я бы веселился вовсю, не умолкая болтал бы с Дживзом, приветливо махал бы рукой встречным автомобилям и, возможно, даже мурлыкал бы себе под нос.

К сожалению, будущее казалось мне более чем мрачным, а ещё вернее, мне казалось, у меня вообще нет будущего, поэтому ни о каком мурлыканьи не могло быть и речи. По правде говоря, чем больше я думал об этом самом будущем, поджидавшем меня с камнем за пазухой в трижды проклятом Тотли-Тауэре, тем мрачнее я становился.

- Конец света, - повторил я.

- Сэр?

Я нахмурился. Малый, если так можно выразиться, деликатничал, а сейчас было не время деликатничать.

- Не делай вид, будто ничего не понимаешь, Дживз, - холодно сказал я. - Ты торчал в соседней комнате, пока я общался с тётёй Делией, а её голос наверняка слышали на другом конце Лондона.

Он сбросил с себя маску.

- Да, конечно, сэр. Вы правы. Должен признаться, в общих чертах мне известно содержание вашей беседы.

- Вот так бы сразу. Ты согласен, что мне можно заказывать гроб?

- Несомненно, вы попали в достаточно неприятное положение, сэр.

Некоторое время я вел машину молча.

- Если б я мог начать жить сначала, Дживз, - после непродолжительного раздумья произнёс я, - я прожил бы свою жизнь круглой сиротой без единой тётушки. Скажи, это в Турции тётушек запихивают в мешки и топят в Босфоре?

- Нет, сэр. Так поступают с одалисками.

- Чем тётушки лучше? От них одни неприятности. Говорю тебе, Дживз, если разобраться, за каждым несчастным, невинным, безвредным бедолагой, который вляпывается по уши то в одну жуткую историю, то в другую, стоит его тётушка.

- В том, что вы говорите, безусловно скрыт большой смысл, сэр.

- Ты можешь возразить, что тётушки делятся на плохих тётушек и хороших тётушек. Ничего подобного. Все они одинаковы. Рано или поздно от любой тётушки начинает пахнуть серой. Возьмём, к примеру, тётушку по имени Делия, Дживз. Сам знаешь, я всегда считал её особой женского пола высшей пробы, классной тётушкой, а как она со мной поступила? Подложила свинью, хуже не придумаешь. Пришла и, глазом не моргнув, дала поручение, о котором даже говорить страшно. Вустера, разлучника полицейских с их

шлемами, мы знаем. Нам известен Вустер, предположительно ворующий сумки на вокзалах. Но именно тётя по имени Делия вдруг решила явить миру Вустера, который приезжает погостить в дома отставных мировых судей и, вкушая их хлеб-соль, тащит у них серебряных коров почём зря. Фу! - сказал я, не в силах яснее выразить обуревавшие меня чувства.

- Ситуация не из лёгких, сэр.

- Хотел бы я знать, как примет меня старикашка Бассет, Дживз?

- За его поведением интересно будет понаблюдать, сэр.

- Раз я приглашён мисс Бассет, думаю, он не вышвырнет меня за дверь?

- Нет, сэр.

- Зато наверняка посмотрит на меня поверх своего пенсне и начнёт фыркать. Хуже не бывает, Дживз.

- Нет, сэр.

- Я имею в виду, даже если б не надо было умыкать серебряных коров, мне вряд ли кто позавидовал бы.

- Да, сэр. Осмелюсь спросить, вы собираетесь выполнить поручение миссис Траверс?

Трудно отчаянно всплеснуть руками, когда ведёшь машину на скорости пятьдесят миль в час, но по правде говоря, мне жутко захотелось ими всплеснуть, и наплевать на последствия.

- Ты попал в самую точку, Дживз. Вот в чем вопрос. Вот почему я мучаюсь. Помнишь, ты пару раз упоминал о типе, который чего-то кому-то не позволил? Ты знаешь, о ком я говорю. У него ещё была кошка.

- Вы имеете в виду Макбета, сэр, персонажа из пьесы покойного Уильяма Шекспира. Речь шла о том, что позволил он «сейчас решусь я» прислуживать «не смею я», вокруг и около бродил, как бедный кот из древней поговорки.

- Я его прекрасно понимаю. Мне тоже не легче. Я в нерешительности, Дживз, я колеблюсь: так можно сказать?

- Вне всяких сомнений, сэр.

- Когда я думаю, что меня навсегда отлучат от кухни, где командует божественный Анатолий, у меня руки чешутся умыкнуть корову как можно скорее. Но когда я вспоминаю, что моё имя в Тотли-Таузр давно смешано с грязью, и старикашка Бассет принимает меня за нечто среднее между разбойником с большой дороги и мелким жуликом, который тащит всё, что плохо лежит:

- Сэр?

- Разве я тебе не рассказывал? Вчера мы с ним в очередной раз сцепились. Теперь он считает, что если я и не король преступного мира, то по крайней мере один из его первых заместителей, враг рода человеческого, по которому тюрьма плачет.

Я вкратце рассказал Дживзу о моих вчерашних приключениях, и, можете представить себе мои чувства, когда я заметил, что бессовестного малого мой рассказ вроде как развеселил. Дживз не часто улыбается, но в данную минуту губы у него определённо задёрнулись.

- Забавное недоразумение, сэр.

- Забавное, Дживз?

Он сразу понял, что перехватил через край. Черты его лица приобрели былую строгость, а губы перестали отплясывать лезгинку.

- Прошу прощения, сэр. Мне следовало сказать «досадное недоразумение».

- Вот именно. Давно бы так.

- Вы не могли не почувствовать некоторой неловкости, встретившись с сэром Уаткином в подобных обстоятельствах.

- И я почувствую куда большую неловкость, если он застукает меня за воровством его любимой коровы. Я так и вижу, как он хватается за руку на месте преступления.

- Я прекрасно вас понимаю, сэр. Теряется уверенность в себе от мрачных дум и тяжких размышлений, и вечные дерзання и стремленья бессильной поступью в небытие уходят.

- Вот-вот. В самую точку. Ты прочёл мои мысли, Дживз.

И я уставился на дорогу, мрачней всё больше и больше.

- К тому же, Дживз, тут имеется ещё одна сложность. Даже если я решу умыкнуть корову, где мне взять время? Так просто, за здорово живёшь, её не стащишь. Надо придумать какой-нибудь план, разработать программу действий, ну, и всё такое. А как я могу придумывать и разрабатывать, когда первым делом мне необходимо решить проблему Гусика?

- Совершенно справедливо, сэр. Затруднительное положение.

- К тому же, мало мне было своих хлопот, Стефи свалилась мне как снег на голову. Помнишь третью телеграмму, которую я получил утром? Её прислала мисс Стефани Бинг, кузина мисс Бассет, проживающая в Тотли-Тауэре. Весьма хрупкая девица невысокого роста, одним словом, пигалица.

- О, конечно, сэр. Я прекрасно помню мисс Бинг. Очаровательная молодая леди.

- Может, она и очаровательная, но что ей от меня надо? Вот в чём вопрос, Дживз. От Стефи можно ждать любой пакости, так что теперь мне и с ней не будет покоя. Ну и жизнь!

- Да, сэр.

- Тем не менее, закусим нижнюю губу и прорвёмся, что?

- Безусловно, сэр.

Пока мы беседовали, машина, как вы понимаете, не стояла на месте, и я чуть было не прозевал столба, на котором было написано: «Тотли-на-нагорье, 8 миль». Вскоре нас окружили деревья, сквозь которые ясно просматривался дом эрла.

Я притормозил.

- Конец пути, Дживз?

- Думаю, вы правы, сэр.

И, естественно, я оказался прав. Мы проехали ворота и остановились у входной двери, где дворецкий сообщил нам, что мы не ошиблись адресом и прибыли куда полагается, а именно, в логово сэра Уаткина Бассета.

- Чайльд Роланд до Башни тьмы добрался, сэр, - тихо сказал Дживз, когда мы выходили из машины, но, по правде говоря, его острота до меня не дошла, и поэтому, пробормотав что-то неопределённое, я переключил внимание на дворецкого, который говорил не переставая, видимо, желая сообщить мне нечто важное.

Насколько я понял из его путаных объяснений, он пытался сказать, что если я надеялся поразвлечься в приятной компании, то выбрал неудачное время для визита, так как сэр Уаткин вышел подышать свежим воздухом.

- Он прогуливается в саду вместе с мистером Родериком Споудом, сэр.

Я вздрогнул. После истории в антикварном магазине имя «Родерик», как вы понимаете, запечатлелось в моей душе надолго, если не навечно.

- Родерик Споуд? Высокий парень с крохотными усиками? Смотрит так, словно в два

счёта может открыть консервную банку взглядом?

- Да, сэр. Он прибыл вчера из Лондона вместе с сэром Уаткином. Они ушли сразу после ленча. Мисс Медлин находится в доме, но неизвестно, где именно.

- А мистер Финк-Ноттль?

- Мне кажется, он вышел, сэр.

- Да? В таком случае я тоже прогуляюсь.

Честно признаться, я обрадовался, что какое-то время никого не увижу. Мне хотелось поразмышлять в одиночестве, и я принялся расхаживать взад-вперёд по открытой террасе, обдумывая сложившуюся ситуацию.

Не стану скрывать, услышав о том, что в доме обосновался Родерик Споуд, я окончательно расстроился. Я думал, он обычный клубный знакомый старика Бассета, который занимается делами в Метрополии, а не шляется где не попадая, чтобы убить время. Его пребывание в Тотли-Тауэр подкосило меня хуже не бывает, потому что вдвойне осложнило задачу, при мысли о которой даже у самых известных героев затряслись бы поджилки.

Сами понимаете, что я имею в виду. Я имею в виду, попробуйте себе представить, что почувствовал бы бедолага-преступник, если б приехал прикончить кого-нибудь в загородный дом и неожиданно обнаружил бы там не только Шерлока Холмса, но ещё и Эркюля Пуаро, решивших вместе отдохнуть денёк-другой.

По правде говоря, чем больше я думал о том, как стащить серебряный кувшинчик, тем меньше мне хотелось его воровать. Я изо всех сил напрягал свои мозги, стараясь найти такой выход, чтоб и волки были сыты и овцы целы. Я размышлял над своими возможностями, исследовал, так сказать, разнообразные пути, и ходил по террасе, склонив черепашку, в надежде, что в голову мне придет какая-нибудь гениальная мысль.

Но в голову мне лезла всякая чушь, вроде той, что старикашка Бассет вложил свои деньги, лучше не придумаешь. Я большой знаток и ценитель загородных имений, и должен признаться, к Тотли-Тауэр трудно было придаться. Прекрасный фасад, большая усадьба, аккуратно подстриженные лужайки и так далее, и тому подобное, создавали атмосферу покоя и благополучия. Вдалеке мычали коровы, блеяли и чирикали овцы и птицы в указанном порядке, а совсем рядом неожиданно раздался звук выстрела, видимо, кто-то охотился на кроликов. Может, в Тотли-Тауэре и властвовала гнусность человеческая, но внешне всё здесь радовало глаз.

Я ходил взад и вперед, прикидывая, сколько времени потребовалось старому мошеннику, если, скажем, он штрафовал на пятёрку по двадцать человек в день, чтобы заграбастать данное имение, когда моё внимание невольно привлёк интерьер комнаты на первом этаже, который прекрасно просматривался сквозь распахнутые застеклённые двери.

Я увидел нечто вроде гостиной в миниатюре, если вы понимаете, что я имею в виду, где вам с трудом удалось бы повернуться, потому что она была до отказа забита стеклянными футлярами, которые в свою очередь были до отказа забиты всевозможными серебряными предметами. Совершенно очевидно, именно здесь находилась коллекция Бассета.

Я остановился. Какая-то неведомая сила, казалось, заставила меня шагнуть в открытые двери. И в следующую секунду, хотите верьте, хотите нет, я очутился, как говорят французы, tet-a-tet со своей старой подружкой, серебряной коровой. Она стояла в небольшом футляре у входа, и я уставился на неё через стекло, тяжело дыша.

Можете представить себе мои чувства, когда я убедился, что футляр не заперт.

Я его открыл.

Я протянул руку и выудил из него корову.

Честно признаться, я и сам не знаю, собирался я просто повертеть её в разные стороны, а затем поставить на место, или покончить с этим делом, изъяв корову у Бассета раз и навсегда. Я помню только, что никакого плана у меня в то время не было. Можно сказать, в ту минуту я сильно смахивал на кота из древней поговорки.

Однако, мне не дали, как выразился бы Дживз, проанализировать ситуацию, потому что в этот момент голос за моей спиной произнёс: «Руки вверх!» и, обернувшись, я увидел на пороге Родерика Споуда. В руках он держал ружьё, и дуло его было направлено приблизительно на третью пуговицу моего жилета.

Судя по небрежной позе этого парня, он был одним из тех, кто стреляет от бедра в яблочко, почти не целясь.

Интересуясь Родериком Споудом у дворецкого, я сказал, что он в два счёта смог бы открыть консервную банку взглядом, и именно такой взгляд я сейчас ощутил на собственной персоне. К тому же я ошибся, предполагая, что он семь футов ростом. В нём было не меньше восьми. И ещё я забыл упомянуть, что даже мускулы его челюстей, которые ритмично расслаблялись и напрягались, напоминали стальные канаты.

Я надеялся, он не скажет «Ха!», но мои надежды оказались напрасными, а так как голосовые связки у меня оказались парализованными, на этом наш диалог и закончился. Не отрывая от меня своего консервного взгляда, он крикнул: «Сэр Уаткин!»

Издали послышалось нечто вроде да-я-здесь-что-там-у-вас-страслось.

- Идите скорей сюда. Я вам кое-что покажу.

И примерно через полминуты в дверях появился старикашка Бассет, на ходу поправляя пенсне.

До сих пор я встречал сэра Уаткина в одеяниях, достойных Метрополии, и должен признаться, несмотря на жуткое положение, в которое я попал, дрожь пробежала по моему телу, когда я увидел, как он вырядился, не успев очутиться в своём поместье. Есть одна аксиома, по крайней мере Дживз так её называет, что чем человек меньше ростом, тем ярче он одевается, и внешний вид Бассета вполне соответствовал недостатку в нём дюймов по высоте. По правде говоря, у меня зарябило в глазах, и, как ни странно, я немного успокоился, так как, глядя на его пестрый твидовый костюм, неожиданно понял, что теперь уже ничто не имеет значения.

- Взгляните! - изрёк Споуд. - Вы когда-нибудь могли себе такое представить?

Старикашка смотрел на меня с отвисшей нижней челюстью, судорожно глотая слюну.

- Боже великий! Вокзальный вор!

- Да. Невероятно, правда?

- Будь я проклят, да он меня преследует! Ходит за мной по пятам! Прямо прохода не даёт! Как вам удалось его поймать?

- Я шёл по тропинке и случайно увидел, как кто-то незаметно проскользнул в комнату. Я побежал, а так как у меня было с собой ружьё, велел преступнику поднять руки вверх. Должен вам сказать, я успел вовремя. Он уже начал вас грабить.

- Очень вам признателен, Родерик. Это надо же, какой настырный парень. Просто уму непостижимо. Кто бы мог подумать, что после первой неудачной попытки он предпримет вторую? Да ещё на следующий день и в другом месте? Что ж, он горько об этом пожалеет.

- Наверное, преступление слишком серьёзное, чтобы вы смогли вынести приговор на месте?

- Я могу выписать ордер на арест. Отведите его в библиотеку, давайте не откладывать дела в долгий ящик. Скорее всего, им займётся выездная сессия суда.

- А как вы думаете, сколько ему дадут?

- Трудно сказать. В любом случае не меньше:

- Эй! - воскликнул я.

Мне хотелось поговорить с ними тихо и спокойно, чтобы привлечь к себе внимание и объяснить, что я как-никак гость и нахожусь здесь по приглашению дочери хозяина дома, но почему-то моё «Эй» прозвучало примерно так, как если бы тётя Делия окликнула собрата-

охотника, находившегося на расстоянии в полмили от неё, и старикашка Бассет подскочил как ужаленный и отпрыгнул в сторону, словно я попытался ткнуть ему горячей веткой в физиономию.

Споуд и тут влез куда не надо и сделал мне замечание.

- Не смейте так кричать!

- Я чуть было не оглох! - пожаловался старикашка.

- Послушайте! - взвыл я. - Дайте хоть слово сказать!

В последующей перепалке я постарался объяснить, что произошло на самом деле, а оппозиция, не слушая моих объяснений, постаралась меня утихомирить, и в разгар нашего сражения, когда я, наконец, обрёл голос и собрался с силами, дверь открылась, и кто-то произнёс с порога:

- О, господи!

Я обернулся. Эти влажные губы: Эти глаза-блюдца с поволокой: Это смазливое личико:

Можете не сомневаться, я прекрасно понимаю что, если б только я стал жаловаться на грозящую мне опасность стороннему наблюдателю, высказывая ему свои страхи перед женитьбой на этой девице, он изумлённо на меня посмотрел бы и наверняка поднял бы брови. «Берти, - скорее всего заметил бы он, - ты сам не знаешь, чего хочешь», и, возможно, со вздохом добавил бы: «Мне бы твои заботы». И в чём-то он был бы прав, потому что экстерьер Медлин Бассет не оставлял желать лучшего; короче говоря, она была изящной, svelte, если я не путаю данного слова, и в обилии экипирована золотистыми волосами и прочими выдающимися атрибутами женской красоты.

Да, в чём-то он был бы прав, и тем не менее допустил бы промашку, хуже не бывает, потому что, разглагольствуя о красоте, не принял бы в расчёт тех её качеств, от которых леденило кровь: слюнявой сентиментальности, слащавости и развития, остановившегося на уровне трёхлетнего дитяти. Медлин Бассет, несомненно, была одной из тех особ женского пола, которым ничего не стоило подкрасться сзади к своему супругу, закрыть ему глаза и игриво спросить: «Угадай, кто?», когда он после разнообразно проведённой ночи бредёт к столу, еле передвигая ноги и чувствуя, что голова у него сейчас расколется пополам.

Помню, однажды я гостил у своего приятеля сразу после того, как он женился, и его очаровательная супруга вырезала на камине на самом видном месте надпись: «Два любящих сердца свили здесь гнёздышко»; так вот, я никогда не забуду мучительную тоску во взоре второго любящего сердца этой надписи, когда оно входило в гостиную, где стоял камин. Я, конечно, не могу утверждать, что, выскочив замуж, Медлин Бассет последовала бы примеру той новобрачной, но судя по всему, она её перещеголяла бы.

В данный момент Медлин глядела на нас с невинным изумлением.

- Что за шум? - спросила она. - Ой, Берти! Когда ты приехал?

- Э-э-э, привет. Только что.

- Нормально добрался?

- Да, спасибо. На своей машине.

- Наверное, ты ужасно устал.

- Нет-нет, что ты. Совсем нет.

- Чай скоро будет готов. Ты уже познакомился с папочкой?

- Да, с папочкой я познакомился.

- А с мистером Споудом?

- С мистером Споудом я тоже познакомился.

- Не знаю, где Огастес, но к чаю он наверняка придёт домой.

- Жду не дождусь, когда его увижу.

Старикашка Бассет ошарашенно слушал этот обмен любезностями, время от времени открывая и закрывая рот, словно рыба, вытащенная из воды, которая барахтается на крючке и не понимает, что такое с ней приключилось и почему свет неожиданно перевернулся. Само собой, проследить ход его мысли было нетрудно. Для него Бертрам являлся существом из преступного мира, которое воровало сумки и зонтики где не попадя и, что хуже всего, каждый раз на воровстве попадалось. Ни один уважающий себя отец не захочет, чтобы его дочь была на дружеской ноге с неудачником.

- Ты знаешь этого человека? - хрипло спросил он.

Медлин Бассет рассмеялась серебристым музыкальным смехом, и меня чуть не вытошнило.

- Ой, папочка, какой ты смешной. Конечно, я его знаю. Берти Вустер старый-престарый, дорогой мой друг. Я тебе говорила, он сегодня приедет.

Старикашку Бассета её слова не убедили. Споуда, по всей видимости, они тоже не убедили.

- Ты хочешь сказать, это твой друг, Берти Вустер?

- Ну конечно.

- Но он ворует сумки.

- И зонтики, - подсказал Споуд, словно он был королевским глашатаем или кем-то там ещё.

- И зонтики, - на лету подхватил Бассет. - К тому же он грабит антикварные лавки среди бела дня.

Их слова, в свою очередь, не убедили Медлин, так что теперь их стало трое, и все не убеждённые.

- Папочка!

Старикашка заупрямился.

- Говорю тебе, он вор. Я поймал его за руку.

- Я тоже поймал его за руку, - авторитетно подтвердил Споуд.

- Мы оба поймали его за руку, - подвёл итог Бассет. - Он орудует по всему Лондону. Куда в Лондоне не пойдёшь, этот парень отовсюду тащит сумки и зонтики. А сейчас он перебрался в Глостершир.

- Глупости! - заявила Медлин.

Я понял, что пришла пора положить конец всему этому безобразию. Я имею в виду, я был по горло сыт ворованными сумками и ворованными зонтиками. Само собой, судья не должен помнить, кого он за что посадил (старикашка и так не мог пожаловаться на память, раз помнил в лицо своих клиентов), но всему есть предел, знаете ли.

- Естественно, глупости! - прогремел я. - Забавное недоразумение, не более.

По правде говоря, я думал, моё объяснение пройдёт гладко, но, - увы! этого не произошло. Мне казалось, нескольких фраз будет достаточно, чтобы они расхохотались, а затем весело похлопали бы меня по спине и извинились бы за причинённое мне беспокойство. Не тут-то было. Старикашку заело, если вы меня понимаете. Должно быть, работа судьи вконец испортила его характер. Я имею в виду, он всё время меня перебивал, иронически приподнимая бровь и задавая вопросы типа: «Одну минутку, скажите, а:» и «Значит, вы утверждаете:», а также «Правильно ли я вас понял:» Оскорбительно, дальше

некуда.

Однако, трудясь в поте лица, я в конце концов наставил его на путь истинный относительно зонтика, и он неохотно согласился, что, быть может, судил слишком поспешно.

- А как насчет сумок?

- Никаких сумок в помине не было.

- Но я отчётливо помню, что приговорил вас к чему-то в суде на Бошер-стрит. У меня прекрасная память на лица.

- Я стянул шлем у полисмена.

- Это всё равно, что воровать сумки.

В разговор неожиданно вмешался Родерик Споуд. Во время допроса, - будь я проклят, именно допроса с пристрастием, иначе не назовёшь, - он стоял рядом, задумчиво посасывая ствол ружья и всем своим видом показывая, что мои объяснения кажутся ему смехотворными, но сейчас его гранитное лицо приобрело более или менее человеческое выражение.

- Нет, - сказал он, - мне кажется, вы зашли слишком далеко. Когда я учился в Оксфорде, я тоже как-то раз украл у полисмена шлем.

Я был просто потрясён. Честно признаться, мне даже в голову не могло прийти, что этот человек, так сказать, когда-то тоже жил в Аркадии. Впрочем, я всегда утверждал, что в худших из нас при желании можно отыскать жемчужное зерно.

Совершенно очевидно, старикашка Бассет был сражён наповал. Но он быстро пришёл в себя.

- Да? А что скажете по поводу антикварной лавки? Разве мы не поймали его, когда он удирал с моим кувшинчиком для сливок? Как он сможет это объяснить?

Этот аргумент явно произвел на Споуда большое впечатление. Он перестал сосать дуло, опустил ружье и кивнул.

- Тип в лавке дал мне посмотреть ваш кувшинчик, - коротко ответил я. - Он посоветовал мне выйти на улицу, так как в помещении было темно.

- Вы пытались удрать.

- Я пытался сохранить равновесие. Под ноги мне попала кошка, и я споткнулся.

- Какая кошка?

- Обычная кошка. Должно быть, обитательница того самого заведения.

- Гм-м-м. Я не видел кошки. Вы видели кошку, Родерик?

- Никакой кошки я не видел.

- Ха! Ладно, оставим кошку в покое и перейдём:

- Да, но она не оставила меня в покое, - ответил я, мгновенно найдя блестящий ответ, что со мной часто бывает.

- Оставим кошку в покое, - повторил старикашка - перейдём к другой стороне вопроса. Для чего вам понадобился кувшинчик? Вы говорите, вам захотелось на него посмотреть. Вы пытаетесь убедить нас, что невинно изучали данный предмет старины. С какой целью? Зачем? Какой интерес может представлять для такого, как вы, серебро восемнадцатого века?

- Вот именно, - поддакнул Споуд. - Только что собирался задать ему тот же вопрос.

Поддержка приятеля подействовала на Бассета самым скверным образом. Он необычайно оживился, глаза его безумно загорелись, короче, он окончательно свихнулся, видимо, вообразив, что находится в зале своего дурацкого суда.

- Вы утверждаете, владелец магазина сам дал вам кувшинчик. А я настаиваю, вы схватили его и попытались с ним скрыться. А сейчас мистер Споуд застал вас с моим кувшинчиком в руках. Что вы можете сказать в своё оправдание? А? Как вы объясните своё поведение?

- Но, папочка! - сказала Медлин.

Думаю, вы недоумеваете, почему болтливая девица молчала с тех самых пор, как воскликнула: «Глупости!» и не вмешивалась в ход текущих событий. Не удивляйтесь. Дело в том, что сказав: «Глупости!», она в порыве обуревавших её чувств вдохнула в себя какое-то насекомое и отошла на задний план, стараясь всеми доступными средствами выбросить его из своей дыхательной системы. А так как обстановка была накалённой, мужчины не собирались обращать внимания на задыхающихся девиц, пока не обсудят повестку дня.

Сейчас Медлин вышла вперёд и всё ещё несколько сдавленным голосом произнесла:

- Но, папочка! Естественно, первым делом Берти захотелось посмотреть на твоё серебро. Конечно же, ему интересно. Ведь он племянник мистера Траверса.

- Что?!

- Разве ты не знал? У твоего дяди чудная коллекция, правда, Берти? Наверное, он много раз рассказывал тебе о папочкиных предметах старины.

Наступило молчание. Старикашка Бассет запыхтел как паровоз. Выражение его лица мне не понравилось. Он переводил взгляд с меня на корову и с коровы на меня, а затем вновь на корову, и, можете не сомневаться, куда менее проницательный парень, чем Вустер, сразу бы догадался, что было у него на уме. Сэру Уаткину Бассету не понадобилось много времени, чтобы разобраться что к чему.

- Ох! - сказал он.

Наступило очередное молчание, причем весьма красноречивое.

- Простите, - сказал я, - мне нужно срочно отправить телеграмму.

- Можешь послать её по телефону из библиотеки, - предложила Медлин. - Я тебя провожу.

Она подвела меня к аппарату и ушла, сказав, что подождёт в холле, пока я закончу свои дела, а я дрожащей рукой схватил телефонную трубку, позвонил на почту и после коротких переговоров с телеграфистом (по совместительству, деревенским идиотом) начал диктовать ему следующее:

Миссис Траверс,
47, Чарльз-сквер,
Лондон.

На мгновение я задумался, собрался с мыслями, потом продолжал:

Глубоко сожалею, нет возможности выполнить твоё поручение ге сама знаешь что. Атмосфера глубочайшего недоверия, и любая моя попытка заранее обречена на провал. Видела бы ты физиономию Бассета, когда он узнал, я племянник дяди Тома. Старикашка стал похож на посла, который застукал девицу в маске у сейфа с секретными документами. Прости, и всё такое, но номер не пройдёт. Целую

Берти

Затем я спустился в холл к Медлин Бассет.

Медлин стояла у барометра, который, если б у него были мозги, должен был бы показывать на «Бурю», а не на «Ясно», и когда я к ней подошёл, обернулась и посмотрела на меня с таким нежным участием, что душа у меня ушла в пятки, а по спине побежали мурашки. Мысль о том, что ненормальная девица разругалась с Гусиком и в любую минуту могла вернуть ему кольцо и подарки, вселяла в меня суеверный ужас.

Сами понимаете, как человек многоопытный, я твёрдо решил посоветовать ей бросить валять дурака и помириться с женихом как можно скорее.

- Ох, Берти, - произнесла она тихим дрожащим голосом, звуки которого почему-то напомнили мне бульканье пива, льющегося из бутылки, - тебе не следовало сюда приезжать!

По правде говоря, после интервью с Родериком Споудом и сэром Уаткином я придерживался того же мнения, но у меня не было времени объяснять, что я не свежим воздухом дышать приехал, и что если б Гусик не прислал мне SOS, я бы скорее повесился, чем подошёл к её дому на пушечный выстрел. Она продолжала говорить, глядя на меня с тоской во взоре, словно я был кроликом, которого с минуты на минуту должны были превратить в гнома.

- Зачем, зачем ты приехал? О, я знаю, что ты сейчас скажешь. Ты скажешь, что любой ценой захотел меня увидеть в последний раз. Ты скажешь, что не сумел справиться со своими чувствами. Ты скажешь, что решил запечатлеть мой образ в памяти, чтобы он скрасил твоё одиночество. О, Берти, как ты похож на Руделя!

Это было что-то новенькое.

- На Руделя?

- Да, на сеньора Жофруа Руделя, графа Blae-en-Saintonge.

Я покачал головой.

- Прости, я с ним не знаком. Твой друг?

- Он жил в средние века. Жофруа был великим поэтом. И он полюбил принцессу триполийскую.

Я нерешительно преступил с ноги на ногу. Сами понимаете, когда девицы рассказывают любовные истории, они по своей невинности могут ляпнуть какую-нибудь двусмысленность.

- Он любил её долгие годы и, наконец, не смог с собой совладать. Он отправился в Триполи на корабле, и слуги снесли его на носилках на берег.

- Плохо перенес качку, что? - спросил я, не понимая, к чему она клонит. На море штормило?

- Он умирал от любви.

- Э-э-э, гм-м-м.

- Слуги доставили его к принцессе Мелисанде, и у него хватило сил только прикоснуться к её пальцам. Затем он умер у неё на руках.

Она умолкла и испустила вздох, начавшийся как минимум в районе пяток. Наступило молчание.

- Жуть! - воскликнул я, чувствуя, что мне необходимо хоть как-то отреагировать на её житейский анекдот, хотя, честно признаться, он в подмётки не годился анекдоту о странствующем торговце и дочери фермера. Само собой, может, я так и не думал бы, если б лично знал парня, который помер.

Медлин вновь испустила вздох от пяток.

- Теперь ты понимаешь, почему я сравнила тебя с Руделем. Как и он, ты приехал, чтобы в последний раз бросить взгляд на ту, которую любишь. Я тронута, Берти, и никогда этого не

забуду. Я сохраню лишь сладостные воспоминания о твоём чувстве, которые всегда навевают завядший хрупкий цветок меж страниц старого альбома. Но мудро ли ты поступил, Берти? Не следовало ли тебе стиснуть зубы и покориться судьбе? Не лучше ли было бы сказать себе, что всё кончено в тот день, когда мы попрощались в Бринкли-корте? Зачем ты себя мучаешь? Мы встретились, и ты полюбил меня, а я призналась, что моё сердце отдано другому. После этого мы должны были расстаться навсегда.

- К гадалке не ходи, - согласился я. Сами понимаете, я имею в виду, она дело говорила. Если её сердце действительно принадлежало другому, дай бог, чтобы оно на том и утихомирилось. Бертрама это устраивало на все сто. Оставалось точно выяснить, так это было или нет. - Послушай, но Гусик прислал мне телеграмму, что вы: э-э-э: разругались в дым.

Она встрепенулась и бросила на меня такой взгляд, словно ей только что удалось разгадать последнее слово в кроссворде.

- Так вот почему ты приехал! Ты решил, у тебя появился шанс? О, Берти, Берти, мне так жаль: бесконечно жаль: - Её глаза-блюдца увеличились до размера тарелок и заполнились (так она сама наверняка выразилась бы) невыплаканными слезами. - Нет, Берти, у тебя нет шансов. Оставь всякую надежду, Берти. Не строй воздушных замков. Ты только причинишь себе ненужную боль. Я люблю Огастеса. Он моя половинка.

- Значит вы не поругались?

- Конечно, нет.

- Тогда какого ладана он написал «серьёзно поссорился с Медлин?»

- О, вот ты о чём. - Она вновь рассмеялась своим тошнотворным серебристым смехом. - Сущие пустяки. Очень глупая и забавная история. Совсем маленькое, ну просто крошечное, недоразумение. Я подумала, он флиртует с моей кузиной, Стефани, приревновала и повела себя как последняя глупышка. Сегодня утром Огастес мне всё объяснил. Оказывается, он всего-навсего вынимал мушку из её глаза.

По правде говоря, у меня были все основания разозлиться, потому что меня вытащили из Лондона бог весть куда без всякой надобности, но хотите верьте, хотите нет, я даже не расстроился. Наоборот, Бертрам чувствовал себя, лучше не придумаешь. По-моему, я уже упоминал что, получив гусикову телеграмму, затрясся от страха, опасаясь самого худшего. Когда же я получил информацию, так сказать, из первых рук, что дела между этой чумой в юбке и моим приятелем идут как по маслу, у меня словно гора с плеч свалилась.

- Значит, у вас всё хорошо, что?

- Чудесно. Никогда ещё я не любила Огастеса так сильно, как сейчас.

- Да ну, правда?

- Каждую секунду, что я с ним рядом, его яркая сущность раскрывается передо мной, как нежные лепестки прекрасного цветка.

- В самом деле?

- Каждый день я узнаю об этом удивительном человеке что-то неожиданное, новое. Вот, например: ты ведь его недавно видел?

- Да, конечно. Два дня назад в «Трутне» я дал обед в его честь.

- Скажи, ты не заметил в нём никаких перемен?

Я мысленно перенёсся на два дня назад. Насколько я помнил, Гусик каким уродом был, таким и остался.

- Перемен? Знаешь, по-моему, нет. Само собой, за столом я не смог уделить ему

достаточно внимания, так сказать, проанализировать его яркую сущность, если ты меня понимаешь. Он сидел рядом со мной, и мы болтали о том, о сём, но ведь сама знаешь, я играл роль хозяина, а это обязывает: то за официантами надо было проследить, то поддержать разговор, а ещё урезонить Кони́ну Пирбра́йта, пытавшегося изобразить недорезанную свинью, ну и всё такое, короче говоря, не упустить тысячу мелочей. А какие перемены ты имела в виду?

- Естественно, к лучшему, хотя Он и так само совершенство. Скажи, Берти, тебе никогда не казалось, что несмотря на все свои достоинства, Огастес бывает излишне робок?

- Ах, да, само собой. - Я вспомнил, как Дживз однажды обозвал Гусика. Мимоза стыдливая, что?

- Верно, Берти. Ты знаток Шелли.

- Правда?

- Именно так я всегда о нём думала: мимоза стыдливая, едва ли способная выдержать грубости современной бурной жизни. Но недавно, - если быть точной, неделю назад, - наряду с удивительными, нежными качествами мечтателя я заметила в нём силу характера, о которой раньше даже не подозревала. От нерешительности Огастеса не осталось и следа.

- Прах побери, ты абсолютно права! - воскликнул я, припоминая Гусика двухдневной давности. - Так оно и есть. Представляешь, перед началом нашего обеда он произнёс речь, причем весьма пламенную. Более того:

Я прикусил язык. Честно признаться, я чуть было не ляпнул: «Более того, предварительно он не влил в себя три кварты разнообразных алкогольных напитков, как перед вручением призов в Маркет-Снодберийской классической школе, а накачался одним апельсиновым соком». К счастью, я вовремя спохватился. Представление, которое устроил в Маркет Снодсбери предмет её обожания, Медлин наверняка старалась не вспоминать.

- Сегодня утром, например, - сказала она, - он весьма резко разговаривал с Родериком Споудом.

- Неужели?

- Они о чём-то поспорили, и Огастес посоветовал Родерику пойти проветриться и не молоть чушь.

- Ну-ну, - произнёс я.

Естественно, я не поверил ни единому её слову. Я имею в виду, поспорил с Родериком Споудом. Я имею в виду, это надо же! С Родериком Споудом, я имею в виду, деятелем, один вид которого даже боксёра-тяжеловеса заставил бы выбирать выражения. Быть такого не могло.

Само собой, я её прекрасно понимал. Несомненно, ей хотелось похвастаться своим кумиром, и, как все особы женского пола, она явно перегибала палку. Впрочем, я давно заметил, что так же ведут себя молодые жёны, которые пытаются внушить вам, что их Герберт, Джордж или кто там ещё обладает скрытыми достоинствами, недоступными пониманию простого смертного. Женщины часто увлекаются, закусывают удила, а когда их несёт, никак не могут остановиться.

Помню, мисс Бинго Литтл вскоре после замужества сказала мне, что Бинго поэтическая натура и особо возвышенно говорит о закатах, но при этом она не учла ближайших и лучших друзей придурка, которые знали его как облупленного и могли бы заверить её, что Бинго плевать хотел на все закаты в мире, а если б спяну и заметил какой-нибудь закат, обратил бы внимание только на то, что тот напоминает ему ростбиф, поджаренный в самый раз.

Однако девушке нельзя сказать в глаза, что она нагло лжёт, поэтому я и ограничился коротким «Ну-ну».

- Уверенность в своих силах - единственное, чего не хватало Огастесу для полного совершенства. Иногда, Берти, я спрашиваю себя, достойна ли я такой редкой души.

- Ну, знаешь, на твоём месте я не задавал бы себе идиотских вопросов. Конечно, достойна. Двух мнений быть не может.

- Ох, Берти, какой ты благородный!

- Ничего подобного. Вы двое смотрите так же хорошо, как свинина с бобами. Дураку ясно, у вас будет как-там-он-называется: идеальный брак. Я знаю Гусика с детства, и если б мне давали по шиллингу каждый раз, когда я думал, ему нужна именно такая девушка как ты, я давно стал бы миллионером.

- Правда?

- На все сто. А когда я с тобой познакомился, тут же решил: «Вот оно! Эта пташка просто создана для него. Наконец-то!» Когда свадьба?

- Двадцать третьего.

- Почему не раньше? Выходи за него как можно скорее.

- Ты думаешь?

- Уверен. Чем скорее покончишь с этим делом, тем спокойнее будет у меня: у тебя на душе. За такого, как Гусик, нельзя выйти замуж слишком рано. Прекрасный парень. Замечательный. Второго такого днём с огнём не сыщешь. Таких как он не было и не будет. Гений, да и только.

Она вцепилась в мою руку и изо всех сил её сжала. Неприятно, конечно, но без добра не бывает худа.

- Ах, Берти! Твоё великодушие не знает границ!

- Да ну, брось. Говорю, что думаю.

- Я так счастлива, что: всё это: не повлияло на твою дружбу с Гусиком.

- Исключено. Мы друзья до гроба.

- Многие на твоём месте ожесточились бы:

- Дуракам закон не писан.

- Но только не ты. Порывами твоей щедрой души нельзя не восхищаться. Ты так прекрасно говорил о моём Огастесе.

- Само собой.

- О, Берти!

На этой радостной ноте мы расстались: она умотала, чтобы заняться неизвестными мне домашними делами, а я отправился в гостиную пить чай, от которого Медлин отказалась, так как сидела на какой-то диете.

И когда я подошёл к приоткрытой двери и собрался распахнуть её настежь, из гостиной до меня донесся голос, а говорил он следующее: «Будьте так любезны, не мелите чушь, Споуд!»

Ошибиться насчёт голоса было невозможно. С юношеских лет Гусик отличался тембре, который напоминал нечто среднее между шипением газа из лопнувшей трубы и бляением овцы в брачный период.

Ошибиться насчёт того, что он сказал, тоже было невозможно. Его фразу я процитировал, и, честно признаться, в тот момент моё изумление не поддавалось никакому описанию. Фантастическая история Медлин Бассет становилась похожей на правду. Я имею

в виду, Огастес Финк-Ноттль, заявивший Родерику Споуду, чтобы тот не молот чушь, вполне мог быть Огастесом Финк-Ноттлем, отправившим Родерика Споуда пойти проветриться.

Всё ещё изумляясь, я вошёл в гостиную.

* * *

За исключением туманной фигуры, которая могла принадлежать какой угодно родственнице хозяина дома, в комнате находились сэр Уаткин Бассет, Родерик Споуд и Гусик. Гусик стоял на коврике у камина, расставив ноги и греясь у огня, явно разведённого специально для сидения сэра Уаткина, и, глядя на придурка, я сразу понял, почему Медлин Бассет сказала, что от его нерешительности не осталось и следа.

Он увидел меня и помахал в мою сторону рукой, прах его побери, весьма покровительственно. Точь-в-точь краснощёкий сквайр, милостиво согласившийся принять делегацию арендаторов.

- Ах, это ты, Берти. Приехал всё-таки.

- Да.

- Заходи, не стесняйся. Замори червячка.

- Спасибо.

- Ты привёз мне книгу?

- Ох, прости пожалуйста. Совсем выскочило из головы.

- Берти, ты дашь сто очков вперёд самому тупоголовому барану на свете. Ладно, бог с тобой, живи.

И небрежным жестом дав мне понять, что аудиенция закончена, он потребовал, чтобы ему подали ещё один сэндвич с ветчиной.

По правде говоря, первую трапезу в Тотли-Тауэре я не могу включить в число приятных воспоминаний моей жизни. Как правило, я всегда наслаждаюсь чашкой чая в загородных домах после долгого пути. Мне нравится потрескивание поленьев в камине, игра света и тени, запах поджаренных тостов, атмосфера ленивого благодушия. Меня трогают до глубины души улыбка хозяйки и вкрадчивый шёпот хозяина, который предлагает мне незаметно улизнуть и выпить виски с содовой в оружейной комнате. Всем известно, что в подобных обстоятельствах Бертрам Вустер может проявить себя с лучшей стороны.

Но сейчас ни о каком *bien-etre* не могло идти речи из-за Гусика, у которого был такой вид, будто он купил дом вместе с его обитателями, и когда старикашка с диктатором оставили нас наедине, я испытал самое настоящее облегчение. Теперь у меня появилась возможность разгадать необъяснимое превращение Гусика в неведомую птицу.

Однако сначала я решил получить подтверждение из вторых уст о благополучном примирении придурка с Медлин. Само собой, она уже сообщила мне, что дела у них шли как по маслу, но осторожность прежде всего.

- Я только что видел Медлин, - сказал я. - Она говорит, у вас всё в порядке. Верно?

- Естественно. Наши отношения несколько охладели после того, как я вынул мушку из глаза Стефани Бинг, и я в панике послал тебе телеграмму. Мне казалось, ты сможешь помочь уладить это маленькое недоразумение. Однако, всё обошлось. Я поставил Медлин на место, так что в твоём приезде не было необходимости. Но раз уж ты здесь, можешь погостить денёк-другой.

- Ну, спасибо.

- Кстати, могу тебя обрадовать. Насколько мне известно, сегодня вечером сюда прибывает твоя тётюшка.

По правде говоря, я растерялся. Моя тётя Агата, о чём я знал доподлинно, лежала в частной клинике с желтухой, и я не далее как два дня назад отнёс ей туда цветы. И, само собой, речь не могла идти о моей тёте Делии, потому что она ничего не говорила мне о своих планах нагрянуть в Тотли-Тауэр собственной персоной.

- Послушай, а ты не путаешь? - спросил я.

- Ничего я не путаю. Медлин показала мне телеграмму, пришедшую сегодня утром, где твоя тётя интересуется, не причинит ли она неудобств, если приедет погостить на несколько дней. Кстати, телеграмма отправлена из Лондона, а не из Бринкли-Корта.

Я вздрогнул.

- Ты ведь не мою тётю Делию имеешь в виду?

- Естественно, я имею в виду твою тётю Делию.

- Ты хочешь сказать, тётя Делия приезжает в Тотли сегодня вечером?

- Вот именно.

Это были плохие новости, и я даже прикусил губу, напряжённо обдумывая сложившуюся ситуацию. Внезапное решение поехать в Тотли-Тауэр могло означать только, что тётя Делия, пораскинув мозгами, решила за мной проследить. Очевидно, моя ближайшая и дражайшая сильно сомневалась, что у меня хватит духу довести дело до конца, и намеревалась стоять над моей душой, чтобы я не улизнул от выполнения поставленной передо мной задачи. А так как я твердо решил от выполнения этой задачи улизнуть, я догадывался, что меня ждёт. Непокорный племянник наверняка вызовет у тётюшки такую же бурю негодования, как гончая, не сумевшая догнать лисицу.

- Скажи мне, - продолжал Гусик, - твоя тётя так и не умерила мощь своего голоса? Я потому спрашиваю, что если она вздумает издавать свои охотничьи кличи, разговаривая со мной, мне придётся поставить её на место. Я не потерплю, чтобы она орала на меня, как в Бринкли-корте.

Может, я и продолжал бы обдумывать беды, грозящие мне в связи с приездом тётю Делии, но слова Гусика предоставили мне возможность начать потихоньку разгадывать тайну происшедших в нём перемен.

- Что с тобой случилось, Гусик? - спросил я.

- А?

- С каких это пор ты так себя ведёшь?

- Я тебя не понимаю.

- Ну, к примеру, ты только что заявил, что собираешься поставить тётю Делию на место. В Бринкли ты сгибался перед ней в три погибели. Вот ещё пример: ты сказал Споуду, чтобы он не молол чушь. Кстати, о чём шла речь?

- Не помню. Он всё время мелет чушь.

- У меня бы пороку не хватило заявить Споуду, чтобы он не молол чушь, честно признался я.

Моя откровенность имела успех.

- По правде говоря, Берти, - доверительно произнёс Гусик, - неделю назад и я бы спасовал.

- Что переменилось с тех пор?

- Я духовно переродился. И всё благодаря Дживзу. Он гений, Берти!

- Ах, вот оно что.

- Да. Мы маленькие дети, боящиеся темноты, а Дживз - мудрая няня, которая берёт нас за руку и:

- Включает свет?

- Точно. Хочешь знать, что он мне посоветовал?

- Конечно, хочу. - Я поудобнее устроился в кресле, закурил сигарету и приготовился слушать.

Некоторое время Гусик стоял молча. Мне стало ясно, что он приводит свои мысли в порядок. Сняв очки, он тщательно протер стёкла и начал свой рассказ:

- Неделю назад, Берти, у меня, можно сказать, наступил кризис. Мне предстояло выдержать испытание, при одной мысли о котором я чуть было не умер от страха. Как выяснилось, все ожидали от меня речи за свадебным столом.

- А как же иначе?

- Да, знаю, но почему-то я совсем упустил этот момент из виду, и напоминание о нём явилось для меня сокрушительным ударом. А знаешь, почему я чуть было не умер от страха? Потому что за свадебным столом не могли не присутствовать Родерик Споуд и сэра Уаткин Бассет. Скажи, ты близко знаком с сэром Уаткином?

- Само собой, нет. Как-то раз он оштрафовал меня на пятёрку в суде на Бошер-стрит.

- Можешь мне поверить, он крепкий орешек, и к тому же совсем не жаждет видеть меня своим зятем. Он даже не скрывает, что предпочёл бы выдать Медлин за Родерика Споуда, который, о чём мне следует упомянуть, любит её чуть ли не с пеленок.

- Да ну? - воскликнул я, с трудом скрывая своё изумление по поводу того, что нашелся ещё один придурок кроме Гусика, способный любить эту чуму в юбке.

- Да. Но даже если исключить тот факт, что Медлин хочет выйти замуж за меня, Споуд не собирается на ней жениться. Дело в том, он считает себя Избранником Судьбы и чувствует, что женитьба помешает ему выполнить её миссию.

Я сам себе поразился. Такому тонкому чутью, как у меня, кто угодно мог бы позавидовать. Если помните, не успел я увидеть Споуда, мне сразу пришла в голову мысль: «Надо же! Вылитый диктатор!», и он оказался диктатором, к гадалке не ходи. Я не сумел бы сказать о нём точнее, даже если б был знаменитым сыщиком, который, разок взглянув на какого-нибудь пешехода, тут же объявил бы, что это живущий в Клэпхеме и измученный ревматизмом в левой руке отставной изготовитель тарельчатых клапанов по имени Робинсон.

- Послушай, но откуда сэра Уаткин знает Родерика Споуда? Я видел, как они шатались по всему Лондону, словно два матроса с одного корабля, отпущенные на берег.

- Сэра Уаткин обручен с тётёй Споуда, миссис Винтергрин, вдовой покойного полковника Х. Х. Винтергрин, проживающей на Понт-стрит.

Когда тебя зацапали, и судья смотрит поверх пенсне и говорит о тебе как об «арестованном Вустере», его можно изучить в лучшем виде, и в тот день на Бошер-стрит меня больше всего потрясли угрюмость и мрачный вид сэра Уаткина Бассета. С другой стороны, когда я встретил его в антикварном магазине, он выглядел так, словно поймал жар-птицу за хвост. Подпрыгивая, будто у него было шило в одном месте, сэра Уаткин поминутно обращался к Споуду за советом, чирикавая нечто вроде: «Как вы думаете, вашей тётё это понравится? А, может, вот это?», и так далее, и тому подобное. Теперь у меня появились

улики, объясняющие столь игривое поведение старикашки.

- Знаешь, Гусик, - сказал я, - по-моему, вчера он одержал над ней окончательную победу.

- Весьма возможно. Бог с ними обоими. Не в них дело.

- Да, конечно. Но всё равно любопытно.

- Ни капельки.

- Может, ты и прав.

- Послушай, давай не будем отвлекаться по пустякам, - раздражённо заявил Гусик, призывая меня к порядку. - Где я остановился?

- Понятия не имею.

- А я имею. Я говорил, что сэр Уаткин Бассет не жаждет видеть меня своим зятем. Споуд тоже противник нашего с Медлин брака. И, кстати, ничуть этого не скрывает. У него вошло в привычку высказывать передо мной в самых неожиданных местах и бормотать в мой адрес угрозы.

- Вряд ли это приводит тебя в восторг.

- Да уж.

- А с какой стати он тебе угрожает?

- Видишь ли, хоть он и не собирается жениться на Медлин, даже если б она хотела за него выйти, Споуд считает себя эдаким рыцарем, заботящимся о её благополучии. Он всё время твердит мне, что счастье малышки для него самое главное, и если когда-нибудь я её обижу, он переломает мне все кости. Это лишь одна из его угроз, так что, сам понимаешь, я пришёл в несколько возбуждённое состояние, когда Медлин стала разговаривать со мной сквозь зубы, подловив меня со Стефани Бинг.

- Скажи, Гусик, а чем вы со Стефи занимались на самом деле?

- Я вынимал мушку из её глаза.

Я кивнул. Даже если он врал, то был абсолютно прав, не желая никому пробалтываться.

- Ну, кажется, о Споуде я тебе всё рассказал. Перейдем к сэру Уаткину Бассету. Когда мы с ним познакомились, он сразу дал мне понять, что я не был героем его романа.

- Меня он тоже терпеть не может.

- Как тебе известно, мы с Медлин обручились в Бринкли-корте. Соответственно, о помолвке старикан узнал из письма, и я думаю, моя милая девочка расписала меня в таких красках, что он решил, будто я нечто среднее между Робертом Тэйлором и Эйнштейном. По крайней мере, когда я был ему представлен в качестве жениха его дочери, он уставился на меня остекленевшим взглядом и сказал: «Как?» с таким неподдельным изумлением, словно не сомневался, что это глупый розыгрыш, и настоящий жених сейчас выскочит из-за кресла и закричит: «С первым апреля!» Когда, наконец, до него дошло, что тут нет обмана, он забился в угол и довольно долго сидел в кресле, закрыв лицо руками. С тех пор он при каждом удобном случае разглядывает меня поверх своего пенсне. Ужасно неприятное ощущение.

Честно признаться, я прекрасно его понимал. Я уже упоминал о взгляде-поверх-пенсне старикашки Бассета, и очень живо представлял, как данный взгляд должен был действовать на тюфяка и тихоню Гусика.

- К тому же он всё время фыркает. А когда старикан узнал от Медлин, что я держу в спальне тритонов, он сказал нечто оскорбительное, правда, себе под нос, но я всё слышал.

- Ты привёз сюда своих подопечных?

- Естественно. Я провожу очень тонкий эксперимент, и сейчас наступила его решающая стадия. Один американский профессор открыл, что полная луна влияет на любовную жизнь некоторых обитателей моря, включая один вид рыб, две группы морских звёзд, восемь типов червей и лентообразную водоросль *Dyctotia*. Полнолуние наступит дня через два-три, и мне необходимо выяснить, не влияет ли оно так же на любовную жизнь тритонов.

- Разве это жизнь? Ты ведь сам как-то говорил мне, что в брачный период они просто махают друг на друга хвостами.

- Примерно так.

Я пожал плечами.

- Не моё дело, но такая любовь не по мне. Значит старикашке Бассету не нравятся твои зверюшки?

- Ему не нравится всё, что имеет ко мне хоть малейшее отношение. Сам понимаешь, когда будущий тесть так к тебе относится, приятного мало. А тут ещё Споуд со своими угрозами: в общем, неудивительно, что я места себе на находил. А затем грянул гром среди ясного неба, я имею в виду, мне напомнили, что за свадебным столом я должен буду произнести речь, и, как я уже упоминал, на церемонии не могли не присутствовать сэры Уаткин Бассет и Родерик Споуд.

Он умолк и судорожно сплотнул, как пекинка, которой засунули в горло пиллюлю и сжали пасть.

- Я человек стеснительный, Берти. Нерешительность - цена, которую я плачу за свою чувствительную натуру. Моё отношение к каким бы то ни было речам тебе прекрасно известно. Когда ты втравил меня в эту историю с раздачей призов в Маркет-Снодберийской классической средней школе, и я представил себе, как окажусь перед толпой веснушчатых хулиганов, я готов был сквозь землю провалиться. Я потерял покой и сон. А теперь постарайся вообразить, что я почувствовал, узнав о предстоящем мне испытании. Если б ещё дело ограничилось выступлением перед кучей тётушек и кузин, я сжал бы зубы и что-нибудь из себя выдавил бы, но зная, что по одну руку будет находиться Родерик Споуд, а по другую - сэры Уаткин Бассет, я: короче, я понял, что погиб. А затем, когда я совсем отчаялся и оказался во тьме, передо мной забрезжил луч надежды. Я подумал о Дживзе.

Рука его невольно дёрнулась вверх, словно он хотел снять шляпу и благоговейно склонить голову, но старания его оказались напрасными, потому что на нём не было шляпы.

- Я подумал о Дживзе, - повторил он, - первым же поездом отправился в Лондон и попросил гениального малого решить мою проблему. Мне повезло, что он ещё не уехал.

- В каком смысле «не уехал»?

- Из Англии.

- Дживз не собирается уезжать из Англии.

- Он сказал, вы со дня на день отплываете в какое-то кругосветное путешествие.

- А, вот ты о чём. Никуда мы не отплываем. Я против.

- Дживз тоже против?

- Нет, но будет по-моему.

- Да?

Он как-то странно на меня посмотрел, и мне показалось, хотел что-то добавить по этому поводу, но ограничился тем, что фыркнул и продолжил свой рассказ:

- Ну вот, я изложил Дживзу все факты. Я умолял его помочь мне найти хоть какой-нибудь выход из моего ужасного положения, и заверил его, что не произнесу ни слова в

упрёк, если у него ничего не получится, так как сам я, напряжённо обдумывая ситуацию в течение нескольких дней, убедился, что помочь мне - выше человеческих сил. Ты будешь потрясён, Берти, но не успел я выпить полстакана апельсинового сока, который Дживз мне любезно подал, он щёлкнул мою проблему, как орешек. Никогда бы не поверил, что такое возможно. Интересно, сколько весит его мозг?

- Думаю, не мало. Дживз ест кучу рыбы. Значит его идея оказалась удачной?

- Блестящей. Он рассмотрел мой вопрос с точки зрения психологии. В конечном счёте, - сказал он, - нежелание произносить речи перед аудиторией объясняется страхом индивидуума перед этой аудиторией.

- Это и я мог бы тебе сказать.

- Да, но Дживз прописал лекарство, которое должно было мне помочь. Мы, объяснил он, не боимся тех, кого презираем, а следовательно, надо вызвать в себе презрение к тем, кто тебя слушает.

- Как?

- Очень просто. Необходимо думать о них всякие гадости, например, всё время повторять: «У Смита прыщ на носу: У Джорджа уши как у осла: Вспомни, как глупо выглядел Робинсон, когда его сцапали за то, что с билетом третьего класса он ехал в первом: Не забывай, ты своими глазами видел, как малыша Брауна вытошнило прямо на ковёр:», ну и так далее. Если затем приходится обращаться к Смигу, Джонсу, Робинсону и Брауну, они выглядят жалкими, а не страшными. Ты как бы их подавляешь.

Я задумался.

- Понятно. Мысль не плоха. Но ты уверен, что это сработает на практике?

- Дорогой мой, уже сработало, и ты даже представить себе не можешь, насколько здорово сработало. Помнишь мою речь на обеде, который ты устроил?

Я вздрогнул.

- Надеюсь, нас ты не презирал?

- Ещё как презирал. На всю катушку.

- Как? И меня тоже?

- И тебя, и Фредди Виджена, и Бинго Литтла, и Конину Пирбрайт, и Кислятину Фотерингейт-Фиппса, и всех, кто там присутствовал. «Жалкие черви, сказал я себе. - Ну и типы! - сказал я себе. Возьмём старину Берти, - сказал я себе. - О боже! - сказал я себе. - Чего только я о нём не знаю!» И в результате я играл на вас как на струнах и добился блестящих успехов.

Честно признаться, вначале мне стало обидно. Я имею в виду, если тебя презирает такой придурок, как Гусик, да ещё в тот момент, когда он наедается до отвала за твой счёт мясом и упивается апельсиновым соком, это уж слишком.

Но вскоре моё благородство одержало верх над обидой. В конце концов, подумал я, самым главным было как можно скорее засунуть этого Финк-Ноттля под венец и отправить в свадебное путешествие. Всё остальное не имело никакого значения. А если бы не совет Дживза, Родерик Споуд, бормотавший угрозы, и сэр Уаткин Бассет, фыркавший и смотревший поверх пенсне, запросто могли бы сломить дух Гусика и заставить его отменить свадебные торжества и отправиться в Африку охотиться на тритонов.

- Ну, ладно, - сказал я. - Мне понятно, что ты имеешь в виду. Но, прах побери, Гусик, даже допуская, что тебе есть за что презирать Кислятину Фотерингейт-Фиппса, и Конину Пирбрайт, и: с натяжкой: меня, ты просто не можешь презирать Родерика Споуда.

- Правда? - Он рассмеялся каким-то кудахтающим смехом. - Ещё как могу. Мне это раз плюнуть. И сэра Уаткина Бассета тоже. Уверяю тебя, Берти, я ни капельки не волнуюсь. Я весел, решителен и уверен в себе. За свадебным столом я не буду, подобно другим женихам, заикаться, запинаться, теревить скатерть, ну, и всё прочее. Я посмотрю и Споуду, и сэру Уаткину прямо в глаза и покорю их своей волей. Что касается тётушек и кузин, я сразу их наповал. Как только Дживз дал мне свой совет, я вспомнил о Родерике Споуде и сэре Уаткине Бассете такое, что не может не вызвать презрения у любого здравомыслящего человека. Я могу рассказать тебе сотню анекдотов о сэре Уаткине, и услышав их, ты крайне удивишься, почему этого морального и физического уроды терпели в Англии столько лет. У меня всё записано в блокноте.

- Ты ведёшь записи в блокноте?

- Скорее, в небольшой записной книжке в кожаном переплёте. Я купил её в деревне.

Должен признаться, я разволновался, дальше некуда. Хотя я и не сомневался, что придурок держит свою записную книжку под замком, её существование вызывало у меня опасения. Мне даже думать не хотелось, что произойдёт, если она случайно попадёт в чужие руки. Записи такого рода хуже динамита, если вы меня понимаете.

- А где ты её хранишь?

- В нагрудном кармане. Вот она. Нет: куда же она подевалась? Странно, сказал Гусик. - Должно быть, я где-то её выронил.

Не знаю, испытывали ли вы когда-нибудь такое ощущение, но лично я, путешествуя по жизни, иногда натываюсь на события, если так можно выразиться, которые, хоть и неприметны на первый взгляд, я сразу распознаю как из ряда вон выходящие. Я имею в виду, внутренний голос словно подсказывает вам, что события эти останутся врезанными, - надеюсь, слово «врезанными» тут подходит, - в вашу память и в последующие годы не раз заставят вас просыпаться в холодном поту и вертеться в постели подобно ужу на сковородке.

Одно из таких событий, врезавшееся в мою память, произошло со мной в частной школе, когда я пробрался в кабинет директора ночной порою (узнав от своих шпионов, что он прячет коробку печенья в нижнем ящике стола, над которым висела книжная полка) и неожиданно убедился, - после того как вошёл в кабинет, - что все мои труды пропали даром, так как старый дурень сидел за своим столом и, по странному совпадению, которое невозможно объяснить с помощью научных методов, проверял моё годовое сочинение, оказавшееся, кстати, никуда не годным, судя по оценке.

Я погрешил бы против истины, если б заявил, что тогда не потерял присутствия духа. Но будь я проклят, если сейчас моё лицо не исказилось от страха в два раза сильнее, чем когда я стоял перед огненным взором достопочтенного Обри Апджона.

- Выронил? - дрожащим голосом переспросил я.

- Да, наверное. Но это не беда.

- Не беда?

- Конечно. Я и так всё помню.

- Всё?

- До последнего слова.

- И много там было слов?

- Вполне достаточно.

- Поздравляю. Надеюсь, слова были хлесткими?

- О, я разделал Споуда и сэра Уаткина под орех.

- Замечательно.

Я смотрел на Гусика и диву давался. Пусть даже он был выдающимся идиотом, у меня никак не укладывалось в голове, почему он до сих пор не осознал, что Судьба в любую секунду может подкрасться к нему сзади и дать такого пинка, что у него искры из глаз посыплются. Хотите верьте, хотите нет, придурок был полон *elan* и *espieglerie*, словно весь мир валялся у его ног. Он сиял как медный таз, и его очки в роговой оправе победно поблёскивали. Короче, от подмётки до воротничка - парень как парень, от воротничка и выше - железобетон, а всё вместе - Огастес Финк-Ноттль.

- Да уж, - похвастался он, - я от них камня на камне не оставил, и прекрасно помню всё, что написал. Всю последнюю неделю я исследовал Родерика Споуда и сэра Уаткина Бассета самым тщательным образом. Я проник в тайники душ этих двух надутых индюков. Удивительно, сколько можно собрать материала, когда занимаешься глубоким анализом. Ты когда-нибудь слышал, как сэр Уаткин расправляется с тарелкой супа? Очень похоже на шотландский экспресс, несущийся по тоннелю. Ты когда-нибудь видел, как Споуд ест спаржу? Омерзительное зрелище. Сидя с ними за столом, начинаешь сомневаться, что человек - венец творения.

- О том, как они едят, ты тоже записал в свою книжку?

- Всего несколько строк. На такие мелочи жаль бумаги. Меня интересовали куда более серьёзные недостатки этих особ.

- Понятно. Ты перемыл им все косточки?

- Можешь не сомневаться.

- Тщательно и со вкусом?

- А как же иначе?

- Прекрасно. Я имею в виду, старикашке Бассету не придётся скучать во время чтения.

- Какого чтения?

- Твоей записной книжки. Если, конечно, её найдет он, а не кто-нибудь другой.

Я помню, Дживз как-то раз заметил, когда мы рассуждали о капризах погоды, что часто наблюдал, как сверкающее утро, позолотив вершины гор величественным оком, превращается в отвратительный день. С Гусиком сейчас произошло примерно то же самое. Он сиял как прожектор, пока я не упомянул, так сказать, об обратной стороне медали, и вдруг сияние исчезло, словно кто-то выключил рубильник.

Придурок стоял с отвисшей нижней челюстью, глядя на меня примерно так же, как я глядел на достопочтенного О. Апджона в вышеупомянутом мною эпизоде, а выражение его физиономии стало точь-в-точь как у рыбины - не помню её названия, - которую я видел в королевском аквариуме Монако.

- Об этом я совсем не подумал!

- Начинай думать, пока не поздно.

- Боже великий!

- Вот именно.

- Боже правый!

- Не спорю.

- Боже всемогущий!

- И опять ты прав.

Он подошёл к чайному столику, двигаясь как во сне, взял холодный тост и принялся его жевать, затем посмотрел на меня выпученными глазами.

- Как думаешь, что будет, если Бассет найдёт мою записную книжку?

На этот вопрос мне нетрудно было ответить.

- Немедленно наложит вето на свадебные торжества.

- Ты уверен?

- Естественно, - сказал я. - Ты говорил, он не жаждет видеть тебя своим зятем. Прочитав твою записную книжку, он вряд ли изменит мнение о тебе к лучшему. После первых же строк старикашка отменит заказ на свадебный пирог и заявит Медлин, что она выйдет за тебя замуж только через его труп. А Медлин не из тех девушек, кто смеют ослушаться отца.

- О, боже!

- Но я не стал бы на твоём месте волноваться по таким пустякам, - бодро произнёс я. - Утешайся тем, что задолго до того, как сэр Уаткин испортит твою жизнь, Родерик Споуд переломает тебе все кости.

Он потянулся за вторым тостом дрожащей рукой.

- Кошмар какой-то.

- Да, не повезло.

- Я влип, Берти.

- По уши.
- Что мне делать?
- Понятия не имею.
- Неужели ты ничего не можешь придумать?
- Нет. Мы должны довериться высшим силам.
- Ты имеешь в виду, Дживзу?

- Даже Дживз тут не поможет. Очевидно, что в данных обстоятельствах нам необходимо найти твою книжку прежде, чем она попадёт в руки старикашке Бассету. Почему, прах побери, ты не держал её где-нибудь под замком?

- Я всё время делал в ней новые записи. Откуда мне было знать, когда на меня снизойдёт вдохновение?

- Ты уверен, что книжка была в твоём нагрудном кармане?
- Конечно, уверен.
- Ты, случайно, не мог оставить её в спальне?
- Нет. Я всё время носил её с собой, для большей безопасности.
- Для большей безопасности? Понятно.

- И ещё потому, как я уже говорил, что я всё время ей пользовался. погоди. Я пытаюсь вспомнить, когда видел её в последний раз. Секундочку. Да, конечно. У колонки.

- Какой колонки?

- Рядом с конюшней, где берут воду для лошадей. Да, в последний раз я видел её именно там, а было это вчера перед ленчем. Я вытащил её из кармана, чтобы сделать запись о манере сэра Уаткина набивать себе рот свининой за завтраком, затем положил на место, а потом ко мне подошла Стефани Бинг, и я вынул мушку: Берти! - вскричал он, не закончив фразы. Стёкла его очков загадочно блеснули, и он изо всех сил стукнул кулаком по чайному столику. Баран он и есть баран. Мог бы и догадаться, что зальёт чаем и молоком всю скатерть. - Берти, я вспомнил! У меня словно пелена с глаз упала! Сначала я достал книжку и сделал запись о свинине. Затем я положил книжку в нагрудный карман. В тот самый карман, где у меня лежит носовой платок.

- Ну, а дальше?

- В тот самый карман, где у меня лежит носовой платок, - повторил он. Неужели не понимаешь? Пошевели мозгами. Когда девушке надо достать из глаза мушку, что ты прежде всего сделаешь?

Я невольно вскрикнул.

- Возьму носовой платок?

- Вот именно. Возьмешь носовой платок и вынешь мушку его уголком. А если вместе с платком в кармане лежит записная книжка:

- :она вывалится:

- На землю:

- :неизвестно куда.

- Но мне известно, куда. Я точно знаю, где её искать.

На какое-то мгновение я воодушевился, но моё хорошее настроение быстро улетучилось.

- Говоришь, вчера перед ленчем? Прошло столько времени, что твою книжку наверняка кто-нибудь нашёл.

- Подожди, не торопись, я ещё не закончил. Сразу после того, как я вынул мушку из её

глаза, Стефани воскликнула: «А это что такое?», и я увидел, как она наклонилась и подобрала какой-то предмет. По правде говоря, в тот момент мне было не до Стефани и не до её находки, потому что я неожиданно заметил Медлин. Она стояла у конюшенных ворот и смотрела на меня отсутствующим взглядом. Наверное, мне надо упомянуть, что одной рукой я держал Стефани за подбородок, чтобы закрепить её голову в нужном положении.

- Понятно.

- Когда вынимаешь мушку, голова должна оставаться неподвижной.

- Само собой.

- Если голова болтается в разные стороны, вытащить мушку невозможно. Я попытался объяснить это Медлин, но она не стала меня слушать и ушла, вздёрнув нос, а я пошёл следом. Только сегодня утром мне удалось доказать ей свою правоту. Тем временем я начисто забыл «А что это такое?» Стефани. Совершенно очевидно, предмет, который она подобрала, был моей записной книжкой.

- Ты прав.

- Тогда всё в порядке. Нам надо разыскать мисс Бинг, попросить её вернуть мою записную книжку, и дело с концом. Думаю, она посмеётся над моей неуклюжестью.

- А где сейчас Стефи?

- Мне кажется, мисс Бинг говорила, что собирается прогуляться до деревни. По-моему, она ходит туда, чтобы поболтать с викарием. Если тебе нечего делать, можешь пройтись и встретить её где-нибудь по дороге.

- Хорошо.

- Скорее всего, она ушла вместе со своим псом, так что поостерегись.

- Ах, да. Спасибо, что напомнил.

Гусик сообщил мне о наличии у Стефи абердинского терьера ещё за обедом, который я дал в его честь. Кстати, в тот момент как раз подавали *sole maniere*, и я пропустил изумительное блюдо только потому, что придурок отвлек меня, демонстрируя синяк на своей ноге.

- Он кусается, как ненормальный.

- Ладно. Принял к сведению. Я пошёл. Не будем откладывать дела в долгий ящик.

Я довольно быстро добрался до ворот усадьбы и остановился, решив, что чем тратить силы попусту, подожду Стефи здесь. Закурив сигарету, я предался размышлениям.

По правде говоря, хоть мне и полегчало, я всё ещё чувствовал себя не в своей тарелке. Пока записная книжка Гусика не вернулась к хозяину, душа Вустера не могла обрести покоя. Слишком многое от неё зависело. Как я уже говорил, если б старикашка Бассет решил изобразить из себя сурового отца и запретил бы свадебные торжества, Медлин никогда в жизни не вздёрнула бы подбородок, подобно новомодным девицам, и не заявила бы, как они: «Не суй свой поганый нос не в своё собачье дело». С первого взгляда было ясно, что дочка Бассета принадлежала к той малочисленной категории особ женского пола, которые продолжают беспрекословно слушаться отцов в вопросах замужества, и я готов был поставить сотню фунтов против восьми, что в данных обстоятельствах она вздохнула бы, выдавила из себя скупую слезу, и, глазом не моргнув, рассталась бы с Гусиком раз и навсегда.

Я всё ещё предавался своим мрачным размышлениям, когда ход моих мыслей был нарушен. На дороге за воротами передо мной разыгралась человеческая драма.

Наступил вечер, и тени удлиннились, как им полагалось, но видимость всё ещё была прекрасной, и я без труда разглядел крупного, полного, круглолицего полисмена, который катил на велосипеде в мою сторону. Не знаю, покончил ли он со своими служебными обязанностями на сегодняшний день, но сейчас он явно был не при исполнении, и голова у него ни от чего не болела, даже от шлема.

И вы поймёте, почему голова у него ни от чего не болела, если я далее сообщу вам, что с беспечной весёлостью и благодушием этот толстяк ехал, что называется, «без рук».

Драма же заключалась в том, что совершенно очевидно, он понятия не имел об охоте, бесшумной и стремительной, которую устроил на него абердинский терьер. Картина была следующей: полисмен безмятежно ехал на велосипеде, вдыхая вечерние ароматы и наслаждаясь лёгким ветерком, а абердинец, встопорщив бакенбарды и взлохматив брови, нёсся за ним сломя голову. Как потом сказал Дживз, услышав от меня описание этой сцены, ситуация напомнила ему какую-то греческую трагедию, где кто-то молодой и красивый считал, что мир у его ног, а в результате остался с носом.

Констебль, как я уже говорил, ехал без рук, и именно поэтому он не отделался лёгким испугом, а попал в аварию. Я и сам в молодости был неплохим велосипедистом, - по-моему, я где-то упоминал, что однажды выиграл приз в гонках с гандикапом среди мальчиков, поющих в хоре, - и могу с уверенностью утверждать, что когда едешь без рук - самое главное, это полная свобода действий и отсутствие каких бы то ни было помех со стороны. Неожиданное, даже самое лёгкое прикосновение терьера к лодыжке, и велосипед резко виляет. И, как всем известно, когда велосипед резко виляет, а ты не держишь крепко руль, начинает пахнуть жареным.

И, можете не сомневаться, мой нюх меня не подвёл. По правде говоря, я впервые удостоился чести наблюдать за таким прекрасным, смачным кувырком представителя закона. Секунду назад, весёлый и беззаботный, он, можно сказать был на коне; секунду спустя он очутился в канаве и стал похож на таседоине рук, ног и колёс, а терьер остановился на обочине, глядя на него с наглым, самодовольным выражением святой невинности на морде, которое я часто подмечал у абердинских терьеров, когда они пакостили существам человеческой породы.

И пока констебль барахтался в канаве, пытаюсь не запутаться в руках, ногах и колёсах, из-за поворота появилась довольно привлекательная молодая пигалица, задрапированная в пёстрый шерстяной наряд, и я узнал знакомые черты С. Бинг.

После разговора с Гусиком я, естественно, должен был догадаться, что она сейчас появится. Увидев абердинского терьера, мне сразу следовало подумать о Стефи. Я просто обязан был спросить самого себя: «Раз по дороге несётся абердинец, намного ли ему удалось оторваться от Стефи?»

Стефани была явно недовольна полисменом и не скрывала своего раздражения. Зацепив пса крюком палки за ошейник, она оттащила его от обочины, затем обратилась к констеблю, который поднимался из канавы, как Венера из морской пены.

- Вы зачем хулиганите? - требовательно спросила она.

Само собой, это было не моё дело, но у меня возникло такое ощущение, что Стефи могла бы более деликатно приступить к обсуждению весьма щекотливой ситуации.

Полисмен, судя по всему, тоже так думал, по крайней мере даже сквозь толстый слой грязи на его лице просматривалось обиженное выражение.

- Вы могли до смерти напугать мою собаку. Бартоломью, мальчик, этот урод чуть нас не задавил?

И вновь я при всём желании не смог бы назвать её высказывание особо тактичным. Обозвав слугу народа уродом, она, конечно, не погрешила против истины. Только в том случае, если б его соперниками были сэр Уаткин Бассет, Денежный Мешок Поссер (завсегдатай «Трутня») и ещё несколько деятелей в том же духе, констеблю удалось бы выиграть первый приз на конкурсе красоты. Но человека нельзя тыкать физиономией в его физические недостатки. В подобных случаях надо быть обходительным. Обходительность прежде всего.

Полисмен с велосипедом выбрались из канавы, и первый начал самым тщательным образом исследовать последний на предмет повреждений. Убедившись, что оные были незначительными, полисмен повернулся к Стефи и посмотрел на неё примерно так, как старикашка Бассет на Бертрама Вустера, находившегося на скамье подсудимых.

- Я следовал по опшественной дороге, - ровным, тягучим голосом, словно давал показания в суде, начал он, - и собака напала на меня с аггриссивными намерениями. Я был выбит из седла своего велосипеда:

Стефи мгновенно воспользовалась предоставленной ей лазейкой и кинулась в атаку, как будто всю жизнь участвовала в судебных прениях.

- Сами виноваты. Зачем вы ехали на велосипеде? Бартоломью ненавидит велосипеды.

- Я пользуюсь велосипедом, мисс, потому что если бы я не пользовался велосипедом, мне пришлось бы обходить свой участок пешком.

- Вам это пошло бы на пользу. Порастрясли бы жирок.

- Это не имеет никакого отношения к произошедшему ынциденту, - заявил полисмен, вне всяких сомнений тоже искусный спорщик. - А произошедший ынцидент заключается в том, что животное второй раз совершило аггриссивное нападение на мою особу, и я вынужден буду вновь вызвать вас в суд, мисс, как владелицу свирепой собаки, представляющей угрозу опшществу.

Удар был сильным, но Стефи и не подумала сдаться.

- Не валяйте дурака, Оутс. Вы не можете требовать от собаки, чтобы она спокойно прошла мимо полицейского на велосипеде. Это выше сил человеческих. И вообще, могу поспорить, вы первый начали. Наверняка дразнили бедняжку, или ещё что-нибудь, и я вам ответственно заявляю, что выиграю это дело, даже если мне придётся дойти до Палаты Лордов. Этот джентльмен будет моим свидетелем. - Она повернулась ко мне и впервые обратила внимание, что я был не джентльменом, а её старым другом. - Берти? Привет.

- Привет, Стефи.

- Давно здесь стоишь?

- Не очень.

- Видел, что произошло?

- Считаю, был в первых рядах.

- Прекрасно. Жди повестки в суд.

- Как скажешь.

Полисмен тем временем тщательно себя обследовал, делая записи в блокноте. Затем он предьявил счёт.

- Содранная кожа на правом колене. Синяк или ушиб левого локтя. Царапина на носу. Испачканный мундир, требующий чистки. А также - сильный шок. До свидания, мисс. Вас вызовут.

Он оседлал свой велосипед и покатил по дороге, а Бартоломью рванулся за ним с такой силой, что чуть было не сорвался с крюка палки. Некоторое время Стефи стояла молча, тоскливо глядя полисмену вслед, словно жалела, что под рукой у неё не оказалось половинки кирпича. Затем она повернулась ко мне, и я сразу взял быка за рога.

- Стефи, - беззаботно произнёс я, - счастлив тебя видеть, ты прекрасно выглядишь, и всё такое, а теперь скажи, маленькая коричневая записная книжка в кожаном переплёте, которую Гусик вчера обронил рядом с конюшней, случайно не у тебя?

Она мне не ответила, всё ещё продолжая тосковать, несомненно, по поводу Оутса. Я повторил вопрос, и Стефи вышла из транса.

- Записная книжка?

- Маленькая, коричневая, в кожаном переплёте.

- Исписанная всякими забавными наблюдениями?

- Вот именно.

- У меня.

Я воздел руки небу и испустил крик радости. Бартоломью неприязненно на меня посмотрел и что-то пробормотал себе под нос по-гаэльски, но я не обратил на него никакого внимания. Если б свора абердинских терьеров начала сейчас бешено вращать на меня глазами и обнажать клыки мудрости, они не смогли бы испортить мне настроения.

- Господи, какое счастье!

- Это книжка Гусика Финк-Ноттля?

- Да.

- Ты хочешь сказать, это Гусик так изумительно точно определил характеры Родерика Споуда и дяди Уаткина? Никогда бы не поверила, что он на такое способен.

- Никто бы не поверил. Хочешь знать, что с ним произошло? Представляешь:

- Хотя зачем ему понадобилось тратить время на Споуда и дядю Уаткина, когда Оутс просто напрашивается, чтобы о нём написали, ума не приложу. Поверишь ли, Берти, никогда ещё не встречала такой занозы, как этот Юстас Оутс. Он меня утомил. Специально шастает на своём велосипеде где не попадая, а потом жалуется, что получил по заслугам. И с какой стати он взъелся на Бартоломью? Дискриминация, вот как я это называю. Все уважающие себя деревенские собаки пройти мимо его него не могут, чтобы не вцепиться в него мёртвой хваткой, и Оутсу прекрасно об этом известно.

- Где записная книжка, Стефи? - спросил я, возвращаясь к гес.

- При чём тут твои записные книжки? Мы говорим об Оутсе. Как думаешь, он действительно пришлёт мне повестку?

Я сказал, судя по прозрачным намекам Оутса, думаю, что пришлёт, и она исполнила нечто вроде мое: или не мое?: Я имею в виду, когда выпячиваешь губы, а затем быстро их втягиваешь.

- Боюсь, ты прав. Юстас Оутс раковая опухоль, вот кто он такой. Так и норовит наделать кучу гадостей. Ох, ну ладно. Дяде Уаткину опять придётся потрудиться.

- В каком смысле?

- Он будет меня судить и объявит приговор.

- Значит он всё ещё занимается делами, несмотря на то, что ушёл в отставку? - спросил

я, поёживаясь при воспоминании о разговоре экс-крючкотвора с Родериком Споудом, когда они застукали меня с серебряной короной в руках.

- Он ушёл в отставку только из полицейского суда на Бошер-стрит. Если судейство у человека в крови, эту дурь из него палками не выбьешь. Сейчас дядя Уаткин мировой судья и выносит приговоры у себя в кабинете. Мне уже не раз пришлось там побывать. Я ухаживаю за цветами, гуляю или просто отдыхаю в своей комнате с книгой, и в это время появляется дворецкий и говорит, что меня вызывают в библиотеку. А в библиотеке за столом сидит дядя Уаткин и с непреклонным видом слушает, как Оутс даёт показания.

Я представил себе нарисованную ею картину, и, по правде говоря, мне стало жаль Стефи. Вряд ли судебные процедуры могли скрасить жизнь молодой девушки в загородном доме.

- А заканчивается его правосудие одним и тем же: он обдирает меня как липку и не слушает ни одного моего слова. По-моему, дядя Уаткин разбирается в законах, как свинья в апельсинах. Он такой же судья, как я китайский император.

- Знаешь, у меня сложилось такое же впечатление, когда он учинил надо мной расправу в своём трибунале на Бошер-стрит.

- И хуже всего, дядюшка прекрасно знает размер моего пособия. В этом году он уже дважды обобрал меня до нитки по наущению Оутса; первый раз за превышение скорости в населённом пункте, а второй за то, что Бартоломью слегка цапнул, хотя на самом деле не цапнул, а слегка придавил зубами лодыжку Оутса.

Я сочувственно поцокал языком, но, честно признаться, я предпочёл бы перевести разговор на записную книжку Гусика. Впрочем, в данный момент об этом не могло быть и речи, потому что девушки в расстроенных чувствах терпеть не могут разговаривать на темы, не имеющие отношения к их несчастьям.

- Оутс распинался перед дядей Уаткином, словно из ноги у него выдрали фунт мяса. Наверняка сейчас он тоже наврёт с три короба. Полицейские преследования сидят у меня поперёк горла, Берти. Можно подумать, я живу в Пруссии. Ты ведь презираешь полисменов, Берти?

По правде говоря, я не был готов зайти так далеко в своём отношении к полиции, как таковой, состоящей в целом из весьма приличных парней.

- Как тебе сказать, не en masse, если ты меня понимаешь. Должно быть, среди них встречаются разные деятели, одни симпатичные, другие не очень. С констеблем, который дежурит у «Трутня», я, например, на дружеской ноге. Что же касается твоего Оутса, я видел его лишь мельком и не успел составить о нём мнения.

- Ну тогда знай, что хуже, чем Оутс, никого нет и быть не может. И его ждёт справедливое возмездие. Помнишь, однажды в Лондоне ты пригласил меня на ленч и рассказал, как пытался украсть шлем у полисмена на Лестерской площади?

Я вздрогнул. Ежу было ясно, куда она клонит.

- Надеюсь, ты не собираешься стащить у Оутса шлем?

- Естественно, нет.

- Пай-девочка.

- Может, я и сумасшедшая, но не до такой степени. Не женское это дело воровать шлемы. Пусть Оутсом займётся Гарольд. Он тыщу раз говорил, что сделает для меня всё на свете.

Как правило, на ангельском личике Стефи царит мечтательное выражение, и со

стороны кажется, в её головке проплывают мудрые, прекрасные мысли. На самом же деле, не сомневайтесь ни на минуту, она не распознала бы мудрой, прекрасной мысли, если б ей подали её на блюдечке с золотой каёмочкой, да ещё приправили бы соусом. Как и Дживз, она редко улыбается, но сейчас губы её раздвинулись в улыбке экстаза, - надо будет проконсультироваться у Дживза, подходит ли тут это слово, - и в глазах появились золотые искорки.

- Что за человек! - воскликнула она. - Знаешь, мы с ним помолвлены.

- Да ну?

- Только не вздумай проболтаться. Это строжайший секрет. Дядя Уаткин ни о чём не должен подозревать, пока мне не удастся его ублажить.

- А кто он, твой Гарольд?

- Деревенский викарий. - Она наклонилась к Бартоломью. - Наш любименький викарий украдёт для пусеньки-мамусеньки шлем у злого, гадкого полисмена? спросила она у пса. - Вот пусенька-мамусенька обрадуется, правда?

Может, я не точно передаю её диалект, но смысл её сюсюканий не вызывал сомнений.

Я уставился на юную вредину, до глубины души потрясённый отсутствием у неё всяких моральных устоев, если вы меня понимаете. Знаете, чем больше я вижу женщин, тем сильнее убеждаюсь, что нам необходим какой-нибудь закон. Я имею в виду, если не принять срочных мер против особой слабой пола, они весь мир на куски разнесут, и тогда все мы останемся с носом.

- Викарий? - переспросил я. - Но, Стефи, ты не можешь заставить викария стащить у полисмена шлем.

- Это ещё почему?

- Ну, так не делается. Из-за тебя беднягу лишат духовного сана.

- Лишат сана?

- У них так полагается, когда священника подловят на каком-нибудь дурном поступке.

А дикое поручение, которое ты собираешься дать святому Гарольду, наверняка расценят как дурной поступок. Двух мнений быть не может.

- Ничего дикого в моём поручении нет.

- По-твоему, викарии должны воровать шлемы как само собой разумеющееся?

- Вот именно. Гарольду это раз плюнуть. Когда он учился в Магдалене, до того как увидел свет истины, он ещё и не такое вытворял. Ему сам чёрт был не брат.

Упоминание Стефи о Магдалене меня заинтересовало. Я тоже учился в этом колледже.

- Он выпускник Магдалены? Какого года? Возможно, я его знаю.

- Естественно, ты его знаешь. Он часто о тебе говорит и очень обрадовался, когда я сказала, что ты приезжаешь. Гарольд Пинкер.

Я был потрясён, дальше некуда.

- Гарольд Пинкер? Старина Свинка Пинкер? Будь я проклят! А мне невдомёк было, куда он подевался. Вот уж точно говорят, гора с горой не сходятся, а человек с кем угодно сойдётся. Свинка Пинкер, прах меня побери! Неужели Свинка действительно взялся за лечение душ?

- И весьма успешно. Все шишки в округе его любят и ценят. В любую минуту он может получить свой приход, и тогда ему удержу не будет. Вот увидишь, когда-нибудь он станет епископом.

Радостное возбуждение, которое я испытал, предвкушая скорую встречу с исчезнувшим

бог весть куда старым другом, постепенно улеглось, и в голову мне снова полезли мрачные мысли.

И я сейчас объясню вам, почему мрачные мысли полезли мне в голову. Стефи сколько угодно могла твердить, что Гарольду умыкнуть шлем - раз плюнуть, она не знала Свинку так хорошо, как я. С Гарольдом Пинкером мы были неразлучны долгие годы, и я мог с уверенностью утверждать, что во всех отношениях он сильно смахивал на огромного и добродушного щенка ньюфаундленда, вне всяких сомнений, энергичного, безусловно, старательного, но вечно попадающего в переплёт, если вы меня понимаете. По правде говоря, я не помню такого случая, чтобы Свинка, с энтузиазмом взявшись за дело, с треском его не провалил бы. Он вечно вляпывался то в одну историю, то в другую, и никогда не выходил сухим из воды. При мысли о том, что ему придётся выполнить такую тонкую работу, как умыкание шлема констебля Оутса, кровь леденела в моих жилах. У Свинки не было ни одного шанса на успех.

Я вспомнил, каким он был в молодости. Напоминая телосложением Родерика Споуда, он играл в регби не только за родной университет, но и в сборной Англии, а в искусстве швырять соперников в грязь и вдавливать их туда бутсами ему практически не было равных. Если бы мне понадобилась помощь в усмирении бешеного быка, я в первую очередь подумал бы о Свинке. Если б меня засунули в камеру пыток, я бы предпочёл, чтобы по каминной трубе ко мне пробрался Гарольд Пинкер и никто другой. Но наличие мускулов не делает из человека специалиста по умыканию полицейских шлемов. Тут требуется умение тонко чувствовать.

- Епископом, говоришь? - спросил я. - Держи карман шире! До епископства ему как до луны, если его застукают на воровстве шлемов у паствы.

- Не бойся, не застукают.

- Ещё как застукают! В нашей Alma Mater не было такого случая, чтобы Свинку на чём-то не застукали. Он начисто лишён способностей деликатно, с должным тактом, повернуть любое сомнительное дельце. Прекрати, Стефи. Выкинь блажь из головы.

- Нет!

- Стефи!

- Ни за что. Будет так, как я сказала.

Я сдался. Отговаривать Стефи было бессмысленно, я только попусту терял время. В ней было не меньше ослиного упрямства, чем в Роберте Уикхэм, которая как-то раз подначила меня прокрасться ночью в комнату одного парня, с которым мы вместе гостили в загородном доме, и проткнуть его грелку палкой со штопальной иглой на конце.

- Бог с тобой, - покорно сказал я. - По крайней мере попытайся внушить своему Гарольду, что самым главным условием умыкания шлемов является движение вперёд от себя. Я имею в виду, прежде чем сдёргивать с головы полисмена шлем, его надо рвануть вперёд, чтобы ремешок не зацепился за подбородок. Только потому, что я не предусмотрел этой жизненно важной детали, меня сцапали на Лестерской площади. Я рванул шлем вверх, ремешок врезался в подбородок, и фараон успел повернуться и схватить меня за шкуру, после чего я оглянуться не успел, как оказался на скамье подсудимых и отвечал: «Да, Ваша Честь», «Нет, Ваша Честь», твоему дяде Уаткину.

Я подумал о том, какая участь ждёт в недалёком будущем моего бедного друга и, честно признаться, мне взгрустнулось. Никто не назовёт Бертрама Вустера человеком безвольным, но в тот момент я засомневался, правильно ли я поступил, прижав к ногтю Дживза с его

кругосветным путешествием. Что бы не говорили о подобных дурацких мероприятиях - теснота на корабле, необходимость общаться с жуткими занудами, раздражающий осмотр Тадж-Махала, - от них была польза хотя бы в том отношении, что в круизах не приходилось испытывать душевных мук, глядя на невинных викариев, которые, плюнув на закон божий и свою духовную карьеру, попадают на мелком воровстве у прихожан.

Я глубоко вздохнул и возобновил прерванный диалог.

- А почему ты не сказала мне за ленчем в Лондоне, что вы со Свинкой помолвлены?

- Тогда мы ещё не были помолвлены. Ох, Бerti, я так счастлива, что готова пуститься в пляс. И обязательно пушусь, когда нам удастся настроить дядю Уаткина на «Благословляю вас, дети мои» лад.

- Ах да, ты уже говорила, что собираешься его ублажить. В каком смысле ублажить?

- Именно об этом я и хотела с тобой поговорить. Помнишь, я писала в телеграмме, что ты позарез мне нужен?

Я вздрогнул. Хотите верьте, хотите нет, мне стало не по себе. Я совсем забыл о её угрожающей телеграмме.

- Ты должен будешь кое-что для меня сделать. Сущие пустяки.

По правде говоря, я сильно в этом сомневался. Я имею в виду, если она считала, что умыкание шлемов входит чуть ли не в обязанности викариев, мне даже страшно было представить, какое дело она собиралась поручить мне, простому грешнику. Я подумал, пришла пора поставить Стефи на место.

- Да ну? - сказал я. - Так вот, позволь мне заявить категорически и бесповоротно, что делать я ничего не буду.

- Трус. Ты даже пожелтел от страха.

- Можешь считать, я стал желтее тёти Агаты.

- А что с ней такое?

- У неё желтуха.

- Вот видишь, до чего ты довёл свою бедную тётю? Ты даже не знаешь, в чём заключается моя просьба.

- И не хочу знать.

- Всё равно я скажу.

- Не собираюсь тебя слушать.

- Предпочитаешь, чтобы я спустила с поводка Бартоломью? Я давно заметила, он как-то странно на тебя смотрит. По-моему, ты ему не понравился. Некоторых типов он с первого взгляда терпеть не может.

Вустеры храбры, но осмотрительны. Я покорно побрёл за ней на аллею, и мы уселись на скамейку. Вечер, насколько я помню, был чудесным, повсюду царили тишина и покой. Вот ведь как бывает.

- Долго я тебя не задержу, - сказала Стефи. - Собственно, мне и рассказывать особо нечего. Но прежде чем вдаваться в подробности, хочу объяснить, почему нам приходится держать помолвку в строгом секрете. В этом виноват твой Гусик.

- Что он опять натворил?

- Вполне достаточно того, что он Гусик. Существо без подбородка, которое ходит, вылупившись на мир стёклами очков, и держит тритонов в спальне. Я понимаю дядю Уаткина. Единственная дочь сообщает ему, что выходит замуж. «О! восклицает он. - Ну-ка, посмотрим на твоего героя!» И тут появляется Гусик. Любящему отцу такое в страшном сне

не могло бы присниться.

- Что верно, то верно.

- Ну вот, пока он не оправился от удара, который нанесла ему дочь, подсунув Гусика в зятя, я просто не могу радостно объявить, что его племянница собралась за викария.

Вообще-то ход её мысли был мне понятен. Фредди Трипвуд как-то рассказывал мне, какой скандал разразился в замке Бландингз, когда одна из многочисленных Фреддиных кузин вознамерилась выскочить за викария. Насколько я понял, в том случае страсти несколько улеглись после того, как выяснилось, что жених был единственным наследником какого-то ливерпульского миллионера, но в принципе родители не приветствуют браков своих дочерей с викариями, и, видимо, то же самое можно сказать о дядюшках и их племянницах.

- Ничего не попишешь. К сожалению, викарии не идут нарасхват, и поэтому, прежде чем рассекретить нашу помолвку, надо выставить Гарольда перед дядей Уаткином в самом выгодном свете. Если мы с тобой разыграем карты правильно, надеюсь, дядя Уаткин даст Гарольду приход, благо это в его власти. А когда Гарольд получит свой приход, можно считать, дело в шляпе.

Мне жутко не понравились слова «мы с тобой», но я понял, куда она клонила, и, честно признаться, даже пожалел, что мне придётся развеять её мечты и чаяния.

- Предлагаешь мне замолвить за Свинку словечко? Хочешь, чтобы я отвёл твоего дядю в сторонку и шепнул ему на ухо, какой Свинка замечательный парень? Дорогая моя Стефи, я был бы счастлив ублажить сэра Уаткина, но, к сожалению, мы с ним не в тех отношениях.

- Не бойся, тебе не придётся его ублажать.

- Ну, не знаю, чем ещё я могу помочь.

- Сейчас узнаешь, - сказала она, и вновь я почувствовал себя не в своей тарелке. Мысленно собравшись с силами, я решил проявить твердость характера, но из головы у меня почему-то не шла Роберта Уикхэм и палка со штопальной иглой на конце. Так часто бывает: человек считает, что он твёрже стали (или железа, если вам больше нравится) и вдруг, сам того не замечая, позволяет сопливой девчонке вертеть собой, как ей вздумается, и начинает совершать всякие дурацкие поступки. Возьмите, к примеру, хоть Самсона, из которого Делила веревки вила, как хотела.

- Да? - осторожно спросил я.

На мгновение она отвлеклась, чтобы почесать Бартоломью за ухом, потом продолжала:

- Петь Гарольду дифирамбы перед дядей Уаткином всё равно, что воду в ступе толочь. Нет, нам надо придумать что-нибудь сногшибательное, чтобы до дяди Уаткина сразу дошло, какое Гарольд бесценное сокровище. Несколько дней назад мне показалось, я нашла блестящее решение вопроса. Ты хоть изредка читаешь «Будуар миледи?»

- Однажды я написал в него статью «Что носит хорошо одетый мужчина». Но я его не выписываю. А в чём, собственно, дело?

- На прошлой неделе там был опубликован рассказ о герцоге, который не позволял дочери выйти замуж за молодого секретаря, и тогда секретарь подговорил своего друга покататься с герцогом по озеру и перевернуть лодку, а когда герцог очутился за бортом, секретарь бросился в воду и спас его, после чего герцог дал согласие на брак не сходя с места.

Я понял, что должен задавить данную идею в зародыше, если вы меня понимаете.

- Если ты думаешь, я собираюсь кататься с сэром У. Бассетом на лодке и купать его в

озере, немедленно выкини этот бред из головы. Начнём с того, что старикашка ни за какие коврижки не поедет со мной кататься.

- Верно. К тому же у нас нет озера. И Гарольд сказал, я могу даже не мечтать о деревенском пруде, потому что вода в это время года слишком холодная, чтобы лезть в неё ради спасения утопающих. Мой Гарольд такой забавный!

- Могу только поаплодировать его здравому смыслу.

- Затем отличную мысль подсказал мне другой рассказ. Там говорилось о молодом влюблённом, который попросил своего друга переодеться бродягой и напасть на отца девушки. Само собой, юноша спас отца и заслужил его вечную признательность.

Я ласково потрепал её по руке.

- Вся беда в том, Стефи, - сказал я, - что во всех твоих рассказах у героя имеется друг-придурок, готовый ради него попасть в любое идиотское положение. Но у Свинки такого друга нет. Я прекрасно к нему отношусь, считай, люблю его как брата, но существует определенный предел тому, что я готов для него сделать.

- Говори, что хочешь, всё равно Гарольд не одобрил моей идеи. Насколько я поняла, приходскому священнику может не понравиться, если история получит огласку. Зато от моего нового плана Гарольд пришёл в восторг.

- О, так у тебя появился ещё один план?

- Да, причем первоклассный. И, самое главное, Гарольда не в чем будет упрекнуть. Тысяча приходских священников не смогут к нему придраться. До сих пор вся загвоздка заключалась в том, что ему было не обойтись без напарника, и пока я не узнала, что ты приезжаешь, мы как раз ломали головы, кого бы нам подыскать. Но теперь ты здесь, так что всё в порядке.

- Неужели? Я проинформировал вас в самом начале и информирую непосредственно сейчас, юная леди, что ни за какие коврижки не соглашусь участвовать в ваших мерзопакостных планах.

- Но, Берти, ты должен нам помочь! Мы так на тебя надеялись! И тебе почти ничего не придётся делать. Украдёшь серебряную корову у дяди Уаткина, и можешь быть свободен.

Не знаю, как вы поступили бы на моём месте, если б девица в пёстром шерстяном наряде попыталась подложить вам свинью, которую восемью часами раньше с успехом подложила вам ваша багроволицая тётя. Возможно, вы вскричали бы от негодования. По крайней мере, большинство парней точно вскричали бы, уж я-то знаю. Хотите верить, хотите нет, лично я скорее развеселился, чем пришёл в ужас. По правде говоря, если мне не изменяет память, я даже расхохотался. И если она действительно мне не изменяет, хорошо, что я посмеялся от души, так как в дальнейшем у меня уже не было поводов для веселья.

- Да ну? - сказал я. - Расскажи-ка поподробнее, - сказал я, заранее предвкушая удовольствие от того, что сейчас поразвлекаюсь на славу. - Украсть корову и больше ничего?

- Да. Это такой кувшинчик для сливок, который дядя Уаткин привёз из Лондона для своей коллекции. Он сделан в форме коровы с идиотским выражением на морде. Дядя Уаткин прямо трясётся над своим приобретением. Вчера за обедом он поставил корову перед собой на стол и болтал о ней без умолку. Тогда-то мне и пришла в голову гениальная мысль. Если Гарольд стащит корову, а затем её вернёт, дядя Уаткин будет так ему признателен, что осыплет его приходами с головы до ног. Но потом я нашла в своём плане один изъян.

- Неужели?

- Представь себе. Разве ты не понимаешь? Откуда, скажи на милость, у Гарольда вдруг появилась бы корова? Если ценный предмет исчезает из коллекции, а на следующий день викарий как ни в чем не бывало возвращает его владельцу, этому викарию придётся как следует попотеть, объясняя, где и каким образом он его раздобыл. Ежу ясно, нам был нужен вор со стороны.

- Вот теперь я понял. Ты хочешь, чтобы я надел чёрную маску, проник через окно в комнату, стянул objet d'art и передал его Свинке? Ну-ну.

Я говорил с горькой иронией, которую нельзя было спутать ни с чем, кроме горькой иронии, но Стефи посмотрела на меня с восхищением и одобрением.

- Умничка, Берти. В самую точку. Но маску надевать не обязательно.

- Тебе не кажется, чёрная маска поможет мне войти в роль? - спросил я всё с той же гор. ир.

- Ну, как хочешь. Тебе виднее. Самое главное - это залезть в окно. Не забудь про перчатки, чтобы не оставить отпечатков пальцев.

- А как же.

- Гарольд будет ждать тебя в саду. Отдай ему корову как можно скорее.

- Чтобы пораньше сесть в Дартмур?

- Не говори глупостей. Естественно, в схватке тебе удастся бежать.

- В какой схватке?

- После чего Гарольд, весь в крови, вбегает в дом:

- В чьей крови?

- Я сказала, в твоей, но Гарольд сначала не согласился. Понимаешь, нам нужны следы борьбы, чтобы зрелище было более захватывающим, и я предложила, чтобы он разбил тебе нос. Но Гарольд утверждает, будет куда правдоподобнее, если оба вы будете забрызганы кровью. В результате мы договорились, что вы разобьёте носы один другому. А затем Гарольд перебудит весь дом, покажет дяде Уаткину серебряную корову и объяснит, как было дело. Дальше всё пойдёт как по маслу. Я имею в виду, не сможет же дядя Уаткин просто сказать «спасибо» и пойти спать. Если в нём есть хоть капля порядочности, он должен будет тут же раскошелиться на приход. Правда ведь прекрасный план, Берти?

Я встал со скамейки. Лицо у меня было холодным и каменным, если вы меня понимаете.

- Бесподобный. К сожалению:

- Я тебе всё разжевала и в рот положила. Сам видишь, дело плёвое и займёт не больше десяти минут твоего драгоценного времени. Надеюсь, у тебя не хватит наглости заявить, что ты отказываешься выполнить мою просьбу?

- Не бойся, хватит. Естественно, отказываюсь. Даже не надейся.

- Берти, ты большая свинья.

- Если я и свинья, то практичная и рассудительная. К серебряной корове я не подойду на пушечный выстрел. Говорю тебе, я знаю Свинку. Не могу точно сказать, где он даст маху, но, можешь не сомневаться, ему удастся найти способ засыпаться самому и посадить всех нас в хорошую лужу. А теперь гони мне книжку.

- Какую книжку? А, ты имеешь в виду записную книжку Гусика.

- Да.

- Зачем она тебе?

- Затем, - мрачно ответил я, - что растяпа-Гусик не подходит на роль её владельца. Он

способен снова её потерять, а в этом случае она может попасть в руки твоего дяди, а в этом случае он наверняка взбеленится и наложит вето на свадебные торжества, а в этом случае я влипну по самые уши.

- Ты?

- Собственной персоной.

- Ты-то здесь при чём?

- Сейчас расскажу.

И в нескольких словах я обрисовал ей события, происшедшие в Бринкли-корте, ситуацию, сложившуюся в результате этих событий, и ужасную участь, которая ждала меня, если Гусику дадут от ворот поворот.

- Пойми меня правильно, - продолжал я, - когда я говорю, что готов скорее повеситься, чем связать себя брачными узами с твоей кузиной, Медлин, я не хочу сказать о ней ничего плохого. Для неё тут нет ничего обидного. Точно так же я отнёсся бы к мысли о женитьбе на многих, самых прекрасных женщинах мира. Есть определённый тип особ слабого пола, которых можно уважать, боготворить, восхищаться ими, но только издали. При малейшей попытке с их стороны подойти поближе надо брать в руки резиновую дубинку. Именно к данному типу особ принадлежит твоя кузина, Медлин. Очаровательная девушка, идеальная пара Огастесу Финк-Ноттлю, но муравей в штанах для Бертрама.

Она буквально впитывала каждое моё слово.

- Да уж, нашу Медлин иначе как «Прости меня, господи!» не назовешь.

- Я бы никогда не назвал её «Прости меня, господи!» Слишком сильно сказано, а я человек воспитанный. Но раз уж ты сама употребила это выражение, считай, я под ним подписался.

- Я даже не подозревала, что у вас такие сложные отношения. Неудивительно, что тебе позарез нужна записная книжка Гусика.

- Вот именно.

- Подожди, дай подумать.

На её ангельском личике вновь появилось невинное, мечтательное выражение. Приподняв ногу, она нежно помассировала туфлей спину Бартоломью.

- Кончай валять дурака, - сказал я, раздосадованный задержкой. - Гони книжку.

- Минутку. Сначала я должна разобраться в своих чувствах. Знаешь, Берти, мне ведь придётся отдать записки Гусика дяде Уаткину.

- Что?!

- Так велит мне моя совесть. В конце концов, я всем ему обязана. Долгие годы он был мне вторым отцом. Разве мне не следует поставить его в известность о том, как относится к нему будущий зять? Я имею в виду, старикану не сладко придётся, когда он потом выяснит, что пригрел на своей груди не безвредного тритонопомешанного, а гадюку, злобно шипящую каждый раз, когда он хлюпает супом. Впрочем, ты так любезно согласился украсть для нас с Гарольдом серебряную корову, что ради тебя я готова утихомирить свою совесть.

Мы, Вустеры, отличаемся небывалой сообразительностью. Не прошло и пяти минут, как мне стало ясно, на что она намекала. А разобравшись в её черных мыслях, я задрожал с головы до ног.

Как говорится в детективных романах, она запросила свою цену за документы, другими словами, после того, как за завтраком меня шантажировала тётушка, её сестра по духу взялась шантажировать меня перед обедом. Даже в наш послевоенный век распущенных

нравов это, знаете ли, было слишком.

- Стефи! - вскричал я.

- Можешь кричать «Стефи!» до посинения, всё равно никто тебе не поможет. Либо ты выполнишь мою просьбу, либо дяде Уаткину завтра утром за яйцами и кофе предстоит увлекательное чтение. Советую тебе хорошенько подумать, Берти.

Она встала, дёрнула Бартоломью за ошейник и пошла по аллее, но прежде чем свернуть к дому, обернулась и бросила на меня через плечо многозначительный взгляд, пронзивший моё сердце, словно кинжал.

Я откинулся на спинку скамейки и впал в транс. Должно быть, я пробыл в нём довольно долго, потому что вечерние тени сгустились, а всевозможные крылатые существа стали натекать на меня всё чаще, когда голос, раздавшийся над моим ухом, вывел меня из оцепенения.

- Добрый вечер, Вустер, - сказал голос.

Я поднял голову. Глыба мрака, нависавшая надо мной, оказалась Родериком Споудом.

* * *

Мне кажется, диктаторы тоже люди и иногда бывают не прочь покутить в хорошей компании, но, глядя на Родерика Споуда, мне сразу стало ясно, что если в нём и присутствовали задатки нормального человека, в данный момент он не собирался их демонстрировать. Лицо у него было суровым. Поза угрожающей. Благодушных ноток в его timbre я тоже не уловил.

- Я хочу сказать вам несколько слов, Вустер.

- Да?

- Мы только что беседовали с сэром Уаткином, и он рассказал мне всю историю серебряного кувшинчика для сливок.

- Да?

- Теперь мы знаем, зачем вы сюда пожаловали.

- Да?

- Немедленно прекратите «дакать», жалкий, ничтожный червь, и извольте внимательно меня выслушать.

Можете не сомневаться, его оскорбительный тон кого угодно возмутил бы. По крайней мере меня он возмутил, дальше некуда. Но сами знаете, как это бывает. На свете существует множество типов, которых можно разделать под орех, если они называют вас жалким, ничтожным червём, но Родерик Споуд был не из их числа.

- Да, - сказал он, явно обезьянничая (ему, видите ли, было можно, а мне нельзя), - нам прекрасно известно, почему вы здесь появились. Ваш дядя велел вам выкрасть серебряный кувшинчик. И не трудитесь отрицать. Сегодня утром я поймал вас на месте преступления. А сейчас мы узнали, что сюда приезжает ваша тётя. Ха! Стервятники слетаются!

Он помолчал, затем со вкусом повторил: «Стервятники слетаются», словно сказал невесть какую остроту. Лично я не понимал, что в ней было смешного.

- Ну, так вот, я специально пришёл сказать вам, Вустер, что вы находитесь под неусыпным наблюдением. И смею вас уверить, если вы попадёте на краже кувшинчика, вас посадят в тюрьму. Не тешьте себя мыслью, что сэр Уаткин побоится громкого скандала.

Он исполнит свой долг как гражданин и мировой судья.

Тут он положил руку мне на плечо, и, честно признаться, не помню, когда я испытывал более неприятное ощущение. Может, подобный жест и был символическим (так назвал бы его Дживз), но хватка Споуда напоминала укус кобылы.

- Вы, кажется, сказали «Да?», - спросил он.

- Нет, - уверил я его.

- Прекрасно. И вот ещё что. Несомненно, вы убеждены, что не попадёте. Вы вообразили, вам с вашей драгоценной тётушкой всех удастся обмануть. Так вот, это вам тоже не поможет. Если кувшинчик пропадёт, как бы удачно вы и ваша тётушка не замели следы, я пойму, кто его украл, и тут же сделаю из вас отбивную. Отбивную, - с наслаждением повторил он, облизывая губы, словно дегустировал старый, выдержанный портвейн. Надеюсь, вам всё ясно?

- О, вполне.

- Вы уверены, что поняли меня правильно?

- О, конечно.

- Рад за вас.

Туманная фигура приближалась к нам по аллее, и он мгновенно заговорил фальшивым до безобразия добродушным тоном.

- Какой прекрасный стоит вечер, вы не находите, Вустер? Очень тёплый. В это время года обычно бывает куда холоднее. Ну, не буду вас больше задерживать. Пора переодеться к обеду. Мы, знаете, тут обходимся без церемоний, так что можете надеть чёрный галстук. Да?

Вопрос был адресован к туманной фигуре. Знакомое покашливание выявило, кому она принадлежала.

- С вашего разрешения, я хотел обратиться к мистеру Вустеру, сэр. Мне необходимо передать ему сообщение от миссис Траверс. Миссис Траверс просила сказать вам, сэр, что она находится в голубой комнате и будет рада, если вы навестите её, как только освободитесь. Миссис Траверс намерена обсудить с вами дело чрезвычайной важности.

В темноте я не видел лица Споуда, но фыркнул он достаточно убедительно.

- Значит миссис Траверс уже приехала?

- Да, сэр.

- А теперь собирается обсудить дело чрезвычайной важности с мистером Вустером?

- Да, сэр.

- Ха! - воскликнул Споуд и скрылся во тьме, коротко рассмеявшись.

Я поднялся со скамейки.

- Дживз, - сказал я, - приготовься шевелить мозгами. Будешь моим советником. Скоро тут заварится такая каша, что небу станет жарко.

Я надел нижнее бельё и нырнул в рубашку.

- Ну, Дживз? - спросил я. - Что скажешь?

По дороге домой я вкратце изложил ему суть событий, чтобы он как следует их обмозговал и нашёл решение проблемы, пока я быстренько приму ванну. Сейчас я смотрел на него с надеждой во взоре, как тюлень на зрителя в ожидании рыбы.

- Ты что-нибудь придумал, Дживз?

- Мне очень жаль, сэр, но пока ещё нет.

- Как, совсем ничего?

- Боюсь, что нет, сэр.

Я глухо застонал и влез в брюки. Я уже привык к мысли о том, что стоило мне попасть в беду, сметливый мальёк сразу предлагал шикарный план, как из неё выпутаться, и, по правде говоря, я и представить себе не мог, что на этот раз он вдруг даст осечку. Сами понимаете, удар был страшным, и хотите верьте, хотите нет, я стал натягивать носки дрожащими руками. У меня возникло такое ощущение, что и моё тело, и мои мозги оцепенели, словно их пару дней назад засунули в холодильник и забыли разморозить.

- Послушай, Дживз, - сказал я, - а, может, ты не уяснил до конца сценарий? Я ведь торопился поработать мочалкой, так что успел рассказать тебе о событиях лишь в общих чертах. Давай сделаем, как в детективах. Ты любишь детективы, Дживз?

- Не очень, сэр.

- Ну, там всегда говорится о сыщиках, которые запутываются до такой степени, что не могут обойтись без листа бумаги, где они записывают подозреваемых, время, алиби, улики, ну и всё такое прочее. Мы тоже так попробуем. Бери бумагу и карандаш, Дживз, сейчас разберёмся что к чему. Для начала напиши заглавными буквами «Вустер, Б. - Положение дел». Готов?

- Да, сэр.

- Хорошо. Теперь, дальше. Пункт первый: если я не умыкну и не отдам тётке Делии серебряную корову, не видать мне больше стряпни Анатоля как своих ушей.

- Да, сэр.

- Переходим к пункту второму: если я умыкну серебряную корову и отдам её тётке Делии, Споуд сделает из меня отбивную.

- Да, сэр.

- Пункт третий, самый страшный: если я умыкну серебряную корову и отдам её тётке Делии, а не Гарольду Пинкеру, помимо того, что из меня сделают вышеуказанную отбивную, Стефи вручит записную книжку Гусика сэру Уаткину Бассету. А нам с тобой прекрасно известно, что произойдёт в этом случае. Ну, вот. Таков расклад. Ты всё записал?

- Да, сэр. Должен признаться, положение ваших дел весьма неблагоприятное.

Я бросил на него один из своих взглядов, сами знаете какой.

- Дживз, - сказал я, - не испытывай моего терпения. «Весьма неблагоприятное», пропади всё пропадом! О ком ты мне давеча рассказывал, помнишь, на чью голову свалились все печали мира?

- О Моне Лизе, сэр.

- Так вот, если б я сейчас встретил Мону Лизу, я пожал бы ей руку и заверил бы, что

прекрасно её понимаю. Ты видишь перед собой, Дживз, жабу, раздавленную колесом телеги.

- Да, сэр. Возможно, брюки следует поддернуть на дюйм, сэр, чтобы складка над подъёмом ботинка создавала эффект небрежного изящества. Тут необходим очень тонкий расчет, сэр.

- Вот так?

- Восхитительно, сэр.

Я вздохнул.

- В жизни бывают минуты, Дживз, когда я невольно спрашиваю себя: «Какое значение имеют брюки?»

- Это у вас пройдёт, сэр.

- С какой стати? Если даже ты не можешь мне помочь, значит наступил конец света. Впрочем, - продолжал я с надеждой в голосе, - может у тебя просто не было времени, чтобы поломать голову над моей проблемой? Пока я обедаю, Дживз, исследуй её со всех сторон, так сказать, вдоль и поперёк. Возможно, на тебя снизойдёт вдохновение. Кстати, вдохновение действительно снисходит? Как молния или ещё что-нибудь?

- Да, сэр. Известно, что математик Архимед, принимая ванну однажды утром, открыл закон, позднее названный его именем.

- Ну вот, а я что говорю? И ведь наверняка звёзд с неба не хватал. Я имею в виду, тебе он и в подмётки не годился.

- Его считали весьма одарённым человеком, сэр. Когда он погиб от руки простого солдата, это вызвало всеобщее сожаление.

- Да, не повезло бедолаге. Тем не менее, все мы смертны, что?

- Совершенно справедливо, сэр.

Я задумчиво закурил сигарету, и благо мне было не до Архимеда, переключился на свои неприятности, в которые втянула меня бессовестная Стефи.

- Знаешь, Дживз, - после непродолжительного молчания произнёс я, - если разобраться, это уму непостижимо, почему особы противоположного пола всё время из кожи вон лезут, чтобы как-нибудь мне напакостить. Помнишь Роберту Уикхэм и палку со штопальной иглой на конце?

- Да, сэр.

- А Глэйдис-как-там-дальше, которая засунула своего дружка со сломанной ногой в мою постель?

- Да, сэр.

- А Полину Стоунер, проникшую ко мне ночью в купальном костюме?

- Да, сэр.

- Ну и пол! Ну и пол, Дживз! Но ни одна из его смертоносных представительниц даже рядом не лежала со Стефи. Как звали того типа, «Берегитесь!», - чьё имя вело всех остальных? У него ещё вроде бы был ангел.

- Абу бен Адем, сэр.

- Вылитый Стефи. У меня слов не хватает, чтобы сказать, кто она такая. Да, Дживз?

- Я лишь хотел спросить вас, сэр, во время вашей беседы с мисс Бинг, когда она пригрозила отдать записную книжку мистера Финк-Ноттля сэру Уаткину, не увидели ли вы случайно озорного огонька в её глазах?

- Ты имеешь в виду, жульнического, чтобы показать, она вроде как меня страшит? Даже не мечтай, Дживз. Уверяю тебя, я перевидал кучу глаз, в которых не горели огоньки,

но такого отсутствия огоньков, как в глазах Стефи, мне ещё наблюдать не приходилось. Она не шутила. Она говорила, что думала. Более того, она прекрасно понимала, что совершает поступок, непозволительный даже для женщины, но ей было на это глубоко наплевать. К несчастью, эмансипация закончилась тем, что особы слабого пола задирают теперь перед всеми носы и делают гадости, глазом не моргнув, и не опасаясь никаких последствий. Во времена королевы Виктории этот номер у них не прошёл бы. Принц-консорт наверняка сказал бы пару ласковых такой девице, как Стефи, что?

- Я вполне допускаю, Его королевское высочество не одобрил бы поведения мисс Бинг.

- Он перегнул бы её через колено и отхлестал бы домашним тапочком, прежде чем она рот успела бы открыть. Кстати, я бы не удивился, если бы он точно так же поступил с тётёй Делией. И, раз уж мы заговорили о тётё Делии, наверное, мне пора навестить старушку.

- Судя по нетерпению, проявленному миссис Траверс, сэр, она срочно хотела с вами поговорить.

- Тут наши желания не совпали. По правде говоря, Дживз, я отнюдь не жажду попасть на этот seanse.

- Нет, сэр?

- Нет, Дживз. Видишь ли, прямо перед чаепитием я послал ей телеграмму, где указал, что не собираюсь умыкать никаких коров, а тётя Делия наверняка уехала из Лондона задолго до того, как получила моё сообщение. Короче говоря, она уверена, что её племянник вкальвает как бобр на запруде, стараясь ей угодить, и теперь мне придётся как-нибудь помягче сообщить, что наша сделка расторгнута. Тётё Делии это не понравится, Дживз, и не стану от тебя скрывать, чем больше я думаю о предстоящем мне разговоре, тем быстрее душа у меня уходит в пятки.

- Если позволите предложить вам, сэр: разумеется, это всего лишь полумера, но по имеющимся наблюдениям вечерний туалет, строго соответствующий этикету, в трудные минуты сильно поднимает дух.

- Считаешь, мне надо надеть белый галстук? Споуд говорил, черный.

- Я думаю, крайняя необходимость оправдывает некоторое отклонение от правил дома, сэр.

- Может, ты прав.

И, естественно, Дживз оказался прав. В тонкостях психологии он плавает как рыба в воде и никогда не ошибается. Не успел я облачиться, так сказать, в парадную форму, как мгновенно почувствовал уверенность в себе. Моя душа вернулась из пяток куда ей полагалось, в моих глазах появился стальной блеск, а сердце радостно забило в груди, словно его подкачали велосипедным насосом. Я смотрел в зеркало, любясь происшедшими во мне переменами, нежно поглаживая узел галстука и размышляя, как я цыкну на тётю Делию, если она вздумает буяннить, когда дверь отворилась и в комнату вошёл Гусик.

* * *

Как только я увидел этого очкарика лапчатого, меня захлестнула волна сострадания, потому что он, совершенно очевидно, не был в курсе последних событий. Поведение придурка яснее ясного говорило, что Стефи не сочла нужным посвятить его в свои планы. Короче говоря, он был бодр и весел, и мы с Дживзом многозначительно переглянулись.

«Ничего-то он не знает», - сказал мой взгляд, и взгляд Дживза сказал то же самое.

- Салют! - радостно воскликнул Гусик. - Салют! Привет, Дживз!

- Добрый вечер, сэр.

- Ну, Берти, что новенького? Видел Стефи?

Волна состр. нахлынула на меня с новой силой. В глубине своей души я тяжело вздохнул. Сами понимаете, мне предстояло отправить старого друга в нокаут, и эта прискорбная обязанность смущала меня, дальше некуда.

Тем не менее, неприятности надо встречать мужественно, лицом к лицу. Я имею в виду, иногда бывает не обойтись без хирургического вмешательства.

- Да, - сказал я. - Да, видел. Дживз, у нас имеется бренди?

- Нет, сэр.

- Ты не смог бы где-нибудь раздобыть рюмку-другую?

- Вне всяких сомнений, сэр.

- Ну, тогда тащи сюда полный бокал.

- Слушаюсь, сэр.

Он растаял в воздухе, а Гусик уставился на меня с неподдельным изумлением.

- С ума сошёл? Неужели ты собираешься пить бренди перед обедом?

- Естественно, нет. Я заказал бренди для тебя, о мой страдающий друг и великомученик перед распятием на кресте.

- Я не пью спиртного.

- Могу поспорить, что выпьешь и попросишь добавки. Присядь, Гусик, и давай поболтаем о том, о сём.

И, поместив его в удобное кресло, я принялся рассуждать о погоде и урожаях. Мне не хотелось его ошарашивать, пока восстанавливающая силы жидкость не окажется у меня под рукой. Я молот всякую чушь, одновременно пытаюсь своей болтовнёй подготовить его к самому худшему, и вскоре обратил внимание, что он как-то странно на меня смотрит.

- Берти, по-моему, ты в стельку пьян.

- Ничего подобного.

- Тогда зачем ты несёшь околесицу?

- Просто тяну время и жду Дживза. Ах, вот и он. Спасибо, Дживз.

Я взял из рук Дживза бокал, наполненный до краёв, и нежно вложил его в пальцы Гусика.

- Мне кажется, Дживз, тебе следует сходить к тёте Делии и объяснить ей, что по независящим от меня обстоятельствам я не смогу к ней присоединиться. Некоторое время я буду занят.

- Слушаюсь, сэр.

Я повернулся к Гусику, который стал похож на изумлённого палтуса.

- Гусик, - сказал я, - пей бренди и слушай. Боюсь, у меня для тебя плохие новости. Я имею в виду записную книжку.

- Записную книжку?

- Да.

- Ты имеешь в виду, у Стефи её нет?

- В том-то всё и дело. Твоя книжка у Стефи, но она собирается вручить её папаше Бассету.

Я не сомневался, что от моего сообщения Гусик подпрыгнет до потолка, но не учёл, что

в руках у него всё ещё был полный бокал. Когда он взлетел с кресла, бодрящая жидкость брызнула во все стороны, и в комнате запахло как в пивном баре субботним вечером.

- Что?!

- Увы! Ничего не попишешь.

- Но: Боже великий!

- Да.

- Послушай, а ты не шутишь?

- Нет.

- Но почему?

- У неё есть на то свои причины.

- Она просто не понимает, что произойдет.

- Не бойся, она прекрасно всё понимает.

- Мне конец!

- Само собой.

- О, господи!

Недаром говорят, что когда Вустеров припирают к стенке, они действуют решительно и хладнокровно. Я ощутил в себе ледяное спокойствие и потрепал бедолагу по плечу.

- Мужайся, Гусик! Вспомни Архимеда.

- Зачем?

- Он погиб от руки простого солдата.

- Что с того?

- Ну, вряд ли ему это было приятно, и тем не менее он, несомненно, умер с улыбкой на устах.

Моё бесстрашное поведение оказало на него самое благоприятное действие, и он немного успокоился, хотя, не скрою, оба мы в тот момент слегка напоминали двух французских аристократов, ожидающих свидания с гильотиной.

- Когда она тебе об этом сказала?

- Совсем недавно, на аллее.

- И она говорила вполне серьёзно?

- Да.

- Скажи, ты случайно не заметил:

- Озорного огонька в её глазах? Нет. Никаких огоньков.

- Неужели ей никак нельзя помешать?

Я, конечно, предвидел, что рано или поздно он задаст этот вопрос, но всё равно расстроился. По правде говоря, мне вовсе не хотелось тратить время на бессмысленные споры.

- Можно. Она говорит, что откажется от своего ужасного замысла, если я украду у старикашки Бассета серебряный кувшинчик для сливок.

- Ты имеешь в виду серебряную корову, которой он хвастался нам вчера за обедом?

- Её самую.

- Но зачем?

Я объяснил ему положение дел. Он слушал меня внимательно, и с каждой минутой его лицо светлело всё больше.

- Теперь понял. Совсем другое дело! А я-то ломал себе голову, зачем ей это понадобилось. Её поведение казалось мне необъяснимым. Слава богу, всё стало на свои

места. Полный порядок.

Мне жутко не хотелось развеивать его мечты, но выхода меня не было.

- Не совсем. Я не собираюсь воровать никаких коров.

- Что?! Это ещё почему?

- Потому что, как сказал Родерик Споуд, если корова исчезнет, он сделает из меня отбивную.

- При чем здесь Родерик Споуд?

- Он рьяно взялся отстаивать интересы этой коровы. Несомненно, из уважения к старикашке Бассету.

- Гм-м-м. Ну, вряд ли ты боишься Родерика Споуда.

- Ещё как боюсь.

- Глупости! Я тебя лучше знаю.

- Нет, не знаешь.

Он зашагал взад и вперед по комнате.

- Но, Берти, такие, как Споуд, вовсе не страшны. Гора мяса и мускулов. Наверняка он с трудом передвигает ноги. Ему никогда не удастся тебя поймать.

- Я не собираюсь состязаться с ним в спринте.

- К тому же тебе вовсе не обязательно здесь оставаться. Ты можешь уехать сразу, как сделаешь дело. Пошли Стефиному викарию записку, чтобы он ждал тебя, начиная с полуночи, и действуй. Допустим, кража коровы займёт у тебя от пятнадцати минут до получаса, пусть даже сорок минут, учитывая непредвиденные обстоятельства. Смотри, как здорово всё получается. В двенадцать сорок ты отдаёшь корову викарию, в двенадцать сорок пять садишься в машину и в двенадцать пятьдесят мчишь по дороге в Лондон, удовлетворённый прекрасно выполненной работой. Не понимаю, чего ты беспокоишься. Твоя задача до смешного проста.

- Тем не менее:

- Ты отказываешься?

- Да.

Он подошёл к камину, взял с полки фарфоровую статуэтку, отдалённо напоминавшую пастушку, и принялся вертеть её в руках.

- И это говорит Берти Вустер?

- Он самый.

- Берти Вустер, которым я так восхищался в школе, мальчик по прозвищу «Сорвиголова Берти»?

- Ты не ошибся.

- Ну, тогда говорить больше не о чем.

- Вот именно.

- У нас остается один выход: забрать записную книжку у мисс Бинг.

- Каким образом?

Он нахмурился. Затем его маленькие серые клеточки, видимо, пришли в движение.

- Я понял. Слушай меня внимательно. Ведь эта книжка много для неё значит, верно?

- Верно.

- А раз так, Стефи наверняка с ней не расстанется и носит с собой, как в своё время носил я.

- Должно быть, ты прав.

- Подумай, куда девушка может спрятать маленькую записную книжку? Скорее всего, в резинку чулка. Что ж, дело ясное.

- В каком смысле «дело ясное»?

- Неужели не понимаешь, к чему я клоню?

- Нет.

- Ладно, слушай. Ты запросто сможешь завести с ней разговор о всякой всячине, а затем: ну, сам понимаешь: вроде как шутливо обнять и:

Я резко его прервал. Существуют границы, которые мы, Вустеры, никогда не нарушаем.

- Гусик, ты предлагаешь мне ощупать Стефины ноги?

- Да.

- Ни за что на свете!

- Почему?

- Давай не будем углубляться. Хватит с тебя того, что на меня можешь не рассчитывать.

Он бросил на меня взгляд, полный немого укора, - должно быть, так смотрел на него умирающий тритон, которому он забыл сменить воду в аквариуме.

- Да, ты здорово опустил. Совсем не похож на того мальчика, с которым я учился в школе. Ни пыла. Ни жара. Ни изюминки. Алкоголь тебя доконал.

Он глубоко вздохнул, уронил пастушку, разбившуюся вдребезги, и мы пошли к двери. Когда я её открыл, Гусик бросил на меня ещё один взгляд.

- Надеюсь, ты не собираешься появиться за столом в таком виде? С какой стати ты нацепил белый галстук?

- Дживз порекомендовал его для поднятия духа.

- Ты будешь выглядеть последним идиотом. Папаша Бассет обедает в прокуренном, засаленном бархатном пиджаке с пятнами супа на лацканах. Не валяй дурака.

В чем-то, конечно, Гусик был прав. Никому не хочется быть белой вороной. Я решил рискнуть своим духом, вернулся к туалетному столику, и едва успел перевязать галстук, как снизу из гостиной послышался громкий, радостный девичий голос, певший под аккомпанемент рояля нечто вроде английской народной песни. Ну, сами знаете, «тра-ля-ля, тра-ля-ля», и всё такое.

При первых звуках, нарушивших тишину и покой, стекла очков Гусика засверкали как люстры, словно чаша его терпения переполнилась.

- Стефани Бинг, - с горечью сказал он. - Она ещё смеет петь!

И, громко фыркнув, придурок выскочил из комнаты, а я повернулся к зеркалу, намереваясь поправить чёрный галстук, когда в дверях материализовался Дживз.

- Миссис Траверс, сэ, - доложил он.

* * *

Хотите верьте, хотите нет, я невольно воскликнул: «О, господи!» Я, конечно, понимал, что после слов Дживза появится тётя Делия собственной персоной, но бедолага, который вышел прогуляться и неожиданно увидел, как с самолёта над его головой падает бомба, тоже понимает, что сейчас она на него свалится, однако ему от этого не легче.

С первого взгляда мне стало ясно, что моя ближайшая и дражайшая не в своей тарелке, точнее, в растрёпанных чувствах, если так можно выразиться, и я поторопился как можно

любезнее усадить её в кресло и принести свои извинения.

- Ради бога, прости, дорогой мой предок, - сказал я, - что не смог зайти к тебе по первому зову. Мы с Гусиком Финк-Ноттлем обсуждали проблему чрезвычайной важности, касающуюся нас обоих. С тех пор, как мы в последний раз виделись, мои дела несколько запутались. Вернее, последние события совсем меня доконали. Можно даже сказать, передо мной распахнулись врата ада. Я не преувеличиваю, Дживз?

- Нет, сэр.

- Значит у тебя тоже неприятности? Не знаю, как насчёт твоих последних событий, а от последнего события в моей жизни хочется волком выть. Я всё бросила и примчалась сюда сломя голову, потому что если мы не примем срочных мер, мой дом провалится в тартарары.

По правде говоря, я подумал, что даже Моне Лизе вряд ли приходилось так несладко. Я имею в виду, несчастья навалились на меня одно за другим, если вы меня понимаете.

- В чём дело? - спросил я. - Что стряслось?

Она несколько раз открыла рот, явно задыхаясь, затем выдавила из себя одно слово:

- Анатоль!

- Анатоль? - Я успокаивающе сжал ей руку. - Рассказывайте, больная, шутливо произнёс я. На что вы, собственно, жалуетесь? В каком смысле «Анатоль»?

- Если мы ничего не придумаем, я его потеряю.

Казалось, сердце замерло у меня в груди.

- Потеряешь?

- Как пить дать.

- Даже после того, как ты удвоила ему жалованье?

- Даже после того, как я удвоила ему жалованье. Послушай, Берти. Перед тем как я уехала из Бринкли, Тому пришло письмо от сэра Уаткина Бассета. Когда я говорю «перед тем, как я уехала», я имею в виду, что уехала я именно из-за этого письма. Знаешь, что в нём было?

- Что?

- Предложение поменять кувшинчик для сливок на Анатоля. Более того, Том обдумывает, как ему поступить!

Глаза у меня полезли на лоб.

- Что? Невыразимо!

- Невообразимо, сэр.

- Спасибо, Дживз. Невообразимо! Никогда такому не поверю. Дядя Том не согласится, хоть режь его на кусочки.

- Да ну? Хорошо же ты его знаешь! Помнишь Поумроя, дворецкого, который служил у нас до Сеппингза?

- Конечно, помню. Разве его можно забыть?

- Сокровище.

- Жемчужина среди дворецких. Я так и не понял, зачем вы допустили, чтобы он от вас ушёл.

- Том обменял его у Бессингтон-Коупса на серебряную овальную чашку для шоколада на трёх изогнутых ножках.

Я попытался побороть охватившее меня отчаяние.

- Но ведь старый дурень: я хочу сказать, дядя Том, не настолько свихнулся, чтобы избавиться от Анатоля, как от ненужного хлама?

- Настолько.

Она заёрзала в кресле, встала и подошла к камину. Я понял, для того, чтобы успокоиться, грубо говоря, дать выход своим чувствам, тётке Делии необходимо было что-нибудь расколошматить, - то, что Дживз назвал бы полумерой, - и любезно указал ей на терракотовую статуэтку коленопреклонённого младенца Самуила. Она коротко кивнула в знак благодарности и с размаху швырнула Самуилом в противоположную стену.

- Говорю тебе, Берти, спятивший собиратель старины родную мать продаст, чтобы пополнить свою коллекцию недостающим предметом. Когда Том дал мне почитать письмо, он сказал, что с удовольствием содрал бы с Бассета кожу и сварил бы в кипящем масле, но, к сожалению, не видит другого выхода, как согласиться на его условия. Я с трудом уговорила его подождать с ответом, объяснив, что ты специально отправился в Тотли-Тауэр, чтобы добыть для него корову и передать её мне не позднее завтрашнего дня. Как твои успехи, Берти? Дела идут? Ты уже составил план действий? Когда ты её свистнешь? Нельзя терять времени. Каждая минута на счету.

Я почувствовал, как кости в моём теле потихонечку начали превращаться в желе. Пришла пора разбить надежды тётки Делии, и мне хотелось надеяться, что битьём надежд дело ограничится. Моя тётушка - мощная старушенция, особенно в гневе, а перед моими глазами лежало то, что совсем недавно было младенцем Самуилом.

- Только что собирался поговорить с тобой на эту тему, - сказал я. Дживз, у тебя сохранился документ, который мы составили?

- Вот он, сэр.

- Спасибо, Дживз. Мне кажется, тебе следует сходить за очередной порцией бренди.

- Слушаюсь, сэр.

Он удалился, а я протянул тётке Делии лист бумаги и попросил прочитать как можно внимательнее. Она скосила глаз на текст.

- Это ещё что?

- Сейчас поймёшь. Обрати внимание на заглавие: «Вустер, Б. - Положение дел». Этими словами всё сказано. Далее говорится, - тут я попятился, приготовившись увернуться от какого-нибудь тяжёлого предмета, - почему я, к глубочайшему моему сожалению, не могу стащить корову у старикашки Бассета.

- Что?!

- Я послал тебе телеграмму сегодня днем, где изложил все факты, но ты, конечно, её не получила.

Она умоляюще на меня посмотрела - так нежная мать смотрит на ребенка-дебила, совершившего нечто выходящее за рамки обычного идиотизма.

- Но, Берти, мой мальчик, разве ты не понял, что мы теряем Анатоля? Может, ты меня не расслышал? Может, я плохо объяснила?

- Нет, нет, что ты.

- Тогда, скажи, ты сошёл с ума? Я понимаю, сходить тебе не с чего, но:

Я поднял руку, не дав своей драж. и ближ. Закончить фразы.

- Позволь мне изложить суть дела. Если помнишь, я говорил, что последние события совсем меня доконали. Знай же, сэру Уаткину Бассету прекрасно известно, что я приехал сюда специально, чтобы умыкнуть у него корову, и он зорко следит за каждым моим шагом. Более того, он рассказал обо мне и моих планах своему дружку, Споуду. Возможно, ты видела Споуду, когда приехала в Тотли?

- Ты имеешь в виду верзилу, похожего на шкаф?

- Лично я назвал бы его великаном, похожим на колокольню, но не стану спорить. И так, как я упомянул, сэр Уаткин рассказал Споуду о моих планах, и я слышал из собственных уст последнего, что если серебряная корова неожиданно исчезнет, он сделает из меня отбивную. Вот почему я бессилен.

После моих слов наступило довольно продолжительное молчание. Я видел, что тётя Делия переваривает полученную от меня информацию и с большой неохотой приходит к выводу, что Бертрам не из простого каприза бросил её на произвол судьбы. Она явно поняла, что он стоит на краю пропасти и, если не ошибаюсь, содрогнулась при мысли о грозящей ему опасности.

Вообще-то у моей тётушки, когда я был мальчиком, и даже юношей, вошло в привычку отвечать мне подзатыльники всякий раз, когда она считала, что я того заслуживаю, - а считала она так довольно часто, - и хотя сейчас я стал взрослым, мне никак было не избавиться от ощущения, что у неё руки чесались вспомнить молодость (мою, разумеется). Впрочем, под подзатыльниковой оболочкой тётки Делии билось нежное сердце, и любовь к Бертраму, я точно знаю, пустила глубокие корни в её душе. Тётя Делия никогда не пожелала бы, чтобы её племяннику выбили глаз или свернули шею на сторону.

- Понятно, - сказала она после долгого раздумья. - Да, тяжёлый случай.

- Тяжелее не придумаешь. Если ты назовешь данную ситуацию *impasse*, я не стану возражать.

- Так и сказал, что сделает из тебя отбивную?

- Слово в слово. И на всякий случай повторил ещё раз.

- Ну, мне вовсе не хочется, чтобы тебя разделали под орех. Ты не в силах тягаться с этой гориллой. Пикнуть не успеешь, как от тебя мокрого места не останется. Оторвет тебе руки-ноги, а кусочки разбросает по ветру.

Я поморщился.

- Не рано ли ты меня хоронишь, о моя плоть и кровь?

- Ты уверен, что он говорил серьезно?

- Вполне.

- Тебе не показалось, он просто тебя запугивает?

Я печально улыбнулся.

- Понимаю, к чему ты клонишь, тётя Делия, - сказал я. - Через минуту ты спросишь, не было ли озорного огонька в его глазах. Уверяю тебя, когда в нашей с ним беседе Споуд заявил, что сделает из меня отбивную, он имел в виду, что сделает из меня именно отбивную, а не что-нибудь другое.

- Ну, тогда дела наши плохи. Если, конечно, Дживз не сможет нам помочь, сказала она, с надеждой глядя на услужливого малого, который вплыл в комнату с бокалом бренди на подносе. Должен признаться, появился Дживз вовремя. Я даже не понял, почему он так задержался. - Мы беседуем о мистере Споуде, Дживз.

- Да, мадам?

- Мы с Дживзом уже обсуждали, как избавиться от Споуда, - мрачно сказал я, - и Дживз признался, что сбит с толку. Впервые его могучий ум оказался в затруднении и не смог найти ответа на поставленный вопрос.

На лице тётки Делии, которая с наслаждением пила бренди и слушала меня вполуха, появилось задумчивое выражение.

- Знаешь, что мне пришло в голову? - спросила она.

- Выкладывай, единокровная, - всё ещё мрачно произнёс я. - Могу поспорить, ничего путного тебе в голову прийти не могло.

- Как всегда ошибаешься. Если я права, мы снова возьмем бразды правления в свои руки. Я подумала, у вашего Споуда может быть какая-нибудь страшная тайна. Ты ничего не знаешь о Споуде, Дживз?

- Нет, мадам.

- В каком смысле «страшная тайна»?

- Меня вдруг осенило. У каждого человека есть слабинка, и если бы мы узнали, где у Споуда, так сказать, ахиллесова пята, нам ничего не стоило бы держать его в узде. Он стал бы не опасен. Помню, в молодости я случайно увидела, как твой дядя Джордж целуется с моей гувернанткой. Ты не поверишь, как легко мне стало жить на свете, в особенности когда речь шла о том, чтобы остаться после уроков или написать сочинение об импорте и экспорте Великобритании. Понимаешь, что я имею в виду? Допустим, нам станет известно, что Споуд подстрелил лису или кого-нибудь ещё. Тебе не нравится моя идея? спросила она, заметив, что я с сомнением поджал губы.

- Вообще-то мысль не плоха. Но её осуществление упирается в одну маленькую деталь - ничего такого о Споуде мы не знаем.

- Тут ты прав. - Она встала с кресла. - Считаю, я размечталась. Пойду, смочу виски одеколоном, а то голова у меня разорвётся, как бомба.

Дверь за тётёй Делией закрылась, а я упал в кресло, где она только что сидела, и дрожащей рукой отер вспотевшее чело.

- Ну, кажется пронесло, - с облегчением сказал я. - Тётя Делия перенесла удар куда лучше, чем я предполагал. Всё-таки охотничьи клубы славно воспитывают своих дочерей. Она и виду не подала, что на душе у неё кошки скребли, но бокал бренди прикончила, глазом не моргнув. Кстати, куда это ты запропастился, когда ушёл за бренди? Сенбернар-спасатель справился бы с задачей вдвое быстрее тебя.

- Да, сэр. Приношу вам свои извинения. Меня задержал мистер Финк-Ноттль.

Я задумался.

- Знаешь, Дживз, а ведь тётё Делии действительно пришла в голову замечательная мысль. Я имею в виду насчёт того, чтобы, если так можно выразиться, накопать грязи на Споуда. Если бы вдруг оказалось, что у Споуда, так сказать, рыльце в пуху, с ним запросто можно было бы не считаться. Говоришь, тебе ничего о нём неизвестно?

- Нет, сэр.

- Да, скорее всего, он чист как стёклышко. С первого взгляда ясно, что среди типов, которые ходят по струнке и боятся на улице плюнуть, чтобы не нарушить закон, Родерик Споуд занимает одно из первых мест. Боюсь, сколько грязи на него не копай, грязнее его мерзопакостных усов ничего накопать не удастся, а так как он носит их с гордостью и не скрывает от посторонних взоров, видимо, человечество не имеет против них возражений, потому что в противном случае Споуд давно сбрил бы эту гадость.

- Совершенно справедливо, сэр. Тем не менее, есть смысл провести небольшое расследование.

- Да, но как?

- Я подумал о «Юниорах Ганимеда», сэр. Это клуб на Керзон-стрит для личных слуг джентльменов, членом которого я состою вот уже несколько лет. Мистер Споуд занимает

достаточно высокое положение в обществе, и его слуга наверняка тоже является членом нашего клуба, а следовательно, он сообщил секретарю сведения для занесения в клубную книгу.

- Что такое?

- Согласно параграфу одиннадцатому Правил, при поступлении в клуб каждый обязан выдать полную информацию о своём господине. Это позволяет не только коротать вечера за весьма интересным чтением, но также служит предупреждением членам клуба, если бы они захотели поступить на службу к джентльменам, в некотором роде далёким от идеала.

От пришедшей мне в голову мысли я вздрогнул. По правде говоря, я вздрогнул, как никогда.

- А что произошло при твоём поступлении?

- Сэр?

- Я имею в виду, ты им всё обо мне рассказал?

- О, конечно, сэр.

- Как, всё?! И о том, как меня пытался изловить Стоукер, а я вымазал лицо и руки ваксой, чтобы он меня не узнал?

- Да, сэр.

- И о том, как я возвращался домой после вечеринки, которую устроил Горилла Твистлтон, и принял фонарный столб за грабителя?

- Да, сэр. Дождливymi вечерами члены клуба с удовольствием читают истории с приключениями.

- Вот как? Допустим, в один из дождливых вечеров их прочтёт моя тётя Агата? Об этом ты не подумал?

- Вероятность того, что миссис Спенсер Грегсон когда-нибудь получит доступ к записям в клубной книге, ничтожно мала, сэр.

- Надеюсь, что так, хотя последние события под крышей дома, где мы сейчас находимся, должны были показать тебе, что женщины с лёгкостью получают доступ к самым секретным записям.

Я погрузился в молчание, поражённый тем, что узнал, когда Дживз приоткрыл мне завесу тайны, окружавшей «Юниоров Ганимеда», о существовании которых я даже не подозревал. Естественно, я обратил внимание, что по вечерам Дживз частенько напяливает старенький котелок и смывается из квартиры, но мне всегда казалось, он уходит посидеть в баре или поторчать в каком-нибудь кабачке. Ни о каких клубах на Керзон-стрит я понятия не имел.

Ещё меньше я имел понятия о том, что, если так можно выразиться, самые чудовищные «ляпы» Бертрама Вустера были занесены в какую-то книгу. Всё это сильно пахло Абу бен Адемом и ангелами, отмечающими, если я не путаю, каждый его шаг, а меня такое положение вещей, как вы сами понимаете, не могло привести в восторг.

Впрочем, тут ничего нельзя было поделать, поэтому я вернулся к тому, что констебль Оутс назвал бы произошедшим инцидентом.

- Так что же ты предлагаешь? Обратиться к секретарю клуба за информацией о Споуде?

- Да, сэр.

- Думаешь, он всё тебе выложит?

- О, конечно, сэр.

- Хочешь сказать, он раздаёт важные сведения, исключительно опасные сведения,

жуткие сведения, которые могут погубить человека, направо и налево, кому не попадая?

- Только членам клуба, сэр.

- Когда ты сможешь с ним связаться?

- Я могу позвонить ему по телефону прямо сейчас, сэр.

- Звони, Дживз, и если возможно, запиши звонок на счёт Бассета. И не волнуйся, когда девушка тебе скажет: «Три минуты». Продолжай говорить как ни в чём не бывало. Сколько бы денег ты не спалил, объясни своему секр., и объясни обстоятельно, что пришла пора каждому честному человеку выступить в защиту справедливости.

- Я думаю, сэр, мне удастся его убедить, что дело не терпит отлагательств.

- А если он заартачится, сошлись на меня.

- Слушаюсь, сэр.

И Дживз отправился действовать в защиту справедливости, но когда он был уже в дверях, я его притормозил.

- Кстати, Дживз, - спросил я, - ты говорил, что видел Гусика?

- Да, сэр.

- Он сообщил тебе какие-нибудь новости?

- Да, сэр. Насколько я понял, его отношения с мисс Бассет прерваны. Помолвка расторгнута, сэр.

И он растворился в воздухе, а я подпрыгнул на три фута. Можете мне поверить, тяжело подпрыгнуть на три фута, когда сидишь в кресле, но мне это удалось.

- Дживз! - взвыл я.

Но его и след простыл.

Снизу до меня внезапно донесся звук гонга, возвещающего о начале обеда.

Я всегда вспоминаю тот обед с чувством сожаления, потому что душевные муки, которые я испытывал, помешали мне оценить блюда, вкушая которые при более счастливых обстоятельствах, я получил бы истинное наслаждение. Как бы низко ни пал сэра Уаткин Бассет, своим гостям он устроил пиршество богов, и несмотря на моё угнетённое состояние, мне уже через пять минут стало ясно, что в душе его поварахи горела искра божья. От первоклассного супа мы перешли к таявшей во рту рыбе, а от таявшей во рту рыбы к колбаскам из дичи, под которыми не стыдно было бы подписаться самому Анатолю. Прибавьте сюда же спаржу, омлет с джемом и подрумяненные тосты с сардинами, и вы наверняка поймёте, что тот обед мог дать любому другому обеду сто очков форы.

Само собой, мне было не до еды. Как сказал один тип, лучше щипать травку с друзьями-приятелями, чем пировать с кем попало, а глядя на присутствующих, включая Гусика и Медлин, которые сидели бок о бок, я никак не мог отделаться от ощущения, что жую безвкусную бумагу.

Сами знаете, как ведут себя в компании влюблённые парочки. Всё время наклоняются друг к другу и о чём-то шепчутся. Хихикают и толкаются. Перемигиваются и незаметно обнимаются. Лично я однажды своими глазами видел, как женская половина дуо кормила своего знакомого с вилки. С Гусиком же и Медлин явно происходило неладное. Он был бледен как полотно и сильно смахивал на окоченевший труп, она сидела с холодным, гордым и отрешённым видом. Оба они занимались тем, что катали хлебные катыши из крошек, и за всё время, что я за ними наблюдал, не обмолвились ни словом. Ах нет, вру, как-то он попросил передать соль, а она вручила ему перец, и он сказал: «Я просил соль», а она ответила: «Правда?» и сунула ему горчицу.

Не оставалось сомнений, Дживз, как всегда, оказался прав. Влюблённые разругались в пух и прах, и я мучился изо всех сил, потому что данное событие было не только трагичным, но ещё и загадочным. Сколько я не ломал себе голову, где тут собака зарыта, ничего путного я так и не придумал, а посему с нетерпением ждал конца обеда в надежде, что когда особы женского пола смоятся, мы с Гусиком пропустим по стаканчику портвейна, и он объяснит мне, что к чему.

Однако, к моему изумлению, Гусик, который держал дверь открытой, пока дамы выходили из столовой, пулей вылетел вслед за последней из них и исчез, словно его и не было, оставив меня наедине с хозяином дома и Родериком Споудом. А так как они сидели рядышком на другом конце стола, вполголоса разговаривая друг с другом и время от времени бросая на меня подозрительные взгляды, как будто я был незваным гостем, напросившимся на обед, и за мной нужен был глаз да глаз, чтобы не пропали вилки, я тоже вскоре откланялся, пробормотав, что мне необходимо сходить за портсигаром или чем-то ещё, точно не помню. По правде говоря, я решил просто побыть в своей комнате, не сомневаясь, что рано или поздно туда зайдут либо Гусик, либо Дживз, и сообщат мне последние новости.

Весёлый огонь полыхал в камине, и, чтобы убить время, я подвинул к огню кресло и углубился в детективный роман, который привез из Лондона. Благо я его перелистал, прежде чем купить, и знал, что в нём полно всяческих веских улик и кровавых убийств, вскоре я увлёкся и перестал обращать внимание на окружающее. Однако, не успел я войти во вкус, как дверь скрипнула, и в комнату ввалился не кто иной, как Родерик Споуд.

Честно признаться, я посмотрел на него с некоторым недоумением. Я имею в виду, кого-кого, а Споуда я никак не ожидал увидеть у себя в спальне, тем более, он пришёл явно не для того, чтобы извиниться за своё безобразное поведение на аллее, - когда наряду с угрозами в мой адрес он позволил себе обозвать меня жалким, ничтожным червём, - или попросить прощения за подозрительные взгляды, которые он бросал на меня за обеденным столом. В таких вещах я, слава богу, разбираюсь. Когда человек собирается принести извинения, он делает это очаровательно улыбаясь или смущённо ухмыляясь, а на физиономии Споуда ни того, ни другого выражения в помине не было.

По правде говоря, он выглядел даже более устрашающе, чем обычно, и его вид настолько мне не понравился, что я сам изобразил нечто среднее между очаровательной улыбкой и смущённой ухмылкой. Вряд ли, конечно, такая мелочь могла его угомонить, но с этим верзилой мелочами тоже не следовало пренебрегать.

- А, это вы, Споуд, - дружелюбно произнёс я. - Заходите, не стесняйтесь. Чем могу?

Не ответив ни слова, он подошёл к шкафу, резко распахнул обе его дверцы, сунул голову внутрь, затем повернулся и уставился на меня со знакомой мне неприязнью.

- Я думал, там Финк-Ноттль.

- Его там нет.

- Вижу.

- Вы ожидали найти Гусика в шкафу?

- Да.

- Правда?

Наступило молчание.

- Что-нибудь передать, если я случайно с ним встречу?

- Да. Передайте, что я сверну ему шею.

- Свернёте шею?

- Да. Вы глухой? Сверну шею.

Я миролюбиво кивнул.

- Понятно. Свернёте шею. А если он спросит, за что?

- Он знает, за что. За то, что он мотылёк, который играет женскими сердцами, а затем выкидывает их, как старые перчатки.

- Ладно, передам. - До сих пор я понятия не имел, что мотыльки ведут подобный образ жизни. Век живи, век учись. - Я имею в виду, передам, если увижу.

- Благодарю вас.

И он стремительно удалился, сильно хлопнув дверью, а я положил книгу на колени и задумался над причудами истории, которая сама себя повторяла, если так можно выразиться. Я имею в виду, данная ситуация была точь-в-точь такой же, как несколько месяцев назад в Бринкли-корте, когда Тяпа Глоссоп ввалился ко мне в комнату, преследуя ту же цель, которую сейчас поставил перед собой Родерик Споуд. Правда, Тяпа, если не ошибаюсь, собирался вывернуть Гусика наизнанку и заставить проглотить самого себя, в то время как Споуд хотел свернуть ему шею, но для Гусика это не имело принципиального значения.

Само собой, я понял, что произошло. Хотите верьте, хотите нет, я ожидал подобного развития событий. Из моей памяти ещё не стёрся рассказ Гусика о том, как Споуд предупредил его о своём намерении переломать ему все кости, если когда-нибудь он обидит Медлин Бассет. Несомненно, Споуд тщательно расспросил её обо всём за чашечкой кофе и теперь горел желанием выполнить обещанное.

Глупее всего, я до сих пор не имел ни малейшего представления, что же такое могло случиться, хотя, судя по ярости Споуда, произошло нечто из ряда вон выходящее, и Гусик сделал очередную вопиющую глупость. Ситуация, как вы понимаете, хуже не придумаешь, и если б только я мог как-то её изменить, можете не сомневаться, я не преминул бы вмешаться в развитие событий, но так как я понятия не имел, в какие события надо вмешиваться, я решил, что всё должно идти своим чередом. С легким вздохом я уткнулся в книгу, и только почувствовал, как по моей коже побежали мурашки, когда загробный голос произнёс: «Послушай, Берти!», и я подскочил в кресле, задрожав как осиновый лист.

По правде говоря, я подумал, что какое-то семейное привидение пришло по мою душу. Всё ещё дрожа, я осторожно оглянулся и увидел Огастеса Финк-Ноттля, вылезавшего из-под кровати.

* * *

Неожиданно обнаружив, что мой язык запутался в миндалинах, чуть меня не удушив, на какое-то время я лишился дара речи и способен был лишь издавать нечленораздельные звуки, глядя на Гусика вытаращенными глазами. Впрочем, даже взгляда вытаращенными глазами было достаточно, чтобы понять: придурок слышал нашу беседу со Споудом до последнего слова и прекрасно понимал, что, попадись он ему в руки, песенка его будет спета. Волосы у Гусика стояли дыбом, глаза бегали в разные стороны, нос дёргался. Примерно так же выглядел бы кролик, со всех ног улепётывающий от лисицы, конечно, за тем исключением, что у кролика не могло быть очков в роговой оправе.

- Слава богу, пронесло, - пискнул он дрожащим голосом и направился к двери на негнущихся ногах. - Если не возражаешь, я запру дверь. Он может вернуться. Ума не приложу, как ему не пришло в голову заглянуть под кровать? Мне всегда казалось, диктаторы ничего не забывают.

С некоторым трудом я выпутал язык из миндалин.

- Кровати и диктаторы меня не волнуют. Что произошло у вас с Медлин Бассет?

Он поморщился.

- Если не трудно, давай не обсуждать эту тему.

- Нет, трудно. К тому же это единственная тема, которую я намерен обсуждать. С какой стати она расторгла помолвку? Что ты опять натворил?

Он снова поморщился, словно я отдал ему большую мозоль.

- Понимаешь, я не сделал Медлин ничего плохого. Всё дело в Стефани Бинг.

- В Стефи?

- Да!

- Что плохого ты сделал Стефи?

Он явно смутился.

- Я: гм-м-м: по правде говоря: э-э-э: сейчас-то я понимаю, что совершил ошибку, но в тот момент: видишь ли:

- Кончай мямлить.

Он судорожно вздохнул и с трудом взял себя в руки.

- Не знаю, помнишь ли ты, Берти, о чём мы разговаривали перед обедом: ты ещё согласился, что записную книжку Стефи должна носить с собой: я тогда предположил, она,

возможно, прячет её за резинку чулка: мы ещё обсуждали:

Всё поплыло у меня перед глазами. Я понял, на что он намекает.

- Ты не?:

- Вот именно.

- Когда?

Он снова смутился.

- Как раз перед обедом. Если не забыл, она пела в гостиной народные английские песни. Когда я спустился вниз, Стефи сидела за пианино: одна. По крайней мере я решил, что она одна: и внезапно мне пришло в голову, у меня появилась шикарная возможность: понимаешь, я не знал, что Медлин, хоть её и не было видно, тоже находилась в гостиной. Она зашла за ширму в углу, чтобы достать ноты из сундука: и: ну, короче говоря, как раз когда я: как бы это сказать?: как раз когда я начал действовать, она вышла из-за ширмы: и: в общем, сам понимаешь: я имею в виду, только вчера я объяснялся с Медлин по поводу мушки в глазу, а сегодня: короче, мне не удалось отговориться. Вот и всё. Ты умеешь связывать простыни, Берти?

Честно признаться, я не совсем понял, как говорит Дживз, столь резкого поворота мысли.

- Связывать простыни?

- Пока вы со Споудом разговаривали, я лежал под кроватью, обдумывая ситуацию, и понял, что у меня нет другого выхода, как связать простыни с твоей кровати и спуститься по ним из окна. Я читал про такое в книгах и один раз даже видел в кино. Затем я возьму твою машину и уеду в Лондон. А там видно будет. Может, отправлюсь в Калифорнию.

- В Калифорнию?

- Она в семи тысячах миль отсюда. Вряд ли Споуд последует за мной в Калифорнию.

У меня отвалилась нижняя челюсть.

- Надеюсь, ты не собираешься удрать?

- Естественно, я собираюсь удрать. Причём немедленно. Ты слышал, что сказал Споуд?

- Но ведь ты не боишься Споуда?

- Ещё как боюсь.

- Если не ошибаюсь, ты говорил, он гора мышц и мяса, и с трудом передвигает ноги.

- Говорил. Но тогда он собирался свернуть шею тебе. Сейчас мои взгляды переменились.

- Послушай, Гусик, возьми себя в руки. Не можешь же ты просто так взять и исчезнуть.

- А что мне остается?

- Ну, ты должен остаться и попробовать помириться с Медлин. Ты даже не пытался попросить у неё прощения.

- Нет, пытался. За обедом, когда подали рыбу. Она заморозила меня своим взглядом и принялась делать из хлебных крошек катыши.

Я напряг свои мозги как никогда. Не могло такого быть, чтобы Вустер не выкрутился из любой передряги, и точно: не прошло полминуты, мне стало ясно, как надо действовать.

- Тебе необходимо вернуть свою записную книжку, - сказал я. - Если ты покажешь её Медлин, и она прочтёт твою писанину, даже ей будет понятно, что ты полез под: э-э-э: обыскивал Стефи с самыми чистыми, непорочными намерениями. Медлин осознает, что твоё поведение было: было: так и вертится на кончике языка: актом отчаяния, вот. Она всё поймёт и простит.

На какое-то мгновение стёкла его очков блеснули лучом надежды.

- Это мысль, - согласился он. - Где-то ты прав, Берти. Идея совсем не плоха.

- Можешь не сомневаться, она сработает. Как говорится, *tout comprendre, c'est tout pardonner*.

Стёкла его очков погасли.

- Но как мне вернуть мою книжку? Где она может быть?

- У Стефи её точно нет?

- По-моему, нет. Сам понимаешь, при сложившихся обстоятельствах мои исследования были весьма поверхностными.

- Тогда книжка, скорее всего, у неё в комнате.

- То-то и оно. Не могу же я забраться к девушке в комнату.

- Почему? Видишь книгу? Я читал её, пока ты торчал под диваном. По странному совпадению, - я сказал, совпадению, но возможно, это знак свыше, посланный нам с определённой целью, - я как раз дошёл до того места, где банда преступников обыскивает комнату девушки. Так что действуй, Гусик. Не медли. Наверняка Стефи сейчас в гостиной и проторчит там не меньше часа.

- Вообще-то, она ушла в деревню. Приходской священник решил прочитать деревенским матерям лекцию о Святой Земле и проиллюстрировать своё выступление цветными слайдами, а Стефи будет ему аккомпанировать на пианино. И всё же: нет, Берти, не могу. Наверное, ты прав: ты даже наверняка прав: но я боюсь. А вдруг Споуд зайдёт и увидит меня в комнате Стефи?

- Ну, знаешь! Вряд ли Споуд шляется по комнатам девушек.

- Нет, не знаю. Нельзя строить планы, основываясь на столь легкомысленных предложениях. Споуд ещё тот тип. Он может шлиться где угодно. Всё кончено, Берти. Моё сердце разбито, моё будущее мертво, и мне ничего не остаётся, как смириться с неизбежным и начать связывать простыни. Помоги мне.

- Мои простыни ты связывать не будешь. Даже не надейся.

- Но, прах побери, моя жизнь в опасности!

- А мне плевать. Я отказываюсь становиться соучастником твоего позорного бегства. Если собираешься улепётывать без оглядки, на меня можешь не рассчитывать.

- И это говорит Берти Вустер?

- Тебе не надоело повторять одно и то же?

- Нет, не надоело. Последний раз спрашиваю, Берти, ты одолжишь мне свои простыни?

- Ни за что.

- Ну, тогда мне придётся куда-нибудь спрятаться, а на рассвете уехать товарным поездом. Прощай, Берти. Я в тебе разочаровался.

- Это я в тебе разочаровался. Ты жалкий трус. Кишка тонка остаться, что?

- Я не трус. А что касается кишок, мне вовсе не хочется, чтобы Споуд начал выяснять, какого они у меня цвета.

Он посмотрел на меня взглядом издыхающего тритона и осторожно приоткрыл дверь. Повертев головой и убедившись, что путь споудободен, он выскользнул из комнаты и был таков; а я, чем сидеть и мучиться, накручивая самого себя, вновь углубился в книгу.

Прошло некоторое время, и неожиданно я ощутил рядом с собой присутствие Дживза. Я не слышал как он вошёл, но, сами понимаете, в этом не было ничего удивительного. Моё подозрение, что невидимый малый перемещается из пункта А в пункт Б по воздуху, давно

превратилось в уверенность.

Само собой, я не стану утверждать, что Дживз ухмылялся, но лицо у него было умиротворённое, и я внезапно вспомнил о том, что начисто вылетело у меня из головы после омерзительной сцены с придурком Финк-Ноттлем, а именно: последний раз, когда я видел Дживза, он отправился звонить секретарю клуба «Юниоры Ганимеда». Я поспешно встал с кресла. Насколько я знал толкового малого, он принёс мне хорошие вести.

- Ну, дозвонился секр-ю, Дживз?

- Да, сэр. Мы только что закончили разговаривать.

- Он тебе всё выложил?

- Я получил полную информацию, сэр.

- И у Споуда есть тайна?

- Да, сэр.

Я с чувством хлопнул себя по брючине.

- Зря я сомневался в тёте Делии, Дживз. Тёти всегда знают, что говорят. У них это называется интуицией. Рассказывай скорей, в чём там дело.

- Боюсь, я не смогу удовлетворить ваше любопытство, сэр. Клубные правила, касающиеся передачи задокументированной информации, необычайно строги.

- Ты имеешь в виду, твой рот на замке?

- Да, сэр.

- Тогда какого ладана ты вообще звонил?

- Мне запрещено сообщать лишь детали, сэр, но я имею полное право поставить вас в известность, что вам с лёгкостью удастся удержать мистера Споуда от агрессивных поступков, если вы скажете ему, что знаете всё об Эйлали.

- Эйлали?

- Эйлали, сэр.

- Думаешь, это его остановит?

- Да, сэр.

Я нахмурился. По правде говоря, полученная информация меня особо не обнадежила.

- А ты не мог бы хоть намекнуть, о чём идёт речь, Дживз?

- Нет, сэр. Если я позволю себе лишнее слово, вполне возможно, от меня потребуют написать заявление о выходе из клуба.

- Ну, тогда, конечно. - Мне даже думать не хотелось, как камердинеры выстраиваются в две шеренги и проводят Дживза сквозь строй, обрывая ему пуговицы. - Тем не менее, ты уверен, что несколько жалких звуков заставят Споуда поджать хвост? Давай внесём ясность. Допустим, ты Споуд, и я подхожу к тебе и говорю: «Споуд, я всё знаю об Эйлали». Скажи, ты тут же увянешь, как цветок без поливки?

- Да, сэр. Джентльмен, занимающий такое видное положение в обществе, как мистер Споуд, несомненно не захочет, чтобы имя Эйлали было предано гласности.

Я решил немного попрактиковаться. Подойдя к комоду, я сунул руки в карманы и заявил: «Споуд, я всё знаю об Эйлали». Затем я попробовал произнести ту же фразу, вынув руки из карманов. Потом я сказал её в третий раз, скрестив руки на груди. Честно признаться, получалось у меня неубедительно. Впрочем, я вовремя вспомнил, что Дживз никогда не ошибается, и сразу повеселел.

- Ладно, тебе виднее, Дживз. Пойду, успокою Гусика, пока придурка кондрашка нехватила от страха.

- Сэр?

- Ах да, конечно, ты ведь не в курсе, верно? Хочу поставить тебя в известность, Дживз, что с момента нашей последней встречи всё перепуталось, хуже не бывает. Ты знал, что Споуд любит Медлин Бассет чуть ли не с пелёнок?

- Нет, сэр.

- Ну вот. Счастье мисс Бассет для Споуда превыше всего, и когда её помолвка разлетелась вдребезги при сомнительных обстоятельствах, не делающих чести особе мужского пола, за которого она собиралась замуж, Споуд решил свернуть Гусику шею.

- Вот как, сэр?

- Двух мнений быть не может. Споуд только что был здесь и во всеуслышание заявил о своём намерении, а Гусик в это время валялся под кроватью и всё слышал. В результате придурок только и думает, как бы ему связать мои простыни, вылезти по ним из окна и умотать в Калифорнию. Сам понимаешь, мы не можем этого допустить. Если он действительно удерёт, тогда мне крышка. Жизненно важно, чтобы Гусик остался и добился примирения со своей девицей.

- Да, сэр.

- Он не может добиться с ней примирения, если отчалит в Калифорнию.

- Нет, сэр.

- Поэтому первым делом я хочу его разыскать, хотя, должен заметить, сделать это будет совсем не просто. На данном этапе своей карьеры бедолага может находиться где угодно. Не удивлюсь, если он сидит на крыше и пытается превратиться в птичку.

Мои худшие опасения подтвердились. Я обошёл весь дом, но Гусиком нигде даже не пахло. Тотли-Тауэр спрятал Огастеса Финк-Ноттля с концами. Я поискал его ещё немного, затем плюнул на это дело, вернулся к себе и, будь я проклят, если первое, что я увидел, войдя в комнату, был не искомый мной придурок собственной персоной. Он стоял у моей кровати и связывал простыни.

А благо стоял он спиной к двери, и на полу лежал ковёр, о моём присутствии ему ничего не было известно до тех пор, пока я не заговорил. Моё «Эй!», произнесённое резким тоном, потому что я терпеть не могу, когда посторонние копаются в моём постельном белье, заставило его подпрыгнуть чуть ли не до потолка. У него даже губы посинели от страха.

- Ох! - воскликнул он. - Я принял тебя за Споуда!

На смену испугу пришло возмущение. Он бросил на меня уничтожающий взгляд. Его глаза за стёклами очков холодно заблестели. Он стал похож на раздражённого палтуса.

- Чтоб тебе пусто было, Вустер. С какой стати ты подкрадываешься ко мне и орёшь: «Эй!» дурным голосом? Меня чуть кондрашка нехватила.

Сами понимаете, в долгу я не остался.

- Чтоб ты на месте провалился, Финк-Ноттль. С какой стати ты портишь моё постельное белье, да ещё после того, как я категорически запретил тебе к нему прикасаться? Можно подумать, у тебя своих простыней нет. Иди и связывай их сколько тебе влезет.

- По-твоему я сумасшедший? На моей кровати сидит Споуд.

- Да ну?

- Представь себе. Ждёт, когда я появлюсь. К счастью, он закашлялся, прежде чем я успел войти в комнату.

Я решил, пришла пора успокоить его мятущуюся душу.

- Можешь больше не бояться Споуда, Гусик.

- В каком это смысле я могу его больше не бояться? Выражайся яснее.

- Яснее не бывает. Споуд qua гроза всего живого, если, конечно, qua здесь подходит, остался в далёком прошлом. Благодаря блестяще поставленной секретной службе Дживза мне стала известна тайна Споуда, которую он не хочет разглашать ни за какие коврижки.

- Какая тайна?

- Увы, тут ты меня подловил. Когда я сказал: «Мне стала известна тайна Споуда», я имел в виду, она стала известна Дживзу, а рот Дживза, к несчастью, находится на замке. Однако, я знаю волшебное слово, которое заставит Споуда поджать хвост и поднять лапки кверху, если он вдруг вздумает хулиганить направо и налево. - Я умолк и прислушался к шагам в коридоре. - Кто-то идёт. Возможно, та самая особа, о которой мы только что говорили.

Из горла Гусика вырвалось нечто напоминающее звериный рык.

- Немедленно запри дверь!

Я небрежно помахал рукой.

- К чему? Пусть себе идёт на здоровье. С удовольствием его поприветствую. Увидишь, как я с ним разделаюсь, Гусик. Тебя это развлечёт.

Моя догадка, как всегда, оказалась верной. Видимо, Споуду надоело торчать на кровати в пустой комнате, и он решил снова поболтать с Вустером в надежде хоть немного развлечься. По своему обыкновению ввалившись ко мне без стука, Споуд первым делом увидел Гусика, от неожиданности замер на месте, затем издал победный клич и запыхтел как паровоз.

Казалось, со времени нашей последней встречи он заметно подрос и сейчас был не меньше восьми футов шести дюймов ростом, и если б я получил информацию in re Споуда из менее авторитетного источника, я тысячу раз подумал бы, прежде чем ею воспользоваться. Но за долгие годы привычка не сомневаться в правоте Дживза вошла в мою плоть и кровь, поэтому я остался абсолютно спокоен.

С сожалением должен отметить, что Гусик не разделял моей непоколебимой уверенности. Возможно, я не успел изложить ему всех фактов, а может, увидев Споуда живьём, если так можно выразиться, он просто-напросто сломался, но как бы то ни было, бедолага попятился к стенке и попытался пройти сквозь неё в соседнее помещение, а потерпев фиаско, покорно опустил руки и стал похож на чучело, тщательно изготовленное таксидермистом. Я же тем временем повернулся к незваному гостю и посмотрел на него одновременно свысока и с некоторым изумлением. У меня это здорово получилось.

- Ну, Споуд, - спросил я, - что ещё вам угодно?

Высокомерие и изумление, о которых только что говорилось, я вложил в слово «ещё», но судя по поведению верзилы-диктатора, я даром сотрясал воздух.

Никак не отреагировав на мой вопрос, словно он был глухим аспидом из Священного Писания, Споуд медленно направился к Гусику, гипнотизируя его своим взглядом. Скулы у него ходили ходуном, совсем как в ту минуту, когда ему посчастливилось застукать меня наедине с коровой старикашки Бассета, и я бы не удивился, если б в пылу обуревавших его страстей он гулко застучал бы себя кулаками в грудь, подобно расвирепевшей горилле.

- Ха! - сказал Споуд.

Сами понимаете, я не собирался терпеть такой наглости. Его диктаторские замашки и

идиотское «Ха!», которое он произносил по всякому поводу и без повода, следовало пресечь в корне, причем незамедлительно.

- Споуд! - резко воскликнул я и по-моему, точно не помню, даже постучал по столу костяшками пальцев.

Мне кажется, он только сейчас заметил, что я тоже присутствую в комнате. На мгновение остановившись, он бросил на меня недовольный взгляд.

- Ну, а вам что нужно?

Я приподнял сначала одну бровь, затем, для убедительности, обе сразу.

- Что мне нужно? Это мне нравится. Это интересно. Но раз уж вы соблаговолили задать данный вопрос, мне нужно знать, за каким ладаном вы всё время впираетесь в мою комнату, занимая место, не для вас предназначенное, и нарушаете мой покой, когда я беседую с друзьями? Право, в этом доме чувствуешь себя какой-то стриптизёршей. У вас что, своей комнаты нет? Шли бы туда, чванливый индюк, и для разнообразия занялись бы каким-нибудь делом.

Не удержавшись, я украдкой бросил на Гусика взгляд, чтобы посмотреть, как он отреагирует на моё выступление, и с удовольствием отметил на его лице выражение благоговейного восхищения, совсем как у попавшей в переплёт средневековой девицы при виде рыцаря, который в поте лица отбивает её у дракона. Совершенно очевидно, Гусик вновь считал меня Сорвиголовой Вустером прежних дней и мучился от стыда, вспоминая свои гнусные насмешки в мой адрес.

На Споуда, казалась, моя речь тоже произвела сильное впечатление, хоть и не такое благоприятное, как на Гусика. От изумления у верзилы-диктатора отвалилась нижняя челюсть, и он уставился на меня, как солдат на вошь. У меня сложилось впечатление, что у него в голове не укладывалось, как это существо, совсем недавно поджимавшее перед ним хвост на аллее, вдруг осмелилось на него затыкать. Споуд выглядел так, будто его неожиданно укусил кролик.

Он осведомился, ему послышалось, или я действительно сказал, что он индюк, и я ответил утвердительно.

- Чванливый индюк?

- Чванливый индюк. Давно было пора, - продолжал я, - хоть кому-то, не стесняясь, назвать вещи своими именами. Ваша беда в том, Споуд, что вы слишком много о себе воображаете.

Он явно, как говорится, боролся с собой.

- Вот как? Ха! Ну ладно, с вами я потом разберусь.

- А я, - с быстротой молнии последовал мой ответ, - разберусь с вами прямо сейчас. - Я небрежно закурил сигарету. - Споуд, - произнёс я, вводя в бой тяжёлую артиллерию, - мне известна ваша тайна.

- Что?

- Я всё знаю о:

- О чём?

Именно этот вопрос я задал сам себе, потому что, хотите верьте, хотите нет, в этот решительный момент, когда я больше всего на свете нуждался в магическом имени для усмирения диктаторов, которое сообщил мне Дживз, оно начисто выскочило у меня из головы. Я даже не помнил, с какой буквы оно начиналось.

По правде говоря, имена - дело удивительное, если вы меня понимаете. Не сомневаюсь,

с вами такое тоже часто случалось. Я имею в виду, у этих имён есть дурная привычка улетучиваться из памяти как чёрт-те что. У меня куры денег не клевали бы, если бы я получал по фунту каждый раз, когда на улице ко мне подлетали типы со знакомыми до неприличия физиономиями, чьих имен я, хоть убей, не помнил, и радостно вопили: «Привет, Вустер!» В подобных случаях всегда чувствуешь себя как рыба, вытащенная из воды, но до сих пор я ещё не чувствовал себя рыбой, вытащенной из воды, до такой степени.

- О чём? - повторил Споуд.

- По правде говоря, забыл, - честно признался я.

То ли полупридушенный крик, то ли судорожный всхлип, раздавшийся на другом конце сцены вновь приковал мой взор к Гусику, и мне сразу стало ясно, что моё признание не ускользнуло от его слуха. Он опять попытался пройти сквозь стену, и опять неудачно, после чего глаза его отчаянно забегали из стороны в сторону. Затем, когда Споуд начал медленно к нему приближаться, на его лице внезапно появилось решительное, я бы даже сказал, непреклонное выражение.

Мне всегда нравится вспоминать, как Огастес Финк-Ноттль проявил себя в ту минуту. Двух мнений быть не может, он оказался на высоте. Вообще-то я никогда не считал его человеком действия. Тюфяк и тихоня, вот как я о нём думал с детских лет. Но сейчас он повёл себя как заправский забияка и задира с пристаней Сан-Франциско.

Если помните, он стоял, вжавшись в стену, на которой, прямо над его головой, висела картина, где какой-то щёголь в бриджах и треуголке глазел на девицу, ворковавшую то ли с домашним, то ли с диким голубем, если, конечно, я не ошибаюсь. По правде говоря, эта картина давно меня раздражала, и я чуть было не всучил её тётке Делии вместо младенца Самуила, но к счастью вовремя удержался, потому что если б тётя Делия изничтожила щёголя с девицей, Гусик никак не смог бы сорвать их со стены и мощным движением кистей опустить на голову Родерику Споуду.

Я сказал «к счастью», так как, по моему глубокому убеждению, Споуд больше чем кто бы то ни было нуждался в том, чтобы ему шарахнули картиной по черепушке. Только этого Споуду и не хватало, вот что я вам скажу. Каждым своим словом, каждым поступком он просто напрашивался, чтобы ему заехали как полагается. Но в каждой бочке мёда есть ложка дёгтя, и через мгновение я убедился, что благие намерения Гусика не привели к каким-либо существенным результатам. Само собой, ему следовало держать картину боком и лупить Споуда тяжёлой, крепкой рамой, а придурок нанес удар плашмя, после чего диктатор прошёл сквозь холст как цирковой наездник сквозь круг, обтянутый бумагой, Другими словами, усилия Гусика оказались не более чем простым жестом, как выразился бы Дживз.

Хорошо хоть, на некоторое время верзила растерялся. Он стоял, тупо моргая, с картиной вместо воротничка на шее, и небольшая передышка дала мне возможность начать военные действия.

Поведите нас в бой, дайте нам понять, что на войне все средства хороши, и мы, Вустеры, никогда не останемся в стороне. В одну секунду я схватил простыню, которую Гусик бросил на кровать, когда я помешал ему вязать на ней узлы, и набросил её на Споуда. Много воды утекло с тех пор, как я изучал римскую историю, и, прежде чем утверждать наверняка, мне необходимо проконсультироваться у Дживза, но по-моему точно так же поступали гладиаторы на арене под одобрительные выкрики толпы.

Должно быть, парень, схлопотавший картиной по черепушке и сразу же после этого накрытый простыней, не в состоянии мыслить ясно и логично. Любой друг Споуда, блюдя

его интересы, посоветовал бы ему в данный момент уgomониться и не дёргаться, пока он не выберется из кокона. В противном случае, наверняка заметил бы этот друг, в комнате, битком набитой стульями, столиками, креслами и прочей дребеденью можно грохнутья в шесть секунд.

Но рядом со Споудом, как вы понимаете, друзей не было, и, услышав свист ветра, сопровождавший бегство Гусика, он бросился в предполагаемом направлении своей жертвы и, естественно, рухнул как подкошенный. И пока Гусик, развив бешеную скорость, вылетал в дверь, Споуд барахтался на полу, запутываясь в простыне всё больше и больше.

Должен вам сказать, если бы комнате находился мой друг, он несомненно посоветовал бы мне умотать оттуда как можно скорее, и, оглядываясь назад, я понимаю, что действовал необдуманно, когда задержался, чтобы нанести удар по выпуклости, изрыгавшей проклятья, фарфоровой китайской вазой, стоявшей на каминной полке неподалеку от того места, где недавно молился младенец Самуил. Как выяснилось, я допустил стратегическую ошибку. Само собой, я не промахнулся, и ваза разлетелась вдребезги, что меня порадовало (сами понимаете, чем больше уничтожалось вещей, принадлежавших такому типу, как сэр Уаткин Бассет, тем веселее становилось жить на свете), но в процессе нанесения удара я не удержал равновесия, и в следующую секунду похожая на окорок рука выскочила из-под простыни и ухватила меня за рукав фрака.

Это была катастрофа, и многие на моём месте поняли бы, что погибли, и прекратили бы всякое сопротивление. Но вся загвоздка в том, что мы, Вустеры, о чём я неоднократно упоминал ранее, не принадлежим к числу этих многих. Вустеры никогда не теряются. Они соображают в мгновенье ока и действуют в мгновенье ока. Если помните, перед тем как известить Споуда, что мне известна его тайна, я закурил сигарету, и она всё ещё дымилась в мундштуке, который я крепко сжимал зубами. Быстро выхватив мундштук, я прижал горящий кончик сигареты к захватившему меня в плен окороку.

Результатом я остался доволен, дальше некуда. Мне кажется, развитие событий должно было насторожить Споуда, так сказать, подготовить его к любым неожиданностям, но он оказался абсолютно не готов к моему более чем простому маневру. Дико вскрикнув, он отпустил фрак, и я не стал медлить. Бертрам Вустер всегда чувствует, когда его присутствие желательно, а когда - нет. Если Бертрам Вустер видит льва, идущего ему навстречу, он (Вустер, не лев) сворачивает в сторону и улепётывает со всех ног. Я стартовал с бешеной скоростью, и если б мы бежали с Гусиком наперегонки, наверняка опередил бы его на корпус-другой, но я никак не мог предположить, что в дверях у меня произойдёт лобовое столкновение с каким-то твёрдым предметом. Помнится, хватаясь за плечи этого предмета и ощущая его руки на своих плечах, я подумал, что в Тотли-Тауэре скучать не приходится.

Должно быть, запах одеколона в районе висков помог мне определить, что твёрдым предметом была моя тётя Делия, хотя даже если б от неё никаким одеколоном не пахло, я всё равно распознал бы тётушку по сочному охотничьему возгласу, сорвавшемуся с её нежных уст. Мы грохнулись на пол бесформенной кучей и, наверное, покатались от двери внутрь помещения, потому что не прошло и нескольких секунд, как мы столкнулись с опутанным простынёй Споудом, который, когда я в последний раз его видел, находился на противоположном конце комнаты. Несомненно, объяснение напрашивалось само собой. Видимо, пока мы перемещались на северо-северо-восток, он следовал курсом юго-юго-запад, и мы встретились где-то посередине пересекаемого нами пространства.

Споуд, как я заметил, когда туман перед моими глазами рассеялся, вцепился в левую

ногу тётки Делии, и ей это, судя по всему, жутко не понравилось. Встречный удар племянника значительно поубавил воздуха в её груди, но его осталось вполне достаточно, чтобы она смогла высказать всё, что думала, с присущим ей жаром.

- Куда это я попала? - возмущённо поинтересовалась моя тётушка. - В психушку? С ума все походили, что ли? Сначала Пенёк-Бутылёк проскакал по коридору как дикий мустанг, затем ты решил пройти сквозь меня, словно я облако. А сейчас джентльмен в бурнусе щиплет мою ногу, - не помню, чтобы меня хоть раз ущипнули после охотничьего бала в году тысяча девятьсот двадцать первом.

Видимо, её пылкая речь пробилась в затуманенное сознание Споуда и пробудила в нём элементарное чувство приличия, потому что он её отпустил, хоть и неохотно, и она поднялась на ноги, отряхивая платье.

- А теперь, - продолжала тётка Делия более спокойным тоном, - я требую объяснений, причём немедленно. В чём дело? Что вы тут затеяли? Кто, чёрт побери, завернулся в эту дурацкую простыню?

Я представил их друг другу.

- Ты ведь видела Споуда, когда приехала? Мистер Родерик Споуд, миссис Траверс.

Споуд выпутался из простыни, но голова его всё ещё торчала из картины, и тётка Делия с удивлением на неё посмотрела.

- Господи помилуй, зачем вы нацепили эту штуковину на шею? - спросила она, затем снисходительно добавила. - Нет, конечно, носите её, если хочется, но она вам не к лицу.

Диктатор не ответил. Он тяжело дышал. Сами понимаете, придраться к нему было нельзя, - на его месте я тоже пыхтел бы как паровоз, - но хрипел Споуд крайне неприятно, и мне это не нравилось. К тому же он пожирал меня глазами, и это мне тоже не нравилось. Лицо у него покраснелось, а волосы (если б не увидел, никогда бы не поверил, что такое возможно) приподнялись над головой «как перья вспугнутой цесарки», - так однажды выразился Дживз о Кислятине Фотеренгейт-Фиппсе, который поставил кругленькую сумму на стопроцентного верняка и замер в ужасе, когда тот пришёл шестым на скачках в Ньюмаркете.

Я помню, однажды, во время вынужденного расставания с Дживзом, мне пришлось ненадолго взять камердинера из бюро по найму, и буквально через неделю он нарезался как свинья, устроил в квартире пожар и попытался искромсать меня кухонным ножом. Представьте, заявил, что желает увидеть цвет моих внутренностей, - глупее ему ничего в голову не пришло. Так вот, до сих пор я считал тот эпизод самым неприятным в моей жизни, но сейчас он отошёл на второй план.

Тип, о котором я вам рассказывал, был простым, наивным парнем, в то время как Споуд получил прекрасное образование и занимал определённое положение в обществе, но у меня не вызывало сомнений, что души их стремились к одному и тому же. Вряд ли им удалось бы сойтись в мнениях по любому поводу, но когда речь шла о цвете моих внутренностей, мыслили они одинаково. Правда, мой слуга считал, что исследование необходимо провести с помощью кухонного ножа, а Споуд, судя по всему, не сомневался, что можно ограничиться голыми руками, но в остальном их взгляды полностью совпадали.

- Я вынужден попросить вас удалиться, мадам, - прохрипел Споуд.

- Но я только что пришла.

- Мне необходимо надрать этому человеку уши.

Сами понимаете, он крупно ошибся, взяв подобный тон с тёткой Делией. Чувство

клановой солидарности, если так можно выразиться, развито у моей престарелой родственницы в лучшем виде, и, как я уже говорил, она души не чает в Бертраме. Её чело омрачилось.

- Вы и пальцем не тронете моего племянника.

- Я ему все кости переломаяю.

- Даже не мечтайте. Какая наглость: Эй!

Резкий возглас, сорвавшийся с уст тёти Делии, было легко объяснить, так как Споуд, не обращая на её слова ни малейшего внимания, сделал резкое движение в мою сторону, ясно говорившее о его кровожадных намерениях.

Учитывая безумный блеск в его глазах, встопорщенные усы, скрежет зубов и сжатые в кулаки руки, данное движение должно было заставить меня отскочить в сторону с лёгкостью Нижинского, и если б диктатор бросился на меня несколькими минутами раньше, я, несомненно, упорхнул бы от него как птичка. Но я не шелохнулся. Не помню точно, скрестил ли я руки на груди, но, можете не сомневаться, на губах моих блуждала лёгкая, презрительная улыбка.

А дело в том, что коротенький слог «эй» сделал то, чего я не смог добиться в течение четверти часа, как ни напрягал свои мозги, а именно: выдернул, так сказать, затычку из фонтана памяти. Всё, что говорил мне Дживз, нахлынуло на меня приливной волной. Только что в моей черепушке была полная пустота, а в следующую секунду тот самый фонтан заработал как чёрт-те что. Со мной часто такое бывает.

- Минутку, Споуд, - спокойно сказал я. - Одну минутку. Прежде чем вы сделаете очередную глупость, хочу поставить вас в известность, что я всё знаю об Эйлалаи.

Это было бесподобно. Я почувствовал себя как один из тех деятелей, которые нажимают на кнопки и взрывают мины. Если б не моя непоколебимая вера в Дживза, я был бы потрясён тем, как доморощенный диктатор отреагировал на моё сообщение. К гадалке не ходи, его шарахнуло, лучше не придумаешь. Он отпрянул от меня, словно его кипятком окатили, изменился в лице, а во взгляде его отразились ужас и тревога.

Создавшаяся ситуация живо напомнила мне одно событие прежних лет, когда я учился в Оксфорде, и сердце моё было молодо. Однажды я прогуливался с девицей как-там-её по берегу реки, когда, откуда ни возьмись, здоровенная псина помчалась к нам на галопе, исходя истошным лаем и явно намереваясь истратить на нас запас своих сил. По правде говоря, я уже вручил свою душу господу и распрощался с тридцатью шиллингами, - ценой моих старых, добрых брюк, - когда девица с необычайным присутствием духа в последнюю секунду раскрыла свой японский зонтик прямо в морду зверюге, после чего та проделала три кульбита, поджала хвост и ретировалась.

Родерик Споуд не делал кульбитов и не поджимал хвоста, но выглядел он точь-в-точь как побитая собака, не сомневайтесь в этом ни на минуту. Сначала у него отвисла нижняя челюсть. Затем он прошептал: «Да?» Потом губы его искривились в жалком подобии улыбки, после чего он сглотнул шесть, - а может семь - раз, будто в горле у него застряла рыбья кость. И, наконец, он заговорил. А когда он заговорил, голос его напомнил мне самое нежное воркованье голубя, причем хорошо воспитанного голубя, которое я когда-либо слышал.

- Правда? - сказал он.

- Святая правда, - подтвердил я.

Догадайся он спросить меня, что я о ней знаю, мне пришлось бы туго, но диктаторам,

видимо, догадливость ни к чему.

- Э-э-э: а как вы узнали?

- Воспользовался одним из своих методов.

- Да?

- Да.

Он снова умолк, затем заскользил ко мне, - я не шучу, именно заскользил, чего я никак не ожидал от такой туши.

- Вы ведь никому не скажете, Вустер? Вы ведь никому не скажете, правда, Вустер?

- Не скажу.

- Спасибо, Вустер, спасибо.

- :на том условии, - продолжал я, - что вы прекратите безобразничать и устраивать: какое слово тут подходит?

Он скользнул ко мне почти вплотную.

- Конечно, конечно. Я вел себя опрометчиво. - Он вытянул руку и погладил меня по рукаву. - Кажется, я помял ваш фрак, Вустер? Мне очень жаль. Я забылся. Больше этого не повторится.

- Ещё бы повторилось! Боже великий! Впервые вижу, чтобы парней хватили за фраки и грозили переломать им все кости.

- Простите, Вустер, простите. Я был неправ.

- Ещё бы вы были правы! Если будете хулиганить, я приму самые строгие меры, Споуд.

- Да-да, понимаю.

- Ваше поведение мне сразу не понравилось. А как вы смотрели на меня за обедом? Думаете, я ничего не заметил? Глубоко заблуждаетесь. Я всегда всё замечаю.

- Конечно, конечно.

- К тому же вы называли меня жалким, ничтожным червём.

- Я сожалею, что назвал вас жалким, ничтожным червём, Вустер. Я сказал, не подумав.

- Сначала думайте, потом говорите, Споуд. Это всё. Можете идти.

- Спокойной ночи, Вустер.

- Спокойной ночи, Споуд.

Склонив голову, он торопливо вышел из комнаты, а я повернулся к тётке Делии, которая до сих пор находилась на заднем плане и изредка издавала звуки, похожие на фырчанье велосипеда с моторчиком. Она посмотрела на меня так, словно увидела привидение. Ничего удивительного. Человека непосвящённого мой разговор со Споудом должен был потрясти, дальше некуда.

- Пошла бы я в:

К счастью, она не закончила фразу. Находясь в возбуждённом состоянии, моя тётка Делия частенько забывает, что она не в чистом поле на охоте, и существительное, которое она не договорила, могло оказаться слишком сочным, учитывая присутствие мужчины в нашей компании.

- Берти! Что происходит?

Я небрежно помахал рукой.

- О, ничего особенного, тётя Делия. Просто я поставил Споуда на место. Таких типов, как Споуд, надо держать в узде, не то они совсем обнаглеют.

- Кто такая Эйлали?

- Увы, к сожалению я не смогу удовлетворить твоего любопытства. За информацией по

этому поводу ты должна обратиться к Дживзу, но он тоже тебе ничего не скажет, потому что правила строго-настрого запрещают членам клуба трепать языком и, вообще, болтать лишнее. Дживз, - продолжал я, отдавая должное честному малому, потому что Вустеры всегда отдают должное тем, кому положено, - совсем недавно доложил мне, что если я сообщу Споуду, будто всё знаю об Эйлали, он, если так можно выразиться, лопнет как мыльный пузырь. Заметь, именно как мыльный пузырь Споуд и лопнул, двух мнений быть не может. Что же касается вышеупомянутой, я даже представить себе не могу, с чем её едят. Можно лишь предположить, она - часть тёмного прошлого Споуда, которое не делает ему чести.

Я глубоко вздохнул, потому что, по правде говоря, мне взгрустнулось.

- Догадаться не трудно, как думаешь, тётя Делия? Доверчивая девушка, которая слишком поздно поняла, что мужчины - предатели: маленький свёрток: берег реки: всплеск: отчаянный детский крик: Тебе не кажется, так оно и было? Недаром Споуд чуть не умер от страха. Естественно, он не хочет, чтобы весь мир узнал о его безобразиях.

Тётя Делия просияла. Можно сказать, лицо у неё стало одухотворённым.

- Добрый, старый шантаж! Я всегда говорила, говорю и говорить буду, шантаж незаменим! Срабатывает не хуже волшебной палочки! Берти! - вскричала она. - Ты хоть понимаешь, что теперь получается?

- «Получается», о моя плоть и кровь?

- Раз ты держишь Споуда на крючке, тебе ничто не мешает умыкнуть кувшинчик для сливок. Путь свободен. Можешь заняться этим сегодня же вечером.

Я с сожалением покачал головой. Честно признаться, я так и думал, что она придет к подобному выводу, и даже расстроился, потому что сейчас передо мной стояла неприятная задача: отнять чашу радости от губ тётушки, которая когда-то укачивала меня на своих коленях.

- Нет, - сказал я. - Тут ты ошибаешься. Прости, конечно, но ты совсем не шевелишь мозгами. Споуд нам больше не страшен, верно, но записная книжка Гусика всё ещё находится у Стефи. А прежде чем я сделаю хоть один шаг к твоей корове, мне нужно добыть эту книжку.

- Но зачем? Ах да, наверное, ты не знаешь. Полчаса назад Медлин Бассет сообщила мне по великому секрету, что расторгла помолвку с Пеньком-Бутыльком. Ну, вот. Ты боялся, что юная Стефи помешает их браку, показав книжку папаше Бассету. Но раз брак всё равно не состоится:

Я снова покачал своей черепушкой.

- Моя дражайшая и ближайшая умница-разумница, - сказал я, - ты попала пальцем в небо. Пока у Стефи находится записная книжка, я не могу показать её Медлин Бассет. А пока я не покажу её Медлин Бассет, Гусик не сможет доказать, что полез под: э-э-э: щипал Стефи за ноги с самыми благородными намерениями. И только в том случае, если он докажет благородность своих намерений, они с Медлин помирятся и дело будет в шляпе. А когда они помирятся и дело будет в шляпе, у меня отпадет необходимость самому жениться на этой дурацкой Бассет. Так что, сама понимаешь, могу только повторить, я шагу не сделаю к корове, пока не раздобуду записной книжки Гусика.

Вроде бы мои безукоризненные доводы её убедили. Тётя Делия нахмурилась и прикусила нижнюю губу, словно только что до дна испила чашу горечи.

- Пока не раздобудешь? Скажи на милость, как?

- Я намерен обыскать Стефину комнату.

- Это ещё зачем?

- Моя добрая старая тётушка, исследования Гусика показали, что Стефи не носит книжку с собой. Рассуждая логически, приходим к заключению, она должна быть в её комнате.

- Да, но где именно, олух царя небесного? Проще найти иголку в стоге сена. Тебе не приходило в голову, что книжка наверняка хорошо спрятана?

Моё удивлённое восклицание (то ли «Ох!», то ли «Ах!») сказало тёте Делии яснее всяких слов, что в голову мне это не приходило, потому что она фыркнула как бизон на водопое.

- Бедный дурачок, ты, видимо, не сомневался, что книжка лежит на туалетном столике на самом видном месте. Ладно, обыскивай комнату Стефи сколько влезет. По крайней мере займёшься делом и не будешь путаться под ногами. Одному из нас давно пора начать шевелить мозгами, а у меня они есть.

Она направилась к двери, но, прежде чем уйти, сняла с каминной полки фарфоровую лошадку, швырнула её на пол и прыгнула на осколки обеими ногами, а я, чувствуя себя не в своей тарелке из-за того, что план мой, как выяснилось, оказался непродуманным, сел в кресло и напрягся как никогда, пытаюсь найти выход из создавшегося положения.

И чем больше я пытался найти выход, тем сильнее я убеждался, что моя ближайшая и дражайшая была права на все сто. Оглядывая свою собственную комнату, я пришёл к выводу, что если б мне понадобилось спрятать в ней маленькую записную книжку в коричневом кожаном переплёте, где чуть ли не на каждой странице говорилось о манерах старикашки Бассета чавкать и хлюпать супом, я сделал бы это без малейшего труда. Несомненно, логово Стефи в этом отношении мало чем отличалось от моего, а следовательно, отправившись туда, я брался за непосильную задачу, перед которой спасовала бы даже чистокровная ищейка, не говоря уже о парне, который с детства играл в прятки хуже не придумаешь.

Я решил дать своим мозгам передышку, чтобы потом взяться за решение проблемы со свежими силами, и вновь углубился в книгу, вызывавшую мурашки на коже. И, будь я проклят, если, прочитав всего полстраницы, не вскрикнул от изумления. Хотите верьте, хотите нет, я наткнулся на отрывок первостепенной важности.

- Дживз, - сказал я, обращаясь к усердному малому, который только что вошёл в комнату, - я наткнулся на отрывок первостепенной важности.

- Сэр?

Я понял, что увлёкся, не снабдив своё замечание необходимыми комментариями.

- Я говорю об отрывке из потрясающей книги, которую читаю. Но, прежде чем мы его обсудим, хочу выразить своё восхищение и отдать тебе должное, Дживз. Твоя информация ге Споуда блестяще подтвердилась. Даже не знаю, как тебя благодарить. Ты сказал, имя Эйлали заставит его поджечь хвост, - так оно и вышло. Споуд qua угроза обществу: кстати, qua тут подходит?

- Да, сэр. Вполне.

- Так я и думал. Ну вот, Споуд qua угроза обществу приказал долго жить. Скончался. Помер. Загнулся.

- Приятные новости, сэр.

- Не то слово. И тем не менее, мы всё ещё не перешли Руби-как-его, потому что юная Стефи вцепилась в записную книжку Гусика как клещ и не желает с ней расставаться, а пока

мы не разлучили Стефи с данной записной книжкой, руки наши связаны. Несколько минут назад от меня ушла тётя Делия, и могу тебе сообщить, настроение у неё было аховое. С одной стороны она осознает, что мемуары Гусика находятся в берлоге нахальной девицы, а с другой - даже не надеется, что их удастся там отыскать. Тётушка уверена, что легче найти иголку в стоге сена.

- Миссис Траверс безусловно права, сэр.

- Да, но ты забыл об отрывке первостепенной важности, Дживз. Он светит нам во тьме, как путеводная звезда. Сейчас я тебе его прочту. Сыщик разговаривает со своим приятелем, и «они» означает пока ещё неизвестных типов, которые «потрошат» комнату девицы, разыскивая исчезнувшие драгоценности. Слушай внимательно, Дживз: «Дорогой мой Постлетуэйт, они перевернули всё вверх дном, но не догадались посмотреть в единственном месте, где могли что-нибудь найти. Любители, Постлетуэйт, жалкие любители. Им даже в голову не пришло пошарить на шкафу, куда в первую очередь полез бы опытный жулик, которому прекрасно известно, что больше всего на свете, - обрати внимание, Дживз, - именно там женщины любят прятать дорогие их сердцу вещи».

Я оторвался от книги и зорко посмотрел на сметливого малого.

- Надеюсь, ты понимаешь первостепенную важность данного отрывка, Дживз?

- Если не ошибаюсь, сэр, вы имеете в виду, что записная книжка мистера Финк-Ноттля может находиться на шкафу в комнате мисс Бинг?

- Что значит «может находиться»? Не может не находиться, вот как надо сказать, Дживз. Где же ей ещё быть? Сыщик не дурак. Он знает, что говорит. Я верю ему на все сто и собираюсь строго следовать его совету.

- Но, сэр, вы ведь не предполагаете:

- Нет, предполагаю. Причем немедленно. Стефи отправилась трудиться в поте лица, так что скоро её ждать не придется. Смешно думать, что стадо деревенских матерей насытится цветными слайдами Святой Земли под аккомпанемент раньше чем часа через два. Самое время действовать, пока путь свободен. Бери ноги в руки, Дживз, и пойдём.

- Видите ли, сэр:

- Опять ты за старое, Дживз. Мне надоело повторять, я не одобряю твоей дурацкой привычки говорить: «Видите ли, сэр» слащавым тоном каждый раз, когда я предлагаю определённую программу действий. Поменьше «Видите ли, сэр», Дживз, и побольше дела. Вспомни о феодальном духе. Ты знаешь, где комната Стефи?

- Да, сэр.

- Тогда вперёд, Дживз!

По правде говоря, несмотря на решительность, с которой я поставил Дживза на место, если вы меня понимаете, мне было немного не по себе, и чем ближе мы подходили к месту нашего назначения, тем больше не по себе мне становилось. Примерно такие же чувства я испытывал, когда позволил Роберте Уикхэм уговорить меня проткнуть грелку штопальной иглой, привязанной к палке. Терпеть не могу делать что-то исподтишка. Бerti Вустер любит идти по жизни с гордо поднятой головой, твердо ступая по земле, а не красться на цыпочках, сгибаясь в три погибели.

Честно признаться, я предвидел своё тяжелое душевное состояние и взял с собой Дживза, чтобы он оказал мне моральную поддержку, ну, и всё прочее. Я надеялся, он с радостью бросится на выручку своему молодому господину и будет во всём ему помогать, не жалея сил, а бессовестный малый не сделал ни того, ни другого. С самого начала было

видно, что Дживз не одобряет моего поведения. Он шагал с отрешённым видом, и это меня возмущало, дальше некуда. Благодаря его отрешённости и моей возмущенности, весь путь мы проделали в молчании, и в комнату тоже вошли молча. Я включил свет.

С первого взгляда на апартаменты Стефи мне стало ясно, что юная шантажистка неплохо устроилась. Тотли-Тауэр был выстроен в те времена, когда спальня считалась уютным гнездышком только в том случае, если туда тайком от владельца замка можно было пригласить на танцы пар пятьдесят своих друзей, и в помещении, где мы очутились, с удобством разместились бы с дюжину Стефи. При свете тусклой электрической лампочки на потолке оно, казалось, простиралось на несколько миль во все стороны, и в голову мне пришла страшная мысль, что, если сыщик вдруг допустил промашку, записная книжка Гусика могла находиться в любой точке этих открытых пространств.

Я стоял, размышляя и надеясь на лучшее, когда мои размышления прервал странный рокочущий звук, напоминавший нечто среднее между атмосферными помехами по радио и раскатом грома, и, чтобы не морочить вам голову, сразу скажу, что звук этот исходил из гортани пса Бартоломью.

Животное пристально смотрело на нас с кровати, царапая лапами покрывало, и настолько ясно выражало взглядом свои намерения, что мы действовали мгновенно, с одной и той же думой в двух умах. В тот самый момент, когда я, как орёл, взлетел на комод, Дживз, подобно ласточке, вспорхнул на шкаф. Зверюга соскочила с кровати, вышла на середину комнаты и уселась, неприятно сопя носом и глядя на нас из-под кустистых бровей, словно шотландский проповедник, обличающий грешников с кафедры.

Некоторое время сцена оставалась без изменений.

Дживз первым нарушил довольно напряжённое, если так можно выразиться, молчание.

- Книжки здесь нет, сэр.

- А?

- Я осмотрел шкаф, сэр, но записной книжки не обнаружил.

Возможно, мой ответ не отличался особой деликатностью, но, едва не попав в капкан мощных челюстей, с которых капала слюна, я немного разнервничался.

- Плевать на книжку, Дживз! Как насчёт собаки?

- Да, сэр.

- В каком смысле «Да, сэр»?

- Я лишь хотел довести до вашего сведения, сэр, что вполне вас понимаю. Неожиданное появление животного, безусловно, создало определённую проблему. До тех пор, пока относится к нам недоброжелательно, мы не сможем начать поиски записной книжки мистера Финк-Ноттля, так как наша свобода действий будет весьма ограничена.

- Что же нам делать?

- Трудно сказать, сэр.

- Ты ничего не можешь предложить?

- Нет, сэр.

Само собой, я сказал бы ему пару тёплых слов, - не знаю каких, но обязательно сказал бы, - однако я сдержался. Мне подумалось, что хоть Дживз и был гением, он не мог каждый раз срабатывать как русский Ванька-встанька, если вы меня понимаете. Я имею в виду, его блестящая мысль, позволившая мне одержать верх над силами тьмы в лице Р. Споуда наверняка стоила ему невероятного труда и на какое-то время опустошила его мозг. Оставалось лишь ждать и надеяться, что колёсики в его черепушке скоро опять завертятся, и он начнёт щёлкать самые сложные проблемы как орешки.

И чем скорее это произойдёт, - продолжал думать я, оценивая ситуацию, тем лучше, так как теперь уже не вызывало сомнений, что сидящего посередине комнаты, мягко говоря, собачьего сына, сдвинуть с места можно было только начав широкомасштабные военные действия. Я ещё не видел пса, у которого яснее всяких слов на морде было бы написано, что он скорее пустит корни, чем тронется с места, пока его хозяйка не вернётся домой. А я довольно туманно представлял себе, как мне разговаривать со Стефи, если она войдёт в комнату и увидит, что я свил гнездо на её комод.

Наблюдая за животным, делавшим вид, что оно - статуя, мне взгрустнулось. Я вспомнил, как Фредди Виджен, которого овчарка загнала на комод, когда он гостил в загородном доме своих друзей, рассказывал мне, что больше всего на свете он переживал из-за испытанного унижения, оскорбления величия, если вы меня понимаете, короче говоря, чувства, что он, можно сказать, Наследник Веков, вынужден торчать на верхотуре благодаря капризу дурацкой зверюги.

Честно признаться, я чувствовал то же самое. Не подобает, конечно, хвастаться древностью своего рода, и всё такое, но в конце концов Вустеры появились в Англии вместе с Вильгельмом Завоевателем и были с ним на дружеской ноге, дальше некуда, а что толку являться вместе с Завоевателями, если в результате вам приходится улепётывать от абердинских терьеров, которые издеваются над вами как хотят.

Сами понимаете, подобные мысли привели меня в довольно раздражённое состояние, и я посмотрел на животное с нескрываемой неприязнью.

- Просто чудовищно, Дживз, - сказал я, давая волю своим чувствам, - что пса держат в спальне. Никакой гигиены.

- Да, сэр.

- От шотландских терьеров, даже самых породистых, дурно пахнет. Помнишь, как несло от Макинтоша, когда тётя Агата подсунула мне его на несколько недель? Я тебе всё время об этом говорил.

- Да, сэр.

- А данный терьер распространяет аромат, хуже не бывает. Совершенно очевидно, его место в конюшне. Прах побери, у Гусика в спальне тритоны, у Стефи - собаки; скоро Тотли-Тауэр превратится в зоопарк, и я этому ни капельки не удивлюсь.

- Нет, сэр.

- А теперь рассмотрим дело с другой стороны, - произнёс я, воодушевляясь от собственных рассуждений. - Я имею в виду, опасность пребывания свирепой и жестокой зверюги в спальне, где она может изодрать любого, кто сюда войдёт. Нам с тобой удалось позаботиться о себе и избежать опасности, но, допустим, мы были бы какой-нибудь пугливой служанкой.

- Да, сэр.

- Прямо-таки вижу, как она появляется в комнате: хрупкая, нервная девушка с большими глазами и безмятежным выражением на лице. Представь, она не спеша открывает дверь. Потом неторопливо подходит к постели. И вдруг на неё обрушивается пёс-людоед. О последствиях мне даже думать не хочется.

- Нет, сэр.

Я нахмурился.

- Я предпочёл бы, чтобы ты не сидел как истукан, твердя «Да, сэр», «Нет, сэр», а сделал бы что-нибудь толковое, Дживз.

- Что именно, сэр?

- Ну, вообще. Начни действовать, Дживз. Да, в данных обст. нам необходимы смелые, решительные действия. Интересно, ты не забыл, как однажды мы нанесли визит моей тёте Агате в Уллем Черси, её загородное хартфордширское имение? Я говорю об инциденте, когда свирепый лебедь, гнездившийся на острове, загнал меня и почтенного мистера А. Б. Филмера, кабинетного министра, на крышу здания.

- Я живо помню тот случай, сэр.

- И я тоже. В моей памяти запечатлелась картина: можно так выразиться, Дживз?:

- Да, сэр.

- :как ты, всем своим видом показывая «этот номер у тебя не пройдёт», набросил плащ на голову лебедя, тем самым обманув его ожидания и нарушив мерзкие планы. Очень ловко у тебя получилось, Дживз. Высший класс.

- Благодарю вас, сэр. Я рад, что смог оказаться вам полезен.

- Полезен, дальше некуда, Дживз. И мне неожиданно пришло в голову, что если ты провернёшь с псом подобную операцию, он будет выглядеть дурак-дураком.

- Несомненно, сэр. Но у меня нет плаща.

- Тогда вот тебе мой совет: воспользуйся простынёй. А если тебе кажется, простыня не работает как плащ, хочу поставить тебя в известность, как раз перед твоим приходом я

испытал её на мистере Споуде и добился блестящих результатов. Он сражался с ней как лев, но простыня его одолела.

- Вот как, сэр?

- Представь себе, Дживз. Лучшего оружия тебе не найти. Сам понимаешь, на кровати не может не быть простыней.

- Да, сэр. На кровати.

Наступило молчание. Мне жутко не хотелось думать плохо о честном малом, но если в его поведении не было *noble prosequi*, уж не знаю, какое ещё выражение тут подобрать. Отсутствующий, лишённый всякого энтузиазма взгляд Дживза лишний раз убедил меня в моей правоте, и я предпринял попытку задеть его за живое, как пытался задеть меня за живое Гусик во время наших *pourparlers* относительно Споуда.

- Неужели ты боишься жалкой, маленькой собачонки, Дживз?

Он почтительно меня поправил, высказав мнение, что речь идет не о жалкой маленькой собачонке, а о животном с сильно развитой мускулатурой и, самое главное, необычайно острыми зубами.

Я попытался его успокоить.

- Ну, если ты совершишь рывок, он ими даже лязгнуть не успеет. Можно броситься на кровать, схватить простыню и замотать в неё пса, прежде чем он глазом успеет моргнуть.

- Да, сэр.

- Так ты готов совершить рывок?

- Нет, сэр.

Наступило довольно напряжённое молчание, в течение которого зверь Бартоломью смотрел на меня, не отрываясь, и я вновь поймал себя на мысли, что меня возмущает высокомерное, ханжеское выражение на пёсией морде. Сидеть на комод, куда тебя загнал абердинский терьер, удовольствие ниже среднего, но по крайней мере всегда надеешься, что животное отнесётся к твоему положению с пониманием и не будет сыпать соль на твои раны, словно спрашивая взглядом, покаялся ли ты перед смертью в своих грехах.

Не стерпев подобной наглости я сделал, как выразился бы Дживз, жест и зашвырнул в собаку огарком свечи, стоявшим в одном из парных подсвечников на комод. Гнусная тварь мотнула головой, поймала огарок на лету и сожрала его в мгновение ока с явным удовольствием, затем на минуту забыла о моём существовании, так как её вытошнило на ковёр, после чего вновь уставилась на меня своим мерзким взглядом.

В этот момент дверь отворилась, и в комнату вошла Стефи - задолго до того, как я ожидал её увидеть.

Мне сразу бросилось в глаза, что она была не в настроении. Как правило, Стефи порхает с места на место как мотылёк, с беззаботностью юности, по-моему, есть такое выражение, - а сейчас она двигалась, еле волоча ноги, подобно русскому бурлаку на Волге. Рассеянно на нас посмотрев и пробормотав: «Привет, Берти», «Здравствуй, Дживз», девица словно забыта о нашем существовании. Она подошла к туалетному столику, сняла шляпку и села, хмуро уставившись на своё отражение в зеркале. Не вызвало сомнений, её душа, привыкшая мчаться по жизни с бешеной скоростью, неожиданно проколола все четыре колеса; и понимая, что если я не заговорю, неловкое молчание может затянуться, я весело произнёс:

- Салют, Стефи.

- Салют.

- Прекрасный сегодня вечер. Твою собаку стошнило на ковёр.

Сами понимаете, я специально начал издаലെка, чтобы потом перейти к сути.

- Должно быть, ты удивилась, застав нас в своей комнате?

- Ничуть. Вы искали записную книжку?

- Верно. Вот именно. В самую точку. Хотя к поискам мы приступить не успели. Твой любименький гав-гав нам помешал. (Заметьте, я говорил непринуждённо. В подобных случаях - самая верная тактика). Он почему-то невзлюбил нас с первого взгляда.

- Да?

- Представляешь? Тебя не затруднит взять его на крепкий поводок ради торжества демократии?

- Затруднит.

- Неужели тебе не хочется спасти жизнь двум таким же человеческим существам, как ты сама?

- Нет, не хочется. Вы не такие же. Вы - мужчины. Презираю мужчин. Всех до единого. Надеюсь, Бартоломью вас до крови искушает.

Тут я понял, что к Стефи необходим особый подход, и переключился на другой point d'arri.

- Не ждал, что ты вернёшься так быстро, - сказал я. - Мне казалось, ты отправилась бить по клавишам, пока старина Свинка будет читать лекцию и демонстрировать Святую Землю в цвете.

- Всё верно.

- Пришла пораньше, что?

- Да. Лекция не состоялась. Гарольд разбил слайды.

- Правда? - спросил я, ничуть не удивившись, потому что хорошо знал Свинку. - Как ему это удалось?

Она вяло погладила по голове Бартоломью, который подошёл к ней, чтобы выразить свою собачью преданность.

- Он их уронил.

- Почему?

- У него был шок, когда я расторгла нашу помолвку.

- Что?!

- Да. - Глаза её мстительно заблестели, словно она заново увидела приятную ей сцену, а в голосе появились металлические нотки, совсем как у тёти Агаты при общении со мной. От вялости Стефи не осталось и следа; впервые она заговорила с девичьей страстностью. - Я пришла к Гарольду домой, и после того, как мы поболтали о том, о сём, спросила: «Дорогой, когда же ты собираешься умыкнуть шлем у Оутса?» Поверишь ли, Берти, он посмотрел на меня взглядом побитой собаки и проблеял, что долго уговаривал свою совесть в надежде получить от неё согласие, но та даже слышать не хотела ни о каких шлемах Оутса, поэтому умыкание отменяется. «Вот как? - спросила я. Значит, отменяется? В таком случае наша помолвка тоже отменяется», и он выронил кучу слайдов, которые держал в руках, а я повернулась и ушла.

- Насчёт помолвки ты ведь сгоряча лягнула, верно?

- Ничего подобного. Если он собирается каждый раз отказывать мне в пустяковых просьбах, я вовремя спохватилась. Я считаю, мне крупно повезло. Я просто счастлива, что не выйду за него замуж.

Тут она шмыгнула носом, закрыла свою тыкву руками и зарыдала, что называется,

взахлёб.

Сами понимаете, ужасно неловкое положение, и, по правде говоря, я сочувствовал ей от всей души. Вряд ли в W.i. почтовом отделении Лондона найдётся адресат, которого женское горе трогало бы больше, чем меня. Стоял бы я к Стефи поближе, я погладил бы её по головке, к гадалке не ходи. Но хотя Вустеры - сама доброта, в практичности им тоже не откажешь, и я почти сразу же понял выгодную сторону сложившейся ситуации.

- Да, плохо дело, - задумчиво произнёс я. - Сердце кровью обливается, правда, Дживз?

- Безусловно, сэр.

- Обливается, хуже не придумаешь. Могу лишь заметить, что Время, великий целитель, наверняка затянет твою рану. И кстати, благо в данных обстоятельствах записная книжка Гусика больше тебе не пригодится, может, отдашь её мне?

- Что?

- Я имею в виду, раз ваш предполагаемый союз со Свинкой распался, ты ведь не станешь хранить записную книжку Гусика на память о:

- Оставь меня в покое со своими записными книжками.

- Да, да, конечно. Но когда сочтёшь возможным: со временем: если тебя не затруднит:

- Ох, ну ладно. Но сейчас всё равно ничего не получится. Книжки здесь нет.

- То есть как?

- Очень просто. Я положила её: Это ещё что?

Она умолкла на самом интересном месте, потому что внезапно мы услышали какое-то постукивание. Доносилось оно со стороны окна. Нечто вроде тук-тук-тук.

В комнате Стефи, о чём мне следовало упомянуть раньше, помимо кроватей с пологими на столбиках, шикарных картин, мягких кожаных кресел и прочих ценных вещей, которых юная заноза (плюющая на человека и доставляющая ему массу хлопот несмотря на то, что он угощал её ленчем в своей лондонской квартире) была недостойна, имелся небольшой балкон. Стук, о котором говорилось выше, доносился именно оттуда.

Очевидно, пес Бартоломью разобрался в ситуации раньше нас, потому что он стрелой подлетел к балконным дверям и попытался прогрызть себе путь наружу. До сих пор наглый зверь вёл себя с большим достоинством, сдерживая обуревавшие его чувства и ограничиваясь оскорбительными взглядами, а тут словно с цепи сорвался. И, честно признаться, глядя, как он работает челюстями и слушая его комментарии, я поздравил себя, что не потерял лишней секунды, смывшись от него на комод. Костодробитель, каких мало, вот как я назвал бы Бартоломью Бинга. Негоже, конечно, критиковать Промысл Божий, но будь я проклят, если мне было понятно, почему этой шавке при раздаче достались челюсти и зубы крокодила. Само собой, теперь уже ничего с этим поделать было нельзя.

Стефи, замерев на мгновение от неожиданности, что и следовало ожидать от девушки, услышавшей стук в своё окно, встала с кресла и пошла выяснять, в чём дело. Сами понимаете, я мало что видел с того места, куда меня загнали, но Стефи заняла более выгодную стратегическую позицию. Одёрнув занавеску, она схватилась рукой за горло, совсем как героиня одной из модных пьес, а с её губ сорвался крик, заглушивший даже громкую ругань взбешённого терьера.

- Гарольд! - взвыла она, и мне стало ясно как дважды два, что деятель на балконе был не кто иной, как Свинка Пинкер, мой закадычный викарий.

В голосе маленькой задиры радости было не меньше, чем у повидавшей виды женщины, встретившей демона-любовника после долгой разлуки, но, судя по всему, она быстро

вспомнила о своих отношениях с Преподобным, поняла, что взяла неверный тон, и тут же заговорила холодно и враждебно. Я отчётливо слышал каждое её слово, так как она подхватила озверевшего Бартоломью на руки и зажала ему пасть рукой, - чего я не сделал бы ни за какие коврижки.

- Что тебе надо?

Благодаря тому, что Бартоломью, наконец, заткнулся, ответ Свинки тоже не остался для меня тайной за семью печатями, хоть и прозвучал приглушённо.

- Стефи!

- Ну?

- Можно войти?

- Нет.

- Но я кое-что тебе принёс.

Стефи издала очередной вопль радости.

- Гарольд! Ангел мой! Ты сделал, что я просила?

- Да.

- Ох, Гарольд!

Она торопливо открыла балконную дверь дрожащими руками, и по комнате загулял холодный ветер. Но старина Свинка, к моему удивлению, вслед за ветром в комнате не появился. Впрочем, через несколько секунд мне стало ясно, почему произошла заминка.

- Послушай, Стефи, старушка, а как там твой зверь?

- Да, конечно. Подожди минутку.

Она подошла к шкафу, распахнула дверцу, швырнула туда Бартоломью и закрыла шкаф на ключ, а так как никаких замечаний со стороны пса после этого не последовало, я сделал вывод, что он свернулся клубком и уснул. Шотландцы философы и умеют приспособливаться к вечно меняющимся условиям жизни. Когда надо, они действуют, а когда надо - спят.

- Порядок, мой сладенький, - сказала Стефи, возвращаясь к балконным дверям как раз вовремя, чтобы утонуть в медвежьих объятиях покинувшего балконное убежище Свинки.

Следующие несколько секунд мужские и женские части тел настолько переплелись, что трудно было определить, какая кому принадлежала, но в конце концов Свинка высвободился из захвата, и я получил возможность рассмотреть его, как полагается. А рассмотрев его, как полагается, я понял, что Свинки стало намного больше, чем в последний раз, когда я с ним виделся. Деревенское масло и простая жизнь, которую ведут викарии, прибавила не один фунт к его фигуре, всегда выглядевшей достаточно внушительно. Сами понимаете, тому, кто теперь захотел бы узнать, каким Свинка был в юности, следовало подловить его во время Великого Поста.

Но изменился он, как выяснилось, только внешне. Сделав всего один шаг, мой добрый, старый друг зацепился за ковёр, врезался в маленький столик, и одним махом скинул всё, что на нём лежало, тем самым доказав мне, что в душе он остался всё тем же рассеянным увальнем с двумя левыми ногами, который умудрился бы на что-нибудь наткнуться и куда-нибудь вляпаться даже в пустыне Гоби.

Сколько я помнил Свинку, он всегда отличался отменным здоровьем и добродушием. В здоровом виде ему и сейчас нельзя было отказать, - щёки у него напоминали цветом свёклу, - но добродушия на данный момент ему явно не доставало. Его лицо казалось озабоченным и измученным, словно Совесть изгрызла ему все внутренности. И, несомненно, так оно и

было, потому что в одной руке Свинка держал шлем, который, когда я в последний раз его видел, украшал купол констебля Юстаса Оутса. Нервным, резким движением человека, внезапно осознавшего, что он схватил тухлую рыбину, Свинка сунул шлем Стефи, взвизгнувшей от восторга.

- Ох, Гарольд!

- Держи, - безжизненным голосом произнёс он. - А вот твои перчатки. Ты их забыла. Вернее, одна перчатка. Вторую я нигде не смог найти.

- Спасибо, мой ангел. Бог с ними, с перчатками. Скорее рассказывай, как было дело.

Свинка открыл рот, да так и замер, а в глазах у него появился лихорадочный блеск, после чего я понял, что он смотрит прямо на меня. Затем бедолага чуть повернул голову и бросил взгляд на Дживза. Прочитать его мысли было нетрудно. К гадалке не ходи, Свинка никак не мог разобраться, видит ли он нас на самом деле или у него начались галлюцинации от нервного перенапряжения.

- Стефи, скажи, только не оглядывайся, - трагичным шёпотом произнёс он, что у тебя на комод?

- А? Ох, конечно. Это Берти Вустер.

- Правда? - просияв, спросил Свинка. - Понимаешь, я его сразу не узнал. А на шкафу тоже кто-то сидит?

- Камердинер Берти, Дживз.

- Да ну? Добрый день.

- Добрый день, сэр, - ответил Дживз.

Мы спустились на пол, и я подошёл к Свинке, протягивая ему руку, чтобы поскорее возобновить прерванное знакомство.

- Салют, Свинка.

- Привет, Берти.

- Тыщу лет, тыщу зим.

- Да, давненько не виделись.

- Говорят, ты стал викарием?

- Верно.

- Ну, и как поживают души?

- Полный порядок.

Мы немного помолчали, и я собрался было спросить, давно ли он виделся с тем-то и тем-то, или не слышал ли чего-нибудь о как-там его, чтобы поддержать разговор, который обычно не клеится, когда два старых школьных приятеля встречаются после долгих лет разлуки, но прежде чем я успел раскрыть рот, Стефи, ворковавшая над шлемом как мать над колыбелью дитяти, напаялила его на голову, ухмыляясь до ушей, и это дикое зрелище, видимо, подействовало на Свинку как удар ниже пояса, напомнив ему о совершённом им страшном деянии. Возможно, вы слышали расхожую фразу: «Несчастный полностью осознавал весь ужас своего положения». Можете на сомневаться, если б вы примерили её на Гарольда Пинкера, она пришлась бы ему впору. Он отпрыгнул в сторону как испуганный конь, смахнул предметы домашнего туалета с очередного столика, опрокинул кресло, поднял его и сел, закрыв лицо руками.

- Если об этом узнают в школе, где я преподаю Священное Писание: простонал он, задрожав с головы до ног.

По правде говоря, я прекрасно понимал Свинку. Человеку в его положении необходимо

соблюдать крайнюю осторожность. Сами понимаете, от викария ждут, что он будет ревностно исполнять свои служебные обязанности. Всем нравится, когда он объясняет детишкам Слово Божье, одергивает согрешивших, раздаёт куриный суп и одеяла страждущим, и всё такое прочее. Но стоит людям пронюхать, что Святой Отец занимается обесшлемливанием полисменов, они переглядываются, поднимая брови, и спрашивают себя, подходит ли им данный субъект в качестве священника. Похоже, именно это и беспокоило Свинку, мешая ему быть весёлым, жизнерадостным викарием, чей задорный смех воодушевлял участников последних спортивных соревнований в школе.

Стефи попыталась его подбодрить.

- Прости, мой сладенький. Если шлем тебя беспокоит, я его спрячу. - Она подошла к комоду и засунула головной убор Оутса в один из ящиков. - И чего ты так волнуешься, - продолжала она, возвращаясь на прежнее место, - представить себе не могу. Я думала, ты будешь собой гордиться и сиять от счастья. Давай, рассказывай, как было дело.

- Да, - согласился я, - хорошо бы узнать подробности из первых рук.

- Ты подкрался к нему сзади как леопард, милый? - спросила Стефи.

- Естественно, как леопард, - немного раздражённо ответил я, поражаясь глупости этой гусыни. - Может, ты считаешь, он подошёл к нему спереди как ни в чем не бывало? Признайся, Свинка, ты ведь наверняка выслеживал его, как индеец, и начал действовать, когда он прислонился к забору или ещё куда-нибудь?

Бедолага сидел, глядя перед собой остановившимся взглядом. Лицо у него было мученическим.

- Он не прислонился к забору. Просто сидел на скамейке. Я как раз вышел прогуляться и почти сразу же на него наткнулся.

Я кивнул. Ситуация была мне более или менее ясна.

- Надеюсь, - сказал я, - ты не забыл толкнуть его в грудь, прежде чем дёрнуть шлем вверх?

- В этом не было необходимости. Оутс снял шлем с головы и положил рядом с собой на землю. А я тихонечко подполз и забрал его.

Я вздрогнул и поджал губы.

- Это не по правилам, Свинка.

- Глупости! - запальчиво выкрикнула Стефи. - Очень даже здорово придумано.

Сами понимаете, я не мог отказаться от своих слов. В «Трутне» мы придерживаемся самых строгих взглядов на подобное нарушение приличий.

- Существуют честный и бесчестный способ умыкания полицейских шлемов, твёрдо произнёс я.

- Какая чушь! - воскликнула Стефи. - Ты был просто великолепен, милый.

Я пожал плечами.

- А ты как думаешь, Дживз?

- Простите, сэр, но вряд ли мне подходит высказывать своё мнение по данному поводу.

- Вот именно, - сказала Стефи. - А уж тебе с неумытой рожей тем более не подходит высказывать своего мнения, Берти Вустер. Да кто ты такой, распалаясь всё больше и больше, продолжала она, - чтобы вламываться в спальню по девушки как к себе домой, да ещё рассуждать о честных и бесчестных способах умыкания шлемов? Тоже мне, умыкатель выискался. Не тебя ли сцапали за этим самым занятием и приволокли на Бошер-стрит, где ты на коленях ползал перед дядей Уаткином, чтобы он взял с тебя штраф, а не засадил в

кутузку?

Можете мне поверить, я в долгу не остался.

- Ни на каких коленях перед старым хрычом я не ползал. Я вёл себя так же стойко, как краснокожий под пыткой. Что же касается штрафа:

Тут Стефи меня перебила и попросила заткнуться.

- Я только хотел сказать, что приговор меня поразил, дальше некуда. Дело выеденного яйца не стоило, так что твой дядя мог ограничиться простым замечанием в мой адрес. Однако, это не имеет отношения к существу вопроса, который заключается в том, что Свинка, попросту говоря, смухлевал. Я считаю, он поступил так же аморально, как если бы подстрелил сидящую на гнезде птицу. И мнения своего не изменю, хоть ножом меня режь.

- А я не изменю мнения, что тебе не место в моей спальне. Чего тебя сюда принесло?

- Да, действительно, - сказал Свинка, явно оживившись. По правде говоря, я понимал его недоумение. Он не мог не удивиться, увидев столпотворение в спальне, которая принадлежала его единственной и неповторимой, обладавшей исключительным правом пользования данным помещением.

Я сурово посмотрел на наглую девицу.

- Ты прекрасно знаешь, почему я здесь очутился. По-моему я не скрывал, что пришёл:

- Ах, да. Берти пришёл, чтобы одолжить у меня книжку, милый. Но, - тут она холодно на меня уставилась, и глаза её зловеще блеснули, - боюсь, он немного поторопился. Я ещё не успела её дочитать. И, кстати, - продолжала она, всё ещё леденя меня взглядом, - Берти говорит, что будет счастлив помочь нам выкрасть кувшинчик для сливок.

- Правда, старина? - обрадованно спросил Свинка.

- Конечно, правда, - глазом не моргнув, ответила Стефи. - Услышав о нашем плане, он сам напросился принять в нём участие.

- И ты не против, если я стукну тебя по носу?

- Естественно, он не против.

- Понимаешь, нам нужна кровь. Без крови дело может не выгореть.

- Да, да, да, да, - нетерпеливо выкрикнула Стефи. Казалось, ей хотелось закончить разговор как можно скорее. - Он понимает. Он всё понимает.

- А когда ты сможешь приступить, Берти?

- Он сможет приступить сегодня, - сказала Стефи. - Нет смысла откладывать дела в долгий ящик. Жди у дома ровно в полночь, милый. Полночь тебя устроит, Берти? Да, Берти говорит, полночь его устроит. Значит, решено. А теперь ты должен идти, мой сладенький. Если кто-нибудь тебя здесь увидит, нас не поймут. Спокойной ночи, солнышко.

- Спокойной ночи, малышка.

- Спокойной ночи, любимый.

- Спокойной ночи, ласточка.

- Минутку! - вскричал я, прерывая их тошнотворные излияния и надеясь, что в последний момент мне удастся вразумить Свинку.

- У него нет минутки. Ему пора. Не забудь, мой ангел, будь на месте и в полной боевой готовности в двенадцать ноль-ноль. Спокойной ночи, любимый.

- Спокойной ночи, ласточка.

- Спокойной ночи, мой сладенький.

- Спокойной ночи, солнышко.

Они вышли на балкон, продолжая обмениваться такими же омерзительно-слащавыми

фразами, а я повернулся к Дживзу, и, можете мне поверить, лицо моё было суровым.

- Фу, Дживз!

- Сэр?

- Я сказал «Фу!» Я - человек широких взглядов, но сейчас потрясён, - и не стесняюсь употребить столь сильное выражение, - до глубины души. И дело тут вовсе не в том, что я нахожу поведение Стефи отвратительным. Она женщина, а особи слабого пола славятся неумением отличать пристойное от непристойного. Но то, что Гарольд Пинкер, слуга Божий, парень, который носит воротничок задом наперёд, готов пойти на подобный шаг, меня поражает. Он знает, что записная книжка Гусика находится у Стефи. Он знает, что с помощью данной записной книжки девица связала меня по рукам и ногам. Но разве он потребовал, чтобы она вернула мне то, что ей не принадлежит? Нет! Напротив, он самым бессовестным образом её поддерживает. Мне жаль паству Тотли-на-нагорье, если она постарается не сбиться с пути истинного с таким пастырем. Хороший же он подаёт пример детишкам, которым читает Священное Писание! Несколько лет обучения морали и этики в понимании Гарольда Пинкера, и каждое дитя, слушавшее его с открытым ртом, отправится отбывать долгий срок в тюрьму за откровенный шантаж.

Я умолк, чуть не захлебнувшись обуревавшими меня чувствами. По правде говоря, я даже дышал с трудом.

- Мне кажется, вы несправедливы к мистеру Пинкеру, сэр.

- Что?

- Я уверен, джентльмен находится под впечатлением, что вы согласились ему помочь исключительно по доброте душевной, чтобы выручить из беды старого друга.

- Думаешь, она ничего не сказала ему о записной книжке Гусика?

- Я в этом убеждён, сэр. Я пришёл к данному выводу, наблюдая за поведением мисс Бинг.

- А я ничего такого в её поведении не заметил.

- Когда вы собирались упомянуть о записной книжке, сэр, мисс Бинг явно смутилась. Она сразу заговорила на другую тему, испугавшись, что мистер Пинкер начнёт расспрашивать, о чем идет речь, и, узнав факты, заставит её поменять решение.

- Прах побери, Дживз! По-моему, ты прав.

Я попытался вспомнить сцену, о которой говорил Дживз. К гадалке не ходи, сметливый малый в очередной раз попал в самую точку. Стефи, хоть и принадлежала к числу девиц, сочетавших упрямство армейского мула с ледяным *insouciance* замороженной рыбы, разнервничалась как чёрт-те что, когда я начал объяснять Свинке причину моего пребывания в её спальне. К тому же она постаралась как можно скорее от него избавиться, действуя так же неуклюже, как неказистый вышибала в баре, выставяющий за дверь пьяного громилу.

- Ну и дела! - воскликнул я, с уважением посмотрев на Дживза.

Со стороны балкона донесся приглушённый звук падения чего-то тяжёлого, и через несколько секунд в комнату вошла Стефи.

- Гарольд свалился с лестницы, - весело сообщила она. - Ну, Берти, надеюсь ты всё уяснил? Этой ночью тебе придётся попотеть.

Я достал сигарету и не торопясь закурил.

- Минутку, - сказал я. - Не спеши. Осади коней, юная леди.

Сами понимаете, я говорил с такой уверенностью, что Стефи прямо-таки опешила. Она

моргнула и вопросительно на меня посмотрела, а я глубоко затянулся и небрежно выпустил дым из ноздрей.

Если помните, в рассказе о моих и Огастеса Финк-Ноттля приключениях в Бринкли-корте, я упоминал, что читал в каком-то историческом романе об одном типе, - то ли он был вождём краснокожих, то ли итальянским мафиози, - который, желая поставить на место зарвавшегося собеседника, лениво опускал веки и стряхивал пылинку с безупречных кружевных манжет. Если память мне не изменяет, я также говорил, что добился потрясающих результатов, в точности копируя этого типа. Именно так я сейчас и поступил.

- Стефи, - сказал я, лениво опустив веки и стряхивая пылинку с безупречно белого манжета, - я попросил бы тебя вернуть мне записную книжку.

Её недоумение усилилось. Ежу было ясно, Стефи пребывала в полной растерянности. Она не сомневалась, что Бертрам находится у неё под каблуком, а он вдруг взбрыкнул как разгорячившийся двухлетка и пустился вскачь.

- Что ты имеешь в виду?

Я опустил веки ленивее прежнего.

- Смею предположить, - ответил я, продолжая небрежно стряхивать пылинки, я выразился весьма понятно. - Мне нужна записная книжка Гусика, причём немедленно и без лишних слов.

Она поджала губы.

- Получишь её завтра: если Гарольд доложит мне, что ты был паинькой.

- Я получу её сейчас.

- Ха, и ещё раз ха.

- Твои хаханьки волнуют меня как прошлогодний снег. Повторяю, я получу её сейчас. А если нет, я пойду к старине Свинке и всё ему выложу.

- Что ты ему выложишь?

- Я всё ему выложу. Не сомневаюсь, он находится под впечатлением, что я согласился ему помочь исключительно по доброте душевной, чтобы выручить из беды старого друга. Убеждён, о записной книжке Гусика ты и словом не обмолвилась. Я пришёл к данному выводу, наблюдая за твоим поведением. Когда я собирался упомянуть о записной книжке, ты смутилась. Ты сразу заговорила на другую тему, испугавшись, что Свинка начнёт расспрашивать, о чём идёт речь, и, узнав факты, заставит тебя поменять решение.

Её глаза блеснули, и я понял, что Дживз был прав на все сто.

- Глупости, - сказала она, но явно неуверенно и с дрожью в гол.

- Да? Ну, тогда я пошёл. Поговорю со Свинкой.

Я сделал несколько шагов в сторону двери, и, как и ожидалось, она умоляюще меня окликнула.

- Нет, Берти! Не ходи!

Я вернулся.

- Ах вот как! Значит, ты признаешь, что Свинка ничего не знает о: потрясающее словечко, которое употребила тётя Делия, разговаривая о сэре Уаткине Бассете, пришло мне на ум, - :твоей гнусности?

- Не понимаю, почему гнусности.

- Зато я понимаю. И Свинка тоже поймёт, когда изложу ему суть дела, потому что из нашего викария высокие моральные принципы так и сыплются. - Я вновь сделал ш. к двери. - Ладно, мне пора.

- Берти, подожди!

- Ну?

- Берти, миленький:

- Я тебе не миленький. Тоже мне, нашла миленького! Никакие миленькие тебе не помогут. Поезд ушёл.

- Но, Берти, миленький, я должна тебе всё объяснить. Конечно, я не посмела рассказать Гарольду о записной книжке. Он закатил бы мне жуткий скандал, обвинил бы во всех смертных грехах, да я и сама понимаю, что сыграла с тобой злую шутку. Но что мне оставалось делать? Разве был другой способ заручиться твоей помощью?

- Можешь не сомневаться, не было.

- Но ведь ты нам поможешь, правда?

- Даже не надейся.

- Я так на тебя рассчитывала:

- Само собой, но твои расчёты не оправдались.

Должен заметить, что где-то после второй или третьей фразы нашего диалога её глаза начали увлажняться, губы задрожали, и так называемая жемчужная слеза воровато поползла по щеке, постепенно превращаясь в ручеек, который, в свою очередь, превратился в бурную реку, как бывает, когда прорвёт плотину. Вкратце сообщив мне, что лучше бы она умерла, и что я буду выглядеть как последний болван, когда, глядя на её хладный труп, неожиданно пойму, что она сыграла в ящик из-за моей бесчеловечности, девица бросилась на кровать и начала сопеть и хлюпать носом.

Совсем недавно Стефи уже демонстрировала своё умение рыдать взахлёб, и, если помните, это выбило меня из колеи. Честно признаться, сейчас я тоже почувствовал себя неуютно и принялся нервно тереть галстук. Кажется, я уже упоминал, что женская печаль действует на Вустера определённым образом.

- Хлюп, - не унималась девица.

- Но, Стефи: - сказал я.

- Хлюп: хлюп:

- Но, Стефи, старушка, подумай хорошенько. Будь умницей. Не можешь же ты всерьёз рассчитывать, что я стащу для тебя кувшинчик?

- От этого зависит вся наша хлюп.

- Возможно. Но, послушай. Ты просто не в курсе. Твой проклятый дядя следит за мной как удав за кроликом. Только и ждёт, когда я оступлюсь. И в любом случае дело никогда не выгорело бы, потому что ты подключила к нему Свинку. Я ведь уже говорил, что из Свинки преступник, как из ветра шуба. Не знаю как, но он найдет способ всё испортить. За примером и ходить далеко не надо. Сама видела: он даже с лестницы не смог спуститься, чтоб не грохнуть.

- Хлюп.

- И вообще, советую тебе подвергнуть твой план самому тщательному анализу. Ты считаешь, что гвоздь программы, это когда Свинка ворвётся к сэру Уаткину весь в крови и сообщит, что расквасил мародёру нос. Ну, а дальше? «Ха! заявит твой дядя, который, несомненно, разбирается в уликах не хуже кого другого. - Значит, нос? А подать мне сюда распухший нос!» И, первым делом, домочадцы наткнутся на Бертрама с носом до ушей. Тебе кажется, сэр Уаткин не сделает надлежащих выводов?

Я закончил блестящую, - надеюсь, вы со мной спорить не станете, - речь в свою защиту

ни капельки не сомневаясь, что девице ничего не остаётся, как покорно вздохнуть и сказать: «Ну, ладно. Теперь я поняла. Должно быть, ты прав». Но, как ни странно, хлюпанья продолжались, и я обратился к Дживзу, который до сих пор хранил вежливое молчание.

- Ты следил за ходом моей мысли, Дживз?

- Безусловно, сэр.

- Ты согласен, что вышеуказанная программа действий, если привести её в исполнение, закончится полным провалом?

- Да, сэр. Вне всяких сомнений, она трудно выполнима. Если позволите, я мог бы предложить вам альтернативный план.

Я уставился на толкового малого.

- Как?! Ты хочешь сказать, что нашел решение проблемы?

- Да, сэр.

Стефи наконец-то отхлюпалась. Думаю, никто в мире, кроме Дживза, не смог бы уgomонить её с такой быстротой. Она уселась на кровати, глядя на своего спасителя с надеждой во взоре.

- Дживз! Это правда?

- Да, мисс.

- О, боже! Ты просто чудо!

- Благодарю вас, мисс.

- Что ж, Дживз, выкладывай, - сказал я, закуривая ещё одну сигарету и с облегчением опускаясь в кресло. - Будем надеяться, ты не ошибся, хотя лично я не вижу выхода из сложившейся ситуации.

- Мне кажется, его можно найти, сэр, если посмотреть на дело с точки зрения психологии.

- Ах, психологии?

- Да, сэр.

- Психологии индивида?

- Совершенно верно, сэр.

- Понятно. Дживз, - объяснил я Стефи, которая, само собой, имела о честном малом весьма смутное представление (не более, чем о молчаливой фигуре, ловко подававшей картофель, когда я угощал её ленчем в своей квартире), - большой дока во всём, что касается психологии индивида. Кого хочешь насквозь видит. Какого индивида, Дживз?

- Сэра Уаткина Бассета, сэр.

Я нахмурился и с сомнением поджал губы.

- Ты предлагаешь нам смягчить сердце этого врага рода человеческого? Боюсь, номер не пройдёт, разве что с помощью доброго, старого кастета.

- Нет, сэр. Смягчить сердце сэра Уаткина, человека, как вы справедливо дали понять, сурового, задача не из лёгких. Но мне пришла в голову мысль, что мы могли бы с успехом воспользоваться тем, как он к вам относится. Сэру Уаткину вы крайне не нравитесь.

- Подумаешь! Мне он ещё больше не нравится.

- Безусловно, сэр. Но для нас важен тот факт, что, испытывая к вам неприязнь, сэр Уаткин, соответственно, получит самый настоящий шок, если вы вдруг сообщите ему, что помолвлены с мисс Бинг и собираетесь в самом скором времени связать себя с нею брачными узами.

- Что?! Ты хочешь, чтобы я сообщил ему, будто мы со Стефи любим друг друга?

- Вот именно, сэр.

Я покачал головой.

- Не вижу в этом смысла, Дживз. Само собой, шутка неплоха, - я имею в виду, забавно будет посмотреть как у старого дурня челюсть отвалится, - но толку от неё никакого.

Стефи, казалось, тоже была разочарована. По крайней мере лицо её не озарилось радостью.

- По-моему, ты перемудрил, - сказала она. - Что нам это даст, Дживз?

- Если позволите, я объясню, мисс. Узнав о предполагаемом союзе, сэр Уаткин, как только что заметил мистер Вустер, будет потрясён.

- Он потолок головой прошибет.

- Вот именно, мисс. Очень образно сказано. И если вы не медля уверите его, что в утверждении мистера Вустера нет ни слова правды, более того, что на самом деле вы обручены с мистером Пинкером, мне кажется, сэр Уаткин испытает такое облегчение, что посмотрит на ваш брак с викарием совсем другими глазами.

Лично я в жизни не слышал большей бестолковщины, и, можете не сомневаться, дал это понять Дживзу всем своим видом. Стефи же, напротив, ухватилась за дурацкую идею безумного малого руками и ногами. Продемонстрировав нам несколько па какого-то дикого танца, должно быть, означавшего пробуждение жизни весной, она воскликнула:

- Замечательно, Дживз! Гениальный план!

- Думаю, он поможет вам достичь желаемой цели, мисс.

- Ещё бы! Дядюшка даже не пикнет. Только представь себе, Берти, лапочка, что произойдёт, когда ты сообщишь ему, что хочешь на мне жениться. Да если после этого я скажу: «Ну что ты, дядя Уаткин, какая ерунда! На самом деле я собираюсь выйти замуж за чистильщика сапог», он зарыдает от радости, прижмёт меня к своей груди и пообещает танцевать на моей свадьбе до упаду. А если он узнает, что мой будущий супруг - человек умный, талантливый, находчивый и вообще, бесподобный, короче, Гарольд, считай, дело в шляпе. Дживз, ты не просто чудо, ты чудо из чудес.

- Благодарю вас, мисс. Мне приятно, что я смог оказаться вам полезен.

Я встал с кресла. Можете мне поверить, я был сыт по горло. Я имею в виду, у меня нет возражений, когда люди несут чушь, но, знаете ли, всему есть предел. Я повернулся к Стефи, которая выделывала заключительные коленца своего весеннего танца, и произнёс вежливо, но твёрдо:

- А теперь, будь любезна, отдай мне записную книжку.

Стефи, которая дотанцевала до комода и в данный момент поправляла букет роз, стоявший в вазе, на мгновение прервала своё занятие.

- Книжку?

- Книжку.

- Сначала сходи поговори с дядей Уаткином.

- То есть как?

- Очень просто. Не то, чтобы я тебе не доверяла, Берти, лапочка, но я буду чувствовать себя куда спокойнее, если книжка пока останется у меня, и ты будешь знать, что она у меня, а я уверена, что моё спокойствие для тебя дороже всего. Исчезни, Берти. Дуй к дядюшке, хватай его под жабры, а потом поговорим.

Я нахмурился.

- Можешь не сомневаться, - холодно произнёс я, - сейчас исчезну. Но дуть к твоему

дядюшке - слуга покорный. Хотел бы я посмотреть, как схвачу его за жабры!

Она пылливо, если так можно выразиться, на меня посмотрела.

- Но, Берти, никак ты пытаешься увильнуть?

- Ты жутко догадлива.

- Послушай, ведь ты не оставишь меня в трудный час?

- Ещё как оставлю. И не поморщусь.

- Неужели тебе не нравится наш шикарный план?

- Нет. Дживз заявил, ему приятно, что он оказался тебе полезен. Так вот, мне от него пользы никакой. Я считаю, его идея побила все рекорды дурачности, и, честно признаться, поражён, что она пришла ему в голову. Давай сюда книжку, Стефи, не тяни резину.

Помолчав с минутку, она задумчиво произнесла:

- Я сильно подозревала, что именно так ты себя и поведёшь.

- А теперь твои подозрения подтвердились, - отпарировал я. - Не валяй дурака, Стефи. Гони книжку Гусика.

- И не подумай.

- Дело твоё. Тогда я пойду к Свинке и всё ему выложу.

- Валяй. Но прежде чем ты успеешь приблизиться к нему на пушечный выстрел, я разыщу дядю Уаткина и тоже всё ему выложу.

И она вздёрнула подбородок совсем как нашкодившая девчонка, уверенная, что её никогда не поймают на содеянной пакости, а я неожиданно почувствовал себя жуком, наколотым на булавку. По правде говоря, у меня и в мыслях не было, что Стефи сможет так ловко вывернуться и припереть меня к стенке. Я пораскинул мозгами, но, к сожалению, ничего кроме глубокомысленного «гмм» выдавить из себя мне не удалось. К чему скрывать - Бертрам был ошарашен, хуже не придумаешь.

- Ну что, съел? Теперь будешь паинькой?

Сами понимаете, парню, который только что мужественно поставил девицу на место, не слишком приятно превращаться в размазню и чуть ли не умолять ту самую девицу о пощаде, но, - увы! - выхода у меня не было. Мой голос, до этой поры твёрдый и властный, неожиданно дал петуха.

- Но, Стефи, прах побери! Ты ведь шутишь, верно?

- Если ты сей же час не отправишься умасливать дядю Уаткина, тебе будет не до шуток.

- Послушай, разве я способен его умаслить? Ты не можешь требовать, чтобы я обрёк себя на смертные муки.

- Могу. И при чем здесь смертные муки, скажи на милость? Не бойся, он тебя не съест.

Её слова заставили меня задуматься.

- Что правда, то правда, - неохотно согласился я. - Пожалуй, это единственное, чего он со мной не сделает.

- Не психуй, Берти. Считай, ты идешь к зубному врачу.

- Лучше б мне пойти к шести зубным врачам, чем к твоему дяде.

- Тогда представь себе, какое ты испытаешь облегчение, когда всё закончится.

По правде говоря, никакого облегчения я себе представить не смог. Я посмотрел на Стефи в надежде, что её всё-таки удастся вразумить и разжалобить, но выражение на её ангельском личике было и оставалось таким же каменным, как ресторанный бифштекс. Киплинг был прав. Проклятое племя, эти женщины. Никуда от этого не денешься.

Я попытался в последний раз воззвать, если так можно выразиться, к её лучшим

чувствам.

- Ты не отступишься от своего решения?

- Ни на шаг.

- Несмотря на то, - извини, но приходится тебе напомнить, - что я угостил тебя в Лондоне шикарным ленчем, не скупясь ни на какие затраты?

- Вот именно.

Я пожал плечами, должно быть, совсем как один из римских гладиаторов (если помните, я уже говорил, что эти ребята развлекались, набрасывая связанные узлами простыни на кого не попадя), которому неожиданно сообщили, что он доигрался и настал его черёд повеселить публику.

- Что ж, придётся пойти, - сказал я.

Она просияла, и улыбнулась мне, как нежная мать проказнику-ребенку.

- Ах ты, мой храбренький! Так держать, Берти!

В другое время я ни за какие коврижки не потерпел бы столь фамильярного обращения, но в данный момент мне было не до воспитания наглой девицы, тем более, что в этот трудный час для меня ничто уже не имело значения.

- А где сейчас твой жуткий дядюшка?

- Наверняка в библиотеке.

- Ладно, я пошёл.

Не знаю, рассказывали ли вам в детстве историю о собаке, сожравшей бесценную рукопись одного деятеля, над которой он корпел всю жизнь. Если помните, в результате этот деятель посмотрел на пса с немим укором и воскликнул: «О, Алмаз, Алмаз, тебе неизвестно (а может, неведомо тебе), что сделал ты (или - что ты содеял) и как (или - сколь) мне тяжело (а может, тяжко)». Стишки засели у меня в голове с юных лет, а говорю я это к тому, что выходя из комнаты, я посмотрел на Дживза совсем как тот деятель на собаку. Само собой, цитировать я не стал, но думаю, Дживз и так всё понял.

По правде говоря, я предпочёл бы, чтобы Стефи не закричала мне вслед: «Ату его! Ату!» Шутка, я бы сказал, в дурном вкусе и вовсе даже не к месту.

Те, кто хорошо знают Бертрама Вустера, разбуди их ночью, скажут вам, что он, как правило, парень несгибаемый, и даже когда дела его плохи, поднимается по самым гнилым ступеням самого себя к сияющим вершинам совершенства. Не часто бывает, что я вешаю нос или перестаю радовать друзей лучезарной улыбкой.

И тем не менее, хочу вам честно признаться, что, направляясь в библиотеку на выполнение стефиного задания, которое и в кошмарном сне не приснится, я чувствовал, что удача повернулась ко мне, мягко говоря, спиной, а счастье изменило с первым встречным. Я брёл по коридору, понурившись, а ноги мои, как пишут в книгах, стали свинцовыми и явно не желали следовать в заданном направлении.

Стефи сравнила предстоящий мне дурацкий розыгрыш с визитом к зубному врачу, но к концу своего путешествия я чувствовал себя вовсе даже не пациентом, а мальчишкой, которому предстояла запланированная встреча с директором школы. Если помните, я рассказывал, как однажды в юном возрасте прокрался ночью в логово Обри Апджона, надеясь полакомиться печеньем, и неожиданно столкнулся с вредным старикашкой нос к носу, причём я был одет в весёленькую пижаму, а он - закован в твидовый костюм и гнусную усмешку. Перед тем как мы расстались, он назначил мне на завтра свидание в том же месте в половине четвёртого, и сейчас мои ощущения почти полностью совпали с теми, которые я испытывал в ту далекую минуту, когда постучал в директорскую дверь и услышал, как голос, весьма отдалённо напоминавший человеческий, пригласил меня войти.

Единственное различие заключалось в том, что если Обри Апджон находился в полном одиночестве, сэр Уаткин Бассет развлекался в компании. Когда я занёс руку, чтобы постучать в дверь, до моего слуха донеслось невнятное бормотание голосов, а когда вошёл в библиотеку, то убедился, что уши меня не обманули. Папаша Бассет сидел за столом, а рядом с ним стоял констебль Юстас Оутс.

Данное зрелище окончательно меня доконало. Не знаю, сажали ли вас когда-нибудь на скамью подсудимых, но если вам доводилось бывать в подобной ситуации, вы поймёте, что воспоминания такого рода не вышибешь из памяти за просто так; я имею в виду, если спустя какое-то время вы вдруг увидите перед собой восседающего мирового судью и торчащего как столб констебля, душа у вас наверняка уйдёт в пятки, и вообще, вы почувствуете себя, хуже не придумаешь.

Пронзительный взгляд из-под бровей, которым одарил меня старикашка Б. никак не улучшил моего настроения.

- Да, мистер Вустер?

- Э-э-э, гмм: не могли бы вы уделить мне несколько минут для разговора?

- Для разговора? - Ежу было ясно, отвращение по поводу того, что всякие там Вустеры поганят его Святая святых, боролось в сэре Уаткине с обязанностью, которую каждый хозяин испытывает по отношению к гостю. В результате этой борьбы, исход которой до последней секунды был неясен, последнее чувство всё-таки одержало победу, хоть и весьма сомнительную. - Да, конечно: я имею в виду: если вам действительно так необходимо: вне всяких сомнений: прошу вас, садитесь.

Я плюхнулся в кресло, и, по правде говоря, мне сразу полегчало. Сами понимаете, когда тебя распекают в суде, приходится стоять. Старикашка Бассет подозрительно на меня

посмотрел и, убедившись, что я украдкой не запикиваю себе за пазуху его ковёр, вновь заговорил с констеблем.

- На сегодня всё, Оутс.

- Слушаюсь, сэр.

- Вы поняли, что вам надлежит сделать?

- Да, сэр.

- Что же касается ваших подозрений, я, несомненно, их учту и, смею вас заверить, проведу самое тщательное расследование.

Усердный служака затопал к двери и исчез, а старикан Бассет, поворошив (наверняка, для виду) на столе какие-то бумаги, скосил на меня глаз.

- Это был констебль Оутс, мистер Вустер.

- Я знаю.

- Вы с ним знакомы?

- Видел один раз.

- Когда?

- Сегодня днём.

- А с тех пор он вам не встречался?

- Нет.

- Вы в этом уверены?

- О, само собой.

- Гм-м-мм.

Он вновь поворошил бумаги, затем вдруг заговорил на другую тему:

- Нам всем недоставало вас в гостиной после обеда, мистер Вустер.

Сами понимаете, неловко получилось. Воспитанному гостю трудно честно признаться, что хозяин дома был для него хуже прокажённого, от которого надо держаться как можно дальше.

- Всех нас разочаровало ваше отсутствие, мистер Вустер.

- Да ну, правда? Виноват. Знаете, у меня разболелась голова, и я прилёг отдохнуть.

- Вот как? И вы никуда не выходили?

- Нет.

- Вы, случайно, не пошли подышать свежим воздухом, чтобы облегчить свои страдания?

- Нет-нет, что вы. Лежал, как прикованный.

- Странно. Моя дочь, Медлин, говорит, что после обеда дважды заходила в вашу комнату, но вас не застала.

- Серьёзно? Разве меня там не было?

- Вот именно, мистер Вустер, вас там не было.

- Ну, значит я был в другом месте.

- Представьте, меня посетила та же мысль.

- Вспомнил! Я пару раз выходил проветриться.

- Так-так.

Старикашка наклонился, повертел в руках вечное перо, затем постучал им по собственным пальцам.

- Сегодня вечером некто украл шлем у констебля Оутса, - сообщил он, в очередной раз меняя тему разговора.

- Не повезло бедняге.

- Да. К несчастью, ему не удалось увидеть нарушителя закона.

- Не удалось?

- Нет. В тот момент, когда совершалось это безобразие, Оутс стоял к преступнику спиной.

- Оно, конечно, увидеть нарушителя закона спиной, труднее не придумаешь.

- Вы, безусловно, правы.

- Само собой.

Наступило молчание, как мне показалось, довольно напряжённое, и это несмотря на то, что папаша Бассет вроде бы во всём со мной соглашался и вообще вел себя тихо-спокойно. Я решил разрядить обстановку, если вы меня понимаете, и заодно блеснуть одной забористой фразой, которая засела в моей черепушке ещё с тех времен, когда я пребывал *in statu pupillary*.

- Как говорится, «*Quis custodiet ipsos custodes*», что?

- Простите?

- Латинский юмор, - объяснил я туго соображавшему старикашке. - «*Quis* кто - *custodiet* - будет сторожить - *ipsos custodes* - самих сторожей?» Я имею в виду, - продолжал я, стараясь выразить свою мысль простым языком, доступным пониманию грудного младенца, - деятель, который должен охранять деятелей, чтобы деятели не умыкнули у них что плохо лежит, нарвался на деятеля, который умыкнул что плохо лежит у него самого.

- Ах, вот вы о чём. Да, я вполне допускаю, что для человека с определённым складом ума ситуация может показаться забавной. Но, уверяю вас, мистер Вустер, мне она таковой не кажется. Я необычайно ответственно отношусь к данному делу, и как только преступник будет обнаружен и арестован, приложу все усилия, дабы он понёс заслуженное суровое наказание.

Мне это не понравилось. Я подумал о бедолаге Свинке и, по правде говоря, жутко разволновался.

- Послушайте, не подскажите, что его ждёт?

- Я ценю вашу тягу к знаниям, мистер Вустер, но в настоящий момент не готов ответить вам определенно. Говоря словами покойного лорда Асквита, «Поживём - увидим». Думаю, вам довольно скоро удастся удовлетворить своё любопытство.

Вообще-то я не люблю берeditь старые раны, потому что кто старое помянет, ну, и так далее, но сейчас я решил подсказать старикашке решение проблемы.

- Меня вы оштрафовали на пятёрку.

- Вы уже упоминали об этом сегодня днём, - сказал он, холодно сверкнув на меня стеклами пенсне. - Но если я правильно вас понял, отвратительный поступок, в результате которого вы очутились в суде на Бошер-стрит, был совершён в ночь после ежегодной регаты между Кембриджским и Оксфордским университетами, когда закон традиционно смотрит на правонарушения сквозь пальцы. В настоящем случае таких смягчающих обстоятельств не существует. естественно, я не собираюсь приговаривать к простому штрафу преступника, нагло укравшего государственное имущество, доверенное констеблю Оутсу.

- Но, послушайте, не засадите же вы его в кутузку?

- По-моему, я ясно дал понять, что не готов с вами откровенничать, мистер Вустер, но раз мы зашли так далеко, я отвечу на ваш вопрос, и отвечу утвердительно.

И вновь наступило молчание, в течение которого папаша Бассет продолжал колошматить себя вечным пером по пальцам, а я, если мне не изменяет память, теревить

галстук. Честно признаться, я был озабочен, хуже не придумаешь. Любой, кто принимал интересы Свинки близко к сердцу, переживал бы на моём месте всю, прекрасно понимая, что как только бедного увальня засадят в Бастилию, ему придётся поставить крест на своей карьере. Сами понимаете, не может викарий разглагольствовать о небесах, если сам он какое-то время видел небо только в клеточку.

Старикашка положил вечное перо на место.

- Итак, мистер Вустер, мне кажется, вы хотели о чём-то со мной поговорить?

Хотите верьте, хотите нет, я даже вздрогнул. Само собой, я не забыл, зачем сюда явился, но мрачные высказывания сэра Уаткина как бы загнали мысли о цели моего визита в глубину моих мозгов, и внезапность, с которой они выскочили наружу, немного меня ошарашила.

- Э-э-э, гм-м, да. Собственно, я решил заглянуть к вам, чтобы немного поболтать.

- Так-так.

Я сразу понял, что без предварительных *roughrangers* здесь не обойдётся. Я имею в виду, если отношения между одной особой и другой особой вроде как натянутые, вторая особа не может, так сказать, заявить с места в карьер, что собирается жениться не племяннице первой особы. А если может, значит она (вторая особа) не обладает чувством того, что положено и что не положено, присущим всем Вустерам. Нет, старикашку необходимо было подготовить, и я внезапно понял, как это сделать. Почувствовав прилив сил, если вы меня понимаете, я ринулся в бой.

- Вы когда-нибудь размышляли о любви, сэр Уаткин?

- Простите?

- О любви. Она вас когда-нибудь интересовала?

- Надеюсь, вы пришли не для того, чтобы разговаривать о любви?

- Ошибаетесь. Именно для этого я и пришёл. Не сомневайтесь в этом ни на минуту. Может, вы не заметили, но любовь - забавная штука, я хочу сказать, она повсюду, куда ни плюнь. Никуда от неё не денешься. Я имею в виду, от любви. Чем ни занимайся, она так и норовит пихнуть тебя под локоть, причём повсюду. Поразительно. Возьмём, к примеру, тритонов.

- Вы хорошо себя чувствуете, мистер Вустер?

- О, спасибо. Превосходно. Так вот, возьмём к примеру тритонов. Вы не поверите, Гусик Финк-Ноттль сообщил мне, в брачный сезон они только любовью и занимаются. Представьте, выстраиваются в шеренгу и махают хвостами перед местными тритонихами. Морские звёзды тоже времени даром не теряют. И ещё черви.

- Мистер Вустер:

- И, по словам Гусика, даже лентообразная водоросль не прочь поразвлечься. Вас это удивляет, что? Честно признаться, я и сам удивился, дальше некуда. Чего надо лентообразной водоросли и на что она надеется, я вам сказать не могу, но когда на небе полная луна, она занимается ухаживаниями вместе с червями и всеми прочими, не желая ударить лицом в грязь. Должно быть, ей просто хочется похвастаться перед другими ленточными водорослями, которым, само собой, при полной луне тоже удержу нет. Как бы там ни было, я веду свой разговор к тому, что сейчас у нас полная луна, и если она даже ленточную водоросль заставляет валять дурака, не станете же вы винить простого парня, как я, за то, что у него тоже разыграла кровь?

- Боюсь:

- Ведь правда не станете? - повторил я, продолжая на него давить, и для пущей убедительности пару раз спросил «а?» и «что?»

Всё-таки старикашка был туп как пень. Мои блестящие, более чем прозрачные намеки он попросту пропустил мимо ушей. Сэр Уаткин выглядел непробиваемым в начале разговора, и продолжал выглядеть непробиваемым в его конце.

- Боюсь, мистер Вустер, вы сочтёте меня недогадливым, но я не имею ни малейшего представления, о чём вы говорите.

Теперь, когда настала пора без всяких там экивоков рубануть прямо сплеча, я неожиданно понял, что от дрожи в коленках, которая напала на меня по пути в библиотеку, не осталось и следа. Не буду врать, я ещё не мог лениво опустить веки и стряхнуть пылинку с безупречных кружевных манжет, но мне стало спокойно, как никогда.

А успокоила меня, если хотите знать, мысль о том, что не пройдёт и секунды, как я вставлю старому дурню фитиль в одно место, и это научит его впредь не считать, что жизнь состоит из одних удовольствий. Когда мировой судья за мальчишескую, можно сказать, шалость сдирает с тебя пятёрку вместо того, чтобы просто погрозить пальцем и ласково пожурить, ну, вроде: «Смотри у меня! Никогда так не делай!», нет удовольствия больше, чем заставить этого самого судью подпрыгивать, будто черти жарят его на сковородке.

- Я имею в виду себя и Стефи.

- Стефи?

- Стефани.

- Стефани? Мою племянницу?

- Вот именно. Вашу племянницу. Сэр Уаткин, - сказал я, вспомнив одну шикарную фразу, - я имею честь просить руки вашей племянницы.

- Вы: что?

- Имею честь просить руки вашей племянницы.

- Ничего не понимаю.

- Что тут непонятного? По-моему, всё проще простого. Я хочу жениться на юной Стефани. Она хочет выйти замуж на меня. Ну, теперь уяснили? Я ведь не зря вам рассказывал о ленточной водоросли.

За такое зрелище кто угодно заплатил бы любые деньги. Услышав «руки вашей племянницы», старикашка стартовал с кресла, как вспугнутый фазан, а когда я закончил свою мысль, рухнул обратно и принялся обмахиваться вечным пером как веером. Он осунулся и постарел прямо на глазах.

- Она хочет выйти за вас замуж?

- Ждёт не дожждётся.

- Но я понятия не имел, что вы знакомы с моей племянницей.

- Ну, что вы. Мы со Стефи, если так можно выразиться, тыщу лет друг друга знаем. Ещё бы я не знал Стефи! Я имею в виду, если б я не был с ней знаком, разве я захотел бы на ней жениться?

До старикана наконец-то дошло, что мои доводы неотразимы. Он умолк и то ли застонал, то ли всхлипнул. Я вспомнил ещё одну шикарную фразу.

- Вы не потеряете племянницу, сэр Уаткин. Вы приобретёте племянника.

- Проклятье! Мне не нужен племянник!

Само собой, ему было виднее.

Он встал и, бормоча себе под нос что-то вроде: «Боже мой, Боже мой!», подошёл к

камину, дрожащим пальцем ткнул в кнопку звонка, затем вернулся к столу, плюхнулся в кресло, закрыл лицо руками и просидел в позе умирающего лебедя вплоть до прибытия дворецкого.

- Баттерфилд, - выдавил он из себя хриплым, срывающимся голосом, разыщите мисс Стефани и передайте, что я хочу её видеть.

Начался антракт, совсем как в театре, но, хотите верьте, хотите нет, длился он недолго. Не прошло и минуты, как на сцене появилась Стефи. Лично я ни секунды не сомневаюсь, она специально слонялась неподалёку, ожидая, когда её вызовут на ковёр. Девушка впорхнула в библиотеку, сияя как медный таз.

- Ты меня звал, дядя Уаткин? Ой, Берти, привет.

- Привет.

- Не знала, что ты здесь. Как мило, что ты зашёл поболтать с дядюшкой.

Папаша Бассет, у которого при виде Стефи началась кома, неожиданно ожил и издал предсмертный крик того самого лебедя.

- Мило! - пискнул он, облизывая пепельно-серые губы. - В данном случае я употребил бы другое слово. Мистер Вустер только что поставил меня в известность, что он хочет на тебе жениться.

Честно признаться, девушка сыграла свою роль в лучшем виде. Сначала она уставилась на него. Потом на меня. Затем всплеснула руками и, не берусь утверждать, но по-моему умудрилась покраснеть.

- Ох, Берти! Это большая честь для меня.

- Честь?! - обалдело (другого слова тут не подберёшь) спросил сэра Уаткин. - Ты сказала «честь»?

- Ну, сам знаешь, это самый большой комплимент, который мужчина может сделать женщине. По крайней мере все шишки так утверждают. Я польщена, тронута, и всё такое. Но, Берти, дорогой: боюсь, ничего не выйдет. Как ни жаль, мне придётся тебе отказать. Прости.

Я никогда не думал, что в мире есть средство, способное привести в чувство умирающего быстрее, чем фугасный коктейль Дживза, но Стефины слова оказали на сэра Уаткина куда более сильное действие. Он сидел в своём кресле скрючившись, с потухшим взором, явно покоровившись злой судьбе. Услышав последние известия, он вздрогнул, глаза у него заблестели, а губы задёргались. Лицо его, если так можно выразиться, озарилось надеждой.

- Отказать? Разве ты не хочешь выйти за него замуж?

- Нет.

- Но он сказал, ты ждёшь не дождёшься, когда вы поженитесь.

- Должно быть, спутал меня с парой своих подружек. Нет, Берти, дорогой, это невозможно. Я люблю другого.

Старикашка вздрогнул.

- Какого другого?

- Самого удивительного человека в мире.

- Надеюсь, у него есть имя?

- Его зовут Гарольд Пинкер.

- Гарольд Пинкер?: Пинкер: Я знаю только одного Пинкера:

- Викария. Это он.

- Ты любишь викария?

- Ах! - воскликнула Стефи, закатывая глаза и становясь похожей на тётю Делию, когда та рассуждала о достоинствах шантажа. - Несколько недель назад мы тайно обручились.

По старикашке было незаметно, чтобы услышанная им новость привела его в телячий восторг. Он сурово свёл брови, совсем как клиент ресторана, который, заказав с дюжину устриц и проглотив первую, неожиданно почувствовал, что она с тухлинкой. Похоже, Стефи неплохо разбиралась в человеческой природе, если вы меня понимаете, ведь она предупреждала, что старикана необходимо как следует ублажить, прежде чем заводить с ним разговоры о своих чувствах к каким-то там викариям. Похоже, сэр Уаткин полностью разделял общепринятое мнение родителей и дядюшек, что на викариях свет клином не сошёлся.

- Ты ведь распоряжаешься церковным приходом, дядя Уаткин, вот мы с Гарольдом и подумали, как только ты отдашь его Гарольду, мы сразу поженимся. Гарольду необходимо совершенствоваться, ну, и лишние деньжата нам тоже не помешают. Понимаешь, ему никак не удаётся развернуться, но как только он получит приход, кого хочешь за пояс заткнет, вот увидишь. Когда у Гарольда развяжутся руки, ему просто удержу не будет. Ты даже представить себе не можешь, как далеко он пойдёт.

Стефи болтала взахлёб, вознося достоинства Свинки до небес с девичьим энтузиазмом, но у сэра Уаткина девичьего энтузиазма вы бы не увидели, даже если б положили старикашку под микроскоп. Ну, в общем вы меня понимаете.

- Это просто смешно!

- Почему?

- Я слышать не хочу:

- А в чём дело?

- Во-первых, ты слишком молода:

- Глупости. Три девицы, с которыми я училась в школе, выскочили замуж в прошлом году. По сравнению с детишками, которые напяливают на себя фату в наше время, я древняя старуха.

Старикашка Бассет что было сил трахнул кулаком по столу, угодив прямо в перевёрнутое пресс-папье. Видимо, физическая травма заставила его распалиться пуще прежнего.

- Абсурд! Речи быть не может. Я отказываюсь разговаривать на эту тему.

- Чем тебе не угодил Гарольд?

- Речь идёт не о том, угодил он мне, как ты изволила выразиться, или нет. Насколько мне известно, мистер Пинкер усердно исполняет свои обязанности и пользуется уважением среди прихожан.

- Он кроток как ягнёночек.

- Вне всяких сомнений.

- Он выступал в сборной Англии по регби.

- Весьма возможно.

- Он потрясающе играет в теннис.

- Не спорю. Но это не причина, чтобы жениться на моей племяннице. У него имеется какой-нибудь доход помимо стипендии викария?

- Пятьсот фунтов в год.

- Ха!

- Ну, знаешь, не так уж это и плохо. Пятьсот фунтов тоже на дороге не валяются, вот что я тебе скажу. К тому же деньги не имеют никакого значения.

- Деньги имеют очень даже большое значение.

- Ты в этом так уверен?

- Естественно. Во всех случаях жизни необходимо думать о будущем.

- Да? Ну ладно. Раз ты предпочитаешь, чтобы я вышла замуж за денежный мешок, пусть будет по-твоему. Берти, я согласна. Не забудь сшить себе свадебный костюм.

Её слова произвели, как вы понимаете, самую настоящую сенсацию. Вопль старикана: «Что?!» столкнулся в воздухе с моим криком души: «Эй, послушай!» и, хотите верить, хотите нет, я заорал громче, чем он. Честно признаться, я пришёл в ужас. Особы женского пола способны отколоть любой номер, я в этом не раз убеждался на собственной шкуре. Стефи ничего не стоило затащить меня к алтарю просто для того, чтобы сделать жест, а с жестами я знаком вдоль и поперёк. Прошлым летом в Бринкли-корте от жестов проходу не было.

- У Берти денег куры не клюют, и раз ты уверен, надо думать о будущем, я, пожалуй, пощиплю вустерские миллионы. Берти, дорогой, надеюсь, ты понимаешь, я никогда не смогу полюбить тебя так, как Гарольда, но раз дяде Уаткину Гарольд не нравится:

Старикан Бассет снова изо всех сил грохнул кулаком по пресс-папье, но на этот раз, судя по всему, боли не почувствовал.

- Девочка моя, как ты можешь? Я никогда не утверждал, что он мне не нравится. Совсем наоборот, я ценю и уважаю его. Ты меня неправильно поняла. Мистер Пинкер превосходный молодой человек, и если ты считаешь, что будешь с ним счастлива, я никогда в жизни не стану тебе поперек дороги. Твоё счастье для меня дороже всего. Ради бога, выходи за него замуж, я не возражаю. Другой:

Он умолк, посмотрел на меня долгим взглядом и задрожал с головы до ног. Затем, словно испугавшись, что от моего вида его кондрашка хватит, он отвернулся, но тут же вновь покосился в мою сторону, после чего закрыл глаза и откинулся на спинку кресла, дыша как паровоз. Делать мне в библиотеке больше было нечего, поэтому я потихонечку удалился, стараясь не обращать внимания на Стефи, кинувшейся к дядюшке с объятиями, на которые тот отвечал крайне вяло и неохотно.

Должно быть, если б вас сподобило иметь такого дядюшку, как сэр Уаткин Бассет, вы тоже постарались бы обнимать его не слишком долго, поэтому я ни капельки не удивился, когда примерно через минуту после моего ухода Стефи выскочила из библиотеки и немедленно пустилась в пляс, вновь исполнив свой весенний танец.

- Что за человек! Нет, что за человек! Гений! Ну просто, гений! - заявила девица, радостно махая руками и выказывая прочие признаки *bien-etre*. - Дживз, - пояснила она, словно испугавшись, что я решу, будто она говорит о своём придурке-дядюшке. - Разве он не сказал, что дело выгорит? Сказал. Соврал он или нет? Нет. Берти, как думаешь, поцеловать Дживза прилично?

- Ты совсем свихнулась.

- Тогда хочешь, я тебя поцелую?

- Спасибо, не надо. Всё, что от тебя требуется, юная леди, это записная книжка Гусика.

- Но я должна хоть кого-нибудь поцеловать, а я скорее лопну, чем поцелую констебля Юстаса Оутса.

Выпалив последнюю фразу, Стефи внезапно умолкла, и на её физиономии появилось озабоченное выражение.

- Юстас Оутс, - задумчиво повторила она. - Понимаешь, Берти, я совсем о нём позабыла, а ведь мы с ним перекинулись парой слов, когда я торчала на лестничной площадке перед библиотекой, сам знаешь зачем. Наш констебль заболел подозрительностью.

- Где записная книжка?

- Отстань ты со своей книжкой. В данный момент мы обсуждаем Юстаса Оутса и его подозрительность. Оутс убеждён, это я свистнула у него шлем. Более того, он напал на мой след.

- Что?

- Да. Я - первая в списке подозреваемых. Оутс говорит, что читал кучу детективных романов, и в каждом из них сыщик перво-наперво узнаёт причину и время преступления, а потом добывает улики. Так вот, Оутс заявил, причина у меня имелась, потому что я разозлилась на него из-за Бартоломью, и где я находилась во время кражи, тоже никому неизвестно, поэтому возможностей у меня хоть отбавляй. Что же касается улики: как думаешь, чем он похвастался? Одной из моих перчаток! Сказал, что подобрал её на месте преступления, когда то ли изучал следы, то ли собирал сигаретный пепел. Помнишь, Гарольд принёс мне только одну перчатку? Вторую он, должно быть, посеял, когда умыкал шлем.

Хотите верьте, хотите нет, когда я услышал об очередной дурости косолапого увальня, мне стало так тоскливо и муторно, словно меня пыльным мешком по голове ударили. Свинка будто нарочно каждый раз выискивал новый способ, как поглубже сесть в лужу.

- Он такой.

- В каком смысле «он такой»?

- Ведь он посеял твою перчатку?

- Это вовсе даже не значит, что «он такой». Оставь свои глупые ухмылочки и дурацкий тон при себе. Тоже мне, критик выискался! И вообще, Берти, я тебя не понимаю. С какой стати ты всё время придираешься к моему Гарольду? Не ты ли утверждал с пеной у рта, что любишь его чуть ли не как родного брата?

- Всё верно. Но это не мешает мне считать его самым косолапым увальнем и разиней из всех, кто когда-либо проповедовал Святое слово.

- Он и вполтину не такой разиня, как ты.

- Он в тридцать три раза больший разиня, чем я. Казалось бы, невозможно, но он даже больший разиня чем Гусик, ты уж меня прости.

Судя по всему, Стефи еле сдержалась, чтобы не высказать всё, что она обо мне думает.

- Ладно, хватит. Мы говорили, Юстас Оутс напал на мой след, и мне необходимо выглядеть невинной овечкой, а заодно найти для его шлема более подходящее место, чем комод в моей комнате. Я глазом не успею моргнуть, как ОГПУ там всё перероет. Как думаешь, куда можно запрятать шлем?

По правде говоря, я от неё отмахнулся.

- Этот вопрос ты и без меня прекрасно решишь. А теперь выкладывай, где записная книжка Гусика.

- Ох, Берти, ну и надоел ты мне! Какой же ты всё-таки зануда. Неужели ты не можешь говорить ни о чём другом?

- Нет. Не могу. Где книжка?

- Когда я скажу, ты будешь смеяться до слёз.

Я бросил на неё взгляд, надеюсь, не надо объяснять, какой.

- Вряд ли я когда-нибудь снова смогу смеяться, а если и засмеюсь, то по крайней мере не в этом доме ужасов. Где книжка?

- Ну, раз тебе так приспичило, я засунула её в кувшинчик для сливок.

Должно быть, каждый из вас читал в одном из романов, как мир перед каким-нибудь героем неожиданно темнел и плыл перед глазами. Так вот, после слов Стефи я вдруг увидел, что она превратилась в негритянку и за клубилась по коридору, как туман.

- Ты: что?:

- Спрятала книжку в кувшинчик для сливок.

- Зачем?!

- Ну, не знаю. Спрятала, и всё тут.

- Но как же я её достану?

Юная вредина ухмыльнулась во весь рот.

- Этот вопрос ты и без меня прекрасно решишь. Пока-пока.

И она умчалась на всех парах, а я, честно признаться, прислонился к лестничным перилам, туго соображая что к чему и чувствуя слабость в коленках. Туман всё ещё клубился перед моими глазами, и прошло не меньше минуты, прежде чем до меня дошло, что ко мне обращается клубящийся дворецкий.

- Прошу прощения, сэр. Мисс Медлин просила передать, она будет весьма рада, если вы сможете уделить ей несколько минут.

Я посмотрел на услужливого малого с тоской и страхом - так преступник смотрит на тюремщика, который зашёл к нему в камеру с сообщением, что веревку уже намылили. Само собой, я прекрасно знал, где тут собака зарыта. Глас дворецкого возвещал мою погибель. Медлин, желавшая, чтобы я уделил ей несколько минут, могла радоваться только по одному поводу.

- Вот как?

- Да, сэр.

- А где сейчас мисс Бассет?

- В гостиной, сэр.

- Уже иду. - Я встряхнулся. Боевой задор Вустеров как всегда одержал верх над моей минутной слабостью. Мой подбородок вздёрнулся сам собой, а плечи распрямились абсолютно самостоятельно. - Вперёд, дворецкий! - сказал я и пошёл за ним следом.

Нежная, печальная музыка, доносившаяся из гостиной, превратила мои подозрения в уверенность, а когда я вошёл и увидел за пианино Медлин Бассет, похожую на обвисшее пальто, мне жутко захотелось развернуться на сто восемьдесят градусов и смыться. Однако, я поборол в себе то, что многие назвали бы непреодолимым желанием, и взял старт, весело воскликнув: «Привет!»

Мои старания успехом не увенчались, потому что ответа не последовало. Она встала из-за пианино и примерно с полминуты смотрела на меня с тоской во взоре, совсем как Мона Лиза, до которой однажды поутру вдруг дошло, что ещё немного, и печали мира окончательно её доконают. В конце концов, когда я совсем уже было решил заполнить тишину рассуждениями о погоде, девица заговорила:

- Берти:

Впрочем, это была лишь искра, из которой никакого пламени не возгорелось. Её закупило, и вновь наступила тишина.

- Берти:

Из второй попытки тоже ничего не вышло. Полный провал.

По правде говоря, я начал чувствовать себя неуютно. Однажды летом в Бринкли-корте наша беседа тоже напоминала разговор двух глухонемых, и мне пришлось изрядно попотеть, чтобы выкрутиться из дурацкого положения. Но тогда, если помните, мы находились в столовой среди океана холодных закусок, и я с блеском разряжал обстановку, подсовывая ей то варёное яйцо, то сырную палочку. В отсутствие продуктов нам оставалось лишь глазеть друг на друга, а это всегда выбивает из колеи, хуже не придумаешь.

Губы её разомкнулись. Сомневаться не приходилось, девицу вот-вот должно было прорвать. Несколько раз судорожно сглотнув, она, наконец-то, взялась за дело.

- Берти, я хотела тебя видеть: я попросила тебя прийти, потому что хотела тебе сказать: мне надо сообщить тебе: Берти, я расторгла помолвку с Огастесом.

- Да, знаю.

- Как? Ты уже слышал?

- Само собой. От Гусика.

- В таком случае ты не можешь не понимать, зачем я попросила тебя прийти. Я хотела тебе сказать:

- Да?

- Что я готова:

- Да?

- Сделать тебя счастливым.

Должно быть, с горлом у неё всё-таки было не в порядке, потому что она снова несколько раз судорожно сглотнула.

- Я буду твоей женой, Берти.

Можете не сомневаться, большинство парней на моём месте решили бы, что сопротивление бесполезно, махнули бы на всё рукой и покорились бы неизбежному, но я стиснул зубы и ринулся в бой. Сами понимаете, слишком многое было поставлено на карту, и я счёл бы себя последним тупицей, если б не использовал малейший шанс выбить блажь из головы взбалмошной особы женского пола.

- Очень благородно с твоей стороны, - вежливо сказал я. - Я тронут, признателен, ну, и всё такое. Но хорошо ли ты подумала? Всё ли ты взвесила? Тебе не кажется, ты поступаешь немного жестоко по отношению к бедняге Гусику?

- Как! После того, что произошло сегодня вечером?

- Вот-вот. Об этом я и хотел с тобой поговорить. Лично я в таких случаях, - надеюсь ты со мной согласишься, - считаю необходимым посоветоваться с человеком опытным, разбирающимся что к чему, прежде чем пускаться во всё тяжкие. Ведь не хочешь же ты в самом деле потом заламывать руки, повторяя сквозь слёзы: «О, если б я только знала!» По моему, сначала надо обмозговать ситуацию. Если хочешь знать моё мнение, ты несправедлива к Гусику.

- Несправедлива? Когда я собственными глазами видела, как он:

- Да, но ты посмотри на это дело с другой стороны. Позволь мне объяснить:

- Никаких объяснений нет и быть не может. Хватит, Берти. Я не желаю больше говорить на эту тему. Я раз и навсегда вычеркнула Огастеса из своей жизни. Я смотрела на него сквозь золотистый туман своей любви и считала человеком безупречным. Сегодня же он показал себя тем, кем является на самом деле: настоящим сатиром.

- Вот тут-то ты и ошибаешься. Именно здесь ты допустила промашку. Я как раз хотел тебе сказать:

- Я не желаю больше говорить на эту тему.

- Но:

- Прошу тебя!

- Ох, ну хорошо.

Я сдался. Девиче невозможно вдолбить в черепушку так называемое *tout comprendre, c'est tout pardonner*, если она не желает тебя выслушать.

Она печально опустила свою тыкву, само собой, чтобы спрятать набежавшую слезу, и наступил коротенький перерыв, в течение которого Медлин усердно промокивала глаза дамским платочком, а я сунул нос в горшочек *potpourri*, стоявший на пианино, и вдыхал соответствующие ароматы. Через некоторое время она вновь принялась сотрясать воздух.

- Бесполезно, Берти. Я, конечно, знаю, почему ты за него заступаешься. Ты великодушен и благороден, этого у тебя не отнять. Ты пойдёшь на что угодно, чтобы помочь своему другу, даже если это означает крушение всех твоих надежд. Но что бы ты ни говорил, я не изменю своего решения. С Огастесом покончено раз и навсегда. Теперь он останется лишь в моей памяти, и воспоминания о нём будут тускнеть в течение долгих лет, по мере того, как мы с тобой будем становиться всё ближе и ближе. Ты сможешь мне забыть и забыть. Рядом с тобой я найду в себе силы стряхнуть колдовские чары любви, навеянные Огастесом: и хватит об этом. А сейчас я пойду и расскажу обо всем папочке.

По правде говоря, у меня отвалилась нижняя челюсть. Я всё ещё видел физиономию старикашки Бассета, когда он услышал, что заполучит меня в племянники, и мне казалось, это будет явный перебор, если бедолаге, потрясённому до глубины души чудесным избавлением от опасности в последнюю минуту, вдруг сообщат, что я стану его зятем. Я не был в восторге от папаши Бассета, но мы, Вустеры, всегда славились своим гуманизмом.

- Святые угодники и их тётушка! - воскликнул я. - Не ходи!

- Но, Берти, я должна пойти. Папочке необходимо знать, что я выхожу за тебя замуж. Он считает, ровно через три недели состоится наша свадьба с Огастесом.

Я обдумал ситуацию. Само собой, ход её мысли был мне понятен. Дочка обязана

держат отца в курсе последних событий. Она не может повести себя как ни в чем не бывало и тем самым заставить бедного старика нацепить фрак с цилиндром, а затем притащиться в церковь и узнать, что свадьбы не будет, но его забыли поставить об этом в известность.

- По крайней мере не говори ему ничего сегодня, - как можно убедительнее попросил я.

- Пусть немного опомнится. Бедняга только что испытал сильный шок.

- Шок?

- Да. По правде говоря, он немного не в себе.

Она выпучила глаза, и лицо её приняло озабоченное выражение.

- Значит, я была права. Я недавно встретила его, когда он выходил из библиотеки, и мне сразу показалось, что-то с ним неладно. Он всё время отирал пот со лба и дышал как-то странно, со всхлипом. А когда я спросила, не случилось ли чего-нибудь, он сказал, в этом мире каждый из нас должен нести свой крест, но ему не следует жаловаться, потому что всё могло быть гораздо хуже, чем есть на самом деле. Я так и не поняла, что он имел в виду. А потом он сказал, что собирается забраться в тёплую ванну, принять три таблетки аспирина и лечь спать. Что с ним такое, Берти? Что случилось?

Сами понимаете, вдаваться в объяснения означало запутать и без того запутанную историю, поэтому я открыл ей лишь часть истины.

- Стефи сообщила ему, что собирается выйти замуж за викария.

- Стефани? За викария? За мистера Пинкера?

- Точно. За старину Свинку Пинкера. Твоего папу это выбило из колеи, хуже не придумаешь. Как выяснилось, у него аллергия на викариев.

Она тяжело задыхалась, совсем как пес Бартоломью после того, как сожрал огарок свечи.

- Но: но:

- Да?

- Разве Стефани любит мистера Пинкера?

- Души в нём не чаёт. Двух мнений быть не может.

- Но тогда:

Я сразу понял, что у неё на уме, и продолжил её мысль на лету.

- Тогда между нею и Гусиком ничего нет и быть не может, ты это хотела сказать? Вот именно. Теперь ты мне веришь? А ведь это я и пытался втолковать тебе с самого начала.

- Но он:

- Да, знаю. Тем не менее Гусик чист, как первый снег. Даже чище. Сейчас я тебе всё расскажу, и готов заключить пари сто к восьми, когда я закончу, ты сама скажешь, что несчастного надо не осудить, а пожалеть.

Дайте Бертраму Вустеру возможность блеснуть, рассказав какую-нибудь историю, и он блеснет как чёрт-те что. Я начал своё повествование с ужаса, охватившего Гусика перед необходимостью произнести речь на собственной свадьбе, а затем шаг за шагом описал дальнейшее развитие событий, и, можете не сомневаться, я был в ударе. По крайней мере, к концу последней главы, хотя я видел, что девицу всё ещё гложет червь сомнения, глаза у неё вновь выпучились, и она явно заколебалась.

- Так ты утверждаешь, Стефани спрятала записную книжку в кувшинчик для сливок?

- Вот-вот. Ты уловила самую суть.

- Никогда в жизни не слышала более нелепой истории.

- Нелепой, но правдоподобной, тебе не кажется? Сама понимаешь, тут надо учитывать психологию индивида. Само собой, психология Стефи тебе ни за какие коврижки не нужна,

но тут уж ничего не попишешь. Она такая, и всё тут.

- Признайся, Берти, ты всё это выдумал?

- Ну, что ты! С какой стати?

- Я слишком хорошо знаю твою добрую душу.

- О, понял. Нет, я ничего не выдумал. Могу подписаться, что говорил чистую правду. Ты мне не веришь?

- Поверю, если найду книжку там, где ты говоришь. Пойду, посмотрю.

- Обязательно сходи.

- Естественно, я пойду.

- Умница.

Она умчалась на всех парах, а я уселся за пианино и принялся наигрывать одним пальцем «Вернулись вновь счастливые денёчки», чтобы как-то выразить свои чувства. Я бы выразил их куда лучше, умяв пару варёных яиц, поскольку труды по выбиванию блажи из головы дурной девицы основательно меня обессилили, но, как я уже упоминал, варёных яиц поблизости не имелось.

Честно признаться, я был на седьмом небе, если так можно выразиться. Я чувствовал себя словно какой-нибудь марафонский бегун, который, трудясь как бобр на запруде в течение долгих часов, наконец-то срывает грудью финишную ленту. Моё шикарное настроение омрачала лишь невольной закрававшаяся мысль, что в этом злосчастном доме всё может пойти кувырком в любую секунду. Мне почему-то казалось, Тотли-Тауэр только делает вид, что смирился, а на самом деле готовит очередную пакость.

Хотите верьте, хотите нет, моё предчувствие меня не обмануло. Не прошло и нескольких минут, как Медлин Бассет вернулась, но никакой записной книжки в руках у неё не было, и она с места в карьер заявила, что обыскала корову с головы до ног, но ничего кроме пустоты не обнаружила. По её тону и некоторым замечаниям мне стало ясно как дважды два, что вера девицы в зап. книж. не просто поколеблена, а исчезла навеки.

Не знаю, выплескивали ли вам когда-нибудь ведро холодной воды прямо в физиономию, но однажды в детстве я имел это удовольствие, когда разошёлся во мнениях по одному поводу с нашим грумом. Я полетел вверх тормашками тогда, и у меня возникло такое ощущение, что я лечу вверх тормашками сейчас.

Честно признаться, я ничего не понимал. Как сказал констебль Оутс, любой уважающий себя сыщик, когда в воздухе пахнет жареным, первым делом докапывается до причины преступления, а я никак не мог взять в толк, по какой такой причине Стефи меня надула, заявив, что записная книжка находится в кувшинчике для сливок, если ею там даже не пахло. Глазом не моргнув, девица наврала мне с три короба, но почему, - вот в чём был вопрос, - почему она мне наврала?

Я сделал всё возможное, чтобы исправить положение дел.

- А ты хорошо посмотрела?

- Конечно, хорошо.

- Я имею в виду, ты посмотрела тщательно?

- Самым тщательным образом.

- Ничего не понимаю. Стефи клялась и божилась, что положила книжку в кувшинчик.

- Вот как?

- В каком смысле «вот как»?

- Если тебя интересуется смысл мною сказанного, знай, я считаю, никакой записной

книжки в помине не было.

- Как! Ты намекаешь, я всё придумал?

- Вот именно.

Сами понимаете, говорить больше было не о чем.

Может, я и пробормотал «Да?» или что-то в этом роде, - точно не помню, но затем иссяк, бочком пробрался к двери и вышел из гостиной словно во сне, лихорадочно соображая, как мне быть.

Надеюсь, мне не надо объяснять, что происходит, когда ты словно во сне и одновременно лихорадочно соображаешь, как тебе быть. Мозги в подобных случаях начинают шевелиться вовсю, и ты уже ни на что не обращаешь внимания, даже на фено-как-там-они-называются. Должно быть, я был на полпути к своей комнате, когда до меня вдруг дошло, что в доме разразилась гроза, и я остановился, прислушиваясь к этому самому фено-как-там-дальше.

* * *

То, что я принял за раскаты грома, как выяснилось, было всего лишь гулками ударами, словно кто-то изо всех сил по чему-то колошматил. И я едва успел подумать: «Только колошматчика мне и не хватало», как увидел его своими глазами. Представьте, им оказался не кто иной, как Родерик Споуд, а колошматил он в дверь гусиковой спальни. Когда я подошёл ближе, он в очередной раз попытался прошибить дверь одним ударом. Хотите верьте, хотите нет, данное зрелище самым благотворным образом подействовало на мою вдрызг расшатанную нервную систему. Я мгновенно почувствовал себя другим человеком, и сейчас объясню, в чём тут дело.

Мне кажется, все вы испытывали огромное облегчение, я бы даже сказал удовольствие, если сразу после того, как силы вам неподвластные швыряли вами как мячиком, вы получали возможность безнаказанно сорвать на ком-нибудь то, что накипело у вас на душе. Богатый купец, когда дело у него не выгорело, орёт на старшего клерка. Старший клерк отходит в сторонку и задаёт трёпку мальчишке-посыльному. Мальчишка-посыльный втихаря пинает ногой кошку. Кошка уматывает на улицу и находит котёнка, который в свою очередь, когда выяснение отношений с кошкой закончено, ныряет в подвал и ловит мышь. Со мной произошло то же самое, если вы меня понимаете. Доведённый, можно сказать, до взрывоопасного состояния папашами Бассетами, Медлинами Бассетами, Стефани Бингами, и прочими, и прочими, затравленный безжалостной Судьбой, как олень собаками, я нашел успокоение при мысли о том, что всё ещё могу отчихвостить Споуда как полагается.

- Споуд! - вскричал я.

Он замер с занесённым над дверью кулаком и повернулся ко мне, пылая от гнева, красный как варёный рак. Затем, увидев, кто с ним разговаривает, придурок явно стушевался и пылать перестал.

- Ну, Споуд, в чем дело?

- А, это вы, Вустер. Добрый вечер.

Я продолжал выкладывать то, что накипело у меня на душе.

- Меня не волнует, какой сегодня вечер, - сказал я. - Вечер тут ни при чем. Прах побери, Споуд, это уж слишком. Это уже ни в какие ворота не лезет. Это уже чересчур. Подобный

перебор надо пресекать в корне, причем с применением самых решительных мер.

- Но, Вустер:

- За каким ладаном вы грохочете на весь дом? Что вы этим хотите сказать? Разве я не порекомендовал вам самым тщательным образом проследить за этой вашей дурной склонностью крушить всё подряд словно вы взбесившийся гиппопотам? Мне казалось, после того как я сделал вам замечание, вы должны были бы улечься в тёплую постель и почитать перед сном какую-нибудь полезную книжку. Но вас, как я вижу, ничто не учит. Вы, как я посмотрю, вновь возобновили кипучую деятельность по нападению на моих друзей. Хочу предупредить вас, Споуд, моё терпение не безгранично.

- Но, Вустер, вы не понимаете:

- Чего я не понимаю?

- Вы представить себе не можете, как меня спровоцировал этот пучеглазый тритон. - На его физиономии появилось сладострастное выражение. - Сейчас я сверну ему шею.

- Вы не свернёте ему шею.

- Ну, вытряхну из него всю душу.

- И не вытряхнете из него всю душу.

- Но он говорит, я чванливый осел.

- Это когда он сказал?

- Ну, не совсем сказал. Написал. Взгляните сами. Вот здесь.

И на моих глазах, полезших на лоб, он достал из кармана маленькую записную книжку в коричневом кожаном переплётё.

Походя возвращаясь к тому деятелю, о котором рассказывал мне Дживз, я имею в виду Архимеда, должен признаться, его история оказала на меня глубочайшее впечатление, и картина происшедшего буквально стояла перед моими глазами. Я видел, как он осторожно пробует ногой, не горяча ли вода: заступает в ванну: погружает туловище. Я был с ним душой, когда он с наслаждением тёр себя мочалкой: медленно намыливал голову. Я слышал, как радостная песня льётся из его уст. И вот, внезапно, взяв высокую ноту, он замолкает, и наступает мёртвая тишина. Сквозь водяные пары видно, как глаза у него загораются странным светом. Мочалка падает из его рук, но он этого даже не замечает. А затем восторженный крик: «Есть! Вот оно! Закон Архимеда!» И он выпрыгивает из ванной, чувствуя себя так, словно нашёл на дороге миллион долларов.

Можете не сомневаться, при чудесном появлении записной книжки со мной произошло в точности то же самое, что с Архимедом. Несколько мгновений мёртвой тишины: радостный крик: Уверен, когда я требовательно протянул руку, глаза мои горели странным светом.

- Дайте сюда, Споуд!

- Да, конечно, мне самому хотелось, чтобы вы её почитали. Быть может тогда вы меня поймёте, Вустер. Эта книжка, - продолжал он - попала ко мне в руки самым удивительным образом. Я вдруг подумал, сэр Уаткин будет спать куда спокойнее, если я лично присмотрю за его кувшинчиком для сливок, - тут нахал бросил на меня испуганный взгляд и торопливо добавил. - Последнее время по соседству участились грабежи, а балконные двери крайне ненадёжны. Ну вот, э-э-э, я зашел в комнату, где хранится коллекция, достал кувшинчик из футляра и к своему изумлению вдруг услышал, как там что-то перекачивается. Заглянув внутрь, я обнаружил эту записную книжку. Взгляните, - он ткнул в меня пальцем размером с банан, - вот что здесь написано о том, как я ем спаржу.

Должно быть, придурок решил, сейчас мы вместе с ним начнём с жадностью читать страницу за страницей. Когда он увидел, как я сунул книжку в карман, маленькие глазки на его циферблате выразили явное разочарование.

- Вы хотите оставить книжку у себя, Вустер?

- Вот именно.

- Но я думал показать её сэру Уаткину. О нём там тоже много чего написано.

- Мы не станем понапрасну огорчать сэра Уаткина, Споуд.

- Возможно, вы правы. Тогда я займусь дверью. Ведь сейчас вы не станете возражать, если я её высажу?

- Ещё как стану, - сурово произнёс я. - Единственное, что вы сейчас сделаете, это умоете отсюда как можно скорее.

- Умотаю?

- Умotaете. Вы свободны, Споуд. Я желаю остаться в одиночестве.

Подождав, пока он исчезнет за поворотом коридора, я решительно постучал в дверь.

- Гусик!

Нет ответа.

- Гусик, выходи.

- Нашёл дурака. Будьте все вы прокляты.

- Выходи, старый осел. Это я, Вустер.

Но мои уверения не дали никаких результатов.

Позднее Гусик объяснил мне, он был уверен, это Споуд решил его обхитрить и подделал мой голос. В конце концов мне удалось убедить бедолагу, что с ним говорит старый добрый друг, после чего послышались звуки отодвигаемой мебели, дверь приоткрылась, и в щёлку осторожно пролезла гусикова голова, напомнив мне улитку, которая высунулась проверить, не закончилась ли гроза.

Последующую сцену я описывать не стану, поскольку вы наверняка не раз видели нечто подобное на серебряном экране, когда американские пехотинцы в последнюю секунду приходили на помощь осаждённому гарнизону. Подводя итоги, лишь замечу, что Гусик на меня накинулся, находясь под впечатлением, что я проиграл решительную схватку с Родериком Споудом, а так как у меня не было ни сил, ни охоты его переубедить, я просто сунул записную книжку ему в руки, отправил его объясняться к Медлин Бассет и ушёл к себе.

Дживз торчал у меня в комнате, исполняя какие-то свои обязанности. По правде говоря, при первом удобном случае я намеревался строжайшим образом отчитать строптивного малого за то, что он подверг меня пытке, заставив объясняться со старикашкой Бассетом. Тем не менее я подарил ему не ледяной взгляд, а сердечную улыбку. В конце концов план Дживза сработал в лучшем виде, да и в любом случае сейчас было не время для выяснения отношений. Веллингтон не закатывал скандалов своим подчинённым после битвы при Ватерлоо. Он хлопал их по плечам и подносил им рюмку за рюмкой.

- Вот ты где, Дживз?

- Да, сэр.

- Можешь складывать чемоданы.

- Сэр?

- Мы отчаливаем. Завтра.

- Вы больше не намерены, сэр, продлевать своего пребывания в Тотли-Гауэре?

Я рассмеялся, как полагалось в данном случае: небрежно и весело.

- Не задавай мне дурацких вопросов, Дживз. Как думаешь, существует на свете парень, который захочет продлить своё пребывание в Тотли-Тауэре без крайней на то необходимости? У меня, слава всевышнему, подобная необходимость отпала. Дело сделано. С завтрашнего дня ноги моей здесь не будет. Собирай мои вещи как можно тщательнее, чтобы не задержаться здесь несколько лишних минут. Тебе ведь не долго укладываться?

- Нет, сэр. У вас всего два чемодана.

Он достал их из-под кровати и, открыв тот, что побольше, принялся усердно набивать его фраками, пиджаками и всем прочим, в то время как я, удобно развалившись в кресле, начал посвящать его в курс последних событий.

- Ну, Дживз, твой план сработал на все сто.

- Приятная новость, сэр.

- Замнём для ясности, что разговор со старикашкой Бассетом будет преследовать меня в кошмарных снах всю мою жизнь. Забудем, что именно ты втравил меня в эту передрыгу. Не будем поминать старое, потому что всё прошло без сучка и без задоринки. Благословение выскочило из дядюшки как пробка из бутылки шампанского, и Стефи со Свинкой теперь уже ничто не помешает отправиться напрямиком к алтарю.

- Замечательно, сэр. Значит, сэр Уаткин отреагировал так, как мы предполагали?

- Более того, Дживз. Ты когда-нибудь видел баркас в бушующем море?

- Нет, сэр. Мой отдых на курортах всегда сопровождала безветренная погода.

- Можешь мне поверить, старикан как две капли воды был похож на баркас в бушующем море, когда я сообщил ему, что стану его племянником, женившись на Стефи. Глядя на него, я невольно вспомнил историю кораблекрушения «Nesperus». Помнишь? Корабль ушёл зимой в море, и шкипер взял с собой дочурку, чтобы коротать дни.

- Да, сэр. Глаза голубые небес голубей, и щеки поспорят с зарей, а груди подснежников белых белей, цветущих весенней порой.

- Вот именно. Я и говорю, папаша Бассет дал трещину по швам и пошёл ко дну, не в силах оправиться от страшного удара. А когда появилась Стефи и сообщила ему, что произошла ошибка, так как *promesso sposo* на самом деле является старина Свинка, его радости не было границ. Он мгновенно дал разрешение на брак. Так торопился согласиться, пока она не передумала, что слова проглатывал. Впрочем, к чему я тебе это рассказываю? Только время теряю. Мелочь, на которую не стоит обращать внимания. Главная новость впереди, Дживз. Слушай сенсационное сообщение, которое потрясет *chancelleries*. Я добыл записную книжку Гусика.

- Вот как, сэр?

- Да, Дживз. Я обнаружил её у Споуда, отобрал, и сейчас Гусик трясёт ею перед Медлин Бассет, восстанавливая своё доброе имя. Не удивлюсь, если в эту самую минуту они заключили друг друга в объятия.

- Исход, о котором можно только мечтать, сэр.

- В самую точку, Дживз.

- Значит, вам больше не о чем беспокоиться, сэр.

- Абсолютно не о чем. Ты даже представить себе не можешь, как легко мне дышится. У меня словно гора с плеч свалилась. Не сомневайся ни на минуту, как только Гусик покажет ей свою писанину, дело будет в шляпе, и ничто уже не помешает двум придуркам пожениться.

- Безусловно, сэр.

- Послушай, Берти, - сказал Гусик, неожиданно просачиваясь в комнату и напоминая своим видом выдавленный соковыжималкой лимон, - всё пропало. Свадьба отменяется.

Хотите верьте, хотите нет, я покачнулся и отёр чело дрожащей рукой.

- Отменяется?

- Да.

- Твоя свадьба?

- Да.

- Твоя свадьба отменяется?

- Да.

- Отменяется?!

- Да.

Не знаю, как на моём месте поступила бы Мона Лиза, но мне кажется, она не задумываясь последовала бы моему примеру.

- Дживз, - прохрипел я, - бренди!

- Слушаюсь, сэр.

Услужливый малый мгновенно исчез, чтобы как можно скорее оказать помощь своему господину, а я посмотрел на Гусика, который слонялся по комнате сам не свой, и, казалось, вот-вот либо вообразит себя Цезарем, либо закричит петухом.

- Нет, мне этого не пережить, - услышал я невнятное бормотание. - Жизнь без Медлин не имеет смысла.

Само собой, заявление удивительное, дальше некуда, но о вкусах не спорят. То, что одному кажется мёдом, для другого - отравка, и *vice versa*. Даже моя тётя Агата, насколько я помню, в своё время была весьма равнодушна к покойному Спенсеру Грегсону. Продолжая слоняться по комнате, Гусик наткнулся на кровать и остановился, уставившись на связанную узлами простыню.

- Должно быть, - произнёс он утробным голосом, - на ней можно повеситься.

Сами понимаете, подобные выходы необходимо пресекать в корне. Честно признаться, я уже более или менее привык, что из моей спальни сделали нечто похожее на зал заседаний, но я не собирался терпеть, будь оно всё неладно, чтобы она превратилась в помещение, которое помечается буквой «X». Всему есть предел, знаете ли.

- Здесь ты не повесишься.

- Какая разница, где вешаться?

- Вешайся где угодно, только не в моей спальне.

Он поднял брови.

- Ты не возражаешь, если я посижу в твоём кресле?

- Сиди сколько влезет.

Он уселся и тупо уставился прямо перед собой.

- Послушай, Гусик, - сказал я. - Давай поговорим. Что за чушь ты тут порол? В каком смысле свадьба отменяется?

- В прямом.

- Разве ты не показал Медлин записную книжку?

- Показал. Она её видела.

- И прочла?

- Да.

- И tout pardonner?

- Да.

- Тогда ты всё перепутал. Свадьба не может не состояться.

- Говорю тебе, свадьба отменяется. Может, ты думаешь, я не знаю, должна состояться моя собственная свадьба или не должна? Сэр Уаткин запретил Медлин выходить за меня замуж.

По правде говоря, такого поворота событий я не предвидел.

- Почему? Вы поругались?

- Да. Из-за тритонов. Ему не понравилось, что я запустил их в ванну.

- Ты запустил тритонов в ванну?

- Да.

Подобно адвокату, который кропотливо докапывается до истины, ведя перекрёстный допрос, я принялся выуживать из Гусика, что произошло на самом деле.

- Зачем?

Губы у него задрожали, словно он наконец-то собрался закричать петухом.

- Я разбил аквариум. Аквариум, который стоял у меня в спальне. Аквариум, где я держу тритонов. Я разбил аквариум, который стоял у меня в спальне, и мне некуда было деть тритонов. Только в ванну. Ванна большая. Тритонам необходимо пространство. Я запустил их в ванну. Ведь я разбил аквариум. Аквариум, который стоял у меня в спальне. Аквариум, где я держу:

Ежу было ясно, если его не остановить, сам он уже никогда не остановится, поэтому я провёл отвлекающий маневр, уронив китайскую вазу с каминной полки.

- Твоя мысль мне ясна, - сказал я, ногой подпихивая черепки поближе к камину. - Продолжай. Какое отношение имеет папаша Бассет к твоим тритонам?

- Он пошёл принять ванну. Мне в голову не пришло, что в столь поздний час кому-то может понадобиться ванна. Я сидел в гостиной, когда он ворвался туда с криком: «Медлин, этот урод, Финк-Ноттль, напустил мне полную ванну жаб!» Боюсь, я тоже не сдержался, потому что закричал в ответ: «О, боже! Не смейте трогать моих тритонов, старый дурак! Я провожу важнейший эксперимент!»

- Понятно. И?:

- Я попытался объяснить ему, что намерен определить, как полная луна влияет на любовную жизнь тритонов в брачный период. Лицо у него странно изменилось, он задрожал мелкой дрожью, а затем сообщил мне, что выдернул из ванной пробку и спустил всех моих тритонов в канализацию.

Мне показалось, в этот момент Гусик собрался броситься на мою кровать и отвернуться лицом к стене, но я быстро его отвлек. Я был намерен строго придерживаться гес.

- Ну, а дальше?

- Я выдал ему всё, что о нём думал. Я обозвал его всеми нехорошими словами, какие знал, и теми, о которых даже не подозревал, что знаю. Должно быть, до поры до времени они хранились в моём подсознании. Сначала я чувствовал некоторую неловкость, потому что рядом со мной сидела Медлин, но он довольно быстро отправил её спать, и тогда я смог развернуться по-настоящему. А когда я умолк, чтобы перевести дыхание, он заявил, что запрещает Медлин выходить за меня замуж, и свадьба отменяется. Мне стало так нехорошо, что я вызвал Баттерфилда и велел ему принести мне стакан апельсинового сока.

- Апельсинового сока?

- Мне нужно было встряхнуться.

- С помощью апельсинового сока? В такую-то минуту?

- Я чувствовал, он мне поможет.

Я пожал плечами.

- Тебе лучше знать.

Само собой, ещё одно доказательство моей правоты, ведь я всегда утверждал, в семье не без урода.

- Честно признаться, я и сейчас не отказался бы выпить.

- Бутылка с соком у твоего локтя.

- Спасибо: Ах! То, что надо.

- Пей, не стесняйся.

- Нет, спасибо. Я знаю, когда мне хватит. Такие вот дела, Берти. Он отменил свадьбу, и теперь я лихорадочно думаю, как бы его умиротворить. Понимаешь, я не только его обозвал:

- А как ты его обозвал?

- Ну, гнидой, если мне не изменяет память. И ещё псом. Да, точно, я назвал его шелудивым псом. Но он бы меня простил, как пить дать, простил, если б я не начал издеваться над его кувшинчиком для сливок.

- О, боже!

Восклицание вырвалось у меня невольно, потому что внезапно мне в голову пришла гениальная мысль. Уже в течение нескольких минут я использовал мощный вустерский интеллект для решения гусиковой проблемы, а когда Вустеры пускают в ход свой интеллект, они щёлкают самые сложные проблемы как орешки. Вот и сейчас при упоминании о кувшинчике для сливок мои мозги встрепенулись, подобно гончей, унюхавшей след, и понеслись вперёд за добычей.

- Да. Зная, как он ценит своё приобретение, и желая уколоть побольнее, я заявил, что это - современное датское серебро. Ещё из вчерашних разговоров мне стало ясно, что ничего оскорбительнее в адрес кувшинчика я сказать не мог. «Тоже мне знаток! - вскричал я. - Это такой же восемнадцатый век, как я китайский император. Грубый датский новодел!» Он посинел, потом позеленел и проорал нечто вроде того, что свадьба состоится только через его труп.

- Послушай, Гусик, - небрежно сказал я. - Зря ты так убиваешься. Я знаю, как тебе выкрутиться.

Лицо его озарилось, а на губах заиграла счастливая улыбка. Совершенно очевидно, гусиков оптимизм поднял голову и задрыгал ногами от радости. Данный Финк-Ноттль вообще был по натуре оптимистом. Тот, кто слышал его речь перед учениками классической средней школы в Маркет Снодсбери, помнит, что он долго уговаривал шалопаев весело идти по жизни и никогда не становиться пессимистами.

- Да, я нашёл решение проблемы. Ты запросто поправишь свои дела, если умыкнёшь кувшинчик для сливок.

Губы у него приоткрылись, и я решил, придурок сейчас спросит «а?» или «что?», но я ошибся. Молчание и несколько пузырей - видимо, на большее он был не способен.

- Умыкание кувшинчика - твой первый и решительный шаг. Далее поставишь старикана в известность, что ему не видать кувшинчика как своих ушей, если он не согласится на твои условия. Уверяю тебя, папаша Бассет под чем угодно подпишется, лишь бы вернуть себе эту мерзопакостную корову. Ты ведь знаешь коллекционеров. Психи, все до единого. К примеру,

мой дядя Том помешался на той же самой корове и мечтает о ней так страстно, что готов выменять её на своего неподражаемого повара Анатоля.

- Того, кто готовил в Бринкли, когда я там гостил?

- Того самого.

- Того, кто кормил нас *nonnettes de poulet Agnes Sorel*?

- Того, и никого другого.

- Послушай, ты не шутишь? Твой дядя считает, корова лучше Анатоля?

- Не веришь мне, спроси у тётки Делии.

- Тогда ты прав. Твой план поможет мне решить все вопросы, если, конечно, сэр Уаткин ценит свою безделушку так же, как твой дядя.

- Куда больше. Дживз тебе подтвердит, - сказал я, обращаясь за поддержкой к толковому малому, который появился неведомо откуда с бокалом бренди на подносе. - Сэр Уаткин Бассет отменил свадьбу, и я только что посоветовал Гусику стащить кувшинчик для сливок и не отдавать его до тех пор, пока папаша не утихомирится. Как думаешь, Дживз? Сработает?

- Безусловно, сэр. Если вышеуказанный *objet d'art* окажется в распоряжении мистера Финк-Ноттля, мистер Финк-Ноттль сможет диктовать любые условия. Остроумный план, сэр.

- Спасибо, Дживз. Да, план недурён, в особенности если учесть, что мне пришлось составлять его на ходу и прорабатывать стратегию, сам понимаешь, с лёту. Если б я был на твоём месте, Гусик, я не стал бы медлить.

- Прошу прощенья, сэр.

- Ты, кажется, что-то сказал, Дживз?

- Да, сэр. Я лишь хотел поставить вас в известность, что прежде чем мистер Финк-Ноттль начнёт действовать, ему необходимо будет преодолеть определённое препятствие.

- О чем ты, Дживз?

- Блюдя свои интересы, сэр Уаткин поставил констебля Оутса на стражу в той комнате, где находится коллекция.

- Что?!

- Да, сэр.

Лицо Гусика, до сих пор озарённое, мгновенно погасло, и он издал горлом звук, напомнивший мне шипение закончившейся граммофонной пластинки.

- Однако, сэр, прибегнув к небольшой хитрости, устранить мешающий нам фактор не составит труда. Вы ещё не забыли, сэр, случай в Чафнел-холле, когда сэр Родерик Глоссоп оказался запертым в сарае, и все ваши усилия его освободить ни к чему не привели, так как у дверей сарая стоял на страже констебль Добсон?

- Прекрасно помню, Дживз.

- Я тогда осмелился предположить, констебля Добсона можно заставить покинуть свой пост, сообщив ему, что горничная Мэри, с которой он был обручён, желает с ним переговорить и ждёт его в кустах малины. Вы привели мой план в исполнение, сэр, и он оказался весьма удачным.

- Твоя правда, Дживз. Но, - я с сомнением покачал головой, - в данной ситуации проверить что-либо подобное нам вряд ли удастся. Если помнишь, констебль Добсон был пылким романтичным юношей, который при одном упоминании о девицах готов был лезть за ними в любые кусты. Юстас Оутс - совсем другое дело. В нём нет огонька, если ты меня понимаешь. К тому же он намного старше Добсона, наверняка женат, имеет кучу детей, и,

чем лазать по кустам, куда с большим удовольствием посидит дома за чашечкой чая.

- Да, сэр. Вы абсолютно правы. Констебль Оутс не обладает жгучим темпераментом. Но я говорю о принципе, который можно применить в том случае, когда возникает острая необходимость. Надо лишь подобрать приманку, наиболее соответствующую психологии конкретного индивида. Я бы посоветовал мистеру Финк-Ноттлю, простите меня за вольность, сообщить констеблю Оутсу, что он видел его шлем у вас в комнате.

- Ну, ты даёшь, Дживз!

- Да, сэр.

- Твоя мысль мне ясна. Здорово придумал. Наверняка сработает.

Гусик смотрел на нас остекленевшим взглядом, и я поторопился объяснить ему, что к чему.

- Ранним вечером, Гусик, чья-то ловкая рука лишила жандарма его прикрышки и оставила с носом. Дживз говорит, если ты сообщишь Оутсу, что видел его кастрюлю в моей комнате, он помчится сюда со всех ног, оставив коллекцию без присмотра. В результате поле боя останется за тобой, и ты получишь полную свободу действий. Я правильно тебя понял, Дживз?

- Вне всяких сомнений, сэр.

Физиономия Гусика вновь потихоньку начала озаряться.

- Ясно. Это называется манёвром.

- Вот именно. Я бы даже сказал, манёвром что надо. Молодец, Дживз.

- Спасибо, сэр.

- Всё будет в порядке, Гусик. Сообщишь, что шлем у меня, подождёшь, пока Оутс умоляет, вытащишь из стеклянного футляра корову и быстренько её прикарманишь. Проще простого. Ребёнок, и тот справился бы. Я жалею лишь о том, Дживз, что теперь тётя Делия лишается малейшего шанса заполучить эту серебряную тварь. К несчастью, на неё слишком большой спрос.

- Да, сэр. Но, возможно, миссис Траверс поймёт, что нужда мистера Финк-Ноттля сильнее её нужды, и философски отнесётся к утрате.

- Может, и отнесётся. А может, нет. Тем не менее, когда происходит столкновение интересов, если так можно выразиться, кому-то всегда достаётся короткая соломинка.

- Очень тонко подмечено, сэр.

- Нельзя раздавать счастливые концы направо и налево, я имею в виду, по счастливому концу на нос.

- Нет, сэр.

- Самое главное - устроить дела Гусика. Проваливай, Гусик. Одна нога здесь, другая там, и да поможет тебе бог.

Я закурил сигарету.

- Складно у тебя получилось, Дживз. Прекрасная мысль. Хотел бы я знать, как она пришла тебе в голову?

- Видите ли, сэр, мне подал её не кто другой, как констебль Оутс, когда мы недавно с ним беседовали. Из некоторых его замечаний я сделал вывод, что он на самом деле подозревает в краже шлема именно вас.

- Меня?! С какой стати? Я едва с ним знаком. Мне казалось, он считает виновницей Стефи.

- Вначале так оно и было, сэр. Мистер Оутс и сейчас продолжает считать мисс Бинг

организатором преступления, но он убеждён, у неё имелся сообщник, который выполнил чёрную работу. Насколько я понял, сэр Уаткин придерживается того же мнения.

Внезапно я вспомнил начало нашего разговора с папашей Бассетом в библиотеке, и наконец-то до меня дошло, к чему он клонил. То, что я принял за пустую болтовню, можно сказать, сплетни, оказывается, имело зловещий смысл. Мне казалось, мы просто обмениваемся новостями, как два приятеля, а он всё это время пытался меня подловить и засадить в кутузку.

- Но с чего Оутс вдруг решил, что сообщник именно я?

- Насколько я понял, сэр, констебль был поражён сердечными отношениями между вами и мисс Бинг, когда сегодня утром встретил вас на дороге; он укрепился в своих подозрениях, когда нашёл на месте преступления перчатку.

- При чём тут перчатка?

- Констебль предположил, вы без памяти влюблены в мисс Бинг, сэр, и поэтому носите её перчатку у сердца.

- Если б я носил её у сердца, как я мог бы её выронить?

- Он убеждён, вы достали перчатку, чтобы запечатлеть на ней свой поцелуй.

- Да ну, Дживз, брось. Разве я сумасшедший? Неужто я стал бы целовать перчатки в ту минуту, когда умыкаю шлем?

- По всей видимости, мистер Пинкер поступил именно так, сэр.

Я только начал объяснять бестолковому малому, что между поступками старины Свинки и любого нормального человека, у которого мозгов на две унции больше, чем у часов с кукушкой, существует большая разница, как мои объяснения были прерваны неожиданным возвращением блудного Гусика. По его кислой физиономии мне сразу стало ясно, что хорошими новостями он не богат.

- Дживз оказался прав, Берти, - сообщил мне придурок. - Он словно насквозь Оутса видел.

- Твоя информация его расшевелила?

- Никогда в жизни не видел более взволнованного полисмена. Он забыл обо всём на свете и чуть было не бросился в твою комнату сломя голову.

- Что же его остановило?

- В последнюю секунду Оутс вспомнил, что сэр Уаткин строго-настрога велел ему не покидать поста ни при каких обстоятельствах.

По правде говоря, психология Оутса была мне ясна, как день. Капитан тоже стоит на горящей палубе и, стиснув зубы, смотрит, как все остальные улепетывают с корабля.

- Значит, теперь ему придётся уведомить папашу Бассета о том, что случилось, и испросить у него разрешения уйти со стражи?

- Да. Думаю, Оутс появится у тебя с минуты на минуту.

- Тогда твоё место не здесь, а в холле. Затаись и жди.

- Уже бегу. Я зашёл доложить, как обстоят дела.

- Приготовься умыкнуть корову, как только Оутс смоеся.

- Не беспокойся. Осечки не будет. Здорово ты придумал, Дживз.

- Благодарю вас, сэр.

- Даже странно, как легко я себя чувствую, зная, что через несколько минут всем моим неприятностям придёт конец, - сказал Гусик. - Жаль только, задумчиво добавил он, - что я отдал старикану свою записную книжку.

Он сказал это небрежно, как бы между прочим, так что сначала я даже пропустил его слова мимо ушей, но затем прямо-таки опешил и чуть язык не проглотил от изумления. Моя нервная система испытала шок, хуже не бывает. Хотите верьте, хотите нет, я почувствовал себя так, словно уселся на стул, а он ни с того ни с сего оказался электрическим.

- Ты отдал ему записную книжку?!

- Да. В самом конце разговора. Я подумал, быть может, там есть прозвища, которыми я забыл его обозвать.

Чтобы не упасть, я оперся дрожащей рукой о каминную полку.

- Дживз!

- Сэр?

- Бренди!

- Слушаюсь, сэр.

- И прекрати подавать его крошечными порциями, словно это радий. Принеси бочку.

Гусик недоумённо на меня посмотрел.

- Что-нибудь случилось, Берти?

- Случилось? - Я рассмеялся замогильным см. - Ха! Считай, тебе крышка.

- В каком смысле «крышка»? Почему?

- Ты что, не понимаешь, что ты натворил, глупая твоя голова? Можешь больше не умыкать никаких коров. Это бессмысленно. Если только папаша Бассет ознакомился с содержанием твоей книжки, он больше в твою сторону не посмотрит, хоть ты из кожи вон вылез.

- Но почему?

- Разве ты не видел, как отреагировал на твою писанину Споуд? Вряд ли сэр Уаткин с большим удовольствием, чем Споуд, прочтёт о себе святую правду.

- Он уже слышал о себе святую правду. Я ведь тебе рассказывал, как его отделал.

- Верно, но это могло сойти тебе с рук. Пожалуйста, не обращайтесь внимания: я погорячился: с кем не бывает: сам не знаю, как у меня вырвалось, ну, и всё такое. То, что ты день за днём марал в записной книжке, будучи в здравом уме и трезвой памяти - совсем другое дело.

Наконец-то его проняло. Лицо у придурка вновь вытянулось и позеленело, а рот приоткрылся совсем как у золотой рыбки, вознамерившейся полакомиться муравьиным яйцом, которое её приятельница вдруг стащила у неё прямо из-под носа.

- Господи помилуй!

- Вот именно.

- Но что же мне делать?

- Понятия не имею.

- Думай, Берти, думай!

Я напряг свои мозги и, само собой, был вознаграждён. Удачная мысль посетила меня буквально через несколько секунд.

- Мне надо в точности знать, что произошло после вашей вульгарной стычки, - сказал я. - Постарайся вспомнить, как было дело. Ты протянул ему записную книжку. Он тут же углубился в чтение?

- Нет. Сунул её в карман.

- А как тебе показалось, он всё ещё собирался принять ванну?

- Да.

- Тогда ответь мне, в какой карман? Я имею в виду, что на нём было надето?

- Халат.

- Поверх - напрягись, как никогда, Финк-Ноттль, потому что от твоего ответа зависит твоя судьба - рубашки, брюк и всего прочего?

- Да, брюки на нём были. Я точно помню.

- В таком случае не всё потеряно. Расставшись с тобой, он наверняка отправился к себе в комнату, чтобы скинуть свои одеяния. Говоришь, он был взбешён до потери пульса?

- Примерно так.

- Прекрасно. Я знаю человеческую природу, Гусик, и смею тебя уверить, человек, взбешённый до потери пульса, не станет шарить по карманам, чтобы отыскать записную книжку и заняться её изучением. Он наверняка швырнёт свою одежду как попало и затопает в *salle de bain*. Нет сомнений, книжка всё ещё лежит в кармане его халата, брошенного на спинку кровати или кресла, так что тебе надо лишь тайком проникнуть к старикашке в спальню и незаметно конфисковать у него своё произведение.

Мне казалось, предложенный мною сверхчёткий план действий заслуживает бури аплодисментов и долгих слов благодарности. По меньшей мере я ожидал, Гусик завопит от радости и, естественно в переносном смысле, бросится мне на шею. Но придурок лишь с сомнением на меня посмотрел и нерешительно переступил с ноги на ногу.

- Проникнуть к нему в спальню?

- Да.

- Прах побери!

- В чём дело?

- А ты уверен, что ничего другого нельзя придумать?

- Конечно, уверен.

- Понятно: Послушай, Берти, а ты не мог бы пойти вместо меня?

- Нет, не мог бы.

- Куча моих знакомых меня подменили бы, чтобы выручить из беды старого школьного друга.

- Куча твоих знакомых - недоумки.

- Разве ты забыл золотые дни, которые мы провели в доброй старой школе?

- Начисто.

- Но ты ведь помнишь, как я поделился с тобой моей последней плиткой молочного шоколада?

- Нет.

- Тем не менее, я ею поделился, и ты сказал, если у тебя когда-нибудь появится возможность что-нибудь для меня сделать: Однако, если долг - заметь, для многих святой долг, - для тебя пустой звук, говорить тут не о чем.

Он вновь переступил с ноги на ногу, явно изображая из себя того самого бедного кота из древней поговорки, затем, вытащив из недр фрака кабинетную фотографию Медлин Бассет, пылливо на неё уставился. Видимо, она подействовала на него лучше виски и даже сильнее апельсинового сока. Глаза его засверкали. С лица исчезло тупое рыбаье выражение. Он гордо вышел из комнаты и тут же вернулся, с силой захлопнув за собой дверь.

- Послушай, Берти, там Споуд!

- Что с того?

- Он чуть было меня не сцапал.

Я нахмурился. Можете мне поверить, я человек терпеливый, но меня тоже можно довести. Казалось невероятным, что после всех моих самых серьезных последних предупреждений Споуд всё ещё махал кулаками. Я подошёл к двери и распахнул её настежь.

И точно, Споуд торчал в коридоре, как памятник охотнику в засаде. Когда наглец меня увидел, спеси у него поубавилось. Он сник и отвёл глаза. Можете мне поверить, я обратился к нему сурово и холодно.

- Что вам угодно, Споуд?

- Нет, нет, ничего, не беспокойтесь.

- Вперёд, Гусик.

Я подождал, пока жалкий трус, обогнув гориллу в человеческом облике, не скрылся из виду, затем повернулся к Споуду.

- Споуд, - произнёс я ледяным тоном, - говорил я вам или не говорил, чтобы вы оставили Гусика в покое?

Он умоляюще на меня посмотрел.

- Послушайте, Вустер, может, вы мне позволите хоть что-нибудь с ним сделать? Пойдите мне навстречу, отвернитесь на минутку, когда я прошибу им стену.

- Даже не надейтесь.

- Да-да, конечно, как скажете. - Он рассеянно поскрёб щёку. - Вы прочли его записную книжку, Вустер?

- Нет.

- Он пишет, мои усы похожи на грязный след от раздавленной в раковине мухи.

- Гусик всегда был поэтом по натуре.

- Он пишет, когда я ем спаржу, начинаешь сомневаться, что человек - венец творения.

- Да, это я от него слышал. Кстати, он абсолютно прав. В будущем вам бы следовало аккуратно закладывать данный овощ в свою мясорубку, а не лязгать на него зубами, словно вы акула.

- Ха-ха! Слово акула. Остроумно, Вустер. Хорошо сказано.

Он всё ещё хихикал, правда, весьма неубедительно, когда рядом со мной появился Дживз с графином на подносе.

- Бренди, сэр.

- Наконец-то, Дживз!

- Я во второй раз вынужден принести свои извинения, сэр. Меня вновь задержал констебль Оутс.

- Ты опять с ним болтал?

- Не столько болтал, сэр, сколько помогал остановить кровь.

- Кровь?

- Да, сэр. С констеблем произошёл несчастный случай.

Моё плохое настроение испарилось как дым, и, если можно так выразиться, душа моя возликовала. Хотя пребывание в Тотли-Тауэре сделало меня толстокожим, начисто лишив эмоций, я не мог не испытать чувства глубокой благодарности к Судьбе, решившей наказать Оутса за все его прегрешения. По правде говоря, я порадовался бы больше только в том случае, если б мне сообщили, что старикашка Бассет поскользнулся на куске мыла и полетел в ванной вверх тормашками.

- А что случилось?

- На него было совершено нападение, сэр, в тот момент, когда он пытался схватить

мародёра, укравшего кувшинчик для сливок.

Споуд подпрыгнул, словно ему всадили заряд дроби в одно место.

- Кувшинчик для сливок украден?

- Да, сэр.

Видимо, последние известия окончательно выбили Родерика Споуда из колеи. Если помните, он с самого начала жутко беспокоился за эту корову и пёкся о ней, как о родной дочери. Не дожидаясь продолжения истории, он умчался на галопе, а я увлёл Дживза за собой в комнату, горя нетерпением узнать подробности.

- Ну, Дживз, выкладывай.

- Видите ли, сэр, констебль находился не в том состоянии, чтобы внятно ответить на мои вопросы, но, насколько я понял, ему не сиделось на месте, и он сильно нервничал:

- Должно быть потому, что никак не мог испросить у старикашки Бассета, который, как мы знаем, плескался в ванной, разрешения покинуть свой пост и ринуться меня арестовывать.

- Вне всяких сомнений, сэр. Будучи в нервном состоянии, он испытал сильнейшее желание закурить трубку. Однако, понимая, что его могут справедливо упрекнуть за курение при исполнении служебных обязанностей, - а это могло произойти, если бы он закурил в закрытом помещении, где запах табачного дыма долго не выветривается, - он решил не рисковать и

вышел в сад.

- Черепушка у него варит.

- Балконные двери он оставил открытыми. Прошло некоторое время, и его внимание привлекли звуки, доносившиеся изнутри.

- Какие звуки?

- Крадущихся шагов, сэр.

- Ты имеешь в виду, шаги были крадущимися?

- Именно так, сэр. Затем послышался звон разбитого стекла. Констебль Оутс тут же вернулся в комнату, которая, естественно, не была освещена.

- Почему?

- Потому что он выключил свет, сэр.

Я кивнул. Мне сразу стало ясно, зачем он так поступил.

- Сэр Уаткин приказал констеблю стоять на часах в полной темноте, дабы у грабителя сложилось впечатление, что в комнате никого нет.

Я снова кивнул. Грязная уловка, которая могла прийти на ум разве что бывшему мировому судье.

- Констебль поспешно подошёл к стеклянному футляру, где хранился кувшинчик для сливок, и зажёл спичку. И хотя спичка почти сразу погасла, он успел убедиться, что objet d'art исчез. Пребывая в некоторой растерянности, констебль не знал, что предпринять, когда внезапно услышал лёгкий шум, и, повернув голову, увидел в балконных дверях фигуру. Он бросился её преследовать и почти догнал, намереваясь произвести арест, когда выскочившая из темноты туманная фигура:

- Та же самая туманная фигура?

- Нет, сэр. Другая.

- Сегодня ночью туманных фигур хоть отбавляй.

- Да, сэр.

- В дальнейшем называй их Пат и Майк, Дживз, а то мы с тобой окончательно запутаемся.

- Быть может, следует обозначить их «А» и «Б», сэр?

- Если тебе так больше нравится, пусть будет А и Б. Скажем, Оутс гнался за туманной фигурой А, когда туманная фигура Б выскочила из темноты и?:

- :стукнула его по носу, сэр.

Я не удержался от восклиц. Несчастный случай с констеблем Оутсом больше не был для меня загадкой.

- Старина Свинка!

- Да, сэр. Видимо, мисс Бинг неумышленно забыла поставить его в известность, что планы на сегодняшний вечер переменялись.

- А он сидел в засаде, поджидая меня.

- Мне кажется, вы абсолютно правы, сэр.

Я невольно вздохнул. Когда я подумал о разукрашенной физиономии Оутса и представил себя на его месте: скажем прямо, Бертрам Вустер в рубашке родился.

- Неожиданное нападение отвлекло внимание констебля, и объекту преследования удалось скрыться.

- А что Свинка?

- Узнав сержанта, сэр, мистер Пинкер принес свои извинения и покинул место происшествия.

- Я его понимаю. Пожалуй, это единственное, что бедняга сделал правильно. Ума не приложу, в чём тут дело, Дживз. Я говорю о туманной фигуре А. Кто бы это мог быть? Оутс не высказывал своих соображений на этот счёт?

- Высказывал, и весьма определённые, сэр. Он убеждён, что кувшинчик украли вы.

- Я?! Прах побери, почему во всём, что происходит в этом трижды проклятом доме, виноват я?

- В его намерения входит заручиться поддержкой сэра Уаткина и при первой возможности явиться сюда, чтобы обыскать вашу комнату.

- Он в любом случае собирался притащиться ко мне за своим шлемом.

- Да, сэр.

По правде говоря, я не смог удержаться от улыбки. Ситуация сложилась, забавнее не придумаешь.

- Смех да и только, Дживз. Представляю, как будут вытягиваться их физиономии по мере обыска. Где корова и шлем? Нет коровы и шлема. Куда же они запропастились? Просто здорово, Дживз. Два упрямых осла сядут в преогромнейшую лужу.

- Зрелище, не лишённое интереса, сэр.

- А когда обыск закончится, и они будут стоять с отвисшими челюстями, покаянно бормоча извинения, я выдам им по первое число. Сложу руки на груди, вытянусь во весь рост:

В коридоре послышался стук копыт, которые могли принадлежать только моей дражайшей родственнице, и через несколько секунд тётя Делия, скача во весь опор, ворвалась в комнату.

- Берти, - не переводя дыхания выпалила она, - спрячь куда-нибудь поскорее.

И она сунула мне в руки кувшинчик для сливок.

Когда совсем недавно я рисовал вам портрет сэра Уаткина Бассета, внезапно услышавшего, что я собираюсь стать членом его семьи, мне, если вы помните, пришла в голову удачная мысль сравнить старикашку с умирающим лебедем. Так вот, сейчас меня запросто можно было принять за близнеца-брата того лебедя. Я стоял, открывая и закрывая рот, словно рыба, затем, пустив в ход всю свою волю, издал горлом звук, напоминавший отчаянный птичий крик.

Я посмотрел на Дживза. Дживз посмотрел на меня. Я не произнёс ни единого слова, но тренированный мозг верного малого мгновенно прочёл мои мысли по моим глазам.

- Спасибо, Дживз.

Не обращая внимания на бокал, я взял с подноса графин, и когда оторвался от горлышка, уровень жидкости в хрустальном сосуде значительно понизился. Преодолев таким образом начинавшийся паралич, я повернулся к своей престарелой родственнице, блаженно развалившейся в кресле.

Нет такого деятеля, даже в «Трутне», который с готовностью не признал бы тот факт, что Бертрам Вустер - сама галантность по отношению к противоположному полу, рыцарь *parfait gentil*. Не скрою, в пылком возрасте шести лет я сгоряча саданул свою няню по макушке мисочкой для супа, но раз в жизни с каждым может случиться. С тех самых пор, хотя, можете мне поверить, мало кого особы слабого пола донимали так как меня, я никогда не поднимал на женщину руку. Но в данный момент я лучше всего выразил бы свои чувства, честно признавшись, что я, *preux chevalier*, - о ужас! - был на волосок от того, чтобы не засветить любимой тётушке в глаз слонем из *papier-mache*, единственным украшением на каминной полке, которое пощадила бурная жизнь в Тотли-Тауэре.

Пока в душе моей происходила борьба, моя тётушка продолжала блаженствовать, сияя как медный таз. Отдышавшись, она начала болтать, весело и непринуждённо, сама того не понимая, что каждым своим словом вонзает нож мне в сердце. У неё на лице было написано, что она, подобно Этому-как-его там, ие ведала, что сотворила.

- Давненько я так хорошо не охотилась, - трещала она. - Ни одной заминки от старта до финиша. Добрый, старый английский спорт, вот что я тебе скажу. Но какую-то секунду я стояла на краю пропасти, Берти. Фараон уже дышал мне в спину. Если б спасательная экспедиция из викариев не свалилась с небес и не пришла мне на выручку, он бы меня сцапал. Послушай, откуда в доме полисмен? Мне никто не говорил ни о каких полисменах.

- Это был констебль Оутс, бдительный страж порядка в Тотли-на-нагорье, ответил я, еле сдерживаясь, чтобы не завывать волком, задрал голову к потолку. Сэр Уаткин поручил ему стеречь свою коллекцию. Оутс сидел в засаде, а ждал он меня.

- Хорошо, что не дождался. Ты бы только всё дело испортил. Такая задача тебе не по плечу, мой мальчик. Ты бы затрясся, чтобы не сказать хуже, от страха и стоял бы как истукан, пока тебя бы не замели. Честно признаться, когда этот тип внезапно вошёл в комнату, я словно окаменела. Тем не менее, всё хорошо, что хорошо кончается.

Я печально покачал своей черепушкой.

- Ты глубоко заблуждаешься, беспечная моя старушка. Всё только начинается. Папаша Бассет перевернёт небо и землю ради своей коровы.

- Ну и пусть.

- А когда он с констеблем Оутсом явится сюда и обыщет комнату?

- Не посмеет.

- Ещё как посмеет. Во-первых, Оутс убеждён, здесь находится его шлем, а во-вторых, не сомневается - причем Дживз слышал это из его собственных уст, когда останавливал поток крови, - что преследовал он именно меня.

Блаженное выражение, как я и предвидел, постепенно исчезло с её лица. Я говорил, тётушка сияла как медный таз. Сиять она перестала. При внимательном рассмотрении я увидел, что её чело, решительное с юных лет, туманной мыслью омрачилось.

- Гм-мм. Неприятная история.

- В высшей степени неприятная.

- Если они найдут кувшинчик, объяснить, как он тут оказался, будет затруднительно. - Она поднялась с кресла, взяла с каминной полки слона и задумчиво его разломала. - Главное - спокойствие. Мы должны сказать себе: «Как поступил бы Наполеон на нашем месте?» Он был малый не промах. Кого угодно мог вокруг пальца обвести. Мы должны придумать нечто очень умное, необычное, особое, чтобы сбить ищеек с толку. Давай, Берти. Я жду твоих предложений.

- Я могу предложить тебе умотать отсюда как можно скорее вместе с коровой.

- И нарваться на сыщиков в коридоре? Дудки! А ты ничего не мог бы нам посоветовать, Дживз?

- В настоящий момент ничего, мадам.

- У тебя нет про запас какой-нибудь тайны, от которой сэр Уаткин поджал бы хвост, как Споуд?

- Нет, мадам.

- Да, наверное я слишком многого хочу. Тогда нам надо куда-то запрятать эту зверюгу. Но куда? Вечная проблема, которая портит жизнь всем убийцам: как избавиться от трупа. Я думаю, номер с «Похищенным письмом» у нас не пройдет?

- Миссис Траверс ссылается на известный рассказ покойного Эдгара Аллана По, сэр, - пояснил Дживз, заметив, что слова тётушки для меня - китайская грамота. - Это история о человеке, который похитил важный документ и запутал полицию, спрятав его среди старых писем на самом видном месте согласно теории, что на очевидное очень часто не обращают внимания. Миссис Траверс предлагает поставить objet d'art на каминную полку, сэр.

Я рассмеялся сами понимаете каким смехом.

- На каминную полку! Разуй глаза, ведь на ней хоть шаром покати. Даже ураган так чисто её не вымел бы. Как же, спрячешь там корову.

- Да, тут ты прав, - неохотно согласилась тётя Делия.

- Запихни эту тварь в чемодан, Дживз.

- Берти:

Я поднял вторую руку.

- Тебе это не поможет. В чемодан они обязательно полезут.

- В качестве полумеры, - объяснил я. - Не могу на неё смотреть. Убери её с глаз долой, Дживз.

- Слушаюсь, сэр.

Наступило молчание, которое, естественно, очень скоро нарушила тётя Делия, предложив забаррикадироваться и приготовиться к осаде. Она ещё не успела договорить, как в коридоре послышался топот ног.

- Пожаловали, - сказал я.

- Торопятся, как на пожар, - заметила тётя Делия.

Она оказалась права. Топот приближался с быстротой молнии. Дживз подошёл к двери и выглянул в коридор.

- Это мистер Финк-Ноттль, сэр.

И в следующую секунду на сцене появился Гусик, ворвавшийся в комнату на всех парах. Невооружённым глазом было видно, что бежал он вовсе не для того, чтобы сохранить свою спортивную форму. Даже стёкла его очков блестели испуганно.

- Не возражаешь, если я подожду здесь до отхода товарного поезда, Берти? выпалил он. - Я не буду тебе мешать. Полежу под кроватью.

- Что случилось?

- Или нет. Где простыня? Так ещё лучше.

Фыркание, похожее как две капли воды на выстрел из охотничьего ружья, сказало мне яснее всяких слов, что тётя Джулия была не в настроении принимать гостей.

- Пошёл вон, злосчастный Пенёк-Бутылёк, - сурово произнесла она. - Берти, если ты хотя бы раз прислушаешься к совету своей тётушки, ты прихлопнешь этого типа и выметешь его за дверь.

Я поднял руку.

- Подожди! Я хочу разобраться, в чём тут дело. Оставь мои простыни в покое, Гусик, и объясни, что такое стряслось. Тебя опять донимает Споуд? Не беспокойся, я:

- Нет, не Споуд. Сэр Уаткин.

Тётя Делия опять фыркнула, словно её попросили сымитировать охотничий выстрел на бис.

- Потерпи минутку, мой добрый старый предок. В каком смысле сэр Уаткин? Почему? С какой стати он на тебя ополчился?

- Он прочёл мою записную книжку.

- Что?!

- Да.

- Берти, я всего лишь слабая женщина:

Я поднял третью руку. Честно признаться, мне было не до тётушек.

- Продолжай, - вяло сказал я.

Он поднял очки и вытер их дрожащим носовым платком. Не вызывало сомнений, бедолага только что выполз из печи огненной.

- Сразу от тебя я отправился к нему. Дверь была полуоткрыта, и я осторожно вошёл в комнату. Как выяснилось, сэр Уаткин находился не в ванной. Он сидел на кровати, сверкая нижним бельём, и читал записную книжку. Когда я переступил через порог, старик поднял голову и глаза наши встретились. Ты представить себе не можешь, какой меня охватил ужас.

- Нет, могу. Однажды я вляпался примерно в такую же историю с достопочтенным Обри Апджоном.

- На какое-то мгновение мы оба замерли. Потом он то ли застонал, то ли захрипел и вскочил на ноги. Лицо у него перекосилось, и он на меня бросился. Я еле успел удрать. Старик бежал за мной по пятам. На лестнице он чуть было меня не догнал. Я опередил его только потому, что он задержался в холле, снимая со стены охотничий хлыст. Надеюсь, он не знает, куда я:

- Берти, - сказал тётя Делия, - я всего лишь слабая женщина, но если ты сей же час не

раздавишь это насекомое и не выкинешь его в помойное ведро, я примусь за дело сама. События чрезвычайной важности требуют нашего самого пристального внимания: Судьбы многих и многих поставлены на карту: Каждая секунда на вес золота: а он припёрся сюда и плачется тебе в жилетку. Эй, вы, недоеденный кусок очкастого сыра, уберётесь вы отсюда или нет?

В моей ближайшей и дражайшей, если она нервничает, пробуждается всё сметающая на своём пути сила, которой невозможно не подчиниться. Люди говорили мне, что в те далекие времена, когда она гонялась за лисицами, охотники, находившиеся от неё за два вспаханных поля и пару холмов, беспрекословно выполняли любое её распоряжение. Слово «нет» не успело вылететь из неё наподобие пушечного ядра, как Гусик, в результате прямого попадания, поднялся в воздух на шесть дюймов, а опустившись на terra firma забормотал подобострастным тоном:

- Да, миссис Траверс. Уже ухожу, миссис Траверс. Берти, если вы с Дживзом подержите простыню:

- Вы хотите спуститься из окна по простыне?

- Да, миссис Траверс. Тогда я смогу одолжить у Берти машину и уехать в Лондон.

- До земли далеко.

- О, ничего страшного, миссис Траверс.

- Вы запросто можете сломать себе шею.

- Ну, что вы, миссис Траверс. Не беспокойтесь, миссис Траверс.

- Конечно, можете, - убеждённо произнесла тётя Делия. - Берти, чего ты ждёшь? - с энтузиазмом в голосе обратилась она ко мне. - Спускай этого типа как можно скорее. Пошевеливайся.

Я повернулся к Дживзу.

- Ты готов, Дживз?

- Да, сэр. - Он слегка кашлянул. - Возможно, если мистер Финк-Ноттль уезжает в Лондон, его не затруднит захватить с собой ваш чемодан и завезти его в вашу квартиру?

У меня перехватило дыхание. У тётя Делии тоже.

Я уставился на Дживза. Она последовала моему примеру. Затем мы с тётюшкой посмотрели друг на друга и, можете мне поверить, ничего кроме благоговейного страха наши глаза не выражали. У меня не было слов. Мгновением раньше мне казалось, я погорел окончательно и бесповоротно. Я даже чувствовал тяжёлую руку Закона на своём плече. И вдруг!

Несколько минут назад тётя Делия утверждала, что Наполеону ничего не стоило выкрутиться из любой передраги, но я готов был поспорить на любую сумму, что он никогда бы до такого не додумался. Дживз его переплюнул, к гадалке не ходи. В который раз честный малый приходил на выручку своему молодому господину, и я разорился бы на сигарах, если б выдавал ему по сигаре за каждую гениальную мысль.

- Ты прав, Дживз, - с трудом проговорил я. - Ему это будет не трудно.

- Да, сэр.

- Захватишь мой чемодан, Гусик? Если ты забираешь мою машину, мне придётся поехать поездом. Я тоже уезжаю завтра утром. Сам знаешь, как неудобно тащить с собой кучу багажа.

- Ну, конечно.

- Тогда мы спустим тебя на простыне, а потом сбросим вниз чемодан. Ты готов, Дживз?

- Да, сэр.

- Поехали!

По-моему, до сих пор мне не приходилось участвовать в церемонии, которая доставила бы удовольствие всем и каждому. Простыня выдержала, на радость Гусика. Никто нам не помешал, на радость мне. А когда я сбросил чемодан вниз, он угодил Гусику по черепушке, что несказанно порадовало тётю Делию. Что же касается Дживза, сразу было видно, он сиял от счастья, так как смог оказаться мне полезен. Девиз Дживза - «Безупречная служба».

После долгих переживаний я, естественно, чувствовал некоторую слабость, и, по правде говоря, вздохнул с облегчением, когда тётя Делия, произнеся пламенную речь с благодарностью нашему спасителю, удалилась, заявив, что отправляется на разведку в стан врага. Кресло, которое она не покинула бы ни за какие коврижки, после её ухода освободилось, и я буквально упал на мягкие подушки, чуть ли не застонав.

- Как хорошо, Дживз!

- Да, сэр.

- Твои мозги вновь сработали с быстротой молнии, Дживз, отведя неминуемую беду.

- Вы очень добры, сэр.

- Я вовсе не добр, Дживз. Говорю, что сказал бы любой на моём месте, если он не последний болван. Я не встречал, когда тётя Делия возносила тебя до небес, но считай, готов подписаться под каждым её словом. Второго такого как ты нет и быть не может. Какой у тебя размер шляпы?

- Восьмой, сэр.

- А мне казалось, одиннадцатый или двенадцатый.

Я отхлебнул виски из бокала и покатал бодрящую жидкость на кончике языка. После стресса, который я испытал, расслабиться было чистым наслаждением.

- Ну, Дживз, здорово нам досталось, что?

- Безусловно, сэр.

- После такой встряски начинаешь понимать, что чувствовал шкипер «Неарегиз», глядя на свою дочурку. Должно быть, все эти заботы и испытания здорово закаляют характер.

- Вне всяких сомнений, сэр.

- Делают его сильным.

- Да, сэр.

- Тем не менее, я рад, что всё позади. Хорошенького понемножку. А в том, что всё позади, я уверен на все сто. Даже этот мерзопакостный дом не сможет устроить нам очередную гадость.

- Возможно, вы правы, сэр.

- Нет, Дживз, всё закончилось. Если мы будем сидеть тихо-мирно, Тотли-Тауэр останется с носом. Это приятно, Дживз.

- Необычайно приятно, сэр.

- Ещё как приятно. Продолжай укладывать вещи. Когда закончишь, я пойду спать.

Он открыл чемодан, а я закурил сигарету и начал развивать мысль о том, какую мораль следует вынести из всех наших мытарств.

- Да, Дживз, «приятно», иначе не скажешь. Совсем недавно со всех сторон на нас неслись грозные тучи, а сейчас, куда ни глянь, на небе ни облачка. Правда, свадьба Гусика расстроилась, но тут уж ничего не попишешь. Мы получили хороший урок, Дживз: судьба, можно сказать, научила нас никогда не роптать, никогда не жаловаться, никогда не вешать

носа и всегда помнить, что на смену проливным дождям приходит ясное солнышко.

Я умолк. Мне показалось, он слушает меня невнимательно. Лицо у него вроде как напряглось и стало задумчивым.

- Что такое, Дживз?

- Сэр?

- По-моему, ты отвлёкся.

- Да, сэр. Я только что обнаружил в вашем чемодане полицейский шлем.

Я как в воду глядел насчёт того, что испытания и заботы, беспрестанно сыпавшиеся на меня с тех самых пор, как я очутился в резиденции сэра Уаткина Бассета, здорово закалили мой характер. Потихоньку-полегоньку, день за днём, шаг за шагом они превратили меня из изнеженного завсегдатая клубов и boulevardier в человека крепче стали. Какой-нибудь новичок, только что попавший в этот чумной дом, закатил бы глаза и хлопнулся бы в обморок, услышав новости, которые только что сообщил мне Дживз. Я же, закалённый как чёрт-те что, подготовленный ко всему рутиной Тотли-Тауэра, без перерыва подставлявшего мне ножку, сумел не потерять головы и сохранить ясность мысли.

Это не значит, что я не подскочил на кресле как кролик, случайно усевшийся на кактус, но, спустившись с небес на землю, я не стал тратить время попусту. Первым делом я подошёл к двери и запер её. Затем посмотрел на Дживза, который задумчиво покачивал шлем, держа его за ремешок.

Когда бестолковый малый заговорил, мне сразу стало ясно, он абсолютно не разобрался в ситуации.

- Вы поступили бы гораздо мудрее, сэр, - сказал он с лёгким упреком в голосе, - если бы выбрали для шлема другое потайное место.

Я покачал головой. Быть может, я даже улыбнулся: иронически, как вы понимаете. Сообразительность, присущая всем Вустерам, позволила мне мгновенно разобраться, что к чему.

- Не я, Дживз. Стефи.

- Сэр?

- Рука, уложившая в чемодан этот шлем, принадлежала не мне, а С. Бинг. Он находился у неё в комнате. Она боялась, ОГПу произведёт обыск, и когда мы в последний раз беседовали, лихорадочно думала, где бы ей подыскать для шлема более безопасное место. Видимо, ей пришлось в голову, что у меня безопаснее всего.

Я вздохнул.

- Не подскажешь, Дживз, откуда берутся такие, как Стефи?

- Юная леди, безусловно, несколько эксцентрична, сэр.

- Эксцентрична? Если она случайно зайдёт в психушку, на неё только раз глянут и запрут в обитую войлоком камеру, не задавая лишних вопросов. Её там примут с распростёртыми объятиями. Чем больше я думаю об этой заразе, тем страшнее мне становится. А если заглянуть в будущее, можно вообще содрогнуться от ужаса. Посмотрим правде в глаза, Дживз: Стефи, полоумная от туфелек до шляпки, вскоре выйдет замуж за преподобного Г. П. Пинкера, который всегда был со сдвигом, и нет никаких оснований предполагать - здесь мы тоже должны посмотреть правде в глаза, - что их союз не будет благословен. Пройдёт совсем немного времени, и маленькие ножки, так сказать, затопают по их дому. А теперь спросим у себя, Дживз: каким опасностям будет подвергаться жизнь человеческая поблизости от данных ножек, если учесть, - а другого учесть нам не дано, - что они унаследуют совместное помешательство двух своих родителей? Поверь мне, Дживз, я с жалостью думаю о бедных нянях, гувернантках, учителях частной школы и преподавателях университета, которые с лёгким сердцем возьмут на себя ответственность присматривать за отпрыском Стефани Бинг и Гарольда Пинкера, даже не подозревая, что лучше бы они взяли

на воспитание тигра. Однако, продолжал я, прерывая свои философские рассуждения, - как ни интересно моё исследование, оно, - увы! - не имеет ни малейшего отношения к сложившейся ситуации. Возвращаясь к делу о шлеме, с учётом того факта, что два комедианта, Оутс и Бассет, могут в любую секунду нагрянуть сюда с обыском, что бы ты мне посоветовал?

- Затруднительно дать вам совет, сэр. Предмет слишком громоздок, чтобы подыскать для него подходящий тайник.

- Что верно, то верно. Эта паскудная, прости меня, штуковина занимает чуть ли не полкомнаты.

- Безусловно, шлем бросается в глаза, сэр.

- Вот именно. Власти потрудились на славу, сконструировав головной убор для констебля Оутса. Они желали, чтобы полисмен выглядел внушительно, а посему не стали прикрывать ему макушку скорлупкой грецкого ореха. Эту посудину в непроходимых джунглях не спрячешь. Ну, и бог с ним, - сказал я. - Всё равно у меня осталось единственное оружие: такт и изысканная вежливость. Интересно, когда эти два типа заявятся? Должно быть, с минуты на минуту. О! По-моему, рука Закона до меня добралась, Дживз.

Но, предположив, что стукач, если так можно выразиться, который в данную минуту постучал в дверь, был сэром Уаткиным Бассетом, я глубоко ошибся. Из коридора послышался голос Стефи.

- Берти! Открой!

Пожалуй, больше всего на свете я хотел видеть сейчас именно Стефи, но это не означало, что я мгновенно впустил её в комнату. Благоразумие требовало, чтобы я провёл предварительное расследование.

- Ты одна или со своим дурным псом?

- Одна. Бартоломью выгуливает дворецкий.

- В таком случае, милости прошу.

Стефи вошла и увидела перед собой Бертрама со скрещенными на груди руками и пронзительным взглядом. Однако мне показалось, мой суровый вид на неё не подействовал.

- Берти, лапочка:

Девушка умолкла, поражённая звериным рычанием, вырвавшимся из горла Вустера.

- Прекрати называть меня «Берти, лапочка». Полицейский шлем - единственная тема, которую я готов с тобой обсуждать. Это ты запихнула его в мой чемодан?

- Конечно я. Не задавай идиотских вопросов. Для того и пришла, чтобы об этом тебе сказать. Помнишь, я пыталась найти для него подходящее место? Я думала и думала, пока моя голова чуть не лопнула, и вдруг меня словно молнией ударило.

- Жаль, что я не молния.

Мой ледяной тон явно её удивил. Она посмотрела на меня с девичьим изумлением, я имею в виду, широко открытыми глазами.

- Но, Берти, лапочка, чем ты недоволен? Тебе-то какая разница?

- Ха!

- Не понимаю. Мне казалось, ты будешь рад выручить меня из беды.

- Да? - сказал я, и, можете мне поверить, вложил в это слово определённый смысл, чтобы как следует подколоть наглую девушку.

- Сам понимаешь, я не могла рисковать. Представь, вдруг дядя Уаткин обнаружил бы в моей комнате полицейский шлем?

- Ты предпочла, чтобы он обнаружил его в моей?

- Соображаешь, что ты несёшь? Он не может заявиться к тебе с обыском.

- Правда?

- Не валяй дурака, Берти. Ты - его гость.

- Думаешь, это удержит твоего дядюшку? - Я улыбнулся своей особой улыбкой: горькой и сардонической. - Заразный старикан понятия не имеет о законах гостеприимства, можешь не сомневаться в этом ни на минуту. Должен тебе сообщить, он определённо собирается обыскать мою комнату, и, насколько мне известно, его до сих пор тут нет по единственной причине: он рыщет по всему дому с охотничьим хлыстом в поисках Гусика.

- Гусика?

- Папаша Бассет гоняется за Гусиком, чтобы как следует его высечь. Но он не будет гоняться за ним всю свою жизнь. Рано или поздно старикашка поймёт, что дичь от него упорхнула, и прискачет ко мне, вооружившись до зубов увеличительным стеклом и прихватив с собой ищейку.

Наконец-то до неё дошло, в каком безнадёж. полож. я очутился. Девица до того растерялась, что даже взвизгнула, а глаза у неё если и не наполнились слезами, то по крайней мере округлились.

- Ох, Берти! Должно быть, я здорово тебя подвела.

- Вот теперь ты попала в самую точку.

- Зря я попросила Гарольда умыкнуть эту дрянь. Я сделала ошибку. Признаю. Но всё равно, зря ты так кипятишься. Пусть дядя Уаткин найдёт у тебя шлем, что с того? Какое это имеет значение?

- Ты слышал, Дживз?

- Да, сэр.

- Значит, со слухом у меня всё в порядке. Говоришь, какое это имеет значение?

- Ну, да. Я имею в виду, твоя репутация никак не пострадает. Всем известно, ты только тем и занимаешься, что тянешь полицейские шлемы почём зря. Одним больше, одним меньше, какая разница?

- Ха! А с чего ты взяла, юная Стефи, что когда ассириец бросится ко мне, как волк к овчарне, вину приму покорно на себя я, а не: как там дальше, Дживз?

- :вскричу, поведав правду миру, сэр.

- Спасибо, Дживз. Так вот, с чего ты взяла, что вину приму покорно на себя я, а не вскричу, поведав правду миру?

Если помните, я упоминал, что совсем недавно Стефи посмотрела на меня широко открытыми глазами. Сейчас они не просто открылись, а прямо-таки распахнулись. По правде говоря, никогда бы не поверил, что такое возможно. К тому же девица снова взвизгнула, вернее, завизжала, причём так громко, что у меня в ушах зазвенело.

- Берти!

- Чего тебе?

- Берти!

- Я тебя слушаю.

- Но, Берти, ты ведь поможешь Гарольду выкрутиться? Возьмёшь вину на себя? Ты сам говорил сегодня днём, его могут лишить духовного сана. Я не позволю, чтобы его лишили духовного сана. Куда он денется, если его лишат духовного сана? На викария без духовного сана будет коситься всяк, кому не лень. Почему ты не хочешь сказать, что это ты украл

шлем? Тебя всего-навсего выкинут из дома, а ты ведь и сам не хочешь здесь оставаться, правда?

- Возможно, тебе неизвестно, что твой полоумный дядюшка собирается засадить исполнителя данного преступления в кутузку.

- Ох, нет. В худшем случае он тебя оштрафует.

- Как же! Он лично меня заверил, что упрячет негодяя за решётку, и не поморщится.

- Наверняка взял тебя на испуг. Уверена, когда он говорил:

- Даже не надейся. Не было в его глазах озорного огонька.

- Ну, тогда вопрос решён. Я не могу допустить, чтобы мой любименький Гарольд торчал в тюрьме.

- А как насчёт твоего лапочки Бертрама?

- Мой Гарольд такой чувствительный!

- Подумаешь! Я тоже чувствительный.

- Ты вполтину не такой чувствительный, как Гарольд. Берти, ты ведь не станешь вставлять мне палки в колёса? Куда подевался твой спортивный дух? Помнишь, ты как-то сказал, кодекс чести Вустеров гласит: «Друзья - в первую очередь»?

Она нащупала моё слабое место. Тот, кто говорит со мной о кодексе чести Вустеров, затрагивает в моей душе как-там-они-называются струны. В железной броне Бертрама образовалась брешь.

- Тебе хорошо говорить:

- Берти, лапочка!

- Да, но, прах побери:

- Берти!

- Ох, ну хорошо.

- Ты выгородишь Гарольда? Возьмёшь вину на себя?

- Придётся.

Стефи восторженно взвыла, и, если б я не отскочил в сторону, наверняка бросилась бы мне на шею. По крайней мере она сделала такую попытку, вытянув руки и шагнув вперёд. Одураченная моей ловкостью, девица вновь взялась за старое и начала выписывать свои па, словно была закоренелой весенней танцороманкой.

- Берти, миленький, огромное тебе спасибо. Так и знала, что ты не подкачаешь. Я так тебе благодарна, так тобой восхищаюсь. Ты напоминаешь мне Картера Паттерсона: нет, не его: Ника Картера: нет, не Ника Картера: Дживз, кого напоминает мне мистер Вустер?

- Сиднея Картона, мисс.

- Вот именно. Сиднея Картона. Но он сопляк по сравнению с тобой, Берти. И вообще, мне кажется, ты делаешь из мухи слона. С чего ты взял, что дядя Уаткин найдёт шлем, если обыщет комнату? Да его можно запрятать куда угодно.

И прежде чем я раскрыл рот, чтобы спросить: «Например?»), она протанцевала к двери и вытанцевала в коридор. Постепенно её шаги и завывания, которые она, несомненно, считала пением, затихли в отдалении.

Я повернулся к Дживзу, и, можете мне поверить, на устах моих блуждала горькая улыбка.

- Женщины, Дживз!

- Да, сэр.

- Итак, Дживз, - сказал я, в то время как моя рука сама собой потянулась к графину, -

это конец.

- Нет, сэр.

Моя самостоятельная рука дёрнулась с такой силой, что я чуть было не вывихнул себе плечо.

- Это не конец?

- Нет, сэр.

- Ты имеешь в виду, тебя осенило?

- Да, сэр.

- Но совсем недавно ты говорил, что ничего не можешь придумать.

- Да, сэр. Но с тех пор я некоторое время размышлял над сложившейся ситуацией, и теперь могу сказать «Эврика!»

- Что сказать?

- Эврика, сэр. Подобно Архимеду.

- Разве он сказал «Эврика?» Мне казалось, это был Шекспир.

- Нет, сэр. Архимед. Я осмелюсь порекомендовать вам, сэр, выбросить шлем из окна. Я считаю наиболее невероятным, что сэру Уаткину придёт в голову осматривать окрестности Тотли-Тауэра, а впоследствии мы сможем отыскать шлем не торопясь. - Он умолк и наклонил голову. - Если вы одобряете мою мысль, сэр, мне кажется, следует поторопиться с её осуществлением. Я слышу звуки приближающихся шагов.

Как всегда, Дживз оказался прав. Хотите верьте, хотите нет, даже воздух дрожал от топота, и если это не стадо бизонов неслось по коридорам Тотли-Тауэра, значит, к нам пожаловал враг. С живостью ягнёнка в овчарне, увидевшего приближающихся ассирийцев, я подскочил к окну и выбросил проклятую железку в тёмную ночь. По правде говоря, я даже не успел с облегчением вздохнуть, как дверь распахнулась настежь, и в комнату ввалились в нижеперечисленном порядке: тётя Делия, улыбавшаяся удивлённо и снисходительно, словно она решила позабавить детей и согласилась поиграть с ними в какую-то дурацкую игру; папаша Бассет в лиловом халате и констебль Оутс, время от времени прикладывавший к центру своей физиономии носовой платок.

- Ради бога, прости за беспокойство, Берти, - учтиво произнесла моя престарелая родственница.

- Ну, что ты, - в такой же изысканной манере любезно ответил я. - Чем могу?

- Сэр Уаткин почему-то вбил себе в голову, что ему необходимо обыскать твою комнату.

- Обыскать мою комнату?

- Я всё вверх дном тут переверну, - пообещал мне вредный старикашка, принимая Бошер-стритный вид.

Я взглянул на тётю Делию и приподнял бровь.

- Ничего не понимаю. В чём дело?

Она снисходительно рассмеялась.

- Ты не поверишь, Берти, но он считает, здесь находится его кувшинчик для сливок.

- Кувшинчик потерялся?

- Его украли.

- Не может быть!

- Представь себе, да.

- Ничего себе!

- Сэр Уаткин очень взволнован.

- Неудивительно.

- Он ужасно нервничает.

- Бедный старичок!

Я участливо положил руку на плечо папаши Бассета, но, видимо, допустил промашку, потому что мой жест его не успокоил.

- Я с лёгкостью обойдусь без ваших утешений, мистер Вустер, и буду вам весьма признателен, если впредь вы воздержитесь от упоминаний обо мне, как о «старичке». У меня имеются все основания предполагать, у вас находится не только мой кувшинчик для сливок, но также шлем констебля Оутса.

Сами понимаете, в данный момент мне следовало весело рассмеяться, поэтому я рассмеялся, и очень весело.

- Ха-ха!

Тётя Делия меня поддержала.

- Ха-ха!

- Какой абсурд!

- Какая нелепость!

- Зачем, скажите на милость, мне сдались ваши кувшинчики для сливок?

- Или полицейские шлемы.

- Вот именно.

- Ты когда-нибудь слышал нечто подобное?

- Конечно, нет. Мой добрый старый хозяин дома, - сказал я, - давайте не будем нервничать и спокойно разберёмся что к чему. Не хочу вас обидеть, и вообще, говорю с наилучшими намерениями, но должен вам заметить, вы сядете, если уже не сели, в преогромнейшую лужу. Так не пойдёт, знаете ли. Нельзя врываться к людям за просто так и обвинять их невесть в каких преступлениях, не имея на это ни малейших оснований.

- Не беспокойтесь, мистер Вустер, у меня имеются доказательства.

- Это вы так решили. А я утверждаю, именно тут вы и промахнулись, дальше некуда. Не подскажите, когда умыкнули этот ваш датский новодел?

Кадык у него задергался как живой, а кончик носа почему-то порозовел.

- Это не датский новодел!

- Вопрос спорный. Но меня интересует, в котором часу он исчез из дома?

- Он не исчезал из дома!

- Повторяю, это вы так решили. Ну, хорошо, когда его украли?

- Примерно двадцать минут назад.

- Ну вот, что я говорил? Двадцать минут назад я находился в своей комнате.

Моё утверждение его потрясло. Я так и думал, что спеси в нём поубавится.

- Вы находились в своей комнате?

- Находился.

- Один?

- Напротив. Со мной был Дживз.

- Кто такой Дживз?

- Как? Вы не знаете Дживза? Вот он, Дживз. Дживз: сэр Уаткин Бассет.

- Что ты здесь делаешь, мой милый?

- Вот именно, делает. Он делает свою работу и, должен заметить, делает её

превосходно.

- Благодарю вас, сэр.

- Не за что, Дживз. Заслужил.

Уродская, чтобы не сказать хуже, ухмылка обезобразила лицо папаши Бассета, если, конечно, считать, что подобную физиономию можно было хоть чем-то обезобразить.

- Сожалею, мистер Вустер, но я не готов принять в качестве доказательства вашей невиновности никем не подтверждённое слово вашего лакея.

- Говорите, никем не подтверждённое? Дживз, тащи сюда мистера Споуда. Скажи, для разнообразия ему предстоит шесть секунд побыть моим алиби.

- Слушаюсь, сэр.

Дживз мелькнул и исчез, а папаша Бассет несколько раз судорожно сглотнул, словно с обеда в горле у него застряла кость.

- Разве Родерик был с вами?

- Не сомневайтесь в этом ни на минуту. Возможно, ему вы поверите?

- Естественно, Родерику Споуду я поверю.

- Вот и договорились. Сейчас он к нам пожалует.

Старикашка задумался.

- Ну, что ж. Возможно я ошибался, предположив, что у вас находится мой кувшинчик для сливок. Значит, он был похищен кем-то другим.

- Могу об заклад побиться, неизвестными грабителями, - сказала тётя Делия.

- Вероятнее всего, без международных гангстеров здесь не обошлось, заявил я.

- Похоже, так оно и есть.

- Наверняка о покупке сэра Уаткина каждая собака знала. Ты ведь помнишь, сначала корову собирался приобрести дядя Том, а он как пить дать разболтал всем и каждому, в чьи руки она попала. Международные гангстеры всегда держат ухо востро, и узнать подобные новости для них раз плюнуть.

- Гангстерам палец в рот не клади, - согласилась моя ближайшая и дражайшая.

Мне показалось, при упоминании имени дяди Тома папаша Бассет слегка поморщился. Муки совести трудились вовсю, грызя старикашке внутренности, как и положено было мукам совести.

- Будем считать данный вопрос решённым, - произнёс он. - Что касается кувшинчика, признаю, вы полностью сняли с себя подозрения. А теперь вернёмся к шлему констебля Оутса. Мне доподлинно известно, мистер Вустер, что вы его присвоили.

- Да ну?

- Именно присвоили. Констебль получил необходимую информацию от свидетеля. Таким образом, я намерен незамедлительно приступить к обыску вашей комнаты.

- Вы уверены, что не пожалеете?

- Абсолютно уверен.

Я пожал плечами.

- Дело ваше. Как хотите. Если вы именно так истолковываете обязанности, которые надлежит выполнять хозяину дома, пожалуйста, не стесняйтесь. Могу лишь заметить, вы несколько странно печётесь об удобстве своих гостей. Можете не рассчитывать, что я приеду сюда ещё раз.

Если помните, я говорил Дживзу, мне будет забавно стоять и смотреть, как по мере обыска у придурка и его коллеги будут вытягиваться физиономии. Я оказался прав на все

сто. Не помню, когда ещё я так веселился. Но всему на свете приходит конец, и минут через десять мне стало ясно: ищейки поджали хвосты и собираются разбежаться в разные стороны.

Когда папаша Бассет, взмокший от трудов праведных, ко мне повернулся, у него был такой кислый вид, словно он объелся лимонов.

- Похоже, я вынужден принести вам свои извинения, мистер Вустер.

- Сэр У. Бассет, - торжественно ответил я, - впервые я слышу из ваших уст правдивое слово.

А затем, скрестив руки на груди и вытянувшись во весь рост, я выдал ему по первое число.

Я не могу в точности припомнить, как я его отделал, так что моя блестящая речь потеряна для человечества. Жаль, рядом не оказалось стенографистки, потому что я превзошёл самого себя, двух мнений быть не может. Правда, два-три раза в «Трутне» (само собой, под влиянием горячительных напитков) я тоже блистал, срывая аплодисменты, но никогда ещё не достигал тех высот, на которых парил сейчас. Папаша Бассет трещал и тёк по швам прямо на глазах.

Но по мере того, как я развивал свою мысль, а мои изречения становились всё ярче и сочнее, я вдруг заметил, что больше не держу ситуацию под контролем. Старикашка перестал меня слушать и замер на месте, глядя через моё плечо. К гадалке не ходи, он увидел какое-то потрясающее зрелище, поэтому я быстро обернулся, чтобы случайно не прозевать чего-нибудь интересного.

В соляной столб сэра Уаткина Бассета превратил не кто иной, как дворецкий, который стоял в дверях, держа серебряный поднос в правой руке. А на серебряном подносе лежал полицейский шлем.

Я помню, старина Свинка Пинкер, который в конце своей оксфордской карьеры шлялся по весьма неприглядным районам Лондона, занимаясь благотворительностью, как-то описал мне в деталях свои ощущения, когда в один прекрасный день (в тот момент он проливал свет перед заблудшими овцами в Бетнал-Грин) его неожиданно саданул ногой в живот торговец рыбой. Мой старый друг, по его словам, очутился словно в полусне, и ему казалось, он двигается сквозь густой туман. Можете мне поверить, только сейчас до меня дошло, что Свинка имел в виду.

Если помните, когда я в последний раз видел данного дворецкого, явившегося сообщить мне, что Медлин Бассет просит меня уделить ей несколько минут, он передо мной клубился как хотел. Теперь же я глядел не на клубящегося малого, а на сгустившийся до неприличия воздух, внутри которого шевелилось нечто дворецкое. Затем шторы упали с моих глаз, и я смог обратить внимание на реакцию окружающих.

А на их реакцию стоило посмотреть, не сомневайтесь в этом ни на минуту. Папаша Бассет, подобно тому типу в поэме, которую меня заставили переписать пятьдесят раз за то, что я решил познакомить белую мышь с преподавателем английской литературы, был похож на звездочёта, наконец-то поймавшего в свой телескоп неизвестную планету, в то время как тётя Делия и констебль Оутс, соответственно, напоминали непоколебимого Кортеса, уставившегося на Тихий океан, и его людей, подозрительно оглядывающих друг друга и окрестности с безмолвной горы в Дарьене.

Хотите верьте, хотите нет, на минуту-другую сцена словно застыла. Затем, полупридушенно вскрикнув, совсем как мать, нашедшая своё дитя после долгой разлуки, Оутс бросился к своей кастрюле, схватил её и прижал к груди, сияя от восторга.

После этого всё пришло в движение. Папаша Бассет ожил, будто кто-то нажал в нём на кнопку.

- Откуда: откуда у вас шлем, Баттерфилд?

- Я обнаружил его в клумбе, сэр Уаткин.

- В клумбе?

- Странно, - сказал я. - Ничего не понимаю.

- Да, сэр. Я гулял с собакой мисс Бинг и, проходя этой стороной дома, заметил, как мистер Вустер что-то уронил из окна. Предмет упал в клумбу и при ближайшем рассмотрении оказался вот этим шлемом.

Старикашка Бассет судорожно вздохнул.

- Благодарю вас, Баттерфилд.

Дворецкий величественно удалился, а папаша Б. повернулся вокруг своей оси и засверкал на меня пенсне.

- Так! - сказал он.

Честно признаться, трудно придумать в ответ что-нибудь хлёсткое, когда тебе ни с того ни с сего говорят «Так!», поэтому я благоразумно промолчал.

- Не может быть, - взяла слово тётя Делия с присущей ей неустрашимостью, которой она славилась долгие годы. - Ерунда собачья. Наверняка шлем выпал из другого окна. По ночам все кошки серы.

- Ха!

- Или этот тип нагло лжёт. Тут что-то нечисто. Ну, конечно, теперь мне всё ясно. Ваш хваленый дворецкий - преступник. Украл шлем, а когда понял, что началась охота и деваться ему некуда, сделал ход конём и спихнул всю вину на Берти. Что скажешь, Берти?

- Ничуть не удивлюсь, если ты права, тётя Делия. Очень даже возможно.

- Наверняка, так оно и есть. Я убеждаюсь в этом всё больше с каждой минутой. Разве можно доверять дворецким, которые корчат из себя святош?

- Конечно, нельзя.

- Лично я сразу подумала, у него глаза бегают.

- Полностью с тобой согласен.

- Ты тоже заметил его глаза?

- Сразу, как приехал.

- Он как две капли воды похож на Мургатройда. Помнишь дворецкого в Бринкли, Берти?

- Типа, который служил до Поумроя? С пузом?

- Точно. И лицом, которому сам архиепископ мог позавидовать. Святоша, да и только. Это лицо всех нас надуло. Мы доверяли ему, как самим себе, и что? Негодяй свистнул столовое серебро, загнал его, а деньги просадил на собачьих бегах. Двух мнений быть не может, Баттерфилд - Мургатройд номер два.

- Скорее всего, дальний родственник.

- Или близкий. Ну ладно, раз мы так хорошо во всем разобрались, и Берти теперь свободен от подозрений, а его репутация восстановлена, не отправиться ли нам всем баиньки? Час поздний, а если я не украду свои восемь часов, хожу потом, как мокрая курица.

Она так ловко повернула дело, болтая, словно все мы были закадычными друзьями-приятелями, уладившими небольшое недоразумение, что я испытал самый настоящий шок, когда старикашка Бассет и не подумал с ней согласиться. Наоборот, он тут же влил в бочку мёда две бочки дёгтя.

- Я полностью солидарен с вами, миссис Траверс, когда вы утверждаете, что кто-то лжёт. Но осмелюсь оспорить вашу теорию, что лжёт мой дворецкий. Мистер Вустер, несомненно, крайне изобретателен и умён:

- О, спасибо. Вы очень любезны.

- :но, боюсь, его репутация не восстановлена, и я не могу, как вы предположили, освободить его от подозрений. Более того, скажем прямо, я намерен не освободить его, а арестовать.

Он холодно и устрашающе сверкнул на меня пенсне. По правде говоря, этот тип нравился мне всё меньше и меньше.

- Возможно, вы не забыли, мистер Вустер, что во время нашей беседы в библиотеке я проинформировал вас касательно серьёзности моих намерений по отношению к правонарушителю. Вы тогда предложили мне ограничиться штрафом в пять фунтов, как и в том случае, когда вы предстали передо мной в суде на Бошер-стрит по обвинению в сходном преступлении, но я отклонил ваше предложение. Напротив, я уверил вас, что негодяй, совершивший чудовищную несправедливость по отношению к констеблю Оутсу, понесёт заслуженное наказание и отсидит в тюрьме положенный срок. Хочу вам сообщить, что я не вижу причин менять своё решение.

Мнения публики по поводу его тирады разошлись. Юстас Оутс отнёсся к ней положительно. Он на мгновение оторвался от шлема, одобрительно улыбнулся и, если б не

железная дисциплина, наверняка крикнул бы: «Браво!» Само собой, мы с тётёй Делией остались недовольны.

- Ну, знаете, сэр Уаткин, это уж я не знаю, знаете, прах побери! укоризненно произнесла она, как всегда бросаясь грудью вперёд на защиту интересов клана. - Вы не имеете никакого права так поступать.

- Не только имею, но обязательно им воспользуюсь, мадам. - Старикашка махнул рукой в сторону Юстаса Оутса. - Констебль!

Он не добавил: «Арестуйте этого человека!» или «Выполняйте свой долг!», но сержант был малый не промах, и рьяно кинулся вперёд. Я думал, он положит мне руку на плечо, а в худшем случае обует в кандалы, я имею в виду, оденет на меня наручники, но Оутс лишь подошёл ко мне, словно мы собирались петь дуэтом, и остановился, победно поводя распухшим носом.

Тётя Делия попыталась ещё раз урезонить старикашку.

- Вы не можете сначала пригласить человека в гости, а затем спокойно запихнуть его в каталажку, как только он переступит порог вашего дома. Если это глостерширское гостеприимство, да поможет бог Глостерширу!

- Мистер Вустер не мой гость. Он находится здесь по приглашению моей дочери.

- Какая разница? Не выкручивайтесь, сэр Уаткин. Он ваш гость. Он ел вашу соль. И кстати, раз мы заговорили на эту тему, суп был сильно пересолен.

- Ты считаешь, пересолен? - заинтересованно спросил я. - А мне показалось, в самый раз.

- Нет. Пересолен.

Папаша Бассет не дал нам закончить спор.

- Приношу вам свои извинения за недостатки моего повара. Возможно, вскоре я его сменю. Тем временем вернёмся к предмету, который мы обсуждаем. Мистер Вустер находится под арестом, и завтра я предприму необходимые шаги:

- А что его ждёт сегодня?

- В нашей деревне имеется небольшой, но вполне приличный полицейский участок, которым заведует констебль Оутс. Несомненно, Оутс сумеет найти в нём место мистеру Вустеру.

- Послушайте, неужели вы допустите, чтобы беднягу тащили ночью в полицейский участок? По крайней мере дайте ему нормально выспаться.

- Не возражаю. Мне вовсе не хочется проявлять бессмысленную жестокость. До завтрашнего дня вы можете остаться в своей комнате, мистер Вустер.

- И на том спасибо.

- Я запру двери:

- Само собой.

- И заберу с собой ключ:

- Нет проблем.

- А весь остаток ночи констебль Оутс будет стоять на страже под вашим окном.

- Сэр?

- Это удержит мистера Вустера, который склонен ронять вещи из окон, от опрометчивых шагов. Вы займёте свой пост не медля ни секунды, Оутс.

- Слушаюсь, сэр.

Сами понимаете, голос у констебля был мученическим, а самодовольное выражение, с

которым он следил за ходом событий, будто ветром сдуло с его физиономии. Видимо, так же как тёте Делии, ему необходимо было украсть свои восемь часов. Он печально отдал честь и зашаркал на выход, выражая спиной отчаяние и явно задаваясь вопросом, стоит ли ломать стулья из-за шлемов, как бы дороги они ни были сердцу.

- А сейчас, миссис Траверс, если позволите, я хотел бы поговорить с вами наедине.

Они умотали, и я остался один.

Честно признаться, когда ключ повернулся в замочной скважине, я почувствовал себя несколько странно. С одной стороны мне было приятно, что меня никуда не уволокли, и я нахожусь в своей комнате, с другой - меня посадили под домашний арест, и я понятия не имел, как выкрутиться из создавшегося положения.

Само собой, я уже бывал в подобных переделках и слышал, как лязгает ключ в замке тюремной камеры на Бошер-стрит. Но тогда я мог утешить себя мыслью о том, что через несколько часов меня ждёт суровая отповедь судьи, а в крайнем случае (как и оказалось на самом деле) удар по моему карману. Мне не грозили, как грозили сейчас, тридцать суток тюрьмы, где мне вряд ли стали бы подавать по утрам чашечку чая.

Сознание собственной невиновности тоже мало мне помогло. Меня вовсе даже не утешал тот факт, что Стефани Бинг считала меня похожим на Сиднея Картона. По правде говоря, я не знал этого парня, но, насколько я понял, он из кожи лез вон, лишь бы услужить попавшим в беду девицам, а это делало его в моих глазах придурком каких мало. Сидней Картон и Бертрам Вустер - два сапога пара. Сидней - баран, и Бертрам недалеко от него ушёл.

Вспомнив, как испортилось настроение у констебля Оутса, когда до него дошло, ему предстоит не спать всю ночь, я выглянул в окно, питая слабую надежду, что он смоеется, как только начальство перестанет наблюдать за ним бдительным оком. Не тут-то было. Сержант бодрствовал, шагая взад-вперёд по лужайке.

Я подошёл к умывальнику, взял кусок мыла и совсем было собрался запустить им в стража порядка, чтобы хоть немного отвести свою израненную душу, когда дверная ручка забренчала. Я сделал шаг к двери.

- Кто там?

- Это я, сэр. Дживз.

- А, Дживз. Привет.

- Мне кажется, дверь заперта, сэр.

- Поверь мне, Дживз, это тебе не кажется. Дверь заперта, и запер её сэр Уаткин Бассет.

Кстати, ключ он прихватил с собой.

- Сэр?

- Меня замели.

- Вот как, сэр?

- Что ты сказал?

- Я сказал «Вот как, сэр?»

- Неужели? Да, именно так. Сейчас объясню, что случилось.

И я вкратце изложил суть дела. Слышимость сквозь дубовую дверь, как вы понимаете, была не из лучших, но я не сомневался, что в захватывающих дух местах Дживз уважительно цокает языком.

- Несчастный случай, сэр.

- Более чем несчастный. А у тебя какие новости, Дживз?

- Я попытался найти мистера Споуда, сэр, но безуспешно. Он вышел погулять. Надеюсь, его отсутствие будет недолгим.

- Ну, теперь Споуд нам ни к чему. События развивались так стремительно, что мы больше не нуждаемся в его услугах. А что ещё новенького?

- Я разговаривал с мисс Бинг, сэр.

- Знаешь, я тоже не отказался бы сказать ей пару слов. Что там у неё?

- Молодая леди находится в крайне подавленном настроении, сэр, из-за того, что сэр Уаткин запретил ей выходить замуж за преподобного мистера Пинкера.

- Боже великий, Дживз! Это ещё почему?

- Сэр Уаткин остался крайне недоволен той ролью, которую сыграл мистер Пинкер, невольно оказав помощь вору и способствовав его бегству.

- Почему ты говоришь «его»?

- Благоразумие прежде всего, сэр. У стен есть уши.

- Понял. Ловко у тебя получилось, Дживз.

- Благодарю вас, сэр.

Я задумался над последними известиями. Похоже, сегодня ночью разбитых сердец в Глостершире было хоть пруд пруди. Чудно, но в душе у меня защемило. Несмотря на то, что в данную передрыгу я попал только благодаря Стефи, я хотел юной безумице только хорошего, и переживал, что для неё наступили тяжёлые времена.

- Значит, старикашка загробил и любовь Стефи, и любовь Гусика? Что-то он сегодня разбушевался, Дживз.

- Да, сэр.

- И угомонить его невозможно, по крайней мере мне ничего путного в голову не приходит. А тебе ничего путного в голову не приходит, Дживз?

- Нет, сэр.

- Возвращаясь к нашим баранам, надеюсь у тебя имеется какой-нибудь план, чтобы незамедлительно вытащить меня отсюда?

- Мой план ещё не полностью созрел, сэр. Я обдумываю одну идею.

- Обдумывай, Дживз, обдумывай. Не жалея мозгов.

- В настоящий момент ещё ничего не ясно, сэр.

- Должно быть, твоя идея требует тонкого расчёта?

- Да, сэр.

Я покачал головой. Глупо, конечно, потому что всё равно он меня не видел. Тем не менее головой я покачал.

- Опять ты за старое, Дживз. Сейчас не время быть вычурным. Нужно действовать прямо и просто, и чем скорее, тем лучше. Послушай, что я придумал. Ты не забыл, совсем недавно мы беседовали о констебле Доббсоне, который охранял все входы и выходы из сарая, куда заперли сэра Родерика Глоссоба? Помнишь, как папаша Стоукер собирался решить данную проблему?

- Если мне не изменяет память, сэр, мистер Стоукер порекомендовал применить по отношению к сержанту физическое насилие. «Врежьте ему по башке лопатой», - выражение, которое мистер Стоукер употребил в тот момент.

- Всё верно, Дживз. Именно так он и сказал. И хотя мы отвергли его идею, я считаю, мыслил он вполне здраво. Все практичные деятели предпочитают действовать быстро и без затей. Констебль Оутс стоит на часах под моим окном. Связанные узлами простыни у меня

имеются, и привязать их к ножке кровати или ещё куда-нибудь, раз плюнуть. Если б ты одолжил у садовника лопату и:

- Боюсь, сэр:

- Перестань, Дживз. Сейчас не время для *polle prosequi*. Знаю, тебе спокойно не живётся без сложностей, но должен же ты понять, никакие сногсшибательные планы нам сейчас не помогут. Настал час, когда в ход должны пойти лопаты. Подойдёшь к Оутсу, заведёшь с ним разговор, а лопату спрячешь за спиной и будешь ждать психологического момента:

- Прошу прощения, сэр. Сюда кто-то идёт.

- Обмозгуй, что я сказал. А кто там?

- Сэр Уаткин Бассет и миссис Траверс, сэр. Мне кажется, они собираются вас навестить.

- Так и знал, что в покое меня здесь не оставят. Ладно, бог с ними. Мы, Вустеры, принимаем в любое время дня и ночи.

Однако, когда примерно через полминуты дверь открылась, в комнату вошла только тётя Делия. Ни слова не говоря, моя ближайшая и дражайшая подошла к полубившемуся ей креслу и тут же в него плюхнулась. Она была мрачнее тучи, и у меня исчезла всякая надежда, что мне принесли сообщение, будто папаша Бассет одумался и в конце концов решил меня не арестовывать. И тем не менее, разрази меня гром, именно это сообщение тётушка мне и принесла.

- Итак, Берти, - произнесла она, намолчавшись вдоволь, - можешь готовиться к отъезду.

- Что?

- Он отменил своё решение.

- Отменил?

- Да. Тебе не предъявят обвинения.

- Ты имеешь в виду, мне не придётся сидеть в кутузке?

- Да.

Мой дух возликовал до такой степени, что прошло некоторое время, прежде чем я понял, моя плоть и кровь не обращает ни малейшего внимания на танец дикарей в моём исполнении.

- Ты словно не рада.

- Ну, что ты. Очень рада.

- В таком случае ты тщательно это скрываешь, - холодно заметил я. - Мне казалось, узнав о том, что племянника, можно сказать, вытащили из петли, ты будешь прыгать до потолка.

Из её груди вырвался глубокий вздох.

- Видишь ли, Берти, не всё так просто. Дело в том, что старый козёл поставил мне условие.

- Какое?

- Он требует Анатоля.

Хотите верьте, хотите нет, глаза у меня полезли на лоб.

- Требуется Анатоля?

- Да. Такова цена твоей свободы. Он согласился не выдвигать обвинения, если я уступлю ему Анатоля. Шантажист поганый!

Черты её лица страдальчески исказились. Совсем недавно она до небес возносила достоинства шантажа и одобряла его на все сто, но чтобы получать от шантажа истинное

удовольствие, надо, если вы меня понимаете, крепко держать его за хвост. Как только он поворачивается к вам мордой, дело ваше дрянь, и вы начинаете мучаться совсем как тётя Делия.

По правде говоря, я тоже чувствовал себя не в своей тарелке. Время от времени, на протяжении всего повествования, я частенько упоминал о том, какие чувства бушуют в моей груди при упоминании об Анатоле, непревзойдённом, иначе не скажешь, артисте кухни, и, надеюсь, вы не забыли, как я был шокирован, когда тётя Делия сообщила мне о попытках сэра Уаткина Бассета, гостившего в Бринкли-корте, переманить его к себе.

Само собой, тем, кто не пробовал волшебных жареных и тушёных блюд Анатоля, трудно понять тех, кто их пробовал. Могу лишь сказать, что отведав всего лишь раз любой из его шедевров, вы решите. Жизнь скучна и не имеет никакого смысла, если у вас нет возможности каждый день зарываться по уши в пищу, тающую во рту. Мысль о том, что тётя Делия готова принести в жертву это седьмое чудо света только для того, чтобы её племянник не увидел неба в клеточку, потрясла меня до глубины души. Можете мне поверить, я был тронут, дальше некуда.

Точно не помню, но когда я посмотрел на неё, кажется, на глаза мои навернулись слёзы. Она напомнила мне Сиднея Картона.

- Ради меня ты готова расстаться с Анатолом? - выдохнул я.

- Естественно.

- Естественно, прах побери, нет! Слышать об этом не хочу.

- Не можешь же ты сесть в тюрьму.

- Не только могу, но как пить дать сяду, если великий маэстро останется на своём посту. Не вздумай уступить старикашке Бассету. Даже не мечтай.

- Берти! Ты не шутишь?

- Какие могут быть шутки? Подумаешь, тридцать суток. Мелочи жизни. Да я отсижу их, стоя на голове. Бассету хочется меня упечь? Ну и пусть. Зато потом, - добавил я уже другим голосом, - когда мои мытарства закончатся, и я стану свободным человеком, попроси Анатоля развернуться. После месяца на хлебе и воде, или чем там ещё кормят, у меня наверняка разыграется аппетит. В тот вечер, когда меня отпустят, я желаю получить обед, о котором будут складывать легенды.

- Ты его получишь.

- Детали можем обсудить прямо сейчас.

- Ты прав. Сейчас самое время. Начнём с икры? Или мускусной дыни?

- И того, и другого. А сразу после - ароматный суп.

- Суп или бульон?

- Бульон.

- Ты не забыл о *Veloute aux fleurs de courgette*?

- Само собой, нет. Но я предпочел бы *Consomme aux Pommes d'Amour*.

- Возможно, ты прав.

- Думаю, да. Я чувствую, так будет лучше.

- Знаешь, составляй меню сам. Не стану тебе мешать.

- Мудрое решение.

Я взял бумагу, карандаш, и примерно через десять минут объявил результаты своих трудов.

- Значит так, - сказал я. - Учти, это не считая дополнений, если в тюремной камере

меня осенит.

И я прочитал:

Le Diner

Икра Frais

Мукусная дыня

Consomme aux Pommes d'Amour

Sylphides a la creme d'Ecrevisses

Mignonnette de polet petit-Duc

Points d'asperges a la Mistinguette

Supreme de foie gras au champagne

Neige aux Perles des Alpes

Timbale de ris de veau Toulousaine

Salade d'endive et de celeri

Пудинг с изюмом

L'Etoeile au Berger

Benedictins Blancs

Bombe Nero

Friandises

Diablotins

Фрукты

- Вроде бы я ничего не упустил, тётя Делия?

- Похоже, нет.

- Тогда нам остаётся позвать негодя и презреть его. Бассет! - во всё горло заорал я.

- Бассет! - во всё горло заорала тётя Делия.

Звон в моих ушах не успел стихнуть, как старикашка ворвался в комнату, пыхтя от негодования.

- С ума вы все посходили, что ли? Чего вы вопите?

- Бассет, - сказал я, не откладывая дела в долгий ящик, - мы решили вас презреть:

Старикашка явно растерялся. Повернув голову, он вопросительно посмотрел на тётю Делию. Очевидно, ему показалось, Бертрам говорит загадками.

- Берти, - пояснила моя ближайшая и дражайшая, - имеет в виду ваше идиотское предложение позабыть о случившемся, если я уступлю вам Анатоля. Какая чушь! Ничего глупее в жизни не слышала! Мы с Берти хохотали до слез. Правда, Берти?

- Животики надорвали от смеха, - подтвердил я.

Папаша Бассет был потрясён, дальше некуда.

- Вы отказываетесь от моего предложения?

- Естественно, мы отказываемся. Я должна была знать, что мой племянник не погрузит в траур дом любимой тётушки ради того, чтобы избежать мелких неприятностей. Вустеры не такие. Правда, Берти?

- Ещё бы!

- О себе они думают в последнюю очередь.

- В самую последнюю.

- Мне не следовало оскорблять племянника, передавая ему ваше предложение. Прости меня, Берти.

- Ничего страшного, старушка.

Она пожала мне руку.

- Спокойной ночи, Берти, дорогой. До свидания, вернее au revoir. Скоро увидимся.

- Само собой. Не пройдет и года.

- Кстати, ты не забыл о Nonats de la Mediterranie au Fenouil?

- Конечно, забыл. И ещё о Selle d'Agneau aux laitues a la Grecque. Включи их в список, ладно?

Она вышла из комнаты, бросив на меня восхищённый и полный уважения взгляд с порога, после чего наступило непродолжительное молчание, причём, можете мне поверить, я молчал с достоинством. Затем папаша Бассет заговорил срывающимся, неприятным голосом:

- Что ж, мистер Вустер, как выяснилось, вам всё-таки придётся сполна заплатить за вашу глупость.

- Ясно.

- Хочу сказать, я изменил своё решение относительно того, где вы будете ночевать. Вам придётся отправиться в полицейский участок.

- Жалкая месть, Бассет.

- Ничуть. Не вижу причин лишать констебля Оутса заслуженного отдыха только ради того, чтобы не причинить вам неудобств. Сейчас я за ним пошлю. - Он открыл дверь. - Эй, ты!

Никто и никогда не обращался так к Дживзу, но преданный малый и виду не подал, что чем-то недоволен.

- Сэр?

- На лужайке перед домом стоит констебль Оутс. Приведи его сюда.

- Слушаюсь, сэр. Мистер Споуд желает сказать вам несколько слов, сэр.

- Что такое?

- Мистер Споуд, сэр. Он направляется к вам по коридору.

Недовольно нахмурившись, старикашка вернулся в комнату.

- Лучше бы Родерику сейчас меня не беспокоить, - ворчливо пробормотал он. - Не понимаю, зачем я ему понадобился?

По правде говоря, я не удержался от смеха. Слишком уж забавно всё получилось.

- Он хочет сообщить вам - немного поздно, - что находился со мной рядом, когда ваш кувшинчик для сливок умыкнули, и тем самым восстановить моё доброе имя.

- Ах да, вы правы. Но со своим сообщением он действительно немного опоздал. Придётся ему объяснить: Добрый вечер, Родерик.

Туша Родерика Споуда заполнила собой дверной проём.

- Входите, Родерик, входите. Но вам не стоило беспокоиться, мой мальчик. Мистер Вустер со всей очевидностью доказал, что не имеет никакого отношения к краже моего кувшинчика. Ведь вы за этим сюда пришли? Хотели подтвердить его невиновность?

- Ну: э-э-э: не совсем, - сказал Родерик Споуд.

Лицо у него было какое-то странное. Его скулы ходили ходуном, глаза остекленело смотрели вдаль, и при всём при том он ухитрялся крутить то, что крутить было невозможно - свои микроскопические усы.

- Ну: э-э-э: не совсем, - сказал Родерик Споуд. - Я слышал, в доме переполох из-за шлема, который я украл у констебля Оутса.

Воцарилась звенящая тишина. Папаша Бассет перестал дышать. Я тоже перестал

дышать. Родерик Споуд продолжал крутить свои несуществующие усы.

- Глупо, конечно, - вновь заговорил он. - Теперь я это понимаю. Но тогда: э-э-э: я поддался искушению, сам не знаю почему. Такое ведь с каждым может случиться, как вы думаете? Помните, я говорил вам, что украл полицейский шлем, когда учился в Оксфорде? Ну вот, сейчас мне никак не удалось удержаться от соблазна. Я считал, никто ничего не узнает, но камердинер Вустера говорит, вы решили, шлем украл Вустер, поэтому, естественно, я должен был к вам прийти и сказать всю правду. А теперь я пойду спать. Спокойной ночи, - заключил Родерик Споуд.

Он бочком выбрался в коридор, и звенящая тишина, которой, вероятно, понравилось царствовать, вновь заняла своё привычное место.

Должно быть, на свете существовало много типов, которые выглядели глупее, чем выглядел в данный момент сэр Уаткин Бассет, но, честно признаться, я ни одного такого типа не видел. Кончик носа у него стал ярко-красным, а пенсне съехало набок и перегородило физиономию под углом в сорок пять градусов. И хотя с первой минуты нашего знакомства папаша Бассет придирался ко мне изо всех сил, сейчас я в какой-то степени чувствовал жалость к несчастному старичку.

- Гррмп! - выдавил он из себя минут через пять, и после долгой борьбы с голосовыми связками, которые, видимо, перекрутились у него в горле, сдавленно произнёс. - Я должен принести вам свои извинения, мистер Вустер.

- Ничего страшного, Бассет.

- Прошу простить меня за всё, что произошло.

- Не будем об этом. Моя невиновность доказана, а остальное не имеет значения. Думаю, теперь я свободен, и смогу покинуть ваш дом?

- О, конечно, конечно. Спокойной ночи, мистер Вустер.

- Спокойной ночи, Бассет. Вряд ли стоит говорить, я надеюсь, эта история послужит вам хорошим уроком.

Я холодно кивнул и, глядя на закрывавшуюся за папашей Бассетом дверь, глубоко задумался. По правде говоря, я ничего не понимал. Добрый, старый, испытанный метод Оутса, повсюду рыскавшего в поисках причин, тоже меня не выручил, если не считать, мне пришла в голову мысль, что Споуду вдруг захотелось стать похожим на Сиднея Картона.

А затем, внезапно, в моей черепушке словно молния вспыхнула.

- Дживз!

- Сэр?

- Это твои штучки?

- Сэр?

- Прекрати говорить «Сэр?», словно тебе не понятно, о чём идёт речь. Это ты подбил Споуда сознаться насчёт шлема?

Не могу сказать, что он улыбнулся, - Дживз никогда не улыбается, - но мускул в уголке его рта слегка дрогнул.

- Я осмелился, сэр, предложить мистеру Споуду совершить благородный поступок и взять вину на себя. В ходе нашей беседы я объяснил ему, что тем самым он спасёт вас от многих неприятностей, ничем при этом не рискуя. Я указал мистеру Споуду, что сэр Уаткин, будучи обручён с его тётёй, вряд ли вынесет ему такой же суровый приговор, который он вынес вам. Нельзя посадить джентльмена в тюрьму, если намереваешься вступить в законный брак с его тётёй.

- Глубокая мысль, Дживз. Но всё равно странно. Ты имеешь в виду, он согласился без звука? Встал и пошёл?

- Не совсем «без звука», сэр. Должен признаться, вначале мистер Споуд отнёсся к моему предложению крайне неодобрительно. Я повлиял на его решение, сообщив, что мне всё известно об:

Я громко вскрикнул.

- Эйлали!

- Да, сэр.

Честно признаться, меня охватило страстное желание выяснить, что тут к чему. Я решил во что бы то ни стало докопаться до сути дела.

- Послушай, Дживз. Скажи, что Споуд сотворил с этой Эйлали? Убил и закопал?

- Боюсь, сэр, я не имею права говорить на эту тему.

- Да ну, Дживз. Брось.

- Не имею права, сэр.

Я сдался.

- Ох, ладно.

Я стал готовиться к заслуженному отдыху. Скинул свои одеяния. Надел пижаму. Скользнул в кровать. Простынями в узлах, как вы понимаете, я не воспользовался, решив потерпеть одну ночь и промучиться между двумя одеялами. Быстрая смена событий настроила меня на меланхолический лад. Я сел в подушках, обхватил руками колени, и предался размышлениям.

- Странная штука жизнь, Дживз, что?

- Необычайно странная, сэр.

- Никогда не знаешь, как всё повернётся. Приведу тебе самый простой пример: разве могло мне прийти в голову полчаса назад, что я буду сидеть на кровати в пижаме и смотреть, как ты складываешь в чемодан мои вещи? Сам понимаешь, передо мной маячило совсем другое будущее.

- Да, сэр.

- Можно было подумать, меня сглазили.

- Безусловно, сэр.

- А сейчас мои неприятности исчезли, можно сказать, как капли росы с этих-как-они-там-называются. И всё благодаря тебе, Дживз.

- Я счастлив, что смог услужить вам, сэр.

- Ты превзошёл самого себя, Дживз. И тем не менее, в бочке мёда не обошлось без капли дёгтя.

- Сэр?

- Послушай, прекрати твердить «Сэр?», словно ты попугай. Я имею в виду, Дживз, разбитые сердца так и остались разбитыми сердцами. Со мной-то всё в порядке, двух мнений быть не может, но про Гусика этого не скажешь, и про Стефи тоже. Вот тебе и капля дёгтя.

- Да, сэр.

- Хотя, раз уж мы заговорили на эту тему, я никогда не понимал, каким образом капля дёгтя может очутиться в бочке с мёдом. Не подскажешь, кто её туда капаёт, Дживз?

- Прошу прощения за вольность, сэр:

- Да, Дживз?

- Я лишь хотел поинтересоваться, не собираетесь ли вы подать на сэра Уаткина в суд за незаконный арест и клевету перед свидетелями?

- Честно признаться, над этим я как-то не задумывался. Ты считаешь, старикашка нарушил какие-то законы?

- Несомненно, сэр. И миссис Траверс, и я можем дать показания, неопровержимо доказывающие вину сэра Уаткина. В вашем положении, сэр, вы можете потребовать с сэра Уаткина возмещения убытков и получить довольно большую сумму.

- Знаешь, должно быть, ты прав. Теперь понятно, почему старикашка чуть не помер от удущья, когда Споуд порадовал его последними известиями.

- Да, сэр. Прекрасно разбираясь в юриспруденции, сэр Уаткин мгновенно осознал, что ему грозят большие неприятности.

- Я и представить себе не мог, что человеческий нос может покраснеть до такой степени. А ты мог себе такое представить, Дживз?

- Нет, сэр.

- Ну, он и так вляпался по уши, и снова смешивать его с грязью как-то неловко. У меня нет особого желания топтать старикашку каблуками, Дживз.

- Я лишь подумал о том, сэр, что если б вы только пригрозили подать на него в суд, сэр Уаткин, дабы избежать скандала, с радостью согласился бы на брак мисс Медлин с мистером Финк-Ноттлем, а также не стал бы возражать против союза мисс Стефани Бинг и преподобного мистера Пинкера.

- Боже великий, Дживз! Снова шантаж?

- Совершенно справедливо, сэр.

- Начнём, не теряя ни минуты.

Я соскочил с постели и подбежал к двери.

- Бассет! - во всё горло заорал я.

Поначалу никаких результатов я не добился. Видимо, старикашка юркнул к себе в норку и не желал ничего слышать и видеть. Но, продолжая вопить всё громче через равные промежутки времени, я добился своего: вдалеке послышался топот, и папаша Бассет подбежал ко мне трусцой. Сами понимаете, от его грозного вида, которым он устрашал нас с тётей Делией в подобной ситуации, не осталось и следа. Сейчас старикашку запросто можно было спутать с побитой собакой или проштрафившимся официантом, забывшим о своих клиентах.

- Да, мистер Вустер?

Я зашёл в комнату и снова нырнул под одеяло.

- Вы хотите мне что-то сказать, мистер Вустер?

- Я много чего хочу вам сказать, Бассет, но постараюсь быть кратким. Вы в курсе, что тупое упрямство, с которым вы натравливали на меня полицейских и запирали в собственной комнате, даёт мне право подать на вас в суд за: как там, Дживз?

- Незаконный арест и клевету перед свидетелями, сэр.

- Оно самое. Я могу вас разорить, оглянуться не успеете. Что скажете, Бассет?

Его передёрнуло, словно за шиворот ему заполз таракан.

- А скажете вы вот что, - продолжал я. - Вы скажете, причём не сходя с места, что согласны на брак вашей дочери Медлин с Огастесом Финк-Ноттлем, а также на брак вашей племянницы Стефани с преподобным Г. П. Пинкером.

В нём явно происходила борьба. Правда длилась она недолго и закончилась, как только

он поймал мой взгляд.

- Хорошо, мистер Вустер.

- И ещё. Вполне вероятно, международные гангстеры, укравшие ваш кувшинчик, продадут его дяде Тому. Их осведомителям наверняка известно, дядя Том скупает серебряных коров и всё прочее. Так вот, вы даже не пикнете, если впоследствии увидите этот кувшинчик в его коллекции.

- Хорошо, мистер Вустер.

- А теперь последнее. Вы должны мне пятёрку.

- Простите?

- Вы содрали с меня пятёрку на Бошер-стрит. Я хочу её получить до своего отъезда.

- Завтра утром я выпишу чек.

- Надеюсь, он будет лежать на моём подносе рядом с чашкой чая. Спокойной ночи, Бассет.

- Спокойной ночи, мистер Вустер. Прошу прощения, это не бренди? Если не возражаете, я бы выпил рюмку.

- Дживз, бокал сэру Уаткину Бассету.

- Слушаюсь, сэр.

Старикашка схватил бокал, с благодарностью его осушил и вприпрыжку выбежал из комнаты. Возможно, вполне безвредный старичок, если узнать его поближе.

Дживз нарушил наступившее молчание.

- Я закончил укладывать ваши вещи, сэр.

- Замечательно. Мне давно пора видеть десятый сон. Открой окно, Дживз.

- Слушаюсь, сэр.

- Что там на улице?

- Погода резко испортилась, сэр. Идёт проливной дождь.

Внезапно я услышал, как кто-то чихнул.

- Это ещё что, Дживз? В саду люди?

- Констебль Оутс, сэр.

- Ты имеешь в виду, он не ушёл домой?

- Нет, сэр. Мне кажется, занятый совсем другими делами, сэр Уаткин упустил из виду, что констеблю больше не обязательно стоять на своём посту.

Я умиротворённо вздохнул. День заканчивался, лучше не придумаешь. При мысли о том, что констебль Оутс бродит под дождём подобно войскам мидийцев вместо того, чтобы лежать дома в уютной кровати, у меня стало тепло на душе.

- Какой удачный сегодня день, Дживз. Как ты там сочинил про жаворонков?

- Сэр?

- И ещё про улиток.

- Ах да, сэр. «Так каждый год и много лет весна приходит прытко, и поутру лежит роса - травы прекрасной страж:»

- Да, но куда подевались жаворонки, Дживз? Где улитки? Я точно помню, о жаворонках и улитках ты мне рассказывал.

- Я как раз собирался прочитать о жаворонках и улитках, сэр. «Там жаворонок на крыле, там - под листом улитка:»

- Совсем другое дело. А в чём суть?

- «И Господь Бог на небесах, и мир прекрасен наш».

- В самую точку, Дживз. Даже у меня лучше не получилось бы. И всё же, одна мысль меня гложет, Дживз. Я бы предпочёл, чтобы ты сообщил мне секретные факты насчёт Эйлали.

- Боюсь, сэр:

- Я никому не скажу. Ты ведь меня знаешь: я - могила.

- Правила «Юниоров Ганимеда» чрезвычайно строги, сэр.

- Помню. Но ты мог бы хоть немного пойти мне навстречу.

- Прошу прощения, сэр:

Я принял великое решение.

- Дживз, - сказал я, - выложи мне всё как на духу, и я отправлюсь в твоё дурацкое кругосветное путешествие.

Он заколебался.

- Строго конфиденциально, сэр:

- Само собой.

- Мистер Споуд - конструктор нижнего дамского белья, сэр. Он необычайно талантлив и тайно работает в этом направлении много лет. Мистер Споуд основатель и владелец широко известной фирмы на Бонд-стрит, известной как «Eulalie Soeurs».

- Не может быть! Ты не шутишь?

- Нет, сэр.

- Великий боже, Дживз! Неудивительно, он до смерти боится, как бы об этом не пронюхали.

- Вот именно, сэр.

Я задумался.

- Что ж, я ни о чём не жалею, Дживз. Честно признаться, я бы всю ночь проворочался, если б ничего не узнал. Может, круиз окажется не таким мерзопакостным, как я предполагал.

- Многие джентльмены находят его весьма привлекательным, сэр.

- Правда?

- Да, сэр. Новые лица.

- Что верно, то верно. Об этом я как-то не подумал. Лица действительно будут новыми, что? Тысячи и тысячи лиц, и среди них ни одного лица Стефи.

- Совершенно справедливо, сэр.

- Ладно, завтра же отправляйся за билетами.

- Билеты давно куплены, сэр. Спокойной ночи, сэр.

Дверь закрылась. Я выключил свет. Некоторое время я лежал, слушая мерный топот ног констебля Оутса и размышляя о Гусике, Медлин Бассет, Стефи и старине Свинке Пинкере, жизнь которых должна была сейчас пойти как по маслу. Мне вспомнился и дядя Том, который, заполучив свою корову, наверняка раскошелится и выпишет тёте Делии чек с несколькими нулями для её «Будуара Миледи». Дживз как всегда смотрел в корень. Улитка была на крыле, жаворонок под листом, вернее, наоборот, - и Господь Бог был на небесах, и наш мир был прекрасен.

Мои глаза сами собой закрылись, мышцы расслабились, дыхание стало ровным, и сон, который делает что-то, не помню что, нахлынул на меня целительной приливной волной.

Пелам Гренвилл Вудхаус
РАДОСТЬ ПОУТРУ

Когда описанные треволнения отошли в прошлое, опасность перестала маячить на горизонте, всем направо и налево были пригоршнями розданы счастливые концы и мы ехали домой, лихо сдвинув шляпы набекрень и отряхнув прах Стипл-Бампли с наших шин, я признался Дживсу, что в ходе этой истории Бертрам Вустер, вообще-то не слабодушного десятка, временами был очень близок к отчаянию.

– Ну просто, можно сказать, на грани, Дживс.

– Обстоятельства, бесспорно, принимали угрожающий оборот, сэр.

– Ни луча надежды. Впечатление было такое, будто Синяя Птица подняла лапки кверху и закрыла лавочку. А теперь вот мы едем-веселимся, и солнышко сияет. Тут, пожалуй, задумаешься.

– Да, сэр.

– Есть такое выражение, на языке вертится, как раз подходит к данному случаю. Вернее, не выражение, а поговорка. Афоризм такой. Вроде шутки. Что называется, присловье. Словом, изречение. Что-то такое насчет радости.

– Вечером водворяется плач, а наутро радость^[98], сэр?

– Вот-вот, самое оно! Не вы придумали?

– Нет, сэр.

– Здорово сказано, – похвалил я его.

Я и теперь считаю, что невозможно в двух словах лучше передать суть того убийственного происшествия, в котором принимали участие Нобби Хопвуд, Чеддер по прозвищу Сыр, Флоренс Крэй, мой дядя Перси, Дж. Чичестер Устрица, бойскаут Эдвин и старина Боко Фитлуорт, – или, как впоследствии, наверное, назовут эту историю мои биографы, «Ужас в Стипл-Бампли».

Этот географический пункт у меня еще до описываемых событий занимал первую строчку в списке мест, которые следует как можно дальше обходить стороной. Вам не приходилось замечать: на старинных картах, бывает, какое-то место помечено крестиком и подпись: «Здесь драконы» или «Смотри в оба, тут гиппогрифы»? Что-нибудь в этом же роде, по-моему, надо из человеколюбия написать возле Стипл-Бампли для предостережения пешеходам и транспорту.

Поселение это живописное, не спорю. Равного ему по красотам не найдешь во всем Гемпшире. Оно расположено, как говорится, под сенью деревьев среди улыбчивых нив и лиственных лесных массивов, вблизи речки, текущей под ивами и ветлами, и куда ни бросишь кирпич – попадешь в деревенский домик с белым садиком или в голову румяного деревенского жителя. Но вы же знаете, все эти виды, ласкающие взор, бесполезны там, где мерзок человек^[99]. А беда деревни Стипл-Бампли состоит в том, что в ней находится усадьба «Бампли-Холл», а в усадьбе, в свою очередь, находится моя тетка Агата со своим вторым мужем.

Когда же я скажу, что ее вторым мужем является не кто иной, как Персиваль лорд Уорплесдон, а при нем – его дочь Флоренс и сын Эдвин, несноснейший из всех мальчишек, когда-либо щеголявших в шортах цвета хаки и занимавшихся следопытством, или что там делают эти чертовы бойскауты, вы сразу поймете, почему я всегда отклонял приглашения моего бывшего однокашника Боко Фитлуорта погостить в его летнем домике, находящемся в

той же местности.

Я и по отношению к Дживсу долгое время проявлял такую же твердость, когда он намекал, что неплохо бы нам снять там коттеджик на лето. Дело в том, что в тамошней речке, как всем известно, хоть пруд пруди рыбы, а Дживс принадлежит к числу тех, кто обожает взмахивать над головой крючком с наживкой. «Нет, Дживс, – вынужден был я ему отвечать. – Как ни больно мне лишать вас радостей простой жизни, но там ведь всегда есть риск столкнуться с этой разбойничьей шайкой. Нет уж, безопасность – прежде всего». На что он мне говорил: «Очень хорошо, сэр», – и на том вопрос бывал исчерпан.

Но все это время, неведомо для меня, тень Стипл-Бамп-ли подкрадывалась все ближе, и настал день, когда она сорвала накладную бороду – и набросилась!

Что странно, в то утро, когда со мной произошло это огромное несчастье, я был в самом что ни на есть радужном расположении духа. Ничто не говорило о том, что мне предстоит вляпаться в такую калошу. Я отлично выспался, удачно побрился, приятно принял душ и жизнерадостным возгласом приветствовал появление Дживса с кофе и копчушками.

– Черт подери, Дживс, – говорю, – я сегодня с утра в наилучшей форме. Упиваюсь своей молодостью и готов хоть сейчас взяться за работу, не страшась любой судьбы, как писал Теннисон.

– Лонгфелло^[100], сэр.

– Или Лонгфелло, если вам угодно. Не будем мелочиться. Ну, что новенького?

– Заезжала мисс Хопвуд, когда вы еще спали, сэр.

– В самом деле? Жаль, я ее не повидал.

– Молодая леди хотела войти к вам в спальню и разбудить вас с помощью мокрой губки, но я ее отговорил. Я счел предпочтительным, чтобы ваш сон не был нарушен.

Я одобрял такую бдительность, в ней сказывались, с одной стороны, доброе сердце, с другой – старый феодальный дух. Но в то же время я с огорчением прицокнул языком, сожалея, что разминулся с юной пигалицей, с которой всегда поддерживал самые дружеские отношения. Эта Зенобия (Нобби) Хопвуд была, что называется, «под опекой» у старика Уорплесдона. Несколько лет назад один его приятель, перед тем как отдать концы, оставил свою дочь на его попечение. Как это делается, точно не знаю – наверняка были сочинены соответствующие документы, поставлены подписи над пунктирной линией, – но в результате, когда дым рассеялся, Нобби оказалась подопечной моего дяди Перси.

– Юная Нобби, вы сказали? Давно ли она в нашей столице? – спросил я, поскольку, попав под опеку дяди Перси, она, естественно, влилась в ряды тех, кто обитал в логове Стипл-Бампли, и теперь лишь изредка показывалась в Лондоне.

– Со вчерашнего вечера, сэр.

– И надолго?

– Только до завтра, сэр.

– Стоило ли так далеко тащиться ради одного дня?

– Как я понял, она приехала по настоянию ее сиятельства, для ее сопровождения, сэр.

Я вздрогнул:

– То есть вы хотите сказать, что тетя Агата в Лондоне?

– Всего лишь проездом, сэр, – успокоил мои опасения верный слуга. – Ее сиятельство направляется ухаживать за мастером Томасом, который подхватил в школе свинку.

Дживс говорил о теткинском сыне от первого брака, худшем из наших сограждан. Многие осведомленные люди ставят его в списке величайших злодеев Англии еще выше ее пасынка

Эдвина. Я с удовлетворением услышал о его заболевании, и у меня даже мелькнула шальная надежда, что он сумеет заразить свинкой свою мать.

– А что говорила юная Нобби, Дживс?

– Она выражала сожаление, что так редко теперь видит вас, сэр.

– Взаимно, Дживс, я тоже сожалею. Таких славных малых, как эта Хопвуд, не много найдется на свете.

– Она выразила надежду, что вы найдете возможность в ближайшем будущем посетить Стипл-Бампли.

Я отрицательно покачал головой:

– Исключено, Дживс.

– Молодая леди сообщила мне, что сейчас у них превосходно клюет рыба.

– Нет, Дживс. Мне очень жаль, но, даже если она набрасывается на пустой крючок, все равно к Стипл-Бампли я близко не подойду.

– Очень хорошо, сэр.

Голос у него был мрачный, и я попытался разрядить атмосферу, для чего попросил еще чашку кофе.

– Она одна заходила? – спросил я, имея в виду Нобби.

– Нет, сэр. С нею был джентльмен, который разговаривал так, как будто вы с ним знакомы. Мисс Хопвуд называла его Сыр.

– Могучий такой?

– С заметно развитой мускулатурой, сэр.

– А голова похожа на тыкву?

– Да, сэр, некоторое сходство с этим овощем просматривается.

– Тогда это друг моих юных дней по имени д'Арси Чеддер. Для смеха мы именовали его в своем кругу Сыром. Не виделся с ним тысячу лет. Он проживает где-то в сельской местности, а чтобы общаться с Бертрамом Вустером, требуется как минимум возвращаться в столичных сферах. Удивительно, что он, оказывается, знаком с Нобби.

– Как я понял из слов молодой леди, сэр, мистер Чеддер тоже проживает в Стипл-Бампли.

– Да? Ну и тесен же мир, Дживс.

– Да, сэр.

– Прямо не припомню, чтобы я когда-нибудь видел теснее, – сказал я и уже приготовился развить эту тему, но тут призывно затренькал телефон, и Дживс как штык полетел в переднюю. Сквозь неплотно прикрытую дверь я разобрал многократно повторенные: «Да, ваше сиятельство» и «Очень хорошо, ваше сиятельство» – верный признак того, что у него на крючке какой-то представитель старинной аристократии.

– Кто это был? – спросил я, когда он просочился обратно.

– Лорд Уорплесдон, сэр.

Сейчас, оглядываясь назад, я просто диву даюсь, что так спокойно отозвался на это сообщение, всего лишь произнеся: «Да?» И только. А ведь должен был бы почувствовать, как в мою жизнь, подобно ползучему туману или миазму, все настойчивее вторгается, если можно так выразиться, зловещий мотив Стипл-Бампли; почувствовать, содрогнуться и спросить себя: что бы это значило? Но факт таков. Я нисколько не затрепетал и отреагировал вполне равнодушно.

– Звонок предназначался мне, сэр. Его сиятельство желает, чтобы я немедленно посетил

его в его конторе.

– Он хочет видеть именно вас?

– Да, у меня сложилось такое впечатление, сэр.

– А зачем, он не сказал?

– Нет, сэр. Заметил только, что дело не терпит отлагательства.

Я задумался, жуя рыбку. По-видимому, тут могло быть лишь одно объяснение.

– Знаете, что я думаю, Дживс? Не иначе как он попал в какую-то переделку и нуждается в вашем совете.

– Возможно, что так, сэр.

– Держу пари, что так. Он, конечно, наслышан о ваших выдающихся способностях. Не могло же так быть, чтобы вы оставались в тени вечно. Оказывая всем нуждающимся направо и налево щедрую помощь и поддержку, вы неизбежно должны были приобрести некоторую славу, хотя бы в семейном кругу. Хватайте шляпу и гоните лошадей. Буду с нетерпением ждать вашего отчета. Какая сегодня погода?

– Погода весьма хорошая, сэр.

– Солнышко сияет, и все такое?

– Да, сэр.

– Так я и думал. Потому-то я сегодня и полон бодрости. Пожалуй, выйду прогуляться. Скажите мне, – попросил я, угрызаясь, что вынужден был проявить непреклонность в деле со Стипл-Бампли, и желая вернуть в его жизнь ту светлую радость, в которой ему отказал, лишив его общества местных рыб, – нет ли чего-нибудь такого, что я мог бы для вас сделать в городе?

– Как вы сказали, сэр?

– Может быть, какой-нибудь небольшой подарок?

– Вы чрезвычайно добры, сэр.

– Пустяки, Дживс. Просите что хотите. Не стесняйтесь.

– Недавно вышло новое научно комментированное издание трудов философа Спинозы, сэр, и, коль скоро вы так щедры, я был бы рад получить его.

– Вы его получите. Оно будет без промедления доставлено к вашему порогу. Фамилию автора не перепутали? Спиноза – это точно?

– Точно, сэр.

– Странная какая-то фамилия. Но вам, конечно, виднее. Спиноза, значит? Отмечен Книжным клубом как лучшая книга месяца?

– Насколько я знаю, нет, сэр.

– Первый раз слышу про писателя, который не отмечен Книжным клубом. Ладно. Займусь этим незамедлительно.

И, собрав воедино шляпу, перчатки и аккуратно свернутый зонт, я вышел из дома.

По пути к магазину книжной продукции мысли мои, как вы сами понимаете, снова обратились к таинственному звонку старика Уорплесдона. Меня разбирало любопытство. Никак не мог представить себе, что за неприятность могла случиться у такой солидной личности, как он.

Когда полтора года назад до меня из хорошо осведомленных источников дошло известие, что тетя Агата, вдовевшая на протяжении долгого времени, вздумала вторично рискнуть на законный брак, моей первой эмоцией, естественно, была жалость к самоуверенному бедняге, который рискует пойти с ней к алтарю, – ведь это, как вы, конечно,

знаете, моя злая тетка, та, что ест бутылочное стекло и в полнолуние приносит человеческие жертвы.

Но затем стали поступать свежие подробности, и оказалось, что сей горький жребий достался не кому-нибудь, а лорду Уорплесдону, парходному магнату, и тут мое сострадание сильно пошло на убыль. Я понял, что положение складывается неоднозначное. Даже если в конце концов он у нее и научится прыгать через обруч, победа достанется тете Агате отнюдь не без боя.

Ибо он и сам был малый не промах, этот лорд Уорплес-дон. Я знал его, можно сказать, всю свою сознательную жизнь. Это он в пятнадцать лет – то есть это мне было пятнадцать лет, понятное дело, – застав меня на конюшенном дворе курящим его самые дорогие сигары, гнал меня с хлыстом в руке целую милю по пересеченной местности. И хотя с годами отношения наши, естественно, стали более сдержанными, стоило мне вспомнить о нем, и у меня обязательно бежали мурашки по коже. Окажись я перед выбором между ним и гиппогрифом в качестве спутника в пешем походе, я бы, ни минуты не колеблясь, избрал гиппогрифа.

Трудно было представить, чтобы такой железный человек вынужден был слать Дживсу сигналы бедствия, и я уже воображал компрометирующие письма в руках у алчной блондинки, когда достиг цели своего путешествия и принялся выполнять взятое на себя обязательство.

– Доброе утро, – проговорил я. – Мне нужна книга.

Надо бы мне, конечно, сообразить, как это глупо – говорить, что тебе нужна книга, если явился в книжный магазин. Этим только озадачишь и напугаешь местное население. И действительно, занюханный старикашка, который вышел из угла, чтобы обслужить меня, прямо вздрогнул.

– Книга, сэр? – переспросил он с плохо скрываемым удивлением.

– Спиноза, – уточнил я. Он отшатнулся:

– Вы сказали, Спиноза, сэр?

– Вот именно. Спиноза.

По-видимому, он решил, что, если мы потолкуем с ним об этом как мужчина с женщиной, можно будет в конце концов прийти к обоюдоприемлемому варианту.

– Вы не имели в виду «Спинки и свинки», сэр?

– Нет.

– А не может это быть «Отравленная булавка»?

– Нет, не может.

– Или «С ружьем и фотоаппаратом по дикому Борнео»? – набавил он слов.

– Спиноза, – твердо сказал я, держась своей линии. Он горько вздохнул, понимая, что ситуация вышла из-под его контроля.

– Пойду взгляну, есть ли у нас экземпляры, сэр. А вы пока посмотрите, может быть, все-таки вы имели в виду вот это? Говорят, очень возвышенное сочинение.

И потопал, озадаченно твердя себе под нос: «Спиноза, Спиноза», – а меня оставив с какой-то книженцией в руке.

Я взглянул: сразу видно, гадость. Называется – «Сплин и роза». На обложке какая-то дамочка с зеленым лицом, нюхающая фиолетовую лилию. Я уже собрался отшвырнуть ее и пойти на розыски упомянутой «Отравленной булавки», как вдруг слышу, кто-то у меня за спиной произносит: «Бог мой! Берти!» Оборачиваюсь и вижу, что этот звериный вопль

испустила высокая молодая особа властной наружности, незаметно подкравшаяся ко мне сзади.

– Господи ты Боже мой! Берти! Ты ли это?

Я всхрапнул и попятился, как испуганный мустанг. Передо мной была дочь старика Уорпледона Флоренс Крэй.

А почему я так всхрапнул и попятился при виде ее, сейчас объясню. Я решительно не признаю таких историй, где люди топчутся туда-сюда, хватаются за голову и что-то сильно переживают, а в чем дело, не поймешь, и так до самой последней главы, когда объяснение дает следователь.

Коротко говоря, появление этой барышни так подействовало на меня по той причине, что когда-то давно мы были с ней помолвлены, и даже не так уж и давно. И хотя все тогда кончилось благополучно, дело расстроилось, и в последнюю минуту я все же был спасен от эшафота, но это было, можно сказать, совершенно чудесное спасение, и память до сих пор осталась свежа. Одно упоминание ее имени приводило меня в такую дрожь, что требовалось немедленно пропустить стаканчик или два. Словом, вы легко поймете, каково мне было вот так, нос к носу, столкнуться с нею во плоти.

Я покачнулся, как ива на ветру, тщетно ища подходящую реплику для начала разговора.

– А, привет, привет, – говорю.

Не бог весть что, конечно, но больше ничего не приходило в голову.

Перебирая имена особ женского пола, на которых я в тот или иной момент жизни чуть было не женился, встречаешь порой таких, что страшно вспомнить. Например, упадет взгляд на Гонорию Глоссоп, и дрожь пробегает по всему организму от макушки до пят. И то же самое, если возьмем на букву «Б», скажем, Мадлен Бассет. Но, принимая во внимание все обстоятельства, взвесив хорошенько и то и се, я всегда был склонен считать, что Флоренс Крэй превосходит остальных. Как ни много у нее бесспорно достойных соперниц, все же пальму первенства я бы отдал ей.

Конечно, Гонория Глоссоп была девушка спортивная, что верно, то верно. Ее смех был подобен звуку отбойного молотка, и с детских лет ее отличала привычка со всей силой шлепать вас по спине. Конечно, Мадлен Бассет была слюнтяйка, не приходится спорить. Она постоянно слезилась и поводила очами и считала, что звезды – это веночки божьих маргариточек. Бесспорно, серьезные пороки; но надо отдать справедливость названному отталкивающему дуэту: ни та ни другая не делали попыток меня формировать, а именно этим с первых же шагов занялась Флоренс Крэй, по-видимому, рассматривая Бертрама Вустера всего лишь как кусок пластилина в руке скульптора.

Корень зла заключался в том, что она была из так называемых интеллектуалок, а они с головой погружены в возвышенные заботы и, как только где углядят мужскую душу, сразу же бегут и принимаются подталкивать. Мы едва успели утрясти вопрос, как она тут же занялась моим чтением, изгнала «Кровь на перилах», которую я в тот период штудировал, и подсунула на ее место нечто под названием «Типы этической теории». И даже не думала скрывать, что это всего лишь затравка и что дальше будет еще хуже.

Вы никогда не заглядывали в «Типы этической теории»? Книжица до сих пор стоит у меня на полке. Откроем ее наобум и посмотрим, что нам предлагают. Да вот, например:

«Из двух противоположных понятий греческой философии лишь одно реально и внутренне непротиворечиво; это Идеальная Мысль, противопоставленная тому, что она наполняет собой и формирует. Второе, чему в нашем представлении соответствует Природа, само по себе феноменально, нереально, лишено твердого основания, поскольку не имеет предикатов, которые были бы верны хотя бы два мгновения подряд, иначе говоря, избегает отрицания лишь благодаря включенным реальностям, в нем проявляющимся».

Вот именно. Вам уже, конечно, ясно, о чем речь и отчего при виде ее у меня слегка подкосились ноги. Старые раны закровоточили.

Но смятение, от которого скрючились, подобно побегам ранимой мимозы, пальцы на ногах Вустера в модных замшевых ботинках, нисколько не подействовало на этот материализованный кусок прошлого. Она заговорила со мной так же оживленно и потеткински самоуверенно, как в былые времена. Даже в ту пору, когда я был околдован ее знаменитым профилем, а профиль, надо признать, был что надо и побуждал к произнесению слов, в которых потом раскаиваешься, мне все время казалось, что она проходит обучение на тетку.

– Ну-с, как же ты поживаешь, Берти?

– Спасибо, прекрасно.

– Я на денек приехала в Лондон повидать моего издателя. И подумать только, встретила тебя, да не где-нибудь, а в книжном магазине. Что ты покупаешь? Дешевку какую-нибудь,

конечно?

Ее взгляд, покоившийся на мне, притом с довольно критическим, укоризненным выражением, словно она недоумевала, как это ей могло когда-то прийти в голову соединить свою судьбу с таким недочеловеком, теперь обратился на книгу у меня в руке. Явно сожалел об отсутствии пинцета, которым можно было бы ухватиться за этот предмет, она, брезгливо скривившись, взяла книгу из моих рук.

Взглянула и сразу же преобразилась. Рот перестал кривиться и сложился в довольную ухмылку. Взгляд смягчился. На щеках заиграл румянец. Она чуть ли не захихикала.

– О, Берти!

Что она хотела этим сказать, я не понял. Она часто восклицала «О, Берти!» во времена нашей помолвки, но обычно с таким неприятным призывом в голосе, как будто бы собиралась выразиться похлеще, но вовремя спохватывалась, в последний момент вспомнив о своем славном древнем роде. На этот раз «О, Берти!» прозвучало совершенно иначе. Просто, я бы сказал, нежно. Как будто бы голубка адресует к голубку.

– О, Берти! – повторила она. – Ну конечно, я непременно надпишу тебе ее.

И тут я вдруг все понял. Сначала-то я не заметил, так как разглядывал девицу с зеленым лицом, но теперь углядел внизу на обложке слова: «Роман Флоренс Крэй». Их почти совсем закрыла наклейка: «Избрана Книжным клубом как лучшая книга месяца». Все разом встало на свои места, и от мысли, что я чуть было не женился на романистке, в глазах у меня на миг потемнело.

Она твердой рукой что-то такое начертала в книге, убив всякую надежду на то, что магазин возьмет ее обратно, и выставив меня на семь шиллингов десять пенсов, как говорится, в самом начале рабочего дня. А потом опять проворковала с железом в голосе:

– Надо же! Кто бы подумал, что ты захочешь купить «Сплин и розу»!

Ситуация требовала от меня любезного ответа, и, возможно, в треволнениях минуты я слегка перестарался. По-видимому, мои слова, что я сразу заинтересовался ее треклятым произведением, она поняла в том смысле, что я только о том и мечтал, чтобы приобрести это сокровище. По крайней мере она в ответ одарила меня сладкой улыбкой.

– Не могу тебе сказать, как это меня радует. И не просто потому, что книга – моя, но еще и как знак того, что мои старания развить твой ум не пропали даром. Ты научился любить хорошую литературу.

В эту минуту, словно по сценарию, возник тот занюханный и объявил, что сейчас старика Спинозы у них нет, но они его мне добудут. Он был этим заметно подавлен, зато Флоренс вся рассиялась, как будто кто-то включил рубильник.

– Берти! Это потрясающе! Ты в самом деле читаешь Спинозу?

Приходится удивляться тому, до чего соблазнительен для нас такой порок, как хвастовство. Из-за него гибнут лучшие люди. Казалось бы, чего проще – возразить, что она не так поняла, научно аннотированное издание – это подарок для Дживса. Но вместо того чтобы совершить простой, честный и мужественный поступок, я, как дурак, распушил хвост.

– Да, – говорю, интеллигентно вращая зонтом. – В свободные минуты я обычно устраиваюсь на диване с последней книжкой Спинозы.

– Ну и ну!

Простые слова как будто бы, но дрожь пробрала меня всего, от набриллиантиненной макушки до каучуковых подошв.

Потому что она не только издала этот возглас, но еще и особенным образом на меня

взглянула. Точно так смотрела на меня раньше Мадлен Бассет, когда я явился в «Тотли-Тауэрс», чтобы выкрасть старинный серебряный молочник в виде коровы, а она решила, будто, питая к ней горячую любовь, я не в силах вынести разлуку. Этот убийственный нежный, умильный взгляд пронзил меня насквозь, как раскаленное шило пронзает брикет масла, и я ощутил мистический ужас.

Тут-то я пожалел, что вылез с этим Спинозой, а особенно – что был застигнут в ту минуту, когда можно было подумать, будто я покупаю этот ее чертов роман. Сам того не сознавая, я поднял себя в ее глазах на недосыгаемую высоту, представил ей Бертрама Вустера в совершенно ином качестве и обнаружил перед нею мои сокрытые глубины. Теперь она еще, глядишь, вздумает пересмотреть наши отношения в свете вновь обнаруженных фактов и придет к выводу, что допустила ошибку, разорвав помолвку с таким необыкновенным человеком. И если она заберет в голову что-нибудь в этом духе, страшно подумать, каков может оказаться исход.

Меня охватило горячее желание очутиться где-нибудь подальше отсюда, пока я не свалял еще большего дурака.

– Ну, я побежал, – говорю. – К сожалению, у меня важная встреча. Приятно было снова повидаться.

– Почему бы нам не видеться почаще? – отвечает она, глядя на меня со слезой во взоре. – Поговорили бы, потолковали по душам.

– Да, неплохо бы.

– Развивающийся ум – это так увлекательно. Приехал бы ты как-нибудь в «Бампли-Холл».

– Да вот, столичная жизнь, знаешь ли, она как-то затягивает.

– Я бы показала тебе рецензии на «Сплин и розу». Такие чудесные! Эдвин их вырезает и наклеивает в альбом.

– Посмотрю с удовольствием. Как-нибудь потом. Пока, пока.

– А книжку? Книжку забыл.

– А, спасибо. Ну ладно, всего, – сказал я и вырвался на волю.

Важная встреча, на которую я сослался, предстояла мне с барменом в «Боллинджере». По-моему, я никогда в жизни не испытывал такой острой потребности в укрепляющем снадобье. Я устремился к цели, как лань, которая желает к потокам воды^[101], и вскоре уже совещался с подателем спасительных эликсиров.

А десять минут спустя, ощутимо взбодрившийся, хотя все еще потрясенный, я стоял на крыльце и задумчиво крутил зонт, прикидывая, куда бы податься дальше, как вдруг мое внимание привлекла странная сцена.

На той стороне происходило нечто удивительное.

Бар «Боллинджер» делает свое человеколюбивое дело на полпути вверх по Бонд-стрит, а на противоположной стороне этой оживленной улицы, прямо нос к носу с «Боллинджером», находится заведение любезного и модного ювелира, к которому я обычно заглядываю, когда возникает нужда вложить средства в какую-нибудь бижутерию. И даже как раз теперь, по случаю такой хорошей погоды, я подумывал, не пойти ли купить себе новый портсигар.

Но у входа в ювелирную лавку совершалось некое странное действие. Вдоль фасада прохаживался взад-вперед какой-то криминальный тип, напоминавший своими повадками кота из басни, которому, как говорит Дживс, а уж он-то знает, и хочется, и страх берет. То есть он вроде бы и хотел зайти, но что-то ему мешало осуществить свое намерение. Сделает решительный шаг к дверям и тут же отшатывается назад и стоит, бросая опасливые взгляды вправо и влево, словно боится, что его заметили. За океаном, в Нью-Йорке, во времена «сухого закона», мне случалось наблюдать, как люди выдвигали такие же коленца у входа в бутлегерский кабак.

Тип был крупный собой, и в облике его мне показалось что-то знакомое. Я прищурился, пригляделся, и тут память мне подсказала: этот мясистый торс... голова в форме тыквы... лицо как из розового теста... это не кто иной, как мой старый приятель Чеддер по прозвищу Сыр. Но почему он вертится перед ювелирной витриной, было выше моего разума.

Я устремился через улицу с намерением учинить ему допрос, или экзамен, но как раз в эту минуту он вдруг набрался решимости. Пока я разбирался с проходящим автобусом, он весь подобрался, храбро вскинул голову и ринулся внутрь, как пассажир, влетающий в станционный буфет купить и проглотить порцию джина с тоником за две минуты, пока стоит поезд.

Когда я вошел туда, он, склонившись над прилавком, разглядывал какие-то изделия из рук почтенного продавца. Ткнуть его зонтом в мягкое место было для меня делом одного мгновения.

– Здорово, Сыр! – воскликнул я при этом.

Он сделал пируэт с виноватым видом балетного танцовщика, застигнутого за недоливом пива после отстоя пены.

– А, привет, – буркнул он.

И воцарилось молчание. То есть я хочу сказать, когда встречаются друзья детства, которые не виделись тысячу лет, им бы обменяться громогласными приветствиями и возобновить дружеские отношения. Но в данном случае ничего такого не произошло. Я-то расчувствовался при виде товарища моих детских игр, но вот Дж. д'Арси Чеддер вовсе не проявил ответного восторга. За свою жизнь я встречал немало людей, которым хотелось бы, чтобы Бертрам Вустер очутился где-нибудь не там, где находятся они, и поэтому без труда узнавал симптомы. Именно эти симптомы я сейчас наблюдал у моего бывшего приятеля.

Он оттащил меня от прилавка, загородив своим корпусом место покупки, как будто прятал от меня мертвое тело.

– Что за манеры тыкать в людей своим идиотским зонтом, – сказал он мне заметно обиженным тоном. – Меня чуть родимчик не хватил.

Я любезно извинился, объяснив, что человек с зонтом в руке, если ему посчастливится увидеть старого знакомого в согнутой позе, не может упустить представившейся

возможности, и попробовал завести с ним светский разговор о том о сем, чтобы он успокоился и пришел в себя. Потому что он стоял передо мной такой смущенный, как будто это не я, а высокопоставленный полицейский чин, изловивший его за грабежом ювелирного магазина. Мне было совершенно непонятно, в чем тут дело.

– Да, брат Сыр, – говорю я ему, – давненько мы с тобой не виделись.

– Да, – отвечает он, показывая всем видом, что можно было бы и еще повременить.

– Как жизнь? – спрашиваю.

– В порядке. А у тебя?

– Спасибо, хорошо. По правде говоря, я сегодня чувствую необычайный прилив бодрости.

– Это хорошо.

– Я так и думал, что ты обрадуешься.

– Да, вполне. Ну ладно, Берти, пока. – Он пожал мне руку. – Рад был встрече.

Я от удивления вытаращил глаза. Неужели он всерьез думает от меня так легко отвязаться? Крупные специалисты пробовали отвязаться от Бертрама Вустера, но терпели поражение.

– Я еще не уйду, – успокоил я его.

– Не уходишь? – с тоской переспросил он.

– Нет, нет. Я пока еще здесь. Дживс сказал, что ты заезжал ко мне сегодня утром.

– Да.

– В сопровождении Нобби.

– Да.

– До чего тесен мир.

– Не особенно.

– А Дживс со мной согласен.

– Ну, может быть, слегка тесноват, – вынужден был признать Чеддер. – Я тебя не очень задерживаю, Берти?

– Нет, нет.

– Я подумал, у тебя могут быть где-то дела.

– Да нет. Совершенно никаких дел.

Снова наступило молчание. Он промычал пару тактов модной шансонетки, но как-то безрадостно. И переступил с ноги на ногу.

– Давно ты там обретаешься?

– Где?

– В Стипл-Бампли.

– А-а. Нет, не особенно.

– Нравится тебе там?

– Очень.

– Что ты там делаешь?

– Делаю?

– Ладно, ладно тебе! Ты же меня понимаешь. Боко Фитлуорт, например, сочиняет там литературные произведения для широких масс. Мой дядя Перси, пароходный магнат, расслабляется после дня трудов на ниве пароходного магнатства. А у тебя какой рэкет?

На физиономии у него появилось странноватое выражение, он посмотрел на меня холодно и даже с каким-то вызовом – пусть, мол, я только попробую что-нибудь эдакое

выкинуть. Помнится, точно такой же блеск я видел однажды за стеклами очков соседа в гостинице, когда он признался, что его фамилия Снодграс. Похоже, что мой давний приятель собирался сделать некое постыдное признание.

Но он тут же передумал.

– Да так просто, болтаюсь без дела.

– Болтаешься?

– Ну да. Бездельничаю, знаешь ли. Занимаюсь всякой чепухой, то одно, то другое.

Дальнейшие расспросы в этом направлении не сулили никаких результатов. Было очевидно, что Сыр не склонен к душевным излияниям. И тогда я перешел к другому вопросу, который меня сильно занимал.

– Ну ладно, – говорю, – оставим это. Почему ты топтался?

– Топтался?

– Да.

– Когда?

– Да вот только что. У входа.

– Я не топтался.

– Топтался совершенно явственно. Твой вид привел мне на ум девицу, которая, я слышал на днях от Дживса, шагнула робкими стопами туда, где воды ручья сливались с Речными волнами^[102]. А когда я вошел следом за тобой, ты тут шушукался с продавцом, явно совершая какую-то тайную покупку. Что ты покупаешь, Сыр?

И под моим пронзительным взглядом он пошел на признание. По-видимому, понял, что дальше отпираться бесполезно.

– Кольцо, – признался он вдруг осипшим голосом.

– Что за кольцо? – продолжал я развивать давление.

– Обручальное, – выдавил он из себя, крутя пальцами и всячески демонстрируя, что загнан в угол и сознает это.

– Ты что, обручился?

– Да.

– Вот так так!

Я от души расхохотался, как всегда в таких случаях, но он хриплым голосом, напоминающим рык шакала в Скалистых горах, спросил, какого черта я раскудахтался, и я тут же прекратил, как отрезал, дальнейшее веселье. Я всегда находил, что Сыр, если его раздражить, довольно страшен. Когда-то в Оксфорде я в минуту слабости, сбитый с толку дурными советчиками, вздумал было заняться греблей, а тренером при нас был как раз Чеддер по прозвищу Сыр. Мне до сих пор вспоминаются некоторые его высказывания насчет моего брюха, которое я, по его мнению, справедливому или нет – другой вопрос, выпячивал. Можно подумать, что волжским бурлакам и сплавщикам леса выпячивать живот строго запрещается.

– Я всегда смеюсь, когда слышу о чьем-нибудь обручении, – пояснил я мирно.

Это, похоже, его не размягчило – если я правильно употребляю это слово. Он продолжал пламенеть.

– У тебя есть возражения против моей помолвки?

– Нет, нет!

– Разве я не имею права обручиться?

– Ну, разумеется.

– Что значит «Ну, разумеется»?

Я и сам толком не знал, что значит «Ну, разумеется», может быть, просто «Ну, разумеется» и больше ничего? Все это я попытался ему втолковать, позаботившись о том, чтобы в моих речах звучала утешительная нота. Он вроде бы немного подобрел.

– От души надеюсь, что ты будешь очень, очень счастлив, – произнес я.

Он поблагодарил, правда, сдержанно.

– И девушка хорошая?

– Да.

Ответ без лирики, но мы, Вустеры, умеем читать между строк. Глаза его стали закатываться, лицо цветом и выражением уподобилось благоговейному помидору. Сразу видно, что человек влюблен, как сорок тысяч братьев^[103].

Тут мне пришла в голову одна мысль.

– Это не Нобби? – уточнил я.

– Нет, Нобби помолвлена с Боко Фитлуортом.

– Неужели?

– Да.

– А я и не знал. Кажется, он мог бы мне сказать. Значит, Нобби и Боко охомутились?

– Да.

– Ну и ну. Я вижу, смеющийся бог любви хорошо потрудился в Стипл-Бампли и окрестностях.

– Да.

– Ни минуты простоя. Работа в две смены. А твоя нареченная тоже из тех мест?

– Да. Ее фамилия Крэй. Флоренс Крэй.

– Что-о?!

Это слово сорвалось у меня с языка с некоторым подвыванием, и в ответ он вздернул одну бровь. Наверное, каждый Ромео испытывает легкий шок, когда приятели начинают подвывать, услышав имя его возлюбленной.

– А в чем дело? – спросил он с некоторым напрягом.

Этот возглас с подвыванием вырвался у меня, естественно, от счастья и облегчения. Представляете, ведь если Флоренс связана узами с ним, тогда опасность, перед которой я трепетал, считай, больше надо мной не висит. Спиноза там или не Спиноза, но факт тот, что Бертрам выходит на свободу. Только разве ему это объяснишь?

– Да так, ни в чем, – отвечаю.

– Ты с ней знаком, что ли?

– Да, случалось встречаться.

– Она никогда о тебе не говорила.

– Неужели?

– Ни единого раза. Давно ты ее знаешь?

– Порядочно.

– Вы хорошо знакомы?

– Неплохо.

– Что именно ты подразумеваешь под словом «неплохо»?

– Ну, довольно хорошо. Достаточно хорошо.

– Как вы познакомились?

Меня начала разбирать тревога. Еще вопрос-другой, и он дознается, что его нареченная

была некогда знакома с Бертрамом очень даже близко, гораздо ближе, как я уже упоминал, чем ему бы этого хотелось; а ни одного новоявленного жениха не обрадует известие, что в списке у своей избранницы он, оказывается, стоит не под первым номером. Ему бы хотелось услышать, что дама его сердца безвылазно сидела в башне у окна и проглядела все глаза в ожидании, когда он прискачет к ней на белом коне.

Ну, и я стал лавировать, как мог. Кажется, слово «лавировать» здесь подходит, но надо будет удостовериться у Дживса.

– Ее зверский папаша женился на моей ужасной тетке.

– То есть леди Уорплесдон – твоя тетка?

– А то!

– А раньше ты ее не знал?

– Знал вообще-то. Но слегка.

– Понятно.

Он продолжал всматриваться в меня, словно какой-нибудь следователь из ФБР, беседующий с подозреваемым, и признаюсь без стыда, что ручкой зонта смахнул со лба каплю холодного пота. Тревога по-прежнему терзала меня, не покладая рук, и даже не по-прежнему, а еще энергичнее.

Я осознал теперь то, что поначалу ускользнуло от моего взгляда: отнеся его к разряду Ромео, я ошибся в диагнозе. Правильнее было бы поставить его в один ряд с другим шекспировским героем – Отелло. Очевидно, наш старый приятель Сыр принадлежит к тем нервным женихам, которые рыщут по окрестностям, готовые в бешенстве выпустить кишки из любого жителя округи, которого, по их мнению, можно заподозрить в прошлом или настоящем знакомстве с предметом их обожания. И узнай он даже в самых общих чертах о том, что было между мной и Флоренс, как в нем сразу же проснется и ощерится свирепый пещерный человек.

– Я сказал «слегка» в том смысле, что мы были всего лишь знакомы.

– А-а, всего лишь знакомы?

– Всего лишь.

– Просто встречались раз или два?

– Вот именно. Ты это совершенно точно выразил.

– Понятно. Я спрашиваю, потому что мне показалось, будто тебе стало как-то не по себе, когда ты услышал о нашей помолвке.

– Мне всегда как-то не по себе, когда близится время обеда.

– Ты весь передернулся...

– Это у меня тик.

– И словно бы охнул. Как если бы это известие было тебе неприятно.

– Ну что ты!

– Ты уверен?

– Совершенно.

– Вы же были не более чем знакомы?

– Именно что не более.

– И все-таки странно, что она ни разу о тебе не упомянула.

– Ну ладно, я пошел, – переменял я тему и ушел.

Домой Бертрам Вустер возвращался грустный и озабоченный. К тому же еще ощущалась некоторая дрожь в коленках. Вышеописанная сцена потребовала от меня большой затраты нервной энергии, если я правильно выражаюсь, а на это уходит слишком много сил.

Поначалу от сообщения Сыра у меня действительно гора с плеч свалилась. Я и теперь, закатывая глаза к небу, продолжал возносить безмолвную хвалу Господу. Но мы, Вустеры, как правило, думаем не только о себе, и мысль о том, какая беда грозит этому человеку, наполнила меня под самую завязку ужасом и состраданием. Я понял, что настал момент срочно организовать движение «Спасем Чеддера по прозвищу Сыр». Хотя он мне и не совсем уж такой закадычный друг, как, скажем, Боко Фитлуорт, но все-таки надо же иметь жалость. Я помнил, каково мне было, когда надо мной нависла реальная опасность, что Флоренс Крэй поведет меня к алтарю.

Как он до этого докатился, мне не надо было объяснять. Первопричина состояла в его идиотском стремлении усовершенствовать свою душу, именно оно привело его к мученическому концу. Таких флегматичных здоровяков, как он, обычно притягивают высоты духа.

В деле усовершенствования души все зависит от того, что Дживс называет психологией индивидуума, одни к этому склонны, другие – наоборот. Взять, например, меня. Я бы не сказал, что у меня такая уж великолепная душа, но какая есть, она меня вполне устраивает, я вовсе не хочу, чтобы кто-нибудь совался ее усовершенствовать. «Не прикасайтесь, – говорю я. – Оставьте мою душу в покое. Она мне как раз впору».

Другое дело Сыр. Остановите его на улице и предложите впрыснуть ему в душу духовного витамина – вы найдете в нем восприимчивую аудиторию и последователя, готового испробовать на себе любое средство. Флоренс, должно быть, показалась ему самым подходящим для этого средством, и, наверное, он с удовольствием листал «Типы этической теории», находя, что им как раз место в солдатском ранце на марше.

Но возникает вопрос – и от этой мысли борозды ложатся на чело – надолго ли его хватит? Я хочу сказать, допустим, теперешнее положение ему нравится, но представьте себе, в один прекрасный день он присмотрится к своей душе, увидит, насколько она усовершенствовалась, и скажет: «Чудно. Хорошего понемножку. На этом поставим точку». И тут-то обнаружится, что он навеки связан по рукам и ногам с особой, у которой никакой точки даже в мыслях нет. От этой несчастной доли, иногда именуемой «горьким пробуждением», мне и захотелось его спасти.

Как это сделать, конечно, с ходу не скажешь. Многие на моем месте попросту бы развели руками. Но у меня в то утро голова работала, как электропила, а от двух доз горячительного, принятых у «Боллинджера», мысль простреливала все навывлет. И к тому моменту, когда я поворачивал ключ в замке своей двери, я уже нащупал ответ. Надо написать экстренное письмо Нобби Хопвуд, все ей представить как есть и попросить, чтобы она отвела Сыра в сторонку и растолковала, что ему угрожает. Ведь Нобби, рассудил я, знает Флоренс с детских лет, так что ей и карты в руки.

Но все-таки на всякий случай, чтобы она ничего не упустила, я в письме аккуратно перечислил все пороки Флоренс не только как будущей жены, но и вообще как человека. В это письмо я вложил всю душу и с приятным чувством выполненного долга и сделанного

доброе дела сбегал на угол, где опустил его в почтовый ящик.

По возвращении я нашел Дживса снова на посту. Он справился со своими делами и занимался чем-то по хозяйству в столовой. Я его кликнул, он явился.

– Дживс, – говорю я ему, – вы помните мистера Чеддера, который заходил сегодня утром?

– Да, сэр.

– Я встретил его только что, он покупал обручальное кольцо. Он теперь жених.

– Вот как, сэр?

– Да. И знаете чей? Леди Ф. Крэй.

– В самом деле, сэр?

Мы с ним обменялись многозначительным взглядом. Вернее, двумя многозначительными взглядами: я на него бросил один взгляд, а он на меня – второй. В словах не было нужды. Дживс превосходно знает все подробности взаимоотношений Вустер – Крэй, в тот ответственный период моей жизни он неотлучно находился рядом со мной. Собственно, как я уже писал выше в этих анналах, он-то и вызволил меня тогда из переделки.

– И что особенно больно, Дживс, он вроде бы даже рад этому.

– Вот как, сэр?

– Да, представьте. Скорее доволен, чем наоборот, так мне показалось. Это мне напомнило стихотворение: «Смотрите, как они та-там, та-ра та-ра та-ра-ра», и так далее. Вы, наверное, помните, как там дальше?

– «Увы, не ведая судьбы, несчастные резвятся»^[104], сэр.

– Вот, вот, Дживс. Печальный случай.

– Да, сэр.

– Его необходимо спасти от его собственной глупости, и, к счастью, я уже держу это дело под контролем. Я предпринял нужные шаги и теперь ожидаю благополучного исхода. А теперь, – обратился я к следующему пункту в повестке дня, – расскажите мне про дядю Перси. Вы виделись с ним?

– Да, сэр.

– Просит совета и подмоги?

– Да, сэр.

– Я так и знал! И в чем дело? Шантаж? Хочет, чтобы вы выкрали компромат у водородной блондинки? Угодил в сети какой-то сообразительной авантюристки?

– О нет, сэр. Я не сомневаюсь, что личная жизнь его сиятельства безупречна.

Я взвесил его слова в свете известных фактов.

– Ну, я в этом не так уж уверен. Зависит от того, что понимать под безупречностью. Как-то раз он гонял меня целую милю, весьма метко орудуя охотничьим хлыстом. И притом именно тогда, когда я, выкурив до половины первую в жизни сигару, особенно нуждался в отдыхе и покое. На мой взгляд, человек, способный на такое, далеко не безупречен, а способен на любую подлость. Если не шантаж, так в чем же там дело?

– Его сиятельство оказался в несколько затруднительном положении, сэр.

– Чего ему надо?

Дживс ответил не сразу. Лицо у него сделалось каменным, в глазах появилось настороженное, некоммуникабельное выражение, как бывает у попугая, когда его угощает половинкой банана незнакомый человек, не внушающий ему полного доверия. Понимай,

мол, так, что он, то есть Дживс, не из тех, которые выдают чужие секреты. Я поспешил успокоить его на этот счет:

– Вы же знаете меня, Дживс. Нем, как могила.

– Это большой секрет, сэр. Важно, чтобы дальше никуда не пошло.

– Да у меня его дикие кони не вырвут. Даже если бы попытались, что вряд ли.

– Ну хорошо. Его сиятельство уведомил меня, что он находится в завершающей стадии заключения контракта по чрезвычайно тонкому и важному делу.

– И он хочет, чтобы вы проверили, нет ли в договоре подводных камней?

– Не совсем так, сэр. Но он желал, чтобы я дал ему совет.

– К вам все обращаются за советами, Дживс, все, от великих до ничтожных.

– Благодарю вас за добрые слова, сэр.

– А не говорил он, что это за чрезвычайно тонкое и важное дело?

– Нет, сэр. Но все читают газеты.

– Я, например, не читаю.

– Вы не изучаете финансовые новости, сэр?

– Даже не заглядываю в них.

– В финансовых разделах сейчас уделяют много места сообщениям о предстоящем слиянии пароходной компании его сиятельства «Розовая труба» со столь же влиятельной фирмой в Соединенных Штатах Америки, сэр. Именно на этот контракт его сиятельство намекал в завуалированной форме.

Известие это не произвело на меня сногсшибательного впечатления.

– Два пароходных магната решили встать в одну упряжку?

– Выходит, так, сэр.

– Ну и дай им Бог удачи.

– Да, сэр.

– Имеют право.

– Вот именно, сэр.

– А в чем проблема?

– Возникла довольно затруднительная ситуация, сэр. Дело достигло той стадии, когда его сиятельству необходимо лично встретиться для обсуждения с господином, ведущим переговоры от лица американской компании. В то же время очень важно, чтобы никто не видел его в обществе этого американца, иначе в Сити сразу сочтут, что вопрос уже решен окончательно, и это моментально отразится на курсах акций обоих концернов.

Тут для меня забрезжил некоторый свет. В другие дни с утра после какой-нибудь пирушки или попойки в «Трутнях» у меня бы от таких материй только голова разболелась. Но в то утро, как я уже говорил, я соображал на редкость ясно.

– То есть они поднимутся?

– Резкий подъем неизбежен, сэр.

– И дядю Перси такой оборот дел не устраивает?

– Нет, сэр.

– Потому что он рассчитывает скупить весь пакет до того, как вмешается тысячеголовое чудище – толпа и испортит рынок?

– Именно так, сэр. Rem acu tetigisti.

– Рем – что?

– ... аку тетигисти, сэр. Латинское выражение. Буквально означает: «Ты коснулся сути»

иглой», – но в более вольном переводе...

– Самое оно?

– Совершенно точно, сэр.

– Теперь я все понял. Вы мне разъяснили ситуацию. Попросту говоря, два старых стервятника решили сговориться между собой по секрету от всех, для чего им требуется тайное укрытие.

– Именно так, сэр. Надо иметь в виду, что за передвижениями обоих джентльменов неотступно следят представители финансовых изданий.

– Надо полагать, что в мире коммерции такие темные дела творятся постоянно?

– Да, сэр.

– Остается только посочувствовать.

– Да, сэр.

– Правда, непонятно, зачем дяде Перси еще больше обогащаться. У него и так денег навалом. Но, учитывая то обстоятельство, что он мне родственник, пусть и не по крови, но все же мне следует, по-видимому, принять его сторону. Ну и как, вы что-нибудь придумали?

– Да, сэр.

– Я так и знал.

– Я подумал, что тайную встречу они могли бы незаметно устроить в какой-нибудь затерянной деревенской избушке.

Я поразмыслил над его словами.

– То есть в доме у сельского жителя?

– Вы верно меня поняли, сэр.

– Мне не особенно нравится эта идея, Дживс. По-моему, вы теряете хватку.

– Сэр?

– Ну, например, такое соображение против: как вы обратитесь к этому сельскому жителю, совершенно незнакомому человеку, с просьбой, чтобы он позволил вашим приятелям составлять заговор под его крышей?

– Необходимо, разумеется, чтобы хозяин помещения, где это будет происходить, знал его сиятельство.

– Вы хотите сказать, что это должен быть знакомый дяди Перси?

– Безусловно, сэр.

– Но, Дживс, дорогой мой друг, неужели вы не понимаете, что от этого будет только еще хуже? Задействуйте свою знаменитую голову. В этом случае хозяин сразу же скажет себе: «Эге! Старина Уорплесдон затевает какие-то шашни с неизвестными личностями! С чего бы это, а? Не иначе как заключается сделка о слиянии, про которую так много писали». Тут он выскакивает из дома, бежит звонить своему брокеру и велит, чтобы тот немедленно начал скупать соответствующие акции и не переставая скупал их до полного посинения. В результате все тщательно выпестованные планы дяди Перси рушатся, и он сидит с носом, злой как черт. Вы понимаете мою мысль, Дживс?

– Вполне, сэр. Я не упустил из виду такую возможность. Разумеется, обитателем избушки должен быть джентльмен, которому его сиятельство полностью доверяет.

– Кто, например?

– Ну, например, вы, сэр.

– Но... простите за прямоту, однако я вынужден в ваших же интересах открыть вам глаза... у меня ведь нет никакой избушки.

– Она может быть, сэр.

– Дживс, я вас не понимаю.

– Его сиятельство отдает в ваше распоряжение один из своих домиков, сэр. Он предписал мне передать вам, чтобы вы завтра же отправлялись в Стипл-Бампли...

– В Стипл-Бампли!

– ...где вас ждет небольшое, но комфортабельное жилище, вполне готовое к немедленному заселению, расположенное в живописном месте неподалеку от реки...

Одного упоминания про реку мне было достаточно, чтобы представить себе, что именно произошло. Во всем Центральном районе Лондона едва ли найдется с десяток людей, которых было бы труднее обвести вокруг пальца, чем Бертрама Вустера, когда он с утра в хорошей форме, а я в то утро был в великолепной форме, дальше некуда. И я разгадал коварный заговор.

– Дживс, – говорю я, – вы поступили со мной подло.

– Мне очень жаль, сэр, но я не видел для его сиятельства иного выхода. Не сомневаюсь, что, когда вы увидите этот домик своими глазами, ваше предубеждение против Стипл-Бампли будет преодолено. Конечно, сам я его не видел, но, по словам его сиятельства, он снабжен всеми современными удобствами и имеет одну просторную спальню для хозяина, одну прекрасно обставленную гостиную, водопровод с подачей как холодной, так и горячей воды...

– И все хозяйственные помещения, – заключил я язвительно.

– Да, сэр. Кроме того, вы окажетесь в непосредственном соседстве с мистером Фитлуортом.

– А вы – в непосредственном соседстве с вашими любимыми рыбами.

– Кстати, да, сэр. Об этом я не подумал, но вы и тут совершенно правы. Я бы с превеликим удовольствием посвящал ужению рыбы мгновения досуга, пока мы будем жить в «Укромном уголке».

– Как, вы сказали, этот домик называется? «Укромный уголок»?

– Да, сэр.

Я набрал полную грудь воздуха и шумно выдохнул через ноздри.

– Так вот, слушайте, что я вам скажу, Дживс. Ничего этого не будет. Вы поняли? НЕ БУДЕТ. Я ни за что не соглашусь, чтобы мною, это самое, как это говорится?

– Сэр?

– Ма-ни-пу-лировали, вот как! Ничего себе словечко! В три фута длиной.

– Если позволите, сэр, я могу...

– Бог с ним, Дживс. Сейчас не время пересчитывать буквы и футы. А если вернуться к прежней теме, то я полностью, решительно и бесповоротно отказываюсь ехать в Стипл-Бампли.

– Разумеется, сэр, вы имеете бесспорное право действовать по своему усмотрению, но... Он не договорил и только потер подбородок. Я его понял.

– Но дядя Перси, возможно, меня не одобрит, хотите вы сказать?

– Да, сэр.

– И передаст вопрос на рассмотрение тети Агаты?

– Вот именно, сэр. А ее сиятельство, будучи во гневе, способна внушить ужас.

– Ваша правда, Дживс, – упавшим голосом произнес я. – Ладно. Складывайте вещи.

Справедливо замечено теми, кто пользуется привилегией близкого знакомства с Бертрамом Вустером, что его в первую голову отличает умение держать удары судьбы и довольствоваться тем, что имеешь. Поверженный, как говорится, наземь, он вновь встает, не то чтобы прямо-таки чирикавая, как огурчик, но все же гораздо бойчее, чем можно ожидать, и тут же принимается высматривать у тучки светлую изнанку.

Пробудившись на завтра и спросонья нажимая на звонок, чтобы получить утреннюю чашку чаю, я заметил, что хотя по-прежнему смотрю в будущее с опаской, однако же не так жестоко угнетен, как накануне вечером. По коже все еще вприпрыжку бежали мурашки при мысли о том, как я попаду в зону влияния дяди Перси и его присных, но мне удалось углядеть в положении вещей одно сравнительно светлое пятно.

– Мне кажется, вы упомянули, Дживс, – заметил я по этому конкретному поводу, когда он вошел с чаем на подносе, – что тети Агаты не будет в Стипл-Бампли к моменту нашего торжественного прибытия?

– Да, сэр. Ее сиятельство предполагает некоторое время отсутствовать.

– Если она намерена пробыть с юным Томасом, пока его окончательно не откачают от свинки, то очень может статься, что я с ней вообще не пересекусь.

– Вполне вероятно, сэр.

– Уже неплохо.

– Да, сэр. И я рад сообщить вам еще одно приятное известие. Вчера во время своего визита сюда мисс Хопвуд упомянула вскользь о костюмированном бале, который должен состояться в Ист-Уайбли, ближайшем городе от Стипл-Бампли. Вы сможете принять в нем участие, сэр.

– Непременно, – согласился я, так как способен переплясать любого Фреда Астера^[105], а что до карнавалов, то это мое самое любимое развлечение. – Когда начало?

– Завтра вечером, как я слышал, сэр.

– Прекрасно! Мои горизонты посветлели. Сейчас позавтракаю и пойду куплю себе маскарадный костюм. Синдбад-мореход, как по-вашему, годится?

– По-моему, ничего не может быть лучше, сэр.

– Не забыть только рыжую бороду к нему.

– Обязательно, сэр. Без бороды никак нельзя.

– Если вы уже упаковали большой чемодан, можно будет запихнуть маскарадный костюм в маленький.

– Очень хорошо, сэр.

– Мы поедем, конечно, на автомобиле.

– Может быть, будет лучше, сэр, если я приеду следом на поезде.

– Нельзя ли не так высокомерно, Дживс? Это не по-компанейски.

– Я упустил сообщить вам, сэр, что звонила мисс Хопвуд. Она интересовалась, не захватите ли вы ее в автомобиль. И я, полагая, что это соответствует вашему желанию, взял на себя смелость выразить от вашего имени согласие.

– Понятно. Да, я не против.

– Звонила также ее сиятельство.

– Тетя Агата?

– Да, сэр.

– Надеюсь, никаких глупостей, что, мол, она раздумала сплачиваться вокруг юного Томаса?

– О нет, сэр. Она просто просила передать вам ее пожелание, чтобы вы по пути в Стипл-Бампли заехали в ювелирный магазин «Эспиналь» и забрали брошь, которую она там вчера купила.

– Да? А почему именно я? – спросил я не без язвительности, так как меня раздражает неумение этой родственницы различать, где ее племянник, а где мальчик на посылках.

– Насколько я понял, брошь предназначена в подарок леди Флоренс, отмечающей сегодня день своего рождения. Ее сиятельство желает, чтобы вы лично передали эту вещь по назначению, ибо, если действовать обычным путем, подарок попадет в руки юбилярши по прошествии знаменательной даты.

– Иначе говоря, по почте он вовремя дойти просто не успеет?

– Вот именно, сэр.

– Понятно. Это может быть.

– Ее сиятельство была не вполне уверена, что вы сумеете благополучно выполнить ее поручение...

– Вот еще!

– ...но я заверил ее в том, что вам это вполне под силу.

– Хо! – обиженно произнес я в ответ и задумался, держа перед глазами кусочек сахара на ложечке. – Так, значит, сегодня день рождения леди Флоренс? Это ставит передо мной деликатный вопрос, в связи с которым я был бы рад услышать ваше мнение. Следует ли мне со своей стороны тоже подкинуть что-нибудь?

– Нет, сэр.

– В этом нет нужды, вы считаете?

– Нет, сэр, после всего, что произошло.

Я обрадовался. Понимаете, при всем желании безотказно быть на высоте галантности, подарки – это дело очень тонкое, получательницы часто истолковывают их не так, как следует. После Спинозы и «Сплина» самый пустяковый флакон духов мог бы придать моей неотразимости такую силу, что эта стерва, глядишь, еще задумает отставить Чеддера и обратить глаза в другую сторону.

– Ну что ж. Верю вам на слово, Дживс. Значит, никаких подарков для очаровательной Ф. Крэй.

– Никаких, сэр.

– Но раз уж речь зашла на эту тему, Дживс, нам в скором времени понадобится подыскать подарок для юной Хопвуд.

– Сэр?

– Свадебный. Она взяла и обручилась с Боко Фитлуортом.

– Вот как, сэр? От души желаю молодой леди и джентльмену всяческого счастья.

– Отлично сказано, Дживс. Я тоже. Этот брачный стовор, замечу сразу же, я полностью одобряю, что бывает далеко не во всех случаях, когда я слышу о помолвке старого друга.

– Да, сэр.

– Очень часто при этом меня подмывает – например, сейчас в отношении бедняги Сыра – ухватить жениха зубами за брюки и оттащить прочь от опасности, как верные псы оттаскивают своих хозяев от края пропасти в безлунную, темную ночь.

– Да, сэр.

– Но тут у меня не возникает ни малейших опасений. Обе договаривающиеся стороны сделали наилучший выбор, так что я с легким сердцем приобрету набор вилок для рыбных блюд. Больше того, я даже согласен, если надо, быть шафером и произнести спич на свадебном завтраке, а дальше уж, кажется, некуда.

– Это верно, сэр.

– Ну, хорошо, Дживс, – сказал я, откидывая одеяла и вставая с одра сна. – Запускайте яичницу с беконом, через минуту я буду с вами.

Позавтракав и выкурив успокаивающую сигарету, я вышел на простор, так как у меня была с утра уйма дел. Я заглянул в «Эспиналь» и получил брошку, затем устремился на Ковент-Гарден в заведение «Братьев Коген», пользующееся славой среди посвященных как Мекка для покупателей самых лучших маскарадных костюмов. Там мне, к счастью, смогли предложить нужного мне Синдбада, последний оставшийся костюм, а в близлежащем магазине театральных париков я получил великолепную рыжую бороду и тем самым был полностью укомплектован.

Возвратясь восвояси, я обнаружил уже стоящий у дверей автомобиль, из багажного отделения которого выглядывал недвусмысленно женский чемодан. А это означало, что Нобби на месте, и действительно, как я и ожидал, она сидела в гостиной и потягивала из стакана освежающее питье.

Поскольку со дня нашей последней встречи прошло изрядно времени, естественно, сразу же начались разные ужимки и прыжки и взаимное панибратство. Затем я, в свою очередь, сглотив порцию освежающего, повел ее к автомобилю и загрузил на сиденье. Чемоданчик с Синдбадом Дживс, согласно моим указаниям, устроил под передним сиденьем, чтобы я лично за ним приглядывал, и все было готово к отплытию. Я нажал на стартер, мы двинулись в путь, а Дживс остался на тротуаре, провожая нас взглядом, точно архиепископ, благословляющий паломников. Весь вид его выражал готовность вскорости последовать поездом в сопровождении тяжелого багажа.

Хотя мне и жаль было расставаться со своим надежным помощником, чье общество и разговор так возвышают душу и наставляют ум, но все-таки я радовался, что оказался с Нобби один на один. Мне хотелось услышать из первых уст все сведения о предстоящем союзе. Обе договаривающиеся стороны входили в круг моих самых близких друзей, и весть об их помолвке меня странным образом растрогала.

Я не из тех, кто болтает на улицах за рулем автомобиля, и, пока мы не вырвались из городской толчеи на простор, я хранил каменное безмолвие, не разжимая губ и не отводя взора от дороги. Только когда мы уже катили по Портсмутской дороге и не наблюдалось больше никаких помех для разговора, я приступил к делу.

– Так, значит, вас с Боко поманили флердоранжевые кущи? – начал я. – Я узнал об этом вчера от Сыра и пришел в большое волнение.

– Но ты же одобряешь?

– Полностью. Превосходная мысль, на мой взгляд. По-моему, вы оба сделали верный выбор, и давайте жмите дальше в том же направлении. Я всегда считал тебя отличным малым.

Она поблагодарила за лестный отзыв, а я заверил ее, что она его заслуживает.

– А что до Боко, – продолжал я, – то таких, как он, вообще раз-два и обчелся. Я мог бы порассказать тебе немало в доказательство того, что ты поставила на победителя.

– Мне не надо доказывать.

Голос ее звучал так нежно и томно, совсем как у курицы, квохчущей над снесенным яйцом, сразу видно, что относительно нее Купидон свои обязанности выполнил. Я крутанул руль, чтобы избежать столкновения с проходящей собакой, и вновь обратился к своему вопроснику. В таких делах я всегда стараюсь уяснить все подробности.

– Как давно вы сговорились?

– Примерно неделю назад.

– Но ты еще раньше чувствовала, что к тому идет?

– О да. Сразу, как мы познакомились.

– Когда именно?

– В конце мая.

– Значит, это любовь с первого взгляда?

– Да.

– С его стороны тоже?

– С его стороны тоже.

Можно без труда понять, как Боко с первого взгляда влюбился в Нобби, ведь Нобби – замечательная девушка, щедро одаренная всевозможными достоинствами. Но как могла она с первого взгляда влюбиться в Боко, это выше моего разума. При первом взгляде на Боко вашим глазам открывается субъект с лицом ученого попугая, одетый к тому же, как принято среди высокообразованной молодежи, на манер бродячего велосипедиста – в свитер с воротом под горло и в серые фланелевые брюки с заплатой на колене, что создает общее впечатление чего-то такого, что провалялось ночь под дождем в мусорном баке. Единственный случай, когда мне довелось наблюдать Дживса по-настоящему ошарашенным, это при первом знакомстве с Боко. Бедняга вздрогнул, отшатнулся и на подкашивающихся ногах побрел в кухню, наверняка чтобы подкрепиться там кулинарным хересом.

Я описал Нобби этот случай, и она сказала, что да, конечно, она понимает.

– Можно было бы подумать, что он из тех, к кому привязываешься постепенно, со временем, а прежде надо привыкнуть, да? Представь себе, ничего подобного! Было одно мгновение сначала, когда у меня мелькнула мысль, что все это мираж, а потом – ба-бах! – точно громом ударило.

– Прямо вот так, моментально?

– Да.

– И он реагировал таким же образом?

– Таким же.

– Ну, тогда я чего-то недопонимаю. Ты сказала, вы познакомились в мае, а сейчас у нас июль на дворе. Почему же у него так много времени ушло на ухаживание?

– Он вообще-то не то чтобы ухаживал за мной.

– Что значит: вообще не то чтобы ухаживал? Либо ухаживают за девушкой, либо не ухаживают. Третьего пути не дано.

– Были причины, по которым он не мог дать себе волю.

– Ты говоришь загадками, юная Нобби. Однако же ладно, как бы там ни было, но в конце концов он все же уладил это дело. Когда же зазвонят колокола в деревенской часовенке?

– Не знаю, будет ли это когда-нибудь.

– Как ты сказала?

– Дядя Перси, видимо, полагает, что нет.

– Не понимаю...

– Он не одобряет нашу помолвку.

– Что?!

Я был поражен. Мне даже подумалось, не шутит ли она? Однако, приглядевшись попристальнее, я заметил плотно сжатые губы и затуманенное чело. Эта юная Хопвуд в обычном состоянии – синеглазая малявка с оживленной рожцей. Но сейчас рожца, о которой идет речь, была вся перекошена мукой, словно ее хозяйка проглотила тухлую устрицу.

– Ты это всерьез?

– Всерьез.

– Ну и ну! – воскликнул я.

Потому что дело это было непростое. Нобби, как я уже говорил, находилась под опекой. И обычно, насколько я понимаю, когда девушку А помещают под опеку господина Б, в контракт включают условие, что не может быть никаких разговоров о ее замужестве без согласия ответственного лица до достижения ею двадцатиоднолетнего, или сорокаоднолетнего, или еще уж не знаю какого возраста. Так что, если у дяди Перси действительно имелся антибоковский комплекс, за ним оставалось полное право закрыть всю лавочку бестрепетной рукой.

– Но почему? Я не понимаю. Помешался он, что ли? Боко Фитлуорт среди нас – один из самых завидных женихов. Зарабатывает своим пером кучу денег. Его писания встречаются повсеместно. Эта его пьеса, что шла в прошлом сезоне, имела немалый успех. А на днях в «Трутнях» я слышал, что его приглашают в Голливуд. Это правда?

– Правда.

– Ну, вот видишь.

– Все это так, я знаю. Но ты упускаешь из виду, что дядя Перси принадлежит к тем людям, которые с подозрением относятся к писателям. Он сомневается в их платежеспособности. Он всю жизнь занимается бизнесом и не представляет себе, что у кого-то еще, кроме бизнесмена, могут быть деньги.

– Да, но Боко без пяти минут знаменитость. В «Сплетнике» была опубликована его фотография.

– Верно, но дядя Перси считает, что писательский успех сегодня есть, а завтра улетучился без следа. Может быть, сегодня у Боко дела и в порядке, но дядя считает, что в

любой момент его заработка могут прекратиться. И представляет себе, как через год или два ему придется вытаскивать Боко из очереди за бесплатным супом для безработных, да еще потом всю жизнь содержать его и меня и полдюжины маленьких Фитлуортиков. Ну, и потом он вообще с самого начала был предубежден против Боко.

– Из-за брюк?

– Отчасти, может быть, и из-за брюк.

– Глупости. Боко – писатель. Дядя Перси должен бы знать, что писателям позволено многое из того, что запрещается другим. И кроме того, хотя я и не хотел бы, чтобы это слышал Дживс, но брюки – это еще не все.

– Но настоящая причина в том, что он считает Боко мотыльком.

Я окончательно перестал ее понимать. Она меня совершенно запутала. В жизни своей не встречал человека, так мало похожего на мотылька, как старина Боко.

– Как это – мотыльком?

– Ну да, которые порхают с цветка на цветок и лакомятся сладким нектаром.

– А дядя Перси не любит мотыльков?

– Тех, что порхают и лакомятся, – нет.

– Откуда ему могло взбрести в голову, что Боко из тех, что порхают и лакомятся?

– Понимаешь, когда он только появился в Стипл-Бампли, он был обручен с Флоренс.

– Что-о?

– Это она настояла на том, чтобы он там поселился. Вот что я имела в виду, когда сказала, что он не мог, как ты говоришь, по-настоящему, с полным размахом ухаживать за мной с самого начала. Помолвка с Флоренс немного связывала ему руки.

Я был изумлен. Я чуть было не переехал курицу от волнения.

– Помолвка с Флоренс? Он мне об этом не рассказывал.

– Вы ведь довольно давно не виделись.

– Да, это верно. Ну, знаешь ли! А ты слышала, что я тоже был одно время помолвлен с Флоренс?

– Конечно.

– А теперь она помолвлена с Сыром.

– Да.

– Надо же, какие чудеса. Необъяснимо, вроде великого переселения народов, о котором пишут в учебниках.

– Наверное, это из-за ее профиля. У нее красивый профиль.

– Если смотреть слева.

– И справа тоже.

– Д-да, пожалуй, справа до некоторой степени тоже. Но исчерпывающее ли это объяснение? По-моему, в наш занятой век невозможно постоянно виться вокруг женщины так, чтобы всегда смотреть на нее сбоку. Я все же нахожу загадочным это стремление половины человечества обручаться с Флоренс. Значит, вот почему дядя Перси холоден к Боко?

– Ледовит.

– Ясно. Его точку зрения можно понять. Ему не нравится такое перескакивание. Вчера Флоренс, сегодня ты. Он считает, что ты – просто еще один цветок, на который Боко перепорхнул с целью полакомиться нектаром.

– Наверное.

– И вдобавок он еще сомневается в его финансовых возможностях.

– Да.

Я задумался. Если дядя Перси в самом деле считает Боко мотыльком, способным в любой миг пойти по миру, – это для юных грез любви крупная неприятность. Я хочу сказать, и в богатом-то мотыльке нет ничего хорошего. Но он по крайней мере сам платит за квартиру. С каким же отвращением должен относиться человек старой консервативной закалки к тому, от кого вполне можно ожидать, что он всю жизнь будет являться к нему за подачками.

Но тут со свойственным Вустерам умением видеть светлую сторону я сообразил, что еще не все потеряно.

– С какого возраста ты имеешь право выйти замуж без дядиной резолюции?

– С двадцати одного года.

– А сейчас тебе сколько?

– Двадцать.

– Ну вот! Я знал: если взглядеться попристальнее, то увидишь, что солнце по-прежнему сияет. Надо подождать всего год – и нет проблем.

– Да. Но Боко через месяц уезжает в Голливуд. Не знаю, какого мнения ты об избраннике моего сердца, но, на мой любящий, внимательный взгляд, у него не такой характер, чтобы его можно было выпустить в Голливуд без жены, которая могла бы отвлекать его внимание от местной фауны.

Эти слова неприятно поразили меня, и в ответ я запустил в нее беспощадный крученный мяч:

– Без полного доверия не бывает взаимной любви.

– Кто это тебе сказал?

– Не знаю, наверное, Дживс. Изречение в его духе.

– Так вот, Дживс ошибается. Очень даже бывает взаимная любовь без полного доверия, имей это в виду. Я люблю Боко до безумия, но от одной мысли, что он уедет в Голливуд, а я останусь, меня просто оторопь берет. Сознательно он, конечно, меня не предаст. У него это как бы само получится. В одно прекрасное утро я получу покаянную телеграмму с известием, что накануне вечером он каким-то непонятным образом случайно женился, и как я думаю, что теперь делать? Такая уж у него, у моего хорошего, импульсивная натура. Ответить «нет» он просто не способен. Так он, должно быть, и с Флоренс тогда обручился.

Я задумался, нахмутив брови. Действительно, после ее разъяснений положение уже не казалось мне таким простым.

– Как же быть, по-твоему?

– Не знаю.

Я нахмурился вторично:

– Надо что-то предпринять.

– Но что?

Тут мне пришла в голову ценная мысль. У нас, Вустеров, часто так бывает. Кажется, попал в беспросветный тупик, а потом вдруг – раз! – и осенило.

Я сказал:

– Предоставь все мне.

Я просто-напросто сообразил, что, поселяясь ради дядюшки Перси в «Укромном уголке», я оказываю ему крупную услугу, и, если только он не совсем уж неблагодарное

чудовище, ему придется отплатить мне добром за добро. Я без труда представил себе, как он жмет мне руку и говорит, что благодаря мне контракт удалось заключить и теперь я могу просить у него что угодно, он ни в чем мне не откажет.

– Тут, – сказал я, – потребуется тактичное вмешательство безупречно светского человека, сладкоречивого оратора, который, отозвав дядю Перси в сторону, замолвит за вас словечко, смягчит его сердце и уговорит взглянуть на вещи шире и разумнее. Это я беру на себя.

– Ты?

– Я самый. Все будет сделано в ближайшие день-два.

– О, Берти!

– Мне приятно оказать тебе помощь. Можно ожидать положительных результатов. Надеюсь, что он будет в моих руках подобен этому, как его, струнному инструменту.

Нобби выказала горячий девичий восторг:

– Берти, ты душка!

– Возможно. В какой-то мере.

– Ты чудесно придумал. Ведь ты так давно знаешь Боко.

– Практически с рождения.

– И ты столько хорошего можешь про него рассказать. Бывало в детстве, что он спасал тебе жизнь?

– Что-то не припомню.

– Можно ведь сказать, что бывало.

– Думаю, не стоит. Дядя Перси относился ко мне в этом возрасте без особой нежности. Ему бы, наверное, приятнее было услышать, что Боко в детстве неоднократно пытался меня укокошить. Ладно, все равно, предоставь это мне. Я найду подходящие слова.

Все это время, естественно, мой спортивный автомобиль знай себе катил по направлению к Стипл-Бампли, держа стрелку спидометра на шестидесяти или около. И вот теперь Нобби известила меня, что мы приближаемся к цели.

– Вон те высокие трубы за деревьями – это «Бампли-Холл». А видишь, просека отходит влево? Тут свернуть, и скоро будет домик Боко. А твой на полмили дальше, там будет еще поворот. Ты вправду поговоришь с дядей Перси?

– Не сомневайся.

– Не струсишь?

– Никогда.

– Хотя не исключено, что твое вмешательство не понадобится. Понимаешь, я подумала, что дяде Перси и Боко надо поближе познакомиться, тогда, может быть, дядя Перси его полюбит. И хотя это было непросто, я устроила так, чтобы сегодня дядя пришел к Боко обедать. Очень надеюсь, что обед прошел благополучно. Все зависит от того, как Боко себя вел. До сих пор, встречаясь с дядей, он всегда держался ужасно скованно. Я со слезами на глазах умоляла его дать себе волю, быть остроумным и непринужденным, и он обещал, что постарается. Так что я надеюсь на лучшее.

– Я тоже, – сказал я и, если память мне не изменяет, похлопал ее по руке. Затем, подъехав к «Бампли-Холлу», выгрузил ее и еще раз заверил, что, даже если у Боко за обедом выйдет осечка с обаянием, я позабочусь о том, чтобы дело кончилось благополучно. После чего, жизнерадостно махнув рукой на прощание, дал задний ход, развернулся и поехал по указанной ею просеке.

Но к этому времени вследствие нашего долгого разговора у меня появилась вполне ощутимая жажда и возникла мысль, несмотря на вполне естественное нетерпение поскорее занять свою квартиру, что надо бы все же по пути остановиться у Боко, чтобы он выставил необходимый утолитель. Увидев белый домик над рекой, я предположил, что это как раз и есть Боково обиталище, ведь, согласно указаниям Нобби, я должен по пути в «Укромный уголок» проехать мимо него.

Я остановился на траверсе и, заметив сбоку распахнутое окно, приблизился и свистнул.

Сиплый возглас, раздавшийся в ответ, и небольшая фарфоровая фигурка, пролетевшая у самого моего уха, послужили мне знаком того, что мой старый друг находится дома.

Фарфоровая фигурка на лету едва не врезала мне по уху, я непроизвольно вскрикнул: «Ой!» – и словно в ответ на мой возглас в окне показался Боко. Волосы у него были всклокочены, физиономия раскраснелась – по-видимому, от занятий литературой. Вообще, как я уже говорил, этот литературный деятель внешне напоминает помесь циркового клоуна с попугаем, которого протащили хвостом вперед сквозь колючую изгородь; но особенно непрезентабельный вид у него бывает за работой. Естественно, я предположил, что прервал его в самом заковыристом месте посередине главы.

Сначала сквозь очки в роговой оправе он устремил на меня пламенный, испепеляющий взор, но, когда пригляделся и узнал меня, пламя за стеклами погасло и сменилось недоумением.

– Господи, Берти! Это ты?

Я подтвердил, что да, это действительно я, а он извинился за то, что швырялся в меня фарфоровыми предметами.

– Зачем ты кричал, как малая ушастая сова? – укоризненно сказал Боко. – Я решил, что это юный Эдвин. Он пробирается сюда тайными тропами, чтобы оказать мне какую-нибудь добрую услугу, и всегда оповещает о своем присутствии криком малой ушастой совы. Я постоянно держу под рукой на столе боеприпасы. Откуда ты, чертяка, взялся?

– Из нашей древней столицы. Только что приехал.

– Мог бы догадаться выслать телеграмму. Я бы заколол упитанного тельца.

Было ясно, что у него сложилось ошибочное представление.

– Я не к тебе приехал, – уточнил я. – Я сам расположился тут поблизости в небольшом домике, который находится дальше по этой дороге, как мне сказали.

– В «Укромном уголке»?

– Именно.

– Ты снял «Укромный уголок»?

– Да.

– Чего это ты вдруг вздумал?

Я предусмотрел, что от меня может потребоваться какое-то объяснение, и ответ был у меня готов. Относительно истинной причины моего появления в Стипл-Бампли на мне, само собой, лежала печать молчания, так что тут требовалась выдумка.

– Дживсу захотелось поудить здесь рыбу. И кроме того, – поспешил я добавить, чтобы получилось правдоподобнее, – как мне сообщили, завтра вечером в этих краях должен разразиться бал-маскарад. Ну а ты знаешь, как на меня действуют слухи о таких мероприятиях. Как глас трубы на боевого коня. А теперь, – заключил я, облизывая пересохшие губы, – как насчет прохладительного питья? С дороги мой организм слегка обезвожен.

Я залез в окно и плюхнулся в кресло, а Боко отправился за исходными продуктами. Вскоре он возвратился с позвякивающим подносом в руках, и, после того как мы обменялись общепринятыми приветствиями и поболтали о том о сем, я в соответствии с требованиями вежливости поздравил его с помолвкой.

– Я говорил Нобби, когда вез ее сюда в своем автомобиле, что просто не представляю себе, как могла девушка, какую ни возьми, влюбиться в тебя с первого взгляда. Мне бы

казалось, что это за пределами человеческих возможностей.

– Я и сам был поражен. Едва на ногах устоял от изумления.

– Еще бы. Хотя, если подумать, самые неожиданные личности способны зажечь в чьем-то сердце искру страсти. Взять, например, мою тетю Агату.

– О да!

– Или Сыра.

– Ты уже знаешь про Сыра?

– Я застал его в ювелирном магазине за покупкой кольца и услышал лично от него, в какой переплет он угодил.

– Радуюсь, что я сам цел остался.

– И я тоже. Нобби считает, что такое действие оказывает ее профиль.

– Вполне возможно.

Наступила тишина, нарушаемая лишь мелодичным звоном стаканов, наполняемых по второй. Выпив, Боко испустил глубокий вздох и высказался в том духе, что жизнь – странная штука; а я полностью согласился, что действительно, очень даже странная во многих отношениях.

– Возьми мой случай, – продолжал он. – Нобби тебе описала ситуацию?

– Про то, что дядя Перси чинит препятствия? Да.

– Ничего себе историйка, а?

– Мне тоже так показалось. Сердце кровью обливается.

– Подумать только, чтобы жениться, требуется чье-то согласие, и это в наш просвещенный век! Анахронизм какой-то. Попробуй сочинить рассказ с таким сюжетом – не подойдет даже для дамского журнала. Кажется, твоя тетя Даля издаст журнальчик для женского чтения?

– Да, «Будуар элегантной дамы». Еженедельник по шесть пенсов. Я один раз опубликовал там статью «Что носит хорошо одетый мужчина».

– Никогда в руках не держал, но не сомневаюсь, что это журнальная продукция низшей категории. И однако, если бы я предложил твоей тетке рассказ о том, как девушка не может выйти замуж за любимого человека без согласия какого-то жалкого главы семейства, сама же твоя тетка меня бы и осмеяла. То есть заработать честный пенни я на этой глупости не могу, но она вполне может послужить препятствием и погубить мою жизнь. Ничего себе!

– А что тебе будет, если пренебречь?

– Упекут в кутузку, я думаю. Или это – только если женишься на воспитаннице королевского приюта без согласия лорд-канцлера?

– Тут я пас. Можно спросить у Дживса.

– Да, Дживс, конечно, знает. Он у тебя с собой?

– Двигается следом с крупным багажом.

– Как он вообще сейчас?

– Нормально.

– Мозги работают?

– Еще как!

– Тогда, может быть, он придумает для меня какой-нибудь выход из положения.

– Дживс нам не понадобится. Этим делом занимаюсь я сам. Я обращусь к дяде Перси и склоню его в вашу пользу.

– Ты?!

– Интересно, что то же самое сказала Нобби. И точно таким же удивленным тоном.

– Но я думал, ты его боишься до остолбенения?

– Верно. Однако я смог оказать ему серьезную услугу и теперь имею на него большое влияние.

– Что ж, отлично, – произнес Боко, посветлев. – Тогда действуй, Берти. Но имей в виду, – добавил он, снова потемнев, – это будет нелегко.

– Там посмотрим.

– Нечего смотреть. Я точно знаю. После всего, что случилось за обедом...

У меня на сердце вдруг ощутимо заскребли кошки.

– За обедом, которым ты угощал дядю Перси?

– Вот-вот.

– Он что, прошел не слишком благополучно?

– Не слишком.

– Нобби предвкушала, что этот обед решит все вопросы.

– Дай ей Бог здоровья, маленькой оптимистке.

Я устремил на него пронизательный взгляд. Выражение лица у него было явно не из радостных. Кончик носа безнадежно морщился. Складки заботы и страдания недвусмысленно бороздили чело.

– Расскажи мне все, – попросил я. Он испустил тяжелый вздох.

– Понимаешь, Берти, эта ее затея с самого начала была ошибкой. Нельзя было сводить нас вместе. А уж если пришлось нас свести, то хоть бы она не велела мне быть остроумным и непринужденным. Ты знаешь, что она мне велела быть остроумным и непринужденным?

– Да. Она сказала, что в присутствии дяди Перси ты иногда бываешь несколько скован.

– Я всегда бываю несколько скован в присутствии пожилых джентльменов, которые при виде меня фыркают, как пароходная сирена, и смотрят на меня изничтожающе, словно я – агент Москвы, распространяющий красную заразу. У меня тонкая, возбудимая художественная натура. Старый склеротик меня терпеть не может.

– Нобби мне говорила. По ее словам, причина в том, что он считает тебя мотыльком. А я лично думаю, что всему виной твои серые фланелевые брюки.

– А они-то чем плохи?

– Ну, в первую голову, заплатой на колене. Она сразу создает неблагоприятное впечатление. У тебя нет других брюк?

– Кто я, по-твоему, Бо Браммел^[106]? Я не стал углубляться в эту тему.

– Рассказывай дальше.

– На чем я остановился?

– На том, что ты сплоховал, стараясь быть остроумным и непринужденным.

– А, ну да. Из-за этого все так и получилось. Понимаешь, первое, что должен сделать человек, которому велят быть остроумным и непринужденным, – это спросить себя: насколько остроумным? До какой степени непринужденным? Должен ли он, говоря иными словами, умеренно лучиться, или же от него требуется распоясаться на всю катушку? Я думал, думал и решил не останавливаться ни перед чем и пуститься во все тяжкие. Это, как я теперь понимаю, было ошибкой.

Он замолчал и на какое-то время погрузился в задумчивость. Мне было ясно, что его одолевает неприятное воспоминание.

– Ты, Берти, – очнувшись наконец, произнес он, – не обедал, случайно, в «Трутнях»

в тот день, когда Фредди Уиджен принес к столу «шутейные товары»?

– «Шутейные товары»?

– Такие вещицы, которые рекламируются в игрушечных магазинах как средство создать за обедом непринужденную атмосферу, чтобы все обедающие покатывались со смеху. Ну, знаешь, Подскакивающая Тарелка, стакан-Проливайка, Солонка с Сюрпризом.

– А-а, эти.

Вспомнив тот вечер, я захохотал от души. Китекэт Поттер Перебрайт как раз переживал муки похмелья, и мне в жизни не забыть, что с ним было, когда он взялся за кольцо с салфеткой, а оттуда с писком выбежала резиновая мышь. Мужественные мужчины ринулись на подмогу с рюмками бренди.

Но потом я перестал хохотать от души. До меня дошел страшный смысл рассказа Боко, и я взвился, как будто мне пронзили кожный покров докрасна раскаленным вертелом.

– Не хочешь же ты сказать, что испробовал эти штуки на дяде Перси?

– Да, Берти. Именно так я и сделал.

– Вот это да!

– Тут ты совершенно прав.

Я издал глухой стон. Душа у меня похолодела. Конечно, к писателям надо подходить со снисходительной меркой, поскольку все они более или менее сдвинутые. Взять, скажем, Шекспира. Крайне неуравновешенный тип. Воровал у людей уток. И все-таки я не мог избавиться от ощущения, что Боко, угостив опекуна любимой девушки «шутейными товарами», в естественной для писателей безмозглости перегнул палку. Даже Шекспир, я думаю, на такое бы не решился.

– Но зачем?

– Должно быть, мной двигало подсознательное желание показать себя с человеческой стороны.

– И как он отреагировал? Крупно?

– Довольно крупно.

– Ему не понравилось?

– Нет. Это я твердо могу сказать. Совсем не понравилось.

– Он отказал тебе от дома?

– Незачем отказывать человеку от дома, когда уже посмотрел на него так, как он посмотрел на меня поверх Солонки с Сюрпризом. Довольно того, что сказано глазами. Знаешь, как работает Солонка с Сюрпризом? Берешь, чтобы подсолить, встряхиваешь над тарелкой и вместо соли встряхиваешь паука. Оказалось, он смертельно боится пауков.

Я встал. Все было ясно.

– Ну, я пошел, – проговорил я слабым голосом.

– Куда ты торопишься?

– В «Укромный уголок». С минуты на минуту должен приехать Дживс с вещами, и надо будет располагаться.

– Понимаю. Я бы поехал с тобой, только я занят сочинением художественного письма с извинениями на имя его сиятельства лорда Уорплесдона. Лучше уж я его допишу, хотя, если то, что ты говорил о своем влиянии на дядю, – правда, тогда, возможно, оно и не понадобится. Ты уж изложи дело поубедительнее, Берти. Не жалея красок. Пусть золотые слова текут медвяной струей. Ибо, как я тебе уже сказал, задача перед тобой непростая. Понадобится недюжинное красноречие. Да, и кстати сказать, ни слова Нобби про этот

злосчастный обед. Правду о нем если и придется ей сообщить, то осторожно, по частям.

Дальше в «Укромный уголок» я ехал уже совсем не в том жизнерадостном настроении, в каком явился к Боко. Перспектива разговора по душам с дядей Перси утратила, можно сказать, почти всю свою привлекательность.

Я представлял себе, какой вид будет у моего престарелого свойственника, как только он услышит от меня имя Боко: в глазах огонь, усы торчком, и весь облик – как у раздражительного тигра в чаше, когда у него из-под носа удрал и вскарабкался на пальму облюбованный поселянин. Сказать, что Бертрам Вустер содрогнулся от страха, было бы, пожалуй, преувеличением, но определенное похолодание нижних конечностей было, безусловно, налицо.

Я уговаривал себя, что после заключения сделки воцарится всеобщее ликование и старик даже на Боко будет взирать благосклонным взором, когда вдруг раздался велосипедный звонок, и чей-то голос назвал мое имя, притом так властно, что я, не рассуждая, нажал на тормоз и обернулся. Лучше бы я не оборачивался.

Остановившись бок о бок со мной, слезал с велосипеда Чеддер по прозвищу Сыр, и взор, который он устремил на меня, когда вышел вперед и загородил мне дорогу, был далеко не благосклонный. Этот взор выражал удивление и враждебность. «Что тут делает этот субъект, черт побери?» – читалось в нем. Таким взором героиня в пантомиме награждает Царя Демонов, вдруг выскочившего рядом с нею из люка. О чем Сыр в данную минуту думает, мне было так же ясно, как если бы его мысли транслировались по общебританскому радио.

Я с самого начала ощущал некоторое беспокойство, представляя себе реакцию этого Отелло, когда он обнаружит на местности мое присутствие. По тому, как он отнесся к известию о нашей с Флоренс старой дружбе, было видно, что у него в мозгу преобладает болезненный уклон и Бертрам вызывает у него подозрения, поэтому была опасность, что теперь он истолкует мой внезапный приезд в самом неблагоприятном смысле. Ему обязательно покажется, что вся ситуация сильно напоминает приезд юного Лохинвара из Западных стран^[107]. А я, поскольку у меня на устах – печать молчания, ничего не смогу объяснить.

Положение крайне деликатное и двусмысленное.

Тем не менее вы не поверите, но глаза у меня полезли на лоб не потому, что оправдались мои наихудшие опасения при виде его грозной физиономии, а потому, что она выглядывала из-под самой настоящей полицейской каски. Мало того, мускулистый торс был облачен в полицейский мундир, а на ногах наблюдались тупоносые форменные ботинки, или жукодавы, дополняющие официальный комплект доспехов, в которых нам является неумолимый Закон.

Иначе говоря, Чеддер по прозвищу Сыр внезапно преобразился в деревенского полисмена, и я смотрел на него в полном недоумении.

Я ничего не мог понять.

– Лопни мои глаза, Сыр! – воскликнул я на старинный манер, не в силах скрыть изумление. – По какому поводу маскарад?

Он задал мне встречный вопрос:

– Какого дьявола ты здесь делаешь, кровавый Вустер? Я поднял ладонь. К черту подробности.

– Почему ты одет в костюм полицейского?

– Потому что я полицейский.

– Ты полицейский?

– Да.

– Полицейский в смысле «полицейский»? – с трудом сформулировал я.

– Да.

– Ты – полицейский?

– Да, черт тебя дери! Оглох ты, что ли? Я – полицейский. Наконец я понял. Он – полицейский. В памяти у меня всплыла наша вчерашняя встреча в ювелирном заведении, и стало понятно, почему он так туманно и неопределенно ответил на мой вопрос, что он делает в Стипл-Бампли. Он попытался уклониться от ответа, боясь, что я начну над ним смеяться, – и так оно, конечно, и было бы, уж я бы над ним нахохотался вволю. Даже сейчас, хотя опасная ситуация не располагала к шуткам, я про себя придумал по меньшей мере три остроумнейшие насмешки.

– А в чем дело? Почему бы мне не быть полицейским?

– Ну да, конечно.

– Теперь половина знакомых в полиции.

Я кивнул. Это была истинная правда. С тех пор как открыли Хендонский колледж^[108], в полиции, куда ни повернешься, натыкаешься на старых однокашников. Помню, как Барми Фодерингей-Фипс с чувством описывал один случай, когда после гребных гонок его арестовал ночью на Лестер-сквер родной младший брат Джордж. И примерно такая же штука произошла у Фредди Уиджена в Херст-Парке с кузеном Сирилом.

– Да, но в Лондоне, – согласился я, хотя и с оговоркой.

– Вовсе не обязательно.

– С расчетом попасть в Скотленд-Ярд и подняться на высшие ступени в своей профессии.

– Это я и намерен осуществить.

– Попасть в Скотленд-Ярд?

– Да.

– И подняться на высшие ступени?

– Да.

– Ну что ж, – проговорил я, – я буду с интересом следить за твоими будущими успехами.

Но я проговорил это с сомнением. В Итоне Сыр был капитаном гребной команды. И в Оксфорде он тоже был неутомимым гребцом. То есть формировался он, исключительно работая веслом: сначала погружал его в воду, потом давал рывочек и снова поднимал из воды. Только самый окончательный тупица согласился бы растратить золотые юные годы на

такие занятия, мало того что глупые, но еще и жутко выматывающие, и Сыр Чеддер как раз и был самым окончательным тупицей. Так-то он собой был парень что надо, снизу доверху, включая шею. Но выше – бетон. И я что-то не представлял себе его в составе Большой Четверки. Из него, скорее, вышел бы полицейский-недотепа, вроде тех, что, если помните, постоянно вертелись у Шерлока Холмса под ногами.

Однако этого я ему не сказал. Собственно, я вообще ничего не сказал, так как сосредоточенно обдумывал этот новый и неожиданный оборот дела. Спасибо Дживсу, что он забаллотировал подарок для Флоренс. Потому что Сыр, проведая он о том, что я преподнес ей подарок, разорвал бы меня на куски или в крайнем случае содрал бы с меня штраф за непрочищение дымохода. С полицейскими шутки плохи.

До сих пор я успешно уклонялся от ответа на его первый вопрос, но понимал, что передышка эта временная. Фараонов специально натаскивают, чтобы они не отвлекались. Поэтому я не удивился, когда он задал мне его вторично. Хотя, конечно, предпочел бы, чтобы он этого не сделал. Я просто говорю, что я не удивился.

– Ладно, к дьяволу все это. Ты мне не ответил, что ты делаешь в Стипл-Бампли.

Я стал выкручиваться.

– Да так, ехал мимо, дай, думаю, заверну ненадолго, – непринужденно обронил я в прославленной беззаботной манере Бертрама Вустера.

– То есть ты тут останешься?

– На некоторое время. Где-то в том направлении находится мое временное гнездышко. Надеюсь, ты будешь часто туда заглядывать в свободные от работы часы.

– И что же это тебя вдруг потянуло устроить временное гнездышко в здешних краях?

Я пошел по наигранному пути:

– Дживс захотел немного порыбачить.

– Вот как?

– Да. Здесь рыбалка, он говорит, чудесная. Берешь крючок, а остальное делают рыбы.

Он уже давно смотрел на меня пренебрежительным тусклым взглядом, сведя брови и выпучив глаза. Теперь же выражение его стало еще непримиримее. Не хватало только блокнота и огрызка карандаша, и можно было бы подумать, что он допрашивает жалкого обитателя уголовного мира, где тот был в ночь на двадцать пятое июня.

– Понятно. Значит, согласно твоим показаниям, Дживс хотел тут немного порыбачить, так?

– Так.

– Ну так вот, а теперь я скажу тебе, чего хотел ты, чертов Вустер. Ты хотел тут немного поподличать.

– Чего-чего я хотел? – переспросил я, прикидываясь непонимающим, хотя мне все уже было ясно.

– Скажу яснее. Ты явился сюда, чтобы поувиваться вокруг Флоренс.

– Ну что ты, дружище!

Он скрипнул зубом или двумя. Было очевидно, что он настроен угрожающе.

– Могу тебе, кстати, сказать, – продолжал он, – что меня не убедили твои вчерашние показания, то есть объяснения. Ты заявил при нашей встрече, что знал Флоренс только...

– Одну минуту, Сыр. Прости, что перебиваю, но стоит ли трепать имя женщины?

– Да, стоит! И мы будем его трепать, сколько понадобится.

– Ладно, хорошо. Я просто хотел уточнить.

– Ты утверждал, что знал Флоренс только слегка. «Я знаком с ней неплохо» – вот твои точные слова. И они уже тогда показались мне подозрительными. По возвращении я спросил ее о тебе, и выяснилось, что ты был с ней помолвлен.

Я облизнул пересохшие губы. При общении *tete-в-tete* с нашей полицией я всегда немного теряюсь. Под взглядом слуг закона меня покидает мужество. Может, это каска так действует. А может, башмаки. И естественно, когда грозный жандарм обвиняет вас в попытке увести его девушку, неловкость усугубляется. На тот конкретный момент я чувствовал себя под сверлящим взглядом Сыра примерно так же, как Юджин Арам, когда ему надели наручники^[109]. Помните это место?

«Ти-там-ти-там ти-там-ти-там ти-там-ти-там ненастье (вроде бы там была плохая погода), и Юджин Арам посреди, оковы на запястьях».

Я прокашлялся и решил испытать обезоруживающую искренность:

– А, ну да. Теперь вспомнил. Совершенно верно. Мы действительно были помолвлены. Давным-давно.

– Не так уж и давно.

– Ощущение такое, будто в незапамятные времена.

– Да?

– Точно.

– В самом деле так?

– Определенно.

– Было, но прошло?

– Вот именно.

– И сейчас между вами ничего нет?

– Ничегошеньки.

– Тогда как ты объяснишь тот факт, что она дарит тебе свою книжку с надписью: «Милому Берти с любовью от Флоренс»?

Я пошатнулся. И одновременно, признаюсь, ощутил к Сыру некоторое уважение. Сначала, когда он говорил о своем намерении подняться в Скотленд-Ярде на высшие ступени, я, если помните, расценил его шансы как очень невысокие. Но теперь создавалось впечатление, что из него еще, пожалуй, получится первоклассный детектив.

– Ты держал эту книгу в руке, когда вошел в ювелирный магазин, а уходя, оставил на прилавке, и я в нее заглянул.

Я сразу же снова изменил мнение насчет его сыщицких задатков. Ничего особенного, оказывается. Шерлок Холмс, например, всегда говорил, что детективу не следует открывать свои методы.

– Ну, так как же?

Я весело рассмеялся. Вернее, сделал попытку рассмеяться. А получилось что-то наподобие предсмертного хрипа.

– Ха-ха, это так смешно вышло!

– Да? Что ж, посмеши меня.

– Я был в книжном магазине, и вдруг приходит она...

– Ты назначил ей свидание в книжном магазине?

– Да нет, это была случайная встреча.

– Понятно. А теперь ты приехал сюда, чтобы условиться о новой случайной встрече?

– Да что ты, Бог с тобой!

– Ты всерьез надеешься меня убедить, что не преследуешь цели похитить ее у меня?

– И в мыслях ничего подобного не имею, старина.

– Не называй меня «старина».

– Ладно, не хочешь – не буду. Вся эта история, констебль, – всего лишь дурацкое недоразумение. Как я говорил, я был в книжном магазине, и вдруг...

Но он прервал меня, горячо прокляв все книжные магазины до пятого колена.

– Меня не интересует книжный магазин. Все дело в том, что ты явился сюда как подколотая змея, и я не намерен этого терпеть. Могу сказать тебе только одно, Вустер. Убирайся отсюда!

– Но...

– Исчезни. Чтоб я тебя тут больше не видел! Гони обратно в свою лондонскую нору, и чем скорее, тем лучше.

– Но я не могу.

– Что значит не можешь?

У меня, как я уже говорил, лежала на устах печать молчания. Но Вустеры соображают в два счета.

– Не могу из-за Боко, – объяснил я ему. – Я хлопочу о нем в одном деликатном деле. Как ты, возможно, слышал, дядя Перси вздумал препятствовать его браку с Нобби, и я пообещал им обоим, что замолвлю за них словечко. Ну а для этого требуется, само собой, чтобы сохранялся статус... это самое... как его?

– Тьфу!

– Не тьфу, а кво. Вспомнил все-таки. Чтобы заступиться за эту парочку перед пусть и не родным, но дядей, нужен статус-кво, ясно?

Я лично считал, что дал исчерпывающее и убедительное объяснение, и потому сильно расстроился, увидев на его физиономии презрительную гримасу.

– Не верю ни единому слову, – произнес он грозно. – Ты должен замолвить перед дядей словечко? Да какой от твоего словечка может быть прок? Как будто твои разговоры могут хоть как-то на кого-то повлиять. Повторяю: убирайся отсюда. А не то...

Что именно тогда случится, он не уточнил, но так грозно вскочил на велосипед и нажал на педали, что всякие слова тут были излишни. Никогда еще не видел, чтобы человек так зловеще работал голеностопными суставами.

На ослабевших ногах я стоял и смотрел ему вслед, и в это время из-за поворота, с той стороны, где должен находиться «Укромный уголок», послышалось треньканье другого велосипедного звонка, и мне навстречу выехала Флоренс. Час от часу не легче, это уж точно.

В полную противоположность Сыру ее глаза сияли светом гостеприимства. Возле автомобиля она спешила и одарила меня приветливой улыбкой.

– Ах, Берти! Вот и ты. А я только что занесла цветы тебе в «Укромный уголок».

Я поблагодарил, но сердце у меня неприятно сжалось. Не понравилось мне, что она мне так улыбается, и не понравилось, что она не жалеет трудов, рассыпая цветы на моем пути. Тут чувствовался какой-то избыток дружелюбия. Но потом я прикинул, что раз она помолвлена с Сыром, значит, я могу ничего не опасаться. Ведь как бы там ни было, но ее папаша женился на моей тете, и мы теперь вроде как двоюродные, и не обязательно приходить в панику от обыкновенного проявления родственного радушия. В конце-то концов, если разобраться, кровь родная – не водица.

– Страшно мило с твоей стороны, – говорю. – А я тут только что болтал с Сыром.

– С сыром?

– С твоим женихом.

– Ах, с д'Арси. Почему ты зовешь его сыром?

– Прозвище такое. Со школьных времен. Мы ведь с ним вместе учились.

– Да? Тогда ты, может быть, мне ответишь, всегда ли он вел себя так по-идиотски, как сегодня?

Это мне не понравилось. Не похоже на язык любви.

– В каком смысле ты употребила выражение «по-идиотски»? – спросил я.

– Как единственное, которое подходит для человека, которому богатый дядя хочет и даже жаждет оказать протекцию, а он сознательно предпочел стать деревенским полисменом.

– А почему это он? – не понял я. – Зачем ему становиться деревенским полисменом?

– Говорит, что каждый мужчина должен стоять на собственных ногах и самостоятельно зарабатывать на хлеб.

– Смотри какой сознательный.

– Вздор.

– Ты не считаешь, что это его характеризует с наилучшей стороны?

– Не считаю. Я считаю, что он ведет себя как совершенный болван.

Мы помолчали. Было ясно, что поведение Сыра вызывает болезненную реакцию, и надо как-то поддержать молодого стража порядка. Ибо, вы же понимаете, очутившись снова лицом к лицу с этой особой, я оставил всякую мысль организовать движение «За спасение Чеддера по прозвищу Сыр».

– По-моему, эта история должна бы тебя радовать. Как доказательство, что вот человек, у которого есть душа.

– Какая душа?

– Благородная.

– У него вообще нет никакой души выше этих ужасных, грубых форменных башмаков, в которых он ходит. Ослиное упрямство, и больше ничего. Я ему сто раз втолковывала. Родной дядя хочет, чтобы он выставил свою кандидатуру в парламент, и готов оплатить все предвыборные затраты и в дальнейшем всегда оказывать ему щедрую финансовую поддержку, но нет, уперся, как мул, и твердит, что надо стоять на собственных ногах. Мне все это осточертело, просто не знаю, что делать. Ну ладно, до свидания, Берти, мне пора, – внезапно заключила она, словно не в силах больше разговаривать на эту болезненную тему, и покатила прочь, а я только тут вспомнил, что у нее сегодня день рождения и у меня в кармане брошь, которую надо было передать ей в подарок от тети Агаты.

Я бы мог, наверное, еще окликнуть ее, но как-то не хотелось. От того, что она мне наговорила, у меня началась дрожь по всему телу. Осознав, как непрочен фундамент, на котором зиждется любовь Сыра и Флоренс, я пришел в такой ужас, что вынужден был выкурить, не сходя с места, пару успокоительных сигарет, прежде чем пуститься в дальнейший путь.

Немного приободрившись и уговаривая себя, что это не более чем минутная размолвка влюбленных и в кратчайшее время все уладится, я дал газу и через несколько минут уже встал на якорь на задах «Укромного уголка».

«Укромный уголок» оказался совсем неплохим домишком, расположенным в живописном месте. Немного в старомодном вкусе, а так не к чему придраться. Тростниковая кровля, окна в частый ромбик, на лужайке под окном – альпийская горка. Словом, все говорило о том (и не обманывало, как я узнал впоследствии), что прежде здесь обитала пожилая женщина из хорошей семьи, имевшая несколько кошек.

Я вошел, поставил маленький чемоданчик в прихожей и стоял, озираясь и принюхиваясь к запахам плесени, обязательно поселяющейся в старинных жилищах, и постепенно осознал, что здесь, в этом жилище, кроме запахов, имеется кое-что еще. То есть, говоря попросту, мне начало казаться, что мой домик заселен не только плесенью, но и привидениями.

Натолкнули меня на такую мысль странные звуки, раздававшиеся где-то поблизости, то что-то брякнет, то грохнет, и напрашивалось предположение, что здесь не без полтергейста или еще какой-нибудь чертовщины.

Звуки, похоже, доносились из-за закрытой двери в конце коридорчика, и я поспешил им навстречу, желая выяснить, в чем дело, ибо я не намерен был, черт подери, допускать, чтобы здесь разгуливали всякие полтергейсты, как будто у себя дома. Сделал два шага – и растянулся, споткнувшись о ведро, которое кто-то оставил на дороге. Только я поднялся, потирая пострадавшее место, как вдруг дверь распахнулась, и вышел небольшой мальчик с мордочкой хорька. На нем была форма бойскаута, и я без труда, несмотря на жирный слой грязи, покрывающий его остренькие черты, признал в нем младшего брата Флоренс – Эдвина, в которого Боко имел обыкновение швыряться фарфоровыми безделушками.

– А, Берти, привет, – произнес он с улыбкой поперек всей своей мерзкой физиономии.

– Привет, юный нахал, – вежливо ответил я. – Что ты тут делаешь?

– Прибираюсь в доме.

Я сразу перешел к самому важному делу:

– Это ты оставил на полу ведро?

– Где?

– Посередине прихожей.

– Точно! Я теперь вспомнил. Я поставил его там, чтобы не загораживать проход.

– Ясно. Ну так вот, тебе, наверное, будет интересно узнать, что я чуть не сломал об него ногу.

Он весь встрепенулся, в глазах загорелся фанатичный огонь, как будто перед мальчишкой вдруг возникло блюдо с мороженым.

– Слушай! Правда чуть не сломал? Вот это удача! Я окажу тебе первую медицинскую помощь.

– Как бы не так. Ничего ты мне не окажешь.

– Но если ты сломал ногу...

– Я не сломал ногу.

– Сам сказал, что сломал.

– Просто выражение такое.

– Ладно. Зато у тебя, может быть, растяжение связок.

– У меня нет растяжения связок.

– Я умею оказывать первую помощь при ссадинах.

– И ссадин у меня нет. Не подходи! – заорал я, готовый защищаться до последнего.

Мы оба помолчали. У юного Эдвина был растерянный вид. Мой решительный отпор его явно озадачил.

– Можно, я наложу тебе повязку?

– Только попробуй, получишь по уху.

– Но может начаться гангрена.

– У меня нет оснований этого опасаться.

– Дурацкий же вид у тебя будет с гангреной.

– Нет, не будет у меня дурацкого вида. У меня будет прекрасный вид.

– Я знаю одного типа, который сломал ногу, она у него почернела, и пришлось ее отрезать до колена.

– У тебя, мне кажется, довольно странные знакомства.

– Давай я пушу на нее холодную воду из крана.

– Нет.

Он опять посмотрел на меня с недоумением. Я совсем сбил его с толку.

– Ну, тогда я пойду обратно на кухню, – сказал он. – Займусь дымоходом. Надо его хорошенько вычистить. Этот дом, если бы не я, был бы в ужасном состоянии, – заключил он с вопиющим самодовольством, от которого меня покорило.

– То есть как это, если бы не ты? – парировал я его выпад со свойственным мне остроумием. – Ты тут, конечно, сеял разруху и опустошение.

– Ничего подобного, – возразил он, явно задетый за живое. – Я приводил дом в порядок. Флоренс поставила тебе цветы в гостиной.

– Знаю, она мне сказала.

– Я налил в них воду. Ну, так я пойду почищу дымоход, ладно?

– Двигай и чисть сколько влезет, – холодно ответил я и жестом отослал его прочь.

Не знаю, как кто, у каждого свой метод, но я, например, отсылая Эдвина прочь, вскинул в салюте правую руку, а затем уронил ее на место, так сказать, по швам. И при этом почувствовал, что чего-то не хватает. В боковом кармане, с которым соприкоснулось запястье, должен был находиться небольшой выпуклый предмет, а именно – пакетик с брошью, которую тетя Агата приказала мне вручить Флоренс на день рождения. Но никакой выпуклости не ощущалось. Карман был пуст.

В то же мгновение мальчишка Эдвин произнес: «Э!», – нагнулся и поднял пакетик с пола.

– Это ты уронил? – спросил он.

Ему сразу же пришлось оставить всякие подозрения насчет того, что у меня может быть сломана нога, поскольку я прыгнул к нему с живостью пантеры, легко перелетев через всю прихожую. Выхватил из его лапы пакетик и снова сунул в карман.

Бойскаут немедленно заинтересовался:

– Что это у тебя?

– Брошь. Подарок для Флоренс на день рождения.

– Хочешь, я передам?

– Нет, спасибо.

– А то я пожалуйста.

– Да нет, не надо.

– Избавлю тебя от хлопот.

При других обстоятельствах я бы, наверное, разозлился на такую беспардонную настырность и, вполне возможно, дал бы ему за это носком ботинка в зад. Но он сейчас только оказал мне ценную услугу, и я ограничился тем, что дружески улыбнулся юному мерзавцу, чего не делал уже тысячу лет.

– Нет, спасибо, – отвечаю. – Не хочу выпускать эту штуковину из рук. Вечером забегу и вручу лично. Ну-с, юноша, ты молодец, – говорю я ему. – Вас, молодежь, недаром учат смотреть в оба. Скажи-ка мне, как ты вообще поживаешь? Нормально? Никаких насморков, колик и прочих детских болезней? Превосходно. Мне было бы огорчительно услышать, что ты перенес какие-то страдания. Спасибо, что ты предложил подставить мою ногу под кран. Ценю. Жаль, что мне сейчас нечем тебя угостить. Заходи как-нибудь попозже, когда я тут устроюсь.

И на этой сердечной ноте наша беседа завершилась. Я побрел в сад и постоял там, облокотясь на калитку, так как все еще ощущал некоторую дрожь в коленках и нуждался в опоре.

А почему у меня дрожали коленки, вы бы сразу поняли, если бы лучше знали мою тетю Агату.

Эта моя родственница принадлежит к числу людей, которые, подобно Наполеону, если я его ни с кем не путаю, считают любую неудачу непростительной и не желают слушать никаких, даже самых убедительных оправданий. Если тетя Агата поручила вам передать ее падчерице пакетик с брошью, а вы его потеряли, бесполезно убеждать почтенную родственницу, что такова была Божья воля, чтобы вы споткнулись о непредусмотренное ведро, и пакетик вытряхнулся из вашего кармана. Пусть вы всего лишь беспомощная игрушка в руках рока, все равно кары не избежать.

Если бы чертова брошка не нашлась, разговорам бы конца не было. От этого случая повелось бы новое летоисчисление. О мировых катаклизмах говорилось бы, что они произошли «как раз тогда, когда Берти потерял брошь» или «вскоре после того, как Берти так оскандалился с подарком для Флоренс». Моя тетя Агата вроде слона – не внешне, с виду-то она скорее напоминает тонко воспитанного стервятника, – а потому что никогда ничего не забывает.

Я стоял, опираясь на калитку, и в душе у меня кипели добрые чувства к Эдвину. Как же я мог все это время видеть в нем лишь маленького востроносого безобразника и ничего больше? И уже собрался было перейти к обдумыванию вопроса о том, не купить ли ему подарок за примерное поведение, как вдруг раздался взрыв, я обернулся и увидел, что «Укрomный уголок» весь охвачен пламенем.

Я страшно удивился.

Конечно, полюбоваться хорошим пожаром всякому приятно, и поначалу я просто стоял и отчужденно рассматривал эту красочную картину всеожжения. Пожар был многообещающий. Уже полыхала тростниковая кровля, казалось, еще немного, и вся эта старинная музейная постройка, прогнившая и высушенная, как трут, засучит рукава и возьмется за дело всерьез. Так что минуты две я просто стоял и мирно любовался.

Но немного погодя восторг мой умерила некая тревожная мысль: а ведь юный Эдвин, когда я его последний раз наблюдал, направлялся, между прочим, в кухню. А следовательно, он вполне может и сейчас там находиться, и если по соответствующим каналам не будут приняты срочные меры, он вскоре окажется непригоден для дальнейшего общения. Следом пришла еще более беспокойная мысль: единственное присутствующее лицо, от которого можно ожидать героических действий по детскому спасению, – это старина Вустер.

Я погрузился в размышления. Надеюсь, вы не будете спорить, что вообще-то я человек довольно бесстрашный, но тут, признаюсь, что-то меня останавливало. Помимо всего прочего, мое отношение к данному отроку, которому сейчас грозила опасность быть изжаренным с обеих сторон, опять круто переменялось.

Если помните, незадолго перед тем я думал о юном Эдвине благожелательно и даже был близок к мысли купить ему какой-нибудь недорогой подарок. Но сейчас я снова видел его в осудительном свете. Ведь последнему тупице ясно, что это его сомнительная деятельность привела к воспламенению, и поэтому меня тянуло оставить все как есть и не вмешиваться.

Однако положение было такое, про которое говорят, что оно обязывает, и поэтому я решил совершить благородный поступок, скинул пиджак, отшвырнул подальше и уже приготовился нырнуть в горящее здание, хотя и досадно было, что приходится мазаться сажей в угоду паршивому мальчишке, который в изжаренном виде стал бы только лучше, как вдруг он появляется. Закопченный и без бровей, но в остальном – хоть бы хны. Скорее даже довольный, чем испуганный.

– Ух ты! – произнес он с гордостью. – Здорово рвануло, а? Я строго взглянул на него.

– Что ты, черт подери, там натворил, немислимое юное чудовище? – спросил я. – Что это был за взрыв?

– Дымоход в кухне бабахнул. В нем было полно сажи, и я положил туда пороху. Должно быть, чересчур много сунул. Потому что раздался жуткий грохот, и все вроде как запылало. Ух ты! То-то смеху было!

– Ты что же, не мог водой залить?

– Я залил. Но это оказалась не вода, а керосин.

Я схватился за голову. Меня обуяло страшное волнение. Только теперь я вдруг сообразил, что дом, обреченный у меня на глазах рассыпаться пеплом на погребальном костре, – это летняя стоянка Вустера, и во мне проснулся дух квартиросъемщика. Меня отчаянно подмывало всыпать дубиной полдюжины горячих этому мерзкому юнцу. Но как отлупишь ребенка с опаленными бровями? Да и дубины у меня при себе не было.

– Ну и натворил ты тут бед, – сказал я ему.

– Вышло не совсем так, как я рассчитывал, – согласился он. – Но мне необходимо было сделать доброе дело за прошлую пятницу.

При последних его словах мне сразу все стало ясно. Я так давно не виделся с этим юным исчадием ада, что совсем упустил из виду одну особенность его психологии, которая делает его подлинной грозой здешних мест.

Мальчик Эдвин, припомнил я, принадлежит к числу детей, которые, когда за что-то берутся, не жалеют сил. Он относится к жизни с такой же серьезностью, как его сестра Флоренс. Вступая в бойскауты, он не допускал и мысли о том, чтобы уваливать от своих обязанностей. А так как у них там требуется каждый день совершать одно доброе дело, Эдвин ответственно и неуклонно принялся творить добрые дела. Однако за мирскими хлопотами он, к несчастью, постоянно отстает от графика, а потом на таком аллюре пускается вдогонку за самим собой, что место его пребывания очень скоро превращается в суший ад для человека и зверя. Так было в Шропшире, когда я впервые с ним встретился в доме у родственников, и так, судя по всему, обстояло дело и сейчас.

С озабоченным лицом, задумчиво прикусив губу, я подобрал с земли пиджак и надел. Человек послабее духом, чем я, обнаружив, что очутился в местности, где имеются не только Флоренс Крэй, полицейский Чеддер по прозвищу Сыр и дядя Перси, но еще и Эдвин, творящий добрые дела, ощутил бы, наверное, дрожь в коленках. Вполне возможно, что то же самое произошло бы и со мной, если бы не ужасное открытие, которое потрясло мою душу, вырвало у меня из груди сдавленный вопль и совершенно заслонило и Флоренс, и Сыра, и Эдвина, и дядю Перси.

Я вдруг сообразил, что маленький чемоданчик с костюмом Синдбада-морехода находится в прихожей «Укромного уголка» и что языки пламени приближаются туда с каждой секундой.

Тут уж мне было не до сомнений и колебаний. Когда вопрос стоял о том, чтобы, рискуя жизнью, спасти бойскаутов, я еще сомневался и скреб подбородок. Но здесь совсем другое дело. Синдбад был мне нужен. Если я не спасу его, у меня не будет возможности завтра вечером принять участие в костюмированном бале, который представлял собой единственное светлое пятно на фоне непроглядно мрачного ближайшего будущего. Конечно, можно было бы попробовать рвануть обратно в Лондон и раздобыть другой костюм, но небось всего лишь какого-нибудь Пьеро, а я всем сердцем прикипел к Синдбаду и рыжей бороде.

Эдвин плел что-то такое про пожарную команду. Я рассеянно поддакивал. Но потом набрался храбрости, поручил душу Господу и, точно заяц, устремился в дом.

Оказалось, впрочем, что я напрасно так беспокоился. Правда, по прихожей расплывались черные клубы дыма, но что это для человека, который сживал под боком у Китекэта Перебрайта, когда тот курил сигару своей любимой марки? Конечно, еще несколько мгновений, и весь домик весело вспыхнет, можно не сомневаться, но пока что условия приближались к нормальным.

Однако мой рассказ не о том, как Бертрам Вустер едва не зажарился в пламени, а просто о том, как он подхватил чемоданчик и, насвистывая бодрый мотив, вышел наружу совершенно целый и невредимый. Разве что на минуту в горле слегка запершило, а так – ничего.

Однако опасность, которой так легко удалось избежать внутри, грозно поджидала меня снаружи. Первое, что предстало моим глазам на свежем воздухе, был дядя Перси у ворот. А так как Эдвин куда-то делся, должно быть, побежал за пожарными, я оказался с дядей один на один среди бескрайних просторов – ситуация, которую я с отрочества считал для себя

совершенно неприемлемой.

– А, дядя Перси! – приветствовал я его. – Добрый день, добрый день.

Случайный прохожий, услышав эти слова и уловив приветливый тон, которым они были произнесены, ошибочно решил бы, что Бертрам чувствует себя вполне непринужденно. В действительности же дело обстояло совсем наоборот. Может ли кто-нибудь чувствовать себя непринужденно в присутствии этого чудовища, не знаю, но я определенно не могу. Ноги мои, не буду скрывать, утратили всякую прочность.

Вас это, возможно, удивит, ведь за опустошение, произведенное в «Укромном уголке», я ответственности не нес, и, казалось бы, чего мне бояться? Но многолетний опыт научил меня, что в подобных случаях невиновность ничего не дает. Будь ты чист, как свежесвыпавший снег, или даже чище, шишки все равно валяются на того, кто оказался на месте происшествия.

Ответа на мое вежливое приветствие не последовало. Дядя смотрел мимо меня на свой домик, несомненно, обреченный на безвозвратную гибель. Теперь, даже если Эдвин пригонит сюда целую пожарную команду, ничто уже не помешает «Укромному уголку» кончить земную жизнь в виде груды пепла.

– Что такое? – проговорил дядя сдавленным голосом, словно страдая от душевной раны, как, видимо, и обстояло дело в действительности. – Что? Что? Что?...

Я понял, что это может затянуться на продолжительное время, и рискнул вмешаться.

– Это пожар, – пояснил я.

– Что значит – пожар?

Как это доступнее объяснить, я не знал.

– Пожар, – просто повторил я и указал рукой на горящее здание, как бы говоря: «Смотрите сами». – Как поживаете, дядя Перси? Вы прекрасно выглядите.

Последнее было неправдой, и сама моя попытка разрядить атмосферу сладкой лестью не принесла желаемого результата. Он устремил на меня страдальческий взор, в котором содержание родственной любви приближалось к нулю, и глухим безнадежным голосом воскликнул:

– Я должен был это предвидеть! Меня предупреждали, что получится, если выпустить здесь на волю такого сумасшедшего, как ты. Я мог бы догадаться, что прежде всего, даже не успев распаковать вещи, ты сожжешь этот несчастный дом.

– Не я, – уточнил я, не желая присваивать чужие заслуги. – Эдвин.

– Эдвин? Мой сын?

– Да, я знаю, – сочувственно проговорил я. – Печально, но факт. Он ваш сын. Он наводил порядок в доме.

– От того, что наводишь порядок, дом не загорится.

– Загорится, если использовать порох.

– Порох?

– Похоже, он взорвал пару бочонков в печной трубе, чтобы ей неповадно было накапливать сажу.

Естественно, я ожидал, как и всякий на моем месте, что откровенное объяснение оправдает меня в его глазах и он отпустит меня без единого пятна на репутации, исключив в дальнейшем всякие личные выпады в мой адрес. Я думал, он извинится и возьмет назад ту шутку насчет сумасшедшего, а я благородно приму его извинения, и мы с ним оба, как два старых друга, покачаем головами и потолкуем про горячность молодого поколения.

Но ничего подобного. Он продолжал взирать на меня укоризненным взглядом, который мне так не понравился с самого начала.

– Какого черта ты дал мальчику порох? Вижу, у него осталось неверное представление.

– Я не давал мальчику порох.

– Только прирожденный идиот может отдать в руки ребенка порох. Во всей Англии не найдется другого человека, который бы не понимал, что произойдет, если в руках у ребенка окажется порох. Ты соображаешь, что наделал? Тебя затем только сюда и доставили, чтобы мне было где устроить встречу с одним знакомым для обсуждения некоторых вопросов, представляющих взаимный интерес, – и вот, посмотрите, пожалуйста. Как вам это нравится?

– Н-да, неважно получилось, – вынужден был признать я как раз в тот момент, когда провалилась крыша, взметнув к небу сноп искр, от которых на наших лицах заиграл здоровый румянец.

– Залить пламя водой ты, конечно, не догадался?

– Эдвин догадался. Но это оказался керосин. Дядя вытаращился на меня с ужасом.

– Ты хочешь сказать, что пытался залить огонь керосином? Тебя надо определить в сумасшедший дом. Я займусь этим, как только подыщу необходимых специалистов.

Вести с ним разговор было особенно трудно потому, что он, как вы, должно быть, заметили, никак не мог сообразить, кто во всей этой истории сыграл главную роль и какую именно. Такие люди, как он, слышат только два первых слова из того, что им говорят, – привык, должно быть, председательствуя на заседаниях правления, давить в зародыше речи акционеров.

Я еще раз попытался втолковать ему, что всю, так сказать, черную работу выполнил Эдвин, а Бертрам всего лишь без злого умысла стоял и смотрел. Но до него не доходило. Он так и остался при твердом убеждении, что мы с его мальчишкой совместно составили кворум, подорвали домик порохом, а потом еще поддерживали горение, систематически подливая керосин и подбадривая друг друга, ибо на всякой работе, как говорится, вся сила – в коллективе.

На прощание он велел мне прислать к нему Дживса, только тот объявится, и сказал, что меня, конечно, нельзя оставлять на свободе, добавив, что хорошо бы – хотя тут я с ним решительно не согласен, – мне было сейчас лет на десять меньше, тогда бы он мог задать мне жару своим охотничьим хлыстом. А затем удалился, предоставив меня одиноким раздумьям.

Раздумья мои, сами понимаете, были не из приятных. Однако они не затянулись: я успел уделить им не больше двух минут, когда неподалеку послышались пыхтение и лязг, и глазам предстало транспортное средство, которое не могло быть не чем иным, как вокзальным такси. На крыше у него возвышались чемоданы, а при ближайшем рассмотрении оказалось, что из бокового окна торчит Дживс.

Фантастический этот предмет – я имею в виду автомобиль, а не Дживса, – скрипя, остановился у ворот. Дживс от него откупился, чемоданы были сброшены на обочину, и верный слуга, слава Богу, смог наконец поговорить с молодым хозяином, который его жаждался. Я нуждался в его сочувствии, поддержке и совете. И, кроме того, я хотел сделать ему замечание за то, что он обрек меня на такие неприятности.

– Дживс, – сразу же взял я быка за рога, как это принято в нашем славном роду, – если бы вы только знали, что тут произошло.

– Что же, сэр?

– Мир содрогнулся до самых глубин ада.

– Вот как, сэр?

– На меня пало проклятие, ведь я предупреждал вас, что так будет, если я еще хоть раз в жизни появлюсь в Стипл-Бампли. Вы же отлично знаете мое отношение к этой колонии прокаженных. Не говорил ли я вам тысячу раз, что, несмотря на пряные ароматы, веющие над Стипл-Бампли, лучше всего будет мне вообще сюда больше не соваться?

– Говорили, сэр.

– Вот видите, Дживс. Может быть, в следующий раз вы прислушаетесь к моим словам. Но опустим укоры и обратимся к фактам. Вы заметили, что наш милый летний домик погиб?

– Да, сэр. Я как раз обратил на это внимание.

– Эдвин постарался. Потрясающий парень, я вам скажу. Близкое знакомство с ним наталкивает на мысль, что Англия нуждается в ком-то вроде царя Ирода. Применил сначала порох, а потом керосин. Взгляните на эти дымящиеся развалины. Кто бы подумал, что один слабый отрок в спортивной рубашонке и парусиновых шортах способен причинить такое разорение? И, однако же, он это сделал, притом по своей инициативе. Вы понимаете, что теперь будет?

– Да, сэр.

– Он ликвидировал место встречи дяди Перси с его другом-корабельщиком. Вам придется придумывать другое.

– Да, сэр. Его сиятельство вполне отдает себе отчет в том, что при данных условиях встреча в «Укромном уголке» состояться не может.

– Значит, вы с ним уже виделись?

– Мы встретились на повороте, сэр.

– Сказал он вам, чтобы вы при первой же возможности явились к нему для разговора?

– Да, сэр. Он желает, чтобы я расположился в барском доме.

– Чтобы быть под рукой на случай, если вас внезапно осенит ценная мысль?

– Да, его сиятельство имел в виду что-то в этом роде, сэр.

– Я тоже приглашен?

– Нет, сэр.

Я, собственно, и не рассчитывал. Тем не менее слышать это было неприятно.

– Стало быть, мы с вами на некоторое время расстаемся.

– Боюсь, что да, сэр.

– Вы, как рассказывается в сказке, пойдете верхней дорогой, а я – нижней?

– Да, сэр.

– Мне будет не доставать вас, Дживс.

– Благодарю вас, сэр.

– Кто был тот субъект, который ныл, что у него постоянно пропадают газели?

– Поэт Томас Мур, сэр. Он выражал сожаление, что он вскармливал милых газелей, чтобы жизнь его украшали, но стоило им привязаться к нему, как они умирали [\[110\]](#).

– Вот и я так же. Остаюсь без газели. Вам не обидно, что я называю вас газелью, Дживс?

– Нисколько, сэр.

– Ну что ж. Ничего не поделаешь. Должно быть, мне надо отправиться к Боко и поселиться у него.

– Я как раз собирался предложить вам это, сэр. Я уверен, что мистер Фитлуорт будет счастлив принять вас у себя.

– Думаю, что да. То есть надеюсь, что да. Он совсем недавно говорил про упитанных тельцов. Но если снова обратиться к дяде Перси и старому мореходу из Америки, есть у вас задумка, где им встретиться?

– В данную минуту еще нет, сэр.

– Вы уж постарайтесь получше раскинуть умом, Дживс, потому что это очень важно. Помните, я вам рассказывал, что Боко и юная Нобби обручились?

– Да, сэр.

– Но понимаете, она не может за него выйти без согласия дяди Перси.

– Вот как, сэр?

– До тех пор, пока ей не исполнится двадцать один год. Так в законе записано. А все дело в том, Дживс, мне просто некогда сейчас вам все объяснять, но Боко, дурак несчастный, сваял страшного дурака, и, одним словом... Как это называется, когда человек с пеной у рта начинает жевать ковер?

– Предубеждение, сэр, вы, вероятно, это имеете в виду.

– Точно! Оно самое. Мне сейчас, как я уже заметил, некогда излагать подробности, но Боко выказал себя последним ослом и навлек этим на себя предубеждение дяди Перси, так что теперь от него и намек на опекуновское согласие не дождешься. Вы поняли, о чем я? Необходимо, чтобы та ответственная встреча состоялась как можно скорее.

– Чтобы его сиятельство пришел в более благодушное настроение?

– Именно! Если ему удастся провести желанную сделку, млеко человеческой доброты у него в душе перельется через край и затопит это самое предубеждение. Или вы со мной не согласны?

– По-моему, тут и сомнения быть не может, сэр.

– Вот и я так думаю. Потому я и расстроился, Дживс. У меня только что произошел довольно неприятный разговор с дядей Перси, в ходе которого он дал мне определенно понять, что не принадлежит к числу моих почитателей, так как считает меня – ошибочно – главным действующим лицом произошедшего здесь небольшого поджога.

– Это мнение несправедливо, сэр?

– Совершенно несправедливо. Я не принимал в поджоге ни малейшего участия. Это дело рук Эдвина, и только его одного. Но дядя, когда что-нибудь заберет в голову, ничего больше не видит, не слышит и знать не желает.

– К сожалению, сэр.

– К огромному сожалению. Вообще-то меня его приговор не особенно трогает. Попыхтит, покривит нос, и все дела. Бертрам Вустер не из тех, кого можно испугать парой-тройкой резких слов. Он просто усмехнется про себя и потихоньку щелкнет пальцами. Не все ли равно, какого мнения обо мне старый дурень. Да он не произнес и десятой доли того, что высказала бы на его месте тетя Агата. Беда только в том, что я обещал Нобби замолвить перед дядей словечко за ее обожаемого Боко, и, когда вы появились, я как раз стоял и

огорчился, что мои возможности в этой области сильно убыли. Я больше не оказываю на дядю Перси прежнего влияния. Так что вы уж постарайтесь насчет этой встречи.

– Я, безусловно, употреблю все старания, сэр. Ситуация мне совершенно ясна.

– Отлично. Что-то еще я должен был вам сказать? Ах да. Сыр.

– Мистер Чеддер?

– Не просто мистер Чеддер, а констебль полиции Чеддер, Дживс. Сыр, оказывается, теперь деревенский полисмен.

У Дживса на лице выразилось удивление, что вполне естественно. Ведь еще недавно, когда они только познакомились у нас в лондонской квартире, Сыр был для Дживса всего лишь обыкновенным заурядным гостем в костюме из твида. То есть я хочу сказать, на нем не было ни мундира, ни каски и ничего похожего на форменные башмаки.

– Полисмен, сэр?

– Да, и к тому же вредный и мстительный. С ним у меня тоже состоялся неприятный разговор. Ему не нравится, что я здесь.

– Мне кажется, в наши дни много молодых джентльменов поступают на работу в полицию, сэр.

– Хорошо бы их было одним меньше. Попасть в немилость к полиции – это не шутки.

– Да, сэр.

– Мне придется быть постоянно начеку, чтобы он не мог придраться и применить ко мне свои служебные полномочия. Нельзя будет учинить пьяный дебош в деревенском трактире.

– Ни в коем случае, сэр.

– Один ложный шаг, и он нападет на меня, как этот... кто это напал, будто волк на овчарню, Дживс?

– Ассирийцы^[111], сэр.

– Верно. Вот сколько всего я пережил с тех пор, как мы с вами расстались. Сначала Сыр, потом Эдвин, потом пожар и в заключение – дядя Перси. И это за каких-то полчаса. Все вместе наглядно показывает, что может учинить над человеком Стипл-Бампли, если возьмется за дело как следует. Да, и вот еще что, о Господи, чуть было не забыл. Брошь помните?

– Сэр?

– Ну, брошь тети Агаты.

– А, да, сэр.

– Она потерялась. Не беспокойтесь, все в порядке. Потом она нашлась. Но можете себе представить, что я пережил. У меня сердце чуть не остановилось.

– Нетрудно вообразить, сэр. Но теперь она точно у вас?

– О да, – ответил я и засунул руку в карман. – Вернее сказать, – проговорил я и вынул руку из кармана, чувствуя, что лицо мое бледнеет, а глаза лезут на лоб, – вернее, нет. Дживс, – сказал я, – вы не поверите, но эта чертова штуковина опять куда-то подевалась!

С Дживсом иногда так бывает, и я, случалось, ставил ему это на вид: услышав, что вселенная молодого хозяина закачалась, он произносит только: «Весьма неприятно, сэр». Но в данном случае он не мог не признать, что такое важное событие заслуживает большего. Не стану утверждать, что он побелел как полотно, и он не чертыхнулся, это совершенно точно, но он был максимально – для него – близок к тому, что называется в кинобоевиках «дыхание у него перехватило». Он посмотрел озабоченно, и если бы не придерживался самых строгих

взглядов на корректность в отношениях между хозяином и слугой, наверное, похлопал бы меня по плечу.

– Это серьезное бедствие, сэр.

– Как будто я сам не понимаю!

– Ее сиятельство будет сильно раздражена.

– Могу себе представить, как она примется визжать от злости.

– Вы не вспомните, где могли обронить эту вещь, сэр?

– Я стараюсь. Погодите минутку, Дживс. – Я закрыл глаза. – Дайте мне поразмыслить.

Я стал размышлять.

– Ура!

– Сэр?

– Нашел.

– Брошь, сэр?

– Да нет, не брошь. Я нашел, где я мог ее потерять.

Пришлось восстановить в памяти всю сцену. Дело происходило следующим образом. Дом горел, и я вдруг вспомнил, что оставил в прихожей маленький чемоданчик. Что в нем содержалось, надеюсь, вам напоминать не надо? Костюм Синдбада-морехода.

– А, ну да, сэр.

– Не говорите «ну да», Дживс. Просто слушайте дальше. Итак, повторяю, я вдруг вспомнил про чемоданчик в прихожей. А вы же знаете меня. Подумано – сделано. Без секунды промедления я бросился в прихожую, схватил чемоданчик. Ну а для этого пришлось нагнуться. И по-видимому, при наклоне злосчастная шуковина выскользнула из моего кармана.

– Тогда она и сейчас должна лежать в прихожей, сэр.

– Да. Но взгляните на эту прихожую.

Мы оба обернулись и посмотрели. Я покачал головой. Дживс тоже покачал головой. «Укрomный уголок» уже не так полыхал, как вначале, но внутренность его представляла собой нечто, куда по своей воле могли бы войти лишь Седрах, Мисах и Авденаго^[112].

– Оттуда ее не достанешь, если она и сейчас там лежит.

– Да, сэр.

– Что же делать?

– Позвольте мне поразмыслить, сэр?

– Пожалуйста, Дживс.

– Благодарю вас, сэр.

Он погрузился в молчание, а я от нечего делать стал представлять себе, что мне предстоит услышать от тети Агаты. Перспектива встречи с ней меня не радовала. Мелькнула даже мысль, что, пожалуй, неплохо бы опять съездить ненадолго в Америку. Единственная положительная сторона в обладании такой теткой состоит в том, что приходится много путешествовать, а это расширяет как горизонты, так и круг знакомств.

Я уже готов был сказать себе: «На Запад, на Запад, мой юный друг!» – но, взглянув на мыслителя Дживса, обнаружил у него на физиономии то особенно умное выражение, которое всегда возвещает появление блестящей идеи.

– Итак, Дживс?

– По-моему, я нашел простой способ разрешить вашу трудность, сэр.

– Давайте его сюда, Дживс, да поживее.

– Я бы мог сесть в автомобиль, съездить в Лондон, обратиться в магазин, где ее сиятельство приобрела свой подарок, и купить другую брошь взамен утраченной.

Я взвесил это предложение. Нашел его здравым. И во мне проснулась надежда.

– То есть ввести дублера?

– Да, сэр.

– И вручить адресату в качестве оригинала?

– Именно, сэр.

Я взвесил его мысль еще раз. И чем дольше затягивалось взвешивание, тем соблазнительнее представлялось решение.

– Я вас понял. Механизм тот же, что был задействован при подмене тетиной собаки Макинтоша.

– Да, есть сходство, сэр.

– Тогда мы оказались без скотчтерьера, хотя должны были его при себе иметь, но вы совершенно справедливо рассудили, что собаки данной породы очень похожи одна на другую, вызвали второй исполнительский состав, и успех был полный.

– Да, сэр.

– Думаете, с брошами сработает та же система?

– Полагаю, что да, сэр.

– А что, все броши тоже на одно лицо?

– Не всегда, сэр. Но, задав несколько вопросов, я составлю представление о том, как выглядело утраченное украшение и какая цена была за него уплачена. В результате чего я смогу привезти другое, практически неотличимое от прежнего.

Он меня убедил. С души моей свалилась страшная тяжесть. Выше я упомянул, что незадолго перед тем Дживс, как мне показалось, едва не похлопал меня по плечу. Теперь же я сам с трудом удержался, чтобы не похлопать по плечу его.

– Вы молодчина, Дживс!

– Благодарю вас, сэр.

– Rem... как там дальше?

– ...acu tetigisti, сэр.

– Мне бы следовало знать, что вы найдете выход.

– Я рад, что вы питаете ко мне доверие, сэр.

– У меня есть счет в «Эспинале», так что велите им записать на меня.

– Очень хорошо, сэр.

– Езжайте, не откладывая.

– Времени довольно, сэр. Я смогу добраться до этого магазина задолго до закрытия. Я думаю, мне надо сначала еще заехать к мистеру Фитлуорту, известить его о том, что произошло, выгрузить ваши вещи и предостеречь насчет вашего скорого прибытия.

– «Предостеречь» – подходящее слово?

– Мне следовало сказать «предуведомить», сэр.

– Но только особенно в любезностях не рассыпайтесь. Минуты летят, помните. Брошь должна попасть в руки адресата сегодня вечером. Наилучшим вариантом было бы, чтобы подарок лежал у ее прибора, когда сядут ужинать.

– Я, вне всякого сомнения, сумею возвратиться в Стипл-Бампли ко времени ужина, сэр.

– Ну и отлично, Дживс. Я знаю, что вы обернетесь вовремя. Первая остановка – Боко. А я тем временем еще немного пошарю здесь. Есть какая-то вероятность, хотя и ничтожная,

что я мог выронить эту штуковину на траву. Не помню точно, как на меня подействовало зрелище пожара, но, конечно, я на месте не сидел, а бегал, дергался и подпрыгивал достаточно, чтобы из карманов выскакивали пакеты.

На самом деле я так не думал. Я придерживался своей первоначальной теории, что потерял брошь, спасая маленький чемоданчик. Но в таких ситуациях хочется перевернуть каждый камень и пройти по каждой тропе.

Поэтому я стал шарить вокруг по всему газону и даже перетрогал все камни на альпийской горке. Ничего – как я и ожидал. Довольно скоро я это дело бросил и зашагал в сторону Боко. Уже у самой его калитки я вдруг услышал треньканье велосипедного звонка. Удивительная у здешних жителей склонность, подумал я, только и делают, что разъезжают на велосипедах, названивая в звонок. Смотрю, а это Нобби.

Я пошел ей навстречу, потому что именно ее я и хотел сейчас увидеть. Мне надо было поговорить с нею о Сыре и его сердечных делах.

Нобби грациозно соскочила с велосипеда, приветливо улыбнулась. Со времени нашей последней встречи она успела смыть дорожную пыль и сменить туалет и выглядела нарядно и элегантно. Зачем ей это понадобилось, когда предстояла встреча всего только с субъектом в латаных фланелевых брюках и свитере с круглым воротом, обвисшим вокруг шеи, не могу себе представить, но такой уж они народ, женщины.

– Привет, Берти, – сказала она. – Пришел к Боко с добрососедским визитом?

Я ответил, что так оно и есть, более или менее, но сначала мне нужны две минуты ее драгоценного времени.

– Послушай, Нобби, – начал я.

Разумеется, она не стала слушать. Я не встречал еще девушек, которые слушают. Скажешь «послушай» любой представительнице нежного пола, а она воспримет это слово как знак, что ей надо немедленно заговорить самой. Но по счастью, Нобби заговорила на ту самую тему, которую я хотел с ней обсудить, и поэтому такого уж страстного желания съездить ей кирпичом по голове я не испытал.

– Чем это ты так разъярил Сыра, Берти? – спросила она. – Я сейчас встретила его на дороге и спросила, не видел ли он тебя, а он стал весь малиновый и заскрежетал каждым зубом. Никогда еще не видела такого самовоспламеняющегося полисмена.

– Он тебе ничего не объяснил?

– Нет. Только еще энергичнее заработал педалями, словно участвовал в семидневной велосипедной гонке и вдруг увидел, что отстал от лидера. А что случилось?

Я мрачно ткнул ей в плечо указательным пальцем.

– Нобби, – говорю, – произошло некоторое недоразумение. В результате неблагоприятного сечения... нет, как его?... стечения обстоятельств Сыр теперь относится ко мне с подозрением. В его дурацкую голову запала мысль, что я приехал сюда с целью увести у него Флоренс.

– А на самом деле?

– Моя дорогая юная заноза, – проговорил я с чувством, – ну кому захочется уводить Флоренс? Ты подумай своим умишком. Но как я уже сказал, из-за этого злосчастного стечения он заподозрил худшее.

Я в нескольких сжатых словах описал ей ситуацию, включая приезд Лохинвара, и, когда кончил описывать, она произнесла одну из тех дурацких реплик, которые укрепляют мужчину в убеждении, что женский пол как таковой надо запретить:

– Ты бы сказал ему, что отрицаешь свою вину. Я раздраженно цыкнул зубом.

– Как будто я не говорил ему, что отрицаю свою вину. Да только он мне не поверил. И продолжал распаляться, достигнув под конец такого градуса по Фаренгейту, что кажется, еще мгновение, и он меня арестует. И кстати, ты могла бы предупредить меня, что он работает полицейским.

– Упустила из виду.

– Этим ты избавила бы меня от неприятного потрясения. Когда я услышал, что кто-то зовет меня по имени, обернулся и увидел, что он катит ко мне на велосипеде в полной амуниции деревенского полисмена, меня чуть родимчик не хватил.

Нобби рассмеялась, но это был сольный смех. В сложившемся положении я был совсем

не расположен составить с ней дуэт.

– Бедняга Сыр!

– Так-то оно так, но...

– По-моему, это очень даже мужественное решение – самому зарабатывать себе на жизнь, а не сидеть на коленях у богатого дядюшки и получать подачки из его кармана.

– Согласен, но...

– А Флоренс не согласна. И это забавно, ведь внушила-то ему такие мысли она. Толковала про социализм, заставляла читать Карла Маркса. А Сыр очень внушаемый.

Это правда. Я вспомнил, как в Оксфорде один человек обратил Сыра на какое-то время в буддизм. Возникли всякие затруднения с администрацией, так как он сразу же перестал посещать факультетские молебны, а вместо них предавался медитации под ближайшим кустом, который можно было толковать как молитвенное дерево.

– А теперь она вне себя, говорит, что глупо было с его стороны понять ее буквально.

Нобби сделала паузу, чтобы еще немного посмеяться, и я воспользовался возможностью вставить словечко со своей стороны:

– Вот именно. Она вне себя, и как раз об этом я и хотел с тобой поговорить. Сыр – зеленоглазое чудовище, Сыр, который становится малиновым и скрежещет коренными зубами при упоминании моего имени, – с этим я еще готов мириться. Не то чтобы это было так уж приятно – постоянно сознавать, что силы охраны порядка скрежещут на тебя зубами, но с годами научаешься принимать как тихую погоду, так и ветреную. Но я боюсь, что Флоренс к нему охладевает.

– С чего ты взял?

– Она со мной только что говорила о нем. При этом употребила выражение «ослиное упрямство», призналась, что все это ей чертовски надоело, и она просто не знает, что делать. И вообще я бы сказал, она произвела на меня впечатление барышни, которая вот-вот даст своему милому отставку и возвратит колечко и подарки. Чуешь, чем это мне грозит?

– Ты намекаешь на то, что, если она расстанется с Сыром, ей может прийти в голову снова взяться за тебя?

– Да, я намекаю именно на это. Надо мной нависла страшная угроза. В результате еще одного кошмарного сечения... то есть стечения, мои акции у нее в настоящее время поднялись на ужасающую высоту, и в любой момент может произойти все, что угодно.

Я коротко описал Нобби происшествие со Спинозой и «Сплином и розой». Она выслушала и задумалась.

– Знаешь, Берти, – промолвила она, помолчав, – мне всегда казалось, что изо всего множества своих женихов Флоренс на самом деле хотела выйти за тебя.

– О Боже!

– Сам виноват, что ты такой симпатичный.

– Возможно, да что теперь сделаешь?

– Но все-таки я не понимаю, из-за чего ты так нервничаешь? Если она сделает тебе предложение, просто залейся нежным румянцем и взволнованно произнеси: «Мне так ужасно жаль! Ты сделала мне самый большой комплимент, какой может женщина сделать мужчине. Но это невозможно. Останемся, как до сих пор, друзьями, ладно?» И все дела.

– Ничего подобного. Ты что, не знаешь Флоренс? Станет она делать предложение, дожидайся. Она просто оповестит меня, что наша помолвка опять в силе, как гувернантка оповещает своего воспитуемого, что он обязан доесть шпинат. И если ты воображаешь, что у

меня хватит характера выйти против нее с *nolle prosequi*^[113]...

– С чем?

– Это у Дживса такая присказка. Означает: «На-ка, выкуси». Так вот, если ты воображаешь, что я способен за себя постоять и послать ее куда подальше, то ты сильно переоцениваешь храбрость Вустеров. Нет, ее надо помирить с Сыром. Другого выхода нет. Послушай, Нобби. Вчера я написал тебе письмо, в котором изложил свой взгляд на Флоренс и просил тебя сделать все возможное, чтобы открыть Сыру глаза на то, что его ждет. Ты прочла его?

– От первой до последней строчки. Оно произвело на меня сильнейшее впечатление. Я и не подозревала, что у тебя такой живой повествовательный стиль. Напоминает Эрнеста Хемингуэя. Ты, случайно, не печатаешься под фамилией Хемингуэй?

Я отрицательно мотнул головой:

– Нет. Единственное, что я в жизни написал, – это статью «Что носит хорошо одетый мужчина» для журнала «Будуар элегантной дамы», но она вышла под моей собственной фамилией. Я вот что хочу сказать: не обращай внимания на мое письмо. Теперь я всем сердцем – за этот брак. Желание спасти Сыра меня полностью оставило. Кого я стремлюсь теперь спасти, так это Б. Вустера. Так что будешь разговаривать с Флоренс, расхваливай Сыра на все корки. Пусть поймет, какое сокровище ей досталось. А если ты имеешь на него влияние, постарайся его уговорить, чтобы он бросил эту дурацкую затею с полицией и согласился выставить свою кандидатуру в парламент, как того желает дама его сердца.

– Я бы дорого дала, чтобы увидеть, как Сыр заседает в парламенте.

– Я бы тоже, если это наладит их отношения.

– То-то будет фантастическое зрелище!

– Вовсе не обязательно. Среди наших законодателей есть идиоты и похлеще. Их там полным-полно. Его они, наверное, выдвинут в министры. Так что ты уж постарайся, Нобби.

– Сделаю, что смогу. Но Сыра довольно трудно переубедить, если его мысли приняли определенное направление. Помнишь глухого аспида?

– Какого еще аспида?

– Ну этого, который затыкал уши и не слушал заклинателей, как они ни лезли вон из кожи, чтобы его заклясть^[114]. Вот и Сыр точно такой же. Однако, как я сказала, я сделаю, что смогу. А теперь пошли, поднимем Боко с его лежбища. Мне до смерти любопытно узнать, что там у них было за обедом.

– Так ты не видела дядю Перси?

– Нет еще. Его не было дома. А что?

– Да нет, ничего. Просто я подумал, если бы ты его видела, то могла бы услышать свидетельские показания от него, – пробормотал я, от души сочувствуя старому школьному товарищу и надеясь, что он успел сочинить какую-нибудь мало-мальски приемлемую версию этого плачевного события.

Переступив порог, мы сразу же услышали стрекот пишущей машинки – признак того, что Боко все еще работает над письмом дяде Перси. Звуки эти смолкли, как только Нобби громко окликнула Боко из прихожей, и, когда мы входили в гостиную, он как раз второпях выбрасывал в корзинку очередной забракованный листок.

– А, это ты, дорогая! – жизнерадостно произнес он. Видя, как он вскакивает со стула и горячо обнимает Нобби, посторонний наблюдатель бы решил, что на душе у него нет ни малейших забот, кроме разве прически, которая была в ужасающем беспорядке. – Я тут

отделявал абзац.

– Ой, милый, мы прервали поток вдохновения?

– Ничего, пустяки.

– Мне не терпелось узнать, как прошел обед.

– Конечно, конечно. Сейчас все расскажу. Да, Берти, Дживс привез твои пожитки. Они в комнате для гостей. Разумеется, я рад тебя принять. Какая неприятность с этим пожаром.

– С каким пожаром? – спросила Нобби.

– По словам Дживса, Эдвину удалось дотла спалить «Укромный уголок». Это правда, Берти?

– Полнейшая правда. В счет доброго дела за прошлую пятницу.

– Ах, какое несчастье! – воскликнула юная Нобби с глубоким сочувствием, которое так красит женщину. Боко, наоборот, подошел к вопросу с другой стороны.

– А по-моему, – сказал он, – Берти дешево отделался. Он, кажется, даже не обжегся. Сгоревший дом – безделица. Обычно, когда Эдвин принимается намерстывать отставание по части добрых дел, это связано с опасностью для человеческой жизни. Вспоминаю, как он однажды чинил мне электрическую яйцеварку. Я иногда, уйдя с головой в работу и прилагая все усилия на благо моих читателей, подымаюсь утром пораньше, еще до прихода хозяйки. В этих случаях я имею обыкновение варить себе для поддержки творческих сил яйцо в патентованном приспособлении, которые продаются в магазинах. Ну, вы знаете, о чем я говорю. Такая штукавина, которая утром будит вас звонком будильника, желает вам доброго утра, заливает воду для кофе, поджигает снизу горелку и приступает к варке яйца. Ну и вот, назавтра после того, как Эдвин в ней что-то починил, яйцо, едва очутившись в машинке, вылетело пулей и прямо мне по носу, так что я даже упал. А сколько крови вытекло, страшно вспомнить. Вот почему я утверждаю, что, раз у тебя все обошлось только пожаром, считай, тебе сильно повезло.

Нобби высказала надежду, что когда-нибудь найдется человек, который не остановится перед убийством Эдвина, и мы согласились, что, безусловно, к тому идет.

– А теперь, дорогая, – сказал Боко все тем же необъяснимо ликующим тоном, которым я, зная истинное положение дел, не мог не восхититься, – ты, должно быть, хочешь услышать, как прошел наш обед. Так вот. Он прошел очень хорошо.

– Милый!

– Да, прекрасно прошел. По-моему, начало положено замечательное.

– Ты был остроумен?

– Необыкновенно остроумен.

– И раскован?

– Даже более того.

– Ангел! – произнесла Нобби и быстро поцеловала его раз пятнадцать подряд.

– Да, – не остановился на этом Боко. – Мне кажется, на него подействовало. Трудно, конечно, утверждать, когда у человека такая непроницаемая физиономия, скрывающая всякие чувства, но, на мой взгляд, он начал смягчаться. Мы ведь и не ожидали, что он с первого же раза упадет мне на грудь, верно? Обед должен был только подготовить почву.

– А о чем вы разговаривали?

– Так, о том о сем. Например, о пауках, как я припоминаю.

– О пауках?

– Он вроде бы интересуется пауками.

– Вот уж не знала.

– Одна из тех сторон его натуры, которая, по-видимому, была для тебя закрыта. Ну а после, поговорив о том о сем, мы еще коснулись того-этого.

– А неловких пауз не было?

– Я не заметил ни одной. Наоборот, он, как говорится, болтал вовсю, особенно под конец.

– Ты сказал ему, какую уйму денег ты зарабатываешь?

– О да, я затронул это.

– Надеюсь, ты объяснил ему, что ты серьезный, целеустремленный молодой человек и доходы твои не могут упасть? Это его больше всего беспокоит. Он опасается, что ты вспыхнешь и прогоришь без следа.

– Как «Укромный уголок»?

– Понимаешь, в молодости, еще только начиная свой пароходный бизнес, дядя Перси вращался в Лондоне в довольно разгульных компаниях и был знаком со многими писателями, которые время от времени получали порядочный куш, но растрачивали все за несколько дней и потом жили в долг. Мой папочка принадлежал к их числу.

Это было для меня новостью. Я и представить себе не мог, что дядя Перси когда-то в молодости вращался в разгульных компаниях. Я вообще не представлял себе, что он когда-то был молодым. Обычное дело: если у старикана усы щеточкой, солидный, доходный бизнес и повадка медведя, поднятого в разгар зимней спячки, никто не интересуется его прошлым и не задается вопросом: может, и он когда-то кутил на всю катушку?

– Этот вопрос мы затронули одним из первых, – ответил Боко. – Я подчеркнул, что современный писатель – это упорный и неутомимый труженик. Его прежде всего интересуют деньги, и, добывая, он их откладывает.

– Ну, это должно было ему понравиться.

– Еще бы.

– Так, значит, все хорошо?

– Замечательно.

– Теперь дело за Берти.

– Да, будущее зависит от него.

– Он уговорит дядю, и...

– Нет, я не совсем то имел в виду. Боюсь, тут ты немного отстала от стремнин и водоворотов последних событий. Берти едва ли стоит заступаться за нас перед дядей. Его имя смешано с грязью.

– Смешано с грязью?

– Да. Я верно выражаюсь, Берти?

Я вынужден был признать, что он выразился более или менее верно.

– Дядя Перси почему-то возомнил, – принялся объяснять я, – что я был помощником и вдохновителем Эдвина в его поджигательской деятельности. И это сильно уменьшило мой вес как заступника. Теперь он так легко моему влиянию не поддастся.

– Что же с нами будет? – спросила Нобби дрогнувшим голосом.

Боко, подбадривая, похлопал ее по плечу:

– С нами все будет хорошо. Не беспокойся понапрасну.

– Но ведь если Берти не может замолвить за нас слово...

– Ты упускаешь из виду, какая у него многогранная натура. Он без труда может пролезть

в окно буфетной. Этим он нам и поможет. Я много думал, и мне пришла в голову великолепная мысль. Что, если, сказал я себе, я спасу дом твоего дяди от ночного грабителя? Тогда почтенный родич убедится, что я человек достойный. И вымолвит: «Клянусь душой, отличный малый этот Фитлуорт!» Правильно я говорю?

– Пожалуй.

– У тебя какой-то неуверенный голос.

– Просто я подумала, что едва ли это когда-нибудь случится. В Стипл-Бампли уже лет двести не было грабежей. Сыр на днях на это жаловался. Для молодого честолюбивого полисмена, он говорил, тут не открывается никаких перспектив.

– Ну, это можно будет устроить.

– То есть как это?

– Организовать грабеж со взломом. Он произойдет в «Бампли-Холле» сегодня же ночью. Об этом позаботится Берти.

Тут возможно было лишь одно замечание, и я его сделал.

– Минуточку! – воскликнул я.

– Не перебивай, Берти, – укоризненно произнес Боко. – От помех разбегаются мысли. Сейчас объясню в двух словах, какой план я разработал. На рассвете мы с Берти пробираемся в усадьбу. Останавливаемся под окном буфетной. Он разбивает стекло. Я поднимаю тревогу. Он исчезает...

Это был в его плане первый пункт, который, на мой взгляд, заслуживал одобрения. Я сказал:

– А-а.

– ... а я остаюсь и принимаю восторги и рукоплескания присутствующих. По-моему, дело беспрюирышное. Солидный домовладелец уорплесдоновского типа очень не любит, чтобы в дом, которым он владеет, вламывались посторонние; человеку, который пресечет в зародыше такую попытку, он обязательно распахнет объятия. И еще до начала дня, по моим расчетам, я получу от него обещание, что он будет танцевать на нашей свадьбе.

– Дорогой! Как чудесно!

Это воскликнула Нобби, а не я. Я же стоял, закусив губу, в нескрываемой тревоге. Мне следовало помнить, говорил я себе, что пьеса, которую написал Боко, принадлежит к криминально-приключенческому жанру, естественно, что и план, родившийся в его отравленном сознании, будет в том же духе.

Ведь если постоянно думаешь про то, как раздаются вопли в ночи, и гаснет свет, и человеческие руки высовываются прямо из стены, и все бегает по дому, крича: «Призрак приближается!» – само собой, в минуту опасности ничто другое и в голову не придет. Я тут же, не сходя с места, решил, что отвечу решительным «нет». То есть Бертрам Вустер всегда рад оказать дружескую поддержку грезам юной любви, однако всему есть границы, и притом очень четко прочерченные.

Вижу, Нобби умерила свои восторги. И тоже стоит, прикусив губу.

– Конечно, это чудесно. Но...

– Не нравится мне это «но».

– Я только хотела спросить, как ты объяснишь?

– Что объясню?

– Каким образом ты оказался там принимать восторги и рукоплескания.

– Очень просто. В Стипл-Бампли все знают, как я тебя безумно люблю. Вполне

естественно, что я прихожу ночью в сад и гляжу на окно своей возлюбленной.

– А-а, понятно. И вдруг ты услышал звук...

– Странный такой звук, вроде звона разбитого стекла. Зашел за угол дома, а там кто-то разбивает окно буфетной.

– Ну конечно! Теперь мне все ясно.

– Я знал, что ты поймешь.

– Значит, все зависит от Берти.

– Абсолютно все.

– А вдруг он не согласится?

– Пожалуйста, не говори так. Ты можешь ранить ему душу. Разве ты не знаешь, что он за человек? У него стальные нервы, и, когда надо помочь товарищу, он не остановится ни перед чем.

Нобби глубоко вздохнула.

– Он замечательный, правда?

– Ему нет равных.

– Я всегда его очень высоко ценила. Когда я была маленькая, он подарил мне на три пенса кисленьких леденцов.

– Его щедрость не знает границ. Это свойство настоящего мужчины.

– Я им так восхищалась!

– Я тоже. Не знаю никого, кем бы я восхищался больше.

– Тебе не кажется, что в нем есть что-то от сэра Галахада?

– Я как раз хотел тебе это сказать.

– Конечно, ему и в голову не придет отказать в рыцарской услуге.

– Разумеется. Так, значит, договорились, Берти? Удивительно, как много могут сделать несколько добрых слов. До последней минуты я был готов ответить «нет» и даже приоткрыл уже рот, чтобы произнести это слово как можно выразительнее. Но тут я встретил взгляд Нобби, полный немого обожания, и почувствовал, как Боко горячо жмет мне руку и дружески хлопает по плечу, и что-то меня остановило. Действительно, нельзя было ответить «нет», не нарушив сердечной атмосферы нашей встречи.

– Естественно, – сказал я. – Само собой. Но без особого восторга. Не слишком весело.

Нет, далеко не весело. И этот дефицит веселья, признаюсь, я ощущал вплоть до самого часа «икс». Все время, пока тихо вечерело, пока я сидел за скромным ужином, а потом томился в тягостном ожидании, когда же наконец деревенские часы пробьют полночь, на душе у меня накапливалось беспокойство. И когда момент настал и мы с Боко пошли через парк к назначенному месту действия, оно расходилось вовсю.

Боко был возбужден и жизнерадостен и по пути то и дело шепотом призывал меня полюбоваться красотами природы и понюхать, как бесподобно благоухают цветы, мимо которых мы неслышно скользили; но с Бертрамом дело обстояло иначе. Состояние Бертрама, не стану этого скрывать, было довольно подавленное. По спине бегали мурашки, и угнетенное сердце сжималось в тоске. Слово Вустера было уже дано, я выразил готовность сослужить службу молодым влюбленным, и о том, чтобы теперь уклониться от этого предприятия и тихонько выйти из игры, не могло быть речи. Все так, но удовольствия мне это не доставляло ни малейшего.

По-моему, я уже говорил выше, что терпеть не могу пробираться в темноте по чужим садам. Слишком много неприятных эпизодов было связано в моем прошлом с чужими садами – например, один раз в «Бринкли-Корте», когда обстоятельства принудили меня выйти в сад на рассвете и ударить в пожарный гонг; или другой случай, когда Роберта Уикхем против моего желания уговорила меня залезть на дерево и сбросить цветочный горшок на теплицу, чтобы поднялся звон и грохот и под шумок ее кузина Клементина, убежавшая из школы, могла бы незаметно вернуться. Этот эпизод из всех был самый душераздирающий, так как завершился внезапным появлением полицейского, потребовавшего ответа на вопрос: что здесь происходит? И от сознания, что все может сейчас дословно повториться и что полицейским, который в таком случае явится на место происшествия, будет не кто иной, как Сыр, у меня в жилах стыла кровь и под ложечкой появилось трепыхание, как будто я принял внутрь две столовые ложки бабочек.

Ощущение это было настолько сильным, что я с плохо скрытым ужасом схватил Боко за рукав и затащил за встречное дерево.

– Боко, – сипло произнес я, – а как насчет Сыра? Про него-то ты не подумал?

– Что-что?

– Вдруг он сегодня ночью на дежурстве? И рыщет по окрестностям? Что будет, если он во всей амуниции, при полицейском свистке и блокноте, вдруг выскочит из кустов?

– Глупости.

– Представляешь, каково это, когда тебя арестует человек, с которым вместе учились в школе? Сыр такого случая не упустит. У него на меня зуб.

– Чепуха, – со светской самоуверенностью отозвался Боко. – Не позволяй мыслям принимать это нездоровое направление. Такая робость недостойна тебя. А насчет Сыра можешь не беспокоиться. Вспомни, какой у него вид – глаза блестят, во всю щеку румянец, такой человек, уж конечно, следит за тем, чтобы спать свои восемь часов. Его девиз: рано в кровать, рано вставать. Сыр сейчас лежит под одеялом и спит сладким сном младенца и к исполнению своих обязанностей приступит только в семь часов тридцать минут, когда затахтит будильник у его кровати.

Так-то оно так, конечно. Боко рассуждал убедительно, и слова его придали мне

бодрости. Действительно, у Сыра румянец во всю щеку. Однако через минуту я снова дрогнул. Ведь опасность не только в одном Сыре, подумал я. Даже если пренебречь Сыром, существует еще и другая сторона: дядя Перси и тетя Агата. Как ни крути, но эти уголья и сады, в которые мы сейчас незаконно проникли, – их частная собственность. То есть допустим, я ускользну от дракона, а гиппогрифы? С гиппогрифами-то как быть? – спрашивал я себя.

Если что-то обернется не так, если эта безумная затея, в которой я взялся участвовать, где-то не сработает, к чему это приведет? Могу сказать вам, к чему это приведет. Мало того, что я должен буду держать ответ перед разъяренным дядей, который по праву потребует объяснения, зачем я разбудил его среди ночи и какого черта занимаюсь битьем окон у него в саду, но доклад обо всем этом, со смачными подробностями, услышит по возвращении домой тетя Агата, и что тогда?

Гораздо менее значительные мои прегрешения в прошлом побуждали престарелую родственницу жаждать моей крови и бросаться на меня с боевым топором, как краснокожий, ступивший на тропу войны.

Я намекнул на это Боко, когда мы достигли цели нашего путешествия. Вместо ответа он потрепал меня по плечу – дружественный жест, бесспорно, однако укреплению моего боевого духа он если и способствовал, то минимально.

– Если попадешься, – сказал мне Боко, – то держись, как будто ничего не произошло.

– Как будто ничего не произошло?

– Ну да. Как ни в чем не бывало. Патока при тебе? Я ответил, что патока при мне.

– А бумага?

– И бумага.

– Тогда я отойду на десять минут. В твоём распоряжении будет восемь минут, чтобы собраться с духом, одна минута, чтобы разбить окно, и одна минута, чтобы убраться подобру-поздорову.

Идея насчет патоки принадлежала Боко. Он утверждал, что в таком деле патока совершенно необходима, чтобы все подумали, будто тут работал профессионал, а нам только того и надо. По словам Боко, а уж он-то знает такие вещи, образованный взломщик всегда начинает с того, что обзаводится патокой и оберточной бумагой. Последнюю он с помощью первой приклеивает к стеклу, после чего, размахнувшись, разбивает его одним ударом кулака.

Надо же, чем только не приходится людям зарабатывать на жизнь! Я употребил, кажется, не менее трех минут из имевшихся у меня десяти на размышления о том, какими мужественными должны быть взломщики и что побуждает их выбрать себе такую трудоемкую профессию. Заработки, конечно, немалые, и практически никаких накладных расходов, но зато сколько приходится тратить на невропатологов и санатории! Да только покупка подкрепляющего питья оставляет, я думаю, ощутимую прореху в бюджете.

Я бы продолжал размышлять на подобные темы и дальше, но не мог себе этого позволить, ибо время летело, Боко мог появиться с минуты на минуту. И меня совсем не прельщало признаваться ему, что я растранил на пустые мечтания те драгоценные минуты, когда следовало действовать.

Придерживаясь правила: «Взялся спать, спи скорее», как говаривал Шекспир, я быстро намазал бумагу патокой и прилепил к стеклу. Теперь осталось только нанести удар. Но тут как раз на меня напала нерешительность, и я принялся малодушно переминыться с ноги на

ногу, как Сър у входа в ювелирный магазин.

Тогда, наблюдая за ним, я думал, что в искусстве танца на месте он достиг пределов, но теперь убедился, что до вершин топтания ему далеко. В сравнении с тем, как выступал и пятился я, он топтался совершенно некачественно. Я делал шаг в направлении к цели, затем шаг в направлении от цели и затем еще шаг в сторону. Зрителю, если бы таковой имелся, показалось бы, наверное, что я разучиваю сложные па какого-то ритмического танца.

Но наконец я все-таки набрался храбрости, этой великолепной отваги Вустеров, напряг мышцы, рванулся вперед и уже занес кулак, как вдруг у меня словно динамитная шашка взорвалась под ногами. Волосы на голове как один встали дыбом, и каждый нерв натянулся в струнку с завитком на конце. В жизни Бертраму Вустеру случалось, и не один раз, испытывать смятение, но до такой степени – никогда.

Откуда-то сверху раздался голос:

– Ух ты! Эй! Кто там?

Если бы не это «ух ты», я бы решил, что слышу голос своей совести. Но в данной ситуации я без труда определил, что он принадлежит проклятию рода человеческого, юному Эдвину. Прижавшись к стене дома, как смазанный патокой лист бумаги, я смутно разглядел его голову в верхнем окне. После всего, что довелось пережить, в довершение еще нападают бойскауты! Я почувствовал укол в самое сердце. Мне было очень обидно.

Спросив: «Кто там?» – он замолчал, предоставляя мне подать ответную реплику, хотя даже мальчишка с тряпичными мозгами должен понимать, что грабитель не станет добровольно поддерживать разговор.

– Кто это? – спросил Эдвин несколько мгновений спустя. Я благоразумно помалкивал. Тогда он сказал:

– Все равно я вас вижу.

Но голос звучал неуверенно, ясно было, что мальчишка нагло лжет. Одно обстоятельство поддерживало во мне бодрость духа и успокаивало дрожание сердечных струн в эту неприятную минуту: ночь была темная, никаких тебе лун и прочей подобной ерунды. Звезды светили, это да, но луны не было. Только ночной зверь вроде рыси мог бы разглядеть меня, да и то если у него стопроцентное зрение.

Я молчал, и это его явно обескураживало, разговор без участия собеседника всегда быстро иссякает. Некоторое время он еще вглядывался вниз – Дживс сравнил бы его с Благословенной Девой, выглядывающей из золотых облаков^[115], – а затем втянул голову, и я снова остался один.

Впрочем, ненадолго. Через минуту подгребает Боко.

– Дело сделано? – осведомился он зычным шепотом, который разнесся по всему парку, точно крик лоточника, предлагающего брюссельскую капусту. Я вцепился в его рукав и попросил сбросить децибелы.

– Тише!

– А что такое?

– Эдвин.

– Эдвин?

– Он только что выставил в окно свою башку и спрашивал, кто там.

– Ты сказал?

– Нет.

– Прекрасно. Очень разумный шаг. Он уже, наверное, снова лег и заснул.

Боко прищелкнул языком, и я снова затрясся. В том слегка нервном состоянии, в котором я тогда был, этот звук показался мне стуком кастаньет, производимым целым скопищем испанских танцоров.

– Бойскауты никогда не спят.

– Глупости. Еще как спят. Сотнями. Ты разбил окно?

– Нет.

– Почему?

– Из-за Эдвина.

– Ты не должен отвлекаться от дела из-за всяких пустяков, Берти. У меня такое впечатление, что ты недостаточно серьезно относишься к своей задаче. Может быть, я, конечно, ошибаюсь, но мне видится в твоих действиях определенное легкомыслие. Пожалуйста, соберись и постарайся помнить, что это значит для нас с Нобби.

– Но я не могу бить окна, когда наверху притаился Эдвин.

– Ну почему же? Не вижу, что тебе мешает. На Эдвина не обращай внимания. Если он насторожился, тем лучше. Это пойдет мне на пользу, когда я приступлю к исполнению моей роли. Он будет моим свидетелем. Даю тебе еще десять минут, после чего, уж будь добр, займись делом. Сигареты есть?

– Нет.

– Ну ничего, буду докуривать эту. Только и всего, – заключил Боко и удалился.

Читая вышеприведенный обрывок диалога, вы, наверное, обратили внимание на одно обстоятельство. Если вы понимаете, что значит по-французски *sang-froid*^[116], вы, конечно, заметили, в каком необыкновенном объеме демонстрировал это качество исчезнувший Фитлуорт. Я, например, дрожал и заикался, а он оставался спокоен и холоден, как заливной палтус, и мне пришло в голову, что, вероятно, секрет тут в том, что он не стоит на месте.

Увы, надежды на то, что дрожащие нервные узлы перестанут вибрировать и трепыхание в желудке уймется, развеялись, не успел я сделать и десяти шагов. Потому что во мраке передо мной внезапно возникла какая-то смутная фигура, при виде которой я подскочил в воздух футов на пять и тоненько пискнул: «Ой!»

Действительно, чем торчать как на посту под окнами буфетных, гораздо полезнее походить туда-сюда, и, глядишь, небольшая прогулка подтянет до нужной упругости мою провисшую нервную систему. С этой целью я двинулся в путь и завернул за угол дома.

Правда, присутствие духа ко мне возвратилось – частично, – когда смутная фигура заговорила, и я узнал голос Дживса.

– Добрый вечер, сэр, – сказал Дживс.

– Добрый вечер, – ответил я.

– Вы напугали меня, сэр.

– А уж вы-то как меня напугали, Дживс! Я думал, у меня черепная коробка открылась.

– Весьма сожалею, что причинил вам такие неприятные переживания, сэр. Я не мог предупредить вас о своем появлении, поскольку встреча наша была не предусмотрена. Вы поздно на ногах, сэр.

– Да.

– Более приятной обстановки для ночной прогулки нельзя и представить себе.

– Вы так считаете?

– Разумеется, сэр. По-моему, ничто так не смиряет душевные тревоги, как полночный сад.

– Ха-ха.

– Веет прохладный ветерок. Растения благоухают. Чувствуете? Это аромат душистого табака.

– Да?

– И звезды, сэр.

– Звезды?

– Да, сэр.

– При чем тут звезды?

– Я просто хотел обратить на них ваше внимание, сэр. Взгляните, как небосвод весь выложен кружками золотыми...

– Дживс...

– И самый малый, если посмотреть, поет в своем движении, точно ангел, и вторит юнооким херувимам^[117].

– Дживс...

– Гармония подобная живет

В бессмертных душах; но пока она

Земною, грязной оболочкой праха

Прикрыта грубо, мы ее не слышим.

– Дживс...

– Сэр?

– Вы не могли бы на этом остановиться?

– Разумеется, сэр, если вам угодно.

– У меня неподходящее настроение.

– Хорошо, сэр.

– Знаете, как иной раз бывает.

– Да, сэр. Я вполне понимаю. Я привез брошь, сэр.

– Брошь?

– Вы желали, чтобы я приобрел брошь взамен утраченной на пожаре, сэр. В подарок

леди Флоренс по случаю дня рождения.

– А-а. – Вы представите себе в общих чертах, как подействовала на меня эта, выражаясь словами Дживса, ночная прогулка, если я вам скажу, что чертова побрякушка совершенно вылетела у меня из головы. – Так вы ее раздобыли?

– Да, сэр.

– И вручили по назначению?

– Да, сэр.

– Хорошо. Одна забота с плеч. И поверьте, Дживс, чем больше забот мне удастся сбросить с плеч, тем лучше, потому что забот у меня в данную минуту выше ватерлинии.

– Мне очень жаль это слышать, сэр.

– Знаете, например, почему я блуждаю во тьме по парку?

– Я надеялся узнать это от вас, сэр.

– Сейчас узнаете. Я тут не просто разгуливаю от нечего делать, Дживс. Я выполняю задание, результаты которого могут потрясти человечество.

Я вкратце описал ему события, приведшие к теперешней трагедии, а он внимательно слушал и лишь однажды перебил возгласом уважительного испуга, когда я перешел к дяде Перси, Боко и «шутейным товарам». Сразу видно, что мой рассказ захватил его.

– Весьма эксцентричный молодой джентльмен мистер Фитлуорт, сэр, – заключил Дживс, когда я смолк.

– Буйнопомешанный с ног до головы, – подтвердил я.

– Однако замысел его не лишен остроумия. Его сиятельство, несомненно, будет очень благодарен тому, кого сочтет спасителем, отразившим нападение на его дом нынешней ночью. Я случайно знаю, что, несмотря на многократные напоминания ее сиятельства, он забыл отправить письмо о продлении страхования против взлома.

– Как вы это узнали?

– Лично от его сиятельства, сэр. Услышав, что я собираюсь в Лондон, он дал мне конверт, который я должен был опустить в городе, с тем чтобы завтра с первой же почтой он был доставлен по адресу. При этом, настоятельно убеждая меня не подвести его и описывая, что будет, если ее сиятельство проведает о такой его забывчивости, он испытывал заметное волнение. Его била дрожь.

Я был поражен.

– То есть, по-вашему, он боится тети Агаты?

– Чрезвычайно, сэр.

– Он, такой могучий мужчина? Настоящий боцман на пиратском судне?

– Даже боцман на пиратском судне дрожит перед своим капитаном, сэр.

– Да-а. Вот уж не думал. Мне казалось, что если существует на свете человек, который в своем доме полный хозяин, то это он, Персиваль лорд Уорплесдон.

– Я склонен сомневаться, сэр, что на свете вообще существует человек, который являлся бы полным хозяином в доме при наличии в нем ее сиятельства.

– Может, вы и правы.

– Да, сэр.

Я перевел дух. В первый раз с тех пор, как Боко изложил свой замысел, мне немного полегчало. И теперь еще было бы некоторым отступлением от правды утверждать, что Бертрам Вустер с удовольствием предвкушал, как он будет выбивать окно в буфетной, но все же, когда от своих действий можно ожидать ощутимых результатов – это совсем другое дело.

– Значит, на ваш взгляд, план Боко приблизит его к цели?

– Вполне возможно, сэр.

– Это меня утешает.

– Но с другой стороны...

– Господи, Дживс! Ну что там еще?

– Я только хотел заметить, что мистер Фитлуорт избрал для намеченного предприятия не самый удачный момент, сэр. Оно может прийти в противоречие с планами его сиятельства.

– То есть как это?

– По досадному совпадению, через несколько минут его сиятельство выйдет из дома и направится в садовый сарай, где его ожидает для переговоров мистер Чичестер Устрица.

– Чичестер Устрица?

– Да, сэр.

Я помотал головой.

– Напряжение последнего часа, по-видимому, плохо подействовало на мой слух. Мне почудилось, будто вы сейчас сказали: «Чичестер Устрица».

– Да, сэр. Мистер Дж. Чичестер Устрица, директор, руководящий линией «Устрицы».

– Что значит – линия «Устрицы»?

– Это пароходная линия, сэр, которая, если помните, планирует слияние с линией его сиятельства «Розовые трубы».

Тут наконец до меня дошло.

– Вы имеете в виду того господина, с которым дядя Перси ищет встречи? Старого морского волка из Америки?

– Именно так, сэр. Вследствие возгорания «Укромного уголка» возникла необходимость предложить другое место, где бы два джентльмена могли встретиться и переговорить с глазу на глаз, не опасаясь помехи.

– И вы выбрали для них садовый сарай?

– Да, сэр.

– Благослови вас Бог, Дживс.

– Спасибо, сэр.

– Этот господин сейчас находится в сарае?

– Полагаю, что да, сэр. Отправляясь сегодня в Лондон, я имел поручение от его сиятельства позвонить мистеру Устрице в гостиницу и передать, чтобы он ехал в Стипл-Бампли и по прошествии получаса после полуночи был в сарае. Американский господин выказал полное понимание и согласие и сказал, что приедет загодя и будет вовремя в назначенном месте.

Я ощутил некоторое сострадание к этому субъекту, готовому на братское рукопожатие через океан. Рожденный и вскормленный в Америке, он наверняка не имел ни малейшего представления о том, что за ужасное это место – Стипл-Бампли и что его там ждет. Неприятности, которые мистеру Устрице сулит Стипл-Бампли, я так, с ходу, затруднился бы перечислить, но не сомневался, что ему достанется несладко.

Мне стало также понятно, что имел в виду Дживс, говоря, что Боко избрал не самый удачный момент для намеченного предприятия.

– Через полчаса после полуночи? Это, наверное, уже сейчас.

– Тютелька в тютельку, сэр.

– Значит, дядя Перси может возникнуть в любую минуту?

– Если я не ошибаюсь, сэр, вон раздаются шаги его сиятельства.

Действительно, откуда-то с северо-северо-востока послышался шум, как от продвижения массивного предмета через ночные заросли.

У меня перехватило дыхание.

– Господи, Дживс!

– Сэр?

– Это он!

– Да, сэр.

Не нравилось мне все это, я был бы рад обойтись без обмена любезностями, но ничего не поделаешь. Я подумал и сказал:

– Ну, ладно, по-видимому, надо перекинуться с ним словечком-другим. А-а, здрасте.

То, что за этим последовало, признаюсь, доставило мне определенное удовольствие – я ведь и сам дважды за сегодняшнюю ночь подскочил чуть не до неба, когда ко мне неожиданно обратились из непроглядной темноты. Наблюдая за тем, как почтенный родич с нечленораздельным писком взвился в поднебесье, я ощутил себя в какой-то степени отомщенным. Как ни сложатся дела дальше, но тут по крайней мере я частично отыгрался.

Знакомя читателей со своим дядей по линии тети, я упомянул, что он имеет привычку в минуты волнения вскрикивать: «Что??» – и повторять это слово много раз. Так он поступил и теперь.

– Что??? Что??? Что??? Что??? Что??? – произнес он пять раз подряд, а затем прибавил еще одно, так что вышло круглым счетом полдюжины.

– Чудесный вечер, дядя Перси, – сказал я, надеясь с помощью любезности удержать разговор на дружеском уровне. – Мы тут с Дживсом разговаривали про звезды. Как вы высказались относительно звезд, Дживс?

– Я упомянул, что и самый малый, если присмотреться, «поет в своем движенье, точно ангел, и вторит юнооким херувимам», сэр.

– Вот-вот, совершенно верно. Полезно знать такие вещи, вы не находите, дядя Перси?

Между тем, пока мы с Дживсом толковали о высоких материях, дядя знай себе твердил задуманным голосом: «Что??? Что??? Что???» – все еще не совладав с тяжестью обстоятельств. Но вот он сделал шаг вперед и остановился, вперив в меня взгляд, словно упиваясь зрелищем, представшим перед ним в этом неверном освещении.

– Ты! – одышливо выговорил он наконец, будто проплыл стайерскую дистанцию. – Что, черт возьми, ты тут делаешь?

– Да так, прохаживаюсь.

– Пойди прохаживаться куда-нибудь в другое место, разрази меня гром!

Вустеры легко понимают намек и, как правило, сразу чувствуют, если их присутствие нежелательно. Я прочитал между строк, что дядя Перси предпочел бы меня здесь не видеть.

– Будет исполнено, дядя Перси, – по-прежнему любезно ответил я и уже собрался было исчезнуть, как вдруг прямо у меня за спиной раздался еще один голос, которыми почему-то изобиловали здешние места, и это заставило меня повторить рекорд по прыжкам с места, только что поставленный моим престарелым свойственником, а может и перекрыть его.

– Что тут происходит? – спросил голос, и мне, как пишут иногда в книгах, стало дурно. Я понял, что к нашей компании присоединился Чеддер по прозвищу Сыр. Боко насчет него глубоко заблуждался. Хоть и румяный, он вовсе не походил на любителя задавать храпака в

течение всех восьми ночных часов, пока его не пробудит к жизни звон будильника, – нет, это был чуткий страж местного покоя, неусыпно следящий за порядком и исполняющий свой долг, когда другие спят.

Вид у Сыра был отвратительно официальный. В полицейской каске отражался звездный свет. Форменные тупоносые башмаки прочно упирались в траву. По-моему, у него и блокнот был при себе.

– Что тут происходит? – повторил Сыр.

Должно быть, дядя Перси все еще был в расстроенных чувствах, иначе невозможно объяснить довольно крепкое, смачное ругательство, которое сорвалось с его губ, как ядро из пушечного жерла. Я даже подумал, что не иначе как он научился у кого-нибудь из старых морских волков, находящихся у него на службе. У этих людей очень богатый и выразительный лексикон, и, наверное, по возвращении из дальнего плавания они заходят в контору и обучают публику последним новинкам.

– Что значит – что происходит? И кто, черт подери, вы такой, чтобы забираться в частные владения и спрашивать, что тут происходит? Это вы мне ответьте, что тут происходит! Чем, – продолжал дядя Перси, воодушевляясь все больше и больше, – занимаетесь тут вы, олух несчастный? Тоже прохаживаетесь, как я вижу? Господи ты Боже мой! Я вышел спокойно пройтись в собственном саду, но не успел два раза вдохнуть свежего воздуха, как оказалось, что здесь кишмя кишат племянники и полисмены. Я вышел пообщаться в одиночестве с природой, и вдруг оказывается, у меня в саду столько народу, пройти невозможно. По-вашему, здесь что? Пикка-дилли-серкус? Хэмпстед-Хит в выходные дни? Место ежегодных гуляний служащих полиции?

Я его понимал. Крайне неприятно для человека, ищущего одиночества, вдруг убедиться, что невесть каким образом его владения оказались открыты для широкой публики. Да вдобавок еще Чичестер Устрица ждет в садовом сарае.

Резкость дядиного тона не осталась незамеченной Сыром. Еще бы ему не заметить! Одного того крепкого словца было достаточно, чтобы понять, что ему здесь не рады. Вижу, он разозлился. Вообще характер у него всегда был довольно заносчивый, и такое нелюбезное обращение его заметно задело. Блестящая каска взмыла навстречу звездам, и я понял, что Сыр вытянулся во весь рост.

Однако положение у него было двусмысленное. Позволить себе резкий ответ он не мог, поскольку дядя Перси был мировым судьей и в этой должности имел возможность так прищемить ему хвост за непочтительные речи, что не дай Боже. И не только мировым судьей, но еще и будущим тестем. Так что Сыру пришлось сделать над собой усилие и чуть-чуть умерить гнев. Зато он отыгрался подчеркнуто строгой официальнойностью:

– Весьма сожалею...

– Черта ли в вашем сожалении! Дело в поступке!

– ...что вошел в частное владение...

– В таком случае выйдите.

– ...но я здесь при исполнении служебного долга.

– То есть как это? Ничего не понимаю!

– Только что мне позвонили по телефону и настоятельно просили прибыть в «Бампли-Холл», не откладывая.

– Позвонили по телефону? Чушь! Среди ночи? Кто же это звонил?

Поддерживать строго официальный тон, я думаю, не так-то просто. Требуются

специальные усилия. Во всяком случае, Сыр на этом сорвался. И ответил с обидой:

– Кто-кто. Чертов юный Эдвин.

– Мой сын Эдвин?

– Да. Заявил, что сейчас только видел в парке грабителя.

Дядя Перси весь перекорежился. Слово «грабитель» вызвало у него наихудшие подозрения. Резко развернувшись в сторону Дживса, он произнес:

– Дживс!

– Милорд?

– Вы отправили то письмо?

– Да, милорд.

– Уфф! – промолвил дядя Перси и утер вспотевший лоб. Он еще не отнял руку от лба, когда в темноте послышался шумный бег и чей-то голос по-охотничьи заулюлюкал:

– Эй-ей-ей-ей! Просыпайтесь все! Зовите охрану! Я поймал грабителя в сарае!

Голос принадлежал Боко, и сердце мое сжалось от сострадания: вот и для Дж. Чичестера Устрицы начались неприятности. Узнает на собственной шкуре, каково достается тому, кто ступит на землю Стипл-Бампли.

Краткий промежуток времени, пока Боко не присоединился к нашей дружеской компании, я посвятил размышлению о том, как, должно быть, непривычно бедному мистеру Устрице все, с чем он столкнулся здесь.

Подумать только, говорил я себе, солидный американский бизнесмен, гордость Соединенных Штатов, жизнь его размеренна и расписана, как по нотам. Я бывал в Нью-Йорке и встречал их десятки, мне нетрудно представить себе типичный день Устрицы.

Ранехонько поутру бодрый подъем в собственном доме на Лонг-Айленде. Ванна. Бритве. Каша. Кофе. Отправился на местную железнодорожную станцию. Поезд 8.15. Сигара. Свежий номер «Нью-Йорк таймс». Прибыл на «Пенсильвания-Стейшн». Работа до обеда. Обед. Работа после обеда. Коктейль. Поезд 5.50. На машине со станции домой. Прибыл. Поцеловал жену и крошек, потрепал по голове обрадованного пса. Принял душ. Переделался во что-то просторное. Заслуженный ужин. Мирный вечер. Отход ко сну.

Таков, за вычетом праздников и выходных, круглогодичный распорядок жизни у людей типа Чичестера Устрицы. Она плохо подготавливает человека к трудностям и превратностям, которые ожидают его в джунглях Стипл-Бампли. Знакомство со Стипл-Бампли для него – совершенно новое, непривычное переживание, как обухом по голове. Вроде человек нагнулся нарвать букетик полевых цветов на железнодорожной насыпи и не успел понять, что это ударило его в поясницу, когда налетел Корнуоллский экспресс. Небось сидит сейчас в садовом сарае, слышит улюлюканье Боко и думает, что настала гибель цивилизации, о которой он так часто рассуждал на заседаниях своего клуба.

Несмотря на то что свод небес, как я уже говорил, был весь выложен кружками золотыми, ночь вообще-то была довольно темная, толком ничего не разглядишь. И тем не менее видимости хватало, чтобы заметить, до чего Боко доволен собой. Без преувеличения можно сказать, что у него от самодовольства голова кругом пошла. Об этом свидетельствовало хотя бы то, что он, не сходя с места, принялся звать дядю Перси «мой дорогой Уорпледдон», на что в нормальном состоянии не отважился бы даже на пари.

– А-а, мой дорогой Уорпледдон! – воскликнул Боко, приглядевшись и удостоверившись, что разговаривает именно с дядей. – Я вижу, вы не спите? Превосходно, превосходно. И Чеддер здесь? И Дживс? И Берти? Отлично. Впятером мы как-нибудь одолеем и скрутим негодяя. Не знаю, расслышали ли вы, что я кричал, но я запер грабителя в садовом сарае.

Он говорил как человек, готовый принимать благодарность нации, и тыкал при этом пальцем в дядину грудь, словно внушая старику, что он счастливчик, поскольку его интересы денно и нощно блюдет Боко Фитлуорт. Ничего удивительного, на мой взгляд, что такое обхождение моему почтенному свояку явно пришлось не по душе.

– Перестаньте тыкать в меня пальцем, сэр! – сердито прорычал тот. – Что за чушь вы плетете про каких-то грабителей?

Боко немного оторопел. И счел такой тон не вполне уместным.

– Чушь, Уорпледдон?

– Откуда вы взяли, что этот человек – грабитель?

– Мой дорогой Уорпледдон! Кто, кроме грабителя, станет поздно ночью таиться по сараям? Но если это вас не убеждает, позвольте вам сказать, что я сейчас проходил под окном буфетной и заметил, что оно заклеено куском оберточной бумаги.

– Оберточной бумаги?

– Именно. Так что сразу видно, верно?

– Что видно?

– Мой дорогой Уорплесдон, это с полной очевидностью доказывает преступные намерения того, кто схвачен мною. Возможно, вы не в курсе, но, когда грабители хотят проникнуть в дом и завладеть его содержимым, они прилепляют к стеклу патокой лист оберточной бумаги, а затем одним ударом кулака разбивают стекло. Всегда так делается. Осколки прилипают к бумаге, и можно спокойно лезть в окно без опасения оказаться изрезанным в фарш. Так что уж нет, мой дорогой Уорплесдон, в криминальных намерениях негодяя не приходится сомневаться. Я его запер в самый последний момент. Услышал какое-то движение в сарае, заглянул внутрь, вижу, там что-то чернеется, ну, и я успел захлопнуть дверь и задвинуть засов и тем загнал его в угол и сорвал все его планы.

Последние слова Боко удостоились профессионального одобрения со стороны неусыпного стража законности и порядка:

– Молодчина, Боко.

– Благодарю, Сыр.

– Ты проявил похвальное присутствие духа.

– Спасибо на добром слове.

– Теперь я пойду и арестую его.

– Я как раз собирался это предложить.

– Оружие при нем имеется?

– Не знаю. Ты скоро это выяснишь.

– Пусть имеется, мне все равно.

– Правильно!

– Я внезапно прыгну...

– Вот-вот, именно.

– ... и разоружу его.

– Будем надеяться. Будем очень надеяться. Да, надо надеяться на лучшее. Но что бы ни случилось, ты сможешь утешаться сознанием, что выполнил свой долг.

В продолжение всего этого диалога, начиная с реплики: «Молодчина, Боко» и кончая заключительными словами: «...выполнил свой долг», дядя Перси недвусмысленно переминался с ноги на ногу, как та самая кошка на раскаленной крыше. И можно его понять. Он пригласил Дж. Чичестера Устрицу на разговор по душам в садовом сарае, и мысль о том, как констебль на него внезапно прыгнет, естественно, была для него огорчительна. Невозможно вести конфиденциальные деловые переговоры, когда такое творится. Охваченный душевными терзаниями, дядя опять принялся повторять: «Что??? Что??? Что???», – а Боко в ответ стал снова тыкать пальцем ему под ребра.

– Не волнуйтесь, мой дорогой Уорплесдон, – произнес Боко, постукивая, как дятел, – не беспокойтесь за Сыра. Он останется цел. По крайней мере я так думаю. Конечно, человек может ошибаться. Но ведь он получает жалованье за то, что рискует. А, Флоренс! – добавил он, приветствуя хозяйскую дочь, которая явилась в этот момент среди нас в халате и папильотках.

Однако обычные безмятежность и уравновешенность ей на этот раз явно изменили. Она сердито осадил Боко:

– Никаких «А, Флоренс!». Что тут происходит? Что означают этот шум и суматоха?

Меня разбудил чей-то крик.

– Мой, – уточнил Боко, и даже в ночной темноте было заметно, как он самодовольно ухмыляется. Я думаю, во всем Гемпшире не нашлось бы в ту ночь человека, который с таким же одобрением относился к себе, как Боко. Он твердо уверовал в то, что является всеми обожаемым народным героем, и даже не подозревал, что любимым чтением дяди Перси в данную минуту было бы его имя, начертанное на могильной плите. Грустная, в общем, получилась история.

– Очень жаль, – отрезала Флоренс. – Совершенно невозможно спать, когда люди орут и бегают по всему парку.

– Бегают? Да я грабителя изловил.

– Грабителя изловил?

– Совершенно верно. Здоровенного, беспощадного ночного громилу, и к тому же, возможно, вооруженного до зубов, это мы выясним, когда Сыр с ним разберется.

– Но каким образом ты его поймал?

– Уметь надо.

– Что ты делал в парке так поздно ночью?

Дядя Перси словно только этой реплики и дожидался.

– Вот именно! – вскричал он, фыркнув, как боевой скакун. – Это я и собирался спросить! Какого дьявола вы тут делаете? Не помню, чтобы я приглашал вас в свои частные владения бегать, точно бизон, и поднимать оглушительный шум, лишая всех сна и отдыха. У вас, кажется, есть свой сад, вот и сделайте одолжение, бегайте по нему, как бизон, если вам хочется. Запереть человека в мой сарай! Неслыханная вещь! Какого дьявола вы суетесь, куда вас не просят?

– Это я суюсь, куда меня не просят?

– Да, черт возьми!

Боко был явно ошарашен. Чувствовалось, что в голове у него крутится мысль про некоторых, которые клюют руку кормящую. Сначала он даже слова произнести не мог, только стоял и заикался.

– Ну, знаете ли! – вымолвил он наконец. – Ну, скажу я вам! Ну, разрази меня гром! Ну, лопни мои глаза! Я, оказывается, суюсь, куда меня не просят! Вот, выходит, как вы на это смотрите? Ха! Конечно, никто не ждет особой благодарности за те небольшие услуги, которые делаешь людям, – во вред себе, кстати сказать, – но все же, казалось бы, в таких случаях можно было по крайней мере ожидать любезного обращения. Дживс!

– Сэр?

– Что говорил Шекспир насчет неблагодарности?

– «Дуйте, дуйте, зимние ветры, – сэр, – вы не так жестоки, как людская неблагодарность». Кроме того, он называет это человеческое свойство: «Ты, дьявол с мраморным сердцем»^[118].

– И тут он недалек от истины. Я сторожу его дом, точно верный ангел-хранитель, поступаясь своим сном и отдыхом, проливаю пот, задерживаю грабителей...

Тут дядя Перси снова вмешался:

– Каких грабителей? Чушь! Совершеннейшая чушь! Наверное, просто безвредный путник укрылся от грозы в моем сарае...

– От какой еще грозы?

– Не важно, от какой грозы.

– Никакой грозы нет.

– Ну, хорошо, хорошо.

– Чудесная ясная ночь, никаких признаков грозы.

– Хорошо, хорошо! Не о погоде сейчас речь. Мы говорим о бедном, одиноком, заблудившемся страннике, которого заперли в сарае. Я утверждаю, что он просто безобидный прохожий, и отказываюсь преследовать несчастного. Что плохого он сделал? Вся шушера на мили в округе пользуется моим парком как своим собственным, почему же с ним так обошлись? Сюда ведь, кажется, открыт доступ всем, черт подери!

– Так вы не думаете, что это грабитель?

– Не думаю.

– Уорплесдон, вы – осел. А как же оберточная бумага? А патока?

– К черту патоку. Провались оберточная бумага. И как вы смее называть меня ослом?

Дживс!

– Милорд?

– Вот десять шиллингов, ступайте отдайте их бедняге и выпустите его из сарая. Пусть он заплатит ими за ужин и теплую постель.

– Очень хорошо, милорд.

Боко неодобрительно взлаял, как рассерженная гиена.

– И вот еще что, Дживс, – сказал он.

– Сэр?

– Когда он уляжется в теплую постель, получше подоткните ему одеяло и позаботьтесь, чтобы у него была грелка.

– Очень хорошо, сэр.

– Десять шиллингов, подумать только! Ужин, а? Теплая постель, ну а как же? Все, с меня довольно. Я умываю руки. Больше вы не дождетесь от меня помощи, когда понадобится ловить грабителей в этом сумасшедшем доме. В следующий раз, когда они явятся, я похлопаю их по спине и подержу им лестницу.

Боко удалился во тьму, весь кипя обидой, и его, говоря честно, можно было понять. Обстоятельства сложились таким образом, что разобиделся бы самый кроткий человек, не говоря уж о темпераментном молодом литераторе, приученном заглядывать на огонек к своим издателям и, чуть что, закатывать им скандалы.

Но хоть я его и понимал, однако же скорбел. Более того, я бы даже сказал, что стонал в душе. Чувствительное сердце Вустера глубоко страдало от того, что путь юной любви Нобби и Боко так тернист, и я всей душой надеялся, что в результате ночного переполоха дядя Перси сменит гнев на милость и тернии будут убраны у них из-под ног.

Но вместо этого вздорный писака умудрился перебраться на самую нижнюю ступень дядиной немилости. Если прежде шансов на то, чтобы отхватить опекуновское благословение, у него было, скажем, один к четырем, то теперь их наверняка осталось не больше, чем восемь на сто, да и то, боюсь, никто бы не поставил.

Я еще стоял, размышляя, не надо ли сказать Боко пару-тройку слов в утешение, и склоняясь к мысли, что, пожалуй, лучше не надо, когда послышался тихий свист, – возможно, это крик малой ушастой совы, точно не знаю, – и из-за дальнего дерева выглянуло нечто смутное, но безусловно женского рода. Я сообразил, что по всем признакам это не иначе как Нобби, и потихоньку, пока никто не видит, отчалил в том направлении.

Догадка моя подтвердилась, это была Нобби, в халате, но без папильоток. По-видимому,

при ее прическе они не требуются. Нобби прыгала от волнения, горя желанием поскорее услышать последние известия.

– Я не рискнула подойти к остальным, – пояснила она, когда мы обменялись приветствиями. – Дядя Перси сразу отослал бы меня спать. Ну, Берти, как идут дела?

У меня сердце разрывалось от необходимости обрушиться на трепетную девицу дурные вести, но ничего не поделаешь, тяжкий долг надо было исполнить.

– Не очень хорошо, – грустно ответил я ей.

Как я и ожидал, мои слова пронзили ее в самое сердце. Бедняжка горестно взвизгнула.

– Не очень хорошо?

– Да.

– А что вышло не так?

– Лучше спроси, что вышло так. Вся эта затея была обречена на провал с самого начала.

Нобби застонала, и смотрю, она направила на меня эдакий неприятно подозрительный взгляд.

– Наверное, ты провалил то, что было на тебя возложено?

– Совсем наоборот. Я выполнил все, что было в человеческих возможностях. Но произошло одно из тех прискорбных стечений, в результате которого вместо минутного дела на двоих получилась массовая сцена. Все поначалу шло хорошо, до тех пор, пока усадьба со службами и постройками не наполнилась шумной толпой – тут тебе и дядя Перси, и Дживс, и Сыр, и Флоренс, и так далее и тому подобное. Естественно, все наши планы рухнули. С сожалением должен при этом заметить, что Боко проявил себя не наилучшим образом.

– То есть как это?

– А так, что он зачем-то все время называл дядю Перси «мой дорогой Уорплесдон». Такого человека нельзя без последствий долго называть «мой дорогой Уорплесдон», это обязательно плохо кончится. В ход пошли резкие выражения, из них многие были произнесены твоим любезным. Произошла крайне неприятная сцена, которая завершилась тем, что Боко обозвал дядю Перси ослом, повернулся на сто восемьдесят градусов и торжественно удалился прочь. Боюсь, что в глазах последнего он упал на самую низкую ступень.

Нобби застонала слабым голосом, и я даже подумал, не погладить ли ее по головке, но, придя к выводу, что проку от этого будет ноль, воздержался.

– Я так надеялась, что хотя бы раз в жизни Боко сегодня не свалит дурака! – горестно пролепетала она.

– По-моему, на писателя вообще никогда нельзя надеяться, что он не свалит дурака, – рассудительно возразил я.

– Ну ладно! Он у меня за это получит! В какую сторону он пошел, когда повернулся на сто восемьдесят градусов?

– Вон туда куда-то.

– погоди, дай только мне его найти! – воскликнула Нобби и, пустившись по следу, точно малорослая гончая, сгнула, унесенная ветром.

Спустя секунды две или, может быть, три передо мной замерцал Дживс.

– Беспокойный вечер, сэр, – проговорил он. – Я только что выпустил мистера Устрицу.

– Да Бог с ним, с Устрицей. От Устрицы мне не горячо и не холодно. Что меня всерьез беспокоит, это судьба Боко.

– А, да-да, сэр.

– Остолоп несчастный! Надо же ему было так настроить против себя дядю.

– Ваша правда, сэр. Прискорбно, что молодой джентльмен не избрал более примирительный тон.

– Он пропал, если только вы не найдете способа их помирить.

– Да, сэр.

– Разыщите его, Дживс.

– Слушаюсь, сэр.

– Потолкните с ним.

– Потолкую, сэр.

– Напрягите все мозговые извилины, чтобы нащупать выход.

– Очень хорошо, сэр.

– Он где-то там бродит в молчании ночи. Хотя молчание будет не таким уж полным, потому что Нобби побежала сказать ему, что она о нем думает. Обойдите парк по кругу и, как услышите громкое сопрано, прямо туда и сворачивайте.

Он исчез, как ему было сказано, а я стал прохаживаться взад-вперед, напряженно морща лоб. Так я морщил его минут, наверное, пять, когда неподалеку от меня возникли какие-то смутные очертания, и я узнал Боко, явившегося ко мне с ответным визитом.

Боко показался мне притихшим и обновленным, словно его душу пропустили через пресс для отжима белья. В нем сразу можно было угадать человека, которого только что отчитала девушка его мечты, и он еще не успел толком опомниться.

– Привет, Берти, – произнес он слабым, богобоязненным голосом.

– Здорово, Боко.

– Ну и ночка!

– Да, ничего себе.

– У тебя нет при себе фляжки?

– Нет.

– Что же это ты? Надо всегда иметь при себе фляжку с чем-нибудь крепким – на всякий экстренный случай. Как собаки сенбернары в Альпах. Пятьдесят миллионов сенбернаров не могут ошибаться. Я только что перенес эмоциональное потрясение, Берти.

– Нобби тебя отыскала? Его слегка передернуло.

– Я сейчас с ней разговаривал.

– Мне так и показалось.

– Заметно по лицу, да? Ну, конечно. Скажи, это не ты донес ей про «шутейные товары»?

– Да что ты! Конечно, нет.

– От кого-то она узнала.

– Наверное, от дяди Перси.

– Правильно. Она же должна была у него справиться, как у нас прошел обед. Да, ясно, это он послужил ей источником информации.

– Так, значит, она затронула «шутейные товары»?

– О да. Затронула. Ее речи касались отчасти их, а отчасти событий сегодняшней ночи. По обоим вопросам она не стеснялась в выражениях. Это точно, что у тебя нет при себе фляжки?

– Боюсь, что точно.

– Что ж, ладно, – проговорил Боко и на некоторое время погрузился в задумчивость, а очнувшись, задал мне вопрос, как я думаю, откуда девушки нахватываются таких выражений.

– Каких выражений?

– Я бы не рискнул их повторить при джентльменах. Должно быть, обучаются в школе.

– Она что, задала тебе жару?

– Щедрой рукой. Странное это было ощущение, скажу я тебе, когда она меня пропесочивала. Стоишь и плохо соображаешь, а вокруг вьется что-то маленькое и визгливое и кипит злобой. Словно бы на тебя нападает такая собачка, пекинес.

– Не знаю, на меня пекинесы не нападали.

– Можешь спросить у тех, на кого нападали. Тебе подтвердят. Вот-вот вцепится зубами в лодыжку.

– И чем дело кончилось?

– Я остался жив, во всяком случае. Но что – жизнь?

– Жизнь – неплохая вещь.

– Никудышная, если ты потерял любимую девушку.

– А ты что, потерял любимую девушку?

– По-видимому. Сам не разберу. Зависит от того, как толковать такие слова: «Ни видеть, ни слышать тебя больше не желаю ни на том, ни на этом свете, тупица ты несчастный».

– Она так сказала?

– Среди прочего.

Я понял, что пришло время утешать и ободрять.

– Я бы не стал из-за этого беспокоиться, Боко. Он удивился:

– Не стал бы?

– Нет, не стал бы. Она говорила это не всерьез.

– Не всерьез?

– Ну конечно.

– Просто так, болтала что придется? Вроде поддерживала светскую беседу?

– Я тебе сейчас объясню, Боко. Я довольно хорошо изучил слабый пол. Наблюдал их в разных настроениях ума. И пришел к выводу, что, когда они вот так кипятятся, их словам не надо придавать значения.

– И ты советуешь не обращать внимания?

– Ни малейшего. Выкинь из головы.

Боко снова помолчал. Потом заговорил, и в его голосе звучала нота ожившей надежды:

– Надо вот еще что иметь в виду: прежде-то она меня любила. Еще вечером любила. Всей душой. Ее собственные слова. Это следует помнить.

– И сейчас любит.

– Ты всерьез так думаешь?

– Вполне.

– Хотя и назвала меня несчастным тупицей?

– Конечно. Ты и есть несчастный тупица.

– Верно.

– Нельзя понимать в прямом смысле слова, которыми девушка бранит тебя в сердцах за то, что свалил непроходимого дурака. Это как у Шекспира, звучит здорово, но ничего не значит.

– Значит, твое мнение, что старая привязанность осталась?

– Определенно. Да Господи, дружище, если она могла тебя любить, несмотря на серые фланелевые брюки с заплатой, простым идиотизмом такое чувство задушить нельзя. Любовь не убьешь. Ее святое пламя пылает вечно.

– Кто тебе сказал?

– Дживс.

– Уж Дживс-то должен знать, верно?

– А как же. На Дживса можно положиться.

– Ну, конечно, можно. Ты меня здорово утешил, Берти.

– Стараюсь, Боко.

– Ты вернул мне надежду. И поднял меня из глубин отчаяния.

Он заметно приободрился. Не то чтобы уж прямо расправил плечи и выпятил подбородок, но духом явно воспрянул. Еще миг, казалось мне, и к нему вернется былая беспечность. Но тут ночную тьму прорезал женский голос, называющий его имя:

– Боко!

Он затрепетал, как осинка.

– Да, дорогая!

– Иди сюда. Ты мне нужен.

– Иду, дорогая! О Господи, – прошептал он чуть слышно. – Опять?

Боко побрел прочь, а я остался размышлять над ходом событий.

Сразу скажу, что он внушал мне оптимизм. Конечно, Боко, который находился на арене рядом с юной Нобби в тот миг, когда она взорвалась на все четыре стороны света, воспринимал случившееся как полный конец света и приход Судного дня. Но с точки зрения сдержанного и хладнокровного стороннего наблюдателя, каким являлся я, дело это было самое обычное, заслуживающее лишь того, чтобы, пожав плечами, преспокойно предать его забвению.

Шелковые узы любви не рвутся от того, что женская половина вдруг разозлится на идиотизм мужской половины и в пламенных речах доведет свою оценку до его сведения. Как бы преданно ни любила девушка избранника своего сердца, рано или поздно наступает миг, когда ей нестерпимо захочется размахнуться и вlepить ему затрещину. Если всех влюбленных, с которыми мне случалось в жизни встречаться, выстроить впритык друг за дружкой, я думаю, шеренга протянется на пол-Пиккадилли. Но я не могу припомнить никого из них, кто бы не прошел через то же, что выпало сегодня ночью на долю Боко.

И я уже чувствовал приближение следующего этапа, когда нежная возлюбленная просит прощения, плача на груди у любимого. Что и подтвердил вид Боко, несколько минут спустя снова возникшего вблизи меня. Даже при слабом ночном свете можно было разглядеть, что настроение у него сейчас – на миллион долларов. Он ступал как по облаку, и душа его расправилась, словно губка, смоченная водой.

– Берти.

– Ау.

– Ты еще здесь?

– Я на месте.

– Берти, все в порядке.

– Она тебя по-прежнему любит?

– Да.

– Ну и хорошо.

– Она плакала у меня на груди.

– Прекрасно.

– И просила прощения за то, что так разозлилась. Я сказал: «Ну-ну, будет тебе». И все опять стало замечательно.

– Отлично.

– Меня охватил такой восторг!

– Еще бы.

– Она взяла назад слова «несчастный тупица».

– Хорошо.

– Сказала, что я – дерево, на котором зреет плод ее жизни.

– Прекрасно.

– Она ошибалась, когда говорила, что не хочет меня больше ни видеть, ни слышать ни на этом свете, ни на том. Она хочет меня видеть. Как можно чаще.

– Отлично.

– Я прижал ее к сердцу и поцеловал как безумный.

– Естественно.

– Присутствовавший при этом Дживс был растроган до глубины души.

– А, и Дживс при этом присутствовал?

– Да. Они с Нобби обсуждали разные планы и приемы.

– Как размягчить сердце дяди Перси?

– Ну да. Ведь так или иначе, но этого надо добиться.

Я принял озабоченный вид – попусту, конечно, в темноте он пропал для Боко даром.

– Н-да, нелегкая задача...

– Да нет же, пустяк.

– ...после того, как ты говорил ему «мой дорогой Уорплесдон», да еще обозвал ослом.

– Пустяк, Берти, совершеннейший пустяк. Дживс внес замечательное предложение.

– Ах вот как?

– Какой человек, а?

– О да.

– Я всегда говорю: с Дживсом никто не может сравниться.

– Правильно говоришь.

– Ты замечал когда-нибудь, как у него сзади выступает затылок?

– Много раз замечал.

– Там как раз у него мозг. Спрятан за ушами.

– Угу. Так какое же предложение?

– Коротко говоря, вот какое. Он считает, что я произведу хорошее впечатление и смогу вернуть утраченные позиции, если заступлюсь за старика Уорплесдона.

– То есть как это? Не понимаю. Как ты за него заступишься?

– Дживс советует мне прийти к нему на помощь.

– На помощь дяде Перси?

– Да, я понимаю, звучит противоестественно, но, по мнению Дживса, нужно, чтобы я его защитил, и все будет в порядке.

– Не могу себе представить.

– Очень просто. Вот слушай. Скажем, завтра утром, ровно в десять часов, в кабинет к старику Уорплесдону врывается здоровенный мрачный детина и принимается его всячески донимать, орать на него, обзывать и вообще вести себя угрожающе. А я, затаившись снаружи под окном, в самый подходящий психологический момент поднимаюсь, всовываю голову в окно и говорю спокойным, ровным тоном: «Уймись, Берти».

– Берти?

– Это его так зовут – Берти. Не перебивай, пожалуйста, я потеряю нить. Значит, я всовываю голову и говорю: «Уймись, Берти. Ты удивительным образом забываешься. Я не могу спокойно стоять и слушать, как оскорбляют лорда Уорплесдона, человека, которого я так ценю и уважаю. Пусть у нас с лордом Уорплесдоном и были кое-какие трения – вина на мне, и я всей душой раскаиваюсь, – но я ни на минуту не переставал считать, что знакомство с ним – большая честь. И когда я слышу, как ты обзываешь его такими словами, как...»

Я соображаю быстро. И я уже догадался, к чему ведет их адский план.

– Вы хотите, чтобы я ворвался в берлогу дяди Перси и стал осыпать его бранными словами?

– Ровно в десять, минута в минуту. Это очень важно. Мы сверим часы. По словам Нобби, он всегда по утрам сидит у себя в кабинете, наверное, пишет выговоры своим капитанам.

– А ты выскочишь и обругаешь меня за то, что я обругал его?

– В таком духе. В результате я явлюсь ему в благоприятном свете, он проникнется ко мне теплыми чувствами и сознанием того, что я в общем-то вполне неплохой малый. Представляешь, только что он дрожал, съездившись в кресле, когда ты стоял над ним и грозил пальцем...

Картина, которая при этом возникла у меня перед глазами, была так ужасна, что я затрепетал и упал бы на землю, если бы не изловчился ухватиться за дерево.

– И ты говоришь, что это предложил Дживс?

– Да, прямо с ходу, почти не задумываясь.

– Может быть, спяну? Боко холодно ответил:

– Я тебя не понимаю, Берти. Я лично ставлю это предложение в один ряд с его самыми удачными находками. Вроде бы такой простой замысел, который тем и прекрасен, что прост, и потому не может сорваться. Появившись в тот самый миг, когда ты стоишь над стариком Уорпледоном и наводишь на него ужас, окружив его участием и оказав поддержку, я, естественно...

Бывают мгновения, когда мы, Вустеры, проявляем твердость – я бы даже сказал, непреклонность, – например, когда мне предлагают стоять над дядей Перси и наводить на него ужас.

– Мне очень жать, Боко.

– Жаль? Чего?

– На меня не рассчитывай.

– Что-о?

– Ничего не выйдет.

Боко весь подался вперед, вглядываясь в мое лицо и словно не веря собственным глазам.

– Берти!

– Да, я все знаю. Но повторяю тебе, ничего не выйдет.

– Ничего не выйдет?

– Ничего.

В его голос закралась умоляющая нотка, вроде той, какая бывает слышна у Бинго Литла, когда он уговаривает букмекера взглянуть на вещи шире, масштабнее и подождать неделю, пока он отдаст долг.

– Но, Берти, ты же хорошо относишься к Нобби?

– Конечно.

– Ну конечно, хорошо, иначе ты разве купил бы ей тогда на три пенса кисленьких леденцов? И ты ведь не будешь, я надеюсь, отрицать, что мы с тобой вместе учились в школе? Конечно, не будешь. Наверное, я просто ослышался. Мне почудилось, будто ты сказал, что отказываешься принять участие.

– Нет, ты не ослышался.

– Нет?

– Нет.

– Ты отказываешься сыграть свою роль?

– Отказываюсь.

– Нет, погоди. Тут нужна полная ясность: ты действительно отклоняешь нашу просьбу и не соглашаешься сыграть в задуманном предприятии предназначенную тебе такую простую и несложную роль?

– Совершенно верно.

– И это говорит Берти Вустер?

– Он самый.

– Тот Берти Вустер, с которым я вместе учился в школе?

– Да.

Он с присвистом набрал полную грудь воздуха:

– Ну, знаешь, если бы мне кто-нибудь сказал, что так будет, я бы не поверил. Я бы, смеясь, отмахнулся. Чтобы Берти Вустер меня подвел? Да никогда в жизни. Кто угодно, но не Берти, который не только учился вместе со мною, но еще и в данную минуту вот-вот лопнет от щедрот моего стола.

Это был чувствительный удар. Не то чтобы я вправду лопался от его угощения, не так чтобы уж совсем до отвала он меня угостил, но тут с ним нельзя было не согласиться. Я даже чуть было не дрогнул перед таким доводом. Но тут же подумал про то, как дядя Перси будет дрожать, съежившись от страха в кресле, – это он-то будет дрожать? – и твердость ко мне вернулась.

– Очень сожалею, Боко.

– Я тоже. Сожалею и разочарован. Я бы сказал, сердце мое сжимается от грусти. Ну что ж, придется, как видно, пойти и принести дурную весть Нобби. Господи, как она будет плакать!

Я ощутил угрызение совести.

– Я не хочу, чтобы Нобби из-за меня плакала.

– А она будет. Ведро слез прольет.

Боко растаял во мраке, укоризненно вздыхая, а я остался один в обществе звезд.

Я стоял и разглядывал их, удивляясь, почему это Дживс решил, будто они вторят юноокиим херувимам, я лично ничего такого не замечал, как вдруг они слились воедино, словно фирмы дяди Перси и Дж. Чичестера Устрицы, и превратились в яркую вспышку пламени.

Чья-то таинственная рука, незаметно подкрадываясь сзади, со всей силой шмякнула меня по затылку неким тупым инструментом, и я, громко охнув, рухнул на землю.

Я приподнялся и сел, потирая ушиб, и тут у меня над самым ухом раздался писклявый голос. Смотрю, рядом со мной, поглядывая на меня с сочувствием или со злорадством, в темноте не разберешь, наблюдается чертов Эдвин.

– Ух ты! – заявляет он. – Это ты, Берти?

– Еще бы, – отвечаю я суровее обычного. И без того в жизни полно неприятностей, а тут еще бойскауты бьют людей по затылку; так что я разозлился. – В чем дело? За каким чертом ты, отвратительное насекомое, шмякнул меня дубиной по голове?

– Я не дубиной. Это скаутский стек, вроде хоккейной клюшки. Очень полезная вещь.

– Когда надо кому-нибудь съездить по голове?

– Конечно! Больно было?

– Официально заявляю, что было больно, и даже очень.

– Ух ты! Извини. Я принял тебя за грабителя. Тут в саду где-то прячется грабитель, я слышал, как он возился у меня под окном. Говорю ему: «Кто там?» – а он шасть – и пропал в темноте, изрыгая страшные ругательства. Да, что-то мне сегодня не везет. До тебя я уже один раз ошибся, думал, грабитель, а оказался мой папа.

– Твой папа?

– Ну да. Откуда мне было знать, что это он? Я и не предполагал, что он бродит в саду по ночам. Вижу, кто-то смутный пригнулся к земле, словно изготавился к прыжку, ну, я подкрался сзади и...

– Ты что, съездил ему?

– Да. Хорошенько съездил.

Должен признаться, душа моя взмыла ввысь, как у Дживса, по его словам, взмывает при виде Божьей радуги. Сознание того, что дядя Перси словил седалищем жирного леща, заметно прибавило мне бодрости. Давно уже ему причиталось. Я испытал такое трепетное религиозное чувство, как иной раз бывает, когда присутствуешь при вершении Божьего суда и убеждаешься, что в этом мире все имеет свое предназначение, даже Эдвин, и польза есть от любых, вплоть до самых ничтожных, тварей.

– Он немного взбеленился из-за этого.

– Да? Не понравилось?

– Хотел мне всыпать, но Флоренс не позволила. Сказала: «Папа, не тронь его. Это было просто недоразумение». Флоренс меня любит.

Я удивленно вздернул брови. Странные вкусы у барышни, даже, я бы сказал, нездоровые.

– Так что он только велел мне немедленно отправляться в постель.

– Чего же ты не в постели?

– Я? Еще чего! Как голова?

– Паршиво.

– Болит?

– Конечно, болит.

– Шишка есть?

– Можешь не сомневаться.

– Ну, сейчас я окажу тебе первую медицинскую помощь.

– Нет, не окажешь.

– Тебе разве не нужна первая медицинская помощь?

– Не нужна. Мы уже один раз обсудили это с тобой, юный Эдвин. Мои взгляды тебе известны.

– Никто мне не дает оказать первую помощь, – пожаловался Эдвин. – Хотя мне нужна практика. А ты что здесь делаешь, Берти?

– Все меня спрашивают, что я здесь делаю, – проворчал я. – Разве я не имею права здесь находиться? У меня с этим парком родственные узы. Если непременно хочешь знать, я пришел сюда после ужина прогуляться с Боко Фитлуортом.

– Боко я не видел.

– Повезло ему.

– А вот д'Арси Чеддер, этот здесь.

– Знаю.

– Я его вызвал по телефону, так как увидел грабителя.

– Знаю.

– А знаешь, что он был помолвлен с Флоренс?

– Да.

– По-моему, это дело расстроилось. У них только что был жуткий скандал.

Мальчишка говорил беззаботно, как бы между прочим, словно сообщал какую-то малоинтересную новость, то-то его, должно быть, удивила моя реакция!

– Что-о?

– Ну да.

– Жуткий скандал?

– Ага.

– Из-за чего?

– Не знаю.

– Когда ты говоришь – жуткий, ты подразумеваешь действительно жуткий?

– Н-ну, довольно жуткий.

– С резкими выражениями?

– Сравнительно резкими.

Моя душа, которая чуть раньше, как я уже говорил, взмыла ввысь при известии о происшествии с дядиным седалищем, теперь снова пошла на понижение. Вся моя внешняя политика, если помните, была направлена на то, чтобы сохранить и упрочить сердечное согласие между этой парой, поэтому, узнав, что они обменивались резкими – пусть даже сравнительно – выражениями, я похолодел.

Видите ли, все, что я говорил по поводу Нобби в связи с тем, как она набросилась на Боко, словно маленькая собачонка пекинес, – что, мол, барышни имеют обыкновение задавать своим любимым жару просто из любви к искусству и чтобы стимулировать обмен веществ, – все это совершенно не приложимо к таким серьезным девицам, как Флоренс, и таким женихам, как Чеддер по прозвищу Сыр. Тут все дело в том, что Дживс называет психологией индивидуума. Если Флоренс с Сыром вышли на ковер и начали собачиться друг с другом, положение становится очень ненадежным.

– Хоть что-нибудь ты слышал?

– Почти ничего. Я в эту минуту заметил, что какая-то тень шевелится в темноте, подкрался и шмякнул по ней своим скаутским стеклом, а это оказался ты.

И то хоть слава Богу. Сначала-то я подумал, что Эдвин сидел в передних рядах на протяжении всего боя. А если он слышал только вступительные выпады, возможно, что в дальнейшем дело зашло не так далеко. Не исключено, что после его ухода верх взяли трезвые мысли, и состязающиеся стороны вовремя дали задний ход, не доведя до полного разрыва. У темпераментных влюбленных нередко так бывает: начинают с гиканьем и свистом, а потом, прислушавшись к голосу здравого рассудка, успокаиваются.

Я высказал эту мысль Эдвину, и он согласился, что, возможно, я прав. Однако он слушал невнимательно, явно думая о чем-то другом, и после недолгого молчания, пока я сидел и надеялся на лучшее, а он крутил в ладонях скаутский стек, он все же открыл мне свои заботы. Эдвина беспокоил вопрос протокола.

– Послушай, Берти, – произнес он. – Ты не забыл, что я съездил тебе по затылку?

Я заверил его, что помню, и даже очень хорошо.

– Я ведь хотел как лучше.

– Приятно сознавать.

– Но все-таки я тебя шмякнул, верно?

– Верно.

– От этого никуда не уйдешь.

– Да.

– Я вот думаю, не выходит так, что теперь доброе дело, которое я тебе раньше сделал, перечеркивается? Как по-твоему?

– То доброе дело, когда ты убирался в «Укромном уголке»?

– Нет, то вычеркиваем, потому что получилось неудачно. А вот что я тебе брошку нашел.

Тут от меня требовалась большая осторожность. Ведь брошь, которую он нашел, и брошь, которую купил и передал имениннице Дживс, надо было представить как один и тот же предмет, и ни в коем случае нельзя было проговориться, что найденную им я потерял вторично.

– А-а, ты вот о чем. Да, это было отличное доброе дело.

– Знаю. Но как ты думаешь, оно считается?

– Я думаю, да.

– Несмотря на то что я тебя ударил?

– Бесспорно.

– Ух ты! Тогда я уже нагнал до прошлого четверга.

– До пятницы, ты хочешь сказать?

– Нет, до четверга.

– До пятницы.

– До четверга.

– До пятницы, говорю тебе, бестолковый ты тупица! – прикрикнул я на него немного в сердцах, потому что меня раздражало такое неумение произвести простейший подсчет, как, наверное, оно раздражало поэта, забыл фамилию, который тоже в разговоре с ребенком никак не мог добиться толку, семеро их было или не семеро^[119]. – Смотри. Твоим добрым делом за пятницу должна была считаться уборка в «Укромном уголке». Так? Но по причине печальных последствий оно вычеркивается. Ты с этим согласен? Таким образом, добрым делом за пятницу становится нахождение броши. Элементарно, если только задействовать маленькие серые клеточки.

– Да, но ты все спутал.

– Ничего я не спутал. Вот смотри...

– Потому что ты говоришь про первый раз, как я нашел тебе брошку. А я говорю про второй, он тоже считается.

Я не понял.

– Что значит – второй раз? Ты же не два раза ее находил?

– Именно, что два. Первый раз, когда ты выронил ее в прихожей, помнишь? После этого я пошел чистить дымоход в кухне, случился взрыв, и я выхожу, ты стоишь на лужайке в рубашке, а пиджак снял и отшвырнул в сторону.

– Бог мой!

Среди всех этих переживаний и хлопот я совершенно забыл, как было дело с пиджаком. Но теперь вспомнил с полной ясностью, и холодная рука сдавила мне сердце. Я понял, к чему он ведет.

– Брошка, наверное, выпала из кармана пиджака, а когда ты пошел в дом, я смотрю, она валяется на траве. Ну и я подумал, что будет еще одно доброе дело, если я избавлю тебя и сам отнесу ее Флоренс.

Я тупо глядел на него – как говорится в таких случаях, взирал угасшим взором.

– Значит, ты отнес ее Флоренс?

– Да.

– И сказал, что это подарок от меня?

– Да.

– Она была рада?

– Еще как! Ух ты! – вдруг вскрикнул ребенок Эдвин и исчез, точно угорь, зарывшийся в ил. Кто-то приближался, шумно дыша.

Мне не понадобилось внезапного бегства Эдвина под темные своды ночи, чтобы за этой одышкой угадать прибытие Флоренс.

Флоренс, судя по всему, была во власти бурных чувств. Она вся слегка поддрагивала, словно страдала болезнью Паркинсона в начальной стадии, а лицо ее, насколько я смог разглядеть, оставалось белым и каменным, как крутой белок.

– Д'Арси Чеддер, – приступила она прямо к делу, не задерживаясь даже на вступительное приветствие, – упрямый, тупой, нахальный, грубый, деспотичный и недалекий служака!

От этих слов я похолодел. Было ясно, что надо мной нависла страшная угроза. Из-за непрошенной услужливости проклятущего Эдвина эта особа несколькими часами ранее получила великолепную бриллиантовую брошь якобы в подарок от Бертрама В., а вслед за тем разругалась с Сыром, притом так основательно, что употребила на его характеристику целых шесть красочных эпитетов. Когда девица, рисуя портрет любимого, использует шесть бранных эпитетов, такая серия заслуживает пристального внимания. Один можно еще истолковать как временную размолвку. Шесть – это уже серьезно.

Нет, не нравилось мне такое положение вещей, совсем не нравилось. Казалось, разозленная дева говорила себе: взглянем на этот портрет и сравним его с тем. С одной стороны – галантный, любезный даритель дорогих украшений, с другой – упрямый, тупой, нахальный, грубый, деспотичный и недалекий служака. Если бы вы были барышней, с которым из двух вы предпочли бы соединить свою судьбу? Вот то-то и оно.

Я понял, что должен, не жалея сил, подняться на защиту Сыра и убедить Флоренс не придавать значения его проступку, из-за которого она теперь дышит, как астматик, и разбрасывается бранными эпитетами. Настал миг, когда мне надо явить красноречие и проникновенность, щедрой рукой лить масло на взбаламученные воды и вылить хоть все до капли, если будет необходимость.

– Черт возьми! – воскликнул я.

– Что значит «черт возьми»?

– Просто «черт возьми», и все. В порядке возражения.

– Ты не согласен со мной?

– Я нахожу, что ты к нему несправедлива.

– Ничуть.

– Отличный малый Чеддер по прозвищу Сыр.

– Ничего подобного.

– Тебе не кажется, что благодаря таким, как он, Англия возвысилась до нынешних вершин?

– Нет.

– Нет?

– Я сказала, нет.

– Да, верно. Ты сказала, нет.

– Просто орясина.

Орясина... Рясина... Это вроде бы такая штуковина, которую надевают священнослужители? Чем она, интересно знать, похожа на Сыра? Но не успел я приступить к расследованию, как Флоренс выдала продолжение:

– Он был возмутительно груб, и не только со мной, но и с папой. А все потому, что папа

не позволил ему арестовать человека, который забрался в сарай.

Тут я сразу все понял. Мне стало ясно, в чем дело. Я, если помните, удалился от группы Сыр – Флоренс – дядя Перси в тот момент, когда последний наложил вето на попытку молодого и многообещающего полисмена сцапать Дж. Чичестера Устрицу. Так что заключительный комментарий Сыра тогда не достиг моих ушей. А он, по-видимому, высказался смачно. Сыр, как я уже упоминал, – мужчина с сильными страстями и сгоряча за словом в карман не лезет. Я вспомнил то время, когда в Оксфорде занимался греблей и нашим тренером был Сыр. Если то, что он сегодня сказал дяде Перси, хоть немного приближается к его тогдашним замечаниям насчет моего живота, отношения, бесспорно, должны сделаться натянутыми. Сердце у меня защемило, когда я попробовал представить себе эту сцену.

– Он сказал, что папа препятствует работе полиции и что из-за таких людей, как он, лишенных чувства гражданского долга, в стране нарастает волна преступлений. Он сказал, что папа представляет собой угрозу обществу и на него ляжет вся ответственность, если половина жителей Стипл-Бампли будет зарезана в постели.

– Ты не думаешь, что это была шутка?

– Нет, я не думаю, что это была шутка.

– Говоря так, он не подмигнул левым глазом?

– Он не делал ни малейшей попытки подмигнуть ни левым глазом, ни правым.

– Ты могла не заметить. Ночь темная.

– Пожалуйста, не говори чепухи, Берти. Я уж как-нибудь сумею отличить шутку от разнузданной злобы. Он говорил совершенно недопустимым тоном. Сказал папе, глядя на него, словно на какое-то насекомое: «И вы еще называетесь мировым судьей! Тьфу!»

– Сплюнул?

– Нет, только сказал.

– А-а.

Я уже испытывал почти жалость к дяде Перси – насколько вообще можно испытывать жалость к такому человеку. Согласитесь, что вечер складывался для старика довольно неблагоприятно. Сначала Боко величает его «мой дорогой Уорплесдон», потом Эдвин ударяет клюшкой, и наконец Сыр хоть и не вправду плюется, но произносит «тьфу». Такие неудачные вечера потом вспоминаешь с содроганием.

– Его поведение открыло мне глаза. Обнажило нечеловеческую, зверскую сторону его натуры, о которой я до той поры даже не подозревала. Его бешенство от того, что ему не дают арестовать человека, было ужасно. Ну просто свирепый зверь, у которого отняли добычу.

Я видел, что акции Сыра приближались к нижнему пределу. Я сделал попытку остановить это падение:

– Но все-таки оно показывает рвение, разве нет?

– Вздор!

– А рвение, если хорошенько разобраться, и есть то самое качество, за которое ему платят жалованье.

– Не говори со мной о рвении. Это было омерзительно. А когда я сказала, что папа прав, он набросился на меня, точно тигр.

Несмотря на то что к этому времени, как вы легко можете себе представить, у меня земля уходила из-под ног и душа норовила ускользнуть в пятки от тревоги и отчаяния, все же

бесстрашие Сыра меня восхитило. Жизнь так сложилась, что от нашей мальчишечьей дружбы мало что осталось, но можно ли было не уважать человека, способного, подобно тигру, наброситься на Флоренс? Даже царь гуннов Атила, находясь в самой что ни на есть отличной спортивной форме, в таком деле, я думаю, сплеховал бы.

Но все-таки лучше бы Сыр не совершал этого подвига. Эх, говорил я себе, почему голос Благоразумия ничего не шепнул ему на ухо! Для меня было так жизненно важно, чтобы взаимная любовь этих двух сердец продолжалась в наилучшем виде, но, боюсь, с их будущего свадебного пряника уже сильно сошла позолота. Любовь – растение нежное, его надо беречь и лелеять. А это невозможно, если бросаться на барышень, как тигр.

– Я сказала ему, что согласно современным просвещенным взглядам тюремное заключение только ожесточает преступника.

– А он что на это ответил?

– «Да уж, конечно».

– Значит, согласился?

– Ничего подобного. Он злобным, надменным тоном переспросил: «Ожесточает, да?» Я говорю: «Да, ожесточает!»

И тогда он высказался насчет современных прогрессивных взглядов в выражениях, которые я не берусь повторить.

Интересно все-таки, в каких именно. Должно быть, в очень крепких, потому что они до сих пор ее язвили, как чирей на шее. Смотрю, кулаки сжала и ногой притопывает – верный признак, что душа у человека сыта по горло. Флоренс принадлежит к тем барышням, для которых дороже современных прогрессивных взглядов нет никого на свете, любые насмешки такого рода они принимают как личное оскорбление.

Я мысленно застонал. Судя по тому, какой оборот принимали дела, можно было с минуты на минуту ожидать, что она объявит о разрыве помолвки.

Так оно и вышло.

– Разумеется, нашу помолвку я немедленно расторгла, – сообщила мне Флоренс.

Я, хоть и предчувствовал, как вы слышали, беду, все же подскочил на месте.

– Расторгла помолвку?

– Да.

– Послушай, это ты напрасно.

– Почему же?

– Сыр – такой превосходный мальчик.

– Нисколько он не превосходный.

– Ты должна забыть жестокие слова, которые он произнес в порыве чувств. Проявить снисхождение.

– Я тебя не понимаю.

– Ну, взгляни на вещи с его точки зрения. Бедняга Сыр, не забудь, пошел служить в полицию, рассчитывая на быстрое продвижение вверх по служебной лестнице.

– Ну и что?

– Но ведь начальники не будут продвигать по служебной лестнице молодого полисмена, пока он не совершит чего-то из ряда вон выходящего, от чего они охнут и вымолвят: «Вот это да!» Неделю за неделей, месяц за месяцем бедный Сыр томился, как орел в клетке, изнемогая от невыносимого законопослушания здешних жителей и тщетно мечтая хотя бы о собаке без ошейника или о шумном выпивохе в общественном месте, в которого он мог бы

вонзить зубы. Так что внезапное появление грабителя было для него как манна небесная. Вот, сказал он себе, когда я наконец смогу отличиться. Но только он закатал рукава и приготовился воспользоваться такой редкой удачей, как возникает дядя Перси и берет его на короткий поводок. Такой оборот дел всякого полисмена выведет из себя. Ничего удивительного, что Сыр забылся и прибег к сильным выражениям. Он в такие минуты за себя не отвечает. Слышала бы ты, как он один раз в Оксфорде высказался о том, что я, когда гребу, выпячиваю живот! Можно было подумать, будто он ненавидит мой живот и все, что в нем содержится. Но прошел какой-то час или два, и мы уже сидели с ним визави за столиком в «Кларендоне», обедали – суп прозрачный, жареный палтус и седло барашка, помню, как сейчас, – и он был само дружелюбие. То же и тут, можешь в этом убедиться. Держу пари, его уже грызет раскаяние, и он первый теперь жалеет о сорвавшихся у него злых словах про современные просвещенные взгляды. Он любит тебя всей душой, это я официально заявляю. Кому и знать, как не мне. Мой совет такой: пойди сейчас к нему и объяви, что все прощено и забыто. Так ты избежишь вопиющей ошибки, память о которой потом бы тебя замучила. Если ты дашь Сыру под зад коленкой – будешь драть на себе волосы до конца дней. Такой человек, чистый, как слеза!

Я замолчал, отчасти чтобы перевести дух, а отчасти потому, что уже сказал все. Стою, дожидаясь, что она ответит, и мечтаю о леденце от сухости в горле.

Какой реакции я от нее ожидал, сам точно не знаю, – может быть, безмолвной слезы, которую она, потупясь, прольет, когда прочувствует справедливость моих слов. Или, может, устного признания, что, мол, я здорово справился с такой длинной речью. Чего я никак не ожидал, это что она поцелует меня, притом так горячо, что я прямо закачался.

– Берти, ты потрясающий человек! – воскликнула она, смеясь, хотя мне-то было совсем не до смеха. – Настоящий Дон Кихот. Вот что я в тебе люблю. Кто бы догадался, слушая тебя, что по правде-то ты больше всего на свете хочешь жениться на мне сам.

Я хотел возразить, но не смог: язык зацепился за небо и мозги онемели. Что-то в этом же роде, по-видимому, чувствовал Чичестер Устрица, когда дверь сарая захлопнулась и Боко поднял крик на весь сад. Жутко оказаться беспомощной игрушкой в руках Судьбы.

Флоренс взяла меня под руку и стала втолковывать мне, точно гувернантка, объясняющая отстающему ученику начатки арифметики:

– Неужели ты думаешь, что я не поняла? Мой дорогой Берти, я не слепая. Когда я разорвала нашу помолвку, я, естественно, предполагала, что ты все забудешь – или же обидишься и разозлишься и станешь плохо ко мне относиться. Сегодня я убедилась: я была не права. Брошь, которую ты мне подарил, открыла мне глаза на твои истинные чувства. Тебе вообще не обязательно было делать мне на день рождения подарок, если бы ты не хотел этим сказать, что любишь по-прежнему. А уж такой несоразмерно дорогой подарок... Разумеется, я сразу догадалась, на что ты намекаешь. Это совпало со всем остальным, что я от тебя слышала. Например, о том, что ты читаешь Спинозу. Ты думал, что потерял меня, но продолжал читать серьезную литературу – из любви ко мне. И я застала тебя в книжном магазине за покупкой моей книги. Не могу передать, как это меня тронуло! После этой случайной встречи ты не мог совладать с собой и приехал в Стипл-Бампли, чтобы снова оказаться вблизи от меня. А нынче ночью ты украдкой пробрался к нам в сад – постоять при свете звезд под моим окном... Нет, исключим всякие недоразумения. Я рада, что успела разгадать твои робкие намеки и что вовремя разглядела истинную сущность д'Арси Чеддера. Берти, я согласна быть твоей женой.

Что тут скажешь, кроме как «Большое спасибо!». Я и сказал, и на том наши переговоры завершились. Она еще раз поцеловала меня, выразила желание, чтобы свадьба была скромная, в присутствии небольшого числа родных и ближайших друзей, и потопала к себе.

Я тоже двинулся, но только не сразу. Время было позднее, у Боко меня ждала теплая постель, но я еще довольно долго стоял, глядя как безумный в темную даль. Крылатые ночные существа с налета ударялись о мое лицо и, ударяясь, отскакивали от него, другие в то же самое время использовали заднюю сторону шеи в качестве катка, но я не поднял ладони, чтобы им помешать. Приключившаяся со мной ужасная беда превратила меня в настоящий соляной столб. Я думаю, ночная бабочка, или что это была за тварь, выделявшая гимнастические упражнения у меня за ухом и вокруг, небось даже и не догадывалась, что у нее под ногами – тело некогда жизнелюбивого столичного щеголя. Наверное, считала, что это дерево или даже просто одушевленный камень.

Но постепенно жизнь все же возвратилась в похолодевшие члены, и я уныло поплелся по аллее к воротам, из ворот – по дороге и наконец достиг крыльца Фитлуортова дома. Дверь стояла открытая, и я просунулся внутрь. В конце коридора горел свет, я побрел на него и добрался до гостиной.

Боко сидел в кресле, задрал ноги на каминную полку и сжимая в руке стакан. Вид второго стакана, а рядом еще графина и сифона с содовой водой повлек меня к столу как магнит. Бульканье льющейся жидкости пробудило от задумчивости хозяина дома, и он тут только заметил мое присутствие.

– Угощайся, – сказал он. Я поблагодарил.

– Хотя я изумлен, что у тебя хватает духу пить после всего, что было.

Голос его звучал холодно, и отчужденность, с какой он потянулся и снова наполнил свой стакан, тоже бросалась в глаза. Задержав на мне выразительный взгляд, словно увидел гусеницу в салате у себя на тарелке, он затем продолжил разговор:

– Я видел Нобби.

– Вот как?

– Да, и она, как я и ожидал, пролила потоки слез.

– Очень сожалею.

– И правильно делаешь. Это твоя рука выдавила из ее глаз жемчужные капли.

– Да брось ты.

– К чему отмахиваться? Ты, надеюсь, не совсем уж бессовестный человек? Собственная совесть наверняка твердит, что вина за эти слезы лежит на тебе. Н-да, если бы кто-нибудь мне сказал, что Берти Вустер меня подведет...

– Ты это уже говорил.

– И еще буду говорить. Хоть и до седмижды семидесяти раз ^[120]. Для таких поступков мало одного вскользь произнесенного замечания. Когда рухнула вся твоя вера в человека, поневоле станешь повторяться.

Боко рассмеялся коротким горестным смехом, хриплым и режущим слух. После чего, как бы отложив на время эту малоприятную тему, осушил стакан и заметил, что я сильно припозднился, он ждет меня уже тысячу лет.

– Выйдя с тобой прогуляться после ужина, я никак не думал, что ты будешь гулять чуть не до привоза утреннего молока. Тебе придется изменить свои беспутные столичные привычки, если ты хочешь вписаться в добропорядочную английскую деревенскую жизнь.

– Да, я несколько задержался.

– Из-за чего?

– Ну, во-первых, Эдвин съездил мне клюшкой по голове. На это ушло какое-то время.

– Что-что?

– Что слышишь.

– Он шмякнул тебя клюшкой?

– Прямо по макушке.

– А-а! – Боко заметно повеселел. – Славный парень этот Эдвин. У мальчишки отличные задатки. И высокие идеалы.

В эту тяжелую минуту такое вопиющее бесчувствие сильно огорчило меня, наполнив мне душу, как выразился бы Дживс, печалью, которую не выразить словами. Человек в моем положении ждет, чтобы друзья сплотились вокруг него.

– Не хихикай и не злорадствуй, Боко, – жалобно попросил я. – Я нуждаюсь в сочувствии, в сочувствии и совете. Знаешь, что случилось?

– Что?

– Я помолвился с Флоренс.

– Как? Опять? А куда девался Сыр?

– Сейчас я тебе все расскажу. Это ужасно. Наверное, мой жалобный голос разбудил в нем добрые чувства, я описывал ему пережитую трагедию, а он внимательно слушал, и на лице у него отражалось вполне человеческое понимание. Дослушав до конца, он весь передернулся и потянулся за графином, и видно было, что глоток спиртного ему сейчас жизненно необходим.

– Эта же судьба могла выпасть Джорджу Вебстеру Фитлуорту! – шепотом произнес он. – Бог упас.

Я обратил его внимание на то, что он упускает главное:

– Все это, конечно, так, Боко, и я тебя от души поздравляю, что с тобой этого не случилось. Но самое существенное тут то, что Бертрам Вустер, о котором у нас идет речь, погиб окончательно и бесповоротно. У тебя нет никаких идей?

– Все под Богом ходим, – все так же задумчиво проговорил он. – Я уж надеялся, что черная метка окончательно перешла к Чеддеру по прозвищу Сыр.

– Я тоже так думал.

– И очень жаль, что не перешла, ведь Сыр в самом деле любит Флоренс. Ты, конечно, испытывал сострадание к нему, но совершенно напрасно, уверяю тебя. Он ее любит. А когда такой осел, как Сыр, любит, это уже навсегда. Мы бы с тобой сказали, что этого не может быть, никто по своей доброй воле не захочет жениться на этой ужасной девице, но факт таков. Она заставляла тебя читать «Типы этической теории»?

– Заставляла.

– Меня тоже. Это было первым, что открыло мне глаза на грозящую опасность. А вот Сыр схрумкал у нее эти «Типы» и не поморщился. Не понял, разумеется, ни единого слова, но, повторяю, схрумкал за милую душу. Они – идеальная пара. Жаль, что сорвалось. Конечно, если бы Сыр ушел из полиции, можно было бы попробовать вернуть им взаимопонимание. В этой его службе – корень всех бед. Было ясно, что он опять упускает суть проблемы.

– Мы не о Сыре говорим, старина, а обо мне. К Сыру я отношусь вполне благосклонно и был бы рад видеть его счастливо женатым, но основной-то вопрос в том, как вызволить беднягу Вустера? Каким образом выпутаться Бертраму?

– А ты действительно хочешь выпутаться?

– Ну, знаешь!

– Она же будет оказывать на тебя положительное влияние, не забывай. Отрезвляющее.

Просветительное.

– Зачем ты меня мучаешь, Боко?

– Ну хорошо, а как ты выпутался в предыдущий раз, когда был с ней помолвлен?

– Долго рассказывать.

– Тогда, пожалуйста, не начинай. Я просто имел в виду, нельзя ли воспользоваться тем же приемом и для выхода из теперешнего кризиса?

– Боюсь, что нет. Тогда я должен был выполнить одно ее поручение, но не выполнил, и она послала меня куда подальше. Второй раз этого не устроишь.

– Понятно. Жаль, что ты не сможешь воспользоваться тем методом, к которому прибег я. Методом Фитлуорта, простым и действенным. Все бы твои трудности преспокойно разрешились.

– Почему я не могу им воспользоваться?

– Потому что он тебе неизвестен.

– Ты бы мне объяснил. Боко покачал головой:

– После того как ты почему-то отказался помочь мне добиться расположения твоего дяди Перси? Нет, Берти. Метод Фитлуорта, испробованный и проверенный и, можно смело сказать, стопроцентно надежный, получит только тот, кто его заслужил. Своим секретом я согласился бы поделиться лишь с самым верным другом, надежным, как сталь.

– Я и есть друг, надежный, как сталь, Боко.

– Нет, Берти, ты совсем не как сталь, далеко не как сталь. Какой ты мне друг, стало ясно из твоего поведения нынешней ночью. У меня открылись глаза, Берти. Мне в совершенно ином свете представилась наша с тобой многолетняя дружба, начиная с самых истоков. Конечно, если ты готов пересмотреть свое решение и все-таки согласишься сыграть свою роль в деле, план которого разработал Дживс, тогда бы я с величайшим удовольствием... Но что толку рассуждать? Ты сказал «нет», значит, так тому и быть. Знаю, какая у тебя железная воля. Принятое тобою решение принято раз и навсегда.

Ну это еще как сказать. Что воля у меня железная, я не отрицаю, но ее можно отключить, если обстоятельства того требуют. Волевой человек без труда определит, когда следует уступить и пойти на компромисс. Я с этим много раз сталкивался в моих взаимоотношениях с Дживсом.

– Ты полностью ручаешься за этот свой секретный метод? – уточнил я.

– Могу только свидетельствовать, что в моем случае он моментально принес желаемый результат. Только сию минуту я был помолвлен с Флоренс, раз-два – и вот я уже с ней не помолвлен. В два счета. Больше всего похоже на магию.

– И ты мне его откроешь, если я пообещаю обругать дядю Перси?

– Открою после того, как ты его обругаешь.

– А почему не прямо сейчас?

– Ну, просто прихоть у меня такая. Совсем не потому, что я тебе не доверяю, Берти. И опасаясь, как бы ты, узнав секрет Фитлуорта, не передумал и не отказался со своей стороны выполнить договор. Но все-таки это было бы искушением, а я не хочу пятнать твою чистую душу соблазнами.

– Но когда я выполню, ты расскажешь? Точно расскажешь?

– Как штык.

Я задумался. Выбор, стоявший передо мною, был ужасен. Но колебался я недолго.

– Ладно, Боко. Я согласен.

Он любовно ткнул меня кулаком в грудь. За один вечер это стало у него неискоренимой привычкой.

– Молодчина! – похвалил он меня. – Я так и думал, что ты согласишься. А теперь беги спать, чтобы выспался хорошенько и встал завтра бодрый и свежий. А я тут посижу еще, набросаю кое-какие обороты и выражения, которые ты швырнешь старику в лицо. Нельзя полагаться на вдохновение минуты. Текст должен быть написан и выучен наизусть. Да и вряд ли ты сам, без посторонней помощи, способен придумать что-нибудь подходящее. Тут требуется перо профессионала.

Спал я в ту ночь беспокойным сном. Мне снился дядя Перси, гонящийся за мною с охотничьим хлыстом. Проснувшись поутру, я увидел, что, несмотря на свинцовый груз на сердце, погодные условия за окном просто великолепны. Солнце сияло, небо блистало голубизной, и в листве слышалось чириканье целого полчища, или легиона, наших пернатых соседей.

Но как я уже сказал, хотя Природа и улыбалась, в душе Бертрама отсутствовала склонность следовать ее примеру. Солнечное сияние меня не будоражило, небесная лазурь (как иногда называют этот оттенок) не веселила; а что до птичьего ликования, то оно при данных обстоятельствах казалось мне неумеренным и в дурном вкусе. Когда человека ждет такое тяжкое испытание, какое ждало в тот день меня, не очень-то радует даже хорошая погода.

Часы показывали время весьма раннее, обычно я воздвигаюсь ото сна много позже, и будь камень у меня на сердце не такой тяжелый, я бы, возможно, перевернулся на другой бок и вздремнул еще минут сорок. Но мысль о черном деле, которое мне предстояло совершить, прежде чем солнце этого дня спрячется за горизонтом – или можно сказать: пока обед этого дня не упрячется в желудки, – исключала дальнейший сон. Поэтому я поднялся и, подхватив губку и полотенце, направился было в ванную для обливания туловища, но заметил какую-то бумажку, торчащую из-под двери. Я поднял ее – это оказался предназначавшийся для меня текст, над которым минувшей ночью трудился Боко, кое-что из того, если помните, что я должен был, по его мнению, сказать дяде Перси. Я скользнул по нему взглядом, и на лбу у меня выступила испарина. В ужасе я опустил на кровать. Впечатление было такое, будто схватил рукой живую змею.

Помнится, я уже выше рассказывал, как однажды юным растущим отроком в школе я проник среди ночи в кабинет нашего директора преподобного Обри Апджона с целью выкрасть горсть-другую печенья, которое, согласно моей информации, хранилось у него в шкафу, и как, исполнив задуманное, я обернулся и увидел, что законный владелец печенья при сем присутствовал – сидел за письменным столом и ледяным взглядом наблюдал за моими действиями.

А почему я сейчас опять припомнил тот случай, так это потому, что тогда, после краткой паузы, пока я стоял в смущении, а преподобный Обри все сильнее ярился и разводил пары, он дал юному Вустеру пространную устную характеристику, которую я до сего дня считал высшим достижением в области ученой брани – такое мог бы написать кто-нибудь из малых библейских пророков, вставший утром с левой ноги. Мне казалось, как я уже говорил, что до этой планки не дотянуться больше ни одному оратору.

Текст был машинописный, через один интервал, слов примерно на шестьсот, и из этих шестисот – не больше десяти таких, которые я способен был бы, если очень постараться, произнести перед человеком дядиного масштаба – разве что накачавшись выше ушей неразбавленным спиртом. А Боко, не забудьте, назначил мое выступление на десять часов утра!

Выскочить пулей из комнаты и ворваться к Боко с пеной негодования на устах было для меня делом одной минуты. Но заготовленный мною красноречивый протест пропал даром, так как Боко в комнате не оказалось. От престарелой женщины, копошившейся в кухне, я

узнал, что он отправился на реку купаться. Мчусь туда и вижу – Боко плещется на глубине, и воздух звенит от его жизнерадостного гогота.

И опять мне пришлось прикусить язык, потому что со второго взгляда я обнаружил бок о бок с ним некий розовый, похожий на большого дельфина объект и понял, что в купании принимает участие Чеддер по прозвищу Сыр. Этому неутомимому стражу порядка в Стипл-Бампли и адресовал Боко свой жизнерадостный гогот. Я прикинул, что лучше мне не показываться. Было очевидно, что в данных условиях разговор с Сыром не принесет ни проку, ни удовольствия.

Словом, я побрел потихоньку вдоль берега, весь погруженный в думы, и вдруг слышу: рыболовная леска со свистом разрезает воздух. Оказалось, это Дживс задает жару чешуйчатым жителям водной стихии. Я мог бы догадаться, что, обосновавшись в Стипл-Бампли, он первым делом устремится на берег, чтобы забросить крючок-другой.

А поскольку именно этому любителю-рыболову я был обязан теперешним своим бедственным положением, вы не удивитесь, если я скажу, что обратился я к нему довольно холодно.

– А-а, Дживс, – буркнул я.

– Доброе утро, сэр, – ответил он. – Чудесная погода.

– Кое для кого, может быть, и чудесная, – сдержанно возразил я. – Но не для последнего из Вустеров, который по вашей милости угодил в такую передрагу, в сравнении с которой меркнут все предыдущие.

– Сэр?

– Нет смысла говорить «сэр». Вы прекрасно знаете, что я имею в виду. Исключительно благодаря вашим стараниям я теперь должен буду наговорить дяде Перси таких слов, которые что-то такое учинят с его кудрями – что именно, я в данную минуту не припомню.

– Напомаженные завитые кудри рассыплются, сэр, и каждый волосок поднимется, как иглы китовраса^[121].

– Китовраса?

– Да, сэр.

– Тут, должно быть, какая-то ошибка. Такого животного нет. Но впрочем, не имеет значения. Важно, что из-за вас я оказался перед необходимостью обругать дядю Перси. И я хотел бы знать, зачем вы это сделали? Разве это не жестоко с вашей стороны? Не противоречит духу феодальной верности?

На его лице выразилось недоумение. Легкое недоумение, другого от него не дождешься. Чуть-чуть вздернулась одна бровь, и капельку шевельнулся кончик носа.

– Вы говорите, сэр, о том предложении, которое я выдвинул по просьбе мистера Фитлуорта?

– Да, я говорю именно об этом, Дживс.

– Но ведь ваше согласие на сотрудничество в этом деле диктовалось исключительно движением вашего доброго сердца, сэр. Ваше право было отказаться от какого-либо участия в нашем плане.

– Ха!

– Сэр?

– Я сказал «ха!», Дживс. Потому что именно это я и хотел сказать. Вам известно, что произошло этой ночью?

– Этой ночью многое произошло, сэр.

– Ваша правда. Среди прочего я, например, получил удар по голове скаутским стеклом от юного Эдвина, принявшего меня за грабителя.

– Вот как, сэръ?

– После чего мы с ним разговорились, и он сообщил мне, что нашел в траве ту брошь, которую мы считали погибшей в огне, и вручил ее леди Флоренс в качестве подарка на день рождения от меня.

– Вот как, сэръ?

– Эта вещица оказалась соломинкой, перетянувшей чашу весов. Леди Флоренс жутко переругалась с Сыром и дала ему отставку за неуважительные высказывания о современных прогрессивных взглядах и теперь опять помолвлена с несчастным козлом отпущения, которого вы видите перед собой.

Я опасался, что тут он опять произнесет: «В самом деле, сэръ?» – а я бы тогда вполне мог забыть всякие цивилизованные благопристойности и вклеить ему раза. Но он все-таки в последнюю минуту сдержался и только озабоченно и сочувственно поджал губы. Уже лучше.

– А согласился я участвовать в вашей затее потому, что Боко, как он сам признался, знает простое и верное средство избавления от помолвки с этой конкретной барышней, но сообщит его мне только после моего разговора с дядей Перси.

– Я понял, сэръ.

– Мне бы надо узнать это средство. Метод Сыра – наговорить гадостей насчет современных прогрессивных взглядов – для меня не подходит, я не могу сочинить ничего подходящего. В моем случае либо средство Боко, либо ничего. Вы, случайно, не знаете, из-за чего леди Флоренс прервала с ним отношения?

– Не знаю, сэръ. Для меня вообще новость, что мистер Фитлуорт был обручен с ее милостью.

– Конечно, был, еще бы! В послеуистеровский и дочеддеровский период. Но что-то такое между ними произошло, какие-то нелады, и все немедленно отменилось. Как по волшебству, Боко сказал. Он что-то предпринял, мне кажется. Что бы это могло быть?

– Не рискну выдвигать предположения, сэръ. Может быть, вы желаете, чтобы я провел опрос среди слуг в «Бампли-Холле», сэръ?

– А что, отличная мысль.

– Не исключено, что кто-то из них осведомлен об этом событии.

– Да там, наверное, много дней об этом только и разговору было. Поинтересуйтесь у дворецкого. Прощупайте повара.

– Очень хорошо, сэръ.

– Или можно спрашивать личную горничную леди Флоренс. Кто-нибудь наверняка знает. Не многое из того, что делается в доме, остается тайной для обслуживающего персонала.

– Ваша правда, сэръ. Слуги в доме, как правило, хорошо обо всем осведомлены.

– И вот еще что. Имейте в виду, необходима быстрота. Если вам удастся снабдить меня информацией до того, как я двинусь на дядю Перси – то есть до десяти часов, это предельный срок, – тогда я смогу не обращаться к дяде со словами, при мысли о которых у меня, честно признаюсь, мурашки по спине бегут. А что касается счастья Боко и его дамы сердца, то я, конечно, рад буду им посодействовать, но, наверное, это можно сделать каким-нибудь другим, менее убийственным способом. Словом, Дживс, не теряйте времени, идите и проведите опрос.

– Очень хорошо, сэр.

– Встреча – у ворот, начиная с половины десятого. Я там буду и жду вас с донесением. Постарайтесь не подвести меня. Сейчас такой момент, когда люди доброй воли должны сплотиться и прийти человеку на помощь. Если бы я показал вам составленный Боко список слов и выражений, которые от меня требуется бросить в лицо дяде Перси, – к сожалению, он остался у меня в комнате, выпал из моих похолодевших пальцев, – ваши завитые напомаженные кудри рассыпались бы как миленькие, можете мне поверить. Вы точно помните, что там написано «китоврас»?

– Точно, сэр.

– Поразительно. Хотя Шекспир, он вообще, наверное, по большей части совал в свои сочинения что под руку подвернется.

Поскольку я собирался в ванную, когда прочел сочинение Боко и побежал его разыскивать, на мне все еще было обычное ночное одеяние английского джентльмена плюс халат, так что, пока я вернулся к себе, переоделся и явился в столовую, прошло еще некоторое время. Боко был уже там и уминал утреннюю яичницу. Я спросил у него, кто такой китоврас. Но он ответил, что к черту всех китоврасов, а видел ли я инструкцию, и если видел, то каково мое мнение.

На это я ему ответил, что еще бы не видеть, видел, и она меня потрясла до глубины души. Нет на свете такой силы, добавил я, которая бы заставила меня пересказать дяде Перси, даже в общем и целом, кошмарное содержание этого документа.

– Кошмарное содержание?

– Да. Мои слова.

Боко обиженно пробормотал что-то насчет художника и убийственной критики.

– По-моему, это отличная проза. Упругая, плотная, выразительная. Тема меня вдохновила, и, на мой взгляд, я справился с ней неплохо. Но конечно, если тебе кажется, что личная нота несколько слишком подчеркнута, можешь кое-где внести небольшие поправки – разумеется, сохранив суть.

– Кстати сказать, – вставил тут я, чтобы его немного подготовить, – не удивляйся, если в последнюю минуту я все-таки переменю свои планы и выйду из игры.

– Что?!

– Я подумываю об этом.

– Ну, знаешь ли! И это говорит...

– Да.

– Но ты же еще не слышал, что я хотел спросить.

– Я знаю: «И это говорит Бертрам Вустер?»

– Верно. И что же?

– Да.

Дальше его застольные речи приняли довольно язвительный критический уклон и коснулись так называемых старых товарищей, которых он до сих пор считал надежными и верными, а они, к великому его разочарованию, оказываются трусливыми ничтожествами, малодушными, как зайцы.

– Где же внуки английского бульдога, я спрашиваю? – горько заключил он на высоких тонах. – Ну что ж. Ты, конечно, понимаешь, что отсюда следует. Подведешь меня – и не видать тебе тайного средства Фитлуорта.

Я хитро улыбнулся и положил себе на тарелку кусок ветчины. «Много ты знаешь», –

подумал я.

– Я буду смотреть, как ты идешь к алтарю об руку с Флоренс Крэй, и даже пальцем не шевельну, чтобы спасти тебя. Мало того, ты услышишь в хоре один голос, который будет петь «О, высшая любовь» громче всех; и это будет мой голос. Лучше выбрось это из головы, Берти, я тебе советую.

– Я же не говорю, что отказываюсь сыграть свою роль, – возразил я. – Я говорю только, что, может быть, откажусь.

Это его немного успокоило, он слегка размяк и высказался в том духе, что, когда настанет миг, он уверен, лучшая сторона моей натуры возьмет верх. А еще немного погодя мы расстались, обменявшись взаимными наилучшими пожеланиями.

Между нами было заранее условлено, что в «Бампли-Холл» мы придем порознь. Ему, считал Боко, и не без основания, лучше пробраться в дом тайно, а то еще на него набросятся и выставят вон. Поэтому он сказал, что пойдет в обход, отыщет где-нибудь прореху в изгороди и подкрадется к окну кабинета, держась под прикрытием кустов и ступая с осторожностью, чтобы не хрустнула ветка под ногами.

Ну а я пошел сам по себе и у ворот увидел дожидającegoся Дживса. С первого же взгляда я понял, что у него есть для меня хорошие новости. Я умею определять. Он не то что улыбается в таких случаях, улыбаться он не умеет, но уголки губ у него слегка вздрагивают и взор исполнен благорасположения.

Я поспешил с вопросом:

– Ну как, Дживс?

– У меня есть для вас нужные вам сведения, сэр.

– Вы герой, Дживс! Расспросили дворецкого? Прощупали повара?

– На самом деле информацию я получил от мальчика, который чистит ножи и ботинки, сэр. От подростка по фамилии Эрбут.

– Каким же образом он попал в наши специальные корреспонденты?

– Дело в том, сэр, что он оказался очевидцем интересующего нас происшествия, когда, скрывшись за кустом, втайне покурил сигарету. С этой позиции он мог наблюдать всю сцену.

– Что же там творилось? Рассказывайте, Дживс, и не опускайте ни одной, самой мельчайшей, подробности.

– Первым, что привлекло его внимание, было явление мастера Эдвина.

– Значит, без него и тут не обошлось?

– Не обошлось, сэр. Его роль, как вы увидите, была весьма важной. По словам Эрбута, мастер Эдвин пробирался среди кустов, сосредоточенно глядя себе под ноги. Похоже было, что он шел по следу.

– Следопыт. Бойскауты все обожают строить из себя следопытов.

– Именно так, насколько мне известно, сэр. А его действиями с сестринским умилением любовалась леди Флоренс, срезавшая цветы на цветочном бордюре по соседству.

– Наблюдала за ним?

– Да, сэр. С другой стороны в это же время появился мистер Фитлуорт, двигавшийся по следу молодого джентльмена.

– Выслеживал следопыта?

– Да, сэр. Эрбут говорит, что вид у мистера Фитлуорта был сосредоточенный и целеустремленный. Таков, во всяком случае, смысл его слов, хотя сами слова он употребил

не эти. Мальчики, которые чистят ножи и ботинки, по большей части не умеют правильно выражаться.

– Я тоже заметил. Словарь у них бедный. Продолжайте, Дживс. Я сгораю от нетерпения.

Итак, Боко, вы говорите, шел по следу Эдвина. Зачем?

– Тот же вопрос задал себе и Эрбут.

– Он был озадачен?

– Да, сэр.

– Неудивительно. Я тоже озадачен. Вижу, что интрига закручивается, но провалиться мне, если понимаю, к чему дело идет.

– Однако очень скоро мотивы мистера Фитлуорта стали ясны, сэр. Когда мастер Эдвин приблизился к цветочному бордюру, он внезапно прибавил шагу...

– Эдвин?

– Нет, сэр. Мистер Фитлуорт. Он подскочил к молодому джентльмену и, воспользовавшись тем, что тот, приглядываясь к следу, нагнулся, нанес ему сильный удар ногой по... телу.

– Вот это да!

– Мастер Эдвин подлетел в воздух и упал прямо к ногам леди Флоренс. Ее милость, потрясенная и разгневанная, резко упрекнула мистера Фитлуорта и потребовала, чтобы он немедленно объяснил свой безобразный поступок. Он попытался оправдаться тем, что-де мастер Эдвин ковырялся в его электрической яйцеварке, вследствие чего сырое яйцо вылетело из аппарата и ударило его по носу. Однако ее милость не сочла возможным принять такое оправдание и объявила помолвку расторгнутой.

Я набрал в грудь воздуха. Пелена упала с моих глаз. Мне все стало ясно. Вот, оказывается, какое оно, средство Фитлуорта – пинок в зад юному Эдвину! Не зря Боко назвал его простым и безотказным. Все, что нужно, – это крепкий башмак и сестринская любовь.

Я услышал вежливое покашливание Дживса.

– Если вы поглядите влево, сэр, то увидите, что на аллею как раз вышел мастер Эдвин и нагнулся над каким-то предметом на земле, чем-то привлечшим его внимание.

Я его понял. Ясно ведь, что он хотел сказать. Одного того, как он при этом на меня посмотрел, с намеком и призывом, было довольно, чтобы я уловил скрытый смысл его сообщения. Точно так мог смотреть папаша-римлянин, передавая сыну щит и копье и подталкивая его на битву. Последние слова Дживса должны были взбодрить меня, как зов боевой трубы.

И однако же я оставался в нерешительности. Конечно, после того, как юный Эдвин шарахнул меня ночью стеклом по голове, возможность дать ему пинка была заманчива, мальчишка давно уже напрашивался на что-нибудь в подобном роде. Но браться за такое дело на холодную голову все же немного неловко. Как, скажите на милость, подвести к этому в ходе обычного разговора? «Привет, Эдвин, как дела? Прекрасная погода, не правда ли?» И шмяк! Вот видите? Я и говорю – неловко.

В случае Боко все складывалось совсем иначе, он был в состоянии слепого бешенства, которое охватывает человека, получившего по носу сырым яйцом. Это давало ему определенный разбег.

Словом, я стоял и задумчиво теребил подбородок.

– Верно, – говорю, – это он, и действительно, как вы заметили, стоит, нагнувшись. Но, Дживс, вы в самом деле рекомендуете...

– Да, сэр.

– Что? Прямо сейчас?

– Прямо сейчас, сэр. «В делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха, когда ж отлив наступит, лодка жизни по отмелям несчастий волочится»^[122].

– Да-да. Конечно. Тут двух мнений быть не может. Но...

– Если вы имеете в виду, сэр, что необходимо еще присутствие леди Флоренс в качестве свидетельницы происходящего, как это было в случае мистера Фитлуорта, то я с вами совершенно согласен. Я могу пойти и сообщить ее милости, что вы ждете ее в аллее и были бы рады перемолвиться с нею несколькими словами.

Но я все еще колебался. В делах такого рода, бывает, полностью разделяешь общую идею, но, когда доходит до практического осуществления, все-таки как-то не можешь решиться. Я объяснил это Дживсу, и он сказал, что примерно то же самое было с Гамлетом.

– Ваша нерешительность вполне понятна, сэр. «Меж выполнением замыслов ужасных и первым побуждением промежутки похожи на морок или на страшный сон. Наш разум и все члены тела спорят, собравшись на совет, и человек похож на маленькое государство, где вспыхнуло междоусобье»^[123].

– Вот именно, – согласился я. Он хорошо умеет формулировать такие вещи.

– Если это поможет вам разжечь кровь и напрячь жилы^[124], сэр, позвольте напомнить вам, что уже почти десять часов и только спешное исполнение предложенного вам мною плана избавит вас от необходимости явиться в кабинет его сиятельства.

Он избрал верный подход. Я больше не колебался.

– Вы правы, Дживс. Сколько, по-вашему, времени я должен буду занимать Эдвина разговором, пока вы не вышлете на сцену леди Флоренс?

– Не долее нескольких минут, сэр. Мне известно, что ее милость сейчас находится в своих апартаментах и занимается литературными трудами. Так что она явится, так сказать,

по первому зову.

– В таком случае – вперед!

– Очень хорошо, сэр.

Он, мерцая, уплыл выполнять поручение, а я, слегка мобилизовав нервы и напрягши жилы, насколько это осуществимо прямо так, с бухты-барахты, расправил плечи и отправился туда, где посреди дороги сидел на корточках Эдвин. Утро было по-прежнему погожее, солнце сияло, и черный дрозд, помню, свистал в близлежащем кустарнике. Да и что бы ему не свистать? Я просто упомянул о нем, желая подчеркнуть царившее кругом безоблачное спокойствие. Признаюсь, у меня тогда мелькнула мысль, что для такого дела более подходящей сценой был бы пустынный верещатник в полночь, а над ним чтобы выл холодный ветер и три ведьмы произносили бы свои реплики над кипящим котлом.

Ну, да что поделаешь, приходится выбирать одно из двух. Посторонний наблюдатель, я думаю, не заметил бы ничего особенного в выправке Бертрама, шагающего к своей жертве. Может быть, он подумал бы про себя, что Бертрам сегодня в превосходной форме.

Подойдя к юнцу, я остановился.

– Привет, юный Эдвин, – говорю я ему.

Он смотрел в землю, но при звуках знакомого голоса поднял на меня пару глаз в покрасневших веках – настоящий хорек, ищущий общества себе подобных.

– Привет, Берти. Знаешь, Берти, я сегодня утром совершил еще одно доброе дело.

– Да?

– Кончил наклеивать в альбом Флоренс все отзывы на ее роман. Теперь у меня заполнено все до прошлой среды.

– Молодчина. Нагоняешь. А тут ты что делаешь?

– Изучаю муравьев. Ты знаком с муравьями, Берти?

– Только на пикниках с ними встречался.

– А я читал про них. Интересные.

– Не сомневаюсь.

Я был рад предложенной теме, ее нам с лихвой хватит до прибытия Флоренс. Было видно, что юный негодник до макушки полон знаниями об этих трудолюбивых букашках и только того и жаждет, что поделиться со мной.

– А ты знал, что муравьи умеют разговаривать?

– Разговаривать?!

– На свой лад. Между собой, понятное дело. Они колотят головой о листок. Да, Берти, как твоя голова сегодня? Я чуть не забыл справиться.

– Еще чувствительно.

– Я так и думал. Надо же. Ну и смеху было ночью, правда? Я от хохота потом никак уснуть не мог.

Он звонко расхохотался, и от этого пронзительного звука всякие угрызения начисто испарились из моей груди. Мальчишка, для которого шишка на макушке Вустера, размером с мяч для гольфа, является предметом бессердечного осмеяния, заслуживает любого, самого свирепого пинка. Теперь задача, которую мне предстояло выполнить, не внушала мне больше ничего, кроме злорадства и упоения. Святое дело, можно сказать. Только подумать, как много пользы принесет этому ребенку хороший, основательный пинок в зад! Он может послужить для него началом новой жизни!

– Значит, ты хохотал, а?

– Вовсю.

– Ха! – промолвил я и скрипнул несколькими зубами. Бесило, конечно, то, что я уже вполне раскочегарился и был готов к выступлению и Эдвин в ходе своих муравьиных штудий принял как раз такую позу, какая требовалась по сценарию, а приступить к действиям пока еще нельзя. Я был как гончий пес на сворке. До прихода Флоренс я ничего стоящего не мог сделать. Как выразился Дживс, необходимо ее присутствие в качестве свидетельницы происходящего. Напрасно, высматривая ее, я обшаривал глазами горизонт, как потерпевший крушение моряк высматривает в морской дали одинокий парус, а тем временем продолжалась наша беседа о муравьях. Эдвин объяснил мне, что они относятся к семейству Гименоптера, а я в ответ пробормотал:

– Ну-ну. Гляди, какие шустрые, а?

– Они характеризуются чрезвычайно четким делением туловища на три отдела: голова, грудь и брюшко, – и еще у них брюшко прикреплено к груди посредством черенка, или петиолы, из двух чешуек, или узлов, и поэтому может свободно поворачиваться относительно груди.

– Честное слово?

– Самка кладет яйца и кормит личинок тем, что отрыгивает из желудка.

– Не будем касаться неаппетитных подробностей, мой друг.

– И самцы, и самки имеют крылья.

– Почему бы им их и не иметь?

– Но самки себе крылья отрывают и бегают без них.

– Не верится. Даже муравьи едва ли способны на такую глупость.

– Нет, это правда. Так в книге написано. Ты видел, как муравьи сражаются?

– Что-то не припомню.

– Они встают на задние ноги и подгибают брюшко.

Тут, к великому моему сожалению, то ли для наглядности, то ли у него ноги затекли, он именно так и поступил: встал на задние ноги и подогнул брюшко. В это же самое мгновение я увидел вдали Флоренс – она вышла из дома и торопливо зашагала в нашу сторону.

Ситуация создалась критическая, человек менее изобретательный решил бы, наверное, что все пропало. Но мы, Вустеры, соображаем быстро.

– Эй, смотри-ка, – сказал я.

– Что случилось?

– Это ты уронил шестипенсовик?

– Нет.

– Кто-то уронил. Погляди.

– Где?

– Вон под кустом. – Я показал на какой-то куст, росший с краю аллеи.

Как вы, наверное, поняли, говоря это, я опустил до хитрости; люди, знающие Бертрама Вустера и его твердые правила, могут предположить, что после такого сознательного отклонения от истины щеки его залились краской стыда. Ничего подобного. Щеки у него действительно раскраснелись, но то был румянец азарта и торжества.

Тонкий расчет на его детскую жадность полностью оправдался. Не успел я оглянуться, как он уже стоял на четвереньках, и притом в такой подходящей позе, что удобнее я бы и сам не мог его поставить. Его выпуклые в обтяжку шорты смотрели на меня снизу вверх призывно и соблазнительно.

Как справедливо говорит Дживс, в делах людских есть приливы и отливы, с приливом достигаем мы успеха. Я замахнулся ногой и шарахнул его по тому месту, где ткань была натянута сильнее всего.

Результат оказался превосходен. Принимая во внимание, что я со школьных лет никого не пинал, можно было опасаться некоторой заржавленности в суставах. Но нет, ничего подобного. Давняя ухватка сохранилась. Расчет был точен, и исполнение безупречно. Мальчишка исчез в кустах, пролетев по воздуху, как из пушки. И в тот же самый миг раздался голос Флоренс:

– Ах!

В этом возгласе ощущалась бездна эмоций, они хлестали через край. Но к великому моему недоумению, это были не совсем те эмоции, которых естественно было бы ожидать.

Ужас в нем отсутствовал, не было и ничего похожего на негодование и оскорбленную сестринскую любовь. Хотите – верьте, хотите – нет, но преобладала в этом возгласе нота радости. Можно даже сказать, ликования. Короче говоря, ее «Ах!», в сущности, равнялось обыкновенному «Ура!», и я был этим глубоко озадачен.

– Вот спасибо, Берти! – сказала она. – Я как раз собиралась сама дать ему хорошенько. Эдвин, поди сюда!

В чаще леса затрещало. Рассудительный ребенок осторожно выбирался из зарослей, придерживаясь диаметрально противоположного направления. «Ух ты!» – смутно донеслось издалека, и он окончательно сгинул, не оставив даже обломков.

Флоренс взирала на меня с сердечным и благодарным выражением во взгляде и с довольной улыбкой на губах.

– Большое тебе спасибо, Берти, – повторила она прочувствованным голосом. – Я готова с него шкуру спустить! Открываю альбом с газетными вырезками, а негодник половину отзывов на «Сплин и розу» наклеил вверх изнанкой. По-моему, назло. Жаль, что не удалось его поймать, но ничего не поделаешь. Не могу сказать, Берти, до чего я тебе благодарна. Как ты додумался?

– Да так, пришло вдруг в голову.

– Понимаю. Внезапно осенило. Центральная тема моего романа тоже пришла мне в голову внезапно, как бы сама по себе. Дживс сказал, что ты хочешь со мной поговорить. Это что-то важное?

– Да нет, ничего важного.

– Тогда отложим. Я пойду попробую как-нибудь отпарить то, что он наклеил, может быть, получится.

Она торопливо зашагала обратно, но все-таки на пороге оглянулась и любовно махнула мне рукой. Я остался один и мог наконец проанализировать создавшееся положение.

Хуже всего себя чувствуешь, мне кажется, когда накрылось дело, которое, ты считал, у тебя в кармане. Я растерянно смотрел в будущее и никак не мог вздохнуть, мне словно вlepили медицинболлом под ложечку, – был со мной один раз такой случай, когда я ездил в Америку. Даже неожиданно обнаружившиеся в характере Флоренс нормальные человеческие черты, о наличии которых я до сих пор и не подозревал, не могли примирить меня с тем, что меня теперь неотвратимо ожидало. Флоренс, которой хочется содрать шкуру с Эдвина, это, конечно, лучше, чем Флоренс, не способная испытывать такие желания, но все равно, как ни верти, ничего хорошего я впереди для себя не видел.

Сколько я так простоял, предаваясь горьким думам, прежде чем обратил внимание на

слабое попискивание у себя под боком, мне трудно сказать. Довольно долго, я думаю, так как, когда я все же заметил рядом с собой Нобби, она уже дергала меня за рукав довольно раздраженно, точно человек, который попытался вступить в общение с глухонемым, но в конце концов убедился, что от такого одностороннего разговора одна досада и никакого прока.

– Берти!

– А? Прости, я задумался.

– Ну, так очнись. Опоздаешь.

– Опоздаю? Куда?

– К дяде Перси в кабинет.

Я уже раньше имел случай сообщить, что неплохо умею различать у тучек светлую изнанку, и если любой катаклизм или бедствие имеет положительную сторону, я рано или поздно обязательно ее замечу. Вот и теперь слова Нобби напомнили мне, что крушение всей моей жизни имеет положительную сторону. Как ни мрачна открывающаяся передо мной перспектива, от которой уже не отвертеться, зато можно по крайней мере избежать разговора с дядей Перси.

– А, – говорю, – ты вот о чем. Это отменяется.

– Отменяется?

– В награду за участие в этом деле мне должны были открыть тайный способ Фитлуорта, как освободиться от помолвки с Флоренс Крэй. Я его уже узнал, и он здесь неприменим. Поэтому я возвращаю верительные грамоты.

– Значит, ты отказываешься нам помочь?

– Любым другим образом, который вы мне предложите, – пожалуйста. Но не посредством приведения в бешенство дяди Перси.

– Ах, Берти!

– И нечего восклицать «Ах, Берти!».

Нобби выпучила на меня глаза, и на минуту мне показалось, что сейчас снова вступят в действие жемчужные капли, о которых так красноречиво говорил Боко. Но Хопвуды сделаны из прочного материала – плотину не прорвало.

– Но я не понимаю, – только и произнесла Нобби. Я подробно объяснил ей, что произошло.

– Боко утверждал, – заключил я свой рассказ, – что его метод безотказен. Но это оказалось не так. И если никакого другого предложения у него нет, я...

– Но у него есть другое. Вернее, у меня есть.

– У тебя?

– Ты хочешь, чтобы Флоренс расторгла помолвку?

– Да!

– Тогда ступай поговори с дядей Перси, а я покажу ей то письмо, где ты написал все, что о ней думаешь. Оно не может не подействовать.

Я встрепенулся. Точнее, я подпрыгнул вверх на добрый фут.

– Вот это да!

– Ты что, не согласен?

– Еще бы не согласен!

Я разволновался, как, кажется, никогда в жизни. Про то письмо я совершенно позабыл, но теперь, припоминая его пламенные строки, я почувствовал, что надежда, уже совсем

было умершая, скидывает с себя гробовые пелены и снова приступает к исполнению прежних обязанностей. Способ Фитлуорта, может, и не сработал, но средство юной Хопвуд, без сомнения, сделает свое дело.

– Нобби!

– Думай на бегу!

– Ты обещаешь показать то письмо Флоренс?

– Честное благородное, если ты задашь жару дяде Перси.

– Боко на посту?

– Сейчас уже наверняка.

– Тогда с дороги! Я иду!

И я как на крыльях устремился к дому, перескочил через порог, пронесся по коридору к дверям дядинового логова и вломился в дверь.

Кабинет дяди Перси, который я, вообще говоря, посетил сейчас впервые в жизни, представлял собой, как пишут в сценических ремарках, «богатый интерьер», изобилующий всевозможными столами и столиками, креслами, коврами и прочими устройствами. Одну стену целиком занимали книги, а на противоположной висело большое живописное полотно, изображающее, надо полагать, нимф или кого-то в этом роде, занятых играми с существами, которые, как я понял по виду и манерам, были фавнами. Обращали на себя также внимание большой глобус, вазы с цветами, чучело форели и скульптурный бюст – не исключено, что покойного мистера Гладстона.

Одним словом, там было все, что твоей душе угодно, кроме самого дяди Перси. Он не восседал в кресле за письменным столом и не расхаживал туда-сюда по комнате, подкручивая глобус, нюхая цветы в вазах, читая корешки книг, любуясь чучелом форели или разглядывая фавнов и нимф. Нигде не видно было ни малейших признаков дяди Перси, и это полное отсутствие в помещении родственников и свойственников сильно меня озадачило.

Странное испытываешь ощущение, когда настроился на стычку с противником, и вдруг убеждаешься, что никакого противника в поле зрения нет. Вроде как поднял ногу, чтобы ступить на последнюю ступеньку, а ступеньки не оказалось. Я стоял, прикусив губу, и растерянно думал о том, что же делать дальше.

Аромат сигарного дыма, все еще висевший в воздухе, свидетельствовал о том, что совсем недавно дядя здесь был, а запахнутая дверь на террасу подсказывала, что он мог выйти в сад – быть может, чтобы на свежем воздухе поломать голову над одолевавшими его заботами, например: как, черт возьми, при таких порядках в «Бампли-Холле» улучшить пять минут для спокойного разговора с глазу на глаз с Чичестером Устрицей? В этой ситуации я колебался, последовать ли мне за ним в сад или же, сохраняя status quo, остаться на месте до его возвращения.

Многое тут, конечно, зависело от того, как долго он будет отсутствовать. Ведь боевой задор, с которым я влетел в кабинет, само собой, не вечен. Я уже ощущал определенное похолодание в области ног, не говоря о пустоте под диафрагмой и склонности к икоте. Еще минута или две промедления, и недуг распространится по всему телу, так что дядя, вернувшись, застанет у себя в кабинете Бертрама, из которого уже высыпались все опилки, Вустера, только на то и способного, что лепетать: «Да, дядя Перси» или «Нет, дядя Перси».

Следовательно, как ни посмотреть, а лучше все же выйти в сад и обратиться к нему прямо на широких открытых просторах, где затаился где-то поблизости Боко. Подойдя к запахнутой двери, я уже готов был переступить через порог, хотя и не особенно радуясь предстоящей встрече, когда мое внимание привлекли какие-то громкие голоса. Они доносились издалека, и текст диалога не достигал барабанных перепонок, отчетливо слышны были только обращения: «Мой дорогой Уорплесдон» и «Эй, вы, ничтожество!» – на основании чего я заключил, что они принадлежат соответственно Боко Фитлуорту и владельцу замка.

А в следующую минуту моя догадка подтвердилась. На лужайку перед домом вышла небольшая процессия. Возглавлял ее Боко с видом менее оптимистичным, чем мне случалось его видеть, а за ним следовал мужчина, похожий на садовника, вооруженный вилами и с подкреплением в лице пса неопределенных кровей. Замыкал шествие дядя Перси,

угрожающе размахивающий сигарой, с видом ангела, изгоняющего Адама из Эдемского сада.

Говорил главным образом дядя. Боко время от времени оглядывался, порываясь, возможно, тоже что-то сказать, но у пса на морде было выражение, свидетельствующее о способности на грабеж, измену, хитрость, а упомянутые вилы концами почти касались его брюк, и речи его оставались непроизнесенными.

Прошествовав в хвосте колонны до середины лужайки, дядя Перси оторвался от своих спутников и решительными шагами направился ко мне, раздраженно попыхивая сигарой. Боко и его новые друзья продолжали двигаться по направлению к аллее.

Я был, естественно, потрясен зрелищем старого друга, выдворяемого вон из парка, но потом подумал, что, стало быть, мне тут больше делать нечего. Весь смысл плана, в осуществлении которого я согласился принять участие, состоял в том, чтобы, когда я буду высказываться перед дядей Перси, поблизости находился Боко, но было совершенно ясно, что, пока престарелый свойственник вернется к себе в кабинет, Боко улетит вдаль, как легкая цветочная пушинка.

Соответственно, я рванул к выходу, не заботясь о соблюдении протокола, но вдруг заметил над притолокой потрясающе похожий портрет тети Агаты от пояса и до макушки. Входя, я его не увидел, так как он оказался у меня за спиной, но теперь она смотрела прямо на меня, и я с разгона так и остановился, словно наткнулся на фонарный столб.

Это было произведение одного из тех художников, которые передают на полотне душу оригинала, и смотревший на меня портрет так красочно передавал душу тети Агаты, словно это смотрит она сама, собственной грозной персоной. Я чуть было не сказал: «А-а, здравствуйте!» – и одновременно чуть ли не услышал, как она произносит «Берти!» привычным властным, безапелляционным тоном, всегда внушавшим желание съежиться клубком в надежде, что кротость и раболепие помогут отделаться малой кровью.

Разумеется, малодушие это было лишь мимолетное. Мгновение спустя Бертрам уже снова был самим собой. Но за это мгновение дядя Перси как раз успел, громко топая, возвратиться из сада в свой кабинет. Пути к бегству оказались отрезаны. Поэтому я остался стоять на месте, выпрастывая манжеты, это иногда придает храбрости.

Дядя Перси произносил монолог:

– Я наступил на него! Наступил ногой ему на руку! Он затаился в траве, и я на него наступил! Мало того, что этот субъект расхаживает по моему парку без приглашения в любое время ночи. Но он приходит еще и днем и валяется на моей личной траве. И преградить ему вход невозможно. Он просачивается сквозь землю, как нефть.

Только тут он заметил присутствие племянника.

– Берти!

– А-а, привет, привет, дядя Перси.

– Дорогой мой! Я как раз хотел тебя видеть. Бесполезно говорить, что его слова меня удивили. Это было бы слишком слабо сказано. Они меня совершенно потрясли.

Ну, подумайте сами. Я близко знал старого сыча добрых пятнадцать лет, и в отрочестве, и потом, когда вырос, и ни разу за все это время он ни намеком не дал мне понять, что мое общество для него хоть сколько-нибудь привлекательно. Я бы даже сказал, что в большинстве случаев при общении со мной он всячески подчеркивал обратное. Я уже упоминал эпизод с арапником. Но за эти годы имели место и другие происшествия подобного рода.

Мне кажется, я достаточно ясно дал вам понять, что за все времена Природа произвела

на свет немного таких твердокаменных людей, как этот грозный Персиваль, лорд Уорпледон. Закаленные капитаны дальнего плавания, привыкшие без малейшего трепета смотреть в глаза штормам в океане, начинали дрожать, как бланманже, будучи призваны пред его очи и спрошены, какого черта они не положили – или, наоборот, положили – руль на борт и какого дьявола выкатили – или не выкатили – бочку на ют, когда последний раз ходили в плавание на шхуне, принадлежащей его компании? Ухватками он сильно напоминал каймановую черепаху особенно раздражительного норова, и всегда чудилось, что у него вот-вот поползет пена изо рта.

Тем не менее этот старый свояк сейчас взирал на меня, если присмотреться сквозь усы, не только почти по-человечески, но даже просто приветливо. И похоже, совсем не испытывал общепринятых мучений, которые обычно вызывает у людей один вид Бертрама Вустера.

– Кого? Меня? – слабым голосом переспросил я, пораженный до такой степени, что даже облокотился на глобус.

– Да, тебя. Вот именно. Не выпьешь ли рюмку, Берти? Я пролепетал что-то такое, что, мол, пить еще рановато, но он отвел мои возражения, сказав:

– Никогда не рановато пропустить рюмочку, если только что брел по щиколотку в чертовых Фитлуортах. Я вышел на прогулку с сигарой и шагал, погружившись в размышления на важные темы личного характера, как вдруг моя нога вошла во что-то раскисшее, и это оказался он, затаился в высокой траве у пруда, словно полевая мышь или еще какая-нибудь ужасная тварь. Будь у меня слабое сердце, тут бы мне и конец пришел.

Мысленно я оплакивал Боко. Нетрудно было представить себе, что произошло. Прокравшись к кабинетному окну, бедняга, должно быть, услышал шаги дяди Перси и запрятался в траве, не чая, не гадая, что минутой спустя огромный башмак опустится на некую мягкую часть его организма, как можно было понять из упоминания «чего-то раскисшего». Каково ему было, страшно подумать. А каково было дяде Перси! Получилась одна из тех ситуаций, когда жалко обе стороны: и ту, что исполняла заглавную роль, и ту, что шла под номером вторым.

– Фитлуорт! – Дядя посмотрел на меня с укоризной. – Твой приятель, а?

– Да, друг детства.

– Надо осмотрительнее выбирать друзей, – произнес он наставительно, сделав первый шаг в сторону от только что проявленной необычной благосклонности.

Тут-то, наверное, мне и надо было выступить с горячей речью в защиту Боко, оттенить его положительные черты. Но я не мог припомнить ни одной, поэтому промолчал. А дядя продолжал развивать свою мысль:

– Ну да ладно. Бог с ним. Мои садовнические силы в настоящий момент выдворяют его из наших пределов, им дан твердый приказ при малейших признаках сопротивления всадить ему вилы в седалище. Можно надеяться, что впредь он будет появляться здесь существенно реже. И клянусь, именно это требуется «Бампли-Холлу», чтобы быть настоящим раем на земле: поменьше Фитлуортов и получше качеством! Возьми сигару, Берти.

– Да нет, спасибо, не надо.

– Вздор. Не понимаю я такого непоследовательного отношения к моим сигарам. Когда я запрещаю, ты их берешь и куришь – помнишь арапник, а? хе-хе, – а когда я предлагаю тебе закурить, ты отказываешься. Глупости все это. Суй эту штуковину в свою пасть, негодник, – заключил он и вытащил из коробки длинную, как торпеда, сигару. – И чтобы я больше не

слышал от тебя никаких «спасибо, не надо». Я хочу, чтобы ты чувствовал себя раскованно и уютно, потому что мне нужно посоветоваться с тобой по важному вопросу. Давайте сюда, Мэйпл.

Я забыл упомянуть, что еще раньше, при словах: «Никогда не рановато пропустить рюмочку», дядя надавил кнопку звонка, вследствие чего явился дворецкий и выслушал распоряжения. И вот теперь он снова возник, неся в руках полбутылки из старейших запасов. Тароватым жестом раскупоривая вино, дядя Перси продолжал рассуждать:

– Н-да, Бог с ним, с Фитлуортом. – Он протянул мне бокал с драгоценной влагой. – Изгоним его из наших мыслей. Мне надо обсудить с тобой другие вещи. И прежде всего... Твое здоровье, Берти.

– И ваше, – слабым голосом ответил я.

– Успешных преступлений.

– Обдери вам нос, – не совсем опомнившись, отозвался я.

– Песок тебе в глаз, – не полез за словом в карман этот неузнаваемый свойственник. –

Да, так прежде всего, – продолжал он, торопливо опрокинув в глотку полный бокал, – я хочу выразить восхищение достойным и великолепным поступком, который ты сейчас только совершил на аллее. Я видел Эдвина, и он сообщил мне, что ты дал ему пинка в зад. Я уже не один год мечтаю это сделать, но все не могу решиться.

С этими словами дядя встал с кресла, протянул мне руку, горячо пожал мою и снова сел.

– Перебирая в памяти наши с тобой последние встречи, Берти, – продолжал он не то чтобы тихо, тихо он говорить не умел, но настолько тихо, насколько может говорить человек, который не владеет тихой речью, – я опасаюсь, что произвел на тебя впечатление злобного и сварливого старикашки. Я, кажется, резко говорил с тобой нынешней ночью. Не придавай этому значения. Будь ко мне снисходителен. Человека, имеющего такого сына, как Эдвин, нельзя судить по тем же меркам, как и людей, у которых нет такого сына, как Эдвин. Ты знаешь, что он сегодня ночью стукнул меня своим чертовым скаутским стеклом?

– Меня тоже.

– Прямо по...

– А меня по голове.

– Принял меня за грабителя, видите ли. Совершеннейший вздор. Я хотел ему всыпать, но вмешалась Флоренс и не позволила. Ты не представляешь себе, что я почувствовал, узнав о твоём пинке. Жаль, не видел своими глазами. Однако из его рассказа я понял, что ты вел себя отважно и изобретательно, и, честно скажу, я полностью изменил свое мнение о тебе. Много лет я видел в тебе лишь ротозея и лоботряса. Но теперь понял, как я глубоко заблуждался. Ты проявил талант деловитости и предприимчивости, и я решил, что именно ты можешь дать мне совет в эту решающую для моих дел минуту. Я стою перед неразрешимой проблемой, Берти. Мне настоятельно необходимо... Но может быть, ты уже слышал обо всем этом от Дживса?

– Да, в общих чертах.

– Насчет Чичестера Устрицы?

– Да.

– Тем лучше. Не будем вдаваться в вопрос, почему именно мне необходимо провести совещание с Чичестером Устрицей тайно и с глазу на глаз. Важно, что ты это усвоил, и не будем размениваться на мелочи. Это он сидел ночью в садовом сарае.

– Знаю.

– Вот как? Тебе уже известно? Этот план предложил Дживс, превосходный план, кстати сказать. Если бы не мерзкий Фитлуорт... Но не будем переходить на Фитлуорта, мне нужно хранить спокойствие. Словом, в сарае сидел Устрица. Удивительный господин.

– Да?

– Потрясающий. Как бы тебе его описать? Ты видел когда-нибудь трепетную лань? Такое робкое животное, все время вздрагивает, пугается, при малейшем признаке опасности начинает дрожать, как... ну, как та самая трепетная лань. Вылитый Устрица. Не с виду, конечно. С виду он покрупнее лани и в очках в роговой оправе, а лани очки не носят. Я имею в виду его нрав и манеры. Ты со мной согласен?

Я напомнил ему, что не имел удовольствия быть лично знакомым с мистером Устрицей и потому его психология для меня – закрытая книга.

– Верно. Я забыл. Но вот такой это человек. Похож на лань. Пугливый. Робкий. Чуть что – сразу приходит в ужас. Из сарая, наверное, вышел, весь дрожа как осиновый лист и говоря себе: «Чтоб я еще когда-нибудь!..» Теперь из него испарились последние остатки мужества, и какой бы мы ни придумали на будущее способ встречи, это должен быть способ беспрюирышный, стопроцентно надежный, чтобы даже Устрице было очевидно, что никакой опасности для него он не таит. Удивительно, какие они нервные, эти американские бизнесмены. Можешь ты это как-то объяснить? Нет? А я думаю, пьют слишком много кофе.

– Кофе?

– Да, всему виной кофе. И еще Новый Курс [\[125\]](#). Там, в Америке, жизнь бизнесмена состоит из бесконечного кофепития, перемежающегося потрясениями от Нового Курса. Человек выпивает литровую кружку кофе, и тут же Новый Курс преподносит ему неприятный сюрприз. Чтобы очухаться, он выпивает другую литровую кружку кофе, и снова пожалуйста – неприятности от Нового Курса. Он уходит на подгибающихся ногах и слабым голосом просит еще кофе... Ну и так далее. Порочный круг. Чьи нервы могут такое вынести? У Чичестера Устрицы нервная система полностью разрушена. Он хочет первым же пароходом уплыть к себе в Нью-Йорк. Понимает, что сорвется выгоднейшая сделка в его жизни, но говорит, что пускай, ему наплевать, лишь бы широкая, бездонная Атлантика пролегла между ним и английским садовым сараем. Странное какое-то предубеждение против садовых сараев. Так что запомни, что бы ты ни придумал, никаких намеков на садовые сараи! Ну, Берти, так какие будут предложения?

На это, как вы понимаете, мог быть только один ответ:

– По-моему, надо посоветоваться с Дживсом.

– Я советовался с Дживсом. Он разводит руками.

Я ошарашенно выдохнул облачко дыма. В это невозможно было поверить.

– Дживс не знает, что делать?

– Он сам мне сказал. Поэтому я и обратился к тебе. На свежую голову.

– Когда он вам это сказал?

– Ночью.

Я прикинул, что не все еще потеряно.

– Но после этого он хорошенько выспался. Вы же знаете, какое живительное действие оказывает сон. И потом, дядя Перси, я только сейчас вспомнил, я же наткнулся на него сегодня рано утром, он удил рыбу в реке.

– Ну и что?

– Это очень важное обстоятельство. Я, правда, его не расспрашивал, но человек такого

масштаба наверняка выловил несколько рыб. И конечно, ему поджарили их на завтрак. А это значит, что его умственные способности значительно возросли. Не исключено, что сейчас мозги у него уже гудят, как динамо-машина, и он опять приобрел самую лучшую форму.

Мое возбуждение передалось старому свойственнику. В состоянии аффекта он сунул в рот сигару горящим концом и опалил себе усы.

– Об этом я не подумал, – проговорил он, когда перестал чертыхаться.

– С Дживсом часто так бывает.

– Неужели?

– Большинство его шедевров создавалось на рыбной основе.

– Не может быть.

– Точно, точно. Фосфор, знаете ли.

– А-а, ну да, конечно.

– Иногда хватает одной сардинки. Вы можете сейчас его найти?

– Позвоню Мэйплу. Э-э, Мэйпл, – сказал дядя Перси, едва дворецкий возник, – пригласите ко мне Дживса.

– Слушаю, милорд.

– И может быть, еще бутылку, как ты считаешь, Берти?

– Как вы скажете, дядя Перси.

– Было бы опрометчиво не выпить. Ты не представляешь себе, что переживает человек, когда делает шаг, предполагая, что ступит на твердую землю, а у него под ногой оказывается Фитлуорт. Еще бутылку того же, Мэйпл.

– Слушаю, милорд.

Время ожидания, которое, впрочем, продолжалось не так уж долго, старый свойственник употребил на отдельные реплики по поводу Боко, останавливаясь главным образом на том, какое у него противное лицо. Но вот дверь опять открылась, и вошла процессия: впереди бутылка вина на подносе, за ней Мэйпл, а за Мэйплом Дживс. Мэйпл тут же удалился, и дядя Перси приступил к делу.

– Дживс.

– Милорд?

– Вы поймали сегодня утром рыбу?

– Двух, милорд.

– И съели их на завтрак?

– Да, милорд.

– Превосходно. Прекрасно. Тогда за дело. Вперед!

– Милорд?

– Я рассказал его милости, что рыба возбуждающе действует на ваш мыслительный процесс, Дживс, – пояснил я. – Теперь он надеется, что вы сможете предложить что-нибудь конструктивное насчет новой встречи с Чичестером Устрицей.

– Весьма сожалею, сэръ, я приложил все мыслимые усилия к разрешению трудности, стоящей перед его милостью, но, к глубочайшему моему сожалению, мои попытки успехом не увенчались.

– Он говорит, пустой номер, – перевел я дяде Перси. Дядя Перси на это заметил, что ожидал большего. Дживс ответил, что разделял его ожидания.

– А если предложить вам стаканчик игристого? Не подхлестнет вас?

– Боюсь, что нет, милорд. Алкоголь оказывает на меня скорее снотворное, чем

мобилизующее действие.

– Что ж, в таком случае ничего не поделаешь. Ладно. Благодарю вас, Дживс.

Дживс удалился, и в комнате установилось довольно унылое молчание. Я стоял и крутил глобус, дядя Перси смотрел на чучело форели.

– Выходит, дело битое, – наконец произнес я со вздохом.

– Что ты сказал?

– Я говорю, если уж Дживс ничего не смог придумать, надеяться, похоже, не на что.

Но к моему изумлению, он со мной не согласился. В глазах его сверкал огонь. Я недооценил боевой задор этих деляг, которые составили себе состояние на пароходах. Такие люди могут пасть духом ненадолго, но потом он у них непременно снова взмоет ввысь.

– Глупости, – сказал дядя Перси. – Ничего подобного. В этом доме Дживс – не единственный человек, у которого есть голова на плечах. Тот, кого осенила мысль дать Эдвину пинок в зад и кто сумел привести ее в исполнение, не спасует перед такой простой задачей. Я возлагаю надежду на тебя, Берти. Пораскинь умом: как устроить мою встречу с Чичестером Устрицей? Думай, думай, не сдавайся.

– Можно, я выйду пораскинуть умом в парке?

– Пораскинь, где тебе будет удобнее.

– Хорошо, – сказал я и вышел, погруженный в раздумье. Едва я закрыл за собой дверь на террасу, как словно из-под земли появилась Нобби.

Она подбежала ко мне семимильными шагами, будто леди Макбет, которой не терпится услышать достоверные новости из комнаты для гостей.

– Ну? – спросила она, с девичьим оживлением вонзая мне ногти в локоть. – Я уже почти умерла от волнения и любопытства, Берти. Все сошло благополучно? Я попыталась было подслушивать у двери, но ничего толком не было слышно. Доносились только громовые раскаты дядиного баса, изредка перемежаемые твоим блеянием.

Я готов был решительно возразить против того, что я якобы блеял, но Нобби не дала мне вставить ни слова.

– Непонятно, ведь по плану это от тебя должны были исходить громовые раскаты, а от дяди по временам – жалобное блеяние. И совершенно не слышно было Боко. Будто его вообще там не было.

Я поморщился. Вечно мне приходится выбивать у бедняги из пальцев чашу радости, уже поднесенную к губам. Мне это совсем не нравилось, ни тогда, ни теперь. Однако я поднатужился и заставил себя все ей открыть:

– Боко там и не было.

– Не было?

– Да.

– Но ведь весь смысл...

– Знаю. Но его, к сожалению, остановил садовник с вилами и пес с примесью волкодавских кровей.

И в нескольких прочувствованных словах я поведал ей, как сокровище ее души оказался хуже чем прахом под подошвой дядиного башмака, а затем был изгнан из пределов парка, так и не спев свою песню.

Черты Нобби приобрели жесткое, холодное выражение.

– Значит, Боко опять сваял дурака?

– Я бы не назвал это в данном случае валянием дурака. Правильнее будет счесть его беспомощной жертвой рока, ты не согласна?

– Но он мог бы откатиться в сторону.

– Не так-то это просто. У дяди Перси знаешь какая огромная ножища!

Нобби осознала справедливость моих слов. Личико ее смягчилось, и нежный голосок спросил, не пострадал ли Боко, бедняжка.

Я подумал и ответил:

– Физически, мне кажется, он пострадал не сильно. Во всяком случае, передвигался самостоятельно. Но душевно, я бы сказал, он был в тяжелом состоянии.

– Бедняжечка! Он такой чувствительный. Как же теперь, на твой взгляд, к нему относится дядя Перси?

– Плоховато.

– По-твоему, все окончательно рухнуло?

– До какой-то степени – да. Но, – поспешил я добавить, радуясь, что могу обронить слово утешения, – остался какой-то шанс, что при благоприятных погодных условиях солнце вскоре еще выглянет из-за туч. Все зависит от того, насколько исправно в ближайшие полчаса будут работать вустеровские мозги.

– Что ты такое говоришь?

– Происходят невероятные вещи, Нобби. Ты помнишь, как я применил секретный метод Фитлуорта для избавления от помолвки с Флоренс Крэй?

– Да. Дал Эдвину пинок в зад.

– Вот именно. Этот пинок принес богатую жатву.

– Ты же говорил, что не подействовало.

– В том, на что я рассчитывал, и вправду не подействовало. Но обнаружились поразительные побочные результаты. Дядя Перси, прослышав о моем поступке, прижал меня к сердцу. Оказывается, он сам уже много лет мечтал дать юному фурункулу пинок в зад, но Флоренс удерживала его ногу.

– Я не знала.

– Очевидно, он носил маску. Но тайная страсть снедала его и достигла точки кипения минувшей ночью, когда Эдвин, подкравшись сзади, вlepил ему бойскаутским стеклом по седалищу. Так что можешь вообразить его чувства, когда выяснилось, что я побывал там, куда он ступить страшился^[126]. Это перевернуло все его представления. Он пожал мне руку, угостил сигарой, настоял, чтобы я с ним выпил, и теперь я его доверенный друг и советчик. Он обо мне самого высокого мнения.

– Да, но...

– Что ты хотела сказать?

– Просто, что все это, конечно, замечательно, чудесно и великолепно, и я желаю тебе всяческого счастья и благополучия, но мне-то нужно, чтобы он был самого высокого мнения о Боко.

– Я к этому как раз подхожу. Дядя говорит с тобой когда-нибудь о своих делах?

– Только что он занят и чтобы я ему не мешала.

– В таком случае ты, конечно, не слышала про американского магната по имени Дж. Чичестер Устрица, с которым ему необходимо провести тайную встречу с глазу на глаз, чтобы договориться о важной сделке. Материи темные, коммерческие. Он поручил мне изыскать способ, как устроить эту встречу. Если я смогу, твое дело улажено.

– Почему это?

– Ну, подумай сама. Я уже теперь его любимая овечка, а тогда стану еще любимее и овечнее. Он ни в чем не сможет мне отказать. Я сумею смягчить его сердце и...

– Ну да, конечно! Я поняла.

– ...и соединить ваши с Боко сердца. А ты тогда дашь Флоренс почитать то письмо, и мое дело тоже будет улажено.

– Ой, Берти, как чудесно!

– Да, перспективы самые радужные, при условии, конечно, что...

– При условии, что – что?

– ...что я придумаю, как устроить эту их тайную встречу, о чем я в настоящий текущий момент не имею ни малейшего представления.

– Есть тысяча разных способов.

– Назови три.

– Ну, например, можно... Да нет... Я вижу, ты прав. Не так-то просто. Знаю, знаю! Надо спросить у Дживса.

– У Дживса мы уже спрашивали. Ему ничего не приходит в голову.

– Ничего не приходит в голову? Дживсу?

– Я понимаю. Я сам тоже был этим потрясен. При том что он до отвала наелся рыбы.

– Ну и что же ты собираешься делать?

– Я сказал дяде Перси, что пойду похожу по парку, поразмышляю.

– Может быть, Боко что-нибудь придумает? Но тут я вынужден был проявить твердость.

– А как же, обязательно, – сказал я. – Обязательно придумает, и мы сядем в такую глубокую лужу, что понадобится землечерпалка – нас оттуда вытащить. Старину Боко я люблю, как брата, но твердо знаю, что его, милого человека, лучше не трогать.

Нобби со мной согласилась, признав, что, если возможно сделать так, чтобы стало еще хуже, Боко эту возможность наверняка не упустит.

– Пойду поговорю с ним, – вдруг сказала она, помолчав несколько мгновений с нахмуренным лбом.

– С Боко?

– С Дживсом. Не верю я в эти рассказы, что будто бы Дживс ничего не может придумать.

– Он сам сказал.

– Не важно. Все равно не верю. Бывало ли с тобой когда-нибудь, чтобы Дживс ничего не мог придумать?

– В общем-то нет.

– Вот видишь, – заключила она и отправилась в штаб-квартиру, предоставив мне одному брести с потупленным челом от господского дома до аллеи. Там я остановился и глубоко задумался.

Сколько я так пребывал в задумчивости, трудно сказать. Когда голова до отказа набита мыслями, поди попробуй проследить за ходом времени. Так что неизвестно, через десять ли минут или даже через двадцать, но когда я очнулся, то обнаружил при себе Дживса. Я и не заметил, как он приблизился. Впрочем, с ним это часто бывает. Он владеет искусством внезапно появляться под боком, подобно ученым индусам, которые забрасывают свое астральное тело туда-сюда, как им вздумается, растворяясь в воздухе, скажем, в Рангуне и снова собирая все детали воедино где-нибудь в Калькутте. Кажется, это делается с помощью зеркал.

Нобби находилась тут же, и вид у нее был чертовски самодовольный.

– Ну, что? Говорила я тебе, – сказала она. Я не понял.

– Насчет того, что якобы Дживсу ничего не приходит в голову. Еще как приходит.

Я в недоумении поглядел на Дживса. Что правда, то правда, он казался в отличной интеллектуальной форме, голова выпирала из-под шляпы далеко назад, и в глазах искрилась смекалка, но он ведь сам объявил дяде Перси и мне, что он в тупике.

– Приходит?

– Да. Это он нарочно так сказал. А на самом деле у него блестящая идея.

– А он знает, как обстоят дела?

– Я его обо всем поставила в известность.

– И вы осведомлены о том, что система Фитлуорта не сработала, Дживс?

– Да, сэр. И о вашем *garprochement*^[127] с его сиятельством.

– О чем с его сиятельством?

– *Garprochement*, сэр. Французское выражение. Признаюсь, я был немало изумлен, когда увидел, что вы с ним в таких превосходных отношениях. Но мисс Хопвуд все объяснила, и теперь ситуация мне абсолютно ясна.

– И у вас действительно есть план, как свести дядю Перси с Устрицей?

– Есть, сэр. Я должен признаться, что сознательно ввел в заблуждение его светлость при нашем последнем разговоре. Понимая, как важно для мистера Фитлуорта и мисс Хопвуд, чтобы вы получили возможность повлиять на его светлость в их пользу, я счел предпочтительным, чтобы предложение исходило как бы от вас.

– И ты бы стал еще более любимой овечкой, – пояснила Нобби.

– Особенность предлагаемого мною плана такова, что при изложении его сиятельству нужен будет деликатный подход, и, чтобы он его принял, возможно, потребуются некоторые ухищрения.

Я кивнул. Замысел был мне понятен. Тот же приемчик, что и у Шекспира с Бэконом, если присмотреться хорошенько. Бэкон, как вы наверняка помните, написал Шекспиру все его сочинения. И возможно, в счет какого-нибудь долга, а может, просто по доброте сердечной согласился, чтобы вся слава досталась тому. Я сказал об этом Дживсу, и он добавил, что еще более близкая, по его мнению, параллель тут с Сирано де Бержераком.

– И тут хитрости, а?

– Да, сэр. Так что, с вашего позволения, сэр, лучше всего предоставьте это дело целиком мне.

– То есть предлагать будете вы?

– Именно, сэр. Я, само собой, всячески подчеркну тот факт, что автором являетесь вы, а я всего только посредник, иначе говоря, ваш представитель.

– Как вы скажете, Дживс. Вам лучше знать. А в чем же он состоит, этот план?

– Вкратце говоря, вот в чем, сэр. Я не вижу причины, почему бы его сиятельству и мистеру Устрице не провести эту встречу тайно и безопасно сегодня ночью на маскараде, который состоится в городском собрании в Ист-Уайбли.

Я был потрясен. У меня совершенно вылетело из головы, что это мероприятие в Ист-Уайбли назначено на сегодня. И это, если учесть, с каким нетерпением я его ждал, красноречиво свидетельствует о том, как разрушительно подействовали на меня жестокие тяготы жизни в Стипл-Бампли.

– Ну, разве не здорово? – восторженно воскликнула Нобби.

С этим я не мог полностью согласиться.

– Есть одно роковое препятствие, – возразил я.

– Какое такое препятствие?

– А ты подумай. Где в оставшееся время дядя Перси сможет достать себе маскарадный костюм? Без костюма ведь нельзя. Все участники, как я понимаю, обязаны явиться в маскарадных костюмах. Иными словами, мы тут сталкиваемся с теми же трудностями, что и Свадебный гость.

– Какой Свадебный гость? Который проглотил кость?

– Нет, тот, что в притче. Его пригласили на свадьбу, а он не оделся как полагается и был вышвырнут вон ^[128], как...

Я хотел сказать, как Боко из «Бампли-Холла», но вовремя удержался, а то ей могло бы быть обидно. Но даже без этого добавления мои беспощадно логичные слова прозвучали убедительно.

– Ах ты, Господи! Про костюм-то мы забыли! Как будем выходить из положения, Дживс?

– Проще простого, мисс. Боюсь, что вам придется уступить его светлости ваш костюм

Синдбада-морехода, сэ.

Я испустил страдальческий вопль, подобно кошке, которой предложили расстаться с ее новорожденным котенком.

– Боже мой, Дживс!

– Боюсь, что так, сэ.

– Но черт подери, это означает, что сам я не смогу там присутствовать!

– Боюсь, что так, сэ.

– Ну зачем тебе на этот дурацкий маскарад? – спросила со своей стороны Нобби.

Я прикусил губу.

– По-вашему, это совершенно необходимо, Дживс? Подумайте хорошенько.

– Совершенно необходимо, сэ. Его сиятельство, я полагаю, будет возражать против участия в таком фривольном сборище из-за боязни того, что скажет ее сиятельство, если узнает, и я возлагаю надежду на рыжую бороду, которая прилагается к этому костюму. Излагая лорду Уорплесдону данное предложение, я буду особо нажимать на то, что в такой бороде он будет совершенно неузнаваем для глаз любого из знакомых, которых он может там встретить.

Я кивнул. Он был прав. Я решил принести великую жертву. Вустеры в большинстве случаев прислушиваются к голосу разума, даже если для этого приходится осушить горькую чашу.

– Вы правы, Дживс. Самый зоркий глаз ничего не углядит сквозь такую бороду.

– Это правда, сэ.

– Ну, значит, так тому и быть. Я жертвую костюм.

– Спасибо, сэ. В таком случае я, не откладывая, отправляюсь к его сиятельству.

– Желаю вам удачи, Дживс.

– Спасибо, сэ.

– И я тоже, Дживс.

– Спасибо, мисс.

Он растаял в отдалении, а я со вздохом обратился к Нобби, поскольку это была для меня тяжелая потеря, из чего я вовсе не собирался делать секрета. Нобби опять заинтересовалась, для чего мне непременно надо было присутствовать на этой, как она выразилась, жалкой деревенской танцульке.

– Ну, во-первых, – сказал я ей, – я так мечтал потрясти Ист-Уайбли своим Синдбадом. Ты видела меня хоть раз в костюме Синдбада-морехода, Нобби?

– Нет.

– Тогда считай, что ты не жила, Нобби. Но, – продолжал я, – имеется и другая сторона, и я очень сожалею, что не подумал о ней, пока Дживс еще был среди нас, неплохо бы узнать, как он к ней отнесется. Ведь если дядя Перси встретится на этой оргии с Чичестером Устрицей и все у них сойдет благополучно, он же будет после этого в податливом настроении. Так? Но спрашивается, долго ли сохраняются податливые настроения? Не исключено, что наутро он уже затвердеет. Нет, надо ковать железо, пока горячо, а для этого и Боко, и я должны быть на месте, я – чтобы воспользоваться благоприятным психологическим моментом и склонить дядю Перси в вашу пользу, а Боко – чтобы действовать дальше с того места, на котором я останюсь.

Нобби меня поняла.

– Да, это надо обдумать.

– Если не возражаешь, я тут немного похожу взад-вперед. Я отошел и все еще похаживал и обдумывал, когда она меня позвала. Оказалось, возвратился Дживс. Я бросился к нему со всех ног и увидел на его лице выражение скромного торжества.

– Его сиятельство согласился, сэр.

– Хорошо. Но...

– Я немедленно отбываю в Лондон, чтобы найти мистера Устрицу и привлечь его к сотрудничеству.

– Понятно. Но...

– Мисс Хопвуд уже успела ознакомить меня с поднятым вами вопросом, сэр, и я совершенно с вами согласен, что вам и мистеру Фитлуорту необходимо присутствовать на костюмированном балу. Предлагаю следующее: мистер Фитлуорт везет меня в Лондон на своем автомобиле, притом отправляемся немедленно, чтобы успеть вовремя назад. Пока я беседую с мистером Устрицей, мистер Фитлуорт приобретает костюмы для вас обоих. Надеюсь, это разрешит ваши трудности, сэр?

Я прикинул. Этот план действительно разрешал, как выразился Дживс, мои трудности. Единственное, что меня смущало, – это можно ли деликатнейшее дело, каким является выбор маскарадного костюма, без опасения доверить такому типу, как Боко. От него вполне можно было ожидать, что он явится с двумя Пьеро.

– Может, лучше мне вас отвезти?

– Нет, сэр. Вам, я полагаю, следует остаться здесь и поддерживать дух его сиятельства в состоянии решимости. Уговорить его стоило немалых трудов. То согласится, то взглянет на портрет ее сиятельства над дверью, и опять ни в какую. Предоставленный самому себе, без поддержки и ободрения, боюсь, он опять передумает.

Меня это убедило.

– В ваших словах что-то есть, Дживс. Старик, похоже, слегка нервничает.

– Даже изрядно, сэр.

И нельзя было его за это винить. Я уже описывал выше, какие чувства испытал я сам, когда встретился взглядом с портретом тети Агаты в кабинете над дверью.

– Ну ладно, действуйте, Дживс.

– Очень хорошо, сэр. Я бы рекомендовал частые упоминания о надежности бороды. Именно борода, как я и ожидал, склонила его сиятельство к согласию. Мистер Фитлуорт сейчас у себя, мисс? В таком случае я поспешу к нему.

Предсказание Дживса, что дядю Перси надо будет постоянно подстегивать и подбадривать, чтобы он в последний момент не смалодушничал и не дал задний ход, с избытком оправдалось, и, признаюсь, все время держать старика за ручку и накачивать его отвагой оказалась работка не из легких. Долгий день медленно тянулся к вечеру, и я начинал понимать, почему личные тренеры борцов, занятые тем, чтобы подвести своего подопечного к бою в пике формы, выглядят всегда такими измочаленными, согбенными под грузом забот, щеки впалые, под глазами – черные круги.

Подумать только, старый родич надменно и высокомерно презирает ланей как класс за то, что они трепетные, а ему самое место в собрании этих пугливых четвероногих. Были мгновения, пока он сидел, поглядывая на портрет тети Агаты над дверью, когда даже самая трепетная из ланей показалась бы рядом с ним бесстрашным одноглазым пиратом.

Словом, когда ближе к вечеру наконец зазвонил телефон, с души у меня свалился страшный груз. Произошел следующий диалог.

Дядя Перси: Что? Что? Что-что-что? Что? Что?... А-а, Устрица!

Устрица (за сценой): Ква-ква-ква-ква-ква-ква (и так в общей сложности полторы минуты).

Дядя Перси: Хорошо, прекрасно. Отлично. Я вас там найду.

– Устрица, – пояснил он, положив трубку, – всем сердцем одобряет наш план и будет на балу в костюме Эдуарда Исповедника.

Я кивнул. Выбор Устрицы я одобрил.

– Бородатый был тип этот Эдуард, верно?

– О да, заросший по самые глаза, – ответил мне дядя Перси. – В те времена весь мир был сплошь одни бородачи. Как увижу что-то вроде кушетки с вылезшей волосяной набивкой, это и будет Чичестер Устрица.

– Так, значит, вы определенно и окончательно решились пойти на маскарад?

– С бубенцами, мой мальчик, с бубенцами. Теперь, глядя на меня, ты, возможно, не согласишься, но были времена, когда ни один бал в «Ковент-Гардене» без меня не обходился. Девчонки вокруг меня вились, как мухи вокруг горшка с медом. Между нами говоря, однажды меня выдворили с ковент-гарденского бала и препроводили в полицейский участок на Вайн-стрит вместе с одной девочкой по имени, помнится, Тотти, и только благодаря этому, то есть я хочу сказать, из-за этого несчастья я не женился на твоей тете добрыми тридцатью годами раньше.

– Ну да?

– Ей-богу. Мы тогда только обручились, и она расторгла помолвку через три минуты после того, как прочла обо мне газетную публикацию в вечернем выпуске. В утренние я, понятно, опоздал, но специальные выпуски вечерних газет прославили меня, не жалея красок, и ее это немного огорчило. Вот почему мне очень важно, чтобы сведения о том, что сегодня произойдет, ни в коем случае не достигли ее ушей. Твоя тетя, Берти, – замечательная женщина... не представляю, что бы я без нее делал... но – сам понимаешь.

Я подтвердил, что – да, я понимаю.

– Словом, будем надеяться, что все сойдет благополучно, и она никогда не узнает про черные дела, которые здесь творились в ее отсутствие. План действий я составил, мне

кажется, вполне надежный. Украдкой, по черной лестнице, весь по глаза закутанный в пальто, выберусь из дома и на старом велосипеде приеду в Ист-Уайбли. Езды там каких-нибудь миль шесть, не больше. Ну, как тебе кажется? Все учтено?

– По-моему, да.

– Конечно, если меня застучает Флоренс...

– Не застучает.

– Или Эдвин...

– Да что вы!

– Или Мэйпл...

Эта новая вспышка комплекса трепетной лани, когда все, казалось бы, уже решено и подписано, меня сильно расстроила, и я принялся с ней бороться. В конце концов я добился успеха. К тому времени, когда я кончил ему втолковывать, что Флоренс едва ли будет об эту пору разгуливать по черной лестнице, что Эдвин после лечения, которое я ему закатил с утра, денек-другой воздержится от следопытства и что с Мэйплом, даже если он подвернется, можно за пару фунтов найти общий язык, он уже был сильно весел, и, уходя из кабинета, я видел, как он для упражнения выделяет танцевальные па.

Но конечно, невозможно без последствий ободрять дядю со стороны тети чуть не с самого завтрака и почти до пяти часов дня. Все эти старания меня изрядно вымотали, руки-ноги ослабленно дрожали, рубаха прилипла к спине. Не хочу сказать, что я совершенно взмок от пота, но я испытывал настоятельную потребность как-то ополоснуться. А поскольку река там протекает, можно сказать, у самого порога, осуществить это было проще простого. Четверть часа спустя меня можно было увидеть плещущимся среди вод в одном из купальных костюмов Боко.

И меня увидели, причем увидел не кто-нибудь, а Дж. д'Арси Чеддер собственной персоной. Вынырнув из прохладных волн и приплыв австралийским кролем обратно к берегу, я ухватился за плачущую ветку, чтобы отряхнуть брызги с глаз, взглянул вверх и смотрю, он стоит надо мной.

Получилось немного неловко. Трудно себе представить момент более неудобный, чем встреча с приятелем, с чьей невестой только что обручился.

– А-а, Сыр, привет, – сказал я. – Искупнешься?

– Нет уж, в воду, которую ты загадил своим присутствием, я не полезу.

– Я уже выхожу.

– Ну, тогда я дам ей стечь немного, может быть, она очистится.

Одних этих слов для человека с моей сообразительностью было вполне достаточно, чтобы понять, что Сыр настроен по отношению к Бертраму не особенно благожелательно. Когда же я вылез на берег и завернулся в купальный халат, он посмотрел на меня так, что у меня не осталось на сей счет никаких сомнений. Я уже выше описывал эти его взгляды довольно подробно. И тут могу лишь сказать, что взгляд, который он бросил на меня у реки, ничем не уступал образцам, полученным накануне у входа в «Укромный уголок».

Однако, если есть хотя бы скромная надежда, что положение исправит учтивость, мы, Вустеры, обязательно попробуем пустить ее в ход.

– Прекрасная погода, – говорю я ему. – И местность такая живописная.

– Испоганена людьми, которые тут встречаются.

– Ты имеешь в виду экскурсантов?

– Нет, я не имею в виду экскурсантов. Я говорю о змеях, таящихся в зеленой траве.

Глупо было бы называть такой ответ многообещающим. Но я не сдавался. Я сказал:

– Кстати, о траве. Боко затаился сегодня утром в зеленой траве в саду «Бампли-Холла»,

и дядя Перси на него наступил.

– Жаль, что он не переломил тебе шею.

– Но меня там не было.

– Ты же, кажется, сказал, что твой дядя на тебя наступил.

– Ты плохо слушаешь, Сыр. Я сказал, что он наступил на Боко.

– На Боко? Господи! – воскликнул он с непритворной горячностью. – Когда рядом имеется такой тип, как ты, он наступает на Боко! На Боко-то какой смысл был наступать?

Возникла пауза, во время которой Сыр пытался заглянуть своими глазами мне в глаза, а я свои от него прятал. У Сыра взгляд, даже в спокойном состоянии, такой, что в письме домой описывать не станешь: глаза выпученные, льдисто-голубые. А под действием чувств он их выпучивает еще сильнее, совсем как улитка, – одним словом, малоприятное зрелище.

Наконец он снова заговорил:

– Я только что виделся с Флоренс.

Мне стало не по себе. В глубине души я надеялся, что эту тему мы обойдем молчанием. Но Сыр – из тех закаленных, прямодушных мужчин, которые никаких тем не обходят молчанием.

– Да? – говорю. – С Флоренс?

– Она сказала, что выходит замуж за тебя. Мне стало еще тошнее.

– Верно, – говорю. – Высказывалась такая идея.

– Какая, к черту, идея? Свадьба в сентябре.

– В сентябре? – переспросил я, немного дрожа с головы до ног. Я даже не подозревал, что бедствию назначено разразиться так дьявольски скоро.

– Ее слова, – мрачно ответил он. – Я бы хотел свернуть тебе шею. Но не могу, так как я в форме.

– Это ты правильно заметил. Не хватает нам скандалов в полиции.

Снова установилась пауза. Сыр алчно взирал на меня.

– А, черт, – произнес он мечтательным тоном. – Если бы нашлось, за что тебя арестовать!

– Ну, уж это, знаешь ли! Так нельзя.

– Как я хотел бы, чтобы ты дрожал от страха на скамье подсудимых, а я бы давал против тебя показания!

Он опять помолчал, вероятно, упивался картиной, которую нарисовало ему воображение. А затем ни с того ни с сего вдруг спросил, кончил ли я свои дела на речке. Я ответил, что да.

– Тогда минут через пять я, пожалуй, рискну искупаться. В довольно унылом, как вы понимаете, состоянии духа я завернулся в купальный халат и побрел к дому Боко. Терять старого друга всегда грустно. Немало лет прошло уже с тех пор, как Чеддер и я совместно начали, как говорится, срывать цветы удовольствия, и были времена, когда мы срывали их довольно усердно. Но последние наши встречи ясно показали, что сезон сбора цветов закрылся, и это меня огорчало.

Кое-как просунув руки в рукава рубашки, а ноги в брюки, я вышел в гостиную посмотреть, не возвратился ли из Лондона Боко. Я застал его сидящим в кресле, на коленях у него расположилась Нобби, и оба были в прекрасном настроении.

– Входи, входи, Берти! – весело позвал меня Боко. – Дживс на кухне собирает все к чаю. Надеюсь, ты к нам присоединишься?

Кивнув в знак согласия, я обратился к Нобби с вопросом, представлявшим для меня первостепенный интерес.

– Нобби, – сказал я, – я только что встретился с Сыром, и он говорит, что Флоренс назначила свадьбу на недопустимо близкий срок, а именно на сентябрь. Поэтому жизненно важно, чтобы ты, не тратя ни минуты, немедленно показала ей мое письмо.

– Если сегодня ночью все сойдет благополучно, она будет читать его завтра за чашкой утреннего чая.

Я с облегчением повернулся к Боко:

– Привез костюмы?

– Разумеется, привез. Для чего, по-твоему, я мотался в Лондон? В количестве двух, один для меня и один про твою душу, самые лучшие костюмы, какие только могли предложить братья Коген. Мой – костюм Кавалера эпохи Стюартов и к нему довольно пикантный парик до плеч. А твой...

– Да-да, а мой-то какой? Он на мгновение замялся.

– Твой тебе понравится. Костюм Пьеро.

Я испустил страдальческий стон. Боко и все остальные в моем кругу прекрасно знают, как я расцениваю появление на маскараде в костюме Пьеро. Для меня это почти то же, что подстрелить сидящую дичь.

– Ах вот что, – проговорил я спокойно, но твердо. – В таком случае я беру себе Кавалера.

– Не выйдет, Берти, старина. Тебе по размеру не подойдет. Он шит на невысокого, упитанного гуляку. А ты у нас рослый, стройный и элегантный. Я правильное слово употребил: «элегантный»? – обратился он к Нобби.

– В самый раз, – подтвердила Нобби.

– Другие подходящие эпитеты – это «изящный» и «грациозный». Черт, мне бы твою фигуру, Берти. Ты сам не знаешь, каким сокровищем обладаешь.

– Знаю, – холодно отбил я его лстивый выпад. – Костюмом Пьеро. Чтобы Вустер и отправился на маскарад в костюме Пьеро! – воскликнул я с горьким смехом.

Боко скинул с колен Нобби, встал и принялся похлопывать меня по плечу. Видимо, понял, что я настроен очень грозно.

– Насчет этого Пьеро ты можешь не сомневаться, Берти, – сказал он мне утешительным тоном. – Твоя ошибка в том, что этот костюм Пьеро ты считал обычным. Но тут совсем другое дело. Я даже вообще не уверен, что его можно считать Пьеро в строгом смысле этого слова. Начать с того, что он сиреневый. А кроме того... Вот я сейчас тебе покажу и держу пари, ты захлопаешь в ладоши и пустишься в пляс по комнате.

Он притянул к себе стоящий посреди комнаты чемодан, отпер, вытащил содержимое, взглянул – и разинул рот. Я тоже разинул. И Нобби разинула. Мы все втроем смотрели на костюм, ошеломленно разинув рты.

Он оказался вроде бы футбольным: синие трусы, лиловые высокие носки и малиновая фуфайка, а на ней поперек груди большими белыми буквами надпись: «Команда „Юные правонарушители“».

Прошло несколько мгновений, никто из нас не нарушал зловещей тишины, – по-моему, тишина была именно зловещей. Первой заговорила Нобби.

– Вы видите то же, что и я? – спросила она тихим, потрясенным голосом.

Я отозвался сипло и без выражения:

– Если ты видишь перед собой футбольную форму, это же запечатлелось и на вустеровской сетчатке.

– С надписью «Юные правонарушители» поперек груди?

– От подмышки до подмышки.

– Большими белыми буквами?

– Огромными белыми буквами. Я жду объяснения, Фитлуорт, – холодно добавил я.

Нобби отозвалась с горячностью:

– Объяснение могу дать я! Боко в очередной раз свалял полнейшего дурака.

Съездившись под ее пламенным взглядом, несчастный попытался все отрицать:

– Это неправда, дорогая! Клянусь!

– Ну, ну, Боко, к чему спорить? – строго проговорил я. У меня не было желания втапывать его в грязь, его так и так ждала расплата за грехи. – Костюмы Кавалера времен Стюартов и сиреневого Пьеро – если верить твоим словам – превратились, будучи под твоим надзором, в одну футбольную форму, принадлежащую, как видно, какому-то спортсмену, играющему в команде «Юных правонарушителей», если такая команда вообще существует. Кто-то совершил ошибку, и все улики показывают на тебя.

Боко плюхнулся в кресло и сидел, спрятав лицо в ладони. Но тут он вдруг взвизгнул и поднял голову.

– Это Китекэт! – закричал он. – Я все понял. Это его работа. Понимаешь, перед тем как отправиться в обратный путь, – попытался объяснить он, для чего заглянул было в глаза Нобби, но тут же снова потупился, – я заскочил в «Трутни» промочить горло на дорогу. Там оказался Китекэт Поттер Перебрайт. Мы разговорились, и выяснилось, что он тоже едет сегодня на маскарад. Мы поболтали о том о сем, потом он смотрит на часы: он опаздывает на поезд, ну, он и припустил со всех ног. И понятно, что произошло. Окосев от спешки, он по ошибке обменял свой чемодан на мой. И если вы будете утверждать, что это моя вина, – заключил Боко на повышенных тонах, – то могу только сказать, что, значит, в мире нет справедливости и нет никакого проку быть чистым, как стеклышко.

Он обращался к нашим добрым чувствам, и эти его слова возымели действие. Нобби бросилась ему на шею, приговаривая что-то в самых ласковых выражениях, и даже я не мог не признать, что он тут скорее обиженная сторона.

– Впрочем, ничего страшного, – сразу же воспрянул духом Боко. – Мы с Китекэтом примерно одинакового сложения, я могу носить его размер. Конечно, я бы предпочел не показываться на глаза всего Ист-Уайбли в образе «Юного правонарушителя», но, понятно, сейчас не приходится быть особенно разборчивым. Да, я его беру.

Я вынужден был обратить его внимание на одно обстоятельство, которое он, похоже, упустил.

– А как же я? – спрашиваю. – Я же тоже должен быть там, чтобы проложить тебе путь к сердцу дяди Перси. Немало надо будет нажужжать ему в уши, прежде чем появится смысл

тебе к нему приближаться. Если на этом гульбище не окажется меня, то и ты можешь преспокойно сидеть дома.

Слова мои, как я и думал, произвели сильное впечатление. Нобби в отчаянии поперхнулась, словно щенок бульдога, подавившийся каучуковой косточкой, а Боко с горестным проклятием признал, что об этом он не подумал.

– Подумай теперь, – посоветовал ему я. – Или еще лучше, – добавил я, увидев, что открывается дверь, – спроси у Дживса, что он думает по этому поводу. Вы, наверное, сможете что-нибудь предложить, Дживс?

– Сэр?

– На нашем пути возникла заковыка, по воле Господа мы недосчитались одного костюма, – объяснил я. – И сказать честно, не знаем, как быть.

Дживс поставил на стол поднос с чаем и почтительно слушал, пока мы излагали ему положение дел.

– Можно мне немного погулять, сэр, и все обдумать? – спросил он, когда мы умолкли.

– Конечно, Дживс, – ответил я, пряча разочарование: я-то надеялся, что он сразу же предложит выход. – Ступайте погуляйте немного, если хотите. Вы найдете нас здесь, когда вернетесь.

Он скрылся, а мы затеяли неформальные дебаты, в которых надежда в общем-то блистала своим отсутствием. От понимания трех таких пронизательных людей, как мы, не могло укрыться, что самым уязвимым в нашем положении был фактор времени. Шел уже шестой час вечера, и это полностью исключало возможность еще одной молниеносной поездки в столицу с повторным заходом в заведение братьев Коген. Как ни усердствуют эти коммерсанты в исполнении взятой ими на себя обязанности снабжать публику одеждой, все же наступает время суток, когда и они бьют отбой и закрывают ставни. Даже если нестись всю дорогу от «Бампли-Холла» с превышением скорости, все равно успеть туда физически невозможно – братья и вся армия их помощников уже разъедутся по своим жилищам, чтобы предаться отдыху с хорошей книжкой в руках.

Относительно же того, чтобы разжиться каким-либо подобием маскарадного костюма в Стипл-Бампли, это, по нашему общему мнению, было совершенно исключено. В начале рассказа я дал краткое описание названной деревни, она изобиловала домиками в белых облаках жимолости и краснощекими поселянами – но и все. Имелась там одна-единственная лавочка, напротив водоразборной колонки прошлого века, но она, снабдив вас шпагатом, розовыми леденцами, куском бекона, консервами и старым «Календарем Мура», больше ни на что не была способна.

Короче говоря, куда ни кинь, положение представлялось довольно беспросветным. Вы поймете, насколько непродуктивно мы ломали голову, если я скажу, что самым, может быть, удачным из всех выдвинутых было предложение Боко, чтобы я разделся догола, обмазался сапожной ваксой и обмотался набедренной повязкой и в таком виде отправился на маскарад, изображая вождя зулусов. Но тут отворилась дверь, и Дживс опять оказался среди нас.

Один вид этого человека, с головой девятого размера, обладал свойством в трудную минуту вырывать смотрящего из бездны отчаяния. Хоть Здравый Смысл и говорил нам, что ничего спасительного даже и от него сейчас ждать уже не приходится, мы встретили его нетерпеливыми восклицаниями.

– Ну? – сказал я.

– Ну? Ну? – сказали Боко и Нобби.

– Как успехи? – спросил я. Он величаво наклонил голову.

– Успехи есть, сэр. Я счастлив сообщить, что сумел найти для вас выход из создавшегося трудного положения.

– Вот это да! – воскликнула Нобби, потрясенная до глубины души.

– Ух ты! – воскликнул Боко, потрясенный в равной мере.

– Ну и ну! – издал возглас и я, испытывая те же чувства. – Неужели? Вот уж не думал! А ты, Боко?

– И я не думал.

– А ты, Нобби?

– Никогда!

– И тем не менее – вот. Такой уж он человек, Дживс. Где другие скребут в затылке и рвут на себе волосы, он действует. Наполеон тоже был в таком роде.

Боко затряс башкой:

– Где Наполеону до Дживса!

– Это все равно как поставить на посредственную лошадку против классического однолетка, – поддержала его Нобби.

– У Наполеона тоже были минуты удачи, – возразил я.

– Крайне скромного масштаба в сравнении с Дживсом, – не согласился Боко. – Ничего не имею против Наполеона, но не представляю себе, как бы он вышел на улицу в Стипл-Бампли в половине шестого вечера и вернулся десять минут спустя с маскарадным костюмом. Ведь именно таково ваше достижение, Дживс?

– Да, сэр.

– Ну, не знаю, как ты, Берти, а мне лично это видится, черт подери, просто чудом. Где же сам костюм, Дживс?

– Я разложил его на кровати в комнате мистера Вустера.

– Но где вы его раздобыли?

– Нашел, сэр.

– Нашли? То есть он просто на земле валялся?

– Да, сэр. На берегу реки.

Не знаю почему, может быть, потому, что мы, Вустеры, соображаем чуть-чуть быстрее других, но при этих словах меня, как дозой горькой соли, прошибло внезапное ужасное подозрение, нервы у меня онемели и кровь обратилась в лед.

– Дживс, – заплетающимся языком произнес я, – а это... этот, как вы говорите, костюм... маскарадный... он... что собой представляет?

– Костюм полицейского, сэр.

Я рухнул в кресло, словно мои нижние конечности скосили серпом. Подозрение подтвердилось.

– Позднее мне пришло в голову, сэр, что, возможно, он принадлежал мистеру Чеддеру, я видел, как он нырял и плавал неподалеку оттуда.

Я поднялся на ноги. Это было нелегко сделать, но я сумел.

– Дживс, – проговорил я, или правильнее будет сказать, пророкотал, – извольте немедленно пойти, черт возьми, и вернуть эту полицейскую форму ее владельцу, чтоб ему пусто было!

Боко и Нобби, которые на заднем плане хлопали друг дружку по спине, остановились на пол-хлопке и вытаращились на меня: Боко с таким видом, будто не верит своим ушам, а

Нобби соответственно – своим.

– Возвратить? – воскликнула Нобби.

– Владельцу, чтоб ему пусто было? – обезголосев, повторил Боко. – Я не понимаю тебя, Берти.

– Я тоже, – подключилась Нобби. – Если бы ты был древним евреем в пустыне, разве ты возвратил бы свою тарелку манны небесной?

– Вот именно, – подхватил Боко. – В последнюю минуту, когда полный провал всех наших грез и надежд уже смотрел нам в лицо, так как мы не могли добыть маскарадный костюм, небо вдруг посылает нам отличный костюм, а ты, если я правильно понял, предлагаешь от него отказаться? Да понимаешь ли ты сам, что говоришь, Берти? Ты подумай. Сообрази.

Я сохранял каменное лицо.

– Эта полицейская форма, – повторил я, – должна быть немедленно отослана к своему законному владельцу. Мой дорогой Боко, моя милая Нобби, вы и представить себе не можете, какие зверские антивустеровские чувства кипят в груди у Сыра. Не далее как полчаса назад он лично заверил меня, что его самая заветная мечта – сцапать Бертрама за какое-нибудь правонарушение. Стоит ему узнать, что я украл его полицейскую форму, и пощады мне не будет. Самое меньшее, на что я могу рассчитывать, это три месяца в каталажке строгого режима.

Нобби забормотала что-то на ту тему, как быстро пролетят три месяца, но Боко шикнул на нее.

– Но как, черт побери, он может это узнать? – возразил он. – Ты же не намерен день за днем прохаживаться в ней по улицам Стипл-Бампли. Ты собираешься надеть ее только на сегодняшний вечер.

Тут я его поправил:

– Я не собираюсь надеть ее на сегодняшний вечер.

– О, вот как? – отозвалась Нобби. – В таком случае я не собираюсь показывать Флоренс твое письмо.

– Умница, – одобрил ее Боко. – Отлично сказано, свет моей жизни. Как ты теперь посмеешься, Берти?

Но мне было не до смеха. От ее слов у меня похолодела спина. Вряд ли кто-нибудь быстрее Бертрама способен сообразить, что его схватили за горло, и сейчас мне было ясно, что крыть нечем. Как ни страшна опасность, которая будет мне угрожать, если я приму ужасный подарок Дживса, ничего не поделаешь, придется рискнуть...

Минута немоты – и я, склонившись, признал себя побежденным.

– Вот молодчина! – одобрил меня Боко. – Я знал, что он все поймет.

– Берти всегда такой сообразительный, – прибавила Нобби.

– Он ясно мыслит. И здраво рассуждает, – подтвердил Боко. – Итак, все решено. Ты едешь на маскарад – в таком костюме ты наверняка будешь его украшением, – а там затаишься и выждешь, пока старый Уорплесдон вволю не наговорится с Устрицей. Если все сойдет благополучно, ты хватаешь его за пуговицу и выступаешь в мою защиту. Как только он размякнет, ты даешь знак мне, я вступаю с того места, где ты остановился, а ты с чистой душой убираешься восвояси и заваливаешься спать. По моей прикидке, все это дело, твоя роль по крайней мере, займет не больше получаса. А я сейчас, наверное, все-таки сбегая к реке, отнесу Сыру плащ. Дома-то у него, конечно, имеется сменное обмундирование, но

лучше, чтобы он добрался туда без комментариев. Это все-таки недопустимо, чтобы в наших краях по полям и лугам расхаживали голые люди. На Ривьере – другое дело, но у нас в Стипл-Бампли нравы, слава тебе Господи, поостроже.

Он убежал, увлекая за собой Нобби, а я обратился к Дживсу, который во все время разговора стоял в полной неподвижности, подобно чучелу совы, – такая у него привычка для тех случаев, когда он присутствует, но участвовать в общей беседе не приглашен.

– Дживс.

– Сэр? – сразу почтительно ожив, отозвался он.

Я не стал ходить вокруг да около, а сказал ему с каменно-холодным выражением лица:

– Теперь вы видите, надеюсь, что получилось? Благодаря вам я попал в такую передрыгу, какой не припомню за всю свою, не сказать чтоб уж особенно безмятежную, биографию. Сейчас я в таком положении, как человек, вынужденный носить его на себе прямо в присутствии свирепой мамыши. Я не малодушный человек, Дживс, но подумаю только, что будет, если Сыр загребет меня в этой униформе, и мои напомаженные завитые кудри... как там дальше у вас говорится?

– Рассыплются, сэр, и каждый волосок...

– Встанет дыбом, верно?

– Да, сэр. Поднимется, как иглы китовраса.

– Вот-вот. И кстати сказать, что это такое, черт возьми, китоврас?

– Дикобраз, сэр.

– Дикобраз? Только и всего? Почему же вы мне сразу не сказали? Он мне целый день не давал покоя. Одним словом, Дживс, как я уже сказал, я в ужасном положении, и виноваты в этом вы.

– Я действовал из лучших побуждений, сэр. Я полагал, что самое главное – чтобы вы присутствовали на сегодняшнем празднестве.

В его словах была своя доля истины. А для нас, Вустеров, справедливость – прежде всего. Мы будем страдать, но воздадим должное по заслугам.

– Да, – признал я, мрачно кивнув, – я не спорю, что намерения у вас были самые лучшие. И несомненно, в некотором смысле вы поступили правильно и разумно. Но вы не можете отрицать и того, что я попал в зверский переплет. Один неверный шаг, и Сыр прыгнет мне на спину, вопя, чтобы явился мировой судья и вкатил мне длительный срок в кондее. А кроме того, вы подумали о том, что у Чеддера в сравнении со мной на сорок дюймов больше объем груди и на восемь дюймов – обхват головы? Облаченный в его полицейскую форму, и тем более в его каске, я буду выглядеть просто как клоун. Да я бы уж лучше отправился на это мероприятие как самый жалкий Пьеро! Но конечно, мои чувства сейчас в расчет не идут, как я понимаю.

– Боюсь, что так, сэр. Ибо знай, о Юность Опрометчивая, – прошу прощения, сэр, это эпитет мистера Бернарда Шоу, а не мой, – знай, Юность Опрометчивая, что в этом мире Рок заставляет нас искать наше благо не в том, чего нам хочется, а в том, что нам доступно.

И в этом я тоже усмотрел долю истины.

– Верно, – вздохнул я. – Придется, я вижу, идти под пули. Ну что ж, Дживс, – сказал я, призвав на помощь все великолепное мужество Вустеров, – вперед.

Боко придумал, что мы с ним поедem в Ист-Уайбли в его автомобиле, он за рулем, я – рядом, так чтобы, если всплывут еще какие-то нерешенные мелочи, мы смогли бы их утрясти по дороге и прибыли бы к месту в полной боевой готовности, исключая всякие проколы последнего мгновения.

Но мне эта его мысль, в основе своей вполне здравая, внушила сомнения. Даже правильнее будет выразиться покрепче: я от нее более или менее с ужасом отпрянул. Мне уже случалось служить Фитлуорту пассажиром. Это было такое переживание, которое по своей воле повторить не захочешь. Посади писателя за руль авто, и его природная тупость сразу заметно возрастает. Боко не просто все время производил обгон на крутых поворотах, но при этом еще мечтательно смотрел в пространство и пересказывал сюжет своего очередного романа, для чего ему приходилось то и дело отрывать от баранки обе ладони, чтобы красноречивым жестом оттенить самые драматические моменты.

Другое соображение в пользу того, чтобы мне ехать в вустеровском «бентли», состояло в том, что я, естественно, стремился как можно скорее вернуться домой и вылезти из этой чертовой полицейской формы. Между тем как Боко, если все пройдет согласно плану, необходимо будет задержаться и поговорить по душам с дядей Перси.

Перспектива провести вечер в шкуре Чеддера Сыра по-прежнему грозно маячила передо мной и внушала неизбывное беспокойство.

Боко, отправившийся с миссией милосердия, по возвращении принес известие, что рьяный служитель закона довольно сильно расстроен и склонен в учиненном злодействе винить меня. Правда, Боко ему остроумно возразил, что скорее уж это дело рук юного Эдвина. В жизни каждого бойскаута, заметил Боко, рано или поздно наступает момент, когда ему приедаются до чертиков добрые дела, и тогда он дает выход своей человеческой природе. В такие мгновения вид полицейской формы, валяющейся на берегу реки, взывает к бойскауту, как бездна, призывающая бездну^[129], и устоять практически невозможно. По мнению Боко, ему вполне удалось усыпить подозрения Сыра.

Так-то оно так, и это, конечно, неплохо, но я не мог скрыть от самого себя, что стоит только Сыру увидеть свою форму на мне, как эти подозрения проснутся снова. Независимо от того, есть ли у него данные, чтобы стать мозговым центром Скотленд-Ярда, он, если дойдет до такой крайности, безусловно, сможет сообразить, почему, как говорится, фунт изюма. Я убежден, что полицейский, у которого стащили форму, а позже он видит в ней другого человека, поневоле задумается и склонится к определенным выводам.

– Нет, Боко, – сказал я, – я отправлюсь к месту встречи своим ходом и, как только будет сделано дело, тем же способом рвану обратно, быстрый, как ветер.

На том мы и порешили.

И само собой, поскольку мне жизненно необходимо было добраться до места в срок, вы можете догадаться, что произошло. Примерно на полпути чертов «бентли» вдруг заглох и мирно остановился в живописной лесистой местности за многие мили откуда бы то ни было. Ну а поскольку я совершенно не разбираюсь в моторах и моих талантов хватает только на то, чтобы крутить баранку и дудеть в клаксон, пришлось сидеть и ждать, пока прибудет американская морская пехота.

Она явилась без четверти двенадцать в облике доброго человека в грузовике, каковой

добрый человек, когда я к нему воззвал, непринужденно ковырнул пальцем и привел все в порядок с такой молниеносной быстротой, что успел за время работы сплюнуть всего два раза. Я поблагодарил его, швырнул ему кошелек с дублонами и двинулся дальше, прибыв к месту назначения, как раз когда местные куранты отбивали полночь.

Внутренность Народного дома имела вид веселый и волшебный. С потолка свисали разноцветные фонарики, здесь и там имелись в изобилии безалкогольные напитки, и, куда ни бросишь взгляд, повсюду можно было видеть прекрасных дам и добрых молодцев. Из среды последних отделился один, одетый в яркие цвета команды «Юные правонарушители», и встал у меня на пути, источая негодование.

– Берти, выдающийся ты подлец! – воскликнул Боко, ибо это был он. – Где тебя черти носили? Я жду тебя целую вечность!

Я растолковал ему причины моей задержки, а он раздраженно заметил, что как раз у таких, как я, обязательно ломается в пути автомобиль, когда нам дорог каждый миг. И еще добавил, что, слава Богу, не меня послали в свое время с доброй вестью из Аахена в Гент [\[130\]](#), иначе ее бы в Генте раньше узнали из воскресных газет.

– Все висит на волоске, Берти, – сказал он после этого. – Создалась совершенно непредвиденная ситуация. Старик Уорплесдон окопался в баре и хлещет алкоголь ведрами.

– Ну и прекрасно, – ответил я. – Ты, возможно, не понял, что это значит, но я умею читать между строк. Это значит, что он уже пообщался с Устрицей и обо всем договорился, ко всеобщему счастью.

Боко прищелкнул языком:

– Это-то да. Но жуткая опасность состоит в том, что он с минуты на минуту может совсем отрубиться, и что тогда?

Тут до меня дошло. Я почувствовал, как сердце мне сжала ледяная рука. Недаром Боко сказал: «Жуткая опасность». Грозил страшная беда. Весь наш стратегический план зиждился на том, что в нашем распоряжении окажется дядя Перси в приливе млека человеческой доброты. С ослепшим и безъязыким дядей Перси, приставленным к стенке в углу бара наподобие зонтика, торчащего в стойке для зонтов, все наши планы рухнут.

– Ступай к нему незамедлительно, – волнуясь, сказал мне Боко. – Молю небо, чтобы было еще не поздно.

Он не успел договорить, как я уже несся в сторону бара, подобно борзому псу, спущенному со стапелей. С глубоким облегчением я убедился, что не опоздал. Дядя Перси еще не отрубился. Он держался на ногах и, полный энергии, играл роль любезного хозяина при целом взводе приверженцев и прихлебателей, которые набились туда, специально чтобы поглазеть на него при свете общедоступного питейного источника.

Едва я вошел, как оркестр грянул по новой, и все эти его дружки, опрокинув в глотки содержимое своих стаканов, потянулись вон, только мой престарелый свойственник остался сидеть, откинувшись на спинку стула и задрал ноги на стол. Не теряя ни мгновения, я выступил вперед и начал братание.

– А-а, дядя Перси! Здравствуйте, здравствуйте, – произнес я.

– Привет, Берти, – ответил он и, прищурившись, стал меня разглядывать. – Я не ошибся, предполагая, – уточнил он, – что внутри этой полицейской каски болтается Бертрам Вустер?

– Он самый, – кротко подтвердил я.

Мундир и каска оказались на поверку еще просторнее, чем я думал, и уже стояли у меня поперек горла. Нелегко было выносить это дружное веселье, встречавшее меня повсюду, где

бы я ни появлялся в праздничной толпе. Вустеры не привыкли, чтобы их любезное присутствие на балах и маскарадах приветствовали хохотом и ржанием.

– Она тебе велика. Размер неподходящий. Тебе надо сменить шляпника, или шлемника, или как он называется. Впрочем, как есть, так есть, и ладно, тир-лим-пом-пом-пом. Присаживайся и хлебни этого отвратительного шампанского, Берти. Я к тебе присоединюсь.

Я решил, что подошло время молвить разумное словечко.

– Не довольно ли вы уже выпили, дядя Перси? Он обдумал мой вопрос.

– Если ты хочешь сказать, не пьян ли я, – ответил он, – в широком, общем смысле ты прав. Я бесспорно пьян. Но все в мире относительно, Берти... Ты, например, имеешь отношение ко мне, а я имею отношение к тебе... Но я хочу подчеркнуть, что я в данный момент далеко не так пьян, как намерен быть позже. Эта ночь, мой мальчик, есть ночь беспредельного ликования, и если ты полагаешь, что я не буду ликовать, и притом беспредельно, то я отвечу: «Увидишь!» И это все, что я могу тебе ответить. Увидишь!

Наблюдать, как твой дядя, пусть даже и не родной, а по линии тети, в третий раз идет на дно в волнах шампанского, конечно, неприятно. Но, скорбя в роли племянника, я, честно признаться, выиграл духом в качестве заступника за Боко. Пусть дядя Перси под градусом или даже пьян вдрызг, но настроен он сейчас, без сомнения, благодушно, тут не может быть двух мнений. Во всем этом было что-то диккенсовское, и я чувствовал, что он будет как глина в моих руках.

– Я видел Устрицу, – продолжал он.

– Правда?

– Да. Невооруженным глазом. И решительно не верю, чтобы у Эдуарда Исповедника мог быть такой вид. Имея омерзительную внешность Дж. Чичестера Устрицы, ни один человек не усидел бы на английском троне и пяти минут. Немедленно были бы организованы суды Линча, и рыцарей с боевыми топорами отправили бы на разборку с этим недоразумением.

– Ну и как, все в порядке?

– Все отлично, если исключить, что я вижу двух Берти. Хотя и одного более чем достаточно.

– Я спрашиваю, совещание ваше состоялось?

– А-а, наше совещание? Да, оно состоялось, и могу тебе сказать, если, конечно, ты способен услышать меня из-под своего шлема, я его провел, как несмышленного младенца. Утром, прочитав текст нашего соглашения, составленного на обороте винной карты и, кстати сказать, засвидетельствованного по всей законной форме здешним барменом, так что теперь не отвертись, он убедится, что попросту подарил мне свою пароходную линию. Вот почему я говорю и подчеркиваю: тир-лим-пом-пом-пом! Наполни свой стакан, Берти. Не жалею яду.

Я почувствовал, что сейчас к месту будет похвальное слово. Как ни смягчился человек, никогда не помешает подбавить ложку лести, чтобы он размягчился еще больше.

– Ловко вы это провернули, дядя Перси.

– Вот именно, мой мальчик.

– На свете немного найдется людей с вашим умом.

– Ни одного.

– Вы лихо обделали дельце, тем более в таком состоянии.

– Ты имеешь в виду, под мухой? Не спорю, не спорю. Но я был в полном порядке, когда занимался с Устрицей. А вот мои башмаки – нет. – Он скривил губы в гримасе боли. –

Похоже, что я надел пару обуви номеров на десять меньше, чем надо. Жмут – нет слов как. Пойду поищу тихий уголок, где можно будет стащить их на какое-то время.

Я набрал полную грудь воздуха. Мне стало ясно, что надо предпринять. Так, наверное, великие полководцы выигрывают сражения: им вдруг становится ясно, что надо предпринять, и, подтянув носки, они берутся за дело.

Ибо все это время я опасался, что, как только я переведу разговор на тему Боко, мой дядя повернется на пятке и потопает прочь, оставив меня на произвол судьбы. Однако стоит подъехать к нему, когда он в одних носках, и такого исхода можно не опасаться. Без башмаков поди попробуй повернуться на пятке, да еще если сидишь в автомашине. В этом и состояла моя блестящая мысль: его надо засунуть в автомобиль!

– По-моему, – сказал я, – лучше всего вам посидеть в автомобиле.

– У меня нет автомобиля. Я прикатил сюда на велосипеде и страшно измучился, нетренированные икры болят невозможно.

– Автомобиль я найду.

– Не твой двухместный драндулет, надеюсь? Мне нужен простор. Хочу вытянуть ноги и расслабиться. Икроножные мышцы до сих пор дергает.

– Нет, это другая машина, гораздо вместительнее и удобнее во всех отношениях. Принадлежит одному моему знакомому.

– А он не будет против, чтобы я снял башмаки?

– Вовсе нет.

– Прекрасно. Веди меня, мой мальчик. Хотя, прежде чем тронуться в путь, я, пожалуй, разживусь еще бутылкой этого крыжовенного сидра, и мы возьмем ее с собой.

– Если вы уверены, что это разумно.

– Не только разумно, но и настоятельно необходимо. Нельзя терять драгоценные мгновения.

Автомобиль Боко я отыскал без труда. Крупная такая штукавина размерами с молодой танк, он купил ее когда-то по бедности в подержанном состоянии и потом ни за что не хотел заменить на другую, так как ее тяжелые формы оказались очень полезны в условиях транспортных пробок. Он говорил, что обычные спортивные модели она раскидывает направо и налево, точно мошек, и лично он даже в случае столкновения с омнибусом все равно готов поставить на нее.

Я ввел почтенного сородича в ее обширное нутро, он снял башмаки. И только когда он благополучно отвалился на спину и выставил ступни в окно для овеивания прохладным ночным воздухом, я наконец затронул главную тему в повестке дня.

– Значит, вы обвели Устрицу вокруг пальца, дядя Перси? – начал я. – Здорово. Лихо. И теперь, достигнув столь крупного триумфа в бизнесе, вы, должно быть, относитесь к людям благожелательно?

– Я всех нежно люблю, – ответил он великодушно. – Взираю на человечество добрым, снисходительным оком.

– Что ж, это хорошо.

– За исключением, понятно, этого врага рода человеческого, злодея Фитлуорта.

Это уже было не так хорошо.

– Зачем делать исключения, дядя Перси? В такую ночь.

– И в такую ночь, и во всякую другую, и при свете дня. Фитлуорт! Пригласил меня на обед...

– Знаю, он мне рассказывал.

– ... и подло напустил на меня из солонки пауков.

– Я знаю, но...

– Бродит по моему парку и запирает в сарай моего компаньона, когда никто его не просил.

– Да, знаю, вы совершенно правы, но...

– И в довершение всего прячется в моей траве, точно жалкое насекомое, так что невозможно сделать ни шагу, не наступив на него. Как подумаю, что я не оторвал ему все ножки и не сплясал на его останках, моя сдержанность меня просто поражает. Так что не говори со мной, пожалуйста, про Фитлуорта.

– Но про это я как раз и хочу с вами поговорить. Хочу за него заступиться. Вам, надеюсь, известно, дядя Перси, – произнес я с некоторым трепетом в голосе, – что он любит юную Нобби.

– Мне передавали. Какая наглость!

– Они идеальная пара. У вас с ним, возможно, имеются кое-какие расхождения во взглядах, например, по вопросу о пауках в солонках, но факт таков, что Бобо – один из самых популярных молодых литераторов Британии. Он зарабатывает в год больше министра.

– Иначе позор бы ему был. Видел ты когда-нибудь хоть одного министра? Я знаком с добрым десятком, и ни один не заслуживает, чтобы ему платили больше тридцати шиллингов в неделю.

– Он сможет обеспечить Нобби тот уровень жизни, к какому она привыкла.

– Нет, не сможет. Спроси почему.

– Почему?

– Потому что я этого никогда не допущу.

– Но он любит, дядя Перси.

– Любит дядю Перси? Надо же, у него тоже есть дядя по имени Перси!

Я почувствовал, что мы сейчас совершенно запутаемся. Надо было принимать срочные меры. Я объяснил:

– Говоря: «Он любит, дядя Перси», я употребляю слова «дядя Перси» в качестве обращения, а не дополнения, то есть: не «любит дядю Перси», а «любит», запятая, «дядя Перси», восклицательный знак.

Говорю, а самому страшно, что, кажется, получается чересчур сложно. И страхи мои подтвердились.

– Берти, – озабоченно проговорил мой дядя, – боюсь, я за тобой не уследил. Ты сильнее пьян, чем я.

– Да нет же!

– Тогда давай еще раз, только медленнее. Я вовсе не намерен отрицать, что мои умственные способности слегка помутились, но...

– Я просто сказал, что он любит, а дядю Перси приставил в конце.

– Обращаясь ко мне?

– Ну да.

– Как бы в звательной форме?

– Именно.

– Слава Богу, разобрались. Так на чем мы остановились? Ты заявляешь, что он любит мою подопечную Зенобию. Я отвечаю: «Ну и пусть, на здоровье. Я ему не мешаю. Но

провалиться мне, если он на ней женится». Я очень серьезно отношусь к своему опекунству над этой девушкой. Для меня это святая обязанность. Доверяя ее моей заботе, ее покойный отец – прекрасный был человек, вот только слишком любил розовый джин, – так вот, он, помню, схватил меня за руку и говорит: «Смотри за ней зорко, как коршун, Перси, старина, не то она выскочит замуж за какое-нибудь ходячее недоразумение». А я ему: «Родди, старичок, – его Родериком звали, – вставь только пункт в контракт, что она не может вступить в брак, не получив на то моего согласия, и ни о чем больше не волнуйся». И что же получается? Не успел я оглянуться, как возле нее оказывается самое непотребное из всех ходячих недоразумений на свете. Но меня он не застал врасплох, мой мальчик. Я готов и во всеоружии. У меня есть мои полномочия, черным по белому, и я намерен употребить власть.

– Но ее отец не имел в виду такого человека, как Боко.

– Да, возможности людской фантазии ограничены.

– Боко – отличный малый.

– Ничего подобного. Отличный малый, как бы не так! Назови мне хоть одно достойное дело, совершенное этим Фитлуортом, которое бы заслужило ему уважение и почет.

Я на минуту задумался. Но когда Вустеры задумываются, они обычно что-нибудь да придумают.

– Вы, возможно, не знаете, – сказал я ему, – а ведь он как-то раз дал пинка Эдвину.

Это возымело действие. Челюсть у дяди отвисла, и пальцы на ногах задергались, словно их овеял мимолетный зефир.

– Это правда?

– Спросите Флоренс. Спросите мальчика, который чистит сапоги и ножи.

– Вот это да!

Он посидел немного, погруженный в раздумье. Видно было, что мои слова произвели сильное впечатление.

– Признаюсь, – проговорил он наконец, поднеся бутылку ко рту и осушив ее на целую треть, – твое сообщение побуждает меня взглянуть на этого молодого человека несколько благожелательнее. Да, до некоторой степени, не спорю, я изменил свое отношение к нему. Видишь, в каждом из нас есть добро.

– Тогда, может быть... Он помотал головой:

– Нет, Берти, я не могу согласиться на этот брак. Взгляни с моей точки зрения. Человек живет совсем рядом со мной. Под тем предлогом, что он муж моей воспитанницы, он бы стал постоянно мозолить мне глаза. Выйдешь прогуляться в парк – смотри под ноги, не прячется ли он в траве? Сядет с нами за стол обедать – того гляди что-нибудь выползет из солонки. Никакая нервная система этого не выдержит.

Я понял его.

– Но вы еще не знаете последней новости, дядя Перси. Через месяц Боко уезжает в Голливуд. Представьте себе, Америка находится в трех тысячах миль от нас, а Голливуд – еще за три тысячи миль, на другом краю Америки!

Он выпучил глаза:

– Это правда?

– Совершеннейшая.

Он помолчал немного, сосредоточенно считая на пальцах.

– У меня получается: шесть тысяч миль.

– Правильно.

– Шесть тысяч миль, – повторил он, как бы пробуя слова на вкус. – Ну, это совсем другое дело. Ты думаешь, Зенобия его любит?

– Всей душой.

– Странно. Удивительно. И финансовое положение у него действительно такое хорошее, как ты говорил?

– Еще лучше. Издатели кричат от ужаса, как малые дети, когда его агент заглядывает к ним обговорить условия очередного контракта.

– А насчет Голливуда? Ты уверен, что я не запутался в счете? Шесть тысяч миль – это верно?

– Может быть, немного больше.

– Ну, раз так, в таком случае, черт возьми...

Я вижу, железо горячо, и значит, самое время Боко его ковать.

– Сейчас я вам его пришлю, – говорю, – вы с ним переговорите и обсудите начерно условия. Вам никуда не надо идти. Автомобиль – его. Увидите, вы потом будете меня благодарить, когда поймете, какой подарок поднесли двум любящим сердцам весенней радостной порой.

– Тир-лим-пом-пом-пом! – милостиво отозвался мой старый родич, сердечно помахав мне ногой, и еще раз приложился к бутылке.

Я не стал терять ни единого мгновения, а помчался в бальную залу, определил в толпе Боко и направил его к цели, снабдив необходимыми добрыми напутствиями: «Держи хвост пистолетом!» и «Желаю удачи!». После чего привел в действие свой добрый старый «бентли» и укатил домой, радуясь, что благополучно завершил это скользкое дельце.

Первой моей заботой по прибытии на место было сорвать с себя проклятую полицейскую форму. Прокравшись во тьме к речному берегу, я предал ее хладным волнам, которые могли выбросить, а могли не выбросить ее на сушу где-нибудь в другом месте, откуда она в конечном итоге вернулась бы к законному владельцу. А затем примчался домой и нырнул под одеяло.

Но усталые вежды сон сомкнул мне не сразу, так как чья-то злодейская рука засунула мне в постель ежа, можно сказать – злого китовраса. Я, естественно, решил, что рука эта Боко Фитлуорта, и хотел было переложить животное на его ложе, однако рассудил, что Боко-то получит заслуженный урок, но каково будет китоврасу? Так что я отнес его в сад и выпустил на траву.

Затем, закончив труд дневных забот, лег и заснул безмятежным сном.

Когда я проснулся наутро, солнце уже сияло высоко в небе, ну, может быть, не так высоко, но все-таки. Сквозь закрытую дверь из комнаты Боко доносились размеренные звуки, туда-сюда, словно пилили сук, – верный знак, что он еще спит. Меня подмывало растолкать его и справиться, как вчера обошлось дело, но я все-таки воздержался. Он, наверное, поздно вернулся, подумал я, и нуждается в сне, который, я слышал, Дживс называл «природы утомленной оживителем». Я облачился в купальный костюм, накинул халат и двинулся на реку, но едва только вышел за калитку, как появилась Нобби верхом на велосипеде.

Даже самому случайному наблюдателю сразу стало бы очевидно, что она в отличном настроении. Глаза ее сияли, как говорится, подобно двум звездам, и она немедленно издала ликующий вопль, радостнее которого никогда еще не исторгало девичье горло.

– Привет, Берти! Все замечательно, а? Колоссально?

– По-моему, да, – ответил я. – Будем надеяться. Я оставил дядю Перси в размягченном состоянии, и Боко пошел вступить с ним в переговоры. Все должно было сойти благополучно.

– Так ты ничего не знаешь? Разве Боко тебе не рассказал?

– Мы с ним еще не виделись. Наши минуты сна и бодрствования не совпали. Когда он возвратился, я спал, а когда я встал, он еще не проснулся.

– А, понятно. Он пришел под мое окно на рассвете, швырнул в стекло горсть камешков и обо всем мне доложил. Все сошло как по маслу.

– Да?

– По словам Боко, это был не разговор, а пир любящих сердец. Дядя Перси послал его в бар, он принес еще бутылку шампанского, и они ее распили на двоих, как два морских волка, отпущенные на берег.

– И дядя дал согласие?

– Боко говорит, недвусмысленное. Он так тебе благодарен, Берти, за все, что ты сделал! И я тоже. Хочешь, я тебя поцелую?

– Как тебе будет угодно, – любезно согласился я.

Она меня чмокнула и укатила по направлению к дому. А я пошел своим путем на берег.

Разрезая плечом кристальное лоно вод, я, как вы легко можете себе представить, ликовал. Рассказ Нобби не оставлял сомнений, что счастливых концов хватит теперь на долю всех. Я, правда, упустил спросить, когда она собирается показать Флоренс мое письмо, но, конечно, еще до обеда я буду с честью освобожден от моих брачных обязательств. А что до нее и Боко, то очень может быть, что еще до наступления ночи их соединят священные узы брака. Боко не делал секрета из того обстоятельства, что выправленная брачная лицензия уже давно лежит у него в ящике стола, готовая сделать свое дело, как только выстрелит стартовый пистолет.

Вдобавок ко всему полицейская форма Чеддера по прозвищу Сыр спокойно плывет по реке в море, и абсолютно не видно, чтобы между ней и Бертрамом существовала хоть какая-то связь. Подозрение, конечно, может закрасься в голову молодому честолюбивому полисмену, так что при следующей встрече со мной он, пожалуй, взглянет волком и даже скрипнет зубом; однако на то, чтобы он мог собрать против меня груз неопровержимых

улик, которые приведут меня на скамью подсудимых, а оттуда в узилище под замковым рвом, – ни малейшей надежды.

Словом, я возвратился в дом уверенный, что сегодня у меня самый счастливый день во всем счастливом году^[131]. Встреченный упоительными ароматами, истекающими из столовой, я со всех ног бросился к себе и оделся с быстротою молнии. В зоне кормления я застал Боко, занятого восстановлением истраченных сил, и Нобби, сидящую во главе стола и жадно внимающую каждому его слову.

– А-а, Берти, доброе утро, – приветствовал меня Боко. – Ну, раз ты пришел, я лучше буду рассказывать сначала.

Я слушал его, затаив дыхание. Хотя в общем и целом сюжет был мне известен от Нобби и я знал, как там все кончается, я не отрываясь глядел ему в рот.

– А письменного согласия ты от него не получил? – спросил я, когда он договорил.

– Да нет, – признался он. – Как-то в голову не пришло. Но если ты думаешь, что он может дать задний ход, то не беспокойся. Ты даже не представляешь, Берти, какая между нами дружба. Мы обменивались рукопожатиями, хлопали друг дружку по спине. Только что не обнимались. Он теперь во мне души не чает. Скажу тебе для наглядности, что он хотел бы иметь такого сына, как я, его собственные слова.

– Еще бы, когда имеешь такого сына, как Эдвин.

– Берти, не порть настроение, не набрасывай тень на это чудесное утро. Еще он сказал, что желает мне крупного успеха в Голливуде, чтобы я оставался там работать как можно дольше, хоть бы и всю жизнь. Понятно, что он имел в виду. Его, как и других людей, давно огорчают порочные нравы киномира, и он возлагает надежды на то, что мне удастся повысить там общий уровень.

– Так и будет, мой ангел, – сказала Нобби.

– А то, – отозвался Боко, поглощая кофе.

Завтрак продолжался в самой дружеской атмосфере. Человек не такой добрый, как Бертрам Вустер, мог бы внести ноту диссонанса, подняв вопрос о давешнем китоврасе в своей постели, но я не стал этого делать. Наоборот, я поинтересовался, что случилось по окончании переговоров с дядей Перси.

– Наверное, укатил домой на своем велосипеде, – предположил Боко. – А что ты сделал с Сыровым мундиром?

Я объяснил, что предал его волнам, и он сказал, что это был очень мудрый шаг с моей стороны. А потом вздумал было понасмешничать над тем, какой потрясающий у меня был вид, но я остановил его властным жестом.

Потому что я заметил краем глаза у калитки нечто крупное и синее. Потом послышался звук шагов по гравию, притом такого тембра и такой громкости, какой способны производить только форменные полицейские башмаки. Так что, когда в раскрытом окне возникли торс и голова Чеддера по прозвищу Сыр, я несколько не удивился. Я лишь горячее поздравил себя мысленно, что проявил предусмотрительность и выбросил его полицейское облачение в реку.

– А-а, Сыр! – сказал я, и более того, сказал жизнерадостным тоном. Самый острый слух не уловил бы в моем голосе призвуков не вполне чистой совести. Предпочтительнее, конечно, во всех случаях быть безупречным, как стеклышко, и совершенно незапятнанным, но если это невозможно, тогда самое главное – избавиться от трупа.

Боко, который всегда отличался гостеприимством, пожелал вновь прибывшему доброго

утра и попросил его разинуть пасть, чтобы в нее можно было забросить сардинку. Но гость, по-видимому, уже позавтракал, так как сердито тряхнул головой и отклонил приглашение.

– Хо, – произнес он.

Кстати, о полицейских и этом словечке «хо». Я предполагаю, что первое, чему учат новобранца в полиции, – это как правильно произносить данное междометие. За всю жизнь я не встречал стража порядка, который бы им не пользовался, причем они все как один произносят его абсолютно одинаково. Вероятно, в полицейской академии проходят по этому материалу специальный курс.

– Вот он ты где, чертов Вустер!

После вчерашних событий, то и дело возвращаясь мыслью к вопросу о том, какого поведения можно ожидать от этого молодого и старательного полисмена при нашей следующей встрече, я и не предполагал, что оно будет ангельским. Я предусмотрел нахмуренный лоб, красную физиономию, выпученный глаз. Предчувствия меня не обманули, так что я встретил Сыра во всеоружии.

Сохраняя самоуверенный тон, я ответил:

– Да, вот он я где. – И как ни в чем не бывало намазал маслом свежезажаренный тост. – А где же мне еще быть, мой дорогой Сыр? Именно тут, спасибо царскому гостеприимству Боко, я в настоящее время проживаю.

– Хо! – произнес Сыр. – Недолго тебе осталось тут проживать, потому что я, черт возьми, тебя забираю.

Боко поглядел на меня, вопросительно подняв брови. Я поглядел на Боко, вопросительно подняв брови. Нобби поглядела на нас обоих и тоже вопросительно подняла брови. Видно, такой уж это был день, когда все поднимают брови.

– Забираешь? – переспросил Боко. – Надеюсь, дорогой Сыр, не в прямом смысле слова?

– В прямом.

– Ты намерен арестовать Берти?

– Да.

– Но за что?

– За кражу моей полицейской формы. Нобби с девическим удивлением спросила:

– Неужели ты украл у Сыра форму, Берти?

– Разумеется, нет.

– Ну и хорошо.

– Да, замечательно.

– А то, по-моему, за это можно получить месяца три.

– Не говоря о позоре, – добавил я. – Если у меня когда-нибудь возникнет такое неразумное поползновение, я непременно переборю соблазн. Хотя едва ли это со мной случится.

– Да, очень маловероятно, – подтвердила Нобби. – Действительно, зачем бы тебе понадобилась полицейская форма?

– Вот именно, – сказал я. – Ты вонзила острие иглы в самую точку.

– Что-что я сделала?

– Вонзила острие. Выражение Дживса, – пояснил я. – Латынь.

Боко, слушавший нас с нахмуренным видом, подошел к вопросу глубже.

– Мне кажется, я понимаю, что у Сыра на уме, – проговорил он. – Кажется, я вам не рассказывал, но вчера, пока он купался, а форму снял и оставил на берегу, кто-то у него ее

свистнул. Говорил я вам об этом?

– Что-то не припоминаю, – ответила Нобби.

– И я тоже, – присоединился к ней я.

– Странно. Из головы, должно быть, вылетело, – пожал плечами Боко.

– Бывает, – сказала Нобби.

– И даже часто, – подтвердил я.

– Но такое происшествие имело место, и нельзя винить Сыра за то, что ему хочется привлечь преступника к ответственности. Но почему он решил, что виновник этого подлого злодеяния – Берти, я совершенно не могу взять в толк. Я же сказал тебе вчера, Сыр, что это почти наверняка дело рук Эдвина.

– Да, я у него сейчас спросил, но он все решительно отрицает.

– И ты ему веришь на слово?

– Верю. Потому что у него есть алиби.

– Какая глупость! – всплеснула руками Нобби. – Неужели ты не понимаешь, что это только доказывает его вину? Ты что, не читал детективов? Спроси, спроси у лорда Уимзи, что означает наличие алиби.

– Или спроси у месье Пуаро, – со своей стороны посоветовал я.

– Да. Или у Регги Форчена, или у инспектора Френча, или у Ниро Вулфа. Я просто не понимаю, как человек с твоим интеллектом мог попасться на эту удочку с алиби.

– Трудно поверить, – подтвердил я. – Такой старый прием.

– Беги и исправь положение, вот мой тебе совет, Сыр, – заключил Боко.

Можно было ожидать, что слуга закона не выдержит такого давления и уступит, но вскоре стало очевидно, что Чеддеры сделаны из более твердого материала.

– Если вам интересно, почему я поверил алиби Эдвина, – важно проговорил Сыр, еще сильнее вылупив глаза, – то его подтверждают: здешний приходской священник, жена приходского священника, помощник приходского священника, сестра помощника приходского священника, местный врач, тетя врача, бойскаутский вожатый, пятнадцать разных торговцев и сорок семь бойскаутов. Вчера вечером, как выяснилось, в зале деревенского собрания врач читал лекцию об оказании первой медицинской помощи, а Эдвин вызвался служить наглядным пособием, и врач все показывал на нем. В то время, когда была украдена моя форма, Эдвин, весь обмотанный бинтами, лежал на столе, демонстрируя, как обращаться с человеком, у которого переломана берцовая кость.

Это, я должен признать, сильно подорвало все наши усилия. Правда, Нобби все же заметила, что на столе мог лежать соучастник, хитро забинтованный под Эдвина, но было очевидно, что это не больше чем умозрительное предположение.

– М-да, – произнес в конце концов Боко, – похоже, что тем самым с Эдвина подозрения снимаются. Но я по-прежнему не вижу, откуда у тебя эта дикая мысль, что виновником является Берти?

– На это я вам тоже отвечу, – сказал Сыр, явно решившийся не скрывать от нас ничего. – Эдвин, будучи допрошен, рассказал удивительную историю. Он показал, что поздно вечером, забравшись в комнату обвиняемого с целью засунуть ему под одеяло ежа...

– Ха! – воскликнул я и бросил сокрушенный взгляд на Боко, раскаиваясь, что пусть и в мыслях, но погрешил на своего доброго гостеприимного друга.

– ...видел там на кровати полицейскую форму. А сегодня я разговаривал с одним парнем, который подрядился дополнительным официантом на вчерашний маскарад в Ист-

Уайбли, и тот сообщил мне, что в празднестве принимал участие некий омерзительный субъект, наряженный в полицейскую форму, которая была ему велика размеров на шесть. У меня все, Вустер, пошли, если ты готов.

Дело, на мой взгляд, было бесспорное, и неизбежный конец не имело смысла оттягивать. Я поднялся из-за стола, равнодушно утер губы салфеткой, точно французский аристократ, которому объявили, что телега до эшафота подана.

Но Боко был еще не готов прекратить бой.

– Одну минуточку, Сыр, – сказал он. – Не будем торопиться. А ордер на арест у вас имеется, господин полицейский?

Вопрос, видно, застал Чеддера врасплох.

– Я... э-э-э... то есть нет.

– Нужен ордер, – пожал плечами Боко. – По такому серьезному обвинению арест без ордера недопустим.

Но Сыр уже справился с минутной слабостью. Он снова был самим собой.

– Не верю, – мужественно заявил он. – По-моему, ты врешь. Но на всякий случай я пойду в участок и справлюсь у сержанта.

Он удалился, а Боко сразу оживился и деловито сказал:

– Тебе надо смываться, Берти, притом незамедлительно. Садись в автомобиль, кати в Лондон и уезжай за границу. В портах еще не успеют выставить шпики. Но на всякий случай загляни по дороге к «Братьям Коген» и купи накладные усы.

В обычных обстоятельствах я бы не позволил этому полоумному командовать собой, но тогда я нашел, что это дельный совет. У меня и самого уже голова работала в том же направлении. И я как раз говорил себе в эту минуту: «О, если б мне крылья голубки...» На бегу поручив Боко ввести в курс дел Дживса, чтобы он отправился следом с пожитками, я рванул в гараж.

И уже собрался распахнуть ворота, как вдруг изнутри до меня донесся хриплый голос, и я замер, пораженный. Если слух меня не обманывал, там кто-то был.

Голос прозвучал по новой, и на этот раз я смог понять, из чьей гортани он исходит и вообще, что к чему, так как услышал имя «Фитлуорт», которому предшествовал длинный ряд довольно грубых англосаксонских эпитетов. Словно при свете молнии, мне сразу все стало ясно.

Уезжая с маскарада, Боко случайно захватил с собой в авто дядю Перси. Он ехал с песнями домой и даже не подозревал, что у него на заднем сиденье сладко дремлет никем не замеченный непредусмотренный пассажир.

Я с присвистом втянул в грудь воздух и несколько секунд простоял как вкопанный, выпучив глаза и наморщив лоб. Не будет преувеличением сказать, что меня словно шарахнул по затылку носок, набитый мокрым песком. Приложив ухо к створке, я прислушивался к тому, что просачивалось сквозь доски, и уныние, мягко выражаясь, завладело моей душой.

Сами подумайте, что же получается? Залогом общего успеха было доброе и ласковое расположение дяди Перси к Боко. Но как сохранить его доброе и ласковое расположение, если ты запираешь его на всю ночь в гараже, одетого в костюм Синдбада-морехода? Благородный человек вроде дяди Перси не может не обозлиться на такое обращение.

И в данную минуту было слышно, что он страшно зол. Его высказывания не оставляли в этом ни малейших сомнений. То были не остроумные реплики человека, который, будучи выпущен на свободу, благодушно посмеется над забавным недоразумением. Это говорил узник, чьей целью отныне будет отыскать того, кто его засадил, и содрать с него шкуру.

Он уже перешел непосредственно к этой теме. Оказалось, что он не просто собирается содрать с Боко шкуру. В недвусмысленных выражениях он изъявил намерение проделать это не спеша и тупым ножом. Короче говоря, стало предельно ясно, что какие бы нежные дружеские отношения ни сложились между дядей и его возницей минувшей ночью, с тех пор они сильно ухудшились и к утру окончательно расстроились.

Как быть, я, честно сказать, совершенно не представлял себе. Судя по всему, сложилась ситуация, когда как нельзя кстати пришлось бы мудрое слово Дживса. Я от души пожалел, что его здесь нет, и в это самое время негромкий кашель у меня за спиной дал мне знать, что он есть. словно какая-то телепатия – если это верное слово – подсказала ему, что молодой хозяин в растерянности и жаждет получить от него хоть немного вассальной поддержки.

– Дживс! – вскричал я и уцепился за его рукав, как потерявшееся малое дитя хватается за подол матери. Когда я кончил изливать свою повесть в его восприимчивое ухо, стало ясно, что он все понял.

– Положение крайне тревожное, сэр, – сказал он.

– Крайне, – подтвердил я.

Я не стал ранить его словами укора и осуждения, хотя про себя подумал, как случилось уже и прежде, что по такому поводу с его стороны было бы человечнее подскочить на месте и хорошенько поворачивать глазами. Если и существует у Дживса недостаток, то это, как я замечал выше, склонность качать головой и прищелкивать языком, когда хотелось бы видеть, как его завитые и напوماженные кудри, рассыпавшись, слегка восстали дыбом.

– Его милость, вы говорите, сильно разгневан, сэр? Тут я мог дать ему исчерпывающий ответ.

– Да, Дживс. Его высказывания, насколько я мог их расслышать, бесспорно, свидетельствуют о крайне раздраженном состоянии говорящего. Что такое Смерть от Тысячи Уколов?

– Это модное в китайской полиции уголовное наказание за незначительные правонарушения. Примерно эквивалентное нашим двум неделям за решеткой с правом замены на штраф. Почему вы спрашиваете, сэр?

– Дядя Перси помянул между прочим. Это – одно из наказаний, которые он собирался учинить над Боко при следующей встрече. Боже милостивый, Дживс! – воскликнул я.

– Сэр?

А воскликнул я так потому, что разговор про полицию и про уголовные кары привел мне на память мое собственное положение. На краткий миг в заботах о дядьях и гаражах я отвлекся и забыл, что являюсь, в сущности, беглым каторжником.

– Вы еще не знаете последних новостей. Чеддер Сыр проведаль насчет своей полицейской формы и сейчас отправился за ордером на арест и прочими нужностями.

– Вот как, сэр?

– Да. Юный Эдвин, пробравшись поздно вечером в мою комнату, чтобы засунуть мне в постель ежа, увидел мундир на кровати, побежал и донес Сыру. Подлый полицейский осведомитель. Теперь, чтобы не попасть в жестокие лапы закона, я должен немедленно бежать. Видите, в каком я положении? Мой автомобиль в гараже. Чтобы добраться до него, я должен отомкнуть двери гаража. Но как только двери распахнутся, оттуда, как пробка из бутылки, выскочит дядя Перси!

– Вы страшитесь встречи с его милостью, сэр?

– Да, Дживс. Я страшусь встречи с его милостью. Знаю, знаю, что вы скажете. Вы собираетесь заметить, что заперто его не я, а Боко.

– Вот именно, сэр. Защищены вы честью так надежно, что все угрозы, как легкий ветер, мимо пронесутся^[132].

– Так-то оно так. Но вы когда-нибудь освобождали из капкана раненую пуму?

– Нет, сэр. Такого опыта у меня нет.

– Спросите кого угодно, вам всякий скажет, что в такие минуты зверь не задерживается для выяснений, а бросается без разбору на первого же попавшегося безвинного наблюдателя.

– Ваш довод я принимаю, сэр. Вероятно, будет лучше, если вы вернетесь в дом и предоставите мне освобождение его сиятельства.

Такое благородство меня потрясло.

– И вы согласитесь, Дживс?

– Разумеется, сэр.

– Чертовски порядочно с вашей стороны.

– Ну что вы, сэр.

– Можно повернуть ключ, крикнуть: «Путь свободен!» – и удрать, спасая жизнь.

– Я предпочел бы задержаться на месте, сэр, в надежде, что мне удастся как-то успокоить уязвленные чувства его сиятельства.

– Медоточивыми речами?

– Совершенно верно, сэр. Я глубоко вздохнул:

– Может быть, все-таки лучше хотя бы вскарабкаться на дерево?

– Нет, сэр.

Я вздохнул еще раз:

– Ну ладно, раз вы так считаете. Вам виднее. В таком случае действуйте, Дживс.

– Очень хорошо, сэр. Ваш автомобиль я подгоню к парадной двери, чтобы вы могли немедленно отправиться в путь. А позже и сам последую за вами с чемоданами.

Единственным, хотя и слабым утешением в этот черный час по пути к дому было сознание, что весть, которую я несу, превратит сардину во рту Боко, если он еще не кончил есть сардины, в золу и пепел. Я человек не мстительный, но к этому литературному сумасброду я испытывал сейчас далеко не добрые чувства. Поймите меня правильно. Ну ладно, ты объявил себя писателем и на этом основании считаешь, что тебе сойдет с рук

любой поступок, за который другому светит билет в одну сторону до сумасшедшего дома. Но даже у писателя, я убежден – и, по-моему, совершенно правильно, – должно хватить ума заглянуть в нутро своего автомобиля перед тем, как запереть его на ночь в стойло: не остался ли там спать на заднем сиденье какой-нибудь паролодний магнат?

Но выяснилось, что Боко уже миновал стадию сардин. Развалясь после завтрака на стуле, он предавался радостям первой трубки, а рядышком Нобби с газетой в руках решала кроссворд. При виде Бертрама оба выразили удивление.

– Смотри-ка кто! – воскликнула Нобби.

– Ты разве еще не уехал? – поинтересовался Боко.

– Нет еще, – ответил я и горько рассмеялся. Боко неодобрительно нахмурил брови.

– С какой стати, – строго спросил он, – ты вернулся и разливаешься смехом? Постарайся понять, мой мальчик, что сейчас не время для этого. Ведь если сегодня же до наступления темноты ты не окажешься во Франции, у тебя не останется ни проблеска надежды. Где твой автомобиль?

– В гараже.

– Выведи его оттуда.

– Не могу, – ответил я и нанес ему прямой в переносицу: – Там дядя Перси.

После чего в нескольких скупых словах выложил всю подноготную.

Я предвидел, что он примет мой рассказ близко к сердцу, и ожидания мои оправдались. За свою жизнь я повидал немало отвисших нижних челюстей, но ни разу мне не доводилось наблюдать, чтобы нижняя челюсть отваливалась с такой стремительностью. Можно было только удивляться, что у Боко она совсем не сорвалась с петель.

– Что значит – он в моем авто? Как он мог там очутиться? Почему же я его не заметил?

Последнее обстоятельство легко поддавалось объяснению.

– Потому что ты болван.

Нобби, которая все это время сидела, как аршин проглотила, шумно дыша, сверкая очами и придавив жемчужными зубками нижнюю губу, подтвердила мои слова.

– Болван, – повторила она необычным, сдавленным голосом. – Из всех болванов на свете...

Как ни сосредоточенно Боко в эту минуту ломал голову над неразрешимой загадкой, до него все-таки дошло, что ему грозит, если допустить, чтобы Нобби взялась за дело всерьез и высказалась до конца. Он попытался перебить ее на полуслове и остановить ход ее мыслей страдальческим жестом:

– Одну минуточку, дорогая.

– Из всех...

– Да, да.

– Из всех безмозглых...

– Верно, верно. Минутку, любимая. Мы с Берти обсуждаем важный вопрос. Позволь мне яснее припомнить, что произошло ночью после твоего ухода, Берти. Как мне представляется, дело происходило следующим образом. Я потолковал со стариком Уорплесдоном и заручился, как я тебе уже говорил, его благословением; после этого... ну да, после этого я возвратился в залу немного потанцевать...

– Из всех безмозглых, скудоумных...

– Конечно, конечно. Только, пожалуйста, не прерывай ход моих мыслей, обожаемая. Я должен разобраться. Я протанцевал одну или две сарабанды, потом заглянул в бар. Хотелось

опрокинуть рюмку и поразмышлять в тиши о моем счастье. Но тут я вдруг спохватился, что Нобби дома, наверное, не может сомкнуть глаз, горя желанием узнать, как дела, а значит, мне надо немедленно ехать и швырнуть горсть камешков ей в окошко. Поэтому я со всех ног бросился к автомобилю, впопыхах сел за руль и поехал. Теперь мне понятно, почему я не заметил старика Уорплесдона. Он к этому времени сполз с сиденья и крепко спал на полу. Ей-богу, ну разве можно ждать, что человек в моем состоянии, весь в экстазе и упоении, с душой, переполненной нежными мыслями о любимой, станет рассматривать через увеличительное стекло днище своего автомобиля, не осталось ли там Уорплесдона? Не видя его на сиденье, я, естественно, заключил, что он уехал домой на велосипеде. Или вы хотели бы, чтобы я нанял у собачников пару ищеек и обыскал всю шхуну с носа до кормы? Я уверен, дорогая, что ты теперь все поняла и первая возьмешь обратно слова «безмозглый» и «скудоумный».

Нет-нет, я нисколько не сержусь, я даже не удивлен, что в пылу минуты все это у тебя сорвалось с языка. Главное, что ты теперь убедилась, что я невиновен, безупречен...

В этот миг на террасе раздался какой-то неясный шум, и через порог переступил дядя Перси на хорошей скорости. Следом за ним спустя мгновение появился Дживс.

За последнее время я привык видеть этого своего дядю по линии тети в благодушном дружеском расположении и почти совсем забыл, как похож он на ассирийцев, нападающих на овчарню, когда расสวิрепает. Именно таким он сейчас явился взору. Черты его лица почти полностью скрывала рыжая борода, которая придается к костюму Синдбада-морехода, так что разглядеть их выражение было довольно трудно. Но видны оставались глаза, и этого было вполне достаточно. Их немигающий пламенный взор устремился прямо на Боко, и злосчастный поставщик здорового чтива для масс сразу отпрянул не менее чем на десять шагов назад. Я думаю, он и на этом бы не остановился, если бы не уперся в стену.

Дживс говорил о своем намерении успокоить оскорбленные чувства Уорплесдона с помощью медоточивых слов. Но то ли у него не было возможности вернуть ни одного слова, то ли вернуть-то он ввернул, но они оказались недостаточно медоточивыми, трудно сказать. Но было очевидно, что чувства Уорплесдона все еще оставались до чертиков оскорбленными и что во всем Гемпшире не было в данный момент второго такого взбешенного пароходного магната.

Его вступительная речь это полностью подтвердила – она состояла из одного слова «что?», повторенного несчетное число раз с частотой пулеметной очереди. У моего дяди вообще, как я уже отмечал, была такая привычка – не скупиться на это слово в эмоциональные моменты, и в данном случае он ей остался верен.

– Что? – заявил он, по-прежнему держа Боко более или менее под своим наблюдением. – Что-что-что-что-что-что-что-что-что-что?

Здесь он сделал паузу, словно ожидая ответа, и Боко, на мой взгляд, поступил неправильно, предложив ему сардину.

Его голос словно коснулся оголенного нерва, и глаза дяди Перси изрыгнули потоки пламени.

– Сардину? – повторил он. – Сардину? Сардину? Сардину?

– Вы сразу почувствуете себя лучше, когда позавтракаете, – тут же подхватила Нобби в роли заботливого ангела-хранителя.

Дядя Перси был с этим не согласен.

– Ничего подобного, – сказал он. – Я почувствую себя лучше только после того, как

вытрясу из этого прыщавого бородавчатого борова Фитлуорта всю душу и оставлю его подыхать. Берти, подай мне арапник.

Я с сомнением поджал губы.

– По-моему, у нас нет арапника. Есть у нас в доме арапники, Боко?

– Нет, арапников нет, – отозвался сей последний, пытаясь вдавиться в стену.

Дядя Перси презрительно хмыкнул:

– Ну, что это за дом! Дживс!

– Милорд?

– Ступайте в «Бампли-Холл» и принесите оттуда арапник с костяной рукояткой.

– Слушаю, милорд.

– Кажется, он у меня в кабинете. Если нет, пошарьте по дому.

– Очень хорошо, милорд. Ее сиятельство, несомненно, сможет указать мне его местонахождение.

Это было сказано как бы невзначай, так что только через три секунды по хронометру до дяди дошел смысл сказанного. И когда он дошел, дядя весь встрепенулся, будто ему в мягкие части вонзилось неожиданное шило.

– Ее си... Что?

– Ее сиятельство, милорд.

– Ее сиятельство?

– Да, милорд.

Дядя Перси весь скукожился, как мокрый носок. Рухнул в кресло и ухватился за банку с джемом, словно ища в ней опору. Глаза у него вылезли из орбит и закачались на ложноножках.

– Но ведь ее сиятельство...

– ...вернулась нежданно вчера поздно вечером, милорд.

Не знаю, знакомо ли вам имя жены Лота и слышали ли вы, какой необыкновенный конец ее постиг. За точность деталей не ручаюсь, но, как мне рассказывали, ей рекомендовали не оборачиваться и не глядеть на что-то там такое, иначе она превратится в соляной столб, ну и, естественно, решив, что ее разыгрывают, она, конечно, обернулась, и бац! – соляной столб. А почему я здесь об этом вспомнил, так это потому, что такая же история приключилась с дядей Перси. Скорчившись в кресле, с банкой джема в побелевших пальцах, он словно превратился в соляной столб. Если бы не мелкая дрожь рыжей накладной растительности на лице, можно было бы подумать, что жизнь покинула остолбеневшие члены.

– Выяснилось, что мастер Томас уже вне опасности, милорд, и дальнейшая надобность в материнском уходе отпала.

Накладная растительность продолжала мелко дрожать, и я ее понимаю. Мне легко было представить себе, что сейчас испытывает мой почтенный свояк, поскольку, как я выше говорил, он, обсуждая со мной планы на ближайшее будущее, не делал секрета из своих опасений о том, что будет, если тетя Агата узнает о его посещении костюмированного бала в ее отсутствие.

Не укрылась острота положения и от юной Нобби.

– Ух ты! – произнесла она с подобающим женственным состраданием в голосе. – Вот неудачно получилось, дядя Перси, а? Теперь вам, наверное, придется при встрече потратить минуточку-другую на объяснения, почему вы всю ночь где-то пропадали.

Ее слова вывели несчастного из транса или коматозного состояния, как будто под ним взорвалась динамитная шашка. Он ожил, пошевелился, задвигался, похоже, почувствовал в теле струение жизни.

– Дживс, – хрипло проговорил он.

– Милорд?

– Дживс.

– Да, милорд?

Дядя на добрых полтора дюйма высунул язык и провел им по губам. Было видно, как ему нелегко привести в действие свои голосовые связки.

– Скажите, Дживс... Ее сиятельство... Она... Ей... известно уже о моем отсутствии?

– Да, милорд. Ее поставила об этом в известность старшая горничная. Когда я уходил, они совещались. «Вы говорите, что его сиятельство спать не ложился?» – это были последние услышанные мною слова ее сиятельства. Обеспокоенность ее была ярко выражена.

Дядя Перси покосился вбок и встретился взглядом со мной. В его взгляде прочитывались немая мольба и вопрос: не будет ли каких предложений?

– А что, если, – запинаясь рискнул я (надо же было сказать хоть что-нибудь), – что, если сказать ей правду?

– Правду? – рассеянно повторил он, и было видно, что мысль эта для него нова.

– Ну да. Что вы поехали на бал, чтобы посоветоваться с Устрицей.

Дядя отрицательно покачал головой:

– Мне ни за что не убедить твою тетю, что я поехал на костюмированный бал по

деловым соображениям. Женщины слишком склонны предполагать худшее.

– Не без того.

– И бесполезно втолковывать им, потому что они кошмарно быстро говорят. Нет, – вздохнул дядя Перси, – это конец. Остается только, сжав зубы, принять кару, как английский джентльмен.

– Разве только Дживс что-нибудь придумает.

В ответ он на миг встрепенулся. Но тут же безнадежное, отрешенное выражение лица снова к нему вернулось. И он опять медленно и понуро помотал головой:

– Невозможно. Это ему не под силу.

– Нет такого положения, которое не под силу Дживсу, – возразил я немного обиженно. – Более того, – продолжал я, приглядевшись к этому чуду интеллекта, – по-моему, у него там уже что-то варится, в его объемистом котелке. Я ошибаюсь, Дживс, или в ваших глазах действительно заискрилась идея?

– Нет, сэр. Вы не ошибаетесь. Я, мне кажется, мог бы предложить его сиятельству выход из его затруднения.

Дядя Перси громко сглотнул. На открытых участках его физиономии заиграло нечто вроде благоговения. Он что-то пробормотал себе под нос, мне послышалось слово «рыба».

– Это правда, Дживс?

– Да, сэр.

– Что ж, сейчас посмотрим, – сказал я, как импресарио дрессированных блох, когда на авансцену выходит звезда его труппы. – Так что же это за выход?

– Видите ли, сэр, мне пришло в голову, что, поскольку его сиятельство, как я понял, дал согласие на свадьбу мистера Фитлуорта с мисс Хопвуд...

Дядя Перси издал животный вопль:

– Нет, не дал! Или если и дал, то взял обратно.

– Очень хорошо, милорд. В таком случае у меня нет предложений.

Последовало молчание. Чувствовалось, что в душе у дяди Перси идет борьба. Вот он покосился на Боко, и его передернуло. Но затем по всему его туловищу пробежала сильная судорога – это он вспомнил слова Дживса про то, что обеспокоенность тети Агаты была ярко выражена. Когда у тети Агаты бывает ярко выраженная обеспокоенность, это означает, что брови ее сползают к переносице, а нос уподобляется орлиному клюву. Крепкие мужчины не выдерживали этого зрелища даже и при повторных попытках.

– Пожалуй, все же выслушаем, что вы имеете сказать, – наконец буркнул дядя.

– Верно, – поддержал его я. – Нет худа в... в этой, как ее... как это называется, Дживс?

– Творческая дискуссия, сэр?

– Да, благодарю вас, Дживс.

– Не стоит благодарности, сэр.

– Итак, продолжайте.

– Очень хорошо, сэр. Мне просто-напросто пришло в голову, что если его сиятельство согласился на их союз, то будет вполне естественно, чтобы он отправился в дом к мистеру Фитлуорту, дабы все детально обсудить и договориться относительно свадьбы. Поглощенный разговором на такую животрепещущую тему, его сиятельство вполне мог потерять счет времени, а когда...

Я взвизгнул. Я уже обо всем догадался.

– А когда взглянул на часы и увидел, как поздно...

– Совершенно верно, сэр. Когда его сиятельство взглянул на часы и увидел, как поздно, мистер Фитлуорт гостеприимно пригласил его провести остаток ночи под его крышей. Его сиятельство согласился с тем, что это будет самое разумное, и на том и порешили.

Я оглянулся на дядю Перси, ожидая от него оваций, но с удивлением обнаружил, что он опять качает головой.

– Ничего не получится, – произнес он.

– Да почему же? Так здорово придумано.

Но его голова продолжала колебательные движения.

– Нет, Берти. Этот план невыполним. Твоя тетка, мой милый, женщина проницательная. Видит глубоко под землей и задает наводящие вопросы. И первым делом она спросит, почему, отправляясь к будущему мужу своей воспитанницы договариваться насчет свадьбы, я нарядился в костюм Синдбада-морехода? Сам видишь, Берти, вопрос это деликатный, и ответить на него было бы трудно.

Что верно, то верно, ничего не скажешь.

– Закавыка, Дживс. Как вы ее обойдете?

– Очень просто, сэр. Перед тем как идти домой, его сиятельство позаимствует костюм у мистера Фитлуорта.

– Ну конечно! Надев его костюм в елочку, который висит у меня в шкафу, дядя Перси, вы сможете бесстрашно смотреть в глаза тете Агате.

Думаю, вам не раз случалось, гуляя в саду, наблюдать, как оживает увядший цветок под благодатными струями дождя. Такой цветок сейчас сильно напоминал мне дядя Перси. Он словно поднялся, расправился, прищуренные глаза утратили сходство с брюхом дохлой рыбешки, на которое они примечательным образом походили до сих пор во время этой сцены.

– Боже мой! – воскликнул он. – Ну конечно! Вы совершенно правы. Дживс, – с чувством продолжал он, – такие мозги, как у вас, надо засолить и подарить в какой-нибудь музей.

– Очень хорошо, милорд.

– Конечно, когда они уже будут вам не нужны. Пошли, пошли, Берти! Вперед за костюмом в елочку!

– Сюда, пожалуйста, дядя Перси.

Я повел его к двери, но дорогу нам преградил Боко. Вид у него был немного испуганный, но твердый и решительный.

– Одну минуту, – сказал он. – Сделайте милость, не торопитесь так. Как насчет опекунского благословения? Я его получу?

– Конечно, получишь, старина, – успокоил я его. – Предусмотрено в смете расходов, верно, дядя Перси?

– А? Что?

– Опекунское благословение. Вы его выдаете?

Снова пошла немая внутренняя борьба. Но потом он печально кивнул:

– По-видимому, этого не избежать.

– Конечно, не избежать.

– Тогда я не буду и пытаться.

– Вот и хорошо. Боко, с тобой все улажено.

– Прекрасно, – отозвался Боко. – Только будьте добры, выдайте мне решение в письменном виде, мой дорогой Уорплесдон. Я не собираюсь критиковать и придираюсь, но

в этом деле к настоящему моменту набралось столько всяких вывертов и поворотов, что я предпочитаю получить соответствующую бумагу, где все будет сказано черным по белому. Чернила и бумага на столике в углу. Подайте знать, мой дорогой Уорплесдон, если перо вам не подходит, я немедленно предоставлю вам другое.

Дядя Перси побрел в угол, где стоял столик, и взял в руку перо. Было бы преувеличением утверждать, что вид у него при этом был такой уж ликующий. Очевидно, он до последней секунды все же лелеял слабую надежду, если повезет, все же воспользоваться положительной стороной плана Дживса, а от отрицательной увильнуть. Однако же, как я уже сказал, теперь он взял в руку перо, что-то такое написал и это свое писание вручил Боко, Боко прочел и вручил Нобби, Нобби прочла, удовлетворенно произнесла: «Вот и ладненько» – и упрятала бумагу в какое-то надежное хранилище в глубинах своего одеяния.

И лишь только она с этим управилась, как снаружи раздались звучные официальные шаги, и в столовую тяжелой поступью вошел Чеддер по прозвищу Сыр.

Вы не поверите, но я был так захвачен драматическими событиями последней четверти часа, что все эти дела с Сыром совершенно вылетели у меня из головы, и только при виде Сыра, остановившегося по стойке «смирно», ко мне вернулись мысли о личной безопасности Вустера. Первое, что Сыр сделал, войдя, – это устремил на меня свой ледяной взор, который заморозил во мне все внутренности, как будто я проглотил килограмм мороженого.

Я попробовал было приветствовать его легкомысленным восклицанием: «А-а, вот и ты, Сыр», – но душу в эти слова вложить не сумел и в ответ услышал лишь его знаменитое «Хо!», которое, как я объяснял выше, служило ему вместо подписи. Сказав «Хо!», он обратился к Боко:

– Ты был прав насчет ордера на арест. Сержант подтвердил, что надо получить ордер. Я его принес, нужна еще только подпись мирового судьи. – Тут он наконец узнал дядю Перси, личность которого до сих пор скрывала от него рыжая борода. – Ах, это вы, лорд Уорплесдон! – воскликнул Сыр. – Вы как раз мне и нужны. Вот, начертайте свое имя над пунктирной линией, и мы завершим это дельце. Вы, стало быть, участвовали минувшей ночью в карнавале? – уточнил он, разглядывая дядю Перси с ног до головы.

Спросил, мне кажется, просто так, беседы ради и чтобы проявить вежливый интерес к его сиятельству. Но вопрос этот ему задавать не следовало. Дядя Перси напыжился:

– Что значит – я участвовал в карнавале? Ничего подобного, и впредь, будьте добры, воздержитесь от подобных безответственных высказываний. Я участвовал в карнавале! Что еще за карнавал? Где? Я вообще первый раз слышу о том, что был какой-то карнавал.

Благородный дядин гнев заметно ошарашил Сыра.

– Прошу прощения, – пробормотал он. – Просто я подумал... Из-за костюма, я хочу сказать.

– А при чем тут костюм? Если моя воспитанница и ее будущий муж затевают вечер живых картин и попросили меня в виде личного одолжения примерить костюм Синдбада-морехода, чтобы удостовериться, что я подхожу на эту роль, неужели это так удивительно, что я нашел возможным выполнить их желание? И неужели это с какого-то бока касается вас? Дает ли это вам право приходить к дурацкому заключению насчет каких-то маскарадов? Я что, обязан отчитываться за каждый свой элементарный поступок перед каждым полицейским, который очутится поблизости и вздумает совать нос в мои дела?

На такие вопросы нелегко дать ответ, самое лучшее, на что оказался способен Сыр, это

переступить с ноги на ногу и смущенно откашляться.

– Ну, хорошо, – сменил он тему и вернулся к делу после затяжной неловкой паузы: – Будьте все же добры подписаться под этим ордером.

– Под каким ордером? Что еще за ордер? В чем дело? Что это за глупости насчет ордеров?

В задних рядах раздался негромкий звук, словно овца кашлянула на отдаленном склоне холма. Это в действие вступил Дживс.

– Позвольте мне объяснить, милорд? У этого полицейского вчера вечером, пока он купался в реке, украли форму. И он обвиняет в этом преступлении мистера Вустера.

– Какого мистера Вустера? Берти? Моего племянника?

– Да, милорд. На мой взгляд, в высшей степени странная гипотеза. При всем старании невозможно найти мотив, который бы побудил мистера Вустера к совершению такого возмутительного деяния. Как я понял, констебль предполагает, что мистеру Вустеру понадобился его мундир в качестве маскарадного костюма, чтобы принять участие во вчерашнем бале.

Рассуждение Дживса вызвало интерес дяди Перси.

– Ах, так, значит, действительно вчера состоялся костюмированный бал?

– Да, милорд. В соседнем городе Ист-Уайбли.

– Странно. Я ничего об этом не слышал.

– Мероприятие мелкого масштаба, насколько мне известно, милорд. Далеко не того уровня, чтобы такой джентльмен, как мистер Вустер, удостоил его своим присутствием.

– Ну конечно. Я и сам бы на него не поехал. Обыкновенные деревенские песни и пляски?

– Именно так, милорд. Никто из знакомых мистера Вустера не допустил бы и мысли, что он свой аромат в пустыне сей развеял.

– Как, как?

– Цитата, милорд. Поэт Томас Грей.

– А-а. Но вы говорите, констебль держится своей теории, что он там был?

– Да, милорд. Очень удачно, что ваше сиятельство провели сегодняшнюю ночь в этом доме и можете подтвердить, что мистер Вустер не выходил из помещения.

– Чертовски удачно. И тем самым на этом деле поставлена точка.

Я всегда колеблюсь, рисуя сцену, в которой двое разговаривают, а третий норовит вклиниться: стоит ли ввести покашливания и покряхтывания последнего прямо в диалог или же подождать, пока разговор придет к концу, а затем выписать эти нечленораздельные звуки отдельно на счет кряхтевшего. По-моему, второй способ удобнее вот почему: стенографируя переговоры Дживса – Уорплесдона, я выпустил попытки Сыра в них втесаться. Он на всем протяжении диалога старался привлечь к себе внимание мирового судьи, но тот останавливал его краткими указаниями: «Помолчите, констебль» или просто «Цыц». И вот теперь, после слова «точка», возникла заминка, которой и воспользовался Сыр для произнесения своей реплики.

– А я утверждаю, что обвиняемый Вустер украл мою форму! – взвизгнул он, и глаза у него совсем вылезли на лоб, а щеки приобрели свекольный оттенок. – Ее видел у него на постели свидетель Эдвин.

Дела развивались так благоприятно, что я не побоялся вздернуть брови и издать иронический смешок:

– Эдвин! Вы слышали, дядя Перси? Смех да и только, а? Почтенный родич мужественно подыграл мне:

– Смех? Ну разумеется, смех, черт побери! Вы что же, хотите сказать, – обратился он на Сыра грозный взор, – что ваше абсурдное обвинение базируется на неподтвержденных словах моего сына Эдвина? Я просто не верю собственным ушам. А вы верите, Дживс?

– Это поразительно, милорд. Но возможно, констебль не осведомлен о том, что мистер Вустер вчера нанес мастеру Эдвину чувствительный удар и что поэтому показания юного джентльмена против мистера Вустера неизбежно будут носить ярко выраженный характер личной неприязни.

– Нечего вам его оправдывать. Этот человек просто глуп. И я хотел бы заметить, – продолжал дядя Перси, раздуваясь, как воздушный шар, и обращаясь к Сыру с начальственным выговором, – что в последнее время мы слишком, слишком часто сталкиваемся с подобными произвольными и безответственными обвинениями со стороны полиции. В полицейский корпус проник скверный дух, и пока я мировой судья, я буду всеми средствами, словом и делом, выражать ему свое решительное неодобрение. Этот дух я буду вытаптывать и выкорчевывать в неотступной заботе о том, чтобы свобода личности не страдала от стражей Закона, которые настолько забывают свой... да, да, свой священный долг, черт возьми, что бросают направо и налево сфабрикованные обвинения с единственной целью добиться для себя продвижения по службе. Больше мне нечего добавить, хочу только выразить напоследок мое глубочайшее сожаление в связи с тем, что ты, Берти, стал жертвой этих возмутительных гонений.

– Ничего, дядя Перси, не беспокойтесь, пустяки.

– Не пустяки, а безобразие. А вам, констебль, я рекомендую впредь быть осторожнее, гораздо осторожнее. Что же до этого вашего ордера на арест, то можете засунуть его себе в... Впрочем, это к делу не относится.

Сказано было лихо. Лучше не придумаешь. Мне вспоминается только один аналогичный случай – когда тетя Агата распекала меня, тогда еще подростка, за то, что я разбил ей из рогатки дорогую фарфоровую вазу. Я не сомневался, что Чеддер по прозвищу Сыр под тяжестью такого выговора скуксится, как жалкий червь перед грозой. Но ничего подобного. Он весь горел, но не от стыда и раскаяния, а от бессильной ярости, как человек, который хоть и не совсем разбирается в ситуации, но чувствует, что дело нечисто и что над ним учиняют какую-то подлянку.

– Хо! – выговорил он, борясь со своими эмоциями. Но потом все же не выдержал и горячо воскликнул: – Да это заговор! Это подлый, наглый, хитрый сговор, чтобы помешать отправлению правосудия. В последний раз спрашиваю, лорд Уорплесдон, подпишете вы этот ордер или нет?

Дядя Перси с неподражаемой величавостью выпрямился во весь рост и ровным, холодным тоном ответил:

– Я уже указал вам, что вы можете сделать с вашим ордером. По-моему, констебль, лучше всего вам теперь пойти проспаться. Потому что единственным извинением для вашего безобразного поведения могло бы служить только то, что вы попросту пьяны. Берти, проводи полицейского до двери.

Я проводил Сыра до двери, он устремил на нее ошарашенный взор, словно никогда в жизни дверей не видел, а затем медленно переступил порог и исчез, не бросив мне через плечо ни полслова на прощание. Мне показалось, что его гордый дух наконец-то все-таки

сломлени. По дорожке к воротам прогрохали его форменные башмаки.

– Ну а теперь, мой мальчик, – сказал дядя Перси, когда стихло эхо этих шагов, – давай сюда костюм в елочку. И еще мне нужно принять ванну, побриться и выпить чашку крепкого черного кофе с самой чуточкой коньяка. А также было бы неплохо, когда я буду готов, чтобы ты отправился в «Бампли-Холл» вместе со мной и подтвердил мои показания своими в том смысле, что я действительно провел ночь под этой крышей. Ты ведь не станешь мямлить и запинаться, а твердым звучным голосом, внушающим безграничное доверие, повторишь то, что скажу я, правда? В таких ситуациях самое вредное – это задумываться, переминаться, нервно крутить пальцами. И главное, помни: ни в коем случае не стой на одной ноге. Хорошо, мой мальчик? За дело.

Я отвел его в свою комнату, достал костюм, показал, где ванная, и предоставил самому себе. В столовой, когда я возвратился, Боко уже не было, но Нобби сидела и болтала с Дживсом. Она тепло приветствовала меня.

– Боко ушел за автомобилем. Мы поедем в Лондон и поженимся. Удивительно, как все прекрасно устроилось, верно? А дядя Перси каким был молодцом!

– Да, он произвел глубокое впечатление, – согласился я. – А про вас, Дживс, я и не говорю, тут все слова бессильны.

– Я глубоко удовлетворен, мисс, если оказался полезен.

– Я уже говорила и скажу опять: с вами никто сравниться не может.

– Весьма благодарен, мисс.

В таком духе они бы, наверное, продолжали и дальше, так как Нобби выше головы переполнял девичий восторг, но тут я перебил их. Я вовсе не хотел лишать Дживса причитающихся ему похвал, но мне необходимо было выяснить один чрезвычайно важный вопрос.

– Нобби, ты показала Флоренс мое письмо? – спросил я. Живое личико ее вдруг омрачилось, она горестно всплеснула руками:

– Я чувствовала, что что-то забыла. Берти, мне так жаль!

– Жаль? – переспросил я, холодея от смутного страха.

– Я собиралась тебе сказать. Сегодня утром, как только встала, я хотела его достать, но не могла найти, а тут пришел Эдвин и сообщил, что накануне вечером убрал у меня в комнате, это было его очередное доброе дело. И очевидно, он уничтожил это письмо. Он обычно уничтожает все письма и открытки, когда убирает комнаты. Мне ужасно жаль, но ты, конечно, найдешь какой-нибудь другой способ отвязаться от Флоренс. Спроси у Дживса. Он обязательно что-нибудь придумает. Ага, – встрепенулась она, когда из необозримой дали донесся зычный клич, – это Боко меня зовет. До свидания, Берти. До свидания, Дживс. Я должна бежать.

И ее как ветром сдуло. А я обратил похолодевшее, бледное лицо к Дживсу.

– Да, сэр?

– Вы можете предложить какой-то выход?

– Нет, сэр.

– Вы – и в растерянности?

– В данную минуту бесспорно так, сэр. Боюсь, что мисс Хопвуд переоценила мои таланты.

– Ну-ну, что вы, Дживс. На вас совсем не похоже... это капыто... капыту... ну, как его? ... на кончике языка вертится...

– Капитулянтство, сэр?

– Совершенно верно. Капитулянтство совсем не в вашем стиле. Не сдавайтесь. Идите и поразмышляйте в кухне. Там, может быть, найдется рыба. Вы вчера вечером, когда там хозяйничали, рыбы не заметили?

– Только шпротный паштет в консервной банке.

Сердце мое ушло в пятки. Шпротный паштет – слишком тонкий тростник, чтобы служить опорой в минуту испытания. Но все-таки это рыба в определенном смысле слова и содержит, без сомнения, свою порцию фосфора.

– Ступайте и нырните в банку.

– Очень хорошо, сэр.

– Не жалеете паштета. Зачерпывайте прямо ложкой, – посоветовал я и отпустил его трагическим жестом.

Трагическим было и мое общее настроение, когда несколько минут спустя я вышел из помещения и направился в сад, чувствуя, что мне необходимо глотнуть свежего воздуха. Я не показывал виду перед Дживсом, но в действительности я не питал особой надежды на то, что шпротный паштет принесет желанные плоды. Дотащившись до калитки, я остановился, угрюмо глядя вдаль, и состояние моего духа при этом было крайне безрадостным.

Ведь я так рассчитывал на это письмо! Я надеялся, что оно разрушит чары Вустера в глазах Флоренс. Иного средства убедить ее, что я не король среди мужчин, не было видно нигде. И поневоле мои горькие мысли, уже не в первый раз, обратились к юному Эдвину, который был *fons et origo* (латинское выражение) всех моих неприятностей.

Я предавался сожалениям о том, что мы не в Китае, где можно было бы запросто сфабриковать что-нибудь против этого мальчишки, чтобы его осудили на Смерть Тысячи Ран, когда мои грезы нарушило треньканье велосипедного звонка. Приехал Чеддер по прозвищу Сыр.

После всего, что было, мне, естественно, совсем не улыбалось очутиться бок о бок с полисменом, пылающим жаждой мщения, и, признаюсь без стыда, я слегка попятился. Я бы и дальше попятился, если бы он не протянул свою мясистую, как окорок, лапу и не схватил меня за пиджак.

– Стой и не двигайся, чертово чучело, – сказал он. – Мне надо тебе кое-что сообщить.

– А в письменном виде нельзя?

– Нельзя. Не извивайся. Стой и слушай.

Видно было, что человек находится во власти сильного чувства. Мне оставалось только надеяться, что он явился не с целью убийства. У него неприятно поблескивали глаза и рдела физиономия.

– Слушай, – еще раз сказал он. – Касательно твоей помолвки.

– С Флоренс?

– Да, с Флоренс. Помолвка отменяется.

– Совсем?

– Совсем, – ответил Сыр.

Я громко вскрикнул и оперся на калитку, чтобы не упасть. Солнце, только что прятавшееся за тучкой, вдруг, как заяц, прыснуло на волю и засияло во всю свою мощь. Вокруг меня, справа и слева, сзади и спереди, птицы приступили, кто во что горазд, к исполнению радостных песен. Вы поймете мое состояние, если я скажу, что не только вся Природа показалась мне вдруг прекрасной, но даже и сам Сыр на миг похорошел.

Весь окутанный розовым туманом, я еле слышно осведомился, как мне понять его слова. В ответ он нетерпеливо поморщился.

– Ты что, простых слов не понимаешь? Я же сказал: твоя помолвка отменяется. Флоренс выходит за меня. По пути из этого чумного барака я встретил ее, и мы обо всем договорились. Насмотревшись здесь на такое гнусное мошенничество и надругательство над правосудием, я принял решение уйти из полиции, о чем и поставил ее в известность. Тем самым была убрана единственная преграда, стоявшая между нами. Будучи спрошена в лоб, она не выдержала и призналась, что всегда любила меня, а с тобой обручилась, просто чтобы проучить меня за какие-то мои слова насчет современной прогрессивной мысли. Я взял их обратно, и она упала в мои объятия. Ее смущала необходимость объясняться с тобой, и я сказал, что поставлю тебя в известность сам. «А если чертов Вустер вздумает возражать, – добавил я, – я отвинчу у него голову и запихаю ему в глотку». Есть у тебя какие-нибудь возражения, Вустер?

Я помолчал минуту, наслаждаясь пением птиц. Потом запрокинул голову и подставил лицо солнечным лучам.

– Ни малейших, – заверил я его.

– Ты понимаешь, что тебе толкуют? Она от тебя отказывается. Твоей свадьбы не будет.

– Да-да. Понимаю.

– Прекрасно. Ты в ближайшее же время, конечно, отсюда уберешься?

– Немедленно.

– Вот и хорошо, – сказал Сыр и лихо, словно на горячего скакуна, вскочил на велосипед.

Я тоже не задержался. Расстояние от калитки до кухонной двери я преодолел за три секунды, не более. Из окна ванной доносился голос дяди Перси, принимающего душ. Он пел что-то веселенькое, должно быть, матросскую песню, которой научился от Устрицы или от седых капитанов, находящихся у него на службе.

По кухне из угла в угол вышагивал Дживс, погруженный в раздумье. При моем появлении он обернулся, и выражение лица у него было смущенное.

– К сожалению, сэр, шпротного паштета не оказалось. Его доели вчера вечером.

Я не хлопнул его по спине, до этого не дошло, но улыбнулся ему жизнерадостной улыбкой от уха до уха.

– Наплевать на шпротный паштет, Дживс. Нужда в нем отпала. Я сейчас видел Сыра. Он и леди Флоренс помирились и снова готовы торжественным шагом идти к алтарю. И поскольку в Стипл-Бампли нас больше ничего не держит, поехали домой.

– Очень хорошо, сэр. Автомобиль у подъезда. Я вдруг остановился:

– Да нет, черт возьми, нельзя нам уезжать.

– Сэр?

– Я вспомнил, что обещал дяде Перси сопровождать его в «Бампли-Холл» и помочь сладить с тетей Агатой.

– Ее сиятельства в «Бампли-Холле» нет, сэр.

– Как? Вы же говорили, что она вернулась.

– Да, сэр. Боюсь, что я вынужден был прибегнуть к хитрости. Весьма сожалею, но это представлялось мне необходимым в интересах всех присутствовавших.

Я смотрел на него, вылупив глаза.

– Вот это да!

– Да, сэр.

Сквозь стены донесся приглушенный голос дяди Перси, допевающего матросскую песню.

– А как насчет того, – предложил я, – чтобы рвануть отсюда немедленно, не задерживаясь для сбора вещей?

– Я как раз собирался выдвинуть такое предложение, сэр.

– Не надо будет ни с кем объясняться и каяться.

– Вот именно, сэр.

– Тогда едем, Дживс, – сказал я.

Примерно на полпути между Стипл-Бампли и нашей древней столицей я и сказал, что, по-моему, есть какое-то выражение, на языке вертится, которое как нельзя точно передает суть последних событий. Или правильнее даже сказать, не выражение, а поговорка. Такой афоризм. Вроде шутки. Что называется, присловье. Что-то такое насчет радости...

Но с этим мы уже разобрались, не правда ли?

Пэлем Гринвел Вудхауз
Брачный сезон

Должен признаться, что накануне того дня, когда предстояло ехать отбывать срок в «Деверил-Холле», у меня на душе было если и не так чтобы уж совсем тяжело, то все же определенно невесело. Страшно вато очутиться в доме, где обитают закадычные дружки такого кровожадного чудовища, как моя тетя Агата, тем более, я уже и так ослаб духом после трех суток бдения над ее сыном Томасом, одним из наших самых выдающихся извергов в человеческом образе.

Я поделился с Дживсом, и он не отрицал, что перспектива могла бы быть и заманчивее.

– Но с другой стороны, – сказал я, как всегда стараясь не упускать из виду светлую изнанку, – приглашение это лестное.

– Вот как, сэр?

– Я вроде как избранник народа, Дживс. Люди ходили с плакатами и скандировали: «Вустер! Вустер! Мы – за Вустера!»

– А-а, ну да, сэр. Именно так. Это приятно.

Но минуточку. Вы ведь не знаете, о чем речь. Очень часто так бывает, когда приступаешь к повествованию. Срываешься со старта, полный огня и боевого задора, точно ретивая лошадь, глядь, а все трибуны повскакали на задние лапы и орут, требуя сноску.

Так что я сейчас дам задний ход и введу вас в курс дела. Понимаете, вдруг приезжает в Лондон из своего деревенского логова тетя Агата – та самая, что жует битые бутылки и раздрает клыками крыс, – со своим сынком Томасом и заявляет тоном, не допускающим возражений, что я должен поместить названного Томаса у себя в квартире на трое суток, пока он будет посещать зубных врачей, и театры, и все такое прочее, что требуется перед отправлением в закрытую школу в Брамли-он-Си, а после его отъезда мне следует отправиться в «Деверил-Холл» близ деревни Кингс-Деверил, графство Хэмпшир, где проживают какие-то ее дружбаны, и принять участие в деревенском концерте. Им там хочется обогатить программу столичными талантами, и меня им рекомендовала племянница местного священника.

Ну, и тут уж ничего не поделаешь. Не говорить же тете Агате, что по своей воле не дотронулся бы до юного Тоса десятифутовым шестом и что заочно с незнакомыми людьми я вообще никаких дел не затеваю. Нет, если тетя Агата издает приказ, его остается только выполнить. Но на душе у меня, как я уже отметил выше, скребли кошки, и от известия, что одновременно со мной в «Деверил-Холле» будет гостить Гасси Финк-Ноттл, веселее не стало. Если уж угодил в пещеру к Сорока разбойникам, тут для поддержания бодрости понадобится напарник получше Гасси.

Я задумался.

– Хотелось бы побольше узнать об этих людях, Дживс, – сказал я. – В таких случаях желательно иметь некоторое представление о том, что тебе угрожает. Пока известно только, что я буду гостем землевладельца по фамилии Харри, а может быть, Хаккер или Хассок.

– Хаддок, сэр.

– Ах, Хаддок?

– Да, сэр. Джентльмена, чьим гостеприимством вы будете пользоваться, зовут мистер Эсмонд Хаддок.

– Странно, но мне в этом слышится что-то знакомое. Словно я уже где-то встречал эту

фамилию.

– Мистер Хаддок – сын владельца широко рекламируемого патентованного средства от головной боли «Похмельный холодок Хаддока», сэр. Возможно, вам приходилось иметь дело с этим снадобьем.

– Ну конечно! Он мне близко знаком. Не то что ваш чудодейственный эликсир, разумеется, но все-таки неплохое утреннее подспорье. Значит, он из тех Хаддоков?

– Да, сэр. Покойный отец мистера Хаддока женился на покойной мисс Флоре Деверил.

– Когда они оба еще не были покойными, надеюсь.

– Брак этот невестины сестры считали отчасти мезальянсом. Деверилы – старинный местный род, как и многие другие старинные рода, в настоящее время обедневший.

– А-а, понятно. Хаддок, хоть и не такой денежный мешок, каким мог бы быть по отцовской линии, оплачивает счета.

– Совершенно верно, сэр.

– Ну, я думаю, все же средства ему позволяют. Этот «Холодок», должно быть, настоящая золотая жила, а, Дживс?

– Я тоже склонен так думать, сэр.

Тут мне пришло в голову, как уже не раз приходило за разговорами с этим достойным человеком, что ему, видимо, многое известно по данному вопросу. Я изложил ему свое наблюдение, и выяснилось, что благодаря игре случая Дживс имеет доступ к сведениям о домашней жизни этого семейства.

– Мой дядя Чарли занимает пост дворецкого в «Деверил-Холле», сэр. От него ко мне и поступает информация.

– Я даже не знал, что у вас есть дядя Чарли. Чарли Дживс?

– Нет, сэр. Чарли Силверсмит.

Удовлетворенный, я закурил сигарету. Все более или менее разъяснилось.

– Что ж, неплохо. Вы будете снабжать меня этими... как их?... агентурными данными, если можно так сказать. Что за дом этот «Деверил-Холл»? Хорошо там? Какая местность? Живописная? Почва какая, песчаная? Обзор широкий?

– Да, сэр.

– Кормежка ничего?

– Вполне, сэр.

– Перейдем к персоналу. Имеется миссис Хаддок?

– Нет, сэр. Молодой джентльмен холост. Вместе с ним проживают пять теток.

– *Пять?*

– Да, сэр. Девушки Шарлотта, Эммелина, Гарриет и Мертл Деверил и вдова леди Дафна Винкворт, оставшаяся от покойного историка лорда П. Б. Винкворта. И еще с ними, насколько мне известно, живет дочь леди Дафны, мисс Гертруда Винкворт.

Услышав слова «пять теток», я ощутил некоторую дрожь в коленках. Шутка ли – очутиться в стае тет, пусть и не твоих лично. Но я напомнил себе, что в жизни важны не тети, а бесстрашие, с каким против них выходишь, и присутствие духа ко мне вернулось.

– М-да, – говорю. – Недостатка в дамском обществе не будет.

– Не будет, сэр.

– Тут, пожалуй, и Гасси Финк-Ноттлу обрадуешься.

– Вполне возможно, сэр.

– Какой уж он ни на есть.

– Да, сэр.

Кстати, вы, надеюсь, не забыли этого Огастуса, о котором я уже раз или два имел случай упомянуть прежде? Вернемся немного назад. Припомните: остолоп, каких мало, физиономия рыба, очки в роговой оправе, пьет апельсиновый сок, ловит тритонов и помолвлен с первой занудой Британии, некоей Мадлен Бассет... Представили себе? Ну вот...

– Скажите мне, Дживс, – говорю я. – А Гасси-то какое отношение имеет к этим злокачественным инфузориям? Он ведь тоже едет в «Деверил-Холл», и, по-моему, тут какая-то неразрешимая загадка.

– Вовсе нет, сэр. Этому имеется вполне простое объяснение. Леди Дафна Винкворт – крестная мать мисс Бассет. И мисс Бассет желает показать ей своего жениха, с которым та до сих пор еще не знакома.

– Это вы тоже знаете от дяди Чарли?

– Нет, сэр, меня уведомил сам мистер Финк-Ноттл.

– Вы что, с ним виделись?

– Да, сэр, он заходил в ваше отсутствие.

– Ну, и как он вам показался?

– Подавленным, сэр.

– Тоже, должно быть, вроде меня трусит ехать в этот злодейский притон.

– Да, сэр. Он полагал, что его будет сопровождать мисс Бассет, но она в последнюю минуту переменила свои планы и отправилась погостить в «Лиственницы», в Уимблдон-Коммон, к школьной подруге, недавно пережившей неудачу в любви. По мнению мисс Бассет, ей надо поднять настроение.

Положим, я не представлял себе, каким образом присутствие Мадлен Бассет, личности, от макушки до подошв совершенно обойденной милостью Божией, способно у кого-нибудь поднять настроение, однако ничего такого я не сказал. А только высказал предположение, что Гасси из-за этого, наверно, слегка взбеленился.

– Да, сэр. Он был раздосадован такой переменой планов. И как я понял из его собственных слов, поскольку он со мной поделился, отсюда проистекло даже некоторое охлаждение между ним и мисс Бассет.

– А, черт! – воскликнул я. А почему я так выразился, сейчас объясню. Если вы помните Гасси Финк-Ноттла, то, наверно, восстановили в памяти и всю ту цепь обстоятельств, которая привела – если цепь может привести – к тому, что кошмарная Бассет прочно забрала в свою неизвестно чем набитую голову, что якобы Бертрам Вустер умирает от любви к ней. Не буду сейчас вдаваться в подробности, скажу только, что она была твердо убеждена, будто достаточно ей разорвать отношения с Гасси, и я по первому ее свистку тут же примчусь со всех ног, в полной готовности выправлять брачную лицензию и заказывать свадебный торт.

Зная мое отношение к этой самой М. Бассет, вы легко поймете, почему всякие разговоры об охлаждении не могли не вырвать у меня испуганного возгласа. Сознание опасности никогда меня не покидало, и вздохнуть с облегчением я смогу только тогда, когда эта парочка благополучно прошествует к алтарю. До тех пор, пока священник не произнесет окончательный приговор, гора не скатится у Бертрама с плеч.

– Ну да ладно, – проговорил я, надеясь на лучшее, – милые бранятся, только и всего. Обычная размолвка. Случается сплошь и рядом. Небось теперь они уже благополучно помирились и улыбочивый бог любви снова трудится до седьмого пота на своем посту. Ха! – оборвал я свою речь, так как у двери затренькал звонок. – Кто-то к нам. Если это юный Тос,

передайте ему от меня, что в семь сорок пять вечера он, умытый и причесанный, должен быть в полной готовности сопровождать меня в театр «Олд Вик» на «Короля Лира». И пусть не пытается улизнуть. Сказано тебе матерью, чтобы побывал на «Короле Лире», значит, побываешь, и никаких разговоров.

– Я полагаю, что вероятнее, это мистер Перебрайт, сэр.

– Старина Китекэт? Почему вы решили?

– Он тоже заходил, пока вас не было, и дал понять, что снова заглянет позже. С ним была его сестра мисс Перебрайт.

– Вот так так! Таратора! Я думал, она в Голливуде.

– Насколько я понял, она приехала в Англию на отдых, сэр.

– Вы хоть чаем ее напоили?

– Да, сэр. Мастер Томас был за хозяина. А потом мисс Перебрайт увезла молодого джентльмена смотреть кинокартину.

– Жаль, я с ней разминулся. Я не видел Кору Таратору тысячу лет. Как она, ничего?

– Ничего, сэр.

– А Китекэт? Он как?

– Подавлен, сэр.

– Вы путаете его с Гасси, Дживс. Это он, если помните, был подавлен.

– И мистер Перебрайт тоже.

– Что-то угнетает людей, куда ни посмотришь.

– Мы живем в трудные времена, сэр.

– Ваша правда. Давайте его сюда.

Дживс просочился прочь, а через несколько мгновений просочился обратно.

– Мистер Перебрайт, – объявил он.

Он не ошибся в оценке: с первого взгляда было заметно, что вошедший действительно находится в подавленном состоянии.

А надо вам заметить, что вообще-то этого человека наблюдать в таком состоянии доводится нечасто. Обычно он чирикает как огурчик. В общем и целом, можно сказать, что из всех весельчаков-затейников в нашем клубе «Трутни» Клод Кэттермол Перебрайт, пожалуй, самый веселый и затейливый, как перед публикой, так и в частной жизни.

Я сказал «перед публикой», потому что свое еженедельное жалованье Китекэт зарабатывает на сценических подмостках. Он происходит из знаменитой театральной семьи. Отец его известен тем, что сочинил музыку к «Даме в голубом» и еще некоторым популярным постановкам, которые я, к сожалению, не видел, так как был в ту пору грудным младенцем. А мать – прославленная Элси Кэттермол, многие годы блиставшая на сценах Нью-Йорка. У него и сестра, Кора Таратора, тоже лет с шестнадцати покоряет публику прытью и... как это говорится?.. творческим задором.

Естественно поэтому, что после Оксфорда, подыскивая себе занятие, которое обеспечивало бы трехразовое питание и оставляло время для загородного крикета, он избрал актерские котурны. Сегодня, если хотят поставить комедию из светской жизни и нужен человек на роль «Фредди», легкомысленного приятеля, входящего во вторую любовную пару, взгляд режиссера первым делом падает на Китекэта. Обратите внимание, такой стройный молодой человек с ракеткой в руке, всегда появляется на сцене с воплем: «Привет, девчонки!» – и можете не заглядывать в программку, это и будет Китекэт.

Он выходит в первой сцене эдаким бодрячком и держится бодрячком до самого падения занавеса. И в жизни он точно такой же. Его неисчерпаемая энергия вошла в пословицы. Понго Твистлтон и Барми Фипс, каждый год выступающие в клубной курилке в клоунаде «Пат и Майк», где постановщиком и автором диалога всегда бывает Китекэт, рассказывают, что он их натаскивает до посинения, а сам хоть бы хны. Не человек, а Граучо Маркс.

И вот теперь, как я уже сказал, он пришел подавленный. Это было видно за версту. Горькая забота затенила чело, и вообще вид персонажа, который если и произносит: «Привет, девчонки!» – то таким тоном, как в русской драме объявляют присутствующим, что дедушка повесился в сарае.

Я радушно поздоровался с ним и выразил сожаление, что не был дома, когда он приходил предыдущий раз, тем более что он был с Тараторкой.

– Я не знал, что она в Англии, – говорю. – Так хотелось бы перекинуться с ней парой слов. А теперь, боюсь, я ее уже не увижу.

– Увидишь, не бойся.

– Да нет же. Завтра утром я уезжаю в «Деверил-Холл», в Хэмпшире, подсобить им там с деревенским концертом. Племянница тамошнего священника настояла на том, чтобы включить меня в труппу, хотя я совершенно не понимаю, откуда она обо мне прослышала. Никогда не знаешь, как далеко распространилась твоя слава.

– Дурень ты. Это же Тараторка.

– Таратора?

Я был потрясен. На свете мало таких славных ребят, как Кора (Таратора) Перебрайт, я с ней поддерживаю самые приятельские отношения еще с тех давних пор, когда в молодые лета мы посещали один танцкласс, но ничто в ее поведении не говорило до сих пор о том, что она близкая родственница духовного лица.

– Дядя Сидней состоит там викарием [133]. Тетка уехала отдыхать в Борнмут, и в ее отсутствие Таратора у него за домоправительницу.

– Господи! Бедный старина Сид! Она ведь небось и у него в кабинете наводит порядок.

– Возможно.

– И галстук на нем поправляет.

– Не удивлюсь, если так.

– И бранит его за то, что много курит, и чуть только он устроится в кресле поудобнее, сразу же сгоняет его, чтобы взбить подушечки. Ему, наверно, кажется, что он живет в Апокалипсисе. Но ей-то как после Голливуда, не скучно жить в доме деревенского священника?

– Ничуть. Ей там очень нравится. Тараторка ведь не то что я. Я бы истосковался без театра, а она никогда в это дело не вкладывала душу, хотя и имела шумный успех. Я думаю, она вообще не пошла бы в актрисы, если бы не воля матери. Тараторка мечтает выйти замуж за деревенского жителя и провести остаток дней в окружении всяких там ковров, собак и прочей скотины. Не иначе как сказываются гены старого фермера Джайлса, это наш дед с отцовской стороны. Я его смутно помню. Борода до полу, и постоянно стонал насчет погоды. Вот и она тоже, хлопотать по делам прихода и устраивать деревенские концерты – это занятие для нее.

– А ты имеешь понятие, с чем она хочет выпустить меня перед простым народом? Не со «Свадебной песнью пахаря»?

– Нет. Тебе поручается роль Пата в моем комическом скетче.

Это известие меня скорее обрадовало. Слишком часто в мероприятиях подобного рода организаторы выставляют тебя на сцену со «Свадебной песнью пахаря», и будь здоров. А «Свадебная песнь пахаря» почему-то всегда возбуждает самые низменные страсти в местных хулиганах, которые скапливаются, стоя позади скамеек. Между тем как комические скетчи с колотушками и с диалогом невпопад у стоячих зрителей идут на ура. По-видимому, зрелище того, как персонаж А лупит персонажа Б зонтиком по голове, а персонаж Б тычет тем же тупым оружием персонажа А под ребра, находит в их душах некий отклик. В зеленой бороде и при поддержке толкового напарника я вполне мог рассчитывать, что заставлю клиентов кататься от смеху в центральном проходе между скамьями.

– Ну и отлично. Прекрасно. Теперь я могу смотреть навстречу будущему с легким сердцем. Но если Тараторе нужен был кто-нибудь на роль Пата, почему она не пригласила тебя? Профессионал, можно сказать, закален в трудах. Хотя могу себе представить: она, наверно, предложила тебе эту роль, а ты задрал нос и гордо фыркнул, мол, такое жалкое любительство – не для тебя.

Но Китекэт мрачно помотал башкой.

– Вовсе нет. Я бы с радостью выступил в кингс-деверильском концерте, но это исключено. Дамы в «Деверил-Холле» меня на дух не выносят.

– Так ты с ними знаком? Что они собой представляют? Эдакий хоровод чопорных граций?

– Да не знаком я с ними, просто я помолвился с их племянницей Гертрудой Винкворт, а у них от мысли, что она выйдет за меня, начинается родимчик. Если я появлюсь в окрестностях «Деверил-Холла», хоть за версту, на меня собак спустят. Кстати о собаках. Тараторка купила сегодня утром кобеля в питомнике Баттерси.

– Ну и дай Бог ей здоровья, – рассеянно отозвался я, поскольку мысли мои были заняты

упомянутой им любовной коллизией, которой я никак не мог найти место в клубке теток и прочей родни, перечисленной в общих чертах Дживсом. Наконец все-таки разобрался: Гертруда Винкворт – это дочь леди Дафны Винкворт, оставшейся от покойного П. Г. Винкворта, историка.

– Насчет этого я и приехал с тобой переговорить.

– Насчет кобеля?

– Нет, насчет моих дел с Гертрудой. Мне нужна твоя помощь. Я сейчас тебе все расскажу.

Когда Китекэт у меня появился, я в порядке приветствия вручил ему стаканчик виски с разбавкой, и до сих пор он успел сделать из него всего один порядочный глоток да пару раз еще слегка пригубил. И вот теперь он единым махом опрокинул остаток в пасть, и похоже, что удачно, потому что после этого он взбодрился и заговорил с живостью и без запинок:

– Для начала должен тебе сказать, Берти, что с тех пор, как первый человек выполз на брюхе из первобытной слизи и началась жизнь на этой планете, никто никого так не любил, как я люблю Гертруду Винкворт. Упоминаю об этом для того, чтобы ты осознал: перед тобой не какой-то там легкий загородный флирт, а настоящая серьезная драма. Я люблю Гертруду!

– Замечательно. Где ты с ней познакомился?

– В одном доме в Норфолке. Друзья затеяли там любительский спектакль и пригласили меня постановщиком. Бог мой! Эти сумерки в старом саду, когда вокруг в кустах сонно щебечут пташки и на небесах зажигаются первые звезды...

– Хорошо, хорошо. Дальше.

– Она удивительная, Берти. Как она меня полюбила, просто не представляю себе.

– Но все же полюбила?

– О да! Она меня любит. Мы обручились, и она возвратилась в «Деверил-Холл» сообщить матери радостную весть. Но когда она сообщила, знаешь, что произошло?

– Мамаша взбрыкнула?

– Испустила такой вопль, что слышно было до самого Бейсингстока.

– До которого в милях?..

– Около двадцати четырех, если по прямой.

– Ну конечно! Я же знаю Бейсингсток!

– Она...

– Я там в детстве гостил. Моя старая няня жила там в полусобственной вилле «Балморал». Няня по фамилии Хогг, представляешь? Няня Хогг. Страдала от частой икоты.

Китекэт как-то странно насупился и стал похож на стоячего деревенского зрителя, которому исполнили «Свадебную песнь пахаря».

– Слушай, Берти, – сказал он, – давай не будем сейчас говорить о Бейсингстоке и о твоей няне, ладно? Пропади пропадом Бейсингсток, и пропади пропадом твоя няня. На чем я остановился?

– Мы отвлеклись, когда леди Дафна Винкворт испустила вопль.

– Верно. Ее сестры, узнав, что Гертруда собирается замуж за брата мисс Перебрайт, которая проживает в доме викария, и что сам этот брат – по профессии актер, тоже испустили вопли.

Меня подмывало спросить насчет их воплей, было ли их тоже слышно до самого Бейсингстока, но по здравом размышлении я воздержался.

– Им не нравится Таратора и не нравятся актрисы. Во времена их молодости, при старой королеве Елизавете, на актеров смотрели как на повес и бродяг, и они до сих пор не могут взять в толк, что современный актер – это солидный член общества, получающий свои шестьдесят фунтов в неделю и большую из них часть помещающий в надежные государственные бумаги. Да черт возьми, научили бы меня, как обвести налоговую инспекцию, я бы стал богатым человеком! Ты не знаешь способа, как их перехитрить, Берти?

– Нет, к сожалению. Боюсь, что этого даже Дживс не знает. Так тебя, значит, спустили с лестницы?

– Примерно так. Гертруда прислала мне письмо, что ничего не выходит. Ты можешь задать вопрос, почему мы не поженимся без согласия родительницы?

– Я как раз собирался спросить.

– Не могу уговорить Гертруду. Она боится маменькиного гнева.

– Страшная женщина, должно быть, эта маменька.

– Кошмарная. Была директрисой школы для девочек старшего возраста. Гертруда тоже отбывала у нее там каторгу и до сих пор не изжила боязни. Так что о женитьбе вне лона семьи не может быть и речи. А тут еще вот какая загвоздка, Берти. Тараторка выхлопотала для меня контракт на своей студии в Голливуде, и я теперь с минуты на минуту могу уехать. Ужас какой-то.

Я помолчал. У меня в памяти брезжила вычитанная где-то фраза насчет того, что что-то там такое чему-то там такому не помеха, но точной формулировке никак не поддавалась. В смысле – что если девушка тебя любит, а ты вынужден временно оставить ее на хранение, то она может и подождать, что я Китекэту и высказал. А он ответил, что так-то оно так, да только мне еще не все известно. Там, по его словам, строится мощная интрига.

– Теперь мы подходим, – сказал он, – к этому исчадью ада, Хаддоку, и вот где, Берти, мне нужна твоя братская помощь.

Я ответил, что не совсем понял, а он сказал, что еще бы мне совсем понять, черт подери, может быть, я все-таки секунду помолчу и дам ему договорить, и я сказал «да ради Бога».

– Хаддок! – произнес Китекэт с зубовным скрежетом и прочими проявлениями чувств. – Хаддок, разрушитель семейных очагов! Известно тебе что-нибудь об этом первостатейном гнусе, Берти?

– Только, что его папаша был владельцем того самого «Похмельного холодка».

– Да, и оставил ему столько монет, что потопят целую галеру. Я не хочу сказать, что Гертруда может выйти за него из-за денег. Такой грубый расчет она с презрением отвергнет. Но вдобавок к груде наличности он еще красив, как греческий бог, и очень обаятелен. Гертруда сама так написала. И мало того, я еще понял из ее писем, что вся их семейка оказывает на нее давление в его пользу. Сообрази, какое давление способны развить одновременно мать и четверо теток.

Я начал понемногу представлять себе положение вещей.

– То есть Хаддок хочет занять твое место?

– Гертруда пишет, что он ее обрабатывает и так и этак. Нет, ты только посмотри, что за птица этот тип. Порхает с цветка на цветок, лакомится, еще совсем недавно он точно так же обхаживал Таратору. Спроси у нее при встрече, но только тактично, ее вся эта история жутко травмировала. Говорю тебе, он – угроза обществу. Его надо посадить на цепь ради безопасности чистых девичьих сердец. Но мы с ним еще расправимся, точно, а?

– Что – точно, а?

– Расправимся, увидишь. Слушай, что мне от тебя надо. Согласись, даже такой нахал, как Эсмонд Хаддок, настоящий южноамериканский сердцеед, не станет осуществлять свои гнусные ухаживания прямо у тебя на глазах.

– То есть ему для этого нужен тет-а-тет?

– Вот именно. Так что ты, как только очутишься в «Деверил-Холле», сразу же принимайся портить ему его подлую игру. Постоянно будь рядом с Гертрудой, не отходи ни на шаг, будто приклеенный. Главное, чтобы он не мог остаться с нею наедине среди роз. Если планируется посещение розария, присоединяйся. Ты меня понимаешь, Берти?

– О да, я тебя понимаю, – ответил я не совсем уверенно. – Что-то вроде Мэри и ее барашка, который везде за ней ходил, может, тебе знакомо такое стихотворение? Я его часто декламировал в детском возрасте – ну, там, в общем, рассказывается, как у Мэри был барашек, весь беленький, как снег, и куда она ни пойдет, и он идет за ней. Словом, ты хочешь, чтобы я действовал в его духе?

– Правильно. Будь все время начеку, ибо проморгаешь – беда. Знаешь, какое последнее коварство он задумал? Чтобы как-нибудь на днях, с утра пораньше, он и Гертруда захватили сандвичей и поехали на пикник за пятнадцать миль от дома в одно живописное место, где есть обрывы, скалы и прочее. И знаешь, что он задумал там сделать? Показать ей утес под названием Обрыв влюбленных!

– Да?

– Не говори, пожалуйста, «Да?» таким равнодушным тоном. Лучше постарайся себе представить: пятнадцать миль езды туда, потом Обрыв влюбленных и пятнадцать миль обратно. Страшно подумать, до каких крайностей может дойти человек вроде Эсмонда Хаддока во время тридцатимильной поездки с Обрывом влюбленных ровно посередине! Не знаю точно, на какой день назначена поездка, но, когда бы они ни собрались, ты поезжай с ними и не отставай ни на шаг. Садись, если представится возможность, между ними. И особенно не спускай с него глаз, когда подъедете к Обрыву влюбленных, это самое опасное место. Чуть только заметишь с его стороны поползновение склониться к ней и зашептать на ухо, сразу же, как молния, бросайся наперерез. Я на тебя полагаюсь, Берти. От тебя зависит все счастье моей жизни.

Понятно, когда человек, с которым вместе учился в начальной школе, в средней школе и в Оксфорде, вдруг говорит, что он на тебя полагается, тут уж хочешь не хочешь, а надо подставить плечо. Не то чтобы его поручение было мне особенно по сердцу, не стану преувеличивать, но я ответил, что, мол, будет исполнено, и он пожал мне руку и высказался в том смысле, что, будь в мире больше таких людей, как я, и сам мир сделался бы лучше, – точка зрения, которую отнюдь не разделяла моя тетьа Агата и которую, как я предчувствовал, едва ли разделит Эсмонд Хаддок. Возможно, что в стенах «Деверил-Холла» и найдется кто-нибудь, кто полюбит Бертрама, но имени Э. Хаддока, я готов побиться об заклад, в списке этих людей не будет.

– Уф! Сразу на сердце полегчало, – промолвил Китекэт, после того как выпустил мою руку, потом снова схватил и пожал вторично. – Совсем другое дело, когда знаешь, что там на месте находишься ты и неустанно, как крот, трудишься в моих интересах. Мне последнее время кусок в горло не лез, но сегодня я, кажется, пообедаю с аппетитом. Хотелось бы мне, чтобы и я, со своей стороны, мог для тебя что-нибудь сделать.

– Можешь, – сказал я.

Мне пришла в голову одна мысль, подсказанная, без сомнения, его словами про

сегодняшний обед. С той самой минуты, как Дживс сообщил мне об охлаждении между Гасси Финк-Ноттлом и Мадлен Бассет, меня точил червь беспокойства по поводу того, что Гасси сегодня будет обедать в одиночестве.

Ведь знаете, как бывает, когда после небольшой любовной размолвки отправляешься обедать один-одинешенек. Уже за супом ты обращаешься мыслью к той, с которой рассорился, и задаешься вопросом, а так ли уж разумно вообще было твое намерение на ней жениться? К рыбному блюду сомнения твои углубляются, а к тому времени, когда, покончив с *roulet roti au cresson* [[134](#)], заказываешь кофе, ты уже совершенно убежден, что женщина – это «тряпки, кость и пучок волос» и что законтрактовать ее на должность спутницы жизни до могилы было бы чистым безумием.

В таких случаях нужно веселое общество, тогда черные мысли тебя оставят. И мне пришло в голову, что есть возможность обеспечить Гасси компанию.

Так что я сказал:

– Можешь. Ты ведь знаешь Гасси Финк-Ноттла. Он сейчас в подавленном настроении, а мне по некоторым причинам не хотелось бы, чтобы он сегодня обедал в тоске один. Ты не угостишь его обедом?

Китекэт поморщился. Я знал, какие мысли проносятся у него в мозгу. Он думал, что для приятного обеда главное одно: чтобы на нем не присутствовал Гасси.

– Я должен угостить его обедом?

– Так точно.

– А что же ты сам?

– Тетя Агата желает, чтобы я сводил ее сына Томаса в «Олд Вик».

– Плюнь и не ходи.

– Нельзя. Потом разговоров не оберешься.

– Ну что ж. Ладно.

– Бог тебя вознаградит, Китекэт, – с чувством произнес я.

Таким образом, с Гасси все устроилось, и я мог с легким сердцем отправиться на покой. Я даже не подозревал о том, что принесет мне завтрашний день.

А день поначалу принес ощущения самые приятные. Как обычно бывает, когда тихой вечерней порой тебя ждут крупные неприятности, утро рассиялось всеми цветами радуги. Зная, что ровно в два пятьдесят три мне надо будет посадить в поезд юного Тоса и отправить его в приморскую школу для малолетних преступников, я завтракал с песней на устах и во время второго завтрака, помнится, тоже был в отличном настроении.

Я отвез юного Тоса на вокзал Виктория, запихнул в поезд, сунул ему в лапу один фунт и еще постоял помахал родственной рукой, покуда он окончательно не исчез из виду. А потом, заглянув по пути в клуб погонять мяч, вернулся к себе на квартиру в самом бодром расположении духа.

До этой черты все шло превосходно. Вешая шляпу на крючок и ставя зонт в стойку для зонтов, я склонялся к мысли, что если Господь и не в небесах и в человеках не благоволение, то, во всяком случае, общее положение вещей близко к тому. Ни намек предчувствия, как говорится, того, что за углом затаилось горькое пробуждение и сейчас жахнет меня клюшкой по кумполу.

Первое, на что я вынужден был обратить внимание, переступив порог квартиры, это на изрядный шум, неуместный в доме джентльмена. Из-за закрытой двери гостиной слышался женский голос, издающий как бы подбадривающие крики, и вдобавок к женскому голосу – яростный лай, как лает свора гончих псов, взявших след. Можно было подумать, будто у меня в спальне собралась вся лисья охота целого графства, и я как квартиросъемщик, естественно, рванул туда выяснить, в чем дело. Никто не может упрекнуть Бертрама Вустера в занудстве и чистоплюйстве, но бывают, мне кажется, минуты, когда человек обязан все-таки проявить твердость.

Поэтому я распахнул дверь и сразу же полетел вверх тормашками, сбитый с ног каким-то твердым телом с длинным языком муравьеда. Этот язык принялся с воодушевлением оглаживать меня от макушки вниз, и когда рассеялся туман, я увидел себя в клинче с лохматым псом не вполне однозначных кровей. А рядом с нами, глядя сверху вниз, точно мать, любующаяся шалостями первенца, стояла Кора Таратора, сестра Китекэта.

– Правда, кисонька? – спросила она. – Ну просто херувимчик!

Тут я не мог с ней полностью согласиться. Пес действительно был как будто бы добродушный и сразу же проникся ко мне симпатией, но внешне он все-таки не мог рассчитывать на приз за красоту. Прямо Борис Карлофф в гриме.

Другое дело Таратора, она, как всегда, ласкала взор. После двух лет, проведенных в Голливуде, на нее стало даже еще приятнее смотреть, чем раньше, когда она в последний раз наблюдалась в наших краях. Этакое изящное из себя юное создание среднего роста, общей конфигурацией наподобие Гертруды Лоренс и с рисунком лица, достойным пристального изучения. В спокойном состоянии оно выглядит вроде как задумчиво, кажется, это чистая белая душа, думающая возвышенную думу; зато, оживленное, оно оживляется так сильно, что один взгляд на него вдохновляет на любые подвиги. Глаза у нее коричневато-каштановые, и волосы тоже вроде того. А в целом – ангел, у которого большой избыток энергии. И если надо выбирать, с кем бы ты захотел очутиться на необитаемом острове, первым номером, возможно, окажется Хеди Ламарр, но и имя Кору Перебрайт тоже будет в числе достойных Похвального Упоминания.

– Его зовут Сэм Голдуин, – пояснила Тараторка, оттащивая зверя за поводок от моего простертого тела. – Я купила его в питомнике Баттерси.

Я встал с пола и утерся.

– Китекэт мне говорил.

– Значит, ты уже с ним виделся? Очень хорошо.

В этом месте она, видимо, спохватилась, что мы забыли поздороваться, во всяком случае, она не пожалела времени на то, чтобы чин чинном выразить положенную радость от нашей встречи после столь долгой разлуки. Я тоже сказал, что рад встрече после столь долгой разлуки, она спросила, как я поживаю, я сказал, что хорошо, а как она поживает, и она тоже сказала, что хорошо. И еще она спросила, по-прежнему ли я такой же непроходимый болван, как и раньше, и я удовлетворил ее любопытство на сей счет.

– Я заезжала вчера, думала тебя застать, – сказала Тараторка. – Но тебя не было дома.

– Да, Дживс мне говорил.

– Меня тут принимал какой-то рыжий мальчик. Сказался твоим двоюродным братом.

– Да, это сын моей тети Агаты и, как ни странно, сокровище ее души.

– Как ни странно?

– Он – исчадь ада, и имя ему – Черная Тень.

– Да? А мне он понравился. Я дала ему пятьдесят автографов. Он намерен продать их мальчикам в школе и рассчитывает выручить по шесть пенсов за штуку. Он мой давний кинопоклонник, и мы с ним во всем нашли общий язык. Хотя Китекэту он, кажется, не очень нравится.

– Еще бы, он как-то подложил кнопку ему на стул.

– А-а, ну тогда его холодность понятна. Кстати о Китекэте, он дал тебе текст диалога?

– Дал. Я читал его вечером в постели.

– Вот и чудесно. И вообще ты молодец, что согласился прийти на выручку.

Я не стал объяснять, что изначально распоряжение прийти им на выручку я получил от собственной тети, с которой не поспоришь. А, со своей стороны, поинтересовался, кто будет моим партнером в этой веселой клоунаде, сочетающей юмор со злободневностью, то есть кто выступит в небольшой, но ко многому обязывающей роли Майка? Таратора ответила, что Майком будет артист по фамилии Доббс.

– Полицейский Доббс, местный блюститель порядка. И в связи с этим, Берти, я хочу, чтобы ты твердо усвоил следующее. Будешь колотить полицейского Доббса зонтом, там, где это требуется по сценарию, – пожалуйста, не нежничай, выдай ему не понарошку, а со всей силы. Чтобы он почувствовал, негодяй, и сошел со сцены весь в синяках и царапинах.

Я сразу понял со свойственной мне проницательностью, что она что-то имеет против этого Доббса. И так ей прямо и сказал. Она подтвердила, нахмурив на миг алебастровый лоб.

– Да, – сказала Таратора, – я люблю бедного старенького дядюшку Сиднея, а этот невоспитанный деревенский слепень отравляет ему существование. Он атеист.

– Вот как? – говорю. – Атеист? Лично я никогда такими делами особенно не увлекался. Даже получил один раз в начальной школе приз за хорошее знание Библии.

– Он дразнит дядю Сиднея: выскочит из-за угла и отпускает возмутительные шуточки насчет Ионы и кита. Этот скетч послан нам небом. В обыденной жизни поди сыщи удобный случай поколотить полицейского. Хотя кто-кто, а этот наглый Эрнест Доббс заслуживает взбучки. То он своими подлыми шуточками порочит Иону и кита, то спрашивает дядю Сиднея, откуда взялась жена Каина. Естественно, что чувствительному священнику это

неприятно, так что давай, миленький, сомкни ряды, и пусть виновный получит по заслугам.

От таких речей у меня в жилах взыграла кровь Вустеров и пробудились рыцарские чувства. Я пообещал Тараторе, что к тому времени, когда под занавес грянут «Боже, храни короля», полицейский Доббс ощутит на себе последствия нешуточного боя, и Таратора меня любезно поблагодарила.

– Я вижу, ты покажешь себя молодцом на этом вечере, Берти. Имей в виду, от тебя ждут больших свершений. Вся деревня уже много дней только о том и говорит, что о предстоящем приезде Бертрама Вустера, великого лондонского комика. Ты будешь украшением программы. А, видит Бог, украшения этой программе понадобятся.

– Кто еще там выступит?

– Да так, кого удалось наскрести по соседству... Ну, и Эсмонд Хаддок. Он поет песню.

По тому, как она произнесла это имя, будто выплюнула с омерзением, я удостоверился, что ей и правда острый нож в сердце – данный Эсмонд Хаддок и его сомнительное поведение и что прав был Китекэт, предупреждая, чтобы я тактичнее касался этой темы. Поэтому я сказал, аккуратно подбирая слова:

– Ах да. Эсмонд Хаддок. Помнится, Китекэт мне о нем рассказывал.

– Ну, и что он говорил?

– Да так, всякое.

– В связи со мной?

– Д-да, до некоторой степени.

– Что именно?

– Н-ну, он вроде как намекнул, если я правильно его понял, что вышеупомянутый Хаддок не вполне по-хорошему поступил с нашей девушкой. По словам Китекэта, ты и этот современный Казанова были некоторое время тому назад как два голубка, но потом, попорхав, он тебя бросил, будто дырявую перчатку, и пристал к Гертруде Винкворт. Все, должно быть, не так на самом деле, Китекэт, конечно, напутал.

И тут она мне все выложила. Наверно, девушка, неделями ходившая с острым ножом в разбитом сердце, начинает понимать, что девичья гордость – это, конечно, хорошо, но душу облегчает лишь чистосердечное признание. Ну, и потом, поделиться со мной – это ведь не то что посвятить в свою личную жизнь постороннего человека. Вспомнила, поди, как мы посещали с ней один танцкласс, и возможно, перед ее мысленным взором возник образ отрока Вустера, слегка прыщавого и в костюмчике маленького лорда Фаунтлероя.

– Нет, ничего он не напутал. Мы действительно были с ним как два голубка. Но он не бросил меня, как дырявую перчатку, это я бросила его, как дырявую перчатку. Я сказала ему, что не хочу больше иметь с ним никакого дела, до тех пор пока он не проявит твердость и не перестанет пресмыкаться перед своими тетками.

– А он, значит, пресмыкается перед тетками?

– Да. Червь несчастный.

Этого я так оставить не мог. И получше люди, чем Эсмонд Хаддок, бывает, пресмыкаются перед тетками, о чем я ей и сказал. Но она не слушала. Девушки, я уже замечал, обыкновенно не слушают, что я говорю. Лицо у нее вытянулось, взгляд затуманился, губы, вижу, слегка дрожат.

– Не надо мне было обзывать его червем. Тут на самом деле не его вина. Его с шестилетнего возраста воспитывали тетки и угнетали каждый божий день, так что теперь, я думаю, ему не просто сбросить оковы. Мне его очень жалко. Но всему есть предел. Когда

оказалось, что он боится объявить им о нашей помолвке, я больше не могла этого терпеть и сказала ему прямо, что он обязан им объявить, а он позеленел от страха и отвечает: нет, не могу, – а я тогда говорю: ну и ладно, в таком случае между нами все кончено. С тех пор я не обменялась с ним ни словом, только вот договорилась, что он споет песню на концерте. Но самое печальное то, Берти, что я его по-прежнему люблю, и даже еще больше; только подумаю о нем, и мне сразу хочется выть и грызть ковер на полу.

Тут она зарылась лицом в лохматую шею Сэма Голдуина, по виду как бы хозяйская ласка, но я, с моей проницательностью, угадал за этим попытку утереть навернувшиеся слезы. Я бы лично на ее месте воспользовался для этого батистовым платочком, поскольку от животного исходил сильный запах, но девушки такой народ, чего с них взять.

– Ну да ладно, – сказала Таратора, всплывая из темных глубин.

Что от меня требовалось дальше, было не совсем ясно. Сказать: «Ничего, ничего, малышка»? Можно попасть в точку, а можно и промахнуться. Поразмыслив, я все же решил ограничиться покачиванием головой.

– Не важно, – отмахнулась Тараторка, и видно было, что она взяла себя в руки. – Бывает. Ты когда едешь в Деверил?

– Сегодня вечером.

– И как настроение?

– Да так. Слегка не по себе. Тетки – это вообще не моя стихия, а Дживс утверждает, что их в «Деверил-Холле» целая банда. Пять тетей, так он говорит.

– Это верно.

– Многовато.

– На пять голов больше, чем надо. Вряд ли они тебе понравятся, Берти. Одна глухая, другая из ума выжила, и все пятеро стервы.

– Ты употребляешь сильные выражения, моя милая.

– Исключительно потому, что не приходит в голову ничего посильнее. Жуткие тетки. Всю жизнь прожили в своем замшелом деревенском доме и сами словно сошли со страниц старого романа в трех томах. Всех меряют по провинциальной мерке. Местная знать, видите ли. Если ты не из их числа, то как бы вообще не существуешь. Чуть не месяц, я слышала, пролежали в обмороке, когда их сестра обвенчалась с отцом Эсмонда.

– Да, Дживс говорил, что, по их мнению, он замарал фамильный герб.

– А уж как бы я его замарала! В их глазах киноактриса – это алая женщина и блудница.

– Я вот думал насчет этой самой алой женщины, у нее что же, вся кожа такая или только лицо? Впрочем, не об этом сейчас речь.

– Так, стало быть, вот какие дела.

И надо сказать, я даже обрадовался, что в этот самый момент пес Сэм Голдуин вдруг снова ни с того ни с сего сделал рывок и налетел на меня с лозунгом «Назад к Вустеру!». Этим он помог мне пережить минуту душевного волнения. Я в самом деле как-то разволновался. Что тут делать, было непонятно, но факт таков, что в делах матримониальных над семейством Перебрайтов навис злой рок. И Тараторе, видимо, пришла в голову та же самая мысль.

– Надо же было так получиться, – печально проговорила она, – чтобы изо всех бесчисленных моих знакомых мужчин единственный, за которого я хотела бы выйти замуж, не может на мне жениться, потому что ему тети не велят.

– Да, не повезло тебе, – согласился я.

– И бедняге Китекэту тоже не повезло. На него глядя, в жизни не подумаешь, что он способен так страдать из-за девушки, но он очень даже способен! В нем столько скрытых глубин, если присмотреться поближе. Гертруда для него – все. Но разве она выстоит против объединенных сил Эсмонда и своей матери с тетками?

– Да, Китекэт говорил, что на нее оказывается давление.

– Как он тебе показался?

– Подавлен.

– Переживает, – вздохнула Таратора.

Лицо ее затуманилось. Китекэт всегда был для нее как зеница в глазу, если я понятно выражаюсь. Было ясно, что она оплакивает его в сердце своем, и нам бы в эту минуту не миновать завести долгий разговор о его неприятностях, обсудить их со всех сторон и прикинуть, что бы такое предпринять ему в помощь, – но тут дверь открылась и он явился собственной персоной.

– Здорово, Китекэт, – сказал я.

– Здорово, Китекэт, миленький, – сказала Таратора.

– Привет, – ответил он.

Я посмотрел на Таратору. Она посмотрела на меня. И кажется, мы с ней оба поджали губы, а что до меня, то я, безусловно, вздернул брови. Ибо у этого Перебрайта был вид человека, оставившего всякую надежду, и голос, которым он нас приветствовал, вполне можно было назвать загробным. Словом, общее впечатление было такое, что не могло не пробудить жалость и опаску в сердцах его доброжелателей.

Китекэт опустил в кресло, смежил веки и некоторое время пребывал в неподвижности. Потом вдруг, будто бомба взорвалась у него в черепной коробке, он с глухим стоном выпрямился, сдавив ладонями виски. И тут мне сразу все стало ясно. Когда человек вот так хватается за голову в убеждении, по-видимому, что иначе она у него расколется пополам, ошибочно думать, что он превратился в живой труп просто по причине несчастной любви. Я тронул звонок. Появился Дживс.

– Будьте добры, порцию вашего утреннего живительного, Дживс.

– Очень хорошо, сэр.

Он, мерцая, выскользнул из комнаты, а я направил на Китекэта испытующий взор. Я слышал от людей знающих, что похмелье бывает шести родов: «Сломанный компас», «Швейная машинка», «Комета», «Атомная бомба», «Бетономешалка» и «Черная кикимора», – и, судя по виду Китекэта, он страдал сейчас одновременно всеми шестью родами.

– Налакался вчера? – спросил я.

– Наверно, немного перебрал, – признался он.

– Сейчас Дживс притащит живительное.

– Благодарю тебя, Берти, – тихо и прочувствованно произнес Китекэт и опять смежил вежды.

Похоже, что он намеревался малость вздремнуть и тем восстановить силы организма, и я бы лично предоставил ему в этом деле свободу выбора. Но у Тараторки характер потверже моего. Она схватила обеими руками его за голову и встряхнула так, что он подпрыгнул до потолка, испустив на этот раз вопль далеко не сдавленный, а, наоборот, довольно мощный, подобный предсмертному реву сотни издыхающих гиен. Естественно, в ответ и Сэм Голдуин залаял так, что задрожали небеса, и мне пришлось, чтобы убрать этот звук из эфира, подтащить пса к двери и вытолкать вон. По возвращении же я застал Тараторку

распекающей брата на все корки.

– Ты же дал мне честное слово, чучело несчастное, что не будешь напиваться, – говорила она с сестринским металлом в голосе. – Выходит, ты продал честное слово Перебрайтов?

– Легко тебе говорить, – с некоторой горячностью возразил Китекэт. – Я, когда давал честное слово Перебрайтов, что не буду напиваться, разве знал, что окажусь за одним столиком с Гасси Финк-Ноттлом? Вот Берти подтвердит, что без сильных стимулирующих средств провести вечер в обществе Гасси Финк-Ноттла нет никакой человеческой возможности.

Я кивнул.

– Он прав, – говорю. – Общество Гасси Финк-Ноттла, даже когда он в наилучшей форме, не всякому по силам. А вчера вечером он еще был, насколько я разбираюсь, в подавленном настроении.

– Очень подавленном, – подтвердил Китекэт. – Помню, когда я возвращался из турне в начале своей театральной карьеры, бывало, выйду в Саутпорте, а дождь льет беспросветно – бррр, и такую же беспросветную тоску наводит Гасси. Сидит, челюсть отвисла, глаза порыбьи вылупил и смотрит...

– Гасси поссорился со своей нареченной невестой, – пояснил я попутно.

– ...и в конце концов мне стало ясно, что для меня есть только один способ остаться в живых. Я велел официанту приволочь большую бутылку и поставить возле меня. После этого немного полегчало.

– Гасси-то, конечно, пил апельсиновый сок?

– Исключительно, – ответил Китекэт и весь передернулся.

Я вижу, несмотря на его мужественное покаяние. Тараторка все еще готова обрушиться на его бедную больную голову потоки сестринских укоров, ибо даже лучшие из женщин не способны промолчать наутро после возлияний. И я поспешил перевести разговор на нейтральные рельсы.

– А где вы ужинали?

– В «Дорчестере».

– А потом заезжали еще куда-нибудь?

– О да.

– Куда?

– Да так, в разные места. «Ист-Далуич», «Пондерс-Энд», «Маяк».

– В «Маяк»-то зачем?

– Мне давно туда хотелось. Может, думал, посмотрю, откуда прожектор светит. А насчет «Далуича» и «Пондерс-Энда» не могу тебе сказать. Наверно, кто-то мне их похвалил, или просто надо было срочно сменить обстановку, увидеть новые лица. Я нанял такси на весь вечер, и мы катились по улицам, любовались городскими пейзажами. Под конец очутились на Трафальгарской площади.

– В котором часу?

– Около пяти утра. Ты бывал на Трафальгарской площади около пяти утра? Очень живописно. Знаменитый фонтан в первых утренних лучах. И как раз когда мы стояли на краю фонтана, а заря золотила окрестные крыши, мне пришла в голову мысль, которая показалась тогда превосходной, но, как я понимаю теперь, была неудачной.

– Что за мысль?

– Я подумал, что в фонтане вполне могут водиться тритоны, и, зная, как Гасси Финк-Ноттл их обожает, посоветовал ему забраться в фонтан и пошарить.

– Прямо в одежде?

– Да, помнится, одежда на нем была. Да, да, точно.

– Но как же можно в одежде лезть в фонтан на Трафальгарской площади?

– Можно. Гасси, во всяком случае, смог. У меня в голове все немного смешалось, но, кажется, сначала пришлось его уговаривать. Вот, вот, вспомнил! – обрадованно воскликнул Китекэт. – Я ему сказал «лезь в воду», а он не лезет, и тогда я сказал, что, если он не полезет, я дам ему бутылкой по башке. Ну, он и залез.

– Значит, бутылка все еще была при вас?

– Эта уже другая, из «Маяка».

– Итак, Гасси залез в воду.

– Да.

– Удивительно, как его не задержала полиция.

– Почему же не задержала. Задержала. Явился полицейский и сцапал его, и сегодня утром в полицейском суде на Бошер-стрит ему припаяли четырнадцать суток без права замены штрафом.

Тут открылась дверь, в комнату ворвался Сэм Голдуин и бросился мне на грудь, будто мы с ним – возлюбленная пара и не виделись целую вечность.

Следом за ним шествовал Дживс с подносом, на котором высился стакан с его бронебойным эликсиром.

Когда я прыщавым юнцом, на тринадцатом году, отбывал срок в «Малверн-Хаусе», частной школе почтенного Обри Апджона, помню, как сей почтенный Обри Апджон хвалил покойного сэра Филипа Сиднея за то, что тот, будучи ранен в какой-то там битве, когда товарищ протянул ему стаканчик горячительного, отказался в пользу раненого соседа, чья нужда, по его прикидке, была горше, чем его. «Этот же дух самоотречения, – говорил почтенный Обри, – я хотел бы видеть в вас, мальчики, – особенно в тебе, Вустер, сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не сидел разинув рот, как идиот! Захлопни рот, мой мальчик, и сядь ровнее».

Ну, так вот. Будь он сейчас среди нас, он бы мог всласть налюбоваться этим духом. Моим первым побуждением было рвануться наперерез, схватить стакан и осушить одним глотком, потому что мне срочно потребовалось подкрепиться. Но я удержался. Даже в трудную минуту я сумел понять, что нужда Китекэта горше моей. Я остановился, мелко дрожа весь с головы до пят, питье досталось Китекэту, он его влил себе в глотку, впал в конвульсии, как человек, пораженный молнией, – Дживсовы эликсиры всегда оказывают такое действие, – но потом он выдохнул: «Ха!» – и на глазах у всех ожил.

А я провел по лбу дрожащей рукой.

– Дживс!

– Сэр?

– Знаете, что случилось?

– Нет, сэр.

– Гасси Финк-Ноттл угодил в кутузку.

– В самом деле, сэр?

Я провел по лбу второй дрожащей рукой, кровяное давление у меня резко подскочило. Мне бы, конечно, давно уже пора привыкнуть к тому, что никакое, даже самое потрясающее известие не заставит Дживса подпрыгнуть и выкатить глаза. Но эта его манера на все отвечать: «В самом деле, сэр?» – вызывает у меня ярость Вустеров.

– Не говорите, пожалуйста, «В самом деле, сэр?». Повторяю: застигнутый в пять часов утра за купанием в фонтане на Трафальгарской площади, Огастус Финк-Ноттл был задержан полицией и посажен на четырнадцать суток. А ему надо сегодня вечером быть в «Деверил-Холле».

Китекэт, опять было смеживший веки, на минуту открыл глаза.

– Знаешь что? – проговорил он. – По-моему, он там не будет.

И снова смежил. А я по третьему разу отер взмокший лоб.

– Вы сознаете весь ужас положения, Дживс? Что скажет мисс Бассет? Как она отнесется к подобному происшествию? Представьте, откроет она завтра утреннюю газету и увидит любимое имя среди заголовков в разделе «Полицейские новости».

– Не увидит, – произнес Китекэт. – Потому что Гасси, проявив несвойственную ему сообразительность, сказал, что его имя – Элфред Даф Купер.

– Ну а что будет, когда наступит назначенный час, а его в «Деверил-Холле» нет?

– М-да, тут ты прав, – согласился Китекэт и вновь погрузился в живительный сон.

– А я вам скажу, что будет. Мисс Бассет объявит, что... Дживс!

– Сэр?

– Вы не слушаете.

– Прошу прощения, сэр. Я отвлекся на собаку. Обратите внимание, она ест диванную подушку.

– Ну и Бог с ней!

– По-моему, надо бы вывести бедное животное в кухню, сэр, – сказал Дживс вежливо, но твердо. Он вообще фанатик порядка во всем. – Я сейчас возвращусь, сэр, только запрю ее.

И они вышли вдвоем с псом, а Таратора переглянулась с вашим покорнейшим. Выражение у нее на лице было такое, как будто она не вполне врубилась в то, что происходит.

– Берти, – промолвила она, – я не понимаю, почему такое волнение и беспокойство? Конечно, этому мистеру Финк-Ноттлу есть из-за чего расстраиваться. Но ты-то чего на стенки взбегаешь?

Я был рад тому, что Дживс временно покинул стол переговоров, в его присутствии мне было нипочем не выразить всего, что у меня накипело на душе в связи с Мадлен Бассет. Он, естественно, знает всю ситуацию, и я знаю, что он знает, но мы с ним на эти темы не разговариваем. Ведь это означало бы порочить имя женщины. А Вустеры не порочат имена женщин. И Дживсы, кстати сказать, тоже.

– Разве Китекэт не говорил тебе обо мне и Мадлен Бассет?

– Ни слова.

– Ну, хорошо, я тебе расскажу, почему я взбегаю на стенки, – согласился я. И рассказал.

Для тех читателей, кто ловил каждое мое слово в предыдущих рассказах, история Вустерско-Бассетовской передраги, или, иначе говоря, *qví pro qvo*, – дело хорошо известное. Но ведь всегда могут подойти новенькие, и для этих вновь подошедших я сейчас сделаю краткий обзор, как говорится – резюме, событий.

Началось все в «Бринкли-Корт», это дом моей тети Далии в Вустершире, мы с Гасси и с этой проклятушкой Бассет гостили там прошлым летом. И получилось так, как часто описывают в книгах: кавалер А любит девицу, но не решается изложить ей свои чувства, и кавалер Б, исключительно по доброте душевной, вызывается пробить для него путь к ее сердцу несколькими удачно подобранными вступительными словами – и упускает из виду, горемыка безмозглый, что тем самым подставит собственную шею и потом не оберется неприятностей. Гасси-то даже сильно под мухой не способен выдавить из себя необходимого предисловия, и я возьми да и брякни, что, мол, пусть он предоставит это мне.

И вот однажды в сумерки я выманил его предмет на свежий воздух и что-то такое ей наплел, что, мол, в «Бринкли-Корт» есть сердце, которое изнывает от любви к ней. Не успел дух перевести, как она уже лопочет мне в ответ, что, конечно, она догадалась о моих чувствах, девушки такие вещи всегда знают, не правда ли, и ей ужасно, ужасно жаль, но это невозможно, она уже положила глаз на Гасси. Но, продолжает она, – и именно в этих ее словах затаилась опасность, которая грозит мне по сей день, – если когда-нибудь она увидит, что Гасси – не тот безупречный и необыкновенный человек, каким она его считает, тогда она даст ему отставку и осчастливит меня.

С тех пор, как я уже рассказывал в другом месте, бывали моменты, когда все висело на волоске, особенно, например, был случай, когда Гасси, раскочегарившись, точно утюг, раздавал призы выпускникам неполной средней школы в Маркет-Снодсбери. Бассет тогда вычеркнула его кандидатуру, хотя впоследствии и смилостивилась, но можно не сомневаться, вычеркнет теперь опять, если узнает, что человек, которого она считала самым

чистым и возвышенным идеалистом из всех мужчин, получил срок за то, что влез с ногами в фонтан на Трафальгарской площади. Ничто так не расхолаживает романтическую барышню, как известие, что ее нареченный угодил на две недели в каталажку.

Все это я объяснил Тараторке, и она сказала, что да, теперь ей понятно, в чем дело.

– Еще бы не понятно. У меня не останется ни одного шанса на спасение. Стоит вестям о случившемся достичь ушей Бассет, и результат будет однозначный. Гасси получит пинок под зад, а согбенная фигура, которая под звуки органа, подбадриваемая возгласами обнаживших головы зрителей, поплетется бок о бок с нею по проходу между скамьями к алтарю, будет не кто иной, как Бертрам Уилберфорс Вустер.

– Я не знала, что ты еще и Уилберфорс.

Я объяснил, что, за исключением остро эмоциональных моментов, это обстоятельство обычно замалчивается.

– Но, Берти, почему ты так не хочешь поплестись бок о бок с мисс Бассет к алтарю? Я видела ее фотографию в «Деверил-Холле», по-моему, она вполне ничего.

Характерная ошибка, в которую часто впадают те, кто не знаком с Мадлен Бассет лично и судит об этом чудовище по фотографии. В ее наружной оболочке действительно ни к чему не придерешься. Глаза большие, блестящие, черты лица тонкие, волосы, нос, зубы, уши – все на уровне, а то и выше среднестатистического стандарта. Посмотришь на карточку – красotka, да и только, хоть на стенку прикалывай.

Но тут есть одна деталь, и очень существенная.

– Ты спрашиваешь, почему я не хочу плестись бок о бок с нею к алтарю? – горько произнес я. – Я объясню тебе. Потому что с виду она, может быть, как ты говоришь, и вполне ничего, а на самом деле – самая невыносимая, слезливая, сентиментальная дурища, которая думает, что звезды на небе – это Божьи цветочки и что, когда феи икают, рождаются детки. Она квашня и слюняйка, ее любимые книжки – про Кристофера Робина и Винни-Пуха. Наверно, нагляднее всего будет, если я скажу, что она – идеальная пара для Гасси Финк-Ноттла.

– С мистером Финк-Ноттлом я не знакома.

– Тогда поверь тому, кто его хорошо знает.

Таратора задумалась. Было очевидно, что до нее начала доходить серьезность положения.

– Ты считаешь, что стоит ей узнать – и ты попался?

– Точно и бесспорно. И ничего не смогу сделать. Если девушка думает, что ты ее любишь, и она приходит и говорит, что расплевалась со своим женихом и теперь готова ударить по рукам с тобой, что тебе остается, кроме как жениться? Надо же быть вежливым.

– М-да. Понятно. Положение сложное. А как бы так устроить, чтобы она не узнала? Получив известие, что он не приехал в «Деверил-Холл», она, конечно, захочет навести справки?

– И, справившись, неизбежно обнаружит страшную правду. Так что у нас остается только Дживс.

– Думаешь, он сумеет помочь?

– Дживс никогда не подводит. У него голова четырнадцатого размера, он ест рыбу тоннами и «шествоует, непостижимый, и чудеса творит». Вон он идет, и видишь, какой у него жутко умный вид? Ну, Дживс? Нашли выход?

– Да, сэ,р, но...

– Ага, что я говорил? – обратился я к Тараторке. Но потом умолк и нахмурил бровь. –

Кажется, вы сказали: «но», Дживс? При чем тут «но»?

– При том, сэр, что я испытываю некоторые сомнения, одобрите ли вы этот выход, услышав, в чем его суть.

– Был бы выход, а до сути мне дела мало.

– Так вот, сэр, чтобы избежать расспросов, которые, естественно, воспоследуют, если мистера Финк-Ноттла не окажется в «Деверил-Холле», необходимо, чтобы вместо него приехал его временный двойник и представился мистером Финк-Ноттлом.

Я отшатнулся.

– Вы что, предлагаете, чтобы я явился в этот лепрозорий под именем Гасси Финк-Ноттла?

– Или склонили к этому кого-нибудь из своих друзей, сэр.

Я рассмеялся. Знаете, таким трагическим, горьким смехом.

– Нельзя же бегать по Лондону и уговаривать людей, чтобы они изобразили из себя Гасси. То есть можно, конечно, но какой прок? Да и времени не осталось... – Я не договорил. – Китекэт! – вскричал я.

Китекэт открыл глаза.

– Привет, – произнес он, свежий и отдохнувший. – Как дела?

– Дела в порядке. Дживс придумал выход.

– Я так и знал. Что он предлагает?

– Он считает, что... Как вы сказали, Дживс?

– Для того чтобы избежать расспросов, которые, естественно, воспоследуют, если мистера Финк-Ноттла не окажется сегодня до вечера в «Деверил-Холле»...

– Ты слушай, слушай внимательно, Китекэт.

– ...необходимо, чтобы вместо него приехал его временный двойник и представился мистером Финк-Ноттлом.

Китекэт одобрительно кивнул и сказал, что мысль эта, по его мнению, недурна.

– Речь, как я понимаю, идет о Берти?

Я нежно погладил ему плечико.

– Речь идет о тебе, Китекэт.

– Обо мне?

– Да.

– Вы хотите, чтобы я притворился Гасси Финк-Ноттлом?

– Вот именно.

– Нет, – сказал Китекэт, – Тысячу раз нет. И не думайте даже.

Его всего передернуло, и я понял, что переживания минувшей ночи запали ему глубоко в душу. Честно признаться, я его понимал. Гасси – это такая своеобразная личность, что каждый, кому случится пробыть в его неотлучном обществе с восьми вечера до пяти утра следующего дня, неизбежно начинает реагировать на его имя болезненно. Я понял: чтобы добиться от К. К. Перебрайта сотрудничества, потребуется уйма медоточивого красноречия.

– Зато ты окажешься под одной крышей с Гертрудой Винкворт, – говорю я ему.

– Да, – подхватила Тараторка, – будешь рядом со своей Гертрудочкой.

– Даже во имя того, чтобы оказаться рядом с моей Гертрудочкой, – твердо произнес Китекэт, – я не желаю ни одну минуту считаться Гасси Финк-Ноттлом. Да у меня и не получится. На меня посмотришь, и сразу видно: человек интеллигентный, толковый, талантливый и прочее, а Гасси заслуженно пользуется славой самого непрошибаемого осла

на белом свете. Старушки через пять минут уже все поймут и разгадают. Нет, если вы хотите выставить дублера на роль Гасси Финк-Ноттла, тут нужен человек, который на него похож и способен обмануть зрение. Эта роль – твоя, Берти.

У меня вырвался горестный вопль.

– По-твоему, я похож на Гасси Финк-Ноттла?

– Как одна мать родила.

– Все-таки ты болван, Китекэт, – вмешалась Тараторка. – Подумай, ведь, если ты окажешься в «Деверил-Холле», ты бы смог оградить Гертруду от посягательств Эсмонда Хаддока.

– Об этом позаботится Берти. Я, конечно, не против бы съездить в «Деверил-Холл», ненадолго, и нашелся бы какой-нибудь другой способ, я бы с удовольствием... Но быть Гасси Финк-Ноттлом я отказываюсь.

Я капитулировал перед неизбежностью.

– Ладно, – говорю я и тяжело вздыхаю. – Во всех делах людских обязательно должен быть козел отпущения, который делает грязную работу, и в данном случае, как видно, этим козлом приходится быть мне. Так оно бывает всегда. Если требуется преодолеть какую-нибудь трудность, внушающую ужас роду человеческому, раздаётся дружный клич: «Позовите Вустера! Пусть Вустер это сделает!» Я не в порядке жалобы, просто обращаю ваше внимание. Хорошо. Не надо пререкаться. Я буду Гасси.

– «С улыбкой сказал он и умер», – продекламировал Китекэт. – Вот такие твои речи я люблю. Хорошенько обдумай мизансцены по дороге.

– Какие еще мизансцены?

– Ну, например, следует или нет поцеловать при встрече крестную мать Финк-Ноттловой невесты? И всякие такие мелочи, которые на самом деле имеют большое значение. А теперь, Берти, я, пожалуй, пойду в твою спальню и немного вздремну. Здесь то и дело приходится отвлекаться, а мне необходимо поспать, прежде чем я снова смогу взглянуть в глаза действительности. Что это я такое на днях слышал от вас насчет сна, Дживс?

– «Сладкий сон. Природы оживитель утомленной», сэр.

– Вот, вот. Именно. Отлично сказано.

Китекэт уполз, и Таратора объявила, что ей тоже пора. Очень много дел.

– Ну вот, Дживс, теперь благодаря вашей молниеносной сообразительности все как будто улажено, – сказала она. – Единственно только жаль, Берти, в деревне огорчатся, когда узнают, что в роли Пата у них, вместо знаменитого Бертрама Вустера, выступит третьеразрядный участник бродячей труппы Финк-Ноттл. Я уже раструбила про тебя, Берти, и на афишах ты у меня значишься, и в объявлениях. Ну, да ничего не поделаешь. До свидания. Встретимся под Филиппами. До свидания, Дживс.

– До свидания, мисс.

– Э, постой! Минуточку! Ты забыла собаку.

Таратора остановилась у порога.

– Да, все время хотела тебе сказать, Берти, и чуть не забыла. Мне нужно, чтобы ты взял Сэма Голдуина на пару дней с собой в «Деверил-Холл», это даст мне время подготовить дядю Сиднея. Он неважно относится к собакам, его придется приручать к Сэму постепенно.

– Но не могу же я ни с того ни с сего появиться в «Деверил-Холле» с собакой. Это погубит мой престиж.

– Не твой, а мистера Финк-Ноттла. А у него вообще нет никакого престижа. Как говорит Китекэт, они о нем наслышаны и только рады будут, что ты не привез им ведро тритонов. Ну, ладно, пока.

– Эй, послушай! – пискнул я вдогонку, но ее уже след простыл.

Я обратился к Дживсу:

– Вот так-то, Дживс.

– Да, сэр.

– Что значит «да, сэр»?

– Я пытался выразить точку зрения, сэр, что ситуация действительно не из простых. Но может быть, вас интересуют слова императора Марка Аврелия, который высказался следующим образом: «У тебя что-то случилось? Очень хорошо. Это одно из проявлений общей судьбы Вселенной, предустановленной от начала века. Что бы ни происходило с тобой, все является частью одной великой цепи».

Я перевел дух.

– Это он так сказал?

– Да, сэр.

– Ну, так вот, можете передать ему от меня, что он осел. Мои чемоданы сложены?

– Да, сэр.

– Автомобиль у подъезда?

– Да, сэр.

– В таком случае я поехал, Дживс. Пора двигаться, если я хочу попасть в эту их богадельню до полуночи.

Попасть туда до полуночи я попал, но опоздал изрядно. Как и следовало ожидать в такой злосчастный день, примерно на полдороге у моего спортивного автомобиля вдруг начался какой-то коклюш или другая хвороба, и в результате все расчеты времени полетели к чертовой бабушке, так что, когда я въехал в главные ворота усадьбы, шел уже восьмой час. Последний рывок по подъездной аллее, и я коснулся дверного звонка ровно без двадцати восемь или около того,

Помнится, как-то раз, когда мы прибыли в гости в один загородный дом, где ничего хорошего нас не ожидало, Дживс, ступив на твердую землю, прошептал у меня над ухом: «Рыцарь Роланд к Темной башне подъехал, сэръ», – но я тогда не понял юмора. Однако впоследствии удалось выяснить, что этот Роланд был из средневековых рыцарей, которые все время разъезжали туда-сюда, и, оказавшись как-то в заведении «Темная башня», он с сомнением поскреб подбородок, потому что ему там совсем не приглянулось.

То же самое было и теперь. «Деверил-Холл» – замечательная усадьба, кто этого не понимает? Старинной постройки, с этими, как их, зубцами по стенам и тому подобными красотами, если бы старый Деверил, который ее построил, оказался в данный момент у меня под рукой, я бы от души хлопнул его по спине со словами: «Молодчина, Деверил!» Но при мысли о том, что ожидает меня внутри, сердце у меня екнуло. За этими массивными дверями затаились пять теток викторианского разлива и один Эсмонд Хаддок, который, увидев, что я намерен таскаться за ним, как барашек за Мэри, вполне может забыть долг гостеприимства и надавать мне по шее. Предчувствия подобного рода не очень располагают к любованию старинной тюдоровской архитектурой и отвлекают до шестидесяти процентов внимания от живописных лужаек и пестрых цветников.

Распахнулись двери, и взору явился семипудовый дворецкий.

– Добрый вечер, сэръ, – произнес этот внушительный персонаж. – Мистер Вустер?

– Финк-Ноттл, – поспешил уточнить я, стремясь исправить первое впечатление.

Честно сказать, я и это-то едва выговорил, потому что внезапное столкновение в дверях с Чарли Силверсмитом почти лишило меня дара речи. Я словно вернулся в те времена, когда я, неоперившийся светский щеголь и фланер, только начинал свою карьеру и трепетал перед грозным взором дворецких и вообще чувствовал себя зеленым и мешковатым юнцом.

Нынче, постарше и позакаленнее, я в общем-то умею управляться с этой разновидностью фауны. Они открывают мне двери, а я эдак непринужденно поправляю манжеты и говорю: «Э-э-хм-м, дворецкий, как делишки, а?» Но Дживсов дядюшка Чарли был из ряда вон выходящий дворецкий. Он напоминал государственного мужа на барельефе, вычеканенном в прошлом столетии: голова большая, плешивая, два блекло-зеленых выпученных глаза, и под взором этих крыжовенных глаз мне понятнее становились чувства молодого Роланда перед Темной башней. Мелькнула даже мысль, что, возникни у славного рыцаря на пути нечто в таком же роде, он бы дал шпоры своему скакуну, и только его и видели.

По-видимому, нечто подобное пришло в голову и Сэму Голдуину, привязанному толстой веревкой к дверце автомобиля, потому что он взглянул ошарашенно на дядю Чарли, задрал голову и взволнованно заскулил. И я его вполне понимаю. Собака, выросшая в южных кварталах Лондона, происходящая из нижних слоев среднего класса, иначе говоря – собака

из народа, вообще, должно быть, в жизни не видевшая дворецких, и вот с первой же попытки ей попался дядя Чарли. Я извиняющимся жестом указал дворецкому на Сэма и сказал: «Собака, знаете ли», – сочтя, что представление состоялось, а дядя Чарли осуждающе посмотрел на пса, словно тот ел жаркое рыбной вилкой.

– Я распоряжусь, чтобы животное поместили в конюшню, сэр, – холодно произнес он, а я ответил, что да, спасибо, очень хорошо.

– Ну а теперь я, пожалуй, побегу переоденусь к обеду, а? – предположил я. – Не хотелось бы явиться к столу с опозданием.

– Обед уже начался, сэр. Мы садимся обедать строго в семь часов тридцать минут. Если желаете помыть руки, сюда, пожалуйста, сэр, – молвил дядя Чарли и указал на дверь слева.

В кругу, где я вращаюсь, меня почти все считают довольно-таки непотопляемым малым, в обстоятельствах, когда другой бы не выдержал и сломался, я иной раз, глядишь, восхожу к новым высотам, ступая по обломкам разбитого самоуважения. Можете зайти к «Трутням» и спросить первого, кто подвернется, мыслимое ли дело – сломить дух Вустеров? С вами побьются об заклад на самых выгодных условиях, что такого просто не бывает. Какие бы трудности ни встретились ему на пути, скажут вам, и сколько бы стрел и камней ни запускала в него злодейка судьба, Бертрам всегда будет держать хвост трубой.

Но я еще никогда не попадал в такую ситуацию, чтобы от меня требовалось изображать из себя Гасси Финк-Ноттла, да сверх того еще пришлось явиться к обеденному столу в незнакомом доме не переодевшись, и должен признаться, что в первое мгновение перед глазами у меня стало черно. Печальную картину являл собой мрачный и понурый Бертрам Вустер, который, намылив, ополоснув и вытерев открытые части организма, притащился вслед за дядей Чарли в столовую. Чувствуя себя как заезжий велосипедист и стараясь по возможности скорее проглотить содержимое своей тарелки, потому что все присутствующие – по крайней мере, мне так казалось – прищелкивали языками, барабанили по столу пальцами и вполголоса переговаривались на тему о том, что, мол, какая досадная задержка, ведь всем не терпится приступить к следующему блюду, – не удивительно, что я не сразу настолько пришел в себя, чтобы оглядеться и произвести смотр действующих лиц. Конечно, я был представлен при появлении, смутно помнится, что дядя Чарли провозгласил: «Мистер Финк-Ноттл!» – таким ледяным тоном, как будто хотел самоустраниться, – мол, пусть его потом не упрекают. Но никто, похоже, не обратил на это внимания.

Теперь, насколько хватал глаз, я видел перед собой волнующееся море тетей – тети длинные и короткие, тети толстые и сухопарые, а одна тетя вела тихую застольную беседу, но исключительно сама с собой, ибо ее явно никто и не думал слушать. Как я впоследствии узнал, таков был обычай тети Эммелины, о которой Тараторка говорила, что у нее не все дома. За каждой семейной трапезой, с первого мгновения и до конца, она произносила монологи. Шекспир, я думаю, был бы от нее в восхищении.

Во главе стола сидел, скорее, молодой субъект в отлично сшитом смокинге, при виде которого я еще острее осознал всю неуместность пропыленной дорожной хламиды, в которой меня вынудили явиться к обеду. Э. Хаддок, насколько можно было понять. Бок о бок с ним виднелась девица в белом, несомненно самая юная из присутствующих, и я заключил, что в ее лице мы имеем Китекэтову Гертруду.

Я погрузился в созерцание и без труда понял беднягу Китекэта. Дочь леди Дафны и наследница покойного П. Б. Винкворта была стройна, белокура и утонченна, в противоположность своей мамаше, которую я теперь признал в особе, сидящей от меня по

левую руку, – эдакая могучая фигура в полусреднем весе, что-то в духе Уоллеса Бири. Глазки у Гертруды были голубые, зубки – жемчужные, и вообще все при ней. Я легко представил себе, что произошло с Китекэтом. Согласно его собственному признанию, он прогуливался с этой девушкой по старому парку в вечернем сумраке при луне, в кустах сонно щебетали птицы, на небе друг за дружкой зажигались звезды, ну, и естественно, ни один самый твердый духом мужчина не мог бы не поддаться в подобной обстановке действию таких чар.

Я сидел и размышлял о взаимном цветении двух этих любящих сердец прекрасной весенней порой и, мужественно растрогавшись, прикидывал, много ли у них шансов доскакать до счастливой развязки, когда застольная беседа коснулась предстоящего концерта.

До сих пор говорили о разной местной специфике, приезжому человеку в этом не разобраться. Сами понимаете, одна тетя говорит, что получила с вечерней почтой письмо от Эмили, другая спрашивает, пишет ли она что-нибудь про Фреда и Алису, а первая отвечает, что у Алисы и Фреда все благополучно, так как Агнес уже передала Эдит то, что Джейн говорила Элеоноре. Такой междусобойчик.

И вот теперь тетя, которая в очках, сообщает, что встретила сегодня утром местного vicar, бедняга метал громы и молнии из-за того, что его племянница мисс Перебрайт настояла на включении в программу концерта, как она выразилась, скетча с колотушками и диалогом неурядица в исполнении полицейского Доббса и племянника Агаты Уорплесдон мистера Вустера. Что такое скетч с колотушками и диалогом неурядица, лично она не имеет ни малейшего представления. Может быть, вы нас просветите на этот счет, Огастус?

Я обрадовался случаю вернуть от себя пару слов в общий разговор, так как после смущенного хихиканья при входе в столовую я до сих пор больше рта не раскрыл, но чувствовал, что в интересах Гасси пора бы нарушить безмолвие. А то еще немного, и вся эта публика ринется к своим секретерам писать письма вышеупомянутой Бассет, умоляя ее хорошенько подумать, прежде чем вручить свою судьбу такому бессловесному обормоту, который вполне способен испортить даже самый удачный из медовых месяцев, записавшись в трапписты и приняв обет молчания.

– О да, со всем моим удовольствием, – отозвался я. – Это такие сценки про Пата и Майка. Двое выходят в зеленых бородах, вооруженные зонтами, и один спрашивает другого: «Кто эта женщина, с которой ты давеча шел по улице?» А тот отвечает этому: «Да Боже ж ты мой милосердный, это вовсе не женщина, а моя законная жена». Ну, и тогда второй ахает первого зонтиком по кумполу, а тот не остается в долгу и тоже бабахает этого зонтом по макушке. И так до бесконечности.

Мое объяснение не получило восторженного приема. Все до единой тети возмущенно охнули.

– Какая вульгарность, – произнесла одна.

– Ужасная вульгарность, – добавила вторая.

– Отвратительная вульгарность, – подтвердила леди Дафна Винкворт. – Как раз во вкусе мисс Перебрайт – вставить подобный номер в деревенский концерт.

Остальные тети не сказали: «Точно!» или «Правда твоя, Даф!» – но своим видом выразили примерно это. Губы собрали в трубочку, носы свесили. И я начал понимать, что имел в виду Китекэт, когда сказал, что здешние дамы неодобрительно относятся к Коре Тараторе. Ее акции стояли очень низко, и повышения на бирже не ожидалось.

– Хорошо еще, – промолвила тетя в очках, – что это не вы, Огастус, а мистер Вустер

намерен опозориться участием в таком непристойном представлении. Воображаю, что почувствовала бы Мадлен!

– Мадлен бы этого не пережила, – согласилась тощая тетя.

– Душечка Мадлен вся такая духовная, – заключила леди Дафна Винкворт.

Сердце мое словно сдавила холодна ладонь. Я почувствовал себя, как Гадаринская свинья перед тем, как устремиться солдатиком с крутизны в море. Вы, наверно, не поверите, но клянусь, мне это до сих пор и в голову не приходило, ведь и вправду Мадлен Бассет, узнав о том, что ее возлюбленный подвязал зеленую бороду и бил служащего полиции зонтом по голове, будет уязвлена этим до глубины души. И как только слух об этом до нее дойдет, тут же их помолвке и конец! С этими романтическими идеалистками надо постоянно держать ухо востро. Гасси при зеленой бороде не лучше, чем Гасси в кутузке.

Как ни больно мне было отказываться от роли, тем более я рассчитывал на сенсационный успех, но увы, я знаю, когда моя карта бита. И я принял решение завтра же утречком, чуть свет, послать Тараторке известие о том, что Бертрам выходит из игры и ей придется искать другого исполнителя на заглавную роль Пата.

– Из того, что я слышала про мистера Вустера, – заявляет тетя с крючковатым носом, продолжая тему разговора, – такое вульгарное дурачество будет как раз в его духе. А где он сейчас, кстати сказать?

– Да-да, – подхватила другая, что в очках. – Он должен был приехать еще до обеда, но не прислал даже телеграммы.

– Видимо, крайне рассеянный молодой человек, – высказалась третья, с морщинистым лицом.

Тут леди Дафна возглавила обмен мнениями, как школьная директриса на педсовете.

– «Рассеянный», – говорит она, – чересчур мягкое определение. А он, судя по всему, совершенно безответственный человек. Агата рассказывала, что по временам у нее просто руки опускаются. Она даже подумывает, не поместить ли его в какое-нибудь соответствующее заведение.

Можете себе представить чувства Бертрама, когда он услышал, что его родная плоть и кровь имеет привычку так беспардонно перемывать ему косточки при всем народе. Не то чтобы я надеялся дожждаться от нее благодарности, нет, конечно, но после того, как человек не пожалел трудов и денег, чтобы сводить сына своей тетки в театр «Олд Вик», по-моему, естественно ожидать, что она будет к тебе относиться как тетка, чьего сына сводили в «Олд Вик», – иначе говоря, проявит хоть толику доброжелательности, справедливости и взаимной терпимости по принципу: «живи и давай жить другим». Помнится, Дживс как-то говорил, что острее змеиного зуба неблагодарность родного дитяти, так вот, неблагодарность родной тети, уверяю вас, не лучше.

Я густо покраснел и осушил бы свой стакан, содержи он что-нибудь горячительное. Однако ничего горячительного он не содержал. Для кого-то рекой лилось шампанское превосходного разлива, рука дяди Чарли онемела подливать, но мне, из уважения к известным всем и вся вкусам Гасси, подливали лишь мерзкое питье, которое образуется, когда на соковыжималку накладывают половинку апельсина и давят вращательным движением.

– Создается впечатление, – продолжала леди Дафна тем холодным, укоризненным тоном, которым в прежние времена отчитывала какую-нибудь Мод или Беатрису за тайное курение в кустах, – что его эскападам конца не будет. Совсем недавно он был задержан и

оштрафован за то, что стащил у полицейского на Пикадилли каску.

Здесь я мог бы ее поправить. И поправил.

– По причине досадной оплошности, – уточнил я. – Когда стаскиваешь каску с полицейского, важно, как вы, без сомнения, сами отлично знаете, сначала потянуть на себя, чтобы нижний ремешок снялся с подбородка. А Вустер этого не сделал, в результате чего и поплатился упомянутым вами образом. Но надо учесть, по-моему, что дело происходило в день Гребных гонок, и притом час был довольно поздний, когда лучшие из людей уже не вполне ясно соображают. Впрочем, не важно, – поспешил я добавить, почувствовав, что симпатии слушателей не на моей стороне, и ловко меняя тему. – А вот слышали ли вы последний анекдот про стриптиз и дрессированную блоху? Или нет, этот, пожалуй, лучше не надо. – Я передумал, спохватившись, что анекдот, который я имел в виду, не совсем подходит для дамских и младенческих ушей. – Лучше про то, как двое едут в одном поезде. Анекдотец, правда, с бородой, так что, если кто слышал, скажите сразу.

– Просим, просим, Огастус.

– Двое глухих едут в поезде...

– Наша сестра Шарлотта, к сожалению, плохо слышит. Глухота – большое несчастье.

Тошная тетка вытянула над столом шею.

– Что он говорит?

– Огастус рассказывает анекдот, Шарлотта. Пожалуйста, продолжайте, Огастус.

Само собой, такой оборот дел поубавил у меня задора, я меньше всего хотел выставить на посмешище физический недостаток престарелой девы, но откланяться и уйти со сцены было уже невозможно, и я стал рассказывать дальше.

– Ну, так вот, два глухих типа едут в поезде, поезд остановился, один выглядывает в окно и говорит второму: «Вот уже и Торнвик». А тот ему: «Да? Я думал, понедельник». Ну а первый на это: «Я тоже не бездельник, знаете ли».

Я мало надеялся на успех. Что-то подсказывало мне с первой же фразы, что я буду освистан. Так что я договорил и громко расхохотался, но моему примеру почему-то никто не последовал. На том месте, где все тети должны были дружно покатиться со смеху, возникла довольно зловещая тишина, точно у гроба дорогого покойника, и прервала ее только тетя Шарлотта, которая спросила, что я сказал.

Я уже рад был бы на этом поставить точку, но тетя-тяжеловес прокричала ей в ухо, раздельно выговаривая слова:

– Огастус рассказал, как два человека ехали в одном купе, один сказал: «Сегодня вторник», – его спутник ответил: «Я думал, что понедельник», а первый признался: «И я тоже».

– А-а, – кивнула Шарлотта, и этим, насколько я понял, было все сказано.

Вскоре после этого пищеприятие подошло к концу, дамский пол поднялся со стульев и в полном составе покинул помещение. Леди Дафна дала перед уходом Эсмонду Хаддоку указание не засиживаться за портвейном и пропала. Дядя Чарли принес графин и тоже пропал. Мы с Эсмондом Хаддоком остались с глазу на глаз одни, и у меня в голове родилась безумная надежда пропустить пару стаканчиков. Облизываясь, я подсел к нему поближе.

Вблизи Эсмонд Хаддок – в полном соответствии с описанием, полученным от Китекэта, – действительно смахивал на греческого бога, так что понятна озабоченность влюбленного, чьей невесте угрожало очутиться под сенью роз в обществе подобного кавалера. Эдакий ладный, прямой, – сейчас, правда, он развалился на стуле, но я говорю вообще, – широкоплечий малый лет под тридцать, с таким профилем, который, по-моему, но надо будет все-таки уточнить у Дживса, называется байроническим. Словом, помесь поэта с чемпионом по кикбоксингу.

Вы бы не удивились, узнав, что этот Эсмонд Хаддок – автор венка сочных и темпераментных сонетов, за которые его высоко ценили в Блумсбери, – в нем с первого взгляда видно было человека, который не хуже прочих способен рифмовать «кровь» с «любовью». Не удивились бы вы и тому, что недавно он одним ударом завалил быка. Вы бы просто подумали: ну и осел же этот бык, что связался с парнем, имеющим такой внушительный объем грудной клетки!

А вот что вызывало изумление, это что подобный супермен имел, по свидетельству Тараторки, привычку кротко слушаться своих теток. Если бы не Тараторкины показания, я бы сказал, что рядом со мной за столом сидит племянник, способный противостоять злейшей из теток, и она у него по струнке ходит. Хотя, конечно, по внешнему виду не всегда можно правильно судить. Немало есть таких молодцов, на портретах в печати – эдакий властный, авторитетный мужчина с курящейся трубкой в зубах, а никнет, как копировальная бумажка в машинке, под взглядом престарелой родственницы.

Эсмонд Хаддок налил себе портвейна, и в столовой наступила минута молчания, как обычно бывает, когда два сильных мужчины, формально не представленные друг другу, остаются наедине. Он вдумчиво потягивал вино, а я сидел и не отрывал глаз от графина. Здоровый был такой графин и полный – под завязку.

Сначала хозяин не начинал разговора, а просто молчал и пил. Вид у него, как я уже сказал, был задумчивый. У меня создалось впечатление, что он размышляет над каким-то серьезным вопросом. Наконец он нарушил затяжное безмолвие.

– Послушайте, – обратился он ко мне, как будто бы слегка обескураженный. – Вот вы рассказали анекдот.

– Да, и что?

– Про двоих в поезде.

– Верно.

– Я как-то отвлекся во время вашего рассказа и, кажется, чего-то недопонял. Вроде бы двое мужчин едут в поезде и поезд остановился на станции, так?

– Так.

– И один сказал: «Это Гатвик», а другой тип сказал: «Надо бы выпить». Правильно?

– Не совсем. Поезд остановился на станции Торнвик, а этот тип сказал, что, по его мнению, в тот день был понедельник.

– А на самом деле был не понедельник?

– Да нет же, дело в том, что они оба были глухие. Ну, и когда один сказал: «Это Гатвик», – второй решил, что он говорит: «Вторник», – и ответил: «Я тоже». Вернее, нет, не так...

– Понимаю. Очень смешно, – сказал Эсмонд Хаддок.

Он снова налил себе и, должно быть, при этом заметил мой страстный, жадный взор – наверно, вот так голодный волк разглядывал бы встречного русского крестьянина. Эсмонд Хаддок вдруг встрепенулся, будто спохватился, что поступает не совсем по правилам.

– Послушайте, – произнес Эсмонд Хаддок, – а вам никак нельзя предложить стаканчик?

Я понял, что наша застольная беседа наконец-то приняла правильное направление.

– По правде сказать, – говорю, – я бы не отказался попробовать. Интересно все-таки, что это за штукавина. Виски называется? Или кларет, или как его там еще?

– Портвейн. Вам, наверно, не понравится.

– Отчего же. Я думаю, может, и понравится.

И уже минутой спустя я мог положить руку на сердце объявить, что мне действительно понравилось. Это был отличный старый портвейн, ядреный и насыщенный, и вопреки голосу здравого рассудка, напоминавшему, что его следует пить маленькими глотками, я разом опрокинул всю заздравную чашу.

– Уф-ф, хорош, – произнес я.

– Да, считается, что неплохая марка. Еще?

– Благодарю.

– Я тоже выпью еще стаканчик. Бывает пора, когда человеку необходимо подкрепиться, как я убедился на собственном опыте. «Для наших душ настали дни суровых испытаний». Знаете такое выражение?

– Нет, это что-то новенькое. Сами сочинили?

– Слышал где-то.

– Сказано в самую точку.

– По-моему тоже. Еще?

– Благодарю.

– И я к вам присоединюсь. Сказать вам одну вещь?

– Валяйте.

Я дружественно подставил ухо. Три кубка славного напитка исполнили меня добрым расположением к хозяину дома. Не помню, чтобы я когда-нибудь раньше с первой встречи проникался к кому-нибудь такой симпатией. И поэтому, коль скоро ему пришла охота поделиться со мной своими заботами, – пожалуйста, я готов слушать, как хороший бармен давнего ценного клиента.

– Я потому упомянул «дни для наших душ суровых испытаний», что как раз с такими днями я сам сейчас столкнулся. Моя душа охвачена терзаниями, знаете ли. Еще портвейна?

– Благодарю. Оказывается, это хитрая штука, начнешь пить – иходишь во вкус. Так почему же твоя душа охвачена терзаниями, Эсмонд? Ты не возражаешь, чтобы я звал тебя Эсмондом?

– Мне самому так даже больше нравится. А я давай буду звать тебя Гасси.

Такое неожиданное предложение, естественно, поразило меня самым неприятным образом, так как, на мой вкус, из всех мыслимых имен хуже Гасси нет. Но я тут же спохватился и сообразил, что в роли, за которую я взялся, приходится испытывать, наряду с радостями, также и огорчения. Мы осушили стаканы, и Эсмонд Хаддок наполнил их снова. Королевское гостеприимство, я бы сказал.

– Эсмонд, – говорю, – я бы сказал, что ты по-королевски гостеприимный хозяин.

– Спасибо, Гасси, – отвечает он. – А ты по-королевски любезный гость. Но ты

спрашиваешь, почему моя душа охвачена терзаниями? Я тебе отвечу, Гасси. Только сначала я должен сказать, что мне нравится твое лицо.

На это я заметил, что и мне его лицо тоже нравится.

– У тебя лицо честного человека, – продолжал он развивать свою мысль.

Я сказал, что у него тоже.

– Я с первого же взгляда понял, что такому лицу можно доверять. То есть ты внушаешь мне доверие.

– Ну, ясно.

– А то бы, в противном случае, я бы тебе нипочем не доверился, если ты меня понимаешь. Дело в том, что сказанное мною тебе не должно пойти дальше, Гасси.

– Ни на полшага, Эсмонд.

– Так вот. Причина, по которой моя душа охвачена терзаниями, состоит в том, что я всеми фибрами моего существа люблю одну девушку, а она дала мне отставку. У любого душу охватят терзания, разве нет?

– Еще бы.

– Ее имя... Но, разумеется, называть имена я не буду.

– Конечно.

– Это не по-джентльменски.

– Ясное дело.

– Просто скажу, что ее зовут Кора Перебрайт, Кора Таратора, как называют ее близкие. Ты, естественно, с ней не знаком. Помню, когда я упомянул, что ты приедешь сюда, она сказала, ссылаясь на общих знакомых, что ты – первостатейный обормот и, в сущности, псих ненормальный, хотя сама она тебя никогда в глаза не видала. Ты, правда, можешь знать ее по фильмам. В кино она известна под именем Кору Старр. Видел ее?

– А как же.

– Ангел во образе человека, ты не находишь?

– Без сомнения.

– Вот и я так думаю, Гасси. Я влюбился в нее задолго до того, как мы познакомились. Я часто ходил на фильмы с ее участием. И когда старик Перебрайт сказал как-то, что к нему приезжает племянница и будет вести его дом и что она из Голливуда, я спросил: «Вот как? Кто же это?» – а он ответил: «Кора Старр», – я едва на ногах устоял, Гасси, поверь.

– Верю, Эсмонд, конечно, верю. Продолжай же. Ты меня страшно заинтриговал.

– Вскоре она приехала. Старик Перебрайт нас познакомил. Взоры наши встретились.

– Ну, ясно.

– И не прошло и двух дней, как мы переговорили и пришли к общему мнению, что мы – родные души.

– Но потом она дала тебе от ворот поворот?

– Да, потом она дала мне от ворот поворот. Но вот что я тебе скажу, Гасси. Хоть она и дала мне от ворот поворот, все равно она – путеводная звезда моей жизни. Мои тети... Еще портвейна?

– Благодарю.

– Мои тети, Гасси, постараются заморочить тебя баснями, что будто бы я люблю мою кузину Гертруду. Не верь ни единому слову. Вскоре после того, как Таратора дала задний ход, я поехал в Бейсингсток и пошел там в кино, и в том фильме был один малый, его отвергла любимая девушка, а он, чтобы она подумала хорошенько и пересмотрела свое

решение, начал увиваться за другой.

– Старался возбудить в ней ревность?

– Вот именно. По-моему, неглупая мысль.

– Очень даже неглупая.

– И я подумал: если я начну увиваться за Гертрудой, возможно, Таратора еще передумает. И стал увиваться.

– Понимаю. Рискованное, однако, дело, а?

– Рискованное?

– Что, если ты перестараяешься и окажешься чересчур обаятельным? Ведь ты разобьешь ей сердце.

– Кому? Тараторке?

– Да нет, своей кузине Гертруде.

– О, с ней все в порядке, она влюблена в Тараторкиного брата. Сердцу Гертруды опасность не угрожает. Может, выпьем за успех моего предприятия, как ты считаешь, Гасси?

– Блестящая мысль, Эсмонд.

Я был, как вы легко поймете, страшно доволен. Грозная тень Эсмонда Хаддока больше не висела над жизнью Китекэта. Китекэту незачем беспокоиться из-за прогулок среди роз. Можно безо всяких опасений хоть на целый день выпустить Эсмонда Хаддока в розарий, где пребывает Гертруда Винкворт, и не опасаться никаких последствий. Я поднял стакан и осушил его за счастье Китекэта. Не берусь утверждать, что на глаза мои навернулись слезы умиления, но вполне возможно, что и навернулись.

Жалко было, конечно, что, не знакомый по условиям игры с Тараторкой, я не мог тут же на месте осчастливить Эсмонда Хаддока и вернуть в его жизнь померкший солнечный свет. Для этого мне достаточно было бы пересказать ему то, что я слышал от самой Кору Тараторы, а именно; что она его по-прежнему любит. Но пришлось ограничиться советом, чтобы он не терял надежды, а он сказал, что вовсе и не теряет, ни за какие графины.

– И я скажу тебе, Гасси, почему я не теряю надежду. Пару дней назад случилось одно многозначительное событие. Она обратилась ко мне с просьбой спеть песню на этом ее дурацком концерте, который она устраивает в деревне. Вообще-то, понятно, я такими делами не занимаюсь, но тут особые обстоятельства. Я ни разу в жизни не пел на деревенских концертах. А ты?

– Я – да. Много раз.

– Кошмарное, должно быть, испытание?

– Да нет, мне понравилось. Публике, может, и не очень сладко приходилось, но я получал удовольствие. Значит, ты волнуешься перед выступлением, Эсмонд?

– Честно сказать, Гасси, бывают минуты, когда от одной мысли об этом меня прошибает холодный пот. Но я напоминаю себе, что я – здешний молодой сквайр и пользуюсь любовью местных жителей, и поэтому все должно сойти благополучно.

– Правильный подход.

– Но тебе, наверно, интересно, почему ее просьбу, чтобы я выступил на этом ее концерте, будь он неладен, я назвал многозначительным событием? Сейчас объясню. Я вижу здесь недвусмысленное свидетельство того, что старая любовь не умерла. Нет, ведь правда, иначе с чего бы Тараторка стала просить меня выступить? Я, Гасси, возлагаю большие надежды на эту песню. Таратора – эмоциональное, отзывчивое существо, и когда она услышит, как оглушительно меня приветствует восхищенная публика, на нее это

подействует. Она смягчится. Растает. Я даже не удивлюсь, если она прямо так и скажет: «О, Эсмонд!» – и бросится мне на шею. Конечно, при условии, что меня не освищут.

– Тебя не освищут.

– Ты так думаешь?

– Никогда в жизни. Пройдешь на ура.

– Как ты меня утешил, Гасси!

– Стараюсь, Эсмонд. А что ты будешь петь? «Свадебную песнь пахаря»?

– Нет. Мне специально сочинили песню, слова тети Шарлотты, музыка тети Мертил.

Я поморщился. Не понравилось мне это. За время нашего с тетей Шарлоттой знакомства я что-то не заметил в ней признаков божественного огня. Конечно, не хотелось выносить приговор, не послушав, но я готов был на любое пари, что произведение, вышедшее из-под ее пера, будет, безусловно, не ахти.

– Слушай, – вдруг говорит Эсмонд Хаддок. – Давай сейчас пройдемся вместе по моей песне, а?

– С большим удовольствием.

– Только сначала еще по глотку?

– Да, сначала еще по глотку. Благодарю.

Эсмонд Хаддок осушил стакан.

– Запев не будем трогать, там всякая чепуховина, «солнышко искрится, и щебечут птицы», все в таком духе.

– Согласен.

– Главное в этой песне – припев. Поется так.

Он набычился, как чучело лягушки, и заголосил:

– Алло, алло, алло!

Я поднял руку.

– Минуточку. Что это должно означать? Телефонный разговор?

– Да нет же. Это охотничья песня.

– Ах, охотничья? Тогда понятно. А то я подумал, может, что-то наподобие шансонетки «Позвоню я моей милашке». Все ясно.

Он начал сначала:

Алло, алло, алло!

В лесу уже светло.

Поскачем на охоту мы, пам-пам,

Время подошло, Гасси.

Я опять поднял руку.

– Это мне не нравится.

– Что именно?

– Да вот «пам-пам» это.

– Просто такой аккомпанемент.

– И еще мне не нравится «Гасси». Получается ритмический перекосяк.

– А я разве спел: «Гасси»?

– Да. Ты спел: «Поскачем на охоту мы, пам-пам, время подошло, Гасси».

- Оговорился.
- В тексте этого нет?
- В тексте, конечно, нет.
- Я бы посоветовал на концерте этого не вставлять.
- Не буду. Поем дальше?
- Давай.
- На чем я остановился?
- Лучше начни сначала.
- Правильно. Еще глоток портвейна?
- Разве только самую малость.

– Так. Начинаем опять с самого начала, опускаем запев про солнышко и птичек и так далее, и вот: «Алло, алло, алло! В лесу уже светло. Поскачем на охоту мы, пам-пам, время подошло. Настал наш день, солнце и тень, алло, алло, алло!»

Кажется, мои дурные предчувствия насчет Шарлотты оправдывались. Это никуда не годилось. Будь ты хоть тысячу раз молодой сквайр, но кто вздумает выступить на деревенском концерте с такой ахинеей, тот неизбежно будет освистан.

- Все не так, – сказал я.
- Все не так?

– Ну подумай сам. Ты поешь: «Поскачем на охоту мы», публика воодушевляется и готова слушать, что дальше, а ты опять за свое «алло, алло, алло». Возникает чувство разочарования.

- Ты так считаешь, Гасси?
- Я в этом убежден, Эсмонд.
- Тогда что же ты посоветуешь?

Я немного поразмыслил.

– Попробуй, например, так: «Алло, алло, алло! Уже совсем светло. Настигнем лису в полях и в лесу. Подтягивай крепче седло. Изведем всю породу звериному роду назло, назло, назло!»

- Вот это здорово!
- Сильнее впечатляет, а?
- Гораздо сильнее.
- А как у тебя там дальше?

Он опять набычился, как надутая лягушка.

Охотники трубят в рога,
Через канавы и стога –
По лисьему следу! Трубите победу!
Алло, алло, алло!

Я прикинул на глазок.

– Первые две строки приемлемы. «Стога – рога». Вполне сносно. Молодчина Шарлотта! Не подкачала. Но дальше не годится.

- Тебе не понравилось?
- Слабовато. Совсем никуда. Не знаю, кто у вас в Кингс-Девериле толпится на стоячих

местах позади скамеек, но если такие же небритые бандиты, как те, каких приходилось наблюдать в зрительных залах мне, то ты просто спровоцируешь их на грубые выкрики и лошадиное фыркание. Нет, надо придумать что-нибудь получше. Постой-ка. Пора – ура – дыра... – Я снова потянулся за графином. – Придумал!

Пора, пора, пора,
Выезжаем с утра.
Пускай порвем мы брюки –
Дрожите вы, зверюки!
Ура, ура, ура!

Я более или менее рассчитывал сразить его наповал, и как рассчитывал, так оно и вышло. На миг он от восторга лишился дара речи, а потом сказал, что это сразу подымает всю вещь на недосягаемую высоту и он просто не знает, как меня благодарить.

– Потрясающе!

– Я надеялся, что тебе понравится.

– Как это тебе удастся сочинять такое?

– Да так как-то, знаешь ли, само в голову приходит.

– Может быть, теперь пройдемся по всей авторизованной версии, а, старина?

– Да, никогда не откладывай на завтра, дружище.

Интересно, что, оглядываясь назад, всегда можешь точно указать момент, когда, в попойке ли или в каком-нибудь другом начинании, перешел некую грань. Взять, например, этот наш вечер совместного пения. Чтобы придать исполнению живинку, я взгромоздился на стул и стал размахивать графином на манер дирижерской палочки. И это, как я теперь вижу, было ошибкой. Дело действительно сразу пошло на лад, это факт, но у наблюдателя могло создаться ложное впечатление, будто перед ним картина пьяного дебоша.

А если вы вздумаете возразить мне, что в данном случае никакого наблюдателя не было, я спокойно отвечу, что вы не правы. Мы уже прошли «пускай порвем мы брюки» и приближались к вдохновенному финалу, когда за спиной у нас раздался голос.

Он произнес:

– Ну, знаете ли!

Это можно, конечно, сказать по-разному. Но в данном случае оратор, вернее, ораторша – а это была леди Дафна Винкворт – произнесла вышеприведенную фразу в стиле брезгливой вавилонской царицы, которая забрела к мужу в пиршественную залу, как раз когда вавилонская оргия начала набирать обороты.

– Ну, знаете ли! – промолвила почтенная дама.

Мне бы после Тараторкиных рассказов о теткопочитании Эсмонда Хаддока следовало быть готовым ко всему, но надо признаться, его обращение с вошедшей меня покорило. Он повел себя как низкий раб и трусливый червь. Вероятно, взяв пример с меня, он тоже успел залезть на возвышение, правда не на стул, а на стол, и размахивал бананом, который сейчас заменял ему плетку, но, заметив леди Дафну, скатился на пол, как мешок с углем, и вид у него стал такой виноватый, заискивающий, что противно было смотреть.

– Ничего, ничего, тетя Дафна! Все в порядке.

–В порядке?!

– Просто мы репетировали. Концертный номер. Ведь концерт уже совсем скоро, нельзя терять ни минуты.

– Ах вот как. Ну что ж. Мы ждем тебя в гостиной.

– Хорошо, тетя Дафна.

– Гертруда надеется, что ты сыграешь с нею в триктрак.

– Конечно, тетя Дафна.

– Если, разумеется, ты способен сейчас играть.

– Как же, как же, тетя Дафна.

И он, понутив голову, поплелся вслед за нею вон из столовой. Я хотел было пойти следом, но старая гусыня властным жестом преградила мне дорогу. Сходство ее с Уоллесом Бири заметно усилилось, и я подумал, что жизнь несчастных девчонок, которым выпала доля обучаться под присмотром беспощадной Винкворт, подобна полуторамесячному сроку на острове Солнечного Дьявола. Раньше я считал, что в школьном мире ближе всего к покойному капитану Блаю с брига «Баунти» стоит наш преподобный Обри Апджон, но теперь убедился, что рядом со свирепой старухой Винкворт он просто жалкий пригостишка.

– Огастус, это вы привезли огромного лохматого пса? – задала она мне вопрос.

Вам станет ясно, как подействовали на меня головокружительные события в «Деверил-Холле», когда я скажу, что в первую минуту я совершенно не понял, о чем идет речь.

– Пса?

– Силверсмит говорит, что он ваш.

– Ах, ну да, – спохватился я, когда память возвратилась на свое седалище. – Конечно, конечно. Разумеется. Вы имеете в виду Сэма Голдуина. Но только он не мой. Его владелица – Таратора.

– Кто-о?

– Таратора Перебрайт. Она попросила меня взять его на пару дней.

При упоминании Тараторино имени, как и раньше за обедом, у леди Дафны занялось дыхание и громко лязгнули зубы. Было очевидно, что Таратора не пользовалась в «Деверил-Холле» любовью широких масс.

– Вы с мисс Перебрайт близко знакомы?

– О да, вполне, – ответил я и только тут сообразил, как это плохо согласуется с тем, что Тараторка сказала Эсмонду Хаддоку. Но его, к счастью, уже среди нас не было. – Она немного опасалась свалить животное на голову своему дяде без предварительного вспахивания, как говорится, поскольку он нельзя сказать, что уж такой собаколюб. Вот она, пока то да се, и спихнула его мне. Сэм в конюшне.

– Нет, он не в конюшне.

– Значит, Силверсмит ввел меня в заблуждение. Он сказал, что распорядится поместить животное в конюшню.

– Он и распорядился поместить его в конюшню. Но оно убежало и только что, как полоумное, ворвалось в гостиную.

Я почувствовал, что здесь требуется утешительное слово.

– Сэм Голдуин вовсе не полоумный, – заверил я леди Дафну. – Он не относится к числу наших светлых умов, но совершенно нормален. А в гостиную ворвался потому, что рассчитывал застать там меня. Он воспылал ко мне бурной страстью и считает зря потраченной каждую минуту, проведенную вдали от меня. Так что, как только его привязали

в конюшне, он принялся грызть веревку, чтобы вырваться на свободу и отправиться на поиски. Довольно трогательно, я бы сказал.

Но леди Дафна всем своим видом показала, что отнюдь не разделяет моего умиления. В ее взоре блистал огонь анти-Сэмизма.

– Во всяком случае, это было крайне неприятно. Ввиду того, что вечер такой теплый, двери в сад оставили открытыми, и вдруг вбегает этот отвратительный зверь. Моя сестра Шарлотта испытала нервный шок, от которого теперь не скоро оправится. Животное налетело на нее сзади и гонялось за ней по всей комнате.

Я, конечно, промолчал – уж чего-чего, а тактичности нам, Вустерам, не занимать, – но про себя подумал, что это Шарлотте кара за сочинение куплетов «Алло, алло, алло, уже совсем светло», в другой раз пусть хорошенько подумает, прежде чем браться за перо. Теперь она получила возможность оценить ситуацию с точки зрения лисицы.

– А когда позвали Силверсмита, эта тварь укусила его.

Признаюсь, от такого известия я ощутил трепет восторга. «Ты лучше меня, Ганга Дин», – чуть было не процитировал я. Мне бы лично слабо было укусить Силверсмита, даже чтобы исполнить последнюю волю умирающей бабушки.

– От души сожалею, – сказал я вслух. – Не могу ли я тут что-нибудь сделать?

– Нет, спасибо.

– Я пользуюсь на Сэма большим влиянием. Быть может, мне удастся убедить его, чтобы он на этом поставил точку, возвратился в конюшню и завалился спать.

– Этого не потребует. Силверсмит справился с ним и запер его в чулан. Ну а поскольку, как вы сказали, он живет, вообще говоря, в доме священника, я незамедлительно отошлю его туда.

– Давайте я сам его отведу.

– Пожалуйста, не утруждайте себя. Я полагаю, что лучше всего вам немедленно отправиться в постель.

Предложение пришлось мне вполне по душе. С той самой минуты, как дамский пол отчалил из столовой, у меня слегка сжималось сердце в предвкушении тихого, уютного вечера в семейном кругу, который ожидал меня под здешними сводами после того, как стараниями Эсмонда и моими будет покончено с портвейном. Сами знаете, что такое эти тихие уютные вечера в старинном загородном доме, притом что состав участников преимущественно женский. Вас загоняют в угол и предъявляют семейные фотоальбомы. Поют вам народные баллады. Голова у вас начинает клониться подобно лилии на стебле, приходится то и дело рывком возвращать ее на исходную позицию, и так – до полного и окончательного изнеможения. Гораздо лучше ретироваться в свое логово прямо сейчас, тем более что мне необходимо повидаться с Дживсом, который должен был давно уже приехать на поезде с моим багажом.

Не скажу, чтобы слова этой женщины, содержавшие намек на то, что я упился по уши, меня совсем уж нисколько не задели. У нее явно сложилось обо мне превратное мнение, будто бы меня нельзя допускать в гостиные, так как я немедленно превращаю их в подобие портового кабака после прибытия флота в родную гавань. Но справедливость – неотъемлемая черта Вустеров, и я не виню эту добросовестно заблуждающуюся леди. Я готов признать, что, когдаходишь в столовую и застаешь там человека с графином в руке, который горланит песни, стоя на стуле, это действительно наводит на кое-какие предположения.

– Я и вправду немного устал с дороги, – ответил я ей.

– Силверсмит покажет вам, где ваша комната, – произнесла она, и тут я углядел, что дядя Чарли находится среди нас. А я и не заметил, как он возник. Он, подобно Дживсу, материализовался из пустоты. Очевидно, это у них семейное.

– Силверсмит.

– Да, мадам?

– Проводите мистера Финк-Ноттла в его комнату, – распорядилась леди Дафна, но чувствовалось, что ее подмывало сказать не «проводите», а «препроводите».

– Очень хорошо, мадам.

Я заметил, что он слегка прихрамывает, из чего можно было понять, что Сэм Голдуин достал в броске его икру, но спрашивать и уточнять я не стал, так как опасался, вдобавок к икроножной мышце, причинить еще боль его самоуважению. Я поднялся вслед за ним по лестнице и очутился в удобной, хорошо обставленной спальне, после чего с веселой душой пожелал ему спокойной ночи.

– Да, Силверсмит, – сказал я.

– Сэр?

– Мой человек приехал?

– Да, сэр.

– Пришлите-ка его ко мне.

– Очень хорошо, сэр.

Он удалился, и через несколько минут я увидел перед собой так хорошо мне знакомые черты.

Но это не были черты Дживса. Это были так хорошо мне знакомые черты Клода Кэттермола Перебрайта.

Наверно, если бы я был средневековым сеньором – наподобие, скажем, того же рыцаря Роланда – в те дни, когда, куда ни швырнешь кирпичом, обязательно шарахнешь по башке какого-нибудь мага или звездочета, и люди то и дело в кого-то превращались, это явление меня бы нисколько не удивило. Я сказал бы просто: «А-а, так Дживса заколдовали и превратили в Китекэта? Жаль. Но что сделаешь, такова жизнь», – после чего и думать бы об этом забыл и распорядился бы, как обычно, чтобы подали трубки, и несли сюда кубки, и позвали ко мне скрипачей.

Но в наше время такой благодушный взгляд на вещи понемногу утрачивается, так что, врать не буду, я испытал глубокое потрясение. Я воззрился на пришельца, чувствуя, как глаза мои вылезли из родных орбит, словно улиткины рога, и, выпученные, заходили туда-сюда.

– Китекэт! – сдавленным голосом воскликнул я.

Он нахмурился и покачал головой, как заговорщик, когда его товарищ по заговору ляпнул что-то неуместное.

– Медоуз, – уточнил он.

– Что значит – Медоуз?

– Это меня так зовут, пока я нахожусь у тебя в услужении. Я твой слуга.

Меня осенила догадка. Я уже говорил, что портвейн, которым я на пару с Эсмондом Хаддоком, пожалуй, все-таки несколько злоупотребил, был добрым старым вином долгой выдержки и отличался изрядной крепостью. И вот теперь мне подумалось, что, возможно, в нем содержалась еще более сокрушительная сила, чем я поначалу определил, и что леди Дафна Винкворт была на самом деле права, сочтя меня пьяным вдребезги. И я уже готов был повернуться на бок и обратить лицо к стене, чтобы отоспаться, но Китекэт продолжал развивать свою мысль:

– Твой лакей. Твой камердинер. Твоя персональная обслуга. Все очень просто. Дживс приехать не смог.

– Что-о?

– Именно так.

– Ты хочешь сказать, что Дживса со мной не будет?

– Не будет. Я вместо него. Что это ты делаешь?

– Обращаю лицо к стене.

– Зачем?

– Разве ты не обратил бы лицо к стене, если бы оказался в этой мышеловке, где тебя считают Гасси Финк-Ноттлом, а ты остался без Дживса, без его поддержки и совета? О Господи! О, черт подери! О, проклятье! Почему Дживс не смог приехать? Болен он, что ли?

– По-моему, нет. Я, конечно, не специалист в области медицины, но, когда я видел его последний раз, вид у него был цветущий и витаминизированный. Глаза блестящие. Румянец во всю щеку. Нет, положительно, Дживс здоров. А помешало его приезду то, что его дядя Чарлз здесь дворецким.

– Как это могло ему помешать?

– Мой дорогой Берти, напряги свои умственные способности, если они у тебя имеются. Дяде Чарли известно, что Дживс присматривает за тобой, Дживс наверняка еженедельно пишет ему письма, извещая о том, как ему хорошо у тебя работается и как он ни за какие

коврижки не сменит этого места на другое. Ну так подумай, что получится, объявись он вдруг в качестве слуги Гасси Финк-Ноттла? А я тебе объясню, что. У дяди Чарли возникнут подозрения. «Тут что-то не так», – скажет он себе. И не успеешь ты глазом моргнуть, как он бросится отирать твои накладные бакенбарды и выводить тебя на чистую воду. Ясно, что Дживсу нельзя было приезжать.

Да, в его словах что-то есть, вынужден был признать я. Однако негодование во мне все еще бурлило.

– Что же он меня не предупредил?

– Ему самому это пришло в голову только после твоего отъезда.

– Но почему бы ему не уладить это с Силверсмитом любовно?

– Таковую возможность мы с ним обсуждали. Но Дживс сказал, что его дядя Чарли из тех, с кем ничего не возможно уладить любовно. Это человек твердых принципов.

– Подкупить можно всякого человека.

– Но не Дживсова дядю Чарли. Ты не представляешь, Берти, что это за личность! Когда я приехал и увидел его, у меня поджилки затряслись. Помнишь, какое впечатление произвела на царицу Савскую первая встреча с царем Соломоном? Вот и со мной было примерно то же. «Мне и вполонину не сказано было», – пробормотал я про себя. Если бы не Куини, которая увела меня от сурового лица и дала подкрепиться рюмочкой кулинарного хереса, я бы наверно где стоял, там бы и рухнул в обмороке.

– Кто это – Куини?

– Ты еще с ней не знаком? Горничная. Замечательная девушка. Обручена с полицейским по фамилии Доббс. Ты когда-нибудь пробовал кулинарный херес, Берти? Занятная вещичка.

Я почувствовал, что мы уклонились от темы, сейчас было не время для легкомысленной болтовни насчет кулинарного хереса.

– Да послушай ты, черт возьми! Ладно, хорошо, я понял, почему Дживс дал задний ход и не приехал. Но ты-то почему здесь очутился? Не понимаю.

Он вздернул брови.

– Не понимаешь, почему я здесь?! Не ты ли своими губами говорил, когда мы обсуждали, брать ли мне на себя роль Гасси, не ты ли доказывал, что мое место – именно здесь? Что мне необходимо быть непосредственно на театре военных действий, постоянно видеться с Гертрудой, уговаривать ее, убеждать, чтобы сломить, в конечном итоге, ее неподатливость? – Он осекся и посмотрел на меня пронзительно. – Ты, может быть, вообще против того, чтобы я находился здесь?

– Д-да н-нет, я...

– Вот именно, – произнес он холодно и твердо, как крутое яйцо на пикнике. – У тебя, оказывается, имеются какие-то сложные соображения против моих планов? Ты не хочешь, чтобы я завоевал сердце девушки, которую люблю?

– Как это – не хочу? Конечно, я хочу, черт подери, чтобы ты его завоевал.

– Ну не по почте же мне завоевывать.

– Но все-таки находиться в «Деверил-Холле» тебе для этого не обязательно. Мог бы остановиться в доме священника.

– Нельзя требовать от дяди Сиднея, чтобы он разместил у себя одновременно и Тараторку, и меня. Слишком жирно будет.

– Тогда в гостинице.

– Здесь нет гостиницы. Только так называемые «пивные дома».

– Можно снять койку в доме у крестьян.

– И спать вместе с крестьянином? Нет уж, спасибо. Сколько, по-твоему, у них спальных мест?

Я растерялся и смолк. Впрочем, каяться и отрекаться от своих слов в таких случаях не имеет смысла. Когда я снова заговорил, Китекэт, я думаю, не уловил в моем голосе дрожи. Мы, Вустеры, такой народ. В минуту душевных терзаний мы похожи на индейцев, которые, даже когда их поджаривают на костре, все равно остаются душой общества.

– Ты ее уже видел? – спросил я.

– Гертруду? Да, как раз перед тем, как идти к тебе. Я был в холле, и она вдруг выходит из гостиной.

– То-то она, должно быть, удивилась?

– Не то слово. Она пошатнулась и едва не упала. Куини говорит: «Ой, мисс, вам плохо?» – и убежала за нюхательной солью.

– Так там была еще и Куини?

– Да, и Куини со спущенной косой. Она как раз делилась со мной своим беспокойством по поводу душевного состояния своего жениха. Он у нее атеист. .

– Тараторка мне рассказывала.

– И каждый раз, как она пытается наставить его на путь истинный, он крутит ус и шпарит ей в ответ по Ингерсолу. Бедную девушку это очень расстраивает.

– А она довольно хорошенькая.

– Исключительно хорошенькая. Такой красивой горничной я в жизни не встречал.

– Гертруда, а не Куини.

– А-а, Гертруда. Этого, по-моему, ты мог бы мне не говорить. Гертруда – высший класс. Идет непосредственно за Еленой Прекрасной.

– Удалось тебе с ней потолковать?

– К сожалению, нет. Из гостиной вышло несколько теток, и мне пришлось исчезнуть. В этом отрицательная сторона лакейской должности – затрудняется общение. Да, между прочим, Берти, мне удалось узнать нечто крайне важное. Пикник под Обрывом влюбленных назначен на следующий четверг. Мне Куини сказала. Ей поручено наготовить сэндвичи. Надеюсь, ты не дрогнул со вчерашнего дня? По-прежнему полон решимости и мужества? И я могу быть спокоен, что ты не допустишь продолжения подлых происков этого болвана Эсмонда Хаддока?

– Эсмонд Хаддок мне нравится.

– В таком случае стыд тебе и позор.

Я снисходительно улыбнулся.

– На его счет можешь не кипятиться, Китекэт. Спусти пары. Гертруда Винкворт Эсмонда Хаддока несколько не интересуется. И он вовсе не ее благосклонности добивается своим ухаживанием.

– Не будь ослом. Верти. А Обрыв влюбленных? А сэндвичи?

– Все исключительно для того, чтобы возбудить ревность Тараторки.

– Что-о?

– Он надеется таким способом вернуть ее любовь. Понимаешь, на самом деле это не он ей дал отставку. Ты перепутал. Это Таратора дала ему от ворот поворот, потому что они разошлись во мнениях по одному политическому вопросу. Но она все равно осталась путеводной звездой его жизни. Я слышал это из его собственных уст. Мы с ним сдружились

за портвейном. И можешь больше не опасаться угрозы с его стороны.

Китекэт вылупил на меня глаза. В их глубине зарделась заря надежды.

– Это серьезно?

– Вполне.

– Ты говоришь, Таратора – путеводная звезда его жизни?

– Его личные слова,

– И все его знаки внимания Гертруде – просто уловка?

– Именно.

Китекэт испустил глубокий вздох Умирающего гуся.

– Уф-ф! Ты снял у меня с души тяжелый груз, Берти.

– Я так и думал, что тебя это обрадует.

– Еще бы не обрадовать. Ну ладно, спокойной ночи.

– Ты уходишь?

– Да, Берти, как мне ни приятно твое общество, я вынужден тебя оставить, потому что у меня полно дел в другом месте. Из разговора с Куини я выяснил, что она знает, где у дяди Чарли хранятся ключи от погреба. Так что пока. Надеюсь, еще увидимся.

– Постой минутку. Ты будешь разговаривать с Тараторкой?

– Завтра же утром. Надо ей сообщить, что я здесь, и вообще ввести ее в курс, чтобы не наделала промахов. А что?

– Передай ей от меня, что придется ей найти на роль Пата другого исполнителя.

– Ты отказываешься от роли?

– Да, – ответил я и посвятил его во все.

Он выслушал, кивая, и сказал, что понимает.

– Да, да. Ты прав, конечно. Я передам.

И удалился на цыпочках, всем своим видом выражая радостную готовность, будь у него в руках шляпа, а в шляпе розы, щедро разбросать их направо и налево, так что на некоторое время меня здорово взбодрило сознание, что благодаря мне в жизни друга вновь, так сказать, засияло солнце.

Но одного этого сознания все же мало, для того чтобы надолго взбодрить человека, на неопределенный срок застрявшего в застенке «Деверил-Холла», и вскоре я уже опять погрузился в царство мрака, где и рад бы словить за хвост Синюю птицу, да не ухватишь.

А я давно уже усвоил, что в трудную минуту нет вернее утешения, как завалиться в постель с хорошим чтивом, от которого дыбом встают волосы на голове, и забыться, погрузившись в книгу. По счастью, я прихватил из города одну книженцию, «Убийство в Грейстоун-Грейндже» называется, и теперь углубился в нее, знай только страницы переворачивал. Было ясно, что лучшего выбора я сделать не мог. Это оказалось одно из тех произведений, где то и дело встречаются мертвые английские баронеты, распостертые на полу в библиотеке, а к героине перед сном, что ни вечер, прямо из стены вылазит Нечто и начинает шляться по комнате, так что я очень скоро вполне успокоился, выключил свет и заснул крепким живительным сном, каковой живительный сон продолжается у меня всегда до самого прибытия утренней чашки чаю.

Напоследок, перед тем как окончательно смежились усталые вежды и отключилось сознание, мне послышался звонок у входных дверей и говор отдаленных голосов, из чего можно было заключить о прибытии в усадьбу нового гостя.

Утренний рацион мне доставил Силверсмит, и хотя его обращение со мной оставалось

довольно прохладным – свидетельство того, что вчерашние проказы Сэма Голдуина до сих пор не прощены, – я, однако, набрался храбрости и попробовал завязать с ним дружескую беседу. Я всегда стараюсь, по возможности, устанавливать дружеские отношения между тем, кто приносит чай, и тем, кто его пьет.

– А, Силверсмит, доброе утро, доброе утро, – начал я. – Как сегодня погода, а? Отличная?

– Да, сэр.

– Жаворонок поет в небесах, и улитка ползет по листу, и все такое прочее?

– Да, сэр.

– Знаете, Силверсмит, может быть, конечно, мне просто приснилось, но у меня сложилось такое впечатление, что вчера поздно вечером раздался звонок у входной двери и затем кое-какие закулисные разговоры. Я не ошибся? Никто не приезжал вечером после закрытия?

– Приехал, сэр. Мистер Вустер.

Он холодно взглянул на меня, как бы напоминая, что не желает участвовать в дружеской беседе с человеком, ответственным за вторжение Сэма Голдуина в его жизнь, и пропал, оставив Бертрама, как вы можете себе представить, в довольно задумчивом состоянии. Недоумевая, я приподнялся, прислонился спиной к подушкам и поднес чашку к губам. Все это было выше моего разума.

По его словам выходило, что вчера приехал «мистер Вустер», а отсюда могло следовать только одно из двух: либо я, как герои моего анекдота, ослышался, либо же только что со мной беседовал дворецкий, который с утра пораньше находится под градусом.

Ни то ни другое предположение меня не удовлетворяло. Слух у меня с детских лет чрезвычайно острый, а мысль, чтобы Силверсмит к восьми часам утра успел наклюкаться, и вовсе не выдерживала критики. Только самые безответственные из дворецких способны принимать спиртное до завтрака, и если Дживсов дядя Чарли представляется моим читателям лицом безответственным, значит, его образ мне совершенно не удался. Маленького лорда Фаунтлероя можно вообразить с утра заложившим за галстук, но Силверсмита – ни за что.

И однако же, он, бесспорно, сказал: «Мистер Вустер». Я сидел и ломал голову, не находя даже мало-мальски убедительного объяснения этой загадке, когда вдруг отворилась дверь и в комнату проник призрак Дживса с завтраком на подносе.

Я сказал «призрак Дживса», потому что в первый, ужасный момент я именно так определил для себя это явление. Приветствие: «Кого мы видим? Призрак!» – замерло, непроизнесенное, у меня на губах, ибо я почувствовал себя примерно так же, как героиня «Убийства в Грейстоун-Грейндж», когда обнаружила Нечто у себя в спальне. Не знаю, случилось ли вам встречаться с привидением, но могу вас заверить, что поначалу берет сильная оторопь.

Но потом ноздрей моих коснулся аромат поджаренного бекона, и, осознав, что весьма мало вероятно, чтобы потустороннее видение разгуливало с нашим национальным кушаньем на подносе, я немного успокоился. Настолько, во всяком случае, чтобы, почти не пролив, удержать чашку в руке и чтобы при этом еще пролепетать: «Дживс!» Однако и это не так-то мало для человека, у которого только что язык завернулся за гортань и одновременно прилип к нёбу.

– Доброе утро, сэр, – промолвил он. – Я подумал, что, чем присоединиться ко всей компании в столовой, вы предпочтете завтрак в одиночестве своей комнаты.

Отлично зная, что в столовой меня бы ждали пять тетей, из них одна глухая, одна полоумная и одна – леди Дафна Винкворт, и весь букет совершенно непригоден для потребления на голодный желудок, я от души оценил такой дружеский жест, – тем более когда сообразил, что в хозяйстве наподобие здешнего порядки, вернее всего, традиционные, сильно отстающие от последнего писка современной творческой мысли, и не иначе как за столом там прислуживает лично дворецкий.

– Правильно ведь? – спросил я. – За завтраком пирующих обслуживает сам Силверсмит?

– Да, сэр.

– Бог ты мой! – воскликнул я, бледнея сквозь здоровый загар. – Ну и человек, Дживс!

– Кто, сэр?

– Ваш дядя Чарли.

– А-а, да, сэр. Сильная личность.

– Еще какая сильная. Что там у Шекспира говорится про кого-то, у кого взор матери?

– «Взор Марса – а не матери – грозный, наводящий страх» – вот, видимо, цитата, которая вам припомнилась, сэр.

– Верно, верно. Именно такой взор у дяди Чарли. Неужели вы так его и называете – «дядя Чарли»?

– Да, сэр.

– Поразительно. Для меня даже подумать о нем как о дяде Чарли – все равно что назвать его Реджи или Джимми или, если на то пошло, даже Берти. Он что же, качал вас в детстве на колене?

– Весьма часто, сэр.

– И вы не трепетали? Железный ребенок! – Я снова принялся за завтрак. – Отличный бекон, доложу вам, Дживс.

– Домашнего копчения, насколько я понимаю, сэр.

– И приготовленный из мирно настроенных свиней. И селедочка, я вижу, не говоря о тостах, джеме, даже, если зрение меня не обманывает, еще и яблоко! Что ни говори про «Деверил-Холл», но кормят здесь по-царски. Вы не замечали, Дживс, что хорошая копченая

селедка на завтрак – основа успешного дня?

– Совершенно справедливо, сэр, хотя я сам скорее сторонник хорошего куска ветчины.

Некоторое время мы с ним обсуждали сравнительные достоинства ветчины и рыбы как средства для поднятия боевого духа, поскольку многое можно сказать в пользу того и другого блюда, но наконец я все-таки затронул тему, затронуть которую хотел уже давно. Сам не понимаю, как это она вылетела у меня из головы.

– Кстати, Дживс, – говорю, – у меня есть к вам один вопрос. Что, во имя тысячи чертей, вы здесь делаете?

– Я так и предполагал, что это вас может заинтересовать, сэр, и уже сам собирался предоставить вам соответствующую информацию по своей инициативе. Я приехал сюда в качестве слуги мистера Финк-Ноттла. Разрешите мне, сэр.

Он поймал кусок копченой селедки, который сорвался у меня с вилки, оттого что рука моя сильно дрогнула, и поместил его обратно на тарелку. Я, как говорится, вылупил на него глаза.

– Мистера Финк-Ноттла?

– Да, сэр.

– Но ведь Гасси нет в «Деверил-Холле»?

– Он здесь, сэр. Мы прибыли вчера вечером, ближе к ночи.

Внезапно вспыхнувшая догадка осенила меня.

– То есть это был Гасси, про кого дядя Чарли вчера говорил, что приехал мистер Вустер? Я сижу здесь под именем Гасси, а теперь является Гасси под моим именем?

– Совершенно верно, сэр. Ситуация создалась весьма любопытная и, пожалуй, довольно запутанная...

– Это вы мне говорите, Дживс?

Только опасение перевернуть поднос с завтраком помешало мне обратиться лицом к стене. Когда Эсмонд Хаддок во время нашего давешнего разговора за портвейном упомянул «дни для наших душ суровых испытаний», он и не подозревал, какими суровыми могут стать испытания для наших душ, если, поплевав на ладони, где-то там примутся за дело всерьез. Я поднял кусок рыбы на вилке и рассеяно отправил в рот, пытаюсь привести свои умственные способности в соответствие с требованиями момента, который даже самый мужественный человек неизбежно признал бы трудным.

– Но каким образом Гасси освободился из каталажки?

– Судья передумал и вместо заключения назначил ему штраф, сэр.

– С чего это он вдруг?

– Возможно, ему пришло в голову, что милосердие свободно, сэр.

– И изливается, как добрый дождь с небес, вы хотите сказать?

– Именно, сэр. Куда придется на земле. Его милость, наверно, принял во внимание, что оно есть благо и для дарующего, и для одариваемого и к лицу монарху на троне больше, нежели корона.

Я задумался. Да, пожалуй, в этом что-то есть.

– Сколько он из него выдоил? Пять фунтов?

– Да, сэр.

– И Гасси раскошелится и стал опять свободным человеком?

– Да, сэр.

Тут я нащупал болезненную точку:

– Но почему он здесь?

Я думал, что задал ему вопрос на засыпку, но не тут-то было. Где человек менее великий стал бы переминаясь с ноги на ногу, крутить большими пальцами и бормотать: «Да, действительно, трудно сказать», – у Дживса было готово объяснение, и он подал его мне на блюдечке, и глазом не моргнув.

– Ему ничего другого не оставалось, сэр. С одной стороны, ее милость ваша тетушка непременно желала, чтобы вы поехали в «Деверил-Холл», с другой – мисс Бассет не менее определенно настаивала на том, чтобы и мистер Финк-Ноттл отправился сюда же. В случае, если бы одного из вас здесь не оказалось, начались бы расспросы, которые могли привести к самым плачевным последствиям. Взять хотя бы то, что мисс Бассет ожидает ежедневных писем от мистера Финк-Ноттла со всевозможными подробностями жизни в усадьбе: что слышно, что происходит, кто что сказал. Они, естественно, должны быть написаны на бумаге с деверильским гербом и иметь почтовый штемпель «Кингс-Деверил».

– А что, верно! Ваша правда, Дживс. Мне это и в голову не приходило.

Я задумчиво проглотил кусок тоста с джемом. А ведь скольких трудностей удалось бы избежать, если бы у судейского хватило ума оштрафовать Гасси с самого начала, а не спохватиться потом. Я уже утверждал это неоднократно и скажу опять: все судейские – ослы. Покажите мне судью, и я покажу вам остолопа.

Я принялся за яблоко.

– Значит, вот как обстоят дела.

– Да, сэр.

– Я – это Гасси, а Гасси – это я.

– Да, сэр.

– И потребуется неусыпная бдительность, чтобы не запутаться и не испортить всю игру. Мы будем ступать, как говорится, по яичным скорлупкам.

– Очень точное образное выражение, сэр.

Я доел яблоко и озабоченно закурил сигарету.

– Ну что ж, ничего не поделаешь, я вижу. Но только, пожалуйста, не надо снова запускать вашего Марка Аврелия, если вы начнете мне толковать про то, что все это – часть одной великой цепи, я этого не вынесу. А как настроение Гасси?

– Не особенно радостное, сэр. Раздосадованное, я бы сказал. Я узнал от мистера Перебрайта...

– Так вы виделись с Китекэтом?

– Да, в людской. Он помогал горничной Куини решать кроссворд. Он уведомил меня, что сумел организовать встречу с мисс Перебрайт и сообщил ей о вашем решении отказаться от роли Пата в ирландском скетче. Мисс Перебрайт проявила понимание и сказала, что, коль скоро приехал мистер Финк-Ноттл, он, конечно, возьмет эту роль на себя. Мистер Перебрайт виделся с мистером Финк-Ноттлом и сообщил ему о принятом решении, и это как раз и раздосадовало мистера Финк-Ноттла.

– Трусит?

– Да, сэр. И кроме того, ему слегка действуют на нервы отзывы деверильских дам о...

– О моем поведении?

– Да, сэр.

– Насчет собаки?

– Да, сэр.

– И портвейна?

– Да, сэр.

– И про «Алло, алло, алло, в лесу уже светло»?

– Да, сэр.

Я сокрушенно выдохнул большое облако дыма.

– Да, – говорю. – Боюсь, для начала я заработал ему неважную репутацию. Я не хотел, но так уж оно само получилось, что из-за меня у здешних хозяек сложилось о нем мнение как о гробе повапленном, которые водят публику за нос, притворяясь, будто не пьют ничего, кроме апельсинового сока, а чуть только публика повернется спиной, накачиваются портвейном до полной потери памяти. Правда, у меня есть некоторые оправдания. Эсмонд Хаддок подсунул мне графин, а я просто умирал от жажды и соблазнился. Не станете же вы винить засыпанного снежной лавиной альпиниста за то, что он принял глоток бренди из рук откопавшей его собаки сенбернара. Но будем, по крайней мере, надеяться, что старушки не проболтаются и слух о дурном поведении Гасси не дойдет до мисс Бассет. Не хотелось бы, чтобы их любви совали палки в колеса.

Мы оба помолчали минутку, задумавшись о том, что произойдет, если Мадлен Бассет лишится своего Гасси и вырвется на свободу. Потом, с моей подачи, оставили эту убийственную тему.

– Кстати о превратностях любви, Китекэт насчет своих превратностей с вами, наверно, поделился?

– Да, сэр.

– Так и думал. Удивительно, как вся эта влюбленная публика, чуть что, бежит к вам, чтобы выплакать свои страдания на вашей груди.

– Мне это очень приятно, сэр, и я всегда рад оказать каждому помощь по мере моих сил и возможностей. Сознание выполненного долга доставляет положительные эмоции. Вчера вскоре после вашего отбытия мистер Перебрайт уделил некоторое время изложению своих проблем. И только узнав все обстоятельства, я рискнул предложить, чтобы он занял в мое отсутствие место вашего слуги.

– Жаль только, что ни один из вас не догадался отбить мне предупредительную телеграмму. А то я испытал крайне неприятное потрясение. Кому приятно в завершение основательной попойки вдруг обнаружить у себя в комнате нежданного гостя-оборотня? Вы бы тоже, я думаю, имели довольно глупый вид, если бы в одно прекрасное утро после бурной ночи вошли ко мне в спальню с чашкой чаю и застали сидящим в подушках, скажем, Эрни Бевина. А когда вы сейчас разговаривали с Китекэтом, он сообщил вам последние новости?

– Новости, сэр?

– Насчет Эсмонда Хаддока и Тараторы.

– Ах, это. Да, сэр. Он информировал меня о том, что вы ему рассказали про неизменность чувств мистера Хаддока к мисс Перебрайт. Для него это большое облегчение, сэр. Он полагает, что теперь главное препятствие на его пути к счастью устранено.

– Да, у Китекэта теперь все в ажуре. Жаль, что нельзя сказать того же о бедняге Эсмонде.

– Вы полагаете, сэр, что мисс Перебрайт не отвечает взаимностью на чувства мистера Хаддока?

– Взаимностью-то она отвечает. Она сама открыто признала, что он – путеводная звезда ее жизни. Вы, наверное, думаете, что раз так, значит, нет никаких проблем. Ведь если она –

путеводная звезда его жизни, а он – ее, то и все дело в шляпе, так? Но вы не правы, и Эсмонд Хаддок – тоже. Он решил, бедная обманутая овечка, что произведет своим выступлением в концерте такой фурор, что Тараторка только воскликнет: «О, Эсмонд!» – и бросится ему на шею. Безнадежное дело.

– Безнадежное, сэр?

– Совершенно безнадежное. И есть еще одна серьезная закавыка. Тараторка не согласна даже слышать о свадьбе, пока он не бросит вызов своим теткам, а ему, естественно, и подумать об этом страшно. И получается нечто вроде того самого, как бишь говорят в таких случаях? Ни тпру ни ну.

– Но почему молодая леди хочет, чтобы мистер Хаддок бросил вызов своим тетушкам?

– Она говорит, что он позволял им угнетать себя с самого детства и пора наконец сбросить иго. Она хочет, чтобы он выказал себя мужчиной, не ведающим страха. Старая история про дракона. В давние времена, когда рыцари были храбрыми, как вам, конечно, хорошо известно, девушки имели обыкновение выгонять парней на битву с драконами. Ваш друг рыцарь Роланд, я думаю, раз двадцать попадал в такие переделки. Но драконы – это одно, а тетки – совсем другое. Я убежден, что Эсмонд Хаддок не убоился бы помериться силами с огнедышащим драконом, но нечего и мечтать, чтобы он вышел против леди Дафны Винкворт да еще против четырех мисс: Шарлотты, Эммелины, Гарриет и Мертл Доверил в придачу.

– А что, если, сэр?..

– Как это понимать: «Что, если, сэр»?

– Мне пришла в голову вот такая возможность, сэр. Если выступление мистера Хаддока будет иметь успех, на который он рассчитывает, не исключено, что это подействует на него и придаст ему храбрости. Мне лично не приходилось изучать психологию этого молодого джентльмена, но по рассказам дяди Чарли у меня сложилось убеждение, что мистер Хаддок как раз из тех людей, на которых общественная поддержка может оказать сильное воздействие. Он, как вы говорите, всю жизнь прожил в подчинении, и у него наверняка развился значительный комплекс неполноценности. А на молодых джентльменов с комплексом неполноценности восторги толпы часто действуют как сильный стимулятор.

Я начинал кое-что соображать.

– То есть если у него будет успех, то ему ударит в голову до такой степени, что он сможет прямо взглянуть своим теткам в лицо и они затрепещут?

– Именно, сэр. Вспомните случай с мистером Литтлом.

– Точно! Это правда, Бинго стал совсем другим человеком. Дживс, по-моему, в ваших словах что-то есть.

– Во всяком случае, предложенная мною теория, на мой взгляд, не лишена правдоподобия, сэр.

– Очень даже не лишена, Дживс. Самое оно. А раз так, наша задача – навалиться хорошенько и обеспечить ему, это самое, триумф. Как называется то, что бывает у людей?

– Сэр?

– Ну, у оперных певцов и вообще?

– Вы имеете в виду клаки, сэр?

– Верно. Вертелось у меня на кончике языка. Мистеру Хаддоку нужна клака. Ваша задача, Дживс, прохаживаясь по деревне, здесь подбросить словцо, там поставить выпивку, так чтобы в конце концов все жители прониклись желанием аплодировать песне Эсмонда

Хаддока до полного посинения. Я могу в этом на вас положиться?

– Разумеется, сэр. Я займусь этим делом.

– Прекрасно. Ну а теперь, я думаю, мне следует встать и повидаться с Гасси. Ему, наверно, надо со мной обсудить кое-какие вопросы. Есть тут в окрестностях разрушенная мельница?

– Мне о таковой ничего не известно, сэр.

– Ну, какая-нибудь другая местная достопримечательность, чтобы назначить Гасси там встречу? По-моему, мне не стоит разыскивать его, шныряя по дому и прилегающим владениям. Я думаю спуститься украдкой по черной лестнице, обойти сад по краю, держась ближе к кустам. Вы меня понимаете, Дживс?

– Вполне, сэр. Я мог бы договориться с мистером Финк-Ноттлом, чтобы он встретился с вами, скажем, через час у входа в здание местной почты.

– Правильно. У входа в здание почты через час, или шестьдесят минут. А сейчас, Дживс, если вы будете так добры и пустите воду, – освежающая ванна.

Я немного не рассчитал время, слишком долго пел в ванне, да то, да се и в итоге явился к назначенному месту встречи с пятиминутным опозданием. Гасси уже был на исходных позициях.

Дживс, описывая этого отпрыска семейства Финк-Ноттлов, сказал, если помните, что тот имел вид раздосадованный, и теперь с первого взгляда стало ясно, что за это время Гасси обратно задосадоваться не успел. Глаза за стеклами роговых очков горели яростью, обидой и т.п. – ну просто негодующий палтус. В эмоциональные моменты сходство Гасси с тем или иным морским чудищем всегда становится особенно наглядным.

– Ну, – сразу произнес он, даже не задержавшись, чтобы сделать мне ручкой, – хорошенькая история!

Я почувствовал, что тут бы как раз кстати вернуть нечто бодрое и с юморком. И соответственно сказал, что история действительно хорошенькая, но я бы посоветовал ему держать хвост пистолетом, поскольку, даже несмотря на сгущение туч, в «Деверил-Холле» все-таки лучше, чем в темном подземелье, где по стенам сочится вода и по полу маршируют полчища крыс, а ведь именно в таких условиях содержатся, как я понимаю, арестанты, получившие четырнадцать суток без права замены шграфом.

Гасси кратко ответил, что не согласен со мной.

– По мне, так в тюрьме гораздо лучше. В тюрьме сидишь, и никто не обзывает тебя Вустером. Каково мне, как ты думаешь, знать, что в глазах всей общественности я – это ты?

Его слова, признаться, меня удивили. Изю всех моих теперешних неприятностей больше всего меня ранило и терзало то, что местное население, глядя на Гасси, полагает, будто видит перед собой Бертрама Вустера. Подумать только, они ведь так и сойдут в могилу с убеждением, что этот недомерок и уродец, похожий на Лестера де Пестера, постоянного героя карикатур в одной нью-йоркской газете, – что это и есть Бертрам Вустер! Прямо острый нож в сердце. И вот я с недоумением узнаю, что, оказывается, и Гасси испытывает аналогичные душевные муки.

– Известно ли тебе, – продолжал он, – какой ты пользуешься здесь репутацией? Чтобы ты не строил иллюзий, позволь уверить тебя, что твое имя покрыто позором. Женщины за завтраком как одна подбирали подолы, когда я к ним обращался. Иногда я ловил на себе их взгляды, которые обидели бы уличного налетчика. Но мало того, за один вечер ты умудрился и мое имя покрыть позором. Я слышал, ты вчера вечером в пьяном виде пел охотничьи песни?

– Я вовсе не был вчера вечером пьян, Гасси. Просто приятно расслабился, так сказать. А охотничьи песни я пел потому, что этого желал хозяин дома. Желания хозяина для гостя – закон. Так, значит, они об этом говорили?

– Говорили, не сомневайся. Это была главная тема застольной беседы во время завтрака. А что будет, если дойдет до Мадлен?

– Я советую все отрицать.

– Не поможет.

– Как сказать, – возразил я, потому что об этом я уже подумал и теперь оценивал положение не так мрачно, как поначалу. – Доказать-то они ничего не могут.

– Крестная мать Мадлен говорит, что, войдя в столовую, увидела, что ты стоишь на

стуле с графином в руке и распевает «Поскачем на охоту мы».

– Верно. Не будем этого отрицать. Но откуда известно, что содержимое графина было выпито не в одиночку Эсмондом Хаддоком, который, со своей стороны, как ты помнишь, стоял на столе и тоже распевал «Поскачем на охоту мы», нахлестывая коня бананом? Я убежден, что, если эта история дойдет до ушей Мадлен, полное отрицание вывезет тебя как дважды два.

Он задумался.

– Возможно, ты прав. Но все равно тебе следовало быть осторожнее. Вся эта история крайне досадна и огорчительна.

– Что сделаешь, – решил я попробовать, – это ведь все часть одной великой цепи,

– Какой цепи?

– Каламбур Марка Аврелия. Он сказал: «С тобой что-то случилось? Очень хорошо. Это часть общего предначертания Вселенной и назначено тебе испокон веков. Все, что случается с тобой, – часть одной великой цепи».

Он так горячо и нелицеприятно послал Марка Аврелия к черту – сразу видно было, что, как и в случае со мной, эта штука не принесла успокоения. Да я и не особенно надеялся. По моему, данное сочинение Марка Аврелия не годится подсовывать когортам, когда они только что расшибли нос об стенку Судьбы. Надо подождать, пока утихнет боль.

Чтобы спустить на тормозах, я решил переменить тему и спросил у Гасси, не удивился ли он, обнаружив в «Деверил-Холле» Китекэта. Тут же оказалось, что я не сбил пламя, а только подпил керосину. Как ни горячо он отозвался о Марке Аврелии, в сравнении с тем, что выпало на долю Китекэта, это звучало просто как похвала.

Понять его, конечно, можно. Если тебя заставили, вопреки голосу твоего рассудка, в пять утра перебраться вброд через фонтан на Трафальгарской площади, из-за чего погибли твои брюки, а ты сам был схвачен, брошен за решетку и вообще пропущен через мясорубку Закона, ты, несомненно, начнешь склоняться к мысли, что человеку, который сотворил сие, следует вспороть брюхо тупым кухонным ножом. Именно это, если все будет хорошо, Гасси надеялся, наряду со многим прочим, проделать с Китекэтом, и, как я уже говорил, своя логика в его рассуждениях определена была.

Наконец, исчерпав все, что мог сказать по поводу Китекэта, Гасси, как я и предполагал, обратился к скетчу, создателем и постановщиком которого был Китекэт.

– Я слышал, Перебрайт говорил что-то про скетч с диалогом невпопад, как он это назвал, – сказал Гасси вопросительно, и я почувствовал, что настало время для нежного и медоточивого слова.

– Да-да, он тебе говорил? Это один из номеров в программе концерта, который организует в деревне его сестра. Я должен был исполнять в скетче роль Пата, но в связи с переменной обстоятельств теперь меня в этой роли заменишь ты.

– Вот как? Посмотрим еще. Что это за штука такая, черт подери?

– А ты разве не видел? Понго Твистлтон и Барми Фипс показывают ее каждый год в курилке «Трутней».

– Я не бываю в курилке «Трутней».

– Да? Ну, это... как бы тебе объяснить?.. сценка с так называемым диалогом невпопад. Герои – два ирландца, Пат и Майк, они выходят, и... У меня с собой есть текст, вот, прогляди – и поймешь, в чем суть.

Он взял из моих рук текст и стал читать, насупив брови. Наблюдая за ним, я осознал,

какая неблагоприятная работа – писать пьесы. Отдаешь свое создание в руки бессердечного режиссера и стоишь, переминаясь с ноги на ногу, пока он перелистывает страницы и морщится, будто у него где-то болит, а потом сует тебе обратно с кратким заключением: «Дерьмо».

– Кто это написал? – спросил Гасси, переворачивая последнюю страницу, а услышав, что автор – Китекэт, добавил, что мог бы и догадаться. Он, пока читал, то и дело презрительно фыркал и теперь фыркнул опять, значительно громче, словно в шестикратном размере.

– Полнейший бред. Никакого драматического единства. Ни мотивировки, ни формы. Кого должны изображать эти двое действующих лиц?

– Я же сказал. Двух ирландцев по имени Пат и Майк.

– Может, ты объяснишь мне, каково их социальное положение? Честно скажу, я этого понять не могу. Пат, например, судя по его словам, вращается в высшем обществе, так как говорит, что обедал в Букингемском дворце, однако у его жены в доме жильцы.

– Ты прав. Странно.

– Совершенно необъяснимо. Трудно поверить, чтобы человека его класса пригласили на обеда Букингемский дворец, тем более он совершенно не умеет себя вести. Сам же он рассказывает, что на этом обеде королева спросила, не хочет ли он картофельной похлебки, а он, думая, что больше ничего не будет, попросил шесть порций и в результате, по его собственным словам, просидел остаток вечера в углу на грани взрыва. К тому же свой рассказ он то и дело перемежает восклицаниями «Лопни мои глаза» и «Боже ж ты мой милостивый». Ирландцы теперь так не говорят. Ты не читал «Всадники скачут к морю» Синга? Нет? Достань и прочти, и если там найдется хоть один человек, говорящий: «Лопни мои глаза», дам тебе шиллинг. Ирландцы все поэты. Они говорят о душе, о тумане и тому подобном. И выражаются, к примеру, так: «О, этот вечер, он напоминает мне былое – так и хочется вновь очутиться в графстве Клэр и любоваться коровушками в высокой траве».

Гасси перевернул еще несколько страниц, хмуря брови и наморщив нос, словно от неприятного запаха. А я тоже вспомнил былое – нашу школу «Малверн-Хаус» в Брамли-он-Си, как, бывало, преподобный Обри Апджон с синим карандашом в руке прочитывал принесенное мной сочинение.

– Вот еще одна бессмысленная несуразица, – произнес Гасси. – «Моя сестра – в балете. – Ты говоришь, твоя сестра – в балете? – Да, лопни мой глаз; моя сестра – в балете. – Что же она у тебя делает в балете? – Как что, вылетает на сцену, а потом вылетает со сцены. – Чего же это она вылетает? – Да Господи ж Боже ты мой, у нас ведь вылитый русский балет». Это просто бессмыслица. И кстати, еще одна вещь, которую я совершенно не понимаю. После фразы «у нас ведь вылитый русский балет» и в других местах по всему тексту встречается слово «продел» в квадратных скобках. Мне оно абсолютно ничего не говорит. Ты в состоянии объяснить, что оно значит?

– Это сокращение от «проделывает». Здесь ты ударяешь Майка зонтом. Чтобы публика поняла, что сказанное – шутка.

Гасси встрепенулся.

– Так это все – шутки?

– Да.

– Ах, так. Понятно, понятно. Конечно, это придает несколько иное освещение... – Он не договорил и посмотрел на меня испытующе: – Ты сказал, что я должен бить напарника

зонтом?

– Верно.

– И если я правильно понял Перебрайта, вторым исполнителем в этой выдающейся постановке будет здешний полицейский?

– Верно.

– Это совершенно немыслимо и недопустимо, – с чувством произнес Гасси. – Разве ты не знаешь, что бывает, если ударить полицейского зонтом? Я лично попробовал, когда вылезал из фонтана на Трафальгарской площади, и повторять попытку не намерен. – На лице у него проступил серый ужас, словно человек заглянул в прошлое, которое мечтал забыть навсегда. – Ну, так вот, сейчас я объясню тебе, Вустер, мою позицию. Я не согласен говорить «Лопни мой глаз» и «Боже ж ты мой милостивый», и я не согласен нападать на полицию с зонтом. Иными словами, я решительно и определенно отказываюсь иметь дело с этим непристойным шутовством. погоди, дай мне встретиться с мисс Перебрайт, я ей все выскажу прямо. Объясню ей, что нельзя так шутить над человеческим достоинством.

Он явно хотел еще что-то добавить, но вдруг засипел и осекся, странно выпучив глаза. Я оглянулся. К нам подходила Таратора в сопровождении Сэма Голдуина. Выглядела она, как всегда, на миллион долларов, в каком-то облегающем облачении, больше подчеркивающим, так сказать, чем скрывающим изящную фигуру.

Я от души ей обрадовался. С этим Гасси, который, как валаамова ослица, уперся и не желает передавать пас, было ясно, что тут нужен женский подход. Мне не потребовалось и двух секунд, чтобы принять решение: сейчас я их познакомлю, и пусть она сама растапливает его железную волю.

Что дело ей удастся, представлялось мне вполне вероятным. Отличаясь от моей тети Агаты во всех отношениях, кроме одного, Кора Таратора, подобно этой выдающейся мегере, обладает властным характером. Когда ей от тебя чего-то надо, ты оглянуться не успел, как уж подчинился и делаешь что требуется. Причем всегда так было, с самых ранних детских лет. Помню, раз в нашем совместном танцклассе она дала мне апельсин, превратившийся с возрастом в сине-желтую плесневелую кашу, и распорядилась, чтобы я швырнул им в нашу наставницу, которая чем-то, забыл уже чем, заслужила ее неудовольствие. И я это безропотно выполнил, хотя и знал, как горька будет расплата.

– Привет, – произнес я, уклоняясь от попыток мерзкого животного положить мне на плечи передние лапы и поточить язычище об мое лицо. Указав большим пальцем, я представил: – Гасси.

Тараторкине лицо осветилось восторгом. Мотор обаяния был сразу же запущен на все обороты.

– О, так это и есть мистер Финк-Ноттл? Как поживаете, мистер Финк-Ноттл? Я так рада с вами познакомиться, мистер Финк-Ноттл. Как удачно, что мы встретились. Я хотела обсудить с вами некоторые детали постановки.

– Мы как раз на эту тему сейчас говорили, – заметил я. – Гасси немного упирается насчет того, чтобы играть Пата.

– Неужели?

– Я подумал, может, тебе захочется уговорить его. Я вас оставлю вдвоем, – сказал я и немедленно дал стрекача. Заворачивая за угол, я оглянулся: Тараторка держалась одной изящной рукой за лацкан его пиджака, а другой изящной рукой делала умоляющие заискивающие жесты, что даже для самого скудоумного и некритичного наблюдателя могло

означать лишь одно: обработку по первому классу.

Довольный, я направил шаги в «Деверил-Холл», настороженно поглядывая направо и налево, не рыщет ли поблизости которая-нибудь из тетей. Так я живой и невредимый добрался до своей комнаты. Полчаса спустя, когда я сидел в задумчивости, блаженно покуривая сигарету, прибыл Гасси, и я сразу же понял, что это уже не тот хмурый и надутый Финк-Ноттл, который так беспощадно отказал в месте под солнцем Пату и Майку, когда мы с ним общались предыдущий раз. Теперь он был сама бодрость, лицо сияет, в петлице пиджака – цветок, которого прежде там уж точно не было.

– Привет, привет. Берти, – говорит Гасси. – Послушай, Берти, почему же ты мне не сказал, что мисс Перебрайт – это Кора Старр, кинозвезда? Я ее давний горячий поклонник. Чудесная девушка, правда? И совсем не похожа на брата, которого я всегда считал и буду считать первой скотиной Британии. После нашего разговора я увидел этот скетч с диалогом невольничества в совершенно новом свете.

– Я так и думал.

– Поразительно, такая миловидная девушка, а имеет ум острый, как бритва, да еще способна излагать свои доводы с кристальной ясностью, и сразу видишь, что она во всем права.

– Да, юная Таратора – убедительная язва.

– Я бы предпочел, чтобы ты не называл ее язвой. Таратора, так вы ее зовете? Очень милое прозвище.

– Так что же вы решили? Ты играешь в скетче?

– О да, мы с ней обо всем договорились. Она полностью опровергла мои возражения. Мы еще раз просмотрели текст после твоего ухода, и ей удалось склонить меня к ее точке зрения, что это простой, здоровый юмор, а вовсе не непристойное шутовство. Дешевка, конечно, зато, как доказала мне мисс Перебрайт, написано очень сценично. Она уверена, что я буду иметь шумный успех.

– Да, у тебя публика со скамеек попадает от хохота. Мне очень жаль, что я сам не могу выступить в роли Пата.

– Я думаю, это даже к лучшему. Не твой типаж, по-моему.

– Очень даже мой типаж, – возмутился я. – Я бы сыграл потрясающе.

– А Тараторка считает, что нет. Она говорит, она очень рада, что ты выбыл из игры и я занял твое место. Она говорит, роль требует широкой, жизненной трактовки, а ты слишком мельчишь. Это роль, для которой нужна яркая индивидуальность и точный расчет времени, и Таратора сразу поняла, как только увидела меня, что перед нею идеальный Пат. Девушки с таким опытом, как у нее, чувствуют подобные вещи моментально.

Я сдался. С актерами-любителями спорить бесполезно, а Огастус Финк-Ноттл за двадцать минут общения с Тараторкой явно переродился из безобидного охотника за тритонами в типичного актера-любителя, какие попивают портвейн в винных погребках и зовут один другого «голуба ты моя» в самом что ни на есть доподлинном американском духе. Еще мгновение, и он, пожалуй, меня начнет величать «голУбой».

– Ладно, что толку теперь об этом говорить, – вздохнул я. – Все равно ведь я не могу выступить. Мадлен не понравилось бы, если бы ее нареченный жених показался на публике при зеленой бороде.

– Да, она девица со странностями.

Мне показалось, что я могу стереть с его лица эту дурацкую ухмылку, надо лишь кое о

чем ему напомнить.

– Ну а как же Доббс?

– Что – Доббс?

– В предыдущем нашем разговоре ты выражал беспокойство, из-за того что тебе придется отколотить полицейского Доббса зонтиком.

– Ах, Доббс! Его не будет. Отказался от роли. Когда мы проводили ознакомительную читку, он как раз подошел и стал подавать реплики за Майка, но оказался совершенно безнадежен. Ни техники, ни индивидуальности. И не слушает режиссера. На каждом слове принимается спорить с трактовкой постановщика. Тараторка в конце концов не выдержала и стала на него орать, он тоже не выдержал и стал орать на нее, и кончилось тем, что этот ее пес разволновался и цапнул его за ногу.

– Боже мой!

– Да, это создало неблагоприятную обстановку. Таратора выступила в защиту пса, и очень убедительно, в том смысле, что он, может быть, с самого юного возраста, совсем еще крошкой, подвергался преследованиям полиции, и поэтому если он и вонзит иной раз зуб в подвернувшегося полисмена, то на вполне законном основании; но Доббс не соглашался с ее точкой зрения, что проступок животного заслуживает всего лишь выговора. Он взял его под стражу и намерен держать в полицейском участке до тех пор, пока не удостоверится, что это его первый укус. Надо так понимать, что собака, на чьем счету только один укус, имеет довольно крепкие позиции в глазах закона.

– Но Сэм Голдуин укусил вчера Силверсмита.

– Вот как? Ну, если это станет известно, боюсь, у обвинения появится крупный козырь. Но я еще не досказал. Таратора вполне обоснованно разозлилась на неуступчивость Доббса и исключила его из спектакля и теперь собирается ввести на освободившееся место своего брата. Тут есть, конечно, риск, что викарий его узнает и получится неловкость, но Таратора думает, что в зеленой бороде он станет неузнаваем. А я от души рад, что моим партнером в скетче будет Перебрайт, я, кажется, не знаю другого человека, кого бы мне так же приятно было бы отдубасить зонтом, – задумчиво заключил Гасси и добавил, что только бы ему достать этим предметом до Китекэтовой башки – чертов Китекэт решит, что в него ударила молния. Было ясно, что Времени, великому целителю, придется немало потрудиться, прежде чем Гасси забудет и простит.

– Впрочем, некогда мне тут с тобой судачить, – сказал он затем. – Таратора пригласила меня на завтрак в викария, так что я тороплюсь. Я забежал только передать тебе стихи.

– Какие еще стихи?

– Про Кристофера Робина. Вот они.

Он вручил мне тоненькую тетрадочку стихов, и я недоуменно спросил:

– Зачем это?

– Ты их декламируешь в концерте. Не все, а те, что помечены крестиком. Их должен был читать я, Мадлен придает этому большое значение – ты ведь знаешь, стихи про Кристофера Робина она обожает, – но теперь мы с тобой поменялись номерами. Честно признаюсь, у меня стало гораздо легче на душе. Там есть один стишок про то, как кто-то скачет – «прыг-скок, скок-поскок», который... Словом, как я уже сказал, у меня стало легче на душе.

Тоненькая тетрадочка выскользнула из моих похолодевших пальцев, глаза произвольно полезли на лоб.

– Но, разрази меня гром!..

– Нет никакого смысла говорить «Разрази меня гром!». Думаешь, я не сказал «Разрази меня гром!», когда она навязала мне эти рвотные стишки? У тебя нет выбора. Она решительно требует, чтобы они были включены в программу выступлений. И после концерта первым делом пожелает узнать, как их принимала публика.

– Но грубый зритель, который столпится позади последних скамеек, бросится на эстраду и линчует меня.

– Вполне возможно. Правда, у тебя будет одно утешение.

– Какое?

– Мысль, что все происходящее с тобой – часть единой великой цепи, ха-ха-ха, – отвечал Гасси и, злорадно улыбаясь, покинул сцену.

В таком духе прошел весь мой первый день в «Деверил-Холле», до краев наполненный глубокими провалами и нерешенными проблемами.

В последующие дни эти глубокие провалы только еще углубились и нерешенные проблемы сделались еще проблематичнее. Я объявился в «Деверил-Холле» в пятницу вечером. К утру вторника стало беспощадно ясно: я теряю форму, и если тучки не переменят свою политику и не начнут в ближайшем будущем сиять серебряной изнанкой гораздо щедрее, чем до сих пор, я просто-напросто окончательно сопьюсь.

Не большое удовольствие – очутиться в логове плотоядных теток, которые хлещут хвостами и не отводят от тебя свирепых, горящих глаз. Не так-то весело сознавать, что через пару дней тебе предстоит выйти на эстраду перед собравшимися жителями деревни, многие из которых наверняка запаслись разного рода тухлыми овощами, и сообщить им, что Кристофер Робин скачет – «прыг-скок, скок-поскок». Сильно угнетает человека необходимость отзываться на имя Огастус, и можно себе представить более приятные переживания, чем постоянный страх, как бы вдруг не явился в гости кто-нибудь вроде тети Агаты или Мадлен Бассет и не подверг тебя разоблачению и позору. Тут все ясно, и двух мнений быть не может.

Но не одни только эти обрывки великой цепи способствовали размягчению и оттопыриванию верхней губы Вустера. Нет, вершиной терзаний, из-за которых у меня днем кружилась голова, а по ночам выступал пот по всему телу, и я сделался похож на рекламное изображение «несчастливого страдальца» до того, как он начал принимать «микстуру Милгрэма от мигрени», – было угрожающее поведение Гасси Финк-Ноттла. Я наблюдал за Гасси, и на душу мне падала черная тень невыразимого страха.

Не знаю, падала ли вам когда-нибудь на душу черная тень невыразимого страха. Со мной это бывало в давние времена, когда я проживал зеленым младшеклассником в школе-интернате «Малверн-Хаус», что в Брамли-он-Си, и преподобный Обри Апджон, бывало, закончив свои ежедневные сообщения, кратко объявлял, что после вечерней молитвы ждет Вустера у себя в кабинете. Теперь чувство страха посетило меня во время описанного в предыдущей главе нашего с Гасси разговора, затем оно все крепло и росло, покуда я не превратился в то, что зовется обычно жертвой острейших опасений.

А вы ничего такого не заметили в этом разговоре? Ничего, что могло показаться многозначительным, отчего бы вы встрепенулись и промолвили, хлопнув себя по лбу: «Э-э, постойте-ка!» Неужели нет? Значит, вы проморгали главное.

В первый день я почувал лишь смутную тревогу. На второй день появились некие подозрения. А к вечеру третьего подозрения сменила уверенность. Доказательства были все налицо, и обойти их не представлялось возможным. Забыв, что в «Лиственницах» в Уимблдон-Коммон проживает девушка, его нареченная невеста, которая должна стать его верной подругой до могилы и которая взбеленилась бы как бешеный бык, запутавшийся в липучку от мух, узнай она, что он подался на сторону, Огастус Финк-Ноттл без оглядки влюбился в Кору Таратору Перебрайт.

Вы можете здесь сказать: «Брось, пожалуйста, Бертрам, ну что за выдумки», – или: «Вздор, Вустер, все это пустые фантазии». Однако могу заверить, не один я заметил, что происходит. Пять вполне реальных теток тоже это заметили.

– Ну, знаете ли, – язвительно произнесла леди Дафна Винкворт перед вторым завтраком, когда Силверсмит передал от только что звонившего Гасси, что он-де и на этот

раз останется перекусить в доме священника. – Мистер Вустер, кажется, совсем переселился к мисс Перебрайт. «Деверил-Холл» для него как бы гостиница, куда можно прийти, а можно не прийти, смотря по настроению.

А тетя Шарлотта, когда ей повторили это замечание через слуховое устройство, хмыкнула и высказалась в том духе, что, мол, подумаешь, великая честь – какой-то прыщавый хлыщ снизошел до ночевки в их доме, – передаю своими словами, понятное дело.

И надо сказать, что их особенно и винить-то нельзя за такую злобу. Ничто не пронзает беспощаднее сердце хозяйки, чем постоянные самовольные отлучки гостя, а Гасси теперь крайне редко являлся на общую кормежку в «Деверил-Холле». Он обедал, полдничал и ужинал у Тараторки. С той первой встречи возле здания почты он не отходил от нее ни на шаг. Пристал, ну просто как горчичник к боку.

Словом, вам будет нетрудно понять, отчего у меня появились темные круги под глазами и постоянное трепыхание под ложечкой, словно я наглotalся мышей сверх всяких разумных норм. Теперь не хватало только, чтобы леди Дафна Винкворт настрочила письмо тете Агате с известием, что ее племянничек угодил в лапы крайне неподходящей юной особы – «голлиевская кинодива, вообрази, дорогая!». Я отчетливо представлял себе, как она это пишет, будто смотрел ей через плечо, – и как моя почтенная родственница, взяв ноги в руки, явится в «Деверил-Холл». А что тогда? Полный крах, отчаянье и гибель.

Нормальный шаг в таких случаях, когда хладная рука безнадежности перекрывает кислород боевому другу, – это, конечно, связаться с Дживсом и узнать, что может предложить он. Поэтому, встретив в коридоре после обеда горничную Куини, я попробовал узнать от нее местонахождение Дживса.

– Послушайте, – обратился я к ней, – вы случайно не знаете, где Дживс? Ну, этот, слуга Вустера.

Она устремила на меня непонимающий взгляд. Ее глаза, обычно лучистые, как две звезды, смотрели тускло и были красноваты по контуру, лицо показалось мне явно осунувшимся. Общая картина, одним словом, свидетельствовала о том, что мы имеем дело с горничной, которая то ли повредила умом, то ли переживает тайное горе.

– Как вы сказали, сэр? – переспросила она страдальчески.

Я повторил вопрос, и на этот раз его смысл до нее, видимо, дошел.

– Мистера Дживса здесь нет, сэр. Мистер Вустер отпустил его в Лондон. Он намеревался посетить какую-то лекцию.

– О, вот так. Спасибо, – сказал я упавшим голосом. Это был удар. – А вы не знаете, когда он вернется?

– Нет, сэр.

– Понятно. Благодарю вас.

И я проследовал по коридору в свою комнату, чтобы там на досуге проанализировать создавшееся положение.

Спросите деятелей, которые вращаются в дипломатических кругах и привыкли решать сложные государственные вопросы, они вам подтвердят, что, когда дела заходят в тупик, бесполезно просто просиживать штаны и закатывать глаза к небу – надо засучивать рукава, изучать возможности и принимать неотложные меры через соответствующие каналы. Только так есть надежда подыскать лекарство от грозящей беды. И теперь, подумав изо всех сил, я пришел к выводу, что тут, пожалуй, поможет безотлагательный разговор по душам с Тараторкой, в ходе которого надо будет указать ей на страшную опасность, какой она

подвергает старого друга и соученика по танцклассу, позволяя Гасси целыми днями блять и резвиться вокруг себя.

Приняв такое решение, я снова вышел в коридор, и через несколько минут меня можно было заметить пробирающимся под полуденным солнцем по парку в направлении деревни Кингс-Деверил. И меня заметили. Заметил не кто-нибудь, а леди Дафна Винкворт. Я уже был вблизи ворот, еще мгновение – и я на свободе. Но тут некто произнес мое имя – вернее, имя Гасси – и я увидел в кругу розовых кустов помянутую грозную даму. В руке она держала садовый опрыскиватель, из чего я заключил, что местным насекомым-вредителям и листовенным вшам достанется от нее на орехи.

– Подойдите сюда, Огастус, – скомандовала леди Дафна. Вот уж чего бы я никогда не сделал по своей доброй воле даже в лучшие времена, у меня от этой опасной женщины и так шерсть на холке становилась дыбом, а в данную минуту вид у нее был еще на десять градусов опаснее обычного. Голос холодный, взгляд ледяной, и мне положительно не нравился этот опрыскиватель, который она держала наперевес. Ясно, что по какой-то непонятной причине я упал в глазах леди Дафны приблизительно до уровня листовенной вши, и, судя по всему, она способна сейчас при малейшей провокации нажать гашетку и запузырить прямо мне в физиономию смертельную дозу ядовитой жижи.

– А, привет, привет, – произнес я, изо всех сил стараясь изобразить непринужденность, но где уж там. – Опрыскиваете розы?

– Не говорите со мной, пожалуйста, о розах.

– Хорошо, хорошо, не буду. – У меня и не было особого желания говорить с ней о розах. Я просто импровизировал, чтобы заполнить паузу.

– Огастус, что это такое?

– Прошу прощения, мадам?

– Вам бы лучше попросить прощения у Мадлен.

Тут что-то загадочное. Я не понял. Возможно ли, что сиятельная британская дама просто плетет несусветную чушь?

– Несколько минут назад при мне на ваше имя от Мадлен пришла телеграмма. Ее передали по телефону с почты. Их иногда доставляют, а иногда диктуют по телефону.

– Понятно. Как кому вздумается.

– Сделайте одолжение, не перебивайте. В данном случае на почте воспользовались телефоном, а поскольку я как раз проходила мимо, когда раздался звонок, я сняла трубку и записала то, что они продиктовали.

– Ужасно любезно с вашей стороны, – ввернул я, уверенный, что лестью дела не испортишь.

Однако в данном случае я ошибся. Леди Дафне моя реплика пришлась не по вкусу. Она нахмурила брови, подняла на изготовку опрыскиватель, но потом, по-видимому вспомнив, что она из честного рода Девериллов, все-таки опять опустила.

– Я уже просила вас не перебивать. Так вот, текст я записала. Он у меня при себе. Нет, – поправила она вскоре, перерыв все карманы. – Вероятно, я оставила записку на столе в холле. Но содержание могу вам передать. Мадлен пишет, что со времени вашего приезда в «Деверил-Холл» не получила от вас ни одного письма и желает знать, почему. Она очень огорчена вашим безобразным отношением и не удивительно, я бы сказала. Вам известна ее чувствительность. Вы же должны были писать ей ежедневно. У меня нет слов, чтобы выразить возмущение вашим бессердечием. И это – все, Огастус, – заключила она, отпустив

меня властным жестом, исполненным такого омерзения, как будто я – не просто лиственная вошь, а лиственная вошь, не достигающая даже среднестатистического для лиственной вши уровня приличия. На подкашивающихся ногах я поплелся прочь и, нащупав садовую скамейку, плюхнулся на нее.

Полученное известие, как вы сами понимаете, подействовало на меня, точно удар по голове носком, в который плотно набит мокрый песок. Только однажды за всю мою биографию я испытал нечто подобное по силе эмоций – когда Фредди Виджон в «Трутнях» раздобыл автомобильный клаксон и в тот момент, когда я переходил через Дувр-стрит в состоянии, обычно называемом мечтательным, бибикнул мне прямо в ухо.

Мне даже в голову не приходило, что Гасси может не писать ежедневных писем мадемуазель Бассет. Он ведь с этим намерением прибыл в здешний питомник теток в духе Эдгара По. И я был уверен, что он свое обязательство выполняет. Теперь можно было безо всяких графиков представить себе будущее, если он продолжит в том же духе. Еще немного молчания с его стороны, и la Бассет явится сюда для расследования собственной персоной, а уж при мысли о том, что из этого произойдет, от страха стыла кровь и скрючивались пальцы на ногах.

Так я сидел, весь в апатии, с отвисшим подбородком, уставившись невидящими глазами на красоты пейзажа, минут, наверно, десять. Но потом взял себя в руки и отправился дальше. Справедливо замечено, что Бертрам Вустер может плюхаться на садовые скамейки и какое-то время сидеть совершенно потерянный, однако непотопляемый дух Вустеров рано или поздно к нему обязательно возвратится.

Я шагал и думал горькую, мрачную думу про Кору Таратору, *fons et origo* [[135](#)], если вы знаете, что значит *fons* и что значит *origo*, всех неприятностей. Это она, бессовестно кокетничая с Гасси, все время нахально одаряя его ослепительной улыбкой и мимолетным взором искоса, отвлекала его помыслы от основной работы и тормозила исполнение им своих обязанностей нашего специального корреспондента на театре военных действий. О, Женщина, Женщина, говорил я себе не в первый раз, убежденный, что чем скорее удастся с ними расправиться, тем лучше будет для всего человечества.

Когда-то в старые добрые танцклассные времена, восьми лет от роду, разъяренный провокационными подковырками Тараторки Перебрайт насчет моих прыщей, каковых у меня тогда имелись целые россыпи, я настолько забылся что съездил ей гимнастической булавой по макушке, о чем до настоящего момента неизменно сожалел, считая этот прискорбный поступок непростительным пятном на своей в остальном безупречной репутации, не достойным настоящего рыцаря. И вот теперь, размышляя над тем, до чего лихо она строит из себя коварную Далилу, я ощутил в себе готовность, если б только можно было, дать ей еще раза.

Так, шагая и мысленно репетируя начальную реплику, которую можно будет использовать при нашей личной встрече, я неподалеку от поворота к дому священника наткнулся на нее самое – съехав на обочину, она сидела за рулем своего автомобиля.

Я решительно встал перед нею и заявил, что должен с ней кое о чем переговорить. Однако она ответила, что сейчас это совершенно невозможно. У нее сегодня крайне перегруженный день. Выполняя взятую на себя роль любящей матери собственного дяди, преподобного Сиднея, она собирается отнести кастрюльку питательного супа одной из его нуждающихся прихожанок.

– Некоей миссис Кларе Велбелавед, если тебя интересуют подробности. Она проживает

в одном из вон тех живописных домиков, что в переулке, как повернуть за угол с Главной улицы. И ждать меня бесполезно, потому что я должна не только вручить ей суп, но потом еще посидеть и поговорить с ней про Голливуд. Она страстная киноманка, и на эти разговоры уходят часы. Как-нибудь в другой раз, мой милый.

– Но послушай, Таратора...

– Ты, может быть, спрашиваешь себя, а где же суп? Я, к сожалению, забыла его дома, и Гасси побежал за ним. Берти, какой он замечательный человек! Сама доброта. Всегда готов помочь, выполнить любое поручение. И всегда у него в запасе занимательная историйка-другая про тритонов. Я подарила ему свой автограф. Кстати насчет автографов, я получила сегодня письмо от твоего кузена Томаса.

– Бог с ним. Я хотел...

Но она снова перебила меня, как это свойственно барышням. У меня было много случаев испытать на себе тенденцию женского пола не слушать, когда им что-нибудь говоришь, и мне понятны муки заклинателей, которые стараются игрой на дудочке зачаровать глухую гадюку, а она ноль внимания, как детская аудитория на утреннике.

– Помнишь, я дала ему пятьдесят автографов, а он собирался их продать соученикам по шесть пенсов за штуку? Ну и вот, он сообщает, что выручил не по шесть пенсов, а по целому шиллингу, так что можешь составить себе примерное представление о том, как я котируюсь у мальчиков в Брамли-он-Си. Он пишет, что даже подлинная подпись Иды Люпино идет всего за девять пенсов.

– Слушай, Тараторка...

– Он хочет приехать к нам погостить на короткие каникулы, и я, разумеется, написала, что мы будем очень рады. Боюсь, дядя Сидней не в особом восторге от такой перспективы, но служителям церкви полезно подвергаться испытаниям. Придает им духовности и пылу в работе.

– Слушай, Тараторка. Я хотел тебе сказать, что...

– А вон и Гасси, – прикинулась она глухой гадюкой.

Большими скачками примчался Гасси с выражением почтительного восторга на физиономии и с дымящейся кастрюлькой в руках. Тараторка одарила его ослепительной улыбкой, которая прошила его навывлет, как расплавленная пуля – кусок сливочного масла. Кастрюльку она приняла у него из рук и пристроила на откидное сиденье.

– Спасибо, Гасси, дорогой, – сказала она. – Ну, всем привет, Я поехала.

Тараторка исчезла за поворотом, а Гасси стоял и смотрел ей вслед, застыв с разинутым ртом, точно золотая рыбка, рассматривающая муравьиное яйцо. Впрочем, простоял он так недолго, потому что я с силой ткнул его пальцем в бок между третьим и четвертым ребрами, в результате чего он громко охнул и очнулся.

– Гасси, – говорю я, сразу приступая к делу, а не ходя вокруг да около. – Ты почему не пишешь Мадлен?

– Мадлен?

– Да, Мадлен!

– Ах, Мадлен!

– Ну да, Мадлен. Ты же должен был писать ей письма каждый день.

Он словно бы вдруг обиделся,

– Как же я могу писать письма? Откуда мне взять время, если я целый день учу роль для скетча с диалогом невпопад да еще придумываю трюки? Секунды свободной нет.

– Придется найти. Ты знаешь, что она уже начала слать сюда телеграммы? Сегодня же обязательно напиши.

– Кому? Мадлен?

– Да, черт возьми! Мадлен.

Я с удивлением заметил, что взгляд его за окулярами стал сердитым.

– Ни за что! – заявил Гасси и стал бы похож на мула, если бы уже не был похож на рыбу.

– Я намерен ее проучить.

– Что, что ты намерен сделать?

– Проучить Мадлен. Она хотела, чтобы я поехал в этот кошмарный дом, и я согласился – при том условии, что она тоже поедет и окажет мне моральную поддержку. Четкое и ясное джентльменское соглашение. Но в последний момент она хладнокровно пошла на попятный, на том несерьезном основании, что какая-то ее школьная подруга в Уимблдоне нуждается в ее присутствии. Я был очень раздосадован и не стал этого от нее скрывать. Ей надо понять, что так не делают. Вот поэтому я и не пишу. Такой метод воздействия.

Я схватился за голову. Мыши у меня под ложечкой к этому времени уже вовсю пустились в пляс, притопывали и перелетали туда-сюда, как целое стадо Нижинских.

– Гасси, – говорю, – в последний раз тебя спрашиваю: ты вернешься сейчас же в «Деверил-Холл» и напишешь даме сердца письмо на восьми страницах, дышащее любовью в каждой строчке? Да или нет?

– Нет, – ответил он, повернулся и ушел.

Я возвратился в усадьбу, растерянный и подавленный. И первым, кого я там увидел, был Китекэт. Я застал его в моей комнате – он валялся на кровати, держа в зубах мою сигарету.

Выражение у него на лице было мечтательное, как будто он грезил наяву о Гертруде Винкворт.

Заметив меня, он отключил мечтательность и сказал:

– А, Берти, здорово. Ты мне как раз нужен.

– Да? – молниеносно парировал я, надеясь уколоть почувствительнее, потому что этот Китекэт начал уже выводить меня из себя.

Нет, правда, он добровольно взял на себя обязанности моего слуги, казалось бы, в качестве личного человека при джентльмене ему бы полагалось то и дело возникать в поле зрения, тут пиджак почистить, там брючину подгладить – и вообще быть постоянно на подхвате. Но нет, я не видел его в глаза со дня его и моего прибытия в «Деверилл-Холл». Не могу одобрить подобного небрежения долгом.

– Хотел сообщить тебе хорошие новости.

Я саркастически рассмеялся.

– Хорошие новости? Разве они бывают?

– Еще как бывают. Намечается поворот к лучшему. Проглянуло солнце. Кажется, мне удастся повернуть это дельце с Гертрудой. Правда, из-за idiotских общественных условностей, не допускающих общения между заезжими лакеями и хозяйскими дочками, я не имел возможности с ней видеться – в смысле разговаривать, но я слал ей записочки через Дживса, и она мне слала ответы, тоже через Дживса, и в последнем ее послании просматриваются признаки того, что она склоняет слух к моим мольбам, я бы сказал, еще пара аккуратно сформулированных записок, и дело сделано. Вилки для рыбных блюд можешь пока еще не покупать, но вообще будь наготове.

Мою досаду как рукой сняло. Я уже говорил выше, что для нас, Вустеров, справедливость прежде всего. Уж я-то знаю, что за адский труд – писать любовные записки, он требует неотступной сосредоточенности и выматывает из человека все силы. И если Китекэт был занят корреспонденцией такого рода, естественно, ему не до моих штанов. Невозможно в одно и то же время ухаживать за барышней и за чьим-то гардеробом.

– Ну что ж, прекрасно, – говорю ему, искренне обрадованный тем, что, несмотря на гнусность общей перспективы, кому-то все-таки блеснул луч удачи. – Я с интересом буду следить за тем, как у тебя развиваются события. Но если отложить на минуту в сторону твою любовь, Китекэт, имей в виду, что случилась ужасная вещь, и я был бы рад, если бы ты предложил что-нибудь по части помощи и поддержки. Этот уголовный психопат Гасси...

– Что он еще сделал?

– Важно, чего он не сделал. Я сейчас только узнал, что с момента водворения сюда он не написал Мадлен Бассет ни строчки. Не знаю, как я на ногах устоял, ткни он меня зубочисткой, упал бы. И мало того, он говорит, что и не собирается ей писать. Он, видите ли, намерен ее проучить. – И я в нескольких словах изложил Китекэту все факты.

Он, естественно, сразу встревожился. У Китекэта всегда было доброе, нежное сердце, способное безотказно сочувствовать старому товарищу, угодившему в беду, а о том, что мне угрожает со стороны Мадлен Бассет, он знает прекрасно, она сама ему все рассказала – как-то встретились на благотворительном базаре, и речь зашла обо мне.

– Дело серьезное, – сказал он.

– Еще бы не серьезное. Я дрожу как лист.

– Для барышень типа Мадлен Бассет ежедневное письмо – это вещь первостепенной

важности.

– Вот именно! И если оно не приходит, они приезжают и разузнают все на месте.

– Убедить Гасси, ты говоришь, никак невозможно?

– Исключено. Я уж и так и сяк его уговаривал, с большим, можно сказать, пылом, но он уши к голове и ни в какую.

Китекэт задумался.

– Кажется, я знаю, что за всем этим кроется. Беда тут в том, что Гасси сейчас немного не в себе.

– Что значит – сейчас? И почему немного?

– Он влюбился в Таратору. Говоря по-простому, сомлел.

– Это я и сам знаю. Все знают. Любимая тема для разговора на милю в округе, где бы тетя ни встретила тетю.

– В людской тоже были на этот счет кое-какие высказывания.

– И не удивительно. Держу пари, что это обсуждается и в Бейсингстоке.

– Его, конечно, нельзя винить.

– Очень даже можно. Я виню.

– Я в том смысле, что он не нарочно. Что поделать, Берти. Весна. Брачный сезон, пора, как, может быть, тебе известно, когда красуется голубь переливчатым опереньем и помыслы юных полны любовным томленьем. Девушка вроде Тараторы может в разгар весны с такой силой поразить сердце Гасси, и без того ослабленное постоянным питьем апельсинового сока, что страшно подумать, в хорошей спортивной форме она одолеет любого. Кто-кто, а уж ты-то это знаешь сам, Берти. Вспомни, какого дурака ты когда-то из-за нее валял.

– Не будем ворошить то, что было и прошло.

– Я ворошу только для того, чтобы доступнее выразить свою мысль, что Гасси больше достоин жалости, чем упреков.

– Это она достойна упреков. Зачем она его поощряет.

– Она не поощряет. Он просто прилип, и все.

– Нет, не все. Она его поощряет. Я сам видел. Она нарочно пускает в ход свое знаменитое обаяние. Не говори мне, что такая девушка, как Кора Таратора, обученная спускаться с лестницы голливудских красавцев, не могла бы заморозить Гасси. Если б захотела.

– А она не хочет.

– Вот и я об этом.

– И скажу тебе почему. Я, правда, у нее не спрашивал, но убежден, что она разыгрывает этот сюжет с Гасси с исключительной целью пронзить сердце Эсмонда Хаддока. Чтобы знал: если ему она не нужна, есть другие.

– Но она же ему нужна.

– Этого она не знает. Если только ты ей не сказал.

– Не сказал.

– Почему?

– Не уверен был, что это будет порядочно с моей стороны. Понимаешь, он рассказал мне о своих сокровенных чувствах как бы под тайной исповеди и выразил желание, чтобы все осталось между нами. «Это не должно пойти дальше», – его слова. С другой стороны, своевременное словцо могло бы соединить разлученные сердца. Прямо не знаю. Сложная ситуация.

– Я бы не стеснялся, а взял бы да и сказал своевременное словцо. Я – за то, чтобы соединять разлученные сердца.

– Да и я тоже. Только боюсь, уже поздно. Бассет прожигает телеграммами провода, требуя разъяснений. Только что пришла от нее телеграмма высокого напряжения. Я видел ее в холле на столе, когда возвращался. Это телеграмма девушки, которая уже сыта по уши и готова послать Гасси куда подальше. Нет, говорю тебе, Китекэт, положение безнадежно. Я пропал.

– Да нет же.

– Нет, пропал. Когда я рассказал Гасси про телеграмму и намекнул открытым текстом, что сейчас самое время ему как порядочному человеку прийти на помощь, он и слушать не захотел. Не получит она письма, пока не усвоит урока, который он ей преподает. Он просто рехнулся, честное слово, и я не вижу выхода.

– Есть выход. Проще простого.

– То есть ты можешь что-то предложить?

– Конечно, могу. Я всегда могу что-то предложить. Решение напрашивается. Если Гасси не желает ей писать, писать ей должен ты.

– Но ей вовсе не нужны мои письма. Ей нужны письма от Гасси.

– И на здоровье. От Гасси она их и будет получать. Просто Гасси потянул запястье и вынужден диктовать, а ты записывать.

– Ничего Гасси не потянул.

– погоди! Он не просто потянул, а вывихнул запястье, останавливая понесшую лошадь с риском для собственной жизни ради спасения от страшной гибели чужого дитяти. Дитя золотоволосое, если ты послушаешь моего совета, голубоглазое, румяное и прелестно шепелявит. Шепелявость, по-моему, самое оно.

У меня дух занялся. Я вдруг все понял.

– Китекэт, это потрясающе! И ты возьмешься написать такое письмо?

– Запросто. Ничего нет легче. Я уже сколько времени пишу Гертруде такие письма.

Он уселся за стол, схватил перо и бумагу и тут же погрузился с головой в сочинение. Сразу было видно, он не бахвалился, когда говорил, что ему письмо написать – раз плюнуть. Строчит себе и даже не прервется, чтобы подумать. Оглянуться не успели – он уже подает мне готовый текст, велит засучить рукава и браться за переписывание.

– Я должен бежать, нельзя терять ни мгновения. Ты уж сам, как перепишешь, беги на почту. Тогда оно утром же будет у нее. Ну, я тебя оставляю, Берти. Я обещал сыграть в джин-рамми с Куини и уже опаздываю. Надо поддержать ее, бедняжку. Слышал, какая у нее трагедия? Разорвана ее помолвка с Доббсом, местным стражем порядка.

– Неужели? Так ее помолвке – конец? Значит, вот почему у нее был такой вид! Я с ней столкнулся, когда шел после обеда, – пояснил я, – и мне показалось, что душу ей гнетет печаль. А как это случилось?

– Ей не нравилось, что он атеист, а он ни за что не соглашался отступить от своего атеизма и в конце концов сказал про Иону и кита нечто такое, чего она никак не могла оставить без внимания. Сегодня утром она вернула ему кольцо, письма и фарфоровую шпуковину с надписью «Привет из Блэкпула», которую он привез ей прошлым летом, когда ездил на север навестить родню. Для нее это, боюсь, был тяжелый удар. Она вся в огне. Доббса она любит безумно и мечтает, чтобы он назвал ее своей, но примириться с этим, насчет Ионы и кита, никак не может. Остается только надеяться, что джин-рамми ее слегка

успокоит. Ну, давай, Берти, принимайся за письмо. Может, это и не самый лучший образчик моего творчества, я ведь писал в ужасной спешке, некогда было отделявать и наводить лоск, но в общем, я думаю, тебе понравится.

Он не ошибся. Я внимательно прочитал его творение и пришел в восторг. Если это еще не самый лучший образчик, то какими же должны быть самые лучшие? Не приходится удивляться, что Гертруда Винкворт, получив и проштудировав всю серию, начала проявлять признаки неустойчивости. Бывают письма, которые сеют в душе сомнение, нельзя ли было вот эту мысль выразить несколько точнее, а этот образ передать немного ярче? А бывают другие, которые прочтешь – и говоришь себе: «Как раз то, что надо. Не будем менять ни слова». Письмо, которое мне дал Китекэт, бесспорно, относилось ко второй категории.

Для описания случая с понесшей лошадью он подобрал самый подходящий, скромный тон, дитя, которое шепелявит, вышло просто бесподобно. Оно торчало и вопияло, как порезанный палец, и придавало единство действия всему эпизоду. Ну а что до нежных моментов – он-де беспрерывно тоскует по Мадлен, и как бы хорошо было, если бы она оказалась здесь, чтобы он мог заключить ее в свои объятия, и т. д. и т. п. – тут он был выше всяких похвал.

Я списал всю эту чертовщину, упихал в конверт и отволоч на почту. И только-только он шлепнулся на дно почтового ящика, как меня окликнуло мелодичное сопрано. Я оглянулся: ко мне подгребала Таратора.

Я выиграл душой, ведь как раз Тараторка мне и была нужна. Я ухватил ее за локоть, чтобы она не вздумала вдруг ускользнуть, это у нее всегда так ловко получалось.

– Таратора, – сказал я, – мне надо провести с тобой длинный доверительный разговор.

– Не про Голливуд?

– Нет, не про Голливуд.

– Слава Богу. А то про Голливуд я, по-моему, сегодня больше не могла бы произнести ни слова. Я бы ни за что не поверила, – тут же продолжила она эту тему, беря разговор в свои руки, – что кто-нибудь, кроме Луэллы Парсонс и Гедды Хоппер, так разбирается в киномире, как миссис Клара Велбелавед. Она знает эту тему гораздо лучше, чем я, а я уже без малого два года вращаюсь в киношных кругах. Ей точно известно, кто сколько раз разводился и почему, и какие сборы дала каждая картина за последние двадцать лет, и сколько всего братьев в компании «Уорнер бразерс». Она даже знает, сколько раз женился Арти Шоу, хотя этого, держу пари, они сам не мог бы сказать. Меня она спросила, была ли я тоже замужем за Арти Шоу, я ответила «нет», но она решила, что я шучу или что я выходила за него, сама того не сознавая. Я попыталась ей втолковать, что можно работать в Голливуде и не выходя замуж за Арти Шоу, это дело добровольное, но, по-моему, убедить ее мне не удалось. Потрясающая старуха, только немного утомительная на третьем часу общения. Ты вроде сказал, что хочешь поговорить со мной о чем-то?

– Да.

– Ну, так что же не говоришь?

– Потому что ты не даешь слово вставить.

– Я тебя заговорила? Прости, пожалуйста. Что у вас на уме, мой король?

– Гасси.

– Финк-Ноттл?

– Он самый. Финк-Ноттл.

– Достойнейший из людей.

– Бестолковейший из людей. Послушай, Таратора, я только что разговаривал с Китекэтом...

– И он сказал, что в ближайшее время уговорит Гертруду Винкворт бежать с ним и обвенчаться?

– Да.

Она злорадно усмехнулась, как одна из тех женщин в Ветхом Завете, которые занимались тем, что вбивали людям колы в головы.

– Я жду, когда это наконец случится, – произнесла она. – Хочу посмотреть, какое лицо делается у Эсмонда, когда он узнает, что его Гертруда сбежала с другим. То-то смеху будет. Ха-ха, – добавила она в заключение.

Это «ха-ха», похожее на замирающий крик утки, погибшей от несчастной любви, сказало мне все, что я хотел от нее узнать. Я убедился, что Китекэт поставил точный диагноз и правильно объяснил, почему его сестрица взялась обрабатывать Гасси. Мне ничего другого не оставалось, как немедленно посвятить ее в тайну. Я похлопал ее по плечу и выложил своевременное словцо.

– Таратора, – говорю, – ну и тупица же ты. У тебя насчет этого Хаддока совершенно

неверная информация. Он совсем не влюблен в Гертруду Винкворт. Да пусть бы она подавилась рыбьей костью, он все равно не взглянет в ее сторону, разве только чтоб выразить родственное участие. Путеводная звезда его жизни – ты.

– Что-о?

– Я знаю это с его собственных слов. Он был тогда немного в подпитии, но так даже еще убедительнее, потому что, ты же знаешь, *in vino...* это самое, забыл, как там.

Взор ее посветлел. Она сглотнула.

– Он так и сказал, что я – путеводная звезда его жизни?

– И еще вставил «по-прежнему» перед «путеводная». «Имейте в виду, – произнес он, подливая себе портвейну, которым был уже полон по уши, – хоть она и дала мне от ворот поворот, а все же она по-прежнему путеводная звезда моей жизни».

– Берти, если это розыгрыш...

– Да нет же!

– Надеюсь, что нет, иначе я найшу на тебя проклятье Перебрайтов, а это такое страшное проклятье, что тебе не поздоровится. Расскажи мне остальное.

И я рассказал ей остальное. Я все ей рассказал. Выслушав мой рассказ, Тараторка расхохоталась, как гиена, и в то же время – барышень ведь никогда не поймешь – уронила две или три жемчужные слезинки.

– Надо же ему было выдумать эдакую чепуху, вот дурашливый барашек! – еле выговорила она, намекая на блестящую мысль, которую Эсмонд Хаддок подхватил в бейсингстокском кинозале. – Дурашливый такой барашек.

Едва ли я сам воспользовался бы для Эсмонда Хаддока таким определением, как «дурашливый барашек», но я не стал с ней спорить, потому что это не мое дело. Хочет здорового парня, имеющего грудь сорока шести дюймов в обхвате и мускулы как стальные змеи, считать барашком – пусть считает на здоровье. Моя задача – начав доброе дело, довести его до конца.

– В данной ситуации, – говорю я, – ты, может быть, рада будешь совету бывалого светского человека? Китекэту, похоже, удалось добиться отличных результатов на Гертрудином фронте исключительно с помощью сердечных излияний в письменной форме, и я тебе рекомендую сделать то же самое. Напиши Эсмонду Хаддоку любезное письмишко, что, мол, так и так, ты тоскуешь по нем дни и ночи напролет, и он перекроет мировой рекорд в спринте, примчавшись в дом священника, чтобы заключить тебя в объятия. Он только и ждет, чтобы ему дали зеленый свет.

– Нет, – вздохнула она.

– Но почему же?

– Потому что мы опять окажемся перед той же проблемой.

Я, естественно, понял, о чем она.

– Я знаю, что тебя беспокоит, – говорю. – Ты имеешь в виду его гражданское неповиновение теткам. Так вот, позволь тебя заверить, что и эту небольшую закавыку скоро удастся преодолеть. Слушай. Эсмонд Хаддок будет петь на концерте охотничью песню, слова его тети Шарлотты, музыка тети Мертил. Ты с этим спорить не станешь?

– Пока все верно.

– Ну, так представь себе, что эта охотничья песня будет иметь бешеный успех.

И я в нескольких точных выражениях передал ей не лишнюю правдоподобия теорию Дживса.

– Поняла? – сказал я в заключение. – Одобрительные вопли толпы часто действуют как мощное возбуждающее средство на личностей с комплексом неполноценности. Их только расшевели – например, свистом в два пальца и криками «бис!», – когда они исполняют охотничьи песни, и они просто преображаются. Дух окреп. Хвост морковкой. И на угнетателей, перед которыми они привыкли пресмыкаться, они смотрят как на пыль под колесами собственной боевой колесницы. Если Эсмонд Хаддок сорвет такую овацию, на которую я рассчитываю, то оглянуться не успеем, как его тети, чуть только он взглянет на них искоса, будут со всех ног карабкаться на деревья и подымать за собой мосты.

Красноречие мое возымело действие. Таратора заметно встрепелась и пробормотала что-то насчет уст младенцев, тут же объяснив, что это она не сама выдумала, а слышала от дяди Сиднея. Я же в ответ объяснил ей, что не лишённая правдоподобия теория, которую я ей только что изложил, тоже не моя, а принадлежит Дживсу. Так мы оба воздали должное по заслугам.

– По-моему, Берти, Дживс прав.

– Еще бы не прав! Дживс всегда прав. Не первый случай. Ты знаешь Бинго Литтла?

– Мы с ним здороваемся, но не больше того. Кажется, он женился на какой-то писательнице?

– На Розе М. Бэнкс, авторше романов «Мервин Кин, клубный завсегда» и «Всего лишь фабричная девчонка». И союз их был благословен свыше, в свой срок к их рядам примкнул здоровенький младенец. Вот об этом младенце и пойдет дальше речь. С тех пор как ты последний раз видела Бинго, миссис Бинго, употребив свой немалый вес в издательских кругах, раздобыла для него место редактора журнала «Клопунчики», предназначенного для дома и семьи. Работа очень хорошая во многих отношениях, один только недостаток – платили там меньше, чем хотелось бы. Владелец журнала, некто П. П. Перкисс, оказался редкий сквалыга, у таких в кошельке моль свивает гнезда и выводит потомство. И Бинго постоянно старался выщыганить у этого скупердя прибавку к жалованью. Все пока ясно?

– Пока – да.

– Каждую неделю он протискивался бочком в кабинет к П. П. Перкиссу и что-то такое мямлил – вроде: «Мистер Перкисс, я тут подумал, может быть...» или «Мистер Перкисс, как вы думаете, нельзя ли мне...». Дальше этого дело не шло. А тот смотрел на него рыбьими глазами и заводил речь о нехватке средств и возрастающей цене на оберточную бумагу. Так что Бинго бормотал в ответ: «Да, мистер Перкисс, я понимаю... Конечно, конечно», – и убирался восвояси. Конец первого акта.

– Но продолжение следует?

– Продолжение, безусловно, следует. Случилось так, что здоровенький младенец Бинго, участвуя в конкурсе на самого здоровенького младенца в Южном Кенсингтоне, при изрядной конкуренции завоевал первый приз, отличную круглосуточную соску. В ходе состязаний его еще поцеловала жена премьер-министра, и все присутствовавшие с ним заигрывали и сюсюкали. И вот на следующее же утро Бинго, со странным блеском в очах, ввалился, не постучавшись, в кабинет П. П. Перкисса, грохнул кулаком по столу и заявил, что впредь желает видеть в своем еженедельном конверте с жалованьем дополнительных десять фунтов и для всеобщего удобства этот новый порядок вводится со следующей же субботы. А когда П. П. Перкисс попробовал было завести прежнюю песню про трудное финансовое положение, Бинго грохнул кулаком по столу еще раз и сказал, что пришел не для

того, чтобы спорить. «Да или нет, Перкисс?» – задал он вопрос, и П. П. Перкисс скис, точно мокрый носок, и ответил: «Да, да, конечно, разумеется, мистер Литтл», – и еще добавил, что как раз собирался сам предложить нечто в подобном роде. Так что вот видишь.

На Таратору это, бесспорно, произвело впечатление. Она задумчиво пробормотала: «Вот черт, а?», подпрыгнула на одной ножке и вообще изобразила живую картину «Душа пробуждается к жизни». А я продолжал:

– Поэтому было решено, что мы напряжем каждый нерв и добьемся, чтобы «Охотничья песня» Эсмонда Хаддока стала главной сенсацией вечера. Дживс будет расхаживать по деревне, одаряя направо и налево всех желающих пивом, с целью сколотить так называемую клаку и обеспечить оглушительные овации. Ты тут тоже можешь помочь.

– Конечно! Ко мне в деревне знаешь как относятся. Они у меня будут делать все, что я захочу. Побегу, надо приняться за дело немедленно. Прямо не терпится. Ты не против, если я тебя оставлю?

– Конечно, конечно. Вернее, еще как против. Сначала нам надо уладить это дело с Гасси.

– Какое еще дело с Гасси?

Я пожал плечами.

– Сама прекрасно знаешь, какое дело с Гасси. По определенным причинам, в которые не будем вдаваться, ты сделала из Огастуса Финк-Ноттла временную игрушку на час, и этому должен быть немедленно положен конец. Думаю, нет нужды объяснять тебе еще раз, что произойдет, если ты будешь продолжать в том же духе, как теперь. Во время нашего последнего разговора в моей лондонской квартире я изложил тебе все с ясностью, доступной для самого зачаточного ума. Ты знаешь, что, если не пресечь зло, если в любовную колесницу Финк-Ноттл – Бассет насовать столько палок, что она остановится, Бертраму Вустеру грозит участь страшнее смерти, а именно: женитьба. Теперь, когда я тебе напомнил об этой жуткой опасности, доброе сердце, я уверен, не позволит тебе и далее поощрять вышеупомянутого Финк-Ноттла, как ты поощряешь его в настоящее время, о чем свидетельствуют все пять теток. Представь себе, как бедный старина Вустер наглаживает жениховские брюки и пакует чемоданы для отъезда на медовый месяц в обществе грозной Бассет, и ты ужаснешься, прислушаешься к велению сердца и окатишь Гасси холодной водой.

Таратору это, кажется, убедило.

– Ты хочешь, чтобы я возвратила Гасси в свободную циркуляцию?

– Именно.

– Расколдовала бы? Выпустила бы из своих когтей?

– Совершенно верно.

– Нет проблем. Будет сделано незамедлительно.

И на этих взаимовыгодных условиях мы расстались. у меня с плеч свалился колоссальный груз забот.

Не знаю, как ваш жизненный опыт, но мне мой подсказывает, что свалившийся с плеч груз забот – это еще далеко не все, так как не успеешь оглянуться, а уже на освободившееся место навалился новый, иной раз много тяжелее. В игре с такими правилами надеяться на выигрыш не приходится.

Едва я, успокоенный и беззаботный, пришел к себе в комнату, как влетает Китекэт, и вид у него такой, что мою веселость сразу смыло, как мокрым полотенцем по глазам. Взгляд

Китекэта был мрачным и постанова корпуса – понурой, никак не скажешь, что это человек, который только что играл в джин-рамми с горничными.

– Берти, – произнес он, – держись за что-нибудь. Ситуация очень сильно осложнилась.

У меня под ногами пол заходил волнами, как море на заднике. Мыши, после того любовного письма и последующего объяснения с Тараторой взявшие себе тайм-аут, снова пробудились и приступили к активным атлетическим тренировкам.

– О, моя праведная тетя! – простонал я, а Китекэт прибавил, что вот именно так оно и есть: причина несчастья – в моей праведной тете.

– Случилось следующее, – рассказал он. – Сейчас, когда я был в людской, вдруг является Силверсмит. И знаешь, что ему сию минуту объявили хозяйки? Что сюда приезжает твоя тетя Агата. Когда именно, не известно, но со дня на день. Леди Дафна Винкворт получила от нее письмо, в котором сообщается о ее намерении в ближайшем будущем любезно почтить своим визитом здешний курятник. Что ты на это скажешь?

С бледным, озабоченным лицом и вздрагивая при малейшем шорохе, сидел Бертрам Вустер весь следующий день у себя в комнате, лишь изредка вставая с места, чтобы прошагать из угла в угол. Едва ли кто-нибудь, увидев его сейчас, узнал бы в этом дрожащем, колченогом отбросе человечества молодцеватого и обходительного бульвардье прежних, счастливых дней. Я ждал Китекэта из столицы с докладом.

Обсудив накануне вечером положение вещей, мы единогласно пришли к выводу, что с таким кризисом нам одним нипочем не справиться, и пробовать – безумие. Руководство кампанией необходимо как можно скорее передать Дживсу. А так как Дживс находился в Лондоне, и если бы я на ночь глядя вдруг рванул вон из «Деверил-Холла», это могло показаться странным, поэтому в город для консультации с Дживсом отправился Китекэт. Отбыл он украдкой в моем спортивном автомобиле и ко второму завтраку должен был, по нашим расчетам, вернуться.

Однако второй завтрак настал и прошел, жареная утка с зеленым горошком обратилась золой у меня во рту, а Китекэта все не было. Объявился он в четвертом часу.

При виде его мое сердце, скинув бремя печали, пустилось в веселый пляс. Так, сказал я себе, может выглядеть только тот, кто привез хорошие вести. Отправляясь в путь, он был суров и хмур, словно опасался, что даже Дживс на этот раз беспомощно разведет руками. Возвращался же он веселый, шумный и жизнерадостный, как американский морской пехотинец.

– Прости, что припозднился, – бодро сказал он. – Пришлось, брат, подождать, пока мозги Дживса не наберут ход. Он на этот раз раскачивался дольше обычного.

– Но сработал? – схватив его за локоть и трепеща всем организмом, спросил я.

– Конечно, сработал! Виданное ли дело, чтобы Дживс да не сработал? Но сегодня у него ушла бездна времени на раздумье. Я застал его на кухне в твоей квартире за чашкой чаю и чтением Спинозы, сразу все ему выложил и говорю, скорее, мол, пускайте в ход серые клетки, надо как-то помешать Вустеровой чертовой тете явиться в «Деверил-Холл» с дружественным визитом. Он ответил, что ладно. Я ушел в гостиную, уселся, задрал ноги на каминную полку и стал думать о Гертруде. Только время от времени встану, загляну в кухню узнать, как идет дело, но Дживс одним мановением руки отсылает меня прочь и еще поддает в свои мозги жару. Потом наконец пришел и объявляет, что выход найден. Он, как всегда, поставил во главу угла психологию индивидуума.

– Какого индивидуума? Моей тети Агаты?

– Естественно, твоей тети Агаты. Кого же еще? Сэра Стаффорда Криппса? Он изложил мне в общих чертах свой план, который, я думаю, ты согласишься, просто настоящий огненный шар. Скажи, Берти, тебе приходилось красть у тигрицы детеныша?

Я ответил, что нет, как-то не было случая. А Китекэт тогда спросил, какова, по моему мнению, была бы на это реакция тигрицы, если, конечно, она добрая жена и мать.

Ну я говорю, точно не скажу, я насчет тигриц не специалист, но, наверно, она так расщиплет, что не дай Бог.

– Вот именно. И наверно, эта хищница, узнав об исчезновении дитяти, побросает все дела и примется его разыскивать, тебе не кажется? Это нарушит все ее светские планы как по-твоему, а? Если, скажем, она сговорилась навестить другую тигрицу в ее логове, она

теперь отложит свой приезд и займется поисками следов. Согласен?

Я ответил, что да, вероятно.

– Именно это, по расчетам Дживса, произойдет с твоей тетей Агатой, если она получит известие о том, что ее сын Томас исчез из школы в Брамли-он-Си.

Затрудняюсь вам описать, чего я ждал на самом деле, но уж, во всяком случае, не этого. Когда дыханье ко мне возвратилось и я смог говорить, я спросил, что он такое сказал, и он повторил всю реплику слово в слово, медленно и отдельно, как под диктовку, и я тогда проговорил: «Вот это да!» А он мне: «То-то!»

– Иначе говоря, Дживс берется выкрасть юного Тоса?

Китекэт нетерпеливо пощелкал языком.

– Зачем красть убежденного и страстного киномана вроде твоего кузена Томаса, которому можно просто сказать, что его обожаемая кинозвезда была бы рада, если он сумеет освободиться и приехать на пару дней погостить в доме деревенского священника, где она в настоящее время проживает? С таким приглашением Дживс уже отправился в Брамли-он-Си, и я не сомневаюсь, что оно подействует как волшебство.

– То есть, по-твоему, он сам удерет из школы?

– Естественно, удерет. В два счета. Однако для полной надежности я уполномочил Дживса в случае колебания предложить награду в пять фунтов. От Дживса, пользующегося у Томаса доверием, мне стало известно, что юнец в настоящее время нуждается в средствах. Собирает деньги на фотоаппарат.

Я одобрил Китекэтову предусмотрительность, хотя и считал, что эта меркантильная нота окажется излишней. Тос – юноша с вулканическими страстями, такие, как он, последний трехпенсовик потратят на почтовую марку, чтобы послать письмо Дороти Ламур с просьбой об автографе. Сообщения, которое он получит через Дживса, самого по себе будет довольно, чтобы он немедленно снялся с места.

– Да, – подтвердил Китекэт, – этот юнец, я полагаю, очень скоро окажется среди нас. Он – да, а твоя тетя Агата – нет, она будет занята поисками в других местах. Жаль, конечно, что она на некоторое время лишится своего детеныша, нельзя не посочувствовать материнским волнениям. Было бы неплохо, если бы удалось все устроить иным способом, однако ничего не поделаешь, у нас нет выбора. Остается только сказать себе, что в каждой жизни случается дождь.

У меня, правда, было опасение, что тетя Агата не столько взволнуется, сколько придет в страшную ярость.

– Тос, – сказал я, – в последнее время прямо специализируется на побегах из школы. Он уже дважды это проделывал, один раз чтобы присутствовать на финальных кубковых играх, другой – чтобы отправиться на поиски клада на островах Карибского моря, и я что-то не помню, чтобы тетя Агата в том или другом случае держалась как потрясенная горем мать. Шесть горячих по заслуженной точке, он сам мне признался. То же самое, я думаю, произойдет и теперь, так что, если юный Тос возьмется за дело бескорыстно, я все же суну ему вдобавок эту пятерку в качестве процента.

– Будет очень благородно с твоей стороны.

– Что такое деньги, если посмотреть здраво? С собой их все равно не возьмешь.

– Здравая мысль.

– Но как поведет себя Тараторка, когда он неожиданно свалится ей на голову?

– Об этом мы уже уговорились. Я встретил ее в деревне и предупредил.

– И она одобрила?

– От всего сердца. Тараторка всегда одобрит, если затевается что-нибудь, от чего может что-нибудь произойти.

– Замечательная она девушка.

– Да, такого характера поискать. Кстати, я понял из нашего разговора, что ты уже сказал своевременное словцо?

– Сказал. По-моему, оно ее ободрило.

– Мне тоже так показалось. Удивительно, что она нашла в этом Эсмонде Хаддоке? Я, правда, видел его только с почтительного расстояния, но, на мой взгляд, он для нее чересчур чопорный.

– Он не чопорный. Ты бы посмотрел, как он непринужденно держится за портвейном.

– Наверно, ты прав. И вообще, с любовью не поспоришь. Уйма народу, я думаю, разинули бы рот от изумления, если бы узнали, что Гертруда, дай ей Бог здоровья, любит меня. И однако же – вот, любит. А посмотри на бедняжку Куини. В отчаянии из-за утраты деревенского блюстителя порядка, с которым я бы в одну канаву не согласился свалиться. И кстати о Куини, я думал свозить ее сегодня после обеда в кино в Бейсингсток, если ты одолжишь мне свой автомобиль.

– Ради Бога. Думаешь, это ее немного развеселит?

– Не исключено. А я бы хотел, если это возможно, пролить бальзам в ее страждущую душу. Удивительно, когда ты влюблен, то жаждешь облагодетельствовать всех и каждого. Меня теперь так и распирает кипучая доброжелательность, совсем как в книжках у Диккенса. Я чуть было не купил в Лондоне тебе галстук. Черт! Кто там еще?

В дверь постучали.

– Войдите, – позвал я. А Китекэт подскочил к шкафу и возвратился обратно, весь обвешанный брюками и прочим. Принял профессиональный вид.

Через порог переступил Силверсмит. В облике этого величавого деятеля всегда просматривается какое-то сходство с послан иностранной державы, явившимся вручить важные государственные грамоты царствующей особе, в данном же случае это сходство еще усилилось благодаря подносу с телеграммами, который он держал перед своим объемистым брюхом. Я взял телеграммы, и Силверсмит переступил порог в обратном направлении.

Китекэт снова запихнул брюки в шкаф. Он слегка дрожал.

– Как на тебя действует этот тип, Берти? – спросил он вполголоса, как под сводами собора. – Меня он парализует. Не знаю, знаком ли ты с творчеством Джозефа Конрада, у него в книжке, «Лорд Джим» называется, про одного человека говорится: «Будь вы хоть императором Востока и Запада, в его присутствии вы все равно ощутили бы свое ничтожество». Вот и с Силверсмитом так. Я при нем жутко робею. Моя бессмертная душа съеживается под его взглядом до размеров сухой горошины. Ну вылитый актер старой закалки, из тех, что наводили на меня ужас, когда я только ступил на театральные подмостки. Ладно. Распечатывай.

– Что? Телеграммы?

– А ты думал, я о чем?

– Но они на имя Гасси.

– Понятно, что на имя Гасси. Но предназначены тебе.

– Это еще неизвестно.

– Естественно, тебе. Одна, наверно, от Дживса с сообщением об успехе предприятия.

– Да, но вторая-то? Это может быть на фунт нежностей от Мадлен лично ему.

– Оставь, пожалуйста.

Но я был тверд.

– Нет, Китекэт, кодекс чести Вустеров не позволяет мне это сделать. Кодекс Вустеров строже, чем кодекс Китекэтов. Вустер никогда не распечатывает телеграммы, адресованные другому, пусть даже в данную минуту он сам и есть этот другой, если я понятно выражаюсь. Я должен вручить их Гасси.

– Ну, хорошо, раз ты так к этому относишься. А я пошел, надо пролить немного солнечного света в жизнь Куини.

Он рванул вон из комнаты, а я сел и продолжал хранить твердость. Часы показывали три сорок пять. Я непоколебимо хранил ее примерно до без пяти четыре. С кодексом Вустеров трудность состоит в том, что, когда начнешь его анализировать, имея перед собой две телеграммы, одна из которых почти наверняка содержит жизненно важные сведения, задаешься вопросом, так ли уж он, в конце концов, хорош, этот кодекс? Закрадывается сомнение, а вдруг – как знать? – вдруг Вустеры – просто ослы, раз позволяют собою командовать такому кодексу. К четырем я уже был не так тверд, как поначалу. В десять минут пятого у меня уже ощутимо чесались пальцы.

Было ровно четыре пятнадцать, когда я открыл первую телеграмму. Как и предвидел Китекэт, это оказалось сообщение от Дживса, сформулированное со всей конспиративной осмотрительностью, отправленное из Брамли-он-Си и подписанное: «Склады Боджера». В нем завуалировано докладывалось, что дело устроилось ко всеобщему удовлетворению согласно плану. Товар в пути и будет доставлен в товарном вагоне до наступления ночи. Отлично.

Я поднес к телеграмме горящую спичку и обратил ее в пепел, осторожность никогда не помешает, но и после этого с недоумением заметил, рассматривая вторую телеграмму, что пальцы у меня все еще чешутся. Я взял ее и задумчиво подержал в руках.

Догадываюсь, что вы на это скажете. Вы скажете, что, вскрыв и изучив первую телеграмму, я мог преспокойно отложить и не вскрывать вторую. И вы совершенно правы. Но ведь знаете, как оно бывает в жизни. Спросите первого встречного молодого льва, всякий вам подтвердит, что, раз отведав крови, оторваться уже невозможно; и то же самое с распечатыванием телеграмм. Совесть шептала мне, что эта телеграмма, пришедшая на имя Гасси и к нему обращенная, предназначена исключительно для его глаз, и я был с этим полностью согласен. Но не вскрыть ее я так же не мог, как вы не можете не сунуть в рот еще один соленый орешек.

Я распечатал ее, и краска стыда немедленно залила мне щеки, как только глаз прочел подпись «Мадлен». Ну а уж потом глаз прочел и весь текст, будь он проклят. Там было написано следующее:

*«Финк-Ноттлу
«Деверил-Холл»
Кингс-Деверил
Хэмшир*

Письмо получила. Не понимаю почему не дошла успокоительная телеграмма. Очевидно вы скрываете крайнюю серьезность происшествия. Лихорадочном

волнении. Опасаюсь худшего. Буду «Деверил-Холле» завтра днем. Приветы.
Поцелуй.

Мадлен».

Да, вот такая торпеда взорвалась у меня под бушпритом. У меня было чувство, как, знаете, бывает, будто какой-то шутник вдруг вынул из моих ног все косточки и заменил просто студнем. Перечитал телеграмму: вправду ли там значилось то, что мне привиделось? Оказалось – вправду, и тогда я поднял ладони и упрятал в них лицо.

Что меня больше всего угнетало, так это отсутствие советчиков. Когда судьба, дав тебе в глаз, тут же еще добавит под зад коленкой, всегда хочется окликнуть своих и все с ними обсудить, а тут своих – ни души, и скликать некого. Дживс в Лондоне, Китекэт в Бейсингстоке. Я был прямо как премьер-министр, когда он объявляет важное заседание кабинета, а выясняется, что министр внутренних дел и лорд председатель совета рванули проветриться в Париж, а министр сельского хозяйства и рыболовства со всей остальной бражкой – на собачьих бегах.

Однако делать, похоже, было нечего, оставалось ждать, когда Китекэт, просидев в кинозале «Последние новости», а потом кинофильм, а потом еще короткометражную комедию «Дурацкая симфония», двинется домой. И хотя рассудок мне подсказывал, что вернется он в лучшем случае часа через два и что даже по возвращении он, с вероятностью ста против восьми, ничего конструктивного предложить не сможет, я тем не менее занял позицию в воротах и ходил туда-сюда, обшаривая взором горизонт, подобно сестре... как бишь ее... про которую мы когда-то читали.

Было уже, прямо скажем, не рано, и местное содружество пернатых давно пропело отбой, когда наконец на дороге показался мой «бентли». Я помахал, Китекэт нажал на тормоза.

– А, Берти, привет, – произнес он полупшепотом, а почему так, мне стало понятно, когда он сошел на землю, и я отвел его в сторону, и он все мне объяснил.

– Неудачно получилось, – сказал он, бросая сочувственный взгляд на свою спутницу, которая сидела, глядя прямо перед собой и время от времени поднося к глазам платочек. – При той популярности, какой пользуются кинобоевики, я мог бы это предвидеть. Весь фильм кишел полисменами, они дюжинами носились туда-сюда и приговаривали: «Долго в молчанку играть будешь?» Бедняжка Куини не смогла этого выдержать. Это же как нож острый в старую рану вонзить и повернуть. Теперь уже лучше, но еще сморкается.

Я думаю, если взять свору собак-ищеек и прочесать все западные кварталы лондонского центра самым частым гребнем, едва ли найдется четыре человека, более склонных, чем Бертрам Вустер, проявить сочувствие женскому горю, и в обычных обстоятельствах я бы, бесспорно, присвистнул тихонько и проговорил: «Ай-яй-яй». Но сейчас у меня не было буквально ни одной свободной минуты на сочувствие пострадавшим горничным. Весь запас сочувствия в моем распоряжении имел одного адресата – Вустера Б.

– Прочти, – сказал я.

Китекэт подмигнул.

– Что я вижу? – произнес он так называемым сардоническим тоном. – Выходит, кодекс Вустеров дал течь? Я так и думал.

Наверно, он готов был еще пораспространяться на эту тему и вволю поиронизировать на мой счет, но тут взгляд его скользнул по документу, и общее содержание ударило его под дых.

– Гм, – вымолвил Китекэт. – С этим надо будет разобраться.

– Да уж, – подтвердил я.

– Тут потребуется рука мастера. Придется хорошенько пораскинуть мозгами.

– Я уже не один час тут раскидываю.

– Да, но твои мозги – дешевый эрзац, от них мало проку. Совсем другое дело, если сливки своего интеллекта приведет в действие такой человек, как я.

– Эх, был бы тут Дживс!

– Да, Дживс бы сейчас не помешал. Жаль, что его нет среди нас.

– И жаль еще, – не удержался напомнить я, хотя человек с тонким вкусом предпочитает не тыкать по больному месту, – что ты все это начал, подбив Гасси забраться в фонтан на Трафальгарской площади.

– Что верно, то верно. Поступок, достойный сожаления. Но в тот момент он, надо сказать, просто напрашивался. Тут у тебя под рукой и фонтан, и Гасси, и вполне возможно, что такая возможность никогда больше не повторится. При том, что последствия, я не отрицаю, оказались плачевными, ей-богу, дело того стоило. Кто не видел, как Гасси Финк-Ноттл, во фраке и всей вечерней выкладке, в пять часов утра ловит тритонов в фонтане на Трафальгарской площади, тот не жил по-настоящему. Ему нечего будет поведать внукам. Но если разобраться, на ком сколько вины, то надо углубиться дальше в прошлое. Корень зла – в том обеде, которым ты уговорил меня накормить Гасси. Чистое безумие. Ты должен бы знать, что ничем хорошим это не кончится.

– Да ладно. К чему теперь слова?

– Правда твоя. Нужны не слова, а дела. Твердые и решительные. Наполеоновские поступки. Ты, как я понимаю, должен будешь скоро возвращаться, чтобы переодеться к обеду?

– Да, наверно.

– И через какое время после обеда ты окажешься у себя в комнате?

– Как только выдержусь.

– Тогда жди меня там, и я полагаю, что представлю тебе в готовом виде полный план действий. А сейчас мне надо вернуться к Куини. Ей скоро заступать на дежурство, она, наверно, захочет привести себя в порядок и запудрить следы слез. Вот бедняжечка! Если бы ты знал, как сжимается мое сердце от сострадания этой девушке, Берти, ты бы содрогнулся.

Ну, и конечно, раз необходимость требовала нашей скорейшей встречи, именно в этот вечер оказалось невозможно под шумок удалиться пораньше. Это был не обыкновенный обед, а прямо целый пир, и гости съехались со всей округи. К корыту был созван добрый десяток наиболее важных тузов Хэмпшира, они присосались, как пиявки и сидели, когда любой порядочный вышибала давно бы уже их всех выставил. Понятно, если потрудиться проехать двадцать миль ради обеда, не захочешь перехватить на бегу котлетку и сразу мчаться обратно. Просидишь музыкальный вечер и дождешься, пока предложат выпивку в половине одиннадцатого.

Словом, так ли, нет, а последний автомобиль отъехал где-то около полуночи. И когда я, освободившись, наконец дорвался до своей комнаты, никаких признаков Китекэта там не оказалось.

Зато на подушке лежала от него записка, и я дрожащими пальцами развернул ее.

Она была помечена одиннадцатью часами и выдержана в укоризненном тоне. Китекэт упрекал меня за то, что я, как он выразился, обжираюсь и упиваюсь с важными господами,

когда должен был бы сидеть за столом совещания и заниматься честным трудом. Неужели я думаю, что он всю ночь так и просидит на задку у меня в комнате? – вопрошал Китекэт и выражал пожелание, чтобы мне завтра мучиться с перепоею и маяться животом от обжорства. Больше он ждать не может, а намерен взять мой автомобиль и ехать в Лондон, чтобы завтра чуть свет оказаться в Уимблдон-Коммон для встречи и беседы с Мадлен Бассет. В ходе этой беседы, уже бодрее продолжал Китекэт, он все устроит, можешь положиться на мамочку Китекэта, потому что у него появилась идея, не идея, а роскошь, а я могу не напрягать мозжечок и спать спокойно. Сам Дживс, заключал Китекэт, даже натолкай он в себя рыбы под завязку, вряд ли придумал бы, по его мнению, что-нибудь лучше.

Что же, это, бесспорно, успокаивало – если, конечно, Китекэт и вправду такой умный, как ему кажется. Кто его знает, этого Китекэта. Я один раз прочел его школьную характеристику, когда забрался ночью в кабинет преподобного Обри Апджона в поисках печенья, так преподобный Обри Апджон написал про него: «блестящие способности, но плохо соображает», а если существовал козломордый школьный директор, который знал свое дело, исправно звонил в колокольчик и заслуженно получал за это сигару – или кокосовый орех, – то таким директором был наш директор.

Как бы то ни было, сообщение Китекэта, не стану отрицать, сняло у меня тяжесть с души. Установлено, что сердце, согбенное заботой, и за малейшую хватается надежду, и мое не составляло исключения. В самом благодушном настроении я снял форму одежды вечернюю и облачился в пижаму. Мне даже сдается, хотя ручаться не могу, что я пропел пару тактов из последней популярной шансонетки.

Надев халат, я приготовился выкурить на сон грядущий заключительную сигарету, как вдруг двери распахнулись и явился Гасси.

Он был раздражен. Хэмпширские тузы ему не понравились, и он выражал досаду из-за того, что пришлось на общение с ними потратить целый вечер, который он мог бы провести у Кору Тараторы.

– Нельзя же было удирать со званого обеда, – заметил я.

– Вот и Таратора так сказала. Она сказала, так не делают, и еще много чего сказала, в том числе *noblesse oblige*. У нее потрясающе строгие принципы. Не часто встретишь такую красивую девушку, и чтоб у нее были строгие принципы. А какая она хорошенькая, а, Берти? Правильнее было даже сказать, не хорошенькая, а прекрасная, как ангел.

Я согласился, что мордочка у нее такая, что встретишь – не испугаешься, а Гасси сразу на меня набросился:

– Что значит – не испугаешься? Она – девушка небесной красоты. Я такой красивой в жизни не видал. И подумать только, что она – сестра Перебрайта. Казалось бы, любая сестра Перебрайта должна быть так же безобразна, как и он.

– Я бы сказал, что Китекэт вполне недурен собой.

– Не разделяю твоего мнения. Он – исчадь ада, и это сказывается на его внешности. «В этом фонтане водятся тритоны, Гасси, – так он мне сказал. – Лезь за ними скорее, не теряй ни секунды». И не хотел слушать никаких возражений. Подгонял меня охотничьими возгласами. «Ату! – говорит. – У-лю-лю». Да, но я пришел к тебе, Берти, вот по какому делу, – внезапно переменял он тему, видно, обращение к минувшему причиняло ему боль. – Хочу попросить у тебя на завтра твой сизый галстук в розовых ромбах. Завтра утром я собираюсь побывать в доме священника и хочу выглядеть как можно лучше.

Помимо промелькнувшей мысли, что Гасси – оптимист, если верит, что сизый галстук в

розовых ромбах способен настолько улучшить созданное Природой, чтобы он перестал являть собой обыкновенную рыборылую кикимору, я еще подумал при этих его словах, что, слава Богу, я успел переговорить с Тараторой и заручился ее обещанием немедленно окатить Гасси холодной водой и положить на лед.

Ибо было очевидно, что времени терять больше нельзя. Каждое слово, произносимое этим ультратритонлюбом, только яснее показывало, до какого градуса он дошел. Толковать с Огастусом Финк-Ноттлом про Кору Таратору было все равно что получать из первых рук от Марка Антония информацию насчет Клеопатры, и теперь каждое мгновение, проведенное им вне холодильника, было сопряжено с опасностью. Не подлежало сомнению, что «Лиственницы» в Уимблдон-Коммон перестали для него что-либо значить, теперь это был не приют священный, где обитает девушка его мечты, а просто адрес в телефонной книге.

Я выдал ему галстук, он поблагодарил и потопал к двери.

– Да, между прочим, – задержался он на пороге, – помнишь, ты приставал ко мне, чтобы я обязательно написал Мадлен? Ну, так вот. Я выполнил твою просьбу. Сегодня после обеда отправил ей письмо. Что это ты побледнел, как Умиравший гусь?

Я побледнел, как Умиравший гусь, потому что вдруг представил себе, что получается. Как отнесется Мадлен Бассет к тому, что вслед за письмом о вывихнутом запястье получит второе, написанное почерком самого Гасси, а в нем ни словом не упоминается ни понесшая лошадь, ни златовласое дитя, не умеющее произносить шипящие?

Я рассказал Гасси о деятельности объединения Китекэт – Вустер, и он неодобрительно поморщился. Крайне любезно, сказал он, писать за других любовные письма, да еще в сомнительном вкусе.

– Впрочем, – добавил он, – это уже не имеет, в сущности, никакого значения, потому что я в своем письме написал, что все отменяется.

Я пошатнулся и упал бы, если бы мне под руку не подвернулся комод.

– Отменяется?!

– Я расторг помолвку. За последнее время я убедился, что Мадлен хотя вполне достойная девушка, но все же не то, совсем не то. Мое сердце принадлежит Тараторе. Еще раз спокойной ночи, Берти. Спасибо за галстук.

Он вышел, напевая сентиментальный мотив.

«Лиственницы» – это одно из тех завидных жилищ с большими участками, с отдельным водоснабжением как «хол.», так и «гор.», всеми необходимыми службами и проч., которые расположены в Уимблдон-Коммон с левой стороны, как выезжаешь из Лондона через Патни-Хилл. Кто там домовладельцы, не имею понятия, но очевидно, что люди с полной мощной, и кому принадлежат «Лиственницы», я тоже не знал. Знал только, что завтра утренняя почта доставит по этому адресу письмо, которое Гасси написал и отправил своей невесте Мадлен Бассет, и в мои намерения входило, если только это вообще в пределах человеческих возможностей, перехватить его письмо и уничтожить.

Поднимая руку на Почтовую Службу Его Величества, я вполне мог схлопотать за это что-нибудь около сорока лет отсидки, но риск, на мой взгляд, того стоил. Сорок лет, если на то пошло, скоро пройдут, а иначе как помешав этому письму достичь адресата, я не видел способа получить отсрочку, позарез необходимую, чтобы осмотреться и подумать. Вот почему следующее утро застало на территории «Лиственниц», вдобавок к стриженной лужайке, беседке, цветникам, кустам и разнообразным деревьям, еще и Вустера с сердцем в пятках и со склонностью подлетать на высоту от двенадцати до восемнадцати дюймов всякий раз, как ранняя пташка вдруг чирикнет, склюнув червяка. Названный Вустер сидел, скрючившись, в самой сердцевине куста, росшего поблизости от стеклянных дверей в сад, за которыми, если только архитектор ничего не напутал, располагалась столовая. Этот Вустер сбежал из Кингс-Деверила «молочным» поездом в два пятьдесят четыре утра.

Я говорю «сбежал», но правильнее, наверно, будет – «уполз». Потому что молоко передвигается от станции к станции неспешно, и я едва успел к заветному часу просочиться в ворота и занять выжидательную позицию. Когда я расположился за кустом, вернее – в кусте, солнце уже показалось и было совсем светло, как поется в песне Эсмонда Хаддока на слова его тети Шарлотты. И я задумался, уже в который раз, о том, как хладнокровна и равнодушна Природа, когда требуется подмога угодившему в беду человеческому сердцу.

На самом деле общему положению вещей гораздо больше подошел бы в качестве аккомпанемента вой урагана и свист метели, но так уж сложилось, что то утро было ясным и солнечным – или погожим и лучезарным, если продолжить в стиле тети Шарлотты. Я сижу, у меня нервная система в полном расстройстве, и тут вдруг мне за шиворот падает одна из наименее симпатичных Божьих тварей о ста четырнадцати ногах и принимается делать утреннюю зарядочку на моей чувствительной коже. И что же Природа? Да ничего. Ей дела мало. Небо продолжает голубеть, и дурацкое солнце, уже упомянутое мною, знай себе улыбается в вышине.

Жуки за шиворотом – это крайне неприятно и требует мужества и выносливости. Но тот, кто берется за работу, предполагающую сидение в кустарнике, более или менее сам идет на контакты с жуками. Куда мучительнее, чем деятельность этого представителя животного мира у меня на спине, был вопрос: ну, явится почтальон, а дальше что? Вполне возможно, что все обитатели «Лиственниц» завтракают в постели. Тогда горничная отнесет взрывчатку Финк-Ноттла на подносе в комнату Мадлен, и рухнули все мои планы и расчеты.

Как раз когда меня посетила эта мысль, сильно подорвавшая святую веру в победу, что-то неожиданно пихнуло меня в коленку. Я чуть было не потерял сознание. Мне показалось, что я подвергся нападению многочисленной вражеской засады, и под этим впечатлением я

оставался, наверно, секунды две, показавшиеся мне, впрочем, годами. Потом пятна перед глазами растаяли, мир прекратил медленное вальсообразное кружение, и я смог убедиться, что в мою жизнь вторгся всего-навсего небольшой рыжий кот. Переведя дыхание, я протянул руку и почесал его за ухом, я всегда пользуюсь этим приемом, когда остаюсь один в кошачьем обществе. И в это время стеклянные двери из столовой в сад со стуком и дребезгом распахнулись.

А немного спустя отворилась и входная дверь, на крыльцо вышла служанка и стала неспешно вытряхивать половик.

Получив возможность заглянуть в столовую, я различил там накрытый к завтраку стол, и на душе у меня полегчало. Мадлен Бассет не такая девушка, чтобы праздно валяться в постели, когда другие встали, сказал я себе. Если вся бражка кормится внизу, она будет среди ближних своих. Стало быть, один из приборов, которые я сейчас вижу, это ее прибор, и рядом с ним вскоре окажется роковое письмо. Я поиграл мышцами, чтобы быть готовым к немедленному действию, приподнялся на носки, сгруппировался; но тут сбоку, с юго-западной стороны, раздался свист и возглас: «Э-гей!» Прибыл почтальон. Он стоял на нижней ступеньке крыльца и благосклонно глядел на горничную.

– Привет, красотка!

Ох, не понравилось мне это. Сердце неприятно сжалось. Он был мне сейчас отчетливо виден во весь рост, – эдакий молодой красавец почтальон, крепкий из себя и откровенный сердцеед, из тех работников связи, что в свободные часы лихо выплясывают на местных танцульках, а разнося почту, считают впустую потраченным день, когда не удалось для начала в качестве десятиминутной разминки полюбезничать с кем-нибудь, кто подвернется из прислуги. Я-то, по правде сказать, рассчитывал увидеть кого-то постарше и не такого развязного плейбоя. Когда у руля подобная фигура, жди, что утренняя доставка почты затянется на неопределенное время. А ведь каждая минута приближала выход на сцену Мадлен Бассет и ее присных.

Так что мне было от чего трепетать. Летели мгновенья, а этот молодой бодрячок почтальон стоял как вкопанный и знай себе точил лясы, словно он не при исполнении обязанностей, а сам себе хозяин и просто от нечего делать вышел прогуляться с утра пораньше. Я от души возмутился, что государственный служащий, на чье жалованье идут и мои денежки, так безответственно разбазаривает рабочее время, и даже склонялся к тому, чтобы написать об этом письмо в «Таймс».

Но вот он наконец все-таки опомнился, передал с рук на руки пук корреспонденции и, отпустив прощальную реплику, прошел дальше своим путем, а горничная нырнула в дом и вскоре появилась в столовой. Там она прочитала две-три открытки, явно сочла их не стоящими внимания, поскольку на лице у нее выразилась скука, после чего сделала то, что ей полагалось сделать с самого начала, а именно разложила открытки и письма у соответствующих приборов.

Я насторожился, почувствовав, что дела пришли в движение. Сейчас, полагал я, горничная уйдет туда, куда призывает ее долг, и освободит территорию. Подобно боевому скакуну, который, заслышав военную трубу, говорит себе: «Ага!» – я снова напряг мускулатуру. Не обращая внимания на кота, который совсем запанибрата вился у меня между колен, вероятно видя во мне подарок свыше для всего уимблдонского животного мира, я изготовился к прыжку.

Представьте же себе мое отчаяние и сокрушение духа, когда эта недисциплинированная

горничная, нет чтобы скрыться за внутренней дверью, наоборот, вышла на террасу, закурила зловонную сигарету и встала у стены, попыхивая, задумчиво глядя в небеса и грезя о почтальонах.

Не знаю, что еще способно так болезненно действовать на нервы, как внезапная преграда у самой цели. Без преувеличения скажу, что прямо корчился от бессильной ярости. Обычно с горничными у меня отношения складываются самые дружественные и сердечные. Встречаясь с горничной, я радостно улыбаюсь и говорю: «Доброе утро», а она радостно улыбается мне и отвечает: «Доброе утро», и все, меж нами мир и благодать. Но этой горничной я бы с удовольствием съездил кирпичом по макушке.

Я сидел, скрючившись, и про себя чертыхался. Она стояла и с упоением курила. Сколько времени я так чертыхался, а она курила, трудно сказать, и я уже думал, что это унижительное положение продлится вечно, как вдруг она вздрогнула, торопливо оглянулась через плечо и, отшвырнув сигарету, рванула в сад и скрылась за углом дома. Ситуация, отчасти напоминая историю с нимфой, застигнутой во время купания.

Вскоре вслед за тем я смог увидеть воочию, что ее спугнуло. Поначалу-то я подумал, что в ней внезапно заговорила совесть, но оказалось, дело не в этом: кто-то вышел на крыльцо. Сердце мое выполнило двойной кульбит, так как я увидел, что появилась Мадлен Бассет.

Я уже готов был проговорить: «Это конец», – ведь еще мгновенье, и она войдет в столовую, где ознакомится с последними известиями из «Деверил-Холла», но тут моя *joie de vivre* ^[136], достигшая было нижнего предела, снова взмыла кверху – я увидел, что помянутая Бассет повернула от крыльца не направо, а налево. Только теперь я заметил то, что в первый ужасный миг не успел осознать: в руке она держала корзинку и садовые ножницы. Напрашивалось предположение, что она отправилась срезать перед завтраком букет цветов. Так оно и было. Бассет скрылась из виду, и я снова остался наедине с котом.

В делах людей, как справедливо заметил однажды Дживс, бывают спады и подъемы благоприятные, сулящие удачу, и было очевидно, что сейчас именно такой благоприятный подъем. Настал, несомненно, что называется, критический момент. Любой знающий советчик, окажись он поблизости, наверняка призвал бы меня не зевать и немедленно им воспользоваться.

Но я ослаб от переживаний. Вид Мадлен Бассет так близко, что можно было бы запросто забросить камешек ей в пасть – хотя я, конечно, не из таких, – оказал размягчающее действие на мои сухожилия. Я был обессилен, не в состоянии даже пнуть кота, который, очевидно, счел остолбеневшего Бертрама деревом и стал точить об мою ногу когти.

И это оказалось к лучшему, – то есть что я остолбенел, а не что он меня когтил, понятно, – ибо в тот самый миг, когда я, останься во мне хоть одна лошадиная сила, должен был бы ворваться через открытую стеклянную дверь в столовую, оттуда на террасу выступила девица с белым мохнатым песиком на руках. Хорош бы я был, если б вздумал захватить людские дела на подъеме, сулящем удачу, потому что никакой удачи бы от этого не вышло, а вышла бы только неприятность.

Девица была плотного, атлетического сложения, такие барышни преспокойно играют в теннис подряд по пять сетов, но лицо ее было сумрачно и вид понурый, из чего я заключил, что это и есть школьная подруга, у которой вышла осечка по сердечной части. Печальный факт, конечно, можно пожалеть ее, бедняжку, за то, что у нее с героем ее грез нелады; но я в ту минуту думал не столько об ее печалях, сколько о том, что в общем-то я пропал. Из-за

промедления, вызванного политикой оттяжек, к которой прибег веселый почтальон, вся моя операция провалилась. Когда дорогу тебе загораживают плотные, атлетические девицы, тут уж ничего не поделаешь.

Оставалась только одна маленькая надежда. Судя по всему, эта девица намеревалась устроить для песика утреннюю пробежку, и если она со своим четвероногим другом забежит подальше, я еще мог бы юркнуть в столовую и осуществить свой изначальный план. Я прикидывал на глазок шансы, а девица тем временем поставила песика на землю, и я с неопишным душевным смятением увидел, что он направился в мою сторону и что через минуту он непременно заметит меня в гуще куста и примется лаять во всю глотку, ибо ни одна собака, белая или не белая, лохматая или гладкая, не пройдет, равнодушно вздернув бровь, мимо пришедшего человека под кустом.

И дело, я чувствовал, кончится для меня не только разоблачением, стыдом и позором, но еще, пожалуй, и укушенной лодыжкой.

Напряжение разрядил кот. То ли потому, что он еще не завтракал, или общество Бертрама Вустера со временем ему приелось, но он выбрал именно эту минуту для того, чтобы меня оставить, повернулся как ни в чем не бывало и, задрвав хвост, вышел из куста, а белый лохматый песик при виде его затянул тети-Шарлоттину охотничью песню в переводе на собачий язык и, вопя «Алло, алло, алло!», ринулся на охоту. Кавалькада устремилась прочь по кустам и папоротникам, и последней бежала школьная подруга Мадлен Бассет.

Позиция на старте была такая:

1. Кот.
2. Пес.
3. Подруга Мадлен Бассет.

Лидеры двигались тесной группой. Номер три отставал от номера два на несколько корпусов.

Я не стал ждать и медлить. Прохожий, оказавшись таковой поблизости, заметил бы только, как что-то метнулось на террасу и в дверь столовой. Через десять секунд я уже стоял у стола с завтраком, и письмо Гасси было у меня в руке.

Сунуть его в карман брюк было для меня делом одного мгновенья; еще одно мгновенье ушло на то, чтобы вновь очутиться у распахнутой двери на террасу. И я уже готов был так же мгновенно выскочить наружу, когда заметил ту крепкую атлетическую девицу, возвращающуюся с белым песиком на руках, и понял, что произошло. У этих белых лохматых собачек совершенно никакой выносливости. Быстро рвануть с места на короткое расстояние – это они могут, но бег по пересеченной местности им совсем не по зубам. Данный песик утратил охотничий азарт на пятидесятом ярде, остановился, отдышался и был без сопротивления подобран хозяйкой.

В минуту опасности мы, Вустеры, действуем молниеносно. Поскольку выход на террасу был перекрыт, я сразу решил воспользоваться другим, ведущим внутрь дома. Выскочил в противоположную дверь, перебежал через коридор и временно укрылся в комнате напротив.

Комната, в которой я очутился, оказалась светлой и жизнерадостной, чем существенно отличалась в данную минуту от Бертрама Вустера. Она была похожа на жилище женщины со склонностью к спорту и играм на открытом воздухе, и я заключил, что это – уютное гнездышко плотной атлетической приятельницы Мадлен Бассет.

Над камином висело весло, над книжной полкой – бадминтонная ракетка, и по стенам были приколоты групповые фотографии – теннисные и хоккейные команды, как я без труда определил с первого взгляда.

Второго взгляда я кинуть не успел, так как, едва войдя, сразу заметил в противоположной стене удачно расположенную стеклянную дверь в сад и бросился к ней, как пеший турист бросается в придорожную пивную в последнюю минуту перед закрытием. От стеклянной двери несколько ступенек вели вниз, в цветник вдоль боковой стены дома, и далее открывался превосходнейший путь к бегству, какого только может пожелать человек, чья цель в жизни – поскорее вырваться из этого величавого уимблдонского жилища, и глаза бы мои его больше не видели.

Я сказал «открывался путь к бегству», но правильнее будет сказать «открывался бы», если бы тут же, за порогом, не стоял, лениво опираясь на лопату, коренастый садовник в вельветовых штанах и красно-желтой фуражке, так что его можно было принять – по ошибке, понятное дело – за члена Мэрилебонского крикетного клуба. Рубаха его была коричневая, сапоги – черные, лицо – свекольное, усы – сивые.

Приведенную здесь гамму цветов я хорошо запомнил, так как некоторое время стоял и внимательно разглядывал этого работника физического труда с самого близкого расстояния. И чем дальше разглядывал, тем меньше он мне нравился. Точно так же, как раньше я ощутил духовную дисгармонию с горничной, курившей дешевые сигареты, я теперь с подозрением смотрел на здешнего садовника, все больше проникаясь ощущением, что хорошо бы подложить полтора фунта динамита под его жирное вельветовое седалище.

Наконец, не в силах больше терпеть его вид, я повернулся и начал ходить туда-сюда по комнате, как дикий зверь в клетке, с той только разницей, что дикий зверь в клетке не налетел бы при этом на столик, на котором помещались серебряный кубок, мяч для гольфа в стеклянном ящичке и большая фотография в рамке, а я налетел и чуть было его не опрокинул. Просто чудо ловкости, что мне удалось поймать соскользнувшую фотографию и предотвратить ее падение на пол, иначе все домочадцы немедленно сбежались бы на звон разбитого стекла. Когда она очутилась у меня в руках, я увидел, что это Мадлен Бассет, ну прямо как живая.

Она была снята анфас. На меня, ну прямо как живые, смотрели большие, будто блюдца, печальные глаза, и губы как живые, чуть трепетали, сложенные в странную, укоризненную гримасу. Глядя на эти печальные глаза и еще пристальнее присмотревшись к трепещущим губам, я вдруг ощутил, что в голове у меня сработала какая-то пружинка. Блеснуло озарение.

Последующие события показали, что блеснувшая у меня в голове мысль, подобно девяноста четырем процентам мыслей, озаряющих Китекэта, только поначалу могла показаться ценной, но факт таков, что в тот момент я решил, что достаточно выкрасть этот художественный фотопортрет и потом поставить перед Гасси Финк-Ноттлом, дабы он пригляделся хорошенько и прислушался к голосу собственной совести, и все благополучно

утрачивается. Он ощутит раскаяние, все лучшее в его душе пробудится, и прежняя любовь и нежность возвратятся со страшной силой. По-моему, именно так обычно бывает. Домушники, чей взгляд случайно падает на фотографию матери, немедленно сдают свой инструмент и решают начать новую жизнь, и то же самое, мне кажется, происходит с уличными грабителями, мошенниками и людьми, которые уклоняются от оплаты лицензии на держание собаки. И я не видел основания предполагать, что Гасси отстанет от других.

В это мгновение я услышал в коридоре вой пылесоса и сообразил, что сейчас горничная войдет сюда убираться. Быть застигнутым горничной в комнате, где тебе не следовало бы находиться, – по-моему, нет другого положения, когда яснее ощущаешь себя оленем, загнанным в угол; а если есть, то мне оно неизвестно. Определив состояние Бертрама Вустера в данную минуту как крайне тревожное, вы недалеко уйдете от истины. Я метнулся к двери в сад. Там стоял садовник. Метнулся обратно – и снова чуть не опрокинул столик. Тогда, быстро сообразив, я подался вбок. Там в углу я еще раньше успел заметить здоровенный диван, за которым вполне можно было укрыться. В моем распоряжении оставалось каких-нибудь две секунды, но я успел спрятаться за спинкой дивана.

Там я не то чтобы вздохнул с облегчением, этого сказать все-таки нельзя. До полного благополучия еще оставалось изрядно. Но все-таки в этом уютном уголке я ощутил себя в относительной безопасности. Одно из открытий, которые делаешь, повращавшись по белу свету, состоит в том, что горничные за диванами не подметают. Пройдясь пылесосом по открытым ковровым пространствам, они решают, что день прожит не зря, и уходят пить чай и заедать куском хлеба с джемом.

Но в тот раз остались нетронутыми даже открытые ковровые пространства, ибо едва работница включила прибор, как была отозвана от работы высшей инстанцией.

– Доброе утро, Джейн, – раздался голос, сопровождаемый визгливым лаем, каким лают лишь белые мохнатые песики, в силу чего я счел, что голос принадлежит атлетической школьной подруге. – Отложим пока уборку этой комнаты.

– Хорошо, мисс, – ответила горничная, явно очень довольная таким оборотом, и удалилась, не иначе как побежала в буфетную выкурить еще сигаретку.

Затем послышался бумажный шелест – это атлетическая девица, усевшись на диван, занялась просматриванием утренней газеты. А потом она вдруг промолвила: «А-а, Мадлен!» – и я понял, что нас почтила своим присутствием Бассет, собственной персоной.

– Доброе утро, Хильда, – ответила Бассет тем умильно-сладостным тоном, за который ее терпеть не могут все нормально мыслящие мужчины. – Какое прелестное, божественное утро!

Атлетическая девица возразила, что утро как утро, ничего особенного, и добавила, что лично она вообще утра терпеть не может. Говорила она кислым тоном, сразу видно, что от неудачи в любви у нее, бедняжки, испортился характер. Я от души посочувствовал ей в ее горе, при других обстоятельствах я бы протянул руку из-за спинки дивана и погладил бы ее по голове.

– Я принесла тебе цветочки, – гнула свое Бассет. – Прелестные улыбающиеся цветочки. Смотри, какие они радостные, Хильда!

Атлетическая девица ответила, что, мол, чего бы им не радоваться, вроде бы нет у них причин охать, и после этого возникла пауза. Девица подкинула какое-то замечание насчет перспектив Крикетного клуба, но отзыва не последовало, мысли Мадлен Бассет, похоже, витали в другой сфере, что и подтвердила ее следующая реплика.

– Я сейчас была в столовой, – сказала она, и голос у нее заметно дрожал. – Письма от Гасси опять нет. Я так волнуюсь, Хильда. Я, пожалуй, поеду в Деверил ранним поездом.

– Дело хозяйское.

– У меня ужасное предчувствие, что он серьезно ранен. В письме говорилось, что у него лишь растяжение связок, но так ли это? – не перестаю я себя спрашивать. Что, если лошадь сбросила его и он оказался под копытами?

– Он бы так и написал.

– Да нет же! Об этом я тебе и толкую. Гасси такой внимательный и самоотверженный! Первая его мысль будет – не волновать меня. О, Хильда, как ты думаешь, может быть, у него перелом позвоночника?

– Вздор! Какой там перелом позвоночника! Если от него нет писем, значит, просто этот его приятель – как его? Вустер – отказался служить ему секретарем. И я не виню беднягу. Он же в тебя сам влюблен, кажется?

– Он меня любит страстно. Это трагедия. Я не могу описать тебе, Хильда, с каким душераздирающим страданием во взоре он смотрит на меня при встрече!

– Значит, все ясно. Когда ты влюблен, а кто-то перехватил у тебя с лету твой предмет, кому будет приятно сесть за стол и скрипучим пером строчить под диктовку удачливого соперника: «Моя дорогая, запятая, бесценная любовь, точка. Я обожаю тебя, запятая, преклоняюсь перед тобой, точка. Как бы мне сейчас хотелось, запятая, дорогая, запятая, прижать тебя к сердцу и покрыть твоё прелестное личико жаркими поцелуями, восклицательный знак». Понятно, что Вустер взбунтовался.

– Какая ты бессердечная, Хильда.

– Я достаточно пережила, потому и стала бессердечной. И даже подумываю порой, не положить ли всему этому конец. У меня вон в том ящике лежит револьвер.

– Хильда!

– Да нет, вряд ли я на это пойду. Слишком хлопотно. Ты читала утреннюю газету? Опять идут разговоры о том, чтобы изменить правило «левая нога перед дужкой». Удивительно, как меняется мировоззрение, когда у человека разбито сердце. Я помню время, когда меня бы страшно взволновало, что его хотят изменить. А теперь мне наплевать. Пусть меняют, и дай им Бог хорошей игры. А что за тип этот Вустер?

– Душка.

– Уж наверно, душка, если согласен писать под диктовку Гасси любовные письма. Душка, а может быть, простофиля. Я бы на твоём месте дала Гасси отставку и занялась бы им. Как всякий мужчина, он, конечно, негодяй, но он богат, а деньги – это единственное, что имеет значение.

Тут Мадлен воскликнула: «Ах, Хильда, дорогая!» – и столько было в ее голосе укоризны и тому подобного, сразу видно, что эти циничные слова задели ее за живое и пронзили ей душу, ранив нежные струны сердца, и я был с ней целиком и полностью согласен. Не нравилась мне эта девица и ее взгляды. Ну разве можно так говорить? И без того положение тяжелое, а тут еще всякие школьные подружки будут подзуживать Мадлен Бассет, чтобы она дала отставку Гасси и занялась мною.

Я думаю, Мадлен одним бы восклицанием не ограничилась, а стала бы ее упрекать и дальше, но в следующую минуту вместо членораздельной речи она издала визг, или, вернее, бессловесный возглас, и атлетическая девица спросила:

– Ну, что еще?

– Моя карточка!

– Что там с твоей карточкой?

– Где она?

– На столике.

– Нету. Она исчезла!

– Значит, Джейн разбила. Она тут все разносит вдребезги, кроме чугунного литья, и, естественно, не делает исключения для твоей фотографии. Можешь пойти и спросить у нее.

– И пойду, – проговорила Мадлен, и я услышал ее торопливые шаги.

Воцарилось безмолвие. Я сидел тихо, как мышь, вдыхая пыль, а атлетическая барышня, должно быть, углубилась в дальнейшее изучение вопроса о правиле «левая нога перед дужкой». Потом я услышал, как она говорит: «Сиди смиренно», – это она явно обращалась к белому мохнатому песику, потому что вскоре вслед за тем она еще сказала: «Ну, ладно, шут с тобой, ступай, если приспичило», – и послышался легкий прыжок, не глухой грузный удар, а звук воздушного приземления, который производят белые мохнатые собачки, спрыгивая с дивана средней вышины. Через секунду в непосредственной близости от меня засопел принюхивающийся собачий нос, и я, теряя последние остатки боевого духа, отчетливо понял, что песик почуял характерный вустеровский запах и неотвратимо приближается к его источнику.

Я не ошибся. Оглядываюсь – его нос уже в шести дюймах от моего, и выражение на морде такое, сразу видно, что он не верит собственным глазам. Изумленно буркнув: «Ух ты!» – он попятился на середину комнаты, сел и залаял.

– Ну, что там еще, дуралей несчастный? – спросила атлетическая барышня. И сразу смолкла. Не собачка, понятно, а хозяйка. Белый мохнатый песик продолжал надирать голосовые связки.

Возвратилась Мадлен Бассет.

– Джейн утверждает... – начала она, но не договорила и перешла на пронзительный визг: – Хильда! О, Хильда, почему у тебя в руке пистолет?!

Атлетическая девица успокоила ее страхи, но мои – совсем наоборот.

– Не волнуйся, пожалуйста. Я не собираюсь стреляться, хотя мысль вообще-то недурна. Там за диваном прячется мужчина.

– Хильда!

– Я уже давно думаю, откуда эти странные звуки, словно кто-то дышит? Перси его обнаружил. Молодчага, Перси, умница. А ну вылезайте, слышите, вы?

Справедливо заключив, что обращаются ко мне, я выбрался из укрытия, и Мадлен опять пронзительно завизжала.

– Преступник франтоватый, хотя и утративший товарный вид, – оценила меня атлетическая девица, держа мой жилет под прицелом своей пушки. – Очевидно, из тех грабителей, что теперь орудуют в районе Мейфэра. Э, смотри-ка, у него твоя пропавшая фотография. И, наверно, еще немало других вещей. Я считаю, прежде всего надо, чтобы он вывернул карманы.

При мысли, что в одном из карманов у меня лежит украденное письмо Гасси, я издал сдавленный стон и покачнулся. Девица спокойно сказала, что, если я собираюсь свалиться в припадке, она не возражает, только лучше пусть я для этого выйду в сад.

Только тут наконец Мадлен Бассет, на мое счастье, опять обрела дар речи. Во время всего предыдущего обмена мнениями, если можно назвать обменом мнениями такой

разговор, когда выступает только одна сторона, Бассет стояла, прислонившись к стене, держа руку на сердце и вообще вполне неплохо изображая собой кошку, которая подавилась рыбьей костью. И вот теперь она внесла в разговор свою лепту.

– Берти! – воскликнула она.

Атлетическая девица оглянулась на нее озадаченно.

– Берти?

– Это Берти Вустер.

– Писатель писем собственной персоной? Что же он тогда тут делает? И зачем своровал твою карточку?

Мадлен ответила трепетным шепотом:

– Мне кажется, я догадываюсь.

– Значит, ты догадливее меня. Мне лично все это кажется полным идиотизмом.

– Хильда, ты не могла бы оставить нас? Я хочу поговорить с Берти... наедине.

– Идет! Двинусь в столовую. Едва ли с моим разбитым сердцем я смогу проглотить хоть кусочек, но, по крайней мере, хотя бы ложечки пересчитаю.

Атлетическая девица вышла в сопровождении белого лохматого песика и оставила нас с глазу на глаз, хотя я лично рад был бы улизнуть следом за нею. Пожалуй, я бы даже предпочел – правда, это было бы не многим лучше, но все-таки – пожалуй, я бы даже предпочел остаться с глазу на глаз с леди Дафной Винкворт.

Сначала возникла затяжная, противная пауза, как бывает, когда тебя принудили участвовать в любительском спектакле в роли «Дудля, дворецкого», ты вышел на сцену, и тут оказывается, что слова напрочь вылетели у тебя из головы. Мадлен стояла и смотрела на меня неподвижным взглядом, будто я фотограф и сейчас сделаю ее очередной высокохудожественный фотопортрет в коричневом цвете с серебристой ретушью. Когда мы так немного постояли, мне все же показалось, что самое время что-нибудь произнести. Тут важно только начать, а дальше само пойдет.

Я сказал:

– Прекрасная погода. Решил вот зайти.

Она еще больше выпучила глаза, но реплики не последовало. Я продолжил:

– Я подумал, может, вам будет интересно получить последний бюллетень о здоровье Гасси, поэтому взял и приехал на «молочном» поезде. Рад сообщить, что Гасси успешно поправляется, запястье еще плохо гнется, но отек начал спадать, и боль прошла. Шлет свои наилучшие.

Она знай себе молчит, *sotto voce* [137], как безмолвная гробница, поэтому я продолжил разговор в одиночку. Теперь, по моим понятиям, следовало вкратце остановиться на моих собственных действиях за истекший период. Ведь нельзя же просто выскочить из-за дивана, как будто так и надо. Тут требуется некоторое объяснение, изложение мотивов. Барышни это любят.

– Вы, наверное, задаетесь вопросом, – говорю я, – что я делал за этим диваном? Я спрятался там по внезапному душевному порыву. Знаете, как бывает, тебя вдруг ни с того ни с сего подмывает совершить какой-нибудь поступок. И еще вы, должно быть, удивляетесь, зачем я присвоил эту художественную фотографию? Отвечу вам: я увидел ее тут на столике и прихватил, чтобы отдать Гасси. Хочу немного поддержать и подбодрить его в ваше отсутствие. Ведь он, как вы понимаете, по вам истосковался, и мне подумалось, пусть он поставит ее на тумбочку и время от времени созерцает. У него, конечно, и так уже их навалом, этих вылитых подобий, но лишнее никогда не помешает.

По-моему, неплохо получилось, тем более сколачивалось в спешке, на ходу, так сказать, и я рассчитывал, что мне ответят улыбкой и скажут: «Да-да, конечно, отличная мысль!» Но вместо этого Бассет только медленно, скорбно покачала головой, и в глазу у нее блеснула слеза.

– О, Берти! – проговорила моя собеседница.

Я всегда затрудняюсь подыскать правильный ответ, когда мне говорят: «О, Берти!» Тетя Агата сплошь и рядом ко мне так обращается, и каждый раз я оказываюсь в полной беспомощности. Правда, у Бассет это сейчас прозвучало совсем не так, как у тети Агаты, более жалостно, чем сурово, но результат тот же самый. Я стою – и ни тпру ни ну.

– О, Берти! – повторяет она еще раз. – Вы читаете романы Розы М. Бэнкс?

Меня немного удивила такая внезапная перемена темы. Но от сердца отлегло. Разговор о современной литературе должен был, по моим понятиям, разрядить атмосферу. Литературные разговоры тем и хороши.

– Не так чтобы очень, – ответил я. – Бинго говорил, что они идут нарасхват.

– И вы не читали «Мервин Кин, клубный завсегдатай»?

– Нет, как-то не довелось. Хорошая вещь?

– Изумительная!

– Надо будет занести в мой библиотечный список.

– Вы уверены, что не читали этого романа?

– Совершенно! Я вообще, честно сказать, стараюсь от сочинений миссис Бинго держаться подальше. А что?

– Такое поразительное совпадение... Рассказать вам, что случилось с Мервином Кином?

– Давайте.

Она проглотила комок в горле. И только после этого тихим, до дрожи прочувствованным голосом стала рассказывать:

– Он был молод, богат и хорош собой, служил офицером в Колдстримском гвардейском полку, и все, кто его знал, перед ним преклонялись. Люди завидовали ему.

– Еще бы. Такой счастливчик.

– Но на самом деле завидовать ему не стоило. В его жизни была трагедия. Он любил Синтию Грэй, самую красивую девушку в Лондоне, но, когда он уже совсем собрался объявить ей о своих чувствах, оказалось, что она помолвлена с сэром Гектором Молверером, полярным исследователем.

– Отчаянный народ эти полярники. Их надо остерегаться, как коршунов. Ну, и понятно, он тогда воздержался открывать свои чувства? Решил, что лучше промолчать, так?

– Так. Он ни словом не обмолвился о своей любви. Но втайне продолжал Синтию боготворить, веселый и бодрый с виду, но снедаемый непрестанной болью изнутри. И вот однажды ночью к нему является ее брат Лайонел, повеса, попавший в дурную компанию, и признается, что совершил тяжкое преступление и ему грозит арест, если Мервин его не спасет, взяв вину на себя. И разумеется. Мервин согласился.

– Ну, и дурак! Зачем?

– Ради Синтии. Чтобы спасти ее брата от тюрьмы и бесчестия.

– Но его же тогда самого бы упекли! Это он, стало быть, из виду упустил?

– Нет. Мервин отлично понимал, что его ждет. Но он признался в преступлении и пошел в тюрьму. Когда, седой и разбитый, он вышел на волю, оказалось, что Синтия вышла за сэра Гектора, и тогда он отправился в Южные моря и стал вести жизнь бродяги. Время шло. И вот однажды Синтия и ее муж прибыли по дороге в экспедицию на тот самый остров, где он жил, и остановились в губернаторском доме. Мервин увидел ее, когда она проезжала мимо в коляске, и она была по-прежнему прекрасна, их взоры встретились, но она его, естественно, не узнала, у него была борода и лицо изменилось, так как, чтобы забыть свою любовь, он несся по жизни галопом навстречу гибели.

Я вспомнил шутку в какой-то газете, что теперь навстречу гибели незачем нестись галопом, достаточно медленно и задумчиво перейти через улицу, на которой большое движение. Но решил не рассказывать, а придержать до более благоприятного раза.

– Он узнал, что на следующее утро она уезжает, а у него не было ничего на память о ней, и он залез ночью в губернаторский дом и похитил с ее туалетного столика розу, которая в тот вечер была у нее в волосах. А Синтия застала его там и, конечно, была очень расстроена, когда узнала его.

– На этот раз она его узнала? Он, значит, бороду сбрил?

– Нет, борода у него осталась, но Синтия узнала его, когда он назвал ее по имени, и там

идет очень сильная сцена: он рассказывает ей, что любил ее всю жизнь и пробрался сюда, чтобы похитить ее розу, а она рассказывает, что ее брат умер и на смертном одре покаялся в совершении того преступления, за которое заключили в тюрьму Мервина. И тут входит сэр Гектор.

– Неплохо закручено.

– Он, конечно, подумал, что Мервин – грабитель, и выстрелил в него, и Мервин умирает с розой в руке. Звук выстрела разбудил всех в доме, вбегает губернатор и спрашивает: «Что-нибудь пропало?» А Синтия отвечает тихим, еле слышным голосом: «Только одна роза». Так закончилась жизнь Мервина Кина, клубного завсегдатая.

Мне, конечно, было трудно прямо с ходу сообразить, как правильнее по этому поводу высказаться. В конце концов я произнес «О!» и «А!», но сам чувствовал, что это еще не совсем то. Потому что я как-то слегка опешил. Я, конечно, знал, в общем и целом, что миссис Бинго сочиняет самую немыслимую белиберду на свете – даже Бинго всегда старается переменить тему, когда разговор заходит о творчестве его благоверной, – но что она способна создать такое, этого я даже и представить не мог.

Но злодейка Бассет тут же отвлекла мои мысли от литературной критики. Она снова уставилась на меня глазами-блюдцами, в которых еще заметнее прежнего дрожала светлая слеза.

– О, Берти, – едва уловил я голос, тихий и еле слышный, как у Синтии, – мне следовало давным-давно подарить вам свою карточку. Это мой промах. Но я опасалась, что она будет вам слишком болезненным и горестным напоминанием обо всем том, чего вы лишились. Теперь я вижу, что ошибалась. Это оказалось выше ваших сил. Вы должны были раздобыть ее любой ценой. Поэтому вы проникли в дом, как Мервин Кин, и выкрали мою фотографию.

– Что-о?

– Да, Берти. К чему притворство между нами? Не думайте, пожалуйста, что я сержусь. Я глубоко тронута, глубже, чем можно выразить словами, и мне очень, очень грустно. Как печальна жизнь!

Тут я был с ней вполне согласен.

– Факт, – сказал я ей.

– Вы видели мою подругу Хильду Гаджен. Вот еще одна трагедия. Счастье всей ее жизни рухнуло из-за ссоры с любимым человеком по имени Харолд Анструтер. Они играли в смешанных парах на теннисном турнире, и он – так она говорит, а я не очень хорошо разбираюсь в теннисе, – он все время захватывал игру, то есть, как я поняла, когда мяч шел на ее сторону и она собиралась ударить, перебежал через корт и бил по мячу сам, и это ее безумно злило. Она сделала ему замечание, а он повел себя крайне грубо – обозвал ее раззявой и сказал, что пусть она все предоставит ему, ну, и она немедленно по окончании игры расторгла помолвку. Теперь она несчастна, и сердце у нее разбито.

Мне, надо сказать, она не показалась такой уж несчастной. Вот и теперь, – едва Бассет договорила, как снаружи донеслось оглушительное пение, и я узнал голос атлетической подруги. Исполнялась известная песня «Ай да я, ай да я!», и впечатление было такое, словно слышишь паровой гудок. Вслед за песней ворвалась и сама исполнительница. Она так сияла, что я ничего подобного в жизни не видел. Если бы не белый лохматый песик под мышкой, я бы просто не узнал в ней недавнюю унылую деву.

– Ау, Мадлен! – возгласила она. – Ты знаешь, что я нашла на столе с завтраком? Покаянное письмо от сердечного друга, представь себе. Он безоговорочно капитулирует.

Говорит, что обозвать меня раззявой было с его стороны чистым безумием. Что он никогда себе этого не простит, но, может быть, я его прощу? И на это у меня уже готов ответ: я прощу его послезавтра, но не раньше, потому что тут нужна строгость.

– О, Хильда! Я так рада!

– Я и сама вполне довольна. Душка Харолд. Лучший из мужчин. Хотя, естественно, нуждается, чтобы ему время от времени указывали его место и учили уму-разуму. Но нечего мне болтать про Харолда. Я не за этим пришла. Там у крыльца какой-то малый в автомобиле хочет тебя видеть.

– Меня?

– Так он говорит. Фамилия – Перебрайт.

Мадлен обратилась ко мне:

– Берти, это, наверно, ваш приятель Клод Перебрайт. Что ему, интересно, надо? Пойду выясню. – Она оглянулась на подругу и, увидев, что та уже вышла обратно в сад, не иначе как затем, чтобы научить уму-разуму садовника подскочила ко мне и пожала мне руку.

– Будьте мужественны, Берти, – произнесла она тихо и высокопарно. – Настанет день, в вашу жизнь войдет другая девушка, и вы еще будете счастливы. Когда-нибудь, состарившиеся и поседевшие, мы с вами будем с улыбкой вспоминать все это... но, я думаю, пряча за улыбкой слезу.

И – шасть в сад. А я остался, и на душе у меня было кисло. Я услышал, как атлетическая барышня в саду говорит садовнику, что он может безбоязненно и дальше стоять, опираясь на лопату, – черенок не сломается. А потом она снова вошла в комнату и сразу же самым неприятно-фамильярным образом шлепнула меня с размаху по спине, сердечно присовокупив:

– Привет, Вустер, старичок!

– Привет, Гаджен, старушка! – столь же любезно отозвался я.

– А знаете, Вустер, мне ваше имя кажется знакомым. Не иначе как я слышала о вас от Харолда. Харолда Анструтера знаете?

Я-то сразу понял, о ком идет речь, как только услышал это имя от Мадлен Бассет. Жирный Анструтер был моим партнером по теннису, когда я на последнем курсе защищал честь Оксфорда в этом виде спорта. Я открылся атлетической подруге и заработал еще один шлепок по спине.

– Я так и думала. Харолд очень хорошо о вас отзывается, Вустер, старина, и вот что я вам скажу, я пользуюсь большим влиянием на Мадлен и теперь употреблю его в ваших интересах. Поговорю с ней, как мать с дочерью. Черт возьми, нельзя же допустить, чтобы она вышла за какого-то Финк-Ноттла, когда у нее в списке очередников игрок теннисной сборной! Храбритесь, Вустер, старичок. Храбритесь и наберитесь терпения. Пошли позавтракаем.

– Спасибо большое, не могу, – ответил я, хотя мне было очень невесело на пустой желудок. – Мне пора ехать.

– Ну что ж, не хотите – как хотите. А я пойду. И наемся за милую душу. Устрою себе из завтраков завтрак, чтоб запомнить на всю жизнь. Так великолепно я, кажется, себя не чувствовала с того времени, как выиграла в Роудине школьное первенство по теннису.

Я напряжился, чтобы выдержать еще один шлепок по спине, но веселая атлетка переменяла тактику и ткнула меня кулаком под ребра, окончательно вышибив из меня дух, сколько его еще оставалось после ее угрожающих речей. Потому что, представив себе, каков

будет результат, если такая мать командирша замолвит за меня слово перед Мадлен Бассет, я сразу увял на корню. Ноги мои, как принято говорить, налились свинцом, я, с трудом передвигая их вышел через стеклянную дверь в сад и поплелся на шоссе рассчитывая перехватить Китекэта, когда он будет ехать обратно, и разузнать у него, чем закончились здесь его переговоры.

Однако, как и следовало ожидать, Китекэт пронесся мимо на такой скорости, что привлечь его внимание к моей особе на обочине не представлялось возможным. Он исчез за горизонтом, точно гонщик на Бруклендском ипподроме, а я остался стоять на дороге.

Понурый, охваченный черными предчувствиями, я побрел на станцию, чтобы позавтракать там чем Бог послал и уехать на поезде обратно в Кингс-Деверил.

Ребята, которые командуют на железных дорогах, нельзя сказать, чтобы заботились о человеке, едущем из Уимблдона в Кингс-Деверил, – наверно, они считали, по доброте душевной, что в это обиталище головорезов и вурдалаков человеку ездить вообще незачем. Доезжаешь, с двумя пересадками, до Бейсингстока, там пересаживаешься опять и едешь по железнодорожной ветке, но чем ехать по ветке, быстрее дойти пешком.

Первым, кого я увидел, когда на неразгибающихся ногах вышел наконец на перрон в пункте назначения, чувствуя себя так, будто сызмальства был приклеен к вагонному сиденью, и удивляясь, что не пустил по стенке цепких побегов, как дикий виноград, – первым, кого я увидел, был мой двоюродный брат Томас. Он покупал в киоске кинозвездный журнал.

– А, здорово, – сказал я ему. – Так ты все-таки здесь?

Он холодно покосился на меня и издал только одно восклицание «Фу ты!», которым он в последнее время положительно злоупотребляет. Юный Тос – мальчик крепкий, закаленный, своего рода Джеймс Кэгни в отрочестве с небольшой примесью Эдварда Дж. Робинсона. Волосы у него рыжие, выражение лица наглое, манера держаться надменная. Казалось бы, если твоя мамаша – тетя Агата, в чем отпираться бесполезно, по-моему, постыдись людей, сиди и не высывайся. Как бы не так. Тос расхаживает с таким видом, будто он тут всему хозяин, и разговаривает с двоюродным братом довольно бестактно и чуть ли не переходя на личности.

Вот и сейчас он сразу же перешел на личности и коснулся моего внешнего вида, в данный момент, надо признать, далеко не элегантного. От ночных поездок в «молочном» поезде с человека, естественно, сходит лоск, а посидишь под кустом в тесном общении с сороконожками – и потеряешь всякую молодцеватость.

– Фу ты! – сказал мой юный кузен. – Тебя, что ли, кошка с помойки притащила?

Понимаете теперь? Тон совершенно неправильный. Но я был не настроен пускаться в перепалку, поэтому только дал ему щелбана и мрачно прошел дальше. Вышел на привокзальную площадь, и вдруг меня кто-то окликает. Смотрю – Тараторка в автомобиле.

– Привет, Берти, – говорит она. – Откуда ты, месяц мой ясный? – Она огляделась вокруг с настороженным, заговорщическим видом, как будто играла подлую предательницу в шпионской кинокартине. – А ты заметил на перроне?..

– Заметил.

– Дживс доставил его вчера вечером, согласно телеграфной накладной. Дядя Сидней сначала был ошарашен и едва не произнес слова, которые вычеркнул из своего лексикона, когда принял духовный сан. Но все обошлось отличным образом. Дядя очень любит играть в шахматы, а Томас, оказывается, признанный чемпион своей школы, у него голова набита всякими гамбитами, эндшпилями и прочими штуками, так что они прекрасно поладили. Я его полюбила всем сердцем. Какой это добрый, симпатичный мальчик, Берти!

Я захлопал глазами.

– Ты про моего кузена Томаса?

– Он такой преданный друг! Когда я ему рассказала, как злодей Доббс арестовал Сэма Голдуина, он был просто вне себя от справедливого негодования. Он собирается оглушить его.

– Что, что он собирается сделать?

– Это из детективов. Там люди оглушивают друг друга такими короткими, но сподручными резиновыми штуковинами.

– Но у него же нет такой короткой, но сподручной резиновой штуковины.

– Именно что есть. Он купил ее в Лондоне в универмаге пока гостил у тебя. Поначалу она была предназначена для одного противного мальчишки в школе, которого зовут Мурло, но теперь будет использована против Доббса.

– О Господи!

– Доббсу только на пользу пойдет, если его хорошенько оглушить. Очень может быть, что он после этого начнет новую жизнь. У меня такое чувство, что вообще намечается поворот к лучшему и скоро начнется эра всеобщего счастья. Возьми, например, Китекэта, если тебе нужен наглядный образец. Видел его?

– Только издали, – ответил я рассеянно, так как мысли мои были целиком заняты юным Тосом и его военными приготовлениями. Человеку, у которого нервная система и так вдрызг измочалена, только того и не хватает, чтобы его родной двоюродный брат избивал полицейских резиновой дубинкой. – А что Китекэт?

– Я его только что встретила – чирикает, как весенний воробышек. Вчера он получил записку от Гертруды, она пишет, что, как только ей удастся улизнуть из-под материнского ока, она согласна бежать с ним и стать его женой. Его чаша радости полна до краев.

– Рад, что хоть у кого-то есть чаша радости.

Мое мрачное замечание заставило Тараторку устремить на меня пронизательный взгляд, и глаза у нее слегка полезли на лоб при виде жалкого состояния моей наружной оболочки.

– Берти! Солнышко! – воскликнула она, заметно потрясенная. – У тебя вид, как будто...

– Как будто меня кошка с помойки притащила?

– Я хотела сказать, как будто тебя откопали в гробнице Тутанхамона, но и твое сравнение тоже подойдет. Что с тобой случилось?

Я устало коснулся ладонью лба.

– Таратора, – говорю, – я побывал в аду.

– А я думала, ад – единственный пункт, куда не приходится заезжать, чтобы попасть по железной дороге в Кингс-Деверил. Ну, как там все?

– Я должен тебе поведать страшную историю.

– Тебя что, кто-то оглушил?

– Я приехал из Уимблдона.

– Из Уимблдона? Но Уимблдоном занимался Китекэт. Он мне все про это рассказал.

– Все про это он тебе не рассказал, потому что всего он как раз не знает. Если тебе известно только то, что можно почерпнуть из мемуаров Китекэта, значит, ты далеко, за миллион миль, не в курсе дела. Он только царапнул Уимблдон по поверхности, тогда как я... Хочешь услышать кошмарные подробности?

Тараторка сказала, что с удовольствием, и я изложил ей, и она, в кои-то веки, выслушала все, с начала до конца, не перебивая, что было приятным отклонением от ее обычного тактического приема «глухая змея». Оказалось, что она неплохо умеет слушать. Всплеснула руками, узнав про письмо Гасси, к месту охнула, когда я описывал встречу с атлеткой Гаджен и жуткую историю с художественным фотопортретом. И белый лохматый песик тоже на своем месте произвел впечатление.

– Вот это да! – проговорила Тараторка, когда рассказ подошел к финалу. – Ты живешь полной жизнью, Верти.

Я ответил, что да, живу, но при данных обстоятельствах сомнительно, чтобы стоило продолжать в том же духе дальше. Так и подмывает произнести: «Смерть, где твое жало?» – и отдать концы.

– Единственное утешение, – заключил я, – что получена небольшая отсрочка, если я правильно употребил этот юридический термин. Хотя и это только при условии, если Китекэту удалось отговорить Бассет от задуманной поездки, что совершенно не факт, может быть, она явится сюда уже следующим поездом.

– Не явится. Он ее сбил со следа.

– Ты это знаешь от него самого?

– Слышала из его личных уст.

Я перевел дух. Подкладка черной тучи заметно посветлела. Мне даже показалось, что ситуацию наиболее полно можно выразить словом «аллилуйя», о чем я и оповестил Таратору.

Но у нее на лице, как я с беспокойством заметил, выразилось некоторое сомнение.

– Д-да, «аллилуйя» тут, пожалуй, подходит... но только отчасти. Я хочу сказать, сюда она не приедет, на этот счет ты можешь быть спокоен. Но, если вспомнить рассказ про Мервина Кина, клубного завсегдатая, и про художественный фотопортрет, наверно, все-таки жаль, что Китекэт не воспользовался каким-нибудь другим средством, чтобы сбить ее со следа. Мне так кажется.

У меня замерло сердце. Я ухватился за автомобильную дверцу, чтобы не упасть, и задал наводящий вопрос.

– Самое главное, надо помнить, учитывать и иметь в виду, что он хотел как лучше, – продолжала Таратора.

Сердце мое и вовсе остановилось. Прогуливаясь по Лондону, вы наверняка встречали согбенных, истерзанных, измороженных пешеходов, словно бы раздавленных лопастями какого-то мощного агрегата. Это – те, кто подвернулся под руку Китекэту, когда он хотел как лучше.

– А сказал он мисс Бассет следующее. Что якобы, услышав о ее предполагаемом приезде в «Деверил-Холл», ты разнервничался и впал в тоску, и ему, в конце концов, с большим трудом удалось вытянуть у тебя признание: оказывается, тебе, любящему ее страстно и безнадежно, мучительна перспектива видеть ее день за днем в обществе Гасси.

Тут мое замершее сердце сделало рывок и попыталось выскочить сквозь зубы наружу.

– Так он ей и сказал? – пролепетал я, весь трепеща, словно ромашка на ветру.

– Да, и умолял ее не приезжать и не подвергать тебя мучениям. По его словам, у него это получилось очень здорово, жаль, что ни один театральный агент не присутствовал, и, должно быть, он и правда был в ударе, потому что мисс Бассет пролила ведро слез и сказала, что, конечно, конечно, она понимает и визит свой отложит, прибавив вполголоса кое-что про мотылька, стремящегося к звезде, и про то, как печальна жизнь. Ты что-то сказал?

Не сказал, а просто издал сдавленный стон, объяснил я ей, и она согласилась, что в данных обстоятельствах сдавленный стон напрашивается сам собой.

– Но ты ведь понимаешь, ему было трудно, бедненькому, придумать с ходу способ, как помешать ее приезду, – заступилась она, однако, за брата. – А помешать ее приезду было главнее всего.

– Это верно.

– Так что я бы на твоём месте сосредоточила внимание на светлой стороне. Цени, что есть хорошего.

Этот призыв, будучи обращен к Бертраму Вустеру, как правило, не остается неслышанным. Общее онемение чувств, произведенное ее рассказом, не то чтобы меня отпустило, но все же немного ослабло. Я понял, что она по-своему права.

– В твоих словах что-то есть, – признал я, восходя по своему трупу к высшим материям, что, как я уже говорил, вообще мне свойственно. – Главнее всего, ты верно заметила, было не дать Бассет появиться здесь, а каким способом удалось этого достичь, не так уж и важно. И потом, она и так была убеждена в моей неколебимой любви, Китекэт мало что прибавил к моему безвыходному положению если уж на то пошло.

– Вот умничка! Это я понимаю, храбрый разговор!

– Мы получили отсрочку, и теперь все зависит от того, насколько быстро ты сможешь отшить Гасси. Как только он опомнится, все станет на свои места. Освободившись от твоих роковых чар, он автоматически обратится к старой любви, поймет, что разумнее будет податься туда, где тебя ценят. Когда, по-твоему, можно этого ожидать?

– Очень скоро.

– А почему не прямо сейчас?

– Понимаешь, Берти, я тебе все объясню. Мне нужно, чтобы он сначала сделал для меня одно дело.

– Какое еще дело?

– А вот и Томас наконец! По-моему, он скупил все журналы о кинозвездах. Пусть читает во время концерта, это будет самое разумное с его стороны. Ты помнишь, что сегодня вечером концерт? Смотри не забудь. И когда увидишь Дживса, узнай у него, все ли в порядке с группой поддержки Эсмонда. Полежай в машину, Томас.

Тос полез в машину, опять бросив на меня надменный взор, уселся, высунул руку, положил мне на ладонь пенни и сказал: «Вот тебе, бедный человек», – да еще пожелал мне не пропить подаяние.

В другое время эта непристойная грубость разбудила бы в Бертраме Вустере спящего зверя, и этот малолетний сосуд скверны получил бы от меня еще одного щелбана, но сейчас мне было не до Тосов. Я подозрительно смотрел на Тараторку.

– Что за дело? – спросил я еще раз.

– Ничего интересного, – отмахнулась она. – Так, кое-какая мелочь.

И укатила, оставив меня в когтях смутной тревоги. Я потопал к «Деверил-Холлу», теряясь в догадках, что подразумевалось под ее выражением «кое-какая мелочь», заворачиваю за угол – и вижу в отдалении нечто крупное и в норфолкской охотничьей куртке. Я узнал Эсмонда Хаддока.

Поскольку по распоряжению «пуганой вороны» леди Дафны Винкворт в «Деверил-Холле» больше не выставляли после обеда портвейн и вся компания, без разделения полов, одновременно отчаливала из столовой, закончив прием пищи, я не беседовал с Эсмондом Хаддоком один на один со дня, вернее – вечера моего приезда. Встречал его, конечно, то тут, то там, но всегда в сопровождении пары теток или кузины Гертруды, и в обоих случаях выражение лица у него было байроническое. (Я справился у Дживса, слово верное, означает: как у покойного лорда Байрона, который имел унылый характер и все принимал близко к сердцу.)

Мы сошлись, он – с северо-северо-востока, я – с юго-юго-запада, и он поздоровался, болезненно дернув щекой, словно хотел было улыбнуться, но раздумал и сказал себе: «Да ну их, еще улыбаться...»

– Привет, – сказал он.

– Привет, – сказал я.

– Хорошая погода, – сказал он.

– Да, – сказал я. – Гуляете?

– Да, – отвечает. – И вы тоже гуляете?

Благоразумие заставило меня опуститься до лжи.

– Да, – говорю. – Я тоже гуляю. Только что повстречал мисс Перебрайт.

При звуках этого имени его передернуло, как будто разбередили старую рану.

– О? – сказал он. – Мисс Перебрайт? – И два раза сглотнул. Я видел, что на губах у него рождается вопрос, но, должно быть, неприятный до тошноты, потому что он выговорил только: – А был... – и снова сглотнул. И еще, и еще.

Я уже готов был перейти к обсуждению ситуации на Балканах, когда он наконец все-таки выдал из себя:

– А был с ней... Вустер?

– Нет, она шла одна.

– Это точно?

– Абсолютно.

– Он, возможно, затаился где-нибудь поблизости. За деревом?

– Дело было на вокзальной площади.

– Может быть, спрятался за дверью?

– Да нет же!

– Странно. Ее сейчас без Вустера нигде невозможно застать, – сказал он, слегка скрипнув зубами.

Я сделал попытку немного умерить его муки, достигшие, похоже, значительной остроты. Было очевидно, что усилия Гасси не пропали даром и так называемое «зеленоглазое чудовище» изрядно потрепало Эсмонду нервы.

– Мы ведь – они то есть – старые друзья, – сказал я.

– Вот как?

– Да. Знакомы с детства. Занимались в одном танцклассе.

Я сразу же пожалел, что обмолвился о танцах, потому что он взвился, словно чья-то невидимая рука наступила ему на невидимую мозоль. Не то чтобы он помрачнел, он и так

был мрачнее тучи, но как-то совсем скис, вроде лорда Байрона, прочитавшего разгромную рецензию на свой последний сборничек стихотворений. И ничего удивительного. Человеку влюбленному и встревоженному предприимчивостью соперника не так-то приятно представлять себе объект своего обожания вальсирующим в объятиях этого соперника, да еще, быть может, во время перерыва по-дружески делящим на двоих стакан молока с печеньем.

– Да? – отозвался он и испустил свистящий вздох, как выдохшийся сифон с содовой водой. – В одном танцклассе, вы говорите? В одном танцклассе?

После чего погрузился в хмурое молчание. Когда же он вновь заговорил, в голосе у него прослушивалось хриплое урчание грома:

– Расскажите мне, Гасси, что за тип этот Вустер? Он ведь ваш приятель?

– Ну да.

– Давно с ним знаете?

– В школе вместе учились.

– Отвратительный, наверно, был мальчишка? В школе его, конечно, терпеть не могли?

– Я бы не сказал.

– Значит, это с возрастом у него проявилось. Потому что он вырос самым подлым ползучим гадом из всех ползучих гадов, каких я, себе на горе, в жизни встречал.

– Вы называете его ползучим гадом?

– Именно так, и готов повторить это столько раз, сколько вам будет угодно.

– Он вовсе не так уж и плох.

– Возможно – на ваш взгляд. Но не на мой и не на взгляд, я думаю, подавляющего большинства порядочных людей. Такими, как Вустер, заполнен ад. Что она в нем нашла, черт побери?

– Не знаю.

– И никто не знает. Я подверг его самому пристальному и объективному рассмотрению и пришел к выводу, что он совершенно лишен какого-либо обаяния. Вам случалось переворачивать большой плоский камень?

– Изредка.

– Видели, кто из-под него выползает? Разные омерзительные твари, которые похожи на него, как родные братья. Если бы вы, Гасси, положили под микроскоп кусочек овечьего сыра горгонзола и предложили бы мне взглянуть, первое, что я бы воскликнул, настроив окуляр, было бы: «Смотрите-ка, Вустер!»

Он помолчал, байронически насупив брови. А потом продолжил:

– Мне известно, что вы на это возразите, Гасси. Вы скажете, что ведь не его вина, если он похож на слегка увеличенного сырного червя. И это правда. Надо быть справедливым. Но ведь он наводит ужас на добрых людей не только своей отвратительной наружностью. Он представляет угрозу для общества.

– Ну, это вы уж слишком.

– Что значит – слишком? Вы слышали, что про него рассказывала тетя Дафна за столом в тот вечер, когда вы приехали? Этот ужасный Вустер все время ворует полицейские каски.

– Не все время. А один раз, по случаю праздника Гребных гонок.

Он опять насупился.

– Мне не нравится, что вы так упорно за него заступаетесь, Гасси. Наверно, хотите быть беспристрастным? Имейте в виду, беспристрастность – опасная вещь! Она граничит с

моральной близорукостью. Все факты подтверждаются документально. Каждую свободную минуту Вустер отправляется рыскать по лондонским улицам, гоняется за бедными полицейскими, нападает на них, превращает их жизнь в ад. Вот что за человек Вустер!

Высказавшись, он ненадолго задумался. Потом по его физиономии опять пробежала легкая судорога, которая в последнее время худо-бедно заменяла ему улыбку.

– Скажу вам одну вещь, Гасси. Я от души надеюсь, что нечто в этом роде он предпримет и здесь у нас. Мы уже приготовились встретить его во всеоружии.

– Во всеоружии?

– Да. Теперь дело за ним. Знаете Доббса?

– Который страж порядка?

– Да, наш деревенский полисмен. Отличный малый и неумолим в исполнении долга.

– Лично не знаком. Говорят, у него помолвка расстроилась.

– Тем лучше. Значит, у него в сердце не осталось места для жалости и благодушия. Я все рассказал Доббсу о Вустере и велел быть настороже. Так что он теперь бдит. И рвется в бой. Пусть только Вустер протянет палец к Доббсовой каске, и он немедленно будет жестоко наказан. Вам Гасси, на первый взгляд, наверно, в это трудно поверить, но я – здешний мировой судья. Заседаю в нашем местном суде и умею поставить на место преступные классы, когда они забываются. От души надеюсь, что Вустер не удержится и выкажет свою криминальную сущность, тогда Доббс навалится на него, как леопард, и доставит ко мне на суд, а я вынесу ему приговор: тридцать суток без замены штрафом, невзирая на пол и возраст!

Мне такая решимость пришлась не по душе.

– Вы этого не сделаете, Эсмонд!

– Сделаю. Руки чешутся. Пусть только Вустер сойдет с прямой дорожки хоть на один дюйм, и можете попроситься с ним на тридцать суток. Ну, ладно, Гасси, я пошел. На ходу как-то легче, я в этом убедился.

Он скрылся за горизонтом в юго-восточном секторе. А я остался стоять с разинутым ртом. Меня томило предчувствие неотвратимой опасности. «О, если бы Дживс был здесь!» – сказал я себе. И представьте, оказалось, что он здесь. Я уже на протяжении некоторого времени безотчетно ощущал, что сбоку от меня стоит некто и говорит: «Доброе утро, сэр». Поворачиваюсь, а это Дживс, загорелый и поздоровевший после поездки на побережье в Брамли-он-Си, которая явно пошла ему на пользу.

– Доброе утро, сэр, – были его слова. – Вы мне позволите сделать одно замечание?

– Разумеется, Дживс. Приступайте. Можете сделать несколько.

– Я по поводу вашего вида, сэр. Прошу меня простить за такую вольность, но...

– Говорите, не стесняйтесь. Вы ведь хотели сказать, что у меня вид – как будто меня кошка притащила из гробницы Тутанхамона, верно?

– Ну, так далеко я бы все-таки не зашел в своем сравнении, но, безусловно, мне доводилось видеть вас более *soigne* [[138](#)].

Мелькнула у меня мысль тоже что-нибудь скаламбурить на французском, но настроение было слишком паршивое, не до шуток.

– Если позволите, сэр, я заберу костюм, который на вас сейчас, и займусь им вплотную.

– Спасибо, Дживс.

– Пройдусь губкой и отутюжу.

– Да, спасибо, Дживс.

– Очень хорошо, сэр. Чудесный день, не правда ли, сэр?

– Да, спасибо, Дживс.

Он вздернул одну бровь.

– Вы как будто расстроены, сэр?

– Да, Дживс, я расстроен. Так расстроен, что сил моих нет. Потому что причин для расстройства у меня с избытком.

– Но как же так, сэр? Ведь дела складываются самым благоприятным образом. Я доставил мистера Томаса в дом священника. И, как мне известно от дяди Чарли, ее сиятельство ваша тетя Агата уже отложила свое прибытие в «Деверил-Холл».

– Верно. Но все эти вещи – не главное. Конечно, они образуют некоторую серебряную подкладку, не спорю, но взгляните на собирающиеся тучи. Во-первых и в самых основных, это опять он.

– Сэр?

Я понял, что он ничего не понял, и постарался взять себя в руки.

– Простите, что говорю загадками, Дживс, – сказал я внятно. – Я имел в виду, что опять Гасси грозит бедой.

– В самом деле, сэр? Каким же образом?

– Сейчас объясню. Из-за чего произошла вся эта заварушка, помните?

– Из-за того обстоятельства, что мистер Финк-Ноттл оказался в тюремном заключении, сэр.

– Вот именно. А теперь можно без опаски биться об заклад, что он окажется там опять.

– В самом деле, сэр?

– Ну что вы, в самом деле, все время «в самом деле» да «в самом деле»? Да, тень каталажки опять нависла над Огастусом Финк-Ноттлом. Правоохранительные органы уже поигрывают мускулами, готовясь к прыжку. Один неверный шаг – а он их сделает шгук двадцать в первую же минуту – и прости прощай, Гасси, на тридцать суток в застенке. Что из этого проистечет, мы с вами знаем отлично.

– О да, сэр.

– Так уже лучше. Разнообразнее. А то все «в самом деле, сэр» да «в самом деле, сэр».

Да, так вот. Что из этого произойдет, известно, и страх берет подумывать, м-м?

– Совершенно точно, сэ.

Я заставил себя не давать воли воображению и сохранить спокойствие. Спокойствие, конечно, ледяное, замороженное для сохранности, оно не идет в сравнение со спокойствием в свежем виде, но, с другой стороны, лучше, чем никакого спокойствия вообще. Я сказал:

– Может быть, конечно, Дживс, я и заблуждаюсь и этот старый арестант вовсе не намерен возвращаться к уголовной жизни. Может быть, но вряд ли. Вот вам факты. Только что я встретил на вокзальной площади мисс Перебрайт. Между нами, естественно, завязался разговор, и в ходе него зашла речь про Гасси. Поговорили мы о нем минуточку-другую, как вдруг она отпустила замечание, от которого душа моя наполнилась невыразимым страхом. Ей-де нужно, чтобы Гасси сделал для нее одно дело. Я спросил, что за дело. А она отвечает: «Ничего интересного, так, кое-какая мелочь». Уклончиво отвечает. Или правильнее было бы сказать «лицеприятно»?

– Можно и так и эдак, по вашему усмотрению, сэ.

– Отвечает, как человек, который что-то затеял и сам это сознает. «Эге-гей, – сказал я себе. – Алло, алло, алло!»

– Прошу извинения, что перебиваю, сэ, но я рад сообщить: группа поддержки мистера Эсмонда Хаддока организована, мои усилия в этом направлении увенчались значительным успехом. Стоячие места за скамейками в зале будут заполнены его поклонниками и доброжелателями.

Я нахмурился.

– Прекрасная новость, Дживс, но не понимаю, какое отношение она имеет к тому, о чем только что шла речь?

– Никакого, сэ. Прошу меня простить. Это ваши слова: «Алло, алло, алло!» – привели мне на ум мистера Хаддока. Так вы говорили, сэ?..

– А что я, собственно, говорил? Не помню.

– Вы упомянули уклончивый, или лицеприятный, ответ мисс Перебрайт.

– А, ну да. Он наводил на мысль, что она что-то затевает. И меня как по лбу шарахнула такая мысль: если Тараторка что-то затевает, то, сто шансов против восьми, ее затея будет носить характер мести полицейскому Доббсу. Я прав или не прав, Дживс?

– Это, безусловно, вполне правдоподобное предположение, сэ.

– Я знаю Таратору. Ее психология для меня – открытая книга. Еще в те давние дни, когда она бегала в комбинезончике и без переднего зуба, она отличалась горячим, порывистым нравом, непримиримым ко всякому «нахальству». А последний поступок ревностного полисмена, арест собаки, она, конечно, сочтет «нахальством». Если раньше у нее были с Доббсом расхождения по богословским вопросам, то теперь она и вовсе жаждет его крови. Несчастное животное томится в темнице, скованное кандалами по рукам и ногам, – да девушка с ее темпераментом нипочем не оставит этого дела так.

– Разумеется, сэ.

– Вот именно, что «разумеется, сэ». Мы должны смотреть правде в глаза, как она ни ужасна. Тараторка, безусловно, задумала какую-то акцию против полицейского Доббса, какую именно, мы не знаем, но ясно, что Гасси, которого во что бы то ни стало необходимо оградить от новых конфликтов с законом, готов стать орудием в ее руках и осуществить ее зловещие планы. И вот что еще я вам расскажу, и можете вернуть свое «В самом деле, сэ?». Я сейчас разговаривал с Эсмондом Хаддоком, он, оказывается, здесь мировой судья.

Ему принадлежит в Кингс-Девериле право казнить, карать и миловать. Так что для него присудить человека к тридцати суткам без права выкупа – что глазом моргнуть. Мало того, он ужасно невзлюбил Гасси и признался мне совершенно открыто, что мечта его жизни – увидеть, как на нем защелкнут наручники. Что вы теперь запоете, Дживс?

Он разинул было рот, но я поднял руку и остановил его.

– Знаю, что вы хотите сказать, и вполне с вами согласен. Сам по себе, послушный лишь велению своей совести, Гасси совершенно не способен ни на какие правонарушения и хулиганства, за которые всякий мировой судья рад отвесить показательный приговор для острастки другим. Что верно, то верно. С юных лет Гасси придерживается правил, усвоенных, я думаю, с молоком матери: подальше обходить стезю порока и избегать опрометчивых поступков, которые приводят менее дисциплинированную публику в очередь на тридцатисуточную посадку. Но, как мы знаем, Гасси поддается влиянию. Например, тогда, на Трафальгарской площади, на него повлиял Китекэт, пригрозив съездить бутылкой по башке. И Таратора, судя по всему, тоже способна на него повлиять. А уж когда Кора Таратора возьмется влиять на кого-то, она до чего угодно может повлиять, мне это известно по собственному опыту.

– Вы полагаете, что мистер Финк-Ноттл прислушается к предложениям молодой леди?

– Ее слово для Гасси – закон. Он будет как воск в ее руках. Говорю вам, Дживс, ситуация удручающая. Вы никогда не сидели привязанный по рукам и по ногам к стулу перед пороховой бочкой, на которой догорает огарок свечи?

– Нет, сэр, такого со мной не случилось.

– У меня сейчас именно такое состояние. Сижу, сжав зубы, и жду, когда рванет.

– Не стоит ли мне побеседовать с мистером Финк-Ноттлом о нежелательности скоропалительных действий?

– Это было бы лучше всего. Может, он вас послушается.

– Непременно так и поступлю при первой же возможности, сэр.

– Благодарю вас, Дживс. Неприятная история, а?

– Весьма, сэр.

– Не припомню, чтобы я попадал в историю неприятнее. Куда ни подашься, все не слава Богу.

– За исключением, быть может, мистера Перебрайта, сэр.

– Ах да. У Китекэта дела пошли в гору. Я слышал об его успехах. Говорят, он теперь носит шапку исключительно набекрень?

– Она свисала у него с уха, когда я последний раз его видел, сэр.

– Ну что ж, это уже кое-что. Все-таки немножко греет душу, – признал я, ибо мы, Вустеры, даже среди своих тягостных забот находим время порадоваться удаче друга. – Безусловно, счастливый конец Китекэтовых дел можно считать лучом света. Да еще, вы говорите, деревенские головорезы готовы поддержать мистера Хаддока на сегодняшнем концерте?

– В больших количествах, сэр.

– Итого два луча света, черт подери! А если вам удастся отговорить Гасси от глупостей, получится уже три. Неплохо. Ладно, Дживс, ступайте и возьмитесь за него, может, что и выйдет. Думаю, вы найдете его в доме священника.

– Очень хорошо, сэр.

– Да, и вот еще что, самое важное. Будете в доме священника, найдите юного Тоса и

отберите у него тупое орудие в виде короткой палицы, налитой свинцом, он ее недавно раздобыл. Это разновидность полицейской дубинки, а вы не хуже моего знаете, как нежелательно, чтобы подобный предмет находился во владении юного Тоса. Перелистайте хоть всю телефонную книгу от А до Z, вы не найдете никого, кому было бы так же опасно доверить эту штуковину, как ему. Вы меня поймете, когда я скажу, что он открыто провозгласил намерение оглоушить ею полицейского Доббса. Так что вырвите эту свинчатку из его когтей во что бы то ни стало. Я не успокоюсь, пока не буду знать, что она уже у вас.

– Очень хорошо, сэр. Я этим займусь, – ответил Дживс, и мы расстались, обменявшись обычными любезностями, он отправился в дом викария, чтобы совершить очередное доброе деяние, а я потопал дальше в противоположном направлении.

Не протопал я и двухсот шагов, как вдруг из приятной задумчивости меня вывело зрелище, от которого кровь застыла в жилах и глаза, точно два небесных тела, покинули свои орбиты. Я увидел, как Гасси выходит из ворот живописного деревенского домика за зеленым палисадничком.

Кингс-Деверил – такая деревня, где живописных домиков пруд пруди, но этот живописный домик отличала от прочих вывеска над дверью в виде королевского герба и надписи: «Полицейский участок». И, не оставляя сомнений в подлинности этой надписи, Гасси Финк-Ноттла – не то чтобы буквально держа одной рукой за шиворот, а другой за сиденье штанов, но почти что так, в силу чего случайный прохожий, естественно, счел бы себя свидетелем ареста, – вел крепкий детина в синей униформе и каске, который не мог быть никем иным, кроме как полицейским Эрнестом Доббсом, собственной персоной.

Так я впервые удостоился чести увидеть своими глазами прославленного стража закона, о котором был слышан и на которого даже в менее отчаянных обстоятельствах все равно бы остановился поглазеть, – уж очень у него, как у Силверсмита, была внушительная наружность, она привлекала внимание и в какой-то степени леденила душу.

Бессонный хранитель общественного спокойствия в деревне Кингс-Деверил принадлежал к разряду полицейских, скроенных прямолинейно и сшитых узловато. Как будто природа, взявшись его сколачивать, сказала себе: «Не поспею». И не поспешила, разве что чуть недодала ему роста. Если не ошибаюсь, чтобы поступить на службу в полицию, требуется рост не ниже пяти футов девяти дюймов без башмаков, а Эрнест Доббс, на мой взгляд, мог бы, пожалуй пролезть под планкой, но этот небольшой перпендикулярный недобор только придавал его фигуре как бы дополнительную ширину и прочность. Такой человек, стоит ему захотеть, запросто мог бы заменить деревенского кузнеца, – с первого взгляда было видно, что его мускулистые ручищи прочны, как железные прутья. А теперь еще, увеличивая сходство, у него на лбу блестели капли трудового пота. Похоже, он только что пережил серьезное душевное потрясение – глаза горят, усы топорчатся, нос ходит туда-сюда.

– Грр! – промолвил он и сплюнул, ничего не прибавив. Сразу видно, человек немногословен и плюется мастерски.

Гасси, очутившись на открытом пространстве, робко улыбнулся. Он тоже, по-видимому, был охвачен душевным волнением. То же самое и я. Итого – взволнованных трое.

– Всего доброго, констебль, – сказал Гасси.

– Мое почтение, сэр, – кратко ответил тот, возвратился в здание и захлопнул за собой дверь. Я в тот же миг подскочил к Гасси.

– Что все это значит? – спрашиваю я дрожащим голосом.

Но тут дверь снова распахивается, появляется Доббс. Он держит в руках совковую лопату, а в лопате – что-то похожее на живых лягушек. Я пригляделся: действительно, лягушки. Доббс размахнулся лопатой, и бессловесные братья наши взлетели в воздух, словно горсть конфетти, попадали на траву и разбрелись по своим делам. Полицейский постоял секунду, уничтожающе глядя на Гасси, еще раз сплюнул все с той же силой и меткостью и ушел, а Гасси снял шляпу и вытер лоб.

– Уйдем отсюда, – попросил он, и только когда мы отделились от участка на добрых четверть мили, к нему вернулось некое подобие душевного равновесия. Он снял очки, протер стекла, снова водрузил на нос, и видно было, что ему полегчало. Дыхание стало ровнее.

– Это был полицейский Доббс, – пояснил он.

– Я так и догадался.

– По мундиру?

– Д-да. И по каске.

– Понятно, – сказал Гасси. – М-да. Понятно, понятно. М-да. Понятно. М-да.

Создавалось впечатление, что он будет продолжать в том же духе до бесконечности, однако, повторив еще шесть раз «понятно» и семь раз «м-да», он все же сумел остановиться.

– Берти, – обратился он ко мне, – тебе ведь много раз случалось попадать в лапы полиции, верно?

– Не много раз, а всего один.

– Это жуть как неприятно, ты согласен? Вся жизнь встает перед глазами. Эх, выпил бы я сейчас, ей-богу... апельсинового соку!

Я переждал, пока пройдет тошнота, а когда почувствовал себя лучше, спросил:

– А что случилось-то?

– В каком смысле?

– Что ты делал?

– Кто, я?

– Ну да, ты.

– Да просто разбрасывал лягушек, – ответил он и пожал плечами, словно речь шла о самом обычном для английского джентльмена деле.

У меня глаза полезли на лоб.

– Что, что?

– Лягушек разбрасывал. В спальне у полицейского Доббса. Идея викария.

– Викария?

– Ну, то есть он своей проповедью подсказал ее Тараторе, ненароком. Она, бедная девочка, все время размышляла о том, как дурно поступил Доббс по отношению к ее собаке, а викарий вчера как раз говорил про фараона и казни египетские, которые фараон на себя навлек за то, что не отпускал сынов Израиля. Ты, может быть, помнишь тот случай? Слова викария натолкнули Таратору на интересную мысль. Ей пришло в голову, что казнь лягушками может подействовать на Доббса и он отпустит Сэма Голдуина из плена. Ну, и она попросила меня заглянуть к Доббсу, устроить это дело. Сказала, что ей это будет приятно, а Доббсу полезно и отнимет у меня всего несколько минут. Вообще-то Таратора считала, что казнь вшами была бы еще действеннее, но она девушка трезвомыслящая и практичная, понимает, что вшей не напасешься, а лягушек сколько угодно под каждой изгородью.

Все мыши, сколько их было у меня в желудке, проснулись и закопошились со страшной силой. Но я сделал над собой титаническое усилие и не взвыл, как погубленная душа. Просто не верилось, что этот сверхолух царя небесного за столько лет жизни ни разу не угодил в психушку.

Казалось бы, какое-нибудь из этих учреждений, с их разветвленной охотой за талантами, давно бы должно было его сцапать.

– Расскажи все толком. Он застал тебя на месте?

– К счастью, нет. Оpozдал на полминуты. Я высмотрел, когда в его доме никого не будет, вошел и выпустил лягушек.

– А он оказался где-то поблизости?

– Ну да. Он был в таком сарайчике у задней двери, должно быть, пересаживал герани или еще что-нибудь, когда вошел, у него руки были все в земле. Он, видно, и пришел руки мыть. Неловкий был момент, непонятно, с чего начать разговор. Наконец я сказал: «А, привет, привет! Вот и вы». А он стоит и молча смотрит на лягушек. Потом спросил: «Это что такое?!» Они, понимаешь ли, распрыгались немного. Лягушки ведь, знаешь, прыгают.

– Кто куда?

– Совершенно верно. Кто куда. Ну, я не растерялся и говорю: «О чем это вы, констебль?» Он мне: «О лягушках вот об этих». А я ему: «Ах да, тут, я вижу, имеется некоторое количество лягушек. Вы – любитель лягушек?» Тут он спросил, моих ли это рук дело. А я ему в ответ: «В каком смысле моих рук, констебль?» Он говорит: «Это вы их сюда

принесли?» И я, должен признаться, сознательно его дезинформировал. Я ответил, что нет. Конечно, мне была очень не по душе эта умышленная ложь, но я все-таки думаю, что в некоторых ситуациях...

– Не отвлекайся! Что было дальше?

– Не подгоняй меня, пожалуйста, Берти. На чем я остановился? Ах да. Я сказал, что нет, я понятия не имею, откуда они там взялись. Это, наверно, одно из тех явлений, которым мы никогда не найдем объяснения. Наверно, говорю, им так и предназначено оставаться необъяснимыми. У него, естественно, против меня никаких улик. Мало ли кто мог безо всякого злого умысла, просто так, зайти в комнату, по которой скачут лягушки, хотя бы и епископ Кентерберийский, и вообще кто угодно. Доббс, должно быть, отдавал себе в этом отчет, он только пробурчал, что это очень серьезное преступление – приносить лягушек в полицейский участок, и я сказал, что да, конечно, жаль только, нет никакой надежды изловить злоумышленника. Тут он задал мне вопрос: а что я, собственно, там делаю? Я ответил: пришел просить, чтобы он отпустил Сэма Голдуина. А он говорит, что не отпустит, так как установлено, что он, Доббс, – не первый, кто был им укушен, и положение животного очень серьезно. «Что ж, – говорю, – ладно, тогда я пойду», – и пошел. Он сопровождал меня до самых ворот, как ты видел, и всю дорогу тихо рычал. Не нравится мне что-то этот человек. У него дурные манеры. Резкие. Бесцеремонные. С такими манерами он не сможет завести себе друзей и не будет пользоваться авторитетом. Ну, ладно, мне надо идти и отчитаться перед Тараторой. Боюсь, известие про вторичный укус ее встревожит.

И высказав еще раз желание опрокинуть стаканчик апельсинового сока, Гасси двинулся к дому викария, а я продолжил путь в «Деверил-Холл», уныло размышляя о том, какое следующее несчастье ждет меня на жизненном пути. Теперь не хватает только столкнуться нос к носу с леди Дафной Винкворт и тем увенчать этот день ужасов.

Я предполагал проникнуть в дом незаметно, и поначалу казалось, что удача мне в этом благоприятствует. Я пробирался по парку, держась в тени живых изгородей и стараясь, чтобы ни один сучок не хрустнул под ногами, ветер по временам доносил отдаленный старушечий лай, но удалось не попасться никому на глаза. Я уже торжествовал успех и почти припевал, входя в парадные двери, как вдруг – вот тебе на! – прямо передо мной посреди холла, расставляя на столике букеты, – она, леди Дафна Винкворт.

Наверно, Наполеон, или царь гуннов Аттила, или еще кто-нибудь в таком роде помахал бы ручкой, сказал: «Привет, привет!» – и пошел бы дальше, куда ему надо. Но мне такое геройство не по плечу. Взгляд леди Дафны, описав дугу, вонзился в меня, и я застыл на месте, как простреленный. Примерно так же, если помните, подействовала на свадебного гостя встреча со Старым Моряком.

– А-а, вот и вы, Огастус!

Отпираться было бесполезно. Стоя, как был, на одной ноге, я отер со лба росинку пота.

– Вчера я не успела у вас спросить. Вы написали Мадлен?

– Да-да, а как же.

– Надеюсь, вы принесли извинения?

– А как же, да-да.

– Почему у вас такой вид, словно вы спали в одежде? – спросила она, неодобрительно оглядев мою экипировку.

Отличительная черта Вустеров состоит в том, что мы хорошо знаем, когда высказаться, а когда промолчать. На этот раз что-то подсказывало мне, что сейчас выигрышнее –

откровенность.

– Дело в том, что так оно и было, – сказал я ей. – Я всю ночь не раздевался, потому что ездил в Уимблдон на «молочном» поезде. Хотел повидаться с Мадлен. Сами понимаете, в письме всего не скажешь, ну, я и подумал... Личный подход, знаете ли, совсем другое дело.

Проехало как по маслу. Мне вообще-то не доводилось наблюдать радость пастыря по случаю возвращения заблудшей овечки в родное стадо, но думаю, что примерно так же возликовала, услышав мои слова, эта каменная дама. Взгляд смягчился. Лицо перерезала довольная ухмылка. Наморщенность носа, наблюдавшаяся минуту назад, словно я – не я, а утечка газа или не вполне свежее яйцо, совершенно разгладилась. Не будет преувеличением даже сказать, что леди Дафна просияла.

– Огастус!

– По-моему, это был верный ход с моей стороны?

– Да-да, конечно! Как раз такой поступок найдет отклик в романтической душе Мадлен. Вы, Огастус, настоящий Ромео. «Молочным» поездом? Вы же, наверно, провели в пути всю ночь?

– Около того.

– Ах, бедняжка. Я вижу, вы совсем без сил. Сейчас позвоню Силверсмиту, велю, чтобы принес апельсинового сока.

Она нажала кнопку звонка. Последовала театральная пауза. Надавила еще раз, и снова ничего. Она уже собралась ткнуть в третий раз, но тут наконец возник желаемый персонаж. Слева на сцену вышел дядя Чарли, и я с изумлением увидел у него на физиономии снисходительную ухмылку. Правда, он поспешил согнать ее и принять всегдашнее тупое и почтительное выражение, однако высокомерная мина успела побывать у него на лице, это точно.

– Приношу извинения, что замешкался и не сразу явился по вашему звонку, миледи, – сказал он. – Когда ваша милость звонили, я как раз произносил спич и потому не сразу услышал, что меня зовут.

Леди Дафна удивленно захлопала глазами. Я тоже.

– Произносили спич?

– По поводу радостного события, миледи. По поводу объявления помолвки моей дочери Куини, миледи.

Леди Дафна сказала: «Ах, вот как», – а я чуть было не произнес злополучную формулу «В самом деле, сэръ?», потому что не мог прийти в себя от изумления: во-первых, у меня и в мыслях не было, что пузатого дворецкого и стройную горничную могут связывать узы кровного родства; а во-вторых, что-то уж очень быстро она оправилась от разбитого Доббсом сердца. Помнится, я еще сказал себе, что, мол вот оно, женское постоянство, не исключаю, что даже прибавил слово «фи».

– И кто же счастливый жених, Силверсмит?

– Славный, надежный малый, миледи, по фамилии Медоуз.

Мне сразу показалось, что я уже где-то эту фамилию слышал. Но при каких обстоятельствах, не припомню. Медоуз? Медоуз? Нет, забыл.

– Да? Из деревни?

– Нет, миледи, Медоуз – личный слуга мистера Финк-Ноттла, – ответил Силверсмит, на этот раз недвусмысленно позволяя себе ухмылку и обращая ее непосредственно ко мне. Этим он как бы доводил до моего сведения, что теперь смотрит на меня так, как будто я ему

свой в доску и вообще чуть ли не сват и брат, и что отныне, с его стороны по крайней мере, больше не будет ни намек на мою склонность горланить охотничьи песни за портвейном и привозить в загородные дома собак, чей укус ядовитее змеиного.

Должно быть, сдавленный взглас изумления, сорвавшийся с моих губ, прозвучал, на слух леди Дафны, как хрип умирающего от жажды, ибо она сразу же распорядилась насчет апельсинового сока.

– Я думаю, правильнее, чтобы Силверсмит принес его к вам в комнату. Вам же нужно переодеться.

– Лучше пусть придет с Медоузом, – пролепетал я.

– Да, да, конечно. Вы ведь захотите пожелать ему счастья.

– Вот именно, – подтвердил я.

Китекэт предстал передо мной не сразу. Можно понять, если человек настроился на то, чтобы жениться на дочери-наследнице, и вдруг оказывается помолвлен с горничной, ему нужно время, чтобы как-то опомниться и прийти в себя. И даже когда Китекэт наконец появился, по растерянному выражению его лица было ясно, что он еще далек от успеха. Вид у него был такой, словно его недавно оглоушили короткой, но сподручной дубинкой.

– Берти, – промолвил он, – случилась довольно неприятная вещь.

– Знаю.

– Ах, ты уже знаешь? Ну, и что посоветуешь?

Ответ на это мог быть только один:

– Тебе надо обратиться к Дживсу.

– Так я и сделаю. Этот великий ум найдет выход. Выложу ему факты и попрошу его поразмыслить над ними.

– А какие факты? Как это произошло?

– Сейчас расскажу. Ты будешь пить апельсиновый сок?

– Нет.

– Тогда я выпью. Может, легче станет.

Он влил в себя чуть не весь стакан сразу и отер пот со лба.

– Во всем виноват диккенсовский дух, Берти. Я бы всем молодым людям, начинающим жизнь, дал совет: не поддавайтесь диккенсовскому духу. Помнишь, я говорил тебе, что последнее время меня просто распирает доброжелательство. И вот сегодня утром прорвало. Я получил Гертрудину записку с выражением согласия бежать и тайно пожениться, и я весь был как добрый ломоть добра и света. Сам вне себя от счастья, я хотел видеть одно только счастье вокруг. Любя человечество, жаждал делать добро. С такими чувствами, плещущими внутри организма, до зубов затопленный благоволением, я зашел на людскую половину и застал там Куини всю в слезах.

– И у тебя сердце изошло кровью?

– Обильнейшим образом. Я ей говорю: «Ну-ну, не надо». Взял ее руку, погладил. А потом вижу, действия никакого, тогда я почти бессознательно притянул ее к себе на колени, обнял за талию и стал целовать. Как брат.

– Гм.

– Не говори, пожалуйста, «гм», Берти. Я поступил так, как на моем месте поступил бы сэр Галахад или еще кто-нибудь такой, и не более того. Черт побери, ну что дурного, если человек, как старший брат, жалеет девушку в беде? На мой взгляд, нормальное, порядочное поведение. Но не воображай, пожалуйста, что я в нем не раскаиваюсь. Я от всего сердца

сожалею, что поддался доброму порыву, потому что в это самое мгновение вдруг вошел Силверсмит. И что бы ты думал? Он оказался ее отцом.

– Знаю.

– Ты, я вижу, знаешь все на свете.

– Так оно и есть.

– Но одну вещь ты все-таки не знаешь, а именно: что он пришел в сопровождении Гертруды.

– Ух ты!

– Вот то-то и оно. При виде меня она проявила сдержанность. А Силверсмит наоборот. Он стал похож на одного из малых пророков, который узрел грехи своего народа и немедленно приступил к громовым обличениям. Есть отцы, прекрасно умеющие выступить с осуждением дочерних проступков, а есть такие, что немеют и не способны вымолвить ни слова. Силверсмит принадлежит к первым. И тут я вдруг слышу, словно бы во сне, как Куини ему говорит, что мы помолвлены. Потом-то она мне объяснила, что другого выхода просто не было. И действительно, атмосфера, конечно, сразу разрядилась.

– А Гертруда как к этому отнеслась?

– Без особого восторга. Я сейчас только получил от нее короткую записку, что все, о чем мы сговорились, отменяется.

Китекэт издал стон такой же глухой и страдальческий, какие нередко срывались в те дни с моих уст.

– Ты видишь перед собой организм, утративший последние силы и всякую надежду. У тебя, часом, нет при себе цианистого калия? – Он испустил еще один глухой страдальческий стон. – И вдобавок ко всему этому я еще должен нацепить зеленую бороду и выступить в скетче с колотушками и диалогом наперекосяк!

Естественно, я сочувствовал бедняге, но в то же время меня задело, что этот юный чирей считает страдающей стороной только себя одного.

– Ну и что? А мне надо будет декламировать стишок из «Книжки Кристофера Робина для самых маленьких».

– Подумаешь. Скажи спасибо, что не пришлось зубрить целую сопелку из «Винни-Пуха».

И в этом он был, конечно, прав.

Здание Народного дома в Кингс-Девериле расположено на Главной улице, сразу за утиной запрудой. Возведенное в 1881 году баронетом сэром Квентином Деверилом, мало смысловым в архитектуре, зато имевшим твердые вкусы, оно относится к тем викторианским постройкам из глазурованного красного кирпича, которые произрастают в каждом историческом селении и в большой мере способствуют оттоку сельских жителей в города. Внутри у него, как и во всех подобных учреждениях, куда мне случалось заглядывать, было не метено, не проветрено и пахло в равных пропорциях яблоками, мелом, сырой штукатуркой, бойскаутами и здоровым британским крестьянством.

Начало концерта было назначено, как гласила доска объявлений, на восемь пятнадцать, и за несколько минут до старта я, поскольку мой собственный номер приходился на второе отделение, забрел внутрь и расположился среди стоячих зрителей позади скамеек, с тоской отметив про себя, что играть предстоит перед полным залом. Местные жители понаехали гуртами, хотя я мог бы предостеречь их от такого рискованного шага. Я видел программу, и мне известно было, что нас ждет.

С первого взгляда на этот прейскуртант я отлично понял, почему тогда, у меня на квартире, Тараторка так неодобрительно отозвалась об имеющихся в ее распоряжении актерских силах. В ее словах звучала горечь человека, чьи планы порушены и надежды развеяны, человека, лишённого свободы творчества и возможности самовыражения. Мне стало ясно, что произошло. Она взялась за организацию концерта, захваченная светлыми идеалами, высокими порывами и прочими материями, но вскоре, бедняжка, расшибла лоб о препятствие, таящееся на дороге у каждого импресарио, который вздумает заняться подобным делом. Несчастье в том, что устройство деревенского концерта неизбежно затрагивает групповые интересы, с которыми нельзя не считаться. То есть имеются разные влиятельные персоны, выступавшие в предыдущие разы, чьи номера обязательно надо включить и на этот раз, а в противном случае они поведут себя холодно и не очень любезно. Таратора натолкнулась на могущественный клан Кигли-Бассингтонов.

Для человека с моим богатым опытом такие пункты программы, как «Соло; исп. мисс Мюриэл Кигли-Бассингтон» и «Разговор двух сумасшедших; исп. полковник и миссис Р. П. Кигли-Бассингтон», свидетельствуют о многом. И в то же самое – «Звукоподражание; исп. Уоткин Кигли-Бассингтон», «Карточные фокусы; исп. Персивал Кигли-Бассингтон» и «Ритмический танец; исп. мисс Поппи Кигли-Бассингтон». С мастера Джорджа Кигли-Бассингтона, внесенного в список в качестве чтеца-декламатора, я ответственность снимаю. Мне кажется, что его, как и меня, просто заставили согласиться на эту неприятную работу, а то бы он тоже предпочел договориться и получить наличными.

Я стоял позади зрительских скамеек, испытывая попеременно то чувство братской солидарности с мастером Джорджем, то даже желание подбежать и угостить его утешительной бутылочкой газировки, а в остальное время разглядывал окружающие меня лица, не обнаружатся ли на них признаки жалости, сострадания и так называемого милосердного снисхождения? Но увы, ничего похожего. Как все деревенские зрители на стоячих местах, эти были суровы и неумолимы и решительно не способны взглянуть на вещи широко, дабы понять, что если человек выходит на подмости и принимается декламировать про то, как Кристофер Робин скачет прыг-скок на лошадке, или же, наоборот, произносит

перед сном молитву, то он, чтец, делает это не по собственному капризу, а просто потому, что является беспомощной жертвой не зависящих от него обстоятельств.

Слева от себя я с особым сокрушением сердца наблюдал одного исключительно опасного любителя зрелищ – у него были напомаженные волосы и подвижные, прямо-таки извивающиеся губы, всегда готовые издать неприличный булькающий звук, которым зрители в Америке выражают артисту свое неодобрение. Но тут на скамьях раздались скромные аплодисменты, знаменуя начало концерта. Открывал его краткой вступительной речью сам деревенский священник.

До сих пор о преподобном Сиднее Перебрайте мне было известно только то, что он играет в шахматы и разделяет нелюбовь новой невесты Китекэта к полицейским шуткам насчет Ионы и кита. В остальном же он был для меня закрытая книга. И вот теперь я впервые увидел его в деле. Он оказался долговяз и сутуловат, словно чучело, набитое второпях и неумелой рукой, – сразу видно, что не из тех жизнерадостных деревенских священников, которые, открывая концерты самодеятельности, с гиканьем и присвистом выскакивают на эстраду, громогласно приветствуют свою паству, подкидывают пару-тройку анекдотов про коммивояжера и фермерскую дочку и, сияя улыбкой, убегают. Викарий Кингс-Деверила был, похоже, в миноре, на что у него, бесспорно, имелись основания. Как тут будешь радоваться жизни, если у тебя дома всем заправляет сумасбродная Тараторка и чуть ли не к каждой трапезе подваливает Гасси Финк-Ноттл, да вдобавок ко всему еще приезжает и поселяется в свободной спальне эта горилла, юный Тос. Такое даром не проходит.

Короче говоря, он был невесел. Говорил он на тему о церковном органе, в помощь которому и был, как выяснилось, устроен весь этот вечер художественной самодеятельности. Виды инструмента на будущее оратор оценивал пессимистически. Церковный орган, честно было сказано нам, в дьявольски плохом состоянии. Уже много лет, как он остался без штанов и стоит с протянутой рукой, а теперь уже близок день, когда он и вовсе должен будет положить зубы на полку. Было время, когда викарий еще надеялся, что дух добрососедской взаимопомощи вольет в его жилы свежую кровь, но дело, похоже, зашло уже слишком далеко, он готов поставить последнюю рубашку, что несчастный инструмент придется просто спустить в канализацию.

В заключение же викарий хмуро объявил, что первым номером программы будет скрипичное соло в исполнении мисс Юстасии Пулбрук. И при этом всем своим видом и тоном дал публике понять, что знает не хуже прочих, какая никуда не годная скрипачка эта Юстасия, но все-таки она еще ничего в сравнении с тем, что будет, когда за нас примутся Кигли-Бассингтоны.

О скрипачах я знаю только, что все они одним миром мазаны, что та, что этот – ни малейшей разницы, поэтому в скрипичных пьесах я не особенно разбираюсь и не могу вам определенно сказать, делала ли прекрасная Пулбрук честь тем своим сообщникам, которые подучили ее владению скрипкой. Соло было местами громкое, а местами не очень и обладало свойством, общим для всех скрипичных соло, мною уже раньше замеченным: они тянутся на самом деле не так долго, как кажется. Когда же оно все-таки кончилось, тут-то мы и поняли, что имел в виду достопочтенный Сидней, намекая на Кигли-Бассингтонов. На эстраду вышел прислужник и вынес стол. На этот стол он поставил фото в рамочке, и я сразу догадался, что нас теперь ждет. Покажите Бертраму Вустеру стол и фото в рамочке, и можете не рассказывать, про что будет следующий номер. Мюриэл Кигли-Бассингтон

исполнит романс «Мой герой» из пьесы обожателя шоколадных солдатиков.

Однако парни в задних рядах вели себя на удивление сдержанно и достойно, я даже подумал, глядя на их учтивость, что, возможно, когда придет мой черед встать перед расстрельным взводом, ничего страшного не произойдет. По моей оценке, романс «Мой герой» стоит на втором месте после «Свадебной песни пахаря» как потенциальный возбудитель гнева в задних рядах, и когда вышла внушительная блондинка, взяла со стола рамочку с фото, натерла руки канифолью и набрала полную грудь воздуха, я ожидал крупных неприятностей. Однако эти славные ребята, как видно, с женщинами не воюют. Они не только воздержались от грубых возгласов, производимых с высунутым языком, но двое или трое из их числа даже похлопали в ладоши – неосмотрительный поступок, поскольку вместе с аплодисментами сидячей публики – а там готовы аплодировать всем и вся – повлек за собой бис: балладу «Пойдем со мной гулять в поля».

Воспламененная многообещающим началом, Мюриэл, я думаю, готова была продолжить в том же духе и исполнить еще, скажем, «Любовный зов индианки», но какие-то флюиды все-таки подсказали ей, должно быть, что больше издеваться над собой мы не позволим, и она, застеснявшись, ушла. Последовала непродолжительная пауза и на сцену скок-поскок, как Кристофер Робин, кубарем вылетел небольшой мальчуган с зализанными волосами и в короткой итонской курточке – ребенка явно вытолкнули из-за кулис любящие родственники. Это был мастер Джордж Кигли-Бассингтон собственной персоной. Сердце мое преисполнилось к нему сочувствием. Уж я-то знал, каково ему сейчас.

Несложно было представить себе, что привело мастера Джорджа в эту рискованную позицию. Сначала мамаша роковым образом обмолвилась, что его преподобию было бы приятно, если Джордж продекламирует стишок, который у него так мило получается. Попытки отвертеться. Нажим родни. Он отчаянно запирался. Призвали папашу, чтобы навел в этом вопросе порядок. Хочешь не хочешь, а папу надо слушать. Только в последнюю минуту была сделана попытка спастись бегством, которую, как мы видели, пресекли своевременным тычком в спину.

И вот он стоит перед публикой.

Сердито посмотрев в зал, мастер Джордж объявил:

– «Бен Воин».

Я поджал губы и покачал головой. Знаю я этого «Бена Воина», сам в детстве неоднократно его декламировал. Эдакий антиквариат с неаппетитными подробностями, и в каждой строчке – игра слов, ни один нормально мыслящий мальчик не взялся бы его читать по своей воле; и к тому же совсем не его ампула. Если бы я мог обратиться к полковнику и миссис Кигли-Бассингтон, я бы сказал им так: «Полковник! Миссис Кигли-Бассингтон! Послушайте дружеского совета: не подпускайте Джорджа к комическому жанру, пусть держится доброго старого кровопийцы Айболита».

Объявив «Бена Воина», мальчик умолк и повторно бросил на публику сердитый взгляд. Я понимал, о чем он думает. Может быть, кто-нибудь в передних рядах захочет выйти против него и оспорить эти слова? Его затянувшееся молчание было вызовом. Но близкие и родные явно не так поняли. Из-за обеих кулис одновременно и на весь зал раздались подсказки, одна сиплым командирским голосом, как на плацу, другая – женским сопрано, только что воспевшим «Моего героя».

– «Бен Воин сражался...»

– Да ладно вам! – сказал юный Джордж, переводя сердитый взгляд за кулисы. – Сам

знаю. «Бен-Воин-сражался-под-грохот-и-стук-но-ему-оторвало-обе-ноги-тогда-он-поднял-обе-руки-и-все-сошло-ему-с-рук», – выпалил он, затолкав всю строфу в одно сверхдлинное слово. И пустился чесать дальше.

Что ж, думал я, пока он декламировал, ей-богу, это внушает надежды. Возможно ли, что под грубой оболочкой окружающих меня людей таятся золотые сердца? А ведь и впрямь похоже на то, ибо хотя трудно было, вернее, совершенно невозможно вообразить что-либо хуже художественного чтения мастера Джорджа Кигли-Бассингтона, оно не вызвало со стороны стоячих слушателей никакого протеста. Они не воюют с женщинами, не воюют с детьми. А вдруг, подумалось мне, они и с Вустерами не станут воевать? Держи хвост морковкой, Бертрам, говорил я себе, почти без дрожи наблюдая за тем, как малолетний Джордж забыл три последних строфы и поплелся за кулисы, на прощанье бросив нам через плечо последний сердитый взор. И в том радушии, с каким я приветствовал выход следующего исполнителя, щуплого человечка с мордочкой взволнованной мартышки, по имени Адриан Хиггинс, как я вычитал из программки, и, как выяснилось впоследствии, местного галантного и всеми любимого гробовщика, – в этом радушии было что-то близкое к полной беззаботности.

Адриан Хиггинс попросил у публики минуточку благосклонного внимания для своих пародий – он будет изображать «всем вам хорошо известных певцов и куплетистов». Певцы и куплетисты, правда, особого фурора не произвели, зато последовавшим звукоподражаниям «На крестьянском дворе» прием был оказан довольно сердечный, а уж когда он на закуску воспроизвел звук раскупориваемой бутылки и льющегося пива, это имело шумный успех и настроило публику на бодрый лад. Еще когда мастер Джордж дочитывал стихотворение, у всех было такое чувство, что худшее позади, надо, сжав зубы, потерпеть еще немного, и атака Кигли-Бассингтонов окончательно захлебнется. Теперь же все вздохнули с облегчением, расслабились, повеселели – самая благоприятная обстановка для значившегося далее выхода Гасси и Китекэта. Они появились, задрапированные в зеленые бороды, и сорвали гром аплодисментов.

Но и только. Больше им не досталось ни хлопка. Скетч умер стоя. Я с самого начала понял, что это будет провал, и не ошибся. Действие пошло вяло, без огонька и перца. С первых же реплик в зале похолодало.

– Здорово, Пат, – произнес Китекэт невыразительно и тускло.

– Здорово, Майк, – так же хмуро отозвался Гасси. – Как поживает твой отец?

– Спасибо, не совсем.

– А где он сейчас?

– На виселице, – уныло ответил Китекэт и дальше тем же упавшим голосом поведал про брата Джима, который устроился инструктором по плаванию и подмочил свою репутацию.

Я совершенно не мог взять в толк, что так угнетает Гасси, – разве только плачевная судьба церковного органа? Другое дело – Китекэт. Его мрачность поддавалась объяснению. Со сцены ему было прекрасно видно Гертруду Винкворт, которая сидела в первом ряду скамеек, бледная и гордая, в платье из такого материала... маслин, если не ошибаюсь, называется, и зрелище это вполне могло быть ему как клинок в сердце. И если вы готовы понять и простить уныние викария, в чью личную жизнь ворвались разные голливудские племянницы, и их верные рыцари, и румяные бойскауты, то по справедливости должны снисходительно отнестись к мрачному настроению несчастного жениха, видящего перед собой утраченную возлюбленную.

Тут все ясно и двух мнений быть не может. Я лично, например, отнесся к нему весьма снисходительно. Если бы вы подошли и спросили: «Сочувствуешь ли ты всем сердцем Клоду Кэттермолу Перебрайту, Вустер?» – я бы ответил: «Ясное дело, сочувствую и сострадаю». Просто я хочу сказать, что такая байроническая манера не прибавляет жизни скетчу про Пата и Майка с колотушками и диалогом невпопад.

Представление действовало на психику убаюкивающе, как шум дождя за окном в три часа пополудни серым воскресным днем в ноябре. Даже стоячая публика, все как на подбор крепкие, закаленные ребята, знать не знающие и слыхом не слыхавшие ни о каких тонких чувствах, и те, судя по всему, прониклись жалостью. Они стояли понурые, в траурном молчании и только переминались с ноги на ногу. Казалось бы, ну что уж такого душераздирающего в том, что один встречает другого и спрашивает, кто та женщина, с которой он шел вчера под ручку, а тот отвечает, что это – не женщина, а его жена? Ну, не поняли друг друга, ну, получилось забавное недоразумение. Но Гасси и Китекэт так горестно это произносили что донесли до каждого всю невыразимую печаль нашей жизни.

Я не сразу понял, что мне напоминает их скетч, потом сообразил. Когда-то, когда я был помолвлен с Флоренс Крэй и она работала над повышением моего культурного уровня, одним из ее методов было еженедельное хождение со мной на воскресные постановки русских пьес. Там всегда показывали что-нибудь эдакое про то, как старое родовое гнездо идет с торгов, а люди стоят вокруг и говорят о том, как это все грустно. И вот теперь, если меня спросят, что я думаю об игре Гасси и Китекэта, я бы ответил, что они слишком прониклись русским духом. Все в зале, от мала до велика, вздохнули с огромным облегчением, когда этот горестный срез жизни подошел к концу.

– Моя сестра в балете, – к финалу признался Китекэт.

Тут возникла пауза, Гасси как бы впал в транс и безмолвно стоял, глядя перед собой в пустоту, словно церковный орган и впрямь наконец рухнул и придавил его. Бедняга Китекэт убедился, что от Гасси ничего, кроме моральной поддержки, не дождешься, и весь дальнейший разговор пришлось ему вести в одиночку за двоих, а это, на мой взгляд, очень ослабляет театральный эффект. Прелесть диалога невпопад в том как раз и состоит, что в нем на равных участвуют двое, и вся изюминка пропадает, если один будет задавать вопросы и сам же на них отвечать.

– Ты говоришь, твоя сестра в балете? – переспрашивает себя Китекэт дрогнувшим голосом. И продолжает: – Да, лопни мой глаз, моя сестра в балете. – Что же она там делает, в балете? – задает он следующий вопрос, глядя на Гертруду Винкворт и весь передергиваясь от страданий. И отвечает: – Вылетает на сцену и улетает обратно, вылетает и улетает. – А зачем она так вылетает? – спрашивает Китекэт со сдвинутым рыданием. – Да Боже ж ты мой милостивый, у нас ведь *вылитый* русский балет!

После этого, не найдя в себе душевных сил ударить Гасси зонтом, Китекэт взял его под локоток и повел к кулисе. Они брели медленно, понурясь, как участники похоронной процессии, забывшие захватить на плечи гроб и вынужденные возвратиться за ним. А им навстречу под бодрящие вступительные аккорды «Охотничьей песни» самоуверенным хозяйским шагом вышел на подмости Эсмонд Хаддок.

Вид у него был сногшибательный. Не упущено ничего, чтобы произвести впечатление и сразить клиентуру наповал. В полном охотничьем облачении, включая алый сюртук и все причиндалы, он вносил в сумрак зала как бы луч радости и надежды. Смотришь, и готов поверить, что есть еще в мире счастье, что жизнь не исчерпывается унылыми персонажами в

зеленых бородах, замысловато божащимися к месту и не к месту.

На мой опытный взгляд было сразу видно, что за время, прошедшее после торопливой трапезы, заменившей сегодня ужин, молодой сквайр успел принять дозу-другую горячительного, но, как я уже неоднократно замечал по аналогичному поводу, почему бы и нет? Изю всех ситуаций, когда человеку застенчивому, страдающему комплексом неполноценности со всеми вытекающими последствиями, требуется пропустить стаканчик спиртного, не заправиться слегка перед выходом на сцену в деревенском концерте – да еще притом, что от этого выступления столько для него зависит, – было бы просто безумием с его стороны.

Так что самоуверенный выход я объясняю количеством пропущенных стаканчиков. Однако радушный прием публики сразу же, наверно, убедил его, что вполне можно было бы обойтись лимонадом. Если в глубине души Эсмонда Хаддока и гнездились сомнения в собственной популярности, их, безусловно, рассеял приветственный гром аплодисментов, потрясший зрительный зал. Я лично заметил среди толпящихся в глубине зала поклонников искусства по меньшей мере двенадцать человек, которые свистели в два пальца. А те, что не свистели, громко топали. Слева от меня парень со щедро напомаженными волосами делал одновременно то и другое.

Затем наступил ответственный момент. Если бы певец сейчас пустил петуха и запищал тоненько, как вырывающийся из лопнувшей трубы пар, или, скажем, сумел бы вспомнить из предусмотренного текста лишь отдельные слова и выражения, – исходное благоприятное впечатление оказалось бы испорчено. Правда, определенную часть публики, из наиболее критически настроенных, несколько последних дней методично поили на дармовщину пивом, за что, по джентльменскому соглашению, от них ожидалось снисхождение, однако теперь все же слово было за Эсмондом. Песню должен был исполнить не кто-нибудь, а он.

И он ее исполнил, да еще как! Тогда вечером, во время репетиции над графином портвейна, мое внимание было поначалу направлено больше на слова песни, я старался усовершенствовать произведение тети Шарлотты и не прислушивался особенно к вокальным данным Эсмонда Хаддока. Ну а позже, как известно, я уже пел сам, а это требует от человека большой сосредоточенности. Стоя на стуле и дирижируя графином, я, конечно, отдавал себе отчет, что на столе тоже что-то творится, но, если бы вошедшая леди Дафна Винкворт поинтересовалась моим мнением о его певческом таланте, о тембре, темпераменте и прочем, я бы вынужден был признаться, что толком ничего этого не заметил.

И вот теперь выяснилось, что Эсмонд Хаддок обладает отличным баритоном, живым и полным чувства и, что особенно важно, зычным. А зычность голоса – это главное в деревенском концерте. Добьешься, чтобы лампы мерцали и штукатурка с потолка сыпалась, и это означает полный успех. Эсмонд Хаддок усладил своим пением не только тех, кто заплатил за вход и находился в зале, но также и прохожих на Главной улице, и даже обитателей окрестных жилищ, оставшихся дома и прилегших с книжкой отдохнуть. Если, как говорил Китекэт, вопли леди Дафны и ее сестер по объявлении его помолвки с Гертрудой Винкворт достигли Бейсингстока, то уж охотничьей песней Эсмонда Хаддока в Бейсингстоке наслушались в полное удовольствие.

А удовольствие было несомненное и продолжительное, потому что он трижды бисировал, потом долго кланялся потом пел на бис в четвертый раз, снова кланялся и исполнил еще припев «на посошок». Но даже и тогда доброжелатели отпустили его со сцены с большой неохотой.

Эта восторженная оценка талантов Эсмонда Хаддока сказала и на приеме последующих номеров: во время гимна «Сойди на желтые пески», исполненного а capella [139] церковным хором под управлением школьной учительницы, когда среди стоячих зрителей стали раздаваться тихий ропот и отдельные возгласы, но особенно – когда мисс Поппи Кигли-Бассингтон представила на суд зрителей ритмический танец.

В отличие от своей сестры Мюриэл, напоминавшей скорее пухлую румяную буфетчицу прежних времен, Поппи Кигли-Бассингтон была рослая, смуглая и гибкая – эдакая змея с боками; таким девушкам только намекни, они всегда готовы исполнить ритмический танец, тут уж помешать им можно разве топором. Танцевала мисс Поппи под какую-то восточную музыку – по-видимому, первоначально ее номер был задуман как «Видение Саломеи», но впоследствии урезан и причесан в согласии с приличиями, как их понимают в Женском институте. Танцовщица без устали гнулась и извивалась и только застывала по временам, когда завязывалась морским узлом и не знала, как развязаться, – замрет и ждет, не подойдет ли из публики кто-нибудь, умеющий развязывать морские узлы.

И вот во время одной из таких остановок тип с напомаженными волосами отпустил некую реплику. После ухода со сцены Эсмонда он стоял слева от меня с мрачной миной, похожий на слона, у которого отняли булочку, – видно, сильно огорчился, что молодого сквайра больше нет с нами. По временам он что-то сердито бормотал себе под нос, и мне показалось, что я уловил в его бормотании имя Эсмонда. Теперь же он высказался вслух, и я убедился, что уши меня не обманули.

– Хотим Хаддока, – произнес он. – Хотим Хаддока, хотим Хаддока, хотим ХАДДОКА!

И все это таким ясным, отчетливым, звонким голосом, как уличный торговец, оповещающий публику о наличии в продаже апельсинов-корольков. И что интересно, выраженные им чувства, по-видимому, полностью отвечали настроениям тех, кто стояли рядом с ним. Через минуту-другую не менее двадцати тонких ценителей концертного искусства уже повторяли нараспев вместе с ним:

– Хотим Хаддока, хотим Хаддока, хотим Хаддока, хотим Хаддока, хотим ХАДДОКА!

Как видите, такие вещи заразительны. Не прошло и пяти секунд, и я вдруг различил в общем хоре еще чей-то голос:

– Хотим Хаддока, хотим Хаддока, хотим Хаддока, хотим Хаддока, хотим ХАДДОКА!

Оглядываюсь – оказывается, это я. Меж тем и остальная стоячая публика, общей сложностью человек тридцать, подхватила этот же лозунг, так что мы выступили единогласно.

То есть тип с напомаженными волосами, и еще пятьдесят типов, тоже с напомаженными волосами, и я произносили одновременно, в один голос, одно и то же:

– Хотим Хаддока, хотим Хаддока, хотим Хаддока, хотим Хаддока, хотим ХАДДОКА!

Со скамеек на нас пытались шикать, но мы держались твердо, и хотя мисс Кигли-Бассингтон героически продолжала еще некоторое время гнуться и извиваться, исход этого состязания двух волей был предрешен. Она удалилась со сцены, награждаемая бурной овацией, ибо мы, добившись победы, были к ней великодушны, а вместо нее вышел Эсмонд, при сапогах и красном сюртуке.

Он распевал «Алло, алло, алло!» на одном конце зала, наша группа мыслителей грянула «Алло, алло, алло!» – с другого конца, и так бы это продолжалось, ко всеобщему счастью, до самого закрытия, если бы какой-то умник не опустил занавес, и начался антракт.

Думаете, я вышел покурить на улицу в приподнятом настроении? Поначалу-то да. Цель

всей моей внешней политики состояла в том, чтобы обеспечить Эсмонду громкий успех. И я своего добился. Он всех затмил и положил на обе лопатки. Так что первую четверть сигареты я выкурил в упоении. Но затем упоение меня покинуло, сигарета выпала из похолодевших пальцев, и я остановился, будто пригвожденный к месту, а моя беспризорная нижняя челюсть невзначай опустилась и легла на крахмальную манишку. Ибо я вдруг осознал, что среди текущих дел и неприятностей – после ночи без сна и дня в хлопотах, под бременем различных забот и всего такого прочего – стишки из книжки про Кристофера Робина, целиком, до последнего слова, стерлись в моей памяти.

А мне было выступать третьим номером во втором отделении.

Сколько я так простоял, будто пригвожденный, не могу вам сказать. Думаю, что довольно долго, ибо этот непредусмотренный поворот событий совершенно меня обескуражил. Опомнился, только когда услышал хор деревенских голосов, распевających «Алло, алло, алло, времечко пришло, поскачем на охоту мы, пом-пом, подтягивай седло!». Звуки доносились из пивной напротив через улицу. И тут мне вдруг пришло в голову, – удивительно, как я раньше не догадался? – что мне необходимо немного подкрепиться для поднятия духа. Может быть, я просто ослаб от недоедания, отсюда и тоска. Поддержнув нижнюю челюсть, я перешел через улицу и ворвался в заведение под вывеской «Гусь и одуванчик».

Весельчаки, распевавшие номер первый сегодняшнего хит-парада, находились в общем зале. А в салоне, предназначенном для более солидной публики, находился только один человек – величавый, в котелке, с тонко вытесанными, серьезными чертами лица и с выступающим сзади черепом, что свидетельствует о выдающихся умственных способностях; короче говоря, Дживс. Он сидел за столиком у стены и задумчиво потягивал пиво.

– Добрый вечер, сэр, – произнес он, подымаясь мне навстречу со свойственной ему изысканной вежливостью. – Счастлив уведомить вас, что я сумел завладеть свинчаткой мастера Томаса. Она у меня в кармане.

Я поднял руку.

– Сейчас не до свинчаток, Дживс.

– Ваша правда, сэр. Я только упомянул об этом между прочим. Мистер Хаддок стяжал шумный успех, что очень радует, не так ли, сэр?

– И не до Эсмонда Хаддока тоже.

– В самом деле, сэр?

– Дживс!

– Прошу прощения, сэр. Я должен был сказать: «Вот как, сэр?»

– Что «В самом деле, сэр?», что «Вот как, сэр?» – один черт. А сейчас ситуация требует чего-нибудь вроде «Ух ты!» или «Бог ты мой!». Вам уже случалось, Дживс, и не один раз, видеть Бертрама Вустера в бульоне, как выражаются французы, но никогда еще он не сидел в таком глубоком бульоне, как теперь. Вы знаете, что я должен декламировать стишки про Кристофера Робина, чтоб им пусто было? Так вот, я забыл их напрочь, до единого слова. Сами понимаете, что это значит. Через полчаса я должен буду выйти на подмости и встать спиной к британскому флагу, а лицом к публике, с интересом ожидающей, что я ей преподнесу. А я ей ничего не преподнесу, потому что ничего не помню. Публика же, хотя и возмущается, притом вполне справедливо, когда ей декламируют кристофер-робиновские стишки, однако же еще сильнее негодует, если декламатор просто стоит перед нею и беззвучно разевает рот, как золотая рыбка.

– Совершенная правда, сэр. А вы не можете подстегнуть свою память?

– Я для того и зашел в это заведение, чтобы ее подстегнуть. У них тут коньяк найдется?

– Найдется, сэр. Пойду принесу вам двойную порцию.

– Принесите две двойных.

– Очень хорошо, сэр.

Он услужливо встал, подошел к небольшому отверстию в стене и сообщил о своих

желаниях невидимому кормильцу и поильцу по ту сторону. Через некоторое время оттуда протянулась рука, держащая наполненный до краев стакан и Дживс доставил его к столу.

– Ну, посмотрим, как это подействует, – сказал я. – Обдери вам нос, Дживс.

– Песок вам в глаз, сэр, если дозволительно употребить это выражение.

Я осушил стакан и поставил пустой на стол.

– Ирония судьбы в том, – заметил я в ожидании, пока лекарство подействует, – что относительно Кристофера Робина я только и помню, что он прыгал скок-поскок, да и то в самых общих чертах, а вот «Бена Воина» готов продекламировать с начала и до конца хоть сию минуту. Вы слышали, как выступал по вопросу о «Бене Воине» мастер Джордж Кигли-Бассингтон?

– Да, сэр. Весьма посредственное исполнение, я бы так сказал.

– Не в этом дело, Дживс. Я хочу сказать, когда я его слушал, время вдруг словно бы обратилось вспять, и я опять как будто стал Берти Вустером прошлых дней, когда мне тоже случалось читать на публике это стихотворение и я знал его наизусть с любого места в обе стороны. Хоть сейчас могу его продекламировать без единой помарки. Но что мне это дает в данной ситуации?

– Ничего, сэр.

– Вот именно «ничего, сэр». Благодаря мастеру Джорджу точка насыщения публики «Беном Воином» уже достигнута. Вздумай я теперь выйти к зрителям с этим стихотворением, дальше первой строфы мне бы все равно продвинуться не удалось, народ в расстроенных чувствах ринулся бы к сцене, и я бы подвергся грубому обращению. Что вы посоветуете?

– Вы не отмечаете подъема умственной энергии под действием принятого напитка, сэр?

– Ни в малейшей степени. Словно воды испил.

– В таком случае, я думаю, правильнее будет воздержаться сегодня от выступления перед публикой, сэр. Лучше всего порекомендуйте это дело мистеру Хаддоку.

– То есть как?

– Я убежден, что мистер Хаддок с радостью выступит за вас. В теперешнем своем приподнятом настроении он будет рад еще одной встрече со своими зрителями.

– Но он же не выучит стихи за оставшиеся четверть часа!

– Конечно нет, сэр. Но он может зачитать их по книге. Книжечка у меня при себе, я собирался расположиться сбоку за кулисой, чтобы суфлировать вам, – таков, если не ошибаюсь, театральный термин – в случае надобности.

– Чертовски порядочно с вашей стороны, Дживс. Вы благородный человек. Преданный слуга.

– Ну что вы, сэр. Так я схожу объясню положение дел мистеру Хаддоку? Заодно отдам книжицу.

Я глубоко задумался. Предложение Дживса улыбалось мне все больше и больше. Если тебе назначено спуститься в бочке по Ниагарскому водопаду, мысль о том, чтобы передоверить это дело кому-нибудь из добрых друзей, естественно, представляется соблазнительной; единственное соображение против – это что доброму другу такая подмена может выйти боком. Однако в данном случае можно было ничего не опасаться. Сегодня Эсмонду Хаддоку что угодно сойдет с рук, сегодня день его торжества. В книжке о Кристофере Робине, смутно помнилось мне, есть стишок про то, что «на ножках у мальчика десять крошек пальчиков», но даже это в исполнении деверильского кумира не вызовет

актов массового насилия.

– Да, слетайте туда, Дживс, и обо всем договоритесь, – ответил я, отбросив сомнения. – Как всегда, вы нашли выход.

Дживс водрузил на голову котелок, учтиво снятый при моем появлении, и удалился по делам милосердия. Но и я тоже, слишком переволновавшись и перевозбудившись, не усидел на месте, а вышел из пивной и принялся прохаживаться туда-сюда перед входной дверью. Впрочем, один раз я остановился, запрокинул голову, глядя на звезды, и, как всегда за этим занятием, подумал, почему, интересно, Дживс как-то сказал мне, будто они вторят юнооким херувимам? Именно в это мгновение кто-то тронул меня за рукав и человеческий голос проблеял: «Берти, послушай», – из чего я сделал вывод, что некое ночное существо пытается привлечь мое внимание. Оборачиваюсь и вижу фигуру в зеленой бороде и пестроклечатом костюме, которая, поскольку до Китекэта она не дотягивала ростом, а третьей альтернативы не существовало, могла быть только Гасси Финк-Ноттлом.

– Послушай, Берти, – повторил Гасси с заметным волнением в голосе, – ты не раздобыл бы для меня выпивки?

– Апельсинового сока?

– Нет, не апельсинового сока. Настоящей выпивки. Коньяку. Полное ведро.

Недоумевая, но исполненный заботы о человеке, точно собака сенбернар, я сбегал в пивную и вынес ему стаканчик. Гасси благодарно принял его из моих рук, тут же одним глотком уполовинил и задохнулся, словно пораженный молнией, как не раз случалось у меня на глазах с теми кто проглатывал Дживсов «эликсир жизни».

– Спасибо, – выговорил он, когда немного отдышался, – я в нем остро нуждался. Но не хотелось заходить в пивную с этой бородой.

– Почему же ты ее не снял?

– Не могу. Я приклеил ее гримировальным лаком, и теперь, если потянешь, страшно больно. Придется потом обратиться к Дживсу, может, он что-нибудь сообразит. Это и есть коньяк?

– Так мне сказали.

– Жуткая дрянь. Вроде серной кислоты. Неужели ты и твои собутыльники пьете его для удовольствия?

– А ты для чего пьешь? Чтобы сдержать слово, данное маме?

– Я, Берти, пью, чтобы набраться храбрости для страшного испытания.

Я дружески похлопал его по плечу. Решил, что у него легкое помутнение мозгов.

– Опомнись, Гасси, – говорю я ему. – Твое испытание позади. Ты уже сыграл. Притом из рук вон плохо, – прибавил я, не сдержав осуждения. – Что с тобой случилось?

Он заморгал, как обруганная рыба.

– Что, плохо сыграл?

– Очень плохо. Безобразно. Без огонька и вдохновенья.

– Ты бы тоже сыграл без огонька и вдохновенья, если бы выступал в сценке «Пат и Майк», зная, что сразу после ее окончания тебе предстоит забраться в полицейский участок и выкрасть оттуда собаку.

Звезды в небесах временно прекратили вторить юнооким херувимам и сделали быстрый подскок с переворотом.

– Ну-ка, повтори!

– А что толку повторять? Ты же слышал. Я обещал Тараторе забраться в дом Доббса и

достать ей этого проклятого пса. Она будет ждать в автомобиле поблизости, примет у меня из рук несчастное животное и перевезет его к своим знакомым, живущим в двадцати милях к югу по Лондонской дороге, куда уже не распространяется Доббсова сфера влияния. Так что теперь ты понимаешь, почему мне потребовался коньяк.

Я почувствовал, что мне тоже требуется коньяк. Коньяк или еще что-нибудь укрепляющее. О, сказал я себе, если б кубок чистой Ипокрены, искрящийся в оправе алой пены, испить... Раньше я уже говорил о том, что дух Вустеров имеет свойство, даже упав в самый низ, потом все равно обязательно снова подняться. Но всему есть предел, и теперь как раз дошло до предела. От страшного признания Гасси у меня появилось ощущение, что дух Вустеров во мне не просто упал, но еще сверху на него уселся слон. Не какой-то там утонченный, изящный слоник, а здоровенный, мощный слонище.

– Гасси! Этого нельзя ни в коем случае.

– Что значит – нельзя? Я должен. Так хочет Тараторка.

– Но ты не понимаешь, к чему это приведет. Доббс тебя подстерегает. И Эсмонд Хаддок тебя подстерегает. Они только и ждут удобного случая, чтобы наброситься.

– А ты откуда знаешь?

– Эсмонд Хаддок сам мне говорил. Он тебя люто ненавидит и мечтает о том дне, когда ты оступишься и он сможет упечь тебя за решетку. А он здесь мировой судья, ему и карты в руки. Вообрази, как глупо ты будешь выглядеть, когда тебя запрут на тридцать суток в каталажку.

– Ради Тараторы я готов даже на год. Но на самом-то деле, – в приступе откровенности поделился он со мной, – ты, может, и не поверишь, тем более меня даже на коньяк потянуло, но на самом деле я железно не попадусь, никакой опасности нет. Доббс сидит на концерте.

Это, конечно, меняло дело в лучшую сторону. Я вздохнул не то чтобы с облегчением, но все-таки свободнее, чем дышал до этого.

– Ты уверен?

– Сам видел.

– Ошибиться ты не мог?

– Мой дорогой Берти, когда посмотрелся на Доббса в комнате, куда ты напустил лягушек, а он вошел и целую вечность смотрел тебе в глаза, кусая ус и скрежеща зубами, ты его наверняка узнаешь при следующей встрече.

– Но все-таки...

– Бесполезно говорить «Но все-таки». Таратора хочет, чтобы я извлек оттуда ее пса, и я его извлеку. Она сказала: «Гасси, вы такой надежный помощник». И я намерен быть достойным ее похвалы.

С этими словами он дернул свою зеленую бороду и скрылся во тьме, оставив меня расплачиваться за выпивку.

Я только что успел завершить расчетные операции, когда вернулся Дживс.

– Я все устроил, сэр, – объявил он. – Разыскал мистера Хаддока, и, как я и ожидал, он с удовольствием согласился выступить за вас.

С души моей скатилось огромное бремя.

– Да благословит Господь мистера Хаддока! Из отличного материала сделаны наши молодые английские землевладельцы, а, Дживс?

– Бесспорно, сэр.

– Костяк нации, как говорится. Но вы так долго не возвращались, должно быть, чтобы

его уломать, потребовалась чертова уйма стараний.

– Нет, сэр. Мистер Хаддок согласился в первую же минуту, притом с восторгом. А задержался я с возвращением по той причине, что ко мне обратился полицейский Доббс. У него оказалось несколько вопросов теологического характера, по которым он желал услышать мое мнение. В особенности его интересует Иона и кит.

– А концерт ему нравится?

– Нет, сэр. Он отозвался неодобрительно о качестве предлагаемого публике зрелища.

– И Джордж Кигли-Бассингтон ему не по вкусу?

– Нет, сэр. О мастере Кигли-Бассингтоне он высказался в довольно сильных выражениях и был почти так же язвителен, когда речь зашла о ритмическом танце мисс Кигли-Бассингтон. Именно для того, чтобы не видеть выступлений остальных членов этого семейства, он отправился к себе домой с намерением провести остаток вечера с трубкой и над сочинениями полковника Роберта Ингерсола.

Так что вот так. Представьте картину. Вверху, в синем небе, звезды переговариваются с херувимами. За сценой, в пивной, местные лихие ребята переговариваются с барменом. А в центре, на авансцене, Дживс, взорвав бомбу, смотрит на меня с беспокойством, должно быть, опасаясь, что с его молодым хозяином не все в порядке, и это его предположение на добрых сто процентов соответствует истине. Его молодой хозяин чувствовал себя так, как будто нагнулся, а на него сзади наехал Корнуэльский курортный экспресс.

Я сделал несколько глотательных движений и только тогда сумел выговорить:

– Дживс, вы ведь на самом деле этого не сказали, правда?

– Чего, сэр?

– Да вот что полицейский Доббс пошел к себе домой.

– Именно так, сэр. Он сообщил мне, что идет домой. Что хочет побыть в одиночестве.

– В одиночестве! – усмехнулся я. – Как бы не так.

И без живости и выражения, как Джордж Кигли-Бассингтон, декламирующий «Бена Воина», я описал ему прискорбную ситуацию.

– Вот такое, как иногда выражаются, резюме, Дживс, – заключил я. – Теперь, конечно, уже не важно, теперь вообще все пропало, но вам не кажется, что совершенно такое же положение описал Альфред лорд Теннисон в своем известном стихотворении «Атака легкой кавалерии», которое я тоже, бывало, декламировал в счастливую пору детства? Посмотрите, кто-то ошибся, и Гасси, как те Шестьсот обреченных всадников, скачет в долину Смерти. Его дело – не рассуждать, а исполнить и погибать. И вот...

– Прошу прощения, сэр, что перебиваю...

– Ничего, Дживс, я уже почти договорил.

– ...но не лучше ли сейчас что-нибудь предпринять?

Я посмотрел на него затуманенным оком.

– Предпринять, Дживс? А какой прок? Да и что именно вы предлагаете? По-моему, это уже за пределами человеческих возможностей.

– Может быть, догнать мистера Финк-Ноттла и предупредить об опасности?

Я пожал плечами.

– Можно, конечно, попробовать, если хотите. На мой взгляд, шансов почти никаких, но все-таки под лежащий камень... Вы знаете дорогу к дому Доббса?

– Да, сэр.

– Тогда в путь, – вздохнул я.

Мы свернули с Главной улицы и пошли неосвященными переулками, отрывочно переговариваясь на ходу.

– Я заметил, Дживс, что, когда я сообщил вам последнюю неприятную новость, вы вздернули одну бровь.

– Да, сэр. Я разволновался.

– А не бывает с вами, что вы настолько разволнуетесь, чтобы сказать «Фу ты!»?

– Нет, сэр.

– А «Вот черт!»?

– Нет, сэр.

– Странно. Казалось бы, в такой момент, как сейчас, можно и чертыхнуться. На мой

взгляд, все пропало, а как по-вашему?

– Пока живем, надеемся, сэр.

– Метко сказано, но я с вами не согласен. По-моему, надежды не осталось ни на грош. Гасси мы перехватить не успеем. Он уже давно должен быть на месте. В данную минуту Доббс, я думаю, сидит на нем верхом и защелкивает наручники.

– Полицейский Доббс, возможно, пошел не прямо домой, сэр.

– Вы думаете, есть вероятность, что он завернул в пивную прополоскать горло? Может быть, и так, конечно, но я лично не испытываю оптимизма. Это бы означало определенную благосклонность Судьбы, а мое знакомство с Судьбой свидетельствует...

Я бы продолжал рассуждать в таком духе и дальше, и с изрядным глубокомыслием, так как много размышлял на тему Судьбы и ее склонности всегда пинать хорошего человека, но в эту минуту меня окликнуло еще одно ночное существо, на этот раз женским голосом, и я разглядел стоящий у обочины автомобиль.

– Эге-гей, Берти! – раздалось серебристое сопрано. – Ау, Дживс!

– Добрый вечер, мисс, – вежливо ответил Дживс. – Мисс Перебрайт, сэр, – вполголоса доложил он мне. Но я и сам узнал серебристое сопрано.

– Привет, Тараторка, – мрачно проговорил я. – Ждешь Гасси?

– Да. Он тут только что прошел. Что, что ты сказал?

– Так, ничего, – ответил я – я просто продекламировал себе под нос: «Пушки слева, пушки справа грохочут, и ядра летят». Тебе, конечно, известно, что ты толкнула его на такое дело, где его ждет ужасная гибель, – даже ум не в силах вообразить?

– Ты это о чем?

– О том, что там, куда ты его послала, его ждет Доббс с книжкой Роберта Г. Ингерсола. И долго ли еще он будет читать Роберта Г. Ингерсола после того, как обнаружит, что Гасси проник к нему в дом, чтобы обессобачить хозяйство...

– Не будь ослом. Доббс на концерте.

– Был на концерте. Но ушел, и теперь...

И снова мне не дали договорить. В ночном безмолвии с другого конца улочки донесся собачий лай, который делался все громче, свидетельствуя о том, что лаятель движется в нашу сторону. Кора Таратора выскочила из автомобиля и поместилась посреди улочки, готовая к радушному приему.

– Какой же ты болван, Берти, – промолвила она с некоторой горячностью. – Наболтал ерунды, испугал меня до полусмерти. Все идет по плану. Это Сэм. Я его голос всюду узнаю. Ах ты, мой Сэм! Сюда, мой хороший. Иди к мамочке.

А дальше получилось вроде сцены из «Собаки Баскервилей». Лай и топот становились громче, и вот из темноты вырвался и финишировал Сэм Голдуин, притом на такой скорости, что видно было, как он засиделся у Доббса и рад без памяти возможности поразмяться. Он бы так пробежал, наверно, еще добрых пятьдесят миль, однако при виде нас притормозил, встал, прислушался, присмотрелся. А когда знакомый запах достиг его ноздрей, издал вопль восторга, в который вложил всю душу. Первым долгом он подлетел к Дживсу, видимо, намереваясь вылизать ему физиономию, но был остановлен величавой неприступностью этого достойного человека. Дживс благосклонно смотрит на животный мир и всегда готов потрепать его по голове или поделить кусочком чего-нибудь съедобного, но чтобы ему вылизывали физиономию – этого он никогда не допустит.

– В машину, Сэм, – распорядилась Таратора, когда первый восторг свидания поутих и

мы все немного успокоились. Таратора подсадила пса в автомобиль и вновь заняла место за рулем. – Пора ехать, – сказала она. – В этом месте сценарист порекомендовал бы мгновенное исчезновение. Встретимся позже в «Деверил-Холле», Берти. Дядю Сиднея пригласили выпить кофе с сэндвичами после концерта, и приглашение распространяется вроде бы на меня тоже. Я, во всяком случае, буду считать, что распространяется.

Дав шпоры своему кабриолету, Тараторка скрылась во тьме. Замерло вдали вокальное соло Сэма Голдуина. И снова воцарилась полная тишина.

Полная, но не совсем, если быть точным, потому что барабанных перепонок тут же достиг какой-то странный стук. Поначалу даже непонятно было, что это такое. Словно бы кто-то вдалеке отбивает чечетку, хотя, конечно, так поздно и под открытым небом – маловероятно.

Но потом я понял: кто-то – двое – бежит – вернее, бегут – со всех ног по дороге в нашу сторону. Я вопросительно оглянулся на Дживса, а он схватил меня за рукав и увлек в затемненное место.

– Я боюсь самого худшего, – шепотом признался он. И оно не заставило себя ждать.

В небесную вышину теперь, вдобавок к звездам, вторящим юноокиим херувимам, всплыл изрядных размеров месяц, и, как всегда бывает в таких случаях, видимость значительно улучшилась. Можно было без прищуря наблюдать за всеми событиями и передвижениями.

Передвигались Гасси и полицейский Доббс в порядке перечисления. Я не присутствовал при старте, поэтому, как шли дела на первых этапах, могу только догадываться.

Само собой, всякий, кто влез бы в полицейский участок с целью выкрасть собаку, но застал на месте полицейского Доббса, бросился бы бежать, не теряя времени, и вполне возможно, что уже на старте Гасси получил определенное преимущество. Так или иначе, но теперь, у нас на глазах, он шел с неплохим отрывом и продолжал его наращивать.

Поразительно, как бывает, – близко знаком с человеком с детских лет, и, однако же, оказывается, что некоторые стороны его натуры остались тебе неизвестны. Я общался с Гасси многие годы, знаю его как любителя тритонов, как жениха и как большого болвана, но я совершенно не подозревал в нем талантов спринтера по открытой местности и был просто изумлен, какие результаты он показывал в этом очень специфическом виде спорта. Он шел мощным аллюром, точно заяц по прерии, закинув голову и распутив по встречному ветру зеленую бороду. Работа его голеностопных суставов была на высоте.

Доббс же, напротив, бежал тяжеловато и, на мой наметанный взгляд, имел мало шансов на победу. И еще это свистящее дыхание, похожее на запал. Я убежден, если бы у Гасси хватило ума не сойти с дистанции, а продолжать и дальше в прямом направлении, он бы пришел к финишу победителем. Полицейские не рождены для бега взапуски. Лучше всего они проявляют себя на перекрестках, где стоят, не сходя с места, и приговаривают: «Проезжайте, не задерживайтесь».

Но, как я уже отмечал ранее, Огастус Финк-Ноттл не только отличный бегун, но и порядочный болван, и когда победа была уже практически у него в руках, эта черта, болванство, вышла на поверхность. На улочке с краю росло дерево. Гасси, вдруг сделав финт в сторону, подбежал к нему, подтянулся и вскарабкался по веткам в гущу листвы. Чего он думал этим добиться, знала только его безмозглая голова. Эрнест Доббс хоть и не из первых умников Хэмпшира, однако же у него хватило смекалки взять и стать тут же под деревом. Вся его крепко сбитая фигура выражала решимость стоять до победного конца – хоть все

лето, если потребуется. Такая же непоколебимость наверняка была написана у него на лице, хотя он был виден мне со спины. И невозможно представить себе что-либо тверже, чем голос, каким полицейский порекомендовал зарвавшегося беглецу поскорее слезать вниз и не трогать попусту время, поскольку он застигнут на месте преступления. Так заявил Эрнест Доббс, и трудно было с ним не согласиться. Чтобы не оказаться свидетелем неприятной сцены, которая неизбежно должна быть воследовать, я закрыл глаза.

Своеобразный звук, вроде удара твердым предметом по твердому предмету, побудил меня их снова открыть. Открыв же их, я едва смог им поверить. Эрнест Доббс, который минуту назад стоял, прочно расставив ноги и засунув большие пальцы за ремень, в виде статуи Правосудия, распекающего Правонарушителя, принял теперь, что называется, горизонтальное положение. Или, чтобы было ясно даже самым непонятливым, попросту говоря, лежал на земле, обратив лицо к звездам, в то время как Дживс, подобно воину, вкладывающему меч в ножны, засовывал в карман одну вещь, – как подсказывало мне чутье, маленькую, но сподручную и снаружи вроде бы резиновую.

Я робко приблизился взглянуть на тело, увидел, и дух у меня занялся. Полицейский Эрнест Доббс имел вид более чем спокойный.

– Боже мой, Дживс! – простонал я.

– Я позволил себе его оглушить, сэр, – почтительно объяснил он. – Я пришел к выводу, что в данных обстоятельствах это – простейший способ избежать неприятностей. Можете слезать, сэр, – сказал он Гасси. – Теперь, если мне позволительно будет заметить, главное – поспешность. Долго он ведь не пролежит.

Это высказывание толкнуло мои мысли по новому направлению. Выходит, что Доббс еще может очнуться?

– О да, сэр, безусловно, и очень скоро.

– А я уж думал, он отправился на небеса.

– Отнюдь, сэр. Удар свинчаткой причиняет лишь минутное недомогание. Разрешите мне, – он помог Гасси сойти на землю. – Вполне возможно, что, придя в себя, Доббс испытает довольно сильную головную боль, но...

– «В каждой жизни иногда идут дожди»?

– Вот именно, сэр. Я полагаю, что мистеру Финк-Ноттлу следует поскорее отлепить бороду, она слишком бросается в глаза.

– Но он не может. Она приклеилась намертво.

– Если мистер Финк-Ноттл разрешит мне пройти с ним в его комнату, сэр, я без затруднения помогу ему в этом.

– Да? Тогда беги скорее, Гасси.

– Чего? – переспросил Гасси, и это было как раз в его духе – спрашивать «Чего?» в такой острый момент. Вид у него был довольно растерянный, словно он тоже схлопотал дубинкой по темечку.

– Двигай давай.

– Чего?

Я беспомощно махнул рукой.

– Берите его, Дживс, – сказал я.

– Очень хорошо, сэр.

– Я бы пошел с вами, но у меня есть дела в другом месте. Я должен выпить еще шесть порций коньяка, и притом немедленно. Вы уверены насчет этого живого трупца?

– Сэр?

– То есть «живой» – это про него верно сказано?

– О да, сэр. Обратите внимание, он уже приходит в себя.

Я обратился. Было видно, что Эрнест Доббс готовится снова приступить к обязанностям. Он уже зашевелился, задвигался, начал оживать. И ввиду этого я почел за лучшее удалиться. У меня не было ни малейшего желания оказаться у ложа больного с такой развитой мускулатурой и таким нестабильным темпераментом в ту минуту, когда он очнется и начнет искать виноватого. Я на повышенной скорости возвратился в питейное заведение «Гусь и одуванчик» и значительно поддержал коммерцию одинокой руки, которая высывалась из отверстия в стене. После чего, частично восстановив силы, отправился в «Деверил-Холл» и окопался у себя в комнате.

Пищи для размышлений, как вы легко поймете, у меня было более чем достаточно. Обнаружилась неизвестная, зверская сторона Дживсовой природы, и это открытие меня потрясло. Поневоле задумаешься, насколько далеко это может зайти. У нас с Дживсом в прошлом случались разногласия, мы, бывало, неодинаково смотрели на такие вещи, как лиловые носки с белым смокингом, а при наших характерах подобные разногласия неизбежно будут возникать между нами и в будущем. И не очень-то спокойно на душе, когда подумаешь что в пылу полемики по поводу, скажем, ненакрахмаленной вечерней манишки он вдруг забудет приличия и пожелает положить конец спору, попросту оглоушив меня по лбу чем-нибудь тяжелым. Только и оставалось, что надеяться на старую добрую феодальную верность, быть может, способную унять подобный порыв.

Я все еще сидел и старался осознать тот печальный факт, что за все эти годы вскормил на груди субъекта, которого с готовностью примет боевиком в свой состав нуждающаяся в пополнении банда, когда прибыл Гасси собственной персоной без зеленой растительности на подбородке. Он успел сменить клетчатый пиджак на смокинг, и я только тут спохватился, что тоже должен переодеться к ужину. Я совсем запомнил Тараторкины слова о большом приеме с кофе и бутербродами, запланированном на после концерта, который, судя по часам, уже подходил к заключительной стадии, когда поют «Боже, храни короля».

У Гасси было явно что-то на уме. Он нервничал. Пока я второпях напяливал черные носки, белую сорочку и лаковые штиблеты, он расхаживал по комнате и теребил безделушки на камине, а когда я натянул скроенные по фигуре вечерние брюки, вдруг слышу, опять раздался сдавленный стон, не знаю, такой ли сдавленный, как издавали раньше Китекэт и я, но все-таки достаточно сдавленный, это уж точно. Гасси некоторое время простоял молча, лицом к висящей на стене картине, но теперь повернулся и проговорил;

– Берти, тебе известно, что значит: с глаз упала пелена?

– Конечно. С моих глаз она спадала много раз.

– А с моих глаз она упала сегодня. Я могу точно назвать мгновение, когда именно. Это произошло, когда я сидел на дереве и посмотрел вниз на Доббса, а он сказал, что я застигнут на месте преступления. Тут-то пелена с моих глаз и упала.

Я попробовал вмешаться.

– Минуточку, – говорю я ему. – Уточни для ясности, о чем, собственно, речь?

– Я же тебе объясняю: с моих глаз упала пелена. Со мной произошло важное событие. Вдруг, безо всякого предупреждения, умерла любовь.

– Чья любовь?

– Моя, осел ты несчастный. Любовь к Тараторе. Я понял, что девушка, способная

подвергнуть мужчину такому испытанию, не годится мне в жены. Ты не думай, я ее по-прежнему очень уважаю и уверен, что из нее выйдет прекрасная помощница в жизни для кого-нибудь наподобие Эрнеста Хемингуэя, любящего жить среди опасностей, но сам я после того, что произошло сегодня вечером, совершенно уверился: мне лично нужна спутница жизни немного поспокойнее. Если бы ты видел, как отблескивали в лунном свете глаза полицейского Доббса! – с чувством произнес Гасси и, весь передернувшись, смолк.

Последовала пауза, поскольку я так обрадовался этому потрясающему известию, что не в состоянии был поначалу выговорить ни слова. Потом я все-таки сказал: «Гип-гип-урра!» И возможно, это получилось у меня громковато потому что Гасси подскочил и выразил пожелание, чтобы я не орал ни с того ни с сего «Гип-гип-урра!» – потому что он из-за меня прикусил язык.

– Прости, – сказал я. – Но я держусь своего мнения. Я сказал: «Гип-гип-урра!», потому что я именно имею в виду «Гип-гип-урра!». И еще, может быть, «Аллилуйя!». А если я заорал, то просто оттого, что очень разволновался. Скажу тебе честно, Гасси, из-за твоей страсти к юной Тараторе я сильно беспокоился, поджимал губы и с сомнением спрашивал себя, верной ли дорогой ты идешь? Кора Таратора, бесспорно, всем хороша, из нее, правильно ты говоришь, получится прекрасная жена для того, кто не против по ее мимолетному капризу угодить в камеру одной из наших всеми уважаемых тюрем, но тебе лично нужна невеста в другом роде. Тебе нужна Мадлен Бассет, она создана для тебя. Теперь можешь вернуться к ней и до могилы жить-поживать, добра наживать. А я буду от души рад, со своей стороны, вложить в это дело серебряную яйцеварку или что еще ты пожелаешь в качестве свадебного подарка, и во время самой брачной церемонии тоже можешь на меня рассчитывать: я буду как штык сидеть на боковой скамье и распевать вместе со всеми «Закончены пахаря труды».

Тут я прервал свою речь, ибо обратил внимание на то, что Гасси стоит и довольно сильно корчится. Я у него спросил, чего он корчится, а он ответил, что, мол, будешь корчиться, если попал в такое безвыходное положение, как он, и вообще лучше бы я не молол попусту языком насчет того, чтобы ему вернуться к Мадлен.

– Как я могу теперь вернуться к Мадлен (хоть и мечтал бы всем сердцем), после того как объявил ей в письме, что между нами все кончено?

Я сообразил, что настало время подкинуть ему благую весть.

– Гасси, – говорю, – гляди веселей. Нет причин для беспокойства. Другие обо всем позаботились, пока ты спал.

И без дальнейших предисловий изложил ему весь свой уимблдонский эпизод.

Поначалу он слушал, тупо выпучив глаза и шевеля губами, как семга на нересте. Но постепенно, когда смысл рассказываемого до него дошел, лицо его осветилось, очки в роговой оправе залучились огнем, он крепко пожал мне руку и сказал, что, хотя в целом он разделяет общее мнение относит меня к числу первейших в мире недоумков, в данном случае я, безусловно, проявил храбрость, находчивость, инициативу и сообразительность почти человеческую.

– Ты спас мне жизнь, Верти!

– Можешь не благодарить, старина.

– Если бы не ты...

– Пустяки, пустяки. Услуга Вустера.

– Пойду позвоню ей.

– Разумный шаг.

Он задумался.

– Нет, черт возьми, не буду звонить. Поеду сам и увидаюсь с ней лично. Вызову свой автомобиль и отправлюсь в Уимблдон.

– Пока доедешь, она уже ляжет спать.

– Тогда переночую в Лондоне и рвану к ней пораньше с утра.

– К восьми она уже на ногах. И не забудь, что ты потянул запястье.

– А как же! Ни в коем случае. Хорошо, что ты мне напомнил. Что из себя представляет спасенное мною дитя?

– Маленькое, голубоглазое, с золотыми кудряшками и шепелявит.

– Маленькое, голубоглазое, с золотыми кудряшками и шепелявит. Ясно.

Он еще раз пожал мне руку и умчался, крикнув с порога, чтобы Дживс отправил следом его вещи. А я, завершив туалет, развалился в кресле – насладиться сигаретой перед выходом на люди.

Наверное, надо было бы мне в эту минуту спокойного блаженства, когда сердце пело в груди и кровь бодро бежала по жилам, надо было бы сказать самому себе: «Возьми тоном ниже, приятель. Помни, что клубок любовных отношений Китекэта, Эсмонда Хаддока, Гертруды Винкворт, полицейского Доббса и горничной Куини все еще не распутан». Но знаете ведь, как это бывает. В жизни каждого рано или поздно наступают времена, когда хочется в первую голову подумать о себе самом, и признаюсь, терзания перечисленных любящих сердец оказались задвинуты для меня на задний план мыслью о том, что после трудного старта Судьба все-таки обошлась с Бертрамом Вустером по-божески.

Словом, я был в таком настроении, как путешественник по Африке, который изловчился вовремя вскарабкаться на дерево и тем избежать посягательств вспыльчивого крокодила, но на основании доносящихся снизу воплей заключает, что его верный туземец-носильщик оказался менее удачлив. То есть он, конечно, скорбит, слыша происходящее внизу, но, при всей жалости к бедняге, он, однако, в основном испытывает чувство глубокого удовлетворения тем, что, как ни горек жребий туземцев-носильщиков, лично он, руководитель группы, – на высоте и в ус не дует.

Я уже раздавил в пепельнице окурок и собрался идти, созрев для жизнерадостного бутерброда и бодрящей чашки кофе, как вдруг в дверях полыхнуло алым и вошел Эсмонд Хаддок.

Сервируя этот рассказ для семейного пользования, я постоянно стараюсь, как учат специалисты, ставить нужное слово в нужное место и не подсовывать потребителю серую жвачку, когда он имеет право ждать хлесткой, емкой фразы. Это, конечно, прибавляет трудов, но – честь требует, знаете ли.

Поэтому слово «вошел» из финала предыдущей главы выкидываем и на его место ставим «влетел курбетом». Таким образом: полыхнуло алым, и влетел курбетом Эсмонд Хаддок. Не знаю, случалось ли вам наблюдать, чтобы человек делал курбет, но вот боевые скакуны в прежние времена выделявали их сплошь и рядом, а сейчас курбет сделал Эсмонд Хаддок. Его ноги в охотничьих сапогах переминались по ковру как бы в ритмическом танце наподобие того, что ранее исполнила мисс Поппи Кигли-Бассингтон, и совершенно напрасно он еще при этом улюлюкал по-охотничьи: и так было ясно, что перед нами орел и что радость жизни хлещет в нем через край.

Я приветствовал его и пригласил присесть, но он выпучился на меня с изумленным видом.

– Вы что, всерьез полагаете, что сегодня, в эту ночь из ночей, я могу сидеть? – спросил он. – Я теперь, кажется, целый месяц не присяду. А то и два. Или три. И так далее. Да я огромным усилием воли удерживаюсь, чтобы не подлететь к потолку. Э-хой! Ату, ату! – вдруг переменял он тему. – У-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю-лю!

Мне стало очевидно, что мы с Дживсом, возлагая надежды на бодрящее действие принародного успеха, недооценили пьянящую силу триумфа на концертных подмостках. Глядя на курбет, которые выделявал Хаддок, и слыша его лесные вопли, я радовался за него, что рядом нет моего старого приятеля сэра Родерика Глоссопа. А то сей ревностный врачеватель психов давно бы уже сидел на телефоне и вызывал на подмогу бригаду санитаров со смирительной рубашкой в мозолистых руках, чтобы уволокли его в проветренную одиночную палату с войлочной обивкой на стенах.

– Насчет этого не знаю, – сказал я ему, выждав добрую минуту с хвостом, пока он наулюлюкается, – но я хотел бы поблагодарить вас за то, что вы так мужественно подставили плечо и подменили меня в чтении стихов. Номер прошел благополучно?

– Великолепно!

– Массовых беспорядков не было?

– Ни намека. Скушали как миленькие.

– Вот и хорошо. Я был убежден, что, как лицу, пользующемуся такой любовью у многоголового зверя, серьезная опасность вам не угрожает. Но все-таки вы шли на некоторый риск, и слава Богу, что все завершилось мирно. Я несколько не удивляюсь вашему приподнятому настроению, – добавил я, так как он снова принялся улюлюкать. – После такого успеха у всякого бы голова пошла кругом. Триумф, настоящий триумф!

Он не доделал очередного курбета и посмотрел на меня с недоумением.

– Милейший Гасси, – проговорил он, – неужели вы в самом деле думаете, что я наверху блаженства из-за хорошего приема, оказанного моим куплетам?

– А разве нет?

– Конечно нет.

– Из-за чего же?

– Из-за Тараторы, разумеется. Да Господи! – Он стукнул себя по лбу и, по-видимому, сразу же раскаялся, так как удар получился неслабый. – Господи! Вы же ничего не знаете. Видите, в каком я состоянии? Совсем голову потерял. Я ведь затем только сюда и пришел, чтобы рассказать вам. Вы отстали от жизни, Гасси. Не слышали главной новости. Произошло потрясающее, сенсационное событие, а вы о нем даже не подозреваете. Давайте я расскажу вам все по порядку.

– Давайте, – согласился я. И добавил, что жду с нетерпением.

– Не знаю, сохранился ли у вас в памяти тот разговор, который происходил между нами в день вашего приезда сюда? Чтобы вам было яснее, напомню, что тогда нам в последний раз был открыт доступ к портвейну. Вы еще тогда прошлись рукой мастера по тексту тети Шарлотты, подправили все слабые места и придали ему товарный вид. Вспоминаете?

Я ответил, что да, вспоминаю.

– Ну, так вот. Сегодня вечером... А знаете, Гасси, – перебил он сам себя, – это такое потрясающее ощущение когда покоришь огромную аудиторию...

– Вы это называете огромной аудиторией?

Мой вопрос его заметно задел.

– Ну, во всяком случае, двухшиллинговые, шиллинговые [[140](#)] и восьмипенсовые места все были раскуплены, плюс еще, наверно, билетов пятьдесят стоячих по три пенса, – прикинул он немного обиженно. – Хорошо, скажем: *сравнительно* огромную, если угодно. В данном случае это не принципиально. Потрясающее ощущение – когда покоришь сравнительно огромную аудиторию. Здорово действует. Дает почувствовать свою силу. Осознать, что ты не размазня какая-нибудь и не допустишь ни с чьей стороны никаких глупостей. В том числе и чтобы девушки давали мне от ворот поворот. Я это говорю к тому, чтобы вы могли понять то, что последует дальше.

Я, конечно, понимающе усмехнулся.

– Я знаю, что последует, – говорю. – Вы изловили Тараторку и взяли твердую линию.

– Ну да, совершенно верно, – разочарованным тоном подтвердил Эсмонд Хаддок. – Я как раз собирался вам сказать. А вы откуда узнали?

Я опять понимающе усмехнулся.

– Предвидел, что получится, если вы покорите сравнительно огромную аудиторию. Потому что вы из тех людей, на которых очень сильно воздействует общественное признание. Вы всегда жили под гнетом и, конечно, обзавелись выраженным комплексом неполноценности. А на личность с комплексом восторги толпы обычно действуют как мощный наркотик.

Я, конечно, рассчитывал произвести на него впечатление этими учеными словами, но такого эффекта все же не ожидал. У него отвисла челюсть, взгляд стал почти благоговейным.

– Вы глубокий мыслитель, Гасси.

– Это у меня с детства.

– А ведь глядя на вас и не подумаешь.

– Снаружи не заметно. Да, так вот, – вернулся я к обсуждаемому вопросу, – события развивались, в точности как было задумано. Услышав восторженные клики масс, вы покинули подмостки другим человеком, с жаром в груди и с искрами из ноздрей. Вы разыскали Тараторку. Оттеснили ее в угол. Дали ей понять, что вы – настоящий мужчина и хозяин положения. И все было решено и улажено. Ведь так?

– Да. Точно так все и было. Поразительно, как это вы все заранее рассчитали?

– Ну как. Изучаешь, знаете ли, психологию индивидуума.

– Только я не оттеснял ее в угол. Она сидела в автомобиле собиралась куда-то уезжать, и я засунул голову в окно.

– Ну, и?..

– Мы потолковали немного о том о сем, – смущенно пояснил он, по-видимому стесняясь пересказывать подробности знаменательного события. – Я ей сказал, что она – путеводная звезда моей жизни и все такое и что я больше не желаю слышать всякий вздор про то, что она не согласна быть моей женой, ну, и она после небольшого нажима честно призналась, что я – ветвь, на которой зреет плод ее жизни.

Люди, близко знакомые с Бертрамом Вустером, знают, что он не шлепает по спине направо и налево всех, кто подвернется. Он в таких делах действует очень избирательно. Но в данном случае у меня не было и тени сомнения, что передо мной – спина, не шлепнуть по которой было бы просто хамством. Я шлепнул.

– Чистая работа, – сказал я. – Значит, все в полном порядке?

– Да, – согласился он. – Все хорошо. За одним маленьким исключением.

– Ну что там еще, говоря в общем и целом?

– Не знаю, сможете ли вы до конца понять, о чем идет речь. Чтобы вам было яснее, я должен вернуться ко времени нашей первоначальной помолвки. Она тогда ее расторгла, так как считала, что я слишком подчиняюсь теткам, а ей это не нравилось.

Конечно, я это прекрасно знал, я же слышал анализ положения из Тараторкиных уст. Но тут я был, так сказать, в маске и для правдоподобия удивленно переспросил:

– Вот как?

– Да. И к сожалению, тут она стоит на своем. Ни о каком флердоранже и свадебном торте, она сказала, не может быть речи, пока я не брошу вызов теткам.

– Ну, так в чем дело, бросьте.

Эта моя реплика ему, кажется, не понравилась. Во всяком случае, он с некоторой досадой схватил с полки фарфоровую пастушку и швырнул в камин, где она разлетелась на тысячу частей и стала непригодна для употребления.

– Легко сказать. Тут масса технических сложностей. Нельзя же просто так подойти к тете и сказать: «Я бросаю тебе вызов!» Нужен какой-то повод. И я, черт подери, совершенно не представляю себе, как за это взяться.

– Вот что я вам скажу, – произнес я, поразмыслив. – По-моему, это дело такого рода, когда лучше всего вам будет посоветоваться с Дживсом.

– С Дживсом?

– Мой человек.

– Я думал, вашего человека зовут Медоуз?

– Конечно, конечно, я оговорился, – поспешил я поправиться. – Я хотел сказать: человек Вустера. Редкого ума личность. Находит выход из любого положения.

Эсмонд слегка нахмурился.

– Не лучше ли будет обойтись без вмешательства заезжих лакеев?

– Нет, без вмешательства заезжих лакеев тут не обойтись, – твердо ответил я. – Если, конечно, под заезжим лакеем понимается Дживс. Не обитай вы круглый год в здешнем загородном морге, вам было бы известно, что Дживс – не столько лакей, сколько консультант по светским вопросам. К нему обращаются за помощью самые сильные мира

сего. И вполне возможно, что в благодарность за услуги жалуют ему табакерки, выложенные бриллиантами.

– И вы думаете, он сможет что-нибудь предложить?

– Он всегда может что-нибудь предложить.

– В таком случае, – сказал Эсмонд Хаддок, повеселев, – пойду разыщу его.

Он еще раз проулюлюкал и ушел, звякая шпорами, а я снова с приятностью расположился в кресле и закурил свежую сигарету.

Все начинает понемногу улаживаться, думал я. Конечно, в «Деверил-Холле» по-прежнему можно наблюдать страждущие души в определенном количестве, которое, однако, день ото дня заметно идет на убыль. У меня уже дела в порядке. У Гасси в порядке. Только на фронте Китекэта положение по-прежнему нестабильное, и Синяя птица его счастья медлит с вылетом на сцену.

Я поразмыслил немного о делах Китекэта, а затем вернулся к более приятной теме – собственной персоне и был все еще поглощен ею, с каждой минутой чувствуя себя бодрее и жизнерадостнее, как вдруг распахнулась дверь.

На этот раз никакого алого всполоха не было, потому что вошел не Эсмонд, вернувшийся с охоты, а Дживс.

– Я отлепил мистера Финк-Ноттла от бороды, сэр, – объявил он со скромной гордостью человека, выигравшего трудный бой.

Я сказал, что да, Гасси заходил, и я заметил исчезновение паразитической растительности.

– Он, кстати, просил передать вам, чтобы вы уложили и отослали его вещи. Он уехал в Лондон.

– Да, сэр. Я видел мистера Финк-Ноттла и получил инструкции от него лично.

– Он вам не говорил, почему он вдруг надумал ехать в Лондон?

– Нет, сэр.

На этом месте я немного замялся. Меня подмывало поделиться с Дживсом хорошей новостью, но не означает ли это трепать имя женщины? Как я уже имел случай заметить, мы с Дживсом не из тех, кто треплет имена женщин.

Я сказал на пробу:

– Вы ведь в последнее время часто виделись с Гасси, Дживс?

– Да, сэр.

– Постоянно общались, обменивались мнениями?

– Да, сэр.

– А не упоминал ли он случайно... в порыве э... экспансивности, если я правильно выражаюсь... не обмолвился ли он замечанием в том смысле, что его сердце, вместо того чтобы прочно присохнуть к Уимблдону, слегка вильнуло в другую сторону?

– Да, сэр. Мистер Финк-Ноттл был так любезен, что поделился со мной касательно нежных чувств, которые возбудила у него в сердце мисс Перебрайт. Он откровенно говорил на эту тему.

– Прекрасно. Тогда я тоже могу говорить откровенно. Со всем этим покончено.

– Вот как, сэр?

– Он слез с дерева, проникнутый сознанием, что Тараторка – не та идеальная подруга жизни, какой ему казалась. Пелена упала у него с глаз. Он по-прежнему восхищается ее многочисленными достоинствами и убежден, что из нее получится прекрасная жена для... э-

э... Синклера Льюиса, но...

– Совершенно справедливо, сэр. Должен признаться, что я предчувствовал нечто в этом духе. Мистер Финк-Ноттл – человек мирный, домосед, склонный к спокойной, размеренной жизни, тогда как мисс Перебрайт, пожалуй, слегка...

– Больше чем слегка, Дживс. Гораздо больше. Теперь он это понял. Осознал, что жизнь с Тараторкой, хоть и была бы не лишена приятности, неизбежно кончилась бы пятилетним сроком депортации в Полынные зоны или куда там еще, и цель его отъезда в Лондон состоит в том, чтобы завтра с утра пораньше взять старт на Уимблдон. Ему не терпится как можно скорее увидаться с мисс Бассет. Они позавтракают вместе, а проглотив по паре кусочков бекона с чашечкой кофейку, побредут рука об руку вдаль по солнечным полянам.

– Весьма радостная картина, сэр.

– Весьма. Но я сообщу вам еще одну радостную новость: Эсмонд Хаддок и Кора Таратора договорились пожениться.

– В самом деле, сэр?

– Условно, я должен, впрочем, оговориться.

И я обрисовал ему положение вещей на данный момент.

– Я посоветовал ему обратиться к вам, Дживс, – заключил я. – И он отправился вас разыскивать. Вам теперь все понятно? Как справедливо говорит мистер Хаддок, хочешь ты или не хочешь бросить вызов своим бесчисленным теткам, но это невозможно сделать, пока они не дадут повод. Необходимо устроить что-нибудь такое, как с тем парнем в Библии, когда ему было сказано: «Ступай», а он вместо того, чтобы уйти, взял и вернулся вспять, ну, вы меня понимаете.

– Понимаю вполне, сэр, и приложу все свое соображение. Боюсь, однако, что сейчас я вынужден вас покинуть, сэр. Я обещал помочь дяде Чарли подавать закуски в гостиную.

– Разве это входит в ваши обязанности, Дживс?

– Нет, сэр. Но чего не сделаешь, если просит родной человек.

– Своя кровь – не водица?

– Именно так, сэр.

Он ушел, а через минуту появился Эсмонд. Вид у него был растерянный, как у егеря, не сумевшего выследить лису.

– Никак его не найду, – пожаловался он.

– А он только что вышел отсюда. Спешил в гостиную помочь разносить бутерброды.

– И нам долг велит быть там, дружище, – спохватился Эсмонд. – Боюсь, мы припозднились.

Он был прав. Встреченный нами в коридоре Силверсмит сообщил, что минуту назад выпроводил последнюю группу «чужих» гостей, то есть Кигли-Бассингтонов с приспешниками, и, помимо домочадцев, горящую палубу еще не покинули только викарий, мисс Перебрайт и молодой джентельмен, как он условно обозначил моего кузена Томаса. Эсмонд по этому поводу выразил удовлетворение, заметив, что теперь будет где повернуться.

– Вот и хорошо, что мы разминулись с этими занудами верно, Гасси? Англии нужно поменьше Кигли-Бассингтонов и получше качеством. Вы согласны со мной, Силверсмит?

– Боюсь, что не составил собственного мнения по этому вопросу, сэр.

– Силверсмит, – сказал Эсмонд, – вы напыщенный старый осел. – И хотите верить, хотите нет, ткнул того пальцем под ребра повыше внушительного брюха.

Ошеломленный дворецкий, выпучив в ужасе глаза, покачнулся и на полусогнутых ногах побрел прочь, наверняка спеша поддержать свои силы стаканчиком крепкого, и в это мгновение из гостиной вышла леди Дафна.

– Эсмонд! – произнесла она ледяным голосом, который в давно прошедшие времена доводил многих барышень в директорском кабинете до слез и икоты. – Ты где это пропадал?

Еще совсем недавно, до своего исторического концертного выступления, Эсмонд Хаддок бы в ответ завязался узлом в извинениях и весь взмок от раскаяния. О перемене, происшедшей с бардом «Деверил-Холла», можно было убедительнее всего судить по тому, что теперь его чело несколько не увлажнилось, а на губах заиграла приветливая улыбка.

– А-а, тетя Дафна! – сказал он. – Куда же вы уходите?

– Спать. У меня болит голова. Почему ты так поздно?

– Надо полагать, потому, что раньше не собрался, – весело ответил Эсмонд.

– Полковник и миссис Кигли-Бассингтон были очень удивлены. Они не могли понять, почему тебя здесь нет.

Эсмонд звонко расхохотался.

– Ну и глупцы же они в таком случае, – проговорил он. – И ежу ясно, раз меня нет здесь, значит, я где-то еще. Пошли, Гасси, у-лю-лю-лю-лю, – невозмутимо добавил он и поманил меня за собой в гостиную.

Даже без Кигли-Бассингтонов в гостиной «Деверил-Холла» народу оставалось изрядно. Может быть, четыре тети, Таратора, юный Тос, Гертруда Винкворт и его преподобие Сидней Перебрайт занимали и не все места, но все-таки, можно сказать, зал был полон. Теперь прибавьте сюда Эсмонда и вашего покорного, а также Дживса и Куини с подносами, и уже негде яблоку упасть. Я снял с Дживса пару бутербродов (с сардинкой) и сидел, откинувшись на спинку кресла, полный глубокого удовлетворения, как вдруг в дверях возник Силверсмит, все еще без кровинки в лице после перенесенного потрясения, встал по стойке «смирно», напыжился и объявил:

– Констебль Доббс.

Реакция бутербродожевателей и кофезапивателей, гуртующихся в аристократической гостиной, на возникновение в дверях бравого сотрудника местной полиции бывает различна в зависимости от того, что Дживс называет психологией индивидуума. Так, Эсмонд приветливо проулюлюкал при виде гостя, тетки вздернули брови – в том смысле, что, мол, чему обязаны честью? – его преподобие воинственно подобрался, выражая всем своим грозным видом, что пусть только ревностный служака попробует отпустить хоть одну шуточку по поводу Ионы и кита, он тогда ему покажет! Гертруда Винкворт как сидела безрадостная, так безрадостной и осталась. Силверсмит сохранил каменное выражение лица, какое сохраняют дворецкие во всех случаях жизни, а горничная Куини побледнела и тихо охнула, как женщина, которая вот-вот зарыдает о своем женихе-демоне.

Чувство глубокого удовлетворения меня покинуло, в ногах ощутился некоторый холод. Когда ход событий приводит к такой запутанной ситуации, как в ту пору в «Деверил-Холле», вторжение полицейских сил не может особенно радовать.

Первую свою реплику Доббс адресовал Эсмонду Хаддоку.

– Я явился сюда по неприятному поводу, сэр, – промолвил он, и холодок в Вустеровых ногах стал ощутимее. – Но прежде чем мы займемся этим, я должен кое-что сказать. Могу ли я, сэр, – теперь он повернулся к преподобному Сиднею Перебрайту, – обратиться к вам по духовному вопросу?

Я увидел, что благочестивый Сидней насторожился и, должно быть, сказал себе: «Ну, начинается».

– Это в связи с тем, что я увидел свет, сэр.

Кто-то поблизости ойкнул и закашлялся, словно болонка, откусившая от котлетки кусок не по своим слабеньким возможностям. Оглядываюсь – это Куини. Смотрит на Доббса, выпучив глаза и приоткрыв рот.

Может быть, эти звуки привлекли бы больше внимания, если бы одновременно не прозвучал кашель, вырвавшийся из гортани викария. Он тоже выпучил глаза. У него был вид церковного деятеля, увидевшего, как аутсайдер, на которого он поставил свою последнюю рясу, вдруг вырвался вперед и пронесся первым мимо судейской трибуны.

– Доббс! Что вы сказали? Вы увидели свет?!

На мой взгляд, страж порядка заслуживал особой похвалы за то, что отважился кивнуть головой, по которой совсем недавно получил смачный удар сподручным каучуковым орудием. Однако факт таков, что он кивнул, хотя сразу поморщился и охнул. Но полицейские Британии сделаны из прочного вещества, так что Доббс только на мгновение весь передернулся, словно отведал Дживсова эликсира, и тут же снова принял свой обычный вид, то есть стал опять вылитое гориллье чучело.

– Так точно. И я расскажу вам, сэр, как это произошло. Вечером двадцать третьего числа текущего... Вообще-то сегодня вечером это было... Я при исполнении возложенных на меня обязанностей преследовал забравшегося на дерево грабителя, и вдруг неожиданно меня поразил гром небесный.

Это, как и следовало ожидать, произвело сильное впечатление. Его преподобие сказал: «Гром небесный?» Двое из теток повторили: «Гром небесный?» А Эсмонд произнес: «Э-хой...»

– Да, сэр, – подтвердил Доббс. – Ударил прямо по темени и такую шишку набил, закачаешься.

Его преподобие сказал: «Удивительно». Другие двое из теток покачали головами и прищелкнули языками. А Эсмонд протянул: «Ату-у-у...»

– Ну а я не дурак, – продолжал честный Эрнест Доббс. – Могу понять намек. «Доббс, – говорю я себе, – нечего обманываться насчет того, что это было. Предостережение свыше, вот что. Если уж дошло до грома небесного, Доббс, – говорю я себе, – значит, пора серьезно пересмотреть, Доббс, свои духовные взгляды». Вот что я сказал себе, сэр, если вы меня понимаете. Я увидел свет, и я хотел спросить, сэр, должен ли я сперва посещать воскресную школу для начинающих, или можно сразу приступить к пению в церковном хоре?

Ранее в этом повествовании я уже говорил, что никогда не видел, как пастырь приветствует заблудшую овцу по случаю ее возвращения в родное стадо, однако, понаблюдав за леди Дафной Винкворт в сходных условиях, я получил на этот счет кое-какое представление и мог теперь предугадать к чему клонится дело. По доброжелательной улыбке и блеску в глазах, не говоря о воздетой как бы для благословения руке, было видно, что неожиданная перековка местного вероотступника потрясла преподобного Сиднея Перебрайта до глубины души и вытеснила горькие мысли о судьбе церковного органа. Еще бы мгновение, и он бы выступил со скупой, прочувствованной мужской речью. Все к этому шло. Но обстоятельства не позволили. Не успел он разинуть рот, как что-то прощуршало в воздухе, словно фазан взлетел сбоку из зарослей, и некий крупный предмет, покинув ряды, упал на Доббсову грудь.

Оказалось при ближайшем рассмотрении, что это Куини. Она, точно горчичник, прилипла к представителю Закона, лепеча: «О, Эрни», увлажняя его мундир счастливыми слезами и, как я с легкостью умозаключил, сообщая ему, что все прощено и забыто, и теперь последует безотлагательный возврат кольца, писем и фарфоровой статуэтки с надписью «Привет из Блэкпула». Не ускользнуло от моего внимания также и то, что Доббс, со своей стороны, принялся осыпать ее запрокинутое лицо жаркими поцелуями, приговаривая: «О, Куини!» Я понял, что привилегированные акции деверильских страдальцев опять подскочили и на грифельной доске можно приплюсовать еще одну пару разлученных сердец, которые вновь обрели друг друга весенней цветущей порою.

Эти чувствительные сцены на разных людей действуют по-разному. Я, например, сообразив, что тем самым обязательства Китекэта по отношению к этой доброй девушке можно считать аннулированными, пришел в хорошее расположение духа. А вот Силверсмит, похоже, содрогнулся от ужаса при виде того, какие дела творятся в гостиной «Деверил-Холла». Став немедленно в позу Строгого родителя, он прошествовал к счастливой чете, резким поворотом кисти вырвал свое дитя из любящих объятий Доббса и увел.

Сомлевший констебль немного опомнился и попросил извинения за неприкрытое проявление чувств, а преподобный Сидней сказал ему, что вполне, вполне его понимает.

– Зайдите ко мне завтра, Доббс, – благосклонно пригласил он. – Мы с вами хорошенько потолкуем.

– С удовольствием, сэр.

– Ну а теперь, – промолвил его преподобие, – я, пожалуй, направлю стопы мои к дому. Ты идешь со мной, Кора?

Тараторка ответила, что хотела бы немного задержаться. Тос, чужая реальную возможность разжиться еще кучкой-другой бутербродов, тоже отклонил приглашение в

обратный путь. Так что викарий удалился в одиночестве с лучезарной улыбкой на устах. И только когда за ним закрылась дверь, я обратил внимание на то, что Доббс как стоял, так и не сдвинулся с места. Тут я вспомнил его реплику при выходе на сцену – насчет того, что он явился по неприятному делу. Температура в нижних конечностях снова резко упала. Я опасно покосился в его сторону.

Он без дальнейших проволочек вернулся к повестке дня. Их ведь на это натаскивают: сказано – сделано.

– Сэр, – обратился Доббс к Эсмонду.

Эсмонд поспешил задать встречный вопрос, не соблазнится ли он бутербродом с сардинкой, но Доббс ответил: «Нет, спасибо, сэр», – а когда Эсмонд пояснил, что не настаивает непременно на сардинке и будет вполне рад, если тот возьмет с ветчиной, языком, огурцом или тушеным мясом, пояснил, что предпочитает вообще воздержаться от пищи по причине неприятного дела, по которому он сюда явился. Надо так понимать, что, отправляясь по делам службы, полицейские садятся на диету.

– Мне надо видеть мистера Вустера, сэр, – объявил Доббс.

Возможно, Эсмонд от радости, что вновь обрел свою возлюбленную, временно забыл былую неприязнь к Гасси, но при этих словах полицейского нелюбовь к тому, кто посягал на предмет его обожания, видимо, нахлынула с утроенной силой – во всяком случае, в глазах его появился нездоровый блеск, лицо помрачнело, и на гладком лбу даже образовалась пара суровых складок. Сладкогласый певец Кингс-Деверила уступил место строгому и неумолимому мировому судье.

– Вустера? – переспросил он и, я заметил, плотоядно облизнулся. – Официально?

– Да, сэр.

– А что он сделал?

– Проник в помещение с целью грабежа, сэр.

– Нет, честное слово?

– Да, сэр. Вечером текущего месяца двадцать третьего... то есть сегодня вечером, сэр, обвиняемым было осуществлено грабительское проникновение в мой полицейский участок и выкраден предмет, являющийся достоянием Короны, а именно: собака, в количестве одной, каковая находилась под стражей, как нанесшая два укуса. Я застал его с поличным, сэр, – заключил полицейский Доббс уже не так витиевато, – это он был тем забравшимся на дерево грабителем... преследуя которого я был поражен громом небесным.

Складки на лбу у Эсмонда углубились. Было очевидно, что к этому происшествию он нашел уместным отнестись с полной серьезностью. А когда мировые судьи находят уместным отнестись к какому-то происшествию с полной серьезностью, тут уж начинаешь думать только о том, как бы унести ноги.

– Вы в самом деле застали его в момент кражи этой собаки, в количестве одной? – зловеще спросил Эсмонд, сильно напоминая судью Джеффриза, готового возглавить «кровавое судилище».

– Да, сэр. Вхожу я к себе в участок, а он как раз отвязывает ее и побуждает к бегству, ну, она и припустила вовсю прыть, а я говорю: «Стой», после чего, заметив меня, он тоже припустил во всю прыть, ну и я за ним. Я уж почти что догнал его на верхушке дерева и собирался арестовать, когда меня поразил гром небесный и я лишился чувств. А когда очнулся, обвиняемого на месте уже не было.

– А почему вы полагаете, что это был Вустер?

– Он был при зеленой бороде, сэр, и в клетчатом пиджаке. Сразу бросается в глаза.

– Понятно. Не переоделся после выступления.

– Да, сэр.

Эсмонд снова облизнул губы.

– Раз так, – сказал он, – надо прежде всего позвать Вустера. Видел его кто-нибудь?

– Да, сэр. Мистер Вустер уехал в Лондон на своем автомобиле.

Это сказал Дживс. Эсмонд посмотрел на него с недоумением.

– Кто вы такой?

– Дживс, сэр. Я личный слуга мистера Вустера.

– А-а, так вы и есть Дживс? – заинтересовался Эсмонд. – Мне надо будет как-нибудь с вами поговорить.

– Буду очень рад, сэр.

– Но не сейчас. Позже. Так, стало быть, Вустер укатил в Лондон, а?

– Да, сэр.

– Спасаясь от правосудия?

– Нет, сэр. Могу ли я сделать заявление, сэр?

– Валяйте, Дживс.

– Благодарю вас, сэр. Я просто хочу сказать, что полицейский ошибается, считая преступника, совершившего грабеж, мистером Вустером. Я все время находился при мистере Вустере, после того как он вышел из концертного зала. Я сопровождал его в его комнату и оставался там до самого его отъезда в Лондон. Я помогал ему отлепить бороду, сэр.

– То есть вы свидетельствуете его алиби?

– Полное алиби, сэр.

– Но как же так... – растерянно проговорил Эсмонд, точно побежденный злодей в мелодраме. Очевидно, его очень расстроило, что уплывает из рук возможность вкатить ненавистному Гасси суровый приговор.

– Гм, – сказал полицейский Доббс, не имея, я думаю, намерения внести свой вклад в обсуждение вопроса, а просто так, ведь полицейские никогда не упустят случая сказать «гм». Но затем его вдруг осенила некая мысль, и он еще раз сказал «гм», вложив теперь в одно слово уйму смысла. – Гм, но, если это был не обвиняемый Вустер, тогда, значит, тот другой парень, Медоуз. Который представлял Майка. У того тоже была зеленая борода.

– Ага! – оживился Эсмонд.

– Вот, вот, – сказали тети.

– О! – восторженно воскликнула Гертруда Винкворт.

– Ой! – так же восторженно воскликнула Таратора. Я и сам, признаюсь, был близок к тому, чтобы воскликнуть «Ой!». Меня поразило, как это Дживс не подумал и очертя голову засвидетельствовал алиби Гасси Финк-Ноттла? А Китекэта, что же, бросить на растерзание волчьей стаи? Совсем не похоже на Дживса – упустить это из виду. Гляжу на Таратору – у нее на лице написана тревога за любимого брата, в третий раз подряд угодившего в переделку. Веду взгляд дальше по дуге и вижу Гертруду Винкворт. Гертруда явно борется с сильным волнением. Щеки побледнели, грудь бурно вздымается. Нежный, прозрачный платочек, зажатый в руке, бесшумно разрывается пополам.

Эсмонд властным судейским голосом приказывает:

– Привести сюда Медоуза.

– Слушаю, сэр, – ответил Дживс и скрылся за дверью.

В его отсутствие тети набросились на Доббса с расспросами, требуя подробностей, а когда поняли, что выкраденная собака – это та самая, которая в день моего приезда ворвалась к ним в гостиную и гоняла тетю Шарлотту из угла в угол, единодушно потребовали для этого Медоуза самого беспощадного приговора из предусмотренных тарификацией, и сама тетя Шарлотта высказывалась кровожаднее всех.

Они все еще уговаривали Эсмонда не проявлять мягкотелости, когда возвратился Дживс и привел с собой Китекэта. Эсмонд бросил на него враждебный взор.

– Медоуз?

– Да, сэр. Вы желали поговорить со мной?

– Я желал не только поговорить с вами, – язвительно ответил Эсмонд. – Я желал посадить вас на тридцать суток без права замены штрафом.

Я услышал, как Доббс всхрипнул, и всхрипнул, похоже, от удовольствия. У меня даже сложилось впечатление, что, если бы не железная полицейская выучка, он бы сейчас издал восторженный вопль. Потому что как Эсмонд Хаддок имел зуб на Гасси за попытку примазаться к Тараторке, так и полицейский Доббс имел зуб на Китекэта за попытку примазаться к горничной Куини. И оба они были сильные мужчины, сторонники жесткого обращения с соперниками.

На лице Китекэта выразилось недоумение.

– Как вы сказали, сэр?

– Вы слышали. – Эсмонд посмотрел еще враждебнее прежнего. – Сейчас я вам задам несколько простых вопросов. Вы сегодня на концерте выступали в роли Пата в клоунаде?

– Да, сэр.

– В зеленой бороде?

– Да, сэр.

– И в клетчатом костюме?

– Да, сэр.

– В таком случае вы попались, сэр, – официальным тоном сказал Эсмонд, и четверо теток сказали: «Да уж конечно, дело ясное», а тетя Шарлотта пошла еще дальше и спросила с большим чувством, неужели тридцать суток – это предел, допускаемый правилами? Она читала одну книжку про жизнь в Соединенных Штатах, так там даже за сравнительно пустяковые нарушения дают девяносто.

Тетя Шарлотта пустилась в рассуждение на тему о том, что современная жизнь в Англии движется в сторону плановой американизации и что она, Шарлотта, например, целиком и полностью – за, так как нам многому следует поучиться у наших заокеанских кузенов, но тут вдруг начался краткий повтор эпизода во вспугнутом фазаном из сцены Доббса и Куини – это поднялась со стула Гертруда Винкворт, перепорхнула через гостиную и упала на грудь Китекэту. Она, бесспорно, немало позаимствовала у Куини, так как имела возможность наблюдать ее в работе, во всяком случае, общий рисунок роли у нее был такой же, как прежде у дочери Силверсмита. Единственная разница состояла в том, что там, где горничная говорила: «О, Эрни!» – ее дублерша твердила: «О, Клод!»

Эсмонд Хаддок вытаращил глаза.

– Эй, алло! – произнес он и добавил еще три «алло» по привычке.

Казалось бы, человек в положении Китекэта, под угрозой посадки на целый календарный месяц, будет чересчур взволнован, для нежностей, я бы несколько не удивился, если бы со словами: «Да, да, конечно, но только в другой раз, ладно?» – он разнял

обнимающие его Гертрудины руки. Но ничуть не бывало. Прижать ее к сердцу оказалось для него делом одного мгновения, и притом видно было, что в его глазах это – забота первостепенной важности, а уделять внимание мировым судьям ему сейчас некогда и не до того.

– О, Гертруда! – воскликнул Китекэт. – Сейчас, одну минуту, – отмахнулся он от Эсмонда. – О, Гертруда! – снова повторил он, адресуясь к той, которую держал в объятиях. И в точности так, как до него в аналогичном случае поступил полицейский Доббс, принялся осыпать ее запрокинутое лицо жаркими поцелуями.

– И-ик! – как одна тетя, сказали все четверо. И можно понять их недоумение и растерянность. Довольно необыденная ситуация – когда родная племянница ведет себя по отношению к гостящему лакею так, как их племянница Гертруда вела себя в данный текущий момент. Так что если они и икнули хором, то, я бы сказал, имели на это полное основание. Жизнь они прожили замкнутую, огражденную от веяний внешнего мира и к таким новшествам были не подготовлены.

Эсмонд тоже оказался немного не в курсе.

– Это что такое? – задал он вопрос, которому гораздо уместнее было бы прозвучать из уст полицейского Доббса. Я даже заметил, что Доббс бросил на него ревнивый взгляд, должно быть уязвленный нарушением авторского права.

Таратора вышла вперед и продела руку Эсмонду под локоть. Видимо, сочла, что настало время для откровенного мужского разговора.

– Это мой брат Китекэт, Эсмонд.

– Где?

– Вот.

– Вот это?

– Да. Он приехал под видом слуги из любви к Гертруде, очень трогательный сюжет, если хочешь знать мое мнение.

Эсмонд наморщил лоб. Выражение лица у него стало приблизительно такое же, как в день моего приезда, когда я ему объяснял, в чем суть моего анекдота.

– Давайте разберемся, – проговорил он. – Давайте все расставим по местам. Значит, вот этот субъект – не Медоуз?

– Нет.

– И не слуга?

– Нет.

– Но он – твой брат Китекэт?

– Да.

Лицо Эсмонда просветлело.

– Теперь я понял, – сказал он. – Все ясно. Здравствуйте, Китекэт. Как поживаете?

– Хорошо поживаю, – ответил Китекэт.

– Ну, и отлично, – радушно произнес Эсмонд. – Замечательно.

Тут он запнулся. Должно быть, из-за дружного лая своры теток, да еще он зацепился шпорой за ковер, ему почудилось, будто он на охоте, с губ опять едва не сорвался охотничий возглас, а рука вскинулась кверху, словно чтобы огреть плеткой лошадь по самому полезному месту.

Тети сначала лопотали не вполне внятно, но постепенно в их гомоне прорезался некоторый смысл. Они, оказывается, старались внушить Эсмонду, что не важно, если даже

Китекэт – и Тараторин брат, тем непростительнее его преступление, пусть же Эсмонд не отступает и вынесет ему суровый приговор.

Возможно, их аргументы произвели бы на Эсмонда большее впечатление, если бы он их выслушал. Но он не слушал. Его внимание было направлено на Китекэта и Гертруду, которые воспользовались свободной минутой, чтобы осыпать друг друга жаркими поцелуями.

– Вы с Гертрудой собираетесь пожениться? – спросил Эсмонд.

– Да, – сказал Китекэт.

– Да, – сказала Гертруда.

– Нет, – сказали тети.

– Погодите, – сказал им Эсмонд, подняв руку. – Что для этого требуется? – обратился он опять к Китекэту.

Китекэт ответил, что, на его взгляд, самый верный путь – это немедленно рвануть в Лондон, чтобы утром пройти через все формальности. Лицензия у него уже есть, выправлена загодя, объяснил он, и он не предвидит никаких трудностей, которые не могла бы разрешить добрая старая контора регистрации браков. Эсмонд с ним согласился и предложил им воспользоваться его автомобилем, Китекэт сказал, что это очень благородно с его стороны, а Эсмонд сказал: «Пустяки».

– Будьте добры, помолчите, – добавил он, обращаясь к теткам, которые к этому времени перешли на леденящий душу вопль, какие издают в Ирландии феи – предвестницы беды.

Вот когда снова выступил вперед Доббс.

– Э-э... гм, – сказал он.

Эсмонд нисколько не растерялся.

– Я понимаю, что вы хотите сказать, Доббс. Вы, вполне естественно, жаждете арестовать виновного. Но подумайте сами, Доббс, как мало у вас данных в доказательство вашего обвинения. Вы говорите, что преследовали вскарабкавшегося на дерево человека при зеленой бороде и в клетчатом костюме. Но видимость была плохая, и потом, согласно вашим же собственным показаниям, вас беспрестанно поражал небесный гром, что не могло не сказаться на остроте вашего восприятия, и вполне возможно, что вы ошиблись. Вот вы говорите: при зеленой бороде и в клетчатом пиджаке, а не мог он быть бритый и в костюме спокойного синего цвета?

Эсмонд замолчал, дожидаясь ответа, и видно было, что полицейский Доббс задумался.

Главным проклятием в жизни деревенского полисмена, не дающим спать по ночам и вызывающим сыпь на коже, является постоянный страх, как бы не ляпнуть что-нибудь и не накликать немилость мирового судьи. Полисмен хорошо знает, что бывает, если попадешь в немилость к мировому судье. Тебя начинают подстергать, выжидать, когда ты оступишься, и рано или поздно поймают на каком-нибудь промахе, и ты схлопочешь выговор при всем честном народе. Для молодого полисмена хуже нет, когда судья смотрит холодно и говорит что-нибудь эдакое, начинающееся словами: «Должен ли суд понять вас в том смысле, что...» – и кончающееся юридическим «фе!». Доббсу было ясно, что в данном случае выступить наперекор Эсмонду значит навлечь на себя именно такие беды.

– Ну, так как же, Доббс? – спросил Эсмонд.

Доббс вздохнул. Не существует, я думаю, духовной муки острее, чем мука полицейского, который изловил преступника, а потом у него на глазах вся работа идет насмарку. Но Доббс покорился неизбежности.

– Возможно, правда ваша, сэр, – проговорил он.

– Ну конечно! – дружески воскликнул Эсмонд. – Я так и знал, что вы сами поймете, если вам толком объяснить. Мы ведь не хотим, чтобы за нами значился необоснованный арест, верно?

– Верно, сэр.

– Еще бы! Я лично судебных ошибок терпеть не могу. Китекэт, вы освобождаетесь из-под ареста с незапятнанной репутацией.

Китекэт сказал: «Ну, и прекрасно», – а Эсмонд сказал, что рад доставить ему удовольствие.

– Я думаю, вам с Гертрудой много времени на сборы не нужно?

– Нет. Мы бы отправились прямо сейчас.

– По-моему, это правильно.

– Если Гертруде понадобится переодеться, – предложила Таратора, – она может воспользоваться вещами в моей квартире.

– Отлично, – заключил Эсмонд. – В таком случае кратчайший путь к гаражу – сюда.

Он махнул рукой в сторону распахнутой двери на террасу – стояла изумительная ночь, двери до сих пор не запирали, – на прощанье хлопнул Китекэта по спине и пожал руку Гертруде, и влюбленные затерялись в ночи.

Полицейский Доббс, видя, как они удаляются, испустил еще один вздох, и Эсмонд его тоже хлопнул по спине.

– Я понимаю ваши чувства, Доббси, – сказал он. – Но подумайте еще, и я уверен, вы будете рады, что весенней порою не возвели преград на пути двух любящих сердец к счастью. На вашем месте я бы сейчас отчалил на кухню перекинуться парой слов с Куини. Вам ведь с ней, наверно, о многом надо переговорить.

Лицо полицейского Доббса было не из тех, которые способны выражать чувства. Оно казалось вытесанным из очень твердой древесины рукою скульптора, обучавшегося искусствам на заочных курсах и не пошедшего дальше третьего урока. Но сейчас в ответ на слова Эсмонда оно просияло.

– Ваша правда, сэр, – ответил он и с видом полицейского, который находит, что жизнь хоть местами и тускловата, однако же имеет и свои утешения, пожелав присутствующим всего наилучшего, удалился в означенном направлении.

– Ну, вот и все дела, – сказал Эсмонд.

– И все дела, – подтвердила Таратора. – Милый, по-моему, твои тети хотят тебе что-то сказать.

Действительно, за прочими событиями я не успел упомянуть, что по ходу всей последней сцены тети довольно громко гомонили. Пожалуй, даже не будет преувеличением сказать, что они вопили как резаные. И производимый ими шум, по-видимому, достиг верхних покоев, так как дверь гостиной внезапно отворилась и всеобщим взорам явилась леди Дафна Винкворт, в розовом шлафроке и со страдальческим видом дамы, которая перед выходом глотала аспирин и смачивала виски одеколоном.

– Ну, знаете ли, – произнесла она убийственным тоном, за что ее, по честности, и винить-то нельзя: человек ушел к себе с головной болью и лег, а через полчаса вынужден спуститься обратно на крики и нарушения домашнего спокойствия. – Может быть, кто-нибудь окажется настолько любезен, чтобы объяснить мне, по какому поводу здесь кричат?

Четыре тети оказались любезны одновременно. Они залопотали хором, из-за чего их

было бы трудно понять, когда бы не полное тождество их сообщений. Гертруда, объявили они, только что уехала с братом мисс Перебрайт, и они намерены пожениться, а Эсмонд не только одобрил их намерение, но и самолично предложил молодоженам свой автомобиль!

– Это они! – воскликнули тети, когда, подтверждая их слова, в тишине ночи послышался вой набирающего скорость автомобиля вперемежку с бодрым наигрышем клаксона.

Леди Дафна заморгала, точно ее шлепнули мокрым полотенцем по физиономии, и, дыша гневом, обратилась к молодому сквайру. Вообще-то ей можно посочувствовать: разве приятно матери, когда ее единственная дочь выходит замуж за того, в ком она, мать, всегда видела лишь пятно на роде человеческом?

– Эсмонд! Это что, правда?!

Если бы это она ко мне адресовалась таким образом, я бы, наверно, вскарабкался по стенке и спрятался от нее на люстре, но Эсмонд Хаддок не дрогнул. Он проявил полное бесстрашие. Совсем как тот тип в военной форме на афише цирка – знаете, который стоит один, презирая смерть а на него кровожадно скалятся хищные цари зверей числом с целую дюжину.

– Совершенная правда, – ответил он. – И пожалуйста, больше никаких обсуждений и пререканий по этому поводу. Я поступил, как счел правильным, и вопрос исчерпан. Молчите, тетя Дафна. Тонем ниже, тетя Эммелина. Тихо, тетя Шарлотта. Воздержитесь, тетя Гарриет. Тетя Мертил, возьмите носок и употребите его как кляп. Расшумелись, ей-богу, никто не поверит, что я тут хозяин дома и глава семьи и что мое слово – закон. Вам, может быть, неизвестно, а вот в Турции за такое нарушение субординации, всякие там попытки приказывать хозяину дома и главе семьи, вас давно бы уже задушили тетивой и вышвырнули в воды Босфора. Тетя Дафна, я вас предупредил. Еще раз вякнете, тетя Мертил, и я лишу вас карманных денег. Так, – сказал Эсмонд Хаддок, добившись наконец тишины. – Теперь вот что. Я поддержал матримониальные намерения Гертруды потому, что тот, кого она полюбила, – прекрасный человек. Мне это известно непосредственно от его сестры Кору Тараторы, которая отзывается о нем самым наилучшим образом. Да, и кстати сказать, пока я не забыл, его сестра Таратора и я, мы тоже собираемся пожениться. Правильно я говорю?

– До мельчайших подробностей, – подтвердила Таратора, глядя на него сияющими глазами. Казалось, ей бы сейчас столик и фотографию в рамочке – и она бы запела знаменитый романс «Мой герой».

– Ну, будет, успокоились, – миролюбиво произнес Эсмонд, когда замерли вопли присутствующих. – Нет никаких причин расстраиваться. Вашу жизнь, мои старушки, это нисколько не затронет. Вы как жили здесь, так и будете жить, если, по-вашему, это можно назвать жизнью. Единственно только, в вашем распоряжении станет одним Хаддоком меньше. Я намерен сопровождать мою жену в Голливуд. Ну а когда она отработает там свой контракт, мы поставим себе избушку где-нибудь в деревенской местности и будем растить свиней, коров и так далее. Кажется, я все предусмотрел?

Таратора ответила, что да, все.

– Отлично, – сказал Эсмонд. – В таком случае как насчет небольшой прогулки ночью при луне?

И он повел Тараторку через распахнутую дверь в сад, обнимая ее и целуя по ходу движения, а я бочком, бочком вышел в холл и поднялся по лестнице к себе в комнату. Можно было, конечно, при желании еще остаться поболтать с тетями, но мне почему-то не хотелось.

Первое, что я сделал, очутившись в уединении, это взял карандаш с бумагой и подвел общий баланс, а именно:

Разлученные сердца:

1. Эсмонд
2. Таратора
3. Гасси
4. Мадлен
5. Полицейский Доббс
6. Куини
7. Китекэт
8. Гертруда

Воссоединенные сердца:

1. Эсмонд
2. Таратора
3. Гасси
4. Мадлен
5. Полицейский Доббс
6. Куини
7. Китекэт
8. Гертруда

Все сошлось одно к одному, без сучка и задоринки. Никаких повисших концов, никаких остатков. Скупо, по-мужски вздохнув, – ибо ничто так не трогает душу порядочного мужчины, как соединение разлученных любящих сердец, особенно весенней порой, – я отложил письменные принадлежности и уже было улегся в постель, как вдруг, мерцая и вея, явился Дживс.

– А-а, Дживс, привет, привет, – сердечно встретил я его. – Я как раз подумал, не заглянете ли вы. Знаменательная ночь, а?

– Чрезвычайно, сэр.

Я показал ему подведенный баланс.

– Как по-вашему, тут все точно?

– Все, сэр.

– Приятно сознавать, а?

– В высшей степени, сэр.

– И это все опять благодаря вашим неутомимым стараниям.

– Спасибо на добром слове, сэр.

– Ну что вы, Дживс. Заносим на доску ваш очередной триумф. Признаюсь, была минута, когда вы засвидетельствовали алиби Гасси, я уж было усомнился, правильно ли вы поступаете, мне показалось, будто вы подставляете Китекэта. Но потом, по здравом размышлении, я понял, в чем ваш замысел. Вы решили, что, если Китекэту будет угрожать тюремное заключение, Гертруда Винкворт забудет обиды и сплотится вокруг него, ее нежное сердце растает от его страданий. Я прав?

– Совершенно, сэр. Поэт Вальтер Скотт...

– Отложите на минуту поэта Вальтера Скотта, иначе я потеряю нить рассуждений.

– Хорошо, сэр.

– Но я догадался, на что вы хотели сослаться: «О женщина, когда нам хорошо...» Угадал?

– Именно так, сэр. «Изменчива, капризна, прихотлива. Но чуть...»

– «Но чуть беда обрушится на нас – на помощь ангелом стремится к нам тотчас». И так далее. На Вальтере Скотте меня не подловите. Эту вещь я тоже декламировал в юности. Сначала «Атаку легкой кавалерии» или «Бена Воина», а потом под гром оваций на бис – из Вальтера Скотта. Да, о чем же я говорил?.. Ну вот, теперь я не могу вспомнить, о чем говорил. Я вас предупреждал, чем кончится, если вы повернете разговор на поэта Вальтера Скотта.

– Вы говорили о примирении между мисс Винкворт и мистером Перебрайтом, сэр.

– А-а, ну да, конечно. Я понял, что вы, изучив психологию индивидуума, предугадали такое развитие событий. И знали, что серьезная опасность Китекэту так и так не угрожает. Не будет же Эсмонд Хаддок бросать за решетку родного брата своей возлюбленной.

– Вот именно, сэр.

– Нельзя же одной рукой помолвиться с девушкой, а другой упечь на тридцать суток ее брата.

– Разумеется, нет, сэр.

– И вы своим тонким умом предвидели, что это даст повод Эсмонду Хаддоку бросить вызов теткам. Он был так бесстрашен и тверд, просто заглядение, верно?

– Бесспорно, сэр.

– Приятно сознавать, что теперь они с Корой Тараторой пойдут к алтарю, а? – Я замолчал и с подозрением взглянул на Дживса. – Вы вздохнули?

– Да, сэр.

– Почему?

– Я подумал о мастере Томасе, сэр. Объявление о помолвке мисс Перебрайт было для него жестоким ударом.

Но это пустячное побочное обстоятельство не могло омрачить мое настроение.

– Не сострадайте ему понапрасну, Дживс. У юного Тоса неунывающая натура, он скоро оправится. Даже если Тараторку он потерял, все равно остались еще Бетти Грейбл, Дороти Ламур и Дженнифер Джонс.

– Как я понимаю, они замужние дамы, сэр.

– Тосу от этого ни горячо, ни холодно. Он все равно будет добывать у них автографы. Я вижу перед ним светлое будущее. Или, вернее, – уточнил я, – сравнительно светлое. Потому что сначала ему предстоит объяснение с мамашей.

– Оно уже состоялось, сэр.

Я выпучил на Дживса глаза.

– То есть как это?

– Первоначальной целью моего прихода сюда в столь поздний час, сэр, было уведомить вас, что ее милость находится внизу.

Я вздрогнул всем существом от бриллиантина на волосах до ваксы на ботинках.

– Кто? Тетя Агата?

– Да, сэр.

– Здесь внизу?

– Да, сэр. В гостиной. Ее милость приехала несколько минут назад. Оказывается, мастер Томас, чтобы мать не волновалась, отправил ей письмо с сообщением, что он жив и здоров, но, к несчастью, почтовый штемпель «Кингс-Деверил» на конверте...

– О, проклятье! И она примчалась сюда?

– Да, сэр.

– И?..

– Произошла довольно неприятная сцена между матерью и сыном, в ходе которой мастер Томас имел неосторожность...

– Назвать мое имя?

– Да, сэр.

– Проболтался?

– Да, сэр. И я подумал, не сочтете ли вы уместным в данных обстоятельствах незамедлительное бегство вниз по водосточной трубе? В два пятьдесят четыре есть удобный «молочный» поезд. Ее милость выражала желание увидеться с вами, сэр.

Не буду обманывать читателей и утверждать, будто в первую минуту я не струсил. Струсил как миленький, и сразу же. Но потом в меня словно бы влились свежие силы.

– Дживс, – проговорил я, – это дурная весть, но она пришла в тот миг, когда я готов ее услышать. Я только что был свидетелем того, как Эсмонд Хаддок дал по мозгам пятерым теткам сразу, и после такого зрелища не подобает Вустеру задрать лапки кверху перед всего лишь какой-то одной теткой. Я чувствую себя сильным и решительным, Дживс, Сейчас спущусь и натравлю на тетю Агату Эсмонда Хаддока. А если дела примут слишком крутой оборот, я всегда могу позаимствовать вашу дубинку-свинчатку, ведь так?

Я расправил плечи и зашагал к двери, подобный рыцарю Роланду, идущему на бой с язычниками.

Пэлем Гринвел Вудхауз
Не позвать ли нам Дживса?

Дживс и Вустер

Бармен, на минуточку отлучившийся из-за стойки в пивной «Гусь и огурчик», чтобы срочно навести по телефону некую справку, возвратился на свое рабочее место, весь сияя, как человек, узнавший, что ему достался крупный выигрыш. Его так и подмывало поделиться с кем-нибудь своей радостью, но в пивной никого не было, только одна женщина сидела за столиком у входа, потягивала джин с тоником и коротала время за чтением книги спиритического содержания. Он решил сообщить замечательную новость ей.

– Может, вам интересно будет узнать, мэм, – обратился он к ней срывающимся от волнения голосом, – Мамаша Уистлера выиграла Дубки.

Посетительница оторвалась от книги и с таким выражением посмотрела на него прекрасными темными глазами, будто он сейчас только материализовался из эктоплазмы.

– Что выиграла? – переспросила она.

– Дубки, мэм.

– А что это?

Бармену представлялось невероятным, чтобы кто-нибудь в Англии мог задать такой вопрос, но он успел вычислить, что эта дама – американка, а американки, это он уже знал, часто не разбираются в фактах грубой действительности. Он лично был знаком с одной, которая попросила, чтобы ей объяснили, что такое футбольный тотализатор.

– Это ежегодные лошадиные скачки, мэм, исключительно для молодых кобыл, то есть, иначе говоря, они бывают раз в году, и участие мужского пола не допускается. Проходят в Эпсоме накануне Дерби, а уж про Дерби вы, конечно, слышали.

– Да, про Дерби слышала. Это у вас тут самые большие конские состязания, верно?

– Верно, мэм. Их еще иногда называют классическими. А Дубки бывают накануне, хотя в прежние времена их устраивали на следующий день. То есть я хочу сказать, – пояснил бармен, надеясь быть понятым, – раньше Дубки были после Дерби, но теперь это переменили.

– И Мамаша Уистлера там всех опередила?

– Да, мэм, на два корпуса. Я поставил пятерку.

– Поняла. Ну что ж, это здорово, правда? Не принесете мне еще один джин с тоником?

– Ну конечно, мэм. Мамаша Уистлера! – отходя, упоенно повторил бармен. – Моя красавица!

Бармен вышел. А дама снова углубилась в книжку. На «Гуся и огурчик» низошла тишина.

По основным показателям это заведение мало чем отличалось от всех остальных питейных точек, гнездящихся вдоль проезжих дорог Англии и не дающих ее населению погибнуть от жажды. Тот же церковный полумрак, те же непеременные картинки над камином: «Охотничьи собаки задирают оленя» и «Прощание гугенота», те же соль, перец и горчица, и бутылочки с острым соусом на столах и тот же традиционный озоновый дух – смесь маринада, мясной похлебки, отварного картофеля и старого сыра.

Единственное, что отличало «Гуся и огурчика» в этот ясный июньский день и придавало ему особую стать среди всех остальных питейных заведений, было присутствие женщины, с которой говорил бармен. Как правило, в английских придорожных кабаках взору не на чем отдохнуть, кроме разве случайного фермера, поглощающего яичницу, или пары

коммивояжеров, развлекающих друг дружку неприличными анекдотами; но «Гусю и огурчику» посчастливилось заманить к себе на подмогу эту заморскую красавицу, и она сразу подняла его уровень на недостижимую высоту.

Что в этой женщине сразу же бросалось в глаза и исторгало изумленный присвист, так это окружающая ее аура богатства. О нем говорило в ней все: кольца, шляпка, чулки, туфли, серебристый меховой палантин и безукоризненный парижский костюм спортивного покрова, любовно облегающий выпуклости роскошной фигуры. «Вот, – сказали бы вы при виде ее, – женщина, у которой от презренного металла сундуки ломаются и тик в большом пальце от непрерывной стрижки купонов, а кровожадные пиявки из налогового управления при звуках ее имени по привычке с почтительным придыханием приподнимают свои грязные шляпы».

И, так сказав, вы бы не ошиблись. Какой богатой она казалась, такой и была на самом деле. Похоронив двух мужей, в обоих случаях -мультимиллионеров, она осталась так прекрасно упакована в финансовом отношении, что лучшего и вообразить невозможно.

Жизнь ее может служить красочной иллюстрацией к романам Х. Элджера, которые повествуют про золушек, превращающихся в герцогинь, и тем поддерживают в молодых сердцах неувядающие надежды – никогда ведь не знаешь, какая колоссальная удача ждет тебя за ближайшим углом. Урожденная Розалинда Бэнкс из городка Чилликот, что в штате Огайо, она не обладала никакими дарами, если не считать миловидного личика, великолепной фигуры и некоторого умения сочинять верлибры, с таким багажом прибыла в Гринич-Виллидж искать счастье в мире искусства – и преуспела с первой же попытки. На одной вечеринке она привлекла к себе взоры и покорила сердце желтогазетного магната Клифтона Бессемера и оглянуться не успела, как стала его женой.

Овдовев в результате попытки Клифтона Бессемера протаранить на своей машине тяжелый грузовик вместо того, чтобы мирно его объехать, она два года спустя познакомилась в Париже и сочеталась браком с А. Б. Спотсвортом, миллионером – охотником на крупную дичь, и почти сразу же овдовела опять. На этот раз виною было расхождение во взглядах между ним и одним из львов, на которых А. Б. Спотсворт охотился в Кении. Он считал, что лев мертв, а лев считал, что нет. И когда стрелок поставил ногу зверю на горло, позируя перед фотоаппаратом капитана Биггара, знаменитого Белого Охотника, сопровождавшего экспедицию, последовала неприятная шумная ссора, а Белому Охотнику надо было сначала отбросить фотоаппарат, да еще он потратил несколько драгоценных мгновений, пока нашарил ружье, так что его выстрел, меткий, как всегда, грянул слишком поздно, чтобы принести какую-то практическую пользу. Ничего другого не оставалось, как подобрать ключья и переписать огромное состояние миллионера-охотника на имя вдовы, присоединив его к тем приблизительно шестнадцати миллионам, которые она ранее унаследовала от Клифтона Бессемера.

Вот кто такая была миссис Спотсворт, женщина с душой и с сорока двумя миллионами долларов в кубышке. А дабы прояснить еще некоторые мелочи, быть может, нуждающиеся в прояснении, заметим, что сейчас она направлялась в Рочестер-Эбби в качестве гостьи девятого графа Рочестера, а в «Гусе и огурчике» остановилась просто немного отдохнуть и выгулять собачку пекинеса по кличке Помона. Книгу спиритического содержания она читала потому, что с недавних пор сделалась горячей приверженкой потусторонних изысканий. Модный парижский костюм спортивного покрова на ней был потому, что она любила модные парижские костюмы спортивного покрова. А джин с тоником она пила

потому, что такой теплый летний вечер словно специально создан для того, чтобы выпить стаканчик джина с тоником.

Бармен принес волшебный напиток и продолжил разговор с того места, где остановился:

– Ставка была тридцать три к одному, мэм.

Миссис Спотсворт подняла на него лучистые глаза:

– Простите?

– С этой цифры она начинала.

– О ком вы говорите?

– О той кобыле, вот что, я рассказывал, выиграла Дубки.

– Ах, так мы опять о ней? – вздохнула миссис Спотсворт. Она читала про чрезвычайно интересные манифестации мира духов, и эти земные разговоры прозвучали для нее неприятным диссонансом.

Бармен почуял отсутствие живого интереса. Ему стало немного обидно. В такой великий день он хотел бы иметь дело лишь с теми, в чьих жилах течет спортивная кровь.

– Вы не увлекаетесь скачками, мэм?

Миссис Спотсворт ответила не сразу:

– Да, пожалуй, не особенно. Мой первый муж был от них без ума, но мне всегда казалось, что это как-то бездуховно. Такие вещи не очень способствуют высшему развитию нашего "я". Случается, я иной раз поставлю кусок для забавы, но это мой предел. А глубины моей души они не затрагивают.

– Кусок, мэм?

– Ну одну тысячу.

– Ух ты! – пробормотал потрясенный бармен. – Вот это я называю прозаложить последнюю рубашку. Хотя для меня это была бы не только рубашка, но и чулки с подвязками в придачу. Повезло букмекерам, что вы сегодня не были на ипподроме и не поставили на Мамашу Уистлера.

Он возвратился за стойку, а миссис Спотсворт снова углубилась в книгу.

Далее на протяжении, наверно, десяти минут в «Гусе и огурчике» ничего существенного не происходило, только бармен прихлопнул салфеткой муху, а миссис Спотсворт допила джин с тоником. Но вдруг могучая рука распахнула дверь, и в залу решительными шагами вошел крепкий, коренастый, широкоплечий и обветренный мужчина. У него было очень красное лицо, зоркие небесно-голубые глаза, круглая, с залысинами голова и топорщащиеся прямоугольные усики, какие встречаются повсеместно на далеких окраинах Империи. Они в таком изобилии произрастают под носами тех, кто несет бремя белого человека, что напрашивается мысль, не имеется ли у их носителей каких-то монопольных прав? На ум приходят ностальгические строки поэта Киплинга: «Мне б к востоку от Суэца, где добро и зло – одно, где не ведают Закона и человек может выращивать у себя на губе топорщащиеся прямоугольные усики».

Вероятно, эти усики и придавали вошедшему такой экзотический вид. Из-за них он казался совсем не на месте в английской придорожной пивной. При взгляде на него чувствовалось, что его естественная среда обитания – притон Черного Майка в Паго-Паго, где он был бы, конечно, душой общества, хотя вообще-то почти все время пропадал бы на сафари, сводя счеты с местной фауной, какая ни подвернется под руку. «Вот, – сказали бы вы, – человек, не раз смотревший в глаза носорогу, и тот перед ним беспомощно отворачивал

морду».

И опять же, как и тогда, когда вы так глубоко и точно анализировали миссис Спотсворт, вы окажетесь совершенно правы. Этот мужественный воитель джунглей и саванн был не кто иной, как тот самый капитан Биггар, о котором мы уже мельком упоминали выше в связи с прискорбным происшествием, завершившимся кончиной А. Б. Спотсворта, и любой из тех, кто проживает у дороги в Мандалай или проводит время в «Длинном баре» в Шанхае, подтвердит вам, что «бвана» Биггар в своей жизни смирил взглядом так много носорогов, что вам такого количества и во сне не увидеть.

Однако в данный момент он думал не столько о наших бессловесных братьях, сколько о том, чтобы выпить чего-нибудь прохладительного. Вечер, как мы уже говорили, был теплый, и капитан проделал длинный путь от Эпсома, откуда выехал немедленно по окончании скачек, известных под названием Дубки, до этой тихой пивной в Саутмолтоншире.

– Пива! – прорычал он, и при звуке его голоса миссис Спотсворт, вскрикнув, уронила книгу, а глаза ее чуть не выскочили из родных орбит.

И в той ситуации это было вполне естественно, ибо сначала ей показалось, будто она стала свидетельницей одной из тех манифестаций спиритуального мира, про которые она сейчас только читала. У любой женщины глаза из орбит выскочат.

А дело-то все в том, что капитан Биггар, если взглянуть на вещи прямо, был охотник и, следовательно, должен был охотиться. Его место там, где расположены его охотничьи угодья. Поэтому ничего удивительного, что его встречают то в Кении, то в Малайе, то на Борнео, то в Индии. «А-а, капитан Биггар, привет-привет, – скажут ему. – Как следопытствуете?» А он ответит, что следопытствует нормально. И все в полном порядке.

Но если вы встретите его в английской придорожной пивной, за тысячи миль от естественной области обитания, можно будет вас понять, коль скоро у вас мелькнет подозрение, что это вовсе не живой человек во плоти, а всего лишь призрак, или фантом, завернувший к вам на огонек, как это свойственно призракам и фантомам.

– И-ик! – воскликнула миссис Спотсворт, потрясенная до глубины души. С тех пор как она увлеклась потусторонними явлениями, ей часто мечталось увидеть своими глазами настоящее привидение, но для таких вещей нужны соответствующая обстановка и подходящее время суток. Кому охота, чтобы призраки лезли на глаза, когда ты сидишь и пьешь освежительный джин с тоником?

Капитану же Биггару, пока он не услышал голос миссис Спотсворт, она в полутемной пивной показалась просто обыкновенной женщиной, опрокидывающей стаканчик на дорогу. Конечно, он машинально расправил плечи и подкрутил усы, как поступал неизменно в присутствии любой особы женского пола; но кто она такая, он не догадывался. И вот теперь, узнав ее, он весь, с ног до головы, задрожал мелкой дрожью, словно молодой робкий гиппопотам, впервые столкнувшийся нос к носу с великим Белым охотником.

– Ну, жарьте меня в горячем масле! – вырвалось у него, и глаза его полезли на лоб. – Миссис Спотсворт! Варите меня в сливовой подливке! Вот уж кого никак не ожидал встретить! Я думал, вы в Америке.

Миссис Спотсворт опомнилась и приняла прежний светский вид.

– Я прилетела на прошлой неделе с визитом, – пояснила она.

– А-а, тогда понятно. А то я очень удивился, увидев вас здесь. Помню, вы говорили, что живете в Калифорнии или где-то там такое.

– Да, у меня дом в Пасадине. И в Кармеле. И еще один в Нью-Йорке, и еще во Флориде.

И еще на севере, в штате Мэн.

– Пять в общей сложности?

– Шесть. Я забыла еще про дом в Орегоне.

– Шесть? – растерянно повторил капитан. – Что ж, приятно, конечно, иметь крышу над головой.

– Да. Но через какое-то время надоедает. Хочется чего-то нового. Я подумываю купить, может быть, этот дом, куда сейчас еду, Рочестер-Эбби. Я познакомилась в Нью-Йорке с сестрой лорда Рочестера, она возвращалась с Ямайки, и она сказала, что, возможно, ее брат согласится продать. Ну а вы-то что делаете в Англии, капитан? Я как вас увидела, сначала глазам своим не поверила.

– Да вот, знаете ли, дорогая леди, захотелось взглянуть на родные места. Давно уж не выбирался сюда, все некогда было. Хотя помните пословицу: «Кто с детства много трудится и не веселится, из того вырастет дурак и тупица»? Диву даешься, до чего тут все изменилось с тех пор, как я приезжал последний раз. Нет больше праздных богатеев, если вы меня понимаете, все работают, каждый, так сказать, при деле.

– Да, поразительно! Сестра лорда Рочестера леди Кармойл рассказала мне, что ее муж, сэр Родерик Кармойл, заведует секцией в магазине «Харридж». А он десятый баронет или что-то в этом роде. Представляете?

– Трудно себе представить, ваша правда. Толстый Фробишер и Субадар [Субадар – по-персидски и на хинди означает «начальник»] ни за что не поверят, когда я им расскажу.

– Кто-кто?

– Приятели мои в Куала-Лумпуре. Просто рты поразевают от изумления. Но мне лично нравится, – мужественно заключил капитан. – Так и должно быть. Игра прямой битой.

– Как вы сказали?

– Такой спортивный термин, милая леди. Из крикета. В крикете полагается бить прямой битой, а иначе... иначе ты бьешь, прямо скажем, кривой битой, ну, вы меня понимаете.

– Н-наверно. Может быть, вы присядете?

– Благодарю. Только на одну минуту. Я преследую врага рода человеческого.

В том, как держался капитан Биггар, тонкий наблюдатель заметил бы некоторую скованность и приписал бы ее, вернее всего, тому обстоятельству, что при последнем свидании с миссис Спотсворт он собирал и складывал вместе фрагменты тела ее супруга, чтобы их можно было отправить в Найроби. Однако неловкость, испытываемая им, была вызвана вовсе не этим прискорбным воспоминанием. Корни ее уходили гораздо глубже.

Эту женщину он любил. Полюбил ее с первого мгновения, как она вошла в его жизнь. До чего ясно он помнил это событие! Лагерь среди древесных акаций. Каменистый обрыв. Обломки скал в русле горного потока. Старый Симба (лев) ревет в отдалении, старый Тимбо (слон) гуляет в высоких тростниках (бимбо), и тут к лагерю подъезжает в автомобиле А. Б. Спотсворт, а рядом с ним – божественное видение в брюках для верховой езды. «Моя жена», -представил А. Б. Спотсворт и указал рукой на свою спутницу – Клеопатру Египетскую и Елену Троянскую в одном лице, а капитан Биггар, отвечая: «Добро пожаловать, мемсагиб» и произнося вежливое приветствие: «Край йу ти ню ма пай», испытал такое ощущение, будто его прошибло сильным электрическим током. «Вот оно!» – понял он.

Естественно, в соответствии с законами белого человека он в своей любви и не подумал признаваться, но с той самой поры в его сердце горела ровным пламенем безмолвная, жаркая страсть такого калибра, что порой, на досуге, слушая вой гиен и любуясь снегами

Килиманджаро, он почти готов был сочинять стихи.

И вот теперь она снова перед ним, и еще прелестнее, чем прежде. Капитану Биггару показалось, будто где-то поблизости бьют в большой барабан. Но это было всего лишь биение его сердца.

Его последняя реплика оставила миссис Спотсворт в недоумении.

– Преследуете врага рода человеческого? – переспросила она.

– Одного мерзавца букмекера. Подлеца из подлецов, с душой черной, как его грязные ногти. Гонюсь за ним уже несколько часов. И почти настиг, – заключил капитан Биггар, мрачно отпив пива. – но тут что-то сломалось в чертовом автомобиле. Сейчас его чинят в гараже по соседству, за углом.

– Но почему вы гонитесь за букмекером? – не поняла миссис Спотсворт. Такое занятие казалось ей совсем неподходящим для настоящего мужчины.

Лицо капитана Биггара потемнело. Своим вопросом она задела обнаженный нерв.

– Жалкий пес подло со мной обошелся. А с виду такой положительный. Усы как у моржа и черная нашлепка на левом глазу. «Честный Паркинс» – название фирмы. «Ставьте на кого вашей душе угодно, благородный человек, – он говорил. – Кто не играет, тот не выигрывает. Подходите, подходите, – он говорил. – Вразвалку, враскачку, вприпрыжку. Дамам скидка, ставки не возвращаются». Ну я и поставил у него в двойном.

– В двойном?

– В двойном, дорогая леди, это когда ставишь на лошадь в одном забеге и если выиграл, то весь выигрыш ставится на другую лошадь в другом забеге.

– А-а, то, что в Америке называется двойной одинар.

– И как вы легко можете прикинуть, если обе лошади приходят первыми, вам достается изрядная сумма. Я по приезде в Лондон сошелся с довольно осведомленными людьми, и они порекомендовали на сегодня надежный дубль: Люси Глиттерс и Мамаша Уистлера.

Второе имя было миссис Спотсворт уже знакомо.

– Здешний официант сказал, что Мамаша Уистлера победила.

– И Люси Глиттерс в предыдущей скачке тоже. Я поставил на нее пятерку, выиграл из ста к шести и все записал на Мамашу Уистлера в Дубках. Она прошла финиш из...

– ...из тридцати трех к одному, по словам бармена. Вот это да! Вы сорвали приличный куш.

Капитан Биггар допил свое пиво. Он допил его как страждущая душа (если страждущая душа может пить пиво).

– Да, я, безусловно, сорвал бы куш, – подтвердил он, горестно хмуря брови. – Мне причиталась от него колоссальная сумма в три тысячи фунтов, два шиллинга и шестипенсовик, да плюс еще моя исходная пятерка, которую я вручил его помощнику, типу в клетчатом костюме и тоже при моржовых усах. И что же? Негодяй букмекер дал деру, не заплатив. Укатил в своем автомобиле, а я за ним. Несся вдогонку, вихляя по извилистым сельским дорогам, наверно, целую вечность. И как раз когда я его уже почти сцапал, моя машина сломалась! Но я его все равно поймаю, скотину. Изловлю гада. И когда схвачу, выгребу из него все внутренности голыми руками, сверну ему голову, и он у меня ее проглотит. После чего...

Капитан Биггар вдруг опомнился и умолк. Кажется, он заболтался и не дает даме вставить ни слова. В конце-то концов, какое дело этой женщине до его грез наяву?

– Довольно обо мне, – сказал он. – Малоинтересная тема. А как вы жили-поживали все

это время, дорогая леди? Все у вас в порядке, надеюсь? Выглядите вы – лучше не бывает. А как здоровье вашего супруга? Ах, простите...

– Ничего, пожалуйста. Вы хотели спросить, не вышла ли я снова замуж? Нет, не вышла, хотя Клифтон и Алексис оба очень советуют. Так мило с их стороны, так благородно! Они так заботятся обо мне.

– Клифтон? Алексис?

– Мистер Бессемер и мистер Спотсворт, мои прошлые мужья. Я с ними время от времени переговариваюсь на спиритических сеансах. Вы, наверно, считаете, – добавила она не без смущения, – что странно с моей стороны верить в такие вещи?

– Странно?

– Потому что многие мои друзья в Америке говорят, что это все вздор собачий.

Капитан Биггар воинственно фыркнул:

– Хотел бы я быть там и высказать им свое мнение. Я бы потряс их тусклый интеллект. Нет, дорогая леди, живя на таинственном Востоке, я видел слишком много фантастического, чтобы находить что-то странным. Я наблюдал, как босые пилигримы на дороге Ахура-Мазда ступали по раскаленным углям. Видел, как в воздух подкидывают канаты и по ним карабкаются вверх стайки ребятишек. Я знаю факиров, которые спят на гвоздях.

– Неужели?

– Уверяю вас. И при этом, подумайте только, совершенно не ведают бессонницы. Так что я не из тех, кто поднимает людей на смех за то, что они верят в спиритизм.

Миссис Спотсворт смотрела на него с нежностью. Она думала о том, какой он чуткий и симпатичный.

– Я очень увлекаюсь мистическими исследованиями. С гордостью могу сказать, что принадлежу к узкому кругу энтузиастов, стремящихся проникнуть сквозь завесу. И надеюсь, что в этом Рочестер-Эбби, куда я еду, я сподоблюсь какой-нибудь яркой духовной манифестации. Это ведь, говорят, один из старейших загородных домов в Англии.

– Ну, раз так, значит, обязательно вспугнете пару-тройку призраков, – заверил ее капитан Биггар. – В этих старых английских домах они водятся целыми табунами. Не выпьете ли еще джина с тоником?

– Нет, мне пора. Помона ждет в машине, а она сердится, когда ее оставляют одну.

– Никак не можете задержаться и пропустить со мной по полстаканчика?

– Боюсь, что никак. Надо ехать. У меня нет слов, чтобы передать вам, как мне приятно было снова встретиться с вами, капитан.

– Для меня это был настоящий праздник, дорогая леди, – ответил капитан Биггар голосом, осипшим от избытка чувств.

Они уже вышли на улицу, и она задержалась, стоя возле своего автомобиля в ослепительных лучах заката, так что ему представилась возможность лучше разглядеть ее во всей красе. «Как она хороша, – подумалось ему, – как обворожительна, как... Стоп, Биггар, – резко одернул он себя, – это никуда не годится, приятель. Соблюдай правила игры, старина!»

– Зайдите навестить меня, капитан, когда я вернусь в Лондон. Я становилась в «Савое».

– Буду счастлив, дорогая леди, буду счастлив, – ответил капитан Биггар. – Зайду непременно.

Но на самом деле он не собирался выполнить свое обещание. Потому что зачем? Какой прок возобновлять это знакомство? Только беречь старую рану. Нет, лучше уж сжать

покрепче зубы и прямо сейчас поставить на всем этом точку, раз и навсегда. Скромному охотнику, прямо скажем, без фартинга за душой, нечего якшаться с богатыми вдовами. О таких вещах ему не раз с осуждением говорили Толстый Фробишер и Субадар в Англо-Малайском клубе Куала-Лумпура. «Этот малый – просто пошляк и гонится за деньгами, – бывало, говорили они за рюмкой джина про кого-нибудь из знакомых, женившегося на богатой. – Обыкновенный жиголо, черт подери, только и всего. Так не поступают, старина, ясно? Это непорядочно».

И они совершенно правы. Так не поступают. Да, черт подери, у человека есть кодекс чести. Одним словом, как говорится, мех нее пан конг бахн ротфай.

Он вздернул подбородок и зашагал по дороге – узнать, как поживает его автомобиль.

Замок Рочестер-Эбби – вообще-то в Англии произносится: «Ростер» -расположен милях в десяти от «Гуся и огурчика». Он стоит, вернее, стоит та часть его, которая еще не обрушилась, на самой границе Саутмолтена, среди улыбчивой сельской местности. Хотя если бы вы спросили его владельца -Вильяма Эджертона Бамфилда Оссингама Белфрая, девятого графа Рочестерского, с чего бы это в наши дни английской сельской местности улыбаться, он бы затруднился ответить. Архитектура его дома относится к XIII веку, к XV веку и к эпохе Тюдоров, а разрушения – к середине XX века, к периоду после Второй мировой войны.

Чтобы попасть в Рочестер-Эбби, надо свернуть с шоссе и ехать добрую милю по подъездной аллее, густо поросшей живописными сорными травами, а затем подняться по каменным, кое-где выщербленным ступеням парадного крыльца к массивной, давно не крашенной входной двери. Что и проделали сестра Билла Ростера Моника и ее муж сэра Родерик (Рори) Кармойл примерно в то время, когда миссис Спотсворт и капитан Биггар вспоминали былое.

Моника, по прозвищу Маленький Мук, была женщина миниатюрная и очень подвижная; ее муж был долговяз и невозмутим. В его облике и манерах ощущалось что-то от крайне флегматичного буйвола, который задумчиво жует жвачку и озирается вокруг медлительно и методично, не допуская ни малейшей спешки. Именно так он, стоя на верхней ступеньке крыльца, озирает сейчас Рочестер-Эбби.

– Мук, – промолвил он наконец, завершив осмотр. – Я сообщу тебе одну вещь, которую ты, по своему усмотрению, можешь передавать или не передавать для публикации в прессе. Это несчастное здание каждый раз, как я его вижу, все больше теряет лоск.

Моника немедленно вступилась за дом своего детства:

– Могло быть еще гораздо хуже.

Рори подумал-подумал, пожевал жвачку и спросил:

– Например, как?

– Конечно, дом нуждается в ремонте, но где взять на это денег? Не может же бедняжка Билл содержать дворец на избушечные доходы.

– Почему он не поступит на работу, как все мы?

– Нечего тебе важничать. Подумаешь, деятель торговли!

– Не я один, все работают. Палата лордов практически пуста, лорды приходят заседать только по вечерам и в праздники.

– Нас, Ростеров, трудно к чему-нибудь приспособить. Все мужчины у нас в роду были божьи одуванчики. Дядя Роджер, например, даже сапоги свои не умел надеть.

– А в чьих же он сапогах ходил? – заинтересовался Рори.

– Это мы все не прочь бы выяснить. Конечно, ошибка Билла, что он упустил ту баснословно богатую американку.

– Что еще за американка?

– Это было вскоре после нашей с тобой свадьбы. Некая миссис Бессемер. Вдова. Он с ней познакомился как-то летом в Каннах. Сказочно богатая и, по словам Билла, неопишуемой красоты. Поначалу ситуация казалась обнадеживающей, но потом ничего из этого не вышло. Верно, кто-то перебежал дорогу. Он же тогда был просто мистер Белфрай, а

не его сиятельство граф Рочестер, это могло иметь решающее значение.

Рори покачал головой:

– Вряд ли дело в этом. Я вон тоже был просто мистер Кармойл, когда познакомился с тобой, а посмотри, как я тебя лихо уволок из-под носа у лучших женихов графства.

– Да, но вспомни, какой ты тогда был. Разбивал сердца направо и налево, только бровью поведешь. Ты и сейчас еще ничего, – любовно добавила Моника. – Осталось кое-что от прежних чар.

– Что верно, то верно, – не стал отрицать Рори. – При рассеянном освещении я еще кого хочешь очарую. А вот у Билла, мне кажется, всегда не хватало напора... такого напора, какой можно наблюдать у нас в «Харридже». Воля к победе, я бы так это назвал. Она была у Наполеона. Она есть у меня. А у Билла ее нет. Мм-да, так-то, – философски заключил Рори. Он снова принялся оглядывать Рочестер-Эбби. – Знаешь, в чем нуждается этот дом? В атомной бомбе. Чтобы ее аккуратно сбросили на крышу главного банкетного зала.

– Да, это бы, конечно, неплохо.

– В два счета бы все пришло в порядок. Наладилась бы нормальная жизнь. Но, увы, атомные бомбы стоят денег, так что этот вариант, надо полагать, исключается. Тебе следует употребить свое влияние и убедить Билла, пусть закупит побольше керосина, нагребет стружек, перестанет выбрасывать утренние газеты, запасется спичками и в одну прекрасную безлунную ночь запалит тут такой костер, чтобы небу жарко стало. Он сразу почувствует себя другим человеком, как только старую развалину охватят языки пламени.

Моника ухмыльнулась загадочно:

– Я знаю способ получше.

Рори покачал головой:

– Нет. Только поджог. Это единственный выход. Старый добрый поджог. Ребята на востоке им частенько пользуются. Спалют фабрику, на которой работали, и гуляй не хочу.

– А что ты скажешь, если я тебе сообщу, что надеюсь его продать?

Рори изумленно вытаращил глаза. Он был высокого мнения об изобретательности своей жены, но в данном случае полагал, что она замахнулась на невозможное.

– Продать?! Да этот дом задаром никому не всучишь! Билл, как мне известно, предлагал его за бесценок одной благотворительной конторе под приют для исправившихся малолетних преступников, так от него там с презрением отмахнулись. Должно быть, опасались, как бы их преступники не подхватили ревматизм. Чрезвычайно сырое помещение Рочестер-Эбби.

– Да, влажноватое.

– Вода проступает сквозь стены и струится ручьями. Помню, я как-то сказал Биллу: «Билл, – говорю, – сообщу тебе кое-что насчет твоей домашней обстановки. У вас в саду протекает река, а в доме протекают крыши». Развеселил его, беднягу. Он сказал, что это очень остроумно.

Моника смерила его холодным супружеским взглядом, какие неизменно приводят мужей в трепет.

– Жуть как остроумно, – произнесла она ледяным тоном. – Обхохочешься. И конечно, ты сразу же отмочишь что-нибудь в этом роде, чтобы позабавить миссис Спотсворт.

– Как ты сказала? – до Рори постепенно дошло, что было названо имя, ему незнакомое. – Кто это миссис Спотсворт?

– Дама, которой я надеюсь продать этот дом. Американка. Ужасно богатая. Я

познакомилась с ней в Нью-Йорке, по пути домой. У нее штук двадцать домов в Америке, но ей безумно хочется что-нибудь старое и живописное в Англии.

– Романтическая особа, а?

– Вся пропитана романтикой. Ну и вот, когда она мне это сказала – мы сидели рядом на обеде в женском клубе, – я, конечно, сразу подумала про Билла и Рочестер-Эбби и принялась ей его расписывать. Она, похоже, заинтересовалась. В конце-то концов, здесь и вправду уйма всяких исторических достопримечательностей.

– И мышей.

– Она на следующий день улетала в Англию, и я пригласила ее, когда я вернусь домой, приехать сюда и самой все осмотреть. Теперь она должна быть с минуты на минуту.

– А Билл об этом знает?

– Нет. Мне следовало предупредить его телеграммой, но я забыла. Ну да какая разница? Он все равно будет в восторге. Важно только, чтобы ты не отпугнул ее своими убийственными шуточками: «Я часто говорю, миссис Спотсворт, со свойственным мне остроумием, что, с одной стороны, в здешнем саду протекает речка, а с другой стороны... ха-ха-ха! Вы только послушайте – закачаетесь... с другой стороны, в доме протекает крыша». И она, конечно, немедленно бросится заключать сделку.

– Ну что ты, моя старушка, разве я способен ляпнуть такое?

– Очень даже способен, мое сокровище. Твоя беда в том, что ты хоть и лучший из мужчин, но совершенно лишен такта.

Рори усмехнулся. Ему было смешно это слышать.

– Это я-то лишен такта? У нас в «Харридже» тебя бы за такие слова просто подняли на смех.

– Ты должен постоянно держать в голове, как важно для нас продать Рочестер-Эбби.

– Буду помнить. Я всей душой за то, чтобы протянуть старине Биллу руку помощи. Куда же это годится? – перешел Рори к глубокомысленным рассуждениям, он нередко задумывался на подобные темы. – Билл начал свою карьеру с самого низа, как простой наследник графского титула, и благодаря собственной настойчивости и отваге в конце концов достиг того, что стал графом. Но едва только он успел нахлобучить на голову феодальную корону и сказал себе: «Хоп-ля-ля, урра!» – как вдруг, точно кролика из шляпы, вытаскивают на свет социальную революцию и отбирают у него практически все до последнего пенни. М-да, что поделаешь, – заключил Рори со вздохом. – Послушай, Мук, – переменил он тему, – старушка, ты не заметила, что на протяжении нашей беседы, для меня лично крайне приятной, я то и дело, с короткими интервалами, нажимал звонок, но абсолютно безрезультатно? Тут что, замок Спящей Красавицы? Или ты думаешь, все население этого дома выкосила какая-нибудь чума или холера?

– Да Господи! – воскликнула Моника. – В Рочестер-Эбби никакие звонки не работают со времен Эдуарда Седьмого по крайней мере. Дядя Джордж, если ему нужно было позвать кого-нибудь из домашнего персонала, запрокидывал голову и выл, как койот.

– Это когда ему требовалось надеть чужие сапоги?

– Надо просто толкнуть дверь и войти. Что я сейчас и сделаю. А ты принеси вещи из машины.

– И куда их поставить?

– Пока на пол в холле, – ответила Мук. – А позже отнесешь наверх.

Моника переступила через порог и вошла в гостиную слева от дверей. В этой комнате

во времена ее детства концентрировалась почти вся жизнедеятельность Рочестер-Эбби. Как и в других старинных английских домах таких же размеров, в Рочестер-Эбби имелось много высоких парадных покоев, которыми никогда не пользовались, а также библиотека, куда изредка заходили, и эта гостиная, место встречи всех и вся. Здесь в раннем детстве Моника сидела и читала «Газету для девочек», и здесь же, пока не запретил дядя Джордж, обладавший обостренным обонянием, она держала своих белых кроликов. Это была просторная, уютная, слегка затрапезная комната со стеклянными дверями, выходящими на террасу и дальше в сад, через который, как мы уже знаем, протекала речка.

Моника стояла, оглядываясь вокруг и вдыхая старый знакомый аромат табака и кожи и, как всегда, испытывая грустную радость и сожалея о том, что никак нельзя пустить часы в обратную сторону, – а в это время из сада в комнату вошла девушка в рабочем комбинезоне, на миг в изумлении застыла при виде ее, а затем восторженно взвизгнула:

– Маленький Мук... Дорогая!

Моника обернулась:

– Джил, мой ангел!

И они бросились друг дружке в объятия.

Джил Уайверн была молодая, очень миловидная девушка, слегка присыпанная веснушками, и по всему видно, что деловая и толковая. Комбинезон на ней выглядел как военный мундир. Ростом она, как и Моника, была невеличка, и один интеллектуальный поклонник в неопубликованном стихотворении уподобил ее танагрской статуэтке. Сравнение это, однако же, хромает, поскольку танагрские статуэтки, при всех их достоинствах, довольно статичны, тогда как Джил была подвижная и энергичная. Она обладала пружинистой походкой и в свое время в школе с успехом играла правым нападающим в хоккейной команде.

– Милая моя Мук! – проговорила она теперь. – Это в самом деле ты? Я думала, ты на Ямайке.

– Сегодня утром возвратилась. Прихватила в Лондоне Рори и на машине сюда. Он там, у крыльца, вытаскивает вещи.

– Как ты загорела!

– Ямайский пляж. Я три месяца работала над этим загаром.

– Тебе к лицу. А Билл не говорил, что ждет вас сегодня. Ты вернулась раньше времени?

– Да, я прервала свои разъезды более или менее досрочно. Мои средства, столкнувшись с нью-йоркскими ценами, тихо скончались. А вот и король торговли.

Вошел Рори, отирая платком пот со лба.

– Что там у тебя в чемоданах, моя милая? Свинец? – Заметив Джил, он замолчал и уставился на нее, наморщив лоб. – Здравствуйте, – произнес он неуверенным тоном.

– Ты ведь помнишь Джил Уайверн, Рори?

– Да, конечно. Джил Уайверн. Само собой. Как ты справедливо заметила, это Джил Уайверн. Ты рассказала ей про свой загар?

– Она сама заметила.

– Действительно, бросается в глаза. Она говорит, что загорала вся без ничего, – доверительно сообщил он Джил. – Старозаветный муж мог бы кое о чем задуматься, а? Но важно разнообразие. Так вы, значит, Джил Уайверн? Как вы выросли!

– С каких пор?

– С тех... с тех пор, как начали расти.

– Вы ведь представления не имеете, кто я, верно?

– Ну, этого я бы не сказал...

– Я вам напомню. Я была на вашей свадьбе.

– Для этого вы слишком молоды.

– Мне было пятнадцать. Меня поставили смотреть за собаками, чтобы не прыгали на гостей. Шел, как вы, наверно, помните, проливной дождь, и у них лапы были в грязи.

– Бог ты мой! Теперь я вас вспомнил. Значит, вы и есть та противная девчонка? Я тогда заметил, как вы вертитесь под ногами, и еще подумал: ну и пугало!

– Мой муж славится утонченными манерами, – вмешалась Моника. – Его нередко называют современным графом Честерфилдом.

– Я как раз собирался добавить, – самодовольно возразил Рори, – что она за это время заметно улучшилась с виду, так что, как мы видим, никогда не следует отчаиваться. А после мы разве больше не встречались?

– Встречались спустя год или два, когда вы здесь гостили летом. Я тогда только начала выезжать и, должно быть, выглядела еще противнее прежнего.

Моника вздохнула:

– Ах эти выезды в свет! Старый добрый рынок невест! Так и вспоминаешь собственную молодость. Очки долой, зубные пластинки вон!

– Затянуться, чтобы, где надо, было выпукло, а где надо – впукло, -последовал вклад Рори, и Моника строго взглянула на мужа.

– А тебе-то откуда известны такие подробности?

– Да так, бываю в нашей секции дамского белья.

Джил рассмеялась:

– Мне лично больше всего запомнились панические семейные советы на тему о моих хоккейных руках. Я должна была часами ходить держа руки над головой.

– Ну и каков результат? Оправдались затраты?

– В каком смысле?

Моника, доверительно понизив голос, растолковала:

– В смысле жениха. Подцепила что-нибудь стоящее?

– На мой взгляд, да. Собственно говоря, вы, сами того не ведая, залетели в высокие сферы. Перед вами не кто-нибудь, а будущая графиня Рочестерская.

Моника восторженно взвизгнула:

– То есть вы с Биллом помолвлены?

– Вот именно.

– Давно?

– Уже несколько недель.

– Я страшно рада. Вот уж не думала, что у Билла хватит ума на это.

– Действительно, – со свойственным ему тактом подтвердил Рори. -Событие, которому нельзя не удивиться. Билл, насколько я помню, всегда предпочитал пухленьких, пышнотелых красоток. Я был свидетелем многих его страстных увлечений особами, выглядевшими как помесь Царицы фей с чемпионом по классической борьбе. Была одна хористочка в мюзик-холле «Ипподром»...

Тут ему пришлось прервать этот поток увлекательных для невесты воспоминаний, чтобы громко охнуть, поскольку Моника предусмотрительно лягнула его по лодыжке.

– Расскажи нам, дорогая, как это произошло? – попросила она. -Неожиданно?

– Да, совершенно неожиданно. Он помогал мне дать корове болюс...

Рори вытаращил глаза:

– Что дать корове?

– Болюс. Это такая большая пилюля, которую дают коровам. И не успела я опомниться, как он вдруг схватил мою руку и говорит: «Слушай, когда мы с этим управимся, ты выйдешь за меня замуж?»

– Какое красноречие! Рори, делая мне предложение, сказал только: «Э-э, как насчет того, чтобы... а?..»

– Да, а перед тем еще три недели репетировал, – уточнил Рори. Он снова наморщил лоб, явно пытаясь что-то сообразить. – Этот болюс, пилюля, про которую вы сейчас говорили... Я не вполне понял. Вы давали его корове, верно?

– Да, больной корове.

– Ах, больной корове? Тут я чего-то недопонимаю. Необходимо кое-что уточнить.

Почему, собственно, вы давали болюс больной корове?

– Это моя работа. Я местный ветврач.

– Кто-кто? Не хотите ли вы случайно сказать, что вы ветеринар?

– Именно. Дипломированный специалист. Мы все теперь трудящиеся.

Рори с умудренным видом кивнул:

– Глубоко верно. Я и сам солдат армии труда.

– Рори работает в «Харридже», – уточнила Моника.

– Правда?

– Старший продавец в секции «Шланги, газонокосилки и поилки для птиц», – пояснил

Рори. – Но это лишь временно. Ходят упорные слухи о повышении по службе и переводе в секцию «Стекло, фигурки и фарфор». А оттуда всего лишь шаг до «Дамского белья».

– Мой герой! – Моника нежно поцеловала мужа. – Держу пари, они там все позеленеют от зависти.

Рори, скандализированный, поспешил возразить:

– Ну что ты! Нет, конечно. Народ бросится пожимать мне руку, шлепать по спине. У нас в «Харридже» царит замечательный дух товарищества, один за всех и все за одного.

Моника снова обратилась к Джил:

– А твой отец не возражает против того, что ты разъезжаешь повсюду и даешь болюсы коровам? Отец Джил, – объяснила она мужу, – начальник полиции графства.

– А-а, очень приятно, – сказал Рори.

– По-моему, он должен быть против.

– Нет-нет. Мы теперь все где-нибудь работаем. За исключением моего брата Юстаса.

Он прошлой зимой выиграл в Литтлвуде крупную сумму в бильярд и стал чванливым богачом. Со всей родней держится так надменно. Одним словом, великосветский фат.

– Какой снобизм! – горячо отозвался Рори. – Меня возмущают классовые различия!

Он собрался было распространиться на эту тему, поскольку имел по данному вопросу твердые взгляды, но в эту минуту раздался телефонный звонок, и он потрясенный оглянулся вокруг:

– Господи ты Боже мой! Вы что, хотите сказать, что старина Билл заплатил за телефон?

Моника подняла трубку:

– Алло?.. Да, это Рочестер-Эбби... Нет, лорда Рочестера в настоящее время нет дома.

Это его сестра леди Кармойл. Номер его автомобиля? Я даже не знала, что у него вообще есть автомобиль. – Она обернулась к Джил: – Ты не знаешь номер машины Билла?

– Нет. А почему они спрашивают?

– Почему вы спрашиваете? – повторила Моника в телефон. Она подождала минуту и положила трубку. – Разъединили.

– Кто это был?

– Не назвался. Просто голос из пустоты.

– А вдруг Билл попал в аварию? – встревожилась Джил.

– Ну что вы! – успокоил ее Рори. – Он слишком хорошо водит машину. Наверно, остановился по дороге купить соку или еще чего-нибудь, а им понадобился его номер, записать в книгу должников. Но когда звонят по телефону и не называют своего имени, это производит неприятное впечатление. У нас был один, работал помощником старшего продавца в секции «Варенья, соусы и консервы», ему однажды ночью позвонил Таинственный Голос, не назвался, и, короче говоря...

– Прибереги эту историю на после обеда, о мой король рассказчиков, -прервала его Моника. – Если, конечно, тут будет обед, – добавила она с сомнением.

– Разумеется, будет обед, – сказала Джил. – И вы убедитесь, что он тает во рту. У Билла очень хороший повар.

Моника удивленно захлопала глазами:

– Повар? Это в наши времена? Не могу поверить. Может, еще скажешь, что у него есть горничная?

– Есть. По имени Эллен.

– Опомнись, дитя. Ты бредишь. Горничных не бывает.

– А у Билла есть. И садовник есть. И дворецкий, замечательная личность по имени Дживс. И Билл еще подумывает нанять мальчику, чтобы чистил ножи и обувь.

– Милосердные небеса! Прямо какой-то ханский дворец! – Моника вдруг что-то вспомнила. – Дживс, ты сказала? Почему это имя мне знакомо?

Рори поспешил пролить свет:

– Берти Вустер. У него слугу зовут Дживс. Наверно, его брат или тезка.

– Нет, – возразила Джил. – Это он и есть. Билл получил его в ленд-лиз.

– Но как же Берти-то без него обходится?

– По-моему, мистер Вустер сейчас в отъезде. Во всяком случае, Дживс сам в один прекрасный день явился сюда и объявил, что готов принять на себя обязанности дворецкого, ну и, естественно, Билл за него ухватился. Это не человек, а сокровище. Билл говорит, что он «старой закалки», не знаю точно, что это значит.

Моника все еще недоумевала.

– А средства на все это? Он платит жалованье своим придворным или только одаривает их время от времени обворожительной улыбкой?

– Ну конечно, платит. Щедро. Еженедельно по субботам расшвыривает кошельки с золотом.

– Откуда же он его берет?

– Зарабатывает.

– Не смей меня. Билл за всю жизнь не заработал ни пенни, исключая раннее детство, когда ему платили по два пенса за прием касторки. Где он мог заработать?

– Он делает какую-то работу для Сельскохозяйственного совета.

– Ну, на этом не разбогатеешь.

– А вот Билл сумел. Наверно, ему платят больше, чем другим, за то, что он очень хорошо исполняет свои обязанности. В чем они состоят, я на самом деле точно не знаю. Он садится утром в машину и уезжает. Я думаю, инспектирует. Собирает сведения по вопросникам. А так как с цифрами он не особенно в ладах, с ним ездит Дживс.

– Ну что ж, замечательно, – сказала Моника. – А то я испугалась, не принялся ли он снова играть на скачках. Было время, я страшно за него беспокоилась, когда он гонял с ипподрома на ипподром в своем сером цилиндре, он еще носил в нем сэндвичи.

– Нет, нет, это исключено. Я взяла с него честное благородное слово, что он никогда больше не поставит деньги на лошадь.

– Разумная мера, – одобрил Рори. – Хотя, конечно, иногда немного встряхнуться не вредно. Мы в «Харридже» устраиваем маленький тотализатор на разные важные события. По пять шиллингов. Ставки крупнее не поощряются начальством.

Джил подошла к стеклянной двери в сад.

– Ну хорошо, – сказала она. – Мне вообще-то некогда тут болтать, меня работа ждет. У

Билла приболел ирландский терьер, я зашла взглянуть, как он.

– Дайте ему боллос.

– Я применяю новую американскую мазь. У бедняги чесотка. Увидимся еще сегодня.

И Джил ушла по делам милосердия, а Рори обернулся к Моники. От его обычного бесстрастия не осталось и следа. Он оживился, принял пронизательный вид – ну просто Шерлок Холмс, напавший на след преступника.

– Мук.

– Да?

– Что ты на это скажешь, старушка?

– На что?

– На это внезапное обогащение Билла. Тут явно что-то не так. Если бы у него завелся один дворецкий, это бы еще можно было понять: переодетый судебный исполнитель. Ну а горничная? А повар? И автомобиль? И, черт возьми, оплаченные счета за телефон?

– Да, я согласна. Это странно.

– Не просто странно. Смотри сама. Когда я прошлый раз посещал Рочестер-Эбби, Билл находился в состоянии полного безденежья, естественном для представителя английских высших классов наших дней, – выпивал кошкино молоко и подбирал сигарные окурки в сточных канавах. Приезжаю теперь и что же я вижу? Дворецкие в каждом углу, повсюду, куда ни глянь, горничные, на кухне повара теснятся у плиты, тут и там ирландские терьеры, да еще раздаются фантастические разговоры про мальчиков для чистки обуви и ножей. Это... это... Забыл слово. Ну, как это говорится?

– Не знаю, что ты хочешь сказать.

– Знаешь. Начинается на «ир».

– Ирак? Ирвинг? Иррадиация?

– Да нет. Иррационально, вот какое слово. Все это совершенно иррационально. Разговоры про работу для Сельскохозяйственного совета, конечно, отбрасываем, это чистая лапша на уши. Сказки для маленьких. Таким роскошеством на жалованье от Сельскохозяйственного совета не обзаведешься. – Рори замолчал и погрузился в задумчивость. – Слушай, а что, если Билл решил пойти в джентльмены-грабители?

– Не говори глупостей.

– А что, некоторые идут. Рэффлс, например, если помнишь, был джентльменом-грабителем и жил вполне неплохо. Или, может быть, он кого-то шантажирует?

– Господи, Рори, ну что ты такое говоришь!

– Выгодное занятие, насколько я знаю. Присмотришь себе какого-нибудь богача, проведешь его гнусные тайны и шлешь ему письмо, что, мол, тебе все известно и пусть он положит десять тысяч фунтов мелкими купюрами под столб на второй миле Лондонского шоссе. Потратишь эти десять тысяч, берешь с него еще столько же. Сумма со временем возрастает, и вот тебе разгадка всех этих дворецких, горничных и так далее.

– Если ты будешь меньше плести чушь и перенесешь наверх больше чемоданов, мир станет значительно лучше.

Рори подумал и понял, что от него требуется.

– Ты хочешь, чтобы я перенес чемоданы наверх?

– Вот именно.

– Будет исполнено. Девиз «Харриджа»: «Сервис».

Снова зазвонил телефон. Рори возвратился и поднял трубку.

– Алло? – Он вздрогнул. – Кто-кто? Господи ты боже мой! Хорошо. Его сейчас нет, но я передам. – Он положил трубку. На лице у него появилось ответственное выражение. – Мук, – проговорил он торжественно, – может быть, впредь ты будешь серьезнее относиться к моим словам и перестанешь отмахиваться и высмеивать мои теории. Звонили из полиции.

– Из полиции?

– Хотели поговорить с Биллом.

– О чем?

– Не сказали. Не полагается, ты что, не понимаешь? Запрещено законом о государственной тайне и прочих таких вещах. Но круг смыкается, старушка. Его уже обложили со всех сторон.

– А может, они просто хотят, чтобы он приехал раздавать призы участникам какого-нибудь полицейского состязания?

– Сомневаюсь. Но ты, конечно, можешь придерживаться этой версии, если тебе так легче. Значит, ты говоришь, отнести чемоданы наверх? Будет исполнено незамедлительно. Пошли, ты будешь меня вдохновлять словом и жестом.

Они ушли, и какое-то время тишину летнего вечера нарушал только доносившийся с лестницы глухой стук восхождения покорного мужа с тяжелыми чемоданами в обеих руках. Потом замер и он, и сонное безмолвие снова воцарилось в Рочестер-Эбби. Но вот сначала тихий, издалека, затем все громче, ближе стал слышен шум автомобильного мотора. После того как он, усилившись, оборвался, через стеклянную дверь из сада вошел молодой человек. Ввалился на подкашивающихся ногах, учащенно дыша, подобно загнанной лани, которая желает к потокам воды. Вынув дрожащими руками из кармана портсигар, вошедший закурил; видно было, что его одолевают тягостные мысли.

Впрочем, мысли – это условно говоря. Потому что Вильям, девятый граф Рочестер, который, бесспорно, был очень мил, и все, кто его знал, относились к нему с искренней симпатией, никак не мог считаться мыслителем. Еще в его детские годы близкими было замечено, что, хотя он имеет золотое сердце, маленьких серых клеточек у него в мозгу явный недобор, так что, согласно общему мнению, кому бы ни досталась следующая Нобелевская премия, это будет не Билл Ростер. В «Клубе трутней», членом которого он заделался сразу по окончании школы, его по части интеллекта ставили где-то между Фредди Уидженом и Понго Туислтоном, то есть на одно из самых последних мест. Более того, некоторые утверждали, что в умственном развитии он отстает даже от дубины Фодеринг-Фиппса.

Зато следует отметить, что Билл, как все в их роду, был исключительно хорош собой, – хотя те, кто так считал, возможно, изменили бы свое мнение, если бы увидели его в данную минуту. Ибо мало того, что на нем был пиджак в крупную пеструю клетку, с раздутыми мешковатыми карманами и галстук вырви глаз – расцвеченный голубыми подковами на малиновом фоне, но вдобавок еще левый глаз закрывала большая черная нашлепка, а над верхней губой нависали пышные рыжие усы, напоминающие швабру без палки. В мире бритых лиц, в котором мы живем, не часто встретишь у человека такую почти тропическую растительность; да и не особенно хочется, по правде говоря.

Черная нашлепка и рыжие усищи – это дурно, но что девятый граф все же еще способен к раскаянию, было видно из того, как он подпрыгнул, точно балетный танцор, когда, прохаживаясь по комнате, случайно заметил в старинном зеркале свое отражение.

– Боже милостивый! – воскликнул он, отшатнувшись.

Дрожащими пальцами он снял с глаза нашлепку, сунул в карман, сорвал с губы злокачественную растительность и, изогнувшись, вылез из клетчатого пиджака. После этого он подошел к окну, высунул голову наружу и сдавленным, заговорщицким голосом позвал:

– Дживс!

Ответа не последовало.

– Эй, Дживс, где вы?

Снова тишина.

Билл свистнул. Свистнул еще раз. Так он стоял на пороге между комнатой и террасой и свистел, когда дверь сзади него отворилась и показалась величавая фигура.

Человек, вошедший или, правильнее будет сказать, вступивший в комнату, был высок, темноволос и важен. Это мог быть иностранный посол из приличной семьи или нестарый первосвященник какой-нибудь утонченной, солидной религии. В глазах его светился ум, правильные черты лица выражали феодальную верность и готовность к услугам. Словом, это

был типичный джентльмен, слуга джентльмена, с высоко развитыми благодаря рыбной диете мозгами, которые он теперь был рад почтительно предоставить в распоряжение молодого господина. Он держал переброшенный через руку пиджак в спокойных тонах и консервативной расцветки галстук.

– Вы свистели, милорд?

Билл обернулся:

– Дживс! Каким образом вы ухитрились туда пробраться?

– Я отвел машину в гараж, милорд, а потом вошел в дом через людскую половину. Ваш пиджак, милорд.

– Спасибо. Я вижу, вы переоделись.

– Я счел, что так будет лучше, милорд. Когда мы выезжали на шоссе, тот господин был уже совсем близко, он может пожаловать сюда с минуты на минуту. Если бы его встретил дворецкий в клетчатом костюме и накладных усах, это могло бы возбудить его подозрения. Рад видеть, что вы, ваше сиятельство, уже сняли этот довольно заметный галстук. Он превосходно способствует созданию соответствующей атмосферы на скачках, но едва ли подходит для частной жизни.

Билл с содроганием покосился на отталкивающий предмет мужского туалета.

– Он мне с самого начала внушал отвращение, Дживс. Весь в каких-то ужасных подковах... бррр! Засуньте его куда-нибудь подальше. И пиджак тоже.

– Очень хорошо, милорд. Вон тот сундук, я полагаю, сможет послужить им временным вместилищем. – Дживс подобрал пиджак и галстук и прошел в дальний конец комнаты, где стоял старинный дубовый сундук для приданого, переходивший из поколения в поколение в роду Рочестеров. – Да, -удостоверился Дживс. – «Не так глубокий, как колодезь, и не так широкий, как церковные ворота, но и этого хватит».

Аккуратно сложив эти неприятные вещи, он поместил их на дно и опустил крышку. Даже такие простые действия Дживс совершал со спокойным достоинством, которое произвело бы глубокое впечатление на зрителя, не столь взбудораженного, как Билл. Выглядело это все так, как будто полномочный посол великой державы возлагает венок на гробницу почившего монарха.

Но Билл, как мы уже сказали выше, был взбудоражен. На него наибольшее впечатление произвела фраза, сорвавшаяся несколько раньше с уст великого человека.

– То есть как это он может пожаловать с минуты на минуту? -переспросил он. Известие, что ему может нанести визит краснорожий субъект с оглушительным голосом, осыпавший его бранью всю дорогу от Эпсоста до Саутмолтоншира, его не слишком обрадовало.

– Не исключено, что он разглядел и запомнил номер нашего автомобиля, милорд. Если ваше сиятельство помнит, он довольно продолжительное время имел возможность рассматривать нас с тыла.

Билл рухнул в кресло и отер со лба одинокую каплю пота. Такого оборота дел он не предвидел. И теперь перед лицом неожиданной опасности у него словно размякли кости.

– А, черт! Об этом я и не подумал. Теперь он узнает имя владельца и явится сюда.

– Да, милорд, такое предположение вполне правдоподобно.

– Вот дьявольщина, Дживс!

– Да, милорд.

Билл снова провел по лбу платком:

– Ну и что же мне тогда делать?

– Я бы порекомендовал равнодушие и полнейшее непонимание, о чем идет речь.

– С эдаким легким смешком?

– Вот именно, милорд.

Билл попробовал издать легкий смешок.

– Как на ваш слух, Дживс?

– Не слишком удачно, милорд.

– Больше похоже на предсмертный хрип, а?

– Да, милорд.

– Придется разок прорепетировать.

– Не один раз, милорд. Тут нужна убедительность.

Билл сердито пнул скамеечку:

– Откуда я вам возьму убедительность, когда у меня нервы в таком состоянии?

– Вполне понимаю ваши чувства, милорд.

– Да я весь дрожу. Вы видели когда-нибудь бланманже под штормовым ветром?

– Нет, милорд, мне не случалось наблюдать такого природного явления.

– Оно трясется. Вот и я тоже.

– Вполне естественно, что после такого испытания вы несколько перевозбуждены.

– Вот именно что испытания. Мало того, что грозила ужасная опасность, но еще пришлось так позорно улепетывать.

– Я бы не назвал наши действия улепетыванием, милорд. Правильнее сказать – стратегический отход. Это общепризнанный военный маневр, его использовали все великие тактики прошлого, когда того требовала обстановка. Не сомневаюсь, что и генерал Эйзенхауэр прибегал к нему при случае.

– Но только за ним наверняка не гнался с пеной у рта взбесившийся игрок в тотализатор и не орал во всю глотку: «Держи мошенника!»

– Возможно что нет, милорд.

Билл погрузился в грустные думы.

– Это слово, «мошенник», его особенно неприятно было слышать.

– Я вполне вас понимаю, милорд. Оно вызывает возражения как недопустимое, несущественное и не идущее к делу, говоря словами юристов. Ведь ваше сиятельство по пути домой неоднократно высказывались в том смысле, что намерены вернуть деньги тому господину.

– Ну разумеется, намерен. Тут и спорить не о чем. Естественно, возьму все, до последнего пенни. Ноблес... как это говорится, Дживс?

– Оближ, милорд.

– Вот именно. На карту поставлена честь Рочестеров. Но мне нужно время, черт подери, чтобы сколотить такую сумму: три тысячи фунтов, два шиллинга и шесть пенсов.

– Три тысячи пять фунтов, два шиллинга и шесть пенсов, милорд. Вы забываете изначальные пять фунтов, поставленные тем господином.

– Верно. Из головы вылетело. Вы сунули его пятерку в карман брюк, и мы так с нею и уехали.

– Совершенно верно, милорд. Итого – общая сумма вашей задолженности капитану Биггару...

– Это его так зовут?

– Да, милорд. Капитан К. Дж. Брабазон-Биггар, клуб «Объединенные

путешественники», Нортумберланд-авеню, Лондон, W. C. 2. Как секретарь вашего сиятельства, я записал его фамилию и адрес на билете, который сейчас находится у него. А согласно корешку, который он предъявил и я в качестве вашего секретаря у него принял, ему от вас следует получить три тысячи пять фунтов, два шиллинга и шесть пенсов.

– О Господи!

– Да, милорд. Сумма значительная. Немало бедняков были бы рады трем тысячам пяти фунтам, двум шиллингам и шести пенсам.

Билл поморщился:

– Я был бы вам признателен, Дживс, если бы вы нашли возможным как-то обойтись без повторения этих цифр.

– Хорошо, милорд.

– Они уже намалеваны на моем сердце разноцветными красками.

– Конечно, милорд.

– Кто это говорил, что когда он – или это была она? – умрет, у него – или у нее – на сердце окажется записано какое-то слово?

– Королева Мария Шотландская, милорд, предшественница великой королевы Елизаветы Тюдор. Слово было – «Кале», а все замечание должно было означать ее горе в связи с утратой этого города.

– Ну так вот, когда я умру – что произойдет очень скоро, если я и дальше буду себя чувствовать так, как сейчас, – взрежьте мою грудную клетку, Дживс...

– Как прикажете, милорд.

– ...и готов спорить на два шиллинга, вы найдете, что на моем сердце запечатлены слова: «Три тысячи пять фунтов, два шиллинга и шестипенсовик».

Билл встал и нервно прошелся по комнате.

– Каким образом можно наскрести такую сумму, Дживс?

– Тут потребуются серьезная и длительная экономия, милорд.

– Еще бы. На долгие годы.

– А капитан Биггар производит впечатление человека довольно нетерпеливого.

– Это я и без вас заметил.

– Да, милорд.

– Давайте сосредоточимся на настоящем моменте.

– Хорошо, милорд. Будем помнить, что жизнь человеческая вся уместается в краткой текущей минуте, а что до остального, то прошлое ушло, а будущего еще не существует.

– Как вы сказали?

– Это Марк Аврелий, милорд.

– Ах, да? А я говорю, давайте сосредоточимся на том, что будет, если этот господин Биггар вдруг прикатит сюда. Он меня узнает, как вы думаете?

– Я склонен думать, что нет, милорд. Усы и нашлепка на глазу обеспечивали вполне надежную маскировку. Ведь за прошедшие несколько месяцев мы имели дело со многими вашими знакомыми...

– И ни один не догадался, что это я!

– Совершенно верно. Тем не менее при данных обстоятельствах приходится считать сегодняшнее происшествие своего рода финалом. Очевидно, что на завтрашних скачках наше появление невозможно.

– Я-то рассчитывал, что мы отхватим на Дерби кругленькую сумму.

– Я тоже, милорд. Но после того, что получилось, всякую букмекерскую деятельность следует считать приостановленной на неопределенный срок.

– А может, рискнем еще разок, напоследок?

– Нет, милорд.

– Конечно, я понимаю. Стоит нам появиться утром в Эпсоме, и первый человек, с которым мы столкнемся, будет этот самый капитан Биггар.

– Как бес Аполлион, стоящий на пути. Вот именно, милорд.

Билл провел ладонью по своей встрепанной шевелюре:

– Эх, если бы я не спустил те деньги, что мы набрали в Ньюмаркете!

– Да, милорд. "И слов грустней не сочинить, Чем: «Так могло бы быть!» Уиттьер.

– Вы предостерегали меня.

– Я понимал, что мы не в том положении, чтобы идти на такой риск. Потому я вам так настойчиво советовал вторую ставку капитана Биггара не принимать. Чужало мое сердце. Конечно, вероятность, что этот дубль окажется выигрышным, была невелика, но, когда я увидел, как Мамаша Уистлера проходит к старту под нашей трибуной, у меня кошки на душе заскребли. Эти длинные ноги, этот могучий круп...

– Перестаньте, Дживс.

– Очень хорошо, милорд.

– Я хочу забыть Мамашу Уистлера.

– Понимаю вас, милорд.

– А кто он вообще-то такой, этот Уистлер?

– Довольно известный художник – пейзажист, портретист и жанрист, милорд; родился в Лоуэлле, штат Массачусетс, в 1834 году. Его «Портрет моей матери», написанный в 1872 году, особенно ценимый знатоками, был в 1892 году приобретен французским правительством для Люксембургской галереи в Париже. Его работы помечены печатью индивидуальности и славятся изысканной гармонией красок.

Билл перевел дух:

– Какой, вы говорите, гармонией? Изысканной?

– Да, милорд.

– Понятно. Спасибо, что вы мне сказали. А то я очень беспокоился насчет его гармонии. – Билл задумался. – Дживс, если дело примет наихудший оборот и Биггар схватит меня за руку, можно ли рассчитывать, что мне скостят срок по закону об игорных долгах?

– Боюсь, что нет, милорд. Вы взяли у этого господина наличные. Это денежная сделка.

– Значит, по-вашему, это кутузка?

– Полагаю, что так, милорд.

– И вас тоже заметут, как моего секретаря?

– Вполне возможно, милорд. Тут я не вполне уверен. Мне надо будет проконсультироваться с моим адвокатом.

– Но мне точно светит посадка?

– Да, милорд. Но сроки, как я слышал, дают небольшие.

– Представляете себе, что будет в газетах? Девятый граф Рочестер, чьи предки проявили отвагу на поле боя при Азинкуре, позорно бежал с поля в Эпсоме, преследуемый расвирепевшим игроком на тотализаторе. Мальчишки-газетчики с ума сойдут от счастья.

– Да, можно не сомневаться, что обстоятельства обращения вашего сиятельства к общедоступному букмекерству привлекут широкий общественный интерес.

Билл, расхаживавший по комнате из угла в угол, замер на одной ноге и устремил на собеседника взгляд, полный укоризны:

– А чья это была идея, чтобы я пошел в общедоступные букмекеры? Ваша, Дживс. Не хочу вас бранить, но признайтесь: это вы придумали. Вы были этим самым... как это говорится?..

– *Fons et origo mali* [Корень и источник зла (лат.)], милорд? Не отрицаю. Но если помните, милорд, мы тогда оказались в довольно затруднительном положении. Было ясно, что предстоящая женитьба вашего сиятельства требует увеличения доходов. Мы просмотрели в телефонном справочнике весь раздел объявлений о вакансиях, надеясь найти какое-нибудь занятие для вашего сиятельства. И исключительно потому, что ничего подходящего не попадалось, а дошли уже до буквы "р", я выдвинул предложение насчет регистрации ставок на ипподроме, просто *faute de mieux*.

– Фо де что?

– *Mieux*, милорд. Французское выражение. Мы бы сказали: «За неимением лучшего».

– Ослы эти французы! Нет чтобы говорить просто по-английски.

– Может быть, их надо скорее жалеть, чем винить, милорд. Беда в том, что их с детства так воспитывали. Я говорю, милорд, мне подумалось, что это будет счастливым выходом из всех ваших затруднений. В Соединенных Штатах Америки букмекеров считают людьми низшего сорта, и вообще их даже преследует полиция, но в Англии все совершенно иначе. Здесь это люди уважаемые, иные всячески добиваются их благосклонности. Современная мысль видит в них новую аристократию. Они много зарабатывают и вдобавок еще пользуются исключительным правом не платить налоги.

Билл покаянно вздохнул:

– Мы тоже немало сколотили до этого случая в Ньюмаркете.

– Да, милорд.

– И где теперь эти деньги?

– Действительно, где, милорд?

– Не надо было так тратиться, чтобы привести в порядок дом.

– Возможно, милорд.

– И было ошибкой, что я оплатил счета портного.

– Я согласен с вами, милорд. Тут ваше сиятельство, как говорится, перегнули палку. Еще древние римляне советовали: *ne quid nimis*. [ничего слишком (лат.)]

– Да, это было неосмотрительно с моей стороны. Но что толку теперь стонать?

– Ни малейшего, милорд. "То, что начертано рукою Провиденья..."

– Послушайте!

– Уж недоступно впредь для измененья, Ни доводам ума, ни знаниям богослова, И никаким слезам не смыть судьбы решенья." Вы что-то сказали, милорд?

– Я только хотел попросить вас остановиться.

– Разумеется, милорд, как скажете.

– Я что-то не в настроении сегодня слушать стихи.

– Очень хорошо, милорд. Я привел эту цитату из персидского поэта Омара Хайяма просто потому, что она очень подходит к настоящему моменту. Могу ли я задать вашему сиятельству вопрос?

– Да, Дживс?

– А мисс Уайверн знает о ваших профессиональных связях с миром скачек, милорд?

При одном только этом предположении Билла всего передернуло.

– Нет, конечно. С ней бы случилось сто родимчиков, услышь она такое. Я в общем-то дал ей понять, что работаю при Сельскохозяйственном совете.

– Очень уважаемое учреждение.

– Не то чтобы я прямо так ей сказал. Но я раскидал по всему дому их издания и позаботился о том, чтобы они попались ей на глаза. Вам известно, что Сельскохозяйственный совет напечатал семьдесят девять вопросников, не считая семнадцати брошюр?

– Нет, милорд, этого я не знал. Показывает большое усердие.

– Редкое усердие. Они там из кожи вон лезут, эти ребята.

– Да, милорд.

– Но мы уклонились от темы, а речь шла о том, что мисс Уайверн ни при каких обстоятельствах не должна узнать страшную правду. Это был бы конец всему. Когда мы обручились, она выдвинула неременное условие, чтобы я раз и навсегда перестал ставить на лошадей, и я дал слово, что больше не поддамся соблазну. Вы, конечно, можете сказать, что быть букмекером – не то же самое, что играть на скачках, но боюсь, мисс Уайверн вам в этом не убедить.

– Разница действительно тонкая, милорд.

– Стоит ей узнать – и все пропало.

– Мы не услышим свадебных колоколов?

– Это уж точно. Я и охнуть не успею, как она возвратит меня по месту покупки. Так что если она начнет задавать вопросы, смотрите не проговоритесь. Молчите, даже если она будет вставлять вам горящие спички между пальцами ног.

– Такая опасность маловероятна, милорд.

– Наверно. Я просто хочу сказать: что бы ни случилось, Дживс, храните тайну и ничего не говорите.

– Вы можете на меня положиться, милорд. Как вдохновенно выразился Плиний Младший...

Билл поднял руку:

– Хорошо, хорошо, Дживс.

– Как скажете, милорд.

– Плиний Младший меня не интересует.

– Да, милорд.

– По мне, так вы можете взять вашего Плиния Младшего и засунуть туда, где обезьяна складывает орехи.

– Конечно, милорд.

– А теперь оставьте меня, Дживс. У меня уйма тяжких забот. Ступайте и принесите мне виски с содой, да покрепче.

– Очень хорошо, милорд. Я займусь этим сей же час.

Дживс растаял с выражением почтительного сочувствия на лице, а Билл опустился в кресло и сжал голову ладонями. С губ его сорвался глухой стон. Получилось недурно. Билл простонал вторично.

Он уже готовился к третьей попытке, так чтобы стон шел из самой глубины души, прямо от пяток, когда голос рядом произнес:

– Господи, Билл, что случилось?

Возле него стояла Джил Уайверн.

Джил после ухода из гостиной успела натереть американской мазью ирландского терьера Майка, посмотреть поварихину золотую рыбку, которая вызвала в кухне переполох тем, что отказалась есть муравьиные яйца, а затем еще произвела обход свиней и коров и одной из последних дала болтос. В приятном сознании выполненного долга она вернулась в дом, радуясь предстоящему общению с любимым, который, по ее расчетам, должен был возвратиться из поездки по делам Сельскохозяйственного совета и будет вполне расположен поболтать о том о сем на досуге. Потому что хотя в Сельскохозяйственном совете и сообразили, какой исключительно ценный работник им достался, и, вполне естественно, норовят выжать из него как можно больше, но все-таки у них хватает человеколюбия примерно ко времени вечернего коктейля отпускать бедного труженика на волю.

Каково же было ей застать жениха сжимающим голову ладонями и издающим стоны!

– Билл, да что с тобой? – повторила она.

Билл подскочил как ужаленный. Звук любимого голоса, раздавшийся неожиданно, точно гром среди ясного неба, в то время когда он полагал, будто находится один на один со своим горем, подействовал на него так, словно сзади ему в седалище вонзились зубья циркулярной пилы. Заговори с ним сам капитан К. Дж. Брабазон-Биггар, член клуба «Объединенных путешественников», что на Нортумберланд-авеню, и тогда бы он не переполошился больше. Он стоял перед Джил с отвисшей челюстью и весь, с головы до ног, мелко дрожал. Дживс, оказись он свидетелем этой сцены, наверняка припомнил бы Макбета, увидевшего на пиру призрак Банко.

– Нич-ч-ч-чего, – ответил Билл через четыре "ч".

Джил смотрела на него серьезным, вдумчивым взглядом. У нее, как у многих хороших, чистых девушек, вообще был такой взгляд, прямой и честный, и Биллу это в ней очень нравилось. Но в данную минуту он предпочел бы что-нибудь не так глубоко проникающее в душу. У человека с нечистой совестью вырабатывается аллергия на серьезные, вдумчивые взгляды.

– Нич-чего, – повторил он, уже несколько кратче и четче. – Как это, что со мной? Ничего со мной. Почему ты спросила?

– Потому что ты стонал, как пароходная сирена в тумане.

– Ах, вот ты о чем. Просто небольшая невралгия.

– Головная боль?

– Да, разыгралась вот. У меня был трудный день.

– Да что случилось? Севооборот нарушился? Или свиноматки выступили за сокращение рождаемости?

– Сегодня меня беспокоили главным образом лошади, – подавленно признался Билл.

Во взоре Джил мелькнуло подозрение. Там, где дело касалось ее любимого, она, как все хорошие, чистые девушки, становилась настоящим Пинкертоном.

– Ты что, опять играл на скачках?

Билл захлопал глазами:

– Кто? Я?!

– Ты дал мне торжественное обещание, что не будешь. О Господи, Билл, какой ты глупец! За тобой смотреть труднее, чем за трупной дрессированных тюленей. Неужели ты не

понимаешь, что просто бросаешь деньги на ветер? Каким надо быть тупицей, чтобы не видеть, что у ставящих на лошадь нет против букмекеров никаких шансов! Я знаю, рассказывают про какие-то фантастические выигрыши в дубль, когда за одну пятерку можно получить тысячи фунтов, но на самом же деле ничего этого не бывает. Что ты сказал?

Билл ничего не сказал. Звук, вырвавшийся из его сжатых губ, был просто тихим стоном, какой мог бы издать сжигаемый на костре индеец из наиболее экспансивных.

– Иногда бывает, – глухо возразил он. – Я знаю такие случаи.

– У тебя этого все равно не может быть. Тебе с лошадьми не везет.

Билла перекорежило. Все это серьезно напоминало казнь на медленном огне.

– Да, – проговорил он. – Теперь я в этом убедился.

Взгляд Джил сделался еще прямее и проницательнее.

– Признайся честно, Билл, ты поставил на лошадь в Дубках и проиграл?

Это было прямо противоположно тому, что произошло в действительности, так что он даже слегка взбодрился.

– Ничего похожего.

– Побожись.

– Сейчас, кажется, начну божиться и чертыхаться.

– Ты ни на кого не ставил в Дубках?

– Разумеется, нет.

– Тогда что с тобой?

– Я же сказал. Голова болит.

– Бедняжка. Дать тебе что-нибудь?

– Нет, спасибо. Дживс пошел за виски с содой.

– А поцелуй не поможет, пока суд да дело?

– Поцелуй возвратит жизнь умирающему.

Джил поцеловала его, но немного рассеянно. Вид у нее был задумчивый.

– Дживс ведь сегодня ездил с тобой, правда?

– Да, я брал его.

– Ты всегда берешь его в эти поездки.

– Да.

– И куда же вы ездите?

– Объезжаем разные точки.

– И что делаете?

– Да так, то да се.

– Понятно. Как голова?

– Спасибо. Чуть лучше.

– Это хорошо.

Они немного помолчали.

– У меня раньше тоже бывали головные боли, – сказала Джил.

– Сильные?

– Очень. Мучительные.

– Да, штука неприятная.

– Крайне. Однако, – продолжала Джил уже громче и с некоторым металлом в голосе, – я при головной боли, даже самой жестокой, никогда не выглядела как беглый каторжник, который прячется за кустом и прислушивается к лаю собак, ожидая, что с минуты на минуту

нога Рока даст ему под зад коленкой. А у тебя сейчас вид именно такой. Исключительно виноватый. Если бы ты сейчас признался, что совершил убийство и вдруг спохватился, что, кажется, ненадежно спрятал труп, я бы сказала: «Так я и думала». Билл, в последний раз: что случилось?

– Ничего не случилось.

– Не лги.

– Сколько раз тебе говорить?

– И тебя ничего не мучает?

– Ничего.

– Ты весел и беззаботен, как жаворонок в небе?

– Может быть, даже веселее, чем жаворонок.

Снова оба примолкли. Джил кусала губы, а Биллу это действовало на нервы. Конечно, нет ничего плохого и предосудительного в том, что девушка кусает губы, но жениху в трудную минуту наблюдать такое зрелище не слишком приятно.

– Билл, скажи мне, как ты относишься к браку? – спросила Джил.

Билл посветлел лицом. Вот это другой разговор!

– Я считаю, что брак – штука замечательная. Конечно, при том условии, что мужская сторона заполучит кого-нибудь вроде тебя.

– А если без комплиментов? Сказать тебе, как я к нему отношусь?

– Давай.

– По-моему, без полного доверия между женихом и невестой даже думать о браке – безумие, потому что если они будут что-то друг от друга скрывать и не посвящать один другого в свои неприятности, то от их брака рано или поздно останутся рожки да ножки. Муж и жена должны все друг другу рассказывать. Мне бы и в голову никогда не пришло что-то от тебя скрыть, и, если тебе интересно, могу сказать, что мне ужасно противно видеть, как ты какие-то свои неприятности, в чем бы они ни заключались, стараешься от меня утаить.

– У меня нет никаких неприятностей.

– Есть. Что случилось, я не знаю, но даже близорукий крот, потерявший очки, сразу увидит, что ты испытываешь мучения. Когда я вошла, ты так стонал, что дрожали стены.

И тут самообладание Билла, с утра подвергшееся таким испытаниям, не выдержало.

– Да черт побери! – взвыл он. – Я что, не имею права постонать, если мне вздумается? По-моему, в Рочестер-Эбби по будням в эти часы стонать разрешается. Оставь ты меня, пожалуйста, в покое, сделай милость! – продолжал он, разогнавшись. – Ты кем себя воображаешь? Секретным агентом, допрашивающим жалкого грешника из подполья? Того гляди, начнешь выяснять, где я был в ночь на двадцать первое февраля. Ей-богу, не суй ты нос не в свое дело!

Джил была девушка с характером, а девушки с характером долго терпеть такие разговоры не способны.

– Не знаю, отдаешь ли ты себе в этом отчет, – холодно ответила она ему, – но, когда ты поплюешь на ладони и примешься за дело всерьез, ты по праву можешь получить звание самого последнего подонка на свете.

– Вот так сказала!

– Сказала чистую правду. Ты просто-напросто свинья в человеческом обличье. И если хочешь знать, что я думаю, – продолжала она, тоже с разгону, – то по-моему, на самом деле

ты связался с какой-то ужасной женщиной, вот что.

– С ума сошла! Где мне было взять ужасных женщин?

– У тебя сколько угодно возможностей. Ты постоянно куда-то уезжаешь на автомобиле, бывает, что на целую неделю. Откуда мне знать, может, ты на самом деле проводишь время, увешанный гулящими красотками.

– Да я на гулящую красотку и не взгляну даже, хоть бы мне ее подали на тарелочке под соусом!

– Не верю я тебе.

– Если память мне не изменяет, это ведь ты всего две с половиной секунды назад рассуждала о том, что между нами должно быть полное и абсолютное доверие? Ну женщины! – с горечью заключил Билл. – Господи! Кошмарный пол!

Как раз в эту трудную минуту появился Дживс со стаканом на подносе.

– Виски с содой, – объявил он примерно таким же торжественным тоном, каким президент Соединенных Штатов объявляет заслуженному гражданину: «Вручаю вам медаль Конгресса».

Билл с благодарностью принял от него спасительный напиток:

– Спасибо, Дживс. Вы, как всегда, вовремя.

– Сэр Родерик и леди Кармойл, которые находятся сейчас в тисовой аллее, желали бы видеть вас, милорд.

– Бог ты мой! Рори и Мук! Откуда они взялись? Я думал, Мук на Ямайке.

– Ее сиятельство, как я понял, возвратилась нынче утром, а сэру Родерику по этому случаю дали в «Харридже» отгул по домашним обстоятельствам, чтобы сопровождать ее сюда. Они просили передать вашему сиятельству, что желали бы переговорить с вами в удобное для вас время, но до приезда миссис Спотсворт.

– До чего? Кого? Кто такая миссис Спотсворт?

– Дама из Америки, с которой леди Кармойл познакомилась в Нью-Йорке. Она ожидается здесь сегодня вечером. И как я понял из разговора между ее сиятельством и сэром Родериком, не исключено, что миссис Спотсворт пожелает купить этот дом.

У Билла отвисла челюсть.

– Какой дом?

– Этот, милорд.

– Наш дом?

– Да, милорд.

– То есть Рочестер-Эбби?

– Да, милорд.

– Вы смеетесь надо мной, Дживс.

– Никогда бы не позволил себе такой вольности, милорд.

– Вы всерьез хотите сказать, что эта беженка из американского сумасшедшего дома, где она содержалась под присмотром, покуда не улизнула, замаскировавшись с помощью накладной бороды, теперь намерена выложить твердую монету за Рочестер-Эбби?

– Именно так я понял слова сэра Родерика и леди Кармойл, милорд.

Билл перевел дух.

– Ну знаете ли! Недаром говорится, каких только чудачков на свете не бывает. И эта дама, она что, останется у нас погостить?

– Насколько я понял, да, милорд.

– В таком случае будет лучше, если вы уберете те два ведра, которые подставили в верхнем коридоре под течь с потолка. Они производят невыгодное впечатление.

– Непременно, милорд. И еще я подколю булавками обои. Куда вы, ваше сиятельство, предполагаете поместить миссис Спотсворт?

– В покои королевы Елизаветы. Это самое лучшее, что у нас есть.

– Очень хорошо, милорд. Я вставлю в дымоход проволочную решетку, чтобы в спальню не проникали гнездящиеся там летучие мыши.

– Ванную комнату, боюсь, мы выделить для нее не сможем.

– К сожалению, нет, милорд.

– Но если она согласна обходиться душем, пусть становится под течь в верхнем коридоре.

Дживс укоризненно поджал губы:

– Дозвольте мне заметить, ваше сиятельство, сейчас шутить так крайне нежелательно. Вы можете ненароком обмолвиться подобной шуткой в присутствии миссис Спотсворт.

Джил, которая отошла, пылая гневом, к двери в сад да так и остановилась, взволнованно слушала их разговор. Справедливое негодование, побудившее ее только что обозвать своего нареченного свиньей в человеческом обличье, теперь улеглось в ее сердце: слишком потрясающей была новость. Войне был положен конец.

– Да, да, горе ты мое, – подхватила Джил. – Нельзя, чтобы ты даже про себя так думал. Ой, Билл, как это замечательно! Если она купит дом, у тебя хватит денег приобрести ферму. Я уверена, у нас с тобой прекрасно пойдет дело на ферме, при моем ветеринарном образовании и при твоём сельскохозяйственном опыте.

– При каком моем опыте?

Дживс кашлянул:

– Мне кажется, мисс Уайверн имеет в виду широкий круг познаний, приобретенных вашим сиятельством при выполнении работы для Сельскохозяйственного совета, милорд.

– А-а, ну да. Понимаю. Конечно, конечно. Для Сельскохозяйственного совета. Ну как же. Благодарю вас, Дживс.

– Не стоит благодарности, милорд.

Но Джил продолжала мечтать вслух:

– Если ты получишь от этой миссис Спотсворт действительно порядочную сумму, мы сможем завести племенное стадо. Это очень выгодное дело. Интересно, сколько примерно можно выручить за этот дом?

– Боюсь, что не особенно много. Он знавал лучшие времена.

– А сколько ты собираешься запросить?

– Три тысячи пять фунтов, два шиллинга и шесть пенсов.

– Что-что?

Билл растерянно заморгал:

– Прости. Я думал совсем не о том.

– Но откуда такие странные цифры?

– Сам не знаю.

– Не можешь же ты не знать.

– Понятия не имею.

– Но была же какая-то причина.

– Упомянутая сумма всплыла сегодня в связи с хлопотами его сиятельства по делам

Сельскохозяйственного совета, мисс, – ловко вмешался Дживс. – Вы, конечно, помните, милорд, я тогда обратил ваше внимание на то, что сумма очень странная.

– Да-да, Дживс. Конечно. Я припоминаю.

– Вот поэтому вы и сказали: три тысячи пять фунтов, два шиллинга и шесть пенсов.

– Ну да, поэтому я и сказал: три тысячи пять фунтов, два шиллинга и шесть пенсов.

– Такие минутные aberrations памяти – явление достаточно обычное, насколько я знаю.

А теперь, если мне позволительно вам напомнить, я думаю, вам следует немедленно поспешить в тисовую аллею, милорд. Сейчас время решает все.

– Да, конечно. Они ведь меня ждут, верно? Ты идешь, Джил?

– Не могу, милый. Я должна посетить своих больных. Надо съездить в Стоувер посмотреть мопса Мейнуорингов, хотя я подозреваю, что собачка совершенно здорова. На редкость мнительное животное.

– Но к обеду-то ты будешь?

– Обязательно. Я скоро вернусь. У меня уже слюнки текут.

Джил вышла в сад. Билл отер пот со лба: «Уф-ф! Едва не попался».

– Дживс, вы меня спасли, – сказал он. – Если бы не ваша сообразительность, все бы вышло наружу.

– Рад быть полезным, милорд.

– Еще мгновение, и заработала бы женская интуиция. А тогда пиши пропало. Вы ведь едите много рыбы, Дживс?

– Да, довольно много, милорд.

– Берти Вустер мне говорил. Поглощаете палтуса и сардины в невероятных количествах, он рассказывал. И ваш колоссальный интеллект он объясняет содержащимся в рыбе фосфором. По его словам, вы сто раз выручали его из беды в последнюю минуту. Он превозносит ваши таланты до небес.

– Мистер Вустер всегда высоко ценил мои скромные старания прийти ему на помощь, милорд, и это дает мне большое удовлетворение.

– Что с самого начала было выше моего понимания, это как он решился с вами расстаться? Когда вы в тот день явились ко мне и сказали, что вы свободны, я прямо закачался от удивления. Единственное объяснение, которое я мог придумать, это что Берти утратил рассудок... то есть сколько у него его было. А может, вы с ним разругались и возвратили портфель?

Такое предположение покорило Дживса.

– Нет, что вы, милорд. Мои взаимоотношения с мистером Вустером продолжают быть неизменно сердечными. Но обстоятельства нас временно разлучили. Мистер Вустер поступил в учебное заведение, правила которого не допускают, чтобы студенческий состав пользовался услугами камердинеров.

– Что еще за учебное заведение?

– Школа обучения аристократов методам ведения самостоятельного образа жизни, милорд. Мистер Вустер, хотя состояние его личных финансов пока еще не внушает опасений, счел разумным позаботиться о будущем, на случай если социальная революция разыграется еще сильнее. Мистер Вустер... я не могу без сокрушения говорить об этом... учится, представьте себе, своими руками штопать себе носки. Кроме того, он проходит еще такие предметы, как чистка обуви, постилание постели и вводный курс приготовления пищи.

– Вот те на! Это что-то новенькое в жизни Берти.

– Да, милорд. Мистер Вустер «преобразился под водой, стал блистательный, но иной».

Я цитирую Стратфордского барда. Не пожелает ли ваше сиятельство пропустить еще стаканчик виски перед встречей с леди Кармойл?

– Нет, нельзя терять ни мгновения. Как вы сами говорили, время... как там дальше, Дживс?

– ...решает все, милорд.

– Да? Вы уверены?

– Да, милорд.

– Ну, раз вы так говорите, значит, так оно и есть, хотя я лично думал, что это мы решаем. Ну что ж, пошли?

– Идемте, милорд.

Миссис Спотсворт покинула пивную «Гусь и огурчик» в некотором смятении. Встреча с капитаном Биггаром произвела в ее душе бурю эмоций.

Миссис Спотсворт была из тех женщин, что придают большое значение разным происшествиям, от которых лица более грубой организации отмахнулись бы как от обыкновенной случайности или простого совпадения. Она считала, что такие события исполнены смысла. Неожиданное возвращение в ее жизнь Белого Охотника может быть объяснено только тем, что в мире духов на этот счет ведется серьезная подготовительная работа.

Он появился в такой ответственный момент! Как раз за два дня до этого А. Б. Спотсворт, непринужденно болтая с нею во время спиритического сеанса, сначала сообщил, что очень счастлив и ест много фруктов, а затем сказал, что пришло время ей подумать о новом замужестве. Никакого смысла, сформулировал эту мысль А. Б. Спотсворт, ей жить одной при таких капиталах в банке. Женщине нужен спутник жизни, утверждал А. Б. Спотсворт и вдобавок еще заверил ее, что Клиф Бессемер, с которым он перекинулся некоторыми соображениями по этому поводу во время утренней прогулки в Долине Света, придерживается той же точки зрения. «А таких рассудительных парней, как старина Клиф Бессемер, не часто встретишь», – заключил А. Б. Спотсворт.

На вопрос же вдовы: «Но, Алексис, разве тебе и Клифтону не будет обидно, если я опять выйду замуж?» – А. Б. Спотсворт ответил, как всегда, без экивоков: «Ну ясное дело, нет, дурища. Давай действуй».

И сразу же после этого волнующего разговора перед ней вдруг раз – и очутился не кто-нибудь, а мужчина, который любил ее безмолвно и страстно с первой же минуты их знакомства. Колдовство какое-то. Похоже, что, проникнув за таинственную завесу, господу Бессемер и Спотсворт обрели дар ясновидения.

Может, конечно, показаться странным, что миссис Спотсворт была посвящена в тайну страсти капитана Биггара, ведь он, как мы видели, о ней ни словом не обмолвился. Но женщина всегда чувствует такие вещи. Видя, что мужчина всякий раз, встречаясь с ней взглядом над антилопьем бифштексом и чашкой лаймового сока, начинает кашлять и заливаться от смущения свекольным румянцем, она очень скоро поставит верный диагноз.

А поскольку эти симптомы проявились и теперь, при расставании у крыльца «Гуся и огурчика», миссис Спотсворт легко заключила, что время не погасило пламя в груди мужественного капитана. Было взято на заметку, как вытаращились его ярко-голубые глаза, и как прилила краска к его и без того густо-румяному лицу, и как шаркали, переминаясь, огромные подошвы во все время их разговора. Нет, она по-прежнему для него дерево, на котором спеет плод его жизни, или же она, Розалинда Спотсворт, вообще ничего не понимает. Ее, правда, немного удивило, что она не услышала ничего похожего на страстное признание. Откуда ей было знать, что у него имеется какой-то кодекс чести?

Проезжая по живописной саутмолтонширской местности, миссис Спотсворт то и дело возвращалась мыслями к капитану К. Г. Биггару.

Познакомившись с ним когда-то в Кении, она сразу же ощутила в нем что-то привлекательное. А уже через два дня она им горячо восхищалась. Женщина не может не восхищаться мужчиной, который, подняв дробовик пятьсот пятого калибра навстречу

несущемуся буйволу, способен одним выстрелом выпотрошить это чудище. А между восхищением и любовью шаг столь же короток, как в «Харридже» между секциями «Стекло, фигурки и фарфор» и «Дамское нижнее белье». Капитан Биггар казался ей похожим на героев Эрнеста Хемингуэя, а она всегда питала слабость к мужественным, неустрашимым и бесшабашным хемингуэевским героям. Ее, существо, склонное к духовности, притягивали в мужчинах грубость и сила. Клифтон Бессемер этими качествами обладал. И А. Б. Спотсворт тоже. Клифтон Бессемер пронзил ее сердце тем, как на той вечеринке, где они познакомились, он лихо приклепнул назойливую муху свернутой в трубку газетой; а в случае А. Б. Спотворта искру высек услышанный ею разговор между ним и парижским таксистом, который высказал недовольство размерами своих чаевых.

Когда она въехала в ворота Рочестер-Эбби и покатила по длинной подъездной аллее, ей уже было более или менее ясно, что с капитаном Биггаром неплохо бы подружиться поближе. Женщине нужен защитник; а кто может быть защитником надежнее, чем мужчина, способный не моргнув глазом уйти в камыши по следу раненого льва? Правда, в обычной семейной жизни раненые львы встречаются редко, но все равно жене приятно сознавать, что появишься у нее в доме раненый лев, она спокойно может поручить его заботам мужа.

Подготовительную работу провести будет, как она понимала, несложно. Несколько приветливых слов и пары нежных взглядов будет довольно, чтобы довести сильную и страстную натуру до точки кипения. Мужчины из джунглей сразу реагируют на нежные взгляды.

Она как раз репетировала такой взгляд в автомобильном зеркальце, когда за поворотом перед нею вдруг вырос Рочестер-Эбби, и капитан Биггар был временно забыт. Она думала только о том, что нашла и видит перед собой дом своей мечты. Эти бледные стены, освещенные нежными лучами закатного солнца, эти ряды окон, сверкающих, как алмазы! Ей казалось, что перед нею дворец из какой-то сказки. Домишко в Пасадине, домик в Кармеле и прочие домики в Нью-Йорке, во Флориде, в Мэне и Орегоне, они тоже по-своему неплохи, но не идут в сравнение с этим замком. Такие сооружения, как Рочестер-Эбби, всегда лучше всего смотрятся снаружи и с некоторого расстояния.

Она остановила автомобиль и сидела, любуясь.

Рори и Моника, не дождавшись Билла в тисовой аллее, направились к дому и столкнулись с ним уже на крыльце. Втроем они вернулись в гостиную и сидели там, предаваясь предвкушению выгодной сделки с прилетевшим из-за океана Санта-Клаусом в юбке. Билл, хоть и слегка воспрянувший духом после виски с содой, все еще нервничал. Его лихорадочно дергающиеся руки и ноги, его вытаращенные глаза наверняка заинтересовали бы специалиста по душевным болезням, если бы таковой здесь присутствовал.

– Есть надежда? – дрожащим голосом спросил он, как человек на одре болезни мог бы спросить врача.

– По-моему, есть, – сказала Моника.

– А по-моему, нет, – сказал Рори.

Моника бросила на него убийственный взгляд, и он поперхнулся.

– Тогда на обеде в женском клубе у меня сложилось впечатление, что она вот-вот клюнет, – пояснила она. – Я вывернула ей на голову целый мешок пропаганды, и она явно размякла. Осталось теперь только придать ей решающий толчок. Когда она прибудет, я оставлю вас с ней вдвоем, и ты сможешь пустить в ход свое прославленное обаяние. Применить индивидуальный подход.

– Обязательно, – со страстью в голосе посулил Билл. – Я буду как сизый голубок, воркующий со своей голубкой. Буду играть на ней, как на этом... струнном инструменте.

– Да уж постарайся, пожалуйста, потому, что если продажа состоится, я рассчитываю на комиссионные.

– Ты их получишь, Мук, милая моя старушка. Тебе воздастся тысячекратно. Дай только срок, и ты увидишь у своего подъезда слонов, груженных золотом, и верблюдов, везущих драгоценные камни и редкие благовония.

– А как насчет обезьян, слоновой кости и павлинов?

– Будут и они.

Практичный Рори, твердолобый делец, отнесся к этим фантазиям критически.

– Я лично сомневаюсь, – сказал он. – Вопрос спорный. Даже если допустить, что эта дама – слабоумная, все равно маловероятно, что она даст за такое владение, как Рочестер-Эбби, какую-то колоссальную сумму. Во-первых, все фермы уже от него отошли.

– Это правда, – сразу сник Билл. – И парк принадлежит местному гольф-клубу. Остались только дом и сад.

– Вот именно. Знаем мы этот сад. Я только недавно говорил Мук, что в здешнем саду протекает речка, а в доме...

– Тс-с-с! Замолчи, пожалуйста, – остановила его Моника. – По-моему, Билл, ты вполне можешь получить за дом пятнадцать тысяч фунтов. А то и все двадцать, я бы так сказала.

Билл поднял поникшую голову, как цветок, который полили:

– Ты думаешь?

– Ничего она такого не думает, – снова вмешался Рори. – Просто хочет тебя по-сестрински ободрить, и это с ее стороны очень мило. Достоинно всякого уважения. Под этой суровой внешностью прячется нежное сердце. Но двадцать тысяч за сооружение, от которого даже исправившиеся юные нарушители с ужасом отшатнулись... Абсурд. Это не дом, а остатки былого величия. Сто сорок семь комнат!

– Мало, что ли? – не сдавалась Моника.

– Много, но никуда не годится, – твердо констатировал Рори. – Чтобы привести его в порядок, понадобятся огромные средства.

Тут Монике было нечего возразить.

– Возможно, – признала она. – Но миссис Спотсворт – из таких американок, которые готовы ассигновать миллион-другой на подобные дела. Да ты, я вижу, сам тут кое-что отремонтировал.

– Капля в море, – вздохнул Билл.

– Ты даже вывел этот ужасный запах на лестничной площадке.

– Хотел бы я сейчас иметь ту сумму, которая на это ушла.

– У тебя что, плохо с деньгами?

– Шаром покати.

– Одну минуточку, – сразу встрепенулся Рори, точно помощник прокурора на суде. – Откуда тогда все эти дворецкие и горничные? Эта отставшая от жизни девушка Джил?

– Она вовсе не отставшая от жизни.

Рори успокоительным жестом поднял ладонь.

– Может, она и не отставшая, не буду спорить, – уступил он защите в этом малозначительном пункте, – но факт таков, что она вот только недавно расписывала тут нам твои домашние нововведения, и из ее слов следовало, что ты предаешься безумным

роскошества, из-за которых пал Вавилон. Когорты дворецких, кордебалет горничных, повара в неограниченном количестве и настойчивые слухи о мальчиках для чистки ножей и сапог... После ее ухода я еще сказал Мук, что, мол, не заделался ли ты джентльменом-гра... Кстати, старушка, это мне напомнило: ты передала Биллу насчет полиции?

Билл подскочил в воздух на целый фут и снова упал в кресло, дрожа с ног до головы:

– Насчет полиции? Что такое насчет полиции?

– Звонил какой-то хам из местной жандармерии. Фараоны хотят тебя допросить.

– Как это – допросить? Ты что?

– А так. Учинить тебе допрос третьей степени, с применением пыток. А до этого был еще другой звонок. Не назвавшийся таинственный незнакомец. Они с Мук обменялись парочкой любезностей.

– Да, это я с ним объяснялась, – сказала Моника. – Какой-то тип с таким скрипучим голосом, будто поел шпината с песком. Спрашивал номер твоего автомобиля.

– Что?!.

– Ты случайно не наехал на чью-нибудь корову? Кажется, теперь это карается законом, и очень сурово.

Билла не переставала бить мелкая дрожь.

– То есть кто-то хотел узнать регистрационный номер моей машины?

– Ну да, я же сказала. Да что с тобой, Билл? У тебя вид такой испуганный. Что случилось?

– Он побелел и сотрясается, как хороший коктейль, – уточнил Рори и положил сочувственную ладонь на плечо шурина. – Билл, доверься мне. Будь откровенен. За что тебя ищет полиция?

– Никакая полиция меня не ищет.

– Не знаю. У меня сложилось впечатление, что они страстно желают тебя заграбастать. Пришла мне в голову одна идея – я даже поделился с тобой, Мук, если помнишь, – а именно, что ты нашел какого-то богача, скрывающего позорную тайну, и решил разжиться за его счет посредством небольшого шантажа. Так это или нет, тебе виднее, но если так, сейчас самое время открыться нам, старина. Ты среди друзей. Мук придерживается широких взглядов, я тоже. Полиция, правда, смотрит на шантаж косо, но я, например, ничего против него не имею. Быстрый оборот средств и никаких накладных расходов. Если бы у меня был сын, не исключено, что я бы его направил по этой линии. Одним словом, если тебя преследует полиция и тебе нужна дружеская рука помощи, чтобы улизнуть за границу, пока еще не выставили охрану в портах, скажи только слово, и мы...

– Миссис Спотсворт! – объявил Дживс, возникнув на пороге, и мгновение спустя Билл проделал еще один подскок в воздух – он, кажется, упражнялся в них сегодня весь день.

Бледный, стоял он и взирал на появившееся в комнате видение.

Миссис Спотсворт вошла с самоуверенным видом дамы, которая знает, что у нее все – как надо: шляпа, и платье, и туфли, и чулки, да еще дома отложено порядка сорока двух миллионов долларов в ценных бумагах, и у Билла, с полуразвалившимся загородным домом на руках, от этого зрелища сердце должно было бы сразу вздрогнуть. Ибо она, бесспорно, походила на человека, который закупает старинные английские загородные дома не глядя и оптом.

Однако не продажа дома была сейчас у Билла на уме. Память перенесла его на несколько лет назад, на Французскую Ривьеру, где и когда он познакомился с этой женщиной, и между ними установились, он вынужден был себе признаться, отношения в высшей степени дружеские.

Конечно, совершенно невинные – просто несколько поездок при луне, да раза два совместные купания и пикники у Эдемской скалы, да обычные обмены любезностями, без которых не обходится пребывание на Ривьере, – но он сильно опасался, а вдруг она вздумает теперь предаться милым воспоминаниям, крайне неуместным, когда поблизости находится твоя невеста, которая к тому же успела проявить прискорбную подозрительность.

Так что появление миссис Спотсворт было для него не только полнейшим, но и довольно неприятным сюрпризом. В Каннах у него сложилось впечатление, что ее фамилия – Бессемер, но, понятное дело, в таких местах никто особенно не интересуется фамилиями. Он ее, кажется, именовал просто Роза, а она его, припомнил он с содроганием, – Билликен. Ему ясно представилось, какое лицо будет у Джил, когда сегодня за обедом она услышит, что гостя называет его Билликен. Как на грех, он никогда не рассказывал Джил о своей знакомой по Каннам миссис Бессемер, к слову не пришлось, но теперь, чтобы все разъяснить, по-видимому, потребуется приложить старания.

– Рада вас видеть опять, Розалинда, – приветствовала ее Моника. – Слава Богу, что вы нас нашли, тут, когда свернешь с шоссе, вполне можно заблудиться. Это мой муж – сэр Родерик Кармойл. А это...

– Билликен! – радостно воскликнула миссис Спотсворт от всей своей широкой души. Было очевидно, что восторг по поводу этой неожиданной встречи если и был довольно умеренным, то, по крайней мере, не с ее стороны.

– Э-э-э?... – вымолвила Моника.

– Мы с мистером Белфраем старые друзья. Общались в Каннах несколько лет назад, когда я еще была миссис Бессемер.

– Бессемер!

– Это было вскоре после того, как мой муж покинул наш мир в результате столкновения на скоростном шоссе с грузовиком, везшим бутылки из-под пива. Его имя было Клифтон Бессемер.

Моника бросила брату довольный, одобрительный взгляд. Про миссис Бессемер в Каннах ей было все известно. Он там отчаянно ухаживал за этой миссис Бессемер, а может ли быть для дома, который продается, основание надежнее?

– Вот и хорошо, – сказала Моника. – У вас будет о чем вместе повспоминать. Но только он теперь не мистер Белфрай, а лорд Рочестер.

– Он сменил имя, – объяснил остряк Рори. – Скрывается: за ним охотится полиция.

– Не будь ослом, Рори. Билл унаследовал титул. Знаете, как это бывает в Англии. Начинаешь жизнь под одним именем, потом некто умирает, и ты уже кто-то совсем другой. Некоторое время назад отдал Богу душу наш дядя, лорд Рочестер, а Билл был его наследником, вот ему и пришлось отбросить Белфрая и принять имя Рочестер.

– Понятно. Но для меня он всегда останется Билликеном. Как поживаешь, Билликен?

Билл с трудом обрел голос, но в минимальном количестве, и то довольно сиплый.

– Да ничего, спасибо... э-э-э... Розы.

– Розы? – недоумеваю, переспросил Рори, как дитя природы, каковым он и был, даже не пытаясь скрыть недоумение. – Я не ослышался? Он сказал -Розы?

Билл враждебно посмотрел на него:

– Имя миссис Спотсворт, как ты уже знаешь из хорошо информированного источника, а именно от Моники, – Розалинда. А друзья и даже случайные знакомые вроде меня зовут ее Розы.

– А-а, вот оно что! Как же, как же, теперь понятно. Само собой разумеется.

– Случайные знакомые? – обиженно повторила миссис Спотсворт.

Билл попытался растянуть галстук у себя на шее.

– Ну, то есть кто просто знал вас в Каннах и тому подобных местах.

– Канны! – сразу же восторженно откликнулась миссис Спотсворт. – Милые, солнечные, радостные Канны! Как мы там весело жили, Билликен! Ты помнишь...

– Да, да, – сказал Билл. – Очень приятное времяпрепровождение. Не хотите ли выпить, или, может быть, бутерброд, или сигару, или еще что-нибудь?

Он мысленно благословлял песика Мейнуорингов за то, что по причине его неисправимой мнительности Джил оказалась на другом краю графства. Он надеялся, что ко времени ее возвращения миссис Спотсворт уже спустит пары и насытится счастливыми воспоминаниями. А пока он попытался немного осадить ее восторги.

– Мы рады приветствовать вас в Рочестер-Эбби, – церемонно произнес он.

– Да, я надеюсь, вам здесь понравится, – подключилась Моника.

– Я в жизни не видела ничего прекраснее!

– Вы находите? Старая плесневелая развалина, я бы так сказал, – рассудительно возразил Рори. И по счастью, не встретился глазами с женой. – Разваливается уже не одно столетие. Держу пари: если потрясти эти занавеси, оттуда вылетит чета летучих мышей.

– Патина древности! Я ее обожаю. – миссис Спотсворт закрыла глаза. – Вдоль коридоров в двенадцать рядов стоят мертвецы и хватают тебя, когда проходишь мимо, – пробормотала она, понизив голос.

– Фу, какой ужас, – не согласился Рори. – На мой вкус, и пары цепляющихся трупов более чем достаточно.

Миссис Спотсворт открыла глаза.

– Я скажу вам одну очень странную вещь, – проговорила она, радостно улыбаясь. – Это меня так поразило, что я вынуждена была присесть, едва переступив через порог. Ваш дворецкий решил, что я больна.

– Но это не так, надеюсь?

– Нет, я совершенно здорова. Я просто была... потрясена. Я поняла, что уже бывала здесь когда-то.

На лице у Моники выразилось вежливое недоумение. Разъяснить ситуацию выпало на долю Рори.

– О, так вы экскурсанта? Сюда в летние месяцы по пятницам приезжали толпы народу, и за шиллинг с носа их водили по всему дому. Я этих людей отлично помню еще с тех времен, Мук, когда мы с тобой женихались. Мы их называли «глазельщики». Они приезжали в шарабанах и роняли на ковры ореховый шоколад. Не то чтобы, конечно, от шоколада состояние ковров могло еще ухудшиться. Но теперь это все в прошлом, верно, Билл? Не на что больше глазеть. Покойный лорд Рочестер, – пояснил он госте, – сбыв американцам все мало-мальски ценное, и теперь во всем доме не осталось ничего, на чем стоило бы задержать взгляд. Я вот только недавно говорил жене: самое лучшее, что можно сделать с Рочестер-Эбби, – это сжечь его до основания.

У Моники вырвался глухой стон. Она возвела очи горе, словно моля небеса поразить сэра Родерика молнией и громом. Если у него такой подход к покупателю, то чудо, что ему вообще удается продать хоть одну газонокосилку, поилку для птиц или резиновый шланг.

Миссис Спотсворт со снисходительной улыбкой покачала головой:

– Нет, нет. Не в теперешней телесной оболочке. В предыдущем воплощении. Я, знаете ли, верю в круговорот душ. По нашим убеждениям, мы все родимся заново в каждом девятом колене, воплотившись в кого-нибудь из наших предков.

– В каждом девятом? – переспросила Моника и принялась считать на пальцах.

– Да. Это мистический Девятый дом. Вы, конечно, читали «Зенд-Авесту» Зороастра, сэр Родерик?

– Боюсь, что нет. Хорошая вещь?

– Фундаментальная, я бы сказала.

– Я внесу ее в свой библиотечный список. Кто автор? Агата Кристи?

Моника тем временем закончила подсчеты:

– Если девятое поколение, то я тогда леди Барбара, первая шлюха при дворе Карла Второго.

Миссис Спотсворт посмотрела на нее с глубоким почтением:

– Тогда я, наверно, должна называть вас леди Барбара и расспрашивать про ваши последние любовные приключения.

– Если бы только я их помнила. Судя по тому, что мне о ней известно, рассказ получился бы смачный.

– Она загорала вся без ничего или предпочитала проводить время в четырех стенах? – поинтересовался Рори.

Миссис Спотсворт снова смежила вежды.

– Я чувствую влияния, – пробормотала она. – Мне даже слышен тихий шепот. Как это странно – приехать в дом, где гостила три столетия назад. Подумайте, сколько жизней прожито в этих древних стенах. И все они здесь, вокруг нас, и создают загадочную ауру этого очаровательного старинного здания.

Моника переглянулась с братом.

– Дело в шляпе, Билл, – шепнула она.

– Что-что? Кто в шляпе? – бодро, во весь голос переспросил Рори.

– Да замолчи ты! Господи!

– Нет, я не понял, о ком ты говоришь. Ой! – он потер многострадальную лодыжку. – М-м-м... а-а... ну да. Конечно. Теперь понимаю.

Миссис Спотсворт провела ладонью по лбу. Она как будто бы погрузилась в медиумический транс.

– Мне кажется, я помню часовню. Тут есть часовня?

– Развалины часовни, – ответила Моника.

– Зачем же говорить такие вещи, старушка? – возразил Рори.

– Я так и знала. И Длинная галерея?

– Да. Там в восемнадцатом веке стрелялись на дуэли. До сих пор остались в стенах отверстия от пуль.

– И темные пятна на полу, конечно, тоже. В этом доме должно быть множество привидений.

Эту мысль Моника поспешила опровергнуть.

– Нет-нет! Не беспокойтесь, – заверила она гостью. – Ничего такого в Рочестер-Эбби никогда не было.

И с удивлением увидела, что та смотрит на нее широко распахнутыми, печальными глазами, как ребенок, которому сказали, что мороженого на десерт сегодня не будет.

– Но я хочу привидения. Мне обязательно нужны привидения! – воскликнула миссис Спотсворт. – Неужели тут их нет ни одного?

Рори, как всегда, поспешил на помощь:

– Есть так называемая заклятая уборная на первом этаже. Время от времени, притом что поблизости нет ни души, там вдруг спускается вода, а когда в семье должен кто-то умереть, то вода течет непрерывно. Только мы не знаем, то ли это призрак, то ли плохо проведенная канализация.

– Наверно, просто полтергейст, – разочарованно отмахнулась миссис Спотсворт. – А видимых манифестаций никаких?

– Никаких.

– Не говори глупостей, Рори, – возразила Моника. – А леди Агата?

Миссис Спотсворт сразу оживилась:

– Кто была леди Агата?

– Супруга сэра Карадока Крестonosца. Ее несколько раз видели в разрушенной часовне.

– Чудесно! Великолепно! – обрадовалась миссис Спотсворт. – А теперь позвольте мне отвести вас в Длинную галерею. Не говорите, где это. Посмотрим, смогу ли я сама ее разыскать.

Она закрыла глаза, прижала кончики пальцев к вискам, постояла так и, снова открыв глаза, пошла вперед. Когда она подошла к двери, на пороге появился Дживс:

– Прошу прощения, милорд.

– Да, Дживс?

– Я касательно собаки миссис Спотсворт, милорд. Хотелось бы знать часы кормления и диету.

– Помона ест все, что дадут, – ответила миссис Спотсворт. – Вообще-то ее обеденное время – пять часов, но к нарушениям режима она относится спокойно.

– Благодарю вас, мадам.

– А сейчас я должна сосредоточиться. Это будет проверкой. – Миссис Спотсворт опять приложила кончики пальцев к вискам. – Идите следом за мной, Моника. И ты тоже, Билликен. Я отведу вас прямо в Длинную галерею.

Процессия удалилась из гостиной, и Рори, внимательно посмотрев ей вслед, сказал Дживсу, пожимая плечами:

– Ненормальная дамочка, а?

– Леди действительно кажется не совсем соответствующей общепринятым нормам, сэр Родерик.

– Совершенно тронутая. Вот что я вам скажу, Дживс. У нас в «Харридже» такого бы не потерпели.

– Нет, сэр?

– Никогда! Если бы эта миссис, как бишь ее, пришла бы, скажем, в секцию «Пирожные, печенья и кондитерские изделия» и вздумала бы вести себя таким образом, охранники тут же ухватили бы ее сзади за брюки и вышвырнули вон, прежде чем она договорит первую глупость.

– Вот как, сэр Родерик?

– Можете мне поверить, Дживс. Я сам пережил нечто подобное, когда только поступил туда работать. Стою за прилавком однажды утром – я тогда был в секции «Бутылки, фляги и принадлежности для пикника», – и появляется женщина, хорошо одетая, с виду вполне порядочная, ничем не бросается в глаза, единственное только – на голове у нее пожарный шлем. Я принимаюсь ее вежливо обслуживать. «Доброе утро, мэм, – говорю, – чем могу быть вам полезен? Что-нибудь для пикников? Бутылочку? Кувшинчик?» А она так пристально на меня взглянула. «Ты что же, интересуешься бутылками, гаргульями?» – это она меня так почему-то обозвала. «Да, мэм, интересуюсь», – отвечаю. «Тогда что скажешь вот на эту?» И, схватив огромный графин, с размаху опускает его туда, где должен бы быть мой лоб, только я успел отпрянуть, как нимфа, которую застали врасплох за купанием. Графин грохнулся о прилавок и вдребезги. Этого с меня было довольно. Я поманил охранников, и они ее удалили.

– Весьма неприятный случай, сэр Родерик.

– Да, признаюсь, я был ошарашен. Чуть было не подал заявление об уходе. Выяснилось, что эта дама только что получила большое наследство от богатого австралийского дядюшки и как следствие этого повредила умом. Наверно, с нашей гостьей стряслось нечто в том же роде. Унаследовала миллионы от целой роты покойных мужей, по рассказам моей жены, и на этом основании спятила. Незаработанные деньги, они до добра не доведут. Нет ничего лучше, как самому зарабатывать свой хлеб. С тех пор как я вступил в ряды пролетариев, я стал гораздо более достойным человеком.

– Вы держитесь тех же взглядов, что и Стратфордский бард, сэр Родерик. «По делам достаются призы».

– Вот именно. Совершенно верно. Кстати, о призах: как насчет завтрашнего дня?

– Насчет завтрашнего дня, сэр Родерик?

– Дерби. Вам известно что-нибудь?

– Боюсь, что нет, сэр Родерик. Там кто только не принимает участие. Фаворит, насколько я знаю, Voleur [Летун (фр.)] мсье Буссака. Ставка вчера на вечерней перекличке была пятнадцать против двух и может сократиться до шести или даже пяти перед стартом. Однако данная лошадь немного мелковата и тонка в кости для столь сурового испытания. Впрочем, всем известны случаи, когда такие недостатки преодолевались. На память приходит Манна, победительница 25-го года, и Гиперион, тоже некрупная лошадка, которая побила прежний рекорд, принадлежавший Летучей Лисице, преодолев дистанцию за две минуты тридцать четыре секунды.

Рори взирал на него с глубоким уважением.

– Ну и ну, Дживс! Вы знаток.

– Хочется быть au courant [в курсе (фр.)] в этих делах, сэр. Они составляют, я бы сказал, существенную часть образования.

– Я, безусловно, еще поговорю с вами завтра, прежде чем сделаю ставку.

– Буду рад оказать вам услугу, сэр Родерик, – любезно отозвался Дживс и бесшумно потек вон из гостиной, оставив Рори в одиночестве переживать знакомое всем, кому случалось общаться с этим великим человеком, чувство соприкосновения с неким добрым, мудрым духом, в чьи надежные руки можно без колебаний передать все свои заботы.

Спустя минуту или две возвратилась Моника, вид у нее был немного загнанный.

– А вот и ты, старушка, – приветствовал ее муж. – Вернулась из путешествия? Отыскала она эту чертову галерею?

Моника безрадостно кивнула:

– Да. Но не прежде, чем потаскала нас по всему дому. Сначала она, по ее словам, потеряла влияние. Но все-таки это успех, через триста-то лет.

– Я только сейчас говорил Дживсу, что эта дамочка сильно не в себе. Как у нас говорят, с большим приветом. Кстати, почему это считается, что привет может довести человека до помешательства? Теперь, когда она заехала в нашу страну, ей скоро начнут, я думаю, приходить приветы и выгодные приглашения из Бедлама и прочих подобных заведений. А куда девался Билл?

– Не выдержал и сошел с дорожки. Испарился. Я думаю, пошел переодеваться к обеду.

– А в каком он был настроении?

– Глаза остекленелые, и вздрагивал при каждом шорохе.

– Ага, значит, все еще не успокоился. Похоже, он сильно разнервничался, наш Вильям. Но у меня возникла насчет старины Билла новая теория. Я больше не думаю, что его нервозность объясняется преследованием полиции, уже наступающей ему на пятки. Теперь я считаю, что все дело в этой работе, которую он выполняет для Сельскохозяйственного совета. Поначалу, как всякий новичок, он принялся за дело слишком старательно. Нашему брату, кто не привык работать, приходится учиться экономить силы, не выкладываться до конца, а оставлять кое-что про запас, ну, словом, ты меня понимаешь. Я всегда внушаю это своим подчиненным. Они обычно прислушиваются, но есть один малый, в секции «Все для малышей», ты не представляешь себе, как он старается. Если дальше так пойдет, он просто сгорит на работе, не дожив до собственного пятидесятилетия. О, а это еще кого мы тут видим?

В гостиную вошла высокая красивая девушка. Рори смотрел на нее с недоумением. Первоначальную мысль, что это тень леди Агаты, которой осточертели развалины часовни и захотелось побыть в обществе, он отбросил. Но в таком случае кто это может быть – оставалось неясным. Жена его, как всегда, оказалась более проницательной. Обратив внимание на фартучек и белую наколку на волосах, она сделала правильный вывод, что перед ними сказочное существо под названием горничная.

– Элен? – удостоверилась Моника.

– Да, миледи. Я ищу его сиятельство.

– Он, я думаю, в своей комнате. Могу я чем-нибудь помочь?

– Там какой-то джентльмен спрашивает его сиятельство. Я видела, как он подъехал в автомобиле, а мистер Дживс был занят в столовой, поэтому я пошла, впустила его и проводила в утреннюю гостиную.

– Кто же это?

– Какой-то капитан Биггар, миледи.

Рори радостно хмыкнул:

– Капитан Биггар? Армейская косточка? Помнишь, Мук, в нашем детстве играли в такую игру: если есть пол-ковник, значит, должен быть и цел-ковник, то есть целый ковник. Кто дальше?

– Оставь, Рори, ты ведь уже не маленький.

– А-а, пасуешь? А вы, Эллен?

– Я не знаю, сэр.

– Вопрос: кто такой мор-ковник? Ответ: командир полка, который морит голодом своих солдат. Еще? Может быть, миссис Как-бишь-ее ответит? -обратился Рори навстречу входящей гостье.

Прекрасное лицо миссис Спотсворт сияло скромным торжеством.

– Вы уже сказали сэру Родерику? – поспешила справиться она.

– Да, сказала, – ответила Моника.

– Я отыскала Длинную галерею, сэр Родерик.

– Трижды ура, – отозвался Рори. – Продолжайте в том же духе, и скоро вы еще, глядишь, сумеете найти большой барабан в телефонной будке. Но отвлечемся на минуту. Вы не ответите на такой вопрос: если есть пол-ковник, где сидит ковник, который чином ниже?

Миссис Спотсворт посмотрела на него с недоуменем:

– Что за ковник? Я не понимаю.

– Не слушайте его, – вмешалась Моника. – В такие минуты он совершенно неопасен. Просто приехал какой-то капитан Биггар, вот он и завелся. Минута-другая, и он придет в себя.

Дивные глаза миссис Спотсворт округлились.

– Капитан Биггар?

– Ответ я подзабыл, – не отступался Рори. – Ничего, скоро вспомню. Гм-м-м... который чином ниже его...

– Капитан Биггар? – повторила миссис Спотсворт. И, обратившись к Эллен, спросила: – Такой крепкий джентльмен с довольно красным лицом?

– С очень красным лицом, – уточнила Эллен. Она во всем любила четкость.

Миссис Спотсворт схватилась за сердце:

– Какое чудо!

– Вы его знаете? – спросила Моника.

– Это мой очень старый, очень добрый друг. Я знала его еще когда... О, Моника, нельзя ли... вы не могли бы... пригласить его погостить здесь немного?

Моника встрепенулась, как старый боевой конь при звуке горна.

– Ну конечно, Розалинда. Как ваш друг, он наш друг. Прекрасная мысль.

– О, спасибо! – миссис Спотсворт обратилась к Эллен: – Где сейчас находится капитан Биггар?

– В утренней гостиной, мэм.

– Будьте добры, проводите меня туда прямо сейчас. Я должна его видеть.

– В эту дверь пожалуйста, мэм.

Миссис Спотсворт поспешно вышла, за ней последовала горничная Эллен. Рори с сомнением покачал головой:

– Ты уверена, что это разумно, Мук, старушка? Возможно, он совсем не нашего круга,

какой-нибудь тип в котелке и галстук на резинке.

Но Моника вся сияла.

– Не все ли равно, какой он тип? Это старый, близкий друг миссис Спотсворт, остальное неважно. Ой, Билл! – радостно воскликнула она, увидев входящего брата.

Билл явился во фраке, при белом галстук-бабочке и белой манишке, прилизанные волосы его лоснились от каких-то заморских масел. Рори посмотрел на него с изумлением:

– Бог ты мой, Билл! Ты похож на живую картину «Великие любовники всех времен». Если ты воображаешь, что я сейчас побегу и тоже так выряджусь, то ошибаешься. Довольно с тебя будет старого черного галстука Кармойлов и мягкой белой рубашки. Я, конечно, понимаю, что ты задумал. Ты расфуфырился, чтобы произвести впечатление на миссис Спотсворт и оживить воспоминания о счастливых днях в Каннах. Но только смотри не переборщи, я тебе советую. Подумай о Джил. Если она узнает про тебя и эту Спотсворт...

Билл вздрогнул:

– Ты на что это намекаешь?

– Ни на что, это я просто так, на язык подвернулось.

– Не обращай на него внимания, Билл, – сказала Моника. – Человек бредит. Болтает всякую чушь. Джил – девушка разумная.

– Да и потом, – добавил Рори для полного успокоения, – это ведь все происходило до того, как ты обручился с Джил.

– Что – «все происходило»?

– Ничего, старина, абсолютно ничего.

– Мои отношения с миссис Спотсворт были чисты, как слеза.

– Ну конечно, само собой.

– У вас в «Харридже» продаются намордники, Рори? – спросила Моника.

– Намордники? А как же. В секции «Кошки, собаки и домашние зверушки».

– Придется купить для тебя намордник, чтобы ты молчал. Вообрази, что его здесь вообще нет, Билл, и послушай, что я тебе расскажу. Произошло нечто замечательное. Приехал старый друг миссис Спотсворт, и я пригласила его погостить у нас.

– Что еще за старый друг?

– Еще один любовник, надо полагать.

– Прекрати сейчас же, Рори. Ты что, не понимаешь, как это для нас великолепно, Билл?

Мы оказали ей услугу, и она перед нами в долгу. Представляешь, как она теперь смягчится?

Восторженное настроение сестры передалось Биллу. Он ясно понял ее мысль.

– Да, ты права. Это большая удача.

– Правда? Нам здорово повезло. Она теперь будет как глина в твоих руках.

– Да, как мягкая глина. Молодчина, Маленький Мук! Сразу сообразила. А кто он такой, этот друг?

– Фамилия – Биггар. Капитан Биггар.

Билл невидящей рукой нашарил позади себя стул. По лицу его расплзлась зеленоватая бледность.

– Что?! – вскрикнул он. – Капитан Би... би... би...

– Ага, вспомнил! – обрадованно возвестил Рори. – Где сидит тот, кто ниже чином?

Ответ: в подполе, конечно, на то он и подпол-ковник. Я так и знал, что вспомню, – заключил он, очень довольный собой.

Покойный А. Б. Спотсворт, которого, хоть он по-своему неплохо относился к жене, никак нельзя было считать дамским угодником или, скажем, сравнивать со средневековыми трубадурами, любил шутить, что, мол, секрет счастья и успеха состоит в том, чтобы при первой же возможности отделаться от женщин. Дайте прекрасному полу под зад коленкой, рассуждал он, стаскивая пиджак и доставая фишки для покера, и после этого можете пуститься во все тяжкие. Он часто повторял, что самый прекрасный и возвышающий душу миг – это когда по завершении обеда дамы гуськом выходят из столовой, оставляя мужчин одних предаваться мирным мужским разговорам.

Биллу Ростеру в девять часов вечера все того же беспокойного дня такая точка зрения показалась бы совсем неубедительной. Меньше всего его прельщала мирной мужской разговор с капитаном Биггаром. Он стоял и придерживал дверь, пропуская переходящих в гостиную миссис Спотсворт, Монику и Джил, а душу ему томило горькое чувство утраты и неведение того, что его ждет впереди. Примерно такие же кошки скребли бы на сердце у осажденного дикарями гарнизона, если бы прибывший на подмогу полк морской пехоты Соединенных Штатов вдруг сделал поворот кругом и замаршировал прочь.

А ведь до сих пор все шло так хорошо. Даже сам Билл, хоть и терзаемый муками совести, не находил в застольной беседе капитана Биггара ничего такого, к чему можно было бы придраться. На протяжении всего обеда, начиная с супа и кончая сардинками на поджаренных хлебцах, Белый Охотник придерживался только таких нейтральных тем, как знакомые вожди каннибалов и меры, которые следует принять, когда тебя обступили охотники за головами, вооруженные трубками с отравленными зарядами. Рассказал две довольно длинные и крайне скучные истории про каких-то своих приятелей Толстого Фробишера и Субадара. И сообщил Джил – на всякий случай, мало ли что – рецепт отличной мази от укусов аллигатора. Об обманщиках букмекерах, гонке преследования по открытой местности и регистрационных номерах автомобилей речь вообще не заходила.

Но теперь, когда дамы удалились и двое крепких мужчин – или трое, если считать Рори Кармойла, – остались с глазу на глаз, кто скажет, сколько еще может продлиться это благополучное положение дел? Хотя бы Рори не ляпнул сразу что-нибудь такое... что, мол, не интересуется ли капитан Биггар скачками?

– Капитан, вы не интересуетесь скачками? – произнес Рори, едва закрылась дверь.

С губ капитана Биггара сорвался стон, похожий на предсмертный хрип зебры. Билл, подскочивший на шесть дюймов вверх, угадал в нем глухой, безрадостный смех. У него и самого мелькнула было мысль разразиться чем-нибудь в таком же роде.

– Скачками? – еле выговорил капитан Биггар. – Интересуюсь ли я скачками? Ну, перемелите меня в мясорубке и заправьте луком!

Эту просьбу Билл, если бы мог, исполнил бы с радостью. Воспользовавшись таким кулинарным рецептом, он сразу разрешил бы все проблемы. Жаль, что ни одному вождю каннибалов, с которыми водился его гость, это не пришло в голову.

– Вечером состоится специальный банкет по случаю завтрашних скачек, – сказал Рори. – Я скоро вас оставлю и пойду смотреть телетрансляцию. Телевизор в библиотеке. Будут выступать все главные владельцы лошадей, обсуждать, у кого какие шансы. Разумеется, на самом-то деле никто из них ничего не знает. А днем сегодня были Дубки, вы случайно не

присутствовали?

Капитан Биггар вздулся, как те удивительные рыбы на Флориде, которые раздуваются, если их пощекочешь.

– Присутствовал ли я на Дубках? Чанг сварк! Да, сэр, я там был. И если когда-нибудь человеку...

– Довольно живописная природа там, в Саутмолтоншире, вы не находите, капитан? – поспешил заметить Билл. – Ласкает взор, как говорится. В соседней с нами деревне, Лоуэр-Снодсбери, вы, наверно, обратили внимание, когда проезжали мимо...

– ...если когда-нибудь человеку пережимали горло рукавом, черт побери, – продолжал свою тему капитан Биггар, который успел так раскраснеться, что, окажись сейчас случайно в столовой бык-другой, не обобратся бы беды, – то это мне сегодня в Эпсومه. Я прошел через горнило, как Седрах, Мисах и Навуходносор или как там его... Мне всю душу завязали узлом и пропустили через отжим.

Рори сочувственно поцокал:

– Не везло?

– Сейчас я вам все расскажу.

– ...там сохранилась прекрасная норманнская церковь, – гнул свою линию Билл, обмирая, но не сдаваясь, – которую очень...

– Начну с того, что, вернувшись на старую родину, я сошелся с очень знающими ребятами, которые разбираются в лошадях так, что дай Боже, отличают, как говорится, где у лошади начало, а где конец, и они дали мне несколько дельных подсказок. И вот сегодня...

– ...которую очень высоко ценят специалисты по норманнским церквям, – не замолкал Билл. – Сам я плохо в них разбираюсь, но слышал, что там в притворе...

Капитан Биггар снова взорвался:

– О притворстве мне лучше не говорите! Йоги тулсирам джагинат! С первейшим из притворщиков я познакомился сегодня в Эпсومه, вздуйся он весь пузырями! Притворялся честным букмекером, а сам... Да, так я говорил, эти мои ребята время от времени подкидывали мне надежную информацию и сегодня посоветовали двойной: в скачке в два тридцать Люси Глиттерс и в Дубках Мамашу Уистлера.

– Поразительно, что Мамаша Уистлера пришла победительницей, – вставил Рори. – У нас в «Харридже» было общее мнение, что у нее ни малейших шансов.

– И что же? Люси Глиттерс пришла при ста к шести, а Мамаша Уистлера, как вы, наверно, слышали, – при тридцати трех к одному.

Рори был потрясен.

– То есть ваша двойная выиграла?

– Да, сэр.

– При таких ставках?

– При таких ставках.

– А сколько вы поставили?

– Пятерку на Люси Глиттерс и весь выигрыш на Мамашу Уистлера.

Рори вытаращил глаза:

– Бог ты мой! Ты слышишь, Билл? Вы выиграли приличный куш.

– Три тысячи фунтов.

– Ну, я вам скажу!.. Слыхали, Дживс?

Дживс внес в столовую кофе. У него был все тот же неизменно торжественный вид.

Дживс, как и Билл, находил присутствие капитана Биггара невыносимым, но, в отличие от Билла, который весь дергался и суетился, Дживс сохранял сходство с хорошо воспитанной статуей.

– Сэр?

– Капитан Биггар выиграл в Дубках три тысячи фунтов.

– В самом деле, сэр? Результат, о котором приходится только мечтать.

– Да, – мрачно произнес капитан. – Я выиграл три тысячи фунтов, а букмекер с ними удрал.

Рори удивленно вздернул брови:

– Не может быть!

– Уверяю вас.

– Улизнул в лучах луны?

– Именно.

Рори был потрясен.

– Никогда не слышал такого безобразия! А вы слышали что-нибудь подобное, Дживс? Дальше уж некуда. Верно, Билл?

Билл как бы очнулся:

– Извини, Рори, я задумался о другом. Так что ты говорил?

– Бедняга Биггар отхватил сегодня в Дубках жирный дубль, а букмекер, свинья, взял и удрал, не выплатив ему трех тысяч фунтов.

Билл, естественно, пришел в ужас. Какой порядочный человек не придет в ужас, услышав такое?

– Боже милосердный! – воскликнул он. – Капитан, как это могло случиться? Букмекер убежал, вы сказали?

– Рванул с места, как заяц, и я за ним.

– Не удивительно, что вы расстроены. Такие злодеи не должны оставаться на свободе. Кровь стынет в жилах, когда подумаешь о таком... таком... как такого человека назвал бы Шекспир, Дживс?

– Подлый, низкий, отъявленный негодяй, милорд...

– Вот-вот. Шекспир это здорово выражает.

– ...сукин сын, безмозглый таракан, лопухий холоп, ничтожество, разбойник, поедатель падали, грязный, жалкий, обутый в грубые онучи...

– Ладно, ладно, Дживс, хватит. Можно составить себе представление. – Билл заметно разволновался. – Не уходите, Дживс. Разворошите получше огонь в камине.

– Сейчас июнь месяц, милорд.

– Да, да, верно. Я совсем голову потерял, услышав такое. Вы не присядете, капитан? Ах да, вы сидите. Тогда сигары, Дживс. Сигару для капитана Биггара.

Капитан поднял ладонь:

– Спасибо, не надо. Я не курю, когда преследую крупную дичь.

– Крупную дичь? А, ну да, понимаю. Этого букмекера. Вы – Белый Охотник и охотитесь на белых букмекеров, ха-ха! Неплохо сказано, а, Рори?

– Отлично сказано, старина. Я умираю от смеха. А теперь позвольте мне пойти вниз. Я хочу посмотреть по телевидению банкет по случаю Дерби.

– Прекрасная мысль, – обрадовался Билл. – Давайте все пойдем смотреть банкет по случаю Дерби. Идемте, капитан.

Но капитан Биггар не двинулся с места. Он остался сидеть, где сидел, только сделался еще краснее прежнего.

– Может быть, позже, – произнес он кратко. – А сейчас я хотел бы переговорить с вами, лорд Рочестер.

– Конечно-конечно-конечно-конечно, – отозвался Билл не слишком жизнерадостно. – Оставайтесь, Дживс. Тут уйма всяких дел. Почистите вон пепельницу. Дайте сигару капитану Биггару.

– Джентльмен уже отказался от сигары, когда вы ему предлагали, милорд.

– Ах да, да... Верно-верно-верно, – сказал Билл и сам закурил сигару, держа огонек в руке, вибрирующей, как камертон. – Так расскажите нам еще про этого вашего жулика букмекера, капитан.

Капитан Биггар немного помолчал, нахмурившись. А потом вынырнул из пучины безмолвия со словами, что от всей души надеется когда-нибудь увидеть, какого цвета внутренности у этого негодяя.

– Если бы только я встретил подлеца в Куала-Лумпуре! – произнес он.

– В Куала-Лумпуре?

Дживс, как всегда, пришел Биллу на помощь:

– Город на побережье Малаккского пролива, милорд, в составе британской колонии Восточная Индия, куда входят Малакка, Пенанг и провинция Уэлсли, получившая статус отдельного владения в 1853 году и переданная под управление генерал-губернатора Индии. В 1887 году к этой колонии были присоединены Кокосовые, или Килинговы, острова, а в 1889-м – остров Рождества. Условия жизни в тех местах очень проницательно описал мистер Сомерсет Моэм.

– Ну конечно, я теперь припоминаю. Там, говорят, кого только не встретишь, всякой твари по паре.

В этом капитан Биггар оказался с ним согласен.

– Да, есть там всякая тварь, – подтвердил он. – Но мы умеем с нею обращаться. Знаете, что бывает в Куала-Лумпуре с теми, кто проиграл, а не платит, лорд Рочестер?

– Н-нет, мне кажется, я об этом ничего не слышал. Не уходите, Дживс. Вон еще одна пепельница, вы пропустили. Так что же бывает в Куала-Лумпуре с теми, кто проиграл, а не платит?

– Мы предоставляем несчастному три дня на то, чтобы вернуть долг. А потом приходим к нему и даем ему револьвер.

– Добрый поступок. Караете его щедростью... То есть вы хотите сказать – заряженный револьвер?

– Заряженный всеми шестью патронами. Мы взглядываем негодяю в глаза и уходим, оставив револьвер на столе. Ничего не говоря. Он без слов понимает.

Билл проглотил комок в горле. Разговор такого рода был выше его сил.

– И он, значит, должен... Вам не кажется, что это... немного слишком?

Глаза капитана Биггара были холодны и тверды, как крутое яйцо.

– Этого требует кодекс чести, сэр. Честь! Это великое слово для тех, кто живет на окраинах Империи. Там слишком легко потерять форму. Вино, женщины и неоплаченные игорные долги – вот ступени, которые ведут вниз, – провозгласил он. – Вино, женщины и неоплаченные долги, – повторил он, изображая ладонью ступень за ступенью.

– Долги – ниже всего, а? Вы слышали, Дживс?

- Да, милорд.
- Довольно интересно.
- Да, милорд.
- Расширяет кругозор, я бы сказал.
- Да, милорд.
- Век живи, век учись.
- Совершенно верно, милорд.

Капитан Биггар взял с блюда большой бразильский орех и расколол его зубами.

– Мы, несущие бремя белых, обязаны показывать пример. Нельзя допускать, чтобы даяки переплюнули нас в соблюдении кодекса чести.

- А они что, пытаются?
- Даяку, не уплатившему долга, отрубают голову.
- Другие даяки?
- Да, сэр. Другие даяки.
- Ну и ну!
- И голову затем отдают первому кредитору.

Билл изумился. Возможно, что и Дживс тоже изумился, но лицо его не приспособлено было к выражению подобных эмоций. Те, кто знал его близко, якобы наблюдали своими глазами, как в минуту глубокого потрясения один уголок рта у него слегка вздрагивал; но в обычной жизни черты его лица сохраняли каменную невозмутимость, подобную невозмутимости деревянного индейца на вывеске табачной лавки.

– Господи Боже мой! – проговорил Билл. – У нас тут такие порядки не применимы. Если бы стали считаться, кто первый кредитор, представляете, какая свара бы поднялась! Правда, Дживс?

– Несомненно, милорд. Как в детской считалке: мясник или булочник, кузнец или дворник...

– Да еще знакомые, у которых этот даяк гостил весь уик-энд, а утром в понедельник улизнул, совсем забыв про субботнюю партию в бридж.

– Даяк, если только он остался бы после этого жив, научился бы впредь соразмерять свои ставки со своими финансовыми возможностями, милорд.

– Верно, Дживс. Конечно, он научился бы не зарываться.

– Вот именно, милорд. Он бы трижды подумал, прежде чем оставить компаньона без законного выигрыша.

Капитан Биггар разгрыз еще один орех. В установившейся тишине это прозвучало как выстрел, одним махом убивающий шестерых.

– А теперь, – произнес он, – с вашего позволения, лорд Рочестер, я хотел бы бросить эту пустую болтовню и перейти к делу. – Он замолчал на мгновение, приводя в порядок свои разбежавшиеся мысли. – Насчет этого жулика букмекера.

Билл захлопал глазами:

– Ах да, насчет букмекера. Я понимаю, о чем вы.

– На данный момент он, к сожалению, скрылся. Но у меня хватило смекалки запомнить номер его машины.

– Вот как? Действительно, вы очень правильно поступили, верно, Дживс?

– Весьма, милорд.

– А потом справиться в полиции. И знаете, что мне там сказали? Что этот

автомобильный номер, лорд Рочестер, – ваш.

Билл удивился:

– Мой?!

– Ваш.

– Но как это может быть?!

– Вот тут-то и есть загадка, которую надо разрешить. Этот Честный Паркинс, как он себя называет, по-видимому, позаимствовал ваш автомобиль... с вашего согласия или без такового.

– Быть того не может!

– Совершенно невысказано, милорд.

– Благодарю вас, Дживс. Разумеется, совершенно невысказано. Откуда мне знать какого-то Честного Паркинса?

– Так вы его не знаете?

– Первый раз о нем слышу! В глаза его никогда не видел. Как он выглядит?

– Высокий... примерно вашего роста... с рыжими усами и с черной нашлепкой на левом глазу.

– Нет, черт возьми, быть не может... То есть я хочу сказать, я вас понял. Черная нашлепка на левом глазу и рыжие усы на верхней губе. Я сначала подумал...

– И еще клетчатый пиджак и галстук с голубыми подковами по малиновому полю.

– Боже милосердный! Какой-то человек совершенно не нашего круга. Не правда ли, Дживс?

– Да, милорд, не *soigné*. [Тщательно одетый (фр.)]

Но тут, явно потеряв терпение, капитан Биггар призвал собравшихся к порядку.

– К чертям все это! – произнес он довольно резко. – Не о свинье речь. Я говорю о мошеннике букмекере, который сегодня ездил на вашем автомобиле.

Билл покачал головой:

– Мой дорогой охотник за пумами и прочей живностью, вы утверждаете, что говорите о букмекерах, но в действительности вы говорите сами не знаете о чем. Здорово я это обернул, а, Дживс?

– Да, милорд. Смачно сказано.

– Разумеется, на самом деле наш друг Биггар запомнил не тот номер.

– Да, милорд.

Лицо капитана Биггара из малинового стало бордовым. Была задета его гордость.

– По-вашему, я не смог запомнить номер машины, за которой гнался от самого Эпсома до Саутмолтоншира? В машине, имеющей ваш номер, сегодня ехал упомянутый Честный Паркинс с помощником, и я спрашиваю вас: это вы одолжили ему автомобиль?

– Но, мой дорогой, добрый друг, подумайте сами, мог ли я одолжить свой автомобиль человеку в клетчатом пиджаке и при малиновом галстуке, не говоря уж о черной нашлепке на глазу и рыжих усах? Это же совершенно не... как это говорится, Дживс?

– Невообразимо, милорд. – Дживс вежливо кашлянул. – Может быть, у джентльмена со зрением не все в порядке?

Капитан Биггар грозно напыжился:

– Это у меня со зрением не все в порядке? У меня?! Да вы знаете ли, с кем разговариваете? Я – бвана Биггар!

– Сожалею, сэр, но этого имени я никогда не слышал. Я полагаю, что вы допустили

вполне простительную ошибку, неверно разобрал номер на едущей впереди машине.

Перед тем как ответить, капитан Биггар вынужден был сглотнуть разок-другой, чтобы взять себя в руки. Кроме того, он взял еще один орех.

– Послушайте, – произнес он почти мягко. – Вы, должно быть, тут не в курсе. Вам не рассказывали, кто да что. Я – Биггар, Белый Охотник, самый знаменитый Белый Охотник на всю Африку и Индонезию. Я могу преспокойно стоять на пути несущегося во весь опор носорога... А почему? Потому что зрение у меня такое, что я знаю, понимаете – знаю, что успею всадить ему пулю в единственную уязвимую точку, не пробежит он и шестидесяти шагов. Вот какое у меня зрение.

Лицо Дживса осталось каменным.

– Боюсь, что я не могу изменить позиции, на которой стою, сэр. Допускаю, что вы натренировали зрение для случаев, подобных только что вами описанному, но, как ни плохо я информирован касательно крупной фауны Востока, я все же сомневаюсь, чтобы носорогов снабжали регистрационным номером.

Биллу показалось, что сейчас самое время пролить масло на бушующие волны и подкинуть слова утешения.

– А что до вашего злосчастного букмекера, капитан, мне кажется, я могу зажечь для вас луч надежды. Я допускаю, что он действительно сбежал от вас с быстротой нетопыря, вырвавшегося из преисподней, но полагаю, когда от ромашек побелеют луга, он возвратит вам долг. У меня впечатление, что он вернет все, дайте только срок.

– Он у меня получит срок, – грозно сказал капитан. – И я позабочусь, чтобы подлиннее. А после того как он вернет долг обществу, я займусь им лично. Тысяча сожалений, что мы не на Востоке. На Востоке такие вещи понимают. Если знают, что вы человек правильный, а тот, другой, неправ... что ж, тогда лишних вопросов не задают.

Билл слушал, широко раскрыв глаза, как трепетная серна.

– Ка... каких вопросов?

– Избавиться, и из головы долой – так в общем и целом там мыслят. Чем меньше на свете таких гадов, тем лучше для англосаксонского престижа.

– М-да, пожалуй, можно и так на это взглянуть.

– Не стану от вас скрывать, на моем дробовике есть две-три зарубки, обозначающие не буйволов и не львов... и не антилоп... и не носорогов.

– Да? А кого же?

– Да этих, что удирают быстрее всех. Уродов в пестрой шкуре.

– Да, да, я знаю. Это гепарды, такие как бы леопарды, бегают со скоростью скаковой лошади.

Дживсу пришлось вмешаться с поправкой:

– Даже несколько быстрее, милорд. Полмили за сорок пять секунд.

– Вот это да! Вот это резвость! Вот это скакуны!

– Да, милорд.

Капитан Биггар раздраженно фыркнул:

– Я говорил о пестроклечатых неплательщиках, а не о пятнистых гепардах. Хотя случалось и тех пару-тройку подстрелить.

– Случалось?

– Бывало.

– Понятно, – сглотнув, произнес Билл. – Их тоже.

Дживс кашлянул:

– Могу ли я высказать предположение, милорд?

– Конечно, Дживс. Высказывайте несколько.

– Мне сейчас только пришло в голову, милорд, что тот мошенник на скачках, к которому капитан Биггар питает вполне заслуженную вражду, мог подменить номер на своем автомобиле поддельным...

– Точно, Дживс! Вы попали в яблочко!

– ...и по редкому совпадению как раз намалевал на щитке номер машины вашего сиятельства.

– Конечно! И сразу все стало ясно. Удивительно, как нам это раньше в голову не пришло? Теперь все объясняется. Вы согласны, капитан?

Капитан Биггар сидел и молчал. Судя по сведенным бровям, он обдумывал новый оборот дела.

– Но это же очевидно! – ликовал Билл. – Дживс, ваш выпирающий сзади мозг, подпитываемый рыбной диетой, разрешил загадку, которая, если бы не вы, осталась бы в истории нераскрытой тайной, о каких пишут в книгах. Будь у меня на голове шляпа, я бы сейчас ее снял перед вами.

– Я счастлив, что заслужил одобрение, милорд.

– Вы всегда заслуживаете одобрение, Дживс, неизменно. За это вас все так уважают.

Капитан Биггар кивнул:

– Д-да, пожалуй что, это возможно. Другого объяснения просто нет.

– Слава Богу, что все наконец разъяснилось, – повеселел Билл. – Еще портвейну, капитан?

– Нет, благодарю.

– Тогда, может быть, присоединимся к дамам? А то они, наверно, недоумевают: что такое у нас тут приключилось? И говорят себе: «А он все не идет!» – как эта самая... как ее, Дживс?

– Как бедная Марианна, милорд:

И вечером, когда выпадала,
И утром, когда высыхала роса,
Лила Марианна горькие слезы,
Не в силах взглянуть в небеса.

– Ну, настолько уж убиваться из-за нашего отсутствия они вряд ли станут. Но все-таки, я думаю, пора... Идемте, капитан?

– Я хотел бы сначала позвонить по телефону.

– Позвонить можно из гостиной.

– Это личный разговор.

– Уговорили. Дживс, отведите капитана Биггара в вашу буфетную и посадите к аппарату.

– Очень хорошо, милорд.

Оставшись в одиночестве, Билл задержался на несколько мгновений, раздираемый противоречивыми желаниями: и поскорее очутиться в дамском обществе, и опрокинуть еще

стакан портвейна за здоровье Честного Паркинса, благополучно обогнувшего опасный угол.

Единственное, что омрачало его довольство, была мысль о Джил. Билл был не вполне уверен, в каких отношениях он сейчас с путеводной звездой своей жизни. За ужином миссис Спотсворт, сидевшая от него по правую руку, своим панибратством превзошла его самые мрачные опасения. И кажется, в глазах Джил блеснул тот холодный, задумчивый огонек, который влюбленному меньше всего хочется видеть в глазах суженой.

По счастью, в процессе ужина панибратство миссис Спотсворт постепенно сошло на нет, поскольку разговорился капитан Биггар. Миссис Спотсворт перестала поминать веселые каннские денечки, а вместо этого с упоением внимала рассказам Белого Охотника:

О сказочных пещерах и пустынях...

О каннибалах, то есть дикарях,

Друг друга поедаящих, о людях,

Которых плечи выше головы.

К его речам она, не дыша, склонила слух, полностью исключив из застольной беседы каннские мотивы, так что, возможно, еще не все так плохо.

Меж тем в столовую вернулся Дживс, и Билл принялся вновь возносить ему хвалы за выигранное сражение.

– Замечательная мысль вас осенила, Дживс. Просто спасительная.

– Благодарю вас, милорд.

– Она разрешила все трудности. Успокоила его подозрения, так ведь?

– Можно предполагать, что так, милорд.

– А знаете, Дживс, даже в наши беспокойные послевоенные времена, при том, что, куда ни посмотришь, повсюду выделяется кульбиты социальная революция и цивилизация, так сказать, угодила в плавильный котел, все же неплохо, когда твое имя значится в книге пэров, да еще крупными буквами.

– Бесспорно, милорд. Это придает джентльмену некий статус.

– Вот именно. В обществе, не требуя доказательств, тебя считают порядочным человеком. Возьмите, например, графа. Он живет себе поживает, люди говорят: «Он граф» – и довольствуются этим. И никому даже в голову не приходит, что, может быть, в свободную минуту он лепит на глаз черную наклепку, наклеивает усы и в клетчатом пиджаке и при галстуке с подковами кричит из дощатой будки: «Один к шести на всех, кроме одной!»

– Совершенно справедливо, милорд.

– И это хорошо.

– Весьма, милорд.

– Могу вам признаться, что на протяжении сегодняшнего дня были минуты, когда мне казалось, что ничего не остается, как сказать себе: «Что ж поделаешь!» – и поднять лапки кверху. Но сейчас еще немного, и я запою как херувимы и серафимы. Ведь эти, которые поют, они херувимы и серафимы?

– Да, милорд. Главным образом осанну.

– Я словно заново родился. Неприятное ощущение, будто проглотил пинту бабочек, которое у меня возникло, когда под барабанную дробь в языках пламени выскочил из подполья этот чертов Белый Охотник, теперь совершенно прошло.

– Рад это слышать, милорд.

– Я знал, что вас это обрадует, Дживс. Само собой. Сочувствие и Понимание – ваши средние имена. Ну а теперь, – сказал Билл, -присоединимся к обществу дам и избавим их от мук ожидания.

Но в гостиной оказалось, что число дам, к чьему обществу можно было присоединиться, сократилось до одной, осталась только, считая слева направо, – Джил. Она сидела на диване, держа в ладонях пустую кофейную чашку и устремив перед собой, как принято выражаться, невидящий взор. У нее был вид девицы, которая о чем-то глубоко задумалась, которой недавние события дали обильную пищу для размышлений.

– Привет, дорогая, – радостно, как потерпевший кораблекрушение моряк, зашедший на горизонте парус, воскликнул, входя, Билл. После того страшного испытания, которое он перенес в столовой, когда ушли дамы, любое лицо, если это не лицо капитана Биггара, показалось бы ему прекрасным, а лицо Джил – тем более.

Джил подняла на него глаза.

– Ну привет, – отозвалась она.

Биллу показалось, что она встретила его довольно сдержанно, но это не убавило его жизнерадостности.

– А где все?

– Рори и Мук в библиотеке смотрят телетрансляцию банкета в канун Дерби.

– А миссис Спотсворт?

– А Розы, – ответила Джил ровным голосом, – пошла к разрушенной часовне. Она надеется побеседовать там с призраком леди Агаты.

Билл от неожиданности вздрогнул и сглотнул.

– Розы? – переспросил он.

– По-моему, ты так ее называешь, разве нет?

– М-м, ну да.

– А она тебя – Билликен. Она твоя старая приятельница?

– Нет, что ты. Познакомился с ней когда-то летом в Каннах.

– Из ее рассказов за ужином про поездки при луне и купания под Райской скалой у меня сложилось впечатление, что вы были довольно близкими друзьями.

– Какое там! Вовсе нет. Просто знакомые, не более того.

– Понятно.

Оба помолчали.

– Скажи, ты помнишь, – прервала наконец молчание Джил, – что я давеча говорила насчет того, чтобы ничего друг от друга не скрывать, если двое хотят пожениться?

– Я... Д-да... Помню.

– Мы согласились, что иначе и быть не может.

– Д-да... Ну конечно. Ясное дело.

– Я рассказала тебе про Перси, верно? И про Чарлза, и Скиффи, и Тома, и Блотто, – продолжала Джил, перечисляя героев своих забытых романов. – Мне и в голову не приходило скрыть от тебя, что я уже была один раз помолвлена до тебя. Почему же ты прятал от меня эту Спотсворт?

Биллу показалось, что за один летний день на одного в общем-то неплохого парня, никому не желающего зла и со всеми старающегося поступать по-хорошему, жестокая судьба обрушила слишком много неприятностей. Тот малый – Шекспир, кажется, но надо будет уточнить у Дживса, – который писал про пращи и стрелы яростной судьбы, знал, что

говорил. Вот именно что пращи и стрелы.

– Не прятал я от тебя эту Спотсворт! – горячо возразил он. – Просто к слову не приходилось. Да Господи! Когда сидишь с любимой девушкой, держишь ее за ручку и шепчешь ей на ушко ласковые слова, разве можно вдруг сменить тему и сказать: «Да, между прочим, была одна женщина, с которой я познакомился несколько лет назад в Каннах, и по этому вопросу я хочу теперь сказать несколько слов. Для начала – про поездку в Сан-Тропез».

– При свете луны.

– Разве я виноват, что светила луна? Меня не спрашивали. А что до купания под Райской скалой, то тебя послушать – можно подумать, будто мы были с ней одни у этой чертовой скалы и вокруг ни души. Ничего подобного, как раз наоборот. Когда ни сунешься в воду, там всегда кишмя кишит великих князей в изгнании и вдовствующих аристократок самых строгих правил.

– И все-таки я нахожу странным, что ты ни разу о ней не обмолвился.

– Не вижу в этом ничего странного.

– А я вижу. А еще страннее, что, когда Дживс пришел и объявил о прибытии некой миссис Спотсворт, ты только буркнул что-то малосодержательное и замолчал, как будто первый раз о такой слышишь. Разве не естественнее было бы сказать: «Миссис Спотсворт? Вот так так! Уж не та ли самая это дама, с которой я пару лет назад в Каннах поддерживал отдаленное знакомство? Я тебе о ней не рассказывал, Джил? Мы с нею катались при луне, но, разумеется, на приличном расстоянии».

Настал миг Биллова торжества.

– Нет! – провозгласил он. – Совсем не было бы естественно, если бы я сказал: «Миссис Спотсворт? Вот так так» – и так далее. И сейчас объясню почему. Во время нашего с ней знакомства – отдаленного, повторяю, как все знакомства, которые заводят в Каннах и прочих курортных местах, – ее фамилия была Бессемер.

– Вот как?

– Именно так. Б-Е-С-С-Е-М-Е-Р. А каким образом она превратилась в Спотсворт, я еще даже не выяснил.

Тут вошел Дживс. Долг требовал от него в эту самую минуту собрать и вынести кофейные чашки, а требования долга никогда не оставались у этого замечательного человека в небрежении.

Его приход положил конец разговору, и Джил, у которой еще было что сказать на обсуждаемую тему, просто встала и подошла к двери на террасу.

– Мне надо идти, – проговорила она спокойно, хотя все еще довольно сдержанно.

– Ты что, уже уходишь? – удивился Билл.

– Я только домой за вещами. Мук пригласила меня ночевать.

– Да благословят ее небеса! Что значит умная девушка!

– Ты одобряешь ее приглашение?

– По-моему, это замечательно.

– Ты уверен, что я не помешаю?

– Ну что за вздор! Хочешь, я схожу с тобой?

– Нет, конечно. Ты же хозяин дома и принимаешь гостей.

Она вышла, а Билл, проводив ее любящим взглядом, вдруг спохватился и вздрогнул. Что такое должен был означать ее вопрос: «Ты уверен, что я не помешаю?» Просто так она это

сказала, из вежливости, или со зловещим подтекстом?

– Женщины странные существа, Дживс, – проговорил он, вздыхая.

– Да, милорд.

– Чтобы не сказать – загадочные. Говорят одно, а что подразумевают, никогда не поймешь.

– Да, крайне редко, милорд.

Билл мгновение помолчал, размышляя.

– Вы наблюдали за мисс Уайверн, когда она выходила в эту дверь?

– Не очень внимательно, милорд.

– Как она, на ваш взгляд, держалась? Странно?

– Затрудняюсь ответить, милорд. Мое внимание было сосредоточено на чашках.

Билл снова погрузился в раздумья. Неопределенность действовала ему на нервы. «Ты уверен, что я не помешаю?» Был ли в ее голосе язвительный призыв, когда она задавала этот вопрос? От этого все зависело. Если не было призыва – хорошо. Но если был, тогда дела обстоят неважно. Такой вопрос да еще язвительный призыв вместе могут означать только одно: его разъяснения спотсворт-каннского эпизода не возымели успеха и она по-прежнему питает подозрения, совершенно недостойные такой девушки, как Джил.

Он ощутил раздражение, которое всегда в таких ситуациях ощущают ни в чем не повинные мужчины. Что проку быть чистым, как свежавыпавший снег, или даже еще чище, если у девушек все равно так язвительно звенит голосок?

– Беда с женщинами заключается в том, Дживс, – проговорил он, и философ Шопенгауэр тут, конечно, шлепнул бы его по спине и сказал, что вполне его понимает, – что практически все они не в своем уме. Взять вот, например, миссис Спотсворт. Просто помешанная. Сидит ночью в разрушенной часовне в надежде увидеть леди Агату.

– В самом деле, милорд? Миссис Спотсворт интересуется привидениями?

– С маслом их ест. Разве уравновешенный человек может так себя вести?

– Спиритуальные переживания бывают притягательны для слабого пола, милорд. Моя тетя Эмили...

Билл бросил на него предостерегающий взгляд:

– Помните, что я говорил вам насчет Плиния Младшего, Дживс?

– Да, милорд.

– Это же относится и к вашей тете Эмили.

– Очень хорошо, милорд.

– Меня не интересует ваша тетя Эмили.

– Я вас понимаю, милорд. За долгие годы своей жизни она очень мало кого интересовала.

– Так ее уже нет с нами?

– Нет, милорд.

– И то хоть слава Богу.

Дживс выплыл из комнаты, а Билл бросился в кресло. Он по-прежнему размышлял о загадочном вопросе Джил, и теперь его мысли приняли пессимистическое направление. Не в одном только призыве тут дело. Ему уже определенно представлялось, что она произнесла эти слова сквозь зубы, да еще посмотрела на него весьма многозначительно. И кажется, даже собиралась сказать что-то ехидное.

Билл лихорадочным жестом запустил пальцы в волосы. И в это мгновение из

библиотеки вышла Моника. Присутствующие на банкете по случаю завтрашних скачек, на ее вкус, оказались чересчур многоречивы. Рори попрежнему ловил каждое их слово, но ей захотелось перевести дух.

Она увидела, что любимый брат рвет на себе волосы, и очень удивилась.

– Господи Боже мой, Билл! Что с тобой? Что такое?

Билл посмотрел на нее не по-братски свирепо:

– Ничего, черт возьми! Ничего, ясно? Ничего, ничего, ничего!

Моника вздернула брови:

– Ну и ладно. Чего ты так разнервничался? Я просто выражала сестринское участие.

Билл великим усилием воли вернулся к любезности Рочестеров.

– Прости, Мук, старушка. У меня голова болит.

– Ах ты мой беденький.

– Ничего, скоро пройдет.

– Тебе нужен свежий воздух.

– Может быть.

– И приятное общество. Мамаша Спотсворт пошла в разрушенную часовню. Ступай к ней и поболтай о том о сем.

– Что-о?

Моника сказала умиротворяющим тоном:

– Не упрямясь, Билл. Ты не хуже меня понимаешь, как важно расположить ее к себе.

Один хороший рывок сейчас может склонить ее к покупке дома. С самого начала было так задумано: я разрекламировала ей Рочестер-Эбби, а теперь ты отведешь ее в сторонку ипустишь в ход свое прославленное обаяние. Ты помнишь, как обещал, что будешь ворковать с ней, точно сизый голубок? Ступай сейчас же и принимайся ворковать, как не ворковал никогда в жизни.

Мгновение казалось, что сейчас с беднягой Биллом, чей предел выносливости был давно превзойден, случится нечто вроде самовозгорания. Глаза его полезли на лоб, щеки вспыхнули, и огненные речи затрепетали на губах. Но вдруг, словно в разговор вступил Здравый Смысл и негромко поцокал языком, все встало на свои места: глаза потухли, и щеки понемногу приобрели нормальный оттенок. Билл осознал, что предложение Моника разумно и справедливо.

В пылу последних переживаний он как-то упустил из виду, чт? для него значит осуществление продажи наследственного жилища. И теперь вдруг осознал, насколько важна эта возможность, этот единственный спасательный круг, колышущийся на волнах моря бед, в которое он погружен почти с головой. Ухватиться за него, иначе – гибель. Когда продают дома, напомнил он себе, какую-то часть цены в виде залога получают наличными. Такого залога хватит на то, чтобы избавиться от угрозы со стороны Биггара, и если для получения этой суммы требуется пойти к Розалинде Спотсворт и поворковать с ней, значит, надо идти и ворковать.

Одновременно ему пришла утешительная мысль, что раз Джил отправилась домой за вещами для ночевки, выходит, до ее возвращения у него есть добрых полчаса, а за полчаса, если как следует сосредоточиться, можно наворковать вполне достаточно.

– Мук, – сказал Билл, – ты права. Мое место рядом с нею.

Он торопливо вышел, а еще минуту спустя в дверях библиотеки появился Рори.

– Послушай, Мук, – обратился он к жене, – ты понимаешь по-испански?

– Нет. Никогда не пробовала. А что?

– Там по телевизору какой-то испанец или аргентинец, ну, словом, из этой публики, рассказывает про свою лошадь на родном языке. Наверно, совсем не нашего круга человек, но интересно все-таки услышать его мнение. А где Билл? Неужели все еще сидит с Бременем Белого Человека?

– Нет, он только что сюда заглянул и ушел пообщаться с миссис Спотсворт.

– Я хочу обсудить с тобой ситуацию с Биллом. Мы здесь одни? Нас никто не может услышать?

– Разве только если кто-нибудь прячется вот в этом сундуке. Что такое с Биллом?

– С ним что-то не так, старушка, и это каким-то образом связано с капитаном Биггаром.

Ты смотрела на Билла за ужином?

– Специально, кажется, нет. А что? Он ел горошек ножом?

– Это-то нет. Но, встречаясь взглядом с Биггаром, он каждый раз весь корчился, словно исполнял танец живота. Этот Биггар почему-то действует на него как веничек-сбивалка на яйцо. Почему? Вот что мне хотелось бы знать. Кто он, в сущности, такой, таинственный капитан Биггар? Зачем он здесь? И что между ними, отчего бедняга Билл весь дрожит, подскакивает и трясется, стоит тому на него взглянуть? Не нравится мне это, моя милая. Выходя за меня замуж, ты даже не заикнулась, что у вас в роду есть припадочные, и я считаю, что по отношению ко мне это несправедливо. Подумай сама, каково это: ухаживал-ухаживал, не жалея сил и денег, завоевал любовь обожаемой избранницы – и вдруг, вскоре после медового месяца, узнаешь, что стал зятем человека, больного «пляской святого Вита».

Моника задумалась.

– А ведь действительно, по-моему, когда я сказала ему, что к нам прибыл некий капитан Биггар, он словно бы разволновался. Точно-точно. Я теперь припоминаю и зеленоватую бледность лица, и отвисшую челюсть. А сейчас, когда я вошла, он драл на себе волосы. Я согласна с тобой. В этом есть что-то зловещее.

– Но я еще вот что скажу тебе, – продолжал Рори. – Когда я собрался уходить из столовой, чтобы посмотреть телепередачу, Билл тоже хотел пойти. «Пойдемте, капитан?» – спросил он Биггара. А тот, надувшись, ему в ответ: «Может быть, попозже. А сейчас я хотел бы переговорить с вами, лорд Рочестер». Эдаким ледяным, железным тоном, точно судья, который сейчас присудит человеку штраф в пять фунтов за сдергивание каски с полицейского в ночь лодочных гонок. Билл лязгнул челюстью, как голодный бульдожка, и пробормотал: «Да, да, конечно» или что-то в этом роде. Словом, видно за версту, что у этого Биггара есть что-то на нашего Билла.

– Но что это может быть?

– Тот же вопрос задал себе и я, о старая подруга радостных и суровых дней моих. И по-моему, я нащупал ответ. Ты помнишь рассказы, которые мы читали в детстве – например, в «Стрэнд мэгазин»?

– Что еще за рассказы?

– Ну, про глаз идола, скажем. Как шайка негодяев рванула в Индию, чтобы выкрасть драгоценный камень, служащий глазом идолу. Камень они благополучно стащили, но при дележке обделили одного из своих, отчего он, естественно, затаил на них зло, и по прошествии многих лет он их одного за другим выследил в их респектабельных английских домах и всех до последнего уничтожил, таким образом сведя с ними счеты. Попомни мои слова, этот тип Биггар преследует старину Билла за то, что Билл присвоил его долю денег,

вырученных за зеленый глаз золотого божка в храме Вишну, и я ничуть не удивлюсь, если завтра утром, спустившись к завтраку, мы увидим его плавающим в луже крови среди жареных селедок и сосисок с вонзенным в основание черепа восточным кинжалом.

– Дурак!

– Это ты мне?

– Именно тебе, и мало еще. Билл никогда в жизни не бывал восточнее Ист-Энда.

– А в Каннах?

– Разве Канны на Востоке? Первый раз слышу. Но к индийским божкам с драгоценными глазами он уж точно никогда не приближался.

– Да, это я упустил из виду, – признал Рори. – Это обстоятельство несколько подрывает убедительность моей версии.

Однако, подумав еще немного, он выдвинул новую гипотезу:

– Ха! Теперь мне все ясно. Я понял: причина вражды между Биллом и Биггаром – в младенце.

– Господи, что ты такое городишь! В чем младенце?

– Билла. В тесном сотрудничестве с родной дочерью Биггара, сокровищем его души, наивной бедняжкой, которая любила «безмерно, безрассудно». А если ты мне возразишь, что теперь наивные и безрассудные девушки все вывелись, я отвечу: «Где-нибудь, может, и вывелись, но не в миссионерской школе тамошнего Коала-Пурпура». У них в миссионерских школах девочек знакомят с грубыми фактами жизни на примере пчелок и цветочков, так что бедняжки теряют всякое представление, о чем речь.

– Слушай, Рори, ради Бога!..

– Подумай, как это все укладывается в неотвратимость греческой трагедии – или что там у них было такое неотвратимое?.. Девушка по окончании школы возвращается в Англию, одна, без матери, наставляет ее некому, и тут она встречает молодого красавца англичанина. Что за этим следует? Один неверный шаг. Запоздалое раскаяние... Маленький сверток на руках. Трудное объяснение с папашей. Папаша весь кипит, изрыгает несколько проклятий на каком-то дикарском наречии, увязывает в мешок слоновое ружье и приезжает потолковать со стариной Биллом. «Карамба!» – как говорит, наверно, сейчас тот венесуэлец в телевизоре. Впрочем, беспокоиться особенно не о чем. Я думаю, жениться он его все равно не заставит. Единственное, что Биллу придется взять на себя, это заботу об образовании маленького. Поместить его в школу: если мальчик, то в Итон, если девочка – в Роудин.

– В Челтнем.

– Ах да. Забыл, что ты училась в Челтнеме. Но теперь вопрос: надо ли об этом ставить в известность юную Джил? По-моему, жестоко не предостеречь ее против неосмотрительного брака с таким невозможно испорченным человеком, как Вильям, граф Рочестер.

– Не смей такими словами обзывать моего брата Билла!

– Именно такими словами обозвали бы его у нас в «Харридже».

– И вообще, я думаю, ты ошибаешься насчет Билла и Биггара. Действительно, бедняжка немного нервничает, но, вернее всего, капитан Биггар тут совершенно ни при чем. Просто он волнуется, купит ли миссис Спотсворт у него дом. И кстати сказать, Рори, ты мог бы, как тренированный продавец, поспособствовать заключению этой сделки, вместо того чтобы вставлять палки в колеса.

– Не понимаю, к чему ты клонишь.

– Клоню к самой земле. За все время после появления здесь миссис Спотсворт ты

только и делал, что привлекал внимание к дурным сторонам Рочестер-Эбби. Будь конструктивнее.

– Как например, моя королева?

– Н-ну, покажи ей что-нибудь хорошее в этом доме.

Рори послушно, но не убежденно кивнул.

– Сделаю что смогу, – пообещал он. – Хотя у меня для работы будет очень мало материала. Ну а теперь, моя старушка, этот испанец уже, должно быть, сошел с экрана и мы можем снова присоединиться к телевизионному банкету. По каким-то загадочным причинам – кто знает, что нами правит? – я испытываю пристрастие к четвероногому по кличке Риторика.

Миссис Спотсворт покинула разрушенную часовню. Она прождала появления леди Агаты целых двадцать пять минут, и ей это надоело. Как многие очень богатые дамы, она была нетерпелива и требовала, чтобы ее обслуживали в первую очередь. Захотелось ей привидений – значит, подать их немедленно, с пылу с жару. Идучи обратно через сад, она присмотрела живописно расположенную скамейку, села, закурила сигарету и стала любоваться красотой летней ночи.

Была одна из тех чудесных июньских ночей, какие изредка все же случаются в Англии и смягчают обычную суровость летней непогоды, сея в умах торговцев зонтами и макинтошами сомнения, правильно ли они всегда считали, что эта страна – земной рай для представителей их профессии.

По небу плыла луна, веял ласковый западный ветерок, принося с собой будоражащий душу аромат левкоев и душистого табака. В кустах возле скамейки тихо шуршали робкие насельники ночи, и в довершение всего за рекой, на том берегу запел соловей, приступив к делу с таким размахом, какого и следовало ожидать от птицы, получившей восторженный отзыв у поэта Китса и только позавчера удостоившейся лестного упоминания в передаче Би-би-си.

То была ночь, созданная для любви, и миссис Спотсворт это ясно чувствовала. Хотя в юности, когда она писала верлибры в Гринич-Виллидж, в круг ее интересов входили главным образом нищета и грязь, однако в глубине души она даже и тогда была сентиментальна. Ее бы воля – она бы только и строчила что вирши про кровь и любовь, луну и тишину, сказки и ласки. Да вот издатели поэтических сборников почему-то отдавали предпочтение многоквартирным корпусам с крысами, кислому капустному духу и беспроектной безнадежности – а кормиться-то девушке надо.

Но теперь, приобретя полную финансовую независимость и освободившись от необходимости угождать вкусам издателей, она могла преспокойно совлечь путы со своей чувствительной души и, сидя на скамейке, свободно любоваться лунной ночью и упиваться пением соловья, предаваясь настроению, которое такой тонкий стилист, как покойный Гюстав Флобер, прославившийся своими неустанными поисками точного слова, без колебаний определил бы как сентиментальное.

В том, что миссис Спотсворт так сильно расчувствовалась, немало повинны были рассказы капитана Биггара за ужином. Мы уже привели выше некоторые образчики и охарактеризовали общее направление его разговора, свободно переходившего с людоедов на охотников за головами, с охотников за головами – на аллигаторов, и все это произвело на миссис Спотсворт примерно такое же действие, как рассказы Отелло на Дездемону. Словом, задолго до того, как была съедена последняя клубничина десерта и разжеван последний орех, миссис Спотсворт пришла к твердому выводу, что вот он, подходящий для нее спутник жизни, и решила сделать все потребное, чтобы дело это решилось желательным образом. Насчет того, чтобы снова выйти замуж, и А. Б. Спотсворт, и Клифтон Бессемер – оба дали ей зеленую улицу. Так что никаких препятствий на пути к цели перед нею не было.

Однако на пути к скамейке, на которой сидела миссис Спотсворт, по-видимому, некое препятствие имелось, ибо она вдруг услышала в ночной тишине, как кто-то, мужественно шагая, налетел на садовый вазон, затем последовало смачное проклятие на суахили – и перед

нею, потирая лодыжку, появился капитан Биггар.

– Ах, Боже мой, вы не поранились, капитан? – спросила миссис Спотсворт, вся – женственное участие.

– Всего лишь царапина, милая леди, не более того, – ответил он.

Говорил он отрывисто, и только кто-нибудь вроде Шерлока Холмса или мсье Пуаро сумел бы определить, что при звуках ее голоса сердце его проделало двойное сальто и он затрепетал не меньше самого Билла Ростера.

Белый Охотник, поговорив по телефону, почел за благо не заходить в гостиную, а выбраться на широкий простор, где можно побыть одному. Присоединиться к дамам, рассудил он, значит подвергнуть себя мучительному созерцанию боготворимой женщины и лишний раз убедиться, что она для него недостижима. Он понимал, что оказался в положении мотылька, который позволил себе увлечься звездой, как это описано в известном стихотворении Шелли, а на его взгляд, разумный ход для мотылька был бы по возможности уклоняться от общения с обожаемым предметом и тем уменьшить сердечные муки. Вот что должен был бы рекомендовать в такой ситуации стихотворец Шелли.

И вот, пожалуйста, – он оказался ночью в саду наедине со своей любовью. И ночь не простая, а по всей форме – с луной, соловьями, нежно веющим ветерком и благоуханием левкоя и табака.

Так что, принимая приглашение миссис Спотсворт посидеть с нею на скамеечке, капитан Биггар весь сжался, напрягся и сказал себе: «Будь тверд, приятель». А в ушах его звучали голоса Толстого Фробишера и Субадара: справа Толстый Фробишер советовал не быть размазней, а слева Субадар напоминал о кодексе чести.

Он напряжился и собрал все силы для предстоящего tete-a-tete'a.

Миссис Спотсворт, мастерица светских бесед, начала с замечания, что, мол, какая божественная ночь, на что от капитана последовало:

– Высший класс.

– Луна, – умилилась миссис Спотсворт и прибавила, что ночь, когда светит полная луна, по ее мнению, гораздо лучше ночи, когда луна неполная.

– Угу, – согласился капитан Биггар.

Затем, после того как миссис Спотсворт высказала предположение, что ветерок напевает цветам колыбельные песенки, а капитан Биггар с огорчением признался, что не имеет по этому вопросу собственного мнения, поскольку является чужаком в здешних краях, наступило молчание.

Нарушила его миссис Спотсворт, испуганно вскрикнув:

– Ой!

– Что случилось?

– У меня упала подвеска. Замочек развинтился.

Капитан Биггар преисполнился сочувствием.

– Вот неприятность, – сказал он. – Наверно, лежит где-нибудь тут на дорожке. Сейчас поищу.

– Да, пожалуйста. Она дешевенькая, стоила каких-нибудь десять тысяч, не больше, но дорога мне как память. Это подарок одного из моих мужей, я только забыла которого. Нашли? Вот спасибо! Не поможете мне застегнуть?

Когда капитан Биггар застегивал у нее на шею цепочку, пальцы его, а также мышцы спины и живота мелко дрожали. Защелкнуть замочек не дотронувшись до шеи владелицы

было практически невозможно, он несколько раз коснулся атласной кожи. И при каждом прикосновении тело его прорезало точно ножом. Полная луна, соловей, ветерок, левкой и душистый табак так и подталкивали его покрыть эту шею горячими поцелуями.

Да только Толстый Фробишер и Субадар дружно образовали оппозиционный блок и не давали ему это сделать.

«Прямой клюшкой, старина», – предостерегал Толстый Фробишер.

«Помни, что ты белый человек», – добавлял Субадар.

Он сжал кулаки и опомнился.

– Приятно, должно быть, – заметил он прямодушно, – иметь столько денег, чтобы считать десять тысяч пустяком.

Миссис Спотсворт сразу подхватила эту реплику:

– Вы думаете, богатые женщины обязательно счастливы, капитан Биггар?

Капитан ответил, что те, которых он знал, – а ему, как Белому Охотнику, случалось встречать их немало – на жизнь не жаловались.

– Они носили маску.

– То есть как это?

– Улыбались, чтобы скрыть страдание, – пояснила миссис Спотсворт.

Капитан Биггар припомнил, как одна миллионерша, крупная блондинка по фамилии Фиш, как-то ночью танцевала канкан в кружевных панталонах, но миссис Спотсворт на это сказала, что бедняжка просто старалась не показать виду.

– Богатые женщины так одиноки, капитан Биггар.

– Разве вы одиноки?

– Очень, очень одинока.

– О... а... – произнес капитан Биггар.

Вообще-то он хотел сказать не это. Ему хотелось излить душу в страстном потоке слов. Но что тут можно сделать, если за каждым твоим жестом следят Толстый Фробишер и Субадар?

Когда женщина лунной ночью под аккомпанемент закатывающихся соловьев говорит мужчине, что она очень-очень одинока, а в ответ слышит только "о" да "а", нельзя ее винить, если она на миг несколько падет духом. У миссис Спотсворт был когда-то большой гончий пес летаргического темперамента, ему надо было надавать пинков, чтобы выгнать вечером на прогулку. Вот и теперь у нее возникло такое же ощущение, как будто она колотит носком туфли по ленивому заду этого пса. Будто прилагаешь напрасные усилия, пытаешься сдвинуть нечто несдвигаемое. Она любила Белого Охотника. И восхищалась им. Но высечь из его груди искру страсти оказалось работой не из легких. У нее мелькнула горькая мысль, что у мокрой устрицы на блюде ей случалось видеть больше божественного огня.

Однако она не отступилась.

– Как странно, что мы с вами здесь встретились, – тихо пролепетала она.

– Да, очень странно.

– Мы были на разных концах земли и вот встретились в английской пивной.

– Редкое совпадение.

– Не совпадение. Так было предначертано. Хотите, я вам скажу, что привело вас в ту пивную?

– Мне захотелось пива.

– Рок, – возразила миссис Спотсворт. – Фатум. Простите?

– Я только хотел сказать, что с английским пивом не сравнится ни одно пиво на свете.

– Тот же рок, тот же фатум, – продолжала миссис Спотсворт, хотя при других обстоятельствах она бы с горячностью оспорила его последнее утверждение, так как считала, что английское пиво просто невозможно взять в рот, – которые свели нас в Кении. Вы помните день в Кении, когда мы познакомились?

Капитана Биггара перекорезило. Это было все равно, что поинтересоваться у Жанны д'Арк, не забыла ли она случайно свое небесное видение. «Ну что, ребята? – мысленно спросил он и покосился направо и налево. – Никак невозможно сделать исключение?» Но Толстый Фробишер и Субадар отрицательно покачали головами.

«Чти кодекс», – сказал Толстый Фробишер.

«Играй по правилам», – сказал Субадар.

– Помните? – повторила миссис Спотсворт.

– Угу, – ответил капитан Биггар.

– У меня тогда при виде вас возникло странное ощущение, будто мы уже когда-то, в прежней жизни, были знакомы.

– Маловероятно, я бы сказал.

Миссис Спотсворт закрыла глаза:

– Я словно бы видела нас обоих в какие-то темные доисторические времена, мы были одеты в звериные шкуры. Вы ударили меня дубинкой по голове и потащили за волосы в свою пещеру.

– Ну уж нет, ничего подобного я бы никогда не сделал.

Миссис Спотсворт подняла веки, расширила до максимума свои прекрасные очи и направила их на него, точно два прожектора.

– Вы сделали это потому, что вы меня любили, – трепетным шепотом промолвила она. – А я...

Она не договорила. Нечто длинное и тощее вырисовалось над нею в небе, и голос, быть может, чуть-чуть нервно произнес:

– Ах, вот вы, оказывается, где... Я искал вас повсюду, Роза, – продолжил Билл. – У разрушенной часовни вас не оказалось, и тогда... А-а, здравствуйте, капитан.

Капитан хрипло ответил на приветствие и на подкашивающихся ногах побрел прочь. Пройдя несколько шагов и сгнув из виду, он задержался, чтобы отереть со лба капли пота. Он трудно дышал, как буйвол в сезон брачных игр. Уфф! Едва-едва обошлось. Если бы их прервали хотя бы минутой позже, он бы, вне всякого сомнения, нарушил кодекс и совершил непоправимый проступок, который выставил бы его имя на позор и осмеяние в Англо-Малайском клубе Куала-Лумпура: он, неимуший капитан с какими-то несколькими фунтами на банковском счете, готов был предложить руку и сердце обладательнице миллионов! Потому что с каждым мгновением он все больше и больше терял голову и все тише звучали в его ушах предостережения Толстого Фробишера и Субадара. Он бы выдержал ее взгляд. Выстоял бы и против ее голоса, и против шелковистых прикосновений к ее коже. Но вместе глаза, голос, кожа, луна, ласковое дуновение западного ветерка и соловьиное пение образовывали слишком сильнодействующую смесь.

Он стоял, и грудь его вздымалась, как море на театральном заднике. Опасность миновала, было бы естественно предположить, что главным его чувством сейчас была молитвенная благодарность фатуму (или року) за своевременное вмешательство. Но как ни странно, все обстояло иначе. Судорога облегчения быстро прошла, и на душе у него стало

мурно. Дело в том, что, стоя в нескольких шагах от скамейки, он не мог не слышать речей Билла. Билл же, усевшись рядом с миссис Спотсворт, принялся ворковать.

В данной хронике до сих пор мало внимания было уделено талантам девятого графа Рочестера в этой области. Когда он обещал своей сестре Монике отправиться к миссис Спотсворт и поворковать с ней, как сизый голубок, мы могли подумать, что речь идет о заурядном сизом голубке, который, конечно, может поворковать когда надо, но не более того. А правильнее было бы вообразить сизого голубка – суперзвезду, далеко превосходящего всех собратьев по ремеслу. Молодой человек самых средних в общем и целом способностей, Билл Ростер, будучи в пике своей формы, мог подняться до таких высот воркования, что публика, если уж не совсем бесчувственная, просто задышалась от восторга.

Таких высот он достиг и сейчас, ибо мысль, что в руках этой женщины -его избавление от первейшего в Англии белого слона и тем самым стабилизация его финансов, благодаря которой он сможет выплатить долг чести Честного Паркинса, подвигла его на такое красноречие, какого он не выказывал со времен майских балов в Кембридже. Золотые слова лились с его уст, как струя сиропа.

Капитан Биггар сиропа не любил, и ему была неприятна мысль, что на его любимую женщину изливаются эти приторные потоки. У него мелькнула было мысль вернуться и переломить в трех местах Биллу хребет, но снова кодекс чести помешал ему в исполнении заветных желаний. Он ел пищу Билла и пил его вино... и то и другое отменного качества, в особенности жареная утка... и значит, поднять на него руку он не может. Потому что если человек пользовался гостеприимством человека, ломать человеку хребет человек не имеет морального права, независимо от того, чем человек провинился. В этом вопросе кодекс чести очень строг.

Зато он вправе про себя отнести такого человека в разряд жалких ничтожеств, гонящихся за деньгами. Именно туда капитан Биггар мысленно поместил Билла, мрачно шагая к дому. И так в общем и целом охарактеризовал его в разговоре с Джил, с которой встретился в дверях. Она несла наверх свои вещи для ночевки.

– Бог мой, – сказала она, потрясенная его видом. – Что с вами, капитан Биггар? Вы чем-то расстроены? Не укусил ли вас аллигатор?

Прежде чем перейти к объяснениям, капитан вынужден был ее поправить.

– В Англии нет аллигаторов, – возразил он сначала, – не считая зоопарка. – И лишь потом ответил: – Нет, я просто потрясен до глубины души.

– Кто вас потряс? Вомбат?

И снова ему пришлось опровергать ее заблуждения. На редкость невежественная барышня, подумалось ему.

– И вомбатов тоже. А потрясен я до глубины души был тем, что слышал, как разливался тут один подлый, корыстолюбивый английский пэр, – с горечью буркнул он. – И этот тип зовет себя лорд Рочестер! Лорд Жиголо – вот для него подходящее имя.

Джил так поразила, что выронила чемоданчик.

– Позвольте мне, – склонился за ним капитан Биггар.

– Не понимаю, – проговорила Джил. – Вы что же, хотите сказать, что лорд Рочестер...

Кодекс чести требует от белого мужчины ограждать женщин, тем более молодых, невинных девушек, от прозаической стороны жизни, но капитан Биггар был сейчас так взволнован, что полностью упустил это из виду. Он походил на Отелло не только пристрастием к «сказочным пещерам и пустыням», но и тем, что, будучи доведен до

крайности, совершенно терял голову.

– Он любезничал при луне с миссис Спотсворт, – четко объявил капитан.

– Что?!

– Слышал своими ушами. Ворковал ей на ухо, как сизый голубок. За ее миллионными погнался, конечно. Все они такие, выродившиеся старинные аристократы. Стоит где-нибудь появиться богатой вдове, и тотчас же на охоту сбегаются, воя по-волчьи, все герцоги, графы и виконты. Крысы, вот как мы зовем их в Куала-Лумпуре. Слышали бы вы, что говорит о них у нас в клубе Толстый Фробишер. Помню, однажды он сказал доктору и Скуиффи – Субадар в тот раз отсутствовал: если память мне не изменяет, уехал в горы или еще куда-нибудь... «Док», – он тогда сказал...

Возможно, из этого получился бы замечательный рассказ, доведи его капитан Биггар до финала, но капитан Биггар тут умолк, так как аудитория, к которой он адресовался, обратилась в бегство: Джил резко повернулась и пошла к двери, низко, он заметил, наклонив голову. Еще бы не наклонить, когда услышишь такие разоблачения. Ни одна порядочная девушка не могла бы спокойно слышать про такую безнравственность британской аристократии.

После этого он сел и взялся было за вечернюю газету, но сразу же со стоном ее отбросил, потому что в глаза ему бросились слова: «Мамаша Уистлера». Так он и сидел, мрачно размышляя о том, сведет ли его когда-нибудь рок (или фатум) на узкой дорожке с Честным Паркинсом, но тут в гостиную просочился Дживс. И одновременно из библиотеки вышел Рори.

– А-а, Дживс, – приветствовал его Рори, – не принесете ли мне чего-нибудь крепкого выпить? Я жажду.

Дживс почтительным кивком указал на внесенный им поднос, весь заставленный соответствующими зельями, и Рори поспешил вслед за ним к столу, на ходу облизывая губы.

– А вам что налить, капитан? – спросил он.

– Виски, пожалуйста, – ответил капитан Биггар. После того, что он пережил в саду под луной, он чувствовал потребность подкрепиться.

– Виски? Отлично. А вам, миссис Спотсворт? – спросил Рори, так как из сада в эту минуту вошла названная дама в сопровождении Билла.

– Ничего, благодарю вас, сэр Родерик. В такую ночь с меня довольно лунного сияния. Лунного сияния и красоты вашего сада, Билликен.

– Я сейчас расскажу вам кое-что насчет этого сада. В летние месяцы там... – начал было Рори, но не договорил, так как на пороге библиотеки появилась Моника.

При виде жены он не только воздержался от дальнейших рассуждений по поводу протекающей в саду реки, но и вспомнил, что его просили в разговорах с миссис Спотсворт расхваливать Рочестер-Эбби. Быстро обведя глазами гостиную в поисках хоть чего-нибудь, что можно было бы расхвалить в этих руинах, он задержал взгляд на старинном сундуке для приданого, и на память ему пришли чьи-то лестные отзывы об этом предмете обстановки.

Пожалуй, сундук может послужить неплохой отправной точкой.

– Да, – продолжил он свою речь, – сад здесь бесподобный, но нельзя также упускать из виду, что в стенах Рочестер-Эбби, хоть они и не первой свежести и слегка разлезаются по швам, содержится много *objets d'art*, при взгляде на которые у знатоков глаза на лоб лезут. Обратите вот внимание на этот сундук.

– Я им сразу залюбовалась, когда только вошла. Прелесть!

– Да, красивый сундук, правда? – подхватила Моника, бросая на благоверного одобрительный взгляд. Рори не часто выказывает вот такие признаки почти человеческой понятливости. – Когда-то Дювен умолял, чтобы ему его продали, но вещь наследственная и, конечно, не продается.

– Идет вместе с домом, – вставил Рори.

– Там хранятся удивительные старые одеяния.

– Тоже идут вместе с домом, – добавил Рори, быть может, не совсем верно, но видно было, что человек старается.

– Хотите посмотреть? – предложила Моника и взялась за крышку.

Билл горестно вскрикнул:

– Их там нет!

– Глупости, они там. Всегда там лежат. И я уверена, что Розалинде будет интересно на них взглянуть.

– Ну конечно.

– С этим сундуком связано трогательное предание, Розалинда. Лорд Рочестер тех времен, столетия назад, не позволял своей дочери выйти замуж за того, кого она любила, знаменитого путешественника, первооткрывателя.

– Старик был против первооткрывателей, – пояснил Рори. – Опасался, как бы они не открыли Америку. Ха-ха-ха-ха! Ах, прошу прощения.

– Жених прислал дочери сундук, где лежали всякие редкие вышивки, которые он привез из своих путешествий по Востоку, а отец не позволил ей принять подарок. Он велел ее возлюбленному приехать и забрать сундук. Что тот и сделал, и, конечно, внутри оказалась его невеста – она предвидела такой ход событий и заранее спряталась в сундуке.

– А комедия состояла в том, что вредный старикашка бежал за женихом до самых ворот и кричал: «Убери эту гадость отсюда, и чтобы я ее больше не видел!»

Миссис Спотсворт пришла в восторг:

– Ах, какая чудесная легенда! Пожалуйста, откройте же крышку, Моника.

– Сейчас. Она не запирается.

Билл обессилено рухнул в кресло:

– Дживс!

– Да, милорд?

– Бренди!

– Очень хорошо, милорд.

– Вот так так! Ну и ну! – воскликнула Моника.

Она недоуменно разглядывала невесту откуда взявшийся пиджак в такую пеструю клетку и такой ярко-малиновый галстук в таких ослепительно голубых подковах, что стоявший рядом Рори неодобрительно покачал головой:

– Боже милосердный! Билл, не говори мне, что ты показываешься на людях в таком пиджаке. Ты же должен быть в нем похож на вороватого букмекера. А галстук! Что за галстук! О боги! Загляни как-нибудь к нам в «Харридж» и поговори с приказчиком в галантерейной секции, у нас сейчас распродажа.

Капитан Биггар шагнул вперед. Суровые черты его лица напряглись.

– Позвольте мне взглянуть. – он взял пиджак, пошарил в карманах и достал черную нашлепку. – Ха! – выговорил он, вкладывая в это краткое слово бездну значения.

Рори, прислушиваясь в дверях библиотеки, объявил:

– Ага! Там кто-то говорит по-французски. Наверно, Буссак. Буссака пропускать нельзя. Пойдем, Мук. Эта девушка, – объяснил он, любовно обняв ее за плечи, – говорит по-французски обеими руками. Вы идете, миссис Спотсворт? По телевидению показывают банкет в честь завтрашних скачек.

– Я подойду чуть попозже, – ответила миссис Спотсворт. – Я оставила Помону одну в саду и боюсь, как бы она не заскучала.

– Вы, капитан?

Капитан Биггар покачал головой. Лицо его стало еще тверже, чем раньше.

– Я должен сначала сказать пару слов лорду Рочестеру. Вы уделите мне минуту, лорд Рочестер?

– Пожалуйста, – ответил Билл, слабея.

Дживс внес бренди, и Билл сделал рывок к подносу, как Мамаша Уистлера к финишному столбу.

Но от бренди, поданного в маленьких послеобеденных рюмках, мало пользы для человека, дела которого приняли такой оборот, что на минуту ему даже показалось, будто на него сзади наскочил курьерский поезд «Двадцатый век». Дали бы ему тонну или большую бочку спасительного напитка, тогда еще он, возможно, смог бы ожидать предстоящего объяснения с беспечной усмешкой на устах. А полученный им один маленький глоток оставил его таким же бледным и обмякшим, как если бы его напоили газированной водичкой. Он видел капитана Биггара словно сквозь дымку и вообще походил на индивида, которого изловили в свои сети полицейские с целью допроса в связи с грабительским налетом на ювелирный магазин «Бон-Тон» Маркса и Свинсера на Восьмой авеню. Лицо его в процессе побеления приобрело сходство с брюхом дохлой рыбешки, и Дживс, глядя на него с почтительным состраданием, от души сокрушался из-за того, что не может вернуть румянец на щеки его сиятельства, процитировав ему два-три наиболее удачных места из Собрания сочинений Марка Аврелия.

Капитан же Биггар даже сквозь дымку представлял собой зрелище, способное уstrasить храбрейшего. Биллу чудилось, будто из глаз его исходили длинные изгибающиеся языки пламени, и было совершенно непонятно, как человека с такой густо-красной физиономией могут называть Белым Охотником. Под наплывом сильных чувств румянец капитана, как всегда, разгорелся до такой алости, как будто он жертва взрыва на заводе консервированных помидоров.

И если вид его породил опасения, то голос, когда он заговорил, отнюдь их не развеял. Это был голос киллера, который, стоит его только еще чуть-чуть поддержать и подбодрить, сейчас выхватит из-за пояса револьвер и разрядит всю обойму.

– Значит, так, – проговорил он.

На слова «значит, так» не существует убедительного ответа, тем более если они произнесены вышеописанным тоном, и Билл даже не попытался ничего ответить.

– Значит, вы и есть Честный Паркинс!

На подмогу пришел Дживс, по своему обыкновению, стараясь сделать все возможное:

– Как вам сказать, сэр... И да, и нет.

– Что значит – и да, и нет? Вот и нашлапка его, подлеца. – капитан поднял над головой экспонат номер один. – И усы его, негодяя. – он ткнул пальцем в экспонат номер два. – И уж не думаете ли вы, что я не узнал этот пиджак с галстуком?

– Говоря «и да, и нет», я имел в виду, сэр, что его сиятельство удалился от дел.

– Еще бы ему не удалиться. Жаль только, что так поздно.

– Да, сэр. «Как жалко, Яго, о, какая жалость!»

– Что-что?

– Я цитировал Эйвонского лебедя, сэр.

– Ну так перестаньте цитировать Эйвонского лебедя, будь он неладен!

– Конечно, сэр, как вам угодно.

Билл тем временем пришел до некоторой степени в себя. Не то чтобы он совсем уж развеселился, сказать так было бы преувеличением, но, по крайней мере, он снова обрел дар речи.

– Капитан Биггар, – произнес он, – я должен вам предложить объяснение.

– Вы должны мне три тысячи пять фунтов, два шиллинга и шесть пенсов, – холодно поправил его капитан.

Билл, естественно, сразу же снова проглотил язык, и капитан Биггар, воспользовавшись этим, обозвал его одиннадцатью ругательными словами.

Защиту взял на себя Дживс, так как Билл после одиннадцатого ругательства еще некоторое время не мог опомниться.

– Не приходится оспаривать тот факт, сэр, что в данных обстоятельствах ваши чувства вполне понятны, ибо действительно недавние действия его сиятельства носили такой характер, который допускает критическое истолкование. Но справедливо ли будет за то, что произошло, винить его сиятельство?

Вопрос показался капитану простым, и он ответил:

– Да.

– Обратите внимание, что я здесь употребил наречие «справедливо». Его сиятельство прибыл сегодня в Эпсом-Даунс с самыми чистыми намерениями и с капиталом, вполне достаточным на любой обычный случай. Уместно ли было ожидать от него, чтобы он предугадал заранее, что две такие весьма низко оцениваемые лошади, как Люси Глиттерс и Мамаша Уистлера, выйдут победительницами каждая в своем соревновании на скорость? Его сиятельство не ясновидец.

– Он мог бы не принимать ставок.

– Вот тут я с вами полностью согласен. *Rem acu tetigisti*.

– Что-что?

– Это латинское выражение, смысл которого можно передать американским оборотом: «В самую точку». Я советовал его сиятельству именно так и поступить.

– Вы?

– Я был секретарем при его сиятельстве.

Капитан вытаращил глаза:

– То есть вы – тот тип с розовыми усами?

– Совершенно верно, сэр, только я бы определил их цвет скорее как морковный, а не розовый.

Капитан обрадовался:

– Ах, так вы были его секретарем! В таком случае, когда его посадят, вы тоже попадете за решетку.

– Будем надеяться, что ничего такого прискорбного не случится.

– Что значит – прискорбного? – возмутился капитан Биггар.

Последовала неловкая пауза. Капитан же ее и прервал:

– Ну ладно, теперь к делу. Незачем терять время попусту. Собственно говоря, я могу взыскать с этого жалкого, жидконового обитателя преисподней...

– Имя – лорд Рочестер, сэр.

– Ничего подобного, его имя – Честный Паркинс. Собственно говоря, Паркинс, мерзкое вы пресмыкающееся, я могу взыскать с вас деньги за бензин, который у меня ушел на поездку из Эпсома сюда, и за починку моего автомобиля, он бы не сломался, не жми я на него так, когда гнался за вами... и еще, – внезапно осенило его, – за две кружки пива, выпитые мною в «Гусе и огурчике» в ожидании, пока его починят. Но я не такой жадный и удовольствуюсь тремя тысячами пятью фунтами, двумя шиллингами и шестью пенсами. Выписывайте чек.

Билл провел по волосам дрожащей пятерней:

– Но как я могу выписать чек?

Капитан Биггар раздраженно прищелкнул языком:

– Перо у вас имеется, верно? И чернила тоже, я думаю, в доме найдутся? Вы здоровый, молодой мужчина во цвете сил и вполне владеете правой рукой, так? Не парализованы? Ревматизмом суставов не страдаете? А если вас беспокоит отсутствие промокательной бумаги, не нервничайте, я, так и быть, подую на вашу подпись.

Дживс снова пришел на помощь молодому хозяину, который все еще отупело потирал макушку:

– Его сиятельство хочет выразить словами ту мысль, что, хотя, как вы справедливо заметили, физически он в состоянии выписать вам чек на три тысячи пять фунтов, два шиллинга и шесть пенсов, такой чек в банке принят к оплате не будет.

– Вот именно, – подтвердил Билл, довольный тем, как ясно Дживс все изложил. – Он отскочит, как прыгающий дервиш, и вернется обратно, как почтовый голубь.

– Оба сравнения очень удачны, милорд.

– У меня нет ни гроша.

– Дефицит средств – так это называется в финансовых сферах, милорд. У его сиятельства, если мне позволительно использовать жаргонный оборот, в карманах гуляет ветер.

Капитан Биггар посмотрел на него с изумлением:

– У человека такой роскошный дом, просто дворец, провалиться мне на этом месте, и он не может выписать чек на три тысячи фунтов?!

Дживс взял на себя разъяснение:

– Такой дом, как Рочестер-Эбби, в наши дни следует занести не в актив, а в пассив, сэр. Боюсь, что вследствие долгого проживания на Востоке вы несколько отстали и не вполне осведомлены о тех переменах, которые произошли у вас на родине. Социалистическое законодательство значительно урезало богатства наследственной аристократии. Мы теперь живем в так называемом государстве всеобщего благосостояния, а это означает, грубо говоря, что неимущими являются все.

Никто из туземной прислуги на Востоке и ни один бегемот, носорог, аллигатор или буйвол, ни одна зебра или пума и вообще никто из тех, с кем капитану Биггару за долгие охотничьи годы приходилось сталкиваться, не поверил бы, что его твердая нижняя челюсть может так беспомощно отвиснуть, словно стебель спаржи без подпорки, – но именно так она сейчас отвисла. Его голубые глаза округлились и почти жалобно заглядывали в лицо собеседникам.

– Выходит, он заплатить не может?

– Вы совершенно точно выразили все в двух словах, сэр. Кто украдет кошелек его светлости, приобретет пустую тряпицу.

Капитан Биггар, утратив железный самоконтроль, замахал руками, как семафор. Можно было бы подумать, что Белый Охотник делает утреннюю гимнастику.

– Но мне необходимы эти деньги, они нужны мне завтра до полудня! – произнес он, повышая голос, можно было бы даже сказать – взвыл, если бы речь шла о менее мужественном человеке. – Слушайте. Я вынужден открыть вам один совершенно железный секрет. Если вы проболтаетесь кому-нибудь хоть полсловом, я разорву вас на части своими руками, изрежу на мелкие кусочки и попрыгаю на ваших останках в сапогах с подковами.

Это вам понятно?

– Да, все как будто бы ясно, – поразмыслив, ответил Билл. – Как, по-вашему, Дживс?

– Сформулировано совершенно четко, милорд.

– Продолжайте, капитан.

Капитан Биггар перешел на хриплый шепот:

– Помните, я звонил по телефону после ужина? Я говорил со своими дружками, с теми ребятами, которые подсказали мне сегодня мою выигрышную пару. То есть она была бы для меня выигрышная, – поправился капитан Биггар, снова немного повысив голос, – если бы не подлый обман этого, черт бы его драл, лопоухого негодяя...

– Да, да, мы понимаем, – не давая ему разойтись, поспешил вернуть его на землю

Билл. – Так вы говорили, что звонили своим знакомым...

– Мне надо было поскорее узнать, все ли уже решено.

– Что – «все»?

Капитан Биггар снова заговорил шепотом, теперь таким тихим, что слышно было главным образом шипение, как будто газ вырывается из незажженной конфорки.

– Затеваается интересное дело. Как писал Шекспир, предприятие большого значения.

Дживс поморщился:

– «Предприятия огромного размаха и влияния», если цитировать точно, сэра.

– Эти ребята получили самую надежную информацию на завтрашние скачки. Самый точный верняк за всю историю Дерби. Ирландская лошадь Баллимор.

Дживс вздернул брови:

– О нем невысокого мнения, сэра.

– Ну и что! О Люси Глиттерс и Мамаше Уистлера тоже были невысокого мнения. В этом вся соль. Баллимор значится где-то в конце списка. Про него никто ничего не знает. Его держат в тени – темная лошадка, темнее черного кота в безлунную ночь. А я вам скажу, что его уже два раза испытывали в галопе на ипподроме в Эпсоме, и он оба раза побил рекорд.

Билл, несмотря на все переживания, присвистнул:

– Вы это точно знаете?

– Вне всякого сомнения. Я видел своими глазами, как он бежал, -мчался быстрее молнии. Видишь только размытую коричневую полосу. Мы сговорились ставить в последнюю минуту и у дюжины разных букмекеров, чтобы не повлиять на ставки. И вот теперь я слышу от вас, – в который раз поднимая голос, горестно заключил капитан, – что поставить мне будет нечего!

Страдания капитана Биггара тронули Билла. Из краткого знакомства он не вынес такого впечатления, что его с этим человеком могла бы связать, как в книгах, трогательная взаимная дружба наподобие отношений Дамона и Пифиаса, Давида и Ионафана или Суона и Эдгара, но понять чужое горе и посочувствовать ему он был вполне способен.

– Да, очень досадно, – по-братски участливо обратился Билл к кипящему от бешенства охотнику, чуть ли не погладил его по плечу. – Скверная получилась история. вы будете недалеко от истины, если скажете, что вид ваших мук режет меня без ножа. Но боюсь, самое большее, что я могу вам предложить, это ежемесячные выплаты начиная через шесть недель от сегодняшнего дня.

– Мне от этого никакого проку.

– А мне и подавно, – честно признался Билл. – Это выпотрошит весь мой бюджет и

сведет будущие затраты до нищенского уровня. Я теперь до самого Нового года не смогу прилично пообедать. Прощай, навек прощай... что, Дживс?

– Величье ваше, милорд. Такова судьба человека: сегодня он пускает нежные побеги надежды; завтра пышно расцветает румяными цветами почета; а на третий день настают жестокие заморозки, и в то время как он, добрая душа, ждет, что вот уже скоро созреют плоды его величия, они вымораживают самые его корни.

– Благодарю вас, Дживс.

– Не стоит благодарности, милорд.

Билл посмотрел на него и вздохнул:

– Вам, например, придется уйти, это во-первых. Я не смогу платить вам жалованье.

– Я буду рад служить вашему сиятельству без вознаграждения.

– Это чертовски благородно с вашей стороны, Дживс, я ваше предложение очень ценю. Более яркого проявления доброго феодального духа я в жизни не встречал. Но как, – горестно спросил Билл, – я смогу обеспечить вас рыбой?

Капитан Биггар прервал этот обмен галантностями. Он некоторое время безмолвно злился – если слово «злился» приложимо к Белому Охотнику, у которого вот-вот выступит пена на губах, – но теперь высказался по поводу Дживсовой рыбы так резко, что слова замерли на устах Билла и он остался неподвижен и нем, с выпученными глазами, как будто совершенно неожиданно пораженный молнией:

– Вы должны вернуть мои деньги!

– Его сиятельство уже уведомил вас, что по причине его финансовой несостоятельности это невозможно.

– Пусть займет.

Билл обрел власть над своими голосовыми связками.

– У кого? – с раздражением поинтересовался он. – Вы говорите так, как будто занять деньги проще, чем с печки упасть.

– Его сиятельство имеет в виду, – уточнил Дживс, – что джентльмены в подавляющем большинстве проявляют склонность умыть руки, когда делается попытка получить у них денежную ссуду.

– Тем более если надо оторвать от себя такую немислимо большую сумму, как три тысячи пять фунтов, два шиллинга и шесть пенсов.

– Вот именно, милорд. Когда речь идет о столь огромных цифрах, люди уподобляются глухому аспиду, который не слышит голоса укротителя, сколько тот его ни укрощай.

– Одним словом, среди моих знакомых не найдется ни одного возможного заимодавца, – заключил Билл. – Ничего не выйдет. Мне очень жаль.

У капитана Биггара из ноздрей начали вырываться языки пламени.

– Вам еще больше будет жаль, и я скажу вам когда, – прорычал он. – Когда вас с вашим расчудесным секретарем поставят за загородкой для подсудимых в уголовном суде и судья воззрится на вас сквозь свои бифокалы, а я буду сидеть в публике и строить вам рожи. Вот когда вам станет всерьез жаль... и еще потом, немного спустя, когда судья огласит приговор под одобрительные возгласы присяжных и вас отправят в места отдаленные отрабатывать свои два года или сколько там вам дадут, на каторжных работах.

У Билла сам собой открылся рот.

– Э нет, постойте-ка, – возразил он. – Вы не пойдете на такое... на такую... на что, Дживс?

- На такую крайнюю меру, милорд.
- Вы, конечно, не пойдете на такую крайнюю меру.
- Это вы так думаете.
- Никто не хочет неприятностей.

– Между тем что хочешь и что получишь – большая разница, – буркнул капитан Биггар и, скрежеща зубами, вышел в сад, чтобы немного поостыть.

Позади себя он оставил такую тишину, какие обычно называют зловещими. Первым ее нарушил Билл:

- Ну и угодили мы в историю, Дживс.
- Действительно, можно сказать, что в наших делах наметился довольно острый кризис, милорд.

– Этот тип требует фунт мяса.

– Да, милорд.

– А у нас мяса нет.

– Совершенно верно, милорд. Положение весьма неприятное.

– Ну и субъект этот Биггар! Похож на гориллу, которая мается животом.

– Да, пожалуй, просматривается некоторое сходство с этим зверем, страдающим вами упомянутой болезнью.

– А обратили вы на него внимание за ужином?

– Какую особенность его поведения за столом имеет в виду ваше сиятельство?

– Я вспомнил, как он уминал жареную утку. Просто что-то страшное! Набросился на нее, как тигр на добычу. Мне показалось, что этот человек не ведает жалости и снисхождения.

– Бесспорно, ему не хватает душевной доброты, милорд.

– Есть такое слово, оно в точности ему подходит. На «кар» начинается. Не «картуз»... Не «карлик»... «Каратель» – вот какое. В этом субъекте есть что-то от карателя. Я понимаю его досаду из-за того, что он не получил своих денег. Но какой ему прок губить меня?

– Он от этого, очевидно, рассчитывает получить моральное удовлетворение, милорд.

Билл задумался.

– А что, в самом деле нет никого, у кого бы можно было занять немного наличности?

– Никого из тех, чьи имена сразу приходят в голову, милорд.

– А как насчет того финансиста, что живет в Дитчингаме, как его... сэръ

... ну, вы понимаете...

– Сэръ Оскар Уоппл, милорд? Застрелился в прошлую пятницу.

– Так... Тогда не будем его беспокоить.

Дживс кашлянул:

– Быть может, мне позволительно внести предложение?..

– Да, Дживс? – Слабый лучик надежды зажегся в сумрачном взоре Билла. И голос его хотя по-прежнему едва ли заслуживал определения «жизнерадостный», однако же перестал походить на голос покойника, доносящийся непосредственно из могилы.

– У меня мелькнула мысль, милорд, что окажись у нас в руках билет капитана Биггара, и наше положение станет гораздо прочнее.

Билл потряс головой:

– Не понимаю. Билет? Какой еще билет? Вы говорите так, как будто мы на железнодорожной станции.

– Я подразумеваю тот билет, который в должности секретаря вашего сиятельства я лично вручил капитану Биггару в качестве квитанции как подтверждение его ставки на Люси Глиттерс и Мамашу Уистлера.

– А-а, его билет! – уразумел Билл.

– Вот именно, милорд. Поскольку он покинул ипподром в большой спешке, билет должен быть при нем, а эта бумажка – единственное доказательство, что он вообще ставил деньги на кого бы то ни было. Стоит нам только изъять ее у него – и ваше сиятельство получит возможность произвести с ним расчеты на любых приемлемых для вас условиях.

– Понятно. Да, это было бы неплохо. Значит, мы должны раздобыть у него его билет, так?

– Так, милорд.

– Можно мне задать один вопрос, Дживс?

– Разумеется, милорд.

– Каким образом?

– Что называется, прямым действием.

Билл вытаращил глаза. Открывался совершенно новый подход к проблеме.

– Вы имеете в виду навалиться на него? Сграбастать его? Взять за горло?

– Вы совершенно точно выразили мою мысль, милорд.

Билл все так же хлопал глазами.

– Но помилуйте, Дживс. Вы видели его? Грудь колесом, мышцы так и играют.

– Я согласен, что капитан Биггар мужчина в теле, милорд. Но на нашей стороне будет преимущество внезапности. Сейчас он вышел в сад. Вполне естественно предположить, что обратно он войдет тем же путем, каким вышел, то есть через стеклянную дверь с террасы. Если я задерну портьеры, ему придется проходить сквозь них. Он будет нащупывать проход, но в этот момент один рывок обрушит портьеры вместе с палкой ему на голову, и он окажется как бы спеленут по рукам и ногам.

Этот план, разумеется, произвел на Билла глубокое впечатление.

– Вот это да, Дживс! Потрясающая идея! Думаете, у нас получится?

– Несомненно, милорд. Метод римских гладиаторов, о которых вы, конечно, знаете.

– Это те, что сражались с помощью сети и трезубца?

– Именно, милорд. Так что если вы не против...

– Еще бы я был против!

– Прекрасно, милорд. Тогда я задергиваю портьеры, и мы занимаем позиции по обе стороны от двери.

Билл наблюдал за приготовлениями с чувством глубокого удовлетворения. После сумрачного рассвета сквозь тучи начало проглядывать солнце.

– Дело в шляпе, Дживс!

– Очень яркий образ, милорд.

– Если он заверещит, мы заткнем ему глотку этим... как называется этот материал?

– Бархат, милорд.

– Заглушим его вопли бархатом. И пока он будет пресмыкаться на полу, я воспользуюсь случаем и дам ему хорошего пинка в зад.

– Соблазнительная возможность, милорд. На благие дела всегда снисходит благословение свыше, как говорит нам драматург Конгрив.

Билл возбужденно дышал.

– Вы были на Первой мировой войне, Дживс?

– Принимал в ней некоторое участие, милорд.

– Я на ту войну не успел, я тогда еще не родился. Зато я был в командос на этой. Мы словно ждем условного сигнала.

– Да, ситуация несколько сходная, милорд.

– Он должен уже скоро появиться.

– Да, милорд.

– Приготовились...

– Слушайте, – раздался голос капитана Биггара у них за спиной, – мне надо еще кое о чем переговорить с вами обоими.

Белый Охотник, на путях которого среди дикой природы на каждом шагу таятся опасности, приобретает с годами некое предостерегающее шестое чувство. Там, где обыкновенный человек, набредший в джунглях на западню для тигра, свалится в нее вверх тормашками, Белый Охотник, хранимый шестым чувством, преспокойно обойдет ее.

Капитан Биггар с дьявольским хитроумием вместо того, чтобы возвратиться в гостиную, как ожидалось, через стеклянную дверь с террасы, обогнул дом и вошел через главный вход.

Хотя на самом деле с момента, когда капитан Биггар вышел в сад, и до его возвращения прошло всего каких-то пять минут, только-только хватило на то, чтобы несколько раз прогуляться взад-вперед по лужайке да еще разок остановиться и в сердцах пнуть встречную лягушку, тем не менее для его целей этого времени оказалось довольно. Если бы при выходе на террасу его спросили: «Есть ли у вас какие-нибудь идеи, капитан?» – он бы вынужден был ответить: «Не больше, чем у кролика». Но вернулся он энергичной походкой, и глаза у него блестели. Капитан Биггар нашел выход из положения.

В минуты бурных душевных переживаний наш мозг работает на повышенной скорости. Безответная страсть стимулирует деятельность серых клеточек. Неприятная сцена на садовой скамейке, когда любовь столкнулась с кодексом чести, по законам которого живут люди на далеких окраинах Империи, привела в движение серые клеточки его мозга, и, если бы вы сейчас просветили череп капитана Биггара рентгеновскими лучами, вы бы увидели, что серые клеточки прыгают и пляшут там, как рисовые зернышки на сковородке. Не прошло и тридцати секунд после того, как встречная лягушка, потирая шишку на лбу, удалась, спеша предупредить подруг, чтобы остерегались атомной бомбы, как он был вознагражден тем, что бесспорно можно назвать озарением.

Положение его – если в двух словах – таково. Он любит. Это факт. Можно даже пойти дальше и признать, что он любит безумно. И предмет его обожания – если он мало-мальски правильно истолковал ее слова, и поведение, и блеск ее очей – тоже его любит. В самом деле, не станет ведь женщина заводить разговор о старых добрых временах, когда ты шмякал ее дубиной по макушке и волок в пещеру, если не хочет этим что-то сказать. Правда, через несколько минут она уже, смеясь и закатываясь, болтала с этим проклятым Рочестером – чтоб ему пусто было! – но теперь, когда капитан поостыл и поразмыслил, это представлялось ему не более чем любезностью гостыи по отношению к хозяину дома. Проклятого Рочестера можно отбросить как не имеющего значения. Капитан Биггар пришел к выводу, что, по-человечески, стоит ему только положить свое сердце к ее ногам, и она его подберет.

Казалось бы, все хорошо. Но дальше начинаются сложности. Она богата, а он беден. В этом закавыка, тут сучок и задоринка. Отсюда сыплется песок в колеса.

Дополнительной горечи и силы удару ногой по лягушке придавало сознание, что, если бы не возмутительные финансовые махинации злодея букмекера, этого Честнейшего Кривого Рочестера, все разрешалось бы очень просто. Поставить три тысячи на Баллимора, и даже при сегодняшних ставках из одного к пятидесяти это дало бы сто пятьдесят тысяч как на дороге подобрать; и уж конечно, даже Толстый Фробишер и Субадар, сколь ни строги их взгляды в таких делах, не обвинят человека в игре кривой клюшкой за то, что он женился на женщине, пусть как угодно богатой, но имея и сам в кармане сто пятьдесят тысяч чистеньких и блестящих.

Капитан мысленно застонал. Память о счастье – худшая из мук, а он, надрывая себе душу, припомнил, как шелковиста была под пальцами ее шея, когда он застегивал подве...

Тут он громко вскрикнул. На суахили, разумеется: слова этого языка всегда первыми срывались с его губ в минуты волнения, но смысл был ясен, как смысл «эврики» Архимеда.

Подвеска! Ну конечно! Он четко представил себе, как надо действовать.

Две минуты спустя он был уже у парадного входа. Еще через двадцать пять секунд решительными шагами вошел в гостиную и увидел со спины Честнейшего Рочестера и его секретаря, по каким-то своим дурацким соображениям завернувшихся справа и слева в портьеру, которой они зачем-то задернули дверь на террасу.

– Слушайте! – окликнул он их. – Мне надо еще кое о чем переговорить и с вами, и с вами.

Эти слова произвели на них сильное впечатление. Всегда немного теряешься, когда ждешь человека с северо-востока, а он вдруг окликает вас с юго-запада, особенно если оклик довольно зычный и напоминает лай в собачьей клинике в час кормежки. Билл снова проделал номер с прыжком и трясучкой, притом очень успешно – сказала практика. Даже Дживс, хотя черты его лица сохранили обычную бесстрастность, все же встревожился, если судить по тому, что левая бровь у него чуть дернулась, как бы готовясь подняться.

– Что вы мнетесь там, как умирающий лебедь, – сказал капитан Биггар Биллу, который, надо ему отдать должное, очень похоже изображал названную птицу *in articulo mortis*. [В момент смерти (лат.)] – Со времени нашего с вами, красавчиками, разговора, – продолжал он, наливая себе виски с содой, – я обдумал положение и нашел выход. Меня вдруг осенило. И я сказал себе: «Подвеска!»

Билл жалобно заморгал. Его сердце, только что чуть было не выскочившее изо рта, начало медленно опускаться на место, но, по-видимому, от перенесенной встряски пострадал слух. Ему почудилось, будто капитан произнес слово «подвеска», что было совершенно лишено всякого смысла.

– По... подвеска? – повторил он, недоумевая.

– Миссис Спотсворт носит на шее бриллиантовую подвеску, милорд, – заметил Дживс. – По всей видимости, джентльмен имеет в виду ее.

Это было вполне возможно, но Билл все еще ничего не понимал.

– Вы так полагаете?

– Да, милорд.

– По вашему мнению, речь идет об этом предмете, Дживс?

– Да, милорд.

– Но при чем он тут?

– На этот вопрос, как можно предположить, милорд, мы получим ответ из его дальнейших слов.

– То есть когда он скажет еще что-нибудь?

– Совершенно верно, милорд.

– Н-ну, если вы так считаете... – с сомнением проговорил Билл. – Но мне это кажется... как это говорится?

– Сугубо маловероятно, милорд?

– Да. Именно что сугубо маловероятно.

Капитан Биггар на другом конце комнаты молча злился. Теперь он окончательно потерял терпение и язвительно спросил:

– Ну что, кончили вы там лепетать, Кривой Рочестер?

– Я разве лепетал?

– Еще как лепетали. Словно эти... как их... Ну, словно эти штуковины, которые лепечут.

– Листья на дереве? О них иногда говорят, что они лепечут, сэр, – пришел на помощь Дживс. – А также лесные ручьи. В своем очень известном стихотворении «Ручей» покойный

поэт лорд Теннисон...

Капитан Биггар нахмурил брови.

– Ай денг хап камоо на покойного лорда Теннисона, – раздраженно отозвался он. – А что меня интересует, так это подвеска.

Билл взглянул на него с некоторой надеждой:

– Вы собираетесь пояснить, в чем дело с этой подвеской? Пролить, так сказать, свет?

– Да, собираюсь. Она стоит около трех тысяч зеленых, и вы, – заключил он как бы между прочим, – ее украдете, Кривой Рочестер.

– Ук... украду?

– Нынешней же ночью.

Человеку, которого только что словно шмякнули тупым предметом по макушке, довольно непросто выпрямиться во весь рост и устремить на собеседника укоризненный взор, но у Билла это получилось.

– Что-о?! – вскричал он, потрясенный до глубины души. – Вы, опора Империи, живой пример для подражания даякам, всерьез предлагаете мне ограбить мою гостью?

– Я же тоже ваш гость, однако вы меня ограбили.

– Только временно.

– И миссис Спотсворт вы тоже ограбите только временно. Я не вполне точно сказал: «украдете». Все, что мне от вас нужно, это взять у нее подвеску в долг до завтрашнего ужина, а тогда она будет ей возвращена.

Билл схватился за волосы:

– Дживс!

– Милорд?

– На помощь, Дживс. У меня мозги кругом идут. Вы уловили какой-нибудь смысл в словах этого носорогоубийцы?

– Да, милорд.

– Вот как?

– Направление мыслей капитана Биггара представляется мне ясным, милорд. Джентльмену действительно нужны деньги, чтобы завтра в Дерби поставить на лошадь по кличке Баллимор, и он предлагает, как я понял, изъять у владелицы подвеску, заложить и полученные средства употребить на вышеназванные цели. Я правильно изложил вашу мысль, сэр?

– Да.

– А по завершении скачек, как я понимаю, этот предмет будет доставлен обратно, и кто-нибудь, может быть я, обнаружит его в таком месте, где дама могла его обронить, и вручит его ей. Я не ошибаюсь, сэр?

– Нет.

– В таком случае если только можно быть на все сто процентов уверенным в том, что лошадь Баллимор придет первой...

– Придет, придет, можете не сомневаться. Я же вам сказал, он дважды побил рекорд ипподрома.

– Это официально, сэр?

– Прямо из конюшни.

– Тогда я, должен признаться, не вижу – или почти не вижу -оснований возражать против этого плана.

Билл с сомнением покачал головой:

– А по-моему, это все-таки кража.

Капитан Биггар досадливо поморщился:

– Ничего подобного! И сейчас объясню почему. В каком-то смысле можно сказать, что эта подвеска – моя.

– Ну знаете!.. чья, вы сказали?

– Моя.

– А к миссис Спотсворт каким образом она попала?

– Я ей подарил.

– Подарили?

– А что? Мне-то она на что нужна? А миссис Спотсворт и ее муж оказали мне множество любезностей. Беднягу задрал лев, а что осталось от него отправили в Найроби, и, когда миссис Спотсворт на следующий день покидала лагерь, я подумал, что хорошо бы ей подарить что-нибудь – на память и вообще, ну я и вытащил подвеску и спросил, не захочет ли она взять ее себе. Она согласилась, я отдал, и она уехала. Вот что я имел в виду, когда сказал, что в сущности-то эта вещица – моя, – заключил капитан Биггар и снова налил себе виски.

На Билла его рассказ произвел сильное впечатление.

– По-моему, это в корне меняет дело, Дживс.

– Несомненно, милорд.

– Ведь в конце-то концов, как справедливо заметил старец Биггар, подвеска – его, да он и хочет просто на время позаимствовать ее, всего на пару часов.

– Совершенно верно, милорд.

Билл повернулся к капитану. Решение было принято.

– Договорились, – сказал он.

– Вы это сделаете?

– Попробую.

– Браво!

– Будем надеяться, что сойдет.

– Сойдет, сойдет. Соскользнет как по маслу. У нее замочек совсем слабый.

– Я имел в виду, что сойдет благополучно.

Капитан Биггар еще раз прикинул. Теперь он был бодр и полон оптимизма.

– Конечно, сойдет благополучно. Что может помешать? Два таких умника, как вы, придумают сто разных способов, как раздобыть эту штуковину. Ну, – сказал капитан, ставя пустой стакан, – а я выйду в сад, мне надо сделать упражнения.

– Сейчас, вечером? Так поздно?

– Дыхательные упражнения, – пояснил капитан Биггар. – По системе йоги. И при этом, конечно, достигается единение с мировой душой. Наше вам, ребята!

Он раздвинул портьеры и вышел через стеклянную дверь.

После его ухода в гостиной установилась глубокая, долгая тишина. Любое помещение погружается в тишину, когда его покидает капитан Биггар. Билл сидел, подперев подбородок кулаком – в позе роденовского «Мыслителя». Но потом, немного спустя, он посмотрел на Дживса и покачал головой.

– Нет, Дживс, – сказал он.

– Что, милорд?

– Я узнаю блеск феодальной верности в ваших глазах, Дживс. Вы рвете поводок, горя желанием прийти на помощь молодому хозяину. Разве я не прав?

– Действительно, милорд, в свете наших взаимоотношений владыки и вассала мой долг – оказать вашему сиятельству всякую помощь, насколько это будет в моей власти.

Билл снова отрицательно покачал головой:

– Нет, Дживс. Исключается. Никакая сила не заставит меня допустить ваше вмешательство в предприятие, которое в случае неблагоприятного оборота событий вполне может закончиться пятилетним заключением в одной из наших прославленных тюрем. Я займусь этим делом сам – и прошу вас мне не перечить.

– Но, милорд...

– Я сказал, не перечить, Дживс.

– Очень хорошо, милорд.

– Все, что мне от вас нужно, это совет и консультация. Итак, что мы имеем? Мы имеем бриллиантовую подвеску, которая на данный конкретный момент висит на шее у миссис Спотсворт. Задача, стоящая передо мной, – я подчеркиваю: передо мной, Дживс, – заключается в том, чтобы каким-нибудь образом отделить эту подвеску от этой шеи и, схватив ее, незаметно смыться. Какие будут предложения?

– Задача, милорд, бесспорно, представляет определенный интерес.

– М-да, это мне и самому понятно.

– Насколько я понимаю, ни о каких насильственных методах и речи быть не может. Вся надежда возлагается исключительно на ловкость и ухищрение.

– Выходит что так. Не думайте, пожалуйста, что я намерен шмякнуть миссис Спотсворт резиновой дубинкой по кумполу.

– В таком случае, милорд, я склонен заключить, что наибольшего успеха можно ожидать от приема, который я назвал бы «паучий эпизод».

– Не понял...

– Позвольте мне объяснить, милорд. Ваше сиятельство встречаете названную даму в саду?

– Она, должно быть, сидит там на скамейке.

– Тем лучше. Такие условия прекрасно подходят для осуществления выдвигаемого мною плана. Если через несколько минут после того, как между вами завязался разговор, ваше сиятельство якобы заметит в волосах миссис Спотсворт паучка, паучий эпизод воспоследует сам собой, как день следует за ночью. Ваше сиятельство, вполне естественно, вызоветесь смахнуть насекомое. Это даст вам предлог поднять руку к ее шее. И если замочек, как утверждает капитан Биггар, слабенький, вашему сиятельству не составит труда расстегнуть его, так чтобы подвеска упала на землю. Вы следите за моим рассуждением, милорд?

– Да. Пока мне все ясно. А если она ее поднимет?

– Не поднимет, милорд, потому что в действительности вещь будет уже в кармане у вашего сиятельства. Ваше сиятельство сделаете вид, будто продолжаете шарить в траве, но безрезультатно, и в конце концов вы примете решение отложить поиски до утра, когда будет светло. А найдена драгоценность будет завтра ближе к вечеру.

– Когда Биггар ее выкупит и привезет?

– Именно так, милорд.

– И окажется, что она преспокойно лежит под кустиком?

– Или в траве чуть подальше. Откатилась.

– А подвески могут катиться?

– Эта подвеска сможет, милорд.

Билл сосредоточенно закусил губу:

– Стало быть, это и есть паучий эпизод?

– Да, это и есть паучий эпизод, милорд.

– Совсем не плохо задумано.

– Достоинство этого приема – в простоте, милорд. А если ваше сиятельство опасаетесь, что у вас может не получиться, я бы предложил то, что у актеров называется «быстрый прогон».

– Репетицию, вы хотите сказать?

– Именно, милорд. Это поможет вам заучить слова и действия. Мне говорили, что на Бродвее, в Нью-Йорке, где сосредоточена театральная индустрия Соединенных Штатов, про это говорят: «прогладить горячим утюгом от клопов».

– От пауков, правильнее будет выразиться.

– Ха-ха, милорд. Но позвольте мне заметить, что сейчас не следует тратить драгоценные мгновения на острословие.

– Сейчас время решает все?

– Вот именно, милорд. Хотите быстро пробежать всю сцену?

– Да, пожалуй, раз вы говорите, что это успокаивает нервы. А то у меня такое чувство, будто вдоль по позвоночнику выплясывает целый кордебалет дрессированных блох.

– Мистер Вустер тоже жаловался на такие симптомы в минуту испытания и стресса. Это скоро пройдет.

– Когда?

– Как только ваше сиятельство войдете в роль. Скамейка в саду, вы сказали?

– Там она сидела в прошлый раз.

– Итак, сцена – скамейка в саду, время – летняя ночь, – забормотал Дживс. – При подъеме занавеса видна миссис Спотсворт. Входит лорд Рочестер. Я буду изображать миссис Спотсворт, милорд. Сначала мы обмениваемся несколькими репликами для создания атмосферы. Потом плавно переходим к паучьему эпизоду. Ваша реплика, милорд.

Билл сосредоточился.

– Э-э... м-м... Скажите, Розы...

– Розы, милорд?

– Да, Розы, черт возьми. Есть возражения?

– Ни малейших, милорд.

– Мы были знакомы когда-то в Каннах.

– Вот как, милорд? Я этого не знал. Итак, вы говорили...

– Скажите, Роза, вы боитесь пауков?

– Почему вы спрашиваете, ваше сиятельство?

– Потому что у вас по волосам сзади ползет довольно крупный экземпляр... – Тут Билл подскочил на месте дюймов на шесть. – Какого черта вы вдруг завизжали, Дживс? – с раздражением спросил он.

– Просто для придания правдоподобия, милорд. Мне подумалось, что именно так поведет себя нежно воспитанная леди, когда получит подобное сообщение.

– Зря вы это. У меня чуть было крыша не слетела.

– Прошу извинения, милорд. Но я именно так представляю себе эту сцену. Я так чувствую, чувствую вот здесь, – ответил Дживс, похлопывая себя по груди слева. – Подбросьте мне, пожалуйста, последнюю реплику еще раз, ваше сиятельство.

– У вас сзади по волосам ползет довольно крупный экземпляр.

– Будьте столь любезны, ваше сиятельство, смахните его на землю.

– Он куда-то затерялся. Ага, вот! Переполз на шею.

– И при этих словах, – провозгласил Дживс, вскакивая с дивана, который исполнял у него роль садовой скамейки, – вы сразу же приступаете к действиям, милорд. Ваше сиятельство не можете не признать, что все это проще простого.

– Кажется, да.

– Не сомневаюсь, что теперь, после этого прогона, дрессированные блохи, про которых вы раньше упомянули, умерили свои пляски.

– Да, сбавили темп. Но я все еще волнуюсь.

– Это неизбежно в канун премьеры, милорд. Я полагаю, что вашему сиятельству следует действовать безотлагательно. Что делаешь, делай скорее. Мы подготовили сцену на садовой скамье, и вам будет трудно приспособить наработанную игру к интерьеру, если миссис Спотсворт вдруг возьмет да и возвратится в дом.

Билл кивнул:

– Понимаю. Ну, привет, Дживс. Пока.

– Пока, ваше сиятельство.

– Если что-то выйдет не так...

– Ничего не может выйти не так, милорд.

– Но все-таки... Вы будете иногда писать мне в Дартмур, Дживс? Несколько строк о том о сем, с последними новостями с воли?

– Разумеется, милорд.

– Этим вы окажете мне поддержку, когда я буду день за днем дробить скалу. Говорят, в теперешних тюрьмах условия гораздо лучше, чем были в старину.

– Я тоже так слышал, милорд.

– Глядишь, я еще обрету в Дартмуре тепло и уют. Со всеми удобствами.

– Очень может быть, милорд.

– Но все-таки будем надеяться, что до этого не дойдет.

– Конечно, милорд.

– М-да... Ну ладно, еще раз пока, Дживс.

– Пока, милорд.

Расправив плечи, Билл отважно вышел вон. Он призвал на помощь фамильную гордость Рочестеров, и она укрепила в нем твердость духа. Вот с таким же спокойным бесстрашием его предок в семнадцатом веке взошел на эшафот на Тауэр-Хилл, любезно кивнул палачу и

помахал родным и знакомым среди публики. Благородная кровь всегда сказывается в час испытания.

Несколько минут никого не было, потом вошла Джил.

Дживсу показалось, что в последние часы невеста молодого хозяина утратила немалую долю своей обычной живости, придававшей ей такую привлекательность. И он не ошибался. Недавний разговор с капитаном Биггаром привел ее в задумчивость, уголки губ у нее опустились, а во взгляде поселилась печаль. Вот и сейчас глаза ее были печальны.

– Вы не видели лорда Рочестера, Дживс? – спросила Джил.

– Его сиятельство только что вышел в сад, мисс.

– А где все остальные?

– Сэр Родерик и леди Моника все еще в библиотеке, мисс.

– А миссис Спотсворт?

– Она вышла в сад незадолго до его сиятельства.

– Да? – холодно произнесла Джил и ушла в библиотеку. Уголки ее губ опустились ниже прежнего, и печаль во взоре возросла процентов на двадцать. Можно было подумать, что она предполагает самое худшее, и так оно и было.

А еще через две минуты в гостиную с песней на устах ворвался капитан Биггар. Упражнения по системе йоги и соприкосновение с мировой душой, как видно, оказали на него самое благотворное воздействие. Глаза его блестели, и общий вид был оживленный. Когда приходит время действовать, Белые Охотники всегда оказываются на высоте.

Любил я белые ручки твои

На берегу Салимара...

Где же ты, где ты теперь?

– напевал капитан Биггар. – Я... Как там дальше?... чары твои... ля-ля-ля... ля-ля, ля-ля! Где ты теперь? Где ты? Ибо Дэнни Дивера повесят на рассвете, – пропел он в заключение, сменив тему.

Тут он заметил Дживса и прервал свое не слишком художественное выступление.

– Привет, – сказал капитан Биггар. – Квай хай, приятель. Как дела?

– Состояние дел вполне удовлетворительное, сэр.

– А где Кривой Рочестер?

– Его сиятельство находится в саду, сэр.

– С миссис Спотсворт?

– Да, сэр. Чтоб испытать судьбу, все выиграть иль всего лишиться.

– Значит, вы придумали, как действовать?

– Да, сэр. Избрали игру с пауком.

– Как вы сказали? И груз? Какой груз?

Капитан Биггар внимательно выслушал объяснение Дживса, а выслушав, сделал ему самый щедрый комплимент:

– Вам бы надо жить на Востоке, дружище.

– Вы очень добры, сэр.

– То есть если, конечно, вы это сами придумали.

– Сам, сэр.

– Тогда такие люди, как вы, нам нужны в Куала-Лумпуре. Таких там как раз не хватает, которые умеют шевелить мозгами. Нельзя же, чтобы все мозги были у даяков. Они начинают слишком много о себе воображать.

– А что, даяки сообразительный народ, сэр?

– Еще какой сообразительный! Я сейчас расскажу вам один случай, который произошел у меня и Толстого Фробишера, когда...

Он не договорил, и мир лишился очередной занимательной истории. С террасы в гостиную вошел Билл.

Разительная перемена произошла с девятым графом Рочестером за те несколько минут, что он провел в саду. Уходил он, как мы помним, исполненный боевого задора, готовый встретить опасность лицом к лицу. Тогда плечи у него были браво расправлены. Теперь же они у него поникли, словно придавленные тяжелым бременем, глаза смотрели тускло, лоб изрыли борозды. Видно, фамильная гордость Рочестеров сложила пожитки и убралась восвояси, лишив его поддержки. В облике Билла не осталось ни малейшего сходства с тем его предком, который в семнадцатом веке проявил такое партийное отношение к своей казни на Тауэр-Хилл. Теперь он больше всего напоминал другого предка, который в 1782 году был пойман за руку Чарльзом Джеймсом Фоксом, когда жульничал в карты в кофейне Уоттьера.

– Ну? – нетерпеливо воскликнул капитан Биггар.

Билл молча посмотрел на него долгим, скорбным взглядом и обратился к Дживсу:

– Дживс!

– Да, милорд?

– Этот паучий эпизод...

– Да, милорд?

– Я попытался его сыграть.

– И что же, милорд?

– Сначала вроде все пошло хорошо. Я отстегнул подвеску.

– Да, милорд?

– Капитан Биггар правильно сказал. Замочек был слабенюкий. Легко расстегнулся.

– Да, милорд?

Капитан Биггар издал радостный возглас на суахили и протянул руку:

– Давайте сюда!

– У меня ее нет. Выскользнула из пальцев.

– И упала?

– Да, упала.

– И сейчас валяется в траве?

– Нет, – ответил Билл и мрачно покачал головой. – Не валяется она ни в какой траве.

Она упала прямо за ворот платья миссис Спотсворт и находится сейчас где-то в недрах ее одежды.

Не часто в жизни приходится наблюдать, как трое здоровых мужчин одновременно оказываются поражены до глубины души, но если бы кто сейчас очутился в гостинной Рочестер-Эбби, именно такое зрелище предстало бы его глазам. Сказать, что рапорт Билла потряс собеседников, значило бы преуменьшить его воздействие. Капитан Биггар принялся растерянно расхаживать по комнате, размахивая руками, как мельница, но и Дживс тоже пришел в волнение, о чем свидетельствовало то обстоятельство, что два волоска на конце его правой брови отчетливо дрогнули. А сам Билл, окончательно сокрушенный последним ударом судьбы, по-видимому в конце концов все-таки формально сложил оружие – рухнул в кресло и сидел обмякший и отчаявшийся. Недоставало только длинной седой бороды, и сходство с королем Лиром в расстройстве чувств было бы полным.

Первым заговорил Дживс:

– Весьма неприятно, милорд.

– Да, – понуро согласился Билл. – Досадно, а? У вас не найдется при себе какого-нибудь малоизвестного азиатского яда, Дживс?

– Нет, милорд.

– Жаль, – сказал Билл. – А то мне бы пригодился.

Дживсу было больно видеть страдания молодого хозяина, а так как он всегда считал, что для страждущей души нет действеннее болеутоляющего средства, нежели что-нибудь из Марка Аврелия, он стал рыться в памяти, ища подходящую цитату из произведений этого императора. Колеблясь, что лучше подойдет: «Что бы с тобой ни случилось, это было предопределено тебе от века» или же: «Не существует несчастий, которые природой человеку не дано сил вынести», – и та и другая отличные цитаты, Дживс медлил с выбором, и в это время капитан Биггар, паливший в воздух длинной очередью восклицаний на каком-то туземном диалекте, внезапно снова перешел на английский.

– Дой вьенг лек! – крикнул он. – Нашел! Порубите меня и поджарьте с грибным соусом, я понял, что вы должны сделать!

Билл поднял безжизненно висевшую голову.

– Сделать? – повторил он. – Я?

– Да, вы.

– Мне очень жаль, но я сейчас не способен ничего сделать, кроме как разве скончаться, всеми оплакиваемый.

Капитан Биггар фыркнул, а затем еще хмыкнул, крякнул и присвистнул.

– Мун пи ноан лап лао! – досадливо отмахнулся он. – Вы ведь умеете танцевать, верно?

– Танцевать?

– Лучше всего чарльстон. Это все, что от вас требуется. Несколько па старого доброго чарльстона.

Билл пошевелился, как мертвец, которому мешают шевелиться гробовые пелены. В движение его привела острая колика негодования. Праведный гнев наполнил душу. Человек угодил в такую передрагу и трижды за день потерпел фиаско, а этот тип предлагает ему танцевать, как Давид танцевал перед Саулом. И похоже, это только начало, дальше Белый Охотник еще, пожалуй, потребует комических куплетов, и фокусов, и пародий на всем нам хорошо известных звезд эстрады. Он что думает, что здесь открывается новый театр

«Водевиль»? Или что начинается деревенский концерт для сбора средств в фонд реставрации церковного органа?

Подыскивая слова, чтобы смачнее выразить все, что он думает по данному поводу, Билл вдруг обнаружил, что капитан Биггар тем временем приступил к новому рассказу из своих запасов. Этот любимый сын Куала-Лумпура, видимо, имел, подобно Марку Аврелию, подходящие истории на все случаи жизни. Но там, где римский император обходился отдельными шуточками в духе Боба Хоупа или Граучо Маркса, капитан Биггар предпочитал повествовательный жанр.

– Да, чарльстона, – повторил капитан Биггар, – и сейчас я вам объясню, о чем речь. Мне вспомнился один случай, который произошел с Толстым Фробишером и супругой греческого консула. Это воспоминание вспыхнуло внезапно, как молния с небес.

Он замолчал. Его беспокоило ощущение, что он что-то упустил. Но потом он вспомнил. Ну конечно. Виски. Капитан Биггар подошел к столу и наполнил стакан.

– Где Толстый Фробишер в то время служил, в Смирне, Яффе или Стамбуле, – произнес он, осушив половину, а с тем, что осталось, возвращаясь к дивану, – боюсь, не смогу вам сказать. С годами эти мелкие подробности забываются. Может быть, даже в Багдаде или еще где-нибудь, мало ли. Забыл, честно признаюсь. Но суть в том, что он находился где-то там такое и в один прекрасный вечер отправился на прием, или суарею, или как эти сборища называют, в какое-то посольство. Ну, вы знаете, о чем я. Прекрасные дамы и блестящие кавалеры, во фраках и туалетах, отплясывают всюю, как полоумные. И вот по ходу дела получилось так, что Толстый вышел танцевать чарльстон в паре с супругой греческого консула. Не знаю, видел ли кто-нибудь из вас, как Толстый Фробишер танцует чарльстон?

– Ни его сиятельство, ни я, сэр, не имеем чести быть знакомы с мистером Фробишером, – вежливо напомнил ему Дживс.

– С майором Фробишером, черт подери, – высокомерно поправил капитан Биггар.

– Прошу меня простить, сэр. С майором Фробишером. И по причине незнакомства техника исполнения майором Фробишером танца чарльстон для нас – книга за семью печатями, сэр.

– Да? – капитан Биггар опять наполнил свой опустевший стакан. – Ну так я вам скажу. Его техника, как вы выражаетесь, отличается мощностью. Он не жалеет сил. В старину таких танцоров называли трехворотничковыми. К тому моменту, когда Толстый Фробишер заканчивает танцевать чарльстон, его партнерша чувствует себя так, как будто едва живая выбралась из драки. Так было и в тот вечер. Он подцепил супругу греческого консула и давай с ней притопывать и подпрыгивать, крутить ее то туда, то сюда, бросать на одну руку, перекидывать на другую, и вдруг – догадайтесь, что произошло?

– У дамы случился разрыв сердца, сэр?

– Нет, разрыв сердца у дамы не случился, но случилось нечто такое, что у всех присутствующих могло бы его вызвать. Потому что хотите верьте, хотите нет, но раздался металлический лязг и из-за пазухи у этой дамы стали вываливаться серебряные ложки, серебряные вилки и даже, уверял Толстый Фробишер, набор головных щеток с черепаховым верхом. Оказывается, супруга консула была закоренелой клептоманкой и использовала пространство между корсажем и тем, что там они носят под платьем, – я человек неженатый, вдаваться в подробности не могу – в качестве банковского сейфа.

– Получилась неловкость для майора Фробишера, сэр.

Капитан Биггар удивился.

– Для Фробишера? Почему? Он же не присваивал эти вещи, а только способствовал их обнаружению. Вы что, не поняли, к чему я клоню? Я уверен, если Кривой Рочестер пустится плясать чарльстон с миссис Спотсворт и употребит хотя бы десятую долю той энергии и воли к победе, что и Толстый Фробишер, мы скоро вытряхнем эту подвеску у нее из-за пазухи. Толстый бы ее извлек на свет Божий за первые же десять тактов. И кстати говоря, нам понадобится музыка. Ага, я вижу, там в углу стоит граммофон. Вот и прекрасно. Ну? Вам понятен план?

– Вполне, сэр. Его сиятельство танцует чарльстон с миссис Спотсворт, и в конце концов закатившаяся подвеска выкатится и упадет, «как благодатный дождь с небес на нивы упадает».

– Точно! Как вы расцениваете эту идею?

Дживс переадресовал вопрос в высшие инстанции.

– Как ваше сиятельство расцениваете эту идею? – почтительно поинтересовался он.

– Что? – отозвался Билл. – Как вы сказали?

– То есть вы не слушали? – возмутился капитан Биггар. – Ну знаете ли, видел я нахалов, но...

Дживсу пришлось вмешаться.

– По-моему, сэр, в данных обстоятельствах рассеянность его сиятельства более чем понятна, – заметил он с укоризной. – По его погасшему взору видно, что «природный цвет его решимости хиреет под налетом мысли бледным». Капитан Биггар предлагает, милорд, чтобы ваше сиятельство пригласили миссис Спотсворт на танец под названием чарльстон. В ходе танца, если ваше сиятельство приложит достаточно темперамента, искомая подвеска вытряхнется и упадет на пол, и вы, милорд, без труда подберете ее и сунете в карман.

С четверть минуты у Билла ушло на то, чтобы смысл этих слов проник в его подавленное сознание, но, проникнув, он произвел электрическое действие. В глаза его вернулся блеск, спина выпрямилась. На горизонте снова зажглась надежда и пробудила его к жизни. И когда Билл встал с кресла с бодрым видом человека, готового на все, в нем было что-то от его жизнерадостного предка, которого в эпоху Реставрации за нахрап и галантное обхождение с дамами при дворе короля Карла Второго любовно называли «шалун Рочестер».

– Ведите меня к ней! – сказал Билл ясным и звонким голосом. – Ведите меня к ней, это все, чего я прошу, а остальное предоставьте мне.

Но и вести его к ней в конечном счете не потребовалось, так как в эту минуту она собственной персоной вошла с террасы в гостиную, прижимая к груди своего мопсика Помону.

Помона, завидев всю компанию, закатилась в пронзительном лае. Можно было подумать, будто ее раздирают на части раскаленными щипцами, хотя на самом деле она таким способом выражала радость. В минуты восторга она всегда громко верещала, отчасти как погибшая душа, а отчасти как ошпаренная кошка.

Из библиотеки выбежала встревоженная Джил, но миссис Спотсворт успокоила ее:

– Ничего, милочка, она просто разволновалась. Но может быть, вы занесете ее в мою комнату, если идете наверх? Это вас не слишком затруднит?

– Нисколько, – холодно ответила Джил. И вышла из комнаты с Помонкой на руках.

А Билл приблизился к миссис Спотсворт.

– Потанцуем? – предложил он.

Миссис Спотсворт удивилась. Только что в саду на скамейке, в особенности после

пропажи подвески, ей показалось, что хозяин дома настроен на довольно байронический лад. И вдруг этот неожиданный дух веселья -откуда что берется?

– Вы хотите танцевать?

– Да. С вами, – ответил Билл, вкладывая в свои слова весь спектр придворных интонаций эпохи Стюартов. – Это будет совсем как когда-то в Каннах.

Миссис Спотсворт была женщина проницательная. Она, конечно, заметила, что в дальнем конце комнаты прячется капитан Биггар, и сообразила, что появилась отличная возможность разбудить в нем спящего зверя, который спит, по ее понятиям, как-то уж слишком крепко. Что мешает Белому Охотнику развернуться в роли страстного обожателя, она не знала, зато ей было хорошо известно, что самое верное средство раскочегарить заленившегося поклонника – это продемонстрировать ему, как любимая женщина отплясывает в объятиях другого, тем более такого красавчика, как Вильям, граф Рочестер.

– О да, давайте! – весело откликнулась миссис Спотсворт, вся загоревшись. – Как живо я помню те дни! Лорд Рочестер танцует восхитительно, – объяснила она капитану Биггару, она же понимала, как ему обидно было бы, если бы эта достоверная новость прошла мимо его ушей. -Обожаю танцевать. Единственное оставшееся на свете безгрешное удовольствие.

– Еще бы! – подхватил Билл с таким же энтузиазмом. – Старый чарльстон... Вы помните его?

– Неужели нет!

– Поставьте пластинку с чарльстоном, Дживс.

– Очень хорошо, милорд.

Когда Джил, доставив Помону в спальню миссис Спотсворт, возвратилась в гостиную, там были только Билл, Дживс и миссис Спотсворт, ибо капитан Биггар, не в силах выдержать представившегося ему зрелища, сбежал через стеклянную дверь в немую ночь.

Что он сам же и задумал это возмутительное представление, эту смесь непристойностей французской революционной карманьолы с наиболее рискованными чертами туземных плясок, которые он наблюдал в Экваториальной Африке, отнюдь не развеивало мрак его души. У лягушек на лужайке, по которой он прохаживался со свирепым выражением на лице, сложилось впечатление, будто с неба на них сыплются ботинки одиннадцатого размера.

Отрицательное мнение о чарльстоне в исполнении хозяина дома и любимой женщины капитана Биггара разделяла и Джил. Наблюдая с порога за танцующими, она чувствовала, как у нее в душе поднимается та же дурнота, что испытал и Белый Охотник, выслушивавший обмен любезностями на садовой скамейке. Возможно, в том, как вел себя Билл, и не было настоящего состава преступления, но какие-то полицейские меры, она считала, необходимо было принять немедленно. Против таких вещей должен быть закон.

Невозможно описать словами танец чарльстон, как его исполняли, с одной стороны, женщина, обожающая танцевать чарльстон и разошедшаяся вовсю, а с другой – молодой человек, вознамерившийся во что бы то ни стало так растрясти свою даму, чтобы из глубин ее существа выкатилась бриллиантовая подвеска, где-то там застрявшая. Достаточно, наверно, будет сказать, что если бы в это время в комнату случайно зашел майор Фробишер, ему бы сразу вспомнились добрые старые времена в Смирне, или в Яффе, или в Стамбуле, а может, в Багдаде. Миссис Спотсворт он бы, к ее выгоде, сравнил с супругой греческого консула, а Билла одобрительно похлопал бы по спине и признал бы, что тот выкаблучивается не хуже, а может, и лучше его самого.

Из библиотеки пришли Рори и Моника и не скрыли своего изумления.

– Боже милосердный! – проговорила Моника.

– Старина Билл лихо кромсает ковер каблуками, а? – заметил Рори. – Пошли, моя красавица, вольемся в толпу ликующих.

Он обхватил жену за талию, и сцена стала массовой.

Джил, не в силах более выносить это возмутительное зрелище, повернулась и вышла. По пути к себе в комнату она довольно плохо думала о своем женихе. Девушке с идеалами всегда неприятно убедиться в том, что она связала свою судьбу с повесой, но теперь она убедилась, что Вильям, граф Рочестер, – просто-напросто развратник, у которого могли бы еще пройти курс заочного обучения Казанова, и Дон Жуан, и самые грубые древнеримские императоры.

– Я когда танцую, – произнесла миссис Спотсворт, которая тоже лихо кромсала ковер, – то ног под собой вообще не чувствую.

Моника поморщилась:

– Если бы вы танцевали с Рори, вы бы свои ноги очень даже чувствовали. Он то вспрыгнет тебе на ногу, то соскочит, хоть бы уж что-нибудь одно.

– Ох! – вдруг вскрикнула миссис Спотсворт: Билл только что приподнял ее и с размаху поставил обратно на пол с такой силой, что майор Фробишер наверняка пришел бы в восторг. Теперь она стояла и терла бок. – Я, кажется, что-то растянула, – сказала она и проковыляла к креслу.

– Не удивительно, – отозвалась Моника, – когда Билл так разошелся.

– Ой, надеюсь, это просто растяжение, а не мой старый радикулит. Он меня ужасно мучает, особенно если я оказываюсь в сыром помещении.

Трудно поверить, но Рори не сказал ей на это: «Как в Рочестер-Эбби, а?» – и не произнес вслед за этим свою любимую остроту насчет протекающей зимой крыши. Он наклонился и рассматривал какой-то предмет на полу.

– Эге, – проговорил Рори. – Это что такое? Это ведь ваша подвеска, миссис Спотсворт?

– О, спасибо, – сказала миссис Спотсворт. – Да, это моя. Наверно, закатилась за... Оххх! – Она не договорила и снова скрючилась от боли.

– Вам надо немедленно лечь в постель, Розалинда, – захлопотала над ней Моника.

– Да, наверно.

– С хорошей горячей грелкой.

– Да.

– Рори поможет вам подняться по лестнице.

– С удовольствием, – сказал Рори. – Интересно, почему это всегда говорят: «Хорошая горячая грелка»? Мы в «Харридже» говорим наоборот: «Отвратительная горячая грелка». Современные электрические одеяла, которые имеются у нас в продаже, делают водяную грелку анахронизмом. С тремя переключениями: «Осенняя бодрость», «Весеннее солнышко» и «Мэй Вест».

Они медленно двинулись к двери. Миссис Спотсворт тяжело опиралась на его руку. Как только они скрылись за дверью, Билл, провожавший их безумным взглядом, вскинул руки в жесте полного отчаяния:

– Дживс!

– Да, милорд?

– Это конец.

– Да, милорд.

– Она улизнула в нору.

– Да, милорд.

– Вместе со своей подвеской.

– Да, милорд.

– Так что если вы не сможете ничего предложить, чтобы выманить ее из комнаты, – мы погибли. Можете вы что-нибудь предложить?

– В данную минуту нет, милорд.

– Я так и думал. Вы же всего лишь смертный человек, а тут задача вне... этого самого... как это говорится, Дживс?

– Вне пределов человеческих возможностей, милорд.

– Вот именно. Знаете, что я собираюсь сейчас сделать?

– Нет, милорд.

– Лечь спать, вот что. лягу спать и постараюсь заснуть и забыть. Правда, заснуть мне, конечно, не удастся, где там, у меня каждый нерв торчит наружу и кончики завиваются.

– Возможно, если ваше сиятельство попробуете считать овец...

– Думаете, подействует?

– Это широко признанное средство, милорд.

– Гм... – Билл задумался. – Ну что ж, можно попытаться. Покойной ночи, Дживс.

– Покойной ночи, милорд.

Не считая мышинного писка за дубовыми панелями и периодических шорохов в печных трубах, где ворочались во сне летучие мыши, в остальном Рочестер-Эбби стоял погруженный в сонное безмолвие. Настал общеизвестный колдовской час ночи. В Голубой комнате, приятно уставшие за день, мирно спали Моника и Рори. Миссис Спотсворт отрубилась и посапывала в комнате королевы Елизаветы, а заодно и Помона в корзинке у нее под боком. В комнате Анны Болейн честный капитан Биггар, добрая душа, видел во сне добрые старые времена на реке Ме-Вонг, которая является – о чем и без нас хорошо известно читающей публике – притоком еще более многоводной и крокодиленной реки Вонг-Ме.

В комнате-с-часами бодрствовала Джил, бессонными глазами глядя в потолок, и Билл в комнате Генриха Восьмого тоже напрасно старался забыться дремотой. Средство, предложенное Дживсом, хоть и пользовалось широким признанием, однако все еще оставалось бессильным расплести сеть его забот.

– Восемьсот двадцать две, – бормотал он. – Восемьсот двадцать три... Восемьсот двадцать...

Тут он замолчал, и восемьсот двадцать четвертая овца, выделявшаяся из всех особенно глупым видом, так и повисла в воздухе. Дело в том, что раздался стук в дверь, такой тихий и почтительный, какой могла произвести рука только одного человека. Поэтому, когда минуто спустя дверь приотворилась и вошел Дживс, Билл несколько не удивился.

– Прошу извинения у вашего сиятельства, – изысканным тоном произнес Дживс. – Я бы не потревожил вас, если бы не услышал из-за двери ваши слова, свидетельствовавшие о том, что моя рекомендация оказалась бесполезной.

– Да, покамест она еще не сработала, – сказал Билл. – Но входите, пожалуйста. Прошу. – Он был бы сейчас рад кому угодно, лишь бы это была не овца. – Не говорите мне, – вдруг приподнялся он на подушках, заметив блеск торжества в глазах гостя, – что вы что-то придумали.

– Да, милорд, я счастлив сообщить, что, по-моему, я нашел выход из создавшегося положения.

– Дживс, вы – чудо!

– Благодарю вас, милорд.

– Помню, Берти Вустер мне говорил, что нет такого затруднения, которого вы не сумели бы разрешить.

– Мистер Вустер всегда перехваливал меня, милорд.

– Какое там! Недохваливал! Если вы действительно нащупали способ преодолеть нечеловеческие трудности, возникшие на нашем пути...

– Насколько я понимаю – да.

Сердце Билла заколотилось о лиловую пижамную куртку.

– Подумайте хорошенько, Дживс, – умоляющим голосом произнес он. – Каким-то образом нам надо выманить миссис Спотсворт из комнаты и продержать ее снаружи на протяжении времени, достаточном для того, чтобы я ворвался туда, отыскал подвеску, схватил и выскочил обратно, и чтобы ни одна живая душа меня за этим делом не увидела. Если только я ничего не перепутал по причине нервного расстройства, вызванного пересчитыванием овец, вы утверждаете, что можете все это устроить. Но как? Вот вопрос,

который напрашивается. Как можно это сделать?

Дживс молчал. Его великолепные черты исказила гримаса страдания. Словно ему неожиданно открылось нечто крайне огорчительное.

– Прошу меня простить, милорд. Я ни в коем случае не хотел бы позволить себе вольность...

– Говорите, говорите, Дживс. Я весь внимание. В чем дело?

– В вашей пижаме, милорд. Если бы я знал, что ваше сиятельство имеете обыкновение спать в пижаме лилового цвета, я бы вам этого решительно не посоветовал. Лиловый не к лицу вашему сиятельству. Мне уже случилось однажды из лучших побуждений выступить по аналогичному поводу перед мистером Вустером, который тогда тоже увлекался лиловыми пижамами.

Билл озадаченно посмотрел на Дживса.

– Что-то я не пойму... Каким образом мы перешли на пижамы? -растерянно спросил он.

– Ваша пижама бросается в глаза, милорд. Такой едкий оттенок! Если ваше сиятельство послушаете меня и перейдете на спокойный синий или мягкий фисташково-зеленый...

– Дживс!

– Милорд?

– Сейчас не время судачить о пижамах.

– Очень хорошо, милорд.

– Собственно говоря, я себе, пожалуй, даже нравлюсь в лиловом. Но, как я уже сказал, это к делу не относится. Отложим дебаты до более благоприятного момента. Но только вот что я вам скажу, Дживс. Если вы действительно можете что-то дельное предложить по поводу этой дьявольской подвески и из этого получится то, что нам надо, я отдам вам эту лиловую пижаму, можете стереть ее в порошок, запахать в землю и посыпать сверху солью.

– Сердечно благодарен вам, милорд.

– Это будет дешевая плата за ваши огромные услуги. Ну а теперь, когда вы меня так раззадорили, рассказывайте, о чем речь. Что вы такое задумали?

– Мой замысел очень прост, милорд. Он базируется на...

Билл поднял руку:

– Не говорите. Дайте мне самому догадаться. На психологии индивидуума. Правильно?

– Совершенно верно, милорд.

Билл вздохнул с облегчением:

– Я так и знал. Что-то мне подсказало. Не раз и не два, попивая мартини с Берти Вустером в баре «Клуба трутней», я слушал, затаив дыхание, его рассказы про вас и психологию индивидуума. Он говорил, что стоит только вам дорыться до психологии индивидуума, и дело сделано, можно бросать в воздух шляпу и плясать на лужайке. Продолжайте же, Дживс. Я внимаю вам с замиранием сердца. Индивидуум, чья психология нас в данный момент занимает, это, как я понимаю, миссис Спотсворт? Я прав или не прав, Дживс?

– Вы совершенно правы, милорд. Не заметили ли вы, ваше сиятельство, что составляет главный интерес миссис Спотсворт и занимает первое место в ее мыслях?

У Билла отвисла челюсть.

– Неужели вы явились сюда в два часа ночи, чтобы заставить меня снова идти танцевать чарльстон с миссис Спотсворт?

– Нет, нет, милорд.

– Знаете, когда вы сейчас заговорили об ее главном интересе...

– В характере миссис Спотсворт есть и другая грань, которую вы упустили из внимания, милорд. Я согласен, что она заядлая любительница танцевать чарльстон, но больше всего ее интересуют потусторонние явления. С первой минуты, как она явилась в Рочестер-Эбби, она не устает выражать горячую надежду на то, что сподобится увидеть призрак леди Агаты. Именно на этом обстоятельстве я построил свой план, как раздобыть ее бриллиантовую подвеску, план, который зиждется на психологии индивидуума.

Билл откинулся на подушки, разочарованный:

– Нет, Дживс. Это не пойдет.

– Милорд?

– Я понял, к чему вы ведете. Вы хотите, чтобы я вырядился в плат и юбку с фижмами и пробрался в комнату, где спит миссис Спотсворт, чтобы она, если даже проснется и увидит меня, просто сказала: «А-а, призрак леди Агаты!» – перевернулась на другой бок и заснула опять. Ничего не выйдет, Дживс. Ничто не заставит меня облачиться в дамские одежды, даже ради такого важного дела. В крайнем случае я согласен снова наклеить усы и наклепку на глаз.

– Я бы вам не советовал, милорд. Даже на ипподроме некоторые клиенты, как я заметил, при виде вашего сиятельства отшатывались в испуге. А дама, обнаружив столь ужасное видение у себя в спальне, вполне способна завизжать на весь дом.

Билл беспомощно развел руками:

– Ну, вот видите. Ничего не получится. Ваш план аннулируется как несостоятельный.

– Нет, милорд. Ваше сиятельство, позволю себе заметить, не уловили его суть. Главное в том, чтобы выманить миссис Спотсворт вон из комнаты и тем самым создать условия, при которых ваше сиятельство сможете войти туда и завладеть подвеской. Я вызываюсь постучаться к ней и попросить ненадолго флакончик нюхательной соли.

Билл схватился за волосы:

– Что вы сейчас сказали, Дживс?

– Флакончик нюхательной соли, милорд.

Билл затряс головой:

– Эти овцы, которых я тут пересчитывал, как-то плохо на меня подействовали. У меня испортился слух. Мне почудилось, будто вы сейчас упомянули нюхательную соль.

– Так оно и было, милорд. Я бы при этом объяснил, что нюхательная соль мне нужна, чтобы привести в чувство ваше сиятельство.

– Ну вот, опять. Я прямо готов поклясться, что слышал, будто вы сказали: «привести в чувство ваше сиятельство».

– Именно, милорд. Ваше сиятельство пережили сильное потрясение. Случайно оказавшись в полночный час вблизи разрушенной часовни, вы увидели призрак леди Агаты, и вам стало дурно. Как вашему сиятельству удалось добрести до своей комнаты, это навсегда останется тайной, но я вас застал в почти бессознательном состоянии и поспешил к миссис Спотсворт занять немного нюхательной соли.

Билл все еще недоуменно хлопал глазами.

– Ничего не понимаю, Дживс.

– Позвольте мне продолжить мои разъяснения, милорд. Как я это себе представляю, милорд, услышав, что леди Агата, если можно так выразиться, под самым боком, миссис Спотсворт загорится желанием немедленно бежать к разрушенной часовне, чтобы

самолично наблюдать это потустороннее видение. Я вызовусь проводить ее туда, а в ее отсутствие вы, милорд...

Обычный человек, потрясенный проявлением чужой гениальности, как правило, не сразу находит слова для выражения охвативших его чувств. Когда Александер Грейам Белл в 1876 году, встретив в одно прекрасное утро своего знакомого, сказал ему: «Слыхали последнюю новость? Я вчера изобрел телефон», – очень может быть, что знакомый просто молча переступил с ноги на ногу. Вот так же и Билл. Он не мог выговорить ни слова, а лежал молча, заливаемый волнами раскаяния из-за того, что мог усомниться в этом человеке. Все было точно так, как неоднократно рассказывал Берти Вустер. Стоит только этому вскормленному рыбой великому уму перейти к психологии индивидуума – и дело сделано, тебе остается лишь подбросить шляпу в воздух и пуститься в пляс на зеленой лужайке.

– Дживс, – выговорил он наконец, когда к нему вернулся дар речи.

Но Дживс уже мерцал на пороге.

– Спешу за нюхательной солью, милорд, – пояснил он через плечо. – Прошу прощения, я сейчас.

Минуты через две, хотя Биллу казалось, что дольше, он возвратился, держа в пальцах маленький флакончик.

– Ну? – нетерпеливо спросил Билл.

– Все прошло согласно плану, милорд. Дама реагировала в общем так, как я и предвидел. Сразу же по получении известия она проявила интерес. Вашему сиятельству известно выражение «Джимини Кристмас»?

– Да нет, по-моему, я его никогда не слышал. Может быть, «Мерри Кристмас»?

– Нет, милорд. Именно «Джимини». Эти слова произнесла миссис Спотсворт, когда узнала, что в разрушенной часовне можно наблюдать фантом леди Агаты. Они, как я понял, выражают удивление и радость. Она заверила меня, что в два счета накинет халат и по истечении названного срока выйдет ко мне, прямо, как она сказала, с заплетенной косой. Я должен быть у двери и проводить ее к месту события. Вашу дверь я оставлю приоткрытой, и ваше сиятельство, глядя в щель, сможете проследить, когда мы уйдем. Как только мы спустимся вниз по лестнице, я рекомендую немедленное действие, поскольку нет нужды вам напоминать, что время...

– ...решает все? Да, в этом нужды нет. Помните, что вы мне говорили про гепардов?

– В связи со скоростью, которую они развивают?

– Полмили за сорок пять секунд, если не ошибаюсь?

– Да, милорд.

– Ну так вот, я сейчас разовью такую скорость, что самый резвый из гепардов останется, считайте, просто за флагом.

– Это будет как раз то, что требуется, милорд. Со своей стороны замечу, что видел на туалетном столе у миссис Спотсворт небольшой футлярчик, несомненно, содержащий искомую подвеску. Туалетный стол стоит прямо под окном. Ваше сиятельство сразу же его увидит.

И, как всегда, Дживс оказался прав. Первое, что Билл увидел, когда проводил глазами процессию, состоящую из миссис Спотсворт и Дживса, прошествовавшую вниз по лестнице, и вбежал в комнату королевы Елизаветы, был туалетный стол. А на нем – небольшой футлярчик, как и говорил Дживс. И в этом футлярчике, убедился Билл, дрожащими руками открыв крышечку, находилась та самая подвеска. Он поспешил схватить коробочку и сунуть

в карман пижамной куртки и уже направился было к двери, как вдруг в тишине, которую до той минуты нарушало лишь его шумное дыхание, раздался оглушительный визг.

Выше уже упоминалось обыкновение собачки Помоны при виде всякого знакомого или даже незнакомого, но чем-то ей приятного лица, выражать радость ушераздирающим лаем. Именно такая радость охватила ее и в данную минуту. Во время давешнего разговора на скамейке, пока Билл ворковал, она, как все собаки, прониклась к нему горячей любовью. И, обнаружив его теперь в неформальной обстановке, она, еще не освоившись с одиночеством, которого терпеть не могла, даже не подумала обуздывать свои чувства.

Ее воплей по количеству и силе звука вполне хватило бы для дюжины баронетов, найденных на полу библиотеки с кинжалами в спине. И на Билла они произвели самое неблагоприятное воздействие. Как выразительно написал автор «Охоты на снарка» про одного из своих главных героев,

И так велик был его испуг,
Что белым как мел стал его сюртук.

Вот и лиловая пижамная куртка Билла почти побелела.

Хоть он и симпатизировал Помоне, но не задержался для дальнейшего братания, а бросился к двери на такой скорости, что самому атлетическому гепарду оставалось бы только беспомощно пожать плечами, и вылетел в коридор как раз в ту минуту, когда разбуженная шумом Джил выглянула из комнаты-с-часами. Она увидела, как Билл на цыпочках прокрался в комнату Генриха Восьмого, и с горечью подумала, что там ему и место.

А еще четверть часа спустя, когда Билл лежал в постели и бормотал себе под нос: «Девятьсот девяносто восемь... Девятьсот девяносто девять... Тысяча...» – Дживс вошел в комнату с блюдечком в руке.

На блюдечке лежало кольцо.

– Я только что встретил в коридоре мисс Уайверн, милорд, – сказал он. – Она просила передать вашему сиятельству вот это.

Уайверн-холл, дом полковника Обри Уайверна, отца Джил, служившего начальником полиции графства Саутмолтоншир, был расположен сразу за рекой, протекавшей в дальнем конце сада через владения Рочестер-Эбби, и вот на следующий день, после совершенно неудовлетворительного обеда полковник Уайверн сердитыми шагами вышел из столовой, проследовал в свой кабинет и позвонил дворецкого. По прошествии соответствующего времени дворецкий явился, запнувшись о ковер у порога и воскликнув при этом: «Ах ты, чтоб тебя!» – что случалось с ним всякий раз, через какой бы порог он ни переступал.

Полковник Уайверн был приземист и толст и досадовал на это, так как хотел бы быть высоким и стройным. Но если собственная его внешность и причиняла ему время от времени огорчение, чувство это не шло ни в какое сравнение со страданиями, причиняемыми ему внешним видом его дворецкого. В наше время жителю сельской местности в Англии приходится по части домашней обслуги довольствоваться тем, что есть. Все, чем смог разжиться полковник Уайверн, он наскреб в деревенской приходской школе. Мажордом Уайверн-холла Булстроуд был тщедушным шестнадцатилетним юнцом, которого природа от щедрот своих одарила таким количеством прыщей, что на лице почти не оставалось места для его неизменной бессмысленной ухмылки.

Ухмылялся он и теперь, и опять, как при каждом таком совещании на высшем уровне, его босс был потрясен сходством своего подчиненного с безмозглой золотой рыбкой в стеклянном аквариуме.

– Булстроуд, – произнес полковник с характерной хрипотцой, выработанной на плац-парадах.

– Туточки я, – мирно отозвался дворецкий.

В другое время полковник Уайверн высказался бы на тему о таком нетрадиционном отклике, но сегодня его интересовала дичь покрупнее. Его желудок продолжал слать наверх жалобы на низкое качество обеда, и полковник желал видеть повара.

– Булстроуд, – распорядился он, – подать мне сюда повара.

Призванный пред хозяйские очи повар оказался особой женского пола и тоже из молодых, а именно пятнадцати лет. Она притопала в кабинет, тряся косицами, и полковник устремил на нее недовольный взгляд.

– Трелони! – произнес он.

– Туточки я, – ответила повариха.

На этот раз полковник не стерпел. Вообще-то Уайверны не воюют с женщинами, но бывают ситуации, когда оставаться рыцарем невозможно.

– Не смейте говорить «Туточки я», вы, маленькое чудовище! – рявкнул он. – Надо отвечать: «Да, сэр?», и притом почтительно и по-солдатски, сразу же став по стойке «смирно» и вытянув руки вниз, так чтобы большие пальцы касались боковых швов. Трелони, обед, который вы сегодня имели наглость мне подать, был оскорблением для меня и позором для всякого представителя кулинарной профессии. Я послал за вами, чтобы уведомить, что если такое разгильдяйство и *laissez faire* с вашей стороны еще повторится... – Тут полковник смолк. Слова «я пожалуюсь вашей матери», которыми он намеревался заключить тираду, представились ему вдруг недостаточно убедительными. – ...я вам покажу! – этим он закончил речь и нашел, что вышло, может быть, и не так хорошо, как

хотелось бы, но все-таки придает столько огня едкости недожаренной курице, водянистой брюссельской капусте и картофелю, который не проколешь вилкой, что менее стойкая кухарка съежилась бы от страха.

Однако Трелони тоже сбиты из прочного материала. Такие люди не дрогнут в минуту опасности. Юная кухарка с железной решимостью посмотрела ему в глаза и нанесла ответный удар.

– Гитлер! – произнесла она и высунула язык.

Начальник полиции оторопел.

– Это вы меня назвали Гитлером?

– Да, вас.

– Ладно. Смотрите больше так никогда не говорите, – строго сказал полковник Уайверн. – Можете идти, Трелони.

Трелони удалилась, задрав нос, а полковник повернулся к Булстроуду.

Уважающий себя человек не может сохранять спокойствие, потерпев поражение в словесной перепалке с кухаркой, тем более если кухарка имеет пятнадцать лет от роду и две косички, так что когда полковник Уайверн обратился к дворецкому, в нем было что-то от бешеного слона. На протяжении нескольких минут он говорил красно и страстно, особо останавливаясь на привычке Булстроуда поедать свой сладкий паек, прислуживая за столом, и когда тому наконец было дозволено последовать за Евангелиной Трелони в нижние пределы, где эти двое служащих влачили существование, дворецкий если и не дрожал с головы до ног, то был, во всяком случае, так угнетен, что забыл произнести на выходе свое неизменное «Ах ты, чтоб тебя!», запнувшись за край ковра.

Он оставил полковника, хоть и снявшего с груди отягощенной тяжесть, давящую на сердце, но все еще погруженного в уныние. «Ихавод», – ворчал себе под нос начальник полиции, и притом вполне недвусмысленно. В золотые дни до социальной революции спотыкающийся о ковры полоротый, прыщавый юнец вроде Булстроуда мог рассчитывать в крайнем случае на место мальчика на побегушках, сидящего в прихожей. Понятия консерватора старой закалки оскорбляла даже сама мысль о том, чтобы этот позор Саутмолтона носил священный титул дворецкого.

Он с тоской вспомнил свою лондонскую молодость на переломе столетий и классических дворецких, встречавшихся ему в домах, которые он в ту пору посещал, – дворецких добрых двести пятьдесят фунтов весом, с тремя подбородками и далеко выступающим животом, с выпученными зелеными глазами и строгими, надменными манерами, каких в пятидесятые годы двадцатого века, в нашем выродившемся мире, уже днем с огнем не сыщешь. Тогда это были действительно дворецкие, в самом глубоком и священном смысле этого слова. А теперь вместо них юнцы со скошенными подбородками и с обязательной карамелью за щекой, отвечающие: «Туточки я», когда к ним обращаешься.

Человек, проживающий так близко от Рочестер-Эбби, не мог, задумавшись над вопросом о дворецких, обойти мыслью главное украшение соседского дома, а именно Дживса. О Дживсе полковник Уайверн думал с большим теплом. Дживс произвел на него самое глубокое впечатление. Он находил, что Дживс – это настоящее сокровище. Молодой Рочестер, по мнению полковника, вообще не жаловавшего молодежь, ничего особенного собой не представлял, но его дворецкого, этого самого Дживса, он оценил с первого взгляда. И при мысли о нем среди мрака, одевшего все вокруг после неприятной сцены с Евангелиной Трелони, вдруг засиял луч света. Пусть сам начальник полиции останется со

своим Булстроудом, но зато, по крайней мере, его дочь выходит замуж за человека, у которого есть настоящий, классический дворецкий. Мысль эта утешала. Все-таки наш мир не так уж и плох.

Он поделился этим соображением с Джил, которая минуту спустя как раз вошла к нему с видом холодным и гордым. но Джил вздернула подбородок и приняла вид еще более холодный и гордый. Ну прямо Снежная королева.

– Я не выхожу замуж за лорда Рочестера, – кратко заявила она.

Полковнику подумалось, что, должно быть, его дочь страдает амнезией, и он попытался оживить ее память.

– Нет, выходишь, – напомнил он ей. – В «Таймс» было напечатано, я сам читал: «Объявляется о помолвке между...»

– Я расторгла помолвку.

Луч света, о котором говорилось чуть выше, маленький лучик, блеснувший для полковника Уайверна во мраке, внезапно фукнул и погас, как луна на театральном заднике, когда перегорели пробки. Начальник полиции изумленно вытаращил глаза:

– Расторгла помолвку?!

– И больше с лордом Рочестером не разговариваю. Навсегда.

– Какие глупости, – заспорил полковник Уайверн. – Как это не разговариваешь? Вздор. Я так понимаю, у вас произошла маленькая размолвка; как говорится, милые бранятся...

Но Джил не могла покорно смириться с тем, чтобы от ее беды, которая, бесспорно, являлась самой большой трагедией со времен Ромео и Джульетты, так легко отмахнулись. Надо все-таки подбирать подходящие слова.

– Нет, это не маленькая размолвка! – возразила она, с жаром оскорбленной женщины. – Если ты хочешь знать, почему я ее расторгла, то я это сделала из-за его возмутительного поведения с миссис Спотсворт!

Полковник Уайверн приложил палец ко лбу:

– Спотсворт? Спотсворт? Ах да! Та американская дама, про которую ты давеча говорила.

– Американская шлюха, – холодно уточнила Джил.

– Шлюха? – заинтересовался полковник.

– Я сказала именно это.

– Но почему ты ее так называешь? Ты что, застала их на месте... э-э-э... преступления?

– Да, застала.

– Господи помилуй!

Джил два раза сглотнула, словно ей что-то попало в горло.

– По-видимому, все началось, – проговорила она тем невыразительным тоном, который раньше так обидел Билла, – несколько лет назад в Каннах. Они с лордом Рочестером купались там у Райской скалы и ездили кататься при луне. А ты знаешь, к чему это приводит.

– О да, еще бы не знать, – живо подхватил полковник Уайверн. И уже собрался было подкрепить это утверждение рассказом из своего интересного прошлого, но Джил продолжала все таким же странным, невыразительным тоном:

– Вчера она приехала в Рочестер-Эбби. Якобы Моника Кармойл познакомилась с ней в Нью-Йорке и пригласила ее погостить, но я не сомневаюсь, что у нее с лордом Рочестером все было сговорено заранее, потому что сразу было видно, какие между ними отношения.

Едва только она появилась, как он стал крутиться и увиваться вокруг нее... любезничал с нею в саду, танцевал с нею чарльстон, как кот на раскаленных кирпичках, и вдобавок еще, – заключила она совершенно как ни в чем не бывало, подобно той миссис Фиш в Кении, которая произвела такое сильное впечатление на капитана Биггара невозмутимостью при исполнении канкана в нижнем белье, – в два часа ночи вышел из ее спальни в лиловой пижаме.

Полковник Уайверн поперхнулся. Он собрался было склеить разрыв, заметив, что человек вполне может обменяться парой-тройкой любезностей с дамой в саду и скоротать вечером время за танцем и при этом остаться ни в чем не повинным, – но последнее сообщение лишило его дара речи.

– Вышел из ее комнаты в лиловой пижаме?

– Да.

– Лиловой?

– Ярко-лиловой.

– Ну знаете ли!

Как-то в клубе один знакомый, раздосадованный своеобразными приемами полковника Уайверна при игре в бридж, сказал про него, что он похож на бывшего циркового лилипута, который вышел на пенсию и обжирается углеводами, и это замечание было отчасти справедливо. Он и впрямь был, как мы уже говорили, невысок и толст. Но когда надо было действовать, он умел преодолеть малость роста и избыток обхвата и обрести вид значительный и грозный. Начальник полиции величаво пересек комнату и дернул сонетку.

– Туточки я, – объявил Булстроуд.

Полковник Уайверн сдержался и не дал воли огненным словам, которые рвались у него с языка. Ему надо было экономить силы.

– Булстроуд, – произнес он, – принесите мой хлыст.

В чаше прыщей на лице дворецкого мелькнуло нечто живое. Это было виноватое выражение.

– Нету его, – промямлил он.

Полковник поднял брови:

– Нету? Что значит нету? Куда он делся?

Булстроуд закашлялся. Он надеялся, что расспросов удастся избежать. Чутье подсказывало ему, что иначе возникнет неловкость.

– В починке. Я его снес чинить. Он треснул.

– Треснул?

– Ага... – ответил Булстроуд, от волнения прибавив непривычное слово: -...сэр. Я щелкал им на конном дворе, и он треснул. Ну, я и снес его чинить.

Полковник Уайверн грозно указал ему на дверь.

– Убирайтесь вон, недостойный, – сказал он. – Я с вами потом поговорю.

И сев за письменный стол, как он поступал всегда, когда надо было поразмыслить, полковник забарабанил пальцами по ручке кресла.

– Придется позаимствовать хлыст молодого Рочестера, – сказал он себе наконец и с досадой прищелкнул языком. – Ужасно неловко явиться к человеку, которого собираешься отхлестать, и просить у него для этой цели его же хлыст. Однако ничего не поделаешь, – философски заключил полковник Уайверн. – Другого выхода нет.

Он принадлежал к числу людей, которые всегда умеют приспособиться к

обстоятельствам.

Обед, который ели в Рочестер-Эбби, был гораздо лучше, чем в Уайверн-холле, даже просто никакого сравнения. В то время как полковнику Уайверну приходилось довольствоваться некомпетентным произведением беспомощной стряпухи с косицами, вообразившей, судя по всему, что она кормит стаю стервятников в пустыне Гоби, к рочестерскому столу подавались кушанья, созданные первоклассным специалистом. Ранее в этой хронике уже мимоходом упоминался высокий уровень здешнего кухмистерского руководства, осуществляемого прославленной миссис Пиггот; вот и сегодня, выдавая на-гора обеденные блюда, она ни в чем не изменила своим возвышенным идеалам. Трое из четырех пирующих находили, что пища просто тает во рту, и, поглощая ее, издавали возгласы восторга.

И только сам хозяин составлял исключение, у него во рту каждый кусок обращался в золу. В силу разных причин – тут и нестабильное финансовое положение, и ночная интерлюдия с ограблением и ее катастрофический исход, и утрата невесты, – Билл оказался далеко не самым веселым участником этой веселой кампании. В прежние счастливые времена ему случалось читать в книжках про то, как персонаж за столом отодвигал тарелку, не отведав ни кусочка, и, будучи большим любителем поесть, Билл всегда недоумевал: откуда такая сила воли? Но за трапезой, которая сейчас подходила к концу, он сам поступал точно так же, а то немного, что все же попадало ему в рот, обращалось, как сказано выше, в золу. Он сидел за столом, от нечего делать крошил хлебный мякиш, дико озираясь и дергаясь подобно гальванизируемой лягушке, когда к нему обращались. Ему было положительно не по себе, как кошке в чужом переулке.

К тому же застольная беседа тоже действовала на него далеко не успокоительно. Миссис Спотсворт то и дело поминала капитана Биггара, ей было жаль, что его нет за пиршественным столом, и имя Белого Охотника всякий раз производило в больной совести Билла сейсмический эффект. Вот и сейчас миссис Спотсворт снова вернулась к той же теме.

– Капитан Биггар мне рассказывал... – начала было она, но ее перебил жизнерадостный смех Рори.

– Да? Он вам рассказывал? – со свойственной ему тактичностью подхватил он. – Надеюсь, вы ему не поверили?

Миссис Спотсворт насторожилась. Ей послышался в его словах выпад против того, кого она любила.

– Как вы сказали, сэр Родерик?

– Ужасный лгун этот Биггар.

– Почему вы так думаете, сэр Родерик?

– Да вот припомнил все эти басни, что он рассказывал вчера за ужином.

– Его рассказы были совершенно правдивы.

– Какое там! – бойко возразил Рори. – Не позволяйте ему заговаривать вам зубы, дорогая миссис Каквастам. Все эти парни, которые жили на Востоке, все как один – феноменальные вралы. Кажется, это результат действия ультрафиолетовых лучей. Они там ходят без тропических шлемов, и солнце перегревает им головы. Мне говорили знающие люди. Один часто захаживал ко мне, когда я служил в секции «Ружья, револьверы и патроны», и мы с ним сдружились. Раз под вечер, в подпитии, он меня предостерег, чтобы я не верил ни

единому их слову. «Посмотрите на меня, – говорит, – слышали вы от кого-нибудь еще такие небылицы, как я рассказываю? Да я с детства не произнес ни слова правды. Но восточнее Суэца вообще такие нравы, что по сравнению с прочими меня там за правдивость прозвали Джордж Вашингтон».

– Кофе сервирован в гостиной, милорд, – провозгласил Дживс, своевременно и тактично вмешавшись и тем предотвратив назревавший, судя по блеску в глазах миссис Спотсворт, неприличный скандал.

Билл потянулся за гостями в соседнюю комнату, ощущая все возрастающую тоску и тревогу. Казалось бы, хуже, чем сейчас, у него на душе просто не могло быть, но, однако же, после слов Рори стало еще во сто крат тяжелее. Он опустился в кресло, принял из рук Дживса чашку с кофе, плеснув на брюки, а к стае стервятников, терзающих ему сердце, прибавился еще один: вдруг рассказ капитана Биггара о происхождении подвески – ложь? Если так, страшно подумать, что он натворил, во что ввязался...

Как сквозь сон, Билл видел, что Рори и Моника собрали все утренние газеты и уселись над ними с озабоченными лицами. Подходит последний срок. Меньше чем через час начнется забег, и если ставить, то решать надо сейчас.

– «Ипподромные известия», – объявила Моника, призывая ко вниманию всех присутствующих. – Что пишут в «Ипподромных известиях», Рори?

Рори неторопливо и тщательно просмотрел газету:

– Все больше про результаты скачек в Ньюмаркете. Полнейшая чушь, разумеется. По Ньюмаркету ни о чем судить нельзя, слишком много неизвестных. Если кто хочет знать мое мнение, то я лично не вижу никого, кто мог бы побить Мисс Тадж-Махал. У них в конюшне одни кобылы, а этим решается все. Жеребцы не идут с кобылами ни в какое сравнение.

– Приятно слышать, что ты хоть и с опозданием, но отдаешь должное моему полу.

– Да, решено, я свои два фунта намерен поставить на Мисс Тадж-Махал.

– Тем самым для меня Тадж-Махал исключается. Стоит тебе на кого-нибудь поставить, и это животное сразу начинает пятиться назад. Помнишь, как было на собачьих бегах?

Рори был вынужден с ней в этом согласиться.

– Действительно, в тот раз моя кандидатура себя не оправдала, – признал он. – Но ведь когда на собаку выпускают живого кролика, знаешь, как это может ее испугать? Тадж-Махал получает мои два кровных.

– А я думала, ты выбрал Риторику.

– Риторика – это аутсайдер, на всякий случай. На нее – десять шиллингов.

– А вот еще одна подсказка: Эскалатор.

– Эскалатор?

– Ведь «Харридж», по-моему, первый универмаг, установивший у себя эскалаторы.

– Точно! И мы выиграли первенство. Наш безопасный сход со ступенек обеспечил нам преимущество в три секунды. На Оксфорд-стрит все просто позеленели от зависти. Надо будет приглядеться к этому Эскалатору.

– На нем скачет Лестер Пиггот.

– Да? Тогда вопрос решен. У нас есть Л. Пиггот в секции «Кожаные сумки и чемоданы», отличный малый. Правда, «Л.» у него – сокращение от «Ланселота», но все равно это хороший знак.

Моника подняла голову и взглянула на миссис Спотсворт:

– Вы, наверно, находите, что мы сумасшедшие, Розалинда?

Миссис Спотсворт снисходительно улыбнулась:

– Ну что вы, милая, конечно, нет. Вы напомнили мне прошлое с мистером Бессемером. Состязания – это все, что его в жизни интересовало. Это вы скачки Дерби так живо обсуждаете?

– Да, маленькое развлечение раз в году. Много мы не ставим, не имеем на это средств. В нашем положении приходится считать пенсы.

– Неукоснительно, – подтвердил Рори. И тут же хихикнул, потому что ему в голову пришла забавная мысль. – Я подумал, – поспешил он объяснить гостю, – что надо бы мне вчера оставить у себя вашу подвеску, которую я подобрал в траве, отправиться в Лондон, заложить ее и на вырученные деньги... Что ты говоришь, старина?

Билл сглотнул:

– Ничего.

– А мне показалось, что ты что-то сказал.

– Икнул просто.

– Имеешь полное право, – отозвался Рори. – Если человек не может икнуть в своем доме, в чьем же доме ему тогда икать? Итак, возвращаясь к обсуждаемому вопросу: два фунта на Мисс Тадж-Махал. И десять шиллингов на Эскалатора, мало ли что. Пойду дам телеграмму. Однако постойте... – Он остановился у порога. – Разумно ли принимать такое ответственное решение, не посоветовавшись с Дживсом?

– При чем тут Дживс?

– Моя дорогая женушка, чего Дживс не знает про скачки, того и знать не стоит. Слышала бы ты его вчера, когда я спросил его мнение относительно основных участников первых классических скачек Англии. Он отбарабанил все клички, секунды и рекорды, ну прямо как епископ Кентерберийский.

На Монику это произвело впечатление.

– Я не знала, что он такой специалист. Таланты этого чудо-человека, похоже, не имеют пределов. Пойдем проконсультируемся у него.

Супруги вышли, и тогда Билл произнес:

– Э-эм-м-м.

Миссис Спотсворт вопросительно посмотрела на него.

– Э-э, Роза... Эта ваша подвеска, о которой говорил Рори...

– Да?

– Я вчера вечером ею любовался. В Каннах у вас ее не было, верно?

– Верно. Я тогда еще не познакомилась с мистером Спотсвортом, а это его подарок.

Билл подскочил. Худшие его опасения подтвердились.

– Подарок мистера Спотс... – задохнулся он.

Миссис Спотсворт весело рассмеялась.

– Надо же, – сказала она. – Вчера я говорила о ней с капитаном Биггаром и сказала ему, что это подарок одного из моих мужей, но не могла вспомнить которого. Ну конечно же, мистера Спотсворта. Как же это я забыла, ай-яй-яй!

Билл судорожно вздохнул:

– Вы точно помните?

– Конечно.

– Вы не получили ее от... от одного человека на охоте в качестве... ну, как бы на память?

Миссис Спотсворт посмотрела с недоумением:

– Я вас не понимаю.

– Ну, например, один человек... в благодарность за доброту... при прощании... мог сказать: «Не согласитесь ли вы принять от меня этот небольшой сувенир...» и так далее.

Миссис Спотсворт явно сочла такое предположение оскорбительным.

– Вы что, думаете, я могу принять бриллиантовую подвеску в подарок от «одного человека», как вы выразились?

– Я, собственно...

– Никогда в жизни! Мистер Спотсворт купил эту вещицу, когда мы были в Бомбее. Я отлично помню, как это было. Маленькая такая лавчонка, за прилавком толстющий китаец, и мистер Спотсворт старается объясняться по-китайски, он тогда учил китайский. Но пока он торговался с лавочником, произошло землетрясение. Не особенно крупное, но поднялась красная пыль и минут десять висела в воздухе, а когда осела, мистер Спотсворт сказал: «Уходим отсюда!» – заплатил китаюцу, сколько тот запрашивал, схватил подвеску, и мы со всех ног бросились бежать и не останавливались, пока не очутились в отеле.

Билла охватило черное отчаяние. Он тяжело поднялся с кресла.

– Может быть, вы извините меня, – проговорил он. – Мне надо срочно повидать Дживса.

– Ну так позвоните.

Билл покачал головой:

– Нет, если позволите, я, пожалуй, схожу к нему в буфетную.

Ему пришло в голову, что в буфетной у Дживса наверно найдется глоток портвейна, а глоток портвейна или другого подкрепляющего снадобья – это было как раз то, чего жаждала его измученная душа.

Рори и Моника, войдя к Дживсу в буфетную, застали ее хозяина за чтением письма. Его всегда серьезное, правильное лицо казалось сейчас еще немного серьезнее обычного, как если бы содержание письма его встревожило.

– Простите, что помешали вам, Дживс, – сказала Моника.

– Нисколько, миледи.

– Дочитывайте, пожалуйста, ваше письмо.

– Я уже прочитал его, миледи. Это послание от мистера Вустера.

– А-а, от Берти Вустера! – воскликнул Рори. – Как поживает старый бездельник? Здоров как огурчик?

– Мистер Вустер не пишет ничего в противоположном смысле, сэр.

– Прекрасно. Румянец во всю щеку, питается шпинатом? Ну и отлично. Так это или нет, – сменил тему Рори, – но мы хотели бы узнать ваше мнение по поводу шансов Мисс Тадж-Махал на сегодняшних скачках в Эпсоме. Я подумываю поставить на нее свои два фунта, если получу ваше одобрение.

– И по поводу Мука Второго, – добавила леди Кармойл. – Это мой выбор.

Дживс задумался.

– Я не вижу причины, почему бы не поставить небольшую сумму на названную вами лошадь, сэр. И вами тоже, миледи. Но не следует упускать из виду того обстоятельства, что скачки Дерби носят чрезвычайно открытый характер.

– Мне ли этого не знать!

– И поэтому было бы разумно, если хватит средств, застраховать себя от потери, поставив также на другую лошадь.

– Рори остановился на Эскалаторе. А я еще колеблюсь.

Дживс кашлянул:

– Ваше сиятельство не задумывались об ирландской лошади Баллимор?

– Бога ради, Дживс! Баллимора никто из знающих людей даже не упоминает. Нет, Баллимор не годится, Дживс. Я еще кого-нибудь пригляжу.

– Очень хорошо, миледи. Больше у вас нет ко мне вопросов?

– Есть, – ответил Рори. – Раз уж мы все тут собрались щека к щеке, как говорится, – словечко от нашего наставника по личному вопросу. Что такое говорила за обедом миссис Как-бишь-ее про то, как вы с ней ночью гуляли по крышам?

– Сэр?

– Разве вас не было в столовой во время ее рассказа?

– Нет, миледи.

– Она сказала, что нынешней ночью вы с ней сбежали тайком в разрушенную часовню.

– Ах, вот вы о чем, миледи. Мне теперь понятны слова сэра Родерика. Миссис Спотсворт действительно пожелала, чтобы я ее сопровождал этой ночью к разрушенной часовне. Она рассчитывала, как она сказала, увидеть призрак леди Агаты.

– Ну и как, увидела?

– Нет, миледи.

– А вот Билл, по ее словам, видел привидение.

– Да, миледи.

Тут Рори издал радостный возглас мыслителя, вдруг разгадавшего загадку:

– Так вот почему Билл сегодня такой кислый! Он просто испугался до полусмерти!

– Это зрелище, сэр, конечно, не могло не оказать на его сиятельство некоторого действия. Но если у вас, сэр Родерик, при виде его сиятельства возникло, как вы говорите, ощущение кислоты во рту, причина тут не столько в видении из мира духов, сколько в том, что рухнули матримониальные планы его сиятельства.

Моника жалобно пискнула:

– Неужели их помолвка расторгнута?

– Именно это я и пытался вам сообщить, миледи. Мисс Уайверн лично вручила мне обручальное кольцо для передачи лорду Рочестеру. Я позволил себе осведомиться, имеет ли этот жест определенное символическое значение, и мисс Уайверн ответила утвердительно.

– Вот те на! Бедняга Билл...

– Да, миледи.

– У меня сердце кровью обливается.

– Ваша правда, сэр Родерик.

И в это мгновение в буфетную влетел Билл. При виде сестры и зятя он с ходу остановился.

– Привет, Рори, – отдуваясь, проговорил он. – Привет, Мук. Я совсем забыл, что вы здесь.

Рори приблизился к Биллу с протянутой рукой, невооруженным глазом было видно, что он намерен выразить участие. Правой ладонью он сдвинул Биллу руку, левой стал мять ему плечо. В такие минуты человек нуждается в сочувствии, кто этого не понимает? И в такие минуты он благодарит Бога, что рядом оказался сострадательный родственник, который умеет поддержать, сказав несколько ободряющих слов.

– Мы не только здесь, старина, – произнес он, – но мы сейчас услышали от Дживса новость, от которой у нас застыла кровь в жилах. Он говорит, что девица Джил вернула тебя по месту покупки. Это правда? Вижу, что да. Ай-яй-яй, плохо-то как! Но все равно не надо унывать, приятель. Ты должен... как это говорится, Дживс?

– «Собраться с силами, напрячь сухожилья», сэр Родерик.

– Именно. Тут нужен широкий, всеохватный, масштабный взгляд на вещи. Скажем так, на данный момент ты лишился невесты, такова жестокая правда, и, естественно, ты склонен разодраться на себе одежды и посыпать голову пеплом. Но теперь взгляни под другим углом, старичок. Вспомни, что сказал Шекспир: «Женщина ведь – всего только женщина, а сигару можно курить».

Дживс поморщился:

– Киплинг, сэр Родерик.

– Или вот тебе еще одна глубокая истина, не знаю, кто автор. Ночью все кошки серы.

Моника, которая слушала все это с крепко сжатыми губами и со странным блеском в глазах, не выдержала и проговорила:

– Великолепно. Что дальше?

Рори перестал разминать плечо Билла и вместо этого похлопал по нему ладонью.

– Ты испытал удар, – продолжил он свои рассуждения, – и едва устоял на ногах, что вполне объяснимо. Ты чувствуешь, что утратил нечто драгоценное, и в некотором смысле можно сказать, что так оно и есть, поскольку Джил – славная девушка, спору нет. Но когда собираются тучи, ищи серебряную изнанку, как, бывало, пел я в ванне и как ты, несомненно,

пел тоже. Не забывай, что ты теперь снова выставлен на продажу. Лично я считаю, что тебе в этой истории выпала большая удача. Счастливы живут на этом свете только холостяки, мой друг. В вопросах любви есть немало соображений в пользу блюд а la carte по сравнению с кормежкой в режиме table d'hote.

– Дживс, – произнесла Моника.

– Да, миледи?

– Как звали ту женщину, которая загнала кол в голову своему мужу? Где-то в Библии про это рассказывается.

– Вероятно, ваше сиятельство имеете в виду историю Иаили. Но она и тот джентльмен, которому она загнала кол в голову, не были женаты, они были просто добрыми друзьями.

– Тем не менее ее решение представляется вполне здравым.

– Так и считалось в кругу ее знакомых, миледи.

– У вас тут не найдется небольшого кола, Дживс? Нет? Придется поискать в скобяной лавке. Прощай, Табльдот.

Моника вышла. Рори озабоченно посмотрел ей вслед. Он соображал не слишком быстро, но сейчас ему показалось, что тут что-то не так.

– Как вам кажется, Дживс? По-моему, она разозлилась.

– У меня тоже создалось такое впечатление, сэр Родерик.

– Вот черт! Я же говорил все это про холостяков, чтобы подбодрить тебя, Билл. Дживс, где можно достать цветов? Только не говорите, что в цветочном магазине, потому что я не могу поехать в город, это выше моих сил. В саду не найдется цветов?

– В немалом количестве, сэр Родерик.

– Пойду нарву ей букет. Запомни на тот случай, если все-таки когда-нибудь женишься, Билл, хотя пока что на это не похоже: когда слабый пол приходит в негодование, букет цветов – это то, что всегда вернет тебе их доброе расположение.

Дверь за ним закрылась. Дживс повернулся к Биллу.

– Ваше сиятельство желали со мной о чем-то говорить? – вежливо осведомился он.

Билл провел ладонью по разгоряченному лбу.

– Дживс, – простонал он, – я просто не знаю, с чего начать. У вас нет при себе аспирина?

– Конечно, есть, милорд. Я сам только что принимал.

Он достал жестяную коробочку и протянул Биллу.

– Спасибо, Дживс. Можете закрыть, но не щелкайте громко.

– Не буду, милорд.

– А теперь я вам все расскажу.

И он поведал свою горестную историю, а Дживс слушал участливо и внимательно. Так что Биллу не было нужды спрашивать по заключении рассказа, уловил ли он суть. Из того, каким тоном он произнес: «Крайне неприятно, милорд», было очевидно, что уловил. Дживс всегда ее улавливал.

– Если кто-нибудь когда-нибудь в жизни попадал в переплет, так это я, и именно сейчас, – сказал Билл, подводя итог. – Меня обвели вокруг пальца, заманили в ловушку и заставили действовать в чужих интересах. А я сдуру на все, как это они выражаются, купился. Этот чертов Биггар наплел мне ерунды, я как осел поверил. И похитил подвеску, приняв все за чистую монету: она-де на самом деле принадлежит ему, и он-де хочет только позаимствовать ее на время. А он преспокойно укатил с нею в Лондон, и я думаю, что едва

ли мы его еще увидим. А вы?

– Да, я тоже думаю, что вряд ли, милорд.

– Сугубо маловероятно?

– Вот именно, милорд. Похоже, что так.

– Вы не могли бы дать мне пинка в зад, Дживс?

– Нет, милорд.

– Я пытался сам себе дать пинка, но это возможно, только если ты акробат. Все эти рассказы про Шанхай и бродягу... Нам бы следовало сразу понять, что он врет.

– Да, следовало, милорд.

– Вероятно, когда у человека такая красная физиономия, ему как-то веришь.

– Возможно, милорд.

– И глаза такие ясные, голубые. Ну, словом, так, – вздохнул Билл. – Красное лицо ли тут виновато или голубые глаза, не знаю, но факт таков, что под действием всей цветовой гаммы я позволил себя надуть, оказался орудием в чужих руках и похитил драгоценную подвеску, а черный негодяй Биггар цапнул ее и удрал в Лондон, только его и видели; мне же теперь светит продолжительный срок за решеткой... если только...

– Если что, милорд?

– Я хотел сказать, если только вы ничего не предложите. Но это глупо. – Билл горестно усмехнулся. – Что тут можно предложить?

– Я могу, милорд.

Билл вытаращил глаза:

– Вы ведь не станете надо мной шутить в такое время, Дживс?

– Ни в коем случае, милорд.

– У вас вправду есть спасательный круг, чтобы бросить мне, прежде чем темница поглотит меня?

– Есть, милорд. Во-первых, я хотел бы заметить вашему сиятельству, что подозревать вас в хищении принадлежащей миссис Спотсворт драгоценности нет, в сущности, никаких оснований. Вещь исчезла. Исчез и капитан Биггар. Власти сопоставят эти факты, милорд, и автоматически припишут честь преступления ему.

– Гм, в этом что-то есть.

– Ни о чем другом они просто не могут подумать.

Билл немного приободрился. Но лишь совсем чуть-чуть.

– Да, это, конечно, хорошо, я согласен, но мне-то от этого не легче. Вы упустили тут кое-что, Дживс.

– Что именно, милорд?

– Честь Рочестеров. Вот в чем заковыка. Я не смогу прожить остаток жизни с сознанием, что под моей собственной крышей – пусть она и течет, но все же это моя крыша – я стянул ценную подвеску у гостыи, по уши накормленной моим хлебом и моей солью. Как мне возместить ей потерю? Вот над чем надо поломать мозги.

– Я как раз собирался коснуться этой темы, милорд. Если помните, я, говоря о том, что подозрение падет на капитана Биггара, употребил выражение «во-первых»? Во-вторых же я хотел прибавить, что возместить даме эту утрату легко можно будет посредством анонимной высылки по ее адресу соответствующей суммы, если даму удастся склонить к покупке Рочестер-Эбби.

– Боже мой, Дживс!

– Да, милорд?

– Я употребил это междометие в том смысле, – пояснил Билл срывающимся от волнения голосом, – что в суматохе последних событий совершенно забыл про продажу дома. Ну конечно же! Тогда бы все уладилось, верно?

– Несомненно, милорд. Даже по самой низкой цене ваше сиятельство все же получите при продаже дома достаточно, чтобы...

– Чтобы расплатиться по долгам!

– Совершенно верно, милорд. Могу прибавить, что ночью, идя к разрушенной часовне, миссис Спотсворт очень восторженно отзывалась о великолепии Рочестер-Эбби и так же сердечно говорила о нем и на обратном пути. В целом, милорд, я бы сказал, что перспективы вполне благоприятны, и позволю себе дать вам совет отправиться в библиотеку и подыскать примеры того, как надо расхваливать предлагаемые на продажу усадьбы. Вы их найдете, перелистав раздел объявлений в журнале «Загородная жизнь», где рекламируются, как, вероятно, известно вашему сиятельству, практически все загородные дома Англии, которые отказался взять на содержание Фонд охраны памятников. Язык на редкость убедительный.

– Да, я знаю, о чем вы. «Эти царственные владения с их аллеями исторических дубов, и журчащими потоками, в которых плещутся форель и линь, и потрясающими видами в обрамлении ветвей цветущего кустарника...» Пойду подзубрю.

– Не поможет ли в этом вашему сиятельству, если я принесу в библиотеку небольшую бутылку шампанского?

– Вы успеваете подумать обо всем, Дживс.

– Ваше сиятельство очень добры.

– Пинты будет довольно.

– Я тоже так думаю, милорд, в охлажденном виде, понятно.

А несколько минут спустя, когда Дживс с маленьким подносом в руке пересекал гостиную, из сада через стеклянную дверь вошла Джил.

Характерная черта женщин как класса, притом делающая честь их чувствительным сердцам, состоит в том, что их всех, кроме разве так называемых гангстерских марух, идея физической расправы решительно отталкивает. Пусть умерла любовь, им все же не радостно думать, что вот уж, бывший нареченный теперь получит пару горячих охотничьим хлыстом в бывалых руках пожилого, но еще мускулистого начальника полиции графства. И когда они слышат от этого начальника о планируемой операции такого рода, они инстинктивно устремляются в дом предполагаемой жертвы, дабы описать положение вещей и предостеречь от угрожающей опасности. Именно с этой целью явилась Джил в Рочестер-Эбби, а так как с бывшим женихом она больше не разговаривала, было непонятно, каким образом сообщить ему принесенную весть. Встреча с Дживсом разрешила эту трудность. Объяснить Дживсу в нескольких словах, о чем речь, намекнуть, чтобы Билл сидел и не высовывался, покуда старый джентльмен не покинет его жилище, – и можно со спокойным сердцем возвращаться домой в сознании исполненного долга и сделанного неприятного дела.

– Здравствуйте, Дживс, – проговорила она.

Дживс обернулся и посмотрел на нее благосклонно и почтительно.

– Добрый день, мисс. Вы найдете его сиятельство в библиотеке.

Джил гордо вскинула голову. И вытянулась во весь рост, сколько в ней его было.

– Нет, не найду, – ответила она тоном прямо из холодильника, – потому что я туда вовсе и не собираюсь идти. У меня нет намерения говорить с лордом Рочестером. Я только хочу ему кое-что с вами передать.

– Очень хорошо, мисс.

– Скажите ему, что папа идет сюда, он собирается попросить у него хлыст, чтобы отхлестать его.

– Не понял, мисс?

– Все очень просто, разве нет? Вы ведь знаете моего отца?

– Да, мисс.

– И что такое хлыст, тоже знаете?

– Да, мисс.

– Вот и передайте лорду Рочестеру, что эта комбинация направляется к нему.

– А если его сиятельство поинтересуется, чем вызвано недовольство полковника Уайверна?

– Можете объяснить, что я ему рассказала про события минувшей ночи. Или, вернее, сегодняшнего утра. В два часа пополудни, если быть абсолютно точными. Он поймет.

– В два часа пополудни, мисс? Как раз в то время, когда я сопровождал миссис Спотсворт к разрушенной часовне. Мадам выразила желание пообщаться с духом леди Агаты, это супруга сэра Карадока Крестоносца, который покрыл себя славой в битве под Яффой, если не ошибаюсь. Считается, что она бродит там в ночные часы.

Джил рухнула в кресло. Внезапно ожившая надежда, хлынув в щели ее разбитого сердца, встряхнула ее от носа до кормы, и все кости в ее теле размякли.

– Что... что вы сказали?

Дживс был человек добросердечный. И не только добросердечный, но еще умеющий в

случае надобности молниеносно откупорить бутылку шампанского. Прямо как сэр Филип Сидней, уступивший когда-то фляжку с водой раненому солдату, Дживс выдернул пробку из бутылки, которую нес: нужда Джил, на его взгляд, была настоятельнее нужды Билла.

– Позвольте мне, мисс.

Джил с благодарностью осушила бокал. Глаза ее расширились, на лице вновь появился румянец.

– Дживс, это вопрос жизни и смерти, – произнесла она. – Минувшей ночью в два часа пополудни я видела, как лорд Рочестер выходил из комнаты миссис Спотсворт, он был в кошмарной лиловой пижаме. Вы говорите, что миссис Спотсворт в это время там не было?

– Совершенно верно, мисс. Она была со мной в разрушенной часовне и рассказывала мне увлекательные истории про новейшие исследования, проведенные Паранормальным обществом.

– Что же тогда лорд Рочестер делал в ее комнате?

– Похищал ее подвеску, мисс.

К несчастью, когда Дживс произнес эти слова, Джил как раз отпила глоток шампанского – и поэтому поперхнулась. А так как ее собеседник счел бы недопустимой вольностью шлепнуть ее по спине, ей пришлось довольно долго откашливаться, прежде чем она снова смогла говорить.

– Похищал подвеску миссис Спотсворт?

– Да, мисс. Это длинная и довольно запутанная история, но если вы желаете, чтобы я пересказал вам ее вкратце, останавливаясь лишь на основных моментах, буду рад это сделать. Вам интересно было бы узнать истинное положение дел его сиятельства, завершившихся, как я уже упомянул, присвоением принадлежащей миссис Спотсворт драгоценности?

– Да, Дживс, – еще не отдышавшись, еле выговорила Джил.

– Очень хорошо, мисс. В таком случае я должен повести речь о том, «кто любил без меры и благоразумья, И, в жизни слез не ведав, льет их, Как целебную смолу роняют аравийские деревья».

– Дживс!

– Да, мисс?

– Что вы такое городите?

Дживс обиделся.

– Я пытался объяснить, что в народные букмекеры его сиятельство пошел исключительно из любви к вам.

– В букмекеры?

– Обручившись с вами, мисс, его сиятельство решил – и вполне справедливо, на мой взгляд, – что для содержания жены ему потребуется доход существенно более высокий, чем он располагал до этого. Перебрав и взвесив преимущества ряда других профессий, он избрал карьеру букмекера для общедоступных трибун и принял фирменное название «Честный Паркинс». Я исполнял при нем должность помощника. Мы оба носили накладные усы.

Джил открыла было рот, но, видимо, почувствовав, что слова тут бессильны, снова закрыла.

– Первое время предприятие приносило вполне неплохую прибыль. В Донкастере удача нам настолько улыбнулась, что за три дня мы сколотили сумму в четыреста двадцать фунтов и в самом оптимистическом настроении отправились в Эпсом на Дубки. Однако там его

сиятельство поджидала катастрофа. Дело не в отливе и приливе, эта метафора была бы здесь неточна. На его сиятельство обрушилась одна гигантская волна цунами, иначе говоря, капитан Биггар, мисс. Он выиграл у его сиятельства двойной, поставив пять фунтов на Люси Глиттерс при ста к шести и весь выигрыш – на Мамашу Уистлера по стартовой ставке.

– И какая была стартовая ставка? – еле слышно спросила Джил.

– К великому моему прискорбию, тридцать три к одному, мисс. А поскольку он сгоряча не согласился своевременно расторгнуть пари, в результате этого обвала его сиятельство оказался должен капитану Биггару свыше трех тысяч фунтов, и никаких средств, чтобы расплатиться по этому обязательству.

– Бог мой!

– Да, мисс. Его сиятельство вынужден был броситься в довольно поспешное бегство с ипподрома, преследуемый капитаном Биггаром, который ехал за нами и кричал: «Жулики!» Мы все же сумели оторваться от него где-то милях в десяти от Рочестер-Эбби и уже надеялись, что все благополучно кончилось и в памяти капитана Биггара его сиятельство навсегда останется смутной безымянной фигурой в моржовых усах. Однако судьба распорядилась иначе, мисс. Капитан, идя по следу, настиг его сиятельство здесь, разоблачил его инкогнито и потребовал, чтобы с ним немедленно рассчитались.

– Но у Билла ведь денег нет.

– Вот именно, мисс. Его сиятельство сослался на это обстоятельство. И тогда капитан Биггар предложил, чтобы его сиятельство завладел подвеской миссис Спотсворт, а когда его сиятельство хотел отказаться, убедил его, заявив, что несколько лет назад сам лично преподнес это украшение миссис Спотсворт и потому имеет моральное право позаимствовать его. Эта версия теперь, по здравом размышлении, представляется маловероятной, но тогда мы ему поверили, и его сиятельство, клявшийся, что ни за что не согласится, согласился. Я понятно излагаю, мисс?

– Вполне. Вам не мешает, что у меня голова кружится?

– Нисколько, мисс. Затем встал вопрос, каким образом это осуществить, и в конце концов было решено, что я уведу миссис Спотсворт из ее комнаты, сообщив ей, что в разрушенной часовне видели леди Агату, а его сиятельство в ее отсутствие завладеет подвеской. Хитрость удалась. Драгоценность вручили капитану Биггару, и он увез ее в Лондон с тем, чтобы заложить и деньги поставить на ирландского скакуна Баллимора, шансы которого он оценивал очень высоко. Что же до лиловой пижамы его сиятельства, о которой вы отозвались с таким неодобрением, то я надеюсь убедить его сиятельство, что спокойный голубой или фисташково-зеленый...

Но Джил к вопросу о рочестеровских пижамах и планируемых мерах по искоренению их лиловости осталась равнодушна. Она колотила кулаком в дверь библиотеки.

– Билл! Билл! – кричала она при этом, как женщина, призывающая своего демона-возлюбленного.

Билл при звуках этого голоса выскочил из дверей библиотеки, как пробка из бутылки, которую откупорил Дживс.

– О, Билл!.. – воскликнула Джил, бросаясь к нему в объятия. – Дживс мне все рассказал!

Билл поверх ее головы, покоящейся у него на груди, бросил на Дживса опасливый взгляд:

– В каком смысле все? То есть все-все?

– Все, милорд. Я счел, что так будет лучше.

– Теперь мне известно и про Честного Паркинса, и про твои усы, и про капитана Биггара, и про Мамашу Уистлера, и про миссис Спотсворт, и про подвеску, – говорила Джил, ласково прижавшись к его груди.

Что девушка, которой известно все, ласково прижимается к его груди, показалось Биллу настолько невероятным, что он вынужден был отпустить ее на минутку, отойти к столу и отпить немного шампанского.

– То есть ты в самом деле не шарахаешься от меня в ужасе? – спросил он, возвратившись и снова заключив ее в объятия.

– Конечно, нет. Разве похоже, чтобы я шарахалась от тебя в ужасе?

– Похоже что нет, – прикинув, заключил Билл. И поцеловал ее в губы, в лоб, в оба уха и в макушку. – Но беда в том, что у тебя есть все основания шарахнуться от меня в ужасе, потому что, убей меня, я не представляю себе, как мы теперь можем пожениться. Я совершенно нищ и еще должен буду как-то наскрести целое состояние, чтобы вернуть миссис Спотсворт деньги за пропавший бриллиант. *Noblesse oblige*, ты же понимаешь. Так что если она теперь не купит у меня дом...

– Конечно, она купит у тебя дом.

– Ты думаешь? Ну, не знаю. Во всяком случае, я приложу все мыслимые усилия. Кстати, куда она подевалась, черт подери? Когда я проходил в библиотеку, она была тут. Надо ее немедленно отыскать, а то у меня полна голова всяких словечек и оборотов из объявлений и, если она сейчас не окажется под рукой, все выветрится.

– Прошу прощения, милорд, – произнес Дживс, который во время их объяснения тактично отошел к двери в сад. – Миссис Спотсворт и леди Кармойл в данную минуту направляются сюда через лужайку.

Он с поклоном отступил от двери, пропуская миссис Спотсворт и следующую за ней Монику.

– Джил! – удивленно воскликнула Моника, останавливаясь на пороге. – Боже праведный!..

– Не пугайся, пожалуйста, – отозвалась Джил. – Все переменялось. Мир, мир навсегда.

– Ну и отлично. Мы сейчас ходили с Розалиндой, я показывала ей твои владения...

– ...их аллеи, обсаженные историческими дубами, и весело журчащие ручьи, где плещутся форели и лини, и живописные виды в обрамлении цветущих кустов... И как вам, понравилось?

Миссис Спотсворт в экстазе всплеснула руками и закрыла глаза.

– Чудно! Восхитительно! – пролепетала она. – Я просто не понимаю, как вы можете со всем этим расстаться, Билликен!

Билл сглотнул:

– А я должен буду с этим расстаться?

– Безусловно, – ответила миссис Спотсворт категорическим тоном. – Для меня, во всяком случае, все решено. Это замок моей мечты. Сколько вы за все хотите в общей сложности?

– Я как-то не ожидал...

– Такая уж я. Терпеть не могу всякие проволочки и недомолвки. Если вещь мне нравится, я так и говорю и тут же выписываю чек. Вот давайте как решим. Я даю вам задаток, скажем две тысячи, а позже договоримся об окончательной цене.

– А можно три тысячи?

– Пожалуйста. – Миссис Спотсворт отвернула колпачок с авторучки, но, отвернув, остановилась. – Одну вещь я хотела бы уточнить, прежде чем подписаться над пунктирной линией. Этот дом не сырой?

– Да что вы! – заверила ее Моника. – Конечно, нет.

– Вы уверены?

– Здесь сухо, как в пустыне.

– Ну тогда прекрасно. Сырость – это смерть моя. Ишиас и люмбаго, можете себе представить?

В это мгновение с террасы вошел Рори, несущий охапку роз.

– Бутоньерочка для тебя, Мук, с комплиментами от Р. Кармойла, -провозгласил он, суя ей в руки роскошный букет. – А знаешь, Билл, собирается дождь.

– Ну и что?

– Как «ну и что»? Мой добрый, старый друг, ты разве не знаешь, что делается в этом доме во время дождя? Вода сочится сквозь крышу, вода проступает сквозь стены, вода, вода, кругом вода. Я только хотел тебе напомнить, как заботливый бойскаут, чтобы ты не забыл поставить ведра вверху, под чердачным окном. Ужасная сырость в этом доме, – продолжал Рори, дружески и доверительно обращаясь к миссис Спотсворт. – Река рядом, знаете ли. Я часто говорю, что тут в саду протекает река, а в доме...

– Прошу прощения, миледи, – прервала его горничная Эллен, появившаяся на пороге. – Могу я обратиться к миссис Спотсворт?

Миссис Спотсворт, с вечным пером в руке в ужасе внимавшая сэру Родерику, обернулась:

– Да?

– Мадам, – объявила Эллен, – украли вашу подвеску.

Эта девушка не отличалась умением тактично преподносить дурные вести.

Эллен с удовольствием ощутила себя в центре всеобщего внимания. На нее устремились все глаза, и многие из них были вытаращены. В особенности глаза хозяина, они, казалось, вот-вот выскочат из орбит.

– Да, – повторила Эллен в гораздо более четкой манере, чем невоспитанные Булстроуд-Трелони. – Я выложила для вас одежду на вечер и говорю себе: наверно, вы захотите опять надеть ту подвеску – и осмелилась открыть футляр, а подвески в нем нет. Ее украли.

Миссис Спотсворт заволновалась. Вещица, о которой шла речь, вообще-то была не особенно дорогой, рыночная цена ей, как объяснила миссис Спотсворт капитану Биггару, всего каких-нибудь тысяч десять, не больше, но – об этом она также говорила капитану Биггару – эта вещица была ей дорога как память. Мадам уже собралась было высказать все это вслух, но вмешался Билл.

– Что значит – украли? – возмутился он. – Вы, наверно, плохо искали.

– Нету ее, милорд, – возразила Эллен почтительно, но твердо.

– Вы могли ее обронить где-нибудь, миссис Спотсворт, – предположила Джил. – Замочек был не слабый?

– Ах да, действительно, – подтвердила миссис Спотсворт. – Замочек у нее был слабый. Но я точно помню, что вечером положила ее в футляр.

– Сейчас ее там нет, мадам, – повторила Эллен в который раз.

– Пойдемте все и поищем хорошенько, – предложила Моника.

– Пойти, конечно, можно, – сказала миссис Спотсворт. – Но боюсь... Я очень боюсь, что...

Она вышла вслед за Эллен. Моника, задержавшись на пороге, бросила разъяренный взгляд на мужа.

– Значит, Билл, – досадливо проговорила она, – продать дом не удастся. Если бы не этот болтун со своими остроумными замечаниями насчет воды и ведер, чек сейчас был бы уже у тебя в кармане. – И в сердцах удалилась.

Рори вопросительно посмотрел на Билла.

– Слушай, я, кажется, опять что-то сморозил?

Билл рассмеялся лающим смехом:

– Если ходить за тобой след в след в течение месяца, можно заморозить всю Африку.

– А насчет подвески? Может, я могу чем-нибудь помочь?

– Только тем, что не будешь больше вмешиваться.

– Давай я съезжу потихоньку на машине и привезу кого-нибудь из местной полиции.

– Сказано тебе: только не вмешивайся. – Билл взглянул на часы. – Через несколько минут начинается Дерби. Ступай в библиотеку и включи телевизор.

– Слушаюсь. Но если понадобится, свистни мне.

Он скрылся за дверью библиотеки, а Билл разыскал глазами Дживса, скромно делавшего вид, будто его здесь нет. У Дживса, как у всех первоклассных слуг, был дар в минуты домашнего кризиса становиться как бы невидимым. Сейчас он стоял в дальнем конце гостиной и изображал из себя статую дворцового.

– Дживс!

– Да, милорд? – откликнулся Дживс, оживая, словно Галатее мужского пола.

– Какие будут предложения?

– Полезных пока никаких, милорд. Но только что мне пришла в голову одна мысль, которая позволяет взглянуть на положение с более светлой стороны. Несколько ранее мы говорили о капитане Биггаре как о джентльмене, навеки исчезнувшем с нашего горизонта. Но может быть, в случае победы Баллимора капитан, оказавшись при изрядных деньгах, осуществит свой первоначальный план и возвратит подвеску, сделав вид, будто нашел ее где-нибудь в саду?

Билл прикусил губу:

– Вы думаете, это возможно?

– Это был бы разумный поступок, милорд. Подозрение, как я уже говорил, неизбежно падет на него, и, не возвратив драгоценность хозяйке, он попадет в малоприятное положение лица, разыскиваемого полицией, которого в любую минуту могут арестовать и привлечь к суду. Я убежден, что, если Баллимор придет первым, мы еще увидим капитана Биггара.

– Это только если он придет первым.

– Именно, милорд.

– Надо же, чтобы все будущее человека зависело от лошади.

– Таково положение вещей, милорд.

– Я сейчас начну молиться за победу Баллимора! – горячо воскликнула Джил.

– Да, пойдди помолись, чтобы Баллимор бежал так резво, как никогда, – подхватил

Билл. – Молись что есть мочи. Молись во всех углах. Молись...

Возвратились Моника и миссис Спотсворт.

– Да, – сказала Моника. – Подвески нет. Это точно. Я позвонила в полицию.

Билл пошатнулся:

– Что?

– Да. Розалинда не хотела, чтобы я звонила, но я настояла. Я сказала, что ты ни за что не допустишь, чтобы не было сделано все возможное для поимки вора.

– А ты... уверена, что подвеска украдена?

– Это единственное объяснение.

Миссис Спотсворт вздохнула:

– Ах, как обидно! Из-за меня такие неприятности.

– Вздор, Розалинда. Билл вовсе не против. Он хочет только одного: чтобы преступника изловили и засадили за решетку. Верно ведь, Билл?

– Еще бы! – отозвался Билл.

– И чтоб ему дали солидный, долгий срок. Будем надеяться.

– Не надо быть такими жестокими.

– Вы совершенно правы, – согласилась миссис Спотсворт. – Не месть, но правосудие.

– Одно, во всяком случае, ясно, – сказала Моника. – Это работа кого-то из своих.

Билл переступил с ноги на ногу:

– Ты так думаешь?

– Да. И я даже более или менее представляю себе, кто именно мог это сделать.

– Кто?

– Один человек, который сегодня с утра ужасно нервничал.

– Было такое?

– У которого чашка и блюдце дребезжали, как кастаньеты.

– Когда же это?

– За завтраком. Хотите, чтобы я назвала имя?

– Назови.

– Капитан Биггар!

Миссис Спотсворт встрепенулась:

– Что-о?

– Вы не приходили завтракать, Розалинда, иначе, я не сомневаюсь, вы бы тоже заметили. Он так нервничал, что видно было с закрытыми глазами.

– Ах, нет, нет! Капитан Биггар? В это я не могу поверить и не поверю. Если бы виноват был капитан Биггар, я бы потеряла веру в человека, а это удар пострашнее, чем потеря подвески.

– Подвеска пропала, и капитан Биггар пропал. Одно с другим сходится, вам не кажется? Ну да ладно, – сказала Моника, – мы скоро все узнаем.

– Почему ты в этом так уверена?

– Из-за футляра, естественно. Полицейские заберут его и исследуют отпечатки пальцев. Господи, что с тобой, Билл?

– Ничего, – ответил Билл, который подпрыгнул при этих словах на добрых восемнадцать дюймов, но не считал нужным объяснять, что за ужасная мысль посетила его, вдохновив на такое антраша. – Э-э, Дживс!

– Да, милорд?

– Леди Кармойл говорила о футляре для драгоценностей, имеющемся у миссис Спотсворт.

– Да, милорд?

– Леди Кармойл высказала интересное предположение, что подлый негодяй мог по забывчивости произвести кражу без перчаток, а в этом случае вся коробка будет покрыта отпечатками его пальцев. Удачно было бы, верно?

– Чрезвычайно удачно, милорд.

– То-то он теперь, наверно, проклиняет себя за такую глупость.

– Да, милорд.

– И за то, что не сообразил обтереть коробочку.

– Да, милорд.

– Сходите, пожалуй, и принесите ее сюда, чтобы была наготове, когда прибудет полиция.

– Очень хорошо, милорд.

– Только держите аккуратно, за края, не повредите отпечатки.

– Буду очень осторожен, милорд, – пообещал Дживс и вышел, и почти одновременно с террасы через стеклянную дверь вошел полковник Уайверн.

В ту минуту, когда он входил, Джил, понимая, что в состоянии крайнего волнения мужчина особенно нуждается в женском участии, обвив руками шею Билла, нежно его поцеловала, при виде чего полковник в недоумении остановился как вкопанный. Положение осложнилось. В данных обстоятельствах непонятно, как навести разговор на тему о хлысте.

– Гхм-ха, – произнес он.

Моника с изумлением обернулась к нему.

– Вот это да! Какая быстрота! – восхитилась она. – Я позвонила всего пять минут назад.

– Как вы сказали?

– Вот и ты, папа, – проговорила Джил. – Мы как раз тебя ждем. Ты привез собак-ищеек и увеличительные стекла?

– Что ты такое говоришь, не понимаю?

Моника растерялась.

– Разве вы прибыли не по моему телефонному звонку, полковник?

– Все говорят про какой-то телефонный звонок. Какой такой телефонный звонок? Я пришел к лорду Рочестеру по личному делу. При чем тут телефонный звонок?

– У миссис Спотсворт украдена бриллиантовая подвеска, папа.

– Что-что?

– Позвольте вас познакомить, – спохватилась Моника. – Вот это миссис Спотсворт. Полковник Уайверн, Розалинда, наш начальник полиции.

– Очень приятно, – произнес полковник Уайверн с галантным поклоном и тут же вновь превратился в пронизательного и беспощадного начальника полиции. – Так, значит, у вас украдена бриллиантовая подвеска? Нехорошо, ай-яй-яй, как плохо. – Он вытащил из кармана блокнот и карандаш. – Кем-то из домашних, насколько я понимаю?

– Да, мы тоже так думаем.

– В таком случае мне понадобится список всех находящихся в этом доме.

Вперед выступила Джил и протянула ему обе руки.

– Уайверн Джил, – объявила она. – Надевайте наручники, шеф. Я не окажу сопротивления.

– Не валяй дурака, – отмахнулся полковник Уайверн.

Что-то толкнулось в нижнюю филенку двери. Возможно, что нога. Билл распахнул дверь – на пороге стоял Дживс. Бережно, за уголки, он держал обернутый носовым платком футлярчик.

– Благодарю вас, милорд, – произнес он. И, подойдя к столику, аккуратно поставил на него свою ношу.

– Вот в этом футляре лежала подвеска, – пояснила миссис Спотсворт.

– Прекрасно, – кивнул полковник Уайверн и одобрительно взглянул на Дживса. – Рад, что вы так ответственно обходитесь с этим предметом, приятель.

– Ну, на Дживса-то можно положиться, – сказал Билл.

– А теперь, – распорядился полковник, – займемся присутствующими.

Он еще не договорил, когда распахнулась дверь библиотеки и оттуда выбежал Рори с выражением крайнего ужаса на лице.

– Знаете, что случилось? – провозгласил Рори. – Беда!

– Еще одна? – простонала Моника, хватаясь за голову.

– Совершеннейшее, полнейшее несчастье. Забег уже начинается, а...

– Рори, у нас начальник полиции.

– ...а телевизор отключился! Похоже, я сам виноват: хотел его получше настроить и, по-видимому, покрутил не ту штуковину.

– Рори, познакомься, это полковник Уайверн, начальник полиции.

– Как поживаете, начальник? Вы разбираетесь в телевидении?

Полковник гневно вытянулся:

– Отнюдь!

– Не сможете починить телевизор? Хотя все равно уже поздно. Забег кончится. Может быть, радио?

– Приемник в углу, сэр Родерик, – сообщил Дживс.

– О, слава Богу! – воскликнул Рори, со всех ног бросаясь в угол. – Дживс, идите сюда. Вы мне поможете.

– Кто этот джентльмен? – холодно осведомился полковник Уайверн.

– Какой ни есть, – извиняющимся тоном ответила Моника, – мой муж сэр Родерик Кармойл.

Со всей величавостью, какую позволял его маловнушительный рост, полковник Уайверн двинулся на Рори и обратился к тому со стороны сиденья, единственной видимой части его организма, поскольку Рори стоял пригнувшись к радиоприемнику:

– Сэр Родерик, я провожу здесь расследование.

– Но вы ведь сделаете перерыв на время трансляции?

– Будучи при исполнении обязанностей, сэр Родерик, я не допускаю никаких вмешательств со стороны. Мне нужен список...

Его требование выполнил радиоприемник:

– ...Тадж-Махал, Милый Вильям, Шиповник, Гарнитур, Мук Второй, Летун... Список впечатляющий, не правда ли? – внезапно раздалось по радио. – Вот идет Гордон Ричардс. Многие на ипподроме полагают, что сегодня для него будет счастливый день. Не вижу Бельведера... Да, вон он, поворачивает и шагом направляется к воротам... А ведь через мгновение уже должны дать старт... Жаль, но... Повернули назад еще двое. Один из них ведет себя довольно, я бы сказал, темпераментно. Похоже, это Глупый Саймон. Ах нет, это приезжий из Ирландии Баллимор.

Начальник полиции нахмурил брови:

– Право же, я настаиваю...

– Хорошо, хорошо, я сейчас приглушу, – отозвался Рори, протянул руку – и, как и следовало ожидать, звук прибавился.

– Они уже заняли позицию на старте, – заорало радио во всю глотку, точно разносчик на пляже, рекламирующий апельсины-корольки. – Все двадцать шесть участников... Старт! Они срываются с места... Баллимор остался у столба.

Джил пронзительно вскрикнула:

– Нет!

– Первым, – продолжало радио, теперь, послушное стараниям Рори, перейдя на еле слышный шепот и точно бормоча последнее слово на смертном одре, – идет Френч. – Тут голос приемника немного окреп. – Прямо за ним Мисс Тадж-Махал. Вижу Эскалатора. Хорошо идет Эскалатор. Вижу Милого Вильяма. Вон Мук Второй. Вижу... – на этом месте он снова обезголосел, и конец репортажа затерялся в каком-то мышинном писке.

Начальник полиции облегченно вздохнул:

– Уфф! Наконец-то. Итак, лорд Рочестер, перечислите, какие слуги имеются в вашем доме.

Билл не ответил. Как заводной, он двинулся к радиоприемнику, словно притягиваемый невидимой силой.

– Например, кухарка, – сказала Моника.

– Вдова, сэр, – вставил Дживс. – Мэри Джейн Пиггот.

Рори обернулся:

– Пиггот? Кто сказал: Пиггот?

– Потом горничная, – продолжала перечислять Моника, поскольку Джил тоже, как в трансе, пошла вслед за Биллом к радиоприемнику. – Зовут Эллен. Как ее фамилия, Дживс?

– Френч, миледи. Эллен Талула Френч.

– Френч, – вдруг взвыло радио, снова обретя голос, – по-прежнему возглавляет забег, за ним Мук Второй, Эскалатор, Тадж-Махал...

– А садовник? – спросил начальник полиции.

– Да нет, не Садовник, а Шиповник, – поправил его Рори.

– ...Милый Вильям, Гарнитур... Френч начинает отставать, а Мук Второй и Шиповник...

– Вот видите, – заметил Рори.

– ...набирают ход.

– Мук – это мой, – произнесла Моника и тоже двинулась к приемнику.

– Похоже, что на этот раз Гордон Ричардс действительно станет наконец победителем Дерби. Они уже спускаются под гору и обходят Тоттенхем-Корнер, впереди Мук Второй, следом за ним Гордон. Осталось три с половиной круга...

– Да, сэр, – невозмутимо подтвердил Дживс, – садовник тоже есть, пожилой человек по имени Перси Веллбелавед.

Радио вдруг пришло в страшное волнение:

– Ах, ах! Какая-то лошадь идет на обгон по внешней дорожке. Набирает скорость, точно поезд-экспресс. Не разберу, кто это...

– В самом деле, как увлекательно, а? – проговорила миссис Спотсворт и тоже перешла к той группе, что столпилась у радиоприемника.

Возле начальника полиции остался один Дживс. Полковник старательно записывал в блокнот то, что слышал.

– Это Баллимор. Лошадь на внешней дорожке – Баллимор. Он настигает Мука. Послушайте, как зрители кричат: «Давай, давай, Гордон!»

«Мук, – написал полковник Уайверн, – Гордон...»

– Давай, давай, Гордон! – крикнула Моника.

Радио бормотало невразумительно:

– Это Баллимор... Нет, Мук... Нет, Баллимор... Нет, Мук... Нет...

– Остановитесь на чем-то одном, – посоветовал Рори.

Полковник Уайверн замер с блокнотом в руке. Потом вдруг весь с головы до ног содрогнулся, выпучил глаза – и, размахивая карандашом, ринулся через комнату к радиоприемнику, крича как безумный:

– Жми, Гордон! ДАВАЙ, ДАВАЙ, ГОРДОН!

– Нажимай, Баллимор, – степенно произнес верный Дживс.

А радио совсем махнуло рукой на джентльменскую сдержанность. Словно оно «нектаром вскормлено и пьяно райским млеком».

– Фотофиниш! – голосило оно. – Фотофиниш! Первый раз за всю историю Дерби! Фотофиниш! На третьем месте Эскалатор.

Начальник полиции опомнился и пристыженный отошел обратно к Дживсу.

– Как, вы сказали, зовут садовника? Кларенс Уилберфорс?

– Перси Веллбелавед, сэр.

– Странная фамилия.

– Шропширская, насколько я знаю, сэр.

– Да? Перси Веллбелавед. И этим реестр домашних служащих исчерпывается?

– Да, сэр. Не считая меня.

От приемника отошел Рори, отирая пот со лба.

– Уф! Эта Тадж-Махал меня основательно подвела, – с горечью констатировал он. – Почему, черт возьми, в скачках никогда не удается угадать победителя, а?

– А тебе не пришло в голову поставить на Мука? – спросила Моника.

– Что? Нет. С чего бы?

– Дай Бог тебе здоровья, Родерик Кармойл.

Полковник Уайверн уже снова обрел ответственный вид.

– Я бы хотел теперь, – заявил он официальным тоном, – осмотреть место преступления.

– Я отведу вас, – вызвалась миссис Спотсворт. – Вы пойдете с нами, Моника?

– Да-да, конечно, – сказала Моника. – А вы тут кто-нибудь послушайте радио, ладно?

Интересно, что покажет фотофиниш.

– А вот эту вещь я отошлю в участок, – полковник Уайверн осторожно поднял за угол футлярчик, – и мы посмотрим, что покажет она.

Он вышел, сопровождаемый дамами, а Рори решил возвратиться в библиотеку.

– Посмотрим, вправду ли я сломал этот чертов телевизор, – рассудил он. – Я только покрутил на нем ту штуковину. – Он потянулся, зевнул. – Скучные вышли скачки. Даже если Мук Второй выиграт, моей старушке достанется всего каких-то десять фунтов.

Рори закрыл за собой дверь в библиотеку.

– Дживс, – проговорил Билл. – Мне необходимо выпить.

– Сейчас принесу, милорд.

– Нет, не надо приносить. Я зайду к вам в буфетную.

– И я тоже с тобой, – сказала Джил. – Но только надо сначала дождаться результатов.

Будем надеяться, что у Баллимора хватило ума в последнее мгновение хотя бы высунуть язык.

– Вот оно! – оглянулся Билл.

Радиоприемник ожил.

– Показание фотофиниша будет стоить несколько сотен тысяч фунтов, – негромко, как после похмелья, сказал радиоприемник, словно устыдившись прежней несдержанности. – Номер победителя появится на табло с минуты на минуту. Да, вот он...

- Баллимор – чемпион! – пискнула Джил.
- Баллимор!! – заорал Билл. – Баллимор – чемпио-о-он!!
- Баллимор – чемпион, – сдержанно произнес Дживс.

– Победил Мук Второй, – сообщило радио. – Не повезло Баллимору. Он великолепно прошел дистанцию. Если бы не заминка на старте, он бы обошел всех легкой рысцей. Его поражение спасло букмекеров от разорения. За десять минут до старта на ирландскую лошадь была поставлена солидная сумма, очевидно, одна из тех стартовых ставок, которые...

Понуро, как кладут цветы на могилу старого друга, Билл протянул руку и выключил приемник.

- Пошли отсюда, – сказал он. – По крайней мере, пока еще есть шампанское.

Миссис Спотсворт одна медленно спускалась по лестнице. Моника и полковник Уайверн еще не окончили осмотр места преступления, но они так бесцеремонно говорили при этом про капитана Биггара и откровенно клонили дело в такую сторону, что у нее возникло ощущение, будто в сердце ей вонзают дюжину ножей. Когда женщина любит всеми фибрами своей щедрой души, ей не очень-то приятно слышать, как предмет ее любви называют «краснорожим разбойником» (Моника) и «негодяем, который все равно от нас не уйдет, очень скоро его поймают и упрячут за решетку» (полковник Уайверн). Миссис Спотсворт решила посидеть на скамейке в саду и поразмышлять о том, как все могло бы быть чудесно...

Скамейка стояла в том месте, где сходились две замшелые тропинки, на самом берегу реки, которая, как известно, протекала в саду. Сзади и с боков скамейку ограждали кусты в цвету, прячущие ее от взоров, откуда бы к ней ни приближались, так что, лишь обогнув последний куст, миссис Спотсворт смогла увидеть, что ее скамейка занята. При виде же того, кто на ней сидит, она на мгновение остановилась и замерла. А затем с губ ее сорвался возглас, до такой степени похожий на крик самки зебу, призывающей самца, что капитану Биггару, погруженному в глубокое раздумье и рассеянному глядящему на улитку, показалось на минуту, будто он снова в Африке. Он вскочил, и долгое мгновение они стояли застыв и глядя друг на друга расширенными глазами, а различные пташки, а также пчелы, осы, комары и прочие насекомые, хлопчущие по соседству, продолжали преспокойно заниматься каждый своим делом, словно ничего особенного не происходит. В особенности спокойно вела себя улитка.

Но миссис Спотсворт ее бесстрастности не разделяла. Душа в ней всколыхнулась до самой глубины.

– Вы! – воскликнула миссис Спотсворт. – О, я знала, что вы придете. Они говорили, что нет, но я знала.

Капитан Биггар опустил голову. Он был раздавлен, уничтожен. Любой носорог, попадись капитан Биггар ему сейчас на глаза, наверняка ощутил бы прилив отваги и не дрогнув бросился бы на него, уверенный, что тут его ждет легкая победа.

– Я не смог, – тихо произнес капитан Биггар. – Я подумал о вас и о ребятах в клубе – и не смог.

– В клубе?

– В Англо-Малайском клубе, что в Куала-Лумпуре, где народ порядочный и честность разумеется сама собой. Да, я о них подумал. Подумал о Толстом Фробишере. Смогу ли я после этого смотреть ему в его единственный зрячий глаз? И еще я подумал: ведь вы мне доверились, потому что... потому что я англичанин. И я сказал самому себе: Катберт Биггарт, ты не только Англо-Малайский клуб, Фробишера с Субадаром, и Доктора, и Скиффи – ты подвел всю Британскую империю.

У миссис Спотсворт перехватило дыхание.

– Значит, это вы взяли?

Капитан вздернул подбородок и расправил плечи. Теперь, когда он выговорил эти мужественные слова, он снова стал почти совсем самим собой, так что теперь носорог, взглянув на него, сразу бы раздумал с ним связываться и вспомнил бы, что у него срочное

свидание в другом месте.

– Я взял, но привез обратно, – ответил он твердым, звучным голосом. – Я думал позаимствовать эту вещь только на один день, в качестве залога. Но я не смог. Возможно, она принесла бы мне богатство, но я не смог.

Миссис Спотсворт склонила голову.

– Наденьте ее мне на шею, Катберт, – прошептала она.

Капитан Биггар в недоумении смотрел на ее затылок.

– Вы... не против? Вам не противно мое прикосновение?

– Наденьте ее мне на шею, – повторила миссис Спотсворт.

Капитан Биггар благоговейно надел подвеску ей на шею. После чего воцарилось молчание.

– Да, – повторил капитан Биггар спустя минуту или две, – я мог бы разбогатеть на этом, а хотите знать, зачем мне было нужно богатство? Я не такой человек, который ценит деньги, не думайте обо мне так плохо. Спросите любого на Востоке, и вам всякий скажет: «Дайте бване Биггару его охотничье ружье и бифштекс из антилопины после дня трудов праведных и предоставьте ему свободу дышать чистым Божьим воздухом и обращаться лицом навстречу солнцу Господню, а больше ему ничего не надо». Но у меня возникла острая необходимость обзавестись капиталом, чтобы я почувствовал себя вправе признаться в любви. Розы... Я слышал, что вас так называют, и тоже хочу так вас называть... Розы, я люблю вас. Я полюбил вас при первом же знакомстве в Кении, когда вы вышли из автомобиля, а я сказал: «Добро пожаловать, мемсагиб!» Все прошедшие годы я мечтал о вас, и вчера на этой самой скамейке я едва удержался, чтобы не излить вам душу. Но теперь это уже неважно. Теперь я не обязан хранить молчание, так как мы расстаемся навсегда. Скоро я уйду закату навстречу... один как перст.

Он смолк. Но тут заговорила миссис Спотсворт.

– Никакому закату навстречу вы не пойдете один как перст, – твердо возразила она. – Что за глупости! С чего это вы вздумали уходить один как перст навстречу каким-то закатам?

Капитан Биггар улыбнулся печальной полуулыбкой:

– Это не я вздумал уходить закату навстречу один как перст, милая леди. Таков кодекс. Кодекс гласит, что бедный мужчина не вправе просить руки богатой женщины, ибо, поступив так, он бы утратил самоуважение и уже не играл бы прямой клюшкой.

– В жизни не слышала подобной глупости. Кто, интересно, первый затеял всю эту ерунду?

Капитан Биггар чуть-чуть приосанился:

– Кто первый затеял, не знаю, но это закон, который управляет жизнью настоящих мужчин, как Скиффи, и Док, и Субадар, и Огастус Фробишер...

Миссис Спотсворт издала удивленный возглас:

– Огастус Фробишер? Господи Боже мой! То-то мне все время казалось, что знакомая какая-то фамилия – Фробишер. Теперь, когда вы назвали его Огастус... Этот ваш приятель Фробишер, он какой из себя? Такой краснорожий?

– У нас на Востоке у всех лица довольно красные.

– И с маленькими такими усиками, как щеточка?

– И усики щеточкой у нас носят все.

– Слегка заикается? На левой щеке родинка? Один глаз зеленый, а второй стеклянный?

Капитан Биггар был поражен.

– Вот так так! Это Толстый Фробишер! Вы с ним знакомы?

– Знакомы? Еще бы не знакомы! Да я всего за неделю до отъезда из Штатов пела «О, несравненная любовь!..» у него на свадьбе.

У капитана Биггара глаза полезли на лоб.

– Хоуки ва хоо! – воскликнул он. – Фробишер женат?

– А то нет! И знаете ли вы, на ком? На Коре Рите Рокметтеллер, вдове покойного Сигсби Меттеллера, сардинного короля. У этой женщины денег навалом, куда больше, чем у меня. Вот вам ваш кодекс. Когда Огастус Фробишер встретил Кору и услышал, что у нее в кирпичной кладке за камином запрятаны пятьдесят миллионов зелененьких, он что, ушел закату навстречу один как перст? Нет уж, сэр! Он приобрел чистый белый воротничок, вставил в петлицу гардению и – вперед.

Капитан Биггар, шумно дыша, опустился рядом с нею на скамейку:

– Ну и потрясли же вы меня, Роза!

– Вас и надо было растрясти хорошенько. Плетете невесть что с этим своим дурацким кодексом!

– Просто не могу себе представить.

– Немного успокоетесь, подумаете – и все прекрасно представите. Посидите здесь и свыкнетесь с мыслью о том, чтобы пойти со мной к алтарю, а я побегу передам по телефону в газеты о предстоящем в ближайшем будущем бракосочетании между Катбертом... у тебя есть еще имена, мой козленочек?

– Джервез, – тихо ответил капитан. – И фамилия Брабазон-Биггар, через дефис.

– ...Между Катбертом Джервезом Брабазон-Биггаром и Розалиндой Бессемер Спотсворт. Жаль, ты не сэр Катберт. Постой-ка... – миссис Спотсворт вдруг осенило. – Почему бы нам не купить тебе рыцарское звание? Интересно, почему они сейчас? Надо будет спросить сэра Родерика. Может быть, в «Харридже» продаются. До скорого свидания, удивительный ты мой человек. Смотри не уйди куда-нибудь закату навстречу один как перст!

Радостно напевая, ибо на сердце у нее было легко и светло, миссис Спотсворт, оскользаясь, побежала по замшелой тропинке, пересекла лужайку перед домом и влетела в гостиную через стеклянную дверь с террасы. В гостиной оказался Дживс. Он оставил Билла и Джил горестно утешать друг дружку в буфетной, а сам возвратился собрать чашки из-под кофе. При виде бриллиантовой подвески на шее миссис Спотсворт у него шевельнулись по меньшей мере три волоска в левой брови – свидетельство того, как близко к сердцу он принял то, что ему открылось.

– Вы, я вижу, заметили подвеску? – сказала миссис Спотсворт, сияя. – Ничего удивительного, что вы удивлены. Ее только что нашел капитан Биггар возле той скамейки в саду, где мы сидели накануне.

Было бы преувеличением утверждать, что Дживс вытаращил глаза, однако самую малость они у него все же округлились, что случалось только в исключительных случаях.

– Разве капитан Биггар вернулся, мэм?

– Вернулся несколько минут назад. Да, Дживс, вы знаете телефон редакции «Таймс»?

– Нет, мэм, но могу выяснить.

– Я хочу объявить о моей помолвке с капитаном Биггаром.

Тут у Дживса шевельнулись четыре волоска в правой брови, словно их ветром

растрепало.

– Вот как, мэм? Позвольте пожелать вам счастья.

– Спасибо, Дживс.

– Хотите, чтобы я позвонил в «Таймс», мэм?

– Если вам не трудно. И в «Телеграф», и в «Мейл», и в «Экспресс». Может, еще куда-нибудь?

– Я полагаю, что не надо, мэм. Тех, что вы назвали, вполне достаточно для объявления такого рода.

– Пожалуй, вы правы. Ну, тогда только в эти.

– Очень хорошо, мэм. Осмелюсь спросить, мэм, предполагаете ли вы с капитаном Биггаром поселиться в Рочестер-Эбби?

Миссис Спотсворт вздохнула:

– Нет, Дживс. Мне так хотелось его купить... Этот дом мне ужасно нравится... Но тут сыро. Этот кошмарный английский климат!

– Да, наше английское лето довольно сурово.

– А зима еще суровее.

Дживс кашлянул:

– Может быть, мне позволительно будет внести предложение, которое удовлетворило бы все заинтересованные стороны?

– Что вы мне предлагаете?

– Купить этот дом, мэм, разобрать его по камешку и отправить пароходом в Калифорнию.

– А там снова собрать? Блестящая мысль!

– Благодарю вас, мэм.

– Вильям Рэндольф Херст уже так делал, верно ведь? Помню, я один раз приехала в гости в Сан-Симеон, и там у ворот на траве лежало сгруженное целое французское аббатство. Так я и поступлю, Дживс. Вы разрешили все сомнения. О, лорд Рочестер! Как раз с вами я и хотела поговорить.

Билл вошел в гостиную вместе с Джил медленными, печальными шагами. Но при виде бриллиантовой подвески печаль упала с него, словно плащ с плеч. Не в силах вымолвить ни слова, он остановился, вытянув дрожащий указательный палец.

– Эта вещь, милорд, была найдена в траве вблизи садовой скамьи женихом миссис Спотсворт капитаном Биггаром, – пояснил Дживс.

К Биллу наконец хотя и с трудом, но возвратился дар речи.

– Биггар приехал?

– Да, милорд.

– И он нашел подвеску?

– Да, милорд.

– И он помолвлен с миссис Спотсворт?

– Да, милорд. И миссис Спотсворт приняла решение купить Рочестер-Эбби.

– Что-о?

– Да, милорд.

– Я верю в фей! – воскликнул Билл, и Джил сказала, что она тоже верит.

– Да, Билликен, – подтвердила миссис Спотсворт, – я покупаю Рочестер-Эбби. Сколько вы за него запросите, неважно. Он будет мой, я так решила и сейчас же выпишу вам чек,

только сначала схожу извинюсь перед этим милым начальником полиции. Я его бросила на полуслове у меня в комнате и боюсь, он обиделся. Он все еще там, Дживс?

– Полагаю, что да, мэм. Он недавно позвонил и попросил меня раздобыть ему увеличительное стекло.

– Пойду поговорю с ним. Знаете, Билликен, я увожу Рочестер-Эбби с собой в Америку. Это Дживс придумал.

Миссис Спотсворт вышла, а Джил повисла у Билла на шее.

– О, Билл! – восторженно произнесла она. – О, Билл! Хотя на самом деле я не знаю, почему я целую тебя. Это Дживса надо целовать. Можно мне вас поцеловать, Дживс?

– Нет, мисс.

– Подумайте только, Дживс! Вам все-таки придется купить ножик для жарки рыбы, в качестве свадебного подарка.

– С большим удовольствием и почту за честь, мисс.

– Дживс! – сказал Билл. – Оставайтесь всегда с нами, куда бы мы ни поехали и чем бы ни занялись.

Но тут Дживс сокрушенно вздохнул:

– Весьма сожалею, милорд, но боюсь, я не смогу воспользоваться вашим любезным приглашением. Более того, мне, по-видимому, надо предупредить вас о своем уходе.

– О, Дживс! Но как же так?

– Само собой, при всем моем глубоким уважении, мисс. Но я нужен мистеру Вустеру. Я получил сегодня утром от него письмо.

– Так он уже кончил ту школу?

Дживс снова вздохнул:

– Его исключили, милорд.

– Ну надо же!

– Все сложилось крайне неудачно, милорд. Мистер Вустер удостоился приза по номинации «штопанье носков». Две пары с его работой даже были выставлены на витрине в Родительский день. Но потом обнаружилось, что он пользовался шпаргалкой: перед сном тайно провел к себе в комнату одну старушку...

– Бедный старина Берти!

– Да, милорд. По тону его письма я понял, что все это его очень расстроило. И мне стало ясно, что мое место – рядом с ним.

Из библиотеки вышел огорченный Рори.

– Безнадежное дело, – сказал он.

– Рори, а ты знаешь, что произошло? – бросился к нему Билл.

– Знаю, старина. Я окончательно сломал телевизор.

– Миссис Спотсворт выходит за капитана Биггара и покупает Рочестер-Эбби!

– Да? – равнодушно отозвался Рори. – Ну так вот. Мне никак не удастся его наладить, и никому из здешних деревенских умельцев это, видно, тоже не по силам. Так что остается только обратиться к первоисточнику. – Он прошел к телефону и снял трубку. – Дайте, пожалуйста, «С-кая площадь, один-два-три-четыре».

С террасы в гостиную со звоном ворвался капитан Биггар, напевая центрально-африканский свадебный марш.

– Где моя Роза? – громко спросил он.

– Наверху, – ответил Билл. – Сейчас придет. Она сообщила нам вашу новость.

Поздравляем, капитан!

– Спасибо, спасибо.

– Да, – обернулся Рори, не опуская трубку, – вот вам еще каламбур: «Замужество Розалинды – это награда капитану за мужество». Как, ничего? Ха-ха-ха! А я пока пытаюсь...

Тут его соединили.

– Алло! Это магазин «Харридж»?..

Пэлем Гринвел Вудхауз

Дживс и феодальная власть

Если бы я стал утверждать, будто тогда в ванне, задумчиво намыливая пятку и распевая, помнится, лирическую песню, «Белые ручки любил я на берегу Салимара» [*Белые ручки ... на берегу Салимара.*- Популярная песня на стихи Л. Хоупа (1865-1904) «Кашмирская невеста»], я был в жизнерадостном настроении, этим я бы только ввел в заблуждение читающую публику. Нет, ведь меня ждал вечер, не суливший ничего доброго ни человеку, ни зверю. Тетя Даля прислала мне из своего загородного дома Бринкли-Корт, что в Вустершире, письмо, в котором просила в порядке личного одолжения накормить ужином ее знакомую супружескую чету по фамилии Троттер.

Тетя Даля сама признавала, что они совершенно несносны и уморят меня своим занудством, но их необходимо обаять, так как она в настоящее время ведет сложные деловые переговоры с мужской половиной, и тут пойдет на пользу любая мелочь. «Так что уж, пожалуйста, не подкачай, мой добрый, доблестный Бerti», - на такой жалостной ноте кончалось ее письмо.

А поскольку тетя Даля – это моя хорошая, достойная тетка (не путать с тетей Агатой, той, что зубами раздирает крыс и пожирает собственное потомство), когда она пишет: «Не подкачай», - я не подкачиваю. Но, как я уже признался выше, перспектива вечера с Троттерами мне совсем не улыбалась. Я рассматривал ее как проклятие, павшее на мою голову.

Тем более что прошедшие полмесяца я уже и так прожил в подавленном состоянии из-за отсутствия Дживса, который отбыл на летний отдых. Ежегодно в первых числах июля он прекращает работу, бросает инструмент и отправляется в Богнор Риджис ловить креветок, а меня оставляет в положении того поэта, про которого мы учили в школе, что он постоянно оставался без своих газелей [*...постоянно оставался без своих газелей.*- Намек на строки из поэмы Т. Мура «Лалла Рук» (1817): Я вскармливал милых газелей,/Чтобы жизнь мою украшали./Но едва привязавшись ко мне,/Они умирали.]. Бертрам Вустер без своего неизменного помощника превращается в тень самого себя и совершенно не в силах сладить с какими-то Троттерами.

Об этих Троттерах, кто бы они, черт их побери, ни были, я и размышлял с сердечным сокрушением, уже перейдя от левой пятки к левому локтю, когда из спальни до моего слуха донесся осторожный звук шагов, отчего я сразу встрепенулся, вскинул голову, охваченный дивным волнением, и мыло замерло у меня в кулаке. Раз по моей спальне кто-то осторожно ходит, это может означать лишь одно – если, конечно, исключить внеплановый визит грабителя, - а именно, что из отпуска, загорелый и посвежевший, возвратился надежный столп дома сего.

За стеной тихо кашлянули в подтверждение моей правоты, и я в полный голос спросил:

– Это вы, Дживс?

– Да, сэр.

– Вернулись, наконец?

– Да, сэр.

– Добро пожаловать в дом № За, Беркли-меншенс, Лондон, W. 1! – провозгласил я, испытывая примерно то же чувство, что и пастух, когда заблудшая овца трусцой возвращается к нему в овчарню.- Хорошо отдохнули?

– Вполне, благодарю вас, сэр.

– Расскажите мне при случае, как вы там проводили время.

– Непременно, сэр, когда вам будет угодно.

– То-то я, наверное, заслушаюсь. А сейчас вы что делаете?

– Вам только что пришло письмо, сэр, я положил его на туалетный стол. Вы сегодня ужинаете дома, сэр?

– Да нет, к несчастью. У меня встреча с четой неизвестных зловонных пузырей, которым покровительствует моя тетя Далия. Так что можете, если хотите, идти к себе в клуб.

Как я уже однажды упоминал в своих мемуарах, Дживс состоит членом очень избранного клуба лакеев и дворецких под названием «Подсобник Ганимед», расположенного на Керзон-стрит, и я понимал, что после столь долгого отсутствия ему теперь не терпится рвануть туда, пообщаться с приятелями, возобновить знакомства, ну, и так далее. Я, например, побыв вне города неделю, по возвращении первым делом устремляюсь к «Трутням».

– Представляю, какой горячий прием вам окажут одноклубники, споют вам «Хей-нонни-нонни» и «Ча-ча-ча»,- сказал я.- Вы, кажется, упомянули, что мне пришло письмо?

– Да, сэр. Его только что доставили с посыльным.

– Похоже, что-то важное, а?

– Такое предположение напрашивается, сэр.

– Распечатайте и зачитайте, что там.

– Очень хорошо, сэр.

Последовала полутораминутная заминка, во время которой, поскольку на душе у меня полегчало, я успел исполнить «Выкатывайте бочку», «Я люблю мою красотку» и «Каждый день я приношу тебе фиалки» в порядке перечисления. Наконец, сквозь стену просочился голос Дживса:

– Письмо изрядной длины, сэр. Быть может, довольно будет, если я вкратце передам его содержание?

– Валяйте, Дживс. Перехожу на прием.

– Письмо от некоего мистера Перси Горринджа, сэр. Если опустить не идущие к делу подробности, мистер Горриндж желает позаимствовать у вас одну тысячу фунтов, сэр.

Я вздрогнул. Мыло выскользнуло у меня из пальцев и с глухим стуком приземлилось на банном коврик. Это сообщение без предварительной подготовки мгновенно лишило меня присутствия духа. Не часто случается, что у человека пытаются стрельнуть такую исполинскую сумму, пятерка до будущей среды – вот обычный тариф.

– Как вы сказали, Дживс? Тысячу фунтов? Да кто он такой, этот тип? Я не знаю никаких Горринджей.

– Из текста письма следует, сэр, что вы и этот джентльмен между собой лично не знакомы. Но он является, по его словам, пасынком некоего мистера Л.Дж. Троттера, которого якобы знает миссис Трэверс.

Я кивнул – бесполезно, поскольку Дживсу меня было не видно.

– Да, тут его не опровергнешь,- признал я.- Тетя Далия, действительно, знакома с Троттером. Это тот самый тип, которому она просила меня засыпать сегодня вечером овса в кормушку. Что верно, то верно. Но отсюда вовсе не следует, что я буду нянчить его пасынка и позволю ему совать лапу в мой бумажник. У нас с Л.Дж. Троттером совсем не такие близкие отношения, когда, как говорится, твой пасынок – мой пасынок. Согласитесь, Дживс,

стоит раз дать в долг одному пасынку, и что получится? В кругу близких и дальних родственников разнесется весть, что ты – кормилец и поилец, и все сестры, тетки, племянники и дядья обступят тебя со всех сторон, спеша отхватить свое, да кого-нибудь еще, глядишь, и затопчут в свалке. Тут у нас будет не дом, а сплошное кровопролитие.

– В том, что вы говорите, много правды, сэр, но автор письма хлопочет не столько о ссуде, сколько о вложении капитала. Он предлагает вам вложить деньги в театральную постановку по роману леди Флоренс Крэй «Спинола» в его сценической обработке.

– Ах, вот оно что! Понятно. Я начинаю улавливать смысл.

Эта самая Флоренс Крэй приходится... ну, да, можно сказать, что она приходится мне чем-то вроде сводной двоюродной, вернее, троюродной или даже четвероюродной сестры. Она – дочь лорда Уорпледсона, а старик Уорпледсон недавно, в минуту умственного помрачения, женился на моей тете Агате, *en secondes nocces* [Вторым браком (*франц.*)], так это, если не ошибаюсь, называется. Флоренс – из так называемых интеллектуалов, то есть из тех девиц, у которых черепушка до отказа набита серыми клеточками, в прошлом году она, то ли вдохновленная небесным огнем, но вернее, что просто чтобы отгородиться от мыслей о моей тете Агате, накатала роман, и он был принят «на ура» нашей уважаемой интеллигенцией, которая, как всем известно, восторгается разной немислимой дребеденью.

– Вы читали роман «Спинола»? – спросил я у Дживса, изловив мыло.

– Пролистал, сэр.

– Что вы о нем думаете? Не стесняйтесь, Дживс, говорите прямо. На букву «Д», так?

– Я бы все-таки не употребил этого слова, на которое вы, сэр, по-видимому, намекаете, но мне он показался произведением не вполне зрелым и слегка, я бы сказал, бесформенным. Лично я в своих предпочтениях склоняюсь больше к Достоевскому и великим русским романистам. Однако сюжет не лишен некоторой занимательности и, вполне возможно, будет небезынтересен для театральной публики.

Я задумался. В памяти у меня что-то забрезжило, но что? Наконец, я вспомнил.

– Вот я чего не понимаю,- сказал я.- Мне отчетливо помнится, тетя Далия как-то говорила, что, по словам самой Флоренс, какой-то продюсер уже взялся поставить в театре драматическую обработку ее романа. Помню, я еще сказал: «Вот дурень-то». Но если это так, чего ради Перси так суетится и лезет к людям в карманы? Для чего ему тысяча фунтов? Тут какая-то загадка, Дживс.

– В письме джентльмена она как раз объясняется, сэр. Один из членов синдиката, финансирующего постановку, принявший на себя обязательство именно на эту сумму, оказался неплатежеспособен. В театральном мире, как я понимаю, такие вещи случаются сплошь и рядом.

Я снова погрузился в раздумья, проливая на себя губкой потоки воды. Тут напрашивался еще один вопрос:

– Но почему Флоренс не направила Перси к Чеддеру? Ведь она с Чеддером помолвлена. Казалось бы, к кому и обратиться за подмогой, как не к тому, кто связан с нею узами любви?

– Возможно, у мистера Чеддера нет свободной тысячи фунтов, сэр.

– Верно. Я, кажется, понял, к чему вы клоните, Дживс. У него нет, а у меня есть?

– Вот именно, сэр.

Положение более или менее разъяснилось. С фактами в руках я мог теперь оценить поступок Перси как вполне разумный. Если тебе надо раздобыть тысячу фунтов, первое условие успеха – обратиться к человеку, у которого эта тысяча имеется. А Перси, несомненно,

слышал от Флоренс, что у меня денег куры не клюют. Ошибка же его состояла в другом: он вообразил, что я – простофиля из простофиль и швыряю крупные суммы направо и налево всем и каждому, как хлебные крошки голубям.

– Вы бы стали финансировать театральную постановку, Дживс?

– Нет, сэр.

– Вот и я тоже не стану. Я отвечу ему решительным отказом, правильно? И денежки мои останутся лежать в старом кованом сундуке, как вы считаете?

– Я бы безусловно поддержал такое решение, сэр.

– Так и сделаем. Пошлем Перси подальше. Пусть выкусит. А теперь к более насущному делу. Пока я одеваюсь, не смешаете ли мне бодрящий коктейль?

– Разумеется, сэр. Мартини или мой особый?

– Второй.

Я ответил твердо и без колебаний. Дело было не только в том, что мне предстоял вечер в компании супругов, которых сама тетя Далия, прекрасно разбирающаяся в людях, определила как людей несносных. Мне необходимо было подкрепиться еще и по другой причине.

Последние дни перед возвращением Дживса я все отчетливее понимал, что наша надвигающаяся встреча лицом к лицу потребует от меня всей имеющейся у меня в наличии твердости духа и воли к победе. Если я хочу взять верх, для этого надо пойти на все, не жалея средств.

Известно ведь, как бывает, когда два человека с сильными характерами живут бок о бок в постоянном соприкосновении, если «соприкосновение» здесь – подходящее слово. Возникают разногласия. Борьба волею. Тут и там сыпятся и катятся яблоки раздора. И одно такое яблоко, как я отлично понимал, несомненно выкатится на сцену, как только я покажусь Дживсу на глаза, тут уж никаких мартини, при всех их бесчисленных достоинствах, не хватит на то, чтобы я мог выдержать предстоящее испытание.

Я не без волнения промокал влагу и облачался в одежды, и когда по прошествии четверти часа вошел в гостиную, я, не сказать чтобы весь дрожал мелкой дрожью, но определенно ощущал некоторую нервозность. Появился Дживс с бальзамом на подносе, я рванулся к стакану, точно дрессированный тюлень за куском рыбы, и осушил его, даже не пожелав Дживсу, как полагается, болячку на носу.

Эффект был волшебный. Опасливое предчувствие улетучилось, на его место пришло спокойное ощущение силы. Огонь заструился по жилам, и в одно мгновение Вустера-трепетную лань сменил Вустер-железная воля – иначе не скажешь. Что уж Дживс добавляет в эти свои зелья, я не знаю, но боевой дух они укрепляют чрезвычайно. Пробуждают в человеке тигра. Например, был случай, когда, приняв одну только дозу, я, стукнув кулаком по столу, сказал тете Агате, чтобы она перестала молоть вздор, может быть даже, вздор собачий, точно не помню.

– Превосходный напиток, удался вам как нельзя лучше,- похвалил я Дживса. – Жизнь среди кроваток не испортила вам руку.

Но Дживс не ответил. Он словно онемел, и я увидел, как и предчувствовал, что взор его направлен в область моей верхней губы. Это был холодный, укоризненный взор, каким человек обедающий, но не любящий живность в салате, мог бы посмотреть на обнаруженного в тарелке червяка. Я понял, что борьба волею, к которой я себя готовил, уже подняла свою грозную голову.

Я сказал учтиво, но твердо – в таких делах учтивая твердость решает все, а я сейчас, спасибо волшебному напитку, был способен на учтивость любой степени твердости. В гостиной нет зеркала, но если бы было, я бы увидел в нем сейчас старорежимного барона, собравшегося отчитать обслуживающий персонал, чтобы не лезли не в свое дело.

– Что-то привлекло ваше внимание, Дживс. У меня что, нос в саже?

Он и не подумал оттаять. Бывают мгновения, когда Дживс становится удивительно похож на строгую гувернантку. И сейчас было одно из таких мгновений.

– Нет, сэр,- ответил он,- не нос, а верхняя губа. Вы ее испачкали чем-то вроде индийской похлебки.

Я равнодушно кивнул.

– Ах, да, вы, верно, имеете в виду мои усы. Вот, отрастил за время вашего отсутствия. Неплохо выглядят, вы не находите?

– Нет, сэр, не нахожу

Я увлажнил губы волшебным напитком и любезно переспросил, чувствуя на своей стороне власть и силу:

– Вам что, не нравится?

– Нет, сэр.

– Вы не находите, что они придают мне шику? Чутьочку ...э-э-э... как бы это выразиться?.. чертовщинки?

– Нет, сэр.

– Вы меня огорчили и разочаровали, Дживс,- чрезвычайно учтиво говорю я, дважды прихлебнув из стакана. – Я бы еще мог вас понять, будь они пышные и с заостренными концами, как у фельдфебеля, но ведь это – лишь изящная полоска растительности, вроде той, что уже много лет завоевывает Дэвиду Нивену^[Нивен, Дэвид (1909-1983) – знаменитый киноактер.] восторг миллионов. Вы же не отшатываетесь в ужасе, когда видите на экране Дэвида Нивена, правда?

– Правда, сэр. Мистеру Нивену усы очень к лицу.

– А мои, значит, мне не к лицу?

– Нет, сэр.

Это было одно из таких мгновений, когда вдруг понимаешь, что единственный способ сохранить самоуважение – это пустить в ход бархатную длань в железной рукавице, вернее, наоборот. Слабость тут смерти подобна.

Ну то есть всему есть пределы, и притом, достаточно четкие. Дживс преступил эти пределы на добрую милю с хвостиком. Я первый преклоняюсь перед его авторитетом в таких вопросах, как носки, ботинки, рубашки, шляпы и галстуки, но провалиться мне, если я допущу, чтобы он лез куда не следует и вносил правку в физиономию Бертрама Вустера.

Я допил волшебный бальзам и ровным, негромким голосом произнес:

– Весьма сожалею, Дживс. Я надеялся на ваше сочувствие и поддержку, но раз уж вы не способны проявить сочувствие и оказать поддержку, ничего не поделаешь. Однако, будь что будет, я не отступлюсь и сохраню статус-кво – ведь это статусы-кво сохраняют, я не ошибся? Вырастить эти усы мне стоило немалых трудов и забот, и я не собираюсь теперь рубить их под корень из-за того только, что некие предубежденные лица (кто именно, уточнять не будем) не могут оценить вещи по достоинству. *J'y suis, j'y reste*, [«Здесь я нахожусь, здесь и останусь» (франц.) - фраза, приписываемая французскому маршалу Мак-Магону при осаде Севастополя в Крымскую войну 1855 года.] – прибавил я, как заправский парижанин.

После такой блистательной демонстрации силы моего духа Дживсу, естественно, ничего другого не оставалось, как только сказать: «Очень хорошо, сэр», или что-нибудь еще в таком духе, но получилось так, что он даже и этого сказать не успел, поскольку едва я договорил, как у входной двери раздался звонок. Дживс удалился, мерцая, и спустя мгновение, не переставая мерцать, возвратился.

– Мистер Чеддер! – объявил он.

Следом, тяжело ступая, ввалился упомянутый Чеддер по прозвищу Сыр, которого я меньше всего ожидал да, пожалуй, и меньше всего хотел сейчас видеть.

Не знаю, как вам, а мне присутствие некоторых людей ужасно действует на нервы, я начинаю бессмысленно хихикать, теревить узел галстука и смущенно переминаясь с ноги на ногу. Одним из таких людей раньше был для меня сэр Родерик Глоссоп, знаменитый врач психов, но потом стечение обстоятельств позволило мне проникнуть сквозь отталкивающую наружную оболочку и увидеть лучшую, более нежную сторону его натуры. Другим был Дж. Уошберн Стоукер, имевший привычку, как завзятый пират, похищать людей и затаскивать на свою яхту, да там еще над ними измываться. А третий – как раз д'Арси Чеддер по прозвищу Сыр. Поглядите на Бертрама Вустера, когда он остается с ним с глазу на глаз, и Бертрам предстанет перед вами не в самок выгодном свете.

Учитывая, что мы с ним знакомы, как говорится, вот с этаких лет, вместе учились в начальной школе, в Итоне и в Оксфорде, нам бы полагалось быть как Дамон с этим, как его, Пифиасом. Но мы не как они, совсем даже не как они. Я, когда поминаю его в разговоре, называю его «этот чертов Сыр», а он, насколько мне известно из вполне надежных источников, не упускает случая выразить удивление, что я до сих пор на воле, а не в каком-нибудь психиатрическом заведении. При личной встрече между нами возникает некоторая натянутость и то, что Дживс именует «неполной гармонией душ».

Одна из причин этого, возможно, состоит в том, что Сыр раньше служил полицейским. Он вступил в полицейские ряды сразу по окончании университета в надежде сделать карьеру и занять высокий пост в Скотланд-Ярде, сейчас так поступают многие из общих знакомых. Сыр, правда, очень скоро сложил с себя дубинку и свисток, поскольку его дядя избрал для него другую профессию, но знаете этих легавых, они, даже сняв мундир, все равно сохраняют полицейскую манеру смотреть на человека с подозрением – мол, где вы были в ночь на пятнадцатое июня? – и всякий раз, как мы с ним где-нибудь пересечемся, он дает мне почувствовать, что я – не я, а жалкий обитатель городского дна, задержанный для допроса по делу о недавнем грабеже.

Добавьте к этому, что вышеупомянутый дядя Сыра зарабатывает на жизнь в должности судьи в одном из лондонских полицейских судов, и вам станет ясно, почему я стараюсь его избегать и, по возможности, обходить стороной. Здравомыслящего человека не привлекает общество бывшего фараона, у которого еще вдобавок в жилах течет судейская кровь.

Так что, когда я поднялся ему навстречу, в моем обхождении можно было бы, присмотревшись, прочесть немой вопрос: чему, мол, обязан честью? Мне и вправду было непонятно, с чего это он надумал нарушать неприкосновенность моего жилища, а нарушив, остался стоять как вкопанный, устремив на меня строгий, укоризненный взгляд, словно один мой вид уже оскорбляет его лучшие чувства. Как будто я – какой-то подонок, которого он застиг на месте преступления при продаже другому подонку нескольких унций кокаина.

– Хо! – произнес он, и одного этого возгласа было бы достаточно, чтобы доказать присутствующим, если бы они были, что он прослужил какое-то время в полицейских рядах. Первое, чему денежные мешки обучают своих защитников, это восклицанию «Хо!» – Я так и думал, – продолжал он, насупив брови. – Накачиваешься коктейлями, а?

При обычных обстоятельствах я бы сейчас, конечно, начал нервно хихикать, теревить узел галстука и переминаясь с ноги на ногу. Но недаром у меня в желудке еще бурлили две порции Дживсова напитка, оказывая мощное действие, – я не только не дрогнул, у меня даже

хватило духу одернуть Сыра и поставить его на место.

– Не понимаю вас, милейший,- холодно проговорил я.- Поправьте, если я ошибаюсь, но, по-моему, именно в это время английскому джентльмену, согласно традиции, полагается опрокинуть стаканчик. Хотите присоединиться?

Сыр скривил рот. Эти полицейские, с ними и так общаться неприятно, могли бы хоть рот не кривить.

– Нет, не хочу,- ответил он коротко и нагло.- Я своему здоровью вредить не собираюсь. Думаешь, как эти стаканчики влияют на глазомер и твердость руки? Может ли человек выбивать дубли, если он глушит себя крепкими напитками? Одно горе.

Тут мне все стало ясно: Сыр волнуется из-за первенства по «летучим дротикам».

Ежегодные состязания по «летучим дротикам» – одно из самых значительных спортивных событий у нас в клубе «Трутни». В сердцах сочленов пробуждается спортивный дух, все толпой ломятся в зал и, не скупясь, по десятке покупают билеты, так что в банке собираются колоссальные суммы. На этот раз билет с моим именем вытянул Сыр, а так как прошлогодний чемпион Хорас Пендлбери-Дейвенпорт ни с того ни с сего вдруг взял да женился и по настоянию жены вышел из членов клуба, а вторым в прошлом году был я, мой предстоящий выигрыш на этот раз ни у кого не вызывал сомнений. «Вустер – чистый верняк,- передавалось из уст в уста.- Он бросает, как юный бог».

Поэтому понятно, что Сыр, которому в случае удачи светило отхватить куш в пятьдесят шесть фунтов десять шиллингов, считал теперь своей главной заботой в жизни, чтобы я был в наилучшей спортивной форме. Понятно-то понятно, но от этого мне терпеть его заботу было не легче. С той минуты, как он прочел на своем билете фамилию «Вустер» и узнал, что я фаворит состязаний, он стал обращаться со мной, как воспитатель в исправительном заведении для малолетних преступников, которому поручено следить за самым многообещающим из молодых дарований. Он завел привычку возникать в клубе у моего столика, приносиваться и устремлять на меня укоризненный взор, сопровождая его свистящим вздохом негодования. И вот теперь то же самое он проделывал у меня в доме. Это похуже, чем снова оказаться ребенком в костюмчике маленького лорда Фаунтлероя и при локончиках, а рядом – неотступно бдительная, зоркая няня, не спускающая с тебя ястребиных глаз.

Я уже собрался было высказать ему свое неудовольствие в связи с этими преследованиями, но Сыр продолжил в прежнем наступательном духе:

– Я пришел к тебе, Вустер, для серьезного разговора,- произнес он, свирепо нахмутив брови.- Меня поражает твое легкомысленное и наплевательское отношение к предстоящему турниру. Ты не прилагаешь ни малейших стараний, чтобы обеспечить себе победу, когда придет решающий день. Старая история. Ты слишком самоуверен. Клубные болваны нашептали тебе, что ты непременно выиграешь, ты и рот разинул. Так вот, имей в виду, что напрасно тебе все представляется в таком розовом свете. Я сегодня заезжал в клуб, и там у доски тренировался Фредди Уиджен, да так здорово, что у всех присутствовавших глаза на лоб полезли. Меткость потрясающая.

Я отмахнулся и выше вскинул голову. Можно даже сказать, что я взвился на дыбы. Уж очень больно он ранил мое самолюбие.

– Тю! – презрительно произнес я.

– Что-что?

– Я сказал «Тю!» по адресу Фредди Уиджена. Знаю я, что он собой представляет. Любит

покрасоваться, но стабильности никакой. Фредди будет ничтожнее пыли под колесами моей колесницы [...пыли под колесами моей колесницы.- Перифраза строки из стихотворения Адэлы Х.К. Николсон, (1865-1904, псевдоним – Лоренс Хоуп) «Ничтожнее пыли под колесами твоей колесницы».]

– Это по-твоему. Ты слишком самоуверен, как я уже сказал. Фредди – очень опасный соперник, можешь мне поверить. Я узнал, что он уже несколько недель соблюдает строгий режим и усиленно тренируется. Бросил курить. По утрам принимает холодные ванны. А ты вот, принимал сегодня утром холодную ванну?

– Еще чего. А горячий кран, по-твоему, зачем?

– Делаешь перед завтраком шведскую гимнастику?

– Да никогда в жизни. Я считаю, пусть шведы сами делают свою гимнастику.

– То-то и оно,- горько вздохнул Сыр.- А ты только и знаешь что шуметь, пьянствовать да объедаться. Мне сказали, что ты вчера был на пирушке у Китекэта Поттера-Перебрайта. Небось притащился домой в четвертом часу, перебудив пьяным гоготом весь квартал.

Я в негодовании вздернул бровь. Полицейское преследование становилось невыносимым.

– Вы что же, констебль, хотите, чтобы я не участвовал в проводах моего друга детства, который через день или два отбывает в Голливуд и, возможно, на протяжении многих лет будет отрезан от цивилизации? Китекэт был бы ранен в самое сердце, если бы я манкировал. И час был не четвертый, а всего половина третьего.

– Ты там пил?

– Отхлебнул какой-то пустячный глоточек.

– А курил?

– Выкурил одну пустячную сигару.

– Не верю. Держу пари,- грозно произнес Сыр и еще свирепее нахмурил брови,- что на самом деле ты пал ниже твари полевой, на самом деле ты там вчера буянил, как матрос в марсельской харчевне, а судя по тому, что сейчас у тебя на шее болтается белая бабочка, а брюхо стягивает белый жилет, ты сейчас опять намылился ехать на очередную безобразную оргию.

Я беззвучно горестно рассмеялся, как я умею.

– Оргию, как бы не так! Я сегодня угощаю ужином знакомых моей тетки Далии, и она меня строжайше предупредила, чтобы я даже не помышлял о выпивке, потому что мои гости – люди из принципа непьющие, и наполнять пиршественную чашу придется лишь лимонадом, оранжадом или ячменным отваром. Вот и вся твоя безобразная оргия.

Это известие, как я и ожидал, подействовало на Сыра пацифически, если можно так сказать. Он не сделался добродушным, это было выше его возможностей, но подобрел, насколько мог. Он даже почти улыбнулся.

– Отлично,- сказал он.- Превосходно.

– Рад доставить тебе удовольствие. Ну, ладно. Пока.

– Совершенно непьющие, а? Да, это замечательно. Но смотри, не ешь жирного и острого и обязательно пораньше ложись спать. Что ты сказал?

– Я сказал: «Пока». Ты ведь, конечно, торопишься?

– Я никуда не тороплюсь.- Он посмотрел на часы.- Почему, черт возьми, женщины всегда опаздывают? – В его голосе послышалось раздражение.- Ей уже давно пора быть здесь. Я ей сто раз повторил, что дядя Джо особенно свирепеет, если его заставляют дожидаться супа.

Неожиданное вторжение женского мотива меня озадачило.

– Кто это – «она»?

– Флоренс. Мы с ней должны встретиться у тебя. И поедем ужинать к моему дяде.

– Понял. Ну, что ж. Значит, среди нас с минуты на минуту появится Флоренс?

Великолепно, великолепно.

Я Произнес эти слова с чувством, стараясь добавить в нашу беседу немного тепла. И сразу же пожалел об этом, потому что Сыр задергался, затрясся, как паркинсоник, и устремил на меня пронизывающий взгляд. Я понял, что мы вступили на опасную почву. И без того деликатная ситуация заметно осложнилась.

Одной из причин, затрудняющих поддержание между мною и Дж. д'Арси Чеддером безоблачно дружеских отношений, является то обстоятельство, что сравнительно недавно меня угораздило затесаться в его любовные дела. Однажды, разозлившись на какое-то его насмешливое замечание насчет современной просвещенной мысли, при том, что к современной просвещенной мысли она питает самую страстную привязанность, его нареченная Флоренс моментально дала ему отставку и – совершенно не по моей вине, просто ей так захотелось, – взяла и обручилась со мной. Из-за этого Сыр, человек вулканических страстей, во всеуслышание выразил намерение разорвать меня на куски и сплясать чечетку на моих останках. А также растереть мне рожу в гоголь-моголь и размазать в виде масла по всему Вест-Энду.

По счастью, до этой ужасной крайности дело не дошло, так как любовь успела вернуться к исполнению своих обязанностей, моя кандидатура была вычеркнута и опасность миновала, но Сыр так до конца и не изжил последствия этого тягостного переживания. Зеленоглазое чудовище постоянно обреталось у него под рукой, готовое по первому знаку включиться в работу, и я у него проходил под рубрикой змеи подколодной, за которой нужен глаз да глаз.

Так что, хоть мне и было немного не по себе, но меня не удивил ни его пронизывающий взгляд, ни сиплый рык, похожий на ворчание бенгальского тигра над телом поселянина, которым он намерен позавтракать.

– Что значит, великолепно? Тебе так не терпится с ней увидеться?

Вижу, тут требуется действовать тактично.

– Не то что не терпится, – говорю. – Это слишком сильно сказано. Но мне хочется услышать ее мнение по поводу вот моих усов. Она девица со вкусом, и я готов подчиниться ее суду. Как раз перед твоим приходом Дживс подверг их сокрушительной критике, и я немного засомневался. А кстати, что *ты* думаешь о моих усах?

– Я считаю, что это уродство.

– Уродство?

– Безобразие. Ты похож с ними на хориста из бродячей труппы. Так Дживсу, ты говоришь, они не нравятся?

– Похоже, что нет.

– Значит, ты их сбреешь? Слава Богу.

Я насторожился. Я решительно возражаю против распространенного в кругу моих знакомых мнения, будто я в моем доме играю подчиненную роль, и вообще, что Дживс скажет, то и делаю.

– Только через мой труп! Они останутся там, где растут. А Дживсу – фига, если позволительно так выразиться.

Сыр пожал плечами.

– Дело твое. Если ты не против служить всеобщим пугалом...

Я насторожился еще больше.

– Ты сказал, пугалом?

– Именно.

– Ах, вот, значит, как? – парировал я, и если бы на этом месте нас не прервали, возможно, что дальнейшее объяснение между нами приняло бы более острый оборот, ведь я все еще находился под действием волшебного напитка и не склонен был терпеть дерзости. Но не успел я сказать ему, что он тупица и осел, не способный оценить красоту и своеобразие, даже если ему преподнести их на шампуре, как раздался звонок в дверь, и Дживс объявил о приходе Флоренс.

Мне сейчас пришло в голову, что набрасывая, если помните, в самом начале этого повествования, портрет Флоренс Крэй, я, кажется, допустил ошибку, и вы получили о ней не совсем верное представление. Узнав, что она девица образованная, пишет романы и водит дружбу с высоколобыми обитателями Блумсбери, вы, наверное, представили себе ее в виде пухлой коротышки с чернильной кляксой на подбородке, как сейчас модно у интеллигенции женского пола.

Но это очень далеко от истины. Она девушка рослая, стройная, красивая, у нее потрясающий профиль и пышные платиново-белокурые волосы, с такой внешностью вполне можно было бы претендовать на место первой звезды в гареме какого-нибудь султана из высшего класса. Я знал крепких мужчин, которых с первого взгляда сражала ее красота, а заезжие американцы почти всегда провожают ее одобрительным свистом, стоит ей выйти из дома на прогулку.

Она жизнерадостно влетела в гостиную, вся разодетая в пух и прах, но Сыр при ее появлении холодно посмотрел на часы.

– Наконец-то,- произнес он хамским тоном.- Я вас давно жду. Очевидно, вы забыли, что с дядей Джо случается родимчик, если его заставят дожидаться супа.

Я ожидал, что сейчас ему достанется за этот тон, так как Флоренс, я знал, девица с норовом. Но она пропустила его упрек мимо ушей, и я увидел, что ее блестящие карие глаза направлены на меня, притом с каким-то странно восторженным выражением. Может быть, вам случалось видеть, как девочки подросткового возраста взирают в кинотеатре на Хамфри Богарта? Так вот, нечто подобное было в обращенном на меня взоре Флоренс. Ну, прямо картина «Душа пробуждается», если вы знаете, что я имею в виду.

– Берти! – взвизгнула она, затрепетав вся от бушприта до кормы.- Усы! Какая прелесть! Что же вы столько лет прятали их от нас? Это изумительно. Они придают вам шикарный вид. Совершенно другой человек.

На злосчастную растительность у меня под носом за последнее время было выплеснуто столько беспросветной хулы, казалось бы, эти девичьи восторги должны были бы согреть мне душу. Конечно, живешь, как говорится, ради Искусства, а хвала и клевета публики – это дело десятое, и так далее, но все-таки приятно обзавестись одобрительным отзывом, который можно наклеить к себе в альбом, вы согласны? Однако же я остался холоден, особенно в области пяток. Глаза мои сами собой скосились на Сыра – я хотел проверить, как он к этой хвале относится, и с тревогой убедился, что относ лтся он довольно плохо.

Досада – вот слово, которое вертелось у меня на языке. Сыра явно разбирала досада, словно он за обедом в ресторане раскусил тухлую устрицу. И честно сказать, я его не виню. Когда любимая девушка у тебя на глазах ласково треплет по щеке другого мужчину, да еще пожирает его вытаращенными от восторга глазами, всякий жених от такого зрелища может взбелениться. А Сыр, как я уже говорил, даст фору любому Отелло.

Было ясно, что надо немедленно принимать меры, иначе разбушуются жуткие страсти, поэтому я поспешил перевести разговор на другую тему.

– Расскажи-ка мне, Сыр, подробнее про своего дядю,- попросил я.- Он, значит, любит супы? Неравнодушен к бульонам?

Но Сыр только фыркнул в ответ, как боров, недовольный своим рационом, и я еще раз

сменил тему.

– А что слышно с вашей «Спинолой»? – обратился я к Флоренс- По-прежнему идет нарасхват?

Тут я попал в точку. Флоренс просияла.

– Да, успех огромный. Готовят второе издание.

– Замечательно.

– А вы знаете, что ее переработали в пьесу?

– Вот как? Ах, да. Слышал.

– Вы знакомы с Перси Горринджем?

Я поморщился. Поскольку в мои планы входило до наступления вечера нанести Перси жестокий удар решительным и безоговорочным отказом, я предпочел бы пока о нем не поминать. Я ответил, что имя вроде бы знакомое, возможно, где-то в связи с чем-то я его слышал.

– Это он сделал переработку. Получилось просто великолепно.

В этом месте Чеддер по прозвищу Сыр, у которого, по-видимому, аллергия на Горринджей, опять неприлично зарычал. У Сыра есть две привычки, которые я не терплю: во-первых, к месту и не к месту произносить «Хо!», а во-вторых, под наплывом чувств издавать горлом какой-то смачный, хриплый звук, как будто бизон вытаскивает ногу из болотной трясины.

– У нас уже есть режиссер, который будет ее ставить, он собрал труппу и распределил роли, но возникло досадное затруднение.

– Неужели?

– Да. Один из спонсоров нас подвел, и теперь нам нужно раздобыть еще тысячу фунтов. Но все будет хорошо. Перси уверяет, что деньги он достанет.

И снова я поморщился, а Сыр зарычал. Сравнить один рык с другим трудно, но мне показалось, что второй его рык был все же несколько оскорбительнее первого.

– Эта козявка? – произнес он.- Да ему не добыть и шестипенсовика.

Такие речи, разумеется, означают объявление войны. У Флоренс сверкнули глаза.

– Я не позволю вам называть Перси козявкой. Он очень привлекательный и умный.

– Кто это сказал?

– Я говорю.

– Хо! Привлекательный, а? Кого же он привлекает?

– Кого привлекает, не имеет значения.

– Назовите трех человек, которых он привлечет. Да еще умный? У него хватит ума разве что разинуть рот при приеме пищи, но не более того. Безмозглая гаргуля.

– Никакая он не гаргуля.

– Самая настоящая гаргуля. Вы что, можете, глядя мне в глаза, отрицать, что он носит короткие бачки?

– Почему бы ему не носить короткие бачки?

– Еще бы ему их не носить, если он козявка.

– Позвольте сказать вам, что...

– Да ладно, пошли,- оборвал ее Сыр и повлек к двери, на ходу напоминая о том, что дядя Джозеф не любит, когда его заставляют дожидаться супа.

Оставшийся в одиночестве, Берти Вустер погрузился в задумчивость, опустившись на стул и закурив сигарету. Горькая дума избородила его чело. О чем была горькая дума и

почему она избородила чело, сейчас объясню. Дело в том, что услышанный обрывок диалога между обрученными произвел на меня крайне тягостное впечатление.

Любовь – нежное растение, оно нуждается в постоянной заботе и подкормке, что невозможно, если ты рычишь на обожаемый предмет и обзываешь ее приятелей козьянками. У меня возникло опасение, что ось Чеддер-Флоренс может в любой момент снова лопнуть, и кто поручится в этом случае, что последняя, вырвавшись на волю, не вздумает вторично объединиться со мной? Я хорошо помню, как было дело в прошлый раз, а, как говорится, обжегшийся на молоке куста боится.

Понимаете, беда с Флоренс в том, что, будучи, бесспорно, как я уже упоминал, совсем недурна собой, и вообще с таким профилем вполне можно на стенку прикрепить, она в то же время, как я тоже отмечал выше, интеллектуальна до мозга костей, а от девиц такого типа простым смертным вроде меня лучше держаться на расстоянии пушечного выстрела.

Эти мозговитые, серьезные барышни с так называемым сильным характером, им бы только дорваться до вашей души, они тут же пристраиваются сзади и давай толкать. Едва вытряхнут на скорую руку рис из прически по завершении брачной церемонии и прямо в автомобиле, увозящем в свадебное путешествие, принимаются, закатав рукава, совершенствовать своего спутника жизни. А я лично, если что не выношу, так это когда меня совершенствуют. Несмотря на критику с разных сторон – например, со стороны тети Агаты, – мне самому Б. Вустер нравится такой, какой есть. Оставьте его в покое, говорю я. Не пытайтесь его переделать, а то улетучится весь аромат.

Даже когда мы были просто помолвлены, помню, эта особа вырвала у меня из рук недурной мистический триллер и взамен потребовала, чтобы я прочел совершенно жуткое сочинение какого-то типа по фамилии Толстой. А что могло ждать меня после того, как священник сделает свое дело и она получит законное право «свести седину мою с горестью во гроб», [*свести седину мою с горестью во гроб.* - Библейское выражение. Бытие, гл. 44, ст. 29.] – и вообразить невозможно. Так что, когда еще немного погодя Бертрам Вустер взял шляпу и легкое пальто и отправился в «Савой» кормить Троттеров, сердце у него сжималось от дурного предчувствия.

Как я и думал, пиршество наше не подняло мне настроение. Тетя Далия не погрешила перед истиной, назвав моих сотрапезников несносными типами чистой воды. Л.Дж. Троттер оказался человечком с лицом хорька. Он на протяжении всего ужина не вымолвил практически ни слова, поскольку чуть только он пробовал что-нибудь сказать, как обожаемая его половина затыкала ему рот; а миссис Троттер предстала передо мной могучей бабищей с Крючковатым носом, она, не умолкая, трещала весь вечер, главным образом, про какую-то нехорошую женщину по фамилии Бленкинсоп. И все, что можно было этому противопоставить, это остаточное действие Дживсова бальзама. Я испытал огромное облегчение, когда Троттеры наконец со мной разлучились и я направился к «Трутням», чтобы спешно подкрепиться.

В клубе было пусто – по обычаю, чуть ли не все сочлены после ужина ушли в мюзик-холл, и я оказался один в курительной комнате. Без преувеличений скажу, что не прошло и пяти минут, как я уже сидел в кресле с сигаретой в зубах и с полным стаканом на подлокотнике и наслаждался глубоким покоем. Натянутые нервы расслабли. Истерзанная душа отдыхала.

Разумеется, долго так продолжаться не могло. Затишья в битве жизни всегда

миголетны. Настал миг, когда у меня возникло зловещее ощущение, что я не один, и оглянувшись, я оказался лицом к лицу с Дж. д'Арси Чеддером.

Мне бы, должно быть, раньше надо было уточнить, что Чеддер по прозвищу Сыр с колыбели посвятил себя водному спорту. Он распорядился командой гребцов в Итоне и четыре года сидел на веслах, когда уже был в Оксфорде. Он и теперь каждое лето в дни Хенлейнской регаты исчезает из Лондона и с упоением обливается потом, защищая спортивную честь гребного клуба «Леандр». Если судьба когда-нибудь забросит его в Нью-Йорк, я не сомневаюсь, что он там угрожает целое состояние, катаясь в лодке по пруду в Центральном парке, где берут по 25 центов с носа. Без весла в руке он не бывает почти никогда.

Ну и понятно, вести образ жизни галерного раба и не нарастить при этом бицепсы и трицепсы невозможно, так что в конце концов Сыр сделался настоящим чудо-богатырем – широкая грудь колесом, могучие плечи тверды, как камень. Я помню, Дживс как-то упоминал одного своего знакомого, обладавшего силой десятерых. Вот и о Сыре можно так сказать. У него вид настоящего чемпиона по борьбе без правил.

При моих широких взглядах не приходится специально оговаривать, что люди бывают разные и всякие, до последнего вре лени я к его мясистости относился вполне терпимо и доброжелательно. Я считаю, хочешь быть мясистым, будь им, и помогай тебе Бог. Но в данную минуту мне не нравилось, что у него не только мускулатура выпирает во все стороны, но еще и взгляд устремлен на меня с самым зловещим выражением, словно он вышел тайно на тропу войны и рыщет, кого бы убить. Сыра что-то явно беспокоило, и не будет преувеличением сказать, что, заглянув ему в глаза, я как сидел в кресле, так прямо и съежился.

Очевидно, решил я, он разозлился из-за напитка, которым я восстанавливаю растроченные силы, и уже хотел было ему объяснить, что делаю это исключительно в целебных целях, по рекомендации одного видного медицинского светила с Харли-стрит, но тут он заговорил:

– Никак не могу принять окончательное решение, – проговорил он.

– Решение о чем, Сыр?

– Сломать ли тебе, к чертовой бабушке, шею или не сломать?

Я съежился еще немножко больше. Сидишь тут в пустой курительной комнате один на один с маньяком-убийцей. Психов, страдающих манией убийства, я особенно недолюбливаю, тем более таких, у которых обхват грудной клетки – сорок четыре дюйма [Примерно 110 см.] и бицепсы соответствующей толщины. Смотрю, у него еще и пальцы подергиваются, – тоже дурной знак. «О, кто бы дал мне крылья, как у голубя!» ...*крылья, как у голубя!* – Цитата из Псалтири. Псалом 55, стих 6 (В русском переводе – 54-7). – эти слова в точности передают мои тогдашние чувства. На пальцы Сыра я постарался не смотреть.

– Сломать мне, к чертовой бабушке, шею? – переспросил я, надеясь на разъяснение. – Но почему?

– А ты не знаешь?

– Понятия не имею.

– Хо!

На этом месте Сыр временно умолк, чтобы изгнать муху, которая по пути завернула к нам в окно и застряла у него в голосовых связках. Откашлявшись, он продолжал:

– Вустер!

– Я тут, старина.

– Вустер,- повторил Сыр, и если он не заскрежетал зубами, то я уж и не знаю, как ими скрежещут. – Что было у тебя на уме, когда ты отпускал усы? Зачем ты их отрастил?

– М-да, не простой вопрос. Бывает, вдруг накатывает на человека. – Я почесал подбородок. – Наверное, мне подумалось, что с усами будет веселее.

– А не было ли у тебя задней мысли? Не служат ли они частью твоего коварного плана похитить у меня Флоренс?

– Мой дорогой Сыр!

– На мой взгляд, все это довольно подозрительно. Ты знаешь, что произошло, когда мы вышли от дяди Джо?

– К сожалению, нет. Я в тех местах почти не бываю. Сыр снова скрипнул зубом или двумя.

– Сейчас я тебе расскажу. Я отвез Флоренс в такси домой, и всю дорогу она восторгалась твоими усами. Противно было слушать.

Я хотел было тут вернуть, что, мол, девицы на то и девицы, чтобы постоянно чем-нибудь восторгаться, но потом раздумал.

– Когда мы доехали до ее подъезда, я расплатился с шофером, оборачиваюсь, а она смотрит на меня как-то по-особенному пристально, приглядывается то с одного боку, то с другого, то так, то этак.

– Тебе, конечно, было приятно?

– Замолчи и не перебивай.

– Пожалуйста. Я просто хотел сказать, что такое внимание лестно.

Он задумался. Что бы там между ними ни произошло, похоже, вспоминать о вчерашнем свидании ему было трудно.

– А потом,- проговорил было Сыр, и снова смолк, борясь с волнением.- Потом,- повторил он, когда дар речи к нему вернулся,- она высказала желание, чтобы я тоже отпустил усы. Говорит – я воспроизвожу дословно,- что, мол, когда у мужчины лицо большое и красное и голова как тыква, небольшое затемнение на уровне верхней губы способно делать чудеса, нарушая монотонность. Как по-твоему, Вустер, у меня голова как тыква?

– Все нет, старина.

– Не похожа на тыкву?

– Нет, на тыкву не похожа. Может быть, есть что-то от купола собора Святого Павла, это да.

– А вот она сравнила ее с тыквой и сказала, что если поместить посередине усы щеточкой, уличному движению и пешеходам от этого будет большое облегчение. Она помешалась. Я носил усы на последнем курсе в Оксфорде, и вид был ужасный. Почти как у тебя сейчас. Усы, каррамба! – буркнул Сыр, и я очень удивился. Вот уж не думал, что он знает такие слова.- «Да я бы для родного дедушки на смертном одре,- ответил я ей,- не стал бы отпускать усы, как он меня ни умоляй. С усами у меня был бы идиотский вид». А она мне на это: «У вас без усов идиотский вид».- «Ах, вот как?» – спрашиваю. А она мне: «Вот так».- «Да?» – это я ей. «Да»,- это она мне. Я тогда сказал: «Хо!» А она мне на это: «Сами вы хо!».

Если бы она еще сказала: «Хо с присыпкой»,- получилось бы, конечно, сильнее, но должен признать, что ее пас на этом отрезке диалога произвел на меня впечатление. В нем, на мой взгляд, была и резкость, и сила удара. Девушки, должно быть, обучаются этому в

выпускных классах. Да притом еще, не забудем, Флоренс последнее время вращалась в богемных кругах – в живописных мастерских Челси, в интеллигентских квартирах Блумсбери и тому подобных местах, а уж там умеют отбрить как нигде.

– Так что вот,- заключил Сыр Чеддер, немного помолчав,- Слово за слово, пошли в ход резкие выражения, оглянуться не успели, а уже она отдает мне кольцо и заявляет, что будет рада, при первой моей возможности, получить назад свои письма.

Я горестно поцокал языком. Но он раздраженным тоном попросил, чтобы я не цокал, и я перестал, объяснив, что цокал исключительно потому, что его трагический рассказ меня глубоко тронул.

– У меня сердце сжимается от сострадания,- сказал я.

– Ах, сжимается?

– Безмерно.

– Хо!

– Ты что, сомневаешься в моем сочувствии?

– Еще как сомневаюсь, черт подери. Я же тебе сказал, что обдумываю решение, и решить мне надо вот что: знал ты заранее, что произойдет? Предвидел своим дьявольски хитрым умом, как обернутся события, если ты отрастишь усы и покажешься в них Флоренс?

Я попробовал издать веселый смешок, но знаете эти веселые смешки, они не всегда получаются, когда тебе надо. Этот смешок даже на мой собственный слух больше походил на хрип.

– Ну, что? Прав я? Таковую мысль ты держал в своем дьявольски хитром уме?

– Все нет. И кстати сказать, я не обладаю дьявольски хитрым умом.

– Зато Дживс обладает. Возможно, замысел принадлежит ему. Признайся, это Дживс подстроил мне ловушку?

– Мой милый! Дживс не строит ловушек. Он счел бы это для себя непозволительной вольностью. И к тому же, как я тебе уже говорил, он возглавляет общественное движение против моих усов.

– М-м-м, пожалуй. Да, я склонен снять с него обвинение в соучастии. Улики говорят, что ты сам это придумал.

– Что еще за улики?

– Когда я сидел у тебя и сказал, что должна прийти Флоренс, случилась одна многозначительная вещь: ты просиял.

– Ничего я не сиял.

– Это уж извини. Я прекрасно разбираюсь, когда человек сияет, а когда нет. Твое лицо было для меня как открытая книга. «Настал ответственный момент,- говорил ты себе. – Сейчас она их увидит».

– Ничего подобного. Если я и просиял, в чем я очень сомневаюсь, то разве, может быть, из тех соображений, что как только она появится, ты, наконец, уберешься.

– Ты хотел, чтобы я убрался?

– Да, хотел. Ты занимал место, которое мне было нужно для других целей.

Это был вполне убедительный ответ, я видел, что Сыр заколебался. Он провел по лбу своей мясистой лапой, искореженной гребным спортом.

– Это надо будет обдумать. Да-да, надо будет обдумать.

– Вот и отправляйся прямо сейчас и начинай обдумывать, не откладывая, мой тебе совет.

– Так и сделаю. Буду думать, соблюдая полнейшее беспристрастие, взвешивая то и это. Но если мои подозрения окажутся справедливы, уж я знаю, как поступить.

С этими грозными словами Сыр удалился, оставив меня с довольно основательно поникшей головой. Когда тип с таким взрывчатым нравом, как Сыр Чеддер, заберет в багчку, что ты ставишь на него ловушки, дело может кончиться любым побоищем и кровопролитием; но мало этого, у меня еще мурашки по коже бежали от сознания, что Флоренс опять рыщет на свободе. Я с тяжелым сердцем допил виски с содовой и поплелся домой. Внутренний голос шептал мне: «Да, брат Вустер, дела принимают опасный оборот».

Когда я вошел, Дживс разговаривал по телефону.

– Весьма сожалею,- отвечал он в трубку, и я обратил внимание на то, что говорит он учтиво, но твердо, совсем как я во время нашего с ним давешнего объяснения.- Нет-нет, прошу вас, дальнейшие объяснения бесполезны. Боюсь, что вам придется принять мой ответ как окончательный. Всего вам наилучшего.

Так как он не вставлял в свою речь на каждом третьем слове «сэр», я понял, что на проводе кто-то из его приятелей, хотя, судя по тону, не тот, у кого сила десятерых.

– Что это было, Дживс? – поинтересовался я.- Небольшая ссора между друзьями-соклубниками?

– Нет, сэр. Я разговаривал с мистером Перси Горринджем. Он позвонил незадолго до вашего прихода. А я притворился, что я – это вы, и уведомил его, что его просьба о тысяче фунтов невыполнима. Я надеялся этим избавить вас от неловкости личного отказа.

Признаюсь, я был тронут. После того как я одержал над ним верх в поединке волею, он вполне мог разобидеться и пренебречь своим долгом феодальной верности молодому хозяину. Но Дживс и я, хотя можем в чем-то не соглашаться, например по вопросу об усах, однако никогда не допустим, чтобы наше разногласие перешло границы.

– Благодарю вас, Дживс.

– Не стоит благодарности, сэр.

– Удачно вышло, что вы успели вернуться домой и оказались в нужную минуту на посту. Приятно провели время в своем клубе?

– Вполне, сэр.

– А вот я в своем – не очень.

– Неужели, сэр?

– Встретил там Сыра Чеддера в дурном настроении. Расскажите мне, Дживс, как вы проводите время в «Подсобнике Ганимеде»?

– Многие члены клуба, сэр, садятся честь по чести играть в бридж. Ведутся также весьма увлекательные разговоры. А если кому желательно позабавиться, всегда есть клубные книги.

– Клубные... А, ну да, я помню.

Вы, надеюсь, тоже помните, если вам довелось находиться поблизости, когда я излагал события в Тотли-Тауэрс, загородном доме сэра Уоткина Бассета, где мне удалось с помощью этой клубной книги одолеть силы тьмы в лице Родерика Спода.

Согласно пункту одиннадцатому «Правил», если вы не забыли, члены клуба «Подсобник Ганимед» обязаны записывать в особую книгу интимные сведения о своих работодателях. Так вот, из клубной книги стало известно, что Спод, самодеятельный диктатор-любитель и главарь банды Черноштанников, которые ходили в широких черных трусах и орали «Хайль Спод!», этот самый Спод, оказывается, кроме того, еще втихую шьет дамское исподнее белье

на своей фирме под названием «Eulalie Soeurs». Вооруженный таким знанием, я, разумеется, без труда низвел его в разряд третьестепенной державы. Диктаторам неинтересно, чтобы о них распространялись подобные сведения.

Однако, хотя в тот раз клубная книга и сослужила мне добрую службу, я вообще-то ее не одобряю. В моей жизни мало ли что случалось, и разве приятно сознавать, что всякие происшествия и эпизоды, которые я хотел бы похоронить в пучине забвения, теперь служат ежедневной забавой сборищу лакеев и дворецких?

– Вы не могли бы, Дживс, вырвать из вашей клубной книги материалы о Вустере?

– Боюсь, что нет, сэр.

– В них содержится много взрывчатого материала.

– Ваша правда, сэр.

– Что если он станет достоянием гласности и дойдет до тети Агаты?

– На этот счет вы можете не беспокоиться, сэр. Каждый член клуба полностью сознает, что строжайшее соблюдение тайны – это *sine qua non*.

– И все-таки мне бы спокойнее жилось, если бы этот лист...

– Эти одиннадцать листов, сэр.

– ...если бы эти одиннадцать листов были преданы огню.- Тут меня вдруг осенила одна мысль.- А про Сыра Чеддера у вас в книге что-нибудь есть?

– Кое-что имеется, сэр.

– Дискредитирующее?

– В сущности, нет, сэр. Его личный лакей всего лишь сообщает, что у него привычка в волнении восклицать: «Хо!», а также по утрам перед завтраком нагишом делать шведскую гимнастику.

Я вздохнул. Я вообще-то и не надеялся, но все-таки жаль. Я всегда считал, – и по-моему, справедливо,- что в затруднительном положении ничто так не помогает, как небольшая порция своевременного и меткого шантажа. Как славно было бы, например, явиться к Дж. д'Арси Чеддеру и сказать: «Слушай, Сыр, мне известна твоя тайна», – и он бы тут же, у меня на глазах, сник. Но на какой успех можно рассчитывать, когда шантажируемая сторона только в том и виновата, что восклицает: «Хо!» и скручивается в узел, прежде чем приступить к яичнице с беконом? Было очевидно, что мне не добиться против Сыра того морального триумфа, какой я стяжал в борьбе с Родериком Сподом.

– Ну ладно,- смирился я.- Раз так, значит так, верно?

– Судя по всему, да, сэр.

– Ничего не остается, кроме как держать выше голову и покрепче сжать зубы. Пожалуй, пойду лягу и прихвачу с собой душеспасительную книгу. Вы читали «Загадку красного рака», сочинение Рекса Уэста?

– Нет, сэр, не имел удовольствия. И прошу прощения, сэр, забыл сказать: незадолго перед вашим приходом звонила леди Флоренс Крэй. Ее милость велела передать, что будет рада, если вы ей позвоните. Сейчас я наберу ее номер, сэр.

Я удивился. В чем дело? Конечно, нет причины, почему бы ей не попросить, чтобы я ей позвонил. Но, с другой стороны, зачем?

– Что ей надо, она не сказала?

– Нет, сэр.

– Странно, Дживс.

– Да, сэр... Одну минуту, миледи. Мистер Вустер у телефона.

Я взял у него трубку и сказал: «Алло!».

– Берти?

– Он самый.

– Надеюсь, вы еще не легли спать?

– Нет-нет, что вы.

– Я так и думала. Берти, вы не окажете мне услугу? Я хочу, чтобы зы повезли меня сегодня в ночной клуб.

– Куда?

– В какой-нибудь ночной клуб. В заведение низкого пошиба. Дешевое и малоприличное. Мне нужно для книги, которую я пишу. Чтобы передать атмосферу.

– О! А! – Я понял, о чем она. В атмосферах я разбираюсь. Жена Бинго Литтла, известная романистка Розы М. Бэнкс, на атмосферах собаку съела, мне сам Бинго говорил. Она часто посылает его в разные значные места, чтобы он записал свои наблюдения, что там и как, а она потом это использует в качестве горючего для очередной главы. Судя по всему, если ты сочиняешь романы, надо подбирать правильную атмосферу, иначе читающая публика примется присылать ругательные письма, начинающиеся словами: «Дорогая мадам, известно ли вам, что...?».- Вы пишете про ночные клубы?

– Да. Я как раз остановилась на том месте, где мой герой приезжает в ночной клуб, но я в этих заведениях никогда не бывала, а только в уважаемых, которые посещают наши знакомые, но это совсем не то, нужно что-то более... как бы сказать...

– Что-нибудь похлеще?

– Да, похлеще.

– Вы хотите поехать сегодня?

– У меня нет выбора. Завтра я уезжаю в Бринкли.

– Погостить у тети Далии?

– Да. Ну, так как, вы сможете?

– Вполне. Буду рад.

– Отлично. Меня должен был отвезти д'Арси Чеддер,- добавила Флоренс, и я услышал в ее голосе нечто стальное и брезгливое,- но оказалось, что он занят. Вот мне и пришлось обратиться к вам.

Это можно было бы сказать и потактичнее, подумалось мне, но я не стал вдаваться.

– Договорились. Я заеду за вами в половине двенадцатого.

Вы удивлены? Вы говорите себе: «Но как же так? Что такое, Вустер?» – недоумевая, почему я ввязываюсь в ситуацию, от которой должен бы бежать как от огня? Но на это у меня есть готовый ответ.

Понимаете ли, мой быстрый ум моментально сообразил, что тут я, возможно, извлеку для себя некоторую выгоду. Накормлю ее, напою, глядишь, она и смягчится, и тогда, кто знает? Не исключено, что мне удастся помирить ее с кисломолочным продуктом по фамилии Чеддер, с которым она до сих пор предполагала пойти к алтарю, а я таким образом отведу от себя угрозу, постоянно чернеющую на вустеровском горизонте, пока данная особа на свободе. Тут понадобится, я считал, только несколько сердечных слов от сочувствующего бывалого человека, а их в моем распоряжении сколько угодно.

– Дживс,- сказал я,- я опять уйду. И значит, дочитывание «Загадки красного рака» придется отложить, но тут уж ничего не поделаешь. На самом-то деле я уже, кажется, разгадал эту загадку. Или я очень глубоко заблуждаюсь, или же прихлопнул сэра Юстаса

Уиллоуби, баронета, его дворецкий.

– Вот как, сэр?

– К такому выводу я пришел, перебрав улики. Все эти попытки бросить тень подозрения на священника меня не обманули ни на минуту. Позвоните-ка в «Пеструю устрицу» и закажите столик на мое имя, ладно?

– Не слишком близко к оркестру, сэр?

– Вот именно, Дживс, вы правы, как всегда. Не слишком близко к оркестру.

Уж не знаю, почему, но в последнее время в ночные клубы меня не особенно тянет. Видно, старость, что ли, подкрадывается. Но я все-таки еще сохраняю членство в некоторых из них, включая «Пеструю устрицу», где я велел Дживсу заказать мне столик.

У этого заведения жизнь была беспокойная. Время от времени мне приходили от его владельцев вежливые уведомления о том, что они в очередной раз сменили название и адрес. Пережив облаву в качестве «Сырного духа», клуб стал называться «Замороженным лимитом», подвергся бандитскому налету, после чего бесстрашно поднял на входе знамя со странным девизом [*знамя со странным девизом.* - Про знамя со странным девизом говорится в стихотворении Г. Лонгфелло «Эксельсиор» (1842).] «Удивленная креветка», а уж оттуда до «Пестрой устрицы» было, конечно, рукой подать. Во дни моей пылкой юности я провел немало приятных вечеров в стенах этого заведения под разными вывесками, и мне подумалось, что если оно хоть отчасти сохранило прежнюю форму, это как раз то, что нужно Флоренс. Мне оно запомнилось именно своей пестротой. Оттого, вероятно, оно так притягивало и бандитов, и полицейских.

В половине двенадцатого я заехал за Флоренс. Она вышла ко мне какая-то хмурая, губы поджаты, глаза устремлены в пространство и холодно поблескивают. Впрочем, так всегда бывает с людьми после бурной перебранки. Пока ехали в такси, моя дама безмолвствовала, как гробница, и все время постукивала ногой по полу автомобиля, из чего можно было заключить, что она думает про Сыра, с сердечной мукой или нет, я, конечно, не знаю, но думаю, что да. В «Пеструю устрицу», шествуя позади Флоренс, я вошел с оптимизмом. Похоже было, что удача обещает мне улыбнуться и я смогу смягчить Флоренс, если только буду внимателен в выборе слов и достучусь до лучшей стороны ее натуры.

Когда мы сели за столик и я огляделся, мне, признаться, подумалось, что для моих целей скорее подошло бы менее ослепительное освещение и обстановка задушевнее, если допустимо так сказать про обстановку, и даже, может быть, без такого сильного запаха копченой селедки, который стоял в помещении наподобие тумана. Но зато с эстрады, где сидели музыканты, какой-то насморочный субъект пел в микрофон нечто душещипательное, способное размягчить самое каменное сердце.

Удивительная вещь. Я знаю нескольких сочинителей душещипательных песен, это самые жизнерадостные люди из всех моих знакомых, улыбчивые, шутники, остроумцы, и тому подобное. Но стоит им взять в руки перо и бумагу, и они сразу впадают в меланхолию. «Все мне грустно, все немило, ты мне сердце разбила», - в таком духе. Сегодняшний певец доносил через микрофон до всеобщего сведения, что он плачет в подушку, так как его любимая завтра выходит замуж, и, главное, не за него. Это ему сильно не нравилось. Внушало беспокойство. Вдвоем с микрофоном они выжали из этого события все, что только было возможно.

Кто-нибудь другой на моем месте, наверное, воспользовался бы этим нытьем и, не откладывая, тут же перешел к делу. Но я, со свойственной мне проницательностью, сообразил, что надо выждать, пока оно сработает. Поэтому, заказав копченую селедку и бутылку чего-то, что на поверку оказалось чем-то вроде крысиного яда, я завел разговор на более отвлеченную тему, а именно: как продвигается новый роман? Романисты, особенно женского пола, любят оповещать людей о своих достижениях.

Флоренс сообщила мне, что роман продвигается успешно, но не быстро, она вообще из тех, кто работает медленно и вдумчиво, между абзацами долго размышляет и не жалеет усилий в поисках подходящего слова, точно выражающего то что требуется выразить. Как Флобер, пояснила она, и я сказал, что она на верном пути. Я тоже, говорю, пользовался таким методом, когда писал статью для «Будуара».

Я имел в виду журнал для тонко воспитанных читательниц «Будуар светской дамы», принадлежащий моей любезной и любимой тете Далии. Она издает его уже четвертый год, к неудовольствию своего мужа, моего дяди Тома, вынужденного платить по счетам. И по ее заказу я как-то раз написал для этого журнала статью – или материал, как говорим мы, журналисты, - на тему: «Что носит хорошо одетый мужчина».

– Так вы, стало быть, завтра отбываете в Бринкли? – продолжал я разговор.- Вам там понравится. Свежий воздух, песчаные почвы, собственное водоснабжение, стряпня Анатоля, и прочее.

– Да. И, конечно, я буду счастлива познакомиться с Дафной Долорес Морхед.

Имя было мне незнакомо.

– Дафна Долорес Морхед?

– Романистка. Она там будет. Я в восхищении от ее книг. Да, кстати, она пишет сериал для «Будуара».

– Вот как? – Это меня заинтриговало. Всегда интересно узнать, над чем работают коллеги-писатели.

– Вашей тете это, должно быть, стало в немалую сумму. Дафна Долорес Морхед – писательница дорогая. Не помню точно, сколько она берет за тысячу слов, но что-то колоссальное.

– Выходит, тетин журнал процветает?

– Видимо, так.

Последнюю реплику Флоренс произнесла безразличным тоном, вдруг утратив всякий интерес к тетинному «Будуару». Не иначе как ее мысли вновь обратились к Сыру. Она скучливым взглядом обвела помещение. Народу в зале, между тем, прибавилось, на пространстве для танцев толкался простой народ обоего пола.

– Ну и публика! – сказала Флоренс.- Честно сказать, Берти, меня удивило, что вы посещаете такие места. Ночные клубы все наподобие этого?

Я прикинул.

– Есть похуже, есть получше. Этот, я бы сказал, средний ночной клуб. Шумновато, конечно, но вы ведь просили, чтобы заведение было побойчее.

– Я вовсе не жалею. Я запишу кое-какие наблюдения. Как я себе представляю, здесь как раз такое место, куда отправился Ролло в ту ночь.

– Кто это Ролло?

– Ролло Биминстер. Герой романа.

– А, понимаю. Ну, конечно. Вышел поразвлечься.

– Не поразвлечься, а он был вне себя. В отчаянии. Он лишился той, которую любил.

– Вот это да! А дальше что?

Я воодушевился. Что бы ни говорили про Бертрама Вустера, но если мне подкинуть нужную реплику, я уж как-нибудь ее не упущу. Тут на меня можно положиться. Я откашлялся. Жареная рыба и бутылка были уже на столе. Я отправил в рот кусок рыбы и отпил содержимого бутылки. На вкус это было что-то вроде репейного масла.

– Вы меня жутко заинтересовали,- сказал я.- Он лишился, стало быть, той, которую любил?

– Она ему сказала, что не желает больше с ним ни видеться, ни разговаривать.

– Ну и ну. Тяжелое переживание. Бедняга.

– И он идет в этот злачный ночной клуб. Чтобы забыться.

– Держу пари, что это ему не удастся.

– Нет, конечно. Он обводит взором весь здешний блеск и пестроту и понимает, что это все пустое. Я, пожалуй, использую для сцены в ночном клубе вон того официанта с водянистыми глазами и с фурункулом на носу,- пробормотала Флоренс, делая заметки на обороте меню.

Я плеснул себе еще глоток жидкости из бутылки, для храбрости, и набрал в грудь воздуху.

– Если *он* лишается той, которую любит,- тоном крупного знатока приступил я к делу,- или, наоборот же, если *она* лишается того, кого любит, это всегда – ошибка. Не знаю, как считаете вы, но мне лично кажется, что глупо давать отставку герою своей мечты просто из-за какой-то пустячной размолвки. Поцелуйтесь, и мир, мир навсегда – вот мое мнение. Я видел сегодня вечером Чеддера в клубе «Трутни»,- продолжал я, переходя на личности.

Флоренс гордо выпрямилась и сдержанно отправила в рот кусочек рыбы. А когда груз прошел в трюм и она смогла опять говорить, то холодным, металлическим голосом коротко переспросила:

– Да?

– Он был в ужасном состоянии.

– Да?

– В отчаянии. Как безумный. Обводил взглядом клубную курилку, и чувствовалось, что она кажется ему безлюдной пустыней.

– Да?

Наверное, если бы сейчас кто-нибудь подошел и спросил бы у меня: «Как идет дело, Вустер? Успешно?» – я бы ответил отрицательно: «Что-то непохоже, Уилкинсон – или Бэнкс, или Смит, или Нэчбулл-Хьюгессен, или как там его,- так бы я сказал.- Впечатление такое, что ни тпру, ни ну». Однако я не отступался:

– Да, он был вне себя. Казалось, еще немного, и он соберется и махнет в Скалистые горы стрелять медведей-гризли. Ужасная мысль.

– Ужасная для тех, кому жаль медведей?

– Нет, я имел в виду тех, кому жаль Чеддера.

– Я к их числу не принадлежу.

– Вот как? Ну, а если бы он поступил в Иностраннный легион?

– Я бы это одобрила.

– Разве приятно вам было бы думать, что он сейчас бредет по раскаленным пескам, и ни одной пивной в поле зрения, только берберы, или как их там, стреляют в него из-за каждого угла?

– Да, приятно. Если бы я увидела, что какой-нибудь бербер целится в д'Арси Чеддера, я бы, со своей стороны, взяла поддержать его шляпу и пожелала ему удачного выстрела.

И снова у меня возникло ощущение, что дело застряло на мертвой точке. Выражение лица у Флоренс было такое холодное, как рыба у меня на тарелке (я за этими разговорами совсем про нее забыл). Мне стало понятно, каково приходилось тем ребятам из Библии,

которые тщетно пытались зачаровать глухого аспида. Всех подробностей не припомню, хотя в школе я один раз даже получил награду как знаток Священного Писания, знаю только, что они из кожи вон лезли, чтобы зачаровать этого аспида, взмокли от пота, а результат – ноль. С глухими аспидами, насколько я понимаю, почти всегда так.

– Вы знаете Хораса Пендлбери-Дейвенпорта? – задал я вопрос после затянувшейся паузы, когда мы оба молча ковыряли каждый свою рыбину.

– Того, что женился на Валери Туислтон?

– Того самого. Он бывший наш клубный чемпион по «летучим дротикам».

– Да, мы знакомы. А он еще тут при чем?

– При том, что он воплощает мораль и служит венцом басни. Пока они ходили помолвленные, у них с Валери произошла ссора примерно такого же калибра, что и у вас с Сыром, и они чуть было не расстались навеки.

Флоренс бросила на меня ледовитый взгляд.

– Обязательно надо упоминать мистера Чеддера?

– Я рассматриваю его как главную тему в сегодняшней повестке дня.

– А я – нет. И я, пожалуй, поеду домой.

– Нет-нет, погодите. Я должен рассказать вам про Хораса и Валери. Они поссорились, как я уже сказал, и чуть было не расстались навсегда, но их помирила одна женщина, которая, по словам Хораса, кажется, разводила коккер-спаниелей. Она рассказала им свою трогательную историю, и эта история растопила их сердца. Когда-то она любила некоего субъекта, но повздорила с ним из-за сущего пустяка, а он развернулся кругом и уплыл в Федеративные Штаты Малайи, где женился на вдове плантатора-каучуководы. С тех пор каждый год она получала простой букет белых фиалок и с ним записку: «А ведь могло бы быть...». Вы же не хотите, чтобы и у вас с Сыром получилось так?

– Очень даже хочу.

– И вам ничуть не больно думать, что, может быть, в эту самую минуту он ходит по парокходствам и наводит справки насчет отплытия в Малайю?

– Сейчас ночь, и все парокходства закрыты.

– Ну, завтра, с утра пораньше.

Она положила нож и вилку и как-то странно на меня посмотрела.

– Берти, вы удивительный человек,- проговорила она.

– То есть, в каком смысле удивительный?

– Наговорили тут столько чепухи, чтобы помирить меня с д'Арси. Я, конечно, восхищаюсь вами за это. Я нахожу, что вы ведете себя благородно. Впрочем, все знают, что мозгов у вас – как у болотной курочки, но зато вы – сама доброта и щедрость.

Я оказался в затруднительном положении, поскольку ни одной болотной курочки лично не знал и поэтому не мог судить о том, сколько у нее мозгов, но из слов Флоренс можно было понять, что маловато, и я уже собрался было спросить, а кто такие это знающие все, на которых она ссылается, когда она продолжила свои рассуждения:

– Вы ведь сами хотите на мне жениться, верно?

Мне пришлось опять отхлебнуть здешнего вина, прежде чем я смог ответить. Это был трудный вопрос.

– Ну да, а как же,- заверил я ее, чтобы она не обиделась. – Всякий захочет.

– И тем не менее вы...

Договорить она не успела, потому что в эту минуту внезапно, как это всегда

происходит, началась облава. Джаз-банд замолчал на полуслове. Стало тихо. Словно из-под половиц, повыскакивали какие-то молодцы с квадратными челюстями, и один из них, судя по всему, главный распорядитель, голосом зычным, как сирена в тумане, велел всем оставаться на местах. Я еще, помнится, подумал, как они все точно подгадали: как раз к тому моменту, когда наш разговор принял неприятный оборот и уже грозил серьезной неловкостью. Мне доводилось слышать о лондонской полиции дурные отзывы,- как, например, от Китекэта Поттера-Перебрайта и остальных наутро после лодочных состязаний между Оксфордом и Кембриджем,- но человек непредубежденный не может не признать, что в отдельных случаях полиция выказывает чудеса такта.

Я, разумеется, не испугался. В такие передраги я попадал уже неоднократно и заранее знал, что будет дальше. Поэтому, видя, что моя дама переполошилась, я поспешил развеять ее опасения:

– Волноваться совершенно не о чем. Не надо «рыдать, лия потоки слез и в грудь себя бия» [*...и в грудь себя бия.*- Цитата из трагедии Дж. Мильтона «Самсон-борец» (1671)], как говорит Дживс. Все нормально.

– Они нас не арестуют?

Я снисходительно улыбнулся. Уж эти мне новички.

– Глупости. Нет ни малейшей опасности.

– Откуда вы знаете?

– Мне все это давно и хорошо знакомо. Коротко говоря, сейчас произойдет следующее. Нас всех сгонят в кучу, и мы в простых фургонах мирно отправимся в полицейский участок. А там в приемной выстроимся в очередь, и каждый назовет свое имя, фамилию и адрес, допуская при этом в мелочах некоторые отклонения от истины. Я, например, обычно называю себя Эфраим Гэдсби, проживающий по адресу: Стрэтхем-коммонз, Джубили-роуд, «Настурции». Почему именно так, сам не знаю, такая фантазия в голову пришла. А вы, если послушаете моего совета, назовитесь Матильдой Ботт, дом 365 по Черчилль-авеню, Ист-Далидж. По завершении этих формальностей нас отпустят по домам, а хозяин этого заведения останется один перед лицом его величества Закона.

Но Флоренс мои слова не успокоили. Я вижу, ей ну никак не сидится на месте. Вопреки предписаниям человека-сирены, она вскакивает со стула, будто пронзенная снизу спицей, и говорит:

– А по-моему, будет все не так.

– Так-так, если только они не завели новые порядки.

– По-моему, потащат в суд.

– Да нет же.

– Я лично не намерена рисковать. Всего наилучшего!

И сорвавшись с места, Флоренс бросилась к служебной двери, находившейся неподалеку от нашего столика. Ближайший констебль взлаял, как гончий пес, и рванул вдогонку.

Разумен ли был мой следующий поступок? Этого я так для себя и не решил. То мне кажется, что да, ведь рыцарь Байярд [*Байярд*, Пьер де Террай (1473-1524) – знаменитый в Западной Европе «рыцарь без страха и упрека», герой многих преданий и баллад.] на моем месте поступил бы так же; а то – все-таки нет. А произошло, говоря вкратце, вот что: когда жандарм пробежал мимо меня, я выставил ногу, и он на полном скаку ласточкой спикировал на пол. Флоренс улизнула, а страж закона, разобравшись, где у него ноги, а где руки, поднялся с пола и уведомил меня,

что я арестован.

А так как при этом он одной рукой держал меня за шиворот, а другой – сзади за штаны, сомневаться в правоте этого честного малого у меня не было оснований.

Ночь я провел «в узилище зловонном» [...в узилище зловонном.- Слова из посмертно опубликованного стихотворения Р. Бернса (1759-1796) «Письмо Эзопа к Марии».], как сказал поэт, и наутро, чуть свет, был доставлен в полицейский суд на Винтон-стрит, где мне предъявили обвинение в «нападении на служителя закона и в воспрепятствовании исполнению им служебного долга» – выражение, на мой взгляд, емкое и по существу. Я был жутко голоден и небрит.

С мировым судьей этого района я прежде не встречался, как правило, я пользовался услугами его конкурента в районном суде на Бошер-стрит. Но Барми Фодеринг-Фиппс, познакомившийся с ним как-то в новогоднюю ночь, предупредил, что с ним лучше дела не иметь, и теперь я в этом лично убедился. Мне даже подумалось, пока я слушал из уст пострадавшего фараона сагу о моем прегрешении, что Барми, обозвавший этого законника непробиваемым болваном с отдельными наиболее отталкивающими чертами испанского инквизитора высших степеней, скорее недооценил его в этом качестве, чем переоценил.

Вид старого негодяя мне сразу не понравился. Он дышал ядом. Выражение его лица, если это можно назвать лицом, по ходу повествования становилось все мрачнее и беспощаднее. Он то и дело бросал на меня сквозь пенсне свирепые взоры, и даже самый подслеповатый зритель не мог бы не заметить, что все его симпатии – на стороне полицейского, а на роль мальчика для побоев выдвинут задержанный Гэдсби. Мне становилось все яснее, что задержанный Гэдсби сейчас получит по первое число и хорошо, если не угодит на остров Дьявола. [*Остров Дьявола.* – Скалистый остров у берегов Французской Гвианы, куда до 1953 года отправляли преступников на каторгу.]

Тем не менее, когда полицейский договорил свое «J'accuse» [«Я обвиняю» (*франц.*) - слова-рефрен из знаменитой статьи Э. Золя в защиту Дрейфуса в связи с судебным процессом 1894-1906 гг.] и меня спросили, желаю ли я что-нибудь сказать, я приложил старания. Да, признал я, в тот вечер, о котором речь, я действительно вытянул ногу, в результате чего констебль полетел вверх тормашками, но сделано это было случайно, без задней мысли. Просто у меня затекла нога от долгого сидения за столиком, и захотелось расслабить мышцы.

– Знаете, как иной раз бывает, хочется размяться,- пояснил я.

– Думаю, вы у меня получите возможность поразмяться вдоволь, притом в течение длительного времени,- посулился судья.

Сразу угадав в этом шутку, я от всей души расхохотался, желая показать, что с чувством юмора у меня все в порядке. Пристав из глубины зала сразу рявкнул: «Тишина в зале!» И напрасно я пытался втолковать ему, что меня рассмешило остроумие его чести, он только опять на меня зашикал. А тут и его честь еще раз всплыл на поверхность.

– Однако,- пробурчал он, поправляя пенсне на носу,- учитывая вашу молодость, я склонен проявить снисхождение.

– Вот и роскошно! – обрадовался я.

– Роскошно – не роскошно, а штраф десять фунтов. Следующий!

Я заплатил мой долг перед Обществом и двинул домой.

Когда я возвратился под родимый кров, Дживс был занят домашними делами, отрабатывая свое еженедельное жалованье. Он скопил на меня вопрошающий глаз, и мне стало ясно, что ему от меня причитаются объяснения. Его наверняка удивило, что спальня

пуста и постель не смята.

– Небольшие трения со служителями закона, Дживс,- сообщил я ему.- Что-то вроде того, как «Юджин Арам в наручниках шел, / И два стража шли по бокам». [...два стража шли по бокам.- Цитата из стихотворения Т. Гуда «Сон Юджина Арама» (1829), где описывается арест убийцы.]

– Вот как, сэр? Весьма неприятно.

– Мне это совсем не понравилось, а вот судья, с которым я сегодня утром обсуждал этот случай, получил уйму удовольствия. Я привнес луч света в его сумрачную жизнь. Вы знали, что полицейские судьи – великолепные комики?

– Нет, сэр. Этот факт мне неизвестен.

– Представьте себе некое подобие Граучо Маркса и попадете в самую точку. Шпарил шутку за шуткой, и все на мой счет. А я выступал в роли Простодушного, и мне это совсем не доставляло удовольствия, тем более, не дали завтрака, вернее, ничего такого, что сознательный гурман согласился бы признать завтраком. Вы когда-нибудь проводили ночь в застенке, Дживс?

– Нет, сэр. В этом отношении мне повезло.

– Там у человека разыгрывается такой аппетит! Так что поспешите на подмогу, если вы не против, и беритесь скорее за сковородку. Яйца в доме есть, надеюсь?

– Есть, сэр.

– Мне понадобится с полсотни и, пожалуй, такое же количество фунтов бекона. И тосты. Четырех батонов, я думаю, хватит, но будьте наготове подать еще, если понадобится. Да, и кофе. Скажем, шестнадцать кофейничков.

– Очень хорошо, сэр.

– А вы после этого, конечно, поспешите к «Подсобнику Ганимеду»,- не без горечи заметил я,- чтобы записать мои злоключения в вашу клубную книгу?

– Боюсь, сэр, у меня нет выбора. Я должен. Правило номер одиннадцать чрезвычайно строгое.

– Что ж, должны так должны. Я совсем не хочу, чтобы вас выволокли в середину каре с дворецкими по сторонам и срезали у вас пуговицы с пиджака. Кстати, о клубной книге. Вы уверены, что в ней нет ничего на букву «Ч» про Чеддера?

– Ничего, кроме того, что внесено мною вчера, сэр.

– Н-да, от этого проку мало,- вздохнул я.- Не скрою от вас, Дживс, что Сыр Чеддер представляет теперь для меня серьезную опасность.

– Неужели, сэр?

– Я надеялся, что, может быть, у вас там найдется что-нибудь такое, чем можно было бы заклепать его орудия. Но, конечно, раз нет, значит нет. Ладно, несите сюда мой завтрак, да поживее.

Минувшей ночью я почти не спал на дощатом ложе, какие гестапо на Винтон-стрит предоставляет для удобства своих клиентов, поэтому, насытившись, я завалился в постель. Мне, как Ролло Биминстеру, хотелось все забыть. И было уже сильно за полдень, когда телефонный звонок вырвал меня из объятий глубокого сна. Чувствуя себя неплохо освежившимся я нырнул в халат и подошел к аппарату.

Это оказалась Флоренс.

– Берти? – пискнула она.

– Как? Вы же собирались сегодня в Бринкли.

– Сейчас отправляюсь. Я позвонила узнать, что с вами было вчера после моего ухода?

Я рассмеялся горьким смехом.

– Приятного мало,- ответил я. – Меня загребла полиция.

– Но вы же говорили, они не арестуют.

– Вообще нет. Но арестовали.

– А сейчас вы в порядке?

– Заметно осунулся.

– Не понимаю. Почему вас арестовали?

– Длинная история. Вкратце говоря, я понял, что вы решили покинуть помещение, смотрю, за вами следом во всю прыть несется фараон, я выставил ногу, он споткнулся, ну, и утратил к преследованию всякий интерес.

– Господи милосердный!

– Мне подумалось, что так будет правильно, потому что еще мгновение, и он ухватил бы вас сзади за брюки. Он, конечно, этого не стерпел, и в итоге я провел ночь в тюремной камере, а утром имел малоприятный разговор с мировым судьей в полицейском участке на Винтон-стрит. Впрочем, сейчас я уже почти совсем отдышался.

– О, Берти!

Она, похоже, растрогалась и дрогнувшим голосом сказала мне «спасибо», а я ответил, что не стоит благодарности. Тут она вдруг охнула, как будто получила кулаком поддых на уровне третьей жилетной пуговицы. И переспросила:

– Винтон-стрит, вы сказали?

– Да.

– Ах, Боже мой! Вы знаете, кто там судья?

– Затрудняюсь вам сказать. Мы не обменялись визитными карточками. На суде мы звали его запросто «Ваша честь».

– Это дядя д'Арси Чеддера!

Я чуть не чертыхнулся то изумления.

– Ей-богу?

– Ей-богу.

– Тот, что любит суп?

– Тот самый. Можете себе представить, что было бы, если бы вчера вечером я у него обедала, а сегодня утром предстала бы перед ним, задержанная полицией!

– Да, неловко. Не найдешься, что сказать.

– Д'Арси бы мне этого не простил.

– Не понял.

– Он бы расторг помолвку.

– То есть как?

– Что – как?

– Как бы он расторг помолвку? Она ведь уже расторгнута? Флоренс засмеялась, как говорится, нежным серебристым смехом.

– О, нет. Сегодня утром он позвонил, взял назад все, что было сказано, и получил мое прощение. С сегодняшнего дня он отпускает усы.

У меня – гора с плеч.

– Замечательно! – говорю.

Тут она завздохала: «О, Берти!», «Ах, Берти!», я спросил, о чем она, и она объяснила,

что вздыхает, поскольку я так рыцарствен и щедр.

– Мало кто еще из мужчин, испытывая ко мне такие чувства, был бы способен вести себя так.

– Да ну, пустяки,- говорю я.

– Я страшно тронута.

– Забудьте. Так, значит, у вас с ним опять мир и любовь?

– Да. Смотрите, не проговоритесь ему, что я была вчера с вами в ночном клубе.

– Конечно, конечно. Ни полслова.

– Д'Арси ужасно ревнив.

– Мне это известно. Он ничего не узнает.

– Уж пожалуйста. Даже если бы он только проведал, что я сейчас разговариваю с вами по телефону, с ним и то случилась бы истерика.

Я хотел было снисходительно рассмеяться в ответ и возразить, что это, как выражается Дживс, сугубо маловероятно, откуда бы Сыру узнать, что мы тут чешем языки, как вдруг я краем глаза заметил у себя в поле зрения некий крупный предмет. Я слегка повернул голову и убедился, что этот кр. пр. на самом деле – могучая фигура д'Арси Чеддера собственной персоной. Я не услышал дверного звонка и не видел, как он вошел, но это, несомненно, был он – опять явился моему взору, точно проживающее по здешнему адресу привидение.

Тут требовалось соображать молниеносно. Нельзя же допустить, чтобы к вам приходили и прямо в гостиной закатывали истерики. Да и вряд ли, выяснив, кто у меня на том конце провода, Сыр ограничится только истерикой.

– Конечно, Китекэт,- внятно произнес я в трубку.- Разумеется, Китекэт. Я понимаю, Китекэт. Но сейчас я должен попрощаться, Китекэт, так как ко мне зашел наш общий друг Чеддер. Пока, Китекэт.- Я повесил трубку и обернулся к Сыру.- Говорил с Китекэтом,- пояснил я ему.

Сыр на это ничего не сказал, а продолжал стоять и мрачно взирать на меня. Теперь, зная о кровном родстве Сыра с судьей на Винтон-стрит, я увидел меж ними явное фамильное сходство. У племянника, как и у дяди, была манера щуриться и смотреть на человека из-под нависших бровей. Разница была лишь в том, что дядюшка пронзал вас взором сквозь стекла пенсне, а племянничек действовал невооруженным взглядом.

Сначала я подумал, что неудовольствие моего гостя вызвано моим костюмом: я принимал его в халате и пижаме, а в три часа дня такое одеяние может натолкнуть на определенные мысли. Но нет, оказалось, что на повестке дня вопрос посерьезнее.

– Вустер,- произнес Сыр голосом гулким, как шум Корнуолского железнодорожного экспресса в туннеле.- Где ты был минувшей ночью?

К этому вопросу, признаюсь, я был совсем не готов. Я даже покачнулся. Но тут же напомнил себе, что против меня нет никаких улик, и снова воспрял духом.

– Аа, Сыр! – воскликнул я приветливо.- Заходи, заходи. Ах, ты уже зашел? Ну, тогда присаживайся и расскажи, что новенького. Прекрасная погода, не правда ли? Многие не любят июль в Лондоне, но мне лично нравится. На мой вкус, в это время года тут что-то такое есть эдакое.

Но он был, похоже, как раз из тех, которые июль в Лондоне не одобряют, судя по тому, что рассуждать на эту тему не пожелал и только фыркнул по своему обыкновению.

– Где ты был минувшей ночью, черт бы тебя побрал? – повторил он, и я заметил, что лицо у него багровое, щеки подергиваются и глаза, подобно звездам, вот-вот покинут свои орбиты.

Я сделал попытку изобразить равнодушие и спокойствие.

– Минувшей ночью? Дай припомнить. Это будет ночь на двадцать второе июля, .верно? Гм. Кхе. Ночь на...

Он два раза сглотнул.

– Вижу, ты подзабыл. Позволь освежить твою память. Ты был в ночном притоне вместе с моей невестой Флоренс Крэй.

– Кто, я?

– Да, ты. А сегодня утром ты предстал перед полицейским судьей в участке на Винтон-стрит.

– Ты уверен, что говоришь обо мне?

– Вполне уверен. Информация получена от моего дяди, тамошнего судьи. Он у меня сегодня обедал, и уходя, заметил на стене твое фото.

– Я и не знал, что у тебя на стене висит мой фотопортрет. Очень тронут.

Но он продолжал кипятиться.

– Фото групповое,- буркнул Сыр,- и ты оказался на нем среди прочих. Дядя Джо присмотрелся, засопел и спрашивает: «Ты знаешь этого молодого человека?» Я объяснил, что мы принадлежим к одному клубу, поэтому поневоле иногда пересекаемся, только и всего. Хотел еще добавить, что по собственному желанию я бы к тебе десятифутовым шестом не притронулся, но он, все так же сопя, поспешил выразить радость оттого, что я не состою с тобой в дружбе, поскольку такой человек не годится в друзья его племяннику. Он сказал, что утром ты был доставлен к нему в суд по обвинению в нападении на полицейского, задержавший тебя полицейский показал, что ты подставил ему ножку в ночном клубе во время его погони за платиновой блондинкой.

Я оскорбленно поджал губы. Вернее, я хотел оскорбленно поджать губы, но у меня не получилось

– Ах вот оно что. Лично я не стал бы так уж доверять показаниям полицейского, который проводит время, гоняясь за платиновыми блондинками в ночных клубах. А что до твоего дяди, рассказывающего небылицы, будто бы меня доставили к нему на суд, то известно, что представляют собой эти полицейские судьи. Низшая форма прудовой жизни. Когда у парня не хватает ума и предприимчивости, чтобы продавать заливных угрей, его определяют судьей в полицейском участке.

– По-твоему, при рассмотрении группового фото его обмануло некоторое сходство?

Я отмахнулся.

– Не обязательно некоторое. В Лондоне полно людей, смахивающих на меня очень сильно. У меня самый распространенный тип наружности. Мне рассказывали про одного субъекта, некоего Эфраима Гэдсби, из тех Гэдсби, что проживают на Срэтем-коммонс, так он просто вылитый я. Данный факт я, конечно, приму во внимание, когда буду подавать в суд на этого твоего родственничка за клевету и диффамацию, и не исключено даже, что пожалею его и решу все-таки смягчить справедливость милосердием. Но ты бы лучше предостерег старого дурака, чтобы впредь был осторожнее и не давал воли языку. Всякому терпению есть предел.

Сыр секунд на сорок пять погрузился в задумчивость.

– Платиновая блондинка,- произнес он по истечении паузы.- Полицейский показал, что у нее были очень светлые волосы.

– Эффектная, должно быть.

– Я нахожу чрезвычайно существенным то, что Флоренс как раз платиновая блондинка.

– Не вижу, почему. Среди девушек платиновых блондинок сотни. Мой дорогой Сыр, спроси себя, возможно ли, чтобы Флоренс оказалась посетительницей жалкого ночного клуба вроде этого... как ты сказал, он называется?

– Я не говорил. Но вроде бы он называется «Пестрая устрица».

– А, ну да. Слышат о таком. Как я понимаю, малоприличное заведение. Невозможно поверить, чтобы Флоренс посещала подобные притоны. Такая утонченная, интеллектуальная девица? Нет и нет.

Сыр призадумался. Кажется, его пробрало.

– Вчера она просила, чтобы я сводил ее в ночной клуб,- проговорил он, припоминая.- Какие-то ей нужны материалы для новой книги.

– Но ты, конечно, отказался?

– Вообще-то нет. Я сказал, что согласен. Но потом между нами возникли, э-э-э, разногласия, и это отпало.

– А она, разумеется, вернулась домой и легла спать. Как иначе могла поступить милая, невинная английская барышня? Неужели ты хоть на миг мог предположить, что она без тебя отправилась в какое-нибудь злачное местечко? Тем более, в притон, где, ты сам говорил, постоянно снуют полчища полицейских, гоняясь за платиновыми блондинками, да и не то еще может происходить под покровом ночи. Нет, Сыр, выкинь из головы такие мысли, они, позволь тебе заметить, тебя не достойны... А вот и Дживс,- обрадовался я, увидев, что безупречный слуга неслышными шагами вошел в гостиную со старым добрым подносом в руках.- Что вы нам принесли, Дживс? Ваше особое освежительное?

– Да, сэр. Я подумал, что мистер Чеддер будет, возможно, рад освежиться.

– Мистер Чеддер как раз созрел для стаканчика. Я сам к тебе не присоединюсь, Сыр, ты же знаешь, турнир по «летучим дротикам» на носу, я сейчас соблюдаю более или менее строгий режим. Но ты непременно должен отведать Дживсов сказочный бальзам. У тебя были переживания... волнения... беспокойства, а он приведет тебя в норму. Да, кстати, Дживс.

– Сэр?

– Вы не помните, какую душеполезную книгу я собирался вчера вечером почитать на сон грядущий, когда вернулся домой из клуба после разговора с мистером Чеддером?

– Разумеется, помню, сэр.

– Это была «Загадка красного рака», не правда ли?

– Совершенно верно, сэр.

– Кажется, я еще сказал, что мне не терпится поскорее к ней вернуться?

– Насколько я помню, сэр, это ваши точные слова. Вы сказали, что считаете минуты, когда, наконец, ляжете в постель и раскроете названное сочинение.

– Благодарю вас, Дживс.

– Не стоит благодарности, сэр.

Он выплыл вон, а я широко раскинул перед Сыром руки, как бы говоря: «Voilà».

– Слыхал? Если и теперь я не чист, как стеклышко, то уж и не знаю, как что. Но позволь, я налью тебе магического бальзама, испытаешь его уникальную живительную силу.

Что удивительно в Дживсовых эликсирах (многими уже отмечено), это что они пробуждают в человеке спящего тигра и они же действуют в обратную сторону: то есть, если тигр в человеке не спит, а, наоборот, бодрствует всюю, они его умиротворяют. Врываешься в дом, как дикий лев, опрокидываешь стопку и уходишь ягненок ягненком. Необъяснимо. Но факт.

Так случилось и с Сыром Чеддером. Пока не выпил, он пыхтел, рычал и был в любую минуту готов к предательству, интригам, грабежам [*...готов к предательству, интригам, грабежам,* - сказал Шейлок в «Венецианском купце» Шекспира. Действие 5, сц. 1.], как где-то кто-то сказал, и тут же, прямо у меня на глазах, стал добрее и лучше. На середине первой рюмки он уже миролюбиво признал, что был ко мне несправедлив. Я, может быть, и величайший из ослов, когда-либо сумевший улизнуть от эмиссаров психбольницы, ищущих новые таланты, сказал он, но ясно, что вчера в «Пеструю устрицу» я Флоренс не водил. И мое счастье, что не водил, добавил он, а то, в противном случае, он бы сломал мне хребет на три части. Словом, вполне дружеский, сердечный разговор.

– Возвращаясь к началу нашего разговора,- сменил я тему после того, как мы с ним сошлись во мнении, что его дядя Джозеф глуп и слеп на оба глаза, надо бы ему обратиться к хорошему окулисту,- я заметил, что, говоря о Флоренс, ты назвал ее «моя невеста». Значит, с

тех пор как мы виделись прошлый раз, над вами пролетел голубь мира? Можно считать вашу расторгнутую помолвку восстановленной?

Он кивнул.

– Да. Я пошел на ряд уступок по некоторым пунктам.- Он как бы невзначай коснулся пальцем своей верхней губы, и по лицу его пробежала тень муки.- Сегодня утром состоялось примирение.

– Отлично!

– Ты что, рад?

– Конечно.

– Хо!

– В каком смысле «Хо»?

Он пристально посмотрел на меня.

– Вустер, ладно тебе прикидываться. Ты же знаешь, ты сам в нее влюблен.

– Глупости.

– Глупости? Как бы не так. Меня не проведешь, и не надейся. Ты боготворишь ее, и я по-прежнему склонен думать, что эта твоя затея с усами имела на самом деле целью похитить ее у меня. Одно могу сказать: если я когда-нибудь увижу, что ты увиваешься вокруг Флоренс и пытаешься ее у меня сманить, я разломаю тебе хребет на четыре части.

– На три, ты говорил.

– Нет, на четыре. Впрочем, рад сообщить, что ближайшее время она будет для тебя вне пределов досягаемости. Сегодня она уезжает в Вустершир в гости к твоей тетке миссис Трэверс.

Поразительно, как одно неосторожное слово может посадить человека в глубокую калошу. Я чуть было не промолвил:

«Да, она мне говорила», что имело бы, понятно, катастрофические последствия. Но в последнюю минуту я все же сумел вместо этого пробормотать:

– Вот как? Она едет в Бринкли? И ты тоже?

– Я приеду следом через несколько дней.

– С нею ты, значит, не поедешь?

– Подумай сам. Неужели я соглашусь явиться на люди, пока эти чертовы усы, на которых она настаивает, не приняли мало-мальски пристойный вид? Буду сидеть в четырех стенах и дожидаться, чтобы эта мерзкая растительность немного разрослась. Пока, Вустер. Ты не забудешь, что я тебе говорил насчет твоего спинного хребта?

Я заверил его, что буду помнить, он допил свой эликсир и удалился.

Несколько следующих дней я был в пике своей формы, кипел энергией и очаровывал всех и каждого бодрыми улыбками и остроумными замечаниями. В этот благодатный период, если слово «благодатный» здесь подходит, я, можно сказать, ожил, как цветок после поливки.

С моих плеч свалился колоссальный груз. Только те, кто испытал на себе, каково это, когда отдыхаешь в курительной комнате, а из воздуха то и дело упрямо материализуется Дж. д'Арси Чеддер, подкрадывается сзади и дышит тебе в затылок,- только изведовавшие эту муку способны до конца оценить облегчение, испытываемое от того, что можно спокойно развалиться в кресле и заказать порцию подкрепляющего, совершенно не опасаясь, что вот-вот опять появится этот выдающийся бич Божий. Я чувствовал себя приблизительно так же, как девочка Мэри, если бы, оглянувшись, не обнаружила у себя за спиной неизменного барашка.

Но тут, как раз когда я говорил себе: «Вот это жизнь!»,- посыпались телеграммы.

Первая настигла меня дома после завтрака, когда я раскуривал первую утреннюю сигарету, и мне стало не по себе, словно передо мной лежит и тикает адская машина. Телеграммы в моей жизни слишком часто служили провозвестниками, или знаменами, или как там еще это называется, назревающей катастрофы, я не жду от них ничего хорошего и всегда готов к тому, что вот сейчас из конверта что-то выпрыгнет и цапнет меня за ногу. С телеграммы, например, если помните, начался трагический эпизод с сэром Уоткином Бассетом, Родериком Сподом и серебряным молочником в виде коровы, который я, посланный тетей Далией, выкрал в Тотли-Тауэрс из коллекции сэра Уоткина.

Не приходится удивляться поэтому, что теперь я с подозрением разглядывал прибывшую телеграмму, спрашивая себя, не наступит ли сейчас опять очередное землетрясение?

Но как бы то ни было, телеграмма пришла и лежала передо мной, и, взвесив все «за» и «против», я пришел к выводу, что мне ничего другого не остается, как вскрыть ее.

Так я и сделал. Телеграмма оказалась отправлена из Бринкли-кум-Снодсфилд-ин-де-Марш и подписана «Трэверс», из чего с очевидностью следовало, что она – дело рук либо моей тети Далии, либо ее мужа Томаса П. Трэверса, пожилого симпатичного господина, за которого она со второй попытки вышла замуж несколько лет назад. А поскольку текст начинался со слов: «Берти, чудовище»,- я сразу узнал руку тетушки. У них в семье так несдержанна в выражениях только женская половина, а дядя Том, как правило, называет меня «Мой мальчик».

Содержание телеграммы было следующее:

Берти, чудовище, требуется твое скорейшее прибытие. Брось все и приезжай сюда, с тем чтобы остаться подольше. Совершенно необходимо взбодрить субъекта с бачками. Целую. Трэверс.

Я до полудня ломал голову над этим посланием и, идя обедать в клуб «Трутни», отбил по дороге ответ, точнее – краткий запрос:

С бачками или бочками? Целую. Вустер.

По возвращении домой я нашел вторую телеграмму от нее:

С бачками, осел. У субъекта короткие, но четко выраженные бакенбарды. Целую. Трэверс.

Удивительная вещь – память. Как часто она оказывается не способна поразить желаемую цель! Где-то у меня в мозгу шевелилось смутное воспоминание, что где-то от кого-то я слышал о чьих коротких бакенбардах, но в какой связи, я ну никак не мог вспомнить. И тогда, следуя старому доброму правилу обращаться за информацией к первоисточнику, я вышел из дома и отправил такую телеграмму:

О каком субъекте с короткими бачками речь и почему его требуется взбадривать? Телеграфируйте все подробности, так как в настоящий момент недоумеваю, озадачен и не могу взять в толк. Целую. Вустер.

Тетя ответила со свойственным ей размахом и пылом, из-за которых многие в их кругу держатся за шляпы, когда она пускается во все тяжкие:

Слушай, ты, позорище. Ты что это, хочешь разорить меня на телеграммах? По-твоему, я сделана из денег? Какое тебе дело, кто таков этот субъект с бачками и почему его требуется взбадривать. Просто приезжай немедленно, как тебе сказано, да смотри не тяни с этим. И кстати, съезди в ювелирную мастерскую «Эспиналь» на Бонд-стрит и возьми у них мое жемчужное ожерелье. Усвоил? Бонд-стрит, «Эспиналь», жемчужное ожерелье. Жду тебя завтра. Целую. Трэверс.

Слегка ошарашенный, но не спустивший флага, я ответил следующим образом:

Вполне уразумел Эспинально-Бонд-стритовскую – жемчужно-ожерельную сторону, но вы упускаете из виду, что приехать в Бринкли мне в настоящий момент не так-то просто, как вы, похоже, воображаете. Имеются разные трудности и т.п. Сложные взаимозависимые обстоятельства, если вы меня понимаете. Требуется глубокий анализ. Тщательно все взвешу и сообщу решение. Целую. Вустер.

Видите ли, Бринкли-Корт – мне, конечно, как дом родной и заслуживает пяти звездочек по путеводителю Бедеккера как местопроживание месье Анатоля, французского повара моей тети, так что в обычных условиях, получив от нее приглашение, я лечу туда со всех ног. Однако в данном случае я сразу сообразил, что для моего приезда в дом тети сейчас имеются серьезные препятствия. Не приходится объяснять, что я имею в виду тот факт, что там гостит Флоренс и в скором времени ожидается Сыр Чеддер.

Из-за этого-то я и колебался. Кто может ручаться, что последний, обнаружив в доме меня, не решит, что я приехал по следам первой, как юный Лохинвар, прибывший из западных стран? [...*Лохинвар, прибывший из западных стран.*- Зачин поэмы В. Скотта «Мармион» (1808).] А стоит такой мысли мелькнуть у него в мозгу, и к чему, спрашивается, это приведет? Его прощальные слова про мой позвоночник все еще кровоточили у меня в памяти. Я знал его как человека, зря словами не бросающегося, если он говорит, что разломает мне хребет на четыре части, можно быть уверенным, что ровно на четыре части он и будет переломан.

Я провел вечер в волнении и беспокойстве. Будучи не в настроении пировать в

«Трутнях», я рано вернулся домой и только было взялся за свою «Загадку красного рака», как зазвонил телефон. Нервная система у меня была в таком расстройстве, что я подпрыгнул чуть не к потолку. Из последних сил доковыляв до телефона, я снял трубку.

Голос, долетевший до меня по проводам, принадлежал тете Далии.

Я сказал: «долетевший», но, вероятно, правильнее было бы употребить слово «прогудевший». Недаром в девичество и в молодые замужние годы моя тетка при любой погоде вместе с товарищами из «Куорна» и «Пайчли» [«Куорн» и «Пайчли» - два из многих английских охотничьих клубов.] скакала по лугам и оврагам, беспокоя британских лис,- с тех пор у нее остались кирпично-красный цвет лица и небывалая мощь голосовых связок. Сам я никогда за лисами не гонялся, но кто этим занимается, вынужден, как мне говорили, постоянно орать во всю глотку, перекрикивая встречный ветер на дальние расстояния, и это становится привычкой. Если у тети Далии есть недостаток, то это – манера, разговаривая в небольшой гостиной, кричать вам в лицо так, будто вы – старый закадычный друг, скачущий с собачьей сворой по дальнему краю поля. А в остальном это – добрая, веселая, крупная женщина, сложением напоминающая Мэй Уэст [*Мэй Уэст* (1893-1980) – американская киноактриса и сценаристка, обладавшая довольно пышными формами.] и, любимая всеми, включая нижеподписавшегося. Наши с нею отношения всегда были дружественными до мозга костей.

– Алло, алло, алло! – прогудела она на свой неискоренимый охотничий манер.- Это ты, Берти, голубок?

Я подтвердил.

– В таком случае, что это за разговоры про какие-то затруднения и обстоятельства, свинья ты Гадаринская? [...свинья ты Гадаринская.- Сюжет со свиньями в Гадарине описан в Ев. от Луки. Гл. 8, ст. 37.] Он, видите ли, должен взвесить! В жизни не слыхала такого вздора. Немедленно приезжай, а не то получишь с обратной почтой вечное проклятие родной тети. Если мне и дальше придется в одиночку управляться с этим чертовым Перси, я рухну под тяжестью такого бремени.

Она замолчала, чтобы перевести дух, и я изловчился вернуть вопрос:

– Перси – это и есть субъект с бачками?

– Он, миляга. Распространяет по всему дому непроницаемый мрак. Живем, как в густом тумане. Том говорит, если в ближайшее время положение не будет исправлено, он примет меры.

– Отчего же он в таком мраке?

– Оттого что влюбился до безумия в Флоренс Крэй.

– А-а, тогда понятно. И огорчается из-за того, что она помолвлена с Чеддером?

– Ну да. Истрадался весь. Бродит в тоске из угла в угол, вылитый Гамлет. Так что приезжай и расшевели его. Води его гулять, пляши перед ним, рассказывай анекдоты. Все что угодно, лишь бы вызвать улыбку на этой физиономии с бачками и в роговых очках.

Конечно, она была права. Ни одна хозяйка дома не потерпит Гамлета под своей крышей. Но как подобный субъект очутился в Бринкли и отравляет там атмосферу,- это было выше моего разума. Моя старая родственница была очень разборчива в том, что касалось приглашения гостей. Не всякий член кабинета министров был к ней вхож. Я задал ей этот вопрос, и она ответила, что все объясняется просто.

– Я же рассказывала тебе, что веду деловые переговоры с Троттером. У меня здесь гостит вся семейка: отчим Перси Л.Дж. Троттер, мать Перси миссис Троттер и лично Перси.

Я-то звала одного Троттера, но миссис Т. и Перси позвонили и напросились.

– Понятно. Так называемое пакетное соглашение.- Тут я в ужасе смолк. Память моя вдруг заработала, и я вспомнил, почему короткие бачки, о которых шла речь, показались мне знакомыми.- Троттер? – воскликнул я.

Тетя неодобрительно охнула.

– Не ори, пожалуйста. У меня чуть не лопнула барабанная перепонка.

– Но вы сказали, Троттер?

– Ну да, я сказала, Троттер.

– А этого Перси фамилия не Горриндж?

– Несомненно так. Он сам это признает.

– Тогда мне очень жаль, старушка, но я к вам приехать никак не смогу. Упомянутый Горриндж не далее как позавчера пытался стрельнуть у меня тысячу фунтов на постановку пьесы, которую он лично соорудил из книжки Флоренс. Я его просьбу беспощадно отклонил. Так что сами видите, получилась бы большая неловкость, встретиться мы с ним во плоти. Я бы не знал, куда глаза девать.

– Если это все, что тебя смущает, выкинь из головы. Флоренс сказала, что он раздобыл эту тысячу еще где-то.

– Вот это да! У кого же?

– Она не знает. Он держит это в секрете. Сообщил просто, что деньги достал и можно ставить. Поэтому не бойся с ним встретиться. Да даже если он и считает тебя первым гадом на земном шаре, тебе-то что? Разве мы не все такого мнения?

– Н-да, в этом что-то есть.

– Значит, приедешь?

Я в сомнении прикусил губу, вспомнив про Чеддера по прозвищу Сыр.

– Ну, что ты молчишь, бессловесный? – строго спросила моя тетя.- Говори.

– Я думаю.

– Перестань думать и ответь толком. Если это поможет тебе принять положительное решение, замечу, что Анатолий сейчас в наилучшей форме.

Я вздрогнул. Раз дело обстоит так, безусловно, было бы безумием отказаться от места за пиршественным столом.

До сих пор я лишь мельком упоминал этого Анатоля, но сейчас воспользуюсь случаем и сообщу, что его продукцию надо самому отведать, чтобы в нее поверить, степень ее совершенства никакими словами не передашь. После того как приготовленный Анатодем обед растаял у тебя во рту, расстегиваешь жилет и, отдуваясь, откидываешься на спинку стула в полном убеждении, что сверх этого жизнь уже ничего больше не может тебе подарить. Но не успел опомниться, как наступает вечер и подают ужин, еще того неопишумее, и ты испытываешь блаженство, настолько близкое к райскому, насколько способен пожелать здравомыслящий человек.

Ввиду всего вышесказанного я счел, что, как бы ни выражался и как бы ни поступил Сыр Чеддер, обнаружив меня если и не совсем бок о бок с его возлюбленной, то все же в непосредственной близости от нее, однако на риск разбудить в нем зверя придется пойти. Конечно, малоприятно быть разорванным на тысячу кусков рукой стопудового Отелло, который потом еще спляшет чечетку на твоих останках, но если в желудке у тебя при этом находится созданная Анатодем *Timbale de ris de veau Toulousiane* [Запеченная в горшочке сладкая телятина по-тулузски (*франц.*)], неприятные ощущения в значительной мере сгладятся.

– Еду,- сказал я.

– Умница. Ты освободишь меня от Перси, и тогда я смогу сосредоточиться на Троттере.

А чтобы пробить до конца эту сделку, мне понадобится вся мыслимая сосредоточенность.

– Что за сделка? Вы мне так и не сказали. И что такое этот Троттер, если он вообще что-то собой представляет?

– Я познакомилась с ним у Агаты. Он ее приятель. Владеет чуть не всеми газетами в Ливерпуле, но хочет заполучить плацдарм в Лондоне. И я добиваюсь, чтобы он купил у меня «Будуар».

Я изумился. Вот уж чего никак не ожидал. Мне всегда казалось, что журнал «Будуар светской дамы» – ее любимое детище. И вдруг оказывается, она его продает. Меня это поразило – все равно как если бы Роджерс продавал Хаммерстайна. [*Хаммерстайн, Оскар* (1895-1960) и *Роджерс, Ричард* (1902-1979) – соавторы знаменитых мюзиклов, таких как «Оклахома» «Звуки музыки» и мн. др.]

– Но как же так? Почему? Вы же его любили, как родного сына.

– И люблю. Но у меня нет больше сил то и дело ходить к Тому за денежными вливаниями. Всякий раз, как я обращаюсь к нему с просьбой об очередном чеке, он спрашивает: «А разве ваш журнал еще не окупается?» Я отвечаю: «Нет, дорогой, пока еще нет». А он на это: «Гм!» – и добавляет, что, мол, если так будет продолжаться, мы все к Рождеству перейдем на пособие как неимущие. Мое терпение лопнуло. Я – как те нищенки, которые с младенцами на руках умоляют на улице купить у них веточку вереска. И когда я встретила у Агаты Троттера, то решила: вот человек, которому я передоверю «Будуар», если только человеческим ухищрениям под силу это осуществить. Ты что-то сказал?

– Я сказал: «Ох, ах!» Хотел еще добавить, что очень жаль.

– Да, жаль. Но деваться некуда. С каждым днем добывать у Тома деньги становится все труднее. Он говорит, что любит меня всей душой, но всему есть предел. Ну, ладно, жду тебя завтра. Не забудь про ожерелье.

– Завтра с утра пошлю за ним Дживса.

– Хорошо.

Тетя Далия, кажется, хотела еще что-то сказать, но тут женский голос за кадром произнес: «Три минуты истекли»,- и она сразу повесила трубку, как женщина, которая испугалась, как бы с нее не содрали еще пару шиллингов, или сколько там полагается.

В комнату неслышно просочился Дживс.

– Э-э, Дживс,- сказал я.- Завтра мы едем в Бринкли.

– Очень хорошо, сэр.

– Тетя Далия зовет меня, чтобы я немного взбодрил нашего знакомца Перси Горринджа, который у них там завелся.

– Вот как, сэр? Тогда, может быть, вы позволите мне на той неделе съездить на один вечер в Лондон?

– Конечно, Дживс, конечно. Собираетесь поразвлечься?

– В клубе «Подручный Ганимед» состоится ежемесячный банкет, сэр. Меня попросили занять кресло председателя.

– Занимайте, разумеется. Вы более чем достойны этой чести.

– Благодарю вас, сэр. К исходу дня я вернусь.

– Вы выступите с речью, я полагаю?

– Да, сэр. Без речи председателя какой же банкет?

– Не сомневаюсь, что они у вас все будут кататься от смеха. Да, чуть не забыл. Тетя Далия просила меня привезти ее ожерелье. Оно в мастерской «Эспиналь» на Бонд-стрит. Не могли бы вы утром за ним зайти?

– Разумеется, сэр.

– И вот еще что, я чуть было не упустил вам рассказать. Ту тысячу фунтов Перси все же раздобыл.

– Неужели, сэр?

– Нашел себе благодетителя. Интересно, кто этот простофиля?

– Да, сэр.

– Глупец какой-нибудь.

– Несомненно, сэр.

– Тем не менее – вот. Только подтверждает слова покойного Барнума [Ф. Т. Барнум (1810-1891) – американский шоумен, «отец рекламы»], что простофили рождаются каждую минуту.

– Вот именно. Это все, сэр?

– Да, это все. Доброй ночи, Дживс.

– Доброй ночи, сэр. Утром я упакую вещи.

К вечеру следующего дня, после приятной поездки по живописной сельской местности, я завернул в ворота Бринкли-Корта и, выйдя из своего двухместного «бентли», пошел уведомить хозяйку о нашем прибытии. Я нашел тетю Далию в кабинете, или «логове», где она проводила досуг за чашкой чая и романом Агаты Кристи. Когда я предстал перед нею, она бросила на мои усы мимолетный взгляд, правда, вздрогнула, как нимфа, которую застали за купанием, и пробормотала: «И это – лицо, которое останавливало тысячу башенных часов?» [...останавливало тысячу башенных часов.- Переиначенная фраза из трагедии К. Марло «Доктор Фаустус» (1604), где говорится о Елене Прекрасной, чья красота отправила в плавание тысячу кораблей.] , - а так никаких замечаний не отпустила. Возможно, сберегала на будущее.

– Привет, рептилия,- сказала она.- Так ты, стало быть, приехал?

– Приехал,- подтвердил я,- волосы в косице, и застегнутый на все пуговицы. Рад вас приветствовать, престарелая родственница.

– И я тебя, безмозглая твоя голова. Ожерелье мое ты, конечно, забыл привезти?

– Совсем даже нет. Вот оно. То самое, что дядя Том подарил вам на Рождество, верно?

– Верно. Ему нравится, когда я надеваю его к обеду.

– Кому же не понравится,- галантно отозвался я. Вручив драгоценность, я закусил тостом с тетиного стола.- Ну-с, приятно снова очутиться под старым родным кровом. За мной – моя прежняя комната, надеюсь? А как вообще дела в Бринкли-Корте и окрестностях? Как поживает Анатоль?

– Прекрасно, как всегда.

– У вас шаловливое выражение лица.

– Я чувствую себя неплохо.

– А дядя Том?

По ее цветущему лицу пробежала тень.

– Том все еще не в духе, бедняжка.

– Из-за Перси?

– Ну да.

– Значит, мрак Горринджа по-прежнему не развеялся?

– Куда там. После приезда Флоренс стало только хуже. Том кривится всякий раз, как его видит, особенно за столом. Говорит, что когда у него на глазах Перси отодвигает, не отведав, блюда, созданные рукою Анатоля, у него кровь приливает к голове и от этого начинается несварение. Ты ведь знаешь, какой у него чувствительный желудок. Я похлопал тетюшку по руке.

– Бодритесь,- сказал я ей.- Я этого Перси развеселю. Фредди Уиджен показал мне на днях фокус с двумя пробками и веревочкой, который не может не вызвать улыбку на самой страдальческой физиономии. У нас в «Трутнях» все хохотали до колик в животе. Две пробки, надеюсь, у вас найдутся?

– Хоть двадцать, если понадобится.

– Отлично.- Я взял пирожное под розовой глазурью.- Так что с Перси мы разобрались. А как остальной персонал? Кто-нибудь еще тут гостит, кроме Троттеров и Флоренс?

– Пока нет. Том обмолвился, что завтра должен заехать к ужину некто лорд Сидкап по пути на воды в Дройтвич. Не знаешь такого?

– Понятия не имею. Закрытая книга для меня.

– Это один из лондонских знакомцев Тома. Будто бы большой знаток по части старинного серебра, Том хочет показать ему свою коллекцию.

Я кивнул. Дядя Том, как известно, – страстный коллекционер старинного серебра. Оба его жилища – и Бринкли-Корт, и городской дом на Чарльз-стрит – набиты разными шпукovinaми, рядом с которыми лично я даже лежать мертвым в канаве ни за что бы не согласился.

– Крупный специалист, значит, лорд Сидкап?

– В этом духе.

– Ну, что ж, люди всякие нужны.

– Завтра к нам еще примкнет жених, мистер Чеддер, а послезавтра – Дафна Долорес Морхед.

– Знаю. Флоренс мне про нее рассказывала. Вы, кажется, закупили у нее роман с продолжениями?

– Да. Я решила, что будет разумно посолить шахту. Этого я не понял. Что за привычка изъясняться загадками?

– Что значит, посолить шахту? Какую еще шахту? Про шахту я первый раз слышу.

Наверное, не будь у нее рот забит тостом, она бы поцокала языком, поскольку, сглотнув второпях и расчистив таким образом путь, она ответила с раздражением на мою непонятливость:

– Ты действительно непроходимый осел, юный Берти. Неужели ты никогда не слышал, как солят шахты? Это общепринятая мера предосторожности в бизнесе. Если у тебя есть пустая шахта и ты хочешь продать ее какому-нибудь зеленому дурачку, надо насыпать в нее унцию или две золотого песка и пригласить дурачка самому ознакомиться с месторождением. Он приезжает, видит золото, убеждается, что шахта – предел мечтаний, и достает чековую книжку. Я действую по такому же принципу.

Но я по-прежнему недоумевал и честно сказал ей об этом. Тут она все-таки поцокала языком.

– Так и не понял, тупица? Я купила роман с продолжениями, чтобы представить Троттеру журнал в выгодном свете. Он увидит анонс, что в «Будуаре» печатается роман Дафны Морхед, и скажет себе: «Ого! Дафна Долорес Морхед и тому подобное! Да это шикарное издание!»

– Но разве эти люди не захотят ознакомиться с документацией, с цифрами там всякими, прежде чем раскошелиться?

– Не захотят, если их перед этим целую неделю, а то и дольше кормить стряпней Анатоля. Потому я их сюда и пригласила.

Вот теперь я все понял, и ход ее мыслей показался мне вполне здравым. Действительно, в обедах и ужинах Анатоля есть что-то влияющее на психику, размягчающее и туманящее рассудок. Напитавшийся ими Троттер, конечно, уже ходит в розовом тумане и только мечтает, как бойскаут, делать направо и налево добрые дела. Еще день-два такой обработки, и он еще, пожалуй, станет умолять тетю Далию, чтобы она приняла от него в порядке личного одолжения сумму, вдвое выше запрашиваемой.

– Тонко задумано, – похвалил я ее. – Да, по-моему, вы на правильном пути. Анатолю уже подавал вам свои *Rognons aux montagnes* [Почки по-горняцки (франц.).]?

– Да, и *Selle d'agneau aux laitues a la Grecque* тоже [Седло барашка с латуком по-гречески (франц.).]

– Ну, тогда, я считаю, дело сделано. Осталось только отпраздновать. Одно меня смущает: Флоренс сказала, что мадам Морхед – одна из наших самых дорогостоящих работниц пера, и надо забросать ее кошельками с золотом, прежде чем она согласится поставить свою подпись над пунктирной линией. Это верно?

– Совершенно.

– Но тогда, черт подери,- по обыкновению поставил я вопрос ребром,- как вам удалось добыть на это у дяди Тома драгоценный металл? Он что, не платил в этом году подходящий налог?

– Как бы не так. Я думаю, даже в Лондоне были слышны его стенания по этому поводу. Бедняжка, как он страдает, когда приходится платить!

Это правда. Дядя Том, хоть денег у него куры не клюют, пока не отошел от дел, был одним из князей рынка, которые везут с Востока золото мешками, тем не менее испытывает глубокое отвращение к тому, чтобы псы из Налогового управления совали лапу к нему в карман и выгребали свою долю. Расставаясь со своими кровными, он потом неделями отсиживается где-то в углу, обхватив голову руками и бормоча про разорение и бедственные плоды социалистического законодательства: что с нами со всеми будет, если и дальше так пойдет?

– Да, он мучается, как душа грешника в аду,- подтвердил я. – И однако же, несмотря на это, вы обобрали его на изрядную сумму. Как вам это удалось? Из того, что вы вчера говорили мне по телефону, у меня сложилось впечатление, что он сейчас менее всего склонен к тратам. Мне представилось, что человек прижал уши и ничего слышать не желает, как Валаамова ослица.

– Ну, ты-то что знаешь про Валаамову ослицу?

– Я? Да я знаю Валаамову ослицу, как свои пять пальцев. Вы забыли, что я, еще учась у преподобного Обри Апджона в начальной школе, один раз получил приз за лучшее знание Библии?

– Списал, конечно.

– Ничего подобного. Совершенно честно. Но вернемся назад. Как вы исхитрились уговорить дядю Тома раскошелиться? У вас на это, я думаю, ушло целое ведро, дамских уловок?

Мне бы не хотелось неуважительно говорить про любимую тетюшку, утверждая, будто она хихикнула в ответ, но то, что я от нее услышал, сильно смахивало на хихиканье, тут двух мнений быть не может.

– Да вот, исхитрилась.

– Но как?

– А ты чего суешь нос, куда тебя не просят? Исхитрилась, и все.

– Понял,- кивнул я и оставил эту тему. Мне показалось, что тетя Даля не хочет разглашать информацию.- А как продвигаются переговоры с Троттером?

Но и тут я, по-видимому, коснулся обнаженного нерва. Тетя перестала хихикать, и лицо ее, обычно, как я уже говорил, покрытое здоровым румянцем, положительно побагровело.

– Лопни его потроха! – произнесла она с таким напором, от которого в прежние годы ее соратники по «Куорну» и «Пайчли» подскакивали в седлах,- Не знаю, что с ним такое, с чертовым сыном. Уже умял девять обедов и восемь ужинов, созданных Анатодем, но от разговора по существу уклоняется. Не говорит ни «да», ни «нет».

– Есть такая песня: «Ни да, ни нет она мне не ответила», я часто пою ее в ванне. Мотив

такой...

Я затынул было песню высоким, приятным баритоном, но вынужден был умолкнуть, получив от тети Далии Агатой Кристи по голове. Старая родственница целила от бедра, как герой ковбойского фильма.

– Не испытывай уж слишком мое терпение, миленький Берти,- ласково сказала она и погрузилась в задумчивость.

– А знаешь, в чем, по-моему, тут корень зла,- проговорила она, когда очнулась.- В мамаше Троттер. Это от нее исходит идея несотрудничества. Почему-то она не желает, чтобы сделка между нами состоялась, и не велит ему вести переговоры. Это – единственное объяснение, которое приходит в голову. Тогда у Агаты он разговаривал так, как будто дело стало только за тем, чтобы договориться об условиях. А теперь юлит и увиливает, словно сверху наложили запрет. Когда ты угощал их ужином, как тебе показалось? Он у нее под каблуком?

– Еще как под каблуком! Плакал от восторга, если она ему улыбалась, и дрожал от страха, стоило ей нахмурить брови. Но почему она может быть против покупки «Будуара»?

– Не спрашивай. Совершеннейшая загадка.

– Вы не могли ее тут чем-нибудь разозлить?

– Нет, конечно. Я все время – сама любезность.

– И однако же – вот.

– Именно что вот, гори все огнем.

Я глубоко вздохнул, выражая сочувствие. У меня нежное сердце, оно болезненно сжимается при виде чужого горя, и теперь от горя доброй старушечки из-за преследующей ее неудачи оно так сжалось, словно на него высыпали груды кирпичей.

– Грустно,- пробормотал я.- А казалось, улыбается надежда на лучшее.

– Да, так казалось,- подтвердила тетя Далия.- Я была убеждена, что знаменитая Морхед и ее роман с продолжениями сделают свое дело.

– Может быть, конечно, он просто обдумывает.

– Может быть.

– Пока человек обдумывает, он, естественно, не говорит ни «да», ни «нет».

– И увиливает?

– Может и увиливать. А что же еще ему остается?

Мы бы еще долго так рассуждали, подвергая увиливание Троттера все более глубокому анализу, но в это-время открылась дверь, и в комнату заглянуло озабоченное лицо, обезображенное по сторонам короткими бачками, а в центре – очками в черепаховой оправе.

– Послушайте,- сказала лицо, страдальчески искривившись,- вы не видели Флоренс?

Тетя Далия ответила, что с обеда не имела такого удовольствия.

– Я думал, может быть, она с вами.

– Нет, она не со мной.

– А-а,- произнесло лицо, демонстрируя целую гамму чувств, и попятилось.

– Эй! – успела окликнуть его тетя Далия, когда оно уже почти совсем скрылось. Она встала, подошла к столу и взяла с него коричневый конверт.- Для нее только что пришла вот эта телеграмма. Отдайте, когда увидите ее. И раз уж вы здесь, познакомьтесь, это мой племянник Берти Вустер, краса и гордость Пиккадилли.

Я, конечно, не ожидал, что, узнав, кто я, он пустится танцевать по комнате на пуантах. Он и не пустился. Он задержал на мне укоризненный взгляд, более или менее такой же,

каким таракан смотрит на кухарку, которая посыпает его порошком от насекомых.

– У меня была переписка с мистером Вустером,- холодно произнес он.- Мы также говорили с ним по телефону.

И удалился, до последнего мгновения не спустив с меня укоризненного взгляда. Можно было убедиться, что Горринджи не из забывчивых.

– Это был Перси,- пояснила тетя Даля. Я ответил, что догадался.

– Ты заметил, какое у него было выражение лица, когда он произнес имя Флоренс? Ну, просто умирающий гусь под дождем.

– А вы заметили,- со своей стороны, осведомился я,- какое у него было выражение лица, когда вы произнесли имя Берти Вустер? Ну, просто человек нашелдохлую мышь в кружке с пивом. Не особенно любезный господин. Не в моем вкусе.

– Еще бы. По-моему, на такого типа даже родная мать не могла бы смотреть без отвращения. А вот у мамыши Троттер, представь себе, он любимчик. Она в нем души не чаёт. Обожает его так же страстно, как ненавидит миссис Бленкинсоп, жену советника Бленкинсопа. Во время вашего совместного ужина она упоминала миссис Бленкинсоп?

– Несколько раз. А кто это?

– Ее соперница в борьбе за место королевы ливерпульского света.

– Неужели и в Ливерпуле борются за первенство в свете?

– Еще как. Троттер и Бленкинсоп идут, я слышала, ноздря в ноздю. То одна вырывается на полную вперед, то другая. Борьба не на жизнь, а на смерть, как раньше в Нью-Йорке боролись за превосходство четыреста богатейших семейств. Но зачем я тебе это рассказываю? Твое место сейчас в саду на закате, поймай Перси и взбодри его неприличными анекдотами. У тебя, надеюсь, имеются в запасе неприличные анекдоты?

– Да, пожалуй.

– Тогда двигай вперед. «Так ринемся в пролом еще раз, / Завалим стену мертвыми телами!» [*Завалим стену мертвыми телами.*- Цитата из хроники Шекспира «Генрих V», акт 3, сц. 1.] Улю-лю! Йойкс! Гони, гони! – заключила тетушка, вернувшись к охотничьему жаргону своей молодости.

Ну, что ж. Когда тетя Даля приказывает двигать вперед, то встаешь и двигаешь, это, кто понимает, в ваших же интересах. Но из дома навстречу закату я вышел в довольно безрадостном настроении. Перси Горриндж произвел на меня впечатление человека, растормошить которого будет нелегко. В нем угадывалась такая же суровость и неумолимость, какую я заметил в Чеддеровом дяде Джозефе во время нашего краткого общения в полицейском суде на Винтон-стрит.

Так что я был, скорее, даже доволен, когда оказалось, что в саду на закате никакого Перси не наблюдается. Я не стал за ним гоняться, а просто принялся прохаживаться взад-вперед, вдыхая свежий воздух. Но успел вдохнуть его совсем немного, когда он вдруг появился из-за рододендрона и мы столкнулись чуть ли не нос к носу.

Если бы не бачки, я бы его, наверное, не узнал. Не прошло еще и десяти минут после того, как он просунул голову в дверь к тете Далии, но за этот краткий промежуток времени он совершенно переменялся. Передо мной стоял не унылый гусь под дождем, как определила его тетя, а веселый, бойкий малый. Он высоко держал голову, жизнерадостно улыбался, и вообще чувствовалось, что этот человек с минуты на минуту пустится отбивать чечетку. Можно было подумать, что он насмотрелся на смешной фокус Фредди Уиджена с двумя пробками и веревочкой.

– Привет, привет, Вустер,- бодро воскликнул он, словно страсть как обрадовался встрече с Бертрамом.- Гуляете?

Я ответил, что да, гуляю, и он расплылся в улыбке, будто ничего умнее и замечательнее я не мог придумать. «Умница этот Вустер,- как бы говорил он.- Ходит гулять».

Затем последовала пауза, во время которой он глядел на меня с любовью и слегка переминался с ноги на ногу, шаркая подошвами и как бы пританцовывая. Потом он сказал, что вечер – чудесный, и я, со своей стороны, это подтвердил.

– А какой закат! – указал он на небо.

– Смачный,- кивнул я, и действительно, полнеба полыхало, как в цветном кинофильме.

– Глядя на него,- сказал он,- я вспомнил стихотворение, которое на днях набросал для «Парнаса». Небольшая такая вещица. Не хотите послушать?

– Да, пожалуй.

– Называется «Калибан на закате».

– Что на закате?

– Не что, а кто. Калибан.

Он откашлялся и начал декламировать:

Я стоял на закате рядом с одним человеком

И смотрел, как заходит солнце.

Воздух полнился лепетом летних ароматов,

Бодрый ветерок пел, как вечерний горн,

Звучащий с неба, пламенеющего на западе,

Алого, сиреневого и золотого

И синего, как очи Елены,

Когда она сидела в Илионе,

Взирая с высоты на греческие шатры,

Темнеющие внизу.

А он, этот человек, стоявший рядом,

Глядел на такую несказанную красоту,

Как тупое, бессмысленное животное.

Он сказал:

«Вам не кажется, что этот закат

Напоминает

Кусок

Кровавого бифштекса ?»

Перси дочитал стихотворение и открыл глаза – он декламировал с закрытыми глазами, для пушей проникновенности,- и заключил:

– Интонация, разумеется, горькая.

– О да, ужасно горькая.

– У меня было горько на душе, когда я писал это. Вы, кажется, знакомы с типом по фамилии Чеддер? Это я его имел в виду. Конечно, в действительности мы с ним никогда не стояли рядом, глядя на закат, но, понимаете ли, я чувствовал, что, доведись ему любоваться закатом, он произнес бы именно эти слова. Я прав?

– Полностью.

– Бездушный чурбан, не правда ли?

– Бездушный до мозга костей.

– Не способный к тонким переживаниям.

– Совершенно не способный.

– Правильно было бы назвать его тыквоголовым болваном?

– В самую точку.

– Да,- сказал Перси.- Хорошо, что она, наконец, от этого избавилась.

– Кто – она?

– Флоренс.

– О, а! Избавилась от чего?

Он внимательно посмотрел на меня, глубоко дыша, как овсяная каша в кастрюльке, перед тем как закипеть. Я человек наблюдательный и умею делать выводы из того, что наблюдаю, и я понял, что в его жизни недавно произошло некое событие, от которого он взмошел, как на дрожжах, и теперь должен либо с минуты на минуту лопнуть от избытка эмоций, либо излить их на первого встречного. Несомненно, он бы предпочел, чтобы этот первый встречный оказался не в вустеровском духе, но, наверное, он говорит себе: разборчивость тут неуместна, приходится довольствоваться тем, что есть.

И он остановился на втором варианте.

– Вустер,- произнес Перси и положил руку мне на плечо,- можно я задам вам один вопрос? Ваша тетя говорила вам, что я люблю Флоренс Крэй?

– Д-да, помнится, упомянула как-то.

– Я так и думал. Она – дама не из молчаливых, хотя и обладает рядом прекрасных качеств. Я вынужден был с ней поделиться вскоре после приезда сюда, так как она поинтересовалась, почему, черт возьми, я брожу в унынии, как дохлая курица?

– Или как Гамлет?

– Как Гамлет или как дохлая курица, все равно. Я признался, что это из-за любви к Флоренс, к которой я питаю пламенную страсть, а недавно узнал о ее помолвке с этим остолопом Чеддером. Для меня, я ей объяснил, это было словно удар обухом по голове.

– Как сэру Юстасу Уиллоуби.

– Как вы сказали?

– Это из «Тайны красного рака». Его однажды вечером в собственной библиотеке шмякнули по макушке тяжелым предметом, и если хотите знать мое мнение, это сделал дворецкий. Но я вас перебил.

– Да, вы меня перебили.

– Простите. Вы говорили, что для вас это было словно удар обухом по голове.

– Совершенно верно. Я прямо закачался.

– Сильное, видно, было потрясение.

– Чрезвычайно сильное. Но теперь... Помните, ваша тетя вручила мне телеграмму для передачи Флоренс?

– Да, конечно.

– Она была от Чеддера о расторжении помолвки.

Я, разумеется, не наблюдал за тем, как Перси качался, испытав потрясение, но в любом случае не так сильно, как я при этих его словах. Закат у меня перед глазами заходил ходуном, а пташка, добывавшая червячка себе к ужину, на мгновение обернулась двумя пташками, и обе мелко дрожали.

– Ч... что? – прохрипел я, едва устояв на ногах.

– Да-да.

– Он расторг помолвку?

– Именно.

– Господи! Но почему? Перси покачал головой.

– Этого не могу вам сказать. Я только знаю, что нашел Флоренс на конюшенном дворе, она чесала за ухом кота. Я подошел и говорю: «Вот телеграмма вам». А она на это: «Да? Должно быть, от д'Арси». При звуке этого имени я содрогнулся, и пока я содрогался, она вскрыла конверт. Телеграмма была длинная, но Флоренс прочитала лишь начальные строки и вскрикнула. Я спросил: «Что, дурные вести?» А она сверкнула глазами, приняла гордый, холодный вид и ответила: «Вовсе нет. Вести замечательные. Д'Арси Чеддер расторгает помолвку».

– Ну и ну!

– Еще бы не ну.

– А больше она вам ничего не сказала?

– Нет. Только произнесла несколько убийственных слов про Чеддера, с которыми я полностью согласен, и удалилась в направлении огорода. Я же пошел прочь, как вы можете себе представить, вне себя от радости. Я противник современной манеры пользоваться жаргонными выражениями, но признаюсь без стыда, что шел и бормотал про себя: «Шик-блеск-красота!» Простите меня, Вустер, я должен вас оставить. Не стойте на месте.

С этими словами Перси двинулся прочь, гарцуя, как молодой мустанг, а меня оставил одного разбираться с вновь созданным положением.

Меня охватили мрачные предчувствия. А если вы спросите: «Но почему же, Вустер? Все же в полном порядке. Правда, свадьба упомянутой девицы с Сыром Чеддером отменяется, но тебе-то что? Ведь тут же под рукой имеется Перси Горриндж, который всегда с радостью готов взвалить на свои плечи бремя белого человека». Но я вам отвечу: «А вы видели когда-нибудь Перси Горринджа?» То есть я не представляю себе, чтобы Флоренс, даже с досады, согласилась принять ухаживания субъекта, который по своей доброй воле отпустил баки и сочиняет стихи про закаты. Гораздо вероятнее, думалось мне, что оставшись с незаполненной бальной картой на руках, она пойдет по испытанному и верному пути, иначе говоря, обратится к злосчастному Бертраму. Так она уже поступила однажды, а такие вещи легко приобретают силу привычки.

Я недоумевал: что могло побудить Сыра к такому непостоянству? Нет, что-то тут не так. При нашей последней встрече, если помните, у него были налицо все признаки человека, опутанного шелковыми узами любви. Это однозначно и неоспоримо подтверждалось каждым его произнесенным на прощание словом. Ведь не станешь же, черт возьми, грозить

тому, кто вздумает увиваться за твоим обожаемым предметом, что переломаеть ему хребет на четыре части, если ты не питаешь к этому предмету никаких серьезных чувств, верно?

Что же, в таком случае, могло пригасить светоч его любви, и так далее?

Может быть, это он из-за усов? Увидал себя в зеркале на третьи сутки, третьи сутки – самый опасный срок, и понял, что никакие радости супружества этого не искупят. Поставленный перед выбором между любимой девушкой и выбритой верхней губой, он не выдержал, сломался, и отдал предпочтение губе?

Желая получить информацию из первых рук, я поспешил в огород, где, если верить Перси Горринджу, должна была находиться Флоренс,- ходит, наверное, сейчас взад-вперед, понуриив голову.

И действительно, она находилась там, и голову понурила, только не прохаживаясь взад-вперед, а наклонясь над крыжовенным кустом и жадно поедая крыжовник. При виде меня она выпрямилась, и я сразу, без предисловий, задал вопрос по существу:

– Что такое я слышу от Горринджа?

Она со страстью проглотила крыжовину, что свидетельствовало о душевном волнении, и я убедился, что, как я и ожидал на основании слов Перси, она вне себя от бешенства. Видно было, что она отдала бы все ежегодные деньги, которые получает на булавки, только бы съездить д'Арси Чеддеру зонтиком по голове.

Я продолжал:

– Он говорит, что в вашей лютне образовалась трещина?

– Простите, не поняла?

– Трещина между вами и Сыром. По словам Перси, гармония нарушена, и будто бы Сыр расторг помолвку.

– Совершенно верно. Разумеется, я очень рада.

– Вы рады? Вы довольны случившимся?

– Конечно. Какая девушка не обрадуется, избавившись от жениха, у которого лицо свекольного цвета и голову словно накачали велосипедным насосом?

Я прижал ладони ко лбу. Как человек довольно проницательный, я определил на слух, что такой разговор – не язык любви. Право же, ведь если бы вы услышали, как Джульетта отзывается в подобном духе о Ромео, вы бы наверняка удивленно вздернули брови и заподозрили нелады в их отношениях.

– Но когда я с ним виделся последний раз, все вроде бы было в порядке. Я бы поклялся, что он, хоть и нехотя, но смирился с отращиванием усов.

Флоренс опять нагнулась и сорвала крыжовину.

– Усы ни при чем,- сказала она, поднявшись из-за куста. – Все дело в том, что д'Арси Чеддер – ничтожный, низкий, ползучий, пресмыкающийся, жалкий и презренный червь,- на одном дыхании отбарабанила она сквозь сжатые зубы.- Знаете, что он сделал?

– Нет, конечно.

Она опять нырнула за крыжовиной, подкрепилась, и когда снова показалась на поверхности, у нее из обеих ноздрей вырывались языки пламени.

– Прокрался вчера в тот ночной клуб и навел справки.

– Бог ты мой!

– Да. Кто бы поверил, что человек может так низко пасть? Он подкупил служащих, ему дали посмотреть записи метрдотеля, и оказалось, что один столик был заказан на ваше имя. Этим подтвердились его самые подлые подозрения. Он узнал, что я была там с вами.

Вероятно,- заключила Флоренс, снова обращаясь к крыжовенному кусту и снимая остатки урожая,- такое подлое, ищейское направление ума приобретает всякий, кто служит в полиции.

Не будет преувеличением сказать, что я ужаснулся. И более того, даже изумился. Вот уж никак не думал, что толстощекому остолопу Сыру по зубам такая тонкая детективная работа. Конечно, я всегда уважал в нем физическую силу, но считал, что способность одним ударом повалить быка – в этом он весь. Мне и в голову не приходило заподозрить в нем аналитический ум, достойный самого Эркюля Пуаро. Это показывает, как заблуждаются те, кто недооценивает человека только за то, что он не знает в жизни другой заботы, как только совать в воду и выдергивать из воды весло, хотя и кажется, что глупее занятия и придумать невозможно.

И правильно заметила Флоренс, что это неожиданное змеиное коварство у Сыра – результат того, что он, пусть недолго, но служил в полиции. Так и представляешь себе, как, выдавая новичку на руки полицейский мундир и форменные башмаки, начальствующие лица каждого отводят в сторону и учат его некоторым приемам, необходимым в избранной профессии. Сыр Чеддер, похоже, все хорошо усвоил и, возможно, даже научился обмерять пятна крови и собирать сигарный пепел.

Впрочем, все эти соображения лишь мельком пронеслись у меня в голове. А в основном меня занимали мысли поважнее, замыслы с размахом, как, по словам Дживса, выражался Гамлет. Я имею в виду, в какое положение попал теперь Б. Вустер, раз Сыру все известно. Флоренс, напившись крыжовником, пошла было прочь, но я ее задержал.

– А что в телеграмме? – спросил я.

– Не желаю об этом говорить.

– Зато я желаю. Обо мне там что-нибудь есть?

– А как же. Много.

Я сглотнул раз-другой и провел пальцем за воротником вокруг шеи. Я так и думал.

– Он упоминает о своих намерениях относительно меня?

– Да. Он пишет, что разломает вам хребет на пять частей.

– На *пять*?

– По-моему, на пять. Не позволяйте ему! – горячо сказала Флоренс, и было приятно убедиться, что она – против. – Что еще за глупости, спины ломать? В жизни не слышала ничего подобного. Постыдился бы.

И зашагала к дому походкой оскорбленной королевы, которая встала утром не с той ноги.

Между тем пейзаж тускнел на глазах, как говорит Дживс. Близился час предобеденного гонга. Я прекрасно сознавал, чем чревато опоздание к обеду, сотворенному Анатодем, но у меня не хватало решимости пойти и облачиться в смокинг. Я был так поглощен мыслями, что на меня нашел как бы столбняк. Крылатые насельники ночи подлетали ко мне, вились, приглядывались и улетали прочь, а я стоял неподвижно и размышлял, как быть. Когда тебя преследует такой бандит, как д'Арси Чеддер, необходимо употребить все мысли, какие имеются у тебя в наличии.

Внезапно, среди обступившего меня непроглядного мрака, блеснул светлый луч и растекся, пламенея, по всему горизонту. Я понял, что в общем и целом позиция моя вовсе не плоха.

Понимаете, я только теперь сообразил: ведь Сыр не знает, что я в Бринкли. Он думает,

что я обретаюсь в столице, и именно там раскинет свой невод. Примется звонить по телефону мне домой, поднимет звонок, подождет-подождет и, не получив ответа, отступится в недоумении. Устроит засаду в «Трутнях», рассчитав, что уж туда-то я загляну, но убедившись, что не заглядываю, оттуда тоже уберется в недоумении. «Его все нет»,- скажет он себе, конечно, скрежеща зубами, но так ничего и не добьется.

А в Бринкли ему теперь, после разрыва, ход заказан. Кто же это ездит гостем в дом, где находится барышня, с которой расторг помолвку? Так не делают, верно? Поэтому сюда он не явится. Если есть на земле место, где на сегодняшний день уж точно нет опасности столкнуться с какими-либо Чеддерами, то это – Бринкли-Корт.

Я облегченно вздохнул, взял ноги в руки и с песней на устах поспешил в свою комнату. Дживс был на посту, не то чтобы уж прямо с хронометром в руке, но неодобрительно покачивая головой в ожидании задержавшегося молодого хозяина. У него даже дрогнула левая бровь, когда я, наконец, появился.

– Знаю, знаю, что я опаздываю,- сказал я, начиная разоблачаться.- Я гулял.

Мое объяснение Дживс принял снисходительно.

– Вполне понимаю, сэр. Вечер такой погожий, я предположил, что вы, вернее всего, прогуливаетесь в парке. Я так и сказал мистеру Чеддеру, что в этом состоит причина вашего отсутствия.

Уже наполовину просунувшись в рубашку, я окаменел, как те парни в старых сказках, которые неуважительно разговаривали с волшебниками, и в наказание их заколдовывали. Уши у меня наострились, точно у жесткошерстного терьера, но я все равно не мог поверить тому, что они слышали.

– Мистеру Че... Че... Как вы сказали, Дживс?

– Сэр?

– Я не понял. Вы хотите сказать, что... вы сообщаете мне, что Сыр Чеддер находится в этом доме?

– Да, сэр. Он недавно приехал на автомобиле и ждал вас здесь. Он выразил желание увидеться с вами и досадовал на ваше затянувшееся отсутствие. Удалился он, только когда наступило время ужина. Из его слов я понял, что он надеется встретиться с вами по окончании ужина.

Я тупо пролез в рубашку и перешел к завязыванию галстука. У меня дрожали руки-ноги – отчасти от страха, но еще больше от справедливого негодования. Без преувеличения скажу, что это, на мой взгляд, было уж совсем безобразие. Я знаю д'Арси Чеддера как человека грубой душевной организации, который, как говорил Перси Горриндж, смотрит на закат и видит в нем сходство с кровавым бифштексом, что верно, то верно; но даже и от человека с грубой душевной организацией мы вправе ожидать какой-то деликатности, чуткости и тому подобного. А если ты одной рукой расторгаешь помолвку с Флоренс, а другой рукой нахально навязываешь ей свое общество, это представляется мне, как и всякому порядочному человеку на моем бы месте, ну просто, можно сказать, уж совсем за гранью.

– Это чудовищно, Дживс! – воскликнул я. – Неужели в его тыквенной голове нет никакого понятия о пристойности? Неужели ему не свойственны ни такт, ни чуткость? Вы знаете, что сегодня под вечер он телеграфной депешей, наверняка в самом недопустимом тоне, сообщил, что прерывает отношения с леди Флоренс?

– Об этом я не был уведомлен, сэр. Мистер Чеддер со мной не поделился.

– Наверное, заехал на почту по пути сюда, накатав телеграмму и отправил, она пришла незадолго до того, как прибыл он сам. Подумать только, отправить такое сообщение телеграфом! То-то служащие на почте, должно быть, посмеялись. И после этого еще набраться нахальства и явиться сюда. Это, Дживс, уже не лезет ни в какие ворота. Я не хочу быть резким, но единственное слово, каким можно определить д'Арси Чеддера, это – «мужлан»! Что вы на меня так уставились? – поинтересовался я, заметив, что Дживс разглядывает меня довольно многозначительно.

Он ответил тихо и неумолимо:

– Ваш галстук, сэр. Боюсь, он не выдерживает критики.

– Разве сейчас подходящий момент обсуждать галстуки?

– Да, сэр. Галстук должен иметь правильную форму бабочки, но вы этого не достигли. С вашего позволения, я поправлю.

И поправил. Получилось, надо признать, безукоризненно, однако я не успокоился.

– Вы понимаете, что моя жизнь под угрозой?

– Вот как, сэр?

– Уверяю вас. Этот огрызок колбасы... я имею в виду Дж. д'Арси Чеддера...

недвусмысленно высказал намерение разломать мне хребет на пять частей.

– Неужели, сэр? Почему же?

Я изложил ему факты, и он выразил мнение, что положение дел внушает беспокойство.

Я заглянул ему в глаза.

– Даже так, по-вашему?

– Да, сэр. Серьезную тревогу.

– Хо! – произнес я, позаимствовав любимое восклицание Сыра, и собрался уже заметить

Дживсу, что раз он не нашел более подходящих слов для описания жуткой опасности, з которой я очутился, я готов приобрести ему в подарок «Тезаурус» Роджета, но тут прозвучал гонг, и я вынужден был со всех ног мчаться к кормушке.

Я бы не причислил мой первый ужин в Бринкли-Корте к самым приятным из мероприятий, в которых мне довелось принимать участие. Хотя, по иронии судьбы, именно в тот день Анатолий, этот гений кастрюль и сковородок, почти превзошел самого себя. Вот что он предложил собравшимся:

Le caviar frais

Le consommé aux pommes d'amour

Les sylphides à la crème d'écrevisses [Черная икра свежая, консомэ из помидоров, сельфиды и раковом соусе (франц.).]

Les корюшка в сухарях

Le какая-то дичь с жареным картофелем

Le мороженое,

ну, и конечно, les фрукты и le кофе. Однако воздействовало все это роскошество на душу Вустера не больше, чем если бы на столе стояла просто-напросто какая-нибудь тушенка. Я не хочу сказать, что отодвигал тарелку, не отведав кушанья, как, по словам тети Далии, поступал с пищей засушенной Перси, но сменявшие друг друга блюда положительно обращались золотом у меня во рту. Вид Сыра по ту сторону стола притуплял аппетит.

Возможно, это была всего лишь игра воображения, но, как мне представлялось, со времени нашей последней встречи он заметно разросся, как вверх, так и поперек, а смена выражений на его ярко-розовой физиономии ясно отражала ход его мыслей, если уместно назвать это мыслями. Он бросил на меня, пока мы ели, от восьми до десяти грозных взглядов, но на словах ничего не сказал, только, когда еще рассаживались, сообщил, что надеется переговорить со мной по окончании трапезы.

Впрочем, он не только со мной, но и вообще ни с кем не поддерживал застольной беседы. Мадам Троттерша, сидевшая от него по правую руку, попыталась развлечь его рассказом о том, как недопустимо вела себя супруга советника Бленкинсопа на недавнем церковном базаре, но Сыр, со своей стороны, лишь молча гладел на нее, точно тупое, безмозглое животное, как сказал бы Перси, и молча загребал пищепродукты.

Я сидел рядом с Флоренс, но она тоже помалкивала, храня холодный и гордый вид и катая хлебные шарики, поэтому я имел полную возможность все хорошенько обдумать, так что когда дошла очередь до кофе, у меня уже был готов стратегический план и детально продумана тактика. Когда тетя Далия дала сигнал дамскому полу удалиться и оставить мужчин в обществе портвейна, я воспользовался случаем и украдкой выскользнул через дверь в сад, опередив женские головные силы. Не сорвался ли с губ Сыра сдавленный возглас при этом моем хитром маневре, определенно сказать не берусь, но, по-моему, у меня

за спиной раздался некий звук, словно охнул в лесу волк, больно споткнувшийся о камень. Но я был не настроен возвращаться и переспрашивать, а предпочел затеряться на просторе.

Будь обстоятельства не такими – хотя когда они бывают не такими, какие они есть? – я бы, наверное, с удовольствием прогулялся после ужина по парку, поскольку воздух был полон лепечущих ароматов, и бойкий ветерок весело трубил с небес, щедро усыпанных звездами. Но любоваться садом в сиянии звезд может лишь тот, у кого на душе покой, а моей душе до покоя было так далеко, как только можно себе представить.

Что делать? – спрашивал я себя. Складывалось впечатление, что самым разумным было бы с моей стороны, если я хочу сберечь в целостности свой позвоночник, завтра чуть свет сесть в автомобиль и рвануть в необозримые дали. Остаться на месте значило бы самым неприятным образом все время уваливать от встречи с Сыром и постоянно находиться в движении, чтобы расстроить его кровожадные планы. Мне пришлось бы мчаться, подобно серне или молодому оленю на горах бальзамических [...оленю на горах бальзамических,- Цитата из библейской книги Песнь Песней, VIII/14.], как, помнится, выразился однажды Дживс, а мы, Вустеры, не расположены опускаться до уровня серн или оленей, ни молодых, ни в зрелом возрасте. У нас есть собственная гордость.

Я уже принял решение завтра утром испариться, как снег на вершинах гор, и податься на время в Америку, или Австралию, или на острова Фиджи, или еще куда-нибудь, но тут я почувал, что к лепечущим ароматам лета примешался крепкий сигарный дух. В сумерках я разглядел приближающуюся человеческую фигуру. В первый напряженный момент я подумал, что это Сыр, и уже приготовился было рвануть с места на манер того самого молодого оленя, но потом все встало на свои места. Это был всего лишь дядя Том, совершавший вечернюю прогулку.

Дядя Том – большой любитель вечерних прогулок в зеленых зарослях. Седой джентльмен с орехово-смуглым лицом – это к делу не относится, я просто так его описываю, для полноты картины,- он любит бродить среди клумб и кустов рано поутру и поздно вечером, поздно вечером особенно, так как он страдает бессонницей, и туземный лекарь внушил ему, что против этого поток свежего воздуха на сон грядущий – самое верное средство.

Завидев меня, он остановился для опознания.

– Это ты, Берти, мой мальчик?

Я дал утвердительный ответ, и он подгреб ближе, изрыгая клубы дыма.

– Почему ты покинул нас? – спросил он, имея в виду мое бегство из столовой.

– Да так как-то, вдруг захотелось.

– Не много потерял. Ну и публика! Этого типа Троттера я не перевариваю.

– Вот как?

– Его пасынка Перси я тоже не перевариваю.

– Вот как?

– И этого Чеддера я терпеть не могу. Я их всех не перевариваю,- заключил дядя Том. Его вообще нельзя отнести к гостеприимным хозяевам. К девяноста четырем процентам чужих людей у себя в доме он относится с плохо скрываемым отвращением и всеми средствами старается их избегать.- Кто, интересно, пригласил сюда Чеддера? Наверное, Далия, но почему, мы, конечно, никогда не узнаем. Несносный молодой бегемот, в жизни не встречал несноснее. Зазвать его к нам – это как раз в ее духе. Как-то раз она даже пригласила свою сестру Агату. И кстати, о Далии, Берти, мой мальчик, она внушает мне беспокойство.

– Тетя Далия внушает беспокойство?

– Крайнее. Мне кажется, она чем-то больна. Ты ничего странного в ней не заметил, когда приехал?

Я немного подумал.

– Да нет, как будто бы. Она показалась мне такой же, как всегда. В каком смысле. – странного?

Он озабоченно взмахнул сигарой. Они с моей престарелой родственницей – любящая и дружная чета.

– Вот, например, только что. Я заглянул к ней спросить, не хочет ли она прогуляться вместе со мной. Она ответила, что нет, она когда выходит в сумерки, то обязательно наглодается мошек и комаров и прочей гадости, и они ей могут повредить, тем более после сытного ужина. Мы с ней спокойно и мирно переговаривались о том, о сем, как вдруг она как-то вся обмерла.

– То есть упала без чувств?

– Н-нет, этого я бы не сказал. Она осталась стоять, но покачнулась, прижала ладонь ко лбу. И сделалась бледной, как привидение.

– Странно.

– Очень. Меня это обеспокоило. У меня и сейчас на душе неспокойно.

Я задумался.

– Вы не могли что-нибудь такое сказать, что ее расстроило?

– Исключено. Я обсуждал с ней этого парня Сидкапа, который приезжает завтра ознакомиться с моей коллекцией серебра. Ты его не знаешь?

– Нет.

– Он, конечно, осел скудоумный,- сказал дядя Том, он почти всех людей своего круга считает скудоумными осликами,- но в старом серебре, драгоценностях и всяких таких вещах разбирается, говорят, неплохо. И вообще он, слава Богу, у нас только отобедает и уедет,- прибавил дядя Том со свойственным ему гостеприимством.- Но я говорил о твоей тете Далии. Так вот, она покачнулась и сделалась бледной, как привидение. По-моему, она слишком перегружена. Этот ее журнал «Пеньюар светской дамы», или как бишь он называется, выпил из нее все соки. Совершеннейший вздор. Зачем ей издавать какой-то еженедельник? Буду от души рад, если она сумеет продать его этому типу Троттеру и наконец освободится, потому что он не только выматывает все силы у нее, но еще и обходится мне в немалую сумму, чтоб ему. Траты, траты, траты без конца.

После этого дядя Том еще горячо высказался на тему о подоходном и добавочном налогах, и назначив мне скорую встречу в хлебной очереди для неимущих, пошел дальше и исчез во тьме. А я, прикинув, что час уже поздний и, пожалуй, можно без риска вернуться в дом, направился в свою комнату.

Там я стал переодеваться ко сну, а сам, не переставая, думал про то, что только что услышал. Непонятно. За ужином мне, конечно, было немного не до того, но все-таки я бы наверняка заметил, будь у моей тети болезненный вид или вообще что-то в таком духе. Насколько я помню, она со всегдашним азартом и огоньком уписывала все, что значилось в меню. И однако же дядя Том сказал, что она побледнела, как привидение, что, при ее обычном румянце, требовало бы немало специальных усилий. Странно, чтобы не сказать: загадочно. Я все еще размышлял на эту тему и прикидывал, какие выводы сделал бы тут Осборн Кросс, сыщик из «Загадки красного рака», когда мои размышления прервал поворот

дверной ручки. За ним последовал мощный удар в дверную филенку, и я порадовался, что сообразил своевременно запереть дверь. Потому что я услышал голос, и это был голос Сыра Чеддера:

– Вустер!

Я отложил «Красного рака», которого только успел открыть, встал и подошел к двери.

– Вустер!

– Потихе, приятель,- холодно сказал я в замочную скважину.- Я тебя слышал. Чего ты хочешь?

– Потолковать с тобой.

– Это исключено. Отвяжись от меня, Сыр Чеддер. Я нуждаюсь в покое. У меня побаливает голова.

– Посмотришь, как она у тебя разболится, когда я до тебя доберусь.

– То-то и оно, что тебе до меня не добраться,- удачно парировал я, снова расположился в кресле и занялся книгой в приятном сознании, что одержал над Сыром верх в литературных дебатах. Он обозвач меня из-за двери несколькими ругательными словами, постучал еще, подергал ручку и, наконец, убрался, изрыгая, конечно, проклятия.

Но не прошло и пяти минут, как в дверь снова постучали, на этот раз так негромко и вкрадчиво, что я без труда догадался, кто там.

– Это вы, Дживс?

– Да, сэр.

– Одну минуту!

Проходя по комнате к двери, чтобы впустить Дживса, я с удивлением обнаружил, что мои нижние конечности слегка как бы размякли. Словесная дуэль с давешним гостем потрясла меня сильнее, чем я думал.

– Мне только что нанес визит Сыр Чеддер,- поделился я с Дживсом.

– Вот как, сэр? Надеюсь, с положительным результатом?

– Да, я его совсем сбил с толку, бедного недотепу. Он вообразил, что сможет ко мне проникнуть просто и беспрепятственно, и прямо чуть не рухнул, наткнувшись на запертую дверь. Но у меня после этого происшествия слегка подрагивают ноги. Хорошо бы вы раздобыли мне виски с содовой.

– Разумеется, сэр.

– Тут требуется умение смешивать в точной пропорции. Кто был тот ваш приятель, обладавший крепостью десятерых, о котором вы мне на днях говорили?

– Джентльмен по имени Галахад, сэр. Вы, однако, не совсем верно полагаете его моим личным знакомцем. Это герой поэмы покойного Альфреда, лорда Теннисона.

– Неважно, Дживс. Я только хотел выразить пожелание, чтобы порция виски с содовой, которую вы мне принесете, тоже обладала десятерной крепостью. Лейте, не колеблясь.

– Очень хорошо, сэр.

Он вышел по делам милосердия, а я снова взялся за «Красного рака». Но только успел освежить в памяти улики и приступить к допросу подозреваемых, как меня опять прервали. В дверь гулко ударили кулаком. Я подумал, что вернулся Сыр, и поднялся с кресла, чтобы еще раз послать его подальше через замочную скважину, но тут за дверью раздалось восклицание такой силы и смачности, что оно могло слететь с губ лишь той, которая обучалась этому искусству среди лис и собак.

– Тетя Даляя?

– Отопри дверь!

Я отпер, и тетя Даля влетела в комнату.

– Где Дживс? – спросила она в таком сильном смятении, что я посмотрел на нее с тревогой. После рассказа дяди Тома про то, как она обмерла, это ее взволнованное состояние мне совсем не понравилось.

– Что-то случилось?

– Еще как случилось! Берти,- престарелая родственница опустилась в кресло с видом человека, который тонет,- я пропала, и один Дживс способен спасти мое имя от черного позора. Давай его сюда, пусть задействует на всю мощь свои знаменитые мозги.

Чтобы ее успокоить, я, любя, погладил ее по макушке.

– Дживс сейчас придет,- сказал я,- и одним взмахом волшебной палочки сразу наведет полный порядок. Поделитесь со мной, моя престарелая дрожащая осинка, в чем дело?

Тетя Даля сглотнула, как обиженный бульдожий щенок. Редко мне доводилось видеть таких перепуганных теток.

– Это все Том!

– То есть дядя, так именуемый?

– А что, скажи на милость, разве у нас в доме имеются еще и другие Томы? – набросилась она на меня в своей прежней наступательной манере.- Да, Томас Портарлингтон Трэверс, мой муж.

– Портарлингтон? – переспросил я, пораженный.

– Он недавно забрел в мою комнату.

Я понимающе кивнул. Я вспомнил, что он мне об этом уже рассказывал. Тогда он как раз заметил, как она прижимает ладонь ко лбу.

– Пока все ясно. Сцена: ваша комната; при поднятии занавеса вы сидите. Забредает дядя Том. Что дальше?

Тетя Даля немного помолчала. А потом проговорила приглушенным – для нее – голосом. Иначе сказать, вазы на каминной полке задрезжали, но штукатурка с потолка не посыпалась.

– Я, пожалуй, расскажу тебе все.

– Расскажите, старая прародительница. Ничто так не облегчает душу, как чистосердечное признание, о чем бы ни шла речь.

Она сглотнула, как второй бульдожка.

– Это короткая история.

– Ну и прекрасно,- кивнул я, так как час был поздний, а за день чего только со мной не произошло.

– Помнишь, мы с тобой говорили, когда ты только приехал... Берти, безобразное ты чучело,- вдруг отвлеклась она от темы,- такое гадкое зрелище, как эти усы, только в кошмарном сне могло привидеться. Будто очутился в параллельном, страшном мире. Для чего ты их отпустил?

Я строго покачал головой.

– Мои усы тут ни при чем, единокровная старушка. Не троньте их, и они вас не тронут. Так, значит, мы с вами говорили, когда я только приехал?..

Она приняла мой укор и мрачно кивнула.

– Да, не надо отклоняться. Будем держаться темы.

– Обеими руками.

– Когда ты только приехал, мы разговаривали у меня, и ты удивился, как я сумела раздобыть у Тома деньги на сериал Дафны Долорес Морхед. Помнишь?

– Помню. Я и теперь удивляюсь.

– Все очень просто. Я их и не раздобыла.

– То есть?

– От Тома я не получила ни гроша.

– Тогда как же вы?..

– Сейчас объясню. Я заложила жемчужное ожерелье.

Я вытаращился на нее, как говорится, в благоговейном ужасе. Из знакомства с этой леди, восходящего ко дням, когда я младенцем пищал и пускал слюни (прошу простить за выражение) на руках у няньки, я вынес впечатление, что она руководствуется девизом: «Годится все»; но это уже было чересчур даже для нее, ни в чем не знавшей удержу.

– Заложили ожерелье?

– Заложила.

– Сдали в ломбард? Снесли ростовщичку?

– Именно. Другого выхода не было. Мне во что бы то ни стало нужен был ее роман, чтобы посолить шахту, а Том не соглашался пожертвовать ни пятерки на удовлетворение алчности этой пиявки Морхед. Он только твердил: «Какие глупости. Совершенно исключено. И речи быть не может». Ну, я съездила украдкой в Лондон, отнесла ожерелье в ювелирную лавку «Эспиналь», заказала там копию и пошла в ломбард. Правда, это только так говорится – ломбард, на самом деле классом выше, вернее будет сказать: взяла ссуду в банке под залог.

Я высвистал обрывок какого-то мотивчика.

– Значит, те жемчуга, что я получил для вас сегодня утром, – поддельные?

– Культивированные.

– Надо же! Ну и жизнь у вас, у теток! – Я не сразу решился задать вопрос, который неизбежно должен был ранить ее нежную душу, тем более – во взволнованном состоянии, но, с другой стороны, долг племянника требовал от меня указать ей на слабое место: – А что если... боюсь, вам будет неприятно это слышать, но что если дядя Том узнает?

– В этом-то все дело.

– Я так и подумал.

Она сглотнула, как третий бульдожка.

– Если бы не это чертово невезение, он бы и за миллион лет не узнал. Том, дай Бог ему здоровья, не способен отличить Кох-и-нор от стекляшки из универсального магазина.

Тут она была права. Дядя Том, как я отметил выше, – страстный собиратель старинного серебра, в подсвечниках, орнаментах, завитках и венчиках он даст фору любому, но дамские украшения для него, как и для большинства представителей сильного пола, – книга за семью печатями.

– Но теперь завтра к вечеру ему все станет известно. Объясняю, почему. Он, как я тебе уже сказала, зашел в мою комнату, мы с ним немного поболтали весело и дружески, и вдруг он... О, Господи!

Я опять ласково похлопал ее по макушке.

– Ну-ну, старая родственница, успокойтесь. Что он такое сделал вдруг?

– Он вдруг обмолвился, что лорд Сидкап, который будет у нас завтра к обеду, не только знаток старинного серебра, но и специалист по драгоценностям, и Том хочет заодно показать ему мое ожерелье.

– Ух ты!

– По его словам, он не вполне уверен, не воспользовались ли бандиты, продавшие ему жемчуга, его неосведомленностью и не взяли ли с него чересчур большую цену. Теперь Сидкап развеет его сомнения.

– Ну и ну!

– И «Ух ты!», и «Ну и ну!» – и то и другое верно.

– Значит, вот почему вы покачнулись и схватились за голову?

– Ну да. Сколько времени, по-твоему, уйдет у этого врага рода человеческого, чтобы заметить подмену и сообщить об этом Тому? Секунд десять, а то и меньше. И что тогда? Удивительно ли, что я покачнулась?

Чего уж тут удивительного? Будь я на ее месте, я бы тоже покачнулся, да еще как. И менее прозорливый человек, чем Бертрам Вустер, сообразил бы, что моя тетка, которая сейчас сидит передо мной, судорожно вцепившись в свой перманент, попала в беду. Ей угрожает крупная неприятность, и от ее друзей и доброжелателей сейчас требуется серьезно пошевелить мозгами, иначе дом ее с грохотом рухнет.

Я в свое время довольно тщательно изучил семейные отношения и знаю, какие бывают последствия, когда голубок или горлица имеют друг против дружки зуб. Мне объяснял Бинго Литтл, что если миссис Бинго узнает про него некоторые вещи, которые от нее все равно не скроешь, луна в небе станет кроваво-красной, и содрогнутся основания цивилизации. Нечто подобное я слышал и от других мужей, и, само собой, та же картина наблюдается, если проштрафится милая женушка.

До сих пор хозяйкой в Бринкли-Корте была тетя Далия, она осуществляла в доме сильную единоличную власть. Но стоит дяде Тому узнать, что она заложила жемчуга, чтобы купить роман с продолжениями для журнала, который он, дядя Том, с самого начала невзлюбил и прозвал «Пеньюаром светской дамы», и она разделит судьбу тех монархов и диктаторов, которые, проснувшись в одно прекрасное утро, узнают, что подданные с бомбами в руках их свергли. Дядя Том – добродушный старикан, но и добродушные стариканы могут быть трудно переносимы, если создать для этого подходящие условия.

– М-да,- сказал я.- Плохо дело.

– Хуже некуда.

– Этот тип Сидкап, вы говорите, приезжает завтра? Нет времени ничего исправить. Неудивительно, что вы шлете сигналы SOS Дживсу.

– Один он может избавить меня от судьбы, которая страшнее смерти.

– Но сможет ли даже и Дживс спасти положение?

– Я на него рассчитываю. В конце концов, он же знаменитый спасатель.

– Это верно.

– Тебя он в свое время из каких только переделок не вызволял.

– Да-да. Я часто говорю, что второго такого, как он, не найдешь на всем свете. Сейчас придет. Он вышел на минуту принести мне кружку живительного напитка.

Теткины глаза странно блеснули.

– Чур, я первая!

Я хлопнул ее по руке.

– Ну, конечно! Считайте вопрос решенным. Неужели вы думаете, что Бертрам Вустер способен присвоить все наличное питье, когда рядом, высунув язык, умирает от жажды любимая тетя? Твоя нужда больше моей, как кто-то там такое сказал раненому на носилках [...кто-то там такое сказал раненому на носилках. - Имеется в виду английский знатный рыцарь и поэт сэръ Филип Сидней (1554-1586), который, как рассказывают, будучи смертельно ранен, с этими словами отдал свою фляжку раненому солдату.]

А вот и Дживс!

Верный слуга более чем своевременно внес поднос с эликсиром. Я принял от него долгожданный кубок и широким жестом передал престарелой родственнице. Она

произнесла: «Тьфу тебе в глаза!» – и одним духом осушила добрую половину. Остальное допил я.

– Ах, да, Дживс,- переведа дух, сказал я.

– Сэр?

– «Ко мне склоните слух» [*Ко мне склоните слух.*- Фраза из монолога Брута над телом убитого Цезаря. У. Шекспир. «Юлий Цезарь». Акт 3, сц. 2.]

– Слушаю, сэр.

Мне довольно было одного взгляда на сестру моего покойного отца, чтобы понять, что растолковывать Дживсу ситуацию должен я, больше некому. Родимая старушка, увлажнив свой организм, погрузилась в оцепенение, уставясь перед собой невидящими глазами и тяжело дыша, как олень, загнанный песьей сворой. И ничего удивительного. На свете отыщется мало женщин, способных сохранить бойкость, когда у них под ногами Фатум подорвал такую шашку тринитротолуола. Выслушав от дяди Тома сообщение о Сидкапе, она, я думаю, испытала примерно те же ощущения, что, бывало, и во времена своей охотничьей молодости, когда лошадь выбрасывала ее из седла, да еще сама наваливалась сверху. Хотя бурный поток румяной Ипокрены [*Ипокрена* - согласно древнегреческому мифу, источник на горе Геликон, пробитый копытом Пегаса; он посвящен музам и питает вдохновение поэтов.], из которого она только что испила, дарит вдохновение, на этот раз он оказал лишь самое поверхностное действие.

– Дживс, тут у нас встретилось некоторое затруднение, и мы были бы рады услышать ваше мнение и получить от вас совет. Дело вот какого рода. У тети Далии имеется жемчужное ожерелье, рождественский подарок дяди Тома (второе имя которого – Портарлингтон, чего вы, держу пари, не знали). То самое ожерелье, которое вы сегодня утром забрали в «Эспинале». Помните?

– Да, сэр.

– Ну, так вот. Дальше интрига усложняется. Это ожерелье – не жемчужное, если вы меня понимаете. По соображениям, входить в которые нам сейчас незачем, то, рождественское, подаренное дядей Томом, она снесла в заклад. А это, что у нее имеется теперь,- подделка и никакой – или почти никакой – ценности не представляет.

– Да, сэр.

– Вы как будто бы не удивлены?

– Нет, сэр. Я это понял, когда получил его сегодня утром. Я сразу увидел, что у меня в руках культивированный жемчуг.

– Бог ты мой! Неужели это видно с первого взгляда?

– О нет, сэр. Я не сомневаюсь, что неопытный глаз легко обманется. Но я в свое время несколько месяцев изучал ювелирное дело под руководством моего родственника, профессионального ювелира. У натуральной жемчужины нет зерна.

– Нет – чего?

– Зерна, сэр. У нее внутри. А у культивированного жемчуга есть. Культивированная жемчужина отличается от натуральной тем, что является результатом внесения в раковину инородного тела, каковое тело раздражает и побуждает моллюска одевать зерно слоями перламутра. Натуральный раздражитель бывает так мал, что его не видно, тогда как зерно культивированной имитации можно различить на глаз просто на ярком свете. Именно так я и поступил с жемчугами миссис Трэверс. Эндоскоп мне не понадобился.

– Что не понадобилось?

– Эндоскоп, сэр. Особый инструмент, позволяющий заглянуть внутрь культивированной жемчужины и разглядеть зерно.

Сердце мое на минуту сжалось от сострадания к моллюскам – ну и жизнь у них, у этих бедных двустворчатых, сплошь одни неприятности за другими – но главным моим чувством было изумление.

– С ума сойти, Дживс! Вы что же, знаете все на свете?

– О, нет, сэр. Просто ювелирное дело у меня нечто вроде хобби. С алмазами, разумеется, используют другой способ. Чтобы удостовериться в подлинности алмаза, нужна грамофонная игла с сапфировым концом, или, иначе говоря, корундовая 9-й степени твердости. Ею надо попытаться нанести маленькую царапину на скрытой поверхности испытываемого камня. Настоящий алмаз, как вы, несомненно, знаете,- это уникальное вещество, имеющее показатель твердости 10 по шкале Моса. Большинство твердых предметов вокруг нас имеют твердость около 7 единиц. Вы что-то хотели сказать, сэр?

Я только хлопал глазами. Дживс, если уж заведется, часто приводит меня своими объяснениями в такое состояние. Но я поднапрягся и продолжил рассказ:

– Коротко говоря, дело в следующем. Ожерелье тети Далии, то, что у нее теперь, представляет собой, как открыли вам ваши натренированные чувства, сплошные зерна и не стоит даже бумаги, на которой это можно записать. Так. Но тут вот какая загвоздка. Если бы не появились дополнительные обстоятельства, все сошло бы ей с рук, сам дядя Том, сколько бы ни старался, нипочем не смог бы отличить поддельного ожерелья от настоящего. Однако возникло колоссальное осложнение. Завтра приезжает его приятель, и ему покажут эту вещь, а он, подобно вам, является экспертом по ювелирным вопросам. Вы понимаете, что будет, стоит ему только бросить взгляд на дешевую подделку? Разоблачение, крах, гибель, безнадежность. Дядя Том, узнав правду, взбесится, и репутация тети Далии резко пойдет на понижение. Вы понимаете, Дживс?

– Да, сэр.

– Тогда скажите, что вы по этому поводу думаете.

– Положение внушает беспокойство, сэр.

Я и не думал, что какие-то слова могут так взбудоражить мою опечаленную тетюшку, но от этих слов Дживса она, сидевшая с поникшей головой, взвилась из кресла, как испуганный фазан.

– Внушает беспокойство?! И только-то?

Я понимал ее чувства, но поднял руку, призывая к сдержанности.

– Прошу вас, родственная старушка. Да, Дживс, положение, как вы заметили, внушает некоторое беспокойство, но есть надежда, что вы предложите собравшимся приемлемый выход. Мы будем рады услышать ваше предложение.

Уголок его рта удрученно дернулся.

– Боюсь, сэр, что не смогу предложить решение такой сложной задачи прямо, как говорится, не сходя с места. Мне понадобится некоторое время на размышление. Не позволите ли мне немного походить по коридору?

– Ну конечно, Дживс! Ходите сколько вашей душе угодно.

– Благодарю вас, сэр. Я полагаю вскоре возвратиться с удовлетворительным ответом.

Я закрыл за ним дверь и обернулся к пострадавшей старушечке, которая, вся побагровев, все еще бормотала: «Внушает беспокойство! Подумать только!»

– Мне понятно ваше возмущение, родная плоть и кровь,- сказал я ей.- Мне следовало

заранее предупредить вас, что Дживс никогда не подскакивает к потолку и не вращает глазами, какую бы сногшибательную сенсацию вы на него ни обрушили. Он всегда остается невозмутим, как чучело лягушки.

– «Внушает! Внушает беспокойство»!

– Сам-то я привык не придавать этому значения, хотя порой, как, например, сегодня, могу и взорваться, но опыт научил меня, что...

– «Внушает беспокойство», представьте себе! «Беспокойство»!

– Я знаю, знаю. Эта его манера болезненно действует на нервные центры, кто же спорит. Но, повторяю, опыт научил меня, что за этим выпадом с его стороны всегда следует здоровое решение поставленной задачи. Как это говорится? Если появляется чучело лягушки, значит, недалеко и решение.

Тетя Далия встрепелась. В глазах ее затеплился огонек надежды.

– По-твоему, он в самом деле что-нибудь придумает?

– Я в этом совершенно убежден. Он всегда что-нибудь да придумывает. Хотелось бы мне получить столько фунтов стерлингов, сколько он придумал выходов из разных затруднительных положений с тех пор, как служит под вустеровскими знаменами. Вспомните, например, как он помог мне обставить Родерика Спода в Тотли-Тауэрс.

– И в самом деле, правда?

– Еще бы не правда. Только что передо мной был страшный, грозный Спод, и вот он уже не он, а трясущийся кусок студня у моих ног, лишенный всех своих клыков. На Дживса можно без колебаний положиться. А вот и он,- сказал я, увидев, что дверь приоткрывается,- на плечах у него голова с выпирающим назад затылком, в глазах – сияние ума, ну, и так далее. Придумали, Дживс?

– Да, сэр.

– Я так и знал. Я только что сказал тете, что вы всегда находите выход. Валяйте, выкладывайте.

– Имеется способ, как может миссис Трэверс выбраться из моря смут [«Море смут» - слова из монолога Гамлета «Быть или не быть». Акт 3, сц. 1 (перев. М. Лозинского).] Шекспир.

Я не понял, почему он называет меня Шекспиром, но попросил его продолжать. И он обратился к тете, которая пожирала его глазами, как дрессированный медведь в ожидании сладкой булочки.

– Если, как сообщает мистер Вустер, мэм, этот эксперт по ювелирному делу ожидается здесь в ближайшее время, по-видимому, лучше всего, чтобы ваши жемчуга до его приезда пропали. Говоря яснее, мэм,- разъяснил он в ответ на вопрос вскипевшей владелицы, не считает ли он ее, черт побери, индийским факиром,- надо инсценировать вторжение грабителей, в результате каковой драгоценность исчезнет. Как вы понимаете, мэм, если джентльмен прибудет сюда с целью освидетельствовать жемчуга, но обнаружит, что их нет на месте, то и...

– ...то он их и не сможет освидетельствовать?

– Именно так, мэм. Rem acu tetigisti [«Попала в самую точку» (лат.).]

Я покачал головой. Я ожидал чего-то получше. Похоже, великий ум дал в конце концов слабину, и это меня огорчило.

– Но, Дживс,- заметил я тактично,- где вы возьмете грабителя? Купите в магазине армейских излишков?

– Я думал, может быть, вы бы взяли эту роль на себя, сэр.

– Я?

– Ну да! – воскликнула моя тетушка, и лицо ее осветилось, как луна на театральном заднике.- Вы правы, Дживс. Ты ведь не откажешься сделать для меня такую малость, Берти? Конечно же, не откажешься. Ты понял мысль Дживса? Берешь лестницу, приставляешь к моему окну, влезает, хватаешь ожерелье и задаешь стрекача. А я утром прихожу к Тому вся в слезах и говорю: «Том! Мои жемчуга! Они пропали! Какой-то подлый злодей влез ночью и украл их, пока я спала». Так ведь, Дживс?

– Именно, мэм. Мистеру Вустеру осуществить это будет очень легко. Я заметил, что со времени нашего предыдущего приезда в Бринкли-Корт с окон сняли защитные решетки.

– Да, я распорядилась после того случая, когда мы все оказались ночью в саду, а двери заперты. Помните?

– Вполне отчетливо, мэм.

– Так что у тебя не будет никаких препятствий.

– Кроме только...

Я не договорил. Я собирался сказать: «Кроме моего решительного и бесповоротного отказа братья за это дело в какой бы то ни было форме». Но осекся, прежде чем эти слова слетели у меня с губ. Я сообразил, что преувеличиваю воображаемые опасности и препятствия, связанные с осуществлением задуманного предприятия.

В сущности, подумалось мне, что тут страшного? С ловкостью и проворством Вустеров – это просто игрушки. Некстати, конечно, что придется встать ни свет ни заря, но я готов на такую жертву ради того, чтобы вновь зацвели розы на щеках женщины, которая в мои младенческие лета часто качала меня на коленях, не говоря о том, что однажды она спасла мне жизнь, когда я подавился резиновой соской.

– Да нет, ничего,- сердечно заверил я ее.- Все так. Вы обеспечиваете ожерелье, остальное предоставьте мне. Которое окно ваше?

– Последнее с левой стороны.

– Право, я...

– Не правая, а левая, дурень. Я иду туда и все приготовлю. Господи, вы сняли такой груз с моей души, Дживс. Я словно заново родилась. Вас не покоробит, если вы услышите, что я пою?

– Нисколько, мэм.

– Наверное, я завтра с утра, как проснусь, так и запою.

– В любое время, в какое вам будет угодно, мэм.

Когда он закрывал за нею дверь, на губах у него мелькнуло нечто близко напоминающее улыбку.

– Приятно видеть миссис Трэверс в такой радости, сэр.

– Да. Вы подняли ее настроение, как хороший тоник. Лестницу, надеюсь, не трудно будет добыть?

– Нисколько не трудно, сэр. Я видел лестницу у стены огородного сарая.

– Я, кстати, тоже ее видел, как я теперь вспомнил. Она, надо думать, и теперь там, так что пошли... Что делаешь вовремя... Как это говорится?

– Что надо сделать вовремя, лучше делать, не откладывая, сэр.

– Верно. Нет смысла стоять и топтаться на месте.

– Никакого, сэр. В делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха [

– Вот именно,- подтвердил я. Лучше мне бы и самому этого не выразить.

Все пошло как по маслу. Я нашел лестницу, она и правда стояла у стены огородного сарая. Приволок ее по пересеченной местности в нужную точку. Приставил. Вскобкался. В два счета влез в окно и бесшумно двинулся по комнате.

Собственно, не совсем бесшумно, так как наткнулся на столик, который возник у меня на пути, и он опрокинулся с некоторым грохотом.

– Кто там? – спросил из темноты испуганный женский голос.

Ну, надо же, сказал я себе, тетя Даля до того вошла в роль, даже от себя добавила немного краски, чтобы обеспечить полный аншлаг. Какая актриса!

Но голос повторил: «Кто там?» – И ледяная рука страха сдавила мне сердце.

Потому что он принадлежал никакой не тете. Это был голос Флоренс Крэй.

В следующее мгновение комнату залил свет, и я увидел ее воочию – она сидела в постели, и на голове у нее был розовый ночной чепец.

Вы знаете стихотворение «Атака легкой кавалерии», которое сочинил некто Теннисон? Его раньше упоминал Дживс, когда рассказывал про человека, у которого была сила десятерых. Оно вообще широко известно, я сам когда-то его декламировал лет семи или около того от роду, если меня призывали в гостиную, чтобы гости могли взглянуть на юного Вустера. «Берти чудесно читает стихи», - говаривала моя матушка (при этом, между прочим, искажая факты: я каждый раз сбивался), - и я сначала пытался спрятаться, но меня находили, вытаскивали, и мне приходилось браться за дело. Малоприятное испытание для всех присутствующих, как мне рассказывали.

Но что я хотел сказать, когда немного отвлекся на воспоминания о милых прошлых днях, это – что хотя почти все стихотворение улетучилось у меня из памяти, но самое сильное место я до сих пор не забыл. Там сперва, если помните, говорится:

*Тум тидл ампти-пам
Тум тидл ампти-пам
Тум тидл ампти-пам*

и отсюда прямо попадаешь на отыгрыш:

Но кто-то ошибся.

Эти строчки я всегда помню, и сейчас я их процитировал потому, что, стоя в недоумении перед девицей в розовом чепце, я чувствовал себя в точности, как те ребята из кавалерийской бригады. Совершенно ясно, что кто-то ошибся, а именно – тетя Далия. Почему она сказала мне, что ее окно последнее с левой стороны, когда последнее окно с левой стороны было совсем не ее, этого я понять никак не мог. Напрасно я ломал голову, ища, как выражается Сыр Чеддер, скрытые мотивы.

Впрочем, разве угадаешь тайные мысли теток? Да и не время сейчас было для пустого умствования. Первая забота джентльмена, на исходе ночи заброшенного, точно мешок с углем, в девичью спальню, - завязать светскую беседу. Именно этим я и занялся. В подобной ситуации нет ничего хуже неловкой паузы и смущенного молчания.

– Привет, привет, - произнес я как можно бодрее и жизнерадостнее. - Очень извиняюсь, что заявился в такой момент, когда вы в невинном сне распутывали клубок дневных забот [... распутывали клубок дневных забот. - Образ из шекспировского «Макбета», акт 2, сц. 2 (перев. Ю. Корнеева).], но я, видите ли, вышел подышать свежим воздухом, а все двери заперли, и я решил, чем поднимать на ноги весь дом, просто влезть в первое попавшееся открытое окно. Ведь знаете, это не дело – поднимать на ноги дома. Нехорошо.

Я готов был и дальше развивать эту тему, мне казалось, я на верном пути, получалось гораздо удачнее, чем прикидываться лунатиком, изображать внезапное пробуждение: «Ах, где я?», и так далее. Очень уж глупо... Но тут Флоренс рассмеялась своим журчащим смехом.

– Ох, Берти, - проговорила она, и представьте, совсем не таким досадливым тоном, каким барышни обычно говорят мне: «Ох, Берти». - Какой же вы романтик!

– То есть как?

Она еще посмеялась. Слава Богу, конечно, что она решила не поднимать шума, звать на помощь, и прочее. Но должен признаться, что этот ее журчащий смех меня немного озадачил. Я думаю, с вами тоже такое бывало: вокруг люди хохочут, как гиены, а вы не возьмете в толк, над чем. Оказываешься в невыгодном положении.

Флоренс странно так смотрела на меня, словно на ребенка, у которого хотя и водянка головного мозга, но все-таки он душка.

– Как это на вас похоже! – сказала она.- Я вам сообщила, что моя помолвка с д'Арси Чеддером расторгнута, и вы сразу же устремились ко мне. Не могли дождаться утра. Возможно, вы даже думали поцеловать меня спящую?

Я подскочил дюймов не меньше чем на шесть. Меня охватил ужас, и по-моему, не зря. Черт возьми, ты гордишься своей особой осмотрительностью в обхождении со слабым полом, и вдруг тебе говорят, что ты сознательно лезешь за полночь в окна к спящим девицам с намерением их поцеловать!

– Господи, да ничего подобного! – возразил я и поставил на ножки опрокинутый столик.- У меня и в мыслях ничего такого не было. Вы, вероятно, задумались и пропустили мимо ушей мое объяснение. Я же сказал вам, только вы не слушали, что вышел подышать ночным воздухом, а все двери заперли, и...

Флоренс опять зажурчала. Она по-прежнему умильно смотрела на меня как на славное придурковатое дитя, и даже еще умильнее, чем раньше.

– Неужели вы думаете, что я на вас сержусь? – попыталась она меня успокоить.- Нет, конечно. Я очень растрогана. Поцелуйте меня, Берти.

Что тут будешь делать? Вежливость прежде всего. Я подчинился, хотя и чувствовал, что это уж переходит всякие границы. Не по душе мне такие фокусы, слишком отдают французским духом. Вырвавшись, я сделал шаг назад и увидел, что выражение ее лица изменилось. Теперь она смотрела на меня, как бы примериваясь, наподобие гувернантки, приглядывающейся к новому ученику.

– Матушка глубоко ошибается,- проговорила Флоренс.

– Матушка?

– Ваша тетя Агата. Я удивился.

– Вы что, зовете ее матушкой? Ну, да ладно, дело ваше. Насчет чего же она ошибается?

– Насчет вас. По ее мнению, вы – унылое и безмозглое ничтожество, и вас давно уже надо было поместить в надежное заведение для умственно отсталых.

Я гордо вскинул голову, довольно чувствительно задетый за живое. Значит, вот как отзывается обо мне у меня за спиной эта ужасная женщина! Красиво, ничего не скажешь. И это женщина, напомним вам, чьего отвратительного сынка Тоса я многие годы практически нянчил на своей груди. То есть, когда он проезжал через Лондон в свою закрытую школу, я неизменно принимал его у себя с ночевкой и не только кормил по-королевски, но, жертвуя собой, водил в театр «Олд Вик» и в Музей мадам Тюссо. Неужели больше не осталось благодарности в мире?

– Вот, значит, что она говорит?

– Она очень забавно вас описывает.

– Ах, забавно?

– Например, что у вас мозги как у индюшки. Ее слова. Тут, конечно, открывалась возможность, при желании, легко это опровергнуть, углубившись в вопрос о том, на каком месте по смышленности стоят в ряду наших пернатых друзей индюшки, но я воздержался.

Флоренс поправила на голове чепец, немного съехавший на сторону при поцелуе. Она продолжала ко мне присматриваться.

– Еще ваша тетя называет вас – «охламон».

– Как вы сказали?

– «Охламон».

– Не понял.

– Это такое старинное слово. Означает, если не ошибаюсь, что вы растяпа и беспросветный болван. Но я ее уверила, что она заблуждается, у вас есть много достоинств, о которых люди даже не подозревают. Я это поняла еще тогда, когда встретила вас однажды в книжном магазине, где вы купили «Спинолу».

Тот случай я не забыл. Тогда все было одно сплошное недоразумение. Я посулился Дживсу, что куплю ему в подарок книгу одного типа по фамилии Спиноза – философ, что ли, такой, или что-то в этом духе, – а парень за прилавком заверил меня, что нет такого писателя, и предложил взамен «Спинолу», мол, я просто перепутал названия, я схватил эту книжку, а тут в магазин возьми да войди Флоренс Крэй. Вообразить, будто я специально купил ее книгу, и начертать в ней дарственную надпись вечным пером с зелеными чернилами было для нее делом одной минуты.

– Я тогда поняла, что вы вслепую ищите дорогу к свету и тянетесь к знаниям через чтение серьезной литературы, что в глубине вашей души заложена духовность, ее надо только вывести на поверхность. Какая благородная задача, сказала я себе, помочь проявиться способностям, таящимся в вашем пробуждающемся сознании. Все равно что наблюдать, как распускается робкий, поздний цветок.

Я прямо взвился. Нашла тоже робкий поздний цветок. Я уже готов был съязвить, сказав ей: «Ах, вот как?» – но она еще не выговорила.

– Я могу помочь вашему формированию, Берти, я знаю. Вы стремитесь к самоусовершенствованию, это уже половина победы. Что вы сейчас читаете?

– Н-ну, последнее время было столько всяких дел, то да се, особенно много читать не удавалось, но все-таки я уже дошел до середины книги «Загадка красного рака».

Ее стройный стан был более или менее задрапирован одеялом, но мне показалось, что по нему пробежала судорога.

– О, Берти! – произнесла она, на этот раз с более привычной интонацией.

– Шикарная книга, – заспорил я. – Там одного баронета, сэра Юстаса Уиллоуби, нашли в библиотеке на полу с проломленным черепом, и...

Лицо Флоренс исказила гримаса боли.

– Бога ради! – вздохнула она. – Кажется, помочь выявлению скрытых талантов, таящихся в глубинах вашего пробуждающегося сознания, будет ох как непросто.

– Я бы на вашем месте и не пытался, – сказал я. – Не беритесь, вот вам мой совет.

– Но как же я оставлю вас прозябать во тьме, чтобы вы продолжали жить в праздности, только курили бы и пили в клубе «Трутни»?

Тут она ошибалась. И я ее поправил:

– Я еще играю в «летучие дротики».

– Ах, эти «дротики!»

– Если хотите знать, я скоро буду клубным чемпионом текущего года. Для меня это верняк, спросите кого угодно.

– Как вы можете растрчивать себя впустую на такие пустяки, когда могли бы читать

Т.С. Элиота! Я бы хотела видеть вас за...

За каким занятием Флоренс хотела бы меня видеть, я так и не услышал, хотя не сомневаюсь, что она имела в виду что-то ученое и отвратительное. Однако в это мгновение раздался стук в дверь.

Такого развития событий я уж никак не ожидал. Сердце у меня в груди подскочило, как лосось в сезон нереста, и забилося где-то у верхних резцов. Я покосился на дверь с безумной догадкой во взоре [...с безумной догадкой во взоре. - Фраза из стихотворения Дж. Китса «Сонет на первое знакомство с Гомером в переводе Чапмена» (1816).], как выражается Дживс. На лбу у меня выступили капли пота.

Флоренс, я заметил, тоже немного испугалась. Наверяд ли, отправляясь гостить в Бринкли-Корт, она ожидала, что ее спальня станет сборным пунктом для общественности. Когда-то я любил распевать одну песенку, где был такой припев: «Пойдем, пойдем все вместе к Мод». Похоже было, что сейчас сходное намерение обуревало гостей в доме тети Далии, и бедной барышне это не могло нравиться. Они вообще любят, чтобы в час пополудни никто не нарушал их одиночества, а тут у нее одиночества – как у киоскерши на ипподроме.

– Кто там? – спросила Флоренс.

– Я,- ответил зычный низкий голос, и она прижала ладонь к горлу. Я думал, что такой жест можно наблюдать только на сцене.

Дело в том, что зычный низкий голос, вне всякого сомнения, принадлежал д'Арси Чеддеру. Короче говоря, Сыр снова вышел на сцену.

Флоренс заметно дрожащей рукой потянулась за халатом и спрыгнула с кровати, совершенно как горошина с раскаленной лопаты. Казалось бы, современная, выдержанная девица, всегда такая самоуверенная и спокойная, не выказывающая никаких эмоций, разве что вздернет бровь в самом крайнем случае, но тут, похоже, дружественный визит Сыра в тот момент, когда в ее комнате полным-полно Бустеров, привел ее в смятение.

– Что вам надо?

– Я привез ваши письма.

– Оставьте их на коврике за дверью.

– Я не оставлю их за дверью. Я хочу встретиться с вами лицом к лицу.

– Среди ночи? Вы сюда не войдете!

– А вот тут вы заблуждаетесь,- твердо возразил Сыр.- Именно что войду.

Помню, Дживс как-то упоминал, что «поэта взор в возвышенном безумстве блуждает между небом и землей» [...блуждает между небом и землей. - Цитата из шекспировского «Сна в летнюю ночь», акт 5, сц. 2 (перев. Т.Л. Щепкиной-Куперник).]. Вот и взор Флоренс тоже стал блуждать. Я, конечно, сразу понял, что ее так взволновало. Перед ней встала та же проблема, что нередко встает перед действующими лицами детективных романов, а именно: как избавиться от тела, в данном случае – от тела Бертрама Вустера. Если Сыр сюда проникнет, значит, надо на время куда-то, упрятать Бертрама, но вопрос в том, куда?

В спальне у дальней стены стоял гардероб. Флоренс подскочила к нему, распахнула дверцу.

– Туда! – прошипела она, и не правы те, кто утверждает, будто невозможно прошипеть слово, в котором нет шипящих. Флоренс прошипела без труда.

– Полезайте!

Я нашел, что идея недурна. Нырнул в гардероб, и Флоренс закрыла дверцы.

Правда, вероятно, от волнения, закрыла не плотно, а лишь прикрыла отчасти, и мне был слышен весь их последовавший разговор, словно его транслировали по радио.

Начал Сыр.

– Вот ваши письма,- чопорно произнес он.

– Благодарю,- чопорно же ответила Флоренс.

– Не стоит благодарности,- не менее чопорно отозвался он.

– Положите на туалетный стол,- по-прежнему чопорно распорядилась она.

– Извольте! – чопорно согласился он.

В жизни не слышал такого чопорного обмена репликами.

После недолгой паузы, во время которой Сыр, надо полагать, вываливал корреспонденцию в указанное место, он возобновил разговор:

– Вы получили мою телеграмму?

– Разумеется, получила.

– Обратите внимание, я сбрил усы.

– Я обратила.

– Это – первое, что я сделал, узнав о ваших секретных махинациях.

– Каких таких секретных махинациях?

– Если, по-вашему, это не секретные махинации – тайно отправиться по ночным клубам в обществе этой мокрицы Вустера, то крайне интересно было бы узнать, что это, на ваш взгляд, такое?

– Вам отлично известно, что мне для моей книги нужна была атмосфера.

– Хо!

– И не говорите «Хо!»

– Буду говорить «Хо!» – с сердцем сказал Сыр.- Для вашей книги, вы сказали? А по-моему, нет у вас никакой книги. Нет и не было.

– Ах, вот что? А как же «Спинола», которая вышла уже пятым изданием и переводится на скандинавский?

– Должно быть, работа мокрицы Горринджа. Представляю себе, как от такого оскорбления полыхнули огнем глаза Флоренс. По крайней мере, можно было так понять по тону, которым она проговорила:

– Мистер Чеддер, вы пьяны.

– Ничего подобного.

– Тогда, значит, вы сумасшедший. И будьте любезны, уберите с моих глаз вашу тыквообразную голову!

Мне кажется, хотя утверждать не берусь, что при этих ее словах Сыр заскрежетал зубами. Во всяком случае, раздался какой-то странный звук, словно заработала кофейная мельница. И голос, донесшийся до меня в моем укрытии, был хриплым и дрожащим:

– Моя голова не тыквообразная!

– Полное подобие тыквы!

– Никакого подобия. Могу сослаться на авторитет Берти Вустера, он утверждает, что она, скорее, напоминает купол собора Святого Павла.- Тут он вдруг смолк, и раздался шлепок. По-видимому, Сыр хлопнул себя по лбу.- Вустер! – рявкнул он, как дикий зверь.- Я пришел сюда говорить не о моей голове, а о Вустере, склизком черве, который пробирается у человека за спиной и крадет невест. Вустер, разоритель домашних очагов! Вустер, змей подкольный, гибель всех женщин! Вустер, современный Дон-Как-там-его! Вы все это

время исподтишка крутили с ним роман. Думали, я не вижу, да? А я вижу насквозь ваши жалкие... жалкие... черт, забыл слово. Вертелось на языке, и – нету.

– Хорошо бы вас тоже тут больше не было.

– Увертки, вот что! Я знал, что вспомню. Думали, я не вижу насквозь ваши жалкие увертки? Эти ваши выдумки, чтобы я отрастил усы? Думаете, я не понял, что вся эта затея с усами – просто хитрость, предлог, чтобы порвать со мной и переметнуться к подколодному змею Вустеру? «Как бы мне отделаться от этого Чеддера,- спрашивали вы себя.- Ага, придумала! – сказали вы себе.- Велю ему отпустить усы! Он скажет: черта с два! А тогда я скажу: Ах, так? Ну, ладно! Тогда между нами все кончено! И дело сделано». То-то вас наверное, неприятно поразило, когда я возьми да исполни ваше требование. Нарушило все ваши планы, точно? На это вы ведь никак не рассчитывали.

Голосом, который заморозил бы эскимоса, Флоренс проговорила:

– Дверь у вас за спиной, мистер Чеддер. Чтобы она открылась, достаточно повернуть ручку.

Но Сыр не сдавался:

– Дверь тут ни при чем. Я говорю о вас и о гнусном Вустере. Как я понимаю, вы теперь обручитесь с ним, вернее, с тем, что от него останется, после того как я растопчу его физиономию. Я прав?

– Да.

– Вы намерены выйти за этого прыща в человеческом образе?

– Да.

– Хо!

Не знаю, как бы вы поступили на моем месте, услышав такой разговор и впервые осознав, как близка опасность. Наверное, вы бы так же, как и я, сильно вздрогнули. Мне бы, конечно, следовало раньше разглядеть надвигающуюся угрозу, но я почему-то – возможно, я был слишком испуган появлением Сыра,- ее проглядел. И теперь неожиданное объявление о моей помолвке с девицей, к которой я относился крайне отрицательно, потрясло меня до глубины души, и я, как я уже сказал, сильно вздрогнул.

Но самое неподходящее место для того, чтобы сильно вздрагивать, если хочешь остаться незамеченным и безымянным, это, конечно, гардероб в дамской спальне. Что именно на меня посыпалось вследствие моего резкого движения, сказать не могу, но вероятнее всего – шляпные картонки. Так ли, нет ли, но шум в ночной тишине был такой, как будто в подвал засыпают уголь. Раздалось восклицание, затем могучая рука, рванув, открыла дверцу гардероба, и багровая физиономия воззрилась на меня, в то время как я вытряхивал из своей шевелюры шляпные картонки,- если это действительно были шляпные картонки.

– Хо! – еле выговорил, наконец. Сыр, точно кот, подавившийся рыбной костью.- А ну, вылезай оттуда, гад,- добавил он, цапнув меня за левой ухо и дернув, что было силы.

Я вылетел, как пробка из бутылки.

В таких случаях не знаешь толком, что сказать. Я просто сказал: «А, это ты, Сыр. Прекрасная погода, не правда ли?» Но, видимо, это было ошибкой, потому что его всего перекорежило, словно таракан за шиворот попал, и взгляд сделался еще свирепее. Мне стало ясно, что от меня потребуется уйма такта и учтивости, чтобы мы все трое чувствовали себя непринужденно.

– Ты, несомненно, удивлен,- начал было я, но он поднял руку, словно вернулся на полицейскую службу и опять регулирует уличное движение. И произнес тихим, разве что чуточку хрипловатым голосом:

– Ты найдешь меня в коридоре, Вустер. И решительным шагом вышел вон.

Я понял, что побудило его сделать такое заявление: это идеал рыцаря, залегающий у него в глубине души, вышел на поверхность. Сыра Чеддера можно довести до бешенства, но и с пеной у рта он никогда не забудет, что он – Старый Итонец и Пукка Сагиб [Настоящий господин (*инд.*)]. Старые итонцы не дерутся в присутствии женского пола. И пукка сагибы – тоже. Они откладывают схватку до той минуты, пока не окажутся наедине со второй стороной где-нибудь в стороне.

Я вполне одобрял его деликатность, так как она давала мне несомненные преимущества. У меня появилась возможность избежать крупных неприятностей, для этого всего лишь потребуется проделать осторожный маневр отступления, который всегда держат в запасе генералы на тот случай, когда их дела примут совсем уж неблагоприятный оборот. Вы думаете, что загнали генерала в угол, и уже готовы наброситься на него, но, к великому вашему прискорбию и недоумению, как раз когда вы уже подтянули носки и навели последний блеск на доспехи, оказывается, что его уже след простыл. Он удалился по стратегической железной дороге и захватил с собой свои войска.

Вот и я, имея в наличии приставленную за окном лестницу, очутился в таком же выгодном положении. Что мне за дело до коридоров? Они мне совершенно не понадобятся. Мне нужно только вылезти на подоконник, поставить ногу на верхнюю перекладину и с легким сердцем спуститься на твердую землю.

Но бывают такие обстоятельства, которые поставят в тупик даже величайшего из генералов,- это когда он является на вокзал купить билет, но оказывается, что за время его отсутствия стратегическая железная дорога была взорвана. Вот когда он начинает скрести в затылке и кусать губы. Именно это несчастье сейчас приключилось со мной. Подойдя к окну и выглянув наружу, я увидел, что лестницы там нет. В какой-то момент в разгар наших переговоров она исчезла, не оставив по себе и следа.

Что с ней приключилось – загадка, которую я был не в силах разгадать, но этим можно будет заняться позднее. Сейчас же, очевидно, требовалось весь ум Вустеров употребить на более неотложную задачу, а именно: как выбраться из этой комнаты, но чтобы не через дверь и чтобы не оказаться в закрытом помещении один на один с Сыром, настроенным сейчас так, что с ним ни один человек некрупного телосложения не пожелал бы остаться один на один в закрытом помещении. Все это я изложил Флоренс, и она согласилась, как Шерлок Холмс, что проблема действительно представляет определенный интерес.

– Нельзя же, чтобы вы оставались здесь всю ночь,- сказала она.

Это было справедливо замечено, что я и признал, однако . прибавил, что иного решения

я сейчас не вижу.

– Вы ведь не возьметесь связать простыни и спустить меня на них из окна?

– Нет, не возьмусь. Почему бы вам не выпрыгнуть?

– И разбиться в лепешку?

– Может, не разобьетесь.

– Но, с другой стороны, может, разобьюсь.

– Невозможно приготовить омлет, не разбив яиц.

Я бросил на нее уничтожающий взгляд. Такой потрясающей глупости, какую она сейчас сморозила, я вроде бы не слышал в жизни ни от одной барышни, хотя мне случалось слышать от барышень немало потрясающих глупостей. Я уже открыл было рот, чтобы произнести: «А пошли вы знаете куда со своими омлетами!», как вдруг в мозгу у меня что-то хрустнуло, как будто я проглотил дозу умственно-укрепляющего средства, которое так поднимает тонус, что лежачий инвалид вскакивает с постели и пускается плясать бразильскую кариоку. К Бертраму вернулось присутствие духа. Я твердой рукой открыл дверь в коридор, и когда Сыр двинулся на меня, точно серийный убийца, готовый сделать свое черное дело, пригвоздил его к месту силой человеческого взгляда.

– Одну минуту, Сыр,- говорю я ему эдак вкрадчиво.- Прежде чем ты дашь волю своей дикой ярости, вспомни, что ты вытянул в клубе «Трутни» билет с моей фамилией в лотерею на первенство по «летучим дротикам».

Этого оказалось довольно. Он с ходу остановился, словно налетел на фонарный столб, и вытаращил на меня глаза, как кошка в поговорке. Кошки в поговорке, по словам Дживса, *хотят, но опасаются* [...хотят, но опасаются.- Ссылка на поговорку из сборника Дж. Хейвуда (1546), где говорится про кошку, которая хочет рыбки, но опасается замочить лапы.], и можно было видеть невооруженным глазом, что именно это происходит с Сыром.

Страхнув пылинку с рукава, я нежно улыбнулся и еще развил эту тему.

– Ты оцениваешь ситуацию? – говорю.- Вытянув мое имя, ты выделил себя из ряда обыкновенных людей. Объясню на примере, чтобы это было понятно самым примитивным мозгам,- я имею в виду твои мозги, Чеддер... В то время как обыкновенный человек, заведя меня на Пиккадилли, скажет просто: «Вон идет Берти Вустер»,- ты при виде меня скажешь: «Вон идут мои пятьдесят шесть фунтов десять шиллингов», да еще, наверное, побежишь за мной следом и будешь заклинать, чтобы я осторожнее переходил улицу, теперь такое страшное уличное движение.

Он поднял руку, потер подбородок. Мои слова явно не пропали даром. Я поправил манжеты и продолжал:

– Буду ли я в достаточно хорошей форме, чтобы выиграть турнир и положить без малого шестьдесят фунтов в твой карман, если ты осуществишь силовой прием, который у тебя сейчас на уме? Прикинь-ка своей башкой, мой милый Чеддер.

Борьба, конечно, была нешуточной, но краткой. Победил разум. Издав хриплый стон душевной муки, Сыр сделал шаг назад, а я весело пожелал ему спокойной ночи, снисходительно помахал ручкой и пошел к себе.

Когда я вошел, тетя Далия в шлафроке цвета бычьей крови поднялась мне навстречу из кресла, в котором просидела все это время, и охваченная волнением, устремила на меня убийственный взор.

– Ну? – выговорила она с трудом, словно маленький пекинес, не сумевший проглотить чересчур большую котлету. Больше она ничего не смогла сказать и перешла на хрип.

Должен признаться, это меня немного задело. Если кому и полагалось устремлять убийственный взор и испытывать затруднения с голосовыми связками, то это, по моим понятиям, мне. Судите сами. Из-за ошибки, допущенной моей родной теткой при составлении штабного приказа, я теперь должен буду пойти к алтарю с Флоренс Крэй, и к тому же еще я подвергся такой опасности, от которой, не исключено, что непоправимо пострадала моя тонкая нервная система. Я был твердо убежден, что не только не заслужил убийственного взора и горлового клокотания, но, наоборот, имею категорическое право потребовать объяснения и, более того, получить его.

Я только было набрал в грудь воздуха, чтобы все это ей выложить, но она в это время совладала с волнением и смогла заговорить.

– Ну? – произнесла тетя Далия с видом одной из малых пророчиц, собравшейся предать проклятию грехи своего народа.- Разрешить занять на минуту твое драгоценное время, чтобы спросить, чем, черт подери, ты занимаешься, бессовестный молодой Берти? Сейчас двадцать минут после полуночи, а с твоей стороны – никаких действий. По-твоему, я должна сидеть всю ночь и дожидаться, пока ты соизволишь исполнить простое, элементарное поручение, с которым больной шестилетний ребенок за четверть часа справился бы и умыл ручки? Может быть, для вас, беспутных лондонцев, сейчас самое время для разгула, но мы, деревенские, любим ночью спать. В чем дело? Отчего такая задержка? Что, черт возьми, ты делал все это время, отвратительное ты молодое чудовище?

Я рассмеялся горьким, глухим смехом. А она оценила его совсем неправильно и попросила меня не изображать звуки скотного двора, будет еще время. Спокойствие, сказал я себе... полное спокойствие.

– Прежде чем ответить на ваши вопросы, почтенная родственница,- сказал я, сдерживаясь изо всех сил,- позвольте один вопрос задать вам. Не соблаговолите ли объяснить мне в нескольких доступных словах, почему вы заявили, что ваше окно – последнее слева?

– Оно и есть последнее слева.

– Ну уж извините.

– Если смотреть со стороны дома.

– Ах, *со стороны дома'*? - Меня вдруг осенила догадка.- А я думал, если смотреть на дом.

– Если смотреть на дом, то оно будет, конечно... – Не договорив, она испуганно вскрикнула и вытаращилась на меня тоже с безумной догадкой во взоре.- Ты хочешь сказать, что забрался не в ту комнату?

– Более, чем просто не в ту.

– В чью же?

– Флоренс Крэй.

Тетя Далия присвистнула. Было ясно, что она поняла всю трагичность положения.

– Флоренс уже лежала в постели?

– В розовом ночном чепце.

– И проснувшись, увидела тебя?

– Почти сразу же. Я там опрокинул пару столиков. Моя тетя присвистнула еще раз.

– Тебе придется жениться.

– Вот именно.

– Хотя, я думаю, она не согласится.

- А я имею надежную информацию в противоположном смысле.
- Ты что же, все уладил?
- Она все уладила. Мы помолвлены.
- Несмотря на усы?
- Усы ей нравятся.
- Вот как? Станный вкус. А как же Чеддер? Мне казалось, что она обручена с ним?
- Уже нет. Та помолвка расторгнута.
- Они расстались?
- Бесповоротно.
- И теперь она взялась за тебя?
- Да.

Теткино лицо выразило озабоченность. Хотя она по временам довольно грубо со мной обращается и обзывает меня разными смачными именами, но вообще-то она меня любит и принимает мое благополучие близко к сердцу.

– Флоренс, мне кажется, для тебя слишком ученая. Насколько я ее знаю, ты и охнуть не успеешь, как она засадит тебя читать У.Х. Одена.

– Она на что-то в этом духе уже намекала, правда, помнится, имя было, кажется, Т.С. Элиот.

- Хочет тебя перевоспитать?
- Похоже, что так.
- Тебе это не понравится.
- Да уж.

Она сочувственно кивнула.

– Мужчины этого не любят. Я объясняю свой счастливый брак с Томом тем, что ни разу даже пальцем на него не надавила. Агата все время старается перевоспитать Уорплесдона, и муки, которые он испытывает, должно быть, ужасны. Недавно она заставила его бросить курить, в результате он повел себя как рыжий гризли, угодивший лапой в капкан. Тебе Флоренс уже велела бросить курить?

– Нет еще.

– Скоро велит. А дальше придет очередь коктейлей.- Тетя Далия покосилась на меня с глубоким состраданием. Видно было, что ее терзает раскаяние.- Кажется, из-за меня ты попал в переделку, мой карапуз.

– Да ладно, не думайте об этом, престарелая родственница,- сказал я ей.- Мало ли что в жизни случается. Меня гораздо больше беспокоит, что будет с вами. Мы должны непременно спасти вас из моря бед [*Море бед* - слова из монолога Гамлета «Быть или не быть». Акт 3, сц. 1.], как выражается Дживс. Все прочее не так уж важно. А о себе в сравнении с этим я забочусь лишь в той пропорции, в какой соотносится вермут с джином в крепком сухом мартини.

Было видно, что она растрогана. Глаза ее, если я не обозначился, наполнились непролитыми слезами.

– Как это самоотверженно с твоей стороны, милый Берти.

– Пустяки, уверяю вас.

– Кто бы подумал, глядя на тебя, что в тебе столько благородства. И такое твое отношение делает тебе честь, вот все, что я могу сказать. А теперь за дело. Ступай и перенеси лестницу к правому окну.

– То есть к левому окну.

– Назовем его правильным окном.

Я собрался с духом, чтобы сообщить ей худую весть.

– Но вы упускаете из виду,- говорю,- наверное, потому, что я забыл вам сказать, что имеется одно препятствие, которое грозит свести на нет наши усилия и начинания. Дело в том, что лестницы там нет.

– Где нет?

– Под правым окном, или, лучше сказать, под неправильным окном. Когда я выглянул, ее там не было.

– Вздор. Лестницы не тают в воздухе.

– В Бринкли-Корте, что в Бринкли-Кум-Снодсфида-ин-де-Марш, еще как тают, уверяю вас. Про другие места не скажу, не знаю, но в Бринкли-Корте они исчезают, стоит отвести от них взгляд на одно мгновение.

– То есть, ты хочешь мне сказать, что лестница пропала?

– Именно это я стараюсь довести до вашего сведения. Она сложила шатры, как арабы, и беззвучно ушла с прежних мест [*...ушла с прежних мест.* - Строки из стихотворения Г. Лонгфелло «Окончен день» (1845).]

Тетя Далия залилась фиолетовым румянцем и, я думаю, собралась сгоряча издать какой-то клич из своих охотничьих запасов, поскольку, если ее раззадорить, она за словом в карман не лезет, но в этот момент дверь открылась, и вошел дядя Том. Я был слишком взволнован и не мог точно определить степень его возбуждения, но было видно простым глазом, что он охвачен негодованием.

– Далия! – воскликнул он.- Мне показалось, что я слышу ваш голос, и я не ошибся. Почему вы не спите в такой поздний час?

– У Берти разболелась голова, – с ходу сочинила моя почтенная родственница.- Я дала ему выпить аспирина. Как голова, уже лучше, Берти?

– Заметно некоторое улучшение, – успокоил я ее, я ведь и сам здорово быстро соображаю,- А вы что так поздно на ногах, дядя Том?

– Да-да,- подхватила тетя Далия, – вы-то что расхаживаете по дому за полночь, мой благоверный? По-моему, вы бы должны были уже видеть десятый сон.

Дядя Том сокрушенно покачал головой.

– Какой там сон, моя дорогая! Сегодня ночью мне спать не придется. Я слишком встревожен. Весь дом кишмя кишит грабителями.

– Грабителями? Откуда вы взяли? Я, например, не видела грабителей. А ты, Берти?

– Ни одного. Помню, меня это даже удивило.

– Вы, Том, наверное, видели сову или еще какое-нибудь существо.

– Я видел лестницу, когда перед сном прогуливался в саду. Она была приставлена к окну. Я ее сразу взял и отнес на место. Минута промедления, и по ней бы сотнями полезли в дом грабители.

Мы с тетей Далией переглянулись. У нас обоих отлегло от сердца, поскольку тайна исчезновения лестницы раскрылась. Странная вещь: как бы ты ни любил тайны в книжной форме, когда они вдруг подворачиваются в жизни, это всегда действует на нервы.

Тетя сделала еще одну попытку успокоить мужа.

– Не иначе как один из садовников пользовался этой лестницей, а потом забыл отнести на место. Хотя, с другой стороны,- добавила она озабоченным тоном, решив, должно быть, что невредно будет подготовить почву,- вполне может случиться, что какой-нибудь

взломщик вздумает полезть за моим драгоценным ожерельем. Я это совсем упустила из виду.

– А я – нет,- сказал дядя Том.- О нем я подумал прежде всего. Я сразу пошел в вашу комнату, достал ожерелье и положил в сейф, что у нас в холле. Чтобы оттуда его достать, понадобится взломщик семи пядей во лбу,- заключил он не без гордости и ушел, оставив после себя, как выражаются некоторые, чреватую тишину.

Тетка посмотрела на племянника, племянник – на тетку.

– Черт-те что,- промолвила первая, возобновляя переговоры,- Что же нам теперь делать? Я согласился, что положение сложное. С ходу и не предложишь из него мало-мальски вразумительного выхода.

– Нет ли шансов раздобыть код?

– Ни малейших.

– А Дживс не может взломать сейф? Тетя Даля сразу повеселела.

– Точно! Дживс может все. Супай и приведи его. Я чуть не лопнул от возмущения.

– Где, черт возьми, я вам его достану? Я же не знаю, где его комната. Разве что вы знаете.

– Да нет.

– Не ходить же мне от двери к двери и будить всех домашних. Кто я, по-вашему? Поль Ревир? [*Ревир, Поль* (1735-1818) – один из знаменитых участников Войны за независимость Американских штатов. Прославился тем, что ночью 18 апреля 1775 г. прискакал из Бостона в Лексингтон с известием, что англичане выступают, и поднял всех спящих ополченцев.]

Я замолчал, дожидаясь ответа, стою и молчу, и тут, вдруг в комнату входит не кто иной, как Дживс собственной персоной. Даже в такой поздний час Дживс явился точно к сроку.

– Прошу прощения, сэр,- произнес он.- Рад, что не потревожил ваш сон. Я позволил себе прийти, дабы узнать, все ли сошло благополучно. Удалось ли вам ваше предприятие, сэр?

Я горестно покачал головой.

– Нет, Дживс. Я двигался своим таинственным путем, чтоб чудеса творить [... *таинственным путем* , *чтоб чудеса творить* . – Бертиперифразирует стихи Вильяма Купера (1731-1800) *God moves in a mysterious ways / His wonders to perform/He plants his footsteps in the sea / And rides upon the storm.*], но был остановлен неоднократным вмешательством Божьим.- И я в нескольких емких словах ввел его в курс дела.- Так что ожерелье теперь в сейфе,- заключил я,- и вопрос, как я это вижу и как тетя Даля видит, состоит в том, каким бы образом, черт подери, его оттуда достать? Вы уловили?

– Да, сэр. Положение внушает беспокойство. Тетя Даля громко вскрикнула.

– Не надо! – страстно прогудела она.- Если я еще раз услышу слова «внушает беспокойство», я... Вы не можете взломать сейф, Дживс?

– Нет, мэм.

– Не говорите, пожалуйста: «Нет, мэм», таким безразличным тоном. Откуда вы знаете, что не можете?

– Это требует специального обучения и воспитания, мэм.

– Тогда я пропала,- сказала тетя Даля, направляясь к Двери с решительным и мрачным выражением на лице. Она сейчас походила на маркизу, идущую на эшафот в те времена, когда у них там во Франции творились все эти дела.- Вы не были в Сан-Франциско при землетрясении [...в Сан-Франциско при землетрясении.- Катастрофическое Сан-Францисское землетрясение в 8,5 балла произошло в 1906 г.], Дживс?

– Нет, мэм. Я не бывал ни в одном городе на западном побережье Соединенных Штатов.

– Это я просто к тому, что если бы вы там были, катаклизм, который произойдет, когда приедет лорд Сидкап и откроет Тому страшную правду, мог бы напомнить вам прошлые времена. Ну, да ладно. Доброй ночи всем. Я пойду вздремну немного.

И она мужественно удалилась. Общество «Куорн» отлично школит своих дочерей. Железные характеры. В жестоких тисках обстоятельств, как говорил мне Дживс, от них не услышишь ни стоны, ни вскрика. Об этом я напомнил ему, когда мы остались одни, и он подтвердил, что так оно и есть.

– Под тири-рам-ти чего-то там такое... Как дальше-то?

– И под кровавыми ударами судьбы, сэр, Он держит голову высоко.

– Здорово сказано. Сами сочинили?

– Нет, сэр. Автор – покойный Уильям Эрнест Хенли [*Автор - покойный Уильям Эрнест Хенли. - Имеется в виду слегка переиначенное стихотворение «Invictus. Памяти Р.Т. Хэмилтона Брюса», принадлежащее перу английского поэта У.Э. Хенли (1849-1903).*]

– Как-как?

– Название – «Invictus». Но правильно ли я понял из слов миссис Трэверс, что ожидается приезд лорда Сидкапа, сэр?

– Да, он приезжает завтра.

– И это он – тот самый джентльмен, которому покажут ожерелье миссис Трэверс?

– Он самый, голубчик.

– В таком случае, все в порядке, сэр.

Я прямо вздрогнул. Наверное, я его не так понял. Или же он сам не знает, что говорит.

– Все в порядке, вы сказали, Дживс?

– Да, сэр. Вы не знаете, кто такой лорд Сидкап, сэр?

– Никогда в жизни о нем не слышал.

– Вы, наверное, помните его под другим именем, как мистера Родерика Спода.

У меня глаза на лоб полезли. Я едва устоял на ногах.

– Это Родерик Спод?

– Да, сэр.

– Тот самый Родерик Спод из Тотли-Тауэрс?

– Совершенно верно, сэр. Он недавно получил титул лорда Сидкапа по наследству от своего скончавшегося дяди.

– Вот так так, Дживс!

– Ваша правда, сэр. Я думаю, вы согласитесь, что при данных обстоятельствах проблема, стоящая перед миссис Трэверс, решается элементарно. Стоит одним словечком напомнить его сиятельству тот факт, что он продает дамское нижнее белье под торговой маркой «Eulalie Soers», и этого будет вполне достаточно, чтобы побудить его к тактичному молчанию касательно поддельности жемчугов. Когда мы гостили в Тотли-Тауэрс, если помните, сэр, мистер Спод, как он тогда именовался, никак не хотел, чтобы это обстоятельство обрело широкую известность.

– Точно, Дживс!

– Да, сэр. Я решил вам об этом напомнить, сэр. Доброй ночи, сэр.

И он растворился в ночи.

Мы, Бустеры, не имеем обыкновения вставать ни свет ни заря, так что солнце уже сияло на небе вовсю, когда я на следующее утро пробудился, чтобы приветствовать новый день. Я доедал освежающую яичницу с чашкой кофе, как вдруг, будто налетел ураган, дверь распахнулась, и вбежала, пританцовывая, моя тетя Далия.

Я говорю, «пританцовывая», потому что в ее движениях наблюдалась какая-то особенная живость с подскоком. Ничего похожего на вчерашнее безнадежное уныние. Тетка была явно вне себя от радости.

– Берти,- сказала она после краткой вступительной речи, в которой она назвала меня молодым лежебокой, постыдился бы так поздно валяться под одеялом в такой безумно радостный день, самый счастливый, по ее мнению, во всем веселом году- Я сейчас разговаривала с Дживсом, и если существовал когда-нибудь на свете выручатель и друг в беде, так это как раз он. Шапки долой перед Дживсом! – так я считаю.

Тут она перевела дух и высказалась по поводу моих усов, что-де они оскорбительны для Бога и человека, но их нетрудно будет вывести сильнодействующим средством от сорняков, а затем вернулась к изначальной теме.

– Дживс сказал, что этот лорд Сидкап, который приезжает сегодня,- не кто иной, как наш старый знакомец Родерик Спод.

Я кивнул. Я уже понял по ее восторженному виду, что Дживс сообщил ей нашу замечательную новость.

– Это правда,- подтвердил я.- Оказывается, Спод по секрету от нас был с самого начала тайным племянником лорда, который с тех пор, как мы гостили в Тотли-Тауэрс, успел переселиться в надзвездные сферы и дал племяннику возможность подняться на ступеньку вверх. А про «Сестриц Юлали» Дживс вам тоже рассказал?

– Ну, да, со всеми подробностями. Почему ты до сих пор со мной не поделился? Знаешь ведь, как я люблю посмеяться.

В ответ я с важным видом развел руками и при этом опрокинул кофейник, который, к счастью, был уже пуст.

– У меня на губах лежала печать молчания.

– Это у тебя-то печать молчания?

– Можете смеяться, сколько угодно, но я повторяю: эти сведения я получил кон... конфиденциально.

– Уж родной-то тетке мог бы сказать.

Я отрицательно покачал головой. Женщины в таких вещах не разбираются. Для слабого пола *Noblesse oblige* [Благородное положение обязывает (*франц.*)] – пустой звук.

– Конфиденциальные сообщения не сообщают даже родной тетке, если ты, конечно, достойный конфиденгент.

– Ну, да ладно, теперь мне все известно, и Спод, он же Сидкап, у меня в руках. Как отчетливо я помню тот день в Тотли-Тауэрс,- задумчиво и восторженно глядя вдаль, проговорила тетя Далия.- Вот, казалось, он надвигается на тебя с хищным блеском в глазах и с пеной в углах рта, но тут ты поднимаешься, спокойный, как огурчик, и говоришь: «Минутку, Спод. Одну минутку. Вам, может быть, небезынтересно будет узнать, что про Юлалию мне все известно». Как я тобой восхищалась!

– Естественно.

– Ты был похож на укротителя львов, бросающего вызов хищному монарху джунглей.

– Н-да, некоторое сходство просматривается.

– А он сразу сник. Я в жизни не видела ничего подобного. У меня на глазах он сник и весь скукожился, как мокрый носок. И то же самое произойдет с ним, когда он придет сегодня вечером.

– Вы хотите отвести его в сторонку и сообщить, что вам известен его позорный секрет?

– Именно. И настойчиво порекомендую, когда Том покажет ему ожерелье, сказать, что это – прелестная вещица и вполне стоит той цены, которую Том за нее отдал. Осечки быть не может. Подумать только, владелец магазина «Eulalie Soeurs»! Загрывает, наверное, кучу денег. Я заезжала к ним месяц назад, купить панталоны с корсетом, так магазин ломился от покупателей. Деньги лились на прилавки, как волна цунами. Да, и кстати, насчет панталонов. Флоренс только что показывала мне свои. Не те, что на ней, я имею в виду, а которые у нее в запасе. Спрашивала, как я их нахожу. И вот что я тебе скажу, мой козленочек,- тетя посмотрела на меня с родственным участием,- тут у тебя положение очень серьезное.

– Вы считаете?

– Крайне серьезное. Она решительно настроена на то, чтобы свадебные колокола на этот раз сыграли свою песню. Где-то в ноябре, она говорит, на Ганновер-сквер у Святого Георгия. Уже всю рассуждает о подружках, об угощении.- Тетя Далия замолчала и оглядела меня с некоторым недоумением.- Ты словно бы и не расстроен,- заметила она.- Неужто ты один из тех, у кого нервы из закаленной стали, как пишут в книгах?

Я опять развел руками, на этот раз без бедственных последствий для посуды на подносе.

– Я отвечу вам, престарелая родственница. Когда обручаешься столько раз, сколько раз обручался я, и всегда в последний миг бывал спасен от гибели у подножия эшафота, начинаешь верить в свою звезду. Сохраняешь ощущение, что не все еще потеряно, пока не окажешься у ограды алтаря, и орган заиграет: «О, святая любовь», и священник задаст вопрос: «Согласен ли ты?». В настоящее время я попал в суп, это факт, но все может еще, с Божией помощью, обойтись, мне будет даровано спасение, и не исключено, что я выберусь из суповой кастрюли целым и невредимым.

– То есть ты не отчаиваешься?

– Нет. Я возлагаю надежды на то, что, все хорошенько обдумав, эти два гордых расплевавшихся сердца договорятся и помирятся, и я вновь окажусь на свободе. Ведь они расстались из-за того, что...

– Знаю. Она мне рассказала.

– ...что Сыр узнал, что на той неделе я водил Флоренс в «Пеструю устрицу», и он отказывается верить, что это было ей нужно просто для создания атмосферы в новой книге. Возможно, когда он немного остынет и рассудок к нему вернется, он осознает свою ошибку и попросит у нее прощения за столь постыдную недоверчивость. Вот какие у меня мысли. Вот на что я возлагаю надежды.

Тетя согласилась, что в этом что-то есть, и похвалила меня за твердость духа и за верное, как она считает, направление мыслей. Они напоминают ей, она сказала, спартанцев при Фермопилах, уж не знаю, где это.

– Но пока еще ему далеко до такого миролюбия, судя по словам Флоренс. Он убежден, как она говорит, что вы с нею предавались вместе беспардонному разгулу. Ну, и, конечно,

досадно, что ты оказался среди ночи в шкафу у нее в спальне.

– Крайне. Было бы гораздо лучше, если бы этого не произошло.

– То-то он, должно быть, опешил. Чего я не могу понять, это почему он тут же на месте не вышиб из тебя душу. Казалось бы, напрашивалось само собой.

Я довольно ухмыльнулся.

– Он вытянул билет с моей фамилией в клубном первенстве по «летучим дротикам».

– При чем тут это?

– Дорогая моя, кто же станет вышибать душу из игрока, от меткости которого зависит его выигрыш в пятьдесят фунтов десять шиллингов?

– А-а, поняла.

– И он тоже понял, когда я ему четко обрисовал картину. Сразу присмирел. Возможно, что мысли о вышибании души и приходят ему в голову, но он будет придерживаться мирной политики, как тот самый кот, который хочет рыбки, но боится лапы промочить. Я ему связал руки раз и навсегда. Других вопросов нет?

– Как будто бы нет.

– Тогда, если вы удалитесь, я встану и оденусь.

Она вышла, и когда за ней закрылась дверь, я скинул вчерашнее, принял ванну, побрился, приделся и вынес утреннюю сигарету прогуляться среди угодий и сооружений.

Солнце стояло уже гораздо выше, чем когда я наблюдал его предыдущий раз, и его ласковое тепло придало мне дополнительного оптимизма. Я размышлял о Сыре Чеддере и о том, как мне удалось загнать его в тупик, и находил, что мир, в сущности, не столь уж и плох. По-моему, нет на свете ничего, что бы так же бодрило душу, как успех в обведении вокруг пальца злодея, который размахивал кулаками и строил злобные планы. При мысли о связанном по рукам и ногам Сыре я испытывал такое же удовлетворение, как раньше в Тотли-Тауэрс, когда мне удалось подчинить своей воле Родерика Спода. Ну, настоящий укротитель львов, как говорит тетя Далия.

Правда, с другой стороны, имеется Флоренс,- уже, как выяснилось, обсуждающая кандидатуры подружек на свадьбе, организацию праздничного угощения, и церковь Святого Георгия на Ганновер-сквер,- человек послабее духом позволил бы ее черной тени затмить его жизнерадостное мироощущение. Но неизменное правило Вустеров – считать свои удачи поштучно. Я сосредоточил мысли исключительно на светлой стороне и говорил себе, что даже если спасение в последний миг так и не придет и мне все же придется испить до дна горькую чашу, все же я не предъявлю двух подбитых глаз и одного переломанного позвоночника в качестве свадебных подарков от Дж. д'Арси Чеддера. Будь что будет, тут л выигрываю так или иначе.

Словом, настроение у меня было бодрое, и я чуть ли не напевал «тра-ля-ля!», когда увидел, что ко мне приближается Дживс с видом человека, ищущего аудиенции.

– А, Дживс! – приветливо сказал я.- Прекрасное утро, не правда ли?

– В высшей степени приятное, сэр.

– Вы хотели о чем-то поговорить со мной?

– Если вы уделите мне минуту, сэр. Мне необходимо узнать, сэр, не представляется ли возможности вам нынче обойтись без моих услуг, чтобы я мог съездить в Лондон? Банкет в «Подручном Ганимеде», сэр.

– Я думал, он назначен на той неделе?

– Дату передвинули вперед, сообразуясь с пожеланиями дворецкого сэра Эверарда

Эверетта, поскольку он завтра отбывает со своим хозяином в Соединенные Штаты Америки. Сэр Эверард принимает на себя должность британского посла в Вашингтоне.

– Вот как? Пожелаем ему удачи, старому чертяке.

– Да, сэр.

– Приятно видеть, как слуги народа разъезжают туда-сюда, отрабатывая свое жалованье.

– Да, сэр.

– Я имею в виду, если ты – налогоплательщик, и на их жалованье идут твои денежки.

– Совершенно верно, сэр. Буду рад, если вы сочтете возможным отпустить меня на это мероприятие, сэр. Как я вам говорил, я там председательствую.

Понятно, когда он поставил вопрос так, мне ничего не оставалось, как ответить утвердительно.

– Ну, разумеется, Дживс. Поезжайте и пируйте там, покуда ребра не затрещат. Больше вам такая возможность, наверное, не представится,- многозначительно добавил я.

– Сэр?

– Вы столько раз говорили мне, что в «Ганимеде» считается недопустимым, чтобы члены клуба разбалтывали секреты, содержащиеся в клубной книге, а я слышал от тети Далии, что вы выложили ей всю подноготную насчет Спода и «Сестер Юлалии». Разве вас не изгонят с барабанным боем, если это станет известно?

– Сугубо мало вероятно, чтобы об этом кто-то проведал, сэр, и я с готовностью пошел на риск, зная, что на карту поставлено счастье миссис Трэверс.

– Благородно с вашей стороны, Дживс.

– Благодарю вас, сэр. Я всегда прилагаю старания. А теперь, я думаю, мне пора на станцию, если вы меня извините. Поезд на Лондон отправляется совсем скоро.

– А почему бы вам не поехать на автомобиле?

– Но он вам точно не понадобится, сэр?

– Да нет, конечно.

– Весьма признателен, сэр. Так будет гораздо удобнее.

И он зашагал к дому, конечно, чтобы захватить котелок, его неизменный спутник в поездках в столицу. Только он удалился, как меня окликнул блеющий голос, я обернулся и увидел, что ко мне приближается Перси Горриндж, сверкая на солнце очками в роговой оправе.

Первым моим чувством при виде его было удивление. Из всех действующих лиц, каких мне довелось встретить в жизни, он был самый непредсказуемый. Невозможно даже за минуту предвидеть, с каким лицом он явится миру, на его циферблате стрелка переходила от «шторма» к «ясно» и опять к «шторму», как на барометре с испорченным нутром. Накануне за ужином он был само веселье и довольство, и вот теперь, спустя всего несколько часов, снова имел вид дохлой рыбы, из-за чего моя тетя Далия так неодобрительно к нему отнеслась. Уставя на меня тускло-безжизненный взгляд, если такое определение здесь к месту, он не стал тратить время на приветствия и пустые разговоры, а прямо занялся излиянием из души того опасного вещества, которое давит на сердце.

– Вустер! – были его первые слова.- Флоренс мне сейчас рассказала одну вещь, я просто потрясен.

Ну, что на это можно было ответить? Ничего. Подмывало, конечно, поинтересоваться, что за вещь, если про епископа и заклинательницу змей, то мы это уже слышали. Можно было бы еще прибавить два-три слова, что, мол, вот какими теперь, увы, стали барышни,

анекдоты рассказывают. Но я ограничился только восклицаниями общего характера: «О! А!» – и стал ждать дальнейших подробностей.

Взор Перси, как раньше взор Флоренс, начал отчаянно метаться, обращаясь то на небо, то на землю и обратно. Видно было, что человек сильно расстроен. Наконец, совладав со своим взором и направив его строго на меня, он продолжил:

– Вскоре после завтрака я обнаружил ее одну в цветнике, где она срезала цветы, и поспешил предложить, что подержу корзинку.

– Очень любезно.

– Она поблагодарила меня, сказав, что будет очень рада, и некоторое время мы беседовали на нейтральные темы. Слово за словом, и я попросил ее быть моей женой.

– Молодчина!

– Как вы сказали?

– Я просто сказал: молодчина.

– Но почему вы сказали: молодчина?

– Ну, как бы подбадривал, мол, так держать.

– Понимаю. «Так держать». Пожелание, чтобы человек Действовал и дальше в том же духе, и являющееся знаком Дружеского одобрения?

– Верно.

– Но в данных обстоятельствах мне удивительно – я бы даже сказал, стыдно – слышать это из ваших уст, Вустер. Это поступок в дурном вкусе, приличия требовали бы воздержаться от насмешек и издевательств.

– Не понял?

– Если вы победили, это вовсе не причина издеваться над теми, кому не повезло.

– Извините, может, вы бы снабдили меня какими-нибудь комментариями...

Он досадливо поморщился.

– Я же сказал вам, что просил Флоренс быть моей женой, и сказал, что она мне сообщила нечто, повергшее меня в изумление. А именно – что она помолвлена с вами.

Тут я, наконец, понял, на что он намекает.

– О, а. Да-да, конечно. Ну, разумеется. Да, похоже, что мы обручились.

– Когда это произошло, Вустер?

– Недавно. Он хмыкнул.

– Совсем недавно, надо полагать, ведь еще вчера она была помолвлена с Чеддером. Ничего не разберешь,- сердито заключил Перси.- Голова кругом идет. Не поймешь, на каком ты свете.

Тут я не мог с ним не согласиться.

– Действительно, неразбериха.

– Просто с ума можно сойти. Представить себе не могу, что она в вас нашла?

– Я тоже не могу. Все это совершенно непонятно. Он свел брови, задумался. А потом продолжил:

– Взять ее недавнее увлечение Чеддером. Это, понапрягшись, все-таки можно понять. Он хотя и умственно отсталый, зато представляет собой эдакое молодое, сильное животное. И случается, что девушки интеллектуального склада тянутся к сильным молодым животным. Бернард Шоу положил этот мотив в основу своего раннего романа «Профессия Кэшела Байрона». Но *вы?* Уму непостижимо. Просто хилый мотылек.

– По-вашему, я похож на хилого мотылька?

– Если вы можете предложить более точное сравнение, буду рад его услышать. Я не вижу в вас ни крупицы обаяния и ни малейших признаков каких-либо качеств, которые можно было бы считать привлекательными для такой девушки, как Флоренс. Диву даешься ее готовности постоянно терпеть в доме ваше присутствие.

Не знаю, как считаете вы, но, по-моему, я не особенно обидчивый человек. В общем и целом, скорее, нет. Но все-таки малоприятно, когда тебя называют хилым мотыльком, и кажется, я обрезал Перси Горринджа довольно резко.

– Вот, значит, как,- сказал я ему и погрузился в молчание. А поскольку он тоже не выказал желаний поболтать о том о сем, мы некоторое время простояли с ним, как два монаха из ордена траппистов [*Орден траппистов* – выделившаяся в 1664 г. ветвь Цистерцианского монашеского ордена, на членов которой возложены особенно строгие запреты, в частности, они обязаны всю жизнь хранить молчание.], случайно встретившихся на собачьих бегах. И я уже приготовился было, коротко кивнув, удалиться, но в последнюю минуту Перси остановил меня возгласом, по интонации и силе звука совершенно таким же, какой издал ночью Сыр Чеддер, обнаружив меня в шкафу под шляпными коробками. Он смотрел на меня сквозь свои очки-шоры с испугом, если не сказать – с ужасом. Это меня озадачило. Неужели ему потребовалось столько времени, чтобы разглядеть мои усы?

– Вустер! Господи ты боже мой! Вы без шляпы?

– За городом я обычно шляпы не ношу.

– Но на таком жарком солнце! Вы получите солнечный удар! Разве можно так рисковать?

Должен признать, что его забота меня тронула. Я почти перестал на него сердиться. Ведь, правда же, не многие так волнуются за здоровье людей, практически им не знакомых. И это доказывает, что бывает, иной наболтает тебе разной чуши насчет хилых мотыльков, а на самом деле под внешностью, которую, я думаю, всякий признает отталкивающей, у него доброе сердце.

– Да вы не волнуйтесь,- попытался я его успокоить.

– Я очень даже волнуюсь,- горячо возразил он.- Я настаиваю, чтобы вы либо надели шляпу, либо ушли в тень. Не хочу показаться назойливым, но ваше здоровье для меня, естественно, представляет большую ценность. Дело в том, что я поставил на вас в клубном первенстве по «летучим Дротикам».

Я ничего не понял.

– То есть как это? Как вы могли поставить на меня в клубном первенстве?

– Я неясно выразился. Очень разволновался. Правильнее сказать, я перекупил вас у Чеддера. Он продал мне билет с вашим именем. Так что вы можете понять мою нервозность при виде того, как вы ходите по такой жаре с непокрытой головой.

В жизни мне не раз случалось пошатнуться и чуть не упасть, но еще никогда не бывало, чтобы я пошатнулся и чуть не упал так основательно, как при этих словах. Минувшей ночью, если помните, я назвал свою тетю дрожащей осинкой. Эти же слова сейчас подходили ко мне самому, как обои к стене.

А почему, вы, надеюсь, легко поймете. Вся моя внешняя политика основывалась на той предпосылке, что Чеддер у меня связан по рукам и по ногам и не представляет ни малейшей угрозы. Однако теперь выходило, что нисколько он не связан и опять грозит наброситься подобно ассирийцам со своими когортами, сверкая пурпуром и золотом, аки волк на овчарню,

и жажда мести настолько его обуяла, что он даже готов пожертвовать ради нее пятьюдесятью шестью фунтами с довеском. От одной только этой мысли я похолодел до мозга костей.

А Перси продолжал:

– Я думаю, что на самом деле у Чеддера добрая душа, хотя он ее и прячет. Признаюсь, что несправедливо судил о нем. Если бы не возвратил уже корректуру в редакцию «Парнаса», я бы изъясил из нее «Калибана на закате». Он сказал, что у вас все шансы выйти победителем в состязании по дротикам, и, однако же, добровольно предложил мне купить у него за смехотворно низкую цену билет с вашей фамилией, поскольку, как он объяснил, он мне симпатизирует и хочет сослужить мне добрую службу. Широкий, щедрый, благородный поступок, он возвращает нам веру в человека. Да, кстати, Чеддер вас искал. Вы ему для чего-то нужны.

Еще раз повторив настоятельный совет насчет шляпы, Перси зашагал дальше своей дорогой, а я остался стоять на месте как вкопанный, не в силах двинуть ни ногой, ни рукой, мучительно, до онемения мозгов, ища выход из создавшегося положения. Мне было очевидно, что необходимо предпринять какой-то чрезвычайно хитрый контршаг, притом немедленно, но какой же? Вот, как говорится, в чем заковыка.

Понимаете, просто так подхватиться и сбежать из опасной зоны я не мог, хотя, казалось бы, чего уж лучше? Но мне непременно надо было находиться в Бринкли-Корте, когда явится Спод. Как ни уверенно рассуждала тетя Далия, что-де он у нее будет вести себя как миленький, но мало ли какие на самом деле могли возникнуть затруднения, и на этот случай присутствие сообразительного племянника было насущно необходимо. Вустеры не бросают родных теток в беде.

Если же отбросить вариант с крыльями голубя, которыми я бы с радостью обзавелся, да нельзя, какой же еще выход остается? Честно признаюсь, что целых пять минут мне ничего не приходило в голову.

Но не зря говорят о Берти Вустере, что в минуту крайней опасности на него загадочным образом находит вдохновение. Именно это случилось теперь. Неизвестно откуда вдруг явилась мысль, точно расцветшая роза, обдала жаром, и я, ноги в руки, помчался в конюшню, где было стойло моего спортивного двухместного автомобильчика. Не исключено, что Дживс еще не уехал, и если так, то выход у меня есть.

Если вы принадлежите к тем достойным людям, которые любят прилечь на досуге с сочинениями Б. Вустера в руках, быть может, вам уже случилось прочитать предыдущий том моих записок, где рассказывается, как Дживс и я гостили раз в Деверил-Холле, загородном имении Эсмонда Хаддока, мирового судьи, и вспомните, как, находясь в доме у Хаддока, Дживс обнаружил, что в собственности у сына тети Агаты Тоса имеется полицейская дубинка, какую дубинку он у мальчишки изъяс, понимая – да и кто бы не понял? – что такое оружие нельзя оставлять в руках этого юного разбойника и убийцы. Мысль, обдавшая меня жаром, как описано выше, касалась этой дубинки: находится ли она до сих пор у Дживса? От этого зависело все.

Дживса, при параде и в котелке, я настиг уже за рулем машины, готового надавить ногой на стартер. Еще миг, и я бы опоздал. Подбежав, я, не откладывая, задал ему первый наводящий вопрос:

– Дживс, вернитесь мысленно к тому времени, когда мы гостили в Деверил-Холле. Вернулись?

– Да, сэр.

– Тогда следите за моей мыслью. Там в это время находился сын моей тети Агаты Тос.

– Совершенно верно, сэр.

– Уезжая из Лондона, этот малец приобрел малую полицейскую дубинку с целью использовать ее против одноклассника по прозвищу Ябеда, которого за что-то невзлюбил.

– Она же – свинчатка, как ее называют в Америке.

– Неважно, как ее называют в Америке, Дживс. Вы у него ее отобрали.

– Я подумал, что так будет разумнее.

– Так и было разумнее. Никто не спорит. Выпустить такого бандита, как юный Тос, гулять на свободе с подобным оружием, значит накликать беды и... это самое... какое это слово? Кончается на клизму.

– Катаклизмы, сэр?

– Они самые. Вы, несомненно, поступили совершенно правильно. Но речь не о том. Я вот что хочу спросить: эта дубинка, где она теперь?

– В лондонской квартире среди моих вещей, сэр.

– Я поеду с вами и привезу ее.

– Я могу захватить ее на обратном пути, сэр.

Я переступил с ноги на ногу. На обратном пути, как бы не так! Когда же это получится? Наверное, глубокой ночью, сборища в таких горячих точках, как «Подсобник Ганимед», банкетом не заканчиваются. Я знаю, что бывает, когда эти дикие дворецкие хорошенько разойдутся. Они сидят до полуночи, пьют, поют каноны и вообще всячески резвятся, как разгулявшиеся эскимосы в пивном салуне. А я на весь долгий летний день останусь безоружным и стану легкой добычей для кровожадного Сыра, который, как я только что слышал, рыщет поблизости, ища, кого бы пожрать.

– Нет, Дживс, это мне не подходит. Она нужна мне немедленно. Не вечером, не в среду на той неделе, а срочно, как можно скорее. Мистер Чеддер уже дышит мне в затылок, Дживс.

– Вот как, сэр?

– И чтобы отбиться от мистера Чеддера, мне необходимо оружие. У него сила десятерых, и невооруженный, я буду перед ним, как колос перед серпом.

– Прекрасно сказано, сэр, если мне позволительно заметить, и ваша оценка ситуации абсолютно верна. Мускулатура у мистера Чеддера такая, что ему ничего не стоит раздавить вас, как муху.

– Вот именно.

– Он ударит один раз, и от вас ничего не останется. Он переломит вас надвое голыми руками. Разорвет вас на куски.

Я поморщился. Хорошо, конечно, что Дживс понимает всю серьезность положения, но эти грубые натуралистические подробности показались мне излишними.

– Совершенно незачем расписывать режиссерский сценарий, Дживс,- сказал я с некоторым холодком в голосе.- Я веду к тому, что, вооруженный дубинкой, я смогу бестрепетно встретить его лицом к лицу. Вы согласны?

– Полностью, сэр.

– Тогда вперед,- распорядился я и запрыгнул на пассажирское место.

Эта дубинка, о которой мы говорили, представляет собой довольно короткое резиновое приспособление, на первый взгляд даже не поверишь, что она годится, чтобы справиться с противником такого тоннажа, как Сыр Чеддер. В спокойном состоянии она совсем не кажется таким уж грозным оружием. Но я видел ее в действии и знал ее, как выразилась бы Флоренс, потенциальные возможности. Однажды в Деверил-Холле по соображениям совершенно бесспорным, но сейчас слишком долго рассказывать, Дживс съездил ею по макушке полицейскому Доббсу, добросовестному стражу порядка, и бедняга где стоял, там и упал, как тихий дождь с небес на землю упадает [...как тихий дождь с небес на землю упадает.- Цитата из шекспировского «Венецианского купца». Акт 4, сц. 1.]

Есть такая песня, ее часто поют священнослужители на деревенских концертах:

*Я не боюсь врага в блестящих латах,
Как ни сверкает острие его копья.*

Не помню, как там дальше, да это и неважно. Просто я хочу сказать, что эти слова очень точно передают мои ощущения. Я не сомневался, что с дубинкой в руке буду держаться уверенно и спокойно, сколько бы Чеддеров ни ринулось с пеной у рта на меня.

Все сошло согласно плану. Прюделав приятную поездку, мы подъехали к крыльцу Беркли-мэншенз, вошли в квартиру, там, как и предусматривалось, лежала дубинка, Дживс вручил ее мне, я его поблагодарил в нескольких изысканных выражениях, он отправился на свою оргию, а я, перекусив в клубе «Трутни», забрался в свою машинку и взял курс на Бринкли-Корт.

Первым человеком, которого я увидел, возвратившись часа через два в Бринкли-Корт, была тетя Далия. Она, как расстроенная тигрица, ходила в холле из угла в угол. От ее утренней жизнерадостности не осталось и следа – меня встретила опять сникшая и подавленная тетя, так что сердце у меня екнуло от жалости.

– Вот тебе на! – сказал я.- Престарелая родственница, что случилось? Неужели ваш план не сработал?

Она мрачно пнула подвернувшийся стул, и он улетел в неведомую даль.

– Моему плану не предоставилось возможности сработать.

– Отчего? Спод не приехал?

Она обвела хмурым взглядом холл, наверное, надеялась, что подвернется еще один стул, который можно было бы пнуть. Но стула в пределах сферы ее влияния не оказалось, поэтому она пнула диван.

– Приехать-то приехал, но что же получилось? Прежде чем я успела отвести его в сторонку и произнести хотя бы одно слово, налетел Том и утащил смотреть коллекцию своего обожаемого серебра. Они пробыли в коллекционной комнате уже больше часа и Бог весть сколько еще пробудут.

Я поморщился. Что-то в этом роде следовало предусмотреть.

– А выманить его оттуда никак нельзя?

– Никаких человеческих сил не хватит, чтобы вызволить того, кому Том толкует про свою коллекцию. Он парализует собеседника горящим взглядом. Единственная надежда – что он будет совершенно поглощен серебряной тематикой и не вспомнит про жемчуга.

Преданному племяннику совсем не хочется толкать горюющую тетку еще глубже в пучину отчаяния. Но выхода не было – я покачал головой.

– Ох, сомневаюсь.

Она опять в сердцах пнула диван.

– И я тоже сомневаюсь. Поэтому-то я неотвратимо схожу с ума и в любую минуту могу завывать страшным голосом, как фея – предвестница смерти. Рано или поздно он непременно вспомнит и поведет Спода к сейфу, я только спрашиваю себя: когда? когда? Кто был тот тип, над которым висел на одном волоске меч, а он сидел и гадал, когда этот меч оборвется и нанесет ему глубокую кровавую рану?

Чего не знаю, того не знаю. Лично я с ним не знаком. И точно, что он не из нашего клуба.

– К сожалению, не могу вам сказать. Может быть, Дживс знает.

При упоминании славного имени глаза моей тети зажглись.

– Дживс! Ну конечно! Вот кто мне нужен. Где он?

– В Лондоне. Попросил у меня свободный день. У них сегодня в «Подсобнике Ганимеде» ежемесячный банкет.

Она издала возглас, который вполне мог быть воплем феи – предвестницы смерти, ранее ею упомянутой, и посмотрела на меня так, как в охотничьи времена, должно быть, смотрела на умственно отсталую собаку, отвлекшуюся от исполнения профессиональных обязанностей, чтобы погнаться за кроликом.

– И ты отпустил Дживса в такое время, когда его присутствие необходимо больше, чем когда-либо?

– У меня не хватило духу ему отказать. Он там сегодня председатель. Скоро уже вернется.

– А к этому времени...

Тетя Даля хотела добавить еще кое-что, если я верно понял ее взгляд, но не успела, так как увидела спускающиеся по лестнице бакенбарды, и в следующее мгновение к нам присоединился Перси.

При виде меня он слегка отшатнулся.

– Вустер! – взволнованно проговорил он. – Где вы пропадали целый день, Вустер?

Я ответил ему, что ездил в Лондон, и он горестно вздохнул:

– По такой жаре! Это вам вредно. Вы не должны перегружать себя, Вустер. Вам надо накапливать силы.

Неудачную минуту он выбрал для своего выступления. Престарелая родственница обрушилась на него, как будто он спугнул или даже вовсе пристрелил лисицу.

– Горриндж, кошмарный вы беженец из преисподней! – зарычала она, по-видимому забыв, что она хозяйка дома.- Убирайтесь вон, чтоб вам пусто было! У нас совещание.

Но, как я понимаю, якшаясь с издателями поэтических журналов, человек закаляется и становится нечувствителен к словесным нападкам, во всяком случае Перси, вместо того чтобы съежиться от страха, чего вроде бы следовало от него ожидать, совершенно не съежился, а, наоборот, выпрямился во весь рост и ответил ей по полной программе.

– Сожалею, что отвлек вас в неподходящий момент, миссис Трэверс,- произнес он со сдержанным достоинством, очень его украсившим,- но у меня к вам поручение от мамы. Мамаша хотела бы поговорить с вами. Она просила меня узнать, будет ли вам удобно, если она зайдет к вам в вашу комнату.

Тетя Далия от избытка чувств всплеснула руками. Я понимал ее. Меньше всего расстроенной женщине хочется побеседовать с другой женщиной типа мамы Троттер.

– Только не сейчас!

– Может быть, позже?

– Это что-то важное?

– Насколько я мог понять, крайне важное.

Тетя Далия испустила глубокий вздох страдальницы, на которую со всех сторон наседают.

– Ну, ладно. Скажите, что я жду ее через полчаса. А сейчас, Берти, я пойду в коллекционную комнату. Мало ли, может быть, Том уже выговорился. Но одно последнее слово,- заключила она, направляясь к двери.- Еще одно недочеловеческое страшилище, которое сунется ко мне в трудную минуту и прервет ход моих мыслей, поплатится за это жизнью. Может писать завещание и заказывать погребальный венок из белых лилий!

И со скоростью миль сорок в час удалилась. Перси проводил ее снисходительным взглядом.

– Странная личность,- высказался он.

Я подтвердил, что престарелая родственница действительно местами странная.

– Немного напоминает мне редакторшу в «Парнасе». Та тоже, чуть разволнуется, начинает орать и скидывать руки. Но насчет вашей поездки в Лондон, Вустер. Зачем вы ездили?

– Да так, знаете ли, дела кое-какие.

– Слава Богу, что вы возвратились живой и невредимый. В наши дни в дорожно-транспортных происшествиях погибает масса народу. Надеюсь, Вустер, вы ведете машину осторожно? Не гоните? Сбавляете скорость на поворотах? Прекрасно, прекрасно. Но мы тут все ужасно о вас беспокоились. Не понимали, куда вы подевались. Особенно волновался Чеддер. Он решил, что вы исчезли безвозвратно, и жаловался, что ему надо было обсудить с вами кое-какие вопросы. Пойду сообщу ему, что вы вернулись. Это его успокоит.

Он рысцой пустился прочь, а я безмятежно закурил сигарету, по уши собранный и уверенный в себе. Сигарета скурилась до половины, и мне как раз удалось выпустить неплохое дымовое кольцо, когда послышался тяжелый топот, и на горизонте показался Сыр.

Я сунул руку в карман и крепко сжал там мою надежную дубинку.

Не знаю, приходилось ли вам наблюдать, как тигр в джунглях, набрав в грудь воздуху, готовится совершить прыжок и попасть обеими лапами на спину существа помельче. Наверное, нет. И мне тоже не приходилось. Но думается, что тигр в такую минуту будет похож на... конечно, если не считать багровую физиономию и голову в форме тыквы, а так-то он будет вылитый Дж. д'Арсси Чеддер, взирающий на Вустера. Минуту или две он так стоял, то надувая грудь, то спуская воздух. А потом произнес, как я и ожидал:

– Хо!

Вместо собственноручной подписи, так сказать.

Но я как стоял с непринужденным видом, так и остался стоять. Не спорю, облик этого типа был грозен. Грознее трудно себе представить. Однако, сжимая в кармане дубинку, я без трепета смотрел ему в глаза. Как жена Цезаря, я был готов ко всему.

Равнодушно кивнув, я сказал:

– А, Сыр. Как делишки?

Этот вопрос совсем вывел его из себя. Он заскрежетал несколькими зубами.

– Сейчас ты у меня увидишь, как делишки! Я тебя целый день ищу.

– Тебе что-то от меня нужно?

– Мне нужно вырвать тебе голову с корнем и затолкать тебе в глотку!

Я опять кивнул невозмутимо, как прежде.

– Ах, да. Приблизительно такое желание ты уже выражал вчера вечером, я не ошибаюсь? Теперь я все вспомнил. Весьма сожалею, почтенный Сыр, но, боюсь, с этим ничего не получится. У меня другие планы. Перси Горриндж, несомненно, сообщил тебе, что я ездил утром в Лондон. Вот за этой вещью.- И вынув из кармана своего надежного защитника, многозначительно помахал у Сыра перед носом.

Определенное неудобство для человека, лишенного усов, состоит в том, что ему нечего покрутить в состоянии растерянности, и он остается стоять с дурацким видом и с отвислой, как увядшая лилия, нижней челюстью. Именно это и произошло сейчас с Сыром Чеддером. Он походил на ассирийца, который, напав, аки волк, на овчарню, нашел, что там проживают не кроткие овечки, а дикие коты, перед лицом которых, понятно, ассириец оказывается дурак дураком.

– Чрезвычайно удобное приспособление,- не довольствуясь эффектом, продолжал я.- Про них много пишут в детективах. Называется – полицейская дубинка, хотя в Америке, если не ошибаюсь, пользуются термином «свинчатка».

Сыр шумно дышал, вытаращив глаза. Вероятно, он ничего подобного в жизни не видел. Новые впечатления подстерегают нас повсюду.

– Опустит эту штуковину! – хрипло проговорил он.

– Я так и намерен поступить,- парировал я молниеносно.- Я опущу ее со всей силой, стоит тебе пошевелиться, и хотя я новичок во владении этим инструментом, промахнуться и не попасть по такой головище, как твоя, я просто не могу. И где ты тогда очутишься, Чеддер? На полу, мой любезный, вот где ты очутишься, а я рядом с тобой непринужденно отряхну ладони и положу эту вещицу обратно в карман. Обладая оружием такого образца, самый щедущий из слабаков уложит, как миленького, любого верзилу. Выражая мою мысль двумя словами, я вооружен и стою над тобой, прочно расставив ноги, только попробуй

прыгнуть, и я спокойно, как огурчик...

Глупо было так говорить, вот это, насчет того чтобы он попробовал прыгнуть, тем самым я подсказал ему мысль, и на слово «огурчик» он подскочил, что было для меня полной неожиданностью. В этом вся беда с такими мясистыми типами вроде Сыра. От них совершенно не ждешь, что они сорвутся с места быстрее кролика и опишут в воздухе дугу. Я опомниться не успел, как свинчатка, выбитая у меня из руки, пролетела через весь холл и упала у подножия дядиного сейфа.

И я остался стоять совершенно незащищенный.

Впрочем, «остался стоять» – это только так говорится. В такие острые моменты мы, Вустеры, не остаемся стоять. Всякий мог бы убедиться, что Сыр в нашем тесном кругу – не единственный человек, способный сорваться с места быстрее кролика. Я думаю, во всей Австралии, где эти животные так размножились, не найдется кролика, способного проявить хотя бы десятую долю той прыти, с какой я удалился из центра событий. Сделать в воздухе перелет на десяток футов с поворотом назад и приземлиться за диваном было для меня делом одного мгновения. В этом положении относительно друг друга мы какое-то время и пребывали, стоило ему, точно борзому псу, броситься за мной вокруг дивана с одной стороны, как я тут же, подобно электрическому зайцу, перебежал от него на другую сторону, и все его старания кончались ничем. Генералы, о которых я упоминал выше, очень часто прибегают к такому маневру. Стратегическое лавирование, так это называется.

Сколько это хождение вокруг да около продолжалось бы, сказать трудно, но, вероятно, не особенно долго, потому что мой партнер уже начал подавать Признаки изнеможения. Эти мясистые ребята вроде Сыра, если не тренируются к очередному спортивному событию на воде, склонны поддаваться соблазнам чревоугодия. И это приносит свои плоды. Сделав первую дюжину кругов, когда я еще был свеж, как цветок, и готов продолжать в том же духе хоть все лето, Сыр уже громко пыхтел, и лоб его покрылся трудовым потом.

Но, как часто случается, наш спортивный поединок не был доведен до конца. Когда мы уже собирались пуститься по тринадцатому кругу, нас прервало появление Сеппингса, дворецкого в доме тети Далии, и, очевидно, с официальной Целью.

Я обрадовался, так как на какое-нибудь такое стороннее вмешательство как раз и надеялся, однако Сыр был явно недоволен этим превращением нашего дуэта в трио, и я догадывался, почему. Наличие верного слуги мешало ему показать себя с наивыгоднейшей стороны и завоевать победу. Я уже объяснял ранее, что кодекс чести Чеддеров запрещает драку в присутствии дамского пола. То же самое правило распространяется и на случаи, когда среди зрителей наблюдается кто-то из домашней обслуги. Пусть Чеддер даже уже взялся проверять, какого цвета печенка у его противника, но если в публике оказался обслуживающий персонал, всякий Чеддер немедленно сворачивается и возвращается в сыроварню.

Однако возвращаться в сыроварню они не любят, поэтому не приходится удивляться, что вынужденный по вине почтенного мажордома прекратить военные действия, Сыр воззрился на него с плохо скрываемой злостью. Он спросил крайне нелюбезным тоном:

– Чего вы хотите?

– Дверь, сэр.

Сыр и вовсе перестал скрывать свою злость. Взгляд, устремленный им на Сеппингса, был так ею полон, что, казалось, тете Далии грозит серьезная опасность остаться без дворецкого.

– В каком смысле вы хотите дверь? Которую дверь? Какую дверь? Какого черта вам понадобилась дверь?

Мне стало ясно, что если ему не растолковать, сам он никогда не поймет, поэтому я, так уж и быть, выступил с объяснением. Я вообще люблю в таких случаях помогать людям по мере моей возможности. Поскребите Бертрама Вустера, часто говорю я, и внутри найдете бойскаута.

– Речь идет о входной двери, любезный Сыр, мой танцевальный партнер, вот какую дверь, надо полагать, имел в виду Сеппингс. Готов побиться об заклад, что в дверь позвонили. Я прав, Сеппингс?

– Да, сэр,- с достоинством ответил дворецкий тети Далии.- В дверь позвонили, и я, как предписывают мои обязанности, пришел открыть ее.

Затем, выражая всем своим видом надежду, что этого для усмирения Сыра будет довольно, он приступил к исполнению.

– Дело в том, Сыр Чеддер, мой пирожок,- заключил я объяснения,- что там за дверью, держу пари, дожидается гость.

Я не ошибся. Сеппингс открыл дверь, блеснули золотые волосы, пахнуло «Шанелью Номер Пять», и в дом вошла юная дева, да такая, которую с одного взгляда сразу можно было отнести в разряд симпомпончиков чистой воды.

Те, кто близко знает Бертрама Вустера, подтвердят, что он не из тех, кто станет разливаться соловьем, говоря о представительницах слабого пола. Бертрам Вустер сдержан и критичен. Он взвешивает каждое слово. Так что, когда я называю девушку симпомпончиком, вам должно быть ясно, что тут мы имеем дело с явлением необыкновенным. Она могла бы войти в любое собрание претенденток на корону Всемирной Королевы Красоты, и жюри расстелило бы перед ней красную ковровую дорожку. А модные фотографы бросились бы драться насмерть за право запечатлеть ее на фотопленке.

Подобно героине «Загадки Красного рака» и вообще всем героиням детективов, которые мне в жизни довелось читать, она обладала локонами цвета спелой ржи и очами васильковой голубизны. Подкиньте сюда вздернутый носик и фигурку, изобилующую изгибами наподобие игрушечной железной дороги, и вам не покажется странным, что Сыр, вложив меч в ножны, застыл перед нею с разинутым ртом, более всего похожий на человека, в которого ни с того ни с сего вдруг ударила молния.

– Миссис Трэверс тут где-нибудь? – спросило это видение, обращаясь к Сеппингсу.- Скажите ей, что приехала мисс Морхед.

Я был ошарашен. По какой-то причине, может быть, потому, что у нее три имени, я представлял себе Дафну Долорес Морхед в виде пожилой дамы с лошадиным лицом и с пенсне в золотой оправе, подвешенным на черном шнурке к верхней пуговице. Увидев же ее воочию и в натуральную величину, я мысленно поздравил тетю Далию с мудрым решением пригласить эту красавицу в Бринкли-Корт, как я понял, чтобы способствовать продаже «Будуара». И вправду, одного ее слова, конечно, будет довольно для запуска Л.Дж. Троттера в нужном направлении. Он, конечно, превосходный, преданный муж, верный, как сталь, своей супруге, но и превосходные, верные, как сталь, мужья не могут не реагировать по полной программе, когда девушки типа Д-Д. Морхед применяют к ним свои меры воздействия.

Сыр все еще стоял, выпучив на нее глаза, точно бульдог, перед которым положили фунт

сырого мяса, но теперь, когда ее васильковые глаза попривыкли к полумраку, она всмотрелась в него и издала возглас, как это ни странно, выражающий одобрение.

– Мистер Чеддер! – воскликнула она.- Ну, надо же! То-то мне показалось, что знакомое лицо.- Она еще раз пригляделась.- Вы ведь д'Арси Чеддер, тот, что выступал за Оксфорд в гребных состязаниях?

Сыр безмолвно кивнул, по-видимому, не в силах произнести ни слова.

– Я так и подумала. Мне показали вас как-то на выпускном балу. Но сейчас я вас с трудом узнала. У вас тогда были усы. Рада за вас, что их больше нет. Без усов вам гораздо лучше. Вообще я считаю, что усы – это что-то ужасное. Я всегда говорю, что мужчина, павший так низко, чтобы отпустить усы, способен даже отрастить бороду.

Этого я так оставить не мог.

– Есть усы и усы,- возразил я и покрутил свой личный ус. Но видя, что она явно с недоумением спрашивает себя, кто этот стройный, приятный незнакомец, я ткнул пальцем себе в грудь и представился:

– Вустер, Бертрам, племянник миссис Трэверс, а она, соответственно, моя тетя. Могу ли я проводить вас к ней? Она, наверное, считает минуты.

Мисс Морхед с сомнением поджала губы, как будто предложенная мною программа действий не во всем отвечала идеалу.

– Д-да, пожалуй, я думаю, надо пойти поздороваться. Однако чего мне на самом деле хочется, это осмотреть дом и сад. Здесь так живописно.

Сыр, пунцовый, как роза, частично вышел из ступора и невнятно, сдавленно забормотал, словно человек с волчьей пастью, пытающийся декламировать стихотворение «Гунга Дин» [*Гунга Дин.*- Стихотворение Р. Киплинга, вошедшее в цикл «Солдатские баллады» (1892).] . Под конец у него даже получилось что-то осмысленное.

– Можно я вам все тут покажу? – сипло спросил он.

– Буду очень рада.

Тут он поспешно сказал: «Хо!» – будто спохватился, что не сказал этого раньше, и теперь торопился исправить промах. Через мгновение они уже приступили к исполнению задуманного, а я, чувствуя себя Даниилом, выходящим через служебную дверь из львиного логова, удалился в свою комнату.

Как там было прохладно и покойно! Тетя Далия полагает, что гостей надо ублажать, предоставляя к их услугам всевозможные кресла и шезлонги, и шезлонг, в который я опустился, мягко принял меня в свои объятия. Скоро я ощутил приятную сонливость, усталые вежды сомкнулись. Я заснул.

Проснулся я спустя полчаса и сразу сильно вздрогнул. Потому что, освежив мозги сном, вспомнил про полицейскую дубинку.

Вскочив в ужасе, я выбежал из комнаты. Необходимо было как можно скорее вновь завладеть этим спасительным орудием. Хотя в первом раунде нашего поединка я и одержал над Сыром верх благодаря более совершенной работе ног и более точному чувству ринга, но ведь неизвестно, когда он раскачается на второй раунд. Временная неудача может ненадолго обескуражить Чеддера, но он по-прежнему – мой лютей враг.

Свинчатка, как вы, надеюсь, помните, пролетела по воздуху, подобно падучей звезде, и приземлилась где-то у подножия дядиного сейфа. Туда я и помчался на окрыленных стопах. Вообразите же мой испуг, когда ее там не оказалось. В Бринкли-Корте постоянно что-то пропадает: садовые лестницы, полицейские дубинки, да мало ли что еще. Человеку остается

только поднять руки вверх и обратить лицо к стене.

Я как раз и обратил лицо к стене, к той стене, в которую был встроен сейф. И при этом снова сильно вздрогнул.

Открывшегося мне зрелища вполне хватало на то, чтобы заставить человека вздрогнуть изо всех сил. Первые две или три секунды я просто не верил своим глазам. «Бертрам,- сказал я себе,- ты слишком перенапрягся. Ты просто окосел». Но нет. Я поморгал, протер глаза, но когда я перестал моргать и тереть, то, что я увидел, осталось неизменным.

Дверца сейфа была открыта.

Вот в такие мгновения Бертрам Вустер как раз и проявляет себя с самой наилучшей стороны, его холодный ум начинает работать, как машина. Другие, увидев открытую дверцу сейфа, стали бы трагить драгоценное время на стояние с разинутым ртом и гадание, почему она открыта, да кто ее открыл, да почему тот, кто открыл, не закрыл за собой. Не то Бертрам. Поднесите ему что-нибудь на блюдечке, и он не будет мямлить и колебаться. Он действует. Я молниеносно сунул руку внутрь, торопливо пошарил в глубине, и все готово.

Там были ларчики с драгоценностями на каждой полке, и минуты две или три ушли на то, чтобы их открыть и исследовать содержимое, но жемчужное ожерелье имелось только одно, так что мне не пришлось испытывать муки выбора. Я мгновенно сунул его в карман брюк и помчался в логово тети Далии, как тот самый кролик, на которого я так походил во время недавнего близкого общения с Сыром. Она, по моим расчетам, должна была уже быть там, и я с удовольствием предвкушал, как сейчас принесу снова солнечный свет в жизнь этой достойной старушенции. При последней встрече она имела вид человека, очень даже нуждающегося в солнечном свете.

Тетю Далию я застал на означенном месте, она дымила сигаретой и продиралась по страницам очередной Агаты Кристи, но солнечного света я ей не принес, поскольку он у нее уже был. Меня потрясла перемена, произошедшая с ней с тех пор, как она понуро побрела к дяде Тому выяснять, наговорился ли он со Сподом про старинное серебро. Тогда, если помните, вид у нее был обреченный. Теперь же при взгляде на нее можно было заключить, что она изловила синюю птицу. Она повернула мне навстречу лицо, сияющее, как сидение брюк у автобусного водителя, и я бы не слишком удивился, заулюлюкай она победно на охотничий манер. У нее был вид тетки, нектаром вскормленной, вспоенной райским млеком [*...вспоенной райским млеком.* - Цитата из поэмы СТ. Колриджа «Кубла Хан» (1797).], и я даже подумал, что раз она так жизнерадостно настроена сейчас, до того как услышала добрую новость, как бы она просто не лопнула от радости, когда я ей ее сообщу.

Однако поведать тете Далии хотя бы малую толику моей тайны, с которой я к ней явился, я не смог, ибо, как нередко случается, когда я беседую с этой женщиной, у меня не было возможности вставить ни слова. Едва я переступил порог, как с губ ее, точно летучие мыши из сарая, полетели тучи слов.

– Берти! – загудела она. – Я как раз хотела тебя видеть. Берти, мое золотце, я сражалась, как лев, и одержала победу! Помнишь псалом «Мидийские полки крадутся к нам со всех сторон»? И дальше там: «Восстань, христианин, и всех их сокруши!»* Именно это я и сделала. Сейчас я расскажу тебе, как все было. У тебя глаза на лоб полезут.

– Послушайте,- попробовал было вернуть я, но дальше этого слова дело не пошло. Она смяла меня, как паровой каток.

– Если помнишь, когда мы расстались недавно в холле, я была подавлена, расстроена и растеряна, так как не могла добраться до Спода и шепнуть ему насчет «Сестриц Юлалии», и я побрела в коллекционную комнату, питая слабую надежду на то, что они там хотя бы на минуту умолкнут. Но оказалось, что Том все еще рассуждает, не переводя дыхания, и я уселась в углу на случай, если Спод рано или поздно все же вырвется на волю и я смогу обменяться с ним несколькими словами. Но Спод безропотно слушал, а Том знай себе разглагольствовал. Внезапно кости у меня размягчились, и вся эта коллекция поплыла перед

глазами. Потому что Том безо всякого предупреждения заговорил о жемчугах. «Может быть, хотите сейчас их посмотреть? – говорит он Споду. А Спод ему: «Разумеется».- «Они в сейфе, который в холле»,- говорит Том. «Идемте»,- отзывается Спод. И они пошли.

Она замолчала на миг, чтобы набрать воздуха, это время от времени бывает нужно даже ей.

– Послушайте...- снова попробовал вклиниться я.

Но она, возобновив запас воздуха в легких, продолжила свой рассказ:

– Я думала, что не дойду даже до двери, тем более, по длинному коридору в холл, но все-таки ноги меня вынесли. Нетвердо ступая, иду за ними по пятам, и худо-бедно добрела. Хотя сама не понимаю, зачем. Наверное, у меня была смутная мысль, что мне надо присутствовать, когда Тому все откроется, и тут же, на месте, молить о прощении. Словом, пришла и стою, будто превратилась в соляной столп, точно Лотова жена.

Я вспомнил случай, о котором она говорила, мне досталась эта тема на экзамене у нас в закрытой школе, когда я получил приз за знание Священного Писания, но вы, наверное, не знаете, поэтому вкратце объясню. Этой миссис Лот, не помню уж, из-за чего, во время прогулки было не велено оборачиваться, а не то ее превратят в соляной столп, ну, и она, конечно, сразу же обернулась, и по чистому совпадению вышло как раз так, что она и вправду превратилась в соляной столп. Понимаете, какое безобразие творится? Просто не знаешь, на каком ты свете.

– Я жду, а время идет. Том вынул футляр, передает Споду, тот говорит: «Ах, вот они где!» или еще какую-то глупость в таком роде, и в этот миг, когда топор в руке Провидения уже почти опустился, появляется Сеппингс, очевидно, посланный моим ангелом-хранителем, и сообщает, что Тома зовут к телефону. «Э? Что? Что?» – переспрашивает Том, как всегда, когда его зовут к телефону, и уходит, и Сеппингс за ним. Ф-ф-фуу! – перевела она дух.

– Послушайте...- опять выступаю я.

– Можешь себе представить, что я чувствовала. Такой потрясающий подарок судьбы все перевернул с головы на ноги. На протяжении нескольких часов я ломала голову над тем, как бы мне остаться со Сподом наедине, и вот теперь он в моем распоряжении. Само собой, я даром времени терять не стала.

«Подумать только, лорд Сидкап,- говорю эдак слащаво,- у нас до сих пор не было ни минуты, чтобы поговорить о наших общих знакомых и о счастливом времени, проведенном вместе в Тотли-Тауэрс. Как поживает милейший сэр Уоткин Бассет?» – прямо воркую.

– Но послушайте...

Она остановила меня повелительным жестом.

– Да не перебивай ты, черт тебя дери! В жизни не встречала человека, который бы так не давал никому слова сказать,- все сам да сам. Неужели ты не можешь послушать, когда тебе рассказывают наиболее, может быть, удивительный случай, который произошел в этих краях за многие годы? Да, так на чем я остановилась? Ага, я спросила, как поживает милейший сэр Уоткин Бассет? Он ответил, что сэр Уоткин поживает на большой с присыпкой. «А милая Мадлен?» Он в ответ – мол, ничего себе, девушка в полном порядке. Тут я набрала побольше воздуха и выдала ему:

«А как идут дела в вашем ателье дамского нижнего белья? «Сестры Юлалии» оно как будто называется? Надеюсь, по-прежнему сыплет вам купюры лопатой?»

И услышала такое, что не знаю, как устояла на ногах. Он весело рассмеялся и ответил:

«„Сестры Юлалии“? О, я с ними уже давно не имею ничего общего. Ликвидировал свои

акции. Теперь это компания».

Весь мой план рухнул. Я стою, только глазами моргаю. А он говорит:

«Надо все-таки взглянуть на ваше ожерелье. Мистер Трэверс говорит, что очень хотел бы услышать о нем мое мнение».

Нажал пальцем на замочек футляра, крышка отскакивает, я уже предаю Господу душу и говорю себе: все, это конец,- как вдруг нога моя запнулась обо что-то твердое, наклоняюсь, а на полу лежит... ты и представить себе не можешь... лежит свинчатка!

Тетя опять поспешно приняла на борт груз воздуха и пустилась рассказывать дальше:

– Да-да, представь себе! Ты навряд ли знаешь, что такое свинчатка, так я тебе сейчас объясню. Это такое небольшое гуттаперчевое орудие, которым широко пользуются уголовные элементы, чтобы колотить им своих родных и близких. Отвернется теща, а они тут же с размаху шмяк ее по черепаховому гребню. В криминальных кругах оно в большой моде, и именно этот предмет, как я уже сказала, лежал у моих ног.

– Послушайте...

Но меня снова властным жестом лишили слова.

– Сначала-то я ни о чем таком не подумала. Просто подняла его машинально, как хорошая хозяйка, которая не любит, чтобы в доме на полу валялись вещи. Мне и в голову не пришло, что это мой ангел-хранитель направляет мои шаги и указывает мне выход из бед и треволнений. Но потом меня вдруг осенило, будто молния вспыхнула. Я разгадала намек моего доброго старого ангела-хранителя. Не сразу, но он все-таки достучался до моей тупой башки. Вот спиной ко мне стоит Спод и вытаскивает из футляра ожерелье...

Я захрипел.

– Но вы его не шмякнули?..

– Конечно, я его шмякнула. А что бы, по-твоему, я должна была сделать? Как бы на моем месте поступил Наполеон? Я сдержанно размахнулась и смачно влепила ему прямо по макушке. Ну, и где-то наземь он упал [...и где-то наземь он упал.- Строка из стихотворения Г.У.Лонгфелло «Стрела и песня»: «Высоко в воздух я пустил стрелу/ И где-то наземь она упала...» (1845).]

Еще бы. Точно то же произошло когда-то с полицейским Доббсом в Деверил-Холле.

– Сейчас он лежит в постели и думает, что с ним случился припадок головокружения и он ударился головой об поп. Можешь о нем не беспокоиться. Отоспится за ночь, да еще щадящая диета, и утром встанет в полном порядке. А ожерелье я взяла, взяла его, проклятое, и чувствую себя теперь так, словно могла бы, кажется, поднять за шиворот и стукнуть лбами пару тигров.

Я вытаращился на нее. У меня тоже голова пошла кругом. Сквозь дымку, заставшую глаза, мне виделось, будто она слегка покачивается, как женщина на ветру.

– Вы говорите, ожерелье у вас? – растерянно переспросил я.

– Разумеется.

– Что же тогда такое вот это, у меня?

Я предъявил ей свой образец.

Некоторое время она явно не могла взять в толк, что происходит,- посмотрела на мое ожерелье, перевела взгляд на меня, потом опять на ожерелье. Только когда я ей объяснил, как было дело, до нее, наконец, дошло.

– Ну да, конечно,- кивнула она с облегчением,- теперь мне понятно. Мне понадобилось сначала звать во все горло Тома, рассказывать ему, что у Спода случился обморок, слушать,

как Том стенает: «О Господи! Теперь придется оставлять этого субъекта ночевать!» – и успокаивать его, и помогать Сеппингсу перенести останки в постель, и так далее, и тому подобное, и я совершенно упустила из виду, что следует запереть дверцу сейфа. Том, конечно, тоже об этом не позаботился. Он занят был тем, что рвал на себе волосы и твердил, что последний раз в жизни, черт побери, пригласил в гости клубного знакомого, ведь всем известно, что клубные знакомые, очутившись в чужом доме, прежде всего падают в обморок и пользуются этим предлогом, чтобы застрять и прогостить добрых несколько недель. А тем временем пришел ты, и...

– ...и пошарив в недрах сейфа, нашел футляр с жемчужным ожерельем и, естественно, решил, что это ваше...

– ...и немедленно наложил на него лапу. Очень благородно с твоей стороны, Берти, я ценю твою заботу. Если бы ты не улизнул утром из дома, я бы тебя предупредила, что Том распорядился, чтобы в доме все положили свои ценности в сейф, но ты укатил в Лондон. Зачем, хотелось бы знать, между прочим.

– За дубинкой, прежде принадлежавшей сыну тети Агаты Тосу. У меня начались неприятности. Угрозы.

Тетя Далия посмотрела на меня с восхищением. Видно было, что она глубоко тронута.

– Так это ты, мое золото,- дрогнувшим голосом произнесла она,- доставил сюда свинчатку? Я-то приписала ее появление непосредственно моему ангелу-хранителю. О, Берти, если я когда-нибудь называла тебя безмозглым болваном, которому полагается уютное место в сумасшедшем доме, я беру все свои слова назад.

Я кратко поблагодарил ее.

– Но что будет теперь?

– Теперь я крикну трижды «ура» и примусь разбрасывать розы из своей шляпы.

Я нахмурился с некоторым раздражением.

– Я говорю не о вас, престарелая родственница, а о вашем племяннике Бертраме, каковой племянник сидит по пояс в густом супе, где и может с минуты на минуту бесследно утонуть. У меня в кармане чьи-то жемчуга...

– Мамаши Троттер, я их узнаю! Она надевает их по вечерам.

– Прекрасно. С жемчугами, значит, разобрались. Они принадлежат, как мы выяснили, мамаше Троттер. Теперь вопрос, что с ними делать?

– Как что, положить обратно.

– В сейф?

– Именно. Положи их обратно в сейф. Замечательная мысль. Как это мне самому в голову не пришло?

– Вы попали в самую точку. Да, я пойду положу их обратно в сейф.

– Я бы на твоём месте не стала откладывать. Отправляйся прямо сейчас.

– Иду. Да, кстати, приехала Дафна Долорес Морхед. Она сейчас в саду вместе с Сыром.

– Ну, и как она тебе?

– Глаз не отвести, если мне позволено воспользоваться этим выражением. Я и не представлял себе, что бывают такие роскошные романистки.

Я готов был и дальше описывать отрадное впечатление произведенное на меня красотой юной гостью, но тут пороге возникла фигура мамыши Троттер. Она бросила меня взгляд, явно оценивающий мое присутствие как совершенно излишнее.

– О, добрый вечер, мистер Вустер,- холодно произнесла мамыша Троттер. – Я

рассчитывала заставить вас одну, миссис Трэверс, – добавила она со свойственным ей тактом, которым она славится на весь Ливерпуль.

– Я должен, к сожалению, удалиться, – успокоил я ее. – Всего вам наилучшего.

– И вам того же.

– Ну-с, пока, пока. – И я ринулся в холл приободренный, поскольку, по крайней мере, часть моих бед с минуты на минуту должна была с моих плеч свалиться. Если, конечно, сейф не успели запереть.

Сейф запереть не успели. Я подошел и уже готов был вытащить из кармана футляр и пихнуть на место, как за спиной у меня раздался голос. Я обернулся, как вспугнутый олень, и увидел Л.Дж. Троттера.

Со времени моего приезда в Бринкли-Корт я почти не имел случая пересечься с этим крысомордым старикашкой. Он еще тогда, во время ужина, которым я их угощал, показался мне не особым любителем молодого общества. Поэтому я слегка удивился, что сейчас он как будто бы не прочь завести со мной разговор, и пожалел, что он не выбрал для этого более подходящий момент. Имея при себе проклятое ожерелье, я жаждал только одного – остаться в одиночестве.

– Эй, – обратился он ко мне. – Где ваша тетья?

– У себя в комнате, – ответил я. – Разговаривает с миссис Троттер.

– Да? Ладно. Увидите ее, скажите, что я лег спать. Это меня удивило.

– Спать? Но еще ведь совсем рано.

– У меня опять разыгралась моя диспепсия. У вас не найдется при себе таблетки от расстройства?

– К сожалению, нет. Не захватил.

– Черт! – ругнулся он и потер себе живот. – У меня страшная боль, кажется, будто я проглотил двух диких кошек. Постойте-ка, – вдруг сменил он тему, – почему это сейф стоит открытый?

Я подкинул ему мысль, что, по-видимому, его кто-то отпер, и он кивнул в подтверждение моей теории.

– Безобразие, – сказал он. – Возмутительная неосторожность. Так что угодно могут украсть.

И прямо у меня на глазах подошел и ткнул дверцу. Она с лязгом захлопнулась.

– Охх! – прокряхтел он, опять потер живот, кивнув, пожелал мне доброй ночи и зашагал вверх по лестнице. Я словно примерз к полу. Ну, просто как жена Лота.

Троттер ушел, и вместе с ним улетучилась всякая возможность для меня запихнуть что-либо обратно в сейф.

Я не стану утверждать, будто у меня уж такое необыкновенно богатое воображение, пожалуй, что нет, но в ситуации, вроде выше описанной, и не требуется особенно богатого воображения, чтобы представить себе, что теперь будет. Отчетливо, как верхнюю строку в таблице окулиста, я увидел, какое будущее ждет Бертрама.

Мне ясно представилось, как у захлопнутой дверцы сейфа стоим мы с полицейским инспектором, да при нем еще силы поддержки в лице крайне неприятного с виду сержанта.

– Вы пойдете добровольно. Вустер? – спрашивает инспектор.

– Кто? Я? – говорю я, весь дрожа. – Я вас не понимаю.

– Ха-ха! – смеется инспектор. – Вот остряк, а, Фодерингей?

– Шутник, сэр, – отвечает сержант. – Я даже усмехнулся, ей-богу.

– Теперь уже поздно для таких штучек, приятель, – гнет свою линию инспектор, снова приняв суровый вид. – Кончились ваши игры. Мы располагаем доказательством, что вы приблизились к этому сейфу и извлекли из него ценное ожерелье, собственность миссис Л.Дж. Троттер. Если это не означает для вас пять лет в кутузке, я проиграл пари.

– Но уверяю вас, я думал, что оно принадлежит тете Далии.

– Ха-ха, – смеется инспектор.

– Ха-ха, – подпевает за ним сержант

– Очень правдоподобная история, – говорит инспектор. – Расскажите ее присяжным и посмотрите, как они ее оценят. Фодерингей, наручники!

Вот такая картина возникла у меня перед глазами, пока стоял перед захлопнутой дверцей сейфа, весь съезжившись, как присоленная устрица. За окнами в саду птицы пели свою вечернюю песню, а мне чудилось, будто каждая из них исполняет собственную арию на слова: «Да, братцы, загремел Вустер. Теперь мы не увидим Вустера несколько лет. Ах, какая жалость, какая жалость. Был славный парень, пока не ушел в криминал».

Тяжелый стон вырвался из моей груди, но прежде чем за ним последовал второй такой же, я уже мчался в комнату к тете Далии. На ее пороге меня встретила мамаша Троттер, посмотрела на меня строгим взглядом и прошествовала мимо, а я вошел к престарелой родственнице. Она сидела в кресле, прямая, как доска, и глядела перед собой невидящими глазами. Мне сразу стало ясно, что опять случилось нечто, покрывшее черным инеем ее солнечную душу. Сочинение Агаты Кристи валялось на полу, явно соскользнувшее с ее колен в тот миг, когда она содрогнулась от ужаса.

Как правило, заставая эту честнейшую старушку в состоянии глубокой подавленности, я имел обыкновение приводить ее в норму, шлепая ее ладонью между лопатками и призывая держать хвост пистолетом, но сейчас личные беды не оставляли мне досуга на воодушевление теток. Можно было не сомневаться, что какие бы катастрофы и катаклизмы ни случились у нее, они не могли равняться с теми, что обрушились на меня.

– Послушайте, – сказал я, – произошла ужасная вещь! Тетя Далия мрачно кивнула. Мученица на костре была бы жизнерадостнее.

– Можешь поставить свои лиловые носки, что так оно и есть, – отозвалась она. – Мамаша Троттер сбросила маску, будь она проклята. Она положила глаз на Анатоля.

– А кто бы не положил?

Минуту мне казалось, что моя тетя сейчас вскочит и влепит любимому племяннику

порядочную оплеуху, но усилием воли ей удалось себя успокоить. Конечно, «успокоить» – не то слово, внутри она продолжала вся кипеть, но ограничила проявления гнева областью устного слова.

– Ты что, не понял, осел ты эдакий? Она открылась и изложила свои условия. Заявила, что позволит Троттеру купить у меня «Будуар», только если я уступлю ей Анатоля.

Вы можете судить о том, как я переволновался, по тому, что в душе у меня на эту страшную весть ничто не отозвалось. При других обстоятельствах, услышав даже о самой отдаленной угрозе того, что сей несравненный податель блюд может выйти в отставку и переправиться к Троттерам, «в пустынном воздухе теряя аромат» [*В пустынном воздухе теряя аромат.* - Цитата из знаменитой «Элегии на сельском кладбище» (1748) Томаса Грэя (перев. В. Жуковского).] , - услышав такое, я бы наверняка побледнел, задохнулся и не устоял на ногах, но теперь, повторяю, я выслушал это известие с совершенным спокойствием.

– Вот как? – только и переспросил я. - Вы послушайте, родная старушенция, что было. Я только подошел к сейфу и собрался было засунуть на место троттеровские жемчуга, как этот непотребный Л.Дж. Троттер очень заботливо взял и захлопнул дверцу, пресекши, тем самым, мои усилия и старания и поставив меня в крайне безвыходное положение. Я весь дрожу, как осиновый лист.

– И я тоже.

– Что теперь делать, не представляю себе.

– И я не представляю себе.

– Я напрасно ломаю голову, ища выход из этого, как говорят французы, *impasse*.

– Я тоже. - Она в сердцах запустила Агатой Кристи в подвернувшуюся вазу. Моя тетя, когда негодует, всегда проявляет склонность швырять и пинать всякие вещи. В Тотли-Тауэрс во время одного из наших самых бурных совещаний она перебила у меня в спальне все, что стояло на каминной полке, включая терракотового слона и фарфорового пророка Самуила в младенчестве за молитвой. - По-моему, ни одной женщине в истории не приходилось решать такие вопросы. С одной стороны, на мой взгляд, жизнь без Анатоля...

– У меня на руках это дорогое жемчужное ожерелье, собственность миссис Л.Дж. Троттер, и когда его пропажа...

– ...совершенно невозможна. С другой...

– ...обнаружится, поднимется страшный шум и гам, вызовут полицейских инспекторов с сержантами...

– ...стороны, мне необходимо продать «Будуар», иначе мне не на что будет выкупить из заклада мое ожерелье...

– ...и меня схватят с поличным, как говорится, горяченьким.

– Горяченьким!

– Вы ведь не хуже меня знаете, что ждет человека, схваченного с поличным, горяченьким.

– А холодненьким? – мечтательно вздохнула тетя Далия. - Как подумаю о его заливных креветках на льду так сразу же говорю себе, что надо быть безумной, чтобы согласиться на жизнь без Анатоля. Ах, его *Selle d'agneau 'a la Greque!* Его *de poulet roti petit Due!* И эти *Nonats de la Mediterrande au Fenouil!* [*Седло барашка по-гречески, маленькая жареная утка «Пти Дюк», нонаты по-средиземноморски с укропом (франц.).*] Но потом я спохватываюсь, что надо быть практичной. Мне во что бы то ни стало надо получить обратно ожерелье, и если для этого потребуется... Боже

милосердный! – возопила она (если тут подходит это слово), и каждая черточка ее лица выразила страдание.- Но что скажет Том, когда узнает, что Анатолий покидает нас?

– А что он скажет, когда узнает, что его племянник угодил за решетку?

– Как ты сказал?

– Я сказал: угодил за решетку.

– Кто это собирается угодить за решетку?

– Как, кто? Я.

– За что это?

Я устремил на нее взор, какого, строго говоря, ни один племянник не должен устремлять на родную тетку. Но я пришел в страшное негодование.

– Вы что же, меня не слушали?! – горячо спросил я ее. Она не менее горячо мне ответила:

– Разумеется, я тебя не слушала. Неужели ты воображаешь, что, когда мне угрожает потеря лучшего повара на всю Центральную Англию, я могу еще уделять внимание твоим дурацким разговорам? Что ты там болтал?

Я выпрямился. Слово «болтал» больно ранило меня.

– Я просто сообщил вам, что Л.Дж. Троттер захлопнул дверцу сейфа, в результате чего я не смог положить злосчастное ожерелье на место, и похищенная драгоценность осталась у меня на руках.

– Ну и что?

– Я также рискнул предсказать, что не успеем мы оглянуться, как сюда явятся полицейские инспекторы с сержантами, сграбастают меня в охапку и уволочут в кутузку.

– Какая ерунда. Почему кто-то может подумать, что ты к этому как-то причастен?

– Ха-ха,- произнес я. Этаким коротким, горьким смешок.- Вам не кажется, что когда эта штука обнаружится у меня в кармане, могут возникнуть некоторые подозрения? Того гляди меня задержат, найдут при мне краденое, и не надо читать много детективных романов, чтобы знать, каково приходится злосчастливым, у которых при себе находят краденое. Им достается так, что не обрадуешься.

Тетя Далия пришла в волнение. В благополучные времена моя тетя бывает непредсказуема, насмешлива и придирчива, когда я был моложе, она нередко давала мне по уху, если находила, что мое поведение того заслуживает; но стоит черным тучам сгуститься над Бертрамом, и она – в гуще схватки работает кулаками направо и налево.

– Дело плохо,- произнесла моя тетя, подняла с полу маленькую скамеечку для ног и запустила ею в фарфоровую пастушку на камине.

Я подтвердил это и добавил, что не просто плохо, а ужасно.

– Придется тебе...

– Т-с-с-с!

– Что?

– Т-с-с-с!

– Что значит: Т-с-с-с?

А зашипел я потому, что услышал за дверью приближающиеся шаги. Однако объяснить ей это я не успел, так как ручка двери резко повернулась, и вошел дядя Том.

Я определил на слух, что у моего родича, вернее – свойственника, не все в порядке. Потому что, когда у дяди Тома на душе забота, он брэнчит ключами. Сейчас ключи тархтели так, будто дядя играет на ксилофоне. А выражение лица было мрачное и

страдальческое, какое у него появляется при известии, что на конец недели ожидаются гости.

– Это наказание Божие! – воскликнул дядя Том, весь клокоча.

Тетя Далия постаралась скрыть собственную тревогу за улыбкой, которую она, наверное, считала приветливой.

– Ах, это вы, Том? Заходите, заходите, составите нам компанию. Что вы называете наказанием Божьим?

– Все вот это. Я расплачиваюсь за то, что по слабости характера позволил вам пригласить сюда этих проклятых Троттеров. Так и знал, что случится что-нибудь ужасное. Чувствовало мое сердце. Когда в дом набиваются такие люди, того и жди несчастья. Само собой понятно. У него лицо, как у крысы, у нее добрых двадцать фунтов лишнего веса, а ее сынок носит баки. Безумием было допустить, чтобы они переступили наш порог. Вам известно, что произошло?

– Нет. Что же?

– Кто-то украл ее ожерелье!

– Боже правый!

– Я так и думал, что вы воскликнете: «Боже правый!» – с мрачным удовлетворением в голосе сказал дядя Том. – Сейчас она остановила меня в коридоре и попросила открыть сейф, так как она хочет надеть к сегодняшнему ужину свои жемчуга. Я отвел ее в холл, отпер сейф, а их там не оказалось.

Я мысленно приказал себе сидеть тихо.

– Вы хотите сказать, они пропали? – уточнил я. Он бросил на меня довольно раздраженный взгляд.

– Ты соображаешь быстро, как молния, – заметил он. Ну, а что в этом дурного?

– Но как это могло случиться? – спросил я. – Разве сейф был открыт?

– Закрыт. Но, по-видимому, я оставил его открытым. Суета с обмороком этого треклятого Сидкапа могла отвлечь мое внимание.

Тут он чуть было опять не сказал, что, мол, вот какие вещи случаются, когда пускают в дом подобную публику, но не сказал, верно вспомнил, что его он пригласил сам.

– Так что вот, – сердито продолжал дядя Том. – Должно быть, кто-то оказался возле сейфа, когда мы поволокли его наверх, увидел, что дверца сейфа открыта, и воспользовался удобным случаем. Старуха Троттер всполошилась, я едва уговорил ее немного обождать и не посылать сразу за полицией. Сказал, что надо сначала тихо самим провести расследование, это может принести результат получше. Скандал нам совсем ни к чему. Но навряд ли бы я ее уломал, если бы не молодой Горриндж, он подошел и поддержал меня. Вполне толковый юнец, этот Горриндж, хотя и носит баки.

Я непринужденно откашлялся. По крайней мере, постарался, чтобы получилось непринужденно.

– Какие же шаги вы намерены предпринять, дядя Том?

– Я намерен во время ужина извиниться и уйти, сославшись на головную боль, – она у меня и вправду имеется, да будет вам известно, – и обыскать все комнаты. Глядишь, может быть, и нападу на след. А пока что пойду выпью. Вся эта история на меня очень неприятно подействовала. Не хочешь пойти со мной пропустить по рюмочке, Берти, мой мальчик?

– Я, пожалуй, еще останусь, если вы не против, – ответил я. – Мы тут с тетей Далией беседовали о том о сем.

Дядя Том исполнил финальное арпеджио на ключах.

– Ладно, как угодно. Но мне, в моем теперешнем состоянии, кажется странным, что кто-то может отказаться от выпивки. Ни за что бы не поверил, что такое возможно.

Дверь за дядей Томом закрылась, и тетя Далия с хрипом выдохнула воздух.

– Уфф! – произнесла она.

Я нашел, что это метко сказано.

– Что нам теперь делать, как вы думаете? – спросил я ее.

– Я знаю, что бы я хотела сделать: поручить разрешение всех наших трудностей Дживсу, если бы некоторые умники не умудрились отпустить его на пирушку в Лондон, когда он так нужен нам здесь.

– Он мог уже возвратиться.

– Позвони Сеппингсу и спроси. Я надавил звонок.

– Э-э, Сеппингс,- сказал я, когда он явился со словами: «Вы звонили, мэм?» – Дживс еще не вернулся?

– Вернулся, сэр.

– Тогда пошлите его сюда со всей возможной скоростью. Несколько мгновений спустя вышеназванный персонаж был уже среди нас, такой головастый и сообразительный, что сердце мое взыграло, словно я увидел радугу в небесах.

– О, Дживс! – простонал я.

– О, Дживс! – простонала и тетя Далия, дыша мне в затылок.

– После вас,- вежливо сказал я.

– Нет, давай сначала ты,- возразила она, любезно уступая мне очередь.- Твоя беда горше моей. С моей еще можно подождать.

Я был тронут.

– Очень благородно с вашей стороны, моя старушенция. Ценю. Дживс, прошу вашего самого пристального внимания. Уж будьте добры. У нас тут возникли некоторые затруднения.

– Да, сэр?

– Собственно, их в общей сложности два.

– Да, сэр?

– Назовем их: Затруднение *A* и Затруднение *B*, если вы не против.

– Разумеется, сэр. Как вам будет угодно.

– Тогда вот вам Затруднение *A*, относящееся ко мне.

Я быстро обрисовал ему картину, ясно и доступно изложив факт за фактом.

– Так что вот, Дживс. Приведите в действие мозги. Если вам желательно прохаживаться по коридору, сделайте милость.

– Это не понадобится, сэр. Мне уже видно, что тут надо будет сделать.

Я сказал, что хорошо бы мне тоже это стало видно.

– Ожерелье следует вернуть миссис Троттер, сэр.

– То есть возвратить по исходному адресу?

– Именно так, сэр.

– Но, Дживс,- возразил я дрогнувшим голосом,- она же может удивиться, как оно ко мне попало. Что если она примется выяснять и расспрашивать, а расспросив и выяснив, бросится к телефону звать полицейских инспекторов и сержантов?

Маленький мускул в уголке его рта снисходительно дрогнул.

– Операция по возвращению, сэр, должна быть произведена, разумеется, в тайне. Я бы предложил, например, занести драгоценность в покои дамы, когда там никого не будет. Скажем, в тот момент, когда хозяйка будет сидеть за обеденным столом.

– Но ведь и я тоже буду сидеть за обеденным столом. Не могу же я извиниться и сбежать наверх во время рыбной перемены.

– Я как раз собирался предложить, чтобы вы поручили это дело мне, сэр. Мои передвижения будут не столь ограничены.

– То есть вы вызываетесь все это дельце обделать сами?

– Если вы передадите драгоценность в мои руки, сэр, я с радостью все осуществлю.

Я чуть не онемел от избытка чувств. Меня ожег стыд и пронзило раскаяние. Я понял, как сильно ошибался, заподозрив, что Дживс сам не соображает, что говорит.

– Вот это да, Дживс! Это по-феодалному.

– Ну что вы, сэр.

– Вы разрешили такую трудную задачу. Rem... как там дальше у вас говорится?

– Rem acu tetigisti, сэр?

– Оно самое. Это ведь значит «Ты попал пальцем в самую точку»?

– Да, сэр. Это будет приблизительный перевод с латыни. Я рад, что вам понравилось данное выражение. Но, если я не ошибаюсь, вы говорили, что существует еще одно обстоятельство, которое вас беспокоит?

– Затруднение *B* - это моя проблема, Дживс,- вступила в разговор тетя Даля. Престарелая родственница в продолжение всего предыдущего диалога сидела за кулисой и досадовала, что ее не выпускают на сцену.- Она касается Анатоля.

– Да, мэм?

– Его требует у меня миссис Троттер.

– Вот как, мэм?

– Она говорит, что не позволит Троттеру купить у меня «Будуар», если ей не отдадут Анатоля. А вы знаете, как мне важно продать «Будуар». Клянусь духом селитры! – горячо воскликнула моя тетя.- Вот если бы нашелся способ придать Л.Дж. Троттеру твердости характера, чтобы он мог противостоять своей толстухе и не подчиниться ей!

– Такой способ есть, мэм.

Тетя Даля подскочила на добрый фут с четвертью. Можно было подумать, что этот спокойный ответ был на самом деле восточным кинжалом, который вонзился ей в мякоть ноги.

– Что вы сказали, Дживс? Что такой способ есть?

– Да, мэм. Я полагаю, что побудить мистера Троттера к неповиновению супруге будет достаточно несложно.

Мне не хотелось никому портить настроение, но тут я не мог не вставить слово.

– От души сожалею, что приходится оторвать чашу радости от ваших уст, престарелая страдальца,- сказал я,- но, боюсь, тут всего лишь принимается желаемое за действительное. Опомнитесь, Дживс. Ваши речи... как это называется?.. без... безосновательны?

– Безосновательны или легкомысленны, сэр.

– Благодарю вас. Вы говорите, Дживс, безосновательно или легкомысленно о том, чтобы побудить мистера Л.Дж. Троттера сбросить иго и пойти против желания его значительно лучшей половины, но не слишком ли ваши надежды... черт, опять забыл слово.

– Радужны, сэр?

– Да. Радужны. Как ни кратковременно мое знакомство с этой четой, я этого Л.Дж. Троттера вижу насквозь. Он относится к мамаше Троттер с таким же преклонением, какое может испытывать крайне робкий червь к здоровенной курице породы плимутрок или орпингтон. Стоит ей пикнуть, и он сворачивается в клубочек. Так что ваше заявление о том, как несложно побудить его к неповиновению, повисает в воздухе, вам не кажется?

Я думал, что здесь я его уел, но ничего подобного.

– Если позволите, я сейчас объясню, сэр. Мне известно от Сеппингса, который многое слышал своими ушами, что эта дама крайне честолюбива и жаждет видеть своего супруга возведенным в рыцарское достоинство, мэм.

Тетя Далия кивнула.

– Это верно. Она постоянно об этом рассуждает. Ей кажется, что таким образом она утрет нос олддерменше миссис Бленкинсоп.

– Именно так, мэм. Я сильно удивился.

– Разве таким субъектам дают рыцарское звание?

– О да, сэр. Джентльмену, занимающему столь видное положение в издательском мире, постоянно грозит опасность удостоиться посвящения.

– Опасность? Они же любят, когда их посвящают в рыцари?

– Но не те из них, кто, подобно мистеру Троттеру, отличается застенчивым нравом, сэр. Для него этот ритуал был бы тягостным испытанием. Посвящаемый должен, например, в атласных брюках до колен пятиться назад с мечом между ног, впечатлительному джентльмену, ведущему упорядоченный образ жизни, это пришлось бы не по вкусу. И, конечно, его пугает мысль, что впредь до кончины он будет именоваться не иначе как сэр Лемуэль.

– Неужто его имя – Лемуэль?

– Боюсь, что да, сэр.

– Воспользовался бы вторым именем.

– Второе его имя – Генгульфус.

– Бог ты мой, Дживс! – покачал я головой, вспомнив о своем дяде Томасе Портарлингтоне.- По-моему, кто-то мутит воду в источнике, из которого проистекают имена, вам не кажется?

– Несомненно, сэр.

Тетя Далия слушала нас с недоуменным выражением лица, как человек, который никак не возьмет в толк, о чем речь.

– К чему вы ведете, Дживс? – спросила она.

– Сейчас объясню, мэм. Я намеревался высказать предположение, что, услышь мистер Троттер о стоящем перед ним выборе: либо купить «Будуар светской дамы», либо же его супруге станет известно, что ему уже был предложен титул и он отказался,- и возможно, он выкажет более сговорчивости, чем прежде, мэм.

Тетю Далию словно ударили по лбу носком, полным мокрого песка. Она пошатнулась и, чтобы не упасть, вцепилась в мою руку повыше локтя, притом достаточно чувствительно. Поэтому ее ответного замечания я не расслышал, хотя, несомненно, она сказала: «Ух ты!» или «Фу ты, ну ты!», или еще что-нибудь в таком же духе, так что, я полагаю, невелика потеря. Когда туман растаял и я опомнился, Дживс продолжал развивать свою мысль:

– Дело в том, что несколько месяцев назад мистер Троттер по распоряжению миссис Троттер нанял себе личного камердинера – молодого парня по фамилии Уорпл, и этот

Уорпл в корзинке для бумаг добыл написанный рукой мистера Троттера черновик письма с отказом. Он недавно стал членом клуба «Подсобник Ганимед» и, в соответствии с Правилом №11, передал документ секретарю для помещения в архив. Благодаря любезности секретаря я получил возможность с ним ознакомиться, и его фотокопию мне должны прислать сюда по почте. Я полагаю, мэм, если вы упомяните об этом в разговоре с мистером Троттером...

Тетя Даля издала возглас, тембром подобный возгласам, которые она привыкла издавать в былые дни «Куорна» и «Пайчли», когда призывала собачью свору взять след и работать в обе ноздри.

– Он в наших руках!

– Есть все основания предполагать, что так оно и есть, мэм.

– Сейчас же за него возьмусь.

– Не выйдет,- остановил я ее.- Он лег в постель. Обострение диспепсии.

– Тогда утром, сразу же после завтрака,- сказала тетя Даля.- О, Дживс!

Эмоции переполнили ее, и она снова вцепилась в мою руку. Ощущение такое, как будто тебя укусил аллигатор.

Назавтра часов около девяти утра на парадной лестнице Бринкли-Корта можно было наблюдать редкостное зрелище: Бертрам Вустер спускался к завтраку.

В кругу моих близких известно, что я только в самых редких случаях присоединяюсь по утрам к толпе общественно питающихся,- предпочитаю поглощать копченую селедку или что там мне подадут, в уединении своей спальни. Но целеустремленный человек, в случае надобности, не побоится ничего, а я решился любой ценой оказаться на месте в драматический момент разоблачения, когда тетя Далия сорвет накладную бороду и объявит дрожащему Л.Дж. Троттеру, что ей известно все! То-то будет, я предвидел, феерическое зрелище.

Хотя и не вполне очнувшись ото сна, я, кажется, никогда еще так ясно не ощущал, что жаворонок в небе, улитка на листе, а в небе Бог, и вообще все прекрасно на белом свете [*...все прекрасно на белом свете.*- Перифраз строк из поэмы Р. Браунинга «Пиппа проходит» (1841).]. Благодаря выдающемуся уму Дживса затруднение тети Далии убрано с дороги, и теперь я могу, если не постесняюсь, посмеяться в лицо всем полицейским инспекторам и их сержантам, которые бы вздумали к нам наведаться. И кроме того, вчера на сон грядущий я предусмотрительно унес у престарелой родственницы резиновую дубинку, и теперь она опять находилась при мне. Неудивительно поэтому, что, входя в столовую, я почти готов был разразиться песней и засвистать веселой коноплянкой [*...готов был разразиться песней...*- Строка из поэмы А. Теннисона «Inmemoriam» (1850).], как выражается иногда Дживс, я сам слышал.

Первое, что мне бросилось в глаза, когда я переступил порог, был Сыр Чеддер, пожирающий ветчину, а второе – Дафна Долорес Морхед, заканчивающая завтрак гренками с джемом.

– Привет, Берти, старина! – воскликнул первый, помахав мне вилкой в самой дружественной манере.- Вот и ты, приятель. Заходи, заходи, дружище. Рад видеть тебя в такой отличной форме.

Его сердечное приветствие удивило бы меня больше, если бы я не разгадал в нем военную хитрость, рассчитанную на то, чтобы притупить мою бдительность и внушить мне ложное чувство безопасности. Весь в состоянии боевой готовности, я подошел к буфету и стал левой рукой накладывать себе сосиски и бекон, правой сжимая в боковом кармане полицейскую дубинку. Военные действия в джунглях учат нас ни в чем не полагаться на случай.

– Прекрасное утро,- проговорил я, усевшись за стол и омочив губы в чашке кофе.

– Да, прелестное,- согласилась Морхед, еще более вчерашнего напоминавшая умытый росой цветок в первых лучах солнца. – Д'Арси хочет покатать меня по реке на лодке.

– Да,- подтвердил Сыр, обратив на нее пламенный взор.- Дафна должна полюбоваться рекой. Можешь сказать своей тете, что к обеду нас не будет. Нам готовят сэндвичи и крутые яйца.

– Да, этот симпатичный дворецкий.

– Именно, как вы выразились, этот симпатичный дворецкий,- подтвердил Сыр,- который также счел уместным приложить бутылочку из здешних подвалов. Мы отбываем через минуту.

– Побегу соберусь,- сказала Морхед.

Она поднялась с ослепительной улыбкой, и Сыр, как ни переполнен он был ветчиной, галантно подскочил, чтобы открыть перед нею дверь. Когда он возвратился к столу, я демонстративно крутил в руке резиновую дубинку. Это его, кажется, удивило.

– Эй,- обратился он ко мне,- что ты делаешь этой штуковиной?

– Да так, ничего,- небрежно отозвался я и положил ее рядом со своей тарелкой.- Просто подумал, что неплохо иметь ее под рукой.

Он с недоуменным видом проглотил еще кусок окорока. Но потом лицо его прояснилось.

– Ты что, думал, что я на тебя наброшусь?

Я ответил, что нечто в подобном роде приходило мне в голову, и он весело рассмеялся.

– Что ты, Господь с тобой! Я тебя считаю своим самым дорогим другом, старина.

Если так, как вчера со мной, он обращается со своими самыми дорогими друзьями, подумалось мне, каково же тогда достается от него тем, кто не такой дорогой? Мысль эту я ему высказал, и он покатился со смеху, словно стоял в суде на Винтон-стрит и его честь мировой судья отпустил очередную остроту, которыми он там всех и каждого смешит до колик.

– Ах, ты вот о чем! – Он беззаботно отмахнулся от моих слов.- Забудь об этом, приятель. Выкинь из головы, милый человек. Возможно, я тогда слегка и обозлился, но это дело прошлое.

– Точно? – недоверчиво переспросил я.

– Совершенно точно. Теперь я понимаю, что я перед тобой в большом долгу. Если бы не ты, я бы мог и сейчас еще быть помолвлен с этой несносной Флоренс. Спасибо тебе, Берти, дружище.

Ну, я ему ответил: «Пожалуйста», или: «Не стоит благодарности», или еще что-то в том же духе, но голова у меня шла кругом. Сначала пришлось рано встать к завтраку, потом Сыр Чеддер обозвал Флоренс «несносной» – понятное дело, я чувствовал себя словно в дурном сне.

– Я думал, ты ее любишь,- пробормотал я, растерянно тыкая вилкой в сосиску.

Он опять засмеялся. Только такая мясистая масса оптимизма, как д'Арси Чеддер, способна столько смеяться в столь ранний час.

– Кто? Я? Нет, конечно. Может, мне и померещилось это когда-то... знаешь, бывают детские фантазии... но когда она заявила, что у меня голова как тыква, завеса упала с моих глаз, и от этой фантазии тоже ничего не осталось. Тыква, видите ли. Могу сказать тебе, друг мой Берти, что есть люди – не буду называть имен – которые находят мою голову величественной. Да-да, я знаю из надежного источника, что с такой головой я выгляжу как король среди людей. И это даст тебе приблизительное представление о том, какая на самом деле дурочка это Флоренс Крэй, чтоб ей пусто было. Какое облегчение, что благодаря тебе я от нее избавился.

Он еще раз меня поблагодарил, и я еще раз ответил: «Пожалуйста», а может быть, «Не стоит благодарности». Все плыло у меня перед глазами.

– Значит, ты не думаешь,- спросил я дрожащим голосом,- что, когда горячая кровь поостынет, может состояться примирение?

– Совершенно исключено.

– Один раз так уже было.

– Больше не будет. Теперь я знаю, что такое любовь, Берти. Говорю тебе, когда человек

– который да останется безымянным.- смотрит мне в глаза и говорит, что при первом взгляде на меня, хотя у меня тогда были усы, такие же гнусные, как твои, она ощутила удар вроде электрического, я испытываю душевный подъем, точно выиграл Хенлейскую гонку «Бриллиантовое весло». Между мною и Флоренс все кончено и забыто. Она – твоя, старик. Бери ее, дружище, бери ее.

Ну, я, естественно, сказал ему: «Большое спасибо» или что-то в этом роде,- но он уже не слушал. Его позвал серебристый голос, и он, задержавшись еще на миг, чтобы доесть остатки окорока, пулей вылетел из комнаты с раскрасневшимся лицом и сияющими глазами.

А я остался с тяжелым сердцем в груди и с беконем и сосисками, обратившимися в пепел у меня во рту. Я понимал, что это конец. Самому ненаблюдательному человеку было бы очевидно, что д'Арсис Чеддер подвел черту. Акции «Морхед, привилегированные» растут, акции «Крэй, обыкновенные» идут вниз и не имеют спроса.

А я-то надеялся, что со временем здравый смысл возобладает, эти два разлученных сердца раскаются и решат попытать удачу еще разок, а я тем самым опять буду спасен. Но, увы, этому не бывать. Бертрам попался с потрохами. Придется ему все-таки испить горькую чашу до дна.

Я взял себе вторую чашку кофе – она показалась мне той самой горькой чашей. Но тут в столовую вошел Л.Дж. Троттер.

В моем ослабленном состоянии мне меньше всего улыбалось сейчас беседовать с Троттерами, но если сидишь в столовой с кем-то один на один, разговор так или иначе неизбежен, и пока Троттер наливал себе чай, я заметил, что сегодня прекрасная погода, и порекомендовал взять сосисок с беконем.

Реакция его была неожиданной: он задрожал весь с головы до ног.

– Сосиски? – переспросил он.- Бекон? – переспросил он.- Не говорите со мной о сосисках и беконе,- простонал он – У меня обострилась диспепсия.

Что ж, если ему угодно было обсуждать на людях боли в животе, я готов предоставить ему терпеливое ухо. Но он перескочил на другую тему.

– Вы женаты? – спросил он.

Я страдальчески поморщился и объяснил, что пока еще нет.

– И не женитесь, если имеете хоть крошку здравого смысла.- На минуту он в мрачном молчании завис над чашкой чая.- Вам известно, что происходит, когда вы женитесь? Вами помыкают. Вам больше не принадлежит даже собственная душа. Вы становитесь нулем у себя в доме.

Должен признаться, что я удивился той открытости, с какой он посвящал малознакомого человека в свои семейные дела. Но я отнес это на счет его обострившейся диспепсии. Животные колики вполне могут лишить страдальца способности уравновешенного суждения.

– Съешьте яйцо,- посоветовал я, ведь я же не чудовище бессердечия.

Он позеленел и скрутился двойным узлом.

– Не говорите, чтобы я ел яйцо! Не советуйте, что мне есть! Я на яйца и смотреть не могу, такое со мной творится. Это все чертова французская кухня. Погибель для пищеварения. А вы говорите, жениться,- вернулся он к первоначальной теме.- Не толкуйте мне о женитьбе. Не успеешь жениться, как на тебя уже навешивают пасынков, которые отращивают бакенбарды и не желают работать. Единственная их работа – это, видите ли, писать стишки про закат. Пфу!

Я человек довольно проницательный, и у меня возникло подозрение, что, возможно, он намекает на своего пасынка Перси. Однако проверить это подозрение я не успел, так как в столовую уже набились люди, общим числом примерно двадцать девять – такова, как известно, сейчас средняя цифра насельников загородного дома, выстраивающихся в очередь за кормежкой. Вошла тетя Далия и взяла себе яичницу. Появилась миссис Троттер и взяла колбасу. Перси и Флоренс взяли: он – ломоть ветчины, она – порцию жареной пикши. Дяди Тома было не видно, из чего следовало, что он завтракает в постели, это его обычная манера, когда в доме гости, у него на них не хватает сил, пока он как следует не подкрепитя.

Присутствующие расселись, склонили головы над тарелками, растопырили локти и занялись завтраками, когда явился Сеппингс с утренними газетами, после чего застольная беседа, и прежде не особенно оживленная, совсем замерла. И к этой безмолвной аудитории теперь присоединился еще некто, мужчина ростом добрых семи футов, с квадратным подбородком, с волевым лицом, в центре которого просматривались небольшие усики. Я давно не видел Родерика Спода, однако узнал его без труда. У него такая примечательная наружность, что, раз увидев, не забудешь никогда.

Мне он показался слегка бледноват, можно было подумать, что с ним недавно случился приступ головокружения, в результате которого он упал и ударился головой об пол. Голосом, для него довольно слабым, он произнес: «Доброе утро», и тетя Далия оторвала взгляд от номера «Дейли миррор».

– Лорд Сидкап! – воскликнула она – Вот уж не ожидала, что вы окажетесь в силах спуститься к завтраку! Вы уверены, что это разумно? Вы уже лучше себя сегодня чувствуете?

– Значительно лучше, благодарю вас,- храбро отозвался он.- И шишка почти совсем спала.

– Я очень рада. Это действие холодных компрессов. Я так и думала, что они помогут. Лорд Сидкап,- объяснила тетя сидевшим в столовой,- вчера вечером упал и сильно ушибся головой. По-видимому, у него случился приступ головокружения. В глазах вдруг почернело, не правда ли, лорд Сидкап?

Он кивнул, и тут же, похоже, раскаялся, так как болезненно поморщился, совсем как бывает со мной, когда необдуманно трянешь головой наутро после попойки в «Трутнях».

– Да, – подтвердил он. – Чрезвычайно странная история. Я стоял и чувствовал себя вполне нормально, – даже можно сказать, лучше не бывает,- и вдруг меня словно что-то ударило сзади по затылку. Больше я ничего не помню до той минуты, когда уже очутился у себя в комнате, и вы поправляете у меня под головой подушку, а ваш дворецкий наливает мне прохладительный напиток.

– Да, такова жизнь,- философически заметила тетя Далия.- Да-да, так всегда бывает. Сегодня мы здесь, а завтра нас уже нет, как я часто говорю... Берти, несносный мальчишка, выйди отсюда со своей сигаретой. От нее запах как от навозной кучи.

Я встал – почему бы не исполнить просьбу? – и уже подошел было к стеклянной двери в сад, как вдруг из уст миссис Троттер вырвался звук, который я бы определил как сиплый визг. Вам никогда не случалось наступить на невидимую кошку? Вот что-то в этом же роде. Я оглянулся и увидел, что лицо у нее сделалось почти таким же красным, как у тети Далии.

– Не может быть! – визжала она, глядя на развернутый лист «Тайме», который ей достался при давешнем разборе газет, и выражение у нее на лице было такое, с каким житель Индии мог бы смотреть на кобру, если бы обнаружил ее утром на дне ванны.

– Подумать только!..- Дальше язык отказался ей подчиняться.

Со своей стороны, Л.Дж. Троттер устремил на супругу взгляд, каким кобра могла бы посмотреть на жителя Индии, помешавшего ей принимать утреннюю ванну. Его можно было понять. Человек, страдающий диспепсией, и без того не пользующийся сочувствием собственной жены, не может благосклонно слушать, как эта самая жена верещит за завтраком, будто ее режут.

– Да что, черт возьми, случилось? – спросил он раздраженно.

Грудь миссис Троттер вздымалась, как море в декорациях.

– Я скажу вам, что случилось. Рыцарское звание пожаловали Роберту Бленкинсопу!

– Да? – удивился Л.Дж. Троттер. – Надо же!

Потрясенная женщина, по-видимому, сочла, что «Надо же!» – недостаточно сильно сказано.

– И это все, что вы можете сказать?!

Оказалось, что не все. Теперь он проговорил: «Гм-гм». Но она продолжала извергаться, точно те вулканы, из которых время от времени выкипает содержимое, причиняя хлопоты ближним домохозяйевам.

– Роберт Бленкинсоп! Роберт Бленкинсоп! Какая подлая нелепость! Не представляю себе, до чего мы дожили. В жизни моей не слышала ничего более... Могу я спросить, над чем вы смеетесь?

Л.Дж. Троттер скукожился под ее взором, как смятый лист копировальной бумаги.

– Я не смеюсь, – робко ответил он. – Просто улыбаюсь. Представил себе, как Бобби Бленкинсоп пятится в атласных брюках до колен.

– Ах, вот оно что! – закричала миссис Троттер так оглушительно, как кричат разносчики на пляже, оповещая покупателей, что в продаже имеются брюссельская капуста и апельсины-корольки. – Позвольте вам сказать, что это во всяком случае вам больше не угрожает. Если вам теперь предложат рыцарское звание, Лемуэль, вы от него откажетесь. Вам понятно? Я не допущу, чтобы оскорбляли ваше достоинство.

Раздался звон. Это тетя Даля выронила чашку с кофе. Я знал, что она подумала. Примерно такая же мысль мелькнула и у меня в голове, когда я узнал от Перси, что билет Первенства по «летучим дротикам» с фамилией «Вустер» перешел в другие руки, и Сыр Чеддер может теперь беспрепятственно рвать меня когтями и зубами. Ничто не способно так огорчить женщину, как сознание, что тот, кого она считала уже у себя в руках, оказывается совсем даже у нее не в руках. Настолько не в руках, что

*«идет, куда не лень,
парень свободный,
парень красивый
и в шапке набекрень»,*

как поется в песне. Неудивительно, что это ее потрясло, я думаю, до самого корсета.

В тишине, установившейся после того, как Л.Дж. Троттер откликнулся на ультиматум своей мадам, – если не ошибаюсь, он ответил ей: «Ладно», – на пороге опять возник Сеппингс.

В руках он держал серебряный поднос, и на этом серебряном подносе покоилось жемчужное ожерелье.

В кругах, где вращается Бертрам Вустер, почти всем известно, что он не из тех, кто легко бросает на ринг полотенце и признает поражение. Под ударами этой... как ее?.. ну, в общем, беды... он будет стоять, если только погодные условия благоприятствуют, не склонив окровавленной головы, и пусть пращи и стрелы яростной судьбы норовят подорвать его гордый дух [...и пусть пращи и стрелы яростной судьбы...- Помимо монолога Гамлета «Быть или не быть», здесь цитируется стихотворение У.Э. Хенли «Invictus» («Непобежденный») (1888).], им для этого придется подтянуть носки и хорошенько потрудиться.

Однако, признаюсь, что ослабленный ранним подъемом к завтраку, я при виде этой картины определенно дрогнул. Сердце у меня ушло в пятки, и в глазах, как вчера у Спода, потемнело. Сквозь черный туман я с трудом различил дворецкого-негра, протягивающего угольный поднос мамаше Троттер, которая походила на замыкающего участника негритянского джаз-банды.

Пол у меня под ногами вздыбился, словно началось особенно мощное землетрясение. Мой взор блуждал меж небом и землей, и встретив взор тети Далии, я увидел, что и ее взор блуждает в тех же направлениях.

Но все-таки она, как всегда, бросилась в бой:

– Вот спасибо, Сеппингс! – весело сказала она.- А мы тут как раз гадали, куда подевалось это ожерелье? Оно ведь ваше, миссис Троттер, не правда ли?

Мамаша Троттер рассматривала драгоценность сквозь лорнет.

– Мое-то оно мое,- подтвердила она.- Но хотелось бы знать, каким образом оно попало в руки этому человеку?

Тетя Далия продолжала борьбу за спасение:

– Вы, наверное, нашли его, Сеппингс, на полу в холле, где лорд Сидкап выронил его, когда упал в обморок?

Вот здорово придумано, подумал я. И действительно, такое объяснение вполне бы сошло, не вздумай Спод, осел несчастный, влезть со своим особым мнением.

– Не вижу, как это могло произойти, миссис Трэверс,- произнес он в своей всегдашней надменной манере, из-за которой его все вокруг терпеть не могут.- Ожерелье, находившееся у меня в руках в тот момент, когда я лишился чувств, принадлежало вам. То, которое принадлежало миссис Троттер, предположительно находилось в сейфе.

– Вот именно,- подхватила мамаша Троттер,- а жемчужные ожерелья сами из сейфов не выпрыгивают. Пожалуй, я отойду к телефону и позвоню в полицию.

Тетя Далия гордо вздернула брови. Наверное, это ей было нелегко, но она все-таки вздернула.

– Я вас не понимаю, миссис Троттер, – произнесла она с величавым негодованием. – Вы что же, предполагаете, что мой дворецкий мог взломать сейф и выкрасть ваше ожерелье?

И снова вмешался Спод. Бывают же такие несимпатичные люди, которые не способны подержать рот закрытым даже когда это необходимо.

– Почему взломать? Взламывать сейф было совершенно незачем. Он же стоял открытый.

– Хо! – воскликнула мамаша Троттер, не посчитавшись с тем, что авторское право на это междометие принадлежало Сыру. – Теперь понятно, как обстояло дело. Ему

понадобилось только засунуть руку и схватить. Телефон, кажется, в коридоре?

Тут Сеппингс, наконец, внес свою лепту в этот пир разума и изливание душ:

– Не дозволено ли мне будет объяснить, мэм?

Тон Сеппингса был строг. Правила их гильдии не допускают, чтобы дворецкие награждали хозяйских гостей злобным взглядом, но нежным я бы его взгляд тоже не назвал. Ее безответственную болтовню про полицию и телефоны он счел для себя обидной, и было ясно, что в свой очередной пеший поход он с собой мамашу Троттер не возьмет.

– Эту вещь нашел не я, мэм. По поручению мистера Трэверса я обыскивал комнаты обслуживающего персонала и обнаружил ее в комнате мистера Дживса, личного слуги мистера Вустера. Когда я поставил мистера Дживса об этом в известность, он сообщил мне, что подобрал ожерелье с пола в коридоре.

– Вот как? В таком случае велите этому человеку Дживсу, незамедлительно явится сюда.

– Очень хорошо, мэм.

Сеппингс удалился, и я бы тоже многое отдал за то, чтобы исчезнуть, ибо я понимал, что не пройдет и двух минут, как Бертраму Вустеру неизбежно придется во всем признаться, разгласить на весь белый свет махинации тети Далии и покрыть ее бедную старую голову смятением и позором. Конечно, Дживсу феодальная верность наложит на уста печать, но нельзя же позволить, чтобы человеку накладывали на уста печать, если это будет означать для него обвинительный приговор в суде да еще язвительные замечания со стороны мирового судьи. Будь что будет, а придется открыться. Кодекс чести Бустеров на сей счет очень строг.

Я оглянулся на тетю Далию и с одного взгляда понял, что мысль ее идет по тому же направлению и что все это ей очень не нравится. При ее румянце побледнеть она не могла, но губы были крепко сжаты, а рука, намазывающая джем на кусочек тоста, заметно дрожала. Выражение лица у нее было такое, как у женщины, которая не нуждается в гадалках и хрустальных шариках, чтобы понять, что с минуты на минуту все взлетит на воздух.

Я так сосредоточенно ее разглядывал, что только при звуках тактичного покашливания отвлекся и обнаружил, что к обществу в столовой присоединился Дживс. Он стоял сбоку и имел спокойный и почтительный вид.

– Мэм? – обратился он к хозяйке дома.

– Эй, вы! – рявкнула на него мамаша Троттер.

Его почтительная поза не подверглась никаким изменениям. Если его и покорило такое обращение, по внешнему виду заметить этого было нельзя.

– Вот ожерелье, – проговорила мамаша Троттер, направляя на него испепеляющий взор через правое и через левое стекла лорнета. – Дворецкий сказал, что нашел его в вашей комнате.

– Да, мэм. Я намеревался после завтрака выяснить, кому оно принадлежит.

– Ах, вот как? Вы намеревались?

– Я полагал, что эта безделушка – собственность одной из горничных.

– Эта... как вы сказали?... эта безделушка?

Он снова уважительно кашлянул – это прозвучало как кашель благовоспитанной овцы на склоне дальнего холма.

– Я без труда определил, что это – дешевая подделка из культивированного жемчуга, мэм.

Вам знакомо такое выражение: ошеломленное молчание? Я встречал его в книгах, в тех местах, где герой обрушивает на головы собравшихся поразительное известие, по-моему, оно как раз дает представление о тишине, которая устанавливается в таких случаях. Молчание, воцарившееся за завтраком в Бринкли-Корте после заявления Дживса, было такое ошеломленное, что просто дальше некуда,

Первым его нарушил Л.Дж. Троттер.

– То есть как это, дешевая подделка? Я заплатил за это ожерелье пять тысяч фунтов.

– Ну, конечно,- негодуя, затрясла головой мамаша Троттер.- Он пьян.

Я почувствовал себя обязанным вступить и разогнать черные подозрения, или что там делают с подозрениями.

– Пьян?! – возмутился я.- В десять часов утра? Не смещите меня. Впрочем, мы сейчас проверим. Дживс, скажите быстро: «Твистер свистнул у Ситуэлла виски и свитер».

Что Дживс и повторил отчетливо и звонко.

– Как видите,- удовлетворенно заключил я.

Тетя Далия, ожившая, как цветок, принявший унцию-другую желанной влаги, выступила с ценным добавлением от себя.

– Да-да,- поддержала она меня.- На Дживса можно положиться. Раз он говорит: фальшивые, значит, они фальшивые и есть. Он в драгоценностях разбирается, как никто.

– Вот именно,- сказал я.- Ему про них все известно. Он проходил обучение по ювелирной специальности у собственной тети.

– У кузины, сэр.

– Да, конечно, у кузины. Простите, Дживс.

– Ну что вы, сэр.

Тут снова втерся Спод.

– Ну-ка, дайте я взгляну на этот жемчуг,- распорядился он. Дживс протянул ему поднос.

– Вы, я думаю, подтвердите мое мнение, милорд.

Спод взял с подноса нитку жемчуга, посмотрел, понюхал и высказал суждение:

– Совершенно верно. Имитация, и не очень искусная.

– Так сразу наверняка сказать нельзя,- усомнился Перси и был изничтожен взглядом.

– Нельзя? – Спод ощетинился, точно шершень, чьи чувства ранены бестактным замечанием.- Нельзя сказать наверняка?!

– Разумеется, он может сказать наверняка,- заступился я за Спода, не то чтобы уж прямо дружески шлепнув его по спине, но с таким свойским выражением, которое свидетельствовало о дружеской поддержке со стороны Бертрама Вустера.- Он же знает, что внутри культивированной жемчужины имеется зерно. Вы с первого взгляда разглядели зерно, верно, старина Спод, вернее, старина лорд Сидкап?

Дальше я собирался поговорить о том, как в раковину впихивают инородное тело, чтобы обмануть моллюска, а он верит и принимается одевать это тело слоями перламутра – я все-таки считаю, что нехорошо это, надувать моллюска, который хочет только одного – чтобы его оставили в покое наедине с его мыслями,- но Спод встал.

– И весь этот переполох – во время завтрака! – с глубоким негодованием произнес он. Я его вполне понял. У себя дома он, наверное, поглощает утреннее яйцо в уютном одиночестве, прислонив свежий номер газеты к боку кофейника, и никакие страсти не бушуют вокруг и не мешают спокойствию. Он вытер рот и вышел вон через стеклянную дверь, болезненно поморщившись и приложив руку к макушке, когда раздался голос Л.Дж.

Троттера, притом такой силы, что от него чуть не лопнула его чашка с чаем:

– Эмили! Объяснитесь!

Мамаша Троттер направила на него лорнет, но с таким же успехом она могла бы воспользоваться и моноклем. Троттер встретил ее взгляд, и мне показалось – утверждать не берусь, так как он сидел ко мне спиной, – что в его глазах была железная твердость, от которой у мадам размякли все кости. Во всяком случае, когда она заговорила, звук ее речи напоминал, как я как-то слышал от Дживса, писк ранней пташки на рассвете [*Писк ранней пташки на рассвете.* – Цитата из поэмы Э. Теннисона «Принцесса» (1847).]

– Я... я не могу этого объяснить, – залепетала... да-да, залепетала мамаша Троттер. Я хотел было написать «забормотала», но «залепетала» выразительнее.

Л.Дж. Троттер взлаял, как тюлень:

– Зато я могу! Вы опять тайно снабжали деньгами этого своего братца.

О братце мамыши Троттер я услышал сейчас впервые, но несколько не удивился. Я знаю по собственному опыту, что все жены преуспевающих бизнесменов обязательно где-то прячут сомнительных братцев и время от времени их тайком подкармливают.

– Нет, не снабжала!

– Не лгите!

– О! – съезжившись, воскликнула бедная женщина и еще больше съезжилась. Сцена приобрела совсем невозможный характер, и тут Перси, замерший за столом в виде чучела, изготовленного мастером-таксидермистом, не выдержал страданий матери и встал, как встанут, когда кто-нибудь из сотрапезников провозгласит тост «За дам!». Опасливо, точно кот в проулке, боящийся получить обломком кирпича в бок, он открыл рот, однако голос его прозвучал, хоть и тихо, но твердо:

– Я могу все объяснить. Мамаша не виновата. Она хотела почистить жемчуг и поручила мне отнести ожерелье к ювелиру А я отдал его в заклад и заказал копию, потому что мне срочно понадобились деньги.

– Вот так так! – воскликнула тетя Далия. – Слыханное ли это дело? Чего только не придумают люди, а, Берти?

– Признаюсь, я тоже ничего подобного не слышал.

– Поразительно, да?

– Фантастика, я бы сказал.

– Однако же бывает.

– М-да, бывает.

– Мне потребовалась тысяча фунтов, чтобы вложить в постановку, – уточнил Перси.

Тут Л.Дж. Троттер, который этим утром был в голосе, взвыл так, что в буфете лязгнуло серебро. Повезло Споду, что он оказался вне пределов слышимости, а то бы его ушибленной голове это могло повредить. Даже я, человек здоровый, и то подскочил дюймов на шесть.

– Ты вложил тысячу фунтов в какой-то спектакль!

– Не в какой-то, а в спектакль по пьесе Флоренс и моей. Моя обработка ее романа «Спинола». Один из наших спонсоров нас подвел, и я, чем огорчить девушку, которую люблю...

На него широко открытыми глазами смотрела Флоренс. Если помните, описывая, как она выглядела, когда впервые узрела мои усы, я заметил, что в ней появилось нечто от фигуры «Пробуждение души» [*Пробуждение души.* – Популярная в начале XIX века пьеса Рудольфа Штайнера.] На этот раз «Пробуждение души» было еще заметнее. Бросалось в глаза за милю.

– Перси! Вы сделали это для меня?

– Да, и опять сделаю,- с вызовом ответил Перси. Заговорил Л.Дж. Троттер. Не стану утверждать, что он начал свою речь с возгласа: «Да чтоб мне лопнуть!» Но каждое его слово было пропитано именно этой мыслью. Он был, что называется, вне себя, и я даже слегка пожалел мамашу Троттер, при всей моей к ней антипатии. Царству ее пришел конец. Отныне и впредь было совершенно ясно, кто фюрер в доме Троттеров. Червь вчерашнего дня – или, если угодно, червь десяти минут назад,- оказался червем в тигровой шкуре.

– Вопрос решен! – возопил он. Я почти уверен, что это слово здесь подходит.- Больше ты не будешь слоняться по Лондону, молодой человек! Мы сегодня же, прямо сейчас уезжаем отсюда...

– Что? – вкнула тетя Далия.

– ...и как только прибудем в Ливерпуль, ты приступаешь к делу, притом, с самого низа, как тебе следовало сделать еще два года назад, если бы я не поддался уговорам вопреки собственному убеждению. Пять тысяч фунтов я отдал за ожерелье, и ты...

Чувства переполнили его, и он замолчал, чтобы перевести дух.

– Но, мистер Троттер! – взволнованно произнесла тетя Далия.- Вы же не уедете сегодня до обеда?

– Уедем. Думаете, я соглашусь вытерпеть еще один обед этого вашего французского кухмистера?

– Но я надеюсь, вы не уедете, прежде чем мы с вами не уладим дело насчет покупки «Будуара»? Может быть, вы уделите мне пять минут для разговора в библиотеке?

– Нет времени. Я должен заехать в Маркет-Снодсбери и обратиться к врачу. Вдруг он сможет что-то сделать, чтобы унять боль. Вот здесь,- пояснил Л.Дж. Троттер и ткнул пальцем в область четвертой жилетной пуговицы.

– Ай-яй-яй,- покачала головой тетя Далия.

И я тоже покачал головой. Но больше никто из присутствующих не выразил сочувствия, причитающегося каждому страждущему. Флоренс во все глаза, сколько у нее их было, упивалась зрелищем Перси Горринджа, а Перси заботливо склонился над мамашей Троттер, которая сидела с таким видом, будто чудом осталась жива после взрыва бомбы.

– Идем, маман,- проговорил Перси, поднимая ее на ноги.- Я смочу тебе виски одеколоном.

И с укоризненным взором в сторону Л.Дж. Троттера бережно повел ее вон из столовой. Сыночек – лучший друг женщины.

На лице у тети Далии все еще оставалось выражение ужаса. Я понимал, о чем она думает. Отпусти она сейчас этого Троттера в Ливерпуль, и все погибло. Такие тонкие сделки, как продажа дамского еженедельника покупателю, пропитанному апатией потребительского спроса, по почте не заключаются. Необходимо иметь его под рукой, обнимать за плечики и давить своим обаянием.

– Дживс! – воскликнул я, сам не зная почему, на самом-то деле я не видел, чем бы он мог помочь.

Дживс почтительно ожил. На протяжении всех последних речей и объяснений он стоял в глубине сцены с отчужденным, отсутствующим видом, который он всегда принимает, если оказывается при массовках кто-во-что-горазд, в которые понятие благопристойности не позволяет ему вмешиваться. Я сразу воспрял духом, увидев с его стороны готовность сплотить ряды.

– Не позволительно ли мне будет внести предложение, сэр?

– Да, Дживс?

– Мне представляется, что тут мистеру Троттеру может принести облегчение один из моих утренних бальзамов.

В горле у меня заклокотало. Я его понял.

– Вы имеете в виду те смеси, которые вы приготавливаете для меня, когда этого требует состояние моих мозгов?

– Вот именно, сэр.

– То есть паши смеси подействуют, если залить их в рот мистеру Роттеру, вернее сказать, наоборот?

– О да, сэр. Они оказывают действие непосредственно на внутренние органы.

Этого мне было достаточно. Я убедился, что Дживс, как всегда, *тетигистит* эти, как их, *ремы* [*...тетигистит эти, как их, ремы.- Довольно неуклюжая попытка передать на доступном языке любимое латинское выражение Дживса: Remacutetigisti – коснулся самой сути.*]. Я спросил у Троттера:

– Вы слышали?

– Ничего я не слышал. Думаете, что при такой боли... Я остановил его властным жестом.

– Ну, так слушайте теперь,- объявил я.- Бодритесь, Л.Дж. Троттер! Прибыли морские пехотинцы Соединенных Штатов. Никакой врач вам не нужен. Ступайте с Дживсом, и он приготовит вам смесь, которая вернет ваш живот в пик сезонной формы, не успеете вы выговорить «Лемуэль Генгульфус».

Он оглянулся на Дживса с безумной догадкой во взоре. У тети Далии, я услышал, перехватило дыхание.

– Это правда?

– Да, сэр. Могу гарантировать успех. Л.Дж. Троттер звучно охнул.

– Идемте,- кратко вымолвил он.

– Я с вами,- сказала тетя Далия.- Буду держать вас за ручку.

– Одно только предупреждение,- остановил я их на пороге.- Сначала, когда вы проглотите содержимое стакана, у вас возникнет минутное ощущение, будто вас поразила молния. Не обращайтесь внимания. Это все входит в целительный процесс. Последите только за своими глазами, а то они выскочат из орбит и ударятся о стену.

И они вышли из столовой, оставив меня наедине с Флоренс.

Странно, но факт, что среди сутолоки и суеты последних событий, когда люди постоянно приходили и уходили по двое, по трое, а в случае Спода – по одному, я совершенно не задумывался о том, что неизбежно настанет момент, когда я и эта девица останемся с глазу на глаз в так называемом *solitude 'a deux* [Одиночество вдвоем (франц.)]. И вот теперь, когда это случилось, растерялся, не зная, с чего начать разговор. Но я все-таки попытал удачи, воспользовавшись тем же приемом, что и раньше, когда пришлось завязывать разговор с Л.Дж. Троттером.

– Передать вам сосиску? – предложил я.

Она ответила отрицательным жестом. В том смысле, что ее душевное волнение невозможно унять сосисками.

– О, Берти,- только произнесла она и смолкла.

– Или кусок ветчины?

Флоренс покачала головой. Спрос на ветчину оказался так же невысоким.

– О, Берти,- повторила она.

– Я здесь, перед вашими глазами,- отзываюсь, чтобы ее подбодрить.

– Берти, я не знаю, что делать.

И снова отключилась. Я стою, жду, что дальше. Мелькнувшую было мысль предложить еще и порцию рыбы я сам отверг. Дурацкое занятие – перебирать все, что значится в меню, словно какой-нибудь официант перед нерешительной посетительницей.

– Я чувствую себя ужасно,- говорит она.

– А вид у вас цветущий,- заверил я ее, но она отмахнулась и от этого тонкого комплимента.

Снова наступило молчание. А потом у нее все-таки вырвалось:

– Из-за Перси.

Я в эту минуту жевал тост, но тут галантно положил его обратно на тарелку.

– Из-за Перси? – переспросил я.

– О, Берти,- в который раз повторила Флоренс. И судя по тому, как дергался у нее кончик носа, она была вне себя.- Все это... что сейчас произошло... когда он сказал, что не огорчит девушку, которую любит... и я поняла... на что он пошел ради меня...

– Я с вами совершенно согласен,- сказал я.- Благородный поступок.

– ...со мной что-то произошло. Я словно впервые увидела настоящего Перси. Конечно, я всегда восхищалась его интеллектом, но это – совсем другое. Мне открылась его душа, я увидела...

– Как она прекрасна, да? – подсказал я ей. Флоренс глубоко-глубоко вздохнула.

– Я была сражена. Потрясена. Я поняла, что он – воплощенный Ролло Биминстер в жизни.

Мгновение я не мог сообразить, кто это. Потом вспомнил.

– О, а, да. Вы не успели мне подробнее рассказать о нем, только, что он пришел в отчаяние.

– Это в самом начале, до того как они с Сильвией помирились.

– Они, значит, все-таки помирились?

– Да. Она заглянула ему в душу и поняла, что никого другого для нее не существует.

Я уже упомянул, что в то утро сообразительность моя достигла высшей точки, и в этих ее словах я уловил отчетливый призыв про-персивальских (на сегодняшний день) настроений. Я мог, конечно, ошибаться, но думаю, что не ошибался. И эти настроения я оценил как благоприятные, заслуживающие дальнейшего внедрения. Как справедливо заметил Дживс, в людских делах бывают спады и подъемы, на гребне приносящие удачу [...на гребне приносящие удачу.- Шекспир. «Юлий Цезарь». Акт 4, сц. 3.]

– Послушайте,- говорю я ей.- Вот какая мысль мне пришла в голову: почему бы вам не выйти за Перси?

Она вздрогнула. Очнулась. Затрепетала. Ожила, словно ощутила под килем струение жизни. В ее глазах, устремленных на меня, я без труда заметил свет надежды.

– Но ведь я обручилась с вами,- возразила она в том смысле, что готова, кажется, убить себя за такой глупый поступок.

– Ну, это несложно исправить,- успокоил я ее.- Отмените помолвку, и все дела, вот вам мой совет. Зачем вам в доме такой хилый мотылек, как я, вы нуждаетесь в родственной душе, в друге, который носит шляпу 9-го размера и будет сидеть с вами, держась за руки, и говорить о Т.С. Элиоте. Перси как раз отвечает всем этим требованиям.

Флоренс слегка задохнулась. Свет надежды разгорелся еще ярче.

– Берти! Вы согласны меня освободить?

– Ну разумеется. Само собой, горькая утрата, и все такое прочее, но считайте вопрос решенным.

– О Берти!

Она повисла у меня на шее и наградила меня поцелуем. Неприятно, конечно, но что поделаешь, с такими вещами приходится мириться.

Так мы стояли, без слов заключив друг дружку в объятия, когда тишину нарушил как бы взвизг местной собачонки, должно быть, стукнувшейся носом о ножку стола.

Но только это была не собачонка. Это был Перси. Он стоял в дверях, весь напряженившись. И неудивительно. Ведь, если любишь девушку и, входя в комнату, застаешь ее в обнимку с другим парнем, испытываешь ужасные страдания.

Овладев собой ценой огромного усилия, Перси произнес:

– Продолжайте, прошу вас. Извините, что помешал.

И громко сглотнул. Он явно не был готов к тому, что Флоренс, вдруг оторвавшись от меня, прыгнула к нему почти с такой же ловкостью, как я прыгал от Сыра Чеддера.

– Э-э, не понял,- сказал он, держа ее на весу.

– Я люблю вас, Перси!

– Это правда? – Лицо его на миг посветлело, но за этим сразу же последовало затемнение. – Вы же помолвлены с Вустером,- мрачно заметил он и посмотрел на меня так, словно, по его мнению, половина всех бед человечества происходит из-за таких людей, как я.

Я зашел за стол с другой стороны и взял еще один тост. Холодный, конечно, но я вообще-то люблю холодные тосты, было бы масла побольше.

– Нет-нет,- пояснил я ему,- с этим покончено. Приступайте, старина. Вам зеленый свет.

И Флоренс прибавила дрожащим голосом:

– Берти меня освободил. Я целовала его из благодарности. Когда я призналась ему, что люблю вас, он снял с меня обязательства.

Было видно, что на Перси это произвело впечатление.

– Вот это да! Очень благородно с его стороны.

– Такой он человек. Берти – воплощенное рыцарство.

– Несомненно. Я поражен. Поглядеть на него, никогда не скажешь.

Мне уже осточертело без конца слушать от разных людей, что поглядеть на меня, никогда не скажешь того или сего, и вполне возможно, что на этот раз я бы ответил что-нибудь язвительное, не знаю, правда, что. Но, прежде чем я собрался с мыслями, Флоренс вдруг испустила возглас, близко напоминающий вопль отчаяния:

– Но, Перси, что нам делать? У меня есть только небольшие ежемесячные суммы на туалеты.

Я не уловил ход ее мыслей. И Перси тоже. Мне они показались загадочными, и видно было, что и ему так кажется.

– А при чем тут это? – спросил он.

Флоренс заломила руки – я часто слышал о таком действии, но наблюдал его впервые: это круговые повороты руками, начиная от запястий.

– Я хочу сказать, у меня нет никаких средств, у вас тоже нет, кроме тех денег, что вам будет платить отчим, когда вы войдете в его дело. Нам придется жить в Ливерпуле. Но я не могу жить в Ливерпуле!

Вообще-то говоря, некоторые там все-таки живут, как я слышал, но я ее понимал. Ее сердце было в лондонской Богемии – Блумсбери, Челси, абсент с сэндвичами в студии и всякое такое, она не хотела этого лишиться. В Ливерпуле студий, я думаю, не имеется.

– М-да,- сказал Перси.

– Вы понимаете меня?

– О, вполне,- сказал Перси.

Ему явно было как-то неловко. Очки в черепаховой оправе странно блеснули, баки слегка завибрировали. Минуту он молчал в нерешительности. А потом заговорил:

– Флоренс, я должен перед вами покаяться. Просто не знаю, как признаться. Дело в том, что у меня вполне недурное финансовое положение. Я не богат, но имею приличный доход, вполне достаточный, чтобы содержать дом. И переселяться в Ливерпуль я не собираюсь.

Флоренс вытаращила глаза. По-моему, она подумала, что он, несмотря на такую рань, успел заложить за галстук. Вид у нее был такой, словно она сейчас попросит собеседника произнести: «Твистер свистнул у Ситуэлла виски и свитер». Но сказала она другое:

– Но, Перси, дорогой, вы же не могли это заработать своими стихами?

Он слегка замялся, повертел пальцами. Видно было, человек собирается с духом, чтобы сообщить о себе то, что предпочел бы и впредь держать в тайне. Я, бывало, испытывал подобные ощущения, когда меня приглашала на ковер тетя Агата.

– Я и не заработал стихами,- сознался он.- Сколько пишу, я только и получил что пятнадцать шиллингов в «Парнасе» за «Калибана на закате», да и то сражался за них, как лев. Редактриса торговалась, чтобы я сбавил цену до двенадцати с половиной. Но у меня есть... другой источник доходов.

– Не понимаю, о чем вы? Он понурил голову.

– Сейчас поймете. Поступления из этого источника ...э-э-э доходов за прошлый год составили восемьсот фунтов, в этом году эта цифра предположительно удвоится, так как мой агент сумел продвинуть меня на американский рынок. Флоренс, вы отшатнетесь от меня, но я обязан вам признаться. Я пишу детективы под псевдонимом Рекс Вэст.

Я не смотрел на Флоренс, поэтому не знаю, отшатнулась ли она. Но я не отшатнулся,

это точно. Я взирал на него в страшном волнении.

– Рекс Вэст? Боже мой! Это вы написали «Загадку красного рака»? – спросил я пресекающимся голосом.

Он опять понурил голову.

– Я. А также «Убийство в сиреневых тонах», «Случай с отравленным пончиком» и «Испектор Биффен разглядывает труп».

Эти три мне до сих пор не попадались, но я заверил его, что незамедлительно внесу их в мой рекомендательный список, после чего задал вопрос, мучивший меня все это время:

– Тогда скажите мне, кто шмякнул тупым инструментом по макушке сэра Юстаса Уиллоуби, баронета?

– Беруощ, дворецкий,- тихо и подавленно ответил Перси.

– Я так и подозревал! Подозревал с самого начала! – вскричал я.

Я бы еще поспрашивал его о секретах его Искусства, поинтересовался бы, как он придумывает все эти штуки и работает ли регулярно или же дожидается, пока накатит вдохновение, но трибуну снова заняла Флоренс. Оказывается, она мало того что не отшатнулась от него, но, наоборот, прильнула к его груди и осыпала его лицо жгучими поцелуями.

– Перси! – восторженно лепетала она.- Как это замечательно! Какой вы талантливый!

Перси пошатнулся.

– Значит, вам не противно?

– Ну конечно же, нет. Я восхищена. Вы и сейчас над чем-нибудь работаете?

– Над повестью. Думаю назвать ее «Порода сказывается». Примерно на тридцать тысяч слов. Мой агент говорит, что американские журналы больше всего любят, чтобы все можно было, как там выражаются, уложить одним выстрелом, то есть поместить в один номер.

– Расскажите мне все подробно,- сказала Флоренс и, взяв его под руку, повела к двери в сад.

– Эй, одну минуточку! – сказал я.

– Да? – обернулся Перси.- В чем дело, Вустер? Говорите скорее, я занят.

– Могу я попросить автограф? Он просиял.

– Вам в самом деле хочется иметь мой автограф?

– Я ваш большой поклонник.

– Славный малый! – произнес Перси, поставил подпись на обороте старого конверта, и они ушли, рука в руке, эта юная пара, начавшая свой долгий совместный путь. Я же, немного проголодавшись после такой волнующей сцены, сел за стол и съел еще порцию сосисок с беконом.

Я еще жевал, когда дверь отворилась, и вошла тетя Далия. Мне было довольно бросить на престарелую родственницу короткий взгляд, чтобы убедиться, что у нее все устроилось. Выше я где-то писал, что ее лицо блестело, как сидение брюк шофера автобуса. То же самое было и теперь. Даже если бы ее выбрали Майской королевой, она не могла бы смотреть веселей.

– Ну, как, Л.Дж. Троттер подписал договор?

– Собирается подписать, как только его глаза вернутся в изначальные орбиты. Ты все правильно предсказал. Когда я уходила, они у него еще летали рикошетом от стены к стене, а он гонялся за ними. Берти,- понизила голос почтенная старушенция,- что такое кладет Дживс в эти свои бальзамы?

Я покачал головой.

– О том ведомо только ему самому и Господу Богу.

– Мощное средство. Помню, я где-то читала про собаку, которая проглотила бутылку перечного кетчупа. С ней такое творилось! Вот и с Троттером тоже. По-моему, Дживс добавляет туда динамита.

– Очень возможно,- согласился я.- Но не будем больше о собаках и кетчупе. Поговорим лучше о счастливых концах.

– О концах? То есть у меня-то все завершилось счастливо, но выходит, и у тебя?..

– У меня тоже. Флоренс...

– Неужели помолвка расстроилась?

– ...выходит за Перси.

– Берти, мой мальчик!

– Я ведь говорил вам, что верю в свою звезду. Мораль все этой истории, как я понимаю, такова: невозможно сломить волю хорошего парня или – я чуть склонил голову в ее сторону – хорошей женщины. Какой это урок для нас, престарелая родственница! Никогда не сдаваться, никогда не отчаиваться. Как ни мрачен горизонт...

Я еще хотел добавить: Как ни черны тучи, и дальше упомянуть, что солнце рано или поздно проглянет, но в это мгновение, мерцая, явился Дживс.

– Прошу меня извинить, мэм, не зайдете ли вы в библиотеку к мистеру Троттеру, мэм? Он вас там ждет.

Вообще-то, чтобы привести в движение тетю Далию, нужна лошадиная тяга, но сейчас она без всякой лошади в одно мгновение очутилась на пороге. Но здесь обернулась.

– Как он? – спросила она Дживса.

– Счастлив доложить, мэм, что здоровье его полностью пришло в норму. Он даже подумывает рискнуть на сэндвич и стакан молока по окончании ваших переговоров.

Тетя Далия устремила на него долгий, почтительный взгляд.

– Дживс,- произнесла она,- вам нет равных. Я так и знала, что вы меня спасете.

– Очень вам благодарен, мэм.

– Вы не пробовали испытать ваши снадобья на мертвых?

– Пока нет, мэм.

– Испытайте,- посоветовала старушенция и ускакала, подобно тому ретивому коню, что, говорят (но сам я не слышал), фыркает надменно под клики медных труб.

Она ушла, и наступила тишина. Я погрузился в размышления. Я обдумывал вопрос, предпринять ли мне некий ответственный шаг или, с другой стороны, может быть, лучше не предпринимать, и в такие минуты человек не разговаривает, а про себя взвешивает все pro и contra. Одним словом, я стоял на распутье.

Мои усы...

Pro: Они мне нравятся. Я считаю, они мне к лицу. Я думал, что буду холить и лелеять их долгие годы и смазывать питательными веществами, чтобы они разрослись и прославили меня на весь Лондон.

Contra: Но безопасно ли это, спрашивал я себя. Припоминая, как мои усы подействовали на Флоренс Крэй, приходится заключить, что они делают меня чересчур неотразимым. И тут таится угроза. Если ты становишься чересчур неотразимым, с тобой начинают происходить всякие вещи, которым, на твой взгляд, лучше бы не происходить, если я понятно выражаюсь.

Дивный покой снизошел на мою душу. Решение было принято.

– Дживс,- окликнул я его, и в сердце мне кольнуло – естественно, ведь все мы люди.-

Дживс,- сказал я,- я Решил сбрить усы.

У Дживса дернулась левая бровь – показатель того, как сильно он взволнован.

– В самом деле, сэр?

– Да. Вы заслужили эту жертву. Когда я наемся... Неплохие сосиски, а?

– Да, сэр.

– Изготовленные из свиней, довольных жизнью. Вы их ели?

– Да, сэр.

– Да, так я говорил: когда я наемся, то поднимусь к себе в комнату, намаплю верхнюю губу, возьму в руку бритву... и готово дело!

– Весьма вам признателен, сэр.

стр. 7. *Белые ручки ... на берегу Салимара.*- Популярная песня на стихи Л. Хоупа (1865-1904) «Кашмирская невеста».

стр. 8. *...постоянно оставался без своих газелей.*- Намек на строки из поэмы Т. Мура «Лалла Рук» (1817): Я вскармливал милых газелей,/Чтобы жизнь мою украшали,/Но едва привязавшись ко мне,/Они умирали.

стр. 14. *Нивен, Дэвид* (1909-1983) – знаменитый киноактер.

стр. 18. *...пыли под колесами моей колесницы.*- Перифраза строки из стихотворения Аделы Х.К. Николсон, (1865-1904, псевдоним – Лоренс Хоуп) «Ничтожнее пыли под колесами твоей колесницы».

стр. 25. *свести седину мою с горестью во гроб.*- Библейское выражение. Бытие, гл. 44, ст. 29.

стр. 27. *...крылья, как у голубя!* – Цитата из Псалтири. Псалом 55, стих 6 (В русском переводе – 54-7).

стр. 35. *знамя со странным девизом.*- Про знамя со странным девизом говорится в стихотворении Г. Лонгфелло «Эксельсиор» (1842).

стр. 41. *...и в грудь себя бия.*- Цитата из трагедии Дж. Мильтона «Самсон-борец» (1671)

стр. 42. *Байярд*, Пьер де Террай (1473-1524) – знаменитый в Западной Европе «рыцарь без страха и упрека», герой многих преданий и баллад.

стр. 43. *...в узилище зловонном.*- Слова из посмертно опубликованного стихотворения Р. Бернса (1759-1796) «Письмо Эзопа к Марии».

Остров Дьявола.- Скалистый остров у берегов Французской Гвианы, куда до 1953 года отправляли преступников на каторгу.

стр. 44. *...два стража шли по бокам.*- Цитата из стихотворения Т. Гуда «Сон Юджина Арама» (1829), где описывается арест убийцы.

стр. 51. *...готов к предательству, интригам, грабежам,*- сказал Шейлок в «Венецианском купце» Шекспира. Действие 5, сц. 1.

стр. 56. *...Лохинвар, прибывший из западных стран.*- Зачин поэмы В. Скотта «Мармион» (1808).

«Куорн» и «Пайчли» - два из многих английских охотничьих клубов.

Мэй Уэст (1893-1980) – американская киноактриса и сценаристка, обладавшая довольно пышными формами.

...свинья ты Гадаринская.- Сюжет со свиньями в Гадарине описан в Ев. от Луки. Гл. 8, ст. 37.

стр. 59. *Хаммерстайн, Оскар* (1895-1960) и *Роджерс, Ричард* (1902-1979) – соавторы знаменитых мюзиклов, таких как «Оклахома» «Звуки музыки» и мн. др.

стр. 60. *Ф. Т. Барнум* (1810-1891) – американский шоумен, «отец рекламы».

стр. 61. *...останавливало тысячу башенных часов.*- Переиначенная фраза из трагедии К. Марло «Доктор Фаустус» (1604), где говорится о Елене Прекрасной, чья красота отправляла в плавание тысячу кораблей.

стр. 67. *Завалим стену мертвыми телами.*- Цитата из хроники Шекспира «Генрих V», акт 3, сц. 1.

стр. 79. *...олению на горах бальзамических,*- Цитата из библейской книги Песнь Песней,

стр. 88. *...кто-то там такое сказал раненому на носилках.* - Имеется в виду английский знатный рыцарь и поэт сэра Филип Сидней (1554-1586), который, как рассказывают, будучи смертельно ранен, с этими словами отдал свою фляжку раненому солдату.

Ко мне склоните слух.- Фраза из монолога Брута над телом убитого Цезаря. У. Шекспир. «Юлий Цезарь». Акт 3, сц. 2.

Инокрена - согласно древнегреческому мифу, источник на горе Геликон, пробитый копытом Пегаса; он посвящен музам и питает вдохновение поэтов.

стр. 92. *«Море смут»* - слова из монолога Гамлета «Быть или не быть». Акт 3, сц. 1 (перев. М. Лозинского).

стр. 94. *...с приливом достигаем мы успеха.*- Цитата из «Юлия Цезаря» Шекспира. Акт 4, сц. 3 (перев. М. Зенкевича).

стр. 95. *...распутывали клубок дневных забот.*- Образ из шекспировского «Макбета», акт 2, сц. 2 (перев. Ю. Корнеева).

стр. 99. *...с безумной догадкой во взоре.*- Фраза из стихотворения Дж. Китса «Сонет на первое знакомство с Гомером в переводе Чапмена» (1816).

стр. 100. *...блуждает между небом и землей.*- Цитата из шекспировского «Сна в летнюю ночь», акт 5, сц. 2 (перев. Т.Л. Щепкиной-Куперник).

стр. 105. *...хотят, но опасаются.*- Ссылка на поговорку из сборника Дж. Хейвуда (1546), где говорится про кошку, которая хочет рыбки, но опасается замочить лапы.

стр. 108. *Море бед* - слова из монолога Гамлета «Быть или не быть». Акт 3, сц. 1.

стр. 109. *...ушла с прежних мест.*- Строки из стихотворения Г. Лонгфелло «Окончен день» (1845).

стр. 111. *Ревир, Поль* (1735-1818) – один из знаменитых участников Войны за независимость Американских штатов. Прославился тем, что ночью 18 апреля 1775 г. прискакал из Бостона в Лексингтон с известием, что англичане выступают, и поднял всех спящих ополченцев.

...таинственным путем, чтоб чудеса творить. – Берти перефразирует стихи Вильяма Купера (1731-1800) *God moves in a misterious ways / His wonders to perform / He plants his footsteps in the sea / And rides upon the storm.*

стр. 112. *...в Сан-Франциско при землетрясении.*- Катастрофическое Сан-Францисское землетрясение в 8,5 балла произошло в 1906 г.

Автор - покойный Уильям Эрнест Хенли.- Имеется в виду слегка переименованное стихотворение «Invictus. Памяти Р.Т. Хэмилтона Брюса», принадлежащее перу английского поэта У.Э. Хенли (1849-1903).

стр. 121. *Орден траппистов* – выделившаяся в 1664 г. ветвь Цистерцианского монашеского ордена, на членов которой возложены особенно строгие запреты, в частности, они обязаны всю жизнь хранить молчание.

стр. 125. *...как тихий дождь с небес на землю упадет.*- Цитата из шекспировского «Венецианского купца». Акт 4, сц. 1.

стр. 134. *Гунга Дин.*- Стихотворение Р. Киплинга, вошедшее в цикл «Солдатские баллады» (1892).

стр. 136. *...вспоенной райским млеком.*- Цитата из поэмы СТ. Колриджа «Кубла Хан» (1797).

стр. 139. *...и где-то наземь он упал.*- Строка из стихотворения Г.У.Лонгфелло «Стрела и

песня»: «Высоко в воздух я пустил стрелу/ И где-то наземь она упала...» (1845).

стр. 145. *В пустынном воздухе теряя аромат.*- Цитата из знаменитой «Элегии на сельском кладбище» (1748) Томаса Грэя (перев. В. Жуковского).

стр. 154. *...все прекрасно на белом свете.*- Перифраз строк из поэмы Р. Браунинга «Пиппа проходит» (1841).

...готов был разразиться песней...- Строка из поэмы А. Теннисона «In memoriam» (1850).

стр. 162. *...и пусть пращи и стрелы яростной судьбы...*- Помимо монолога Гамлета «Быть или не быть», здесь цитируется стихотворение У.Э. Хенли «Invictus» («Непобежденный») (1888).

стр. 166. *Писк ранней пташки на рассвете.*- Цитата из поэмы Э. Теннисона «Принцесса» (1847).

стр. 167. *Пробуждение души.*- Популярная в начале XIX века пьеса Рудольфа Штайнера.

стр. 169. *...тетигистит эти, как их, ремы.*- Довольно неуклюжая попытка передать на доступном языке любимое латинское выражение Дживса: Rem acu tetigisti – коснулся самой сути.

стр. 172. *...на гребне приносящие удачу.*- Шекспир. «Юлий Цезарь». Акт 4, сц. 3.

Пэлем Грэнвилл Вудхауз
Дживз уходит на каникулы

Перевела Светлана Чулкова

Дживз поставил перед нами шипящую яичницу с беконом. За употребление коей, облизываясь и толкаясь локтями, принялись Регинальд Херринг (Киппер) и я. Херринг [Херринг — от английского «herring», «селедка». Киппер — от английского «kipper» — «копченая селедка».] — мой старый приятель, нас связывают нетленные воспоминания, когда, будучи еще детьми, мы отбывали срок в Мэлверн Хаус, что в Брэмли: по сути то была начальная школа. Директором там был Обри Апджон, ужасный гад, я вам скажу, хоть и магистр гуманитарных наук. Нам частенько приходилось дрожать в его кабинете в ожидании своей положенной порции прутика, который, как говаривал покойный Соломон, яко змей укусит и ужалит как аспид. В общем мы с Херрингом были неразлучны как два сапога пара и вместе прошагали к счастливому дню святого Криспина, ангела-хранителя сапожников, а значит к окончанию школы.

...Лишив между тем свой желудок звания «пустой» и закрепив это глотками крепкого кофе, я потянулся было к мармеладу, но тут в прихожей зазвонил телефон.

«Резиденция Бертрама Вустера» объявил я в трубку. — «У телефона Вустер личной персоной. О, привет», — заметил я, ибо трубка заговорила голосом миссис Томас Портарлингтон Траверс из Бринкли, что в Снодсбери, что возле Дройтвика. Проще говоря, это была моя обожаемая тетка Далия.

«Пламенное здрасьте подросшему поколению от подрастающего!» — я всегда был рад слышать мою тетушку, ибо она у меня своя в доску.

«Привет, привет, яблочку от яблони» — добродушно огрызнулась та. «Честно говоря, думала, что ты еще дрыхнешь. Небось только завалился после очередной гулянки?»

Моя честь была задета: — «Что ты, как можно! Вот уже целая неделя, как я встаю с жаворонками, чтобы составить компанию Кипперу. Киппер Херринг, он живет у меня, ждет переезда на новую квартиру. Ты его помнишь? Я как-то приезжал с ним к тебе летом в Бринкли. У него еще такое мятое боксерское ухо. Он сейчас работает в журнале „Сездей Ревью“. Ой, знаешь, они там начинают работать очень рано. Он тебя отлично помнит и передает привет, он всегда говорил о тебе, что ты верх гостеприимства. Ну что же, „яблонька“, рад слышать тебя. Как там у вас в Бринкли?»

— А ничего, «цветем» помаленьку, только я не из Бринкли, я здесь в Лондоне.

— Надолго?

— Днем еду обратно.

— Заходи, чайку попьем.

— Прости, не могу, я обедаю с сэром Родериком Глоссопом.

Я был удивлен. С этим господином, кстати, известным психиатром, я бы не то что обедать, даже завтракать не сел. Мы были с ним в натянутых отношениях: как-то оказались в числе заночевавших гостей у леди Уикам в Хертфордшире, где по наущению ее дочери, ранним прохладным утром, я проткнул штопальной иглой грелку в кровати вышеупомянутого господина. Правда, совсем не специально. Я же не знал, что это его грелка. И вообще, я думал, что он — это его племянник Таппи Глоссоп, с которым мы все время цапались. А джентльмены просто взяли и обменялись комнатами. Вот так вот...

«Какого черта?» — спросил я поэтому тетушку Далию.

— Какого черта? Ведь платит — он!

О, я ее понимал: пенни фунт бережет, и все такое, и все же. Я был изумлен: что может быть общего между тетушкой Далией, у которой явно все в порядке с головой, и этим отвратительным психоаналитиком. Впрочем, переиначивая житейскую мудрость, тетушек не выбирают, и мне оставалось только пожать плечами.

— Это, конечно, твое дело, но зачем это тебе. Неужели ты специально приехала в Лондон, чтобы отобедать за счет Глоссопа?

— Нет, я приехала за новым дворецким: он последует за мной в Бринкли.

— Новый дворецкий? А что с Сеппинзом?

— Сеппинза нет с нами.

Я сочувственно защелкал языком. Он был неплохой дядька, этот мажордом, тем более, что мы, бывало, вместе пропускали винца в буфетной.

— Да что ты говоришь? Жаль. То-то я смотрю, он неважно выглядел в последнее время. Да, вот она наша жизнь. Я бы так сказал: он прах еси.

— Да он в отпуск уехал.

Я прикусил язык...

— А, ясно... Что ж, это совсем другой цвет лица. Знаешь, удивительно, они как сговорились: лучшие слуги, столпы, так сказать, нашего быта, лишают нас своей опоры. Ведь мой Дживз тоже с сегодняшнего утра в отпуске: собирается ловить креветок в Херн Бей. Да, раковина моего дома осталась без своей жемчужины. Я в полной растерянности.

— А я знаю, что тебе делать. У тебя есть запасная чистая сорочка?

— И не одна.

— А зубная щетка?

— Целых две, из хорошей щетины.

— Тогда собирайся, и завтра приезжай в Бринкли.

Сумерки, которые всегда наступают при отъезде Дживза, даже если это утро, начали рассеиваться. Мало что может доставить мне такое удовольствие, как погостить в загородном доме тетушки Далии. Великолепные окрестности, дорожки, посыпанные мелким гравием, гм... канализация, водопровод с чистой местной водой: плюс французская кухня повара Анатоля — божий подарок при любом пищеварении.

«Какое чудесное предложение!» — сказал поэтому я. — «Это снимает многие проблемы и возвращает меня к жизни. Завтра же спортивный автомобильчик Вустера будет смиренно стоять под твоими окнами, а сам Вустер — у твоих ног, умытый и причесанный и с песней на устах. Надеюсь также вдохновить Анатоля на создание новых гастрономических произведений. Кто из других посторонних пьет мед из твоих гостеприимных сот?»

— Всего их пять.

«Пять?» — я снова прищелкнул языком. — «Дядюшка Том уже, вероятно, близок к истерике.»

Я знал: этот старый кутила не любит гостей в своем доме. Наверняка в эти дни его дежурная молитва — «Да минет меня чаша сия».

— Тома сейчас нет. Он уехал в Херрогейт.

— С прострелом?

— Не с пострелом, а с магнатом, американским магнатом Хомером Кримом. А тот ступил на берег туманного Альбиона по причине язвы. Доктор прописал ему водолечение в Херрогейте. А Том будет держать его руку и выслушивать, какая же гадость эта наша вода.

— Ну и язва!

— Как?

— А наш дядюшка ультраист. Ты вряд ли слышала это слово, я его узнал от Дживза. Ультраист — это человек, который оказывает бескорыстные услуги, не считаясь ни с чем.

— Ха, бескорыстный! У Тома с Кримом назревает очень важная сделка. Если она пройдет, Том станет обладателем пакета без налога на прибыль. Поэтому Том сдувает с него пылинки как с родного.

Я понимающе кивнул, хотя, может, это пустое при телефонном разговоре. Я прекрасно понимал ход мыслей сводного дядюшки. Мой Т.П. Траверс настолько мелочен, что мог скопить этой мелочи не один мешок: он никогда не прочь припрятать одну-другую монетку за каминный кирпичик. Ибо он считает, и не без основания, что если немножко добавить, то будет немножко больше. И уж чему он раскроет свои щедрые объятия, так это возможности не платить налоги. Он трясется за каждое пенни пред лицом родного Правительства.

— Поэтому, целуя меня на прощание, Том слезно умолял, чтобы ты всячески ублажал миссис Крим и ее сына Вилли, и вообще почитал их за королевских персон. Так что они приехали и поставили себя как шкафы.

— Так ты говоришь, ее сына зовут Вилли?

— Да: Уилберт.

Я задумался. Вилли Крим... Где-то я слышал это имя. Даже как будто со страниц газет. Но не мог вспомнить.

— Берти, Адела Крим пишет всякие страшные истории. Ты случайно ими не зачитываешься? Нет? Что ж, как говорится, с миру по нитке. Книгами будешь обеспечен.

— Прекрасно. Почитаю, и с большим удовольствием.

Я, знаете ли, большой любитель школы «саспенс». Так что мы с миссис Крим родственные души. Я всегда не прочь, когда в виде художественного приема автор подкидывает парочку-другую трупов.

— Итак, мы выяснили, что среди твоих гостей миссис Крим и ее сын Уилберт. Позволь, кто же трое остальных?

— Ну, дочь леди Уикам — Роберта.

Тут я вскочил как ошпаренный.

— Что? Бобби Уикам? О боже!

— Что за реакция? Ты ее знаешь?

— И ты еще спрашиваешь?

— Ясно. Это случайно не одна из окольцованных тобою птичек?

— Нет, с ней я не обручался. Но попытка с моей стороны была.

— Так она отказалась?

— Да, слава богу.

— Почему? Ведь она не девушка, а загляденье.

— Не уродка, скажем так.

— Да она просто красавица каких свет не видывал.

— Но разве это главное? А душа?

— Разве она не такой же ангел как ее мать?

— Ничего близкого. Сказал бы я тебе... Но нет, не стану. Пожалею себя.

Я бы мог сказать ей, что если ты за рулем и нормальный, лучше не иметь дело с этой рыжей бестией Робертой, но это слишком долгая история, а на чашу весов сейчас поставлен мой недоеденный мармелад. Скажу лишь, что давно уже не витаю в облаках и что эта

девушка, отказавшись постоять со мной в качестве невесты во время церковного обряда венчания, оказала мне большую услугу. Вы спросите почему?

Тетушка Далия, так нахваливая Роберту, наступала на мой любимый, но мозоль. Конечно, на первый взгляд это была девушка полный отпад. Да, глаза звездочки, волосы бордово-рыжие, эдакая очаровашка, но по характеру — бомба с часовым механизмом вместо сердца. Где она, там жди акта терроризма. Никогда не знаешь, какую кашу она заварит, используя тебя вместо ингредиента. Находясь таким образом в состоянии «кипения», я в свое время выслушивал предупреждения Дживза: «Сэр, мисс Уикам не хватает серьезности. Она легкомысленна и непостоянна. Я бы вас настоятельно предостерег от брака с нею — она явно рыжая.»

И он был прав. Как вы уже знаете, именно она подговорила меня прокрасться в спальню сэра Родерика Глоссопа и проткнуть его грелку штопальной иглой, но это был еще не верх ее совершенства. Одним словом, Роберта, дочь покойного сэра Кутберта и Леди Уикам из Скелдингз Холл, что в Херце, была сущий динамит. Поэтому неудивительно, что перспектива оказаться сейчас с этой особой под одной крышей означала, что крыша может поехать.

Не успел я оправиться от одного удара, как моя родная тетушка добила меня окончательно: «Да, и еще у нас гостят Обри Апджон и его приемная дочь Филлис Милз. Но больше — никого. Что с тобой? У тебя астма?»

Я так понимаю, тут она имела в виду то, что при последней новости я стал судорожно глотать воздух. А как тут не глотать? Я был загнан в угол. В моей памяти сразу всплыли слова мудрого Киппера: «Знаешь, Берти, нам с тобой грех жаловаться на жизнь. Как бы там ни было, какие бы тучи ни собирались на горизонте, какой бы каши ни просили наши ботинки, какой бы дождь ни мочил нас — а зонт забыт дома у галошницы, — как бы ни было испорчено утро какого-нибудь дня, потому что на завтрак не подали яиц вкрутую, — нас должна согревать та мысль, что никогда больше мы не увидим Обри Апджона, прости меня господи. Вспоминай это, когда тебе особенно тяжело».

Что я и делал. И вдруг в моей жизни появляется этот негодяй. Тут и самые хладнокровные сядут в позу умирающего лебедя.

— Обри Апджон? Тот самый Обри Апджон?

— Тот самый. Вскоре после того, как ты отсидел свой срок за его партами, он женился на Джейн Милз, моей подруге, она была очень богатой. Потом Джейн умерла, он овдовел, осталась ее дочь от первого брака. А я ее крестная мать. Сейчас Апджон на пенсии и ударился в политику. Самое интересное, что кое-кто делает на него ставку как на кандидата от консерваторов по округу Снодсбери, на дополнительных выборах. Представляю себе вашу встречу. Или ты боишься?

— Конечно нет. Мы Вустеры невозмутимый народ. Но какого дьявола ты пригласила его в Бринкли?

— Я приглашала только Филлис, но он приехал тоже.

— Тебе следовало вышвырнуть его.

— Ну как можно! Кроме того, он мне нужен для дела. Он будет вручать призы в средней в Снодсбери. Как всегда мы дотянули до последнего, но ведь кто-то должен толкать речь, что мол какими нужно быть хорошими мальчиками, даже если на дворе лето. Ну а сэр Апджон как нельзя кстати. По-моему он прекрасный оратор. Правда, по словам Филлис, у него комплекс: он может читать только по бумажке. Он называет это тезисами. Филлис

перепечатывает их для него.

«Фу, как нехорошо», — укоризненно заметил я. — «Даже твой покорный слуга, выступая как-то на деревенском концерте с брачной песней иомена, не посчитал за труд выучить слова (которые, правда, состояли преимущественно из текста „динь-дон, динь-дон, вот едет он“). — Короче...»

Я было хотел продолжить, но тут тетушка перебила меня и посоветовала сохранять чувство юмора и обходить на тротуарах банановую кожуру. И положила трубку...

Я покинул место телефонного разговора на деревянных ногах. Да уж, «яблочко от яблони»: какое там, я скорее чувствовал себя выжатым лимоном. Мало мне Бобби Уикам, с ее склонностью ставить все с ног на голову. А тут еще и Обри Апджон! Не знаю, заметил ли мой друг Киппер, когда я вернулся на кухню, что, цитируя Дживза «печаль легла на его (мое) чело». Нет, Киппер не заметил, потому что пожирал в это время гренки и мармелад, а я «кому повем печаль свою»? Это чувство надвигающейся грозы в последний раз я пережил в детстве. Я не знал, в каком виде разразится эта гроза сейчас, но внутренний голос подсказывал, что судьба метится Бертраму прямо под дых.

— Киппер, звонила тетушка Далия, — сообщил я.

— Дай ей бог здоровья: добрая молодая душа. Именно молодая, так ей и передай. Никогда не забуду тех счастливых дней, проведенных в Бринкли, я бы рад напроситься еще на одно приглашение. Она что, в Лондоне?

— Сегодня днем уезжает.

— Так мы ее угостим за милую душу!

— Сегодня она не наша гостья. Далия предпочла компанию Родерика Глоссопа: а он лечит психов. Да ты ведь его не знаешь.

— Ты мне как-то говорил про него. Заковыристый тип, насколько я помню.

— Заковыристей не придумаешь.

— Это он обнаружил в твоей спальне двадцать четыре кошки?

«Двадцать три», — поправил я. «Я не люблю преувеличений. — Это были не мои кошки. И засунули их туда мои кузины Клаудия и Юстас. Да разве я мог что объяснить Глоссопу! Он совершенно не умеет выслушивать людей. Надеюсь, что уж его по крайней мере не будет в Бринкли».

— Ты едешь в Бринкли?

— Завтра днем.

— Счастливый, получишь кучу удовольствия.

— Правда? Уж это маловероятно.

— Ну ты даешь. Один Анатоль с его обедами чего стоит. Помнишь имя той пери, что стоит несчастная у дверей Эдема?

— Дживз мне что-то рассказывал.

— Так вот, я точь-в-точь как та пери. Мысль о том, что Анатоль каждый вечер накрывает стол, за которым меня не будет, разрывает мне сердце. Лично мне твои сомнения непонятны. Бринкли — это земной Эдем.

— С этим трудно не согласиться. Но временами и у этого места появляются свои изъяны. На мой бы вкус побольше бы там ландшафта и поменьше человеческих образцов. Ибо кто ты думаешь завалился нынче туда? Обри Апджон!

Киппер был явно в шоке. Он вытаращил глаза, и подрумяненный гренок выпал из его изумленно раскрытого рта.

— Старик Апджон? Да ты шутишь?

— Точно тебе говорю. Он, личной персоной. А кажется еще вчера ты обнадеживал меня, что наши с ним пути уже никогда не пересекутся.

— Но каким образом он очутился в Бринкли?

— Именно этот же вопрос я задал своему старшему товарищу тетушке, но ее объяснения ее полностью оправдывают. Оказывается, разлучившись с нами, Апджон женился на тетушкиной подруге, некой Джейн Милз, став отчимом ее дочери, Филлис Милз, а тетушка Далия — ее крестная мать. Моя тетка пригласила крестницу в Бринкли, а Апджон решил тоже проветриться.

— Ясно. То-то ты трясешься как осиновый лист.

— Не знаю уж как насчет породы дерева, но то, что как лист — это уж точно. Как вспомню его злые глазки...

— И толстую, выбритую верхнюю губу! Как посмотришь на него за обедом... Кстати, а Филлис ничего.

— Ты ее знаешь?

— Мы познакомились в Швейцарии прошлым Рождеством. Передавай ей мой пламенный. Отличная девушка, правда немного малохольная. А она мне не говорила, что Апджон ее родственник.

— Нормальные люди стараются скрывать такие вещи.

— Да уж. А кто-то ведь влачит родственные узы с Палмером-отравителем. Помнишь, как он нас кормил с Мэлверн Хаус? Помнишь его колбасу по воскресеньям? А вареную — брр — баранину в кактусовом соусе?

«А маргарин! Ты вспомни, как у нас слюнки текли, когда он таскал домой — сумками! — деревенское масло. Кстати, Дживз», — спросил я, когда тот подошел убрать со стола, — «тебе не приходилось посещать школу на южном побережье Англии?»

— Нет, сэр, я обучался на дому.

— Ах, тогда тебе не понять. Мы тут с мистером Херрингом вспоминаем нашего бывшего учителя начальной школы, магистра вишь гуманитарных наук. Кстати, Киппер, тетушка Далия рассказала мне о нем кое-что новенькое, могущее отвратить от себя истинно интеллигентного человека. Ты помнишь его напыщенные речи в конце каждого учебного года? Так вот, оказывается, он читал их по шпаргалке. А без нее он был бы нем как рыба. Отвратительно, неправда ли, Дживз?

— Многие ораторы имеют подобный комплекс, сэр.

— Нельзя быть таким мягкотелым, Дживз, надо иметь твердые принципы. Впрочем, мы заговорили об Апджоне по причине того, что он снова появился в моей судьбе, вернее вот-вот появится. Он гостит в Бринкли, а я отправляюсь туда завтра. На этом настаивает тетушка Далия, я только что разговаривал с ней по телефону. Ты не соберешь мне кое-что из пожиток?

— Хорошо, сэр.

— Когда ты отправляешься в свою увеселительную поездку?

— Сэр, я предполагал, что это будет сегодняшним утренним поездом, но если вы хотите, я могу отложить это до завтра.

— Нет, что ты. Ты можешь ехать как собирался.

— Эй, в чем дело? — обратился я к Кипперу, как только дверь кухни закрылась за Дживзом: ибо мой друг прыскал от смеха. Довольно чревато прыскать от смеха, если твой рот набит гренками и мармеладом: но факт.

— Я подумал про Апджона.

Я был изумлен. Трудно было себе представить, что при мысли о Мэлверн Хаус один из его узников позволит себе веселиться.

— Я завидую тебе, Берти, — продолжал смеясь Киппер. — Тебя ждет интересное зрелище. Ты будешь сидеть за утренним столом с Апджоном и увидишь, как он откроет свежий номер нашего «Ревью» и начнет просматривать страницы литературной критики. Дело в том, что не так давно к нам в редакцию принесли его книжку, он там расхваливает нашу начальную школу. Он пишет, что это были годы, формирующие личность ребенка: и вообще наши самые счастливые годы.

— Вот те на!

— Он правда не предполагал, что книжка-то попадет на рецензию к одной из жертв счастливого детства в Мэлверн Хаус. Но есть еще одна заповедь, Берти, которую должен знать с юных лет каждый: лавровый венок может оказаться хорошей приправой для супа. Я разнес нашего Апджона в пух и прах! Одни только воспоминания о воскресных колбасках наполняли меня сатирическим гневом Ювенала.

— Кого?

— Да ты его не знаешь. Он нас постарше. Так вот, я был вдохновлен! Любая другая подобная книжка потянула бы у меня не больше чем на абзац, но здесь — шестьсот словвдохновенной прозы! И тебе посчастливится увидеть лицо Апджона, когда он будет их читать.

— Почему ты так уверен, что он прочитает рецензию?

— А он наш подписчик. Пару недель назад мы публиковали его письмо, в котором он распинается, какой у нас хороший журнал.

— А ты поставил там свою подпись?

— Нет. Наш шеф считает, что мы мелкие сошки и обойдемся без фамилий.

— И что, горячий матерьялец?

— Не то слово! Так что утром не своди с Апджона глаз, смотри за его реакцией. Я почти уверен, что краска стыда и угрызений совести зальет его лицо.

— Правда, есть одна закавыка: я не спускаюсь к завтраку, когда гощу в Бринкли. Но на этот раз мне придется ставить будильник.

— Будь добр. Того стоит, — заметил Киппер и вскоре отправился на службу зарабатывать свой мармелад насущный.

Через двадцать минут в комнату зашел Дживз, чтобы попрощаться. Это была трагическая минута, требующая с обоюдных сторон большого самообладания. Но мы оба мужественно сдержали свои рыдания: наконец, преодолевая боль расставания, Дживз направился к дверям. И тут я вдруг подумал: а не завалилась ли в его памяти какая информация о Уилберте Криме, том самом, о котором говорила тетушка Даля. Я был такого мнения о Дживзе: мне казалось, что он знает все и обо всех.

— Кстати, Дживз.

— Да, сэр?

— Я кое о чем хочу тебя спросить. Кажется, среди гостей в Бринкли находится некая миссис Хомер Крим, жена магнатишки из Америки, она там вместе со своим сыном Уилбертом, или просто Вилли, а вот Вилли плюс Крим мне будто о чем-то говорит. Мне почему-то кажется, что я наталкивался на это имя, бывая в Нью-Йорке, но в связи с чем — хоть убей не помню. У тебя не возникает никаких ассоциаций?

— Конечно же, сэр. Имя этого джентльмена частенько упоминается в скандальных газетах Нью-Йорка, в основном в разделах, которые ведет мистер Уолтер Уинчел. Чаще всего Уилберт фигурирует там как Вилли с Бродвея.

— Точно! Теперь я вспомнил! Его еще зовут плейбоем.

— Совершенно верно, сэр. За его дикие выходки.

— Точно, как же я сразу не вспомнил. Это тот самый тип, который любит произвести фурор в ночных клубах, впрочем, они ведь для этого и предназначены. Но зато еще он имеет обыкновение обналичивать огромные чеки в банке, сбивая с толку пистолетом и репликой «Это ограбление».

— И еще... Ах нет, к сожалению, сейчас не могу припомнить, сэр.

— Что именно?

— Еще какая-то мелочь, сэр, относительно того, что я слышал о мистере Криме. Если я вспомню, то обязательно вам сообщу.

— Да, пожалуйста. Хотелось бы иметь полное представление. Ах, черт!

— Сэр?...

— Ничего, Дживз. Это я так, подумал. Что ж, отправляйся, а то опоздаешь на поезд. Желаю удачи в ловле креветок.

Читатель, конечно, догадался, о чем я подумал в тот момент. Вы же видели, как горячо я воспринял перспективу встречи с Бобби Уикам и Обри Апджоном. Кто знает, во что это выльется. Но в довершении к этому оказаться бок о бок с нью-йоркским прикольщиком, у которого явно не в порядке с головой, — не слишком ли много для моего хрупкого организма? Я даже стал подумывать, не послать ли мне телеграмму, что мол, сожалею, — и выйти из игры. Но тут я вспомнил про кухню Анатоля и почувствовал прилив сил. Вкусите однажды с такого стола — это же алтарь с дымящимися подношениями. Через какие бы душевные муки мне ни пришлось пройти в Бринкли, что в Снодсбери, что возле Дройтвика, прежде всего я успею заглотнуть немного *supremes de foie gras au champagne* и *Mignonettes de poulet Petit Duc*. И все же — что правда, то правда — я даже боялся подумать, какие испытания скрывает от меня густая листва графства Ворсестершир. И рука, зажигающая сигару, — рука Берти, — моя рука! — дрогнула...

И в этот напряженный для меня момент вдруг снова зазвонил телефон. Я вскочил, как на зов Последней Трубы, готовый взбежать на самый дальний холм моей квартиры. Впрочем, это была не Труба, а трубка, но снимал я ее не без апокалиптического трепета. На проводе был чей-то слуга.

— Мистер Вустер?

— Он самый.

— Доброе утро, сэр. Ее сиятельство леди Уикам желает поговорить с вами. Мадам, мистер Вустер.

В трубке зазвучал голос матери Бобби.

Должен заметить, что пока мы обменивались репликами с ее слугой, я все время слышал чьи-то приглушенные рыдания, как в радиоспектакле. Теперь же я не сомневался, что они издавались скорбящей вдовой сэра Кутберта. Мадам нужно было перестроить голосовые связки на разговор, и пока я ожидал, что она начнет говорить, я ломал голову над двумя вещами: первое — какого черта звонит мне эта женщина? И второе — почему она рыдает, ведь она уже давно как вдова. Больше конечно меня волновало, какого черта она мне звонит, ибо между мной и мадам пролегла проколотая грелка, читай: мадам прохладно ко мне относилась. В ее глазах я был просто отъявленным негодяем, я знал это от Бобби, которая живо пересказывала мне, как ее мамочка обсуждает меня со своими друзьями. И в общем-то я вполне могу ее понять. Какой гостеприимной хозяйке понравится, что друзья ее

дочери расхаживают ночью по ее дому, прокалывают чужие грелки и уезжают в три часа утра, даже не попрощавшись. Да, я ее очень хорошо понимал, но то, что она звонит и рыдает мне в трубку! С ее-то аллергией на бертрамов!

Тем не менее факт был налицо.

— Мистер Вустер?

— О, здравствуйте, леди Уикам.

— Вы меня слушаете?

Я ответил утвердительно, и она с готовностью повторила процедуру рыдания.

Затем она заговорила хриплым, оталарингитным голосом:

— Это ужасная новость для меня, понимаете?

— А?

— О боже, о боже мой!

— Я что-то не понимаю...

— В сегодняшней «Таймс»...

Я, знаете ли, не лишен проницательности, и мне показалось, что, вероятно, мадам расстроилась, прочитав что-то в сегодняшней «Таймс». Правда неясно было, почему она обратилась именно ко мне. И только я попытался выстроить логическую цепочку, как она начала верещать и смеяться, что на мой идеальный слух звучало как истерика. И не успел я ничего сказать, как раздался звук, будто что-то тяжелое упало на пол. Диалог за мадам продолжил ее слуга.

— Мистер Вустер?

— Я здесь.

— Мне очень жаль, но мадам потеряла сознание.

— Так это она упала?

— Именно, сэ. Благодарю вас. До свидания.

Положив трубку, этот парень наверняка приступит к исполнению служебного долга, как-то: расслабит тугую шнуровку корсета, попытается привести хозяйку в чувство, подпаливая перья под ее носом. Между тем дальнейших сводок с места событий у меня не имелось.

Мне показалось, пора обратиться к «Таймс», чтобы все-таки удовлетворить свой познавательный интерес. Эту газету я в общем-то не читаю, предпочитаю за завтраком «Миррор» и «Мейл», но «Таймс» читает Дживз, и я иногда беру у ее из-за кроссвордов. Я подумал: а не оставил ли он сегодняшний номер на кухне. Так оно и есть. Я вернулся с газетой в комнату, уселся в кресло, снова закурил и начал просматривать ее содержимое.

При первом беглом взгляде там не было никакого «обморочного» материала. Графиня такая-то открывала благотворительный базар в Уимбелдоне; была также статья о ловле лосося на реке Уай; член кабинета министров выступил с речью о положении дел в хлопковой промышленности, но я в этом не видел повода для потери сознания. Также казалось маловероятным, чтобы женщина могла вырубиться, прочитав, что некий Герберт Робинсон двадцати шести лет, Гроув Роуд, Пондес Энд, был задержан за кражу штанов в желто-зеленую клетку.

И лишь когда я дошел до раздела «Разное», и среди них раздел «Помолвки», я вскочил как ошпаренный. «Дживз!» — заорал я, но тут вспомнил, что его уже нет. Увы! — а ведь мне именно сейчас так был необх. его совет! Но я был один, и мне оставалось только издать вопль отчаяния и уронить лицо в ладони. Понимаю, что в ваших глазах я выгляжу

психопатом, но то, что я прочел... Как тут не уронить своего лица:

«Объявлена помолвка между Бертрамом Уилберфорс Вустером, уроженцем Беркли Мэншинз, и Робертой, дочерью покойного сэра Кутберта Уикама и леди Уикам, Скелдингз Хол, что в Херце...»

Что ж, как я вам говорил, попав в свое время на удочку обаяния Бобби, я несколько раз предлагал ей создать семью, но — и хочу это подчеркнуть, даю честное слово, что каждый раз она отказывала мне в сотрудничестве, причем в манере, не оставляющей ни малейшей надежды. Еще бы: представьте, если добропорядочный мужчина предлагает свою руку и сердце, а в ответ раздается хохот, напоминающий взрыв бумажной хлопушки, а потом вам говорят: «Ты что, дурак?», — я думаю, что добропорядочному мужчине дают понять, что ему отказывают. В свете же этого объявления остается предполагать, что в один из таких разов я где-то отвлекся и не заметил, как потупив глазки она прошептала «Ладно уж». Но когда это могло произойти — ума не приложу.

Итак, на следующее утро у дверей Бринкли остановился спортивный автомобильчик. За рулем сидел, как вы догадались, Бертрам Вустер: под глазами его были темные круги, голова его трещала. И думал наш Бертрам: «Какого черта!» Короче, он был в полном замешательстве.

Мне казалось, что прежде всего следует отыскать свою невесту: может она как-то поможет прояснить ситуацию.

Как это обычно и бывает в хорошую погоду за городом, в самом доме никого не было. Но наступит время чаепития — и глядишь, вся компания соберется на лужайке перед домом. В настоящий же момент не было ни единой души, у которой я мог бы спросить про Бобби. Я отправился искать ее по территории. Пробираясь по одной из мшистых тропинок, уже изрядно вспотевши на жаре, я вдруг услышал, будто кто-то декламирует стихи. Выйдя на тенистую поляну, я увидел разнополую парочку, что примостилась в тени одного из деревьев.

Но не успел я их разглядеть, как раздался гром небесный, который на деле оказался лаем собачьим: на меня неслась маленькая такса, с явным намерением узнать всю мою подноготную. По дороге собачка сменила гнев на милость и по прибытии просто встала столбиком и лизнула меня в подбородок. Очевидно, в Бертраме Вустере содержатся какие-то собачьи витамины. Я уже обратил внимание, что при обнюхивании собаки ко мне располагаются. Я думаю, что тут они отдают должное запаху породы Вустеров: он им импонирует.

Я потрепал таксу за правым ухом, а потом немного почесал ей спину. Обменявшись любезностями с собачкой, я обратил свое внимание на лирическую часть композиции, т.е. на парочку. Стихи читал представитель мужеского пола, довольно внушительных габаритов, рыжеволосый, с маленькими усиками. Поскольку это был точно не Обри Апджон, оставался Вилли Крим. Я был крайне удивлен, что он прибегает к поэзии. От нью-йоркского плеябоя можно было ожидать прозы, к тому же скорее грязной, но оказывается и плеябоям ничто человеческое не чуждо.

Собеседницей его была маленькая аппетитная юная особа. Это должна была быть никто иная, как Филлис Милз, о которой я уже слышал от Киппера. Отличная девчонка, но дура, предупреждал меня он, и я сразу увидел, что он не ошибся. По мере продвижения по жизни умеешь уже безошибочно определять дур. У данного экземпляра было такое одухотворенное лицо, что сразу было ясно, что эта если не круглая дура, то уж во всяком случае попадает под общее определение. На ней было написано, что ей только палец покажи, и она заведется; что

она и сделала: она сказала — не правда ли, ее Поппит, т.е. такса — очаровательная собачка. Я согласился довольно сдержанно и кратко, ибо, как вы уже заметили, я вообще люблю краткие и сокращ. формы.

Потом она сказала, ой, а не Берти ли я Вустер, племянник миссис Траверс, что, как я сказал, было очень точным наблюдением.

«Я слышала, что вы сегодня должны приехать. Я — Филлис Милз», — сказала она, на что я заметил, что я так и знал и что Киппер передавал ей пламенный, на что она воскликнула, «О, Регги Херринг? Он такой хороший, не правда ли?»

Я согласился, что и вправду Киппер скорее относится к лучшей половине человечества, а она мне в ответ: «Да, он такая душечка».

По мере нашего диалога мы немного вытесняли Уилберта Крима на задний план: то, как он хмурился, покусывая кончики своих усов, переминался с ноги на ногу и нервно теребил свои пальцы, говорило, что по его мнению, третий — это уже перегрузка композиции и что вообще Вустеры не слишком украшают собой тенистые поляны. Воспользовавшись паузой в разговоре, он сказал: «Вы кого-то ищете?»

Я ответил, что ищу Бобби Уикам.

— На вашем месте я бы продолжал поиски. И вы наверняка где-нибудь ее найдете.

— Бобби? — вмешалась Филлис Милз. — Так она на озере ловит рыбу.

— Ну, тогда, — просиял Уилберт Крим, — идите по этой тропинке, потом направо, потом почти сразу налево, снова направо, и вы ее увидите. Очень легко найти. Идите скорей, мой вам совет.

Должен вам заметить, уж коль я родной племянник тетушки Далии, значит и с этой поляной мы родственники, поэтому поведение Вилли я считал просто наглым: но — тетушка меня предупредила, поэтому я покинул свою двоюродную поляну без дальнейших пререканий. Я слышал, как за спиной снова возобновилось поэтическое чтение.

Хоть озеро в Бринкли и называют озером, а все же это просто юный пруд. Но для прогулок на лодке вполне просторный водоем, так что была там и пристань, и лодки для желающих. И вот на этой пристани сидела Бобби и ловила удочкой рыбу. Подойдя к ней, я сказал ей:

— Привет!

— Привет-привет. Ой, Берти, это ты приехал!

— Очень верное наблюдение. О, юная Роберта, не уделишь ли ты мне минуту своего драгоценного времени.

— Ну, давай быстро. А то у меня клюет. Нет, показалось. Так что тебе?

— Я хотел сказать...

— Да, кстати, мне сегодня утром мама звонила...

— А мне она звонила вчера утром.

— Я так и знала. Так ты видел объявление в «Таймс»?

— Невооруженным глазом.

— Что, немного удивился?

— Совсем чуть-чуть.

— Я тебе сейчас все расскажу. Это была гениальная идея.

— Ты хочешь сказать, что это ты тиснула это объявление?

— Ну конечно.

— Зачем? — спросил я, сразу и без обиняков, как жених невесту.

— Я расчищала путь для Регги.

Я провел дрожащей рукой по лицу.

— Сегодня что-то происходит с моим слухом. Похоже, что ты сказала: "-"-?

— Именно. Я облегчаю ему задачу. Чтобы мама его полюбила.

— А теперь мне слышится "-".

— Именно это я и сказала. Все очень просто. Объясняю тебе это одним простым словом: я люблю Регги. Регги любит меня.

— Слов в шесть раз больше, ну да ладно. Так что за Регги?

— Регги Херринг.

Я обалдел.

— Ты это про старину Киппера?

— Не смей называть его Киппером.

«Интересное дело!» — воскликнул я, и мой голос немного потеплел. — «Если в частной школе, на южном побережье Англии, появляется парень с фамилией Херринг, как по-твоему должны называть его сверстники? Но что там насчет того, что вы друг друга любите? Ведь вы же никогда не виделись».

«Ничего подобного. В прошлое Рождество, в Швейцарии, мы жили в одном отеле. Я учила его кататься на лыжах». — При этих словах ее глаза мечтательно повлажнели. — «Я никогда не забуду тот день, когда собирала его по частям на склоне для новичков. Он так грохнулся, что его ноги были намотаны вокруг шеи на манер шарфа. Это все решило для меня. Мое сердце растаяло».

— И ты не смеялась?

— Конечно нет. Я его очень жалела.

Теперь я по-настоящему начинал ей верить. Бобби очень любила посмеяться: и воспоминание о нашей прогулке в саду в Скелдингз Холл, когда я наступил на зубья лежащих грабель, а они вскочили и дали мне деревяшкой по лбу, — это воспоминание из тех сувениров, которым я не очень-то любил хвастаться. Я-то помню, как она просто скрючилась от жалости!... И уж если вид Регинальда Херринга, утепленного на манер шарфа собственными ногами, не вызвал у нее приступа такого же хохота, значит ее и впрямь задело за живое.

— Ну хорошо, — сказал я. — Пусть между вами действительно все так, как ты сказала. Тогда зачем раззвонила по всему миру о нашей помолвке?

— Я же тебе сказала. Чтобы мама его полюбила.

— Я где, на берегу пруда или у постели бредовой больной?

— Ты что, даже приблизительно не понял?

— + — километр.

— Ну ты же знаешь, в каких ты отношениях с моей мамой.

— Довольно натянутых.

— Она от одного твоего имени вздрагивает. И я подумала, что если она подумает, что собираюсь за тебя, а потом окажется, что это не так, она так будет рада спасению своей дочери, что любому зятю раскроет свои объятия, даже Регги. Пусть его имя и не цитируют в финансовых новостях и у него средний достаток, зато он прекрасный человек. А то мама вечно хотела мне в мужья какого-нибудь миллионера или герцога и с огромной недвижимостью. Теперь ты понял?

— О да, теперь я понял. Ты, как Дживз, делаешь акцент на психологии человека. Но ты

действительно уверена в успехе?

— Абсолютно. Ну возьмем другой пример. Допустим, однажды утром твоя т. Далия узнает из газет, что на рассвете следующего дня тебя поведут на расстрел.

— Такого не может быть. Я поздно встаю.

— Ну а вдруг? Ведь она прочитает и вся испереживается, ведь так?

— Думаю, да, ведь она меня так нежно любит. Правда она частенько бывала со мной строговата. В детстве она одаривала меня подзатыльниками, а когда я малость повзрослел, она не раз говорила, что лучше будет, если я привяжу кирпич на шею и схожу утоплюсь. И все же она любит своего Бертрама, и уж если она действительно узнает, что меня пристрелили, то несколько дней у нее точно будет мигрень. Но почему ты про это заговорила?

— Ну представляешь, если она узнает, что все это ошибка, а расстреляли кого-то другого: ведь она же обрадуется, так?

— Да она просто подпрыгнет под потолок от счастья.

— Вот именно! Да она на радостях простит тебе все на свете. Все, что ты ни сделаешь — все будет хорошо. Она только рада будет. Так и моя мама — она как узнает, что я за тебя не выхожу — у нее прямо тяжесть с сердца упадет.

Единственно, с чем я мог согласиться, так это что я действительно имею вес в обществе.

— Но ты, надеюсь, потом ей объяснишь?

Мне нужно было обязательно утрясти этот вопрос. Жить с таким объявлением в «Таймс» слишком обязывает.

— Да, через неделю-другую. Не стоит с этим торопиться.

— Ты хочешь, чтобы я тебе подыграл?

— Именно.

— Ну, значит жду твоих указаний. Очевидно я должен буду время от времени тебя поцеловать?

— Нет.

— Отлично. Но как тогда все это будет выглядеть?

— Ты время от времени будешь бросать на меня страстные взгляды.

— Хорошо, я этим займусь. Что ж, я очень рад за тебя и Киппера, или, если уж тебе так хочется, Регги. Лучшего жениха я бы тебе и не мог пожелать.

— Я очень рада, что ты так это воспринял.

— Пустяки.

— Я к тебе очень хорошо отношусь, Берти.

— И я тоже.

— Я ведь не могу выйти замуж за всех сразу.

— Да, это довольно трудоемко. Что ж, теперь, когда мы с тобой все выяснили, пожалуй, пойду предложу тетушке, чтобы объявляла посадку за стол.

— А сколько времени?

— Около пяти.

— Ой, мне надо бежать. Я должна сидеть за хозяйку.

— Ты? Почему?

— Когда твоя тетушка вчера приехала из Лондона, ее ждала телеграмма: ее сын Бонзо заболел там у себя в школе, у него высокая температура, и она скорей к нему уехала. А пока она просила меня быть за хозяйку, но на ближайшие пару дней мне нужно будет исчезнуть.

Я должна вернуться к маме. После этого объявления она каждый час шлет мне по телеграмме. Слушай, а что такое «дундук»?

— Не знаю. А что?

— Она так тебя назвала в своей последней телеграмме. Там так было: «Не понимаю, как ты собираешься выходить за этого дундука» Вроде так. Мне кажется, это что-то вроде остолопа, это словечко было в начальных телеграммах.

— Я очень польщен.

— Что ж, дело в шляпе! После тебя Регги покажется ей верхом идеала, и она примет его с распростертыми объятиями.

Издав междометие «кя», Бобби понеслась к дому со скоростью = 40 миль/час. Я шел гораздо медленней, поскольку переваривал пищу — пищу для размышлений. Меня очень удивили ее я бы сказал «прокипперовские» настроения. Мне казалось, я ее хорошо знал. Хоть она и была отъявленной хохмачкой, у нее всегда было полно ухажеров. И она их всех отшивала. И казалось, нужно было быть каким-то совершенно необыкновенным, чтобы подпадать под свод ее требований. Да уж, чтобы пролезть под колючей проволокой взглядов Бобби, нужно быть королем мужчин. И вдруг — она выбирает Киппера Херринга! Копченую селедку!

Не подумайте, будто я что-то имею против старины Киппера. Такие люди — соль земли! Но на вид-то он так себе! За долгие годы занятия боксом ему сильно намяли уши, они так и не разгладились, вдобавок чья-то рука, явно не эстета, продавала ему нос. Он вряд ли выиграл бы конкурс красоты, даже если в нем участвовали Борис Карлофф и Кинг-Конг. Но разве внешность это главное? Ведь, как говорится, под мятыми ушами может скрываться золотое сердце. Потом опять же его умная голова. Чтобы работать в одной из известнейших лондонских газет — тут нужно иметь определенные запасы серого вещества. А девушкам это нравится. Опять же надо учесть, что большинство молодых людей, которых заворачивала Роберта, старались выглядеть в ее глазах охотниками, стрелками или рыбаками, а Киппер для разнообразия был совсем другим.

Таким образом, я шел в направлении к дому в состоянии задумчивости, настолько глубокой, что я бы мог врезаться в дерево, напороться на куст или споткнуться о пень. Но на их месте оказался Обри Апджон. Не успев затормозить, я инстинктивно ухватился за его шею, а он за мою талию, и таким образом мы проделали несколько па. Туман моей задумчивости тут же рассеялся и, обдав Апджона твердым взглядом уже не мальчика, но мужа, я сразу усмотрел в нем разительную перемену. Во время нашего прежнего знакомства это был крепкий поджарый джентльмен с горящим взглядом и пеной гнева в уголках губ, с раздувающимися от ярости ноздрями. Сейчас же он сильно усох, настолько, что мне ничего не стоило бы отбросить его с дороги как сухую ветку.

Усы Апджона, тоже новое в его внешности, трепетали как два жалких листа. Это в эпоху Мэлверн Хаус мы холодели от ужаса, глядя на его свежесбриту верхнюю губу, которая к тому же время от времени зловеще подергивалась. Теперь же я просто веселился при виде столь разительной перемены в его внешности, я пожалуй, даже раздухарился, поскольку поприветствовал его так: «Ю-ху! Привет, Апджон!». «Ху ю?», — как эхо, двусмысленно прозвучал его ответ.

— Да я Вустер!

— Вустер? — произнес он в задумчивости, явно предпочитая увидеть другого человека и услышать другую фамилию. Что ж, я его понимаю. Ведь он тоже, наверно, все эти годы

тешил себя мыслью, что скорей ему на голову свалится кирпич чем что-то вроде меня.

— Давненько не виделись, — сказал я.

— Да, протянул он, явно надеясь, что наша беседа не затянется.

Направляясь к лужайке, где нас ждал накрытый стол, мы явно не проявляли признаков душевной теплоты. Кажется я сказал «Прекрасная погода, неправда ли» и кажется он мне что-то промычал в ответ. Когда же мы подвалили к столу, там была только одна Бобби. Уилберт и Филлис наверняка находились на моей двоюродной поляне, а миссис Крим, как сообщила Бобби, не вылезает из своей комнаты целыми днями и выдумает ужасы для своей новой книги. Так что мы уселись втроем и только принялись за чаепитие, как из дома вышел дворецкий с блюдом фруктов в одной руке и тентом от солнца в другой. Простите, я сказал «дворецкий»? Я был не совсем прав. Этот человек был одет как дворецкий и вел себя как дворецкий, но не был таковым в самом определенном смысле этого слова. Читай: это был сэръ Родерик Глоссоп...

В Дроунз клубе и других местах, которые я посещаю, вам скажут, что Бертрам Вустер — человек железной выдержки, или обладающий *sang froid*, и, говорят, недюжинной *sang froid*.

В глазах многих я прямо-таки закаленная сталь, и я говорю вам, что я она самая. Но и в моей броне может пойти трещина, особенно если подсунуть мне знаменитого психиатра, разодетого под дворецкого. Ошибка исключена, это был действительно Родерик Глоссоп: сейчас он лыжным шагом возвращался в дом. На свете просто не могло быть такой второй такой лысины и мохнатых бровей, поэтому нужно признать: прощай моя *sang froid*.

Впечатление, произведенное на меня, было таковым, что я вскочил со стула. Каждый из нас может представить, что будет, если человек вдруг вскочит со стула, с полной чашкой чаю в руках. То, чем эта чашка была полная, между тем сфонтанировало в воздух и очутилось на штанах Одри Апджона, магистра наук, произведя значительный увлажняющий эффект таковых. И я вряд ли преувеличу, если скажу, что если до этого на нем и были штаны, то теперь на нем по большей части был чай. Кажется, несчастный тоже это почувствовал, и я еще даже удивился, что он ограничился лишь «Уй-яя!» Я думаю, что просто, как солидный джентльмен, он привык сдерживать свои эмоции, дабы не произвести плохое впечатление: но сейчас, по-моему, он пожалел о том, что именно он — солидный джентльмен. Впрочем, иногда и молчание красноречиво. В его взгляде читалось множество молчаливых, но восклицательных междометий. О, что это был за взгляд! Так смотрит пират, желая всем вокруг по такой же деревянной ноге, как и у него.

«Вы, как я посмотрю, не переменялись со времен Мэлверн Хаус», — произнес он наконец язвительно, пытаясь промокнуть свои штаны носовым платком. — «Растяпа Вустер, так мы его звали», — добавил он, обращаясь к Бобби, явно намереваясь заручиться ее поддержкой. — «Даже элементарно удержать чашку в руках, чтобы не пролить ее на окружающих, он не может. И уж если в комнате есть хотя бы один стул, Вустер его обязательно опрокинут: это аксиома. Да, горбатого могила исправит.»

— Ради бога, простите, — сказал я.

— Да поздноватого извиняться. Вы испортили мои новые штаны. Вряд ли теперь чай отстирается с белой фланели. Впрочем, придется попробовать.

Не знаю, но тут я похлопал его по плечу и сказал: «Вы мужественный человек.» Наверное, я вряд ли его этим успокоил. Он снова посмотрел на меня эдак и отшествовал прочь, благоухая цветочным чаем.

— Знаешь что, Берти, — задумчиво сказала Бобби, глядя ему вслед, — если Апджон и собирался позвать тебя на прогулку, то теперь он передумал. Также не жди от него рождественских подарков в этом году, и уж вряд ли он захочет встряхнуть мальчику одеялко перед сном.

Я гордо всплеснул рукой, расплескав по скатерти кувшин с молоком. «Плевать мне на Апджона с его рождественскими подарками и прогулками. И еще: почему Глоссоп фигурирует здесь под дворецкого?»

— О. Я предполагала, что ты спросишь. Я сама собиралась рассказать тебе при случае.

— Воспользуйся им сейчас.

— Ну, в общем, это была его идея.

Я просверлил ее взглядом. Бертрам Вустер очень терпимо относится к людям, когда они

говорят глупости, но не тогда, когда меня самого принимают за дурака.

— Его идея?

— Да.

— И ты думаешь, что я поверю, будто одним прекрасным утром сэра Родерика Глоссопа проснулся, посмотрел на себя в зеркало, нашел, что он немного бледен, и сказал: «Мне нужно встряхнуться. Не подработать ли мне немного дворецким?»

— Нет, конечно не так. Прямо не знаю, с чего начать.

«Начни не с конца. Ну же, молодая и очаровательная Би, точка Уэкам, смелее», — сказал я и демонстративно откусил кусок торта. Мое поведение подбросило масла в огонь, вермильон ее волос запылился еще ярче, Бобби нахмурилась и сказала, что нечего выпучивать глаза как дохлый палтус. "По крайней мере от этого всего можно сдохнуть, — ледяным тоном сказал я. — «Поскольку эта новость меня просто оглушила как рыбу. Где бы ты ни появлялась, ты всюду мутишь воду, и у меня есть все основания вывести тебя на чистую воду. Жду твоих объяснений».

— Хорошо, дай мне причесать свои мысли.

Сделав таким образом прическу своим мыслям, она продолжила, а я доедал свой торт.

— Я, пожалуй, начну с Апджона, потому что все из-за него. Видишь ли, он подмыливает Филлис выйти замуж за Уилберта Крима.

— Ты говоришь подмыливает?

— Именно. А Филлис такая, что сделает все, как скажет ей папочка.

— Такая безвольная?

— Абсолютно. Твоя тетушка просто в ужасе.

— Она что, не хочет этого?

— Конечно нет. Если бы ты слышал, что творит этот Вилли Крим, когда появляется в Нью-Йорке!

— Да уж, слышал-слышал о его похождениях. Он ведь плейбой.

— Твоя тетушка считает, что он хулиган.

— Что ж, плейбои все такие. Неудивительно, что тетушка не хочет, чтобы свадебные колокола звонили по ее крестнице. Но это никак не объясняет появление карнавальной фигуры Глоссопа.

— Нет, объясняет. Тетушка Далия попросила его понаблюдать за Уилбертом.

— Я был в полном недоумении.

— Ты имеешь в виду — следить за Вилли? Ходить за ним по пятам? Но это же непорядочно.

Бобби нетерпеливо фыркнула.

— Нет, тут чистая медицина. Ты же знаешь, как работают психиатры. Они тщательно исследуют объект лечения. Ведут с ним разговоры. Применяют к ним всякие тесты. И рано или поздно...

— Кажется я начинаю понимать. Рано или поздно Вилли проговорится, что он чайник, и вот тут они схватят его за нос.

— Знаешь, он этого заслужил. Твоя тетушка просто измучалась, а тут меня осенила идея пригласить Глоссопа. Ты же знаешь, у меня иногда бывают гениальные идеи.

— Типа как с грелкой?

— Да, и это тоже.

— Ха!

— Что ты сказал?

— Просто «ха»!

— Почему «ха»?

— Потому что при воспоминании об этой ужасной ночи мне хочется сказать «ха»!

Тут Бобби мне ничего не могла возразить. Она ненадолго умолкла, обратившись к сэндвичу с огурцом, затем продолжила:

— И тогда я сказала твоей тетушке: "Я знаю, что делать. Позовите Глоссопа, пускай он понаблюдает за Уилбертом Кримом. И тогда вы сможете пойти к Апджону и вытащить из-под его ног ковер.

Я снова ничего не понял:

— Какой ковер?

— Ну разве непонятно? Выбьем почву из-под его намерений. Тетушка пойдет к Апджону и скажет, что сэр Родерик Глоссоп, крупнейший психиатр в Англии, утверждает, что Уилберт Крим — чокнутый. И неужели он, Апджон, собирается отдать свою падчерицу за человека, которого могут в любой момент одеть в смирительную рубашку? По-моему тут дрогнет даже Апджон, или я не права?

Я задумался.

— Да, — сказал я, — пожалуй ты права. Очевидно и Апджону ничто человеческое не чуждо, правда я, находясь в стадии ученичества, по отношению к себе этого не замечал. Что ж, теперь мне понятно, почему Глоссоп в Бринкли. Но почему он прислуживает за столом как дворецкий?

— Я же тебе сказала, что его имя слишком знаменито и что если он приедет под собственным именем, это вызовет подозрения у миссис Крим.

— Понятно. Она увидит, что тот наблюдает за ее сыном, и догадается.

— Ну, если она увидит, что за ее сыном наблюдает дворецкий, она просто подумает: «Надо же, какой наблюдательный дворецкий». Ну конечно, рискованно задевать чувства жены Гомера, иначе та шепнет мужу, а он возьмет и скажет дядюшке: «Траверс, после всего этого не хочу ничего с вами иметь». Кстати, а что это за сделка?

— Что-то связанное с землей, которой владеет твой дядюшка: мистер Крим собирается ее купить, застроить отелями и прочая. Поэтому этих Кримов надо умасливать [Крим — от английского «cream» — «сливки»]. Так что никому ни слова.

— Естественно. Бертрам Вустер может быть нем, как рыба. Но почему ты так уверена, что Уилберт Крим чокнутый? Совсем не похоже.

— А ты что, его уже видел?

— Краем глаза. Он читает мисс Милз стихи, стоя посреди поляны.

Мое сообщение почему-то здорово напугало Бобби.

— Читает стихи — для Филлис?

— Именно так. Мне это показалось странным, для такого типа как он. Вот если бы лимерики — др. дело, но это было что-то вроде Омара Хайама.

Тут Бобби испугалась еще больше.

— Останови его, Берти! Нельзя терять ни минуты. Ты должен немедленно найти и разнять их!

— Я, почему я?

— Ты для этого сюда и приехал. Разве твоя тетя тебе не объяснила? Она хочет, чтобы ты

повсюду ходил за Уилбертом Кримом и Филлис: не дай бог если он ей сделает предложение!

— Ты хочешь, чтобы я выполнял роль шпика? Мне это не нравится, — засомневался я.

— Совсем необязательно, чтобы это тебе нравилось. Это просто твой долг.

Я просто воск в руках этой девушки. И вот я пошел выполнять свой долг. Конечно, без особого удовольствия. Мне, как уважающему себя мужчине, не нравилось, что в глазах Уилберта Крима я буду выглядеть репейником, в общем тем, что предполагается искоренять.

В тот момент, когда я приближался к парочке, Крим уже перестал читать стихи и приступил к держанию руки Филлис в своей. Я окликнул его, он обернулся, выпустив ручку собеседницы и одарил меня взглядом типа того, что я поимел уже сегодня от Апджона. При этом он вполголоса прошептал чье-то имя, которое я не расслышал, что мол, ходят тут всякие.

— Ах, это вы, — обратился он лично ко мне. — Кажется, вы все никак не можете пристроиться? Отчего бы вам не присесть где-нибудь с хорошей книжкой?

Я объяснил, что пришел сказать им, что на лужайке перед домом все собрались к чаю, и тут Филлис взволнованно пискнула. «Ой! мне нужно бежать. Папа не любит, когда я опаздываю. Он считает, что это неуважение к старшим».

Я видел, как задрожали губы у Уилберта, он явно сдерживался, чтобы не сказать, в каком именно месте видал он ее папу. «Я пойду погуляю с Паппетом», — сказал он, отзывая от меня таксу, которая ублажала свой нюх букетом запахов, что являл собой для нее Вустер.

— А вы не пойдете пить чай? — спросил его я.

— Нет.

— Будут горячие булочки.

— Пф! — воскликнул он и пошел прочь, сопровождаемый рептильной собачкой.

И тут я понял, что есть еще один обратный адрес, откуда я не получу в этом году рождественского подарка. Манера Вилли явно означала, что он не собирается включать меня в список своих друзей. Да, вот с таксами я нахожу общий язык, а с Уилбертами Кримами никак.

Когда мы с Филлис подошли к дому, за столом была только одна Бобби, чему мы были крайне удивлены.

— А где папа? — спросила Филлис.

— Он неожиданно уезжает в Лондон, — сказала Бобби.

— В Лондон?

— Он так сказал.

— Но зачем?

— Этого он не сообщил.

— Я срочно побегу к нему, — сказала Филлис и упорхнула.

Похоже, что Бобби пребывала в этот момент в задумчивости.

— Знаешь, что я думаю, Берти? Когда Апджон сейчас сюда подходил, у него в руках был последний выпуск «Сездей Ревью», и он был явно не в духе: наверное, он получил газету по почте и успел прочитать рецензию Регги на свою книгу. Что ж, встречаются такие люди, которые не любят, когда на них пишут плохие рецензии.

— Так ты знаешь эту статью Киппера?

— Да, он мне ее как-то показывал, когда мы вместе обедали.

— Я тоже в курсе: это довольно язвительная статейка. Но только непонятно, зачем Апджону понадобилось срочно ехать в Лондон.

— Наверное, он хочет выведать у главного редактора имя автора, ведь статья не подписана. О, привет, миссис Крим!

Женщина, которую поприветствовала Бобби, была тощей обладательницей лошадиной физиономии: эдакая Шерлокиня Холмс. На носу у нее было чернильное пятно, результат писательских усилий над романом «саспенс». Наверное, все такие романы пишутся с нанесением порции чернил на нос. Да спросите хоть у Агаты Кристи.

«Я только что закончила главу и подумала, что нужно сделать перерыв и испить чаю», — сказала писательница. — «Не стоит так гнать работу».

— Не стоит. Пускай чернила высохнут. А это Берти Вустер, племянник миссис Траверс, — сказала Бобби, и на мой взгляд, чересчур извиняющимся тоном.

Если уж у Роберты Уикам и есть недостатки, так это то, что если она представляет меня кому-то, то всегда чувствует себя виноватой. «Берти очень любит ваши книги», — зачем-то добавила она. Тут Кримша оживилась, как бойскаут при звуках горна.

— О, это правда?

— Всегда счастлив приткнуться где-нибудь с вашей книжкой, — сказал я, надеясь, что она не спросит меня, какая из ее книг мне понравилась больше.

— Когда я сказала ему, что вы здесь, он страшно обрадовался.

— Ах, это так приятно. Всегда рада встретить своих почитателей. А какая из моих книг вам понравилась больше?

Я успел только сказать «Ээ», соображая, устроит ли ее ответ «все», как на лужайке появился Поп Глоссоп, с телеграммой на подносе, адресованной Бобби. Я так думаю, что телеграмма была от ее матери, в которой она называла меня очередным именем, которое успела подобрать с момента отправления прошлой депеши.

«Благодарю вас», Сордфиш [Сордфиш — от английского «swordfish» — «меч-рыба»], — сказала Бобби, забирая телеграмму.

Слава богу, что в этот момент у меня не было в руках чашки с чаем, поскольку я опять вскочил, услышав, как обращаются к сэру Родерику Глоссопу. Я бы мог оказаться сеятелем, распыскивающим живительную влагу под открытым небом, но, за неимением чашки, вдаль полетел сэндвич с огурцом: это было все, что оказалось у меня в руках. «Ах, извините,» — сказал я, т.к. сэндвич едва не задел Кримшу.

Какая же это Бобби! — она могла бы меня пожалеть и не заметить этого инцидента, но не тут то было. "Ах, не обижайтесь, сказала она, — «я забыла предупредить вас, что Берти готовится к единоборству по метанию огурцовых сэндвичей на следующих Олимпийских играх. Он старается поддерживать спортивную форму.»

Тут мамаша Крим наморщила лоб в мысленном усилии, как будто не могла переварить подобного объяснения. Но я быстро понял, что ее озадачило не мое поведение, а Сордфиш. Пристально уставившись на удаляющуюся фигуру дворецкого, она произнесла:

— Этот дворецкий миссис Траверс... Мисс Уикам, вы не знаете, где она его заполучила такой экземпляр?

— Я не думаю, что в магазине рыбок.

— У него есть рекомендательное письмо?

— О да. Раньше он очень долго работал у известного психиатра, сэра Родерика Глоссоба. Помнится, миссис Траверс говорила мне, что в рекомендательном письме сэр Родерик очень, очень лестно отзывался о своем дворцеком. Это решило ее выбор.

Мамаша Крим фыркнула.

— А письмо не было поддельным?

— Что вы, что вы, разве можно!

— Что-то мне не нравится этот человек. У него лицо преступника.

— Скорей уж у Берти лицо преступника.

— И все же миссис Траверс следует предостеречь. В моей книге «Темень Ночи» тоже есть один дворецкий, он потом оказывается бандитом: он нанимается в одну семью, чтобы потом их ограбить. Это называется подсадная утка. У меня есть сильное подозрение, что ваш Сордфиш здесь за тем же: вполне вероятно, что он работает один, без сообщников. Но только я абсолютно уверена, что это не настоящий дворецкий.

— С чего вы взяли, — сказал я, прикладывая платок ко лбу, который оросился нервным потом.

Что-то мне не нравились ее догадки. Уж если эта мамаша Крим вобьет себе в голову, что сэр Родерик Глоссоп не дворецкий, это уже катастрофа. Она начнет распутывать это как детективную историю, и мы глазом моргнуть не успеем, как правда выплывет наружу. А в таком случае прощай легкие денежки для дяди Тома. Уж я-то знаю: если от него уплывают денежки, он становится как в воду опущенный. Я не думаю, что он меркантильный человек. Просто он испытывает к деньгам высокое духовное чувство привязанности.

Заданный мной вопрос между тем только распалил детективный раж миссис Крим.

— Вы спрашиваете, с чего я взяла? Что он не профессионал — тому множество подтверждений. Например, сегодня утром, я застала его за проникновенной беседой с Уилбертом. Настоящий дворецкий не станет этого делать. Он посчитает это вольностью.

Я попытался ей возразить.

— Позвольте. Я бы с вами тут поспорил. Я проводил много радостных часов в беседах с дворецкими, и почти всегда инициаторами оказывались именно они. Бывало, подловят меня и давай рассказывать про свой ревматизм. Мне кажется, что Сордфиш тоже человек такого склада.

— В отличии от вас, я прекрасный знаток в криминалистике. У меня наметанный глаз, я никогда не ошибаюсь. Это человек здесь неспроста.

Я видел, что Бобби начинает потихоньку злиться. Пока ей удавалось сдерживаться. Она очень любит Ти Порталингтона Траверса: по ее словам, он очень напоминает ей кудрявого терьера, которого она тоже любила, но который издох, — и в честь памяти покойного песика она поклялась не гладить Кримов против шерсти.

«Не кажется ли вам, миссис Крим», — заворковала она, как голубка, — «что вы все это выдумали? Ведь у вас такое богатое воображение. Берти на днях как раз восхищался, как это вы здорово все сочиняете. У вас получаются такие захватывающие книжки. Правда ведь, Берти?»

— Точно.

— Ну а если у вас есть воображение, то оно у вас все время работает. Правда, Берти?

— Точно. Работает.

Но Бобби напрасно изливалась в комплиментах. Кримша продолжала бить копытом, как Валаамская ослица.

«То, что этот дворецкий что-то задумал, вовсе не плод моего воображения», — упрямо продолжала она. — «И я бы даже сказала, что знаю, что именно он замышляет. Вы разве забыли, что у мистера Траверса одна из лучших в Англии коллекций старинного серебра».

Я это подтверждаю. Здесь дядюшке Тому напрочь отказал врожденный вкус к деньгам.

Сколько я себя помню, он действительно коллекционировал старинное серебро. Одна из его комнат на первом этаже буквально забита этой поистине царской коллекцией. Я знал о ней не только потому, что он часами мог рассказывать мне о серебряных канделябрах, о листовном орнаменте, о завитках, выполненных горельефом, о романском орнаменте, но и потому, что я сам поставил в эту коллекцию один из экспонатов: однажды мне довелось случайно украсть серебряный кувшинчик для сливок восемнадцатого века (Сливки конечно не 18 века. Но это долгая история. Об этом вы потом как-нибудь почитаете)

— На днях миссис Траверс показывала эту коллекцию моему Вилли, он был просто потрясен, он ведь сам собирает старинное серебро.

Личность Уилберта Крима становилась для меня все более непонятной. Оказывается, он артист и снаружи, и внутри. Сначала его любовь к поэзии, теперь он еще и знаток серебра. Я-то раньше думал, что плейбоев не интересует ничего, кроме блондинок и хорошей бутылочки из дверцы холодильника. Вот так одна половина человечества не знает, как живут остальные две трети...

— Вилли сказал, что у мистера Траверса есть вещи, за которые он многое бы отдал. Например, кувшинчик для сливок восемнадцатого века [Сравни: фамилию Крим, от «cream», сливки, и «creamer» — сливочник.]. Так что не сводите с этого дворецкого глаз. Я же со своей стороны займусь им лично. Что ж, я пожалуй пойду еще поработаю. Я всегда набрасываю следующую главу, чтобы знать, над чем работать завтра.

На этом миссис Крим удалилась, а за столом воцарилось минутное молчание. Потом Бобби сказала: «Нда!» «Истинная правда — нда!» — согласился я.

— По-моему, нам лучше убраться отсюда Глоссопа.

— Но как? Это может решать только твоя тетушка, а она уехала.

— Тогда я сам отсюда убираюсь. Здесь могут произойти суровые события. Наш Бринкли, тихий милый загородный дом, грозит превратиться в место действия по Эдгару По, у меня прямо все внутри холодеет. Я уезжаю.

— Ты не можешь этого сделать до возвращения тетушки. Должен же здесь кто-то остаться за хозяина, а я не могу, а мне ведь нужно завтра съездить к маме. Так что стисни зубы и терпи.

— Тебе не кажется, что для меня это слишком сильная психическая нагрузка?

— Отнюдь. Тебе даже на пользу. Способствует хорошему обмену веществ.

Может быть я бы и сказал в ответ что-либо меткое, но я воздержался за отсутствием такового.

— Какой адрес у тетушки Далии?

— Отель «Ройал», Истбурн. А что?

— А ничего, — сказал я, протягивая руку к очередному сэндвичу с огурцом, — Просто я дам телеграмму, чтобы она мне позвонила завтра утром, а я ей расскажу, что тут происходит в ее доме...

Не помню, по какому поводу, но Дживз как-то говорил мне, что сон прядет паутину успокоения. Дживз считает, что сон — бальзам для утомленного сознания. То есть, я так понимаю, что если у тебя есть проблемы, то через восемь часов сна их у тебя не будет.

Какая чушь! Сон мне никогда не помогал, как это произошло и на этот раз. Я ложился спать в сумрачном расположении духа, и утренний свет следующего дня конечно же не развеял этого сумрака. Кто знает, думал я, отодвигая в сторону нетронутым утреннее яйцо вкрутую, — кто знает, как быстро сможет раскрутить эту историю мамаша Крим? И если я буду продолжать «пасти» Уилберта Крима, как скоро он набросится на меня с кулаками? Было ясно, что он УЖЕ сыт обществом Бертрама Вустера, и еще одно мое появление в поле его зрения могло подтолкнуть его к принятию соответствующих ко мне мер.

Так думал я. Потому и за ленчемаппетита у меня не было никакого, хотя яства Анатоля превосходили все ожидания. Я вздрагивал всякий раз, когда видел, с каким подозрением смотрит миссис Крим на Глоссопа, который старательно нас обслуживал. А долгие, влюбленные взгляды, что бросал Уилберт на Филлис Милз, приводили меня в полный ужас. Я знал, что после ленча он наверняка опять позовет девушку прогуляться на полянку, и у меня были все основания предполагать, что если он увидит там и меня, то будет... ну несколько раздосадован.

Но, слава богу, когда мы стали вставать из-за стола, Филлис сказала, что ей надо пойти к себе, чтобы перепечатать речь ее папочки, и я почувствовал некоторое облегчение. Я думаю, что даже у нью-йоркского плейбоя, что вечно волочится за блондинками, вряд ли хватит наглости зайти к девушке в комнату. Уразумев, что на настоящий момент ничего конструктивного в этом направлении он сделать не может, Вилли прогундосил, что пойдет пожалуй погуляет с Поппетом. Очевидно выгуливание собак вообще было его методом заглушения тоски, ну, и конечно, не лишенная приятности вещь для самой собачки. Так что эти двое устремились вдаль: такса резвилась, у Вилли сии симптомы отсутствовали, зато он размахивал палкой на ходу и был зол как собака. Вскоре они оба растаяли в дымке горизонта.

Я между тем подумал, что, наверное стоит поискать на полках тетушки Далии какую-нибудь книжку Мамаши Крим: что я и сделал, а потом уселся в плетеное кресло, вынесенное на травку. Я несомненно остался бы под большим впечатлением от книги, ибо Кримша несомненно была талантливой авторшей, если бы полуденная жара не сморила меня в середине Главы Второй.

Пробудившись через некоторое время и прислушавшись к себе, не сплела ли дрема паутину успокоения, я не заметил никакой паутины, зато мне сказали, что меня к телефону. Я поспешил к таковому, и услышал, как в трубке раскатом грома прогремел голос тетушки.

— Берти?

— Да, Бертрам это я.

— Почему ты так долго не подходил? Я проторчала у телефона битый Шрузбергский час [Единица измерения времени по тетушке Далии].

— Простите, тетушка, я летел на крыльях, просто полет начинался аж с самой лужайки.

— Небось дрыхнешь после ленча?

— Да, на некоторое время мои вежды действительно сомкнулись.

— Ты опять слишком много ешь.

— По-моему, в это время дня обычно принято немного подкрепиться, — сказал я довольно холодно. — Но как себя чувствует мой брат Бонзо?

— Ничего.

— Что с ним?

— Корь, но кризис уже миновал. Слушай, почему такая паника, зачем ты просил, чтобы я тебе позвонила? Неужели ты просто хотел услышать голос своей тетушки?

— Я всегда рад слышать голос тетушки, но на этот раз по более обстоятельной причине. Мне показалось, что тебя надо предупредить о том, что здесь у нас назревают нехорошие события.

— Что назревает?

— Мамаша Крим начинает заводиться, у нее появляются некоторые подозрения.

— Подозрения насчет чего?

— Насчет Попа Глоссопа. Ей не нравится его физиономия.

— Ну знаешь, ее физиономия тоже не очень-то.

— Но она предполагает, что он не настоящий дворецкий.

Звук, раздавшийся из трубки, забарабанил в мои барабанные перепонки, из чего я сделал вывод, что тетушка Даля задорно смеется.

— Ну и пусть себе предполагает.

— И ты совсем не обеспокоена?

— Ничуть. Ну что она может поделаться? Так или иначе, Глоссоп проживет у нас не меньше недели. Он сказал, что этого времени ему должно хватить, чтобы разобраться с психикой Уилберта. Так что Адела Крим меня мало заботит.

— Не знаю, не знаю, но я бы сказал, что она представляет для нас некоторую опасность.

— Она вообще из себя ничего не представляет. Ну, что там у тебя еще?

— Да еще эта эпопея «Уилберт Крим плюс Филлис Милз».

— Ну вот, это уже гораздо интереснее. Бобби Уикам сказала тебе, что ты должен прилипнуть к Уилберту как...

— ...как брат родной?

— ...я бы сказала как банный лист, но как тебе будет удобней. Бобби объяснила тебе ситуацию?

— Объяснила, теперь я бы хотел кое-что провентилировать с тобой.

— Что сделать?

— Провентилировать.

— Ну давай, вентилируй.

Оценив ситуацию со свойственной Вустерам прозорливостью, я начал выкладывать свой взгляд на происходящее.

— Дорогая моя старушка, — начал я. — Вот идем мы по жизни, и разве мы не должны попытаться понять ближнего, в данном случае Уилберта Крима? Попытаемся встать на его место и представить, каково ему, когда мы за ним все время ходим. Он же тебе не Мэри.

— Что ты сказал?

— Я говорю, он же не Мэри. Это Мэри нравилось, когда за нею ходят вслед.

— Берти, ты пьян.

— Ничего подобного.

— Скажи: Британская конституция.

Я повторил.

— А теперь скажи: «Она ракушки продает на побережье»

Я вторил эхом.

— Странно, ты действительно не пьян. Тогда причем тут какая-то Мэри. Как ее фамилия?

— Разве у нее была фамилия? Насколько я помню, «...у Мэри был барашек, белый словно снег. „Я в школу“, — Мэри скажет, а он за нею вслед.» Я бы конечно не сказал, что я пушистый словно снег, но то, что я хожу за ним вслед, это точно. Но поскольку ему это явно не нравится, я боюсь, как бы концовка не получилась из другого стихотворения, когда остались от Вустера рожки да ножки.

— Он тебе говорил это?

— Еще нет. Но его взгляд красноречив.

— Это не страшно. Он не посмеет, это будет оскорблением против меня.

— Но разве ты не видишь, что может произойти нечто нехорошее. Уилберт начнет переходить от слов к делу, и в один прекрасный день просто заедет мне кулаком, тогда я заеду ему своим, а ты ведь знаешь, что Вустеры ничего не делают наполовину.

Тетушка возмущенно загремела:

— Ты не посмеешь этого сделать, Берти, иначе получишь от меня проклятие в письменной форме, заверенное нотариусом. Не смей связываться с этим человеком, заруби это у себя на носу. И подставь другую щеку, несчастный. Если ты поколотишь сына Аделы, она мне этого никогда не простит. Он тотчас пожалуется своему мужу и...

— ...и дядюшка Том теряет свою сделку. А я тебе про что говорю. Если уж Уилберту Криму на роду написано быть побитым, пусть уж лучше тем, кто не является родственником Траверсов. Ты должна срочно искать мне замену.

— Ты что, предлагаешь мне нанять частного детектива?

— Нет, я предлагаю тебе пригласить сюда Киппера Херринга. Он именно тот, кто тебе нужен. Он с готовностью возьмется за предложенное тобой дело, и уж если между ними возникнет потасовка, то это уже будет неважно, так как он не твой племянник. Я даже не думаю, что Уилберт захочет врезать Кипперу кулаком, потому что у того слишком внушительная внешность. У него такие мощные мускулы, и к тому же у него мятое боксерское ухо.

Из трубки повеяло легким сквознячком: это моя тетушка обдумывала поступившее предложение.

— Знаешь Берти, иногда твой интеллект соответствует твоей возрастной группе. Я думаю, на этот раз ты прав. Я совсем забыла про Херринга. Ты думаешь он согласится приехать?

— Да он только позавчера распинался, как бы ему попроситься на приглашение. В его памяти цветут вечнозеленые воспоминания о кухне Анатоля.

— Так отбей ему телеграмму. Продиктуй по телефону. И подпиши моим именем.

— Договорились.

— Скажи пусть все бросает и едет сюда.

Тетушка повесила трубку, и я собрался было набросать текст телеграммы, но как это всегда бывает после такого напряжения, мною овладела сильная тяга, тяга принять. Как бы сказал Дживз, о дайте мне бокал бодрящей влаги. Поэтому я позвонил в колокольчик и откинулся в кресле. В этот момент дверь открылась и ко мне в комнату вкатилось круглое

существо с лысой головой и мохнатыми бровями. Я испуганно вскочил. Я совсем забыл, что позвякивание колокольчиками в Бринкли при данных обстоятельствах чревато появлением сэров Родериков Глоссопов.

Всегда очень трудно выбрать тему разговора с помесью дворецкого и психиатра, особенно если твои отношения с последней его половиной были не очень-то дружескими. Я был в замешательстве. Между тем я был мучим жаждой, как олень уже склонившийся над водоемом. Но попробуйте попросить такого дворецкого стаканчик виски с содовой: может последовать реакция психиатра! Правда, важно, какая именно часть его личности будет преобладать над ним в данный момент. Но я с облегчением увидел, что он добродушно мне улыбается и выказывает готовность к милому общению. Самое главное в нашей беседе будет только не затрагивать тему о грелках.

— Добрый день, мистер Вустер. Я все собирался поговорить с вами с глазу на глаз. Но я думаю, что мисс Уикам уже объяснила вам обстоятельства дела? Да? Тогда все проще, и я напрасно боялся, что вы случайно меня можете выдать. Вы уже знаете, что ни под каким видом миссис Крим не должна знать мое истинное лицо?

— Разумеется. Печать молчания. Да пойми она, что вы просвечиваете ее сына на предмет того, каким материалом набита его голова, я думаю, она бы обиделась, а может даже возмутилась.

— Именно так.

— Ну и как?

— Простите?

— Ваше просвечивание. Наблюдаются ли у испытуемого признаки спячивания?

— Если вы имеете в виду, сложилось ли у меня определенное мнение на предмет ненормальности Уилберта Крима, ответом будет нет. Обычно я могу судить о человеке уже после однократной беседы, но в случае с этим молодым господином дело обстоит иначе. С одной стороны, мы знаем о его дурной репутации...

— Всякие его приколы.

— Именно.

— Вы знаете, что он предъявляет свои чеки к оплате, направив на банковского служащего револьвер?

— Разумеется. Есть еще ряд других характерных особенностей в его поведении, указывающих на его психическую неуравновешенность. Единственно, что не вызывает сомнения, так это то, что Уилберт Крим — человек эксцентричный.

— И все же вы считаете, что у вас пока нет достаточных оснований, чтобы надеть на него смирительную рубашку?

— Мне бы хотелось понаблюдать его подольше.

— Дживз говорил мне, что слышал о Уилберте Криме что-то интересное, когда мы были в Нью-Йорке. Это может оказаться очень важным.

— Вполне возможно. И что же он слышал?

— Он не может вспомнить.

— Очень жаль. Так о чем я говорил: поступки этого молодого человека свидетельствуют о глубоко скрытом неврозе, возможно даже шизофрении, но против этого говорит тот довод, что при разговоре с людьми нет ни малейшего на то намека. Вчера утром мы с ним довольно долго беседовали, и я нашел его очень даже приятным человеком. Он, например, интересуется старинным серебром, и с большим воодушевлением рассказывал о

серебряном сливочнике, который он увидел в коллекции вашего дядюшки.

— А он вам не говорил, что это сливочник работы восемнадцатого века?

— Нет разумеется.

— Это он маскируется.

— Простите?

— Я имею в виду он делает невинный вид, усыпляет вашу бдительность. Рано или поздно его прорвет. Эти парни с глубокими неврозами очень хитрые ребята.

Глоссоп неодобрительно покачал головой.

— Не стоит так поспешно судить о людях, мистер Вустер. Мы не должны заблуждаться. Если мы будем так легки в суждениях, ничего хорошего из этого не выйдет. Вспомните, как однажды я чуть не записал вас в сумасшедшие. Из-за каких-то двадцати трех котов, что оказались в вашей комнате.

Я густо покраснел. Это случай имел место несколько лет тому назад, и с его стороны было бы гораздо тактичней не поминать прошлого.

— Но вам же тогда все объяснили.

— Конечно. И я понял, что напрасно так думал про вас. Поэтому и в случае с Уилбертом Кримом я тоже не должен делать скоротечных выводов. Надо еще подождать, посмотреть.

— Все взвесить?

— Вот именно. Но, мистер Вустер, вы звали меня. Чем я могу быть вам полезен?

— Видите ли, я хотел попросить виски с содовой, но мне, право, неудобно вас беспокоить.

— Мой дорогой Вустер, пусть временно, но я все же дворецкий, и надеюсь, что оправдываю это звание. Будет исполнено сию минуту.

Когда Глоссоп выкатился из комнаты, я подумал, стоит ли говорить ему, что Миссис Крим тоже решила все взвесить, но только относительно его самого: но я решил все же не говорить, чтобы не выводить его из равновесия. С него хватит и того, что ему приходится отзывать на фамилию Сордфиш.

Когда Сордфиш вернулся, он принес не только бокал живящей пьянительной влаги, которой я не преминул пригубить, но и письмо, пришедшее дневной почтой. Но это было уже как говорится «на второе». Письмо было от Дживза. Я открывал его без малейших подозрений, думая, что содержание его сводится примерно к «доехал нормально, у меня все хорошо, чего и вам желаю».

Ничего подобного! Я прочитал и изумленно воскликнул, чем весьма озаботил Попа Глоссопа.

— Мистер Вустер, надеюсь у вас все в порядке?

— Как вам сказать, у кого-то очевидно все же не все в порядке. Видите ли, это письмо от моего слуги Дживза, он сейчас на отдыхе, ловит креветок: он проливает свет на некоторые особенности личности Уилберта Крима.

— Неужели? Очень интересно.

— Я вам уже говорил, что перед отъездом Дживза у нас всплыло имя Уилберта Крима, так как по сообщению тетушки Далии он гостит у нее. Ну, у нас завязался такой небольшой диалог, и перед самым своим уходом Дживз обронил фразу, что будто он что-то такое слышал про этого Уилберта, да запомнил, что именно. Он пообещал, что если вспомнит, то сообщит. Слушайте, он вспомнил! И вы знаете что он тут пишет? Попробуйте отгадайте!

— Ну вы понимаете, нам сейчас с вами не в гадалки играть.

«Да, конечно, вы правы. так вот, Дживз пишет, что этот Уилберт Крим, он... как это там называется...» — я снова заглянул в письмо. «Ага, вот: „клептоман“. То есть это значит, что этот парень ходит повсюду и ворует всякие вещицы».

— Боже правый!

— Я бы даже сказал: «Черт меня побрал!»

— Кто бы мог подумать!

— Я вам говорил, что он маскируется. Я даже думаю, что они затем и вывезли его из Америки.

— Несомненно.

— Но они не учли тот факт, что в Англии тоже полно вещей, которые можно стянуть. Что вы на это скажете?

— Вы совершенно правы. Я сразу вспомнил про коллекцию вашего дядюшки.

— И я тоже.

— Я боюсь, что этот несчастный не смог устоять перед искушением.

— Я бы не назвал его несчастным. По-моему он занимается этим с большим удовольствием.

— Нам нужно срочно проверить всю коллекцию. Вдруг что-нибудь пропало.

Должен вам сказать, что мы добрались до комнаты не в мгновение ока, так как Поп Глоссоп по своей комплекции скорее создан для сидячего образа жизни. Но вот мы уже и там, и комнате, и окинув помещение беглым взглядом, я было издал вздох облегчения, но тут Глоссоп сказал «Ндааа!» и начал вытирать со лба обильно выступивший пот. Тогда и мой взор уловил, что среди присутствующих экспонатов отсутствовал мой сливочник...

Могу вам описать, что представлял из себя этот сливочник. Это был такой серебряный кувшин, вернее, это был кувшин в форме коровы с загнутым кверху хвостом: выражение у этой коровы было довольно плутоватое, очевидно, автору позировало животное, которое (-ая) к следующей дойке предполагало (-а) лягнуть свою дорогую доярку под ребра. В спине у коровы была откидывающаяся крышка, хвост закручивался к хребту, и был одновременно ручкой кувшина. Я не мог себе представить, чтобы кто-то мог позариться на такую страсть божию: если бы я был фараоном, я меньше всего хотел бы быть похоронен в соседстве с этой коровой. Но, очевидно, ребята из восемнадцатого века находили прелесть в этой посудине: их мнение разделял мой дядюшка, и, судя по словам Глоссоба, сюда относился и Уилберт. Что ж, о вкусах не спорят, и тут наши мнения совпадали, как корова и седло.

Нравилась мне эта штуковина или нет — она исчезла, это факт — как корова языком слизнула! Я как раз собирался устроить обмен мнениями с Попом Глоссобом, но в комнату вошла Бобби Уикем. Она была уже не в бермудах и рубашке — а переделалась соответственно своей цели ехать домой.

«Привет, ребятки», — сказала она. — «Что-то случилось? Ты чем-то озабочен, Берти? А?»

Я не стал ее готовить к случившемуся.

— Да, случилось. Ты помнишь сливочник дядюшки Тома?

— Нет. А что?

— Ну это такой кувшин, ужасно безвкусный, но очень дорогой. Я не буду метафоричен, если скажу, что дядюшка Том считает его лучшей коровой из своего стада. Так вот: эта корова исчезла.

Летнюю тишину нарушил звук междометия, это был Поп Глоссоб: он просто захлебнулся от удивления, как свежееоткрытая бутылка с холодным пивом. Глаза его при этом округлились, нос заерзал: новость определенно ударила ему в голову.

— Как исчезла?

— Вот так, исчезла.

— Вы уверены?

Я сказал, что еще как.

— Может быть вы просто плохо смотрели?

— Знаете ли, такие вещи, как этот кувшин, сразу неприятно бросаются в глаза.

— Но это ужасно!

— Совершенно с вами согласен.

— Ваш дядюшка очень расстроится.

— Он просто рассвирепеет как бык.

Бобби внимательно слушала нас, и пыталась понять, что происходит. Пыталась разгадать наш обмен иносказаниями.

— Вы что, хотите сказать, что этот сливочник исчез?

— Его свистнули.

— Разве такие вещи могут происходить в приличных загородных домах?

«Да, если в этих домах пасутся Уилберты Крими. Он этот... клептоман», — сказал я и протянул ей письмо Дживза. Внимательно прочитав его, Бобби изрекла стихами: «Новость

не смертельна, если только вы сидите в кресле... Да, чего только не бывает в наши дни. Впрочем, тут есть и свои плюсы. Ведь теперь, сэр Родерик, вы с полным основанием можете утверждать, что этот человек с большим приветом.»

Наступила пауза. Очевидно, Поп Глоссоп вспоминал все «приветы» всех людей, с которыми ему приходилось сталкиваться по роду своей деятельности: необходимо было определить сравнительную или превосходную степень сумасшествия Дабл Ю Крима.

— Нет никакого сомнения в том, что его метаболизм неадекватно реагирует на стрессы, возникающие в результате стечения внешних обстоятельств, — заключил он, и Бобби дружески хлопнула его по плечу, чего не мог себе позволить даже я, имея с ним гораздо более дружеские отношения, чем прежде.

— Золотые слова, — добавила между тем Бобби. — Мне нравится ход ваших мыслей. Скажите это миссис Траверс, когда она вернется. Это даст ей карты в руки в том, чтобы переубедить Апджона. Это и будут обстоятельства, препятствующие браку. Ведь теперь тетюшка может сказать: «Но его метаболизм!...» — и Апджон ничем не сможет ей возразить. Прекрасно, просто прекрасно!

— Если не считать, что дядюшка Том приносит в жертву свою корову.

Бобби задумалась.

— Да, действительно. С какой стати он должен страдать. Что же нам делать?

Тут она посмотрела на меня, а я сказал, что не знаю, что делать, тогда она посмотрела на Попа Глоссоба, и он сказал, что тоже не знает, что делать.

— Ситуация крайне деликатная. Вы со мной согласны, мистер Вустер?

— Еще как согласен.

— Ваш дядюшка, в его положении, не может пойти к этому юноше и потребовать от него возмещения ущерба. Это все время мне подчеркивала миссис Траверс, говоря, что мы должны стараться, чтобы мистер и мистерша Крими ни в коем случае не...

— ...не встали на дыбы?

— Я бы сказал -чтобы они чувствовали себя комфортно. А они наверняка обидятся, если их сына обвинят в воровстве.

— Да они взвоятся как сбивалка в гоголь-моголе! Хоть они прекрасно и знают, что их сын врожденный вор, им бы не хотелось делиться этими соображениями с посторонними.

— Именно так.

— Воспитанные люди не должны говорить об этом вслух.

— Совершенно с вами согласен. Поэтому я просто не знаю, как нам быть. Я в полном замешательстве.

— Как и я.

— А я нет, — сказала Бобби.

Тут я вздрогнул как не знаю кто. Она сказала это с такой ноткой лукавства, что мое натренированное ухо сразу уловило: начинается. Мне хватило одной Шрузберской секунды, чтобы понять, что Бобби готовит козью, которая потрясет человечество: но это-то еще ладно, — все это грозит тем, что некий господин попадет в море неприятностей, как говорил Шекспир, и этим господином будет не он! Многие сходятся со мной во мнении, что нельзя давать волю Роберте, дочери покойного сэра Кутберта и леди Уикам из Скелдингз Холл. Совершенно с ними согласен мысленно жму их руку!

Но Поп-то Глоссоб совсем немного был с ней знаком, и слушал ее с большим интересом.

— Итак, мисс Уикам, вы считаете, что мы можем что-то предпринять?

— Конечно. Это же лежит на поверхности. Вы знаете, где комната Уилберта?

Он сказал, что да.

— Вы же не станете отрицать, что если в загородном доме кто-то из гостей что-то свистнул, спрятать это можно только в своей комнате?

Он сказал, что да.

— Ну так какие проблемы!

Он посмотрел на нее удивленный до самой крайности, как сказал бы Дживз.

— Вы... Вы что, предлагаете?...

— Именно. Я предлагаю, чтобы кто-то забрался в комнату Уилберта и пошуровал там.

Кандидат тут может быть только один. Ты, Берти.

Я не был удивлен. Я чувствовал, что к этому идет. Не знаю, почему так всегда: когда нужно сделать какую-нибудь грязную работенку, она всегда падает на мою не седую и не плешивую голову. Всегда! Надежды отворотить события не было никакой, но я все же попытался возразить.

— Но почему я?

— Это занятие не для солидных господ.

Я понимал, что круг замыкается, но продолжал отчаянно барахтаться.

— Я с тобою не согласен. Напротив, тут требуется опыт и порода. А что я — как тот неопытный щенок, который слишком плохо знает жизнь, чтобы в нужном месте отыскать второй тапок. Так что подумайте.

— Не усложняй, Берти. Это же интересно. Представь себе, будто ты работаешь секретным агентом и что таинственная женщина под вуалью, источающая таинственный аромат духов, украла один важный документ, а тебе нужно его найти.

— Ха! А если кто-то заглянет в комнату?

— Не будь дураком. Миссис Крим пишет свою книгу. Филлис в своей комнате перепечатывает речь мистеру Апджону. Уилберт гуляет по парку. Апджон уехал. Единственно, кому остается к тебе заглянуть, так это вашему семейному привидению. Ну, если дело дойдет до этого, взгляни на него презрительным взглядом и пройди сквозь него. Пусть знает, что нечего совать свой нос не в свои дела. Ха-ха!

— Ха-ха! — вторил Поп Глоссоп.

Я не разделял их веселья, к тому же был оскорблен в родовых чувствах, и дал им это понять всем своим видом, когда выходил из комнаты.

В столкновениях с противоположным полом Бертрам Вустер всегда, как истый джентльмен, уступает победу даме. Но настроение у меня было мрачноватое, и когда Бобби окликнула меня и сказала, что она мной может гордиться, я оставался холоден, что наверняка сказало на температуре комнаты.

Был чудесный летний день: небо голубое, светило солнышко, на лугу жужжали всякие пчелки и золотая мошкара: в такой день следовало бы находиться среди всего этого, подставив лицо под летний ветерок, и чтобы рядом в травке бутылочка с прохладительным: но я был в доме, и в этом была виновата Бобби Уикам. Я уныло брел по коридору: мне предстояло забраться в комнату практически незнакомого мне человека, ползать там на четвереньках, заглядывать под кровать и прочая, при этом я наверняка покроюсь изрядным слоем пыли. Вот такие горькие мысли бродили в моей голове, и я был уже почти на грани того, чтобы сказать «Тьфу!».

Это надо же, чтобы женщина могла вогнать меня в такую хандру. Но на свою беду, мы Вустеры большие дон-кихоты, это у нас в крови...

Подойдя к двери Уилберта, я остановился, пытаюсь наскрести храбрости по своим сусекам, как говаривал Дживз. Чувство, переживаемое мною, показалось мне знакомым. И я вспомнил, как мальчиком, дождавшись глубокой ночи, я прокрадывался в кабинет Обри Апджона, чтобы полакомиться печеньем из жестяной коробки, что стояла у него на столе. Но однажды, бесшумно проникнув в эту печеньевою ризницу, во всем своем пижамном одеянии, я столкнулся с фигурой Апджона, сидящего на стуле и поедающего вышеупомянутое печенье. Последовала секунда обоюдного замешательства. Затем — «Что это значит, Вустер», и — на следующий день — шесть традиционных ударов розгой по рабочему месту, что навсегда запечатлелось там как на скрижалях моей памяти, если я правильно цитирую Библию.

В коридоре между тем все было тихо, если не считать стрекота пишущей машинки миссис Крим, которая усердно пыталась создать нечто, отчего у читающей публики кровь должна застыть в жилах. Я еще немного помедлил у двери, как перед сценой (пытаюсь войти в образ кота, отправляющегося на мышиную охоту). Я тихонько повернул ручку и вошел. Но тут лоб в лоб я столкнулся с девушкой в костюме служанки, которая, как в лучших трагедиях, испуганно поднесла руку к горлу и сделала легкий балетный прыжок в сторону потолка. «Ой!» — сказала она, вернувшись на грешную землю. — «Ну и напугали же вы меня, сэр!»

— Ужасно сожалею, моя дорогуша, — благодушно ответил я, — Вы меня тоже напугали, но вообще-то я ищу мистера Крима.

— А я ищу мышей.

Это было интересное совпадение.

— Неужели они решили навестить наш дом?

«Сегодня утром, когда я убирала эту комнату, я видела одну мышку. Вот я и принесла сюда Агустуса», — сказала она и указала мне на огромного черного кота, которого я только сейчас заметил. Это был мой старый приятель: мы частенько с ним завтракали бок о бок — я за своей яичницей, а он — у блюдечка с молоком.

— Агустус быстро с ней разберется.

Я сразу же начал судорожно искать способ, как выдворить отсюда эту мисс, поскольку ее присутствие помешало бы мне выполнить свою миссию. Трудно, знаете ли, шуровать в чужой комнате, если рядом торчит прислуга. И вряд ли будет по рыцарски, если я схвачу ее за фартук и вытащу из комнаты. Только одно мгновение я не знал, что делать, но мне помог кот Агустус.

— Я не думаю, что здесь поможет кот Агустус. Вы наверное здесь недавно работаете?

Девушка ответила, что да, действительно, она работает в доме только второй месяц.

— Так я и думал, иначе бы вы знали что на Агустуса нельзя положиться в вопросе ловли мышей. Мы с ним давние приятели, и я очень хорошо знаю его наклонности. За всю свою жизнь он не поймал ни одной мыши. Он умеет только спать и есть, когда не спит. Такая своеобразная кошачья летаргия. Да посмотрите на него сами, он и сейчас спит.

— Точно! Спит!

— Это у него такое заболевание. Называется кажется сонливус обыкновеннус. Говоря проще, обыкновенному коту, чтобы выспаться, требуется восемь часов, а ему еще плюс шестнадцать. Так что мой вам совет, оставьте эту безнадежную затею, заберите кота и несите его назад на кухню.

Мое красноречие возымело свое действие. Девушка снова сказала «Ой!», взяла кота, который что-то сонно промурлыкал, — что именно, я не смог разобрать, — и вышла с ним из комнаты, оставив меня в моем собственном распоряжении...

Первое, что я отметил, оглядывая в комнату, это то, что одна женщина преклонных лет и кое-чья тетушка действительно из кожи вон лезет, чтобы угодить семье Кримов: их сыну Криму достались самые шикарные спальные апартаменты, не много не мало, а Голубая Комната, предназначенная для особо почетных гостей. Ведь много ли надо обыкновенному холостяку в загородном доме: какой-нибудь закуток, и хватит с него. Возьмите мою комнату — маленькую как монашеская келья. Настолько маленькую, что не хватит места, чтобы раскрутить в ней за хвост кота, даже меньших размеров, чем Агустус. Впрочем я это так, для зримого сравнения. Не могу не пожаловаться, что когда я приезжаю сюда, мне никто не скажет: «Мы приветствуем тебя, мой мальчик. А поселим мы тебя в Голубой Комнате. Надеюсь, тебе будет там удобно». Я как-то подал тетушке Далии идею расположить меня в Голубой Комнате, но она мне ответила: «Тебя?!», и на этом мы закончили этот разговор.

Обстановка здесь была очень обстоятельная, вся в викторианском стиле, раньше здесь жил покойный отец дядюшки Тома, человек очень солидный. Тут была кровать о четырех набалдашниках, коренастый комод, массивный пишущий стол, стулья всевозможной конфигурации, на стенах висели портреты, на которых были изображены парни в заливчатских шляпах, рядом с этими парнями красовались дамы, все в муслине и буклях. А в дальнем конце комнаты стоял огромный шкаф, настолько огромный, что туда вполне можно было упрятать кучу трупов. Короче, места, чтобы куда-нибудь что-нибудь засунуть, было полно, и любой на моем месте, кому предстояло найти здесь сливочник, сказал бы: «Э, да это гиблое дело», и умыл бы руки.

Но чем я отличаюсь от всех других искателей сливочников, так это тем, что я человек очень начитанный. Еще в раннем детстве, когда не было еще в обиходе этого словечка, «роман саспенс», — я перечитал кучу таких романов, и из них я кое-чему научился: например тому, что если кому-либо нужно что-либо хорошенько упрятать, он просто кидает это на шкаф. Мог бы приложить в доказательство огромный список литературы. Так что я не думаю, что Уилберт Крим отошел здесь от английской литературной традиции. Итак, первое, что я сделал, это придвинул к шкафу стул, взобрался на него ногами и только собрался посмотреть, что там наверху, как сзади на цыпочках в комнату вошла Бобби Уикам и громким шепотом сказала:

«Ну, как дела?»

Ну знаете ли! Не смогли родители внушить девочке с раннего детства, что если кто-то шурует в чужой комнате и очень нервничает, то нельзя подходить к дяденьке и спрашивать шепотом, — а следовательно неизвестно чьим голосом, как у него дела. Поэтому я бухнулся на пол как мешок с углем. Пульс частый, давление высокое, а Голубая Комната делает перед глазами пируэт.

Когда я немного пришел в себя, Бобби в комнате уже не было, очевидно этот грохот здорово напугал ее, но напугалась она конечно за себя. А я оказался...вернее мы со стулом представляли теперь что-то вроде конструктора, который разобрать можно было по инструкции, а она потеряна. Сильно напоминает швейцарскую ситуацию с Киппером Херрингом, когда он чуть не удушился собственными ногами.

Но я подергал тут, потянул там, и что-то немного получилось. Но не успел я стряхнуть с себя последний обломок стула, как со мной заговорили другим голосом.

«Ради всего святого», — сказал голос, и я убедился, что он принадлежал не нашему родовому привидению, как бы этого ни хотелось Бобби: это была самая что ни на есть живая Мамаша Крим. Она смотрела на меня с тем же изумлением, что и недавно Сэр Родерик Глоссоп: очевидно, она тоже не разделяла безумной идеи Бобби Уикам. А что до творческого неродимого пятна Кримшы, — то есть чернильные пятна, — то на этот раз оно переместилось к ней на подбородок.

«Мистер Вустер!» — воскликнула она.

Если ко мне обратились, мне ничего не оставалось, как ответить: «А, привет!»

«Я понимаю, вы удивлены,» — продолжил я, когда мне был задан вопрос: а) ради всего святого, что я делаю в комнате ее сына, б) ради всего святого, что я тут делаю.

«Ради всего святого», — подчеркнула она снова.

Знаете, про меня всегда говорили, что Бертрам Вустер твердо стоит на ногах, но сейчас я стоял на четвереньках, может поэтому я вспомнил про кота Агустуса, что было очень *point d'arrui*, очень кстати. Поэтому, вытаскивая из своих ангорски-черных волос кусок стула, я ответил со всем присущим мне человеческим достоинством:

«Я ловлю мышь»

Ах, если бы она ответила: «Ах, мышь! Ну тогда понятно. Конечно же, мышь», — все было бы расставлено по местам. Но нет:

«Мышь?»

Если, конечно, она не знает, что такое мышь, то между нами огромная образовательная пропасть и я прямо не знаю, с чего начать. Но дальше она спросила: «Какую мышь?», а вместе это звучало так: «Мышь? Какую мышь?», — из чего я сделал вывод, что вопрос был задан не из любознательности, а являлся криком души.

— С чего вы взяли, что здесь есть мышь?

— У меня есть на то основания.

— Но кажется вы стояли на стуле?

— Я, знаете ли, хотел посмотреть на все с высоты так сказать птичьего полета.

— И часто вы ловите мышей в чужих комнатах?

— Я бы так не сказал. Так, под вдохновение, вы ж меня понимаете...

— Да, конечно, но..."

Ну если вам говорят «да, конечно, но» таким тоном, значит вы явно злоупотребляете чьим-то гостеприимством. По-моему, ей не нравилось присутствие вустеров в спальне ее сына, и я ее прекрасно понимал. Поэтому я встал, отряхнул пыль со штанов и, выразив вслух надежду, что ее работа над средством для мурашек по спине, — то есть над книгой, — продвигается успешно, я пошел к выходу. У двери я еще раз оглянулся и увидел, как она смотрит на меня: изумление во все свои «минус двенадцать» диоптрий. Она явно считала мое поведение ненормальным. А я и не спорил. Разве может быть нормальным поведение у человека, пошедшего на поводу у Бобби Уикам.

И теперь мне очень хотелось поговорить по душам с этой *femme fatale*, роковой женщиной, и после недолгих поисков я нашел ее на поляне, в моем кресле, в руках у нее была моя книжка, которую до этого читал я. Бобби приветствовала меня со светлой улыбкой и сказала:

«Уже вернулся? Ну что, нашел?»

Я собрал всю свою выдержку и как можно культурней дал отрицательный ответ:

— Нет, не нашел.

— Не может быть. Значит, плохо искал.

Я снова глубоко вздохнул и стал внушать себе, что пословица лежачих не бьют с натяжкой можно применить для сидячих.

— У меня не было времени на поиски. Мне мешали всякие полоумные особы, которые все время входили в комнату и задавали мне идиотские вопросы.

— Да ладно, я просто так спросила, — хихикнула Бобби. — Слушай, ну ты и грохнулся! “О, Люцифер, о падший ангел, я видела падение твое!...” Слушай, Берти, не дергайся. Нельзя быть таким нервным. Тебе нужно выпить и встряхнуться. Попроси Сэра Родерика, он приготовит тебе отличный коктейль. Ну и?

— Как тебя понять — «Ну и»?

— Ну и какие у тебя дальше планы?"

— А дальше я выдерну тебя из этого кресла и сам засяду в него с этой книжкой, буду ее читать и про все на свете забуду.

— Ты хочешь сказать, что больше не пойдешь туда?

— Именно так. Бертрам завязал. так и передай журналистам.

— Но как же сливочник. Твой дядюшка Том будет очень огорчен.

— Плевать я хотел на дядюшек Томов.

— Берти! Ты очень странно себя ведешь!

— А разве не странно, когда я сижу на полу в спальне Уилберта Крима с ожерельем из ножек стула на шее, а в комнату входит Мамаша Крим?

— Ого! Правда что ль?

— Вот именно.

— И что ты ей сказал?

— Я сказал, что ловлю там мышь.

— Ты ничего лучше не мог придумать?

— Нет.

— Ну и чем все кончилось?

«Я испарился, оставив ее в полной уверенности, что у меня не все дома. Так что, Бобби, на твое предложение пойти туда снова позволь мне горько рассмеяться», — сказал я и горько рассмеялся. — «В эту злосчастную комнату я не пойду даже за миллион фунтов стерлингов, пусть даже наличными в мелких купюрах».

При этих словах Бобби изобразила мое, надула губки в знак того, что она очень обиделась на Бертрама и что этого она от него не ожидала.

— И где же твой хваленый вустеризм?

— На сегодня закончился.

— Да ты человек или мышь?

— Очень тебя прошу, не произноси при мне этого слова.

— Нет, ты снова должен туда пойти. А я тебе помогу."

— Ха!

— Ты мне уже говорил ха!

— Говорил, и еще не раз услышишь.

— Но послушай, Берти. На этот раз ничего не случится, ведь мы будем работать в связке. Мамаша Крим не может появиться там во второй раз. Ведь молния не ударяет дважды в одно и то же место.

— Ты уверена?

— Даже если она и появится... Знаешь, что я придумала. Ты зайдешь в комнату и начнешь там искать, а я буду дежурить в коридоре.

— И ты считаешь, меня это спасет?

— Конечно, ведь я хорошо пою.

— Я очень люблю, когда ты поешь, но сейчас это неуместно.

— Ах, Берти, ну какой же ты непонятливый. Если ты услышишь, что я пою, это будет значить, что кто-то идет, и ты успеешь выпрыгнуть в окно.

— И сломать себе шею?

— Да не сломаешь ты себе шею. Из комнаты есть балкон. А сбоку — водосточная труба. И ты преспокойно съедешь по ней вниз. Ты же не станешь отрицать, что любишь это занятие. Дживз мне много про это рассказывал.

Я задумался. Я действительно имею изрядный опыт по части водосточных труб, так уж складывались жизненные обстоятельства. И так, что-то в плане Бобби уже имело разумное зерно.

Но окончательно я решился из-за дядюшки Тома. Нельзя сказать, чтобы он жить не мог без этого сливочника, но что он не мог без него спокойно жить, это уж точно. Я так и представлял себе, вот он вернется и скажет: «Ну, как там моя дорогая серебряная коровушка! ...» Глядь — а ее-то и нет! А мы, племянники, не любим, когда серебряные коровы уходят от наших дядюшек. Я конечно, говорил, что плевать хотел, но это неправда. Разве я могу забыть, что когда я учился в Мэлверн Хаус, этот мой дядюшка по моей тетке время от времени присылал мне по десять шиллингов. Он был со мной так добр, и я не могу теперь этого так оставить...

Поэтому через пять минут я уже стоял у врат Голубой Комнаты, а рядом со мной Бобби, еще не вопиющая в пустыне коридора, но готовая в любой момент, паче чаяния, по ветхозаветной ассирийской модели, там замаячит Мамаш Крим. Нервы у меня, конечно, были на пределе, но все-таки не так, как в первый раз. Ведь теперь я знал, что на дозоре стоит Бобби. А любой гангстер скажет вам, что если ты грабишь сейф, то всегда неплохо, если кто-то встанет на стреме и в нужный момент свистнет: «Сматываемся: легавые!»

Чтобы на всякий случай убедиться, что Уилберт еще не вернулся с прогулки, я постучал в дверь. Никто не ответил. Из чего я понял, что все чисто. Я вопросительно посмотрел на Бобби: она подтвердила, что я прав.

— Ну, давай еще раз быстро прошгудирuem. Если я запою, что ты делаешь?

— Дую в окно.

— А потом?

— Съезжаю по водосточной трубе.

— А потом?

— Пилю к линии горизонта.

«Правильно. Так что иди и шарь», — сказала она, и я вошел. Эта комната стала уже мне как родная: все здесь было, как в прошлый раз. Первое, что я сделал, это подставил к шкафу второй стул и посмотрел наверху. К моему разочарованию, там ничего не было. Что ж, наверное, у клептоманов другой актив для чтения. Мне ничего не оставалось, как приступить к тщательному обыску всей комнаты, что я и сделал, все время прислушиваясь, не затянута ли в коридоре песню. Но все было тихо, и наш Вустер оживился и вдохновенно стал ползать повсюду. Но только я забрался под комод, как своды Голубой Комнаты огласились очередным голосом, в результате чего я дернулся вверх и посадил себе шишку.

«Ради всего святого!» — сказал голос, а я еле выбрался из-под комода. Я чувствовал себя пикулей, которую выуживают из банки. А выудила меня все та же Мамаша Крим. Она стояла предо мной, с выражением благородного гнева на своем породистом лице, и я был совершенно с ней согласен. Любая женщина придет в негодование, если при посещении комнаты своего сына она видит, что на том, что торчит из-под комода, явно штаны не Уилберта, а значит этот чужой.

Мы снова повторили разученный диалог.

— Мистер Вустер!

— А, привет!

— Это снова вы?

— Ну да.

— Вы снова ловите мышь?

— Совершенно верно. Мне как раз показалось, что я видел, что она забежала под комод, и намеревался вытащить ее отсюда невзирая на ее возраст или пол.

— Неужели вы в самом деле думаете, что здесь есть мыши?

— Мне иногда так кажется.

— И часто вы ловите мышей?

— Довольно часто.

Тут, ее, кажется, осенило.

— А вам никогда не кажется, будто вы кот?

— Нет. И в этом я абсолютно уверен.

— Но тем не менее вы ловите мышей?

— Да.

— Очень, очень интересно. Когда я вернусь в Нью-Йорк, обязательно посоветуюсь со своим психоаналитиком. Он наверняка подскажет, что может означать этот мышинный комплекс. А у вас нет никаких ощущений в голове?

— Очень даже есть, — сказал я, так как полученная мною шишка была весьма увесистой, отчего в голове у меня пульсировало.

— Так я и думала. Это у вас что-то вроде навязчивой идеи. Знаете, что я вам посоветую: идите к себе в комнату и прилягте. Попробуйте заснуть. Или выпейте чашку крепкого чаю. А я постараюсь вспомнить, как же звали этого психиатра, его очень все хвалят. Да мисс Уикам мне давеча про него рассказывала. То ли Боссом, то ли Блоссом... Ах, вспомнила: Глоссоп, Сэр Родерик Глоссоп. По-моему вам обязательно нужно к нему обратиться. Одна моя знакомая сейчас у него лечится, очень, знаете ли, его хвалит. Он берется за самые безнадежные случаи. Между тем, вам необходим отдых. Так что подите и отдохните.

Уже самого начала обмена мнениями я потихоньку двигался по направлению к выходу: так ползет по песку краб, пытаясь увернуться от любознательного малыша, а тот упорно старается поддеть его своим совочком...

Во всяком случае отдыхать я не пошел, а снова стал искать Бобби, весь горя от гнева. Мне нужно было выяснить, а где же моя законная песня? Хотя бы пара тактов какого-нибудь общеизвестного шлягера. А?

Бобби я нашел садящейся в свою машину.

«А, привет, Берти», — сказала она преспокойненько. «Ну как, нашел?»

Я заскрипел зубами.

«Нет. Не нашел. Но меня там нашла Мамаша Крим.»

Глаза у Бобби расширились от удивления, она даже тихонько вскрикнула.

— Ты хочешь сказать, она опять застала тебя...

— ...торчащим из-под комода. Потому что не было песен.

Глаза Бобби еще шире раскрылись от удивления, и она даже тихонько вскрикнула.

— О, Берти, мне очень жаль.

— Мне тоже.

— Понимаешь, меня позвали к телефону. Звонила мама. Она нашла тебе еще одно обозначение: что ты рохля. Она очень рада, что я собираюсь к ней, она хочет со мной поговорить."

— Я так думаю, обо мне?

— Да, твое имя наверняка всплывет. Но мне некогда тут с тобой болтать, Берти, иначе я не успею засветло. Мне очень жаль, что ты заварил такую кашу. Бедный, бедный Мистер Траверс. Что ж, не век же солнцу быть, надо дождику полить" — сказала она, нажала на газ и обдала меня струей гравия.

Если бы рядом со мной стоял сейчас Дживз, я повернулся бы к нему и сказал: «Ах эти женщины, Дживз!...» А он ответил бы мне «Да, сэр» или «Совершенно верно, сэр», и мне стало бы легче. Но Дживза не было рядом, и я опять горько рассмеялся и пошел обратно на лужайку. Мне очень хотелось взять в руки книжку Мамаши Крим и снять напряжение.

Что я и сделал. Читал я совсем недолго, и вот уже вежды мои сомкнулись и я отчалил в страну грез, мирно посапывая как тот кот Агустус. Когда же я проснулся, то обнаружил, что прошло уже два часа. Сладко потягиваясь, я вспомнил, что забыл отправить телеграмму Кипперу Херрингу, с приглашением.

Нужно было исправить это упущение, и я пошел в будуар тетушки Далии, где долго пытался продиктовать текст кому-то, у кого явно были заложены уши. Потом я снова вышел на воздух. Я шел через лужайку, с намерением продолжить свое чтение, как услышал возле дома шум подъезжающей машины. Я обернулся и — разрази меня гром! — из машины выходил Киппер...

...Прошло не более двух минут с тех пор, как я отослал ему телеграмму, а от Лондона до Бринкли было порядка сотни миль: скорость же, с какой доехал Киппер, говорила о его чересчур быстрой реакции и скорей была приближена к реальности мультиков. Поэтому я окликнул Киппера не без некоторого недоумения.

Услышав знакомый голос, он почему-то подскочил как кот на раскаленной крыше, и я увидел, что лицо его изображает крайнее уныние, будто он пытается проглотить несвежую устрицу. Я сразу догадался, в чем тут дело, и загадочно улыбнулся. Ничего, пускай немного помучается...

Киппер судорожно глотнул воздуха и пробубнил загробным голосом:

— Привет, Берти.

— Привет.

— Значит, ты здесь.

— Да, я здесь.

— Я рассчитывал тебя здесь увидеть.

— Ну вот мы и увиделись.

— Да, ты ведь сам мне сказал, что отправляешься сюда.

— Конечно.

— Как дела?

— Очень неплохо.

— Как твоя тетушка?

— Прекрасно.

— А ты?

— И я вроде ничего.

— Я рад за тебя. Давненько я не бывал в Бринкли.

— Да.

— А здесь все по-прежнему.

— Да.

— Почти ничего не изменилось.

— Почти ничего.

— Да, вот такая значит жизнь...

Тут он замолчал и снова начал судорожно глотать воздух, из чего я сделал вывод, что мы приближаемся к главному, а все что до этого, являлось лишь официальной частью нашей встречи. Очень напоминает, как раскланиваются государственные мужи перед тем как начать таскать друг друга за бакенбарды.

И я не ошибся. Судя по гримасе на его лице, Киппер, проглотив первую плохую устрицу, приступил ко второй:

«Я читал „Таймс“, Берти.»

Пока я решил не раскрывать карты. Я бы мог уже начать вдыхать в него надежду, но мне тоже хотелось побыть немного хозяином положения.

— Ну да, конечно, ты об этом. Значит, прочел, говоришь?

— В клубе, после ужина. Я не мог поверить своим глазам.

Знал бы он, что и я не мог поверить своим, но опять промолчал. Я только подумал, как

это похоже на Бобби: не посвящать в свои планы тех, кого это особенно касается. Ну конечно, она просто запомнила. А может просто навела тень на плетень. Она это вообще обожает.

— И я скажу тебе, Берти, почему я так удивился. Может тебе это и не понравится, но только пару дней назад она обручилась со мной.

— Да что ты говоришь?

— Да, черт меня возьми.

— С тобой, говоришь?

— Со мной, со мной. И все это время она, оказывается, вынашивала в душе этот чудовищный план.

— Как нехорошо с ее стороны.

— Так нехорошо, что я просто слов не нахожу. Теперь ты видишь, что такое женщина. Берти, женщины — ужасные создания. Я буду счастлив, если доживу до того момента, Берти, когда женщины будут запрещены законом.

— Тебе не кажется, что тогда могут возникнуть проблемы с продолжением человеческого рода?

— Да зачем ему вообще продолжаться?

— Да, конечно, я тебя понимаю.

Киппер раздраженно отмахнулся от пролетающего жука и продолжил:

— Что меня в этом особенно поражает, так это бессердечие, с каким она это со мной проделала. Ни одного намека, что она собирается разорвать нашу помолвку. А еще на прошлой неделе, когда мы вместе обедали, она вдохновенно расписывала мне, как мы проведем медовый месяц. И вот вам! Как снег на голову. Уж можно было наверно, если собираешься разбить чью-то жизнь, написать письмо или хотя бы поздравительную открытку. Ну конечно, разве она способна на такое великодушие. Она предоставила мне самому прочитать это из газет. Я чуть не умер.

— Представляю. У тебя наверно свет в глазах померк?

— Еще как померк. Я весь день только об этом и думал, а сегодня утром отпросился на работе, сел в машину и приехал, чтобы сказать тебе...

Он замолчал, пытаясь справиться с подступившим волнением.

— Ну?

— ...сказать тебе, что, как бы там ни было, мы не должны рвать с тобой нашей старой дружбы.

— Конечно же нет. Как ты мог даже подумать такое.

— Ведь мы с тобой так давно знакомы.

— Так давно, что и представить трудно.

— Мы ведь дружили с тобой еще мальчишками.

— Щербатыми мальчишками в школьных курточках.

— Точно. Мы ведь были с тобой как родные братья. Я делился с тобой сладкими карамельками, ты со мной кислыми леденцами; если ты заболел свинкой, я заразился ею от тебя, если у меня была корь, я делился ею с тобой. Мы во всем помогали друг другу. Поэтому невозможно, чтобы хоть что-то в жизни могло нас разлучить.

— Это точно.

— Мы по-прежнему будем время от времени вместе обедать.

— Ну конечно же.

— По воскресеньям будем вместе играть в гольф, иногда гонять мяч. Ты женишься, остепенишься, и я часто буду приходить тебе в гости на коктейль.

— Да, я тебя приглашаю.

— Спасибо, я приду. Хотя, боюсь, что не смогу сдержаться и приложусь шейкером к твоей гнусной супруге, Миссис Вустер, в девичестве Уикам, за то, что сделала из меня рогоносца.

— На твоём месте я бы не стал её так называть.

«Да, а ты был на моём месте?», — сказал Киппер. Он всем был готов поделиться с лучшим другом. «Ты не слышал про Томаса Оутвэя?»

— По-моему нет. Кто-то из твоих знакомых?

— Драматург 17 века. Написал пьесу «Сирота». Там у него есть такие слова: «Кто предал Капитолий? Женщина. А Марк Антоний — кто отнял власть над миром у него? Женщина. А кто Десятилетнюю войну начал, всю Трою превративши в пепелище? Все женщина. О лживая, проклятая, беду несущая — да, Женщина. Она.» Оутвэй знал, что говорил, у него было правильное направление мыслей. Какие точные слова — как будто он лично был знаком с Робертой Уикам.

Я снова загадочно улыбнулся. Было забавно, что мы так далеко зашли.

— Не знаю, не знаю, Киппер, может я и ошибаюсь, но по-моему ты не так уж плохо относишься к Бобби.

Он передернул плечами.

— У меня единственное желание — убил бы её собственными руками. Но она предпочла тебя, и поэтому все останется как есть.

— И ты приехал сюда ради того, чтобы сказать, что мы по-прежнему друзья?

Я был тронут.

— Ну, была ещё конечно тайная надежда, что меня пригласят на обед, приготовленный Анатолом, а так я решил остановиться в гостинице «Бык в Кустах». Как ты нашёл кухню Анатоля?

— Она становится все изумительней.

— Все так же тает во рту? Знаешь, уже два года прошло, как я пробовал его блюда, до сих пор прямо слюнки во рту. Вот это кулинар!

«О, да!» — сказал я. Я бы даже снял шляпу, но шляпы, к сожалению, не было.

— Как ты думаешь, дойдет у меня дело до приглашения на обед?

— Конечно же, дружище. Страждущих никогда не отвращают от этого дома.

— Я рад. А после обеда я пойду и сделаю предложение Филлис Милз.

— Что?!

— Я знаю, что ты подумал. Что она родственница Обри Апджона, да? Но, Берти, разве она виновата?

— Ну конечно, это её беда, а не вина.

— Вот именно. Давай будем благородны. Ведь она очень милая, прелестная девушка, не то, что некоторые рыжеволосые Далиды, не будем называть их имени.

— Но ты едва знаком с Филлис.

— Отчего же, мы очень тесно общались в Швейцарии. Мы с ней в прекрасных отношениях.

Мне показалось, что наступил момент, когда отсутствие новостей для Киппера — уже не хорошие новости.

— Нет, Киппер, по-моему не стоит делать такого предложения Филлис Милз. Бобби это может не понравиться.

— Тем лучше: пусть знает, что она не единственная роза, благоухающая в саду жизни. Ну чего ты ухмыляешься?

На самом деле я не ухмылялся, а загадочно улыбался:

«Киппер, у меня есть для тебя потрясающая новость...»

Друзья, если есть среди вас люди с больной печенью, тогда может быть вы слышали о Лечебном бальзаме Доктора Гордона, он дает чудодейственный эффект. Опишу вам его никак не ради рекламы, а в целях художественного сравнения. Так вот, человек мучается, лицо у него исхудалое, глаза потухшие, всем своим обликом он говорит, что принятие пищи для него пустая трата денег. Но попьешь этот бальзам, и человек оживает, он румян как помидор и крепок как огурец, только что сорванный с грядки: у человека, как говорят французы, *bien-etre*, хорошее самочувствие... Друзья мои, все, что я рассказал Кипперу, произвело эффект равный приему бальзама в суточной дозе для взрослых, до еды...

Итак, наш Киппер менялся на глазах: его начинало буквально распирать от счастья, словно надувную утку, которой только что заклеили дырку и запустили в тазик с водой. «Чтоб мне лопнуть!» — воскликнул он, когда я выдохнул последнее слово. — «Какой же я болван»

— Я знал, что ты это заметишь.

— Какая же она умница! Мало какая девушка так ловко все придумает!

— Мало какая.

— Настоящая спутница жизни! Никогда не растеряется в трудную минуту. Ну же, Берти, как развиваются события?

— По-моему, все идет по намеченному плану. По прочтении объявления в «Таймс» с Уикам-старшей случилась истерика, и она благополучно грохнулась в обморок.

— Неужели она так тебя не любит?

— У меня сложилось именно такое впечатление. И она подтвердила это своими последующими телеграммами, где называет меня дундуком зпт рохлей зпт остолопом тчк.

— Отлично, отлично. Похоже, что на твоём фоне я начинаю выигрывать. Может дело и идет к тому, что Леди Уикам действительно благословит наш брак. Берти, подумать только, Бобби скоро будет моей, а сегодня вечером меня еще ждет ужин от Анатоля! Берти — я готов плясать сарабанду от счастья! Кстати, Берти, уже если зашла речь об ужине, может дело дойдет и до постели... То есть я хочу сказать, что конечно, «Бык в Кустах», если верить «Путеводителю Автомобилиста», хорошее заведение, но я так не люблю эти деревенские гостиницы... Я с большим удовольствием предпочел бы Бринкли. Может ты поговоришь с тетужкой?

— Ее здесь нет. Она уехала к своему сыну Бонзо, он заболел корью. Но еще сегодня днем она звонила мне и просила, чтобы я позвал тебя погостить у нас подольше.

— Ты смеешься надо мной?

— Нет, это официальное приглашение.

— Но почему она оказывает мне такую честь?

— Она хочет, чтобы ты кое-что для нее сделал.

— Я сделаю для нее все! Слушай, а она не...

В его глазах застыло беспокойство. — «А она не хочет, чтобы я вручал призы в Снодберской Школе? Как Гасси?»

Киппер имел в виду нашего общего знакомого Гасси Финк-Ноттла, которого моя тетушка-таки доняла, и он занялся этими призами прошлым летом, и полностью оправдал свою фамилию, потому что поднял уровень выступлений на недостижимую планку и этим оказал нам плохую услугу.

— Нет, не беспокойся. В этом году призы будет вручать Обри Апджон.

— Слава богу. Ну и как он, кстати? Ты ведь уже виделся с ним?

— О да, мы уже виделись, и я пролил на него свой чай.

— Ты просто молодец.

— Он отрастил себе усы.

— Это хорошо, немного уменьшит мой синдром школьника. Представляю, что он почувствует, когда увидит еще и меня. Два его самых приснопамятных ученика.

— Его нет здесь.

— Но ты же говорил, что он здесь.

— Он был, он будет, но его нет. Он уехал в Лондон.

— Ну а кто-нибудь тут есть кроме тебя?

— Конечно. Филлис Милз.

— Чудесная девушка.

— А еще Миссис Хомер Крим из Нью-Йорк-сити, штат Нью-Йорк, со своим сыном Уилбертом. И в связи с этим хочу тебе сказать, какую просьбу имеет к тебе тетушка Далия.

И я все рассказал ему о ситуации «Уилберт тире Филлис», а также заметил, что если он даже и против, то все равно вето на билль моей тетушки может наложить только американский президент. Киппер очень любезно выслушал меня, а когда я закончил, сказал, что он с большим удовольствием все это сделает. И еще он сказал, что нет такого дела, которым он мог бы вполне выразить свое уважение к тетушке Далии.

«Положись на меня, Берти», — сказал он. «Никак нельзя допустить, чтобы Филлис связала свою жизнь с этим сумасшедшим. Я готов на время отказать себе в личной жизни, лишь бы у него не было своей. Я готов стать его второй тенью, прятаться в самой густой крапиве, чтобы в нужный момент случайно оказаться рядом. А сейчас, покажи мне пожалуйста мою комнату, чтобы я мог принять ванну и привести себя в парадный вид для выхода к ужину. Скажи, Анатоль по-прежнему готовит свои *timbales des ris de veau toulousaines?*»

— Да, и *Sylphides a la creme d'ecrevisses*

«О, ему нет равных, нет равных», — сказал Киппер облизываясь, словно волк из русской народной сказки. — «Француз! И этим все сказано...»

Я представления не имел, какие комнаты были свободны в этом доме, какие заняты, поэтому, чтобы поселить Киппера, предстояло позвонить и вызвать Попа Глоссопа. Я нажал кнопку, и он появился, улыбаясь мне заговорщицкой улыбкой, как будто он секретарь тайного общества, а я его активный член.

«О, Сордфиш», — заметил я, как воспитанный человек, улыбнувшись ему заговорщицкой же улыбкой. — «Это Мистер Херринг, он тоже будет у нас гостить».

Глоссоп низко поклонился, насколько ему позволял его толстый живот.

— Добрый вечер, сэр.

— Он поживет у нас несколько дней. Где мы его припаркуем?

— Думаю, что это будет Красная Комната, сэр.

— Киппер, будешь жить в Красной Комнате.

— Прекрасно.

«Я в ней обитал в прошлом году. Там такие высокие потолки, будто сидишь на дне колодца, и она тянет скорее на трехстворчатый шкаф, чем на комнату, но в общем-то сойдет», — заметил я, вспомнив по этому поводу комментарий Дживза.

— Сордфиш, проводите, пожалуйста, Мистера Херринга в его комнату.

— Хорошо, сэр.

— А когда вы его разместите, мне нужно будет перекинуться с вами парой слов в буфетной, — сказал я, снова выдав заговорщицкую улыбку.

— Конечно, сэр, — ответил он, вернув мне улыбку обратно.

Определенно вечер заговорщицких улыбок!

Мне не долго пришлось поджидать Глоссопа в буфетной, сразу же, как он переступил порог, я похвалил его профессионализм и что особенно впечатляюще были «Хорошо, сэр», «Конечно, сэр», и все это с низким поклоном. Я заметил, что даже сам Дживз делает это хуже, на что Глоссоп скромно ответил, что научился всему этому у собственного дворецкого.

— Да, кстати, — поинтересовался я, — как вы придумали имя Сордфиш?

Глоссоп довольно улыбнулся.

— Мне подсказала Мисс Уикам.

— Так я и думал.

— Она сказала, что всегда мечтала повстречать дворецкого с такой фамилией. Очаровательная девушка. И очень веселая.

— Она-то веселая, — заметил я и горько рассмеялся. — Давайте я расскажу вам, какие произошли еще события.

— Я весь внимание.

— Итак, слушайте...

После этой присказки последовал мой красочный рассказ, со всеми деталями. Время от времени Глоссоп все-о-боже-мой-кивал, а когда я закончил, он заметил, что должно быть, мне все это очень больно, на что я ответил, что словами не передать.

— Но не кажется ли вам, что можно было придумать более убедительное объяснение, нежели то, что вы искали там мышь.

— Например?

— Трудно придумать что-либо так сразу.

«Но мне-то пришлось придумывать сразу», — воскликнул я! «Не остается времени, чтобы отполировать диалоги и выстроить сюжет, если в комнату заглядывает Шерлок Холмс в юбке и это комната ее сына, а ваша задняя возвышенность торчит из-под комода.»

— Да. вы совершенно правы. Но все же странно...

— Странно что?

— Но мне не хотелось бы вас обидеть.

— Валяйте. Меня уже столько раз обижали, что от вас могу потерпеть.

— Честно говорить?

— Конечно.

— Видите ли, по-моему было неумно доверять столь деликатный вопрос такому молодому человеку, как вы. Хочу вам напомнить что вы говорили, когда мы обсуждали это втроем с Мисс Уикам: что это дело нужно доверить зрелому, опытному человеку, человеку светскому, а не юноше. Не молодому щенку, как вы выразились, а собаке с нюхом.

Я был изумлен. Я определенно понимал, что он этим хочет сказать.

— Вы что, хотите сами отправиться в эту комнату на поиски?

— Совершенно верно, мистер Вустер.

— Боже всепородный!

— Как вы интересно выражаетесь, я думаю, это оттого, что вы находите мое поведение эксцентричным?

— Нет, я бы так не сказал, но вы понимаете, во что вы себя втягиваете? Вам не очень-то будет приятно встретиться там с Мамашей Крим. У нее такой взгляд... Как называются такие существа с глазами? Вспомнил, — василиски. У нее взгляд василиска. Вы не боитесь, что на вас будут смотреть подобным образом?

— Да, я это предвижу. Но дело в том, мистер Вустер, что это сама судьба делает мне вызов. Моя кровь просто кипит.

— А моя стынет в жилах.

— Вы мне не поверите, но я с большой радостью обыщу комнату мистера Крима.

— С радостью?

— Да. Забавно, но все это напомнило мне мои юношеские годы. Помню, в начальной школе, я пробирался в кабинет директора и крал у него печенье.

Я встрепенулся. На сердце у меня потеплело.

— Печенье, говорите?

— Да, у него на столе всегда стояла жестяная коробочка с печеньем.

— Вы действительно таскали печенье, когда были школьником?

— Да, это было много лет назад.

— Так и я тоже! — воскликнул я, и чуть было не добавил, — Здравствуй, брат!

Глоссоп вскинул вверх свои мохнатые брови: я видел, что и у него потеплело на душе.

— Неужели? Надо же! А я-то думал, что один до этого додумался. Оказывается, у меня есть последователи среди подрастающего поколения. А какое у вас было печенье? У меня ассорти.

— А с розовой и голубой глазурью было?

— И такое было, и без.

— А у меня еще имбирное.

— Это тоже вкусное, но я больше любил ассорти.

— Я тоже. Но приходилось довольствоваться тем, что выпускали в мое время. Вас

когда-нибудь застучали?

— Должен вам похвалиться, что нет.

— А со мной было однажды поймали. Я этим местом до сих пор чувствую перемену погоды.

— Да, плохо... Ничего, всех не поймаешь!... Что касается моей сегодняшней вылазки, я думаю, что если случится худшее и меня схватят, с меня вряд ли уже посмеют сдернуть штаны. Так что вы можете абсолютно на меня положиться, мистер Вустер.

— Зовите меня просто Берти.

— Конечно, конечно.

— А я вас Родерик, хорошо?

— Я очень тронут.

— Или просто Родди? Родерик слишком длинно.

— Как вам больше нравится.

— Так вы действительно собрались на комнатную охоту?

— Да, я так решил. Я очень уважаю и люблю вашего дядюшку, я представляю, как он будет огорчен, когда узнает, что в его коллекции отсутствует его любимый экземпляр. Я не прошу себе, если не попытаюсь предпринять что-либо, чтобы вернуть сливочник обратно.

— Хочу сделать вам подсказку: на шкафу можете не искать.

— О, благодарю.

— Если кто-то не пришел и не переложил. Во всяком случае, желаю удачи, Родди.

— Спасибо, Берти.

Даже регулярный прием уже упомянутой желчи старого доктора Гордона не повлиял бы на меня столь благотворно, как однократный разговор с таким дворецким, как Глоссоп. Окрыленный, я выпорхнул на лужайку, чтобы забрать книжицу мамаша Крим и поставить ее обратно на книжную полку в будуаре тетушки Далии. Я не переставал восхищаться силой духа Родди. Ведь он был уже пожилой человек, считай пятьдесят, но оказывается не только маленькая собачка до старости щенок... Я пытался представить себе мальчика-Глоссоба и как он таскал печенье. Но кроме того, что у него тогда точно не было лысины, я ничего не мог дорисовать.

Я забрал книжку и отправился ней в комнату тетушки Далии: до ужина оставалось еще около двадцати минут, поэтому я решил еще немного почитать. Я остановился на том эпизоде, когда мамаша Крим уже разошлась вовсю и приступила к выжиманию слез жалости и криков ужаса из своих читателей. Но у меня хватило времени только на пару улики пару трупов, как дверь отворилась и вошел Киппер. Вид у него был ужасный.

— Берти! Я тебя ищу по всему дому!

— Я болтал с Сордфишем в буфетной. Что-то случилось?

— И ты спрашиваешь!

— Тебе не понравилась Красная Комната?

— Красная Комната!

Я понял, что дело не в его жилищных условиях.

— Да что еще могло случиться?

— Могло случиться! — вторил он.

Я понял, что это дело надо прекращать. До ужина оставалось десять минут, а мы еще не сдвинулись с места.

— Послушай, старина, — терпеливо заметил я. — Знаешь, ты выясни сначала: либо ты

мой друг Регинальд Херринг, либо ты эхо в швейцарских горах. Ведь ты повторяешь за мной каждое слово.

В этот самый момент появился Поп Глоссоп с коктейлями. Киппер опорожнил свой бокал и стал заметно спокойнее. Когда же дверь за Родди закрылась и Киппер снова заговорил, он это уже делал сам по себе. Он глотнул еще из одного бокала и сказал:

— Берти, случилось самое ужасное.

У меня упало сердце. Помните ли вы, что некоторое время назад в разговоре с Бобби Уикам я сравнивал Бринкли с замками, какие описывал в своих книгах покойных Эдгар По. Если вы знакомы с его творчеством, то помните, что в таких загородных замках всегда случается что-нибудь ужасное: приезжие гости обязательно натолкнутся на чей-нибудь ходячий труп, обгаренный кровью.

— Что случилось? — спросил я.

— Сейчас я тебе расскажу, что случилось.

— Расскажи, пожалуйста, — попросил я снова.

— Берти, — обратился он ко мне вот уже в который раз. — Ты же понимаешь, что когда я прочел это объявление в «Таймс», я был просто убит?

— Да, конечно. Ничего удивительного.

— У меня закружилась голова, и...

— Да, ты уже говорил: и у тебя потемнело перед глазами.

«Лучше бы я вообще ослеп», — с горечью сказал Киппер. — «Но зрение вернулось ко мне, и вот я сидел, весь кипя от негодования. Я немного покипел, потом встал со стула, взял в руки перо и написал Бобби горькое письмо».

— Ах, черт!

— Я вложил в него всю свою душу.

— О, боже!

— Я в самых ярких выражениях обвинил ее в том, что она бросила меня ради того, чтобы выйти за более богатого человека. Я обозвал ее рыжей Далидой и сказал, что вырываю ее имя из своего сердца как мимолетный седой волос... Что еще я ей говорил, не помню: ничего хорошего.

— Но ты ничего мне об этом не сказал в первый раз.

— Я так обрадовался, когда узнал, что объявление в «Таймс» — просто военная хитрость и что она меня по-прежнему любит, что я забыл про все остальное. И когда я вдруг только что про это вспомнил: это как если бы тебе съездили по лицу сырой рыбиной... Я был сражен наповал. Но я все же нашел себе силы, чтобы дойти до телефона и позвонить в Скелдингз Холл. Мне сказали, что она только что приехала.

— Она что, неслась, как гонщица, сдобренная допингом?

— Я не удивляюсь. Все женщины так ездят. На этот раз она доехала и радостным голосом сообщила мне, что у нее на столе лежит мое письмо и что ей не терпится его прочитать. Дрогнувшим голосом я попросил ее не делать этого.

— Значит ты все же успел.

— Да что толку, что успел! Берти, ведь ты умный мужчина. Ну что сделает девушка, если ее попросят не открывать письма?

Я понял его ход мыслей.

— Она его откроет.

— Совершенно верно. Я слышал, как она разрывает конверт, а потом... нет, даже

вспомнить страшно.

— Она разозлилась?

— Да, она готова была меня убить. Она говорила не переставая минут пять...

— По Шрузбергскому времени?

— Что?

— Ничего. И что она сказала?

— Я всего не помню, но даже если бы и помнил, то не смог бы повторить.

— А что ты ей сказал?

— Да я и слова не мог вставить.

— Это я представляю.

— Женщины так быстро говорят.

— Как я тебя понимаю! И чем же все закончилось?

— Она сказала, что рада тому, что я выкинул ее из своей головы и что она сделает со своей то же самое и что она счастлива, что теперь сможет выйти за тебя и что она об этом всю жизнь мечтала.

В одном из рассказцев Мамаши Крим есть один парень по имени Скарфейс Мэккол, что-то типа гангстера. В один прекрасный день он садится в свой старый автомобиль, поворачивает ключ зажигания, и машина взлетает на воздух. Это его враги подложили в двигатель бомбу. Я пытался тогда еще встать на место этого бедняги. Теперь я его понимал. Потому что мне тоже подложили бомбу! Я вскочил и побежал к двери. Киппер очень удивился.

— Я, наверное, тебя достал, — сказал он обиженно.

— Нет, что ты. Просто я пошел к своей машине.

— Ты куда-то собираешься ехать? Но ведь сейчас будет ужин.

— Я не хочу никакого ужина.

— Куда ты собрался?

— В Херн Бей.

— Почему именно туда?

— Потому что там находится Дживз, а я хочу, чтобы он срочно занялся всем происходящим.

— Да что может сделать Дживз?

— Этого я тебе не могу сказать, но что-нибудь он да придумает. А так как это морское побережье и он там наворачивает рыбу, значит его мозги в прекрасной форме, а когда мозги Дживза в прекрасной форме, остается только нажать кнопку и ждать...

Я бы не сказал, что от Бринкли до Херн Бей рукой подать, ибо сейчас я находился в центре Вустершира, а Дживз на береговой полосе графства Кент, но даже при самых благоприятных обстоятельствах расстояние не преодолевается в мгновение ока. В этом же случае мой не совсем арабский жеребец выбился из всех своих лошадиных сил, у него перегрелся мотор, и мне пришлось показать его специалисту, так что сегодня мы уже не поспевали к пункту назначения. Когда же на следующее утро я подъехал к месту, где расположился Дживз, мне сказали, что он ушел рано утром и что неизвестно, когда вернется. Оставив ему записку, я вернулся домой. Перед обедом я принял свою обычную курительную порцию, и тут позвонил Дживз.

— Мистер Вустер? Добрый вечер, сэр. Это Дживз.

— Наконец-то, — радостно проблеял я, как тот потерянный ягненок, который после длительной разлуки увидел (читай: услышал) наконец своего родителя на другом конце поляны (читай: на том конце провода). Где ты пропадал?

— Мой друг пригласил меня на ленч в Фолкестоун, сэр. А потом он уговорил меня задержаться и быть в числе судей на конкурсе приморских красавиц.

— Неужели? И как, все нормально?

— Да, сэр.

— Кто победил?

— Мисс Марлен Хиггинс из Брикстона, Мисс Лана Браун из Талсхилла, и Мисс Мерли Бантинг из Пенджа. Все очень привлекательные юные леди.

— Хорошо сложены?

— Весьма.

— Знаешь, что я тебе скажу, Дживз, и запиши это себе в записную книжку: хорошая фигура это не главное в жизни. Иногда мне даже кажется, что чем плавнее формы у представительниц слабого пола, тем больше в этом от руки дьявола. Я в ужасно расстроенных чувствах, Дживз. Помнишь, что ты мне рассказывал, что кто-то кому-то рассказал такое, отчего у другого что-то стало с глазами и ростом волос.

— Я думаю, что вы имеете в виду призрака отца Гамлета, Принца Датского, сэр. Обращаясь к своему сыну, он говорил: «Когда б не тайна моей темницы, я бы мог поведать такую повесть, что малейший звук тебе бы душу взрыл, кровь обдал стужей, глаза, как звезды, вырвал из орбит, разъял твои заплетшиеся кудри, и каждый волос водрузил стоймя, как иглы на взъяренном дикобразе...»

Ты слушаешь меня?

— Да, сэр.

— Тогда слушай меня внимательно.

Когда я закончил повествование, Дживз заметил: «Я вас очень понимаю, сэр. Могут быть большие неприятности», что редко услышишь от Дживза, обычно он ограничивается: «это весьма неприятно, сэр».

— Я немедленно еду в Бринкли, сэр.

— Правда? Мне жаль, что ты прерываешь свой отпуск.

— Ничего страшного, сэр.

— Ты потом можешь продолжить.

— Конечно, сэр, если вам это будет удобно.

— Но сейчас...

— Конечно, сэр. Если вспомнить еще одно крылатое выражение, сейчас как раз то время,...

— ...когда один хороший человек хорошо, а два хороших человека — лучше.

— Именно это я и имел в виду, сэр. Завтра утром я приеду домой как можно раньше.

— И мы вместо отправимся в путь. Отлично, — сказал я и вернулся к своему простому, но плотному обеду.

Можно сказать, что на следующий день я отправился в Бринкли с легким сердцем. Ведь рядом со мной сидел Дживз, чей интеллект, после пребывания на побережье, был обогащен фосфором. Но с тяжелым сердцем я вдруг подумал: а вдруг Дживз не справится. Он был большим специалистом по склеиванию разбитых сердец, но на этот раз он имел дело с сердцами фирмы Роберта Уикам и Регинальд Херринг. Я помню, как однажды по какому-то поводу Дживз сказал: «Это не по силам никому из смертных». При мысли, что Дживз повторит эту фразу и на этот раз, я заколыхался от страха, как заливная рыба. Я вспомнил, как Бобби, давая Кипперу от ворот поворот, грозила, что приволочет меня к алтарю и свистнет священника. Поэтому я уже ехал с тяжелым сердцем.

Когда мы выехали за черту Лондона и можно было беседовать без риска врезаться в другую машину или зацепить невинного пешехода, я объявил наше совещание открытым.

— О друг мой Дживз, ты не забыл вчерашний телефонный разговор?

— Нет, сэр.

— Ты уловил, в чем суть?

— Да, сэр.

— Ты уже пытался это обдумать?

— Да, сэр.

— Какая-нибудь идея клюнула?

— Пока нет, сэр.

— Да, я и не удивляюсь. Такие вещи быстро не делаются.

— Да, сэр.

— Суть дело в том, — сказал я, крутанув руль, чтобы объехать встречную курицу, — что в лице Роберты Уикам мы имеем девушку возбужденного и крутого нрава.

— Да, сэр.

— А с девушками возбужденного и крутого нрава приходится возиться. И уж никак нельзя их называть рыжими Йезавелями.

— Никак нельзя, сэр.

— Вот если бы меня кто обозвал рыжей Йезавелью, я бы обиделся. Кстати, кто такая Йезавель? Имя девушки знакомо, но никак не вспомню.

— Сэр, это действующее лицо из Ветхого Завета. Царица Израиля.

— Ах да, конечно. Скоро я и свое собственное имя забуду. Кажется, ее съели собаки?

— Да, сэр.

— Должно быть, это ей не было приятно.

— Нет, сэр.

— А все-таки взяли и съели. Кстати, о собаках. В Бринкли живет одна такса, которая сначала имеет такие манеры, будто хочет поиметь тебя в виде легкой закуски. Но не придавай этому значения. Это все чистой воды надувательство. Ее воинственное настроение

ничто иное, как...

— ...обыкновенное пустолайство, сэр?

— Совершенно верно. Хвостовство. Пара ласковых слов, и она прижмет вас... как это там?

— ...И она прижмет вас к своей груди всеми четырьмя клешнями.

— Да, не пройдет и двух минут. Она и мухи не обидит, но ей нужно держать марку, ведь ее зовут Попет [Крошка]. Ведь если собаку изо дня в день зовут: «Крошка, Крошка!», поневоле захочешь применить силу. У каждого есть своя гордость.

— Совершенно верно, сэр.

— Тебе понравится Поппет. Милая собачка. Носит уши, вывернутые наизнанку. И почему это таксы носят уши, вывернутые наизнанку?

— Этого я не знаю, сэр.

— И я тоже. Всегда удивлялся. Но впрочем что это мы, Дживз. Болтаем о всяких Йезавелях и таксах, вместо того, чтобы сконцентрировать свое внимание на...

Тут я резко замолчал. Мое внимание полностью сконцентрировалось на придорожной таверне. Если точнее, не самой таверне, а на том, что стояло возле ее — на рыжем родстере, в котором я сразу узнал собственность Бобби Уикам. Можно было догадаться, почему она здесь. Бобби погостила у матери пару дней и поехала обратно в Бринкли. По дороге она почувствовала жажду, и она остановилась, чтобы выпить пару стаканчиков.

Я притормозил.

— Дживз, подожди меня здесь.

— Хорошо, сэр. Вы хотите поговорить с мисс Уикам?

— Так вы тоже заметили ее машину?

— Да, сэр, она очень выделяется среди других.

— Так же, как и ее хозяйка. У меня такое чувство, что я могу совершить кое-что в плане сближения чужих сердец. Надо попробовать, правда?

— Конечно, сэр.

Внутри эта придорожная таверна «Лиса и Гусь» (не ищите в меню) ничем не отличалась от других своих придорожных сестер: прохлада и сумрак, запах пива, сыра, кофе, пикулей и крепкого крестьянского тела. Входишь в это укромное помещение, и видишь — пивные кружки, украшающие стенные полки, и беспорядочно расставленные столы и стулья. На одном из таких стульев, за одним из таких столов сидела Бобби, за бутылочкой имбирного пива.

— Господи, Берти! — воскликнула она, когда я подошел к ней с приветствием. — Откуда ты взялся?

Я объяснил, что возвращаюсь из Лондона в Бринкли на своей машине.

— Смотри, как бы у тебя ее не угнали. Ты наверняка не вытащил ключи из зажигания.

— Да, но в машине сидит Дживз, мой мудрый страж, как любишь говаривать ты.

— Ах, так ты вместе с Дживзом? Но ты же говорил, что он в отпуске.

— Он прервал его по собственному желанию.

— Какой ты однако феодал.

— Ужасный. Когда я сказал ему, что он мне очень нужен, он ни минуты не колебался.

— И зачем он тебе так нужен?

Наступил момент для сближения чужих сердец. Я понизил голос до интимного шепота, но Бобби спросила, не болит ли у меня горло, поэтому я заговорил громче.

—Я подумал, что он сможет кое-чем помочь.

—В чем именно?

—Тебе и Кипперу, — сказал я и начал нащупывать дальнейшую нить разговора. Я знал, что тут нужно быть осторожным, поскольку мы имеем дело с девушкой вспыльчивого и крутого нрава. Одно лишнее слово, и она прихлопнет меня бутылкой из-под имбирного пива.

—Должен тебе заметить, что Киппер очень зримо передал мне суть вашего телефонного разговора, хотя я уверен, что тебе это может не понравиться. Но ты должна учесть, что мы друзья с детства. И ему просто было необходимо с кем-то поделиться, иначе читай отходную молитву.

Я видел, как она вздрогнула, и взгляд ее замер на бутылке. Я бы меньше удивился, если бы она ударила Вустера по голове, но вместо этого она сказала:

—Бедный ягненочек!

Я заказывал себе джин и тоник: при этих словах я прыснул им на столик, как домохозяйка, которая собирается гладить.

—Что ты сказала?

—Я сказала бедный ягненочек, хотя больше бы подошло «лопушок». Ну надо же, серьезно воспринял мои слова. Неужели он подумал, что это правда!

Я попытался уточнить:

—Это что, просто был такой способ поддерживать беседу?

—Господи, я просто спускала пар. Ну разве не может девушка время от времени спускать пар? Я никак не думала, что он примет это так близко к сердцу. Регги все мои слова воспринимает буквально.

—Значит, мальчик Амур снова счастливо смеется?

—Просто ржет как лошадь!

—То есть, если я правильно понял: «Бобби плюс Киппер» равняется?

—Конечно. Знак минус конечно стоял, но только первые пять минут.

—Я облегченно вздохнул, но быстро об этом пожалел, так перед этим я отхлебнул остатки своего джина.

—А Киппер в курсе? — спросил я снова, когда перестал кашлять.

—Пока еще нет. Я еду, чтобы сказать ему об этом.

Мне требовалось уточнить еще кое-какие детали.

—Значит, если я правильно понял, по мне не будут звонить свадебные колокола?

—Боюсь, что нет.

—Ничего страшного. Лишь бы ты была счастлива.

—Я не хочу, чтобы меня обвинили в двоемужии.

—Что ты, конечно. И на сегодняшний день ты остановилась на Киппере. И я тебя не виню. Прекрасная партия.

—И я тоже так считаю. Он отличный парень, ведь правда.

—Потрясающий.

—Я не предпочла бы другого ни за какие богатства на свете. Расскажи мне, каким он был в детстве.

—О, да таким же как все остальные.

—Чепуха!

—Ну конечно, не считая того, что он вечно спасал народ из горящих зданий и успевал выхватить голубоглазых детей из-под копыт сорвавшихся лошадей.

—Такое часто случалось?

—Почти каждый день.

—Он был гордостью школы?

—Да, пожалуй.

—Правда, насколько я поняла из его рассказов, сама школа была такой, что гордиться нечем.

—Условия жизни, созданные Обри Апджоном, были весьма суровыми. Особенно вспоминаются воскресные свиные колбаски.

—Регги очень смешно мне про них рассказывал. Колбаски положено делать из жизнерадостных свиней, а это были свиньи, разочарованные в жизни, или больные сапом, или туберкулезные.

—Да, я тоже это почувствовал. Ты уже уходишь? — спросил я, так как Бобби встала из-за стола.

—Я не могу больше ждать ни минуты. Я хочу броситься к нему в объятия. Мне кажется, если я его скоро не увижу, то просто умру с горя.

—Я очень тебя понимаю. Парень из Брачной Песни Иомена тоже себя так чувствовал. правда там были немного другие слова: «Дин-дон-дин-дон: вот к любимой едет он». Правда, там было одно трудное место: «Парень женится на не-еей» — последний слог приходилось тянуть минут десять, у меня вечно не хватало воздуха. Помнится, викарий сказал мне...

Тут меня прервали: меня часто прерывают, когда я начинаю рассказывать, как надо петь Брачную Песню Иомена, — Бобби заявила мне, что ей все это ужас как интересно, но лучше она подождет, когда выйдет моя Автобиография. Мы вместе вышли на улицу, я проводил ее до роудстера, а сам вернулся к машине, где сидел Дживз, улыбаясь во весь рот (читай: а сам вернулся к машине, где сидел Дживз), улыбаясь во весь рот.) Что же касается Дживза, то улыбается он скупно, позволяя своим губам скривиться, чаще всего на левую сторону лица. Я же просто сиял от счастья. Ничто так не делает счастливым, как осознание того, что все-таки тебе не придется петь Брачную Песню.

—Извини, Дживз, что заставил тебя ждать. Надеюсь, ты не очень скучал?

—Что вы, сэр, благодарю вас. Нам со Спинозой вовсе не было скучно.

—А?

—У меня тут книжка, «Этика» Спинозы, вы были так добры, что дали мне ее недавно почитать.

—Ах да, конечно. Хорошая книжка?

—Чрезвычайно, сэр.

—Это что, пособие для дворецких? Кстати, Дживз, хочу тебе сказать, что у нас все под контролем.

—Неужели, сэр?

—Разбитые сердца склеены, скоро мы услышим звон свадебных колоколов. Бобби передумала.

—*Varium et mutabile semper femina*, сэр.

—Правильно говоришь. А теперь, — добавил я садясь в машину и трогаясь с места, — я расскажу тебе сказку про Уилберта и серебряный сливочник и я не удивлюсь, если от этого у тебя глаза не станут как у взъяренного дикобраза...

Когда я приехал в Бринкли, стояли тихие сумерки. Я поставил свою старушку машину в гараж и увидел, что машина тетушки Далии тоже на месте, из чего я сделал вывод, что и эта старушка вернулась. Так оно и есть. Я застал ее в будуаре вместе с чашкой чая и сдобной лепешкой. Она поприветствовала меня охотничьим улюлюканьем, которым овладела еще в пору охоты на британскую лисицу. Это было подобно газовому выхлопу, который пронзил меня от капота и до. Я никогда сам не охотился, но я так понимаю, что если ты умеешь издавать на охоте звуки, подобно хищнику страдающему от диспепсии, то считай, что дичь у тебя в кармане. Я думаю, что в молодые годы от одного такого выкрика тетушки Далии все ее спутники вылетали из седел, даже если их разделяла пара пахотных полей и тихая рощица.

—Привет, горе мое, — сказала между тем она. Ты давно примчался?

—Только что разорвал финишную ленточку.

—Херринг сказал, что ты ездил в Херн Бей.

—Да, я ездил за Дживзом. Как Бонзо?

—Весь пятнистый, но повеселел. А зачем тебе понадобился Дживз?

—Да вот оказалось, что уже и не нужен, но это выяснилось только на полдороги сюда. Я-то думал, что он помирит Бобби Уикам и Киппера. Ты знала, что они обручены?

—Да, она мне говорила.

—А она сказала тебе, что тиснула в «Таймс» объявление, будто обручена со мной?

—Я была первой, с кем она поделилась. Мы с ней от души посмеялись.

—А вот Киппер не посмеялся, потому что его бестолковая невеста забыла его предупредить. И когда он прочитал объявление, то увял, и у него потемнело перед глазами. Любой женщине он предпочел бы петлю и веревку, потом он кипел от негодования и написал ей письмо в стиле Томаса Оутвея.

—В стиле кого?

—Ты не знакома с Томасом Оутвеем? Он драматург, семнадцатого века, известен своими саркастическими репликами против представительниц противоположного ему пола. Написал пьесу «Сирота», которая просто кишит ими.

—Так ты оказывается не только комиксы читаешь?

—Честно говоря, я не очень-то вгрызался в его наследие, но зато мне рассказывал Киппер. Отвей считает, что женщины это ужасно, а Киппер перекинул эту информацию в своем письме к Бобби. И письмо получилось сердитое.

—Но неужели ты не догадался все ему объяснить?

—Конечно же догадался. Но к тому времени она уже получила письмо.

—Но почему же этот идиот не сказал ей, чтобы она его не открывала?

—Он все так и сделал. — «Дорогой, у меня на столе лежит письмо от тебя», — сообщила она. «Дорогая, ни в коем случае не открывай его», — сказал он. Ну и конечно же она открыла письмо.

Тетушка поджала губы и задумчиво откусила от лепешки большой кусок.

—Теперь я понимаю, что вид у него, как у дохлой рыбы. Роберта конечно же разорвала помолвку?

—И произнесла при этом пятиминутную речь — на едином дыхании.

—И ты привез сюда Дживза, чтобы он выступил посредником?

—Именно так я думал.

—Но если уж дело настолько далеко зашло...

—Ты сомневаешься, что Дживз сможет залечить их раны? — сказал я и погладил тетушку по головке. — Можешь вытереть набегающую слезу: все прошло. Я встретил Бобби в таверне по дороге сюда: она уже выпустила свой пар и больше не кипит от злости. Она остыла, но представь себе, горячо его любит. Когда мы расставались, она спешила к нему, чтобы сообщить это. Я думаю, что к настоящему моменту они уже спелись как ветчина с яичницей. Да и мне от этого легче, ведь порывая с Киппером, она собиралась выйти замуж за меня.

—А я думала, ты был бы счастлив.

—Ничего подобного.

—Как? Ты ведь сходил по ней с ума.

—Больше не схожу. Наваждение прошло, пелена сошла с моих глаз, и теперь мы просто хорошие друзья. Когда влюбляешься, вся загвоздка состоит в том, дорогая моя тетушка, что иногда представители от одной стороны связываются не с теми представительницами другой стороны, воспринимая их не с той стороны. Скажу понятней. Мужчины делятся на лопухов и не-лопухов. А женская особь может быть «хомо стервус», а есть еще тип «соня». Но вся беда в том, что не-лопухов тянет к тем, что «стервус» (а они-то больше подходят для лопухов) и они слишком поздно начинают понимать, что им нужны мягкие, спокойные «соня», с которыми можно спокойно жить и грызть свой хлеб насущный.

—То есть, все время получается наоборот?

—Совершенно верно. Возьми хотя бы меня и Бобби. Я очень высоко ценю ее экстравагантность, но я же не лопух и никогда им не стану, а она никогда не откажется от своих отличительных признаков. А мне нужна спокойная жизнь, а она никогда на нее не согласится, ее не одно успокоительное не возьмет. Она спать не будет спокойно до тех пор, пока сама не сведет кого-нибудь с ума. Короче говоря, ей нужна твердая рука, а у меня такой нет. А у Киппера, хотя он и лопух, таких рук сколько хочешь, и ему ничего не стоит с ней справиться. Поэтому я благословляю союз этих двух особей и готов на радостях танцевать народный танец в деревянных башмаках. Но где же Киппер? Я хочу пожать ему руку и поздравить лично.

—Он отправился вместе с Уилбертом и Филлис на пикник.

Я вспомнил и сразу сделал серьезный вид.

—Значит, он следит за ними. Очень серьезно относится к своим обязанностям.

—Он глаз с Уилберта не спускает.

—Уж с кого-кого, а с клеptomана нельзя глаз спускать.

—С кого?

—Так тебе не сказали? У Уилберта воровской диагноз.

—С чего ты взял, что он вор?

—Он ворует вещи. Все, что не привинчено и не прибито гвоздями.

—Не будь таким дураком.

—Ты напрасно меня обижаешь. Он взял сливочник дяди Тома.

—Я знаю.

—Ты знаешь?

—Конечно.

Ее хладнокровие меня поразило. А я-то думал, будто поведенное мной обдаст ее кровь стужей и водрузит ее перманент стоймя как иглы на взъяренном дикобразе!...

—Черт возьми, как спокойно ты это воспринимаешь.

—А с какой стати мне волноваться? Это Том продал ему сливочник.

—Что?!

—Уилберт связался с ним в Хэррогейте и предложил сделку, Том позвонил мне и сказал, чтобы я отдала сливочник. Это лишний раз подтверждает, как держится Том за другую сделку.

Я шумно глотнул воздух, на этот раз без примеси джина и тоника. Я был изумлен.

—Ты хочешь сказать, — сказал я трагическим голосом, — что я напрасно проделал всю эту нервную работу?

—Что за нервная работа, ты всегда был такой бездельник.

—Да, а мамаша Крим? Она все время заглядывала в комнату своего чада, как только я приступал к поискам этого проклятого сливочника. Ведь я-то думал, что он спер его и там припрятал.

—И она тебя на этом поймала?

—И не однажды.

—И что она сказала?

—Она посоветовала мне пройти курс лечения у Родди Глоссопа, она слышала, что прекрасно справляется с душевнобольными. Я догадываюсь, почему она мне об этом сказала. Когда она меня засекла, я был наполовину упрятан под комод, конечно же ей это показалось странным.

—Берти! Но это действительно глупо!

—Я пытался возразить ей, но слова мои потонули в ее громком смехе. Я никогда не слышал, чтобы кто-либо так смеялся, даже Бобби, когда я мне по носу ударили грабли.

—Я бы отдала пятьдесят фунтов стерлингов, чтобы оказаться там, — сказала она, когда наконец ее голосовые связки оправились от хохота. Так говоришь, ты торчал из-под комода?

—Это было во второй раз. В первую нашу встречу я сидел на полу со стулом обмотанным, вокруг шеи.

—Это как Елизаветинский воротник, какие носили во времена Томаса Ботвы.

—Ботвея, — возразил я сурово. Вы же знаете, я не люблю, когда выражаются неграмотно. И еще я хотел сказать, что я надеялся, что передо мной сочувствующая родственница, а не мешок со смехом, но в этот момент дверь открылась и в комнату вошла Бобби.

Я сразу же понял, что она какая-то странная. Обычно Бобби выглядит так, будто она лучше всех. Потому она всегда такая оживленная. Но на этот раз она была какая-то тихая, погруженная в себя, но не так как это делает кот Агустус: скорее она была похожа на женщину с одной в Лувре. Дживз как-то подвел меня к этому шедевру и сказал: вот головка, на которую свалилась мировая тоска. Помню, он обратил мое внимание, какие у этой женщины тяжелые усталые веки. Я посмотрел на Бобби и пожалуй согласился с Дживзом.

Бобби разверзла свои тонкие уста, будто она только что высосала целый лимон, и сказала:

—Миссис Траверс, я хотела взять ту книжку Миссис Крим, которую начала читать.

—Конечно, дитя мое, — сказала моя тетушка. — Чем больше людей читает ее книги, тем лучше. Это очень поможет общему делу.

—Надеюсь, ты хорошо добралась, Бобби, — сказал я. — Ты уже говорила с Киппером? Я не сказал бы, что она фыркнула, но все же сморщила носик.

Берти, — сказала она мне рефрижераторным голосом, — я могу тебя кое о чем попросить?

—Да, конечно. О чем же?

—Никогда не произноси при мне имени этого подлеца, — сказала она и вышла из комнаты, и я снова заметил про себя, какие у этой женщины тяжелые усталые веки...

Бобби оставила меня в полном изумлении, тетушка Далия тоже вытаращила глаза от удивления.

—Ну! — сказала она. — И как это понять? Ты кажется говорил мне, что она горячо его любит.

—Она мне сама это сказала.

—По-моему ее любовь вовсе испарилась. Если это ты называешь любовью, то я одеваю свою шляпу, — сказала моя тетушка, намекая на ту соломенную тряпку, в которой она расхаживает по огороду. По своему безобразию с ней сравнима если только войлочная шляпенция дядюшки Тома, гроза всех вустерширских ворон.

—И по-моему, они переругались.

—Очень похоже на то, — согласился я. — И я не представляю, как такое могло случиться, ведь я оставил ее с любовным огоньком в глазах, и с тех пор, как она здесь находится, прошло не более получаса. Как за такой промежуток времени из девушки, переполненной любовью, она могла превратиться в женщину, на которую свалилась мировая тоска. Может мне послать за Дживзом?

—А что может сделать Дживз?

—Если отвечать на твой вопрос конкретно, должен признать, что представления не имею. Просто у меня вошло в привычку посылать за Дживзом всякий раз, когда дела идут вкривь и вкось. И еще, если мы хотим во всем разобраться, нужно обратиться к первоисточнику. Поэтому пойду и поищу его. Но мне не пришлось себя этим утруждать, потому что Первоисточник сам вошел в комнату.

—Вот ты где, Берти, — сказал он. Мне сказал, что ты вернулся. А я тебя ищу.

Киппер говорил глухим загробным голосом. У него были все симптомы человека, пережившего бомбежку: плечи опущены, взгляд тусклый. Короче, он явно не был похож на англичанина, который уже начал принимать Желчь старого доброго доктора Гордона, поэтому нельзя было терять время на предисловия.

'Что это у вас с Бобби за напряженность отношений, а?' — спросил я. Когда он ответил мне: 'Ничего такого', я легонько стукнул кулаком по столу и потребовал прекратить паясничать.

Он было встал и хотел с достоинством заметить, что не хотел бы обсуждать свою личную жизнь, но встретился взглядом с тетушкой Далией и вернулся в исходную позицию. Он снова сидел на своем стуле, весь обмякший как рыбе филе.

—Ну что ж, если вы так хотите знать, то она разорвала нашу помолвку.

Это никак не продвинули дознания. Мы и так догадывались, что если вас называют подлецом, значит юридически вас разлюбили.

—Но прошло всего только час, как мы расстались с ней в таверне Лиса и Гусь и она сходила по тебе с ума. Что случилось?

—А, ничего.

—Ну же, рассказывай!

—Ну случилось и случилось.

Киппер замолчал, а потом сказал, что он отдал бы сейчас пятьдесят фунтов стерлингов за то, чтобы выпить стаканчик виски с содовой: но это значило, что пришлось бы звонить в колокольчик Попу Глоссопу, а потом ждать, пока он будет искать по закромам нужную бутылку... Тетушка Даля так долго не смогла бы ждать. Поэтому взамен она оторвала от сердца кусок своей лепешки, протянула ее Кипперу и попросила рассказывать.

—В чем была моя ошибка, — начал Киппер тем же низким загробным голосом, будто он был приведением, подхватившим ОРЗ, — вся моя ошибка была в том, что я обручился с Филлис Милз.

—Что? — воскликнул я.

—Что? — воскликнула тетушка Даля.

—Вот это да! — сказал я.

—Зачем ты это сделал? — сказала тетушка Даля.

Киппер беспокойно поерзал на стуле, будто он сел на осу.

— Сначала мне это показалось хорошей идеей. Ведь Бобби заявила мне по телефону, что не желает меня видеть ни в одном из миров, а Филлис мне все время твердила, что хотя в Уилберте Кримере ее отталкивает его прошлое, но ее к нему так тянет, что если он ей сделает предложение, то она не сможет отказать, а я-то должен был это предотвратить, поэтому решил, что просто сам сделаю ей это предложение. Мы с ней все обсудили и достигли взаимопонимания, что это только фиктивно и не накладывает на нас никаких обязательств. А потом мы сказали про это Криму.

—Очень умно, — заметила тетушка Даля. — И как он это воспринял?

—Он просто увял.

—Прямо какая-то ранняя нынче осень, — иронично заметил я. — Помнится, и ты увял, когда вспомнил про свое письмо к Бобби.

—А когда Бобби возникла ниоткуда как раз в тот момент, когда я поцеловал Филлис, я уже был просто близок к заморозку.

Я поморщился. Я не любил водевильных сценок.

—Тебе совсем не нужно было этого делать.

—Может ты и прав, но мы хотели, чтобы Крим поверил.

—Понимаю. Для наглядности.

—Именно. Конечно, я не согласился на это, если бы знал, что Бобби передумала и хотела бы все вернуть обратно. Но я же не знал! Это просто какая-то ирония судьбы. У Томаса Харли на этом много построено.

Я не был знаком ни с каким Т. Харди, но я все равно его понимал.

—Ты ей успел все объяснить?

Он жалобно посмотрел на меня.

Разве можно что-то объяснять молодой рыжей женщине, если она нахохлилась как мокрая курица?

Я снова его понял.

—И что было потом?

—О, она вела себя очень по-светски. Мы очень мило разговаривали, пока не ушла Филлис. И тут-то она начала. Она сказала, что мчалась сюда на крыльях любви, мечтая броситься ко мне в объятия и каково же было ее удивление, когда мои объятия уже

оказались заняты и... В общем, много еще чего наговорила. Все дело в том, что Бобби всегда немного ревновала меня к Филлис, еще по Швейцарии она считала, что мы слишком в хороших отношениях. Но у нас ничего не было.

—Просто хорошие друзья?

—Конечно.

—Знаете, что я вам скажу... — начала было тетушка Даля.

Но мы не успели услышать, что она имеет нам сказать, потому что в комнату вошла Филлис...

Я окинул ее взглядом искусствоведа и решил, что понимаю, почему Бобби так взвилась, когда увидела ее в объятиях Киппера. Если вы (не я же) девушка и влюблены в штатного сотрудника «Сездей Ривью», то не подпрыгнете от восторга, если увидите его в композиции с другой, особенно если это падчерица Обри Апджона: низкий коэффициент умственного развития Филлис не мешал ей оставаться красавицей. Небо явно проигрывало с голубизной ее глаз: одета она была в простое летнее платье, которое подчеркивало плавность ее линий, поэтому не удивительно, что когда Уилберт Крим увидел ее, то срочно принялся штудировать поэзию и повел ее в теник по кратчайшей тропинке.

— О, Миссис Траверс, — сказала она, завидев тетушку Далию. — А я только что поговорила с папой по телефону.

Это замечание сразу заставило мою тетушку отложить в сторону клубок (отношений Киппер-Бобби). До раздачи призов в грамматической школе в Снодсбери, где соберутся сливки деревни, оставалось два дня: поэтому разве она не могла волноваться оттого, что отсутствует главное действующее лицо, которое должно было рассказать школьникам о жизненных идеалах и как ими пользоваться в летнее время. Если вы (то есть она) член правления такой школы и обязаны поставить ей такого оратора, то можно понять вашу (ее) нервозность, когда вы узнаете, что этот оратор сбежал в метрополию и неизвестно когда его ждать. Тетушка начинала понимать, что и у самого Апджона начинался каникулярный синдром, а ничто так не портит школьного собрания как отсутствие оратора. От волнения тетушка покраснелась как июньская роза и поинтересовалась у Филлис, собирается или нет этот сын бакалавра возвращаться.

— Он приедет сегодня вечером. Он спрашивает, не беспокоитесь ли вы.

При этих словах родная сестра моего покойного отца фыркнула по высшей отметке десятибалльной шкалы.

— Неужели? Так у меня для него новость. Я действительно беспокоюсь. Почему он так долго задержался в Лондоне?

— Он встречался со своим адвокатом: он собирается подать в суд на «Сездей Ривью», за клевету.

Я до сих пор пытаюсь прикинуть, на сколько дюймов подпрыгнул Киппер на своем стуле, когда он услышал эти слова. Иногда мне кажется, что на десять дюймов, иногда, что на шесть, но во всяком случае это вполне можно было назвать прыжком в высоту.

— На «Сездей Ривью» — переспросила тетушка Далия. — Мой юный Херринг, это ведь кажется ваша газета? Чем они так завели Апджона?

— Папа написал книгу про начальную школу, это все из-за нее. Вы слышали, что он написал книгу про начальную школу?

— Представления не имела. Мне никто ничего не рассказывает.

— Ну вот, он написал книгу про начальную школу. Он там пишет про начальную школу.

— Про начальную школу — неужели?

— Да, про начальную школу.

— Слава богу, это мы уже выяснили. Повторение — мать учения. Ну и...?

— А «Сездей Ривью» написала что-то клеветническое про эту книгу, а папин адвокат сказал, что папа может выиграть от процесса не меньше пятидесяти тысяч фунтов

стерлингов. Ведь это же была клевета. Все это время папа разбирался с адвокатом. Но сегодня вечером он придет назад. И будет участвовать в раздаче призов, его речь уже готова, я ее перепечатала. Ах, а вот и мой дорогой Поппет, — сказала Филлис, услышав приближающийся лай. — Он хочет покушать, мой дорогой песик. Сейчас, сейчас, Мамочка идет! — заворковала она и упорхнула от нас к нашим меньшим братьям.

После ее ухода воцарилась краткое молчание.

— Ничего не хочу слышать, — наконец сказал тетушка Далия с вызовом. — Ум это еще не все. Она хорошая, добрая девушка. И я люблю ее как родную дочь.

И пусть кто-то из вас считает ее дурочкой. Эй, — сказала она, увидев, что Киппер откинулся на стул, безуспешно пытаясь придать своему лицу волевое выражение. — Что вы так разволновались, мой юный Херринг?

Я видел, что Киппер не в разговорчивой форме, поэтому ответил за него сам.

— Возникает весьма сложная ситуация, дорогая тетушка. Ты же слышала, что рассказала Ф. Милз перед тем, как отправиться кормить свою собаку. А она все рассказала.

— Как тебя понять?

— А то, что она выложила все факты. Апджон написал эту тонкую книжицу, которая, если ты помнишь, посвящена начальной школе, и в ней он утверждает, по словам Киппера, что время, проведенное в таких заведениях, является самым счастливым в нашей жизни. Гл. редактор отдал эту книгу на рецензию Кипперу, и он, вспоминая это мрачное время в Мелверн Хаус, что в Бремли, когда мы только и делали, что собирали маргаритки в кавычках, — Киппер написал меткую рецензию: рука его была тверда. Ведь так, Киппер?

Киппер нашел в себе силы заговорить из такой глубины души, точно как буйвол вытаскивает с чавканьем ногу, засосанную в болоте.

«Но, черт побери,» — заговорил он наконец человеческим голосом, — «критика была совершенно справедливой. Конечно же, я говорил без обвиняков...»

«Было бы небезынтересно узнать, в каких именно выражениях ты говорил без обвиняков, ибо среди них может оказаться пара таких, которые будут тебе стоить пяти тысяч фунтов стерлингов. Берти, садись в машину, съезди на станцию и посмотри, нет ли у них в киоске одного экземпляра... Впрочем нет, погоди. Вольно. Я сейчас приду». — сказала она и вышла из комнаты, оставив меня в полном неведении, какие будут дальнейшие распоряжения. Пути тетушек неисповедимы.

Я повернулся к Кипперу.

«Плохо дело,» — сказал я.

По его сморщенному выражению я понял, что хуже некуда.

«Что может быть, если сотрудник еженедельника вгоняет свое начальство в большие издержки за клевету?»

«Его выгоняют, но что хуже всего, ему будет трудно найти другую работу. Его заносят в черный список.»

Я его понял. Ох уж эти господа, которые владеют еженедельниками: они считают каждый пенни. Им нравится, когда деньги прибывают, но если вдруг, вместо этого, деньги меняют свое направление в результате оплошности какой-либо штатной человеческой единицы, они сводят ее к нулю. Насколько мне было известно, журнал Киппера (не Киппера конечно) находился во владении то ли какого-то правления, то ли синдиката, но все вместе они были то же самое, что каждый в отдельности. По словам Киппера, они не только увольняли небезызвестную единицу, но и сообщали о том себе подобным.

«Ах Херринг?» — скажет кто-то, когда Киппер придет к нему устраиваться на работу. — «Это не тот самый негодник, который лишил „Сездей Ривью? толстого слоя масла на хлебе“? Выкиньте его в окно, мы помашем ему вслед.» Другими словами, если Апджон выиграет процесс, шансы человеческой единицы «Киппер» превратиться в штатную единицу очень малы. Должны пройти годы, прежде его помилуют.

«Мне останется только продавать карандаши в подземном переходе». — сказал Киппер, и он только обхватил лицо руками на манер того, как это делают в случае отчаяния, но в это время дверь отворилась и в комнату вошла не тетушка Далия, а Бобби.

«Я взяла не ту книгу». — сказала она. — «Мне нужна была...»

Тут она обернулась на Киппера и вся напряглась ну точно как жена Лота, помните, тогда еще происходили все эти неприятности с небезызвестными городами: так вот, она превратилась в соляной столп, хотя что этим хотел сказать автор, я так и не мог понять. При чем тут соль. Весьма, весьма эксцентричен: я бы сказал иначе!

«О!» — воскликнула между тем Бобби, как будто оскорбленная увиденным, но в это время Киппер издал протяжный стон и поднял к ней свое испепеленное лицо. При виде этой человеческой руины все презрение мигом испарилось из Роберты Уикам, и на месте ее возникла любящая и нежная Бобби. Одним прыжком она подскочила к нему как львица, обретшая, наконец, своего детеныша.

«Регги! О, Регги Регги, дорогой мой, что случилось?» — воскликнула она, явно перебившись в лучшую сторону. Она размякла при виде чужого горя, такое часто бывает с женщинами. Об этом часто, кстати пишут поэты. Может, вы слышали, у одного поэта есть такие строчки:

О женщина, в часы любви
там-тамти-тидли что-то там «вы».
«Когда» там что-то такое «цветы»,
и точно не помню, трам-там «ты».

Бобби накинулась на меня как разъяренная львица.

«Что ты сделал с этим бедным агнцем?» — воскликнула она и посмотрела на меня взглядом, которому по колючести не было равных во всем нашем графстве за весь последний летний месяц. И только я успел объяснить, что вовсе не я, а рок судьбы омрачил чело бедного агнца, как в комнату вернулась тетушка Далия.

«Я была права,» — сказал она. «Я была уверена, что после выхода книги Апджон обязательно свяжется с агентством по журнальным и газетным вырезкам. Я нашла это у него на столе. Это твоя рецензия на его книгу, мой юный Херринг, и даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять, почему ему это могло не понравиться. Я могу прочитать вам это вслух».

Я конечно представлял себе, в каком ключе будет написана рецензия Киппера, что она не будет хвалебной, и что до меня, я слушал ее с большим удовольствием. Заканчивалась статья следующим образом:

«Обри Апджон был бы иного мнения о начальной школе, если сам бы оказался на месте своих учеников в Мелверн Хаус, что в Бремли. Мы никогда не забудем свиной колбасы,

которую нам подавали по воскресеньям: судя по вкусу, свинина принадлежала свиньям, прожившим безрадостную жизнь и умершим от сапа или туберкулеза».

До сих пор, Киппер сидел, постукивая пальцами по коленке и время от времени вставляя: «да, сказано остро, но правда». Но когда тетушка дошла до этого последнего абзаца, он снова сделал свой знаменитый прыжок в высоту, явно побив прежние свои рекорды на несколько дюймов. Я успел подумать, что если отпадет его теперешний способ зарабатыванья денег, у него впереди блестящее будущее акробата.

«Но я не писал этих слов», — воскликнул Киппер.

«Но вот же, напечатано черным по белому».

«Но это же клевета!»

«То же самое считает Апджон и его хищник-адвокат. И я должна сказать, что эта колбаса действительно пахнет для тебя пятьюдесятью тысячами фунтов».

«Дайте я сам взгляну», — воскликнул Киппер. — «Я ничего не понимаю. Нет, подожди, дорогая, не сейчас. Мне нужно подумать», — говорил Киппер в то время, как Бобби подскочила и обвила его руками, как цепкий плющ.

«Регги!» — завопила она, именно завопила. — «Это все я!»

«Что?»

"Ну, этот конец. Помнишь, за ленчем ты показал мне корректуру и попросил занести ее тебе в журнал, так как ты спешил на гольф. Когда ты ушел, я перечитала все, там не было того, что ты мне смешно рассказывал про эту колбасу. И тут я подумала, что будет очень забавно если... Ну, я и подписала это в конце. Просто как метафору...

На некоторое мгновение в комнате воцарилась тишина, прерванная лишь тетушкиным восклицанием: «Вот это да!» Киппер стоял мигая глазами: я уже однажды видел, как он это делал на турнирах по боксу, получая ближний короткий в самое ранимое место типа «в нос». Не могу сказать, мелькнула ли в этот момент в его мозгу желание схватить Бобби за шею и поработать с ней, но если и так, это желание было недолгим, ибо любовь возобладала. Ведь она назвала его агнцем, и с нежностью такового он заговорил.

— Ах, вот что. Ну что ж, ладно.

— Мне очень жаль.

— Ну что ты.

— Ты меня сможешь простить?

— Конечно.

— Я не желала ничего дурного.

— Конечно же нет.

— У тебя теперь будут неприятности?

— Возможны некоторые осложнения.

— О, Регги!

— Ничего страшного.

— Я испортила тебе жизнь.

— Пустяки. «Сездей Ривью» не единственная газета в Лондоне. Если меня и уволят, устроюсь на работу в другое место.

Это несколько расходилось с той информацией, которой владел я, насчет «черных списков», но я оставил это при себе, так как видел, что слова Киппера успокоили Бобби, а я не хотел портить им настроение. Разве можно вырвать полную чашу счастья из рук девушки, которая только что выкарабкалась из оврага отчаяния к тому же, если к этой чаше она уже приложилась.

— Конечно! — сказала Бобби. Любая газета почтет за счастье иметь у себя такого ценного человека.

— Они будут драться как тигры, чтобы заполучить его, — поддакнул я. — Такая купюра как Киппер может выпасть из оборота только на день, на два, не больше.

— Ты такой умный.

— О, благодарю.

— Я имею в виду не тебя, а Регги.

— Ах, Конечно же и Киппер вполне достоин такого звания.

— И все же, — заметила тетушка Далия, — мне думается, что когда вернется Апджон, вам нужно сделать все, чтобы умаслить его.

Я понимала, что она имеет в виду. Она предлагала прижать его к своей груди и так там и остаться.

— Точно, — заметил я. — Ты должен накачаться обаянием, Киппер, и есть шанс, что он заберет иск обратно.

— Он определенно так и сделает. Никто не может устоять перед тобой.

— Ты и вправду так думаешь, дорогая?

— Конечно, дорогой.

— Будем надеяться, что это так, дорогая. А между тем, — продолжил Киппер, — если я срочно не выпью виски с содовой, я развалюсь. Вы не возражаете, миссис Траверс, если я пойду и попрошу, чтобы мне налили?

— Именно это я и хотела предложить тебе сама. Лети, мой юный Бемби, лети и приложись к спасительной влаге.

— Я бы тоже не отказалась немного выпить. — сказала Бобби.

— И я тоже, поддакнул я, внимая народному гласу. — Но я бы остановился, — сказал я, когда мы уже вышли из комнаты, — я бы остановился на портвейне. В нем больше солидности. Поищем Сордфиша. Он нас обслужит.

Попа Глоссопа мы нашли в буфетной, где он начищал до блеска столовое серебро. Он несколько удивился от такого наплыва народу, но узнав, что наши глотки иссохли от жажды, он откупорил нам бутылку хорошего вина. Тут мы немного повосстанавливали нервные клетки, потом Киппер, который все это время находился в молчаливой задумчивости, встал и сказал, что он извиняется, но ему надо пойти побыть одному. Я видел, как Поп Глоссоп проводил Киппера острым взглядом, и понял, что он заинтересовался моим другом в плане второго своего призвания. Психиатр — он и на работе дворецкого психиатр. Вежливо дождавшись, когда дверь за Киппером закроется, Глоссоп поинтересовался:

— Мистер Вустер, мистер Херринг ваш старый друг?

— Зовите меня Берти.

— Ах, простите, Берти. Значит, вы уже некоторое время с ним дружны?

— Мы, считай, вылупились из соседних яиц.

—И он также друг мисс Уикам?

— Сэр Родерик: Регги Херринг и я помолвлены, — заметила Бобби.

При этих словах Глоссоп прекратил всякие расспросы. Он только сказал «О!...» — и начал обсуждать стоящую погоду, и он ее обсуждал, пока Бобби, которая все это время так же проявляла признаки нервозности, не сказала, что она, пожалуй, сходит и посмотрит, как там он... Избавившись таким образом от необходимости продолжать про погоду, сэр Родерик тотчас же приступил к разговору.

— Мне не хотелось говорить этого при мисс Уикам, так как она помолвлена с мистером Херрингом, я не хочу лишний раз беспокоить ее, но у этого молодого человека все признаки невроза.

— Он не всегда такой чокнутой, каким выглядит сегодня.

— Но все же...

— Знаете, что я вам скажу, Родди. Если бы с вами случилось то, что произошло с ним, у вас тоже был бы невроз.

И я все ему рассказал: не повредит здоровью узнать его мнение насчет истории с Киппером.

«Теперь вы знаете все». — закончил я. — «Единственный способ избежать того, что равносильно собственной смерти — а именно: дать ограбить своих работодателей на сумму, превышающую порог их жадности, — единственный способ — это помириться с Апджоном, что по мнению любого нормального человека может быть равносильно только собственной смерти. Посудите сами: четыре года он прожил с ним бок о бок в Мэлверне и так и не смог наладить с ним отношений. Трудно представить, как он это сделает теперь. Вся эта затея сушее *imprasse* по-французски, то есть полный тупик: формулы примирения не существует.»

К моему удивлению, вместо того, чтобы пощелкать языком и покачать головой в знак

того, что ситуация действительно серьезная, сэр Родерик озорно засмеялся: очевидно, во всем происходящем были свои светлые моменты, но я до них своим умом дойти не мог.

— Вы знаете, просто невероятно, дорогой Берти, — сказал он, — насколько все это напоминает мне мою собственную молодость. Мне припомнились случаи из собственной жизни, о которых я не вспоминал годами. Пока вы мне рассказывали о злоключениях своего друга Херринга, как будто спала пелена, покрывавшая мое давнее прошлое, как будто сломалась пружина времени, отпустив стрелки часов назад: я снова почувствовал себя молодым двадцатилетним парнем, попавшим в причудливую историю с Бертой Симмонс, Джорджем Ланчестером и отцом Берты, мистером Симмонс, который в то время проживал в Путней. Занимался импортом топленого жира и масла.

— Так что вы говорите за причудливая история?

Сэр Родерик снова повторил состав действующих лиц, выдвинул предложение выпить еще портвейну, — предложение было принято вместе с портвейном, — а затем он продолжил:

"Джордж, молодой человек, кипевший страстью жизни, познакомился с Бертой Симмонс в ратуше города Путней на благотворительном вечере-дансинге в помощь вдовам вокзальных носильщиков, в результате чего он влюбился с первого взгляда. Любовь оказалась взаимной. Когда, на следующий день, Джордж встретил Берту на улице, он пригласил ее в кондитерскую, где предложил ей мороженое, руку и сердце, которые с радостью были приняты. Она рассказала, что когда накануне танцевала с ним, на нее как будто что-то нахлынуло.

— Это называется родственные души.

— Очень точное определение.

— И это прекрасно.

— Согласен с вами. Но было одно препятствие, и весьма серьезное. Джордж был инструктором по плаванию в городских банях, а у мистера Симмонса были более значительные планы насчет своей дочери. Он не дал согласия на этот брак. Вы сами понимаете, что были такие времена для отцов. И только когда Джордж спас его, когда тот тонул, только тогда он уступил и благословил влюбленную пару.

— Как же такое могло случиться?"

— Очень просто. Мы вместе с Симмонсом отправились гулять по набережной, а потом я столкнул его в воду. Джордж только этого и ждал: он нырнул и спас утопающего. Конечно мне пришлось выслушать упреки в собственный адрес по поводу моей неуклюжести, и прошло много недель прежде чем меня снова пригласили на воскресный ужин к Симмонсам, что было для меня в то время сущим наказанием: ведь я был бедным студентом-медиком, был все время голоден. Но я рад был пойти на такую жертву ради собственного друга, ведь для него последствия были самыми благоприятными. И вот я и подумал, пока вы рассказывали мне, что мистеру Херрингу нужно помириться с Апджоном: не подойдет ли подобный «прикол» — ведь молодые так это теперь называют — не подойдет ли он для вашего случая. Все условия для этого в Бринкли имеются. Прогуливаясь по парку, я нашел одно маленькое, но вполне подходящее, «тонубельное» я бы сказал озеро. Вот так, мой дорогой Берти. Впрочем, это может так и остаться идеей.

По мере его рассказа я покрывался краской стыда. Вспомнить только — как плохо я думал о нем, когда наши отношения были не столь близкими. Невероятно, что когда-то я смотрел на этого прекрасного специалиста по психам как на врага человечества. Вот вам

наглядный урок, думал я, для всех нас: можно иметь лысую голову и быть обладателем мохнатых бровей, но в душе оставаться веселым и молодым. На дне моего бокала еще оставалось немного вишневого нектара, и когда он закончил рассказ, я с восхищением поднял за него тост. Я сказал, что он ужасно умный и предложил: сигару или кокосовый орех, на выбор?

— Я срочно пойду и обговорю этот вопрос со своим мозговым центром.

— Мистер Херринг умеет плавать?

— Как рыба с мотором.

— Тогда я не вижу препятствий к нашему плану.

Мы расстались, достигнув полного взаимопонимания, и только когда я вышел из дома на солнце, я вспомнил, что забыл сообщить про Уилберта: что тот не украл, а купил сливочник у моего дядюшки. Я было подумал вернуться и сообщить-таки ему эту новость, но отказался от этой мысли. Перво-наперво должно быть то, что во-первых, сказал я себе: ведь главной повесткой дня было вернуть Кипперу интерес к жизни. Потом, решил я, все остальное потом, — и направился на лужайку, по которой уныло слонялись мой друг и Бобби. Ничего, радовался я, скоро мои цветочки поднимут свои головки.

Я не ошибся. Они обрадовались ужасно. Оба согласились, что если в Апджоне осталась хоть капля человеческого, — которую из него, правда, надо было ее еще выжать, — успех гарантирован.

"Но ты ни за что бы не додумался до такого сам, Берти, — сказала Бобби: она в любом случае недооценивала проницательность Вустера. — Ты наверняка посоветовался с Дживзом.

«Нет, на самом деле идея эта принадлежит Сордфишу.»

Киппер, похоже, удивился.

«Неужели ты рассказал ему обо всем?»

«Я как стратег, в своих рассуждениях пошел дальше: три головы хорошо, а четыре лучше.»

«И он посоветовал тебе столкнуть Апджона в воду?»

«Совершенно верно.»

«Очень странный этот дворецкий.»

Я понял его высказывание по-своему.

"Странный? О, я бы так не сказал. Напротив: он совершенно нормальный. Совершенно нормальный дворецкий..."

Я был полон энтузиазма, чтобы выполнить намеченную работу, я уже закусил удила и бил копытом от нетерпения, но был очень разочарован, когда на следующий день Дживз сказал мне, что очень сомневается в успехе операции под кодовым названием «Алле Апджон». Я рассказал ему все буквально уже перед тем, как отправляться на дело: я просто хотел заручиться его моральной поддержкой. Но Дживз выразил полное безразличие. Перед этим он как раз рассказывал мне, как чувствует себя мужчина, если он находится на берегу моря и его выбрали в состав судей на конкурсе красоты среди купальщиц. Я вынужден был прервать его, так как время меня уже поджимало.

— Мне очень жаль, Дживз, — заметил я, поглядывая на часы, — но мне пора идти. Срочное дело. Расскажешь мне позднее.

— В любое время, когда вам будет угодно, сэр.

— Ты чем-нибудь занят в предстоящие полчаса?

— Нет, сэр.

— У тебя нет грандиозных планов присесть в тенечке с сигаретой за своим Спинозой?

— Нет, сэр.

— Тогда я очень рекомендую тебе спуститься к пруду и стать свидетелем одной драмы.

И я вкратце я рассказал ему содержание первого и второго актов, назвал действующих лиц и исполнителей. Он выслушал меня внимательно, слегка приподняв брови.

— Не было ли сие идеей мисс Уикам, сэр?

— Нет. Я согласен, так действительно можно подумать, но в общем-то сюжет подсказан сэром Родериком Глоссом. Кстати, ты наверное, был удивлен, когда увидел его здесь в роли дворецкого.

— Я пережил такой момент, но сэр Родерик мне все объяснил.

— Он верно опасался, что если он тебе не расскажет всего, ты можешь выдать его перед миссис Крим?

— Именно так, сэр. Он действительно хотел упредить такую ситуацию. Я так понял из его слов, что он еще не пришел к окончательному выводу касательно психического состояния Мистера Крима.

— Нет, он продолжает наблюдение. Так вот, как я тебе уже сказал, теперешний наш план был выношен им непосредственно. Что скажешь?

— Я бы вам не советовал, сэр.

Я жутко удивился. Я буквально не верил своим ушам.

— Не советуешь?

— Да, сэр.

— Но этот план прекрасно прошел опытные испытания на Берте Симмонс, Джордже Ланчестере и старике Симмонсе.

— Очень может быть, сэр.

— Тогда почему такие пораженческие настроения?

— У меня просто есть предчувствие, сэр. Наверное потому что мне больше по нраву деликатное обращение с людьми. И у меня не вызывают доверия столь хитроумные планы. И, как сказал Бернс: «Не стройте планов наперед, жизнь все равно свое возьмет».

Конечно разговор со Дживзом меня очень разозлил. И вообще, мне не понравился его

высокомерный тон. Я то думал, что он благословит меня и пожелает мне удачи, а не начнет вырывать с корнем ростки надежды (на

успех предприятия). Я был как дитя, что бежит к своей драгоценной матушке, чтобы та погладила его по головке и похвалила его, а вместо этого он получает хорошее «а-та-та». Поэтому я был очень, очень ему за все благодарен.

— Значит, твой Бернс заодно с тобой. Так вот, передай ему от меня, что вы оба неправы. Ведь мы продумали в нашем плане все досконально. Мисс Уикам приглашает мистера Апджона пойти прогуляться. Она ведет его к пруду, подводит к месту, где стою я и разглядываю в воде рыбок, резвящихся среди камышей. За ближайшим деревом стоит Киппер в полной готовности. По знаку «Ах, смотрите!», который дает нам мисс Уикам, с детской непосредственностью указывая пальчиком на что-то там в воде, Апджон наклоняется, чтобы посмотреть. Я толкаю, Киппер ныряет, дело сделано. Что может быть проще.

— Как скажете, сэр. И все же, у меня есть предчувствие.

Я, Вустер, человек вспыльчивый, и я уже было хотел высказаться, что я чувствую насчет его предчувствий, но тут я вдруг понял, почему он так придирается. Зеленая зависть, вот что! Он злился, что не он разработал этот гениальный план, а значит у него появился конкурент в моем лице. Конечно, Дживз мудрый человек, но со своими недостатками. Поэтому я успокоился и сократил свою реплику до «Неужели?». Надо же пожалеть человека.

Конечно, в глубине души таилась еще обида, потому что кому приятно, когда тебе цитируют наизусть Бернса. Хорошо еще, что я не рассказал Дживзу, что наш план действительно чуть было не сорвался из-за того, что Апджон, пока находился в Лондоне, сбрил свои усы, отчего Киппер уже готов был от всего отказаться. Отсутствие растительности на холодном пространстве апджоновского лица наводило на Киппера леденящий ужас, напоминая ему детские годы. Мне пришлось приложить некоторые усилия, чтобы убедить своего друга, что на дворе лето и такой-то год.

Я смог вернуть ему ощущение времени, в котором мы проживаем. Да, обжегшись в детстве на молоке, дуешь на воду (в пруду моей тетушки).

И все же Киппер был на положенном месте и за нужным деревом вовремя. Когда я появился у пруда, он выглянул и весело помахал мне рукой. Я весело помахал ему тем же. Потом он снова исчез за деревом, но я успел заметить, что он трусит.

Поскольку нашей примадонны и ее спутника еще не было на месте, я решил, что пришел немного раньше. Я закурил сигарету, окинул взглядом место действия и заключил, что для дня Нептуна погода прекрасная. Ибо редко выдается у нас в Англии такой летний денек, чтобы солнце не жалось за тучки и не дул прохладный ветерок. Нынче же стояла такая жара, что малейшее движение вызывало обильное потовыделение: в общем, в такой полдень одно удовольствие, если тебя кто-то вдруг столкнет в воду. Я даже представил себе, что может даже Апджон скажет по этому поводу: «Хорошая водичка», и будет доволен.

Так я стоял, режиссерски проигрывая в уме предстоящее, и тут вдруг увидел, что к нам пришел Уилберт Крим и веселая собачка Поппет. Животное бросилось было на меня с диким лаем, но ветер дул с пруда, и почуяв запах «Вустер номер пять» (не сравнивать с «Шанель номер пять»!), успокоилось, и я мог беспрепятственно переговорить с Уилбертом, который явно искал меня и таки нашел.

Вид у него был как в воду опущенный. Было очевидно, что потеря Филлис Миллз, какой бы глупенькой она ни была, была для него большим ударом, и я подумал, что, может быть,

он пришел ко мне за словом сочувствия, которого во мне хоть отбавляй. Правда, я надеялся отвалить ему этого сочувствия в предельно сжатые сроки, чтобы он вовремя удалился, ибо когда настанет момент моего коронного номера, я бы предпочел обойтись без зрителей. Когда, знаете ли, вы сталкиваете кого-нибудь в воду, меньше всего вам нужен аншлаг.

Между тем, предметом нашего разговора оказалась на Филлис.

— О, Вустер, — я тут давеча разговаривал со своей матушкой.

— Правда? — заметил я, взмахнув рукой, словно подтверждая его право разговаривать с собственной мамой, особенно когда мне не до разговоров с ним.

— Она сказала мне, что вы питаете большой интерес к мышам.

Мне вовсе не нравился оборот, который принимала наша беседа, но пока я держался уверенно.

— О да, я интересуюсь мышами.

— Она сказал мне, что пытались поймать мышку у меня в комнате.

— Да, совершенно верно.

— Как это любезно с вашей стороны.

— Что вы. Не стоит благодарности.

— И еще мама сказала, что вы очень внимательно обыскивали мою комнату.

— О да, если уж я по-настоящему берусь за дело...

— Так вы нашли мышку?

— Нет, мышки не нашел. Увы.

— Я подумал, может вы находили там сливочник работы мастера 18 века?

— ...?

— Сливочник, серебряный, в виде коровы.

— Нет. А что, он стоял у вас на полу?

— Он был в ящике моего комода.

— Тогда я вряд ли мог его видеть.

— Сейчас бы вы его точно не увидели. Потому что он исчез.

— Исчез?

— Исчез.

— Вы что, хотите сказать, что он исчез?

— Именно так.

— Как странно.

— Очень странно.

— Да, как это странно, не правда ли?

Вустер говорил, сохраняя полное самообладание, вряд ли со стороны можно было подумать, что Бертрам чувствует себя не в своей тарелке, но я вас уверяю, что именно так я себя чувствовал. Сердце прыгало в моей груди как мячик на хорошей подаче. Я сразу догадался, что произошло. Поп Глоссоп на время выпал из курса дел и продолжал рассматривать данное серебряное изделие как жертву болезненных измышлений Уилберта, поэтому он отправился на поиски, и интуиция его не подвела и он нашел сливочник. Теперь я действительно пожалел, что за операцией «Алле Апджон» совсем забыл предупредить Глоссоба об истинном положении вещей. Если бы он знал!

— Я хотел попросить вас, Уилберт, может стоит предупредить об этом миссис Траверс?

Какое счастье, что сигарета во рту придает человеку непринужденный вид, ибо только благодаря ей я смог непринужденно ответить:

— Я бы не стал этого делать.

— Отчего же?

— Она может расстроиться.

— Неужели она до такой степени чувствительная?

— Еще какая. Внешность обманчива, уверяю вас. Нет-нет, я бы на вашем месте подождал. Я думаю, что наверняка эта вещица положена вами куда-нибудь в другое место, просто вы позабыли. Так часто бывает: кладешь что-нибудь, думаешь, что оно там, а оказывается ты положил это совсем в другое место. Вы меня понимаете?

— Нет, не понимаю.

— Я хочу сказать, поищите получше, может вы все же найдете этот сливочник.

— Вы хотите сказать, что он объявится?

— Конечно.

— Как корова с пастбища?

— Именно так.

— О? — заметил Уилберт и обернулся, чтобы поприветствовать Бобби Апджона, которые появились на лодочном причале. Я находил его вопросы довольно двусмысленными, особенно последний, одна радость, что подозрение в краже не падало на меня. Ведь он бы вполне мог вбить себе в голову, что мой дядя Том, сожалея о временной слабости, попросил меня тихонечко выкрасть сливочник, такое частенько случается с одержимыми коллекционерами.

Как бы то ни было, я пережил пару тяжелый минут и мысленно отметил, что надо сказать Попу Глоссопу, чтобы тот как можно скорее подsunул этот сливочник обратно.

Я повернулся в сторону Бобби и Апджона, и хотя был закален в испытаниях, не мог избавиться от такого ощущения, что я трепещу, словно бабочка. Состояние, очень похожее на то, какое у меня было перед тем, как впервые выйти к зрителям с Песней Иомена. И это несмотря на то, что я много раз ее репетировал, сидя, намыленный, в ванной.

— Привет, Бобби, — сказал я.

— Привет, Берти, — сказала она.

— Здравствуйте, Апджон, — сказал я.

Правильным ответом на данный вопрос является «Здравствуйте, Вустер», но он весь ощерился, как волк, попавший одной лапой в капкан.

Бобби же была сама детская непосредственность.

— Берти, я рассказывала мистеру Апджону о той огромной рыбине, что мы с тобой тут вчера видели.

— Да, большая такая рыбина.

— Просто невероятно, правда.

— Да, невиданное дело.

— И я привела мистера Апджона, чтобы и он посмотрел.

— Действительно. Советую вам посмотреть на нее, Апджон.

Я был прав, предполагая, что Апджону все это не нравится.

— Я не собираюсь делать ничего подобного, — сказал он тоном, я бы сказал, откровенно раздраженным. — Я очень жалею, что так далеко ушел от дома. Я жду телефонного звонка от своего адвоката.

— Ну что вы, какие адвокаты в такую погоду, — весело заметил я. Что вам могут сказать эти люди, далекие от природы. Вы много потеряете, если не взглянете на эту

рыбину. Простите, вы что-то хотите сказать? — вежливо прервался я, ибо Апджон порывался что-то сказать.

— Я хочу сказать, Вустер, что и вы, и мисс Уикам очень заблуждаетесь, меня не интересуют рыбы, ни большие, ни маленькие. Мне не следовало вообще выходить из дома, и я намереваюсь срочно туда вернуться.

— Погодите хоть немного, — сказал я.

— Сейчас она приплывет, — сказала Бобби.

— Наверняка приплывет, — сказал я.

— Ей давно уже пора, — сказала Бобби. И тут она посмотрела на меня. Я понял, что, по ее мнению, мне пора действовать. Стечение обстоятельств благоприятное, так бы построил фразу Дживз. — Бобби наклонилась над водой и указывая туда рукой возбужденно воскликнула:

— Ой, смотрите! — воскликнула она.

Это, как я уже объяснил Дживзу, была команда, по которой Апджон должен был наклониться и этим облегчить мне мою задачу, но ничего подобного не произошло. А почему? Потому что в этот самый момент к нам подбежала Филлис со словами:

— Папочка, дорогой, тебя к телефону.

Услышав это, Апджон пулей помчался в сторону дома. Тут же откуда-то появилась такса Поппет, который делал вокруг меня бешеные круги. Стоило у них двоих поучиться, как избавляться от лишних калорий.

И тут я понял, что имел в виду поэт Бернс. Что еще может так испортить драматическую развязку, как не появление на авансцене второстепенных действующих лиц. От подобного вольного обращения с нашим сценарием мы с Бобби просто потеряли дар речи. Филлис же продолжала своими репликами все дальше и дальше относить нас от ожидаемых событий:

— Я нашла этого милого котика в саду, — произнесла она, и тут я увидел, что она держит на руках Агустуса. Агустус был явно в плохом расположении духа. Он как всегда высыпался впрок, а теперь ему не давали этого сделать, нашептывая в ухо всякие ласковые глупости.

Филлис отпустила кота на землю.

Я принесла его сюда, я хочу, чтобы он пообщался с Поппетом. Поппет очень любит кошек, правда, дорогой? Иди и поздоровайся с котиком.

Я бросил быстрый взгляд на Уилберта Крима, мне было интересно посмотреть, какая у него будет на все это реакция. Подобная сцена вполне могла умерить любовный пыл, ибо ничто так не убивает влюбленность, как глупость предмета вашего воздыхания. Но на его лице не только не было написано никакого разочарования, напротив, кажется, слова этой девушки ублажали его слух. «Как странно», подумал я, и начал был размышлять о превратностях любви, как заметил вокруг себя некоторые события.

Агустус, отпущенный на вольный сон, свернулся было на земле в клубочек. В это время Поппет как раз заканчивал свой десятый круговой забег и уже начал было заходить на одиннадцатый, но, увидев Агустуса, замер на месте, улыбнулся, вывернул наизнанку свои уши, изобразив своим хвостом что такое перпендикуляр — относительно линии своего тела — и с веселым лаем прыгнул навстречу своему собрату. И должен сказать, что он был неправ. Разбуди так любого, самого добродушного кота, и ты будешь неправ. А Агустус: он уже натерпелся от Филлис, когда та притащила его, сонного, из сада. И снова — это шумное

ликования в свой адрес окончательно вывело его из терпения. Агустус злобно зашипел, затем раздался короткий лай, и что-то длинное и коричневое прошмыгнуло у меня под ногами, увлекши себя, а заодно и меня, в глубины прудяные. Воды сомкнулись надо мной, и на какое-то мгновение мир перестал для меня существовать.

Когда же я вынырнул на поверхность, я увидел, что не только мы с Поппетом принимаем водные процедуры. К нам присоединился Уилберт Крим: он нырнул в пруд, схватил таксу за шкуру и повлек ее на берег. По какому-то странному стечению обстоятельств, в этот самый момент кто-то вцепился и в мой загривок.

— Спокойно, мистер Апджон, не волнуйтесь, вы только не волнуйтесь, вы... Какого черта! Это ты, Берти? — сказал Киппер, ибо это был он. Может быть я ошибаюсь, но мне показалось, что у него пропал интерес спасти утопающего.

Я не смог ответить ему сразу, так как наглотался H₂O.

— Ты, конечно, можешь спросить, Киппер, при чем тут Бернс, но говоря на языке сухих фактов, мы сели в лужу...

Через некоторое время, выбравшись на землю, мы отправились домой в сопровождении Бобби, издавая при ходьбе характерные чавкающие звуки, словно пара солдат из армии Наполеона, отступающих из Москвы. По дороге нам повстречалась тетушка Далия: на ней была шляпа из того рода шляп, которые вполне можно использовать как корзинку рыболова. Тетушка возилась в цветочной клумбе возле теннисной лужайки. Пару мгновений она безмолвно созерцала нас, затем издала восклицание, неприемлемое, учитывая, что с нами была женщина: тетушка много нахваталась этих восклицаний в молодости у своего друга-Нимрода [В ветхозаветной мифологии — богатырь и охотник.]. Облегчив таким образом свою душу, она добавила:

— Что там вообще у вас произошло? Только что тут проходил Уилберт Крим, мокрый до ушей, теперь с вас льет ручьями. Вы что, играли в водное поло в одежде?

— Не то, чтобы водное поло, скорее это демонстрация одежды жаркого сезона. Но это долгая история, а сейчас самое разумным для Киппера и меня будет разойтись по комнатам и надеть сухие модели, дабы продолжить беседу с тобою позднее: и то и другое доставит нам истинное удовольствие.

— Но самое интересное, что я видела Апджона: он был откровенно ненаможенный. Как это понять? Он что, вышел сухим из воды?

— И отправился к телефону переговорить со своим адвокатом, — сказал я: оставив Бобби для дальнейших объяснений, мы продолжили отступление. Я вернулся в комнату и сняв с себя влажный слой одежд, облачился в сухую фланель, и тут кто-то постучал в дверь. Гостеприимно распахнув ворота, я лицезрел на пороге Бобби и Киппера.

Первое, что я заметил, это отсутствие мрачного выражения на их лицах, которое было бы вполне естественно, учитывая происшедшее буквально четверть часа тому назад. Я подумал, что, может быть, в силу того, что англичане, а особенно некоторые англичанки, с бульдожьим упрямством не желают мириться со своим поражением: может быть эта парочка англичан решила повторить заход? Именно об этом я и спросил у них.

Ответ был отрицательный. Киппер, сказала, что нет, нет никакой возможности заставить Апджона снова вернуться на озеро, а Бобби добавила, что это было бы бесполезно, потому что я все равно все испортил.

Меня это, конечно, задело.

— Что значит, испортил?

— Ты опять бы запутался в собственных ногах и свалился в воду, как и в первый раз.

— Я прошу меня извинить, — возразил я, пытаясь сохранить галантность в выражениях, как всякий благородный англичанин, который лается с дамой. — То, что ты говоришь, абсолютно не соответствует истине. Я не путался в собственных ногах. То, что я упал в пруд, было божьим провидением, а если точнее, у меня под ногами запуталась такса. Если уж кого и винить, так это Филлис, эту дуру: она притащила Агустуса и начала называть его всякими ласковыми именами. Конечно же его это весьма разозлило, а собака доконала.

— Да-да, — сказал Киппер, — он всегда оставался мне верным другом. — Берти совершенно не виноват, дорогая. Что там ни говори, но таксы та самая порода собак, об которых все время спотыкаешься. Я думаю, что в данном случае Берти ничем не запятнал своей репутации.

— А я так не думаю. — сказала Бобби. Впрочем, что теперь говорить.

— Действительно, давайте забудем про это. Тем более, что твоя тетушка, Берти, предложила план, ничем не хуже прежнего, а может даже и лучше. Она рассказала Бобби о том, как Боко Фитлверт пытался восстановить отношения с твоим дядюшкой Перси, и ты был молодец, что предложил, чтобы пойти к своему дядюшке и обозвать его всякими нехорошими словами, тогда бы Боко, стоявший под дверьми, смог бы войти и встать на его защиту, обелив таким образом себя в глазах твоего дядюшки. Ты же помнишь такой случай?

Я вздрогнул. Я очень хорошо помнил этот случай.

"Тетушка считает, что то же самое можно проделать с Апджоном, и я думаю, она совершенно права. Я думаю, ты представляешь, что испытывает человек, узнающий в один прекрасный день, что у него есть истинный друг, некто, кто считает тебя самым-самым и кто не позволит другим и слова сказать против тебя. Разве это не трогательно. И если прежде этот человек относился к этому некто предосудительно, он обязательно перестанет так думать. И наверняка у него рука не поднимется, чтобы как-то навредить своему новому другу. Именно так начнет относиться ко мне Апджон, Берти, когда я войду в комнату и встану на его защиту в то время, как ты будешь называть его всеми нехорошими словами, какие только знаешь. Этому ты можешь поучиться у своей тетушки. Она увлекалась охотой, а охотники употребляют много всяких крепких словечек, когда прикрикивают на своих собак. Попроси, чтобы она составила тебе перечень таких выражений в письменной форме.

— Берти это не понадобится, — вмешалась Бобби. — У него наверное и так богатый запас.

— Конечно. Он же рос возле своей тетушки. Ну вот, Берти, таков наш план. Ты должен подобрать удобный момент, загнать Апджона в угол и накинуться на него...

— А он от страха заберется с ногами в кресло...

— ...и грозить ему пальцем и наносить ему оскорбления. И когда он рухнет под потоком твоих ругательств и станет молить Бога, чтобы пришел добрый человек и вмешался и прекратил его мучения, тут войду я, предполагается, что я все слышал. Бобби предложила, чтобы я тебя ударил, но я думаю, что это будет выглядеть неестественно. Ведь нас связывало слишком много лет дружбы. Так что я просто пристыжу тебя. Я скажу: «Вустер, я потрясен до глубины души. Я не могу позволить, чтобы ты разговаривал подобным образом с человеком, которого я так уважал: этот человек был директором начальной школы, в которой я провел лучшие годы своей жизни. Ты забываешься, Вустер.» И тогда ты, пристыженный, выбегаешь из комнаты. Апджон тронут до глубины души, он начинает благодарить меня, он спрашивает, не может ли он в свою очередь что-нибудь сделать для меня.

— И все же я думаю, что тебе стоит ему треснуть.

— Войдя таким образом к нему в доверие...

— Да, я бы треснула.

— Войдя к нему в доверие, я поворачиваю наш разговор в нужное русло и напоминаю ему об его иске.

— ... Разочек — в глаз...

— Я скажу ему, что я читал последний выпуск «Сездей Ривью» и что его прекрасно можно понять в его желании потребовать от журнала компенсации, но «но не забывайте, мистер Апджон», — скажу я, — «если журнал подобный этому терпит большие убытки, он прибегает к сокращению штата, и в таком случае он конечно же избавляется от самых

молодых своих журналистов. Ведь вы же не хотите, чтобы я остался без работы, мистер Апджон?» Тут он вскакивает, он крайне удивлен: «Как, разве вы работаете в Сездей Ривью?» «Да, на настоящий момент, пока — работаю. Но если вы не заберете иск, мне придется торговать карандашами в подземном переходе.» Это будет самый важный момент в нашем разговоре. Я смотрю ему прямо в глаза, я вижу, что он хочет получить свои пять тысяч, и на какое-то мгновение он сомневается. Но его лучшие качества берут верх. Взгляд его теплеет. Может быть даже навернется скупая слеза. Он жмет мне руки. Он говорит, что конечно же ему ничего не стоит отсудить эти пять тысяч, но он ни за что на свете не посмеет испортить жизнь человеку, который спас его от такого негодяя как Вустер. Все кончается благополучно, и мы вдвоем отправляемся в буфетную к Сордфишу, чтобы распить бутылочку портвейна, может быть мы даже заключим друг друга в дружеские объятия. И в этот же вечер он напишет своему адвокату, что отзывает иск. У тебя есть ко мне вопросы?

— У меня нет. Ведь он же не знает, что именно ты написал эту рецензию. Там же нет твоей фамилии.

— К счастью, статья была редакционная.

— Лично я не вижу погрешностей в твоей сценарии. Ему придется отозвать твой иск.

— Конечно, ничего удивительного. Нам остается только выбрать время и место действия для Берти.

— Сейчас в самый раз.

— Но как мы узнаем, где сейчас Апджон?

— Он в кабинете мистера Траверса. Я видел его, через французское окно.

— Прекрасно. Итак, Берти, если ты готов...

Может быть, вы обратили внимание, что под конец я выпал из разговора, так как передо мной начал открываться весь ужас ситуации. Я знал, что не отвертеться, так как нормальный человек на моем месте ответил бы категорическим отказом. Но я, согласно кредо Вустеров, должен был помочь другу. Даже если для того, чтобы спасти друга детства от горестной участи продавать на улице карандаши (хотя, на мой взгляд, апельсины — более безбедный вариант), даже если для этого мне придется грозить пальцем перед носом Апджона, обзывая его при этом на чем свет стоит, то я готов. Может, на этой почве я поседею, но ведь я Вустер до корней волос.

Итак, я хрипло пробормотал «Отлично», но при этом я с ужасом представил себе Апджона, сбрившего усы. Когда же мы отправились к месту событий, Бобби приговаривала, что я настоящий герой, а Киппер волновался, не болит ли у меня горло. Но все это слабое средство: ведь нервные клетки Вустеров не восстанавливаются.

Кабинет дядюшки Тома был местом, куда я старался не заходить во время своих визитов в Бринкли. Всякий раз, когда дядя заполучал меня в этом интерьере, он поднимал свою любимую тему про старое серебро. И с другой стороны, на свежем воздухе появлялась надежда, что если он заполучит меня, то на какую-нибудь другую тему. Последний раз я посетил святая святых моего дядюшки год назад, и только теперь, когда я открыл дверь и вошел туда, я заметил поразительное сходство этой комнаты с директорским кабинетом Обри Апджона. Когда же я увидел его самого, сидящего за столом, я почувствовал, что хладнокровие мое сменилось ледяным ужасом. И вот тут-то я обнаружил-таки одно упущение в нашем плане: нельзя войти в комнату и начать обзывать кого бы то ни было просто так, ни с того ни с сего. нужно сперва начать разговор и повести его в нужное русло. Pourparlers, вот что.

Поэтому я сказал: «А, здравствуйте», и мне показалось, что для *pourparler* вполне неплохо. «Читаете?» спросил я далее.

Он опустил книгу на колени (я успел прочитать имя автора — миссис Крим), поднял на меня свой взор, и я увидел его презрительно скривленную верхнюю губу.

— Нужно отдать должное вашей наблюдательности, Вустер. Я действительно читаю.

— Интересная книга?

— Весьма. И я жду той минуты, когда смогу снова продолжить чтение.

Я очень неглупый человек и сразу понял, что мне не рады. таков был его тон и выражение его губы. Всем своим обликом он давал мне понять, что я тут лишний. И все же я продолжил:

— Я смотрю, вы сбрили усы.

— Верно. Уж не хотите ли вы мне сказать, что напрасно?

— О, напротив. В прошлом году я сам отрастил усы, а потом взял и сбрил.

— Неужели?

— Того требовало общественное мнение.

— Понимаю. Был бы рад выслушать ваши воспоминания, Вустер, но на настоящий момент я жду звонка от своего адвоката.

— А я думал, у вас уже был один такой.

— Простите?

— Когда вы были там, возле пруда, разве вы ушли не потому, что вас позвали к телефону?

— Меня действительно позвали к телефону, но пока я добирался оттуда, мой адвокат устал ждать и он повесил трубку. Я жалею, что позволил мисс Уикам увести себя так далеко.

— Она хотела, чтобы вы посмотрели, какая большая рыба.

— Я это уже слышал от нее.

— Кстати, о рыбах, вы наверное удивились, когда увидели Киппера.

— Киппера?

— Херринга.

— Ах, Херринга, — сказал он, и я заметил, что он окончательно потерял интерес к разговору. наступила долгая пауза, но тут дверь открылась и в кабинет влетела эта дурочка Филлис, она была чем-то возбуждена.

— О, папочка, — зачирикала она, — ты занят?

— Нет, дорогая.

— Тогда мне надо кое о чем с тобой поговорить.

— Конечно. Всего хорошего, Вустер.

Я понял, на что он намекает. Он хотел, чтобы я вышел. Мне ничего не оставалось, как отвалить через французское окно. Не успел я это сделать, как на меня, словно дикая кошка, накинулась Филлис.

— Какого черта, Берти, что ты придуряешься, — зашептала она диким шепотом. — Что за штучки насчет усов. Я думала, что ты сразу приступишь к делу.

Я намекнул, что Обри Апджон еще не успел подать мне повода для оскорблений.

— Вечно ты придумываешь отговорки!

— Но ведь сначала наш разговор должен принять соответствующий оборот, разве не так?

— Дорогая, Берти прав, — вмешался Киппер. — Ему нужна *point d'appui*.

— Что?

— Отправная точка.

Хищница презрительно фыркнула.

— Знаешь, он просто струсил. Я так и знала. У этого червяка душа ушла в пятки.

Я бы мог разить свою опоннентессу в пух и прах, доказав, что у червяков нет никаких ног, а тем более пяток, но мне не хотелось пререкаться.

— Я бы попросил тебя, Киппер, — сказал я с холодным достоинством, — чтобы твоя подруга соблюдала рамки приличия. Я не червяк, а царь зверей. Я был уже готов совершить прыжок и сокрушить свою жертву, но мне помешала Филлис. Она желала срочно переговорить со своим отчимом.

Бобби снова раздраженно фыркнула.

— Она там будет теперь до окончания веков. Нам можно уходить.

— Да, — согласился Киппер. — Нам придется это отложить. Мы сообщим тебе новое время и место, Киппер.

— О, ну спасибо, — заметил я, и они отвалили.

Так я стоял еще некоторое время, перебирая в мыслях печальные факты. Мимо проходила тетушка Далия. Я был рад ее видеть. Я подумал, что, может быть, я найду в ее лице понимание и поддержку. Ибо, хотя она иной раз могла задать жару, но в тяжелые минуты она умела посочувствовать.

Когда же взглянул на нее еще раз, то увидел, что мои тяжелые минуты ничто по сравнению с ее, ибо во взгляде моей тетушки было выражение полного конца света.

И я не ошибся.

— Берти, — сказала она, поравнявшись со мной и смахнув слезу садовым совочком. — Знаешь что?

— Нет, а что?

— Так вот, — продолжила моя престарелая родственница, — издав такой вопль, будто ее взору предстала свора собак, припустившаяся за кроликом: Эта дура Филлис все-таки обручилась с Уилбертом Кримом!...

Услышав эти слова, я так и подпрыгнул. Я был потрясен до глубины души, как любой племянник на моем месте. Если ваша родная тетя лезет из кожи вон, лишь бы уберечь свою крестницу от лап нью-йоркского плейбоя, и вот она узнает, что все напрасно, кому как не мне, родному сыну ее покойного родного брата, пожалеть ее?

— Ты уверена? — переспросил я. — Кто тебе сказал?

— Она же и сказала.

— Сама?

— Да. Она прибежала ко мне, вся кудрявая от счастья и проблеяла, как она счастлива, ну как же она счастлива, дорогая миссис Траверс. Ну какая же дура, а. Я чуть не прибила ее этой лопаткой. Я всегда считала ее глупее булочки, но по-моему, ее даже забыли положить в духовку.

— Но как же это могло случиться?

— Ведь ее пес тоже свалился в воду?

— Да, он был одним из нас. Но при чем здесь это?

— Уилберт бросился в воду и спас его.

— Эта псина прекрасно доплыла бы сама. Если не австралийским кролем, то по-собачьи.

— Но разве объяснишь это этой тупоголовой Филлис. Для нее если бы не Уилберт Крим, ее собака была бы утопленник. И теперь она выходит за него замуж.

— Но разве выходят замуж только за то, что ты спас чью-то таксу?

— Выходят, такие как она выходят.

— Мне это кажется странным.

— Еще бы не казалось. Но факт. Я насмотрелась таких девушек, как Филлис Миллз. Ты же помнишь, целых четыре года я была владелицей и главным редактором женского еженедельника. (Моя тетушка имела в виду журнал «Будуар Миледи»: как-то я написал для его рубрики «Мужья и братья» один материал под названием «Что носят хорошо одетые мужчины». Сам же журнал недавно перекупил какой-то простофиля, чему дядюшка Том был несказанно рад, так как все четыре года тетушка подсовывала ему чеки для оплаты.)

Я не думаю, что ты был нашим постоянным читателем. Так вот, для сведения, в каждом нашем номере мы публиковали по одному короткому рассказу, в которых почти всегда герой завоевывал сердце девушки тем, что спасал или ее собачку, или кошечку, или канарейку или еще какую-нибудь тварь, которую она держала в доме. Конечно, эти рассказы писала не Филлис, но она именно так устроена ее ум. Произнося слово «ум», — продолжила тетушка, — я имею в виду ту четверть чайной ложки ума, которую можно найти у нее, и то только если пробурить глубокую скважину. Бедная Джейн!...

— Кто-кто?

— Так звали ее мать. Джейн Милз.

— Ну да, конечно. ты говорила, что она была твоей лучшей подругой.

— Самой лучшей. И она всегда говорила мне: «Далия, дорогуша, если я отброшу копыта первая, ради бога, присмотри за Филлис, не дай бог, она выйдет за какого-нибудь проходимца. У нее хватит ума. Молоденькие девушки вечно влюбляются в негодяев». Тут она имела в виду своего первого мужа, который был отъявленным негодяем и мучил ее до

того счастливого дня, когда, под большим градусом, он вошел в Темзу и был таков. «Не дай ей бог повторить моей ошибки», — говорила мне она, а я ей отвечала: «Джейн, ты можешь на меня положиться». А видишь как получилось.

Я пытался успокоить ее.

— Ты не должна винить в этом себя.

— Нет, это моя вина.

— Ты совершенно неправа.

— Но это я пригласила к себе в дом Уилберта Крима.

— Ты поступил как любящая жена дядюшки Тома.

— Да еще впустила Апджона, а он все время подталкивал ее к этому.

— Вот уж кто виноват точно, так это он.

— И я тоже.

— Если бы не его дурное влияние, мы бы сохранили нашу Филлис незамужней. «Стыдись, Апджон!» — вот что я бы сказал ему.

— И я пойду и скажу ему это. Ух, найти бы мне сейчас этого Апджона!

— Нет ничего проще. Он в кабинете дядюшки Тома.

При этих словах тетушка заметно оживилась.

— Ах так? — Она запрокинула голову и набрав полные легкие воздуха, издала клич: «АПДЖОН!» — так орет пастух, созывая домой стада с влажных пастбищ, омываемых Ди [Река, бассейн Ирландского моря.], и я должен был предупредить ее.

— Тетушка, не забывай про свое давление.

— К черту мое давление. АПДЖОН!

Он появился в проеме французского окна, взгляд его был холоден и суров, столь же холоден и суров, каким он был много лет назад в Мэлверне, в его собственном кабинете, где я был частым гостем, правда против собственной воли.

— Кто так ужасно шумит? Ах, это вы, Далия.

— Да, я.

— Вы хотите меня видеть?

— Да, я хотела вас видеть, и очень жаль, что я вижу вас не с переломанным хребтом или с парой сломанных ног и лицом, изъеденным проказой!

— Но дорогая Далия!...

— Я вам никакая не дорогая, вы разбудили во мне зверя. Вы разговаривали с Филлис?

— Она только что ушла от меня.

— Она вам рассказала?

— Что Уилберт Крим сделал ей предложение? Конечно.

— Надеюсь, вы довольны?

— Разумеется.

— Конечно! Я не сомневаюсь, что вы только рады будете, если эта глупая девчонка выскочит замуж за человека, который скандалит по ночным клубам, ворует серебряные ложки, который уже трижды разведен и который, если верить прогнозам, закончит свою жизнь в Син-Син [Тюрьма Оссининг, в Нью-Йорке.], если прежде на него не заявит свои права психушка. Вот вам Прекрасный Принц!

— Я вас не понимаю.

— Потому что ты дурак!

— Та-ак... — произнес Апджон, и в его голосе послышались угрожающие нотки.

Манера моей тетушки, явно лишенная гостеприимства, явно начинала сердить его. Казалось, еще немного и он заставит ее десять раз написать в тетради: «Я буду хорошей девочкой» или, того хуже, выпорот ее за провинность.

— Неплохая партия для дочери Джейн — стать женой Вилли с Бродвея!

— Вилли с Бродвея?

— Ведь его так называют в кругах, в которых он вращается. И теперь он введет туда Филлис: «А это моя новая телка», — скажет он и проведет с ней краткий курс обучения приколам, а когда или если — у них появятся дети, они будут сажать их на колени и рассказывать сказки про кошельки чужих дядь и тетя. И во всем этом будете виноваты вы, Обри Апджон!

Мне не нравилось, что события принимают такой оборот. С одной стороны, я с восхищением слушал спектакль, который закатила моя тетушка, но с другой стороны я видел, как подергивается верхняя губа Апджона, а это значит что последует наказание и он предвкушает это. По своему личному опыту я знал, что дела моей тетушки плохи.

И я оказался прав.

— Если вы позволите, то хочу заметить, дорогая Далия, — сказал он, — мы с вами не понимаем друг друга. У вас создалось впечатление, будто Филлис выходит замуж за младшего брата Уилберта — Уилфреда, действительно молодого повесу, который принес своим родителям много горя и которого действительно зовут Вилли с Бродвея. И этот Уилфред трижды портил жизнь своим трем женам. Но что касается Уилберта, то, насколько мне известно, никто не может сказать о нем ни одного плохого слова. Я мало знаю таких молодых людей, которые пользуются столь большим уважением. Он состоит на кафедре одного из самых крупных американских университетов, и он приехал в Англию, чтобы провести здесь свой отпуск. У себя же дома он преподает романские языки".

Остановите меня, если я повторяюсь, возможно я уже вам рассказывал этот случай. Было это, когда я учился в Оксфорде. Стою я как-то летом на берегу реки и болтаю со знакомой девушкой, уже и сам не помню о чем. Как вдруг раздается лай и я вижу, что в мою сторону бежит огромная собака, типа собаки Баскервиллей, с явным намерением покусать меня. Очевидно, по ее мнению, все особи семейства Вустеров подлежат истреблению. И я начал уже было молиться богу и размышлять о брэнности своих фланелевых штанов (ценой 30 фунтов стерлингов), как моя собеседница, подпустив пса поближе, открыла вдруг перед самым его носом цветной японский зонтик, на что обалдевшая собака проделала в воздухе три обратных кульбита и помчалась прочь. А теперь, чтобы понять остроту настоящего момента, поставьте мою тетушку на место этой собаки и уберите кульбиты. Позже тетушка рассказал мне, что ее реакция на слова Апджона по силе своей могла сравниться с тем ощущением молодости, когда однажды летом на охоте она ехала верхом на лошади через вспаханное поле, шел дождь, а лошадь впереди идущего вдруг взбрыкнула, швырнув ей в лицо три фунта чистой грязи. Бедная моя тетушка чуть не подавилась ею, как бульдог, который пытается сожрать слишком большой кусок вырезки.

— Так вы хотите сказать, Апджон, что этих Вилли — два?

— Совершенно верно. И теперь вы понимаете, моя дорогая Далия, — произнес Апджон, смакуя каждое слово, будто сейчас он приступит к праведной порке, — что ваша забота оказалась напрасной, хотя, конечно, спасибо за беспокойство. Я не пожелал бы для Филлис лучшей партии. Уилберт красив, умен и смел, и у него прекрасные перспективы в жизни, — издевательски продолжал он. — Доход его отца, я полагаю, составляет не менее 20

миллионов долларов, и Уилберт старший из сыновей. Да, самым положительным образом, самым...

Но тут в глубине кабинета раздался телефонный звонок, и он с проворством кролика юркнул обратно...

Когда Апджон исчез в своей норе, некоторое время тетушка моя пыталась обрести дар речи. Наконец она подобрала нужные слова:

— Черти меня совсем подери! — проревела она. — Из миллиона чертовых имен эти чертовы Крымы называют одного своего чертового сына Уилбертом, а другого такого же чертового сына — Уилфредом, и оба они — Вилли! Никакой заботы о посторонних!

Я снова напомнил ей, что у нее может подняться давление и что нельзя так волноваться, но она вновь отвергла мою заботу, пожелав мне, чтоб я исчез.

— Не заволнуешься тут. Этот чертов Апджон разговаривал со мной так, будто он устраивал выволочку прыщавому школьнику за то, что тот слишком громко шаркал ногами во время церковной службы.

— Надо же! — удивленно воскликнул я. — Однажды я получил от него нагоняй именно по этой причине. И про прыщи тоже верно.

— Самоуверенный осел.

— Надо же, как тесен мир! — ответил я на собственные мысли.

— Что он тут вообще делает? Я его не приглашала.

— Выгони его. Я тебе уже предлагала это сделать, ты разве не помнишь? Выброси его во тьму, где глад и мор и скрежет зубовой.

— Я так и сделаю. Пусть еще только посмеет.

— Ты у меня — страшна в гневе.

— Да, страшна я... О господи! Опять он.

Ибо Апджон снова материализовался, на том же самом месте.

Но на лице его не было прежнего выражения. Появилось новое, из чего можно было сделать вывод, что произошло нечто, разбудившее и в нем зверя.

— ДАЛИЯ! — проревел он (употребим тот же эпитет что и для «АПДЖОН!»)

Зверь, проснувшийся в тетушке, тоже не дремал. Она посмотрела на него таким взглядом, от которого в ее молодые годы любая собака из охотничьей своры поджала бы хвост.

— Ну, что?

Теперь Апджон потерял дар речи. Что это они сегодня как сговорились.

— Я только что разговаривал по телефону со своим адвокатом, — сказал он наконец. — Я просил его навести справки и узнать фамилию автора этой клеветнической статьи в «Сездей Ривью». И только что он сообщил мне, что автором является мой бывший ученик Регинальд Херринг.

Тут он умолк, чтобы дать нам время переварить информацию. У меня лично сердце отправилось в те самые пятки, которых нет у червяков, а тетушка Далия держалась молодцом. Почесав подбородок садовым совком, она изрекла:

— Неужели?

Апджон удивленно заморгал глазами, видно он ожидал от нас большего участия.

— И это все, что вы мне можете сказать?

— И это все.

— О? Ну что ж, я подаю иск на возмещение морального ущерба, более того, я отказываюсь находиться под одной крышей с Регинальдом Херрингом. Или он, или я.

Бывают такие минуты в жизни природы, когда замирают циклоны, на одно или два мгновения, чтобы снова взвиться и вплотную взяться за сокращение населения. Как назвать такие минуты? Томительными? Что ж, неплохое слово. Напряженные, зловещие... Это была тишина из тех тишин, когда холодок пробежал по спине и ты ждешь, когда же бабахнет.

А между тем тетушка моя начала надуваться как баббл-гам, и даже не-Вустер посоветовал бы ей поберечь свое кровяное давление.

— Что вы сказать, — произнесла она. Он повторил.

— Да? — произнесла тетушка, и тут началось. Что ж, Апджон сам на это напросился. В обычной ситуации невинное существо, тетушка моя, если ее задеть по-настоящему, она не станет приставлять к глазам лорнет, обратной его стороной, чтобы показать ваше ничтожество: нет, она испепелит вас одним своим взглядом.

— Да? — сказал она, — так вы будете решать за меня, кого мне приглашать, а кого нет? И у вас хватило дерзости, хватило... хватило...

Я пришел ей на помощь:

— ...наглости.

— ...наглости диктовать мне, кому быть в Бринкли, а кому нет. Прекрасно, если вас не устраивают мои друзья, ради бога. мне думается, «Бык в кустах» в Снодсбери вас устроит больше.

— Эту гостиницу рекомендует «Путеводитель автомобилиста», — поддакнул я.

— Туда я и отправляюсь. Сразу же, как упакуют мои вещи. Я надеюсь, Далия, вы будете так любезны и попросите об этом своего дворецкого.

С этими словами он пошел прочь, а тетушка моя, все еще дрожа от злости, вошла в кабинет, и я следом за ней.

Она позвонила в колокольчик, и в комнату вошел Дживз.

— Дживз? — удивленно произнесла тетушка. — Я предполагала, что...

— У сэра Родерика сегодня выходной, мадам.

— О. Ну, может тогда вы упакуете вещи мистера Апджона? Он уезжает от нас.

— Хорошо, мадам.

— А ты, Берти, довезешь его до Снодсбери.

— Ага, — подчинился я. Мне не очень светило этим заниматься, но еще меньше мне хотелось связываться со своей тетушкой, и так доведенной до белого каления.

— Техника безопасности прежде всего, — такое мое кредо...

Недолгий путь от Бринкли до Снодсбери, и скоро я уже высадил Апджона возле «Быка в Кустах». Мы распрощались довольно сдержанно: самое приятное в моих отношениях с Апджоном — это момент расставания, и если бы не Киппер, за которого я по-прежнему очень переживал, я бы поделился этим соображением вслух.

Но я видел, что дела Киппера плохи. За всю нашу совместную поездку с Апджоном мы не обмолвились ни словом, но краем глаза я видел выражение мрачной решительности на его лице: количество доброты почти приблизилось к нулевой отметке.

Вернувшись домой, я загнал машину в гараж и отправился к своей благоверной тетушке, чтобы узнать, как поживает ее перегревшийся двигатель по перекачке крови и какое там давление и не грозит ли дому воспламенение.

Но ее там не оказалось: как потом мне сказали, она отправилась к себе в комнату, чтобы растереть виски одеколоном и подышать по системе йога. Зато в доме была Бобби, а еще Дживз. Дживз протягивал Бобби что-то в конверте, а она приговаривала: «О, Дживз, вы спасли человеку жизнь», а он ей: «Ну что вы, мисс». Я конечно не понял, о чем это они, но мне было не до этого.

— Где Киппер? — спросил я и тут увидел, что Бобби начала кружиться по комнате на мысочках, издавая при этом радостные вопли.

— Регги? — прервала она на мгновение свой народный танец, — Регги пошел прогуляться.

— А он знает, что Апджону известно имя автора статьи?

— Да, твоя тетушка ему все рассказала.

— Тогда нам нужно посоветоваться.

— Ты насчет апджоновского иска? Можешь не волноваться, Дживз украл его речь.

Я ничего не понимал. По-моему, она говорила загадками.

— Дживз, я тебя не очень отрываю?

— Нет, сэр.

— Тогда объясни мне смысл высказывания этой юной особы.

— Мисс Уикам имеет в виду машинописный вариант речи мистера Апджона, с которой он должен обратиться завтра к ученикам средней школы в Снодсбери, сэр.

— Но она сказала, что ты украл ее.

— Совершенно верно, сэр.

Я опешил.

— Неужели ты хочешь сказать...?

— Да, именно, — вмешалась Бобби, прервав на минуту свои русские балетные вариации. — Твоя тетушка велела ему собрать вещи Апджона, и первым, что попало ему в руки, была эта речь.

Я удивленно вскинул брови:

— Как же так, Дживз.

— Я подумал, что так будет лучше для всех, сэр.

— И правильно подумали! — сказала Бобби и исполнила как-оно-там-называется по Нижинскому. — Теперь либо Апджон забирает свой иск, либо он остается без своих «тезисов», а без них он и рта не сможет открыть. Так что ему придется выполнить наши

условия. Правильно я говорю, Дживз?

— У него не остается выбора, мисс.

Потом заговорил я. Конечно, мне не хотелось их разочаровывать, но я подумал, что...

— Я конечно, я вас понимаю. Тетушка Далия рассказывала мне, что ораторский дар Апджона напрямую зависит от этих бумажек, но что если он скажется больным?

— Нет.

— Я бы на его месте поступил именно так.

— Но не ты же добиваешься, чтобы консерваторы Снодсбери выдвинули твою кандидатуру на повторных выборах. Именно поэтому ему так важно выступить завтра в школе и произвести хорошее впечатление, потому что там учатся дети половины членов избирательного комитета, и он хочет, чтобы все увидели, какой он оратор. Ведь их предыдущий кандидат был заикой, а они заметили это только тогда, когда его уже запустили к избирателям. Они не хотят повторять свои ошибки.

— Да, теперь я понимаю, — согласился я. Я вспомнил, что тетушка Далия действительно рассказывала мне о политических амбициях Апджона.

— Так что вот, — заключила Бобби. — Его судьба зависит от этой речи, а речь в наших руках, значит и его судьба тоже. И мы все решим не сходя с места.

— И как все это будет выглядеть?

— Мы все уже продумали. С минуты на минуту он позвонит сюда, чтобы разыскать свою речь. И ты должен переговорить с ним и изложить ему наши условия.

— Я?

— Именно ты.

— Почему я?

— Так считает Дживз.

— Право же, Дживз? Почему не Киппер?

— Мистер Херринг и Мистер Апджон не разговаривают друг с другом, сэр.

— Ты ведь понимаешь, что произойдет, если Апджон услышит по телефону голос Регги. Он сразу же повесит трубку, и нам снова придется придумывать, как выйти с ним на связь. А тебя он выслушает очень даже.

— Но черт возьми...

— Но ведь все равно Регги пошел погулять, и мы не знаем, где он. Почему с тобой всегда так трудно разговаривать, Берти. Твоя тетушка рассказывала мне, как она с тобой мучалась, когда ты был еще ребенком. Она просила тебя съесть свою кашу, а ты надувался и упрявился, как ионов осел.

Тут я не мог ее не исправить. Ведь всем известно, что в школе я получил приз за знание Библии.

— Валаамов осел. А у Ионы был не осел, а кит. Дживз!

— Да, сэр?

— Рассуди нас, что я не ел кашу как валаамов, а не ионов осел.

— Да, сэр.

— Я же говорил, — повернулся я к Бобби, и я бы продолжил и дальше ставить ее на место, но тут раздался телефонный звонок, и я похолодел от ужаса, ибо я знал, кто это мог быть.

Бобби прореагировала на это по-своему.

— Ну вот! А это, если я не ошибаюсь, наш дорогой клиент. Вперед, Берти. Давай, ни

пуха ни пера.

Я уже вам говорил, что если я общаюсь с мужчинами, я тверд как камень, но в женских руках превращаюсь в воск, напр. сейчас. Я так же хотел сейчас разговаривать с Апджоном, как плыть в бочке в сторону Ниагарского водопада. Но у меня не было выбора. Либо ты мужик, либо нет, как говаривал шевалье Баярд [Легендарный французский солдат.]. Но судя по тому, как я приближался к телефону, я не был достоин этого звания, когда же я услышал в трубке голос Апджона, то совсем струхнул. Ибо по его тону понял, что мой собеседник раздражен. Даже в Мелверн Хаус, что в Бремли, когда я заполнил его чернильницу шербетом, он не был так зол.

— Алло? Алло? Алло? Вы меня слышите? Ответьте, пожалуйста. Это мистер Апджон.

Говорят, когда сдают нервы, нужно сделать пару глубоких вдохов. Так вот, я сделал — шесть... Пока я вдыхал, он ждал и злился. Даже на расстоянии он оказывал на меня свое вредоносное действие.

— Это Бринкли?

Я не посмел ему возразить. «Именно так», — сообщил ему я.

— Кто вы?

Мне пришлось напрячь свою память.

— Это я, Вустер, мистер Апджон.

— А теперь слушайте меня внимательно.

— Да, мистер Апджон. Как вам «Бык в Кустах»? Вы хорошо устроились?

— Что вы сказали?

— Я говорю, как вам гостиница.

— К черту гостиницу.

— Ну что вы, мистер Апджон.

— Я по очень важному делу. Мне нужно переговорить со слугой, который упаковывал мои вещи. Как его имя?

— Дживз.

— Так вот. Он по небрежности забыл положить тезисы к моему завтрашнему выступлению в средней школе в Снодсбери.

— Что вы говорите! Какая жалость!

— Что вы сказали!

— Я говорю «жалость».

— Что?

— Не шалость, а жалость.

— Вустер!

— Да, мистер Апджон?

— Вы что, пьяны?

— Нет, мистер Апджон.

— Тогда прекратите паясничать, Вустер.

— Да, мистер Апджон.

— Срочно найдите этого вашего Дживза и спросите у него, куда он подевал мои тезисы.

— Да мистер Апджон.

— Немедленно, слышите? Что вы стоите и поддакиваете. Мне необходимо срочно получить свои бумаги обратно.

— Да мистер Апджон.

Конечно, честно говоря, разговор наш становился неинтересным, может поэтому Бобби выхватила у меня трубку, прошипев «Тряпка!»

— Как-как вы меня называли? — переспросил Апджон.

— Я вас никак не называл, — ответствовал я. — Назвали меня.

— Я хочу поговорить с этим вашим Дживзом.

— Неужели? — произнесла в трубку Бобби. — А говорить вам придется со мной. Это я, Роберта Уикам, Апджон. Я хочу попросить минуточку вашего внимания.

Хотя я часто не одобрял поведения этой рыжеволосой Йезавель, должен признать, что она умела разговаривать с ветеранами школы. Она изъяснялась с ним в самых любезных выражениях. Конечно, у нее не было моих комплексов и она не общалась с этим Франкештейном от педагогики, когда тот был еще в силе, и все же — ее можно было уважать. Выпустив для завязки «Слушай, дядя», она очень доступно объяснила, как она видит сложившуюся ситуацию, и судя по приглушенному жужжанию в трубке, было очевидно, что она прижала его к ногтю как муху.

Наконец трубка обессилена затихла, и тогда Бобби заключила:

— Вот и прекрасно. Я была уверена, что мы сразу пойдем друг друга. Ну что ж, я скоро приеду. И наберите в ручку побольше чернил.

Потом она повесила трубку и пошла прочь из комнаты, издав на выходе еще один воинственный клич, и тогда я снова обратился к Дживзу, как это часто со мной бывает, когда я оказываюсь свидетелем дел, вершимых женщиной.

— Это надо же, Дживз.

— Да, сэр.

— Ты слышал? Я так понимаю, Апджон дал ей слово.

— Что он больше так не будет, сэр.

— Он отзывает свой иск.

— Да, сэр. И мисс Уикам очень мудро потребовала сделать это в ее присутствии и в письменной форме.

— Чтобы наступить ему на хвост.

— Да, сэр.

— Как предусмотрительно.

— Да, сэр.

— По-моему, она проявила большую волю.

— да, сэр.

— По-моему, это все ее рыжие волосы.

— Да, сэр.

— Я не думал, что я когда-нибудь доживу до того счастливого дня, когда кто-то обзовет его «дядей».

Я хотел поделиться с ним еще кое-какими соображениями, но тут дверь открылась и в комнату зашла Ма Крим. Дживз неслышно удалился. Он никогда не отвечает, если кто-то мнит из себя звезду...

За сегодня я видел ее в первый раз, так как с утра Ма Крим уезжала в Бирмингем на дружеский ланч. Я бы вполне протянул без ее общества и остаток дня, так почувствовал неладное. Сейчас она выглядела более чем когда-либо по-шерлок-холмсовски. Нацепите на нее халат и суньте ей в руки скрипку, и никто на Бейкер стрит и слова не спросит.

Просверливая меня взглядом, она сказала:

— Вот вы где, мистер Вустер, а я вас везде ищу.

— Вы о чем-то хотите поговорить со мной?

— Да. Я хочу сказать вам, что теперь уж вы мне точно поверите.

— О чем вы?

— О дворцеком.

— А в чем дело?

— А вот в чем. вы лучше сядьте. Это длинная история.

Я сел, и с большим удовольствием, так как почувствовал слабость в ногах.

— Вы помните, я вам с самого начала говорила, сто не верю ему.

— Ах, что вы говорите.

— Я говорила, что у него лицо уголовника.

— Лица не выбирают.

— Он проходимец и самозванец. Да какой же он дворецкий! Полиция выведет его на чистую воду. Он такой же дворецкий, как я горничная.

Я продолжал бороться за его честное имя:

— Но не забудьте, что у него есть рекомендательное письмо.

— Я слышала об этом.

— Он не мог бы работать мажордомом у такого человека, как сэра Родерик Глоссоп, если бы он был бесчестным человеком.

— А он и не работал.

— Но Бобби сказала...

— Я прекрасно помню, что сказала мисс Уикам. Что он много лет проработал в доме сэра Родерика Глоссоба.

— Ну так что же тогда...

— Вы думаете, это все объясняет?

— Разумеется.

— А я так не считаю, и вот почему. У сэра Родерика Глоссоба большая клиника в Сомерсетшире в местечке Чафнелл Регис, там лечится одна моя подруга. Я списалась с ней и попросила ее, если она увидит леди Глоссоп, разузнать все насчет ее бывшего дворецкого по фамилии Сордфиш. Я только что вернулась из Бермингема, и меня ждало письмо. Моя приятельница пишет, что леди Глоссоп сказала, что у них в доме никогда не было дворецкого по фамилии Сордфиш. Как вам это понравится?

Я все еще пытался спасти ситуацию.

— Но вы же лично не знакомы с леди Глоссоп?

— Конечно нет. Иначе я бы сама с ней списалась.

— Она очаровательная женщина, но у нее дырявая голова. Каждый раз, выходя в театр, она теряет по одной перчатке. Куда уж ей запомнить имя дворецкого. По ней что

Фозерингей, что Бинкс — все одно. Такой вид забывчивости часто встречается. Например, в Оксфорде у меня был один знакомый по фамилии Робинсон, и недавно как-то я пытался вспомнить эту самую его фамилию, но меняхватило только на Фосдайка. И я вспомнил только когда, когда пару дней назад прочитал в «Таймс», что Герберт Родинсон, двадцати шести лет, проживающий на Гроув Роуд, Поднерз Энд, задержан полицией за кражу в магазине штанов в желто-зеленую клетку. Конечно, это был совсем другой Робинсон, но вы понимаете. И я уверен, что в один прекрасный день леди Глоссоп хлопнет себя по лбу и воскликнет: «Конечно же Сордфиш: причем тут Кэтберд [Catbird — дрозд американский.]».

Тут моя собеседница ухмыльнулась улыбкой Шерлока Холмса, который уже приготовил наручники для укравшего рубин махараджи.

— Значит вы утверждаете, что он порядочный человек? Тогда как вы объясните следующее? Я недавно видела Вилли, и он сказал мне, что у него пропал дорогостоящий серебряный сливочник, который он купил у мистера Траверса. И знаете, где этот сливочник? Он запрятан в комнате Сордфиша, в ящике комода, между свежими рубашками.

Наверное, я все-таки ошибся, считая что Вустеры не сдаются. Ибо эти слова сокрушили меня окончательно.

— Неужели? — спросил я. Не ахти как много, но больше я ничего не мог сказать.

— Да, сэр, сливочник именно там. Когда Вилли сообщил мне о его пропаже, я уже знала, где мне его искать. Я пошла в комнату к этому Сордфишу и обыскала ее, и вот вам результат. Я уже позвала полицию.

И снова я почувствовал, что Вустеры сдаются. Я ошарашено посмотрел на нее.

— Вы позвали полицию?

— Да, сейчас прибудет сержант. С минуты на минуту. И знаете что? Я пойду сейчас и встану под дверьми комнаты Сордфиша, чтобы никто не смог стащить улику. Я хочу исключить всякую возможность этого. Я не хотела бы утверждать, что я вам совсем не доверяю, мистер Вустер, но мне не нравится, что вы так защищаете этого человека. Мне кажется, что вы его слишком жалеете.

— Я просто хочу сказать, что может быть он просто поддался минутной слабости или что-нибудь в этом роде.

— Глупости. Он наверняка проделывал это всю свою жизнь. Могу поклясться, что он ворует с самого детства.

— Только печенье.

— Простите.

— Ну как там оно называется, крекер что ли. Он рассказывал, что в свои зеленые годы он мог стащить один-два крекера.

— Ну вот, видите! Сначала крекеры, потом серебряные сливочники. Таков закон жизни, — сказав это, она побежала становиться в караул, оставив меня в смятении, ибо я не нашелся сказать ей что-нибудь насчет человеческого сострадания. Вдруг оно бы у нее нашлось.

Я все еще предавался этим размышлениям, перебирая в уме, что еще я мог бы сказать, как передо мной возникли Бобби и тетушка Далия. Они очень смахивали одна на молодую особу, другая на пожилую в минуты глубокой радости.

— Роберта сказала мне, что она вынудила Апджона забрать иск, — сказала тетушка. — Я очень, очень довольна, но провались я на этом месте, если я знаю, как ей это удалось.

— Я просто воззвала к его лучшим чувствам, — сказала Бобби и многозначительно

посмотрела в мою сторону. Я ее понял. Тетушка никогда не должна узнать о том, что на карту было поставлено выступление в Снодсбери. — Я сказала ему, что на свете есть такие вещи, как чувство сострадания... Что ты, Берти?

— Ничего, просто смотрю на тебя и удивляюсь.

— Чему ты удивляешься?

— Мне кажется, что у нас в Бринкли каждый имеет право не только на сострадание, но и на удивление. — Тут я хрипло рассмеялся. — Нет, не подумайте, что я проглотил собственные гланды. Я просто хрипло рассмеялся. Я удивляюсь, что в тот самый момент, когда эта юная дева говорит, что все прекрасно, грядет катастрофа. Я расскажу вам нечто такое, что вполне подпадает под цитату с дикобразом.

И без дальнейших вступлений я начал свое горестное повествование. Как я и предполагал, они были потрясены до глубины своих кружев. Тетушка моя была очень похожа на тетущку, которую ударили по голове ружьем, а Бобби на рыжеволосую девушку, которая представила, что оно заряжено.

— Теперь вы все знаете, — закончил я. Я не хотел их добивать, но вывод напрашивался сам собой. — Сегодня Глоссоп вернется со своего выходного и попадет в руки правосудия, которое нацепит на него наручники. Вряд ли он безропотно станет отматывать свой срок: он сразу же даст свидетельские показания и докажет свою невиновность. «Да», скажет он, «я действительно свистнул этот сливочник, но только потому, что я думал, что его свистнул Уилберт, и я хотел вернуть его хозяину». И тут он расскажет про свои должностные обязанности в этом доме — и все это в присутствии Ма Крим. И что последует? Сержант снимет с него наручники, а Ма Крим спросит, нельзя ли ей воспользоваться вашим телефоном, потому что ей надо заказать международный разговор со своим мужем. Па Крим внимательно выслушает ее в своей другой стране, а некоторое время спустя он предстанет перед дядюшкой Томом и с презрительной гримасой скажет: «Траверс. Я рву наш контракт». «Рвешь?» затрепещет дядюшка Том. «Рву» — скажет Крим. — "Эр Вэ У. Я не хочу иметь дело с людьми, чьи жены подсылают психиатров, чтобы следить за моим сыном. "Как мне это понравится, спросила у меня тут Ма Крим. А теперь я говорю: как вам это понравится.

Тетушка Даля рухнула в кресло и начала потихонечку багроветь, что является для нее признаком больших эмоций.

— Единственно, что нам остается, это уповать на Высший Разум.

— Ты прав, — согласилась тетущка, обмахивая себя рукой. — Роберта, пойд и приведи Дживза. А ты, Берти, выкати из гаража свою машину и поищи по округе Глоссоба. Может, мы сможем предупредить события. Давай же, давай, действуй. Что ты ждешь?

Я не то чтобы ждал. Я просто думал, что мне придется искать на машине иголку в стоге сена. Не так просто отыскать специалиста по психам, да еще если он взял выходной в качестве дворецкого, — нельзя сделать это, просто разъезжая по Вустерширу. Тут нужны ищейки, платки, чтобы дать им понюхать, и всякая другая детективная метода. И все же, мне ничего не оставалось, как ответить:

— Ага...

Я предполагал с самого начала, попытка моя была обречена на провал. Я проездил на машине более часа и определив по сосанию под ложечкой, что время движется к обеду, повернул в сторону дома.

Когда я вошел в гостиную, там была Бобби. У нее был такой вид, как будто она чего-то ждала, и когда я узнал, что это коктейль, я сказал:

— Коктейль. Я бы тоже не отказался. По причине беспочвенности моих поисков. Я нигде не смог найти Глоссоба. Может он где-то и есть, но графство Вустершир умеет хранить свои секреты...

— Глоссоб — повторила она удивленно. — Так он уже давно вернулся.

Я удивился еще больше чем она. А больше всего меня поразило ее спокойствие, с которым она это произнесла:

— Господи! Да ведь это же конец.

— О чем ты?

— Ну как. Его уже арестовали?

— Конечно нет. Он объяснил всем, кто он такой и прочее.

— О боже!

— Да что ты? Ах да, конечно, я совсем забыла. Ты же не знаешь, что тут без тебя произошло. Дживз все разрешил.

— Неужели?

— Одним мановением руки. И как все оказалось просто. Даже удивляешься, что не могла додуматься до этого сама. Дживз посоветовал Глоссобу, чтобы он раскрыл свою настоящую профессию и сказал, что находится в доме из-за тебя.

Тут у меня перед глазами потемнело, и я бы точно свалился, не успей я ухватиться за фотографию дядюшки Тома, стоящую на столе, где он был изображен в форме добровольцев восточного Вустершира.

— Что? — переспросил я.

— Конечно, для миссис Крим это сразу все объяснило. Твоя тетушка рассказала, что она давно волновалась за твоё здоровье, потому что ты часто совершал странные поступки, типа катался по водосточным трубам, впускал к себе в спальню по тридцать три кошки и прочее, тут и миссис Крим вспомнила сама, как обнаружила тебя в спальне своего сына и что ты сказал, что охотишься за мышами, поэтому она тоже согласилась, что тебе действительно нужно понаблюдаться у такого хорошего специалиста, как Глоссоб. И она очень за тебя обрадовалась, когда Глоссоб уверил ее, что болезнь твоя излечима. Она сказала, что теперь все мы должны быть очень ласковы с тобой. Как хорошо все обернулось, скажи? — воскликнула она и весело рассмеялась.

Я уже не знаю, может быть я и схватил бы ее и придушил на месте, хотя обычно вустеровское благодушие всегда берет верх надо мной, да и весьма скоро в комнате появился Дживз, неся на подносе стаканы и шейкер, наполненный до краев можжевелевым соком. Бобби быстренько выпила свой стакан и оставила нас, бросив что ей надо переодеться к ужину. И мы остались вдвоем, как в боевике два супермена перед грядущей схваткой.

— Ну, Дживз, — сказал я.

— Сэр?

— Мисс Уикам мне все рассказала.

— О, понятно, сэр.

— Я бы прокомментировал это иначе, тоже начинается на «по»: по...

— Поклеп, сэр?

— Именно. Я оказался в очень неприятном положении. И все благодаря тебе.

— Да, сэр.

— Теперь обо мне все станут говорить, что я чокнутый.

— Далеко не все, сэр. Только узкий круг людей, собравшийся ныне в Бринкли.

— Ты возвестил на весь белый свет, что у меня крыша поехала!

— Я не видел другого выхода, сэр.

— И знаешь что, мне очень странно, почему тебе так легко поверили.

— Почему, сэр?

— Потому что в твоей истории есть одно большое «но».

— Какое же, сэр?

— Ты называешь меня «сэр», и это звучит как оскорбление. А ведь сливочник-то был в комнате Глоссоба! Что ты на это скажешь?

— По моему совету, сэр, он сказал, что забрал сливочник из вашей комнаты, когда узнал, что этот предмет был украден вами из комнаты мистера Крима.

Я опешил.

— Ты хочешь сказать, — прогремел я (хорошее слово), — ты хочешь сказать, что в глазах остальных я не только псих, но и клептоман.

— Исключительно в глазах узкого круга людей, собравшихся в Бринкли.

— Неужели ты веришь сам тому, что говоришь. Неужели ты думаешь, что Кримы станут хранить благородное молчание. Они будут собираться у себя за столом и пережевывать это годами. Они вернутся в свою Америку и протрубят об этом от скалистых берегов штата Мэн до национального парка Эверглейдс. И кончится тем, что когда я поеду туда в следующий раз, в какой бы дом я ни пришел, везде на меня будут смотреть как на чокнутого и пересчитывать после меня все свое столовое серебро. Как я могу теперь сесть за один стол с Ма Крим, которая теперь будет со мной ласковой. Как это унижительно для меня как Вустера, Дживз.

— Сэр, мой вам совет, мужайтесь, это вам как испытание. На свете есть много хороших коктейлей. Хотите, я вам еще налью?

— Налей непременно.

— И мы всегда должны помнить, что сказал поэт Лонгфеллоу.

— И что он тебе сказал?

— Каков бы ни был ваш урон, да будет ваш спокоен сон. Когда вы подумаете, что спасли мистера Траверса, вам станет легче.

Он знал, что сказать, этот Дживз. И тут я вспомнил про десятифунтовые переводы в конвертах, что я получал от дядюшки Тома в школьные годы, и сердце мое дрогнуло. Я не стану показывать перед всеми своих слез, а скажу вам официально, как все это закончилось:

— Ты прав, друг мой Дживз!...

Пелам Гренвилл Вудхаус

Держим удар, Дживс!

Небрежно поигрывая ножом, я намазал джем на горячий гренок и чуть было не огласил воздух ликующим «Тру-ля-ля!», поскольку в это утро чувствовал себя в превосходной спортивной форме. «Улыбается Бог в небесах, в этом мире все так хорошо!» Помнится, таким образом однажды высказался Дживс. Он еще, кажется, упомянул о жаворонках и улитках, но это к делу не относится, так что не будем отвлекаться.

В кругах, где вращается Бертрам Вустер, ни для кого не секрет: когда ночь вступает в свои права и приходит час пиршества, Бертрам может украсить собой любое общество, однако за завтраком он, как правило, остроумием не блещет. Сойдясь лицом к лицу с яичницей и беконом, он, случается, робко их поковыряет, будто боясь, что они вдруг сорвутся с тарелки и набросятся на него. Словом, спозаранку Бертрам Вустер вял и скучен. Сплошная беспросветность.

Однако сегодняшней день существенно отличался от всех прочих. Сегодня у нас царил дух животрепетания – если это слово означает то, что я имел в виду, – и воодушевления. Ну так вот, я мало того что впился зубами в сосиски, как тигр в несчастного кули, которого он отловил себе ко второму завтраку, но еще после этого, как уже упоминалось, накинулся на хлеб с джемом. По-моему, этим все сказано.

Причину, по которой сегодня я куда более благосклонно смотрел на белки и углеводы, легко понять. Дживс вернулся и снова отслуживал свое еженедельное вознаграждение на старом месте. Дело в том, что дворецкий моей обожаемой тетушки Далии захворал, и она позаимствовала у меня Дживса на время приема, который устраивала в своем вустерширском поместье Бринкли-Корт. Таким образом, я больше чем на неделю лишился общества моего слуги. Разумеется, Дживс не дворецкий, а камердинер, но, если случится нужда, он любого дворецкого за пояс заткнет. Это у него в крови. Его дядюшка Чарли – дворецкий, и, конечно, Дживс перенял у него кучу всяких профессиональных тонкостей. Когда Дживс появился, чтобы убрать останки, я спросил его, хорошо ли ему жилось в Бринкли.

– Исключительно приятно, благодарю вас, сэр.

– А вот мне без вас было далеко не так приятно. Я чувствовал себя как малое дитя, которого лишили няни. Вы не против, что я назвал вас няней?

– Нисколько, сэр.

Впрочем, на самом деле это еще мягко сказано. Моя тетька Агата – страшная женщина, настоящее исчадие ада – считает, что Дживс играет при мне роль надсмотрщика.

– Да, мне очень вас не хватало, я даже с друзьями в «Трутнях» веселился без всякого удовольствия. «Они влекли меня к забавам...» – как там дальше?

– Сэр?

– Однажды вы таким образом высказались про Фредди Уиджена, когда одна из его подружек дала ему от ворот поворот. Что-то там вроде бы утолить...

– Ах, вот оно что, сэр! «Они влекли меня к забавам, дабы печали утолить...»

– «...в надежде тщетной, что веселость забвенью может подарить». Да-да, это самое. Сами сочинили?

– Нет, сэр. Это старинная английская салонная баллада.

– Да? А написано будто обо мне. Однако расскажите: что в Бринкли? Как поживает

тетушка Далия?

– Миссис Траверс, судя по всему, пребывает, как обычно, в добром здравии, сэр.

– Как прошел праздник?

– Удовлетворительно, в разумных пределах, сэр.

– Только-то?

– Настроение мистера Траверса несколько омрачало обстановку. Он был подавлен.

– Так случается всякий раз, когда тетя Далия собирает полон дом гостей. Известно, что он погружается в пучину отчаяния, если даже один-единственный чужак переступает порог их дома.

– Истинная правда, сэр, но позволю предположить, что в данном случае подавленность мистера Траверса объясняется главным образом присутствием сэра Уоткина Бассета.

– Неужели там был этот старый хрыч? – возмутился я, ибо знал, черт побери, что если есть на свете человек, к которому мой дядя Том чувствует живейшее отвращение, то это Бассет. – Я поражен, Дживс.

– Должен признаться, сэр, что я тоже был несколько удивлен, увидев этого джентльмена в Бринкли-Корте, но, вне сомнения, миссис Траверс сочла своим долгом воздать ему за его гостеприимство. Как вы изволите помнить, недавно сэр Уоткин принимал вас с миссис Траверс в Тотли-Тауэрсе.

Я поморщился. Желая всего лишь освежить мою память, Дживс коснулся оголенного нерва. В чашке оставалось немного холодного кофе, и я отхлебнул глоток, чтобы вернуть себе спокойствие.

– Ничего себе «принимал»! Запереть человека в спальне, чуть ли не наручники на него надеть, поставить внизу на лужайке полицейского, чтобы не удрал через окно на связанных простынях, – если, по-вашему, это называется «принимать гостей», то я решительно не могу с вами согласиться.

Не знаю, насколько вы знакомы с анналами о Вустере, но если вы хоть в какой-то мере о них осведомлены, то, возможно, припомните ужасающую историю о сэре Уоткине Бассете и моем посещении его глостерширского поместья. Сэр Уоткин и мой дядюшка Том наперегонки коллекционируют то, что называется *objets d'art*, и когда сэр Уоткин обманом увел из-под носа дяди Тома серебряный кувшинчик для сливок в виде коровы – на редкость безобразное изделие, – мы с тетушкой Далией отправились в Тотли-Тауэрсе, дабы похитить вышеупомянутую корову и вернуть ее в родное стойло. Это предприятие, хоть и увенчавшееся, как говорится, успехом, едва не привело меня в кутузку, и когда я вспоминаю о нем, то все еще дрожу, как трепетная осина, если я правильно выражаюсь.

– Мучают ли вас ночные кошмары, Дживс? – спросил я, надрожавшись.

– Очень редко, сэр.

– Меня тоже. Но если мучают, то всегда одни и те же. Я снова оказываюсь в Тотли-Тауэрсе в обществе сэра У. Бассета, его дочери Мадлен, Родерика Спода, Стиффи Бинг, Гасси Финк-Ноттла и скотч-терьера Бартоломью, они являются мне во всей своей красе, и я просыпаюсь, не к столу будь сказано, весь с головы до ног в поту. Да уж, поистине для меня то были времена, которые... как там, Дживс?

– Ниспосланы, чтобы подвергнуть человека испытаниям, сэр.

– Именно. Да еще каким! Один сэр Уоткин Бассет чего стоит, а? – задумчиво проговорил я. – И нечего удивляться, что дяде Тому стало не по себе и он приуныл. На его месте я тоже впал бы в депрессию. А кто еще наблюдался среди присутствовавших?

- Мисс Бассет, сэр, мисс Бинг, собака мисс Бинг и мистер Финк-Ноттл.
- Ну и ну! Вся шайка почти в полном составе. Спода не было?
- Нет, сэр. Очевидно, на его сиятельство приглашение не распространилось.
- На его – что?

– Мистер Спод, если изволите припомнить, сэр, унаследовал титул лорда Сидкапа.

– Ах да. Совсем забыл. Сидкап или не Сидкап, а для меня он все равно Спод. Скверный тип.

– Во всяком случае, он назойливая личность, сэр.

– Не хотелось бы снова с ним сталкиваться.

– Охотно понимаю, сэр.

– И не испытываю никакого желания встречаться ни с сэром Уоткином Бассетом, ни с Мадлен Бассет, ни со Стиффи Бинг и Бартоломью. Против Гасси не возражаю. Физиономия как у палтуса, в спальне у себя держит тритонов в стеклянной банке, но на такие вещи смотришь сквозь пальцы, когда речь идет о твоём старом школьном друге. Точно так же прощаешь старому товарищу по Оксфорду, например преподобному Г. П. Пинкеру, его привычку загребать ногами и опрокидывать все вокруг. Так как же Гасси? Вне себя от счастья?

– Нет, сэр. Мистер Финк-Ноттл, как мне показалось, тоже был подавлен.

– Видимо, какой-нибудь из его тритонов подхватил тонзиллит.

– Возможно, сэр.

– Вы никогда не держали тритонов?

– Нет, сэр.

– Я тоже. И Эйнштейн, и Джек Демпси, и архиепископ Кентерберийский, по-моему, тоже. А вот Гасси получает от общества тритонов истинное наслаждение. Устроится поуютнее и глазеет на них, и нет на свете человека счастливее его. Чего только в жизни не бывает, а?

– Действительно, сэр. Вы предполагаете обедать дома?

– Нет. У меня свидание в «Ритце», – сказал я и вышел, дабы облачиться в приличествующий английскому джентльмену уличный наряд.

Во время переодевания, когда мои мысли вновь вернулись к Бассетам и я еще раз подивился, ради чего, черт побери, тетушка Далия допустила, чтобы сэр Уоткин и сопровождающие его лица отравляли своим присутствием чистую атмосферу Бринкли-Корта, зазвонил телефон, и я вышел в холл, чтобы снять трубку.

– Берти?

– О, привет, тетя Далия.

Я сразу узнал любимый голос. Когда мы с тетей Далией говорим по телефону, у меня просто лопаются барабанные перепонки. Моя тетушка некогда была заметной фигурой в охотничьих кругах и, говорят, так зычно гикала и улюлюкала, скача по лугам и перелескам в погоне за лисой, что слышно было даже в соседних графствах. Теперь, отойдя от активной охоты на лис, она все еще сохраняла привычку адресоваться к племяннику тоном, предназначенным скорее для одергивания охотничьих собак, когда те отвлекались на кроликов.

– Смотри-ка, он уже на ногах! – прогудела она. – Я думала, ты еще в постели, храпишь так, что стены дрожат.

– Вообще-то обычно в этот час я еще недоступен, – поддакнул я, – но сегодня встал с

жаворонками и с этими, как их? Кажется, с улитками. Дживс!

– Сэр?

– Вы ведь говорили, что улитки встают рано?

– Да, сэр. Поэт Браунинг в своей стихотворной драме «Проходит Пиппа...» указывает, что они встают в семь часов утра. «Жаворонок запел свою песню так весело и безыскусно, и улитка ползет по листу, оставляя свой легкий узор».

– Благодарю вас, Дживс. Тетя Далия, я не ошибся. Я восстал из постели, когда жаворонок уже запел свою песню, а улитка ползет по листу.

– Берти, что ты там мелешь?

– Вопрос не ко мне, а к Браунингу. Я говорю, что сегодня встал рано. Это самое малое, что я мог сделать, чтобы отпраздновать возвращение Дживса.

– Он ведь вернулся в добром здравии, да?

– Да, загорелый и бодрый.

– Здесь он был в прекрасной форме. На Бассета произвел неизгладимое впечатление.

Я обрадовался тому, что представилась возможность разрешить загадку.

– Тетя Далия, – сказал я, – вы затронули один вопрос, в связи с которым мне бы хотелось услышать разъяснения. За каким чертом вы пригласили в Бринкли папашу Бассета?

– Ради жены и малых детушек.

– Чего-чего? Не понял. Растолкуйте, пожалуйста.

– Ради Тома, я хочу сказать, – ответила она и так оглушительно захохотала, что я затрясся всем телом. – Том в последнее время впал в уныние по причине, как он говорит, чудовищного налогообложения. Ты ведь знаешь, он ненавидит раскошеливаться.

Я и в самом деле это знал. Будь его воля, департаменту налогов и сборов не видать бы его денег как своих ушей.

– Ну так вот, я и подумала, что общество Бассета отвлекло бы его, он бы понял, что на свете есть вещи похуже, чем подоходный налог. Меня надоумил здешний врач. Рассказал, что есть такая болезнь, называется «болезнь Ходжкина», от которой лечат мышьяком. Принцип тот же самый. Ведь этот Бассет просто невыносим. Когда увидимся, я тебе расскажу про статуэтку из черного янтаря. Бассет ее недавно купил для своей коллекции. Он показывал ее Тому и при этом отвратительно злорадствовал. Том исстрадался весь, горемыка.

– Дживс сказал, что он был подавлен.

– Ты бы тоже был подавлен, будь ты коллекционером и знай, что твой конкурент, которого ты и так терпеть не можешь, раздобыл для своей коллекции вещь, за которую ты бы отдал не глядя все четыре зуба мудрости.

– Понимаю, – сказал я, не первый раз удивляясь тому, что дядя Том так высоко ценит вещи, которых, по мне, так хоть бы вообще на свете не было. Например, вышеупомянутый сливочник в виде коровы – надо же такое выдумать, ей-богу! Я всегда без боязни намекал, что самое подходящее место для всех этих коллекционеров – обитая войлоком палата в психушке.

– У Тома началось тяжелое несварение, какого у него не случалось с тех пор, как его последний раз подбили поесть омаров. Кстати о несварении: послезавтра я приеду на один день в Лондон и рассчитываю, что ты накормишь меня обедом.

Заметано, сказал я, и после того как мы с ней совершили небольшой обмен любезностями, она дала отбой.

– Это была тетушка Далия, Дживс, – сказал я, отойдя от телефона.

– Да, сэр, мне показалось, что я узнал голос миссис Траверс.

– Она хочет, чтобы я послезавтра угостил ее обедом. Думаю, лучше пригласить ее к нам.

Она не слишком жалуется ресторанный кухню.

– Очень хорошо, сэр.

– Что это за статуэтка из черного янтаря, о которой говорила тетя Далия?

– Прошу прощения, но это довольно длинная история, сэр.

– В таком случае сейчас не стоит рассказывать. Мне надо бежать сломя голову, иначе я опоздаю на свидание.

Вооружившись зонтиком и надев шляпу, я взял курс в открытое пространство, но тут услышал почтительное покашливание и, обернувшись, увидел, что день радостного воссоединения вот-вот омрачится. В устремленных на меня глазах я уловил особый блеск, столь мне знакомый по общению с тетушками и неизменно означавший явное осуждение. И когда Дживс страдальчески произнес: «Прошу прощения, сэр, но неужели вы намерены появиться в отеле «Ритц» в этой шляпе?» – я понял, что настало время Бертраму продемонстрировать свою прославленную железную волю.

В вопросе головных уборов Дживс как пить дать идет не в ногу с современной передовой мыслью. Его взгляды даже можно назвать реакционными, и я с самого начала задавался вопросом, как он отнесется к голубой тирольской шляпе с розовым пером, которую я купил в его отсутствие. Теперь я получил ответ. Невооруженным глазом было видно: он ни за что на свете с ней не примирится.

Я же, напротив, всей душой полюбил эту шляпу, хотя готов был допустить, что она более уместна для ношения в сельской местности. Но с другой стороны, она, бесспорно, сообщала моей наружности эдакую чертовщинку, а при моей внешности некая чертовщинка в экипировке просто неопределима. Поэтому у меня в голосе прозвучали металлические нотки.

– Да, Дживс, именно так я и намерен поступить, в общем и целом. Разве вам не нравится эта шляпа?

– Нет, сэр.

– Ну а мне нравится, – находчиво сказал я и вышел на улицу в своей тирольской, лихо заломленной – в этом вся соль! – голубой шляпе.

В «Ритце» у меня было назначено свидание с Эмералд Стокер, младшей дочерью этого пирата папаши Стокера, который однажды обманом заманил меня к себе на яхту с намерением женить на своей старшей дочери Полин. Длинная история, сейчас не стану вдаваться в подробности, скажу только, что старый болван имел совершенно превратное представление о моих отношениях с его ненаглядным чадом, потому что мы, как говорится, были всего лишь добрыми друзьями. К счастью, все обошлось благополучно – барышня связала себя узами брака с Мармадюком, лордом Чаффнеллом, моим старинным приятелем, и мы как были, так и остались добрыми друзьями. Иногда я провожу уик-энды у Полин и Чаффи. А когда она приезжает в Лондон за покупками или за чем-нибудь еще, я слежу, чтобы она поглощала достаточное количество калорий. И само собой разумеется, когда Эмералд Стокер явилась сюда из Америки обучаться живописи, Полин поручила мне приглядывать за сестрой и время от времени водить ее обедать. Старый добрый Берти, друг семьи.

Я так и знал, что опоздаю – Эмералд уже меня ждала. Всякий раз при виде ее я поражался, до чего не похожи друг на друга могут быть родственники. В том смысле, что субъект А начисто лишен внешнего сходства с родственным ему субъектом В, а субъект В совсем не похож на родственный субъект С, – надеюсь, вы улавливаете ход моих мыслей. Взять, например, клан Стокеров. Глядя на них, вы никогда в жизни не догадаетесь, что они связаны узами крови. Старик Стокер – вылитый персонаж третьего плана из какого-нибудь гангстерского фильма, а Полин такая красотка, что когда идет по улице, даже самый сдержанный мужчина не стерпит и восхищенно присвистнет ей вслед. Эмералд же, совсем наоборот, вполне заурядная милашка и ничем не отличается от сотен других хорошеньких девушек, только нос и глазки у нее чуточку как у мопса да веснушек несколько больше среднего уровня.

Я всегда радовался случаю перекусить с Эмералд, потому что в ней чувствовалось материнское тепло, которое действовало на меня успокаивающе. Она была из тех славных, симпатичных девушек, которым всегда можно поплакаться, не сомневаясь, что тебя пожалеют и поглядят по головке. Я пришел на свидание все еще немного раздосадованный размолвкой с Дживсом по поводу тирольской шляпы и, конечно, тут же излил душу Эмералд. Вы не представляете, с каким тактом она откликнулась на мое признание. Должно быть, сказала Эмералд, Дживс в чем-то похож на ее отца, хотя она его никогда не видела – в смысле Дживса, а не своего отца, с которым она, безусловно, часто встречается. И еще сказала, что я был совершенно прав, когда продемонстрировал бархатный кулак в стальной перчатке, вернее, наоборот – стальной кулак в бархатной перчатке, потому что нельзя, чтобы кто-то брал над тобой верх. Ее отец, сказала она, привык всю жизнь всеми командовать, но, по ее мнению, рано или поздно найдет коса на камень и ему как следует дадут по мозгам, что, как ей кажется – и я в этом полностью с ней согласен, – пойдет ему только на пользу.

Я был так благодарен Эмералд за ее доброту, что пригласил ее завтра пойти со мной в театр, куда я мог бы раздобыть парочку билетов на классный мюзикл, но она сказала, что, к сожалению, ничего не выйдет.

– Я сегодня уезжаю за город, к знакомым. Поезд уходит в четыре часа с Паддингтонского вокзала.

- Надолго едешь?
- Примерно на месяц.
- И целый месяц рассчитываешь там пробыть?
- Само собой.

Она так уверенно это сказала, что я посмотрел на нее с невольным уважением. У меня в жизни не было случая, чтобы в каком-то доме смогли вытерпеть мое присутствие дольше недели. Куда там! Обычно задолго до этого срока хозяева вроде бы невзначай затевают за столом разговор об удобствах железнодорожного сообщения с Лондоном, смутно надеясь, что Бертрам воспользуется этим удобством. И уж конечно, у меня в комнате на видном месте лежит расписание поездов с жирным крестиком против цифр 2.35 и пометкой: «Очень удобный поезд. Настоятельно рекомендуем».

- Их фамилия Бассет, – сказала Эмералд.

Я вздрогнул.

- Они живут в Глостершире.

Я снова вздрогнул.

- Их усадьба называется...

- Тотли-Тауэрс?

Теперь вздрогнула Эмералд – итого вместе мы вздрогнули три раза.

- Как, ты их знаешь? Вот здорово! Пожалуйста, расскажи о них.

Эта просьба меня несколько удивила.

- А разве ты сама с ними не знакома?

- Только с мисс Бассет. А кто остальные?

Будучи превосходно осведомленным в данном вопросе, я тем не менее на минуту замаялся, соображая, нужно ли открывать этой беззащитной девушке, на что она себя обрекает. И решил, что обязан сказать всю правду, ничего не утаивая. С моей стороны было бы довольно жестоко умолчать о том, что мне известно, и допустить, чтобы она отправилась в Тотли-Тауэрс неподготовленной.

– Итак, обитателями рассматриваемого нами зверинца, – начал я, – являются сэр Уоткин Бассет, его дочь Мадлен, его племянница Стефани Бинг, некий тип по имени Спод, который с недавних пор зовется лордом Сидкапом, и племянницын скотч-терьер по кличке Бартоломью, с которым следует держать ухо востро, в особенности если он ошивается где-нибудь в окрестностях ваших лодыжек, потому что кусает он как змей и жалит как аспид. Значит, с Мадлен Бассет ты знакома? И как ты ее находишь?

Эмералд, похоже, погрузилась в раздумье. Прошла минута-другая, прежде чем она вновь всплыла на поверхность.

- Вы с ней большие друзья? – наконец осторожно спросила она.

- Отнюдь нет.

- Ну так, по-моему, она редкостная дурища.

- По-моему, тоже.

- Но очень хорошенькая. Этого нельзя не признать.

Я помотал головой:

– Внешность – это еще не все. Думаю, что какой-нибудь лихой султан или паша, представься ему случай зачислить мисс Бассет в штат своего гарема, ни за что не упустит такой возможности, но не пройдет и недели, как он раскается в своей горячности. Она же невыносимо сентиментальная дурочка, напичканная всякими бреднями и причудами.

Считает, например, что звезды – это божьи маргаритки, что кролики – это гномы из свиты королевы фей и что каждый раз как эта самая фея сморкнется, на свет рождается малютка, хотя уж, кажется, кому не известно, как рождаются дети. Одним словом, дурища и зануда в придачу.

– Вот-вот, и мне так показалось. Прямо как та барышня из «Терпения», которая только и бредит любовью.

– Откуда барышня?

– Из «Терпения», пьеса Гилберта и Сулливана. Ты что, не видел?

– Да нет, конечно, видел. Теперь вспомнил. Однажды тетушка Агата вынудила меня сводить на этот спектакль ее сына Тоса. Весьма недурно, хотя, по-моему, немного заумно. А теперь переходим к сэру Уоткину Бассету, отцу Мадлен.

– Она мне о нем говорила.

– Ну еще бы.

– Что он за тип?

– Настоящее чудовище. Не в обиду ему будь сказано, но, на мой взгляд, сэр Уоткин Бассет такой же монстр, как твой папаша, даже еще похлеще.

– Значит, по-твоему, мой папаша монстр?

– Но это между нами.

– А он считает, что ты ненормальный.

– Ну и на здоровье!

– И нельзя сказать, что он так уж сильно ошибается. Но во всяком случае, отец не так плох, если его гладить по шерстке.

– Вполне допускаю, но если ты воображаешь, что у меня только и дел, что гладить твоего папочку по шерстке или против оной, то ты глубоко заблуждаешься... Кстати, вспомнил – что касается Тотли-Тауэрса, то там есть одно подкупающее обстоятельство. В соседней деревне живет преподобный Г. П. Пинкер по прозвищу Растяпа, викарий, исправляющий должность священника. Тебе он понравится. Когда-то он играл в футбол за сборную Англии. А Спода остерегайся. Верзила под три метра ростом, а взглядом с шестидесяти шагов открывает устричную раковину. Если тебе приходилось видеть горилл, то можешь составить представление о Споде.

– Миленькие же у тебя друзья!

– Они мне не друзья. Хотя я люблю Стиффи и всегда готов заключить ее в объятия при условии, что она не начнет дурить. Дело в том, что она вечно выкидывает какие-то фортели. Ну вот, кажется, на этом список заканчивается. Ах нет, забыл про Гасси.

– Кто это?

– Мой приятель, сто лет знакомы. Он обручен с Мадлен Бассет. Его зовут Гасси Финк-Ноттл.

Эмералд радостно пискнула:

– У него еще очки в роговой оправе?

– Да.

– И он держит тритонов?

– В изобилии. Как, неужели вы знакомы?

– Встречались. На вечеринке в одной компании.

– Я думал, он не ходит на вечеринки.

– А тут взял и пришел, и мы весь вечер проговорили. Симпатичный, похож на овечку.

– Ты хочешь сказать – на палтуса?

– Ничего подобного.

– Но он же вылитый палтус.

– Да нет, он совсем не похож на палтуса.

– Ну хорошо, будь по-твоему, – примирительно сказал я, ибо любая попытка урезонить девицу, которая провела с Гасси весь вечер и не убедилась, что он похож на мороженого палтуса, обречена на провал. – Ну вот, теперь ты знаешь, что тебя ждет в Тотли-Тауэрсе. Меня-то туда калачом не заманишь, дудки, да никто и не станет заманивать, но ты там неплохо проведешь время, – сказал я, так как не хотел чрезмерно ее огорчать. – Места там живописные, да и едешь ты туда не для того, чтобы похитить сливочник в виде коровы.

– Что-что?

– Ничего-ничего. Это я просто так, не обращай внимания, – пробормотал я и перевел разговор на другую тему.

Когда мы расставались, Эмералд была задумчива, да оно и понятно, но мною тоже овладела меланхолия. Я не чужд суеверия, и то обстоятельство, что людоедское Бассетово племя вновь замаячило на моем горизонте, неприятно меня поразило. У меня возникло как бы предчувствие, что ли... или, скорее, ощущение, будто мой ангел-хранитель намекает мне: мол, держи ухо остро, смотри в оба, не то Тотли-Тауэрс снова вторгнется в твою жизнь.

В результате спустя полчаса погруженный в размышления Бертрам Вустер сидел в курительной у «Трутней», вертя в руках рюмку мальвазии. Приятели старались меня развлечь, но я не слушал, мне хотелось подумать. Я пытался убедить себя, что Тотли-Тауэрс вновь напомнил о себе лишь по чистой случайности и не стоит придавать этому разговору никакого значения, но тут ко мне неслышно приблизился официант и сообщил, что некий джентльмен выражает желание со мной говорить. Некое духовное лицо по фамилии Пинкер, сказал официант, и я в очередной раз вздрогнул, а вышеупомянутое предчувствие вновь дало о себе знать.

Не то чтобы мне не хотелось видеть преподобного Пинкера. Я люблю его как брата. Мы с ним учились в Оксфорде и относились друг к другу прямо как Давид и Ионафан. И хоть формально он не принадлежал к числу обитателей Тотли-Тауэрса, а только помогал викарию соседней деревни Тотли пасти души простых мирян, при его внезапном появлении мои дурные предчувствия разыгрались на всю катушку. Не хватало еще, чтобы явились сэр Уоткин Бассет, Мадлен Бассет, Родерик Спод и скотч-терьер Бартоломью, и вся шайка опять будет в сборе. Почтение к моему бдительному ангелу-хранителю охватило меня с новой силой. Нрава он, конечно, унылого, все видит в черном свете и любит нагонять страх на своего подопечного. Но дело свое знает, ничего не скажешь.

– Ведите его сюда, – обреченно сказал я, и спустя надлежащее время появился преподобный Г. П. Пинкер. Споткнувшись о ступеньку, он простер руки и устремился ко мне, по дороге зацепив ногой и опрокинув столик. Вот так с ним всегда, стоило ему только попасть в помещение, оснащенное хоть какой-то мебелью.

Если вдуматься, эта пресловутая способность Растяпы задевать ногами за все, что ни подвернется, вообще-то вызывала изумление. Ведь мало того что он четыре года подряд представлял на футбольном поле свой университет и шесть лет – свою страну, так он и теперь, если выкроит для себя субботу, временно приостановив процесс спасения душ вверенных ему прихожан, играет за «Арлекинов» и носится по полю, словно олень, или косуля, или как там называются эти животные, которые бегают, не спотыкаясь и не опрокидывая встречные предметы. Я пару раз видел его на арене, если можно так выразиться, и был потрясен его виртуозностью. Для меня футбол – книга за семью печатями, сам я никогда в него не играл, но даже мне было понятно, чего стоит Пинкер. Он изящно летал по полю туда-сюда и стремительно, с сокрушительной силой проделывал то, что, по моему, называется перехват. Он настигал соперника так же неотвратно, как всадник настигает пешехода, и воздух сотрясался от неистовых воплей кровожадных болельщиков.

Пинкер был помолвлен со Стиффи Бинг, и, на мой взгляд, долгие годы футбольной практики сослужили бы ему хорошую службу в качестве подготовки к семейной жизни с ней. Если каждую субботу с тех самых пор, как ты вышел из младенчества, толпа головорезов в подкованных бутсах шваркает ими тебе по физиономии, то, по моему, ничего на свете уже не может тебя напугать, даже женитьба на такой девице, как Стиффи, у которой чуть ли не с пеленок что ни день, то какая-нибудь сумасшедшая выходка, способная свести с ума всех окружающих, от первого до последнего.

Преподобный Г. П. Пинкер был здоровенный малый. Должно быть, даже в детстве одежда на нем трещала по швам, а весы, стоило ему стать на них, тут же ломались. И теперь, в зрелом возрасте, его можно было бы принять за брата-близнеца Родерика Спода. С виду, конечно, в том только, что касалось мускулатуры, сухожилий и живого веса, потому что если Родерик Спод постоянно высматривал, кого бы сожрать, являя собой постоянную угрозу как для пешеходов, так и для движущихся транспортных средств, то Пинкер – настоящий дьявол в человеческом облике, вносящий смятение в ряды соперников на футбольном поле, – в частной жизни был так кроток, что даже малый ребенок мог из него веревки вить. В самом деле, однажды мне случилось видеть, как Растяпа послушно играл в мяч с крохотной девчушкой.

Обычно с лица этого божьего человека не сходила лучезарная улыбка. Я бы сказал, что его улыбка – одна из местных достопримечательностей и украшает собой Тотли, как прежде в Оксфорде украшала колледж Святой Магдалины, где мы с ним учились. Однако на этот раз вид у Растяпы был удрученный, будто он обнаружил ересь среди своей паствы или застукал на церковном дворе мальчишек-певчих, курящих марихуану. Словом, передо мной предстало девяносто килограммов его преподобия, обремененного тяжелой заботой. Опрокинув очередной столик, он уселся и сообщил, что рад меня видеть:

- Так и знал, что найду тебя в «Трутнях».
- И нашел, – подтвердил я. – Скажи, что привело тебя в столицу?
- Приехал на собрание комитета клуба «Арлекинов».
- Ну и как комитет?
- В порядке.
- Рад слышать. Состояние комитета – предмет моей неустанной тревоги. Ну, Растяпа,

рассказывай, как поживаешь.

– Очень хорошо.

– Пообедаем вместе?

– К сожалению, должен вернуться в Тотли.

– Скверно. Дживс говорит, что сэр Уоткин, Мадлен и Стиффи гостили у моей тетушки в Бринкли.

– Да.

– Они вернулись?

– Да.

– Как Стиффи?

– Нормально.

– А Бартоломью?

– Тоже нормально.

– А как твои прихожане? Надеюсь, с ними все в по рядке?

– О да, в полном порядке.

Интересно, вас ничего не удивляет в этом диалоге, образец которого я тут воспроизвел? Нет? В том смысле, что Растяпа Пинкер и Бертрам Вустер, друзья-приятели, знаем друг друга чуть не с пеленок, а беседуем точно случайные попутчики в поезде. Пинкер цедил слова сквозь зубы, и я все более и более утверждался в мысли, что грудь его исполнена – как ее там? – какой-то злополучной субстанцией, что ли, которая тяжким бременем давит на сердце, как выразился однажды Дживс.

Я не оставлял усилий, стараясь расшевелить Растяпу Пинкера.

– Ну же, Растяпа, – сказал я, – что новенького? Что старикан Бассет, отдал ли он тебе приход?

Мой вопрос отчасти пробил броню – Пинкер оживился:

– Нет еще. По-моему, он не может решиться. Сказал, что отдаст, а на другой день объявил, что сомневается и должен еще подумать над этим вопросом.

Я нахмурился. Не по душе мне подобная неопределенность. Представляю, как она затрудняет Пинкеру жизнь и ставит его в ложное положение. Поневоле будешь и встревожен и подавлен. Ведь они со Стиффи не могут пожениться – на жалованье викария он ее не прокормит, стало быть, надо ждать, пока папаша Бассет не расщедрится на приход, которым распоряжается по своему усмотрению. А мне доподлинно известно, что Растяпа спит и во сне видит вступить в брак со Стиффи, хотя лично я, при всех моих добрых чувствах к этому юному созданию, готов милю пробежать в тесных ботинках, лишь бы уклониться от женитьбы на означенном создании.

– Все время ему что-то мешает, то одно случится, то другое. Кажется, перед поездкой в Бринкли он совсем было решился, но – вот незадача! – я нечаянно столкнулся у него с ценной вазой, и она разбилась. Это его немного огорчило.

Я вздохнул. Как сказал бы Дживс, теряешь сон и покой, когда узнаешь, что у твоего друга, с которым вы вместе срывали цветы юности – по-моему, есть такое выражение, – жизнь складывается совсем не так, как хотелось бы. Я был намерен с неослабевающим вниманием следить за церковной карьерой преподобного Пинкера, но, похоже, события развивались таким образом, что сам факт существования упомянутой карьеры ставился под сомнение.

– И как это ты умудряешься, Растяпа, откалывать такие штуки? Наверное, ты и в

пустыне Гоби найдешь, обо что споткнуться.

– Никогда не был в пустыне Гоби.

– И не надо. Для тебя это небезопасно. Скажи, Стиффи, наверное, сердится, что у Бассета, как говорится, семь пятниц на неделе? Думаю, она из себя выходит, когда старикашка то говорит: «Пожалуй», то: «Нет, не решаюсь». Что, Стиффи здорово кипятится?

– Порядком.

– И я ее не обвиняю. На ее месте любая взбеленится. Кто дал право папаше Бассету ставить палки в колеса истинной любви?

– Никто.

– Надо ему наподдать как следует.

– Вот именно.

– Будь я на месте Стиффи, я бы ему в постель жабу сунул или стрихнину в суп подсыпал.

– Вот именно. Что касается Стиффи...

Он внезапно умолк. Пристально в него взглядевшись, я понял, что был абсолютно прав относительно той злополучной субстанции. Безусловно, грудь бедного малого была битком ею набита.

– Что-то не так, Пинкер?

– Да нет, ничего. Почему ты спрашиваешь?

– Ты странно себя ведешь. Как собака, которая преданно заглядывает в глаза хозяину, будто хочет что-то сказать. Ты хочешь мне что-то сказать?

Он сглотнул раз-другой и покраснел, если подобное выражение применимо к человеку, чье лицо даже в спокойном состоянии напоминает цветом эдакую благочестивую свеклу. Казалось, застегивающийся сзади воротничок его душит. Сиплым голосом он произнес:

– Берти...

– Да?

– Берти...

– Я здесь, старина, и ловлю каждое твое слово.

– Берти, ты теперь занят?

– Не более чем всегда.

– Ты не мог бы уехать на два-три дня?

– Думаю, это можно устроить.

– А ты не мог бы уехать в Тотли?

– Погостить у тебя?

– Да нет, погостить в Тотли-Тауэрсе?

Я уставился на него, как говорится, во все глаза. Не знай я, что он трезвенник, который даже вне Великого поста редко позволяет себе пропустить что-нибудь более крепкое, чем легкое пиво, мне пришлось бы допустить, что преподобный Пинкер уже успел приложиться к бутылке. Брови у меня полезли кверху, и не останови я их вовремя, они испортили бы мне прическу.

– Где побывать? Растяпа, ты не в своем уме, иначе бы не нес эту околесицу. Надеюсь, ты не забыл, какую пытку мне пришлось вытерпеть, когда я в последний раз гостил в Тотли-Тауэрсе?

– Не забыл. Но Стиффи хочет, чтобы ты ей помог. В чем именно, она мне не сказала, но предупредила, что дело это чрезвычайной важности и что без тебя не обойтись.

Я выпрямился во весь рост. Я был холоден и решителен:

– Ты просто рехнулся, Растяпа!

– Не понимаю, что тут особенного!

– В таком случае позволь тебе объяснить, почему ваш замысел обречен на провал. Во-первых, после того, что произошло между нами, едва ли сэр Уоткин Бассет пригласит меня к себе. Подозреваю, что он меня терпеть не может. Если есть на свете человек, который по моей милости пережил не самые приятные минуты в своей жизни, так это Бассет. Залог счастья для него – это когда между ним и Бертрамом пролегает по меньшей мере сто миль.

– Тебя пригласит Мадлен, ты только пошли ей телеграмму и попроси позволения приехать на денек-другой. Она никогда не советуется с сэром Уоткином, кого ей пригласить. Зовет в дом кого хочет.

Это была правда, но я пропустил его слова мимо ушей и безжалостно продолжал:

– Во-вторых, я знаю Стиффи. Очаровательное создание, для нее, как я уже сказал Эмералд Стокер, у меня всегда открыты объятия, вернее, были бы открыты, не будь она помолвлена с тобой, но она же помесь полтергейста и ручной гранаты с выдернутой чекой. Совершенно лишена здравой рассудительности, этой добродетели, которая так украшает женщину. Она начинена идеями, и если ты назовешь их эксцентричными, то попадешь в самую точку. Вряд ли стоит напоминать, что, когда я в последний раз гостил в Тотли-Тауэрсе, она тебя подбивала стащить каску у констебля Юстаса Оутса, а подобный поступок решительно противопоказан викарию, рассчитывающему подняться по служебной лестнице. Короче говоря, крошка Стиффи просто сумасшедшая, тут двух мнений быть не может. Не знаю, что за поручение она собирается мне дать, но по определению это должно быть что-то неудобоваримое. Неужели она даже не намекнула?

– Нет. Я, конечно, спросил, но она сказала – рта не откроет, пока тебя не увидит.

– Ну так она меня не увидит.

– Значит, ты не поедешь в Тотли?

– На пушечный выстрел не подойду к этой помойке.

– Стиффи ужасно огорчится.

– А ты окажи ей духовную поддержку. Это твоя работа. Скажи, что подобные испытания нам посылаются свыше.

– Вероятно, она будет плакать.

– Это хорошо, ибо ничего нет полезнее для нервной системы, чем слезы. Действуют на шейные железы, забыл, как именно, но очень благотворно. Спроси любого доктора с Харли-стрит.

Вероятно, он понял, что моя железная броня несокрушима, и отказался от дальнейших попыток пробить в ней брешь. Испустив вздох, который шел, кажется, от самых подметок, он встал, попрощался, опрокинул мой стакан с прохладительным и направился к выходу.

Твердо зная, что не в обычае Бертрама Вустера бросать друга в трудный час, вы, вероятно, подумаете, что эта неприятная сцена огорчила меня, а на самом деле она только прибавила мне бодрости, как день, проведенный на взморье.

Позвольте напомнить вам в общих чертах мое положение. Еще во время обеда с Эмералд Стокер мой ангел-хранитель нагнал на меня страху, практически открытым текстом информировав меня, что Тотли-Тауэрс занял боевую позицию, чтобы вновь вторгнуться в мою жизнь. И сейчас до меня дошло: очевидно, мой ангел-хранитель имел в виду, что меня станут призывать в Бассетово логово и что в минуту слабости я могу вопреки

здравому смыслу поддаться на уговоры. Теперь опасность миновала. Тотли-Тауэрс совершил свой бросок, но сильно промахнулся, и у меня больше нет повода для беспокойства. Поэтому я с легким сердцем присоединился к компании любителей поразвлечься, занятых игрой в «дротики», и одной левой разделал их под орех. Около трех я вышел из клуба и примерно через полчаса подгрел к многоквартирному дому – месту моего обитания.

У подъезда стояло нагруженное чемоданами такси. Из его окна высовывалась голова Гасси Финк-Ноттла, и, помнится, я лишний раз утвердился в мысли, что Эмералд Стокер непростительно заблуждается по поводу его наружности. Вглядываясь в Гасси, вернее, в тот его фрагмент, который был доступен моему взору, я не нашел в его внешности ни капли сходства с овечкой, зато он был так похож на палтуса, что если бы не очки в роговой оправе, которых палтусы, как правило, не носят, то я мог бы вообразить, что вижу перед собой слинявшего в самоволку неперменного обитателя рыбного прилавка.

Я послал ему дружеский йодль, и стекла его очков обратились в мою сторону.

– Привет, Берти, – сказал он. – А я сию минуту от тебя. Оставил сообщение Дживсу. Твоя тетушка просила передать, что послезавтра будет в Лондоне и надеется с тобой пообедать.

– Да, она мне утром сама звонила по этому поводу. Подумала, наверное, что ты забудешь меня уведомить. Валяй заходи, угощу апельсиновым соком, – сказал я, зная, что эта мерзость заменяет ему всякую нормальную выпивку.

Он взглянул на часы, и в его глазах погас огонь, который обычно в них загорается при упоминании об апельсиновом соке.

– Я бы с удовольствием, но не могу, – вздохнул он. – Опаздываю на поезд. Еду в Тотли четырехчасовым с Паддингтона.

– В самом деле? Увидишься там со своей приятельницей Эмералд Стокер.

– Стокер? Эмералд Стокер?

– Такая веснушчатая девица. Американка. Похожа на славного китайского мопсика. Сказала, что недавно познакомилась с тобой на одной вечеринке, ты рассказывал ей о тритонах.

Он просиял:

– Ах да, конечно. Как же, теперь припоминаю. Я тогда не расслышал, как ее зовут. Мы долго говорили о тритонах. В детстве она тоже их держала, только она почему-то называет их гуппи. Очаровательная девушка! Буду рад снова с ней повидаться. По-моему, она самая привлекательная из всех моих знакомых девиц.

– Не считая, само собой, Мадлен.

Он помрачнел. Вид у него стал как у палтуса, обиженного грубой выходкой со стороны другого палтуса.

– Мадлен! Не говори мне о ней! Меня от нее тошнит, – в сердцах проговорил Гасси. – Паддингтон! – крикнул он вознице и унесся как ветер, а я остался стоять с изумленно разинутым ртом, не в силах справиться с охватившей меня паникой.

Сейчас объясню, почему я был охвачен паникой. Из его разговора с Эмералд Стокер – а в выражениях по поводу Мадлен Бассет я, кажется, не стеснялся – вы, конечно, поняли, что у меня аллергия на эту особу. Она для меня такая же рвотная пилюля, как я сам для ее папаша или для Родерика Спода. Тем не менее передо мной возникла реальная угроза, что мне придется влачить с ней жизнь в радости и в горе, как говорится в Священном Писании.

Готов изложить предысторию. Гасси, влюбленный в эту самую девицу Бассет, жаждал открыть ей свои чувства, но всякий раз как он приступал к объяснению, мужество его оставляло и он ловил себя на том, что мямлит нечто невразумительное на тему о тритонах. Не зная, как приняться за дело, он додумался упросить меня похлопотать за него. И вот когда я за него хлопотал, девица Бассет, законченная кретинка – это и ежу понятно, – вообразила, будто я хлопочу о себе. «Берти, – говорит она, – мне так грустно причинять тебе страдания, но мое сердце принадлежит Гасси». По мне, так лучшего и желать нечего, но малахольная девица этим не ограничилась. Если, продолжала она, что-нибудь заставит ее пересмотреть свой взгляд на Гасси как на лучшего из мужчин и придется его выставить вон, то я – первый на очереди, и хотя она не сможет полюбить меня столь же пылко, как любит Гасси, но не пожалеет сил, чтобы сделать меня счастливым. Словом, я пребывал в позиции вице-президента Соединенных Штатов Америки, который живет себе и в ус не дует, но обязан, случись что-либо с первым лицом, немедленно заступить на его место.

Стоит ли удивляться, если заявление Гасси о том, что его тошнит от Мадлен, обрушилось на меня будто тонна кирпичей и я с воплем ринулся в дом, призывая Дживса. Я чувствовал, как уже неоднократно бывало раньше, что мне остается только одно – предать себя в руки высшей силы.

– Сэр? – сказал Дживс, материализуясь, как дух во время спиритического сеанса.

– Дживс! Я на краю гибели.

– В самом деле, сэр? Крайне огорчен, сэр.

Надо отдать Дживсу должное. Кто старое помянет, тому глаз вон – таково одно из похвальных правил, которыми он руководствуется. Разумеется, он может расходиться со своим молодым господином во взглядах на голубые тирольские шляпы, украшенные розовыми перьями. Но когда он видит, как разъяренная судьба принимается метать в его господина камни и стрелы, то хоронит свои обиды и воскрешает доблестный дух преданного вассала. Вот и теперь вместо холодности, равнодушия и высокомерия, которые демонстрировала бы на его месте любая заурядная личность, Дживс выказал крайнюю степень волнения и озабоченности. То есть его левая бровь приподнялась ровно на одну восьмую дюйма – именно так он обычно выражает распирающие его чувства.

– Вас постигла какая-то неприятность, сэр?

Я рухнул в кресло и отер пот со лба. Давненько не попадал я в такую переделку.

– Только что виделся с Гасси Финк-Ноттлом.

– Да, сэр, мистер Финк-Ноттл заходил сюда минуту назад.

– Я встретил его у подъезда. Он сидел в такси. И представляете, что произошло?

– Нет, сэр.

– Я случайно упомянул о мисс Бассет, и он – обратите внимание, Дживс! – он мне заявляет, я цитирую: «Не говори мне о Мадлен. Меня от нее тошнит». Конец цитаты.

– В самом деле, сэръ?

– По-моему, это не любовные речи.

– Да, сэръ.

– По-моему, так может говорить только тот, кто невесть почему сыт по горло предметом своего обожания. Я не успел вникнуть в суть дела, ибо минутой спустя Гасси, как ошпаренный кот, умчался на Паддингтонский вокзал, но совершенно очевидно: этот предмет – как его там, еще начинается на букву «л»? – дал трещину.

– Вероятно, вы имеете в виду лютню, сэръ?

– Вероятно. Не стану спорить.

– Поэт Теннисон в одном из своих стихотворений указывает, что, коли в лютне маленькая щелка, глядь – и музыка умолкла, и спустилась тишина.

– Ну тогда, значит, лютня. А нам слишком хорошо известно, что произойдет, если эта отдельно взятая лютня даст дуба.

Мы обменялись понимающими взглядами. Во всяком случае, я послал Дживсу многозначительный взгляд, а он надулся, как лягушка, что, по его обыкновению, должно было означать полную скромного достоинства осведомленность. Ему известны наши с М. Бассет отношения, но мы, естественно, этой темы не обсуждаем, разве что обмениваемся понимающими взглядами. Считается, что такие вещи обсуждению не подлежат. Не уверен, стоит ли приравнивать подобное обсуждение к празднословью по поводу женщины, но занятие это явно неподобающее, а Вустеры не допускают ничего неподобающего. И Джинсы, коли на то пошло, тоже.

– Что же мне теперь делать?

– Сэръ?

– Ну что вы заладили одно и то же – «сэръ» да «сэръ»? Не хуже меня понимаете, что «настало время, когда каждый честный человек должен прийти на помощь нашей партии». Главное – чтобы любовная ладья Гасси не дала течь. Необходимо принять меры.

– Целесообразность таких мер представляется совершенно очевидной, сэръ.

– Да, но каких мер? Разумеется, я должен поспешить на театр военных действий, и пусть в их ход вмешается голубь мира, другими словами – уравновешенный, доброжелательный, умудренный жизненным опытом друг попытается помирить эту неразумную молодежь. Надеюсь, вы понимаете, о чем я говорю?

– Превосходно понимаю, сэръ. Как мне представляется, вы отводите себе роль *raisonneur*'а, выражаясь по-французски.

– Вроде того. Но заметьте, это не все. Мало того что от мысли о пребывании под крышей Тотли-Тауэrsa у меня стынет кровь, так еще и другая загвоздка. Как только что мне сообщил Растяпа Пинкер, Стиффи Бинг желает, чтобы я кое-что для нее сделал. Но вы же знаете, какие у Стиффи желания. Помните случай с каской констебля Оутса?

– Весьма живо, сэръ.

– Оутс навлек на себя гнев Стиффи тем, что доложил ее дяде сэру Уоткину о проделках ее терьера Бартоломью, по вине которого констебль рухнул с велосипеда, угодил в канаву, получил ушибы и увечья. Тогда Стиффи подговорила Пинкера, духовное лицо, носящее воротничок рубашки задом наперед, стянуть у Оутса его каску. И это еще одна из самых безобидных Стиффиных проделок. Она такое может изобрести, если постарается! Страшно даже представить себе, что она для меня на этот раз состряпает.

– Дурные предчувствия в данном случае совершенно оправданы, сэръ.

– Вот видите. Я, как говорится, стою перед... этой самой... как эта штука называется?

– Дилемма, сэр?

– Вот-вот. Я стою перед дилеммой. Следует ли, спрашиваю я себя, ехать, чтобы посмотреть, нельзя ли как-нибудь залатать лютню, или более благоразумно оставить все как есть, и пусть Время, великий целитель, вершит свою работу.

– Позволительно ли будет внести одно предложение, сэр?

– Валяйте, Дживс.

– Не сочтете ли вы возможным отправиться в Тотли-Тауэрс, но при этом уклониться от выполнения просьб мисс Бинг?

Я задумался. Вообще-то это мысль.

– Хотите сказать, объявить *nolle prosequi*? И послать подальше?

– Совершенно верно, сэр.

Я с благоговением на него посмотрел.

– Дживс, – сказал я, – вы, как всегда, нашли выход. Телеграфирую мисс Бассет, попрошусь к ним в гости; телеграфирую тете Далии, что не смогу угостить ее обедом, так как уезжаю из города. А Стиффи скажу, пусть на меня не рассчитывает, что бы она там ни забрала себе в голову. Да, Дживс, вы попали в точку. Поеду в Тотли, хотя такая перспектива приводит меня в содрогание. Там будет папаша Бассет. Там будет Спод. Там будет Стиффи. И скотч-терьер Бартоломью тоже. Диву даешься, отчего так много шума по поводу тех ребят, которые скакали в Долину смерти. Уж, во всяком случае, им не грозила встреча с папашей Бассетом. Да ладно, будем надеяться на лучшее.

– Надежда на лучшее – это единственная правильная стратегия, сэр.

– Прорвемся, Дживс. Что?

– Вне всяких сомнений, сэр. Осмелюсь заметить, сэр, главное – это сохранять присутствие духа.

Как и предвидел Растяпа Пинкер, Мадлен Бассет не имела ничего против моего приезда в Тотли-Тауэрс. В ответ на мое послание, где я напрашивался в гости, она открыла мне зеленый свет, а через час или около того после ее телеграммы позвонила из Бринкли тетя Далия, горящая желанием выяснить, какого черта я пишу, что по причине отсутствия в столице я не в состоянии угостить ее обедом, тогда как она уже учла упомянутый обед при составлении своего бюджета.

Ее звонок меня не удивил. Я предчувствовал, что на этом фронте может возникнуть некоторое оживление. Старушенция – добрейшая душа и нежно любит своего Бертрама, но характер у нее властный. Терпеть не может, когда ее желания не исполняются. Вот и сейчас она обрушилась на меня так, будто хотела перекричать целую свору гончих:

– Берти, скверный мальчишка!

– У телефона.

– Получила твою телеграмму.

– Не сомневаюсь. Телеграфное ведомство действует безотказно.

– Что ты там мелешь, Берти? Насчет того, что уезжаешь из Лондона? Ты ведь никогда никуда не едешь, разве что сюда, к нам, чтобы объедаться стряпней Анатоля.

Она говорила о своем несравненном поваре-французе, при одном упоминании о котором у меня слюнки текут. «Подарок желудку» – так я, бывало, называл Анатоля.

– Куда это ты собрался?

Слюнки у меня перестали течь, и я сказал, что еду в Тотли-Тауэрс. Тетушка досадливо фыркнула:

– Опять этот проклятый телефон барахлит! Мне послышалось, будто ты сказал, что едешь в Тотли-Тауэрс.

– Именно.

– В Тотли-Тауэрс?!

– Сегодня к вечеру.

– Что это с ними стряслось? Неужели они тебя пригласили?

– Они – нет. Я сам себя пригласил.

– Ты хочешь сказать, что сам нарываешься на общение с сэром Уоткином Бассетом? Ты осел, это я всегда знала, но не думала, что до такой степени. Послушай, этот старый хрыч за неделю совсем меня извел, уж можешь мне поверить.

Ее точка зрения была мне предельно ясна, и я поспешил объясниться.

– Согласен, старикашка Бассет – личность из ряда вон, таких поискать, – сказал я, – и если нет особой нужды, лучше от него держаться подальше. Но меня постиг жестокий удар. Гасси Финк-Ноттл и Мадлен Бассет рассорились. Их помолвка висит на волоске, а вам известно, как много для меня значит их сердечный союз. Вот я и мчусь туда, хочу попытаться залатать трещину.

– Что ты можешь поделать?

– Насколько я себе представляю, я должен играть роль *raisonneur*'а, если выразиться по-французски.

– И что это, по-твоему, означает?

– Сам толком не понимаю. Надо будет узнать у Дживса.

– Ты берешь с собой Дживса?

– А как же. Да я шагу без него ступить не могу.

– Ну тогда держи ухо востро, вот что я тебе скажу. Мне известно, что Бассет на него глаз положил.

– В каком смысле?

– Хочет переманить.

Голова у меня закружилась. Хорошо, что я сидел в кресле, не то бы непременно упал.

– Не может быть!

– Ошибаешься, очень даже может. Я же тебе говорю – он без ума от Дживса. Когда гостил здесь, смотрел на него, по словам Анатоля, будто кот на сметану. А как-то утром я своими ушами слышала, как Бассет сделал Дживсу недвусмысленное предложение. Ну, что ты молчишь? В обморок грохнулся, что ли?

Молчу потому, объясняю я, что ошеломлен, а она мне – не понимаю, чему ты удивляешься, зная Бассета?

– Разве ты забыл, как он пытался сманить Анатоля? Этот тип способен на любую низость. У него совести нет. Приедешь в Тотли, повидайся с неким Планком, спроси его, что он думает о сэре Уоткине, черт его возьми, Бассете. Старый хрыч надул беднягу Планка на... О проклятие! – в сердцах вскричала тетушка, когда механический голос возвестил: «Три минуты», – и сразу повесила трубку, а меня весьма ощутимо пробрала дрожь, будто тетка была не тетка, а мой ангел-хранитель, о способности которого пугать меня до посинения я уже упоминал.

Мурашки с неослабевающей прытью все еще бегали у меня по спине, когда я гнал свой спортивный автомобиль в Тотли. Разумеется, я ничуть не сомневался, что у Дживса и в мыслях не было менять старую добрую фирму на новую, и когда коварный хрыч Бассет заводил об этом разговор, честный малый, я уверен, прикидывался глухим аспидом, который, как вы, наверное, знаете, отказывался слушать заклинателя, как тот его ни заклинал. Но вот ведь какая штука – вроде и знаешь, что волноваться не о чем, а все-таки вибрируешь. Поэтому я пребывал отнюдь не в безмятежном настроении, когда, въехав в ворота Тотли-Гауэрса, осадил своего арабского скакуна у парадной двери.

Не знаю, случилось ли вам слышать стихи с таким рефреном:

Тра-ля-ля-ля на острове,
Сколь божий мир прекрасен,
Тим-та-та-там на острове
Столь человек ужасен.

В общем, что-то в подобном духе. Ну так вот – сказано будто про Тотли-Гауэрс. Прекрасный дом, обширный сад, раскинувшийся на холмах парк, ровно подстриженные газоны, словом, лучшего и пожелать невозможно, – но много ли проку в этой красоте, когда знаешь, с кем тебе придется столкнуться? Не жди ничего хорошего, коль скоро в этом раю обосновалась банда папаши Бассета.

Логово старого хрыча представляло собой одно из самых прекрасных поместий в Англии – не из тех описанных в литературе парадных дворцов, являющих посетителю четыреста комнат, пятьдесят лестниц, двадцать внутренних двориков, но и не просто какое-

нибудь бунгало. Бассет купил его со всей меблировкой у лорда Имьярек, который, как и многие в наше время, позарез нуждался в наличности.

Впрочем, сам-то папаша Бассет в наличности не нуждался. На закате жизни он имел более чем достаточно. Если вы назовете его жирным толстосумом, то это не будет преувеличением. Чуть ли не всю свою сознательную жизнь он служил мировым судьей, и в этом качестве однажды, вместо того чтобы отечески пожурить, оштрафовал меня на пять фунтов стерлингов всего лишь за невинную шалость, совершенную мной вечером после гребных гонок. Вскоре после этого случая Бассет унаследовал от одного своего родственника крупное состояние. Так по крайней мере говорилось. А на самом деле, разумеется, все те годы, когда Бассет исправлял роль судьи, он прикарманивал штрафы и набивал себе кошелек. Здесь пять фунтов, там пять фунтов – вот вам и состояние.

Доехали мы неплохо, и около пяти я уже звонил в колокольчик у парадной двери. Дживс отогнал машину в гараж, а меня встретил дворецкий – помнится, его зовут Баттерфилд – и проводил в гостиную.

– Мистер Вустер, – возвестил он.

Чаепитие было в разгаре, чему я не удивился, ибо еще в холле услышал, как звенят чашками. За столом распорядилась Мадлен Бассет. Она протянула мне вяло поникшую руку: – Берти! Как я рада!

Скажи стороннему наблюдателю, что мне дурно становится от одной мысли о женитьбе на Мадлен Бассет, так он скорее всего изумленно поднимет брови и откажется меня понимать, ибо девица эта была загляденье: стройная, гибкая, щедро экипированная золотистыми волосами и прочими атрибутами женской привлекательности. Однако кое в чем сторонний наблюдатель сильно бы промахнулся. Он наверняка сразу не разглядел бы ее слезливой сентиментальности и приторного сюсюканья, простительного разве что малютке. Мадлен была из числа тех особ, которые обожают подкрадываться к мужу, когда тот плетется к завтраку чуть живой от похмельной головной боли, и, закрыв ему ладонями глаза, игриво мурлычат: «Угадай, кто?»

Однажды мне случилось гостить у приятеля-молодожена, так у него в гостиной над камином у всех на виду красовалась аршинная надпись: «Два нежных голубка свили здесь гнездышко». Его супруга постаралась. Я до сих пор помню немое страдание, которое читалось в глазах нежного голубка всякий раз, как он входил в гостиную и видел этот шедевр. Достигнет ли Мадлен Бассет таких высот, когда вступит в брак, сказать пока трудно, но весьма вероятно, что достигнет. И я твердо решил не сачковать и отдать все силы благородному делу их с Гасси примирения.

– Ты ведь знаком с мистером Пинкером, – сказала Мадлен Бассет, и, проследив за ее взглядом, я увидел Растяпу. Он благополучно забился в кресло и, судя по всему, пока еще ничего не опрокинул, но мне показалось, что руки у него чешутся и он вот-вот примется за дело. А рядом с ним ютился нагруженный тарелками со сдобными булочками и сэндвичами с огурцом одноногий столик, который, насколько я мог предположить, как магнитом притягивал к себе Растяпу Пинкера.

Увидев меня, Растяпа заметно вздрогнул и уронил тарелку с булочками. Глаза у него округлились. Разумеется, я догадывался, о чем он думает. Наверное, вообразил, что я примчался сюда, потому что изменил свои намерения и согласился выполнить его просьбу. Небось шепчет про себя: «...порадуйтесь со мной: я нашел мою пропавшую овцу». Я оплакал его в душе моей, понимая, какой тяжелый удар его ждет, когда он узнает, что я ни за какие

коврижки не стану потворствовать дурацким прихотям Стиффи. В этом вопросе я буду тверд, пусть даже обреку их с Растяпой на душевные муки. Я давно убедился, что секрет моего счастья и успеха в жизни заключается в том, чтобы держаться как можно дальше от этой юной врагини рода человеческого с ее злокозненными выдумками.

Разговор, который мы затеяли, с полным правом можно было назвать бессвязным. Не мог же я в присутствии Мадлен взять быка за рога, вот мы и толкли воду в ступе, чередуя это занятие с переливанием из пустого в порожнее. Растяпа сказал, что приехал поговорить с сэром Уоткином о предстоящем школьном празднике, и я находчиво заметил: «А что, предстоит школьный праздник?» Мадлен ответила – да, послезавтра, но так как викарий заболел, то распорядиться будет мистер Пинкер. Тут Растяпа поморщился, будто такая перспектива совсем его не радовала.

Мадлен спросила, хорошо ли я доехал. «Замечательно», – сказал я. Растяпа промямлил, что Стиффи очень обрадуется моему приезду, а я улыбнулся иронической улыбкой. Тут в гостиную вошел Баттерфилд и объявил, что сэр Уоткин готов принять мистера Пинкера, и Растяпа незамедлительно отчалил. Едва дверь за ними затворилась, Мадлен сцепила руки, устремила на меня слезливый взор и прошелестела:

– О, Берти, тебе не следовало сюда приезжать. У меня духу не хватило отвергнуть твою трогательную мольбу – знаю, как безумно ты жаждешь снова меня увидеть, пусть мимолетно, пусть безнадежно... Но разумно ли это? Надо ли беречь свежую рану? Зачем стремиться ко мне, сознавая, что мы обречены оставаться просто друзьями? Тщетно все это, Берти. Ты не должен питать никаких надежд. Мое сердце отдано Огастусу.

Ее слова, как вы догадываетесь, звучали для меня дивной музыкой. Думаю, она не стала бы так распинаться, если бы они с Гасси действительно серьезно поссорились. Очевидно, крамольное высказывание о том, что его от нее тошнит, было вызвано просто мимолетной досадой, минутной размолвкой – например, Мадлен могла заметить, что он слишком много курит, или еще там что-нибудь в таком роде, только и всего. Как бы то ни было, сказал я себе, ссора, породившая трещину в лютне, теперь окончательно прощена и забыта, и дела обстоят таким образом, что наутро, сразу после завтрака, мне можно отсюда смыться. Тем не менее я заметил, что физиономия у Мадлен еще кислее обычного и глаза на мокром месте.

– Как печально, Берти, что твоя любовь ко мне столь безнадежна, – сказала она и приплела еще что-то маловразумительное насчет мотыльков и звезд. – Жизнь так трагична, так жестока. Но что я могу поделать?

– Да ладно, – от всей души сказал я. – Не бери в голову.

– Но ты разбиваешь мне сердце.

С этими словами она разразилась, как говорится, бурными рыданиями. Опустилась в кресло, закрыла лицо руками. Долг вежливости, как мне показалось, побуждает меня подойти и погладить ее по макушке. Я не стал противиться этому побуждению и могу утверждать, оглядываясь назад, что это было большой ошибкой с моей стороны. Помнится, Монти Бодкин, один парень из «Трутней», который однажды погладил по макушке некую рыдающую особу женского пола, не подозревая, что жених вышеупомянутой особы находится в непосредственной близости и пожирает их глазами, уверял меня впоследствии, что такое вот поглаживание, если не проявить чрезвычайной осмотрительности, оборачивается настоящей ловушкой, ибо, как правило, забываешь вовремя убрать руку. Стоишь и держишь ее на вышеупомянутой макушке. Ручаюсь, случайные свидетели, все как

один, тут же начнут поджимать губы.

Итак, я впал в ту же ошибку, что и Монти. Процедуру поджимания губ взял на себя Спод, случайно подвернувшийся в эту минуту. При виде заливающейся слезами девицы он весь от носа до кормы затрясся мелкой дрожью.

– Мадлен! – взревел он. – Что случилось?

– Ничего, Родерик, ничего, – прохлюпала она и удалилась – наверное, чтобы навести лоск на свои подмокшие прелести. Спод развернулся в мою сторону и пронзил меня взглядом. По-моему, он стал заметно выше с тех пор, как я видел его в последний раз, теперь в нем было что-то около девяти футов семи дюймов. Говоря о нем с Эмералд Стокер, я сравнил его, если помните, с гориллой, имея в виду заурядный серийный образец, а не этот раритетный выставочный экземпляр. Сейчас это был вылитый Кинг-Конг. Кулачищи сжаты, глаза мечут молнии: тут и ежу ясно – появление Бертрама его не слишком обрадовало.

Дабы разрядить обстановку, я поинтересовался, не желает ли он сандвич с огурцом, но он нетерпеливым жестом дал мне понять, что сандвичем его не купишь, хотя я мог бы засвидетельствовать, что сандвичи превосходны – сам пробовал.

– Булочку?

Булочку он тоже отверг. Похоже, человек сел на диету.

– Вустер, – проговорил он, играя желваками, – не знаю, свернуть вам шею или не надо.

«Не надо» – вот что я ему посоветовал бы, но он не дал мне времени ответить.

– Я был удивлен, когда узнал от Мадлен, что у вас хватило наглости напроситься сюда. Причина-то, конечно, очевидна. Явились, чтобы подорвать ее доверие к человеку, которого она любит, посеять в ее душе сомнения. Как змея подколотая, – добавил он. Интересно посмотреть, подумал я, как змея может подорвать доверие. – Когда Мадлен остановила свой выбор на Финк-Ноттле, у вас даже не хватило элементарной порядочности, чтобы принять ее решение и достойно удалиться. Вы надеетесь отбить ее у Финк-Ноттла.

Чувствуя, что пришло время что-нибудь сказать, я открыл было рот, но Спод снова пустил в ход один из своих нетерпеливых жестов, видимо, решив единолично завладеть разговором. Давненько я не встречал подобных любителей произносить монологи.

– Конечно, вы станете утверждать, что ваша любовь неодолима и что вы не в силах противиться желанию говорить с Мадлен, умолять ее. Чепуха! Презренная слабость. Послушайте, Вустер, долгие годы я любил эту девушку, но никогда ни словом, ни взглядом, ни намеком не дал ей этого понять. Я был потрясен, когда узнал, что она помолвлена с этим самым Финк-Ноттлом, но смирился во имя ее счастья. Сраженный наповал, я держал...

– ...хвост морковкой?

– ...в тайне свои чувства. Я стоял...

– ...как мраморная статуя?

– ...как воплощенная сдержанность и не сказал ни слова, чтобы не выдать своих чувств. Она должна быть счастлива, все остальное не имеет значения. Если вы меня спросите, одобряю ли я ее выбор, честно отвечу – нет. На мой взгляд, он совершеннейшее ничтожество, и могу добавить, что ее отец разделяет мое мнение. Но она этого человека выбрала, и я смиряюсь. И не стану за его спиной настраивать Мадлен против него.

– Похвально.

– Как вы сказали?

Я сказал, что я сказал, что это с его стороны похвально. Благородно с его стороны, сказал я.

– Вот как? Ладно, Вустер, я вам предлагаю следовать моему примеру. И знайте, что я буду неотступно следить за вами и, надеюсь, больше не увижу этого поглаживания по головке, которому вы предавались, когда я сюда вошел. В противном случае я намерен...

Что именно он намерен сделать, он не открыл, но я, кажется, и сам догадывался, так как в эту минуту вернулась Мадлен с покрасневшими глазами и печальным выражением лица.

– Я покажу тебе твою комнату, Берти, – сказала она с ангельской кротостью.

Спод бросил на меня предостерегающий взгляд.

– Осторожнее на поворотах, Вустер, – бросил он, когда мы выходили.

Мадлен удивилась:

– Отчего Родерик просит тебя соблюдать осторожность?

– Боюсь, об этом мы никогда не узнаем. Может, боится, как бы я не поскользнулся на паркете?

– У него такой вид, будто он зол на тебя. Вы поссорились?

– О небо, нет, конечно. Наша беседа проходила в атмосфере сердечности и взаимопонимания.

– Мне показалось, он раздосадован твоим приездом.

– Напротив. Он с трогательным радушием приветствовал меня словами: «Добро пожаловать в Тотли-Тауэрс».

– Ах, я так рада. Мне было бы грустно, если бы вы с ним... Ах, папочка!

Когда мы подошли к лестнице в холле, из своей комнаты, радостно напевая, появился сэр Уоткин Бассет. Как только он увидел меня, веселенькая мелодия замерла у него на губах и он остановился как вкопанный. Он напомнил мне того типа, который провел ночь в доме с привидениями и наутро был найден мертвым с выражением неизъяснимого ужаса на лице.

– О, папочка, – сказала Мадлен, – забыла тебя предупредить. Я пригласила к нам Берти на несколько дней.

Папаша Бассет судорожно сглотнул:

– Несколько – это, по-твоему, сколько?

– Надеюсь, по крайней мере неделя.

– Боже правый!

– Или побольше.

– Силы небесные!

– Папочка, в гостиной тебя ждет чай.

– Нет. Мне не чаю, мне чего-нибудь покрепче, – прохрипел старикашка и неверной походкой удалился прочь. Когда я смотрел, как он понуро спускался вниз, где его, вероятно, ждала бодрящая доза спиртного, мне на ум пришло стихотворение, которое я учил в детстве. Подробности забыл, но суть в том, что на море разыгрался шторм, и, помнится, кульминационная строфа звучит так:

Шатаясь, он сошел по трапу.

«Все погибло!» – крикнул хрипло

И бессильно рухнул на пол.

– Кажется, папочка чем-то расстроен, – меланхолично заметила Мадлен.

– Да, действительно, создается такое впечатление, – сухо проговорил я, задетый поведением старого хрыча. Конечно, я бы мог сделать для него скидку, ибо человек с установившимися привычками, как правило, не приходит в восторг, внезапно обнаруживая у себя в доме Вустера, но все-таки, по-моему, ему следовало бы держаться более стойко. «Вспомните индейцев, Бассет, – сказал бы я ему, будь мы с ним на дружеской ноге, – они всегда проявляли особенную бодрость в то время, когда их поджаривали на костре».

Можно было бы ожидать, что неприятная встреча с папашей Б., да еще сразу после беседы – если, конечно, это можно счесть беседой – со Сподом, повергнет меня в уныние, однако ничуть не бывало. Я так возликовал, узнав, что между М. Бассет и Г. Финк-Ноттлом царит мир, что на все остальное мне было наплевать. Конечно, врагу не пожелаешь гостить в

доме, где хозяин при виде тебя бледнеет как мертвец и бежит сломя голову, чтобы приложиться к бутылке и немного очухаться, но мы, Вустеры, умеем стойко переносить превратности судьбы, и когда вскоре звон гонга призвал всех к обеду, я находился в превосходном расположении духа. С песней на устах, образно говоря, я поправил галстук и устремился к кормушке.

...Обед – такая трапеза, во время которой Бертрам обычно бывает в ударе, ибо он ее обожает. Счастливейшие часы моей жизни я провел в обществе супа, рыбы, фазана или чего-то там еще, суфле, фруктов (когда приходит им пора) и рюмки портвейна в заключение. Обед выявляет все лучшее, что есть во мне. Те, кто меня знает, порой говаривают: «Днем Берти, как правило, интереса не представляет, но погрузи мир во тьму, зажги мягкий свет, откупорь шампанское, поставь перед Вустером обед – и ты станешь свидетелем чуда».

Однако если я блистаю и чарую всех и вся, то при одном условии, а именно – общество должно мне благоприятствовать. В данном же случае ни о каком благоприятствовании и речи не шло. Сэр Уоткин Бассет, который еще не оправился от шока, вызванного моим появлением в непосредственной от него близости, был весьма далек от идеального образа приветливого старого сквайра, души общества. Он то и дело бросал на меня взгляды поверх очков, моргал с таким видом, точно не мог поверить в факт моего существования, и с содроганием отворачивался. И больше он ничего не привносил в застольное общение, ни капли того, что, как я слышал, Дживс называет пиршеством ума и сердечным изливанием. Плюс к тому суровый и молчаливый Спод, томно поникшая Мадлен Бассет, мрачный Гасси и Стиффи, которая, казалось, витает мыслями неизвестно где, – и вы получите зрелище, по сравнению с которым поминки – это просто разнузданная гулянка.

Кошмар – вот слово, которое вертелось у меня на языке. За столом царил настоящий кошмар. Наша трапеза напоминала сцену из какой-то русской пьесы, шедшей в «Олд Вик», куда я по настоянию тети Агаты водил иногда ее сына Тоса с целью расширения его кругозора, для чего, как известно, годятся любые подручные средства.

В разгар нашей пирушки я почувствовал, что самое время что-нибудь сказать, и привлек внимание старикашки Бассета к объекту, стоящему посреди стола. В любом порядочном доме там находилась бы ваза с цветами или что-то вроде того, но так как это был Тотли-Тауэрс, то центр стола украшала небольшая черная фигурка, вырезанная из материала, который я затрудняюсь назвать. Предмет, откуда ни погляди, смотрелся одинаково омерзительно и скорее всего являлся одним из новых экспонатов коллекции старого хрыча Бассета. Мой дядя Том тоже постоянно таскает домой с аукционов подобных уродцев.

– Что-то новенькое? – спросил я.

Папаша Бассет вздрогнул. Вероятно, ему удалось-таки себя убедить, что я всего-навсего мираж, и теперь, обнаружив поблизости Бертрама Вустера из плоти и крови, он испытал нервный шок.

– Я об этой штуке посреди стола, – продолжал я развивать свою мысль, – она похожа на ударника из джаз-банда. Наверное, появилась после... после того, как я здесь был в последний раз?

Возможно, с моей стороны было довольно бестактно напоминать Бассету о моем предыдущем визите, возможно, мне следовало промолчать, но слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

– Да, – с трудом выдавил из себя Бассет после минутной заминки, во время которой его была крупная дрожь, – это мое последнее приобретение.

– Папочка ее купил у одного человека по имени Планк. Он живет здесь неподалеку, в Хокли, – заметила Мадлен.

– Миленькая вещица, – сказал я. Смотреть на нее было тошно, но я подумал, что меня не убудет – надо немного умаслить старикашку Бассета. – Дядюшке Тому наверняка понравилась бы. Кстати, – меня вдруг осенило, – по-моему, тетя Далия мне вчера о ней говорила по телефону. Дядя Том, сказала она, душу бы прозакладывал, чтобы заполучить ее в свою коллекцию. И я не удивляюсь. На вид вещица очень ценная.

– Тысяча фунтов, – наконец подала голос Стиффи, вышедшая из состояния комы.

– Это же куча денег, ей-богу! – Я с изумлением подумал, что мировые судьи, если они, конечно, в течение многих лет неустанно штрафуют кого ни попадя и прикарманивают денежки, действительно могут позволить себе такие значительные траты. – Из чего она сделана? Из мыльного камня?

Видимо, я здорово промахнулся.

– Из янтаря, – отрезал папаша Бассет и посмотрел на меня взглядом, который запомнился мне с тех пор, когда я стоял перед ним в полицейском суде на Бошер-стрит. – Из черного янтаря.

– Ах да, конечно. Теперь я вспомнил, тетя Далия так и говорила. Она в восторге от этой вещи, уверяю вас, в совершенном восторге.

– Неужели?

– О, без сомнения!

Затевая этот разговор, я надеялся немного растопить лед, так сказать, и придать нашему общению легкость вроде той, которая была свойственна завсегдагатаям старомодных салонов и о которой много чего понаписано в романах. Но увы, за столом вновь воцарилось молчание, однако в конце концов трапеза завершилась, и я сразу же направился в свою комнату, где собирался убить остаток вечера в обществе Эрла Стенли Гарднера, которого прихватил с собой. Какой смысл, подумал я, толпиться в гостиной, где Спод свирепо на меня косится, папаша Бассет с презрением фыркает в мою сторону, а Мадлен наверняка примется петь народные баллады. Ускользнув по-тихому из гостиной, я совершил антиобщественный поступок, и какой-нибудь автор учебного пособия по этикету укоризненно поднял бы бровь, но один из бесценных уроков, которые преподносит нам жизнь, заключается в том, чтобы уметь вовремя удалиться.

Обремененный разными заботами, я до сих пор не обмолвился об одном таинственном обстоятельстве, которое во время обеда сильно меня занимало, а именно: что случилось с Эмералд Стокер.

Она ведь мне совершенно определенно сказала, что сегодня едет в Тотли четырехчасовым поездом, и как бы этот поезд ни тащился, он уже должен быть здесь. Ведь Гасси, который тоже им ехал, преспокойно сидит среди нас. А о ней ни слуху ни духу. Взвесив все имеющиеся факты, я смог вывести одно-единственное заключение – девчонка меня разыграла.

Но зачем? С какой целью? Этим вопросом я задавался, поднимаясь к себе в комнату, где меня ждал Эрл Стенли Гарднер. Если вы сочтете, что я был удивлен и озадачен, то не ошибетесь.

В комнате я застал Дживса, который справлял свои камердинерские обязанности, и с ходу ему изложил, что меня тревожит:

– Дживс, вы видели фильм под названием «Пропавшая дама»?

– Нет, сэр. Я редко посещаю кинематограф.

– Ну, там фигурирует дама, которая затем исчезает, следите, пожалуйста, за ходом моих мыслей. Зачем, вы спросите, я об этом говорю? А затем, что моя юная приятельница исчезла среди бела дня, исчезла, не оставив и следа, как вы однажды выразились.

– Весьма таинственная история, сэр.

– Вот именно. Я теряюсь в догадках. Когда мы с ней обедали вчера, она сказала, что едет в Тотли четырехчасовым поездом, но фокус в том, что ее здесь нет. Вы помните тот день, когда я обедал в «Ритце»?

– Да, сэр. На вас была тирольская шляпа.

– Дживс, давайте не будем развивать шляпную тему.

– Слушаюсь, сэр.

– Если хотите знать, несколько членов клуба интересовались, где я достал эту шляпу.

– Видимо, для того чтобы стороной обходить вашего шляпника, сэр.

Я понял, что его не убедишь, и перевел разговор на более приятный и менее располагающий к полемике предмет:

– Ну, Дживс, надеюсь, вы порадуетесь, когда узнаете, что все в порядке.

– Сэр?

– В смысле лютни, о которой мы говорили. Никакой трещины. Совсем как новая. Мисс Бассет и Гасси по-прежнему влюблены друг в друга, знаю из первых рук. Уф! Прямо гора с плеч.

Я не надеялся, что он захлопает в ладоши и начнет скакать от радости, этого от него не дождешься, но тем не менее я оказался не готов к тому, как он принял эту горячую новость. Он вовсе не собирался разделять мой восторг:

– Боюсь, сэр, что оптимизм по поводу данного обстоятельства несколько преждевременен. Возможно, позиция мисс Бассет именно такова, как вы предполагаете, однако что касается мистера Финк-Ноттла, то, кажется, с его стороны мы наблюдаем некоторое недовольство, грозящее перерасти в возмущение.

Улыбка от уха до уха, игравшая у меня на лице, вмиг угасла. Как правило, высказывания

Дживса с трудом переводятся на общеупотребительный английский язык, но тут я сразу врубился в суть, и, как говорят французы, если не ошибаюсь, *frisson*^[141] пошел у меня по телу.

– Вы хотите сказать, что она влюблена, а он уже нет?

– Совершенно верно, сэр. Когда я отгонял автомобиль в гараж, то встретил мистера Финк-Ноттла, и он конфиденциально осведомил меня о своих неприятностях. Его сообщение дает повод для серьезной озабоченности.

Еще один приступ *frisson*'а сотряс мой организм. Знаете, бывает иногда такое ужасно неприятное чувство, будто по позвоночнику туда-сюда снует целое стадо сороконожек. Я боялся, что случилось самое худшее.

– Что там еще стряслось? – заплетающимся голосом – кажется, так можно сказать? – спросил я.

– С сожалением должен вас информировать, сэр, что мисс Бассет настаивает на том, чтобы мистер Финк-Ноттл придерживался вегетарианской диеты. Совершенно понятно, что мистер Финк-Ноттл пребывает в дурном расположении духа, и не исключено, что он взбунтуется.

Я чуть не рухнул. Чего-чего, но такого и в дурном сне не увидишь. Даром что Гасси тщедушный недоморок, но поесть он не дурак. Вы посмотрите на него в ресторане «Трутней»: самый прожорливый из ленточных червей перед ним почтительно шляпу снимет, понимая, что лицезрит великого маэстро. Лиши Гасси бифштекса, жаркого и в особенности обожаемого им холодного пирога с телятиной и почками – и он обратится в чудовище, способное на подлость, мародерство и даже особо тяжкие преступления, а уж расторгнуть помолвку для подобного типа – раз плюнуть. Входя к себе в комнату, я собирался закурить, но теперь зажигалка выскользнула из моих трясущихся пальцев.

– Она хочет сделать из него *вегетарианца*!

– Именно об этом информировал меня мистер Финк-Ноттл, сэр.

– Ни тебе котлет?

– Да, сэр.

– Ни бифштекса?

– Да, сэр.

– Один шпинат и тому подобные отбросы?

– Полагаю, что именно так, сэр.

– Но зачем?

– Насколько я понял, мисс Бассет недавно прочла жизнеописание поэта Шелли, сэр, и теперь разделяет его убеждения, состоящие в том, что духовный человек обязан отказаться от мясной пищи. Поэт Шелли придерживался весьма строгих взглядов на этот предмет.

Я поднял с пола зажигалку, все еще не выходя из состояния транса. Всем известно, что Мадлен Б. девица с приветом – послушайте только, что она несет о звездах, кроликах и насморчных феях, – однако мне и не снилось, что ее дурь простирается так далеко. Но когда я вспомнил, как за обедом Гасси, нахмутив чело, ковыряет вилкой нечто сильно смахивающее на шпинат, то мне стало ясно, что Дживс прав. Теперь я понимаю, почему дошедший до ручки Гасси сказал, что от Мадлен его тошнит. Думаю, питон в зоопарке столь же выразительно отозвался бы о слугителе, если бы тот вместо кролика принес ему на обед тертый сыр.

– Дживс, какой ужас!

– Безусловно, положение весьма тревожное, сэр.

– Если Гасси взбунтуется, может случиться все, что угодно.

– Да, сэр.

– Неужели ничего нельзя поделать?

– Возможно, вам стоит попробовать урезонить мисс Бассет, сэр. Можно было бы привести убедительные доводы. В результате новейших медицинских исследований установлено, что оптимальной является диета, где количество животной и растительной пищи сбалансировано. Подавляющее большинство докторов не рекомендуют придерживаться строгой вегетарианской диеты, ибо она не обеспечивает необходимого количества протеинов, в особенности тех, которые содержат аминокислоты, необходимые человеческому организму. По наблюдениям авторитетных ученых, дефицит указанных аминокислот приводит к нарушению умственной деятельности.

– Полагаете, стоит ей все это изложить?

– Как мне кажется, это было бы полезно, сэр.

– Сомневаюсь, – сказал я, уныло выпуская колечко дыма. – Не думаю, что это на нее подействует.

– Признаться, я с вами согласен, сэр. Поэт Шелли руководствовался скорее гуманными соображениями, нежели заботой о физическом здоровье. Очевидно, он полагал, что человек должен испытывать благоговение перед иными формами жизни. Вероятно, мисс Бассет разделяет эту точку зрения.

У меня вырвался глухой стон.

– Будь он проклят, этот Шелли! Чтоб ему наступить на развязавшийся шнурок и сломать себе шею!

– Слишком поздно, сэр. Он давно покинул этот мир.

– Черт бы побрал все эти овощи!

– Да, сэр. Ваша озабоченность совершенно понятна. Я мог бы добавить, что повариха выразилась в том же духе, когда я ее информировал о затруднениях, постигших мистера Финк-Ноттла. Ее сердце исполнилось сочувствием к его страданиям.

Я не желал ничего слушать о поварихах с чувствительным сердцем и собирался сообщить об этом Дживсу, но тут он вновь заговорил:

– Она поручила мне известить мистера Финк-Ноттла, что, если он соблаговолит посетить кухню вечером, когда все улягутся спать, она будет рада снабдить его холодным пирогом с телятиной и почками.

У меня возникло такое чувство, будто сквозь тучи вдруг засияло яркое солнце, или будто я неожиданно выиграл пари, или темная лошадка, на которую я поставил, на последних десяти ярдах обошла соперника и неожиданно выиграла забег. Ибо опасность, которая угрожала сломать ось Бассет – Финк-Ноттл, предотвращена. Я знаю Гасси как облупленного. Лишите его протеинов и аминокислот – и он утратит свое обычное дружелюбие и превратится в угрюмого человеконенавистника, который как собака набрасывается на своих ближайших и дражайших и весьма ощутимо их кусает. Но дайте ему отвести душу холодным пирогом с телятиной и почками, позвольте ему удовлетворить его, что называется, законные притязания, как его злость мигом испарится и он снова обретет свою прежнюю привлекательность. Мрачной мины как не бывало, на губах играет добродушная улыбка, вместо едкого сарказма – медовый бальзам, и на любовном фронте полный ажур. Сердце мое наполнилось благодарностью к поварихе, чья находчивость

решила дело.

– Дживс, кто она?

– Сэр?

– Эта спасительная повариха? Хочу особо ее помянуть в моих вечерних молитвах.

– Ее фамилия Стокер, сэр.

– Стокер! Вы сказали – Стокер?

– Да, сэр.

– Странно!

– Сэр?

– Впрочем, не важно. Просто довольно странное совпадение. Вы уже поговорили с Гасси?

– Да, сэр. Он проявил полную готовность к взаимодействию. Планирует посетить кухню сразу после полуночи. Холодный пирог с телятиной и почками, конечно, не более чем паллиатив...

– Напротив, это любимое блюдо Гасси. Сам слышал, как в «Трутнях» даже в те дни, когда там подают карри, Гасси заказывает пирог. Он его обожает.

– Вот как, сэр? Это радует.

– Вот именно. Этот урок учит нас, Дживс, никогда не отчаиваться и не поворачиваться лицом к стене, ибо надежда остается всегда.

– Да, сэр. Не желаете ли чего-нибудь еще?

– Спасибо. Мне больше нечего желать.

– В таком случае позвольте пожелать вам покойной ночи, сэр.

– Покойной ночи, Дживс.

Он ушел, а я с полчаса провел в обществе Эрла Стенли Гарднера, но потом обнаружил, что внимание у меня рассеивается и я с трудом слежу за нитью повествования. Мысли мои все время возвращались к этой судьбоносной поварихе. Удивительно, что фамилия у нее оказалась Стокер. Может, родственница?

Я ясно представлял себе эту спасительнуюстряпуху. Полненькая, краснолицая, в очках, наверное, способна иногда поворчать, если ей попадешься под руку, когда она печет торт или колдует над соусом, но сердце у нее золотое. Несомненно, изможденный вид Гасси тронул ее нежную душу: «Бедный парень, надо его подкормить». А может, она любит золотых рыбок и прониклась нежностью к Гасси, потому что он напоминает ей о них. А может, она в детстве состояла в скаутах. Во всяком случае, во имя чего бы она ни творила добрые дела, она заслуживает награды от Бертрама, и я поклялся, уезжая, отвалить ей полновесные чаевые. Буду щедрой рукой метать кошельки с золотом.

Вот таким размышлениям я предавался, чувствуя, что с каждой минутой становлюсь все более великодушным, когда ко мне ввалился не кто иной, как Гасси собственной персоной, и я понял, что был совершенно прав, сказав, что он осунулся. На нем лежала отчетливая печать голодной шпинатной диеты.

Я понял, зачем он пришел. Наверное, хотел спросить, что я делаю в Тотли-Тауэрсе, ибо, естественно, это ведь не могло его не занимать. Однако как оказалось, Гасси волнует совсем другой предмет. Он с ходу пустился яростно поносить растительный мир, в особенности же досталось брюссельской капусте и брокколи, а не шпинату, как можно было бы ожидать. Время шло, но мне не удавалось вставить ни слова, и когда я наконец получил возможность заговорить, голос у меня дрожал от сочувствия.

– Да, Дживс мне все рассказал, – проговорил я, – и сердце у меня обливается кровью.

– Еще бы! Оно у тебя должно так обливаться, чтобы ведра подставлять, если только в тебе есть хоть капля гуманности, – пылко отозвался он. – Слова бессильны передать, как я настрадался, особенно когда гостил в Бринкли-Корте.

Я кивнул. Мне-то отлично известно, какая это пытка. Уж где-где сидеть на вегетарианской диете, только не в Бринкли, когда на кухне орудует несравненный повар тетушки Далии. Сколько раз, пользуясь ее родственным гостеприимством, я сожалел перед обедом, что у меня всего один желудок.

– Из вечера в вечер мне приходилось отказываться от шедевров Анатоля, а если я тебе скажу, что два дня подряд подавали *mignonettes de poulet petit due*, а на третий *timbales de ris de veau toulousiane*^[142], ты поймешь, сколько я выстрадал.

Руководствуясь своей всегдашней политикой – находить по мере сил и дарить везде, где можно, мелкие радости, я поспешил указать Гасси на серебристую подкладку грозовой тучи.

– Твои муки чудовищны, – сказал я. – Но мужайся, Гасси. Помни о холодном пироге с телятиной и почками.

Я попал в самую точку. Страдальческое лицо Гасси немного оживилось.

– Дживс тебе все рассказал, да?

– Да, он говорит, повариха приготовит для тебя пирог, и я сразу понял, что она жемчужина среди женщин.

– Слабо сказано. Она ангел во плоти. Я как только ее увидел, сразу оценил ее по достоинству.

– Разве ты ее раньше видел?

– Ну конечно, видел. Ты что, забыл, о чем мы говорили, когда я сидел в автомобиле, собираясь ехать на Паддингтонский вокзал? Все-таки почему ты решил, что она похожа на китайского мопса, в толк не возьму.

– Кто?

– Эмералд Стокер. По-моему, ни капельки не похожа.

– При чем тут Эмералд Стокер?

Он удивился:

– Разве она тебе не сказала?

– Что?

– Что едет в Тотли-Тауэрс поварихой?

Я выпучил глаза. На миг мне показалось, что лишения, которые перенес Гасси, пагубно отразились на его подорванном тритономанией рассудке.

– Ты говоришь – *поварихой*?

– Странно, что она тебе ничего не сказала. Видимо, почувствовала, что тебе нельзя доверить секрет. Сразу тебя раскусила: поняла, что ты болтун. Да, она здесь служит.

– Но зачем ей это? – спросил я, по своему обыкновению беря быка за рога.

– Она мне все объяснила, когда мы с ней ехали в поезде. Оказывается, она живет на пособие, которое ежемесячно получает от отца из Нью-Йорка, и обычно этих денег ей вполне хватает. Но в этом месяце ей ужасно не повезло. Поставила на Солнечного Джима в трехчасовом заезде в Кемптон-парке.

Я помнил эту лошадь, о которой он говорил. Сам чуть было сгоряча на нее не поставил, но, слава Богу, вовремя одумался.

– Она пришла шестой из семи, и Эмералд лишилась всех своих денег. Что ей

оставалось? Обратиться за помощью к отцу – но тогда ей пришлось бы признаться в своем легкомысленном поступке, или найти оплачиваемую работу, чтобы продержаться, пока не придут на помощь, как она говорит, американские морские пехотинцы.

– Могла бы занять деньги у меня или у своей сестры Полин.

– Осел ты, Берти. Такие девушки, как она, денег в долг не берут. Слишком гордые. Вот она и задумала стать поварихой. Говорит, колебалась всего секунд тридцать, а потом решилась.

Откровенно говоря, я не слишком удивился. Признайся Эмералд Стокер во всем своему предку, подумал я, ей бы небо с овчинку показалось. Папаша Стокер не из тех, кто снисходительно посмеется, узнав, что дочь просадила на скачках все до нижней юбки и корсета. Сомневаюсь, что он хоть раз в жизни снисходительно посмеивался. Лично я даже улыбки у него на лице никогда не видел. Услышав о дочкиных проделках, он бы вышел из себя и низвел бы ее в положение третьеразрядной державы. Мне случалось видеть этого старого сквалыгу во всей красе, и могу засвидетельствовать, что он заводится с пол-оборота. Словом, девица поступила совершенно правильно, сочтя за лучшее промолчать.

Теперь, когда загадка Эмералд Стокер раскрылась и дело о ее исчезновении я мог вычеркнуть из своего кондуита, у меня гора с плеч свалилась. Признаться, терпеть не могу, когда меня ставят в тупик, и мысль о пропавшей девице занозой сидела в моей черепушке. Однако мне хотелось уточнить кое-какие мелочи.

– Как случилось, что она оказалась именно в Тотли?

– Видимо, по моей милости. Тогда на вечеринке я, помнится, упомянул, что сэр Уоткин ищет повара, и, кажется, даже дал ей его адрес. Она ему написала и получила место. Эти юные американки такие предприимчивые.

– Работа ей нравится?

– Дживс говорит, чрезвычайно нравится. Она учит дворецкого играть в рамми.

– Думаю, она его обставит.

– Конечно, обставит, когда он немного подучится и они начнут играть на деньги. Между прочим, она мне говорила, что обожает готовить. Интересно, как ее стряпня?

На этот вопрос я мог ответить. Она пару раз приглашала меня к себе пообедать, и все было приготовлено отменно, просто антик-муар с мармеладом.

– Тает во рту.

– Только не у меня, – с горечью проговорил Гасси. – Ну да ладно, – добавил он, и у него во взоре засветилась тихая радость, – уж холодный пирог с телятиной и почками от меня не уйдет.

На этой счастливой ноте мы с ним распрощались.

Время было позднее, я кончил мусолить моего Эрла Стенли Гарднера, захлопнул книгу и задремал, но вскоре очнулся. Весь Тотли-Тауэрс давно погрузился в сон, стояла тишина, нарушаемая странным урчанием, исходящим из моего нутра. Прислушавшись хорошенько, я сразу догадался, в чем дело. Меня мучил зверский голод, ведь за обедом я почти ничего не ел.

Не знаю, приходится ли вам испытывать нечто подобное, но мне достаточно пустяка, чтобы потерять интерес к пище. Если завтрак или обед протекает, что называется, в накаленной атмосфере, у меня немедленно пропадает аппетит. Со мной сплошь и рядом такое случается, стоит мне преломить хлеб с тетушкой Агатой. А когда, сидя за столом, ловишь на себе взгляд папаши Бассета, торопливо отводишь глаза, натыкаешься на взгляд Спода, опять отводишь глаза, а старикашка уже снова на тебя зыркает, где уж тут отдать должное восхитительным блюдам Эмералд Стокер. Знаете, как в романах пишут: он, мол, лениво поковырял в тарелке и отодвинул ее от себя, – вот так и я. И теперь я ощущал в желудке необычную пустоту, будто невидимая рука столовой ложкой вычерпала все мои внутренности.

Вероятно, настоящая потребность подкрепиться возникла у меня еще во время чтения Гарднера, но я тогда не обратил на нее внимания – боялся запутаться в орудиях убийства: там одно настоящее, второе подложное, да еще то, которое Перри Мейсон забросил в кусты. Теперь же приступы голода разыгрались с такой силой, что заслонили все вокруг, и перед моим мысленным взором встало чудесное видение – холодный пирог с телятиной и почками, который притаился на кухне и тихонько мне шепчет: «Сюда, Берти, сюда».

Удивительно, как часто оправдывается поговорка «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Вот вам пример. Я считал, что мой предыдущий приезд в Тотли-Тауэрс не принес мне ничего, кроме вреда. Как же я ошибался! Конечно, жизнь в Тотли-Тауэрсе – суровое испытание для нервной системы, но кое-что можно записать и в доходную часть гроссбуха. Я, как вы поняли, намекаю на то, что хорошо ознакомился с маршрутом, ведущим на кухню. Дорога пролегла вниз по лестнице, затем следовали холл и столовая. За дверью в дальнем конце столовой, насколько я помнил, начинался коридор или проход, преодолев который вы оказывались в непосредственной близости к холодному пирогу с телятиной и почками. Пустяковый путь, не выдерживающий сравнения с теми вояжами, которые я в свое время предпринимал по ночам.

Решить – значит совершить, таков девиз Вустеров, и не прошло и двух минут, как я пустился в дорогу.

На лестнице было темно, а в холле еще темнее. Но я успешно продвигался вперед и проделал, вероятно, полпути к цели, когда случилась непредвиденная заминка. Я столкнулся с неопознанным объектом, напоминающим человеческое тело, – встреча, которой я меньше всего ожидал на данном отрезке маршрута, и на миг... нет, не скажу, что у меня потемнело в глазах, потому что вокруг и так было хоть глаз выколи, но чувства мои пришли в смятение. Сердце проделало головокружительный скачок вроде тех, которыми славился русский танцовщик Нижинский, и я ощутил пламенное желание немедленно очутиться где-нибудь в другом месте.

Однако поскольку я был не в другом месте, а именно в этом, мне ничего не оставалось, как сцепиться с полуночным вором, что я и проделал, с радостью обнаружив, что этот тип ростом не вышел – видно, начал курить еще в детском возрасте. Я совсем повеселел, когда понял, что он к тому же еще и тщедушный. Я прикинул, что мне ничего не стоит слегка его придушить, чтобы не путался под ногами. И со всем моим удовольствием приступил к выполнению этого плана, но вдруг коснулся рукой предмета, который не мог быть не чем иным, как только очками, и в ту же минуту, услышав сдавленный шепот: «Послушай, осторожнее с моими очками!», понял, что мой первоначальный диагноз был ошибочным. Ночной воришка оказался моим закадычным другом, с которым я в детстве не раз делился последней шоколадкой.

– А-а, Гасси, привет, – сказал я. – Это ты? А я думал, ты грабитель.

– Я не грабитель, – сердито возразил он.

– Теперь-то я вижу, что нет. Извини, ошибся, но, признайся, меня можно понять.

– Ты меня чуть до инфаркта не довел.

– Я сам до смерти перепугался. Пожалуй, перепугаешься, когда ты выскочил как из-под земли. Я был уверен, что дорожка свободна.

– Какая дорожка?

– Ты еще спрашиваешь?! К холодному пирогу с телятиной и почками. Если от него, конечно, что-нибудь осталось.

– Да, кусочек остался.

– Ну, и как пирог, вкусный?

– Объедение.

– Ну, тогда в путь. Спокойной ночи, Гасси. Не сердись на меня.

Продвигаясь к цели, я понял, что, видимо, немного сбился с курса. Переволновался, должно быть. Такие потрясения даром не проходят. Короче говоря, пробираясь на ощупь вдоль стены, я снова столкнулся с неким предметом. Оказалось – напольные часы, существование которых я как-то упустил из виду. Часы рухнули с таким звуком, будто две тонны угля просыпались на крышу оранжереи. Стекло разлетелось вдребезги, посыпались винтики, колесики и прочая мелочь, а пока я стоял, стараясь водворить на место сердце, которое, казалось, колотится уже о передние зубы, внезапно вспыхнул свет, и я увидел перед собой сэра Уоткина Бассета.

Такого замешательства никогда в жизни я еще не испытывал. Всегда неприятно, если хозяин застучает вас, когда вы поздно ночью крадетесь по дому, пусть даже упомянутый хозяин ваш лучший друг и души в вас не чаёт, а я уже дал понять, что папаша Бассет не принадлежит к числу горячих поклонников Бертрама. Он и днем-то едва меня выносит, а уж в час ночи я, наверное, показался ему еще более отвратительным.

Я обомлел – будто мне тортом по физиономии залепили, а тут еще старикашкин халат – он совсем меня доконал. Кажется, я уже упоминал, что папаша Бассет ростом не вышел. Видимо, у Творца, создававшего мировых судей, на него сырьё не хватило. А по причинам, которые нам понять не дано, чем мировой экс-судья меньше ростом, тем более кричащие халаты он носит. Этот, например, был ядовитого чернильно-фиолетового цвета, затканый шикарным золотым узором. Не покривлю душой, если скажу, что меня будто громом ударило и я лишился дара речи. Но будь даже старикашка облачен в благопристойное, скажем, темно-синее, одеяние, едва ли мне захотелось бы с ним поболтать. Разве можно держаться непринужденно с субъектом, перед которым недавно стоял в суде и лепетал: «Да,

ваша честь», «Нет, ваша честь» – и который к тому же заявил, что ты должен быть счастлив, ибо отделался штрафом, а мог бы и сесть на четырнадцать суток. Тем более когда только что расколотил напольные часы, наверняка очень дорогие сердцу вышеупомянутого экс-судьи. Как бы то ни было, но он первым начал разговор.

– Боже милостивый! – произнес он трагически. – Вы!

Никогда не знал и, видно, уже никогда не узнаю, что следует отвечать, когда тебе говорят: «Вы!» И я сказал единственное, что может сказать вежливый человек: «О, добрый вечер!», – хотя, как мне показалось, это было не совсем то, что требовалось. Конечно, это все-таки лучше, чем, например, «А, Бас сет, приветик!», но все же не то.

– Позвольте осведомиться, что вы здесь делаете в этот час, мистер Вустер?

Разумеется, я мог бы непринужденно рассмеяться и шутливым тоном сказать: «Да вот, часы опрокидываю», – но внутренний голос мне подсказал, что меня могут не понять. Внезапно меня осенило.

– Пришел за книгой, знаете ли. Дочитал Эрла Стенли Гарднера, а сна ни в одном глазу. Думаю, посмотрю, не найдется ли чего-нибудь здесь, на полках. И вот в темноте наткнулся на часы.

– В самом деле? – произнес старикашка Б., вложив в эти слова все презрение, на какое был способен. Наверное, мне следовало раньше упомянуть, что этот недомерок, это ничтожество в бытность судьей славился надменностью и язвительностью, за что нарушители законов его терпеть не могли. Да вам, наверное, подобные типчики хорошо известны. Их реплики обычно цитируются вечерними газетами с пометкой в скобках «смех в зале», а сами вышеупомянутые типчики считают, что напрасно прожили день, если не поиздевались вволю над каким-нибудь несчастным карманным воришкой или расхулиганившимся пьянчугой. Когда мы с этим старым хрычом Бассетом лицом к лицу стояли в полицейском суде на Бошер-стрит, он с ходу принялся отпускать пошлые шуточки на мой счет, чем вызвал бурный восторг публики. Я же был готов сквозь землю провалиться.

Итак, он сказал:

– В самом деле? Позволено ли мне будет поинтересоваться, почему вы предпринимали ваши литературные изыскания в темноте? Такая операция, как включение света, вне всяких сомнений, не выходит за рамки даже ваших ограниченных возможностей.

Здорово он меня уел. Я не мог придумать ничего лучшего, как сказать, что, мол, это мне не пришло в голову. Старый хрыч брезгливо фыркнул, недвусмысленно намекая, что так может ответить только безнадежный кретин и тупица. Затем он вернулся к теме часов, которую я предпочел бы не обсуждать. Старикашка заявил, что эти часы были ему чрезвычайно дороги и что он их берег как зеницу ока.

– Мой отец купил их много лет назад и повсюду возил с собой.

Тут у меня снова появилась возможность придать разговору легкий светский тон, спросив, например, не проще ли было бы отцу сэра Уоткина обзавестись наручными часами, но я снова вовремя догадался, что меня не поймут.

– Отец состоял на дипломатической службе, постоянно переезжал с места на место и никогда не расставался с этими часами. Они в целостности и сохранности кочевали с ним из Рима в Вену, из Вены в Париж, из Парижа в Вашингтон, из Вашингтона в Лиссабон. И ничего им не делалось. Но им предстояло пройти главное испытание – встречу с мистером Вустером. Этого испытания они не выдержали. Мистеру Вустеру, видите ли, в голову не пришло – и то сказать, разве такое может прийти в голову? – что надо щелкнуть

выключателем и зажечь свет, вместо этого он...

Тут Бассет вдруг смолк – не потому, что сказал все, что хотел, а потому, что в эту самую минуту я взлетел на верхушку массивного комода, который находился примерно в шести-семи футах от того места, где мы с ним толковали. Эту дистанцию я преодолел одним махом, разве что один-единственный раз коснувшись пола, и то против воли. Ну, просто кошка на раскаленной крыше.

К этим действиям меня побудила очень веская причина. На заключительных этапах поминального панегирика напольным часам до моего слуха начали доноситься странные звуки, будто кто-то поблизости полощет горло. Оглядевшись вокруг, я поймал на себе пристальный взгляд скотч-терьера Бартоломью, недвусмысленно свидетельствующий о дурных намерениях, столь характерных для тварей этой породы. У скотч-терьера, возможно по причине кустистых бровей, всегда такой вид, будто он проповедник из некой особенно строгой шотландской секты, а вы – прихожанин, пользующийся сомнительной репутацией и посаженный в первом ряду партера.

Вообще-то я не особенно приглядывался к его бровям, потому что мое внимание было приковано к зубам. Надо сказать, эта скотина Бартоломью был оснащен ими по уши, и в данный момент безупречное смертоносное оружие было приведено в полную боевую готовность. В моем воспаленном сознании мелькнуло все, что мне приходилось слышать о повадках этой несносной твари, которая вначале кусала и только потом задавала вопросы и выясняла отношения. Теперь, надеюсь, вам понятно, что вышеупомянутый прыжок на комод был совершен строго по витальным показаниям. Вустеры отважны, но зря не рискуют.

Папаша Бассет остолбенел, и только когда его взгляд упал на Бартоломью, он отказался от своей первоначальной мысли, что Бертрам, не выдержав напряжения, тронулся умом и нуждается в срочной помощи врача-психиатра. Старикашка холодно посмотрел на Бартоломью и обратился к нему так, будто тот стоял перед ним в полицейском суде.

– Ступайте прочь, сэр! Лежать, сэр! Прочь! – проскрежетал он, если можно так выразиться.

Конечно, я бы мог ему сказать, что со скотч-терьерами не стоит разговаривать в таком тоне, ибо из всех пород собак, за исключением, пожалуй, доберман-пинчеров, они самые обидчивые и скорые на расправу.

– Возмутительно! Почему Стиффи позволяет этому мерзкому созданию слоняться по всему...

Полагаю, он намеревался сказать «дому», но не успел. Ибо пришла пора действовать, а не разглагольствовать. Булькающий звук многократно усилился, Бартоломью напряг мускулы и приготовился к прыжку. Вздогнул, ожил он, рванулся так, как будто грозный шквал у него в крови разыграл, как метко сказал не помню кто. И папаша Бассет с проворством, которого я в нем не подозревал, вспорхнул как голубь и очутился на комоду рядом со мной. Не знаю, обставил ли он меня на секунду-другую, но думаю, да, обставил.

– Это просто невыносимо! – прошипел он, когда я вежливо подвинулся, чтобы дать ему место рядом с собой. Мне были понятны его чувства. Теперь, сколотив состояние, он хотел от жизни одного – находиться как можно дальше от Бертрама Вустера, а вместо этого он сидит на тесном комоду бок о бок с упомянутым Вустером. Тут поневоле впадешь в уныние.

– Да уж, хорошего мало, – согласился я. – Животное ведет себя неподобающим образом.

– Он, должно быть, с ума сошел! Он же прекрасно меня знает, каждый день видит.

– Да, но он вас еще никогда не видел в этом халате, – ввернул я, воспользовавшись

слабым звеном в цепи его аргументов.

Видимо, чувство меры мне изменило. Старикан обиделся до глубины души.

– Чем вам не угодил мой халат? – сварливо осведомился он.

– Чуть-чуть ярковат, вам не кажется?

– Не кажется.

– Ну а скотч-терьеру кажется, он такой впечатлительный.

Я замолчал и тихонько хихикнул. Старикашка встрепенулся и поинтересовался, какого черта я хихикаю.

– Да вот представил себе, – объяснил я, – как славно было бы отлупить эту впечатлительную тварь. Жаль только, что в таких случаях всегда возникает загвоздка с оружием. Года два-три назад со мной случилось подобное происшествие. Я гостил в хартфордширском имении моей тетки Агаты, и один обозленный лебедь загнал нас с приятелем на крышу лодочного сарая. Уж, кажется, чего лучше – запустить бы в проклятую птицу кирпичом или шарахнуть ее багром по башке, но у нас ни кирпича, ни багра под рукой. Пришлось ждать, пока не появится Дживс, который в конце концов услышал наши вопли. Посмотрели бы вы тогда на него! Он бесстрашно ринулся...

– Мистер Вустер!

– Да?

– Прошу избавить меня от необходимости выслушивать ваши излияния.

– Я только хотел сказать...

– Воздержитесь.

Воцарилось молчание. С моей стороны это было оскорбленное молчание – я же хотел всего лишь развлечь старикашку непринужденной беседой. Я демонстративно от него отодвинулся, насколько хватило места. Вустеры никому не навязываются с разговорами.

Тем временем Бартоломью внизу упорно подпрыгивал, пытаясь присоединиться к нашей компании. К счастью, провидение в своей бесконечной мудрости снабдило скотч-терьеров короткими ногами, и, несмотря на отчаянную волю к победе, Бартоломью терпел одну неудачу за другой. И как бы он «сквозь льды и снега ни рвался во весь опор, зная держа в руках с девизом загадочным “Эксцельсиор”», ему приходилось ограничиваться свирепыми взглядами и злобным лаем.

Спустя несколько минут мой сосед по насесту нарушил молчание. Видимо, достоинство, которое умеют продемонстрировать Вустеры, произвело на него должное впечатление. В голосе у старикана зазвучали просительные нотки, которых прежде и в помине не было.

– Мистер Вустер...

Я смерил его холодным взглядом:

– Вы что-то сказали, Бассет?

– Неужели мы ничего не можем поделаться?

– Попробуйте наложить на терьера штраф в размере пяти фунтов.

– Но не сидеть же здесь всю ночь!

– Почему бы нет? Что нам помешает?

Он присмирел и снова погрузился в молчание. Так мы с ним и сидели, точно два монаха-молчальника из ордена траппистов, но вдруг раздался возглас «Вот это да!», из чего следовало, что появилась Стиффи.

Ничего удивительного, рано или поздно она, конечно, должна была появиться. Мне

надо было сразу сообразить: за скотч-терьерами всегда следуют их хозяйки.

Если принять во внимание, что чуть ли не все свободное время Стиффи посвящает тому, чтобы ни за что ни про что посадить кого-нибудь в лужу, то она просто не имеет права быть такой хорошенькой. Ростом невелика – про таких, как она, кажется, говорят «пигалица», – и я думаю, когда они с Растяпой пойдут, даст Бог, к алтарю, в публице при виде такой пары, уж конечно, раздастся смех. А на вопрос пастора, согласен ли он взять эту женщину в законные супруги, Пинкер, должно быть, ответит: «Согласен довольствоваться этой малостью».

– Господи, чем это вы там занимаетесь? – поинтересовалась удивленная Стиффи. – Зачем опрокинули мебель?

– Моих рук дело, – сказал я. – Напоролся на часы. Не хуже самого Растяпы Пинкера, ха-ха. Что?

– Твои ха-ха тут неуместны, – огрызнулась она. – И не ставь себя на одну доску с моим Гарольдом. Лучше объясни, почему вы сидите там, как две вороны на суку.

Тут в разговор вступил папаша Бассет, каждое слово он сопровождал столь презрительным фырканьем, что оставил далеко позади свои прежние достижения в этом искусстве. Сравнив его с вороной – кстати, очень метко, – Стиффи, видно, сильно задела его самолюбие.

– Твоя собака на нас напала.

– Не то чтобы напала, – поправил его я, – но кидала на нас злобные взгляды. Мы лишили ее удовольствия напасть на нас, сочли за лучшее покинуть сферу, так сказать, ее влияния, прежде чем она взялась за дело. Вот уже часа два, во всяком случае, так мне показалось, она пытается до нас добраться.

Стиффи бросилась яростно защищать своего бессловесного друга:

– Как вам не стыдно сваливать вину на бедного песика! Само собой, он принял вас за шпионов, платных агентов Москвы. Чего ради вы слоняетесь по дому среди ночи? Берти я еще могу понять, его в детстве уронили головкой об пол, но вы, дядя Уоткин, меня удивляете. Почему вы не идете спать?

– Я бы с радостью, – сказал папаша Бассет и фыркнул, – если ты будешь так любезна и уберешь своего зверя. Он социально опасен.

– Слишком впечатлителен, – вставил я. – Мы в этом сами убедились.

– Не надо его нервировать, тогда он никого не тронет. Бартоломью, шалунишка, ступай в свою корзиночку, – сказала Стиффи с ласковой улыбкой, и такова была сила ее обаяния, что пес послушно развернулся и скрылся в ночи, не промолвив ни слова.

Папаша Бассет сполз с комода и направил в мою сторону профессионально-подозрительный взгляд.

– Покойной ночи, мистер Вустер. Если пожелаете сломать что-то еще из мебели, то, прошу вас, не стесняйтесь и считайте себя совершенно свободным в удовлетворении ваших экстравагантных порывов, – сказал он и тоже исчез в ночи.

Стиффи задумчиво посмотрела ему вслед.

– Берти, мне кажется, дядя Уоткин тебя не особенно любит. Я еще за обедом заметила, что он так на тебя смотрит, будто ждет подвоха. Вообще-то я не удивляюсь: твой приезд для него как снег на голову. Признаться, для меня тоже. Глазам своим не поверила, когда ты

вдруг вынырнул, как утопленник из водных глубин. Гарольд рассказывал, что умолял тебя приехать, но ты наотрез отказался. Почему ты передумал?

Когда я гостил в Тотли-Тауэрсе в прошлый раз, обстоятельства заставили меня посвятить эту юную проказницу в тонкости моих отношений с ее кузиной Мадлен, поэтому я без колебаний ответил на ее вопрос:

– Видишь ли, как мне стало известно, отношения у Гасси с Мадлен испортились, говорят, из-за того, что она вынуждает его идти по стопам поэта Шелли и придерживаться вегетарианской диеты. И я понял, что в этой ситуации мне придется играть роль *raisonneur*'а.

– Резон... чего?

– Так и знал, что ты не поймешь. Это французский термин, которым называют, по моему – впрочем, это надо уточнить у Дживса, – уравновешенного, доброжелательного, светского человека, который вступает в дело, когда в отношениях между двумя любящими сердцами возникает трещина, и ликвидирует эту трещину. *Raisonneur* – это именно то, что сейчас необходимо.

– Ты боишься, что если Мадлен даст Гасси отставку, то захочет выйти за тебя?

– Наверняка. И хотя я уважаю Мадлен и восхищаюсь ею, меня совсем не радует перспектива каждый божий день до конца своей жизни видеть по утрам за чашкой кофе ее приторную улыбку. Вот я и прикатил сюда посмотреть, нельзя ли помочь делу.

– Берти, ты явился в самый подходящий момент. Раз уж ты здесь, то проверни и для меня одно дельце. Гарольд тебе о нем говорил.

Я понял, что настало время для решительного в корне пресечения.

– Не рассчитывай на меня. Даже слышать ничего не желаю. Знаю я твои проделки.

– Но, Берти, это для тебя совершенный пустяк. Зато ты осчастливишь одного бедолагу, скрасишь его безрадостную жизнь. Ты когда-нибудь был бойскаутом?

– Только в раннем детстве.

– Тогда тебе надо наверстать упущенное – спешить делать добрые дела. Я даю тебе хороший шанс для начала. Сейчас все объясню.

– И слушать не буду.

– Хочешь, чтобы я позвала Бартоломью и предоставила ему свободу действий?

Ну что ж, подумал я, пожалуй, это аргумент, как говорит Дживс.

– Ладно. Выкладывай, но покороче.

– Не волнуйся, еще немного – и пойдешь баиньки. Помнишь, за обедом на столе стояла маленькая черная статуэтка?

– Еще бы. Жуткая уродина.

– Дядя Уоткин купил ее у некоего Планка.

– Слышал.

– Знаешь, сколько он за нее заплатил?

– Тысячу фунтов, ты же сама говорила.

– Нет, я сказала, что она стоит тысячу. А он ее купил у этого простофили Планка за пятерку.

– Шутишь!

– Ничего подобного. Дядя заплатил за нее пять фунтов и секрета из этого не делает. Когда мы гостили в Бринкли, он ее показывал мистеру Траверсу и рассказывал ему всю эту историю. Как он случайно увидел статуэтку на каминной полке у Планка, как сразу смекнул, что это очень ценная вещь, как внушил Планку, что ей грош цена, но он, Бассет, готов

заплатить за нее пять фунтов, потому что знает, как Планк бедствует. Дядюшка выхвалялся своей ловкостью, а мистер Траверс, бедняга, прямо в осадок выпал.

Можно поверить. Когда коллекционер слышит, что его собрат купил вещь по дешевке, он готов лопнуть от зависти.

– Откуда ты знаешь, что Планк бедствует?

– А зачем бы он стал продавать статуэтку за гроши?

– Похоже, ты права.

– Скажи, ну не скотина ли после этого дядя Уоткин?

– Еще бы! Я всегда считал и считаю его последней скотиной, скотиной из скотин.

Лишнее подтверждение тому, что я всегда говорил: нет такой низости, до которой не докатились бы мировые судьи. Меня ничуть не удивляет твое негодование. Твой дядюшка показал себя мошенником высшей марки. К сожалению, тут уж ничего не поделаешь.

– Ну, я бы этого не сказала.

– Неужели ты что-то придумала?

– Да, кое-что. Я подговорила Гарольда прочесть проповедь о винограднике Навуфея. Ты-то, конечно, вряд ли слышал о Навуфее?

Я прямо-таки взвился от возмущения. Дерзкая девчонка оскорбила мое amour propre^[143].

– Сомневаюсь, что в Лондоне и прилегающих графствах найдется хоть один человек, который бы лучше меня знал всю подноготную о Навуфее. Да будет тебе известно, что в школе я выиграл приз как лучший знаток Священного Писания.

– Спорим, смошенничал?

– Ничего подобного. Честно заслужил. Ну и что, Растяпа согласился?

– Да. Сказал «блестящая мысль» и неделю сосал пастилки для горла, чтобы голос не подвел. Видишь ли, замысел у нас был как в «Гамлете». Только там надо было пробудить совесть у короля, а здесь – у дяди Уоткина.

– Да, мысль мне ясна. Ну и что, получилось?

– Нет, ничего не вышло. Понимаешь, Гарольд квартирует у миссис Бутл, жены почтальона, у них там электричества нет, одни керосиновые лампы. Рукопись проповеди лежала на столе, под лампой. Гарольд споткнулся о стол, опрокинул лампу, и проповедь сгорела, а написать новую уже не было времени. Ему пришлось порыться в своем архиве и откопать старую проповедь на совсем другую тему. Он ужасно огорчился.

Я покачал головой и хотел было заметить, что из всех косолапых нескладех на свете Растяпа самый выдающийся, но воздержался, боясь задеть Стиффины чувства. Вообще не люблю обижать детей, а тут еще вспомнил ее милые шуточки насчет того, что, мол, можно сюда и Бартоломью пригласить.

– Итак, мы должны по-другому взяться за дело, и ты нам поможешь.

Я терпеливо улыбнулся.

– Кажется, догадываюсь, куда ты клонишь, – сказал я. – Хочешь, чтобы я пошел к твоему дяде Уоткину и пробудил в нем лучшие чувства, если они у него есть. Сказал бы ему: «Бассет, играть надо по правилам» или «Бассет, прислушайтесь к вашей совести» – и постарался вбить в его черепушку, что обжуливать вдов и сирот – безнравственно. Спорно, конечно, что Планк вдова, хотя для убедительности допустить, что он сирота, вполне возможно. Но сама подумай, Стиффи, неразумное ты дитя, – разве для папаши Бассета я друг, к советам которого он прислушивается? Минуту назад ты уверяла, что он не чувствителен к моему обаянию. По-моему, мне с ним говорить бесполезно.

– А от тебя этого и не требуется.

– Чего же ты хочешь?

– Чтобы ты стянул у дяди статуэтку и вернул ее Планку. А Планк продаст ее мистеру Траверсу за настоящую цену. Подумать только, ведь дядя Уоткин заплатил этому простаку Планку какую-то жалкую пятерку! Нельзя, чтобы такое мошенничество сошло ему с рук. Надо преподать ему хороший урок.

Я опять терпеливо улыбнулся. Смех, да и только. Я сто раз был прав, когда предполагал, что ее затея окажется, как всегда, хоть стой, хоть падай.

– Ну, Стиффи, это же ни в какие ворота не лезет!

Мягкий упрек в моем голосе имел целью пробудить в ней стыд и угрызения совести, но не тут-то было. Она сразу перешла в наступление:

– Знаешь, ты бы лучше помалкивал. По-моему, тебя хлебом не корми, только дай что-нибудь стянуть, – что, скажешь, неправда? А полицейские каски?

Я поник головой. Что правда, то правда, было дело.

– В том, что ты говоришь, – признался я, – есть доля правды. Да, каюсь, в свое время я мог стянуть каску-другую с полицейских голов...

– Вот видишь.

– Но только в ночь после гребных гонок, когда сердце переполняли восторг и отвага. Тогда-то мне и пришлось свести знакомство с твоим дядей Уоткином. Но с тех пор много воды утекло, и я стал другим. Так что на твое предложение отвечу тебе решительным «нет».

– Нет?

– Нет, пропади все пропадом, и еще раз нет, – повторил я, чтобы и дураку было ясно. – Почему бы тебе самой не стянуть статуэтку?

– Бессмысленно. Я же не смогу отнести ее Планку. Я под домашним арестом: Бартоломью укусил дворецкого, а его грехи падают на голову хозяйки. Берти, может, ты передумаешь?

– И не мечтай.

– Какой ты зануда!

– Пусть зануда, зато твердо стою на своем, ни просьбы, ни мольбы тебе не помогут.

Она помолчала, потом, притворно вздохнув, проговорила:

– О Господи, а я надеялась, что не придется рассказывать Мадлен про Гасси.

Я снова вздрогнул всем телом. Мне крайне не понравились ее слова. В них заключался зловещий смысл.

– Знаешь, что было сегодня ночью, Берти? Просыпаюсь я примерно час назад, и как ты думаешь, что меня разбудило? Я услышала, как кто-то крадется. Выглядываю из комнаты, вижу, Гасси тихонько спускается по лестнице. Тьма кромешная, но у него был фонарик, и в его свете поблескивали стекла Гассиных очков. Иду за ним. Он в кухню – я подглядываю. Вижу, он за обе щеки уплетает холодный пирог с телятиной и почками. Тут-то мне и пришло в голову, что узнай об этом Мадлен, она ему в два счета даст под зад коленкой, он и опомниться не успеет.

– Не может она ему дать под зад коленкой только за то, что он, оголодав на шпинате и брюссельской капусте, набросился на холодный пирог с телятиной и почками, – сказал я, хотя сам не слишком в это верил.

– А спорим, что даст?

Честно говоря, я и сам был того же мнения. К такой глупой гусыне, как Мадлен Бассет,

нельзя подходить с обычными мерками. Она поступит совсем не так, как поступила бы на ее месте любая другая девица. Помню, как сурово она обошлась с Гасси, когда он упился в стельку, хоть и не по своей вине, перед вручением призов в средней классической школе в Маркет-Снодсбери.

– Ты же знаешь, Берти, что она вся напичкана идеалами. Если кто-нибудь хоть словечком обмолвится о сегодняшней ночной оргии – не слышать нам свадебных колоколов. Гасси окажется на свободе, а Мадлен начнет искать, кем бы заполнить образовавшуюся пустоту. Честное слово, Берти, я все-таки думаю, тебе стоит пересмотреть свое решение и пойти на это воровство, ну в самый последний разочек.

– О Господи!

Я задыхался, как загнанный олень, жаждущий прохладных струй. Даже человеку не столь острого ума, как я, было ясно, что злодейка Стиффи поймала меня на крючок и теперь может ставить мне любые условия.

Конечно, это шантаж, но, как известно, шантаж – любимое оружие слабого пола. Сколько раз, бывало, моя тетушка Даля заставляла меня подчиняться ее воле, угрожая в противном случае отлучить от своего стола и тем самым лишиться обедов и ужинов, приготовленных великим Анатодем. Покажите мне безупречно утонченную и изысканную особу женского пола – и я вам докажу, что на самом деле она настоящий Наполеон по части мучительства и готова, глазом не моргнув, в бараний рог согнуть несчастного, в услугах которого она нуждается. Нет, тут не обойтись без закона, защищающего нас от дамского произвола.

– Выходит, жребий брошен, – промямлил я.

– Давно бы так, – обрадовалась Стиффи.

– А может, все-таки оставишь эту затею?

– И не надейся. Мне до слез жаль Планка, и я хочу, чтобы справедливость восторжествовала.

– Ладно уж, попытаюсь.

– Ну вот и умница. Задача у тебя легче легкого. Всего-то и нужно что стащить статуэтку из гостиной и тайно передать ее Планку. Представляешь, как он обрадуется, когда увидит у тебя в руках свою вещь! Наверное, воскликнет: «Вы – герой!»

И, засмеявшись серебристым смехом, который резанул мне ухо, будто скрип ножа по стеклу, она удалилась.

Вернувшись к себе комнату, я лег в постель, постарался успокоиться и, поворочавшись, забылся тревожным сном. В ночном кошмаре за мной снова и снова гнались по пересеченной местности какие-то проходимцы, похожие то на сэра Уоткина Бассета, то на Стиффи, то на скотч-терьера Бартоломью. Когда наутро из легкого мерцания возле моей постели соткался Дживс с завтраком на подносе, я, не теряя времени даром, снабдил его полной информацией касательно истории, в которую я угодил.

– Дживс, надеюсь, вам понятно положение вещей, – сказал я в заключение. – Когда откроется, что статуэтка украдена, и поднимется крик «лови! держи!», кого заподозрят в первую очередь? Бертрама Вустера. Мое имя уже опорочено в этом доме, и никому даже в голову не придет искать иного подозреваемого. С другой стороны, если я откажу Стиффи, она сочтет, что ею пренебрегли, а мы знаем, что получается, когда пренебрегаешь женщиной. Она расскажет Мадлен Бассет, что Гасси объедался холодным пирогом с телятиной и почками, и тогда беды и разорение обеспечены. У меня нет выхода.

К моему удивлению, вместо того чтобы, по обыкновению, поднять бровь ровно на одну восьмую дюйма и сказать: «Весьма тревожные сведения, сэр», Дживс чуть было не улыбнулся. А именно: левый уголок рта у него едва заметно дрогнул, а потом вернулся в позицию номер один.

– Вы не сможете выполнить просьбу мисс Бинг, сэр.

Я отхлебнул кофе и всем своим видом выразил удивление. Ход его мысли был мне непонятен. Может быть, он невнимательно меня слушал?

– Но тогда Стиффи донесет на меня в ФБР.

– Ни в коем случае, сэр, ибо молодая леди вынуждена будет признать, что вы были лишены физической возможности выполнить ее просьбу. Статуэтка уже не находится в общедоступном месте. Ее поместили в комнату за массивной стальной дверью, где хранится коллекция сэра Уоткина.

– Боже правый! Откуда вам это известно?

– Я случайно проходил мимо столовой, сэр, и невольно слышал разговор сэра Уоткина с его сиятельством.

– Называйте его Спод.

– Слушаюсь, сэр. Мистер Спод сообщил сэру Уоткину, что его в высшей степени настораживает заинтересованность, которую вы вчера за обедом проявили к статуэтке из черного янтаря.

– Я же хотел только доставить удовольствие сэру Уоткину, чтобы немного разрядить атмосферу.

– Безусловно, сэр, но ваше заявление, что эту вещицу и дядя Том был бы счастлив пополучить в свою коллекцию, произвело глубокое впечатление на мистера Спода. Припомнив огорчительный эпизод с кувшинчиком для сливок в виде коровы, поставивший под сомнение приятность вашего прошлого визита в Тотли-Тауэрс, он информировал сэра Уоткина, что пересмотрел свою первоначальную точку зрения на причину, побудившую вас прибыть сюда, а именно – желание отбить невесту у мистера Финк-Ноттла, – и теперь убежден, что вы замышляете похищение статуэтки в интересах мистера Траверса. Сэр Уоткин, который казался весьма обеспокоенным, принял in toto [\[144\]](#) концепцию мистера

Спода, тем более после того, как, по его словам, встретил вас сегодня глубокой ночью.

Я кивнул:

– Да, мы встретились в холле, вероятно, около часа ночи, когда я шел в кухню, чтобы раздобыть кусочек холодного пирога с телятиной и почками.

– Вполне вас понимаю, сэр. Осмелюсь заметить, сэр, это был шаг несколько опрометчивый, но, бесспорно, влечение к холодному пирогу с телятиной и почками неодолимо. Сэр Уоткин немедленно согласился с предложением мистера Спода поместить статуэтку под замок в комнате, предназначенной для хранения экспонатов коллекции. Полагаю, теперь она находится именно там, и, если объяснить мисс Бинг, что доступ к ней можно получить только с помощью отмычек или заряда тринитротолуола – а ни тем, ни другим вы не располагаете, – уверен, юная леди внемлет голосу разума и откажется от своих намерений.

Если бы я не лежал в эту минуту в постели, то пустился бы в пляс.

– Дживс, это чистая правда. Я свободен!

– В высшей степени, сэр.

– Вас не затруднит пойти к Стиффи и объяснить ей положение дел? У вас это лучше получится, а я считаю, что ее надо оповестить как можно скорее. Неизвестно, чем она занимается в это время суток, но наверняка слоняется где-нибудь поблизости. Уверен, вы ее найдете.

– Я видел мисс Бинг в парке, с мистером Пинкером, сэр. Думаю, она старалась подготовить его к предстоящему испытанию.

– К какому еще испытанию?

– Если вы изволите припомнить, сэр, по причине временного недомогания приходского священника на мистера Пинкера возложили ответственность за завтрашний школьный праздник, и мистер Пинкер испытывает по этому поводу большое беспокойство. Среди школьников Тотли есть отчаянные головы, и мистер Пинкер опасается худшего.

– Ну так попросите Стиффи прервать на пару минут эту душеспасительную беседу и выслушать ваше communique.

– Слушаюсь, сэр.

Дживс отсутствовал довольно долго, мне даже хватило времени одеться.

– Я видел мисс Бинг, сэр, – возвратившись, сказал он.

– Ну и?..

– Она продолжает настаивать на том, чтобы вы вернули статуэтку мистеру Планку.

– Совсем свихнулась! Я же не могу проникнуть в коллекционную комнату.

– Да, сэр, но мисс Бинг может. Недавно сэр Уоткин, как сообщила мне мисс Бинг, обронил свой ключ, и она его подобрала, не поставив сэра Уоткина в известность. Сэр Уоткин приказал изготовить новый ключ, а старый остался у мисс Бинг.

Я схватился за голову:

– Значит, она может войти в ту комнату, когда вздумает?

– Совершенно верно, сэр. Мисс Бинг только что там побывала.

С этими словами он вынул из внутреннего нагрудного кармана черную кикимору и протянул мне:

– Мисс Бинг предлагает, чтобы вы доставили данный предмет мистеру Планку сразу по окончании обеда, сэр, когда, как выразилась юная леди в свойственной ей экстравагантной манере – я цитирую, – Берти натрескается и расхрабрится... Еще слишком рано, сэр, но,

может быть, подать вам рюмку бренди?

– Рюмкой не обойдешься, – сказал я. – Катите бочонок, Дживс.

Не знаю, как Эмералд Стокер управлялась с палитрой и кистью, не видел ничего из ее творений, но кулинаркой она была отменной, и любой хозяин был бы счастлив нанять ее на службу на веки вечные. Обед, приготовленный ею, был великолепен, язык проглотишь.

Однако из-за дурацкого поручения Стиффи, которое мне предстояло выполнить, я почти совсем лишился аппетита. Чело нахмурено, и взор рассеянный, и горек вкус изысканного яства.

– Дживс, – начал я, когда после обеда он провожал меня к автомобилю, – тон у меня был меланхолический, потому что я утратил свою обычную жизнерадостность, – не кажется ли вам странным, что при столь высокой детской смертности такая девочка, как Стиффи, выжила и достигла двадцатилетнего возраста? По-моему, здесь определенно проявлен недосмотр. Как называется дерево, под которым если немножко посидишь, то сразу копыта отбросишь? Я, помнится, где-то читал про него.

– Анчар, сэр.

– Значит, Стиффи – анчариха, вот она кто. К ней опасно приближаться. Она сеет несчастье. И вот еще что. Хорошо ей говорить ничтоже сумняшеся... Как вы считаете, это верное выражение?

– Да, сэр. Или бестрепетно. Это синонимы.

– Хорошо ей говорить ничтоже сумняшеся, или бестрепетно: «Доставь эту дурацкую кикимору Планку», – а как я его найду? Не могу же я ломиться в каждую дверь в Хокли и спрашивать: «Простите, вы не Планк?» Все равно что искать иголку в стоге сена.

– Очень выразительный образ, сэр. Я вполне понимаю ваши затруднения. Осмелюсь заметить, сэр, вероятно, имело бы смысл обратиться в местное почтовое отделение и навести справки. Почтовые служащие всегда имеют в своем распоряжении информацию о людях, проживающих в окрестности.

Дживс не ошибся. Притормозив на Хай-стрит в Хокли, я отыскал почтовое отделение, которое оказалось, как это часто бывает в деревне, скорее лавкой, где вы можете купить сигареты, трубочный табак, пряжу, сласти, веревку, носки, ботинки, рабочую одежду, почтовые открытки, бутылки с желтоватой безалкогольной жидкостью, вероятно шипучкой. На мой вопрос почтенная старушка за прилавком сказала, что Планк живет в большом доме с красными ставнями, только надо проехать с полмили назад. Кажется, старушенция огорчилась, что я всего лишь навел справки, а не выразил желания купить пару носков или моток веревки, но стойко выдержала разочарование, и я вернулся к машине.

Дом, о котором говорила старушка, я, помнится, проезжал. Внушительный особняк, окруженный большим участком. Вероятно, Планк, подумал я, служит в этом поместье. Он представлялся мне таким крепко сбитым, угловатым стариком. Наверное, у него есть сын-моряк, который и привез из дальних стран эту черную уродину. Ни отец, ни сын и не догадывались, каким сокровищем владеют. «Поставлю-ка ее на камин, па, – сказал сын. – Шикарно смотрится». А старик, должно быть, ответил: «Во-во, положи ее туда, сынок. Ей там самое место», – или что-нибудь вроде этого, – просторечье не моя стихия. Итак, они сунули ее на каминную полку, а потом явился сэр Уоткин Бассет со своим вкрадчивым городским обхождением и обвел их обоих вокруг пальца. Ничего удивительного, такие вещи случаются сплошь и рядом.

Я подъехал к дому, вышел из машины и уже собрался постучать в дверь, когда ко мне торопливо подошел пожилой джентльмен с квадратным лицом и такой загорелый, будто он целую вечность торчал на солнце без зонтика.

– А вот и вы, – сказал он. – Надеюсь, я не заставил вас ждать. Играли в футбол, и я потерял счет времени. Входите, мой друг, прошу.

Стоит ли говорить, что такой радушный прием, оказанный человеку, пусть даже наделенному многими достоинствами, но совершенно незнакомому с хозяином, здорово согрел мое сердце. Мысленно отдавая дань глостерширскому гостеприимству, я последовал за хозяином через холл, щедро увешанный головами львов, леопардов, антилоп гну и других представителей фауны, в комнату с французскими окнами, выходящими в сад перед домом. Тут хозяин меня оставил, а сам отправился за напитками, предварительно поинтересовавшись, не желаю ли я промочить горло, на что я с большим энтузиазмом ответил утвердительно. Когда он вернулся, я изучал фотографии на стене. Мой взгляд остановился на одной из них, где была запечатлена школьная футбольная команда, и я без труда узнал хозяина в юном сорвиголове, сидящем в центре с мячом в руках.

– Вы? – спросил я.

– Я. В выпускном классе. В том году я стал капитаном нашей команды. А вот этот, рядом со мной, – это Коротышка Уиллоуби, отличный правый полузащитник, но так и не научился подавать обратный пас.

– Что вы говорите! – потрясенно сказал я. У меня не было ни малейшего представления, о чем он толкует, но услышанного оказалось достаточно, чтобы понять: этот Уиллоуби – сомнительная личность, и я не слишком удивился, когда хозяин дома сказал, что бедолага скончался от цирроза печени где-то в Федеральных штатах Малайи. Видимо, парни, которые не умеют подавать обратный пас, всегда плохо кончают.

– А справа от меня Миляга Тодд, пропфорвард.

– Неужели пропфорвард?

– И еще какой! Играл за Кембридж. Вам нравится раггер?

– По-моему, я с ним не знаком.

– Я говорю, футбол-регби.

– А-а-а, э-э, вообще-то я никогда им не увлекался.

– Неужели?!

– Никогда.

– Господи помилуй!

Я понял, что безвозвратно упал в его глазах, но он, как радушный хозяин дома, постарался побороть в себе отвращение, вызванное моим признанием.

– Я-то всегда был помешан на регби. Правда, после школы много играть не пришлось – меня послали в Западную Африку. Хотел было обучить игре в регби туземцев, но пришлось бросить эту затею. Слишком много покойников, а там всю процветает кровная месть. Теперь вот в отставке, обосновался здесь. Стараюсь сколотить в Хокли классную команду, лучшую в графстве. Надо отдать ребятам должное, они землю носом роют. Единственное, чего нам не хватает, так это хорошего пропфорварда, но пока никого не могу найти. Впрочем, вам, должно быть, неинтересно слушать об этом. Наверное, хотите порасспросить о бразильской экспедиции?

– О, так вы были в Бразилии?

Кажется, я, как это часто со мной случается, ляпнул что-то не то. Он удивленно

установился на меня:

– Разве вы не знали, что я был в Бразилии?

– К сожалению, нет. Мне никто ничего не рассказывал.

– Я-то думал, вас ввели в курс дела. Глупо посылать репортера, ничего ему заранее не объяснив.

Я со своей тонкой проницательностью сразу понял, что тут какая-то путаница.

– Вы ждали репортера?

– Разумеется, я ждал репортера. Разве вы не из «Дейли экспресс»?

– Нет, к сожалению.

– Я думал, вы пришли взять у меня интервью о моей экспедиции в Бразилию.

– О, значит, вы ученый?

Кажется, я снова что-то ляпнул. Он был явно задет:

– А кто же я, по-вашему? Разве имя Планк вам ничего не говорит?

– Так вы Планк?

– Разумеется.

– Подумать только, какое странное совпадение, – сказал я, крайне заинтригованный. –

Понимаете, я разыскиваю одного типа, которого тоже зовут Планк. Не вас, конечно, а кого-то другого. Тот, кто мне нужен, скорее всего простой парень, от сохи, сын у него моряк. Раз уж вы с ним однофамильцы, наверное, вам будет интересно послушать одну занятную историю. Взгляните-ка на эту безделушку, – сказал я, протягивая ему кикимору.

Он в изумлении воззрился на нее:

– Откуда она у вас? Это редкий образчик древнего туземного искусства, я приобрел ее в Конго, потом продал сэру Уоткину Бассету.

Я был поражен:

– Значит, это вы ему ее продали?

– Конечно, я.

– С ума сойти!

Меня разбирала бойскаутская гордость. Мне ужасно нравился этот Планк, и я был счастлив, что могу сделать для него доброе дело. Вот сейчас он растроганно воскликнет: «Благослови вас Бог, Бертрам Вустер!» Впервые я порадовался, что Стиффи поручила мне это дело.

– Тогда вот что я вам скажу, – начал я. – Дайте мне пять фунтов и...

Я осекся. Он смотрел на меня пристальным холодным взглядом, наверное, такой же взгляд он устремлял на ныне покойных львов, леопардов, антилоп гну и прочих, чьи останки красовались на стенах холла. Мне рассказывали у нас в «Трутнях», что точно так же смотрит Проссер Денежный Мешок, наш клубный миллионер, если кто-нибудь попробует попросить у него в долг пару-тройку монет, чтобы продержаться до будущей среды.

– Ах вот оно что! – сказал Планк с таким омерзением, что впору самому папаше Бассету. – Теперь я понял, что вы за птица. Где только таких не встретишь! Никаких пяти фунтов, любезнейший. Ни с места! Сейчас вызову полицию.

– В этом нет необходимости, сэра, – произнес почтительный голос, и через французское окно в комнату вошел Дживс.

При его появлении глаза у меня полезли на лоб, и я, по-моему, даже издал удивленный возглас. Вот уж кого никак не ожидал увидеть, так это Дживса, и при всем желании не мог взять в толк, как он здесь очутился. Иногда мне кажется, что он умеет дематериализоваться, как эти типы, что живут в Индии – факиры, что ли, – которые растворяются в воздухе где-нибудь в Бомбее, а через пять минут обнаруживаются в лучшем виде, скажем, в Калькутте или еще подальше.

Не мог я также уразуметь, как он догадался, что его господин попал в переделку и срочно нуждается в помощи, разве что прибег к телепатии, вроде бы так называется это явление. И вот он здесь – голова с сильно выступающим затылком, спокойный взгляд светится умом, – а как же иначе, ведь он столько рыбы поедает, – и я безмерно рад его появлению. По собственному опыту знаю, какой он непревзойденный маг в деле вытаскивания тех, кто ухитрился сесть в лужу, а я сейчас сидел в ней по самые уши.

– Майор Планк? – спросил Дживс.

Планк вылупил глаза:

– А вы кто такой, черт побери?

– Главный инспектор Уитерспун, сэр, Скотленд-Ярд. Этот человек пытался выманить у вас деньги?

– Да, именно этим он тут и занимался.

– Так я и предполагал. Мы давно за ним следим, но до сих пор не удавалось поймать его на месте преступления.

– Стало быть, он отъявленный жулик?

– Совершенно верно, сэр. Он известная личность в преступном мире, специализируется на выманивании денег. Обычно проникает в дом, рассказывает какую-нибудь правдоподобную небылицу и вымогает деньги.

– Видно, он и не на такое еще способен. Похоже, крадет вещи и пытается их продать. Взгляните на статуэтку, которая у него в руках. Я ее продал сэру Уоткину Бассету, который живет в Тотли-Тауэрсе. У этого типа хватило наглости явиться сюда и предложить ее мне за пять фунтов.

– Неужели, сэр? С вашего позволения, я конфискую указанный предмет искусства.

– В качестве вещественного доказательства?

– Совершенно верно, сэр. А теперь я доставлю этого субъекта в Тотли-Тауэрс для очной ставки с сэром Уоткином.

– Разумеется, действуйте. Его следует проучить. Вид у него жуликоватый. Я сразу заподозрил, что его разыскивает полиция. Давно вы следите за ним?

– Очень давно, сэр. В Скотленд-Ярде он известен под кличкой Тирольский Джо, потому что он не расстается с тирольской шляпой.

– Он и сейчас в ней пришел.

– Он без нее ни шагу.

– Неужели у него не хватает ума прибегнуть к самой примитивной маскировке?

– Видите ли, сэр, ход мысли подобных индивидуумов с трудом поддается логическому анализу.

– Так вы полагаете, что нет необходимости звонить в полицейский участок?

– Нет, сэр. Я возьму его под стражу.

– Хотите, я для верности стукну его по голове зулусской дубинкой?

– Это не обязательно, сэр.

– Все-таки надежнее.

– Благодарю вас, сэр. Уверен, он не окажет сопротивления.

– Ладно, поступайте, как считаете нужным. Но смотрите, чтобы не удрал.

– Приму все меры, сэр.

– Упрячьте его в сырой каземат, кишаший крысами.

– Слушаюсь, сэр.

От всех этих обратных пасов, пропфорвардов, невесть откуда взявшихся камердинеров, от безответственных разговоров о зулусских дубинках котелок Бертрама Вустера варил из рук вон плохо, так что обмен мнениями состоялся не раньше, чем мы с Дживсом достигли моего автомобиля, оставленного мною у подъездных ворот.

– Дживс, как вы сказали – главный инспектор?.. – спросил я, когда ко мне мало-помалу вернулся дар речи.

– Уитерспун, сэр.

– Почему Уитерспун? Хотя, с другой стороны – я люблю рассматривать предмет с обеих сторон, – почему бы и не Уитерспун? Впрочем, едва ли сейчас уместно останавливаться на этой проблеме, мы можем обсудить ее позднее. Насущный вопрос, суть, так сказать, дела, в котором надлежит разобраться незамедлительно, – это как, черт побери, вы здесь очутились?

– Я предвидел, что мое появление может оказаться для вас немного неожиданным, сэр. Я поспешил за вами немедленно, как только услышал о признании, которое сделал сэр Уоткин в разговоре с мисс Бинг. Я предполагал, что, беседуя с мистером Планком, вы можете попасть в неловкое положение, и надеялся, что успею перехватить вас, прежде чем вы вступите в общение с ним.

К сожалению, мне почти совсем не удалось проникнуть в смысл вышесказанного.

– Что еще за признание сэра Уоткина?

– Упомянутое признание было сделано в разговоре, состоявшемся сразу после обеда, сэр. Мисс Бинг мне сообщила, что хочет в последний раз воззвать к лучшим чувствам сэра Уоткина. Как известно, мисс Бинг принимает близко к сердцу историю, связанную со статуэткой из черного янтаря. Ей казалось, что имеет смысл хорошенько усювестить сэра Уоткина. К ее большому удивлению, едва она приступила к разговору, сэр Уоткин добродушно рассмеялся и спросил, умеет ли она хранить тайну. После чего признался, что в истории, которую он поведал мистеру Траверсу, нет ни слова правды и что на самом деле он заплатил майору Планку за упомянутый предмет искусства тысячу фунтов.

Прошло немало времени, прежде чем мне удалось понять, о чем он толкует.

– Тысячу соверенов?

– Да, сэр.

– Не пятерку?

– Нет, сэр.

– Вы хотите сказать, что он солгал дяде Тому?

– Да, сэр.

– Но какого черта?

«Сейчас скажет, что понятия не имеет, – подумал я. – Как бы не так!»

– Полагаю, побудительная причина очевидна, сэр.

– Только не для меня.

– Сэром Уоткином двигало желание вызвать зависть мистера Траверса. Мистер Траверс коллекционер, а любой коллекционер чувствует себя несчастным, когда узнает, что его собрат приобрел ценный objet d'art за незначительную сумму.

Наконец я врубился. Понял, о чем речь. Узнать, что Бассет отхватил тысячефунтовую вещицу за гроши, – это же для дяди Тома все равно что испить стакан желчи с полынью. Стиффи говорила, что на нем лица не было, и я этому охотно верю. Бедняга, наверное, чуть Богу душу не отдал.

– Дживс, вы попали в самую точку. Именно этого Бассет и добивался. Его хлебом не корми, только дай отравить жизнь дяде Тому. Ну и фрукт!

– Да, сэр.

– Дживс, а вы способны на такое?

– Нет, сэр.

– Я тоже. Видите, что значит быть мировым судьей, как пагубно это сказывается на нравственности? Помнится, еще сидя на скамье подсудимых, я заметил, как у него бегают глаза, и подумал, что такому человеку ни в чем нельзя верить. По-моему, все мировые судьи таковы.

– Возможны исключения, сэр.

– Сомневаюсь. Все как один бессовестные лгуны. Итак, я трудился... как это, Дживс?

– Втуне, сэр.

– В чем? Втуне? Звучит как-то странно, но, думаю, вы правы, Дживс... Да, жаль, что я ничего этого не знал, когда предстал перед Планком. Не подвергся бы таким ужасным испытаниям.

– Вполне понимаю, какое нервное потрясение вам пришлось пережить, сэр. К несчастью, у меня не было возможности добраться сюда раньше.

– Кстати, интересно, как вы добрались? Не пешком же.

– Нет, сэр. Я позаимствовал автомобиль у мисс Бинг. Оставил его, не доезжая досюда, остаток пути прошел пешком. Услышав голоса, я подошел к французскому окну и стал так, что позволило мне вмешаться в разговор в критический момент.

– Дживс, вы чрезвычайно находчивы.

– Благодарю вас, сэр.

– Мне бы хотелось выразить вам свою признательность. От души вас поблагодарить.

– Не за что, сэр. Всегда рад вам служить, сэр.

– Если бы не вы, Планк в два счета упрятал бы меня за решетку. Кстати, кто он такой?

По-моему, какой-то ученый.

– Да, сэр.

– И кажется, высокого полета.

– Без сомнения, сэр. Недавно вернулся из экспедиции в Бразилию. Этот дом унаследовал после смерти крестного отца. Разводит коккер-спаниелей, страдает от малярии, ест только обезжиренный белковый хлеб.

– Вы, кажется, выведали всю подноготную.

– Я навел справки в почтовом отделении, сэр. Старушка за прилавком оказалась весьма информированной особой. Я также узнал, что майор Планк большой поклонник футбола-регби, и он надеется создать в Хокли высокопрофессиональную команду.

– Да, он мне говорил. Кстати, Дживс, вы, случайно, не пропфорвард?

– Нет, сэр. Честно говоря, мне не известно, что этот термин означает.

– Мне тоже, за исключением того, что без этого типа ни одна футбольная команда не может одолеть противника, сколько ни старается. Как я понимаю, Планк днем с огнем его ищет, но, видно, тоже втуне. Очень грустно, как подумаешь. Куча денег, стада коккер-спаниелей, тонны обезжиренного белкового хлеба – и ни одного пропфорварда. Такова жизнь.

– Совершенно верно, сэр.

Я сел за руль и пригласил Дживса занять место в автомобиле.

– Хотя я совсем забыл, у вас же Стиффин автомобиль. Ну, тогда в путь. Чем скорее я передам кикимору на попечение Стиффи, тем лучше.

Нет, Дживс не покачал головой, потому что он никогда не качает головой, но предостерегающе поднял юго-восточный кончик брови.

– Прошу прощения, сэр, но позволю себе высказать предположение, что более целесообразно было бы, если бы означенный предмет вернул мисс Бинг я. Едва ли благоразумно будет с вашей стороны появиться в Тотли-Тауэрсе, имея при себе вышеупомянутую вещь. Вам может повстречаться его сиятельство... прошу прощения – мистер Спод.

Я оторопел:

– Неужели вы допускаете мысль, что он захочет меня обыскать?

– Полагаю, что это весьма вероятно, сэр. Судя по разговору, который я случайно слышал, мистер Спод ни перед чем не остановится. Если вы доверите мне упомянутый предмет, я позабочусь, чтобы мисс Бинг при первой же возможности возвратила его в коллекцию.

Я долго не раздумывал. Честно говоря, меня только порадовала возможность сбыть с рук ненавистную кикимору.

– Ладно, будь по-вашему. Вот, берите. Хотя, мне кажется, вы несправедливы к Споду.

– Боюсь, что нет, сэр.

И провалиться мне на этом месте, если он не оказался прав. Едва я въехал во двор, как некое плотное тело застило мне горизонт. Передо мной высился Спод. Он был как две капли воды похож на главного инспектора Уитерспуна, явившегося, чтобы накрыть вора с поличным.

– Вустер! – рявкнул он.

– Я слушаю, – сказал я.

– А ну выходите. Хочу обыскать ваш автомобиль.

Как я был благодарен Дживсу за его предусмотрительность! Я говорю о его сверхъестественном даре заглядывать в будущее и, исходя из увиденного, строить планы. Не распознай он вовремя грозящей мне опасности, я бы сейчас угодил как кур в ошип. А теперь я мог позволить себе держаться уверенно и небрежно. Как тот парень – Дживс как-то мне рассказывал, – который был так хорошо вооружен своей честностью, что любые угрозы были для него как слону дробина. Будь Спод пониже фута на три и не так широк в плечах, я бы, наверное, язвительно рассмеялся ему в лицо и даже, возможно, махнул у него перед носом моим батистовым носовым платком.

Итак, Спод вперил в меня пронизывающий взгляд, не подозревая, что еще солнце не успеет сесть, как он поймет, какого дурака свалял.

– Вашу комнату я уже обыскал.

– Правда? Весьма любопытно. Должно быть, что-то потеряли, а?

– Вам известно, что я искал. Янтарную статуэтку, про которую вы сказали, что ваш дядя был бы рад иметь такую.

– Ах это! Насколько я знаю, она находится в комнате, где хранится коллекция.

– Откуда вам это известно?

– Из хорошо информированного источника.

– Ну так теперь ее там нет. Кто-то украл.

– Надо же!

– Когда я говорю «кто-то», я имею в виду подлого, трусливого воришку по имени Вустер. В вашей спальне статуэтки нет, и если ее нет в автомобиле, значит, она у вас при себе. А ну-ка выверните карманы.

Я выполнил его требование, в основном под влиянием того бесспорного обстоятельства, что Спод был огромен. Будь на его месте карлик, не дождался бы он от меня такой покладистости. Когда я выложил содержимое моих карманов, он разочарованно фыркнул, будто я обманул его ожидания, и, нырнув в машину, принялся открывать все ящички и заглядывать под сиденья. Стиффи, как раз проходившая мимо, удивленно уставилась на обширное сподовское седалище.

– Что здесь происходит? – спросила она. На этот раз я действительно издевательски расхохотался. По-моему, весьма к месту.

– Помнишь, за обедом на столе стояла черная кикимора? Она, оказывается, пропала, и Спод вбил себе в голову нелепую мысль, что это я ее украл и держу... как это... в заточении, нет, скорее не в заточении, а... в заключении. Держу в заключении.

– Нет, правда?

– Он сам мне сказал.

– Вот осел!

Спод выпрямился, красный как рак. Я злорадно отметил про себя, что, заглядывая под сиденья, он испачкал нос машинным маслом. Он холодно взглянул на Стиффи:

– Ты, кажется, назвала меня ослом?

– Естественно. Мои гувернантки с пеленок мне внушали, что надо говорить правду. Обвинить Берти в воровстве – какая глупость!

– Вот и я говорю – глупость, – поддакнул я. – Даже, я бы сказал, чушь.

– Статуэтка на месте, в комнате, где хранится кол лекция.

– Ее там нет.

– Кто сказал?

– Я говорю.

– А я говорю, она там. Иди посмотри, если мне не веришь. Бартоломью, а ну, прекрати немедленно, скотина! – вдруг закричала Стиффи, круто переменяв тему нашей беседы, и сломя голову бросилась к своему любимцу, который, кажется, подцепил какую-то падаль и вовсю играл с нею. Ход Стиффиных мыслей был ясен. Даже когда скотч-терьер безупречно чист, от него пахнет отнюдь не фиалками. А если к этому природному благоуханию добавить аромат, например, дохлой крысы или чего-то подобного, получится букет, чересчур пикантный для человеческих ноздрей. Последовала короткая перепалка, и Бартоломью, который, само собой, бранился последними словами, был отбуксирован в направлении ванной комнаты.

Минуту-другую спустя вновь появился Спод. Спеси у него явно поубавилось.

– Кажется, я несправедливо обошелся с вами, Вустер, – сказал он так кротко, что я был просто поражен.

Вустеры отличаются великодушием. Вустеры не попирают побежденных железной пятой.

– О, значит, статуэтка на месте?

– Э-э... да. Да, на месте.

– Ну что же, бывает, любой может ошибиться.

– Я бы мог поклясться, что она исчезла.

– Но дверь-то заперта?

– Да.

– По-моему, такое случается только в детективных романах. Комната заперта, окон нет, и вдруг, нате пожалуйста, в одно прекрасное утро там находят миллионера, и из груди у него торчит кинжал восточного образца... Между прочим, у вас нос в машинном масле.

– О, в самом деле? – сказал он, хватаясь за нос.

– Теперь вы размазали его по щеке. На вашем месте я бы по примеру Бартоломью отправился в ванную.

– Так я и сделаю. Благодарю вас, Вустер.

– Не за что, Спод, вернее, Сидкап. И не жалейте мыла.

По-моему, ничто так не поднимает настроение, как созерцание сил тьмы, севших в калошу, и когда я шел к дому, на сердце у меня было легко и радостно. Будто гора с плеч свалилась. Птички распевали, насекомые жужжали. «Ура, ура! Бертрам выпутался!» – слышалось мне в их хоре.

Но я часто замечал, что стоит мне выпутаться из одной неприятности, как судьба тотчас подкрадывается ко мне и исподтишка подсовывает новую гадость, будто хочет полюбопытствовать, а нельзя ли еще чего-нибудь взвалить на Бертрама. Вот и теперь она сразу взялась за дело. «Нечего ему успокаиваться», – сказала судьба, поплевала на ладони и принялась строить мне козни, а именно – наслала Мадлен Бассет, которая приперла меня к стенке, когда я проходил через холл.

Меньше всего на свете мне хотелось с ней разговаривать; пребывай она в своей обычной слезливой меланхолии – куда ни шло, но сейчас она была сама не своя. От ее всегдашней томности не осталось и следа. Глаза метали молнии, от которых у меня сразу задрожали

поджилки. Она прямо-таки клокотала от гнева, и то, что готово было сорваться у нее с языка, явно не побудило бы последнего из Вустеров радостно аплодировать и петь осанну, подобно херувимам или серафимам, если я ничего не напутал. И правда, она тотчас же без всякой преамбулы – так, кажется, говорится – выложила все, что у нее накипело.

– Огастус привел меня в ярость! – выпалила она, и сердце у меня замерло, будто фантом Тотли-Тауэrsa, если таковой имеется, сдал его своей ледяной рукой.

– Почему? Что стряслось?

– Он оскорбил Родерика.

Невероятно. Оскорбить такую махину, как Спод, рискнул бы, пожалуй, только чемпион по боксу.

– Быть не может!

– Я хочу сказать, Огастус оскорбительно о нем отозвался. Сказал, что его тошнит от Родерика, что ему осточертело смотреть, как он тут расхаживает, будто у себя дома, и что, не будь папочка глуп, как бильярдный шар, он брал бы с Родерика квартирную плату. Огастус был отвратителен.

Тут сердце у меня замерло еще пуще прежнего. Не будет преувеличением сказать, что я так струхнул, что едва удержался на ногах. Вот что делает с человеком вегетарианская диета, подумал я, – в один миг из кроткого ягненка он превращается в разъяренного льва. Не сомневаюсь, что в тех кругах, где вращался поэт Шелли, тоже замечали, как пагубно влияет на него вегетарианская диета.

Я постарался успокоить бурю, бушующую в ее душе:

– Может, Огастус просто пошутил?

– Нет, он не шутил.

– А не было ли у него озорного блеска в глазах?

– Нет.

– И легкой усмешки не было?

– Нет.

– Может, ты просто не заметила. Не заметить легкую усмешку – обычное дело.

– Он говорил совершенно серьезно.

– В таком случае он, вероятно, испытал приступ – как бишь это называется? – маниакального возбуждения. С кем не случается!

Она заскрежетала зубами. Во всяком случае, мне явственно послышался скрежет.

– Ничего подобного. Он был груб и дерзок; он уже давно стал таким. Я еще в Бринкли это заметила. Как-то рано утром мы с ним гуляли по лужайке, и трава была подернута такой легкой-легкой пеленой тумана. Я ему и говорю: «Не кажется ли тебе, что он похож на свадебную фату, сотканную эльфом?» «Не кажется», – буркнул Огастус и добавил, что ничего глупее в жизни не слышал.

Слов нет, Гасси был прав на все сто – но разве это втолкуешь такой девице, как Мадлен Бассет?

– А вечером мы с ним любовались закатом, и я сказала, что он всегда наводит меня на мысль о Благословенной Деве, выглядывающей из-за золотого края небес, а он спрашивает: «О ком, о ком?» – я объясняю: «О Благословенной Деве», и тогда он сказал, что сроду ни о какой Благословенной Деве, выглядывающей с небес, не слышал и вообще его тошнит от закатов и Благословенных Дев и у него болит живот.

Я понял, что пробил час *raisonneur*'а.

– Это было в Бринкли?

– Да.

– Ясно. Значит, после того как ты посадила его на вегетарианскую диету. А ты уверена, – сказал я, *raisonneur*’ствуя что есть мочи, – что поступила разумно, ограничив Гасси шпинатом и прочей растительностью? Не один гордый дух восставал, когда его лишали протеинов. Не знаю, известно ли тебе, но научными исследованиями установлено, что идеальная диета – это такая диета, где сбалансировано количество мясной и растительной пищи. Человеческому организму требуются какие-то там кислоты.

Не скажу, что она откровенно фыркнула, однако изданный ею звук весьма напоминал фырканье.

– Какая чушь!

– Так говорят врачи.

– Какие врачи?

– Известные специалисты с Харли-стрит.

– Я им не верю. Тысячи людей сидят на вегетарианской диете, и у них отличное здоровье.

– Здоровое тело, да, – сказал я, ловко нащупав дискуссионную тему. – Но подумала ли ты о душе? Лиши человека бифштеков и отбивных – и неизвестно, что случится с его душой. Моя тетушка Агата однажды посадила дядюшку Перси на вегетарианскую диету, и у него сразу испортился характер. Правда, – я вынужден был это признать, – в известной мере характер у него уже был подпорчен, ибо постоянное общение с тетей Агатой ни для кого не проходит бесследно. Держу пари, что с Гасси случилось то же самое, вот увидишь. Баранья котлетка, от силы две – это все, что ему требуется.

– Ну нет, этого он не дождется. И если он и дальше будет себя вести как капризный ребенок, я знаю, что мне делать.

Помню, Растяпа Пинкер однажды рассказывал, что когда он оканчивал Оксфорд, то поехал в Бетнел-Грин нести свет истины, и какой-то уличный торговец дал ему ногой под дых. Пинкер говорил, что в тот момент у него странно помутилось в голове и перед глазами все поплыло, будто во сне. Вот и у меня после зловещих слов Мадлен Бассет тоже возникло такое же странное ощущение. Ее слова, выдавленные сквозь зубы, сразили меня наповал, будто увесистый сапог уличного торговца угодил мне прямо в солнечное сплетение.

– Э-э... и что же именно ты намерена сделать?

– Не имеет значения.

Я осторожно пустил пробный шар:

– Предположим... нет, вряд ли, конечно, это возможно, но... предположим, Гасси, доведенный диетой до отчаяния, накинется на... ну, скажем, например, на холодный пирог с телятиной и почками – какова будет развязка?

Вот уж не думал, что Мадлен может навывлет пронзить человека взглядом, но оказалось, может, и еще как. По-моему, она даже саму тетю Агату переплюнула.

– Берти, ты хочешь сказать, что Огастус ел пирог с телятиной и почками?

– Ни Боже мой! Это просто... ну, как это называется?

– Я тебя не понимаю.

– Как называются вопросы, которые на самом деле как бы и не вопросы? Начинается на «р»... А-а, вспомнил – риторические! Так вот, это был чисто риторический вопрос.

– Да? Тогда ответ таков: с той минуты, когда я узнаю, что Огастус поедает плоть в злобе

убиенных животных, между нами все кончено, – сказала она и отчалила, а я остался стоять с таким чувством, будто меня по стенке размазали.

Утро следующего дня выдалось яркое и прекрасное. По крайней мере мне так показалось. Сам я рассвета не видел, потому что погрузился в беспокойный сон всего за несколько часов до того, как упомянутый рассвет проклюнулся и принялся за дело, но когда дремотный туман немного рассеялся и я вновь обрел способность воспринимать окружающий мир, то увидел, что солнечный свет всюду просачивается сквозь ставни, а мое ухо различило щебетанье сотен пташек, ни одна из которых, не в пример мне, не ломала голову над проклятыми вопросами. Такая развеселая компания – а слушать горько, ибо меланхолия накрыла меня своим крылом, как выразился один поэт. Радостный птичий гомон и суэта только усиливали уныние, в которое я погрузился после того, как вчера мы с Мадлен Бассет дружески поболтали. Нетрудно себе представить, что ее *obiter dicta*^[145] – по моему, это именно так называется – сразило меня не хуже пули. Бесспорно, речь тут шла не о простой размолвке, которую можно уладить слезами и парой поцелуев, а о настоящей трещине через всю лютню. И я понимал: если не принять пожарных мер по соответствующим каналам, то лютня придет в полную негодность и замолчит раз и навсегда, подобно барабану, в котором образовалась дырка. А по каким каналам принимать эти самые пожарные меры – вот вопрос. У них с Гасси, как говорится, нашла коса на камень.

С одной стороны – Мадлен, решительно восстающая против поедания плоти, с другой – Гасси, который твердо вознамерился поедать всю плоть, подвернувшуюся ему под руку. Я спросил себя, что из этого может проистечь, и задрожал, представив себе свое будущее, но тут рядом возник Дживс с утренней чашкой чаю.

– Что? – сказал я с отсутствующим видом, глядя, как он ставит поднос на стол. Обычно Бертрам набрасывается на живительный напиток, как тюлень на рыбу, но сегодня он был, сами понимаете, чересчур озабочен. Или, если угодно, задумчив.

– Позвольте заметить, сэр, стоит прекрасная погода, весьма благоприятствующая устройству школьного праздника.

Я порывисто сел, опрокинув при этом чашку с ловкостью, достойной преподобного Г. П. Пинкера.

– Разве праздник состоится сегодня?

– Сегодня после полудня, сэр.

У меня вырвался глухой стон.

– Только этого еще не хватало, Дживс.

– Сэр?

– Последняя капля. У меня и так голова кругом идет.

– Вас что-то тревожит, сэр?

– Еще как тревожит. Можно сказать, основы сотрясаются и земля из-под ног уходит. Как это называется, когда две страны сначала заигрывают друг с другом, а потом поносят друг друга последними словами?

– Обычно такое состояние дел квалифицируется как «резкое ухудшение международной обстановки», сэр.

– В таком случае считайте, что у мисс Бассет и Гасси наступило резкое ухудшение международной обстановки. Он, как мы знаем, уже не первый день в дурном настроении, а теперь и она тоже. Ее оскорбило, когда он непочтительно отозвался о закатах. Она ведь

просто обожает закаты, а он возьми да ляпни, что его от них тошнит. Представляете?

– Весьма живо, сэр. Вчера вечером мистер Финк-Ноттл поделился со мной впечатлением, которое производит на него закат. Мистер Финк-Ноттл сообщил мне, что закат как две капли воды похож на бифштекс с кровью и что смотреть на него – сущая пытка. Чувства мистера Финк-Ноттла можно понять, сэр.

– Еще бы, но уж лучше бы он их не обнаруживал. И еще его угораздило упомянуть о Благословенной Деве без подобающего уважения. Кстати, Дживс, кто она такая, эта Благословенная Дева? Кажется, я никогда о ней прежде не слышал.

– Это героиня стихотворения покойного Данте Габриеля Россетти, сэр. Благословенная Дева выглядывает из-за золотого края небес.

– Да, об этом я уже осведомлен.

– «В глубине бездонной глаз отражается закат, держит лилии в руке, в волосах семь звезд горят».

– Неужели? А Гасси умудрился брякнуть, что его от нее тоже тошнит. Каково мисс Бассет это слышать? Уж лучше бы он ей на любимую мозоль наступил.

– Весьма тревожное известие, сэр.

– Вот именно. Если так и дальше пойдет, ни один букмекер не примет ставки меньше ста к восьми, что их помолвка продлится еще хоть одну неделю. Насмотрелся я в своей жизни на эти помолвки, и, уверяю вас, никакая из них не трещала по швам так стремительно, как помолвка Огастуса Финк-Ноттла и Мадлен, дочери сэра Уоткина Бассета и покойной леди Бассет. Дживс, эта опасная неопределенность просто ужасна. Как звали того типа – я о нем где-то читал, – у которого над головой на одном волоске висел меч?

– Дамокл, сэр, герой одного из древнегреческих мифов.

– Вот теперь я понимаю, что он чувствовал. И в таком состоянии я должен присутствовать на каком-то дурацком празднике. Не пойду.

– Ваше отсутствие может вызвать разные нежелательные кривотолки, сэр.

– А мне чихать. Ноги моей там не будет. Слияю по-тихому, и пусть толкуют, как хотят.

Кроме всего прочего, я хорошо помнил, как однажды вечером в «Трутнях» Понго Твистлтон рассказывал, какие страсти кипят на таких вот сборищах. Однажды в Сомерсетшире он угодил на школьный праздник, и там его втянули в игру, которая называется «Мистер Смит, вы тут?», причем ему на голову надели мешок и молодое поколение принялось тыкать в него палками. Представляете? Мы все прямо похолодели. А в таком местечке, как Тотли, где даже в обычные дни вам грозит опасность, можно ожидать кое-чего и похуже. Пару раз мне здесь попались на глаза уличные мальчишки, настоящие малолетние преступники. Я сразу понял, что их надо за версту обходить.

– Рвану на авто в Бринкли, пообедаю с дядей Томом. Надеюсь, вы со мной?

– Боюсь, это невозможно, сэр. Обещал помочь мистеру Баттерфилду с устройством чаепития в павильоне.

– Ладно. Потом расскажете мне, как прошел праздник.

– Непременно, сэр.

– Если останетесь живы.

– Совершенно верно, сэр.

Поездка в Бринкли оказалась легкой и приятной, и я успел как раз к обеду. Тети Далии в Бринкли не было, она, как и намечалось, укатила на денек в Лондон, и мы вдвоем с дядей Томом уселись за трапезу, плод вдохновения непревзойденного Анатоля. За supreme de foie

gras au champagne и neige aux perles des alpes^[146] я посвятил дядю Тома в историю статуэтки из черного янтаря, и его ликование, когда он узнал, что папаша Бассет заплатил за objet d'art не пятерку, а тысячу фунтов, было столь велико, а слова, сказанные им про папашу Б., так ласкали мое ухо, что к тому времени как я пустился в обратный путь, на душе у меня посветлело и мой неизменный оптимизм вернулся на свое место.

В конце концов, утешал я себя, не вечно же Гасси будет пребывать под бдительным оком Мадлен. Подойдет время, и он укатит в Лондон, где втайне от своей ненаглядной отведет душу, до отвала набив утробу бифштексами и свинными отбивными. И тогда к нему вернется прежняя влюбленность и пылкость, он снова примется писать ей нежные письма, и это занятие его увлечет, а там, глядишь, Мадлен позабудет свои завиральные вегетарианские идеи и займется чем-нибудь другим, например собиранием марок. Я знаю женщин, знаю их способность вечно терять голову. Вдруг ни с того ни с сего приходят в раж, но вскоре пресыщаются и отдаются новому увлечению. Моя тетушка Агата однажды вздумала заняться политикой, но достаточно ей было раз-другой посетить собрания, где идейные противники ее освистали, чтобы она поняла: гораздо разумнее сидеть дома за рукоделием и забыть про политику.

Близился час, как говорится, мирного заката, когда я бросил якорь в Тотли-Тауэрсе. Я, как всегда, украдкой пробрался к себе в комнату, и через несколько минут появился Дживс.

– Я видел, как вы приехали, сэр, – проговорил он, – и подумал, что, возможно, вы пожелаете промочить горло с дороги.

Я заверил Дживса, что интуиция его не подвела, и он сказал, что немедленно принесет мне виски с содовой.

– Надеюсь, мистер Траверс пребывает в добром здравии, сэр.

Я поспешил его успокоить:

– Когда я к нему нагрянул, он был немного не в духе, но, услышав новости про кикимору, расцвел как роза. Ругал папашу Бассета на чем свет стоит, жаль, что вы не слышали. Кстати, раз уж мы заговорили о Бассете, как прошел школьный праздник?

– Мне кажется, молодым людям он понравился.

– А вам?

– Сэр?

– С вами все в порядке? Вам не надевали на голову мешок и не тыкали в вас палками?

– Нет, сэр. Мое участие в празднике ограничилось тем, что я подавал гостям чай в павильоне.

– Не скажите, Дживс. В этих павильонах на школьных праздниках иногда случаются такие вещи, что не приведи Господь.

– Вы как в воду глядели, сэр. Именно за чаем один мальчик бросил в сэра Уоткина крутое яйцо.

– Попал?

– Да, в левую скулу, сэр. Крайне неприятный инцидент. Я бы, пожалуй, дал этому инциденту другую оценку.

– Ну почему же неприятный? По-моему, так приятнее ничего и быть не может. Я еще когда в первый раз увидел папашу Бассета в полицейском суде на Бошер-стрит, то, помнится, сказал себе, что вот человек, которого очень полезно было бы закидать крутыми яйцами. Одна из задержанных – леди, которая, хлебнув лишку, учинила беспорядок и оказала сопротивление полиции, – когда ей зачитали приговор, швырнула-таки в него туфлей, но

промазала, зато угодила по макушке судебному секретарю. Как зовут мальчика?

– Не могу сказать, сэр. Его деяния окутаны покровом анонимности.

– Жаль. Хотелось бы послать ему в награду верблюдов, груженных обезьянами, слоновой костью и павлинами. А Гасси вы там видели?

– Да, сэр. По настоянию мисс Бассет мистер Финк-Ноттл принял самое деятельное участие в торжествах, но с сожалением должен сообщить, что он подвергся довольно грубому обхождению со стороны юных участников праздника. Вдобавок к прочим злоключениям, постигшим его, какой-то ребенок сунул ему в волосы леденец на палочке.

– Должно быть, Гасси очень огорчился. Он так печется о своей прическе.

– Да, сэр, мистер Финк-Ноттл был сильно разгневан. Он отлепил леденец и с размаху отшвырнул его прочь, но, к несчастью, попал по носу скотч-терьеру, принадлежащему мисс Бинг. Животное, оскорбленное поступком, который оно, по-видимому, ошибочно расценило как немотивированное нападение, укусило мистера Финк-Ноттла за ногу.

– Бедный Гасси!

– Да, сэр.

– В любую жизнь приходят дни ненастья.

– Совершенно справедливо, сэр. С вашего разрешения, пойду принесу вам виски с содовой.

Едва он вышел, как явился Гасси, немного прихрамывающий, но не выказывающий больше никаких признаков того, что подвергся, по словам Дживса, тяжким испытаниям. Казалось, он выглядит даже гораздо лучше, чем обычно, и, помнится, в уме у меня промелькнуло известное выражение «бульдожья порода». Если Гасси являет собой пример силы духа и жизнеспособности молодого поколения англичан, то за будущее этой страны можно не волноваться. Не каждая нация рождает сынов, которые, будучи укушены скотч-терьерами, способны скрывать улыбкой свои страдания, как это делал сейчас на моих глазах Гасси.

– А, Берти, привет, привет! – сказал он. – Узнал от Дживса, что ты вернулся, и заглянул к тебе за сигаретами.

– Сделай милость.

– Благодарю, – сказал он, набивая портсигар. – Мы с Эмералд Стокер собираемся пойти погулять.

– Что-что?!

– Или покататься на лодке. Как она захочет.

– Но, Гасси...

– Да, пока не забыл. Тебя хочет видеть Пинкер. Сказал, что должен сообщить тебе нечто важное.

– Сейчас не до него. Тебе не следует гулять с Эмералд.

– Это еще почему?

– Но...

– Извини, у меня нет времени. Не хочу заставлять ее ждать. Пока.

Он ушел, а я погрузился в размышления, которые приятными не назовешь. Думаю, теперь уже ни у кого не осталось сомнений, что мое будущее целиком зависит от Огастуса Финк-Ноттла, от того, сумеет ли он удержаться на верном пути и не запятнать своей репутации. И я не мог не понимать, что, прогуливаясь с Эмералд Стокер, он решительно сворачивает с верного пути и марает свою репутацию. Во всяком случае, именно так должна

воспринять его поступок такая чувствительная девица, как Мадлен Бассет, тем более он уже достаточно раздражил ее своими кощунственными замечаниями насчет закатов и Благословенных Дев. Не будет преувеличением сказать, что, когда Дживс вернулся, неся виски с содовой, меня всего била мелкая дрожь.

Мне хотелось все ему рассказать, но, как я уже говорил, есть темы, которые мы не обсуждаем, поэтому я осушил утешительную чашу и сообщил Дживсу, что у меня был с визитом Гасси.

– Сказал, что Растяпа Пинкер зачем-то хочет меня видеть.

– Вероятно, мистер Пинкер желает рассказать об инциденте с сэром Уоткином и крутым яйцом, сэр.

– Неужели это Растяпа запустил в него яйцо?

– Нет, сэр, полагают, что злоумышленник – юнец лет десяти-одиннадцати. Однако необдуманый поступок этого юного воспитанника школы повлек за собой весьма печальные последствия. Он заставил сэра Уоткина усомниться, разумно ли доверить приход викарию, который оказался неспособен обеспечить порядок на школьном празднике. Мисс Бинг, сообщившая мне об этом, казалась очень огорченной. Она полагала – я цитирую ее выражение, – что дело в шляпе, и теперь, естественно, крайне обеспокоена.

Я осушил стакан и мрачно закурил сигарету. Если Тотли-Тауэрс поставил себе целью сделать из меня пессимиста, то он вполне в этом преуспел.

– Над этим домом тяготеет проклятие, Дживс. Куда ни кинь взгляд – везде увядшие мечты и разбитые надежды. Вероятно, тут что-то такое в воздухе. Чем скорее мы отсюда уберемся, тем лучше. А что, если нам...

Я хотел сказать: «Улизнуть прямо сейчас», – но тут дверь распахнулась, в комнату ворвался Спод, и слова замерли у меня на губах, а брови одна за другой полезли вверх. Меня возмущала эта его привычка выскакивать как черт из табакерки в самый неожиданный момент. Жаль, что я ничего не успел придумать, не то бы непременно отпустил какую-нибудь колкость. А так пришлось как ни в чем не бывало сказать тоном учтивого хозяина:

– А, Спод, заходите, берите парочку стульев, присаживайтесь!

Я собирался сообщить ему также, что Вустеры держат открытый дом, но он меня нахально перебил, как это принято у человекообразных невеж. Может быть, за Родериком Сподом и водятся какие-то достоинства, хотя мне лично никогда не удавалось их обнаружить, но даже самый горячий его почитатель затруднился бы назвать его любезным.

– Финк-Ноттла видели? – спросил он.

Мне не понравился его тон, и вид его мне тоже не понравился. Губы подергиваются, глаза мечут молнии. Ежу ясно, что, разыскивая Гасси, он руководствовался отнюдь не дружеским расположением, поэтому я немного подретушировал правду, как сделал бы на моем месте любой благоразумный человек:

– К сожалению, нет. Я только что вернулся из Вустершира, от дяди. Неотложные семейные дела потребовали моего присутствия, и я не был на школьном празднике, как это ни прискорбно. Невосполнимая потеря! Дживс, вы не видели Гасси?

Дживс не отвечал, возможно, потому, что его здесь не было. Когда господин принимает важных гостей, он обычно незаметно исчезает. Просто испаряется, и все.

– У вас важное дело к Финк-Ноттлу?

– Хочу свернуть ему шею.

Брови у меня, вернувшись было в нормальную позицию, снова полезли кверху, и, если не ошибаюсь, я еще и губы поджал.

– Но послушайте, Спод! Вам не кажется, что это уж слишком? Недавно вы вынашивали идею свернуть шею мне. Думаю, вам стоило бы последить за собой в смысле мании сворачивания шей и подвергнуть строгой проверке свои побуждения, пока они не взяли над вами власть. Видимо, вы уверены, что можете их побороть, – но разве не существует опасности привыкания? Почему вы хотите свернуть Гасси шею?

В ответ он только заскрежетал зубами, во всяком случае, мне послышалось, что скрежет был зубовный. Потом, понизив голос, хотя никто не мог нас слышать, сказал:

– Вустер, я могу говорить с вами откровенно, потому что вы тоже ее любите.

– А? Кто? – спросил я. Наверное, следовало сказать: «Кого?» – но я как-то не сообразил.

– Разумеется, Мадлен.

– Мадлен?

– Я вам уже говорил, я всегда ее любил, и мне дорого ее счастье. Оно для меня все. Чтобы доставить ей минутное удовольствие, я готов разрезать себя на кусочки.

Сказать честно, в суть я пока не врубился, но не успел я задать уточняющий вопрос, правда ли, что девушкам доставляет удовольствие, когда человек режет себя на кусочки, он снова заговорил:

– Когда она обручилась с этим типом, с Финк-Ноттлом, я пережил страшный шок, но я смирился, так как думал, что она будет счастлива с ним. Сраженный насмерть, я хранил молчание.

– Редкостное благородство.

– Не проронил ни слова, чтобы она не заподозрила, что я чувствую.

– Высший класс!

– Мне было достаточно того, что она счастлива. Ничто больше не имело значения. Но когда оказалось, что Финк-Ноттл грязный развратник...

– Кто? Гасси?! – сказал я не веря своим ушам. – Уж кто-кто, только не он. Он невинен, как новорожденный агнец, даже еще невиннее, я думаю. С чего вы взяли, что Гасси грязный развратник?

– С того, что десять минут назад я видел, как он целуется с поварихой, – проговорил

Спод сквозь зубы, заскрежетал ими – на этот раз я хорошо расслышал скрежет – и выскочил из комнаты.

Не могу сказать, долго ли я оставался недвижим, как кукла чревовещателя, чей чревовещатель ушел в трактир пропустить стаканчик. Вероятно, не слишком долго, ибо, когда жизнь вернулась в мое онемевшее тело и я устремился в открытое пространство, чтобы найти Гасси и предупредить его, что к нему приближается тайфун, Спод еще находился в пределах видимости. Он двигался на северо-северо-восток, поэтому, не желая с ним общаться, пока он пребывает в таком, мягко говоря, не радужном расположении духа, я дунул на юго-юго-запад и скоро обнаружил, что поступил весьма проницательно, проложив свой курс именно в этом направлении. Передо мной тянулась тисовая, а может, рододендроновая или какая-то еще аллея, и, влетев в нее, я увидел Гасси. Он стоял вроде как в трансе, вместо того чтобы удирать со всех ног, подобно кролику, и эта его непроходимая тупость так меня разозлила, что я заорал «Эй!» изо всей мочи.

Он обернулся, и, подбежав к нему, я заметил, что он выглядит даже еще лучше, чем когда я видел его в последний раз. Глаза за стеклами очков в роговой оправе блестели, на губах играла улыбка. Он был похож на рыбу, которая только что узнала, что ее богатый австралийский дядюшка испустил дух и оставил ей кучу денег.

– Ах, Берти, – сказал он, – мы решили, что лучше погулять, чем кататься на лодке. Мы подумали, что на воде, наверное, будет немного свежо. Берти, какой прекрасный вечер, правда?

Тут я не мог с ним согласиться.

– По-твоему, прекрасный? Ну уж это едва ли.

Он удивился:

– Чем же он тебе не нравится?

– Сейчас объясню чем. Что это такое я слышал о тебе и Эмералд Стокер? Ты ее целовал?

Физиономия у Гасси стала еще благостней, и он, к моему негодованию, расплылся в самодовольной ухмылке:

– Да, Берти, целовал и буду целовать, пусть даже ценою жизни. Берти, какая это девушка! Добрая, милая. По-моему, она идеал женственности, такую в наше время днем с огнем не сыщешь. Когда я к тебе забежал, у меня не было времени рассказать, что случилось на школьном празднике.

– Дживс мне говорил. Тебя укусил Бартоломью.

– Да, правда. Эта скотина прокусила мне ногу до кости. И знаешь, что сделала Эмералд Стокер? Она ворковала надо мной, как любящая мать, но этого мало – она промыла и перевязала мою покалеченную ногу. Она милосердный ангел, вторая Флоренс Найтингейл. После того как она перевязала мне рану, я ее поцеловал.

– Послушай, ты не должен был этого делать.

Он снова выказал все признаки удивления и сообщил мне, что, поцеловав Эмералд Стокер, поступил совершенно правильно.

– Но ты помолвлен с Мадлен.

Говоря это, я надеялся, что его совесть заработает на полную катушку, но, видно, механизм дал сбой, потому что Гасси остался холоден и равнодушен – ни дать ни взять мороженный палтус.

– А-а, ну да, Мадлен, – сказал он. – Я как раз собирался коснуться этой темы. Хочешь,

скажу, в чем беда Мадлен Бассет? У нее нет сердца. В этом вся загвоздка. Смотреть на нее приятно, но тут у нее ничего нет. – Гасси похлопал себя по левой стороне груди. – Знаешь, как она отнеслась к моему ранению? Она приняла сторону этой твари Бартоломью. Сказала, что я сам виноват, не надо было его дразнить. В общем, обошлась со мной коварно и подло, не то что Эмералд Стокер. Знаешь, что сделала Эмералд?

– Ты мне уже рассказал.

– В смысле, кроме того, что перевязала мне рану? Пошла на кухню и приготовила сэндвичи. Вот они, – сказал Гасси, доставая большой пакет и благоговейно его разглядывая. – Ветчина, – трепетно добавил он. – Она их приготовила для меня собственными руками. Эта чуткость даже еще больше, чем ее божественная доброта, убеждает меня в том, что она для меня – единственная девушка на свете. Пелена спала с моих глаз, и я понял, что мое чувство к Мадлен – всего лишь юношеское увлечение. Эмералд Стокер я полюбил по-настоящему. По моему мнению, таких, как она, больше на свете не существует, и я был бы тебе очень признателен, Берти, если бы ты перестал твердить всем и каждому, будто она похожа на китайского мопса.

– Но, Гасси...

Он перебил меня, повелительно взмахнув пакетом с сэндвичами:

– Бессмысленно повторять: «Но, Гасси». Твоя беда, Берти, что ты не имеешь понятия о настоящей любви. Ты вроде бабочки, порхающей с цветка на цветок, впрочем, как и Фредди Виджен и другие придурки, которых в «Трутнях» пруд пруди. Девушка для тебя – не более чем игрушка от нечего делать. А великая страсть тебе недоступна. А я совсем другой. У меня глубокие чувства. Я из тех, кто женится.

– Но ты не можешь жениться на Эмералд Стокер.

– Почему? Мы родные души.

Мне пришла было в голову мысль нарисовать ему словесный портрет старика Стокера, чтобы он знал, какого тестя он отхватит, если осуществится его намерение, но потом раздумал. Здравый смысл мне подсказал, что человека, перед которым столько времени в качестве будущего тестя маячил папаша Бассет, таким доводом не проймешь. Как бы я ни расписывал Стокера, он все равно покажется Гасси меньшим из зол.

Я стоял как потерянный, не зная, что делать, и продолжал бы стоять, но тут вдруг слышу, меня кто-то окликает. Оглядываюсь – и вижу Растяпу Пинкера и Стиффи. Они махали мне руками и какими-то предметами. Я сразу догадался, что им не терпится обсудить происшествие с сэром Уоткином Бассетом и крутым яйцом.

В эту минуту их вмешательство было мне совсем некстати, ибо все мои силы были сосредоточены на урезонивании Гасси и наставлении его на путь истинный, но всем известно – Бертрам Вустер забывает о себе, когда к нему обращается попавший в беду друг. Бертрам готов пожертвовать собой, лишь бы помочь бедствующему другу. И я поспешил к Стиффи и Растяпе Пинкеру, бросив Гасси через плечо, что вернусь при первой возможности и мы продолжим обсуждение вопроса.

– Давайте покороче, – сказал я. – У меня важный разговор. Долго рассказывать, но, поверьте, ситуация слишком серьезная. У вас, по словам Дживса, тоже. Насколько я понял, надежд на получение прихода мало. У папаши Бассета, как всегда, семь пятниц на неделе и «нет, не решаюсь» снова одерживает верх. Большая неудача.

– Конечно, сэра Уоткина тоже можно понять, – сказал Растяпа, которого если и стоило в чем-то упрекнуть, кроме того, что он вечно налетает на мебель, так это в том, что он

слишком терпим ко всяким подонкам. – Он считает, что если бы я более настойчиво внедрял в сознание учеников воскресной школы разницу между добром и злом, то в него бы не бросили крутое яйцо.

– Все равно бросили бы, – сказала Стиффи.

И я с ней согласился. Сколько ни читай воскресных лекций, подрастающее поколение не отучишь кидать крутые яйца в сэра Уоткина Бассета.

– Но разве я могу тут чем-нибудь помочь? – спросил я.

– Можешь, – сказала Стиффи. – Мы надеемся как-то задобрить дядю Уоткина. Но сначала надо успокоить его нервную систему, и мы хотим тебя просить, Берти, не мозолить ему глаза, пока он не остынет. Держись от него подальше. Один твой вид выводит его из себя.

– Меня тоже его вид выводит из себя, – находчиво парировал я. Этот разговор ужасно меня разозлил. Вот еще, думал я, делать мне больше нечего, как якшаться с экс-судьями. – Разумеется, я буду его избегать. С большим удовольствием. Это все?

– Все.

– Тогда пойду к Гасси, – сказал я и направился прочь, но тут Стиффи вдруг вскрикнула:

– Гасси! Совсем из головы вон! Я же хотела ему кое-что сказать, это для него крайне важно. Не знаю, как я могла забыть. Гасси! – завопила она.

Он встрепенулся, как бы выходя из блаженного оцепенения, моргнул и двинулся к нам.

– Почему ты ошиваешься здесь, Гасси?

– Кто, я? Мы тут с Берти обсуждали один вопрос, и он сказал, что скоро вернется и мы продолжим нашу беседу.

– Послушай, у тебя нет времени беседовать с Берти.

– Как?

– И спрашивать «как?» у тебя тоже нет времени. Я только что встретила Родерика, он меня спросил, не знаю ли я, где ты. Он хочет разорвать тебя на мелкие кусочки, потому что видел, как ты целуешься с поварихой.

У Гасси с глухим стуком отвалилась челюсть.

– Почему ты мне этого не сказал? – с упреком адресовался он ко мне.

– Прости, упустил из виду. Но это правда, тебе лучше убраться отсюда подобру-поздорову. Улепетывай без оглядки, вот мой тебе совет.

И Гасси ему последовал. Он рванул с места в карьер, как сказал кто-то там, быстрее пули, выпущенной из ружья, и показал бы блестящий результат, если бы не пришел в лобовое столкновение со Сподом, который как раз в этот миг вывернул слева.

Если даже такой щуплый малый, как Гасси, вдруг врежется вам в диафрагму, вы придете в сильное замешательство. Могу лично засвидетельствовать, потому что в мою бытность в Нью-Йорке со мной случилось нечто подобное. Вашингтон-сквер кишмя кишит грустноглазыми итальянскими детишками, снующими туда-сюда на роликовых коньках, и вот один из них, летевший опрорхотью с опущенной головой и скоростью сто миль в час, протаранил меня в районе третьей пуговицы жилета. Я испытал странное обморочное ощущение, с которым, вероятно, теперь познакомился и Спод. Он выдохнул воздух, издав при этом громкое «Хо!», и покачнулся, как дуб под топором дровосека. К несчастью, Гасси тоже покачнулся, тем самым дав Споду время выровнять киль и перегруппировать силы. Простерши окорокоподобную десницу, он схватил Гасси за шиворот и сказал: «Ха!»

Чрезвычайно трудно дать правильный ответ, когда тебе говорят «Ха!» – в этом смысле «Ха!» и «Эй ты!» похожи между собой, – но Гасси был избавлен от необходимости искать подходящий ответ тем обстоятельством, что Спод принялся его трясти, как коктейль в стакане, лишая тем самым дара речи. Очки его упали неподалеку от меня. Я их поднял в надежде, что они ему еще, может быть, когда-нибудь пригодятся, хотя, подумал я, вряд ли это случится в ближайшее время.

Раз уж этот самый Финк-Ноттл, как я уже упоминал, был мой друг детства, с которым мне не раз приходилось делить последнюю шоколадку, и раз уж я видел, что если не вмешаться, то ему грозит опасность превратиться в нечто вроде винегрета или хаша, то, естественно, мне в голову пришла мысль предпринять какие-то шаги, чтобы положить конец этой безобразной сцене. Вопрос, подлежащий рассмотрению, заключался в следующем – какие именно шаги следует предпринять? Моего тоннажа явно не хватало, чтобы сойтись со Сподом в рукопашном бою, и я принялся обмозговывать мысль, а не шархнуть ли его сзади бревном по голове. Однако этот проект пришлось отклонить, поскольку бревен в наличии не наблюдалось. Эти тисовые – а может, рододендроновые – аллеи в изобилии снабжены ветками и опавшими листьями, но там нет и намека на бревно, которое можно использовать в качестве орудия нападения. И только я подумал, что проблему, видимо, можно решить, если прыгнуть Споду на спину и сдавить ему горло, как Стиффи крикнула: «Гарольд!»

Я понял, что она затеяла. Гасси не принадлежал к числу ее близких друзей, но у этой юной проказницы было доброе сердце, и если выдавался случай спасти жизнь человека, она его не упускала. Поэтому она воззвала к Растяпе, чтобы он вступился и вызволил Гасси. Достаточно было взглянуть на преподобного Пинкера, чтобы понять, что он пребывает в полной растерянности. Не представляя, с какого бока взяться за дело, он задумчиво потирал подбородок и был похож на ту самую кошку в пословице.

Я понимал, что его удерживает. Не это... как его? вертится на языке... Вспомнил – малодушие, то есть когда парень просто-напросто трусит. Так вот, я хотел сказать, что не малодушие удерживало Растяпу Пинкера. Думаю, и львы могли бы у него поучиться храбрости, заочно, а повстречай он Спода на футбольном поле, он без колебаний прыгнул бы ему на спину и завязал ему шею двойным морским узлом. Беда в том, что он был викарий, а церковное начальство косо смотрит на викариев, которые сворачивают шеи своим прихожанам. Вздуйте хорошенько свое духовное чадо – и вам крышка. Словом, преподобного Пинкера раздирали сомнения, и в конце концов он обратился к Споду,

призывая его умерить свой пыл.

– Но-но, послушайте, знаете ли! Что? – промямлил он.

Я мог бы сказать Растяпе, что он взялся за дело не с того конца. Когда такая горилла, как Спод, входит в раж, увещевания малоэффективны. Видимо, сообразив это, преподобный отец приблизился к Споду, который тем временем старался придушить Гасси, и положил руку ему на плечо. Увидев, что и это не дает ощутимых результатов, Растяпа потянул на себя. Раздался хруст, и рука Спода разжалась.

Не знаю, приходилось ли вам оттаскивать снежного гималайского барса от его жертвы – скорее всего нет, ибо большая часть человечества редко бывает в Гималаях, – но если когда-нибудь придется, то не ждите со стороны животного ничего, кроме негодования. Выяснилось, что Спод не уступает снежному гималайскому барсу. Разгневанный непростительным, как ему показалось, вмешательством в его личные дела, он двинул преподобного отца по носу, и все сомнения, которые до сих пор терзали Растяпу Пинкера, исчезли в одно мгновение.

По-моему, если существует на свете способ заставить человека забыть, что он посвящен в духовный сан, то это съездить ему хорошенько кулаком по носу. Еще минуту назад Растяпа опасался, что церковное начальство его не одобрит, но теперь, насколько я понял, он сказал себе: «К черту церковное начальство!» или, может быть, что-то более подходящее для викария вроде «Пусть они все подавятся!»

Глядя на это первоклассное представление, я наконец-то понял, что означает выражение «воинствующая церковь». К моему глубокому сожалению, зрелище продолжалось недолго. Спод был исполнен волей к победе, но Растяпа владел научным методом. Недаром он украшал собою университетскую сборную по боксу, не говоря уж о сборной по футболу. Короткая потасовка – и Спод растянулся на земле без признаков жизни, как утопленник, проведший в воде несколько суток. Левый глаз у него сразу затек, и рефери, наверное, мог бы досчитать над ним до ста, так и не дождавшись отклика.

– Молодчина! – удовлетворенно бросила Стиффи и спешно увела Растяпу Пинкера, видимо, для того, чтобы омыть ему лицо и остановить хлеставшую у него из носа кровь. Я протянул Гасси очки, и он принялся машинально крутить их в руках. Похоже, он все еще пребывал в состоянии транса, и тогда я выдвинул предложение, по-моему, для него небезынтересное:

– Не подумай, что я настаиваю, Гасси, но не лучше ли будет тебе убраться отсюда подальше, пока Спод не очухался? Мне почему-то кажется, что когда он придет в себя, у него будет плохое настроение.

Ну и скорость же мы с ним развили! Не успели последние слова сорваться у меня с губ, как мы с ним уже были в конце тисовой, а может, рододендроновой аллеи, как ее ни назови, и еще некоторое время мчались, но потом все-таки перешли на шаг, и Гасси смог наконец высказаться.

– Ну и натерпелся я страху, Берти, – сказал он.

– Да уж, что и говорить, – согласился я.

– У меня перед глазами пронеслась вся моя жизнь.

– Странно. Ты же не тонул.

– Не тонул, но, по-моему, принцип тот же. Слушай, я так благодарен Пинкеру за то, что он вмешался. Славный он малый.

– Таких поискать.

– Чего не хватает современной церкви, так это викариев, которые способны в случае необходимости задать хорошую трепку нахалам вроде Спода. Когда рядом с тобой такой парень, как преподобный Пинкер, чувствуешь себя в полной безопасности.

Я указал ему на обстоятельство, которое он упустил из виду:

– Но он не может всегда находиться рядом. У него и детская воскресная школа, и собрание матерей, и еще куча всяких дел. А Спод, не забудь, хоть и повержен, но скоро восстанет.

У Гасси отвисла челюсть.

– Совсем забыл.

– Послушай моего совета – исчезни на время, уйди в подполье. Стиффи одолжит тебе свой автомобиль.

– Наверное, ты прав, – сказал он и добавил что-то, как мне показалось, довольно обидное об устах младенцев. – Уеду сегодня же вечером.

– Не прощаясь.

– Конечно, не прощаясь. Нет, не туда, давай свернем налево. Хочу зайти в огород при кухне. Я обещал Эм, что приду к ней туда.

– Кому? Кому обещал?

– Эмералд Стокер. А кому же еще? Ей надо нарвать фасоли и прочей зелени к обеду.

И правда, Эмералд Стокер была в огороде. Она расхаживала с большой миской в руках, занятая своими домашними делами.

– Эм, я пришел с Берти, – сказал Гасси.

Она круто повернулась, уронив несколько фасолин.

Я с беспокойством заметил, как просветлело все ее лицо до последней веснушки, когда она увидела Гасси. Будто перед ней возникло прекрасное видение, а не тщедушный очкарик. Ко мне она не проявила никакого интереса, только бросила коротко: «Привет, Берти». Все ее внимание было приковано к Гасси. Она оглядывала его, как мать оглядывает любимое дитя, заявившееся домой после драки с соседскими мальчишками. До этой минуты я по понятным причинам не замечал, в каком виде Гасси вырвался из рук Спода. Его словно пропустили через машинку для выжимания белья.

– Что... что ты с собой сделал? – проговорила она. – У тебя такой вид, будто по тебе грузовик проехал.

– Еще бы, – сказал я, – он выяснял отношения со Сподом.

– Спод? Это который? Человекообразная горилла?

– Он самый.

– И что же случилось?

– Спод чуть душу из него не вытряс.

– Ах ты бедный ягненок, – сказала Эмералд, адресуясь, естественно, к Гасси, а не ко мне. – Черт возьми! Попался бы он мне сейчас, я бы его проучила!

По странному стечению обстоятельств ее желание сбылось. Послышался оглушительный треск и топот, будто стадо гиппопотамов продиралось к реке сквозь тростниковые заросли, и я узрел Спода, приближающегося со скоростью нескольких узлов с явным намерением немедленно возобновить процесс вытряхивания души из Гасси, прерванный Пинкером и, очевидно, зарегистрированный сознанием Спода под рубрикой «Неоконченные срочные дела». Предсказав, что поверженное чудовище скоро восстанет, я как в воду глядел.

Похоже, вновь прибывший целиком и полностью заимствовал военное искусство у ассирийцев, которые, как мы знаем из близких к ним источников, ворвавшись, будто волк в овчарню, когортою пурпурно-золотой, отчаянно кидались в бой. Голову даю на отсечение, явись Спод к ним в лагерь, они бы тотчас признали в нем своего и приняли с распростертыми объятиями, устлав его путь красной ковровой дорожкой.

Но в одном у ассирийцев было перед Сподом неоспоримое преимущество – в овчарне их не поджидала крепкая спортивная барышня, исполненная материнской заботой о своем подопечном и вооруженная тяжелой фаянсовой миской. Когда Спод схватил Гасси и принялся по уже отработанной методике трясти его, миска опустилась ему на голову со звуком, который одни называли бы глухим, а другие – ужасно неприятным. Миска разлетелась вдребезги, но свое назначение выполнила. Поскольку силы Спода были, безусловно, несколько подорваны недавним столкновением с преподобным Г. П. Пинкером, он рухнул, как сосенка, топором подрубленная, и остался мирно лежать, где упал. Помнится, я тогда подумал, что этот не самый счастливый день в его жизни, бесспорно, весьма поучителен, ибо если ты гнида – а Спод, разумеется, гнида со дня своего рождения, – то рано или поздно возмездие тебя настигнет. Как сказал однажды Дживс, жернова Господа Бога мелют медленно, но зато чрезвычайно мелко – в общем, смысл такой.

Некоторое время Эмералд Стокер стояла, созерцая дело своих рук, с улыбкой удовлетворения на лице, и я ее не осуждал за самодовольство, ведь она, несомненно, показала в этой борьбе высокий класс. Но вдруг вскрикнув: «Ах ты Господи!» – она скрылась, как испугнутая во время купания нимфа. Минуту спустя я понял, почему она так торопилась. К месту событий приближалась Мадлен Бассет – а какой поварихе захочется объяснять хозяйке, почему она нахлобучивает фаянсовые миски на головы хозяйкиных гостей.

Мадлен остановила взгляд на останках, и глаза у нее увеличились до размера мячиков для гольфа. Она так посмотрела на Гасси, будто перед ней стоял довольно несимпатичный серийный убийца.

– Что ты сделал с Родериком? – спросила она.

– А? – сказал Гасси.

– Я говорю, что ты сделал с Родериком?

Гасси поправил очки и пожал плечами:

– Я? Просто немного наказал его. Он сам виноват. Можно сказать, напросился, и мне пришлось дать ему урок.

– Ты негодай!

– Ничего подобного. Он мог бы убраться вон, нетрудно было сообразить, что его ждет, раз я снял очки. Когда я снимаю очки, каждый знает, что надо бежать, спасая жизнь.

– Ненавижу тебя! Ненавижу! – вскричала Мадлен.

Честно говоря, я думал, что эту реплику можно услышать разве что во втором акте мелодрамы.

– Неужели? – поинтересовался Гасси.

– Да! Ненавижу! Ты мне отвратителен!

– В таком случае, – сказал Гасси, – я немедленно съем сэндвич с ветчиной.

И он так смачно впился зубами в мясо, что меня передернуло, а Мадлен пронзительно завизжала:

– Это конец!

Тоже фраза, которую не часто услышишь.

Когда чувства бывших возлюбленных накаляются до такой степени, стороннему наблюдателю разумнее всего бесшумно удалиться, что я и проделал. На подъездной аллее мне повстречался Дживс в Стиффином автомобиле. Рядом с видом шотландского проповедника, негодующего на грехи наши, восседал пес Бартоломью.

– Добрый вечер, сэр, – сказал Дживс. – Вот возил парнишку к ветеринару. Мисс Бинг тревожилась из-за того, что он укусил мистера Финк-Ноттла. А вдруг у животного какая-нибудь заразная болезнь? Рад сообщить, что доктор нашел его безусловно здоровым.

– Дживс, я должен вам ужасную поведать повесть.

– Неужели, сэр?

– Лютня нема, – сказал я, чтобы сразу ввести его в курс дела. Когда я кончил свой рассказ, он согласился с тем, что положение вещей вселяет сильную тревогу.

– Боюсь, что ничего уже нельзя сделать, сэр.

В глазах у меня помутилось. Я привык к тому, что Дживс решает все проблемы, даже самые щекотливые, и его признание меня просто подкосило.

– Вы в растерянности?

– Да, сэр.

– В тупике?

– Совершенно верно, сэр. Возможно, в дальнейшем я буду в состоянии предложить соответствующий план действий, дабы поправить сложившееся положение, однако в данный момент с огорчением должен констатировать, что в голову мне ничего не приходит. Весьма сожалею, сэр.

Я пожал плечами. На душе у меня кошки скребли, но я сохранял мужество.

– Ничего, Дживс. Не ваша вина, что вы не можете найти выход. Поезжайте, Дживс, – сказал я, и он стронулся с места. Бартоломью на прощание взглянул на меня с высокомерным неодобрением, будто хотел спросить, позаботился ли я о спасении своей души.

Я побрел в свою комнату, единственное место в этом ужасном доме, где можно отчасти обрести хоть что-то похожее на мир и покой. Вулканическая жизнь, кипевшая в Тотли-Тауэрсе, совсем меня доконала, и мне хотелось побыть одному.

Должно быть, я провел в покое и мире около получаса, прикидывая, нельзя ли как-нибудь поправить мое бедственное положение, когда из вихря эмоций – так выразился однажды Дживс, – владевших мной, выявилась одна связная мысль, а именно: если я сию минуту не пропущу глоток спиртного, то умру на месте. Надо сказать, что как раз настал час коктейля, и какой бы жлоб ни был папаша Бассет, но аперитивами он снабжал своих гостей исправно. Правда, я обещал Стиффи не попадаться ему на глаза, но я же не подозревал, какая беда меня постигнет. Приходилось выбирать – обмануть доверие Стиффи или погибнуть, и я предпочел первое.

В гостиной у подноса, заставленного бутылками, сидел папаша Бассет. Облизывая пересохшие губы, я поспешил к столу. Сказать, что при виде меня старикашка обрадовался, было бы преувеличением, но спасительной влаги он мне все-таки предложил, и я с благодарностью ее принял. Неловкое молчание длилось минут двадцать, и когда я, прикончив второй стакан, выуживал оттуда оливку, вошла Стиффи. Бросив на меня короткий укоризненный взгляд, из чего я понял, что навсегда утратил ее доверие, она обратилась к папаше Бас сету:

– Привет, дядя Уоткин.

– Добрый вечер, дорогая.

– Решил промочить горло в ожидании обеда?

– Да.

– Напрасно надеешься, – сказала Стиффи, – сейчас объясню почему.обеда не будет – повариха сбежала с Гасси Финк-Ноттлом.

Замечали ли вы такую забавную вещь: как по-разному воспринимается одно и то же известие двумя разными людьми? Скажем, вы что-то сообщаете Джонсу и Брауну. Джонс сидит с таким видом, будто его пыльным мешком из-за угла шлепнули, а Браун кричит «ура» и бьет чечетку. То же самое относится и к Смигу с Робинсоном. Поистине удивительное явление.

Вот и теперь случилось то же самое. Понятно, что перепалка между Мадлен Бассет и Гасси, свидетелем которой я недавно был, не вселила в меня оптимизма, но сердце, полное скорбей, к надежде малой прилепилось, как сказал не помню кто, и я старался убедить себя, что их любовь сейчас, видимо, оказавшаяся в нокдауне, снова встанет на ноги, исполненная свежих сил, и все будет прощено и забыто. Как известно, у обрученных нередко вслед за перебранкой наступает раскаяние, изобилующее всеми этими «Прости, я погорячился» и «Ах нет, я сама во всем виновата». Любовь, акции которой совсем было упали, снова идет на повышение и является на свет божий как ни в чем не бывало. Благословенна размолвка, которая только укрепляет любовь, как высказался однажды Дживс.

Однако после слов Стиффи моя надежда рухнула, ее будто шарахнули по голове фаянсовой миской с фасолью, и я поник и закрыл лицо ладонями. Вообще мне свойственно во всем видеть светлую сторону, но, чтобы ее видеть, она по меньшей мере должна существовать в природе, чего в данных обстоятельствах не наблюдалось. Это был конец, как сказала бы Мадлен Бассет. Я явился в этот дом в качестве *raisonneur*'а, чтобы соединить двух юных влюбленных, но даже лучшему в мире *raisonneur*'у это не по плечу, если один из влюбленных сбежал с неким третьим лицом. Вследствие чего указанный *raisonneur* не просто лишен возможности действовать – он скован кандалами. Таким образом, на мне в качестве *raisonneur*'а можно было поставить крест. Поэтому, как было сказано, я поник головой и закрыл лицо ладонями.

А вот для папаши Бассета, напротив, эта сенсационная новость оказалась не менее приятна, чем редкостный освежающий плод. Как вы помните, лицо у меня было закрыто ладонями, так что воочию я не видел, пустился ли старикашка бить чечетку, но коленце, кажется, отколол – во всяком случае, когда он заговорил, по голосу было ясно, что он вне себя от радости, вот-вот лопнет.

Конечно, его восторг был понятен. Из всех возможных претендентов Гасси последний, за исключением, пожалуй, Бертрама Вустера, кого папаша Бассет выбрал бы себе в зятя. Старикашка с самого начала косо смотрел на Гасси, и живи он в те времена, когда отцы сами решали, за кого их дочерям выходить замуж, он бы не долго думая наложил запрет на этот брак.

Гасси как-то рассказывал, что, когда он, Гасси, был представлен Бассету в качестве жениха его, Бассетова, чада, у него, у Бассета, челюсть отвисла, он уставился на Гасси и придушенным голосом выдавил: «Что?!» Старикашка, видимо, ушам своим не верил и надеялся, что его разыграли и что вот-вот настоящий жених выскочит из-за дивана с криком: «Первое апреля!» А когда он, Бассет, уразумел наконец, что с ним не шутят и в качестве зятя ему выпал на долю именно Гасси, он забился в угол и сидел как пень, даже на вопросы не отвечал.

Неудивительно, что от сообщения племянницы старый хрыч выиграл, как от дозы

тонизирующего бальзама доктора как-его-там, который – бальзам, а не доктор – воздействует прямо на красные кровяные тельца и вызывает во всем теле приятную теплоту.

– Сбежал? – булькая от радости, переспросил папаша Бассет.

– Да.

– С поварихой?

– Вот именно. Поэтому я и говорю, обед не будет. Придется обойтись крутыми яйцами, если, конечно, они остались после школьного праздника.

Услышав о крутых яйцах, папаша Бассет поморщился, видно, мысленно вернулся к чаепитию в павильоне, но он был слишком счастлив и не хотел думать о грустном. Он махнул рукой, давая понять, что обед ровным счетом ничего не значит. Мы, Бассеты, если надо, способны мириться с лишениями – вот что означал этот взмах.

– Дорогая, ты уверена, что не ошиблась?

– Я их встретила, когда они выходили из дома. Гасси спросил, нельзя ли взять мой автомобиль.

– Надеюсь, ты ему позволила?

– Конечно. Я сказала: «Сделай одолжение, Гасси».

– Умница. Прекрасный ответ. Стало быть, они уехали?

– Умчались с ветерком.

– И хотят пожениться?

– Как только Гасси получит специальное разрешение. Придется обращаться к архиепископу Кентерберийскому, а это, говорят, влетит в копеечку.

– На хорошее дело не стоит жалеть денег.

– Вот и Гасси так считает. Забросит повариху в имение Бертиной тетки, а сам махнет в Лондон к архиепископу. У него только одно на уме – жениться поскорее.

Когда я услышал сногшибательное сообщение о том, что Гасси собирается забросить Эмералд Стокер к тете Далии, со мной чуть конвульсии не сделались. Как старушка отнесется к этому вторжению, еще вопрос, думал я, благоговейно восхищаясь глубиной Гассиной любви к своей Эм, толкнувшей его на такой рискованный шаг. Моя престарелая тетка – дама с характером, и если вы ее прогневите, от вас в два счета только мокрое место останется. Говорят, те, кого она в свое время отчитывала на охоте за то, например, что они обгоняли собак, до конца своих дней так полностью и не пришли в себя, а в первые месяцы вообще пребывали в состоянии транса и вздрагивали от каждого резкого звука.

Когда я убрал руки от лица и смог видеть папашу Бассета, я обнаружил, что он смотрит на меня с такой благожелательностью, что даже не верится. Будто это не с ним я только что общался, если этим термином можно обозначить ситуацию, когда в течение получаса двое сидят нос к носу, не проронив ни слова. Очевидно, радость так на него подействовала, что он почувствовал дружеское расположение ко всем на свете и даже на Бертрама теперь мог смотреть без содрогания. Ну просто не смертный человек, а диккенсовский герой.

– Мистер Вустер, ваш стакан пуст, – жизнерадостно проговорил он. – Позвольте его наполнить?

Я сказал, что позволяю. Вообще-то два стакана – это моя норма, но сегодня, когда у меня уверенность в себе сошла на нет, я чувствовал, что третий стакан мне не повредит. В самом деле, я даже ощутил отчетливое желание не останавливаться и на этом. Однажды мне случилось читать про одного типа, который перед обедом обычно выхлебывал по двадцать шесть martini, и теперь мне стало казаться, что где-то, по большому счету, он был прав.

– Родерик сказал, – заговорил старикашка таким ликованием, будто ожидал, что его реплика будет встречена одобрительным хохотом в зале судебных заседаний, – что вы не смогли вместе с нами участвовать в школьном празднике, потому что неотложные семейные дела требовали вашего присутствия в Бринкли-Корте. Надеюсь, все там обошлось благополучно?

– Да, благодарю вас.

– Нам всем вас не хватало, но, конечно, делу время, потехе час. Как поживает ваш дядюшка? Надеюсь, он в добром здравии?

– Да, он здоров.

– А тетушка?

– Она уехала в Лондон.

– В самом деле? Должно быть, вы огорчились, что не застали ее. Редкая женщина ваша тетушка, я ею восхищаюсь. Такая гостеприимная, такая жизнерадостная. Я испытал ни с чем не сравнимое удовольствие, когда гостил у нее недавно.

Думаю, от избытка чувств он мог бы бесконечно продолжать в том же духе, но тут Стиффи вдруг очнулась от задумчивости. До этой минуты она стояла и с сомнением поглядывала на дядюшку, будто что-то прикидывая. И вот сейчас, видимо, приняла решение.

– Приятно, что ты так радуешься, дядя Уоткин. Я опасалась, что эта новость тебя огорчит.

– Огорчит? – искренне удивился папаша Бассет. – Как это пришло тебе в голову?

– Ну, ты ведь лишился зятя.

– Именно поэтому сегодня самый счастливый день в моей жизни.

– В таком случае и меня тоже можешь осчастливить, – сказала Стиффи, куя железо, пока горячо, – если отдашь Гарольду приход.

Как вы понимаете, мое внимание было сосредоточено на том, как расхлебать кашу, которая вокруг меня заварилась, поэтому точно не могу сказать, колебался ли папаша Бассет, но если и колебался, то не больше минуты. Должно быть, перед ним все-таки мелькнуло видение крутого яйца и он вновь почувствовал антипатию к Пинкеру, неспособному твердой рукой направлять юных прихожан на путь истинный, но радость от того, что Огастус Финк-Ноттл исчез с горизонта, вытеснила всякие мысли о недостатках молодого священника. Исполненный млеком доброты до такой степени, что, кажется, подойди поближе – и услышишь, как оно плещется, папаша Бассет просто был не способен сейчас никому ни в чем отказать. Уверен, попроси я у него сейчас займы пятерку, он ее выложит глазом не моргнув.

– Конечно! Само собой! И говорить не о чем! – разливался он, не уступая жаворонку в небе, о котором часто вспоминает Дживс. – Уверен, Пинкер будет прекрасным приходским священником.

– Самым лучшим, – подхватила Стиффи. – Сейчас он не может развернуться. Никакого размаха, сплошные ограничения. Дайте ему возможность показать себя в качестве приходского священника – и о нем заговорят в церковных кругах. Он способен горы свернуть.

– Я всегда был самого высокого мнения о Гарольде Пинкере.

– И неудивительно. Все важные шишки о нем самого высокого мнения. Они ему цену знают. Образован, хорошо разбирается во всех тонкостях, а проповедь читает – заслушаешься.

– Да, мне нравятся его проповеди. Простые и мужественные.

– Это потому, что он ведет здоровую жизнь на свежем воздухе. Он сильный и тренированный. Атлетический христианин – вот его идеал. Он ведь играл в регби за сборную Англии.

– Неужели?

– Да, был пропфорвардом.

– Правда?

При слове «пропфорвард» я, понятное дело, встрепенулся. Мне и невдомек было, что Растяпа, оказывается, пропфорвард. Ирония судьбы, подумал я. В том смысле, что Планк днем с огнем ищет этого самого форварда и, отчаявшись, уже, кажется, готов отказаться от безнадежных поисков, а я вот мог бы осчастливить его, но наши отношения сложились так, что я лишен возможности это сделать. Огорченный, я в который раз подумал о том, что надо всегда проявлять доброту к любой мелкой сошке, ибо никому не дано знать, когда эта сошка может нам пригодиться.

– Значит, я могу сказать Гарольду, что дело на мази? – спросила Стиффи.

– Прости?

– Я хочу сказать – ты официально объявляешь, что отдаешь Гарольду приход?

– Да-да, конечно, безусловно.

– Ох, дядя Уоткин! Как мне тебя благодарить?

– Не беспокойся, дорогая, все в порядке, – сказал папаша Бассет, обретая еще большее сходство с диккенсовским героем. – А теперь, – продолжал он, снимаясь с якоря и направляясь к двери, – ты, Стефани, и вы, мистер Вустер, должны меня извинить. Надо пойти к Мадлен и...

– ...поздравить ее?

– Я хотел сказать – осушить ей слезы.

– Ну, это вряд ли.

– Думаешь, она не в отчаянии?

– Дядя Уоткин, ну какая девушка придет в отчаяние, чудом избавившись от необходимости идти замуж за Гасси Финк-Ноттла?

– Да, правда, истинная правда, – сказал папаша Бассет, выскакивая из комнаты, как полузащитник, который хоть и не научился подавать обратный пас, бегал как страус.

Если у меня возникали сомнения, отбивал ли сэр Уоткин Бассет чечетку, то насчет Стиффи все было яснее ясного. Она совершила грациозный пируэт, и даже самый невнимательный наблюдатель тотчас догадался бы, что, будь у нее сейчас на голове шляпа, а в шляпе розы, она бы принялась осыпать ими все вокруг. Кажется, мне еще не приходилось видеть юную пигалицу в таком восторженном состоянии. Само собой, интересы Растяпы Пинкера были дороги моему сердцу, а потому я отринул свои печали и разделил с ней ее радость. К чему постоянно и неизменно готов Бертрам Вустер, спросите вы, и я вам отвечу – забыть о своих бедах, когда друг празднует счастливый поворот в своей судьбе.

Стиффи говорила без умолку, не давая мне рта раскрыть. Женщины – народ в этом смысле чрезвычайно одаренный. Посмотришь – в чем душа держится, а запросто граммофон переговорит и рассуждает складно и без усталости, точно какой-нибудь ротный старшина, словечка не вставишь. Моя тетушка Агата, например, как пустится меня бранить на одном дыхании и без единой запинки, так и не остановится, пока ее изобретательность не иссякнет.

На этот раз Стиффи распространялась на тему о том, какое невероятное счастье

привалило прихожанам Растяпы Пинкера, ибо они получают не просто замечательного приходского священника, святого человека, который будет пестовать их души, но еще и такую жену вышеупомянутого священника, какая им и не снилась. Когда она перевела дух, расписав, как будет раздавать суп благочестивым беднякам и нежным голосом справляться об их ревматизме, я наконец смог взять слово. В самый разгар ликования и потирания рук меня посетила одна здравая мысль.

– Согласен с тобой, – сказал я, – действительно все счастливо устроилось, и, вероятно, ты права, считая этот день счастливейшим днем в этом самом радостном году твоей жизни, однако, по-моему, ты кое-что упускаешь из виду, а об этом следовало бы подумать.

– О чем ты? Кажется, я ничего не упустила.

– Я об обещании папаши Бассета.

– Все в ажуре. Чего ты бьешь копытом?

– Будь я на твоём месте, я бы попросил у папаши Бассета письменное обязательство.

Стиффи словно с разбегу налетела на пропфорварда. Выражение восторга у нее на лице уступило место озабоченности, и она, нахмурившись, прикусила нижнюю губу. Очевидно, мои слова дали ей пищу для размышлений.

– Думаешь, дядя Уоткин нас надует?

– Твой дядя Уоткин способен на любую подлость, если на него наедет, – серьезно сказал я. – Ни на грош ему не верю. Где Пинкер?

– Наверное, остался на лужайке.

– Тогда хватай его и тащи сюда, надо заставить папашу Бассета оформить его предложение в письменном виде.

– Слушай, по-моему, ты меня запугиваешь.

– Да нет, просто советую себя обезопасить.

Стиффи снова призадумалась, покусывая нижнюю губу.

– Ладно, – наконец сказала она. – Сбегаю за Гарольдом.

– Не мешало бы прихватить парочку юристов! – добавил я ей вдогонку.

Минут пять я посидел, погруженный в раздумья о своих плачевных делах, а потом вошел Дживс и сказал, что меня просят к телефону.

Наверное, я побелел, несмотря на здоровый загар.

– Кто меня просит, Дживс?

– Миссис Траверс, сэр.

Именно этого я и опасался. Как уже упоминалось, от Тотли-Тауэrsa до Бринкли-Корта рукой подать, и, кроме того, Гасси в лихорадочном возбуждении наверняка всю дорогу жал на акселератор и гнал с предельной скоростью. Видимо, они только что подвалили, и тетя Даля звонит, чтобы узнать, какого черта. Зная, как старушенция ненавидит, когда с ней разыгрывают шуточки – а непрошеное вторжение Гасси в сопровождении Эм – деяние, которое безусловно можно отнести к категории шуточек, – я собрался с силами, чтобы во всеоружии встретить надвигающуюся бурю.

Разумеется, вы можете сказать, что я не обязан отвечать за дурацкий поступок Гасси, но на самом деле у теток так уж заведено – винить племянников во всем, что бы ни случилось. Видимо, для этой цели племянники и существуют. Думаю, только по чистой оплошности моя тетя Агата не обвинила меня, когда года два назад ее сына Тоса чуть не поперли из школы за то, что он удрал вечером в парк с аттракционами, чтобы выиграть кокосовый орех.

– Ну и как она, Дживс?

– Сэр?

– Вам не показалось, что она рвет и мечет?

– В общем, нет, сэр. Голос у миссис Траверс всегда довольно громкий. Позвольте узнать, разве имеется какая-либо особая причина, чтобы, как вы изволили выразиться, ей рвать и метать?

– В том-то и дело. Сейчас нет времени рассказывать, но, уверяю, небеса потемнели, а от берегов Исландии движется циклон, сопровождаемый крутыми перепадами давления.

– Мне очень жаль, сэр.

– И не только вам. Как звали того парня, вернее, парней – по-моему, там был не один, – которые вошли в пещь огненную?

– Седрах, Мисах и Авденаго, сэр.

– Вот-вот. На языке вертелось. Я еще в школе про них читал. Мне тогда вручили приз за знание Библии. Теперь-то я понимаю, что они чувствовали. Тетушка Даля? – сказал я, потому что в эту минуту уже добрался до телефона.

Я ожидал услышать оглушительные проклятия, но, к моему удивлению, тетя Даля, похоже, пребывала в прекрасном расположении духа. В ее голосе я не уловил и намека на укоризну.

– Привет, юный враг рода человеческого, – прогудела она. – Как дела? Скрипишь помаленьку?

– Отчасти. А вы как?

– Превосходно. Скажи, от чего я тебя оторвала? От десятого коктейля?

– От третьего, – уточнил я. – Обычно я торможу на втором, но сегодня папаша Бассет навязал мне третий. Он в ударе и демонстрирует невиданную щедрость. Пожалуй, с него станется зажарить бычью тушу на Базарной площади, если, конечно, раздобудет быка.

– Он что, в стельку пьян?

– Не то чтобы в стельку, но здорово навеселе.

– Слушай, оторвись на минуту от пьяной оргии, я тебе сообщу новость. Возвращаюсь из Лондона примерно четверть часа назад – и как ты думаешь, что меня ждет? Тритонлюб Спирт-Боттл и с ним девица, вылитый китайский мопс, весь в веснушках.

Я перевел дух и собрался держать речь в свою защиту. Пришло время обелить Бертрама. Правда, пока что тетка была сама приветливость, ни намек на приближающуюся грозу, но можно ли ей доверять: а вдруг она просто выбирала удобный момент, чтобы устроить мне выволочку? От теток так легко не отмахнешься.

– Да, – говорю, – я слышал, что он к вам направляется в компании веснушчатого мопсообразного создания. Сожалею, тетя Далия, что вы подверглись этому непрошеному вторжению, и хочу, чтобы вы поняли: не я подбил Гасси на этот шаг. Он у меня ни совета, ни одобрения не спрашивал. Я и понятия не имел о том, что он затеял. Знай я, что он собирается навязать вам свое общество...

Ту т я умолк, потому что тетушка довольно категорично предложила мне закупорить свою глотку:

– Довольно молоть вздор, пустомеля. С чего это ты тут соловьем разливаешься?

– Я только хотел выразить сожаление, что вам пришлось...

– Ладно уж. Можешь не извиняться. Я очень довольна. Конечно, предпочла бы, чтобы Спирт-Боттл не дышал мне в затылок и не занимал место, предназначенное для других целей, но девица пришлась как нельзя более кстати, ну прямо как манна небесная.

До меня сразу дошло, что она хотела сказать, недаром же в школе я получил награду за отличное знание Библии, о чем раньше уже сообщалось. Тетя Далия имела в виду один случай с детьми израилевыми, которые шлялись, кажется, по какой-то пустыне, что ли, и испытывали острую нужду в продовольствии, хотя привыкли обходиться весьма скудным пропитанием. Едва они начали судачить, что хорошо бы разжиться малой толикой манны, и роптать по поводу пустоты провиантских складов, как с неба им сбросили кучу этой самой манны, и все окончилось благополучно.

Само собой, тетушкино заявление несколько меня удивило, и я поинтересовался, почему она обрадовалась Эмералд Стокер не менее бурно, чем сыны израилевы манне небесной.

– Потому что она, как солнечный свет, озарила дом, погруженный во мрак. И явилась как нельзя более кстати. Когда ты сегодня здесь был, ты видел Анатоля?

– Нет. А что?

– Хотела узнать, заметил ли ты, что ему нездоровится. Вскоре после твоего отъезда у него появилась *mal au foie*^[147], как он это назвал, и он слег.

– Огорчен.

– Вот и Том тоже. Ему тошно становится от одной мысли об обеде, приготовленном судомойкой. Девица она, бесспорно, достойная, но поклонница тактики выжженной земли, а у Тома несварение, ты же знаешь. Положение ужасное, и вдруг Спирт-Боттл объявляет, что этот его китайский мопс – первоклассная повариха, и мы тут же возложили на нее все дела. Кстати, кто она? Ты о ней что-нибудь знаешь?

Конечно, я мог сполна снабдить тетю Далию исчерпывающей информацией:

– Она дочь процветающего американского миллионера по фамилии Стокер, который, я думаю, разразится всевозможными американскими проклятиями, когда узнает, что она вышла за Гасси, ведь такой зять, как Гасси, согласитесь, не каждому придется по вкусу.

– Значит, на Мадлен Бассет он не женится?

– Нет, свадьба отменяется.

– Это точно?

– Совершенно точно.

– Не очень-то ты преуспел на поприще *raisonneur*'а.

– Да уж.

– Ну, по-моему, этот китайский мопс будет хорошей женой Спирт-Боттлу. По-моему, она славная девочка.

– Лучше не бывает.

– Но при таком раскладе ты попадаешь в переплет, правда? Если Мадлен Бассет теперь свободна, она, наверное, ждет, чтобы ты заполнил пустоту?

– Старушка, это кошмар, который постоянно меня преследует.

– Неужели Дживс не может ничего придумать?

– Говорит, что нет. Но он всегда так – сначала теряется, но потом вдруг взмахнет волшебной палочкой и все устроит. Поэтому я не теряю надежды.

– Да, уверена, ты, как всегда, выпутаешься. Не отказалась бы получать по пятерке всякий раз, как ты в последний момент ускользаешь от венца живой и невредимый. Помнится, ты как-то сказал, что веришь в свою счастливую звезду.

– И правда верю. Но все же не стану делать вид, что не чувствую грозящей мне опасности. Чувствую, и еще как. Положение мое крайне сложное.

– И тебя тянет утопить горе в вине? Ну ладно, знаешь, зачем я звоню? Сейчас скажу, и ты сможешь продолжить свою оргию.

– Да ведь вы уже сказали, – удивился я.

– Ничего подобного. Неужели ты вообразил, что я трачу время и деньги, чтобы болтать о твоих интрижках? Дело вот в чем. Ты видел у Бассета эту штуку из черного янтаря?

– Статуэтку? Конечно, видел.

– Хочу купить ее для Тома. У меня появилось немного денег. Школьная подруга оставила мне небольшое наследство, и я сегодня ездила в Лондон повидаться с моим поверенным. Там выходит около двух тысяч фунтов, и я хочу, чтобы ты сторговал мне эту статуэтку.

– По-моему, дело это нелегкое.

– Ничего, у тебя получится. Если будет необходимо, подними цену до полутора тысяч. Вот если бы тебе удалось просто сунуть ее в карман... Это бы избавило нас от кучи лишних затрат. Но боюсь, это тебе не под силу, так что бери Бассета за бока и убеждай продать статуэтку.

– Ладно, приложу все силы. Я ведь знаю, как дядя Том жаждет ее получить. Положитесь на меня, тетя Даля.

– Ну вот и славно.

Я вернулся в гостиную и принялся думать. У нас с папашей Бассетом сложились такие отношения, что я не представлял себе, как подступиться к делу, но, с другой стороны, у меня от сердца отлегло – слава Богу, старушка отказалась от мысли похитить кикимору. Я и радовался, и удивлялся, ибо суровый опыт прошлых лет убеждал меня, что, когда тетушка хочет ублажить любимого мужа, для нее все средства хороши. Это ведь она инициировала – надеюсь, я не перепутал это слово с каким-нибудь другим – кражу молочника в виде коровы, и на этот раз она тоже могла бы избрать более экономный метод. С ее точки зрения, если один коллекционер похищает экспонат у другого коллекционера – это нельзя считать

кражей. Впрочем, в этом, кажется, что-то есть. Папаша Бассет, когда гостил в Бринкли, безусловно, хорошенько обобрал бы коллекцию дядюшки Тома, но, к счастью, с него глаз не спускали. Эти коллекционеры начисто лишены совести и ничем не отличаются от грабителей с большой дороги, за которыми охотится полиция.

Вот об этом я и размышлял, гадая, как бы мне найти подход к папаше Бассету, ведь он от одного моего вида трясется, как желе на ветру, и в присутствии Бертрама слова не вымолвит, сидит истуканом, глядя в пространство... Внезапно дверь отворилась, и в гостиную вошел Спод.

Первое, что меня поразило, – это изумительно живописный синяк под Сподовым глазом – такой в пору последнему забулдыге, – и я слегка даже растерялся, не зная, что сказать. В том смысле, что одни в таких случаях ждут сочувствия, другие предпочитают, чтобы вы сделали вид, что не замечаете в их наружности ничего необычного. В конце концов, придя к выводу, что самое умное – приветствовать его небрежным «А, это вы, Спод», я так и поступил, хотя, оглядываясь назад, думаю, уместнее было бы приветствовать его небрежным «А, это вы, Сидкап». Здороваясь, я заметил, что он злобно сверкает на меня своим единственным открытым глазом. Кажется, я уже говорил про его взгляд, что он с шестидесяти метров открывает устрицу, и теперь я убедился, что, даже когда у него функционирует всего один глаз, воздействие его взгляда не менее устрашающе. Примерно так же смотрит на меня моя тетушка Агата.

– Я вас искал, Вустер, – сказал Спод.

Он говорил противным лающим голосом, каким, наверное, когда-то отдавал распоряжения своим приспешникам. До того как ему достался титул, он был одним из местных диктаторов, некогда довольно распространенных в столице, и возглавлял банды молодчиков, одетых в черные шорты и орущих «Хайль, Спод!» или что там у них полагается. Став лордом Сидкапом, он это дело бросил, но по старой привычке ко всем без исключения адресовался так, будто распекал младшего товарища, посадившего на шорты пятно.

– В самом деле? – сказал я.

– Искал. – Он помолчал, продолжая буравить меня одиноким глазом, потом изрек: – Так!

«Так!» – выражение из того же ряда, что и «Эй вы!» или «Ха!», на которые трудно дать находчивый ответ. Поскольку мне не пришло в голову ничего подходящего, я просто закурил сигарету, рассчитывая придать себе беззаботный вид, хотя, боюсь, эта затея с успехом провалилась.

– Выходит, я был прав! – пролаял Спод.

– А?

– В своих подозрениях.

– А?

– Они подтвердились.

– А?

– Хватит акать, жалкий вы червь, и слушайте, что я скажу.

Я счел за лучшее не возражать ему. Вы, наверное, подумали, что Спод, сначала поверженный наземь преподобным Г. П. Пинкером, а потом с помощью фаянсовой миски с фасолью отправленный в нокдаун Эмералд Стокер, вызывает у меня презрение и я немедленно отчитаю его за жалкого червя, однако, уверяю вас, подобная мысль мне и в голову не пришла. Он потерпел поражение, да, но дух его не сломлен, а мускулы на его ручищах по-прежнему тверды как сталь, так что, рассудил я, если ему хочется, чтобы я ограничил употребление междометия «А?», пусть только слово скажет.

Продолжая сверлить меня единственным действующим глазом, он сказал:

– Шел мимо только что.

– О?

– Слышал, как вы говорите по телефону.

– О?

– С теткой.

– О?

– Хватит твердить «О?», черт подери!

Вообще-то такие ограничения немного затрудняли процесс поддержания живой беседы, но тут уж ничего не поделаешь. Я решил хранить достойное молчание, а он произнес:

– Тетка настаивала, чтобы вы украли у сэра Уоткина черную статуэтку.

– Ничего подобного!

– Ну уж извините. Знал, что вы будете все отрицать, поэтому принял меры предосторожности и записал дословно, что вы говорили. Была упомянута статуэтка, на что вы сказали: «По-моему, дело это нелегкое». Тетка, видимо, стала настаивать, и вы согласились. Вот ваши слова: «Ладно, приложу все силы. Я ведь знаю, как дядя Том жаждет ее заполучить. Положитесь на меня, тетя Даля». Какого черта вы булькаете?

– Я не булькаю, – поправил его я. – Я смеюсь. Потому что вы все перепутали, хотя, должен признать, точность, с которой вы воспроизвели диалог, делает вам честь. Вы пользуетесь стенографией?

– В каком таком смысле я все перепутал?

– Тетя Даля просила меня уговорить сэра Уоткина продать статуэтку.

Он фыркнул и сказал «Ха!», а я подумал, что это несправедливо: ему можно говорить «Ха!», а мне не позволено воскликнуть ни «А?», ни «О?». В таких делах необходимо идти на разумный компромисс, иначе мало ли что может получиться.

– Так я вам и поверил!

– Не верите?

– Разумеется, нет. Не такой я дурак. Вопрос, по-моему, дискуссионный, как, помнится, однажды выразился Дживс, однако я возражать не стал.

– Знаю я эту вашу тетку, – продолжал Спод. – Она готова пломбы у вас из зубов похитить, если будет уверена, что ее за руку не схватят. – Спод ненадолго умолк, и ход его мысли не был для меня тайной: он вспомнил о молочнике в виде коровы. Спод с самого начала подозревал – и должен признаться, не без оснований, – что кража инспирирована – так, кажется – моей тетушкой. Главное, доказать ничего было нельзя, и это особенно злило Спода. – Ну так вот, Вустер, я настоятельно вам советую не стать на этот раз орудием в ее руках, потому что, если вас поймают – а так оно и будет, – то наказания вам не избежать. Не надейтесь, что сэр Уоткин замнет дело, чтобы избежать скандала. Пойдете в тюрьму как миленький. Он вас терпеть не может и засадит вас без права замены штрафом – для него просто подарок.

Однако какая мстительная скотина этот старикашка Бассет, подумал я, но счел, что высказываться сейчас не время, и просто кивнул в знак понимания. Я благодарил Бога, что никакой роковой случайности, по выражению Дживса, не предвидится. Ничто на свете не заставит меня похитить проклятую кикимору. Это я знал твердо и потому был спокоен и бесстрастен, если можно быть спокойным и бесстрастным под взглядом верзилы в восемь футов шесть дюймов ростом, у которого один глаз подбит, а другой прожигает вас, подобно ацетиленовой паяльной трубке.

– Да, сэр, каталажка по вас плачет, – сказал Спод и принялся было расписывать, как он будет приходить в дни посещений и с большим удовольствием строить мне рожи, когда

дверь отворилась и вошел папаша Бассет.

Это был иной Бассет, совсем не похожий на того веселого и гостеприимного хозяина, который недавно отсюда вышел. Тогда он ликовал, как ликовал бы на его месте любой отец, чья дочь передумала выходить замуж за Гасси Финк-Ноттла. Сейчас физиономия у него вытянулась, и вид был как у едока, который слишком поздно обнаружил, что проглотил устрицу не первой свежести.

– Мадлен говорит... – начал он и осекся, заметив синяк у Спода под глазом. И то сказать, синяк был такой, который невозможно не заметить, даже если у вас хватает собственных неприятностей. – Господи Боже мой, Родерик, вы упали?

– Упал! Как бы не так! Викарий засветил мне в глаз.

– О Боже! Какой викарий?

– Здесь, по-моему, только один викарий.

– Вы хотите сказать, вас ударил мистер Пинкер? Родерик, вы меня поражаете.

– Я сам был поражен. Настоящее откровение для меня, уверяю вас. Даже не подозревал, что викарии так виртуозно владеют левым хуком. Сначала он с большой ловкостью сделал ложный выпад, чтобы отвлечь мое внимание, а потом нанес штопорный удар, которым нельзя не восхищаться. Как-нибудь попрошу его, чтобы обучил меня этому приему.

– Вы что, не питаете к нему враждебных чувств?

– Разумеется, не питаю. Приятная маленькая схватка, какие тут могут быть обиды. Против Пинкера ничего не имею. А вот о поварихе не могу этого сказать. Она стукнула меня по голове тяжелой фаянсовой миской. Подкралась сзади, совсем не спортивно. Если не возражаете, пойду поговорю с ней.

Он с таким удовольствием предвкушал, как отчитает Эмералд Стокер, что я почувствовал легкий укор совести. Ведь мне предстояло сообщить ему, что надежды его тщетны.

– Не выйдет, – сказал я. – Ее здесь нет.

– Не мелите вздор. Она в кухне, где ей еще быть!

– К сожалению, ее там нет. Она сбежала с Гасси Финк-Ноттлом. Свадьба состоится, как только он получит разрешение архиепископа Кентерберийского.

Спод пошатнулся. У него был только один действующий глаз, и Спод ухитрился выжать из него все, что возможно.

– Это правда?

– Истинная правда.

– Ну тогда другое дело. Если Мадлен снова свободна... Вустер, дружище, спасибо, что сказали.

– Пожалуйста, Спод, старина, или, вернее, лорд Сидкап, старина.

Кажется, только сейчас папаша Бассет осознал, что стройный, элегантный молодой человек, стоящий с независимым видом у дивана, не кто иной, как Бертрам Вустер.

– Мистер Вустер... – начал было он, но умолк, судорожно сглотнул и нетвердым шагом направился к столу, где стояли напитки. Вид у него был безумный. Он смог заговорить, только пропустив щедрый глоток живительной влаги. – Я сейчас видел Мадлен.

– Да? Как она себя чувствует? – вежливо осведомился я.

– По-моему, сошла с ума. Говорит, что собирается замуж за вас.

Ну, я более или менее подготовил себя к чему-то подобному, и если не считать того, что меня затрясло, как бланманже на ветру, и того, что челюсть у меня отвисла как минимум на

шесть дюймов, я ни единым знаком не выдал своего замешательства, чем выгодно отличался от Спода, который снова пошатнулся и взревел, точно бурый медведь, отдавивший себе лапу:

– Вы шутите!

Папаша Бассет горестно покачал головой. Глаза и щеки у него ввалились.

– Хотел бы я, чтобы это была шутка, Родерик. Неудивительно, что вы ошеломлены. Вполне разделяю ваши чувства. Совсем голову потерял. Не вижу никакого выхода. Когда Мадлен мне это сказала, я был как громом поражен.

Спод изумленно выпучил на меня свой одинокий глаз. Казалось, он не может взять в толк, что происходит. В глазу у него появилось недоуменное выражение:

– Она не может выйти замуж за *это*!

– Еще как может.

– Но этот еще хуже того, с рыбьей физиономией.

– Согласен. Намного хуже. Сравнения нет.

– Пойду поговорю с ней, – сказал Спод и вышел прежде, чем я успел выразить возмущение тем, что меня назвали *это*.

На мое счастье, в гостиную вошли Стиффи и Растяпа Пинкер, иначе, оставшись один на один с папашей Бассетом, вряд ли я нашел бы тему для легкой, живой и занимательной беседы.

Хоть нос у Пинкера, как и следовало ожидать, сильно распух с тех пор, как мы виделись в последний раз, однако сам он пребывал в превосходном расположении духа. Стиффи тоже вся сияла и лучилась от радости. Очевидно, ни тот ни другая не сомневались, что их ждет счастливый конец. Сердце у меня кровью облилось при виде этих юных олухов. Я внимательно наблюдал за лицом папаша Бассета, когда Спод расписывал ему левый хук Растяпы Пинкера, – оно явно не сулило ничего хорошего.

Землевладельцы, наделенные правом распоряжаться церковными приходами, предъявляют кандидатам на эти лакомые посты очень строгие требования, и левый хук, какой бы искусный он ни был, не числится в списке таких требований. Вот если бы папаша Бассет был спортивным тренером, гоняющимся за молодыми талантами, а Пинкер – многообещающим юнцом, которого можно подготовить к отборочному матчу из шести раундов, старый хрыч смотрел бы на него с умилением. А сейчас сэр Уоткин Бассет нацелил на Растяпу холодный, суровый взгляд, как если бы бедолага сидел на скамье подсудимых по обвинению в продаже свиней без лицензии или небрежении правилами противопожарной безопасности. Очевидно, над головой Растяпы Пинкера нависла беда, и на счастливый конец я не поставил бы и ломаного гроша.

Но Стиффи этого предвестия грозы, столь очевидного для моего пронизательного ума, похоже, совершенно не ощущала. Внутренний голос не шептал ей на ухо, что она вот-вот с оглушительным треском шлепнется с небес на землю. Она ликовала, направо и налево расточая улыбки, совершенно уверенная в том, что дядюшкина подпись под официальным документом не более чем пустячная формальность.

– А вот и мы, дядя Уоткин, – с сияющей улыбкой проговорила она.

– Вижу.

– Я привела Гарольда.

– Это не укрылось от моего внимания.

– Мы с ним все обсудили и пришли к выводу, что должны заручиться твоим письменным разрешением.

С каждой минутой взгляд старикашки Бассета становился все холоднее и суровее, а я все явственнее ощущал, будто мы находимся в полицейском суде на Бошер-стрит. Для полного сходства не хватало только насморочного судебного пристава, спертого, хоть топор вешай, воздуха и слоняющихся в поисках работы молодых адвокатов.

– Боюсь, я не совсем тебя понимаю, – сказал папаша Бассет.

– Ну что ты, дядюшка Уоткин, чего ты не понимаешь! Речь идет о приходе Гарольда.

– Разве у мистера Пинкера есть приход? Мне об этом ничего не известно.

– Я говорю о том приходе, который ты собираешься ему дать.

– Да? – сказал папаша Бассет. Мне еще в жизни не приходилось слышать ничего противнее этого «да?». – Я только что видел Родерика, – добавил он, переходя к сути дела.

Услышав о Споре, Стиффи хихикнула, что, по-моему, было непростительной ошибкой. Бывают, конечно, случаи, когда игривое хихиканье уместно, но иногда оно не лезет ни в какие ворота. Я заметил, что папаша Бассет начал надуваться, прямо как та забавная круглая рыбина, что ловится у берегов Флориды, и к тому же еще и клокотать, наподобие вулкана, который готов извергнуться на окрестные поселения к ужасу их обитателей, запоздало

сожалеющих о том, что они не обосновались где-нибудь в другом месте.

И даже сейчас Стиффи не осознала, что гроза вот-вот разразится. Она залилась серебристым смехом. Я замечал, что некоторые девицы выказывают крайнюю тупость в восприятии атмосферных явлений. Эти юные представительницы слабого пола, по-моему, не понимают, что в некоторых обстоятельствах серебристый смех более чем неуместен.

– У него, наверное, хороший фонарь.

– Прости, не понял.

– Ну, синяк под глазом у него есть?

– Да.

– Так я и знала! У Гарольда силы на десятерых хватит, потому что он сердцем чист. Так как же насчет письменного обещания, дядя Уоткин? Я прихватила с собой вечное перо. Давай приступим?

Я ожидал, что папаша Бассет взорвется, как бомба, упавшая на склад взрывчатых веществ. Однако вместо этого он продолжал хранить холодную неприступность, свойственную мировым судьям, сдирающим с молодых людей по пятерке за мальчишеские шалости.

– По-моему, ты чего-то недопонимаешь, Стефани, – отчеканил он металлическим голосом, каким некогда обращался к обвиняемому Вустеру. – Я не намерен верить приход мистеру Пинкеру.

Для Стиффи эти слова были полнейшей неожиданностью. Она пошатнулась вся, от растрепанных ветром волос до самых каблучков, затрепетала и, наверное, упала бы, если бы не уцепилась за локоть Гарольда. Ее можно понять. Она была уверена, что все уладилось, и вдруг, как гром среди ясного неба, эти роковые слова. Бедняжка Стиффи сразу утратила все свое мужество, если можно говорить о мужестве в применении к юной барышне. Думаю, она почувствовала примерно то же, что и Спод, когда Эмералд Стокер шарахнула его по черепушке тяжелой фаянсовой миской. Глаза у нее выпучились, и она пискнула срывающимся голосом:

– Но, дядя Уоткин! Ты же обещал!

Я бы мог ей сказать, что она зря старается – тщетно взывать к лучшим чувствам этого старого стервятника, ибо мировые судьи, даже если они в отставке, напрочь лишены подобных чувств. Слезы, дрожавшие в ее голосе, кажется, разжалобили бы и каменное сердце, но на папашу Бассета они произвели не больше действия, чем привычное щебетание канарейки.

– Всего лишь предварительно, – сказал старый хрыч. – Тогда я еще не знал, что мистер Пинкер так жестоко избил Родерика.

При этих словах Растяпа Пинкер, который прислушивался к разговору с полным равнодушием, точно чучело, набитое искусным таксидермистом, вдруг неожиданно подал признаки жизни, издав звук, напоминающий шипение воды в водопроводном кране. Другой бы и внимания не обратил на этот звук, но папаша Бассет, покосившись на Растяпу, коротко бросил:

– Да, мистер Пинкер?

Минуты через две Растяпа сначала тихо булькнул, а потом перешел на членораздельную речь.

– Я... э-э, – проговорил он, – э-э...

– Пожалуйста, продолжайте, мистер Пинкер.

– Это было... В том смысле, что это не было...

– Если бы вы взяли на себя труд изъясняться немного проще, мистер Пинкер, вы оказали бы неоценимую помощь в расследовании данного дела. Должен признаться, вашему стилю немного недостает простоты.

Таковыми вот плоскими, как подошва, остротами в надежде снискать в печати комментарий «смех в зале» папаша Бассет пробавлялся в свои прежние славные дни на Бошер-стрит, но на этот раз номер у него не прошел. У меня лично его шуточки не вызвали даже усмешки, у Растяпы Пинкера тоже – он только опрокинул изящную фарфоровую фигурку и покраснел еще ярче прежнего. Стиффи героически бросилась ему на выручку:

– Дядя Уоткин, нет необходимости разговаривать так, будто ты в суде.

– Извини, в чем дело?

– По-моему, будет лучше, если ты позволишь все тебе объяснить. Гарольд хотел сказать, что не он жестоко избил Родерика, а Родерик жестоко избил его.

– В самом деле? Я слышал совсем другое.

– Нет же, все было именно так.

– Готов выслушать твою версию этого прискорбного происшествия.

– Хорошо. Так вот. Гарольд разговаривал с Родериком нежно, как голубок, и вдруг Родерик ни с того ни с сего размахнулся и съездил ему по носу. Если не веришь мне, посмотри сам. У бедного Гарольда кровь хлестала, как версальский фонтан. Что, по-твоему, Гарольд должен был делать? Подставить другой нос?

– По-моему, мистеру Пинкеру не следовало забывать, что он служитель церкви. Он должен был пожаловаться мне, а я бы уж проследил за тем, чтобы Родерик принес ему свои извинения.

Раздался словно пушечный выстрел, стены задрожали. Это фыркнула Стиффи.

– Извинения! – вскричала она. – Да какой от них толк? Гарольд повел себя совершенно правильно. Он дал сдачи и одним ударом уложил Родерика. Любой на его месте поступил бы так же.

– Любой, кто не носит духовный сан.

– Ну что ты, дядя Уоткин, нельзя же все время думать о своем духовном сани. Не до того было. Родерик едва не убил Гасси Финк-Ноттла.

– А мистер Пинкер ему *помешал*? Боже правый!

Последовало молчание – папаша Бассет боролся с охватившими его чувствами. Тут Стиффи, как раньше Растяпа Пинкер при объяснении со Сподом, решила пустить в ход доброе слово. По ее выражению, Гарольд разговаривал со Сподом нежно, как голубок, и если память мне не изменяет, так оно и было. И сейчас Стиффи сама заворковала, как голубка. Барышни умеют лепетать ласково и трогательно, если считают, что это поможет делу.

– Не похоже на тебя, дядя Уоткин! Неужели ты отступишь от своего обещания?

Тут я бы мог ей возразить: как раз очень даже на него похоже.

– Не могу поверить, что ты способен так жестоко поступить со мной. Я тебя не узнаю, дядя Уоткин. Ты всегда был такой добрый. Я так тебя люблю и уважаю. Ты мне как отец. Неужели ты хочешь теперь бросить все псу под хвост?

Такая страстная мольба, безусловно, тронула бы любого. Только не папашу Бассета. По-моему, он начисто лишен жалости и сострадания.

– Если за этим странным выражением скрывается просьба изменить мои намерения и

предоставить мистеру Пинкеру приход, то должен тебя разочаровать. Я этого не сделаю. Считаю, что он недостоин места приходского священника, он себя показал с самой худшей стороны. Удивляюсь, что после всего случившегося у него хватает совести оставаться помощником vicария.

Безусловно, это было тяжкое обвинение, и, услышав его, Растяпа Пинкер не то охнул, не то икнул. Я бросил на старого сквалыгу холодный взгляд и поджал губы, хотя сомневаюсь, что он заметил, какое презрение выражалось у меня на лице, потому что его внимание было приковано к Стиффи. Она густо покраснела и стала почти того же цвета, что Растяпа Пинкер, и до меня явственно донеслось зубовное лязганье. Сквозь эти свои стиснутые зубы она произнесла:

– Значит, вот как ты настроен?

– Да.

– Это твоё окончательное решение?

– Безусловно.

– И ты его не изменишь?

– Никогда.

– Ясно, – сказала Стиффи и прикусила зубами нижнюю губку. – Ну, ты ещё об этом пожалеешь.

– Не думаю.

– Пожалеешь. Вот подожди, дядя Уоткин, тебя начнут мучить угрызения совести. Ты ещё не знаешь, на что способна женщина, – проговорила Стиффи, подавив рыдания – а может быть, опять же это была икота, – и выбежала из комнаты.

Едва она скрылась, как вошел Баттерфилд. Папаша Бассет воззрился на него с плохо скрытой досадой, с какой раздражительные субъекты обычно смотрят на дворецких, которые являются не вовремя.

– Да, Баттерфилд? В чем дело? Что вам нужно?

– Констебль Оутс хочет с вами поговорить, сэр.

– Кто?

– Констебль Оутс, из полиции, сэр.

– Что ему нужно?

– Как я понял, у него появилась улика, с помощью которой можно установить, кто из мальчиков бросил в вас крутое яйцо, сэр.

Эти слова подействовали на папашу Бассета, как звук сигнальной трубы на полковую лошадь, хотя, честно сказать, я никогда не видел полковой лошади. Старикашка мгновенно преобразился. Лицо у него оживилось и приобрело то выражение, какое можно наблюдать у гончей, напавшей на след. Он не вскричал «Ату-ту-ту!» – наверное, просто не знал такого слова, – но пулей выскочил из комнаты, а за ним на почтительном расстоянии последовал Баттерфилд.

Растяпа Пинкер, водворив на место фотографию в рамке, которую он успел смахнуть с ближайшего столика, сдавленным голосом спросил:

– Как ты думаешь, Берти, что Стиффи имела в виду?

Мне и самому было бы интересно узнать, что крылось за словами юной пигалицы. Во всяком случае, по-моему, что-то зловещее. В выражении «вот подожди» явно слышалась угроза. Вопрос Растяпы Пинкера отнюдь не был праздным.

– Трудно сказать, – подумав, ответил я, – что ей могло взбрести на ум.

– Она такая вспыльчивая.

– Что есть, то есть.

– Знаешь, мне как-то тревожно.

– Тебе-то что? Пусть папаша Бассет тревожится. Зная Стиффи, я бы на его месте...

Если бы мне удалось договорить, то я бы заключил словами: «...упаковал вещи и слинял в Австралию», но, случайно взглянув в окно, я лишился дара речи.

Окно выходило на подъездную аллею, и оттуда, где я стоял, мне была видна парадная лестница. Когда я увидел, кто поднимается по ступенькам, сердце у меня подпрыгнуло и оборвалось.

Это был Планк. Квадратная загорелая физиономия, решительный шаг – ошибки быть не могло. Еще минута – Баттерфилд проведет его в гостиную, и мы с ним встретимся. От ужаса я совсем потерял голову и не представлял себе, как поступить.

Первой мыслью было дождаться, когда он войдет в дом, и тогда сразу выскочить из окна, благо оно было распахнуто. Думаю, Наполеон на моем месте поступил бы именно так. Я решил, как сказала бы Стиффи, не тянуть кота за хвост, но вдруг смотрю – под окном слоняется скотч-терьер Бартоломью. Тут я понял, что придется фундаментально пересмотреть разработанную ранее стратегию. Нельзя вылезать из окна на глазах у скотч-терьера, тем более если он, как Бартоломью, склонен во всем видеть дурное. Со временем он, безусловно, поймет, что принял за грабителя, удирающего с добычей, обыкновенного безобидного гостя, и охотно принесет свои извинения, но к тому времени мои нижние конечности будут все в дырках, как швейцарский сыр.

Следуя альтернативной стратегии, я нырнул за диван, шепнув Растяпе Пинкеру: «Никому ни слова! Не хочу, чтобы этот тип меня видел», – и устроился там, как черепаха в панцире.

Хорошо известно не только в «Трутнях», но и повсеместно, что Бертрам Вустер умеет держать удар и не теряет лица, как бы сурово ни обходилась с ним жизнь. Дубинкою судьбы избитый в кровь, он головы своей пред ней не склонит, как сказал не помню кто. Словом, Бертрам не из трусливых.

Однако должен признаться, что, сидя скорчившись в своем убежище, я понемногу начал заводиться. Тотли-Тауэрс, как я уже говорил, действовал на меня угнетающе. По-моему, жить в этом проклятом месте совершенно невозможно. То гнездишься на комодах, как горный орел, то, как утка, ныряешь за диваны. Занятие, замечу, само по себе довольно хлопотное и неблагодарное, к тому же оно крайне пагубно сказывается и на состоянии души, и на состоянии складки на брюках. Ну, скажите, как тут не заводиться!

Я все больше ожесточался против этого самого Планка, который, похоже, преследует меня, будто фамильное привидение. Какая нелегкая его сюда принесла? Как Тотли-Тауэрс ни ужасен, но по крайней мере я надеялся, что встреча с Планком мне тут не грозит. У него прекрасный дом в Хокли, и непонятно, почему, черт подери, ему там не сидится.

Мое раздражение распространялось и на туземцев, с которыми Планк общался в ходе своих экспедиций. Он сам говорил, что много лет подряд являлся, куда его не звали – то в Бразилию, то в Конго, то еще куда-нибудь. И ни один из аборигенов даже не потрудился проткнуть его копьем или, на худой конец, пустить в него отравленную стрелу из фамильного духового ружья. Тоже мне, дикари называется! Вот раньше были дикари так дикари, я о них в детстве читал. Попадись им Планк, он и охнуть бы не успел, как угодил бы в колонку некрологов. По сравнению с ними нынешний дикарь – отпетый лодырь и непротивленец. Ему на все наплевать. Пусть другие суетятся. Пусть Джордж отдувается. И куда человечество идет, страшно подумать!

Из моего укрытия я мог обзреть лишь очень ограниченную часть пространства, но, углядев пару грубых башмаков, обувь землепроходца, я сообразил, что в отворившуюся дверь Баттерфилд ввел Планка, и минутой спустя, когда вошедший заговорил, догадка моя подтвердилась. У Планка был голос, который, раз услышав, надолго сохранишь в памяти.

– Привет, – сказал он.

– Здравствуйте, – ответил Растяпа Пинкер.

– Хорошая погода.

– Очень хорошая.

– Что здесь происходит? Почему в парке палатки, качели и прочий вздор?

Когда Растяпа объяснил, что недавно закончился ежегодный школьный праздник, Планк поспешил выразить удовлетворение, что эта напасть его миновала. Школьные праздники, сказал он, чреваты опасностью, благоразумным людям следует всячески их избегать, особенно если там затевается конкурс на самого хорошенького младенца.

– А у вас проводился конкурс среди младенцев?

– Да, как обычно. Матери всегда на этом настаивают.

– Да, матерей-то и нужно опасаться, – сказал Планк. – Эти звереныши и сами по себе тоже порядочная гадость – того и гляди облизывают вас с головы до ног, и это еще в лучшем случае, – а их мамы так просто опасны для общества. Вот посмотрите, – сказал он, видимо, задирая штанину. – Видите шрам на икре? Однажды в Перу я имел глупость

согласиться быть судьей конкурса на самого хорошенького младенца. Мамаша одного из тех, кто удостоился всего лишь поощрительного отзыва, пырнула меня туземным кинжалом, когда я спускался с кафедры, за которой держал речь. Боль была страшная, до сих пор нога к дождю ноет. Как говорит один мой приятель, рука, качающая колыбель, правит миром. Не знаю, насколько это верно, но с кинжалом эта рука управляется весьма умело.

Признаться, мне пришлось до некоторой степени пересмотреть тот суровый приговор, который я вынес современным дикарям, обвинив их в лености и равнодушии. Возможно, в последнее время туземцы-мужчины утратили былую хватку, но туземные дамы, видимо, все еще отличаются здравым подходом к жизни, хотя, конечно, если речь идет о Планке и ему подобных, тут пырнуть кинжалом в икроножную мышцу – не более чем первый шаг в нужном направлении, проба пера, так сказать.

– Вы живете в этих краях? – спросил Планк, видимо, намереваясь поболтать.

– Да, здесь, в деревне.

– В Тотли?

– Да.

– А команда регби тут есть, не знаете?

Пинкер ответил, что нет, что здешние спортсмены предпочитают футбол по правилам Национальной ассоциации. Услышав это, Планк воскликнул: «Боже правый!» – должно быть, содрогнувшись от отвращения.

– А вы когда-нибудь играли в регби?

– Немного.

– Стоит заняться им всерьез. Самый лучший вид спорта. Пытаюсь сколотить в Хокли классную команду, гордость Глостершира. Тренирую своих молодцов ежедневно, и они выдают неплохие результаты, в самом деле очень неплохие. Кто мне нужен, так это пропфорвард.

Нужен ему был пропфорвард, а получил он папашу Бассета, который в этот момент торопливым шагом вошел в гостиную. Последовал короткий обмен приветствиями: «Добрый вечер, Планк», «Добрый вечер, Бассет».

– Любезно с вашей стороны навестить меня, – сказал папаша Бассет. – Хотите выпить?

– Ах! – вздохнул Планк, и стало понятно, что он только этого и ждал.

– Пригласил бы вас к обеду, но, к сожалению, повариха сбежала с одним из наших гостей.

– С его стороны весьма разумный поступок. Уж если сбегать, то с поварихой. Хорошую повариху в наше время днем с огнем не сыщешь.

– Теперь у нас в доме весь распорядок нарушен. Ни дочь, ни племянница не способны приготовить даже самых простых блюд.

– Придется вам ходить в трактир.

– По-видимому, единственный выход.

– Вот в Западной Африке всегда можно заглянуть к туземному вождю и пообедать чем бог послал.

– Но мы не в Западной Африке, – возразил папаша Бассет, как мне показалось, довольно раздраженно. По-моему, его можно было понять. Когда попадаешь в передрыгу, а тебе начинают говорить, как было бы хорошо, если бы ты был не здесь, а там, где тебя нет, это всегда злит.

– В Западной Африке мне часто приходилось обедать в гостях, – продолжал Планк. –

Туземцы в мою честь закатывали шикарные обеды, хотя всегда присутствовал страх, что главное лакомство, которым вас потчуют, – это какой-нибудь родственник жены хозяина, зажаренный на медленном огне и приправленный острым местным соусом. Какой уж тут аппетит, хотя червячка заморить можно, особенно если с голоду умираешь.

– Да уж, могу себе представить.

– Впрочем, дело вкуса.

– Совершенно справедливо. Вы хотели меня видеть по какому-то делу, Планк?

– Да нет, ничего особенного.

– Тогда, если вы меня извините, я вернусь к Мадлен.

– Кто такая Мадлен?

– Моя дочь. Когда вы пришли, у нас с ней был серьезный разговор.

– С девицей что-нибудь стряслось?

– Да, страшная неприятность. Собирается вступить в брак, который не принесет ей ничего, кроме несчастья.

– Все браки приносят несчастье, – сказал Планк, который, кстати сказать, судя по всему, был холостяк. – В результате браков появляются младенцы, а где младенцы, там конкурсы на самого хорошенького из них. Я уже рассказал этому джентльмену, что со мной случилось в Перу, и показал ему шрам у меня на ноге, который я заработал по собственной глупости, согласившись судить конкурс среди младенцев. Хотите посмотреть?

– Может быть, в другой раз.

– В любое время, когда пожелаете. Почему этот брак принесет вашей дочери несчастье?

– Потому что мистер Вустер ей не пара.

– Кто такой мистер Вустер?

– Тот субъект, за которого она собирается выйти замуж. Типичный молодой бездельник, каких в наше время так много.

– Я знавал парня по фамилии Вустер, но едва ли это он, потому что моего Вустера недавно в Замбези съел крокодил, то есть он не в счет. Ладно, Бассет, возвращайтесь к дочери и передайте ей от меня, что если она начнет выходить замуж за каждого встречного и поперечного, значит, у нее с головой не все в порядке. Ей бы посмотреть, как живут жены туземных вождей, тогда у нее живо пропало бы желание делать глупости. Ох и жизнь у этих женщин! Только и знают, что толкут маис и рожают хорошеньких младенцев. Ну, Бассет, всего доброго, не стану вас задерживать.

Хлопнула дверь, это папаша Бассет вышел из гостиной, и Планк снова обратился к Пинкеру:

– Специально не стал ничего объяснять этому старому ослу – боюсь, до смерти заговорит, а у меня ведь дело. Не скажете ли, случайно, где можно найти парня по фамилии Пинкер?

– Моя фамилия Пинкер.

– Вы уверены? Кажется, Бассет сказал, что вы Вустер.

– Нет, Вустер – это тот, который собирается жениться на дочери сэра Уоткина.

– Да-да, теперь понял. Неужели вы тот, кто мне нужен? Пинкер, которого я ищу, – викарий.

– Да, я викарий.

– Правда? В самом деле вы совершенно правы. Вижу, воротничок у вас застегивается сзади. Вы не Г. П. Пинкер, случайно?

– Да.

– Несколько лет назад играли пропфорвардом за Оксфорд и сборную Англии?

– Да.

– Скажите, не заинтересует ли вас должность приходского священника?

Раздался грохот, и я понял, что Растяпа от избытка чувств опрокинул очередной столик. А потом охрипшим голосом проговорил нечто в том смысле, что получить приход – его самое заветное желание; и Планк сказал, что рад это слышать.

– Наш священник в Хокли слагает с себя обязанности, ему вот-вот стукнет девяносто, и я изъездил все окрестности в поисках замены. Задача невероятно трудная, ведь мне нужен хороший пропфорвард, а среди священников мало кто отличит футбол от волейбола. Не видел, к сожалению, как вы играете, потому что долго жил за границей, но ваше прошлое говорит само за себя. Думаю, вы классный игрок. Итак, можете приступать к своим обязанностям, как только старик Беллами уйдет на покой. Вернусь домой и сразу же отправлю вам письмо с официальным предложением.

Растяпа сказал, что не знает, как его благодарить, а Планк ответил, что не стоит благодарности.

– Это я должен вас благодарить. У нас в Хокли с хавбеками и полузащитниками полный порядок, но в прошлом году мы продули Верхнему Бличингу из-за того, что наш пропфорвард совсем мышей не ловит. Ничего, в этом году мы им покажем. Какое счастье, что я вас нашел, а все благодаря моему другу, старшему инспектору Уитерспуну из Скотленд-Ярда. Сегодня он мне позвонил и сказал, где вас найти. Сказал, что, если я наведаюсь в Тотли-Тауэрс, мне наверняка дадут ваш адрес. Удивительно, как эти парни из Скотленд-Ярда все разнюхивают. Думаю, тут сказывается многолетний опыт. Что это за шум?

Растяпа Пинкер сказал, что ничего не слышит.

– Вроде бы кто-то подавился. По-моему, тут, за диваном. Взгляните, пожалуйста.

Растяпа Пинкер сунулся ко мне за диван.

– Никого нет, – соврал он, великодушно рискуя бессмертием души ради спасения друга.

– Мне показалось, там собаку тошнит, – сказал Планк.

Действительно, я громко поперхнулся, когда услышал про черное вероломство Дживса, и упустил из виду, что молчание – золото, особенно в данных обстоятельствах. Глупо, конечно, с моей стороны, но черт подери, если годами пригреваешь на своей груди личного камердинера и вдруг на ровном месте обнаруживаешь, что он, этот камердинер, намеренно натравливает на тебя ученых исследователей Бразилии, то ты вправе вести себя как собака, которую тошнит.

Такой подлости я от Дживса не ожидал и был настолько ошеломлен, что на минуту-другую потерял нить разговора. Потом туман рассеялся, и до меня дошло, что Планк переменял тему:

– Интересно, как там идут дела у Бассета с дочерью? Вы что-нибудь знаете об этом самом Вустере?

– Он один из моих лучших друзей.

– А Бассет, кажется, его недолюбливает?

– Да.

– Ну что ж, о вкусах не спорят. Которая из двух девиц Мадлен? Я видел обеих, хотя мы не знакомы. Мадлен – это козьявка с голубыми глазищами?

Представляю, как передернуло Растяпу Пинкера, когда его возлюбленную назвали козьявкой, хотя, конечно, умом он должен был понимать, что она и есть козьявка. Впрочем, ответил он без тени раздражения:

– Нет, это племянница сэра Уоткина, Стефани Бинг.

– Бинг? Почему это имя мне что-то напоминает? Ну да, конечно. Старина Джонни Бинг, он однажды был со мной в экспедиции. Такой рыжеволосый... Сто лет его не видел. Бедолага, его как-то укусила пума, и говорят, он до сих пор каждый раз осторожничает, когда надо сесть. Значит, Стефани Бинг, да? Полагаю, вы с ней знакомы?

– Знаком, и очень хорошо.

– Славная девушка?

– По-моему, да. С вашего разрешения, пойду порадую ее хорошей новостью.

– Какой?

– О приходе.

– Ах ну да. Думаете, ей это интересно?

– Уверен в этом. Мы собираемся пожениться.

– Боже правый! Что, никак не отвертеться?

– Я бы ни в коем случае не хотел отвертеться.

– Поразительно! Я вот однажды на попутных машинах удирал из Йоганнесбурга в Кейптаун, чтобы только отвертеться от женитьбы, а вас такая перспектива радует. Ну да ладно, вкусы бывают разные, идите к своей Стефани Бинг. А я перед уходом перекинусь парой слов с Бассетом. Он тоску на меня наводит, но ничего не попишешь – приличия надо соблюдать.

Хлопнула дверь, и воцарилась тишина. Я выждал несколько минут на всякий случай, убедился, что путь свободен, вылез из-за дивана и принялся разминать затекшие конечности. В эту минуту дверь отворилась и вошел Дживс с подносом в руках.

– Добрый вечер, сэра, – сказал он. – Не желаете ли аперитив? Я помогаю мистру Баттерфилду. В данный момент он подслушивает под дверью комнаты, где сэра Уоткин беседует с мисс Бассет. Мистер Баттерфилд собирает материал для своих мемуаров и старается использовать для этого любую возможность.

Я бросил на Дживса один из моих особенных взглядов. Я был холоден и тверд, как крутое яйцо, которым запустили в Бассета. Я, как никогда, был полон праведного негодования:

– Чего я желаю, Дживс? Во всяком случае, не кусок клеклого хлеба с дохлой сардинкой...

– С анчоусом, сэра.

– Ну, пусть с анчоусом. Не будем мелочиться. Я требую объяснений, я на них настаиваю.

– Сэра?

– Надеетесь, вам с помощью этого вопроса удастся уклониться от темы? Отвечайте, Дживс, просто, без обиняков, да или нет. Зачем вы направили Планка в Тотли-Тауэрс?

Я думал, он от этого вопроса сникнет, как мокрый носок, но он даже бровью не повел:

– Печальный рассказ о горестях мисс Бинг ранил мое сердце, сэра. Случайно повстречав эту молодую леди, я заметил, что она крайне огорчена отказом сэра Уоткина передать приход мистру Пинкеру. Я сразу понял, что в моих силах помочь ее горю. На почте в Хокли мне сообщили, что местный священник вскоре собирается уйти на покой, и поскольку я был осведомлен о том, что майор Планк желает усилить линию нападения своей футбольной команды, мне пришла в голову блестящая мысль – познакомить его с мистром Пинкером. Мистру Пинкеру необходимо получить приход, для того чтобы сочетаться брачными узами с мисс Бинг, а майору Планку нужен такой священник, как мистер Пинкер с его опытом игры в качестве пропфорварда, чтобы успешно сражаться с другими командами на футбольном поле. Мне показалось, что интересы мистера Пинкера и майора Планка совершенно совпадают.

– Ваш расчет оправдался. Растяпа Пинкер прошел на ура.

– Он сменит мистера Беллами?

– Сразу как только Беллами уйдет на покой.

– Счастлив это слышать, сэра.

Я ответил не сразу – затекшая нога причиняла боль. Растерев икру, я, по-прежнему холодно, проговорил:

– Вы-то, может быть, и счастливы, но обо мне этого не скажешь, особенно в последние четверть часа. Пришлось сидеть скорчившись за диваном и трястись от страха, что в любую минуту Планк меня обнаружит. Вы не удосужились представить себе, что будет, если мы с ним встретимся?

– Я был уверен: вы с вашим острым умом найдете способ избежать встречи с майором Планком, сэра, и я не ошибся. Вы прятались за диваном?

– Скорчившись в три погибели.

– Необыкновенно удачный маневр, сэра, если позволите заметить. Свидетельствует о быстроте реакции и редкой находчивости, которые трудно переоценить, сэра.

Лед растаял. Не будет преувеличением сказать, что я растрогался. Не так уж часто окружающие изливают на меня бальзам похвал, а такие, например, как тетя Агата, вообще никогда словечка доброго обо мне не вымолвят. Я еще смаковал – по-моему, в данном случае глагол «смаковать» уместен – такие приятные выражения, как «острый ум», «быстрая реакция» и «редкая находчивость», как вдруг, вспомнив о маячившей впереди свадьбе с Мадлен Бассет, вздрогнул так сильно, что Дживс поинтересовался, не захворал ли я. Я потряс башкой:

– Физически нет, Дживс, а вот психологически – да.

– Я не совсем вас понимаю, сэр.

– Так вот вам новость из уст самого Бертрама Вустера. Я женюсь.

– В самом деле, сэр?

– Да, Дживс, я женюсь. Грядет обряд венчания.

– Не будет ли с моей стороны вольностью, если спрошу...

– ...на ком? Могли бы и не спрашивать. Гасси Финк-Ноттл сбежал с Эмералд Стокер, в результате возник... э-э... как это называется?

– Может быть, вакуум, сэр?

– Именно. Возник вакуум, и я призван его заполнить. Если, конечно, вы не придумаете, как мне выпутаться.

– Все мои помыслы я обращаю на решение этой проблемы, сэр.

– Благодарю вас, Дживс, – сказал я и приготовился продолжать в том же духе, но в этот момент увидел, как отворяется дверь, и онемел от страха. К счастью, это оказался не Планк, а Стиффи.

– Привет, – сказала она. – Я ищу Гарольда.

Взглянув на девицу, я понял, что Дживс был прав. Она совсем пала духом. Лоб нахмурен, и общий облик свидетельствует о душевных страданиях. Мне было приятно, что я могу подмешать в ее жизнь немного солнечного света. Отложив до поры мои собственные тревоги, я сказал:

– А он ищет тебя. У него потрясающие новости. Ты знаешь Планка?

– Да. А что?

– Сейчас объясню. До сих пор он был для тебя некой абстрактной личностью, обитающей где-то в Хокли и продающей статуэтки из черного янтаря. Но у этой личности есть и другая сторона.

Стиффи выказала признаки нетерпения:

– Если ты думаешь, что Планк меня интересуется...

– Так он тебя не интересуется?

– Нисколько.

– Ничего, сейчас заинтересует. У него, как я уже сказал, есть другая сторона. Он землевладелец и имеет право распоряжаться церковными приходами. Не буду тянуть, всегда лучше, если есть возможность, сразу брать быка за рога. Короче – Планк отдает приход Гарольду.

Я не ошибся, предполагая, что это известие в корне изменит настроение девицы. Вообще-то мне не приходилось видеть, как покойник соскакивает с катафалка и становится душой общества, но Стиффи наглядно продемонстрировала подобное превращение, когда мои слова просочились в ее сознание. Ее глаза, вернее, голубые глазищи, как справедливо заметил Планк, вспыхнули ярким светом, и ликующий вопль сорвался с ее губ. Но затем

взгляд у нее снова затуманился – видимо, ей в душу закрались сомнения.

– Это правда?

– Совершенная правда.

– Или ты меня дурачишь?

Я надменно вскинул голову:

– И в мыслях не было. По-твоему, Бертрам Вустер способен на такие шуточки? Вселить в человека надежду, а потом... как там, Дживс?

– Разбить ее вдребезги, сэр.

– Благодарю вас, Дживс.

– Не стоит, сэр.

– Сведения достовернейшие, Стиффи. Прямо из первых рук. Я присутствовал при разговоре. Сидел за диваном.

И все-таки Стиффи казалась растерянной:

– Не понимаю. Ведь Планк даже не знаком с Гарольдом.

– Их свел Дживс.

– Это правда, Дживс?

– Да, мисс.

– Ах, какой вы молодчина!

– Благодарю вас, мисс.

– И он в самом деле отдает приход Гарольду?

– Да, приход в Хокли, – подтвердил я. – Он сегодня же напишет Гарольду письмо с официальным предложением. Тамошний священник еще священнодействует, но он стар, немощен и мечтает сложить с себя полномочия, как только ему найдут дублера. Судя по всему, Растяпа ринется в Хокли спасти души прихожан в ближайшие дни.

Мой искренний и убедительный тон развеял последние сомнения Стиффи. Дурные предчувствия как рукой сняло. Глаза засверкали, словно те самые две звезды, о которых поется в песне, она издала дикий вопль и пустилась в пляс. Потом вдруг остановилась и спросила:

– Интересно, каков собою Планк?

– В каком смысле?

– Ну, например, он бородатый?

– Нет.

– Это хорошо. Я хочу его поцеловать, а борода может послужить препятствием.

– И мысль эту из головы выбрось, – возразил я, ибо психология Планка была для меня все равно что открытая книга. Высказывания этого закоренелого холостяка убедили меня, что он скорее даст проткнуть себе икроножную мышцу туземным кинжалом, чем согласится, чтобы прекрасные девы осыпали поцелуями его лицо. – Его хватит удар.

– Все-таки я должна кого-нибудь поцеловать. Дживс, можно, я вас поцелую?

– Нет, благодарю вас, мисс.

– А тебя, Берти?

– Лучше не надо.

– Тогда пойду поцелую дядю Уоткина, хотя в последнее время он ведет себя как скотина чистейшей воды.

– Думаешь, только в последнее?

– А поцеловав, выложу ему новости – надо его проучить, пусть поймет, что сам упустил

свое счастье. Скажу, что, отказавшись от Гарольда, он поступил как тот индеец.

Честно говоря, я не понял, куда она клонит:

– Какой индеец?

– Один дикарь-простофиля – я о нем читала со своей гувернанткой, – он сдуру собственными руками выбросил... как там, Дживс?

– Жемчужину, ценнее во сто крат всех их сокровищ, вместе взятых, мисс.

– А-а, ну да. Надеюсь, скажу я ему, что священник, которого он себе найдет, будет насморочный, косноязычный и худосочный. Ой, заговорила о дяде Уоткине и вспомнила – теперь мне это уже ни к чему.

И она, как фокусник, извлекающий кролика из шляпы, выудила из тайников своих одежд черную кикимору.

Уж лучше бы Стиффи достала гремучую змею. Я в ужасе уставился на уродца. Только его мне сейчас и не хватало для полного счастья.

– Откуда у тебя это? – спросил я сиплым, срывающимся голосом.

– Стянула.

– Ради всего святого, зачем?

– Неужели не ясно? Чтобы пойти к дяде Уоткину и сказать ему, что если он не выполнит данного Гарольду обещания, то не видать ему его драгоценной статуэтки. Политика с позиции силы – так ведь это называется, Дживс?

– Иначе говоря, шантаж, мисс.

– Да, иначе говоря, шантаж. Если имеешь дело с такими типами, как дядя Уоткин, все средства хороши. Но теперь, когда Планк разрешил наши трудности и нет нужды прибегать к крайним мерам, эта вещь мне больше не нужна, и, по-моему, самое разумное – поставить ее на место, пока не хватились. Берти, пойди и отнеси ее в комнату, где хранится коллекция. Вот тебе ключ.

Я отпрянул, как если бы она дала мне подержать скотч-терьера Бартоломью. Я считаю себя *preux chevalier* и тем горжусь, мне нравится угождать прекрасным дамам – по мере возможности, но бывают моменты, когда приходится объявлять *polle prosequi*. Сейчас настал именно такой момент. При одной мысли о том, чтобы пойти на опасное дело, которое мне предлагала Стиффи, я покрылся гусиной кожей.

– И близко не подойду к проклятой комнате! С моим везеньем я сразу наткнусь на твоего дядю Уоткина под ручку со Сподом – и как мне им объяснить, что я там делаю и каким образом проник в запертую на ключ комнату? Кроме того, я не могу разгуливать по дому, когда здесь Планк.

Стиффи залилась своим так называемым серебристым смехом, которым, по-моему, как я уже писал, она бессовестно злоупотребляла:

– Дживс мне рассказал про тебя и про Планка. Ужасно смешно.

– Рад, что тебе смешно. Мне лично было совсем не до смеха.

Дживс, как всегда, нашел выход из положения:

– Если вы передадите означенную вещь мне, мисс, я позабочусь о том, чтобы она вернулась на место.

– Благодарю вас, Дживс. Ладно, до свидания. Пойду отыщу Гарольда, – сказала Стиффи и удалилась, грациозно пританцовывая.

Я пожал плечами:

– Ох уж эти женщины, Дживс!

– Да, сэр.

– Ну и народ!

– Да, сэр.

– Помните, что я вам сказал о Стиффи, когда мы были в Тотли-Тауэрсе в прошлый раз?

– Нет, к сожалению, в данный момент не припоминаю, сэр.

– Она еще подсунула мне каску полицейского Оутса, а тут как раз папаша Бассет и его прихвостни ворвались в мою комнату с обыском. Предвосхищая будущее, я тогда обратил ваше внимание на то, что Стиффи, по которой, как известно, психушка плачет, собралась

замуж за преподобного Г. П. Пинкера, самого придурковатого из тех, кто когда-либо вещал прихожанам о хеттеях и хананеях, и задался вопросом, чего же ожидать от их отпрысков, если таковые явятся на свет.

– Да, сэр, теперь вспоминаю.

– Унаследуют ли они, спрашивал я себя, совокупную дурь обоих родителей?

– Да, сэр, насколько могу припомнить, вас особенно тревожила судьба нянь, гувернеров и школьных преподавателей, которые возьмут на себя ответственность за воспитание вышеупомянутых отпрысков...

– ...не подозревая, с чем им придется столкнуться. Совершенно верно. Эта мысль до сих пор меня гложет. Однако нам сейчас недосуг углубляться в данный предмет. Возьмите-ка лучше черную кикимору и не мешкая водворите ее на место.

– Да, сэр. Коль предстоит тебе свершенье, верши его без промедленья, – сказал он, направляясь к двери, а я в который уже раз восхитился тем, как складно он сочиняет.

Теперь самое время, подумал я, прибегнуть к стратегии, разработанной мною с самого начала, а именно – бежать отсюда через окно. Пока Планк шляется по дому и в любой момент может ввалиться сюда, поближе к напиткам, самое безопасное для меня – удалиться в тисовую, или рододендроновую, аллею и отсидеться там, пока он не уберется восвояси. Итак, в соответствии с планом я поспешил к окну и – представьте себе мой испуг и досаду – обнаружил, что Бартоломью, вместо того чтобы прогуливаться по парку, устроил себе сиесту на травке под окном. Я уже перекинул ногу через подоконник и только тогда заметил мерзкое животное. Еще секунда – и я бы упал прямо на него, подобно летнему дождю, что низвергается неожиданно с небес на землю, как сказал не помню кто.

Легко догадаться, что это *impasse*^[148], как говорят французы. Я стоял, обдумывая свое положение, когда за дверь послышались шаги. Коль предстоит тебе свершенье, верши его без промедленья, сказал я себе и снова бросился за диван, побив на долю секунды свой предыдущий рекорд.

Лежа в своем тесном закутке, я удивлялся, почему не слышно никакого разговора. До сих пор все входящие начинали чесать языки, как только переступали порог. Странно, подумал я, теперь ко мне, кажется, занесло парочку глухонемых. Однако, осторожно выглянув из-за дивана, я понял, что ошибся. Это была вовсе не парочка глухонемых, а Мадлен. Она направлялась к фортепиано, и шестое чувство мне подсказало, что сейчас она примется петь старинные народные песни. Как я уже упоминал, на досуге Мадлен довольно часто предавалась этому занятию. Она особенно усердствовала в минуты бурных переживаний, когда желала успокоиться. Вот и сейчас, видно, настала такая минута.

Мои опасения оправдались. Мадлен принялась голосить и пропела две песни кряду, не переводя дыхания и при мысли о том, что подобное испытание будет моим уделом на всю оставшуюся жизнь, я похолодел. У меня всегда была своего рода аллергия на старинные народные песни, и чем они стариннее, тем пуще аллергия.

К счастью, не успела Мадлен начать третью балладу, как послышались тяжелые шаги, дверь отворилась, кто-то шумно засопел и произнес голосом Спода, хриплым от избытка чувств: «Мадлен!»

– Мадлен, а я везде тебя ищу.

– О, Родерик! Как твой глаз?

– Мне сейчас не до глаза, – сказал Спод. – Я не о глазах пришел рассуждать.

– Говорят, если приложить бифштекс, отек спадет.

– И не о бифштексах. Сэр Уоткин сообщил мне ужасную новость о тебе и о Вустере. Это правда, что ты собираешься за него замуж?

– Да, Родерик, это правда.

– Как ты можешь любить этого осла, этого дебила Вустера?! – вскричал Спод, и я нашел его слова чрезвычайно грубыми. «Выбирайте выражения, Спод», – мог бы я сказать, выпрямившись во весь рост и глядя ему прямо в глаза. Однако по ряду соображений я ничего такого не сказал, а, напротив то го, остался сидеть, скрючившись за спинкой дивана. Мадлен вздохнула, а может, просто под диваном гулял сквозняк.

– Нет, Родерик, я его не люблю. Моя душа к нему нисколько не стремится. Но мой долг подарить ему счастье.

Спод сказал «Тьфу!» или что-то вроде того.

– Ради всего святого! – воскликнул он. – Зачем? Какое тебе дело до этого жалкого червя Вустера и его счастья?

– Родерик, он меня любит. Ты ведь, наверное, заметил, как он на меня смотрит? Его взгляд полон немого обожания.

– Делать мне больше нечего, что ли, как заглядывать Вустеру в глаза? Воображаю, какой взгляд у этого тупицы. Мадлен, давай объяснимся начистоту.

– Я тебя не понимаю, Родерик.

– Сейчас поймешь.

Видимо, произнеся «сейчас поймешь», он схватил ее за руку, потому что она громко вскрикнула «Ой!». Моя догадка подтвердилась, когда она сказала, что он причинил ей боль.

– Прости, прости, – забормотал Спод. – Но я не могу допустить, чтобы ты сломала себе жизнь. Нельзя тебе выходить за Вустера. Ты должна выйти за меня.

Я был «за», как говорится, и сердцем и душой. Озолоти меня – Спода я не люблю, это факт, но эти речи его мне очень понравились. Осталось поднажать еще немного, и Бертрам будет свободен от своих почетных обязательств. Жаль только, что Спод так долго раскачивался.

– Я тебя полюбил, когда ты была вот такой.

Не имея возможности видеть Спода, я так и не узнал, какого роста была Мадлен, когда Спод ее полюбил, но, по моим предположениям, он держал руку не слишком высоко над полом. Футах в двух, я думаю.

Мадлен была явно растрогана. Я услышал, как в горле у нее булькнуло.

– Знаю, Родерик, знаю.

– Ты догадывалась?

– Да, Родерик. О, как печальна жизнь!

Спод не разделял подобных взглядов на жизнь:

– Вовсе нет. Жизнь прекрасна. Во всяком случае, станет прекрасной, если ты пошлешь подальше этого кретина Вустера и выйдешь за меня.

– Я всегда к тебе очень хорошо относилась.

– Значит, решено?

– Дай мне время подумать.

– Пожалуйста. Я готов ждать.

– Не хочу разбивать сердце Берти.

– Но почему? Ему это пойдет на пользу.

– Он так меня любит.

– Вздор. По-моему, он не способен любить никого и ничего, кроме сухого мартини.

– Как ты можешь так говорить? Ведь он примчался сюда, потому что жить без меня не может, – разве нет?

– Как бы не так. Он тебя обманывает. А на самом деле явился в Тотли-Тауэрс, чтобы стащить у твоего отца статуэтку из черного янтаря.

– Как?!

– Вот так! Мало того что он debil, но он еще и жалкий вор.

– Не может быть!

– Очень даже может. Его дядя жаждет заполучить эту статуэтку для своей коллекции.

Не далее чем полчаса назад я слышал, как Вустер разговаривал по телефону со своей теткой. «Украсть статуэтку, – сказал он, – не так просто, но я постараюсь, ведь я знаю, как дядя Том о ней мечтает». Вустер всегда был вором. Когда мы впервые встретились – это было на Бромптон-роуд, в антикварной лавке, – он чуть было не стащил зонт у твоего отца.

Чудовищная ложь, мне ничего не стоит ее опровергнуть. Действительно, Спод, папаша Бассет и я случайно встретились в упомянутой антикварной лавке, но что касается зонга, то тут просто смешное недоразумение. Этот предмет первой необходимости, принадлежавший папаше Бассету, стоял, прислоненный к креслу какого-то там века. Я его взял машинально, очевидно, движимый первобытным инстинктом, который побуждает индивидуума, лишенного зонга – а в то утро я относился именно к этой категории, – бессознательно хватать первый попавшийся ему на глаза зонт с такой же неизбежностью, с какой цветок тянется к солнцу. Все можно было бы объяснить в двух словах, но мне не дали сказать даже одного, замарав тем самым мою репутацию.

– Родерик, ты меня просто сразил! – сказала Мадлен.

– Я так и думал, что ты схватишься за голову.

– Если все это правда, если Берти и в самом деле вор...

– Ну?

– Разумеется, я порву с ним всякие отношения. Но я не могу в это поверить.

– Пойду приведу сэра Уоткина, – сказал Спод. – Надеюсь, ему-то ты поверишь.

Топая как слон, Спод удалился, а Мадлен, должно быть, погрузилась в раздумье, потому что я не слышал ни звука. Потом дверь отворилась, и до меня донеслось покашливание, которое я узнал без малейшего труда.

Это было легкое Дживсово покашливание, оно всегда наводило меня на мысль о старой овце, перхающей где-то в отдалении, среди гор. Если помните, подобным же образом он кашлянул, когда я впервые предстал перед ним в своей тирольской шляпе. Как правило, это его покашливание означает неодобрение, но иногда Дживс им пользуется, если хочет коснуться в разговоре какой-нибудь щекотливой темы. Едва он заговорил, я понял, что сейчас именно такой случай, ибо голос у него звучал приглушенно.

– Осмелюсь осведомиться, не могли бы вы уделить мне несколько минут, мисс?

– Конечно, Дживс.

– Речь пойдет о мистере Вустере, мисс.

– Вот как?

– Вначале должен признаться, что, когда вы с лордом Сидкапом разговаривали, я проходил мимо и случайно услышал высказывания его сиятельства относительно мистера Вустера. У его сиятельства зычный голос. И я оказался в двусмысленном положении, разрываясь между преданностью господину и естественным желанием исполнить свой долг гражданина.

– Я вас не понимаю, Дживс, – сказала Мадлен, и со мной вместе нас, непонимающих, стало двое.

Дживс снова кашлянул.

– Мне бы не хотелось позволить себе вольность, мисс, но если бы я мог говорить откровенно...

– Пожалуйста, говорите.

– Благодарю вас, мисс. Слова его сиятельства, кажется, подтверждают слух, носящийся среди прислуги, о том, что вы намереваетесь сочетаться брачными узами с мистером Вустером. Не покажется ли нескромным с моей стороны, если я позволю себе осведомиться, правда ли это?

– Да, Дживс, это правда.

– Если бы я мог заручиться вашим великодушным прощением, я бы осмелился заметить, что, как мне кажется, мисс, вы совершаете ошибку.

«Отлично сказано, Дживс, вы на правильном пути», – подумал я, надеясь, что он будет продолжать в том же духе. Я с тревогой ждал, что ответит Мадлен, – а вдруг она выпрямится во весь рост и укажет Дживсу на дверь? Но мои опасения не оправдались. Она только повторила, что не понимает, о чем он говорит.

– Если позволите, мисс, я бы мог объяснить. Не хотелось бы дурно отзываться о моем господине, но, мне кажется, вы имеете право знать, что он клептоман.

– Как?!

– Да, мисс. Я надеялся, что мне удастся сохранить это в тайне, как удавалось до сих пор, но в настоящее время мистер Вустер зашел слишком далеко, и я больше не вправе ему потворствовать. Сегодня, раскладывая его вещи, я обнаружил под стопкой нижнего белья эту маленькую черную статуэтку.

Я услышал, как у Мадлен вырвался звук, напоминающий чихание сифона, в котором заканчивается вода.

– Но ведь она принадлежит моему папе!

– Прошу прощения, мисс, но если мистеру Вустеру что-то приглянется, то для него не имеет значения, кому данная вещь принадлежит.

– Значит, лорд Сидкап говорил правду?

– Совершенную правду, мисс.

– Он сказал, что мистер Вустер пытался украсть папин зонтик.

– Обвинение, сформулированное лордом Сидкапом, безусловно обосновано, мисс.

Зонты, ювелирные изделия, статуэтки и прочие предметы такого рода в равной степени привлекают внимание мистера Вустера. Думаю, он ничего не может с собой поделывать. Это одна из форм психического заболевания. Однако трудно сказать, разделяют ли присяжные подобную точку зрения.

Мадлен снова изобразила сифон, в котором кончилась вода.

– Вы думаете, его могут посадить в тюрьму?

– Подобный поворот событий представляется мне весьма вероятным, мисс.

Мне было ясно, что Дживс на верном пути. Его изощренный интеллект подсказал ему вернейший способ помешать девице выйти замуж за кого не надо, а именно – внушить ей, что в один прекрасный момент медовый месяц может быть прерван полицией, нагрянувшей в их любовное гнездышко, чтобы арестовать новобрачного за кражу. Какую юную девицу порадует подобная перспектива, и стоит ли обвинять Мадлен, если она предпочтет кого-нибудь вроде Спода, этой гориллы в человеческом облике, твердо соблюдающего закон. Мне казалось, я слышу ход мысли Мадлен, работающей в этом направлении, и я от души рукоплескал Дживсу, его блестящему знанию психологии индивидуума, как он называет эту премудрость.

Разумеется, я прекрасно понимал, что от всех этих разговоров мое положение в доме Бассетов станет еще неприятнее, но бывают минуты, когда необходимо пустить в дело нож хирурга. Кроме того, меня поддерживала мысль, что, как только я смогу выбраться из-за дивана, будет проще простого прокрасться туда, где меня уже ждет, закусив удила, автомобиль, и рвануть в Лондон, не задерживаясь, чтобы попрощаться и поблагодарить за гостеприимство. Таким образом я сразу избавлюсь от всех возможных неприятностей.

Мадлен все никак не могла успокоиться.

– О Господи! О Боже мой! – причитала она.

– Да, мисс.

– Какой удар!

– Мне понятны ваши чувства, мисс.

– Вы давно об этом знали?

– С тех пор как поступил в услужение к мистеру Вустеру.

– О Боже, Боже мой! Благодарю вас, Дживс.

– Не за что, мисс.

Должно быть, Дживс дематериализовался – интересно, уместен ли тут этот глагол? – ибо наступила полная тишина, и какое-то время ничего не происходило, не считая того, что у меня защекотало в носу. Не пожалел бы десяти соверенов, лишь бы чихнуть, однако подобный поступок, безусловно, не укладывался в рамки принятого мной стратегического курса.

И я продолжал тихо сидеть, скрючившись в своей норе и размышляя о том о сем, как вдруг дверь снова отворилась: в гостиную явились участники массовой сцены. Я насчитал три пары ног и вывел заключение, что они принадлежат Споду, папаше Бассету и Планку.

Спод, если помните, ушел за папашей Бассетом, а Планк, вероятно, увязался за ними в надежде пропустить рюмку-другую на посошок.

Спод заговорил первым, и в его голосе слышалось торжество победителя, застукавшего на месте преступления опасного соперника.

– А вот и мы, – сказал он. – Я привел сэра Уоткина, чтобы он подтвердил мои слова о том, что Вустер – жалкий воришка, который тащит все, что не приколочено гвоздями. Согласны со мной, сэр Уоткин?

– Конечно, Родерик. Не далее как месяц назад он со своей теткой похитил у меня корову-сливочник.

– Что это еще за корова-сливочник? – поинтересовался Планк.

– Серебряный кувшинчик для сливок, жемчужина моей коллекции.

– Неужели им удалось улизнуть?

– Да.

– Ах, – сказал Планк. – В таком случае мне необходимо выпить виски с содовой.

Папаша Бассет вошел в раж. Его голос заглушил шипение сифона, которым орудовал Планк.

– Только по милости providения Вустер не похитил у меня зонт в тот раз, на Бромптон-роуд. Самый большой порок этого молодого человека состоит в том, что он не ведает разницы между *meum* и *tuum*^[149]. Однажды он предстал передо мной в суде по обвинению в краже каски у полисмена. Не устаю сожалеть, что тогда я ограничился всего лишь штрафом в пять фунтов.

– Неуместная доброта, – припечатал Спод.

– Я и сам это чувствую, Родерик. Суровое наказание могло бы сослужить Вустеру хорошую службу.

– Таким типам ничего не должно сходиться с рук, – сказал Планк. – В Мозамбике у меня был мальчик-слуга. Так он повадился таскать у меня сигары. Я по глупости его простил – он меня заверил, что больше этого не повторится, так как он уверовал в Бога. Недели не прошло, как мальчишка удрал, прихватив ящик гаванских сигар и мою вставную челюсть, которую продал соседнему туземном вождю. Чтобы получить ее назад, пришлось пожертвовать ящиком контрабандного джина и двумя нитками бус. Строгость и еще раз строгость. Железная рука. Иного не дано, все прочее воспринимается как признак слабости.

Мадлен всхлипнула, во всяком случае, звук, который мне послышался, был похож на всхлип.

– Но, папа...

– Да?

– Как я понимаю, Берти ничего не может с собой поделывать.

– Но, дитя мое, именно за эту привычку потакать своим склонностям и тащить все, что под руку попадется, мы его и осуждаем.

– Я хотела сказать, что у него kleptomания.

– Да ну? Кто тебе сказал?

– Дживс.

– Странно. Почему об этом зашла речь?

– Потому что Дживс отдал мне это. Он ее нашел в комнате у Берти. Он был очень встревожен.

Последовало молчание, я бы сказал – ошеломленное молчание. Потом папаша Бассет

воскликнул: «Боже правый!», Спод произнес: «Боже мой!», а Планк проговорил с удивлением: «Но это же та самая статуэтка, которую я продал вам, Бассет, помните?» Мадлен снова всхлипнула, а у меня опять защекотало в носу.

– Поразительно! – сказал папаша Бассет. – Говоришь, Дживс ее нашел в комнате Вустера?

– Да, под стопкой белья.

Папаша Бассет крикнул, точно издыхающая утка:

– Как правы были вы, Родерик! Вы ведь мне говорили, что Вустер явился сюда, чтобы похитить статуэтку. Но не понимаю, как он проник в комнату, где хранится коллекция.

– У этой публики свои приемы.

– Похоже, на эту штуку большой спрос, – сказал Планк. – Только вчера у меня дома какой-то фрукт с лицом преступника пытался продать ее мне.

– Вустер!

– Нет, не Вустер. Моего фрукта зовут Тирольский Джо.

– Может, это кличка Вустера.

– Может. Об этом я как-то не подумал.

– Ну а теперь, после всего этого... – сказал папаша Бассет.

– Да, после этого, – подхватил Спод, – ты ведь не выйдешь за него замуж, правда, Мадлен? Он еще хуже, чем Финк-Ноттл.

– Кто такой Финк-Ноттл? – поинтересовался Планк.

– Тот тип, который сбежал с Эмералд Стокер, – сказал папаша Бассет.

– Кто такая Эмералд Стокер? – спросил Планк. Никогда не встречал человека, которого бы в такой степени терзал информационный голод.

– Повариха.

– Ах да. Вспомнил, вы же мне говорили. Этот парень знает, что делает. Я решительно против любого брака, но если уж идти на этот отчаянный шаг, то стоит извлечь из него какую-то выгоду, женившись на женщине, которая сумеет управиться с куском мяса. Я знал одного парня в Федеральных штатах Малайи, так он...

Вероятно, Планк собирался поведать какую-то забавную историю, но Спод не дал ему договорить. Адресуясь к Мадлен, он сказал:

– Я знаю, что тебе надо сделать. Выйти замуж за меня. И пожалуйста, не спорь со мной. Ну так как?

– Да, Родерик, я согласна стать твоей женой.

Спод издал воинственный клич, от которого у меня еще сильнее защекотало в носу.

– Вот то-то! Совсем другой разговор! Идем в сад. Мне надо так много тебе сказать.

Тут он, должно быть, заключил Мадлен в объятия и потащил прочь. Я услышал, как за ними захлопнулась дверь, после чего папаша Бассет, в свою очередь, тоже издал пронзительный клич, по мощности не уступающий тому, что недавно сорвался с губ Спода. Очевидно, старикашку охватил буйный восторг, причину которого нетрудно понять. Отец, чья дочь чуть не вышла за Гасси Финк-Ноттла, потом чуть не вышла за меня, а потом наконец прозрела и подцепила видного представителя британской аристократии, имеет право быть вне себя от счастья. Лично мне Спод не нравился, и, пырни его кинжалом какая-нибудь перуанская матрона, я бы только порадовался, но было бы нелепо отрицать, что с матримониальной точки зрения он лакомый кусочек.

– Леди Сидкап! – Старикашка смаковал эти два слова, будто драгоценный марочный

портвейн.

– Кто такая леди Сидкап? – спросил одержимый жаждой познания Планк.

– Моя дочь скоро станет ею. Одна из древнейших фамилий Англии. Тот молодой человек, который только что здесь был, – это лорд Сидкап.

– Я думал, его зовут Родерик.

– Родерик – это его имя.

– А! Теперь понял. Теперь картина мне ясна. Ваша дочь собиралась выйти за малого по фамилии Финк-Ноттл?

– Да.

– Затем переметнулась к этому самому Вустеру, он же, возможно, Тирольский Джо?

– Да.

– А теперь она решила выйти за лорда Сидкапа?

– Да.

– Ясно как божий день, – сказал Планк. – Я знал, что в конце концов разберусь. Всего лишь вопрос концентрации внимания и исключения второстепенного. Вы одобряете этот брак? Разумеется, в той степени, – добавил он, – в какой вообще можно одобрять брак.

– В высшей степени одобряю.

– В таком случае выпью-ка еще стакан виски с содовой.

– Присоединяюсь, – подхватил папаша Бассет.

В эту минуту, не в силах больше сдерживаться, я чихнул.

– Говорил же я, что там за диваном кто-то есть, – сказал Планк, обогнул диван и воззрился на меня так, будто я туземный вождь, неспособный усвоить правила игры в регби.

– Отсюда доносились подозрительные звуки. Господи, это же Тирольский Джо!

– Это Вустер!

– Кто такой Вустер? Ах да, вспомнил, вы мне о нем говорили. Какие шаги вы собираетесь предпринять?

– Я вызвал Баттерфилда.

– Кто такой Баттерфилд?

– Дворецкий.

– Зачем вам дворецкий?

– Велю ему позвать Оутса.

– Кто такой Оутс?

– Здешний полисмен. Он пошел на кухню пропустить стаканчик виски.

– Виски! – задумчиво произнес Планк и, будто вспомнив о чем-то, направился к столу, где стояли напитки.

Дверь открылась.

– Баттерфилд, пожалуйста, попросите Оутса прийти сюда.

– Слушаю, сэр Уоткин.

– Бедолага, он не совсем в форме, – сказал Планк, глядя вслед удаляющемуся Баттерфилду. – Две-три футбольные тренировки, и будет как огурчик. Что собираетесь делать с Тирольским Джо? Предъявите обвинение?

– А как же. Он, конечно, надеется, что я этого не сделаю, потому что испугаюсь скандала, но он ошибается. Я дам делу законный ход.

– Правильно. Припаяйте ему на полную катушку. Вы ведь здешний мировой судья, правда?

– Да, и я намерен дать ему двадцать восемь суток по второму разряду.

– Может быть, шестьдесят? Хорошая круглая цифра. А на шесть месяцев не получится?

– Боюсь, не получится.

– Да, вероятно, у вас существуют строгие тарифы. Ладно, двадцать восемь дней лучше, чем ничего.

– Констебль Оутс, – сказал появившийся в дверях Баттерфилд.

Не знаю почему, но когда вас ведут в полицейский застенок, вы себя чувствуете довольно глупо. По крайней мере со мной дело обстояло именно так. Я хочу сказать, что если вы шестуете бок о бок со стражем закона, у вас возникает ощущение, будто в каком-то смысле вы у него в гостях и вам следует проявлять к нему всяческий интерес и вызывать на разговор. Однако на самом деле задача эта непосильная – ни живого обмена мыслями, ни легкой беседы не получается. Помнится, в частной школе, той самой, где я получил приз за знание Библии, достопочтенный Обри Апджон, наш главный принципал, имел обыкновение брать нас по одному на воскресные образовательные прогулки, и, когда подходила моя очередь, я отнюдь не блистал красноречием. Вот и теперь со мной случилось то же самое. Как ни старался я быть небрежным и раскованным, когда в сопровождении констебля Оутса держал путь к деревенской кутузке, мне не удавалось выдавить из себя ни слова.

Возможно, будь я преступником высокого класса, которому светит лет десять за грабеж, поджог или еще что-нибудь такое, вот тогда совсем другое дело. Но я был мелкая сошка, тянул всего на каких-то двадцать восемь суток по второму разряду, и не мог избавиться от ощущения, что констебль смотрит на меня сверху вниз, не презрительно, пожалуй, в прямом смысле слова, но надменно. Должно быть, он считал, что с такой мелочью не стоит и связываться.

Да, и вот еще что. Рассказывая о своем предыдущем посещении Тотли-Тауэrsa, я упомянул, что когда папаша Бассет заточил меня в моей комнате, то внизу на лужайке он сосредоточил местные полицейские силы, чтобы я не улизнул через окно. Местные полицейские силы, естественно, были представлены в лице все того же Оутса, а поскольку в ту ночь дождь лил как из ведра, думаю, не ошибусь, если скажу, что упомянутый Оутс затаил на меня зло. Даже самый добрый констебль и то не мог бы благожелательно взирать на арестанта, по чьей вине рисковал схватить сильную простуду в самый разгар служебной карьеры.

Как бы то ни было, сейчас Оутс выказал себя человеком не слова, но дела и деловито запер меня в тюремную камеру. В Тотли таковая имелась в единственном числе и вся целиком была предоставлена в мое распоряжение. Камера оказалась уютной комнаткой об одно окошко, незапертое, но слишком маленькое – через него не пролезешь, – с зарешеченной дверью, нарами и крепким запахом пьянства и хулиганства, который всегда стоит в гостеприимных местах заключения и отдыха. Затрудняюсь решить, был ли этот застенок лучше или хуже того, что мне отвели на Бошер-стрит. По правде говоря, хрен редьки не слаще.

Сказать, что я рухнул на нары и забылся сном – значило бы обмануть моего читателя. Ночь я провел беспокойно. Мог бы поклясться, что глаз не сомкнул, но, видимо, все-таки сомкнул, потому что вдруг увидел солнечный свет, бьющий в окно, и моего тюремщика, который принес мне завтрак.

Я умял его с аппетитом, не свойственным мне в столь ранний час. Покончив с едой, выудил из кармана старый конверт и принялся за работу, которую, бывало, проделывал и прежде, когда провидение начинало размахивать своей дубинкой у меня над головой, а именно: стал подводить баланс «Приход – Расход», чем, помнится, имел обыкновение заниматься Робинзон Крузо. Цель у меня была простая – посмотреть, где я на данный

момент в выигрыше, а где терплю убытки.

Итог у меня получился такой.

Приход – Расход

Завтрак недурен. Кофе вполне хороший. Удивлен. – Хватит думать о желудке, арестант несчастный.

Это кто арестант? – Арестант – это ты.

Ладно, пусть так, если угодно. Но я не виновен. Руки мои чисты. – А лицо не очень.

Вид не так чтобы очень что? – Тебя как будто кошка из мусорной кучи притащила.

Принять ванну – и все дела. – В тюрьме? Держи карман шире.

Думаешь, действительно засадят? – Ты же слышал, что сказал папаша Бассет.

Интересно, каково это – отсидеть двадцать восемь суток? До сих пор ограничивался одной ночью. – Узнаешь, почем фунт лиха. Умрешь от тоски.

Не знаю, не знаю. Там дают мыло и молитвенник, если не ошибаюсь. – Какая тебе польза от мыла и молитвенника?

Могу устроить из них какую-нибудь настольную игру. Зато не должен буду жениться на Мадлен. Что скажешь на это?

Тут уж «Расход» прикусил язык, неплохо я его поддел. Ища в тарелке, не завалилась ли где крошка хлеба, не замеченная мною, я все же чувствовал себя щедро вознагражденным за все выпавшие на мою долю неприятности. Некоторое время я предавался размышлениям, все больше и больше примиряясь со своей участью, как вдруг послышался серебряный голосок, и от неожиданности я подскочил, как испуганный кузнечик. В первую минуту я не понял, откуда эти звуки исходят, и подумал, что явился мой ангел-хранитель, хотя всегда, не знаю почему, считал, что он особа мужского пола. Потом увидел за решеткой нечто вроде человеческого лица и, присмотревшись, узнал Стиффи.

Сердечно поздоровавшись с ней, я поинтересовался, как она сюда попала:

– Вот уж не думал, что Оутс тебя впустит. Или сегодня день посещений?

Стиффи сказала, что бдительный страж ушел в Тотли-Тауэрс для объяснения с дядей Уоткином и она проскользнула сюда, как только он удалился.

– Берти, – сказала она, – может, принести тебе напильник?

– Зачем мне напильник?

– Осел! Чтобы распилить решетку на окне.

- На окне нет решетки.
- Разве? Жаль. Ну да ладно. Ты завтракал?
- Только что.
- Ну и как, ничего?
- Вполне.
- Вот хорошо, а то я мучилась угрызениями совести.
- Ты? Почему?
- Пошевели мозгами. Если бы я не стащила статуэтку, тебя бы сюда не заперли.
- Ладно, не огорчайся.
- Не могу. Хочешь, скажу дяде Уоткину, что ты ни при чем, что это моих рук дело?

Надо смыть пятно с твоего имени.

Я с величайшей поспешностью отверг ее предложение:

- Ни в коем случае. И не мечтай.
- Разве ты не хочешь смыть пятно со своего имени?
- Не такой ценой. Не хочу перекладывать ответственность на тебя.
- Не беспокойся. Меня дядя Уоткин не засадит в кутузку.
- Надеюсь. Но если Растяпа Пинкер все узнает, его хватит удар.
- Ой! Я об этом не подумала.
- Ну так хоть сейчас подумай. Он поневоле начнет сомневаться, стоит ли ему, викарию, навеки связывать свою судьбу с твоей. Будет раздумывать, правильно ли он поступает, колебаться. Другое дело, если бы ты была подружкой гангстера. Тогда, пожалуйста, тащи что под руку попадет, он тебя за это только по головке погладит. А с Растяпой Пинкером все иначе. Как жена викария ты станешь хранительницей приходской казны. Если Растяпа узнает про этот случай, он не будет ведать ни минуты покоя.

– Да, понимаю. Наверно, ты прав.

– Представляешь себе, как он будет вздрагивать, увидев тебя у ящика с церковными пожертвованиями? Нет, ты должна быть нема как могила.

Она вздохнула, видно, ее все еще мучили угрызения совести, но мои доводы были слишком убедительны.

– Конечно, ты прав, но меня бесит, что ты в тюрьме.

– Выкинь из головы. Ущерб возмещен.

– Чем?

– Мне не надо идти на эшафот.

– Идти на?.. А, понимаю. Не надо жениться на Мадлен.

– Конечно. Я ничего дурного о Мадлен не хочу сказать, как я тебе однажды уже объяснял, но при мысли о том, чтобы связать себя с нею священными узами, меня бросает в дрожь. Однако этот факт ни в коей мере не умаляет достоинств Мадлен. Множество самых блестящих женщин, если бы мне пришлось на них жениться, вызвали бы у меня точно такие же ощущения. Я их уважаю, восхищаюсь ими, преклоняюсь перед ними – но только на расстоянии, и Мадлен как раз из их числа.

Развивая эту тему, я приготовился было поговорить о народных песнях, но тут какой-то хриплый голос ворвался в наш tête à tête, если данное выражение подходит в случае, когда собеседники находятся по разные стороны железной решетки. Голос принадлежал констеблю Оутсу, вернувшемуся из Тотли-Тауэrsa. Присутствие Стиффи явно ему не понравилось, и он строго спросил:

– Это что такое?

– Что – это? – не долго думая нанесла ответный удар Стиффи, и я еще подумал, как ловко она его уела.

– Разговаривать с заключенными запрещается, мисс.

– Оутс, вы осел, – сказала Стиффи.

Это была истинная правда, но констебль обиделся и возмущенно отверг такое обвинение. Тогда Стиффи предложила ему заткнуться:

– Эх вы, полиция! Я же только хотела немного ободрить заключенного.

Констебль хмыкнул, как мне показалось, с досадой, и минуту спустя мое впечатление подтвердилось.

– Это я нуждаюсь в ободрении, – мрачно сказал он. – Я виделся с сэром Уоткином, и он мне сказал, что не будет выдвигать обвинение.

– Что?! – вскричал я.

– Что?! – взвизгнула Стиффи.

– То, – сказал констебль, и мне стало ясно, что хоть солнце на небе давно, а в душе его темно. Честное слово, я ему даже посочувствовал. Для служителя закона нет горше обиды, чем если преступник ускользает из рук. Это все равно что крокодилу где-нибудь на Замбези или пуме в Бразилии видеть, как Планк, которым они собирались позавтракать, взмывает у них из-под носа на дерево недостижимой высоты.

– Сковать полицию по рукам и ногам, вот как я это называю, – буркнул он и, кажется, плюнул на пол. Естественно, видеть я этого не мог, но звук плевка слышал явственно.

Стиффи гикнула вне себя от радости, и я тоже, помнится, гикнул. На самом деле, как я ни храбрился, мне совсем не улыбалось гнить в застенке целых двадцать восемь дней. Одна ночь за решеткой – куда ни шло, но все хорошо в меру.

– Ну, так чего мы ждем? – сказала Стиффи. – Пошевеливайтесь, констебль. Живо открывайте двери.

Не скрывая досады и разочарования, Оутс отпер замки, и мы со Стиффи вышли на широкие просторы по ту сторону тюремных стен.

– Прощайте, Оутс, – сказал я, ибо всегда приятно отдать дань вежливости своему бывшему тюремщику. – Рад был познакомиться. Поклон миссис Оутс и детишкам.

В ответ Оутс громко фыркнул – звук получился такой, будто бегемот вытащил ногу из болота. Я заметил, что Стиффи поморщилась. По-моему, поведение Оутса ей не понравилось.

– Знаешь, – сказала она, когда полицейский участок остался позади, – с Оутсом надо что-то делать. Надо дать ему хороший урок. Пусть не думает, что жизнь состоит из одних удовольствий. Правда, с ходу мне ничего подходящего не приходит в голову, но один ум хорошо, а два лучше. Берти, не уезжай и помоги мне проучить Оутса так, чтобы он на всю жизнь запомнил.

Я вздернул одну бровь:

– Ты хочешь, чтобы я остался здесь в качестве гостя дяди Уоткина?

– Можешь пожить у Гарольда. У него есть свободная комната.

– Нет уж, извини.

– Значит, не останешься?

– Нет. Хочу убраться из Тотли как можно скорее, и чем дальше, тем лучше. И можешь сколько хочешь твердить, что я отпетый трус, меня этим не проймешь.

Она состроила гримасу, которую французы, по-моему, называют moue^[150], то есть, попросту говоря, надулась как мышь на крупу.

– Я так и знала, что тебя бесполезно просить. Нет в тебе ни спортивного духа, ни боевого задора, и в этом твоя беда. Придется привлечь Гарольда.

Я замер на месте, потрясенный той картиной, которую вызвали ее слова в моем воображении, а Стиффи, всем своим видом выказав обиду и негодование, удалилась. Пока я стоял, гадая, какую кашу она теперь заварит на беду преподобному Пинкеру, и надеясь, что у него хватит благоразумия отказаться от Стиффиных затей, подкатил автомобиль, в котором, к своей несказанной радости, я увидел Дживса.

– Доброе утро, сэр, – сказал он. – Надеюсь, вы хорошо спали?

– Урывками, Дживс. Эти нары ужасно жесткие, все бока отлежал.

– Могу себе представить, сэр. Позволю себе заметить, что, к моему глубокому сожалению, эта тревожная ночь оставила след на вашем внешнем облике. Я бы не стал утверждать, что у вас вид достаточно soigne^[151].

Конечно, я мог бы его осадить, бросив, например, что-нибудь вроде: «Мне бы ваши заботы, Дживс», – но я не стал этого делать. У меня в голове роились более глубокие мысли. Я пребывал в философском настроении.

– Знаете, Дживс, – сказал я, – век живи – век учись.

– Сэр?

– В смысле, что у меня теперь на многое открылись глаза. Я получил хороший урок. Теперь мне понятно, как можно ошибиться, навешивая на ближнего ярлык отпетого негодяя только потому, что он ведет себя как отпетый негодяй. Приглядишься внимательнее – и увидишь человеческие черты там, где менее всего ожидаешь.

– Весьма глубокое наблюдение, сэр.

– Возьмем, например, сэра Уоткина Бассета. Со свойственной мне опрометчивостью я занес его в разряд законченных злодеев, в которых нет ничего человеческого. И что же мы видим? Оказывается, и он может проявить великодушие. Загнав Бертрама в угол, он против ожидания не стал его добивать, он, карая, не забыл о милосердии и отказался от судебного преследования. Я тронут до глубины души тем, что под его отталкивающей оболочкой скрывается золотое сердце. Дживс, почему у вас вид как у надутый лягушки? Разве вы со мной не согласны?

– Не вполне, сэр, – в той части, где вы приписываете снисходительность, проявленную сэром Уоткином, исключительно его душевной доброте. Он руководствовался совсем иными побуждениями.

– Не понял, Дживс.

– Мне пришлось выдвинуть условие, чтобы вас освободили, сэр.

Я совсем запутался. По-моему, малый начал заговариваться. А какой прок от камердинера, который несет околесицу!

– Что вы хотите этим сказать? Условие чего?

– Моего поступления на службу к сэру Уоткину, сэр. Мне следовало упомянуть, что во время моего пребывания в Бринкли-Корте сэр Уоткин был настолько добр, что высоко оценил усердие, с которым я выполняю свои служебные обязанности, и предложил мне расстаться с вами и поступить к нему. Я принял предложение сэра Уоткина, но при условии что он вас освободит.

Полицейский участок в Тотли находится на главной улице, и оттуда, где мы стояли,

были видны лавки мясника, булочника, бакалейщика, а также трактир, где торговали табаком, пивом и спиртными напитками. Когда до меня дошел смысл того, что сказал Дживс, мясник, булочник, бакалейщик и трактирщик задрожали и задергались у меня перед глазами, будто в пляске Святого Витта.

– Вы от меня уходите? – с трудом проговорил я, не веря собственный ушам.

У Дживса чуть дрогнули уголки губ. Он словно бы собрался улыбнуться, но потом, понятное дело, раздумал.

– Временно, сэр. Полагаю более чем вероятным, что по прошествии недели или около того между сэром Уоткином и мною объявятся некие расхождения во взглядах, в результате чего я буду вынужден отказаться от места. И если к этому времени вы еще не обзаведетесь новым камердинером, я с радостью вернусь к вам в услужение.

Теперь я все понял. Значит, это была хитрость, и, уверяю вас, весьма удачная. Мозг Дживса, разросшийся благодаря постоянной рыбной подпитке, нашел решение, приемлемое для всех сторон. Туман, застилавший мне глаза, рассеялся. Мясник, булочник, бакалейщик и трактирщик, приторговывающий табаком, пивом и спиртными напитками, перестали дрожать и дергаться, как эпилептики, и status quo был восстановлен.

Бурный поток чувств захлестнул Бертрама.

– Дживс... – сказал я. Голос у меня срывался, но что поделаешь – мы, Вустеры, всего лишь люди. – Вам нет равных. Там, где прочие ждут указаний, вам ведомо все наперед, как сказал один поэт. Не знаю даже, чем мне вас отблагодарить.

Он, по обыкновению, тихо кашлянул, как далекая овца.

– В вашей власти вознаградить меня, сэр, если вы будете столь добры.

– Говорите, Дживс. Просите все, чего пожелаете. И полцарства в придачу.

– Если бы вы могли расстаться с вашей тирольской шляпой, сэр...

Мне давно следовало понять, куда он клонит. Овечье перханье должно было меня насторожить. Но я потерял бдительность, и этот удар чуть не сбил меня с ног. В первую минуту я, признаться, даже пошатнулся.

– Не кажется ли вам, что вы зашли слишком далеко?

– Я лишь внес предложение, сэр.

Я снял шляпу и остановил на ней свой взгляд. В лучах утреннего солнца она вся заиграла – такая голубая, с розовым пером.

– Вы отдаете себе отчет в том, что разбиваете мне сердце?

– Мне очень жаль, сэр.

Я вздохнул. Но как известно, Вустеры умеют держать удар.

– Хорошо, Дживс. Так и быть.

Я отдал ему шляпу. Ну прямо родной отец, который скрепя сердце выбрасывает из саней любимое дитя, чтобы отвлечь бегущую за ним по пятам волчью стаю, – так принято, я слышал, поступать зимой в России. Но что поделаешь?

– Дживс, вы намерены сжечь мою тирольскую шляпу?

– Отнюдь нет, сэр. Я подарю ее мистеру Баттерфилду. Он считает, что она ему поможет в деле оболъщения.

– В каком деле?

– Мистер Баттерфилд ухаживает за одной вдовой из здешней деревни, сэр.

Признаться, я был удивлен:

– Но ведь ему прошлым летом исполнилось сто четыре года!

– Да, сэр, годами он стар, но...

– ...молод душою?

– Совершенно верно, сэр.

Сердце у меня растаяло. Я больше не думал о себе. Мне пришло в голову, что, к сожалению, приходится уезжать, не оставив Баттерфилду чаевые. Так пусть шляпа послужит ему возмещением убытка.

– Хорошо, Дживс, вручите ему эту шляпу. И пожелайте ему от меня удачи в сердечных делах.

– Непременно так и сделаю. Благодарю вас, сэр.

– Не за что, Дживс.

Пелам Гренвилл Вудхаус
Тысяча благодарностей, Дживс!

Удобно усевшись за стол и приступив к яичнице с ветчиной, которую Дживс дал мне от щедрот своих, я испытывал, если можно так выразиться, странную экзальтацию. Обстановка казалась благоприятствующей. Я снова был в своей старой насиженной цитадели, и сама мысль, что я больше не увижу Тотли-Тауэрс, сэра Уоткина Бассета, его дочь Мадлен и, главное, презренного Спода, или лорда Сидкапа, как он теперь себя называет, действовала на меня, как средняя взрослая доза одного из тех общедоступных лекарств, которые поднимают общий тонус и вселяют в человека бодрость.

– Яичница, Дживс, – объедение, – сказал я. – Вкусней не бывает.

– Да, сэр?

– Без сомнения, эти яйца откладывали довольные жизнью несушки. И кофе отменный. Не премину пропеть хвалу и бекону. Скажите, вам не кажется, что со мной сегодня утром что-то творится?

– По-моему, вы в хорошем настроении, сэр.

– Да, Дживс, сегодня я чувствую себя счастливым.

– Очень рад это слышать, сэр.

– Можно сказать, я на седьмом небе, и радуга висит у меня через плечо.

– Прекрасное положение вещей, сэр.

– Помните то слово, начинается с «эй», я слышал, как вы иногда говорите его?

– Эйфория, сэр?

– Вот именно. У меня давно не было такого острого приступа эйфории. Я полон до краев витамином В. Хотя, конечно, как долго это продлится, неизвестно. Бывает, только развеселишься, а тут уже тучи начинают делать свое черное дело.

– Совершенно верно, сэр.

Я наблюдал, как солнечный восход
Ласкает горы взором благосклонным,
Потом улыбку шлет лугам зеленым
И золотит поверхность бледных вод.
Но часто позволяет небосвод
Слоняться тучам перед светлым тронem.
Они ползут над миром омраченным,
Лишая землю царственных щедрот^[152].

– Вот именно, – согласился я, подумав, что сам не смог бы сказать складнее. – Всегда нужно быть готовым к перемене погоды. Но пока она не произошла, будь счастлив в полную меру.

– Абсолютно точно, сэр. *Carpe diem*^[153], советовал римский поэт Гораций. Английский поэт Геррик выразил те же мысли и чувства, сказав, что «нужно розы рвать, пока они свежи». Ваш локоть в масленке, сэр.

– Ой, спасибо, Дживс.

Что ж, пока неплохо. Начало удачное. Но как вести повествование дальше, просто не

знаю. Не представляю себе, как писать новую главу Истории Бертрама Вустера – а именно на это я собираюсь замахнуться, – не углубляясь в прошлое, не упоминая событий, случившихся в предыдущих главах и не объясняя, кто есть кто и что, где, когда и почему произошло; но начни я объяснять все это, что скажут те читатели, которые идут со мной рука об руку с самого начала? Они закричат: «Старье!» или, как говорят французы: «Déjà vu»^[154].

С другой стороны, я не должен забывать и о новичках. Нельзя допустить, чтобы бедолаги бились над решением ребусов. А то между нами может состояться примерно следующий обмен репликами:

АВТОР. Я почувствовал огромное облегчение, улизнув из Тотли-Тауэрс.

НОВИЧОК. Что это, Тотли-Тауэрс?

АВТОР. Дело шло к тому, что мне придется жениться на Мадлен.

НОВИЧОК. Кто это Мадлен?

АВТОР. Понимаете, Гасси Финк-Ноттл сбежал с кухаркой.

НОВИЧОК. Кто это Гасси Финк-Ноттл?

АВТОР. Но к счастью, поблизости оказался Спод и перехватил ее, чем спас меня от эшафота.

НОВИЧОК. Кто это Спод?

Сами видите, положение безнадежное. Бестолковщина, одним словом. Я вижу единственный выход: попросить читателей со стажем отвлечься ненадолго, есть множество дел, которыми они могли бы заняться – помыть машину, разгадать кроссворд, выгулять собаку, – пока я введу в курс дела начинающих.

Короче говоря, в силу обстоятельств, о которых здесь нет нужды распространяться, Мадлен Бассет, дочь сэра Уоткина Бассета из Тотли-Тауэрса, графство Глостершир, долгое время полагала, что я безнадежно в нее влюблен, и уведомила меня, что если ей когда-нибудь представится случай дать своему нареченному Гасси Финк-Ноттлу от ворот поворот, она выйдет за меня замуж. Такой поворот несколько меня не устраивал, ведь хотя я и признавал, что она писаная красавица, она отвращала меня тем, что была сладко-слезливой барышней, звезды на небе считала божьими цветочками и верила, будто всякий раз, как высморкается фея, на свет появится младенец. А это, как вы сами понимаете, последнее, что захочешь иметь у себя в доме.

Так вот, когда Гасси неожиданно сбежал с кухаркой, казалось, что Бертраму уже недолго осталось гулять на свободе. Если девушка думает, что вы в нее влюблены, и выражает желание выйти за вас замуж, не скажете же вы ей, что с большей радостью сдохнете в канаве. Конечно, это при условии, что вы, как говорится, истый *preux chevalier*^[155], а быть таковым я всегда стремлюсь.

Но в тот момент, когда я уже был готов надеть терновый венец, вдруг, как я сказал, появился Спод, теперь живущий под именем лорда Сидкапа. Он давно любил ее за одухотворенность, но все не мог собраться об этом сказать, и теперь, когда он объяснился, они тут же спелись. Возможно, сознание того, что она нашла себе пару и больше не представляет угрозы, было важнейшей составляющей моей теперешней эйфории.

Надеюсь, после этих разъяснений все стало ясно и дураку. Итак, продолжим. На чем мы остановились? Ах, я сказал Дживсу, что пребываю на седьмом небе и радуга висит у меня

через плечо, но усомнился в том, что это продлится долго, и оказался прав: не успел я дважды поднести вилку ко рту, как жизнь дала мне почувствовать, что она не сладкозвучная песня, а цепь колдобин и суровых испытаний.

– Мне показалось, Дживс, – завел я досужий разговор, потягивая кофе, – или действительно сегодня утром, когда с меня спала пелена сна, я слышал стук вашей пишущей машинки?

– Да, сэр. Я кое-что сочинял.

– Письмо Чарли Силверсмиту по долгу родства или, может быть, стихи в духе того чудака, который призывал срывать розы?

Чарли Силверсмитом звали его дядю, который служил дворецким в Деверил-Холле, где в свое время мы так мило гостили.

– Ни то ни другое, сэр. Я записывал недавние события в Тотли-Тауэрс для клубной книги.

Здесь – вот ведь незадача! – я снова должен попросить читателей-ветеранов отвлечься, пока я буду растолковывать, что к чему, новобранцам.

Дживс, да будет вам известно (это я уже обращаюсь к новобранцам), состоит в клубе дворецких и камердинеров, расположенном в районе Керзон-стрит, а каждый член этого клуба, согласно уставу, обязан заносить в клубную книгу самые свежие сведения о своем хозяине, чтобы желающие найти место, ознакомившись с ними, могли знать, что их ждет. Решивший наняться на работу член клуба заглядывает в клубную книгу, и если выясняется, что интересующий его джентльмен каждое утро оставляет на крыльце крошки для птиц и регулярно спасает золотоволосых детей, бросаясь под колеса автомобилей, то все в порядке, и он соглашается на работу без колебаний. Если же выясняется, что предполагаемый хозяин частенько пинает голодных собак и по утрам запускает овсянкой в прислугу, то искатель места вовремя получает предупреждение, что надо держаться от такого субъекта подальше.

Очевидно, рациональное зерно во всем этом есть, но, по-моему, такая книга – это бомба замедленного действия, и она должна быть запрещена. Дживс сказал, что одиннадцать страниц в ней посвящены мне; а как отреагирует тетя Агата, спросил я, попади книга ей в руки, ведь я у нее и так на плохом счету? Она уже высказывалась обо мне напрямик несколько лет назад, когда я был найден в спальне с двадцатью тремя кошками, – можно подумать, мне их общество было в радость! – и еще раз, когда я был обвинен – как вы понимаете, облыжно – в том, что бросил на острове посреди озера члена кабинета министров А. Б. Филмора. Какой же простор дадут ее красноречию мои злоключения в Тотли-Тауэрс! «Воображение просто пасует, Дживс», – сказал я.

На это Дживс заявил, что книга не попадет в руки тете Агате: вряд ли она заглянет в «Ганимед» – так называется клуб, – и поэтому нечего, мол, беспокоиться. Его доводы казались убедительными, и ему более или менее удалось унять мой трепет, но все-таки я не мог избавиться от чувства беспокойства, и, когда я обратился к нему, мой голос дрожал от волнения.

– Боже мой! – выпалил я, если слово «выпалил» сюда подходит. – Неужели вы действительно собираетесь записать события в Тотли?

– Да, сэр.

– И как меня подозревали в краже янтарной статуэтки у старика Бассета?

– Да, сэр.

– И что я провел ночь в тюремной камере? Нельзя ли без этого обойтись? Почему бы не

предоставить мертвому прошлому погребать своих мертвецов? Почему бы не предать все это забвению?

– Это невозможно, сэр.

– Почему невозможно? Не говорите мне, что вы ничего не забываете. Ваша голова не бездонная бочка.

Я думал, что положил его на лопатки, но не тут-то было.

– Как член клуба, я не имею права оказать вам эту услугу. Пункты устава, касающиеся клубной книги, очень строги, и за неподачу сведений установлено суровое наказание. Известны прецеденты, когда провинившихся исключали.

– Понимаю, – сказал я. Я вполне сознавал, что он раздираем противоречием: вассальная приверженность побуждала его служить молодому хозяину верой и правдой, в то время как естественное нежелание вылететь из горячо любимого клуба подталкивало его отмахнуться от хозяйских терзаний. Ситуация, как мне казалось, вынуждала искать компромисс.

– Не могли бы вы тогда как-то подретушировать свой рассказ? Выкинуть парочку наиболее смачных эпизодов?

– Боюсь, что нет, сэр. От нас требуют полного отчета. Комитет на этом настаивает.

Думаю, я погорячился, когда выразил пожелание, чтобы члены его проклятого комитета поскользнулись на банановой кожуре и свернули себе шеи, потому что, как мне показалось, по его лицу скользнула тень страдания. Но он умел уважать чужое мнение и простил мне этот выпад.

– Понимаю ваши чувства, сэр. Но поставьте себя на место членов комитета. Клубная книга – исторический документ. Она существует уже более восьмидесяти лет.

– Тогда она должна быть величиной с дом.

– Нет, сэр, она состоит из отдельных томов. Записи в последнем ведутся уже около двенадцати лет. И нужно помнить, что не всякий хозяин заслуживает того, чтобы много о нем писать.

– Заслуживает?!

– Я хотел сказать: дает к этому повод. Как правило, нескольких строк бывает достаточно. Ваши восемнадцать страниц – исключение.

– Восемнадцать? Я думал, что одиннадцать.

– Вы забываете про мой отчет о ваших злключениях в Тотли-Гауэрс, который я уже почти закончил. Предвижу, что он займет примерно семь страниц. Позвольте, сэр, я похлопаю вас по спине.

Он вызвался оказать мне эту любезность, потому что я поперхнулся глотком кофе. Хватило нескольких похлопываний, чтобы я пришел в себя и почувствовал, что разгневан не на шутку, как это бывает всякий раз, когда речь заходит о его литературной работе. Восемнадцать страниц, – как вам это! – и на каждой уйма таких фактов, которые, всплыви они наружу, отправят на дно мою репутацию. Я испытывал сильное желание отдубасить тех, кто все это выдумал, и в моем голосе зазвучал благородный гнев.

– Ужасно. Просто ужасно. Знаете, чему ваш проклятый комитет способствует? Шантажу, вот чему. Представьте, что книга попала в руки недостойного человека. Чем это может кончиться? Полным крахом репутации, Дживс.

Выпрямился он в этот момент или нет, я не знаю: я зажег сигарету и не видел, – но он заговорил ледяным тоном, каким говорят, когда вытянутся во весь рост:

– Среди членов клуба «Ганимед» нет недостойных людей.

Я запротестовал:

– Это вы так думаете. А как же Бринкли? – спросил я. – Он ведь член клуба?

Этот Бринкли поступил ко мне на службу несколько лет назад по рекомендации агентства, когда наши пути с Дживсом ненадолго разошлись из-за того, что он не одобрял моего увлечения игрой на банджолайке.

– Провинциальный член, сэр. Он редко появляется в клубе. Кстати, сэр, его фамилия не Бринкли, а Бингли.

Я раздраженно отмахнулся мундштуком. Бринкли он или Бингли – погоды не делало.

– Как его зовут, не суть важно, Дживс. А важно, что, отлучившись из дома в свое свободное время, он вернулся в состоянии сильного опьянения, поджег дом и пытался нашинковать меня, как кочан капусты.

– Очень неприятный инцидент, сэр.

– Услыхав шум, я спустился из своей комнаты и стал свидетелем его рукопашной схватки с напольными часами, которые, видно, чем-то ему не угодили. Потом он опрокинул лампу и бросился на меня по лестнице с саблей наголо. Только чудом я остался ныне здравствующим Бертрамом Вустером, воистину только чудом. А вы говорите, что среди членов клуба «Ганимед» нет недостойных людей. Ха! – сказал я. Я редко пользуюсь этим междометием, но сейчас не удержался.

Обстановка накалялась. Закипала обида, рвалось наружу недовольство. К счастью, в этот момент завершал телефон и отвлек мое внимание. Дживс подошел к телефону.

– Миссис Траверс, сэр, – доложил он.

Я и сам уже догадался, что на проводе моя добрая почтенная тетушка Далия, имеющая привычку говорить по телефону с таким легочным напором, словно она американский свинопас, скликающий своих подопечных к кормушке на просторах Дикого Запада. Она обрела громогласность еще в юности, когда часто ездила на псовую охоту. Представьте себе, что гончие то норовят попасть под копыта лошадей, то отвлекаются на погоню за кроликами, и вы поймете, что девушка на охоте быстро становится голосистой. Думаю, что когда тетя в голосе, ее слышно в соседних графствах.

Я с радостью подошел к телефону. Мало с кем из друзей и близких мне так приятно общаться, как с этой добродушной сестрой моего покойного отца, и к тому же мы давно не виделись. Она почти безвыездно живет в своем имении в окрестностях Маркет-Снодсбери, графство Вустершир, а я, о чем говорят и записи, только что сделанные Дживсом в клубной книге, в последнее время не приезжал в те края за недосугом. Я поднял трубку, весело улыбаясь. От моей улыбки, конечно, не было проку – тетка все равно не могла ее видеть, – но ведь важен настрой, в конце концов.

– Привет, пожилая родственница.

– Привет, юное недоразумение. Ты не пьян?

Подозрение, что я могу быть под мухой в десять часов утра, естественно, уязвило мое самолюбие, но я в который раз сказал себе, что такой уж они народ, эти тетушки. Дайте мне тетушку, всегда говорю я, и я вам покажу пожилую даму, которую нимало не заботит, как глубоко ее *obiter dicta* [\[156\]](#) могут оскорбить племянника. С подчеркнутой холодностью я успокоил ее относительно волновавшего ее вопроса и спросил, чем могу быть полезен.

– Пообедаете у меня?

– Я не в Лондоне. Я звоню из дому. Ты можешь, как ты выражаешься, быть полезен своим приездом ко мне. Сегодня, если у тебя получится.

– До чего приятно это слышать, старая прародительница. Ваше приглашение меня очень обрадовало, – сказал я, всегда готовый воспользоваться ее гостеприимством и вновь переведаться с бесподобными съедобностями, которые стряпает ее замечательный французский повар Анатолий, благодетель пищеварительных трактов. Я всегда жалею, что у меня нет запасного желудка, чтобы поручить и его заботам Анатоля. – Сколько я буду у вас гостить?

– Сколько пожелаешь, беспечный ты мой. Я дам тебе знать, когда пора будет выметаться. Главное – чтобы ты приехал.

Конечно, я был, как и всякий бы на моем месте, тронут той настойчивостью, с которой она добивалась моего визита. А то в кругу моих знакомых слишком многие, приглашая меня в гости, специально подчеркивают, что ждут меня только на выходные, и обязательно говорят, что самый удобный обратный поезд отходит в понедельник утром. Я улыбнулся еще шире.

– Очень мило, что вы меня пригласили, ближайшая родственница.

– Ну, разумеется, мило.

– Предвкушаю радость свидания с вами.

– Еще бы.

– Каждая минута до нашей встречи будет казаться мне часом. Как дела у Анатоля?

– Ты только о нем и думаешь, прожорливый поросенок.

– Что делать? Вкусовые ощущения устойчивы. Как поживает его искусство?

– Оно в расцвете.

– Прекрасно.

– Медяк говорит, что кухня Анатоля стала для него откровением.

Я попросил ее повторить. Мне послышалось, будто она сказала: «Медяк говорит, что кухня Анатоля стала для него откровением», – хотя я знал, что она не могла так сказать. Но оказывается, все-таки сказала.

– Медяк? – переспросил я, не веря своим ушам.

– Гарольд Уиншип. Он просил называть его Медяком. Он живет сейчас у меня. Говорит, что он твой приятель, в чем он, конечно, никогда не признался бы, если бы не существовали веские улики. Вы ведь знакомы? По его словам, вы вместе учились в Оксфорде.

Я издал возглас радости, а она сказала, чтобы я не смел больше так орать, иначе она взыщет с меня компенсацию за свои лопнувшие барабанные перепонки. В общем, как говорит старинная поговорка, горшок стал чайнику за копоть пенять: мои-то барабанные перепонки были на пределе с самого начала переговоров.

– Знакомы? – повторил я. – Знакомы – не то слово. Мы были просто как... Дживс!

– Да, сэр?

– Как звали ту парочку?

– Простите, сэр?

– В Древней Греции, если не ошибаюсь. Ее часто поминают, когда заходит речь о закадычной дружбе.

– Вы имеете в виду Дамона и Пифию, сэр?

– Точно. Мы были просто как Дамон и Пифий, старая прародительница. Но что он делает в ваших пенатах? Я не знал, что вы с ним знакомы.

– Мы и не были знакомы. Но его мать – моя старая школьная подруга.

– Понимаю.

– И когда я узнала, что он баллотируется в парламент на внеочередных выборах в Маркет-Снодсбери, я написала ему, что он может расположиться у меня. Это гораздо лучше, чем прозябать в гостинице.

– В Маркет-Снодсбери идет избирательная кампания?

– Вовсю.

– И Медяк один из кандидатов?

– Он выдвинут от консерваторов. Ты, кажется, удивлен.

– Еще как. Можно даже сказать, потрясен. Я и не подозревал, что у него есть общественная жилка. Как его успехи?

– Пока трудно сказать. В любом случае ему необходима всесторонняя помощь, поэтому я хочу, чтобы ты приехал и поагитировал за него.

Я в раздумье пожевал нижнюю губу. В такую минуту следует проявлять осмотрительность, а то еще мало ли что.

– Что от меня потребуется? – осторожно поинтересовался я. – Мне не придется целовать младенцев?

– Конечно, нет, тупица ты беспросветный.

– Я слышал, что предвыборные кампании в основном состоят из целования младенцев.

– Да, но целовать их должен бедняга кандидат. Ты будешь ходить по домам и

агитировать жителей за Медяка, больше от тебя ничего не потребуется.

– Тогда можете на меня положиться. С этой задачей я справлюсь. Старина Медяк! – сказал я, растрогавшись. – Встреча с ним согреет мне душу, ну, и все такое.

– Душу и все такое ты сможешь согреть уже сегодня. Он на день приезжает в Лондон и хочет с тобой пообедать.

– Ух ты! Прекрасно. В котором часу?

– В полвторого.

– Где?

– В гриль-баре «Баррибо».

– Я буду там. Дживс, – сказал я, повесив трубку, – помните Медяка Уиншипа, который был для меня когда-то тем же, чем Дамон был для Пифия?

– Да, сэр, конечно.

– В Маркет-Снодсбери идет избирательная кампания, и он кандидат от консерваторов.

– Та к я и понял из слов вашей тети, сэр.

– Вы что, слышали, что она говорила?

– Почти беспрепятственно, сэр. У мадам довольно пронзительный голос.

– Это уж точно, пронзает, – сказал я, потирая ухо. – Не легкие, а прямо кузнечные мехи.

– Исключительная сила звука, сэр.

– Неужели тетя пела мне колыбельные, когда я был крошкой? Наверно, нет, иначе я с перепугу решил бы, что взорвался отопительный котел, и вырос зайкой. Но все это несущественно, главное – что мы сегодня отбываем к ее шалашу. Я пообедаю с Медяком. В мое отсутствие упакуйте, пожалуйста, всякие там носки-галстуки.

– Слушаюсь, сэр, – ответил он, и мы больше не возвращались к разговору о клубной книге.

Через несколько часов я отправился на свидание, испытывая неподдельную радость. Медяк – мой старинный приятель, может быть, не такой старый, как Копченая Селедка или как Китекэт Поттер-Перебрайт, с которыми я «топтал траву родных полей»^[157] в пригостительной школе, пансионе и университете, но, безусловно, очень давнишний. Мы занимали в оксфордском общежитии соседние комнаты, и не будет преувеличением сказать, что с той минуты, как он заглянул ко мне за сифоном для газировки, мы с ним стали как родные братья и оставались столь же близки после того, как покинули этот центр науки.

Долгое время он был видным членом «Клуба шалопаев», приобретшим широкую известность благодаря своей неумности и заводному темпераменту, но внезапно он отстранился от дел и переселился в деревню – как ни странно, в Стипл-Бампли, графство Эссекс, где находится обиталище моей тети Агаты. Говорят, виной тому была его помолвка с некой своевольной девицей, которая отрицательно относилась к его членству в клубе. Подобные девицы встречаются всюду и везде, и, по-моему, лучше держаться от них подальше.

Естественно, эти обстоятельства нас разлучили. Он не приезжал в Лондон, а я, конечно, ни разу не наведаясь в Стипл-Бампли. В места, где можно повстречать тетю Агату, я не езду. Лезть в петлю, ей-богу, смысла не вижу. Но Медяка мне очень не хватало. Как говорится, «о, если бы коснуться исчезнувшей руки»^[158].

Войдя в «Баррибо», я встретил его в холле, где до обеда пропускаят стаканчик, чтобы потом пройти в гриль-бар, и после приветствий вроде «Кого я вижу!» и «Сколько лет, сколько зим» – неизбежных, когда две исчезнувшие руки, которые были разлучены много лет, вновь ощупывают друг друга, – он спросил меня, не хочу ли я прогреть горло.

– Я тебе компанию не составлю, – сказал он. – Не то чтобы я заделался трезвенником – немного легкого вина за ужином выпить могу, – но моя невеста хочет, чтобы я отказался от коктейлей. Говорит, от них сосуды теряют эластичность.

Если вы собираетесь спросить, не поморщился ли я в тот момент, то спешу заверить вас, что поморщился. Его слова косвенно свидетельствовали о том, что, уехав, он оказался под каблуком у красотки с дурным характером и что она и вправду своевольная девица. В противном случае она бы не стала так бесцеремонно отталкивать чашу от его уст. Она явно сумела сделать так, что ему даже нравилось такое обращение: в его словах звучала не мрачная злоба человека, раздавленного железной пятой, а собачья преданность. По-видимому, он смирился и не возражал, чтобы им помыкали.

Я-то, подумалось мне, совершенно иначе вел себя в бытность женихом Флоренс Крэй, властолюбивой дочки моего дяди Перси. Наша помолвка быстро превратилась в размолвку; Флоренс переиграла и обручилась с типом по фамилии Горриндж, который писал верлибры. Однако пока я был ее женихом, я чувствовал себя одной из тех чернокожих рабынь, над которыми измывалась Клеопатра, и меня это, мягко говоря, раздражало. Медяк же, судя по всему, и не думал раздражаться. Когда человек чем-то раздражен, это сразу видно, а тут я ничего такого не заметил. Похоже, он считал монарший запрет на коктейли лишним доказательством того, что она ангел милосердия, неустанно радеющий о его благе.

Вустеры предпочитают не пить в одиночестве, особенно если кто-то рядом наблюдает, не теряют ли эластичность их сосуды, поэтому я отказался от возлияния (с неохотой,

поскольку страдал от жажды) и с ходу перешел к главному вопросу повестки дня. По дороге в «Баррибо», как вы догадываетесь, я углубился в размышления о баллотировке Медяка в парламент и теперь хотел знать, что за этим начинанием кроется. Оно казалось мне нелепым.

– Тетя Даля говорит, ты поселился у нее на время предвыборной кампании, чтобы легче было добираться до Маркет-Снодсбери и умягчать там избирателей.

– Да, она любезно пригласила меня к себе. Они с моей мамой вместе учились в школе.

– Да, она мне говорила. Интересно, была ли она в то время такая же краснощекая, как теперь? Ну, и как тебе нравится в гостях?

– Там просто чудесно.

– Все по высшему разряду. Песчаная почва, центральное водоснабжение и канализация, большой парк. И конечно, стряпня Анатоля.

– О! – воскликнул Медяк, и я думаю, он почтительно снял бы шляпу, если бы только она была у него на голове. – Очень одаренный человек.

– Повар божьей милостью, – согласился я. – Его обеды должны придать тебе сил для предвыборной борьбы. Как идет кампания?

– Успешно.

– Ты уже целовал младенцев?

– О! – вновь воскликнул он уже с дрожью в голосе. Я почувствовал, что задел его больное место. – Знал бы ты, Берти, как эти субчики-младенцы пускают слюни. Но отступить нельзя. Мой помощник говорит, чтобы я ни перед чем не останавливался, если хочу победить на выборах.

– А зачем тебе эта победа? Я-то думал, ты к парламенту и на пушечный выстрел не подойдешь, – сказал я, поскольку знал, что общество там не такое уж избранное. – Что толкнуло тебя на этот опрометчивый шаг?

– Моя невеста захотела, чтобы я баллотировался, – ответил он, и когда он произносил слово «невеста», его голос переливчато задрожал, как у воркующего со своей горлицей голубка. – Она решила, что я должен делать карьеру.

– Ты-то сам этого хочешь?

– Не особенно, но она очень настаивает.

Сердечное сжатие, возникшее у меня, когда я узнал, что эта шучка заставила его покончить с коктейлями, теперь усилилось. Мне, как человеку бывалому, чем дальше, тем яснее становилось, что на этой горячей любви он рискует сильно обжечься, и я даже чуть было не посоветовал Медяку просто телеграфировать ей: «Между нами все кончено», – собрать чемодан и сесть на первый пароход, идущий в Австралию. Но, предчувствуя, что такой совет может его обидеть, я ограничился тем, что спросил, из чего состоит процедура выдвижения, или, выражаясь по-американски, «проталкивания» кандидата. Не то чтобы этот вопрос меня особенно занимал, просто хотелось поговорить о чем-то постороннем, не имеющем касательства к его ужасной невесте.

Тень набежала на его лицо, которое, как я забыл сказать, было достойно лицезрения (ясный взор, загорелые щеки, волевой подбородок, медные волосы, прямой нос). Кроме того, оно венчало собой тело, радовавшее глаз мускулистостью и стройностью. Можно сказать, что обликом он напоминал Эсмонда Хаддока, хозяина Деверил-Холла, который ежемесячно вручал конверт с жалованьем дяде Дживса – Чарли Силвер-смиту. С виду такой же лирик, готовый в любую минуту зарифмовать «луну» с «весной», он тем не менее, как и Эсмонд,

производил впечатление силача, способного, если потребуется, свалить одним ударом быка. Не знаю, представлялась ли ему такая возможность, ведь быка не так часто можно встретить. Однако людей в студенческие годы он валил без разбора, три года выступая на ринге в тяжелом весе за команду университета. Возможно, среди его жертв попадались и быки.

– Это было похоже на страшный сон, – сказал он, по-прежнему пасмурный из-за воспоминаний о пережитом. – Народу в комнату набилось столько, что не продохнуть, – душегубка да и только, и я должен был сидеть и выслушивать приветствия до полуночи. Потом я стал выступать повсюду с речами.

– Так почему же ты сейчас не в своем округе, не выступаешь с речами? Тебе дали выходной?

– Я приехал нанять секретаршу.

– Неужели у тебя до сих пор не было секретарши?

– Была, конечно, но моя невеста ее уволила. Они не сошлись характерами.

Помнится, я поморщился, узнав, что его невеста ввела запрет на коктейли, но теперь я скроил еще более кислую мину. Чем больше я слышал о его нареченной, тем меньше она внушала мне симпатий. Вот кто легко нашел бы общий язык с Флоренс Крэй, повстречай они друг друга. Ну прямо родственные души, или «несносные третирщицы», как назвала бы их одна моя знакомая горничная.

Я, разумеется, не сказал этого вслух. Всему свое время: время назвать кого-то «несносной третирщицей» и время промолчать. Стоит нелестно высказаться о невесте, и уже, как говорится, погладил против шерстки жениха, а кто рискнет погладить против шерстки бывшего боксера-тяжеловеса?

– У тебя есть кто-нибудь на примете? – спросил я. – Или ты отправишься на ярмарку секретарш и будешь смотреть, что есть в наличии?

– Я имею виды на одну американку, с которой свел знакомство до отъезда из Лондона. Мы на двоих снимали квартиру с Литтлуортом по прозвищу Носач, который тогда писал роман, и она каждый день приходила ему помогать. Носач свои сочинения диктует, и он говорил, что она классная стенографистка и машинистка. У меня есть ее адрес, но, возможно, она уже там не живет. Съезжу после обеда проверю. Ее зовут Магнолия Гленденнон.

– Не может быть.

– Почему?

– Что за имя такое Магнолия!

– Нормальное имя для Южной Каролины, откуда она родом. В Америке в южных штатах этих Магнолий как собак нерезаных. Но я не кончил рассказывать про избрание в парламент. Прежде всего, конечно, твою кандидатуру должны выдвинуть.

– Как ты этого добился?

– Все устроила моя невеста. Она знакома с одним министром, и он пустил в ход свои связи. Его фамилия Филмер.

– А. Б. Филмер?

– Точно. Он твой приятель?

– Я бы так не сказал. Наше мимолетное знакомство произошло на крыше летнего домика, куда нас загнал один желчный лебедь. Опасность сблизила нас ненадолго, но закадычными друзьями мы не стали.

– Где это случилось?

– На острове посреди озера в имении моей тети Агаты в Стипл-Бампли. Ты ведь живешь в Стипл-Бампли и, наверно, бывал у нее.

Тут его посетила ошеломляющая догадка, как тех солдат, которые, по словам Дживса, переглядывались на какой-то Дарьенской вершине^[159].

– Леди Уорплесдон твоя тетя?

– Самая что ни на есть.

– Она никогда об этом не говорила.

– И не скажет. Скорее она постарается это скрыть.

– Боже, значит, она твоя двоюродная сестра.

– Тетя! Нельзя быть тем и другим сразу.

– Я говорю про Флоренс. Флоренс Крэй, мою невесту.

Не скрою, новость потрясла меня, и если бы я не сидел, то, наверно бы, пошатнулся. Хотя чему тут удивляться. Флоренс принадлежит к тому сорту девиц, которые всегда найдут, с кем обручиться: сперва она вверила себя Стилтону Чезрайту, потом мне и, наконец, Перси Горринджу, автору инсценировки ее романа «Морские брызги». Пьеса, кстати, недавно была показана публике в Театре герцога Йоркского, но провалилась и была снята с репертуара в первую же субботу. Один критик заявил, что этот спектакль лучше смотреть при опущенном занавесе. Интересно, как Флоренс при ее самомнении перенесла все это?

– Ты обручился с Флоренс? – воскликнул я, все еще ошеломленный посетившей меня догадкой.

– Да. Ты не знал?

– Никто мне ничего не рассказывает. Значит, обручился с Флоренс. Ну-ну.

Менее деликатный человек, чем Бертрам Вустер, возможно, прибавил бы: «Попал ты в переплет» – или что-нибудь из той же оперы, поскольку не приходилось сомневаться, что дело этого несчастного плохо, но уж чего-чего, а деликатности Вустерам не занимать. Я только схватил его руку, потряс ее и пожелал ему счастья. Он поблагодарил меня.

– Тебе можно позавидовать, – сказал я лицемерно.

– Я сам себе завидую.

– Она очаровательная девушка, – продолжал я лицемерить.

– Вот именно.

– Умна к тому же.

– На редкость. Романы пишет.

– Один за другим.

– Ты читал «Морские брызги»?

– Просто из рук не выпускал, – соврал я: на самом деле я и не брал его в руки. – Ты видел пьесу?

– Дважды. Жаль, что она не пошла. Инсценировка Горринджа – детище глупца.

– Да, и непроходимого: я как первый раз его увидел, так сразу и раскусил.

– Жалко, что Флоренс не раскусила.

– Да. Кстати, какова судьба Горринджа? Когда я слышал о нем в последний раз, он был еще женихом Флоренс.

– Она разорвала помолвку.

– И очень мудро поступила. У него были длинные бакенбарды.

– Она считала его виновным в провале пьесы и прямо так ему и сказала.

- Да уж, она не из тех, кто смолчит.
- Что ты имеешь в виду?
- Что искренность, честность и прямоту у нее в крови.
- Да, это правда.
- Она открыто высказывает свое мнение.
- Всегда.
- Прекрасное свойство.
- В высшей степени.
- Такая девушка, как Флоренс, никому спуска не даст.
- Точно.

Воцарилось молчание. Он сплетал и расплетал пальцы, и я чувствовал по каким-то признакам в его поведении, что он хотел бы что-то сказать, но не может решиться. Помню, такую же робость выказывал его преподобие Пинкер (он же Свинкер), когда собирался с духом, чтобы пригласить меня в Тотли-Тауэрс; или взять собак – они кладут вам лапу на колено и заглядывают в лицо, тихо, без всякого твяканья, но давая понять, что есть тема, на которую у них язык чешется высказаться.

- Берти, – произнес он наконец.
- Ау.
- Берти.
- Да.
- Берти.

– Да здесь я. Прости, но не в родстве ли ты с какой-нибудь испорченной граммофонной пластинкой? Может быть, ею была напугана твоя мать?

И тут слова полились потоком, как будто кто-то вынул затычку.

– Берти, я должен сказать тебе кое-что о Флоренс, хотя ты ее двоюродный брат и, наверно, все это и без меня прекрасно знаешь. Она чудесная девушка и, в общем, безупречная во всех отношениях, но у нее есть одна черта, довольно неудобная для тех, кто ее любит и помолвлен с ней. Не подумай, что я ее осуждаю.

- Что ты, что ты.
- Я говорю об этом так, между прочим.
- Конечно.

– Так вот, она не прощает поражений. Чтобы она не разочаровалась в тебе, ты должен выйти победителем. Она ведет себя как сказочные принцессы, которые заставляли добрых молодцев исполнять желания: то заберись им на хрустальную гору, то добудь волосок из бороды татарского хана, а не справился – катись колбаской.

Я припомнил, что это за принцессы, о которых говорил Медяк: я всегда считал их дурехами. Почему, собственно, умение жениха забираться на хрустальные горы – залог счастливого брака? Вряд ли это умение будет требоваться чаще чем раз в десять лет.

– Горриндж, – продолжал Медяк, – потерпел неудачу, и она стала для него роковой. Мне рассказывали, что когда-то Флоренс была помолвлена с жокеем-аристократом и забраквала его, потому что он упал с лошади, беря препятствие на скачках «Гранд нэшнл». Она очень требовательна к людям. Разумеется, я восхищаюсь этим.

- Ну, разумеется.
- Такая девушка имеет право высоко держать планку.
- Несомненно.

– Но как я уже сказал, ее требовательность ставит меня в затруднительное положение. Бог знает, почему она вбила себе в голову, что я должен победить на этих выборах в Маркет-Снодсбери (мне-то всегда казалось, что она равнодушна к политике), так что если я проиграю, то прости-прощай наша любовь. Поэтому...

– Настал момент, когда все люди доброй воли должны прийти на помощь партии?

– Вот именно. Ты будешь за меня агитировать. Так агитируй и в хвост и в гриву и позаботься, чтобы Дживс от тебя не отставал. Я просто обязан победить.

– Можешь на нас положиться.

– Спасибо, Берти, я всегда знал, что ты настоящий друг. А сейчас пойдём пообедаем.

Обогадив клеточный материал отличным обедом, который всегда подают в отеле «Баррибо», и условившись, что Медяк заедет за мной ближе к вечеру (мой собственный спортивный автомобиль слег с нервным расстройством), мы двинулись в разные стороны: он – на поиски Магнолии Гленденнон, а я – обратно в фамильную цитадель.

Понятно, что я шел по лондонским улицам в глубоком раздумье. На днях я читал приключенческий роман, где про героиню было сказано, что от удара в глаз у нее мысли разбежались в разные стороны, и я подумал, что мы с ней два сапога пара.

На душе у меня было муторно. Тяжело узнать, что твой старинный приятель, и притом закадычный, стал женихом Флоренс Крэй. Я вспомнил, что ощущал я сам, оказавшись в этой неприятной роли. Я тогда чувствовал себя замурованным в подземелье узником «Тайной девятки».

Хотя скажу справедливости ради, что ее обличье было просто загляденье. В кладовой моей памяти сохранилась картина, относящаяся ко времени жениховства Стилтона Чезрайта: высокая пепельная блондинка с гибкой фигурой и потрясающим профилем. Девушка с такими внешними данными вполне могла стать украшением гарема одного из султанов, что посолиднее. Я хоть и давно ее не видел, но предполагал, что все эти достоинства по-прежнему при ней. Недаром Медяк, говоря о своей возлюбленной, с такой легкостью перевоплотился в воркующего голубка!

Но смазливая внешность – еще не все. Взвешивая все «за» и «против», надо учитывать, что Флоренс командирша по природе и видит своего суженого этаким расторопным мальчиком на побегушках. С самого детства она была... как это... начинается с «д»... нет, вылетело слово... но сейчас вы поймете, что я хочу сказать. Еще в школе я выиграл конкурс на лучшее знание библейских текстов, для чего мне, естественно, потребовалось как следует изучить Священное Писание, и во время своих занятий я как-то наткнулся на рассказ про военного, который говорил одному: «пойди», и тот шел; и другому: «приди», и тот приходил^[160]. Ну, в точности как Флоренс. Уж она бы задала жару тому, кто осмелился бы прийти, когда она сказала «пойди» или наоборот. Деспотичная – вот слово, которое я пытался вспомнить. Она была деспотичной, как уличный регулировщик. Неудивительно, что на душе у меня было муторно. Я считал, что Медяк сорвал в саду любви лимон, по ошибке приняв его за персик.

Но потом мои мысли приняли менее мрачное направление. Такое частенько случается после хорошего обеда, даже если за ним вы не выпили ни капли. Я напомнил себе, что многим мужьям даже нравится, когда жены заставляют их крутиться, и, возможно, Медяк был как раз из таких. Не исключено, что он придерживался той точки зрения, что, если жена учит тебя сидеть смирно, служить и по команде брать кусочки сахара, положенные тебе на нос, этому надо радоваться, ведь, значит, она проявляет к тебе интерес.

Приободрившись, я потянулся за портсигаром, но не успел я открыть его, как уже – растяпа этакий! – выронил на мостовую. Я сошел с тротуара, чтобы поднять его, но тут за моей спиной раздался автомобильный гудок, и, начав делать пируэт, я увидел, что через какие-нибудь две секунды борт мне протаранит мчащееся такси.

Сложность пируэта – говорю это для непосвященных – состоит в том, что, если вы не танцовщик, у вас могут заплестись ноги; как раз это со мной и произошло. Мой левый

ботинок зацепился за правую лодыжку, я потерял равновесие, покачнулся и через долю секунды повалился, словно какое-нибудь величественное дерево под топором дровосека; я сидел на мостовой с разбежавшимися мыслями в голове, и тут чья-то незримая рука вцепилась в мой локоть и вытащила меня на безопасный берег. Такси проехало и свернуло за угол.

Разумеется, первое, что делает в таких случаях человек, наделенный тонкими чувствами, – это благодарит своего храброго спасителя. Я повернулся, чтобы так поступить, и увидел, что мой храбрый спаситель – вот так сюрприз! – не кто иной, как Дживс. Свалился как снег на голову. Я понятия не имел, что он тут делает, и в первый момент даже подумал, что это не он, а его астральное тело.

– Дживс! – выпалил я. Я почти уверен, что это слово сюда подходит. В общем, пусть будет так: выпалил.

– Добрый день, сэ. Надеюсь, вы не пострадали. Вы были на волосок от гибели.

– Вот именно. Не скажу, что целая жизнь промелькнула в этот миг перед моим мысленным взором, но уж добрая ее половина точно. Но вы...

– Не стоит благодарности, сэ.

– Если бы не вы, завтра мое имя фигурировало бы в колонке некрологов.

– Рад был помочь, сэ.

– Удивительное дело, вы – как американская морская пехота: всегда словно из-под земли вырастаете в критический момент. Помню, как вы появились в тот раз, когда А. Б. Филмер и я выясняли отношения с лебедем, и подобным случаям несть числа. Когда буду в следующий раз молиться, обязательно распишу в красках ваши благодеяния. Но что вас занесло в эти края? Кстати, где мы находимся?

– На Керзон-стрит, сэ.

– Да, конечно. Я бы сам сообразил, если бы не погрузился в размышления.

– Вы были погружены в размышления, сэ?

– С головой. Я расскажу об этом после. Кажется, здесь неподалеку находится ваш клуб?

– Да, сэ, за углом. В ваше отсутствие я упаковал вещи и решил пойти туда пообедать.

– На мое счастье. Если бы вы не пошли в клуб, я был бы сейчас... Как там в вашей прибаутке? Где про колесо.

– «Всего лишь пыль под колесом твоей повозки»^[161], сэ.

– Или, скорее, повозки таксиста. Почему вы так испытующе на меня смотрите, Дживс?

– Мне кажется, что после этого неприятного происшествия у вас несколько взъерошенный вид, сэ. Если вы позволите, я бы предложил вам сейчас направиться вместе со мной в клуб «Ганимед».

– Понял. Вы меня там умоете и почистите.

– Именно так, сэ.

– И может быть, дадите виски с содовой?

– Разумеется, сэ.

– Мне это будет очень кстати. Медяк без пяти минут трезвенник, так что коктейлей мы до обеда не пили. И знаете, почему он не пьет? Потому что девица, с которой он помолвлен, неразумно толкает его к воздержанию от спиртного. И знаете, кто эта девица? Моя двоюродная сестра Флоренс Крэй.

– В самом деле, сэ?

Разумеется, я не рассчитывал, что он выпучит глаза и запрыгает по тротуару: он

сдержанно реагировал на любую новость, какой бы сногшибательной она ни была; но я понял по тому, как изогнулась и поднялась на три миллиметра его бровь, что мое сообщение его заинтересовало. И его реплика «В самом деле, сэр?» несла, что называется, большую смысловую нагрузку. Он подразумевал под этим, что такой поворот событий мне на руку, потому что как только бывшая невеста заключает новую помолвку, она перестает представлять потенциальную угрозу для бывшего жениха, и можно больше не опасаться, что она вдруг передумает. Я разгадал подтекст и полностью согласился с Дживсом, хотя, естественно, не заявил об этом вслух.

Дело в том, что Дживс всегда помогает мне выпутываться из недоразумений с прекрасным полом, и он знает всю подноготную про разнообразных женщин, которым время от времени едва не удается затащить меня под венец: но, разумеется, мы с ним не обсуждаем их. Обсуждать женщину, на наш взгляд, значит трепать ее имя, а трепать имя женщины не в правилах Вустеров. И Дживсов тоже. Не поручусь за Чарли Силверсмита, но думаю, что и он не нарушает в этом отношении моральный кодекс. Подобные неписанные правила впитываются с молоком матери.

Словом, я просто сообщил Дживсу, что Флоренс заставила Медяка баллотироваться в парламент и что мы будем агитировать за него избирателей, и попросил его не жалеть сил, чтобы сформировать у них надлежащее мнение. После того как он ответил: «Да, сэр», «Слушаюсь, сэр» и «Понимаю, сэр», – мы проследовали в клуб «Ганимед».

В клубе было как нельзя уютней. Неудивительно, что Дживс предпочитает проводить здесь большую часть свободного времени. По сравнению с «Клубом шалопаев» этот клуб, конечно, был пресноват. Я справедливо предполагал, что не увижу здесь в обеденное время ни разбросанного хлеба, ни рассыпанного сахара: это никак не вязалось бы с тем, что здешняя публика – пожилые дворецкие и камердинеры в летах, однако в отношении комфорта пожаловаться было не на что. Грохнувшись на мостовую, я ушиб мягкие места, и я почувствовал себя лучше только после того, как, умытый и почищенный, снова в полном параде погрузился в глубокое кресло в курительной комнате.

Потягивая виски с содовой, я вернулся к разговору о баллотировке Медяка, которая, естественно, была темой дня.

– Думаете, он имеет шансы, Дживс?

Он ответил не с кондачка, а все взвесив, как будто решался на вложение денег.

– Трудно сказать, сэр. Маркет-Снодсбери, как и многие другие провинциальные городки Англии, можно назвать чопорным. Там придают большое значение респектабельности.

– Медяк достаточно респектабелен.

– Вы правы, сэр, но вам же известно: он человек с прошлым.

– Так, мелкие грешки.

– Однако узнай о них избиратели – и он лишится их поддержки.

– Но ведь узнать им неоткуда. Правда, он есть в клубной книге...

– Одиннадцать страниц, сэр.

– Но вы уверены, что ее содержание никогда не будет разглашено.

– Никогда, сэр. На этот счет мистер Уиншип может быть совершенно спокоен.

От слов Дживса я вздохнул свободнее.

– Дживс, – сказал я, – от ваших слов я вздохнул свободнее. Вы же знаете, я всегда тревожусь из-за клубной книги. Ее ведь хранят под замком?

– В общем, нет, сэр, но она надежно пристроена в кабинете секретаря.

– Тогда не о чем беспокоиться.

– Я бы так не сказал, сэр. У мистера Уиншипа, наверно, были товарищи по проделкам, и они могут по неосторожности поделиться с кем-нибудь воспоминаниями, которые попадут в светскую хронику крупных газет и оттуда – в газеты Маркет-Снодсбери. По-моему, их всего две, и одна из них – непримиримый противник консерваторов, которых представляет мистер Уиншип. Такое может произойти, и последствия будут катастрофическими. В данный момент я не имею возможности узнать, кто именно соперник мистера Уиншипа, но я уверен, что он – образец респектабельности и что его прошлое можно без ущерба для него подвергнуть самому дотошному расследованию.

– Что за мрачность, Дживс? Почему вы не рвете розы? Поэт Геррик осудил бы вас.

– Простите, сэр. Я не знал, что вы принимаете судьбу мистера Уиншипа так близко к сердцу, иначе я был бы более осторожен в высказываниях. Для него очень важно победить на выборах?

– Жизненно необходимо. Флоренс укажет ему на дверь, если он проиграет.

– Вы шутите, сэр?

– Он сам так говорит, и думаю, он прав. Его доводы весьма убедительны. Он говорит – она очень требовательна к людям и не прощает поражений. Доподлинно известно, что она дала отставку Перси Горринджу из-за того, что пьеса, которую он написал по ее роману, выдержала только три представления.

– В самом деле, сэр?

– Проверенный факт.

– В таком случае будем надеяться, что мои опасения не оправдаются, сэр.

В то время, когда мы тешили себя надеждой на то, что его опасения не оправдаются, на мой стакан с виски упала тень, и я увидел, что около нас стоит еще один член клуба – человек из разряда «спасайся кто может», с брюшком, одетый скорее по-загородному, чем по-городскому, в галстуке, говорящем о его принадлежности к Сторожевой бригаде, хотя вряд ли это могло быть так. В отношении его манер мне в тот момент не пришло на ум более точного эпитета, чем «фамильярные», но, заглянув потом в словарь синонимов из библиотеки Дживса, я обнаружил, что они были «панибратскими, развязными, нахальными, несдержанными, непочтительными, хамскими, бесцеремонными и назойливыми». Если я скажу вам, что первым делом он ткнул Дживса под ребра корявым указательным пальцем, вы поймете, что я имею в виду.

– Привет, Реджи, – сказал он, и я замер в кресле, потрясенный открытием, что Дживса зовут Реджинальдом. Мне раньше и в голову не приходило, что у Дживса есть имя. Хорошо еще, что не Берти, а то какая возникла бы путаница.

– Добрый день, – ответил Дживс, и мне стало ясно, что этот господин не входит в круг его ближайших друзей. В голосе Дживса сквозила холодность, которой мог пренебречь разве что такой несдержанный и непочтительный человек, как его знакомец.

Тип «спасайся кто может», казалось, не заметил, что ему не рады. Он продолжал вести себя так, как будто встретил старинного приятеля.

– Как делишки, Реджи?

– Спасибо, пребываю в добром здравии.

– Ты что, похудел? Тебе нужно жить в деревне, как я, и питаться настоящим деревенским маслом. А вам, голубок, – обратился он ко мне, – нужно быть поосторожней с

танцами на проезжей части. Я ехал в том такси и подумал, что вам крышка. Вы Вустер?

– Да, – изумленно ответил я. Я и не знал, что стал знаменитостью.

– Я так и думал. У меня хорошая память на лица. Ладно, заболтался я с вами. Мне нужно зайти к секретарю по одному делу. Рад был увидеться, Реджи.

– До свидания.

– Вустер, старина, рад был увидеться.

Я попрощался с ним, и он нас покинул. Я обратился к Дживсу; ошеломляющая догадка, о которой я говорил раньше, неслась на всех парусах.

– Кто это был?

Он ответил не сразу: очевидно, он был так шокирован, что не мог вести беседу. Только после глотка ликера к нему вернулось самообладание. Когда он все-таки заговорил, по его тону было понятно, что он вообще предпочел бы не высказываться на эту тему.

– Тот человек, о котором вы упомянули за завтраком, сэр, Бингли. – Он произнес это имя так, как будто оно оскверняло его рот.

Я обомлел. Меня бы мог сейчас сразить наповал даже удар зубочисткой.

– Бингли? Нипочем бы его не узнал. Он совершенно изменился. Когда-то он был худой и очень мрачный, просто туча тучей. Казалось, он вечно погружен в мысли о грядущей революции, которая предоставит ему свободу гнаться за мной по Парк-лейн с обагренным кровью ножом.

Ликер, казалось, возвратил Дживсу душевное равновесие. Теперь в его голосе слышалось привычное спокойствие.

– Думаю, в то время, когда он работал у вас, он придерживался крайне левых взглядов. Они поправили, когда он стал собственником.

– Собственником?

– Его дядя, владелец лавки, умер и оставил ему в наследство дом и круглую сумму.

– Думаю, перемена взглядов под влиянием полученного наследства – частое явление среди таких людей, как Бингли.

– Очень распространенное. Они начинают смотреть на грядущую революцию с другой точки зрения.

– Понимаю вашу мысль. Они не хотят, чтобы за ними гнались по Парк-лейн с обагренными кровью ножами. Он все еще камердинер?

– Он удалился на покой. Ныне он праздный обыватель Маркет-Снодсбери.

– Маркет-Снодсбери? Забавно.

– Простите, сэр?

– Я хотел сказать, странно, что он живет именно в Маркет-Снодсбери.

– Многие люди живут в Маркет-Снодсбери, сэр.

– Но ведь мы сейчас как раз туда едем. Интересное совпадение. Там, судя по всему, находится дом его дяди.

– Надо полагать.

– Возможно, мы увидимся с ним.

– Надеюсь, что нет, сэр. Я о нем плохого мнения. Бесчестный человек. На него нельзя положиться.

– Почему вы так решили?

– Интуиция.

Но это уже не моя забота. Занятому человеку вроде меня некогда разбираться, можно

положиться на Бингли или нет. Если нашим дорогам суждено пересечься, я хотел бы только, чтобы он оставался трезвым и держался подальше от холодного оружия. Живи сам и давай жить другим – вот девиз Вустеров. Я допил виски с содовой и встал.

– Вот что я думаю, – сказал я. – Если он такой ярый консерватор, нам будет легко убедить его голосовать за Медяка. А сейчас нам пора. Медяк повезет нас на своей машине, и я не знаю, когда он за нами заедет. Спасибо за королевский прием, Дживс. Вы вдохнули новую жизнь в мою изможденную оболочку.

– Не стоит благодарности, сэр.

Медяк заехал за мной, как и обещал, и, выходя к машине, я увидел, что ему удалось сговориться с Магнолией: на заднем сиденье сидела девушка, и когда он сказал: «Знакомьтесь: мистер Вустер, мисс Гленденнон», – все для меня окончательно прояснилось.

Хорошая девушка, подумал я, и собой хороша. Но все-таки не настолько, чтобы отнести на ее счет прибаутку Дживса: «Так вот краса, что в путь суда подвигла» ^[162], и, вероятно, это было даже к лучшему, потому что Флоренс, я думаю, выказала бы недовольство, возвратись Медяк из поездки с приобретением, от которого глаз не отвести. Человек в его положении должен проявлять большую осмотрительность при выборе секретарши и отсеивать кандидатов, которые могли бы победить на последнем конкурсе «Мисс Америка». Но безусловно, у нее была приятная внешность. Она производила впечатление тихой, участливой девушки, которая, только поделись с ней своим горем, и за руку тебя возьмет, и по головке погладит. Если придешь к ней и скажешь: «Я только что совершил убийство, и мне как-то не по себе», – то услышишь в ответ: «Ничего страшного, постарайтесь не думать об этом. С кем не бывает». Короче, маленькая мама, к тому же классная машинистка. Чего еще можно было желать для Медяка?

Дживс вынес чемоданы и сложил их в багажник, и Медяк попросил меня вести машину, потому что ему нужно было обсудить с новой секретаршей много вопросов, касающихся, видимо, ее должностных обязанностей. Дживс сел впереди рядом со мной, и мы отправились; о поездке как таковой не могу сказать ничего интересного. Всю дорогу я пребывал в веселом расположении духа, как всегда, когда не за горами новая встреча со стряпней Анатоля. Дживс, вероятно, испытывал те же чувства: он такой же горячий поклонник этого сковородного самородка, как и я, но если я распевал за рулем, то он, по своему обыкновению, был нем, как чучело лягушки, и не подтягивал, хотя я настойчиво приглашал его петь со мной на два голоса.

Достигнув цели путешествия, мы разошлись по своим делам. Дживс занялся багажом, Медяк повел Магнолию Гленденнон в свой кабинет, а я направился в гостиную, где никого не застал. Дом показался мне вымершим; в предвечернее время загородные усадьбы часто производят такое впечатление на новоприбывшего гостя. Ни тети Далии, ни ее супруга дяди Тома нигде не было видно. Я подумал, не заглянуть ли в ту комнату, где дядя Том хранит свою коллекцию старинного серебра, но решил, что не стоит. Дядя Том представляет собой тип страстного коллекционера, который будет часами напролет рассказывать своей бедной жертве о канделябрах, листовном узоре, рельефном изображении венков из лент и орнаменте «годрон» в виде цепи овалов – что, конечно, никому не интересно.

Можно было нанести визит Анатолю, но и от этой мысли я отказался. У него тоже есть свой конек – состояние его здоровья, и он не преминет излить на беззащитного слушателя длинный монолог на эту тему. У него случаются приступы того, что он называет *mal au foie* ^[163], и его рассуждения представляют интерес скорее для специалиста-медика, чем для профана вроде меня. Не знаю, отчего так, но когда кто-то начинает рассказывать мне о своей печени, я всегда слушаю без особого наслаждения.

В общем, мне ничего не оставалось, как отправиться на прогулку по обширному парку и земельным угодьям.

В этот предвечерний час было душно и знойно, и казалось, природа колеблется, нагнать

ей страху на людишек сильнейшей грозой или не стоит, – но я пренебрег опасностью. Неподалеку от дома находится лесок, в который я всегда любил ходить; туда-то я и направился. Там к услугам тех, кто желает посидеть и поразмышлять, есть пара деревянных лавочек, и, двигаясь прямым курсом вдоль первой из них, я увидел, что на ней лежит дорогой фотоаппарат.

Я несколько удивился: я понятия не имел, что тетя Далия пристрастилась к фотографии, хотя, конечно, тетушки – народ взбалмошный, от них только и жди сюрпризов. Почти сразу же мне пришла в голову здравая мысль, что без дождя грозы не бывает, а от дождя фотоаппарат может испортиться. Поэтому я взял его и зашагал обратно к дому, предвкушая радость пожилой родственницы, которая будет благодарить меня за заботу со слезами на глазах, но тут раздался вопль, и из-за кустов появился какой-то человек. Не скрою, я порядком струхнул.

Это был на редкость толстый мужчина с большим розовым лицом и в панаме с розовой лентой. Я никогда его раньше не видел и задался вопросом, что он тут делает. Что такого субъекта могла пригласить тетя Далия, было маловероятно, тем более его не мог пригласить дядя Том, который настолько не жалуется гостей, что, узнав об их приближении, обычно бросается наутек и исчезает, по словам Дживса, так, что и следов не найдешь. Но как я уже говорил, тетушки – народ взбалмошный, от них только и жди сюрпризов, и не приходилось сомневаться, что у прародительницы есть веские причины якшаться с этим типом. Поэтому я вежливо улыбнулся и добродушно поприветствовал его: «Салют».

– Хороший денек, – сказал я, все еще вежливо улыбаясь. – Хотя не такой уж хороший. Похоже, будет гроза.

Казалось, он был чем-то раздражен. Его лицо стало таким же ярко-розовым, как лента на панаме, и щеки его слегка затряслись.

– К черту грозу! – ответил он, скажем так, несколько отрывисто, и я сказал, что и сам не люблю грозу. Особенно, добавил я, мне не по душе молния.

– Говорят, она никогда не ударяет дважды в одно и то же место, но ведь хватит и одного раза, правда?

– К черту молнию! Что вы делаете с моим фотоаппаратом.

Этот вопрос, естественно, повернул мои мысли в другое русло.

– Так это ваш фотоаппарат?

– Да, мой.

– Я собирался отнести его в дом.

– Отнести в дом?

– Я боялся, что его замочит дождь.

– Хм. Кто вы такой?

Я был рад, что он спросил об этом. Такому сообразительному малому, как я, не стоило большого труда догадаться, что он полагает, будто схватил меня с поличным, и я был рад возможности вручить ему свои верительные грамоты. Я понимал, что, прежде чем мы вместе сможем весело посмеяться над этим забавным недоразумением, мне придется немало попотеть.

– Моя фамилия Вустер, – сказал я. – Я тетин племянник. В смысле, – продолжил я, потому что мне показалось, что мои последние слова прозвучали как-то не совсем так, – миссис Траверс – моя тетка.

– Вы живете в ее доме?

– Да. Я только что приехал.

– Хм, – сказал он снова, но уже с меньшей враждебностью в голосе.

– Да, – лишний раз подтвердил я.

Наступила пауза, во время которой он, вероятно, мысленно переоценил произошедшее в свете моих заявлений и подверг его тщательному разбору; затем он еще раз хмыкнул и заковылял прочь.

Я не сделал ни шага, чтобы последовать за ним. Я был сыт по горло нашим общением, несмотря на его краткость. Живя под одной крышей, решил я, мы, безусловно, будем иногда раскланиваться, но только в том случае, если столкнемся нос к носу. Весь этот эпизод напомнил мне о моей первой встрече с сэром Уоткином Бассетом и о недоразумении с его зонтиком. Я был потрясен, как в тот раз. Хорошо, что в двух шагах от меня стояла деревянная лавочка и я мог посидеть и успокоить нервы. Небо становилось все более сумрачным и – как бы это сказать – чреватым грозой, но я не трогался в путь. Только после того как у меня над головой раздался грохот, точно пятьдесят семь грузовиков проехали по деревянному мосту, я понял, что малейшее промедление будет неразумно. Я поднялся и припустил к дому, добежал до застекленной двери гостиной и уже собирался войти, но тут изнутри до меня донесся человеческий голос. Даже, пожалуй, не то чтобы человеческий: это был голос моего нового знакомого, с которым мы болтали о фотоаппаратах.

Я замер. Когда-то я любил, лежа в ванне, петь песню, рефрен или припев которой начинался со слов: «Я стоял, я смотрел, и я слушал», – и как раз этим я сейчас и занимался, только вот смотреть было некуда. Дождь не шел, да и грохот грузовиков на деревянном мосту больше не раздавался. Казалось, природа махнула на все рукой, решив, что затевать грозу слишком хлопотно. Так что я не только не был убит молнией, но даже не промок и пребывал в прежнем состоянии.

Владелец фотоаппарата говорил с невидимым собеседником и сказал вот что: «Его фамилия Вустер. Говорит, он племянник миссис Траверс».

Было ясно, что к началу разговора я опоздал. Должно быть, до этого был задан какой-то вопрос, скажем: «Вы, случайно, не знаете, кто этот высокий, стройный, симпатичный, я бы даже сказал – очаровательный молодой человек, с которым я разговаривал неподалеку от дома?» Или, возможно, вопрос был задан чуть-чуть иначе. Суть от этого не меняется. А второй собеседник подал реплику, что, мол, понятия не имею. После чего владелец фотоаппарата и произнес услышанную мною фразу. Не успел он договорить, как в комнате кто-то громко фыркнул, и раздался возглас, полный ужаса и отвращения: «Вустер!» Я весь задрожал от макушки до пят. Возможно, я даже охнул, но, к счастью, не настолько громко, чтобы меня слышали в гостиной.

Дело в том, что я узнал голос лорда Сидкапа, или Спода, как я всегда буду его называть, сколько бы титулов он ни унаследовал. А ведь я-то думал и надеялся, что навсегда отряс прах Тотли-Тауэрса от своих ног и больше не увижу Спода. Этого живоглота, который своими поступками еще с раннего детства заставлял всех добропорядочных людей хвататься за головы. Неудивительно, что у меня на секунду потемнело в глазах, и я, чтобы не упасть, вынужден был ухватиться за поплывший мимо розовый куст.

Этот Спод – здесь необходимы разъяснения для новичков, которые не читали предыдущих разделов моего жизнеописания, – многократно встречался мне на жизненных, так сказать, перекрестках, и никогда эти встречи добром не кончались. Я сказал, что сомневаюсь в возможности нежной дружбы между мной и владельцем фотоаппарата, но

было еще менее вероятно, чтобы такое, как выражается Дживс, слияние душ произошло у нас со Сподом. Наши взгляды друг на друга были вполне определенными. Он был убежден, что, пока английскую землю топчут Вустеры, она никогда не станет землей героев, а я, в свою очередь, полагал, что тонна кирпичей, брошенная с высоты на голову Спода, – верное средство от всех недугов Англии.

– Вы с ним знакомы? – спросил владелец фотоаппарата.

– К сожалению, да, – ответил Спод таким тоном, точно он Шерлок Холмс и его спросили, знаком ли он с профессором Мориарти. – А вы как с ним столкнулись?

– При его попытке удрать с моим фотоаппаратом.

– Ха!

– Естественно, я подумал, что он хочет его украсть. Но если он действительно племянник миссис Траверс, это меняет дело.

Спод скептически отнесся к такому умозаключению, на мой взгляд, достаточно убедительному, и снова фыркнул – даже оглушительнее, чем в первый раз.

– То, что он племянник миссис Траверс, равным счетом ничего не значит. Будь он племянником архиепископа, он вел бы себя точно так же. Тихой сапой Вустер украдет все, что только не прибито гвоздями. Он знал о вашем присутствии?

– Нет. Я стоял за кустом.

– А фотоаппарат у вас хороший?

– Уйму денег стоил.

– Тогда он, конечно, собирался его украсть. Решил, должно быть, что ему подфартило. Позвольте мне рассказать вам о Вустере. Наша первая встреча произошла в антикварном магазине. Я пришел туда с сэром Уоткином Бассетом, моим будущим тестем. Он коллекционирует старинное серебро. Сэр Уоткин поставил там среди мебели свой зонтик. Вустер был в магазине, но где-то прятался, и мы его не видели.

– Небось в каком-нибудь темном углу?

– Или за каким-нибудь шкафом. Мы только тогда его заметили, когда он уже крался к выходу с зонтиком сэра Уоткина.

– Наглый какой.

– Ну еще бы. Им без этого нельзя.

– Пожалуй. В таких делах нужны дерзость и хладнокровие.

Не будет преувеличением сказать, что я вскипел праведным гневом. Как я уже имел случай писать, тот мой поступок объяснялся просто. Выходя в то утро из дома, я не взял зонтика и в магазине по рассеянности схватил чужой, следуя естественному закону, согласно которому человек безотчетно тянется к тому зонтику, что поближе, как цветок – к солнцу.

Потом снова заговорил Спод. Я не сомневался, что пауза в их разговоре была занята размышлениями о моем проступке. Теперь его голос звучал так, словно готовил слушателя к кульминационному моменту.

– Хотите – верьте, хотите – нет, но вскоре после этого он появился в Тотли-Тауэрсе, имени сэра Уоткина в Глостершире.

– Поразительно!

– Я знал, что вы удивитесь.

– Конечно, загримированный? В парике? С приклеенной бородой? С покрашенными щеками?

– Нет, он приехал, ни от кого не таясь, по приглашению моей будущей жены. У нее к

нему какая-то сентиментальная жалость. Думаю, она надеется его перевоспитать.

– Таковы девушки.

– Да, но лучше бы они не были такими.

– Вы отругали свою будущую жену?

– Тогда я не мог этого сделать.

– Может, оно и к лучшему. Однажды я отругал девушку, на которой хотел жениться, а она взяла и вышла за биржевого маклера. Так что же было дальше?

– Он украл одну ценную вещь. Серебряный кувшинчик для сливок. Такой сливочник в виде коровы.

– Мне лично врач запрещает есть сливки. Его, конечно, арестовали?

– Как его арестуешь? Никаких улик.

– Но вы знали, что это его рук дело?

– Мы были уверены.

– Да, неприятно. И больше вы его не видели?

– Вы не поверите, но он еще раз приехал в Тотли-Тауэрс.

– Потрясающе!

– Снова по приглашению моей будущей жены.

– Вы говорите о мисс Бассет, которая приехала вчера вечером?

– Да, о Мадден.

– Прелестная девушка. Я встретил ее в саду перед завтраком. По рекомендации врача я выхожу подышать свежим воздухом рано утром. Вы знаете, она думает, что пелена тумана в ложбине не что иное, как фата феи.

– У нее очень прихотливое воображение.

– С этим, по-видимому, ничего не поделаешь. Но вы начали рассказывать о его втором посещении Тотли-Тауэрс. Украл он что-нибудь на этот раз?

– Янтарную статуэтку, оцениваемую в тысячу фунтов.

– Вот умелец! – сказал владелец фотоаппарата, как мне показалось, с затаенным восхищением. – Надеюсь, его арестовали?

– Да. Он провел ночь в местной тюрьме. Но на следующее утро сэр Уоткин смягчился и отпустил его с миром.

– Неуместная снисходительность.

– Вот именно.

Владелец фотоаппарата больше не высказывался на эту тему, хотя про себя, вероятно, подумал, что он в жизни не видел такого сиропного семейства, как эти Бассеты.

– Что ж, я глубоко вам признателен, – сказал он, – что вы рассказали мне о Вустере и предостерегли на будущее. Я привез с собой одну очень ценную антикварную вещь, которую надеюсь продать мистеру Траверсу. Если Вустер о ней узнает, он непременно попытается ее украсть, и если он попадется на этой краже, то, обещаю вам, одной ночью в тюрьме он не отделается. Его накажут по всей строгости закона. Кстати, как насчет партии в бильярд перед ужином? Врач прописал мне небольшую физическую нагрузку.

– С удовольствием.

– Тогда пойдемте в бильярдную.

Подождав, пока они уйдут, я вошел и опустился на диван. Я был глубоко взволнован: если вы думаете, что кому-нибудь приятно услышать слова, которые говорил обо мне Спод, вы ошибаетесь. У меня участился пульс, и на лбу выступил трудовой пот, как у деревенского

кузнеца. Я остро нуждался в плотке спиртного, и в тот самый момент, когда мой язык уже начал присыхать к гортани, на сцене появился Дживс, держа в руках поднос со всем необходимым. Вот так же – вы, наверно, слышали – в Альпах приходят на помощь людям сенбернары, за что их и ценят так высоко.

К иступленному восторгу, который я испытал при виде Дживса, примешалось удивление по поводу того, что он выступил в роли виночерпия. По всем правилам это была компетенция Сеппингса, дворецкого тети Далии.

– Привет, Дживс! – выпалил я.

– Добрый вечер, сэр. Я распаковал ваш багаж. Можно налить вам виски с содовой?

– Конечно, можно. Вы что, теперь здесь за дворецкого? Я в полном недоумении. Где Сеппингс?

– Он слег в постель, сэр, с острым несварением желудка, произошедшим из-за злоупотребления яствами месье Анатоля за обедом. Я временно исполняю его обязанности.

– Очень благородно с вашей стороны, и очень благородно было прийти мне на помощь именно сейчас. Я испытал потрясение, Дживс.

– Сочувствую вам, сэр.

– Вы знали, что Спод здесь?

– Да, сэр.

– И мисс Бассет?

– Да, сэр.

– Мы как будто снова попали в Тотли-Тауэрс.

– Понимаю ваше замешательство, сэр, но нежелательных контактов легко избежать.

– Да, но пока вы будете избегать нежелательных контактов, о вас нараскажут всяким типам в панамах, что вы – нечто среднее между аристократом-взломщиком и вокзальной воришкой, – сказал я, хлестко сформулировав идею Спода.

– Весьма огорчительно, сэр.

– Еще бы. Мы-то с вами знаем, что все мои действия в Тотли-Тауэрсе имеют разумное объяснение, но я боюсь, как бы Спод не рассказал что-нибудь тете Агате.

– Маловероятно, сэр.

– И я так думаю.

– Но мне понятны ваши чувства, сэр. «Кто тащит деньги – похищает тлен. Что деньги? Были деньги, сплыли деньги. Они прошли чрез много тысяч рук. Иное – незапятнанное имя. Кто нас его лишает, предает нас нищете, не сделавшись богаче»^[164].

– Точно. Сами придумали?

– Нет, сэр. Шекспир.

– У вашего Шекспира есть несколько метких высказываний.

– По-моему, все его высказывания таковы, сэр. Налить вам еще виски?

– Непременно, Дживс, и с подобающей расторопностью.

Вновь выполнив спасительную миссию сенбернара, он удалился, и когда я, уже не испытывая острой жажды, медленно потягивал вторую порцию виски, дверь распахнулась, и в гостиную влетела тетя Далия, вся веселье и румянец.

Встречаясь с этой родственницей, я каждый раз думаю, как странно, что одна сестра – назовем ее сестрой А – может быть так не похожа на другую – назовем ее сестрой Б. Если тетя Агата рослая, худошавая и скорее напоминает стервятника из пустыни Гоби, то тетя Далия коренастая, как регбист, чья задача – вводить мяч в схватку. И по характеру они совершенно разные. Тетя Агата холодная и высокомерная, что, вероятно, не мешает ей оживляться в полнолуние, когда, по слухам, она совершает человеческие жертвоприношения. Со мной она всегда обращается так, словно она строгая воспитательница, а я – ее шестилетний подопечный, которого она только что застала воруящим варенье из буфета. Тетя Далия, напротив, веселая и добродушная, как «дама»^[165] из рождественской комедии. Загадка природы, да и только.

Я обратился к ней с громким приветом, в каждом звуке которого чувствовались родственная любовь и почтение, и даже запечатлел на ее лбу нежный поцелуй. Сейчас было не время песочить ее за то, что она напустила полный дом всяких Сподов, девиц Бассет и хамоватых пузанов в панамах.

В ответ она приветствовала меня грубоватым охотничьим улюлюканьем. Очевидно, псовая охота приучает выражаться междометиями.

– Кого я вижу: молодой Берти.

– Он самый. Бодр и весел, готов к любым превратностям судьбы.

– И как обычно, томится жаждой. Я так и думала, что застаю тебя хлебающим виски.

– Я пью исключительно в лечебных целях. Я испытал потрясение.

– Из-за чего?

– Случайно мне стало известно о пребывании в доме этого фрукта Спода, – сказал я, почувствовав, что настал удобный момент для того, чтобы перейти к изложению претензий. – Чего ради вы пригласили сюда этого дьявола в образе человеческом? – спросил я, зная, что она разделяет мое мнение о седьмом графе Сидкапе. – Вы много раз говорили мне, что считаете его грубейшей ошибкой природы. И тем не менее лезете из кожи вон, чтобы, как это сказать, подмазаться к нему, что ли. Уж не спятили ли вы, старая прародительница?

Казалось бы, после такого нагоняя она должна была залиться краской, которую, правда, едва ли удалось бы разглядеть – у нее и без того красные щеки, потому что в свое время она охотилась в сильные морозы, – но ни о каких угрызениях совести в ее случае речь не шла. Пользуясь выражением из репертуара Анатоля, можно сказать, что вся моя ругань была ей как об стенку горох.

– Меня попросил Медяк. Он хочет, чтобы Спод выступал с речами в его поддержку. Он шапочно с ним знаком.

– Избави Бог ему познакомиться с ним поближе.

– Медяку нужна всемерная помощь, а Спод не уступает в красноречии легендарным ораторам. Прямо златоуст. Ему не пришлось бы ударить пальцем о палец, чтобы попасть в парламент.

Наверно, она была права, но меня задевала любая похвала в адрес Спода. Я парировал с обидой в голосе:

– Что же мешает ему баллотироваться?

– То, что он лорд, лопух ты этакий.

– А лорда нельзя избрать в парламент?

– Конечно, нет.

– Понятно, – сказал я, удивившись, что кому-то все-таки заказан путь в палату общин. –

Что ж, выходит, ваша вина не так серьезна, как я думал. Как вы с ним ладите?

– Я стараюсь его избегать.

– Разумно. Такой же линии поведения буду придерживаться и я. Теперь, что касается Мадлен Бассет. Она тоже здесь. Почему?

– Мадлен приехала за компанию. Хочет быть рядом со Сподом. Странное желание, не правда ли? Можно сказать, нездоровое. И Флоренс Крэй, само собой, приехала, чтобы участвовать в избирательной кампании Медяка.

Я вздрогнул. Вернее, даже не вздрогнул, а подскочил сантиметров на пятнадцать, как будто мое сиденье проткнули снизу шилом или вязальной спицей.

– Неужели и Флоренс здесь?

– Еще как здесь. Ты, кажется, взволнован.

– Я весь на взводе. Вот уж не думал, что, приехав сюда, окажусь в зоне демографического взрыва.

– Откуда ты знаешь про демографические взрывы?

– Дживс рассказал. Это его конек. Он говорит, что если в скором времени ничего не будет сделано...

– Уверена, он сказал так: «Если в сжатые сроки не будут приняты надлежащие меры».

– Точно, его слова. Он сказал: «Если в сжатые сроки не будут приняты надлежащие меры, то одной половине человечества в недалеком будущем придется держать на плечах другую половину».

– Предпочтительней оказаться в верхнем ярусе.

– Кто спорит.

– Хотя и верхние будут терпеть неудобства, балансируя на чужих плечах, как акробаты.

– Точно.

– И прогуляться не смогут, чтоб ноги размять. И поохотиться вволю.

– О чем разговор.

На какое-то время мы предались размышлению о том, что нас ждет в перспективе, и, помнится, я подумал, что теперешнее житье под одной крышей со Сподом, Мадлен и Флоренс выглядит сравнительно завидным. Тут мои мысли легко перенеслись к дяде Тому. Бедный старик сейчас, наверно, на грани нервного истощения. Даже появление одного гостя он порой воспринимает болезненно.

– Как же дядя Том переносит это вторжение в его хижину? – спросил я.

Она посмотрела на меня сомнительно, нет, наверно, надо говорить – с сомнением.

– Бедное слабоумное дитя, ты что, думал застать его здесь играющим на банджо? Он уехал на юг Франции, как только узнал об угрожающей опасности. Вчера от него пришла открытка. Он прекрасно проводит время и жалеет, что меня нет рядом.

– И вы не имеете ничего против, чтобы все эти люди наводняли ваш дом?

– Конечно, я бы предпочла их здесь не видеть, но я проявляю по отношению к ним ангельскую кротость, потому что они могут быть полезны Медяку.

– Какие у него шансы?

– Я бы сказала, пятьдесят на пятьдесят. Любая мелочь может дать преимущество той

или другой стороне. На днях состоятся предвыборные дебаты, и многое, если не все зависит от них.

– Кто соперник Медяка?

– Местное дарование. Адвокат.

– Дживс говорит, что Маркет-Снодсбери – очень чопорный город и что если избиратели узнают о прошлом Медяка, они выгонят его взащей без всяких церемоний.

– У Медяка есть прошлое?

– Прошлое – сильно сказано. Ничего из ряда вон выходящего. Когда он еще не подпал под обаяние Флоренс, его регулярно вышвыривали из ресторанов за то, что он бросал яйцами в вентилятор, и редкое состязание по гребле между Оксфордом и Кембриджем обходилось без того, чтобы Медяка не замели за срывание касок с полицейских. Он может потерять из-за этого голоса избирателей?

– Потерять голоса? Да если об этом узнают в Маркет-Снодсбери, я сомневаюсь, что он получит хотя бы один голос. На такие вещи могли бы смотреть сквозь пальцы в Содоме и Гоморре, но не в Маркет-Снодсбери. Поэтому, ради Бога, не болтай об этом с каждым встречным.

– Дорогая старая прародительница, неужели я похож на балаболку?

– По-моему, очень похож. То, что ты несешь, ни в какие ворота не лезет.

Я бы встал на защиту своей чести, но выражение, которое она употребила, навело меня на мысль, что я до сих пор не спросил ее про владельца фотоаппарата.

– Кстати, – сказал я, – что это за толстяк, который не лезет ни в какие ворота?

– Наверно, какой-то любитель мучного, не следивший за своим весом. Да о чем ты вообще?

Я понял, что вопрос поставлен неудачно, и поспешил объясниться:

– Гуляя по парку и земельным угодьям, я только что столкнулся с жирным господином в панаме с розовой лентой и задался вопросами, кто он и что он тут делает. Он не выглядел как ваш приятель, которому вы всегда готовы сказать: «Добро пожаловать!» Он произвел на меня впечатление злодея высшей пробы.

Мои слова, казалось, нашли отклик. Легко поднявшись, тетя Далия подошла сначала к внутренней двери и отворила ее, потом – к наружной, застекленной, и посмотрела сквозь стекло, очевидно, с целью убедиться, что никто – за исключением меня, конечно, – ее не слышит. Точно так же поступают шпионы в детективах перед тем, как начать переговоры, не предназначенные для чужих ушей.

– Пожалуй, надо ввести тебя в курс дела, – сказала она.

Я дал ей понять, что буду внимательным слушателем.

– Это Л. П. Ранкл, и я хочу, чтобы ты постарался его обаять. Надо его всячески ублажать и умасливать.

– Он что, важная птица?

– Еще бы. Крупный финансист, компания «Ранклз энтерпрайзез». Денег куры не клюют. Мне показалось, что эти слова могут значить только одно.

– Вы надеетесь его растрогать?

– Да, это моя цель. Но я не для себя стараюсь. Я хочу получить от него кругленькую сумму для Таппи Глоссоба.

Таппи Глоссоб – племянник сэра Родерика Глоссоба, широко известного невропатолога и психоведа, превратившегося из пугала для Бертрама в одного из моих лучших друзей. Он

зовет меня Берти, я его – Родди. Таппи тоже принадлежит к кругу моих близких друзей, несмотря на то что однажды подложил мне свинью: я на спор лез по висящим кольцам из одного конца плавательного бассейна «Клуба шалопаев» в другой и уже находился почти у цели, когда обнаружил, что Таппи отвел в сторону последнее кольцо, так что мне ничего не оставалось, как плюхнуться в воду в безукоризненном вечернем туалете. Его поступок был мне как нож в сердце, но время, великий целитель, врачует все раны, и в конце концов я простил Таппи. Уже много лет он помолвлен с Анджелой, дочкой тети Далии, и долго я не мог взять в толк, за чем дело стало и почему все никак не зазвонят свадебные колокола. Я целую вечность ждал, когда меня призовут вооружиться сервировочной лопаткой, но приглашение так и не пришло.

Естественно, я поинтересовался, не бедствует ли Таппи, и она сказала, что он не пошел по миру и не подбирает в канавах окурки, но у него нет денег, чтобы жениться.

– Все из-за Л. П. Ранкла. Я расскажу тебе, в чем дело.

– Да, пожалуйста.

– Ты когда-нибудь видел покойного отца Таппи?

– Один раз. Такой старичок не от мира сего, типичный профессор.

– Он был химиком-экспериментатором, кажется, так это называется, и работал в «Ранклз энтерпрайзез», в кинофильмах такие всегда ходят в белых халатах и вглядываются в пробирки. И однажды он изобрел лекарство от головной боли, впоследствии получившее название «Волшебные таблетки Ранкла». Тебе они наверняка попадались.

– Я хорошо их знаю. Прекрасно помогают от похмелья, хотя, конечно, им далеко до фирменного эликсира Дживса. Они очень популярны в «Клубе шалопаев». Я знаю человек десять, которые только на них и уповают. Должно быть, эти таблетки – золотая жила.

– Конечно. Они такой же ходкий товар, как теплые свитера в Исландии.

– Тогда почему у Таппи туго с деньгами? Разве таблетки не перешли к нему по наследству?

– Какое там!

– Ничего не понимаю. Вы говорите загадками, пожилая родственница, – сказал я с легким раздражением в голосе, потому что если я чего не переношу, так это манеру тетюшек говорить загадками. – Если эти таблетки, будь они неладны, принадлежали отцу Таппи...

– Л. П. Ранкл так не считал. Отец Таппи получал у него жалованье, и в примечании к контракту сказано, что все изобретения, сделанные за время работы в «Ранклз энтерпрайзез», становятся собственностью «Ранклз энтерпрайзез». Так что покойный старик Глоссоп не оставил сыну большого наследства, а Л. П. Ранкл продолжал здравствовать, как вечнозеленый лавр.

Я никогда не видел вечнозеленый лавр, но понял мысль тетюшки.

– А если Таппи подаст в суд?

– Он обязательно проиграет. Контракт есть контракт.

Я понимал, что она имеет в виду. Я сам оказался в подобной ситуации, когда написал статью или, как говорят, дал материал под названием «Что значит хорошо одеваться» в ее еженедельную газету «Будуар элегантной дамы». Тетя дала мне за работу пачку сигарет и получила статью в полную собственность. Мне не присылали просьб о ее публикации из Франции, Германии, Италии, Канады и Соединенных Штатов, но если б прислали, я не мог бы их удовлетворить. Мой приятель, профессиональный литератор Литтлуорт по прозвищу Носач, говорит, что мне надо было продать тете только право на публикацию в

периодическом издании, но я тогда до этого не додумался. Сам, конечно, наделаешь ошибок. Тут нужно, чтобы твои интересы защищал агент.

Тем не менее я считал, что Л. П. Ранкл должен был пренебречь формулировкой контракта и поделиться с отцом Таппи. Я сказал об этом прародительнице, и она согласилась.

– По совести, конечно, должен.

– Его поведение в этой ситуации лишний раз доказывает, что он жлоб.

– Всем жлобам жлоб. У него есть сведения, что на Новый год ему присвоят рыцарское звание.

– Как же можно такого посвящать в рыцари?

– А как раз таких и посвящают. Видный бизнесмен. Делец, каких мало. Крупный наш экспортер.

– И при этом жлоб.

– Первостатейный.

– Тогда что ему здесь делать? Вы обычно не лезете из кожи вон, обхаживая жлобов. Спод – это еще ладно. Я понимаю, почему вы миритесь с его вредоносным присутствием, хотя оно мне и не по душе. Он агитирует за Медяка и, по вашим словам, делает это хорошо. Но зачем здесь Ранкл?

Тут она воскликнула «Ах!», и когда я спросил ее, почему она ахнула, она ответила, что подумала о своей хитроумной затее, а когда я спросил, что она подразумевает под «хитроумной затеей», она снова ахнула. Неизвестно, сколько еще могло бы так продолжаться, но она вторично выглянула в коридор, а потом сквозь стеклянную дверь внимательно посмотрела в сад и все объяснила:

– Ранкл приехал сюда, чтобы продать Тому какой-то антиквариат для его коллекции, но поскольку Том исчез, а Ранклу добираться сюда не ближний свет, я оставила его переночевать, и за ужином меня осенила идея. Если задержать его в гостях и потчевать день и ночь яствами Анатоля, он вполне может смягчиться.

Она перестала говорить загадками. Теперь я ее понимал.

– И тогда вы уговорите его откупиться от Таппи несправедно нажитыми деньгами?

– Вот именно. Я жду подходящего момента. Как только он наступит, я буду действовать с быстротой молнии. Я сказала ему, что Том возвратится через пару дней, а это неправда, потому что он не приблизится к дому и на пятьдесят миль, прежде чем я дам ему знать, что опасность миновала, – и, таким образом, Ранкл согласился остаться.

– Ну, и как ваши успехи?

– Перспективы, кажется, хорошие. Ранкл смягчается с каждым приемом пищи. Вчера вечером Анатолий баловал нас цыпленком «пти-дюк», и Ранкл уплетал его за обе щеки, как ленточный червь, месяц сидевший на диете. Я заметила огонь в его глазах, когда он проглотил последний кусок. Еще несколько ужинов – и он готов.

Вскоре после этих слов она покинула меня, чтобы переодеться к ужину. Я несколько не сомневался, что успею облачиться в вечерний туалет за десять минут, и поэтому медлил, погружившись в размышления.

Поразительно, что я находился в глубоком раздумье не первый раз за день. Это говорит только о том, как сильно изменилась жизнь. Полагаю, в прежние времена я погружался в размышления не чаще чем раз в месяц.

Само собой, мне угодил в самое сердце рассказ пожилой родственницы о бедственном положении Таппи. Кто-то скажет, что человек, способный отвести в сторону последнее кольцо, когда вы лезете на спор на другой конец бассейна «Клуба шалопаев», не стоит сочувствия, но, повторяю, старая обида давно прошла, и сейчас мне было больно за Таппи. Ведь идея прародительницы задобрить Л. П. Ранкла сразу показалась мне несостоятельной, хотя я и сделал вид, что отношусь к ней всерьез. Человека, который носит такую панаму, не разжалобишь, сколько и чем ни корми. Чтобы жук вроде Л. П. Ранкла раскошелится, его нужно похитить, упрятать в подвал заброшенной мельницы и вставлять ему между пальцев ног зажженные спички. Да и то он еще, пожалуй, подсунет вам фальшивый чек.

То, что Таппи еле сводит концы с концами, было для меня открытием. Ведь если когда-нибудь и задумаешься о материальном положении близкого знакомого, то скорее всего решишь, что у него все благополучно. Мне и в голову не приходило, что Таппи может ощущать острый дефицит дублонов, и теперь я понимал, что мешает собрать духовных лиц во главе с епископом и приступить к церемонии. Вероятно, дядя Том взял бы на себя все расходы, получи он на это «добро»: денег у него хоть лопатой гребь, но Таппи – человек гордый, и он не захотел бы одалживаться перед тестем. Конечно, ему не следовало связывать Анджелу обещанием верности, раз у него дела в таком расстройстве, но что поделаться с любовью. Она все побеждает, как сказал поэт. Подумав минут пять о Таппи, я переключился на размышления об Анджеле, к которой всегда питал родственные чувства. Милая молоденькая глупышка, у которой есть все, чтобы стать хорошей женой, но беда в том, что нельзя стать хорошей женой, если у твоего избранника нет денег, чтобы жениться на тебе. По сути дела, тебе остается только слоняться из угла в угол, барабанить пальцами по столу и надеяться на лучшее. Жизнь превращается в томительное ожидание, и как должен быть печален удел Анджелы, думал я: горевать дни напролет и орошать подушку слезами.

Размышляя о чем-нибудь, я всегда закрываю лицо руками, потому что это помогает сконцентрировать мысль и отвлечься от всего постороннего. Я поступил так и сейчас и уже вовсю размышлял, когда мое уединение было мистическим образом нарушено. Я ощутил, если хотите, чье-то незримое присутствие и не ошибся. Убрав руки от лица и подняв глаза, я увидел перед собой Мадлен Бассет.

Я был потрясен. Не скажу, что мне хотелось ее видеть меньше, чем кого бы то ни было – само собой, черный список возглавлял Спод, за ним с небольшим отрывом шел Л. П. Ранкл, – но я охотно уклонился бы от общения с ней. Тем не менее, увидев ее, я вежливо поднялся, и, полагаю, ничто в моем поведении не давало поводов думать, что я обуреваем желанием швырнуть в нее кирпичом: я ведь вообще человек сдержанный. Однако за внешним спокойствием скрывалась тревога, которая всегда овладевает мной, когда мы встречаемся.

Ошибочно полагая, что я безнадежно в нее влюблен и чахну в разлуке, эта Бассет, когда наши дорожки пересекаются, не упускает случая взглянуть на меня с жалостливой нежностью, и именно такой взгляд я сейчас на себе почувствовал. В нем было столько жалостливости, что, лишь напомнив себе о ее крепком союзе со Сподом, я смог сохранить самообладание и присутствие духа. Пока она была помолвлена с Гасси Финк-Ноттлом, всегда существовала опасность, что она еще передумает; Гасси – чудаковатый очкарик,

коллекционирующий тритонов, которому девушка в любой момент может дать отставку, но от ее союза со Сподом веяло надежностью. Ведь, как к Споду ни относишься, нельзя не признать, что он седьмой граф Сидкап, а ни одна девица, если ей посчастливилось поймать в свои сети седьмого графа, у которого замок в Шропшире и годовой доход в двадцать тысяч фунтов, так просто не откажется от своего счастья.

Насмотревшись на меня, она заговорила медоточивым голосом:

– О, Берти, как я рада вас видеть. Как поживаете?

– Хорошо. А как ваши дела?

– Хорошо.

– Приятно слышать. А как ваш папа?

– Хорошо.

Ее слова огорчили меня. Мои отношения с сэром Уоткином Бассетом были таковы, что я скорее порадовался бы, узнав, что он заразился бубонной чумой и дни его сочтены.

– Слышал о вашем приезде, – сказал я.

– Да, я здесь гошу.

– Слышал об этом. Хорошо выглядите.

– О, у меня все очень-очень хорошо, и я так счастлива.

– Рад за вас.

– Просыпаясь каждое утро, я начинаю новый день с мыслью, что такого хорошего дня еще никогда не было. Сегодня перед завтраком я танцевала на лужайке, а потом пошла по саду, чтобы пожелать цветочкам доброго утра. На одной клумбе спала прелестная черная кошечка. Я взяла ее на руки и стала танцевать.

Я ничего не сказал Мадлен, но она вела себя крайне бестактно. Чего Огастус – так зовут кота, о котором она говорила, – терпеть не может, так это когда нарушают его сон. Должно быть, он всю чертыхался, но спросонья был не в голосе, и она подумала, что он мурлычет.

Она замолчала, видимо, ожидая моей реакции на рассказ о ее дурачествах, поэтому я сказал:

– Эйфория.

– Эй – что?

– Дживс говорит, что так называется это состояние.

– А, тогда понятно. Я называю это состояние просто – счастье, счастье, счастье.

Сказав это, она вздрогнула, затряслась и поднесла руку к лицу, как будто проходила кинопробу и ей велели показать угрызения совести.

– Ах, Берти!

– Да-да?

– Простите меня.

– А?

– Так нечутко с моей стороны рассказывать вам о своем счастье. Я должна была помнить, что вам-то совсем несладко. Войдя, я увидела, что ваше лицо перекошено от боли, и вы представить себе не можете, как для меня огорчительно быть причиной ваших страданий. Жизнь ведь нелегкая штука?

– Не слишком.

– Даже тяжелая.

– Местами.

– Нельзя терять мужество.

– Вроде того.

– Не падайте духом. Кто знает? Может, ваше счастье где-то ждет вас. Однажды вы встретите ту, чья любовь заставит вас забыть о вашей любви ко мне. Нет, вы не совсем забудете. Я навсегда останусь сладостным воспоминанием, которое будет жить в вашей душе и являться вам нежным и хрупким видением в часы заката летними вечерами, когда птички поют свои прелестные песенки, отходя ко сну.

– Это было бы на вас похоже, – сказал я, потому что промолчать было бы невежливо. – Вы, кажется, промокли, – добавил я, меняя тему. – Гуляли под дождем?

– Он только моросил, и потом, я не боюсь дождя. Я желала цветочкам доброй ночи.

– Вы им и доброй ночи желаете?

– А как же. Иначе бедняжечки обиделись бы.

– Хорошо, что вы вернулись в дом. А то, чего доброго, наживете прострел.

– Я вернулась не из-за этого. Я увидела вас в окне и решила задать вам один вопрос. Очень-очень серьезный.

– Вот как?

– Вот только ума не приложу, как его сформулировать. Наверно, попробую спросить, как в книжках. Ну, вы знаете, как в книжках говорят.

– Кто и что говорит в книжках?

– Ну, сыщики всякие. Берти, вы встали на честный путь?

– В смысле?

– Вы знаете, о чем я. Вы больше не воруете?

Я весело рассмеялся:

– Ни-ни.

– Вы уже не чувствуете позывов к воровству? Вы поборили в себе эту страсть? Я говорила папуле, что это своего рода болезнь и вы ничего не можете с собой поделать.

Я вспомнил, как она развивала перед ним эту теорию – я тогда в очередной раз прятался за диваном, не по собственному желанию, а в силу обстоятельств, – и сэр Уоткин сделал вульгарное замечание на мой счет – мол, виной всему моя дурная привычка тащить все, что попадает под руку.

Любая другая девушка не стала бы приставать с расспросами – любая другая, но не Мадлен. Ее разобрало любопытство.

– Вы победили свой недуг с помощью психиатра? Или просто усилием воли?

– Просто усилием воли.

– Как это замечательно. Я горжусь вами. Должно быть, вы выстояли в страшной борьбе?

– Борьба как борьба, ничего особенного.

– Я обязательно напишу папуле...

Не договорив, она приложила руку к левому глазу, и столь пронизательному человеку, как я, не составило труда догадаться, что произошло. Застекленная дверь была открыта, и мошкара залетала в гостиную и вилась вокруг нас роем. Находясь в сельской Англии, всегда нужно быть готовым к встрече с ней. В Америке пользуются москитными сетками, налетев на которые крылатые насекомые в замешательстве ретируются, но эти сетки никак не привьются в Англии, где на мошкару нет никакой управы. Мошки носятся как угорелые и время от времени попадают кому-нибудь в глаз. Очевидно, сейчас одна из них попала в глаз Мадлен.

Я первый скажу, что возможности Бертрама Вустера ограничены, но в одной области

приложения человеческих сил я достиг вершины. Я никому не уступлю первенства по части вытаскивания посторонних предметов из глаз. Я знаю, что сказать и что делать.

Посоветовав Мадлен не терять глаз, я приблизился к ней с носовым платком в руке.

Я помню, как мы обсуждали техническую сторону этой операции с Гасси Финк-Ноттлом в Тотли после того, как он вытащил мошку из глаза Стефани Бинг, ныне миссис Свинкер-Пинкер. Мы были единодушны в том, что успеха можно достичь, только если для большей устойчивости придерживать рукой подбородок пациента. Стоит забыть об этом предварительном условии, и ваши усилия будут тщетными. Поэтому я поспешил его выполнить, и Спод, как можно было от него ожидать, выбрал для своего появления именно тот момент, когда мы с Мадлен находились, что называется, в непосредственном контакте.

Не скрою, в моей жизни бывали минуты, когда я чувствовал себя раскованней. Вдобавок к тому, что Спод – живой слепок с очень большой гориллы, он наделен нравом вспыльчивого тигра джунглей и грязным воображением, из-за которого он легко становится жертвой того, что Дживс, я слышал, называет «зеленоглазой ведьмой, которая смеется над добычей»^[166], иными словами – ревности. Если такой человек застанет вас придерживающим подбородок его любимой девушки, он, безусловно, попробует выпустить вам кишки, и, чтобы предотвратить кровопролитие, я поздоровался с ним так беспечно, как только мог в тот момент.

– Привет, старина Спод, я хотел сказать – старина лорд Сидкап. Вот мы все и встретились. Дживс сказал мне, что вы здесь, и тетя Далия говорит, что ваши выступления в поддержку консерваторов переворачивают души избирателей вверх тормашками. Как, должно быть, это замечательно – владеть словом. Это, конечно, дар Божий. Тут либо дано, либо нет. Я не смог бы выступить на митинге даже ради умирающей бабушки. Я бы стоял, беззвучно открывая и закрывая рот, как рыба. А вам нужно только откашляться, и золотые слова польются из ваших уст, как елей. Я ужасно вами восхищаюсь.

Умиротворяюще, не правда ли? Казалось, осыпанный с ног до головы льстивыми похвалами, он должен был самодовольно ухмыльнуться, шаркнуть ножкой и пробормотать что-то вроде: «Мне очень приятно слышать ваши слова». Но вместо этого он только и сделал, что издал какой-то гортанный звук, как оперный бас, подавившийся рыбной костью, и мне пришлось нести разговор на своих плечах.

– Я сейчас вытаскивал мошку из глаза Мадлен.

– Хм.

– Беда с этими мошками! С ними надо уметь.

– Хм.

– Сейчас, по-моему, все в порядке.

– Да, огромное вам спасибо, Берти.

Это уже сказала Мадлен, а не Спод. Он все так же мрачно смотрел на меня в упор. Но Мадлен продолжала талдычить свое:

– Берти такой молодец.

– Хм.

– Не знаю, что бы я без него делала.

– Хм.

– Он выказал удивительное присутствие духа.

– Хм.

– Но мне очень жалко бедную кошечку.

– Она сама виновата, – твердо сказал я. – Мы только приняли ответные меры.

– Да, я согласна, но...

Тут ее прояснившийся после удаления мошки взор привлекли часы на каминной полке, и она всполошилась:

– О Господи, времени-то сколько. Я должна бежать.

Она ретировалась, и я был готов последовать ее примеру, но тут Спод остановил меня, буркнув: «Минутку!» Одно и то же слово можно сказать совершенно по-разному. Можно, как Спод, то есть на редкость неприятно, со скрипом в голосе.

– Я хочу поговорить с вами, Вустер.

Я не любитель бесед со Сподом, но, зная я наверняка, что он и дальше будет только хмыкать в ответ на мои реплики, я бы не отказался от общения с ним. Однако что-то подсказывало мне, что он собирается продемонстрировать куда больший словарный запас, и я бочком двинулся к двери.

– Может, как-нибудь в другой раз?

– Никакого другого раза. Сейчас.

– Я опоздаю к ужину.

– Какое мне дело до ваших опозданий. Советую вам внимательно меня выслушать, потому что в противном случае я выбью вам все зубы, и тогда вы уже точно не сможете поужинать.

Его слова звучали убедительно. Я решил, что называется, склонить к нему слух. «Говорите», – сказал я, и он заговорил, понизив голос до какого-то грохочущего рыка, так что его речь стала совершенно невнятной. Тем не менее два слова – «прочитанная книга» – мне удалось разобрать, и я воспрянул духом. Если Спод затеял литературную дискуссию, я был не прочь обменяться мнениями.

– Книга? – переспросил я.

– Книга.

– Вы хотите, чтобы я порекомендовал вам хорошую книгу? Само собой, это дело вкуса. Дживса, например, хлебом не корми, только дай прилечь с томиком Спинозы или Шекспира. Что до меня, я – поклонник детективов и приключенческих романов. Из детективов предпочитаю Агату Кристи. Из приключений...

Тут я осекся, потому что Спод наградил меня нелестным эпитетом и сказал, чтобы я перестал болтать, а я всегда перестаю болтать, если этого требует верзила двух с половиной метров роста и соответствующих габаритов. Я умолк, а он продолжал говорить:

– Я сказал, что вы для меня прочитанная книга, Вустер. Мне известно, что вы задумали.

– Не понимаю вас, лорд Сидкап.

– Тогда вы и правда такой идиот, каким кажетесь, а внешность ваша говорит сама за себя. Речь идет о том, как вы вели себя с моей невестой. Я вошел в комнату и застал вас ласкающим ее лицо.

Здесь мне пришлось его поправить. В таких вещах желательна точность.

– Во-первых, не лицо, а подбородок.

– Тьфу! – сказал он, если я правильно расслышал.

– Мне пришлось взять ее за подбородок, чтобы вытащить из глаза мошку. Я просто придерживал его.

– Вы придерживали его любовно.

– Неправда!

– Простите. Я не слепой, и я вижу, когда придерживают подбородок любовно, а когда нет. Вы, очевидно, были в восторге от того, что вам представился случай замусолить ее подбородок своими грязными пальцами.

– Вы ошибаетесь, лорд Сидкап.

– Повторяю, мне известно, что вы задумали. Вы собираетесь расправиться со мной, отбить у меня Мадлен при помощи своих коварных подкопов, но я хочу, чтобы вы крепко-накрепко запомнили: если подобное повторится, вам лучше заблаговременно оформить страховку от несчастных случаев. Возможно, вы думаете, что как гость вашей тетки я не решусь размазать вас по лужайке перед домом и потом станцевать на ваших потрохах в сапогах с подковами, но вы заблуждаетесь. Я сделаю и то и другое с превеликим удовольствием. Я как раз совершенно случайно привез с собой пару кованых сапог!

Решив, что это хорошая реплика под занавес, он удалился, и после короткого напряженного размышления я двинулся за ним. Направившись в свою спальню, я застал там Дживса, который встретил меня с укоризненным видом. Он знает, что я могу переодеться к ужину за десять минут, но не одобряет спешки, потому что она, на его взгляд, всегда сказывается на состоянии галстука: даже если он и правильно подобран, настоящая бабочка все равно не получается.

Меня не смутил упрек в его глазах. После того как я смотрел в глаза Спода, черта с два я испугаюсь взгляда Дживса.

– Дживс, вы наверняка хорошо знаете «Гимны старинные и современные». Кто были эти люди, про которых в гимне сказано, что они «рыщут и рыщут повсюду»^[167]?

– Воины Мадиама, сэра.

– Точно. А не был ли среди них упомянут Спод?

– Сэр?

– Я спрашиваю, потому что он рыщет и рыщет повсюду, как будто он родом из Мадиама. Давайте я все вам расскажу.

– Боюсь, сэра, сейчас не время. Слышите, звонок к ужину.

– Правда. Кто же звонит? Вы говорили, Сеппингс слег в постель.

– Горничная, сэра, по поручению Сеппингса.

– У нее хорошо поставленная рука. Ладно, я расскажу потом.

– Очень хорошо, сэра. Простите, ваш галстук.

– С ним что-то не так?

– Абсолютно все, сэра. Если вы позволите.

– Конечно, валяйте. Но я не могу не задаваться вопросом, неужели в такое время, как сейчас, галстуки имеют какое-то значение?

– Галстуки имеют значение в любое время, сэра.

Я спустился в столовую в мрачном расположении духа. Анатолий, размышляя я, без сомнения, попотчует нас одним из своих коронных блюд – может быть, сладким мясом в тесте по-тулузски или сильфидами в раковом соусе, – но за ужином я встречу со Сподом, Мадлен, Флоренс и Л. П. Ранклом.

Всегда что-то отравляет радость, думал я.

Справедливо замечено, что если уж Бертрам Вустер берется за дело, оно будет гореть у него в руках, а не отлеживаться в долгом ящике. Другой на моем месте, согласившись поагитировать избирателей за друга, жаждущего попасть в парламент, повременил бы приступить к работе до второй половины следующего дня и, сказав себе, что несколько часов ничего не решают, направился бы в бильярдную, чтобы раз-другой сразиться в снукер. Мое поведение резко контрастировало, как выразился бы Дживс, с общим фоном, и вскоре после завтрака я уже был в дороге. Еще не перевалило за одиннадцать, когда я, подкрепив силы парой копченых селедочек, тостами, джемом и тремя чашками кофе, приближался к ряду домов у реки, который кто-то меткий на язык так и окрестил: Ривер-роуд, то есть «Речной ряд». Много раз бывая в Маркет-Снодсбери, я знал, что это один из фешенебельных районов города, где полным-полно домовладельцев – потенциальных приверженцев консерваторов, и поэтому мой первый заход был именно в этот порт. Ведь бессмысленно начинать обход с менее дорогих районов, жители которых, заведомо расположенные голосовать за лейбористов, не только останутся глухи к вашим уговорам, но могут и кирпичом швырнуть. У Медяка, конечно, имелся специальный отряд сторонников-амбалов, привыкших говорить сплевывая, вот пусть этот отряд и занимается избирателями, кидающими кирпичи.

Дживс вышел вместе со мной, но я направлялся в дом № 1, а он избрал своей целью дом № 2. Потом я занялся бы домом № 3, а он – домом № 4. Мы условились не агитировать на пару и не заявляться в чужой дом вместе, а то его обитатели еще подумают, что мы переодетые полицейские, и будут зря нервничать. Многие люди, живущие в таких местах, как Ривер-роуд, от сытой жизни приобретают склонность к апоплексическим ударам, а если с избирателем сделается удар и он испустит дух на полу, это будет означать, что одним избирателем в списке станет меньше. О таких вещах всегда надо помнить.

– Хоть убей, не понимаю, Дживс, – сказал я, потому что был настроен поразмышлять вслух, – почему люди спокойно относятся к тому, что кто-то совершенно незнакомый вламывается к ним в дом, даже не говоря при этом... как же это... На языке вертится...

– «Простите за вторжение», сэра?

– Ну да. Даже не говоря «Простите за вторжение», и указывает им, за кого голосовать. Мне это кажется бесцеремонным.

– Таков предвыборный обычай, сэра. А как сказал некогда один мудрец: «Обычай может примирить нас с чем угодно».

– Шекспир?

– Берк^[168], сэра. Это афоризм из его трактата о возвышенном и прекрасном. Думаю, что избиратели, успевшие за многие годы привыкнуть к предвыборной агитации, почувствовали бы себя разочарованными, если бы никто к ним не зашел.

– Значит, мы внесем свежую струю в их будничную жизнь?

– Приблизительно так, сэра.

– Что ж, возможно, вы правы. Вы когда-нибудь раньше агитировали на выборах?

– Один или два раза, сэра, до поступления к вам на службу.

– Какова была ваша тактика?

– Я излагал свои аргументы так кратко, как только мог, прощался со слушателями и удалялся.

– А предисловие?

– Сэр?

– Вы не выступали с какой-нибудь речью, прежде чем перейти к делу? Не ссылались на Берка, Шекспира или на поэта Бернса?

– Нет, сэр. Это могло бы вызвать раздражение.

Тут я с ним был не согласен. Мне казалось, что он на совершенно ложном пути и вряд ли возвратится из дома № 2 со щитом. Избиратель, может, только того и ждет, чтобы ему рассказали, что слышно новенького про Берка и его трактат о возвышенном и прекрасном, а Дживс почему-то не хочет воспользоваться собственной ученостью. Я был не прочь напомнить Дживсу притчу о зарытых в землю талантах, которую я штудировал во время подготовки к выигранному мной школьному конкурсу на лучшее знание библейских текстов. Однако время шло, и я оставил эту мысль. Я просто сказал Дживсу, что, на мой взгляд, он ошибается. В предисловии, утверждал я, как раз вся соль. Оно должно, что называется, разбить лед недоверия. Нельзя же нагрянуть к совершенно незнакомому человеку и выпалить с бухты-барухты: «Привет. Надеюсь, что вы проголосуете за моего кандидата!» Гораздо лучше начать так: «Доброе утро, сэр. Я понял с первого взгляда, что вы человек высокой культуры, которого, может, хлебом не корми – только дай почитать Берка. Интересно, изучили ли вы его трактат о возвышенном и прекрасном?» Ну, а после такого предисловия можно перейти к делу.

– Тут надо найти подход, – сказал я. – Лично я целиком на стороне веселости и добродушия. Я собираюсь приветствовать своего домовладельца веселым восклицанием «Салют, мистер Такой-то, салют!», чтобы сразу расположить его к себе. Потом я расскажу ему анекдот. И только после этого – подождав, конечно, пока он отсмеется, – перейду к делу. Уверен, меня ждет успех.

– Я в этом не сомневаюсь, сэр. Мне такой метод не подходит, но тут все дело в личной склонности.

– В психологии индивидуума?

– Совершенно верно, сэр. «Различны люди меж собой и их пристрастья».

– Берк?

– Чарльз Черчилл, сэр, поэт, творивший в начале восемнадцатого века. Это цитата из его «Послания Уильяму Хогарту».

Мы остановились, потому что уже подошли к двери дома № 1. Я нажал кнопку звонка.

– Решающая минута, Дживс, – сказал я со значительным видом.

– Да, сэр.

– Полный вперед.

– Слушаюсь, сэр.

– Бог в помощь вашей агитации.

– Спасибо, сэр.

– И моей.

– Да, сэр.

Он прошел вперед и поднялся на крыльцо дома № 2, а я, стоя у закрытой двери, чувствовал себя так же, как когда-то в отрочестве в доме моего дяди-священника, готовясь выступить в велосипедных соревнованиях среди мальчиков-певчих, чей голос еще не начал ломаться к первому воскресенью января, – взволнованным, но полным решимости победить.

Пока я бегло повторял про себя анекдот, который собирался рассказать для затравки,

дверь отворилась. Передо мной стояла горничная, и можете себя представить, как я обрадовался, признав в ней бывшую горничную тети Далии, работавшую в доме во время моего прошлого визита; читатели-ветераны помнят, как мы судачили с ней о коте Огастусе и его манере спать все дни напролет вместо того, чтобы шнырять по дому в поисках мышей.

Увидев знакомое лицо, я приободрился. Мой боевой дух, начавший было угасать с уходом Дживса, теперь получил сильное подкрепление и приблизился к норме. Я чувствовал, что даже если господин, к которому я пришел, спустит меня с лестницы, знакомая горничная проводит меня до дверей и скажет в утешение, что испытания посылаются нам для того, чтобы отвратить нас от всего суетного.

– Привет! – сказал я.

– Доброе утро, сэр.

– Вот мы и снова встретились.

– Да, сэр.

– Вы меня помните?

– Конечно, сэр.

– И вы не забыли Огастуса?

– Нет, сэр.

– Он все такой же соня. Сегодня утром мы завтракали вместе. Он бодрствовал из последних сил, пока расправлялся с порцией селедки, потом погрузился в безмятежный сон на краю кровати, свесив голову вниз. Значит, вы махнули рукой на свою карьеру у тети Далии. Очень жаль. Мы все будем скучать по вас. Вам здесь нравится?

– О да, сэр.

– Вот и отлично. А теперь к делу. Я пришел к вашему хозяину по одному важному вопросу. Что он за человек? Не слишком вспыльчивый? Надеюсь, не бросается на посетителей?

– Это не джентльмен, сэр, а леди. Миссис Мак-Коркадейл.

Эта новость значительно умерила мою эйфорию. Я рассчитывал, что, рассказав заготовленный анекдот, с налету завоюю симпатию слушателя и избежу таким образом неловкости первых минут, когда жертва насильственного посещения смотрит на вас в упор, как будто спрашивая, чему она обязана чести вашего визита, а теперь выяснялось, что анекдот мой останется нерассказанным. Я слышал эту пикантную историю от Китекэта Поттера-Перебрайта в «Клубе шалопаев»; ее духовная родина – курительная комната лондонского клуба или мужская уборная американского поезда, и никакими купюрами ее нельзя адаптировать для дамского слуха, в особенности для слуха дам, которым в пору руководить комитетами по охране нравственности.

Поэтому горничная проводила в гостиную несколько обескураженного Бертрама Вустера, и вид хозяйки дома, которая предстала передо мной, ничуть не прибавил мне бодрости. Я бы отнес миссис Мак-Коркадейл к разряду мрачных женщин. Вероятно, она уступала в мрачности моей тете Агате, чего и следовало ожидать, но, безусловно, была того же поля ягода, что Иаиль, жена Хеверова^[169], и некая дама, которая вязала, сидя под гильотиной, во время Французской революции. У нее был крючковатый нос, тонкие, плотно сжатые губы, а ее глазами можно было раскалывать бревна в тиковых лесах Борнео. Оценивая ее, как говорится, в общем и целом, оставалось только подивиться бесстрашию мистера Мак-Коркадейла, взявшего ее в жены, – очевидно, этого человека ничем нельзя было запугать.

Но я пришел сюда с намерением быть веселым и добродушным, и от своего намерения отступить не собирался. Актеры говорят, что, если вы перевозбуждены и нервная система у вас не так свежа, как у новорожденного, необходимо сделать глубокий вдох. Я сделал их три и сразу почувствовал себя гораздо лучше.

– С добрым утром, с добрым утром, с добрым утром, – проговорил я. – С добрым утром, – подчеркнул я лишний раз, потому что считал, что моя вежливость не должна иметь пределов.

– С добрым утром, – ответила она, и это могло означать, что пока мои дела обстоят неплохо. Но я покривил бы душой перед читателями, если бы сказал, что в ее голосе слышалась сердечность. У меня создалось впечатление, что мой облик поразил ее в чувствительное место. Очевидно, эта женщина была согласна со Сподом в вопросе о том, как сделать Англию страной героев.

Лишившись подспорья в виде заготовленного анекдота и стоя под ее взглядом, проходящим сквозь меня, как доза слабительного, и подтачивающим мое и без того хрупкое самообладание, я, наверно, затруднился бы продолжить разговор, но, к счастью, я был начинен полезными сведениями, которые так и просились на язык. Вчера вечером, когда мы курили после ужина, Медяк разъяснил мне, что именно он и его команда намерены делать, придя к власти. Они собирались, по его словам, сократить до минимума налоги, выправить нашу внешнюю политику, в два раза увеличить экспорт, сделать так, чтобы у каждого было по два автомобиля в гараже и по две курицы на обед, и обеспечить фунту приток свежей крови, в котором он так давно нуждается. Мы с ним сошлись во мнениях, что это великолепная программа, и я не видел причин, почему бы и мымре Мак-Коркадейл не согласиться с такой оценкой. Поэтому я первым делом спросил ее, имеет ли она право голоса, и она ответила: «Конечно», – и я сказал, что это прекрасно, потому что иначе мои доводы пропали бы втуне.

– По моему глубокому убеждению, это просто замечательно, что во время выборов каждая женщина имеет голос, – продолжал я с жаром, и она ответила, как мне показалось, довольно ехидно, что мое одобрение ее радует.

– Когда вы будете его, если так можно выразиться, подавать, горячо вам рекомендую подать его за Медяка Уиншипа, – сказал я.

– На чем основана ваша рекомендация?

Задав этот вопрос, она дала мне прекрасную возможность начать заготовленную речь. Преподнесла, можно сказать, на блюдечке. Я молниеносно пустился в рассуждения и разрекламировал программу Медяка, упомянув о налогах, внешней политике, экспорте, машинах в гараже, курицах на обед и первой помощи бедному старику фунту, но был потрясен полным отсутствием заинтересованности с ее стороны. Ни одной новой складки не появилось на суровом каменистом плато ее лица. Она была похожа на тетю Агату, которая выслушивает оправдания мальчишки Вустера, разбившего крикетным мячом окно гостиной.

Я решил нажать на нее – в смысле прижать к стенке.

– Неужели вы не хотите, чтобы сократились налоги?

– Хочу.

– И чтобы наша внешняя политика пошла в гору?

– Разумеется.

– А экспорт увеличился в два раза, и фунт подбросило вверх? Не сомневаюсь, что хотите. В таком случае голосуйте за Медяка Уиншипа – кандидата, который, стоя у кормила

власти, поведет Англию к процветанию и счастью и воскресит славную эпоху королевы Елизаветы.

В своем выступлении я придерживался шпаргалки, заготовленной для меня Дживсом. В ней было еще что-то полезное про «державный этот остров» и «сей новый рай земной, второй Эдем»^[170], но это вылетело у меня из головы.

– Согласитесь, что это было бы неплохо, – сказал я.

Секундой раньше мне бы и в голову не пришло, что ее сходство с тетей Агатой может еще усилиться, но теперь она добилась этого потрясающего результата у меня на глазах. Хмыкнув, если не фыркнув, она сказала следующее:

– Молодой человек, не будьте идиотом. «Стоя у кормила власти», ха! Если произойдет чудо и мистер Уиншип победит на выборах, а этого чуда не произойдет, он будет скромным заднескамеечником, чей голос слышен в парламенте, только когда требуется поддержать ораторов из собственной фракции репликами «Правильно, правильно!» или атаковать выступающих от оппозиции репликами «Ближе к делу!». И таким же парламентарием буду я, – продолжила она, – если выиграю выборы, что я твердо намерена сделать.

Я моргнул.

– Что-что вы сказали? – вырвалось у меня, и она разъяснила мне сложившуюся ситуацию, или, как выражается Дживс, пролила свет.

– Вы, как я вижу, не слишком наблюдательны. Иначе вы обратили бы внимание, что Маркет-Снодсбери сплошь оклеен плакатами «Голосуйте за Мак-Коркадейл». Хоть и в лоб, но доходчиво.

Не скрою, это был удар, от которого я дрогнул, как осина, если об осине можно так выразиться. Вустеры способны вынести многое, но всему же есть предел. Единственно, о чем я связно подумал, – это о том, что вот, надо же, как мне всегда не везет: едва начав агитировать, я с ходу налетел на соперничающего кандидата. А ведь займись Дживс домом № 1 вместо дома № 2, он, пожалуй, убедил бы мамашу Мак-Коркадейл проголосовать против самой себя.

Если бы Наполеона спросили, как ему удалось выбраться из Москвы, он бы, наверно, ответил не очень вразумительно. Вот и я тоже. Я не помнил, как очутился на крыльце, и нервы мои были в ужасном состоянии. Чтобы восстановить душевные силы, я зажег сигарету и закурил, но тут меня панибратски окликнули, и я ощутил рядом с собой присутствие какого-то инородного тела. «Привет, старина Вустер», – сказал голос, и когда пелена тумана у меня перед глазами рассеялась, я увидел, что это Бингли.

Я холодно взглянул на этого молодца. Зная, что это пятно на роде людском живет в Маркет-Снодсбери, я предвидел возможность нашей с ним встречи, и потому его появление меня несколько не удивило. Но и не обрадовало. Потрясенный до глубины души встречей с Мак-Коркадейл, я меньше всего был расположен беседовать с человеком, который поджигал дома и замахивался саблей на свою дойную корову.

Он вел себя так же фамильярно, нахально, бесцеремонно, назойливо и непочтительно, как в клубе «Ганимед». По-приятельски хлопнул меня по спине и наверняка ткнул бы пальцем под ребра, приди это ему в голову. И не подумаешь, что когда-то в наших отношениях фигурировало холодное оружие.

– Что подельываете в этих краях, голубок? – спросил он.

Я ответил, что гощу у своей тети миссис Траверс, которая живет неподалеку, и он сказал, что знает этот дом, но не знаком со старушкой.

– Я пару раз ее видел. Такая краснощекая бабуля?

– У нее довольно яркий румянец.

– Наверно, от повышенного кровяного давления.

– Или от того, что она много ездила на охоту. Мороз грубит кожу.

– В противоположность барменше. Она грубит клиенту.

Если он надеялся рассмешить меня своей топорной шуткой, то просчитался. Я был холоден, как публика на дневном спектакле в будний день, и он продолжил:

– Да, вполне возможно. У нее спортивный вид. Надолго вы приехали?

– Не знаю, – ответил я, потому что продолжительность моих визитов к старой прародительнице всегда неизвестна. Все зависит от того, когда она скажет мне выметаться. – Вообще-то я здесь, чтобы агитировать избирателей за кандидата от консерваторов. Он мой приятель.

Бингли присвистнул. Если раньше он был отвратительно веселым, то теперь стал отвратительно серьезным. Видно, спохватившись, он теперь все-таки ткнул меня пальцем под ребра.

– Вустер, старина, вы впустую тратите время. У него нет ни малейшего шанса.

– Ну да? – сказал я дрогнувшим голосом. Конечно, это было всего-навсего личное мнение, но убежденность в его тоне на меня подействовала. – Почему вы так думаете?

– Не важно, почему я так думаю. Можете мне поверить. Будьте благоразумны, позвоните своему букмекеру и поставьте крупную сумму на Мак-Коркадейл. Не пожалеете. Еще придете и будете благодарить меня за подсказку со слезами...

Во время этого формального обмена мнениями в устной форме, по определению толкового словаря из библиотеки Дживса, он, должно быть, нажал кнопку звонка, потому что в этот момент дверь отворилась, и я увидел свою знакомую горничную. Он быстро добавил: «...на глазах» – и повернулся к ней.

– Миссис Мак-Коркадейл дома, дорогуша? – спросил он и, получив утвердительный ответ, покинул меня, а я направился домой. Конечно, я должен был и дальше агитировать жителей Ривер-роуд, неся свое слово в дома под нечетными номерами, пока Дживс занимался четными, но сейчас я был не в духе.

Я испытывал беспокойство. Кто-то скажет, если владеет такой лексикой, что, мол, прогнозист вроде человека-прыща Бингли не заслуживает доверия, но он говорил с такой убежденностью, будто где-то что-то проведаль, и тут уж я не мог так легко отмахнуться.

В глубоком раздумье я дошел до старого поместья и застал прародительницу, полулежащую в шезлонге, за разгадыванием кроссворда в газете «Обсервер».

Было время, когда эта почтенная мать семейства, корпя над решением кроссворда в «Обсервер», отдувалась, рвала на себе волосы и оглашала комнату необычными ругательствами, которым научилась у своих дружков по охоте, но, как она ни силилась, ей никогда не удавалось угадать больше пятнадцати процентов слов, и постепенно ее раж сменился апатичным смирением, и теперь она просто сидит, уставившись в газету, потому что знает: сколько ни лижи она кончик карандаша, из этого не выйдет никакого или почти никакого проку.

Входя, я слышал, как она разговаривает сама с собой, точно какой-нибудь персонаж Шекспира: «Вымеренное шествие святого вокруг жилища с пристройкой, о Господи», – из чего можно было заключить, что ей попался крепкий орешек, и думаю, она обрадовалась любимому племяннику, чей приход позволил ей с чистой совестью оторваться от осточертевшего занятия. Во всяком случае, приветствовала она меня радушно. Для чтения она обычно надевает очки в черепаховой оправе, которые делают ее похожей на рыбу в аквариуме. Она взглянула на меня сквозь них.

– Привет, мой скачущий Берти.

– Доброе утро, старая прародительница.

– Ты уже встал?

– Давно.

– Тогда почему ты сидишь дома, вместо того чтобы агитировать? И почему у тебя такой вид, словно тебя принесла в зубах кошка?

Я вздрогнул. Я намеревался умолчать о недавнем прошлом, но со свойственной тетушкам пронизательностью она по каким-то признакам поняла, что я прошел через горнило испытаний, и она стала бы выпытывать и выспрашивать, пока бы я во всем не сознался. Любая толковая тетушка может дать фору инспекторам Скотленд-Ярда по части допрашивания подозреваемого, и я знал, что запереться бессмысленно. Или немислимо? Надо будет справиться у Дживса.

– У меня такой вид, словно меня принесла в зубах кошка, потому что я чувствую себя как то, что она принесла в зубах, – сказал я. – Пожилая родственница, я расскажу вам одну странную историю. Вы знаете здешнюю кикимору по фамилии Мак-Коркадейл?

– Ту, что живет на Ривер-роуд?

– Ту самую.

– Она адвокат.

– Похоже.

– Ты с ней познакомился?

– Познакомился..

– Она соперница Медяка на выборах.

– Знаю. А мистер Мак-Коркадейл до сих пор жив?

– Давно умер. Попал под трамвай.

– Я не осуждаю беднягу. На его месте я поступил бы точно так же. Это единственный выход, если ты взял в жены такую женщину.

– Как ты с ней познакомился?

– Я пришел к ней, чтобы агитировать ее за Медяка, – ответил я, после чего коротко и

сбивчиво рассказал свою странную историю.

Номер прошел на ура. Прошел как по маслу. Я сам вообще-то не находил в своем рассказе ничего смешного, но ближайшая родственница нашла, он, без сомнения, ее здорово позабавил. В жизни не слышал, чтобы женщина заливалась таким гомерическим хохотом. Было бы ей куда катиться, она покатила бы со смеху. Ирония судьбы: я столько раз терпел неудачу, пытаюсь развеселить публику веселым анекдотом, а тут, по сути, трагическая история и такой хохот в зале.

Тетя все еще изображала смех гиены, которая только что услышала хорошую шутку от другой гиены, и тут вошел Спод, как всегда выбрав для своего появления неподходящий момент. Спода никогда не хочешь видеть, но особенно его не хочешь видеть в ту минуту, когда кто-то от души смеется над тобой.

– Я где-то оставил конспект завтрашнего выступления, – сказал он. – Над чем вы смеетесь?

Несмотря на припадок судорожного смеха, прародительнице все-таки удалось выговорить пару слов.

– Это Берти.

– Хм, – сказал Спод, взглянув на меня так, словно ему не верилось, что какое-то мое слово или действие может вызвать смех, а не ужас и отвращение.

– Он только что был у миссис Мак-Коркадейл.

– Хм.

– Агитировал ее за Медяка Уиншипа.

– Хм, – снова сказал Спод. Я уже отмечал, что хмыканье было его слабостью. – Этого от него и следовало ожидать.

Бросив на меня еще один взгляд, в котором презрение примешивалось к враждебности, и сказав, что, возможно, он оставил свои записи в павильоне у озера, он избавил нас от своего тошнотворного присутствия.

По-видимому, до сознания пожилой родственницы дошло, что мы со Сподом относимся друг к другу, не как Дамон и Пифий. Она перестала изображать смех гиены.

– Спода не назовешь любезным.

– Нет.

– Он тебя не любит.

– Нет.

– Может, он и меня не любит?

– Нет, – сказал я и подумал – ведь для Вустеров справедливость прежде всего, – что вот я критикую Спода за хмыканье, а сам заладил: нет да нет. «И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь, Вустер?» Я задал себе этот вопрос, который почерпнул из Библии наряду с прочими полезными сведениями, когда готовился к конкурсу на лучшее знание библейских текстов.

– Ему вообще кто-нибудь нравится? – спросила родственница. – Мадлен Бассет если только.

– Он, кажется, в восторге от Л. П. Ранкла.

– С чего ты взял?

– Я случайно подслушал их разговор по душам.

– Хм, – сказала родственница, потому что чужие междометия прилипчивы. – Что ж, по-моему, тут нечему удивляться. Рыбак рыбака...

– Видит издалека?

– Именно. А у грибов даже поганка к поганке тянется. Кстати, напомни мне, чтобы я тебе кое-что сказала про Л. П. Ранкла.

– Ладно.

– Мы вернемся к Л. П. Ранклу позднее. А Спод на тебя злится по старой памяти, или ты опять чем-то ему не угодил?

В этот раз я рассказал ей все без колебаний. Я знал, что она мне посочувствует. Я изложил ей все факты с тем чистосердечием, на которое может подвигнуть племянника надежда на тетушкино участие.

– Все эта мошка.

– Не понимаю тебя.

– Мне пришлось прийти на помощь.

– Да объясни ты толком.

– Споду не понравилось.

– Что ему не понравилось? Мошка? Что это еще за мошка? Расскажи, что произошло, последовательно, а не задом на перед.

– Конечно, если вам интересно. Дело было так.

Я рассказал ей о мошке в глазу Мадлен, о том, как я полностью вернул ей зрение и как Спод неправильно истолковал мои действия. Она присвистнула. Сегодня все как сговорились и не упускают случая присвистнуть на Вустера. И даже давешняя горничная, узнав меня, надула губки, как будто собиралась сделать то же самое.

– Больше так никогда не делай, – посоветовала мне тетя.

– А если понадобится? Куда же деваться?

– Найди куда деться. А то будешь вытаскивать у нее из глаза посторонние предметы, а потом еще придется на ней жениться.

– Это мне больше не грозит, ведь она невеста Спода.

– Не знаю, не знаю. По-моему, у них что-то разладилось.

Я бы удивился, узнав, что во всем лондонском почтовом округе «3.1» сыскался человек, умеющий лучше, чем Бертрам Вустер, противостоять тому, что Дживс, я слышал, называет «пращами и стрелами яростной судьбы»^[171]; но не скрою, на эти страшные слова я снова отреагировал, как осина, причем даже с большим вживанием в образ, чем во время разговора с вдовой Мак-Коркадейл.

На то были свои причины. Во главу угла всей своей внешней политики я поставил предположение, что этот двойственный союз застрахован не только от краха, но даже от серьезных потрясений. Спод, по его собственным словам, боготворил Мадлен за одухотворенность, а она, как я уже имел случай заметить, не стала бы бросаться таким выгодным женихом. Мне казалось, что если есть на свете пара, которой с полной уверенностью можно прочесть золотую свадьбу на широкую ногу, то это их пара.

– Разладилось? – повторил я хриплым шепотом. – Вы имеете в виду, что когда... как же это...

– О чем ты?

– «Когда та лютня трещину дала, недолго музыка играть могла»^[172]. Это не мое, это Дживс.

– Похоже, что так. Вчера за ужином я заметила, что он отказался от коронного блюда Анатоля, а она сидела бледная, смиренная, как монашка, и крошила хлеб. Раз уж я

заговорила о коронном блюде Анатоля, скажу тебе то, что собиралась, про Л. П. Ранкла: решающая минута близится. Я сгруппировалась для прыжка и крепко надеюсь, что Таппи скоро разбогатеет.

Я прищелкнул языком. Я первый стоял за то, чтобы Л. П. Ранкл поделился с Таппи своими миллионами, но сейчас было не время менять тему разговора.

– Забудьте пока о Таппи. Подумайте о щекотливом положении Бертрама Уилберфорса Вустера.

– Уилберфорса, – пробормотала она, насколько ей позволял бормотать ее выдающийся голосовой аппарат. – Я когда-нибудь рассказывала тебе, как ты получил это прозвище? Это была идея твоего отца. За день до того, как тебя поднесли к купели – ты был похож при этом на исполнителя эпизодической роли в гангстерском фильме, – твой родитель сорвал куш на скачках «Гранд нэшнл», поставив на аутсайдера по кличке Уилберфорс, и поэтому настоял, чтобы тебя назвали в его честь. Сочувствую тебе, но нам всем приходится нести свое бремя. Второе имя твоего дяди Тома – Портарлингтон, а мне при крещении чуть не дали имя Филлида.

Я шлепнул ее по кумполу ножом для бумаг, похожим на восточный кинжал, какими убивают людей в приключенческих романах.

– Не отвлекайтесь. Тот факт, что вас чуть не окрестили Филлидой, без сомнения, займет достойное место в вашей автобиографии, но обсуждать его сейчас совершенно не обязательно. Мы говорим о том, какая страшная опасность будет мне угрожать, если ось Мадлен – Спод развалится.

– Ты считаешь, если Мадлен разорвет помолвку, тебе придется заполнить образовавшуюся пустоту?

– Вот именно.

– Она не сделает этого. Ни в жизнь.

– Но вы сказали...

– Я только хотела постороже тебя предупредить, чтобы ты впредь не вытаскивал мошек из глаз Мадлен. Может быть, я переусердствовала.

– Вы меня насмерть перепугали.

– Прости, что сгустила краски. Тебе не о чем беспокоиться. Это одна из тех легких размолвок, которые бывают у не в меру сюсюкающих парочек.

– Из-за чего же она произошла?

– Почему я знаю. Может быть, он оспорил ее утверждение, что звезды на небе – это божьи цветочки.

Что ж, это было вполне возможно. С Гасси Финк-Ноттлом Мадлен рассорилась после того, как сказала ему, что на закате всегда думает о «Небесной Заступнице, выглядывающей из-за золотой полосы небосвода»^[173], а он спросил: «О ком, о ком?» – и она ответила: «О Небесной Заступнице» – и он сказал: «Никогда о такой не слыхивал» – и добавил, что его тошнит от закатов, от всего небесного и от Небесной Заступницы тоже. Барышню с ее взглядами легко ранить небрежным отношением к звездочкам и цветочкам.

– Возможно, они уже помирились, – сказала прародительница. – Но все-таки тебе лучше держаться от Мадлен подальше. Спод – человек порывистый. Может разукрасить тебе физиономию.

– Он уже угрожал это сделать.

– Так и сказал: «Разукрашу физиономию»?

– Нет, он обещал размазать меня по лужайке перед домом и потом станцевать на моих потрохах в сапогах с подковами.

– Один черт. Так что на твоём месте я соблюдала бы осторожность. Будь с Мадлен холодно-вежливым. Если ты увидишь, что ещё какие-нибудь мошки летят в её сторону, заботливо подай им пальто и пожелай счастливого пути, но не вздумай вмешиваться.

– Не буду.

– Надеюсь, я рассеяла твои страхи.

– Рассеяли, старая кровинка.

– Тогда почему ты морщишь лоб?

– Хм, почему? Да вот Медяк.

– Что Медяк?

– Это из-за него я морщу лоб.

Весть о возможном возвращении Мадлен Бассет на ярмарку невест настолько меня встревожила, что я лишь сейчас вспомнил про Бингли и его предсказание неминуемого поражения Медяка. Мне было стыдно и совестно, что под влиянием своих личных неприятностей я так позорно отодвинул Медяка в конец повестки дня. Я уже давно должен был заострить внимание тети Далии на вопросе о его шансах на выборах. Не сделав этого, я подвел друга, а друзей, с гордостью могу сказать, я подводить не привык. Неудивительно, что я мучался угрызениями совести.

Я поспешил реабилитироваться – если я не ошибаюсь, именно это делают люди, подложившие свинью тому, кого любят как брата.

– Я когда-нибудь говорил вам о человеке по фамилии Бингли?

– Если и говорил, то я не помню.

– Он недолгое время служил у меня камердинером, когда у нас с Дживсом возникло разногласие по поводу моей игры на банджолайке. Тогда у меня был дом в Чафнелл-Риджис.

– И он его, кажется, спалил?

– Нализавшись в стельку. Дом сгорел дотла, и моя банджолайка тоже.

– Теперь я поняла, о ком ты. Ну, и что этот Бингли?

– Он живет в Маркет-Снодсбери. Я встретил его сегодня утром и случайно упомянул о том, что агитирую за Медяка.

– Если это можно назвать агитацией.

– И он сказал, что я впустую трачу время. Он посоветовал мне поставить кругленькую сумму на мамашу Мак-Коркадейл. Сказал, у Медяка нет ни малейшего шанса.

– Он дурак.

– Я тоже так всегда считал, но он говорил как человек, располагающий сведениями.

– Какими это ещё сведениями он может располагать? Выборы не скачки, где получают информацию от жучка. Не спорю, возможно, борьба будет упорной, но Медяк должен выйти победителем. У него есть секретное оружие.

– Не могли бы вы повторить? Мне кажется, я плохо расслышал.

– Медяку не страшна никакая конкуренция, потому что у него есть секретное оружие.

– Какое?

– Спод.

– Спод?

– Милорд Сидкап. Ты слышал когда-нибудь, как он говорит?

– Только что.

– На публике, дурак.

– А, на публике. Нет, не слышал.

– Я уже говорила тебе, что он потрясающий оратор, только ты, наверно, забыл.

Это показалось мне вполне правдоподобным. Спод в свое время был настоящим диктатором и всюду появлялся во главе отряда сторонников в футбольных трусах, скандирующих «Хайль Спод!», а чтобы сделать такую карьеру нужно обладать даром слова.

– Ты не питаешь к нему симпатии, я тоже, но ему нельзя отказать в красноречии. Аудитория слушает его затаив дыхание, а когда он кончит, разражается громом аплодисментов.

Я кивнул. Мне самому устраивали овации после исполнения «Свадебной песни пахаря» на загородных концертах. Я бисировал по два, а то и по три раза, даже когда забывал слова и вынужден был вставлять отсебятину вроде «ля-ля-ля, пам-пам-пам, я спешу по делам». Я сказал тетушке, что у меня с плеч полгоры свалилось, и она ответила:

– Голова у тебя свалилась, а не полгоры.

– Вы зарядили меня бодростью, – сказал я, пропуская мимо ушей ее подковырку. – Вы же понимаете, победа на выборах нужна Медяку как воздух.

– Ему втемяшилось в голову представлять Маркет-Снодсбери в Вестминстерском зоопарке?

– Не совсем так. Ему самому парламент не ахти как сдался. Но он думает, что Флоренс укажет ему на дверь, если он потерпит поражение.

– Возможно, он прав. Она не выносит неудачников.

– Он сказал мне то же самое. Вспомните, какая участь постигла Перси Горринджа.

– Не его одного. Англия усеяна бывшими женихами Флоренс, которых она уволила в запас из-за несоответствия ее стандартам. Их насчитываются десятки. Думаю, у них есть свои клубы и общества.

– Возможно, в честь Флоренс они именуют себя Старыми Флорентийцами.

– И устраивают ежегодные банкеты!

Некоторое время мы размышляли о Флоренс; потом тетушка сказала, что должна удалиться, чтобы обсудить с Анатолом меню сегодняшнего ужина – надо уговорить его приготовить нечто из ряда вон выходящее. Жизненно важно, сказала она, чтобы он превзошел самого себя.

– Пока ты не прервал меня и не привлек мое внимание к имени Уилберфорс, я говорила про Л. П. Ранкла.

– Вы сказали, у вас создается впечатление, что он готов к сотрудничеству.

– Совершенно верно. Знаешь, каким становится питон после нескольких обильных трапез?

– Понятия не имею.

– Он становится умиротворенным. Подобревшим, смягчившимся, питоном-милягой. И если только я не глубоко заблуждаюсь, те же изменения происходят с Л. П. Ранклом под влиянием кухни Анатоля. Ты видел его за ужином вчера вечером?

– К сожалению, нет, я не смотрел. Всеми фибрами своего существа я отдался поглощению пищи. А что, я много потерял? На него стоило посмотреть?

– Он просто сиял. Ему было, конечно, не до застольной беседы, но и без слов становилось ясно, что он – само дружелюбие и сама благосклонность. Видно было: он только и ждет сигнала, чтобы приступить к раздаче подарков. От Анатоля зависит, угаснет

этот рождественский запал или разгорится еще пуще. Я знаю, на него можно положиться.

– Добрый старый Анатоль, – сказал я, зажигая сигарету.

– Аминь, – благочестиво подытожила прародительница, а затем, сменив тему, добавила:

– Унеси эту вонючую сигарету из дома, чертенок. От нее так пахнет, как будто прорвало канализацию.

Всегда готовый потакать малейшей ее прихоти, я вышел из комнаты через застекленную дверь совсем не в том настроении, в котором входил. В душе Вустера царил оптимизм. У Медяка, говорил я себе, все будет хорошо, у Таппи все будет хорошо, и в самом ближайшем будущем веселый Купидон помирит Мадлен и Спода, даже если последний сделал какое-то неуместное замечание о звездочках и цветочках.

Докурив сигарету, я был не прочь вернуться и продолжить разговор с пожилой родственницей, но тут до меня донесся голос уже успевшего выздороветь Сеппингса, и от того, что я услышал, кровь застыла у меня в жилах. Я остолбенел, как Лотова жена, чью печальную повесть я изучил во время подготовки к конкурсу на лучшее знание библейских текстов.

Услышанная мной реплика Сеппингса звучала так:

– Миссис Мак-Коркадейл, мадам.

Прислонясь к стене дома, я, словно загнанный олень, жадно хватал прохладный воздух. Сознание того, что я чуть было снова не столкнулся нос к носу с этой бой-бабой адвокатшей, привело меня в состояние Лотовой жены, как мне показалось, на целый час, хотя на самом деле, наверно, прошло не больше нескольких секунд. Потом мало-помалу я утратил свойства соляного столпа и уже мог сосредоточиться на вопросе, с чего бы это мамаше Мак-Коркадейл, сопернице Медяка на выборах, вздумалось нанести нам визит. Где-где, а тут я ее никак не ожидал увидеть. Все равно как если бы Наполеон зашел поболтать с Веллингтоном накануне битвы при Ватерлоо.

Я уже говорил о позиции у застекленной двери как выигрышной для подслушивания. Можно присутствовать при разговоре незримо для его участников, чем я и воспользовался во время беседы Спода с Л. П. Ранклом. Голоса обоих звучали громко и отчетливо, и никто из них не догадывался, что Бертрам Вустер находится неподалеку и все слышит.

Мне повезло, что у Мак-Коркадейл был такой мощный голос, ведь в случае необходимости я вряд ли мог бы войти и переспросить ее, ну, а уж тетя Далия, само собой, говорила так зычно, что скажет в Гайд-парке – на Пиккадилли-сёркес слышно. Я часто думаю о том, что до глухого аспида^[174], про которого я читал, чтобы выиграть конкурс на лучшее знание библейских текстов, прекрасно дошли бы слова заклинателя, если бы им была моя пожилая родственница. Словом, я мог и дальше стоять, привалившись к стене, в полной уверенности, что не пропущу ни единого звука из реплик главных действующих лиц.

Разговор начался с пожелания друг другу доброго утра и фразы тети Далии, соответствующей общепринятому выражению «Какого черта?», после чего Мак-Коркадейл, как будто поняв, что от нее ждут объяснений, сказала, что пришла к мистеру Уиншипу по очень важному делу.

– Есть у меня шансы его видеть?

Тут прародительнице представилась возможность позлить гостью, с блеском ответив, что, мол, у вашей кандидатуры вообще нет никаких шансов, но она не воспользовалась ею, а просто сказала: «Нет, его нет дома»; и Мак-Коркадейл выразила сожаление.

– Я предпочла бы побеседовать с ним лично, но, как я понимаю, он ваш гость, поэтому я могу сказать вам, а уж вы передадите ему.

Ее рассуждение показалось мне здравым, и, помню, я подумал, что этим адвокатам не откажешь в умении выражать свои мысли, но оно, кажется, рассердило пожилую родственницу.

– Извините, но я не вполне понимаю вас, – сказала она, и это означало, что она начинает выходить из себя, потому что в спокойном состоянии она сказала бы: «Простите, не соображу, о чем вы».

– Позвольте я все объясню. Буквально в двух словах. Только что мне нанес визит скверный скользкий слизняк.

Я с достоинством выпрямился. Этого все равно никто не мог видеть, но такая реакция показалась мне уместной. Одно дело – справедливо критиковать человека, и совсем другое – оскорблять его. Ничто в наших отношениях, по-моему, не давало ей повода так отзываться обо мне. Мои взгляды на адвокатов и их умение выражать свои мысли резко переменялись.

Не могу сказать наверняка, но думаю, что тетя Далия взбеленилась, потому что теперь

ее слова были как из морозилки.

– Вы имеете в виду моего племянника Бертрама Вустера?

Мак-Коркадейл постаралась сгладить то неприятное впечатление, которое произвела на меня ее предыдущая реплика. Она сказала, что ее посетитель не назвал своего имени, но она уверена, что он не может быть племянником миссис Траверс.

– Он не был похож на джентльмена, – сказала она, и со свойственной мне живостью ума я сразу догадался, что она имеет в виду Бингли, который был допущен к ее особе сразу после моего ухода. Я мог бы подписаться под теми нелестными эпитетами, которыми она наградила Бингли. И слизняком она обозвала его метко. Снова я подумал, что адвокатам не откажешь в умении выражать свои мысли.

Старая прародительница теперь тоже казалась настроенной... что это за слово – начинается с «п» и означает «менее воинственно»? Пацифистски – вот. Предположение, что она не может иметь племянника, не похожего на джентльмена, вы звало у нее прилив пацифизма. Не то чтобы она уже была готова пригласить мамашу Мак-Коркадейл на длительную прогулку, но ее тон стал заметно дружелюбнее.

– Почему вы называете его слизняком? – спросила она, и Мак-Коркадейл ответила:

– Потому что я люблю называть вещи своими именами. Это слово наиболее точно передает его сущность. Он сделал мне неприличное предложение.

– Что? – спросила тетя Далия довольно бестактно.

Я сам был удивлен не меньше. Трудно было представить мужчину, столь жадного до любовных побед, чтобы делать неприличные предложения миссис Мак-Коркадейл. Я не предполагал, что Бингли способен на такое. Он никогда мне не нравился, но я не мог, хотя бы до некоторой степени, не восхититься его отчаянной храбростью. Вот они, наши скромные герои, подумал я.

– Вы шутите, – сказала пожилая родственница.

Мак-Коркадейл тут же парировала:

– И не думаю. Я рассказываю вам все, как было. Я сидела в гостиной и перечитывала речь, которую написала для завтрашних дебатов, и тут явился этот человек и оторвал меня от работы. Я, естественно, почувствовала досаду и спросила его, по какому он делу, и он заявил с гадкой ухмылкой, что он Санта-Клаус и принес мне манну небесную в пустыню и благие вести. Я уже хотела позвонить в колокольчик, чтобы его выпроводили, потому что я, конечно, решила, что он пьян, но тут он сделал мне это странное предложение. Ему удалось завладеть информацией, компрометирующей моего соперника, и он хотел продать ее мне. Сказал, что тогда моя победа на выборах – дело решенное. Верняк, как он выразился.

Я встрепенулся. Не опасайся я, что меня услышат, я бы сказал: «Так-то вот!» При других обстоятельствах я вошел бы в комнату, похлопал прародительницу по плечу и сказал: «Предупреждал я вас, что Бингли располагает сведениями? Может быть, в следующий раз вы прислушаетесь ко мне». Но поскольку пришлось бы возобновлять знакомство с женщиной, одной встречи с которой мне хватит по гроб жизни, это исключалось. Я остался на месте, только еще больше наострил уши, чтобы не пропустить остальную часть диалога.

После того как прародительница произнесла «О Господи!» или «С ума сойти!» – в общем, что-то, из-за чего стало ясно, что рассказ гостя сильно ее заинтересовал, Мак-Коркадейл продолжила. И продолжение рассказа, бесспорно, довершило удар. Роковая весть, иначе и не назовешь.

– Оказывается, этот человек – бывший камердинер, и он состоит в лондонском клубе

дворецких и камердинеров, каждый член которого обязан, согласно уставу, делать записи в клубной книге о своем хозяине. Мой гость объяснил, что в свое время он служил у мистера Уиншипа и надлежащим образом записал многие его похождения, которые, стань они достоянием гласности, произвели бы самое неблагоприятное впечатление на избирателей Маркет-Снодсбери.

Я был удивлен. Я понятия не имел, что Бингли когда-то состоял на службе у Медяка. Что ж, права старинная пословица «Полмира не знает, как живут остальные три четверти».

– Потом он без тени стыда признался, что в свой последний приезд в Лондон украл эту книгу и теперь она находится в его распоряжении.

У меня перехватило дух от ужаса. Особенно горько было сознавать, уж не знаю сам почему, что Бингли стащил книгу, как раз когда мы с Дживсом потягивали напитки в соседнем помещении. Даже если бы не это, так и так все равно было бы горько. Многие годы я трепетал при мысли, что клубная книга со всей содержащейся в ней взрывоопасной начинкой попадет в плохие руки, и вот теперь она в таких руках, что хуже не придумаешь. Не знаю, понятно ли я выражаюсь, но я просто хочу сказать, что если б я мог выбирать мерзавца для совершения этой кражи, Бингли стоял бы в списке кандидатур на последнем месте. Помню, Дживс говорил о ком-то, кто «способен на грабеж, измену, хитрость»^[175], ну, так это вылитый Бингли. Он напрочь лишен всех благородных чувств, а от такого человека бессмысленно ждать пощады.

Пожилая родственница верно оценила драматичность ситуации. Она испуганно воскликнула: «Страсти-мордасти!» – и Мак-Коркадейл сказала, что она согласна с этим восклицанием, хотя сама она выразилась бы иначе.

– Ну, и как вы поступили? – спросила прародительница, горя от нетерпения, и Мак-Коркадейл ответила характерным для себя хмыканьем-фырканием. В нем слышались и утечка пара, и случайная встреча двух-трех кошек с двумя-тремя собаками, и шипение кобры, вставшей поутру не с той ноги. Интересно, как реагировал на этот звуковой эффект спокойный мистер Мак-Коркадейл? Может быть, находясь под впечатлением от него, он решил, что попасть под трамвай – не самое худшее в жизни.

– Я вышвырнула его поганой метлой. С гордостью могу сказать, что собираюсь победить в честной борьбе, и его предложение было мне глубоко противно. Если надумаете добиваться его ареста, хотя не представляю, как он мог бы осуществиться на практике, его адрес: Ормонд-креснт, 5. Он, кажется, положил глаз на мою горничную и дал ей свой адрес. Но повторяю, серьезных оснований для ареста нет. Наш разговор проходил без свидетелей, и он может преспокойно отказаться от своих слов. Жаль. Я испытала бы истинное наслаждение, увидев, как его повесят и четвертуют.

Она снова фыркнула, и прародительница, знающая толк в правилах хорошего тона, поспешила задобрить ее комплиментом. Она сказала, что мамаша Мак-Коркадейл заслуживает ордена.

– Ну что вы.

– Так благородно было с вашей стороны отказать этому человеку.

– Как я уже говорила, я собираюсь победить в честной борьбе.

– Вам было не только глубоко противно выслушивать его предложение, но и досадно отрываться от работы над речью.

– Особенно если учесть, что за несколько минут до того меня оторвал от работы странный молодой человек, показавшийся мне слабоумным.

– Ну, это, должно быть, мой племянник Бертрам Вустер.

– Ах, простите.

– Ничего-ничего.

– Возможно, у меня сложилось превратное впечатление о его умственных способностях.

Наша беседа была очень краткой. Мне только показалось странным, что он пытается убедить меня голосовать за моего соперника.

– Он вечно носится с нелепыми идеями. Он у нас такой, с заскоками. «Двигается таинственно и чудеса творит»^[176]. Но безусловно, ему не следовало мешать вашей работе над речью. Хорошо она у вас получилась?

– Я довольна.

– За вас остается только порадоваться. Вы, наверно, ждете не дождетесь начала дебатов?

– Да, жду с нетерпением. Я горячая сторонница их проведения. Все упрощается, когда два кандидата публично встречаются лицом к лицу, и избиратели получают возможность сравнить их платформы. Конечно, при условии что соперники будут скрещивать шпаги в рамках парламентской этики. Но сейчас я должна вернуться к своей работе.

– Минуточку. – Без сомнения, слово «скрещивать» навело прародительницу на мысль. – Вы, случайно, не решаете кроссворды в «Обсервер»?

– Решаю. В воскресенье за завтраком.

– Но не все отгадываете?

– Да нет, все.

– Каждое слово?

– До сих пор проблем не возникало. По-моему, там все до смешного просто.

– Тогда что значит вся эта абракадабра насчет вымеренного шествия святого вокруг жилища с пристройкой?

– А, это я сразу догадалась. Ответ, конечно, педометр. Шаги меряют педометром. Посередине «дом», то есть жилище, плюс пристройка «е» и «Петр», имя святого, вокруг. Элементарно.

– Да, действительно просто. Спасибо вам. Вы сняли груз с моей души, – сказала тетя Далия, и они мирно расстались – исход, которого трудно было ожидать, зная мамашу Мак-Коркадейл.

После того как я снова примкнул к человеческому стаду в лице сестры моего покойного отца, мне некоторое время не удавалось вставить ни словечка: старая прародительница без умолку костерила составителя кроссворда в «Обсервер», поминая недобрым словом дома и педометры. Выговорившись на эту тему, она с грустью принялась воздавать дань уму Мак-Коркадейл и заявила, что, по ее мнению, в борьбе с такой соперницей у Медяка меньше шансов удержаться, чем у парика на сильном ветру. Хотя теперь, добавила она с большей долей оптимизма, когда клубная книга уже не представляет опасности, он может выехать за счет речистости Спода.

Все это время я безуспешно пытался прорваться к ее слуху со своей репликой, смысл которой заключался в том, что нет резона выезжать, когда тебя уже обскакали, но только с третьего раза мне удалось добиться внимания тетушки.

– Дело – труба, – попробовал я выразиться иначе. Казалось, она была удивлена, как будто эта мысль раньше не приходила ей в голову.

– Труба?

– Разве нет?

– С чего ты взял? Ты же слышал, она сказала, что собирается победить в честной борьбе, поэтому отвергла потуги искусителя и вышвырнула его поганой метлой, а быть вышвырнутым подобным образом вдвойне неприятно. Бингли раздавлен.

– Он еще внесет свою лепту.

– Детский лепет.

– Не «лепет», а «лепту», что совсем не одно и то же. Думаю, Бингли оправится после нанесенного ему сокрушительного поражения. Что, если он продаст клубную книгу со всей заложенной в ней взрывчаткой «Маркет-снодсберийскому Аргусу»?

Я имел в виду влиятельную газету, которая из кожи вон лезет, чтобы очернить консерваторов, и охотится за жареными фактами, заставляя людей консервативных взглядов чувствовать себя как под микроскопом. Если бы она взялась публиковать в каждом номере подробности о прошлом Медяка, то, безусловно, устроила бы его кандидатуре кислородное голодание.

Я недвусмысленным образом заявил об этом ближайшей родственнице. Я бы добавил, что, может быть, теперь с ее лица все же сойдет наконец глупая улыбка, но в этом не было нужды. Она сразу оценила правоту моих слов, и у нее вырвалось смачное охотничье ругательство. Она вытаращилась на меня в неприкрытом смятении, словно по неосторожности надкусила протухшую устрицу.

– Мне это раньше и в голову не приходило!

– Так задумайтесь сейчас.

– Репортерские ищейки ни перед чем не остановятся.

– Они обнаглели просто до небес.

– Ты, кажется, говорил, что Медяк сидел в тюрьме?

– Я говорил, что его всегда заметали во время межуниверситетских гребных гонок. И разумеется, в вечер регби.

– Что это еще за вечер регби?

– Традиционная встреча регбийных команд Оксфордского и Кембриджского университетов. Многие повесы приходят тогда в еще больший раж, чем в праздник гребных гонок. В том числе и Медяк.

– Он действительно попадал в тюрьму?

– Неизменно. Благодаря стойкой привычке срывать каски с полицейских. Наутро, после уплаты штрафа, его выпускали, но ночь он определенно проводил на нарах.

Без сомнения, мне удалось убедить тетю Далию, что положение нешуточное. Она взвизгнула, словно такса, которой наступили на лапу, и ее румянец приобрел сизый оттенок, как всегда в минуты сильного волнения.

– Пиши пропало!

– Согласен, положение серьезное.

– Серьезное?! Да стоит только пройти слуху о таких шалостях Медяка, и от него отвернутся все избиратели. Медяку крышка.

– А вы не думаете, что они могут простить его, потому что тогда в нем бурлила молодая кровь?

– Исключено. Плевать они хотели на его кровь. Ты не знаешь здешний народ. В основном это нонконформисты, придерживающиеся моральных заповедей, которые отпугнули бы своей суровостью самого Торквемаду.

– Торквемаду?

– Такой испанский инквизитор.

– А, тот Торквемада.

– А сколько, ты думаешь, их всего было?

Я согласился, что это действительно редкая фамилия, и она продолжила:

– Мы должны действовать!

– Как?

– Вернее, действовать должен ты. Ты должен пойти к этому человеку и уговорить его.

Я хмыкнул. Я сомневался, что на такого корыстолюбивого человека, как Бингли, могут подействовать уговоры.

– Что я ему скажу?

– Ты найдешь что сказать.

– Найду?

– Взывай к его лучшим чувствам.

– У него их нет.

– Не упрямясь, Берти. Что за дурацкая привычка всегда спорить. Ты ведь хочешь помочь Медяку?

– О чем разговор.

– Вот и славно.

Если уж тетушка приняла какое-то решение, обжалованию оно не подлежит. Я направился к выходу. По дороге мне пришла в голову мысль. Я сказал:

– А как же Дживс?

– Что с ним?

– Мы должны по мере сил щадить его чувства. Я неоднократно предупреждал его, что клубная книга начинена взрывчаткой и должна быть уничтожена. Что, если она попадет не в те руки, спросил я, и он ответил, что этого не может произойти. И теперь она как раз попала в совершенно не те руки. У меня не хватит духу сказать Дживсу: «Я же говорил вам» – и смотреть потом, как он корчится от стыда и смущения. Дело в том, что до сих пор Дживс ни разу не ошибался. Известие о том, что он наконец дал промах, принесет ему ужасные страдания. Не удивлюсь, если он даже упадет в обморок. Я не могу показываться ему на глаза. Скажите ему сами.

– Хорошо, скажу.

– Сделайте это поделикатней.

– Постараюсь. Когда ты слушал за дверью, ты уловил адрес этого Бингли?

– Уловил.

– Тогда отправляйся.

И я отправился.

Казалось бы, штаб-квартира Бингли, этого аморального типа, готового в любую минуту строить козни, должна была представлять собой зловещее подземелье, освещаемое свечными огарками, вставленными в горлышки пустых пивных бутылок, – вроде тех подвалов, которыми, я думаю, изображают такие неприглядные районы Лондона, как Уайтчепел и Лайм-хаус. Но не тут-то было. № 5 по Ормонд-креснт оказался богатым особняком с разбитым перед ним хорошеньким садиком, где были и герань, и купальни для птиц, и терракотовые гномы, – словом, вполне похоже на обиталище какого-нибудь добропорядочного отставного полковника или безупречного во всех отношениях биржевого маклера. Выходит, покойный дядя Бингли был не простым лавочником, развешивающим паштеты и изюм для покупателей, у которых каждый пенс на счету, а кем-то посолондней. Впоследствии я узнал, что он владел сетью магазинов, один из которых был аж в Бирмингеме, но почему дураку вздумалось оставлять свои деньги такому человеку, как Бингли, сказать не берусь, хотя не исключено, что Бингли, прежде чем уморить его с помощью какого-нибудь малоизвестного азиатского яда, предусмотрительно подделал завещание.

Дойдя до порога, я остановился. Помню, как в пору моей учебы в частной школе, где я выиграл конкурс на лучшее знание библейских текстов, наш директор магистр искусств Арнольд Эбни иногда объявлял, что хотел бы видеть Вустера у себя в кабинете после утренней службы, и, одолеваемый беспокойством и дурными предчувствиями, я каждый раз медлил перед его дверью, желая отдалить неприятные минуты. Сейчас происходило нечто подобное. Я съезжился при мысли о предстоящей встрече. Но если в школьные годы я тянул время из страха перед наказанием в виде шести ударов тростью, жгучих, как змеиные укусы, то теперь мое мешканье объяснялось естественным нежеланием обращаться с просьбой об услуге к человеку, один вид которого вызывал омерзение. Не скажу, что Вустеры такие уж гордецы, но мы ни в какую не хотим лебезить перед всяким отрбьем.

Однако, взявшись за дело, нужно доводить его до конца, а, как сказал однажды Дживс, «о, будь конец всему концом, все кончить могли б мы разом» [\[177\]](#). «Я разжег кровь и напряг мышцы» [\[178\]](#), если перефразировать еще одну прибаутку Дживса, и нажал кнопку звонка.

Оставайся у меня хоть какие-то сомнения в том, что Бингли теперь при деньгах, они рассеялись бы при виде дворецкого, который открыл мне дверь. Бингли не стоял за ценой при найме домашней прислуги и мог по праву гордиться ее классом. Не скажу, что его дворецкий вполне достигал уровня дяди Дживса Чарли Силверсмита, но он был так близок к этому уровню, что дух захватывало. Так же как дядя Чарли, он придерживался стиля помпезного, с соблюдением формальностей. Я спросил его, могу ли я видеть мистера Бингли, и он холодно ответил, что хозяин не принимает.

– Думаю, меня он примет. Я его старинный приятель.

– Я доложу. Ваше имя, сэр?

– Мистер Вустер.

Он удалился и, возвратившись через несколько минут, объявил, что мистер Бингли ждет меня в библиотеке. При этом тон у него был неодобрительный, как бы подразумевающий, что по долгу службы он выполняет хозяйские приказания, даже самые сомнительные, но, будь на то его воля, он бы такого типа, как я, и на порог не пустил.

– Соблаговолите пройти, сэр, – сказал он с важным видом.

Я уже и отвык, по честности сказать, от таких церемоний и в несколько растрепанных чувствах вошел в библиотеку, где, положив ноги на журнальный столик, в кресле сидел Бингли. Он поздоровался со мной дружелюбно, но несколько покровительственно, что я отметил еще в две наши предыдущие встречи.

– А, Вустер, касатик, проходите. Я велел Бастеблу говорить всем, что не принимаю, но вы – особый случай. Всегда рад видеть старинного приятеля. Чем могу служить, Вустер?

Я подумал, что после такого вопроса мне будет легче обратиться к теме, которую я так жаждал обсудить. Я уже открыл было рот, но тут Бингли спросил, не хочу ли я выпить. Я ответил: нет, спасибо; и он с отвратительным самодовольством сказал: может быть, и правильно.

– Живя с вами в Чафнелл-Риджис, я часто думал, что вы слишком много пьете, Вустер. Помните, как вы спалили дом? Такого не сделаешь на трезвую голову. Должно быть, вы были пьяны в стельку, голубок.

С моих губ готова была сорваться гневная отповедь. Получать выговоры за поджоги домов от того самого человека, который предал их огню, – это уже слишком. Но я сдержался. С этим человеком, напомнил я себе, нужно жить в мире. Если та страшная ночь в Чафнелл-Риджис запечатлелась в его памяти так, не мне разрушать его иллюзии. Я смолчал, и он предложил мне сигару. Когда я отказался, он одобрительно кивнул, как отец, довольный любимым сыном.

– Рад, что вы изменились к лучшему, Вустер. Мне всегда казалось, что вы слишком много курите. Умерять себя во всем – вот мое кредо. Но вы хотели рассказать зачем пришли. Просто поболтать о старых временах?

– Я по поводу клубной книги, которую вы украли.

Пока я говорил, он пил виски с содовой, и, прежде чем ответить, он осушил свой бокал до дна.

– Напрасно вы называете это кражей, – сказал он, напыжившись. Было ясно, что я нанес ему оскорбление. – Я просто позаимствовал книгу, потому что она нужна мне для дела. Я верну ее.

– Миссис Мак-Коркадейл сказала моей тете, что вы пытались продать эту книгу ей.

Он рассердился еще больше. У него был такой вид, словно он вынужден выслушивать безмозглого невежу, который, сколько его ни вразумляй, все равно будет талдычить свое.

– Речь не шла о продаже. В контракте ставилось бы условие, что Мак-Коркадейл обязуется вернуть книгу, после того как ею воспользуется. Я собирался дать ей книгу только на время, чтобы она сделала фотокопии со страниц, относящихся к молодому Уиншипу. Но сделка не состоялась. Мак-Коркадейл не заинтересовало мое предложение. К счастью, у меня есть другие рынки сбыта. На такой товар покупатели всегда найдутся. Но почему это вас так интересуется, старина? Вам-то какое дело?

– Я друг Медяка Уиншипа.

– Да я и сам хорошо к нему отношусь. Он мне казался симпатичным малым. Правда, размер у него не тот.

– Размер не тот? – удивился я.

– Я не мог носить его рубашки. Но я не виню его. Ведь размеры не выбирают. Только не думайте, что я злопамятен и хочу поквитаться за какую-то обиду, причиненную мне в его доме. Мы хорошо с ним ладили. Он мне нравился, и, не будь мой личный расчет связан с

исходом выборов, я бы спокойно отнесся к его победе. Но прибыль – дело святое. Все обдумав, я крупно поставил на Мак-Коркадейл и должен защищать свои капиталовложения, старина. Я руководствуюсь здравым смыслом, и только.

Он замолчал, очевидно, ожидая бурных аплодисментов в награду за свое благоразумие. Но я как воды в рот набрал, и он продолжил:

– Вустер, старина, если хотите преуспеть в этом мире, не упускайте возможностей. Я, например, какая бы ситуация ни возникла, спрашиваю себя: «Чем я могу тут поживиться? Как, – спрашиваю я себя, – извлечь отсюда пользу для Руперта Бингли?» – и только в редких случаях не нахожу ответа. В этот раз даже думать не надо было. Вот молодой Уиншип, пытающийся попасть в парламент, вот выигрыш в двести фунтов в случае его поражения, и вот клубная книга, содержащая информацию, которая обеспечит его поражение. Я сразу понял: тут деньги сами в руки плывут. Оставалось только раздобыть книгу, и вскоре я придумал, как это сделать. Не знаю, обратили ли вы внимание, что в тот день, когда мы встретились в «Ганимеде», я был с большим портфелем. И я сказал, что мне нужно зайчик секретарю по одному делу. Книга и была этим делом. И мне даже не пришлось изобретать хитроумного маневра, чтобы скрыть свои действия от секретаря: я знал, что в это время он уходит обедать. Так что я прокрался в кабинет, украдкой сунул книгу в портфель и выкрался обратно. Никто не видел, как я вошел. Никто не видел, как я вышел. Прodelать все это было не сложнее, чем отнять леденец у ребенка.

Есть рассказы, которые способны вызвать у тонкой природы ужас, гадливость, омерзение и отвращение. Я имею в виду не такие анекдоты, как тот, что рассказал мне Китекэт Поттер-Перебрайт в «Клубе шалопаев», а чудовищные саморазоблачения вроде того, что я сейчас выслушал. Не будет преувеличением сказать, что я чувствовал себя так, словно душа Вустера забрызгана грязью из-под колес проезжавшего автомобиля. И еще я чувствовал, что продолжать эту тошнотворную беседу нет резона. Первоначально у меня была мысль обратить его внимание на то, что книгу может прочитать тетя Агата и что в этом случае меня ожидает беспросветная участь, но понял, что это было бы бессмысленно или невысказано. Этот человек не способен к сочувствию и милосердию, он просто поднял бы меня на смех. Теперь я был совершенно уверен, что он убил своего дядю и подделал завещание. Такому человеку это раз плюнуть.

Поэтому я повернулся к двери, но не успел я дойти до нее, как Бингли окликнул меня и спросил, привез ли я с собою к тете Далии Реджи Дживса. Я дал утвердительный ответ, и он сказал, что хотел бы повидать старину Реджи.

– Какой он киса! – весело сказал Бингли.

Эпитет показался мне странным, но, подумав и решив, что его надо понимать как комплимент и дань уважения многочисленным достоинствам Дживса, я согласился, что Дживс – киса в полном смысле слова.

– Будете уходить, скажите Бастеблу: если придет Реджи, пусть посылает его наверх. Но больше никого не принимать.

– Ладно.

– Хороший малый Бастебл. Он делает ставки для меня. Да, кстати. Вы послушались моего совета, поставили на маркет-снодсберийских скачках на мамашу Мак-Коркадейл? Нет? Вустер, старина, непременно поставьте – не пожалеете. Это все равно что найти деньги на улице.

Я ехал обратно с тяжелым сердцем. Я уже описывал, в какой тоске-кручине я

приближался после утреннего богослужения к двери кабинета Арнольда Эбни в пору моего пребывания, выражаясь по-латыни, *in statu pupillari*^[179], и так же полон дурных предчувствий я был теперь, когда мне предстояло держать ответ перед старой прародительницей за невыполненное поручение.

Я не думал, что она наградит меня шестью ударами тростью, как делал в свое время А. Эбни, но она, безусловно, не преминет выразить мне свое «фэ». В большинстве своем тетушки похожи на Наполеона, если я его с кем-то не путаю: они требуют, чтобы их приказания исполнялись без проволочек, и не желают слушать никаких оправданий.

Так все и вышло. Пообедав в закусочной, чтобы по возможности отдалить встречу с тетушкой, я возвратился в старое поместье и, представ перед ней, доложил обстановку. На мою беду, она в это время как раз читала Рекса Стаута в твердом переплете. Метко брошенная натренированной рукой книга задела краем обложки за кончик моего носа, так что я даже зажмурился.

– Мне следовало знать, что ты все испортишь, – сказала она загробным голосом.

– Я не виноват, пожилая родственница. – сказал я. – Я сделал все возможное. На моем месте, – добавил я, – никто не добился бы большего.

Я думал, что на том дело и кончится, но не тут-то было. Обычно такая аргументация действовала на собеседника умиротворяюще, но на этот раз вышла осечка. Тетка фыркнула. Ее фыркание не похоже на хмыканье-фыркание мамыши Мак-Коркадейл, оно скорее напоминает взрыв на складе боеприпасов, и от него бросает в дрожь даже бывалых людей.

– Что значит, ты сделал все возможное? По-моему, ты вообще ничего не сделал. Ты пригрозил ему арестом?

– Нет, не пригрозил.

– Ты взял его за жабры, как селедку?

Я согласился, что эта идея не приходила мне в голову.

– То есть ты абсолютно ничего не сделал, – сказала она, и, поразмыслив, я присоединился к ее мнению. Как ни странно, в подобных оплошностях не отдаешь себе отчета сразу. Только сейчас я осознал, что практически ничем не ответил на разглагольствования Бингли. Да будь я хоть упоминавшимся уже здесь глухим аспидом, мой вклад в разговор вряд ли мог быть меньшим.

Тетя Далия встала с шезлонга. Она не скрывала досады. Со временем обида, конечно, уляжется, и тетушка снова будет любить своего Бертрама, но сейчас приходилось мириться с охлаждением в наших отношениях. Она мрачно сказала:

– Делать нечего, пойду сама.

– Вы собираетесь идти к Бингли?

– Да, я собираюсь идти к Бингли, и я собираюсь поговорить с ним, и если потребуется – взять его за жабры...

– Как селедку?

– Да, как селедку, – сказала она со спокойной уверенностью, точно с пеленок только тем и занималась, что брала селедок за жабры. – Вперед, на Ормонд-креснт, 5!

События в Маркет-Снодсбери и его окрестностях так глубоко затронули мое сознание, что только через десять минут после ухода тети Далии я спохватился насчет Бастебла и пожалел, что не предупредил ее. Этот ревностный слуга Руперта Бингли получил указание никого не пускать к высокой особе, и у меня не было оснований полагать, что он пренебрежет служебным долгом ради старой прародительницы. Он не будет применять

физическую силу – да это было бы и неразумно по отношению к спортсменке, – он просто не скажет ей: «Соблаговолите пройти, сударыня» – и таким образом вышвырнет ее, по выражению мамыши Мак-Коркадейл, поганой метлой. Я предвидел, что она возвратится через четверть часа, огорошенная и уничтоженная.

Я оказался прав. Минут через двадцать, когда я читал Рекса Стаута, которого она использовала как метательное оружие, у входа в дом послышалось пыхтение, и вскоре я увидел приближение тетушки – ни дать ни взять вымеренное шествие святого вокруг жилища с пристройкой. Куда менее проницательный человек, чем я, понял бы, что ей пришлось иметь дело с Бастеблом.

Возможно, вежливей было бы промолчать, но я чувствовал, что ситуация требует слов.

– Ну как, успешно? – спросил я.

Она опустилась в шезлонг, все еще продолжая кипеть. Она ткнула кулаком подушку, и было видно, что ей хотелось, чтобы на месте подушки оказался Бастебл. Он был как раз из тех, по ком плачет, я бы даже сказал, ревмя ревет, палка.

– Нет, – сказала она. – Я не смогла войти.

– Почему? – лицемерно поинтересовался я.

– Амбал-дворецкий захлопнул дверь у меня перед носом.

– Сочувствую.

– Я даже не успела просунуть ногу в дверь.

– В таких случаях нельзя зевать. Тут надо действовать молниеносно. Странно, что меня дворецкий пустил. Наверно, на него подействовал мой вид, преисполненный спокойного достоинства. Ну, и что же вы сделали?

– Ушла. Что тут можно было сделать?

– Понимаю. Задача не из легких.

– И что самое обидное: я была уже решительно настроена подкатиться сегодня насчет денег к Л. П. Ранклу. У меня было такое чувство, что сегодня – благоприятный день. Но похоже, началась полоса невезения, и, пожалуй, будет лучше отложить этот разговор.

– То есть не ковать железо, пока горячо?

– Возможно, оно еще недостаточно горячее.

– Что ж, вам видней. Но знаете, – сказал я, возвращаясь к главной теме, – для ведения переговоров с Бингли лучшего посредника, чем Дживс, нам не найти. Это дело следовало поручить ему. В то время как я немею в присутствии Бингли, а вы не можете даже попасть в дом, он и в дом войдет, и наговорит с три короба, прежде чем вы успеете открыть рот. Кроме того, у него есть дополнительное преимущество: Бингли, кажется, питает к нему слабость. Он считает, что Дживс – киса.

– А что значит «киса»?

– Не знаю, но это что-то, от чего Бингли без ума. Когда он говорил, что Дживс киса, в его голосе слышался неподдельный восторг. Вы сказали Дживсу, что клубная книга у Бингли?

– Да, сказала.

– Как он воспринял это известие?

– Ты же знаешь, как Дживс может воспринять известие. Одна его бровь чуть приподнялась, и он сказал, что потрясен и изумлен.

– Для него это бурная реакция. Обычно он ограничивается фразой: «Очень огорчительно».

– Странно, – сказала пожилая родственница, задумавшись, – но когда я отъезжала в машине, мне показалось, что я видела Дживса, выходящего из дома Бингли. Хотя я не уверена, что это был он.

– Скорее всего он. Узнал от вас о клубной книге и, не мешкая, отправился к Бингли. Интересно, он уже вернулся?

– Вряд ли. Я ехала, а он шел пешком. Он не успел бы так быстро.

– Я вызову Сеппингса и спрошу у него. А, Сеппингс, – сказал я, когда он пришел по моему звонку. – Дживс дома?

– Нет, сэр. Он ушел и еще не вернулся.

– Будьте добры, когда он вернется, скажите ему, что я хотел его видеть.

– Слушаюсь, сэр.

Я думал спросить его, не был ли Дживс, когда уходил, похож на того, кто направляется на Ормонд-креснт, 5, но, решив, что такой вопрос может оказаться слишком трудным для Сеппингса, я снял его. Сеппингс удалился, и какое-то время мы сидели и разговаривали о Дживсе. Потом, осознав, что мы занимаемся только толчением воды в ступе и что наша беседа будет совершенно беспредметной, до тех пор пока не вернется Дживс, мы снова заговорили о Л. П. Ранкле. Во всяком случае, о нем заговорила пожилая родственница, и я задал ей вопрос, который еще раньше пришел мне в голову.

– По вашим словам, вы чувствовали, – сказал я, – что сегодня – благоприятный день, чтобы подкатиться к Ранклу. Отчего вам так казалось?

– Я судила по тому, как Л. П. Ранкл уписывал кушанья за обедом, и по тому, как он потом говорил о них. С умилением, другого слова не подберешь, и я не вижу в этом ничего удивительного. Анатолий превзошел самого себя.

– Сюпрем из гусиной печени с шампанским?

– И «Альпийские перлы и снега».

При мысли о яствах Анатоля я испустил немой вздох. Отбросы, которыми я осквернил свой желудок в закусочной, скорее походили на смертельную отраву. Загородные закусочные в большинстве своем не дают поводов для критики, но мне, к несчастью, попалось заведение, содержанием которого был какой-то отпрыск семейства Борджиа. Во время еды я подумал, что если бы Бингли угостил здесь своего дядю обедом, ему не пришлось бы тратить силы и деньги, добывая малоизвестные азиатские яды.

Я уже хотел рассказать все это старой родственнице, надеясь на ее участие, но тут дверь открылась, и вошел Дживс. После деликатного хыканья, похожего на откашливание дряхлой овечки на окутанной туманом вершине горы, он сказал:

– Вы хотели меня видеть, сэр?

Его возвращению не обрадовались бы сильнее, будь он блудным сыном, чью биографию я выучил назубок во время подготовки к конкурсу на лучшее знание библейских текстов. Небеса, в той их части, которая имелаась в гостинной, огласились нашим взбудораженным тьяканьем.

– Входите, Дживс, – подала голос пожилая родственница.

– Да-да, входите, Дживс, входите! – заорал я. – Мы ждали вас... как это говорится?

– Затаив дыхание, – сказала прародительница.

– Точно. Затаив дыхание и...

– Трепеща от волнения. Ну и, само собой, дергаясь от тика и кусая ногти. Скажите, Дживс, это вы выходили из дома № 5 по Ормонд-креснт около часа назад?

- Да, мадам.
- Вы навещали Бингли?
- Да, мадам.
- По поводу клубной книги?
- Да, мадам.
- Вы сказали, чтобы он ее немедленно возвратил?
- Нет, мадам.
- Тогда зачем же вы ходили к нему?
- За книгой, мадам.
- Но вы сказали, что не говорили ему...

– Не было необходимости поднимать этот вопрос, мадам. К тому времени Бингли еще не очнулся. Я объясню, если позволите. Когда я пришел, он предложил мне выпить, и я ответил согласием. Он налил и себе. Какое-то время мы беседовали на разные темы. Потом мне удалось отвлечь на минуту его внимание, и, пока его бдительность была притуплена, я успел подмешать ему в питье вещество, благодаря действию которого он на время лишился сознания. Таким образом, у меня было вдоволь времени, чтобы обыскать комнату. Я предполагал, что книга скорее всего находится там, и не ошибся. Она оказалась в нижнем ящике письменного стола. Я забрал ее и покинул его жилище.

Сраженный наповал таким проявлением инициативы и расторопности, я совершенно онемел, зато старая прародительница испустила такой крик, или клич, от которого на широких просторах охотничьих угодий любители псовой охоты подскочили бы в своих седлах, как прыгающие семена.

- Вы хотите сказать, что подсыпали ему «микки финн»?
- На сленге эти порошки называются именно так, мадам.
- Они у вас всегда имеются при себе?
- Небольшой запас я, как правило, ношу с собой, мадам.
- Заранее не угадаешь, когда они могут пригодиться, да?
- Абсолютно верно, мадам. Поводы к их использованию возникают постоянно.

– Что ж, мне остается только поблагодарить вас. Вы добились победы на краю поражения.

- Весьма признателен, мадам.
- Тысяча благодарностей, Дживс.
- Не за что, мадам.

Я ждал, что пожилая родственница сейчас начнет чехвости́ть меня за то, что я сам не догадался подсыпать Бингли снотворного, а я знал: тетушек не переубедишь, и бесполезно будет оправдываться тем, что у меня нет подобных снадобий. Однако она пришла в жизнерадостное настроение и браниться не стала. Снова вернувшись к теме Л. П. Ранкла, она сказала, что все-таки, оказывается, ей сегодня везет, и поэтому она не собирается сидеть сложа руки.

– Сейчас же иду к нему, – громогласно заявила она, – и нисколько не сомневаюсь, что сыграю на нем, как на мандолине. Прочь с дороги, молодой Берти, – крикнула она, направляясь к двери, – или я затопчу тебя в пыль. Улю-лю! – добавила она, переходя на язык своей охотничьей молодости. – Ату! Вперед! Ищи!

Или что-то в этом роде.

После того как тетушка покинула гостиную со скоростью приблизительно 60 миль в час, наступила дрожащая тишина, какая бывает во время урагана в Америке, когда воющий ветер, чуть не вытрясший из вас душу, устремляется дальше на запад, чтобы и в тех краях проверить жителей на прочность. А вы остаетесь ошарашенные. Я повернулся к Дживсу и, разумеется, нашел его безмятежным и невозмутимым, как устрица в створке раковины. Возможно, он с детства привык видеть вопящих теток, которые пулей вылетают из комнаты.

– Что она такое сказала, Дживс?

– Если не ошибаюсь, «улю-лю», сэр. По-моему, мадам также добавила «ату, вперед и ищи».

– Думаю, члены охотничьих обществ все время говорят что-нибудь в этом роде.

– Полагаю, что так, сэр. Это побуждает гончих бросаться в погоню с удвоенной энергией. Лисе, естественно, приходится нелегко.

– Ни за что не хотел бы быть лисой. А вы, Дживс?

– Безусловно, есть уделы и позавидней, сэр.

– Беднягу заставляют не только бежать во весь дух по пересеченной местности, но и слушать, как люди в цилиндрах издают эти грубые возгласы.

– Совершенно верно, сэр. Очень нелегкая доля.

Я вынул батистовый платок и промокнул лоб. Из-за последних событий мои поры струили влагу, как версальские фонтаны.

– Жаркие дела, Дживс.

– Да, сэр.

– Вгоняют в пот.

– Да, сэр.

– Сейчас здесь кажется так тихо.

– Да, сэр. «И тишины бальзам пролился, чтоб залечить ушибы звука».

– Шекспир?

– Нет, сэр. Американский писатель Оливер Уэнделл Холмс. Это цитата из его стихотворения «Шарманщики». Одна из моих тетушек читала его мне, когда я был маленьким.

– Вот не думал, что у вас есть тетушки.

– Три, сэр.

– И они такие же взвинченные, как та, что сейчас нас покинула?

– Нет, сэр. У всех троих одинаково умиротворенный взгляд на жизнь.

Я и сам несколько умиротворился. Стал благодушней, если хотите. А благодушие прибавило мне снисходительности.

– Да я и не осуждаю пожилую родственницу за взвинченность, – сказал я. – Ее всю поглотило начинанье, сделавшее что-то там мощно.

– «Начинанье, взнесшееся мощно», сэр?

– Точно.

– Тогда давайте надеяться, что оно не будет «сворачивая вбок от замыслов высоких, словно горы, терять имя действия».

– Да, давайте. Словно горы?

– Да, сэр.

– Это Бернс, что ли?

– Нет, сэр. Цитата из пьесы Шекспира «Гамлет».

– А, «Гамлета» я знаю. Тетя Агата когда-то заставила меня вести на него в театр «Олд-Вик» ее сына Тоса. Спектакль, по-моему, был неплохой, хотя и несколько заумный. Вы уверены, что «Гамлета» написал не Бернс?

– Уверен, сэр. Это общеизвестный факт.

– А, ну тогда ладно. Но мы отвлеклись от сути вопроса, которая заключается в том, что тетя Далия по уши погружена в это «начинанье, взнесшееся мощно». Оно касается Таппи Глоссопа.

– В самом деле, сэр?

– Это должно быть вам интересно: вам же, я знаю, всегда нравился Таппи.

– Очень приятный молодой джентльмен, сэр.

– Да, когда не отводит в сторону последнее кольцо над бассейном в «Клубе шалопаев». Подробности дела в двух словах не изложишь, но я скажу о главном. Л. П. Ранкл, прикрывшись буквой договора... можно сказать – буква договора?..

– Да, сэр.

– ...обманул отца Таппи, заключившего с ним сделку... нет, не совсем сделку, отец Таппи работал у него, и Л. П. Ранкл воспользовался формулировкой примечания к их договору, чтобы отнять у него доходы от его изобретения.

– Обычная история, сэр. Финансисты склонны наживаться за счет изобретателей.

– А тетя Далия надеется, что уломает его и он отстегнет некоторую сумму Таппи.

– Под действием угрызений совести, сэр?

– Не то чтобы угрызений. Скорее под действием гастрономических чар Анатоля, во власти которых он находится уже продолжительное время, благодаря чему, как ей кажется, стал мягким и добрым финансистом, готовым оказывать услуги и поступать по справедливости. У вас скептическая мина, Дживс. Думаете, не получится? Тетушка уверена в успехе.

– Я, к сожалению, не могу разделить уверенность мадам, напротив...

– Напротив, вы, подобно мне, считаете, что сыграть на Л. П. Ранкле, как на мандолине, у нее... сколько шансов? Восемь из ста?

– Даже меньше, сэр. Мы должны учитывать тот факт, что мистер Ранкл...

– Ну? Договаривайте, Дживс, мистер Ранкл – что?

– Мне не удастся вспомнить выражение, сэр, которым вы иногда пользовались, чтобы подчеркнуть недостаток обаяния в ком-нибудь из джентльменов вашего круга. Вы употребляли его по отношению к мистеру Споду, или, как теперь следует его называть, лорду Сидкапу, и к сэру Родерику, дяде мистера Глоссопа, когда ваши отношения с ним еще не приняли характера сердечной привязанности. Оно вертится у меня на языке.

– Жлоб?

– Нет, – сказал он, – не жлоб.

– Крепкий орешек?

– Нет.

– Прошлогодний сухарь?

– Вот именно, сэр. Мистер Ранкл – прошлогодний сухарь.

– Но достаточно ли вы его знаете, чтобы делать такие выводы? Вы же только что с ним

познакомились.

– Да, сэр, это правда, но Бингли, узнав, что он гостит у мадам, привел мне некоторые факты, иллюстрирующие его черствость и безжалостность. Бингли одно время служил у него.

– Боже мой, у кого он только не служил.

– Да, сэр, он был склонен перебегать с места на место. Не задерживался подолгу ни у одного хозяина.

– Меня это не удивляет.

– Но его отношения с мистером Ранклом были более продолжительными. Он ездил с ним в Соединенные Штаты Америки и находился у него на службе несколько месяцев.

– Тогда-то он и понял, что Ранкл – прошлогодний сухарь?

– Совершенно верно, сэр. Так что я очень опасаясь, что усилия мадам не приведут к желаемым результатам. Она надеется получить от мистера Ранкла крупную сумму?

– По-видимому, изрядную. Ведь отец Таппи изобрел не что-нибудь, а «Волшебные таблетки», и Ранкл, должно быть, заработал на них порядочный куш. Думаю, она будет добиваться пятидесяти процентов.

– В таком случае я вынужден признать, что рассудительный букмекер скорее всего оценил бы ее шансы достичь цели как один к ста.

Согласитесь, малообнадеживающий прогноз. Можно даже сказать, абсолютно убийственный. Я бы назвал Дживса пессимистом, но никак не мог припомнить это слово, а сказать про такого достойного человека, что он каркает, язык не поворачивался, и пока я пытался придумать что-нибудь другое, через застекленную дверь вошла Флоренс, и Дживс, разумеется, испарился. Когда наши с ним разговоры прерывает появление так называемых знатных особ, он всегда исчезает, как фамильный призрак, растворяющийся в воздухе на рассвете.

Все это время я виделся с Флоренс только за едой: она, так сказать, мчалась по скоростному шоссе, а я тихо плелся по обочине. Я подразумеваю под этим, что она проводила целые дни в Маркет-Снодсбери, хлопоча ради своего жениха, кандидата от консерваторов, а я после душераздирающей встречи с вдовой покойного Мак-Коркадейла забросил агитацию, предпочтя чтение хорошей книжки в уютном кресле. Я извинился перед Медяком за такое... годится ли здесь слово «дезертирство»?.. а он воспринял мои слова на удивление хорошо и сказал, что, мол, конечно-конечно, он бы и сам, если бы мог, по ступил так же.

Флоренс была все такой же красивой, если еще не красивей обычного, и по крайней мере девяносто шесть процентов членов «Клуба шалопаев» не пожелали бы для себя ничего лучшего, как оказаться с ней вот так наедине. Я, однако, рад был бы улизнуть, потому что мои натренированные чувства подсказывали, что у нее сейчас опять такое настроение, что всякий, кроме безрассудного смельчака, полезет от нее на первое попавшееся дерево и оторвет его от земли вместе с корнем. Несносное третирство, о котором я уже говорил и которое является яркой чертой ее натуры, уже готово было проявиться во всей своей красе.

– Почему вы сидите взаперти в такую чудную погоду, Берти? – строго спросила она.

Я объяснил, что совещался с тетей Далией, но она сразу опровергла меня, сказав, что совещание, очевидно, закончилось и тетя Далия блистает своим отсутствием, так почему же я не дышу свежим воздухом?

– Вы просто обожаете сидеть в духоте. Вот почему у вас землистый цвет лица.

– Я не знал, что у меня землистый цвет лица.

– Конечно, землистый. Чему тут удивляться? Вы бледны, как брюхо дохлой рыбы.

Казалось, мои наихудшие опасения подтвердились. Я предчувствовал, что она сорвет злость на ни в чем не повинном первом встречном, и такое уж мое везение, что этим первым встречным оказался я. Пригнув голову, я приготовился встретить бурю, но, к моему удивлению, Флоренс сменила тему.

– Я ищу Гарольда, – сказала она.

– Да?

– Вы не видели его?

– А кто такой Гарольд?

– Не будьте идиотом. Гарольд Уиншип.

– А, Медяк, – сказал я, поняв, о ком речь. – Он не заплывал в мои широты. Зачем он вам? У вас что-то важное?

– Важное для меня и, надеюсь, для него. Если он не возьмется за ум, он проиграет выборы.

– Почему вы так думаете?

– Я сужу по его поведению сегодня на обеде.

– А, он водил вас обедать. Куда? Лично я обедал в закусочной, и вы представить себе не можете, какими отбросами там кормят. Но может быть, вы пошли в какой-то приличный ресторан?

– Мы были на званом обеде в ратуше, который давали бизнесмены города. Ответственнейшее мероприятие, и он произнес на нем самую слабую речь, какую мне только доводилось слышать. Умственно отсталый ребенок выступил бы лучше. Даже вы выступили бы лучше.

Ничего себе комплимент. Сравнила меня с умственно отсталым ребенком! Я, понятно, не стал расспрашивать, и она продолжила, а из ноздрей у нее вырывалось пламя:

– Бе-ме, бе-ме!

– Простите, не понял?

– Он все бекал и мекал. Я еле сдержалась, чтобы не запустить в него чайной ложкой.

На это я, конечно, мог бы возразить, что гораздо хуже, если человек «ни бе, ни ме, ни кукареку», но я чувствовал, что сейчас не время для остроумных ответов.

Вместо этого я сказал:

– Нервничал, наверно.

– Именно этим он и оправдывается. Я сказала ему, что он не имеет права нервничать.

– Значит, вы говорили с ним?

– Говорила.

– После обеда?

– Сразу же после обеда.

– Но вы снова хотите его видеть?

– Да.

– Мне пойти поискать его?

– Да, и передайте ему, что я буду его ждать в кабинете мистера Траверса. Там нам никто не помешает.

– Может быть, он сидит в павильоне у озера.

– Ну, так передайте ему, чтобы он не сидел там, а шел в кабинет, – сказала она так,

словно она директор школы Арнольд Эбни, объявляющий о своем желании видеть Вустера после утреннего богослужения. Я сразу вспомнил старые времена.

Чтобы попасть в павильон, нужно пересечь как раз ту лужайку, по которой Спод грозился меня размазать, и первыми, кого я увидел, идя по ней, если не считать птиц, пчел, бабочек и другой живности, проводившей здесь свой досуг, были спящий в гамаке Л. П. Ранкл и тетя Далия, сидящая рядом на стуле. Заметив меня, она встала, подошла поближе и отвела меня в сторону, приложив палец к губам.

– Он спит, – сказала она.

Храп, доносившийся из гамака, подтверждал справедливость ее слов, и я ответил: вижу, что он спит, и какое он, добавил я, представляет собой отвратительное зрелище, и она сказала, чтобы я, ради всего святого, так не вопил. Я был несколько задет, что меня обвинила в громогласности та женщина, чей шепот звучал так, словно кто-то «зовет коров домой, придя на берег Ди»^[180], и я сказал, что я не воплю, и она сказала: «Ну вот и не вопи».

– Он может оказаться не в духе, если его внезапно разбудить.

Это звучало убедительно и свидетельствовало о том, что тетя неплохо разбирается в стратегии и тактике, но со свойственной мне проницательностью я заметил неувязку и поспешил заострить на ней внимание тетушки:

– Но ведь, с другой стороны, если его не разбудить, то как вы сможете ходатайствовать перед ним за Таппи?

– Я сказала, *внезапно* разбудить, олух. Лучше всего оставить его пробуждение на усмотрение природы.

– Да, возможно, вы правы. И скоро природа решит, что пора?

– Почему я знаю!

– Я просто подумал, не можете же вы сидеть здесь до вечера.

– Могу, если будет нужно.

– В таком случае не стану вам мешать. Я должен найти Медяка. Вы его не видели?

– Он только что проходил здесь со своей секретаршей, они направлялись в павильон. Сказал, что ему нужно кое-что надиктовать. Зачем он тебе понадобился?

– Понадобился он, собственно, не мне, хотя я всегда рад его видеть. Это Флоренс велела, чтобы я нашел его. Она уже задала ему перцу и жаждет задать еще. Оказывается...

Ту т тетя перебила меня, сказав «Тсс!», потому что Л. П. Ранкл пошевелился во сне, и можно было подумать, что жизнь начала возвращаться в костную оболочку. Но это была ложная тревога, и я продолжил:

– Оказывается, ему не удалось завоевать сердца публики на обеде, устроенном бизнесменами города, а она рассчитывала, что он покажет себя там вторым... Как звали того древнего грека?

– Берти, я боюсь разбудить Ранкла, а то бы я ударила тебя тупым предметом, будь он у меня под рукой. Что за древний грек?

– Это я у вас спрашиваю. Он набивал рот галькой.

– Демосфен, что ли?

– Может, и он. Я потом справлюсь у Дживса. Флоренс ожидала, что Медяк покажет себя вторым Демосфеном, если его действительно так звали, что маловероятно, хотя у них в школе учился парень по имени Джанбаттиста, а Медяк не оправдал ее надежд, и она рассердилась. А вы знаете, как разговаривает Флоренс, когда сердится.

– Она не выбирает выражений, – строго сказала родственница. – Как Медяк это терпит?

Так случилось, что я был готов ответить на вопрос, приводящий ее в недоумение. Законы, которым подчиняются взаимоотношения мужчин и женщин, давно ясны мне как день. Когда-то я подверг эту проблему тщательному рассмотрению, а когда я подвергаю проблему тщательному рассмотрению, недоумения быстро разрешаются.

– Он терпит это, пожилая родственница, потому что любит ее, и вы не будете далеки от истины, если скажете, что любовь все побеждает. Я, конечно, понимаю, о чем вы. Вас удивляет, что мужчина богатырского сложения съезживается под прищуренным взглядом Флоренс и выслушивает ее, мягко говоря, нелицеприятную критику кротко, как спаниель, которого отругали за то, что он принес гнилую кость в гостиную. Вы недооцениваете тот факт, что Флоренс красива как на картинке: светло-пепельные волосы, гибкая фигура и точеный профиль, – а для людей такого склада, как Медяк, это очень много значит. Судя о Флоренс беспристрастно, мы с вами скажем, что ее командирские замашки совершенно неудобоваримы, но у него другая точка зрения. Тут все дело, выражаясь словами Дживса, в психологии индивидуума. Очень может быть, семена бунта начинают зреть в душе Медяка, когда она режет ему все, что о нем думает, но он видит ее профиль и пепельные волосы – допустим для удобства рассуждения, что она без шляпки, – или снова замечает, что ее фигура имеет столько же изгибов, сколько горный серпантин, и приходит к выводу: ради того, чтобы обладать этой девушкой, можно перенести небольшую дозу откровенных высказываний. Ведь его любовь к ней не целиком духовная. К его чувству примешивается физическое влечение.

Я бы еще говорил и говорил, потому что на эту тему я готов разливаться соловьем, но старая прародительница, которая уже какое-то время была как на иголках, сказала, чтобы я пошел и утопился в озере. Поэтому я ретировался, а она снова села на стул рядом с гамаком и склонилась над Л. П. Ранклом, как мать над спящим ребенком.

Думаю, она ничего не заметила, тетки ведь редко уделяют внимание мимической игре на лице племянников, но в течение всего нашего разговора у меня был мрачный вид, и несложно было догадаться, что меня что-то гнетет. Я думал о шансах тетушки заставить этого скупердя Л. П. Ранкла тряхнуть мощной, которые, по словам Дживса, рассудительный букмекер оценил бы как один к ста, и с болью в душе я представлял себе смятение и разочарование, которые постигнут ее, когда, пробудившись, он откажется раскошелиться. Этот удар выбьет у нее почву из-под ног, ведь она так уверена в своем успехе.

И разумеется, я был также озабочен делами Медяка. Я по собственному опыту знал, какой разнос Флоренс может устроить отбившемуся от рук жениху, и, судя по внешним приметам, на этот раз она должна была закатить беспрецедентную сцену. Я понимал значение ее нахмуренного лба, прикушенной губы и огненного взора, а также бившей ее гибкое тело дрожи, которая, если только это был не озноб, свидетельствовала о том, что Флоренс достигла точки кипения. С каким же треском, думал я, должен был провалиться мой старинный приятель, чтобы вызвать такой накал эмоций. Надо будет (разумеется, деликатно) расспросить его об этом. Однако такая возможность мне не представилась, потому что, войдя в павильон, я увидел следующую картину: Медяк и Магнолия Гленденнон сжимали друг друга в столь крепком объятии, что, казалось, разнять их могла бы только нечеловеческая сила.

Но я ошибся: только я вскрикнул от удивления, как милашка Гленденнон, вскрикнув в свою очередь, точно нимфа, застигнутая врасплох во время купания, высвободилась из объятий и на спринтерской скорости, сравнимой разве со скоростью старой прародительницы, со свистом пронеслась мимо меня и исчезла в большом мире. Словно она сказала: «Вот бы мне крылья голубки», – и ее желание исполнилось.

Я стоял как вкопанный, приоткрыв рот и выпучив глаза. Что это за слово, которое начинается с «обес»? Обескрыленный? Нет, не обескрыленный. Обессиленный? Нет, не обессиленный. Обескураженный, вот оно. Точно. Я был обескуражен. Если бы вы случайно забрели в парилку турецкой бани в дамский день, вы, наверно, испытали бы приблизительно те же чувства, что я сейчас.

Казалось, Медяку тоже как-то не по себе. Я бы даже сказал, что он был ошарашен. Он задыхался, как астматик, в его взгляде не было ни капли дружелюбия, какое ожидаешь увидеть во взгляде старинного приятеля, и, когда он заговорил, его голос напоминал сердитый рев гималайского медведя. Та же хрипота, если вы понимаете, что я имею в виду, тот же брюзгливый тон. Он начал с того, что чеканными фразами отругал меня за бестактный выбор момента для визита в павильон. Сказал, что он не хотел бы, чтобы я шнырял вокруг, как какой-то поганый сыщик. И спросил меня: не прихватил ли я с собой лупу и не намерен ли, ползая на четвереньках, собирать мелкие предметы и бережно складывать их в конверт? И вообще, что я, собственно говоря, здесь делаю?

На это я мог бы ответить, что я имею полное право в любое время входить в павильон, который является собственностью моей тети Далии, а значит, в силу родственных уз и мне не чужой, но я почувствовал, что лучше будет соблюдать учтивость. Поэтому в свою защиту я просто сказал, что я не шныряю вокруг, как какой-то поганый сыщик, а выступаю твердым и решительным шагом и что я всего-навсего искал Медяка по поручению Флоренс и получил сведения из обычно хорошо информированного источника о том, что он находится именно здесь.

Как я и рассчитывал, мои доводы оказали умиротворяющее действие. Поведение Медяка в корне изменилось, его голос утратил сходство с ревом гималайского медведя, и он снова заговорил вполне дружеским тоном. Учтивость, не устаю повторять я, лучшее средство для усмирения бурь. Из слов его стало ясно, что он опять считает меня свояком и союзником.

- Тебе, наверно, все это кажется странным, Берти.
- Отнюдь нет, старина, отнюдь нет.
- Но существует простое объяснение. Я люблю Магнолию.
- Я думал, ты любишь Флоренс.
- Я тоже так думал. Но ведь, сам знаешь, человеку свойственно ошибаться.
- Разумеется.
- Я имею в виду, когда он ищет свой идеал.
- Конечно.
- Мне кажется, и с тобой случаются подобные истории.
- Время от времени.
- Думаю, от этого никто не застрахован.
- Само собой.

– Когда ищешь идеал, нельзя останавливаться на чем-то свой выбор, пока не познакомишься со всем ассортиментом. Ты встречаешь девушку с точеным профилем, светло-пепельными волосами и гибкой фигурой и думаешь, что поиски закончены. «Стоп! – говоришь ты себе. – Вот она, твоя единственная». Тебе и невдомек, что ты связываешь свою жизнь с фельдфебелем в юбке, строго следящим за дисциплиной, и что, пройдя еще два шага, ты найдешь самую милую, добрую и кроткую девушку, которая когда-либо стенографировала исходящую почту, и что она полюбит тебя, обогреет и ни при каких обстоятельствах даже не подумает тебя пилить. Я говорю о Магнолии Гленденнон.

– Я это понял.

– Не могу передать словами, что я чувствую к ней, Берти.

– И не пытайся.

– Сразу, как мы сюда приехали, у меня возникло смутное подозрение, что она создана для меня и что, заключив помолвку с Флоренс, я совершил роковую ошибку. Только что я убедился в этом окончательно.

– Что же сейчас произошло?

– Она погладила меня по затылку. От разговора с Флоренс, произошедшего в довершение отвратительного званого обеда, у меня сильно разболелась голова, и она погладила меня по затылку. Тут мне все стало ясно. Когда эти нежные пальчики коснулись моей кожи, как изящные бабочки, парящие над цветком...

– Так-так.

– ...я прозрел, Берти. Мне стало ясно, что я у цели своих поисков. Я сказал себе: «Начало хорошее. Не останавливайся на достигнутом». Я повернулся. Взял ее руку. Заглянул ей в глаза. Она заглянула в мои. Я сказал, что люблю ее. Она сказала, что любит меня. Она упала в мои объятия. Я обнял ее. Мы стояли, шепча друг другу слова любви, и какое-то время все было прекрасно. Как нельзя лучше. Потом мне пришло в голову, что есть одна помеха. Ты, наверно, уже подумал о ней.

– Флоренс?

– Вот именно. Какой бы командиршей она ни была, как бы ни была невоздержанна на язык, когда что-то не по ней, – жаль, ты не слышал, как она распекала меня после званого обеда, – я все еще с ней помолвлен. Девушка может разорвать помолвку, когда ей заблагорассудится, мужчина нет.

Мне был понятен ход его мысли. Очевидно, он, как и я, стремился быть *preux chevalier*, а если вы хотите быть истинным рыцарем или кем-то в этом роде, вы не можете, покрасовавшись некоторое время в роли жениха, объявить второй стороне о разрыве помолвки. Мне казалось, что помеха, поднявшая свою безобразную голову, имеет внушительные – можно сказать, исполинские – размеры и что она заставит любое начинание Медяка «сворачивая вбок, потерять имя действия». Но когда я сказал ему об этом с сочувственными нотками в голосе и, кажется, даже пожал ему руку, он, к моему удивлению, ответил мне смехом, похожим на бульканье подтекающего радиатора.

– Ничего страшного, – сказал он. – Это действительно была бы запутанная ситуация, но я знаю выход из нее. Я заставлю Флоренс разорвать помолвку.

Он говорил таким же беззаботным и уверенным тоном, каким старая прародительница предсказывала, что сыграет на Л. П. Ранкле, как на мандолине, поэтому я не имел никаких, если так можно выразиться, поползновений сообщать ему что-то огорчительное и только задал один необходимый вопрос.

– Как? – поинтересовался я.

– Очень просто. Мы с тобой оба знаем, что она не прощает поражений. Я намерен проиграть выборы.

Мысль, конечно, была неплохая, и я полностью разделял его мнение, что если Мак-Коркадейл наберет большее, чем он, число голосов, Флоренс наверняка даст ему отставку, но мне казалось, что его «начинанье сворачивает вбок», потому что он не мог наперед знать, что проиграет выборы. Разумеется, избиратели непредсказуемы, как тетушки, и всегда могут преподнести сюрприз, но нельзя на это рассчитывать.

Что я ему и сказал, и он опять изобразил бульканье подтекающего радиатора.

– Не беспокойся, Берти. Я контролирую ситуацию. То, что произошло в кулуарах ратуши после званого обеда, оправдывает мою уверенность.

– Что же произошло в кулуарах ратуши после званого обеда?

– Во-первых, после званого обеда произошел разговор с Флоренс, во время которого она, не стесняясь в выражениях, перешла на личности. Тогда-то я и осознал, что было бы большой глупостью жениться на ней.

Я кивнул в знак солидарности. Когда она разорвала помолвку со мной, я почувствовал себя на седьмом небе и ходил всюду, распевая, как беспечный соловей.

Однако одно обстоятельство озадачило меня и, казалось, требовало разъяснений.

– Почему Флоренс потащила тебя в кулуары, намереваясь перейти на личности? – спросил я. – Проявить столько такта и уважения – это на нее не похоже. Обычно, когда она говорит человеку все, что о нем думает, присутствие публики только подхлестывает ее. Помню, как она чехвостила меня в присутствии семнадцати девочек-скаутов: девочки слушали развесив уши, а она высказывалась свободней, чем когда-либо.

Он разрешил мои недоумения по данному вопросу. Он сказал, что ввел меня в заблуждение.

– В кулуары меня потащила не Флоренс, а Бингли.

– Бингли?

– Он когда-то служил у меня.

– У меня он тоже когда-то служил.

– Seriously? Как тесен мир.

– Да уж. Ты знаешь, что он получил богатое наследство?

– Скоро он еще больше разбогатеет.

– Но ты говорил, что он потащил тебя в кулуары. Зачем?

– Потому что он хотел сделать мне одно конфиденциальное предложение. Он... но сначала надо кое-что разъяснить, чтобы дать должное обоснование. Помнишь, как в книжках про Перри Мейсона^[181], когда Перри допрашивает свидетеля, окружной прокурор вскакивает и кричит: «Протестую, ваша честь. Этот сукин сын не дал должного обоснования». Ну так вот, ты должен знать, что этот Бингли состоит в лондонском клубе дворецких и камердинеров «Ганимед», а каждый член этого клуба, согласно уставу, обязан заносить в клубную книгу отчеты о поведении своего хозяина.

Я сказал бы ему, что все это мне хорошо известно, но не успел я открыть рот, как он продолжал:

– Такая книга, как ты понимаешь, содержит массу компрометирующих материалов, и Бингли сказал мне, что ему тоже пришлось написать туда обо мне несколько страниц, которые, стань они достоянием гласности, так сильно повредят мне во мнении избирателей,

что победа на выборах достанется моему сопернику даром. Он добавил, что другой на его месте продал бы книгу оппозиции и заработал большие деньги, но так поступать он не намерен: это было бы низко, и за тот короткий срок, что мы были вместе, он успел привязаться ко мне. Я и не знал, что он такой замечательный парень. Я всегда считал его немного невежей. Видишь, как легко ошибиться в людях.

Я снова хотел вклиниться, но он мне и пикнуть не дал.

– Мне следовало сказать раньше, что комитет клуба, признавая важность этой книги, передал ее на хранение Бингли, чтобы он берег ее пуще зеницы ока, и он все время боится, что злые люди пронюхают об этом и попробуют украсть книгу. Так что, сказал он, я сниму тяжкий груз с его души, если возьму книгу в свое распоряжение. Тогда я смогу быть в полной уверенности, что содержащиеся в ней факты не будут использованы против меня. Я возвращу ему книгу по окончании выборов и, если пожелаю, присовокуплю пару фунтов в знак благодарности. Он говорил это, а я, как ты можешь понять, еле заметно улыбался. Ему было и невдомек, что первым делом я пошлю книгу с нарочным в редакцию «Маркет-снодсберийского Аргуса», преподнося таким образом Мак-Коркадейл победу на блюде и освобождаясь от своих почетных обязательств перед Флоренс, которая, прочитав этот материал, разумеется, в ужасе отшатнется от меня. Ты знаешь, что представляет собой этот «Аргус»? Крайне левая газета. На дух не переносит консерваторов. На прошлой неделе она напечатала карикатуру на меня, я изображен с обгаренными кровью пролетариата руками. Не знаю, как этим газетчикам пришло такое в голову. Если я и проливал чужую кровь, то исключительно на ринге, где лилась и моя, значит, все было по справедливости. Так что мы с Бингли ударили по рукам. Он не мог тогда отдать мне книгу, потому что не взял ее с собой, и он отказался выпить со мной из-за того, что торопился: он думал, что Дживс может прийти и не застать его дома. Оказывается, Дживс – его приятель, так сказать, старый товарищ по клубу. Завтра мы встретимся. Я награжу его по-царски, он отдаст мне книгу, и через пять минут, как только раздобуду оберточную бумагу и бечевку, материал будет отправлен в редакцию «Аргуса». Номер выйдет в свет послезавтра утром. Через час или около того он попадет в руки Флоренс, минут двадцать уйдет на выяснение отношений после того, как она с ним ознакомится, значит, еще до обеда я стану свободным человеком. Как ты думаешь, каким должно быть царское вознаграждение? Суммы не назывались, но, думаю, фунтов сто, по крайней мере честность и благородство Бингли, безусловно, этого заслуживают. Как он сам сказал, другой на его месте продал бы книгу оппозиции и отхватил бы приличный куш.

По странному, на мой взгляд, совпадению в этот момент он сделал паузу и спросил, почему у меня такой вид, словно меня принесла в зубах кошка, то есть задал тот же самый вопрос, что и пожилая родственница после моего разговора с мамашей Мак-Коркадейл. Не знаю, что приносят в зубах кошки, но скорее всего что-то не слишком радующее глаз, и, по-видимому, когда я нахожусь во власти сильного чувства, я бываю похож на их драгоценные находки. Не было ничего удивительного в том, что я сейчас так выглядел. Противно, когда приходится разбивать надежды и мечты старого друга, а если на сердце такое, то и снаружи заметно.

Не было смысла ходить вокруг да около, надо было доводить дело до конца. И снова захотелось воскликнуть: «О, будь конец всему концом, все кончить могли б мы разом».

– Медяк, – сказал я, – к сожалению, у меня для тебя плохие новости. Клубной книги у Бингли больше нет. К нему заходил Дживс, подмешал ему в питье «микки финн» и унес ее.

Сейчас она хранится в архиве Дживса.

С первого раза он не понял, и мне пришлось объяснить.

– Бингли не такой кристально честный человек, как ты думаешь. Напротив, он гнида из гнид. Его можно назвать скверным, скользким слизняком. Он украл клубную книгу и пытался продать ее Мак-Коркадейл. Она вышвырнула его поганой метлой, потому что хочет победить в честной борьбе, и он попытался продать книгу тебе. Но тем временем к нему заглянул Дживс и завладел книгой.

Наверно, целую минуту он переваривал мое сообщение, но, к моему удивлению, нисколько не расстроился.

– Ну что ж, хорошо. Тогда пусть Дживс отнесет ее в редакцию «Аргуса».

Я грустно покачал головой: я-то знал, что на этот раз его надежды и мечты обречены на провал.

– Он не станет этого делать, Медяк. Для Дживса клубная книга священна. Я десятки раз приступал к нему с просьбой уничтожить страницы, касающиеся меня, но он всегда артачился, как валаамова ослица, которая, если ты помнишь, упиралась и напрочь отказывалась пойти на уступки. Он никогда не выпустит книгу из рук.

Как я и предвидел, Медяк принял мои слова близко к сердцу. Из него выплеснулся целый поток слов. Он также пнул ногой столик и сломал бы его, не будь столик мраморным. Удар, должно быть, оказался очень болезненным, но страдания Медяка, как можно было понять, были главным образом душевными. Глаза у него блестели, нос дергался, и если он не скрежетал зубами, то я не знаю, что такое зубовой скрежет.

– Не станет? – переспросил Медяк, снова приобретая сходство с гималайским медведем. – Он не станет, говоришь? Ну, это мы еще посмотрим. Отчаливай, Берти. Мне нужно подумать.

Я с радостью отчалил. Когда на тебя выплескивают эмоции, это всегда изматывает.

Кратчайший путь к дому лежал через лужайку, но я не воспользовался им. Вместо этого я направился к черному крыльцу. Я чувствовал необходимость срочно увидеться с Дживсом и рассказать ему о том, какие страсти бушуют по его милости, а также предупредить его, что, пока гнев не успел остыть, ему лучше держаться от Медяка подальше. Мне очень не понравилось, как Медяк сказал: «Ну, это мы еще посмотрим» – и как он скрежетал зубами. Разумеется, я не допускал мысли, что Медяк, в каком бы он ни был бешенстве, применит против Дживса физическую силу – или, попросту говоря, врежет ему, – но он, безусловно, заденет его словесно и таким образом испортит их взаимоотношения, до сих пор остававшиеся столь дружественными. И естественно, я не хотел такой развязки.

Дживс сидел в шезлонге у крыльца и читал Спинозу, держа на коленях кота Огастуса. Я подарил ему Спинозу на Рождество, и он постоянно зачитывался им. Сам я в эту книгу не заглядывал, но Дживс говорит, это зрелая вещь, стоящая внимательного прочтения.

Он поднялся было при моем появлении, но я попросил его не вставать, потому что знал: Огастус, как и Л. П. Ранкл, возмутится, если его внезапно разбудят, а с кошачьими чувствами всегда стремишься считаться.

– Дживс, – сказал я, – нежданно-негаданно возникла странная ситуация, и я был бы счастлив, если бы вы ее прокомментировали. Простите, что оторвал вас от чтения Спинозы и, возможно, как раз на том месте, когда нашли второй труп, но я должен рассказать вам о событиях, «взнесшихся мощно», поэтому выслушайте меня внимательно.

– Я к вашим услугам, сэр.

– Вот факты, – сказал я и без пролога, или как это называется, приступил к повествованию. – Таково, – заключил я через несколько минут, – положение дел, и думаю, вы согласитесь, что проблема, вставшая перед нами, в некоторых отношениях небезынтересна.

– Бесспорно, сэр.

– Так или иначе Медяк должен проиграть выборы.

– Вот именно, сэр.

– Но как?

– Я не готов ответить экспромтом, сэр. Общественное мнение сейчас, кажется, на стороне мистера Уиншипа. Красноречие лорда Сидкапа заметно влияет на избирателей и может сыграть решающую роль. Мистер Сеппингс, который помогал в качестве дополнительного официанта на званом обеде, говорит, что речь его светлости, обращенная к бизнесменам Маркет-Снодсбери, была необычайно яркой. Он говорит, что исключительно благодаря его светлости шансы кандидатов, которые среди завсегдатаев некоторых пивных шли десять к шести в пользу миссис Мак-Коркадейл, теперь сравнялись.

– Не нравится мне это, Дживс.

– Да, сэр, это выглядит угрожающе.

– Конечно, если бы вы пожелали обнародовать клубную книгу...

– Боюсь, что это невозможно, сэр.

– Я так и сказал Медяку, что вы считаете охрану книги своим священным долгом. Тогда ничего другого не остается, как попросить вас напрячь извилины.

– Безусловно, я сделаю все, что в моих силах, сэр.

– Не сомневаюсь, что в конце концов вы до чего-нибудь додумаетесь. Налегайте на рыбные блюда. И пока по возможности не попадайтесь на глаза Медяку: он очень не в духе.

– Понимаю, сэр. «Неумолим, жесток и злобен».

– Шекспир?

– Да, сэр. «Венецианский купец».

Тут я покинул его, гордый тем, что раз в жизни попал в точку, и направился в гостиную, надеясь в спокойной обстановке возобновить чтение Рекса Стаута, прерванное из-за круговерти событий. Однако я опоздал. Старая прародительница сидела в шезлонге с книжкой в руках, и я знал: отнять ее мне вряд ли удастся. Всякий, кому попал в руки Рекс Стаут, не отдаст его без боя.

Застав ее здесь, я немало удивился. Я думал, она все еще сидит возле гамака, склонившись над его содержимым.

– Привет, – сказал я, – вы закончили с Ранклом?

Она подняла глаза, и я заметил, что она немного раздосадована. Я предположил, что Ниро Вульф спустился из оранжереи и сказал Арчи Гудвину, чтобы тот позвонил Солу Пензеру и Орри... как бишь его?.. и что сейчас начала завязываться интрига. Поэтому, естественно, тетку рассердило вторжение даже любимого племянника, которого она часто качала на коленях, – конечно, не в последние годы, а когда я был маленьким.

– А, это ты, – сказала она, и, разумеется, так оно и было. – Нет, я не закончила с Ранклом. Я даже не начинала. Он все еще спит.

Мне показалось, что она не в настроении заниматься пустой болтовней, но в таких случаях бывает нужно что-то сказать. Я поднял вопрос, который, по моему мнению, был в некоторых отношениях небезынтересен.

– Вы когда-нибудь обращали внимание на то, как замечательно схожи между собой дневные привычки Ранкла и кота Огастуса? Кажется, они оба только и делают, что спят. Вы не думаете, что у них травматическая симплегия?

– Что это еще такое?

– Я прочел об этом в одной медицинской книге. Это заболевание, при котором все время спишь. Ранкл не подавал никаких признаков жизни?

– Подавал, но только он зашевелился, как пришла Мадлен Бассет. Она попросила разрешения со мной побеседовать, и мне пришлось согласиться. Было трудно разобрать, что она говорит, потому что она все время всхлипывала, но наконец я поняла, в чем дело. Речь шла о ее разрыве со Сподом. Я говорила тебе, что у них размолвка. Все оказалось серьезней, чем я думала. Помнишь, я сказала тебе, что, будучи пэром, Спод не может быть избран в парламент. Так вот, он хочет отказаться от титула, чтобы получить право избираться.

– А разве от титула можно избавиться? Я думал, это крест на всю жизнь.

– Раньше нельзя было. Разве только тебя осудят за государственную измену, но теперь другие правила, и это стало очень модно.

– Глупость какая-то.

– Мадлен тоже так считает.

– Она не сказала, как эта мысль пришла в его пустую голову?

– Нет, но нетрудно догадаться. Его речи имеют такой сногшибательный успех, что он может сказать себе: «Почему я так стараюсь ради кого-то еще? Почему бы мне самому не попробовать силы на этом поприще?» Кто это сказал про кого-то, что он «опьянен избытком собственного красноречия»?

– Не знаю.

– Дживс наверняка знает. Может быть, Бернард Шоу, или Марк Твен, или Джек Демпси^[182], или кто-нибудь другой. В любом случае это сказано про Спода. Он не в меру возгордился и считает, что ему нужно более широкое поле деятельности. Он видит себя в роли главного красная палаты общин.

– Почему бы ему не попробовать себя в роли трибуна палаты лордов?

– Это далеко не одно и то же. Это все равно что выступать в теннисном турнире Маркет-Снодсбери, вместо того чтобы зажигать публику на центральном корте в Уимблдоне. Я могу понять Спода.

– А я нет.

– Мадлен тоже не может. Она рвет и мечет, и меня это не удивляет: я могу влезть в ее шкуру. Это не пустяк, знаешь ли, когда девушка рассчитывает стать графиней Сидкап, а жених ей говорит: «Это была первоапрельская шутка, голубушка. На самом деле тебе предстоит стать миссис Спод». Если бы в свое время мне сказали, что Тома сделали пэром, а потом оказалось бы, что он собирается отречься от титула и мне никогда не бывать леди Маркет-Снодсбери, я взбрыкнула бы, как мулица. Титулы для девушки все равно что валерьянка для кошки.

– И ничего нельзя сделать?

– Лучшим вариантом для тебя было бы пойти к нему и сказать, что мы все восхищаемся им как лордом Сидкапом и что было бы жаль, если б он снова стал называться ужасной фамилией Спод.

– Нет ли какого-нибудь другого, лучшего варианта?

– Хм, надо подумать.

Мы погрузились в молчаливое размышление, в моем случае оно было тревожным. В этот момент я еще не в полной мере оценил подстерегающую меня опасность, но любая трещина в лютне между Сподом и Мадлен всегда заставляла меня недовольно морщиться. Я все еще пытался измыслить некий план, по которому мне не нужно было бы говорить Споду, как было бы жаль, если б он перестал зваться графом Сидкапом и возвратился к ужасной фамилии Спод, когда мое раздумье было прервано: из сада в открытую дверь вошел кот Огастус, на этот раз бодрствующий и в полной мере владеющий всеми способностями, какие у него были. Без сомнения, он видел меня сквозь пелену сна во время моего разговора с Дживсом, и, когда я ушел, он последовал за мной, полагая на основании опыта наших совместных завтраков, что где я, там его непременно ждет порция копченой селедки. Напрасные надежды, само собой. Не станет прилично одетый мужчина носить в кармане копченую селедку. Но один из уроков, преподанных нам жизнью, заключается в том, что коты всегда остаются котами.

Оказавшись рядом с одним из этих млекопитающих, я, как всегда в таких случаях, сказал: «кис-кис-кис» и попробовал почесать своего бессловесного друга за левым ушком, но мысли мои были далеко. Чем больше я раздумывал над недавним разговором, тем меньше мне нравилось сообщение пожилой родственницы. Сказав Огастусу, что через минутку я буду в его распоряжении, я выпрямился и хотел было расспросить тетку поподробней, но ее поблизости не оказалось. Должно быть, вздумала еще раз подкатиться к Л. П. Ранклу и, возможно, прямо сейчас произносит перед ним речь в защиту интересов Таппи. Конечно, я желал ей удачи и был рад, что у нее полоса везения, но тем не менее пожалел, что ее тут нет. Когда ваш ум отягощен проблемами, «взнесшимися мощно», стоит вам остаться наедине с

самим собой, как у вас начинает сосать под ложечкой. Без сомнения, мальчик, который «стоял один на палубе горящей, когда бежали все»^[183], чувствовал то же, что и я.

Однако мое одиночество продлилось недолго. Как только Огастус прыгнул ко мне на колени и продолжил прерванный сон, дверь отворилась и вошел Спод.

Я вскочил на ноги, и Огастус «упал на землю, где – не знаю»^[184], как сказал поэт. Меня терзали дурные предчувствия. Многие годы наши отношения со Сподом оставались напряженными, и, встречаясь с ним теперь, я всегда опасался, что он засветит мне в глаз. Разумеется, я был не виноват в его ссоре с Мадлен, но это не помешало бы ему выступить с обвинениями в мой адрес. Это как в том анекдоте про заключенного, к которому приходит друг и спрашивает, в чем твоя вина, и заключенный дает ответ, и друг говорит: но за это тебя не имели права посадить, а заключенный отвечает: так и без всякого права обошлись. Спод не нуждался ни в каких доводах логики для того, чтобы накинуться на неугодного ему человека, и, возможно, он, подобно Флоренс, выместит свою обиду на ни в чем не повинном первом встречном. Короче говоря, я чувствовал себя приблизительно так же, как те парни из гимна, которые вздрогнули, когда, оглянувшись, увидели воинов Мадиама, «рышущих и рышущих повсюду».

Именно поэтому я испытал такое облегчение, когда разглядел, что его облик лишен враждебности. Спод был похож на человека, только что увидевшего, как лошадь, на которую он поставил все свои сбережения плюс то, что он сумел почерпнуть из казенной кассы, на полголовы отстала на финише от победительницы. Его лицо, о котором даже в лучшие времена ничего веселого не скажешь, было искажено и перекошено, но скорее от боли душевной, чем от желания кого-либо изувечить. И хотя самый приемлемый Спод – это Спод отсутствующий, на втором месте по приемлемости идет Спод, искаженный и перекошенный от боли душевной. Неудивительно поэтому, что в моем приветствии прозвучала нота подлинной сердечности.

– А, здравствуйте, Спод, здравствуйте, старина. Рад вас видеть.

– Можно вас на два слова, Вустер?

– Конечно-конечно. Хоть на десять.

Он помолчал с минуту, употребив ее на то, чтобы подвергнуть меня пристальному осмотру. Потом вздохнул и покачал головой.

– Не понимаю, – сказал он.

– Чего вы не понимаете, любезный мой Спод или, скорее, любезный мой лорд Сидкап? – спросил я дружелюбным тоном, искренне желая помочь новому Споду, изменившемуся к лучшему, в решении любой задачи, поставившей его в тупик.

– Как могла Мадлен дойти до мысли о браке с таким, как вы? Она разорвала нашу помолвку и говорит, что собирается теперь за вас. Она высказалась на этот счет вполне определенно. Все, мол, между нами кончено. Вот, мол, ваше кольцо. Я, мол, выйду за Берти Вустера и сделаю его счастливым. Яснее не скажешь.

Я помертвел с головы до ног. Даже принимая во внимание смутные обстоятельства послевоенной эпохи, я не мог предположить, что вновь на достаточно длительное время обращусь в соляной столп, но случилось именно это. Я не знаю, многие ли из моих читателей получали когда-либо промеж глаз мокрой рыбиной, но те, кто это испытал, поймут, что ощутил я, когда седьмой граф Сидкап сделал это убийственное сообщение. Все вокруг заколыхалось, и сквозь то, что принято называть мгливой мутью, мне привиделся несколько расплывчатый седьмой граф, крутящийся волчком на манер экзотических

танцоров-кочевников в Каире, о которых мне рассказывали знакомые любители путешествий.

Я был ошеломлен. Казалось невероятным, что Мадлен Бассет вдруг даст отбой их помолвке. Но потом я вспомнил, что Спод заманивал ее в обручальные сети диадемой графини, и все более или менее прояснилось. Уберите диадему – что останется? Спод, больше ничего. Не густо, решит любая.

Он тем временем распространялся о том, почему ему кажется странным, что Мадлен могла прийти до мысли о браке со мной, и очень быстро мне стало ясно, что я ошибся, не увидев в его облике враждебности. Он произносил слова сквозь сжатые зубы, а это существенный признак.

– Насколько я могу судить, Вустер, вы напрочь лишены привлекательности. Ум? Никакого. Красота? Ни капли. Хватка? Ни Боже мой. Вы даже не можете стащить зонтик, чтобы вас не поймали за руку. Единственное ваше положительное качество состоит в том, что вы не носите усов. Говорят, они у вас были, но вы сжалились над окружающими и сбрили их. Это свидетельствует в вашу пользу, но этого мало, чтобы перевесить все ваши изъяны. Принимая во внимание то, как они многочисленны, остается предположить одно: на романтическую душу Мадлен подействовала ваша темная репутация вора, хапающего все, что плохо лежит. Она идет за вас замуж в надежде перевоспитать вас, и предупреждаю, Вустер: вы горько пожалеете, если обманете ее надежды. Да, она отвергла меня, но я вечно буду любить это одухотворенное создание, как любил до сих пор, и сделаю все, что в моих силах, чтобы ее нежное сердечко не было разбито таким-сяким негодяем, вылитым актеришкой из массовой заштатного разъездного ревю, который что увидит мало-мальски ценное, то тут же обязательно прикарманит. И не рассчитывайте спастись от меня за стенами тюрьмы, когда вас посадят за воровство; кончится ваш срок – я буду ждать на выходе и разорву вас на куски. А потом, – добавил этот зануда, – станцую на ваших потрохах в сапогах с подковами.

Умолкнув, он вынул портсигар, поинтересовался, нет ли у меня спички; я дал, он поблагодарил и вышел.

Даже от самого поверхностного взгляда не укрылось бы, что оставшийся после его ухода Бертрам Вустер находится не в лучшей форме. Перспектива оказаться связанным на всю жизнь с девушкой, которая будет, спустившись к завтраку, закрывать мои глаза ладошками и говорить: «Угадай, кто это», – так подорвала мой боевой дух, что я стал похож на трусливого серенького зверька, о котором, как утверждает Дживс, писал поэт Бернс^[185]. В критические моменты мое правило – смотреть на дело с лучшей стороны, но это, должен оговориться, возможно, лишь когда она вообще есть, эта лучшая сторона, а в данном случае ею даже не пахло.

Так я сидел, испивая горькую чашу, до тех пор пока за сценой не послышался шум и мои раздумья не были прерваны возвращением старой прародительницы. Я сказал «возвращением», но, точнее говоря, она как из пушки ворвалась в комнату и пронеслась сквозь нее, не останавливаясь, и я со свойственной мне зоркостью определил, что она чем-то огорчена. Поразмыслив, я пришел к заключению, что ее беседа с Л. П. Ранклом, «сворачивая вбок», пошла наперекосяк или, если вам больше нравится, насмарку.

Когда через некоторое время тетя появилась вновь, мой вывод подтвердился. Первым делом она заявила, что Л. П. Ранкл – самое незаконнорожденное из всех незаконнорожденных созданий, и в ответ я поспешил изъявить ей сочувствие. Я и сам бы не

отказался от небольшой дозы сочувствия, но неизменный вустеровский девиз гласит: «Пропусти вперед женщину и ребенка».

– Не вышло? – спросил я.

– Нет.

– Зажиливает?

– Ни гроша не дает.

– Вы объяснили ему, что без его поддержки Таппи и Анджела вовек не услышат свадебных колоколов?

– Объяснила, конечно. А он ответил, что молодым людям нечего вступать в брак, пока они не проверили свои чувства.

– Вы могли бы сказать на это, что Таппи и Анджела помолвлены уже два года.

– Я так и сказала.

– А он что?

– Говорит: «Мало».

– И что вы намерены делать?

– Уже сделала, – ответила старая прародительница. – Я украла его супницу.

Я уставился на нее, совершенно ошеломленный. В ее словах прозвучало типичное самодовольство тетушки, которая мысленно похлопывает себя по плечу, одобряя какой-то свой особенно хороший поступок, но в чем дело, я не мог взять в толк. Привычка говорить загадками, похоже, прогрессировала у нее, как болезнь.

– Вы... что? – переспросил я. – Что-что вы украли?

– Супницу, супницу. Я же тебе говорила в день твоего приезда. Забыл, что ли? Серебряную, которую он хотел продать Тому.

Ее слова освежили мне память. Я вспомнил этот разговор. Я спросил ее тогда, с какой стати она принимает у себя такой вторпродукт, как Л. П. Ранкл, и она ответила, что он приехал в надежде продать дядюшке Тому что-то серебряное для его коллекции, а она уговорила его остаться подольше, рассчитывая сперва задобрить его стряпней Анатоля, а потом поставить перед ним, задобренным, вопрос о деньгах для Таппи.

– И вот теперь, когда он ответил мне отказом, мне вдруг пришло в голову, что, если я завладею этой штуковиной и объявлю ему, что он получит ее назад лишь в обмен на выполнение справедливых денежных требований, это даст мне сильный козырь в переговорах, которые я готова буду продолжить в любое удобное для него время.

Я был – как это? Ого... ого... хорошо, хоть имя свое еще не забыл. Ах да – огорошен, хотя с таким же успехом можно было сказать – потрясен до глубины души; не такое уж незаменимое слово. Я не читал ни одной из книг о правилах хорошего тона, которыми был завален весь тетушкин дом, но я готов был отдать голову на отсечение, что сочинившие их столпы общества содрогнулись бы, услышь они ее возмутительное объяснение. Глава «Советы хозяйке» после этого непременно пополнилась бы парой абзацев, объясняющих, что нехорошо приглашать людей погостить к себе в дом с целью похищения супниц, находящихся в их собственности.

– Что же это такое творится! – воскликнул я, огорошенный или, если вам больше нравится, потрясенный до глубины души.

– Ты о чем?

– Сначала пускаете его под свою кровлю...

– Конечно, под кровлю. Не на кровлю же!

– Сначала предлагаете ему хлеб-соль...

– Вот солью-то ему, с его давлением, не стоило бы злоупотреблять. Наверняка врач рекомендовал ему бессолевую диету.

– Вы не имели права так поступить.

– Так я и без всякого права обошлась, – сказала она, прямо как персонаж анекдота, и я понял, что спорить с ней дальше было бы бессмысленно (или немыслимо). Если ты племянник, тебе тетушек не переспорить, ведь они знают тебя с младых ногтей и помнят, каким ты был тогда олухом, ну и не верят, что ты способен произнести что-нибудь стоящее. Я бы не удивился, если бы узнал, что три тетушки Дживса дружно затыкают ему рот, едва он начинает говорить: ведь они помнят его шестилетним, когда он еще не отличал поэта Теннисона от настольного тенниса.

Перестав усовещивать тетушку (усовещать? увещать? как правильно-то?), я встал, чтобы нажать кнопку звонка, а когда тетушка попросила меня дать пояснения о причине этого

нажатия, я сказал, что намерен передать дело в более высокие сферы.

– Я вызвал Дживса.

– Ты получишь только Сеппингса.

– А Сеппингс добудет мне Дживса.

– И что, по-твоему, сможет сделать Дживс?

– Он заставит вас внять голосу разума.

– Сомневаюсь.

– Попытаться все же стоит.

В ожидании Дживса мы приостановили нашу беседу, и воцарилась тишина, слышно было лишь, как всхрапывает по временам прародительница и шумно дышу я, потому что я сильно разволновался. Согласитесь: племяннику не может быть безразлично, что любимая тетушка не ведает разницы между хорошими и дурными поступками. А она есть, эта разница; у нас в школе магистр искусств Арнольд Эбни втолковывал ее ученикам и в будни, и в праздники. Но никто, ясное дело, не удосужился объяснить эту разницу моей престарелой родственнице, вследствие чего она могла похищать чужие супницы без малейшего не то чтобы зазрения, но даже писка со стороны ее совести. Это, должен признаться, меня поразило.

При появлении Дживса мне было приятно лишний раз увидеть, как выпячен его затылок: ведь именно в этом месте располагаются главные отделы мозга, а в теперешней ситуации мне позарез нужен был обладатель большого количества серого вещества, способный унять брожение тетушкина ума и расписать ей все так, что она согласилась бы слушаться.

– Вот тебе твой Дживс, – сказала прародительница. – Изложи ему факты, и держу пари, он назовет мой поступок единственно правильным и велит мне идти дальше намеченным путем.

Я рискнул бы ради этого пари пятеркой при ставке, скажем, двенадцать к восьми, но это вряд ли было бы уместно. А вот изложить Дживсу факты – это была разумная мысль, и я принялся излагать их без промедления и заботясь о том, чтобы дать должное обоснование.

– Дживс, – сказал я.

– Сэр? – отозвался он.

– Прошу прощения, что опять вас отвлек. Наверно, читали Спинозу?

– Нет, сэр, писал письмо дяде Чарли.

– Чарли Силверсмиту, – дал я ремарку в сторону прародительницы. – Он дворецкий в Деверил-Холле. Один из лучших в своей профессии.

– Благодарю вас, сэр.

– Я крайне мало знаю людей, достойных столь же высокой оценки, как ваш дядя Чарли. Мы вас надолго не задержим. Просто возникла новая проблема, в некоторых отношениях небезынтересная. В недавнем разговоре я обрисовал вам положение дел, касающихся Таппи Глоссопа и Л. П. Ранкла. Припоминаете?

– Да, сэр. Мадам рассчитывала взыскать с мистера Ранкла некую сумму в пользу мистера Глоссопа.

– Совершенно верно. Так вот, из этого ничего не вышло.

– Я крайне опечален, сэр.

– Но вряд ли удивлены при этом. Вы тогда сказали, что у нее один шанс из ста.

– Около того, сэр.

– Ведь Ранкл не обладает даром сострадания.

– Вот именно, сэр. Прошлогодний сухарь.

Тут прародительница повторила свои сомнения в законнорожденности Л. П. Ранкла и, видимо, охотно развила бы тему, не останови я ее посредством поднятой руки.

– Напрасно она молила, – сказал я. – Он прогнал ее поганой метлой. И вполне возможно, даже поднял ее на смех.

– Жирный старый сын холостяка, – вмешалась прародительница, и мне вновь пришлось ее остановить.

– Думаю, вам ясно, что может произойти, когда гордая женщина подвергается такому обращению. Мысли об ответных мерах начинают тесниться в ее мозгу. Перехожу к сути: она похитила супницу Ранкла. Но я не хочу направлять вас по ложному следу. Она сделала это не в порядке мести – ну, вы понимаете, – но с тем чтобы получить козырь для переговоров, которые она намерена возобновить. «Расплачивайтесь, – скажет она, вновь призывая его тряхнуть мощной, – иначе не увидите супницы как своих ушей». Я доходчиво говорю?

– Абсолютно доходчиво, сэр. Я нахожу, что ваши слова ясны как день.

– Теперь мне бы следовало вам растолковать, что это за супница такая, но затруднение состоит в том, что я не имею об этом ни малейшего понятия, знаю только, что она серебряная, старинная и принадлежит к разряду вещей, которые коллекционирует дядюшка Том. Ранкл рассчитывал продать ее ему. Вы можете добавить тут что-нибудь? – спросил я престарелую родственницу. Она слегка поморщилась и сказала, что не может.

– Знаю только, что ее сработал какой-то голландец в эпоху Карла Второго.

– Тогда мне кажется, я понимаю, о какой супнице идет речь, сэр, – промолвил Дживс, и лицо его оживилось в той степени, в какой оно вообще способно оживиться: ведь он почему-то всегда предпочитает сохранять бесстрастный вид восковой фигуры из Музея мадам Тюссо. – Она значилась в каталоге аукциона Сотби, который мне довелось недавно листать. Не имеется ли в виду, – спросил он прародительницу, – серебряная позолоченная супница на круглой литой ножке, низ гравирован акантовым орнаментом, ручки в форме свитка с бугорками, крышка увенчана листвой поверх розетки из переплетенных ветвей аканта, подставка в форме чаши на круглых отвинчивающихся ножках с листовым орнаментом, край крышки отогнут кверху?

Он умолк в ожидании ответа, но прародительница временно потеряла дар речи, и по лицу ее можно было предположить, что ее переехал городской трамвай. Странно, разве она не привыкла год за годом слушать подобную тарабарщину из уст дядюшки Тома? Наконец она промямлила, что, дескать, вполне возможно, что она не удивилась бы, и так далее.

– Я об этом знаю не больше вашего, – добавила она.

– Я полагаю, мадам, что это то самое изделие. Вы упомянули о мастере голландского происхождения. Не звали ли его, случайно, Ханс Конрель Брехтель из Гааги?

– Не могу вам сказать. Знаю только, что фамилия его не Смит, не Джонс и не Робинсон. Но к чему все это? Не все ли равно, увенчана крышка листвой или нет и есть ли на ней листовый орнамент?

– Вот именно, – с жаром согласился я. – И что за важность, если честь создания этих крышек и орнаментов принадлежит какому-то Хансу Конрелю Брехтелю из Гааги? Важно не то, какую именно супницу похитила прародительница, а то, насколько вообще оправдано похищение супницы у человека, находящегося у тебя в гостях. Я считаю, что это нарушение правил гостеприимства и что теперь похищенное следует вернуть. Прав я или нет?

– Видите ли, сэр...

– Валяйте, Дживс, – сказала прародительница. – Объявите меня разбойницей с большой дороги, которую следует вышвырнуть из «Культурно-увеселительного клуба маркет-снодсберийских садовниц».

– Вовсе нет, мадам.

– Тогда что вы хотели сказать прежде, чем замаялись?

– Только то, что, по моему мнению, хранение вами этого предмета не принесет желаемой пользы.

– Я не понимаю вас. А козырь в переговорах?

– Боюсь, вы мало чего достигнете, мадам. Если я правильно понял мистера Вустера, сумма, которую вы рассчитываете получить от мистера Ранкла, исчисляется многими тысячами фунтов.

– Самое меньшее пятьдесят тысяч, а может быть, и все сто.

– Тогда я не могу представить себе, что он согласится с вашими требованиями. Мистер Ранкл – искушенный финансист...

– Рожденный вне брака.

– Вполне возможно, мадам; и тем не менее он – человек, привыкший трезво взвешивать доходы и убытки. Согласно каталогу Сотби это изделие было продано на аукционе за девять тысяч фунтов. Трудно предположить, что ради его возвращения он готов будет уплатить сто или пусть даже пятьдесят тысяч фунтов.

– Этого ожидать не приходится, – согласился я, поменявшись с ним ролями: теперь уже я был восхищен доходчивостью его слов. За подобную доходчивость адвокаты высшей марки гребут деньги лопатой. – Он просто-напросто скажет: «Подумаешь, важность» – и спишет супницу по разряду непредвиденных потерь, а потом кликнет своего юриста, чтобы соответствующим образом уменьшить подоходный налог. Благодарю вас, Дживс. Вы, как обычно, мастерски разложили все по полочкам. Вы... как это вы на днях выразились?

– Премудрый Соломон.

– Точно. Вы самый настоящий премудрый Соломон.

– Вы очень добры, сэр.

– Вовсе нет. Вполне заслуженная похвала.

Я бросил взгляд на престарелую родственницу. Вообще, какую тетушку ни возьми, изменить ход ее мыслей, когда она что-то забрала в голову, очень непросто, но было сразу видно, что Дживсу это удалось. Я не ждал, что она будет очень довольна, чего не было – того не было, но она явно смирилась с неизбежностью. Я было подумал, что у нее нет слов, но тут она как раз вымолвила словцо, более или менее уместное на охоте, но для салонной беседы чересчур забористое. Я зафиксировал его в памяти, чтобы когда-нибудь употребить в разговоре со Сподом (телефонном, разумеется).

– Я признаю вашу правоту, Дживс, – сказала она с тяжелым сердцем, но не теряя мужества. – Мне показалось тогда, что мой план хорош, но теперь я должна согласиться с вами в том, что в нем есть и сучки, и задоринки. Увы, так разбиваются мечты. Ведь...

– ...планы мышек и людей идут насмарку чохом, – подхватил я, помогая ей выпутаться. – Роберт Бернс, «К полевой мышши...». Я не раз задавался вопросом, почему эти деревенские поэты так любят писать «чохом» и тому подобные словечки. Я спрашивал вас об этом, Дживс, – помните? – и вы ответили, что они не потрудились дать вам объяснение. Но вы что-то хотели сказать, прародительница?

– Я говорю...

– Или, к примеру, «намедни».

– Я говорю...

– Или «давеча».

– Я говорю, – сказала родственница, швырнув в меня томик Рекса Стаута, к счастью, с менее точным прицелом, чем в прошлый раз, – что мне ничего другого не остается, как вернуть эту штуку в комнату Ранкла, откуда я ее взяла.

«Откуда я ее умыкнула» звучало бы интереснее, но я возразил не по поводу ее стиля. Я подумал, что, если позволить ей вернуть вещь самой, она по пути к спальне Ранкла, чего доброго, передумает и решит все-таки оставить добычу у себя. Доводы Дживса звучали убедительней некуда, но кто знает, не поблекнет ли со временем эта убедительность, особенно в глазах тетушки, которая не ведает разницы между хорошими и дурными поступками; таким образом, можно было опасаться, что ей захочется прикарманить супницу в качестве, так сказать, сувенира, чтобы не остаться вовсе ни с чем. «Вечно приходится ломать голову, что бы подарить Тому на день рождения, – вдруг подумает она. – А почему бы и нет? Как раз то, что надо».

– Я сделаю это сам, – сказал я. – Если только не вызоветесь вы, Дживс.

– Спасибо, нет, сэр.

– Это дело одной минуты.

– Нет, сэр, благодарю вас.

– Ладно, тогда вы свободны, Дживс. Тысяча благодарностей за ваше премудрое соломонство.

– Рад был помочь, сэр.

– Передайте мой поклон дяде Чарли.

– Не премину, сэр.

Как только он затворил за собой дверь, я принялся обсуждать с тетушкой планы и, что называется, порядок действий, причем ближайшая родственница была сама покорность и покладистость. Ранклу, сказала она, отведена Голубая комната, и супницу следует положить там в левый верхний ящик комода, откуда она ее умыкнула. Я спросил, уверена ли она, что он все еще в гамаке, и она ответила, что сомневаться не приходится: он, конечно, опять заснул, как только она ушла. Должно быть, так оно и было, если судить по коту Огастусу. У страдающих травматической симплегией бодрствование – состояние сугубо временное. Я лично был свидетелем тому, как Огастус вернулся в мир сновидений спустя всего пятнадцать секунд после того, как на него упала большая сумка, полная консервных банок с кошачьей едой. Сдавненное проклятие – и вот он уже снова поживает как ни в чем не бывало.

Я поднимался по лестнице весь под впечатлением от того обстоятельства, что Л. П. Ранкл получил Голубую комнату, которая в этом доме доставалась лишь звездам первой величины. Это была самая просторная и роскошная из комнат для холостяков. Как-то раз я намекнул престарелой родственнице, что не прочь бы в ней поселиться, но она ответила на это выразительным «Ты?», после чего разговор перешел на другую тему. Тот факт, что Ранклу дали эту комнату, несмотря на присутствие в доме седьмого графа, красноречиво говорил о решимости престарелой родственницы задобрить Ранкла не мытьем, так катаньем; и вот, по иронии судьбы, всем ее тщательно выстроенным планам суждено было пойти насмарку чохом. Это лишний раз подтверждает: Бернс знал, о чем писал. На поэтов вообще, как правило, можно положиться; поэт запульнет словом в самое яблочко, а потом с чистой

совестью сидит и покуривает сигару или утоляет жажду кокосовым ликером.

Читатель-ветеран помнит, но новичку надо объяснить, что мне уже приходилось пробираться в Голубую комнату с секретной миссией. Тот, прежний визит, как известно ветеранам, окончился катастрофой и стыдобой, поскольку миссис Гомер Крим, видная писательница, автор приключенческих романов, обнаружила меня лежащим на полу под креслом, за чем последовало нелегкое объяснение. Несомненно, именно поэтому я теперь подходил к заветной двери с чувствами, напоминавшими те, что я испытывал в старые дни, приближаясь к кабинету магистра искусств Арнольда Эбни по завершении утренней молитвы. Некий голос нашептывал мне, что за этой дверью меня не ждет ничего хорошего.

Голос был совершенно прав. Он как в воду глядел. Первым, что я увидел, открыв дверь, был спящий на кровати Л. П. Ранкл, и с обычным для меня проворством я сообразил, что произошло. После того как старая прародительница попыталась взять его за жабры в саду, он, вероятно, решил, что гамак посреди лужайки, открытый для приступа с любой стороны, – не слишком удобное место для человека, стремящегося к покою и уединению, и что обрести их он сможет только в своей спальне. Туда-то, соответственно, он и направил свои стопы. *Voila tout*^[186], скажет тот, кто изучал французский.

Увидев этого спящего красавца, я, конечно, был поражен весьма неприятно, до того неприятно, что мое сердце яростно стукнулось о передние зубы, но лишь какая-то секунда потребовалась мне, чтобы достойно встретить то, что Дживс называет интеллектуальным вызовом момента. В кругах, где я вращаюсь, едва ли не все признают, что, хотя Бертрам Вустер не застрахован от нокдауна, нокаутировать его невозможно и, если дать ему время собраться с мыслями и унять головокружение, имеются все шансы на то, чтобы он, как сказал поэт, «ступив на прежнего себя, поднялся в высшие пределы»^[187]; так произошло и теперь. Я предпочел бы, конечно, действовать в комнате, совершенно свободной от присутствия Л. П. Ранкла, но я рассудил, что, поскольку он спит, препятствий к исполнению задуманного нет. Нужно только действовать абсолютно бесшумно. Так я и действовал – скорее подобно призраку или духу, нежели полноправному члену «Клуба шалопаев», – но лишь до тех пор, пока комната не огласилась внезапным диким воплем, какой может испустить кугуар или снежный барс, ударившись чувствительным местом об острый камень, и тогда я понял, что наступил на кота Огастуса, который все время шел за мной по пятам, ошибочно полагая, что я ношу в карманах копченую селедку и в любой момент могу приступить к выдаче.

В обычных обстоятельствах я поспешил бы принести животному свои извинения и постарался бы, почесывая его за ушком, унять боль в его раненой душе, но тут Л. П. Ранкл сел в кровати, громко зевнул, протер глаза, неприязненно устремил их на меня и поинтересовался, что я, черт подери, забыл в его спальне.

Дать ответ было нелегко. Ничто в наших отношениях с тех самых пор, как мы впервые замаячили в поле зрения друг друга, не давало повода предположить, что я пришел поправить ему подушку или предложить выпить чего-нибудь холодненького; поэтому я не стал выдвигать таких версий. Я подумал о том, как права была прародительница, предсказывая, что, разбуженный внезапно, он будет зол. Действительно, вид его говорил о том, что он питает очень мало нежных чувств к человечеству в целом и особенно неприязненно относится к Вустерам. Даже Спод не смог бы выразить своего отвращения к ним нагляднее.

Я решил проверить, как на него подействует обходительность. В случае с Медяком она

дала неплохие результаты, и кто знает – может быть, с ее помощью удастся разрядить обстановку и сейчас.

– Прошу прощения, – сказал я с чарующей улыбкой. – Боюсь, я вас разбудил.

– Вот именно, что разбудили. И перестаньте лыбиться, как полоумная обезьяна.

– Конечно-конечно, – отозвался я, убирая с лица чарующую улыбку. Она сошла очень легко. – Я понимаю ваше раздражение. Но я достоин скорее жалости, нежели порицания. Я нечаянно наступил на лапу.

По его лицу распространилось выражение тревоги. Ширь его лица была необъятна, но тревога распространилась во всю эту ширь.

– На шляпу? – крикнул он с дрожью в голосе, и я понял, что он испугался за благополучие своей панамы с розовой лентой.

Я немедленно успокоил его:

– Не на шляпу. На лапу.

– На какую еще лапу?

– На лапу кота. Вы с ним еще не познакомились? Его зовут Огастус, можно Гас краткости ради. Мы с ним дружим еще с тех пор, как он был котенком. По-видимому, он вошел сюда следом за мной.

Этот не самый удачный мой словесный ход вернул его к первоначальной теме.

– А вы что, черт подери, тут забыли?

Человек не столь закаленный, как Бертрам Вустер, стал бы в тупик, и я не постыжусь признаться, что на пару мгновений стал в него тоже. Однако, переминаясь с ноги на ногу и переплетая пальцы, я вдруг увидел на столике фотоаппарат, и на меня накатило вдохновение. На Шекспира, Бернса и даже Оливера Уэнделла Холмса оно, вероятно, накатывало постоянно, но со мной это случалось не так часто. В тот раз это было впервые за несколько недель.

– Тетя Далия послала меня спросить вас, не согласитесь ли вы сделать несколько фотографий – дом, хозяйка и все такое, – чтобы она могла разглядывать их долгими зимними вечерами. Вы ведь знаете, какими долгими бывают зимние вечера в наши дни.

Едва сказав это, я задумался, не обмануло ли меня вдохновение. Ведь этот человек только что провел переговоры со старой прародительницей, которые, в отличие от переговоров между главами государств, прошли отнюдь не в атмосфере полного взаимопонимания, и ему должно показаться странным, что почти сразу же после их завершения она обращается к нему с просьбой о фотографировании. Но все сошло гладко. Он явно воспринял ее просьбу как некий жест примирения. И отозвался живо и с воодушевлением.

– Сейчас спущусь, – сказал он. – Передайте ей, что я сейчас спущусь.

Я спрятал супницу у себя в спальне, запер дверь и вернулся к престарелой родственнице. Она разговаривала с Дживсом. При моем появлении на ее лице выразилось облегчение.

– А, вот и ты наконец, мой прекрасный поскакун Берти. Хорошо, что ты не пошел в спальню Ранкла. Дживс говорит, что Сеппингс встретил Ранкла на лестнице и тот попросил через полчаса принести ему чашку чаю. Сказал, что ляжет соснуть. Ты мог налететь прямо на него.

Я засмеялся глухим безрадостным смехом.

– Поздно, старая прародительница. Я на него налетел.

- Он что, *был там*?
- Собственной персоной.
- И как ты вышел из положения?
- Сказал ему, что вы просите его спуститься и сделать несколько снимков.
- Быстро соображаешь.
- Я всегда соображаю молниеносно.
- Он поверил?
- Как будто да. Сказал, сейчас спустится.
- Улыбки моей ему не видать.

Возможно, я попросил бы ее смягчить это жесткое решение и обнажить хотя бы краешки передних зубов, перед тем как Ранкл нажмет на кнопку, однако, пока она говорила, мои мысли приняли другое направление. Возник внезапный вопрос: что его задерживает? Он же сказал, что сейчас спустится. Но прошло довольно много времени, а Ранкла как не было, так и нет. Я уже лелеял мысль о том, что в такой теплый день человека его комплекции может хватить какой-нибудь удар, но тут на лестнице послышался тяжелый топот, и он наконец предстал перед нами.

Но это был другой Л. П. Ранкл, совсем не тот человек, который пообещал мне, что скоро придет в гостиную. Тогда он был весь солнечный и лучащийся – а как же, фотограф-любитель, который не только предвкушает, как будет сейчас отравлять людям жизнь своим фотографированием, но еще и прямо об этом попрошен, что для фотографа-любителя – редкий праздник. Теперь же он был холодный и тугой, как крутое яйцо на пикнике, и глядел на меня с такой ненавистью, словно я и впрямь наступил на его панаму.

– Миссис Траверс!

Это прозвучало так громко и призывно, что напомнило крик уличного торговца, пытающегося привлечь внимание покупателей к апельсинам-королькам и брюссельской капусте. Я увидел, как выпрямилась прародительница, и понял, что сейчас она войдет в роль великосветской дамы. Вышеуказанная родственница, в обычных обстоятельствах столь добродушная и свойская, могла при необходимости мгновенно превратиться в точную копию герцогини былых времен и сделать из любого нижестоящего мокрое место, для чего, добавлю, ей не требовалось даже лорнета – достаточно было простого взгляда. Вероятно, девиц ее поколения учили этому в пансионах.

– Я попросила бы вас не орать на меня, мистер Ранкл. Я не глухая. В чем дело?

Аристократическая льдистость ее тона была такова, что у меня мороз пробежал по коже, но Л. П. Ранкл был субъект из морозоустойчивых. Он извинился за крик, но сделал это кратко и без подлинного раскаяния. А затем перешел к ответу на заданный ему вопрос, с видимым усилием принуждая себя изъясняться тихо. Пусть он не ворковал, как голубок, но по крайней мере не повышал голоса.

– Помните ли вы, миссис Траверс, серебряную супницу, которую я показывал вам по приезде сюда?

– Помню.

– Очень ценную.

– Да, вы говорили.

– Она лежала у меня в комнате в левом верхнем ящике комода. Мне не приходило в голову как-либо ее прятать. Я был абсолютно уверен в честности всех, кто находится в этом доме.

– Естественно.

– Даже когда я узнал, что наряду со мной здесь гостит мистер Вустер, я все равно не принял никаких мер предосторожности. Это была моя роковая ошибка. Он только что украл супницу.

Наверно, долго сохранять облик великосветской дамы очень утомительно, ведь это требует каменной неподвижности как лицевых мышц, так и позвоночника, поэтому, услышав его слова, прародительница бросила это занятие и вернулась к вольным манерам своей охотничьей юности.

– Не будьте идиотом, Ранкл. Вы городите несусветную чушь. Берти это и в голову не могло бы прийти, правда, Берти?

– Никогда в жизни.

– Вот осел-то.

– Я бы сказал – безмозглый осел.

– Будешь ослом, если дрыхнуть все время.

– Да, наверно, в этом вся беда.

– Спать разжижает мозг.

– Конечно. То же самое и с котом Гасом. Я люблю Гаса как родного брата, но после стольких лет безостановочного сна у него ума осталось не больше, чем у члена кабинета министров.

– Надеюсь, Ранкл не разозлил тебя своими нелепыми обвинениями?

– Нет, старая прародительница, я не зол, просто очень, очень удручен.

Казалось бы, все это должно было превратить Ранкла в потухший вулкан, в никчемную оболочку его бывшего «я», однако его глаза не утратили блеска, а он сам боевого задора. Подойдя к двери, он приостановился и сказал следующее:

– Мы расходимся с вами, миссис Траверс, в оценке честности вашего племянника. Я лично доверяю словам лорда Сидкапа, который утверждает, что мистер Вустер ворует все, что не привинчено к полу. Лишь по чистой случайности, сказал мне лорд Сидкап, ему при их первой встрече не удалось улизнуть с зонтиком, принадлежавшим сэру Уоткину Бассету, и с той поры он, так сказать, покатился по наклонной плоскости. Хапает все без разбора – зонтики, кувшинчики для сливок, янтарные статуэтки, фотоаппараты. К несчастью, я спал, когда он проник в мою комнату, и до моего пробуждения у него было предостаточно времени, чтобы совершить то, для чего он явился. Только через несколько минут после того, как он унес добычу, мне пришло в голову заглянуть в левый верхний ящик комода. Мои подозрения подтвердились. Ящик был пуст. Вор сделал свое дело. Но знайте: я – человек решительный. Я послал вашего дворецкого в полицейский участок за констеблем, чтобы тот обыскал комнату Вустера. До его появления я намерен стоять у двери, чтобы он не пробрался внутрь и не уничтожил улики.

Произнеся все это тоном чрезвычайно неприятным, Л. П. Ранкл, как говорится, был таков, и прародительница с немалым красноречием принялась распространяться на тему о жирных негодях сомнительного происхождения, имеющих неслыханную дерзость посылать ее дворецкого с поручениями. Я был не меньше, чем она, взволнован заключительной частью его монолога.

– Не нравится мне это, – сказал я, обращаясь к Дживсу, который в продолжение предыдущей сцены стоял несколько поодаль, являя собой скульптурное воплощение отсутствия.

– Простите, сэр?

– Если легавые обыщут мою комнату, я погорел.

– Не беспокойтесь, сэр. Полицейские не имеют права входить в помещения, принадлежащие частным лицам, без соответствующего ордера, и устав запрещает им просить у владельца разрешения на вход.

– Вы в этом уверены?

– Да, сэр.

Что ж, это давало некоторое успокоение, но я бы обманул читателя, если бы сказал, что к Бертраму Вустеру вернулась прежняя беззаботность. Слишком многое свалилось на него одно за другим, чтобы он мог остаться беспечным гулякой, на которого приятно бросить взгляд. Я понял: для того чтобы распутать хитросплетение обстоятельств, отнимавших у меня радость жизни, и ликвидировать круги, которые уже начали темнеть у меня под глазами, мне необходимо собраться с мыслями.

– Дживс, – сказал я, выходя вместе с ним из комнаты, – мне надо собраться с мыслями.

– Конечно, сэр, если вы желаете.

– Но это невозможно здесь, среди сплошной чехарды кризисов. Не могли бы вы придумать хороший предлог, чтобы мне смотаться в Лондон на одну ночь? Мне крайне необходимы несколько уединенных часов в мирной обстановке собственной квартиры. Мне надо сосредоточиться. Сосредоточиться.

– А разве вам требуется для этого предлог, сэр?

– Лучше, чтобы он был. Тетя Даля попала в передрагу, и она обидится, если я сейчас брошу ее без уважительной причины. Я не хочу выглядеть предателем.

– Это делает вам честь, сэр.

– Благодарю вас, Дживс. Придумали что-нибудь?

– Вас вызвали в суд в качестве присяжного, сэр.

– Но ведь об этом, кажется, предупреждают задолго.

– Да, сэр, но, когда пришла повестка, я забыл вам ее отдать и вспомнил только сейчас. К счастью, оказалось, что еще не поздно. Желаете отправиться немедленно?

– Если не раньше. Я позаимствую машину Медяка.

– Вы пропустите дебаты, сэр.

– Что пропущу?

– Дебаты между мистером Уиншипом и его соперницей. Они назначены на завтрашний вечер.

– На который час?

– На шесть сорок пять.

– И сколько они будут длиться?

– Вероятно, около часа.

– Тогда я вернусь примерно в половине восьмого. Великое жизненное правило, если вам дорого собственное счастье и благополучие, состоит в том, Дживс, чтобы как можно реже присутствовать на политических дебатах. Не хотите махнуть со мной, а?

– Нет, благодарю вас, сэр. Я непременно хочу услышать выступление мистера Уиншипа.

– Боюсь, дальше «бе-ме» дело не пойдет, – заметил я не без остроумия.

Возвращаясь на следующий день тихой вечерней порой, я отчетливо слышал, как на сердце у меня скребет, и видел без всяких зеркал, что темные круги под моими глазами стали еще темней. Мне пришли на ум сказанные когда-то Дживсом слова о «тяжком и томящем гнете неясного и чуждого нам мира» – не им, кажется, придуманные, а неким Вордсвортом, если я верно запомнил фамилию, – и я подумал, что они неплохо описывают то состояние удрученности, которое испытываешь, барахтаясь посреди океана несчастий и не имея в пределах досягаемости ничего похожего на спасательный круг. С этим «тяжким и томящим гнетом» я успел свести знакомство еще несколько лет назад, когда мои двоюродные братья Юстас и Клод без всякого предупреждения запустили ко мне в спальню двадцать три кошки; теперь этот гнет оседлал меня вновь, и как оседлал!

Рассмотрим факты. Я отправился в Лондон, чтобы побороться в тиши со следующими четырьмя проблемами:

1) Как избежать женитьбы на Мадлен Бассет?

2) Как вернуть Л. П. Ранклу супницу прежде, чем вся местная полиция вцепится зубами мне в загривок?

3) Как прародительнице выцарапать у Ранкла деньги?

4) Как Медяку, будучи женихом Флоренс, жениться на Магнолии Гленденнон?

И вот я еду обратно, а проблемы по-прежнему не решены. Целую ночь и целый день я скармливал им сливки вустеровского мозга, но всего-навсего уподобился престарелой родственнице, бьющейся над кроссвордом из «Обсервера».

Приблизившись к цели путешествия, я свернул на подъездную аллею. На ней, примерно на полпути, был крутой правый поворот, и, сбавив перед ним скорость, я вдруг увидел чью-то смутную фигуру; раздался возглас «Эй!», и оказалось, что это Медяк.

Было видно, что он чем-то недоволен. В его кратком возгласе я расслышал какой-то упрек, насколько вообще можно расслышать упрек в кратком возгласе, и, когда он подошел к машине и просунул в окно верхнюю часть туловища, у меня сложилось отчетливое впечатление, что он чем-то раздосадован.

От его слов впечатление укрепилось.

– Берти, гнида ты несусветная, сколько тебя можно ждать? Я не для того дал тебе машину, чтобы ты возвращался в два часа ночи.

– Помилуй, сейчас только полвосьмого.

Он изумился:

– Всего-навсего? А я думал, гораздо больше. Столько всего произошло...

– Что, что произошло?

– Некогда мне рассказывать. Я очень спешу.

Только сейчас я разглядел в его внешности нечто странное, чего поначалу не заметил. Это была сушая мелочь, но я довольно наблюдателен.

– У тебя в волосах яичный желток, – сказал я.

– Само собой, – отозвался он нетерпеливым тоном. – А что, по-твоему, должно быть у меня в волосах? «Шанель» номер пять?

– В тебя кто-то кинул яйцом?

– Там все во всех кидались яйцами. Нет, прошу прощения. Некоторые кидались репой и

картошкой.

– То есть собрание пошло, как говорится, вразнос?

– Не было еще собрания в истории английской политики, которое бы настолько пошло вразнос. Яйца так и свистели в воздухе. От всевозможных овощей света божьего не было видно. Сидкап получил фонарь под глазом. Кто-то пульнул в него картошкой.

Я испытывал двойственные чувства. С одной стороны, мне было жаль, что я пропустил столь впечатляющее политическое мероприятие, с другой стороны, услышать, что Спод получил картофелиной в глаз, было для меня таким же наслаждением, как вонзить зубы в плод редкостного вкуса и аромата. Я ощутил прилив благоговейного почтения к снайперу, достигшему такой меткости. Ведь картофелина – снаряд некруглый и шишковатый, и послать ее точно в цель может лишь подлинный мастер.

– Расскажи подробней, – попросил я, вполне довольный.

– К чертям подробности. Мне срочно надо в Лондон. Завтра мы с утра должны объехать все регистрационные бюро и выбрать самое подходящее.

Это было что-то не похоже на Флоренс, которая, если когда-либо благополучно минует этап помолвки, уж непременно настоит на бракосочетании с епископами, подружками невесты, всеми положенными песнопениями и последующим приемом гостей. Внезапно меня поразила одна мысль, и я чуть не задохнулся. Во всяком случае, послышался звук, похожий на шипение иссякшего сифона для газировки, и источником этого звука был, по-видимому, я.

– «Мы» – это ты и М. Гленденнон? – спросил я.

– Кто же еще?

– Но каким образом?

– Не важно, каким образом.

– Мне очень даже важно. Ты был проблемой номер четыре в моем списке, и я хочу знать, как она разрешилась. Неужели Флоренс объявила тебе амнистию?

– Объявила в недвусмысленных выражениях. Вылезай из машины.

– Но почему?

– Потому что, если ты через две секунды этого не сделаешь, я вышвырну тебя силой.

– Я спрашиваю, почему она объявила тебе амнистию?

– Спроси Дживса, – сказал он и, ухватившись за воротник моего пиджака, вытащил меня из машины, как портовый грузчик – мешок с зерном. Он занял мое место за рулем и миг спустя уже мчался вдаль, спеша свидеться с женщиной, которая, по-видимому, ждала его в условленном месте с сумками и чемоданами.

Он оставил меня в состоянии, которое можно определить словами: смутное, озадаченное, растерянное, недоуменное, заинтригованное. Из его слов я понял следующее: 1) дебаты проходили в обстановке далеко не сердечной; 2) по их завершении Флоренс изменила свои брачные планы; 3) если требуется более подробная информация, ее может предоставить Дживс. Это побольше, конечно, чем заклинатель мог извлечь из глухого аспида, но все же не слишком много. Я чувствовал себя адвокатом – таким, например, как мамаша Мак-Коркадейл, – которому ставит палки в колеса косноязычный свидетель.

Как бы то ни было, он указал на Дживса как на кладезь информации, и поэтому, добравшись до гостиницы и увидев, что она пуста, я немедленно надавил указательным пальцем на кнопку звонка.

На мой зов явился Сеппингс. Мы с детства в приятельских отношениях – с моего

детства, конечно, а не с его, – и, когда мы встречаемся, беседа обычно льется как вода, в основном касаясь погоды и ее воздействия на его люмбаго; однако на сей раз мне было не до праздной болтовни.

– Сеппингс, – сказал я, – мне нужен Дживс. Где он?

– В помещении для слуг, сэр, утешает горничную.

Я подумал, что он имеет в виду служанку, чей звонок к ужину восхитил меня в первый вечер, и при всей неотложности моих дел я счел своим человеческим долгом выразить ей сочувствие, в чем бы ни заключались ее огорчения:

– Она получила плохое известие?

– Нет, сэр, ее ушибло репой.

– Где?

– Под ребрами, сэр.

– Я хотел узнать, где это случилось.

– В ратуше, сэр, ближе к концу дебатов.

Я судорожно вздохнул. Чем дальше, тем ясней мне становилось, что собрание, которое я пропустил, омрачили буйства, мало чем уступающие любым перехлестам Французской революции.

– В меня самого, сэр, едва не угодили помидором. Он прожужжал у меня над ухом.

– Вы меня просто потрясли, Сеппингс. Неудивительно, что вы так бледны и так дрожите. – Он и вправду был как плохо загустевшее бланманже. – Из-за чего поднялась вся эта суматоха?

– Из-за речи мистера Уиншипа, сэр.

Невероятно. Я вполне мог поверить, что любая речь Медяка будет сильно отличаться в худшую сторону от эталона, заданного Демосфеном, если я не перевираю имя этого древнего оратора, но все-таки не мог же он так опростоволоситься, чтобы слушатели принялись швыряться яйцами и овощами; я хотел было продолжить расспросы, но Сеппингс уже двинулся к двери, пообещав, что сообщит мистеру Дживсу о моем желании с ним увидеться. И спустя некоторое время день, если можно так выразиться, явил своего героя.

– Вы хотели меня видеть, сэр? – осведомился он.

– Слабо сказано, Дживс. Я жаждал вас видеть.

– В самом деле, сэр?

– Только что на подъезде к дому меня перехватил Медяк.

– Да, сэр, он дал мне знать, что собирается ждать там вашего возвращения.

– Он сказал мне, что его помолвка с мисс Крэй расторгнута и теперь он жених мисс Гленденнон. А когда я спросил его, как ему удалось так ловко переметнуться, он посоветовал обратиться за разъяснениями к вам.

– Я буду счастлив дать их вам, сэр. Желаете получить полный отчет?

– Вот именно. Не опускайте ни одной подробности, даже малейшей.

Он немного помолчал – вероятно, собирался с мыслями. А затем приступил к рассказу.

– Было совершенно очевидно, – начал он, – что избиратели придают этим дебатам чрезвычайно важное значение. Число собравшихся в ратуше было весьма внушительно. Присутствовали мэр и городской совет, присутствовал весь цвет аристократии Маркет-Снодсбери, равно как и простонародные элементы в матерчатых кепках и свитерах с высоким горлом, которых вообще не следовало пускать в зал.

Но я счел необходимым возразить:

– Не будьте таким снобом, Дживс. Разве можно судить о людях по одежде? Свитер с высоким горлом может стать царственным одеянием, если носить его ради торжества добродетели, и под матерчатой кепкой может биться благородное сердце. Не исключено, что они отличные ребята, если узнать их получше.

– Я предпочел бы их вовсе не знать, сэр. Именно они впоследствии стали кидать яйца, картофель, помидоры и репу.

Тут он был, пожалуй, прав.

– Верно, – согласился я, – у меня это вылетело из головы. Ладно, Дживс, продолжайте.

– В начале собрания прозвучал наш национальный гимн, исполненный учениками и ученицами городской начальной школы.

– Представляю себе, как это было ужасно.

– Тошнотворно, сэр.

– Ну а потом?

– Мэр произнес краткое вступительное слово, в котором представил публике кандидатов, после чего на трибуну поднялась миссис Мак-Коркадейл. На ней был модный жакет из высококачественного репса поверх плиссированного по бокам платья из травчатого марокена с длинными рукавами и воротником, отделанным...

– Опустим это, Дживс.

– Прошу прощения, сэр. Я полагал, что вам нужны все подробности, вплоть до малейших.

– Только когда они... как это говорится?

– Идут к делу, сэр?

– Вот-вот. Панцирь миссис Мак-Коркадейл оставим в покое. Как ее выступление?

– Весьма впечатляющее, несмотря на изрядное число выкриков с места.

– Ну, это не должно было выбить ее из седла.

– И не выбило, сэр. Она показалась мне дамой с необычайно сильным характером.

– Мне тоже.

– Вы с ней встречались, сэр?

– Мы говорили всего несколько минут, но мне хватило с избытком. Ее речь была пространной?

– Да, сэр. Не угодно ли вам будет прочитать основные тезисы? Я записал оба выступления стенографическим способом.

– Как-нибудь потом.

– В любое удобное для вас время, сэр.

– Как ей аплодировали? Горячо? Или так себе?

– Одна сторона зала – чрезвычайно горячо. Симпатии простонародных элементов распределились между ней и мистером Уиншипом почти поровну. Одни заняли правую половину, другие левую – без сомнения, умышленно. Ее сторонники выкрикивали одобрительные возгласы, приверженцы мистера Уиншипа шикали.

– А речь Медяка, конечно, сопровождали шиканьем уже ее люди?

– Без сомнения, так и было бы, если бы не общая направленность его выступления. Его появление на трибуне было воспринято частью публики довольно враждебно, но едва он начал говорить, как враждебность сменилась восторженным одобрением.

– Оппозиции?

– Да, сэр.

– Странно.

– Да, сэр.

– Не могли бы вы пояснить?

– С удовольствием, сэр. Позвольте мне только свериться с моими записями. Так. Вступительные слова мистера Уиншипа звучали следующим образом: «Дамы и господа, перед вами стоит изменившийся человек». Голос из зала: «Вот и славненько». Голос из зала: «Заткнись, паразит». Голос...

– Может, голоса не стоит, Дживс?

– Хорошо, сэр. Мистер Уиншип затем сказал: «Первым делом я хочу обратиться вон к тому джентльмену в свитере с высоким горлом, который неоднократно называл мою соперницу глупой старой каргой. Покорнейше прошу его выйти ко мне на трибуну. Я буду счастлив расшибить его мерзкую башку. Миссис Мак-Коркадейл не глупая, не старая и не карга». Голос... простите, сэр, я позабыл. «Миссис Мак-Коркадейл – не глупая, не старая и не карга, – заявил мистер Уиншип, – она женщина высокого ума и выдающихся способностей. Она вызывает у меня глубочайшее восхищение. Выслушав ее сегодня, я полностью изменил мои политические воззрения. Она обратила меня в свою веру, и я намерен в день выборов отдать за нее свой голос. Всех вас призываю сделать то же самое. Спасибо». И сел на место.

– Не может быть, Дживс!

– Все было именно так, сэр.

– Он действительно это сказал?

– Да, сэр.

– Вот почему его помолвка расстроилась.

– Должен сознаться, что это меня не удивляет, сэр.

Я был поражен. Казалось невероятным, что Медяк, сила которого заключалась более в мышцах, нежели в мозгах, сумел додуматься до такого хитроумного плана, спасавшего его из когтей Флоренс и в то же время не вредившего его репутации *preux chevalier*. Эта уловка характеризовала его как человека необычайно изворотливого, и я стал думать о том, что никогда не знаешь, какие сюрпризы кроются в глубинах человеческой личности, – как вдруг на поверхность пузырьком всплыла очередная моя внезапная догадка.

– Это ведь ваша работа, Дживс?

– Прошу прощения, сэр?

– Это вы недоумили Медяка так поступить?

– Вполне возможно, что на мистера Уиншипа оказали влияние некоторые мои слова, сэр. Он был чрезвычайно удручен своими матримониальными затруднениями и оказал мне честь, обратившись ко мне за советом. Могу допустить, что оброненное мною неосторожное замечание придало его мыслям именно то направление, какое они приняли.

– Проще говоря, он сделал это по вашему наущению.

– Да, сэр.

Я немного помолчал. Хорошо бы он выдумал что-нибудь столь же действенное в отношении меня и М. Бассет, подумалось мне. И еще мне пришло в голову, что случившееся, при всей его благотворности для Медяка, нанесло вред его сторонникам и последователям, равно как и консервативному движению как таковому.

Я сказал об этом вслух:

– Большая неприятность для тех, кто на него ставил.

– Во всякой жизни есть свое ненастье, сэр.

– А может, оно и к лучшему. Впредь будут держать деньги в старом дубовом комодке и перестанут биться об заклад. Этот день может стать поворотным в их жизни. Одно меня печалит – что Бингли теперь обогатится. Такой куш сорвет – только держись.

– Он сказал мне сегодня, что рассчитывает именно на это.

– Вы с ним виделись?

– Он приходил сюда примерно в пять часов, сэр.

– «Неумолим, жесток и злобен»?

– Напротив, сэр, полон дружелюбия. О прошлом и речи не было. Я напоил его чаем, и мы с полчаса поболтали.

– Странно.

– Да, сэр. Я подумал, не было ли у него какой-либо задней мысли?

– Какой, например?

– Должен сознаться, что мне ничего не приходит в голову. Разве что он питал какую-то надежду выманить у меня клубную книгу, но в это с трудом верится. Чем еще могу быть вам полезен, сэр?

– Вам не терпится вернуться к ушибленной горничной?

– Да, сэр. Когда вы позвонили, я как раз собирался испытать на ней целебное действие разбавленного водой бренди.

Я благословил его на это милосердное дело, а сам сел размышлять. Вы, наверно, подумаете, что мои мысли оказались заняты необычным поведением Бингли. Я имею в виду, что, когда слышишь о странных действиях человека с репутацией отъявленного мошенника, естественно сказать: «Так-так» – и задаться вопросом, что за игру он ведет. Возможно, минутку-другую я действительно об этом думал. Но в голове у меня теснилось столь многое, что Бингли вскоре был выброшен на обочину. Если память мне не изменяет, я как раз пытался, и вновь безуспешно, решить проблему № 2, касающуюся возвращения Л. П. Ранклу супницы, когда мои думы были прерваны появлением старой прародительницы.

С одного взгляда на нее мне сделалось ясно, что передо мной тетушка, которая только что отвела душу, как давно не отводила, – и удивляться было нечему. С тех пор как она продала свою еженедельную газету – ту самую, где я поместил заметку «Что значит хорошо одеваться», – она вела довольно тихую жизнь, достаточно приятную, но лишённую волнующих, неординарных событий. Приключение, каким стало для нее присутствие на яично-овощном стрельбище, взбодрило ее не хуже, чем неделя на морском курорте.

Она поздоровалась со мной как нельзя более сердечно. Каждый звук, слетавший с ее губ, источал родственную любовь.

– Привет, чудище, – сказала она. – Вернулся, значит.

– Только-только.

– Твоя отлучка по судебным делам пришлась очень некстати. Ты пропустил такое...

– Знаю, Дживс мне уже рассказал.

– У Медяка окончательно поехала крыша.

Располагая сведениями о закулисной стороне событий, я счел своим долгом оспорить это суждение.

– Крыша у него сидит как никогда крепко, престарелая родственница. Его действия продиктованы самым что ни на есть здравым смыслом. Он хотел развязаться с Флоренс, не говоря ей прямо, чтобы она подыскала себе кого-нибудь другого.

- Не болтай чепухи. Он любит ее.
- Уже нет. Он переключился на Магнолию Гленденнон.
- На эту свою секретаршу?
- Да, именно на эту секретаршу.
- Откуда ты знаешь?
- От него самого.
- Ну и ну! Допекли его все-таки командирские замашки Флоренс.
- Да. Я полагаю, это назревало у него исподволь, Дживс бы сказал – подсознательно.

Знакомство с Магнолией сделало тайное явным.

- Она, кажется, симпатичная девушка.
- Более чем симпатичная, если верить Медяку.
- Я хочу его поздравить.
- Придется подождать. Они укатили в Лондон.
- Спод и Мадлен тоже уехали. Ранкл вот-вот уедет. Прямо как в Средние века – Великое

переселение народов, мы в школе проходили. Что ж, чудесно. Скоро Том сможет без опаски вернуться в родное гнездо. Есть, конечно, еще Флоренс, но, думаю, она тут не засидится. Чаша моя преисполнена, юный мой Берти. Мне очень тяжело без Тома. Когда он тут не околачивается, дом перестает быть домом. Почему ты так на меня пялишься? Прямо палтус на рыбном прилавке.

Я не знал, что имею какое-либо сходство с упомянутой ею рыбой; однако мой взгляд, несомненно, был в ту минуту пытливей, чем обычно, ибо начало ее тирады всколыхнуло мою душу до самых глубин.

– Вы сказали, – не проговорил, а скорее даже выкрикнул я, – что Спод и Мадлен Бассет уехали в Лондон?

- Полчаса назад.
- Вместе?
- Да, в его машине.
- Но Спод сказал мне, что она дала ему отставку.

– Дала, но потом они опять поладили. Он уже не хочет отказываться от титула и баллотироваться в парламент. Из-за фонаря под глазом планы его полностью изменились. Он решил, что если ради избрания в палату общин надо будет пройти через такое испытание, то лучше не рисковать и держаться палаты лордов. А Мадлен, убедившись, что он окончательно взялся за ум и она запросто может сделаться леди Сидкап, перестала воротить от него нос. Ты отдуваешься, как твой дядя Том, когда он слишком быстро поднимается по лестнице. Что с тобой, скажи на милость?

Я, собственно, не отдувался, а просто дышал полной грудью и ничем не напоминал дядю Тома, поднимающегося по лестнице, но, видимо, для тетушки нет большой разницы между племянником, дышащим полной грудью, и племянником отдувающимся, и в любом случае я не был настроен обсуждать эту тему.

- А вы, случайно, не знаете, кто бросил эту картофелину? – спросил я.
- Ту, что угодила в Спода? Не знаю. Она словно из космоса прилетела. А что?
- А то, что если бы я знал, кто этот человек, я бы отправил по его адресу верблюдов с грузом обезьян, слоновой кости и павлинов. Он спас меня от участи, в сравнении с которой смерть – сушая безделица. От бедствия, имя которому – женитьба на Бассет.
- Она что, собиралась за тебя замуж?

– Так утверждал Спод.

В глазах прародительницы я прочел уважение, доходящее до благоговейного ужаса.

– Как ты был прав, – проговорила она, – сказав мне однажды, что твоя счастливая звезда никогда не подводит. Бессчетное число раз мне казалось, что тебе прямая дорога к алтарю и нет надежды на спасение, но всегда что-то такое случалось, и ты ухитрялся выкрутиться. Мистика, да и только.

Было ясно, что она не прочь развить тему. Она начала уже петь дифирамбы моему ангелу-хранителю, который, по ее словам, знал свое дело туго, но тут явился Сеппингс с вопросом, не найдется ли у нее минутки для беседы с Дживсом, и она отправилась с ним беседовать.

Только я уселся с ногами в шезлонг и предался радостным мыслям о поразительном везении, устранившем из моей жизни бассетовскую угрозу, как вдруг в разгаре того, что французы называют *bien-être*^[188], меня словно обухом по голове ударило: вошел Л. П. Ранкл, самый вид которого в тех обстоятельствах «кровь обдал стужей и каждый волос водрузил стоймя, как иглы на взъяренном дикобразе»^[189], выражаясь словами Дживса.

Хоть я совершенно не был рад видеть Ранкла, он, казалось, был очень даже рад видеть меня.

– А, вот вы где, – проговорил он. – А мне сказали, вы дали деру. Что ж, разумно с вашей стороны было вернуться. Какой смысл ударяться в бега? От полиции бегать бесполезно, все равно ведь поймают, вы бы только себе сделали хуже.

С холодным достоинством я сказал, что ездил в Лондон по делу. Он пропустил мои слова мимо ушей. Он пялился на меня, уподобляясь тому самому палтусу, с которым прародительница сравнила меня в нашем последнем разговоре.

– Самое странное, – промолвил он, не переставая рассматривать меня в упор, – что вы не выглядите как преступник. У вас глупое, бессмысленное лицо, но все-таки не уголовная рожа. Вы напоминаете мне кавалеров служанок в опереттах.

Так-так, сказал я себе, уже лучше. Спод сравнил меня с участником массовки. А вот, по мнению Л. П. Ранкла, я все-таки один из главных персонажей. Чем не прогресс?

– В вашем деле это, видимо, хорошее подспорье. Такое лицо внушает людям ложное чувство безопасности. Они не ждут подвоха от человека с вашей внешностью, и вдруг – бац! Кто зонтика недосчитался, кто фотоаппарата. Нет сомнений, что именно этим объясняются ваши успехи. Но вы ведь знаете старую пословицу про кувшин, который повадился ходить по воду. Пришло время расплаты. Пришло время...

Он замолчал, но не потому, что истощил запас своих оскорбительных замечаний, а потому, что к нам подошла Флоренс, и его внимание тут же привлек ее вид. Этот вид был далеко не изысканным. Сразу стало ясно, что в недавней битве она побывала на переднем крае, ибо, если у Медяка яйцом были вымазаны только волосы, она была, так сказать, вся яичная. Она явно угодила там под перекрестный огонь. На политических собраниях из числа более кипучих это всецело вопрос удачи. Один уносит ноги чистеньким, другой превращается в ходячий омлет.

Человек более тактичный, чем Л. П. Ранкл, притворился бы, что ничего не заметил, но ему, похоже, никогда в жизни еще не приходило в голову притвориться, будто он чего-то не заметил.

– Здравствуйте! – сказал он. – А знаете, вы вся в яйце.

Флоренс раздраженно ответила, что она и без него это знает.

– Вы бы переоделись.

– Я собираюсь это сделать. Прошу прощения, мистер Ранкл, я бы хотела побеседовать с мистером Вустером наедине.

По-моему, у Ранкла чуть не сорвалось с языка: «О чем?» – но, встретившись с ней взглядом, он счел за лучшее промолчать. Он вывалился из комнаты, а она приступила к беседе, ради которой пришла.

Лишних слов она не тратила. Никакого «бе-ме», бывшего столь яркой отличительной чертой ораторского стиля Медяка. Даже Демосфен не сумел бы так быстро взять быка за рога – хотя справедливости ради мы должны сделать ему скидку, ведь ему приходилось говорить по-древнегречески.

– Как я рада, что разыскала вас, Берти.

Учтливое «О, правда?» было единственным ответом, какой я мог придумать.

– Я тут размышляла обо всем и наконец решилась. Гарольд Уиншип – ничтожество, я больше не имею с ним ничего общего. Теперь я вижу, какую ошибку я сделала, разорвав помолвку с вами. У вас есть свои недостатки, но их легко исправить. Я намерена выйти за вас замуж и убеждена, что мы будем счастливы.

– Придется малость повременить, – сказал Л. П. Ранкл, вновь представший перед нами. Я только что сказал, что он вывалился из комнаты, но человек подобного сорта никогда не вываливается далеко, если есть надежда подслушать чужой приватный разговор. – Сперва ему придется отсидеть немалый срок в тюрьме.

При его новом появлении Флоренс посуровела. Теперь она посуровела еще больше, выражением лица напомнив мне старую прародительницу, входящую в роль великосветской дамы.

– Мистер Ранкл!

– Я за него.

– Я полагала, что вы ушли.

– Вы ошиблись.

– Как вы смеете подслушивать личные разговоры?

– Только такие разговоры и стоит подслушивать. Немалой частью моего крупного состояния я обязан подслушиванию личных разговоров.

– Что это за чушь насчет тюрьмы?

– Никакая не чушь, и Вустер скоро в этом убедится. Он украл у меня серебряную супницу, ценную вещь, которая обошлась мне в девять тысяч фунтов, и с минуты на минуту я жду человека, который предоставит улики, необходимые для задержания. Дело бесспорное, ясное как божий день.

– Это правда, Берти? – спросила Флоренс прокурорским тоном, который я помнил весьма живо, и я мог ответить только:

– Видите ли... я... мм... как вам сказать...

Но такому прилежному ангелу-хранителю, как мой, этого оказалось достаточно. Флоренс мигом вынесла вердикт.

– Я не пойду за вас замуж, – сказала она и с высоко поднятой головой отправилась чистить перышки от белков и желтков.

– Весьма разумно с ее стороны, – заметил Л. П. Ранкл. – Только так, и никак иначе. Субъект вроде вас, который все время то на воле, то в тюрьме, не в состоянии быть хорошим мужем. Какие, скажите на милость, у жены могут быть планы... какие званные ужины,

поездки на выходные, рождественские развлечения для детей и прочее, и прочее, о чем должна заботиться женщина, когда она живет в неизвестности: того и гляди позвонит телефон, и глава семейства сообщит, что его опять загребли и не выпускают под залог?.. Да? – вдруг сказал Ранкл, и я увидел, что на горизонте возник Сеппингс.

– Вас желает видеть некий мистер Бингли, сэр.

– Да-да, я как раз его поджидаю.

Он убрался, и едва он перестал отравлять атмосферу, как ворвалась старая прародительница.

Под ней словно горел пол – так она была возбуждена. Она тяжело дышала, и ее лицо приобрело симпатичный розовато-лиловый оттенок, как всегда бывает, когда на душе у нее беспокойно.

– Берти! – грохнула она. – Когда ты вчера уезжал, ты не забыл запереть дверь спальни?

– Конечно, не забыл.

– Так вот, Дживс говорит, она сейчас открыта.

– Не может быть.

– И тем не менее. Он считает, что Ранкл или какой-нибудь его приспешник отпер дверь отмычкой. Да не кричи ты так, чтоб тебя.

Я мог бы возразить ей, что от человека, которому вдруг все стало ясно, ничего иного и ждать нельзя, но я был слишком поглощен тем, что мне стало ясно, чтобы отвлекаться на обсуждение характеристик моего голоса. Жуткая правда поразила меня аккуратно меж глаз, как будто она была яйцом или репой, пущенной меткой рукой одного из маркетснодсберийских избирателей.

– Бингли! – воскликнул я.

– И не завывай.

– Да не завываю я, просто я воскликнул или, если хотите, возгласил: «Бингли!» Помните Бингли – субъекта, который стащил клубную книгу, вы еще хотели взять его за жабры, как селедку? Родственница моя престарелая, мы влипли с вами по уши. Бингли – тот самый приспешник Ранкла, о котором вы упомянули. Дживс сказал, что он заходил сегодня на чай. Так чего проще – выпил чашечку, потом прокрался наверх и обшарил мою комнату. Он был в свое время личным слугой Ранкла, и Ранкл, естественно, обратился именно к нему, когда ему понадобился подручный. Да, меня не удивляет, что вы вне себя, – добавил я, ибо она запустила в небо одно из тех ядреных односложных словечек, которые столь часто слетали с ее губ в славные времена псовой охоты. – И я вам еще кое-что скажу, чтобы рассеять ваши последние сомнения, если они еще не рассеялись. Он только что появился опять, и Ранкл пошел с ним совещаться. О чем, по-вашему, они совещаются? Угадайте с трех раз.

Охотничьи общества отлично школят своих дочерей. Она не хлопнулась в обморок, как могла бы другая тетка на ее месте; она всего-навсего повторила это односложное словцо, на сей раз потише, я бы сказал – раздумчиво, как аристократка времен Великой французской революции при известии о том, что телега до места казни подана.

– Кончен бал, – произнесла она именно те слова, какие могла бы вымолвить (естественно, по-французски) упомянутая аристократка. – Мне придется сознаться, что я взяла эту чертову супницу.

– Нет, не надо!

– А что еще мне остается? Не могу же я допустить, чтобы тебя засадили в кутузку.

– Пусть засадят.

– Нет, не пусть. Я знаю, что я не ангел, но...

– Нет, нет.

– Да, да. Мне хорошо известно, что мой духовный облик не идеален, что в нем есть изъяны, которые следовало выправить еще в пансионе для благородных девиц, но допускать, чтобы мой племянник отбывал срок за кражу супницы, которую украла я, – это уж слишком. Этому не бывать.

Я понимал, конечно, к чему она клонит. *Noblesse oblige*^[190] и все такое прочее. Очень похвально. Но у меня был в запасе действенный довод, и я не преминул пустить его в ход.

– Погодите, старая прародительница. В этом деле есть еще одна сторона. Если будет... забыл слово... обнародовано, что я тут сбоку припека, что я чист как стеклышко, то моя помолвка с Флоренс опять вступит в силу.

– Твоя – что, твоя – с кем? – спросила тетушка не вполне грамотно, но я простил это ей. – Ты хочешь сказать, что вы с Флоренс...

– Она сделала мне предложение десять минут назад, и мне пришлось его принять, потому что рыцарь должен вести себя по-рыцарски, но потом, когда встрял этот Ранкл и обрисовал ей невыгоды брака с человеком, которому вскоре предстоит шить мешки для почты в тюрьме Уормвуд-Скрабз, она пошла на попятную.

Родственница была озадачена, словно напоролась на трудный вопрос в кроссворде из «Обсервера».

– Отчего из-за тебя так девицы млеют – понять не могу. То Мадлен Бассет, теперь Флоренс, а сколько еще их было раньше. Магнетический ты какой-то.

– Иных объяснений, пожалуй, не найти, – согласился я. – Так или иначе, дело-то вот в чем. Стоит пустить слух, что на моей репутации нет ни пятнышка, – и прощай надежда. Тут же настропалят епископа, нагонят пасторов и подружек невесты, органист примется репетировать «Глас, прозвучавший над Эдемом», и в понурой фигуре, уныло плетущейся к алтарю, вы узнаете Бертрама Уилберфорса Вустера. Умоляю вас, ближайшая моя родственница, не вмешивайтесь – и пусть свершится правосудие. Если выбирать между пожизненной отсидкой под башмаком у Флоренс и парой-тройкой мешков для почты, давайте мне мешки и еще раз мешки.

Она понимающе кивнула и сказала, что моя мысль ей ясна.

– Еще бы она не была ясна.

– В твоих словах есть резон. – Она призадумалась. – Впрочем, до мешков-то вряд ли дойдет. Я почти с уверенностью могу предсказать ход событий. Ранкл предложит спустить все на тормозах, если я отдам ему Анатоля.

– Боже мой!

– Вот именно, что Боже мой. Ты знаешь, что такое Анатолий для Тома.

Ей не было нужды продолжать. Дядюшка Том сочетает неистовую любовь к пище с чрезвычайно капризной пищеварительной системой, и среди всех поваров мира один лишь Анатолий может нагрузить его под завязку, не рискуя спровоцировать его желудочные соки на бесчинства и беспорядки.

– Но разве Анатолий пойдет к Ранклу?

– Он к любому пойдет, кто хорошо будет платить.

– Никакой, значит, вассальной верности?

– Ровно никакой. У него чисто практический взгляд на вещи. Чего ты хочешь – француз.

– Как же он до сих пор от вас не ушел? У него, наверно, была масса предложений.

– Я всякий раз предлагала ему больше. Если бы это был просто вопрос денег, волноваться было бы нечего.

– Если дядюшка Том вернется и обнаружит блистательное отсутствие Анатоля, это будет ужас, да?

– Даже думать об этом не хочу.

Но думать, увы, пришлось. И ей, и мне. Так мы сидели вдвоем и думали, пока наши размышления не прервал приход Л. П. Ранкла: он ввалился и уставился на нас, выкатив глаза.

Будь он костлявей, я не колеблясь сказал бы, что именно так выглядят вестники рока, но даже и при такой громоздкой комплекции, указывающей на необходимость пройти курс лечебного голодания, он едва не вызвал в моих внутренностях полный переворот, словно кто-то энергично пошуровал в них мутовкой. Он заговорил внушительным тоном. У людей, создающих промышленные империи, голос бывает, по выражению Дживса, полнозвучный. Они развивают голосовые связки, командуя собраниями строптивных акционеров. Начавши словами: «А, вот вы где, миссис Траверс», – он не преминул перейти к сути дела, и рупор его загремел полнозвучней некуда. Сказал он, насколько помню, следующее:

– Я очень хотел вас увидеть, миссис Траверс. В предыдущем разговоре я, как вы помните, со всей убежденностью заявил, что ваш племянник мистер Вустер похитил серебряную супницу, которую я привез с намерением продать вашему супругу, о чьем отсутствии я чрезвычайно сожалею. То, что это не пустое подозрение, теперь полностью подтвердилось. У меня есть свидетель, готовый показать в суде под присягой, что он нашел эту супницу в спальне мистера Вустера в верхнем ящике комода, неумело прикрытую носками и носовыми платками.

На собрании акционеров он бы тут припомнил один забавный случай, про который, возможно, не все из присутствующих слышали, однако в частном разговоре он счел это излишним. И продолжал со всей полнозвучностью:

– Как только я сообщу об этом в полицию и ознакомлю ее с имеющимися в моем распоряжении уликами, арест Вустера последует автоматически и строгий приговор станет неизбежен.

В том, что он говорил, приятного было крайне мало, но приходилось признать, что он осветил суть дела, как заправский прожектор. «Готовьте камеру, тюремщики, – сказал я себе. – Скоро вы меня увидите».

– Таково положение вещей. Но я человек не мстительный и готов использовать любую возможность, чтобы не причинить неприятностей хозяйке, приложившей немалые старания к тому, чтобы сделать мое пребывание здесь приятным.

На этом месте он облизнулся, и у меня не было сомнений в том, что он вспомнил вкус одного из коронных блюд Анатоля. И как раз на Анатоля он теперь и переключился.

– Находясь здесь на правах вашего гостя, я не мог не восхититься мастерством и талантом вашего повара. Я готов не выдвигать обвинений против мистера Вустера, если вы позволите этому даровитому человеку от вас перейти на службу ко мне.

Прародительница огласила комнату фырканьем – одним из роскошнейших его образчиков. Можно, пожалуй, сказать – полнозвучным фырканьем. Пустив ему вдогонку междометие «Ха!», она повернулась ко мне и сделала рукой размашистый жест.

– Я же тебе говорила, Берти! Ведь права я была! Я же говорила, что этот плод

внебрачного сожительства примется меня шантажировать!

С такой жировой прослойкой Л. П. Ранклу, конечно, трудно было окаменеть от этого оскорбления, и все же, насколько смог, он окаменел. Словно кто-то из акционеров на собрании высказался нежелательным образом.

– Шантажировать?

– Да, вы верно расслышали.

– Это не шантаж. Ничего подобного.

– Он совершенно прав, мадам, – сказал Дживс, явившись словно бы ниоткуда. Я готов поклясться, что полсекунды назад его еще тут не было. – Шантаж – это вымогательство денег. А мистер Ранкл вымогает всего-навсего повара.

– Вот именно. Это чисто деловая операция, – сказал Ранкл, который явно счел Дживса арбитром не хуже Соломона.

– Дело обстояло бы совсем иначе, – продолжал Дживс, – если бы кто-нибудь захотел получить с него деньги, угрожая предать гласности тот факт, что в Америке он отбыл тюремное заключение за подкуп присяжного в судебной тяжбе, которую он вел.

У Л. П. Ранкла вырвался крик – такой же примерно, как у кота Гаса, когда на него упал пакет с кошачьей едой. Он пошатнулся, и его лицо, наверно, сделалось бы бледным как полотно, не будь его кровяное давление таким, что лицу надо было бы приложить сверхусилия, чтобы сделаться бледным как полотно. Максимум, чего оно смогло достичь, – это стать, как сказала бы Флоренс, землистым.

Прародительница, напротив, ожила, как цветик под влагой из лейки. Не то чтобы она была очень уж похожа на цветик, но вы меня понимаете.

– Что?! – воскликнула она.

– Да, мадам, все эти подробности содержатся в клубной книге. Бингли обрисовал их вполне исчерпывающе. В то время он придерживался крайне левых взглядов и, мне думается, получил немалое удовлетворение, заносая на бумагу сведения, порочащие такого богача, как мистер Ранкл. С таким же смаком он пишет о том, как мистер Ранкл, имея все основания опасаться нового срока (на сей раз за мошенничество с недвижимостью), махнул рукой на деньги, которые он внес как залог своей явки в суд, и выехал из страны.

– Бежал от правосудия?

– Совершенно верно. Наклеил фальшивую бороду и пересек канадскую границу.

Прародительница испустила глубочайший вздох. Если ее глаза в тот миг не были похожи на две звезды, то я уж и не знаю, что на них похоже. Не будь ее последние танцевальные опыты достоянием столь давнего прошлого, она, наверно, прошла бы по комнате в заливчатской чечетке. Ее нижние конечности дергались так, словно ей стоило больших усилий усидеть на месте.

– Так, – сказала она. – Интересная будет новость для тех, кто заведует рыцарскими титулами. «Ранкл оказался рецидивистом? – спросят они. – Хороши бы мы были, если бы присвоили ему титул. Ребята из оппозиции штаны бы с нас спустили». Вчера мы обсуждали с вами, Ранкл, вопрос о деньгах, которые вы давным-давно должны были отдать Таппи Глоссопу. Пройдемте ко мне в будуар и покалякаем об этом еще разок.

На следующий день с раннего утра стояла ясная погода – точнее говоря, можно предположить, что она стояла с раннего утра, ибо я проснулся много позже. Когда я наконец продрал глаза, солнце сияло вовсю, природа ласково улыбалась, и Дживс был тут как тут с завтраком на подносе. Кот Гас, который почивал поблизости на кресле, пошевелился, открыл один глаз и совершил дальний прыжок из положения сидя прямо ко мне на кровать, не желая, видимо, оставаться в стороне от событий.

– Доброе утро, Дживс.

– Доброе утро, сэр.

– Погода как будто ничего.

– На редкость теплая, сэр.

– Улитка в поднебесье, синичка на листе – или наоборот? [\[191\]](#) Не помню точно, как вы говорите в подобных случаях. Судя по запаху, вы принесли селедку.

– Да, сэр.

– Выделите Гасу его долю. Селедку он предпочитает есть из мыльницы, а блюдец лучше оставить для молока.

– Слушаюсь, сэр.

Усевшись в кровати, я утопил спину в подушках. Я ощущал глубочайшую умиротворенность.

– Дживс, – сказал я, – я ощущаю глубочайшую умиротворенность. Помните, я сказал вам несколько дней назад, что у меня острый приступ эйфории?

– Да, сэр. Ваши слова вспоминаются мне очень ясно. Вы сказали, что вы на седьмом небе и радуга висит у вас через плечо.

– Нынешним утром дело обстоит сходным образом. Мне кажется, вчера вечером все вышло как нельзя лучше. А вам?

– Да, сэр.

– Вашими усилиями.

– Мне очень приятно слышать это от вас, сэр.

– Надо полагать, прародительница достигла удовлетворительного соглашения с Ранклом?

– В высшей степени удовлетворительного, сэр. Мадам только что известила меня, что мистер Ранкл был чрезвычайно сговорчив.

– И Таппи с Анджелой могут пойти, как говорится, под венец?

– Как я понял со слов мадам, они сделают это очень скоро.

– А Медяк и Магнолия Гленденнон, может быть, в эту самую минуту заключают брак в регистрационном бюро.

– Может быть, сэр.

– А Споду засветили в глаз картошкой, и, надеюсь, больно засветили. Короче говоря, со всех сторон сквозь тернии продираются счастливые концовки. Жаль только, Бингли здравствует, как что-то там вечнозеленое, но нельзя требовать от жизни всего.

– Нельзя, сэр. *Medio de fonte leporum surgit amari aliquid in ipsis floribus angat.*

– Не могу сказать, что хорошо понял вас, Дживс.

– Я процитировал римского поэта Лукреция, сэр. Примерный перевод таков: «Из

глубины этого источника радости вздымается горечь и душит ее даже среди цветов».

– Кто, вы говорите, это написал?

– Лукреций, сэра. Годы жизни с 99 по 55 до нашей эры.

– Угрюмый субъект.

– Его взгляд на мир был несколько мрачноват, сэра.

– И все же, если отвлечься от Бингли, можно сказать, что радость владычествуется безраздельно.

– Очень колоритно сказано, сэра.

– Я это не сам придумал. Прочел где-то. Да, я считаю, мы можем утверждать, что все на свете более или менее ладненько. За одним исключением, Дживс, – сказал я более серьезным тоном, подкладывая Гасу селедки. – В бочке меда имеется ложка дегтя. Это расхожее выражение означает... не знаю точно, что оно означает. Видимо, имеется в виду ситуация, не внушающая особого оптимизма; но чем именно, позвольте спросить, мешает нам эта ложка дегтя? Какой от нее вред? И что такое вообще деготь? Однако вы, конечно, понимаете, к чему я клоню. Клубная книга по-прежнему существует. И это рождает тревогу, которая умеряет мой восторг. Мы видели, что она до отказа начинена взрывчаткой, и нам известно, как легко она может попасть в руки темных сил. Кто может поручиться, что какой-нибудь новый Бингли не выкрадет ее из кабинета секретаря? Я понимаю, что сжечь эту проклятую летопись вы не согласитесь, но не могли бы вы хотя бы уничтожить восемнадцать страниц, на которых фигурирую я?

– Я уже сделал это, сэра.

Я дернулся, как форель за мушкой, – к большому неудовольствию Гаса, который улегся спать на моем солнечном сплетении. Я почти лишился дара речи, но спустя некоторое время все же сумел вымолвить три слова:

– Тысяча благодарностей, Дживс.

– К вашим услугам, сэра.

Шэлем Гринвел Вудхауз

Тетки – не джентельмены

Я пел в ванне, помнится, это была ария тореадора из оперы «Кармен», и вдруг смотрю, у меня на груди пятнышки, такие розовые, как первый проблеск зари. Я разглядывал их с беспокойством, хотя вообще-то я не из тех, кто поднимает панику по пустякам, но я решительно не согласен быть пятнистым, наподобие пардуса, как выражается Дживс, а пардус – это, кажется, такая собака на букву «л».

– Дживс,- сказал я за завтраком,- у меня на груди появились пятнышки.

– Вот как, сэр?

– Розовые.

– В самом деле, сэр?

– Мне они не нравятся.

– Вполне понятная неприязнь, сэр. Позвольте спросить, они зудят?

– Вроде бы да.

– Я бы не рекомендовал их чесать.

– Тут я не согласен. Против пятнышек надо применять решительные меры. Вспомните, что сказал поэт.

– Сэр?

– Поэт Огден Нэш. Он написал стихи в защиту привычки чесаться. Кто такая Барбара Фритчи, Дживс?

– Это леди, сэр, которая стяжала себе известность во время войны между Севером и Югом в Америке.

– Женщина с сильным характером? И ей можно полностью доверять?

– Насколько мне известно, да, сэр.

– Так вот что написал поэт Нэш. «Барбару Фритчи воспеть я готов – любила старушка в бою потешиться: со знаменем шла на врагов и не боялась чесать, где чешется». Но я не ограничусь чесанием. Я обращаюсь к услугам опытного медицинского специалиста.

– Весьма благоразумное решение, сэр.

Трудность заключалась в том, что, если не считать кори, перенесенной в младенчестве, я никогда ничем не болел и знакомых врачей у меня не было. Но тут я вспомнил, что мой американский приятель, Типтон Плимсол, с которым мы обедали накануне вечером по случаю его помолвки с Вероникой, единственной дочерью полковника и леди Гермион Ведж из замка Бландингс, что в Шропшире, упомянул как-то в разговоре одного врача, который ему здорово помог. Я решил позвонить Типтону и узнать фамилию и адрес.

Типтон долго не брал трубку, а когда наконец ответил, то принялся возмущаться, что его разбудили ни свет ни заря. Но потом, когда он излил мне душу, я переменял тему и, в свою очередь, тоже излил ему душу, и тут он проявил участие и с готовностью сообщил мне необходимые сведения. Все разузнав, я вернулся к Дживсу.

– Я поговорил с мистером Плимсолом, Дживс, и теперь все ясно. Он настоятельно рекомендует, не теряя времени, обратиться к медику Э. Джимпсону Мергэтройду. По его словам, если мне требуется врач-весельчак, который, тыча в ребра стетоскопом, расскажет сначала анекдот о двух ирландцах по имени Пэт и Майк, а потом о двух шотландцах по имени Майк и Сэнди, то в таком случае Э. Джимпсон мне не подходит. Если же я ищу врача, который знает, как лечить пятнышки, то, бесспорно, именно он мне и нужен, он их изучил

вдоль и поперек и лечит их с детских лет. С Типтоном, оказывается, недавно приключилась такая же беда, и Мергэтройд в два счета вернул его к жизни. Так что пока я переодеваюсь в более импозантные одежды, пожалуйста, свяжитесь с ним и узнайте, когда он сможет меня принять.

Едва я скинул свитер и фланелевые брюки, в которых завтракал, как Дживс сообщил мне, что Э. Джимпсон ждет меня в одиннадцать. Я поблагодарил его и попросил позвонить в гараж, чтобы мне подогнали машину без четверти одиннадцать.

– Немного раньше, сэра, если мне позволительно предложить,- сказал Дживс.- По причине пробок на дороге. Не лучше ли взять такси?

– Нет, и вот почему. Я намерен после визита к врачу съездить в Брайтон и поглотить морского воздуха. Вряд ли заторы будут хуже, чем обычно.

– Боюсь, что хуже, сэра. Сегодня утром проводится демонстрация протеста.

– Как, опять? Ей-богу, такое впечатление, что их устраивают теперь каждый час, правда?

– Безусловно, сэра, редкими их не назовешь.

– Не знаете, против чего протестуют сегодня?

– Затрудняюсь ответить, сэра. Может быть против чего угодно. Народ недоверчив и склонен роптать, и, как повелось, вечно власть проклинять.

– Поэт Нэш?

– Нет, сэра, поэт Геррик.

– Звучит довольно язвительно.

– Да, сэра.

– Интересно, чем его так допекли. Наверное, оштрафовали на пять фунтов за то, что не прочистил трубу у себя на крыше.

– Я не располагаю сведениями на этот счет, сэра. Спустя несколько минут я уже сидел в своем спортивном автомобиле, направляясь на условленную встречу с Э. Джимпсоном Мергэтройдом, и на душе у меня было до странности легко и весело для человека, у которого на груди высыпали пятнышки. Утро было великолепным, я быстро катил вперед. Еще немного, и кажется, запел бы от избытка чувств. Но вскоре мой автомобиль поравнялся с толпой демонстрантов и застрял. Я откинулся на спинку сиденья и стал благодушно наблюдать за происходящим.

Не знаю, против чего именно публика протестовала, но явно против чего-то, что ее сильно задевало за живое. К тому времени, когда я оказался среди демонстрантов, многие из них уже решили перейти от зверских воплей к языку бутылок и камней, и полицейским, которые там присутствовали в изрядном количестве, это, похоже, не особенно нравилось. Вот уж кому не позавидуешь в подобных ситуациях, так это полицейскому. Каждый, у кого есть бутылка, может преспокойно запустить ею в него, но только попробуй он швырнуть ее обратно, и назавтра же все газеты поднимут вой про зверства полиции.

Однако терпение даже самого кроткого полицейского не безгранично, и мне показалось, - а я в таких делах имею опыт, - что еще мгновение, и глубины ада содрогнутся. Хоть бы никто не поцарапал мне машину.

Смотрю, оказывается, к моему удивлению, во главе демонстрантов идет девушка, с которой я знаком. Я даже когда-то делал ей предложение. Ее звали Ванесса Кук, мы познакомились на вечеринке с коктейлями, и она была так ослепительно прекрасна, что не прошло и двух минут после того, как я принес ей martini и порцию маленьких сосисок на шпажках, как я уже сказал себе: «Смотри, Бертрам, дело стоящее. Вперед!» И по истечении положенного срока я предложил ей слияние фирм. Однако я был не в ее вкусе, и ничего из этого не вышло.

Естественно, в то время сердце Вустера было разбито, но теперь, оглядываясь в прошлое, я вижу, что мой ангел-хранитель знал, что делал: он заботился о моем благе. Ослепительная красота – это, конечно, замечательно, но не в ней одной суть. Представляете, какая семейная жизнь ждала бы меня с этой юной красавицей? Она бы с утра до вечера ходила на демонстрации, а я должен был бы ее сопровождать и бросать бутылки в полицейских. Странно подумать, во что бы я влип, будь я хоть немножко привлекательнее. Этот случай послужил мне хорошим уроком: никогда не теряй веру в своего ангела-хранителя, поскольку они, эти самые ангелы-хранители, совсем не дураки. Рядом с Ванессой Кук топал здоровенный верзила без шляпы, и он тоже оказался мне знаком. Это был О.Дж. (Ор-ло) Портер. В Оксфорде мы жили на одной лестнице, здоровались, встречаясь в подъезде, да иногда одалживали друг у друга чашку сахара, только и всего. Нас никогда не связывала дружба, поскольку Орло был заметной фигурой в профсоюзе, где, по слухам, выступал с пламенными, очень крайне левыми речами, а я отношусь к тому типу людей, которым нравится просто жить в свое удовольствие.

И отдыхали мы тоже по-разному: Орло уединялся с биноклем и наблюдал птичьи повадки, а меня подобное занятие совершенно не увлекало. Не понимаю, какой в нем толк? Встретив птицу, я дружески машу ей рукой в знак того, что не желаю ей худого, но прятаться в кустах и подглядывать за птицами – это увольте. Так что, повторяю, Орло Портер не входил в число моих приятелей. Атак-то мы ладили и порой встречались даже и по окончании университета.

В Оксфорде Орло Портеру предсказывали бурное политическое будущее, но до сих пор оно еще не состоялось, и пока что он служил в Страховой компании Лондона и близлежащих графств, зарабатывая на хлеб насущный тем, что уговаривал несчастных простаков- и меня в том числе- выложить за страховку более значительную сумму, чем входило в их намерение. Из оратора, насобачившегося произносить пламенные, очень крайне левые речи,

естественно, получается отличный страховой агент – он всегда найдет *mot juste* [Точное слово (франц.)], и словарь у него богатый. Вот и я, как говорится, оказался жертвой его красноречия.

Швыряние бутылками достигло наивысшего накала, я уже не на шутку опасался царапин на боках моего авто, как вдруг случилось нечто, изменившее направление моих мыслей. Дверца автомобиля отворилась, и то, что в газетах называют упитанным мужским телом, плюхнулось на сиденье рядом со мной. Не скрою, я испытал некоторый испуг: мы, Вустеры, не привыкли к такого рода происшествиям прямо после завтрака. Я уже открыл было рот спросить, чему обязан честью этого визита, но тут узнал в моем госте Орло Портера собственной персоной. Оказалось, что после того, как передовые части демонстрантов прошли, он что-то такое сказал или сделал, на что лондонские полицейские уже никак не смогли закрыть глаза, и ему ничего не оставалось, как уносить ноги. Он был похож на загнанную лань, которая страстно желает к прохладным потокам [*...лань, которая страстно желает к прохладным потокам.* - Псалом 41, ст. 2 «Как лань желает к потокам воды».]

Прохладных потоков посреди большого города, конечно, не найти, но у меня имелось кое-что для поднятия его боевого духа. Я указал ему на шарф клуба «Трутней», лежавший на сиденье, и при этом же протянул свою шляпу. Он задрапировался, и это оказалось как раз кстати: к нам заглянули полицейские, но они искали человека без шляпы, а на голове Орло со всей очевидностью красовалась шляпа, и полицейские прошли мимо. Правда, я остался без шляпы, но одного взгляда на меня было достаточно, чтобы понять, что такой блестящий щеголь никак не может быть тем подозрительным лицом, которого они ищут. А через несколько минут и толпа рассеялась.

– Жми, Вустер,- скомандовал Орло.- Поторапливайся, черт тебя подери.

В его голосе звучало раздражение. Я вспомнил, что он всегда был раздражительным, и можно его понять: человек собирался будоражить Палату Общин пламенными речами, а вместо этого приходится влачить существование под именем Орло, да еще торговать на вынос страховыми полисами. Так что я не стал затаивать на него обиду, если я правильно выражаюсь, а сделал поправку на его душевное состояние и нажал на газ. Орло сказал «У-уф» и вытер пот со лба.

Я не знал, как мне себя вести. Орло все еще отдувался, будто загнанная лань, но некоторые, когда дышат, будто лани, любят сразу же выложить, в чем дело, а другие, наоборот, тактично помалкивают. Я решил рискнуть:

– Небольшое затруднение? – спросил я.

– Да.

– Бывает, когда участвуешь в демонстрациях. Что случилось?

– Я врезал полицейскому.

Теперь понятно, почему он немного взволнован. Врезать полицейскому если и можно, то осторожно, и чем реже, тем лучше. Я стал допытываться дальше:

– Была какая-то особая причина? Или просто так вдруг взбрело в голову?

Орло слегка заскрежетал зубами. Он рыжий, а мой опыт общения с рыжими подсказывает, что в острые моменты у них всегда подскакивает кровяное давление. Вспомните, как обошлась с Марией Шотландской рыжая Елизавета Первая.

– Он попытался арестовать женщину, которую я люблю.

Тут я его тоже понимаю. Я мог бы назвать немало женщин, которых я любил, правда, не подолгу, но если бы у меня на глазах какую-нибудь из них сцапала полиция, мне бы это было

крайне неприятно.

– А что она натворила?

– Она вместе со мной шла во главе демонстрации и громко кричала, что естественно для девушки с горячим нравом, если разволнуют ее благородные чувства. Полицейский велел ей замолчать. Она ему ответила, что живет в свободной стране и имеет право кричать, сколько хочет. Он сказал, что она не имеет права кричать то, что она кричит. Она обозвала его казаком и ударила. Тогда он ее арестовал, и я ему врезал.

Мне стало мучительно жаль побитого полицейского. Как я уже говорил, Орло – парень в теле, да и Ванесса – девица рослая и крепкая, даст поддых – не поздоровится. Полицейский, пострадавший от этой парочки, с полным основанием мог считаться раненым в сражении.

Однако сейчас другое занимало мои мысли. Слова «она вместе со мной шла во главе демонстрации» заставили меня вздрогнуть. В сочетании с предыдущей фразой «женщина, которую я люблю», они могли означать лишь одно.

– Боже Праведный,- произнес я,- Ванесса Кук и есть та женщина, которую ты любишь?

– Да, это она.

– Славная девушка,- кивнул я, поскольку немного лести никогда не повредит.- И по части ослепительной красоты входит в первую десятку.

Я сразу же понял, что перестарался с похвалой, и горько раскаялся. Мои слова подействовали на Орло самым прискорбным образом. Глаза его выпучились и засверкали, словно он вот-вот разразится пламенной, очень крайне левой речью.

– Ты ее знаешь? – спросил он низким сдавленным голосом, похожим на хрип бульдога, у которого застрял в горле полупроглоченный кус мяса.

Я понял, что надо соблюдать осторожность, так как, судя по всему, в душе у Орло зашевелилось, как говорит Дживс, зеленоглазое чудовище, которое потешается над своей жертвой^[...чудовище, которое потешается над своей жертвой.- Аллюзия на слова Яго из трагедии У. Шекспира «Отелло».]. А когда в дело вступает зеленоглазое чудовище, можно ждать чего угодно.

– Немного,- ответил я,- совсем немного. Мимолетное знакомство на каком-то приеме.

– И это все?

– Все.

– Между вами не было, как бы это выразиться, в некто-Ром смысле, близости?

– Нет-нет. Обычное шапочное знакомство, обмен любезностями, «доброе утро- доброе утро- великолепное утро- не правда ли», если случайно встречались на улице.

– И ничего больше?

– Ничегошеньки.

Я нашел нужные слова. Злоба в нем утихла, и голос, когда он опять заговорил, уже не напоминал о бульдоге, который давится филейным куском.

– Ты назвал ее славной девушкой. И в точности выразил мою мысль.

– Надо думать, она тебя тоже высоко ценит?

– Совершенно верно.

– Вы, должно быть, помолвлены?

– Да.

– Поздравляю.

– Но мы не можем пожениться из-за ее отца.

– Возражает?

– И слышать не хочет.

– Но в наше просвещенное время согласие отца вовсе не требуется.

Его лицо исказила гримаса боли, и он весь перекосялся, как лопасти электрического вентилятора. По всей видимости, мои слова причинили ему боль.

– Требуется, если ее отец – одновременно твой опекун, которому доверены твои деньги, а сам ты зарабатываешь недостаточно, чтобы содержать жену. Наследства, оставленного мне дядей Джо, хватит хоть на двадцать жен. Он был компаньоном отца Ванессы в каком-то большом деле, связанном с продовольственными поставками. Но я не могу распорядиться наследством, потому что дядя назначил старика Кука моим опекуном, и Кук не желает отдавать деньги.

– Почему?

– Не одобряет моих политических взглядов. Говорит, что не намерен поддерживать проклятых коммунистов.

Честно говоря, при этих словах я взглянул на него с опаской. Я никогда до сих пор не задумывался о том, что он на самом деле собой представляет, и от этой его обмолвки меня всего передернуло, потому что я коммунистов не жалую.

Однако Орло был сейчас, в некотором смысле, мой гость, и я ограничился замечанием, что мол, как это все, должно быть, неприятно, а он сказал: «Еще как неприятно» – и добавил, что Кука спасают только его седины, иначе он давно бы получил в глаз. Выходит, подумал я, в седых волосах есть свои преимущества.

– Мало того, что ему не нравятся мои политические взгляды, он еще считает, что я и Ванессу сбил с толку. Он узнал что она ходит на демонстрации, и виноват у него оказываюсь я. Не будь меня, говорит, ей бы такое в голову не пришло, и если она засветится и ее имя попадет в газеты, он ее отправит в их загородный дом, и она у него будет там сидеть безвылазно как миленькая. У него в деревне большой дом и конюшня со скаковыми лошадьми – окружил себя роскошью, эксплуататор вдов и сирот.

Я мог бы ему возразить, что продавать беднякам мясные консервы и картофельные чипсы по более низкой цене, чем другие торговцы, не значит эксплуатировать, но, как я уже сказал, он был моим гостем, и я счел за благо промолчать. В голове у меня мелькнула мысль, что Ванессе Кук теперь уже недолго оставаться в Лондоне, раз она взяла привычку бить полицейских, но с Орло Портером я не поделился – зачем сыпать соль на раны?

– Ладно, хватит об этом,- сказал он, ставя решительную точку.- Можешь высадить меня, где тебе сподручнее. Спасибо, что подвез.

– Не стоит благодарности.

– Куда направляешься?

– На Харли-стрит^[Харли-стрит – улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей.], к доктору. У меня на груди пятнышки. Это мое признание оказало на него неожиданное действие. На лице его появилось возбужденное, настырное выражение торгаша. Орло Портер – влюбленный уступил место Орло Портеру – предприимчивому служащему Страховой компании Лондона и близлежащих графств.

– Пятнышки? – алчно переспросил он.

– Розовые,- уточнил я.

– Розовые пятнышки,- повторил он.- С этим не шутят. Тебе следует застраховаться у меня.

Я напомнил ему, что уже сделал это. Орло закивал.

– Да, да, да, но то была страховка от несчастных случаях. А теперь тебе нужно застраховать жизнь, и на твое счастье,- проговорил он, вынимая из кармана лист бумаги, точно фокусник, достающий из шляпы кролика,- у меня есть при себе такой полис. Подписывайся вот здесь, Вустер,- приказал он, подавая мне авторучку.

И такова была сила его магнетизма, что я послушно подписался там, где он указал.

Орло выразил одобрение.

– Ты поступил мудро, Вустер. Что бы ни сказал тебе доктор после осмотра, сколько бы тебе ни осталось жить на свете, можешь утешаться мыслью, что твоя вдова и малые детки обеспечены. Высади меня здесь, Вустер.

Я высадил его и поехал на Харли-стрит.

Хотя демонстрация и задержала меня, все же я приехал несколько раньше назначенного часа, и мне сказали, что целитель пока еще занят с другим джентльменом. Я сел и начал рассеянно листать декабрьский номер «Иллюстрейтед Лондон Ньюс» за прошлый год, как вдруг дверь из берлоги Э. Джимпсона Мергэтройда распахнулась, и на пороге возник немолодой господин с характерным лицом строителя империи, квадратным и загорелым, выдающим любителя сидеть на солнце без зонтика. Завидев меня, он на мгновение замешкался, а затем произнес: «Привет», - и представьте себе мое состояние, когда я узнал в нем майора Планка, путешественника и футбольного болельщика, с которым виделся последний раз в его доме в Глостершире, когда он обвинил меня в том, что я якобы хотел обмануть его на пять фунтов. Само собой, обвинение было безосновательное, я чист, как свежесвыпавший снег, если не чище, но тогда дело приняло довольно скверный оборот, и похоже было, что и на сей раз мне не миновать неприятностей. Я замер, ожидая разоблачения и пытаясь представить себе возможные последствия, но, к моему изумлению, майор Планк заговорил со мной в самом благодушном тоне, словно со старинным приятелем.

– Мы с вами встречались. У меня отличная память на лица. Вас ведь зовут Алэн, или Алленби, или Александер, или как-то в этом роде?

– Вустер,- уточнил я, с облегчением переводя дух, поскольку воображение уже нарисовало мне ужасную сцену.

Он прищелкнул языком.

– Я готов был поклясться, что ваше имя начинается на «Ал». Это все малярия. Подхватил ее в Экваториальной Африке, и теперь у меня провалы в памяти. Так вы, значит, изменили имя? Вас преследуют тайные враги?

– У меня нет тайных врагов.

– Обычно имя меняют по этой причине. Мне самому пришлось взять себе другое имя, когда я застрелил вождя племени мгомби. Разумеется, речь шла о самообороне, но это ничего не меняло для его вдов и оставшихся в живых родственников, они устроили на меня настоящую охоту. Попадись я им в лапы, меня бы зажарили живьем на медленном огне. Но я обвел их вокруг пальца. Они старались выследить человека, которого звали Планк, и не догадывались, что некто по имени Джордж Бернанд Шоу и есть тот самый парень, который им нужен. В тех краях соображают туго. Итак, Вустер, как вы поживали со времени нашей последней встречи? Весело проводили время?

– Прекрасно, благодарю вас, только вот на груди появились какие-то пятнышки.

– Пятнышки? Скверно. Сколько их?

Я честно признался, что не подсчитывал, но на взгляд вполне достаточно. Он мрачно покачал головой.

– Вероятно, бубонная чума, а может быть, спру или шистосомоз. У одного моего носильщика-туземца появились пятнышки на груди, так мы его закопали еще до захода солнца. Пришлось. Хилые создания, эти туземные носильщики, хотя по виду не скажешь. Подцепляют, что ни попадя, любую заразу- спру, бубонную чуму, шистосомоз, тропическую лихорадку, насморк- всего неперечислить. Что ж, Вустер, приятно было повидаться. Я бы пригласил вас вместе отобедать, да тороплюсь на поезд. Уезжаю в деревню.

С этими словами он удалился, посеяв в моей душе некоторое смятение. Бертрам Вустер, как всем известно, не робкого десятка, и его не так-то просто запугать. Но эти разговоры о туземцах-носильщиках, которых пришлось закопать еще до захода солнца, нагнали на меня страху. И первый взгляд на мистера Э. Джимпсона Мергэтройда не помог мне вновь обрести утраченное душевное спокойствие. Типтон предупредил меня, что доктор похож на старого угрюмого мизантропа, и таким он и оказался,- старым угрюмым мизантропом. У него были мрачные задумчивые глаза и длинная борода, и вообще он походил на лягушку, которая всегда, начиная еще с головастика, видела одни только темные стороны жизни. Я совсем пал духом.

Однако, как часто бывает, когда узнаешь человека поближе, понимаешь, что внешность обманчива, и доктор оказался не таким уж безнадежным пессимистом. Сначала он поставил меня на весы, потом перетянул мне бицепс какой-то резиновой штукой, проверил пульс, простучал меня всего с головы до пят, точно бородатый дятел, и после всех этих манипуляций он явно повеселел, и из него полились слова ободрения, как имбирное пиво из бутылки.

– Полагаю, у вас нет оснований для беспокойства,- заключил он.

– Вы так считаете? – воспрял я духом.- Значит, это не спру и не шистосомоз?

– Разумеется, нет. С чего вы взяли?

– Мне сказал майор Планк. Он был здесь передо мной.

– Никогда не слушайте, что вам говорят люди, особенно такие, как Планк. Мы вместе учились в школе. Его звали Придурок Планк. Нет, пятнышки не заслуживают равным счетом никакого внимания. Через день-другой они пройдут.

– Это большое облегчение,- обрадовался я, и он выразил удовлетворение, что успокоил меня.

– Однако...- продолжил доктор.

И уже владевшая мной *joi de vivre* [адость жизни (франц.)] слегка померкла.

– Однако, что?

Теперь он стал похож на кого-то из малых пророков, который собрался бичевать грехи своего народа, в основном из-за бороды, но из-за бровей тоже. Я забыл сказать, что у него еще были косматые брови. Мне стало ясно, что сейчас я услышу плохие новости.

– Мистер Вустер,- начал доктор,- вы типичный представитель столичной золотой молодежи.

– О, благодарю вас,- откликнулся я, его слова прозвучали как комплимент, а на вежливость всегда приятно ответить взаимностью.

– И как все молодые люди вашего типа, вы пренебрегаете своим здоровьем. Слишком много пьете.

– Только по важным поводам. Вчера, например, мы с приятелем справляли счастливый конец, увенчавший его юные грезы любви. И, возможно, я немного перебрал, но это случается редко. Меня так и зовут: Вустер – Одно Мартини.

Мергэтройд оставил без внимания мою мужскую откровенность и продолжал:

– Вы слишком много курите. Очень поздно ложитесь спать. Мало двигаетесь. В вашем возрасте вам следует играть в регби в команде выпускников вашей школы.

– Я учился не в Регби.

– А где?

– В Итоне.

– А-а,- произнес он пренебрежительным тоном.- Короче говоря, вот какова картина вашего здоровья. И вот как вы его подрываете всеми возможными способами. В любой момент может наступить полный коллапс.

– В любой момент? – содрогнулся я.

– В любой. Если только...

– Если только? – Вот это уже другой разговор.

– Если только вы не оставите тот нездоровый образ жизни, который ведете в Лондоне. Поезжайте в деревню, на свежий воздух. Ложитесь рано спать. И много двигайтесь. В противном случае я не ручаюсь за последствия.

Он меня здорово напугал. Когда врач, пусть даже и с бородой, говорит вам, что не ручается за последствия, это уже серьезно. Но я не поддался панике, поскольку прикинул, как последовать его совету, не подвергая себя мукам. Таков он, Бертрам Вустер. На ходу соображает.

– А если я поеду к своей тетушке в Вустершир? – спросил я.- Это благотворно скажется на моем здоровье?

Мергэтройд задумался, почесывая нос стетоскопом. Во время нашей беседы он то и дело чесал нос стетоскопом – видно, был сторонником свободы чесания, как Барбара Фричи. Поэт Нэш, несомненно, почувствовал бы к нему симпатию.

– Не вижу причин возражать против того, чтобы вы пожили у своей тети, если там подходящие условия. Где именно в Вустершире она живет?

– В окрестностях города под названием Маркет-Снодсбери.

– Там чистый воздух?

~~ Туда привозят экскурсантов, специально подышать.

– И вы будете вести там спокойный образ жизни?

– Полуобморочный.

– Будете рано ложиться спать?

– Непременно. Ранний ужин, тихий отдых с хорошей книгой или кроссвордом и отход ко сну.

– Тогда поезжайте.

– Отлично. Сейчас же созвонюсь с ней.

Я имел в виду мою добрую и достойную тетю Далию, – не путать с тетей Агатой, которая жует битые бутылки и, как подозревают, на полнолуние превращается в оборотня. А тетя Далия, добрая душа, в молодые годы часто выезжая в поля в рядах охотничьих обществ «Куорн» и «Пайтчли», не хуже прочих орала: «Ату! Ату ее!» – и в оборотня если когда и превращалась, то, конечно же, только веселого и озорного, с которым пообщаться – одно удовольствие.

На мое счастье, доктор дал мне зеленый свет, не вникая в дальнейшие детали, поскольку более пристрастный допрос показал бы, что у тети Далии служит французский повар, и не приходится пояснять, что любой врач, узнав про французского повара, немедленно посадил бы вас на диету.

– Итак, решено,- сказал я, довольный и веселый. – Весьма благодарен за участие и помощь. Всего вам наилучшего.

Я вознаградил его кошельком с золотом и отправился звонить тете Далии. От намерения прогуляться в Брайтон пришлось оказаться. Мне предстояла непростая задача – напроситься в гости к тетушке, а порой это требовало определенного искусства. Если тетя

Далия пребывала в мрачности из-за каких-то домашних неурядиц, она могла спросить, а что у меня, своего дома нет, что ли? А если есть, то какого черта я в нем не живу?

Я дозвонился до нее с нескольких попыток, что вполне естественно, когда звонишь в такую глушь, как Маркет-Снодсбери, где телефонистов набирают на службу исключительно из местных вустерширских вырожденцев с дебильной наследственностью.

– Привет, старая родственница,- начал я как можно более учтиво.

– Приветствую тебя, позорное пятно на западной цивилизации,- ответила тетя Далия зычным голосом, каким некогда гикала на собак, уклонявшихся от цели ради погони за зайцем.- Что у тебя на уме, если вообще там что-нибудь есть? Говори быстро, потому что я укладываю вещи.

Ее слова заставили меня насторожиться.

– Укладываетесь? – переспросил я.- Вы куда-то уезжаете?

– Да, в Сомерсет, к своим друзьям Брискоу.

– Вот проклятие.

– Это еще почему?

– Я надеялся, что смогу недолго погостить у вас.

– Осечка у тебя вышла, юный Берти, не сможешь. Если только не явишься на подмогу и не составишь компанию Тому.

В ответ я только хмыкнул. Я очень люблю дядю Тома, но перспектива оказаться с ним один на один в его хижине вовсе не вдохновляла меня. Он коллекционирует старинное серебро и имеет обыкновение вцепляться в вас и с лихорадочным блеском в глазах доводить до умопомрачения разговорами о подсвечниках, листовных узорах и романской декоративной кайме. У меня же эта тема вызывает, мягко говоря, умеренный интерес.

– Нет,- ответил я,- благодарю за любезное приглашение, но лучше уж я сниму где-нибудь домик.

Ее следующие слова показали, что она не уловила самого главного.

– Что все это значит? – недоуменно спросила она.- Не понимаю. Почему тебе приспичило куда-то ехать? Ты что, скрываешься от полиции?

– Предписание врача.

– Быть не может. Да тебя сроду никакая хворь не брала.

– До сегодняшнего утра. У меня на груди выступили пятнышки.

– Пятнышки?

– Розовые.

– Должно быть, проказа.

– Врач так не считает. По его мнению, они вызваны тем, что я- типичный представитель золотой молодежи и поздно ложусь спать. Он велел мне поскорее ехать в деревню, на свежий воздух, поэтому мне и требуется домик.

– И чтобы жимолость оплетала дверь, и старушка луна заглядывала в окна?

– Вам известно, с чего начинают поиски дома, соответствующего этому описанию?

– Я найду тебе. У Джимми Брискоу их уйма. Мейден-Эгсфорд, где он живет, расположен как раз неподалеку от модного морского курорта Бримута-он-Си, который славится своим бодрящим воздухом. Там даже трупы спрыгивают с катафалка и пляшут вокруг майского шеста.

– Звучит неплохо.

– Я дам знать, когда найду подходящий домик. Тебе понравится Мейден-Эгсфорд.

Джимми держит скаковых лошадей, и в Бридмуте вскоре состоятся большие скачки, так что ты будешь не только дышать свежим воздухом, но и развлечешься. Кобыла из конюшни Джимми участвует в скачках, и большинство знающих людей делает ставку на нее, хотя есть и такие, которые считают, что следует опасаться соперничества со стороны лошади, принадлежащей некоему мистеру Куку. А теперь, ради Бога, положи трубку. Мне некогда.

Пока что все складывается удачно, сказал я себе, вешая трубку. Разумеется, я предпочел бы отправиться в дом моей престарелой родственницы, где ее превосходный повар Анатолий не устает изумлять своими блюдами едоков, вызывая у них обильное слюноотделение. Но мы, Вустеры, умеем терпеть лишения и неудобства, и все же жить в деревенском домике по соседству с престарелой родственницей будет веселее, чем просто в деревенском домике вдали от тетушки, без болтовни с ней, без ее наставлений, ободряющих слов и шуток.

Оставалось только сообщить эти новости Дживсу, и меня это немного смущало.

Дело в том, что у нас была запланирована поездка в Нью-Йорк, и я знал, что Дживс предвкушает ее с нетерпением. Понятия не имею, чем его так прельщает Нью-Йорк, но, как бы то ни было, теперь эта затея отменяется, и я боялся, что он испытает горькое разочарование.

– Дживс, – сказал я, вернувшись в ставку Вустера, – у меня плохие новости.

– В самом деле, сэр? Печально слышать. – Одна его бровь дернулась вверх на восьмую часть дюйма, и я понял, как глубоко он взволнован, потому что бровь Дживса редко вздергивалась выше, чем на шестнадцатую дюйма. Наверное, он решил, что медицинский авторитет дал мне еще только два месяца жизни, а то и меньше. – Диагноз мистера Мергэтройда не благоприятен?

Я поспешил успокоить его.

– Благоприятен-то он благоприятен, и даже вполне. По его словам, пятнышки как таковые... Правильно я выражаюсь?

– Совершенно правильно, сэр.

– Согласно его заключению, эти пятнышки как таковые стоят выеденного яйца, и на них можно не обращать никакого внимания. Они что легким ветром мимо пронесутся^[Они что легкий ветер мимо пронесутся. - У. Шекспир. «Юлий Цезарь» (акт IV, сцена 3).], а я и не замечу.

– В высшей степени приятные известия, сэр.

– В высшей степени, как вы говорите. Но не торопитесь плясать на радостях, потому что это еще не все. Вот что я имел в виду, когда сказал, что у меня плохие новости: мне предписано удалиться в деревню и вести там размеренный образ жизни. В противном случае доктор не ручается за последствия, так он сказал. Боюсь, Нью-Йорк теперь отменяется.

Конечно, это был жестокий удар, но Дживс встретил его с невозмутимостью индейца, привязанного к столбу и ожидающего сожжения на костре. Ни единый крик не сорвался с его губ, только спокойное «В самом деле, сэр?», и я поспешил привлечь его внимание к положительной стороне дела.

– Вы разочарованы, но, может быть, это даже к лучшему, что мы не поедем в Нью-Йорк. Там теперь свирепствуют грабители, всякие молодчики стреляют на улицах, а что хорошего, если вас ограбят или пристрелят. Между тем в Мейден-Эгсфорде нам это не грозит.

– Как вы сказали, сэр?

– Деревня в Сомерсете. Тетя Далия едет туда к друзьям погостить и обещала мне снять там домик. Это недалеко от Бримута-он-Си. Вы когда-нибудь бывали в Бримуте?

– Часто, сэр, в детстве, и я хорошо знаю Мейден-Эгсфорд. Там живет моя тетя.

– А моя тетя направляется туда в гости. Удивительное совпадение.

Я обрадовался этому неожиданному обстоятельству, поскольку теперь все складывалось просто великолепно. Наверное, для Дживса заехать в деревенскую глушь – все равно, что удалиться в пустыню, он никак не ожидал, что увидит любимую тетюшку, так что радости его не было предела.

Итак, все устроилось. Сообщив Дживсу плохие новости, я почувствовал себя вправе сменить тему и подумал, что ему будет интересно узнать о моей встрече с Планком.

– Дживс, я пережил у врача настоящее потрясение.

– В самом деле, сэр?

– Помните майора Планка?

– Имя кажется мне отдаленно знакомым, сэр, но только отдаленно.

– Напрягите свою память. Тот самый тип, путешественник, который обвинил меня в мошенничестве, будто я пытаюсь обманом выманить у него пять фунтов, и собирался вызвать полицию, но тут появились вы, представились инспектором Уидерспуном из Скотланд-Ярда и сказали, что я известный вор по кличке Альпийский Джо, которого давно разыскивают, а зовут меня так, потому что я всегда ношу альпийскую шляпу, и таким образом вам удалось меня увести.

– Да, сэр, теперь вспомнил.

– Я столкнулся с майором Планком сегодня утром. Он узнал меня в лицо, но больше ничего не смог вспомнить и только твердил, что мое имя начинается на «Ал».

– Весьма неприятное положение, сэр.

– Ну и натерпелся же я страху. Какое счастье знать, что больше никогда его не увижу.

– Вполне понимаю ваши чувства, сэр.

А вскоре позвонила тетя Даля и сообщила, что домик для меня снят, и пусть я назову дату моего приезда.

Так началась история, которую мои биографы, вероятно, назовут «Ужас в Мейден-Эгсфорде», или, может быть, «Курьезное происшествие с кошкой, которая имела обыкновение появляться в самый неожиданный момент».

Спустя два дня я отбыл в Мейден-Эгсфорд в своем старом двухместном спортивном автомобиле. Дживс выехал ранее с багажом, чтобы должным образом встретить меня на месте, и я не сомневался, что увижу его окрепшим и посвежевшим после общения с тетушкой.

Я отправился в путь в приподнятом настроении. И хотя на дороге мне встречалось больше близоруких безумцев, чем хотелось бы, это не уменьшило моей эйфории, как, если не ошибаюсь, называется такое состояние духа. Благо, денек выдался исключительно погожим, повсюду, куда ни глянь, синь небес и солнечное сияние, и к довершению всех удач, Э. Джимпсон Мергэтройд оказался на сто процентов прав относительно пятнышек. Они полностью исчезли, не причинив ни малейшего вреда, и кожа на моей груди вновь стала бела, как алебастр.

Я достиг цели своего путешествия ко времени вечернего коктейля, и взору моему впервые предстала сельская обитель, назначенная стать приютом Вустеру неведомо на какой срок. Разумеется, я представлял себе, что между Мейден-Эгсфордом и такими курортами, как Париж и Монте-Карло, должны существовать, как говорится, тонкие, но четкие различия, и с первого же взгляда я убедился, что не ошибся. Это была обычная деревушка, где совершенно нечем заняться, кроме как прогуливаться по главной улице сначала в одну сторону до местной поилки для скота, сооруженной по случаю шестидесятилетия коронации королевы Виктории, и, обозрев ее с разных сторон, вернуться по другой стороне той же самой улицы. Так что Э. Джимпсон Мергэтройд наверняка остался бы доволен. «Превосходно,- будто слышал я его голос,- именно то, что нужно типичному представителю столичной золотой молодежи». Воздух, насколько я мог судить по первым вдохам, своей первозданной чистотой не обманул ожиданий, и я уже предвкушал, как деревенская жизнь укрепит мое здоровье и вошьет в меня новые силы.

Единственно, что было не так, это то, что здесь, похоже, водились привидения. Выходя из машины, я совершенно явственно видел призрак майора Планка. Он появился из местной гостиницы «Гусь и кузнечик», я вытаращил на него глаза, а он исчез за углом, само собой, слегка меня обескуражив. Как я уже ранее упоминал, мне не свойственно впадать в панику по пустякам, но кому понравится, чтобы кругом разгуливали всякие призраки? Словом, жизнерадостное настроение слегка омрачилось.

Впрочем, я тут же взял себя в руки. Это всего лишь мимолетное наваждение, сказал я себе. Даже если со времени нашей последней встречи Планк умудрился отправиться на тот свет и теперь работает привидением, рассуждал я, то с какой стати ему являться в Мейден-Эгсфорде, когда к его услугам вся Экваториальная Африка? Он получил бы гораздо больше удовольствия, наводя ужас на туземцев, ведь у него есть причины их недолюбливать- вспомним вдов и оставшихся в живых родственников покойного вождя племени мгомби.

Ободренный такими рассуждениями, я вошел под свой новый кров.

Огляделся – и остался доволен. Домик был не фермерский, его, похоже, строили для художника или, допустим философа, и здесь имелись все современные удобства, включая электричество и телефон.

Дживс уже ждал меня со стаканчиком подкрепляющего,- правда, из уважения к Э. Дж. Мергэтройду, всего лишь безалкогольного имбирного напитка. Пригубив его, я решил

рассказать Дживсу о своем давешнем видении, потому что, как я себя ни успокаивал, у меня все же не было полной уверенности, что это был не призрак. Правда, данный выходец с того света выглядел вполне материальным, но ведь настоящим призракам и полагается так выглядеть.

– Странная вещь со мной случилась,- сказал ему я.- Я бы поклялся, что только что видел, как из местного кабачка вышел майор Планк.

– Ничего удивительного, сэр. Майор Планк вполне мог прийти в деревню. Он гостит у мистера Кука в Эгсфорд-Корте.

Я обомлел.

– Вы хотите сказать, что он здесь?

– Да, сэр.

Я был сражен. Когда Планк сказал мне, что уезжает в деревню, я, естественно, решил, что он возвращается к себе в Глостершир. Но, если вы живете в Глостершире, то что вам мешает съездить в гости в Сомерсет? Вот тетя Далия, например, живет в Вустершире, а гостит в Сомерсете. На такие вещи надо смотреть шире.

Тем не менее я встревожился.

– Не нравится мне это, Дживс.

– Нет, сэр?

– А вдруг он вспомнит, что случилось при нашей последней встрече?

– Не составит труда избегать его, сэр.

– Допустим. И все же то, что вы мне сообщили, на меня подействовало крайне неприятно. Из всех людей на свете мне меньше всего хотелось бы иметь соседом Планка. Думаю, после такого нервного шока можно отставить имбирный напиток и заменить его сухим martini.

– Очень хорошо, сэр.

– Мергэтройд не узнает.

– Безусловно, сэр.

Итак, приняв значительную дозу свежего воздуха и обзрев с разных сторон юбилейную поилку для скота, что, надо «мать, благотворно сказалося на моем здоровье, я рано отошел ко сну в полном соответствии с предписаниями Э. Джимпсона Мергэтройда.

Эффект был ошеломляющим. Можно что угодно говорить о бороде Мергэтройда и о его мрачной физиономии, будто человек только что с похорон близкого друга, но свое дело доктор знал. После десяти часов безмятежного сна я вскочил с постели, пронесся в ванную, оделся с песней на устах и устремился к завтраку, точно двухлетнее дитя. Я умял яичницу с беконом, жадно, как тигр в джунглях пожирает подвернувшегося на завтрак туземца, смел до последней крупички гренки с джемом и под конец затянулся умиротворяющей сигаретой, когда зазвонил телефон, и в трубке загремел бас тети Далии.

– Привет, родоначальница,- сказал я таким добрым, ласковым тоном, самому приятно слышать.- От всего сердца с добрым утром, престарелая родственница.

– Уже явился?

– Собственной персоной.

– Значит, жив еще? Пятнышки оказались не смертельными?

– Они исчезли без следа,- сообщил я.- Унесены ветром.

– Это хорошо. Мне бы не хотелось представлять Брискоу пегого племянника, а тебя пригласили сегодня к обеду.

– Чрезвычайно любезно с их стороны.

– У тебя есть чистый воротничок?

– Даже несколько, и в придачу к ним безукоризненно белые рубашки.

– Только не надевай галстук клуба «Трутней».

– Разумеется, не надену, – пообещал я. Дело в том, что галстук члена клуба «Трутней», пожалуй, имеет один изъян, он слишком бросается в глаза, и в нем противопоказано появляться перед нервными людьми и инвалидами, а я не знал, относится ли миссис Брискоу к их числу. – В котором часу застолье?

– В половине второго.

– Явлюсь при полном параде.

Судя по приглашению, среди местного населения царил Дух добрососедства, что не могло не радовать, и я поделился своими наблюдениями с Дживсом.

– Похоже, эти Брискоу – славные ребята.

– Полагаю, они оставляют чувство должного удовлетворения, сэр.

– Тетя Далия не сказала, где они живут.

– В Эгсфорд-Холле, сэр.

– Как туда добраться?

– Сначала по главной деревенской улице до проезжей дороги, а там повернуть налево.

Этот дом нельзя не заметить. Он большой и окружен обширным парком. Идти туда около полутора миль, если вы намереваетесь пройти пешком.

– Пожалуй, да. Так бы и Мергэтройд посоветовал. А вы в мое отсутствие, как я понимаю, пойдете общаться с тетей? Вы с ней еще не виделись?

– Нет, сэр. Я узнал от леди за стойкой в «Гусе и кузнечике», куда я заглянул вечером в день приезда, что она уехала в Ливерпуль на отдых.

В Ливерпуль, черт возьми! Порой складывается такое впечатление, что тетки живут только ради собственного удовольствия.

Я вышел заранее. Если эти Брискоу так жаждут моего общества, то я готов предоставить им его в изобилии.

Дойдя до проезжей дороги, откуда, по словам Дживса, следовало повернуть налево, я подумал, что не мешает проверить, правильно ли я иду. Дживс говорил уверенно, но всегда нелишне выслушать и другое мнение. И представьте себе, Дживс ошибся! Я обратился к встречному долгожителю – все обитатели Мейден-Эгсфорда казались полутора-столетними – несомненно, по причине чистого воздуха, – и спросил, в какую сторону поворачивать к Эгсфорд-Корту, и он сказал направо. Выходит, даже Дживс может дать маху.

В одном, однако, он оказался прав. По его словам, я должен был, пройдя полторы мили, увидеть большой дом, окруженный обширным парком, и, похоже, я прошел примерно такое расстояние, когда показался большой дом и вокруг него парк в полном соответствии с описанием Дживса. За воротами начиналась длинная подъездная аллея, и я было пошел по ней, но потом сообразил, что могу сократить себе путь, если пойду напрямик, потому что дом, видневшийся за деревьями, был на значительном отдалении к северо-северо-востоку. Подъездные аллеи не без умысла делают извилистыми, чтобы произвести впечатление на посетителей. Господи помилуй, подумает какой-нибудь гость, да эта дорога тянется а целых три четверти мили, ну и богач здесь живет.

Не помню, напевал я или нет, – скорее всего, насвистывал, – но так или иначе, продвигался я быстро и только поравнялся с сооружением, похожим на конюшню, как вдруг

неведомо откуда появилась кошка.

Окрас у нее был довольно своеобразный, туловище в целом черное, но на боках – белые разводы и белый кончик носа. Я пощелкал языком и покрутил пальцами, как всегда в таких случаях, и кошка, подняв хвост, подошла и потерлась мордочкой о мою ногу, давая понять, что признала в Бертраме Вустере родственную душу и своего парня.

Кошачья интуиция ее не подвела. Еще в детстве я наизусть выучил один стишок,- не знаю, кто его автор, наверное, Шекспир,- он звучит следующим образом:

У моей любимой киски шерстка мягкая, как шелк.

Не тяни ее за хвост, не получишь лапой в нос.

И всю свою жизнь я следовал этому принципу. Спросите любую мою знакомую кошку, как я отношусь к кошачьему племени, и вам скажут, что я по-настоящему добрый малый и мне можно довериться без всякого опасения. А те, кто знает меня ближе, например кот тети Далии Огастус, еще добавляют, что я ловко умею почесать за ушком.

Эту кошку я тоже почесал за ушком, и такой знак внимания ей явно пришелся по нраву. Она замурлыкала, словно заворчал дальний гром. Когда таким образом между нами установились сердечные отношения, я перешел, так сказать, к следующему этапу, то есть взял кошку на руки, чтобы пощекотать ей брюшко, как вдруг небеса содрогнулись от зычного возгласа: «Эй!».

Сказать «Эй» можно по-разному. В Америке это любезная форма обращения, и она нередко заменяет такое приветствие, как «Доброе утро». Встречаются двое друзей. Один говорит: «Эй, Билл». И тот в ответ: «Эй, Джордж». Потом спрашивает: «Ну, как тебе эта жара?», Джордж отвечает, что плохо переносит не столько жару, сколько влажность, и после каждый идет своей дорогой.

Но этот оклик «Эй!» прозвучал совсем иначе. Нецивилизованные дикари, с которыми якшается майор Планк, бросаясь в бой, наверное, все-таки не кричат «Эй!», но если бы кричали, то, я думаю, это был бы такой же грубый рев, от которого у меня сейчас едва не лопнули барабанные перепонки. Оборачиваюсь и вижу краснолицего коротышку, угрожающе помахивающего арапником, что мне вовсе не понравилось. Эти арапники я невзлюбил еще с тех пор, как мальчишкой был застигнут дядей за курением его дорогой сигары, и он с хлыстом в руке гнал меня добрых полторы мили по пересеченной местности. У меня до сих пор в холодную погоду ноют старые раны.

Однако в тот момент я не испытал особой тревоги. Я решил, что передо мной полковник Брискоу, который пригласил меня на обед, и хотя сейчас у него такой вид, будто он с радостью препарировал бы меня тупым ножом, все мгновенно изменится, как только я назову себя. Кто же приглашает человека к обеду, а едва тот появляется в назначенный час, подвергает гостя избиению?

И я поспешил представиться, дивясь про себя его малому росту,- я думал, что полковники бывают покрупнее. Впрочем, всякие, наверное, встречаются, как картофелины или, коли на то пошло, как девицы. Скажем, Ванесса Кук определенно относилась к особам крупного телосложения, хотя среди прочих особ, отвергнувших в свое время мое предложение руки и сердца, были настоящие карлицы.

– Вустер, Бертрам,- назвался я, ударяя себя в грудь.

Я ожидал, что его злые страсти тут же улягутся, раздастся радостный возглас «Как

поживаете, дорогой друг, как поживаете?»), и лицо моего хозяина расплывется в ласковой улыбке приветия, но ничего подобного не произошло. Он по-прежнему весь кипел яростью, а лицо его просто-таки побагровело.

– Вы что это делаете с кошкой? – грубо спросил он.

Я сохранял исполненное достоинства спокойствие. Мне не понравился его тон, но, по правде говоря, приятный тон редко от кого услышишь.

– Ничего, просто общаюсь,- ответил я с учтивостью, которая так красит меня.

– Вы собрались с ней удрать.

– Как, удрать?

– Вы хотели ее выкрасть.

Я выпрямился в полный рост, и не исключено, что глаза мои засверкали. Какие только обвинения не обрушивались на меня, особенно со стороны тетки Агаты, но никто и никогда не обвинял меня в воровстве кошек, и поэтому стоит *ли* удивляться, что фамильная честь Вустера была глубоко задета. С моих уст рвались слова негодования, но я все же задержал их, как говорится, в положении status quo. В конце концов, я здесь в гостях.

Стремясь к миру, я произнес:

– Вы ошибаетесь, полковник. У меня и в мыслях не было ничего подобного.

– Нет, было, было, было. И не называйте меня полковником!

Хотя мои старания не увенчались успехом, я предпринял новую попытку:

– Славный денек.

– Черт бы его побрал!

– Хорошие виды на урожай?

– Да пропади он пропадом!

– Здорова ли моя тетушка?

– С какой стати, черт побери, мне знать, как здоровье вашей тетки?

Это уже показалось мне странным. Если у вас в доме остановилась чья-то тетка, уж будьте добры по первому требованию огласить бюллетень, хотя бы и краткий, о состоянии ее здоровья. Я уже начал сомневаться, в своем ли уме эта козявка. Во всяком случае, его реплики наверняка вызвали бы профессиональный интерес у любого ученого-психиатра.

Но я не сдавался. Такие уж мы, Вустеры. И попытался зайти с другого бока.

– Так любезно с вашей стороны пригласить меня на обед,- проговорил я.

Не стану утверждать, что у него пошла пена изо рта, но мои слова ему явно не понравились.

– Я пригласил вас на обед? Пригласил вас на обед? Да я бы вас так пригласил, что...

По-моему, он готов был произнести что-то уж совсем нелюбезное, но в этот момент из-за кулис донесся звонкий мужской тенор, распеваяющий нечто наподобие популярной арии из какой-нибудь экваториально-африканской оперетки, и на сцене появился майор Планк. Тут уж пелена спала с моих глаз. Наличие здесь Планка означало, что это вовсе не Дом Брискоу. Позволив себе усомниться в правоте Дживса и повернув направо, а не налево, как он мне сказал, я пришел совсем не к тому дому. На какое-то мгновение я готов был обвинить во всем того встречного долгожителя, но мы, Вустеры, умеем признавать свои ошибки, и я вспомнил, что спросил его, как пройти к Эгсфорд-Корту, где в итоге и оказался, а если вы говорите «Корт», имея в виду «Холл», то недоразумение неизбежно.

– Господи Боже мой,- пробормотал я, покраснев от смущения,- так вы не полковник Брискоу?

Он не снизошел до ответа, но тут в разговор вступил Планк.

– Привет, Вустер,- воскликнул он.- Кто бы мог подумать, что мы встретимся здесь? Я не знал, что вы знакомы с Куком.

– Вы что, знаете его? – проговорил багровый человечек, явно потрясенный открытием, что я могу водить знакомства с порядочными людьми.

– Конечно, знаю. Встречался с ним у себя дома в Глостершире, правда, не помню, при каких обстоятельствах. Скоро вспомню, но могу только сказать, что он сменил имя. Раньше оно начиналось на «Ал», а теперь его зовут Вустером. Наверное, его настоящее имя было настолько ужасным, что он больше не мог его терпеть. Я знавал одного в Обществе путешественников, его звали Клопп, и он сменил имя на Уэстмакоут-Тревельян, и, по моему, поступил очень разумно. Но бедняге это не принесло счастья, едва он привык подписывать свои долговые расписки «Гилберт Уэстмакоут-Тревельян», как его разорвал на куски лев. Ничего не поделаешь, такова жизнь. Что сказал доктор, Вустер? Это бубонная чума?

Нет, не бубонная чума, ответил я, и он сказал, что рад это слышать, потому что с бубонной чумой шутки плохи, это каждый знает.

– Вы остановились здесь?

– Нет, я снял домик в деревне.

– Жаль. А то могли бы сюда переехать. Составили бы Ванессе компанию. Но вы пообедаете с нами? – спросил Планк, как будто гостю пристало раздавать приглашения в доме хозяина, а между тем любая авторитетная книга правил хорошего тона разъяснила бы ему, что этого делать не следует.

– Сожалею, но я обедаю у Брискоу в Эгсфорд-Холле, – ответил я.

При этих словах Кук, который все это время молчал,- возможно, сорвал голосовые связки,- прохрипел:

– Я знал это! Я был прав! Я знал, что он – наймит Брискоу!

– О чем вы, Кук? – удивился Планк.

– Неважно, о чем. Я знаю, что говорю. Этого человека нанял Брискоу, чтобы он явился сюда и украл мою кошку.

– Зачем ему красть вашу кошку?

– Вы прекрасно знаете, зачем. Вы не хуже моего знаете, что Брискоу ни перед чем не остановится. Посмотрите на этого человека. Посмотрите, какое у него лицо. На нем написано, что он преступник. Я поймал его на месте преступления, с кошкой в руках. Держите его, Планк, а я пойду позвоню в полицию.

С этими словами он повернулся и ушел.

Признаться, когда он велел Планку держать меня, мне стало не по себе, потому что я хорошо представлял себе, как Планк задерживает людей. Кажется, я уже упоминал, что во время нашей предыдущей встречи в Глостершире он собирался задержать меня с помощью зулусской дубинки с шипами, и хотя сейчас в руках у него была всего лишь внушительная трость, она мало чем уступала зулусской дубинке.

К счастью, Планк был настроен благодушно.

– Не обращайтесь внимания на Кука, Вустер. Он расстроен. Небольшие семейные неприятности. Поэтому он пригласил меня пожить у него. Надеюсь, я ему что-нибудь присоветую. Дело в том, что он отпустил свою дочь Ванессу в Лондон, изучать искусство в школе Слейда^[Школа Слейда - художественное училище при Лондонском Университете.], кажется, так это

называется. Она же связалась с дурной компанией, попала в полицию, и так далее и тому подобное. Кук своей отцовской властью потребовал, чтобы дочь вернулась домой и сидела здесь, пока не поумнеет. Бедняжка, конечно же, не в восторге, но я ее успокаиваю, говорю, ей еще повезло, что она не в Экваториальной Африке. По тамошним порядкам, если дочь провинится, отец оттяпывает ей голову и закапывает труп в саду. Жаль, что вы Уходите, Вустер, но, наверное, сейчас это к лучшему. Я не утверждаю, что Кук вернется с ружьем, но как знать, что ему взбредет в голову. На вашем месте я бы ушел.

Совет показался мне разумным. И я ему последовал.

Я направился к своему коттеджу, где у меня стоял автомобиль. Когда я туда добрался, получалось, что в общей сложности я отшагал три мили и теперь надо дать передышку моим нагруженным икроножным мышцам, а если это не понравилось бы Э. Джимпсону Мергэтройду, то пусть оставит свое неодобрение при себе.

Мне особенно не терпелось воссоединиться с Дживсом» услышать его мнение о приключившемся со мной странное происшествии, необъяснимее которого со мной в жизни ничего не случилось.

Почему Кук так на меня набросился? Версия Планка, объяснявшего грубость Кука тем, что Ванесса связалась в Лондоне с дурной компанией, показалась мне неубедительной. Даже если ваша дочь неразборчива в знакомствах и колотит полицейских, совсем не обязательно бросаться на первого встречного и обвинять его в том, что он ворует кс шек. Одно из другого не вытекает.

– Дживс,- сказал я, добравшись до финишной ленточки и рухнув в кресло,- ответьте откровенно на вопрос, который я вам задам. Вы давно меня знаете?

– Да, сэр.

– У вас была полная возможность изучить мою психологию?

– Да, сэр.

– Как по-вашему, я похож на человека, который крадет кошек?

– Нет, сэр.

Его уверенный ответ меня весьма обрадовал. Ни секунды колебаний, никакого меканья и беканья, просто и ясно: «Нет, сэр».

– Именно это я и ожидал от вас услышать. Так сказал бы всякий в клубе «Трутней», да и где угодно. Тем не менее только что мне предъявили обвинение в воровстве кошки.

– В самом деле, сэр?

– И обвинил меня в этом краснорожий микроб по имени Кук.- И я тотчас же, как говорится, если не ошибаюсь, ничтоже сумняшеся поведал ему о давешнем происшествии, лишь вскользь коснувшись того, как я, выйдя на проезжую дорогу, усомнился в его указаниях. Дживс внимательно слушал, и когда я закончил свой рассказ, у него на лице мелькнуло некое подобие улыбки,- чуть дрогнул уголок рта, словно туда сел какой-то летающий объект вроде комара.

– Кажется, сэр, я могу дать объяснение.

Я ушам своим не поверил. Я ощутил себя доктором Ватсоном, которому Шерлок Холмс сейчас объяснит, чем различаются сто сорок семь видов табачного пепла, и за сколько времени петрушка осядет на дно масленки.

– Поразительно, Дживс,- проговорил я. – Профессор Мориарти и минуты бы против вас не продержался. Неужели и вправду все части головоломки сошлись в единую картину и каждая деталь заняла свое место?

– Да, сэр.

– И вам все известно?

– Да, сэр.

– Невероятно!

– Элементарно, сэр. Я обнаружил, что завсегдаи «Гуся и кузнечика» могут служить

ценным источником информации.

– Вы побеседовали с ребятами в задней комнате?

– Да, сэр.

– И что же они вам рассказали?

– Оказывается, между мистером Куком и полковником Брискоу глубокий антагонизм.

– То есть, они недолюбливают друг друга?

– Именно так, сэр.

– Думаю, для деревни это не редкость. Заняться-то нечем, только и думаешь, какая гнида твой сосед.

– Возможно, вы правы, сэр, но в данном случае для вражды имеется гораздо более серьезное основание, по крайней мере со стороны мистера Кука. Полковник Брискоу занимает пост председателя местного совета мировых судей, и в этом качестве недавно оштрафовал мистера Кука на солидную сумму за то, что он выпускал своих свиней пастись, не оформив на то разрешения.

Я понимающе кивнул. Действительно, есть от чего прийти в негодование. Сам я не держу свиней, но, будь у меня свиньи, я бы горячо возмутился, если бы мне запрещали без соответствующего разрешения менять им место и обстановку. Мы что, в России?

– Кроме того...

– Как, еще не все?

– Нет, сэр. Кроме того, они соперничают как хозяева скаковых лошадей, и это создает дополнительный источник трений.

– Почему?

– Сэр?

– Я не понимаю, почему. Большинство владельцев крупных конюшен поддерживают вполне дружеские отношения. Можно сказать, любят друг друга, как братья.

– Крупные владельцы – да, сэр. Но иначе обстоит дело с теми, чья сфера деятельности ограничена небольшими скачками местного масштаба. Здесь соперничество приобретает более личный и острый характер. По мнению моих осведомителей из «Гуся и кузнечика», на предстоящих скачках в Бридмуте-он-Си основная борьба разгорится между Симлой, лошадью Брискоу, и Потейто Чипом, лошадью мистера Кука. Все прочие участники не заслуживают внимания. Вот почему, по мере того как приближается дата соревнования, враждебность между этими двумя джентльменами только возрастает. Сейчас для них обоих самое главное – создать такие условия для лошадей, чтобы ничто не мешало готовиться к соревнованиям. Неукоснительное внимание к режиму тренировок имеет первостепенное значение.

Он мог бы этого и не говорить. Мне ли, старому опытному игроку, не знать, что успех на беговой дорожке зависит от строгости режима тренировок. Никогда не забуду, как однажды у тети Далии в Вустершире на деревенском спортивном празднике в забеге с яйцом в ложке для девочек до пятнадцати лет я сделал крупную ставку на Марлин Купер, племянницу садовника, но накануне соревнования Марлин нарушила режим, наелась незрелого крыжовника до коллик в животе и, естественно, не вышла на старт.

– Но, Дживс,- недоумевал я,- хотя все это необычайно увлекательно, я все же не понимаю, почему Кук пришел в такое бешенство из-за кошки. Видели бы вы, как подскочило его кровяное давление, оно взвилось вверх, точно ракета. Человек так разволновался, словно он ответственный сотрудник министерства иностранных дел, а я – таинственная незнакомка

под густой вуалью, благоухающая экзотическими ароматами, которая похитила секретные морские карты, и он застучал ее на месте преступления.

– К счастью, я могу пролить свет на эту тайну, сэр. Один из завсегдатаев «Гуся и кузнечика», с которым у меня установились дружеские отношения, служит у мистера Кука, и он представил мне сведения на этот счет. Дело в том, что кошка приبلудная, в одно прекрасное утро она появилась на конном дворе, и Потейто Чип внезапно преисполнился к ней симпатии. Насколько я понимаю, такое нередко случается с породистыми лошадьми, хотя чаще их расположение вызывают коза или овца.

Для меня это было полным откровением. Никогда не слышал ничего подобного.

– Коза? – переспросил я.

– Да, сэр.

– Или овца?

– Да, сэр.

– Вы хотите сказать, любовь с первого взгляда?

– Можно назвать и так, сэр.

– Какие же ослы эти лошади, Дживс.

– Бесспорно, сэр, уровень их умственного развития оставляет желать лучшего.

– Хотя, если изо дня в день не видишь никого, кроме Кука и конюхов, то и кошке обрадуешься как приятному разнообразию. Стало быть, дружба крепла?

– Да, сэр. Теперь кошка спит ночью в лошадином стойле и там же встречает своего друга днем, когда он возвращается после тренировок.

– Желанный гость?

– В высшей степени желанный, сэр.

– Можно даже сказать, почетный. Чудеса, да и только. Я бы, скорее, подумал, что такой вампир в образе человека, как Кук, одним пинком вышвырнет вон бродячую кошку.

– Как рассказывал мне мой осведомитель, нечто подобное произошло, и последствия были плачевны. Потейто Чип стал вялым, отказывался от еды. Но стоило кошке вернуться, как он сразу же обрел живость и аппетит.

– Надо же!

– Да, сэр., меня самого эта история удивила.

Я встал. Время шло, и я представил себе, как семейство Брискоу, прижав носы к окну в гостиной, высматривает меня, спрашивая друг у друга: «Где же он? Где наш Вустер? Куда запропастился?»

– Ну, что ж, Дживс, весьма благодарен вам,- сказал я. – Вы, как обычно, со своим – забыл, как это называется,- пролили свет на то, что осталось бы неразгаданной головоломкой. Если бы не вы, я проводил бы бессонные ночи, пытаюсь понять, какую игру, черт возьми, затеял Кук. Ваше объяснение несколько примирило меня с ним. Конечно, я никогда бы не отправился с этим вырожденком в пеший поход, и если ему вздумается выдвинуть свою кандидатуру в клуб «Трутней», само собой, я проголосую против, но теперь мне хотя бы понятна его точка зрения. Он видит меня с кошкой в руках, узнает, что я в приятельских отношениях с полковником, его заклятым соперником, и делает естественный вывод, что дело тут нечисто. Вот он и завопил, точно грешник в аду, да еще замахнулся арапником. Спасибо хоть не пустил его в ход.

– Ваш широкий взгляд заслуживает восхищения, сэр.

– Всегда надо стараться поставить себя на место другого и помнить... помнить что?

- Tout comprendre c'est tout pardonner [Понять – значит простить (*франц.*).]
- Благодарю вас, Дживс.
- Не стоит благодарности, сэра.
- А теперь скорее в Эгсфорд-Холл.

Если вы спросите, что думают обо мне в кругах, где я вращаюсь, то услышите в ответ, что я общительный человек, который всегда рад знакомству с новыми лицами, так что к воротам Эгсфорд-Холла я должен был бы подкатить в самом веселом расположении духа. Но какое там! И виноваты в этом были вовсе не лица, ждавшие меня там. Полковник Брискоу оказался радушным хозяином, миссис Брискоу – радушной хозяйкой. Помимо тети Далии, на обеде присутствовали преподобный Амброз Брискоу, брат полковника, и дочь последнего, Анжелика, премиленькая юная особа, в которую я непременно бы влюбился, если бы не был так озабочен. Словом, общество собралось самое что ни на есть приятное.

Но в этом-то все дело. Я был поглощен заботами. Беспокоило меня не присутствие Ванессы Кук. В Англии трудно найти место, где не оказалось бы девушки, которая успела когда-то отвергнуть мое предложение руки и сердца. Я сталкивался с ними повсюду, в таких удаленных друг от друга местах, как Бьюд в графстве Корнуэлл и Седберг в Йоркшире. Нет, Вустера снедала мысль о папаше Куке и его арапнике Крайне неприятно сознавать, что у вас не заладились отношения с человеком, который того и гляди впадёт в бешенство и тогда с большой долей вероятности можно ждать, что он набросится напрямиком на Бертрама.

В итоге я не сверкал остроумием во время парадного застолья. Обед был превосходным, и поданный в завершение портвейн заслуживал высочайших похвал, я поглощал его с жадностью, чем вызвал бы у Э. Джимпсона Мергэтройда горестный стон осуждения, но вот что касается остроумной беседы, то тут я полностью провалился. Наверное, у моих хозяев довольно скоро возникло подозрение, что их гость – монах из ордена траппистов^[Орден траппистов. - Католический монашеский орден, членам которого предписывается, в частности, полное молчание.], хотя и обладающий волчьим аппетитом.

Что тетя Далия задумалась на эту тему, мне стало очевидно по окончании трапезы, она повела меня прогуляться по тому, что Дживс назвал обширным парком. Тетя отчитала меня по своему обыкновению, не церемонясь с выбором слов. Сколько себя помню, она неизменно была моим лучшим другом и самым строгим критиком, и когда она ругает племянника, то уж от души.

Тетя обратилась ко мне с нижеследующей речью, в таком тоне и с таким нажимом, как армейский старшина, наставляющий новобранцев:

– Что на тебя нашло, жалкая ты рептилия? Я сказала Джимми и Эльзе, что мой племянник, может, и похож с виду на слабоумного палтуса, но подождите, пока он заговорит, сказала я, и вы животики надорвете. И что же? Где сарказмы? Остроумные реплики? Забавные анекдоты? Их нет и в помине, сэра. Ты сидишь и тупо жуешь – слышно только, как челюсти трещат. Я чувствовала себя в положении импресарио дрессированных блох, который разрекламировал свою главную звезду, а она на премьерке забыла текст.

Я сокрушенно потупился, отлично сознавая справедливость ее упреков. В том, что называется пиром ума и изливанием духа, я принимал не больше участия, чем какой-нибудь Дюжий молчаливый англо-сакс с простуженным горлом.

– А как ты набросился на портвейн! Точно верблюд, достигший оазиса после долгого пути по пескам пустыни. Что, Джимми шепнул тебе на ушко, будто хочет поскорее

опустошить свой винный погреб и устроить там игровую площадку? Если ты и в Лондоне ведешь себя подобным образом, то неудивительно, что весь пошел сыпью. Странно, как ты еще ноги таскаешь.

Ее правоту невозможно было не признать.

– Ты когда-нибудь видел пьесу под названием «Десять вечеров в баре»?

Это стало последней каплей. Я пролепетал в свое оправдание:

– Простите меня, престарелая родственница. Все так, как вы говорите. Но сегодня я не в своей тарелке.

– Выходит, нам повезло.

– Я, можно сказать, в смятении.

– Я бы назвала это разгильдяйством.

– Со мной сегодня утром приключилась удивительная история.

И без дальнейших колебаний- или правильнее сказать, сомнений? – я поведал ей про кошку и Кука.

Мой рассказ был обстоятельным, и когда я подошел к тому моменту, где Дживс проливает свет на тайну кошки во всей взаимосвязи событий, тетушка проявила явную заинтересованность.

– То есть,- возбужденно проговорила она,- если бы ты удрал с этой кошкой...

Тут мне пришлось сурово оборвать ее. Как ни старался я рассказать ясно и доходчиво, она, судя по всему, поняла все в неправильном свете

– Я вовсе не собирался, родоначальница, красть кошку. Просто, как вежливый человек, чесал ей брюшко.

– Но ведь на самом деле если бы кто-нибудь украл кошку, подготовка Потейто Чипа к скачкам пошла бы насмарку?

– Так утверждает Дживс, а он получил эти сведения из надежного источника в «Гусе и кузнечике».

– Г-м.

– Что значит «Г-м»?

– Ха.

– Что значит «Ха»?

– Ничего, не обращай внимания.

Но я все-таки обратил. Когда тетушка говорит «г-м» и «ха», это кое-что да значит, и, сам не зная почему, я похолодел от страха.

Но разбираться было некогда, поскольку к нам присоединился преподобный Брискоу с дочерью. И вскоре я откланялся.

Дневная жара заметно усиливалась, и после плотного обеда и нескольких бокалов портвейна я чувствовал себя как питон по окончании полуденной трапезы. Меня стало неудержимо клонить ко сну, так что престарелой родственнице на протяжении нашей беседы пришлось дважды предупреждать меня, что если я не перестану зевать ей в лицо, она стукнет по моей дурацкой голове зонтиком, которым она загоразивается от солнечных лучей.

Дремота никак не оставляла меня, и к тому времени, когда я выехал на дорогу, мои глаза уже слипались, и стало ясно, что если я не остановлюсь и не вздремну немного, то очень скоро буду представлять опасность для пешеходов и водителей. Менее всего мне хотелось предстать перед гостеприимным полковником Брискоу, когда он будет исправлять обязанности судьи, в качестве обвиняемого в наезде на прохожего, да еще под действием его портвейна, то есть портвейна, принадлежавшего полковнику Брискоу, а не прохожему. Получилась бы неловкость для нас обоих, хотя, с другой стороны, мое состояние свидетельствовало о превосходном качестве его винных запасов.

Дорога эта, как большинство сельских дорог, пролегла среди лугов, где с коровами, а где без коров, но поскольку день был жарким, просто бросить якорь у обочины означало зажариться до хрустящей корочки, какой покрылся бы майор Планк, если бы до него добрались вдовы и выжившие родичи покойного вождя племени мгомби. Нужна была тень, и по счастливой случайности мне подвернулась дорожка, уходящая вбок под сень леса, как раз то, что и требовалось. Я заехал под деревья, заглушил мотор, и почти сразу же сон, как говорится, накрыл меня своей целительной волной. Сначала я спал без сновидений, но вскоре меня начали мучить кошмары. Мне снилось, что вместе с Э. Джимпсоном Мергэтройдом мы ловим рыбу где-то в тропиках, и ему попала на крючок акула, я разглядываю ее, а она вдруг цап – и ухватила меня за руку. Я дернулся – и пробудился. Смотрю, слева по борту кто-то и вправду тянет меня за рукав, но это была не акула, а Орло Портер.

– Прошу прощения, сэръ, что прерываю ваш сон,- бормотал он,- но я здесь наблюдаю за птицами в естественных природных условиях. Я следил за певуном Кларксона вон в тех зарослях, но опасаясь, как бы ваш храп не спугнул его так что прошу вас, не могли бы вы приглушить издаваемые вами звуки. Певуны Кларксона очень чутко реагируют на шум, а вас слышно на милю в округе.

В общем, что-то в этом духе.

Мне бы ответить: «А, это ты!» или «Привет, привет», но от неожиданности я просто онемел. Я и не подозревал, что Орло Портер способен на подобную вежливость, но, главное, я никак не думал, что он находится в этих местах. Я считал Мейден-Эгсфорд пустынным уголком, где укроюсь от толпы, среди глубокого покоя от всех домашних вдалеке, как поется в церковном гимне, а оказывается, в этой тихой деревеньке кого только не встретишь. Сначала Планк, потом Ванесса Кук, а теперь еще Орло Портер. При таком положении вещей я не удивлюсь, если сейчас из-за угла появится тетя Агата об руку с Э. Джимпсоном Мергэтройдом.

Тем временем Орло Портер, похоже, узнал меня, потому что он отшатнулся, точно туземец в Индии, едва не наступивший на скорпиона, и заговорил совсем по-другому:

– Вустер, проклятый мерзкий ползучий гнусный змей, мне следовало этого ожидать!

Ясно, что встреча со мной его несколько не обрадовала, ни в его словах, ни в его тоне не слышалось и намека на дружескую сердечность, но, помимо этого, я просто не мог взять в толк, о чем он говорит. Я совершенно растерялся.

– Ожидать чего? – осведомился я в надежде получить разъяснения.

– А того, что ты последуешь за Ванессой сюда, чтобы увести ее у меня. Вот в чем состоит твоя цель.

Это высказывание настолько поразило меня своей нелепостью, что я негромко рассмеялся, и Орло попросил, чтобы я немедленно перестал кудахтать, как курица, чей супружеский союз благословило небо,- или, говоря его словами, как курица, которая снесла проклятое яйцо.

– Ни за кем я никуда не последовал,- сказал я, пытаясь пролить масло на разбушевавшиеся волны. Но после короткой борьбы с самим собой решил не добавлять «старина». Да это бы все равно не подействовало.

– Тогда почему ты здесь? – спросил он, возвысив голос до фортиссимо. Видно было, что на самом деле ему совершенно наплевать, если его услышит певун Кларксона и в панике даст стрекача.

Я миролюбиво продолжал:

– Все объясняется чрезвычайно просто. Помнишь мои пятнышки?

– Не пытайся увилить.

– Я и не думал. Осмотрев их, доктор посоветовал мне удалиться в деревню.

– В провинции полно других мест, куда можно удалиться.

– Да, но моя тетя Даля гостит здесь у друзей, и мне хотелось находиться от нее поблизости и обмениваться с ней впечатлениями. Очень занятная женщина, моя тетя Даля, с ней ни на минуту не соскучишься.

Это, как я и предвидел, обескуражило Орло. Его воинственность пошла на убыль и по лицу было видно, что он спрашивает себя: «Неужели я был к Бертраму несправедлив?». Однако затем он вновь насупился.

– Хотя твои доводы и кажутся весьма правдоподобными, но все равно они не объясняют, почему сегодня утром ты околачивался около Эгсфорд-Корта.

Я опешил. Когда я был еще ребенком, няня говорила мне, что Некто неотступно присутствует подле меня и следит за каждым моим шагом, и если я не буду есть шпинат, мне это припомнится на Страшном суде. Но кто бы мог подумать, что она подразумевала Орло Портера?

– Откуда ты, черт побери, знаешь? – пробормотал я, или, точнее сказать, выдохнул, а может быть, даже прохрипел.

– Я наблюдал за домом в мой орнитологический бинокль, надеясь хотя бы мельком увидеть женщину, которую люблю.

Я ухватился за эту возможность перевести разговор на более спокойную тему.

– Я и забыл, что ты изучаешь птичьи повадки, хорошо, что ты мне сейчас напомнил. Действительно, ты увлекался этим в Оксфорде. Такое занятие не по мне. Нет, я вовсе не против наблюдения за птицами,- поспешил я добавить.- Должно быть, это страшно интересно, и к тому же отвлекает...- Я хотел сказать «от пивных», но решил, что «увлекает на свежий воздух» прозвучит лучше.- Каким образом это происходит? – продолжал я.- Ты прячешься в кустах и подкарауливаешь птицу, и когда она прилетит, выхватываешь из-за

пояса бинокль и наблюдаешь?

Я хотел еще кое-что спросить, например, кто такой Кларк-сон и откуда у него, взялся певун, но Орло оборвал меня:

– Я скажу тебе, почему ты сегодня утром шнырял вокруг Эгсфорд-Корта. Надеялся увидеть Ванессу.

Я стал горячо это отрицать, но он остался глух к моим словам.

– Хочу довести до твоего сведения, Вустер, если я опять увижу, что ты пытаешься навязать Ванессе свое омерзительное общество, то, не моргнув глазом, выпущу тебе кишки.

Он пошел было прочь, но задержался и бросил через плечо: «Голыми руками»,- а уж затем удалился. Возобновил ли он наблюдение за певуном Кларксона после этого или нет, мне осталось неизвестным. По-моему, любая нормальная птица с чувствительным слухом улетучилась бы, услышав такие речи.

Как можно легко догадаться, слова О. Портера, сказанные на прощание, заставили меня всерьез задуматься. В тот момент поблизости не оказалось прохожих, но если бы какой-либо путник повстречался со мной, он бы заметил, что мой лоб нахмурен, а глаза слегка затуманены. Это верный признак того, что ваша мысль на чем-то сосредоточена, и это «что-то» вам явно не по душе. Такое выражение лица бывает у членов кабинета министров, когда им в парламенте задают каверзные вопросы.

Разумеется, мне не впервые приходится слышать от своих знакомых, что они намерены проникнуть в мой внутренний мир и извлечь его содержимое наружу. Родерик Спод, который теперь именуется лордом Сидкапом, нередко мне этим грозил, находясь во власти заблуждения, будто я хочу увести у него Мадлен Бассет. Он и не подозревал, что она сидит у меня в печенках, и я готов пробежать целую милю в тесных ботинках, лишь бы не попасться ей на глаза.

Однако никогда еще не возникало у меня такого ощущения близкой опасности, как в ту минуту. Спод мог сколько угодно молотить вздор – или, правильнее сказать, плести? – что он-де размажет меня по лужайке и спляшет на моих останках в подбитых гвоздями башмаках, я всегда оставался спокоен, памятуя о том, что брехливая собака лает, ноне кусает. Иными словами, такой тип, как Спод, вынужден заботиться о своем положении в обществе, и ему непозволительно делать все, что взбредет в голову. Если он начнет размазывать людей по лужайкам, его ждут неприятности. «Книга пэров Дебретта» погрозит пальцем, «Книга поместного дворянства Берка»^[Книга поместного дворянства Берка. – Ежегодные справочники, названные по имени их первых издателей. Публикуются с начала XIX века.] вздернет брови, и глядишь, с ним, чего доброго, перестанут знаться в обществе, и ему только и останется, что эмигрировать.

Между тем Орло Портера не сдерживают опасения подобного рода. Как коммунист он, наверное, на короткой ноге с важными шишками в Кремле, и чем больше представителей буржуазии он выпотрошит, тем больше там порадуются. «Товарищ Портер – молодчина. Мыслит в правильном направлении,- скажут они, читая в газетах о покойном Вустере.- Надо будет не упускать его из виду и продвигать выше».

Итак, поскольку Портер откровенно признался, какие чувства испытывает к Ванессе Кук, самым благоразумным с моей стороны будет держаться от нее подальше. Я изложил свои соображения Дживсу, когда вернулся к себе, и он полностью разделил мою точку зрения.

– Как называют то, что бывает с обстоятельствами, Дживс? – спросил я.

– Сэр?

– Вы упоминали о чем-то таком в обстоятельствах, что ведет к чему-то там. Нечто похожее на свечение.

– Возможно, сэр, стечение – то слово, которое вы ищите?

– Точно. Оно и вертелось у меня на языке. Можно сказать- возникло стечение обстоятельств?

– Да, сэр.

– Так вот, возникло стечение обстоятельств. Факты заключаются в следующем. В Лондоне я познакомился с некоей мисс Кук, которая оказалась дочерью того самого типа, которому принадлежит лошадь, которая столь высокого мнения о той самой кошке. Эта

девица попала в неприятную историю с полицией, и отец отозвал ее домой, чтобы она была на глазах и не влипла в новые неприятности. Поэтому она Живет теперь в Эгсфорд-Корте. Я внятно излагаю сюжет?

– Да, сэр.

– Ее жених, с которым она помолвлена, некий человек по имени Портер, последовал за своей любимой, чтобы поддерживать ее и утешать в несчастье. Это понятно?

– Да, сэр. Такое нередко случается, когда два юных сердца разлучены.

– Я встретил Портера сегодня утром, и мое присутствие в Мейден-Эгсфорде явилось для него полной неожиданностью.

– Охотно верю, сэр.

– Он не сомневается, что я приехал сюда ради мисс Кук.

– Подобно Лохинвару^[Лохинвар – герой известной баллады Вальтера Скотта, входящей в его поэму «Мармион» (1808 г.).], возвратившемуся из западных стран.

Имя было мне незнакомо, но я не стал задавать лишних вопросов. Я видел, что Дживс заинтересовался и слушает, а раз так, повествователю лучше не отвлекаться на побочные сюжеты.

– Он пригрозил, что, если я не оставлю мисс Кук в покое, он выпустит мне кишки голыми руками.

– В самом деле, сэр?

– Вы не знакомы с Портером?

– Нет, сэр.

– Зато вы знаете Спода. Портер – это Спод в квадрате. Вспыльчивый нрав. Страшно обидчив. А мускулы его нагруженных рук крепки, как железные цепи, по выражению кого-то там. Упаси Бог задеть такого. Итак, ваши предложения?

– Я бы посоветовал избегать общества мисс Кук.

– Мне пришла в голову точно такая же мысль. Тут не предвидится затруднений. Шансы, что папаша Кук пригласит меня в гости, ничтожны. Итак, если я пойду верхней дорогой, а она нижней... Пожалуйста, Дживс, ответьте,- прервал я свои рассуждения, услышав, что в холле зазвонил телефон.- Наверное, это тетя Далия, но, может быть, и Портер. Меня для него нет дома.

Дживс вышел и через пять минут вернулся.

– Это была мисс Кук, сэр. Она звонила с почты и попросила меня сообщить вам, что сию минуту будет здесь.

Я не смог сдержаться и охнул: «Этого еще не доставало», а на Дживса взглянул с упреком.

– Вы не догадались сказать, что меня нет дома?

– Леди не оставила мне такой возможности, сэр. Она изложила свое сообщение и повесила трубку прежде, чем я успел ответить.

Мой лоб вновь избородили морщины.

– Скверное дело, Дживс.

– Да, сэр.

– Заявиться ко мне домой ни с того ни с сего.

– Да, сэр.

– А что если Орло Портер со своим биноклем притаился где-нибудь поблизости? – предположил я.

Не успел я развить эту тему, как у двери зазвонил колокольчик, и в следующее мгновение передо мной предстала Ванесса Кук. Дживс, я мог бы об этом и не упоминать, испарился, точно семейное привидение при первых лучах зари. Он всегда исчезает, когда ко мне приходят. И в этот раз я не заметил, как он ретировался, да и моя гостья, наверное, тоже не заметила, но его и след простыл.

Взглянув на Ванессу, я почувствовал беспокойство, какое испытываешь, когда натыкаешься на что-то горячее и думаешь: что, если сейчас взорвется? Я не видел Ванессу больше года, если не считать того случая, когда наблюдал за ней издали перед тем, как ее загребла полиция, и должен признаться, от произошедшей в ее облике перемены слегка стыла кровь в жилах. По виду она осталась той же красоткой, каких провожают свистом впечатлительные служащие американских вооруженных сил, но вместе с тем в ней появилось нечто жуткое, чего прежде не было, появились властность и дерзость, если я правильно выразил свою мысль. А все из-за образа жизни, который она вела. Если вы шагаете в первых рядах демонстрантов и кидаетесь с кулаками на полицейских, это не может не отразиться на вашей внешности.

Железная – вот самое подходящее для нее слово. Ванесса всегда была, что называется, гордой красавицей, а теперь в ней еще чувствовалось железо. Губы плотно сжаты, подбородок выпячен, всем своим видом она давала понять, что не потерпит никаких заигрываний. Если не считать того, что Ванесса была, как я уже отмечал, красоткой с обложки, переплюнула бы любую кинозвезду, но в остальном она напомнила мне мою детскую учительницу танцев, довольно страшную собой. Даже подумалось, что лет через тридцать она, глядишь, станет похожа на тетку Агату, под взглядом которой, как всем хорошо известно, сильные мужчины цепенеют, точно кролики.

Ее приветственные слова несколько не рассеяли мою тревогу. Смерив меня взглядом, словно в ее шкале ценностей я помещался на одном из последних мест, она произнесла:

– Я очень сердита на вас, Берти.

Мне это совсем не понравилось. Всегда неприятно оказаться в немилости у девушки, обладающей таким боксерским ударом, как Ванесса, – от этого всякому станет не по себе. Я выразил сожаление и поинтересовался, в чем я перед ней виноват.

– Вы меня преследуете!

Ничто так не поднимает дух, как сознание, что можешь опровергнуть незаслуженное обвинение. Я весело рассмеялся, и ее реакция на мой смех была такой же, как и у Орло Портера, только он помянул курицу, снесшую яйцо, а Ванесса прибегла к сравнению с гиеной, у которой кость застряла в горле. Откуда мне было знать, настаивал я, что она находится в здешних краях? Тут уж засмеялась она, и это был металлический смех, который не сулит ничего доброго ни человеку, ни зверю.

– Да бросьте! – сказала она. – Хотя я и в бешенстве, но, как ни странно, не могу отчасти не восхищаться вами. Удивительно, вы оказались способны на такой натиск. Это отвратительно, но говорит о том, что у вас есть характер. Мне кажется, если бы я вышла за вас замуж, то сделала бы из вас человека.

Я содрогнулся от кончиков волос до стелек в ботинках и почувствовал еще более сильную, чем раньше, благодарность к ней за то, что она меня отвергла. Знаю, что это значит – сделала бы из меня человека. Не пройдет и минуты после того, как епископ и его подручные завершат свое черное дело, а она уже начнет по-всякому мять и лепить меня, так и этак переиначивать мою душу, а мне нравится моя душа такой, как она есть. Возможно,

она не годится для того, чтобы заставлять толпы людей на улицах орать, но она устраивает меня, и я не желаю, чтобы моя душа стала игрушкой в чьих-то руках.

– Но это невозможно, Берти. Я люблю Орло и не смогу полюбить никого другого.

– Вот и прекрасно. Ваше право. Я хочу только, чтобы вы поняли одну вещь. Я действительно не знал, что вы здесь.

– Вы пытаетесь убедить меня, что это простое совпадение...

– Нет, не совсем так. Я бы сказал, это некое стечение обстоятельств. Мой врач прописал мне спокойную жизнь на лоне природы в деревне, и я выбрал Мейден-Эгсфорд, поскольку здесь гостит у своих друзей моя тетя, и мне подумалось, что будет неплохо пожить вблизи ее. Тихая жизнь в деревне может стать слишком уж безмятежной, если вокруг нет ни одной знакомой души. Вот тетя и сняла мне этот домик.

Вы, наверное, ожидали, что мои слова все прояснили, и жизнь превратилась в одну величавую прекрасную песнь [*...в одну величавую прекрасную песнь.* - Строка из стихотворения «Прощание» английского поэта Чарльза Кингсли (1819-1875).], как выразился кто-то там такой, но ничего подобного не произошло, лицо Ванессы осталось надутым. Некоторым девицам ничем не угодишь.

– Значит, я ошиблась, подумав, что вы способны проявить настойчивость,- сказала она, и если ее губы не искривились в презрительной усмешке, то тогда я не знаю, что такое презрительная усмешка.- Вы всего-навсего жалкий безмозглый буржуа. Орло таких терпеть не может.

– Типичный представитель золотой молодежи, полагают некоторые знатоки.

– За всю свою жизнь вы вряд ли совершили хотя бы один стоящий поступок.

Если на то пошло, я мог бы поставить ее в довольно дурацкое положение, сообщив, что еще в школе получил награду за прекрасное знание Библии, великолепно переплетенный том какого-то благочестивого автора, его имя не сохранилось в моей памяти, а когда тетя Далия издавала свой журнал «Будуар светской дамы», я написал для него статью или, точнее говоря, эссе «Что носит хорошо одетый мужчина». Однако я промолчал, главным образом потому, что не смог вставить ни слова. Женщины проговаривают свой текст с такой чудовищной скоростью, что мужчина не успевает вставить ни слова.

– Однако сейчас речь не о вашей впустую растрчиваемой жизни. Господь Бог, создавая вас, наверное, знал, что делал, поэтому не будем углубляться в эту тему. Вероятно, вы хотите услышать, что привело меня к вам.

– Милости просим в любое время,- отозвался я со свойственной мне учтивостью, но она оставила мои слова без внимания и продолжала:

– Друг моего отца, майор Планк, который гостит у нас упомянул за обедом какого-то Вустера, якобы он заходил сегодня утром. И когда отец весь побагровел и подавился бараньей котлетой, я поняла, что речь, должно быть, идет о вас. Вы относитесь к тому роду молодых людей, которых он просто не переваривает.

– А молодые люди отвечают ему взаимностью?

– Неизменно. Отец всю жизнь был помесью вождя гуннов Атилы с каймановой черепахой. Узнав, что вы в Мейден-Эгсфорде, я пришла попросить вас кое-что для меня сделать.

– Все, что в моих силах.

– Сущий пустяк. Конечно же, я буду переписываться с Орло, но мне не хочется, чтобы его письма приходили в Корт, потому что отец, помимо сходства с каймановой черепахой, отличается еще низким коварством. Он без зазрения совести перехватит и уничтожит его

письма. Отец спускается к завтраку раньше меня, что дает ему стратегическое преимущество. К тому времени, как я выйду к столу, сливки с моей корреспонденции уже будут лежать в кармане его брюк. Поэтому я собираюсь написать Орло, чтобы он присылал письма для меня на ваш адрес, а я буду каждый день забирать их.

Я в жизни не получал более неприятного предложения. При мысли, что Ванесса каждый день будет сюда являться, в то время как Орло Портер, уже доведенный до точки кипения, будет держать мой дом под постоянным наблюдением, у меня закипела кровь, и глаза, как звезды, рванулись из орбит^[...как звезды, рванулись из орбит.- В. Шекспир. «Гамлет» (акт I, сцена 5).], - как говорит Дживс, если я верно запомнил. Но в следующий миг я испытал безграничное облегчение, осознав, что мои страхи беспочвенны, поскольку в переписке между обеими сторонами нет никакой нужды.

– Но Орло здесь,- сообщил я.

– Здесь? В Мейден-Эгсфорде?

– Именно здесь, в Мейден-Эгсфорде.

– Вы шутите, Берти.

– Вовсе нет. Если бы шутил, вы бы сразу же покатались со смеху. Говорю вам, Орло здесь. Я встретил его сегодня днем. Он наблюдал за певуном Кларксона. Кстати, у вас, случайно, нет сведений об этом Кларксоне? Мне интересно, кто он такой и откуда у него певун.

Мой вопрос остался без ответа, чему я нисколько не удивился. Покажите мне девушку, честно говорю я, и я покажу вам ту, кто пропускает мимо ушей мои слова.

Бросив на Ванессу внимательный взгляд, я заметил, что выражение ее лица изменилось. Как я уже отмечал, под влиянием привычки лупцевать полицейских на улицах ее лицо огрубело, но в ту минуту оно так и лучилось нежностью. Глаза, хотя и не сорвались из орбит, стали большими, как мячи для гольфа, и мягкая улыбка озарила физиономию. Она промолвила: «Потрясающе!» или что-то в этом роде.

– Значит, он приехал! Он последовал за мной! – Судя по ее тону, поступок Орло вызвал у нее безграничный восторг. Выходит, она не возражала, чтобы ее преследовали,- зависит, кто преследователь.- Как рыцарь в сверкающих доспехах на белом коне.

Здесь было бы вполне уместно припомнить Дживсова приятеля, который приехал из западных стран, и сказать, что Орло на него похож, но мне пришлось пропустить свой ход, потому что у меня вылетело из головы, как звали того парня.

– Не понимаю, как Орло удалось приехать, он же на службе,- выразил я недоумение.

– У него ежегодный двухнедельный отпуск. Поэтому он смог участвовать в демонстрации. Мы с ним шли в первом ряду.

– Знаю. Я смотрел издали.

– Мне до сих пор неизвестно, что с ним произошло в тот день. Он сбил с ног полицейского, а потом вдруг исчез.

– С ним произошло лучшее, что могло произойти, когда собьешь с ног полицейского. Он прыгнул в мою машину, и я отвез его в безопасное место.

– А, понятно.

Признаюсь, я ожидал изъясления более сильных чувств. Не то, чтобы я горел желанием получать благодарности за небольшие услуги, какие расточаешь на каждом шагу, но, как бы там ни было, по милости Орло я оказал противодействие полицейским, находящимся при

исполнении служебных обязанностей, кажется, так гласит закон, и, следовательно, рисковал надолго угодить в кутузку, поэтому проявление некоторой взволнованности было бы нелишним. Мне ничего другого не оставалось, как обратиться к Ванессе укоризненный взгляд. Однако это не произвело на нее ровным счетом никакого впечатления, и она продолжала:

– Он поселился в «Гусе и кузнечике»?

– Понятия не имею,- произнес я в ответ, и если в моем голосе прозвучала нотка раздражения, вряд ли кто меня осудит за это.- Во время нашей встречи мы говорили главным образом о моих внутренних органах.

– А что стряслось с вашими внутренними органами?

– Пока ничего, но, по мнению Орло, вскоре кое-что может случиться.

– Удивительно отзывчивая душа.

– Да уж, это точно.

– Он дал вам какие-нибудь полезные советы?

– По правде говоря, дал.

– Как это на него похоже!

Ванесса ненадолго погрузилась в молчание, несомненно, размышляя о неведомых мне выдающихся достоинствах Орло. Затем снова заговорила:

– Должно быть, он живет в «Гусе и кузнечике». В округе это единственная приличная гостиница. Сходите туда и передайте ему, что я буду ждать его здесь завтра в три часа дня.

– Здесь?

– Да.

– То есть в этом самом доме?

– А почему бы и нет?

– Я думал, вы захотите увидеться с ним наедине.

– Вот именно. Вы пойдете прогуляться.

И вновь я мысленно возблагодарил своего ангела-хранителя, который постарался, чтобы эта гордая красавица не стала миссис Бертрам Вустер. Ее невозмутимая уверенность, что стоит лишь свистнуть, и все тут же кинутся исполнять ее прихоти, действовала на меня угнетающе. Гордость Вустера была глубоко задета бесцеремонностью, с какой меня выставляли из моего же дома, и не будет преувеличением сказать, что кровь закипела у меня в жилах. Меня подмывало произнести нечто язвительное, например: «Вот как?»,- однако *preux chevalier* [Благородный рыцарь (франц.)], каким я всегда стремился быть, не должен попираť слабый пол железной пятой, как бы его ни провоцировали.

Вместо этого я просто ответил: «Уже иду» – и отправился в заведение «Гусь и кузнечик», передать Орло тайное послание.

Я нашел Орло Портера в баре, где он пил джин с газировкой. На его лице, и без того мало привлекательном, застыло угрюмое выражение, нисколько не радующее глаз. Он явно был в дурном настроении, что нередко случается, когда томящееся в разлуке сердце А понимает, что шансы преодолеть препятствия к воссоединению с томящимся в разлуке сердцем Б равны, в лучшем случае, восьми из ста.

Мрачность Орло могла объясняться и другими причинами. К примеру, до него дошло известие, что сегодня утром в Москве ликвидировали какого-нибудь его приятеля, а возможно, он сам уколошил капиталиста и теперь не знает, как избавиться от трупа. Но я все же был склонен приписать его унылый вид терзаниям любви и даже слегка пожалел его.

Орло встретил меня взглядом чернее тучи, и мне стало ясно, что мы никогда не будем обмениваться с ним рождественскими подарками, и еще я подумал, глядя на Орло, как же его много, и все – анти-вустеровской закваски. То же самое мне обычно приходило в голову при виде Спода. Наверное, есть во мне что-то, пробуждающее низменные страсти в мужчинах восьми футов роста и шести футов в плечах. Как-то я поделился своим наблюдением с Дживсом, и он согласился, что это просто удивительно. Чем ближе я к нему подходил, тем тусклее становился его взор. Что бы на самом деле его ни расстраивало, мое прибытие не послужило лучом света во мраке его души. Выражение его лица оставалось постным, как у зрителей бесплатных дневных спектаклей или как у снулой рыбы на прилавке. Не повеселел он даже тогда, когда я передал ему послание Ванессы. Последовало продолжительное молчание, нарушаемое лишь бульканьем стекавшей в его глотку газировки.

Наконец Орло заговорил, но голосом ожившего трупа из фильма ужасов, где герой поднимает надгробную плиту в склепе под разрушенной часовней, а покойник возьми да вступи с ним в беседу.

– Не понимаю.

– Что же тут непонятного? – удивился я, добавив «товарищ», поскольку вежливость еще никому не повредила. – Готов бескорыстно оказать любое доступное мне содействие в разрешении небольших затруднений, которые могут у тебя возникнуть. Я пришел помочь.

Я подмешал в свои слова столько тепла, что хватило бы расплавить медного истукана, но на Орло мои слова не произвели ни малейшего действия. Он продолжал сверлить меня взором тети Агаты.

– Странно, ты уверяешь, будто у вас всего лишь шапочное знакомство, а между тем она готова нелегально приходить в твой дом. Если еще вспомнить, как конспиративно ты вел себя в Эгсфорд-Корте, то все это не может не навести на подозрения.

Когда ваш собеседник пускает в ход такие слова, как «нелегальный» и «конспиративный», да еще говорит про подозрения, тут всякий благоразумный человек будет действовать с оглядкой. Но, к счастью, я мог дать простое и ясное объяснение, что я и сделал с обезоруживающей откровенностью, полагая этим разрешить все недоразумения.

– В моем появлении в Эгсфорд-Корте не было ничего нелегального. Я оказался там по ошибке. А визит мисс Кук в мой дом был конспиративным поневоле, потому что отец не спускает с нее глаз. И ко мне она пришла потому, что никак иначе не могла связаться с тобой. Она не знала, что ты приехал в Мейден-Эгсфорд, и боялась, что, если ты ей

напишешь, письмо попадет к папаше. Ему перехватить письмо, адресованное дочери,- раз плюнуть.

Мне казалось, что я объяснил все как нельзя более убедительно, но Орло продолжал сверлить меня глазами.

– И все-таки странно, почему именно тебя она сделала своим доверенным лицом,- гнул он свое.- Это предполагает близкие отношения.

– Ну что ты, какое там. Мне доверяют свои секреты девушки, с которыми я почти не знаком. Они видят во мне отца.

– Хорош отец. Если девушка видит в тебе отца, надо проверить, все ли в порядке у нее с головой.

– Ну ладно, скажем, брата. Они знают, что добрый старый Берти никому не разболтает их маленькие тайны.

– Нашелся добрый старый Берти. Если хочешь знать, по-моему, ты змей, который шныряет вокруг и похищает наших любимых женщин.

– Ничего подобного,- возразил я. Вот, оказывается, чем на самом деле занимаются змеи!

– Мне все это кажется сомнительным,- продолжал Орло. И тут он, к моей радости, вдруг сменил тему: – Ты знаешь человека по имени Споффорт?

Я ответил, что нет, вроде бы не знаю.

– П.Б. Споффорт. Здоровенный детина с подстриженными усиками.

– Нет, я с ним не знаком.

– И не скоро познакомишься. Он в больнице.

– Прискорбно слышать. Как он туда попал?

– Я его отправил туда. Он поцеловал женщину, которую я люблю, на пикнике, который устраивает Клуб мероприятий и развлечений на свежем воздухе при школе искусств Слейда. А ты, Вустер, целовал когда-нибудь женщину, которую я люблю?

– Что ты, Боже сохрани.

– Смотри, не вздумай. Долго она пробыла у тебя?

– Считанные секунды. Впорхнула на мгновение и тут же выпорхнула. Только и успела сказать, что ты похож на рыцаря в сверкающих доспехах на белом коне, и попросила передать, что будет ждать тебя завтра ровно в три часа в моем доме.

Похоже, это его успокоило. Он все еще хмурился, но уже не как Джек Потрошитель, замысливающий очередное убийство. Однако у него еще оставались некоторые сомнения.

– Мне не кажется удачной идея встречаться у тебя в доме.

– Почему?

– Ты будешь пугаться под ногами.

– О, с этим все в порядке, не беспокойся, товарищ. Я пойду прогуляться.

– Ах, так,- обрадовался он.- Пойдешь прогуляться? Очень полезное дело, разомнешься хорошенько. Разрумянишься. Только не спеши. Не торопись с возвращением. Тут, говорят, есть красивые места, которые стоит осмотреть.

На этой добросердечной ноте мы расстались. Орло отправился к стойке за новой порцией джина с газировкой, а я к себе домой, чтобы сообщить Ванессе, что *pourparlers* [Переговоры (франц.)] прошли успешно и Орло прибудет к стартовой отметке завтра ровно в три пополудни.

– Как он выглядел? – озабоченно спросила она. Ответить на этот вопрос было непросто, поскольку Орло выглядел как мелкий гангстер, который мается флюсом, но я сочинил

несколько тактичных слов, и, как сказал бы Дживс, они были встречены с чувством удовлетворения. Ванесса ушла.

Сразу же после ее ухода в комнате снова возник Дживс. Вид у него был слегка смущенный.

– Мы не закончили наш разговор, сэр, нас прервали...

– Да, Дживс, нас прервали, но я рад сообщить вам, что мне больше не нужен ваш совет. Пока вы отсутствовали, ситуация прояснилась. Стороны договорились о встрече, и в скором времени она состоится, притом здесь, в этом самом доме, завтра в три часа дня. Чтобы не быть помехой, я отправлюсь на прогулку.

– Весьма отратно слышать, сэр,- сказал Дживс, и, на мой взгляд, попал в самую точку.

На следующий день без пяти минут три я препоясал чресла и готовился исчезнуть, когда явилась Ванесса Кук. Мое присутствие неприятно удивило ее. Она поморщилась, словно от меня дурно пахло, и спросила:

– Вы еще не ушли?

Подобный вопрос показался мне довольно-таки бестактным даже для гордой красавицы, но, следуя своему правилу всегда оставаться *preux* [Благородный (франц.)], я миролюбиво ответил:

– Уже ухожу.

– Ну так идите же,- приказала она, и я пошел.

На улице все было по-прежнему, не на чем взгляд остановить. Тут и там столетние старцы обменивались воспоминаниями об англо-бурской войне, какая-то собака с интересом изучала нечто, обнаруженное ею в сточной канаве, и больше ничего, совершеннейшая пустота. Я дошел до конца улицы, посмотрел на юбилейную поилку для скота, потом перешел другую сторону и двинулся в обратном направлении, размышляя о том, как был бы доволен Э. Дж. Мергэтройд, если бы видел меня сейчас. И тут мое внимание привлек магазин, совмещенный с почтой. Я вспомнил, как Дживс говорил, что здесь не только продаются марки, почтовые открытки с видами, носки, ботинки, рабочая одежда, розовые леденцы, желтые леденцы, бечевка, сигареты и канцелярские принадлежности, но есть еще и небольшая библиотека.

Я вошел. Отправляясь в дорогу, я не прихватил с собой никакой литературы для чтения, а, между тем, не хотелось пренебрегать своим интеллектуальным развитием.

Как все подобные сельские заведения, библиотека не стремилась идти в ногу со временем. Я колебался в выборе между романами – «По царскому велению» и «Тайна извозчика»,- ничего лучше мне не удалось обнаружить,- когда дверь распахнулась, и в магазин вошла Анжелика Брискоу, миловидная барышня, с которой я познакомился за обедом в Эгсфорд-Холле. Дочь vicar, если помните.

Увидев меня, Анжелика повела себя довольно странным образом. Она вдруг приняла таинственный вид, точно нигилистка на встрече с нигилистом из романа «По царскому велению». Хотя я еще не читал этого сочинения, но было ясно, что в нем нигилистов и нигилисток не счесть, и они постоянно друг с другом встречаются и строят страшные козни. Анжелика схватила меня за руку и, понизив голос до зловещего шепота, спросила:

– Он уже принес?

Я совершенно не понял, о чем она. Мне хочется считать себя учтивым светским человеком, который не хуже всякого другого умеет перекинуться шуткой-другой с хорошенькой девушкой, но, признаюсь, на сей раз я не нашелся с ответом и уставился на нее в немом изумлении. Трудно представить, чтобы дочь vicar состояла в тайном обществе, но никак иначе нельзя было объяснить ее слова. Они прозвучали как секретный пароль, некий условный знак, который понятен лишь тем, кто принадлежит к членам Грозной Семерки, у них там на хорошем счету и заплатил все положенные взносы.

Спустя мгновение ко мне вернулся дар речи, не вполне, но хотя бы отчасти.

– Э-э? – вымолвил я.

Судя по всему, Анжелика удовлетворилась таким ответом сразу перестала строить из

себя героиню романа «По царскому велению» и снова стала милой девушкой, которая вполне вероятно, играет на органе в церкви у своего отца.

– Понимаю, еще не принес. Конечно, такое дело требует времени.

– Какое дело?

– Не могу вам объяснить. Вон идет отец.

В магазин забрел преподобный Брискоу с целью, как стало очевидно, купить полфунта розовых и полфунта желтых леденцов для поощрения самых хороших мальчиков из церковного хора. Его появление прервало дальнейшие откровения миловидной барышни, и с этого момента наша беседа касалась лишь погоды, состояния церковной крыши и как-чудесно-выглядит-ваша-тетя-так-приятно-было-снова-повидать-ся. Обменявшись с ними несколькими бессвязными фразами, я оставил своих собеседников и продолжил прогулку.

Очень непросто определить, сколько времени потребуется двум разлученным, а затем внезапно воссоединенным сердцам, чтобы связать воедино все разорванные нити. Для пущей уверенности я отвел на свидание Орло и Ванессы около полутора часов и не ошибся в своих расчетах. Когда я вернулся домой, оба уже убрались восвояси.

У меня из головы никак не выходил странный вопрос, заданный мне Анжеликой Брискоу. Чем больше я над ним размышлял, тем более зашифрованным он мне казался. Я имею в виду ее фразу: «Он уже принес?». Кто он? И что должен был принести? Я позвал Дживса, чтобы выяснить, что он думает по этому поводу.

– Дживс,- начал я,- предположим, вы заходите в магазин и берете в тамошней библиотеке роман «По царскому велению», и тут появляется дочь викария и без всяких вступлений, не сказав даже «Привет», обращается к вам с вопросом «Он уже принес?». Как бы вы истолковали ее слова?

Дживс задумался, его быстрый ум заработал сразу в нескольких направлениях, как он сам однажды выразился.

– «Он уже принес?», сэръ?

– Именно так.

– Я бы пришел к заключению, что какой-то знакомый должен был прийти или еще придет вскоре и принесет юной леди некий неизвестный предмет.

– Именно так я и подумал. А что представляет собой этот неизвестный предмет, мы, по всей видимости, узнаем в свое время.

– Вне всякого сомнения, сэръ.

– Будем терпеливо ждать, пока все не прояснится.

– Да, сэръ.

– А пока отложим эту тему. Скажите мне, как прошла встреча мисс Кук и мистера Портера? Успешно?

– Да, сэръ, некоторое время они беседовали.

– Тихими, прерывающимися голосами?

– Нет, сэръ, леди и джентльмен разговаривали на повышенных тонах.

– Странно. По-моему, влюбленные обычно шепчутся.

– Но не в разгар ссоры, сэръ.

– Господи, помилуй! Они ссорились?

– И весьма бурно, их было отчетливо слышно на кухне, где я читал том Спинозы, который вы столь любезно подарили мне на Рождество. Дверь оставалась приоткрытой.

– Таким образом, вы стали свидетелем по слуху?

– От начала и до конца, сэр.

– Расскажите мне все, Дживс.

– Очень хорошо, сэр. Я должен начать с того, что мистер Кук как опекун распоряжается деньгами, оставленными мистеру Портеру его дядей, который, оказывается, был коммерческим партнером мистера Кука.

– Да, знаю, Портер мне рассказывал.

– Пока мистер Кук не откажется от своего опекунства, мистер Портер не может позволить себе жениться. Насколько я понял, его нынешняя работа не очень щедро вознаграждается.

– Он продает страховые полисы. Я не говорил вам, что купил у него страховку от несчастного случая?

– Не припомню, сэр.

– А потом еще застраховал у него жизнь, и все это на суммы, превышающие самые алчные мечты. Поддался на уговоры. Но не буду прерывать вас. Продолжайте рассказывать мне все.

– Да, сэр. Мисс Кук уговаривала мистера Портера потребовать встречи с ее отцом.

– Чтобы заставить его выложить денежки?

– Вот именно, сэр. «Будь твердым,- говорила она.- Покажи характер. Посмотри ему в глаза и стукни кулаком по столу».

– Иными словами, она предложила конкретные меры?

– Да, сэр.

– И что же он на это ответил?

– Он сказал, что как только начнет стучать кулаком по столу в присутствии мистера Кука, тот освидетельствует его как психически невменяемого и упрячет в ближайший дом для умалишенных- или, как он выразился, в психушку.

– Странно.

– Сэр?

– Никогда бы не подумал, что Портер способен проявить такое, такое... как это называется?

– Быть может, малодушие- то слово, которое вы ищите сэр?

– Возможно. Помню, оно вроде бы начинается на «ма». Мне показалось это странным, потому что я полагал, что рыцари в блестящих доспехах ни перед чем не робеют.

– Они, очевидно, делают исключение для мистера Кука. Насколько я понял из вашего рассказа о посещении Эгсфорд-Корта, этот джентльмен отличается на редкость грозным нравом.

– Совершенно верно. Вы когда-нибудь слышали о капитане Блае с брига «Баунти»?

– Да, сэр. Я читал о нем книгу.

– Я смотрел кино. А слышали о Джеке Потрошителе?

– Да, сэр.

– Сложите их вместе и что получите? Кука. Все дело в арапнике. Можно встретить лицом к лицу человека злобного, как гремучая змея, изрыгающего черные ругательства,- и не дрогнуть. Но дайте ему охотничий хлыст, и вы пропали. Я чудом ушел из Эгсфорд-Корта, сохранив в неприкосновенности седалище своих брюк. Но продолжайте, Дживс. Что случилось потом?

– Можно я приведу в порядок свои мысли, сэр?

– Разумеется, сколько угодно.

– Благодарю вас, сэр. Хотелось бы связно изложить произошедшее.

Упорядочивание мыслей заняло у него от двадцати до тридцати секунд. Затем он представил последовательный отчет о ссоре между Ванессой Кук и О. Дж. Портером, которая затмила бы знаменитый бой между Джином Танни и Джеком Демпси в Чикаго [...бой между Джином Танни и Джеком Демпси в Чикаго. - Поединок за титул чемпиона мира между двумя самыми известными американскими боксерами, состоялся в 1927 году.]

– Сразу же после того, как мистер Портер отказался идти мистеру Куку и стучать кулаком по столу, мисс Кук завела разговор о кошке.

– Какой кошке?

– Той самой, которую вы встретили в Эгсфорд-Корте и у которой завязалась столь крепкая дружба с лошадьёю мистера Кука, Потейто Чипом. Мисс Кук подговаривала мистера Портера похитить кошку.

– Ничего себе!

– Да, сэр. Женские особи вида более ядовиты, чем мужские. «Метко сказано»,- подумал я.

– Ваши слова? – спросил я.

– Нет, сэр. Цитата.

– Что ж, продолжайте,- сказал я, отметив про себя, сколько же всего замечательного наговорил когда-то Шекспир. «Женские особи вида более ядовиты, чем мужские». Достаточно вспомнить мою тетю Агату и ее мужа, чтобы понять всю истинность этих слов.- Я понял, Дживс. С кошкой в руках Портер получит сильную позицию против Кука в споре за капиталы, находящиеся у него под опекой.

– Именно так, сэр. Rem acu tetigisti [Ты коснулся сути дела] (лат.).]

– И должно быть, как раз сейчас Орло находится в Эгсфорд-Корте и вонзает зубы в старого капитана Блая.

– Нет, сэр. Он категорически отказался выполнить просьбу мисс Кук. «Ни за что на свете», – отрезал он.

– Этот тип, О. Дж. Портер, не слишком склонен к сотрудничеству.

– Да, сэр.

– Отчасти напоминает Валаамову ослицу,- заметил я, имея в виду персонаж, который фигурировал в школьной экзаменационной работе, когда я получил награду за знание Библии.- Если помните, она тоже заупрямилась, и ни тпру ни ну.

– Да, сэр.

– А мисс Кук, наверное, взбеленилась?

– Действительно, из ее слов можно было понять, что она недовольна. Она назвала мистера Портера трусливым ничтожеством и заявила, что больше никогда не станет с ним разговаривать и просит не посылать ей писем, телеграмм или почтовых голубей.

– Похоже на разрыв.

– Да, сэр.

Я вздохнул, не то чтобы очень глубоко, а так, слегка.

Сострадательному человеку неизбежно взгрустнется при виде того, как юная любовь разбивается о скалы. Я не представлял себе, как можно по собственному горячему желанию вступить в брак с Орло Портером, и сам содрогнулся бы от макушки до носков от одной только ужасной мысли, чтобы мне жениться на Ванессе Кук. Однако эти двое были такой

подходящей парой, обидно, что какие-то сказанные в сердцах слова преградили им путь к алтарю.

Вместе с тем в их разрыве была и положительная сторона – он послужит Ванессе хорошим уроком, наконец-то ей попался тот, кем она не может помыкать по своему капризу. Я сказал об этом Дживсу, и он согласился, что можно посмотреть на вещи и в таком разрезе.

– Может быть, перестанет воображать себя Клеопатрой или кем-то там еще.

– Совершенно верно, сэр.

Я с удовольствием продолжил бы нашу беседу, но Дживсу не терпелось вернуться к своему Спинозе. Наверное, я оторвал его от чтения в том месте, когда Спиноза приблизился к разгадке тайны обезглавленного трупа на полу в библиотеке.

– Хорошо, Дживс,- сказал я.- Пока это все.

– Благодарю вас, сэр.

– Если вам придет в голову какое-нибудь объяснение загадочной фразы «Он уже принес?», пришлите мне докладную записку.

Я говорил шутливо, но мне было совсем не весело. Непонятные слова Анжелики Брискоу лишили меня душевного равновесия. Весьма вероятно, что за моей спиной творятся вещи, которые не сулят мне ничего хорошего. В прошлом я немало пострадал от проделок девиц в возрасте Анжелики – одна Стиффи Бинг чего стоит,- и неудивительно, что я стал осторожным и подозрительным, как лиса, которую годами травят члены охотничьего общества «Пайтчли».

Говоря обиняками – кажется, есть такое выражение,- А. Брискоу навела меня на неприятную мысль, что здесь кроется какая-то тайна. Тайны хороши только в книгах, я люблю свернуться калачиком на диване с последним романом Агаты Кристи в руках, но в обычной жизни они вовсе не нужны, от них одна головная боль.

У меня уже начинало стучать в висках, когда послышался какой-то шум. Дверь распахнулась, и ко мне вошла Ванесса Кук.

На лице еще остались следы недавнего столкновения. Щеки пылали, глаза сверкали, а при взгляде на ее зубы не оставалось сомнений, что еще совсем недавно ими свирепо скрежетали. Весь вид этой барышни свидетельствовал о том, что ее эмоциональная натура охвачена смятением.

– Берти,- проговорила она.

– Привет,- отозвался я.

– Берти, я согласна стать вашей женой.

Вы, естественно, ожидали, что в ответ на подобное заявление я произнесу что-то вроде: «Боже мой!» или «Кем, кем вы согласны стать?», - однако я остался *sotto voce* [Вполголоса (*шпал.*). Неправильно использованный музыкальный термин.], превратился в немое изваяние, лишь вытаращил глаза, как те ребята, о которых говорил Дживс, что в безумной догадке они молча застыли на вершине Дарьена [...застыли на вершине Дарьена - имеется в виду сонет Дж. Китса «Впервые прочитав Гомера в переводе Чапмена», в котором говорится о том, как завоеватель Мексики Кортес и его солдаты впервые увидели Тихий океан.]

Слова Ванессы поразили меня, как гром среди ясного неба. Когда я в прошлом делал ей предложения, она отвечала таким категорическим отказом, что, казалось, с этого направления мне больше ничего не угрожает, мы даже не останемся просто друзьями. Она тактично, но недвусмысленно дала понять, что скорее умрет в канаве, чем станет моей женой, и вот вам, пожалуйста. Выходит, мужчина вообще никогда не может быть уверен в собственной безопасности? Неудивительно, что у меня, как говорится, язык прилип к гортани.

А Ванесса, наоборот, разговорилась. Облегчив душу признанием, она явно почувствовала себя лучше. Огонь в глазах погас, зубы больше не скрежетали. Не говорю, что теперь без опаски повстречал бы ее в темном переулке, но в ней, несомненно, произошли изменения к лучшему.

– Свадьба у нас будет очень-очень скромная,- рассуждала она.- Всего несколько моих лондонских знакомых. А может быть, даже более чем скромная. Все зависит от отца. Грубо говоря, он относится к вам, как полицейские к Врагу Общества Номер Один, заявившемуся к ним на ежегодный бал. Не знаю, что вы ему сделали, но только я в жизни не видела его таким пунцово-лиловым, как в тот момент, когда за обедом назвали ваше имя. Если его отношение к вам не изменится, нам придется бежать. Меня это несколько не смущает. Наверное, многие назовут мой поступок опрометчивым, но я готова пойти на риск. Я мало вас знаю, это правда, но человек, при одном упоминании имени которого у моего отца застревают кусок в горле, не может быть безнадежно плохим.

Наконец язык мой отлип от гортани, и я вновь обрел дар речи, как, надеюсь, и те ребята на вершине Дарьена.

– Но я не понимаю!

– Чего не понимаете?

– Я думал, вы собираетесь замуж за Орло Портера.

Она фыркнула и причмокнула – так хлюпает слон, вытягивая ногу из топкой грязи в чаще бирманского тикового леса. По всей видимости, я коснулся обнаженного нерва.

– Вы так думали? Вы заблуждались. Какая девушка, сохранившая хотя бы крупицу здравого смысла, выйдет замуж за человека, который отказывается выполнить ее пустячную, ничтожную просьбу, потому, видите ли, что боится ее отца? Если бы Орло Портер свалился с лестницы и сломал шею, я бы только порадовалась. С каким наслаждением я прочитала бы его имя в колонке некрологов в «Таймсе». Но выйти за него замуж? Что за мысль! Нет, меня вполне устраиваете вы, Берти. Кстати, это имя мне совершенно не нравится. Пожалуй, я буду называть вас Гарольд. Да, вы вполне мне подходите. Разумеется, у вас много недостатков. Как-нибудь на досуге я укажу вам на некоторые из них. Например,- продолжила она, не

дожидаясь, пока окажется на досуге, – вы слишком много курите. Когда мы поженимся, вам придется это бросить. Курение – всего лишь дурная привычка. Толстой,- сослалась она на какого-то своего знакомого, которого я не имею чести знать,- утверждает, что такое же удовольствие можно получить, если просто вертеть пальцами.

Я чуть было не ответил ей гневной отповедью, что ее Толстой просто спятил, однако вовремя сдержался. Откуда мне знать, а вдруг это ее близкий друг, и она не потерпит ни малейшей критики в его адрес, даже самой справедливой. А что случается с теми, чьи критические замечания пришлись Ванессе не по вкусу,- например, с полицейскими,- хорошо известно.

– И еще этот ваш глупый смех, над ним надо будет поработать. Если вам смешно, вполне достаточно спокойно улыбнуться. Лорд Честерфилд пишет, что по достижении им совершеннолетия никто никогда не слышал, чтобы он смеялся. Но вы вряд ли читали «Письма лорда Честерфилда к сыну»?

Конечно, не читал. Бертрам Вустер не читает чужих писем. Если бы я служил на почте, то не читал бы даже почтовых открыток.

– Я составлю вам список необходимой литературы. Она, кажется, собралась перечислить несколько названий, но в этот момент в комнату ворвалась Анжелика Брискоу.

– Принес? – во весь голос осведомилась она.

Но, заметив Ванессу, охнула и ускользнула, как угорь в ил. Ванесса проводила ее снисходительным взглядом.

– Эксцентричная барышня,- заметила она.

Я согласился, что Анжелика Брискоу действительно перемещается в пространстве загадочным образом и чудеса творит. Ванесса ушла, а я рухнул в кресло и закрыл лицо руками.

Для этого у меня были веские основания, ведь я только что обручился с девушкой, которая намерена заставить меня бросить курить. В это время у входных дверей раздался шум, который ни с чем нельзя было спутать,- это тетя вытирала ноги о коврик. В следующее мгновение сестра моего покойного отца Даля с разгону влетела в комнату, покачнувшись, повернулась, чертыхнулась и, наконец обретя равновесие, спросила:

– Принес?

По-моему, я человек не вспыльчивый, особенно в отношениях со слабым полом, но когда каждая из них при виде вас вопит «Принес?», это не может не задеть самолюбия. Я смерил тетю Далию свирепым взглядом, каким племянники не должны смотреть на теток, и проговорил довольно резким тоном:

– Если бы хоть одна из вас оставила эту манеру разговаривать, как героини романа «По царскому велению», мир стал бы лучше. Что принес?

– Кошку, разумеется, что же еще, несчастный ты болван,- ответила она с непосредственностью, снискавшей ей такую популярность среди любителей лисьей охоты в «Куорне» и «Пайтчли».- Кошку Кука. Я ее похищаю. Точнее говоря, от моего лица действует агент. И я велела ему принести ее сюда.

Я, как говорится, онемел. Если что-то может парализовать голосовые связки племянника, так это открытие, что любимая тетя имеет смутные понятия о разнице между добром и злом. За многие годы горький опыт должен был научить меня, что там, где в дело вступает тетя Далия, можно ожидать чего угодно, для нее не существует пределов. И тем не менее я был...- есть какое-то подходящее тут слово... Да, вспомнил... Я был огорошен.

Как известно, любая женщина, когда хочет, чтобы ее слушали, старается огорошить аудиторию, и меня не удивило, что тетя Далия воспользовалась моим молчанием, чтобы захватить инициативу. Понимая, что от нее требуется хоть какое-то объяснение, она выступила с художественной декламацией, не опуская подробностей и не заботясь о сжатости изложения. Стартовав со скоростью 75 миль в час, она ринулась вперед:

– Для начала я должна объяснить одной дурьей башке – тебе, если взять первый попавшийся пример,- в каком сложном положении я оказалась, когда приехала к Брискоу. Приглашая меня в Эгсфорд-Холл, Джимми на все лады превозносил шансы его лошади Симлы на предстоящих скачках. Утверждал, что дело верное и что поставить на Симлу – все равно что найти кошелек на улице. Я, бедная слабая женщина, позволила себя уговорить, и в надежде на выигрыш пожертвовала всем, что имела, вплоть до самых интимных предметов туалета. И лишь после приезда, изучив общественное мнение, я узнала, что ставить на Симлу не такое уж надежное дело, а совсем даже наоборот. Лошадь Кука, Потейто Чип, несколько не уступала ей в быстроте и выносливости. В сущности, велика была вероятность, что обе лошади одновременно придут к финишу, если только, следи внимательно, Берти, если только одна из них не сорвется на тренировках. И тут появляешься ты с конфиденциальной информацией, что Потейто Чип не сможет готовиться к соревнованиям, если лишится вдохновляющего общества той самой кошки. И на меня снизошло озарение. «Из уст младенцев и грудных детей! – сказала я себе. – Из уст младенцев и грудных детей!» [*Из уст младенцев и грудных детей!*- Псалом 8, ст. 3.]

Мне хотелось выразить пожелание, чтобы тетя Далия не прибегала к таким сильным выражениям, но разве ей скажешь? Когда моя престарелая родственница завладевает разговором, нечего и пытаться вставить хотя бы слово.

– Я упомянула,- продолжала она,- что поставила на Симлу все, что имела. Скажу точнее. Ставка значительно превышает все, чем я располагала. В случае проигрыша я не смогу заплатить и вынуждена буду обратиться к Тому за изрядной суммой. А у Тома, как тебе известно, когда приходится раскошелиться, случается несварение желудка. Можешь

вообразить, что со мной творилось. Если бы не Анжелика Брискоу, все кончилось бы неминуемым нервным срывом. Только усилием моей железной воли я сдерживала себя, чтобы не лезть на стенки и не выть, как фея-плакальщица. Слишком чудовищным было напряжение.

Я все еще сидел огорошенный, но все-таки сумел переспросить: «Анжелика Брискоу?», - так как не понял, при чем тут она. Тетя продолжала:

– Только не говори, что не помнишь ее. И вообще не понятно, почему ты до сих пор не сделал ей предложение, обычно тебе на это требуется пять минут после знакомства с любой девушкой, кроме уж совсем безобразных. Вероятно, от того количества портвейна, которое ты в себя залил, у тебя в глазах помутилось. Анжелика – дочь преподобного Брискоу. После твоего ухода мы с ней разговаривали, и выяснилось, что она тоже поставила на Симлу, и немало, а теперь ума не приложит, как вывернуться, если Симла проиграт. Я рассказала ей про кошку, и она с восторгом поддержала мою идею выкрасть ее и, более того, разрешила трудность, которая меня смущала, а именно, как осуществить похищение. Видишь ли, такое дело не каждому по плечу. Например, я для него не гожусь. Тут нужен кто-то наподобие краснокожих индейцев, о которых я девочкой читала в книгах Фенимора Купера. У этой публики ни одна веточка под ногой не хрустнет, а у меня совсем другая комплекция.

Что правда, то правда. Возможно, что в юности моя престарелая родственница была грациозна, как сильфида, но с годами она приобрела известную солидность, и уж коли теперь, на закате своих дней, она наступит на какую-нибудь веточку, раздастся такой грохот, точно взорвался газопровод.

– Но Анжелика нашла выход. Что за прелесть эта девушка. Всего-навсего дочь священника, а какие организаторские способности – как у выдающегося государственного деятеля. Она не колебалась ни минуты. Лицо просветлело, глаза засияли. И она сказала: «Это дело для Билли Грэхема» [*Грэхем, Билли* (р. 1918) – пользующийся мировой известностью американский проповедник и миссионер.]

Я с удивлением посмотрел на тетю Далию. Имя было мне знакомо, но я никогда не соотносил его с успехами в искусстве перемещения кошек, особенно чужих, из точки А в точку Б. По правде говоря, я даже думаю, что мистер Грэхем по роду своих занятий, скорее всего, не одобрил бы такой вид деятельности.

Я выразил недоумение, но тетя объяснила мне мою, вполне естественную, ошибку.

– Его настоящее имя Герберт Грэхем, но все называют его Билли.

– Почему?

– Деревенский юмор. Такого здесь сколько угодно. Здешний Билли Грэхем – король местных браконьеров, у него под ногой тоже не хрустнет ни одна ветка. Все лесники на мили вокруг много лет пытаются поймать его с поличным, но это безнадежно. Подсчитано, что 76,8 процента пива, проданного в «Гусе и кузнечике», приобретено измученными лесниками, заливающими горе пивом после того, как Билли обвел их вокруг пальца. Я все это знаю со слов Анжелики, которая с ним в большой дружбе. Она рассказала ему о наших тревогах, и он выразил готовность немедленно взяться за дело. Он тем более годится для этой операции в Эгсфорд-Корте, что там служит судомойкой его племянница, Марлин. Если его заметят, ни у кого не возникнет никаких подозрений. Он всегда может сказать, что пришел проведать ее. Честно говоря, все складывается так, как будто нам помогает само Провидение.

Я ужаснулся. Меня особенно потрясло ее намерение обратиться к услугам наемного

убийцы, который, вполне вероятно, всю последующую жизнь будет ее шантажировать. Что же касается Анжелики Брискоу, то оставалось только диву даваться, до чего докатились дочери священников. Я попробовал урезонить тетушку:

– Вы не сделаете этого, старая прародительница. Это же все равно что испортить лошадь перед скачками.

Если вы думаете, что после моих слов ее щеки покрылись краской стыда, то вы плохо знаете теток.

– Порча лошади считается обычной мерой предосторожности. К ней прибегает всякий, у кого появляется такая возможность,- возразила она.

Вустеры не привыкли сдаваться, и я предпринял новую попытку:

– А как же чистота скаковой дорожки?

– Ерунда. Мне больше нравится, когда там не все чисто. Так интереснее.

– Что сказали бы члены «Куорна» по этому поводу? Или, если на то пошло, «Пайтчли»?

– Они прислали бы мне телеграмму с пожеланиями удачи. Ты не понимаешь, что такое местные деревенские скачки. Это тебе не Эпсом и не Аскот. Здесь само собой разумеется, что вы прибегаете к разным маленьким хитростям. От вас этого просто-напросто ждут. Года два назад лошадь Джимми по кличке Пуна участвовала в скачках в Бридмуте, и накануне соревнований один наймит Кука подстерег жокея, заманил в кабак «Гусь и кузнечик» и напоил так, что на следующий день тот вышел на старт, жестоко страдая от похмелья, и хотел только одного: сидеть и плакать. Он пришел пятым, рыдая, и заснул прямо в седле. Разумеется, Джимми догадался, чьих рук дело, но промолчал. Никаких претензий и обид ни с той, ни с другой стороны. И лишь после того, как Джимми оштрафовал Кука за выпас свиней без разрешения, отношения стали напряженными.

Я выдвинул еще одно деликатное соображение:

– А что, если этого вашего агента поймают? Он сразу же выдаст вас, и ваша репутация в Мейден-Эгсфорде будет испорчена навеки.

– Никогда его не поймают. Он местный неуловимый герой-разбойник. А мою репутацию в Мейден-Эгсфорде ничто не сможет замарать. Я здесь слишком популярная личность с тех пор, как в прошлом году исполнила на деревенском празднике песенку «Все хорошенькие девушки любят моряка». Они у меня в проходах катались. Три раза бисировала, а кланялась столько, что в спину вступило.

– Избавьте меня от рассказов о ваших бесчинствах,- холодно произнес я.

– Я была в матросском костюме.

– Прошу вас,- простонал я в отвращении.

– Ты бы видел, какие отзывы напечатала газета «Бридмутский Аргус», и к ее восторженным оценкам присоединились «Сомерсетский фермер» и «Вестник Южного края». Ну, да у меня нет времени сидеть тут целый день и слушать твою болтовню. Эльза пригласила к чаю каких-то зануд и хочет, чтобы я составила ей компанию. Не давай скучать кошке, когда она появится. Думаю, что у нее вкусы богемные и, скорее всего, она предпочитает виски, но попробуй предложить ей молока.

С этими словами тетя удалилась за кулисы через дверь слева в глубине сцены, кипя энергией, как ни одна тетка на всем свете.

Вошел Дживс. Его руки были заняты.

– У нас теперь есть кошка, сэр,- объявил он. Я поднял на него безнадежно потухший взор.

- Значит, он ее принес.
- Да, сэра. Несколько минут назад.
- К задней двери?
- Да, сэра. Проявил должную сообразительность.
- Он здесь?
- Нет, сэра. Отправился в пивную «Гусь и кузнечик».

Я сразу перешел к делу. Не было времени ходить вокруг да около. Мне нужен был его совет, и притом немедленно.

– Как я понимаю, Дживс,- начал я,- появление кошки по этому адресу позволило вам, как говорится, сложить два и два, и вы поняли, что на большой дороге свершилось черное дело?

– Да, сэра. Я имел честь слышать миссис Траверс. У этой леди весьма зычный голос.

– Очень точно сказано. Думаю, когда она охотилась в юности, ее было слышно в нескольких окрестных графствах.

– Я готов в это поверить, сэра.

– Что ж, если вам все известно, нет нужды объяснять ситуацию. Теперь перед нами стоит проблема, куда податься.

– Сэр?

– Вы знаете, что я имею в виду. Я не могу просто сидеть... как это сказать, Дживс?

– Сложив руки, сэра?

– Вот именно. Я не могу просто сидеть сложив руки и не остановить эту авантюру. На карту поставлена честь Вустеров.

– Вам не в чем винить себя, сэра. Не вы украли кошку.

– Да, но это сделал один из членов моей семьи. Кстати, тетю Далию могут посадить в тюрьму, если ее виновность будет доказана?

– Затрудняюсь ответить, тут требуется консультация компетентного и авторитетного юриста. Но можно не сомневаться, что неприятного скандала не избежать.

– Вы хотите сказать, что ее имя станет притчей во языцех?

– Скорее всего так, сэра.

– С бедственными последствиями для пищеварения дяди Тома. Скверно, Дживс. Этого нельзя допустить. Вам известно, что с ним бывает даже после крохотного кусочка омара.

Кошку надо вернуть Куку.

– Весьма благоразумное решение, сэра.

– Вы не взяли бы на себя труд сделать это?

– Нет, сэра.

– Это вполне отвечало бы феодальному духу.

– Несомненно, сэра.

– В средние века вассал поспешил бы исполнить такое поручение.

– Весьма вероятно, сэра.

– Это займет у вас десять минут. Можете поехать на машине.

– Сожалею, но я вынужден заявить *nolle prosequi*, сэра.

– Тогда я должен подумать, что делать. Оставьте меня, Дживс. Мне надо сосредоточиться.

– Очень хорошо, сэра. Не принести ли вам для бодрости виски с содовой?

– *Rem acu tetigisti*,- откликнулся я.

Оставшись один, я направил всю мощь вустеровского интеллекта на решение этой проблемы, но тщетно. Несмотря на все мои усилия, я не мог придумать, каким образом вернуть кошку на исходные позиции, избежав при этом встречи с папашей Куком и его арапником. Мне вовсе не хотелось услышать свист хлыста вокруг своих ног. Как ни храбры Вустеры, есть вещи, от которых они стараются держаться подальше.

Я все еще сидел, погруженный в размышления, когда снаружи раздался бодрый клич, и кровь застыла у меня в жилах – в комнату стремительно ворвался Планк.

Вряд ли надо объяснять, почему кровь застыла у меня в жилах. Даже слепому была бы очевидна вся щекотливость ситуации. С кошкой за стеной и лицом к лицу с Планком, я оказался в положении воришки, который стащил рубин магараджи и только-только припрятал краденное среди своих пожитков, как в дверях появляется ответственный сотрудник Скотланд-Ярда. И даже еще того хуже, потому что рубины, в отличие от кошек, не могут издавать звуки. Эта кошка во время нашего короткого знакомства произвела на меня впечатление существа молчаливого, ограничивающегося мурлыканьем, но разве можно поручиться, что в незнакомой обстановке, соскучившись по своему приятелю Потейто Чипу, она не замяукает? Одно-единственное «мяу», и я пропал.

Однажды по требованию тети Агаты мне пришлось повести ее отвратительного сына, юного Тоса, в «Олд-Вик» на пьесу под названием «Макбет». Тос все проспал, а мне понравилось. Особенно одна сцена, когда к Макбету на званый ужин является без приглашения окровавленный призрак одного парня по имени Банко, которого он недавно убил, и Макбет ужасно из-за этого расстроился. Вот и я при виде Планка ощутил такой же ужас, как Макбет в тот вечер. Я вытаращился на Планка, как вытаращился бы и сам Планк, если бы, ложась спать, обнаружил в складках своей пижамы скорпиона, тарантула или кто там еще у них водится в Африке.

Планк был оживлен и очень весел.

– Я пришел затем, чтобы сообщить вам, что ко мне возвращается память,- объявил он.- Очень скоро я вспомню нашу первую встречу во всех подробностях. Пока в голове еще туман, но сквозь него уже пробивается свет. Так часто бывает после малярии.

Новость совершенно не привела меня в восторг. Как я уже упоминал, встреча, о которой он говорил, была сопряжена с крайне неприятными для меня обстоятельствами, и я предпочел бы, как говорится, предоставить прошлому хоронить своих мертвецов. Напомню только, что она завершилась предложением Планка огреть меня по голове зулусской дубиной, и вам станет ясно, что общение сторон не происходило в атмосфере полной сердечности.

– Кое-что я помню,- продолжал Планк.- Вы увлекались регби, и у меня тоже это самая большая страсть, я рассказывал вам, что местная команда в неплохой форме и подает большие надежды. По невероятно счастливой случайности, у меня появился новый викарий по фамилии Пинкер, он оказался поддерживающим форвардом международного класса. Четыре года играл за Оксфорд, завоевал целую кучу кубков Англии. Он сплачивает всю команду и к тому же читает отличные проповеди.

Ничто не могло бы обрадовать меня больше, чем известие, что мой старый приятель Растяпа Пинкер успешно служит благу ближних, и, если бы не нависшая над нами мрачная тень кошки, болтать с Планком было бы одно удовольствие. Как все ребята с дальних рубежей, он знал массу всего интересного и рассказал мне немало всякой всячины, о которой я и понятия не имел, о мухе цеце и о том, что делать, если на вас нападет бешеный носорог. Посреди самой увлекательной истории – Планк как раз дошел до места, когда решил заночевать у туземцев, ему показалось, что они настроены дружески,- он замолк, прислушался и спросил:

– Вы слышали?

Разумеется, я слышал, но и бровью не повел.

– А что?

– Вроде бы кошка мяукнула.

На моем лице не дрогнул ни один мускул. Я усмехнулся.

– О, это мяукает мой камердинер Дживс.

– Вот как?

– Он это занятие очень любит.

– Наверное, потешает так своих собутыльников в пивной, особенно перед закрытием, когда все уже нализились. У меня был туземец-носильщик, который умел подражать брачному зову самца пумы.

– Неужели?

– Да так искусно, что даже вводил в заблуждение самок. Они обступали лагерь со всех сторон и жутко злились, когда выяснялось, что это всего-навсего туземец-носильщик, я рассказывал вам о нем, это его пришлось закопать до захода солнца. Кстати, как ваши пятнышки?

– Исчезли без следа.

– Иногда это не очень хороший признак. Есть опасность, что они проникнут внутрь и попадут в кровь.

– Доктор Мергэтройд уверял, что они пройдут навсегда.

– Ему виднее.

– Я полностью доверяю ему.

– Я тоже, хоть он и с бородой.- Планк немного помолчал, а потом весело рассмеялся. – Чудно, как быстро летит время.

– Да, действительно,- согласился я.

– Старина Джимпи Мергэтройд. Вы не поверите, глядя на него сегодня, но когда-то он был лучшим третьим нападающим в Хейлибери^[Хейлибери - мужская привилегированная частная школа в графстве Хартфордшир.]. Носился как молния и никогда не мазал на обратной передаче. В игре с Бедфордом он дважды увеличивал счет на три очка, один раз с подачи нашего двадцать пятого, и в игре с Тонбриджем забил мяч.

Хотя мне было непонятно, о чем он толкует, я произнес: «В самом деле?»,- и он сказал: «Чистая правда»,- наверное, мы бы и дальше продолжили разговор о детских годах Э. Джимпсона Мергэтройда, но в этот момент кошка снова вышла в эфир, и Планк сменил тему:

– Послушайте, я готов поклясться, что это кошка. Ваш камердинер мяукает очень похоже, просто не отличить.

– У него к этому способности.

– Я бы сказал, талант. Хорошие звукоподражатели животных на дороге не валяются. Второго такого носильщика, как тот парень, что разговаривал с пумами, мне так и не удалось найти. Много всяких, кто более или менее сносно изобразит вам уханье совки, но это совсем другое дело. Ваше счастье, что здесь нет Кука.

– Почему?

– Он бы решил, что это его кошка, и потребовал, чтобы ему ее предъявили, весь дом перевернул бы вверх дном. Кук никогда бы не поверил, что это ваш камердинер упражняется в искусстве звукоподражания. Дело в том, что у него пропала очень ценная кошка, он убежден, что ее украли конкуренты, и хочет обратиться в Скотланд-Ярд. Однако мне пора. Я

заглянул лишь для того, чтобы поделиться с вами замечательной новостью: ко мне возвращается память. И скоро я вспомню, почему мне казалось, что ваше имя начинается на «Ал». Может быть, это какое-нибудь прозвище?

– Вряд ли.

– Скажем, сокращение от Алка-Зельтцер [*Алка-Зельтцер* - фирменное название патентованного средства против изжоги, тошноты и похмельного синдрома.] или что-нибудь такого? Ну, да незачем сейчас из-за этого беспокоиться. Память вернется. Обязательно вернется.

Непонятно, с чего он взял, будто мое имя начинается на «Ал», но в конце концов это неважно, и я не стал углубляться. Как только Планк удалился, я сразу же вызвал Дживса на переговоры.

Он вошел, рассыпаясь в извинениях. Судя по всему, он думал, что подвел своего молодого хозяина.

– Вы, вероятно, сочтете, что я пренебрег своими обязанностями, сэр, но полностью заглушить мяуканье кошки оказалось выше моих сил. Надеюсь, оно не донеслось до слуха вашего гостя.

– Еще как донеслось, и гостем был не кто иной, как майор Планк, из лап которого вы так находчиво спасли меня в Тотли-ин-Уолд. Он тесно связан с папашей Куком, и мне не стыдно признаться вам, что при его появлении я содрогнулся, как Макбет, если вы помните ту сцену, когда он садится ужинать, а тут входит призрак.

– Прекрасно помню, сэр. «Трясешь кровавыми кудрями ты напрасно» [*Трясешь кровавыми кудрями ты напрасно.* - «Макбет» (акт III, сц. 4).]

– И я не могу его осуждать. Планк слышал кошачье мяуканье.

– Весьма сожалею, сэр. Прошу меня простить.

– Вы не виноваты. Кошки есть кошки. Сначала я растерялся от неожиданности, как Макбет, но потом взял себя в руки. Я сказал Планку, что это вы увлекаетесь звукоподражанием, мяукаете по-кошачьи, и в данный момент упражняетесь в этом искусстве.

– Удачно придумано, сэр.

– Да, мне тоже показалось, что придумано недурно.

– Ваше объяснение удовлетворило джентльмена?

– Вроде бы. Но как быть с папашей Куком?

– Сэр?

– Боюсь, велика вероятность того, что Кук не поверит этой версии и заявится с обыском. Говоря «вероятность», я имею в виду «неизбежность». Посудите сами. Сначала Кук застаёт меня в Эгсфорд-Корте в тот момент, когда я, вроде бы, пытаюсь похитить его кошку. Затем он узнает, что я обедаю в Эгсфорд-Холле. «Ага! – говорит он себе.- Наверняка это кто-то из банды Брискоу. Я поймал его с поличным». Неужели вы полагаете, что, когда Планк вернется и расскажет, как у меня дома кто-то мяукает по-кошачьи, он поверит, что Планк слышал звукоподражателя. Сомневаюсь, Дживс. Ровно через десять секунд он окажется у дверей моего дома и, скорее всего, в сопровождении местной полиции.

Мои неопровержимые доводы возымели действие, о чем можно было судить по тому, что у него едва заметно дернулся кончик носа. Ничто на свете не могло заставить Дживса сказать: «Проклятие!», - но сейчас это слово едва не сорвалось у него с языка, хоть он и удержал его на полпути. Его ответ на мое *obiter dicta* [*Неофициальное замечание (лат.)*] был кратким

и по существу.

– Необходимо действовать, сэр!

– И без промедления. Вы по-прежнему отказываетесь вернуть кошку в status quo?

– Да, сэр.

– Сэм Уэллер не раздумывая сделал бы это ради мистера Пиквика.

– В мои обязанности не входит возвращать кошек, сэр. Но, если позволите, я могу высказать предложение.

– Говорите, Дживс.

– Почему бы не предоставить это самому Грэхему?

– Ну конечно же! Мне не пришло в голову.

– У него солидная репутация браконьера, а компетентный браконьер – именно то, что нам нужно.

– Понимаю, о чем вы. Его навыки позволяют ему бесшумно перемещаться по местности, так что и ветка под ногой не хрустнет, а это – главное условие для успешного возвращения кошки.

– Именно так, сэр. С вашего позволения, я отправлюсь в пивную «Гусь и кузнечик» и скажу Грэхему, что вы хотите его видеть.

– Ступайте, Дживс,- ответил я, и уже через несколько минут оказался наедине с Гербертом (Билли) Грэхемом.

Окинув его быстрым оценивающим взглядом, я поразился, как респектабельно он выглядит. Мне всегда казалось, что браконьеры похожи на грубых неотесанных бандитов, одеты в обноски, позаимствованные у первого встречного пугала, и бреются не чаще одного раза в неделю.

Напротив, Герберт Грэхем был одет в опрятный, ладно скроенный костюм из твида и гладко выбрит. Голубые глаза смотрели открыто, волосы были тронуты сединой. Мне доводилось видеть членов кабинета министров с гораздо более неряшливой внешностью. Грэхем же вполне мог петь в церковном хоре у преподобного Брискоу, и как я впоследствии узнал, он действительно пел в хоре – у него был приятный тенор, который равно подходил и для гимнов, и для тех мест в воскресной литургии, где поминается «окаянный грешник».

Ростом и комплекцией он напоминал Фреда Астера^[Фред Астер (1899-1987) – знаменитый американский киноактер 30-40-х гг., блестящий танцор.], и в его движениях чувствовалось проворство, качество, необходимое для избранной им профессии. Глядя на него, легко было вообразить, как он без единого звука, прихватив парочку зайцев, бежит в подлеске, всегда на два прыжка впереди лесничих, идущих по его следу. Моя почтенная родственница сравнила его с легендарным неуловимым разбойником, и, вне всяких сомнений, столь лестный отзыв был вполне заслужен. Я оценил мудрость Дживса, предложившего, чтобы именно этому человеку я доверил осуществление задуманной деликатной миссии. Когда речь идет о том, чтобы вернуть украденных кошек на место их законного обитания, требуется специалист в этом деле. Я не сомневался, что Герберт Грэхем преуспеет там, где потерпели бы фиаско Ллойд Джордж и Уинстон Черчилль.

– Добрый день,- произнес он.- Вы хотели меня видеть? Я сразу же взял быка за рога. Какой смысл мычать или, точнее говоря, мямлить?

– Речь идет о кошке.

– Я доставил ее согласно инструкциям.

– А теперь я хочу, чтобы вы доставили ее назад. Он явно опешил.

– Назад, сэр?

– Туда, откуда вы ее взяли.

– Я не вполне понимаю, сэр.

– Сейчас объясню.

Я постарался обрисовать ситуацию с исчерпывающей ясностью и как можно более полно объяснил, что для Вустера немислимо одобрить проступок, в сущности, равносильный – если я употребил правильное слово,- попытке испортить лошадь перед скачками. Я сказал в заключение, что упомянутая кошка должна быть незамедлительно и со всеми мерами предосторожности возвращена владельцу. Грэхем слушал меня внимательно, но, когда я замолчал, он покачал головой.

– Исключено, сэр.

– Исключено? Почему? Ведь вы же ее выкрали.

– Да, сэр.

– Значит, можете вернуть на место.

– Нет, сэр. Вы опускаете некоторые существенные детали.

– Какие именно?

– Кража, на которую вы ссылаетесь, носила характер личного одолжения мисс Брискоу, которую я знал еще ребенком, и, надо сказать, она была прелестной крошкой.

Я подумал было, а не попытаться ли мне растрогать его, сказав, что тоже был прелестной крошкой, но я знал, что это утверждение не соответствует действительности, о чем мне постоянно твердила тетя Агата, и потому промолчал. Вряд ли, конечно, он когда-нибудь встретится с моей тетей Агатой и станет обсуждать с ней эту тему, но лучше было не рисковать.

– Более того,- продолжал он, и меня вновь, как в самом начале, поразила чистота его выговора. Он явно получил хорошее образование, хотя сомневаюсь, чтобы он учился в Оксфорде.- Более того, я поставил пять фунтов на Потейто Чипа у хозяина «Гуся и кузнечика».

– «Ага!»- воскликнул я про себя, и я готов объяснить, почему сказал про себя «Ага!». Да потому, что пелена спала с моих глаз, и мне все стало ясно. Эти разговоры о личном одолжении прелестным крошкам не более чем пустая болтовня. Им двигали одни только корыстные мотивы. Когда Анжелика Брискоу обратилась к нему, он с сожалением произнес в ответ *polle prosequi* на том основании, что поставил пять фунтов на Потейто Чипа и заинтересован в его победе. Тогда она спросила, украдет ли он кошку за десять фунтов, что даст ему неплохую прибыль. И он согласился. Затем Анжелика взяла деньги у тети Далии, и сделка состоялась. Мне часто приходило в голову, что из меня получился бы хороший детектив. Я умею рассуждать и делать выводы.

Теперь, когда все прояснилось, разговор можно было перевести на деловую основу. Оставалось лишь договориться об условиях. Платить придется наличными, поскольку он своего явно не упустит, а я, к счастью, захватил с собой пачку купюр, чтобы делать ставки на скачках в Бридмуте, так что никаких затруднений не предвиделось.

– Сколько вы хотите? – спросил я.

– Сэр?

– Чтобы произвести де-котизацию моего жилища и вернуть этого представителя семейства кошачьих в строй.

Его честные голубые глаза затуманились – как всегда, наверное, при денежных

переговорах, но не при пении в церковном хоре. Ребята из клуба «Трутни» мне рассказывали, что нечто похожее происходило с глазами Уфи Проссера, клубного миллионера, когда кто-нибудь пробовал стрельнуть у него мелочь, чтобы перебиться до следующей среды.

– Сколько я хочу, сэр?

– Да, назовите мне сумму. Мы не будем торговаться. Он сжал губы, а затем, разжав их, произнес:

– Сожалею, но при всем желании не смогу сделать это за небольшое вознаграждение. Понимаете, вдруг пропажу уже обнаружили, поднимется шум, гам, все в доме мистера Кука будут начеку. Я окажусь в положении шпиона, который во время войны пытается перейти линию фронта с секретными донесениями, когда все только его и ищут. Думаю, это обойдется вам в двадцать фунтов.

У меня отлегло от сердца. Я ожидал, что сумма будет значительно больше. Похоже, он понял, что прогадал, и тут же Добавил:

– Точнее, в тридцать.

– Тридцать!

– Тридцать, сэр.

– Давайте торговаться,- сказал я.

Когда я предложил двадцать пять, что смотрелось гораздо лучше, чем тридцать, он лишь сокрушенно покачал седеющей головой, и мы продолжили торг. Однако стоять на своем у него получалось лучше, чем у меня, в итоге мы сошлись на тридцати пяти.

Определенно, с торгами мне сегодня не повезло.

Когда я получил в школе награду за знание Библии, среди прочих заданных мне вопросов был и такой: «Что вы знаете о глухом аспиде?». Знакомство с текстом Священного Писания позволило мне правильно ответить, что этот аспид заткнул свои уши, дабы не слышать заклинателя, как бы искусно тот его ни заклинал [...как бы искусно тот его ни заклинал - см. примеч. к стр. 291.]. Поторговавшись с Гербертом Грэхемом, я на себе испытал, что чувствовал этот заклинатель. Если бы мы с ним могли обмениваться впечатлениями, то наверняка пришли бы к единому мнению: чем меньше будет в мире аспидов, тем более светлое будущее нас ожидает.

Никто не смог бы заклинать искуснее, чем я, когда старался убедить Герберта Грэхема снизить цену, и никто не заткнул бы себе уши крепче, чем этот аспид в человеческом обличье. Вот говорят, мол, кто-то там не хочет пройти нам навстречу половину пути, а он не сдвинулся ни на дюйм в направлении мирного урегулирования. Тридцать пять фунтов. Просто чудовищная сумма. Вот что значит оказаться в затруднительном положении, когда у оппонента все карты на руках.

Вести торг – дело крайне утомительное, и, проведив Грэхема с кошкой в обратный путь, обессиленный Бертрам Вустер раскрыл книгу и пробежал глазами первые страницы романа «По царскому велению». Этого вполне хватило, чтобы я пожалел, что не выбрал «Тайну извозчика». В этот момент затрещал телефон.

Как и следовало ожидать, звонила тетя Далия. Разумеется, я отдавал себе отчет, что раньше или позже, но объяснения с престарелой родственницей не избежать, мне хотелось лишь немного оттянуть время, чтобы собраться с силами. В моем нынешнем измочаленном состоянии я был не способен общаться с тетками. Вряд ли кто останется на пике своей спортивной формы после того, как обручился с девушкой, от которой его просто тошнит, заплатил кровопийце тридцать пять фунтов и в придачу выложил два пенса в библиотеке за дрянную книжонку.

А старая родоначальница, наоборот, не подозревая, что ее ждет сокрушительный удар, который потрясет ее душу до самого корсета, была весьма беззаботна.

– Привет, олух,- сказала она.- Что новенького на Риальто?

– Что-что, где-где? – не понял я юмора.

– Я о кошке. Он ее принес?

– Да.

– И ты прижал ее к груди?

Я понял, что отступить некуда. Как ни страшно было признаваться, но ничего другого не оставалось. Я набрал полную грудь воздуха. Утешением, хотя и слабым, могла служить только мысль, что тетя Далия находится на другом конце провода, на расстоянии в полторы мили. Когда тетки поблизости, ждать от них можно чего угодно. За гораздо более невинную детскую шалость эта самая тетя некогда вlepила мне звонкую оплеуху.

– Нет,- произнес я.- Ее здесь больше нет.

– Нет? Как это нет?

– Билли Грэхем отнес ее назад.

– Назад??

– В Эгсфорд-Корт. Я ему велел.

– Ты велел?

– Да. Видите ли...

На этой фразе мое участие в разговоре закончилось. Предчувствия меня не обманули, тетя Далия взвилась мгновенно. И произнесла следующий монолог:

– Черт побери! Всемогущие боги! Ангелы и архангелы, спасите нас! Тебе принесли кошку, а ты, недолго думая, выставляешь ее за дверь, хотя знаешь, чем это для меня чревато. Предать свою партию! Бросить меня в трудный час! Свести меня, с моими сединами, в могилу! И это после всего, что я Для тебя сделала, жалкий, неблагодарный червяк. Помнишь, я рассказывала тебе, что когда ты еще лежал в пеленках младенцем и сосунком, похожим, между прочим, на недоваренное яйцо-пашот, ты чуть не проглотил соску, и если бы я не подоспела вовремя и не выхватила ее у тебя, ты бы задохнулся. Имей в виду, если ты теперь подавишься соской, я и пальцем не пошевелю. А помнишь, как ты болел корью, и я, не жалея своего драгоценного времени, часами играла с тобой в блошки и безропотно поддавалась?

Тут с ней можно было бы поспорить. Я одерживал победы исключительно благодаря своему искусству. Последнее время мне не часто случается играть в блошки, но в детстве ябыл довольно сильным игроком. Однако я счел за благо промолчать, потому что тетя говорила не умолкая, и лучше было не прерывать поток ее красноречия.

– Помнишь, когда ты учился в школе, я посылала тебе дорогие посылки с едой, потому что ты уверял, будто умираешь с голода? Помнишь, когда ты учился в Оксфорде...

– Довольно, престарелая родственница! – воскликнул я, глубоко взволнованный воспоминаниями о юности Вустера.- Вы разрываете мне сердце.

– Нет сердца у тебя. Иначе бы ты не выгнал бедную беззащитную кошку на мороз. Я просила тебя всего лишь приютить ее в свободной комнате на несколько дней и тем самым укрепить мое финансовое положение, но ты не захотел оказать мне эту ничтожную услугу, которая тебе ничего бы не стоила, разве что фунт-другой на молоко и рыбу. Что, спрашиваю я себя, случилось с моим старомодным племянником, для которого желания тетки были законом? Похоже, теперь таких не бывает.

Наконец-то природа взяла свое. Тете Далии пришлось сделать паузу, чтобы перевести дух, и я смог вставить слово.

– Старая моя сродница,- начал я,- вы находитесь в плену... как, как это говорится?

– Что, как?

– Как называется то, в плену чего бывают люди? Это слово вертится у меня на языке. Оно начинается на «пре». Вспомнил, в плену превратных представлений. Так говорит Дживс. Вы совершенно односторонне судите о моем обращении с упомянутой кошкой. Правда, я не одобрял вашего намерения похитить ее, потому что считал, что подобный поступок ляжет темным пятном на честном имени Вустеров, и тем не менее готов был предоставить ей и стол, и кров, хотя и против своей воли, если бы не Планк.

– Планк?

– Майор Планк, путешественник.

– Он тут при чем?

– При всем. Вы, верно, слышали о майоре Планке?

– Нет, не слышала.

– Он из тех парней, которые с туземцами, носильщиками и разным снаряжением путешествуют по дальним странам. Как звали кого-то там такого, кто встретил в Африке еще кого-то и подумал, что это доктор,- как бишь его? [...что это - как бишь его.- Имеется в виду популярный

исторический анекдот про то, как путешественник по Африке Г.М. Стэнли, разыскав пропавшего коллегу Д. Ливингстона, приподнял шляпу и приветствовал его словами: «Доктор Ливингстон, я полагаю?»] Вот и Планк занимается, вернее, занимался тем же.

В трубке послышалось фырканье, от которого едва не загорелся провод.

– Берти,- проговорила моя кровная родственница, приняв на борт достаточный запас воздуха,- меня сдерживает только то, что я нахожусь на другом конце телефонной линии, но если бы ты был в пределах досягаемости, я бы закатила тебе оплеуху, которую ты запомнил бы надолго. Объясни мне вразумительно, о чем ты, как тебе кажется, ведешь речь?

– Я веду речь о Планке и пытаюсь растолковать вам, что, хотя Планк и путешественник, но в настоящее время он не путешествует, а живет у Кука в Эгсфорд-Корте.

– Ну и что?

– А вот и то. Он пожаловал ко мне сразу же, как только Билли Грэхем принес кошку. Они с Дживсом находились на кухне, принимали напитки. И когда Планк тут сидел, она мяукнула, и, разумеется, Планк услышал. Надеюсь, вы понимаете, что это означает. Планк идет к Куку, говорит ему, что слышал, как в доме у Вустера мяукала кошка. Кук, и без того подозревающий меня после нашей злополучной встречи, идет сюда, как волк в овчарню, полки его сверкают багрецом и золотом^[...полки его сверкают багрецом и золотом. - Цитата из стихотворения Дж. Байрона «Поражение Сеннахериба»]. Я сказал Планку, что это Дживс упражняется в искусстве звукоподражания, и Планк этому вполне поверил, потому что путешественники – простофили и верят всему, что им говорят, но пройдет ли этот номер с Куком? Нечего и думать. Мне оставалось одно – попросить Билли Грэхема отнести кошку назад.

Допускаю, что какой-нибудь знаменитый адвокат изложил бы дело лучше, но и у меня получилось неплохо. Наступило молчание. Несомненно, тетя Далия обдумывала услышанное, взвешивая все «за» и «против». Наконец она проговорила:

– Понимаю.

– Вот и хорошо.

– Ты оказался не таким уж черствым извергом, как я подумала.

– Прекрасно.

– Прости, что я набросилась на тебя.

– Все в порядке, престарелая родственница. *Tout comprendre c'est tout pardonner.*

– Тебе действительно ничего больше не оставалось делать. Но не жди, что я пропою тебе аллилуйя. Весь мой план кампании лопнул.

– Ну, не знаю. Может быть, все еще образуется. Вдруг Симла придет первой.

– Да, но хотелось бы знать наверняка. Не надо меня утешать. Я чувствую себя ужасно.

– Я тоже.

– С тобой-то что случилось?

– Я обручился с девушкой, от одного вида которой меня тошнит.

– Как? И кто же это на сей раз?

– Ванесса Кук.

– Родня старому Куку?

– Дочь.

– Как же это случилось?

– Я сделал ей предложение год назад, получил отказ, а теперь она снова возникла, говорит, что передумала и выйдет за меня замуж. Меня это буквально сразило.

– Ты бы ей сказал, чтобы она и думать об этом забыла.

– Я не смог.

– Почему?

– Это не по-рыцарски.

– Как?

– Не по-рыцарски. Вы знаете, что такое благородный рыцарь? Я стремлюсь им быть.

– Если хочешь вести себя по-рыцарски, приготовься к тому, что будешь нарываться на одни неприятности. Впрочем, я бы не стала беспокоиться. Ты непременно как-нибудь выпутаешься. Помнишь, ты мне сказал, что веришь в свою звезду. Если собрать всех девиц, с которыми ты был помолвлен и от которых сумел улизнуть, и выстроить их в ряд, то он протянется от Пиккадилли до Гайд-Парк-Корнер. Я поверю, что ты женишься, только тогда, когда увижу своими глазами, как епископ и его помощник утирают пот со лба и облегченно вздыхают: «Уфф! Наконец-то этот повеса попался».

С этими ободряющими словами она повесила трубку. Если вы думаете, что я с легким сердцем вернулся к чтению романа «По царскому велению», то вы заблуждаетесь. Действительно, я во всем чистосердечно признался ближайшей престарелой родственнице и сумел погасить ее гнев. Если бы он разгорелся, это грозило бы мне страшной карой – она отлучила бы меня на неопределенное время от своего стола, и я лишился бы возможности питаться шедеврами ее французского повара Анатоля, столь благодатные для желудочного сока, однако счастье не бывает безоблачным. Я не мог не сострадать старой родственнице, пережившей крушение своих надежд и мечтаний, крушение, к которому я, если честно признаться, имел непосредственное отношение, хотя сам был всего лишь игрушкой в руках судьбы.

Я изложил это Дживсу, когда он пришел со всем необходимым для приготовления предобеденного коктейля.

– У меня тяжело на душе, Дживс,- признался я, поблагодарив его за своевременную заботу.

– В самом деле, сэр? Почему?

– Я только что пережил мучительную сцену с тетей Далией. Правда, «сцена» не вполне подходящее слово, наша беседа происходила по телефону. Грэхем благополучно отбыл?

– Да, сэр.

– В сопровождении кошки?

– Да, сэр.

– Вот это я ей и сказал, и от такой новости она несколько возбудилась. Вам никогда не приходилось охотиться с «Куорном» или «Пайтчли», Дживс? Такой жизненный опыт сказывается на выборе слов. Придает речи особую выразительность. Моя старая родственница даже не делала паузы, чтобы подыскать нужные слова, они вылетали из нее, как из пулемета. Слава Богу, наша беседа происходила заочно. Страшно подумать, чем бы все могло кончиться.

– Вам следовало бы изложить миссис Траверс факты, имеющие отношение к майору Планку, сэр.

– Именно это я и сделал, когда сумел вставить хотя бы слово, и мое объяснение подействовало на нее как... как что, Дживс?

– Как бальзам в Галааде [*Как бальзам в Галааде.*- Книга пророка Иеремии, гл. 8 (22): «Разве нет бальзама в Галааде? Разве нет там врача?»], сэр?

– Именно. Я хотел сказать, как манна в пустыне, но бальзам в Галааде подходит больше.

Тетя Даля успокоилась и признала, что у меня не оставалось иного выхода, как только вернуть кошку.

– Весьма отратно слышать, сэр.

– Да, это дело более или менее улажено. Но есть еще одно угнетающее меня обстоятельство. Я помолвлен и должен жениться.

Всякий раз, когда я сообщаю Дживсу, что помолвлен и должен жениться, он, и глазом не моргнув, принимает вид чучела, набитого искусным таксидермистом,- мол, это его не касается, от него теперь требуется только исполнить необходимые формальности

– Вот как, сэр?

И на этом – все. В таких случаях я с ним свои неприятности не обсуждаю. Это было бы неуместно,- если я правильно выбрал слово,- и знаю, что он тоже счел бы это неуместным, а поскольку мы оба так считаем, то переводим разговор на другие темы.

Однако нынешний случай был особый. Мне еще не доводилось обручаться с девицей, которая требовала, чтобы я перестал курить и пить коктейли, и тут уж я рассудил, что требуется серьезный разговор. Когда над вами нависает беда, надо обратиться за помощью к выдающемуся уму, если он имеется под рукой, пусть это против всех правил хорошего тона.

Вот почему после дежурных слов Дживса: «Примите мои поздравления, сэр»,- я ответил не по этикету:

– Нет, Дживс, не приму, какое там. Я – как полевая мышь, попавшая под борону. Плохи мои дела, Дживс.

– Весьма прискорбно это слышать, сэр.

– То ли еще будет, когда вы узнаете, что произошло. Вам когда-нибудь приходилось видеть, как орава дикарей с истошными воплями штурмует крепость, а у ее защитников остался последний ящик патронов, запасы воды кончились, и на горизонте не видно американских морских пехотинцев?

– Нет, сэр, не припоминаю.

– Грубо говоря, я оказался в положении такого осажденного гарнизона, с той лишь разницей, что, по сравнению со мной, они еще хорошо устроились.

– Вы пугаете меня, сэр.

– Еще бы! Но самого страшного вы еще не слышали. Начну с того, что мисс Кук, с которой я помолвлен и которую глубоко ценю и уважаю, на некоторые вещи... как это говорится?

– Смотрит другими глазами, сэр?

– Вот именно. И, к сожалению, эти вещи... – забыл, как это называется, – всего моего образа жизни. Что бывает в образе жизни?

– Возможно, сэр, вы имеете в виду краеугольный камень?

– Благодарю вас, Дживс. Она не одобряет многое из того, что составляет краеугольный камень моего образа жизни. Брак с ней неизбежно означает, что я должен буду отказаться от дорогих мне привычек, поскольку у нее железная воля, и она без труда заставит мужа прыгать через обручи и ловить кусочек сахара, подкидывая его с кончика носа. Вы понимаете, что я хочу сказать?

– Да, сэр. Очень яркий образ.

– Коктейли, к примеру, будут под запретом. По ее словам, они вредны для печени. Кстати, вы заметили современное падение нравов? Во времена королевы Виктории барышня и помыслить не могла, чтобы произнести слово «печень» в присутствии мужчины.

– Истинно так, сэр. *Tempora mutantur et nos mutamur in illis* [Времена меняются, и мы меняемся с ними (лат.).]

– Однако это еще не самое страшное.

– Вы повергаете меня в ужас, сэр.

– На худой конец я мог бы обойтись и без коктейлей. Это обрекло бы меня на муки, но

Вустеры умеют терпеть лишения. Мисс Кук потребовала, чтобы я бросил курить.

– Это действительно самый жестокий удар, сэр.

– Подумайте только, Дживс, бросить курить!

– Да, сэр. Вы могли бы заметить, что я содрогаюсь.

– Беда в том, что мисс Кук находится под большим влиянием какого-то своего приятеля по имени Толстой. Я с ним не знаком, но, судя по всему, у него весьма странные взгляды. Вы не поверите, Дживс, но он утверждает, что курить не надо потому, что точно такое же удовольствие можно получить, если просто крутить пальцами. Да этот человек просто осел. Вообразите праздничный банкет – из тех, когда на приглашении помечают «быть при регалиях». Уже произнесли тост за здоровье короля, сильные мужчины с нетерпением предвкушают момент, когда затянутся сигарами, и тут распорядитель стола произносит: «Джентльмены, можно крутить пальцами». Представляете, какое уныние и разочарование воцарится за столом? Вам что-нибудь известно об этом Толстом? Вы о нем слышали?

– Да, сэр. Это был знаменитый русский писатель.

– Русский? Вот оно что. Писатель? Это не он написал «По царскому велению»?

– Полагаю, нет, сэр.

– Мне подумалось, а вдруг он воспользовался псевдонимом. Вы сказали «был». Его уже больше нет с нами?

– Нет, сэр. Он скончался несколько лет назад.

– Тем лучше для него. Крутить пальцами! Какая нелепость. Я бы посмеялся, да мисс Кук говорит, что смеяться нехорошо, потому что другой ее приятель, его зовут Честерфилд, никогда не смеялся. Что ж, она может не волноваться. Судя по тому, как складываются мои дела, мне будет не до смеха. Я еще не коснулся обстоятельства, которое является главным доводом против этого брака. И не торопитесь с выводом, что я имею в виду папашу Кука, который дается в качестве приложения к брачному контракту как тесть. Конечно, одного этого достаточно, чтобы мрачно смотреть в будущее, но я говорю про Орло Портера.

– Да, сэр.

Я бросил на него суровый взгляд.

– Дживс, если вам нечего сказать, кроме как «Да, сэр», то лучше не говорите ничего.

– Очень хорошо, сэр.

– Стало быть, Орло Портер. Мы уже отмечали его вспыльчивый нрав, крепкие, как цепи, мышцы натруженных рук и бешеную ревность. Одного лишь подозрения, будто я навязываю мисс Кук свое, как он выразился, омерзительное общество, было достаточно, чтобы он пригрозил голыми руками выпустить мне кишки. Что же он натворит, когда узнает, что мы помолвлены?

– Поскольку леди сама столь недвусмысленно отвергла его, едва ли он станет винить вас...

– За то, что я занял освободившееся место? Как бы не так. Он решит, что это я убедил ее дать ему от ворот поворот. И ничто его не разуверит в этом. В его глазах я – коварная змея, притаившаяся в траве, а всем известно, чего можно ждать от змей в траве. Нет, нам надо проявить поистине чудеса изобретательности и придумать, как вырвать у него клыки, в противном случае я не дам и ломаного гроша за мои кишки. Я собирался было спросить

Дживса, при нем ли еще кистень, или, как говорят американцы, дубинка, которую он несколько месяцев назад изъясил у сына тети Далии, Бонзо. Юнец приобрел ее с целью опробовать на своем однокласснике, к которому питал неприязнь, но нам показалось, что без дубинки ему будет лучше. Несомненно, мне нужно было именно такое средство защиты, чтобы добиться разрядки в деле с Орло Портером. Вооруженный дубинкой, я без страха мог бы выйти против О. Портера. Но не успел я сформулировать эту мысль, как в холле затрещал телефон. Я махнул рукой в его направлении.

– Пожалуйста, ответьте, Дживс. Скажите, что я пошел ненадолго прогуляться согласно рекомендациям моего медицинского консультанта. Должно быть, это тетя Далия, и, хотя к концу нашей недавней беседы ее душевное состояние пришло в равновесие, трудно сказать, надолго ли оно сохранится.

– Хорошо, сэр.

– Вам известно, что такое эти женщины.

– Действительно, сэр.

– Особенно тетки.

– Да, сэр. Моя тетя...

– О ней вы расскажете мне позднее.

– В любое время, сэр, когда пожелаете.

Помню, однажды мой приятель Китекэт Поттер-Перебрайт поставил на одну темную лошадку, и она пришла первой, опередив соперников на голову, но была дисквалифицирована, потому что жокей нарушил какие-то правила. Тогда Дживс сказал о сокрушенном Китекэте: «Меланхолия знаки свои на него положила»^[...знаки свои на него положила.- Строка из стихотворения Т. Грея (1716-1771) «Сельское кладбище», пер. В. Жуковского.]. Так вот, то же самое можно было сказать обо мне, когда я сидел, подводя итог ударам судьбы и размышляя про то, в какой компот я угодил.

В сравнении с прочими моими несчастьями очередной разговор по телефону со старушкой прародительницей представлялся не такой уж веской причиной для меланхолии, но все же одним поводом для уныния больше. Звонок тети Далии мог означать лишь одно: миролюбия ее надолго не хватило, и она придумала много новых язвительных замечаний на тему о моем несоответствии идеалу племянника, как она его себе представляет. А я был не готов опять выслушивать уничтожающую критику, особенно произносимую голосом, который так разработан за годы охотничьего гиканья и улюлюканья, что нервная система слушателя просто не выдерживает.

Когда Дживс вернулся, я сразу же спросил:

– Ну, что она сказала?

– Это звонил мистер Портер, сэр.

Слава Богу, что я поручил Дживсу подойти к телефону.

– И что же он сказал? – осведомился я, хотя приблизительно уже догадывался.

– Сожалею, сэр, но я не в состоянии воспроизвести дословно нашу беседу. Поначалу речь джентльмена показалась мне бессвязной. Видимо, он решил, что это вы сняли трубку, его захлестнули эмоции, и произношение было нечетким. Я объяснил, кто у телефона, и он снизил скорость словоизлияния. Таким образом мне удалось разобрать, что он говорит. Он просил передать вам несколько посланий.

– Посланий?

– Да, сэр, они касаются того, что он предполагает сделать с вами при личной встрече.

Его высказывания в основном носили грубый хирургический характер, и ряд выраженных им намерений крайне трудно осуществить на практике. Например, он угрожал оторвать вам голову, а потом заставить вас проглотить ее.

– Он так сказал?

– Да, сэр, и продолжал приблизительно в том же духе. Но вам не следует беспокоиться, сэр.

Я не смог даже небрежно рассмеяться в ответ- вот до чего довели меня пращи и стрелы яростной судьбы, не помню, кто это сказал. Я даже не произнес ироническим тоном: «О, да» или «Да что вы говорите». Я просто закрыл лицо руками, а Дживс продолжал:

– Перед тем как я вышел из комнаты, мы говорили о необходимости вырвать мистеру Портеру клыки, как вы удачно выразились. С огромным удовольствием могу сообщить вам, что это удалось осуществить.

Мне показалось, что я ослышался, и я попросил его повторить эту поразительную фразу. Он повторил, и я уставился на него в изумлении. Казалось бы, я уже давно должен был привыкнуть к тому, как Дживс, точно фокусник, одним поворотом кисти достает кроликов из шляпы и в один миг решает проблемы, над которыми напрасно бились самые блестящие умы, но для меня находчивость Дживса- всегда неожиданность, от которой перехватывает дыхание, а глаза вылезают из орбит.

Тут я догадался, что скрывается за его непринужденным и уверенным тоном.

– Значит, вы вспомнили про дубинку? – обрадовался я

– Сэр?

– Она при вас?

– Я не вполне понимаю, сэр.

– Я думал, вы хотите сказать, что при вас та дубинка, которую вы отняли у сына тети Далии, Бонзо, и теперь вы передадите ее мне, чтобы я во всеоружии встретил нападение Портера.

– О, нет, сэр. Оружие, о котором вы говорите, находится у меня в нашей лондонской квартире.

– Тогда каким же образом вы вырвали ему клыки?

– Я напомнил мистеру Портеру, что вы приобрели у него страховку от несчастного случая, и обратил его внимание на то, что он неизбежно вызовет неудовольствие своих работодателей, если из-за него они лишатся значительной денежной суммы. Мне не составило труда убедить джентльмена, что любые действия, носящие агрессивный характер, были бы с его стороны ошибкой.

Я вторично воззрился на него. Его изобретательность и оригинальность мышления ошеломляли.

– Дживс,- наконец произнес я.- Ваша изобретательность и оригинальность мышления ошеломили меня. Портер посрамлен.

– Да, сэр.

– Или, по-вашему, лучше сказать «повержен».

– Мне кажется, «посрамлен» звучит гораздо выразительнее.

– Это вам не просто выдергивание клыков. Дантисту придется вставить Портеру целую челюсть.

– Да, сэр, однако не следует забывать, что устранение мистера Портера с его угрозами- это только полдела. Не знаю, смею ли я коснуться деликатной темы...

– Касайтесь, Дживс.

– Как я понял отчасти из ваших слов, отчасти по тону вашего голоса, когда вы рассказывали мне о планах мисс Кук относительно вашего будущего, мысль о женитьбе не слишком радует вас, и мне пришло в голову, что этого досадного недоразумения можно было бы избежать, если бы леди и мистер Портер помирились.

– Так-то оно так. Но...

– Вы хотите сказать, сэр, что ссора слишком серьезна, и нельзя надеяться на примирение?

– Разве не так?

– Думаю, нет.

– Ваш подробный отчет о столкновении сторон создал у меня впечатление, что между ними произошел полный и окончательный разрыв. Как же тогда иначе понимать слова «трусливое ничтожество»?

– Здесь вы затронули серьезную проблему, сэр. Мисс Кук назвала так мистера Портера потому, что он отказался обратиться к ее отцу и потребовать деньги, которые последний хранит у себя как опекун.

– И, по вашим словам, он ответил, что и через миллион лет не сунется к ее папаше.

– Ситуация изменилась после того, как вы обручились с девушкой, которую он любит. Чтобы вернуть себе расположение мисс Кук, он пойдет навстречу опасности, от которой ранее уклонялся.

Я понял мысль Дживса, но не мог с ним согласиться. На мой взгляд, Орло будет и дальше уклоняться.

– Более того, сэр, если вы пойдете к мистеру Портеру и скажете ему, что его попытка может увенчаться успехом, при условии, что для разговора с мистером Куком он выберет время сразу же после обеда, то уверяю вас, он согласится рискнуть. Джентльмен, убогатворенный хорошим обедом, всегда выслушает просьбы благосклоннее, чем тот, кто еще только ожидает пищи, а именно в таком положении находился мистер Кук, когда мистер Портер, насколько я понял из его слов, обратился к нему по своему вопросу в предыдущий раз.

Я заметно вздрогнул. По мне словно бы пробежал электрический ток.

– Дживс,- сказал я,- кажется, вы кое-что нащупали.

– Полагаю, да, сэр.

– Я сейчас же отправлюсь к Портеру. Скорее всего, он сидит в «Гусе и кузнечике» и заливает горе джином с газировкой. И позвольте мне еще раз сказать, Дживс, что вам нет равных. Вы спасли положение. Могли ли я что-либо сделать для вас в знак признательности?

– Да, сэр.

– Я готов, даже если это будет стоить мне полцарства. Скажите, что.

– Я был бы вам чрезвычайно благодарен, если бы вы позволили мне переночевать у моей тети.

– Как, вы хотите поехать в Ливерпуль? Далековато.

– Нет, сэр. Моя тетя вернулась сегодня утром и теперь находится у себя дома в деревне.

– Тогда отправляйтесь к ней, Дживс, и да возрадуются небеса вашей встрече.

– Большое спасибо, сэр. Если вдруг вам понадобятся мои услуги, я буду по адресу: Балморал, Мейфкинг-роуд, миссис П.Б. Пиготт.

– Так ее фамилия не Дживс?

– Нет, сэр.

Дживс выплыл из комнаты, но через минуту вернулся сообщить, что на кухне дожидается мистер Грэхем, который хотел бы переговорить со мной. От жизни в Мейден-Эгсфорде с ее треволнениями и стремительной сменой событий у меня вдруг отшибло память, и я не сразу понял, о ком он говорит. Но память тут же вернулась на место, и мне захотелось немедленно увидеть мистера Грэхема, который, со своей стороны, желал видеть меня. Моя вера в его умение возвращать кошек была так велика, что я не мог и мысли допустить, что ему не удалось выполнить задачу, но, естественно, мне нетерпелось узнать подробности.

– На кухне, говорите?

– Да, сэр.

– Тогда тащите его сюда. Дживс. Я от всей души рад дать ему аудиенцию.

На часах было почти шесть, когда в комнату вошел Герберт Грэхем.

Как и в прошлый раз, я был поражен его респектабельным внешним видом. Глядя на него, вы никогда бы не подумали, что перед вами гроза кроликов и фазанов, а не первое лицо, на котором держится церковный хор, когда наступает очередь гимнов. Надо было слышать эту мягкую проникновенную интонацию, с какой он произнес: «Добрый вечер, сэр».

– Добрый вечер,- ответил я.- Ну что? Вы справились с задачей? Кошка на прежнем месте?

Его глаза потемнели, словно я затронул его тайную боль.

– И да, и нет, сэр.

– Как вас понимать? И да, и нет?

– На ваш первый вопрос ответ утвердительный, сэр. Да, я выполнил задачу. Но, к сожалению, кошка находится не на прежнем месте.

– Я не понимаю.

– Она здесь, сэр, у вас на кухне. Я отнес ее в Эгсфорд-Корт в соответствии с контрактом, отпустил около конюшни и направился домой, довольный, что вы так щедро заплатили за мои услуги. Вообразите мое удивление и растерянность, когда, придя в деревню, я обнаружил, что кошка всю дорогу шла за мной. Это очень ласковое животное, мы с ней подружились. Желаете ли вы, чтобы я снова отнес ее назад? Разумеется, я не чувствую себя вправе требовать полную плату, но, скажем, десять фунтов?

Если вы хотите знать, как я отнесся к его рассказу, могу ответить в двух словах: я видел его насквозь. Многих вводит в заблуждение мое простодушное, честное выражение лица, им кажется, что они имеют дело с простофилей, но я-то узнаю мошенника на расстоянии. И я сразу понял, что он – один из них.

Я не вытянулся в полный рост и не выставил его за дверь только потому, что понимал: этот тип загнал меня в угол. Если я не раскошелюсь, он прямым ходом отправится к папаше Куку и за солидное вознаграждение расскажет о том, как престарелая родственница наняла его, чтобы похитить кошку, и, что бы она там ни говорила о своей популярности в Мейден-Эгсфорде после исполнения в матросском костюме песенки «Все хорошенькие девушки любят моряка», ее имя неминуемо покроется позором. Я даже не был уверен, что ей не грозит тюрьма, а о том, какой страшный удар будет нанесен пищеварению дяди Тома, нечего было и говорить.

Я заплатил десятку. Скрепя сердце, но заплатил, и он покинул мой дом.

После его ухода я сидел, предаваясь тяжелым раздумьям, и только было собрался отправиться на поиски Орло, как вошла Ванесса Кук.

Ванесса явилась в сопровождении рыжего пса с большими стоячими ушами и размером с хорошего слоненка. Я был не прочь с ним пообщаться, но пес, восторженно обнюхав мои штанины, вдруг заметил что-то интересное за окном и умчался на улицу.

Между тем Ванесса открыла роман «По царскому велению», и я, услышав, как она фыркнула, понял, что сейчас она разнесет его в пух и прах. У нее была врожденная склонность к литературной критике.

– Баракло,- заявила она.- Вам пора бы уже приступить к более серьезному чтению. Я не надеюсь, что вы сразу же ' приметесь за Тургенева и Достоевского,- назвала она каких-то, видимо, знакомых ей по Лондону русских эмигрантов, которые между делом еще и пописывали романы.- Но есть много хороших книг, более легких для восприятия и в то же время познавательных. Одна как раз у меня с собой,- сообщила она, и я с ужасом увидел у нее в руках тощий томик в переплете из мягкой красной кожи, украшенный золотым тиснением. Для человека с таким жизненным опытом, как у меня, всегда есть нечто зловещее в книге с переплетом из мягкой красной кожи.- Это собрание причудливых эссе «Прозаическая болтовня рифмоплета». Автор – молодой поэт, Реджинальд Спрокетт, которому критики пророчат большое будущее. Всех особенно восхищает его стиль, но мне бы хотелось привлечь ваше внимание к глубоким мыслям, заключенным в этих маленьких шедеврах. Познакомьтесь с ними. А мне пора. Я заглянула лишь за тем, чтобы оставить книгу.

Я встретил этот удар спокойнее, чем можно было бы ожидать, поскольку мой быстрый ум сразу же сообразил, как обратить этот хлам в нечто полезное. Мерзостная книжонка могла бы стать превосходным рождественским подарком для тети Агаты, которой всегда трудно подобрать что-нибудь подходящее к случаю. Сообразив это, я утешился, но Ванесса продолжала:

– Смотрите, не потеряйте, берегите ее как зеницу ока. На ней автограф Реджинальда.- Взглянув на титульный лист, я обнаружил, что она говорит правду. Это тетя Агата, конечно, оценит. Но смотрю, чертов писака, оказывается, нацарапал на тощей книженции не только свое имя, но еще и имя Ванессы: «Ванессе, прекраснейшей из прекрасных, от верного поклонника». И эта надпись перечеркивала все мои планы. Я опять загрустил. Хотя Ванесса пока и помалкивала, но чутье подсказывало мне, что очень скоро будет устроен экзамен, насколько хорошо я усвоил этот маленький опус, и провал грозил самыми тяжелыми карами.

Заявив, что ей пора уходить, Ванесса, разумеется, проторчала у меня еще добрых полчаса, посвятив их критическому разбору прочих изъянов моего духовного облика, которые она припомнила за то время, пока мы не виделись. Как же силен дух миссионерства в женщинах, если Ванесса всерьез готовилась к тому, чтобы соединить свою жизнь с такой сомнительной личностью, как Б. Вустер. Ее ближайшие друзья должны бы отговорить ее: «Возьми, мол, его и брось во тьму внешнюю, там будет плач и скрежет зубов [*...там будет плач и скрежет зубов.*- Евангелие от Матфея, гл. 22 ст. 13.]». Бесплезно пытаться исправить его, он безнадежен».

На этот раз она избрала темой своей обличительной речи мое членство в клубе «Трутни». Ей не нравились «Трутни», и она объявила, что после медового месяца я переступлю порог этого заведения только через ее труп.

Итак, подводя окончательный итог, скажем, что Бертрам Вустер, подписав себе приговор в ризнице после брачной церемонии, окажется некурящим, непьющим (к этому явно тоже шло дело) и бывшим членом клуба «Трутни», иными словами, превратится лишь в жалкую тень своего прежнего «я». Ничего удивительного, что, слушая Ванессу, я почувствовал, что задыхаюсь, как тот туземец-носильщик у Планка, которого закопали до захода солнца.

Меня сковал смертный ужас, и пока я так сидел скованный, Ванесса направилась к выходу, наконец и вправду собравшись уходить. Она сама открыла дверь, поскольку Бертрам, жалкая тень своего прежнего «я», был не в состоянии сделать этого для нее, но внезапно она отпрянула назад, судорожно глотая воздух.

– Отец! – выдохнула она.- Идет по садовой дорожке.

– Идет по садовой дорожке? – переспросил я. Уму непостижимо, зачем папаша Кук пожаловал ко мне с визитом. Ведь мы с ним не такие уж добрые знакомые, чтобы ходить друг к другу в гости.

– Остановился завязать шнурок на ботинке,- выговорила она, по-прежнему лоя ртом воздух, и на этом ее текст в диалоге закончился. Ни слова больше не говоря, она бросилась в кухню, точно лиса, за которой гонятся одновременно «Куорн» и «Пайтчли», и захлопнула за собой дверь.

Я мог понять ее чувства. Ей было известно, какую неприязнь питал ее родитель к последнему из Вустеров, неприязнь столь сильную, что при одном упоминании моего имени он багровеет до синевы и кусок за обедом попадает ему не в то горло. Можно представить, как он обрадуется, встретив свою дочь под крышей моего дома. Когда Орло Портер узнал, что Ванесса *конспиративно*, по его словам, посещает Вустера, ему пришли в голову разные нехорошие мысли. Страшно подумать, какие мысли при тех же условиях придут в голову папаше Куку. Хотя я белее снега, никакими силами нельзя будет убедить его, что я вовсе не современный Касса... как его?.. не Касабланка, этот парень стоял на горящей палубе. Казанова. Я знал, что вспомню.

Что же касается того, как именно расправится с Ванессой разъяренный папаша Кук, то здесь возможны варианты. Я уже отмечал, она была гордой красавицей, однако отец калибра Кука может заставить даже такую гордячку пожалеть, что она опозорила свое имя. Возможно, он не станет лупить ее тростью, как в старые добрые времена, но уж наверняка лишит карманных денег и отправит на жительство к бабушке в Танбридж-Уэллс, где она будет присматривать за семью кошками и по воскресеньям три раза на дню ходить к обедне. Стоит ли удивляться, что Ванессу охватила паника, когда она увидела, как ее папаша завязывает шнурок на ботинке перед крыльцом «Уютного уголка» – я забыл сказать, что так называлась моя временная резиденция (как я впоследствии узнал, этот домик построили для кухни миссис Брискоу, которая любила писать акварелью).

И уж коли Ванесса перепугалась до смерти, что тут говорить о моем душевном состоянии. С известным трепетом – а по правде говоря, весь трепеща от ужаса, я ждал своего гостя, и мои худшие опасения оправдались, когда я увидел арапник у него в руках.

При нашей первой встрече Кук не внушил мне особой симпатии, и я предчувствовал, что и на этот раз я вряд ли проникнусь к нему расположением. Тем временем Кук, надо отдать ему должное, не стал ходить вокруг да около. Он привык разговаривать кратко и решительно и, обходясь без пустых предварительных переговоров, сразу же обращаться к сути дела. Вероятно, иначе нельзя, если хочешь ворочать большими делами.

– Что ж, мистер Вустер,- кажется, так вы сейчас именуетесь,- вам, наверное, интересно будет узнать, что вчера вечером к майору Планку вернулась память, которая ненадолго изменила ему, и он рассказал мне о вас все.

Это был жестокий удар, и хотя я его ожидал, от этого было не легче. Как ни странно, но я не злился на Кука, поскольку считал, что в этой нелепой ситуации виноват один тупоголовый Планк. Скитаясь по Африке, по колону в ядовитых змеях всех видов и в окружении пум-людоедов, он вполне мог бы навсегда сгинуть с лица земли, и все бы его оплакивали. Вместо этого он выжил и отравляет жизнь безобидному типичному представителю столичной золотой молодежи, который хотел всего-навсего отдохнуть на лоне природы в тиши и покое и поправить свое слабое здоровье.

Кук продолжал и с каждым словом становился все мрачнее:

– Вы известный мошенник, ваши сообщники называют вас Альпийский Джо. Последний раз вы пытались продать майору Планку дорогую статуэтку, которую украли у сэра Уоткина Бассета из Тотли-Тауэрс. К счастью, инспектор Уидерспун из Скотланд-Ярда арестовал вас, и вам не удалось осуществить свой гнусный замысел. Поскольку вы на свободе, то, значит, отсидели положенный срок, и теперь вас нанял полковник Брискоу, чтобы вы украли мою кошку. Имеете ли вы что-нибудь сказать?

– Да,- произнес я.

– Нет, не имеете,- возразил он.

– Я могу все объяснить,- сказал я.

– Нет, не можете,- отрезал он.

Боже мой, я вдруг понял, что и вправду не могу. Мне пришлось бы сначала детально обрисовать характер сэра Уоткина Бассета, потом столь же подробно описать характер моего дяди Тома, в-третьих, охарактеризовать Стефанию (Стиффи) Бинг, ныне миссис Пинкер, и в-четвертых, рассказать, кто такой Дживс. Мне потребовалось бы два часа с четвертью при условии, что он слушал бы внимательно и не прерывал меня, что, разумеется, было маловероятно.

Похоже, дело зашло, что называется, в тупик, и я начал думать, что наилучшим выходом из этого тупика будет покинуть общество Кука, обратиться в бегство и бежать без оглядки до северной оконечности Шотландии, когда звук, похожий на взрыв газопровода, прервал мои размышления. Я увидел, что Кук держит в руках тощий томик, который эта глупая ослица Ванесса не догадалась захватить с собой, удаляясь за кулисы.

– Эта книга! – завопил он.

Я призвал на помощь всю свою смекалку.

– А, да,- небрежно объяснил я. – Последний опус Реджи Спрокетта. Знаете ли, я слежу за его творчеством. Блистательный молодой поэт, критики прочат ему большое будущее. Если вам интересно, это сборник причудливо написанных эссе. Они превосходны. Не только стиль, но и мысль, заключенная в этих маленьких шедеврах...

Мой голос замер. Я уже собирался от души посоветовать ему приобрести эту книжечку, но увидел, что он вряд ли меня послушает. Кук, вытаращив глаза, уставился на титульный лист, где красовался автограф, и я понял, что мои слова останутся, как говорится, пустым звуком.

Кук шевельнул арапником.

– Здесь была моя дочь.

– Да, она заглядывала ко мне.

– Ха!

Я понял, что означало это «Ха!»- это была сокращенная форма выражения: «Я сейчас тебя отделаю, будешь знать!». А следующим заходом он употребил также и эту, более развернутую версию, видимо, усомнился, правильно ли я его понял.

Если бы мне сказали: «Вустер, решай, что для тебя предпочтительнее – чтобы тебе выпустили кишки голыми руками или же отделают хлыстом?», – я бы затруднился с ответом. Уж если на то пошло, лучше, когда и то, и другое происходит с кем-нибудь другим. Но, думаю, я все же высказался бы в пользу последнего, при условии, что отделывать будут в тесном помещении, где осуществить это нелегко. Размеры гостиной в «Укромном уголке» не позволяли Куку замахиваться. Он был вынужден ограничиться тычками, от которых человеку подвижному, вроде меня, не составляло труда увернуться.

Я и увертывался без особого напряжения физических сил, но покривил бы душой перед своими читателями, если бы сказал, что получал от этого удовольствие. Чувство собственного достоинства страдает, когда скачешь, точно барашек на весеннем лугу, по воле старого идиота, которого невозможно урезонить. Кук в своем неменяемом состоянии был явно не способен воспринять никакие резоны, хоть бы их ему поднесли на тарелочке, гарнированные кресс-салатом.

А сойтись с ним в рукопашную мне не позволяло как раз то обстоятельство, что он старый и малорослый. Именно это сочетание в папаше Куке (преклонный возраст и карликовый рост) мешало мне проявить свою доблесть. Будь на его месте кто-нибудь мелкий, но молодой, или наоборот, пожилой, но приличных размеров, я бы, наверное, да нет, определенно врезал ему от души, но нельзя же поднять руку на вредного недомерка, который уже доживает шестой десяток. Благородство, присущее Бустерам, не позволяло мне даже допустить подобную мысль.

Раза два у меня мелькала мысль, не выбрать ли линию поведения, которая первоначально пришла мне в голову, – а именно, бежать до северных пределов Шотландии. Читая про то, как кого-то там отхлестали на пороге клуба, я часто недоумевал, почему жертва не поднялась на крыльцо и не вошла внутрь, ведь человек на другом конце хлыста – не член клуба, и швейцар его не пропустит ни за какие коврижки.

Однако загвоздка была в том, что, прежде чем пуститься бегом в Шотландию, я должен буду повернуться к Куку спиной, а это могло бы иметь роковые последствия. Вот почему мы продолжали наш ритмический танец, пока наконец мой ангел-хранитель, до сих пор дремавший в бездействии, не очнулся и решил вмешаться – давно бы так. В «Уютном уголке», как во всяком деревенском домике такого рода, у стены стояли старые напольные часы, и мой ангел-хранитель подстроил так, что Кук налетел на них и с разгону шлепнулся на пол. Он лежал на полу, а я действовал с подлинно вустерской предприимчивостью.

Я упоминал, что предыдущая хозяйка «Уютного уголка» занималась самовыражением главным образом в жанре акварели, но однажды она, похоже, изменила себе. Над камином висела большая картина маслом, на которой был изображен здоровенный детина в треуголке и бриджах для верховой езды, занятый беседой с девицей в шляпке и в платье, похожем на муслиновое. Когда взгляд мой упал на эту картину, я вдруг вспомнил Гасси Финк-Ноттла и старинный портрет у тети Далии в Вустерширском доме.

Гасси – прервите меня, если вы это уже раньше слышали, – убежал от Спода, ныне лорда Сидкапа, который мчался за ним по пятам, намереваясь, если мне не изменит память, сломать ему шею. В поисках укрытия Гасси ворвался в мою комнату, и, когда Спод уже

почти что добрался до его шеи, он сорвал со стены картину и с размаху шарахнул ею Спода по голове. Голова прошла сквозь полотно, и портрет одного из предков дяди Тома оказался у Спода на шее наподобие елизаветинского плюшеного воротника, из-за чего Спод несколько растерялся, а я успел сдернуть с кровати простыню и замотать его в нее, превратив его, как выражаются по-научному, в пренебрежимую величину.

И вот теперь я повторил точно такой же номер, сначала воспользовавшись картиной, потом скатертью, а затем отправился в пивную «Гусь и кузнечик» на переговоры с Орло Портером.

Любой непосвященный человек, вероятно, ужаснулся бы тому, как неосмотрительно я подставляю свои внутренности на растерзание Портеру, этим искушаю судьбу и скоро, конечно, раскаюсь

Но я-то знаю,- и это придавало мне смелости,- что от былой силы Орло П. осталось лишь одно название, и потому я мчался к «Гусю и кузнечнику» в самом разудалом расположении духа, почти что с песней на устах.

Как я и предсказывал, Орло сидел в баре, потягивая джин с имбирной газировкой. При моем появлении он поставил стакан и посмотрел на меня исподлобья – так привередливый едок за завтраком изучает гусеницу у себя в салате.

– А, это ты,- буркнул он.

С этим трудно было не согласиться. Действительно, я – это я, и отрицать очевидное бессмысленно. Убедившись, что взгляд исподлобья не обманул его, Орло спросил:

– Что тебе надо?

– Поговорить.

– Пришел позлорадствовать?

– Все нет, Портер,- поспешил я успокоить его,- когда ты услышишь, что я тебе скажу, ты запрыгаешь, как высокие холмы^[...как высокие холмы.- Псалом 113, 4: «Горы прыгали, как овны, и холмы, как агнцы».], правда, я никогда не видел, чтобы холмы прыгали, ни высокие, ни даже низкие. Портер, что бы ты сказал, если бы узнал от меня, что все твои беды и горести, которые тебя сейчас так угнетают, исчезнут прежде, чем закатится солнце?

– Оно уже закатилось.

– Разве? Я и не заметил.

– Время идет к ужину. Так что, будь любезен, убирайся ко всем чертям, иначе...

– Сначала я выскажусь.

– А ты еще не все сказал?

– Нет, далеко не все. Давай спокойно и беспристрастно рассмотрим ситуацию, в которой мы с тобой оказались. Ванесса Кук сказала, что выйдет замуж за меня, и теперь ты, конечно же, считаешь меня змеей, притаившейся в траве. Позволь мне заметить, что какое бы то ни было сходство между мною и змеей в траве – это не более, чем случайное совпадение. Разве я мог сказать ей *polle prosequi*, когда она объявила о своем решении? Ясно, нет. Но хотя я и молчал, меня не покидало чувство, что я веду себя, как гнида.

– Ты и есть гнида.

– Вот тут ты ошибаешься, Портер. Я – человек глубоко чувствующий, а тот, кто по-настоящему глубоко чувствует, никогда не женится на девушке, которая любит другого. Он от нее отказывается.

Орло как раз приканчивал свой джин с газировкой, и когда до него дошел смысл сказанного, он поперхнулся.

– Ты готов отказаться от нее ради меня?

– Окончательно и бесповоротно.

– Но, Вустер, это же благородно. Прости, что назвал тебя гнидой.

– Ничего страшного. Ошибка, которую может сделать всякий.

– Ты поступаешь, как Сирано де Бержерак.

– Соблюдаю кодекс чести.

Он весь расплылся в улыбке – или почти весь,- но вдруг меланхолия снова знаки свои на него положила. Он застонал, словно обнаружил дохлую мышь на дне пивной кружки.

– Твоя жертва бесполезна, Вустер. Ванесса никогда не выйдет за меня.

– Очень даже выйдет.

– Тебя там не было, когда она разорвала помолвку.

– Зато был мой представитель. Точнее сказать, он подслушивал за дверью.

– Тогда ты в общих чертах представляешь себе положение дела.

– Он дал мне полный отчет.

– И после этого ты утверждаешь, что она все еще любит меня?

– Еще как. Любовь не может угаснуть из-за пустячной размолвки влюбленных.

– Пустячной размолвки? Ничего себе! Она назвала меня трусливым ничтожеством. Скользкой, жалкой, дрожащей тварью. Невероятно, где только она набирается таких слов. И все из-за того, что я отказался пойти к старикашке Куку и потребовать у него деньги, причитающиеся мне по наследству. Я уже однажды ходил и очень вежливо просил его отдать, а теперь она хочет, чтобы я пошел снова, и стукнул бы кулаком по столу, и вообще показал характер.

– Придется, Орло. Ничего не поделаешь, придется. Чем кончилась ваша прошлая встреча?

– Он категорически отказал.

– Насколько категорически?

– Совершенно категорически. И все повторится, если я снова к нему заявлюсь.

Наконец-то Орло произнес нужную мне реплику. Я только и ждал удобного момента, чтобы изложить ему свой план. По моему лицу скользнула тонкая улыбка, и Орло спросил, чему я ухмыляюсь.

– Не повторится, если ты правильно выберешь время,- сказал я.- В котором часу ты тогда пытался к нему подкатиться?

– Около пяти.

– Я так и думал. Неудивительно, что он дал тебе пинка под зад. Пять часов дня- это время, когда радость жизни в душе человека опускается до самой нижней отметки. Обед давным-давно закончился, коктейлей еще не видно, и человек не настроен удружить ближнему. Может быть, Кук и бесчувственный болван, но хорошая еда смягчает даже самые жестокие сердца. Поговори с ним, когда он полон под завязку, и увидишь, что из этого получится. Ребята в клубе «Трутни» мне рассказывали, что, когда они подольщались к Уфи Проссеру после плотного ужина, им удавалось выудить у него приличные суммы.

– Кто такой Уфи Проссер?

– Член клуба, миллионер. При свете дня он сторожит свой кошелек, как ястреб. Судя по всему, Кук на него похож. Держи хвост морковкой, Портер. Жми, наступай, будь смел и тверд, не бойся кровь пролить,- припомнил я слова из спектакля «Макбет», о котором упоминал выше.

Мои речи, само собой, произвели на Орло впечатление. Лицо его осветилось, словно кто-то щелкнул выключателем.

– Вустер,- сказал Орло,- ты прав. Ты указал мне путь. Направил на прямую стезю. Спасибо тебе, Вустер, старина.

– Не стоит благодарности, старина.

– Поразительная вещь. Ведь посмотришь на тебя, так вроде бы дурак дураком, и соображения не больше, чем удохлого кролика.

– Спасибо, Портер, старина.

– Не стоит благодарности, Вустер, дружище. И вдруг такое поразительное проникновение в человеческую психологию.

– По-твоему, во мне есть скрытые глубины?

– Конечно, есть, Вустер, старая кляча.

Мгновение спустя он уже угощал меня джином с газировкой, словно мы были давними закадычными друзьями, и вопрос о моем нутре никогда между нами не стоял.

Возвращаясь в «Укромный уголок» минут через двадцать после нашего разговора, который оказался, в сущности, настоящим пиром братства, я был весь охвачен радостным чувством, таким редким в наши дни, и твердо верил, что жизнь замечательна, на небе Бог и в мире все в полном порядке, как написано где-то. Произведя подсчет ниспосланных благодатен, я нашел общий итог весьма удовлетворительным. На фронте Портера воцарилось спокойствие, Билли Грэхем в данный момент возвращает кошку ее ближним в Эгсфорд-Корт, Портер и Ванесса Кук скоро обручатся вновь, и, хотя мой престиж в глазах папаша Кука был ниже некуда, и мне не видеть от него подарка на ближайшее Рождество, это была небольшая ложка дегтя в бочке меда. Или муха в стакане сметаны? Постоянно путаю. Словом, все было в лучшем виде, и счастливый Вустер, услышав телефонный звонок, снял трубку, можно сказать, с песней на устах. Звонила престарелая родственница, и даже глухой услышал бы, что с ней творится что-то неладное. Несколько мгновений на другом конце провода раздавались лишь судорожные хрипы и бульканье,- подобные звуки мог бы издавать тонущий пловец, который изо всех сил борется за жизнь.

– Привет,- произнес я.- Что-то случилось?

На протяжении этого повествования я несколько раз описывал хриплый, горький смех, каким смеялись разные люди, но смех единокровной старушенции в ответ на мой вопрос горечью и хрипотой превзошел все.

– Случилось? – прорвало ее наконец.- Ты еще спрашиваешь? Я с ума схожу. Кошку уже вернули?

– Билли Грэхем полностью контролирует ситуацию.

– Иными словами, еще и не приступал к делу.

– Он отнес кошку и вернулся. Но, к несчастью, она последовала за ним. Во всяком случае, так он утверждает. Как бы там ни было, он вернулся сюда в сопровождении кошки, но потом унес ее в обратном направлении. Вероятно, в этот самый момент он выпускает животное в заданной точке. Но из-за чего такой шум?

– Я скажу тебе, из-за чего шум. Если немедленно – или даже еще быстрее- кошку не вернуть на место, мне грозит неминуемая катастрофа, а Тому- самый тяжелый приступ несварения с тех пор, как он съел тогда целого омара в клубе. И во всем виновата я одна.

– Вы сказали, что виноваты?

– Да. А что?

– Просто хотел удостовериться, что не ослышался.

Я так привык, что во всех бедах винят меня, что слова тети Далии меня глубоко взволновали. Нечасто найдется тетя, готовая взять вину на себя, когда в ее распоряжении есть племянник, на которого можно все свалить. Племянники для того и существуют, таково всеобщее мнение. Дрогнувшим голосом я задал следующий вопрос:

– А что, собственно, стряслось?

Тетки как класс обычно не умеют слушать. Вот и тетя Далия не услышала моего вопроса, а принялась читать мне лекцию о положении в родной стране.

– Я скажу тебе, что неладно в современной Англии, Берти. Развелось слишком много людей, у которых имеется угрызения совести, высокие принципы и всякая такая чепуха. Стоит пальцем шевельнуть, и они тут же вцепятся вам в загривок, потому что вы, видите ли, оскорбили их моральные принципы. Казалось бы, такой человек, как Джимми Брискоу, должен широко смотреть на вещи, но не тут-то было! Надулся, напыжился, ну прямо епископ Кентерберийский. Ты, наверное, думаешь, что во всем виноват его братец-викарий, но я с этим не согласна. Брата можно извинить, у него профессия такая, он обязан проявлять щепетильность. Но Джимми! Просто смешал меня с грязью, как будто я сделала что-то ужасное, застрелила лису в нарушение охотничьих правил^[...застрелила лису. - На традиционной английской охоте на лис их убивают исключительно ударами хлыста.] или еще что-нибудь в этом роде. Но ведь я не ради себя старалась. Мною двигала одна доброта, я же видела, как близко он принимает к сердцу интересы церковного органа и как его гнетет забота. Черт побери, святой Франциск Ассизский сделал бы то же самое на моем месте, и все бы пришли в восторг, какой он замечательный парень, и говорили бы, как жаль, что мало таких, как он, а Джимми, напротив, принялся...

Мне стало ясно, что если этот словесный поток не остановить твердой рукой, он будет извергаться бесконечно.

– Прощу меня простить, престарелая родственница,- сказал я.- Вам, наверное, покажется, что я чего-то недопонимаю, но, на мой взгляд, вы бредите. Ваши слова похожи на треск тернового хвороста под котлом^[...треск тернового хвороста под котлом. - Книга Екклесиаста, гл. 7, б: «Потому что смех глупых то же, что треск тернового хвороста под котлом».], по известному выражению. О чем, черт побери, вы толкуете?

– Ты что, не слушал меня?

– Слушал, но даже на милую с четвертью не приблизился к сути.

– О, Господи, я и забыла, что ты понимаешь только односложные слова... Если говорить простым языком, доступным даже тебе, случилось вот что. У меня был разговор с викарием, и он посетовал, каким тяжелым камнем лежит у него на душе забота о церковном органе, который уже при последнем издыхании, а заплатить ветеринару нечем. Он недавно получил от Джимми солидную сумму на починку церковной крыши, и если снова обратиться к нему с просьбой о деньгах, беды не оберешься, так он сказал. И что делать, черт побери, он ума не приложит.

Ты знаешь свою тетку, Берти. Сердце у меня мягкое, как масло, я всегда стараюсь рассыпать маленькие благодеяния на своем пути. Вот я и сказала викарию, что если он хочет без особых хлопот заработать немного денег, то пусть во время скачек поставит все до последнего гроша на лошадь Джимми по кличке Симла. И рассказала ему о кошке, чтобы он не сомневался, что дело – верняк.

– Но...

– Заткни глотку носком и слушай. Не можешь помолчать хотя бы полсекунды? Знаю, что ты хочешь сказать – ты отослал кошку назад. Но в тот момент я об этом еще не знала. Так вот, я все ему выложила, ничего не опасаясь, думая лишь о том, как он обрадуется своему счастью. Мне следовало бы знать, что священники по роду своей деятельности

обязаны быть совестливыми, но тогда мне это не пришло в голову. Одним словом, он пошел к Джимми и все ему разболтал, и Джимми взбеленился. «Верните кошку хозяевам», - потребовал он и прибавил еще много всякой ерунды про то, как он изумлен и потрясен. Это бы еще ничего, пусть бы выложил все, что обо мне думает, и тем ограничился, так нет же. Он пригрозил, что, если кошку в течение ближайшего часа не возвратят Куку, он снимет Симлу с соревнований. Да, сэр, так и сказал, Симла не выйдет на старт, а, значит, прогорели все мои денежки, которые я поставила на эту лошадь.

– Но...

– Ну да, знаю, ты мне сказал, что отошлешь кошку назад, но я не была до конца уверена. А вдруг ты, взвесив все, сообразишь, от какого выгодного дела отказываешься, и передумаешь.

Я понял, о чем она толкует. Любой племянник, алчущий злата и не скованный, в противоположность Вустеру, честным, спортивным духом, именно так бы и поступил. Неудивительно, что она разволновалась. Я был рад ее успокоить.

– Все в полном порядке, родоначальница, - сказал я, - Билли Грэхем на пути к Кукляндии и, скорее всего, уже добрался до места.

– В комплекте с кошкой?

– С кошкой.

– И можно не беспокоиться?

– Во всяком случае, Симлу на старт выпустят.

– С моей души свалился груз, но невозможно без горечи думать о том, что я поставила не на верняк.

– Впредь послужит вам уроком, как портить лошадь перед скачками.

– Да, но это слабое утешение.

Наша беседа продолжалась еще некоторое время, так как тетки, завладев телефонной трубкой, неохотно с ней расстаются, но в конце концов трубка была положена, я перевел дух, открыл книгу «Дни нарциссов» и стал ее листать.

Содержимое ее оказалось еще менее пригодным для человеческого употребления, чем я ожидал. Чтобы сдержать подступившую тошноту, я отвернулся и увидел, как в этот момент в комнату из кухни входит Герберт Грэхем собственной персоной.

От неожиданности я прикусил язык. По моим представлениям, он должен был находиться в Эгсфорд-Корте, и его внезапное появление так ошеломило меня, что я не обратил внимания на боль.

– Боже праведный! – возгласил я, если это слово здесь уместно.

– Сэр?

– Вы что, еще не ушли? За это время вы давно должны были бы обернуться.

– Совершенно справедливо, сэр, но нечто помешало мне отправиться в путь немедленно, как я предполагал.

– Что же это? Вам в банке слишком долго отсчитывали деньги?

Сказано зло, но, мой взгляд, справедливо. Однако мой сарказм пропал впустую, он и бровью не повел.

– Нет, сэр, - ответил он, - я держу деньги в банке Брид-мута-он-Си, и он уже давно закрылся. А происшествие, задержавшее меня, случилось здесь, в этой самой комнате. Я зашел на кухню, чтобы взять кошку, я оставил ее там в корзинке, как вдруг слышу, из комнаты доносятся какие-то звуки. А поскольку вас не было дома, я решил войти и

проверить, не забрался ли грабитель. Вижу, на полу лежит человеческое тело, завернутое в скатерть. Я развернул ее и внутри обнаружил мистера Кука с картиной на шее, бормотавшего нечто несусветное.

Он замолчал, но я решил не вводить его в курс дела. С такими людьми, как Грэхем, лучше не откровенничать.

– Завернутый в скатерть, вот как? – переспросил я небрежно.- Впрочем, думаю, субъектов вроде Кука рано или поздно обязательно завертывают в скатерть.

– Это зрелище произвело на меня глубокое впечатление.

– Не сомневаюсь. Подобные зрелища действительно могут привести в ужас. Но вы быстро оправились, не правда ли?

– Нет, сэр, не оправился, и объясню почему. Главным образом из-за выражений, которые использовал мистер Кук. Как я уже сказал, он изъяснялся в крайне несдержанной манере, и с моей стороны было бы безумием идти в Эгсфорд-Корт, рискуя попасться ему на глаза, когда он столь опасен. Я женатый человек, у меня семья. Так что если хотите, чтобы кошка вернулась на прежнее местожительство, вам придется искать другого исполнителя или же сбегать в Корт самому.

Я стоял в гостиной в Мейден-Эгсфорде, графство Сомерсет, и в совершенном недоумении молча смотрел на него. А он преспокойно удалился.

Я все еще не мог оторвать взгляда от того места, где минуту назад стоял Герберт Грэхем, и проклинал себя за то, что отпустил Дживса на сторону, позволил ему попусту убивать время в веселом обществе теток, тогда как я должен был предвидеть, что мне в любой момент могут понадобиться его совет и моральная поддержка, и до меня не сразу дошло, что звонит телефон.

Как я и ожидал, звонила сестра моего покойного отца Далия. Она уже успела поговорить с Билли Грэхемом, и знала, что дела плохи. Она выразительно высказалась в его адрес, обозвав двурушником, который нагло отказался выполнять свои священные обязанности.

– Он наплел какую-то невероятную историю о том, будто нашел Кука в твоём доме с картиной на шее и завернутым в скатерть, и побоялся на него наткнуться. Бред какой-то.

– Нет, это истинная правда.

– Ты хочешь сказать, что у Кука и в самом деле была картина на шее, а сам он был завернут в скатерть?

– Да.

– И каким же образом он оказался в таком положении?

– Мы слегка повздорили, а потом все и произошло. Она нервно фыркнула.

– Иными словами, малодушное бегство Грэхема на твоей совести?

– В некотором роде, да. Позвольте мне вкратце описать произошедшее,- сказал я и приступил к рассказу. Когда, выслушав меня, тетя Далия заговорила, голос ее звучал почти спокойно.

– Мне следовало бы знать, что, если есть хотя бы малейшая возможность провалить деликатные переговоры, ты ею непременно воспользуешься. Что ж, раз по твоей милости Грэхем так подвел нас, тебе придется занять его место.

Я ожидал этого. Напомню, Грэхем и сам выдвинул такое предложение. Я был намерен пресечь в корне всякие поползновения подобного рода.

– Нет! – воскликнул я.

– Ты сказал «нет»?

– Да, тысячу раз нет.

– Трусишь?

– Мне не стыдно в этом признаться.

– Тебе вообще ни в чем не стыдно признаваться. Где твоя гордость? Ты забыл о своих славных предках? Во времена Крестовых походов жил Вустер, который один выиграл бы битву при Яффе, если бы не свалился с лошади.

– Позвольте заметить...

– Или Вустер времен войны на Пиренейском полуострове. Веллингтон всегда повторял, что у него не было лучшего шпиона.

– Вполне возможно. И тем не менее...

– Тебе не хочется быть достойным этих выдающихся людей?

– Нет, если для этого требуется снова повстречаться с Куком.

– Что ж, не хочешь- не надо. Бедный старина Том, какие страдания его ждут. Кстати, о Томе, сегодня утром я получила от него письмо. Оно полно восторгов по поводу восхитительного обеда, который им подал Анатолий накануне вечером. Он просто пел ему дифирамбы. Дам тебе почитать. Анатолий достиг той исключительной степени совершенства, до которой порой поднимаются французские повара. Том приписал в постскриптуме: «Какое удовольствие получил бы дорогой Берти от такого обеда».

Я проникателен, и от меня не ускользнула угроза, скрытая в ее словах. Она перешла от кнута к прянику или, скорее, наоборот, и вежливо давала понять, что, если я ослушаюсь, она применит ко мне санкции и отлучит меня от кулинарных шедевров Анатолия.

И я принял судьбоносное решение.

– Ни слова больше, моя старая плоть и кровь,- сказал я.- Я отнесу кошку в Эгсфорд-Корт. И если Кук выскочит из-за угла и разорвет меня на сотню клочков, что с того? Всего-навсего еще одна могила среди холмов. Что вы сказали?

– Ничего, просто «Мой герой»,- проговорила престарелая родственница.

Поверьте, я заслуживал, скорее, сочувствия, а не осуждения, когда, дрогнув, покорился обстоятельствам. Если вас загоняют в угол, маленькая, жалкая, дрожащая тварь в конце концов даст себя знать. Помню, однажды мне предстояло наотрез отказать тете Агате, которая хотела, чтобы я поселил у себя в квартире на школьные каникулы ее сыночка Тоса и сводил его а) в Британский музей, б) в Национальную галерею и в) в театр «Олд Вик» на пьесу какого-то там Чехова. Я тогда признался Дживсу, что мысль о предстоящем испытании внушает мне страх, и он уверил меня, что это вполне естественно.

– «Меж выполнением замыслов ужасных и первым побуждением промежутков похож на морок или на страшный сон,- сказал он.- Наш разум и все члены тела спорят, собравшись на совет, и человек похож на маленькое государство, где вспыхнуло междоусобье» [*...государство, где вспыхнуло междоусобье.*- У. Шекспир. «Юлий Цезарь» (акт II, сцена 1).]

Я бы сам это лучше выразил, но смысл сказанного Дживсом был мне вполне ясен. В такие минуты у человека холодеют ноги, и с этим ничего не поделаешь.

Я, впрочем, не подал вида, что душа моя ушла в пятки. Я так часто получал удары и оплеухи от яростной судьбы, что лицо окаменело и превратилось в бесчувственную маску, и, когда, прихватив кошку, я отправился в Эгсфорд-Корт, никто не заподозрил бы, что я лишь с виду невозмутим, как устрица на блюде, поданная к столу. На самом же деле, под окаменевшими чертами моего лица скрывалось глубокое душевное волнение. А если уж совсем на чистоту, не будет преувеличением сказать, что я испытывал такое же беспокойство, в какое пришла бы эта самая кошка, окажись она на раскаленной крыше.

Всякий раз, приступая к повествованию, изобилующему опасностями и загадками, я не знаю, как быть: то ли прямо излагать все как было, то ли делать перерывы и подкидывать то, что называется атмосферой. Некоторые предпочитают первый способ, другим больше нравится второй. Для этих последних сообщаю, что вечер был прекрасный, струился мягкий ветерок, на небе мигали звезды, вся растительность благоухала и так далее и тому подобное, а теперь перехожу непосредственно к делу.

Когда я достиг владений Кука, уже стемнело, что было мне на руку, ведь дело-то мне предстояло темное. Немного не доезжая до Кукова жилища, я заглушил мотор, оставил машину на подъездной аллее и дальше пошел пешком напрямик через зеленые насаждения. Конечно, мои лучшие друзья предостерегли бы меня, что я рискую нарваться на неприятности, и были бы правы. При такой скверной видимости идти по буеракам, да еще с кошкой в руках, каковая кошка извивается и рвется на свободу,- было ясно, что рано или поздно я упаду. Я и упал, правда, уже на самых подступах к конюшне. Наступил на что-то мягкое и мокрое, поскользнулся, выпустил кошку, и ее поглотила тьма, а я шлепнулся лицом прямо в жидкую грязь, накопившуюся на этом месте за многие годы и содержащую разные неприятные примеси. Помнится, поднимаясь на ноги, я еще подумал, что, слава Богу, мне тут не надо ни с кем встречаться. А то в теперешнем виде я на 80% утратил светский лоск. В обратный путь к машине двинулся не светский Бертрам Вустер, а жалкий бродяга из самых отбросов общества, в костюме, позаимствованном у встречного огородного пугала, в котором он уже где-то проспал предыдущую ночь.

Я сказал «двинулся в обратный путь», но не прошел я и двух ярдов, как что-то плотное ткнулось мне в ногу, и я обнаружил рядом с собой огромную собаку – того самого пса, с

которым мы обменивались любезностями в «Уютном уголке». Я узнал его по ушам.

При первом знакомстве, почуяв во мне родную душу, он на радостях зашелся оглушительным лаем. И теперь я стал было полушепотом уговаривать его хранить тактичное молчание, в ночи могли бродить клеветы папаши Кука, и мне будет трудно объяснить им, что я тут делаю в такой час, но пес не внял моим увещаниям. В «Уютном уголке» запах Вустера показался ему упоительным, как «Шанель № 5», и сейчас он старался заверить меня, что он не из тех, кто отворачивается от друга только потому, что запах друга несколько испортился. Главное – это душа, должно быть, говорил он себе в паузах между раскатами лая.

Разумеется, я оценил комплимент, но я не был настроен на свой обычный общительный лад, так как опасался наихудшего. Я понимал, что такой громогласный лай нельзя не услышать, если только стража Кука не состоит сплошь из глухих, аспидов, и оказался прав. Где-то за сценой раздался окрик: «Эй!»,- и стало ясно, что Бертрам, как уже не раз бывало, влип в скверную историю.

Я бросил на собаку укоризненный взгляд. Впрочем, в темноте она его не заметила. Я вспомнил историю, которую мне читали в детстве, о том, как один господин написал книгу, а его собака Даймонд съела рукопись, и мораль сводилась к тому, что этот господин был такой славный малый, что всего лишь вздохнул: «Ах, Даймонд, Даймонд, если бы ты знал, что наделал»[... *если бы ты знал, что наделал.* - Считается, что с такими словами по сходному поводу обратился к своей собаке Ньютон.]

Я припомнил здесь эту историю, поскольку сам проявил подобную же сдержанность. «Говорил я тебе, не брещи, старый осел»,- только это я и сказал, а тут как раз подоспел тот, кто кричал «Эй!».

Он сразу же произвел на меня неблагоприятное впечатление, поскольку напомнил мне старшину, который два раза в неделю муштровал нас в школе, где я в свое время получил награду за знание Библии, о чем, кажется, уже не однажды упоминал. Голос старшины походил на дребезжание телеги, груженной пустыми металлическими банками и катящейся по гравию, и точно так же прозвучал голос парня, крикнувшего «Эй!». Не иначе, они доводились друг другу родственниками.

Было уже совсем темно, но я все же разглядел, что в руках у этого насельника ночи некий предмет, который мне тоже не понравился, – а именно, огромный дробовик, и он тыкал им мне под ребра. Так что, при таком положении вещей умиротворять его следовало, скорее, ласковыми речами, чем кулаками. Я и попробовал воздействовать речью, стараясь, чтобы она звучала как можно ласковее, хотя зубы у меня стучали.

– Добрый вечер,- проговорил я,- не могли бы вы указать мне дорогу в деревню Мейден-Эгсфорд,- и только собрался пояснить, что, мол, заблудился, гуляя по окрестностям, как этот тип, не слушая меня, заорал: «Генри!»,- по-видимому, призывая на помощь товарища. Второй голос, который вполне мог принадлежать родному сыну нашего старшины, ответил: «Ну?»

– Вали сюда.

– Куда?

– Сюда. Ты мне нужен.

– Я ужинаю.

– Бросай жевать и топай сюда. Я конокрада поймал.

Он нашел убедительный довод, видно, этот Генри относился к породе людей, для

которых долг превыше всего. Оставив яичницу с беконом или что там он поглощал, он поспешил на зов, и через мгновение уже стоял рядом с нами. Пес к тому времени исчез. По-видимому, у него был широкий круг разнообразных интересов, и он мог уделять каждому из них лишь толику своего внимания. Обнюхав мои брюки и встав лапами мне на грудь, он решил, что пора искать новое поприще для деятельности.

У Генри был фонарь, и он осветил меня.

– Ух, ты,- поморщился он.- Это вот он – конокрад?

– Гы.

– Похож на жулика чумазого.

– Гы.

– Ну и вонь от него.

– Гы.

– Помнишь старую песенку «То были фиалки».

– Лаванда.

– Я всегда думал, фиалки.

– Нет, лаванда.

– Ладно, будь по-твоему. Что с ним делать-то?

– Отведем его к мистеру Куку.

Перспектива встречи с мистером Куком в подобной ситуации и после того, что между нами произошло, естественно, не привела меня в восторг, но, похоже, избежать ее было уже не в моей власти, так как Генри ухватил меня за воротник и повел, а его напарник сзади подталкивал ружьем.

Так мы дошли до дома, где нас неприветливо встретил дворецкий, раздосадованный тем, что его оторвали от любимой трубки в час отдыха. Вдобавок он злился за то, что ему, как он выразился, приводят тут всяких бродяг, от которых запах, будто прорвало канализацию. Не знаю, во что меня угораздило вляпаться, но только становилось все более очевидно, что это было нечто специфическое, о чем свидетельствовала характерная реакция окружающих на мое присутствие в их обществе.

Дворецкий был настроен решительно. Нет, они не могут видеть мистера Кука. Неужели, возмущился он, они воображают, что мистер Кук ходит в противогазе? И все равно, добавил он, даже если бы я благоухал, как свежее сено, мистера Кука нельзя беспокоить, у него посетитель. Заприте парня в каком-нибудь стойле, посоветовал дворецкий, давно бы сами додумались, и мои проponent с секундантом^[Пропонент - член избирательного комитета, предлагающий кандидата в Парламент; его предложение должно быть поддержано вторым лицом – секундантом.] не замедлили исполнить его указание.

Если кто-то из моих читателей подумывает, не побыть ли немного под замком в конюшне, я от души ему этого не советую – ничемное дело. Там душно, темно, и там негде сидеть, кроме как на полу. Время от времени слышишь странные попискивания и зловещие шорохи, наводящие на мысль, что крысы нагуливают аппетит перед тем, как начать обглаживать тебя до костей. После того как мой эскорт удалился, я стал расхаживать из угла в угол, размышляя о том, как бы мне выбраться из этой ловушки, давящей мне на психику. Но единственное, что приходило в голову, это поймать крысу и выдрессировать ее так, чтобы она прогрызла в двери Дыру. Однако на это потребовалось бы время, а мне ужасно хотелось поскорее добраться до дома и лечь в постель.

Занятый мыслями о крысе и о том, не может ли все же из этого что-нибудь выйти, я

случайно нащупал дверь и рассеяно повернул ручку, просто так, от нечего делать, совершенно не рассчитывая на какой-нибудь результат – и будь я проклят, если дверь не открылась.

Сначала я подумал, что это мой ангел-хранитель, который вплоть до настоящей минуты пребывал в летаргическом сне, теперь глотнул сильнодействующего витамина и превратился в огненный шар, каким ему и полагалось быть, но потом, по здравом размышлении, я догадался, что на самом деле произошло. Между моими двумя конвоирами возникло непонимание по причине несогласованного планирования. Каждый полагал, что другой повернул ключ в замке, и в результате дверь осталась незапертой. Это лишний раз доказывает, что нельзя приступать к какому-либо "предприятию, не обменявшись сначала мнениями за круглым столом в атмосфере полной сердечности. Трудно представить себе, кто из них двоих станет отчаяннее рвать на себе волосы, когда обнаружится, что они упустили своего Бертрама.

И хотя я был теперь свободен, как ветер, мне надлежало, – если я правильно выбрал слово, – соблюдать величайшую осторожность. Глупо было бы снова наткнуться на Генри с товарищем и вновь оказаться в узилище, или как там это называется. Надо избавиться от них раз и навсегда. Возможно, если познакомиться с ними поближе, они и неплохие ребята, но определенно не моего поля ягода.

Их сфера влияния, естественно, ограничивалась конным двором и окрестностями, поэтому безопаснее всего было бы вернуться тем же путем, каким пришел, но мне страшно было подумать, что я опять могу угодить в ту мерзкую грязь. Не оставалось ничего иного, как только брести наугад, пока не выйду на подъездную аллею, а затем по ней дойти до того места, где меня ждал автомобиль. Именно так я и поступил. Обогнув дом, я пошел через лужайку. Неожиданно впереди что-то блеснуло, и, не успев ничего сообразить, я плюхнулся в плавательный бассейн.

Всплыл я на поверхность, обуреваемый смешанными чувствами. Тут было и удивление, поскольку я не ожидал, что у такого субъекта, как Кук, есть плавательный бассейн. И досада: я не привык купаться в одежде. Хотя был один случай в клубе «Трутни», когда я на пари с Таппи Глоссом взял пересечь зал с бассейном, раскачиваясь на кольцах под потолком, и уже добрался до последнего кольца, но Таппи, как оказалось, подвязал его, и я в элегантном вечернем костюме бултыхнулся в воду.

Но, как ни странно, все прочие чувства меркли по сравнению с тем, как меня обрадовало неожиданное купание. По своей бы воле я сейчас не стал бы заниматься водным спортом, но, очутившись в бассейне, стал плескаться с упоением. Наконец-то я избавлюсь от исходившего от меня букета ароматов. Я нуждался в хорошей стирке, чтобы воссоединиться с людским стадом, не вызывая отвращения у себе подобных.

Вот почему я не спешил и плавал, как водяная лилия или, лучше сказать, как дохлая рыба. Но скоро в ночи послышался знакомый лай, и я понял, что мой знакомый встретил еще одну родную душу.

Я замер. Не нравилось мне это. Можно было предположить, что Генри и его напарник, человек с дробовиком, снова идут по следу. Что, если они обменялись сведениями насчет двери и ключа, бросились в конюшню и обнаружили там мое блистательное отсутствие? Я замер так, что меня уже совсем невозможно было отличить от дохлой рыбы, и затаил дыхание. Послышался приближающийся топот, а спустя мгновение поблизости от меня в воду плюхнулось человеческое тело.

Что оно ненамеренно бросилось в воду, стало ясно по его первой реплике, едва оно вынырнуло на поверхность. Раздался вопль: «Помогите!», - и я без труда узнал голос Орло Портера.

– Помогите! – повторил он.

– Привет, Портер,- отозвался я.- Ты сказал «Помогите!»?

– Да.

– Ты что, не умеешь плавать?

– Нет.

– Тогда... – Я чуть было не заметил: «Тогда зачем полез купаться?»,- но удержался, чувствуя, что это с моей стороны было бы нетактично. И просто спросил: – Тебе, наверное, нужна рука помощи?

Орло ответил утвердительно, я протянул ему руку и отбуксировал его на мелкий конец бассейна, где к нему сразу частично вернулась прежняя самоуверенность. Отплевываясь – а хлебнул он, наверное, пинты две воды,- Орло поблагодарил меня слегка прерывающимся голосом, и я в ответ сказал, что не стоит благодарности.

– Вот уж не ожидал встретить тебя здесь,- выразил я Удивление. – Что ты тут делаешь, Портер?

– Зови меня Орло.

– Что ты тут делаешь, Орло? Наблюдаешь за совами?

– Я пришел потолковать с этим гнусным Куком, Вустер.

– Зови меня Берти.

– Я пришел поговорить с этим чертовым Куком, Берти. Помнишь, что ты мне посоветовал? Воззвать к этому сыну невенчаных родителей после того, как он отобедал, и чем больше я об этом думал, тем более здравым казался мне твой совет. У тебя и вправду потрясающее чутье, Берти. Ты читаешь людей, как книгу.

– О, благодарю. Все дело в изучении психологии индивидуума.

– Но, к сожалению, не таких, как Кук. И знаешь, почему, Берти?

– Нет, Орло. Почему?

– Потому что он изверг, и его поведение непредсказуемо. Когда имеешь дело с извергами, строить стратегические планы бесполезно.

– Иными словами, все произошло не совсем так, как было задумано?

– Ты даже не представляешь, до какой степени ты прав, Берти. Полный провал. Если бы я просил денег у Скруджа и Скупого Гаспара вместе взятых, и тогда бы дело было не более безнадежно.

– Расскажи, Орло, как все было.

– Если у тебя есть свободная минутка, Берти.

– Сколько угодно, Орло.

– Ты куда не торопишься?

– Нет, мне здесь хорошо.

– Мне тоже. Правда, приятная прохлада? Итак, я пришел и сказал дворецкому, что хочу видеть мистера Кука по важному делу, и он отвел меня в библиотеку, где Кук курил толстую сигару. Когда я это увидел, то жутко обрадовался,- значит, я правильно выбрал момент. Ведь ясно же, сигару курят после обеда, да он еще попивал бренди. Можно было не сомневаться, что он сыт под завязку. Ты следишь за ходом моих мыслей, Берти?

– Я улавливаю суть, Орло.

– Там был еще один человек. Насколько я понял, африканский путешественник.

– Майор Планк.

– Его присутствие мешало, он непременно желал описать во всех подробностях ритуалы плодородия у туземцев Бонго на берегу Конго. Ритуалы эти настолько непристойны, что нет слов, можешь мне поверить. Потом он все-таки ушел, и тогда я завел речь о своем деле. Но ничего хорошего из этого не получилось. Кук заявил, что не даст ни пенни.

Я задал Орло вопрос, который давно уже меня интересовал. Не то чтобы я так уж беспокоился о финансовом положении Орло, но мне казалось, что тут требуются разъяснения:

– На каких условиях находятся у Кука твои деньги? Неужели он может их держать у себя, сколько хочет?

– Может, пока мне не исполнится тридцать.

– А сколько тебе сейчас?

– Двадцать семь.

– То есть через каких-нибудь три года...

И тут я на миг увидел перед собой прежнего Орло Портера, который жаждал выпустить мне кишки голыми руками. Не скажу, что у него появилась пена на губах, но он явно был близок к этому.

– Да не желаю я ждать целых три года, черт побери! Знаешь сколько мне платят в страховой компании? Жалкие гроши. Едва хватает свести концы с концами. А я люблю красивые вещи. Хочу жить с размахом.

– И чтобы квартира в Мейфэр?^[Мейфэр – фешенебельный лондонский район.]

– Да.

– И каждый день шампанское?

– Вот именно.

– И «Роллс-Ройс», да не один?

– Да, тоже хочу.

– Ну и, само собой, чтобы было что подкинуть бедному пролетариату. Отдадим другим, что не нужно нам самим.

– Мне нужно все.

Я просто не знал, что на это сказать. Мне еще никогда не случалось разговаривать с коммунистом, и я был очень удивлен, что он, оказывается, вовсе не так уж горячо сочувствует бедному пролетариату, как я думал. Хотел было я посоветовать ему, чтобы он был поосторожнее, а то как бы в Кремле не пронюхали про его крамольные речи. Но решил, что меня это не касается, и сменил тему.

– Кстати, Орло,- спросил я,- а как ты здесь оказался?

– Ты что, не слушал меня? Я пришел потолковать с Куком.

– Я спрашиваю, как случилось, что ты свалился в бассейн?

– Я не знал, что тут бассейн.

– Мне показалось, ты бежал со всех ног. Из-за чего была такая спешка?

– На меня напала собака, и я от нее убегал.

– Здоровый такой пес со стоячими ушами?

– Да. Ты его знаешь?

– Мы знакомы. Но он вовсе не собирался на тебя нападать.

– Он на меня прыгнул.

– Это чисто дружеский жест, он на всех прыгает. Такая манера выражать свое расположение.

Орло с облегчением глубоко вздохнул. Он бы вздохнул еще глубже, если бы не поскользнулся и не исчез под водой. Я пошарил в воде и вытащил его на поверхность. Он поблагодарил.

– Рад помочь,- откликнулся я.

– Берти, у меня отлегло от сердца. Я все думал, как мне невредимым добраться до гостиницы.

– Могу подвезти.

– Нет, спасибо, не надо. Теперь, когда ты раскрыл мне глаза на чистоту намерений этого пса, я, пожалуй, пойду пешком. А то еще простужусь. Кстати, Берти, объясни мне одну вещь. Что ты-то здесь делаешь?

– Так, бродил по окрестностям.

– Я страшно удивился, что ты плаваешь в бассейне.

– Ничего странного. Просто захотелось освежиться, Орло, всего-навсего.

– Ясно. Что ж, спокойной ночи, Берти.

– Спокойной ночи, Орло.

– Я могу быть уверенным, что у тебя точная информация относительно этого пса?

– Вполне, Орло. «Прекрасна жизнь его, и все стихии соединились в нем как надо»,- припомнил я изречение Дживса.

Когда спустя несколько минут я вылез из бассейна и направился туда, где оставил автомобиль, с меня ручьями стекала вода, но сердце в груди радостно пело. Разумеется, ему бы еще следовало обливаться кровью из жалости к Орло, поскольку я понимал, как нескоро он обзаведется теми красивыми вещами, о которых мечтает. Но по случаю того, что я отделался от кошки, почти не оставляло места для сочувствия бедам ближних. Каюсь, я печалился об Орло не больше, чем он о бедном пролетариате.

На фронте Кука воцарилось спокойствие. Генри и его соратник не подавали признаков жизни. Пес, пообщавшись с Орло, где-то свернулся клубочком и заснул сладким сном.

Я ехал по дороге. Песня, звучавшая в моем сердце, достигла фортиссимо, когда я вылез из машины у дверей «Уютного уголка», и сразу же с хрипом оборвалась. Что-то мягкое и пушистое потерлось о мою ногу. Я посмотрел вниз и разглядел в темноте знакомое животное семейства кошачьих.

Спал я, что называется, урывками (правильное ли слово, надо будет уточнить у Дживса), крутился, переворачивался, будто балетный танцор, и ничего удивительного, ведь я был зажат «жестокими тисками обстоятельств» [*...жестокими тисками обстоятельств.* - Строка из стихотворения английского поэта У.Э. Хенли (1849-1903) «Onvictus»], как говорит в таких случаях Дживс. На сей раз их хватка была особенно жестокой, нечего было и пробовать вырваться каким-нибудь простым способом, например отплыть в кругосветное путешествие и отсутствовать до тех пор, пока гроза не минует.

Разумеется, у меня был выбор, я мог выйти из игры, откреститься от всей этой кошачьей истории и от самого этого проклятого животного. Но каковы были бы последствия? Полковник Брискоу не выставил бы Симлу на бега, а значит, любимая тетя проиграла бы все, и ей пришлось бы для покрытия дефицита обратиться к дяде Тому, а значит, у того прекратилось бы выделение желудочных соков и, может быть, надолго, а значит, из вечера в вечер он отодвигал бы от себя тарелку нетронутой, а значит, Анатолю, вспыльчивый, как все гении, не стерпев оскорбления, подал бы в отставку. Одним словом, повсюду гибель, разорение и тоска.

Рыцарство, эта вторая натура Вустеров, разумеется, не могло этого допустить. Какими бы опасностями это ни грозило, но кошку так или иначе необходимо было доставить в некий пункт, откуда она найдет дорогу в свою штаб-квартиру. Спрашивается, кто взял бы на себя эту миссию? Билли Грэхем ясно дал понять, что никакой кошелек с золотом, даже самый увесистый, не подвигнет его опять испытать ужасы зловещего Эгсфорд-Корта. Дживс официально заявил о своем неучастии. А тетя Далия, к сожалению, не годилась в виду неспособности передвигаться без хруста веток под стопой.

Значит, оставался один Бертрам. И для него была исключена любая возможность заявить *polle prosequi*, поскольку в таком случае, вне всякого сомнения, он долго не сможет воздавать должное кулинарным шедеврам Анатоля.

Немудрено, что я пребывал в глубочайшем унынии, когда, перейдя улицу, направился в пивную «Гусь и кузнечик» с намерением позавтракать. Обыкновенно я завтракаю несколько позже, чем в половине седьмого, но я бодрствовал с четырех часов и был уже не в силах терпеть муки голода.

В одном я был твердо уверен: что завтракать буду в одиночестве. И каково же было мое удивление, когда я увидел за столиком Орло, уплетавшего яичницу с беконом. Уму непостижимо, зачем он выполз на белый свет в такую рань. Спору нет, наблюдатели за птицами иногда нарушают нормальный распорядок дня, но даже если у него была назначена встреча с певуном Кларксона, естественно было бы для этого выбрать время где-то ближе к обеду.

- Привет, Берти,- сказал он.- Рад тебя видеть.
- Ты рановато поднялся, Орло.
- Немного раньше обычного. Не хочется заставлять Ванессу ждать.
- Ты пригласил ее к завтраку?
- Нет, она позавтракает без меня. Мы договорились встретиться в половине восьмого. Конечно, она может опоздать. Все зависит оттого, как быстро она найдет ключи от гаража.
- А зачем ей ключи от гаража?

– Чтобы вывести «бентли».

– Для чего ей понадобился «бентли»?

– Дорогой мой Берти, нам же нужно какое-то средство передвижения, чтобы бежать.

– Бежать?

– Мне следовало раньше объяснить тебе. Да, мы решили бежать, и слава Богу, сегодня выдался прекрасный денек. А вот и твоя яичница. Ешь, тебе понравится. В «Гусе и кузнечике» их готовят превосходно. Видно, яйца несут куры, довольные жизнью.

Садясь за столик, я заказал яичницу, и, как справедливо заметил Орло, она была превосходна. Но я ел без вдохновения. Новость так поразила меня, что я не мог уделить превосходной яичнице того внимания, какого она заслуживала.

– Ты хочешь сказать,- переспросил я,- что вы с Ванессой решили тайно бежать?

– По здравому размышлению, нам ничего иного не остается. Для тебя это неожиданность?

– Да у меня просто глаза на лоб полезли.

– Что тебя так удивило?

– Мне казалось, вы не разговариваете.

Орло разразился хохотом гиены. Он явно был до крайности возбужден, что, разумеется, можно понять, ведь Ванесса, как говорится,- дерево, на котором зреет плод его жизни, припомнилось мне чье-то изречение. Поневоле задумаешься о том, как разительно могут не совпадать вкусы. Я уже говорил, ослепительная красота Ванессы увлекла меня на какой-то миг, но при мысли о том, чтобы связать с ней свою судьбу, я весь леденел от ужаса, между тем Орло всей душой к этому стремился. Точно так же мой дядя Том ходит кругами, стараясь заполучить за сумасшедшие деньги овальную серебряную шоколадницу эпохи королевы Анны, а я бы ни за что на свете не появился с ней в обществе. Все-таки странно устроена жизнь.

Орло все хохотал.

– Ты отстал от жизни, Берти. Все уже в прошлом. Действительно, некоторое время наши отношения были натянуты, и даже прозвучали резкие слова, но вчера вечером мы полностью помирились.

– Ты вчера вечером ее встретил?

– Да. После того, как мы с тобой расстались. Она прогуливалась, перед тем как лечь и оросить слезами подушку.

– Это еще почему?

– Она ведь думала, что выходит замуж за тебя.

– Вот оно что, иначе говоря, лучше смерть, чем под венец.

– Точно.

– Сожалею, что доставил ей такие огорчения.

– Все в порядке. Она быстро утешилась, когда я рассказал ей, что побывал у Кука, потребовал свои деньги и даже несколько раз стукнул кулаком по столу. Она так горько раскаивалась в том, что называла меня раньше жалкой дрожащей тварью, на нее больно было смотреть. Стала сравнивать меня с героями греческих мифов, разумеется, не в их пользу. И, короче говоря, бросилась в мои объятия.

– Должно быть, сразу промокла?

– Конечно, промокла. Но это ее не испугало. Как всякую эмоциональную натуру.

– Да, наверное.

– И вот тогда мы решили бежать. Ты, конечно, спросишь, на какие средства мы собираемся жить, но с моим жалованьем и скромным наследством, доставшимся ей от тети, как-нибудь протянем. Мы договорились, что она рано позавтракает, пойдет в гараж, возьмет «бентли», остальные машины выведет из строя, оставив Куку для преследования только «форд» садовника.

– Это наверняка его парализует.

– И я так думаю. «Форд» – отличная рабочая машина, но она не пригодна для погони за дочерьми по пересеченной местности. Куку нипочем нас не догнать.

– А если и догонит, что он может сделать? Не понимаю.

– Не понимаешь? А как насчет его арапника?

– М-да.

Не знаю, хотел ли он развить эту тему дальше, но тут с улицы послышался гудок автомобиля.

– Это она,- обрадовался Орло и вышел.

Я тоже. Но так как у меня не было ни малейшего желания встречаться с Ванессой, я вышел через заднюю дверь и вернулся в «Уютный уголок». Там я открыл роман «По царскому велению», чтобы все-таки выяснить, что же такое он повелел. Наверняка все персонажи, чьи фамилии оканчиваются на «ский», оглянуться не успеют, как будут сосланы в Сибирь. Но тут в комнату быстрыми шагами вошел Орло.

В руках он держал конверт.

– А, ты здесь, Берти,- сказал он.- Я на минутку. Ванесса ждет в машине.

– Пригласи ее войти.

– Она не хочет. Говорит, что для тебя это будет слишком болезненно.

– Что будет болезненно?

– Встреча с ней, осел. Тебе больно будет смотреть на нее, зная, что она принадлежит другому.

– А-а, понятно.

– Незачем причинять тебе мучения, если этого можно избежать.

– Верно.

– Я бы не стал тебя беспокоить, но мне нужно отдать тебе вот этот конверт. В нем моя записка для Кука вместо той, которую Ванесса написала вчера вечером.

– Она оставила ему записку?

– Да.

– Приколола к подушечке для булавок?

– Хотела приколоть, но где-то обронила и не стала утруждать себя поисками. И я подумал, лучше мне черкнуть ему пару слов. Раз я увожу его дочь, то простая вежливость требует поставить его об этом в известность. И к тому же я могу более четко изложить факты, чем это сделала бы она. Девушки в письмах склонны вдаваться в ненужные подробности и многословные описания. Университетски образованный человек, который печатается в «Нью стейтсмен», свободен от таких недостатков. Он изъясняется кратко и ясно.

– Я не знал, что ты пишешь для «Нью стейтсмана».

– Посылаю время от времени письма редактору. И мне частенько удавалось участвовать в еженедельных конкурсах.

– Увлекательное занятие.

– Весьма.

– Я и сам вроде как писатель. Когда моя тетья Далия издавала журнал «Будуар светской дамы», я сочинил для него статью «Что носит хорошо одетый мужчина».

– В самом деле? В следующий раз ты мне об этом непременно расскажешь. Не могу больше задерживаться. Ванесса ждет,- и добавил, когда гудок автомобиля нарушил тишину утра: – Уже нервничает. Вот записка.

– Ты хочешь, чтобы я передал ее Куку?

– А ты как думаешь? Чтобы повесил в рамочке на стенку?

С этими словами он умчался, точно нимфа, потревоженная во время купания, и я снова принялся за роман «По царскому велению».

Но, читая, я с горечью думал о том, что хорошо бы широкая общественность перестала видеть во мне эдакого безотказного «мальчика на побегушках», на которого можно взвалить любое неприятное дело. А то чуть только возникнет какая-нибудь сложность и нужно срочно принимать меры, как тут же поднимается крик: «Пусть Вустер это сделает!». Я уже касался склонности тети Агаты навязывать мне своего омерзительного сынка Тоса во все времена года. Или вот тетья Далия, втянула меня в эту кошачью историю и омрачила мою жизнь. А теперь еще у Орло Портера хватило наглости поручить мне, чтобы я передал его записку Куку. Как будто он не знает, что явиться перед Куком в его нынешнем растревоженном состоянии – это все равно что вместе с Седрахом, Мисахом и Авденаго отправиться к печи, раскаленной огнем,- помню, я читал об этом в школе, когда получил награду за знание Библии. Что же мне теперь делать? – спрашивал я себя.

На моем месте какой-нибудь ничтожный человечиска стал бы в тупик, но в том-то и дело, что мы, Вустеры, не ничтожные людишки. Через каких-нибудь три четверти часа я уже сообразил, что нужно просто надписать имя и адрес Кука на конверте, наклеить марку и отправить по почте. Я с облегчением перевел дух и вновь углубился в книгу.

Однако сегодня все словно сговорились отрывать меня от чтения романа «По царскому велению». Только я одолел полстраницы, дверь распахнулась, и я понял, что вижу перед собой Кука собственной персоной. Он возник на пороге, как князь тьмы в пантомиме.

Рядом с ним стоял майор Планк.

Я радушный хозяин, и тем горжусь. Я умею создавать для гостей непринужденную обстановку, встречая их веселыми улыбками и блистая светским остроумием. Но признаюсь, при виде этой парочки от моего гостеприимства не осталось и следа, а что до остроумных шуток, то я сумел выдавить из себя лишь хриплый взвизг, похожий на лай больного ларингитом пекинеса. Вот почему начать беседу пришлось Планку.

– Нам повезло, Кук. Они еще не успели удрать. В противном случае,- рассудил он,- этого прохвоста здесь не было бы, не так ли?

– Вы правы,- согласился Кук и обратился ко мне: – Где моя дочь, негодяй?

– Да, крыса, где она? – подхватил Планк.

И тут на меня вдруг снизошло глубочайшее спокойствие. Из пекинеса с больным горлом я мгновенно превратился в одного из тех героев исторических романов, которые щелчком стряхивают пылинку с безупречных брабантских манжет, перед тем как задать жару отрицательным персонажам. Своим быстрым умом я сообразил, что вторая сторона в лице ее двух представителей все перепутала, и это дает мне явное преимущество, я могу посадить их в такую калошу, в какой никто из обоих представителей противоположной стороны еще никогда не сидел.

– Потрудитесь ответить мне на два вопроса, мистер Планк и мистер Кук,- проговорил я,- а) почему вы занимаете место в моем доме, которое мне самому нужно для совсем иных целей, и б) что вы, черт побери, такое мелете? Что за шум и крики насчет каких-то дочерей?

– Вот, слышите, как он нагло врет,- взвился Планк.- Что я вам говорил? Он напоминает мне одного человека, я встречался с ним в Восточной Африке, тот тоже всегда все отрицал. Если его ловили за руку, когда он шарил в ящике с сигарами, он уверял, будто просто укладывал их в ящик поплотнее. Аберкромби-Смит была его фамилия, его в конце концов сожрал крокодил на Нижней Замбези. Но даже этот мошенник сдавался, когда его прижимали к стенке неопровержимыми уликами. Предъявите этому прохвосту неопровержимую улику, Кук.

– Сейчас,- сказал Кук и достал из кармана конверт.- Вот письмо от моей дочери. Оно подписано «Ванесса».

– Очень важная деталь,- ввернул Планк.

– Я вам его зачитаю. «Дорогой отец, я уезжаю с человеком, которого люблю».

– Посмотрим, как он теперь станет выкручиваться? – злорадствовал Планк.

– Да,- подхватил Кук.- Что вы на это скажете?

– Всего-навсего следующее,- парировал я. Выходит, Орло заблуждался, утверждая, что девушки не умеют писать кратко. В жизни не читал ничего короче и яснее, чем эта записка. Возможно, мелькнула у меня мысль, что Ванесса тоже сотрудничает в «Нью стейтсмене».- Кук, вы исходите из... как это говорится... из ложных предпосылок.

– Вот! – заорал Планк.- Я же говорил, что он будет отпираться!

– Эта записка не имеет никакого отношения ко мне.

– То есть вы отрицаете, что вы именно тот человек, которого любит моя дочь?

– Да, отрицаю.

– И это при том, что она по сто раз на дню прибегала в этот мерзкий дом и, наверное, в эту самую минуту прячется под кроватью в соседней комнате,- снова вмешался Планк, хотя

его не спрашивали. У этих африканских путешественников нет никакого понятия о такте, никакой выдержки.

– Да будет вам известно,- продолжал я,- что тот, кого вы ищете, – это Орло Портер. Они полюбили друг друга, когда Ванесса жила в Лондоне, со временем их любовь достигла апогея – если слово «апогей» означает то, что я думаю,- и они почувствовали, что больше не могут жить в разлуке. Тогда Ванесса угнала вашу машину, и они вместе отправились на ней в регистрационное бюро.

Однако мои слова их не убедили. Кук заявил, что я лгу, а Планк еще прибавил, что чем больше он на меня смотрит, тем больше видит сходства с Аберкромби-Смитом, который, как он полагает, получил бы длительный срок тюремного заключения, если бы крокодил не взял дело в свои руки.

Мне следовало бы отметить, что в продолжение нашего обмена мнениями лицо Кука все более темнело. И сейчас оно сравнялось по цвету с клубным галстуком «Трутней», то есть стало багрово-красным. Одно время в клубе раздавались предложения сделать галстук ярко-алым в белую крапинку, но сторонники такой реформы не получили поддержки большинства.

– Как вы смеете нагло предполагать, что я такой дурак, чтобы поверить, будто моя дочь влюблена в Орло Портера? – бушевал Кук.- Да разве девушка в здравом уме может влюбиться в Орло Портера?

– Смешно, – вставил Планк.

– Ванесса бежала бы от него в отвращении.

– Со всех ног, – ввернул Планк.

– Но что она нашла в *вас*, я не могу понять.

– И я тоже,- подхватил Планк. – У него же борода, как у викторианского романиста.

Омерзительное зрелище.

Я действительно утром не побрился, но это уже было слишком. Я терпимо отношусь к критике, однако не намерен сносить грубые оскорбления.

– Фуй! – произнес я. Я нечасто прибегаю к этому выражению, а между тем Ниро Вольф[[]*Ниро Вольф* – главный герой многотомной серии детективных романов американского писателя Р. Стаута.] постоянно его использует и притом весьма успешно, и мне показалось, что в данной ситуации оно как раз подходит.- Хватит глупой болтовни. Вот прочтите.- Я протянул Куку письмо Орло.

Должен сказать, что эта, как выражается Планк, неопровержимая улика оказала на Кука желаемое воздействие. Челюсть у него отвалилась. Дыхание стало хриплым. Лицо смялось, как лист копирки.

– Боже милосердный! – просипел он.

– Что такое? – встревожился Планк.- Что случилось?

– Это от Портера. Он пишет, что убежал с Ванессой.

– Наверняка подделка.

– Нет, это несомненно рука Портера...- Кук поперхнулся.- Мистер Вустер...

– Не называйте его мистером, как добропорядочного члена общества,- возразил Планк.
– Это отъявленный преступник, он когда-то чуть было не надул меня на пять фунтов. Он известен полиции как Альпийский Джо. Так его и зовите. Вустер – это псевдоним.

Но Кук его не слушал,- и я не могу его за это упрекнуть.

– Мистер Вустер, я приношу вам свои извинения.

Я решил проявить милосердие. Зачем топтать беднягу железной пятой? Правда, он вел

себя крайне недопустимо, но многое можно простить человеку, который на протяжении одного дня лишился и дочери, и кошки.

– Забудем об этом, дражайший,- сказал я.- Всем нам свойственно ошибаться. Я от души прощаю вас. Если это небольшое недоразумение научит вас не торопиться с выводами, пока не проверены факты, значит, время потрачено не зря.

Я замолчал, сомневаясь, не слишком ли я взял высокомерный тон, как вдруг кто-то тихо сказал «мяу», и, опустив глаза, я увидел, что в комнату вошла кошка. Еще ни одна кошка на свете не выбирала более неподходящий момент, чтобы выйти пообщаться с компанией. Я смотрел на нее онемев, в безумной догадке, как те матросы на вершине Дарьена. Сжав в ладонях голову, чтобы на ней, чего доброго, не выросли голубиные крылышки^[...выросли голубиные крылышки.- Аллюзия на Псалом 54, ст. 7: Ия сказал: Кто дал бы мне крылья, как у голубя? Я улетел бы и успокоился бы.] и не вознесли меня к потолку, я спрашивал себя, что же теперь будет? Ответ не заставил себя ждать.

– Ха! – воскликнул Кук, схватив в охапку и прижав свое животное к груди. Интерес к сбежавшей дочери он, похоже, совершенно утратил.

– Я же говорил вам, что кошку наверняка похитил Альпийский Джо,- торжествуя, сказал Планк.- Вот зачем он в тот день рыскал около конюшни. Выбирал удобный случай.

– Ждал своего часа.

– И ему нечего сказать в свое оправдание.

Планк был прав. Я не мог произнести ни слова. Оправдывать себя означало выставить престарелую родственницу перед судом света. Да они бы и не поверили, что я собирался вернуть кошку. Вы могли бы сказать, что я запутался в тенетах рока, если бы додумались до такого выражения, но когда это случается лично с тобой, тут уж не до выражений. Можете спросить в Дартмуре или Пентонвилле^[Дартмур или Пентонвилль. – Британские тюрьмы.], там подтвердят. Одна надежда, что Кук на радостях смягчится и отпустит меня с миром.

Но не тут-то было.

– Я буду настаивать на показательном приговоре,- заявил Кук.

– А пока не огреть ли мне его по голове моей тростью,- предложил Планк со свойственной ему бесцеремонной навязчивостью.- Лучше бы, конечно, зулусской дубинкой с шипами, но я оставил ее дома.

– Я бы попросил вас сходить за полицией.

– А что вы будете делать?

– Отнесу кошку Потейто Чипу.

– А если он тем временем удерет?

– Вы правы.

– Когда в Бонго на Конго ловят вора, его связывают и сажают в муравейник, а сами тем временем идут за уолла-уолла, что на местном диалекте означает «судья». И провинившемуся приходится несладко, если он не любит муравьев, а уолла-уолла уехал отдыхать на уик-энд, но в каждой жизни иногда идут дожди^[...в каждой жизни иногда идут дожди.- Строка из стихотворения Г. Лонгфелло «Дождливый день».], и надо было раньше думать, а потом уж воровать. Правда, у нас тут нет муравьев, но можно привязать его к дивану. Надо только вытянуть пару шнуров из штор.

– Давайте же скорее так и сделаем, как вы предлагаете.

– Хорошо бы еще сунуть ему кляп в рот. Не в наших интересах, чтобы он позвал на

ПОМОЩЬ.

– Мой дорогой Планк, вы все предусмотрели.

Я очень люблю приключенческие романы, и меня всегда интересовало, что ощущают их герои, когда злодей связывает их по рукам и ногам где-то ближе к середине книги. Теперь же я мог составить себе на сей счет представление, правда, только приблизительное, поскольку их обычно привязывали к бочке с порохом и сверху ставили горящую свечу, что, несомненно, придавало ситуации особую остроту.

От этого дополнительного развлечения я был избавлен, но все равно на душе у меня было не слишком легко. Особенно угнетал кляп- Планк вставил мне в рот свой кисет, втиснув его между верхними и нижними зубами, а от кисета так сильно отдавало африканским путешественником, что удовольствия мне это совсем не доставляло. У меня гора с плеч свалилась, когда раздалась шага, и я понял, что это Дживс вернулся после кутежа у миссис П. Б. Пиготт из Балморала, Мейфкинг-Роуд.

– Доброе утро, сэр,- приветствовал он меня. Увидев своего хозяина привязанным к дивану шнурами от штор, он не выразил никакого удивления,- он сохранил бы такую же невозмутимость, если бы обнаружил, что меня съел крокодил, как покойного Аберкромби-Смита, хотя в этом последнем случае у него, быть может, и вырвался бы вздох сожаления.

Дживс вынул кляп и освободил меня от пут, справедливо полагая, что свободу я предпочту плену.

– Вы завтракали, сэр? – спросил он.

– Да,- ответил я,- завтракал.

– Тогда, быть может, кофе, сэр?

– Прекрасная мысль. И сварите покрепче,- попросил я в надежде, что кофе отобьет вкус табака Планка у меня во Рту.- А когда вы вернетесь, я поведаю вам повесть, которая заставит вас подпрыгнуть, словно вы сели на разъяренного Дикобраза.

Разумеется, это было преувеличением. Дживс слегка приподнимет бровь, и не более того, даже если, войдя в буфетную, обнаружит в раковине одного из тех редких представителей фауны, о которых упоминается в Апокалипсисе. Но все равно, когда Дживс вернулся с дымящимся кофейником, я поведал ему свою повесть. Он внимательно слушал, ничем не давая понять, что считает мой рассказ сенсационной новостью с первой полосы. Лишь когда я упомянул, что примирение Орло и Ванессы освобождает меня от почетных обязательств перед последней, слабый проблеск интереса мелькнул в его каменных чертах. По-моему, он даже настолько оживился, что готов был принести мне подходящие случаю поздравления, но в этот момент в комнату ворвался Планк.

Он был один. Мне следовало бы загодя предупредить его, что в это время суток связаться с полицейскими силами Мейден-Эгсфорда невозможно: в местной полиции состоит один-единственный полицейский, и по утрам он на велосипеде патрулирует свой участок.

Увидев Дживса, Планк изумился.

– Инспектор Уидерспун! – воскликнул он.- Поразительно, как это вы, ребята из Скотланд-Ярда, выслеживаете того, кто вам нужен. Наверное, вы шли по следу Альпийского Джо много дней, как горностаи за кроликом. А ему и невдомек, что за каждым его шагом следит инспектор Уидерспун, человек, который никогда не дремлет. Вы выбрали чрезвычайно удачный момент для ареста, поскольку, помимо прочих преступлений, из-за

которых его разыскивает полиция, он еще украл ценную кошку, принадлежащую моему другу Куку. Мы поймали его с поличным, насколько это возможно, когда речь идет о краже кошки. Но странно, что вы отвязали его от дивана. Мне казалось, что полиция всегда следит за тем, чтобы на месте преступления все оставалось в неприкосновенности.

Признаюсь, я растерялся и не находил слов, зато, к счастью, у Дживса их нашлось достаточно.

– Я не понимаю вас,- произнес он таким ледяным тоном, что Планк, должно быть, пожалел, что не надел шерстяного белья.- Будьте любезны объяснить, почему вы называете меня инспектором Уидерспуном? Я вовсе не инспектор Уидерспун.

Планк раздраженно поцокал языком.

– Конечно, вы Уидерспун! – заспорил он.- Я вас отлично помню. Вы еще станете уверять меня, что не арестовывали этого человека в моем доме в Глостершире, когда он жульническим способом пытался вытянуть у меня пять фунтов.

Дживс не носит безупречных брабантских манжет, а то бы он непременно смахнул с них пылинку. Однако его голос стал еще более ледяным.

– Вы ошибаетесь во всех отношениях,- проговорил он.- Мистер Вустер – состоятельный человек. И весьма маловероятно, что он пытался получить от вас какие-то пять фунтов. Это я могу утверждать авторитетно, так как являюсь поверенным мистера Вустера и ежегодно заполняю налоговую декларацию о его доходах.

– Вот так-то, Планк,- сказал я.- Любому мыслящему человеку ясно, что у вас галлюцинации, вероятно, вследствие солнечного удара, который вы перенесли, отравляя существование туземцам Экваториальной Африки. На вашем месте я бы напрямиком направился к доктору Э. Дж. Мергэтройду и попросил бы у него какое-нибудь лекарство, пока болезнь не зашла слишком далеко. А то, чего доброго, она распространится по всему организму, и вы будете глупо выглядеть, если нам придется закопать вас еще до захода солнца.

Было видно, что Планк опешил. Он не мог побледнеть под загаром, так как загар у него был такой темный, под ним не побледнеешь. Не уверен, что четко выразил свою мысль. Я хочу сказать, что побледнеть-то он мог, но под загаром вы бы этого не заметили.

На лице у Планка появилось задумчивое выражение. Я знал, о чем он задумался: соображал, как он будет объясняться с Куком, которому из-за него придется платить крупный штраф за нанесение побоев, оскорбление действием и покушение на свободу личности.

Эти африканские путешественники быстро смекают, что к чему. Ему потребовалось ровно пять секунд, чтобы прийти к выводу: оставаться здесь для объяснения с Куком не надо. И он исчез из комнаты, по всей видимости, устремившись в направлении Бонго на Конго, где его не достигнет рука правосудия. Наверное, он не развивал такой скорости с того раза, когда, решив, что туземцы расположены дружески, остался у них ночевать, а они пришли по его душу с копьями.

Расставшись с Планком, я прежде всего поспешил выразить заслуженную благодарность Дживсу за его содействие и помощь. Затем мы перешли на более неофициальный тон.

– Приятно провели время вчера вечером, Дживс?

– Чрезвычайно приятно, сэр, благодарю вас.

– Как поживает ваша тетушка?

– Поначалу она была несколько огорчена,

– Из-за чего?

– У нее пропала кошка, сэр. Уезжая отдыхать, она оставила ее на попечение своей приятельницы, но кошка пропала.

Я раскрыл рот. Внезапная догадка осенила меня. Такие уж мы, Вустеры. Нас постоянно осеняют внезапные догадки.

– Дживс! Не может быть, что?.. Не думаете ли вы, что, возможно, это?..

– Да, сэр. Она описала мне животное во всех подробностях, и у меня не осталось никаких сомнений, что это именно та кошка, которая в настоящее время находится на территории Эгсфорд-Корта.

От радости я даже заплясал. Я всегда наперед вижу счастливые концы.

– Значит, у нас есть средство нейтрализовать Кука!

– Похоже, что так, сэр.

– Мы пойдем к нему и скажем, что он может держать кошку до конца скачек, разумеется, за соответствующее вознаграждение вашей тете. Ленд-лиз, так это называется?

– Да, сэр.

– И вдобавок выдвинем одно условие... Условие, правильно?

– Да, сэр.

– По которому он обязан будет отдать Орло Портеру его деньги. Мне бы хотелось, чтобы Орло наконец обрел свое счастье. Кук не сможет отказаться, потому что ему нужна кошка, а если он попытается заявить *polle prosequi*, мы предъявим ему обвинение в нападении и оскорблении действием. Я прав, Дживс?

– Несомненно, сэр.

– И еще одно. Последнее время меня не покидает мысль, что жизнь в Мейден-Эгсфорде с ее безумным темпом и вихрем событий едва ли соответствует тому, что имел в виду доктор Э. Джимпсон Мергэтройд, когда рекомендовал мне отдохнуть на лоне природы в деревенской глуши. Мне нужно перебраться в какое-нибудь тихое, мирное место, например в Нью-Йорк. Если меня там и ограбят, ничего страшного. Просто к этому надо привыкнуть, и все дела. Вы согласны, Дживс?

– Да, сэр.

– И вы поддерживаете мое предложение пойти в атаку на папашу Кука?

– Да, сэр.

– Тогда вперед. Мой автомобиль ждет у дверей. Следующая остановка – Эгсфорд-Корт.

Неделю спустя после того, как мы устроились в Нью-Йорке, в одно прекрасное утро я вышел к завтраку, веселясь в юности своей^[...веселясь в юности своей.- Фраза из книги Екклесиаста, гл. 11, ст. 9.], – если я не спутал слова,- и обнаружил возле своего прибора письмо с английской маркой на конверте. Почерк был мне незнаком, и я отложил письмо в сторону, чтобы прочитать позднее, подкрепив силы плотным завтраком. Я всегда поступаю так с письмами, приходящими с утренней почтой. Дело в том, что если в них какая-нибудь гадость и вы узнали о ней на пустой желудок, то уже весь день будет испорчен. А в нынешние беспокойные времена люди только и делают, что пишут друг другу разные гадости.

Через полчаса, хорошо заправившись и ощутив прилив новых сил, я вскрыл конверт и понял, почему почерк показался мне незнакомым. Письмо было от дяди Тома, а он не писал мне с той поры, как я учился в школе, и он тогда, надо отдать ему должное, непременно еще вкладывал в конверт почтовый перевод на пять или десять фунтов.

Дядя Том, засучив рукава, написал так:

Дорогой Берти!

Ты, конечно, удивишься, получив мое письмо. Я пишу тебе по просьбе твоей тети, которая пострадала в результате несчастного случая и теперь вынуждена носить руку на перевязи. Несчастье постигло ее в последние дни пребывания в Сомерсете в гостях у неких ее друзей Брискоу. Если я правильно понял, на вечеринке, где праздновали победу лошади полковника Брискоу в важных состязаниях, пробка, вылетев из бутылки, с такой силой ударила твою тетю по носу, что она потеряла равновесие, упала и повредила запястье.

Следующие три страницы были посвящены погоде, налогам (они очень не нравились дяде Тому) и последним приобретениям, обогатившим его коллекцию старинного серебра. В конце стоял постскриптум:

P.S. Твоя тетя просила послать тебе эту газетную вырезку.

Я не обнаружил никакой газетной вырезки и уже было решил, что дядя Том забыл вложить ее в конверт, как увидел клочок газеты на полу.

Я поднял его. Это была заметка из «Бридмутского Аргуса», издания, с которым слились в единое целое «Сомерсетский фермер» и «Вестник Южного края». Если вы помните, театральная обозреватель «Вестника» некогда поместил восторженную рецензию на выступление старой родственницы, исполнявшей в матросском костюме песенку «Все хорошенькие девушки любят моряка» на деревенском празднике в Мейден-Эгсфорде.

В заметке говорилось:

СЕНСАЦИЯ НА ЮБИЛЕЙНЫХ СКАЧКАХ

РЕШЕНИЕ СУДЕЙ

Вчера судейская коллегия – майор Уэлш, адмирал Шарп и сэр Эверард Бут – после продолжительного обсуждения вынесла решение относительно инцидента, произошедшего на юбилейных скачках и вызвавшего жаркие споры в спортивных кругах Бридмута-он-Си. Победу присудили лошади Симле, принадлежащей полковнику Брискоу. Выплаты по ставкам будут производиться в соответствии с данным решением судейской коллегии. Ходят слухи, что крупные суммы перейдут из рук в руки.

На этом месте я прервал чтение, поскольку письмо и заметка в газете заставили меня о многом задуматься. Стоит ли говорить, я всей душой сострадал тете Далии, когда представил себе трагическую сцену между ней и пробкой от шампанского. Мне тоже пришлось пережить нечто подобное во время одной пирушки в клубе «Трутни», и я могу засвидетельствовать, что человеку в подобной ситуации требуется призвать на помощь всю свою выдержку. Однако тете Далии послужит утешением мысль, что она таки сорвала солидный куш, и ей, к счастью, не придется тревожить дядю Тома, чтобы сохранить баланс семейного бюджета.

Итак, эта сторона дела исчерпала для меня свой интерес. Однако в том, что произошло на скачках, скрывалась какая-то тайна, и хотелось бы в нее проникнуть. Судя по всему, лошадь Кука, Потейто Чип, пришла первой, но была дисквалифицирована. Из-за какого-то недозволенного приема?

Обычно дисквалифицируют по этой причине. Я стал читать дальше.

События, конечно же, еще свежи в памяти наших читателей. Выйдя на финишную прямую, Симла и ее соперник шли вровень, далеко опережая всех остальных участников, и было ясно, что победителем станет один из них. Приближаясь к финишу, Симла вырвалась вперед на целый корпус, как вдруг на беговую дорожку выскочила черная с белыми разводами кошка, Симла шарахнулась и сбросила жокея.

Впоследствии выяснилось, что кошка принадлежит мистеру Куку, ее привезли на скачки в контейнере для лошадей вместе с его лошастью. Судьи сочли это обстоятельство решающим и, как мы уже сообщали, присудили победу лошади, выставленной полковником Брискоу. Мистеру Куку было выражено сожаление.

Ну уж, от меня он не дождался бы слов сочувствия. По-моему, старый жмот получил по заслугам. Пусть знает, нельзя быть извергом рода человеческого, от которого никому нет житья, и не поплатиться за это рано или поздно. Вспомните, что некто сказал о мельницах **БОГОВ** [*...некто сказал о мельницах богов.* – Фраза, приписываемая разным авторам, начиная с Еврипида: «Мельницы Божьи мельют медленно, но тонко».]

Закурив сигарету после завтрака, я настроился на философский лад. Вошел Дживс убрать со стола, и я рассказал ему новости:

– Симла взяла приз на скачках, Дживс.

– В самом деле, сэр? Рад слышать.

– А тетя Далия получила удар по носу пробкой от шампанского.

– Сэр?

– Когда в доме у Брискоу праздновали победу.

– А, понимаю, сэр. Мучительное испытание, но, несомненно, чувство удовлетворения от

удачных финансовых приобретений позволит миссис Траверс мужественно пережить его. Тон ее сообщения был бодрым?

– Письмо написал дядя Том. И вот что он приложил к своему посланию.

Я протянул Дживсу газетную вырезку, и содержание заметки вызвало у него глубокий интерес. Его бровь поднялась по крайней мере на одну шестнадцатую дюйма.

– Драматичный поворот событий, Дживс.

– Чрезвычайно, сэр. Но я не уверен, что в полной мере согласен с вердиктом судей.

– Нет?

– Я бы квалифицировал этот эпизод как стихийное бедствие.

– Слава Богу, не вы принимали решение. Страшно подумать, что натворила бы тетя Далия, сложись все иначе. Представляю себе, как она подкладывает ежей в постель майору Уэлшу и выливает из окна ведро воды на адмирала Шарпа и сэра Эверарда Бута, а в итоге ее приговаривают к двухнедельному тюремному заключению без права замены штрафом. Я бы не выдержал этого и через два дня свалился с нервным истощением. В Мейден-Эгсфорде и без того трудно было избежать нервного истощения,- продолжал рассуждать я, так как на меня нашел философский стих.- Вы когда-нибудь размышляете о жизни, Дживс?

– Случается, сэр, на досуге.

– И что вы о ней думаете? Вам не кажется, что порой у нее бывают странные заскоки?

– Можно и так сказать, сэр.

– Вся эта путаница, когда то-то и то-то кажется вам тем-то и тем-то, хотя на самом деле это вовсе не так. Вы меня понимаете?

– Не вполне, сэр.

– Возьмем простой пример. На первый взгляд Мейден-Эгсфорд казался типичной тихой гаванью. Вы согласны со мной?

– Да, сэр.

– Тишь да гладь да Божья благодать, домики, увитые жимолостью, всюду, куда ни кинешь взгляд, розовощекие деревенские жители. Вдруг маски сорваны, и жизнь в нем оборачивается настоящим адом. За миром и покоем нам пришлось убежать в Нью-Йорк, и только тут мы их обрели. Здешняя жизнь течет размеренно и безмятежно. Ничего не происходит. Разве нас ограбили?

– Нет, сэр.

– В нас стреляли какие-нибудь молодчики?

– Нет, сэр.

– «Нет, сэр» – точнее не скажешь. Мы не ведаем тревог. И я объясню вам, почему. Здесь нет теток. И прежде всего, нет моей тетки миссис Далии Траверс из Бринкли-Мэнор, Маркет-Снодсбери, Вустершир, от которой нас теперь отделяют три тысячи миль. Поймите меня правильно, Дживс. Я люблю родную старушеницу. Можно сказать даже, глубоко ее чту. Никто не станет утверждать, что с ней скучно. Но у нее нет моральных устоев. Она не делает различия между тем, что можно и чего нельзя. Если ей взбредет что-то в голову, она не спрашивает себя: «А как посмотрела бы на это Эмили Пост»^[Пост, Эмили (1872-1960) американская писательница, автор руководства по хорошим манерам.], и просто-напросто делает, что ей вздумается, как, например, в этой истории с кошкой. Знаете, в чем беда теток как класса?

– Нет, сэр.

– Они не джентльмены,- мрачно заключил я.

ПРИМЕЧАНИЯ

стр. 377. ...*лань, которая страстно желает к прохладным потокам.* - Псалом 41, ст. 2 «Как лань желает к потокам воды».

стр. 379. ...*чудовище, которое потешается над своей жертвой.* - Аллюзия на слова Яго из трагедии У. Шекспира «Отелло».

стр. 381. *Харли-стрит* – улица в Лондоне, где находятся приемные ведущих частных врачей.

стр. 389. *Они что легкий ветер мимо пронесутся.* - У. Шекспир. «Юлий Цезарь» (акт IV, сцена 3).

стр. 399. *Школа Слейда* - художественное училище при Лондонском Университете.

стр. 405. *Орден траппистов.* - Католический монашеский орден, членам которого предписывается, в частности, полное молчание.

стр. 411. *Книга поместного дворянства Берка.* – Ежегодные справочники, названные по имени их первых издателей. Публикуются с начала XIX века.

стр. 412. *Лохинвар.* - см. примеч. к стр. 209.

стр. 415. ...*в одну величавую прекрасную песнь.* - Строка из стихотворения «Прощание» английского поэта Чарльза Кингсли (1819-1875).

стр. 416. ...*как звезды, рванулись из орбит.* - В. Шекспир. «Гамлет» (акт I, сцена 5).

стр. 427. ...*бой между Джинном Танни и Джеком Демпси в Чикаго.* - Поединок за титул чемпиона мира между двумя самыми известными американскими боксерами, состоялся в 1927 году.

стр. 429. ...*застыли на вершине Дарьена* - см. примеч. к стр. 236.

стр. 433. *Из уст младенцев и грудных детей!* - Псалом 8, ст. 3.

стр. 434. *Грэхем, Билли* (р. 1918) – пользующийся мировой известностью американский проповедник и миссионер.

стр. 440. *Хейлибери* - мужская привилегированная частная школа в графстве Хартфордшир.

стр. 441. *Алка-Зельтцер* - фирменное название патентованного средства против изжоги, тошноты и похмельного синдрома.

Трясешь кровавыми кудрями ты напрасно. - «Макбет» (акт III, сц. 4).

стр. 443. *Фред Астер* (1899-1987) – знаменитый американский киноактер 30-40-х гг., блестящий танцор.

стр. 446. ...*как бы искусно тот его ни заклинал* - см. примеч. к стр. 291.

стр. 449. ...*что это - как бишь его.* - Имеется в виду популярный исторический анекдот про то, как путешественник по Африке Г.М. Стэнли, разыскав пропавшего коллегу Д. Ливингстона, приподнял шляпу и приветствовал его словами: «Доктор Ливингстон, я полагаю?»

...*полки его сверкают багрецом и золотом.* - Цитата из стихотворения Дж. Байрона «Поражение Сеннахериба».

стр. 452. *Как бальзам в Галааде.* - Книга пророка Иеремии, гл. 8 (22): «Разве нет бальзама в Галааде? Разве нет там врача?»

стр. 455. ...*знаки свои на него положила.* - Строка из стихотворения Т. Грея (1716-1771) «Сельское кладбище», пер. В. Жуковского.

стр. 462. ...там будет плач и скрежет зубов.- Евангелие от Матфея, гл. 22 ст. 13.

стр. 468. ...как высокие холмы.- Псалом 113, 4: «Горы прыгали, как овны, и холмы, как агнцы».

стр. 472. ...застрелила лису.- На традиционной английской охоте на лис их убивают исключительно ударами хлыста.

...треск тернового хвороста под котлом.- Книга Екклесиаста, гл. 7, 6: «Потому что смех глупых то же, что треск тернового хвороста под котлом».

стр. 478. ...государство, где вспыхнуло междуусобье.- У. Шекспир. «Юлий Цезарь» (акт II, сцена 1).

стр. 479. ...если бы ты знал, что наделал. - Считается, что с такими словами по сходному поводу обратился к своей собаке Ньютон.

стр. 481. *Пропонент* - член избирательного комитета, предлагающий кандидата в Парламент; его предложение должно быть поддержано вторым лицом – *секундантом*.

стр. 485. *Мейфэр* – фешенебельный лондонский район.

стр. 487. ...жестокими тисками обстоятельств. – Строка из стихотворения английского поэта У.Э. Хенли (1849-1903) «Onvictus».

стр. 495. *Ниро Вольф* – главный герой многотомной серии детективных романов американского писателя Р. Стаута.

стр. 496. ...выросли голубиные крылышки. – Аллюзия на Псалом 54, ст. 7: Ия сказал: Кто дал бы мне крылья, как у голубя? Я улетел бы и успокоился бы.

Дартмур или Пентонвилль. – Британские тюрьмы.

стр. 497. ...в каждой жизни иногда идут дожди. – Строка из стихотворения Г. Лонгфелло «Дождливый день».

стр. 501. ...веселясь в юности своей. - Фраза из книги Екклесиаста, гл. 11, ст. 9.

стр. 503. ...некто сказал о мельницах богов. – Фраза, приписываемая разным авторам, начиная с Еврипида: «Мельницы Божьи мельют медленно, но тонко».

стр. 505. *Пост*, Эмили (1872-1960) американская писательница, автор руководства по хорошим манерам.

Пэлем Гринвел Вудхауз

Бинго Не Везет В Гудвуде

Я пообещал Бинго встретиться с ним на следующий день и сообщить свое мнение об этой жуткой Шарлотте и вот теперь тащился по Сент-Джеймс Стрит, ломая голову над тем, как, не нанеся смертельной обиды, объяснить ему, что на всем свете нет более омерзительной особы. Вдруг из дверей Девонширского клуба вышел старый Битлшем, а с ним Бинго – собственной персоной. Я прибавил шагу и нагнал их.

– Вот так встреча! – сказал я. Это невинное приветствие отчего-то произвело неожиданный эффект. Старый Битлшем весь затрясся с головы до ног, словно бланманже на палочке, выпучил глаза и позеленел.

– Мистер Вустер! – воскликнул он с облегчением, узнав меня, – очевидно, встреча со мной представлялась ему не самым худшим из возможных несчастий. – Как вы меня напугали.

– Ах, извините.

– Дядя немного расстроен, – сказал Бинго полусшепотом, словно у постели тяжелобольного. – Он получил письмо с угрозами.

– Письмо с угрозами?

– Написанное явно безграмотной рукой, – сказал Битлшем, – и в недвусмысленно угрожающих выражениях. Мистер Вустер, вы помните того злобного бородатого субъекта, который набросился на меня с оскорблениями в Гайд- Парке в минувшее воскресенье? Я вздрогнул и украдкой покосился на Бинго. Его лицо не выражало ничего, кроме озабоченности и участия.

– Что? А... ну да, – сказал я. – Бородатый субъект. Тот тип с бородой.

– Вы смогли бы его опознать – если потребуется?

– Ну... э-э-э... То есть как это?

– Видишь ли, Берти, – сказал Бинго, – мы подозреваем, что письмо – дело рук бородатого. Вчера вечером я проходил по Паунсби-Гарденз мимо дома, где живет дядя Мортимер, и увидел, как с крыльца крадучись спустился незнакомец. Видимо, это он принес письмо. Я заметил, что у него была борода. Я вспомнил об этом, когда дядя Мортимер рассказал мне про письмо и про тот инцидент в парке. Я решил во всем разобраться.

– Нужно известить полицию, – сказал лорд Битлшем.

– Нет, – твердо сказал Бинго, – на этой стадии расследования полиция мне только помешает. Не волнуйтесь, дядя. Я уверен, что сумею выследить этого типа. Предоставьте дело мне. Сейчас я посажу вас в такси, и мы как следует все обсудим с Берти.

– Ты славный мальчик, Ричард, – сказал старик Битлшем, после чего мы запихнули его в проезжавшее такси и помахали ему ручкой. Я повернулся к Бинго и смерил его суровым взглядом.

– Это ты написал письмо? – спросил я.

– Разумеется! Жаль, Берти, что ты его не видел! Лучшее угрожающее письмо всех времен и народов!

– Но какой во всем этом смысл?

– Очень даже большой смысл, дорогой мой Берти, – сказал Бинго и с чувством взял меня за рукав. – Что ни скажут обо мне потомки, в одном они не смогут меня упрекнуть: что, мол,

у меня не было деловой хватки. Взгляни на это! – Он помахал у меня перед носом какой-то бумажкой.

– Ух ты! – Это был чек, самый настоящий, недвусмысленный чек на пятьдесят монет, подписанный лордом Битлшемом и выданный на имя Р. Литтла.

– Это за какие же заслуги?

– На расходы, – сказал Бинго, и положил чек в карман. – Ведь всякое расследование требует денег, верно? Сейчас побегу в банк – то-то они там рот разинут, потом отправлюсь к букмекеру и поставлю всю сумму на Морского Ветерка. В таких делах, Берти, главное – такт. Если бы я пришел к дяде и попросил у него пятьдесят фунтов, получил бы я их? Да никогда в жизни! А, проявив такт, я... Кстати, что ты скажешь о Шарлотте?

– Ну... э-э-э... Бинго любовно массировал рукав моего пиджака.

– Понимаю, старик, понимаю. Даже и не пытайся подыскать слова. Она сразила тебя наповал, верно? Ты просто онемел, ведь так? Уж я-то знаю. Она на всех так действует. Ладно, дружище, мне пора... Да, и последнее: что ты скажешь о Бате? Роковая ошибка природы, ты не находишь?

– Должен признаться, мне доводилось встречать людей и поприветливее.

– По-моему, я его обскакал, Берти. Сегодня Шарлотта идет со мной в зоопарк. Одна. А после этого я веду ее в кино. Мне кажется, что это начало конца, а? Ладно, хоп-хоп, старичок. Если тебе сегодня нечего делать, можешь пробежаться по Бонд-Стрит и присмотреть мне свадебный подарок. После этого я потерял Бинго из виду. Пару раз я оставлял для него записки в клубе с просьбой позвонить, но безо всякого результата. Я понял, что он слишком занят, чтобы откликнуться на мои призывы. И дети «Красной зари» исчезли из моей жизни, хотя Дживс как-то сказал, что однажды встретился с Батом и имел с ним краткий разговор. Дживс сообщил, что Бат стал еще мрачнее прежнего. Его шансы на победу в борьбе за пышнотелую Шарлотту резко пошли вниз.

– Похоже, что мистер Литтл полностью затмил его, сэр, – сказал Дживс.

– Плохо дело, Дживс, очень плохо.

– Да, сэр.

– Боюсь, что когда Бинго покончит с артподготовкой и пойдет в штыковую, нет такой силы ни на небе, ни на земле, которая помешала бы ему свалить грандиозного дурака.

– Похоже, что так, сэр, – сказал Дживс.

Потом подоспели Гудвудские скачки, я облачился в свой лучший костюм и полетел на ипподром. Когда о чем-то рассказываешь, всегда встает вопрос: стоит ли ограничиться голыми фактами или развести пожиже и украсить рассказ всякими мелкими деталями, передать атмосферу и все такое. Я хочу сказать, что многие на моем месте, прежде чем дойти до развязки этой истории, описали бы Гудвуд, голубое небо, живописные холмы, веселые стайки карманников, а также толпы тех, чьи карманы они обчистили, ну, и так далее. Но лучше все это опустить. Даже если бы я и захотел подробно описать те злополучные скачки, у меня просто рука не поднимается. Рана еще слишком свежа. Боль до сих пор не утихла. Дело в том, что Морской Ветерок (будь он трижды неладен!) пришел последним. Представляете? Последним! «Настало время испытаний, когда проверяется сила духа каждого из нас». Проигрывать всегда неприятно, но на этот раз я был настолько уверен в победе этого чертова Ветерка, что полагал, будто сам забег – пустая формальность, своего рода причудливая устаревшая церемония, которую полагается совершить прежде, чем прогуляться к букмекеру и получить свой выигрыш. Я побрел к выходу с ипподрома на

поиски средства, позволяющего приглушить боль и забыться, и вдруг наткнулся на Битлшема. У него был настолько убитый вид, физиономия такого свекольного оттенка, а глаза горестно скосились к переносице под таким невообразимым углом, что я лишь молча пожал его руку.

– Я тоже, – сказал я. – И я тоже. А вы – сколько вы продули?

– Продул?

– На Морском Ветерке?

– Но я не ставил на Морского Ветерка.

– Как? Владелец фаворита Гудвудского кубка не ставит на собственную лошадь!

– Я никогда не играю на скачках. Это противоречит моим принципам. Мне сообщили, что моя лошадь не победила в сегодняшних состязаниях.

– Не победила! Да она настолько отстала от всех, что чуть было не пришла первой в следующем забеге!

– Ну и ну! – сказал Битлшем.

– Вот именно, что «ну и ну», – согласился я. Тут только до меня дошло, что здесь что-то не так. – Но, если вы ничего не проиграли, отчего у вас такой убитый вид?

– Этот субъект здесь.

– Какой субъект?

– Тот, бородастый. Представляете, до какой степени я был сокрушен проигрышем – до сих пор ни разу не вспомнил про Бинго. Только сейчас до меня дошло, что он тоже собирался в Гудвуд.

– Он как раз произносит подстрекательскую речь лично против меня. Идемте! Видите, какая там собралась толпа. – Он потянул меня за собой и, умело используя преимущества супертяжелой весовой категории, пробрался – а вместе с ним и я – в первые ряды.

– Слушайте! Слушайте! Бинго и вправду был в ударе. Горечь разочарования от того, что проклятая кляча, на которую он поставил последние деньги, не вошла в первую шестерку, распалила его красноречие. Он с беспощадной яростью обрушился на бессердечных плутократов – владельцев скаковых лошадей, которые вводят в заблуждение публику и уверяют, будто их животные находятся в отличной форме, а они едва способны доковылять до ворот конюшни. Потом он широкими мазками набросал душераздирающую картину, наглядно продемонстрировав, как подобная бесчестность отражается на положении трудящихся масс. Простой рабочий, доверчивый и полный радужных надежд, свято верит каждому слову, напечатанному в газетах о великолепных статьях Морского Ветерка; он морит голодом жену и детей, чтобы иметь возможность поставить на расхваленную лошадь; отказывает себе в кружке пива, лишь бы сэкономить лишний шиллинг; накануне скачек он взламывает шляпной булавкой детскую копилку; и в конце концов оказывается обманутым самым бессовестным образом. Очень выразительно все это у Бинго получилось. Я видел, как старый Роуботем одобрительно кивает головой, а Бат с плохо скрытой завистью злобно глядит на оратора. Публика слушала Бинго, развесив уши.

– Но какое дело лорду Битлшему до того, что бедный рабочий потеряет свои сбережения, нажитые непосильным трудом? – заливался Бинго. – Вот что я вам скажу, дорогие товарищи и друзья, мы можем сколько угодно здесь митинговать, мы можем сколько угодно спорить и принимать резолюции, но единственное, что нам требуется, – это действовать! Действовать! Чтобы простые честные люди завоевали себе достойное место в этом мире, кровь лорда Битлшема и ему подобных должна хлынуть на мостовую Парк-Лейн!

Его речь была встречена одобрительным ревом; видимо, многие тоже поставили на Морского Ветерка и потому приняли его слова близко к сердцу. Битлшем бросился к дюжему полицейскому с печальной физиономией, который меланхолично наблюдал за происходящим, и, судя по всему, стал побуждать его вмешаться. Полицейский потеревил усы, печально улыбнулся, этим его вмешательство и ограничилось, и старый Битлшем вернулся назад ко мне, громко фыркая от возмущения.

– Чудовищно! Мне открыто угрожают, а полисмен не желает пальцем шевельнуть. Говорит, пустые слова. Ничего себе «слова»! Просто чудовищно!

– Вот именно! – подтвердил я, но мне показалось, я его не слишком утешил. Слово взял товарищ Бат. Голос у него был, как труба архангела Гавриила, дикция великолепная, но завоевать расположение публики ему почему-то не удалось. Мне кажется, ему не хватало конкретных фактов. После речи Бинго слушателям хотелось чего-нибудь позабористее, чем абстрактные рассуждения про Общее Дело. Публика начала бесцеремонно перебивать оратора, и тут Бат замолк на полуслове и уставился на Битлшема. В толпе решили, что у него сел голос.

– Пососи таблетку с ментолом, – крикнул кто-то. Товарищ Бат судорожным усилием взял себя в руки, и даже издали я увидел, как злобно засверкали его глаза.

– Ладно, товарищи! – прокричал он. – Можете надо мной смеяться, можете глумиться, можете издеваться, сколько вам вздумается. Но знайте: движение наше растет и крепнет с каждым днем и с каждым часом. В него включаются представители так называемых высших классов. Чтобы не быть голословным, скажу, что здесь, сегодня, вот на этом самом месте, среди нас присутствует один из самых стойких наших борцов, племянник лорда Битлшема – того самого лорда Битлшема, чье имя вызвало ваше справедливое негодование всего несколько минут назад. И прежде, чем Бинго успел сообразить, что сейчас произойдет, Бат сорвал с него фальшивую бороду. Как ни велик был успех, выпавший на долю Бинго, он ни в какое сравнение не шел с бурей восторга, обрушившейся на голову товарища Бата. Я услышал, как старый Битлшем крикнул от изумления, но все последующие его комментарии – если таковые были – потонули в громе аплодисментов. Должен признаться, что в этой непростой ситуации Бинго проявил завидную решительность и присутствие духа. Не долго думая, он схватил товарища Бата за горло, явно желая оторвать ему голову. Впрочем, ему не удалось достичь на этом поприще сколько-нибудь ощутимых результатов, поскольку печальный полисмен очнулся от гипноза и вступил в игру: в следующую минуту он уже пробирался сквозь толпу с Бинго в правой руке и с товарищем Батом в левой.

– Пожалуйста, позвольте пройти, сэр, – вежливо попросил он, натолкнувшись на стоявшего у него на пути лорда Битлшема.

– А? Что? – пролепетал Битлшем: он еще не вышел из ступора. Услышав дядин голос, Бинго выглянул из-под правой руки державшего его за шиворот полисмена, и в тот же миг вся его храбрость улетучилась, точно газ из проткнутого иглой воздушного шарика. Он поник, как увядшая водяная лилия, и молча прошаркал мимо. У него был вид человека, которому только что крепко накостыляли по шее. Когда Дживс приносит мне утром чашку чая и ставит на столик рядом с кроватью, он либо молча выскальзывает из спальни, оставляя меня в одиночестве смаковать «Оолонг», либо почтительно топчется на ковре, и это значит, что ему нужно мне что-то сообщить. Проснувшись на следующий день после возвращения из Гудвуда, я лежал на спине и глядел в потолок и вдруг заметил, что Дживс все еще в спальне.

– А, Дживс, – сказал я. – Хотите мне что-то сказать?

– Мистер Литтл заходил час назад, сэр.

– В самом деле? Он рассказал вам про вчерашнее?

– Да, сэр. Его приход к вам как раз и был связан с последними событиями. Он решил уехать из Лондона и пожить некоторое время на лоне природы.

– Весьма разумная мысль.

– Именно так я ему и сказал, сэр. Однако на пути к осуществлению этого плана встала финансовая проблема. Я взял на себя смелость ссудить ему от вашего имени десять фунтов на текущие расходы. Надеюсь, вы ничего не имеете против, сэр?

– Разумеется, нет. Возьмите десятку на туалетном столике.

– Хорошо, сэр.

– Дживс, – сказал я.

– Сэр?

– Никак не могу взять в толк, как все это произошло. Я хочу сказать, как этому Вату удалось разнюхать, кто такой Бинго? Дживс кашлянул.

– Боюсь, в какой-то мере это моя вина, сэр.

– Ваша? Каким образом?

– Кажется, я нечаянно раскрыл имя мистера Литтла в разговоре с мистером Батом. Я сел на кровати.

– Что-о?

– Да, сэр, теперь я со всей определенностью припоминаю, как говорил ему, что преданность мистера Литтла Общему Делу заслуживает широкого общественного признания. Я горько сожалею, что стал невольной причиной временной размолвки между мистером Литтлом и его светлостью. Боюсь, в этом деле есть еще одна сторона. Я также несу ответственность за разрыв отношений между мистером Литтлом и юной леди, которая приходила к нам на чай. Я снова сел на постели. Как ни странно, я до сих пор не подумал о положительных последствиях вчерашнего инцидента.

– Вы хотите сказать, что между ними все кончено?

– Окончательно и бесповоротно, сэр. Насколько я понял со слов мистера Литтла, он потерял надежду на успех в этом предприятии. Даже если не было бы иных препятствий, отец юной леди считает его обманщиком и шпионом, так сказал мне мистер Литтл.

– Будь я проклят!

– Сам того не желая, я доставил всем столько неприятностей, сэр.

– Дживс! – сказал я.

– Сэр?

– Сколько денег на туалетном столике?

– Помимо тех десяти фунтов, которые вы велели мне взять, сэр, там остались две пятифунтовые банкноты, три банкноты по одному фунту, десять шиллингов, две полкроны, флорин, четыре шиллинга, шесть пенсов и полпенса, сэр.

– Забирайте все, – сказал я. – Вы их честно заработали.

Пэлем Гринвел Вудхауз

Дживс шевелит мозгами

Дживс и Вустер

– А, Дживс, привет, привет! – сказал я.

– Доброе утро, сэр.

Дживс бесшумно ставит на столик рядом с кроватью чашку чая, и я с наслаждением делаю первый глоток. Самое «то» – как и всегда. Не слишком горячий, не слишком сладкий, не чересчур слабый, но и не излишне крепкий, молока ровно столько, сколько требуется, и ни единой капли не пролито на блюдце. Поразительная личность этот Дживс. Безупречен во всем до чертиков. Всегда это говорил и сейчас повторю. К примеру, все мои прежние слуги вваливались по утрам в комнату когда я еще спал, и весь день испорчен. Другое дело Дживс – у него это словно телепатия – всегда точно знает, когда я проснулся. И всплывает в комнату с чашкой чая ровно через две минуты после того, как я возвращаюсь в этот мир. Просто никакого сравнения.

– Как погодка, Дживс?

– Чрезвычайно благоприятная, сэр.

– Что в газетах?

– Небольшие трения на Балканах, сэр. Кроме этого, ничего существенного.

– Хотел спросить, Дживс, вчера вечером в клубе один тип уверял меня, что можно смело ставить последнюю рубашку на Корсара в сегодняшнем двухчасовом забеге. Что скажете?

– Я бы не торопился следовать его совету, сэр. В конюшнях не разделяют его оптимизма.

Вс' – вопрос исчерпан. Дживс знает. Откуда – сказать не берусь, но знает. Было время, когда я рассмеялся бы, поступил по-своему и плакали бы мои денежки, но это время прошло.

– Кстати о рубашках, – сказал я. – Те лиловые, что я заказывал, уже принесли?

– Да, сэр. Я их отослал назад.

– Отослали назад?

– Да, сэр. Они вам не подходят, сэр.

Вообще-то мне эти рубашки очень понравились, но я склонил голову перед мнением высшего авторитета. Слабость характера? Не знаю. Считается, что слуга должен только утюжить брюки и все такое прочее, а не распорядиться в доме. Но с Дживсом дело обстоит иначе. С самого первого дня, как он поступил ко мне на службу, я вижу в нем наставника, философа и друга.

– Несколько минут назад вам звонил по телефону мистер Литтл, сэр. Я сообщил ему, что вы еще спите.

– Он ничего не просил передать?

– Нет, сэр. Упомянул о некоем важном деле, которое он хотел бы с вами обсудить, но не посвятил меня в детали.

– Ладно, думаю, мы увидимся с ним в клубе.

– Без сомнения, сэр.

Нельзя сказать, чтобы я, что называется, дрожал от нетерпения. Мы вместе учились с Бинго Литтлом в школе и до сих пор частенько видимся. Он племянник старого Мортимера Литтла, который недавно ушел на покой, сколотив неслабое состояние. (Вы наверняка слышали о «противоподагрическом бальзаме Литтла» – «Лишь только вспомнил о бальзаме – затанцевали ноги сами».) Бинго сшивается в Лондоне на денежки, которые в достаточном количестве получает от дяди, так что он ведет вполне безоблачное существование. И хотя Дживсу он говорил про какое-то важное дело, ничего мало-мальски важного у него случиться не могло. Открыл, наверное, новую марку сигарет и хочет со мной поделиться впечатлением, или еще что-нибудь в таком же роде. Словом, портить себе завтрак и беспокоиться я не стал.

После завтрака я закурил сигарету и подошел к открытому окну взглянуть, что творится в мире. День, вне всякого сомнения, обещал быть превосходным.

– Дживс, – позвал я.

– Сэр? – Дживс убирал со стола посуду, но услышав голос молодого хозяина, почтительно прервал свое занятие.

– Насчет погоды вы абсолютно правы. Потрясающее утро.

– Бесспорно, сэр.

– Весна и все такое.

– Да, сэр.

– Весной, Дживс, живее радуга блестит на оперении голубки.

– Во всяком случае, так меня информировали, сэр.

– Тогда вперед! Давайте трость, самые желтые туфли и мои верный зеленый хомбург. Я иду в парк кружиться в сельском хороводе.

Не знаю, знакомо ли вам чувство, которое охватывает человека в один прекрасный день где-то в конце апреля – начале мая, когда ватные облака бегут по светло-голубому небу, подгоняемые ласковым западным ветром. Испытываешь душевный подъем. Одним словом, романтика – ну, вы меня понимаете. Я не отношусь к числу горячих поклонников слабого пола, но в это утро я был бы не прочь, чтобы мне позвонила очаровательная блондинка и попросила, скажем, спасти ее от коварных убийц. И тут на меня словно выплеснули ушат ледяной воды: я столкнулся с Бинго Литтлом в нелепом малиновом галстуке с подковами.

– Привет, Берти, – сказал Бинго.

– Боже милостивый, старик, – гаркнул я. – Что это за ошейник? Откуда он у тебя? И зачем?

– А, ты про галстук? – Он покраснел. – Я... э-э-э... мне его подарили.

Видно было, что он смущен, и я переменял тему. Мы протопали еще немного и плюхнулись на стулья на берегу Серпантина.

– Дживс сказал, у тебя ко мне какое-то дело.

– А? Что? – Бинго вздрогнул. – Ах, да-да. Разумеется.

Я ждал, что он осветит, наконец, главный вопрос повестки дня. Но он, похоже, не жаждал открывать прения на эту тему. Разговор совсем завял. Бинго сидел, остекленело уставившись в пространство.

– Послушай, Берти, – произнес он после паузы продолжительностью эдак в час с четвертью.

– Берти слушает!

– Тебе нравится имя Мейбл?

– Нет.

– Нет?

– Нет.

– А тебе не кажется, что в нем скрыта какая-то музыка, словно шаловливый ветерок ласково шелестит в верхушках деревьев?

– Не кажется.

Мой ответ его явно разочаровал, но уже через минуту он снова воспрянул духом.

– Ну разумеется, не кажется. Всем известно, что ты бессердечный червь, лишенный элементарных человеческих чувств.

– Не стану спорить. Ладно, выкладывай. Кто она?

Я догадался, что бедняга Бинго в очередной раз влюбился. Сколько я его помню – а мы вместе учились еще в школе, – он постоянно в кого-то влюбляется, как правило, по весне, она оказывает на него магическое действие. В школе у него скопилась уникальная коллекция фотографий актрис, а в Оксфорде его романтические наклонности стали притчей во языцех.

– Я договорился встретиться с ней во время обеда, если хочешь, пошли со мной, заодно и пообедаем вместе, – сказал он, взглянув на часы.

– Очень своевременное предложение, – согласился я. – Где вы обедаете? В «Рице»?

– Около «Рица».

Географически он был точен. Примерно в пятидесяти ярдах к востоку от «Рица» есть убогая забегаловка, где подают чай и кексы, таких заведений в Лондоне пруд пруди, и в нее-то – хотите верьте, хотите нет – мой школьный друг юркнул с проворством спешащего в родную норку кролика. Я и глазом моргнуть не успел, как мы уже протиснулись за столик и расположились над тихой кофейной лужицей, оставшейся от предыдущих посетителей.

Должен признаться, что я был в некотором недоумении. Нельзя сказать, что Бинго купается в деньгах, но все же с презренным металлом у него дело обстоит неплохо. Не говоря уже о том, что он получает приличную сумму от дяди, в этом году он удачно играл на скачках и закончил сезон с положительным балансом. Тогда какого дьявола он приглашает девушку в эту Богом забытую харчевню? Во всяком случае не оттого, что он на мели.

Тут к нам подошла официантка. Довольно миленькая девица.

– А разве ты не собираешься подождать... – начал было я, решив, что это уж слишком даже для Бинго: мало того, что он приглашает девушку на обед в такую дыру, так еще набрасывается на корм до ее прихода. Но тут я взглянул на его лицо и осекся.

Старик сидел, выпучив глаза. Циферблат его стал пунцоно-красным. Все это очень напоминало картину «Пробуждение души», выполненную в алых тонах.

– Здравствуйте, Мейбл, – сказал он и судорожно глотнул воздух.

– Здравствуйте, – сказала девушка.

– Мейбл, это мой приятель Берти Вустер, – сказал Бинго.

– Рада познакомиться, – сказала она. – Прекрасное утро.

– Замечательное.

– Вот, видите, я ношу ваш галстук, – сказал Бинго.

– Он вам очень к лицу, – сказала девушка.

Лично я, если бы мне кто-то сказал, что подобный галстук подходит к моему лицу, тотчас же встал бы и двинул ему как следует, невзирая на пол и возраст; но бедолага Бинго прямо-таки зашелся от радости и сидел, самодовольно ухмыляясь самым омерзительным

образом.

– Что вы сегодня закажете? – спросила девушка, переводя разговор в практическое русло.

Бинго благоговейно уставился в меню.

– Мне, пожалуйста, чашку какао, холодный пирог с телятиной и ветчиной, кусок фруктового торта и коржик. Тебе то же самое, Берти?

Я взглянул на него с возмущением. Подумать только, он был моим другом все эти годы, неужели он воображает, что я могу нанести такую обиду собственному желудку?

– Или, может, возьмем по куску мясного пудинга и зальем все это газировкой? – продолжал Бинго.

Знаете, даже страшно становится, как подумаешь, до чего может довести человека любовь. Ведь я хорошо помню, как этот убогий, который сидел сейчас предо мной и как ни в чем ни бывало рассуждал о коржиках и газировке, подробно объяснял метрдотелю ресторана «Клэриджс», как именно шеф-повар должен приготовить для него «жареный морской язык под соусом из королевских креветок и шампиньонов», пообещав, что отошлет блюдо обратно на кухню, если окажется что-то не так. Чудовищно! Просто чудовищно!

Булочка с маслом и кофе показались мне единственным мало-мальски безвредным кушаньем из всего меню, явно составленного самыми зловредными членами семейства Борджиа для того, чтобы свести счеты со своими заклятыми врагами, поэтому я выбрал только булочку и маленькую чашку кофе, и Мэйбл, наконец, ушла.

– Ну, как? – спросил Бинго с восторженным выражением лица.

Я догадался, что ему не терпится узнать мое мнение о только что покинувшей нас деве-отравительнице.

– Очень мила, – сказал я.

Но этого ему показалось мало.

– Признайся, что ты в жизни не встречал такой изумительной девушки, -с блаженной улыбкой произнес он.

– Да-да. Разумеется, – ответил я, желая успокоить дуралея. – Где вы познакомились?

– На благотворительном балу в Камберуэлле.

– Но что, ради всяго святого, ты делал на благотворительном балу в Камберуэлле?

– Твой Дживс предложил мне пару билетов. Сказал, что это на какие-то благотворительные цели, уже не помню, что именно.

– Дживс? Вот уж не думал, что подобные вещи его интересуют.

– Ему тоже нужно иногда встряхнуться. Как бы то ни было, он был там и развлекался на все сто. Я сперва не собирался идти, а потом зашел просто так, из любопытства. Господи, Берти, как подумаю, что я мог пропустить!

– А что ты мог пропустить? – спросил я; он совсем заморочил мне голову, и я туго соображал.

– Мейбл, тупица. Если бы я не пошел, так не встретил бы Мейбл.

– А... Ну да.

После этого Бинго впал в транс и вышел из него только, чтобы затолкать в себя пирог и коржик.

– Берти, – произнес он. – Мне нужен твой совет.

– Валяй.

– Вернее совет, но не твой, поскольку от твоих советов еще никому не было проку. Ведь

всем известно, что ты законченный осел. Только не подумай, что я хочу тебя обидеть.

– Нет, что ты. Какие обиды...

– Не мог бы ты изложить все своему Дживсу – а вдруг он что-нибудь придумает. Ты же мне рассказывал, как он не раз помогал твоим друзьям выходить из самых безнадежных ситуаций. Насколько я понял, он у тебя вроде домашнего мозгового центра.

– До сих пор еще ни разу не подводил.

– Тогда изложи ему мое дело.

– Какое дело?

– Мою проблему.

– А в чем проблема?

– Ну как же, недотепа, в моем дяде, разумеется. Как ты думаешь, что на все это скажет мой дядя? Да ведь если я все ему так, с бухты-барухты, выложу, с ним родимчик случится прямо на каминном коврик.

– Заводится с полоборота?

– Его непременно нужно подготовить. Только вот как?

– Да, как?

– Я ведь говорил, от тебя не будет никакого проку Ты что, не знаешь, что если он урежет мое содержание, я останусь на бобах? Так что изложи все Дживсу, и посмотрим, не выгонит ли он на меня такую редкую дичь, как счастливый конец. Скажи, что мое будущее в его руках и что если прозвонят свадебные колокола, он может рассчитывать на мою признательность, вплоть до полцарства. Ну, скажем, до десяти монет. Согласится Дживс пошевелить мозгами, если ему будут светить десять фунтов?

– Вне всякого сомнения, – сказал я.

Меня нисколько не удивило, что Бинго вздумал посвятить Дживса в сугубо личную проблему Я и сам бы в первую очередь подумал о Дживсе, если бы попал в какую-то переделку. Как я не раз имел возможность убедиться, у него всегда полно блестящих идей. Уж если кто может помочь бедняге Бинго, так это Дживс.

В тот же вечер я изложил ему суть проблемы.

– Дживс!

– Сэр?

– Вы сейчас ничем не заняты?

– Нет, сэр.

– Я имею в виду – я вас ни от чего не оторвал?

– Нет, сэр. Я взял себе за правило читать в это время суток какую-нибудь поучительную книгу, но если вам требуются мои услуги, я вполне могу прервать это занятие или отложить его вовсе.

– Дело в том, что мне нужен ваш совет. Насчет мистера Литтла.

– Молодого Литтла, сэр, или старшего мистера Литтла, его дяди, проживающего на Паунсби-Гарденз?

Впечатление такое, что Дживс знает вс'. Просто поразительно. Я дружу с Бинго, можно сказать, всю жизнь, но понятия не имею, где именно обитает его дядя.

– Откуда вы знаете, что он живет на Паунсби-Гарденз? – спросил я.

– Я в добрых отношениях с поварихой мистера Литтла-старшего, сэр. Точнее, у нас достигнуто взаимопонимание.

Признаюсь, я был потрясен. Мне и в голову не приходило, что Дживса занимают такие

вещи.

– Вы хотите сказать... вы помолвлены?

– Можно сказать, что это равнозначно помолвке, сэр.

– Ну и ну!

– У нее выдающиеся кулинарные таланты, сэр, – сказал Дживс, словно считая себя обязанным оправдаться. – А что вы меня хотели спросить насчет мистера Литтла?

Я выложил ему все как есть.

– Вот так обстоят дела, Дживс, – сказал я. – Думаю, наш долг немного сплотиться и помочь Бинго положить этот шар в лузу. Расскажите мне о старом Литтле. Что он за гусь?

– Весьма своеобразная личность, сэр. Удалившись от дел, он сделался большим затворником и теперь по большей части предается радостям застолья.

– Короче говоря – обжирается, как свинья?

– Я бы не взял на себя смелость воспользоваться подобным определением, сэр. Скорее он из тех, кого принято называть гурманом. Очень трепетно относится к тому, что ест, и потому особенно высоко ценит искусство мисс Уотсон.

– Поварихи?

– Да, сэр.

– Тогда лучше всего запустить к нему Бинго сразу после хорошего ужина. Когда он будет в размягченном состоянии.

– Сложность в том, сэр, что в настоящее время мистер Литтл на диете в связи с сильным приступом подагры.

– Это может спутать нам карты.

– Вовсе нет, сэр. Я полагаю, что несчастье, случившееся со старшим мистером Литтлом, можно обратить на пользу вашему молодому другу. Не далее как вчера я разговаривал с камердинером мистера Литтла, и тот сообщил мне, что сейчас его основная обязанность – читать мистеру Литтлу вслух по вечерам. На вашем месте, сэр, я бы посоветовал молодому мистеру Литтлу начать самому читать своему дяде.

– Понимаю: операция «преданный племянник». Старикан тронут благородством юноши, верно?

– Отчасти так, сэр. Но в еще большей степени я рассчитываю на выбор литературы, которую будет читать своему дяде молодой мистер Литтл.

– Ну нет, тут особенно не разгуляешься. У Бинго симпатичная физиономия, но в литературе он дальше спортивного раздела в «Таймс» не пошел.

– Это препятствие можно преодолеть. Я был бы счастлив сам выбирать книги для чтения мистеру Литтлу. Возможно, мне следует несколько пояснить мою мысль.

– Признаться, пока я не уловил, в чем суть.

– Метод, который я беру на себя смелость вам предложить, называется в рекламном деле «методом прямого внедрения» и состоит во внушении какой-либо идеи путем многократного повторения. Вы, возможно, и сами сталкивались с действием этой системы.

– Ну да, это когда тебе все время талдычат, что то или иное мыло лучшее в мире, ты попадаешь под влияние, бросаешься в ближайшую лавку и покупаешь целую дюжину?

– Абсолютно верно, сэр. Тот же метод лежит в основе всех успешных пропагандистских кампаний, проводившихся во время последней войны. И мы смело можем им воспользоваться, чтобы изменить отношение дяди вашего друга к проблеме классовых различий. Если мистер Литтл-младший начнет изо дня в день читать своему дяде рассказы,

повести и романы, в которых брак с особой более низкого социального положения считается не только возможным, но и достойным восхищения, я думаю, это подготовит мистера Литтла-старшего к восприятию известия о том, что его племянник собирается жениться на простой официантке.

– А разве есть такие книги? В газетах пишут только о тех, где супруги ненавидят друг дружку и спят и видят, как бы поскорее разбежаться в разные стороны.

– Да, сэр, существуют и другие книги, рецензенты редко удостоивают их вниманием, но широкая публика охотно читает. Вам никогда не попадалась в руки «Вс' ради любви» Розы М. Бэнкс?

– Нет.

– А «Алая роза лета» того же автора?

– Нет, не попадалась.

– Моя тетя, сэр, является обладательницей полного собрания сочинений Розы М. Бэнкс. Мне не составляет никакого труда позаимствовать у нее их столько, сколько может потребоваться младшему мистеру Литтлу. Это очень легкое и увлекательное чтение.

– Что ж, пожалуй, стоит попробовать.

– Во всяком случае, я настоятельно рекомендовал бы этот метод, сэр.

– Значит, договорились. Завтра же чешите к т'те и тащите две-три штуки, да позабористее. Попытка – не пытка.

– Истинная правда, сэр.

Три дня спустя Бинго доложил, что Роза М. Бэнкс – именно то, что требуется, и несомненно годится для применения во всех воинских частях и соединениях. Старый Литтл сперва было взбрыкнул и попытался противиться смене литературной диеты – он, дескать, не большой любитель беллетристики и всю жизнь придерживался исключительно солидных периодических изданий; но Бинго сумел усыпить его бдительность и прочел ему первую главу «Вс’ ради любви» прежде, чем тот успел опомниться, и после этого книги мисс Бэнкс пошли «на ура». С тех пор они прочли «Алую розу лета», «Сумасбродку Мертл», «Фабричную девчонку» и добрались до середины «Сватовства лорда Стратморлика».

Все это Бинго сообщил мне охрипшим голосом, глотая гоголь-моголь на хересе. Он признался, что наш план, превосходный во всех отношениях, обладает одним недостатком: чтение вслух пагубно отражается на его здоровье, голосовые связки не выдерживают напряжения и начинают сдавать. Он смотрел в медицинской энциклопедии и по симптомам определил, что его болезнь называется «лекторский синдром». Но зато главное: дело явно шло на лад, и, кроме того, после вечерних чтений его всякий раз оставляли ужинать; а, как я понял с его слов, никакие, самые красноречивые рассказы не дают даже отдаленного представления о кулинарных шедеврах поварами старого Литтла. Когда страдалец живописал кристальную прозрачность бульонов, на глазах у него стояли слезы. И то сказать – после того, как он несколько недель перебивался с коржика на газировку, любая нормальная пища должна была доставлять ему райское наслаждение.

Старик Литтл был лишен возможности принимать действенное участие в этих пиршествах, но, по словам Бинго, выходил к столу и, покончив со своей порцией овсяной затирухи, вдыхал запах подаваемых блюд и рассказывал о деликатесах, которые ему доводилось пробовать в прошлом, а также обсуждал меню роскошного ужина, который он закатит, когда врачи снова приведут его в форму; так что, думаю, он по-своему тоже получал от всего этого удовольствие. Как бы там ни было, дела шли очень даже неплохо, и Бинго признался, что у него есть план, с помощью которого он надеется успешно завершить операцию. В чем состоит его план, он мне рассказывать не стал, но заверил, что это верняк.

- Мы добились определенных успехов, Дживс, – сказал я.
- Мне доставляет большое удовлетворение это слышать, сэр.
- Мистер Литтл говорит, когда они дошли до финала «Фабричной девчонки», его дядюшка ревел, как новорожденный теленок.
- Вот как, сэр?
- Когда лорд Клод заключает девушку в свои объятия и говорит...
- Я знаком с этой сценой, сэр. Бесспорно трогательный эпизод. Моя тетя тоже его очень любит.
- Мне кажется, мы на верном пути.
- Думаю, что так, сэр.

– Похоже, это еще один ваш триумф, Дживс. Я всегда говорил и никогда не устану повторять, что по мощи интеллекта вы на голову выше всех великих мыслителей нашего времени. Прочие – лишь толпа статистов, провожающие вас почтительными взглядами.

– Большое спасибо, сэр. Я стараюсь.

Примерно через неделю после этого ко мне ввалился Бинго и сообщил, что подагра перестала мучить его дядю, и врачи разрешают ему с завтрашнего дня есть нормальную пищу безо всяких ограничений.

– Между прочим, – сказал Бинго, – он приглашает тебя завтра на обед.

– Меня? С какой стати? Он же понятия не имеет о моем существовании.

– А вот и имеет. Я ему про тебя рассказывал.

– Что же ты, интересно, ему наплел?

– Ну, много чего. Как бы там ни было, он хочет с тобой познакомиться. И мой тебе совет, дружище, – приходи, не пожалеешь. Завтрашний обед, могу тебя заверить, будет сногшибательный.

Не знаю, отчего, но уже тогда мне почудилось в словах Бинго что-то подозрительное, я бы даже сказал, зловещее. Он явно темнил и не договаривал.

– Тут что-то нечисто, – сказал я. – С чего это вдруг твой дядя приглашает на обед человека, которого в глаза не видел?

– Уважаемый мистер олух, я тебе только что объяснил: он знает, что ты мой самый близкий друг, что мы вместе учились, и так далее.

– Ладно, допустим. Но ты-то с чего так об этом хлопочешь?

Бинго замаялся.

– Я же сказал, у меня есть одна идея. Я хочу, чтобы ты сообщил дяде о моих намерениях. У меня просто духу не хватит.

– Что? Еще чего!

– И это говорит мой друг!

– Да, но всему есть предел!

– Берти, – с укором произнес он. – Когда-то я спас тебе жизнь.

– Когда это?

– Разве нет? Значит, кому-то другому. Но все равно, мы вместе росли, и все такое. Ты не можешь меня подвести.

– Ну ладно, ладно. Но когда ты заявляешь, будто у тебя не хватит духу на какую-то наглость, ты себя недооцениваешь. Человек, который...

– Значит, договорились, – сказал Бинго. – Завтра в час тридцать. Смотри, не опаздывай!

Должен признаться, что чем больше я размышлял о предстоящей мне миссии, тем меньше мне нравилась вся эта затея. Допустим, Бинго прав, и обед действительно будет шедевром кулинарного искусства. Не все ли равно, какие кулинарные изыски значатся в меню, если тебя спустят с лестницы прежде, чем ты успеешь покончить с супом. Однако слово Вустеров свято, нерушимо и прочее и прочее, и на следующий день ровно в час тридцать я нетвердой походкой поднялся по ступеням крыльца дома номер шестнадцать по Паунсби-Гарденз и позвонил. А через полминуты я уже стоял в гостиной и пожимал руку самому толстому человеку, какого мне в жизни доводилось видеть.

Вне всякого сомнения, девизом семьи Литтлов было «разнообразие видов». Сколько я помню Бинго, он всегда был долговязым и тощим, кожа да кости. Зато его дядя сумел

повысить среднестатистический вес членов семьи до уровня гораздо выше нормы. Когда мы обменялись рукопожатием, моя рука буквально утонула в его ладони, и я всерьез забеспокоился, удастся ли ее оттуда извлечь без специального водолазного снаряжения.

– Мистер Вустер – я счастлив... я польщен... большая честь...

Я понял, что Бинго – с какой-то тайной целью – расхвалил меня сверх всякой меры.

– Ну, что вы... – смутился я.

Толстяк отступил на шаг, по-прежнему не выпуская мою руку.

– Вы так молоды и уже столько успели сделать!

Я был совершенно сбит с толку. У нас в семье, это в первую очередь относится к тете Агате, которая жучит меня с самого рождения, принято считать, что я – полный ноль, впустую растративший жизнь, и что с тех пор, как в первом классе я получил приз за лучший гербарий полевых цветов, я не сделал ничего, чтобы вписать свое имя на скрижали славы. Вероятно, он меня с кем-то спутал, решил я, но тут в холле зазвонил телефон, вошла горничная и сказала, что меня просят к аппарату. Я пошел, взял трубку и услышал голос Бинго.

– Привет, – сказал он. – Прибыл? Молодец! Я знал, что на тебя можно положиться. Послушай, старик, дядя очень тебе обрадовался?

– Просто без ума от счастья. Ничего не понимаю.

– Все идет как надо. Я звоню, чтобы тебе объяснить. Дело в том, старина, что я сказал ему, будто ты – автор книг, которые я ему читал. Ты ведь не против?

– Что?

– Я сказал, что «Рози М. Бэнкс» – твой литературный псевдоним, так как ты человек очень скромный и застенчивый, и не хочешь, чтобы на обложке стояло твое имя. Теперь он тебя послушается. Будет внимать каждому твоему слову. Блестящая идея, верно? Думаю, даже сам Дживс не сумел бы придумать ничего лучше. Так что давай, дружище, поднажми хорошенько, и, главное, помни, что он должен прибавить мне содержание. Когда я женюсь, я не смогу прожить на ту сумму, которую сейчас от него получаю. Если предполагается, что в финальных кадрах фильма я держу свою невесту в объятиях, содержание должно быть по крайней мере удвоено. В общем, ты все понял. Счастливо!

И он повесил трубку. В этот момент прозвучал гонг, и радушный хозяин затопал вниз по лестнице с таким грохотом, словно в подвал ссыпали тонну угля.

Вспоминая об этом обеде, я всегда испытываю чувство горечи и сожаления. Такой пир выпадает на долю простого смертного раз в жизни, а я оказался не в состоянии его по достоинству оценить. Подсознательно-то я понимал, что это выдающееся произведение кулинарного искусства, но так нервничал из-за положения, в которое попал по милости Бинго, что не мог прочувствовать его до конца – с таким же успехом я мог жевать осиновые опилки.

Старый Литтл с места в карьер залопотал о литературе.

– Мой племянник, вероятно, рассказывал вам, что я за последнее время прочел многие ваши книги, – начал он.

– Да, он об этом упоминал. Ну и... э-э-э... как вам мои опусы-покусы?

Он посмотрел на меня с нескрываемым благоговением.

– Должен признаться, мистер Вустер, когда племянник читал мне вслух ваши романы, слезы то и дело наворачивались мне на глаза. Я поражен, что такой молодой человек, как вы,

сумел так глубоко проникнуть в самую суть человеческой природы, так умело играть на струнах сердца своих читателей, создать книги столь правдивые, столь трогательные и столь злободневные!

– Ничего особенного, у меня это врожденное...

Крупные капли пота катились у меня по лбу. В жизни не попадал в более идиотское положение.

– В столовой слишком жарко? – участливо спросил он.

– Нет-нет, что вы. Ничуть.

– Значит, дело в перце. Если есть изъян в искусстве моей поварахи - хотя я в этом сомневаюсь, – то это лишь склонность излишне педализировать перцовую ноту в мясных блюдах. Кстати, как вы находите ее кухню?

Я обрадовался, что разговор ушел от моего вклада в сокровищницу мировой литературы, и с воодушевлением воспел хвалу ее кулинарным талантам.

– Рад это слышать, мистер Вустер. Я, возможно, слишком пристрастен, но, по-моему, эта женщина – гений.

– Вне всякого сомнения!

– Она служит у меня семь лет и за все время ни на йоту не опускала планку высочайших кулинарных стандартов. Разве что однажды, зимой семнадцатого года, придирчивый гурман мог бы упрекнуть ее в недостаточной воздушности соуса. Но тот случай особый. Тогда на Лондон было совершено несколько воздушных налетов, и они не на шутку напугали бедную женщину. Однако в этом мире за все удовольствия надо платить, мистер Вустер, и я в этом смысле – не исключение. Семь лет я жил в постоянном страхе, что кто-то переманит ее к себе на службу. Я знал, что она получала подобные предложения – и весьма щедрые предложения. Можете представить себе мое смятение, мистер Вустер, когда сегодня утром гром все-таки грянул. Она официально известила меня об уходе.

– О, Господи!

– Ваше участие лишний раз свидетельствует о выдающихся душевных качествах автора «Алой розы лета». Но я счастлив вам сообщить, что худшее позади. Дело только что улажено. Джейн остается.

– Молоток!

– Действительно, молоток – хотя я не знаком с этим выражением. Не помню, чтобы оно попадалось мне на страницах ваших произведений. Кстати, возвращаясь к книгам, должен признать, что наряду с пронзительной трогательностью повествования, на меня огромное впечатление произвела ваша жизненная философия. Лондон весьма и весьма выиграл бы, мистер Вустер, если бы в этом городе жило побольше таких людей, как вы.

Это заявление полностью противоречило жизненной философии тети Агаты: она никогда не упускала возможности подчеркнуть, что именно из-за таких типов, как я, Лондон становится все менее и менее подходящим местом для жизни нормальных людей.

– Позвольте вам сказать, мистер Вустер, что я восхищен вашим полным пренебрежением пережитками одряхлевшего общественного строя. Да, восхищен! У вас достало широты взгляда заявить, что общественное положение – лишь штамп на золотом, и что если воспользоваться замечательными словами лорда Блетчмора из «Фабричной девчонки», «Каким бы низким ни было происхождение женщины, если у нее доброе сердце – она ничем не хуже самой знатной дамы».

– Я рад. Вы действительно так считаете?

– Да, мистер Вустер. Стыдно признаться, но было время, когда я, подобно многим другим, был рабом идиотских предрассудков, придавал значение классовым различиям. Но с тех пор, как прочел ваши книги...

Можно было не сомневаться. Это была очередная победа Дживса.

– Значит, вы не видите ничего предосудительного в том, что молодой человек, занимающий высокое общественное положение, женится на девушке, принадлежащей к так называемым «низшим классам»?

– Совершенно ничего предосудительного, мистер Вустер.

Я сделал глубокий вдох, чтобы сообщить ему радостную новость.

– Бинго – ну знаете, ваш племянник – хочет жениться на официантке.

– Это делает ему честь, – сказал старый Литтл.

– Вы его не осуждаете?

– Наоборот, одобряю.

Я сделал еще один глубокий вдох и коснулся меркантильной стороны вопроса.

– Надеюсь, вы не сочтете, будто я лезу не в свое дело, но...э-э-э... как насчет... этого самого? – выговорил я.

– Боюсь, что не совсем вас понимаю.

– Ну, я имею в виду его содержание и все такое. В смысле денег, которые вы так любезно ему выплачиваете. Он рассчитывает, что вы ему немножко подкинете сверх прежней суммы.

Старый Литтл с видом глубокого сожаления отрицательно покачал головой.

– Увы, это невозможно. Видите ли, в моем положении приходится экономить каждый пенни. Я готов и впредь выплачивать племяннику прежнее содержание, но никак не смогу его увеличить. Это было бы несправедливым по отношению к моей жене.

– Жене? Но ведь вы не женаты!

– Пока нет. Но я рассчитываю сочетаться браком в самое ближайшее время. Женщина, которая в течение стольких лет так замечательно меня кормила, сегодня утром оказала мне честь и приняла мое предложение руки и сердца. – Его глаза торжествующе сверкнули. – Теперь пусть попробуют у меня ее отнять! – с вызовом произнес он.

– Молодой мистер Литтл несколько раз пытался связаться с вами по телефону, сэр, – сказал мне Дживс, когда вечером я вернулся домой.

– Ничего удивительного, – сказал я. Вскоре после обеда я отправил ему с посыльным записку, в которой изложил результаты переговоров.

– Мне показалось, он чем-то взволнован.

– Еще бы! Кстати, Дживс, призовите на помощь все ваше мужество, стисните зубы: боюсь, у меня для вас плохая новость. Этот ваш план, насчет чтения книжек старому Литтлу, дал осечку.

– Книжки его не переубедили?

– В том-то и беда, что переубедили. Дживс, мне очень неприятно вам это говорить, но ваша невеста – мисс Уотсон, словом, эта повариха – так вот, она, если выразиться кратко, предпочла богатство скромному достоинству, если только вы понимаете, что я имею в виду.

– Сэр?

– Она оставила вас с носом и выходит замуж за старого Литтла.

– В самом деле, сэр?

– Вы, я гляжу, не слишком расстроены.

– Честно говоря, сэр, я предвидел подобный поворот событий.

Я взглянул на него с удивлением.

– Тогда чего ради вы сами предложили этот план?

– Сказать по правде, сэр, я ничего не имею против разрыва дипломатических отношений с мисс Уотсон. Более того, я этого очень даже хочу. При всем бесконечном уважении, которое я питаю к мисс Уотсон, я давно понял, что мы не подходим друг другу. Так вот, другая юная особа, с которой у меня достигнуто взаимопонимание...

– Черт меня подери, Дживс. Так есть и другая?

– Да, сэр.

– И давно?

– Уже второй месяц, сэр. Она сразу же произвела на меня неизгладимое впечатление, когда мы познакомились на благотворительном балу в Камберуэлле.

– Чтоб мне провалиться! Но ведь это не...

Дживс многозначительно кивнул.

– Именно так, сэр. По странному совпадению, это та самая девушка, которую молодой мистер Литтл... Я положил сигареты на журнальный столик. Спокойной ночи, сэр.

Пэлем Гринвел Вудхауз

Товарищ Бинго

Дживс и Вустер

Все началось в Гайд-Парке, в той его части, где по воскресеньям собираются чудаки всех мастей и оттенков и произносят длинные речи, взгромоздившись на ящик из-под мыла. Я редко туда захожу, но случилось так, что в первое воскресенье после моего возвращения в милый старый Лондон я отправился навестить знакомых на Манчестер-Сквер; чтобы не прийти раньше условленного срока, я сделал небольшой крюк и попал в самую гущу.

Сейчас Британская империя уже не та, что прежде, и парк в воскресный день представляется мне истинным сердцем Лондона. Я хочу сказать, что именно здесь изгнанник, возвратившись в родные пенаты, осознает, что он действительно в Англии. После вынужденных каникул в Нью-Йорке, я с удовольствием вдыхал сладкий дым отечества. Приятно было слушать, как они все разглагольствуют, и радоваться, что все закончилось благополучно, и Бертрам снова дома.

В дальнем конце поляны группа миссионеров в цилиндрах готовилась к службе на открытом воздухе, слева распиная атеист, красноречиво, но немного гундосо, поскольку у него была заячья губа; а впереди собрались по-настоящему серьезные мыслители со знаменем, на котором значилось «Провозвестники красной зари», и в момент моего прихода один из провозвестников – бородатый тип в твидовом костюме и надвинутой на брови шляпе – задавал такого жару Праздным Толстосумам, что я поневоле остановился послушать. И тут рядом со мной раздался чей-то голос:

– Мистер Вустер?

Предо мной стоял какой-то толстяк. Сперва я не мог сообразить, кто он такой. Потом вспомнил: это дядя моего друга Бинго, мистер Литтл, у которого я как-то обедал еще в то время, когда Бинго был влюблен в официантку из забегаловки на Пиккадилли. Неудивительно, что я его не сразу узнал. Когда мы в последний раз виделись, это был неряшливо одетый пожилой господин, спустившийся в столовую в шлепанцах и мятом вельветовом пиджаке, тогда как теперь моим глазам предстал в пух и прах разодетый франт. Шелковый цилиндр, сверкающий на солнце, щегольская визитка, бледно-лиловые короткие гетры и клетчатые брюки по последней моде. Элегантный до умопомрачения.

– Добрый день, – сказал я. – Как здоровье?

– Я нахожусь в прекрасном здравии, благодарю вас. А вы?

– В полном порядке. Только что вернулся из Америки.

– А, понимаю! Собирали материал для нового романа?

– Как? – Мне потребовалось время, прежде чем я понял, что он имеет в виду. – Нет, нет, – сказал я. – Просто захотелось ненадолго сменить обстановку. А как поживает Бинго? – поспешил я задать вопрос, чтобы отвлечь его от моего литературного творчества.

– Бинго?

– Ваш племянник.

– Ах, Ричард. Мы редко видимся в последнее время. После моей женитьбы у нас

довольно прохладные отношения.

– Мне очень жаль. Значит, с тех пор, как мы в последний раз виделись, вы вступили в брак? Как здоровье миссис Литтл?

– Моя жена также в самом добром здравии. Только... она не миссис Литтл. Недавно нашему всемилостивейшему монарху было угодно отметить меня высочайшим знаком своей милости, пожаловав мне звание пэра. После публикации последнего «Списка» я стал лордом Битлшемом.

– Что вы говорите! В самом деле? Что ж, мои самые горячие поздравления. Прекрасная новость! – сказал я. – Лорд Битлшем... Так выходит, вы – владелец Морского Ветерка?

– Да. Женитьба открыла мне новые горизонты. Жена увлекается скачками, и я теперь держу небольшую конюшню. Как мне объяснили, у Морского Ветерка неплохие шансы на победу в конце этого месяца на ипподроме «Гудвуд», неподалеку от суссекской резиденция герцога Ричмонда.

– Гудвудский кубок! Ну, как же! Я собираюсь поставить последнюю рубашку на вашу лошадь.

– В самом деле? Надеюсь, она оправдает ваше доверие. Сам я далек от этих материй, но, если верить жене, по мнению знатоков моя лошадь – то, что в этих кругах называют «верняк».

Тут я обратил внимание, что публика с интересом оборачивается в нашу сторону, а бородач указывает на нас пальцем.

– Нет, вы только полюбуйтесь на них! Присмотритесь к ним внимательно! – вопил он, перекрывая голос гундосого атеиста и полностью заглушая молитвы миссионеров. – Перед вами типичные представители класса, который веками угнетал трудящихся. Праздные! Не производящие материальных ценностей! Взгляните на того, длинного и тощего, у которого рожа, как у паяца. Проработал ли он за свою жизнь хотя бы один день? Нет! Паразит, бездельник, кровопийца! Готов поспорить, что он до сих пор не заплатил портному за эти шикарные брючки!

Сказать по правде, мне не понравилось, что он перешел на личности, его манера начинала меня раздражать. Старина Битлшем, напротив, слушал его с явным удовольствием и интересом.

– Да, в выразительности им не откажешь, – довольно хмыкнул он. – Очень ядовито.

– А второй, толстяк? – не унимался бородач. – Вы только посмотрите на него! Знаете, кто это? Лорд Битлшем! Один из самых злостных. Что он делал всю свою жизнь, кроме того, что набивал себе брюхо с утра до вечера? Его Бог – это его утроба, и лишь этому Богу он приносит жертвы четыре раза в день. Если вскрыть ему сейчас брюхо, там найдется достаточно пищи, чтобы прокормить десяток рабочих семей в течение недели.

– А вот это действительно неплохо сказано, – заметил я, но старикан, по-видимому, не разделял моего мнения. Он побагровел и забулькал, словно закипающий чайник.

– Уйдемте отсюда, мистер Вустер, – сказал он. – Я всегда стоял и стою за свободу слова, но положительно не желаю слушать грубую брань.

И мы молча, но с достоинством, удалились, а этот тип продолжал выкрикивать нам вслед все новые оскорбительные замечания. Я чувствовал себя чертовски неудобно.

На следующий день я заглянул в клуб и в курилке встретил Бинго.

– Привет, Бинго, – сказал я и подсел к нему, преисполненный самых теплых чувств: я

был искренне рад видеть этого дуралея. – Ну, как ты?

– Перебиваюсь помаленьку.

– Видел вчера твоего дядю.

Широчайшая улыбка поделила лицо Бинго на две неравные части.

– Я знаю, что ты с ним встречался, бездельник. Что ж, садись, старина, попей крови. Ну, что нового, паразит из числа господствующих классов?

– Господи! Но ведь тебя же там не было!

– А вот и был.

– Я тебя не видел.

– Видел – да не узнал, меня скрывала пышная растительность.

– Растительность?

– Борода, мой мальчик. Я за нее недешево заплатил, но она того стоит. С этой бородой я становлюсь совершенно неузнаваемым. Противно, правда, что в бороде застревают хлебные крошки и прочее, но тут уж ничего не поделаешь.

Я удивленно на него уставился.

– Ничего не понимаю!

– Это долгая история. Закажи себе мартини или стаканчик крови с содовой, и я тебе все расскажу. Но прежде скажи мне, только честно: приходилось ли тебе видеть более красивую девушку?

И жестом фокусника, достающего кролика из шляпы, он невесть откуда извлек фотографию и помахал ею у меня перед носом. Я успел разглядеть лишь старательно вытаращенные глаза и улыбку, демонстрирующую больше зубов, чем требуется человеку в повседневной жизни.

– Боже милосердный, – сказал я. – Ты что, опять влюбился?

Я заметил, что мои слова его задели.

– Что значит «опять»?

– По самым скромным подсчетам, с весны ты был влюблен не менее шести раз, а сейчас лишь июль. Сначала официантка, потом Гонория Глоссоп, потом...

– Фу! Я бы даже сказал «фи»! Что значат все эти девицы! Не более чем минутное увлечение. На этот раз речь идет о настоящем чувстве.

– Где ты с ней познакомился?

– На империале автобуса. Ее зовут Шарлотта Корде Роуботем.

– О, Господи!

– Она в этом не виновата, бедняжка! Так ее окрестил отец, он сторонник Революции, а та, настоящая Шарлотта Корде занималась, оказывается, тем, что закалывала тиранов в ванне, за что ее полагается любить и уважать. Берти, ты обязательно должен познакомиться со стариной Роуботемом. Милейший старикан. Мечтает перерезать всех буржуев, разграбить Парк-Лейн и выпустить кишки потомственной аристократии. Вполне справедливое желание, верно? Но вернемся к Шарлотте. Мы оказались вместе на империале автобуса, внезапно пошел дождь. Я предложил ей свой зонт, мы немного поболтали о том, о сем. Я влюбился в нее, узнал, где она живет, а через пару дней купил фальшивую бороду и полетел знакомиться с ее семейством.

– Но при чем тут борода?

– Еще в автобусе она рассказала мне о своем отце, и я понял, что если хочу добиться его расположения, мне нужно вступить в эту чертову «Красную зарю», и если придется

произносить обличительные речи в парке, где в любой момент можно встретить кого-нибудь из знакомых, нужна маскировка. Ну, я и купил бороду. Ты не поверишь, старик, но я к ней, можно сказать, привязался. Когда я ее снимаю, чтобы, например, пойти в клуб, то чувствую себя просто голым. И в глазах Роуботема я выиграл благодаря бороде. Он думает, что я большевик и скрываюсь от полиции. Ты, Берти, и вправду должен познакомиться со стариной Роуботемом. Послушай, у тебя есть на сегодня какие-то планы?

– Вроде нет. А что?

– Отлично! Тогда мы все завалимся к тебе на чай. Я обещал отвести всю ораву в народное кафе после митинга, а теперь мне удастся сэкономить; и поверь, дружище, в моем положении сейчас не сэкономишь – не проживешь. Мой дядя сказал тебе, что он женился?

– Да. Говорит, у вас с ним прохладные отношения.

– Прохладные? Да я просто на нуле! С тех пор как дядя женился, он буквально сорит деньгами и тратит их Бог знает на что, а экономит на мне. Думаю, покупка звания пэра обошлась старому дурню в кругленькую сумму. Мне говорили, сейчас даже за баронета надо выложить прорву денег. А он еще завел скаковых лошадей. Кстати, можешь смело ставить последний шиллинг на Морского Ветерка на Гудвудских скачках. Стопроцентный верняк.

– Я так и собираюсь.

– Тут промаха быть не может. Рассчитываю выиграть достаточно денег, чтобы жениться на Шарлотте. Ты ведь поедешь в Гудвуд?

– А как же!

– Мы тоже. Собираемся провести митинг прямо на ипподроме.

– Послушай, зачем так рисковать? Твой дядя наверняка будет в Гудвуде. А вдруг он тебя узнает? Он же просто рассвирепеет, если обнаружит, что ты и есть тот наглец, который честил его в парке.

– С чего это он вдруг меня узнает? Ты пошевели мозгами: несчастный паразит, живущий за счет красных кровяных телец трудового народа. Если он вчера меня не узнал, почему он должен узнать меня в Гудвуде? Что ж, спасибо за любезное приглашение, старина. Мы его с удовольствием принимаем. Как говорится, дай, и тебе воздастся... Кстати, тебя, быть может, ввело в заблуждение слово «чай». Не думай, что тебе удастся отделаться тонюсенькими ломтиками хлеба с маслом. Мы – дети революции, и отсутствием аппетита не страдаем. Нам подавай яичницу, оладьи, ветчину, джем, кексы и сардины. Мы будем у тебя ровно в пять.

– Но, погоди... Я не уверен, что...

– Уверен, уверен... Как ты не понимаешь, глупая твоя голова, что тебе это здорово пригодится, когда грянет Революция? Если на Пиккадилли ты нарвешься на старину Роуботема с окровавленным ножом в каждой руке, ты сможешь ему напомнить, что когда-то угощал его сардинами. Нас будет четверо – Шарлотта, я, старик Роуботем и товарищ Бат. Боюсь, от него отделаться не удастся.

– Какой еще, к черту, товарищ Бат?

– Ты заметил вчера типа слева от меня? Такой плюгавый сморчок. Похож на вяленую треску на последней стадии туберкулеза. Это и есть Бат. Мой соперник, черт бы его побрал. Он вроде как помолвлен с Шарлоттой. До моего прихода занимал вакантную роль сказочного принца. У него голос, как пароходная сирена, старик Роуботем о нем очень высокого мнения. Но я буду не я, если не обойду этого Бата на повороте и не оставлю его с носом. Хоть голос у него зычный, ему не хватает выразительности. В свое время я был

рулевым на оксфордской восьмерке, и по части выражений дам фору любому. Ладно, мне пора бежать. Послушай, не знаешь, случайно, где можно раздобыть пятьдесят фунтов?

– Может, попробовать заработать?

– Заработать? – удивленно спросил Бинго. – Мне? Нет, надо придумать что-нибудь получше. Мне позарез нужно поставить пятьдесят монет на Морского Ветерка. Ладно, до завтра. Будь здоров, старичок, и не забудь про олады.

Не знаю, отчего, но еще со школьных лет, с первого дня нашего знакомства, я постоянно чувствую ответственность за Бинго. Ведь он мне -слава Богу – не сын, не брат, и даже не дальний родственник. У меня нет перед ним никаких обязательств, и тем не менее вот уже многие годы я нянчусь с ним, как курица с цыплятами, и то и дело вызволяю из неприятностей. Видимо, дело в благородстве моей натуры. Его последнее увлечение меня не на шутку встревожило. Во-первых, он собирается породниться с семейством явных психов, а во-вторых, как, черт его подери, не имея ни гроша за душой, он собирается прокормить жену, пусть даже умственно неполноценную? Если Бинго и вправду женится, старик Битлшем тотчас лишит его содержания, а лишить содержания такого охламона, это все равно, что раскроить ему топором череп.

Вот почему, вернувшись домой, я позвал Дживса.

– Дживс, – сказал я, – у меня к вам просьба.

– Сэр?

– Меня беспокоит мистер Литтл. Не буду вам пока ничего говорить, завтра он приведет к чаю своих друзей, и тогда вы сами поймете, в чем дело. Все, что от вас требуется – это внимательно наблюдать и делать выводы.

– Хорошо, сэр.

– И вот еще что: припасите побольше оладий.

– Да, сэр.

– Нам потребуются также джем, ветчина, кексы, яичница, и пять или шесть вагонов сардин.

– Сардин, сэр? – содрогнулся Дживс.

– Сардин.

Последовало неловкое молчание.

– Не вините меня, Дживс, – сказал я. – Видит Бог, я тут ни при чем.

– Понимаю, сэр.

– Такие вот дела.

– Да, сэр.

Видно было, что он не на шутку озадачен.

Я давно заметил, что когда ждешь чего-то ужасного, на деле, как правило, все оказывается не так уж скверно; однако в случае с чаепитием, устроенным в честь Бинго и его друзей, это правило не сработало. С той самой минуты, как Бинго навязался ко мне в гости, меня томили самые мрачные предчувствия, и, увы, они оправдались. Самое чудовищное в этой истории было то, что в первый раз за время нашего знакомства мне довелось наблюдать, как Дживс едва не потерял самообладание. Даже в самой крепкой броне имеются щели, и Дживс чуть с копыт не слетел, когда в дверях появился Бинго в каштановой бороде по пояс. Я забыл предупредить его насчет бороды, и от неожиданности удар оказался

особенно сокрушительным. Челюсть у него отвисла, он ухватился за край стола. Что меня лично несколько не удивляет. Мне в жизни не приходилось видеть более омерзительного зрелища, чем бородатый Бинго. Дживс слегка побледнел; потом, огромным усилием воли, ему удалось овладеть собой. Но я видел, что он потрясен.

Бинго был слишком занят, представляя членов своей шайки, и ничего не заметил. Живописная у нас собралась компания, ничего не скажешь. Товарищ Бат был похож на гриб той особой разновидности, что появляются на мертвых деревьях после дождя. Для описания старика Роуботема я бы употребил эпитет «траченный молью», А Шарлотта показалась мне существом из страшного, потустороннего мира. Не скажу даже, что она была особенно некрасива. Если бы она исключила из рациона блюда с повышенным содержанием крахмала и начала заниматься шведской гимнастикой, то, наверное, могла бы стать вполне ничего. Но ее было слишком много. «Пышнотелая» и «не в меру упитанная» – вот подходящие для нее определения. Возможно, у нее было золотое сердце, но первое, что бросалось в глаза, – это золотые зубы. Я знал, что когда Бинго находится в хорошей форме, он в состоянии влюбиться чуть ли не в любую особу женского пола, но на этот раз я не в силах был найти никаких смягчающих обстоятельств.

– А это мой друг, мистер Вустер, – сказал Бинго, завершая церемонию знакомства.

Роуботем посмотрел на меня, потом внимательно оглядел гостиную, и видно было, что и то и другое произвело на него не слишком приятное впечатление. Нельзя сказать, чтобы моя квартира была обставлена с восточной роскошью, но мне удалось сделать ее достаточно уютной, и, очевидно, именно это ему и не понравилось.

– Мистер Вустер? – спросил Роуботем. – А могу я называть вас «товарищ Вустер»?

– Простите?

– Разве вы не член нашего движения?

– Ну.. э-э-э...

– Но вы всем сердцем сочувствуете Революции?

– Не сказал бы, что всем. Ведь суть революции в том, чтобы перерезать горло таким, как я, а меня такая перспектива не устраивает.

– Я над ним работаю, – вмешался Бинго. – Я с ним борюсь. Еще несколько сеансов, и он – наш.

Старик Роуботем с некоторым сомнением взглянул на меня.

– Товарищ Литтл обладает незаурядным красноречием, – признал он.

– Он просто чудо как говорит, – сказала девушка, и Бинго взглянул на нее с таким обожанием, что я чуть не треснул его по лбу от досады. И товарища Бата это замечание изрядно расстроило. Он хмуро уставился на ковер и пробормотал что-то насчет игры с огнем.

– Кушать подано, сэр, – объявил Дживс.

– Кушать, папа! – встрепенулась Шарлотта, точно старая полковая лошадь при звуке кавалерийской трубы; и все поскакали к столу.

Забавно, как люди меняются с годами. В школьные годы я без колебаний отдал бы свою бессмертную душу за яичницу и сардины в пять часов пополудни; но в более зрелом возрасте мой аппетит поутих; должен признаться, я был потрясен, когда увидел, с каким пылом дети Революции принялись метать в рот все, что было на столе. Даже товарищ Бат позабыл на время про свою печаль и был целиком поглощен яичницей, выныривая на поверхность лишь для того, чтобы попросить еще чашку чая. Вскоре у нас вышел весь кипяток, и я повернулся к

Дживсу.

– Принесите кипяток, Дживс.

– Слушаюсь, сэр.

– Эй! Это что еще такое? – Роуботем поставил чашку на стол и сурово взглянул на меня.

Потом потрепал Дживса по плечу. – К чему это раболепие, сынок?

– Простите, сэр?

– И не говори мне «сэр». Называй меня просто «товарищ». Знаешь, кто ты такой, сынок?

Ты типичный пережиток распавшейся феодальной системы отношений.

– Как прикажете, сэр.

– У меня просто кровь закипает в жилах, когда...

– Возьмите еще сардину, – вмешался Бинго: первый разумный поступок за долгие годы нашего знакомства. Старик Роуботем взял три и забыл, что хотел сказать, а Дживс удалился на кухню. Но видно было по выражению его спины, какие чувства он испытывает.

И вот, когда мне уже стало казаться, что эта пытка никогда не кончится, чаепитие подошло к концу Я очнулся и увидел, что гости собираются уходить.

Сардины и шесть чашек чая смягчили суровость старого Роуботема. Пожимая мне на прощание руку, он взглянул на меня вполне дружелюбно.

– Позвольте поблагодарить вас за гостеприимство, товарищ Вустер, -сказал он.

– Ну что вы! Не стоит... Всегда рад...

– Гостеприимство? – фыркнул Бат, и его зычный голос ударил по моим барабанным перепонкам, точно взрывная волна от фугасной бомбы. Он мрачно уставился на Бинго и девушку, которые весело хохотали около окна. -Удивляюсь, как только у вас кусок не застрял в горле! Яйца! Оладьи! Сардины! Все это вырвано изо рта изголодавшихся бедняков!

– Ну, что вы! Как вы могли подумать!

– Я пришлю вам литературу о целях нашего движения, – сказал Роуботем. – И надеюсь, что вскоре вы примете участие в наших митингах.

Когда Дживс пришел убирать со стола, он застал лишь дымящиеся руины. Несмотря на гневные филиппики, которые товарищ Бат произнес по поводу кулинарных излишеств, он благополучно прикончил всю ветчину; а оставшегося джема не хватило бы даже на то, чтобы смазать тонким слоем последний уцелевший кусочек хлеба и положить в рот изголодавшегося бедняка.

– Ну как, Дживс, – спросил я. – Что скажете?

– Я предпочел бы не высказывать свое мнение, сэр.

– Мистер Литтл влюблен в эту женщину, Дживс.

– Я это понял, сэр. Она только что отшлепала его в коридоре.

– Отшлепала?!

– Да, сэр. В шутку, сэр.

– Боже милостивый! Я и не знал, что дело зашло так далеко. И как воспринял это товарищ Бат? Или он ничего не заметил?

– Заметил, сэр. Он присутствовал там на протяжении всей процедуры. Мне показалось, что он был вне себя от ревности.

– Его можно понять! Хорошо, Дживс, что же нам делать?

– Не могу вам сказать, сэр.

– По-моему, это уж слишком.

– Именно так, сэр.

Вот и все утешение, которое я получил от Дживса.

Пэлем Гринвел Вудхауз

Без замены штрафом

Дживс и Вустер

Судья надел пенсне, долго его поправлял, потом посмотрел на нас и сообщил нам дурные новости:

– Подсудимый Вустер, – сказал он (о, кто сможет описать мои ощущения в этот миг!), – приговаривается к уплате штрафа в пять фунтов.

– Великолепно! – воскликнул я. – Я готов хоть сейчас.

Я был очень рад ликвидировать неприятности с правосудием за столь умеренную плату. Я окинул взглядом море голов в судебном зале и, как на островке спасения, остановил свой взгляд на Дживсе.

– Послушайте, Дживс! – крикнул я. – Есть у вас пять фунтов?

– Не переговариваться с публикой! – остановил меня судебный пристав.

– То есть как это? Должен же я достать деньги! Есть пять фунтов, Дживс?

– Есть, сэр.

– Прекрасно.

– Вы что, друг подсудимого? – уставился на него судья.

– Его покорный слуга, ваша милость.

– Тогда внесите штраф клерку.

– Хорошо, ваша милость.

Судья кивнул головой в мою сторону. В средние века после этого жеста с заключенного снимали восемнадцать тонн цепей и испанские сапоги, наскоро вставляли остатки костей и выпускали на свидание с любящей семьей. Увы, теперь это делается гораздо менее торжественно!

Судья опять надел свое пенсне и грозно взглянул на Сиппи.

– Хуже обстоит дело другого подсудимого, – продолжал судья. – Он совершил нападение на полисмена при исполнении им своих служебных обязанностей. Согласно показаниям полисмена, подсудимый нанес ему удар в область желудка и препятствовал ему выполнять свой долг. Я допускаю, что в день гребных состязаний между университетами Кембриджа и Оксфорда позволительно несколько более развязное поведение, чем обычно, но такое вопиющее хулиганство не может быть оправдано ничем. Посему вышеназванный подсудимый приговаривается к лишению свободы на тридцать дней без замены штрафом.

– Нет, позвольте! Я не согласен, – протестовал бедняга Сиппи.

– Молчание! – возгласил судебный пристав.

– Следующее дело! – бесстрастно объявил судья.

Насколько мне не изменяет память, дело было так.

Раз в году я обычно забываю обо всем на свете и вспоминаю дни прошедшей юности. Это бывает в день гонок между Оксфордом и Кембрижем. И вот в такой день я встретился на улице с Сиппи, как раз напротив «Ампира».

Сиппи выглядел почему-то очень мрачно.

– Берти, – говорил он, когда мы с ним шли к Пиккадилли, – моя душа изныла. (Сиппи считает себя писателем, хотя живет на средства старой тетки, и говорит, особенно если выпьет, высоким стилем.) Я не могу преодолеть свою тоску.

– Что с тобой, дружище?

– Завтра я должен ехать и провести три недели с абсолютными идиотами – друзьями моей тетки Веры. Она желает, чтобы я непременно присутствовал.

– Кто же эти друзья тетки? – сочувственно осведомился я.

– Некие Прингли. Я не видел их с десятилетнего возраста, но сохранил о них самые отвратительные воспоминания.

– Дело скверно. Неудивительно, что ты пал духом.

– Весь мир против меня, – жаловался Сиппи. – Что я могу сделать?

Тогда мне в голову пришла гениальная идея.

– Вот что, старина, – сказал я. – Тебе нужно раздобыть полицейский шлем.

– Шлем? Зачем, Берти?

– Я бы на твоём месте не стал терять даром времени, вышел бы на середину улицы и взял бы шлем у полисмена.

– Да, но там внутри голова. Что мне с нею делать?

– Ну так что же?

Сиппи задумался.

– Я думаю, что ты прав, – произнес он, наконец. – Удивительно, как я сам не подумал об этом. Итак, ты мне советуешь взять шлем?

– Советую.

– Хорошо, я так и сделаю, – согласился Сиппи.

Вот почему я вышел из суда свободным человеком, а Оливер Рандольф Сипперлей, юноша двадцати пяти лет, перед которым открывалась блестящая карьера, по моей вине попал в тюрьму. Я счел своим долгом навестить узника. Сиппи сидел, опустив голову, в камере с чисто выбеленными стенами и с деревянной скамьей.

– Ну, как дела, старина? – соболезнующе спросил я.

– Я разорен, – ответил Сиппи жалобно.

– Ерунда, дело не так уж плохо. Ты очень хорошо сделал, что не открыл своего настоящего имени. Твоя фамилия не попадет в газеты.

– Это мне все равно. Меня беспокоит одно: как смогу я провести три недели у Принглей, находясь в тюрьме?

– Но ты же сам говорил, что не хочешь ехать!

– Дело не в моем хотенье, глупая башка! Я должен ехать. Если я не поеду, тетка начнет меня разыскивать и узнает, что меня приговорили на тридцать дней без замены штрафом.

– Н-да, – сказал я, – дело серьезное, и самим нам не найти выхода. Мы должны спросить совета у Дживса.

Я утешил его, как мог, и отправился домой.

– Дживс, – начал я. – Мне надо вам сказать нечто очень важное и существенное. Как вам известно, мистер Сипперлей...

– Да, сэр?

– Сидит.

– Сэр?

– Сидит в тюрьме.

– В самом деле, сэр?

– Сидит благодаря мне. Это я спьяна посоветовал ему снять с полисмена шлем.

– Неужели, сэр?

– У вас однообразные реплики, Дживс. У меня и так голова трещит от всей этой истории. Будьте любезны, кивайте, когда нужно, и только.

Я закрыл глаза и стал излагать ему факты.

– Начать с того, Дживс, что мистер Сипперлей находится в полной материальной зависимости от своей тетки Веры...

– Мисс Сипперлей из Паддока, Беклей-на-Муре, в Йоркшире, сэр?

– Она самая. Вы с ней знакомы?

– Не имею чести, сэр. Но мой кузен, живущий в Паддоке, немного знает ее. Он ее аттестовал как весьма властную и поспешную на решения, сэр... Но прошу прощения, сэр, я должен только кивать головой.

– Правильно, Дживс, но теперь уже поздно.

И я сам кивнул головой. Я не выспался, и на меня по временам нападала летаргия.

– Да, сэр?

– Ах, да, да! – встрепенулся я. – На чем мы остановились?

– На материальной зависимости мистера Сипперлея, сэр, от его тетки.

– Правильно. Вы понимаете, Дживс, что он должен быть почтительным племянником.

Дживс кивнул головой в знак согласия.

– Теперь дальше. Слушайте внимательно. Недавно она предлагала Сиппи выступить в качестве певца на деревенском концерте, и он не мог отказаться. Вы меня понимаете, Дживс?

Дживс кивнул головой.

– Что ему оставалось делать, Дживс? Он написал ей, что рад бы был выступить на ее концерте, но, к несчастью, редактор поручил ему написать серию очерков о Кембридже; он должен уехать не меньше, чем на три недели. Понятно?

Дживс кивнул головой.

– Тогда, Дживс, мисс Сипперлей ответила ему, что она понимает, что сперва долг, а потом уже удовольствие, – причем под удовольствием она подразумевала пение Сиппи. Но в Кембридже пусть он остановится у ее друзей Принглей. Она написала им, чтобы они ждали ее племянника к двадцать восьмому. А теперь мистер Сипперлей в тюрьме. Что делать? Я на вас надеюсь, Дживс.

– Постараюсь оправдать ваше доверие, сэр.

– Постарайтесь, Дживс. Закройте шторы, потушите свет, дайте мне туфли, выдумывайте план, и я буду вас слушать хоть два часа. Если кто-нибудь придет, сообщите, что я умер.

– Умерли, сэр?

– Да, умер.

Я проснулся только вечером. На мой звонок явился Дживс.

– Я заходил дважды, сэр, но вы спали, и я не хотел вас беспокоить.

– И хорошо сделали, Дживс. Ну?

– Я тщательно обдумал все, сэр, и вижу лишь один выход.

– Довольно и одного. Какой же?

– Вы должны ехать в Кембридж вместо мистера Сипперлея, сэр.

Я с изумлением уставился на него.

– Дживс, – сердито сказал я, – вы говорите вздор!

– Я не вижу никакого другого выхода, сэр.

– Подумайте! Даже я, после суда и бессонной ночи, вижу всю непригодность вашего предложения. Как я могу заменить Сиппи? Ведь они меня не знают совсем.

– Тем лучше, сэр. Вы поедете в качестве мистера Сипперлея, сэр.

Это уже слишком!

– Дживс, – сказал я чуть ли не со слезами, – вы сами должны понимать, что это ерунда.

– Я полагаю, сэр, что это самый практичный план. Пока вы спали, сэр, я навестил мистера Сипперлея, и он меня информировал, что профессор Прингль и его супруга не видели его с десятилетнего возраста.

– Верно, он мне сам это говорил. Но они засыплют меня вопросами о моей, то есть его тетке. Что я буду отвечать?

– Мистер Сипперлей любезно сообщил мне все сведения о мисс Сипперлей, и я записал. Я думаю, вы сможете ответить на все вопросы, сэр.

Дживс обладает дьявольской способностью убеждать. На этот раз он убеждал меня целых пятнадцать минут, пока не добился своего

– Смею заметить, сэр, что вы должны выехать как можно скорее, во избежание неприятных разговоров.

– Каких разговоров?

– За последний час, сэр, миссис Грегсон трижды звонила вам по телефону, желая говорить с вами. Я не осмелился сказать ей, что вы скоростижно скончались, во избежание недоразумений.

– Тетя Агата! – побледнел я.

– Да, сэр. Из ее слов я мог заключить, что она читала газеты с отчетом о разборе вашего дела.

Куда угодно, хоть к черту на кулички, только не к тете Агате!

– Дживс, – сразу согласился я, – довольно слов, надо действовать! Скорей укладывайте вещи!

– Есть, сэр.

– Посмотрите, когда идет ближайший поезд на Кембридж.

– Через сорок минут, сэр.

– Вызовите такси.

– Ждет у подъезда.

– Отлично, – сказал я. – Едем!

Дача Принглей находится в двух милях от Кембриджа по Трэмпингтонской дороге. Я приехал как раз к обеду.

Я старался держаться весело и беззаботно, чтобы заглушить внутреннюю тревогу.

Сиппи описывал мне Принглей как самых старомодных людей Англии, и я увидел, что он прав. Сам профессор Прингль был худой, 'лысый и унылый старик с одним бычачьим глазом, а у миссис Прингль был вид женщины, получившей дурные известия в 1900 году, да так и застывшей в своей скорби. Я уже оправился от испуга, когда меня представили двум старухам в чепцах.

– Вы, наверно, помните мою маму, – печально сказал профессор, подводя меня к первой развалине.

– О, да! – пробормотал я, стараясь улыбнуться.

– ...и мою тетю, – вздохнул профессор, точно с каждой минутой дела шли все хуже и хуже.

– О, да! – пропел я, подходя ко второй развалине.

– Только сегодня утром они вспоминали вас, – вздохнул профессор, теряя всякую надежду.

Пауза. Глаза обеих развалин устремлены на меня, как глаза призраков у Эдгара По, и я чувствовал, как исчезает моя жизнерадостность.

– Я помню Оливера, – проскрипела первая руина. – Он был милым ребенком. Как жаль! Как жаль!

Это было, по ее мнению, весьма тактичное выступление, чтобы подбодрить молодого гостя.

– И я помню Оливера, – прошамкала вторая руина, смотря на меня так, как судья смотрел на Сиппи. – Очень шаловливый мальчик! Он мучил мою кошку.

– У тети Джен прекрасная память, несмотря на ее 87 лет, – с печальной гордостью шепнул профессор.

– Что ты говоришь там? – подозрительно спросила вторая развалина.

– Я сказал, что у вас прекрасная память, – всхлипнул профессор.

– Ага! – она опять грозно взглянула на меня. – Он гонял мою бедную кошечку по саду и стрелял в нее из лука.

В этот момент из-под кушетки вылезла кошка и приблизилась ко мне. Я нагнулся, чтобы почесать ей за ухом. Старуха испустила душераздирающий вопль:

– Держите! Держите его!

Она бросилась вслед с удивительной для ее лет резвостью, подхватила кошку и яростно посмотрела на меня.

– Я очень люблю кошек, – оправдывался я. Симпатии присутствующих были явно не на моей стороне. В этот момент в комнату вошла девушка.

– Моя дочь Элоиза, – сказал профессор скорбно, точно это сообщение причиняло ему боль.

Вам, вероятно, приходилось видеть лица, перед которыми вдруг столбенеешь. Однажды, играя в гольф в Шотландии, я в отеле столкнулся с дамой, как две капли воды похожей на мою тетю Агату. А в другой раз я опрометью вылетел ночью из ресторана, потому что метрдотель был вылитый дяди Перси.

Ну, так Элоиза Прингль была точной копией Гонории Глоссоп.

Не помню, рассказывал ли я вам о Гонории, дочери доктора Родрика Глоссоба. Меня хотели на ней женить, и ее отцу пришло в голову, что я интересный объект для экспериментов с пчелиным ядом. С тех пор при одном воспоминании о Гонории я просыпаюсь в холодном поту.

– Как поживаете? – растерянно пробормотал я.

– Здравствуйте!

Даже и голос Гонории! Такой же властный, похожий на голос укротительницы львов. Я попятился назад. Пронзительный визг огласил комнату. За ним раздался вопль негодования. Я обернулся и увидел, что тетя Джен с воплями лезет под кушетку, куда скрылась

раздавленная мною кошка. Старуха бросила на меня такой взгляд, что я почувствовал, что мои худшие предположения начинают сбываться.

К счастью, в этот момент подали обед.

– Дживс, – говорил я вечером, – я человек не робкий, но чувствую, что ничего хорошего из этого не выйдет.

– Вы недовольны своим визитом, сэр?

– Недоволен, Дживс. Вы видели мисс Прингль?

– Да, сэр, издалека.

– Самое лучшее смотреть на нее издали. Вы хорошо ее рассмотрели?

– Да, сэр.

– Она вам напоминает кого-нибудь?

– У нее удивительное сходство с мисс Глоссоп, ее кузиной, сэр.

– Ее кузиной?! Значит...

– Да, сэр, миссис Прингль – урожденная мисс Блаттервик, младшая из двух сестер.

Старшая вышла замуж за сэра Родрика Глоссопа.

– Теперь я понимаю причину сходства...

– Да, сэр.

– Сходство поразительное, Дживс, даже голос похож.

– Да, сэр? Я не слышал, как говорит мисс Прингль.

– Не много потеряли, Дживс. Я нахожу, что и самоотверженность имеет свои границы.

Я, пожалуй, вынесу профессора с женой, с двумя развалинами. Но ежедневно встречаться с мисс Элоизой и вместо вина пить за столом лимонад -свыше моих сил! Что мне делать, Дживс?

– Я полагаю, что вы должны по возможности избегать общества мисс Прингль, сэр.

– Я тоже так думаю, – ответил я.

Легко сказать: избегать встреч с женщиной! А если вы живете в одном доме, и она совсем не хочет избегать встреч с вами, – что тогда? Скоро я заметил, что она настойчиво ищет моего общества.

Она из той породы девушек, с которыми случайно сталкиваешься на лестнице и в коридорах. Я входил в комнату, через минуту появлялась и она. Стоило мне спуститься в сад, она выпрыгивала из-за куста или смущенно поднималась со скамейки. Через десять дней я чувствовал себя затравленным.

– Дживс, меня затравили! – завопил я.

– Сэр?

– Эта женщина охотится за мной. Я никогда не бываю наедине. Старик Сиппи ехал сюда изучать кембриджские колледжи, и она меня сегодня утром протащила сквозь сорок семь колледжей! Днем я отдыхал в саду, и она появилась, как из-под земли. Вечером она загнала меня в уборную. Право, я не уверен, что, начав мыться, не обнаружу ее в своей мильнице.

– Это утомительно, сэр.

– Чертовски утомительно, Дживс. Есть какое-нибудь противоядие?

– В данный момент не имеется, сэр. По всей видимости, мисс Прингль очень заинтересована вами, сэр. Сегодня утром она задала мне ряд вопросов касательно вашего образа жизни в Лондоне, сэр.

– Что?

– Да, сэр.

Я в ужасе посмотрел на него. Страшная мысль промелькнула у меня в голове, и я задрожал, как осиновый лист.

Я вспомнил, что случилось за завтраком. Покончив с котлетами, я откинулся в кресло передохнуть перед пудингом и вдруг увидел, что Элоиза рассматривает меня весьма пристально. Тогда я не придал этому значения потому, что пудинг привлек к себе все мое внимание. Но теперь этот случай показался мне многозначительным. Да-да, именно такой взгляд был у Гонории Глоссоп за несколько дней до нашей помолвки, взгляд тигрицы, намечающей себе жертву!

– Дживс, знаете что я думаю?

– Сэр?

– Слушайте внимательно, Дживс. Я не хвастун и не покоритель сердец, но почему-то в моем присутствии девушки начинают усиленно поправлять прическу и двигать бровями. Но вы же знаете, что я не поднимаю тревоги зря, не правда ли?

– Да, сэр.

– Но, Дживс, наукой установлено, что есть сорт девушек, питающий слабость к такому сорту молодых людей, как я.

– Справедливо, сэр.

– Я убежден, что обладаю не меньше, чем пятьюдесятью процентами мозгов, полагающихся нормальному человеку моего возраста. Мисс Элоиза, на мой взгляд, имеет свыше двухсот процентов. Что мне делать, Дживс?

– Быть может, это закон природы. Равновесие сил, сэр.

– Возможно. Но это не простая случайность, Дживс. Так было и с Гонорией Глоссоп. Она одна из умнейших девиц. Она выдрессировала меня, как собачонку.

– По моим сведениям, сэр, мисс Прингль училась еще лучше, чем мисс Глоссоп.

– Ну, вот видите! Дживс, она на меня смотрит!

– Да, сэр.

– Я встречаю ее на лестницах и в коридорах!

– В самом деле, сэр?

– Она рекомендует мне книги для чтения.

– Дело плохо, сэр.

– А сегодня за завтраком, когда я погрузился в салат, она заявила, что я не должен есть салат, потому что в нем такое же количество микробов, как в дохлой крысе. Каково? Она уже заботится о моем здоровье.

– Полагаю, сэр, что дело серьезно.

Я в отчаянии упал в кресло.

– Что же делать, Дживс?

– Мы должны подумать, сэр.

– Думайте вы один, Дживс. Я не так скор на соображение.

– Я постараюсь, сэр, обдумать все самым внимательным образом и смею надеяться, что найду выход.

Раз Дживс обещал, я могу быть спокоен. Но все же положение очень серьезно.

На следующее утро мы посетили еще шестьдесят три кембриджских колледжа, и после завтрака я заявил, что пойду в свою комнату. Забрав книгу и папиросы, я вылез в окно и

спустился в сад по водосточной трубе. Я стремился пробраться в беседку, где ни одна живая душа не помешала бы мне насладиться заслуженным отдыхом.

В саду светило солнце, цвели крокусы, и нигде не было видно Элоизы Прингль. На лужайке резвилась кошка. Я позвал ее, она большими прыжками бросилась мне навстречу. Я взял ее на руки и стал чесать ей за ухом. Вдруг раздался страшный крик, и из окна высунулась тетка Джен. Последовало общее смятение.

– Ничего, ничего, – пробормотал я, выпустил из рук кошку, которая галопом понеслась в кусты, и, с трудом поборов искушение запустить кирпичом в ее хозяйку, продолжал свой путь к беседке.

Только что я успел закурить, как на мою книжку упала тень и передо мной появилась мисс Элоиза.

– А, вот вы где, – сказала она и, сев рядом со мною, выдернула у меня изо рта папиросу и выбросила ее за дверь. – Вы всегда курите, – заметила она тоном молодой невесты. – Я не хочу, чтобы вы курили. Вам вредно. Потом, вам нельзя сидеть тут без пальто, вы можете простудиться. Ах, вам необходимо иметь человека, который бы заботился о вас!

– У меня есть Дживс.

– Я его не люблю, – возразила она.

– Почему?

– Не знаю. Я надеюсь, что вы его отпустите.

Я похолодел от страха. Гонория тоже невзлюбила Дживса и требовала его увольнения.

– Что вы читаете?

Она взяла мою книгу и поморщилась. Книга была детективным романом «Кровавое преступление». Элоиза перелистала ее.

– Неужели вам нравится такая ерунда? – презрительно сказала она и вдруг вскрикнула: – Боже мой!

– Что случилось?

– Вы знаете Берти Вустера?

На книге было написано мое имя.

– Да... немного...

– Как это ужасно! Я удивляюсь, что у вас такие друзья. Ведь он круглый дурак! Он был недолгое время женихом моей кузины Гонории, и свадьба расстроилась потому, что он оказался полусумасшедшим. Дядя Родрик расскажет вам об этом. И часто вы с ним встречаетесь?

– Не очень.

– На днях я читала в газетах, что он судился за какой-то скандал на улице.

– Я слышал.

Она посмотрела на меня ласковым материнским взором.

– Он, наверно, дурно влияет на вас. Я хочу, чтобы вы с ним порвали. Вы сделаете это... для меня?

– Да...

В этот момент старый кот Кутберт, которому, видно, надоело сидеть в кустах, вошел в беседку и прыгнул ко мне на колени.

Я очень ему обрадовался – все-таки я не совсем с ней наедине.

– Славный кот, – сказал я весело.

– Вы порвете с Вустером? – настойчиво повторила Элоиза.

– Это... не так легко...

– Глупости. Немного силы воли. Дядя Родрик говорит, что это неисправимый шалопай. Я бы тоже порассказал кое-что про дядю Родрика, если бы мог.

– Вы очень изменились после нашей. последней встречи, – вкрадчиво сказала Элоиза и, наклонившись, стала почесывать коту другое ухо. – Помните, когда мы играли детьми, вы мне говорили, что когда вырастете большой, то сделаете мне...

– Неужели говорил?

– Как вы мучились, когда я рассердилась и не позволила вам поцеловать меня.

Она явно лгала, но это ничуть не улучшало мое положение. Я отодвинулся и еще усерднее гладил кота.

И вдруг... Вы знаете, что происходит в театре, если среди спектакля вдруг крикнут «пожар»? Подобная же паника овладела мною, когда я вдруг почувствовал, что ко мне прижалось теплое плечо и моей щеки коснулся локон мисс Элоизы. Очевидно, она собирается вызвать меня на поцелуй!

– Неужели? – хрипло пробормотал я.

– Неужели вы забыли?

Элоиза взглянула мне прямо в глаза. Я поспешил зажмуриться. И когда за дверями раздался голос старухи: «Отдайте мою кошку!» – я открыл глаза. Тетя Джен, моя спасительница, глядела на меня так, точно застала меня за вскрытием живота старого Кутберта.

Я воспользовался замешательством и скрылся. Уже за дверью я снова услышал голос старухи:

– Он стрелял из лука в моего Тибби!

Что ответила ей Элоиза, я не слышал.

Несколько дней прошли спокойно. Я сравнительно редко видел Элоизу и оценил стратегические преимущества водосточной трубы перед окном: я редко выходил из дома другим путем. Мне начинало казаться, что, если так пойдет и дальше, я как-нибудь дотяну свои три недели. Однажды вечером мистер профессор, миссис профессорша, обе руины и мисс Элоиза сидели в гостиной. Кот спал на ковре, канарейка – в своей клетке. Ничто не указывало на то, что этот вечер будет для меня роковым.

– Отлично, – весело приветствовал я общество. (Я люблю, чтобы все были веселы, и всегда первый подаю пример.)

Мисс Элоиза вопросительно посмотрела на меня.

– Где вы пропадали весь день? – спросила она.

– После завтрака – в своей комнате.

– В пять вас там не было.

– Да, после работы я пошел прогуляться.

– *Mens sana in corpore sano*, – добавил профессор.

– Вполне понятно, – отозвался я.

– Родрик что-то опаздывает, – вдруг объявила профессорша.

– Какой Родрик? – пробормотал я в ужасе.

– Брат моей жены, сэр Родрик Глоссоп, должен сегодня к обеду приехать, – подтвердил печально профессор. – Он завтра читает лекцию в Кембридже.

Не успел я прийти в себя, как дверь распахнулась.

– Сэр Родрик Глоссоп, – доложила горничная.

И он вошел.

У доктора Глоссоба огромный лысый череп и глаза навывкате, никогда не сужающиеся до нормальной величины. Неудивительно, что он внушает мне ужас.

Сначала он меня не заметил. Он поздоровался с профессором и профессоршей, расцеловал Элоизу и почтительно склонился перед развалинами.

– Боюсь, что я запоздал, – сказал он. – В дороге случилась поломка, и мой шофер...

Вдруг он увидел меня и слегка вскрикнул от изумления.

– Это... – слабо начал профессор, намереваясь представить меня.

– Я уже знаком с мистером Вустером.

– Это, – тянул свое профессор, – племянник мисс Сипперлей – Оливер. Вы помните мисс Сипперлей?

– То есть как это? – пролаял сэр Родрик. Постоянная возня с сумасшедшими выработала в нем резкость. – Что вы говорите о мисс Сипперлей? Это Бертрам Вустер.

Профессор удивленно уставился на меня. За ним – все остальные. Пренеприятное положение!

– Дело, видите ли, в том... – начал я.

– Он нам представился как Оливер Сипперлей, – заявил профессор.

– Подойдите, молодой человек! – скомандовал сэр Родрик. – Насколько я понял, вы явились сюда, выдавая себя за племянника старого друга семьи?

– Видите ли... – промямлил я.

Сэр Родрик смерил меня с головы до ног пронзительным взглядом.

– Он ненормален! Сумасшедший! – изрек он. – Я это сразу увидел.

– Что он сказал? – проскрипела тетя Джен.

– Родрик сказал, что молодой человек – сумасшедший, – крикнул ей в ухо профессор.

– Ага, – закивала она головой. – Я тоже так думала. Он лазит по трубам.

– По трубам?

– По трубам. Я не раз его видела.

Сэр Родрик свирепо засопел.

– Он должен быть под наблюдением врача. Его нельзя оставить на свободе! Сегодня он лазит по водосточным трубам, а завтра убьет человека.

Я не выдержал. Я должен объясниться! Все равно Сиппи пропал!

– Позвольте мне объяснить... Сиппи просил меня поехать.

– Что вы хотите сказать?

– Он не мог поехать сам, потому что сидит в тюрьме из-за полицейского шлема.

Было нелегко убедить их в правдивости моей истории, и, даже убедив их, я все же заметил, что наши отношения испорчены навсегда. Я поспешил удалиться.

– Дживс, – сказал я, – все пропало.

– Сэр?

– Они знают, кто я.

– Остается только сделать последний шаг, сэр.

– Какой еще шаг?

– Увидеться с мисс Сипперлей, сэр.

– Зачем?

– Я полагаю, сэр, что лучше вам самому предупредить ее о случившемся, прежде чем

она услышит об этом в превратном освещении. Вы должны сделать все, что в ваших силах, для бедного мистера Сипперлея.

– Да, конечно... Если вы думаете, что так лучше...

– Я надеюсь, что мисс Сипперлей сменит гнев на милость.

– Вы думаете?

– Да, сэр. Нужно только проехать сто пятьдесят миль. Я уже заказал автомобиль, сэр.

Быть за полтора миль от профессора, от развалин, особенно от мисс Элоизы! Какое счастье!

Паддок, Беклей-на-Муре, находится почти рядом с деревней. На следующее утро, после завтрака в деревенской гостинице, я отправился туда. Две недели пребывания у мисс Элоизы закалили меня. И потом, какова бы ни показалась мисс Сипперлей, она все же не сравняется с сэром Родриком Глоссопом!

В саду я заметил старушку с лейкой и направился прямо к ней.

– Мисс Сипперлей? – спросил я.

– Кто вы такой?

– Вустер. Друг вашего племянника Оливера. Я привез известие о нем.

– Что с ним случилось?

Дело, очевидно, приближалось к развязке, и требовалась особая осторожность.

– Должен предупредить вас, что это тяжелое известие, – осторожно начал я.

– Оливер болен?

Она испугалась, следовательно, в ней остались человеческие чувства.

– О, нет, он не болен. Но с ним случилось маленькое несчастье. Он в тюрьме.

– Где?

– В тюрьме.

– В тюрьме?

– Увы, по моей вине. Мы гуляли по улице в ночь университетских гонок, и я посоветовал ему снять шлем с полисмена.

– Не понимаю...

– Ему это показалось забавным. Он сорвал шлем с полисмена и подрался с ним.

– С полисменом?

– Он ударил его в живот.

– Мой племянник Оливер... Полисмена?... В живот?

– Да, в живот. А наутро судья присудил его на тридцать дней без замены штрафом.

Я ожидал, что старуха рассердится, но вместо этого она вдруг принялась хохотать, как сумасшедшая. Хорошо, что сэр Родрик находился за полтора миль отсюда. Иначе он запрятал бы ее в сумасшедший дом.

– Вы очень огорчены? – осторожно спросил я.

– Огорчена? В жизни моей не слышала такой уморительной штуки! Я им горжусь.

– Чудесно...

– Если бы каждый молодой человек бил полисмена в живот, Англия стала бы лучшей страной в мире.

– Дживс, – сказал я, возвратившись в гостиницу. – Все в порядке. Но я никак не пойму, почему так случилось.

– А что произошло у мисс Сипперлей, сэр?

– Я ей рассказал, что Сиппи попал в тюрьму, а старуха стала хохотать и объявила, что гордится своим племянником.

– Мне кажется, я могу объяснить эксцентричное поведение мисс Сипперлей, сэр. Мисс Сипперлей только что имела столкновение с здешним констеблем, сэр, и теперь она питает предубеждение против полиции вообще.

– Вот как? Почему же?

– Констебль за последние десять дней составил не меньше трех протоколов на мисс Сипперлей: за быструю езду, за прогулку с собакой без ошейника, за невычищенные дымоходы. Мисс Сипперлей возмущена поведением констебля и теперь ненавидит всю полицию.

– Удивительно повезло, Дживс.

– Да, сэр.

– Откуда вы все это знаете?

– От самого констебля, сэр. Это мой кузен.

– Дживс! Это вы все устроили! Вы его подкупили?

– О, нет, сэр. Но на прошлой неделе, в день рождения я сделал ему маленький подарок. Я всегда любил Эгберта.

– Сколько?

– Около пяти фунтов, сэр.

Я полез в карман.

– Получите. И еще пять за вашу находчивость.

– Очень благодарен, сэр.

– Дживс, вы необыкновенный человек. Кстати, вы ничего не будете иметь против, если я немного попою на радостях?

– Пожалуйста, сэр.

Пэлем Гринвел Вудхауз

Командует парадом Дживс

Дживс и Вустер

Да, так насчет Дживса – знаете его? Мой камердинер. Многие считают, что я чересчур на него полагаюсь, тетя Агата – та даже вообще называет его «твоя няня». А по-моему, ну и что? Если он гений. Если он от воротничка до макушки на голову выше всех. Через неделю после того, как он ко мне поступил, я полностью передоверил ему ведение всех моих дел. Это было лет пять назад, тогда у меня как раз произошла довольно удивительная история с Флоренс Крэй, рукописью дяди Уиллоуби и бойскаутом Эдвином.

Началось все, когда я возвратился в «Уютное», дядину шропширскую усадьбу. Я имел обыкновение гостить там недельку-другую каждое лето, но в тот год мне понадобилось срочно прервать свое пребывание в Шропшире и съездить в Лондон – нанять нового камердинера. Медоуз, человек, который у меня был, попался на краже моих шелковых носков, чего ни один мужчина и спортсмен не потерпит ни за какие коврижки. К тому же выяснилось, что он еще прибрал к рукам кое-какие вещи в доме. Словом, мне пришлось бросить злодею за носки перчатку и обратиться в лондонскую контору по найму, дабы мне представили на рассмотрение другой экземпляр. И мне прислали Дживса.

В жизни не забуду то утро, когда он явился. Случилось так, что накануне я принимал участие в довольно бойком застолье и с утра был немного не вполне. Да вдобавок я еще держал перед глазами и старался читать книгу, которую получил от Флоренс Крэй. Она тоже гостила тогда в «Уютном», и дня за два до моего отбытия в Лондон мы с ней обручились. В конце недели я должен был вернуться, и она, конечно, ожидала, что к этому сроку книга будет мною проштудирована. Дело в том, что Флоренс Крэй решила во что бы то ни стало подтянуть мой интеллект поближе к своему уровню. Она была девушка с чудесным профилем, но по жабры погружена в высшие материи. А чтобы вам было понятно, о чем речь, скажу, что книга, которую она мне дала, называлась «Типы этических категорий», и, в первый раз открыв ее наобум, я прочитал сверху страницы следующее:

«Постулаты, или исходные предпосылки речи, безусловно, коэкстенсивны по задачам социальному организму, инструментом которого является язык, служа тем же целям».

Это все, несомненно, истинная правда, но не слишком полезная для приема внутрь и с утра пораньше на больную голову.

Сижу я и прилагаю титанические усилия к тому, чтобы ознакомиться с этой занятной книжицей, и тут звонок. Сползаю с дивана, отпираю дверь – на пороге какой-то субъект, волосы черные, вид почтительный.

– Меня прислала контора по найму, сэр, – говорит он. – Мне дали понять, что вам нужен камердинер.

Скорее гробовщик, я бы сказал. Но я пригласил его войти, и он, бесшумно вея, проник в комнату, подобно целительному зефиру. Такое впечатление создалось у меня в первую же минуту. Медоуз страдал плоскостопием и бил оземь копытом. А у этого ног как бы вообще

не было. Он просто просочился в квартиру, и лицо его выражало заботу и сострадание, словно ему тоже известно по собственному опыту состояние человека после дружеской попойки.

– Прошу прощения, сэр, – произнес он ласково. И будто испарился. Только что стоял передо мной, миг – и нет его. Послышалась возня в кухне, и вот он уже опять появился со стаканом на подносе.

– Окажите любезность, сэр, – проговорил он, склоняясь ко мне, как врач к больному, как придворный лекарь, подающий стаканчик живительного эликсира занемогшему принцу крови. – Это состав моего личного изобретения. Цвет ему придает соус «Пикан», питательность – сырое яйцо, а остроту – красный перец. Чрезвычайно бодрит, если засиделся накануне, так мне говорили многие.

В то утро я готов был уцепиться за любой спасательный кончик. Стакан этот осушил сразу. В первую минуту ощущение было такое, будто в башке кто-то взорвал мину и полез вниз по пищеводу с горящим факелом в руке, но затем все встало на свои места. Сквозь окно засияло солнце, в древесных кронах зачирикали птички, и вообще заря надежды вновь разрумянила небеса.

– Я вас беру, – выговорил я, как только смог.

Я ясно понял, что этот миляга принадлежит к племени неутомимых заботников, столь незаменимых в каждом доме.

– Благодарю вас, сэр. Моя фамилия – Дживс.

– Вы можете приступить сразу?

– Незамедлительно, сэр.

– Послезавтра нам надо быть в Шропшире в усадьбе «Уютное».

– Очень хорошо, сэр. – Его взгляд соскользнул на каминную полку у меня за спиной. – Прекрасный портрет леди Флоренс Крэй, сэр. Я видел ее сиятельство последний раз два года назад. Я некоторое время состоял в услужении у лорда Уорплсдона, но вынужден был отказаться от места ввиду желанья его сиятельства обедать в вечерних брюках, фланелевой рубашке и охотничьей куртке.

Он мог не трудиться мне объяснять: чудачества старика были известны повсеместно вдоль и поперек. Этот лорд Уорплсдон – не кто иной, как папаша Флоренс. Тот самый бузотер преклонных годов, который через пару лет сошел в одно прекрасное утро к завтраку, поднял первую попавшуюся крышку и с воплем «Яичница! Яичница и яичница! Чтоб ей пусто было!» рванул во Францию, откуда так никогда больше и не возвратился в лоно семьи. Для лона семьи, впрочем, это была большая удача, ибо хуже норова, чем у старика Уорплсдона, не найдется во всем графстве.

С их семейством я знаком, можно сказать, с пеленок и перед старым Уорплсдоном испытываю животный ужас, который сохранил с тех еще пор, когда был мальчишкой. Время, великий целитель, так и не смогло изгладить у меня из памяти тот случай, когда старый лорд застиг меня, пятнадцатилетнего недоросля, в конюшне за курением сигары из его спецзапаса и бросился на меня с охотничьим хлыстом, в то время как мне было совсем не до того, душа жаждала одиночества и покоя, а он гнал меня добрую милю по пересеченной местности! Если в высшем блаженстве быть обрученным женихом Флоренс мыслим какой-то изъяз, этим изъязом можно счесть разве лишь то обстоятельство, что она пошла до некоторой степени в папеньку и нельзя предугадать, в какой миг она взорвется. Но профиль у нее чудесный.

– Мы с леди Флоренс обручены, Дживс, – сообщил я.

– В самом деле, сэр?

И знаете, в его тоне просквозило что-то такое слегка настораживающее. Все вроде бы как надо, корректно и чин чинарем, но восторга определенно не слышно. Впечатление такое, будто Флоренс не совсем в его вкусе. Ну, мне-то что за дело. Наверно, когда он служил у старика Уорплсдона, она как-то успела наступить ему на мозоль. Флоренс – обаятельная девушка и в профиль потрясающе хороша собой; но если у нее можно найти недостаток, то это несколько темпераментное обращение с прислугой.

Между тем в дверь снова позвонили. Дживс исчез в прихожей и вернулся с телеграммой в руке. Я вскрыл ее. Там значилось:

«Возвращайтесь немедленно первым поездом. Неотложное дело. Флоренс».

– Чудно, – сказал я.

– Сэр?

– Да нет, ничего.

Я не стал дальше обсуждать с Дживсом ситуацию, что показывает, как плохо я еще тогда его знал. Теперь-то мне и в голову бы не пришло прочитать непонятную телеграмму и не поинтересоваться, что о ней думает Дживс. А эта телеграмма была дьявольски загадочна. То есть: Флоренс прекрасно знала, что послезавтра я так и так приеду обратно в «Уютное», к чему в таком случае этот экстренный вызов? Очевидно, что-то случилось. Но что могло случиться, я просто представить себе не мог.

– Дживс, – говорю я, – сегодня после обеда мы едем в «Уютное». Вы управитесь?

– Безусловно, сэр.

– Успеете уложить чемоданы и все такое?

– Без труда, сэр. Какой костюм вы наденете в дорогу?

– Вот этот.

На мне в то утро был костюм в довольно веселенькую молодежную клетку, я к нему питал некоторую слабость; вернее даже сказать, он мне просто очень нравился. Цвета, может быть, на первый взгляд довольно неожиданные, но в целом костюмчик более чем недурен, в клубе и в других местах многие не таясь восхищались.

– Очень хорошо, сэр.

И снова нечто такое эдакое в голосе. Как-то он по-особенному это сказал. Ну вы понимаете. Костюм ему явно не нравился. Тут я собрался с силами и решил твердо постоять на своем. Что-то подсказывало мне, что, если я не проявлю осторожность и не задушу его в колыбели, он еще, пожалуй, начнет мною командовать. Судя по внешности, он парень из решительных.

Ну а я ничего подобного допускать был не намерен, черт подери. Мне известно много случаев, когда хозяин становился рабом своего слуги. Помню, Обри Фодергилл как-то вечером в клубе прямо-таки со слезами на глазах жаловался, что вынужден был отказаться от любимых рыжих ботинок просто потому, что они не нравились Микину, его камердинеру. Надо, чтобы эта публика все-таки помнила свое место, знаете ли. Для чего незаменим старый добрый прием «железная рука в бархатной перчатке». Им только дай, та-рам, та-рам, что-то там такое, они отхватят... как там говорится?.. отхватят всю десницу.

– Вам этот костюм не нравится, Дживс? – холодно осведомился я.

– Отнюдь, сэр.

– Чем же он вас не устраивает?

– Превосходный костюм, сэр.

– Тогда в чем дело? Выкладывайте, черт возьми!

– Если позволительно предложить, сэр, гладкий коричневый или синий, может быть, в самый умеренный рубчик...

– Какая полнейшая чушь!

– Очень хорошо, сэр.

– Совершеннейший идиотизм, дорогой мой!

– Как скажете, сэр.

У меня возникло такое чувство, будто сделал шаг вверх по лестнице, а ступеньки уже кончились. Я был полон, так сказать, воинственного задора, но воевать, получается, не с чем.

– Ну, тогда ладно, – сказал я.

– Да, сэр.

И он отправился складывать свое хозяйство, а я вновь обратился к «Типам этических категорий» и решил попробовать силы на главе «Идиопсихологическая этика».

Почти всю дорогу в поезде я ломал голову над тем, что могло случиться. Совершенно непонятно! «Уютное» вовсе не тот одинокий загородный дом из дамских романов, куда заманивают юных дев якобы для игры в баккара, а вместо этого обдирают с них догола все драгоценности и так далее. Когда я уезжал, там собралась теплая компания мирных граждан вроде меня. Да дядя никогда бы и не допустил у себя в доме ничего другого. Он довольно чопорный старый педант и любит, чтобы жизнь шла тихо. В то лето он как раз кончал писать не то свою родословную, не то еще что-то в том же духе и почти безвылазно сидел в библиотеке. Его примером наглядно подтверждается то мудрое житейское правило, что всегда лучше перебеситься смолоду. Я слышал, что в молодью годы дядя Уиллоуби был греховодник, каких мало. А теперь на него посмотреть -нипочем не скажешь.

Когда я вошел в дом, Оукшотт, дворецкий, сообщил мне, что Флоренс у себя в комнате – надзирает за тем, как горничная складывает вещи. Оказывается, вечером должен был состояться бал в одной усадьбе милях в двадцати по соседству и Флоренс в компании еще кое с кем из гостей отправляется туда с несколькими ночевками. Оукшотту она велела, по его словам, уведомить ее, как только я вернусь. По этому случаю я пока что забрался в курительную комнату и стал ждать. Вскоре она является. С одного взгляда мне стало ясно, что она вся в волнении, даже, может быть, в сердцах. Глаза на лбу, и вообще весь вид выражает крайнее раздражение.

– Дорогая, – говорю и готов уже, как заведено, заключить ее в объятия.

Но она увернулась с ловкостью боксера легкого веса.

– Оставьте.

– Что случилось?

– Все случилось! Берти, помните, вы перед отъездом просили, чтобы я постаралась завоевать расположение вашего дяди?

– Да.

Это я в том смысле, что, поскольку я в общем и целом пока еще нахожусь от него в некоторой материальной зависимости, не может быть и речи о том, чтобы жениться без его согласия. И хотя ожидать от дяди Уиллоуби возражений против Флоренс у меня не было причин: они с ее отцом еще в Оксфорде вместе учились, – однако в таком деле все-таки лучше не рисковать. Вот я и сказал, чтобы она постаралась обаять старика.

– Вы сказали, что он особенно обрадуется, если попросить, чтобы он почитал мне кусок из своей родословной.

– А он что, не обрадовался?

– Пришел в восторг. Он как раз вчера после обеда дописал последнюю фразу и весь вечер читал вслух, с начала и чуть не до самого конца. Возмутительное сочинение. Скандальное. Ужас какой-то!

– Но, черт подери, наше семейство не такое уж и плохое, мне кажется.

– Это вовсе не родословная. А всего лишь мемуары. И называются «Воспоминания долгой жизни».

Тут я начал понимать, в чем дело. Дядя Уиллоуби, как я уже говорил, вел в молодости жизнь довольно разгульную, так что, предавшись воспоминаниям, он вполне мог выволочь на свет Божий немало разных пикантных подробностей.

– Если хоть половина из того, что там написано, – правда, – продолжала Флоренс, – значит, юность вашего дяди была... ну просто нет слов. Вчера он только раскрыл рукопись и сразу же попал на скандальную историю про то, как в тысяча восемьсот восемьдесят седьмом году его и моего папочку вышвырнули из мюзик-холла!

– За что?

– Я решительно отказываюсь вам объяснить. И вправду, должно быть, что-то из рук вон. В 1887 году так просто из мюзик-холлов не вышвыривали.

– Ваш дядя черным по белому пишет, что мой папочка начал вечер с того, что выпил полторы кварты шампанского, – продолжала возмущаться Флоренс. – И таких историй в его сочинении множество. Там рассказывается один безобразный случай с лордом Эмсвортом...

– С лордом Эмсвортом? Тем самым, что сейчас гнездится в Бландинге?

Это один такой всем хорошо известный старый гриб, сама добродетель, с утра до ночи ковыряет цапкой у себя в саду.

– Именно. Вот почему сочинение вашего дяди – такая гадость. В нем рассказывается обо всех людях, которых хорошо знаешь, которые сегодня являются воплощением корректности. Выходит, что все они в Лондоне восьмидесятых годов имели такие манеры, каких не потерпели бы и в кубрике самого грязного китобойца. Ваш дядя помнит все постыдные поступки всех знакомых в двадцать лет. Например, он описывает один случай с сэром Стэнли Джервас-Джервасом в «Рошервил-Гарденс», с такими ужасными подробностями, оказывается, сэр Стэнли... нет, не могу вам этого пересказать.

– А вы попробуйте.

– Ни за что!

– Да ладно, что вы волнуетесь? Если в этой книге столько смака, ее ни один издатель не напечатает.

– Ошибаетесь. Ваш дядя сказал, что обо всем договорился с издательством «Риггз и Баллинджер» и завтра с утра отсылает им рукопись для немедленной публикации. Они специализируются на таких книгах. Выпустили мемуары леди Карнаби «Восемьдесят интересных лет».

– О, это я читал.

– Тогда, если я скажу, что мемуары леди Карнаби просто детский лепет в сравнении с воспоминаниями вашего дяди, вы меня поймете. И что ни страница, упоминается имя папочки. Его поведение в молодые годы приводит меня в отчаяние!

– Ну и что же делать?

– Надо перехватить рукопись, прежде чем она уйдет к «Риггзу и Баллинджеру». И уничтожить.

Я чуть не вскочил. Вот это да! Учинить такую шутку – это по-нашему.

– И как вы думаете это проделать?

– При чем тут я? Ведь пакет уйдет завтра утром. А сегодня вечером уезжаю на бал к Мергатройдам и буду обратно только в понедельник. Это должны сделать вы. Я потому вам и телеграфировала.

– Что-о?

Она холодно посмотрела на меня.

– Вы что, отказываетесь мне помочь, Берти?

– Н-нет, но... Послушайте!

– Это ведь совсем просто.

– Но даже если я... То есть, я хочу сказать... Разумеется, все, что в моих силах... Вы меня понимаете...

– Берти! Вы утверждали, что хотите на мне жениться.

– Конечно, но все-таки...

На минуту она превратилась в совершенное подобие своего папаша.

– Я никогда не выйду за вас, если эти воспоминания увидят свет.

– Но, Флоренс, старушка...

– И не спорьте. Считайте, что это вам испытание, Берти. Если у вас достанет отваги и находчивости осуществить этот замысел, я получу доказательство того, что вы вовсе не такой лоботряс и тупица, каким вас считают многие. А если вы этого не сделаете, я буду знать, что ваша тетя Агата была совершенно права, когда называла вас бесхребетным, беспозвоночным и решительно не советовала выходить за вас замуж. Перехватить рукопись, Берти, для вас не составит труда. Нужно только немного решительности.

– А вдруг дядя Уиллоуби меня застукает? Он же не даст мне больше ни шиллинга.

– Ну, если вам дядины деньги дороже, чем я...

– Да нет же! Что вы!

– Вот и прекрасно. Пакет с рукописью будет положен завтра утром на стол в холле, чтобы Оукшотт отвез его в деревню на почту вместе со всеми письмами. От вас требуется только взять его со стола, унести и уничтожить. А дядя будет считать, что пакет затерялся при пересылке.

Мне это показалось довольно малоубедительным.

– А разве у него нет копии?

– Нет. Рукопись на машинке не перепечатана. Он шлет то, что написал от руки.

– Но ведь он может написать все заново.

– Это чересчур большая работа.

– Но...

– Берти, если вы намерены ничего не делать, а будете только выдвигать свои дурацкие возражения...

– Просто я хочу вам заметить, что...

– Не надо, пожалуйста. Отвечайте: да или нет. Вы согласны выполнить эту небольшую просьбу? Сделать для меня одно доброе дело?

То, как она это выразила, сразу натолкнуло меня на ценную мысль.

– Почему бы не поручить это Эдвину? Ограничиться, так сказать, семейным кругом. И к

тому же порадовать дитя.

Мысль, на мой взгляд, была просто блестящая. Эдвин – ее младший брат, проводивший каникулы в «Уютном». Эдакий малец с хорьковатой мордочкой, которого я терпеть не мог с самого его рождения. Кстати о мемуарах, это он, чертов малютка Эдвин, девять лет назад привел своего папашу туда, где я курил сигару, и навлек на меня тогда кучу неприятностей. Теперь ему сровнялось четырнадцать, и он недавно вступил в бойскауты. Это был необыкновенно серьезный ребенок, к своим новым обязанностям относившийся очень ответственно. Он постоянно пребывал в нервной лихорадке, так как отставал от расписания ежедневных добрых дел: прямо из кожи вон лез и все-таки не управлялся. Он часами рыскал по дому, носился наперегонки с самим собой, превращая усадьбу в истинный ад для людей и животных.

На Флоренс моя блестящая мысль должного впечатления не произвела.

– Ничего подобного я не сделаю, Берти. Неужели вы не способны оценить доверие, которое вам оказывают? Кажется, должны бы гордиться.

– Ясное дело, я горжусь. Просто я хочу сказать, у Эдвина это получилось бы в тысячу раз лучше, чем у меня. Бойскауты, они знают столько разных хитростей, и след умеют взять, и залечь где надо, и подкрасться незаметно, в таком роде.

– Берти, вы выполните мое совершенно элементарное поручение или нет? Если нет, скажите прямо, и положим конец этому дурацкому фарсу. К чему тогда притворяться, будто я для вас что-то значу?

– Дорогая старушка, я люблю вас всей душой!

– Так сделаете или не сделаете?

– Ну ладно, ладно, – сдался я. – Ладно! Уговорили! И я побрел куда глаза глядят, чтобы тщательно все обдумать. Но только ступил за порог, как чуть не налетел в коридоре на Дживса.

– Прошу прощения, сэр. Я как раз вас разыскивал.

– Что случилось?

– Вынужден поставить вас в известность, сэр, что кто-то измазал ваши коричневые уличные ботинки черной ваксой.

– Что?! Кто? Зачем?

– Не могу сказать, сэр.

– И это уже непоправимо?

– Непоправимо, сэр.

– Проклятье!

– Да, сэр.

После того случая я часто задумывался, как это убийцы умеют сохранять форму, пока вынашивают свои преступные замыслы? Передо мной стояла задача попроще, но и то, обмозговывая ее в ночные часы, я так извелся, что утром встал совершенно больной, под глазами – самые настоящие черные круги, честное слово! Пришлось призвать на помощь Дживса с его живительным снадобьем.

Когда кончился завтрак, я стал чувствовать себя как чемоданный воришка на вокзале. Ошивался в холле, дожидаясь, пока на стол положат пакет. А его все не клали. Должно быть, думал я, дядя Уиллоуби все еще сидит у себя в библиотеке, добавляет последние, завершающие штрихи к великому труду своей жизни; и чем дольше я думал, тем меньше мне

все это нравилось. Шансов на успех у меня было на глазок примерно два к трем, и когда я пытался представить себе, что будет в случае провала, по спине у меня бежали холодные мурашки. Дядя Уиллоуби был вообще-то нрава довольно мягкого, но мне приходилось наблюдать его и в гневе, и, клянусь Юпитером, если он застанет меня за кражей своего драгоценного манускрипта, его ярости не будет предела.

Время уже приближалось к четверем, когда он наконец пришкандыбал из библиотеки с пакетом под мышкой, положил его на стол и прошкандыбал прочь. Я в это время держался к юго-востоку, притаившись позади пустых лаг на постаменте. Только он скрылся, я шасть к столу. Схватил пакет и вприпрыжку наверх, прятать добычу. Влетаю к себе, как молодой мустанг-иноходец, и натыкаюсь прямо на бойскаута Эдвина. Чертов мальчишка стоял у комода и копался в моих галстуках.

– Привет, – говорит он мне.

– Ты что здесь делаешь?

– Навожу порядок в вашей комнате. Это будет мое доброе дело за прошлую субботу.

– За прошлую субботу?

– Да, я отстал на пять суток. До вчерашнего вечера было на шесть, но я почистил ваши ботинки.

– Так это ты?...

– Да. Вы уже видели? Как это я раньше не подумал? А сюда вот зашел посмотреть – здесь, пока вас не было, жил мистер Беркли, сегодня только уехал, и я подумал, может, он что-нибудь забыл, а я найду и пошлю ему вдогонку. Я таким способом уже сделал не одно доброе дело.

– Благодетель ты наш.

Мне становилось все более и более ясно, что этого inferнального ребенка надо отсюда удалить, и как можно скорее. Я держал пакет за спиной, и можно было надеяться, что он его пока не заметил; но теперь надо было прорваться к комоду и быстренько спрятать украденное в ящик, пока никто не вошел.

– Бог с ней, с уборкой, можешь идти, – сказал я ему.

– А я люблю наводить порядок. Правда-правда. Мне это нисколько не трудно.

– Тут уже все в полном порядке.

– Погодите, увидите, как будет, когда я кончу свою работу.

Дело принимало совсем паршивый оборот. У меня не было желания прикончить парнишку, однако я просто не видел иного способа от него избавиться. Я нажал на умственный акселератор. Черепушка лихорадочно зачухала и родила ценную мысль.

– Могу тебе предложить другое дело, еще гораздо более доброе, – сказал я. – Видишь эту коробку с сигарами? Возьми ее, спустись в курительную и обстриги все кончики, хорошо? Избавишь меня от уймы хлопот. Ну давай топай отсюда, парень.

Он посмотрел на меня с сомнением во взоре, но все-таки потопал. А я упибал пакет в ящик, запер, ключ сунул в карман брюк, и мне сразу полегчало. Я, конечно, может, и обормот, но одержать в тактической борьбе верх над мальчишкой, повсюду сующим нос, это я уж как-нибудь да сумею. Потом я снова сошел вниз. Прохожу мимо двери в курительную, а Эдвин выкатывается кубарем прямо мне под ноги. И я подумал, что самое доброе дело, какое он мог бы сделать, это самоубийство.

– Стригу! – доложил он мне.

– Стриги, стриги.

– А как стричь, сильно или слегка?

– Средне.

– Ага, ладно. Тогда я пойду.

– И правильно сделаешь.

Люди, которые смыслят в таких делах, – сыщики там разные и тому подобное, – скажут вам, что самое трудное – это избавиться от мертвого тела. Помню, ребенком я учил стихотворение про одного типа по имени Юджин Арам, так вот он в этом отношении особенно натерпелся. От самого стихотворения у меня в памяти сохранились только две строки:

Та-ра, та-ра, та-рарара,
И я его убил!

Но я хорошо запомнил, сколько драгоценного времени бедняга потратил на возню с трупом, и в землю его закапывал, и в воде топил, и так далее, глядь, а труп опять перед ним! Не прошло и часа, как я запер пакет в ящик комода, когда я понял, что вляпался в точно такую же историю.

Хорошо было Флоренс болтать про то, что рукопись надо уничтожить. Однако если подойти к вопросу с практической стороны, то как, скажите на милость, как можно уничтожить такую основательную пачку бумаги в чужом доме и в разгар лета? Не попросишь же растопить в твоей комнате камин, когда на термометре под тридцать градусов. А если не сжечь, то как еще от нее избавиться? На театре военных действий, бывает, гонцу приходится съесть депешу, чтобы она не попала в руки врага. Но мне, чтобы съесть мемуары дяди Уиллоуби, потребовалось бы не меньше года.

Признаюсь, я был в полной растерянности. Единственное, что я мог сделать, это оставить пакет у себя в ящике, и будь что будет.

Не знаю, знакомо ли вам такое переживание, но поверьте мне, иметь на совести преступление крайне неприятно. К вечеру уже один вид проклятого ящика стал давить мне на психику. Я сделался нервным; когда дядя Уиллоуби бесшумно вошел в курительную, где я в одиночестве предавался мыслям, и нежданно-негаданно заговорил со мною, я поставил рекорд по прыжкам в высоту из положения «сидя».

Я все время гадал: когда дядя Уиллоуби спохватится и учует, что дело неладно? По моим подсчетам, это должно было произойти не раньше чем утром в субботу, когда он не получит ожидаемой издательской расписки в получении бандероли. Но уже вечером в пятницу он выглянул из библиотеки, когда я проходил мимо, и пригласил меня зайти на минутку. Вид у него был растерянный.

– Берти, – произнес он (он всегда изъяснялся с исключительной торжественностью), – случилась крайне тревожная неприятность. Как ты знаешь, вчера днем я отправил господам Риггзу и Баллинджеру, издателям, бандероль с рукописью моей книги. Они должны были получить ее с первой почтой сегодня утром. Затрудняюсь сказать, откуда возникло у меня недоброе предчувствие, но судьба бандероли меня беспокоила. И несколько минут назад я позвонил господам Риггзу и Баллинджеру, чтобы справиться о ее сохранности. К моему глубочайшему ужасу, они меня уведомили, что рукопись моя ими до сих пор не получена.

– Странно.

– Я отчетливо помню, что лично заблаговременно положил пакет на стол в холле, чтобы его отвезли в деревню на почту. Но вот что поразительно. Я говорил с Оукшоттом, отвозившим на почту всю корреспонденцию, и он не припоминает, чтобы среди писем был этот пакет. Вернее, он даже совершенно определенно утверждает, что, когда пришел в холл брать корреспонденцию, никакого пакета там не было.

– Удивительно.

– Берти, сказать тебе, что я подозреваю?

– Что?

– Тебе это подозрение, конечно, покажется невероятным, но только так можно увязать воедино все известные нам факты. Я склонен к мысли, что пакет украли.

– Да что вы? Не может быть!

– Нет, ты погоди. Сначала выслушай. Я не говорил об этом ни тебе, ни кому другому, но не подлежит сомнению, что в последние несколько недель из дома исчезли отдельные предметы, одни ценные, другие нет. Напрашивается неизбежный вывод: среди нас находится клептоман! Для клептомании, как тебе, по-видимому, известно, именно характерно, что больной не различает цены вещей. Он с одинаковой готовностью украдет и старое пальто, и перстень с бриллиантами, для него равно соблазнительны и курительная трубка стоимостью в два-три шиллинга, и полный кошелек золотых монет. То обстоятельство, что моя рукопись ни для кого из посторонних не может представлять интереса, как раз и убеждает меня в том, что...

– Но, дядя, одну минуточку! Об этих пропавших вещах мне все известно. Их присвоил Медоуз, мой человек. Я его изловил за воровством моих шелковых носков. Схватил, можно сказать, за руку в самый момент кражи.

Дядя весь всполошился:

– Ты меня поражаешь, Берти. Немедленно пошли за ним, и мы его спросим.

– Но его здесь нет. Как только я обнаружил, что он – носочный вор, я тут же его прогнал. Я затем и в Лондон ездил: нанять нового камердинера.

– В таком случае, раз этого человека, Медоуза, здесь нет, стало быть, он не мог присвоить мою рукопись. Необъяснимо!

И дядя задумался. Он расхаживал взад-вперед по комнате, всем своим видом выражая недоумение, а я сидел и непринужденно посасывал сигарету, как тот тип, про которого я где-то читал: он прикончил там одного и сунул труп под стол, а потом ему пришлось целый вечер, сидя за этим самым столом, развлекать и потчевать гостей. Моя преступная тайна так давила мне на психику, что в конце концов я не выдержал, закурил свежую сигарету и вышел прогуляться, немного спустить пары.

Был один из тех тихих вечеров, когда стоит кашлянуть улитке в саду, и слышно на милую вокруг. Солнце плавно спускалось за холмы, в воздухе, куда ни глянь, плясали мошки, и все благоухало по-сумасшедшему – как раз роса выпала, ну, и все такое прочее, – я уже даже начал ощущать приятное умиротворение, но вдруг услышал в тиши свое имя:

– Я насчет Берти.

Сказано мерзким голосом юного мучителя людей Эдвина. Откуда он доносится, я сначала не понял. Но потом сообразил, что из библиотеки. Прогуливаясь, я сам не заметил, как очутился в двух шагах от распахнутого окна.

Я часто задумывался над тем, как это получается у героев книг, которые – знаете? – в мгновение ока успевают столько всего проделать, с чем другой бы и в десять минут не

управился. Но тут, представьте себе, я тоже мгновение ока отшвырнул окуроч, выругался шепотом и, пролетев одним прыжком десять ярдов, приземлился в середине куста, росшего у окна библиотеки. И тут затаился, прижав уши. Мне было ясно, как никогда в жизни, что назревает куча неприятностей.

– Насчет Берти? – переспросил голос дяди Уиллоуби.

– Насчет Берти и вашего пакета. Я слышал, вы сейчас с ним говорили. По-моему, он у него.

Если я вам скажу, что в ту самую минуту, как моего слуха коснулись эти убийственные слова, за шиворот мне упало с ветки какое-то насекомое довольно ощутимых размеров, а я не мог даже шевельнуться, чтобы его как-то придавить, – вы легко поймете, что на душе у меня было невесело. Я чувствовал, что против меня ополчился весь мир.

– О чем ты говоришь, мальчик? Минуту назад я обсуждал с Берти загадочную пропажу моей рукописи, и он выразил по этому поводу точно такое же глубокое недоумение, как и я.

– А я вчера вечером был у него в комнате, делал одно доброе дело, и вдруг он входит с каким-то пакетом, я заметил, хотя он прятал его за спиной. Он послал меня в курительную обрезать сигары, а через две минуты спускается следом, и в руках уже ничего. Так что пакет должен быть у него в комнате.

Этих чертовых бойскаутов, насколько мне известно, специально учат наблюдательности, методам дедукции и всему такому прочему. Но думают ли их руководители о последствиях, хотелось бы мне знать. Вы только взгляните, к чему это приводит.

– Крайне маловероятно, – произнес дядя Уиллоуби, и у меня немного отлегло от сердца.

– Я могу сходить поискать у него в комнате, – предложил юный аспид. – Вот увидите, пакет окажется там.

– Но зачем ему могло понадобиться совершать такую противоестественную кражу?

– А может, у него вот та самая болезнь, про которую вы говорили.

– Клептомания? Вздор.

– Может, и все пропавшие вещи украл на самом деле Берти, – с надеждой в голосе развил свою мысль малолетний мерзавец. – Может быть, он как Раффлс.

– Как Раффлс?

– Это из книжки один парень, который норовил прикарманить все, что плохо лежит.

– Не допускаю мысли, чтобы Берти... э-э-э... норовил прикарманить все, что плохо лежит.

– Но пакет у него, я уверен. Вот что вы можете сделать: скажите ему, будто мистер Беркли прислал телеграмму, что забыл здесь какую-нибудь вещь. Он ведь жил в комнате Берти. И вы скажете, что хотите ее там поискать.

– Это, пожалуй, можно. Я бы...

Дальше я слушать не стал. Земля начала дымиться у меня под ногами. Нельзя было медлить ни минуты. Осторожно выбравшись из куста, я со всех ног бросился к парадному входу, взбежал по лестнице в свою комнату и подлетел к комоду. Сунул руку в карман – нет ключа! Потеряв уйму времени, я наконец вспомнил, что положил его вчера вечером в свои вечерние брюки, и там он, по-видимому, и остался.

Где, черт возьми, мой вечерний костюм? Я обыскал всю комнату, пока не сообразил, что, должно быть, Дживс унес его чистить. Подскочить к звонку и позвонить было для меня делом одной секунды. Только отзвонил, как за дверью раздались шаги и входит дядя

Уиллоуби.

– Берти... – говорит он и не краснеет, – м-м-м... я получил телеграмму от Беркли, он жил в этой комнате, пока ты отсутствовал, и он просит отослать ему... э-э-э... портсигар, который он, по-видимому, забыл захватить, уезжая. Внизу его не оказалось, и я подумал, что он мог оставить свой портсигар в этой комнате. Сейчас я его... м-м-м... тут поищу.

Весьма омерзительная картина: старый, убеленный сединами человек, ему бы пора о душе подумать, а он лжет, как актер на подмостках.

– Я никакого портсигара не видел, – говорю.

– Но я все-таки поищу. Не пожалею... э-э-э... усилий.

– Если бы он был здесь, я бы его наверняка заметил, нет разве?

– Он мог ускользнуть от твоего внимания. Возможно, он... м-м-м... лежит в одном из ящичков комода.

Дядя Уиллоуби принялся вытягивать ящик за ящиком и рыться в них, как старая ищейка, не переставая бормотать при этом про Беркли и его портсигар. Я стоял рядом и терял в весе фунт за фунтом.

Подошла очередь того ящика, где находился пакет.

– Этот, кажется, заперт, – заметил он, подергав ручку.

– Д-да. Я бы на вашем месте не стал беспокоиться. Он... Он... это... заперт, и вообще.

– А ключа у тебя нет, что ли?

Тихий, почтительный голос у меня за спиной произнес:

– Не этот ли ключ вам нужен, сэр? Он лежал в кармане ваших вечерних брюк.

Дживс, собственной персоной. Он просочился в комнату с моим костюмом и теперь протягивал мне ключ. Я готов был растерзать его за такую заботу.

– Благодарю вас, – говорит дядя.

– Не стоит, сэр.

Пролетела минута. Дядя Уиллоуби выдвинул ящик. Я закрыл глаза.

– Нет, – произнес дядя. – Тут ничего нет. Пусто. Спасибо, Берти. Надеюсь, я не очень тебя побеспокоил. По-видимому, Беркли все-таки не оставлял у нас портсигара.

Он ушел, и я старательно запер за ним дверь. А потом обернулся к Дживсу. Он раскладывал на кресле предметы моего вечернего туалета.

– Э-э-э... Дживс.

– Да, сэр?

– Н-нет, ничего.

Дьявольски трудно было подыскать вступительные слова

– М-м-м... Дживс!

– Да, сэр?

– Это не вы?... То есть вы не?... Не было ли там?..

– Я вынул пакет еще утром, сэр.

– Да? А по... почему?

– Нашел, что так оно будет вернее, сэр.

Я напряг мозги.

– Вам это все, должно быть, представляется необъяснимым, а?

– Вовсе нет, сэр. Я случайно слышал, как вы с леди Флоренс обсуждали положение, сэр.

– Ах, вот оно что!

– Да, сэр.

– Вот что, Дживс. Я думаю... в общем и целом... будет неплохо, если вы его придержите пока что у себя, до возвращения в Лондон.

– Совершенно с вами согласен, сэр.

– А там мы его, как говорится, куда-нибудь сплавим,

– Именно так, сэр.

– Оставляю его на ваше попечение.

– Можете не беспокоиться, сэр.

– А знаете, Дживс, вы, как бы это вернее сказать, от личный малый.

– Стараюсь, сэр.

– Один на миллион, я думаю.

– Вы очень добры, сэр.

– Что ж, пожалуй, тем самым – все.

– Очень хорошо, сэр.

Флоренс возвратилась в понедельник. Я увиделся с нею только в пять часов, когда все сошлись пить чай в холле. Но пока народ не разошелся из-за стола, мы не могли и словечком обменяться с глазу на глаз.

– Ну, Берти? – проговорила она, когда мы наконец остались одни.

– Все в порядке, – ответил я.

– Вы уничтожили рукопись?

– Не то чтобы уничтожил, но...

– В каком смысле это надо понимать?

– В том смысле, что не буквально...

– Берти, вы что-то крутите.

– Я же сказал: все в порядке. Дело в том, что... И я уже было собрался ей все толком объяснить, но тут из библиотеки выкатился дядя Уиллоуби, весь сияя, как новорожденный. Старика просто узнать было нельзя.

– Поразительная вещь, Берти! Я только что говорил по телефону с мистером Риггзом, и он сказал, что они получили мою бандероль сегодня утренней почтой. Не представляю себе, что могло послужить причиной такой задержки? Почтовая служба в загородной местности работает из рук вон плохо. Я напишу жалобу в министерство. Мыслимое ли дело, чтобы так задерживать ценные отправления?

Я в это время рассматривал профиль Флоренс, но тут вдруг она оборачивается и устремляет прямо на меня взор, пронзительный, как острый нож. Дядя Уиллоуби пропетлял обратно к себе в библиотеку, и в холле воцарилась тишина, такая мертвая, хоть читай отходную.

– Не понимаю, – выговорил я наконец. – Клянусь Богом, я совершенно ничего не могу понять.

– А я могу. Я все отлично поняла, Берти. Вы смалодушничали. Боясь навлечь гнев своего дяди, вы предпочли...

– Нет-нет! Ничего подобного!

– Вы предпочли потерять меня, лишь бы не рисковать потерей денег. Может быть, вы думали, что я говорила не всерьез. Напрасно. Мое условие было вполне серьезно. Наша помолвка расторгнута.

– Но... послушайте!

– Ни слова больше.

– Но, Флоренс, старушка...

– Ничего не желаю слушать. Ваша тетя Агата была права, как я теперь вижу. Я еще легко отделалась. Было время, когда я думала, что при должном усердии из вас еще можно вылепить нечто достойное. Но оказывается, вы совершенно безнадежны.

Она выскочила вон, оставив меня подбирать черепки. Наведя порядок, я поднялся к себе и позвонил Дживсу. Он явился как ни в чем не бывало, будто ничего не случилось и не может случиться. Не человек, а само спокойствие.

– Дживс! – возопил я. – Пакет доставлен лондонскому адресату!

– Вот как, сэр?

– Это вы его отправили?

– Да, сэр. Я сделал как лучше, сэр. По моему мнению, вы с леди Флоренс переоценили опасность того, что кто-то может обидеться, прочитав о себе в мемуарах сэра Уиллоуби. Нормальный человек, сэр, как подсказывает мне мой личный опыт, радуется, если видит свое имя в печати, вне зависимости от того, что именно о нем написано. У меня есть тетка, сэр, которая несколько лет мучилась от отечности ног. Потом стала пользоваться «Превосходной мазью Уокиншоу», и это ей сильно помогло, настолько, что тетка направила письмо в газету. И когда там описали ее случай, с фотографиями ее нижних конечностей «до» и «после», первые – совершенно отталкивающего вида, гордости ее не было предела, вследствие чего я и понял, что людям желанна известность, а какая – все равно. Более того, если вам случалось изучать психологию, сэр, вы, конечно, слышали, что самые почтенные пожилые джентльмены отнюдь не против, чтобы люди знали, какими лихими молодцами они были в молодости. У меня есть дядя...

Я сказал, что пусть провалятся его дядя, и его тетя, и он сам, и все прочие члены их семьи.

– Вам известно, черт побери, что леди Флоренс расторгла нашу помолвку?

– В самом деле, сэр?

Ни малейшего сочувствия в голосе, будто с ним говорят о погоде.

– Я вас увольняю!

– Очень хорошо, сэр.

Он вежливо кашлянул.

– Поскольку я уже не состою больше у вас в услужении, сэр, я могу высказаться, не нарушая субординации. По моему мнению, вы и леди Флоренс решительно не подходите друг другу. Ее сиятельство, в противоположность вам, обладает весьма неустойчивым и деспотическим характером. Я без малого год прослужил у лорда Уорплсдона и имел возможность довольно близко наблюдать темперамент ее сиятельства. На людской половине о ней сложилось весьма неблагоприятное мнение. Ее манеры вызывали немало порицаний с нашей стороны. Иногда она переходила всякие границы. Вы не были бы с нею счастливы, сэр!

– Ступайте вон!

– Я также нахожу ее педагогические приемы чересчур для вас обременительными. Я полистал книгу, которую ее сиятельство дала вам для изучения, – она все эти дни лежит у вас на столе – и считаю ее совершенно неподходящей. Вам бы она, безусловно, пришлась не по вкусу. А от личной горничной ее сиятельства, случайно слышавшей разговор между своей хозяйкой и одним из гостящих здесь джентльменов – мистером Максвеллом, редактором литературного ежемесячника, – я получил сведения, что она намерена сразу же вслед за

этим усадить вас за Ницше. Вам не понравится Ницше, сэр. Это нездоровое чтение.

– Убирайтесь!

– Очень хорошо, сэр.

Удивительно, как бывает: утром видишь предмет в ином свете, чем с вечера. Со мной это случалось неоднократно. Почему-то, когда наутро я проснулся, сердце мое уже совсем не так обильно обливалось кровью. День был преотличный, и что-то в том, как весело заглядывало солнышко в окно и оглушительно галдели пташки в кустах, подсказывало мне, что Дживс, возможно, не так уж и не прав. В конце-то концов, профиль профилем, но действительно, такое уж ли это удовольствие – быть помолвленным с Флоренс Крэй, как может показаться на посторонний взгляд? Не исключено, что в словах Дживса насчет ее норова что-то есть. Я начал сознавать, что для меня идеальная жена, как я ее себе представляю, – это нечто гораздо более томное, льнущее, лепечущее, ну, в общем, в таком духе. Когда я додумал до этого места, взгляд мой упал на книгу «Типы этических категорий». Я открыл ее наобум, и вот что, клянусь, без обмана, бросилось мне в глаза:

«Из двух антитез греческой философии лишь одна жизненна и внутренне непротиворечива, а именно Идеальная Мысль в противопоставлении объекту, который она пронизывает и формирует. Другая адекватна нашему понятию Природы, феноменологична сама по себе, нежизненна и не имеет перманентного основания, будучи лишена скольконибудь убедительных предикатов, – или, говоря коротко, сохраняет убедительность лишь посредством внутренних реальностей, обретающих внешнее выражение».

Н-да. Как это на ваш вкус? А Ницше, говорят, еще гораздо хуже!

– Дживс, – сказал я ему, когда он принес мне поднос с утренним чаем, – я тут все хорошенько обдумал. Вы восстановлены на работе.

– Благодарю вас, сэр.

Я сделал большой оптимистический глоток. Меня начало разбирать глубокое уважение к аналитическому уму этого человека.

– Кстати, Дживс, – говорю я ему, – насчет этого клетчатого костюма...

– Да, сэр?

– Он что, действительно плоховат?

– Несколько эксцентричен, я бы сказал.

– Но ведь многие подходят, спрашивают фамилию моего портного.

– Несомненно, с тем чтобы обходить его стороной, сэр.

– Он пользуется в Лондоне превосходной репутацией.

– Я не подвергаю сомнению его моральные качества, сэр.

Я все еще колебался. Мне казалось, что я стою перед угрозой оказаться в когтях у собственного камердинера, и если сейчас уступлю, то стану, как бедняга Обри Фодергилл, сам над собой не властен. Но с другой стороны, Дживс – явно малый с головой, и было бы очень даже славно передоверить ему обязанность думать, когда понадобится. Наконец я принял решение.

– Хорошо, Дживс, – сказал я. – Вам виднее. Можете его подарить кому-нибудь.

Он посмотрел на меня сверху вниз, снисходительно, как папаша на несмышленного сына.

– Благодарю вас, сэр. Я отдал его вчера вечером младшему садовнику. Еще чаю, сэр?

Пэлем Гринвел Вудхауз

Дживс и дух Рождества

Письмо пришло утром шестнадцатого числа, к тому времени, когда изрядная часть завтрака уже проследовала через вустеровский рот. Благополучно укрепив оборонительные рубежи кипперсами (1) и кофе, я ощутил в себе силы огорошить Дживса новостями. Ибо, как сказал Шекспир, раз уж ты собрался что-то предпринять, то навались и разделайся с этим немедля. Бедняга Дживс, конечно, огорчится, а то и надуется – но, будь я неладен, от огорчения еще никто не умирал. Во всяком случае, от огорчения в таких гомеопатических дозах. Жизнь честна, жизнь сурова – и людям иногда не мешает об этом вспомнить.

– Кстати, Дживс, – сказал я.

– Сэр?

– Тут к нам пришла весточка от леди Уикэм. Приглашает на все Рождество к себе в Скелдингс. Так что начинай-ка ты сгребать в кучу предметы первой необходимости. Мы направим туда стопы числа двадцать третьего. Побольше белых галстуков, Дживс; и откопай в гардеробе что-нибудь для дневных прогулок – эдакое, знаешь, пейзажного типа, и чтобы повеселей. Думаю, мы там слегка задержимся.

Воцарилась тишина. Я ощутил на себе его леденящий взгляд, и чтобы не обратиться ненароком в какой-нибудь там столп (2), благоразумно сосредоточил внимание на апельсиновом джеме.

– Насколько я помню, сэр, непосредственно после Рождества вы намеревались посетить Монте-Карло.

– Да, было дело. Но Монте-Карло придется вычеркнуть из программы. Планы есть планы – им свойственно меняться.

– Очень хорошо, сэр.

Как нельзя вовремя затрезвонил телефон, разряжая потенциально щекотливую ситуацию.

– Слушаю? Да, мадам. Очень хорошо, мадам. Передаю трубку мистеру Вустеру, – он протянул мне трубку. – Миссис Спенсер Грегсон, сэр.

Знаете, иногда мне кажется, что Дживс теряет хватку. В прежние времена он, и глазом не моргнув, отвечал тете Агате, что меня нет дома. Укоризненно покосившись на него, я взялся за мерзкое приспособление.

– Алло? Да? Алло! Берти на проводе! Алло? А... Алло??

– Что ты заладил со своим «алло»? – резко, как всегда, взлаяла в трубку престарелая родственница. – Как попугай! Хотя нет, у попугая все-таки больше мозгов!

Я считаю, что вести беседу в таком тоне ранним утром – вопиющее неприличие. Впрочем, чего еще ждать от тети Агаты?

– Берти! Леди Уикэм говорит, что пригласила тебя в Скелдингс на Рождество. Ты едешь?

– Конечно!

– Ну смотри, веди там себя пристойно! Не забывай, что леди Уикэм – моя старинная подруга.

Я не склонен выслушивать подобные инсинуации по телефону. Лицом к лицу – еще куда ни шло, но по телефонным проводам – нет и еще раз нет.

– Уверяю вас, тетя Агата, – чопорно ответил я, – что приложу максимум усилий, дабы вести себя именно так, как приличествует английскому джентльмену, наносящему рождественский виз...

– Что ты там мямлишь? Говори в трубку! Я ничего не слышу!

– Ясное дело, говорю.

– А? Ну, так смотри же! И еще одна причина, Берти, по которой ты должен приложить все усилия, чтобы скрыть свою придурковатость: в Скелдингсе будет сэр Родерик Глоссоп.

– Что?!

– Не вопи мне в ухо! Я чуть не оглохла!

– Мне почудилось, вы что-то сказали про сэра Родерика Глоссоба?

– Ну да.

– Вы, случайно, не Таппи Глоссоба имели в виду?

– Когда я говорю про сэра Родерика Глоссоба, я имею в виду сэра Родерика Глоссоба. Берти, слушай меня внимательно. Ты меня слышишь?

– Да уж слышу...

– Ну, слушай же. Мне – ценой невообразимых усилий и вопреки неоспоримым фактам, – почти удалось убедить сэра Родерика, что ты все-таки не сумасшедший. Он согласился повременить с окончательным диагнозом и взглянуть на тебя еще раз. Таким образом, от твоего поведения в Скелдингсе...

Но я уже повесил трубку. Я был совершенно ошеломлен. Фраппирован (3) до глубины души. Меня просто как громом ударило.

Сейчас я вам кое-что расскажу о сэре Родерике, а вы намекните, если уже знаете. Так вот, этот Глоссоп, стреляный воробей высокого полета, обладатель из ряда вон выдающихся бровей и безволосого черепа – крупный специалист по чокнутым. Не спрашивайте, как это получилось, но в свое время я был помолвлен с его дочерью Гонорией, устрашающе энергичной особой; на досуге она читает Ницше, а смех у нее – как эти самые волны, что немолчно о кремнистый берег бьют.(4) События, из-за которых нас сняли с забега, убедили старину Глоссоба, что у меня не все в порядке с башкой, и с тех пор мое имя занимает первое место в его списке «Придурки, с которыми мне довелось сидеть за обеденным столом».

Внутренний голос нашептывал мне, что достичь духовного единения с этим субъектом будет непросто даже в Рождество, когда на земле официально объявлен мир и в человецех благоволение.(5) И я бы не поехал ни в какой Скелдингс, если бы не ряд наиважнейших причин.

– Дживс, – сказал я, весь в смятении, – ты представляешь? У леди Уикэм будет сэр Родерик Глоссоп!

– Да, сэр. Если вы закончили с завтраком, я уберу со стола.

Холод и отчуждение. Ни капли сострадания. Ни грана сплоченности, столь желанной в такие минуты. Сняв Монте-Карло с повестки дня, я совсем расстроил его ряды. Чего, впрочем, и следовало ожидать. В Дживсе есть спортивная жилка, и я знал, что ему не терпится пощекотать себе нервы над зеленым сукном.

Ну что ж; я проигнорировал столь вопиющее нарушение благопристойности. Мы, Вустеры, умеем сдерживать свои эмоции.

– Убирай, Дживс, – с достоинством ответил я. – Исполни все, не медля ни минуты.(6)

До конца недели наши отношения оставляли желать лучшего. По утрам этот тип

подавал мою порцию чая с ледяной отрешенностью. Двадцать третьего декабря всю дорогу в Скелдингс он просидел истуканом, а когда перед обедом стал вдевать запонки в мою рубашку... одним словом, именно так я и представлял себе акт гражданского неповиновения. Конечно, все это меня ужасно тяготило. Двадцать четвертого декабря, едва открыв глаза, я принял решение: раскрыть перед ним все деликатные обстоятельства и положиться на дживсовское врожденное здравомыслие.

Проснулся я, кстати, в превосходном настроении. Все складывалось как нельзя лучше. Леди Уикэм, дама с незабываемым носом, до оторопи похожая на тетю Агату обводами корпуса, встретила меня вполне дружелюбно, а ее дочь Роберта была так радушна, что в моем сердце, должен признаться, задребезжали давно затихшие струны. Что до сэра Родерика, то он, похоже, проникся рождественским духом до неприличия. При мимолетной встрече со мной у него дернулся уголок рта – видимо, так он представляет себе улыбку, – и он произнес: «Ага, молодой человек». Пускай не прослезившись от радости и умиления, но все же произнес! Как по мне, так это не меньшее чудо, чем лев, возлегший рядом с ягненком. (7)

Жизнь выглядела прекрасной во всех отношениях; оставалось лишь поведать Дживсу о всяческих тонкостях и подоплеках.

Он скрывался в клубах пара с утюгом в руках.

– Дживс!

– Сэр?

– Так вот, насчет этой истории с нашей поездкой в Скелдингс. Хочу сказать тебе пару слов для ясности. Думаю, ты имеешь право на информацию.

– Простите, сэр?

– Я знаю, что отмена забега в Монте-Карло тебя слегка контузила,..

– Не вполне так, сэр.

– Нет, Дживс, именно так. Для меня не секрет, что сердце твое рвалось на зимовку в старый добрый холерный барак. Я видел, как загорелись твои глаза при упоминании о поездке в прекраснейшее из местистых скверны; ты чуть слышно запыхтел и как-то эдак задвигал пальцами. Понимаю, Дживс, понимаю. А когда в программе произошли непредвиденные изменения, «в железо вошла душа твоя»...(8)

– Не вполне так, сэр.

– Боюсь, что так, Дживс; я ведь вижу... Но я хочу, чтобы ты понял: мое решение – не пустая блажь. Не из ребяческой прихоти я принял приглашение леди Уикэм, о нет! Я пошел на это после многодневных раздумий и в силу целого ряда причин. Во-первых: может ли человек проникнуться рождественским духом в таком месте, как Монте-Карло?

– Упомянутый «человек» жаждет проникнуться рождественским духом, сэр?

– Несомненно. И я всецело на его стороне, Дживс. Итак, с первым пунктом мы разобрались. Теперь второе. Таппи Глоссоп.

– Сэр Родерик Глоссоп, сэр?

– Нет, его родной племянник. Наверняка он попадался тебе на глаза – светловолосый такой типчик, что слоняется по дому с ухмылкой чеширского кота. Это и есть Таппи, с которым я уже давно мечтаю сойтись врукопашную. Давно точу я зуб на этот сосуд гнева, готовый к гибели.(9) Вот послушай, Дживс, и скажи, если я не прав, замышляя ужасную месть.

И я отхлебнул глоток чая, поскольку от одного лишь воспоминания о перенесенных

обидах у меня пересохло в горле.

– Таппи – племянник сэра Родерика, от руки которого... да ты и сам знаешь, что я претерпел от руки которого! А ведь я всегда относился к Таппи по-братски – как в «Трутнях», так и в иных местах. Нельзя судить о человеке по его родственникам, твердил я себе. Упаси Бог, чтобы мне ставили в вину, к примеру, тетю Агату! Скажи, Дживс – разве я не образец терпимости?

– В высшей степени, сэр.

– Так вот, я пригреваю этого Таппи у себя на груди – и чем он мне отплатил, как ты думаешь?

– С трудом могу себе представить, сэр.

– Так слушай! Как-то в «Трутнях» после обеда он заключает со мной пари, что я не пройду над бассейном по кольцам. Я принимаю вызов, мощно прохожу дистанцию, добираюсь до последнего кольца – и что же я вижу? Этот демон в человеческом обличье перекинул кольцо через перекладину и обрек меня висеть в пустоте, лишив возможности сойти на берег родной, войти в свой дом, обнять любимых... Короче, пришлось плюхаться в воду. Потом он признался, что часто ловил товарищей на эту удочку – и я торжественно заявляю, что в Скелдингсе – при всем многообразии возможностей, которые дарит загородная усадьба, – его настигнет мое возмездие! Иначе я буду просто не я.

– Понимаю, сэр.

Судя по косвенным уликам, Дживс все равно не дошел до нужного градуса сострадания – и я решился, невзирая на всю деликатность предмета, выложить на стол последний козырь.

– А теперь – главная причина нашего визита, – я нырнул в родимую чашку, чувствуя, что краснею. – Суть причины... одним словом, я влюблен.

– Вот как, сэр?

– Ты знаешь мисс Роберту Уикэм?

– Да, сэр.

– Ну вот.

Я выдержал паузу, чтобы дать ему обдумать новость.

– Здесь, в Скелдингсе, – сказал я, – ты наверняка будешь часто видеться с горничной мисс Уикэм. В таких случаях не бойся хватить через край.

– Простите, сэр?

– Ты знаешь, о чем я. Расскажи ей, какой я славный малый. Упомяни о моих потаенных глубинах. Это дойдет куда надо. Напирай на мое доброе сердце и не забудь, что в этом году я пробился в финал чемпионата «Трутней» по сквошу. Одним словом, популяризируй меня изо всех сил. Ничто не стоит так дешево и не ценится так дорого, как немного рекламной шумихи.

– Очень хорошо, сэр; однако...

– Что – «однако»? -

– Видите ли, сэр...

– Ты не мог бы произносить свое «видите ли» не таким постным тоном? По-моему, я тебе уже на это указывал. Обуздай пагубную привычку, пока она окончательно не обуздала тебя. Итак, что у тебя на уме?

– Я бы не хотел оказаться непозволительно...

– Давай-давай, Дживс. Мы всегда рады выслушать ваше мнение, всегда рады.

– С вашего позволения, сэр, хочу сказать, что с трудом представляю мисс Уикэм в

качестве приемлемой...

– Дживс, – холодно сказал я, – если у тебя есть претензии к этой девушке, то при мне лучше их не высказывать.

– Очень хорошо, сэр.

– И при ком-либо другом, хочу тебе заметить, – тоже. Что ты имеешь против мисс Уикэм?

– Но право же, сэр...

– Дживс, я настаиваю. Пора объясниться начистоту. Ты выражаешь недовольство мисс Уикэм. Я желаю знать, почему.

– Мне просто пришло в голову, сэр, что мисс Уикэм вряд ли можно счесть идеальной парой для джентльмена вашей конфигурации.

– Что ты имеешь в виду под «джентльменом моей конфигурации»?

– Видите ли, сэр...

– Опять!!!

– Прошу прощения, сэр. Данный оборот речи вырвался у меня непредумышленно. Я собирался сказать, что готов аутентифицировать свое...

– Ты готов свое что?

– ... сказать, что поскольку вы желаете выслушать мое...

– Нет. Не желаю.

– Мне показалось, сэр, что вы хотели обсудить мои взгляды на данный вопрос.

– В самом деле? Ну что же, давай обсудим.

– Очень хорошо, сэр. Мисс Уикэм, – очаровательная, позволю себе заметить, юная леди

– Вот теперь, Дживс, ты попал в самую точку. Какие глаза!

– Да, сэр.

– Что за волосы!

– Сушая правда, сэр.

– А какая у нее *espiglerie!*(10).. если я не спутал...

– Вы нашли совершенно точное слово, сэр.

– Ну хорошо. Продолжай.

– Отдавая должное всесторонним достоинствам мисс Уикэм, сэр, я бы все же не рискнул назвать ее приемлемой кандидатурой для матримониальных устремлений джентльмена вашей конфигурации. На мой взгляд, мисс Уикэм недостает серьезности; ее натуре свойственны определенная ветреность и легкомыслие. Джентльмену, предполагающему сочетаться браком с мисс Уикэм, следует иметь властный склад характера и определенную силу воли.

– Вот именно, Дживс!

– Кроме того, я бы поостерегся рекомендовать в спутницы жизни юную леди с рыжими волосами столь яркого оттенка. На мой взгляд, сэр, рыжий цвет таит в себе опасность.

Я смерил мерзавца суровым взглядом.

– Дживс, ты несешь околесицу.

– Очень хорошо, сэр.

– Полная белиберда!

– Очень хорошо, сэр.

– Какой-то бред сивой кобылы!

– Очень хорошо, сэр.

– Ну хорошо, сэр... то есть – Дживс. Давай на этом и покончим.

И не без надменности отхлебнул глоток чая.

Мне не часто удается уличить Дживса в ошибке, и когда – уже к обеду! – мне выпала такая возможность, я не преминул ею воспользоваться.

– Так вот, затрагивая затронутый нами вопрос... – начал я, выйдя из ванной и взяв быка за рога в тот момент, когда он обследовал мою рубашку. – Ну, Дживс – советую тебе чрезвычайно внимательно отнестись к моим словам. Хотя, не стану скрывать, слова эти могут поставить тебя в глупое положение.

– В самом деле, сэр?

– Да, Дживс. В чертовски дурацкое положение поставить могут тебя. Надеюсь, после этого ты умеришь свои широковещательные заявления о малознакомых людях. Итак. Если я ничего не путаю, сегодня утром ты заявил, что мисс Уикэм – особа а) непостоянная, б) легкомысленная, а кроме того, ей недостает серьезности. Я точно излагаю твои слова?

– Совершенно точно, сэр.

– Так вот, сейчас тебе придется взять их обратно. Сегодня, прогуливаясь с мисс Уикэм, я рассказал ей, как Таппи Глоссоп поступил со мной в бассейне «Трутней». Она поверила мне, Дживс, и преисполнилась сочувствием.

– В самом деле, сэр?

– Насквозь им пропиталась. Но это далеко не все! Она тут же предложила способ, как свести седины Таппи с горестью во гроб (11) – самый действенный, самый обдуманый и самый остроумный способ, какой только можно представить!

– Крайне любезно с ее стороны, сэр.

– Вот именно – любезно! Оказывается, в школе для девочек, где училась мисс Уикэм, были свои «крамольники злые» (12), и благомыслящим силам общества временами приходилось призывать их к ответу. Знаешь, что они делали?

– Нет, сэр.

– Они брали длинную палку, а к ней – слушай внимательно, Дживс! – привязывали штопальную иглу. Затем, глухой ночью, они прокрадывались в спальню противной стороны – и прокалывали иглой грелку, прямо через одеяло! Девочки гораздо искусней мальчиков в таких вещах. В нашей старой доброй школе тоже случалось – в ночные, так сказать, стражи(13), – что на кого-нибудь выливали кувшин воды, но такой тонкий и оригинальный вариант никому и в голову не приходил! Итак, вот тебе способ мисс Уикэм, который я собираюсь испробовать на Таппи – и вот тебе та, кого ты назвал легкомысленной и несерьезной. Девушка, способная придумать такой фортель, – мой идеал спутницы жизни! Короче, Дживс, я искренне надеюсь, что к вечеру ты снарядишь меня крепкой палкой с хорошей, острой штопальной иглой на конце.

– Но право же, сэр...

Я махнул рукой, закрывая прения сторон.

– Ни слова больше, Дживс. Итак: палка – одна штука, игла штопальная, хорошая, острая – одна штука – всенепременно, в этой комнате, к одиннадцати тридцати вечера.

– Очень хорошо, сэр.

– Ты знаешь, где спит Таппи?

– Можно выяснить, сэр.

– Займись этим, Дживс.

Через несколько минут он вернулся с нужными сведениями.

– Мистера Глоссопа определили на ночлег в Спальню крепостного рва.

– Где это?

– Вторая дверь по коридору этажом ниже, сэр.

– Отлично, Дживс. В воротничке запонки есть?

– Да, сэр.

– В манжетах?

– Да, сэр.

– Тогда упаковывай меня к обеду.

Чем больше я думал о задаче, поставленной передо мной чувством долга и гражданской ответственности, тем больше проникался ее важностью. Я человек не мстительный, но если субчикам вроде Таппи будут сходиться с рук подобные выходки, то рассыплются самые основы цивилизации и культуры. Мне предстоит дискомфорт и лишения – ждать по меньшей мере до полуночи, а затем красться по холодному коридору, – но я не отступлю! Кстати, это более чем в духе семейных традиций: мы, Вустеры, внесли достойную лепту в крестовые походы.

Настал сочельник. Как я и предвидел, было много всякой суеты и прочего веселья. Сначала нахлынул деревенский хор и пел рождественские гимны у парадного входа, потом кто-то предложил потанцевать, а остаток вечера мы слонялись, болтая о всякой всячине, так что к себе я вернулся во втором часу ночи.

При таких обстоятельствах я счел разумным отложить набег хотя бы до половины третьего. Вы знаете, я не из полуночников – лишь собрав волю в кулак, я не дал себе отложить все дела на завтра и нырнуть под одеяло.

К полтретьему все утихло. Я стряхнул дремоту, взял старую добрую палку с иглой и двинулся по коридору. Перед Спальной крепостного рва я немного помедлил и повернул ручку. Дверь была не заперта.

Наверное, настоящий специалист – я имею в виду грабителя-профессионала, виртуоза отмычки, который занимается своим делом круглый год, по шесть ночей в неделю с одним выходным, – так вот, настоящий грабитель, забравшись ночью в чужую спальню, наверное, не чувствует ничего, кроме легкой скуки. Но у дилетанта вроде меня сразу находятся веские причины отказаться от задуманного, вернуть дверь в исходное состояние и побыстрее ретироваться под родное одеяло. Зная, что в походе на чужую спальню или званый обед важно перетерпеть самое начало мероприятия, я призвал на помощь всю бульдожью храбрость Вустеров, твердя себе, что подобный случай вряд ли представится дважды. Потом минутная слабость прошла, и старина Бертрам вновь стал самим собой.

Сначала в комнате было темно, как в угольном погребе, но потом глаза попривыкли. Занавеси были слегка приоткрыты, и мне удалось разглядеть кой-какие детали местной диспозиции. Кровать стояла напротив окна, изголовьем к дальней стене и, соответственно, грелкой в мою сторону. И я, посеяв, как говорится, доброе семя, вполне мог задать деру, не дожидаясь первых всходов.(14) Оставалась лишь одна, хотя и довольно мудреная проблема – определить, где грелка. Если хочешь решить подобную задачу без лишней огласки, не рекомендуется торчать у чужой кровати, вонзая куда ни попадя здоровущую иголку. В общем, выяснить точное местонахождение этой самой, с горячей водой, было крайне желательно.

Утешал лишь титанический храп, доносившийся с подушечного конца кровати. Здравый смысл нашептывал мне, что субъект, способный издавать подобные звуки, не склонен

просыпаться из-за каждого пустяка. Я подался вперед, осторожно прощупывая одеяло. Мгновение – и я обнаружил выпуклость, нацелил иглу, крепче сжал палку и сделал выпад. Выдернув острие, я потихоньку двинулся к двери, спеша вкусить покой и мирный сон – но тут раздался грохот, от которого мое сердце пустилось вскачь; содержимое кровати, словно чертик из табакерки, приняло положение «сидя» и осведомилось: «Кто здесь?»

Вот вам пример того, как самый, казалось бы, мудрый тактический шаг способен сорвать всю операцию. Заблаговременно планируя отступление, я оставил дверь открытой – и вот вредоносная штука грохнула как бомба.

Но я не думал о причинах взрыва; мысли мои были заняты совсем иным: дело в том, что это был не Таппи. У Таппи голос высокий, писклявый, как у тенора из деревенского хора, который вот-вот пустит петуха. А у этого – что-то среднее между трубами Страшного суда и рыком тигра, требующего свой законный завтрак после недельной голодовки. Такой хриплый угрожающий рев – «Эй, дорогу!» – слышишь на поле для гольфа, когда отстающих из вашей четверки подпирает сзади пара отставных полковников. Одним словом – голос, напрочь лишенный мягкости, душевности или той воркующей голубиной нотки, что предвещает зарождение истинной дружбы. Так что я решил не затягивать прощание, с низкого старта рванул к выходу, повернул ручку, выскочил наружу и захлопнул за собой дверь. Может быть, во многих отношениях я и чурбан, как твердит на каждом перекрестке тетя Агата, зато прекрасно чувствую, когда наступает время избавить хозяев от своего присутствия.

Я уже вышел на финишную прямую к лестнице, лишь доли секунды не дотягивая до рекордного времени для этой дистанции, как вдруг меня отбросило назад. Только что я был сплошной пыл и натиск, и тут неодолимая сила остановила меня на полном скаку и удерживала, некоторым образом, на натянутой корде.

Знаете, иногда судьба так лезет из кожи вон, стараясь уязвить тебя побольней, что поневоле задумаешься, стоит ли продолжать сопротивление. Холод той ночью стоял адский, если не хуже, и отправляясь в экспедицию, я накинул халат. Именно поясok этого зловредного одеяния, застряв в двери, погубил меня в самую последнюю секунду.

Открылась дверь, отчего в коридоре предательски посветлело, и обладатель звучного голоса и храпа схватил меня за руку.

Это был мой старинный друг сэр Родерик Глоссоп.

Далее случилась небольшая заминка, несколько оттянувшая начало судопроизводства. Секунды три, а то и три с четвертью, мы заворуженно созерцали друг друга, при этом старина Глоссоп прицепился к моему локтю как банный, так сказать, лист. Не будь на мне халата, а на нем – розовой в голубую полоску пижамы и горевших жаждой убийства глаз, наша скульптурная группа точь-в-точь походила бы на рекламную картинку: умудренный жизнью старец отечески похлопывает юношу по плечу: "Мальчик мой, если ты запишешься, как я в свое время, на Заочные Курсы Матта и Джеффа в Осуиго, штат Канзас (15), то когда-нибудь тоже станешь Третьим Помощником Вице-Президента Консолидированной Корпорации «Пилочки для ногтей и щипчики для бровей», г. Скенектади".

– Это вы... – наконец, выдохнул сэр Родерик.

В связи с этим я хотел бы сделать заявление: когда вам говорят, что слово, в котором нет свистящих и шипящих, прошипеть невозможно, – это полный вздор. Он выдохнул в меня своим «вы!», как разъяренная кобра ядом, и мне без всякого дара провидения стало ясно: это самое «ВЫ!!!» не предвещает ничего хорошего.

Наверное, по правилам этикета мне полагалось произнести ответное слово, но я сумел издать лишь тихое унылое бляение. Мне всегда было как-то неуютно встречаться с этим типом лицом к лицу – даже при более традиционных обстоятельствах и с чистой совестью; теперь же я всерьез опасался, что он пронзит меня своими бровями.

– Прошу! – сказал он, вбросив меня в комнату. – Мы ведь не хотим поднять на ноги весь дом, верно? Итак, – он определил меня на ковер и закрыл дверь, как-то неприятно пошевеливая при этом бровями, – расскажите-ка мне об этом очередном приступе умопомешательства.

Веселый беззаботный смех, подумал я, наверняка поможет разрядить обстановку.

– Говорите членораздельно, – пресек мои старания доброжелательный хозяин. Должен признать, что и сам представлял себе веселье и беззаботность как-то по-другому.

Героическим усилием воли я овладел собой.

– Безумно жаль, что все так получилось, – участливо произнес я. – Дело в том, что я принял вас за Таппи.

– Сделайте милость, избавьте меня от своего идиотского сленга! Что вы имели в виду под этим невнятным «таппи»?

– Это, знаете ли, не то чтобы «невнятное». Скорей уж, «невзрачное», если присмотреться повнимательней... Короче говоря, я думал, что вы – это он.

– Вы думали, что я – мой племянник? Как я могу быть своим племянником?

– Да нет, я вот что хочу сказать: я думал, что это его комната.

– Нет. Мы обменялись комнатами. Терпеть не могу спальни на верхнем этаже. Все время думаю о пожаре.

Тут, впервые с начала собеседования, я ощутил прилив душевных сил и перестал чувствовать себя лягушкой, попавшей под плуг – что, должен заметить, печально сказывалось на моей манере общения. Чудовищная несправедливость случившегося так взволновала меня, что я воспрянул духом и уставился на этого труса в розовой пижаме с отвращением и некоторым презрением. Этот пожарофоб, видите ли, эгоистично обрекает Таппи на участь цыпленка табака – и плакали мои всесторонне продуманные планы! По моему, я даже слегка фыркнул.

– Я полагал, ваш слуга сообщит вам об этом, – сказал сэр Родерик. – Я встретил его после ленча и просил передать, что мы намереваемся совершить обмен.

Я пошатнулся. Нет, пошатнулся – слабо сказано. Новость была столь сногшибательная, что даже не то что застала меня врасплох, а, можно сказать, послала в нокаут. Что же это получается?! Выходит, Дживс заранее знал, что в кровати, которой я готовлю участь игольной подушечки, будет спать этот старый брюзга! Знал – и позволил ринуться навстречу судьбе, не предупредив ни словом? Нет, это было выше моего понимания. У меня просто земля ушла из-под ног. Да, практически ушла.

– Вы сказали Дживсу, что будете спать в этой комнате? – просипел я.

– Да. Зная о вашей с племянником дружбе, я желал застраховаться от подобного визита. Признаюсь, мне не пришло в голову, что этого визита можно ожидать в три часа ночи. Какого дьявола вы рыщете по дому в такое время? – рявкнул он, внезапно расвирепев. – И что это у вас за штука в руке?

Тут я заметил, что по-прежнему сжимаю палку с иглой. Клянусь честью – в эмоциональном смерче, порожденном откровением о Дживсе, я совершенно упустил из виду этот деликатный предмет.

– Это? – сказал я, – Ах, да.

– Что значит «ах, да»? Что это?

– О, это долгая история...

– Ничего, у нас вся ночь впереди.

– Ну, тогда начнем. Прошу вас мысленно вернуться на несколько недель назад: итак, я сижу в «Трутнях» после обеда, безобидный как младенец, и умиротворенно курю сигаре...

Сэр Родерик меня не слушал. Он вглядывался в край кровати, откуда на ковер уже капала вода.

– Боже праведный!

– ... курю сигарету, весело и непринужденно болтаю о том о сем...

Этот тип опять отвлекся. Он поднял простыни и устался на трупик грелки.

– Эт-то... ваших рук..? – удушливо прохрипел он.

– М-м... да. По правде говоря, да. Мой рассказ как раз продвигается к...

– И ваша тетушка еще пыталась убедить меня, что вы не сумасшедший!

– Но я же нормальный. Совершенно нормальный! Если вы позволите мне объяснить...

– Не позволю!

– Все началось с того...

– Замолчите!!!

– О, всегда к вашим услугам.

Сэр Родерик сделал пару глубоких вдохов через нос. По-моему, это называется методом глубокого дыхания.

– Моя кровать превратилась в сплошную лужу!

– Так вот, началось все...

– Да замолчите же! – похоже, его мутило. – Вы, идиот несчастный, – сказал он, одолев приступ тошноты, – скажите мне, будьте любезны, где находится ваша комната?

– Этажом выше. Комната башенных часов.

– Благодарю вас. Я ее найду.

– А?

Он прицелился в меня бровью.

– Я намерен, – сказал он, – провести остаток ночи именно там. Ваша кровать, я надеюсь, пригодна для сна. Вы же можете располагаться здесь – со всеми возможными удобствами. На этом позвольте пожелать вам доброй ночи.

И превосходящие силы неприятеля ретировались с поля боя, оставшегося в моем полном распоряжении.

Мы, Вустеры, бывалые бойцы; к превратностям судьбы нам не привыкать. Но не стану грешить против истины, намекая, что открывавшиеся перспективы приводили меня в восторг. С первого взгляда на кровать было понятно, что для использования по прямому назначению она не пригодна. Для аквариумной рыбки – может быть, но не для Бертрама. Осмотревшись, я решил разбить бивуак в кресле. Притащил пару подушек с кровати, обернул колени каминным ковриком и принялся считать овец.

Но толку от этого было мало. Старый сухофрукт так кипятился, что отбил у меня всякую охоту ко сну. Заодно с дремотой наплывали тягостные мысли о черном вероломстве Дживса. В придачу становилось все холоднее и холоднее. Я уже смирился с мыслью, что не усну до конца своих дней, как вдруг над самым ухом прозвучало: «Доброе утро, сэр»; я вздрогнул всем телом и сел.

Готов поклясться, что ни на минуту не сомкнул глаз – но похоже, они все-таки сомкнулись. Потому что шторы были отдернуты, в окна лился свет, а рядом со мной высился Дживс с чашкой чая на подносе.

– Счастливого Рождества, сэр!

Я потянулся немощной рукой за животворным напитком, сделал пару глотков и немного пришел в себя. Руки и ноги нещадно ныли, шея и то, что выше, налились свинцом, но мыслить с определенной долей ясности я уже мог. Я навел на Дживса каменный взгляд и приготовился задать ему взбучку.

– Полагаешь, счастливого? – холодно и размеренно начал я. – Позволю себе осведомиться, какое значение ты вкладываешь в это слово? Если ты надеешься, что оно будет счастливым для тебя – оставь надежды, Дживс.

И принял внутрь еще пол-унции чая.

– Хочу задать тебе один вопрос. Ты знал, что этой ночью здесь будет спать сэр Родерик Глоссоп – знал или нет?

– Да, сэр.

– Ты в этом признаешься?!

– Да, сэр.

– И ничего мне не сказал!

– Нет, сэр. Я подумал, что разумнее будет промолчать.

– Н-ну, Дживсс!..

– Если вы позволите мне объяснить, сэр...

– Объясняй!

– Вполне отдавая себе отчет, что молчание может привести к определенным неприятным последствиям...

– Ах, значит, ты отдавал отчет?!

– Да, сэр.

– Ты его правильно отдавал, – сказал я и отхлебнул еще чаю.

– Мне подумалось, сэр, что любое осложнение будет только к лучшему.

Я хотел было сказать ему пару бодрящих слов, но пока я их искал, Дживс двинулся дальше.

– С другой стороны, сэр, если я правильно понимаю ваши взгляды, то вам не следует вступать в излишне сердечные отношения с сэром Родериком и его семьей.

– О чем это ты толкуешь? Что это еще у меня за взгляды?

– На матримониальный союз с мисс Гонорией Глоссоп, сэр.

Тут меня тряхнуло чем-то вроде вольтовой дуги – и окружающий мир вывернулся наизнанку. Я понял, как несправедлив был к этому честному малому. Я думал, что он навлекает на меня неприятности – а он-то меня из них извлекал! Прямо как в детских книжках, когда путник с собакой идет темной ночью по бездорожью, и вдруг пес хватается за штанину, а хозяин ему говорит: «В чем дело, Пират? Прочь, сэр!», – но псина вцепилась намертво, и он уже выходит из себя и сыплет проклятиями, – и тут из облаков выходит луна, и бедняга видит, что стоит на самом краю пропасти – еще шаг, и... ну ладно, вы уже все поняли. Одним словом, мне грозило нечто очень похожее.

Не понимаю, как можно настолько потерять бдительность, чтобы самому беспечно сунуть голову в разверстую пропасть?! Могу поклясться чем угодно – мне и в голову не приходило, что тетушка Агата замышляет обелить меня в глазах сэра Родерика, дабы вернуть

заблудшую овцу в стадо (вы понимаете, о чем я говорю) и заключить в объятия Гонории.

– Боже мой, Дживс! – пробормотал я, побледнев как полотно.

– Именно так, сэр.

– Ты думаешь, мне угрожала опасность?

– Да, сэр. Более чем серьезная.

Тут меня посетила жуткая мысль.

– Послушай, Дживс! А вдруг сэр Родерик придет в себя и сообразит, что я метил в Таппи? Когда повсюду витает и реет дух Рождества, случаются штучки похлеще проколотой грелки – и на это принято смотреть со снисходительной улыбкой, отечески качая головой. Бурлит молодая кровь, и всякое такое? Вдруг он поймет, что я вовсе не в него целил – и все наши труды пошли прахом!

– Нет, сэр. Я склонен думать, что нет. Эта психологическая реакция сэра Родерика была бы вполне возможна, не случись второго инцидента.

– Какого еще второго?..

– Прошлой ночью, когда сэр Родерик спал в вашей комнате, туда проник неизвестный, неким острым орудием проколол грелку и скрылся во тьме.

Я ничего не понял.

– Как это? Ты хочешь сказать, что я бродил во сне как сомнамбула?

– Нет, сэр. Это дело рук молодого мистера Глоссоба. Я встретил его утром, по дороге сюда, сэр. Он пребывал в приподнятом настроении и спрашивал о ваших впечатлениях от ночного происшествия. Он не подозревает, что его жертвой оказался сэр Родерик.

– Какое странное совпадение, Дживс!

– Простите, сэр?

– Ну как же! Таппи придумал точно то же, что и я. Точнее, то же, что и мисс Уикэм. Согласись, это более чем странно. Просто поразительно, я бы сказал.

– Не вполне так, сэр. Я полагаю, он получил аналогичные инструкции от юной леди.

– От мисс Уикэм?

– Да, сэр.

– Ты хочешь сказать, что она подговорила меня проткнуть грелку Таппи, а потом настропала его проткнуть мою?

– Именно так, сэр. Юная леди обладает весьма динамичным чувством юмора.

Это был, прямо скажу, ошеломительный удар. Я вспомнил о том, что едва не предложил руку и сердце девушке, способной обмануть искреннюю любовь сильной личности, – и содрогнулся.

– Вам холодно, сэр?

– Нет. Просто бросило в дрожь.

– Осмелюсь заметить, сэр, – данный случай подкрепляет мою вчерашнюю гипотезу: мисс Уикэм, очаровательная во многих отношениях юная леди...

Я поднял руку.

– Ни слова больше, Дживс. Любовь умерла.

Мне немного взгрустнулось.

– Кстати. Ты видел сегодня сэра Родерика?

– Да, сэр.

– И как он?

– Несколько перевозбужден, сэр.

– Перевозбужден?

– Излишне эмоционален. Домогался встречи с вами, сэр.

– И что ты посоветуешь?

– Если быстро одеться и воспользоваться черным ходом, сэр, то можно незаметно пересечь поле, нанять в деревне автомобиль и добраться до Лондона. Ваше личное имущество я доставлю позже в вашем собственном автомобиле.

– До Лондона? Благополучен ли буду я в Лондоне? Ведь там тетя Агата!

Секунду-другую он разглядывал меня со странным выражением в глазах.

– Мне кажется, сэр, целесообразно будет ненадолго покинуть Англию, не слишком привлекательную в это время года. Не смею вам навязывать решения, но поскольку билеты на «Синий поезд» в Монте-Карло на послезавтра уже заказаны...

– Разве ты не отменил заказ?

– Нет, сэр.

– Я ведь тебе велел!

– Да, сэр. Боюсь, я проявил нерадивость, сэр. Я совершенно забыл о вашем поручении.

– Неужели?

– Да, сэр.

– Ну ладно, Дживс. Тогда – в Монте-Карло!

– Очень хорошо, сэр.

– Как удачно вышло, что ты забыл отменить заказ!

– Да, сэр. На редкость удачное стечение обстоятельств. Если вы подождете немного, я схожу в вашу комнату за костюмом.

Пэлем Гринвел Вудхауз

Дживс и неумолимый рок

(Дживс и Вустер — 7)

В тот день мне предстояло отправиться в Вулэм-Черси, хартфордширское поместье тетушки Агаты, и погостить там какие-нибудь три нескончаемые недели. Так предопределил суровый рок.

Не стану скрывать — когда я сажился завтракать, на сердце у меня лежала тяжесть. Мы, Вустеры, выкованы из железа, но в те минуты из-под моего неустрашимого фасада рвались наружу трепет и страх.

— Знаешь, Дживс, — сказал я, — что-то я сегодня какой-то сам не свой.

— В самом деле, сэр?

— Да, Дживс. Совсем я не тот сегодня. Совсем не тот старый добрый Бертрам, которого ты знаешь.

— Печально слышать, сэр. — Он снял крышку с судка, источавшего аромат яиц с беконом.

Погруженный в печаль, я вонзил туда вилку.

— Зачем — вот что не дает мне покоя, Дживс, — зачем тетя Агата призывает меня в свою сельскую штаб-квартиру?

— Не имею ни малейшего представления, сэр.

— Во всяком случае, не потому, что так уж меня празднует.

— Увы и ах, сэр.

— Я действую ей на нервы — это так же непреложно, как законы природы. Уж не знаю, почему — но стоит, так сказать, пересечься нашим дорожкам, как я делаю какой-нибудь жуткий и непростительный ляп — и вот она уже несется за мной с топориком для отбивания мяса. В еЯ глазах я жалкое ничтожество и пятно на теле рода человеческого. Прав я, Дживс, или нет?

— Совершенно правы, сэр.

— И при всём при том она требует, чтобы я отменил все свои визиты и мчался к ней в Вулэм-Черси. Наверно, у нее есть на то некие зловещие причины, о которых мы ничего не знаем. Так осудишь ли ты меня за тяжесть на душе, Дживс?

— Ни в коем случае, сэр. Простите, сэр, я полагаю, что звонят во входную дверь.

Он испарился в воздухе, а я нанес еще один апатичный удар по остаткам я. и б.

— Телеграмма, сэр, — сказал вновь материализовавшийся Дживс.

— Распечатай ее и огласи содержание. От кого она?

— Телеграмма не подписана, сэр.

— Ты имеешь в виду, что подписи там нет?

— Именно это я и пытался выразить, сэр.

— Ну-ка, давай ее сюда.

Я лично произвел инспекцию. Подозрительное послание. Именно так: подозрительное.

«Запомни когда приедешь сюда вопрос жизни и смерти встретиться совершенными незнакомцами.»

У нас, Вустеров, голова не самое сильное место, тем более за завтраком. Я ощутил

тупую боль в переносице.

— Дживс, что бы это значило?

— Не имею ни малейшего представления, сэр.

— «Сюда». Куда это — «сюда»?

— Обратите внимание, сэр, послание отправлено из Вулэм-Черси.

— Ты совершенно прав. Из Вулэм — как ты в высшей степени наблюдательно подметил — этого самого Черси. Значит, кое-что нам уже известно.

— Что именно, сэр?

— Откуда мне знать? Или это все-таки от тетушки Агаты, а?

— Сомнительно, сэр.

— Да... опять ты прав. Тогда все, что мы можем сказать — некая личность, проживающая в Вулэм-Черси, считает, что мне жизненно необходимо встретиться с совершенными незнакомцами? Так, Дживс?

— Трудно сказать, сэр.

— Но если посмотреть с другой стороны — так отчего бы и не встретиться?

— Совершенно верно, сэр.

— Итак, вот что мы имеем: это тайна, которую способно раскрыть только время. Запасься терпением, Дживс.

— Именно это я и собирался сказать, сэр.

Я заявился в Вулэм-Черси к четырем часам. Тетя Агата писала письма в своей берлоге. Зная тетушку, готов биться об заклад, что это были более чем нелюбезные письма, а насчет постскриптумов я лучше и вовсе промолчу.

Не скажу, что при виде меня она подпрыгнула от восторга.

— А, это ты, Берти.

— Ага, это я.

— Что за грязь у тебя на носу?

Я усердно заработал носовым платком.

— Хорошо, что ты приехал так рано. Хочу сказать тебе пару слов, прежде чем ты встретишься с мистером Филмером.

— С кем?

— С мистером Филмером, членом Кабинета министров. Он гостит у меня в усадьбе. Полагаю, даже тебе приходилось слышать о мистере Филмере?

— О, еще бы, — деликатно ответил я, хотя, по правде сказать, не имел ни малейшего понятия о том, что это за птица. Как ни крути, не такой уж я тонкий знаток политической кухни и ее руководящего персонала.

— Я бы настоятельно рекомендовала тебе произвести на мистера Филмера благоприятное впечатление.

— Нет проблем!

— Оставь этот легкомысленный тон! Ты думаешь, тебе это легко удастся? Мистер Филмер — человек серьезных взглядов и превосходной репутации, а ты — как раз из той породы никчемных легкомысленных прожигателей жизни, к которым он, безусловно, питает предубеждение.

Обидно слышать столь горькие слова от родной кровиночки. А впрочем, чего еще ждать от тети Агаты?

— Итак, находясь в этом доме, ты сделаешь все возможное, чтобы не выставить себя ничемным легкомысленным прожигателем жизни. Прежде всего, ты бросишь курить.

— Однако же, тетя...

— Мистер Филмер — президент Антиникотиновой лиги. От спиртных напитков ты тоже откажешься.

— Будь я проклят!

— И сделай милость, исключи из своего лексикона все, что отдает баром, бильярдной или театральной гримерной. Именно от этого во многом зависит, какое впечатление ты произведешь на мистера Филмера.

Тогда я поднял процедурный вопрос.

— Хорошо, но зачем мне производить впечатление на этого... на мистера Филмера?

— Затем, что я настоятельно прошу тебя об этом, — отчеканила престарелая родственница, одарив меня соответствующим взглядом.

Натыкался я на шпильки и поострей, но и этой хватило, чтобы понять: дело обстоит именно так и не иначе. Я ретировался с тяжестью на сердце. Ноги привели меня в сад — и будь я проклят, если первым же встречным не оказался Бинго Литтл!

С Бинго, хочу вам сказать, мы дружны чуть ли не с рождения. Мы появились на свет в одной деревне и с разницей всего лишь в пару дней, бок о бок прошли через ясли, Итон и Оксфорд, а потом, войдя в пору зрелости, закатывали в старом добром Лондиниуме первосортнейшие кутежи. И если существовала на свете живая душа, способная скрасить мне тяготы грядущих безотрадных недель... одним словом, таким парнем мог быть лишь Бинго Литтл.

Но как его угораздило здесь очутиться? Это было выше моего понимания. Дело в том, что недавно он женился на Розе М. Бэнкс, прославленной писательнице, и, когда мы виделись в прошлый раз, он собирался вместе с ней в лекционное турне по Америке. Прекрасно помню, как он сыпал проклятиями, поскольку из-за этой поездки не успевал на скачки в Аскоте.

Пусть даже явно подозрительным образом — но все же он здесь! И я, устремившись к дружескому лицу, подал голос на манер ищейки-бладхаунда.

— Б-баф! Бинго!

Он крутнулся вокруг своей оси (вот те на! нет, такое лицо дружеским не назовешь — скорей уж исказившимся) и завертел руками похлеще семафора.

— Тсс-иш-ше! — зашипел он, — ты что, хочешь меня погубить?

— А?

— Ты что, не получил моей телеграммы?

— Так это была твоя телеграмма?

— Ясное дело, моя.

— Так что ж ты ее не подписал?

— Я подписал!

— Нет. Ты не подписал. Я так и не понял, о чем в ней речь.

— Ну хорошо — ты же получил мое письмо?

— Какое еще письмо?

— Мое.

— Не получал я никакого письма.

— Ну, значит, я забыл его отправить. Я там писал, что устроился гувернером к твоему

кузону Томасу, так что ты должен встретить меня как совершенного незнакомца.

— Но почему?

— Потому что если твоя тетушка заподозрит, что мы приятели, то вышвырнет меня и глазом не моргнет.

— Почему?

— Почему? — поднял бровь Бинго. — Ты сам поразмысли, Берти. Был бы ты своей тетушкой, для которой не секрет, что ты за фрукт, — ты бы стал держать лучшего друга такого парня в гувернерах у своего сына?

Вот теперь у меня голова совсем пошла кругом. Потом я все же сообразил, к чему он клонит, и не мог не признать, что в его словах немало на редкость неприятного здравого смысла. Хотя он все равно не объяснил, в чем — как бы это сказать — суть... квинтэссенция? — в чем момент истины этой таинственной истории.

— Я думал, ты в Америке, — осторожно сказал я.

— Как видишь, нет.

— А почему?

— Неважно. Нет, и все тут.

— И почему ты взялся за гувернерство?

— Неважно. У меня есть на то свои причины. И я хочу втемяшить тебе в башку, Берти — хочу вколотить это в твои бетонные мозги — нас не должны видеть вместе. Этого гаденьша, твоего двоюродного братца, позавчера застучали в кустах с сигаретой, и мое положение сильно пошатнулось. Твоя тетушка заявила, что если бы я осуществлял надлежащий надзор, то подобного бы не случилось. А если она еще узнает, что мы с тобой водим компанию, я вылечу отсюда как пить дать. А я не должен вылететь отсюда — это вопрос жизни и смерти.

— Но почему?

— Потому что, — отрезал Бинго.

Тут ему померещились чьи-то шаги, и он с завидным проворством шмыгнул в лавровый куст. А я неспешно побрел к Дживсу — посоветоваться обо всех этих подозрительных явлениях.

— Дживс, — сказал я, входя в свою комнату, где он разбирал багаж, — ты помнишь ту телеграмму?

— Разумеется, сэр.

— Ее отправил мистер Литтл. Оказывается, он здесь гувернером у моего кузена Томаса.

— В самом деле, сэр?

— Лично я этого не понимаю. Я всегда считал Бинго вольной птицей, если ты понимаешь, что я имею в виду; но влететь в гнездо тети Агаты?!

— Да, сэр, — все это крайне своеобразно.

— Я по-другому спрошу — ты представляешь себе человека, который не по приговору суда, а по доброй воле вызовется давать уроки моему братцу Тому, с его-то репутацией трудного ребенка и изверга рода человеческого?

— С великим трудом, сэр.

— Мутное это дело, Дживс.

— Именно так, сэр.

— И знаешь, что во всем этом самое ужасное? Бинго втемяшил, как говорится, себе в башку, что должен избегать меня как проказы, а не то потеряет место. Угас последний

проблеск надежды на хотя бы отдаленное подобие пристойного досуга в этой юдоли скорбей — ибо... ты представляешь, Дживс! — тетя запретила мне курить, пока я здесь!

— Неужели, сэр?

— И пить тоже.

— Но из каких соображений, сэр?

— Потому что она по каким-то своим темным причинам, о которых не желает распространяться — короче говоря, она требует, чтобы я произвел впечатление на одного типа по имени Филмер.

— Весьма неприятно, сэр. Впрочем, многие врачи, насколько мне известно, приветствуют подобное воздержание, считая его залогом здоровья. По их мнению, это способствует улучшению циркуляции крови и сберегает артерии от преждевременного износа.

— Вот как? Знаешь, Дживс, когда в следующий раз встретишь этих врачей, передай им, что они тупоголовые ослы.

— Непременно, сэр.

Так начинался этот — оглядываясь на свой весьма насыщенный жизненный путь, скажу не колеблясь — тоскливейший визит в моей практике. Вспомнить хотя бы о муках утраты животворного предобеденного коктейля! А захоти вы спокойно выкурить сигарету — как бы вам понравилось укладываться для этого на пол и выдувать дым в камин?! Или взять скверную привычку тетушки Агаты внезапно появляться там, где ее меньше всего ждешь. А трагизм насильственной дружбы с почтенным Э. Б. Филмером, от чего я едва не впал в грех уныния? Не удивительно, что вскоре мое негодование достигло немыслимого прежде накала. Закусив губу и сжав кулаки до белизны в костяшках, бедолага Бертрам проводил день за днем на поле для гольфа в компании почтенного Э. Б. Филмера. Играл Почтенный на редкость омерзительно, а высказывания, которыми он обильно приправлял игру, вообще не поддаются никакому описанию.

Но однажды, когда я, изнывая от жалости к себе, переодевался к ужину, ко мне в комнату просочился Бинго — и в тот же миг я презрел собственные горести. Ибо мы, Вустеры, забываем о своих невзгодах, если друг попал в переplet — а бедолага Бинго влип по самый подбородок. Об этом ясно свидетельствовала его физиономия — как у кота, которого только что угостили половинкой кирпича, и вторая половина явно не заставит себя ждать.

— Берти, — сказал Бинго, тоскливо рассевшись на кровати, — как у Дживса в последнее время с мозгами?

— Да как всегда — в смазке не нуждаются. Как там твоё серое вещество, Дживс? Ржавчиной не покрылось?

— Нет, сэр.

— Хвала небесам! — выдохнул Бинго, — потому что, Дживс, мне позарез нужен твой мудрый совет. Если здравомыслящие люди не предпримут серьезные шаги в нужном направлении, моей репутации каюк.

— Что стряслось, старина? — сочувственно спросил я.

Бинго вцепился в покрывало.

— Я расскажу тебе все, — сказал он. — Я открою тебе, почему прозябаю в этом чумном бараке и учу ребенка, которому нужен не греческий и не латынь, а славный удар пивной

кружкой по основанию черепа. Я попал в безвыходное положение, Берти. В последний миг перед отплытием в Америку Роза решила, что я должен остаться и присмотреть за пекинесом. Она выдала мне пару сотен — продержаться до ее возвращения. Эта сумма, если ее благоразумно растянуть, обеспечила бы нам с пекинесом пристойное существование. Но ты же знаешь, как оно бывает...

— Что бывает?

— Послушай, Берти, ведь наверняка и с тобой не раз заводили разговоры в клубе про всяких престарелых скакунов — мол, этот одр просто обречен на победу, даже если через десять ярдов от стартового столба его скрючит от люмбаго и гельминтоза. Говорю тебе, я рассматривал это дело как вполне респектабельное капиталовложение.

— Ты хочешь сказать, что поставил все деньги на лошадь?

Бинго горько рассмеялся.

— Если тебе угодно именовать эту рухлядь лошадью. Не прибавь она слегка на финишной прямой — возглавила бы следующий забег. Одним словом — это животное пришло последним и поставило меня в чертовски затруднительное положение. Так или иначе, мне нужно было найти средства к существованию и как-то перебиться до возвращения Розы. Она не должна ничего узнать. Розы — самая чудесная девушка в мире, но будь ты женат, Берти, ты бы знал, что даже лучшие из жен приходят в ярость, узнав, что муж за один забег спустил деньги, оставленные на полтора месяца. Верно я говорю, Дживс?

— Да, сэр. В этом отношении женщины порой ведут себя довольно странно.

— Раздумывать было некогда. После катастрофы у меня осталось денег как раз на то, чтобы пристроить пекинеса. Я определил его на шесть недель в "Первосортные Приморские Псарни «Покой и Просторы» — и побрел, жалкий банкрот, наниматься в репетиторы. Так я и угодил прямиком в лапы к малютке Томми.

Печальная история, ничего не скажешь. Жить бок о бок с тетей Агатой и юным Томом — что может быть ужасней? С другой стороны, Бинго достойно вышел из положения.

— Все, что тебе нужно, — сказал я, — так это продержаться еще пару недель, и все будет йох-хо-хо!

Бинго безрадостно прокашлялся.

— Пару недель! Мне бы пару дней продержаться... Помнишь, я говорил тебе, что вера твоей тетушки в мои гувернерские таланты сильно пошатнулась два дня назад, когда маленького паршивца застукали за курением. И поймал его именно этот тип Филмер. А десять минут назад Том заявил, что готовит Филмеру ужасную месть за то, что тот наябедничал тетушке. И что бы он ни затеял — можешь не сомневаться, я вылечу отсюда с мелодичным треском. Твоя тетя души не чает в этом Филмере, так что выкинет меня всенепремен но. А Розы вернется только через три недели!

Я все понял.

— Дживс!

— Сэр?

— Я все понял. Ты все понял?

— Да, сэр.

— Тогда сомкни ряды и выступай на подмогу.

— Боюсь, сэр, что...

Бинго слабо застонал.

— Только не говори, — нервно сказал он, — что тебе ничего не приходит в голову.

— К моему глубочайшему сожалению, сэр, в сию минуту — ничего.

Бинго издал сдавленный рык — как бульдог, которого обнесли тортом.

— Похоже, мне остается лишь одно, — угрюмо сказал он, — ни на секунду не выпускать из виду этого малолетнего головореза.

— Точно! — сказал я. — Неусыпная бдительность — верно, Дживс?

— Совершенно верно, сэр.

— Так я надеюсь на тебя, Дживс? — сдавленно воскликнул Бинго. — Ты придумаешь, как мне выпутаться из этой передраги?

— Сделаю все возможное, сэр.

— Спасибо, Дживс!

— Не стоит благодарности, сэр.

Нужно отдать должное Бинго — когда жизнь вынуждала его к действиям, действовал он с энергией и решимостью, достойными восхищения. Думаю, в следующие два дня не было ни минуты, когда юный бедокур мог бы воскликнуть: «Один! Наконец-то один!». Но когда тетюшка Агата предупредила, что утром ожидаются гости и состоится теннисный турнир, я понял, что грядет наихудшее.

Дело в том, что Бинго как раз из тех ребят, которые, стоит им коснуться теннисной ракетки, впадают в своеобразный транс, и мир за пределами корта перестает для них существовать. Скажите ему посреди партии, что его лучшего друга на заднем дворе рвет на куски пантера — вам все равно не дождаться от него мало-мальски осмысленного взгляда. Понятно, что до последнего гейма он и не вспомнит ни о Томе, ни о Достоп. Э. Б..

Погруженный в мрачные предчувствия нового удара судьбы, я переодевался к обеду.

— Дживс, ты когда-нибудь размышляешь о жизни?

— Время от времени, сэр. В минуты досуга.

— А ведь суровая штука, а?

— Суровая, сэр?

— Я имею в виду разницу между внешним видом и истинным содержанием.

— Брюки, возможно, стоит приподнять на полдюйма, сэр. Незначительная корректировка с помощью подтяжек может привести необходимые изменения...

— Нет, Дживс, я о другом. Посмотри хотя бы на всех собравшихся в этой усадьбе. На вид, так самая что ни на есть счастливая и беззаботная компания. Но под искрящейся гладью текут мутные воды, Дживс. Взгляни на достопочтенного Э. Б., уплетающего за ленчем семгу под майонезом, и ты воскликнешь: «Вот истинный баловень судьбы!» А тем временем неумолимый рок уже простер над ним свою суровую десницу... Что затевает Томми, как ты думаешь?

— Сегодня днем, сэр, между нами состоялась непринужденная беседа. Юный джентльмен, как мне стало известно, читает роман под названием «Остров сокровищ» и весьма впечатлен образом некоего капитана Флинта. Полагаю, в настоящее время он примеряет на себя модель поведения, характерную для упомянутого капитана.

— Боже праведный! Насколько я помню «Остров сокровищ», этот Флинт только и делает, что машет налево-направо абордажной саблей! Уж не хочешь ли ты сказать, что Томас собирается дать мистеру Филмеру по башке абордажной саблей?

— Возможно, он не располагает абордажной саблей, сэр.

— Ну хорошо — еще чем-нибудь!

— Нам остается только ждать, сэр. Галстук, осмелюсь заметить, желательнее затянуть еще немного. Следует добиваться совершенного подобия с бабочкой. Если позволите, сэр -...

— Что значит галстук в такой момент, Дживс? Разве ты не понимаешь: семейное счастье мистера Литтла висит на волоске!

— Не бывает таких моментов, сэр, когда бы галстук ничего не значил.

Я понял, что нанис ему обиду, но не стал заглаживать вину. Я был... как же это называется? Погружен в мучительные размышления. Глубоко погружен. Можно сказать — снедаем заботами.

Я все еще был снедаем заботами, когда на следующий день, в полвторого, начались теннисные игрища.

Это был знойный, душный день, когда гром гремит чуть ли не над самым ухом. Сам воздух, казалось мне, был наэлектризован опасностью.

— Бинго, — сказал я, когда мы протискивались на корт, чтобы внести свою лепту в первые парные игры, — как ты думаешь, что сейчас поделывает юный Том — когда властное око более не довлеет над ним?

— Да? — отсутствующе спросил Бинго, взмахнул ракеткой и по-лошадиному всхрапнул. На лице его уже проступал характерный теннисный налет (со стеклянным взглядом и проч).

— Что-то я его не вижу, — сказал я.

— Что-то ты что?

— Его не вижу.

— Кого?

— Твоего подопечного.

— А что с ним?

Я оставил его в покое.

В этот члрный миг меня утешало лишь то, что достопочтенный Э.Б. уселся среди зрителей, и его заклинило между особами женского пола, вооруженными солнечными зонтиками. Если рассуждать с позиций здравого смысла, даже столь закосневшее во грехе дитя, как юный Томас, не рискнет осуществить акт насилия над человеком, закрепившемся в такой стратегически сильной позиции. Несколько успокоившись, я отдался во власть игры и уже с изрядной энергией продвигался к победе над местным викарием, но тут загромыхал гром, хлынуло как из ведра, и мы паническим галопом понеслись к дому. Все уже собрались в гостиной за чаем, и тут тетя Агата, выглядывая из-за сэндвича с огурцом, вдруг спросила: «Кто-нибудь видел мистера Филмера?»

Не много столь тяжких ударов довелось мне испытать. Всецело увлеченный быстрыми подачами мяча, без труда пронесившегося над сеткой и служителем Божьим (который, кстати сказать, мало что мог противопоставить моему кручлному от средней линии), я, как это бывает, воспарил на время в иные миры — а сейчас с грохотом вернулся на землю. Ломтик кекса выскользнул из онемевших пальцев и упал на пол, где с ним люто расправился Роберт, спаниель тетушки Агаты.

И вновь я ощутил прикосновение неумолимого рока. Филмер, хочу вам заметить, отнюдь не из тех, кого можно запросто отвлечь от чайного столика. Этот энергичный прихлебатель и беззастенчивый энтузиаст пятичасовых чаепитий, всегда готовый урвать пару чашек чая и добрую порцию горячих оладий с маслом — до сегодняшнего дня он всегда приходил к кормушке в числе лидеров забега. Можно не сомневаться: отвлечь

Достопочтенного Э. Б. от фуражировки могли исключительно происки врагов.

— Должно быть, он укрылся от дождя где-нибудь в парке, — сказала тетя Агата. — Берти, пойди отыщи мистера Филмера. И захвати для него дождевик.

— Момент! — с готовностью отозвался я, всем сердцем стремясь отыскать Достопочтенного (желательно, чтобы не одно только тело).

Я надел дождевик, сунул еще один подмышку и отправился на разведку. Уже в передней я очень своевременно наткнулся на Дживса.

— Дживс, я опасаюсь худшего. Мистер Филмер пропал.

— Да, сэр.

— Но я найду его — пусть даже придется обшарить весь парк!

— Позвольте сэкономить вам время, сэр. Мистер Филмер находится на острове в центре озера.

— В такой дождь? Почему этот чурбан не плывет назад?

— У него нет лодки, сэр.

— Как же он тогда забрался на остров?

— На лодке, сэр. Но юный джентльмен приплыл следом и отвязал ее. Он сообщил мне обо всем в подробностях минуту назад, сэр. Оказывается, капитан Флинт имел обыкновение высаживать людей на необитаемых островах, и мастер Томас решил последовать его примеру.

— Боже милостивый! Ведь бедолага Филмер промокнет до нитки!

— Именно так, сэр. Мастер Томас затронул этот аспект.

Настало время действовать.

— Идем, Дживс!

— Очень хорошо, сэр.

Я устремился к лодочному сараю.

Спенсер Грегсон, муж тетушки Агаты, играет на бирже; недавно он сорвал на суматрском каучуке ошеломляющий куш, а тетушка Агата с ничуть не меньшим размахом вбухала его в загородное имение. Мили и мили этого самого «перемежающегося ландшафта», деревья, щедро укомплектованные голубями и прочей дичью, курлыкающей на разные голоса; сады, наштигованные розовыми кустами; всякие там конюшни, хозяйственные строения, дома арендаторов с земельными участками — одним словом, весьма изрядный *tout ensemble*. Но гво здем программы, конечно, было озеро.

Итак: озеро, размером в несколько акров, лежит к востоку от дома, за розовым садом. Посреди озера находится остров, посреди острова — сооружение под названием «Октагон», а посреди его крыши стоит достопочтенный Э. Б. Филмер, изображая фонтан на городской площади.

Налегая на весла посредством меня и управляя румпелем с помощью Дживса, мы подошли ближе. Сначала мы услышали крики, понемногу переходящие (если я ничего не путаю) в *crescendo*, потом в пределы видимости попал и сам Достоп. Э. Б. Казалось, он угнезвился где-то на верхушках кустов. Я еще подумал, что даже министр Кабинета Его Величества мог бы сообразить укрыться под деревьями, а не торчать в такой ливень на открытом месте.

— Чуть правее, Дживс.

— Очень хорошо, сэр.

Я аккуратно пристал к берегу.

— Подожди меня здесь.

— Очень хорошо, сэр. Кстати сказать, сэр, — сегодня утром главный садовник сообщил мне, что недавно на этом острове свил гнездо один лебедь...

— Сейчас не время судачить на естественнонаучные темы, Дживс, — оборвал я — может быть, чересчур сурово, поскольку дождь припустил еще сильнее, и многострадальные вустеровские штанины уже изрядно пропитались влагой.

— Очень хорошо, сэр.

Я двинулся вперед.

Идти было скользко — за первые же пару ярдов мои патентованные теннисные туфли «Мертвая хватка» упали в цене на восемь шиллингов одиннадцать пенсов, — но я упорно двигался вперед, и наконец прорвался через кусты и вышел на проплешину перед этим самым Октагоном.

Я слышал, его соорудили на скорую руку еще в прошлом столетии. Тогдашний владелец усадьбы хотел, чтобы его дедушка мог в свое удовольствие упражняться на скрипке вне пределов слышимости обитателей дома. Зная кое-что о скрипачах, могу вообразить, что за жуткие звуки здесь в свое время раздавались; впрочем, и они вряд ли шли в сравнение с теми, что сейчас звучали с крыши. Достопочтенный, не отследив приближения спасательной партии, явно стремился донести свой голос через бескрайние водные просторы до материка — и хочу заметить, что попытки эти были не лишены шансов на успех. У него был такой визгливый кошачий тенор, что я серьезно опасался за свои барабанные перепонки.

Я подумал, что пока он не натрудил голосовые связки, было бы неплохо вклиниться с радостной вестью о том, что помощь близка.

— Эй! — крикнул я, дождавшись паузы.

Э.Б. вывесил голову за край крыши.

— Эй! — завопил он, вращая головой во все стороны — кроме нужной, естественно.

— Э-эй!

— Э-эй!

— Э-э-эй!

— Ох, — сказал он, заметив, наконец, меня.

— Ясное дело, — ответил я, как бы подводя итог беседе.

Боюсь, к этому моменту наш диалог еще нельзя было назвать осмысленным, хотя в дальнейшем, возможно, мы и договорились бы до чего-нибудь стоящего. Но когда я уже почти вспомнил подходящие слова, раздалось злое шипение, из кустов слева вдруг выскочило нечто крупное, белое и резвое — и я, соображая быстрее, чем когда-либо, взмыл как вспугнутый фазан и, влекомый любовью к жизни, полез на стену.

Что-то шлепнуло о стену дюймом ниже правой лодыжки, окончательно утвердив меня в правильности моего поступка. Тот парень, что сквозь альпийские снега и льды волок хоругвь с дурацким девизом «Все выше!» — вот кто был Бертраму примером для подражания.

— Берегитесь! — вскрикнул г-н министр.

Именно этим я, собственно, и занимался.

Создатель Октагона, должно быть, предвидел подобные кризисные ситуации — иначе откуда бы взялись такие удобные выемки в стене? Одним словом, вскоре я уже сидел на крыше рядом с Э. Б., разглядывая лебедя. Этот экземпляр, из числа самых крупных и склочных, каких мне только доводилось встречать, стоял внизу, изогнув шею водопроводным

шлангом. Кусок кирпича, пущенный вдумчивой рукой, должен был угодить ему в точности по мидель-шпангоуту.

Я сделал бросок — один из удачнейших в своей жизни!

Дост. Э., похоже, не разделял моего ликования.

— Не задирайте его!

— Интересно, кто кого задирает? — осведомился я.

Лебедь выдвинул еще восемь футов шеи и воспроизвел нам звук, с которым струя воды вырывается из дырявого шланга. Дождь по-прежнему — как бы это сказать — клокотал неопишуемой яростью. Я пожалел, что от возбуждения, характерного для забегов по отвесной стене, я выронил дождевик, предназначавшийся для собрата по насесту. У меня даже мелькнула мысль предложить ему свой, но голос разума взял верх.

— Близко он к вам подобрался? — любопытствовал я.

— Я был на волосок от серьезных проблем, — ответил мой компаньон, с нескрываемым отвращением глядя вниз. — Пришлось предпринять ряд телодвижений.

Филмер, человек весьма расплывчатой комплекции, выглядел так, словно его заливали в одежду, и он не успел сказать официанту «стоп!». Вид его, как вы понимаете, будил во мне самые радостные эмоции.

— Не вижу причин для веселья, — недовольный взгляд Достопочтенного Э. переместился на меня.

— Прошу прощения.

— Я мог получить серьезные увечья! — не унимался он.

— Как вы смотрите на то, чтобы еще разок запустить в эту птицу кирпичом?

— Ни в коем случае! Это только разозлит его.

— А что бы, собственно, его и не позлить? Непохоже, чтобы это существо всем сердцем стремилось вникнуть в наши трудности.

Но Э. Б. уже перешел к другому аспекту.

— Не представляю себе, как могла уплыть моя лодка? Я надежнейшим образом привязал ее к ивовому пню.

— Феноменальная история, — поддакнул я.

— Я склоняюсь к мысли, что некий негодник сознательно отвязал ее.

— О, мне кажется, нет, вряд ли, скорей всего. Ведь вы бы их заметили!

— Вовсе нет, мистер Вустер, — эти кусты надежно укрывают от взглядов. А кроме того, необычайно теплый полдень навевал сонливость, и оказавшись на острове, я сразу же задремал.

На мой взгляд, предмет для размышлений он выбрал не самый подходящий, так что я счел за благо сменить тему.

— Довольно-таки сыровато, э?

— Для меня это, боюсь, уже не новость, — ответил Э.Ф. противным голосом. — Благодарю вас, однако, за ту чуткость, с которой вы сообщили мне об этом.

Заподозрив, что светская беседа о погоде не находит отклика в сердце Филмера, я решил затронуть тему «Жизнь и повадки птиц центральной Англии».

— Вы никогда не замечали, — начал я, — что брови лебедей как бы сходятся к переносице?

— Что касается лебедей, — отозвался Достопочтенный, — то мне представилась прекрасная возможность узнать об этих птицах несколько больше, чем хотелось бы.

— Может быть, именно из-за бровей они и выглядят такими раздраженными?

— Раздражительность, на которую вы столь деликатно намекаете, я имел счастье испытать на себе.

— Вот ведь странно, — я все больше проникался предметом обсуждения, — какой тяжкий отпечаток накладывает семейная жизнь на характер лебедей...

— Вы не будете так любезны переключиться с лебедей на что-либо иное?

— Нет, но в самом деле — смотрите, как интересно! Взять, например, нашего закадычного приятеля — ну, этого, который под стеной... Наверняка в нормальной ситуации он просто миляга-парень — ведь лебедь совершенно мирная, хочу вам сказать, живность. Но стоило его маленькой жenuшке свить гнездо...

И тут меня вдруг осенило. Хотите верьте, хотите нет — за всей этой суматохой и светскими беседами я напрочь забыл о самом важном! Мы тут сидим на крыше в безвыходном положении, а в глубоком тылу болтается без дела могучий мозг, способный за пару минут изобрести дюжину вариантов успешного разрешения наших мелких неурядиц! Нам и нужно-то всего лишь воззвать к его единомудушной поддержке.

— Дживс! — возопил я.

— Сэр? — почтительно донеслось из бескрайних просторов.

— Мой слуга, — пояснил я Достопочтенному. — Существо бесконечной прозорливости и изобретательности. Джи-ивс!

— Сэр?

— Я сажу на крыше.

— Очень хорошо, сэр.

— Брось свое «очень хорошо»! Что ты нашел здесь хорошего? Местность кишит лебедями!

— Я займусь этим немедленно, сэр.

Я обернулся к Достопочтенному Ф. и в проявлениях восторга зашел так далеко, что хлопнул его по спине, ощутимо напоминавшей мокрую губку.

— Все в порядке. Дживс идет на помощь.

— Чем он способен помочь?

Я слегка нахмурился. В его реплике мне почудились капризные нотки.

— Мы не в силах ничего предугадать, — не без чопорности ответил я, — пока не увидим его в деле. Какую стратегию он выберет — неважно. Одно можно сказать наверняка: Дживс найдет выход из положения. Смотрите — вот он без труда скользит сквозь непроходимый кустарник, и лицо его озарено сиянием чистого разума. Гениальность Дживса не знает преград. Он в буквальном смысле питается одной рыбой.

Я перегнулся через край крыши, вглядываясь в бездну.

— Помни о лебеде, Дживс!

— Не беспокойтесь, сэр, — я держу птицу под пристальным наблюдением.

Лебедь, который выдвигал все новые шейные резервы, подавая их фут за футом в нашем направлении, бросил это занятие и стремительно развернулся. Похоже, что звук человеческого голоса с тыла изрядно его озадачил. Он подверг Дживса краткому и нелюбезному рассмотрению, а затем, набрав воздуха для своих шипучих надобностей, подпрыгнул и ринулся в атаку.

— Дживс, берегись!

— Очень хорошо, сэр.

Я бы не поставил на лебедя даже пенни против фунта. Может быть, по местным меркам он и числился в авангарде лебединой интеллигенции, но тягаясь с Дживсом, лишь попусту транжирил время. Лучше было ему сразу отправиться домой.

Всякому юноше, вступающему на жизненный путь, должно знать основные правила обращения с разъяренными лебедями, так что есть смысл вкратце описать данную процедуру. Итак: вначале следует подобрать кем-то потерянный у стены дождевик. Затем, как можно точнее оценив дистанцию, набросить его на голову птицы. И наконец, просунуть под днище лебедя предусмотрительно прихваченный из лодки багор и использовать его как рычаг. Лебедь отправляется в кустах, где и выпутывается из дождевика — а вы неспешно возвращаетесь к лодке, прихватив с собой, к примеру, друзей, которые по чистой случайности оказались на окрестных крышах. Такова методика Дживса, и лично я не нахожу, чтобы она нуждалась в улучшении.

Филмер развил скорость, которую я никак от него не ожидал, и мы в мгновение ока (максимум — два, и уж точно не больше четырех) добрались до лодки.

— Вы действовали очень разумно, мой милый, — сказал Достопочтенный, когда мы оттолкнулись от берега.

— Счастлив оказаться вам полезным, сэр.

Похоже, что на текущий, в некотором смысле, момент наш подопечный высказался полностью. После чего нахохлился и погрузился в размышления. Подозрительно глубоко погрузился. С головой. Даже когда я «поймал леща» — черпнул веслом, отправив ему за шиворот пару пинт воды, он этого словно и не заметил.

И только когда мы причалили, Филмер вновь пробудился к жизни.

— Мистер Вустер.

— Ммм... да?

— Я вновь размышлял над предметом нашей прошлой беседы: как, собственно, могла отвязаться и уплыть моя лодка.

Мне это не понравилось.

— Не думайте об этом, — сказал я. — Не стоит голову ломать. Нам никогда не разгадать эту тайну.

— Напротив. Разгадка уже найдена. Я убежден, что лодку отвязал мальчик Томас, сын хозяйки.

— О, нет, что вы! Зачем это ему?

— Он был на меня обижен. Кроме того, подобное мог придумать или ребенок, или законченный кретин.

Он зарысил к дому, а я, оцепенев от ужаса, повернулся к Дживсу. Да, пожалуй, именно так: оцепенев от ужаса.

— Дживс, ты слышал?

— Да, сэр.

— И что теперь будет?

— Возможно, мистер Филмер, всесторонне рассмотрев вопрос, сочтет свои подозрения беспочвенными.

— Но ведь они не лишены... почвы?

— Более чем не лишены, сэр

— И что же будет?

— Не знаю, сэр.

Я незамедлительно доложил тете Агате о благополучном окончании операции по спасению Достопочтенного на водах, а потом побрел наверх, принять ванну: в этих странствиях я промок от форштевня до кормы. Я наслаждался благодатным теплом, когда раздался стук в дверь.

Пришел Первис, дворецкий тети Агаты.

— Миссис Грегсон просила передать, сэр, что будет рада увидеть вас, как только вы освободитесь.

— Так она ведь меня видела?

— Возможно, ей хотелось бы увидеть вас еще раз, сэр.

— Ага... ну ладно.

Я еще пару минут провел под водой, потом наскоро обсушил шпангоуты и направился в свою комнату. Дживс как раз предавался праздности, глядя мое белье.

— Кстати, Дживс, — сказал я. — Вот о чем я подумал. Должен же кто-то пойти к мистеру Филмеру и дать ему капельку какого-нибудь там хинина? Миссия милосердия, а?

— Я уже отнес, сэр.

— Молодец. Конечно, моя любовь к этому типу не безгранична, но я бы не хотел, чтобы он подхватил насморк. И вот что, Дживс! — я вцепился в первый попавшийся носок. — Ты понимаешь, что мы должны что-то быстро придумать? Я хочу сказать — ты вникаешь в расстановку сил? Мистер Филмер подозревает Тома, причем подозревает вполне справедливо — но если он доведет свои подозрения до логического конца, то тетя Агата наверняка выпрет мистера Литтла, и тогда миссис Литтл узнает, каков гусь ее муженек — а знаешь, Дживс, что из этого проистечет и впоследствии? Я тебе отвечу: миссис Литтл получит все улики против мистера Литтла, и пускай я всего лишь холостяк, но все равно считаю, что жена не должна иметь на руках все козыри против мужа, а иначе нарушится естественное равновесие в той череде взаимных компромиссов, которую зовут семейной жизнью. Женщины склонны использовать эти козыри в корыстных целях. Они обделены даром прощения и забвения, Дживс.

— Очень тонко подмечено, сэр.

— Так что же делать?

— Я уже нашел выход, сэр.

— Уже?

— Да, сэр. Вскоре по возвращении с острова. Не успели мы расстаться, сэр, как решение само упало в руки благодаря одной реплике мистера Филмера.

— Дживс, ты просто чудо!

— Большое спасибо, сэр.

— Ну и что это за решение?

— Мне пришла в голову мысль сообщить мистеру Филмеру, что это вы похитили его лодку, сэр.

Дживс поплыл у меня перед глазами. Я судорожно вцепился в носок.

— Сообщить ему — что?

— Сперва мистер Филмер отнесся к моим словам с определенным недоверием. Однако я указал, что вы наверняка знали о его пребывании на острове, и мистер Филмер не мог не признать, что это крайне существенный факт. Более того, сэр, я подчеркнул, что беззаботный молодой джентльмен вполне способен на такое просто ради развлечения. В конечном итоге мне удалось убедить мистера Филмера, и теперь, полагаю, он снимет

обвинения с мастера Томаса.

Я уставился на мерзавца как замороженный.

— И это ты считаешь изящным решением!?

— Именно так, сэр. Желаемая цель достигнута: мистер Литтл сохранит место.

— А что будет со мной?

— О, вы тоже остались в выигрыше, сэр.

— Я тоже... что, и я тоже?

— Несомненно, сэр. Мне удалось выяснить, для чего миссис Грегсон пригласила вас.

Она хотела определить вас к мистеру Филмеру личным секретарем.

— Что!..

— Именно так, сэр. Дворецкий Первис невзначай услышал, как миссис Грегсон беседовала об этом с мистером Филмером.

— Секретарем к этому п-пережорливому зануде? Дживс — я не вынесу... не переживу...

— Боюсь, что так, сэр. Я взял на себя смелость предположить, что вас не заинтересует это предложение. Мистера Филмера вряд ли можно счесть подходящей для вас компанией. Однако если бы миссис Грегсон уже закрепила место за вами, то отклонить предложение оказалось бы несколько затруднительно.

— Вот-вот! Именно, что «несколько затруднительно».

— Да, сэр.

— Только знаешь, Дживс, — кое-что ты все-таки проглядел. Как я теперь выпутаюсь из этой истории?

— Прошу прощения, сэр?

— Буквально пару минут назад тетя Агата передала через Первиса, что хочет меня видеть. Думаю, она как раз полирует свой топорик...

— Разумней было бы избежать этой встречи, сэр.

— Легко сказать — но как?

— Непосредственно за этим окном по стене проходит надежная, крепкая водосточная труба. А через двадцать минут за воротами парка будет ждать двухместный автомобиль.

Я взглянул на него с глубоким уважением.

— Дживс, — сказал я, — ты всегда прав. А через пять минут не получится?

— Скажем, через десять минут, сэр.

— Ладно, сойдемся на десяти. Экипируй меня для путешествия, а остальное я беру на себя. Так где эта труба, о которой ты столь благосклонно отзывался?

Пэлем Гринвел Вудхауз

ДЖИВС И ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Забрезжил новый день, горяч и свеж, и в строгом соответствии с принятой мною в то время политикой я, сидя в ванне, пел «Моего сыночка», когда за стеной послышались тихие шаги, а затем сквозь дверь просочился голос Дживса:

— Прошу прощения, сэр.

Я как раз добрался до одиноких ангелов — здесь от исполнителя требуется абсолютная сосредоточенность, без которого немислимо добиться эффектного финала, — но прервал трансляцию и сдержанно отозвался:

— Да, Дживс. Реките.

— Мистер Глоссоп, сэр.

— Что с ним?

— Он в гостиной, сэр?

— Молодой Таппи Глоссоп?

— Да, сэр.

— В гостиной?

— Да, сэр.

— Желает меня видеть?

— Да, сэр.

— Гм!

— Сэр?

— Я лишь сказал «гм», Дживс.

А теперь открою вам, почему я сказал «гм». То, что поведал мне этот человек, представляло необычайный интерес. Известие о приходе Таппи меня немало удивило — ведь он выбрал для визита время, когда, как ему прекрасно известно, я имею обыкновение принимать ванну, а следовательно нахожусь в стратегически превосходной позиции, чтобы запустить в него мокрой губкой.

Я резво выскочил из ванной и, препоясав чресла полотенцем, направился в гостиную. Молодой Таппи Глоссоп стоял у рояля и одним пальцем наигрывал «Моего сыночка».

— Ку-ку! — произнес я с оттенком высокомерия.

— А, Берти! — сказал Таппи. — Послушай, Берти, ты мне нужен по важному делу.

Я видел, что юный негодай растерян. Он переместился к камину и тут же в смущенье смахнул на пол вазу.

— Дело в том, Берти, что я помолвлен.

— Помолвлен?

— Да, — подтвердил он, застенчиво роняя за каминную решетку рамку с фотографией. — То есть, почти.

— Почти?

— Ну да. Тебе она понравится, Берти. Ее зовут Кора Беллингер. Она берет уроки — собирается петь в опере. Потрясающий голос. И глаза — черные, сверкающие. А какая душа!

— Но что значит твое «почти»?

— Видишь ли, прежде чем заказывать подвенечное платье, она желала бы уяснить одну деталь. При благородстве характера и прочих достоинствах Кора совершенно не выносит

всего, что хотя бы отдаленно напоминает доброе дружеское подшучивание или розыгрыш. Будь у меня такая склонность — это ее собственные слова, — она и разговаривать со мной не стала бы. И вдруг, такое невезенье — она, похоже, прослышала о моей маленькой шалости в «Трутнях» — да ты, Берти, я уверен, и забыл об этом.

— Отнюдь!

— Нет, нет, не то чтобы забыл. Никто так славно не смеется, вспоминая об этой шутке, как ты, Берти. Так вот: не мог бы ты при первом же удобном случае со всей решительностью объявить Коре, что в этой истории нет ни крупицы правды. В твоих руках, старина, мое счастье, понимаешь? Разумеется, после таких слов у меня не было выхода. У нас, Вустеров, свой кодекс чести.

— Что ж, ладно, — сказал я без тени энтузиазма.

— Ты настоящий друг, Берти!

— Когда я увижу эту несчастную?

— Не называй ее несчастной. Я уже все продумал — сегодня мы придем к тебе обедать.

— Что?

— В половине второго. Решено. Отлично. Превосходно. Спасибо, Берти, я знал, ты не подведешь.

Он ушел, а я обратился к Дживсу, который возник рядом с подносом.

— Сегодня обед на троих, Дживс.

— Слушаю, сэр.

— Всему есть предел, Дживс. Помните, я рассказывал о шутке, которую сыграл со мной мистер Глоссоп в «Трутнях»?

— Да, сэр.

— Уже который месяц я лелею мечту о расплате. А теперь, вместо того чтобы повергнуть его в прах, я должен потчевать изысканными яствами Таппи и его невесту, всячески их ублажать и исполнять роль ангела.

— Такова жизнь, сэр.

— Вы правы, Дживс. Что у нас здесь? — спросил я, обследуя поднос.

— Копченая селедка, сэр.

— Меня не удивило бы, — сказал я, ибо пребывал в философском расположении духа, — меня не удивило бы известие, что и в жизни селедки не все идет гладко.

— Это весьма вероятно, сэр.

— Не говоря уже о неприятностях, связанных с переходом в копченое состояние.

— Совершенно справедливое замечание, сэр.

— И так всегда, Дживс. Всегда и во всем.

Я решительно был далек от восхищения упомянутой Беллингер, присущего молодому Таппи. Ровно в тринадцать двадцать пять она появилась на пороге: лет под тридцать, вес полутяжелый, взгляд повелительный, подбородок квадратный — достоинства, от которых я бы лично держался подальше. Точь-в-точь Клеопатра, если бы та не ограничивала себя в мучном. Не знаю, почему, но все женщины, хоть как-то причастные к опере — пусть они лишь начинают учиться пению, — отличаются избыточным весом.

Однако Таппи, похоже, совершенно потерял голову. И до, и во время обеда, он пытался от отчаянных усилий стать достойным своей возвышенной спутницы. Когда Дживс

предложил ему коктейль, Таппи отпрянул от него, как от гремучей змеи. Страшно было смотреть, что любовь сделала с этим человеком. Печальное зрелище отвратило меня от пищи.

В половине третьего эта Беллингер отправилась брать урок пения. Бляя и резвясь, Таппи скакал следом, провожая ее до дверей, а вернувшись, посмотрел на меня с совершенно идиотским видом.

— Ну, Берти?

— Что, ну?

— Не правда ли, она...

— О, разумеется, — сказал я, подбадривая беднягу.

— Дивные глаза?

— Весьма.

— А фигура?

— Вполне.

— Дивный голос?

Вот тут я смог вложить в свой ответ больше чувства. По просьбе Таппи, эта Беллингер, прежде чем припасть к кормушке, спела нам несколько песен, и никто не стал бы отрицать, что ее легкие находятся в превосходной форме. Штукатурка все еще сыпалась с потолка.

— Потрясающий, — сказал я.

Таппи вздохнул и, налив себе дюйма четыре виски и дюйм содовой, смочил иссушенные жаждою уста.

— А-а! — сказал он. — Этого мне как раз и не хватало.

— А почему ты не пил за обедом?

— Видишь ли, — ответил Таппи, — я еще не выяснил, как Кора относится к привычке время от времени пропустить рюмочку, и на всякий случай решил воздержаться. Это, по моему убеждению, должно свидетельствовать о серьезности мыслей. Все еще висит на волоске, и малейшая оплошность может привести к роковому исходу.

— Мне абсолютно непонятно, как ты сможешь ее убедить в том, что у тебя вообще есть какие-то мысли, не говоря уже о серьезных.

— У меня есть свой метод.

— Уверен, он никуда не годен.

— Ах ты уверен, — сказал Таппи с возмущением. — К твоему сведению, все обстоит как раз наоборот. Я веду это дело по всем правилам. Помнишь Крепыша Бингхэма — он учился с нами в Оксфорде?

— Видел его на днях. Он принял сан.

— Ну да. Приход у него в Ист-Энде. Так вот, Крепыш Бингхэм открыл клуб для местных хулиганов. Сам знаешь, что это такое: чашка какао, трик-трак в читальне и время от времени благопристойные развлечения в зале для собраний масонской ложи. А я ему помогаю. Уже месяц все вечера провожу за трик-траком. Кора одобряет. Я уговорил ее в ближайший вторник там спеть.

— Вот как?

— Именно. А теперь, Берти, оцени мою дьявольскую изобретательность: я тоже буду петь.

— Почему ты думаешь, что тебе это поможет?

— Потому что то, как я собираюсь петь песню, которую я собираюсь петь, откроет

перед ней такие глубины моей натуры, о которых она и не подозревает. Она увидит, как эти грубые невежественные люди проливают слезы умиления, и скажет себе: «Черт побери, золотое сердце у этого парня!» Я выбрал не какой-нибудь пустячок. Никакого вульгарного шутовства! Я буду петь об одиноких ангелах...

Я вскрикнул.

— Уж не собираешься ли ты петь «Моего сыночка»?

— Ты угадал.

Я был потрясен. Да, черт побери, потрясен. У меня весьма строгие взгляды на «Моего сыночка». Я считаю, что эту песню должны исполнять лишь немногие избранные, причем исключительно в тишине и уединении ванной комнаты. Самая мысль о публичной казни, совершаемой над «Моим сыночком» человеком, способным поступить с другом так, как молодой Таппи поступил со мной в тот вечер в «Трутнях», — самая мысль об этом заставляла меня страдать. Да, да, страдать.

Я, впрочем, не успел выразить свое негодование, ибо в этот момент вошел Дживс.

— Звонила миссис Треверс, сэр. Она поручила сообщить вам, что будет здесь через несколько минут.

— Принято к сведению, Дживс, — сказал я. — Так вот, Таппи...

Я замолчал. Таппи исчез.

— Дживс, куда вы его подевали? — спросил я.

— Мистер Глоссоп удалился, сэр.

— Удалился? Как он мог удалиться? Он только что сидел вот здесь...

— Наружная дверь как раз закрывается, сэр.

— Но к чему такая спешка?

— Возможно, мистер Глоссоп предпочел не встречаться с миссис Треверс, сэр.

— Но почему?

— Не могу сказать с определенностью, сэр. Однако при упоминании имени миссис Треверс он тут же встал.

— Странно, Дживс.

— Да, сэр.

Я перешел к более важному предмету.

— Дживс, — сказал я, — во вторник на вечере в Ист-Энде мистер Глоссоп намеревается петь «Моего сыночка».

— Неужели, сэр?

— Перед публикой, приготовленной по рецепту: на стакан бакалейщиков столовая ложка торговцев рыбой и щепотка боксеров.

— Неужели, сэр?

— Напомните мне — я должен там быть. Таппи обязательно освищут, и я хочу видеть его падение.

— Слушаю, сэр.

— Я буду ждать миссис Треверс в гостиной.

Тем, кто близко знаком с Берти Вустером, известно, что его жизненный путь омрачен множеством пакостей, чинимых целым взводом изрядно заплесневелых теток. Единственное светлое пятно в этой жуткой толпе — тетушка Даляя. Она вышла за старика Тома Треверса в

тот памятный год, когда первым в Ньюмаркете пришел Василек. Одна из лучших теток, можете не сомневаться. Мне всегда приятно поболтать с ней, и когда без пяти три она вплыла в гостиную, я поднялся ей навстречу, источая радушие.

Почтенная родственница казалась несколько возбужденной и незамедлительно приступила к делу. Тетушка Даля принадлежит к известному типу крупных женщин с добрым сердцем. Когда-то она увлекалась охотой и с тех пор сохранила привычку говорить, как если бы на зеленом холме в полумиле от себя только что обнаружила лисицу.

— Берти, — закричала тетушка, вспомнив, как вдохновляла свору гончих на последний рывок, — мне нужна твоя помощь!

— Можете на нее рассчитывать, тетя Даля, — учтиво ответил я. — Не покривив душой, могу сказать, что нет человека, которому я с большим удовольствием оказал бы услугу, чем вам, нет человека, для которого я с большей готовностью...

— Довольно болтовни, — попросила она. — Заткни фонтан. Речь идет о твоём приятеле — молодом Глоссопе.

— Он только что у меня обедал.

— Ах так? Жаль, что ты не подсыпал яду в его суп.

— Супа не подавали. Кроме того, я не уверен, что термин «приятель» вполне согласуется с фактическим положением вещей. Видите ли, как-то вечером, когда мы ужинали в «Трутнях»...

В этот момент тетя Даля (несколько бесцеремонно, как мне показалось) заявила, что предпочитает подождать до того времени, когда история моей жизни станет доступна широкой публике в виде книги.

Увидев, что тетушку покинула ее обычная доброжелательность, я отложил на время личные обиды и спросил, что ее терзает.

— Этот юный негодяй Глоссоп, — был ответ.

— Каким образом?

— Он разбивает сердце Анжелы. (Анжела. Дочь поименованной выше тетушки. Моя кузина. Прелестный цыпленок.)

— Разбивает сердце Анжелы?

— Да... Разбивает сердце... Анжелы!

— Вы говорите, он разбивает сердце Анжелы?

Несколько возбужденным тоном тетушка попросила меня приостановить водевильный обмен репликами.

— И каким образом он это делает? — спросил я.

— Он ею пренебрегает. Самым подлым, бездушным, надувательским и двуличным образом.

— Двуличие — вот подходящее слово, тетя Даля. Оно так и просится на язык, когда речь заходит о молодом Таппи Глоссопе. Послушайте, как он поступил со мной в «Трутнях». Не успели мы встать из-за стола...

— С самого начала сезона он ни на шаг не отходил от Анжелы. Такое поведение во времена моей молодости называли ухаживанием...

— Или сватовством?

— Ухаживанием или сватовством, как тебе больше нравится.

— Как вам больше нравится, тетя Даля, — сказал я учтиво.

— Так или иначе, но он бывал у нас каждый день, поглощал обеды, танцевал с ней

часами напролет и тому подобное, пока бедняжка, совсем спятив из-за него, не решила, что он вот-вот предложит ей провести остаток жизни в одном стойле. Но тут он исчезает, бросив Анжелу, как тесный башмак, и, по слухам, теряет голову из-за какой-то девицы. Они встретились в Чесли на званом чае. Ее зовут... Как же ее зовут?..

— Кора Беллингер.

— Откуда ты знаешь?

— Она сегодня у меня обедала.

— Ее привел Глоссоп?

— Да.

— Как она выглядит?

— Весьма внушительно. Формой и размерами смахивает на Альберт-Холл.

— Как тебе показалось, он ею увлечен?

— Бедняга глаз не мог оторвать от мощного корпуса.

— Современный молодой человек, — сказала тетушка, — это врожденный идиот, который без няньки не может ступить ни шагу. Ему нужен энергичный спутник, который каждые четверть часа давал бы ему хорошего пинка.

Я попытался найти в происходящем светлую сторону.

— Тетя Далия, — сказал я, — если вас интересует мое мнение, то я думаю, что Анжеле повезло. Этот Глоссоп — кошмарный тип. В Лондоне таких поискать. Только послушайте, как он поступил со мной в «Трутнях». С помощью бутылки портвейна возбудил во мне спортивный азарт и предложил пари, утверждая, что я не смогу перелететь через бассейн, раскачавшись на веревках с кольцами. Для меня это — сущий пустяк, и я сразу согласился, предвкушая победу. И вот, когда, пролетев половину расстояния, я успешно завершал операцию, выяснилось, что последнее кольцо он зацепил за ограду, оставив мне единственный выход — падать в воду и плыть к берегу в вечернем костюме и лакированных туфлях.

— Он до этого додумался?

— Представьте себе. Прошло несколько месяцев, а я еще не вполне высох. Не захотите же вы, чтобы ваша дочь вышла за подобного типа?

— Напротив, Берти. Ты возродил во мне веру в юного негодяя. Похоже, в нем есть немало хорошего. Я хочу, чтобы он порвал с этой Беллингер.

— Но как этого добиться?

— Мне это безразлично. Делай что хочешь.

— Ума не приложу, что я могу сделать.

— Поручи это Дживсу. Он найдет способ. Один из умнейших людей, которые мне попадались, этот твой Дживс. Обрисуй ему положение, и пусть поразмыслит.

— Пожалуй, в этом что-то есть, — сказал я задумчиво.

— Еще бы, — отозвалась тетушка, — да такое дело для Дживса — пустяк, детская забава. Пусть приступает, а я зайду завтра узнать о результатах.

С этими словами она сорвалась со старта, и я призвал Дживса.

— Дживс, — сказал я, — вы все слышали?

— Да, сэр.

— Я так и думал. Тетушка Далия обладает, я бы сказал, дальнобойным голосом. Вам не приходило в голову, что, лишившись прочих источников дохода, она могла бы сносно обеспечить себя, скликая крупный рогатый скот на пастбищах Дикого Запада?

— Я не задумывался над этим, сэр. Но вы несомненно правы в своих предположениях.

— Так что же нам предпринять? Каково ваше мнение, Дживс? Полагаю, нам следует приложить все усилия, чтобы помочь делу.

— Да, сэр.

— Я люблю тетю и люблю свою кузину. Люблю их обеих, если вы улавливаете ход моих мыслей. Ни вы, ни я, Дживс, не сможем объяснить, что привлекательного нашла эта введенная в заблуждение девушка в молодом Таппи. Но, по всей видимости, она его любит, что доказывает принципиальную возможность испытывать упомянутое чувство к этому человеку, во что я лично никогда бы не поверил, она его любит, и чахнет, и скорбит, подобно...

— Подобно Ниобее над телами чад своих.

— Подобно Ниобее, как вы очень тонко заметили, над телами чад своих. Итак, объединим наши усилия. Поразмыслите над проблемой, Дживс. Она потребует от вас крайнего умственного напряжения.

Тетя Далия прискакала на следующий день, и я позвал Дживса. Он появился, излучая мудрость свыше всякого правдоподобия — каждая черта его была озарена чистым интеллектом, — и я сразу понял, что машина работает вовсю.

— Говорите, Дживс, — сказал я. — Вы размышляли над проблемой?

— Да, сэр.

— И каков результат?

— У меня есть план, сэр, который, по моему представлению, должен привести к удовлетворительному решению.

— Выкладываете, — сказала тетя Далия.

— В подобных случаях, сударыня, предпосылкой успеха является тщательное изучение психологии индивидуума.

— Чего индивидуума?

— Психологии, сударыня.

— Он имеет в виду психологию, — сказал я. — А под психологией, Дживс, вы подразумеваете?..

— Основные склонности и свойства характера главных фигурантов дела, сэр.

— То бишь, что они за люди?

— Именно, сэр.

— Он всегда говорит с тобой так, Берти? — спросила тетя Далия.

— Иногда. Время от времени. А иногда нет. Продолжайте, Дживс.

— С вашего позволения, сэр, наблюдая за мисс Беллингер, я пришел к выводу, что наиболее ярко выраженной особенностью этой дамы является тяжелый и необузданный нрав. Насколько легко мне вообразить, как она аплодирует успеху, настолько невероятной представляется мне картина, рисуемая мисс Беллингер в тот момент, когда она утешает неудачника. Вы, быть может, помните, сэр, как она реагировала на попытку мистера Глоссоба дать ей прикурить от его автоматической зажигалки? Я заметил определенные признаки раздражения, выказанные ею, когда мистер Глоссоб потерпел неудачу и не смог извлечь из инструмента требуемое пламя.

— Вы правы, Дживс. Она устроила ему форменный разнос.

— Именно, сэр.

— Что-то я не совсем понимаю, — вмешалась в разговор тетя Далия, несколько озадаченная. — По-вашему, если он будет щелкать зажигалкой достаточно долго, ей это в конце концов надоест, и она ему откажет? В этом ваша идея?

— Я упомянул этот эпизод, сударыня, как свидетельство безжалостного характера мисс Беллингер.

— Безжалостного, — подтвердил я, — именно, безжалостного. Беллингер — черствое бездушное создание. Эти глаза, этот подбородок. По ним видна ее суть. Железный канцлер в юбке — вот что она такое.

— Весьма точное определение, сэр. Вот почему мне представляется, что случись мисс Беллингер стать свидетельницей неудачного выступления мистера Глоссопа перед публикой, ее любовь неминуемо угаснет. Если, например, во вторник ему не удастся расположить к себе аудиторию...

Я увидел просвет.

— Черт возьми, Дживс! Если его освищут, все встанет на свое место, так?

— Я был бы крайне удивлен иному исходу, сэр.

Я покачал головой.

— Мы не можем полагаться на случайность, Дживс. Конечно, трудно вообразить более подходящий объект для освиствывания, чем молодой Таппи, поющий «Моего сыночка», это я понимаю, но... Нет, Дживс, мы не имеем права рассчитывать только на удачу.

— В этом нет необходимости, сэр. Вы могли бы предложить вашему другу, мистеру Бингхэму, свои услуги в качестве исполнителя на предстоящем празднике. Нетрудно будет организовать дело так, чтобы вы пели непосредственно перед мистером Глоссопом. Мне кажется, сэр, если мистеру Глоссопу придется петь «Моего сыночка» сразу же после того, как вы исполните ту же самую песню, публика будет реагировать на его выступление вполне соответственно нашим чаяниям. К тому моменту, когда мистер Глоссоп начнет петь, слушатели уже в значительной степени потеряют интерес к этому произведению и будут достаточно откровенны в проявлении чувств.

— Дживс, вы чудо, — сказала тетя Далия.

— Благодарю вас, сударыня.

— Дживс, вы осел, — сказал я.

— Что ты мелешь, Берти? — вспыхнула тетушка. — Это великолепный план.

— Чтобы я пел «Моего сыночка» в клубе Крепыша Бингхэма? Подумать только!

— Вы ежедневно исполняете эту песню в ванной, сэр. Мистер Вустер, — сказал Дживс, обращаясь к тете Далии, — обладает приятным мягким баритоном.

— Не сомневаюсь.

Я бросил на Дживса ледяной взгляд.

— Одно дело — петь «Моего сыночка» в ванной, Дживс, и совсем другое — перед отборнейшими бакалейщиками со чада и домочадцы!

— Берти, — вмешалась тетя Далия, — ты будешь петь, хочешь ты этого или нет.

— Не буду!

— Берти!

— Ни за что!

— Берти, — твердо сказала тетя Далия, — во вторник, третьего числа следующего месяца, ты споешь «Моего сыночка». Ты будешь петь как жаворонок на заре, в противном

случае да падет на твою голову...

— Не буду!

— Подумай об Анджеле!

— К черту Анджелу!

— Берти!

— Ни за что, пропади все пропадом!

— Значит, нет?

— Ни в коем случае.

— Твое последнее слово?

— Последнее. Учтите раз и навсегда, тетя Далия, нет такой силы, которая заставит меня спеть хотя бы одну ноту. В тот же день я послал Крепышу Бингхэму телеграмму с оплаченным ответом, где предлагал свои услуги по упомянутому делу, и к вечеру все было улажено. Согласно программе, я выступал вторым после перерыва. Следующим значился Таппи. А непосредственно за ним — мисс Кора Беллингер, знаменитое оперное сопрано.

— Дживс, — сказал я вечером, причем в голосе моем тщетно было искать теплоту, — загляните в ближайший нотный магазин. Мне нужен экземпляр «Моего сыночка». Придется заучить все слова — я уже не говорю о суете и нервном напряжении, сопряженном с этой затеей.

— Слушаю, сэр.

— Хочу также подчеркнуть...

— Мне лучше поторопиться, сэр, магазин скоро закроется.

— Ха!

Я хотел его уязвить.

Разумеется, я заставил себя превозмочь страх перед грядущим испытанием и отправился в путь исполненный хладнокровия и мужества, отличающих людей, способных совершать отчаянные поступки с беззаботной улыбкой на устах. Но, должен признаться, был момент — лишь только я вошел в зал и обвел взглядом собравшихся искателей удовольствий — был момент, когда потребовалась вся бульдожья отвага вустеров, чтобы не плюнуть на все и не удрать в такси прочь, в цивилизованный мир. Целомудренные развлечения были в разгаре. Некто, по виду — местный гробовщик, декламировал киплингского «Гангу Дина». При этом публика, хотя и не улюлюкала в точном смысле этого слова, выглядела довольно мрачно, что мне совсем не понравилось. Один ее вид вызывал чувства, родственные тем, что должны были испытывать Седрах, Мисах и Авденаго, готовясь войти в печь, раскаленную огнем.

Рассматривая сограждан, собравшихся в зале, я пришел к заключению, что они временно отложили вынесение приговора. Приходилось ли вам, постучавшись в дверь нью-йоркского подпольного бара, увидеть, как, щелкнув, открывается зарешеченное окошко, и в нем оказывается лицо? Глаза устремлены на вас, и в этот длинный молчаливый миг вся ваша жизнь проходит перед вами. Потом вы сообщаете, что ваш друг мистер Цинцинхаймер, заверил вас, что стоит на него сослаться, как вас примут подобающим образом. Тут же напряжение спадает. Так вот, заполняющие зал торговцы рыбой выглядели точь-в-точь как

это лицо. «Ну, начинай, — казалось, говорили они, — а уж мы знаем, как с тобой поступить». И я проникался уверенностью, что это их «ну, начинай» адресуется мне.

— Аншлаг, сэра, — сказал кто-то рядом. Это был Дживс, снисходительно наблюдавший за происходящим.

— Вы здесь, Дживс? — холодно спросил я.

— Да, сэра. Я нахожусь здесь с самого начала представления.

— Ах так? Есть жертвы?

— Простите, сэра?

— Вы все понимаете, Дживс, — сказал я строго. — Не делайте вид, что это не так. Кого-нибудь уже освистали?

— О нет, сэра.

— Думаете, первым буду я?

— Нет, сэра. Я не вижу оснований для неудачи. У меня предчувствие, что вас примут хорошо.

Внезапная мысль посетила меня.

— Думаете, все пойдет как задумано?

— Да, сэра.

— А я так не думаю, — сказал я. — И вот почему: я обнаружил просчет в вашем гнусном плане.

— Просчет, сэра?

— Да. Неужели вы хоть на мгновение могли предположить, что, услышав, как я пою эту чертову песню, мистер Глоссоп тут же выйдет на сцену, чтобы исполнить ее еще раз? Где ваша сообразительность, Дживс? Он почует опасность и вовремя остановится. Ничто не заставит его петь.

— Мистер Глоссоп не услышит вашего пения, сэра. Согласно моему совету он проследовал в «Кувшин и бутылку» — это как раз напротив — и намерен оставаться там до самого выхода на сцену.

— Вот как? — сказал я.

— Осмелюсь предложить вам, сэра. Чуть дальше по улице есть другое заведение такого рода — «Коза и виноград». Мне кажется, с вашей стороны было бы благоразумным шагом...

— Внести лепту в процветание владельца?

— Это поможет вам снять нервное напряжение, вызванное ожиданием, сэра.

Я отнюдь не испытывал признательности к Дживсу за то, что он вовлек меня в эту отвратительную историю, но последние его слова, признаюсь, несколько смягчили мою суровость. Дживс, безусловно, был прав. Он изучил психологию индивидуума и попал в самую точку. Десять спокойных минут в «Козе и винограде» — вот то, что было столь необходимо моему организму. Бертрам Вустер не замедлил отправиться туда и опрокинуть пару стаканов виски с содовой.

Средство подействовало чудесным образом. Не знаю, что они там добавляют в виски помимо купороса, но мои взгляды на жизнь коренным образом изменились. Исчез комок в горле. Прошло ощущение слабости в коленях. Прекратилась легкая дрожь рук и ног, язык более не прилипал к гортани, и позвоночник вновь стал надежной опорой для тела. Проглотив еще порцию, я ласково попрощался с буфетчицей, приветливо кивнул паре посетителей, чьи лица показались мне симпатичными, и, готовый ко всему, горделиво направился в зал.

Вскоре я был уже на сцене, и миллион вытаращенных глаз уставился в меня. В ушах раздался звон, и сквозь него донеслись вступительные аккорды. Вручив душу Господу, я набрал побольше воздуха и бросился в атаку.

Дальнейшее не очень четко отразилось в моем мозгу, но, помню, начиная припев, я услышал нечто вроде шепота. Мне показалось, что аудитория пытается подпевать, и это подействовало на меня ободряюще. Я напряг глотку до предела, взял высокую ноту и грациозной походкой удалился за кулисы. На поклон я не вышел, а тихо прокрался в зал, где среди стоявших за последними рядами меня ожидал Дживс.

— Ну, как, — сказал я, бросив якорь рядом с ним и вытирая честно заработанный пот, — они не взяли сцену штурмом?

— Нет, сэр.

— Тем не менее можете довести до сведения широкой публики, что это было моим последним выступлением без мочалки в руке. Моя лебединая песня, Дживс. Впредь все желающие услышать мое пение должны явиться к дверям ванной и прижать ухо к замочной скважине. Похоже, к концу моего выступления публика была несколько возбуждена. Губы уже складывались для свиста.

— Я также заметил некоторое беспокойство среди зрителей, сэр. Мне показалось, что они в известной степени утратили интерес к этой мелодии.

— Что вы сказали?

— Мне следовало предупредить вас ранее, сэр, что эта песня уже дважды прозвучала до вашего появления на сцене.

— Что?!

— Да, сэр. В первый раз ее исполнила некая дама, во второй — джентльмен. Очень популярное произведение.

Я уставился на Дживса. Меня поразила сама мысль о том, что этот человек, зная обо всем, спокойно и хладнокровно позволил молодому хозяину войти в пасть дьявола. Увы, старая феодальная преданность сеньору, похоже, ушла навсегда. Я уже собирался в недвусмысленных выражениях сказать Дживсу все, что я думаю по этому поводу, когда увидел Таппи, который, пошатываясь, шел к сцене.

Вид Таппи прямо указывал на недавний визит, нанесенный им в «Кувшин и бутылку». Крики одобрения, издаваемые не иначе как его партнерами по трик-траку, верными священным узам братства, растянули и без того широкую улыбку Таппи сверх всякого вероятия. Без сомнения, он чувствовал себя так хорошо, как это только возможно для человека, если он еще держится на ногах. Таппи дружески махнул рукой и поклонился с королевским достоинством — так восточный властитель благосклонно внимает восторженным кликам толпы.

Но тут пианистка высекла из инструмента вступительные аккорды «Моего сыночка». Таппи надулся, как воздушный шар, сцепил руки, закатил глаза к потолку, являя высшую степень одухотворенности, и запел.

Я думаю, публика была поначалу слишком ошеломлена, чтобы принять экстренные меры. Как ни трудно в это поверить, но даю вам слово — молодой Таппи Глоссон пропел всю песню в кромешной тишине. Наконец они пришли в себя.

Нет ничего страшнее бакалейщика, если его раздражить. Никогда прежде не

приходилось мне видеть возбужденных пролетариев, и зрелище это, должен признаться, повергло меня в ужас. Теперь, по крайней мере, я имею представление о том, что творилось во время Великой французской революции. Со всех сторон несся шум, слышимый обычно на рингах Ист-Энда, когда рефери, дисквалифицировав любимца публики, спасается бегством. Затем от слов они перешли к более действенным аргументам: в ход были пущены овощи.

Трудно объяснить почему, но у меня сложилось убеждение, что первым снарядом должен стать огурец. Такая, знаете ли, причудливая игра воображения. В действительности, однако, этим предметом оказался банан, и я сразу же признал интеллектуальное превосходство мудреца, отдавшего предпочтение тропическому плоду. Сидящим в зале джентльменам с раннего детства прививали навыки правильного общения с актерами, которым не удалось завоевать симпатии публики, благодаря чему в своих действиях они руководствуются безошибочными инстинктами. Увидев, как банан расплющился о крахмальную грудь Таппи, я мгновенно оценил, насколько это средство эффективнее любого огурца.

Не то чтобы огуречная стратегия вовсе не имела сторонников. По мере развития событий я заметил несколько человек, в чьих глазах светился живой интеллект, которые отдавали предпочтение именно огурцам.

Молодой Таппи отнюдь не остался равнодушным к происходящему. Его глаза вылезли из орбит, волосы встали дыбом, а рот тем временем продолжал открываться и закрываться, не оставляя сомнений в том, что он автоматически продолжает петь. Наконец Таппи вышел из транса и принялся что было сил грести к берегу. У самых дверей он на полкорпуса обошел крупный помидор.

Вскоре волнение улеглось, крики затихли. Я повернулся к Дживсу.

— Прискорбное зрелище, Дживс, — сказал я. — Но у нас не было другого выхода.

— Да, сэр.

— Кроме хирургического вмешательства, не так ли?

— Именно, сэр.

— Принимая во внимание все происшедшее на глазах известной нам дамы, можно с уверенностью сказать, что роман Глоссоп-Беллингера завершен.

— Да, сэр.

В эту минуту на сцену вышел Крепыш Бингхэм.

— Дамы и господа! — провозгласил старина Бингхэм.

Я подумал было, что он хочет упрекнуть свою паству за столь горячее изъяснение чувств. Но не тут-то было. Бингхэм, без сомнения, привык к этим простым и здоровым шуткам и не считал нужным обращать внимание на некоторое оживление в зале.

— Дамы и господа, — сказал он, — следующим номером нашей программы должна была выступать мисс Кора Беллингера, широко известное оперное сопрано. Только что она уведомила меня по телефону, что ее автомобиль сломался в дороге. Мисс Беллингера, однако, направляется к нам в такси и прибудет с минуты на минуту. Тем временем наш друг мистер Инок Симпсон прочитает...

Я схватил Дживса за рукав.

— Дживс! Вы слышали?

— Да, сэр.

— Ее здесь не было!

— Да, сэр.

— Она не видела Ватерлоо молодого Таппи.

— Да, сэр.

— Вся наша затея провалилась!

— Да, сэр.

— Дживс, Дживс, — сказал я с упреком, и окружающие не могли не заметить гримасы страдания, искажившей благородные черты моего бледного лица. — Я перенес нервное потрясение, равного которому не было со времен ранних христианских мучеников. Я потерял в весе не один фунт, весь мой организм подвергнулся неслыханному издевательствам. Я прошел через муки, воспоминание о которых еще долгие месяцы будут поднимать меня среди крошечной ночи с постели и бросать в холодный пот. И все это зря. Идемте, Дживс.

— Если вы не возражаете, сэр, я бы хотел досмотреть оставшуюся часть программы.

— Поступайте как знаете, Дживс, — сказал я задумчиво. — Лично я чувствую себя совершенно опустошенным. Загляну в «Козу и виноград». Еще один коктейль с цианидом — и домой.

Без чего-то одиннадцать, когда я сидел в гостиной и мрачно тянул более или менее последний бокал успокоительного, в дверь позвонили, и на пороге появился молодой Таппи. У него был вид человека, прошедшего через суровое испытание и заглянувшего в лицо вечности. Под его правым глазом расплывался синяк.

— Привет, Берти, — сказал Таппи.

Он вошел и принялся перебирать безделушки на каминной полке, подыскивая, что бы разбить.

— Я только что пел на концерте у Крепыша Бингхэма, — объявил он, выдержав паузу.

— О? — сказал я. — Как тебя приняли?

— Превосходно, — ответил Таппи. — Зал затаил дыхание.

— Произвел фурор?

— Еще какой. Все рыдали.

Это, заметьте, говорил человек, получивший хорошее воспитание, человек, мать которого долгие годы не уставала твердить своему чаду, что лгать грешно.

— Мисс Беллингер осталась довольна?

— В высшей степени.

— Стало быть, все идет хорошо?

— Лучше некуда.

Таппи помолчал.

— Впрочем, с другой стороны...

— С другой стороны?

— Видишь ли, Берти, я пораскинул мозгами и пришел к выводу, что мисс Беллингер — не самая подходящая партия для меня.

— Ты пришел к такому выводу?

— К такому.

— И почему ты пришел к такому выводу?

— Сам не знаю. Такие мысли приходят как озарение. Понимаешь, Берти, я отношусь к мисс Беллингер с уважением. С восхищением. И все же... Не могу избавиться от чувства, что какая-нибудь нежная, ласковая девушка... э-э-э... Ну, вроде твоей кузины Анджелы... Берти,

я пришел с просьбой. Позвони Анджели и спроси, как она смотрит на то, чтобы пойти со мной сегодня в «Баркли» — поужинать и потанцевать.

— Вот телефон. Звони.

— Лучше ты, Берти. Расчисти путь. Не исключено, что Анджела... Не мне тебе рассказывать, как возникают подобные недоразумения. Берти, старина, прошу тебя, поработай бульдозером.

Я подошел к телефону и назвал номер тети Далии.

— Анджела сказала, ты можешь придти, — повторил я слова кузины.

— Передай ей, — ответил Таппи полным обожания голосом, — что я буду у нее через две секунды.

Не успел он сгнуться, как послышался щелчок ключа в замочной скважине и из коридора донеслись тихие шаги.

— Дживс! — позвал я.

— Сэр? — отозвался Дживс, возникая на пороге.

— Дживс, произошла престранная вещь. Мистер Глоссоп — он только что был здесь — сообщил мне, что между ним и мисс Беллингер все кончено.

— Да, сэр.

— Вас, похоже, это не удивляет.

— Да, сэр. Должен признаться, что я предвидел такой поворот событий.

— Вот как? Но что вас натолкнуло на такую мысль?

— Я догадался об этом, сэр, когда увидел, как мисс Беллингер нанесла мистеру Глоссопу удар в глаз.

— Нанесла удар?

— Да, сэр.

— В глаз?

— Правый глаз, сэр.

Я схватился за голову.

— Но зачем она это сделала?

— Мне представляется, сэр, она испытала известное разочарование в приеме, который ей оказала публика.

— Боже мой! Неужто и ее освистали?

— Да, сэр.

— Но почему? У нее же громоподобный голос.

— Да, сэр. Но, как мне кажется, публика не одобрила выбор песни.

— Дживс! — Я начинал терять рассудок. — Не хотите же вы сказать, что и мисс Беллингер пела «Моего сыночка»?

— Именно, сэр. Она взяла с собой на сцену большую куклу — необдуманый шаг, с моей точки зрения, сэр, — чтобы обращаться к ней во время исполнения песни. Публика приняла куклу за реквизит чревовещателя и сопровождала свою догадку шумом.

— Но, Дживс! Какое поразительное совпадение

— Не совсем так, сэр. Я взял на себя смелость заговорить с мисс Беллингер немедленно по ее прибытии в клуб мистера Бингхэма и напомнил ей о том, что уже имел честь ее видеть. Затем я сказал, что мистер Глоссоп поручил мне обратиться к ней с просьбой исполнить его любимую песню — «Моего сыночка». А когда мисс Беллингер узнала, что и вы, сэр, и мистер Глоссоп спели именно это произведение непосредственно перед тем, как она

поднялась на сцену, то, вероятно, предположила, что стала жертвой неуместной шутки мистера Глоссопа. Угодно что-нибудь еще, сэр?

— Нет, благодарю вас.

— Доброй ночи, сэр.

— Доброй ночи, Дживс, — сказал я с благоговением.

Пэлем Гринвел Вудхауз

Находчивость Дживса

Дживс и Вустер

Я с негодованием уставился на него:

– Ни слова больше, Дживс. Это уже слишком! Шляпы – да. Носки – да. Пиджаки, брюки, рубашки, галстуки, воротники – во всем этом я полагаюсь на ваш вкус. Но фарфоровая ваза, – нет, уж увольте!

– Слушаю, сэр.

– Вы говорите, что ваза нарушает стиль комнаты. А мне она нравится. Я считаю ее художественной, во всяком случае, стоящей заплаченных за нее пятнадцати шиллингов.

– Очень хорошо, сэр.

– Итак, с этим покончено. Если будут спрашивать, то я буду у мистера Сипперлея, в редакции «Майфэр Газетт».

Я вышел, недовольный Дживсом.

Недавно, бродя по Стренду, я попал на один из тех аукционов, куда вас затаскивают почти насильно с улицы за рукав, и купил китайскую вазу с пурпурными драконами, птицами, собаками, змеями и странным зверем вроде леопарда. Весь этот зверинец теперь стоял на полке над дверью моего кабинета.

Ваза мне нравилась. Она была очень ярка и декоративна. Вот почему я так напал на Дживса, который начал ее критиковать. Разве в обязанности камердинера входит критика китайского фарфора?

Я зашел в редакцию «Майфэр Газетт», чтобы излить свою скорбь моему старому другу Сиппи. Когда мальчик впустил меня в кабинет, я увидел, что Сиппи так занят, что совестно его отрывать от дела. Вся эта пишущая братия всегда ужасно занята! Шесть месяцев тому назад Сиппи был веселым, жизнерадостным малым, печатал рассказы и стихи. Но с тех пор, как он стал редактором журнальчика, он сделался чертовски серьезен.

Сегодня Сиппи выглядел еще более занятым, чем обычно. Отложив излияния о моих домашних неприятностях, я решил польстить ему, похвалив последний номер его журнала, который я, конечно, и не думал читать.

Сиппи очень обрадовался.

– Тебе в самом деле понравился журнал?

– Очень.

– Много интересных статей?

– Все, без исключения.

– А поэма «Одиночество»?

– Превосходна. Кстати, кто автор?

– Там есть подпись, – несколько холодно ответил Сиппи.

– Ах, я всегда забываю имена.

– Поэтесса мисс Гвендолен Мун. Ты знаешь ее?

– Не имею чести. А что она, интересная?

– Божественная...

Сиппи откинулся в кресле с устремленным в пространство взглядом, рассеянно кусая резинку, и я немедленно поставил диагноз: Сиппи влюблен.

– Расскажи мне все, дружище.

– Берти, я люблю ее.

– Ты ей признался?

– Как можно!

– А почему бы и нет? Хотя бы в разговоре между прочим.

Сиппи вздохнул.

– Берти, знакомо ли тебе такое состояние, когда чувствуешь себя ничтожным червячком?

– И даже очень. Сегодня Дживс вел себя невозможно... Он стал критиковать купленную мной вазу.

– Она много выше меня...

– Неужели она такая высокая?

– Выше в переносном смысле! Я перед нею прах.

– Неужели?

– Разве ты забыл, что в прошлом году я получил тридцать дней без замены штрафом за то, что ткнул кулаком в пузо полицейского?

– Об этом давно все забыли.

– Все равно. Смею ли я после этого любить ее?

– Ты слишком сгущаешь краски, старина. Ты был выпивши и полез в драку с полицейским.

Сиппи покачал головой.

– Все-таки это нехорошо, Берти. Не утешай меня. Твои слова бесполезны. Ах, я могу только обожать ее издали! В ее присутствии я робею, язык прилипает к гортани. Мои нервы... Кто там? Войдите!

В дверях появился представительный джентльмен с глазами навывкате, римским носом и выдающимися скулами. Видно, важная и авторитетная персона, хотя мне не понравился его воротничок, а Дживс мог бы отпустить несколько нелестных замечаний относительно его брюк. Он держался, как железнодорожный жандарм.

– А, Сипперлей, – грозно сказал он.

Сиппи вскочил и стоял навывтяжку, вылупив глаза.

– Садитесь, садитесь, Сипперлей, – произнес незнакомец. Меня он не удостаивал вниманием, смерив искоса величественным взглядом и повернув свой римский нос в мою сторону. – Я вам принес еще одну статейку. Просмотрите ее в свободное время.

– Хорошо, сэр, – предупредительно ответил Сиппи.

– Думаю, что статейка вам понравится. Надеюсь, Сипперлей, вы отведете ей более видное место, чем моей прошлой статье «Земельные отношения в деревне Тосканы». Я понимаю, что в еженедельном журнале места мало, но все же прошу не помещать мою статью в объявлениях среди портных и театров варьете. Запомните это, Сипперлей?

– Слушаю.

– Я вам очень благодарен, друг мой, – продолжал незнакомец. – Вы должны извинить меня за мои замечания. Я вовсе не собираюсь вмешиваться в вашу редакторскую политику.

Ну, всего доброго, Сипперлей, я найду к вам завтра часа в три.

Незнакомец удалился, освободив пространство объемом десять на шесть футов.

– Кто это? – спросил я.

Сиппи расстроился. Он обхватил руками голову, подергал волосы, потом свирепо стукнул кулаком по столу и откинулся в кресло.

– Чтоб его! – выругался Сиппи. – Он никогда не поскользнется на банановой корке и не вывихнет себе ногу.

– Кто это?

– Черт бы его подрал!

– Кто это?

– Инспектор колледжа, где я учился. Ты понимаешь?

– Ни черта.

Сиппи вскочил с кресла и прошелся по ковру.

– Как ты себя чувствуешь при встрече со своим бывшим инспектором?

– Не знаю. Он умер.

– Так я тебе скажу, что бы ты чувствовал. Я становлюсь снова пригостишкой, как будто меня вызвали для нотаций за шалости! Однажды он меня вызвал... Ах, Берти! Я постучал в дверь его кабинета. «Войдите!» Так, вероятно, рычали Нероновы львы, почуяв христианское мясо. Он грозно глядел на меня, обнажив клыки, а я лепетал какой-то вздор в свое оправдание. Но он не растерзал меня, а только отщелкал линейкой. И теперь, когда он появляется, я теряюсь, бормочу «да, сэр», «нет, сэр» и чувствую себя четырнадцатилетним школьником.

Я начал понимать, в чем дело. Люди с артистическим темпераментом, как Сиппи, всегда имеют свои странности.

– Он является сюда с карманами, набитыми статьями вроде «Старинные монастырские школы», «Некоторые неизвестные места из Тацита» и так далее, а у меня не хватает смелости отказать ему. И все это я должен печатать в журнале для легкого чтения!

– Нужно быть более твердым, Сиппи. Побольше смелости, старина!

– В его присутствии я становлюсь хуже жеваной промокательной бумаги. Ничего не поделаешь, Берти! Если же я буду печатать его статьи, то меня прогонят.

– Как же быть?

– Дело скверно.

– Нужно посоветоваться с Дживсом.

– Дживс, – сказал я, вернувшись домой, – дело плохо.

– Сэр?

– Встряхните своими мозгами. Я надеюсь на вашу сообразительность. Вы слышали о мисс Гвендолен Мун?

– Поэтесса, написавшая «Осенние листья», «Это было в июне» и другие поэмы. Слышал, сэр.

– Черт возьми, вы знаете все на свете, Дживс!

– Благодарю вас, сэр.

– Итак, мистер Сипперлей влюбился в мисс Мун.

– Да, сэр.

– Но боится ей признаться.

– Бывает, сэр.

– Считает себя недостойным ее.

– Совершенно верно, сэр.

– Так. Но это еще не все. Слушайте дальше. Мистер Сипперлей, как вам известно, редактор журнала для легкого чтения. И вот бывший его школьный инспектор заваливает его статьями, ничего общего с легким чтением не имеющими. Понятно?

– Более или менее, сэр.

– И несчастный Сиппи печатает его дребедень, не имея сил послать его к чертям. В общем, создается... Ну, как бы это сказать, Дживс?

– Сложное положение, сэр?

– Именно, сложное. У меня с тетей Агатой тоже сложное положение. Вы знаете меня, Дживс, для друга я готов на все!

– Да, сэр.

– Я тоже становлюсь труслив, как кролик, перед Агатой. Так же и старый Сиппи. Он не может объясниться с мисс Мун и прогнать своего старого школьного инспектора с его статьями. Ну-с, что вы думаете, Дживс?

– Боюсь, что в данную минуту я еще не могу предложить вам достаточно продуманного плана, сэр.

– Вам нужно время, чтобы обдумать?

– Да, сэр.

– Отлично, Дживс, подумайте. Утро вечера мудренее. Действительно, утро вечера мудренее. Проснувшись на следующее утро, я обнаружил, что во сне мне пришел в голову стратегический план, которым мог бы гордиться сам маршал Фош.

Я позвонил Дживсу, чтобы он принес чай. Потом позвонил снова. Но прошло, наверно, минут пять, прежде чем явился Дживс.

– Прошу прощения, сэр, я не слышал звонков. Я был в гостинной, сэр.

– Что-нибудь убирали?

– Стирал пыль с новой вазы, сэр.

Я посмотрел на него с умилением. Он не сказал, в сущности, ничего, но мы, Вустеры, умеем читать между строк. Добряк Дживс старался полюбить новую вазу.

– Ну, как она выглядит?

– Да, сэр.

Ответ не по существу, но я не стал настаивать.

– Дживс!

– Сэр?

– Вчера мы с вами говорили.

– О мистере Сипперлее?

– Именно. Не ломайте себе зря голову, я нашел выход из сложного положения. Совершенно неожиданно.

– В самом деле, сэр?

– Совершенно неожиданно. В таких делах, Дживс, первым делом надо изучить... Ну, как это называется, Дживс?

– Не знаю, сэр.

– Ну, такое простое существительное!

– Психология, сэр?

– Именно! Это существительное?

– Да, сэр.

– Отлично. Итак, Дживс, обратите внимание на психологию Сиппи. Он находится в положении человека с завязанными глазами. Надо, чтобы эта повязка спала с его глаз. Понимаете?

– Не совсем, сэр.

– Хорошо. Объясню подробнее. Этот Уотербюри, инспектор, взнуздal Сиппи, потому что приводит его в ничтожество своим достоинством и апломбом. Понимаете? Со школьных времен прошло много лет. Теперь мистер Сипперлей бреется ежедневно и занимает пост редактора. Но он никак не может забыть ударов линейкой. Результат: сложный комплекс ощущений. Единственный способ разбить этот комплекс – дать возможность Сиппи увидеть инспектора в очень глупом положении. Тогда пелена спадет с его глаз. Это так просто и понятно, Дживс! Например, вы... У вас, вероятно, есть много друзей и родственников, чрезвычайно вас уважающих. Но представьте себе, что они увидят вас пьяного, отплясывающего фокстрот в одном белье на Пиккадилли.

– Совершенно невозможно, сэр.

– Но, предположим, все-таки. Пелена уважения упадет с их глаз, а?

– Очень возможно, сэр.

– Возьмем другой случай. Помните, год тому назад тетя Агата устроила скандал во французском отеле, обвиняя горничную в краже жемчуга, а потом нашла его в комодe.

– Да, сэр.

– Она имела глупый вид, правда? Не так ли?

– Да, сэр. Миссис Грегсон имела тогда весьма смущенный вид.

– Ну да! Понимаете ли вы меня? Увидев, как француз-управляющий отчитывал ее, я понял, что пелена спадает с моих глаз. В первый раз в жизни я перестал бояться ее, Дживс! Правда, потом страх вернулся, но в тот момент она казалась мне не людоедкой-акулой, а мокрым воробьем. Я готов был высказать ей все накопившиеся за много лет обиды, но сдержался из чувства такта. Не правда ли, Дживс?

– Так, сэр.

– Я твердо убежден в том, что Сиппи избавится от страха перед Уотербюри, если его старый уважаемый инспектор появится в кабинете, вываленный в муке.

– Вываленный в муке, сэр?

– Да, в муке, Дживс.

– Но зачем он станет валяться в муке, сэр?

– Не по своей доброй воле, разумеется. Мука будет привешена над дверью и упадет вниз в силу закона тяготения. Я хочу поставить капкан на этого Уотербюри, Дживс.

– Но, сэр, я не думаю, чтобы...

Я поднял руку.

– Молчание! Это еще не все. Вы не забыли, надеюсь, Дживс, что Сиппи любит мисс Мун?

– Нет, сэр.

– Избавившись от страха перед Уотербюри, Сиппи решится, наконец, признаться ей в любви и добьется успеха.

– Но, сэр...

– Дживс! – сказал я сурово. – Мне не всегда удается придумывать удачный план, и с вашей стороны нетактично говорить «но, сэр» таким тоном. Тем более, что мой план

совершенно безошибочен. Если вы замечаете в нем некоторые погрешности, я охотно выслушаю вас.

– Но, сэр...

– Опять «но», Дживс!

– Простите, сэр. Мне хотелось лишь сказать, что ваш подход к положению неправилен.

– То есть как это?

– Я полагал бы, что мистеру Сипперлею следует сперва объясниться с мисс Мун. Тогда, с радости, он наберется храбрости и для разрыва с инспектором.

– Да, но как он решится на объяснение с ней, хотел бы я знать?

– Мне казалось, сэр, что, поскольку мисс Мун поэтесса и романтическая натура, ее должно тронуть известие... ну, скажем, о несчастном случае с мистером Сипперлеем, о ранении, особенно если в забвении он будет повторять ее имя.

– Слабым голосом?

– Именно, сэр.

Я сел в постели и погрозил Дживсу чайной ложкой.

– Дживс, я не хотел бы осуждать вас, но такой план недостойн вас. Где ваша находчивость, Дживс? Выражаю вам свое соболезнование. Можно ждать целые годы, пока Сиппи получит хоть какую-нибудь царапину.

– Это можно устроить.

– Значит, мы должны следить за каждым его шагом год, другой, третий, чтобы уловить момент, когда его переедет автобус? Нет! Мой план лучше, Дживс! После завтрака купите фунта полтора муки. Остальное предоставьте мне.

– Слушаю, сэр.

Первым условием выполнения стратегического плана является точное знание местности.

Я хорошо знал расположение комнат в редакции Сиппи. Я не стану чертить плана, зная по опыту, что, когда вы читаете детективный роман с подробным описанием дома, где было найдено тело жертвы, читатель чувствует непреодолимый позыв к зевоте. Упомяну только, что редакция «Майфэр Газетт» находилась в первом этаже старого дома на Ковент-Гарден. Вы входите в парадную, потом в коридор, ведущий в склады семян братьев Белломц. Минуя коридор, вы подниметесь по лестнице и увидите две двери. Одна – с ярлычком «кабинет» – ведет прямо к Сиппи. Другая – с вывеской «справочный отдел» -ведет в маленькую комнатку, где сидит посыльный мальчик, поедая мятные конфеты и упиваясь приключениями Тарзана. Минуя мальчика с Тарзаном, вы попадете к Сиппи с другой стороны. Очень просто!

И вот над дверью «справочный отдел» я и решил подвесить пакет с мукой.

Вы думаете, легко поставить капкан на уважаемого гражданина, даже если он инспектор колледжа? Для храбрости мне пришлось за завтраком выпить более обычного. После этого я готов был поставить ловушку хоть на епископа!

Но как удалить на несколько минут мальчика? Понятно, мне нежелательны свидетели. В конце концов мне все же удалось сплавить его из комнаты.

Я встал на стул и принялся за дело. Давно уже я не занимался устройством таких штук, но старый школьный опыт пришел мне на помощь. Подвесив пакет с мукой над дверью так, что она посыпется на голову первого же вошедшего, я вышел через кабинет на улицу. Сиппи

еще не явился, но я знал, что он обычно бывает без пяти, без трех минут три или что-то в этом роде. Завернув за угол, я столкнулся с Уотербюри. Он шумно полез в парадную, и я осторожно удалился, не желая быть на месте происшествия.

Мне казалось, что при благоприятном ветре и погоде пелена должна упасть с глаз Сиппи около четверти четвертого по Гринвичскому времени. Поэтому, погуляв минут двадцать среди грядок Ковент-Гардена, я поднялся по лестнице и вошел в редакцию, в кабинет Сиппи, минуя западную. Вообразите мое негодование, когда я увидел там Уотербюри, сидящего за столом Сиппи и читающего газету с таким видом, точно это его собственная комната. Мало того, на нем не было никаких следов муки.

– Черт побери! – невольно воскликнул я.

Конечно, я никак не ожидал, что он влезет прямо в кабинет редактора, а не через приемную, как всякий обычный посетитель.

Уотербюри вздернул нос и уставился на меня.

– Что? – сказал он.

– Я хотел бы видеть Сиппи.

– Мистер Сипперлей еще не приходил.

Уотербюри говорил раздраженно, как человек, не привыкший ждать.

– Ну, как? – начал я, желая скоротать время.

Он снова погрузился в чтение. Потом окинул меня высокомерным взглядом.

– Простите, что вы сказали?

– О, ничего, так.

– Вы сказали...

– Я сказал «Ну, как?» и только.

– Что как?

– Все вообще.

– Я не понимаю вас.

– Ничего.

Бесполезно пытаться завязать с ним разговор.

– Отличная погода, – заметил я. – Но, говорят, для урожая нужен дождь.

Нос мистера Уотербюри высунулся из-за газеты.

– Что?

– Урожай...

– Какой урожай?

– Обыкновенный урожай.

– Я вижу, молодой человек, что вы горите желанием информировать меня относительно урожая. В чем дело?

– Говорят, что для урожая необходим дождь.

– В самом деле?

На этом закончилась наша беседа. Он снова уткнулся в газету, а я сел в кресло и стал сосать набалдашник палки. Наступило молчание.

Не знаю, прошло ли два часа или пять минут, но вдруг послышались шаги и какие-то звуки похожие на вой. Уотербюри встрепенулся, я тоже.

В кабинет вошел Сиппи, напевая:

– Я вас люблю, я вас люблю, вот все, что я могу сказать. Я вас люблю... Вот все, что я...

Он резко оборвал пение.

– Хелло! – сказал он.

Я был поражен. Еще вчера Сиппи имел жалкий, изнуренный вид. Испитое лицо, темные круги под глазами. А теперь выглядел превосходно. Горящие глаза, улыбающиеся губы.

– Хелло, Берти! Хелло, Уотербюри! Я немного опоздал. Уотербюри насупился.

– Да, вы опоздали. Вы заставили меня прождать более получаса, и я даром потерял время.

– Очень сожалею! – весело отозвался Сиппи. – Вы хотите узнать судьбу вашей статьи о драматургах елизаветинской эпохи, которую оставили мне вчера, не так ли? Читал, читал. К сожалению, не подходит.

– Как так?

– Не подходит для нас. Мой журнал для легкого чтения. Мне нужно, например, обозрение мод. Кстати, я вчера видел леди Бетти Бутл, сестру герцогини Пиблс, – ее зовут «Куку» в интимном кругу. Моим читателям не интересны елизаветинские драматурги.

– Сипперлей!

Сиппи весело хлопнул Уотербюри по плечу.

– Слушайте, Уотербюри, – мягко сказал он. – Вы знаете, что я не люблю обижать старых друзей, но у меня есть свои обязанности по отношению к журналу. Не падайте духом! Продолжайте писать, изучайте вкусы читателей. Сейчас, например, мне нужна статейка о комнатных собачках. Вы, конечно, заметили, что некогда модный шпиц теперь уступает место пекинцам, гриффонам и тойтерьерам. Поработайте в этом направлении и...

Уотербюри молча, с негодованием направился к выходу.

– Я не имею никакого желания работать в этом направлении, – гневно произнес он. – Если вам не интересны мои заметки о драмкружках, я без труда найду другого редактора, чьи вкусы более утонченны.

– Правильно, Уотербюри, – согласился Сиппи. – Не сдавайтесь и не уступайте. Если у вас примут одну статью, пишите другую. Откажут, несите к другому редактору. Пишите, Уотербюри, пишите. Буду следить за вашими успехами с неослабным интересом.

– Благодарю вас, – злобно ответил мистер Уотербюри. – Ваш авторитетный совет будет мне полезен.

Он вышел, хлопнув дверью, а я повернулся к Сиппи, порхавшему по комнате, как канарейка.

– Сиппи...

– Что? Не могу остановиться, Берти, никак не могу! Только на одну минутку заглянул сюда повидаться с тобой и бегу сейчас дальше. Я -счастливейший из смертных, Берти! Я помолвлен. Моя свадьба первого июня, ровно в одиннадцать утра. Подарки просят присылать в конце мая.

– Постой, Сиппи! Угомонись на минутку! Как это случилось? Я думал...

– Э, длинная история! Слишком долго рассказывать. Спроси Дживса. Он ждет внизу. Ах, когда она наклонилась надо мной, вся в слезах, я понял, что одно слово может решить все. Я взял ее маленькую ручку и...

– Наклонилась? Когда? Где?

– В твоей гостиной.

– Почему?

– Что почему?

Почему наклонилась над тобой?

– Потому что я лежал на полу, осел! Естественно, женщина всегда наклонится к лежащему на полу. Прощай, Берти, мне некогда!

Сиппи вылетел из кабинета. Я пустился за ним, но он уже был на улице и затерялся в толпе.

Дживс стоял на мостовой, задумчиво глядя вслед Сиппи.

– Мистер Сипперлей ушел, сэр, – сообщил он.

Я остановился.

– Дживс, что произошло?

– Что касается сердечных дел мистера Сипперлея, то я должен сообщить вам, сэр, что все устроилось. Влюбленные пришли к обоюдному соглашению.

– Знаю. Помолвлены. Но как это произошло?

– Я взял на себя смелость протелефонировать мистеру Сипперлею от вашего имени, сэр, прося его немедленно прибыть к вам.

– Так вот почему он очутился в моей квартире. Дальше!

– Затем я осмелился протелефонировать мисс Мун, сообщив ей, что с мистером Сипперлеем произошел несчастный случай. Как я и предполагал, леди очень взволновалась и пожелала тотчас же приехать. По приезде же ее потребовалось всего несколько минут, чтобы привести дело к желанному концу. Мне кажется, мисс Мун давно любила мистера Сипперлея, сэр, и...

– Но и попадет же вам, когда она обнаружит, что никакого несчастного случая с Сиппи не произошло.

– Но несчастный случай был на самом деле, сэр.

– Не может быть!

– Правда, сэр.

– Удивительное совпадение. Помните, вы говорили утром...

– Не совсем совпадение, сэр. Прежде чем протелефонировать мисс Мун, я взял на себя смелость ударить мистера Сипперлея по голове ракеткой для гольфа, сэр, которая лежала в углу.

– Что вы говорите, Дживс?

– Я делал это с искренним сожалением, сэр, и весьма соболезнуя жертве. Но это был единственный выход.

– Не понимаю. Значит, он вас просил ударить его ракеткой по голове!

– Ничего подобного, сэр. Я дождался, когда он повернулся ко мне спиной.

– Но как вы ему потом объяснили?

– Я сообщил, что новая ваза свалилась ему на голову, сэр.

– Но ведь ваза цела.

– Разбита, сэр.

– Что?

– Для большего правдоподобия, сэр. К сожалению, сэр, починить ее невозможно.

Я вздохнул.

– Дживс...

– Простите, сэр, но не лучше ли вам надеть шляпу? Ветер холодный и...

– Разве я без шляпы?

– Да, сэр.

– Ах, черт возьми! Я, наверное, забыл ее в кабинете Сиппи. Погодите, Дживс, я сейчас!

– Слушаюсь, сэр.

Я вбежал по лестнице и влетел в редакцию. Что-то тяжелое свалилось мне на голову. Я очутился в облаке мучной пыли.

Если теперь кто-нибудь из моих друзей попадет в сложное положение, пусть выпутывается сам. Я не стану больше совать нос не в свое дело.

Пэлем Гринвел Вудхауз

Секретарь министра

(Дживс и Вустер — 7)

Меня ожидала большая неприятность — я должен был отправиться погостить на три недели в Вулэм-Черсей к тете Агате. Должен признаться, что завтракал я с тяжелым сердцем.

— Дживс, — сказал я, — мне что-то невесело сегодня.

— В самом деле, сэр?

— Да, Дживс, совсем невесело.

— Сочувствую вам, сэр.

Дживс подал яйца и ветчину, и я со вздохом принялся за утренний завтрак.

— Я тщетно ломаю голову, Дживс, зачем тете Агате понадобилось меня пригласить к себе в деревню.

— Не могу знать, сэр.

— Не потому же, в самом деле, что она меня любит?

— Нет, сэр.

— Всем известно, что я ей в тягость. Каждый раз, когда, так сказать, наши пути скрещиваются, мне начинает сниться, что она гонится за мной с косырем. Она считает меня погибшим человеком и не прочь вешать на меня всех собак. Правильно я говорю, Дживс?

— Совершенно верно, сэр.

— А теперь категорически требует, чтобы я бросил все и немедленно выехал в Вулэм-Черсей. У нее, очевидно, есть на это свои причины. Неудивительно, Дживс, что у меня тяжело на сердце.

— Нет, сэр. Простите, сэр, внизу звонят.

Дживс вышел, а я со вздохом принялся за ветчину.

— Телеграмма, сэр, — сообщил Дживс, снова появляясь.

— Откройте и прочтите. От кого?

— Она не подписана, сэр.

— Вы хотите сказать...

— Что внизу нет подписи, сэр.

— Покажите.

Странная телеграмма! Вот ее содержание:

«Запомните, когда приедете сюда, необходимо встретиться как чужие».

Мы, Вустеры, плохо соображаем, особенно за завтраком, и я совершенно не понимал, в чем дело.

— Что это значит, Дживс?

— Не могу знать, сэр.

— Написано «приедете сюда». Куда это — сюда?

— Телеграмма отправлена из Вулэм-Черсей, сэр.

— Верно. Из Вулэм-Черсей. Это кое-что объясняет, Дживс.

— Что именно, сэр?

— Это не от тети Агаты, как вы полагаете?

— Едва ли, сэр.

— Вы правы. Тогда остается предположить, что некое неизвестное лицо, проживающее там, предупреждает меня о встрече с ним. Но зачем мне встречаться с ним, Дживс?

— Не знаю, сэр.

— Почему бы мне с ним и не встретиться?

— Правильно, сэр.

— Эту жуткую тайну может разрешить только время. Подождем и увидим, Дживс.

— Совершенно верно, сэр.

Я приехал в Вулэм-Черсей около четырех часов и застал тетю Агату за сочинением каких-то писем, вероятно, каверзных, с ядовитыми постскриптумами. Она посмотрела на меня не очень благосклонно.

— Ага, вот и ты явился, Берти.

— Да, тетя, я.

— У тебя нос в чем-то выпачкан.

Я вынул носовой платок.

— Я рада, что ты приехал. Мне нужно поговорить с тобою до твоей встречи с мистером Фильмером.

— С кем?

— С мистером Фильмером, министром. Он гостит у меня. Ты, конечно, слышал о нем?

— Кое-что, — вежливо солгал я. — Я вообще не вожу знакомства с министрами и мало интересуюсь политикой.

— Я хочу, чтобы ты произвел на него хорошее впечатление.

— Постараюсь.

— Не так-то легко ему понравиться. Мистер Фильмер серьезный человек с сильным характером и терпеть не может таких разнузданных и никчемных шалопаев, как ты. Ты должен оставить свои глупые, легкомысленные выходки. Во-первых, ты бросишь курить.

— О, тетя!

— Мистер Фильмер — председатель Антитабачной Лиги. Потом ты не должен пить ничего спиртного.

— Черт возьми!

— Может быть, ты хоть в моем присутствии перестанешь употреблять жаргон пивных, бильярдных и открытых сцен? Мистер Фильмер будет судить о тебе по твоему разговору.

— Но позвольте, почему я должен производить на него хорошее впечатление?

— Потому, — ответила тетя Агата, строго взглянув на меня, — что я этого хочу.

Я вышел от нее в самом угнетенном состоянии. Спустился в сад и... неожиданно столкнулся с Бинго Литтлем.

Мы с ним старые друзья и родились почти одновременно в одной деревне, вместе учились в Итоне и Оксфорде. А с Бинго не соскучишься даже и у тети Агаты.

Но я не мог понять, как он очутился здесь. Не так давно он женился на знаменитой романистке Розе М. Бэнкс и, как я слышал, собирался уехать в Америку вместе с женой читать какие-то лекции. Он сожалел, что из-за этой поездки будет лишен возможности посещать скачки в Аскоте.

— Бинго! — воскликнул я.

Он оглянулся, и на лице его вместо радости появился испуг. Он замахал на меня руками, как семафор.

— Тсс! — прошипел он. — Ты хочешь меня погубить?

— А что такое?

— Ты получил мою телеграмму?

— Так это твоя телеграмма?

— Конечно, моя.

— Почему же ты не подписал ее?

— Я подписал.

— Ничего подобного! Поэтому я ничего не понял.

— Но ты получил мое письмо?

— Какое письмо?

— Мое письмо.

— Нет, не получил.

— Так, значит, я забыл его отправить. Я писал тебе, что приехал сюда наставлять уморазуму твоего двоюродного братишку Томаса и что необходимо, чтобы при встрече ты делал вид, что незнаком со мной.

— Но почему?

— Если твоя тетка узнает, что я твой друг, она откажет мне от места.

— Почему?

— Как почему? Если бы ты был теткой и имел такого племянника, как ты, скажи, позволил бы ты его приятелю воспитывать своего сына?

Надо сознаться, что в словах Бинго есть доля правды. Но все же он не объяснил мне всего.

— А я думал, что ты в Америке, — сказал я.

— Как видишь, нет.

— Почему нет?

— Неважно. Нет, значит, нет!

— А зачем ты стал воспитателем?

— Опять-таки не твое дело. Есть причины. И вбей себе, пожалуйста, в голову, Берти, что нас не должны видеть вместе! Позавчера твой доблестный кузен был пойман в кустах с папиросой, и это сильно поколебало мой авторитет. Твоя тетка заявила, что этого не случилось бы, если бы я наблюдал за чертенком как следует. Если еще она узнает, что я твой приятель, все кончено. Сейчас я дорожу местом.

— Да почему?

— Не твое дело.

В эту минуту Бинго показалось, что кто-то идет, и он с непостижимой резвостью отпрыгнул от меня в лавровый куст. А я пошел к Дживсу поделиться своими впечатлениями.

— Дживс, вы помните телеграмму?

— Да, сэр.

— Ее послал мистер Литтль. Он — воспитатель моего кузена Томаса.

— Неужели, сэр?

— Не могу понять, как это случилось. Подумайте, поступить по доброй воле в дом тети Агаты!

— Странно, сэр.

— Стать воспитателем этого чертенка Томаса, шалолая и лентяя.

— Странно, сэр.

— Тут какая-то тайна, Дживс.

— Именно, сэр.

— Всего непонятнее то, что он дорожит этим местом и из предосторожности делает вид, что незнаком со мной. Без него я умру здесь со скуки. Знаете ли вы, Дживс, что тетка требует, чтобы я перестал курить?

— Неужели, сэр?

— И пить. И немедленно.

— Почему так, сэр?

— Потому что она хочет, по каким-то таинственным соображениям, чтобы я произвел хорошее впечатление на мистера Фильмера.

— Плохо, сэр. Хотя доктора утверждают, что подобное воздержание полезно. Оно облегчает циркуляцию крови, предохраняет артерии от склероза.

— Какие ослы эти доктора!

— Слушаюсь, сэр.

Так началось мое пребывание у тети, самое неприятное, какое я только помню.

Мучиться от жажды при виде коктейля, при каждой папиросе ложиться на пол и пускать дым в каминное отверстие, ощущать на себе подозрительный взор тети Агаты, сдерживаться и разыгрывать из себя приличного молодого человека перед мистером А. Б. Фильмером — через все эти муки должен был я пройти!

Я ежедневно играл в гольф с министром и, только набив себе мозоли, смог отказаться под благовидным предлогом от этого развлечения. Министр оказался одним из самых невыносимых игроков в гольф; вдобавок он все время беспрерывно разговаривал.

И вот однажды вечером, когда я обедал у себя в спальне, появился Бинго и заставил меня забыть все мои неприятности.

Когда приятель попадет в беду, мы, Вустеры, спешим ему на помощь, забывая о себе. А Бинго вошел ко мне с видом побитой кошки, только что получившей полкирпича в бок и ожидающей следующего.

— Берти, — жалобно сказал он, падая на постель, — как сегодня мозги у Дживса?

— Крепки, как всегда, надеюсь. Дживс, как ваше серое мозговое вещество? Работает всюю?

— Да, сэр.

— Отлично, — вздохнул Бинго, — ибо мне нужна ваша помощь. Если умные люди мне не помогут, то мое имя смешается с грязью.

— В чем дело, старина? — участливо спросил я. Бинго печально поник головой.

— Я все расскажу тебе. И почему я здесь, и почему обучаю латыни и греческому этого чертенка. Я здесь, Берти, потому, что мне больше ничего не оставалось делать. В последний момент перед отъездом в Америку Роза решила, что мне лучше остаться дома и охранять ее китайскую собачонку. Она оставила мне сотни две фунтов до ее возвращения. Эта сумма, будучи разделена на равные части, обеспечивала мне и собаке довольно сносное существование. Но ты знаешь, что случилось?

— Что случилось?

— Когда в клубе к тебе подходит человек и говорит, что лошадь, на которую ты поставил все деньги, получила ревматизм и не сделает и десяти шагов от старта...

— Неужели ты поставил все двести фунтов на одну лошадь?

Бинго горько усмехнулся.

— Если ты называешь эту клячу лошастью, то да. Словом, она доползла последней и поставила меня в ужасное положение. В другое время я нашел бы способ продержаться до приезда Розы. Она — лучшая в мире женщина, но если бы ты был женат, Берти, то ты знал бы, что даже лучшая женщина устроит дикий скандал из-за проигрыша на скачках. Не так ли, Дживс?

— Так, сэр. У женщин своеобразные взгляды на этот счет.

— Необходимо было срочно придумать выход. На оставшиеся деньги я отдал собачонку в пансион на шесть недель в собачий питомник, а сам стал воспитателем.

Так вот как Бинго попал к тете Агате и Тому.

— Тебе следует вытерпеть еще несколько недель, и все устроится, -посоветовал я.

Бинго разозлился:

— Еще несколько недель! Да я со страхом выдержал два дня. Вы знаете, что моя репутация поколеблена из-за папиросы. Оказывается, поймал его и уличил не кто иной, как сам мистер Фильмер! Несколько минут назад Том сообщил мне, под секретом, что он решил мстить своему врагу самым беспощадным образом за его предательство. Я не знаю, что он затевает, но знаю, что отвечать за все буду я. Из-за Фильмера твоя тетка пойдет на все. А до приезда Розы осталось еще три недели!

— Дживс! — обратился я.

— Сэр?

— Я все понял. А вы?

— Да, сэр.

— Тогда придумайте выход.

— Боюсь, сэр...

Бинго горестно вздохнул.

— Не говорите, Дживс, что нет выхода.

— К сожалению, сэр, в данную минуту я не вижу никакого выхода.

Бинго заворчал, как бульдог, у которого отняли кость.

— Тогда, — сказал он решительно, — единственный способ — наблюдать неотлучно за этим паршивцем.

— Верно, — поддержал я. — Не спускать с него глаз,

— Дживс?

— Именно, сэр.

— Но тем не менее, Дживс, — умолял Бинго, — вы постарайтесь найти какой-нибудь выход.

— Разумеется, сэр.

— Благодарю вас, Дживс.

— Не за что, сэр.

Нужно отдать справедливость Бинго: в критические моменты он мог развить невероятную энергию. Я думаю, что целых два дня Том ни на минуту не оставался один. Но вечером тетя Агата объявила, что приедут гости играть в теннис, и я почувствовал, что теперь произойдет то, чего мы опасались.

Бинго безумно любил теннис — достаточно ему почувствовать между пальцев рукоятку

ракетки, чтобы забыть обо всем существующем вне теннисной площадки. Если в середине игры вы подойдете к нему и скажете, что пантеры пожирают в саду его лучшего друга, он взглянет на все рассеянным взором и только промычит что-нибудь нечленораздельное. Я знал, что во время игры он забудет о Томасе и министре, и, одеваясь к обеду, предупредил Дживса.

— Дживс, — сказал я, — вы думали когда-нибудь о жизни?

— Иногда, сэр, в свободное время.

— Суровая штука, не правда ли?

— Суровая, сэр?

— Я подразумеваю разницу между тем, что кажется, и что есть на самом деле.

— Подтяните ваши брюки, сэр, на полдюйма выше, теперь немного опустите подтяжки.

Все в порядке. Вы говорили, сэр?..

— Здесь, в Вулэм-Черсей, по внешности, мы как будто бы безмятежно проводим время.

А между тем созревает гроза, Дживс. Посмотрите на министра за завтраком: с каким достоинством расправляется он с рыбой в майонезе, а над его головой нависла угроза. Как вы думаете, что с ним выкинет Томас?

— Во время нашей непродолжительной беседы, сэр, молодой джентльмен информировал меня, что он читал роман «Остров сокровищ» и ему чрезвычайно понравился один из героев, некий капитан Флинт, сэр. Несомненно, он хочет взять его за образец.

— Плохо, Дживс, плохо! Насколько я помню, капитан Флинт из «Острова сокровищ» любил прикалывать людей кортиком. Неужели же Томас хочет заколоть мистера Фильмера?

— Может быть, у него нет кортика, сэр?

— Не кортик, так что-нибудь еще!

— Мы можем только ждать, сэр, сложа руки. Галстук, сэр, немного на сторону. Если вы позволите...

— Какие там галстуки в такую минуту, когда, может быть, все благополучие и семейное счастье мистера Литтля висит на волоске?

— Тем не менее, сэр, галстук должен быть в порядке.

Я ничего не ответил, так как был слишком подавлен и рассеян.

На следующий день, с половины третьего началась игра на теннисной площадке. День выдался пасмурный, издали слышался гром. В воздухе чувствовалось веяние грозы.

— Бинго, — сказал я, когда мы с ним начинали игру. — А что если мальчишка, воспользовавшись твоим отсутствием, выкинет сегодня какую-нибудь штуку?

— Э! — рассеянно пробурчал он. На него нашло теннисное настроение, и он сделался совершенно невменяемым.

— Я его нигде не вижу, — продолжал я.

— Что ты говоришь?

— Не вижу его.

— Кого?

— Тома.

— А что с ним?

Я махнул рукой.

Меня несколько успокаивало только присутствие министра, сидевшего между двумя дамами под зонтами. Несомненно, даже такой озорник, как Томас, не осмелится напасть на

министра посреди общества. Успокоившись, я отдался игре, и мой противник, сельский викарий, был уже близок к полному поражению, когда раздался первый раскат грома и дождь полил как из ведра.

Все побежали к дому и собрались уже пить чай, как вдруг тетя Агата, выглянув из-за блюда бутербродов, спросила:

— А где мистета Фильмер?

Бутерброд вывалился из моих дрогнувших пальцев и был подхвачен любимым теткиным псом Робертом. Я начал подозревать недоброе. Фильмер не из тех, кто манкирует едой — только козни его врагов могли воспрепятствовать ему явиться к столу.

— Может быть, его захватил дождь, и он решил переждать его под деревом, — предположила тетя Агата. — Берти, поди поищи его. Да захвати для него непромокаемое пальто.

— Хорошо, — согласился я.

Я хотел во что бы то ни стало разыскать министра, живого или мертвого, но лучше, конечно, живого.

Я надел непромокаемое пальто, перекинул другое через плечо и отправился на поиски. В прихожей я увидел Дживса.

— Дживс, — сказал я. — Мистер Фильмер исчез.

— Да, сэр.

— И я должен перерыть весь сад, но найти его тело.

— Я могу сохранить ваше время и труд, сэр. Мистер Фильмер находится на островке посреди пруда, сэр.

— В такой дождь? Почему же он не идет в дом?

— У него нет лодки, сэр.

— Так как же он туда попал?

— Он переехал туда на лодке, сэр. Но Томас угнал его лодку. Он сам мне рассказал об этом. Как известно, сэр, капитан Флинт обычно оставлял пленников на необитаемых островах, и Томас решил, что самое лучшее — последовать его примеру.

— Но ведь он вымок до нитки!

— Да, сэр. Томас выразил надежду, что именно так и случится.

— Настало время действовать. За мной, Дживс!

— Следую за вами, сэр.

Мы побежали к пруду.

...Муж тети Агаты, финансист Спенсер Грегсон, недавно крупно заработал на суматрском каучуке, а тетя Агата по этому случаю купила себе имение с рощицей, цветниками, беседками и небольшим озером.

Посреди озера находился островок, а на островке — постройка, называемая Октагон. На крыше этого Октагона сидел высокочтимый мистер А. Б. Фильмер. Скоро до нас стали доноситься крики, усилившиеся по мере приближения. Потом я увидел фигуру министра, возвышающуюся над кустами на крыше Октагона. Мне показалось странным, что он не прячется под деревом, а изображает подобие фонтана.

— Немного правее, Дживс.

— Хорошо, сэр.

Мы пристали.

— Подождите здесь, Дживс.

— Слушаю, сэр. Садовник сообщил мне, что один из лебедей устроил здесь свое гнездо.

— Сейчас не время для лекций по естественной истории, Дживс, -ответил я сердито.

Дождь усилился, и я чувствовал, что начинают подмокать мои брюки.

— Слушаю, сэр.

Я стал с трудом пробираться сквозь кусты, испортил свои новые туфли для тенниса и, наконец, вышел на поляну.

Октагон представлял собой беседку, построенную, как мне передавали, дедом последнего владельца имения для уединенной игры на скрипке. Мистер Фильмер явно не заметил нашего приближения и высоким тенором вопил во всю глотку, надеясь, что его услышат в доме.

— Эй! — крикнул я.

Мистер Фильмер свесил голову с крыши.

— Эй! — завопил он, смотря во все стороны, только не туда, куда следовало.

— Эй!

— А, — сказал он с облегчением, увидев меня. Я уже готовился сказать ему что-нибудь приятное, как вдруг вблизи раздался звук лопнувшей велосипедной шины, и из кустов на меня устремилось что-то большое и белое. Я подпрыгнул и принялся карабкаться на крышу.

— Осторожней! — кричал мистер Фильмер.

Взглянув вниз, я увидел огромного злющего лебедя. Он вытянул шею и разинул клюв, точно ожидая поймать метко направленный камень.

Это подало мне хорошую мысль, и я немедленно схватил камень. Мистер Фильмер испуганно потянул меня за рукав.

— Не трогайте его!

— Но он меня трогает!

Лебедь не давал мне слезть. Дождь лил как из ведра, и я пожалел, что второпях бросил макинтош, предназначенный для моего островитянина. Я уже хотел предложить ему свой, но благоразумие одержало верх.

— Он не доберется до нас? — спросил я.

— Пробовал, но я перебежал на другую сторону.

Мистер Фильмер был толстенький, круглый человек, и я улыбнулся, представив себе его прыжки.

— Ничего смешного нет, — обиделся он.

— Виноват.

— Он мог меня серьезно поранить.

— Можно в него бросить камнем?

— Не делайте этого! Он расвирепееет еще больше.

— А почему бы ему не свирепеть? С какой стати мы будем оберегать его от волнений?

Мистер Фильмер переменял тему разговора.

— Понять не могу, как отвязалась моя лодка. Я ее крепко привязал.

— Да, странно.

— Я подозреваю, что это сделано умышленно.

— Ну, что вы, едва ли. Вы увидели бы злоумышленника.

— Нет, мистер Вустер, из-за кустов ничего не видно, а я отошел довольно далеко.

Я постарался переменить тему разговора.

— Не правда ли, сыро?

— Да, сыро, — обиделся мистер Фильмер. — Очень вам благодарен, что вы сообщили мне об этом.

Я решил перейти на естественную историю.

— Вам не приходилось замечать, как оригинально расположены брови у лебедей?

— К несчастью, я имел случай хорошо разглядеть лебедя, — сухо ответил мистер Фильмер.

— У него злобный взгляд.

— Совершенно верно.

— Странно, — с жаром продолжал я, — какие перемены в лебедином характере производит семейная жизнь.

— Неужели вам нравится говорить о лебедях? — рассердился мистер Фильмер.

— Это очень интересно. Я думаю, что в нормальной обстановке наш лебедь — мирная птица. Совсем ручная. И только потому, что его супруга устроила здесь гнездо, он...

Я замолчал, вдруг вспомнив про Дживса.

— Дживс! — крикнул я.

— Сэр? — раздался издали почтительный голос.

— Это мой камердинер, — обратился я к министру. — Человек очень находчивый. Он нас выручит в одну минуту. Дживс!

— Сэр!

— Я сижу на крыше.

— Очень приятно, сэр.

— Не нахожу. Идите и выручайте нас. На нас напал лебедь.

— Сейчас, сэр.

Я повернулся к мистеру Фильмеру, с радости похожему на мокрую губку, и хлопнул его по плечу.

— Все в порядке! Дживс нас выручит.

— А что он может сделать?

— А вот увидите, — гордо ответил я. — Дживс всегда найдет выход из затруднительного положения, — удивительно умная голова.

Я перегнулся через край крыши:

— Остерегайтесь лебедя, Дживс!

— Не спускаю с него глаз, сэр.

Лебедь все еще пытался дотянуться до нас; вдруг он круто повернулся, свирепо крикнул и двинулся навстречу Дживсу.

— Берегитесь, Дживс!

— Берегусь, сэр.

Каждый начинающий карьеру юноша должен знать, как отразить атаку напавшего лебедя. Во-первых, вы хватаете брошенное кем-нибудь непромокаемое пальто. Во-вторых, вы метко набрасываете пальто на голову птицы. В-третьих, предусмотрительно захватив с собою багор, вы деликатно отгоняете птицу в кусты, потом вы бежите к лодке, захватив с собою друзей, спрятавшихся от лебедя на крышу. Таков был способ Дживса, и лучшего не придумаешь.

Мистер Фильмер показал хорошую для своих лет резвость. Через минуту мы уже сидели в лодке.

— Вы очень ловко выручили нас, друг мой, — сказал мистер Фильмер, когда мы

оттолкнулись от берега.

— Старался по мере сил, сэр, — скромно ответил Дживс.

Мистер Фильмер задумался. У него был очень озабоченный вид. Даже когда я неловким движением весла обрызгал его, он не рассердился.

Мы уже приставали к берегу, как он вдруг сказал:

— Мистер Вустер!

— Что?

— Я все думаю о том, как могла отвязаться моя лодка.

— Не стоит об этом думать, мистер Фильмер.

— Я убежден, что мою лодку угнал Томас, сын хозяйки.

— Не может быть.

— Он зол на меня. И такую штуку мог проделать или мальчишка, или круглый дурак.

Мистер Фильмер пошел к дому, а я обернулся к Дживсу.

— Вы слышали, Дживс?

— Да, сэр.

— Что же теперь делать?

— Может быть, мистер Фильмер одумается и найдет, что его подозрения несправедливы.

— Но они справедливы!

— Да, сэр.

— Тогда что же делать?

— Не могу знать, сэр.

Я печально побрел к дому и доложил тете Агате о спасении министра. Потом я поднялся наверх принять горячую ванну и переодеться с головы до ног. Пока я нежился в ванне, раздался стук в дверь. Это был Пэрвис — камердинер тети Агаты.

— Миссис Грегсон поручила передать вам, сэр, что она желает вас видеть.

— Но она меня уже видела.

— Я полагаю, что она хотела бы вас видеть вторично, сэр.

— Хорошо.

Я вылез из ванны, обтерся и направился в свою спальню. Дживс разбирал мое белье.

— Дживс, — сказал я, — не дать ли мистеру Фильмеру хинина?

— Я дал, сэр.

— Чудесно. Хотя он мне и не нравится, но мне его все же жаль. А теперь, Дживс, надо что-нибудь выдумать. Мистер Фильмер подозревает Томаса, и он прав. Но если он скажет об этом тете Агате, то она прогонит мистера Литтля, миссис Литтль узнает всю правду о своем супруге, и случится черт знает что! Женщины никогда не прощают таких вещей!

— Совершенно верно, сэр.

— Так как же быть?

— Я уже все обдумал, сэр.

— Обдумали?

— Да, и замечание мистера Фильмера подало мне хорошую мысль, сэр.

— Дживс, вы молодчина.

— Благодарю вас, сэр.

— Итак...

— Я решил сказать мистеру Фильмеру, что лодку угнали вы, сэр.

Нет, он издевается надо мной! Я судорожно схватил носок.

— Что вы говорите?

— Сперва мистер Фильмер не хотел мне верить. Но мне удалось убедить его, что именно вы подшутили над ним. Томас теперь в безопасности.

Я задыхался от негодования.

— И это вы называете выходом из положения?

— Да, сэр. Мистер Литтль будет избавлен от неприятности.

— А как же я?

— И ваше положение не плохо, сэр.

— Не плохо?

— Да, сэр. Я убедился, что миссис Грегсон пригласила вас с целью устроить личным секретарем к мистеру Фильмеру.

— Что?

— Да, сэр. Пэрвис слышал их разговор об этом.

— Секретарь министра! Еще этого не хватало.

— Именно, сэр. Я так и думал. Мистер Фильмер едва ли подходящий для вас патрон. И вы должны заявить миссис Грегсон о своем отказе.

— Увы...

— Да, сэр.

— Так вот почему меня зовет тетя!

— Да, сэр.

— Дело скверно.

— Самое лучшее для вас — не встречаться с нею, сэр.

— Да, но как это устроить?

— За окном есть крепкая водосточная труба, а через двадцать минут двухместная машина будет подана к ограде парка, сэр.

— Дживс, вы правы, как всегда. Это стоит пяти фунтов, не правда ли?

— Скажем, десяти, сэр.

— Согласен и на десять. Давайте одеваться! Так. А где здесь водосточная труба?

Уже сгущались ночные тени, когда я повернул ключ в замке, и мы вдвоем с чемоданом прибыли в расположение вустеровской штаб-квартиры. Дживс в гостиной развешивал по стенам ветки остролиста, так как близилось неумолимое Рождество, а он любил, чтобы все было честь по чести. Я радостно поздравил его с моим прибытием.

– Ну, Дживс, вот я и вернулся!

– Добрый вечер, сэр. Приятно ли погостили?

– Недурно, я бы сказал. Но рад снова очутиться дома. Как это тот тип говорил про дом?

– Если вы имеете в виду американского поэта Джона Говарда Пейна, сэр, то он проводит сравнение родного дома с дворцами и роскошествами, в пользу первого, разумеется, и дальше пишет: «Дом, милый дом, быть дома лучше всего».

– Он был недалек от истины. Толковый малый этот Джон Говард Пейн.

– Читатели, насколько мне известно, им всегда оставались довольны, сэр.

Я возвратился из Чаффнел-Риджиса, где проводил уик-энд в клинике сэра Родерика Глоссопа, выдающегося лекаря психов, или психоневролога, как он сам предпочитает себя называть, – не в качестве пациента, спешу уточнить, а просто в гостях. Кузен моей тети Далии, Перси, был некоторое время назад поставлен туда на ремонт, и она попросила меня заехать посмотреть, как он. Он забрал себе в голову, уж не знаю почему, что его постоянно преследуют маленькие человечки с черными бородами, и, естественно, ему хотелось как можно скорее от них избавиться.

– Знаете, Дживс, – проговорил я немного позднее, уже потягивая виски с содовой, которым он меня снабдил, – все-таки странная штука жизнь, никогда не угадаешь, чего от нее ждать.

– Вы имеете в виду какое-то конкретное осложнение, сэр?

– Вот, например, как у нас с сэром Р. Глоссопом. Кто бы мог подумать, что настанет день, когда мы с ним будем жить душа в душу, точно два матроса, отпущенные на берег? А ведь когда-то, вы, может быть, не забыли, он внушал мне невыразимый ужас и, слыша его имя, я подскакивал до потолка, как вспугнутый кузнечик. Помните?

– Да, сэр. Я отлично помню, что вы относились к сэру Родерику с опаской.

– А он ко мне.

– Между вами определенно существовала некоторая натянутость. Ваши души не сливались в согласии.

– Зато теперь у нас такие добрые отношения, лучше не бывает. Преграды, нас разделявшие, рухнули. Я улыбаюсь ему, он – мне. Он зовет меня Берти, я его – Родди. Одним словом, акции голубя мира на подъеме и даже грозят достигнуть номинала. Мы ведь с ним, точно Седрах, Мисах и Авденаго, если я не путаю имена, вместе прошли сквозь печь огненную, а это как-никак связывает.

Тут я подразумевал тот случай, когда мы оба – по соображениям, в которые здесь не

стоит вдаваться, скажу лишь, что они были вполне основательными, – зачернили себе лица, он жженой пробкой, я ваксой, и вдвоем провели страшную ночь в блужданиях по Чаффнел-Риджису, не имея, как это говорится, где приклонить главу. С кем вместе пережил такое, тот уже никогда не будет тебе чужим.

– Но я расскажу вам одну вещь про Родди Глоссопа, Дживс, – продолжал я после того, как щедро отхлебнул живительной влаги. – У него на сердце тяжесть. Физически-то он, на мой взгляд, в полном порядке, как огурчик, на зависть любому овощу, но он в унынии... подавлен... расстроен... Говоришь с ним, и видно, что его мысли витают где-то далеко, да и мысли эти не из приятных. Слова из него не вытянешь. Я чувствовал себя, как тот заклинатель из Библии, который попытался заклясть глухого аспида, и ни тпру ни ну. Там еще был один тип, некто Блэр Эглстоун, возможно, он и послужил причиной его угнетенного состояния, потому что этот Эглстоун... Слыхали про такого? Он книжки пишет.

– Да, сэр. Мистер Эглстоун – один из наших сердитых молодых романистов. Критики называют его произведения откровенными, бесстрашными и нелицеприятными.

– Ну да? Не знаю, какие уж там у него литературные достоинства, но субъект он, на мой взгляд, довольно вредный. Сердит-то он на что?

– На жизнь, сэр.

– Не одобряет?

– Похоже, что так, сэр, если судить по его литературной продукции.

– Ну а я не одобряю его, так что все квиты. Но, думаю все-таки не его присутствие нагоняло на Глоссопа такую тоску. Корни ее гораздо глубже. Тут затронуты дела сердечные.

Должен пояснить, что во время пребывания в Чаффнел-Риджисе папаша Глоссоп, вдовец со взрослой дочерью, обручился с леди Чаффнел, она же тетя Мертл моего школьного приятеля Мармадьюка Чаффнела (Чаффи), и когда по приезде к ним более чем через год я застал его все еще не женатым, меня это довольно сильно удивило. Я-то думал, что он давно уже выправил себе брачную лицензию и задействовал епископа с присными. Здоровый, полнокровный психоневролог под влиянием божественной страсти должен был повернуть это дело за какой-нибудь месяц-другой.

– Как вы думаете, Дживс, они рассорились, что ли?

– Сэр?

– Сэр Родерик и леди Чаффнел.

– О нет, сэр. Уверяю вас, что ни малейшего охлаждения чувств не было ни с той, ни с другой стороны.

– Тогда где же заминка?

– Дело в том, сэр, что ее сиятельство отказывается участвовать в бракосочетании, пока не выйдет замуж дочь сэра Родерика, она ясно высказалась в том смысле, что ни за что на свете не согласится жить под одной крышей с мисс Глоссоп. Естественно, сэр Родерик от этого впал в мрак и уныние.

Для меня словно молния сверкнула – я сразу все понял. Как всегда, Дживс нащупал самую суть.

Составляя эти мемуары, я каждый раз сталкиваюсь с одним затруднением: какие меры следует принять, выводя на сцену действующие лица, если они уже фигурировали в предыдущих сериях? Вспомнят ли ее или его мои читатели, спрашиваю я себя, или же они уже совершенно его или ее позабыли? В последнем случае потребуются, конечно, кое-какие подстрочные примечания, чтобы ввести их в курс дела. Например, Гонория Глоссоп, которая

появляется, если не ошибаюсь, в главе второй Саги о Вустере. Кое-кто ее, может быть, и вспомнит, но наверняка найдутся и такие, кто заявит, что в жизни о ней не слыхали, так что лучше, пожалуй, все-таки перестраховаться и, рискуя вызвать недовольство памятливых, кое-что уточнить.

Итак, вот мои записи про Гонорию Глоссоп, сделанные в тот период, когда я по причинам, от меня не зависящим, был с нею помолвлен.

«Гонория Глоссоп, – пишу я, – это одна из тех неутомимых атлетических девиц, которые имеют телосложение борца в среднем весе и смеются смехом, похожим на грохот Шотландского экспресса, проносящегося под мостом. У меня она вызывала острое желание улизнуть в погреб и затаиться там до тех пор, пока не дадут отбой».

Так что легко понять отказ Мертил, леди Чаффнел, вступить в брачный союз с сэром Родериком, покуда вышеозначенная особа остается членом семьи. Ее твердая позиция в этом случае, я так считаю, делает честь ее здравому уму.

Но тут мне пришел в голову один вопрос, которым я часто задаюсь, когда Дживс сообщает мне чужие семейные тайны.

– А вы-то откуда все это знаете, Дживс? Он что, обращался к вам за советом? – спрашиваю. Я ведь знал, какая у него широкая практика консультанта по всем вопросам. «Посоветуйтесь с Дживсом» – самый распространенный лозунг в среде моих знакомых, возможно, что и сэр Родерик Глоссоп, попав в переплет, решил обратиться со своими трудностями к нему. Дживс, он как Шерлок Холмс, к нему приходят за помощью даже члены самого высшего общества. И очень может быть, что, уходя, дарят в знак признательности драгоценные табакерки, почем мне знать. Но оказалось, что догадка моя неверна.

– Нет, сэр. Сэр Родерик не удостоил меня своим доверием.

– Как же вы узнали про его семейные дела? Это что, экстра-что-то-там-такое?

– Экстрасенсорное восприятие? Нет, сэр. Я вчера пролистал нашу клубную книгу на букву "Г".

Я понял. У них на Керзон-стрит есть клуб дворецких и камердинеров, называется «Подсобник Ганимед». Дживс состоит его членом, и там ведется книга записей, куда каждый обязан заносить информацию о своем нанимателе. Помню, я был совершенно ошарашен, когда узнал от Дживса, что в ней одиннадцать страниц посвящены лично мне.

– Сведения, касающиеся сэра Родерика Глоссопа и его горестного положения, вписаны мистером Добсоном.

– Это еще кто?

– Дворецкий сэра Родерика, сэр.

– Ах, да, конечно. – Я вспомнил почтенную персону, в чью ладонь я только сегодня вложил, уезжая, пару фунтов. – Неужели сэр Родерик с ним поделился?

– Нет, сэр. Но у мистера Добсона весьма острый слух, который позволил ему разобрать, о чем говорили между собой сэр Родерик и ее сиятельство.

– То есть он подслушивал у замочной скважины?

– Можно и так сказать, сэр.

Я призадумался. Значит, вот как обстоит дело. Мое сердце сжалось от сочувствия к бедняге, чьи косточки мы тут перемывали. Не надо было обладать цепким умом Бертрама Вустера, чтобы уразуметь, в какое безвыходное положение попал старина Родди. Я знал, как он любит и почитает эту тетку моего друга Чаффи, Даже в ту ночь в Чаффнел-Риджисе,

когда его лицо было замазано жженой пробкой, я мог наблюдать, как оно светлело при упоминании ее имени. С другой стороны, на всем свете вряд ли отыщется такой непроходимый осел, который женился бы на его дочери Гонории и тем самым расчистил ему прямую дорогу к счастью. Мне стало его ужасно жалко.

Я так и сказал Дживсу.

– Дживс, – говорю, – у меня сердце кровью обливается от жалости к сэру Р. Глоссопу.

– Да, сэр.

– А ваше сердце тоже обливается кровью от жалости?

– Весьма обильно, сэр.

– Но ничего невозможно поделать. Мы бессильны.

– К сожалению, да, сэр.

– Жизнь бывает так печальна, Дживс.

– Чрезвычайно печальна, сэр.

– Неудивительно, что Блэр Эглстоун ее невлюбил.

– Ваша правда, сэр.

– Пожалуй, принесите-ка мне еще стаканчик виски с содовой, чтобы я немного прибодрился. А после этого я подамся к «Трутням» перекусить.

На лице у Дживса появилось сокрушенное выражение, то есть он еле заметно вздернул одну бровь.

– Очень сожалею, сэр, но я ненароком упустил сообщить вам, что миссис Траверс собирается сегодня приехать сюда и поужинать с вами.

– Разве она не в Бринкли?

– Нет, сэр, она временно выехала из Бринкли-Корта и расположилась в своем лондонском доме с целью произвести покупки к Рождеству.

– И хочет, чтобы я накормил ее ужином?

– Именно таково было краткое содержание ее речи, которую она произнесла сегодня утром по телефону, сэр.

На душе у меня заметно распогодилось. Миссис Траверс – это моя положительная, добрая тетя Даля, посудачить с нею – всегда честь и удовольствие. Конечно, мы будем видеться, когда я приеду в Бринкли на Рождество, но такой предварительный прогон тоже будет очень приятен. Если кто-то способен отвлечь мои мысли от бед Родди Глоссоба, то только она. Так что я от души обрадовался предстоящему свиданию. Я и не подозревал, какую бомбу она прячет в рукаве, намереваясь взорвать ее под сиденьем моего стула еще до наступления ночи.

Всякий раз, как тетя Даля приезжает в Лондон и я угощаю ее ужином у себя в квартире, на меня прежде всего обрушивается лавина новостей из Бринкли-Корта и окрестностей, и, пока не покончено с этим, она не дает племяннику вставить ни словечка ни на какую другую тему, Так что имя сэра Родерика Глоссоба в первый раз всплыло в разговоре только после того, как Дживс подал кофе. Закурив сигарету и отхлебнув первый плоток, тетя Даля спросила у меня, как поживает сэр Родерик, и я сказал в ответ ей то же самое, что раньше говорил Дживсу:

– Физически вполне здоров. Но мрачен. В унынии. Тоскует. Огорчается.

– Просто из-за твоего присутствия или были другие причины?

– Он со мной не делился, – осмотрительно отозвался я. Я стараюсь не называть источник информации, полученной через Дживса из их клубной книги. У них в

«Подсобнике Ганимеде» очень строгие правила насчет нераспространения ее содержания. Не знаю, что за это бывает, если тебя поймают за руку и разоблачат, наверно, построят в каре лакеев и дворецких, выволокут провинившегося на середину, срежут пуговицы, а потом по всей форме исключат из рядов. И очень правильно, что принимаются такие меры предосторожности, а то вдруг бы те одиннадцать страниц, которые про меня, стали достоянием широкой общественности? Страшно подумать. Уже одно то, что они вообще где-то существуют, внушает самые серьезные опасения. – Он не открыл мне, что его гнетет. Просто сидит человек, и видно, что подавленный и мрачный.

Престарелая родственница расхохоталась зычным смехом, от которого в те годы, когда она ездила на лисью охоту, многие всадники, я думаю, вздрагивали и вываливались из седла. Она так громогласно реагирует, если ее рассмешить, будто на улицах Лондона опять кто-то что-то взорвал, как об этом пишут в газетах.

– Ничего удивительного. Перси живет у него уже несколько недель. А тут еще ты явился. Мало, что ли, чтобы затмить солнечный свет человеку? А кстати, как Перси?

– Дядя Перси в порядке, снова стал самим собой. Радоваться, по-моему, особенно нечему, но он явно доволен.

– Черные человечки его больше не преследуют?

– Если еще показываются, то только бритые. По его словам, он уже давно не видел ни одной черной бороды.

– Ну и отлично. Перси придет в норму, если выбросит из головы мысль, что можно питаться алкоголем. Ну, а Глоссопа мы скоро приведем в хорошее настроение, когда он приедет на Рождество в Бринкли.

– А он должен приехать?

– Конечно. Будем радоваться и веселиться. Устроим настоящее традиционное Рождество на старинный лад. По всем правилам.

– С омелой и остролистом?

– Увешаем все стены. И организуем детский праздник с Санта-Клаусом.

– Викарий в главной роли?

– Нет, викарий лежит в гриппу.

– Тогда его помощник?

– Помощник подвернул ногу.

– Кто же тогда будет Санта-Клаусом?

– Отыщем кого-нибудь. А кто еще был у Глоссопа?

– Только некто Эглстоун.

– Блэр Эглстоун? Писатель?

– Да, Дживс сказал мне, что он пишет книги.

– И статьи. Он подготавливает для меня серию «Современная девушка».

Тетя Даля уже несколько лет с помощью финансовых вливаний со стороны Тома Траверса, своего благоверного, издавала еженедельный женский журнал «Будуар светской дамы», и я даже дал туда статейку под заголовком «Что носит хорошо одетый мужчина». Теперь-то этот еженедельник уже кому-то перепродан, но тогда он еще кое-как влачил существование, каждую неделю принося убыток, что служило постоянным источником душевных мук для дяди Тома, вынужденного оплачивать счета. У него денег куры не клюют, но он смертельно не любит раскошелиться.

– Мне от души жаль этого юношу, – сказала тетя Даля.

– Блэра Эглстоуна? За что?

– Он влюбился в Гонорию Глоссоп.

– Что?! – вскричал я. Она меня поразила. Я ведь считал, что такого просто не может быть.

– И из робости не может признаться. Обычное дело с этими бесстрашными, откровенными романистами. На бумаге им сам черт не брат, но при виде живой девушки, не соскочившей с кончика их пера, у них от страха холодеют ноги, как нос у таксы. Когда читаешь его книги, то думаешь, что этот Блэр Эглстоун – гроза женского пола, его надо на цепи держать для защиты невинной женственности. Но так ли это? Отнюдь. Он просто трусливый заяц. Не знаю, случилось ли ему когда-нибудь в действительности очутиться в благоухающем будуаре наедине с томной девой, обладательницей чувственных губ и страстных темных очей, но, если и случилось, держу пари, он сел на самый отдаленный стул и спрашивал ее, какие интересные книги она прочитала за последнее время. Что это ты уставился на меня, как безмозглая рыба?

– Пришло в голову кое-что.

– Что?

– Да так, – уклончиво ответил я ей. Пока я слушал ее характеристику Блэра Эглстоуна, у меня мелькнула одна из тех блестящих идей, которые нередко точно молнии вспыхивают в моей голове; но их нельзя выбалтывать до того, как обдумаешь хорошенько и рассмотришь во всех ракурсах. – Откуда вы все это знаете? – спросил я,

– Он сам мне признался в порыве откровенности, когда мы обсуждали с ним план серии статей на тему «Современная девушка». У меня вообще отзывчивый характер, люди делятся со мной. Вспомни, ты ведь тоже мне всегда рассказывал про свои бесконечные романы.

– Это совсем другое дело.

– Чем другое?

– Пошевелите мозговой извилиной, старая родственница. Мне вы – тетя. Перед любимой теткой всякий племянник рад обнажить душу.

– А-а, ну да. Пожалуй, что и так. Ты ведь меня любишь всем сердцем, верно?

– А как же. И всегда любил.

– Эти твои слова меня очень радуют...

– Вы их заслуживаете с лихвой.

– ...потому что у меня есть к тебе одна просьба.

– Считайте, что она уже выполнена.

– Я хочу, чтобы ты был Санта-Клаусом у меня на детском празднике.

Следовало ли мне предвидеть, к чему она ведет? Может быть. Но я ничего не предчувствовал и, сидя в кресле, весь с головы до ног задрожал, как осина, если вы когда-нибудь видели осину – я-то сам, насколько помню, не видел, но знаю, что они как раз тем и знамениты, что дрожат как сумасшедшие. Я громко взвыл, а тетя выразила пожелание, чтобы я пел где-нибудь в другом месте, если уж мне пришла охота петь. а то у нее барабанные перепонки очень чувствительные.

– Не говорите таких вещей даже в шутку, – попросил я ее.

– Я вовсе не шучу.

Я уставился на нее, не веря собственным глазам.

– Вы всерьез ждете от меня, что я налеплю белую бороду, подложу подушку на живот и стану расхаживать и приговаривать: «Хо-хо-хо-хо!» - среди трудновоспитуемых детей ваших

деревенских соседей?

– Они вовсе не трудновоспитуемые.

– Прошу прощения, но я видел их в деле. Если помните, я присутствовал на последнем школьном торжестве.

– По школьным мероприятиям нельзя судить. Разве можно ожидать от них рождественского настроения в разгар лета? Увидишь, на рождественском вечере они будут кроткие, как новорожденные ягнята.

Я коротко, отрывисто засмеялся.

– Я-то не увижу, – уточнил я.

– То есть ты хочешь сказать, что отказываешься?

– Вот именно.

Она выразительно фыркнула и высказалась в том смысле, что я – подлый червь.

– Но червь в своем уме и твердой памяти, – заверил я ее. – Червь, который соображает, когда надо сидеть и не высовываться.

– Так ты в самом деле не согласен?

– Даже за весь урожай риса в Китае.

– Даже чтобы доставить удовольствие любимой тете?

– Даже чтобы доставить удовольствие целой армии тетей.

– Тогда вот что я тебе скажу, юный Берти, чудовище ты неблагодарное...

Когда двадцать минут спустя я закрывал за ней входную дверь, у меня было такое чувство, какое испытывает человек, расстающийся в джунглях со свирепой тигрицей или с одним из таинственных убийц с топориками, которые рыщут повсюду, чтобы зарубить шестерых. В обычном состоянии моя единокровная старушенция – вполне симпатичное существо, таких нечасто встретишь за обеденным столом. Но если ей перечить, она имеет обыкновение приходить в бешенство, а в тот вечер, как мы с вами видели, я поневоле вынужден был пойти против ее желаний, и это ей не понравилось. Так что на лбу у меня еще не просохли капли пота, когда я возвратился в столовую, где Дживс хлопотал, ликвидируя следы разрушения.

– Дживс, – сказал я, промокая лоб батистовым платком, – вы удалились со сцены под конец ужина, но, может быть, все же слышали, о чем тут шла речь?

– О да, сэр.

– У вас, как у Добсона, острый слух?

– В высшей степени острый, сэр. А у миссис Траверс мощный голос. Мне показалось, что она разгневана.

– Она кипятилась, как чайник на огне. И все почему? Потому что я решительно отказался изображать Санта-Клауса на рождественской оргии, которую она устраивает для отпрысков местной черни.

– Я это понял по ее отдельным метким высказываниям.

– Я полагаю, что эти бранные слова она почерпнула на охоте во времена своей охотничьей молодости.

– Без сомнения, сэр.

– Члены общества «Куорн и Пайчли» не выбирают выражений.

– Как правило, нет, сэр, насколько мне известно.

– Но все равно ее усилия не... Как это говорится, Дживс?

– Не увенчались успехом, сэр?

– Или не завершились триумфом?

– Можно и так, сэр.

– Я остался неумолим. Не поддался никаким уговорам. Я вообще-то иду навстречу, когда меня просят, Дживс. Попроси меня кто-нибудь сыграть Гамлета, и я приложу все старания. Однако вырядиться в белую бороду и накладное брюхо – это уж слишком. На это я пойти не могу. Она, как вы слышали, рычала и скрежетала зубами, но имела возможность убедиться, что все доводы бесполезны. Как гласит старая мудрая пословица, можно подвести коня к воде, но нельзя заставить его сыграть Санта-Клауса.

– Очень верно, сэр.

– Вы считаете, я был прав, что проявил твердость?

– Совершенно правы, сэр.

– Благодарю вас, Дживс.

Должен сказать, я считал, что это благородно с его стороны – вот так поддержать молодого господина. Я вам не говорил, но всего двое суток назад я был вынужден воспрепятствовать его желаниям с такой же неумолимостью, какую теперь выказал родной тетке. Он хотел, чтобы после Рождества мы поехали во Флориду, и для этого внушал мне, как рады мне будут мои многочисленные американские друзья, которые как раз проводят зимний сезон на побережье, но я видел его уловки насквозь. За этими сладкими речами крылось одно: он любит ездить на рыбалку во Флориду и лелеет мечту как-нибудь однажды поймать на крючок рыбу тарпонга.

Я сочувствовал такой честолюбивой мечте и пошел бы ему навстречу -если бы мог. Но мне необходимо было находиться в Лондоне к началу первенства по игре в летучие стрелы у нас в клубе «Трутни», которое должно было состояться где-то в феврале, а я имел шансы выйти в нем победителем. Так что пришлось мне ему сказать, что Флорида исключается, а он только ответил: «Очень хорошо, сэр», – и вопрос был исчерпан. Я рассказываю это к тому, что он не затаил на меня ни злобы, ни обиды и вообще ничего такого, а ведь мог бы затаить, не являйся он человеком высокого полета, каковым он является.

– И однако же, Дживс. – вернулся я к теме огорченной тетки, – хотя моя решимость и твердость помогли мне выйти победителем из поединка воль, у меня все-таки сжимается сердце.

– Почему, сэр?

– От сострадания. Оно всегда точит душу, когда раздавишь кого-нибудь железной пятой. Начинаешь задумываться, нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы подлечить раны и вернуть луч солнца в жизнь пострадавшего? Мне неприятно думать о том, как тетя Даля сегодня ночью, закусив угол подушки, будет едва сдерживать рыдания из-за того, что я не нашел возможности осуществить ее мечты и надежды. Думаю, надо протянуть ей что-нибудь вроде оливковой ветви или руки примирения.

– Это было бы весьма благородно с вашей стороны, сэр.

– В таком случае я не пожалею нескольких фунтов на цветы, поднесу ей. Вас не затруднит завтра утром выйти и купить, скажем, две дюжины роз на длинных стеблях?

– Нисколько, сэр. Само собой разумеется,

– Она их получит, и лицо ее посветлеет, как вы считаете?

– Несомненно, сэр. Я позабочусь об этой покупке сразу же после завтрака.

– Благодарю вас, Дживс.

Он ушел, а я остался сидеть с довольно хитрой улыбкой на губах, так как в разговоре я был с ним не до конца искренен, и меня сместила мысль, что он думает, будто я только того и добиваюсь, чтобы успокоить собственную совесть.

Только не думайте, все, что я говорил про желание сделать приятное престарелой родственнице, зашпаклевать трещину в наших отношениях и тому подобное, было истинной правдой. Но содержалось тут и еще кое-что. Было необходимо, чтобы она перестала на меня сердиться, так как я нуждался в ее сотрудничестве для осуществления одного замысла, или плана, зревшего в голове Вустера с той самой минуты после ужина, когда она спросила, почему я смотрю на нее, точно безмозглая рыба. Я задумал некую интригу, как привести дела сэра Р. Глоссопа к счастливому концу, и теперь, поразмыслив на досуге, находил, что все должно получиться без сучка и задоринки.

Я был еще в ванне, когда Дживс приволок цветы, и, обсушив свою фигуру, натянув облачение, позавтракав и выкурив сигарету для бодрости, я вышел с ними из дому.

Горячего приема я от своей единокровной старушенции не ждал, и слава богу, потому что горячего приема она мне не оказала. Она встретила меня надменно и окинула таким взглядом, каким в свои охотничьи годы, наверно, оглядывала какого-нибудь всадника из кавалькады, вырвавшегося вперед собак.

– А, это ты, – промолвила она.

Тут, естественно, не могло быть двух мнений, и я подтвердил ее слова, вежливо пожелав ей доброго утра и жизнерадостно улыбнувшись, – может быть, не так уж и жизнерадостно, потому что вид у нее был устрашающий. Она была как раскаленная сковородка.

– Надеюсь, ты понимаешь, – сказала она, – что после твоего вчерашнего подлого поведения я с тобой не разговариваю.

– Вот как? – проямлил я.

– Именно так. Я поливаю тебя немым презрением. Что это ты держишь в руке?

– Длинные розы. Для вас.

Она хмыкнула.

– Подумаешь, длинные розы! Длинных роз мало, чтобы я изменила свое мнение о тебе как о жалком трусе и размазне и позоре благородного семейства. Твои предки сражались в крестовых походах, их имя часто упоминалось в военных донесениях, а ты жмешься, как посоленная устрица, при мысли о том, чтобы выступить в роли Санта-Клауса перед милыми детками, которые и мухи не обидят. Этого довольно, чтобы родная тетя отвернула лицо к стене и махнула на все рукой. Но может быть, – добавила она, на минуту смягчившись, – ты явился сюда сообщить, что передумал?

– Боюсь, что нет, пожилая родственница.

– Тогда убирайся и по пути домой постарайся, если сумеешь, попасть под колеса автобуса. И хорошо бы мне присутствовать при этом и услышать, как ты лопнешь.

Было ясно, что нечего медлить, пора переходить к делу.

– Тетя Даля, – произнес я, – в ваших руках счастье и радость целой человеческой жизни.

– Если твоей, то и слышать ничего не желаю.

– Нет, не моей. Родди Глоссопа. Примите участие в плане, или заговоре, который у меня в голове, и Родди запрыгает от счастья по своей клинике, точно барашек весенним днем.

Тетя Даля вздохнула и посмотрела на меня с подозрением.

– Который час? – спросила она.

Я взглянул на часы:

– Без четверти одиннадцать. А что?

– Просто я подумала, что напиваться в такой час слишком рано, даже для тебя.

– Да я и не думал напиваться.

– Не знаю. Разговариваешь ты, как пьяный. У тебя есть при себе кусок мела?

Я ответил возмущенно:

– Нет, конечно. По-вашему, я всегда должен носить мел в кармане? Зачем он вам?

– Я хотела провести черту по полу и посмотреть, сможешь ли ты по ней пройти. Потому что я все больше убеждаюсь, что ты с утра залился по самые глаза. Скажи: «Шел Сол по шоссе».

Я сказал.

– Скажи: «На складе Скотта стоят сосуды со сладким соусом».

Я и это испытание выдержал.

– Ну, не знаю, – пожимает она плечами, – похоже, ты не более пьян, чем обычно. Но что ты тут такое плел насчет счастья и радости старины Глоссоба?

– На этот вопрос я могу вам дать исчерпывающий ответ. Начну с того, что вчера я услышал от Дживса одну историю, которая потрясла меня до глубины души. Нет, – поспешил я ее успокоить, – не про юношу из Калькутты. Она касается сердечных дел Родди. Вообще-то это длинная история, но я изложу ее в самом кратком, сжатом виде. И перед тем как начну рассказывать, хочу предупредить, что в правдивости ее вы можете не сомневаться, любое сообщение Дживса – это верняк, будто получено прямо от кота, проживающего в конюшне. И более того, в данном случае еще имеется подтверждение от мистера Добсона, глоссобского лакея. Вам знакома Мертл, леди Чаффнел?

– Да, я ее знаю.

– Они с Родди помолвлены.

– Слыхала.

– Они нежно любят друг друга.

– Ну и что?

– Сейчас объясню. Она решительно и бесповоротно отказывается пройти с ним об руку по центральному проходу в церкви, до тех пор пока его дочь Гонория не выйдет замуж.

Я ожидал, что при этом известии тетя Даля разинет рот от изумления. Так и произошло. Впервые ее вид показывал, что она не считает мои слова бредом тяжелобольного. Она всегда хорошо относилась к Р. Глоссобу и теперь была сражена известием, что он прочно и по самые уши сидит в луже. Не то чтобы она побелела с лица, нет, конечно, после того как она столько лет при любой погоде скакала по полям и лугам за собачьей сворой, это просто невозможно, но она шумно фыркнула, и вообще очевидно было, что она очень расстроилась.

– Бог ты мой! Это правда?

– Дживсу известно все досконально.

– Он что, знает вообще все?

– Да, наверно. На самом-то деле мамашу Чаффнел можно понять. Если бы, например, вы были новобрачной, согласились бы вы, чтобы в вашем гнездышке вместе с вами постоянно обитала Гонория?

– Нет, не согласилась бы.

– Вот то-то и оно. Так что, само собой, друзья и доброжелатели Родди должны предпринять шаги для того, чтобы выдать ее замуж. И тут мы подходим к главному. У меня есть план.

– Держу пари, что никуда не годный.

– Наоборот, блестящий. Меня осенило вчера вечером, когда вы рассказывали, что Блэр Эглстоун влюблен в Гонорию. На это обстоятельство я и возлагаю надежды.

– Иначе говоря, ты намерен выдать ее за Эглстоуна и таким образом от нее избавиться?

– Совершенно верно.

– Ничего не выйдет. Я же объяснила тебе, что он слишком робок, чтобы сделать предложение. У него не хватит духу даже рот открыть.

– Его надо на это подтолкнуть.

– И кто же его подтолкнет?

– Я. С вашей помощью.

Она в очередной раз задержала на мне пристальный взгляд, по-видимому, спрашивая себя, не насосался ли ее любимый племянник с утра пораньше соком виноградной лозы. Опасаясь новых скороговорок и проверок, я поспешил с разъяснениями:

– Мысль у меня такая. Я принимаюсь бешено ухаживать за Гонорией. Кормлю ее обедами и ужинами. Вожу в театры и ночные клубы. Преследую повсюду, как фамильное привидение, и липну к ней, точно пористый пластырь.

На этом месте мне послышалось, будто тетка пробормотала: «Бедная девушка!» – но я пренебрег помехой и продолжал:

– А вы между тем... Вы ведь будете иногда видеться с Эглстоуном?

– Я вижусь с ним ежедневно. Он приносит мне последние известия о своих взглядах на современных девушек.

– Значит, дело в шляпе. Он ведь уже открыл вам, вы говорили, душу и сообщил, что испытывает к Гонории более чем теплые и далеко не просто дружественные чувства, поэтому вам будет легче легкого навести разговор на эту тему. Вы по-матерински предостерегаете его, что он будет последним глупцом, если продолжит свою линию непризнания и допустит, чтобы тайна, как червь в бутоне, румянец на щеках его точила – это одно из Дживсовых выражений; по-моему, звучит неплохо, – и подчеркиваете, что ему следует набраться храбрости и немедленно заграбастать девушку, пока не перекрыт доступ: вам известно, что ваш племянник Бертрам обстреливает ее из тяжелых орудий и они могут в любой момент ударить по рукам. Пустите в ход побольше красноречия, и, по-моему, он не сможет не поддаться влиянию. Мы и оглянуться не успеем, как он бросится к ногам своей избранницы, чтобы излить накипевшие чувства.

– А если она не захочет с ним обручиться?

– Вздор. Она даже со мной один раз обручилась.

Тетя Далия задумалась и, как говорится, погрузилась в молчание.

– Н-не знаю, – произнесла она наконец. – Возможно, тут что-то есть.

– Есть-есть. Самое оно.

– Да, пожалуй, ты прав. Дживс – это великий ум.

– А Дживс-то тут при чем?

– Разве это не он придумал?

Я гордо выпрямился, что не так-то просто сделать, сидя в кресле. Мне решительно не нравится такое положение вещей: стоит мне высказать какую-нибудь ценную мысль, и все,

как один, решают, что она принадлежит Дживсу.

– Этот сюжетный ход измыслил лично я.

– Ну что ж, он не так-то плох. Я много раз говорила, что у тебя в мозгу бывают просветления.

– И вы согласны принять участие и сыграть свою роль?

– С удовольствием.

– Отлично. Можно я от вас позвоню? Хочу пригласить Гонорию Глоссоп пообедать.

Про Бертрама Вустера, как известно, многие говорят, что, если уж он взялся за гуж, его не так-то легко заставить вложить меч в ножны. Я сказал тете Далии, что принимаюсь бешено ухаживать за Гонорией, и я именно принялся за ней бешено ухаживать. Я таскал ее по обедам и ужинам, я дважды водил ее в ночной клуб. Стало мне в изрядную сумму, но во имя доброго дела можно и потратиться. Даже морщась при взгляде на цифры внизу счета, я утешал себя сознанием, что мои деньги идут на благое дело. Не жалел я и часов, проведенных в обществе девицы, от которой при нормальных обстоятельствах готов был бы бежать сломя голову в тесных ботинках. На кон было поставлено счастье папаши Глоссопа, а когда ставкой является счастье друга, ваш покорный слуга не считается с расходами.

И труды мои не остались бесплодны. Тетя Далия звонила мне и докладывала о том, как температура Блэра Эглстоуна с каждым днем повышается и скоро желанная цель будет достигнута, она считала это только вопросом времени. И вот настал день, когда я смог явиться к ней и сообщить радостную новость, что названная цель действительно у нас в руках.

Я застал ее поглощенной чтением Эрла Стенли Гарднера, которого она при моем появлении приветливо отложила.

– Ну-с, чучело, – проговорила она, – что тебя сюда принесло? Почему ты не закатился опять куда-нибудь с Гонорией Глоссоп, строя из себя южноамериканского кабальеро? Манкируешь?

Я ответил ей мирной улыбкой.

– Престарелая родственница, – объявил я, – я прибыл к вам с известием, что мы достигли конца пути. – И без дальнейшего предисловия стал излагать ей суть дела: – Вы выходили сегодня из дома?

– Да, ходила на прогулку. А что?

– И убедились, что погода просто прекрасная, верно? Ну прямо весна.

– Ты что, пришел поговорить о погоде?

– Сейчас вы поймете, что она имеет отношение к интересующему нас вопросу. Поскольку день сегодня так хорош, с ума сойти...

– Кое-кто и сошел.

– Как вы сказали?

– Я молчу. Продолжай.

– Так вот. Поскольку сегодня прекрасная погода, я решил выйти прогуляться в парке. И можете себе представить? Первое, что я там увидел, была Гонория. Сидит на скамейке у Серпантина. Я хотел было улизнуть, но -поздно. Она меня заметила, так что пришлось подрулить, сесть рядом и завязать разговор. Вдруг смотрю, подходит Блэр Эглстоун.

Увлеченная моим рассказом тетя Далия охнула:

– Он тебя увидел?

– Совершенно отчетливо.

– Значит, настал решающий миг! Если бы у тебя хватило ума, ты бы ее тут схватил и поцеловал.

Я снова с достоинством улыбнулся:

– Я так и сделал.

– Правда?

– Истинная правда. Заключение ее в объятия и нанес ей жаркий поцелуй.

– Что сказал на это Эглстоун?

– Не знаю, не слышал. Я сразу же рванул оттуда.

– Но он был свидетелем? Ты в этом уверен?

– А как же. Он находился всего в нескольких ярдах, и видимость была хорошая.

Мне нечасто приходится получать похвальные отзывы из уст сестры моего покойного отца, она всегда заботится о моем благе и потому подвергает меня жесточайшей критике. Но на этот раз она восхвалила меня до небес. Одно удовольствие было слушать.

– Ну, я думаю, дело сделано, – сказала она в заключение, отдав щедрую дань восторга моему уму и находчивости. – Я видела вчера Эглстоуна, и, когда я рассказала ему, как вы с Гонорией развлекаетесь и всюду бываете вдвоем, он стал похож на белобрысого Отелло. Кулаки сжаты, глаза мечут искры, и если он не скрежетал зубами, значит, я вообще не различаю звуков зубовного скрежета. Этот поцелуй послужит ему последним толчком. Вполне возможно, что он тогда же сделал ей предложение, как только избавился от твоего присутствия.

– Я именно на это и рассчитывал.

– Вот дьявольщина, – выругалась моя родоначальница, потому что в эту минуту зазвонил телефон и прервал нас, когда мы намеревались продолжить обсуждение, не прерываясь. Она сняла трубку, последовал продолжительный односторонний разговор. Односторонний в том смысле, что тетя Далия от себя прибавляла только «Ах!» и «Что?». Наконец тот или та, кто был на другом конце провода, высказал – или высказала – все, и тетя, положив трубку, обратила ко мне крайне озабоченное лицо.

– Это звонила Гонория, – сказала она.

– Вот как?

– Да. И ее рассказ представляет определенный интерес.

– Как там у них все сошло? В соответствии с планом?

– Не совсем.

– Что значит – не совсем?

– Начать с того, что, оказывается, Блэр Эглстоун, распаленный, по-видимому, моими вчерашними речами, о которых я тебе рассказывала, вчера же вечером сделал ей предложение.

– Да?

– И она приняла его.

– Прекрасно.

– Не так-то прекрасно.

– А что?

– А то, что он, увидев, как ты ее целуешь, обозлился и расторг помолвку.

– О господи!

– Это еще не все. Худшее сейчас услышишь. Теперь она говорит, что выйдет замуж за

тебя. Что она сознает твои многочисленные недостатки, но верит, что ей удастся их исправить и сформировать тебя как личность, и, хотя ты не герой ее мечты, такая неотступная, долготерпеливая любовь должна быть вознаграждена. Судя по всему, ты там в парке перестарался. Эту опасность, по-видимому, следовало предвидеть.

Задолго до того, как она договорилась, я уже снова дрожал как осиновый лист. Потрясенный, я смотрел на престарелую родственницу, выпучив глаза.

– Это... ужасно!

– Я же тебе сказала, что дела обстоят неважно.

– А вы не разыгрываете меня?

– Да нет, все – чистая правда.

– Тогда что же мне делать?

Она сердито пожала плечами.

– Меня не спрашивай, – сказала она. – Посоветуйся с Дживсом. Может быть, он что-нибудь придумает.

Хорошо ей, конечно, было говорить: «Посоветуйся с Дживсом», но сделать это оказалось не так легко, как она думала. По моим представлениям, посвятить Дживса во все, как говорится, безжалостные подробности – означало трепать имя женщины, а за такие вещи человека исключают из клубов и перестают с ним здороваться. С другой стороны, угодить в подобную ловушку и не обратиться к нему за помощью было бы полным безумием. Так что я долго размышлял и наконец сообразил, как действовать. Я крикнул его, и он возник передо мной со своим неизменным «Сэр?».

– Э-э, Дживс, – говорю я ему, – надеюсь, вы не лежали на диване с «Этикой» Спинозы или еще с чем-нибудь таким и я не оторвал вас от серьезных занятий? Не можете ли вы уделить мне минуту вашего бесценного времени?

– Конечно, сэр.

– У одного моего друга, которого я не буду называть, возникла серьезная проблема, и мне нужен ваш совет. Но сначала замечу, что это одна из тех деликатных проблем, когда не только имя друга должно остаться в тайне, но безымянным будет и весь остальной персонал. Другими словами, не будем называть имен. Вы меня понимаете?

– Вполне понимаю, сэр. Вы предпочитаете обозначить действующих лиц буквами А и В?

– Или словами Север и Юг.

– А и В привычнее, сэр.

– Как угодно. Итак, А – мужчина, В – женщина. Пока все понятно?

– Вы изъясняетесь с совершенной ясностью, сэр.

– В результате некоторого... Как это говорится, Дживс, когда обстоятельства как бы сливаются...

– Может быть, стечение обстоятельств вы имеете в виду, сэр?

– Вот именно. В результате некоторого стечения обстоятельств В забрала в голову, что будто бы А в нее влюблен. Но на самом деле это не так. Пока ясно?

– Да, сэр.

Я приумолк на этом месте, чтобы привести в порядок мысли. Когда они упорядочились, я стал рассказывать дальше.

– До недавнего времени В была помолвлена с...

– Может быть, назовем его С, сэр?

– С так С, я не против. Так вот, я говорю, В была помолвлена с С, благодаря чему А мог жить, не зная горя и забот. Однако потом в их лютне образовалась трещина, уговор аннулировали, а В теперь поговаривает о том, чтобы заключить брачный союз с А. Я хочу, чтобы вы употребили свой ум на то, чтобы подыскать способ, как бы А вывернуться из этой истории. Только не говорите, пожалуйста, что ничего нет легче, дело в том, что А имеет репутацию Рыцаря, и это серьезное препятствие. Допустим, В приходит к нему и говорит: «А, я буду вашей». Он не может просто сказать ей в ответ: «Да? Вы так думаете? Заблуждаетесь». У него есть свой кодекс чести, согласно этому кодексу он обязан поддакивать ей и покорно идти ей навстречу. А он, Дживс, по совести говоря, готов скорее умереть под забором. Так что вот какие дела. Все факты я вам изложил. Забрестило что-нибудь?

– Да, сэс.

Я был потрясен. Опыт подсказывал мне, что Дживсу известны все ответы, но чтобы так сразу...

– Говорите же, Дживс. Я умираю от нетерпения.

– Очевидно, сэс, что В будет вынуждена отказаться от своих матримониальных планов касательно А, если А даст ей понять, что его сердце отдано другой.

– Но оно не отдано.

– Достаточно того, чтобы создалось общее впечатление, сэс.

Я начал понимать, к чему он клонит.

– Вы хотите сказать, что если я предъявлю, то есть он предъявит какую-нибудь особу женского пола, которая согласится подтвердить, что обручена со мной, то есть с ним, понятное дело, то опасность будет устранена?

– Вот именно, сэс.

Я задумался.

– Пожалуй, это мысль, – согласился я по размышлении. – Но имеется одна непреодолимая загвоздка: где взять исполнительницу на вторую роль? Нельзя же бегать по Лондону и просить знакомых девиц, чтобы они притворились твоими невестами. То есть на худой конец, конечно, можно, но это будет тяжелая нагрузка на нервы.

– Что верно, то верно, сэс.

– А никакого альтернативного плана у вас не найдется?

– Боюсь, что нет, сэс.

Признаюсь, я был обескуражен. Но у нас в клубе «Трутни», да и вообще повсюду общеизвестно, что Бертрама Вустера можно обескуражить, но, как правило, это скоро проходит. В тот же вечер в клубе я наткнулся на Китекэта Перебрайта, и при виде его меня вдруг осенило, как можно обойти возникшее затруднение.

Китекэт – актер, теперь он пользуется большим спросом, у него так называемое молодежное амплуа. Но на заре своей карьеры он, как и все начинающие, был вынужден обивать пороги театральных агентств в поисках ангажемента, или куска, как это у них называется. После обеда, сидя за столом, он развлекал меня смешными рассказами на внутритеатральные темы. И меня вдруг, точно удар под ложечку, поразила мысль, что девушку, которая может сыграть мою невесту, надо искать в театральном агентстве. Кто-нибудь из этих делег наверняка предоставит в мое распоряжение временно безработную

артистку, которая за умеренную цену будет рада принять участие в безобидном обмане.

Китекэт объяснил, как найти театральные агентов. Оказалось, они обитают главным образом на Чэринг-Кроссроуд, и на следующее же утро наблюдатель мог бы увидеть, как я захожу в контору Джаса Уотербери, расположенную на последнем этаже одного из зданий на этой магистрали.

Я остановил выбор на этом агенте не потому, что слышал о нем какие-то особенно восторженные отзывы, просто по всем другим адресам было полно народу, все стояли бампер к бамперу, и не имело смысла пристраиваться и ждать, пока дойдет очередь. А у Уотербери, когда я вошел, в приемной не было ни души, будто он раз и навсегда расплевался с человеческим стадом.

Не исключено было, конечно, что он временно спустился вниз и пошел через дорогу пропустить рюмочку, но также не исключено было и то, что он сейчас затаился у себя в кабинете с надписью «Не входить» на двери. Я постучался. Что этим я пробужу кого-то к жизни, у меня особых надежд не было. Однако же я ошибся. Из-за двери высунулась голова.

Мне случалось в жизни видеть головы, больше ласкающие взор. Высунувшуюся голову можно было, пожалуй, отнести к разряду масляных. Макушка лоснилась от лосьона или помады, и физиономия тоже имела такой вид, будто ее владелец утром после бритья натер щеки сливочным маслом. Но я держусь широких взглядов и не возражаю против того, чтобы у человека была масляная голова, если ему так больше нравится. Возможно, у Кеннета Молино, Малькольма Мак-Каллена, Эдмунда Огилви и Хораса Фернивала, других театральные агентов, к которым я пытался обратиться, при личном знакомстве тоже оказались бы масляные головы. Может быть даже, это вообще черта всех театральные агентов. Надо будет при встрече выяснить у Китекэта Перебрайта.

– Здорово, малый, – произнес скользкий тип, но не очень внятно, так как жевал при этом нечто вроде бутерброда с ветчиной. – Чем могу быть полезен?

– Вы Джас Уотербери?

– Я самый. Ищете работу?

– Мне нужна девушка.

– Всем нам нужны девушки. Какое у вас предприятие? Бродячая труппа?

– Нет, скорее любительская постановка.

– Ах, вот оно что. Гоните подробности.

Я заранее решил, что выкладывать театральному агенту свои личные обстоятельства будет неудобно. Так оно и оказалось, но я взял себя в руки и все ему выложил. В ходе рассказа я стал замечать, что, по-видимому, недооценил Джаса Уотербери. Обманутый его внешним видом, я отнес его к той публике, которая медленно соображает, что ей говорят, и плохо врубается в тонкости. А он все быстро усваивал и хорошо соображал. Он слушал, умудренно кивая, а по окончании сказал, что я обратился как раз туда, куда надо было. У него есть племянница по имени Трикси, и она мне придется в самую пору. Задача полностью в ее духе. Если я поручу это дело ей, заключил он, успех, несомненно, будет самый сногшибательный.

Звучало заманчиво, но я с сомнением поджал губы. А вдруг любящий дядя из естественного пристрастия чересчур перехвалил вышеназванную Трикси?

– Вы уверены, – говорю, – что эта ваша племянница справится с такой непростой работой? Тут требуется основательная актерская подготовка. Будет ли она в этой роли убедительна?

– Она покрывает ваше лицо жаркими поцелуями, если вы это имеете в виду.

– Меня больше беспокоит диалог. Что, если она перевернет текст? Может, все-таки лучше пригласить опытную актрису?

– А Трикси и есть опытная актриса. Она уже сколько лет играет Царицу Фей в пантомимах. Главных ролей ей в Лондоне не дают просто из зависти в высших инстанциях. Но справьтесь в Лидсе и Уигане, как ее там ценят. Поинтересуйтесь в Халле, в Хаддерсфилде.

Я ответил, что обязательно поинтересуюсь, если только попаду туда когда-нибудь. Тут он совсем разбушевался:

– «Фигуристая милашка» – «Лидс ивнинг кроникл»! «Талантливая цыпочка» – «Халл дейли ньюс»! «Красота и достоинство» – «Уиганский вестник»! Можете не волноваться, приятель, Трикси даром денег не берет. И кстати сказать, сколько она за эту роль получит?

– Я думал о пятерке.

– Может, десять?

– Согласен.

– Или лучше пятнадцать. И роль будет сыграна со всем послушанием и вдохновением.

Я не стал торговаться, не до того. Утром, когда я завтракал, звонила тетя Даля и сообщила, что Гонория собирается посетить меня в четыре часа, так что к этому сроку надо было успеть подготовить ей надлежащую встречу. Я выложил пятнадцать фунтов и поинтересовался, как скоро он найдет племянницу, ибо сейчас, как говорит Дживс, время решает все. Он сказал, что она поступит в мое распоряжение задолго до назначенного часа, и я сказал: «Ладно».

– Позвоните мне, когда у вас все будет готово, – велел я ему. – Я буду обедать в клубе «Трутни».

Это странным образом возбудило его интерес.

– Клуб «Трутни»? Вы что же, состоите в нем? У меня там есть хорошие знакомые, в клубе «Трутни». Мистера Уиджена знаете?

– Фредди Уиджена? Да, конечно.

– А мистера Проссера?

– И Богача Проссера знаю.

– Увидите их, передайте от меня горячий привет. Хорошие парни, и тот и другой. Ну а теперь можете валить отсюда и сидеть, преспокойно набивая брюхо, отложив все заботы. Я отыщу Трикси раньше, чем вы доедите рыбу с картошкой.

Когда я после обеда пил кофе в курилке, меня позвали к телефону. Это был, как я и думал, Джас Уотербери.

– Это вы, милый человек?

Я ответил положительно, и он объявил, что все под контролем. Трикси обнаружена и прибывает заблаговременно до поднятия занавеса, готовая выполнить любую роль, что ей сулит судьба. Пусть я назову адрес, по которому им явиться. Я назвал, и он сказал, что они приедут как штык без четверги четыре. Так что все было улажено, и я возвратился в курилку, испытывая по отношению к Джасу Уотербери самые хорошие чувства. Он, конечно, из тех, кого не рискнешь пригласить с собой в многодневный пеший поход, и лучше бы ему все-таки сократить употребление масла как на шевелюру, так и на всю свою персону, но несомненно одно: если обстоятельства потребуют от вас сплести интригу, лучшего помощника для такого плетения просто не найдешь.

Пока меня не было в курительной комнате, пришел Китекэт и сел в кресло рядом с моим, и я, как только его увидел, сразу же принялся расспрашивать его про Джаса Уотербери.

– Помнишь, ты мне объяснял насчет театральных агентов? Не случилось тебе иметь дело по этой линии с неким Уотербери?

Китекэт задумался:

– Фамилия как будто бы знакомая. А как он выглядит?

– Неописуемо.

– Это мне мало что говорит. Театральные агенты все выглядят неописуемо. Но вот фамилию такую я, похоже, где-то слышал. Уотербери, Уотербери? Постой! Такой скользкий тип?

– Да, скользкий. Масленистый.

– А зовут его не Джас?

– Джас.

– Тогда я знаю, кого ты имеешь о виду. Сам я его никогда не встречал – он, наверно, еще не оперировал в те времена, когда я обивал пороги агентов, – но Фредди Уиджен и Богач Проссер мне о нем рассказывали.

– Да, он говорил, что они его друзья.

– Ну, он бы не стал этого утверждать, если бы услышал, как они о нем отзываются. Особенно Проссер. Джас Уотербери вытряс из него однажды две тысячи фунтов. Это меня поразило.

– Из Богача Проссера вытряс две тысячи? – переспросил я, недоумеваю. Может быть, я ослышался? Богач Проссер – наш клубный миллионер, но всем хорошо известно, что у него невозможно вытянуть даже пятерку без хлороформа и наложения щипцов. Кто только не пытался, и все напрасно.

– Да, Фредди Уиджен мне говорил. По словам Фредди, если Джас Уотербери вторгся в чью-то жизнь, этот чело век может попроситься по меньшей мере с половиной своего имущества. Он у тебя уже взял что-нибудь?

– Пятнадцать фунтов.

– Скажи спасибо, что не пятнадцать сотен.

Если вы сейчас подумали, что слова Китекэта посеяли у меня в душе беспокойство и дурные предчувствия, то вы не ошиблись. Наступил назначенный срок – три часа сорок пять минут – и застал Вустера расхаживающим по комнате с насупленными бровями. Одно дело, если бы засаленный театральный агент выставил на пару фунтов всего-навсего старину Фредди Уиджена, его может обобрать даже ребенок. Но чтобы деньги, да еще в таком колоссальном количестве, были изъяты у Богача Проссера, у которого в кошельке гнездится многодетная моль, это было выше моего понимания. Невероятно... Китекэт сказал, что толком ничего понять нельзя, потому что стоит Богачу Проссеру услышать имя Джаса Уотербери, он синеет с лица и начинает невразумительно брызгать слюной, но факт таков, что банковский счет Джаса возрос на эту сумму, а банковский счет Проссера, наоборот, на столько же уменьшился. Словом, я ощущал себя тем персонажем из романа тайн, который вдруг понимает, что против него сражается сам Спрут преступного мира, а как ускользнуть от его щупалец, понятия не имеет.

Однако вскоре Здравый Смысл ко мне возвратился, и я осознал, что напрасно так уж

разволновался. Ничего подобного со мной случиться не может. Ну, допустим, Джас Уотербери попытается втянуть меня в какую-нибудь сомнительную сделку, чтобы потом исчезнуть, оставив меня, как говорится, с младенцем на руках, все равно у него ничего не выйдет, не на такого напал. Короче говоря, к тому моменту, когда у двери зазвонил звонок, Бертрам снова был самим собой.

Дверь открыл я, потому что у Дживса была выходная половина дня. Он раз в неделю складывает орудия своего труда и отправляется в клуб «Подсобник Ганимед» играть в бридж. Джас со своей племянницей переступили порог, а я остался стоять, разинув рот. Можно даже сказать, что на мгновение я обалдел.

Последний раз я был на представлении пантомимы в довольно раннем детском возрасте и совершенно забыл, насколько упитанны бывают Царицы Фей. Вид Трикси Уотербери поразил меня, как удар тупым предметом по голове. С одного взгляда было понятно, почему критик из Лидса назвал ее «фигуристой милашкой». Ростом с меня, она стояла передо мной в белых носочках, выпирая во все стороны из короткого платица, хлопала сияющими глазами и улыбалась ослепительной улыбкой. Прошло несколько мгновений, прежде чем я сумел выговорить «здравствуйте».

– Привет, привет, – сказал Джас Уотербери и с одобрительным видом осмотрелся. – Неплохая квартирка. Ручаюсь, дорого обходится содержать такую в порядке. Это мистер Вустер, Трикси. Будешь звать его Берти.

Царица Фей сказала, что, может быть, лучше «мой пупсик»? И Джас Уотербери горячо одобрил ее предложение.

– У публики пройдет на «ура», – кивнул он. – Что я говорил, а? Девочка в самый раз подходит на эту роль. Придаст исполнению легкий шик, вот увидите. Когда вы ожидаете свою даму?

– С минуты на минуту.

– Тогда надо подготовить мизансцену. При поднятии занавеса вы сидите вон в том кресле, на коленях у вас Трикси.

– Что-о?

По-видимому, он услышал в моем голосе ужас, потому что немного нахмурил свой сальный лоб.

– Мы же заботимся о качестве постановки, – строго указал он. – Для того чтобы сцена вышла убедительной, самое важное – это картинка.

Я нашел, что в его словах что-то есть. Сейчас не время для полумер. Я опустился в кресло. Не скажу, что я был вне себя от счастья, однако я сидел, и любимая фея города Уигана так шмякнулась мне на колени, что старое доброе кресло задрожало, как осина. И едва она успела прильнуть к моей груди, как раздался звонок в дверь.

– Занавес поднимается! – провозгласил Джас Уотербери. – А ну-ка выдай страстное объятие. Трикси, да на всю катушку.

Трикси вцепилась в меня на всю катушку, и мне показалось, что я альпинист в горах Швейцарии, задавленный лавиной с сильным запахом пачулей. Джас распахнул врата, и входит не кто иной, как Блэр Эглстоун, гость, которого я меньше всего ожидал.

Он остолбенел и вытаращил глаза. Я тоже вытаращил глаза. И даже Джас Уотербери глядел на нас вытаращенными глазами. Его можно было понять. Человек ожидал появления дамы, и вдруг из глубины сцены слева входит некто, вообще в труппе не состоящий. Неудивительно, что он расстроился. Всякий импресарио на его месте отнесся бы к

подобному вторжению неодобрительно.

Первым заговорил я. В конце концов, я хозяин, а обязанность хозяина - поддерживать беседу.

– А-а, Эглстоун! – произнес я. – Заходите. Вы ведь не знакомы с мистером Уотербери, не правда ли? Мистер Эглстоун, мистер Джас Уотербери. А это его племянница мисс Трикси Уотербери, моя невеста.

– Ваша кто?

– Невеста. Суженая. Нареченная.

– Боже милосердный!

Джас Уотербери, видимо, решил, что, поскольку спектакль прерван, ему больше тут делать нечего.

– Ну, Трикс, – сказал он, – твой Берти захочет, наверное, поболтать с этим джентльменом, своим приятелем, так что чмокни его на прощание, и мы пошли. Очень приятно было познакомиться, мистер Как-бишь-вас. – И он с масляной улыбкой на губах повел Царицу Фей вон из комнаты.

А Блэр Эглстоун, похоже, совсем растерялся. Он смотрел им вслед и словно спрашивал себя, вправду ли он видел то, что видел? Потом обернулся и посмотрел на меня, как человек, требующий объяснения.

– Что это значит, Вустер?

– Что значит – что? Эглстоун, выражайтесь яснее.

– Что это была за особа, черт подери?

– Вы что, не слышали? Моя невеста.

– То есть вы в самом деле с ней помолвлены?

– Совершенно верно.

– А кто она?

– Она играет Царицу Фей в пантомимах. Не в Лондоне, по причине зависти в высших сферах, но о ней высокого мнения в Лидсе, Уигане, Халле и Хаддерсфилде. В газете «Халл дейли ньюс» о ней написали, что она «талантливая цыпочка».

Эглстоун помолчал, очевидно, обдумывая последнее сообщение, а затем, совершенно не стесняясь, как это теперь модно у молодых романистов, прямо и откровенно заявил:

– Она похожа на гиппопотама.

Я мысленно прикинул:

– Да, сходство есть. Наверно, от фей требуется некоторая мясистость, если они дорожат любовью народа в таких городах, как Лидс и Хаддерсфилд. Северный зритель хочет за свои деньги получить побольше.

– И от нее исходит какой-то жуткий запах, не припомню сейчас, что это.

– Пачули. Да, я тоже заметил.

Он опять задумался.

– Не могу себе представить вас помолвленным с нею.

– А я могу.

– Так это официально?

– Вполне.

– Это будет замечательной новостью для Гонории.

Я не понял:

– Для Гонории?

– Да. Она вздохнет с огромным облегчением. Она, бедняжка, очень о вас беспокоилась. Я из-за этого и пришел к вам, чтобы сообщить вам, что она не может быть вашей. Она выходит замуж за меня.

Я оторопело заморгал. Первая моя мысль была, что он, несмотря на ранний час, находится под воздействием алкоголя.

– Но я получил известие из надежного источника, что это дело расстроилось.

– Расстроилось было, а потом снова сладилось. Мы помирились.

– Надо же. Вот это да.

– И она не решалась пойти и сообщить вам сама. Сказала, что не в силах видеть немую муку в вашем взгляде. Когда я скажу ей, что вы обручились, она от радости пустится плясать по всему Вест-Энду, и не только потому, что не погубила вашу жизнь, но еще и ясно представив себе, какого несчастья ей удалось избежать. Подумать только, ведь она могла выйти за вас! В голове не укладывается. Ну, я пошел сообщить ей хорошую новость, – заключил он, и мы простились.

А через минуту снова зазвонил звонок. Открываю дверь, и у порога снова стоит он.

– Как, вы говорили, ее зовут?

– Зовут? Кого?

– Вашу невесту.

– Трикси Уотербери.

– Боже милосердный! – воскликнул он, повернулся и ушел. А я снова погрузился в сладкие грезы, которые он прервал своим приходом.

Было такое время, когда, если бы ко мне кто-то пришел и сказал: «Мистер Вустер, меня подрядила одна солидная издательская фирма написать вашу биографию, и мне нужны какие-нибудь интимные подробности, которых, кроме как у вас, нигде не раздобыть. Оглядываясь назад, какой момент вы считаете верхом вашей жизненной карьеры?» – я бы ответил не задумываясь. Это было, сообщил бы я ему, когда мне шел четырнадцатый год и я состоял учеником в закрытой частной школе «Малверн– Хаус», что в Брамли-он-Си, возглавляемой князем тьмы и злодейства Обри Апджоном М.А. [Сокращение от латинского *Magister Artium*, то есть магистр гуманитарных наук]. Он велел мне на следующее утро явиться к нему в кабинет, а это всегда означало полдюжины горячих тростью, которая кусала, как змея, и жалила, как аспид. И каково же было мое счастье, когда наутро я весь с ног до головы покрылся красными пятнами, у меня оказалась корь, и неприятное объяснение с начальством само собой отложилось на неопределенное время.

Это и был мой высший миг. Примерно такое же блаженство переживал я теперь, только еще более упоительное, эдакое тихое ликование, осеняющее человека, который оставил с носом силы зла. Я словно освободился от огромного груза. Вообще-то в каком-то смысле так оно и было. Царица Фей наверняка потянула бы на добрых сто шестьдесят фунтов по магазинным весам, но я имею в виду не это, а ужасную тяжесть, которая угнетала мне душу. Наконец-то усмиренные розовые тучи у меня над головой разошлись, и с небес засияло улыбочивое солнышко.

Единственное, чего мне не хватало для полного счастья, это Дживса, чтобы разделить с ним миг моего торжества. Я даже подумал, не позвонить ли ему в клуб «Подсобник Ганимед», но не хотелось отрывать его, когда он, может быть, как раз добирает взятки без козырей.

Тут я вспомнил про тетю Далию. Уж кому-кому, а ей-то непременно следовало сообщить добрую весть, поскольку она так хорошо относится к Родди Глоссопу и проявила глубокую озабоченность в связи с его безвыходным положением. И потом, она наверняка порадуетса тому, что любимый племянник избежал опасности страшнее смерти, а именно, женитьбы на Гонории. Правда, обида на мой твердый отказ быть Санта-Клаусому нее на детском празднике, наверно, еще не зажила, но при последней нашей встрече я заметил, что тетя уже не такая воспаленная, и, значит, можно предполагать, что, загляни я к ней сегодня, она встретит меня с распростертыми объятиями. Ну, может быть, не совсем распростертыми, но более или менее. Поэтому я оставил Дживсу записку с сообщением, где я, и со всех ног помчался к тете Далии на такси.

Как я предвидел, так и получилось. Не хочу сказать, что она просияла при виде меня, но и не швырнула в меня Перри Мейсоном в сопровождении новых обидных слов, а когда я рассказал, что было, пришла в восторг и сделалась просто сама любезность. Мы сидели и весело обменивались мнениями о том, каким прекрасным рождественским подарком для старины Глоссоба будет такой оборот дел, и рассуждали, каково это, должно быть, – оказаться супругом его дочери Гонории, да и супругой Блэра Эглстоуна, если уж на то пошло, тоже, когда внезапно зазвонил телефон. Аппарат стоял на столике рядом, и тетя Далия подняла трубку.

– Алло? – пробасила она. – Кто? – или вернее: – КТО? (по телефону она разговаривает таким же мощным голосом, каким некогда гикала на отъезде поле). – И протянула трубку мне. – Кто-то из твоих приятелей тебя спрашивает. Говорит, что его фамилия Уотербери.

Джас Уотербери, когда я ответил, показался мне взволнованным. Он испуганно спросил:

– Вы где это находитесь, милый человек? В зоопарке?

– Вас не понял, Джас Уотербери.

– Я слышал сейчас львиный рык.

– А-а, это моя тетя.

– Слава богу, что ваша, а не моя. У меня барабанные перепонки чуть не лопнули.

– Да, у нее голос звучный.

– Что верно, то верно. Ну, так вот, миляга, сожалею, что потревожил ее в час кормежки, но вам, наверно, интересно будет, мы тут с Трикс все обговорили и решили, что скромная брачная церемония в Отделе регистрации -как раз самое оно. Большой съезд гостей и лишние затраты ни к чему. Да, и еще она говорит, что выбирает для свадебного путешествия Брайтон. Брайтон -ее любимый город.

Я толком не разобрал, о чем это он, но, читая между строк, предположил, что, по-видимому, Царица Фей выходит замуж. Я поинтересовался у него, так ли это, а он маслянисто хихикнул.

– Все шуточки шутишь, Берти? Такой шутник. Кто же должен знать, что она выходит замуж, если не ты?

– Понятия не имею. И за кого?

– Да за тебя, конечно. Разве ты не представил ее приятелю как свою невесту?

Я сразу же поспешил его поправить:

– Но это был просто розыгрыш. Вы ведь ей сказали?

– Что сказал?

– Что мне только нужно было, чтобы она притворилась моей невестой.

– Какая странная идея. Зачем бы я стал это говорить?

– За пятнадцать фунтов.

– Не знаю никаких пятнадцати фунтов. Как я это помню, вы явились ко мне и сказали, что видели Трикси в Уигане в общедоступном спектакле «Золушка», когда она исполняла там роль Царицы Фей, и влюбились с первого взгляда, как и многие другие молодые парни, кто ее видел. Каким-то образом вы разузнали, что она моя племянница, и попросили привезти ее к вам домой. Мы прибыли по вашему адресу, и я с порога увидел свет любви в вашем взгляде, и в ее взгляде тоже. Не прошло и пяти минут, как вы усадили ее к себе на колени и сидели эдак уютненько, миловались, как два голубчика. Настоящая любовь с первого взгляда, и, признаюсь, я был искренне тронут. Люблю смотреть, как сходятся пары весенней порой. Правда, сейчас не весенняя пора, но принцип тот же.

В этом месте тетя Далия, которая сидела и безмолвно негодовала, все-таки встряла в разговор, обругала меня и спросила, в чем дело. Я властно от нее отмахнулся. Мне необходимо было сосредоточить все внимание, чтобы разобраться с возникшим недоразумением.

– Вы сами не знаете, что говорите, Джас Уотербери.

– Кто, я?

– Да, вы. Вы все перепутали.

– Вы так думаете?

– Да, думаю. И попрошу нас передать мисс Уотербери, что свадебные колокола не зазвонят.

– Вот и я то же говорю. Трикси предпочитает Отдел регистрации.

– И Отдел регистрации не зазвонит.

Он сказал, что я его удивляю.

– Вы что, не хотите жениться на Трикси?

– Не подойду к ней даже на расстояние вытянутого столба.

– Вот это да! – прозвучало на том конце провода. – Поразительное совпадение, – пояснил он. – Именно этим же выражением воспользовался мистер Проссер, когда отказывался жениться на другой моей племяннице, хотя раньше сам же объявил помолвку в присутствии свидетелей, точно так же, как и вы. Доказывает, как тесен мир. Я спросил, известно ли ему о судебных исках за нарушение брачных обещаний, и тогда он заметно задрожал и раз или два сглотнул. А потом заглянул мне в глаза и спросил: «Сколько?» Поначалу я его не понял, но потом меня вдруг осенило. «Так вы желаете расторгнуть помолвку? – говорю я. – И как джентльмен считаете себя обязанным позаботиться, чтобы бедная девушка получила какое-то сердечное утешение? – говорю я. – Что ж, сумма должна быть основательной, поскольку приходится учесть девушкino горе и отчаяние», – говорю я. Мы с ним обговорили это дело и в конце концов согласились на двух тысячах фунтов. Ту же сумму я порекомендовал бы и в вашем случае. Думаю, мне удастся склонить Трикси принять ее. Конечно, жизнь для нее все равно останется горькой пустыней после того, как она лишится вас, но две тысячи фунтов – это все же кое-что.

– БЕРТИ! – произнесла тетя Далия.

– О, – говорит Джас Уотербери. – Я снова слышу рык этого льва. Ладно, даю вам время все обдумать. Буду у вас завтра с утра, чтобы услышать ваше решение, и, если вы предпочтете не выписывать чека, я попрошу приятеля, может, он сумеет вас уговорить. Он мастер спорта по борьбе без правил, и зовут его Боров Джап. Когда-то я был у него менеджером. Теперь он

больше не выступает, так как сломал одному типу в поединке позвоночник и с тех пор почему-то испытывает к этому виду спорта отвращение. Но до сих пор сохраняет прекрасную форму. Видели бы вы, как он пальцами щелкает бразильские орехи. Меня он очень уважает, и нет ничего, чего бы он для меня не сделал. Например, если кто-нибудь подставит меня в бизнесе, Боров сразу же ринется и оторвет ему руки-ноги, словно невинный ребенок, который гадает по ромашке: «Любит – не любит». Доброй ночи, приятных сновидений, – заключил Джас Уотербери и повесил трубку.

После такого крайне неприятного разговора я бы, конечно, будь моя воля, забился куда-нибудь в угол и сидел, зажав голову в ладонях и обдумывая создавшееся положение. Но тетя Далия слишком уж громогласно выражала желание услышать, что все это значит, пришлось начать с нее. Я упавшим голосом изложил факты, и она проявила столько сочувствия и понимания, что я был удивлен и растроган. С женским полом часто так бывает. Если вы в чем-то расходитесь с ними во взглядах, например, по поводу того, чтобы наклеить белую бороду и подвязать на живот подушку, они подвергают вас самому жестокому обращению, но стоит им видеть, что человек действительно в беде, и сердце их оттаивает, злость забыта, и они, не жалея усилий, спешат оказать всякую мыслимую поддержку. Точно так получилось и с престарелой родственницей. Высказавшись по поводу того, что я осел из ослов и меня нельзя выпускать из дому без няньки, она продолжала уже в более ласковом ключе:

– Как бы то ни было, ты сын моего брата, маленьким я нередко тетешкала тебя на колене, хотя другого такого недоразвитого младенца я в жизни не видела, но ведь нельзя тебя винить за то, что ты был похож на помесь вареного яйца с куклой чревовещателя, и я не допущу, чтобы ты бесследно сгинул в калоше, в которую угодил. Я должна сплотиться вокруг тебя и протянуть руку помощи.

– Спасибо, единокровная старушенция. Ужасно благородно с вашей стороны это ваше стремление помочь. Но что вы можете сделать?

– Сама по себе, возможно, ничего, но я могу посоветоваться с Дживсом, и совместно мы наверняка что-нибудь придумаем. Звони ему и зови скорее сюда.

– Его еще нет дома. Он играет в бридж у себя в клубе.

– Все-таки позвони. А вдруг.

Я позвонил и, к своему изумлению, услышал размеренный голос:

– Резиденция мистера Вустера.

– Господи, Дживс, я и не предполагал застать вас дома так рано.

– Я уехал раньше срока, сэр. Сегодняшняя игра не доставила мне обычного удовольствия.

– Плохая карта шла?

– Нет, сэр, карты мне доставались вполне удовлетворительные, но партнер дважды сорвал мою игру, и у меня пропало желание продолжать.

– Сочувствую. Значит, вы сейчас ничем не заняты?

– Нет, сэр.

– Тогда, может, примчитесь во весь опор к моей тете Далии? Тут в вас большая нужда.

– Очень хорошо, сэр.

– Едет? – Спросила тетя.

– На крыльях ветра. Только наденет свой котелок.

– Тогда уйди куда-нибудь.

– Вы не хотите, чтобы я участвовал в конференции?

– Нет.

– Но три головы лучше, чем две, – попробовал я настоять.

– Только не тогда, когда одна из них – насквозь костяная, – отрезала престарелая родственница, вернувшись к прежней манере выражаться.

В ту ночь я спал беспокойно, мне снилось, будто я убегаю, а меня настигают Царицы Фей, целая свора, да их еще сзади подгоняет Джас Уотербери на коне и орет: «У-лю-лю!» и «Ату его!» Так что, когда я вышел к завтраку, был уже двенадцатый час.

– Насколько я понимаю, Дживс, – говорю я, мрачно ковыряя в тарелке яичницу, – тетя Далия вам все рассказала?

– Да, сэр. Рассказ миссис Траверс был весьма информативен.

Я вздохнул с облегчением, потому что от этой секретности и всяких условных обозначений А и В у меня уже голова кругом шла.

– Положение угрожающее, вы не находите?

– Безусловно, угроза, нависшая над вами, довольно серьезна, сэр.

– Не представляю себе, как я буду выступать ответчиком в деле о нарушении брачного обещания, а публика в зале будет издевательски хохотать, и присяжные еще назначат мне оплату издержек. Да я после этого просто не рискну показаться в «Трутнях».

– Да, скандальная слава – крайне неприятная вещь, сэр.

– С другой стороны, платить Джасу Уотербери две тысячи фунтов мне совершенно не хочется.

– Сочувствую вам в вашей дилемме, сэр.

– Но вы, может быть, придумали какой-нибудь потрясающий способ, как перехитрить Джаса, чтобы он до могилы ежедневно посыпал свою масляную голову пеплом? Как вы собираетесь с ним говорить, когда он явится сюда?

– Я собираюсь воззвать к его здравому смыслу, сэр.

Сердце у меня похолодело. Наверно, я слишком привык, что Дживс мановением волшебной ласточки развеивает по воздуху самые опасные кризисы, и ожидал от него, что он, если что, всегда вынет из шляпы чудесное решение, и никаких хлопот. Однако в то утро, хотя вообще я до завтрака не слишком хорошо соображаю, мне было ясно, что намерение Дживса нипочем, выражаясь словами Джаса Уотербери, не пройдет у публики на «ура». Станет он слушать рассуждения о здравом смысле, как бы не так. Чтобы в чем-то убедить этого короля мошенников, нужен кастет и чулок с мокрым песком, а не здравый смысл. В тоне, которым я спросил Дживса, неужели он не мог придумать ничего получше, прозвучал скрытый упрек.

– Вы невысокого мнения о таком плане действий, сэр?

– Знаете, я бы не хотел ранить ваши чувства...

– Ну что вы, сэр.

– ...но я бы не назвал это вершиной вашей творческой мысли.

– Мне очень жаль, сэр, но тем не менее...

В этот миг заголосил дверной звонок. Я с яичницей на губах вскочил из-за стола и оглянулся на Дживса. Не поручусь, что глаза у меня при этом вылезли вон из орбит, но вполне может быть, что и так, у меня было такое чувство, будто в квартире взорвалась добрая унция тринитротолуола.

– Пришел!

– По всей видимости, да, сэр.

– Я просто не в состоянии с ним общаться в такую рань.

– Ваши чувства вполне понятны, сэр. Было бы целесообразно вам куда-нибудь скрыться, пока я буду вести переговоры. Наиболее удобным укрытием представляется пространство позади пианино.

– Вы правы, как всегда, Дживс.

Утверждать, будто за пианино оказалось так уж удобно, я бы не стал, не желая вводить читателя в заблуждение, но все-таки там я был спрятан от посторонних глаз, а это главное. И условия, позволяющие оставаться в курсе происходящих событий, тоже оказались недурны. Я услышал звук открывающейся двери, и голос Джаса Уотербери произнес:

– Привет, миляга.

– Доброе утро, сэр.

– Вустер у себя?

– Нет, сэр, он только что вышел.

– Странно. Он знал, что я должен прийти.

– Вы – мистер Уотербери?

– Я самый. Куда он подался?

– Насколько я знаю, у мистера Вустера было намерение посетить своего ростовщика, сэр.

– Что?

– Он упомянул об этом, уходя. Сказал, что надеется получить фунта два-три за часы.

– Вы смеетесь? Зачем бы он стал закладывать часы?

– Он весьма стеснен в средствах.

Последовала, как выражаются иногда, зловещая тишина. Вероятно, Джасу Уотербери потребовалось время, чтобы переварить это известие. Жаль, я не мог участвовать в разговоре, а то бы я непременно сказал: «Дживс, так держать!» – и извинился бы, что вздумал в нем усомниться. Можно было догадаться, что, говоря о намерении воззвать к здравому смыслу Джаса Уотербери, он припрятал в рукаве козырь, который все меняет.

Прошло какое-то время, прежде чем Джас Уотербери снова заговорил, и при этом в голосе у него слышалась некоторая дрожь, словно бы он начал подозревать, что в жизни есть не только розы и солнечные лучи, как ему казалось до сих пор. Я его понимал. Нет страданий горше, чем испытывает человек, который возомнил, будто отыскал горшок с золотом у подножия радуги, и вдруг узнает из авторитетных источников, что ничего подобного. До сих пор Бертрам Вустер был для него беззаботный жуир, который разбрасывает направо и налево суммы по пятнадцать фунтов, чего невозможно делать, не имея солидного счета в банке, и узнать, что Бертрам Вустер бегаёт закладывать часы, было для него как острый нож в сердце, – если, конечно, оно у него есть. Он ошарашенно проговорил:

– А как же эта квартира?

– Сэр?

– Квартиры на Парк-Лейн обходятся недешево.

– О да, сэр. Безусловно.

– Да еще со швейцаром.

– Как, сэр?

– А вы разве не швейцар?

– Нет, сэр. Я состоял одно время личным слугой при джентльмене, но в настоящее время не занимаю этой должности. Я представляю мистеров Олсоппа и Уилсона, виноторговцев, предоставивших в кредит товар на общую сумму в триста четыре фунта пятнадцать шиллингов и восемь пенсов, – долг, расчеты по которому существенно превосходят финансовые возможности мистера Вустера. Я здесь нахожусь при описанном имуществе.

– Бог ты мой! – пробормотал Джас, и, на мой взгляд, ему даже делает честь, что он не воспользовался более сильным выражением. – То есть вы -судебный исполнитель?

– Вот именно, сэр. Должен с сокрушением признать, что карьера моя пошла под уклон и нынешняя должность – это единственное, что я смог найти. Здесь не то, к чему я привык, но и на этом месте есть свои положительные стороны. Мистер Вустер – весьма приятный молодой джентльмен и к моему пребыванию в его доме относится вполне дружелюбно. Мы с ним ведем долгие увлекательные беседы, в ходе которых он и разъяснил мне свое финансовое положение. Он, оказывается, всецело зависит от содержания, назначенного его теткой, некоей миссис Траверс, дамы с нестабильным темпераментом, которая уже не раз угрожала, что, если он не возьмется за ум и не прекратит мотовство, она лишит его содержания и отправит в Канаду, существовать на скромные почтовые переводы с родины. Она, разумеется, считает меня слугой мистера Вустера. Что произойдет, если она узнает, в качестве кого я здесь нахожусь на самом деле, мне страшно подумать, ясно одно, если вы позволите мне выразить мнение, легкая жизнь мистера Вустера на этом кончится навсегда и начнется тяжелая.

Снова наступила зловещая тишина, Джас Уотербери, наверно, употребил ее на то, чтобы промокнуть лоб, на котором выступили обильные капли трудового пота. В заключение он еще раз произнес: «Бог ты мой!»

Намеревался ли он к этому еще что-нибудь прибавить, неизвестно, потому что ничего прибавить ему все равно не удалось: послышался шум, похожий на мощный порыв ветра, кто-то громко фыркнул, и я понял, что среди нас находится тетя Далия. Должно быть, выпуская Джаса Уотербери, Дживс по рассеянности не запер входные двери.

– Дживс! – прогудела моя тетя. – Вы можете смотреть мне в глаза?

– Разумеется, мэм, если вам угодно.

– А я этому удивляюсь. Вы, по-видимому, обладаете наглостью армейского мула. Я только что узнала, что вы – судебный исполнитель в шкуре личного слуги джентльмена. Вы будете это отрицать?

– Нет, мэм. Я здесь от фирмы «Олсопп и Уилсон, вина, ликеры и крепкие напитки», ей причитается получить за поставленный товар на сумму в триста четыре фунта пятнадцать шиллингов и восемнадцать пенсов.

Пианино, за которым я скрючился, покачнулось и загудело, как динамо-машина, должно быть, пожилая родственница фыркнула на него.

– Милосердный боже! Что юный Берти делает с вашим товаром, винные ванны принимает? Триста четыре фунта пятнадцать шиллингов и восемнадцать пенсов! И другим, должно быть, задолжал не меньше. Весь в долгу как в шелку, да еще вдобавок, я слышала, собирается жениться на толстухе из цирка.

– На исполнительнице роли Царицы Фей в пантомимах, мэм.

– Еще того хуже. Блэр Эглстоун говорит, что она вылитый гиппопотам.

Мне было не видно, конечно, но я наглядно представил себе, как Джас Уотербери, услыша такое описание обожаемой племянницы, гордо выпрямился во весь рост и произнес холодно и надменно:

– Это вы так-то говорите про мою Трикси, а он с ней сочетается законным браком или же пойдет под суд за нарушение брачного обещания.

Опять же не могу ручаться, не видел своими глазами, но, по-моему, тетя Далия тут тоже выпрямилась во весь рост.

– Отлично. Но чтобы вчинить этот иск, ей придется отправиться в Канаду, – грозно прорычала она, – потому что Берти Вустер туда отплывает следующим же паровозным рейсом, и там у него не будет средств, чтобы транжирить на суды. Того, что я ему назначу, только-только хватит на прокорм. Мясной обед раз в три дня, это в лучшем случае. Вы посоветуйте этой вашей Трикси, чтобы забыла думать про Берти и обкрутила вместо него Царя Демонов.

Опыт подсказывает мне, что, за исключением вопросов жизни и смерти, вроде того чтобы выступить Санта-Клаусом у нас на детском празднике, противостоять тете Далии физически невозможно, и Джас Уотербери, видимо, тоже это понял, так как еще через мгновение я услышал стук захлопнувшейся двери. Он исчез, даже не пискнув.

– Уф-ф, ну вот, – сказала тетя Далия. – Эмоциональные сцены страшно выматывают, Дживс. Вы не дадите мне глоток чего-нибудь подкрепляющего?

– Разумеется, мэм.

– Ну, как я вам показалась? Ничего?

– Вы были великолепны, мэм.

– Кажется, я была в голосе.

– Звучность превосходная, мэм.

– Приятно сознавать, что наши усилия увенчались успехом. Берти сможет вздохнуть с облегчением. Когда вы его ожидаете домой?

– Мистер Вустер дома, мэм. Не решаясь встретиться с мистером Уотербери лицом к лицу, он предусмотрительно спрятался. Вы найдете его, заглянув за пианино.

Но я к этому времени уже сам вылез и первым делом выразил им обоим мою глубокую благодарность. Дживс принял ее с любезностью. А тетя Далия в очередной раз фыркнула. После чего сказала:

– Конечно, из спасибо шубы не сошьешь. Я бы предпочла меньше слов и больше дела. Если ты в самом деле испытываешь чувство благодарности, сыграй Санта-Клауса у меня на рождественском празднике.

Она была по-своему права. Что против этого скажешь? Я сжал кулаки. Выпятил подбородок. И принял знаменательное решение:

– Хорошо, единокровная старушка.

– Ты согласен?

– Согласен.

– Вот молодец! Чего там бояться? В крайнем случае ребяташки перемажут твои ватные усы шоколадным кремом, только и всего.

– Шоколадным кремом? – переспросил я, и голос мой задрожал.

– Или клубничным вареньем. Таков обычай. И кстати, не обращай внимания на слухи, которые могли до тебя дойти, что будто бы в прошлом году они подпалили бороду нашему священнику. Это была чистейшая случайность.

Я уже было снова начал изображать трепещущую осину, но тут в разговор вмешался Дживс:

– Прошу прощения, мэ.м.

– Да, Дживс?

– Если мне позволительно внести предложение, я бы сказал, что артист более опытный справился бы с этой ролью успешнее, чем мистер Вустер.

– Вы что, вызываетесь добровольцем?

– Нет, мэ.м. Артист, которого я имел в виду, – это сэ.р Родерик Глоссоп. У сэ.ра Родерика более внушительная наружность и голос гуще, чем у мистера Вустера. Если он своим басом произнесет: «Хо-хо-хо-хо!» – это произведет сильнейший драматический эффект, и я не сомневаюсь, что вам он в просьбе не откажет.

– Тем более, – включился и я, – что он имеет обыкновение зачернять себе лицо жженой пробкой.

– Совершенно верно, сэ.р. Он будет рад нарумянить щеки и нос – для разнообразия.

Тетя Даля задумалась.

– Пожалуй, вы правы, Дживс, – проговорила она наконец. – Жаль, конечно, детишек, они лишатся самой веселой потехи, но пусть знают, что жизнь состоит не из одних удовольствий. Спасибо, я, наверно, не буду это пить, еще слишком рано.

Тетя нас покинула, и я, глубоко растроганный, взглянул в глаза Дживсу. Он избавил меня от опасности, от одной мысли о которой у меня мурашки бежали по спине, я ведь ни на минуту не поверил тетиному утверждению, что будто бы борода у священника загорелась по чистой случайности. Юное поколение, наверно, многие ночи напролет замышляло этот террористический акт.

– Дживс, – сказал я, – вы что-то такое говорили давеча насчет поездки во Флориду после Рождества.

– Это было всего лишь предположение, сэ.р.

– Вы хотите поймать на удочку тарпонга, не так ли?

– Не скрою, это мое горячее желание, сэ.р.

Я вздохнул. И не столько потому, что мне жалко было рыбу, быть может, добрую мать и жену, которую хотят подцепить на крючок и вырвать из круга близких и любимых. Меня лично без ножа резало сознание, что я пропущу в клубе «Трутни» турнир по метанию летучих стрел, где мне светило стать победителем. Но – ничего не поделаешь. Я подавил сожаления.

– Тогда отправляйтесь за билетами.

– Очень хорошо, сэ.р.

А я прибавил торжественным тоном:

– И да поможет небо той рыбе, Дживс, которая вздумает потягаться хитростью с вами. Ее усилия останутся тщетны.

Искаженная цитата из поэмы «Локсли» английского поэта Альфреда Теннисона (1809 – 1892).

Хомбург – мужская фетровая шляпа с узкими полями.

Серпантин – узкое искусственное озеро в Гайд-парке.

Радость жизни (*франц.*).

Цитата из «Оды Долгу» английского поэта Уильяма Уордсворда (1770 – 1850).

Берти имеет в виду стихотворение Чарльза Кингсли (1819 – 1875) «Песчаные отмели реки Ди».

Да-да, это просто неслыханно! (*франц.*)

Гертон-колледж – известный женский колледж Кембриджского университета, основан в 1869 году.

Из стихотворения Дж. Байрона «Она идет во всей красе» (Перев. С.Маршака).

Джон Рескин (1819 – 1900) – английский теоретик искусства, художественный критик и публицист.

«Смерть, ну где твое спасительное жало!» – Цитата из Библии: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?» («К Коринфянам», 15:55).

Парк-Корнер – площадь в Лондоне; примыкает с юго-востока к Гайд-парку.

Эта фраза была выбрана для демонстрации быстрогодействия первой пищевой машинки, изобретенной в 1867 г. Кристофером Шолзом.

Гребные гонки – традиционные соревнования по гребле между двумя восьмерками Оксфордского и Кембриджского университетов; проводятся ежегодно в марте – апреле в Лондоне на реке Темзе.

Положение обязывает (*франц.*).

Просторная куртка с поясом и двумя нагрудными карманами.

«Оолонг» – один из лучших сортов китайского чая.

Парк-лейн – улица в лондонском Уэст-Энде; известна своими фешенебельными гостиницами и особняками.

Бонд-стрит – одна из главных торговых улиц Лондона, известна фешенебельными магазинами, особенно ювелирными.

Цитата из прокламации «Американский кризис», написанной в 1776 году английским общественным деятелем Томасом Пейном (1737 – 1809).

Гандикап – спортивные соревнования разных по классу участников с предварительным уравниванием шансов на победу: более слабым участникам предоставляется фора (во времени, расстоянии и др.).

«Жокей-клуб» – организация, руководящая конным спортом и контролирующая проведение соревнований.

Цитата из стихотворения Джона Китса «Сонет, написанный после прочтения Гомера в переводе Чапмена».

«Заряженная» лошадь – лошадь, которая приходит первой в результате тайного сговора жокеев.

Собрание матерей – собрание прихожанок для обсуждения церковных дел.

Добросердечности (*франц.*).

Гранд-нэшнл – крупнейшие скачки с препятствиями, проводятся ежегодно весной на ипподроме Эйнтри близ Ливерпуля.

«Тяни на счастье» – род лотереи, обычно на благотворительных базарах; владельцы билетов вытаскивают не глядя призы из бочонка с отрубями.

Мари Ллойд (1870 – 1922) – известная английская актриса, исполнительница в жанре «низкой комедии».

Харри Лодер (1870 – 1950) – комический актер, автор и исполнитель популярных песен.

Рагби – одна из девяти старейших престижных мужских частных средних школ в Англии, в г. Рагби, графство Уорикшир, основана в 1567 г.

Николо Макиавелли (1469 – 1527) – итальянский политический мыслитель; считал, что в политике допустимы любые средства.

«Палладиум» – известный лондонский эстрадный театр. «Палас» – лондонский театр эстрады и музыкальной комедии.

Сквайр – самый влиятельный землевладелец в округе.

Берлингтонский пассаж – торговый пассаж рядом с Берлингтон-Хаусом в Лондоне, где расположены дорогие бутики.

Итон – одна из девяти старейших престижных мужских привилегированных средних школ, находится в городе Итоне. Основана в 1440 году.

Из стихотворения Теннисона «Пересекая отмель».

«Ковент-Гарден» находился до 1975 г. рядом с главным лондонским оптовым рынком фруктов, овощей и цветов, который в 1975 году был переведен в район Воксхолл.

Вустерский соус – пикантный соевый соус, первоначально изготавлился в графстве Вустершир.

«Будлз» – известный лондонский аристократический клуб, основан в 1762 году.

Харрогит – фешенебельный курорт с минеральными водами в графстве Йоркшир.

«Юнион касл» – крупная судоходная компания, осуществляет пассажирские рейсы в Южную и Восточную Африку.

Траппистские монахи давали обет молчания.

«Розовая газета» – разговорное название газеты «Спортинг лайф», которая печаталась на розовой бумаге.

Беркли-сквер – площадь в одном из аристократических районов Лондона.

Цитата из стихотворения «Деревенский кузнец» Генри Лонгфелло (1807 – 1882).

Отправной пункт (*фр.*).

Теллула Банкхед (1903 – 1968) – американская актриса, дочь известного политического деятеля Уильяма Брокмена Банкхеда.

Селение во Франции, близ которого во время Столетней войны (1337 – 1453) войска английского короля Генриха V разгромили французов.

Вторым браком (*фр.*).

Школа для мальчиков в романе Диккенса «Николас Никлби», где царила палочная дисциплина, отупляющая учеников.

Известнейшая американская киноактриса (1908 – 1977).

Краткое изложение (*фр.*)

Герой баллады Сэмюэля Т. Колдриджа (1772 – 1834).

Ванная комната (фр.).

Цитата из Библии: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?» (Первое послание к коринфянам, 15:55. Книга пророка Осии, 13:147).

Книга пророка Даниила, гл. 5, ст. 5 – 28.

Скалистый остров в Атлантическом океане у берегов Французской Гаяны, куда до 1953 г. ссылали преступников и прокаженных.

«...И хочется, и колется, как кошка в пословице» (*У. Шекспир. Макбет, акт 1, сцена 7.*
Перевод Б. Пастернака).

Грей Т. (1716 – 1771). Элегия, написанная на деревенском кладбище (1751).

Майкл Арлен (1895 – 1956) – английский писатель, родившийся в Болгарии.

Кристофер Марло (1564 – 1593), строка из поэмы «Геро и Леандр».

Королева одного из племен, населявших древнюю Англию.

Одно из кельтско-германских племен (I век до н.э.), упоминается Тацитом и Цезарем («Записки о Галльской войне»).

Переговоры (*фр*-).

Фрикасе из цыплят «Агнесса Сорель» *(фр.)*.

Блинчики а-ля Россини *(фр.)*.

...вечером водворяется плач, а наутро радость» (Пс, 29:6).

Навязчивая идея (*фр.*).

Nolle prosequi (лат.) – юридическая формула отказа от иска со стороны истца, букв. – «продолжать не буду».

Так! (*лат.*).

Так везде (*лат.*).

Смотри выше (*лат.*).

Праведные мужи Седрах, Мисах и Авденаго были брошены в ог-ненную печь, но не сгорели. (Книга пророка Даниила, гл. 3.)

Всякая плоть – трава, и вся красота ее – как цвет полевой (Книга пророка Исаии, глава 40, стих 6).

У. Шекспир. Как вам это понравится, акт 2, сцена 1.

В греческой мифологии – источник вдохновения, который возник от удара копыта крылатого коня Пегаса на горе муз Геликоне; в переносном смысле – вино.

Книга Судей израилевых, 4:21.

Джордж Гордон Байрон (1788 – 1824). Дон Жуан.

Роберт Браунинг (1812 – 1889). Стихотворение из драмы «Приходит Пиппа...» (1841).

Выступающая водосточная труба в виде фантастической фигуры (в готической архитектуре).

Мне плевать на этого мерзавца. Он вообразил, что он птица... Убирайтесь вон, сумасшедший... *(фр.)*.

Черт побери! (*фр.*).

Жалкое ничтожество, хам, вертопрах (*фр.*).

Озноб (фр.).

Аллюзия на изречение из Библии: «Кто хочет иметь друзей, тот и сам должен быть дружелюбным; и бывает друг, более привязанный, нежели брат» (Притчи Соломона, 18:24).

Мак – презрительная кличка шотландца.

Берти имеет в виду известного в 30 – 40-е годы американского эстрадного певца Джимми Дуранте по прозвищу Шнозл (Нос).

Здесь: напьются, как свиньи.

Имеется в виду старинная английская баллада о том, как злые люди завели в лес и оставили на погибель двух детей, а красногрудая птичка малиновка засыпала их прошлогодней листвой.

Имеется в виду стихотворение Р. Браунинга «Как везли добрую весть из Гента в Экс».

Строчки из пасторальной фантазии Дж. Милтона «Комус» (1634).

Цитата из трагедии Уильяма Конгрива «Новобрачная вдова», акт 3, сцена 8 (1697).

Лохинвар – герой известной баллады Вальтера Скотта, входящей в его поэму «Мармион» (1808).

Трапписты – с 1664 г. ветвь монашеского циспеерцианского ордена, члены которого, в частности, обязаны были всю жизнь хранить молчание.

«Гибель „Геспера“ (1841) – баллада Генри Лонгфелло; в ней описывается кораблекрушение.

А что проку-то? (*фр.*).

Берти с помощью Дживса вспоминает библейский псалом, 29:6. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Ссылка на стихотворение «Миссионерский гимн» английского религиозного поэта епископа Реджинальда Хиберы (1783–1826).

Из стихотворения Г. Лонгфелло «Псалом жизни» (1839).

Псалтирь, 41:2: «Как лань желает к потокам воды».

Аллюзия на стихотворение Г. Лонгфелло «Девичество» (1842).

Искаж. слова Гамлета над могилой Офелии. У. Шекспир. «Гамлет». Акт 5, сц. 1.

Берти с Дживсом цитируют стихотворение Т. Грэя «Вид издали на Итонский колледж» (1742).

Фред Астер (1899–1987) – прославленный танцор, звезда Голливуда.

«Франт» (Бо) Браммел, Джордж Брайан (1778–1840) – близкий друг и арбитр элегантности в окружении принца-регента Джорджа, впоследствии короля Георга IV.

О том, как юный герой Лохинвар возвратился из Западных стран, рассказывается в начале поэмы В. Скотта «Мармион» (1808).

Лондонское учебное заведение для подготовки служащих полиции.

Юджин Арам – преступный персонаж поэмы Т. Гуда «Сон Юджина Арама» (1829).

Имеются в виду строки из поэмы Т. Мура «Лалла Рук» (1817):

Я вскармливал милых газелей,
Чтобы жизнь мою украшали,
Но, едва привязавшись ко мне,
Они умирали.

Образ из поэмы Дж. Байрона «Разрушение Синнахериба» (1815).

О том, как три святых мужа: Седрах, Мисах и Авденаго – были брошены в горящую печь, но не сгорели, повествуется в библейской Книге Пророка Даниила, 3:15–27.

Nolle prosequi (лат.) – юридическая формула отказа от иска со стороны истца, букв. – «продолжать не буду».

Нобби ссылается на библейский псалом, 57:5–6.

Благословенная Дева, выглядывающая из золотых облаков – образ из одноименного стихотворения Д.Г. Росетти (1850).

Sang-froid (фр.) – хладнокровие.

Знаменитое поэтическое описание ночного неба из драмы У. Шекспира «Венецианский купец». Акт 5, сц. 1. – Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Две шекспировские цитаты из «Как вам это понравится» и «Короля Лира».

Берти имеет в виду стихотворение Г. Вордсворта «Нас семеро» (1798), где девочка считает вместе и живых, и умерших своих братьев и сестер.

Выражение из Евангелия от Матфея, 18:22.

Слегка переиначенные слова призрака из шекспировского «Гамлета». Акт 1, сц. 5.

У. Шекспир. «Юлий Цезарь». Акт 4, сц. 3. – *Перевод М. Зенкевича.*

Это тоже цитата из шекспировского «Юлия Цезаря». Акт 2, сц. 1. – *Перевод М. Зенкевича.*

Слова из шекспировской хроники «Генрих V». Акт 4, сц. 1.

Новым Курсом называлась система мероприятий администрации президента США Ф. Рузвельта в 1933–1939 гг., после Великой депрессии 1929–1933 гг.

«Глупец туда несется со всех ног, / Где ангелы ступить страшатся» – строки из поэмы А. Поупа «Рассуждение о критике»

Примирение (*φρ.*).

Берти пересказывает на свой лад притчу о брачном пире. Евангелие от Матфея, 22.

Образ из псалма 41:8.

«Послали из Аахена в Гент». – По-видимому, имеется в виду стихотворение Р. Браунинга «Как привезли добрую весть из Гента в Аахен», хотя описываемая в нем гонка шла в противоположном направлении.

Слова из стихотворения А. Теннисона «Майская королева» (1833).

У. Шекспир. «Юлий Цезарь». Акт 4, сц. 3.

В протестантских церквях помощник священника.

Курица с кресс-салатом *(фр.)*.

Источник и происхождение (*лат.*).

Радость жизни (*фр.*).

Вполголоса (*ut.*).

Безупречный, вытощенный (*фр.*).

Без аккомпанемента (*ит.*).

До реформы 1971 г. 1 шиллинг равнялся в Англии 10 пенсам.

Озноб (*фр.*).

Куриные миньонеты «Маленький герцог», телятина по-тулузски в рисовых конвертах (фр.).

Самолюбие (*фр.*).

В целом (*лат.*).

Случайное замечание (*лат.*).

Гусиная печень в шампанском и изысканный десерт «Альпийские жемчужины в снегу»
(фр.).

Лихорадка (*фр.*).

Тупик (*фр.*).

Мой и твой (*лат.*).

Гримаса, выражающая недовольство (*фр.*).

Ухоженный (*фр.*).

Уильям Шекспир. Сонет XXXIII. Перевод С. Маршака. – *Здесь и далее примеч пер.*

Лови день (*лат.*).

Букв. «уже виденное» (*фр.*).

Истинный рыцарь (*фр.*).

Мимолетные замечания (*лат.*).

Роберт Бернс. Старая дружба.

Альфред Теннисон. У моря.

Аллюзия на сонет Дж. Китса «Впервые прочитав Гомера в переводе Чапмена», в котором говорится о том, как завоеватель Мексики Кортес и его солдаты впервые увидели Тихий океан.

Евангелие от Матфея, 8:9.

Лоренс Хоуп. Всего лишь пыль.

Кристофер Марло. Трагическая история доктора Фауста. Акт V, сцена 1. Перевод Е. Бируковой.

Болезнь печени (*фр.*).

Уильям Шекспир. Отелло. Акт III, сцена 3. Перевод Б. Пастернака.

Характерная роль, которую исполняет мужчина.

Уильям Шекспир. Отелло. Акт III, сцена 3. Перевод Б. Пастернака.

Гимн «Христианин, видишь их». Сборник церковных гимнов «Гимны старинные и современные» (1861).

Эдмунд Берк (1729–1797) – английский публицист и философ.

Иаиль, жена Хеверова, поразила Сисару, военачальника Иавинова, вонзив ему в висок кол (Книга Судей, 4:21).

Уильям Шекспир. Ричард II. Акт II, сцена 1. Перевод М. Донского.

Уильям Шекспир. Гамлет. Акт III, сцена 1. Перевод М. Лозинского.

Альфред Теннисон. Мерлин и Вивиана.

Данте Габриэль Россетти. Непорочная Дева.

Псалтырь. Псалом 57: 5-6

Уильям Шекспир. Венецианский купец. Акт V, сцена 1. Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Уильям Купер. Гимн «Бог движется таинственно».

Уильям Шекспир. Макбет. Акт I, сцена 7. Перевод Ю. Корнеева.

Уильям Шекспир. Генрих V. Акт III, сцена 1. Перевод Е. Бируковой.

На положении воспитуемых (*лат.*).

Чарлз Кингсли. Берег Ди.

Герой детективных романов американского писателя Эрла Стэнли Гарднера.

Джек Демпси (1895–1983) – известный американский боксер-тяжеловес.

Фелиция Доротея Хеманс. Касабьянка.

Генри Уодсуорт Лонгфелло. Стрела и песня.

Роберт Бернс. К полевой мыши, разоренной моим плугом.

Вот и все (*фр.*).

Альфред Теннисон. In Memoriam.

Довольство, благодущие (*фр.*).

Уильям Шекспир. Гамлет. Акт I, сцена 5. Перевод М. Лозинского.

Благородство обязывает (*фр.*).

«Синичка в поднебесье, улитка на листе». Роберт Браунинг. Пиппа проходит.